

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации
и Европейской академии наук и искусств (Зальцбург)

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР:
ЦЕННОСТИ, СМЫСЛЫ, КОММУНИКАЦИИ**
XIII Международные Лихачевские научные чтения
16–17 мая 2013 года

*Данные Чтения (первоначальное
наименование — «Дни науки
в СПбГУП») — двадцать первые по счету
и тринадцатые — в статусе Международных
Лихачевских научных чтений*

*Чтения проводятся в соответствии с Указом
Президента РФ В. В. ПУТИНА
«Об увековечении памяти
Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА»
№ 587 от 23 мая 2001 г.*

При реализации проекта «XIII Международные Лихачевские научные чтения» используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Институтом проблем гражданского общества в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 2 марта 2012 года № 127-рп

**Санкт-Петербург
2013**

ББК 72
Д44

Научный редактор материалов пленарного заседания и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, член-корреспондент Российской академии наук, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **А. П. Марков**, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ

3-я секция — **Е. И. Макаров**, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП

4-я секция — **Л. А. Пасешникова**, первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права; **А. И. Шлафман**, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, кандидат экономических наук

5-я секция — **С. Р. Абрамов**, заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор

6-я секция — **Г. М. Бирженюк**, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

7-я секция — **Е. А. Кайсаров**, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ

8-я секция — **Е. П. Ефимова**, директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 14 от 24.06.13

Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Международные Лихачевские научные чтения, 16–17 мая 2013 г. — СПб. : СПбГУП, 2013. — 712 с.

ISBN 978-5-7621-0740-2

В сборнике опубликованы материалы пленарного и 8 секционных заседаний XIII Международных Лихачевских научных чтений, прошедших 16–17 мая 2013 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева».

Среди 228 авторов сборника — выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: О. Т. Богомолов, А. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, Г. Б. Клейнер, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, В. В. Мионов, В. В. Наумкин, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, Б. Г. Юдин и др.; руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, представители высших учебных заведений, руководители СМИ, известные государственные и общественные деятели, представители творческой интеллигенции: судьи Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь, Г. А. Гаджиев и М. И. Клеандров, председатель ЦИК России В. Е. Чуров, заместитель министра иностранных дел РФ Г. М. Гатиллов, Посол РФ в Великобритании А. В. Яковенко, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России Е. И. Макаров, президент Адвокатской палаты Москвы Г. М. Резник, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков, почетный гражданин Санкт-Петербурга М. М. Бобров и др.

Среди иностранных авторов сборника — представители 20 стран: президент Европейской академии наук и искусств Ф. Унгер (Австрия), президент Международного института языкового и кросс-культурного тренинга Р. Льюис, ректор Эдинбургского университета Т. О'Ши, Ее Светлость герцогиня Аберкорнская А. Гамильтон (Великобритания), Его Королевское Высочество, принц Т. аль-Фейсал (Саудовская Аравия), Посол Испании в РФ (2008–2011) Х. А. Марк, представитель Международной организации труда К. Тапиола (Швейцария), директор Центра по изучению конфликтов и мира Х. Карзай (Афганистан), французский славист Р. Герра; представители иностранных академий наук: Национальной академии наук Украины Ю. С. Шемшученко, П. П. Толочко, Академии общественных наук КНР: Сюэ Фуци, У Эньюань, Болгарской академии наук В. Проданов; профессора Ш. Вебер (США), В. Ингимундарсон (Исландия), Г. Кёхлер (Австрия), П. ван Крикен (Нидерланды) и др.

Роль Лихачевских чтений высоко оценивает Президент Российской Федерации В. В. Путин, отмечая, что «Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности».

ББК 72

ISBN 978-5-7621-0740-2

© СПбГУП, 2013

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум — это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

17 мая 2012 года

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, — неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых — развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач — сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

5 мая 2011 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и международного общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей — ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции — всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

11 мая 2010 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
22 мая 2008 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
20 мая 2004 года

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XIII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Организаторам, участникам и гостям XIII Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Приветствую вас в Санкт-Петербурге на XIII Международных Лихачевских научных чтениях.

Видным ученым, политикам, деятелям культуры из России и зарубежных стран предстоит обсудить актуальные гуманитарные проблемы, касающиеся развития коммуникаций, социально-правовых отношений, экономики в контексте мирового культурного процесса. Важно, что в работе Чтений принимают участие молодые ученые, юные исследователи творческого наследия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уверен, что встреча на берегах Невы запомнится вам интересными и содержательными дискуссиями. А предложения и рекомендации, подготовленные в ходе форума, послужат реализации перспективных совместных проектов.

Успехов вам и всего самого доброго!

Председатель Правительства Российской Федерации

Д. А. МЕДВЕДЕВ

15 мая 2013 года

Участникам XIII Международных Лихачевских научных чтений

Приветствую участников традиционных Лихачевских чтений, занимающих важное место в научной и общественно-политической жизни России.

Широкий круг вопросов, обсуждаемых с участием видных отечественных и зарубежных ученых, представителей интеллигенции, деятелей культуры и искусства, позволяет проводить глубокие дискуссии, неизменно подтверждая высокую значимость Лихачевских чтений.

Надеюсь, что нынешний форум внесет свой вклад в развитие межкультурного диалога, защиту базовых общецивилизационных ценностей, что необходимо для преодоления многих современных глобальных проблем.

Желаю участникам XIII Международных Лихачевских научных чтений плодотворной работы и всего наилучшего.

Председатель Государственной Думы Российской Федерации

С. Е. НАРЫШКИН

Организаторам, участникам и гостям XIII Международных Лихачевских научных чтений

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XIII Международных Лихачевских научных чтений.

За прошедшие годы ваш форум утвердился в качестве авторитетной международной площадки для обсуждения актуальных вопросов диалога культур и цивилизаций, стал хорошим примером конструктивного участия институтов гражданского общества, представителей научных, экспертных, политологических кругов в осмыслении происходящих в мире кардинальных перемен в условиях становления нового полицентричного мироустройства.

Отрадно, что составной частью Чтений является Дипломатическая программа «Международный диалог культур», осуществляемая при участии МИД России. Готовы к продолжению сотрудничества в целях ее дальнейшей эффективной реализации.

Содействие взаимоуважительному и плодотворному взаимодействию наций и конфессий — безусловный приоритет российской политики как внутри страны, так и на международной

арене. Усилия, направленные на выработку общих ценностей, на укрепление нравственной основы международных отношений, являются важным вкладом в работу по созданию условий для подлинного партнерства между государствами, формированию справедливой и демократической международной системы.

Уверен, что ваши дискуссии будут способствовать поиску решений насущных проблем современного мира, развитию межкультурного и межцивилизационного диалога.

Желаю вам успешной работы и всего самого доброго.

Министр иностранных дел Российской Федерации

С. В. ЛАВРОВ

Москва, 16 мая 2013 года

Организаторам и участникам XIII Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать организаторов и участников XIII Международных Лихачевских научных чтений. Ваш научный форум рассматривает важную и очень актуальную тему диалога культур и цивилизаций в современном мире. Деятельность ученых, преследующая благородную цель, — погружение в уникальный культурный мир каждого народа, его изучение и пропаганду, должна способствовать укреплению диалога между разными странами. Важно, что в научных чтениях участвуют школьники из самых дальних уголков нашей страны: ведь именно им предстоит хранить и развивать отечественную культуру. Желаю участникам конференции плодотворных научных дискуссий, личных и профессиональных достижений.

Министр культуры Российской Федерации

В. Р. МЕДИНСКИЙ

Москва, 14 мая 2013 года

Участникам и гостям XIII Международных Лихачевских научных чтений

От имени Российской академии наук сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XIII Международных Лихачевских научных чтений!

Ваш авторитетный форум, собравший представителей разных научных школ, ведущих российских и зарубежных ученых, призван обсудить актуальные проблемы и перспективы развития современной цивилизации. За последние годы конференция стала крупнейшим по мировым стандартам научным событием, она сформировала уникальную духовную среду общения, которая предоставляет возможность ученым, политикам, общественным деятелям, представителям творческой интеллигенции обсудить актуальные гуманитарные проекты и фундаментальные научные идеи, вызывающие значительный резонанс в научном мире и служащие интересам развития комплексного гуманитарного знания о человеке и культуре. Как и предыдущие Чтения, повестка сегодняшнего форума включает актуальные вопросы, связанные с осмыслением тенденций и проблем развития современной цивилизации, поиском «точек роста» и сценариев «ответа» на вызовы времени, анализом возможностей гармонизации универсальных ценностей и многообразия национальных опытов.

Актуальность проблематики, впечатляющий состав участников, тематическое многообразие сделали Лихачевские чтения формой мобилизации интеллектуальных ресурсов ученых, праздником гуманитарной мысли, значимым событием научной жизни не только Санкт-Петербурга, но и России.

Убежден, что ваш форум внесет существенный вклад в разработку моделей стабильного будущего, определение путей цивилизационного развития России в глобальном мире, а рекомендации конференции послужат интересу развития гуманитарных наук и будут активно востребованы практикой.

Желаю участникам конференции плодотворных дискуссий и результативного поиска ответов на вызовы, стоящие перед Россией и всей современной цивилизацией.

Президент Российской академии наук

академик Ю. С. ОСИПОВ

**Оргкомитету, участникам и гостям
XIII Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые друзья!

Приветствую вас на XIII Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш форум ежегодно собирает видных отечественных и зарубежных ученых, государственных и общественных деятелей, экспертов, представителей творческой интеллигенции.

Традиционно тематика Чтений отражает гуманитарные аспекты наиболее острых проблем современности, утверждает доверие между народами, диалог культур и открытость в политике в качестве основных принципов миротворчества.

Образование, наука и культура постоянно находятся в фокусе внимания государства и общества, требуют совместных усилий по их успешному развитию.

Уверен, что творческое осмысление гуманистического научного наследия академика Д. С. Лихачева, подготовленные участниками вашей встречи на этой основе предложения и рекомендации будут полезны при реализации перспективных проектов в гуманитарной сфере.

Желаю вам успешной работы и всего самого доброго.

Помощник Президента Российской Федерации

А. А. ФУРСЕНКО

Москва, 15 мая 2013 года

**Организаторам и участникам
XIII Международных Лихачевских научных чтений**

**Уважаемые организаторы и участники
XIII Международных Лихачевских научных чтений!**

От имени Федерации независимых профсоюзов России поздравляю вас с открытием научного форума, обозначившего стремление российского общества к изучению и освоению интеллектуального и духовного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Являясь одним из ведущих высших учебных заведений страны, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов выполняет сложную и ответственную задачу по развитию гуманистических идей академика Лихачева, чья научная, педагогическая и общественная деятельность стала для нас нравственным и гражданским эталоном.

Опора на научное и духовное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева помогает российским профсоюзам в решении важных задач в области социально-экономических преобразований, превращения России в демократическое, социально ориентированное государство. Немалую помощь в осмыслении роли и места российского профсоюзного движения в этом процессе оказывают ученые Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Прекрасная традиция проведения Лихачевских научных чтений в вашем Университете подчеркивает значимость и востребованность проводимых исследований по изучению диалога культур и цивилизаций в глобальном мире.

Желаю всем участникам XIII Международных Лихачевских чтений плодотворной и успешной работы!

Председатель Федерации независимых профсоюзов России

М. В. ШМАКОВ

Председателю Оргкомитета XIII Международных Лихачевских научных чтений академику А. С. Запесоцкому, организаторам и участникам Чтений

Ваши превосходительства, дамы и господа!

Для меня большая честь приветствовать участников XIII Международных Лихачевских научных чтений на тему «Диалог культур — ценности, смыслы, коммуникации», проводимых в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов.

Как вы знаете, организация ЮНЕСКО была создана после разрушений, произведенных Второй мировой войной, и в ее основу положены гуманистические убеждения о том, что мир должен быть построен на новых принципах, «на интеллектуальном и моральном единении человечества». Основу этого убеждения составляет диалог — объединять людей посредством обмена мнениями и опытом и посредством совместной выработки знаний. Это особенно важно сегодня в мире, где стремительно происходит глобализация, когда сообщества становятся все более разнообразными, но, тем не менее, объединяются. В связи с этим для содействия межкультурному диалогу необходимы новые навыки и новые формы культурной грамотности. Эти цели определяют все действия ЮНЕСКО — способствовать качественному всеобщему образованию, сохранять культурное наследие человечества и культурное разнообразие, поощрять научное сотрудничество для большей жизнестойкости, содействовать свободе выражения и поддерживать разнообразие информационной продукции в СМИ. Никогда прежде в этом быстро изменяющемся мире эти задачи не были так важны — крепить принципы равенства, достоинства и солидарности между всеми народами во всем их многообразии.

Выдающийся ученый и великий гуманист Дмитрий Сергеевич Лихачев отстаивал идеи о необходимости сохранения культурного наследия, поощрения разнообразия форм культурного самовыражения и способствования межкультурному диалогу. Я хочу поблагодарить организаторов и участников XIII Международных Лихачевских научных чтений за их приверженность этим ценностям и задачам.

Генеральный директор ЮНЕСКО

И. БОКОВА

Организаторам, участникам и гостям XIII Международных Лихачевских научных чтений

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XIII Международных Лихачевских научных чтений, ежегодно проводимых в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, и поздравляю Вас с началом работы этого форума, имеющего особую значимость для российского общества.

Тема диалога культур и цивилизаций актуальна сегодня как никогда, поскольку затрагивает основы нашего существования в современном мире.

Убежден, что деятельность представителей науки и культуры должна прежде всего способствовать укреплению взаимодействия между народами, которое сопровождает глобализационные процессы, происходящие в мире.

Результаты ваших научных дискуссий, несомненно, обогатят современную гуманитарную мысль и помогут разработать дополнительные меры по развитию культуры и сохранению всемирного культурного наследия.

Желаю всем участникам Научных чтений успешной и плодотворной работы, интересных дискуссий и встреч!

*Специальный представитель Президента РФ
по международному культурному сотрудничеству*

М. Е. ШВЫДКОЙ

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России, с 2013-го — и при поддержке Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Диалог культур в условиях глобализации» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, А. Г. Арбагов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, Р. С. Гринберг, А. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвязинский, И. А. Зимняя, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, С. Л. Катанандов, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусств: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшеклассников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшеклассников «Лихачевские уроки в Петербурге».

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2013 годах — Председатель Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ.....	4
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XIII МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	7
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	11
Пленарное заседание. ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЦЕННОСТИ, СМЫСЛЫ, КОММУНИКАЦИИ	
ДОКЛАДЫ:	
Т. Аль-ФЕЙСАЛ , <i>Его Королевское Высочество, принц (Саудовская Аравия)</i> ДИАЛОГ, ВЕДУЩИЙ К СОСУЩЕСТВОВАНИЮ ВСЕХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КУЛЬТУР	24
Ф. А. АСАДУЛЛИН , <i>заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук</i> ПОЧЕМУ МОСКВА ОБЯЗАНА СВОИМ ВЕЛИЧИЕМ ХАНАМ? (Смыслы и ценности кросс-культурных связей тюркских и славянских народов России).....	26
М. М. БОБРОВ , <i>почетный гражданин Санкт-Петербурга, заслуженный тренер РФ, заслуженный работник физической культуры РФ, Почетный доктор, профессор СПбГУП</i> САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	29
О. Т. БОГОМОЛОВ , <i>академик РАН, советник РАН, доктор экономических наук, профессор, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР СБЛИЖАЕТ И ОБОГАЩАЕТ НАРОДЫ	31
Н. С. БОНДАРЬ , <i>судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ</i> ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ КУЛЬТУР	36
А. Е. БУСЫГИН , <i>директор Государственного музея-усадьбы «Архангельское», первый заместитель министра культуры РФ (2008–2013), доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса</i> КУЛЬТУРА КАК СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ	44
Ш. ВЕБЕР , <i>профессор экономики Южного методистского университета (США);</i> В. ГИНЗБУРГ , <i>профессор экономики Европейского центра перспективных экономических исследований при Брюссельском свободном университете, заведующий кафедрой французского языка Льежского университета (Бельгия)</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА	47
Е. ВЯТР , <i>почетный ректор Европейской высшей школы права и управления (Варшава, Польша), доктор социологии, профессор</i> ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ	51
Г. А. ГАДЖИЕВ , <i>судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП</i> РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	53
А. ГАМИЛЬТОН , <i>Ее Светлость герцогиня Аберкорнская (Великобритания)</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР	56
Г. М. ГАТИЛОВ , <i>заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол</i> О НЕКОТОРЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АСПЕКТАХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	58
Р. ГЕРРА , <i>доктор филологических наук Парижского университета (Франция)</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ФРАНЦИИ И РОССИИ	61
А. А. ГРОМЫКО , <i>профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук</i> ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ	63
А. А. ГУСЕЙНОВ , <i>директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП</i> О КУЛЬТУРЕ, ЦЕННОСТЯХ И СМЫСЛАХ (Вольные заметки на заданную тему)	66
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , <i>ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ</i> ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ: ПРОИЗВОДСТВО СМЫСЛОВ И УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ	68
П. О. ИЛЬИНСКИЙ , <i>ученый-биолог, поэт, прозаик (США)</i> ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО: «Зимние заметки о летних впечатлениях» — 150 лет спустя, или Западная Европа глазами русского писателя и русского консерватора	74

Х. КАРЗАЙ , директор-основатель Центра по изучению конфликтов и мира (Афганистан) МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В АФГАНИСТАНЕ: ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ?	77
Г. КЁХЛЕР , президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии ДИАЛОГ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ И КУЛЬТУРАМИ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ «МИРОВОГО ПОРЯДКА»	81
М. И. КЛЕАНДРОВ , член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ	85
Г. Б. КЛЕЙНЕР , заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор ГОСУДАРСТВО, СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС: ИМПЕРАТИВЫ ДИАЛОГА И КОНВЕРГЕНЦИИ КУЛЬТУР	90
П. ван КРИКЕН , профессор международного права и прав человека Университета Вебстер (Лейден, Нидерланды), доктор ПРАВО НА МИР И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	93
А. И. КУЗНЕЦОВ , директор Историко-документального департамента МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАКТОВКИ ИСТОРИИ	102
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ	104
ЛИ ШЕНЬМИН , вице-президент Академии общественных наук КНР ПУСТЬ РОЗА И ФИАЛКА РАСЦВЕТАЮТ РАЗНЫМИ ЦВЕТАМИ (О равноправном диалоге и равноправной коммуникации между цивилизациями и культурами).....	106
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ , директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБОРОТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	108
Р. ЛЬЮИС , президент Международного института языкового и кросс-культурного тренинга "Richard Lewis Communications" (Великобритания), профессор ИСТОКИ И ПУТИ КУЛЬТУРЫ: ОТ НЕПРИМИРИМОГО РАЗНООБРАЗИЯ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДИАЛОГУ	109
Ч. МАКГРЕГОР , профессор Института Всемирного банка (Великобритания) ИМПЕРИАЛИЗМ И КУЛЬТУРА С ПОЗИЦИЙ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ТЕОРИИ	113
Е. И. МАКАРОВ , заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЦЕННОСТЬ «ЧЕЛОВЕКА ТРУДА» В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ПЕРЕМЕН	125
Х. А. МАРК , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011) КОМПЛЕМЕНТАРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРОТИВ КОНФРОНТАЦИОННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ.....	130
В. М. МЕЖУЕВ , главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	131
Д. МЕТАЛЛИНОС , профессор факультета архивоведения и библиотечного дела Ионийского университета (Корфу, Греция), доктор истории ПРАВОСЛАВНАЯ СОБОРНОСТЬ: ОТВЕТ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОМУ КРИЗИСУ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ	133
В. В. МИРОНОВ , член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: ОТ ДИАЛОГА К МОНОЛОГУ?	136
В. В. НАУМКИН , директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ.....	139
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ , директор Государственного Эрмитажа, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор НЕТЕРПИМОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ	143
В. В. ПОПОВ , директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный работник дипломатической службы РФ ЕВРАЗИЙСКАЯ СУЩНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	144
В. ПРОДАНОВ , член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор ТРИ ТИПА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	147
М. ПУШКИН , почетный старший научный сотрудник Центра изучения России и Восточной Европы Бирмингемского университета (Великобритания) АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ: ПОЭТ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОСПРИИМЧИВОСТИ	151
Г. М. РЕЗНИК , президент Адвокатской палаты Москвы, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП ПРАВО И РЕЛИГИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ	152

А. В. СМЕРНОВ , член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН, заведующий Сектором философии исламского мира ИФ РАН, доктор философских наук, профессор	
НОВЫЙ ГУМАНИЗМ КАК НОВЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ?	155
СЮЭ ФУЦИ , заведующий Отделом стратегических исследований Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, доктор философии	
ТВОРЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (На примере политической культуры Кыргызстана)	159
С. Г. ТЕР-МИНАСОВА , президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор	
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ	161
М. А. ТИТАРЕНКО , директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	164
В. А. ТИШКОВ , директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
РОССИЙСКАЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ	168
П. П. ТОЛОЧКО , директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор	
ИМПЕРИИ КАК ВЕРШИНЫ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	173
Ж. Т. ТОШЕНКО , член-корреспондент РАН, декан социологического факультета, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор	
ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: КАК СОЕДИНИТЬ ИХ ВМЕСТЕ?	177
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ , декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова	
МОНОЛОГ С ПОЗИЦИИ СИЛЫ (К когнитивному диссонансу европейской цивилизации добавились этический и эстетический)	182
У ЭНЬЮАНЬ , директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, профессор	
КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: АПОКАЛИПСИС РОССИЙСКОЙ РЕФОРМЫ	183
Ф. УНГЕР , президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЦЕННОСТИ, КОНТЕКСТЫ, КОММУНИКАЦИИ	185
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, член Президиума РАН, доктор медицинских наук, профессор;	
В. Н. РАСТОРГУЕВ , профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса	
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ	188
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО , директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины;	
А. В. СКРИПНЮК , академик Национальной академии правовых наук Украины, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Украины	
ЧЕЛОВЕК КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ ГОСУДАРСТВ	191
Э. ШНАЙДЕР , профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), профессор Западно-Восточного института в Берлине, доктор философии, член консультативного совета Центра «Евросоюз–Россия» в Брюсселе	
ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ	195
Б. Г. ЮДИН , заведующий Отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор	
ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСГУМАНИЗМА	196
А. В. ЯКОВЕНКО , Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук, профессор	
О РОЛИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	200
ДИСКУССИЯ	203
Выступающие: Н. С. Бондарь, Ш. Вебер, Г. А. Гаджиев, А. Гамильтон, Р. Герра, А. А. Громыко, А. С. Запесоцкий, Ю. П. Зинченко, Х. Карзай, Г. Кёхлер, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, П. ван Крикен, А. И. Кузнецов, В. А. Лекторский, Р. Льюис, В. Л. Макаров, Е. И. Макаров, Х. А. Марк, Т. О’Ши, М. Б. Пиотровский, В. С. Степин, Сюэ Фуци, К. Тапиола, М. А. Титаренко, В. А. Тишков, П. П. Толочко, Ж. Т. Тошенко, В. Т. Третьяков, У Эньюань, Ф. Унгер, В. Е. Чуров, Ю. С. Шемшученко	
Секция 1. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР	
ДОКЛАДЫ:	
Е. М. АСТАХОВ , профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол	
О ПРОЕКТЕ «ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»	233

П. С. ГУРЕВИЧ , <i>заведующий Сектором истории антропологических учений Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор</i>	
ИДЕНТИЧНОСТЬ: УТРАТЫ И ОБРЕТЕНИЯ	236
Е. И. ПИВОВАР , <i>член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор</i>	
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И РОССИЙСКОЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО	238
Э. А. САДЫКОВА , <i>заведующая кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД России, кандидат юридических наук</i>	
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРОВОМ РАЗВИТИИ	244
С. В. СНАПКОВСКАЯ , <i>заместитель исполнительного директора Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России», доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор</i>	
ГЕНЕЗИС ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	247
М. Н. ФОМИНА , <i>проректор по инновационному образованию Забайкальского государственного университета, доктор философских наук, профессор</i>	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР ПО-КИТАЙСКИ	248
А. Н. ЧУМАКОВ , <i>заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор</i>	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ: КРИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	250
ДИСКУССИЯ	253
Выступающие: Ф. А. Асадуллин, Е. М. Астахов, Е. Вятр, А. Гамильтон, А. С. Запесоцкий, В. Ингимундарсон, Х. Карзай, Г. Кёхлер, П. ван Крикен, А. И. Кузнецов, Р. Льюис, Х. А. Марк, Т. О'Ши, Е. И. Пивовар, В. Проданов, М. А. Титаренко, П. П. Толочко, У Эньюань	

Секция 2. СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

ДОКЛАДЫ:

А. В. АГОШКОВ , <i>главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО: «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕК» И «ОБЩИНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»	269
Б. В. АКСЮМОВ , <i>профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук</i>	
СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ	271
И. Ю. АЛЕКСЕЕВА , <i>ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доцент</i>	
МЕТАКУЛЬТУРА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ	273
Н. К. АНОХИНА , <i>заведующая кафедрой социологии, политологии и права Сибирского государственного индустриального университета, доктор культурологии, кандидат технических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ;</i>	
О. П. БАБИЦКАЯ , <i>доцент кафедры иностранных языков Сибирского государственного индустриального университета</i>	
О ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНОГО И СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ	275
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН , <i>профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i>	
РИСКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	277
Г. М. ВАСИЛЬЕВА , <i>профессор кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук;</i>	
Л. И. ХАРЧЕНКОВА , <i>профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук</i>	
СМЕНА ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЯН И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	279
Л. Н. ВШИВЦЕВА , <i>доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат философских наук</i>	
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	281
Т. В. ГЛАЗКОВА , <i>доцент кафедры иностранных языков Российской академии музыки им. Гнесиных, кандидат культурологии</i>	
КОНЦЕПТОСФЕРА КАК СИСТЕМА КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ	282
В. В. ГОРШКОВА , <i>декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор</i>	
ЦЕННОСТНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	284
В. Ю. ДУНАЕВ , <i>заведующий сектором политических технологий Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор</i>	
АРХИТЕКТОНИКА СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	285

О. А. ЖУКОВА , профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА СМЫСЛОВ	288
О. П. ЗУБЕЦ , старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук ЕДИНСТВЕННОСТЬ ПРОТИВ УНИКАЛЬНОСТИ	290
С. Ю. ИВАНОВА , заведующая кафедрой социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор ПАТРИОТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	292
Г. К. КАСУМОВА , доцент кафедры философии Бакинського государственного университета (Азербайджан), кандидат философских наук ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	295
В. И. КАШИРИН , профессор Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук СТАНОВЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ КРИЗИСОЛОГИИ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ НОВЫХ ПОДХОДОВ	297
И. Ф. КЕФЕЛИ , заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ РЕСУРС СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ ВЕКЕ	298
Г. Г. КОЛОМИЕЦ , профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук СМЫСЛ «ЭСТЕТИЧЕСКОГО» В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МИРА	300
С. С. КОМИССАРЕНКО , профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	302
В. А. КОНЕВ , заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ФИЛОСОФИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	305
Л. К. КРУГЛОВА , заведующая кафедрой философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адм. С. О. Макарова, доктор философских наук, профессор ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОИСК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ЦЕННОСТЕЙ	307
Т. В. КУЗНЕЦОВА , профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук СМЫСЛОПОЛАГАНИЕ ИДЕИ НАРОДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ	309
В. Д. КУРГАНСКАЯ , главный научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА	311
И. В. МАЛЫГИНА , директор Института культурологии и музеологии Московского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики, доктор философских наук, профессор ДИСКУРС ВЛАСТИ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ	312
Ф. Т. МАМЕДОВ , профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ И ОЦЕНКЕ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ	315
А. П. МАРКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ЭТОСА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ	317
С. Т. МАХЛИНА , профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ ИСКУССТВА В XXI ВЕКЕ	320
Л. А. МЕНЬШИКОВ , заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат философских наук, доцент СТАТУС ЦЕННОСТЕЙ В ПОСТМОДЕРНЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	323
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ: ДИАЛОГ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ	325
Л. М. МОСОЛОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ ОТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ К КОНСТРУИРОВАНИЮ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК И ИХ АКСИОСФЕРЫ	328
С. С. НЕРЕТИНА , главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук ДЕРРИДА VS АВГУСТИН: ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ 17 СТОЛЕТИЙ	330
С. Б. НИКОНОВА , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по учебной работе, кандидат философских наук, доцент ПАРАДОКСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ЭТНОГРАФИЯ И ФЕНОМЕН «ДРУГОГО»	333

А. А. ОРЛОВ , <i>заведующий кафедрой педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ</i>	
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ	335
И. В. ПАЛАГУТА , <i>профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор исторических наук</i>	
ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ «ТРАДИЦИОННЫХ» КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМЫ ИХ ДИНАМИКИ И ИЗМЕНЧИВОСТИ	336
И. Н. ПАНАРИН , <i>координатор Аналитической ассоциации Организации Договора о коллективной безопасности, доктор политических наук, профессор</i>	
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	338
К. С. ПИГРОВ , <i>профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук</i>	
ИРОНИЯ И ЛЮБОВЬ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ	340
Г. А. ПРАЗДНИКОВ , <i>профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i>	
ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР: НРАВСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО МИРОВОГО ИСКУССТВА	344
В. Н. САГАТОВСКИЙ , <i>профессор кафедры философии и истории науки Белгородского института искусств и культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ</i>	
О ВОЗМОЖНОСТЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	346
Т. Б. СИДНЕВА , <i>проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ</i>	
КЛАССИЧЕСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	348
Е. П. ТОНКОНОГАЯ , <i>профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ</i>	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	351
А. Я. ФЛИЕР , <i>профессор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i>	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	352
С. ХАЛИЛОВ , <i>руководитель научных программ Исследовательского центра «Запад–Восток», член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, доктор философских наук, профессор</i>	
ВОСТОК И ЗАПАД: ГЕОКУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ	354
В. Б. ШЕСТАКОВ , <i>член Комитета Государственной Думы РФ по физической культуре, спорту и делам молодежи, кандидат педагогических наук, заслуженный работник физической культуры РФ, заслуженный тренер России;</i>	
В. А. ТАЙМАЗОВ , <i>ректор Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный тренер России;</i>	
С. М. АШКИНАЗИ , <i>профессор кафедры физической культуры СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный работник физической культуры РФ</i>	
БОЕВЫЕ ИСКУССТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР	358
ДИСКУССИЯ	360
Выступающие: Б. В. Аксюмов, И. Ю. Алексеева, Н. К. Анохина, Н. Г. Багдасарьян, Т. В. Глазкова, В. И. Еременко, О. А. Жукова, А. С. Запесоцкий, С. Ю. Иванова, В. И. Каширин, С. С. Комиссаренко, В. А. Конев, В. А. Лекторский, И. В. Малыгина, Ф. Т. Мамедов, А. П. Марков, А. Н. Мосейко, С. С. Неретина, И. Н. Панарин, К. С. Пигров, Г. А. Праздников, Т. Б. Сиднева, В. А. Тишков, Б. Г. Юдин	

Секция 3. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ: МОНИТОРИНГ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

ДОКЛАДЫ:

В. А. АВКСЕНТЬЕВ , <i>директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i>	
ЮГ РОССИИ: ОТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАСКОЛА К ИНТЕГРАЦИИ	383
Г. М. БИРЖЕНЮК , <i>заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ</i>	
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ РОССИИ И СТРАНАХ СНГ	385
В. Ю. БОЧАРОВ , <i>доцент кафедры социологии и политологии Самарского государственного университета, кандидат социологических наук</i>	
СОСТОЯНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ	386
А. В. ДМИТРИЕВ , <i>член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный научный сотрудник Института социологии РАН, советник РАН, доктор философских наук, профессор</i>	
КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИММИГРАЦИИ: ОТ ДИАГНОСТИКИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ	391

Р. В. КАРАПЕТЯН , доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЕМНОГО ТРУДА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	395
Б. И. МАКСИМОВ , ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, кандидат философских наук ЭЛЕМЕНТЫ СИЛОВОГО ХАРАКТЕРА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	399
Е. С. САДОВАЯ , заведующая сектором Отдела социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ «ЗАЕМНОГО» ТРУДА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ	401
В. А. САУТКИНА , старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат исторических наук НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗА РУБЕЖОМ	406
Е. И. СТЕПАНОВ , главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАПРЯЖЕНИЙ И ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА «РОССИЯ–БЕЛАРУСЬ»	410
К. ТАПИОЛА , специальный советник генерального директора Международной организации труда (Женева, Швейцария) СОВРЕМЕННЫЕ СТАНДАРТЫ ДОСТОЙНОГО ТРУДА	414
Л. Г. ТИТОВА , профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор политических наук, заслуженный деятель науки РФ ПОЛИТИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СТАДИИ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ТРУДОВОГО КОНФЛИКТА	415
Ж. Т. ТОШЕНКО , член-корреспондент РАН, декан социологического факультета, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор ГЕНЕЗИС ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ СОЦИОЛОГИИ ТРУДА И МЕСТО ИДЕЙ КОНФЛИКТНОСТИ В ИХ РАЗВИТИИ	419
Б. Г. ТУКУМЦЕВ , ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, кандидат философских наук, доцент ОПЫТ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ И ТЕНДЕНЦИЙ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В РЕЖИМЕ МОНИТОРИНГА	422
Г. А. ЦВЕТКОВА , профессор кафедры социологии организаций и социальных технологий Российского государственного гуманитарного университета, доктор социологических наук ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА КАК ИСТОЧНИК МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЯН	424
В. Н. ШАЛЕНКО , профессор Российского государственного социального университета, доктор социологических наук ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИИ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА: МОНИТОРИНГ И АНАЛИЗ	428
А. В. ЮРКЕВИЧ , заведующая отделом по вопросам коллективных трудовых споров Департамента производственной политики и коллективно-договорного регулирования аппарата Федерации профсоюзов Украины СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА УКРАИНЕ: МОНИТОРИНГ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ	432
В. Н. ЯКОВЧУК , доцент кафедры истории права и гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО» (Республика Беларусь), кандидат социологических наук ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРИНЦИПАХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА	436
ДИСКУССИЯ	439
Выступающие: В. А. Авксентьев, К. Я. Амандыков, А. В. Вершинин, А. В. Дмитриев, А. С. Запесоцкий, Е. И. Макаров, Е. С. Садовая, К. Тапиола, Л. Г. Титова, Ж. Т. Тошенко, Б. Г. Тукумцев, Г. А. Цветкова, Н. Эломаа, В. Н. Яковчук	

Секция 4. ЭКОНОМИКА И ПРАВО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

ДОКЛАДЫ:

Т. БАУЭР , профессор Университета им. И. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия) ДОВЕРИЕ И ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ КАК ЦЕННОСТИ (На примере трансформационного процесса в Венгрии)	457
В. Г. ГРАФСКИЙ , заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор ПРАВОВОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ОБЛАСТЬ ЦЕННОСТНОГО ДИАЛОГА	460
А. А. ДЖАГАРЯН , советник судьи Конституционного Суда РФ, кандидат юридических наук КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА	463
А. А. ДОРСКАЯ , заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕРКОВНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ	465

В. В. ЗЯБРИКОВ , доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук РУССКАЯ ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИНОСТРАННЫХ ТИПОЛОГИЙ	467
В. ИНГИМУНДАРСОН , профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии КУЛЬТУРЫ БЕЗНАКАЗАННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: РЕАКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА НА МАССОВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ.....	468
С. А. ИСАЕВА , первый заместитель генерального директора ООО «Конкорд», кандидат экономических наук СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ РОЛИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА	475
А. В. КОСТИНА , декан факультета философии, культуры и искусства Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ И ДУХОВНЫХ ОСНОВАНИЙ.....	477
А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ , профессор СПбГУП, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук СУБККУЛЬТУРА НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ И ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ.....	479
О. В. МАРТЫШИН , профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	481
А. А. МОИСЕЕВ , декан факультета международного права Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	483
Г. И. МУРОМЦЕВ , профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук ДИАЛОГ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	485
С. В. ПОЛЕНИНА , главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА И ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	488
В. Н. САФОНОВ , заведующий кафедрой государственного права Регионального открытого социального института (Курск), доктор юридических наук, профессор РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЖИМА В ФОРМИРОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ	489
А. В. СКОРОБОГАТОВ , заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института экономики, управления и права (Казань), доктор исторических наук, доцент ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	492
А. В. СТРЕМОУХОВ , профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ЦЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДОВОГО АРБИТРАЖА СТРАН СНГ.....	494
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ	495
Е. В. ХАРИТОНОВА , старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент ДЕЛОВЫЕ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ	497
Е. Г. ХОЛЬНОВА , заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА КАК ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ	501
Е. Ф. ЧЕБЕРКО , профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И РЫНОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ В РАЗВИТИИ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ	502
И. Л. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ ПРАВО КАК ДИАЛОГ: К ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ ПРАВА	505
В. Е. ЧИРКИН , главный научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ О ПРИМЕНЕНИИ ФОРМАЦИОННО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ И ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ	507
ДИСКУССИЯ	510

Выступающие: Т. Бауэр, В. Г. Графский, Н. Н. Ефремова, А. С. Запесоцкий, А. В. Костина, В. Л. Макаров, О. В. Мартышин, А. А. Моисеев, А. А. Пасешникова, В. Н. Сафонов, А. В. Скоробогатов, Г. Ф. Фейгин, Е. Ф. Чеберко, И. Л. Честнов, Ю. С. Шемшученко

Секция 5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР**ДОКЛАДЫ:**

- С. Н. АРТАНОВСКИЙ**, почетный профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук
РАННИЙ КОМПАРАТИВИЗМ: БРАТЯ ВЕСЕЛОВСКИЕ 527
- М. Н. БАРЫШНИКОВ**, заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ, ИНТЕРЕСЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС 530
- Ю. Б. БОРЕВ**, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, академик Академии художеств РФ, доктор филологических наук, профессор
СМЫСЛ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ПОЗИЦИЯ В ДИАЛОГЕ 532
- Ю. Н. ВАРЗОНИН**, профессор кафедры теоретической лингвистики, рекламы и коммуникативных технологий Тверского государственного университета, доктор филологических наук;
А. В. КОВТУН, специалист Волонтерского центра Тверского государственного университета
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ Л. Н. ТОЛСТЫМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И КОНФЛИКТА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ БИБЛИИ КАК САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА 535
- М. Н. ВЕТЧИНОВА**, профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук
ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ 539
- Д. ГИЛЛЕСПИ**, профессор русского языка и литературы Университета г. Бат (Великобритания)
ЕВГЕНИЙ ПОПОВ И НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ: ДВА ВЕКА САТИРЫ И СМЕХА 541
- В. С. ЕЛИСТРАТОВ**, профессор кафедры лексикографии и теории перевода факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор культурологии
РУССКИЙ ЯЗЫК НА СТЫКЕ «ЖЕЛЕЗНОГО» И «ЦИФРОВОГО» ВЕКОВ 546
- Е. В. ИВАНОВА**, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук
РУССКИЙ МИР ИЛИ РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ГЛАЗАМИ А. П. ЧУДАКОВА И П. И. ЗАЙЦЕВА 548
- Р. Ф. ИЛСОН**, научный сотрудник Лондонского университета
ОБМЕН ЛЕКСИКОЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 550
- О. Б. КАФАНОВА**, заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Государственного университета морского и речного флота им. адм. С. О. Макарова, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРООБРАЗ ОБЛОМОВА: ДИАЛОГ И. ГОНЧАРОВА И Э. СЮ 556
- А. М. МЕЛИХОВ**, писатель, публицист, литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Нева», кандидат физико-математических наук
КАВКАЗСКИЕ ПЛЕННИКИ ЭКЗОТИКИ 557
- Ю. Б. ОРЛИЦКИЙ**, главный редактор информационного издания Российского государственного гуманитарного университета «Вестник гуманитарной науки», доктор филологических наук, профессор
«АНГЛИЙСКИЙ СЛЕД» В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ 560
- Т. Г. РАБЕНКО**, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета, кандидат филологических наук
ВИЗАНТИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (На материале проповедей XI–XII вв.) 565
- Е. А. СЕЛИВАНОВА**, профессор кафедры теории и практики перевода Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого (Украина), доктор филологических наук, заслуженный работник образования Украины
ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ, КУЛЬТУР И ОНТОЛОГИЙ В ТРАНСЛЯТОРНОЙ МОДЕЛИ 567
- Н. Г. ШАЙМЕРДИНОВА**, профессор кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан), доктор филологических наук
ОСОБЕННОСТИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО КОЙНЕ 571
- Д. А. ШУКИНА**, заведующая кафедрой русского языка и литературы Национального минерально-сырьевого университета «Горный», доктор филологических наук, профессор
ЯПОНСКАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. АКУНИНА 573
- ДИСКУССИЯ** 575
- Выступающие:** С. Р. Абрамов, Ю. Б. Боров, М. Н. Ветчинова, Р. Герра, Е. В. Иванова, Р. Ф. Илсон, А. В. Ковтун, Ч. МакГрегор, З. Н. Пономарева, М. Пушкин, С. В. Снапковская, С. Г. Тер-Минасова, Д. А. Шукина

Секция 6. КУЛЬТУРА И КОММУНИКАЦИИ**ДОКЛАДЫ:**

- Е. Г. БОРИСОВА**, профессор кафедры массовых коммуникаций Московского городского педагогического университета, доктор филологических наук
«ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВО» КАК АТРИБУТ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА 585

Е. В. БРЫЗГАЛИНА , <i>заведующая кафедрой философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент</i>	
КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС ОБРАЗОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	587
Ю. Д. ГРАНИН , <i>ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор</i>	
НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОГО ГЛОБАЛИЗМА	589
Т. В. ЕФИМОВА , <i>заместитель декана факультета конфликтологии СПбГУП по научной работе, доцент кафедры социально-культурных технологий, кандидат культурологии</i>	
ИНТЕРНЕТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ И ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	590
Ю. П. ЗИНЧЕНКО , <i>декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i>	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТСТВА В СИСТЕМЕ ВЗРОСЛЫХ ЦЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ	592
М. И. КОЗЬЯКОВА , <i>профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук</i>	
ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА	594
Л. В. ЛЫТКИНА , <i>профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ: ЕВРОПЕЙСКИЕ ОБРАЗЦЫ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ	596
Л. В. МАТВЕЕВА , <i>профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор психологических наук</i>	
ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИАСРЕДЕ	598
Н. М. МЫШЬЯКОВА , <i>заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор искусствоведения, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ</i>	
«ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ» КОММУНИКАЦИИ	599
М. Р. ПРОСКУРЯКОВ , <i>профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук</i>	
О ДИНАМИКЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	601
В. В. СОГРИН , <i>руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ</i>	
АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМА В РОССИЙСКИХ СМИ	603
Н. А. ХРЕНОВ , <i>заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук</i>	
МЕДИА В СИТУАЦИИ РЕАБИЛИТАЦИИ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	605
ДИСКУССИЯ	610
Выступающие: Е. В. Брызгалина, Ю. И. Вловин, А. А. Дятлов, А. С. Запесоцкий, М. И. Козьякова, А. И. Куприянов, С. Л. Лесков, В. К. Мамонтов, Л. В. Матвеева, В. Н. Сероклинов, В. В. Согрин, В. Д. Сошников, В. С. Степин, В. Т. Третьяков, Н. А. Хренов	

Секция 7. ПЕТЕРБУРГ В ДИАЛОГЕ С МИРОВОЙ КУЛЬТУРОЙ

ДОКЛАДЫ:

В. Ю. БОГАТЫРЕВ , <i>доцент кафедры вокала и музыкального воспитания Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, доктор искусствоведения</i>	
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В ДИАЛОГЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР: К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЙ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	632
Н. В. БУРОВ , <i>директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», председатель Общественного совета Санкт-Петербурга, профессор СПбГУП, народный артист России</i>	
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА АРХИТЕКТУРНУЮ КУЛЬТУРУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	634
А. М. БУРОВСКИЙ , <i>ведущий эксперт ОАО «Геолэкспертиза», заместитель директора Института политической экологии, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор</i>	
ПЕТЕРБУРГ — СЕМАНТИКА КОНТЕКСТА	636
В. А. ГАВРИЛОВ , <i>доцент кафедры дизайна интерьера Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, кандидат искусствоведения</i>	
«НЕБЕСНАЯ ЛИНИЯ» И «НЕБЕСНЫЙ ФРОНТИР»: ИСТОКИ, ПАРАЛЛЕЛИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	637
И. А. ГОЛЬДМАН , <i>доцент кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича, кандидат искусствоведения</i>	
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКА ШАГАЛА	640

С. А. ГОНЧАРОВ , первый проректор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ДИАЛОГ МИРОВЫХ ГОРОДОВ: ОТВЕТ НА КРИЗИС КУЛЬТУРЫ	642
С. М. ГРАЧЕВА , декан факультета теории и истории искусств Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, профессор кафедры русского искусства, доктор искусствоведения	
СОВРЕМЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ ПЕТЕРБУРГСКИХ ХУДОЖНИКОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	644
Н. В. ГРИШАНИН , заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии, доцент	
СИМВОЛИКА ТЕКСТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	647
В. И. ЕРЕМЕНКО , заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидат философских наук, профессор	
РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ФЕНОМЕН ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ	649
Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ , доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, руководитель брендингового агентства Pro.Name, кандидат культурологии	
КУЛЬТУРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ГОРОДА В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ	651
С. Н. ИКОННИКОВА , профессор СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ	
ЛАНДШАФТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ДИАЛОГЕ С МИРОВОЙ КУЛЬТУРОЙ	655
Е. А. КАЙСАРОВ , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОЙ СРЕДЫ ПЕТЕРБУРГА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	657
Д. Н. КАТЫШЕВА , профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, почетный работник высшего образования РФ	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И СМЫСЛОВЫЕ РЕСУРСЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО БАЛЕТА	659
С. В. ЛАГУТИН , старший преподаватель кафедры философии и культурологии СПбГУП	
ПЕТЕРБУРГ И ПРОЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ	660
С. С. ЛЕБЕДЕВА , профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, профессор Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор педагогических наук	
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	662
Ю. В. ЛОБАНОВА , доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат культурологии	
ПРОБЛЕМА ВИДОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	664
В. В. МОЛЗИНСКИЙ , заведующий кафедрой теории и истории музыки Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
«ХОВАНЩИНА» М. П. МУСОРГСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ СТАРООБРЯДЧЕСТВА И СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	666
Н. Н. МУТЯ , доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения, член Союза художников России	
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР	670
С. Б. НИКОНОВА , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по учебной работе, кандидат философских наук, доцент	
РОССИЯ И ЕВРОПА: ПЕТЕРБУРГ МЕЖДУ ЗЕМЛЕЙ И МОРЕМ	672
С. Б. СМЕРНОВ , доктор культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ЕВРОПЕЙСКИЙ МАСШТАБ: СОВРЕМЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА	673
А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук	
ИСТОРИЯ СТАРЕЙШЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР	676
В. Е. ЧУРОВ , председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП	
ИСЧЕЗАЮЩИЕ ГОРОДА, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО	678
О. Ю. ЮХНИНА , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по научной работе, кандидат искусствоведения, доцент	
СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА	679

ДИСКУССИЯ 681

Выступающие: В. Ю. Богатырев, А. М. Буровский, А. С. Запесоцкий, Ю. А. Запесоцкий, С. Н. Иконникова, С. В. Лагутин, С. С. Лебедева, Ю. В. Лобанова, Н. Н. Мутья, С. Б. Никонова, С. Б. Смирнов, В. Е. Чуров

**Секция 8. ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
(Лихачевский форум старшеклассников России)****ВЫСТУПЛЕНИЯ** 694

Выступающие: Н. В. Буров, А. С. Запесоцкий, Е. П. Ефимова, старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений: А. Александрова, В. Бугайчук, Н. Генкулова, Е. Гуляйкина, В. Кузнецов, А. Кучина, М. Рубцова-Козловская, А. Садькова, С. Сметкина, Е. Тупицына, К. Цветкова

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 708

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЦЕННОСТИ, СМЫСЛЫ, КОММУНИКАЦИИ

16 мая 2013 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова, СПбГУП

Сопредседатели заседания:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ	директор Государственного Эрмитажа, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор
В. С. СТЕПИН	руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Ф. УНГЕР	президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор

ДОКЛАДЫ

Турки аль-Фейсал¹

ДИАЛОГ, ВЕДУЩИЙ К СОСУЩЕСТВОВАНИЮ ВСЕХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ КУЛЬТУР

То, чему мы, вероятно, свидетели, — не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления.

Ф. Фукуяма

В 1989 году американский политолог Фрэнсис Фукуяма (род. в 1952 г.) написал спорную статью «Конец истории?», в которой утверждал, что западная либеральная демократия является собой конечное проявление социокультурной эволюции человечества и универсальный идеал, к которому должны стремиться все прочие цивилизации.

Главный довод, высказанный Фукуямой, — что развитые страны, несущие идеалы западной либеральной демократии, очень редко (почти никогда) не воюют друг с другом. Другими словами, Фукуяма придерживается мнения, что дух конфликтов и войн покинул западные страны, но нашел прибежище в недемократических регионах, в частности в Африке и Азии (и, вероятно, Южной Америке), и что конфликты и войны прекратятся, когда западная либеральная демократия победит.

¹ Его Королевское Высочество, принц (Саудовская Аравия). Возглавляет Центр исследований и изучения ислама. Советник Саудовского королевского суда (1973–1977). Глава Директората внешней разведки Саудовской Аравии (1977–2001). Посол Саудовской Аравии в Великобритании (2001–2005) и США (2005–2007).

Отмечая признаки западного самовосхваления и безоговорочной поддержки капитализма в рассуждениях Фукуямы, французский философ алжирского происхождения Жак Деррида в своей книге «Призраки Маркса», изданной в 1993 году, развенчал постулат Фукуямы как политически мотивированную антимарксистскую пропаганду, показавшую невежество и безразличие Запада к повсеместному экономическому угнетению. Деррида пишет: «Ведь теперь, когда кое-кто осмеливается проповедовать новое Евангелие во имя идеала либеральной демократии, наконец-то пришедшей к самой себе как к идеалу человеческой истории, надо кричать: никогда в истории человечества насилие, неравенство, социальное исключение, голод, а следовательно, экономическое угнетение до такой степени не затрагивали людей. Вместо того чтобы в восторге перед концом истории воспевать пришествие идеала либеральной демократии и капиталистического рынка; вместо того чтобы торжествовать по поводу “конца идеологий” и конца великих освободительных дискурсов, не будем пренебрегать этими подавляющими данными, составленными

из бесчисленных индивидуальных страданий: никакой прогресс не позволяет игнорировать того, что — в абсолютных цифрах — никогда на Земле такое большое число мужчин, женщин и детей не находилось в рабском положении, не голодало и не истреблялось».

Деррида подчеркивает один важный факт: Запад должен прекратить выставлять напоказ (в евангелическом смысле) то, что он считает успешной моделью демократии и социоэкономического развития; а вместо этого должен принимать участие, например, в решении проблем, связанных с насилием, неравенством, неравноправием, голодом, которые оказывают негативное воздействие на регионы, находящиеся вне сферы влияния западной либеральной демократии. В ответ американский политолог С. Хантингтон в 1992 году выступил с лекцией, в которой предположил, что в будущем на международной арене мы станем свидетелями крупных и жестоких войн и конфликтов, происходящих между различными цивилизациями, в основном между западной цивилизацией, включая Америку, Центральную и Западную Европу, Австралию и Океанию, и мусульманской, охватывающей большую часть Ближнего Востока, Северо-Западную Африку, Албанию, Бангладеш, Индонезию, Малайзию, Пакистан и мусульманское население Индии.

Хантингтон утверждает, что между цивилизациями существуют фундаментальные различия, касающиеся религии. В будущем религия заменит национальную самобытность и традиции, границы наций расширятся и различные национальные группы объединятся в одну цивилизацию с единым религиозным самосознанием. Более того, в будущем конфликты будут происходить из-за культурных различий, так как, по мнению Хантингтона, культурные характеристики более устойчивы, а следовательно, их труднее изменить и устранить по сравнению с политическими и экономическими. К сожалению, в предполагаемом будущем Хантингтон не только рисует туманную картину международного сотрудничества, но и ошибочно изображает человеческую цивилизацию как совокупность групп с отчетливыми культурными границами. Как указывал Эдвард Саид, теоретик литературы палестинско-американского происхождения, в работе «Столкновение цивилизаций» опрометчиво утверждается существование таких огромных и сложных элементов, как Запад и ислам. Вместо этого Саид представляет свою концепцию в работе «Столкновение невежества», утверждая, что невежество обуславливает рассмотрение цивилизаций и наций как закрытых, недоступных и изолированных единств, неизменных и гомогенных. Саид заявляет, что на самом деле эти единства открыты для обмена, взаимного обогащения и диалога: «Хантингтон — идеолог, пытающийся представить “цивилизации” и “идентичности” тем, чем они не являются, — закрытыми, замкнутыми системами, которых не коснулись мириады различных противотоков, оживлявших историю человечества, тех, что на протяжении веков сделали историю не только состоящей из религиозных войн и империалистических завоеваний, но и из взаимного обмена, обогащения и участия. Эта гораздо менее заметная

история игнорируется в стремлении выделить нелепо ограниченную и узкую борьбу, которая выдается “Столкновением цивилизаций” за подлинную реальность».

Следовательно, Саид подчеркивает необходимость продолжения открытого обмена между мусульманами и немусульманами, теми, кто географически принадлежит западной цивилизации, и теми, кто географически проживает на Востоке. Обмен идеями должен быть обусловлен ориентацией на диалог, обсуждение различий с целью установления общих черт и нахождения общего языка. Диалог должен возникать не только в верхних эшелонах власти, но и между научными центрами, религиозными институтами, образовательными учреждениями, воспитывающими молодое поколение. Для того чтобы обеспечить результативность и успех, инициатива диалога должна быть всеобъемлющей, а политический оппортунизм или региональное позерство не должны препятствовать встречам и обмену, следовательно, в диалог должны быть включены все слои общества (политические и иные).

Зачастую под диалогом неверно понимают политическое и религиозное единство. В различиях между культурами и религиями нет ничего постыдного, и не надо скрывать основания противоречий. Напротив, главная цель, *summum bonum* (высшее благо) диалога — это взаимное уважение, обеспечивающее мир, который соблюдается везде, где люди сосуществуют и поддерживают дружеские отношения независимо от религиозных, культурных и этнических различий. В древности, например, во времена пророка Мухаммеда, в городе Медина, где он жил в позднюю пору своей жизни, в мире и гармонии сосуществовали мусульмане, евреи, христиане и язычники. Сам Мухаммед написал всеобщую декларацию, известную историкам как Мединская конституция, в которой люди различных вероисповеданий или не принадлежащие ни к одной из религий рассматривались как равноправные граждане, обладающие гарантированными правами. Следовательно, посредством диалога, а не войны Мухаммед положил конец обостренному соперничеству и религиозным конфликтам между мусульманами, евреями, христианами и язычниками. В итоге были обеспечены мирное сосуществование, экономическое процветание и безопасность. Когда вмешивается политика, гармоничные отношения между людьми нарушаются.

Сегодня диалог должен выйти за рамки формального обмена любезностями. Настало время прекратить предоставлять платформу для политических оппортунистов и лицемерных сторонников мирного сосуществования. Необходимо привлечь ученых, активистов, политиков, религиозных деятелей и всех, кто старается обеспечить мир и счастье всему человечеству. Безусловно, любая вера — это личное дело каждого, но прежде всего отличают человечность, сострадание и забота по отношению к другим людям, желание сделать других счастливыми и отказ от причинения вреда и боли другим. Говоря словами сподвижника пророка Али ибн Абу Талиба, «*пусть он и не брат тебе по вере, он такой же человек, как и ты*».

Саудовская Аравия выступает за межконфессиональный и межкультурный диалог, направленный на поддержание мирного сосуществования между людьми. Например, 24 апреля 1974 года кардинал Пиньедоли, председатель Секретариата по делам нехристиан, нанес официальный визит королю Фейсалу. Шесть месяцев спустя Папа Римский Павел VI принял в Ватикане официальную делегацию ученых из Саудовской Аравии, возглавляемых министром юстиции. Это послужило поводом к диалогу между христианами и мусульманами по вопросу культурных прав человека в исламе. В результате продолжающихся встреч и диалога король Абдалла посетил Папу Римского Бенедикта XVI в Ватикане в ноябре 2007 года. Это была первая встреча главы Римской католической церкви и саудовского монарха. В марте 2008 года король Абдалла призвал к «братскому и откровенному диалогу между верующими всех религий». В июне 2008 года в Мекке он организовал конференцию с целью при-

звать мусульманских лидеров к поиску общего языка с главами других религий. В июле 2008 года король Абдалла созвал историческую конференцию в Мадриде, в которой участвовали лидеры разных мировых конфессий. Кроме мусульман, христиан и евреев, в диалоге приняли участие такие религии, как буддизм, индуизм и синтоизм. Благодаря его усилиям был основан Международный центр межконфессионального и межкультурного диалога им. короля Абдаллы ибн Абдель Азиза, спонсируемый правительствами Австрии, Испании и Саудовской Аравии.

В заключение приведу стих из Корана, который представляет исламскую концепцию сосуществования:

«Те, которые уверовали, ...и иудеи, и христиане, и... сабеи, и те, кто... уверовал в Аллаха Всевышнего, и в Последний день — день Суда — ...и творили благо... — нет над ними страха, и не будут они печальны!»

Ф. А. Асадуллин¹

ПОЧЕМУ МОСКВА ОБЯЗАНА СВОИМ ВЕЛИЧИЕМ ХАНАМ? (Смыслы и ценности кросс-культурных связей тюркских и славянских народов России)

Прошедшие в 2012 году торжества, посвященные 1150-летию российской государственности, послужили значительным стимулом для широких дискуссий среди научной общественности о цивилизационном фундаменте многонационального Российского государства, что было актуализировано двумя разными по целеполаганию и масштабу, но одинаково важными для общества событиями. Во-первых, воссозданием летом прошлого года в Москве Российского исторического общества (РИО), что стало результатом возросшего общественного интереса к истории Отечества, и, во-вторых, началом реализации давно вынашиваемой (еще с 1990-х гг.) идеи евразийской интеграции на пространстве СНГ: первым шагом по инициативе российского руководства стало создание амбициозного по геополитическим задачам Евразийского экономического союза. Именно эти обстоятельства общественно-научной и политической действительности страны задают вектор исторической ретроспекции, многоплановое осмысление которой возвращает нас вновь к проблеме обретения национальной общероссийской идентичности и близкого для всех россиян культурного кода.

¹ Заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), кандидат филологических наук. Автор более 100 научных публикаций по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и межрелигиозным отношениям, среди них: «Ислам в Москве», «Очерк истории ливийской литературы, XIX–XX вв.», «Москва мусульманская», «Главная мечеть России», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации». Сопредседатель информационно-аналитического центра Совета муфтиев России. Шейх. Заслуженный деятель культуры Республики Татарстан. Лауреат премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Инициированный РИО процесс верификации российской истории, опирающийся на главный принцип подлинно научного знания — стремление к объективности и достоверности, является базисом формирования общероссийской исторической культуры, что предполагает введение в научный оборот духовно-интеллектуального вклада всех ее субъектов и непредвзятого осмысления совокупности всех событий и вех прошлого, общего для всех народов страны. В связи с этим важно вновь обратиться к истокам российской истории, ибо, согласно В. О. Ключевскому, «изучая предков, узнаем самих себя». Московская старина дает в этом плане неопределимый по важности материал. Город, имеющий особый столичный статус и символическое значение в сознании каждого россиянина, способен отразить глубину и особенности российской цивилизации, возраст которой не намного больше возраста российской столицы.

Согласно Федеральному закону РФ «О столице Российской Федерации», «столица Российской Федерации — исторически сложившийся центр культурных, духовных и социальных традиций многонационального народа Российской Федерации»².

В отличие от других европейских столиц, возникших, как правило, до или в начале нашей эры на месте старых римских городских поселений или римских крепостей (например, Лондон в Англии, Париж во Франции), Москва, перешагнувшая свое 866-летие, не имеет подобной «длинной» исторической родословной. К моменту первого упоминания Москвы

² См.: О столице Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4802 // Сервер органов государственной власти Российской Федерации «Официальная Россия». URL: <http://www.mos.ru>

в границах Средней Волги и Камы уже сформировался, по выражению академика В. В. Бартольда, «самый северный форпост исламской цивилизации» — Волжская Булгария, первое на территории современной России государственное образование с официально обозначенной конфессионально-культурной традицией. Официально это произошло в 922 году, за 66 лет до крещения Киевской Руси и принятия великим князем Владимиром и его дружиной христианства византийского образца. Связи между Древнерусским государством и Волжской Булгарией складывались негладко, но одинаковый интерес к развитию взаимной торговли и товарообмена стимулировал стремление поддерживать мирные отношения¹. Этому во многом способствовала схожесть хозяйственных систем Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси, на что указывает Л. Гумилев, отмечая, что «различие между славянами и булгарами было не антропологическим, не расовым и даже не экономическим, а религиозным»². Важно отметить, что сочинения средневековых арабских и персидских путешественников и историков IX–X веков ат-Табари («История царей»), аль-Масуди («Известия эпох»), Ибн Хордабега («Книга путей и государств»), Ибн Фадлана («Путешествие на Волгу»), Абу Али Омара ибн Даста («Книга драгоценных сокровищ»), а также Джувейни, Ибн Асира, Ибн Руста, Ибн Асама аль-Курра в условиях дефицита собственно русских документированных источников восполняют этот пробел и дают общее представление о славянах, хазарах, волжских булгарах, буртасах и других народах, населявших этот уголок Восточной Европы³.

Первое упоминание о Москве, согласно Ипатьевской летописи, относится к 1147 году, когда она была небольшим укреплением в юго-западной части Владимиро-Суздальского княжества и входила во владения боярина Кучки — знаменитое Кучково (Кучковы села). Кучковы села располагались: одно — на месте будущего Кремля, другое — на месте памятника первопечатнику Ивану Федорову и третье — в районе современной Сретенки, близ Сухаревской площади. Этот район между нынешним началом Никольской улицы и окончанием Сретенки, спускающейся к Неглинной, в народе назывался Кучково поле⁴. Об этом говорится в «Повести о начале Москвы» — книжном произведении, неопределенно датируемом концом XVI — началом XVII века. Непривычное для русского уха Кучка, по всей вероятности, может восходить к словам тюркского корня «кучук» — «маленький», «небольшой» или, как и имя Кучум, «кучу» — перемещение, переезд, кочевье. Такая версия нам представляется вполне правдоподобной, если учитывать, что к этому времени между Владимиро-Суздальским княжеством и Волжской Булгарией в силу географической близости и постоянно расширяющихся торговых связей происхо-

дили активные миграционные процессы, следствием чего было, в частности, образование смешанных браков и смешанного булгаро-русского населения. Из их числа (с большой долей вероятности) был принявший крещение «булгарин» Стефан (Степан) Иванович Кучка⁵. Лавры основателя Москвы с Юрием Долгоруким по праву может разделить и хозяин Кучковых сел, который пал от рук воинов Юрия Долгорукого, защищая свои владения. Неслучайно у древней Москвы долгое время было второе название — Кучково⁶.

Таким образом, известные нам факты о Москве свидетельствуют о том, что она с момента основания была городом, соединившим этнически и конфессионально две изначально присущие ему духовно-культурные традиции, восходящие к исламу, прежде всего принявшим его волжским булгарам, и христианству византийского образца. Это обстоятельство имеет важное значение в плане осмысления того исторического этнокультурного фермента, который был заложен при зарождении российской столицы.

Завоевание в середине XIII века Владимирского и других княжеств Северо-Восточной Руси Золотой Ордой (или по собственному названию — Улус Джучи) открыло новый период в истории формирующегося Российского государства, который, по классификации известного русского мыслителя Н. А. Бердяева, получил название «татарского»⁷. Золотая Орда, основным этническим субстратом которой были тюркоязычные степные народности (преимущественно кипчаки), представляла собой развитое и передовое для своего времени государство, границы которого простирались от Каспия до Новгорода. Преемники Чингисхана (ум. 1227 г.), его сын Джучи, а затем Батый, которого сменили Берке и Узбек, заняли место византийских императоров в иерархии русских геополитических представлений: титулом «царь» на Руси стали именовать ханов Золотой Орды⁸. Начало этой традиции было положено владимирским князем Александром Невским (1221–1263), который, полагая, что необходимо «крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке», в условиях междоусобицы сделал ставку на союзнические отношения с сарайскими ханами. Тюрко-славянское двоемирие, воплощенное в личности Александра Невского, — следствие его воспитания в Золотой Орде, где состоялось его братание с сыном хана Батые Сартаком. Именно из рук Сартака он получил ярлык на великое княжение Владимирское. Эти обстоятельства выводили его в ближайший круг сарайских царедворцев. Именно в «татарский период», в 1270-х годах, Московское княжество выделилось в самостоятельное: его получил в наследство младший сын Александра Невского Даниил (1261–1303), родоначальник московской княжеской династии, память о котором хранит основанный в 1282 году Свято-Данилов

¹ Якубовский А. Ю. Феодалное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Вып. 3. Ч. 1. С. 24.

² Гумилев Л. От Руси к России. М., 2007. С. 62–63.

³ См. об этом: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870; Аль-Хали Амин. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962.

⁴ Тихомиров М. Древняя Москва XII–XV вв. М., 1999. С. 17.

⁵ Ср.: Векслер А. Г. Спасательная археология Москвы. Избранные статьи и материалы. М., 2006. С. 22–23.

⁶ Салмина М. А. Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 176–177.

⁷ Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1, 2.

⁸ Гумилев Л. Указ. соч. С. 164. См. также: *Allsen Th. Mongol imperialism: the politics of the Grand Qan Mongke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987.*

монастырь — нынешняя резиденция Московского патриархата и Священного Синода Русской православной церкви. Одновременно начинается постепенное превращение Москвы из глухого удельного города в центр Северо-Восточной Руси, сопровождавшееся расширением территории вокруг города и укреплением в целом Московского княжества. По известной оценке Н. М. Карамзина, потомка одного из ногайских родов «черного Мурзы», «Москва... обязана своим величием ханам»¹.

Включение Северо-Восточной Руси в состав Золотой Орды если и не остановило эти распри (взаимные интриги, например, московских и тверских князей продолжались еще долго, вплоть до XV в.), то по крайней мере обуздало, как отмечает Э. С. Кульпин, «деградацию нравов и массовое безумие», царившие в домонгольской Руси². Весьма показательно, что одной из первых акций ханской власти, пытавшейся провести своего рода «инвентаризацию» подвластного Русского улуса (урус улуса) — Великого княжества Владимирского, стала перепись населения в 1257 году. В том же году произошло другое важное событие: взошедший на престол младший брат Батгя хан Берке, который исповедовал ислам, объявил эту религию государственной, что вызвало к жизни изменения не только в культурной сфере, но и в общественной жизни всего улуса. «В государстве появилось множество священнослужителей, проповедников, исламских правоведов и просто знатоков и толкователей Корана, — отмечает исследователь истории Золотой Орды В. Л. Егоров. — Вслед за ними хан пригласил на государственную службу высокообразованных арабских и персидских чиновников-мусульман. Они заняли ключевые посты в государстве, включая должность везира, заметно потеснив малообразованную кочевую монгольскую аристократию»³. Ярким свидетельством включенности Руси в общую экономическую и финансовую систему Золотой Орды являются татарские заимствования в русском языке: деньги, алтын, казна, казначей, таможня и другие, о происхождении которых сегодня уже никто не задумывается. Не идеализируя Орду, представлявшую собой типичный образец восточной средневековой деспотии со всеми вытекающими последствиями (феодальный гнет, грабительская эксплуатация, политическая и социальная нестабильность и пр.), а также осознавая всю сложность для русского сознания феномена монгольского нашествия (что оставляет для ученых постоянную возможность рассуждений об упущенной исторической альтернативе, например, полицентричного развития Руси), отметим, что именно в это время были заложены необходимые предпосылки (единственно возможные в то время) образования будущего Российского государства, центром которого стала Москва. «Техника монгольской государственности»⁴ (выражение Н. С. Трубецкого), усвоенная первыми московскими князьями, вошла в кровь и плоть политической си-

стемы и социально-экономического строя Древнерусского государства.

С установлением отношений вассальной зависимости между Сараем, где располагался высший апелляционный орган Орды, и Русью роль удельных князей стала заключаться прежде всего в собирании различных налогов — ясака (дани), тамги (торговой пошлины), сусуна и улуфа (корма и питья), конака (гостевой пошлины, дара), кулуш-колтка (чрезвычайного сбора по требованию хана), хараджа (подушного и поземельного налога). В этом больше других преуспели сыновья первого московского князя Даниила Юрий (1281–1325) и сменивший его Иван (1282–1340), прозванный Калитой. Тюркское слово «калита» означало денежный кошель. Это совпало с окончательной победой в Орде исламской партии во главе с ханом Узбеком (1312) и закреплением начатого Берке курса на исламизацию не только властной элиты, но и общественной жизни улуса в целом. Претензиям князя Юрия на право быть приближенным к Орде, откуда он вернулся в 1317 году после четырехлетнего пребывания, во многом помог династический брак с сестрой хана Узбека Кончакой (в крещении Агафьей), благодаря чему он был удостоен великокняжеского ярлыка — особой инвеституры на владение владимирским великокняжеским престолом.

Брат Юрия князь Иван (Иван I) ценой активного и, главное, заинтересованного участия в подавлении бунта против ханских наместников Твери в 1328 году еще более укрепил московские позиции в Сарае, фактически став генеральным откупщиком дани по всей Руси. Это означало, что Москва, как второй по значению после Сарая политический центр, отныне приобрела монопольное право главного партнера и союзника большой ордынской политики на Руси. Характеризуя деятельность Ивана Калиты, академик Л. В. Черепнин пишет: «Этот князь жестоко подавлял те стихийные народные движения, которые подрывали основы господства Орды над Русью. Жестоко расправляясь со своими противниками из числа других русских князей, Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества, а это содействовало процессу государственной централизации»⁵.

Эти новые исторические обстоятельства выдвинули в качестве одного из главных принципов строительства московского государства принцип этнической терпимости, который в силу особого статуса ислама предполагал подобный подход к вопросам религии. «В Москве подбор служилых людей осуществлялся исключительно по деловым качествам, — пишет Л. Н. Гумилев. — Калита и его наследники принимали на службу и татар, и православных литовцев, и простых русских людей, все богатство которых заключалось в коне да сабле»⁶.

В связи с этим следует обратить внимание на найденные в Кремле (в Тайницком саду) в ходе археологических раскопок летом 2007 года две берестяные грамоты. Одна из них имеет прямое отношение к кремлевскому жителю по имени Тураб, или Турабей, жившему на рубеже XIV–XV веков. Она содержит описание

¹ Карамзин Н. М. Предания веков. Сказания из «Истории государства Российского». М., 1988. С. 429.

² Кульпин Э. С. Золотая Орда. М., 1998. С. 21–22.

³ Егоров В. Л. Золотая Орда. М., 2005. С. 21–22.

⁴ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 225–226.

⁵ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 512–513.

⁶ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 179.

его имущества. По мнению главного археолога Кремля Татьяны Пановой, Турабей мог быть крещеным татарин¹, хотя в свете усиления роли исламского фактора в жизни улуса того времени перемены веры скорее всего могло и не быть. Терпимость в вопросах веры в это время была под двойным контролем — со стороны как ордынских ханов, так и следовавших в фарватере ордынской политики московских князей, которым (как «верным улусникам» — так себя именовал Иван Калита) важно было сохранить свое привилегированное положение и благожелательность татарских сюзеренов. Крещение как обязательное условие поступления на московскую службу было узаконено позднее, с упадком Орды и постепенным нивелированием исламского фактора в жизни Московского царства. Для общественно-политических реалий правления первых московских князей был важен факт выбора элитой Золотой Орды ислама как государственной религии, что они никак не могли игнорировать.

Тем не менее для немусульманского населения далекой от Сарая древней Москвы — простых горожан — религиозные предпочтения ханов скорее всего могли пройти незаметно и без осложнений, не повлияв на их традиционные убеждения. «Парадоксальным образом укрепление ислама в Орде, — отмечает Р. Г. Ланда, — сопровождалось укреплением православия на Руси»², что способствовало воспроизводству основанных на нем традиционных социокультурных структур. Ислам, если вспомнить его основополагающие божественные принципы, предполагает терпимое отноше-

ние к «людям Писания» («ахлюль-китаб») — христианам и иудеям при условии их политической лояльности и уплаты подушной подати — «джизьи», которая в сознании ордынских улемов трансформировалась в форму регулярно собираемой дани или могла стать ее религиозным обоснованием. Даже в более поздние времена, когда заработал механизм тотальной христианизации татарского населения, естественное стремление остаться в лоне своей веры вызвало к жизни распространенную в средневековом исламе практику «атакийя» («благоразумное сокрытие своей веры»), позволяющую верующему в случае опасности или угрозы для его жизни притворно отказываться от своих убеждений, что привело к образованию особой группы крещеного татарского населения — «криптомусульман», которые внешне согласно навязанному религиозному выбору были христианами, но тайно, следуя исконной духовной традиции, исповедовали ислам³. О значении исламской духовной традиции в жизни средневековой России говорит и то, что вплоть до начала XVIII века на посланиях московских государей мусульманским правителям был по-арабски начертан коранический фрагмент «би-инайати Рабби-ль-аламин» — «милостью Владыки миров»⁴.

Таким образом, цивилизационные характеристики России во многом опираются на исторический результат развития средневековой Москвы, величие которой, согласно оценке Карамзина и других известных русских историков, состоялось благодаря опоре на Золотую Орду и ее ханов.

М. М. Бобров⁵

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Приветствие гостей от лица Гильдии почетных граждан Санкт-Петербурга

Уважаемые гости! Дамы и господа!

От имени Гильдии почетных граждан Санкт-Петербурга разрешите приветствовать вас на традиционных Лихачевских научных чтениях. Мы знаем, что

¹ Интервью с главным археологом Московского Кремля Татьяной Пановой (Известия. 2007. 23 нояб. № 215).

² Ланда Р. Г. Россия и мир российского ислама. М., 2011. С. 43.

³ Ср.: Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире в XIII–XV вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

⁴ Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 254, 256.

⁵ Почетный заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП, почетный гражданин Санкт-Петербурга. Автор свыше 180 научных работ и 6 монографий, в т. ч. книг «Великие и одержимые. Воспоминания о друзьях», «Записки блокадного альпиниста», «Хранитель ангела» и др. Подготовил более 50 спортсменов высшей квалификации, в т. ч. победителей и призеров Олимпийских игр и мировых чемпионатов. Заслуженный тренер РФ, заслуженный работник физической культуры РФ, мастер спорта, арбитр международной категории. Действительный член Русского географического общества. Действительный член Национальной академии туризма. Имеет сертификаты покорителя Северного полюса (1999), Эльбруса (2001), Килиманджаро (2002), пика Косцюшко (2003). Член Общественного совета при губернаторе Санкт-Петербурга, староста Гильдии почетных граждан Санкт-Петербурга, председатель Совета ветеранов войны горнострелковых отрядов России. Профессор, Почетный доктор СПбГУП.

Дмитрий Сергеевич в качестве почетного гражданина ставил своими главными задачами сбережение и развитие культуры города и страны. Он считал, что именно культура сохраняет жизнь нации и государства, именно культура дает смысл человеческому бытию. И это убеждение Дмитрий Сергеевич настойчиво старался сделать всеобщим достоянием.

Поэтому мы очень рады, что Чтения, которые за 20 лет выросли до уровня международно значимого научного форума, стали живым воплощением и развитием нравственных и научно-теоретических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Санкт-Петербург — центр межкультурного взаимодействия

Санкт-Петербург — уникальное явление в истории России. Он изначально создавался своим основателем Петром I не только как город, который должен был превратить страну в морскую державу, но и как место межэтнического и межкультурного взаимодействия. Именно Петербург в начале XVIII века стал тем центром в России, в котором начался яркий процесс взаимопроникновения различных культур.

Культурное пространство Петербурга во всем его разнообразии формировалось в ходе длительных

культурных контактов России и Запада и представляет собой синтез и результат «диалога» российских и европейских культурных традиций: художественных, музыкальных и, конечно же, архитектурных. При этом архитектура Петербурга — одна из наиболее ярких сторон этого диалога.

Петербург — единственный город, сформированный на фундаменте общеевропейской культуры Просвещения. В годы его основания в стране не было собственных зодчих европейского уровня. И Петр I вынужден был приглашать архитекторов из разных стран. Выдающиеся европейские архитекторы старались участвовать в уникальном градостроительном эксперименте. Новый быстро строящийся город вбирал и реализовывал все выработанные на Западе художественные принципы, осваивал прогрессивные достижения европейского зодчества XVI–XVIII веков.

Нужно отметить, что творцы облика Петербурга, во-первых, сумели адаптировать традиционные европейские стили архитектуры к специфическим условиям природной среды и традициям русской архитектуры. И это одна из их главных заслуг. Во-вторых, при возведении своих шедевров — архитектурных ансамблей Петербурга — они смогли достичь эстетического эффекта «единства противоположностей», что тоже является своего рода «диалогом». Именно на диалогической основе складывались потрясающие петербургские архитектурные ансамбли — рядом со зданиями Кунсткамеры, Двенадцати коллегий и Меншиковского дворца возведены резко отличающиеся от них здания Академии наук и Академии художеств. А на другом берегу Невы рядом с барочным Зимним дворцом расположено здание Главного штаба в стиле ампира¹.

Таким образом, в архитектуре проявилось глубокое взаимодействие русской культуры с культурой западных стран. Поэтому Петербург *символизирует новый этап развития русской культуры*, который ознаменован кардинальными изменениями во всех сферах, насыщенных достижениями соседних стран в сфере строительства, производства, наук и искусств. В этот период Петербург стал главным культурным центром, в котором сложился неповторимый стиль петербургской жизни, наложивший отпечаток на все формы духовной и художественной культуры России.

Санкт-Петербург — миру

Наш город подарил России и миру целую плеяду великих деятелей науки, культуры и искусства, идеи и деяния которых не просто развивали и приумножали, но и способствовали *сохранению не только российских, но и мировых культурных ценностей*. В связи с этим отметим великого русского мыслителя, художника

и общественного деятеля Николая Константиновича Рериха — основателя международных культурных движений «Мир через культуру» и «Знамя Мира». Дмитрий Сергеевич Лихачев писал о Рерихе: «Н. К. Рерих был подвижником культуры всемирного масштаба. Он поднял над планетой Знамя Мира, Знамя Культуры, тем самым указав человечеству восходящий путь совершенствования». Дмитрий Сергеевич считал Рериха одним из «наиболее сильных и оригинальных мыслителей на Руси», которые внесли вклад в познание мира путем его художественного осмысления. Благодаря усилиям Рериха в 1935 году был принят договор «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников» (Пакт Рериха), в котором были определены конкретные способы защиты ценностей мировой культуры в период военных конфликтов. Этот документ сыграл важную роль при создании в 1945 году Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая практически расширила деятельность по сохранению культурных ценностей. Сейчас ЮНЕСКО включает 195 государств-членов и имеет более 65 бюро и подразделений во многих странах. В настоящее время деятельность ЮНЕСКО предполагает не только защиту собственно культурных ценностей, но и сохранение уникальных природных ландшафтов и городской среды, что отражает концепцию современной культурософии — сохранение и развитие культуры мира в единстве природных и социальных форм его бытия.

Современный Санкт-Петербург — площадка для диалога культур

В этом году мы будем отмечать 310-летие нашего города. Отрезок времени в масштабах истории небольшой. Но изучение истории возникновения Петербурга, его влияния на историю России (в широком и узком смыслах этого слова) возможно в более широком контексте — обсуждения важнейшего вопроса о роли культуры в современном мире. Своеобразие Санкт-Петербурга заключается также в том, что его история свидетельствует о перспективности сознательной установки на диалог между народами, открытость, желание понять «другого».

Современный Петербург — признанный мировой центр, который имеет все условия для диалога культур.

Наш научный форум вот уже 20 лет является площадкой, где в диалоге проходят обсуждение и осмысление ценностей и смыслов мировой культуры во всем ее разнообразии.

В заключение разрешите еще раз поприветствовать вас, гостей и участников Международных Лихачевских чтений, и пожелать дальнейших творческих успехов.

¹ Тетдоева С. А. Петербург как пространство русско-итальянского диалога культур XVIII — первой половины XIX в. СПб., 2004.

О. Т. Богомолов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР СБЛИЖАЕТ И ОБОГАЩАЕТ НАРОДЫ

Современный мир переживает полосу глубоких перемен, которую некоторые философы называют макросдвигом². Он затрагивает экономическую сферу, которая вступает в стадию перехода к новым формам регулирования и следующему технологическому укладу. Небывалый размах приобретает процесс глобализации, охватывающий не только производство, но и общественные отношения, а также культуру. Весьма симптоматичны сдвиги в общественном устройстве, включая зарождение новых его моделей. Складывается иная конфигурация международных отношений и взаимодействия мировых цивилизаций. Человечество оказывается перед лицом новых вызовов, требующих нахождения адекватных ответов на них. А это порождает конфликт между устоявшимися формами жизнеустройства и его новыми формами. Когда политические режимы проявляют беспомощность перед лицом надвигающихся перемен, а большинство населения стихийно выплескивает свое недовольство, возникают разлад в умах, брожение в обществе, его дестабилизация. Обостряются противоречия и в международных отношениях.

Но, с другой стороны, преодоление деструктивных сторон макросдвига и поиск ответов на вызовы новой эпохи начинают занимать умы многих политиков, ученых и общественных деятелей. Идет поиск возможных решений, сопровождаемый борьбой взглядов, противостоянием отживающихся и вновь формирующихся идей. К сожалению, развитие научной и политической мысли и общественного сознания явно не поспевает за событиями. В этом контексте сегодня следует рассматривать и диалог между различными культурами и направлениями общественной мысли. Сотрудничество стран и народов в упомянутых областях, обмен знаниями, взаимное ознакомление с достижениями в науке и образовании, литературе и искусстве облегчают нахождение международного согласия и открывают участникам дополнительные возможности поступательного развития.

Хочу остановиться на значении диалога в гуманитарной области и выделить в ней направления, которые играют, на мой взгляд, ключевую роль в дальнейшем развитии земной цивилизации, — образование, идеология, демократическое устройство, культура.

¹ Академик РАН, советник РАН, доктор экономических наук, профессор. Почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН. Избирался в 1989 г. депутатом Съезда народных депутатов СССР и в 1993 г. — Государственной Думы РФ. Автор свыше 600 публикаций, в т. ч. книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Раздумья о былом и насущном», «Мировая экономика в век глобализации», «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние» и др. Почетный президент Международной ассоциации экономических наук; почетный профессор Будапештского экономического университета и Нанькайского университета (КНР). Награжден орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени (дважды), «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени.

² Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен). М., 2004.

Еще в 1996 году глобальные задачи развития образования в XXI веке попыталась сформулировать Комиссия ЮНЕСКО под руководством Жака Делора — бывшего председателя Европейской комиссии. Она подготовила доклад под названием «Образование: сокрытое сокровище» («Learning: The Treasure Within»). Написанная Жаком Делором вступительная глава содержала призыв к созданию условий для обучения и просвещения жителей планеты на протяжении всей их жизни. Это, по его мнению, позволит прийти к гармоничным формам развития всего человечества и каждого отдельного народа. Жак Делор предлагал жителям планеты «учиться жить, учиться познавать, учиться созидать и учиться сосуществовать». Актуальность высказанных им пожеланий нельзя не оценить. Но чтобы сделать их нормой жизни для большинства жителей планеты, потребуются огромные усилия правительств и просвещенной части общества, как и увеличение инвестиций в образование, воспитание и здоровье людей.

Одна из сторон просвещения — выработка и усвоение идей, способных воодушевлять массы людей во всем мире на добрые дела, мобилизовать их ум, волю и энергию для достижения общего блага и обеспечения мирного сосуществования с другими народами. Это ли не задачи мыслителей, а также международного диалога политиков, общественных деятелей, ученых, представителей творческих профессий? Хочу поделиться своими мыслями на этот счет.

Всякая политика опирается на определенные идейные установки или, другими словами, имеет идеологическую составляющую. Известно, что господствующая идеология формируется на основе тех или иных теоретических концепций, воспринятых правящим классом. Пропагандируемая и насаждаемая государством, она способна управлять сознанием и поведением значительных масс людей. То, что передовые идеи способны быть движущей силой общественного прогресса, подтверждает история, равно как и то, что ошибочные идеи становятся его тормозом. Ни одна сила на земле, по выражению Виктора Гюго, не в состоянии остановить идею, время которой пришло. А крупнейший экономист XX века Джон Мейнард Кейнс писал: «...Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром...»³ Сегодня английский журнал «Экономист» высказывается еще более определенно: «Могучая сила, формирующая политику, — это не кровь или деньги, а идеи. Мощные движения прошлого — коммунизм, фашизм, демократия, либерализм — все они были порождены влиятельными идеями, хорошими или плохими. Поэтому более всего и чаще всего влияют на власть те, кто генерирует убедительные идеи или вооружает ими нужных политиков в нужное время»⁴.

³ Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики : в 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 432.

⁴ The Economist. 2011. Jan. 22.

Российские рыночные и демократические реформы после распада СССР начались и осуществлялись на идейной основе, заимствованной из арсенала западной теоретической мысли, ее так называемого мейнстрима. Тысячи американских советников наставляли наших министров и других чиновников уму-разуму. Неолиберализм — основу «Вашингтонского консенсуса»¹, разработанного США в качестве рецепта экономического реформирования для развивающихся стран, взяли на вооружение российские «младореформаторы». Эта идеология обещала ее приверженцам во власти быстрое обогащение в результате приватизации, либерализации цен и правового беспредела. В одночасье обесценились многомиллиардные накопления граждан и появились на свет олигархи, не уступающие по богатству американским. Экономика, особенно ее обрабатывающие отрасли, наука, культура, система образования потерпели колоссальный урон. Не удивительно, что наши ультралиберальные реформы сегодня поддерживает, согласно социологическим опросам, лишь меньшинство россиян. В 2009 году 47 % из них считали, что государство в ходе реформ выражало и защищало интересы богатых, а 44 % — интересы государственной бюрократии², и лишь 20 % разделяли западные либеральные ценности³.

По сравнению с 1990 годом российский ВВП в 2010-м практически остался на том же уровне, объем промышленного производства сократился на четверть, а сельскохозяйственной продукции — на 40 %. Это по подсчетам добросовестных ученых. Не пора ли задуматься о причинах? И не нуждается ли заокеанский идеологический багаж в ревизии?

На Западе уже появились любопытные свидетельства начавшегося переосмысления неолиберальных идеологических постулатов. Лауреаты Нобелевской премии по экономике американцы Поль Кругман и Джозеф Стиглиц констатируют «несостоятельность академической науки и фундаментальные изъяны в американской модели капитализма»⁴. Им вторит доклад ЮНКТАД «Глобальный экономический кризис: системные провалы...»⁵, признающий, что «рыночный фундаментализм... последних 20 лет драматически провалил экзамен». Доклад связывает перспективу преодоления провалов с возрастающей ролью государства. Еще определеннее высказывается журнал «Экономист»: «Мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван “государственный капитализм”»⁶. Его впечатляющим примером, по мнению журнала, служит китайская модель. Американский ученый Стефан Халпер даже называет свою книгу «Пекинский консенсус: как китай-

¹ Документ, разработанный Министерством финансов США и МВФ и содержащий рекомендации странам формирующегося рынка по проведению экономической политики. Центральные его пункты: широкая приватизация, либерализация цен, внутренней и внешней торговли, жесткая монетарная политика.

² Незаконные грани экономики: непознанное взаимовлияние / науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2010. С. 187.

³ Там же. С. 183.

⁴ Stiglitz J. Freefall: America, Free Markets and the Sinking of the World Economy. N. Y., 2009. P. 361.

⁵ The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies. N. Y., 2009. P. III.

⁶ The Economist. 2010. Jan. 23–29. P. 22.

ская авторитарная модель может стать доминирующей в XXI веке»⁷. Многие государства от Латинской Америки до Среднего Востока склонны подражать Китаю.

Китай действительно ведет поиск модели постреформенного развития, называя ее социалистическим гармоничным обществом. И эта модель призвана сочетать цивилизованные рыночные отношения с социальной справедливостью и регулирующей ролью государства. Европейцы, особенно скандинавы, практикуют то, что называют моделью государства благосостояния, а в Германии — социально ориентированной рыночной экономикой. Эти новые модели в Европе уже прижились и во многом оправдали себя, хотя либералы утверждают, что они всего лишь временное явление и скоро наступит возврат к прежнему пониманию рыночной экономики.

В одной из последних своих публикаций «Идеологический кризис западного капитализма» Джозеф Стиглиц пишет, что «финансовый кризис должен был бы научить американцев (и других) необходимости большего равенства, более жесткого регулирования и лучшего равновесия между рынком и государством. К сожалению, этого не произошло. Совсем наоборот, возрождение экономики правого толка, управляемой идеологией и группами с особыми интересами, вновь угрожает мировой экономике или по крайней мере Европе и Америке, где эти идеи продолжают торжествовать»⁸. Конечно, подобные высказывания разделяют не все, но они свидетельствуют о начинающейся *революции в умах*.

В центре предстоящего переосмысления, несомненно, находится вопрос о роли государства. Он имеет особую идеологическую значимость и для Запада, и для переходных экономик. В эпоху фундаментальных перемен выход на траекторию поступательного развития требует утверждения в политике и общественном сознании идеи укрепления государственности, совершенствования управленческих механизмов во имя интересов нации, всего народа, социальной справедливости, а не отдельных привилегированных слоев.

В связи с этим стоит напомнить, что содержание конституционного определения России как социального государства остается декларативным. Оно не разъяснено, а соображения науки на этот счет не находят официального закрепления. Население лишено важнейшего ориентира, а именно, к какому общественному устройству страна придет в результате проводимых реформ и что это даст народу. Какая форма демократии будет для нас оптимальной? Отсутствие ясной перспективы, веры в будущее не может не сказываться на духовном климате в нашей стране и настроениях людей. Регистрируемые социологическими опросами подавленность психики значительной массы населения, отсутствие ощущения социальной справедливости, неопределенность в отношении грядущего, учащающиеся катастрофы и бедствия, террористические акты — все это парализует творческую энергию народа.

⁷ Halper S. The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century. N. Y., 2010.

⁸ Stiglitz J. Ideological Crisis of Western Capitalism. URL: http://www.project-sidicate.org/series/unconventional_economic_wisdom

Едва ли дикие формы российского капитализма способны стать воодушевляющей целью. Не случайно Джозеф Стиглиц, относящий себя к диссидентам в западной неолиберальной среде и сторонникам нетрадиционной мудрости, ищет ответа на вопрос: «Жива ли еще мечта о Третьем пути между сегодняшним глобальным капитализмом и вчерашним скомпрометированным социализмом?»¹ Теорию конвергенции в 1960–1970-х годах, как известно, отстаивали видные научные авторитеты: лауреаты Нобелевской премии Ян Тинберген (Нидерланды), ученый Андрей Сахаров и государственный деятель Джон Кеннет Гэлбрейт (США). Сегодня она вновь обретает актуальность.

Ныне многие мыслители убеждены в необходимости социальной ориентации развития, когда человек, его культура, знания, умения, здоровье, душевное состояние, то есть то, что составляет понятие *человеческого потенциала*, приобретает ключевое значение. Поэтому предлагают сделать стратегическим приоритетом инвестиции не только и не столько в новую технику, сколько в человека. Не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя, доверие к лидерам государства. Это то, что называют *социальным капиталом*, наращивание которого все более становится залогом успеха всех экономических начинаний. Словом, без последовательной гуманизации политики и экономики не обойтись. И в этом деле решающее слово принадлежит государству.

Архитекторы российских реформ, придерживаясь неолиберального мейнстрима экономической мысли, призывали к уходу государства из экономики и не терпели никаких контраргументов. Самый действенный рычаг преобразований — государственный механизм управления и соблюдения порядка — оказался в России разлаженным, недостаточно компетентным, разведенным чудовищной коррупцией, лишенным иммунной системы, очищающей его от пороков и страхующей от грубых ошибок. Необходимость его оздоровления и укрепления очевидна. Тем более что российский частный бизнес в большинстве своем себя скомпрометировал ненасытной жадой наживы, социальной безответственностью, аморальностью, пренебрежением национальными интересами и правопорядком, а нередко и сращиванием с криминалом. Сомнительно, что он сможет стать ведущей силой в модернизации страны.

На современное государство (не только в России, но и на Западе) ложатся функции предотвращения и преодоления провалов рыночных механизмов. В России решение целого ряда неотложных задач немислимо без его участия. Среди первоочередных из них: преодоление опасного имущественного расслоения населения, неоправданной и несправедливой оплаты многих видов труда, разорительной инфляции, чуть ли не тотальной коррупции, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж. Кроме того, на него ложатся главная забота и ответственность за расцвет культуры, науки, образования, здравоохранения. К этому следует добавить сокращение безработицы, защиту интересов,

¹ Stiglitz J. Ideological Crisis of Western Capitalism.

прав и свобод всех граждан. Социологические опросы свидетельствуют, что большинство россиян (от 40 до 60 %) мечтают жить в справедливом, разумно организованном обществе при соблюдении прав человека, свободе самовыражения, равенстве возможностей для реализации своего потенциала, а главное — при демократическом устройстве власти, обеспечивающей порядок, искоренение коррупции и справедливое распределение созданного национального дохода.

Разрыв между 10 % богатых и 10 % бедных россиян составляет, при честном подсчете, до 33–35 раз, и он продолжает увеличиваться². В США государство сглаживает прогрессивными налогами и другими мерами этот разрыв с 65 до 15 раз. По сравнению с 1998 годом в 2009-м доля 20 % малообеспеченных россиян в общей сумме доходов населения сократилась вдвое, а 20 % богатых выросла в 1,5 раза³. В 2009 году медианный доход в России, рассчитанный по принятой в мире методологии, составлял 12 265 руб. в месяц. Бедными по той же методике считаются те, чей доход менее 60 % от этого уровня, то есть менее 7340 руб. Таких у нас насчитывалось в 2009 году около 40 %. Иными словами, по западным стандартам, более трети россиян попадали в категорию бедных⁴. Согласно исследованиям Всемирного банка, социальная дифференциация (свыше 0,4 по коэффициенту Джини) становится тормозом экономического роста. У нас этот коэффициент около 0,5 %⁵, то есть тормоз исправно работает.

Нельзя не согласиться с выводом доклада Международного валютного фонда⁶ о том, что социальные функции государства должны занимать все более важное место в идеологии, обосновывающей политику и поддержание гражданского мира. В нем говорится: «Главный урок посткоммунистической трансформации определенно заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку».

Опыт многих стран показывает, что государственная система управления нуждается в стабильности и не терпит частых реорганизаций, нарушающих сложившиеся внутренние административные отношения и привычный круг обязанностей и взаимоотношений работников друг с другом, а также с партнерами и клиентами вовне. Раж перманентных реорганизаций отрицательно сказывается на качестве управления. Секрет не в перемене мест работы и обязанностей чиновников, а в качестве, опыте, нравственности и организаторских способностях самих исполнителей на верхних и нижних этажах иерархической лестницы. Воспитание нового класса управленцев — дело многих лет, и отдача принятых для этого мер скажется не сразу.

² Шевяков А. Ю. Мифы и реалии социальной политики. М., 2011. С. 8, 20.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Мировой социально-экономический обзор. Переоснащение мирового развития // World Economic Outlook Supporting Studies IMF. 2010. P. 35.

Но принимать эти меры необходимо уже сегодня, если мы серьезно рассчитываем на модернизацию.

Во всех развитых странах мира и странах, стремящихся в краткие исторические сроки преодолеть свое отставание, все большее значение придается совершенствованию государственной службы, эффективности ее деятельности и авторитету в обществе. Яркий пример в этом отношении демонстрирует Сингапур, опыт которого стараются использовать другие страны.

Демократизация жизнеустройства — еще одна злободневная тема, которая входит в повестку дня международного диалога. Падение тоталитарных и авторитарных режимов и стремление к демократизации общественной жизни — характерная черта новой эпохи. Процесс глобализации способствует этому, поскольку информация об удачно функционирующем государственном и общественном устройстве быстро обретает силу примера в других частях мира. Демократические процедуры, если они сознательно не выхолащиваются, а честно соблюдаются, обеспечивают нормальные взаимоотношения государственной власти и общества, помогают его консолидации и мобилизации творческой энергии народа ради достижения общих целей. В том числе для решения национальных и федеральных проблем. Они способствуют расцвету культуры и знаний, подъему экономики, обеспечивают выдвижение талантливых личностей, отбор наиболее честных и способных лидеров, выработку эффективной политики. Излишне доказывать, что современная экономика, основанная на знаниях и результатах инноваций, нуждается в таких личностях.

Западная демократия отнюдь не идеал, она переживает кризис и нуждается в реформировании, как и капитализм в целом. Газета «Файненшл Таймс» в январе 2012 года опубликовала серию статей под общим заголовком «Капитализм в кризисе». В одной из них говорится: «Жадные банкиры, сверхвознаграждаемые топ-менеджеры, устойчиво высокая безработица — это те немногие вещи, которые породили в последнее время уличные протесты и широкое общественное недовольство капитализмом в развитом мире». Действенная демократия могла бы способствовать социальному миру. Однако поведение масс поддается манипулированию с помощью современных СМИ и изощренных избирательных технологий. Чем и пользуются в своих интересах власть и денежные воротилы, отказываясь идти на существенные преобразования. Отсутствие у массы избирателей необходимых знаний, культуры, а также неискренность большинства из них в политике делают их жертвой политтехнологов. Отсюда, как правило, и проистекают ошибки в выборе, приход к власти не заслуживающих доверия фигур, отрыв власти от общества. Нельзя не согласиться со словами Збигнева Бжезинского, который считает, что «американская глобальная мощь противоречит демократии, как внутренней, так и экспортированной»¹. Но и российская избирательная система далека от идеала. Конечно, это не означает, что следует отказаться от демократиче-

¹ Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство : пер. с англ. М., 2004. С. 179, 183.

ских процедур. Речь идет не об отмене, а об их усовершенствовании.

По разумению некоторых ученых, идеал будущего эффективного демократического устройства — это власть честно избранных большинством населения и подконтрольных ему наиболее просвещенных, добросовестных и патриотичных представителей народа, использующих эту власть ради его блага и соблюдения социальной справедливости. Но существующие разновидности демократии далеки от идеала. Путь к подлинной демократии пролегает через формирование достаточно многочисленного слоя сознательных граждан — образованных, добросовестных, пользующихся доверием окружающих. Власть, не имеющую такой базы, трудно считать ныне эффективной демократией, выполняющей свои основные функции.

В теории к главным атрибутам демократии обычно относят обеспечение прав и свобод человека, в том числе на выражение своих взглядов, включая критику властей, свободное волеизъявление на выборах руководящих органов и лиц, участие в митингах и демонстрациях. Все граждане должны обладать равными правами, в том числе на реализацию своих способностей и возможностей, нести равную ответственность перед законом. Демократия предполагает претворение в жизнь воли большинства и уважение интересов меньшинства, совместный поиск сторонами приемлемых компромиссов, исключение решения споров путем насилия и применения оружия. Она предполагает контроль избирателей за деятельностью выбранных структур власти и управления, их ответственность за соблюдение законов и общественного порядка. А следовательно, наличие гласности в стране, доступность информации, прозрачность деятельности выбранных органов власти и высших руководителей. Непременными атрибутами демократии являются также разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, независимость судов и наличие независимых СМИ. Все ветви власти, включая и четвертую — СМИ, особенно телевидение, должны образовывать систему «сдержек и противовесов», то есть способствовать принятию взвешенных решений и не допускать грубых ошибок и просчетов.

Чтобы демократическое устройство государства было вполне эффективным, оно должно опираться на развитое гражданское общество, многопартийную систему, наличие наряду с правящей партией или коалицией также оппозиционных партий, пользующихся реальными правами. Развитое гражданское общество предполагает и активную деятельность неправительственных организаций. Все это, вместе взятое, — ядро представительной демократии. Однако модели демократии, в которой бы нашли последовательное воплощение все ее основные атрибуты, едва ли где-либо в мире присутствуют. Интересы правящего класса, специфические условия стран, исторические традиции, уровень экономического развития, культуры населения и другие обстоятельства не могут не отражаться на конкретных формах общественного устройства, полноте претворения в жизнь демократических начал. Они реализуются часто лишь в той мере, в которой не ставят

под угрозу интересы правящего слоя, не подрывают его власть. Порой демократические декорации служат лишь маскировкой авторитарного правления.

Во имя поддержания стабильности и порядка в обществе, в интересах подготовки и постепенного созревания подлинной демократии может быть оправдан на определенное время контроль и ограничение свободы волеизъявления и выбора. Однако власти могут вводить ограничения и с корыстной целью — удержания власти на возможно больший период и ухода от ответственности за злоупотребления и некомпетентность. Государственные перевороты, сопровождаемые роспуском неугодного парламента и других ветвей власти, надолго парализуют процесс демократизации. Россияне в этом убедились на горьком опыте.

Становление эффективной демократии в России — сложный и длительный процесс. Однако очевидно, что технологическая и экономическая модернизация должна идти рука об руку с совершенствованием демократического устройства государства и общества. В нахождении оптимальной модели демократического устройства немалая роль принадлежит ученым-политологам и правоведам. Нужно широко использовать при этом накопленный человечеством опыт организации общественной жизни. Ее оптимальная для конкретной страны модель способна стать серьезным фактором ускорения экономического роста.

Дефицит интеллектуальной среды, в которой рождаются новаторские и стратегические идеи, вырастают политические деятели и высококлассные управленцы, — одно из главных препятствий дальнейшей демократизации. Такую среду надо заботливо культивировать, стремиться к изложению правдивой информации о положении дел в стране, отказу от замалчивания больших проблем и выпячивания мнимых успехов, поощрять дискуссии по сложным вопросам, поддерживать и привлекать к политике творчески мыслящих граждан. Без трезвого и точного анализа экономической и социальной ситуации, обсуждения ее наиболее авторитетными специалистами невозможно принятие верных государственных решений.

Роль национальной культуры в стратегии дальнейшего развития многих стран, в том числе и России, на мой взгляд, недооценивается. У нас ставка делается на вложение денег в отдельные наукоемкие отрасли и стимулирование инноваций путем повышения денежных доходов ученых и инженеров. Мало кто задумывается над тем, откуда вообще можно черпать кадры не только квалифицированных, но и добросовестных, нравственных, преданных Родине специалистов, необходимых для обновления страны. Между тем интеллектуальная и духовно-нравственная культура нации, от которой как никогда раньше зависит успех модернизации, определяется ее носителями. А здесь как раз ощущается большой дефицит.

Понятие культуры охватывает многие стороны развития человеческого общества и близко по содержанию к понятию «цивилизация». Однако главное содержание культуры представляет ее духовная, гуманитарная составляющая. Достижения человеческого разума, завоевания науки, шедевры искусства, богатство язы-

ка и литературы, нравственные и религиозные идеалы, определяющие поведение и взаимоотношения людей, — вот что в общественном сознании обычно связано с понятием «культура» и оценкой ее уровня.

О культуре народа справедливо судят по ее выдающимся представителям: писателям, поэтам, художникам, артистам, музыкантам, ученым, философам-просветителям, проповедникам, публицистам, изобретателям и т. п. Они формируют духовный климат общества, обогащают людей своим творчеством, определяют цели и идеалы. Усилиями интеллектуальной и творческой элиты общества обеспечиваются прогресс знаний, техники, развитие искусства, возвышение эстетических и нравственных идеалов, утверждение принципов гуманизма. Не случайно Максим Горький называл писателей инженерами человеческих душ. Но в наши дни в России произошла деградация системы просвещения и образования подрастающего поколения. Души молодежи и взрослого населения оказались во власти телевидения и кинематографа, их подчиняют себе средства массовой информации, которые скорее растлевают, чем возвеличивают человека. Подобное наблюдается и в других странах.

Культура перестает задавать человеку идеалы, примеры для подражания, образцы поведения, понятия о добре и зле, плохом и хорошем поступке, ориентировать на общественно одобряемые качества, модели поведения. В массы ее несет элита. Правда, здесь нужно оговориться. Те, кого обычно относят к интеллектуальной элите общества, включая ее наиболее влиятельную часть — политический класс, достаточно разнообразны. Отнюдь не всех из них можно считать носителями подлинной культуры. Бескультурье, невежество, пошлость, безнравственность, беспринципность также имеют представителей в элитарных слоях. Они, используя свое влияние, могут растлевать человеческие души, насаждать ложные ценности и идеалы, прививать дурные вкусы и нормы поведения. В культуре, как и в обществе, наблюдается столкновение добра и зла, возвышенного и низменного, новаторства и ретроградства. Через борьбу противоречий в конечном счете совершается поступательное развитие, но случается и временное движение вспять.

Мы все еще верим в неиссякаемое культурное богатство России. Анализ, однако, требует самостоятельного рассмотрения роли элитарной и массовой культуры. И та и другая, разумеется, взаимосвязаны, но по-разному воздействуют на экономику. Повышение ее эффективности и конкурентоспособности все более зависит от состояния массовой культуры. Элитарная культура влияет на общественное развитие опосредованно — через массовую.

Примеры низкого культурного уровня значительной части российского населения встречаются на каждом шагу. Несоблюдение законов и элементарных норм поведения в коллективе и обществе, своекорыстие и эгоизм, попирающие интересы окружающих, необязательность, разгильдяйство, индивидуализм, пренебрегающий малейшим проявлением человеческой солидарности и взаимовыручки, утрата совести — все это отравляет социальный климат в стране, отрицательно

влияет на трудовую и экономическую деятельность людей. Еще более деструктивные последствия имеет массовое распространение коррупции, воровства и мошенничества, которые превращаются в смертельную болезнь экономики. Она страдает также от пьянства и наркомании, самодурства чиновничества. Небезобидны и такие проявления бескультурья, как нарушение правил гигиены и чистоплотности, загрязнение окружающей среды, варварское отношение к природе. В результате экономика несет значительные потери, ухудшается качество жизни, страдает здоровье населения. На уборку мусора и хлама в местах общественного пользования приходится затрачивать немалые усилия и средства. Страна вынуждена содержать огромную армию блюстителей порядка и частных охранников, раздувать контролирующие общество бюрократические структуры. Думаю, что в культурной революции нуждается не только Россия.

Переход Советского Союза в разряд великих держав мира во многом был связан с созданием в нем *крупного научного потенциала*, который обеспечил впечатляющий прогресс в развитии современной техники, в том числе военной, значимых для народного хозяйства открытий в важнейших областях знаний. Ультралаберальные рыночные реформы нанесли по российской науке чувствительный удар. Наше отставание здесь угрожающее. Откат назад в этой области означает сегодня подрыв авторитета и влияния страны в международных делах, в экономическом соревновании и конкуренции с другими странами, не говоря уже об обеспечении национальной безопасности. Похоже, что мы этого еще не осознали должным образом.

Бегство умов из страны продолжается. Академическая наука остается на голодном пайке. Выдающиеся

русские ученые, музыканты, артисты, художники находят признание и достойное вознаграждение за рубежом. Принятие срочных мер поддержки ученых и представителей творческих профессий давно назрело. Их социальный статус неоправданно принижен. Государственная политика должна исходить из того, что инвестиции в науку, культуру, образование, здравоохранение приносят максимальную отдачу в деле возрождения величия нашей Родины.

Серьезные и авторитетные научные школы и коллективы, на которые могла бы опираться государственная политика, не рождаются в одночасье. Они складываются на протяжении многих лет путем тщательной селекции ученых, выращивания лидеров этих школ и коллективов. А кроме того, в результате накопления и перепроверки обширной информации, развития международного сотрудничества, постоянного притока талантливой молодежи. Академия наук известна формированием таких школ при поддержке государства, предъявлявшего спрос на их исследования. К сожалению, коммерциализация науки и образования обесценивает накопление фундаментальных знаний, поощряет спрос на скороспелые результаты и предложения. Это одна из причин ошибочных политических решений. Отношение к фундаментальной науке и ее развитию, в том числе к обществоведческим исследованиям, пора коренным образом изменить. Без передовой и процветающей науки у страны нет будущего. Собственно, это относится и к культуре в целом.

Думаю, что обсуждение учеными разных стран путей наиболее плодотворного развития современной науки, а также претворения достигнутых результатов в повседневную жизнь людей относится к одной из приоритетных тем диалога между различными культурами.

Н. С. Бондарь¹

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Геополитические изменения современного мира, имеющие, безусловно, конституционное значение (хотя и не всегда положительное), характеризуются углублением системного кризиса конституционализма в самых различных его проявлениях — как институциональных,

¹ Судья Конституционного Суда РФ, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Автор около 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации», «Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ)», «Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России», «Конституционная ценность избирательных прав граждан России», «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав с участием профсоюзов», «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия» и др. Автор-учредитель постоянно действующей серии изданий «Библиотечка судебного конституционализма».

функциональных, так и ценностных, аксиологических. Это сопровождается обострением противоречий, усилением непримиримой конкуренции между некогда признаваемыми священными принципами и конституционными ценностями демократии, прав человека, верховенства права, государственного суверенитета и «современным» пониманием «национальных интересов» (и «правом» на их отстаивание в любой точке мира), новыми требованиями безопасности личности, общества, государства в условиях глобальных угроз, с которыми столкнулось человечество в XXI веке.

Соответственно это объективно предопределяет потребность в новой философии конституционализма, выработке принципиально новых подходов к обоснованию неких интегральных мировоззренческих, нравственно-этических, социально-экономических, политических основ современного конституционализма. Одновременно это предопределяет новые требования и к гносеологии современного конституционализма,

к процессу его познания на основе как общих закономерностей, так и национально-исторических особенностей конституционного развития современных государств.

1. Социокультурный плюрализм — методологическая основа оценки состояния современного конституционализма

Неизвестный ранее ни одной другой исторической эпохе динамизм, стремительность обновления как политических, социально-экономических, нравственно-этических, клерикально-конфессиональных, так и конституционных основ государственной и общественной жизни (с чем с особой остротой столкнулись государства, возникшие на постсоветском пространстве) объективно предопределяют необходимость поиска новых подходов к их исследованию, дополнения догматических методов изучения нормативно-правовой, публично-властной составляющей конституционализма социологическим, историческим, нравственно-этическим, философско-мировоззренческим методами познания сложных, комплексных по своей природе, явлений конституционно-правовой действительности. Только на базе таких широких подходов становятся возможными выявление и оценка внутренних связей, общих закономерностей и социокультурных особенностей современного глобализирующегося конституционализма. И это не случайно: сама конституция является социокультурным отражением и порождением противоречий общества и государства, правовым средством и юридической основой их разрешения. Поэтому главный методологический вопрос, возникающий при анализе любой конституционной системы в контексте глобальных проблем современного мира, — это культурно-исторические основы юридического механизма реализации общепризнанных конституционных ценностей.

Особое значение это имеет применительно к России, где демократия всегда была, по словам Н. Бердяева, «одухотворена»¹. Она являет собой такую систему общественных отношений и ценностных ориентиров, в рамках которой как человеческие поступки, так и действия публичной власти (на любом уровне ее реализации) рассматриваются и оцениваются прежде всего с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, совести, греховности, чести, долга, человеческого достоинства, других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое закрепление, но не утрачивающих от этого своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности.

Культурологический метод исследования, реализация которого возможна только в условиях диалога, взаимодействия и взаимопроникновения правовых культур, должен стать одним из основных в современной концепции философии конституционализма; только благодаря данному методу становится возможным проникнуть в сущностные пласты политико-правовых явлений и, более того, продуцировать новые знания о социальной и правовой действительности. К тому же нельзя забывать достаточно очевидную (по крайней

¹ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 211.

мере, для объективных исследователей) истину, что никакая рациональная формально-юридическая аргументация не может быть свободной от национальной культуры, нравственности.

В этом плане нынешнее состояние философии конституционализма может быть охарактеризовано, говоря словами философа права И. А. Ильина, как утрата веры в спасительный методологический монизм и переход к принципиальному признанию методологического плюрализма². Предполагается, что различные концепции, подходы к праву при переходе к реальному конституционализму приобретают значение действенных доктринальных средств в той мере, в какой они могут быть аутентично интегрированы в социокультурное пространство конституционно-правового регулирования, что требует своего рода «коммуникативно-интегрированного» или (что особенно значимо для конституционного исследования правовых систем) конституционного правопонимания³. Это объективно предполагает признание и утверждение философско-мировоззренческого плюрализма — и как доктринального метода исследования, и как важнейшего (конституционно значимого) принципа нормативно-правовой системы организации и функционирования всей системы демократической государственности.

Это в полной мере отвечает универсальной природе понятия «конституционализм»: оно способно охватывать своим содержанием как собственно правовые явления, так и неюридические (в том числе предюридические, постюридические), равно как и «метаюридические» феномены социального, экономического, политического, культурного характера. Причем не только в той мере, в какой они выступают *социокультурной предпосылкой формирования конституционализма*, но и в качестве *имманентных его характеристик* (социальных, культурологических, нравственно-этических и т. п.), институциональной *нормативно-регулятивной подсистемы конституционализма* и одновременно *средой его существования и развития*, что решающим образом влияет на основополагающие конкретно-исторические характеристики данного явления.

В этом смысле философское осмысление современного российского конституционализма имеет не только фундаментальное научно-методологическое, но и прикладное значение. Имеется в виду понимание соответствующей социальной практики и как сферы реализации философии современного конституционализма, и как институционального средства ее развития, когда, в частности, решения Конституционного Суда РФ (в дальнейшем — КС РФ) приобретают значение материализованного (нормативно-доктринального) воплощения социокультурного

² См.: Ильин И. А. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 9–10.

³ В российской правовой науке эти подходы исследованы с разных позиций, например: Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М. : Норма, 2007; Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004; Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

отражения и философского осмысления современного конституционализма.

Что же касается самого понятия категории «конституционализм», то можно долго дискутировать по поводу смысловых и структурных его характеристик, принципов, свойств, чтобы выработать универсальное и приемлемое определение; однако вне зависимости от этого все мы прекрасно знаем, что означает отсутствие в обществе и государстве конституционализма. И это не случайно: весьма высок удельный вес в этом явлении воспринимаемых на уровне не столько юридических знаний, сколько веры, убеждений, обычаев и традиций, нравственных, этических требований Справедливости и Правды. Показательны в этом плане слова апостола Павла о том, что никто не может оправдываться тем, что не знал, как поступить в своей жизни, потому что нравственный закон написан в сердце каждого человека; люди, «не имеющие закона, по природе законное творят»: «дело закона у них написано в сердцах»¹.

Это присутствует, в конечном счете, как при исследовании онтологических, аксиологических, гносеологических и иных проблем философии конституционализма, так и при попытке «доктринального опредмечивания» категории «конституционализм» в теории и практике конституционного правосудия.

2. Конституционализм как философско-правовая категория: единство публично-властных и социокультурных начал

При всем многообразии подходов к определению понятия конституционализма² очевидно, что традиционный для научной литературы подход к конституционализму как юридической, политико-правовой проблеме недостаточен. Это слишком сложное понятие, чтобы отдавать его на откуп одним юристам. Как одна из универсальных философско-правовых категорий, конституционализм призван отражать важнейшие (универсальные) ценности современной цивилизации, которые в концентрированном виде проявляются в закономерностях демократической организации общества и государства на основе триединого баланса таких явлений, как «власть—собственность—свобода» в режиме верховенства права, признания и защиты прав и свобод человека и гражданина, следования морально-нравственным императивам, сложившимся в обществе и государстве. В более конкретном, схематично структурированном плане конституционализм как философско-правовая, социокультурная и нравственно-этическая категория предстает следующим образом.

¹ Цит. по: *Сорокин В. В.* Совесть как элемент русского православно-правосознания // Государство и право. 2011. № 6. С. 23. Подробнее см.: *Папаян Р. А.* Христианские корни современного права. М.: Норма, 2002.

² См. об этом, напр.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998; *Шайо А.* Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М., 1999; *Кравец И. А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2004; *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. М., 2008; *Рассел Г.* Конституционализм: опыт Америки и других стран. URL: <http://www.infousa.ru/government/dmpaper2.htm> (дата обращения: 09.03.2009).

Во-первых, в качестве доктринального конституционализма как особой философско-правовой теории, системы политико-правовых идей и концепций, которые предстают одновременно и как учение о конституции, конституционных основах организации власти, и как определенная система нравственно-этических представлений о справедливости и равенстве, свободе и ответственности, добре и зле и соответственно характере отношений между обществом, государством и личностью в режиме признания (либо непризнания) этих ценностей. Это является своего рода гносеологической составляющей конституционализма. Вместе с тем при всем том, что имеется немало научных разработок о соотношении права и нравственности³, вопрос о конкретных механизмах и самой практике включения духовно-нравственных ценностей в систему действующего законодательства остается весьма актуальным. Пока, надо признать, имеют место лишь отдельные и довольно робкие попытки позитивной юридикации нравственных ценностей, их правового обеспечения как необходимых регуляторов практической жизни⁴.

Во-вторых, данная философско-правовая категория воплощает в себе *нормативно-правовой конституционализм* как систему конституционного позитивизма, которая представляет собой государственно-иерархическим образом организованное нормативно-правовое пространство конституционализма, основанное на нравственно-этических, социокультурных ценностях народа и подчиненное Конституции как высшему формально-юридическому императиву общества и государства. Сама же Конституция выступает в этом случае как своего рода нормативно-правовое ядро конституционализма.

В-третьих, это *онтологический конституционализм*, который предстает как конституционно-правовая практика, рассматриваемая в самом широком смысле общественно-политического и государственного развития, включая, естественно, и собственно конституционную практику — законодательную, административную, судебную. Очевидно, что именно на этом уровне, в практической сфере реализации Конституции и законодательства, наиболее остро проявляется нравственный кризис современного конституционализма. В частности, в профессиональном правосознании правоприменителей безраздельно господствует юридический позитивизм, что является одним из истоков и показателей нравственного кризиса современного конституционализма, включая его ценностные характеристики. В конституционном плане есть основания для постановки вопроса не просто о профессиональной юридической этике (следователя, судьи, государственного или муниципального служащего), а о внедрении в профессиональное и общественное правосознание конституционной максимы: *несправедливое решение*

³ См., напр.: *Мальцев Г. В.* Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008; *Лукашева Е. А.* Право, мораль, личность. М., 1986.

⁴ К такому можно отнести принятие в ряде субъектов Российской Федерации, с учетом их национальных и исторических особенностей, специальных законов об охране личной и общественной нравственности (это, например, Республика Дагестан, Республика Саха (Якутия), Алтайский край, Красноярский край).

не может быть конституционным. Адресатом этой нравственно-этической в своей основе, но имеющей, безусловно, конституционное значение максимы должны быть все правоприменители, включая носителей законодательной, исполнительной, судебной власти, и все общество.

Наконец, *в-четвертых*, конституционализм как философско-правовая и нравственно-этическая категория воплощает в себе также характеристики одной из форм *общественного сознания*, которая отражает единство конституционной психологии и конституционной идеологии и, в свою очередь, выступает решающей предпосылкой формирования нового типа юридического видения действительности — *конституционного мировоззрения*. Конституционализм определенным образом оформляет стихийно-правовой опыт в нормативно-концептуальную модель, основанную на ценностях верховенства права, прав человека, социальной справедливости и равенства всех перед законом, социального правового государства, разделения властей, политического, идеологического и экономического плюрализма и тому подобного, и в рамках этой модели реализует различные функции мировоззренческого, ценностно-ориентационного, нормативно-регулятивного и воспитательно-образовательного характера. В частности, он организует и структурирует общественное и индивидуальное правосознание, правовую философию. В этом плане конституционализм как особая сложносоставная аксиологическая, телеологическая и праксиологическая система сам по себе является одной из универсальных нематериальных ценностей цивилизации, входит в этом качестве в состав мирового культурного наследия всего человечества, с одной стороны, и является национально-культурным достоянием каждого отдельного народа, нации, государства — с другой. Нельзя, однако, не признать, что это, пожалуй, одна из тех сфер конституционализма (особенно если иметь в виду, что к ней тесно примыкает конституционно-правовая политика), которая в наименьшей степени и порой достаточно откровенно склонна «не замечать» нравственные ориентиры, впрочем, как и конституционно-правовые регуляторы и ограничители.

Мнимым «оправданием» данной ситуации может служить то обстоятельство, что конституционализм нельзя рассматривать как порождение государства и находящееся под государственным контролем явление; государство не может и не в состоянии «учредить», «декретировать», «установить» своими законами желательный для него образ конституционализма, хотя оно (государство), безусловно, должно прилагать необходимые усилия к развитию в целесообразном для себя направлении конституционализма. *Конституционализм есть объективно складывающийся порядок реальных общественных отношений*, который основан на признанных самим обществом нравственно-правовых требованиях справедливости и меры достигнутой свободы, недопустимости произвола и насилия. Данный порядок формируется на основе внутреннего содержания самих по себе этих отношений, что превращает их в носителей справедливости и критерий меры свободы.

Тем самым отношения, составляющие конституционализм, обретают способность воплощать в себе определенные требования, нормативные модели поведения граждан, должностных лиц, государственных органов и государства в целом в соответствии с идеалами справедливости и свободы.

Не умаляя значение других ветвей власти, представляется обоснованным отметить важную роль судебной власти, в особенности органов конституционного нормоконтроля, в развитии, в частности, аксиологических начал современного конституционализма, в соединении формально-юридических и нравственно-этических, культурологических элементов конституционализма.

3. Преобразовательная-культурологическая функция конституционного правосудия и необходимость ее усиления в условиях системного кризиса современного конституционализма

Кризис современного конституционализма связан не только с углублением противоречий, усилением конкуренции между классическими принципами, конституционными ценностями демократии и новыми вызовами современной эпохи, новым пониманием международного правопорядка, вплоть до провозглашения права на осуществление «в интересах демократии» «бархатных», «оранжевых» революций, «арабской (et cetera) весны» с внесезонными потоками крови; в этом же ряду находятся декларирование и стремление конституировать в качестве универсальных новых, нетрадиционных для классического конституционализма идей, ценностных ориентиров свободы, демократии, как то: требование полного «равенства» сексуальных меньшинств, признание однополых браков и т. п.

Это предопределяет новые требования к гносеологии современного конституционализма, что особенно ярко проявляется (если иметь в виду, в частности, политико-правовую, культурологическую сферу) в конституционном правосудии. Современность ставит перед конституционным правосудием новые трудные задачи. На их решение все более ощутимо влияют общие тенденции мирового развития конституционализма, в том числе процессы правовой глобализации, с одной стороны, и объективное усиление в этих условиях (в качестве противовеса первым) социокультурных факторов национального конституционного развития — с другой. В этом плане конституционное правосудие, в отличие от других форм судопроизводства, объективно обречено на необходимость осуществления своих функций в тесном единстве нормативно-правовых, позитивистских оценок и широких социокультурных подходов — как при анализе обстоятельств и условий социальной действительности, в которых реализуются проверяемые на соответствие Конституции РФ нормы текущего законодательства, так и при оценке самих по себе проверяемых нормативных правовых предписаний. Ведь глубинное содержание последних невозможно уяснить без учета конкретно-исторических условий возникновения, принятия этих норм (историческое толкование), особенностей их

действия во всей системе как юридического, так и иных форм нормативного (нравственно-этического, конфессионально-религиозного и т. п.) регулирования в национально-специфических условиях нашего общества и государства (систематическое толкование) и т. д.

Своего рода рефлекторной реакцией конституционного правосудия на столь сложные процессы и динамизм современной эпохи является тенденция к перераспределению основных функций конституционного правосудия — от чисто охранительной деятельности к активному использованию преобразовательного потенциала конституционно-судебной деятельности.

Это, естественно, не противоречит тому, что традиционная оценка конституционного правосудия как хранителя конституции и всей системы конституционализма сохраняет в основе свое значение. Вполне обоснованным представляется тезис о том, что *охранительная функция органа конституционного контроля есть отражение глубинной природы европейской (кельзеновской) модели конституционного контроля в узком смысле этого слова* — как оценки (в рамках установленных процедур) законов, иных нормативных правовых актов, подпадающих под юрисдикцию конституционно-судебного органа, на их соответствие конституции. В этом плане в рамках охранительной функции, в частности, КС РФ обеспечивает, как это прямо закреплено в ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», защиту, во-первых, основ конституционного строя и, во-вторых, прав и свобод человека и гражданина. Оба эти направления деятельности являются, как подтверждается практикой Суда, одинаково важными, хотя, кстати, если их сопоставлять на основе количественных показателей рассмотренных дел, то можно сделать безусловный вывод, что преобладающую часть дел КС РФ составляют дела, характеризующие КС РФ как правозащитный орган: не менее 80 % его решений напрямую связаны с защитой прав человека, при этом около 95 % всех дел сегодня рассматриваются в порядке конкретного нормоконтроля.

Вместе с тем успешное и последовательное обеспечение верховенства и прямого действия конституции (а именно это является целью конституционного судебного контроля) не может быть обеспечено в рамках только и исключительно охранительных направлений деятельности соответствующих органов. В условиях новых конституционных вызовов современной эпохи особую актуальность приобретает проблема гарантирования и гармонизации с помощью средств конституционного нормоконтроля *ценностей конституционной стабильности*, с одной стороны, и *ценностей развития, модернизации конституционно-правовых систем* — с другой. Теперь конституционные суды гораздо чаще, чем раньше, призваны преодолевать коллизии конституционных ценностей, выстраивать их приоритеты. При этом искомый баланс конституционных ценностей носит динамический, постоянно меняющийся характер.

Не менее важными с точки зрения необходимости усиления преобразовательных функций современно-

го конституционного правосудия являются активно развивающиеся *процессы взаимодействия и в определенной мере интеграционного взаимопроникновения национальных институтов конституционного контроля с международной, в особенности европейской конвенционной, юрисдикцией*. При этом процессы правовой интеграции объективно нуждаются в конституционных оценках, выработке механизмов преодоления неизбежных противоречий и конфликтов — на уровне как национальных государственно-правовых систем, так и международно-правовых юрисдикций. Главными сферами возникающего в связи с этим нормативно-правового интеграционного взаимодействия на европейском континенте становятся европейские институты международного публичного права, с одной стороны, и национальные институты конституционного права — с другой. Имеется в виду, что в современных условиях эти две отрасли — международное публичное и конституционное право — регулируют отношения, во многом сходные по своей природе и значительно совпадающие по сферам. Именно на этой основе становится возможным возникновение качественно нового транснационального правового явления, связанного с формированием *европейского конституционализма*. При этом важно учитывать, что европейский конституционализм не есть некий региональный «правоглобализм» в европейских масштабах. Это качественно новая философско-мировоззренческая, культурологическая категория, призванная отразить не столько наднациональную правовую универсализацию, сколько *национально-конституционную интеграцию* государственно-правовых систем Европы в режиме диалога культур на основе взаимообогащения при сохранении суверенитета правовых систем. Этому обстоятельству не противоречит и тот факт, что европейский конституционализм естественным образом (не только в силу глобальных для европейского правового пространства последствий, но и по самой своей природе, с учетом обретения новых качеств) выходит далеко за пределы простого (суммарного) сложения национальных конституционно-правовых систем. В этом плане он нуждается в неких универсальных, международно-правовых, доктринальных, нормативных и правоприменительных решениях.

Закономерным ответом на все эти сложные процессы развития современного конституционализма является постепенный отход в деятельности органов конституционного правосудия от традиционно используемых линейных методов конституционного контроля (простая дисквалификация проверяемых норм с точки зрения их текста) и усиление внимания к духу конституции, ценностям современного конституционализма в целом. Это предполагает использование более тонкого инструментария конституционного правосудия, который позволял бы защищать, поддерживать баланс признаваемых конституционных ценностей без операционного вторжения в нормативно-правовую ткань государственности, правовых институтов свободы и демократии.

4. Гармонизация буквы и духа Конституции в режиме диалога культур как условие обеспечения баланса конституционных ценностей

Сама по себе проблема гармонизации буквы и духа конституции имеет отнюдь не конъюнктурно-политическое значение, как это нередко представляется, и тем более не формально-юридическое, а широкое социокультурное значение. В основе соответствующих подходов лежит учет глубинных, существенных характеристик конституции как документа, призванного обеспечивать баланс власти и свободы в обществе и государстве. Учитывается, что конституция, *во-первых*, — порождение социальных противоречий данного общества; *во-вторых* — отражение и в какой-то мере позитивное закрепление, признание этих противоречий; *в-третьих*, она (конституция) воплощает юридический механизм преодоления, разрешения социальных противоречий, конфликтов и коллизий.

Эти глубинные по своей природе характеристики конституции коренятся не только в ее тексте, но прежде всего в духе конституции. Соответственно и развитие, преобразование конституции не может сводиться исключительно к изменению, корректировке самого по себе ее текста.

Что же касается духа Конституции, то его воплощением являются такие сакральные по своим нормативно-правовым характеристикам категории конституционного права, как конституционные принципы, конституционные основы (начала), конституционные ценности. Особое значение имеет в этом ряду категория ценностей¹. Она позволяет обнаружить («снять») в сфере конституционализма некий идеализированный слепок (модель) аксиологических конституционных и одновременно — культурологических начал, которые имеют наиболее абстрактное содержание, но вместе с тем наполнены предельно высоким уровнем концентрации нормативной (конституционно значимой) энергии, ориентированной как на законодателя, так и правоприменителя. Ценностный характер соответствующих категорий получает подтверждение в практике КС РФ, который активно задействует аксиологический потенциал Конституции для формирования своих правовых позиций.

Другая, не менее значимая разновидность аксиологических начал современного конституционализма связана с *генерированием конституционных ценностей* прежде всего как результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля. В этом случае конституционные ценности (в отличие от ценностей самой по себе Конституции) не имеют прямого текстуального конституционного оформления, не являются формальными, эксплицитными установлениями Основного закона; их конституционное признание и значение коренятся в глубинном содержании и системно-семантических взаимосвязях нормативных положений Конститу-

¹ Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6. С. 1–11.

ции. Соответственно их конституционная значимость в условиях отсутствия конкретной «прописки» в отдельных статьях и нормах Конституции наиболее глубоко проникает в сам дух Конституции, что требует тонкого герменевтического выявления и позитивного (категориально-понятийного) оформления этих ценностей в процессе конституционно-контрольной деятельности судебных органов (прежде всего на уровне актов официального толкования или истолкования Основного закона).

В практике КС РФ получил свое обоснование целый ряд формально не зафиксированных в Конституции РФ ценностей, оказывающих фундаментальное воздействие на соответствующие общественные отношения, включая справедливость и правовую определенность², устойчивость публичных правоотношений, стабильность условий хозяйствования, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов гражданско-правовых отношений³ и др.

В этом плане конституционные ценности как воплощение духа Конституции представляют собой, с одной стороны, инструментальное средство нормоконтрольной деятельности конституционных судов и, с другой, по крайней мере в определенной степени, — результат такой деятельности. Это становится возможным в силу как особого положения Конституционного Суда в системе разделения властей, так и вытекающих из этого особых характеристик его решений как источников права, позволяющих в том числе обеспечивать гармонизацию буквы и духа Конституции.

Во-первых, будучи, безусловно, органом судебной власти, в то же время КС РФ — *«больше, чем суд»*. Это проявляется, в частности, в том, что, будучи непосредственным и активным носителем судебной власти, КС РФ не может рассматриваться как квазисуд, но он является «квазиправотворческим» органом. По самой природе, существенным характеристикам и своим результатам деятельность КС РФ не исчерпывается правоприменением, а имеет значительно более сложный характер: конституционное правосудие в своих итогово-правовых характеристиках все более сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством.

Во-вторых, специфика «квазиправотворческой» деятельности КС РФ такова, что решения данного органа, обладая нормативно-доктринальной природой, имеют предметом (сферой) своего влияния и одновременно формой политико-правового бытия прежде всего *нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня* — общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных

² См.: Постановление КС РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

³ См., напр.: Постановление КС РФ от 27 апреля 2001 г. № 7-П // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2409; Постановление КС РФ от 10 апреля 2003 г. № 5-П // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1656; Постановление КС РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. 2). Ст. 3200; Определение КС РФ от 21 апреля 2005 г. № 191-О // ВКС РФ. 2005. № 6; Определение КС РФ от 8 февраля 2007 г. № 381-О-П // ВКС РФ. 2007. № 5.

явлений и т. п. На этой основе, в том числе в процессе конституционно-судебного генерирования конституционных ценностей, происходят своего рода *приращение и актуализация нормативного содержания соответствующих категорий как нормативных величин наиболее высокого, конституционного уровня*, а также *установление их сбалансированного взаимодействия*. Это особенно важно, если иметь в виду, что Конституционный Суд нередко сталкивается с ситуациями, когда возникают противоречия между представлениями о различных конституционных ценностях, да и сами конституционные ценности могут восприниматься как внутренне противоречивые; это означает, что задача преодоления противоречий и коллизий, обеспечения баланса может касаться не только буквы, но и духа Конституции. Достаточно отметить такие, нередко вступающие друг с другом в конфликт конституционные принципы и ценности, как, например, ценности правового государства, с одной стороны, и ценности социального государства — с другой.

Что же касается условий (предпосылок) гармонизации буквы и духа Конституции с помощью средств конституционного нормоконтроля, то в обобщенном плане это, во-первых, учет органом конституционного правосудия социокультурных факторов национального развития, что ярко проявилось, например, при решении КС РФ вопросов о конституционности создания и деятельности религиозных¹, региональных² политических партий; во-вторых, учет конкретно-исторических условий развития национальной государственности (без этого невозможной была бы, в частности, всесторонняя оценка на соответствие Конституции РФ института главы (руководителя) субъекта Российской Федерации на различных этапах его исторического развития³); в-третьих, учет как общепризнанных ценностей современного конституционализма, так и всей системы общепризнанных принципов и норм международного права, что напрямую вытекает из ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ и получает свою реализацию практически во всех решениях органа конституционного нормоконтроля.

5. Конституционное правосудие — генератор «живого» (судебного) конституционализма

Государственно-властная нормативно-доктринальная энергетика конституционного контроля проникает, активно воздействует практически на все компоненты современного конституционализма, все конституционно значимые сферы правового регулирования. Это и понятно: ведь «конституция, как указывается в Генеральном докладе XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.), без органа конституционного контроля, обладающего полномочиями констатировать противоречие обычных правовых актов конституции,

¹ См.: Постановление КС РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П // СЗ РФ. 2004. № 51. Ст. 5260.

² См.: Постановление КС РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П // СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

³ См.: Постановления КС РФ: от 18 января 1996 г. № 2-П // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409; от 21 декабря 2005 г. № 13-П // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336; от 24 декабря 2012 г. № 32-П // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 2). Ст. 8062.

есть *lex imperfecta*. Конституция становится *lex perfecta* только тогда, когда конституционный суд может признавать обычные законы противоречащими конституции... Только активная позиция конституционного суда обеспечивает реальную, а не предполагаемую имплементацию принципа верховенства конституции... Роль конституционного суда при обеспечении принципа верховенства конституции является основополагающей. Через конституционный контроль конституция как правовой акт превращается в «живое» право⁴ и — добавим — конституционализм превращается в «живой» конституционализм.

Практика конституционного правосудия объективирует как формально-юридическую природу, так и социальную сущность Конституции как правового акта высшей юридической силы и прямого действия. В этом плане как раз и становится возможным рассматривать образование органа конституционного контроля в качестве одной из важных предпосылок утверждения реального, «живого», а не декларативного конституционализма. Тем самым КС служит гарантом неразрывности фактической и юридической конституции, чем обеспечивается, в свою очередь, единство «должного» и «сущего» в конституционном пространстве.

При этом нельзя не признать, что конституционное правосудие как специальный судебный конституционно-контрольный институт и судебная власть вообще как кумулятивное воплощение нормоконтроля образуют один из основных атрибутивных признаков современного конституционализма, его несущую конструкцию, что придает Конституции и всей системе конституционализма необходимую степень устойчивости и динамизма. В условиях решающей роли органов конституционного правосудия для формирования и утверждения конституционных ценностей вполне можно говорить о становлении в современном мире такого явления, как *судебный конституционализм*⁵. Он может быть представлен как *особый политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и на этой основе — прямого действия «живой» конституции, безусловного судебного-правового гарантирования ее ценностей, осуществляемого на основе таких фундаментальных начал современного конституционализма, как баланс власти и свободы, сочетание частных и публичных интересов, обеспечение единства социокультурных и юридических, нормативно-правовых факторов в процессе конституционализации законодательства и всей системы правопорядка в демократическом правовом государстве*.

Судебный конституционализм способствует утверждению и поддержанию конституционного правопорядка

⁴ Генеральный доклад XIV Конгресса Конференции европейских конституционных судов (Вильнюс, 3–6 июня 2008 г.) // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван, 2008. Вып. 2–3. С. 110–111.

⁵ Подробнее см.: *Бондарь Н. С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. Идея судебного конституционализма получила определенную поддержку как в России, так и в других странах. См., напр.: *Бринцев В. Д.* Судовий конституціоналізм в Україні: доктрина і практика формування : у 2 кн. Харків : Право, 2013. Кн. I.

как высшего юридического выражения правовой социальной демократической государственности, что обеспечивается путем придания ей качества фактической (практико-прикладной) ценности, проникающей как в публично-властную деятельность, так и в процессы реализации прав и свобод человека и гражданина, во всю систему конституционного правоупотребления. Конституционный контроль выступает сущностной чертой судебного конституционализма, а учреждение и функционирование института конституционно-судебного контроля преобразует конституционализм, переводит его на качественно новый уровень практической реальности.

Именно образование Конституционного Суда — как своего рода материально-организационного, специально-целевого воплощения конституционализма — является решающим шагом на пути формирования качественно нового состояния конституционализма — судебного конституционализма. Исходя из этого для понимания судебного конституционализма и соответствующей роли конституционного правосудия в его становлении и развитии важно учитывать по крайней мере несколько моментов: во-первых, решения Конституционного Суда являются нормативно-правовой основой формирования судебного конституционализма и соответственно всей системы современного конституционализма в целом; во-вторых, конституционное правосудие и его решения — один из важных источников развития современной конституционной доктрины, модернизации государственности (доктринально-теоретический компонент судебного конституционализма); в-третьих, Конституционный Суд — генератор конституционной идеологии, творец новой конституционной культуры, конституционного мировоззрения личности и общества (идеологический компонент судебного конституционализма); наконец, в-четвертых, судебный конституционализм есть материализация конституционно-судебной практики, реального воплощения в жизнь культурологических требований и юридического верховенства Конституции, материализация конституционных ценностей в обществе и государстве (онтологический компонент судебного конституционализма).

Корни судебного конституционализма проистекают, таким образом, из сущностных характеристик Конституции, с одной стороны, и конституционного назначения судебной власти, в особенности конституционного правосудия, — с другой. Необходимость участия судебной власти в решении конституционно значимых вопросов имеет объективный характер; в общем виде она обусловлена уже самим по себе признанием судебной власти в качестве одной из основ конституционного строя, которая призвана обеспечивать верховенство и прямое действие Конституции, что подтверждается как национальной, так и зарубежной практикой.

Генерирование «живого» (судебного) конституционализма обеспечивается с помощью различных способов конституционно-судебного контроля в рамках определенных Конституцией полномочий КС РФ.

Это, во-первых, толкование норм Конституции как форма ее преобразования без изменения текста. Речь

идет как об *официальном*, так и *казуальном*, связанном с разрешением конкретных споров, толковании, чем обеспечивается не только государственно-правовая (конституционная) оценка соответствующих сфер социальной действительности, но и развитие содержания конституционных норм без изменения текста соответствующих статей Конституции и одновременно дополнительные конституционные импульсы обоснования отраслевого законодательства, конкретизирующего нормы и институты Конституции.

Во-вторых, разрешение конституционно-правовых споров, итогом результатом чего является уяснение и истолкование прямых и обратных связей между положениями Конституции и текущим законодательством, их синхронизация в соответствии с требованиями иерархичности правовой системы, с одной стороны, и обогащение, наращивание нормативного потенциала конституционных принципов и норм — с другой.

В-третьих, конституционное истолкование правовых норм отраслевого законодательства. Деятельность Конституционного Суда, связанная с осуществлением конституционного истолкования законодательных положений, является специфической формой квазиправотворческой деятельности — и не только как «негативного законодателя».

В-четвертых, выработка органом конституционного контроля рекомендаций законодателю по совершенствованию правового регулирования, что вытекает из самой природы, особенностей юридической силы таких рекомендаций. Выработанные на основе разрешения конкретных дел, эти рекомендации, не имея непосредственно обязывающего значения для нормотворческих органов, ориентируют их на последовательную и систематическую реализацию конституционных принципов и норм в законотворческой деятельности. Следовательно, непринятие во внимание, а тем более игнорирование законодателем соответствующих рекомендаций может привести к противоречивости и несогласованности законодательства в его сопоставлении с Конституцией РФ и тем самым создать угрозу нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, публичных интересов и ценностей.

В-пятых, корректировка духа закона (но не буквы) обеспечивается Конституционным Судом также путем корректирования, «рихтовки» правоприменительной практики — в целях обеспечения ее единообразия и недопущения нарушения конституционного требования равенства всех перед законом. Попутно будет отмечено: конституционная «рихтовка» правоприменения — имманентно присущее конституционному правосудию свойство, что вытекает из самого понятия «рихтовка», этимологическое происхождение которого — от немецкого «Richter» (судья).

В результате реализации соответствующих подходов Конституционным Судом обеспечивается последовательная гармонизация буквы и духа Конституции, приведение ее формально-юридического нормативного содержания независимо от времени и политических условий ее принятия в соответствие с реальными отношениями политического властвования, социально-культурными характеристиками

общества и государства. Тем самым охрана Конституции, ее стабильность поддерживаются в органическом сочетании с динамизмом конституционной системы, что является подтверждением активной социокультур-

ной роли конституционного правосудия как генератора «живого» (судебного) конституционализма, условием и важной предпосылкой формирования которого является диалог правовых культур.

А. Е. Бусыгин¹

КУЛЬТУРА КАК СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

Довольно давно мой старый друг и коллега В. К. Егоров издал книгу «История есть смена поколений» (М.: Молодая гвардия, 1986) и защитил на эту тему докторскую диссертацию. Культура тоже развивается от поколения к поколению и представляет собой смену поколений. Более того, исторические события прошлого проходят, а культура ушедших поколений живет в традициях, верованиях, произведениях литературы и искусства, в архитектуре. Каждое время порождает новые литературные произведения. И их читают, чередуя с чтением классики. Рядом со зданиями, построенными много лет назад, возводятся новые: в городах с усадебными постройками соседствуют доходные дома начала XX века, здесь же здания сталинского ампира, и тут же появляются торговые и офисные центры ультрасовременного вида. И горожанин ежедневно видит это разнообразие стилей.

Стили разных эпох могут гармонично сосуществовать даже в пределах одного архитектурного ансамбля. Например, во дворце Юсуповых в Архангельском под Москвой (ныне это музей-усадьба «Архангельское») гармонично сосуществуют барокко, классицизм и ампиры. В картинных галереях посетители из залов живописи XV века переходят в зал французских импрессионистов, а затем в залы современной живописи. И впечатления наслаиваются одно на другое. Вы идете на концерт, в первом отделении которого исполняется одна из симфоний Бетховена, а во втором — произведения Шенберга и Софьи Губайдуллиной. Впечатлений, как говорится, масса. Идет постоянный диалог культур прошлого и настоящего. Даже не диалог, а разговор, в котором участвует много собеседников и каждый из участников представляет определенный исторический период.

Автор предлагаемого доклада не претендует на раскрытие заявленной темы, он претендует лишь на постановку проблемы, которая, как представляется, заслуживает внимания.

Об исторических событиях свидетельствуют не только документы, хранящиеся в архивах, и воспоминания современников. Они запечатлены в произведениях искусства разных времен. Причем интерпретации событий и оценка исторических личностей быва-

¹ Директор Государственного музея-усадьбы «Архангельское», первый заместитель министра культуры РФ (2008–2013), доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса. Автор монографий и статей по проблемам экономической теории, экономическим проблемам федерализма, серии статей по вопросам государственной службы, государственной политики в сфере культуры, книги «О роли культуры в развитии современного российского общества» и др. Награжден орденом Почета, Почетной грамотой Президента РФ, орденом Звезды Италии степени командора.

ют столь различны! Образ Столыпина в интерпретации историков советского периода ничего, кроме омерзения, не вызывал, а в конце 2012 года возле Дома правительства в Москве был открыт памятник Столыпину, причем в церемонии открытия приняли участие президент и председатель правительства, что свидетельствует о радикальной переоценке роли Столыпина в истории России на современном этапе.

Вопрос оценки исторических событий и ролей, которые играли в них известные деятели, имеет прямое отношение к рассматриваемой нами теме. Оценка событий и персонажей прошлых времен — это важная составная часть культурного багажа поколений. В современной России диалоги на эту тему зачастую носят конфликтный характер: выносить ли Ленина из мавзолея? Романовы, которые более 300 лет были правящей Россией династией, — неустанные труженики на благо Отечества (и поэтому 400-летие дома Романовых надо праздновать на государственном уровне) или второстепенные персонажи на фоне выдающихся писателей, композиторов, ученых, прославивших Россию своими творениями и достижениями? Для подавляющего большинства советских людей немислимой казалась возможность издать биографии российских венценосцев в серии «Жизнь замечательных людей». Современной молодежи же это воспринимается как само собой разумеющееся. Более того, в этой же серии в последние годы изданы биографии Аракчеева, Столыпина и других исторических деятелей, деяния которых в советский период предавались анафеме.

Огромное влияние на то, как представители того или иного поколения в массе своей относятся к событиям прошлого, оказывают школьные учебники. За последние 100 лет в России чуть ли не каждое новое поколение обучалось по учебникам, в которых трактовка исторических событий радикально менялась. Приведем лишь несколько примеров. В 1915 году вышел в свет учебник «Русская история (курс младших классов)». Автор учебника — приват-доцент Петроградского университета, впоследствии профессор, академик Академии наук СССР А. Е. Пресняков. Во Введении он объясняет, о чем рассказывает курс отечественной истории: «История русского народа повествует о прошлых переменах в быту наших предков, которые в течение многих веков трудились над созданием и устройством нашей Родины». И далее: «Нам нужно знать историю родного народа, чтобы лучше понимать нашу нынешнюю русскую жизнь, чтобы помнить, как много положено труда и жертв на создание нашей Родины прежними поколениями русских людей, и с честью продолжать их работу над улучшением всего нашего быта».

в борьбе с людской нуждой, со всякой неправдой и несправедливостью в нас самих и между людьми».

Когда Ленин в 1922 году поставил вопрос о создании марксистских учебников для школы по общественным наукам, он говорил о том, что молодое поколение учиться общественным наукам «на старом буржуазном хламе». Был объявлен конкурс на создание учебников по истории. В 1923 году вышел «Учебник истории» Е. К. Замысловской (М. ; Пг. : Госиздат, 1923) для школ первой ступени. По сравнению с изданием Преснякова в этом учебнике поставлены несколько иные акценты. В частности, если последний ничего не говорил о Степане Разине, Емельяне Пугачеве и декабристах, то Замысловская рассказывает о них подробно. С другой стороны, если Пресняков счел важным рассказать о Дмитрие Донском и Куликовской битве, о гражданине Минине и князе Пожарском, то Замысловская о них и не вспоминает. Интересно, что у Замысловской ни слова не сказано о Крымской войне, в то время как Пресняков в своем учебнике посвятил этому историческому событию отдельную главу, в которой оборону Севастополя назвал одной из самых славных страниц в русской военной истории.

Поскольку стояла задача воспитать у школьников ненависть к эксплуататорам, в учебнике Замысловской в духе времени говорится о народном ополчении 1812 года: «Помещики-дворяне взялись составить ополчение для подкрепления регулярной армии и уже тут, конечно, сведены были счеты со всеми теми из крепостных, кто не угодил барину или приказчику-управляющему. Отправляли в ополчение и всех убогих, которых помещику невыгодно было кормить, как плохих работников, и все это под видом патриотического подвига». Да, акценты в учебнике 1923 года иные по сравнению с учебником 1915-го, но в чем-то они близки — созданы-то они людьми одного поколения, хотя в соответствии с разным «социальным заказом». Но задача изучения истории авторами понимается практически одинаково. В «Указаниях для учителя» автор учебника 1923 года пишет, что прежде всего «следует приохотить детей к изучению истории, приучить их к мысли, что история, даже приспособленная к детскому пониманию, вовсе не есть собрание случайных, отрывочных фактов, это есть стремление восстановить картину прошлого по тем обломкам его, которые до нас дошли». Можно в детях воспитать, продолжает автор, «сознательно бережное отношение к памятникам старины, даже к рисункам, воспроизводящим эти памятники. Говоря о раскопках, необходимо внедрить в детское сознание, что всякий, раскапывающий старый курган для собственной забавы или из корыстных целей, совершает тяжкое преступление перед всем народом, так как всякая сохранившаяся старина есть народное достояние». Как актуально это звучит сегодня, спустя почти 90 лет после написания этих строк!

В учебниках, появившихся позже, тема классовой борьбы выходит на первое место и затмевает собой все прочее. Вершиной процесса совершенствования учебников по истории с целью усиления темы революционной борьбы трудящихся против эксплуататоров явился «Краткий курс истории СССР» под редакцией профес-

сора А. В. Шестакова, изданный в 1938 году. Не исключено, что сам И. В. Сталин принял участие в работе над изданием. В этом учебнике об угнетении трудового народа говорится чуть ли не на каждой странице. В разделе о становлении государства: «Небольшая кучка богатых стала жить за счет огромного большинства трудящихся». В следующей главе: «В IX веке князья и бояре очень усилили угнетение народа». Показательны названия разделов: «Россия XVIII века — империя помещиков и купцов», «Царская Россия — жандарм Европы». Задача учебника проста — возбудить классовую ненависть к угнетателям. Сегодня смешно читать, например, такое: «Во время восстания Разина, как и во время восстания Болотникова, у крестьян не хватало такого надежного союзника, как организованный рабочий класс». Какие разные учебники формировали историческое сознание следующих друг за другом поколений!

В современный период времени, вернее сказать, примерно последние 100 лет люди каждого нового поколения являются людьми «иной культуры». Это верно для подавляющего числа существующих ныне стран. Первый фактор, меняющий культуру поколений, — это научно-технические достижения, носящие революционный характер. Об этом говорили уже несколько десятилетий назад, когда тема научно-технической революции была в центре внимания и технарей, и гуманитариев. Тогда уделяли внимание тем переменам, которые грядут, говорили о тенденциях и первых их проявлениях. К сегодняшнему дню научно-технические достижения сформировали целостную культуру нового поколения.

Люди старших возрастов наверняка помнят, как сравнительно недавно перед праздниками 1 мая и 7 ноября в НИИ, вузах, заводоуправлениях и других учреждениях все пишущие машинки сносились в комнаты, которые занимал так называемый Первый отдел, и двери этой комнаты опечатывались. Эта затея кагэбэшников должна была предотвратить возможность печатания подстрекательских материалов антисоветскими элементами в пустующих в праздничные дни кабинетах. Это стало привычным и воспринималось подавляющим большинством советских людей как само собой разумеющееся. Это была советская культура поведения, которая новому поколению кажется дикой. Да, сегодня, в эпоху Интернета и мобильной телефонной связи, невозможно какое-либо ограничение распространения информации. Думается, что советский строй с его нелепыми ограничениями рухнул во многом и потому, что «железный занавес» уже не мог разделять единое информационное пространство в новую эпоху. Последняя такая попытка разделить единое информационное пространство в мире была снята недавно: Мьянма (Бирма) отказалась от многолетней практики недопущения в страну иностранцев с мобильными телефонами (раньше эти средства связи надо было сдавать на хранение в аэропорту на время пребывания в стране).

Новая информационная эпоха оказывает огромное влияние на язык общения. Следует признать, что все больше англоязычных слов используется в русском

языке именно в связи с широким распространением информационных технологий. Причем имеется в виду не только появление слов, аналогов которым в русском языке нет (интерфейс, файл, «Фейсбук» и др.), но и использование английских слов вместо русских глаголов. Нередко приходится слышать, например, такие фразы: «Зафайль мне этот материал» или «Отпринтуй эту статью» и т. п. Появляется новый сленг, на котором разговаривают все больше и больше людей.

Русский язык действительно находится в состоянии «нервного срыва». Уровень грамотности (с точки зрения правописания русских слов и стиля) в молодежной среде снижается. Прежде молодой человек, находясь на срочной военной службе, хотя бы раз в неделю писал письма домой, друзьям, подругам. И благодаря этому развивал свою грамотность или хотя бы поддерживал ее. А ныне? Зачем писать письма, если у каждого есть мобильный телефон? Практика же общения посредством СМС никак не способствует поддержанию уровня грамотности, наоборот, как бы поощряет ее снижение. В этих условиях следует значительно увеличить число учебных часов, уделяемых изучению литературы в средней школе. Об этом много говорится, но пока ничего не делается. А делать нужно срочно, иначе будет поздно. Да и подходы к изучению русского языка и литературы в школе надо менять.

Недавно был создан список из 100 отечественных фильмов, рекомендуемых школьникам для просмотра. Это хорошая инициатива, так как наряду с литературной классикой появилась отечественная киноклассика, с которой желательно знакомить новые поколения. Судя по этому списку, большинство киношедевров было создано в 1960-е годы, на втором месте — 1970-е, на третьем — 1980-е, а из снятых в 1990-е годы фильмов составители списка сочли возможным включить только один фильм — «Утомленные солнцем» Н. С. Михалкова (1994). Все фильмы, что сняты позже, видимо, не дотягивают до критериев, которые взяты за основу отбора фильмов.

Остается вопрос: будут ли эти фильмы интересны молодым людям? Киноязык так же меняется, как и язык общения. Статичные кадры фильмов Эйзенштейна разительно отличаются от динамичных кадров современных фильмов. Можно провести аналогию: различие поэтического языка Ломоносова и языка Пушкина или большинства современных поэтов. Детей надо приобщать к киноклассике так же, как их знакомят с классикой литературной. В отечественном кино советского периода все персонажи разговаривали на хорошем русском языке (хотя многие и курили при этом). Поэтому надо и еще раз надо рекомендовать детям отечественное кино!

Кстати, вспоминается А. С. Пушкин: «...Критик строгий / Повелевает сбросить нам / Элегии венки убогий, / И нашей братье рифмачам / Кричит: "Да перестаньте плакать, / И все одно и то же квакать..." / "Пишите оды, господа, / Как их писали в мощные годы, / Как было встарь заведено..." / "Но все в элегии ничтожно; / Пустая цель ее жалка; / Меж тем цель оды высока / И благородна..." Тут бы можно / Поспорить нам, но я молчу: / Два века ссорить не хочу». Вот именно: нуж-

но ли противопоставление веков? И надо ли настаивать на том, что все следует делать так, как «было встарь заведено»? Пример из недавнего прошлого: борьба «с формализмом» в советской музыке в 1940-е годы, когда руководители государства учили великих композиторов, какую музыку надо писать? Сегодня это воспринимается как анекдот. Но для прошлого поколения это была трагедия! Это искалеченные судьбы, это травля, это урон культуре! В связи с этим возникает еще один вопрос: надо ли искусственно поддерживать то, что устарело, что соответствовало другому веку, другой культуре? Например, следует признать, что так называемые «толстые» журналы умирают и уже умерли бы окончательно, если бы не поддержка, которую им оказывает государство.

Для целого поколения наших соотечественников «Новый мир», «Современник», «Юность», «Москва», «Дружба народов» и другие «толстые» журналы были частью жизни, «пищей духовной», их содержание обсуждали, с нетерпением ждали новых выпусков, в библиотеках на них была очередь. Они издавались миллионными тиражами. Но культура «толстых» литературных журналов ушла в прошлое. И не потому, что новое поколение не интересуется литературными новинками, а прежде всего по причине того, что издательский цикл резко сократился и на издание новой книги ныне требуется не несколько месяцев, а несколько дней; сегодня есть Интернет, электронная книга. И как бы ни было жаль «толстые» журналы, но они есть не что иное, как «уходящая натура». Помните, как пишет А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» о Ленском: «Поклонник славы и свободы, / В волненьи бурных дум своих, / Владимир и писал бы оды, / Да Ольга не читала их». Так и в этом случае: тиражи «толстых» журналов падают, так как новое поколение их не читает. Но для старшего поколения это огромная ценность, это воспоминание о лучших годах, о том впечатлении, которое произвели «Один день Ивана Денисовича», напечатанный в «Новом мире», и «Мастер и Маргарита» — в журнале «Москва».

Кроме научно-технических сдвигов на культуру поколений большое влияние оказывают социально-политические факторы. Это утверждение в целом бесспорно. Здесь важны нюансы, тонкости, частности, из совокупности которых и складывается культурная доминанта поколений. Лишь один маленький и частный пример: В. И. Немирович-Данченко был человеком, сформировавшимся в дореволюционной России, носителем старой культуры. И вот в 1920-е годы он пишет письмо в вышестоящую инстанцию, одному из ее руководителей, и привычно завершает послание словами: «Всегда готовый к услугам», но, перечитав письмо, зачеркивает эти слова и вместо них ставит: «С товарищеским приветом». Он таким образом «вписывает» себя в контекст новой культуры отношений, которая превалирует в новом обществе.

Есть случаи, при которых человек, достигший преклонного возраста, может как бы со стороны взглянуть на себя молодого как носителя культуры предшествующего поколения, подвергнуть ее анализу и произвести сравнение с существующим положением в этой

области. Одним из ярчайших примеров такого «взгляда со стороны» является книга Д. Гранина «Мой лейтенант». Это поразительный анализ поведения, чувств человека другого поколения, жившего в иных, нежели сегодня, «предлагаемых обстоятельствах». Д. Гранин пишет о себе самом — о молодом человеке, каким он был 70 лет назад. Читатель знакомится с личностью человека в развитии, с изменениями его внутренней культуры, взглядов на жизнь, отношений к ней и к людям, его окружающим.

Далеко не всем дано посмотреть отстраненным взглядом на себя молодого со стороны как на «типичного представителя» другого поколения. Но если есть дар такого взгляда, появляется поразительное по сво-

ей силе произведение, стоящее многих научных работ на тему преемственности поколений и их различий.

Тема «Культура и смена поколений» представляется интересной для исследователей с философской, социологической и культурологической точки зрения. Смена культурных доминант в обществе не происходит вместе со сменой каждого из поколений. Но иногда такие смены происходят часто и бывают весьма глубокими. Общество заинтересовано в том, чтобы не было «потерянных поколений», «лишних людей», и поэтому данная тема должна изучаться, и на основе такого изучения следует разрабатывать рекомендации по обучению подрастающего поколения и работе учреждений культуры.

**Шломо Вебер¹,
Виктор Гинзбург²**

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА

Если ты говоришь с человеком на языке,
который он понимает, — обращаешься к разуму.
Если ты говоришь с человеком на его родном языке —
обращаешься к сердцу.

Приписывается Н. Манделе

Моя родина — это мой родной язык.

Фернандо Пессоа, португальский писатель

Я слишком стар, чтоб мне ласкаться к няньке;
Я слишком зрел, чтоб стать учеником.
Что приговор твой как не смерть немая?
Речь отнята у языка родная.

(пер. А. И. Куршовой)

Горе сорокалетнего Моубрея настолько велико, что вскоре после приезда в Венецию он умирает.

Кенийский писатель Нгуги ва Тхионго, почетный профессор английского языка и сравнительного литературоведения Университета штата Калифорния, объясняет в своей книге «Освобождение от колониального мышления» (1986), почему язык — это неотъемлемая составляющая культуры и самоидентификации: «Самое страшное оружие, которым ежедневно и беспредельно пользуется империализм в борьбе с самосознанием народа, — это уничтожение культуры. В результате люди утрачивают веру в свои имена, в свой язык, в свою культурную среду, в то наследие, за которое они боролись, в свою общность, в свои возможности и в конце концов в самих себя... Они начинают идентифицировать себя с тем, что им абсолютно чуждо, например с чужим языком, забывая свой родной. Африканские страны, которые были колониями и остаются неокониями, теперь различаются (и сами себя определяют) в соответствии с определенным европейским языком: англоговорящие, франкоговорящие, португалоговорящие африканские страны».

Вскоре после этого заявления Нгуги ва Тхионго перестал писать по-английски. Пьесы, романы и короткие рассказы он теперь пишет на кикуйю и суахили — тех языках, на которых говорят в его родной Кении.

Языки

Люди далеко не безразличны к тем языкам, на которых они говорят. И их весьма беспокоит, когда у них отнимают это право. Убедительный пример такого отношения встречается в пьесе гениального Уильяма Шекспира «Ричард II». Томас Моубрей, изгнанный королем Ричардом в Венецию, жалеет не о потере земель, богатства или положения в обществе. Больше всего его огорчает невозможность говорить на родном языке, находясь в изгнании.

Суровый приговор, мой государь <...>
Я заслужил из рук державных ваших.
Ту речь, которой сорок лет учился, —
Родную речь, — оставить должен я.
Мне с этих пор от языка нет пользы <...>

¹ Профессор экономики Южного методистского университета (Даллас, США). Автор более 100 научных публикаций по экономике и политологии, экономической теории, экономике общественного сектора, политической экономике, в т. ч. монографии «Economics of Linguistic Diversity». Руководил кафедрой экономики и Центром экономических исследований им. Джонсона в Южном методистском университете (1994–2004), являлся академическим директором-организатором Международной экономической школы (Тбилиси, Грузия, 2007–2008).

² Профессор экономики Европейского центра перспективных экономических исследований при Брюссельском свободном университете, заведующий кафедрой французского языка Льежского университета (Бельгия). Автор 185 научных публикаций, в т. ч.: «Сколько языков нам нужно: экономика лингвистического разнообразия» (в соавт.), «Структура прикладных моделей общего равновесия» (в соавт.), «Справочник по экономике искусства и культуры» (в соавт.), «Экономика и языки» (в соавт.), «Мнение и награда эксперта: свидетельства музыкальной конкуренции» (в соавт.), «Отсутствие покупателей на торгах и аномалия понижения цен», «Принцип минимальной дифференциации продукции в условиях значительной гетерогенности» (в соавт.) и др.

Но подобные печальные размышления и сетования типичны для жителей всех континентов, будь то Северная или Латинская Америка, Австралия, Азия. Даже Европа переходит на единый язык, так называемый «ломаный английский».

История Томаса Моубрея и трагедия уничтожения языкового разнообразия в Африке — звенья одной цепи. Дэвид Лейтин, американский ученый-политолог из Стэнфордского университета, назвал африканский континент «основной жертвой гнева Божия, ниспосланного на тех, кто строил Вавилонскую башню» (1994). Другим примером является затяжная война в Шри-Ланке, основной причиной которой стала языковая политика сингалезского большинства. В постколониальный период они значительно ограничили права тамильского меньшинства на использование родного языка. Языковая политика зачастую была направлена на изоляцию отдельных групп людей, чьи культурные, общественные и исторические ценности и верования тем самым оказывались под угрозой. Такая ситуация, когда права на использование языка ущемлены или игнорируются, получила название «языковое отчуждение».

Почему человек так трепетно относится к родному языку? Что заставляет современных лингвистов, таких, например, как француз Клод Ажеж, заявлять, что «языки — это знамена побежденных» или «борьба за французский язык — это борьба за разум»? Почему политолог Генри Бреттон говорит: «Очевидно, что страх лишиться коммуникативных привычек поднимает политические страсти на новый уровень»?

Мысль о том, что язык — нечто большее, чем просто средство общения, была впервые высказана в начале XIX века Вильгельмом фон Гумбольдтом (1836). Позднее она была поддержана и развита антропологом Францем Боасом (1940), лингвистами Эдвардом Сепиром (1949) и Бенджаминем Уорфом (1956). Мысль эта оформилась в так называемой гипотезе Сепира–Уорфа: язык и культура тесно взаимосвязаны, и структура языка, используемого в качестве родного, влияет на особенности мышления и поведение человека. Из этой же гипотезы следует предположение, высказанное в 1998 году К. Крамш. Несмотря на возможность перевода с одного языка на другой, «всегда непереуведенным будет оставаться некий не поддающийся измерению, но непереуводимый дух культуры, связанный с лингвистическими особенностями того или иного языка».

Языковое разнообразие и экономика

Большинство стран мира многоязычны (исключения составляют Северная Корея и Исландия). Действительно, альманах «Этнолог» за 2009 год фиксирует 6909 живых языков, на которых сегодня говорят в мире. Учитывая тот факт, что количество общностей, включающих нации, государственности и другие образования, составляет 271, вопрос языкового разнообразия актуален практически всюду. Необходимо также отметить, что, хотя большинство языков из почти 7 тыс. используется в отдаленных, изолированных от мира языковых коллективах, языковая неоднородность присуща не только странам третьего мира. Примером может служить Западная Европа, где вопреки сложив-

шейся традиции мононациональных государств большинство стран являются многоязычными. В Европе существует множество отдельных региональных языков, таких как валлийский в Великобритании, каталанский, баскский, галисийский в Испании, провансальский, бретонский и окситанский во Франции, фризский в Нидерландах. Особенно многоязычна Африка, например в Папуа Новой Гвинее 857 живых языков.

Чрезвычайно важной и насущной задачей является сохранение лингвистического разнообразия и уважение к культурному наследию всех членов общества. Однако, разрабатывая политику и принимая конкретные решения по сохранению разнообразия, необходимо учитывать два немаловажных фактора.

Разнообразие всегда обходится недешево. Поддержание высокого уровня разнородности общества требует существенных денежных затрат, это дорогостоящее мероприятие, так как необходимо создать образовательную среду, наладить взаимодействие и координацию между отдельными группами. Эти расходы, так же как и трудности, возникающие в процессе взаимодействия, негативно влияют на общество, становятся тяжелым бременем, затрудняющим работу различных организаций. Стоимость поддержания разнообразия в обществе не поддается точной оценке, тем не менее это существенные суммы и их нельзя игнорировать. Как пишет экономист из Гарвардского университета Мартин Витцман (1992): «Зачастую мы сталкиваемся со скрытым запретом на сохранение разнообразия. Разнообразие ценно для общества, но деньги оказываются важнее. К понятию “разнообразие” применимы законы экономики. Невозможно сохранить все, ибо это слишком дорого. Ресурсы наши ограничены, сохранение разнообразия зачастую возможно лишь за счет сокращения расходов на другие сферы жизни, что ухудшает благосостояние людей и приводит к утрате разнообразия где-то в другом месте системы».

Как бы не переборщить? Многие из нас не могут есть пищу без соли. Однако, увеличивая количество соли, мы рискуем сделать прежде безвкусную еду вовсе несъедобной. Количество соли должно быть оптимально, не много и не мало. А сколько ложек сахара мы кладем в чай или кофе по утрам? Кто-то вообще не кладет сахара, а русские любят положить в чай три-четыре ложки сахара и пить его, не вынимая ложку из чашки, а постоянно помешивая получившийся напиток. Опять же, оптимальное количество — между полным отсутствием сахара в чае и четырьмя ложками, и его надо найти. Некоторые любители искусства не любят черные картины, считая их скучными, однако, добавив в картину слишком много красок, мы не обязательно сделаем ее более привлекательной. Именно оптимальное количество соли разнообразит еду, делая ее более вкусной, оптимальное количество сахара делает приятным кофе, оптимальное количество цвета делает картину приятной глазу. Исследования неоднородных обществ показывают, что существует предел разнородности, гарантирующий устойчивое и стабильное состояние. Если перейти эту грань, то общество перестанет развиваться, потому что невозможно будет выработать такую политику, которая устраивала бы большинство

населения. В таком случае под угрозу ставятся сами основы существования общества. Соблазн осчастливить всех или сделать всех послушными очень велик, однако же развал таких империй, как Римская, Османская, Монгольская или империя Александра Македонского, — наглядный пример неспособности правителей удержать разнородные и зачастую удаленные части государства под одним началом. Можно также вспомнить СССР или Китай (ситуация с Тибетом). Расширение Европейского Союза за счет вступления в него Украины и Турции вызывает много сомнений, ясно одно — Евросоюз станет более разнородным, и искать компромиссные решения его членам станет еще труднее.

Недавние исследования в области экономики свидетельствуют о повышении интереса экономистов к влиянию языкового разнообразия на экономические проблемы, будь то гражданские войны или распределение доходов, инвестирование в производство товаров или экономический рост. Мауро (1995) указывает, что «этнолингвистическая раздробленность отрицательно сказывается на эффективности работы государственных учреждений, политической стабильности и коррупции». Алесина, Бакир и Истерли (1999) пишут, что в США обособленные общины убыточны экономически и мало тратят на образование. Аннетт (2001) заявляет, что этнолингвистическое дробление приводит к необходимости расширения государственного аппарата, что замедляет экономический рост. Десмет, Ортуно-Ортин и Вебер (2009) наглядно показывают, что излишняя раздробленность снижает уровень вторичного распределения благ и «солидарности» внутри страны. Истерли и Левин (1997) подробно описывают ситуацию в африканских странах, расположенных к югу от Сахары, сложившуюся в период с 1960 по 1990 год. Они называют те разрушительные последствия, которые принесли с собой экономический рост, образование, политическая стабильность и согласие по основным вопросам жизнеустройства, «трагедией Африки».

Стандартизация

Проблемы, связанные с лингвистическим разнообразием, привели многие общества к разобщению и соответственно к необходимости введения некоего стандарта. Понятие стандартизации взято из знаменитой теории рационализации Макса Вебера, изложенной в виде эссе в 1914 году и переведенной на английский язык в 1968 году. Стандартизация на государственном уровне предполагает единую валюту, единую судебную систему и единый язык, на котором осуществляется управление.

Способы введения единых стандартов отличаются в разных странах и в разные исторические эпохи. Самой страшной и кровавой оказалась политика так называемых «этнических чисток», которая, к сожалению, нередко использовалась. Менее радикальный и гораздо более щадящий способ стандартизации — введение единого языка повсеместно или введение языка межнационального общения наряду с родным языком. В дополнение к этой мере власти могут отменить образование на тех языках, которые они не одобряют. Например,

в 1539 году, когда король Франции Франциск I объявил о введении единого французского языка на всей территории страны, этот язык был родным только для 3 млн человек. Население Франции составляло тогда 28 млн, и почти все провинции были двуязычными. В 1972 году президент Франции Жорж Помпиду заявил, что «Франция избавилась от региональных языков, так как ей предстоит сыграть главную роль в Европе». В 1975 году был принят закон, предписывающий использовать французский язык при ведении торговли, в средствах массовой информации, в общественных местах. Согласно закону Тубона от 1994 года французский язык стал обязательным при общении с покупателями, устройстве на работу, проведении во Франции различных конгрессов, а также в системе образования. Однако необходимо отметить, что во Франции до сих пор существует семь языков, число носителей которых превышает полмиллиона человек. Это эльзасский, баскский, бретонский, итальянский, португальский, алжирский диалект арабского и берберский.

Другим примером может служить русификация территорий Российской империи. Подавив восстания поляков и литовцев в 1860-х годах и всерьез обеспокоившись возрастающим влиянием католической церкви и угрозой полонизации, правительство России объявило русский язык единым государственным языком. Польский и литовский языки потеряли свою значимость, они были запрещены сначала в государственных учреждениях, затем в школах и общественных местах. Михаил Муравьев, генерал-губернатор Литвы, заявлял, что «то, что не удалось русскому оружию, сделает русская школа». Всем предписывалось изучать русский язык, без знания которого преуспеть в жизни стало невозможно.

Стандартизация языка в Китае, предпринятая после революции 1911 года, была проведена по такой же схеме. Национальным языком был объявлен разговорный вариант китайского языка, основанный на мандаринском наречии. Через несколько лет стандартным произношением был признан вариант, принятый в Пекине. Затем последовала реформа 1958 года, предпринятая китайским правительством с целью упростить письменный вариант китайского языка и ввести «общепотребительный язык» — путунхуа. Однако подобная реформа, проведенная в Сингапуре с целью заставить местное языковое сообщество принять мандаринский диалект в качестве основного языка, не возымела должного эффекта. Согласно данным переписи населения 2002 года лишь 45 % китайских семей в Сингапуре используют мандаринский диалект китайского языка в бытовом общении, остальные же говорят на различных диалектах китайского и на английском. Этот интересный факт отмечен в исследовании Спольски (2004).

Попытка ввести единый государственный язык в Шри-Ланке (бывший Цейлон) привела к катастрофическим последствиям. Это яркий пример того, насколько болезненна тема выбора национального языка и к каким опасным последствиям может привести такой выбор. На Цейлоне в течение двух тысяч лет мирно сосуществовали две основные этнические и языковые общины: сингальское большинство, в основном

исповедующее буддизм, и тамильское меньшинство, большей частью исповедующее индуизм. При общей численности населения 21 млн человек они составляли 74 и 18 % соответственно. Остров получил независимость в 1948 году, после того как закончилось британское правление, продолжавшееся 250 лет. В северных районах, где жили преимущественно тамилы, сложилась превосходная система преподавания английского языка, что позволило тамильскому меньшинству занять намного больше мест как в сфере высшего образования, так и в государственном секторе. Подобные успехи образованных тамиллов, а также желание получить больше благ от государства привели к тому, что многие сингалыцы начали поддерживать движение «Sinhala Only» («только сингальский язык»). Это движение возглавляют буддистские монахи, которые утверждают, что не только сингальский язык, но и буддизм подвергается опасности, если подобная ситуация «паритета» между сингальским и тамильским языком сохранится. Высокоразвитая культура и богатая литературная традиция тамиллов также вызывает у сингалцев страх оказаться на вторых ролях. В 1956 году был принят закон о статусе сингальского языка как единственного государственного, который лидеры тамиллов расценили как своего рода апартеид. Массовые акции протеста переросли в полномасштабную войну, унесшую за 26 лет десятки тысяч человеческих жизней.

Стандартизация языка не всегда заключается во введении единого языка, иногда она лишь ограничивает число языков, используемых в государственном секторе, судебной или образовательной системе. Примером такой языковой политики может служить так называемая формула трех языков, принятая в Индии примерно 50 лет назад. Ее целью было сбалансировать вопросы управления, экономического благосостояния, национального самосознания в стране, где проживает огромное число языковых общин. Инициаторами введения «формулы трех языков» на национальном уровне стали южные штаты Индии. В этих штатах проживают в основном тамилы, которые не говорят на хинди. Использование хинди в качестве основного языка государственных учреждений ущемляет их права, так как им приходится изучать и английский язык, и язык хинди, в то время как те, для кого хинди является родным, изучают только английский. «Формула трех языков» используется во всех штатах Индии с небольшими вариациями. Согласно этой формуле дети в штатах, где основным языком является хинди, изучают три языка: хинди, английский и еще один из южных диалектов, а дети в штатах, где хинди не является родным, изучают хинди, английский и свой родной язык. «Формула трех языков» представляет собой пример продуманного и взвешенного подхода к вопросам национальной идентичности, сохранения родных языков (посредством высокого уровня преподавания местных языков), национальной гордости и единства нации (посредством повсеместного преподавания хинди), эффективности государственных учреждений и технологического прогресса (посредством усвоения английского языка). Однако результаты введения этой формулы не вполне оправдались. Недостаточное финансирование,

нехватка учителей, слабая поддержка со стороны местных властей, нежелание учащихся и их семей изучать языки, на которых говорят в других регионах, не позволили достичь ожидаемых успехов. В регионах, говорящих на хинди, изучению английского языка не уделялось достаточно внимания, не говоря уже про третий язык. В тех штатах, где проживают тамилы, изучаются английский и тамильский, а хинди практически игнорируется.

«Формула трех языков» была принята и в Нигерии, наиболее густонаселенной стране Африки. На территории Нигерии проживает 141 млн человек, они говорят на 527 языках и составляют 250 этнических групп. Как и во многих других африканских странах, английский язык признан в Нигерии государственным, это язык учреждений и школ. «Формула трех языков» включает в себя язык хауса (север страны — 18,5 млн носителей), язык игбо (юго-восток страны — 18 млн носителей) и язык йоруба (юго-запад — 19 млн носителей). Эта формула разрабатывалась как средство объединения этой очень разрозненной страны, однако, как и в Индии, ее применение было осложнено отсутствием квалифицированных учителей и сопротивлением языковых коллективов, не желавших изучать язык другой этнической группы.

Языковая стандартизация неизбежно ограничивает использование тех языков, которые не включены в перечень официальных языков, но это не самое страшное. Ограничивается доступ к информации, а те группы людей, чьи культурные, общественные и исторические ценности и убеждения не представлены на официальных языках, оказываются в изоляции. Создается ситуация языкового отчуждения (см. Гинзбург и Вебер, 2011).

Выводы

Стандартизация вызывает языковое отчуждение. Как сбалансировать последствия стандартизации и отчуждения? Сохранить единство разнородного общества — непростая задача. Англо-американский поэт У. Х. Оден заметил: «Цивилизации нужно оценивать по тому, какой уровень разнообразия достигнут и какой уровень единообразия остался». На стене храма Хигаши Хонганьи в Киото, древней столице Японии, можно увидеть две фразы: «Жить вместе в разнообразии. Учиться принимать различия». Это очень сложная задача, а вместе с тем это обязательное условие достижения успеха для любого общества. Глобализация будет продолжаться, основным языком глобализации останется английский язык, однако сохранение и поддержание «малых» языков и культур остается в центре внимания во многих странах мира. Любые вопросы и решения, связанные с языком, всегда вызывают эмоциональный отклик. Идентификация по языковому принципу — важный аспект, обуславливающий участие различных групп в экономической деятельности. Общество, нацеленное на устойчивое развитие и продвижение вперед, не может «оставлять за бортом» часть населения, ведь это не только несправедливо, но и неоправданно в экономическом плане. Холодный экономический расчет требует мобилизации всех ресурсов

для того, чтобы достичь успеха в мире, где так высока конкуренция.

Литература

1. *Alesina A.* Political jurisdictions in heterogeneous communities / A. Alesina, R. Baqir, C. Hoxby // *Journal of Political Economy*. — 2004. — № 112. — P. 349–396.
2. *Annett A.* Social fractionalization, political instability, and the size of the government / A. Annett // *IMF Staff Papers*. — 2001. — № 46 (3). — P. 561–592.
3. *Boas F.* Race, Language and Culture / F. Boas. — Chicago, IL : University of Chicago Press, 1940.
4. *Bretton H.* Political Science, Language, and Politics // *Language and Politics* / W. M. O’Barr, J. F. O’Barr (eds.). — The Hague : Mouton, 1976.
5. *Desmet K.* Linguistic diversity and redistribution / K. Desmet, I. Ortuño-Ortín, S. Weber // *Journal of the European Economic Association*. — 2009. — № 7. — P. 1291–1318.
6. *Ethnologue.* Languages of the World / ed. by M. P. Lewis. — Dallas, TX : SIL International, 2009.
7. *Easterly W.* Africa’s growth tragedy: policies and ethnic divisions, Quarterly / W. Easterly, R. Levine // *Journal of Economics*. — 1997. — № 112. — P. 1203–1250.
8. *Ginsburgh V.* How Many Languages Do We Need? The Economics of Linguistic Diversity / V. Ginsburgh, S. Weber. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2011.
9. *Hagege C.* Le souffle de la langue / C. Hagege. — P. : Odile Jacob, 2000.
10. *Humboldt W. von.* The Diversity of Human Language-Structure and its Influence on the Mental Development of Mankind / W. von Humboldt. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1988 [1836].
11. *Kramsch C.* Language and Culture / C. Kramsch. — Oxford : Oxford University Press, 1998.
12. *Laitin D.* The Tower of Babel as a coordination game: political linguistics in Ghana / D. Laitin // *American Political Science Review*. — 1994. — № 88. — P. 622–634.
13. *Thiong’o Ngugi wa.* Decolonizing the Mind. The Politics of Language in African Literature / Ngugi wa Thiong’o. — Oxford : James Currey, 1986.
14. *Sapir E.* Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture, and Personality / E. Sapir. — Berkeley, CA : University of California Press, 1949.
15. *Spolsky B.* Language Policy / B. Spolsky. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
16. *Weber M.* Economy and Society / M. Weber. — Berkeley, CA : University of California Press, 1968.
17. *Weitzman M.* On diversity / M. Weitzman // *Quarterly Journal of Economics*. — 1992. — № 7. — P. 363–405.
18. *Whorf B.* Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / B. Whorf. — Cambridge, MA : MIT Press, 1956.

Ежи Вятр¹

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

В ряде сравнительных исследований о политических изменениях в постсоциалистических государствах подчеркивается важная роль культурных факторов. Американский политолог Габриэль Алмонд определил американскую политическую культуру как «состоящую из когнитивной, аффективной и оценочной ориентаций на политические явления», создающую более или менее благоприятные условия для установления и консолидации демократии. Сэмюэль Хантингтон в своем исследовании, посвященном «третьей волне демократизации» (1991), показал важность культурных факторов для трансформации прежних диктаторских режимов в демократию.

Понятие правовой культуры, несмотря на его более ограниченное употребление, не менее важно для понимания того, каким образом действуют страны переходного периода, чтобы справиться с возникающими правовыми проблемами. Под правовой культурой я понимаю совокупность ценностей, образцов и моделей поведения в их отношении к действующему закону. Когда мы изучаем правовые системы, рассматривая их в культурном контексте, мы следуем традиции, начало которой положил профессор Санкт-Петербургского и Варшавского университетов Лев Петражицкий (1867–1931).

По прошествии более 20 лет после начала демократизации прежних коммунистических стран в Европе

¹ Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве (ректор — 2007–2013), доктор социологии, профессор, член Польского сейма (1991–2001), министр образования Польши (1996–1997). Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений». Удостоен ордена Возрождения Польши II степени.

четко обозначились наиважнейшие аспекты их правовой культуры. А именно: а) установление верховенства закона и отход от деспотического, крайне репрессивного режима, то есть отказ от так называемого «полицейского государства»; б) не всегда удачно проводимая политика по предупреждению и искоренению административной и политической коррупции и в) введение «ретроспективного применения законодательства» в отношении политических преступлений, совершенных при прежнем диктаторском режиме и не повлекших за собой наказания по политическим причинам. Систематический анализ жизни постсоциалистических стран помогает выявить существенные различия между конкретными государствами.

По сравнению с ситуацией, которая ранее наблюдалась даже в наиболее либеральных социалистических странах, нынешнее состояние закона и порядка представляется значительно более приемлемым. Деспотические полицейские репрессии, главным образом по политическим мотивам, остановлены или значительно сокращены практически во всех странах региона. Высшая мера наказания отменена в значительной степени под влиянием позиции Совета Европы. Права человека, которыми пользуются сегодняшние заключенные, защищены гораздо лучше, чем когда бы то ни было при прежнем коммунистическом правлении. Хотя прогресс во всех этих отношениях очевиден в большинстве постсоциалистических государств, однако даже наиболее успешные среди них до сих пор сталкиваются с серьезными проблемами, которые включают несовершенство отправления правосудия,

постоянную нехватку высококвалифицированных специалистов, очевидную неадекватность правовых норм, переполненность тюрем и ежедневно возникающие препятствия на пути эффективного применения норм права, но не ограничиваются ими. Все эти несовершенства порождают разочарование, наблюдающееся среди обширных гражданских сообществ. Во многих постсоциалистических государствах социологические опросы показывают, что граждане уповают на более эффективную и даже менее либеральную правоохранительную систему.

Наиболее важной проблемой для всех постсоциалистических государств является коррупция. В своем сопоставительном анализе Ричард Роуз показал, что подавляющее большинство респондентов считают нынешние постсоциалистические государства более коррумпированными, нежели их коммунистические предшественники (Journal of Democracy, 2001). Коррупция является следствием тех возможностей, которые создаются коллапсом контролируемой государством экономики, слабостью политических и правовых механизмов, а также толерантной позицией, которую занимают многие политические деятели. Различия между странами в этом плане указывают на то, что позиция политических лидеров по данному вопросу оказывает существенное влияние на ту степень, в которой коррупция поразила жизнь общества. Отношение общества к коррупции, зачастую терпимое, также является важным фактором.

Особый аспект правовой системы всех новых демократий — это применение так называемого законодательства, имеющего обратную силу (*ретроактивного законодательства*). Как демократическое государство должно поступать с теми, кто нарушал закон во время диктаторского правления? Данная проблема предполагает наличие трех основных аспектов.

Первое. Если те, кто виновен в нарушении законов, имевших силу в то время, могут быть привлечены к суду, они должны ответить за свои преступления, как это предусмотрено установленными законом правилами. Пытки или убийства заключенных являлись преступлениями против закона, существовавшего даже при коммунистической системе, за исключением периода сталинизма. В этих случаях наказание виновных не нарушает стандартного правила юриспруденции: *lex retro non agit* (лат. «закон обратной силы не имеет»). Однако течение времени создает практические проблемы на пути проведения справедливых судебных процессов. Свидетели мертвы, или же их память ослабела под воздействием времени. Документы утрачены или же намеренно уничтожены в последние дни коммунистического правления. Хотя в принципе

никто не возражает против данного аспекта ретроактивного законодательства, один путь решения этой проблемы — принятие законов, которые устанавливают срок исковой давности для политических преступлений, совершенных функционерами коммунистических режимов.

Второй аспект представляет наибольшие трудности: ответственность коммунистических политических деятелей за внедрение законов, которые ныне считаются недемократическими или даже преступными. В некоторых странах ведущие политики прежних режимов были привлечены к судебной ответственности за навязывание предельно репрессивных, даже чудовищных законов или за политические действия, приравненные к государственной измене. Судебные процессы над восточногерманскими политиками, привлеченными за установление правил, обязывающих убивать людей, нелегально пересекающих границу, являются наглядной иллюстрацией первого аспекта. Тогда как судебные процессы над некоторыми чешскими политиками за их предательское сотрудничество с навязанным советским режимом после интервенции 1968 года иллюстрируют второй аспект.

Третья форма ретроактивного законодательства — это попытка лишить всех лидеров бывших правящих коммунистических партий их политических прав. В ряде постсоциалистических государств предпринимались попытки ввести подобные законы под общим наименованием *декоммунизация*. В большинстве случаев это было отвергнуто демократически избранными парламентами на том основании, что подобные законы несовместимы с фундаментальными принципами демократии, а также с верховенством закона. Коллективная «декоммунизация» означала бы наказание в рамках надлежащей законной процедуры. Она также лишала бы граждан права свободного выбора тех, кто ими должен управлять. В ряде постсоциалистических государств (Венгрия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения) на президентских и/или парламентских выборах победили политики, которые в прошлом занимали ключевые посты при коммунистических режимах. «Декоммунизация» сделала бы невозможными такие свободные выборы.

Многие постсоциалистические государства ныне являются членами Европейского Союза. Членство в ЕС обязывает отрегулировать правовые системы и привести их в соответствие с правилами и традициями старейших демократий. Именно таким образом интеграция в европейское сообщество способствует развитию более совершенных правовых систем и более демократических правовых культур в ряде постсоциалистических государств.

Г. А. Гаджиев¹

РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Понятие «государственность» выражает потребность в процессе философско-правовой рефлексии выйти за пределы чисто юридического, кельзеновского понимания природы государства. При таком подходе к государству, который характерен для русской философии права, оно рассматривается в исторической перспективе как законный наследник иных государств, их государственных традиций. Если характеризовать научные методы, с помощью которых обосновывается русская государственность, то можно утверждать, что тут преобладает некий синкретический подход, не чуждый интуиции и даже мистики.

Ясно, что это противоположность аутопойетической теории, когда право, государство рассматриваются как создающие самих себя².

Основа для такого «наследственного» подхода имеется. Русская государственность — это форма политической организации одного из самых многочисленных народов на земле, и ее история, имея в виду принцип континуитета, — «длиннейшая в европейской истории государственности»³.

Русская государственность объективно существует как часть бытия, поэтому, отражая ее, сложилась специфическая русская модель философии государства, созданная К. Кавелиным, Б. Чичериным, Вл. Соловьевым, Н. Бердяевым, В. В. Библихиным и многими другими.

В. В. Библихин был убежден, что как характер человека, так и черты государства более стабильны, чем это может показаться, причем на протяжении веков⁴.

Так, В. В. Библихин кратко формулирует в русской государственности то, что мы считаем принципом континуитета. Вслед за английским историком Арнольдом Тойнби В. В. Библихин убежден, что многие черты российской государственности унаследовала от Византии. А. Тойнби писал о том, что это только кажется, что советская власть распрощалась с прошлым. Не так-то просто отрешиться от собственного наследия. «Когда мы пытаемся отбросить прошлое, оно исподволь возвращается к нам в завуалированной форме», — писал Гораций. А Расул Гамзатов говорил, что если вы-

стрелить в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки.

Россия вестернизировалась при Петре, при Ленине и в 1990-е годы, но не приблизилась к западной цивилизации, а осталась тем, чем была почти тысячу лет, и принадлежит к совершенно другой цивилизации, византийской. Вестернизация проходит не для того, чтобы слиться с Западом, а, наоборот, чтобы обособиться от него⁵.

По словам А. Тойнби, «после захвата Константинополя турками в 1453 году и исчезновения последних остатков Восточной Римской империи Московское княжество, которое к тому времени стало оплотом борьбы русского православного христианства и против мусульман, и против католиков, застенчиво и без лишнего шума приняло на себя византийское наследие»⁶.

Последний шаг к захвату всего византийского наследия, как пишет В. В. Библихин, был сделан, когда старец псковского Трехсвятительского скита Елизарова монастыря в послании к великому князю написал: «Церковь Древнего Рима пала из-за своей ереси; врата Второго Рима — Константинополя — были изрублены топорами неверных турок; но церковь Московии — Нового Рима — блистает ярче, чем Солнце во всей Вселенной... Два Рима пали, но Третий стоит крепко, а четвертому не бывать».

При Иване III, в его долгое и успешное правление с 1462 по 1505 год, идеология Московского государства как Третьего Рима означала одновременно принятие наследия византийской государственности и размежевание с греховным Римом, с Западом, который впал в ересь, исказив Символ Веры, включив туда неканоническое *filioque*. Спустя 200 лет, «прорубая окно в Европу», Петр I говорил: «Мы возьмем от них все, что надо, а потом повернемся к ним (к Западу. — Г. Г.) задом». Предлагая вместо революционной войны мир с Западом, Ленин, спустя еще 200 лет, говорил: «Как только мы наскребем достаточно денег, чтобы купить у них веревку, мы на этой веревке их повесим»⁷.

Идеологическое противостояние русской государственности западному миру, таким образом, — это наследие Византии. Второй частью этого наследия А. Тойнби считал заимствованный с Запада тоталитаризм русской государственности. В. В. Библихин подверг идею Тойнби тонкой «рихтовке». По его мнению, эту черту русской государственности надо квалифицировать иначе, а именно как *идеологическое государство* или государство единоклассия, политической симфонии — так это называлось в Византии. Тем самым исключается разделение властей. Симфония идет далеко, до единоклассия, до «морально-политического» единства граждан⁸. Подмеченная В. В. Библихиным

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель-налогоплательщик-государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

² См.: Tenbner G. *Laws as an Autopoietic System*. Oxford, 1993.

³ Розанов В. В. *Русская государственность и общество // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX веков*. М., 2009. С. 610.

⁴ Библихин В. В. *Введение в философию права*. М., 2005. С. 175.

⁵ Библихин В. В. Указ. соч. С. 175.

⁶ Тойнби А. *Византийское наследие России // Тойнби А. Цивилизация перед судом истории*. М.; СПб., 1996. С. 107.

⁷ Библихин В. В. Указ. соч. С. 190.

⁸ Там же.

закономерность действительно присутствовала в русской государственности на протяжении веков. Б. Чичерин, очевидно, вслед за русскими историками объяснял необходимость в централизации власти огромными просторами России и постоянными набегами с Востока¹.

Как заметил Анджей Валицкий, К. Кавелин и Б. Чичерин были основателями так называемой государственной школы российской историографии. Они поддерживали воззрение, что государство в России было более автономным и сильным в своих отношениях с обществом, чем это было на Западе². Тем не менее, признавая своеобразие исторического развития русской государственности, Б. Чичерин считал этот фактор достаточно относительным и поэтому рассматривал русскую историю как вариант именно европейской модели исторического развития³. Благодаря своим ранним трудам Чичерин был известен как убежденный защитник сильной и централизованной государственной власти. Причиной этого он называл не врожденные качества русского характера, а географические и исторические факторы⁴.

Философия русской государственности у В. Библихина — это не привычный для юристов отвлеченный структурный анализ любого позитивного права, который проделал Г. Кельзен в «Чистом учении о праве», а сугубо русская философия права как результат философского синтеза, интеграции исторических знаний, филологических и искусствоведческих методов анализа, и это синкретический подход к русскому праву.

Использованный Библихиным метод познания, как мне кажется, сформировался под влиянием онтологии М. Хайдеггера. Совсем не случайно весьма интересные озарения о природе русского права и власти в России пришли в голову нашему автору — переводчику и интерпретатору Хайдеггера. Это ведь хайдеггеровский совет — уметь присмотреться к вещи, увидеть вещь в себе, ее скрытые возможности. До Хайдеггера классическая онтология, восходящая генеалогически к Платону, исходила из того, что любая вещь является лишь копией вечной и неизменной идеи, которая и определяет вещь *per se*.

В. В. Библихин решил «повернуть взгляд» на мир юридических вещей и проанализировать такое понятие, как «русское право», в качестве коррелята человеческого присутствия в мире сущего. В таком случае вещь должна рассматриваться и не как материальный объект, и не как идея этого предмета. Вещи, по Хайдеггеру, собирают мир, и в этом их подлинная суть, они вызывают всеобщую взаимосвязь. И если право (или вещь) рассматривать с такой, онтологической, точки зрения, то неизбежно приходится обнаружить связь

между современными российскими правом и властью и предшествующими им генетически правом и властью. В орбиту исследования, таким образом, попадают и римское, и византийское право.

В общем-то такой подход к онтологии права вполне допустим. Ведь не случайно в преамбуле Конституции РФ есть очень важные для понимания ее своеобразия слова: «Принимая Конституцию, мы, многонациональный народ России, чтим память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость». Эти слова не просто возвышенная фраза, патетика, они обладают глубоким юридическим смыслом, это один из инструментов, используемых при толковании Конституции РФ. Что такое «память предков»? Передали ли они нам что-либо, кроме любви и уважения к Отечеству? Есть ли в переданном наследстве *leges*, или речь идет только об этической, а не юридической субстанции? Можно ли вообразить, что с помощью этих важных слов из преамбулы Конституции РФ обозначаются генетические связи права и власти с историческим прошлым страны, которые в силу этого обладают своеобразной силой инерции, постоянно присутствуя в правовом сознании? Не является ли Конституция РФ кодификацией важнейших юридических норм о власти, об устройстве гражданского общества, многие из которых рецептированы из западного конституционного права, а также кодификацией невидимого права, переданного нам прежними поколениями россиян?

Развивая эту гипотезу, можно предположить, что существуют самостоятельные философско-правовые понятия — «правовая реальность» как часть объективного бытия и «реальность права», включая и реальность государства, охватывающие всю совокупность позитивных юридических норм. При этом реальность права (включая нормы государственного права) — это очень грубая модель правовой реальности, редуцированная юриспруденцией. Область правовой реальности — это, помимо юридических, действительных норм, и традиции, и обычаи, то есть то, что может быть названо биюридическими компонентами правовой реальности (плюралистические правовые системы).

Объективная реальность определяет юриспруденцию; последняя частично создает правовую реальность. Объективность правовой реальности сопоставима с окружающей нас природой, вещным миром. Ее объективность исторически выражается в идее естественного права, которое в этом смысле никогда не окажется на свалке идей. Естественное право представляет собой объективную потребность уйти от описанного Гоббсом хаоса и создать государство, порядок. Это и некие ритмы, существующие в природе, которые могут задавать ритмы праву, о которых писал Эрих Фехнер⁵. Поэтому-то как понятие «правовая реальность», так и понятие «естественное право» не относятся к числу чисто юридических понятий⁶.

⁵ Фехнер Э. Философия права // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3.

⁶ См.: Слободнюк С. Л. Правовая реальность, правосознание и множественность понятийных смыслов // Российский юридический журнал. 2013. № 1.

¹ Последователем этих взглядов Б. Чичерина в современном государствоведении, безусловно, может по праву считаться В. Д. Зорькин, постоянно и последовательно проповедующий в своих трудах идею сильной президентской власти в России.

² Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 150.

³ См.: Зорькин В. Д. Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX века (Б. Н. Чичерин). М., 1975. С. 89–96.

⁴ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки : в 3 ч. М., 1898. Ч. 3 : Политика. С. 403.

Государственность в России постоянно находится под сильным воздействием общественных настроений, формируемых интеллигенцией, часто — очень критических, нередко — незаслуженно критических. Действительно, а почему в русском обществе традиционно присутствует отрицательное отношение ко всему государственному? Почему в среде русской интеллигенции считается за доблесть постоянно противопоставлять себя государству? Или это странное желание проповедовать любовь к Родине «враждебным словом отрицания» (Некрасов)? На это поразительное явление общественного сознания в России обратил внимание В. В. Розанов в статье «Русская государственность и общество». Первая Государственная дума, замечал В. В. Розанов, не пошла по государственному пути, не выразила в себе государственного духа. Как в чаду, она накинута на русскую государственность.

Н. Н. Алексеев вспоминал, что Рождество 1908 года он праздновал в Ясной Поляне, будучи воспитателем внука Льва Николаевича Толстого. Сидя с ним за одним столом, Толстой вдруг громко и строго спросил: «Николай Николаевич! Сидели ли Вы в тюрьме?» Вопрос этот привел молодого правоведа-гувернера в большое замешательство. Некоторое время он не знал, что ответить, но затем так же громко сказал: «Сидел, Лев Николаевич, в Бутырской тюрьме шесть месяцев». «Вот видите, — заключил Лев Николаевич, — у нас в России все порядочные люди сидели, а я не сидел — хорошо!»

И почему именно Россия оказалась родиной знаменитых анархистов и марксистов, которые были очень близки в своем маниакальном стремлении уничтожить государственность?

Постоянным, определяющим настроением народа является убежденность в том, что российская политическая действительность хуже европейской, что наши политические «газоны» не так хороши.

У М. К. Мамардашвили в его «Эстетике мышления» содержится глубокая мысль о «ситуации, когда уже поздно». Эта социально-политическая метафора означает, что для россиян «слишком поздно и нельзя быть гражданами демократического устройства, захотеть и быть ими»¹. Поздно стать членами современного демократического общества, то есть просто захотеть и быть ими. Поздно, если уже не были. В этом, говорит Мамардашвили, вся дилемма. Гражданами демократического общества являются не граждане Европы, которые уже добрую тысячу лет являются таковыми. В отличие от нас, они уже в традиции. Это не ответ на вопрос о том, что делать и чего не делать. Но это элемент бытия, правовой действительности, объективной и безжалостной.

Общественное сознание россиян зафиксировало некую ущербность российской государственности. А В. В. Библихин описывал такую закономерность как «теснящую близость неведомого рая». Это о факторе соседства с цивилизованной европейской государственностью. Библихин пишет о том, что нас теснит присутствие того, от чего мы бесконечно далеки. В уверенности, что мы опоздали к сотворению мира, наша

¹ Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М., 2000. С. 65.

основная опора. Мы твердо знаем, что то, чем мы всегда обделены, нас не подведет.

Эта «теснящая близость неведомого рая» — не религиозное рассуждение, поскольку речь идет об онтологии права. Речь, с моей точки зрения, идет о взаимоотношениях со сложившимся со времен римского права европейским правопорядком, о потребности в рецепции европейских конституционно-правовых ценностей и в постоянном их отбрасывании. Силы притяжения и отталкивания, как в физическом мире, постоянно находятся в состоянии равновесия.

Российское государство стремится быть вместе с Европой и вместе с тем учитывает, что европейский рай пока еще недостижим.

Вот что такое «теснящая близость неведомого рая»!

Может, это происходит потому, что Россия, в отличие от Византии, смогла справиться с восточной стихией, а потому является наследницей не только Византии, но и Золотой Орды. Это стало возможно, как считает В. В. Библихин, из-за «интимности» сложившихся у Москвы отношений с восточной силой: Москва вообрала ее в себя, присвоила себе ее приемы. По формуле Н. Бердяева, Москва — это христианизированное татарское царство.

В завершение попытаемся сформулировать краткие обобщающие тезисы, проецируя их на современное Российское государство, и назвать основные вызовы.

1. Идеи Н. Н. Алексеева о необходимости гармоничного соотношения двух моментов в жизни каждого государства — постоянного и подвижного, о необходимости постоянных целей и принципов государственной деятельности² способны помочь в решении проблемы гибкости или жесткости конституционной основы государства в России. Можно ли часто менять Конституцию? На мой взгляд, должен состояться гносеологический выбор: либо мы признаем, что есть некие непоколебимые истины в устройстве государственности, и тогда необходимо защищать эти «вечные истины, вечно настоящие, обязательные для всех времен»³; либо делаем выбор в пользу ветренности эллинов и действуем, исходя из того, что ничего вечного в политике и государственности нет⁴.

2. Насколько важен фактор культурного, исторического релятивизма? Действительно ли Россия самобытна или это «вечнозеленый миф»? Существуют ли какие-то универсальные представления о правах человека и налагаемых ими ограничениях на суверенную государственную власть? Если да, то признание их было бы сильным аргументом против крайних форм проявления культурного релятивизма. Или же мы в России, развивая свою государственность, должны учитывать устойчивый социокультурный тип отношений государства и личности, сложившийся в России, устойчивую национальную политическую культуру? Это одна из основных мировоззренческих проблем, отражающая одно из главных противоречий в развитии русской

² См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 13.

³ См.: Спекторский Е. В. Что такое конституция? М., 1917. С. 10.

⁴ О ветреном духе, присущем афинянам. См.: Ваттель Э. де. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 53.

государственности: то ли мы признаем наличие мирового права и, как сказано в преамбуле нашей Конституции, «сознаем себя частью мирового сообщества», то ли мы будем отстаивать приоритет культурного релятивизма («чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость» — это тоже из преамбулы Конституции!).

3. Верно ли убеждение Н. Н. Алексеева о том, что «царь более обязан, чем все его подданные»? Действительно ли в России должно быть государство «политической симфонии» и по-прежнему надо полагаться на то, что небеса будут благосклонны к России и царь, василевс, окажется на уровне предъявляемых к нему высоких нравственных требований? Или же надо укреплять все институты государства равномерно?

Для меня большая честь быть приглашенной на Родину, чтобы внести посильный вклад в этот очень важный диалог, происходящий в одном из университетов Санкт-Петербурга на конференции памяти академика Дмитрия Лихачева, который всю свою жизнь олицетворял собою дух диалога России со всеми культурами и с каждой культурой в отдельности.

Мои корни по материнской линии — здесь, в России, так как и царь Николай I, и Александр Сергеевич Пушкин — мои прапрапрадеды. Мои предки по отцу — из Перу. Я родилась в Аризоне, а детство провела в Англии, где вышла замуж за Джеймса, герцога Аберкорна, в 1966 году, после чего в возрасте 20 лет переехала в Северную Ирландию. Таким образом, я сама — своего рода диалог культур.

История, которую мне хотелось бы рассказать, началась в первые годы после моего замужества, когда Северная Ирландия, казавшаяся на первый взгляд безоблачным и прекрасным местом, была ввергнута в 30-летний религиозно-политический конфликт, познала смерть и разрушения. Тогда не только Ирландия оказалась разделенной на две юрисдикции — Северную Ирландию, подчиняющуюся британскому правительству, и республику Ирландию со своим правительством в Дублине; это было время предельного расхождения между Римско-католической церковью и церковью протестантской, в результате чего дети обучались в отдельных школах.

В то время не существовало никакого диалога культур: единственный способ, при помощи которого какая-либо группировка могла заявить о себе, были пуля или бомба. Злоба, ненависть, страх извергались в самом чудовищном виде, принося с собой потери и скорбь, овладевшие всем потрясенным обществом. Даже сам воздух, которым мы дышали, был загрязнен отчаянием

¹ Ее Светлость герцогиня Аберкорнская (Великобритания). Поэтесса, прямой потомок великого русского поэта А. С. Пушкина и императора Николая I. Учредитель премии «Пушкинский приз» для юных писателей Великобритании. Автор сборника поэм «Перо Жар-птицы» на английском и русском языках. Лауреат Царскосельской художественной премии (2000).

4. Одним из самых сложных вызовов современному русскому государству является стихия частной собственности, вырвавшаяся из-под контроля. После приватизации государственной собственности появилась экономическая власть, которая испытывает на прочность государственные институты. Надо ли придерживаться лозунга «Государство должно обеспечивать неприкосновенность награбленной частной собственности» или же необходимо искать способы ее легитимации?

5. Один из самых трудных вызовов современному государству в России — это потребность в укреплении доверия к нему. Эта цель означает серьезную корректировку философии государства, особенно в его имущественных отношениях с частными лицами.

Александра Гамильтон¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

и неверием, превращавшими сказочное царство в кошмар, где, перефразируя ирландского поэта У. Б. Йейтса, «хлынул темный от крови поток».

Ужасная тяжесть этой обстановки буквально настигла меня дома, когда мою юную дочь стали мучить ночные кошмары, в которых наш дом захватывали террористы. Безусловно, ее страхи глубоко меня беспокоили, но я задумалась также и над тем, сколько же детей в Северной Ирландии страдают, наверное, от столь же непомерных страхов и тревог. Я размышляла о том, как это повлияет на их будущую жизнь, если сейчас не предпринять никаких мер; а если оставить все как есть, то не приведет ли это к новым бомбам и пулям? Но что мы могли сделать, чтобы положить конец этой ненависти и жестокости? Или, уточняя и осознавая свою ответственность, что могла сделать лично я?

Ответ пришел в 1987 году, в 150-ю годовщину со дня смерти Пушкина, когда Лутон Ху, дом моей бабушки в Англии, на один уикенд стал местом чествования жизни и творчества великого русского поэта. Люди разных судеб и различных идеологий — представители советского режима того времени, эмигранты, спасшиеся от революции, их дети, внуки и внучки — все объединились ради краткой волшебной возможности насладиться красотой пушкинских слов. Те русские, которые до этого считали друг друга смертельными врагами, обрели общую почву. Во время этого уикенда поэзия и музыка сделали то, чего за 70 лет не удалось добиться дипломатии.

Меня сразу осенило: если уж Пушкин примирил русских, придерживавшихся разных убеждений, то он или его дух мог бы воспламенить такую же искру и в Ирландии. Я подумала о том, возможно ли такое, чтобы дух его поэзии сплотил детей Ирландии, воспитанных в разных традициях, из северной и южной части страны, из городских и сельских школ; можно ли таким творческим способом помочь им выразить свои мысли и чувства, свои надежды и страхи, свою внутреннюю жизнь. Кроме всего прочего, такой

внутренний диалог должен начаться внутри нас, прежде чем он охватит мир в целом.

Вскоре мне стало ясно, что я смогла бы найти способ познакомить с «духом Пушкина» школьников 9 и 10 лет по всей Ирландии, детей, которые скорее всего никогда и не слышали об этом необыкновенном человеке и не читали рассказов и пьес, принесших ему известность. Как бы то ни было, Ирландия — тоже страна устной традиции, страна сказок, мифов и легенд. Значит, рассказ о том, как Пушкин, будучи совсем мальчиком, сидит у печи и слушает свою обожаемую няню Арину Родионовну, рассказывающую ему русские сказки, видимо, нашел бы глубокий отклик у детей Ирландии.

В 1987 году я учредила детские Пушкинские премии, приглашая к участию детей из начальных школ, чтобы те написали свои истории. Проект был направлен на познание мира с помощью воображения — как мира природы, так и мира, созданного человеком. Мы возлагали надежды на то, что дети, опираясь на собственный опыт творческого вдохновения и работая в классах вместе с писателями и поэтами, сами начнут становиться «со-творцами».

С самого начала мы вновь и вновь становились свидетелями того, как отыскание собственного «голоса» способно восстановить естественное доверие детей, принося с собой обновленное чувство мотивации и жажды учиться, что так поразило чиновников от образования. «Искра» вспыхнула, и дети теперь осмысливают данное им от рождения право становиться настоящими людьми, гражданами мира, способными обрести голос, творчески выражающий их мысли и чувства, и одновременно научиться слушать друг друга и принимать иные точки зрения. Фактически они открывают для себя то, что величайшее на свете искусство — это «искусство жить подлинной жизнью».

Я глубоко убеждена, что дети — наш драгоценный дар. Именно от них и от тех, кто ответствен за их воспитание, зависит, насколько всеобъемлющим будет этот диалог. Я уверена также, что еще одно погружение в процессе творчества в царство символического воображения откроет нам универсальный язык. То есть язык сердца, который звучит в нас вне зависимости от нашего происхождения, цвета кожи или веры.

Работая с творчеством Пушкина, с «духом» его поэзии здесь, в Ирландии, на протяжении более 25 лет, мы помогаем детям и учителям воплотить в жизнь воображение, чтобы отыскать созидательный, а не деструктивный путь для выражения своих упований и опасений. Искра творческого духа пробуждалась в классах в ходе работы с писателями, поэтами, художниками, защитниками окружающей среды. Я свидетель того, в какой степени высвобождение образности дает детям возможность видеть, чувствовать и понимать позиции других людей. Обучая таким образом сострадательному воображению, Пушкинский фонд выстраивает мосты через столетние культурные барьеры для более глубокого осознания нашей общей человечности.

В последние годы я пользовалась привилегией наблюдать целительную силу действия такого диалога во время двух знаменательных исторических собы-

тий. В 1998 году меня вместе с матерью, дочерью и сестрой пригласили для участия в церемонии захоронения останков царя Николая II и его семьи в Петропавловской крепости. И когда мы стояли там, рядом с катаfalком, особое впечатление на нас произвели слова президента Б. Н. Ельцина, переведенные синхронно. Он сказал, что если бы этот отрезок истории не был завершен с достоинством, душа России никогда не вернулась бы к ее народу. Я убеждена, что академик Лихачев, человек, который глубоко понимал целительную силу символического воображения, был среди инициаторов этого выдающегося события.

Свидетелем еще одного знаменательного события я стала в 2011 году, когда королева Англии с историческим визитом посетила Ирландию. Будучи воплощенным символом суверенности Британии, она обратилась к президенту Мэри Макэлис, представлявшей древнюю суверенность Ирландии, на ирландском языке, что стало поворотным пунктом во взаимосвязях между двумя народами; это подчеркнуло их равноправие на гораздо более значимом уровне, чем на уровне формальных средств дипломатии. Не только речью на банкете в честь королевы в Дублинском замке, но также и присутствием в «Саду Памяти», где она почтила память погибших в сражениях за свободу Ирландии, она сумела обратить столетия ненависти и горечи в новую форму братства и общего будущего. Мы с мужем присутствовали на вечере, устроенном в честь королевы в Конференц-центре, когда все собравшиеся встали, самым трогательным образом выразив ей признательность, чего невозможно было даже представить себе в предшествующие десятилетия.

Я верю в то, что эти события были пронизаны глубоко человеческим духом Пушкина, поэтому мне хотелось бы подробнее остановиться на тех днях, когда маленький Пушкин, 9 лет от роду, сидел у печи и восхищался сказкой, которую рассказывала ему няня Арина. Будто слышится голос, исходящий из мерцающего пламени, голос Жар-птицы: «Соберись с духом! Я вернулась после долгого изгнания — времени, когда человечество вынуждено было на опыте познать самые мрачные из воображимых теней. Я обогнула Землю и стала свидетелем опустошения и разрушения чудес Мира Природы и культурных творений человечества — вплоть до страданий от потери самой человеческой жизни. Но помни, что тьма и свет всегда нераздельны, и знай, что ты ответствен не только за добро, но и за зло, уже свершившееся. Хотя трудно забыть самую тяжкую боль, в не меньшей мере ты должен быть готов к сопереживанию. Красота всего мира, которую ты ищешь, — в моем оперении. У меня свое перо для каждого народа на планете, который стремится стать частью “Университета Вселенной” — места учения, к которому тянется внутренний мир каждого юного существа. Внутренний мир — это пространство, где пребывают земля, воздух, огонь и вода — четыре основных элемента человечества. Так что обрати внимание и послушай Плач Ребенка. Ибо Ребенок есть семя обновления будущей жизни на Земле».

Я убеждена, что нынешнее время — это время, когда мы отчетливо слышим голос Жар-птицы, который

эхом отзывается в плаче ребенка. Возможно, если мы все наше внимание обратим на этот плач и откликнемся на него из глубины сердец, на свет родится новая творческая форма демократии — внутренняя демократия равновесия между умом и сердцем, когда тень бессознательного, скрытая в каждом человеке, будет трансформироваться по мере соединения со светом и разумом сознания.

Этот голос — также и голос души, голос нашей общей человечности, и вещает он на символическом языке воображения: том языке, который настоятельно необходим, чтобы состоялся воистину преображающий нас диалог культур.

Ибо в голосе другого великого поэта, Райнера Марии Рильке, мы находим такие строки:

Мы только голос. Кем воспета даль,
где сердца всех вещей единый звон?
Его удар внутри нас разделен
на ровный пульс. Великая печаль
и радость сердца велики для нас,
и мы от них бежим, и каждый час
мы — только голос.
Лишь внезапный миг —
в нас сердца гул нежданно возник,
и мы — весь крик.
И лишь тогда мы — суть, судьба и лик¹.

Г. М. Гатилов²

О НЕКОТОРЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ АСПЕКТАХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В минувшем году политический ландшафт в мире продолжал претерпевать глубинные изменения. Трансформационные процессы охватили целые страны и регионы, экономику, общественно-политическую жизнь. Объектом их воздействия оказались также межцивилизационные отношения, что вызвало угрозу мирному сосуществованию различных религиозных конфессий.

Тектонические сдвиги свидетельствуют о начале очередного периода исторических перемен. Причем перемен, развивающихся ускоренными темпами. Вектор эволюции международных отношений заставляет сделать вывод о несостоятельности теории однополярного мироустройства, о тщетности попыток решать актуальные проблемы в одностороннем порядке без опоры на коллективное взаимодействие. Вызовы глобальной безопасности требуют консолидированного ответа, который, дабы быть эффективным, должен опираться на широкую гамму позиций мировых центров силы, ведущих игроков и региональных организаций.

В своем выступлении на открытии 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел России С. В. Лавров подчеркнул, что сегодня, когда мир переживает переходный период, характеризующийся нестабильностью в сферах экономики, политики и межцивилизационных отношений, особое значение имеет способность государств — членов ООН опираться на согласованные нормы поведения, договариваться о совместном реагировании на угрозы глобальной стабильности. Нельзя допустить, чтобы безответственные, продиктованные сиюминутными интересами действия привели к раскачиванию всей системы международного права. Опасность для миропорядка несет произвольное толкование таких важнейших принципов, как отказ от применения силы и угрозы силой, мирное разрешение споров, уважение

суверенитета и территориальной целостности государств, невмешательство в их внутренние дела.

На повестке дня — работа по налаживанию энергичного международного сотрудничества в деле борьбы с терроризмом, организованной преступностью, наркотрафиком, распространением оружия массового уничтожения; урегулирования застарелых региональных конфликтов и поиска моделей решения новых кризисов, в том числе имеющих внутрисоветскую природу.

Формы взаимодействия и состав вовлеченных игроков могут изменяться в зависимости от специфики ситуации. Но в основе коллективной деятельности должны оставаться принципы международного права, Устава ООН, прежде всего уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела, отказ в политической практике от двойных стандартов. Следует сообщать добиваться уважения принципа верховенства права не только на национальном уровне, но и в международных отношениях.

Отстаивая эту линию, Россия выступает за то, чтобы международная система была справедливой, демократической, в идеале — саморегулирующейся. Исторический опыт свидетельствует: как только намечается отход от закрепленной в международном праве «матрицы принципов», нарушается стабильность мировой и региональной систем. Особую тревогу вызывает то, что действия в обход Устава ООН без учета региональной специфики и культурных особенностей сопровождаются разбалансировкой отношений по межцивилизационной линии.

В эпоху глобализации четко обозначилась верно подмеченная в свое время С. Хантингтоном тенденция усиления значения фактора цивилизационной, религиозной идентичности. Эта тенденция вызвана совокупностью причин: усилением прозрачности национальных границ, информационной революцией, высветившей очевидное неравенство в уровне социально-экономического развития, обострившимся на этом фоне желанием народов сохранить свою самобытность.

¹ Перевод В. Г. Куприянова.

² Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Голубые каски» ООН на службе мира», «Итоги «большого слета» на Генассамблее ООН», «Итоги форума ООН в Дохе» и др. Награжден орденом Дружбы.

Стремление вернуться к своим цивилизационным корням прослеживается и в странах, затронутых процессами так называемой «арабской весны», что на данном этапе выражается в поддержке партий и движений, выступающих под флагом ислама. В то же время обращает на себя внимание и обратная сторона этого процесса — рост межэтнической, межконфессиональной напряженности, участившиеся проявления национализма и религиозной нетерпимости.

Одной из ключевых проблем мировой политики остается ситуация в Сирии, переживающей острую фазу тяжелого внутривнутриполитического конфликта. Противостояние все больше затрагивает сферу межконфессиональных отношений, что для страны, где десятилетиями мирно уживались многие народности, может быть чревато дополнительными потрясениями.

В результате стремительно ухудшается положение религиозных меньшинств, в первую очередь христиан, в тех странах, в которых они жили веками и которые законно считают своей родной землей. Озабоченность резким ухудшением положения христиан в различных регионах мира неоднократно выражала и Русская православная церковь.

Для выхода из «сирийского тупика» имеетсяработанная международным сообществом политико-правовая база урегулирования. Речь идет о соответствующих резолюциях Совета Безопасности ООН, мирном плане бывшего спецпосланника ООН и Лиги арабских государств по Сирии К. Аннана, не потерявшем актуальность и сегодня, а также итоговом коммюнике министерской встречи «Группы действий» по Сирии в Женеве от 30 июня 2012 года. Однако пока мы видим, что политико-дипломатический способ разблокирования сирийской ситуации не устраивает некоторых наших партнеров. Они, по сути, ведут дело к реализации «ливийской модели», оказывая содействие одной из сторон конфликта и тем самым настраивая оппозицию на отрицание любых перспектив мирного диалога с нынешним правительством Сирии. Это бесперспективный путь. Нашу точку зрения разделяют многие государства, осознающие, чем чревато развитие ситуации по подобному сценарию. Выход из создавшегося положения видится только один: совместными усилиями оказать влияние на все воюющие стороны с тем, чтобы побудить их сесть за стол переговоров по определению будущих параметров своего государства.

С учетом вековых связей и традиций, соединяющих нашу страну со многими государствами Ближнего Востока и Северной Африки, императивом сегодняшнего дня для нас становится их сохранение и укрепление. Мы не имеем права растерять это богатство и упустить возможность способствовать миру и сбалансированному развитию этого региона на основе диалога культур и цивилизаций, а также объединения вокруг идеалов, общих для всех основных мировых религий.

Вопросом большой политики становится выработка единой ценностной, нравственной шкалы, способной стать основой уважительного и продуктивного межцивилизационного диалога, отправным пунктом которого была бы общая заинтересованность в снижении уровня нестабильности, возникшей на этапе создания новой

международной системы, и в конечном счете формирование надежного, эффективно работающего полицентричного мироустройства. При этом успех может быть обеспечен только при условии, что будут исключены крайние гипертрофированные точки зрения.

Тематике ценностных основ в современной политической жизни особое внимание уделил в своем Послании Федеральному собранию Президент России В. В. Путин. Упомянув о нелегких испытаниях, выпавших на долю нашей страны в прошлом столетии, о демографическом и ценностном кризисе, с которым столкнулась Россия в начале XXI века, об усиливающейся конкуренции «за человеческие ресурсы, за интеллект», он в то же время ясно дал понять, что без ценностного стержня, внутренней энергии, без пассионарности, о которой в свое время говорил Лев Гумилев, способности к движению вперед и к переменам в нынешнем мире трудно рассчитывать на прогресс. Он прямо сказал, что на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных сил в мире Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. «Требуется не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нацию. Быть и оставаться Россией». В этой работе большим подспорьем для нас является культура. Причем Россия, как было отмечено в Послании, принадлежит к тем странам, которые не только формируют собственную культурную повестку, но и оказывают влияние на всю мировую цивилизацию.

Особого внимания заслуживает та часть речи президента, в которой он говорит о переживаемом нашим обществом дефиците духовных скреп. Мне, как специалисту в области международных отношений, многосторонней дипломатии, глядя на то, как развивается современная ситуация в мире, кажется, что дефицитом таких скреп, как милосердие, сочувствие, поддержка и взаимопомощь, страдают и многие наши партнеры на международной арене.

Свою задачу в этих условиях мы видим не только в том, чтобы всемерно способствовать обретению нами таких духовных опор, но и в оказании помощи в их становлении у партнеров России на Западе. Этого будет сложно достичь без соответствующих усилий нашего гражданского общества, неправительственных, общественных организаций.

Отечественным неправительственным структурам необходимо смелее выходить в среду западной общественности, академических аудиторий, рядовых граждан и доносить до них наши взгляды и представления по широкой гамме вопросов. Для этого можно задействовать различные международные площадки, конференции, круглые столы, параллельные мероприятия «на полях» различных встреч межгосударственного характера. Нужны та самая активность, движение вперед и пассионарность, о которых говорил президент. Уверен, не надо бояться отстаивать свои идеи и свою правду. Здесь уместно привести слова великого русского полководца Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде».

Некоторое время назад в экспертном сообществе, тесно взаимодействующем с МИД России, всесторонне

обсуждалась тема возможности реализации концепции, предусматривающей придание своего рода «вектора моральных ценностей, справедливости, правды» современным международным отношениям. Имели место довольно жаркие дискуссии; к консенсусу прийти не удалось. Думаю, не только потому, что, как говорят, «там, где двое экспертов, зачастую бывает три мнения», но еще и по той причине, что само по себе оформление этой идеи в виде самостоятельного документа пока преждевременно.

Нравственность и внешняя политика — понятия не просто совместимые, но и идущие рука об руку. С учетом этого посылка мы и выстраиваем свою работу. На актуальность вопроса о нравственных ориентирах международных отношений неоднократно обращал внимание и С. В. Лавров. Крайне важно, чтобы проблемы, с которыми сталкивается современный мир, решались на основе справедливости. Как только утрачивается нравственность, возникает несправедливость, появляются идеи, которые не способствуют решению проблемы, а, напротив, загоняют ее вглубь. Укрепление нравственного основания международных отношений мы рассматриваем как часть большой политики. Очевидна необходимость работы по продвижению универсальных, приемлемых для всех морально-этических норм поведения в международных отношениях, их последовательной демократизации и очищению от идеологических стереотипов и двойных стандартов.

У основных мировых религий всегда существовал общий моральный знаменатель, включающий такие принципы, как стремление к миру и справедливости, честность, милосердие, трудолюбие. Ключевые элементы традиционных ценностей — достоинство, свобода и ответственность — были закреплены во Всеобщей декларации прав человека 1948 года и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года.

Формирующаяся новая полицентричная международная система неизбежно будет воплощать все многообразие и богатство культурно-цивилизационной картины мира. Так что вывод очевиден: нравственность в современном контексте эволюции международных отношений является весьма актуальным понятием. Без признания «высшего нравственного закона» трудно рассчитывать на успех усилий по формированию устойчивой, справедливой и демократической международной системы.

Понятие нравственности применимо к любой стороне международных отношений, в частности к их правочеловеческому спектру. Мы последовательно выступаем против политизации и применения двойных

стандартов в области прав человека. Здесь, как видим, существует немало перекосов. К сожалению, стандартной практикой стало навязывание некоторыми членами международного сообщества своих односторонних подходов к правозащитной тематике.

Мы призываем наших партнеров к выстраиванию равноправного, взаимоуважительного и конструктивного диалога и сотрудничества в гуманитарно-правочеловеческой сфере в целях максимально эффективного решения имеющихся в ней проблем при соблюдении краеугольного принципа государственного суверенитета и культурно-исторических особенностей государств.

Наблюдая за тем, как динамично меняется ситуация в мире, в какие трудноразрешимые комбинации она порой эволюционирует, размышляя над этими головоломками, иногда спрашиваешь себя: а не движется ли все это к той черте, за которой решение очень многих проблем, все еще лежащих в политической, социальной, экономической, общественной плоскостях, станет возможным исключительно посредством межкультурного диалога и взаимодействия, нахождения согласия в межкультурной сфере? В этих условиях весьма высока роль тех организаций и площадок, где уже сейчас углубленно занимаются изучением различных аспектов диалоговой тематики, в частности таких, как действующая под эгидой ООН межгосударственная структура «Альянс цивилизаций», а также инициатив гражданского общества, в том числе с весомым российским участием: Международных Лихачевских научных чтений, Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций».

Подтверждением актуальности вопросов межкультурного диалога служит появление в последнее время в мире новых диалоговых платформ, к примеру Нишаньского межкультурного форума в Китае, встреч по межрелигиозному диалогу в рамках Форума «Север–Юг» Совета Европы, многочисленных инициатив Казахстана, Азербайджана, Пакистана, Филиппин и других стран. Было бы желательно, чтобы представители этих межкультурных площадок находили возможности для общения между собой, чтобы те, например, кто приедет на Лихачевские чтения, имели возможность побывать на Родосе на сессиях МОФ «Диалог цивилизаций», а те и другие — на Нишаньском форуме у наших китайских партнеров и наоборот. Такое движение, очевидно, будет вести к большему взаимопониманию и взаимообогащению представителей различных культурных, религиозных и цивилизационных традиций, обмену опытом в области политики, науки, культуры.

Ренэ Герра¹

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ФРАНЦИИ И РОССИИ

Традиционное взаимное притяжение и интерес двух стран, двух великих культур имеет глубокие исторические корни.

В XVIII–XIX веках влияние французской культуры в Европе было преобладающим. Французский язык был языком общения знати всех европейских государств. Идеи энциклопедистов в XVIII веке были маяком для всех передовых деятелей культуры и искусства. Французский язык занимал большое место в культурной истории и русского народа. И хотя, как отмечал историк Ш. Тромон, не обошлось и без прискорбных исторических ошибок, дружба, основанная на широте взглядов и общих качествах великодушия, неразрывно связывала две великие нации (Ш. Тромон, 1893).

После реформ Петра I Россия активно включилась в европейскую жизнь. Начинается ускоренное сближение культур, укрепляются торговые связи и общественные формы общения. Особый интерес у русских проявился к Франции и всему французскому — будь то история, литература, искусство, наука, мода и, конечно же, язык. С этого момента молодых дворян отправляют учиться не только в Англию или Голландию, но и во Францию. Начиная с 1720 года русские юноши отправляются изучать морское дело в Бресте и Тулоне.

Начиная с середины XVIII века в Париж, Лион, Монпелье приезжают богатые вельможи — А. К. Разумовский, А. И. Шувалов, А. Ф. Орлов, совершают культурное паломничество литераторы В. К. Тредиаковский, Н. М. Карамзин, Д. И. Фонвизин. Этот период отмечен бурным развитием культурных отношений Франции и России, к которой французы проявляют растущий интерес. Первыми «русифилами» под влиянием Екатерины II становятся философы Вольтер, Дидро, д'Аламбер. Французские архитекторы, художники, философы совершают регулярные путешествия в Санкт-Петербург, где им поручается строительство дворцов и возведение монументов. В 1782 году на Сенатской площади в Санкт-Петербурге торжественно открыли памятник Петру Великому работы французского скульптора Фальконе. Д. Дидро проявлял живой интерес к России и верил в ее светлое будущее. Он следил за прогрессом русской науки, был знаком с работами М. В. Ломоносова и изучал русский язык, чтобы иметь возможность читать в подлинниках произведения русских писателей. Вольтер в особенности интересовался

Россией, переписывался с Екатериной II и русскими просвещенными деятелями. В 1746 году Вольтера избрали почетным членом Российской академии наук. Он написал «Историю Российской империи при Петре Великом», где высоко оценил его реформы. В 1782–1783 годах в Париже выходит 5-томная «История России» П. Ш. Левека и «Русская грамматика» Модру.

Одновременно русские деятели науки изучают французских философов — Вольтера, Дидро, Монтескье, проявляя огромный интерес и к французской литературе. Большим успехом пользовалась, например, «Женитьба Фигаро» Бомарше. Помните у Пушкина? «Откупори шампанского бутылку иль перечти “Женитьбу Фигаро”», — советует Моцарт Сальери. Книги Ламартина и Руссо переводят с французского на русский М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, Д. И. Фонвизин и др.

В начале XVIII века французские книги по количеству изданий занимали третье место в России после латинских и немецких, а в середине того же века переводы с французского составляли уже 55 % от общего числа переводов.

В России, спасаясь от Французской революции, нашли прибежище дипломаты и военные, протестанты и кальвинисты, скрывающиеся от преследований за вероисповедание; земледельцы-виноградари (около 60 семей) и, конечно, аристократы и деятели культуры. В их числе был писатель и философ Жозеф де Местр, получивший пост посла Сардинии в Петербурге, его брат художник Ксавье де Местр, писательница мадам де Сталь, граф де Сегюр, автор знаменитых «Мемуаров», и др.

В период с 1789 по 1812 год в Москве была сформирована французская колония. После войны 1812 года в крупных российских городах стали образовываться французские коммерческие компании и товарищества, объединяющие фабричное производство и торговлю. Много французов работали в сфере образования — в гимназиях, лицеях, частных пансионах, университетах. В отличие от домашних учителей, школьные и университетские преподаватели должны были иметь высокую квалификацию, подкрепленную дипломами и рекомендациями. Многие из них занимались исследовательской деятельностью, как, например, лектор Санкт-Петербургского университета Э. де Воюэ. Среди преподавателей Московского университета были лекторы Лабон, Рауль, Лери, Леви и др. На французском велось преподавание некоторых предметов, например истории и географии, не считая курсов по французской филологии и литературе.

Русская литература с этого момента вызывает огромный интерес у французов, а философские идеи влекут к себе мыслителей обеих стран уже с середины XVIII века. В России при этом возникает настоящая галломания. Иначе говоря, идет интенсивное проникновение французского языка и культуры во все сферы

¹ Доктор филологических наук Парижского университета. Собирает, хранит и исследует культурное наследие русского зарубежья. Автор свыше 280 научных и публицистических работ по культуре (литературе и искусству) эмиграции, в т. ч. 7 книг, изданных в России: «Жаль русский народ», «Русские художники-эмигранты во Франции 1920–1970», «Они унесли с собой Россию», «Младшее поколение писателей русского зарубежья», «Б. К. Зайцев — последний классик русской литературы», «Семь дней в марте. Беседы об эмиграции с А. Ваксбергом», «Когда мы в Россию вернемся». Почетный член Российской академии художеств, лауреат Царскосельской художественной премии и Литературной премии им. Антона Дельвига. Награжден орденом Дружбы.

жизни русского общества и в то же время освоение русскими Франции. Знание французского языка для просвещенного человека в России стало обязательным, являлось мерилем образованности. Это объяснялось несколькими причинами. Важнейшая из них связана с той ролью, которую играла Франция в культурной, экономической и политической жизни Европы. При этом нельзя недооценивать и такой фактор, как высокая степень распространения языка Расина. На французском общались в салонах, во время дипломатических переговоров, в повседневном быту. Знакомство с семейными архивами показывает, до какой степени совершенства, правильности, легкости, изящества доходило владение французским языком в русском дворянском обществе. Французский изучали с детства. В обществе это было обязательным. Считалось, что русские, добившись изящества французской речи, могли легко высказываться как на самые важные, так и на самые легкие темы — притом оригинально, остро и точно.

Широко использовалась французская речь в русской поэзии и литературе. Половина стихов Тредиаковского написана по-французски, несколько французских стихотворений есть у Пушкина. Зачастую французский язык использовался литературными героями. Татьяна пишет письмо Онегину по-французски. «Война и мир» начинается фразой: «Eh bien, mon prince!!!»

Однако подобная диффузия в конечном счете стала вызывать реакцию отторжения со стороны некоторых деятелей русской культуры. Уже Карамзин предлагал заменить русскими словами галлицизмы — кальки, синтаксические и смысловые заимствования. Однако процесс был нелегким. Говорить на отвлеченные темы по-русски к тому времени было сложно даже для высокообразованных русских людей. Частная, деловая, научная переписка велась преимущественно по-французски. Французскому языку уделялось столь большое внимание, а его использование было столь распространено, что в определенных кругах российской общественной мысли все чаще звучали высказывания о засилье французского языка. А. П. Сумароков, нападая в своих комедиях и сатирах на все главные беды и изъяны в тогдашней русской жизни, в числе прочих указывал и на желание русского дворянства во что бы то ни стало обучать своих отпрысков иностранному языку, пренебрегая своим.

Осмеянию этой страсти посвящена комедия Сумарокова «Чудовищи», а также сатира «О французском языке». Там читаем: «Взращен дитя твоё и стал уже дитина. / Учился, научен, учился, стал скотина; / К чему, что твой сынок чужой язык постиг, / Когда себе плода не собрал он со книг? / Болтать и попугай, сорока, дрозд умеют, / Но больше ничего они не разумеют / <...> / Безмозглым кажется язык российский туп: / Похлебка ли вкусная, или вкусная суп? / <...> / Языки чужды нам потребны для того, / Чтоб мы читали в них, на русском нет чего...»

И в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Чацкий нападает на презрение к своему, русскому, высмеивает преклонение перед иноземным: «французик из Бордо», приехав в Россию, «ни звука русского, ни русского

лица не встретил...» «Здесь нынче тон каков / На съездах, на больших, по праздникам приходским? / Господствует еще смешенье языков: / Французского с нижегородским?» — издевается писатель над российскими провинциальными галломанами.

Словом, влияние французской культуры на русскую в конце концов оказалось в России столь избыточным, что многие отечественные педагоги и общественные деятели организовывали целые кампании в защиту чистоты родного языка и культуры русской речи. Они все чаще выступали за первоочередность изучения в средних учебных заведениях русского языка и литературы.

С начала XIX века, в период Реставрации, прерванные русско-французские отношения восстановились и стали развиваться по нарастающей. Весь XIX век в отечественных средних учебных заведениях французский язык неизменно занимал важное место вслед за латынью и немецким языком. Русские вельможи становились желанными гостями во французских салонах. Они устраивают в Париже пышные балы и праздники в собственных роскошных особняках. Гостей из России в Париже так много, что открываются даже специальные магазины и кафе: «L'Impératrice de Russie», «Café de Russie», «Grands Hôtels de Russie», «Russie galante» и др. Русские посещают балеты в «Гранд-опера», спектакли в «Комеди Франсез», а с XIX века приезжают учиться в Коллеж де Франс, Сорбонну, Академию изящных искусств.

Среди этих путешественников год от года появляются либеральные идеи. В начале XIX века Францию посещают будущие декабристы М. С. Лунин и В. К. Кюхельбекер. И впоследствии, в 1828 году, российский министр народного образования граф С. С. Уваров высказал мысль о том, что именно французская литература оказалась главным источником вольномыслия, имевшего своим следствием восстание 14 декабря 1825 года.

Позже во Францию приезжает М. А. Бакунин, встречается с Марксом, Прудоном, Л. Бланом. Начиная с А. И. Герцена, русская политическая эмиграция выбирает Францию «землей исхода». Герцен даже организует в Ницце библиотеку для студентов-революционеров, которая впоследствии сольется с тургеневской, основанной этим писателем в 1875 году при содействии П. Виардо и Э. Золя.

Литературно-культурное освоение Россией Франции продолжается. В Париж, Ниццу приезжают знаменитые литераторы — Е. А. Баратынский, В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, С. Я. Надсон, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов. Мериме перевел «Пиковую даму». Его увлечение русской культурой и русским языком было общеизвестно. Он назвал русский язык богатейшим из всех европейских наречий. И особенно значимым событием в развитии франко-русского диалога стала встреча П. Мериме и И. С. Тургенева в 1857 году.

Надо сказать, что Тургенева связывала тесная дружба с Флобером, братьями Гонкур и Мопассаном, композиторами Ш. Гуно и Сен-Сансом, певицей П. Виардо, которая способствовала популяризации русской музыки во Франции и французской — в России.

Затухание галломании в России относится к концу XIX — началу XX века, затронув многие сферы — правда, кроме сферы образования. В протоколах общепедагогического отделения Съезда по техническому и профессиональному образованию в 1890 году отмечалось, что французский язык — язык всемирный, язык дипломатии и что Франция для научного общения народов не менее важна для России, чем Германия.

Изучение французской литературы признавалось необходимым и для лучшего понимания произведений французской классики. Предписывалось обязательное знание творений Расина, Мольера, Корнеля, Буало, Лафонтена, Дидро, Бомарше.

В 1890-е годы благодаря Франко-русскому союзу стало особенно интенсивно развиваться культурное сотрудничество Франции и России. Это культурное измерение было не менее важным, чем военное и экономическое. Его самое величественное проявление — мост Александра III, самый красивый мост Парижа, и Триумфальный мост, построенный в Петербурге по проекту Густава Эйфеля.

К концу XIX века во Франции были переведены Л. Толстой, позже — Ф. М. Достоевский. В 1898 году в Париже было утверждено Франко-русское общество, объединившее, с одной стороны, ученых и литераторов, с другой — представителей финансовых и промышленных кругов. Возникли издательства, специализировавшиеся на русских изданиях. Одновременно французская литература и философия широко распространяются в России. По заключению Т. Ю. Загряжской, среди французской творческой элиты были видные деятели культуры, приезжавшие или жившие в России: таковы

Александр Дюма-отец, зодчий Монферран, балетмейстер М. Петипа, работавший с П. И. Чайковским.

Творчество русского художника К. Коровина было также тесно связано с Францией. Он писал Париж, Марсель, Ниццу, пейзажи Бретани. Всемирная выставка в Париже в 1900 году стала для Коровина триумфом. Его проекты русских павильонов были удостоены двух золотых и двух серебряных медалей.

В первые годы XX столетия парижане открыли для себя русский балет и русскую оперу благодаря прославленному Русским сезонам Сергея Дягилева. В этот период Париж был центром культуры, а Франция являлась вектором всех новых веяний в искусстве. Молодые художники, скульпторы, писатели и музыканты всех стран, включая Россию, предпочитали жить и творить во Франции, дышать здесь воздухом творческой свободы.

Значительной ролью французской культуры, своим влиянием на жизнь в России французы очень гордились. «Мы им привили вкус, которого до нас у них не было, научили свободе мысли, внушили любовь к литературе и отвращение ко всему дикому и грубому через книги, и не только через них. А сейчас мы видим блестящий расцвет русской мысли, сформированный если не нами, то, по крайней мере, вместе с нами», — писал в 1913 году лингвист и специалист по славистике Эмиль Оман (1859–1942).

Октябрьский переворот и 70 лет советской власти надолго отрезали пресловутым «железным занавесом» русскую культуру от европейской, в частности от Франции, но это другая отдельная большая тема.

Начавшись в XVIII веке, плодотворный и взаимно обогащающий франко-русский диалог длится по сей день, — и, слава Богу, конца этому не предвидится.

А. А. Громыко¹

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ, ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Глобализация и глобальное управление — явления многогранные, тесно между собой связанные. Их изучение еще только начинается. Особенно большого внимания требует к себе теория глобализации и глобального управления.

Что способствует успеху глобального управления? На мой взгляд, приверженность историческому цивилизационному наследию, особенно опыту двух мировых войн XX столетия. В чем состоит опыт Второй мировой войны?

¹ Профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук. Автор более 30 книг: «Африка в мировой политике», «Маски и скульптура Тропической Африки», «Братья Кеннеди», «Новое мышление в ядерный век», «Андрей Громыко. Полет его стрелы» и других, а также более 300 статей в научных изданиях. Президент движения «За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН». Член Академии наук Королевства Марокко, Малагасийской академии наук, член Европейской академии наук и искусств, почетный доктор Лейпцигского университета. Награжден орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР, премии им. В. В. Воровского.

В России неслучайно так широко празднуют победу советского народа в Великой Отечественной войне. Разве при этом мы отмечаем только военную победу союзников над фашизмом? В первую очередь, конечно, ее, память о миллионах павших на полях сражений жжет наши сердца. Победа советского народа не ограничилась, однако, только военной победой. Большим успехом стало создание в 1945 году нового мирового порядка. Была создана ООН, ее Устав оформил договорно-правовые основы международных отношений.

Утверждалась истина, многими новоявленными политиками еще не понятая и не усвоенная, — мировой порядок и стабильность могут существовать только в рамках правопорядка. Такие политики и обслуживающие их элиты, в том числе ученые с высокими званиями, уже основательно подзабыли уроки страшной войны середины XX века. Они мыслят историю как непрочную цепь из эпох, когда новое обязательно означает разрыв с опытом прошлого. Такой подход к международным отношениям, когда при оценке

политики, ее целей и возможностей с легкостью используют лишь потенциал баланса самых разных сил, ведет к росту в мире турбулентности и неопределенности. Возникают международные конфликты, выдвигаются территориальные претензии одних государств к другим, предпринимаются интервенции одних стран и целых коалиций с целью свержения неугодных режимов, наращиваются усилия по вмешательству во внутренние дела суверенных государств. Постепенно в конфликтах малой и средней силы «вызревает» опасность третьей мировой войны.

Разве в таких условиях возможно глобальное управление мировыми делами, в том числе в сфере экономики и финансов, социальных отношений? Ответ очевиден — невозможно.

Где же точки опоры, прочные стержни, используя которые можно уберечь международный мир от соскальзывания в пучину вечных раздоров? Такие опоры, к счастью, есть. Их нам оставили выдающиеся государственные деятели, создатели мирового правопорядка второй половины XX века. Не всем это нравится. Сегодня в мире мы наблюдаем тревожную картину.

В стремлении выйти из правового поля демократических принципов и норм сторонники права силы столкнулись с ситуацией, когда основные принципы международного права закреплены в Уставе ООН. Их авторы — советские, американские и британские политики и дипломаты. Международное сообщество государств в течение почти 70 лет, несмотря на все попытки ослабить и даже ликвидировать ООН, объявить ее чуть ли не банкротом, выражает этой универсальной организации свое доверие и возлагает на нее основную обязанность в деле сохранения мира на земле. Серьезные политики видят в ООН якорь мировой стабильности.

Устав ООН — не единственный документ, где закреплены основные принципы международных отношений. Другим их источником является судьбоносная Декларация о принципах международного права. Она была принята XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 года. Декларация содержит семь основных принципов:

- неприменение силы или угрозы применения силы;
- мирное разрешение международных споров;
- невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства;
- обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом ООН;
- равноправие и самоопределение народов;
- суверенное равенство государств;
- добросовестное выполнение государствами обязательств, принятых ими в соответствии с Уставом ООН.

Нормы и правила международного права, в том числе его «сердцевины» — Устава ООН, могут и будут видоизменяться, но при этом они не должны под маской «реформ» проводить **реформацию ООН**. Пренебрежение принципами Устава ООН под предлогом его «улучшения» приведет к разрыву с опытом и исторической памятью предыдущих поколений.

В современных международных отношениях проявляются две основные силы «глобального управления». Это, во-первых, право силы, которое своими корнями уходит в толщу тысячелетий и для многих выглядит незыблемым. И, во-вторых, сила права, возможности которого далеко не исчерпаны. Эта ситуация отражается в международном праве, ее важнейшим достижением стало создание ООН. Это было делом очень трудным, разрушить ООН будет также нелегко, а вот воссоздать ее невозможно. При ослаблении ООН, тем более ее разрушении, многополюсная система даст глубокие трещины и расколется на противостоящие друг другу враждебные геополитические блоки.

Нельзя не видеть, что на международной арене регулярно сбиваются и разрушаются точки опоры мирового порядка, утвердившегося после 1945 года. Политические элиты ряда стран упорно идут на применение военной силы в обход Совета Безопасности ООН, нередко используя для этого дипломатию двойных стандартов. У мировой общественности пропадает вера в то, что во внешней политике «добро побеждает зло» и человечество вступает в эпоху глобального гражданского сотрудничества, когда эмпатия, способность сопереживать другим, укрепляется. В таких условиях из состояния высокой турбулентности мировое сообщество рискует быть втянутым в пучину социального хаоса. Это уже происходит. Похоже, что от новых социальных, политических и военных потрясений мир людей уже никто и ничто не спасет.

Такой взгляд может показаться неоправданным. Однако подобное мнение высказывается многими серьезными исследователями, в том числе на Западе, например английским ученым В. Хаттоном: «Наименее развитый мир считает, — отмечает он, — что его проблемы: явная нищета, отставание в экономическом развитии, рост народонаселения и преступности — это наследие западного капитализма и несправедливой организации мировых дел. Эти взгляды широко распространены в Китае, арабском мире и в Африке. Многие овладевает чувство бессилия... от того, что они не более чем пешки на глобальной шахматной доске...»¹ Встает вопрос о платформе всеобщей безопасности, в первую очередь для России. Что надо защищать и от кого? Где критерии безопасности? На фоне смешных разговоров о том, что «нам никто не угрожает» и Россия уже стала частью «цивилизованного мира» и ей не нужны сильное государство и армия, в средствах массовой информации нагромождаются неподуманные схемы, разработчики которых забывают об основах ялтинского соглашения, установившего порядок, при котором человечество сумело уцелеть и избежать третьей мировой войны.

Именно в Уставе ООН наиболее четко сформулированы принципы выживания человечества. На их основе глобальное управление только и возможно. Без сохранения и следования этим принципам оно не состоится. В условиях конфликта цивилизаций окажется неэффективной борьба с разрушением экологии Земли, смертельно опасным для такого хрупкого существа, как

¹ Hutton W. Them and Us. Changing Britain — Why We Need a Fair Society. L. : Abacus, 2011. P. 292–293.

человек. Международные конфликты не оставляют времени и сил для эффективного использования сельскохозяйственных земель и обеспечения людей пресной водой. Останутся нерешенными проблемы глобальной демографии и миграции, искоренение терроризма, пиратства и наркотрафика. В условиях международных конфликтов деструктивные процессы на мировой арене приобретут масштабы неуправляемого кризиса, который выйдет за пределы экономики и финансов. И никакие новые форматы коалиций сильных государств и даже военно-политические союзы этот кризис не остановят. В условиях накопления и использования оружия эффективного глобального управления быть просто не может. Право силы возьмет верх над силой права, и ООН, скорее всего, будет разрушена. До недопустимых пределов ослабнет международное право. Если «политические элиты» этой опасности не почувствуют, то международное сообщество обречено из состояния усиливающейся неопределенности перейти в мир крупных социальных конфликтов.

На первый план выйдет глобальный социальный конфликт, снова наберут силу враждующие идеологии, о которых сегодня предпочитают не говорить. Такое состояние международной среды вполне вероятно, более того, его можно предвидеть. Это будет реальный вызов глобальному управлению, каким мы его сегодня знаем. Процесс изменения глобальных сил идет полным ходом. Его можно определить как «shift of power» («перелив сил»).

Глобальное управление сегодня развивается в условиях, когда оно осуществляется **как политическими, так и экономическими субъектами**. Они создают несущую конструкцию глобализации, в том числе опираются на новые точки роста и развития мировой экономики и политики. Этот процесс создания новой архитектуры международных отношений по историческим меркам только начался. Основными субъектами мироустройства XXI века станут как устоявшиеся государства, так и международные организации, возникшие после Второй мировой войны. Этот процесс в основном развивается эволюционно, но для мирового сообщества он будет болезненным, наполненным многочисленными рисками.

Для многих государств и сегодня право силы (во всех ее проявлениях) остается важным средством внешней политики. Войны, однако, становятся рискованным делом, встречают растущее осуждение. И все же силовые акции в мировых делах ведутся все более изощренно, с помощью средств массовой информации, им предшествуют пропагандистские кампании. Для обеспечения успеха используется дипломатия, в том числе и многосторонняя.

Управление миром людей (global governance), конгломератом цивилизаций, утвердившихся на Земле, за-

висит от воплощения в жизнь идей **нового политического мышления**. Оно возникло в середине XX века и воплотилось в Манифест Рассела–Эйнштейна. Именно они провозгласили святую истину — или мы уничтожим ядерное оружие, или оно уничтожит нас. Полвека международные отношения, даже в условиях идеологического противоборства, развивались под влиянием этой идеи. Несколько поколений политиков и дипломатов создавали условия, при которых человечеству удалось избежать новой мировой войны, возможно, своего самоуничтожения. Опасность большой войны мировое сообщество все же не миновало. Атомное оружие остается на вооружении многих стран. Оно медленно, но расползается. Положить конец гонке ядерных вооружений не удастся.

Итогом второй половины XX столетия стало заметное влияние на мировую политику силы права. Именно международное право является опорой процессов демократизации на глобальном уровне. Все, кто сегодня выступает за демократию, не могут не распространять ее принципы на международные отношения. Последние должны быть демократичными, а не деспотичными.

В случае разрушения ООН, какой мы ее знаем, глобальное управление не сможет определять легитимность международных акций. В этих условиях оно отчасти сохранит свое влияние в экономической и финансовой областях. В остальных это влияние будет подорвано. В мировой среде число конфликтов разных уровней увеличится.

Выскажу надежду (даже уверенность) на то, что научные дискуссии о «глобальном управлении и вызовах XXI века» не только затронут, но и дадут ответы на вопросы о путях укрепления в международных отношениях позиций России. Возможности России в глобальном мире в условиях роста дефицита управляемости и возникающего в ряде регионов хаоса обсуждаются давно, но при этом слишком много вопросов остается без ответа. Последствия глобализации пока оцениваются в самых общих чертах, особенно деятельность транснациональных корпораций. Да, они используют достижения науки и техники для создания новых производств в развивающихся странах, сохраняют или даже увеличивают нормы своей прибыли. Все это так. Эта ситуация позволяет использовать возможности глобального управления на благо людей. Сегодня, однако, эта надежда испытывается на прочность.

У тех, кто в условиях глобализации успел и нашел для себя выгодное место, нередко возникает желание сохранить его всеми средствами, в том числе с помощью «новых подходов». Следует помнить о том, как много нелепого делается людьми только из-за стремления создать что-то «новое», когда в этом нет необходимости.

А. А. Гусейнов¹

О КУЛЬТУРЕ, ЦЕННОСТЯХ И СМЫСЛАХ (Вольные заметки на заданную тему)

1. Я уже имел случай отметить особенности Лихачевских чтений. Они больше, чем научный форум, на котором излагаются уже достигнутые научные результаты, их, скорее, следует считать своего рода лабораторией по исследованию диалога культур. На них год от года меняется ракурс рассмотрения диалога культур, и соответственно наше понимание этого феномена становится более конкретным и объемным. В этом году таким ракурсом является аксиология.

Другая особенность наших Чтений заключается в том, что теоретические размышления о диалоге культур идут параллельно с самим диалогом культур и как бы непосредственно вплетаются в этот процесс. Так получилось, что намеченный на этот год разговор о ценностном и коммуникативном аспектах диалога культур совпадает с ситуацией, когда этот диалог оказывается под вопросом именно из-за различия в их ценностных основаниях и смысловых выражениях.

В Лихачевских чтениях прошлого года, посвященной теме «Диалог культур в процессе глобализации», как бы заочно участвовали государственные лидеры Германии и Франции, которые незадолго до того признали крах политики мультикультурализма. В Чтениях этого года также есть заочная часть, которая врывается к нам из самой гущи жизни — это гражданская война в Сирии и теракты в Бостоне. Если эти события считать выражениями (особыми случаями) конфликта, окрашенного в цивилизационные различия Востока и Запада, то они свидетельствуют, что этот конфликт в известном смысле становится внутренним делом и Запада, и Востока — внутриарабским конфликтом и, учитывая, что один из бостонских террористов является американским гражданином, внутриамериканским конфликтом. И в том и в другом случае ценностные различия оказались сильнее диалога и взорвали его пространство. Невольно приходит в голову мысль, которую мы всячески старались и стараемся изгнать, — не рано ли мы отбросили слова Киплинга, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись.

2. Вопрос о ценностях и смыслах в контексте диалога культур провоцирует на выяснение различия между этими понятиями. Это, конечно, важно. Не философу возражать против уточнения слов и понятий, ведь некоторые даже думают, что в этом и состоит назначение философии. Я бы, однако, хотел обратить внимание на

¹ Директор Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

другой момент. Что бы мы ни понимали под ценностями и смыслами, как бы ни соединяли и ни разъединяли эти понятия, совершенно несомненно, что они самым существенным образом и прямо связаны с культурой. Ведь культура — это то, что люди вносят в мир, человеческая печать, которая накладывается на мир. Она прежде всего и заключается в тех ценностях и смыслах, которые составляют ее основу и во имя которых человек осуществляет свою деятельность. Словом, ценности и смыслы — это сердцевина культуры. Разные культуры — разные ценности и смыслы.

Открытый и взрывоопасный вопрос состоит в следующем: как различие ценностных оснований культур обнаруживает себя в диалоге между ними или, говоря по-другому, как возможен диалог между культурами, базирующимися на различных ценностных основаниях? Ответ на него, из которого мы явно или неявно исходили и исходим в своих дискуссиях и которому на практике следовали и следуем в рамках демократически организованной общественной жизни, можно было бы приблизительно сформулировать так. Диалог между культурами протекает в некотором общем для них пространстве, которое совпадает с пространством публичной жизни. Последнее базируется на принципах рациональной коммуникации, праве, здравом смысле и благоразумии; в него люди вступают как граждане, и в нем они оцениваются по общепризнанным критериям того, что считается правильным и неправильным. Все, что касается особых ценностных установок и претензий культур, вступающих в диалог, а также этнических, религиозных и других особых культурных идентификаций граждан, рассматривается как их частное дело, отнесается на периферию публичного пространства или вообще выносится за его границы. Хотите носить мусульманские платки — носите дома, но не в школе (это у нас), или наоборот, хотите ходить с обнаженной головой — ходите дома, но не на публике (это в Иране); хотите свадьбу со стрельбой — пожалуйста, в горах, но не на улицах Москвы, и т. п.

Такое решение вопроса исходит из принципиального отделения общей сферы общегражданской жизни от частных сфер различных культурных идентификаций. Однако такое разделение все более становится неприемлемым и невозможным по многим основаниям. Укажу только на два. Во-первых, культурно дистиллированное публичное пространство деградирует до пустой формальности политкорректного поведения, да плюс к тому еще заполняется различными суррогатами и подделками культуры. Во-вторых, в условиях современных технологий оказывается все более трудным провести границу между публичной и частными сферами жизни: частные сферы становятся доступными для публичного обозрения, да и сами претендуют на публичность.

3. Новые вызовы, перед которыми оказался процесс диалога культур, наиболее выпукло обнаруживаются

и могут быть проиллюстрированы на примере того, как изменяются место и роль религии в современном обществе и как это изменение получает отражение в дискуссиях о постсекулярном мире. Современные демократические государства сложились и функционируют в общем и целом как светские. Правда, мера светскости в них выражена с разной степенью полноты и последовательности, но, тем не менее, во всех случаях церковь отделена от государства, религия считается частным делом. Сегодня, однако, религия, которая, судя по всему, обретает новое дыхание, претендует на то, чтобы быть представленной в публичном пространстве и оказывать свое влияние на образование, социальную политику, законодательство и т. д. Мы видим, например, что РПЦ совсем не желает довольствоваться ролью частного объединения православных россиян и замыкаться в границах церкви; она берет на себя ответственность за развитие общества в целом, внедряется в образование, медицину, армию, пытается сказать свое решающее слово в вопросах общественной морали и т. д. И это — не какое-то исключительное явление. Нечто подобное происходит во всем мире, где-то в более радикальных формах, как, например, на мусульманском Востоке, где-то в более мягких, как, к примеру, в странах Западной Европы. Но и в странах Западной Европы апелляция к христианским ценностям становится все более публичным делом. В них вопрос о том, что современный мир стал постсекулярным, уже почти перестал быть дискуссионным: речь идет только о том, в чем эта постсекулярность состоит. Одни авторы полагают, что вера может найти место в рамках рационального дискурса, другие видят в ней самостоятельный источник, придающий легитимность публичному пространству. Все это говорит о том, что религиозная вера, религия как один из субъектов в современном диалоге культур исходит из того, что ее ценности с точки зрения обоснованности и общественной значимости вполне сопоставимы с ценностями секулярного сознания и имеют такие же права на публичность, как и они. Принципиальный вопрос состоит в следующем: можно ли обоснованно оспорить данную позицию в рамках концепции диалога культур? На мой взгляд, это трудно сделать. Сегодня вера встречается с рациональным дискурсом не в гегелевской перспективе исторического развития, а в кантовской перспективе взаимодополнительности. Они

встречаются не на вертикали исторического развития, где одна стадия сменяет другую, а на горизонтали многообразия современной жизни, и в качестве партнеров, равновеликость которых гарантируется концепцией диалога культур.

4. То, что говорилось выше о соотношении веры и знания, приложимо также и к другим случаям диалога культур, — скажем, между национальной культурой и этничностью, между традиционной сексуальной культурой и культурой сексуальных меньшинств, между высокой культурой и культурой массовой и т. д. Ведь диалог культур, рассмотренный с точки зрения его ценностных оснований, уравнивает все культуры, которые находятся в режиме диалога. Но тем самым подрывается идея развития культуры, ее прогресса. Более того, ставится под сомнение возможность в этой сфере общезначимых критериев, более развитых, совершенных форм и состояний. Это, на мой взгляд, ключевая проблема, с которой сталкиваются и на которую наталкиваются и теория, и практика диалога культур в настоящее время.

Следует, возможно, еще раз вернуться к вопросу о том, о чем мы действительно говорим, когда рассуждаем о диалоге культур. И в самом ли деле речь идет о диалоге культур или о взаимодействии, диалоге конкретных людей, индивидуально ответственных за все, что они делают, включая также культурно обусловленные мотивы и особенности их действий? Ведь простая, очевидная и в то же время в высшей степени важная истина состоит в том, что культуры, цивилизации, ценности, смыслы, идеи, мировоззрения ничего не делают, не могут делать (разве что только в некоем переносном, фигуральном смысле) — все делают люди (отдельные индивиды и их организованные группы), которые принадлежат к определенным культурам, цивилизациям, придерживаются определенных ценностей, практикуют определенные смыслы, исповедуют определенные идеи, мировоззрение. И когда люди действуют тем или иным образом, они делают это по той причине, что решили так действовать, и именно это является самым важным, когда мы говорим о вине и ответственности. А тот факт, что они, действующие индивиды, принадлежат к определенным культурам, придерживаются определенных идей и ценностей, является вторичным («приобщенным», говоря языком Бахтина) моментом.

А. С. Запесоцкий¹

ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ: ПРОИЗВОДСТВО СМЫСЛОВ И УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ

1. Кризис культуры, кризис человека

Культура США, Евросоюза и в особенности России переживает трагедию катастрофического надлома, конкретные черты которого фиксируются массой разнотипных исследований. Новые поколения, вступившие в детство и юность в последние десятилетия, радикально отличаются от своих отцов и дедов. Различия фундаментальны: они произрастают из систем ценностей, санкционирующих цели деятельности, коренятся в смыслах базисных мировоззренческих универсалий, понимании добра и зла, видении картины мира. Нового человека формируют общественная практика новой эпохи, новая культура, которую по отношению к предшествующей можно характеризовать как культуру деградации и упадка. Решающим фактором трансформации культуры стали информационные потоки, разрушившие процесс культурной преемственности поколений и конструирующие иную, весьма самобытную культурную систему. Ее, к сожалению, трудно считать магистральным путем развития мировой цивилизации.

2. «Информационное общество» как новое варварство

Научная мысль XX века поставила на фундамент относительности ценность научно-технического прогресса, идею победы человека над природой. Стали очевидными опасности истощения природных ресурсов, многообразных загрязнений природной среды, уничтожения природы как таковой.

В наше время становятся очевидными и пагубные тенденции очередного витка этого прогресса, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий, формированием «информационного общества». Казалось бы, рыночная экономика в сочетании с политической демократией, свободой слова и доступа к информации открывает совершенно восхитительные

¹ Ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции.

Автор свыше 1900 публикаций. Член редколлегии журналов «Педагогика», «Литературная учеба», «Философия и культура», «Вопросы культурологии», научно-образовательного журнала «Партнерство цивилизаций», «Симург» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих» и «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования, Золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж). Награжден почетным знаком Министерства культуры Болгарии «Печать царя Симеона I».

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010) в области образования и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии и Украины. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Заслуженный артист РФ.

возможности для развития человека и культуры, обнаруживает потрясающее воображение перспективы новых взлетов гуманизма и духовности.

На практике же происходит противоположное. В глобальной политике уничтожается с огромным трудом созданная система международного права, на смену ей снова приходит право силы. Новая дикость, неоварварство творятся якобы в защиту истинных ценностей, выстраданных человечеством в ходе тысячелетий его исторического развития. На самом же деле эти ценности бессовестно попираются. Стимулирование извне этноконфессиональных противоречий в Югославии стало там толчком для геноцида, а прямое военное вмешательство НАТО с бомбардировками мирного населения привело к распаду этой страны. Безосновательная оккупация Ирака сопровождалась уничтожением сокровищ мировой цивилизации, уникальных культурных ценностей человечества и погрузила страну в межконфессиональную войну, приносящую каждый день гибель десяткам и сотням мирных граждан. Уничтожение внешним вмешательством Ливии и Сирии сопровождается десятками тысяч жертв среди мирных жителей. Захват глав независимых государств и передача их в руки враждебных племен для зверских расправ, похищения граждан других стран по всему миру, пытки в Гуантанамо, присвоение чужих средств на счетах своих банков — эти и им подобные действия совершаются под контролем законных правительств и парламентов, органов юстиции стран Запада, но главное — вызывают массовое одобрение граждан этих стран.

Еще 40–50 лет назад подобное было невозможно. Реакцией на эволюцию Запада в духе «общества потребления» в конце 1960-х годов стала тогда «молодежная революция», а события войны во Вьетнаме отправили в политическое небытие целый слой властвующей элиты США. Теперь же оправдание и одобрение преступлений против человечества, сопоставимых по масштабам и сути со зверствами фашистских концлагерей, стали нормой жизни для миллионов граждан «передовых» стран Запада.

«Как такое оказалось возможным сегодня?» — вот вопрос, который стоило бы осмыслить участникам Международных Лихачевских научных чтений. На мой взгляд, это не риторический вопрос. Он относится к радикальным переменам в сфере глобального общественного производства, фундаментальным сдвигам в развитии глобальной и национальных культур. Всего несколько десятилетий назад общественное мнение в мире формировалось выдающимися интеллектуалами — учеными, писателями, мыслителями, университетскими профессорами. Теперь оно фабрикуется владельцами информационных корпораций, «денежными мешками», тесно связанными с бюрократами. Сотни миллионов людей по всему миру снова превращаются в марионеток в руках кукловодов. Эти

фундаментальные перемены и сдвиги должны быть выявлены и осмыслены.

3. Надлом российской культуры

Не меньший материал для размышлений в связи с этим дает и развитие событий в нашей стране, в России. Неоварварство торжествует у нас едва ли не во всем. Идет ли речь о выборе места для строительства новой сцены Мариинского театра или введении ЕГЭ в школах; об исключении из школьных программ великой русской литературы или торговле в аптеках фальшивыми лекарствами; о замене при ремонте Большого театра бронзовых элементов декора на пластмассовые или объявлении вузов коммерческими организациями. Асфальт при прокладке дорог заменяется на его имитацию. Вовлечение детей в занятия физкультурой заменяется на поощрение фанатских движений. В воспитании осуществляется переход от культивирования человека-творца к формированию «квалифицированного потребителя». Во множестве сфер деловой и общественной жизни совесть заменяется страхом. Учителями жизни становятся не родители и педагоги, не Лев Толстой и Дмитрий Лихачев, а Счетная палата и Следственный комитет.

Следует признать, что, стремясь к «западным ценностям», Россия оказалась сегодня в авангарде неоварварства, разрушив собственную систему культурной преемственности. Рядом со старой, великой российской культурой, отмирающей по мере ухода с исторической арены воспитанных в советское время поколений, создана совершенно иная, не имеющая ничего общего с прежней. Это культура гниения и распада, разрушения традиционных культурных ценностей.

Недавно объектом глумления государственно-телевидения России стала победительница одного из конкурсов красоты, жена знаменитого футболиста и, по всей видимости, неплохая мать своих детей. Она не знала, что Земля вращается вокруг Солнца. Но ее незнание — норма для российских граждан. Этого не знает треть современного населения страны. Существенная часть населения не знает также, почему нельзя сбивать детей на пешеходных переходах, садиться пьяными за штурвалы самолетов, жарить прохожих на Вечном огне. А для новоявленных «столпов общества» шедеврами человеческого духа теперь являются: изображение группой «Война» мужского полового органа на мосту через Неву, претендовавшее на соискание премии Министерства культуры РФ; телесериал «Школа», получивший высшую премию российской телеакадемии; «панк-молебен» группы «Пусси Райот», выдвинутый на все возможные премии на свете нашими доморощенными «либералами».

Как такое стало возможным в стране Пушкина и Шолохова, Чайковского и Прокофьева, Эйзенштейна и Козинцева? Ведь нам достаточно сравнить сериал «Школа» с фильмом «Доживем до понедельника», чтобы понять огромную пропасть, созданную за последние 20–25 лет между великой российской культурой и тем, что теперь навязывается обществу. За два десятилетия произошла тотальная смена шкалы ценностей, осуществляется воспроизводство нового типа лично-

сти, стоящего на лестнице гуманитарной эволюции намного ниже типичного человека советской эпохи.

История в нашей стране снова пошла по какому-то порочному пути случайно, или в основе протекающих процессов лежат некие фундаментальные закономерности? Что происходит с ценностями и смыслами, шире — с культурой в современных обществах западного типа, развивающихся на духовно-нравственной платформе христианства? Ясно уже, что наиболее развитая часть христианского мира вошла в глубочайший кризис. И Россия вошла в него, по всей видимости, особенно глубоко. Но в чем суть и причины этого кризиса? Это — другой вопрос, ответ на который участникам Лихачевских чтений стоит поискать совместно.

Между тем сегодня мы видим, что сбылось мрачное пророчество Хантингтона о войне цивилизаций. Страны Азии воздвигают барьеры на пути влияния Запада в области культуры и искусства, которое они считают тлетворным. С крайней осторожностью эти страны относятся к идеологии Запада и основанному на ней формам уклада общественной и семейной жизни. С горечью приходится констатировать, что в Китае созданы научно-исследовательские институты, изучающие ошибки Советского Союза и современной России с целью их предотвращения в собственном развитии. Таково отношение к западному пути, западным ценностям в странах, исповедующих буддистскую и конфуцианскую философию.

Мусульманская же часть человечества, как известно, объявила Западу настоящую войну, причина которой — неприятие базисных ценностей в их современной западной интерпретации. Уничтожительной критике в мусульманском мире подвергаются западная пропаганда однополых сексуальных отношений, современное понимание женщины и семьи, наркомания, алкоголизм, социальная несправедливость, распространение продукции массовой культуры и безудержное загрязнение окружающей среды, экономическая эксплуатация народов, не входящих в «золотой миллиард».

Запад становится во всем мире синонимом лжи и обмана, спекуляции на традиционных ценностях. Показательно, что даже Лагинская Америка (страны христианского мира) не хочет двигаться в фарватере США и Евросоюза, быть зоной их влияния.

4. Ценности и смыслы

Спор между Западом и всем остальным миром фокусируется не столько на ценностях как таковых, сколько на иерархиях ценностей, системах ценностей, смыслах, которые вкладываются в понимание тех или иных ценностей в контексте различных культур.

В каждый конкретный момент истории культуры любого социума содержит специфический набор и иерархию ценностей. Их система выступает в качестве наиболее высокого уровня социальной регуляции. Слом существующей и формирование иной социально-экономической формации (очередным рубежом этих процессов в России стал 1991 г.) предполагают существенное изменение системы ценностей. Однако это не может быть сделано в одночасье. Система ценностей прочно существует в том или ином виде в сознании

любого члена общества. Она составляет основу его мировоззрения, картины мира. Система ценностей является основой для выработки целей деятельности человека. Вся повседневная деятельность людей соотносится ими с системой ценностей. Собственные поступки и поступки других людей человек оценивает с точки зрения соответствия его представлениям о добре и зле, истинном и ложном, красоте и безобразии, справедливом и несправедливом, возможном и запретном.

Ценности подвержены влиянию социальных отношений. В индивидуальном восприятии реальности они выступают как свойства предметов и явлений, однако даны не от природы, не в силу внутренних объективных свойств объектов, а вследствие их вовлеченности в сферу общественного бытия людей.

5. Ценности и смыслы производятся как продукты

Ценности и смыслы в наше время производятся как продукты, только это происходит не в материальном мире, а в сознании людей. Более того, этот вид в структуре общественного производства постепенно занимает все большее место по сравнению с созданием индустриальной продукции.

Стремительно расширяются возможности информационных систем. В связи с этим в развитии глобальной, национальных, локальных и индивидуальных культур наряду с процессом создания культурных ценностей (социальные, технические, художественные и другие инновации) все большее значение приобретают создание, конструирование и регулирование информационных процессов, способов подключения к ним человека.

Современная ситуация характеризуется не только увеличением объемов информационных потоков, циркулирующих в обществе, и повышением мощности информационных систем. Происходят и иные перемены. На смену раннему буржуазному обществу свободной конкуренции с его стихийной принудительностью экономических механизмов, рыночной реализацией частных интересов независимых субъектов хозяйственной деятельности приходит «информационное общество» — государственно-монополистическая организация производства, охватывающая не только материальную сферу, но и сознание людей. Производство смыслов, формирующихся в человеческом сознании, превращается в самостоятельную отрасль экономики и пронизывает все традиционные сферы производства. Образуется индустрия смыслов. Философские основы понимания происходящего заложил Мераб Мамардашвили, описавший изменения в соотношении между действием общественных экономических законов и механизмами сознания людей в нашу эпоху [1].

К концу XX века демократические способы организации жизни общества все больше начинают испытывать деформации и уступать место скрытым формам регулирования экономического развития и социально-культурных процессов со стороны властвующих элит. Информационные потоки выступают важнейшими инструментами такого регулирования. Известно, что от 90 до 95 % мировых новостей про-

изводятся тремя корпорациями США, находящимися де-факто под контролем властей этой страны. В Китае властные структуры официально признают свой контроль над распространением информации. СМИ играют решающую роль среди различных институтов, оперирующих информационными потоками. По сравнению с другими социальными институтами влияние СМИ на умы людей и общее состояние культуры наций неуклонно растет и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов. В ряде отношений это влияние уже перевешивает воздействие всех прочих факторов, вместе взятых.

6. Переход от воспроизводства творцов к производству потребителей

Россия сегодня завершает переход от культурных парадигм прошлого к новым информационным укладам. Минувшее столетие, несмотря на масштабный геноцид в отношении интеллектуальной и культурной элиты, прошло под знаком величайшего взлета творческой, научной и философской мысли.

Именно минувший век воспитал и закалил плеяду замечательных ученых, деятелей науки и искусства, гуманистические идеалы и труд которых вывели отечественную науку и культуру на новый уровень. В ту эпоху идеалы гуманизма и просвещения стали ориентирами культуры масс, а их создатели — властителями дум российского общества. Несколько поколений россиян выросли в обществе, где реально ценились знания, яркость мысли, концепции и интеллект. Выросли поколения творцов. Эти люди, обеспечившие величие русской науки, образования, культуры, по сути представляли собой живую связь с фундаментом великой русской культуры. Через все трудности, связанные с влиянием командно-административной системы, они пронесли стремление к творческому осмыслению информации в контексте окружающей реальности. Именно благодаря их усилиям и в постсоветский период отечественные гуманитарные науки совершили следующий шаг вперед.

Известно, что становление культуры и цивилизации XX столетия в СССР во многом прошло под знаком информационной ограниченности, примата идеологии над свободой творчества, тотального контроля над деятельностью системы массовых коммуникаций. Но в условиях мощной государственной поддержки науки, культуры и образования это привело и к укреплению, развитию образовательной и культурной самостоятельности, энциклопедизма научных знаний ученых, универсальности творческой подготовки специалистов, порой при серьезном дефиците информации. Деятель культуры должен был иметь фундаментальные и едва ли не всеобъемлющие знания для того, чтобы успешно действовать, творить. Присутствие таких людей в обществе само по себе являлось фактом величайших достижений духа.

Наше время выдвинуло на авансцену новый тип личности: человека малообразованного, плывущего по волнам информационных потоков под влиянием складывающихся трендов. Более того, целый слой невежественных людей оказался вовлечен во власть, начал

оказывать существенное, а иногда и решающее влияние на принятие судьбоносных для страны решений.

При поддержке государства СМИ отгеснили, а во многом и заменили в России систему образования. Итогом последних десятилетий стало воспитание нового поколения, ориентированного не на творчество, а на потребление. Для миллионов молодых людей великие достижения русской культуры теперь уже незнакомы. Не прочитаны важнейшие книги, не прочувствованы важнейшие духовные смыслы, не сформирована система мировоззрения. Будучи во многом продуктами современной системы средств массовой коммуникации, эти люди не способны самостоятельно принимать решения, создавать новое, жить и действовать в сфере культуры. Они жадно ждут от СМИ все новых рецептов и подсказок, алгоритмов действий, способов восприятия и интерпретации окружающей социальной действительности. Они не способны сформулировать в своем мышлении целостную картину мира. Их мышление носит клиповый характер.

Современное информационное общество принесло в жертву рынку идеалы просвещения и духовные ориентиры прошлого. Теперь оказалось выгодно с помощью социальных технологий навязывать и тиражировать для массового потребления образцы низкосортной культуры. Сегодняшний информационный рынок способен платить лишь за низкопробную культурную продукцию. Основной задачей современного «информационного общества» становится увеличение скорости принятия решений не только в сфере потребления, но и в социальной жизни. И в современных условиях система СМИ не просто все чаще прибегает к манипулятивным социокультурным технологиям в сфере духовного производства, она становится в основном манипулятивной.

СМИ научились эффективно конструировать информационные приоритеты и обеспечивать успешное восприятие информации в интерпретации, необходимой для власти. Одним из результатов этого стало возрастание роли институтов государства и бизнеса. Теперь при принятии законов, сложных государственных решений, при реализации масштабных экономических проектов подконтрольная власти система массовых коммуникаций быстро и эффективно формирует общественное мнение нужным образом. Применение современных технологий позволяет транслировать не только информацию, но и когнитивные алгоритмы ее обработки, не столько внедряет прямым насилием конечный вывод, сколько инсценирует алгоритм выбора и усмотрение целевого решения. Людям навязываются интерпретации реальности, смыслы происходящего.

Для власти оказывается невыгодно воспитание умного, интеллигентного, компетентного в различных сферах деятельности человека. По той причине, что такой человек подвергает сомнению формирование общественных приоритетов и целей, в которых заинтересована власть. Ничего не принимая на веру, осмысливая и изыскивая собственные решения, образованный человек стал даже вреден: слишком много времени и средств нужно тратить на то, чтобы его проинформировать и убедить; слишком большие запросы предъ-

являет он к продукции массмедиа; слишком склонен к самостоятельному производству смыслов.

Электронные СМИ дают почти безграничные возможности для массового формирования индивидуального сознания с учетом новых технологий, автоматизирующих использование общедоступной информации. И эта ситуация таит в себе немало опасностей, предоставляя владельцам капиталов возможность мгновенной покупки многомиллионной аудитории, предлагая поддержку бездарным политикам и нечистым на руку бизнесменам.

7. Особая роль телевидения

Известно, что в настоящее время свыше 30 % россиян не принимают личного участия в культурной жизни страны [2]. У одних нет территориального доступа в повседневной жизни к библиотекам, театрам, музеям, концертным и выставочным залам. У других не хватает денег. Стоимость посещения ряда музеев, к примеру, за последние 15 лет выросла в 10 раз. У третьих не хватает времени и сил на активную деятельность в сфере досуга. Только около 8 % жителей страны ходят в кино, на концерты — 4 %, в библиотеки — 3 %, музеи, выставки, вернисажи посещают 2 %, в клубах по интересам, творческих кружках занимается порядка 1 %. Вместе с тем около 60 % свободного времени россияне проводят у телевизора. По данным фирмы «Видео Интернешнл», величина среднесуточной аудитории телевидения колеблется в интервале 75–80 % населения страны [3].

Таким образом, в России федеральные каналы телевидения с 1990-х годов превратились в ключевой, системообразующий элемент не только информационного поля, но и всего духовно-нравственного пространства страны. Формирование картины мира и системы ценностей человека, багажа знаний, отношения к жизни и отдельным ее явлениям, структуры интересов, мотивации к той или иной деятельности, культуры речи и бытового поведения и тому подобного — все то, чем раньше занимались родители, педагоги, профессора, деятели культуры и искусства, выдающиеся писатели, — берет на себя телевидение. Оно «фактически контролирует всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры... Оно выделяет отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придает им особый вес, повышает ценность одной идеи, обесценивает другую, поляризует таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» [4]. Эти слова были сказаны западным исследователем о западном телевидении около 40 лет тому назад, но сегодня они еще более актуальны по отношению к современным российским СМИ.

Известно, что телевидение не информирует зрителя о реальности, а дает ее собственную интерпретацию, более того, создает иную «реальность» в сознании аудитории: «Телевидение — это производство, фабрика смыслов. Цензура реальности, в которой существует масса разнообразных симуляторов, пустотелых, иллюзорных и других построек. Формат есть то, посредством чего мы осознаем реальность. Это всегда

не «сырое» событие. На телевидении сырых событий нет, даже если вы ведете прямую трансляцию с места события» [5].

Якобы идя навстречу запросам населения, СМИ удовлетворяют тот спрос, который сами и формируют. Реализуется формула К. Маркса, согласно которой потребности производятся так же, как и продукты [6]. СМИ направляют значительнейшие ресурсы на то, чтобы объяснить своей аудитории, когда и какую именно информационную продукцию следует потреблять. В этом смысле их деятельность ничем не отличается от рекламы кофе, шампуней, прокладок и т. д. Закономерно, к примеру, что лидерами проката в стране являются фильмы, в рекламу которых телеканалы вложили десятки миллионов долларов. Специалисты отмечают, что ожидания и поведение людей форматируются, определяются, делаются.

Академик В. С. Степин обращает внимание на особую роль неявных знаний в культуре: «... этот вид неотрафлексированного знания играет важную роль в воспроизводстве и развитии даже такого рационального способа постижения мира, как наука. Неявное знание — это прежде всего образцы деятельности. Их зачастую даже трудно описать в виде инструкций, но они усваиваются и понимаются через подражание. В повседневной жизни образцы деятельности, поведения и общения выступают необходимым компонентом воспроизводства того или иного образа жизни. Подражая, люди как бы считывают друг с друга программы поведения и деятельности. Во всех этих ситуациях человек, осуществляющий действия и поведенческие акты, которые другими людьми используются в качестве образца, функционирует как своего рода семиотическая система» [7]. Неявные знания, транслируемые телевидением, трансформируют российскую культуру.

Практически все научные исследования качественных характеристик населения, проводящиеся в стране в последние годы, констатируют стремительный регресс по основным параметрам [8]. И там, где в задачи исследователей включается оценка факторов регресса, на первое место выходит влияние ведущих каналов федерального телевидения. Телевидение задает направление развития общества и навязывает населению определенные модели поведения, которые затем реализуются.

8. Реклама как идеология общества потребления

Особое значение имеет влияние на телезрителя содержания рекламы. С формальной точки зрения реклама — это способ информирования населения о продуктах и услугах, предлагаемых продавцом. Другие аспекты влияния рекламы на население, как правило, остаются в тени. Между тем в нашей стране с начала 1990-х годов реклама заняла в массовом сознании нишу идеологии, осуществляя демонтаж и реконструкцию фундаментальных мировоззренческих ценностей населения. Во многом благодаря ей в это время происходит коренная переориентация предпочтений молодежи от нематериальных ценностей к материальным. Зарплата утверждается на первом месте в мотивах труда, оттеснив такие ценности, как содержание тру-

да, самоопределение в труде, возможность реализации своих знаний и способностей через труд. Под воздействием рекламы понятие «уметь жить» начинает сводиться для молодежи к формуле «иметь»: носить модную одежду, посещать дорогие клубы и дискотеки, не утруждать себя тяжелой работой. Меняются понятия счастья, смысла жизни. Оказывается, что для ребенка реклама — прежде всего самая простая модель знакомства с обществом. Это то, с чем он сталкивается ежедневно, что его развлекает, очаровывает, играет с ним. Современная реклама в России меняет представления о приемлемом социальном поведении.

Пропаганда определенных образцов ведет к принятию их за эталон. Дети, наблюдающие за поведением пропагандируемых личностей, берут их жесты, артикуляцию, внешний облик, высказывания за образец. Предлагая то или иное поведение в социуме, реклама ориентирует на социальную сопричастность и референтность. Детская психика специфична. Ребенок не всегда способен критически оценивать культурные элементы, ценности, выдвигаемые СМИ, чаще он лишь усваивает их, копирует навязываемые образцы. Активность масс в России искусственно направляется в сферу потребления, и наше общество превращается в «общество потребления». Реклама становится идеологией потребления и своего рода институтом социализации, проектирующим и формирующим нужного ей человека — «человека потребляющего».

Особенно трагична ситуация с молодежью, которой навязан на этой основе радикальный культурный разрыв с предшествующими поколениями. Подобная ситуация существовала в теории, но никогда и нигде ранее не воплощалась на практике в подобной степени.

9. Аморальность — сущностная черта новой культуры

Российские СМИ на протяжении примерно 20 последних лет исполняют роль главного архитектора новой национальной культуры. Строго говоря, она не вырастает из старой, не создается путем модернизации того, что было, а строится путем отрицания или игнорирования прошлого. Точками роста выступают не базовые ценности российского общества, коренящиеся в толще веков отечественной культуры, а субкультурные образования типа гламура — субкультуры «новых русских».

Образно говоря, новая культура строится СМИ не на фундаменте старой, а в стороне от нее, на груде обломков культурных элементов, ранее уже доказавших свою несостоятельность и отвергнутых человечеством. СМИ отбирают существующие в культуре элементы для последующей обработки, упаковки и сбыта населению. Наиболее близкий аналог результата — Древний Рим эпохи деградации и упадка, фактически принятый за образец московской «элитой» в начале 1990-х. Впервые за тысячу лет Россия перестала быть христианским государством, стремительно скатившись в язычество. В 1990-е годы власть вывела заботу о нравственности в стране за рамки функций государства, и даже твердая личная поддержка принципов морали В. В. Путиным не изменила в целом сложившуюся

ситуацию: Российское государство в наше время основывается только «на букве закона» и абсолютно игнорирует мораль. Аморальность стала лейтмотивом жизни современного российского общества и его культуры. И СМИ сыграли в формировании данной ситуации роль главного инструмента. Другая сторона этого же процесса — замена народной культуры на массовую, так называемую поп-культуру [9; 10]. В итоге Россия лишилась великой национальной культуры как магистрального пути своего развития.

Общее падение культуры сопровождается понижением интеллектуального уровня населения страны. Культурная деградация становится настоящей катастрофой для экономики. Ректоры и профессора вузов практически повсеместно бьют тревогу: уровень общекультурной подготовки абитуриентов не позволяет готовить специалистов на прежнем уровне. Работодатели столь же повсеместно сетуют на недостаток квалифицированных кадров. Данные социологических исследований последних лет фиксируют рост иждивенческих настроений молодежи, массовую потерю мотивации к учебе, труду, саморазвитию.

Можно констатировать, что деформации системы массового воздействия на население в России привели к тому, что «общество потребления» — метафора, применяемая западными интеллектуалами для обозначения всего лишь одной из тенденций развития современного западного общества, — стала у нас полномасштабной характеристикой сложившейся ситуации. В стране создано общество, которое научилось потреблять, но все хуже умеет производить.

Формальное игнорирование российской властью воспитательной функции СМИ привело в последние годы к возникновению феномена, который специалисты называют «понижающей селекцией», — своего рода воспитания со знаком «минус», когда в человеке возвращается, культивируется все низменное, антигуманное. Систематическая апелляция к первобытным животным инстинктам, задействование обычно подавляемых культурой дремучих механизмов подсознания деструктивно влияют на личность.

Отметим, что советская система стремилась создать человека-творца, высоконравственную личность творческого типа. Переход к воспроизводству аморальной личности, «человека потребляющего» не оставляет России возможности реализовывать в экономике, сфере производства даже модель «догоняющего» развития, не говоря уже о развитии инновационном. В целом же формируемый тип деградирующей культуры имеет своим основным содержанием проедание ресурсов.

Сложившейся в России системе деятельности СМИ уже около 20 лет, и ее плоды уже отчетливо сказались на

общекультурном состоянии нации. 22 декабря 2008 года Общее собрание Российской академии образования приняло обращение к руководству страны по вопросам деятельности СМИ. В нем отмечалась необходимость масштабных изменений всего духовно-нравственного пространства страны, системообразующим элементом которого в настоящее время являются СМИ, и в первую очередь — основные федеральные телеканалы. Констатировалось, что происходящее духовно-нравственное перерождение страны создает угрозу ее будущему. Аналогичен и смысл обращений к власти многих выдающихся представителей отечественной интеллигенции. Реакция на эти обращения прослеживается в недавних выступлениях руководства государства, но каких-либо практических шагов за этим не последовало.

Литература

1. Мамардашвили М. К. Интеллигенция в современном обществе / М. К. Мамардашвили // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. — М., 1992.
2. Ивлиев Г. П. Перспективы развития электронных библиотек в Российской Федерации : интернет-интервью с председателем Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по культуре от 25 июня 2010 г. / Г. П. Ивлиев [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/action/interview/251298/> (дата обращения: 28.10.2010).
3. Полуэхтова И. А. Социокультурная динамика российской аудитории телевидения : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / И. А. Полуэхтова. — М., 2008 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://dibase.ru/article/22092008poluekhтоваia>.
4. Моль А. Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль. — М. : Прогресс, 1973.
5. Дондурей Д. Б. Российское телевидение: не нравятся, но смотрю. Телевизионные рейтинги как инструмент конструирования реальности : стенограмма лекции, прочитанной 30 января 2009 г. в Фонде им. Д. С. Лихачева. — СПб., 2009.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 46, ч. 1.
7. Куда идет российская культура? : круглый стол, 27–28 июня 2009 г. / науч. ред. В. С. Степин, А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП, 2010.
8. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние : науч. и публицист. заметки обществоведов / науч. ред. О. Т. Богомолов. — М., 2010.
9. Миронов В. В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии / В. В. Миронов // Вопросы философии. — 2006. — № 2.
10. Миронов В. В. Поп-культура: симуляция культуры и философии / В. В. Миронов // Философия общества. — СПб., 2007. — Вып. 2.

П. О. Ильинский¹

**ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО: «Зимние заметки о летних впечатлениях» —
150 лет спустя, или Западная Европа глазами русского писателя
и русского консерватора**

...Хоть и возможен социализм,
да только где-нибудь не во Франции².
Ф. М. Достоевский

Иногда бывает так, что умный русский человек возьмет да и напишет что-нибудь не совсем соответствующее уровню его образованности и проницательности. И непонятно, вроде бы какой серьезный господин, а вот... И еще: этот милый человек с необычной точкой зрения бывает талантливым, иначе, сами понимаете, кто бы читал его запечатленные мысли, удачные и неудачные. Скажем прямо: в центре циклона часто стоит великий русский писатель, потому что более ничьи интеллектуальные дерзости нас, грешных, не интересуют и интересоваться не могут. Кому же интересны рассуждения политиков или политологов времен Очакова и покорения Крыма!

Великих русских писателей со странными мыслями ровно столько же, сколько великих русских писателей, ибо все они — люди со страстями и интересами. И все стали великими, сочиняя прозу, но одновременно, подгоняемые теми или иными желаниями, творили, как говорили в недавнюю эпоху, в публицистическом жанре.

Здесь перед нами встают, как любят писать авторы введливых рецензий, вопросы, вопросы... В самом деле, да одни и те же ли литературные гиганты создавали эту в лучшем случае необыкновенно наивную, а в худшем — поверхностную эссеистику и сочиняли «Ревизора», «Идиота», «Анну Каренину»? Разные, отвечает некая критическая школа; у классиков в жизни были периоды, «мы об этом подробно изложили в недавней монографии», один был умнее в молодости, другой в старости, у третьего все шло по синусоиде. И не путайте, добавляют другие, публицистику с художественными произведениями упомянутых титанов, которыми они, титаны, вошли в золотую сокровищницу... и далее по тексту.

Получается изрядное преткновение, иначе говоря, несоответствие высоколобых теорий тривиальным фактам. Во-первых, мы доподлинно знаем, что сии тексты очень разного качества сочинили одни и те же физические лица; во-вторых, нам известно, что почти те же самые мысли оные лица выражали и в некоторых своих беллетристических творениях, но там они, мысли, не шибко, что ли, выпирают. А иногда и совсем не выпирают. Вот здесь бы и успокоиться, потому что странные тексты великих писателей читают в лучшем слу-

¹ Ученый-биолог, поэт, прозаик, эссеист (США). Автор книг: «Перемены цвета», «Резьба по камню: четыре повести о непрерывности времени», «Долгий миг рождения: опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.», «Легенда о Вавилоне», многочисленных научных и публицистических статей. Автор и член редакционного совета поэтического альманаха на русском языке «Флейта Евтерпы» (Бостон).

² Все цитаты приводятся по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. (ПСС). Л., 1972–1990.

чае сотни, а их главные произведения — сотни тысяч (не будем замахиваться на большее, по нынешнему-то времени). Кому нужны несообразные думы человека-памятника, кроме литературоведов и биографов?

Но есть исключение — когда некоторые люди эти мысли используют. Либо для того, чтобы унижить гения: смотрите, какой он, вовсе не гений, а пустозвон, чтобы не сказать болван. Либо для того, чтобы выдать философские грехи классика за великие истины: это же гений (*наш* гений — подразумевается в скобках), и смотрите, вот что он говорит. Вы удивлены, вы об этом даже не задумывались, вы хотите еще раз взглянуть на обложку и сверить цитату? Сомнений нет, это он, наш гений, и это именно то, что он имел в виду. Поэтому немедленно меняйте свою незрелую точку зрения. Да-да.

Тут, конечно, с Достоевским никому не сравниться. Потому его столь часто используют и клянут. Чего только Федор Михайлович не высказал в письменном виде?.. Подробно перебирать эти материи — оставим специалистам, а сейчас попробуем проанализировать, пусть поверхностно, эмоции, питавшие нашего автора. Автор-то уж больно хорош, с этим почти никто не спорит (выпустим ради краткости отдельные противоположные мнения, пусть даже одно из них бунинское, а другое набоковское), но вот гостившие у него эмоции... И главное — до сих пор те же чувства посещают авторов (и не авторов) калибра гораздо меньшего, вследствие чего они (авторы) неизбежно привлекают суждения Достоевского в качестве доказательства собственных умозаключений.

Скажем, вот отношение к Европе (или Западу в целом, на который все старинные инвективы о Европе с легкостью переносятся). Как-то всегда мысль о соседней и родственной цивилизации мучила русского человека, и величие тому не преграда, великих она тоже мучила. Какой-то прямо удивительный след оставил Запад в русском «духовном наследии» (ведь никто не сомневается, что Достоевский — это наше кровное духовное наследие?).

Суммировать легко. Первое путешествие Достоевского в Европу имело место в 1862 году и привело, в частности, к написанию несколько необычного, как сейчас бы сказали, травелога, известного как «Зимние заметки о летних впечатлениях»³. Читать его интересно, особенно потому, что, несмотря на большое количество проницательных замечаний по второстепенным аспектам жизни тогдашней Европы (в основном Франции и Англии, в меньшей степени — Германии), там нет почти ничего точного или достоверного касательно

³ ПСС. Т. V. С. 46–98. Все дальнейшие цитаты из Ф. М. Достоевского, не отмеченные сносками, взяты из этого текста.

главнейших черт культурного, политического и духовного развития означенных стран. Заметим, что высказанные в «Заметках» мысли автор в дальнейшем отнюдь не дезавуировал. Наоборот, включил этот достаточно злободневный текст в вышедшее несколько лет спустя собрание сочинений, а насчет дальнейшего — в «Дневнике писателя» и прочих статьях 1870-х годов, где что ни открой в *зарубежном разделе*, получится перл. То «Англия стала смотреть на наши успехи в Азии с несколько большей к нам доверчивостью» (1874)¹, то «уже не мечтательно, а почти с уверенностью можно сказать, что даже в скором, может быть ближайшем, будущем Россия окажется сильнее всех в Европе» (1876)².

Делать полный реестр бессмысленно, остановимся лишь на двух-трех пунктах. Автор «Заметок» доказывает кому-то, что в Европе вовсе не так все хорошо со свободами, как кажется неназваемому оппоненту. И слежка существует во Франции, и обязательная регистрация приезжих, и пресса, стреноженная до четких рамок, и парламент послушный (напоминает эта не без известной пронизательности нарисованная картина нечто вполне современное и не очень французское). В отношении Англии автора потрясают бездушность и механичность явленных ему достижений тамошнего научно-технического прогресса. И еще — очень он озабочен, как тогда говорили, проблемой пола. Везде в этом западном мире творится разврат, иногда слегка продажный, как во Франции («парижанка создана для любовника»; «браки по любви становятся все более невозможными и считаются почти неприличными»), а иногда откровенно рыночный, как в гиперкапиталистическом Лондоне (хотя и парижские торгаши досадили нашему путешественнику презрительно). Автора прямо тянет в места, где он может набраться соответствующих впечатлений: «Кто бывал в Лондоне, тот, наверно, хоть раз сходил ночью в Гай-Маркет. Это квартал, в котором тысячами толпятся публичные женщины... Даже жутко входить в эту толпу». Значит, входил. «Просмотрел [я] в иных местах такие вещи, что даже стыдно сказать. И в Париже просмотрел». И там — входил. Даже о рабстве в отделившейся тогда от США южной Конфедерации не забывает великий писатель — почти как собкор ТАСС. Объяснение лежит на поверхности. Конечно, адресатами этих посланий являются российские либералы, считающие, что на Западе (в Европе) *все хорошо*. Так вот, доказывает бывший обитатель «Мертвого дома», — не все. И готов даже за своими инвективами о рабстве забыть о том, что приехал из страны, отменившей крепостное право только год назад.

Поэтому в «Записках» нельзя найти ничего про английский парламент (он-то был вовсе не карманный), про механизм устройства Швейцарской Конфедерации, про научные открытия, переворачивавшие тогдашний мир и приходившие именно из тех стран, которые посещал Достоевский. Нет ничего о великом перевороте Реформации и Возрождения, создавшем те великие культурные ценности, которые он все-таки, подобно каждо-

¹ Достоевский Ф. М. Иностранные события // ПСС. Т. XXI. С. 241.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. Апрель // ПСС. Т. XXII. С. 122.

му послушному туристу, обозревал. Или не обозревал, чтобы не входить в культурный соблазн? «Я был в Лондоне, ведь не видал же Павла. Право, не видал. Собора св. Павла не видал». Ни слова о флорентийских и венецианских чудесах, созданных многовековым трудом граждан свободных республик.

Кстати, о братских христианских религиях Достоевский отзывался в высшей степени бранчливо и оскорбительно: «Католический священник выследит и вотрется в бедное семейство... делается другом дома и под конец обращает всех в католичество... Англиканский же священник не пойдет к бедному. Бедных и в церковь не пускают...» Это мнение, кстати сказать, тоже временем и опытом скорректировано не было. Доверимся Н. С. Лескову: «Достоевский... говорил то, что говорят и многие другие, то есть что православие есть вера самая истинная и самая лучшая», притом что «знал священное писание далеко не в [высокой] степени, а исследованиями его пренебрегал и в религиозных беседах обнаруживал более страстности, чем сведущности»³.

Вот прекрасное определение писаний великих русских сочинителей о предметах, которые они не понимают: страстность — в полном порядке, а *сведущность* хромает. Но коли в наличии страсть и талант, то в результате получается долгоиграющая конструкция — и все равно помноженная на отсутствие сведущности, даже если дар божий позволяет автору что-то не понимаемое им напрямую («по-английски я не знаю ни слова») почувствовать или угадать. Как ни крути, а в сумме получаются сапоги всмятку, только из самой лучшей кожи, хорошо проваренные и политые каким-то небесным соусом. Есть их все равно невозможно, можно разве только облизывать.

В произведениях художественных Запад (на котором Достоевский в общей сложности провел несколько лет) становится праздным Рулетенбургом («Игрок»), местом лечения и успокоения (Швейцария в «Идиоте») или отдыха проигравшихся петербургских шалопаев, вовлеченных в некрасивые истории (Эмс в «Подростке»). С Европой всегда связано что-то несимпатичное, исчерпанное. Достоевский-романист терпеть не может Запад — там живут только русские бездельники и русские неудачники. И живет на Западе сам, неустанно работая, да и, как теперь выяснилось, к когорте неудачников тоже не принадлежа. Но он не любит Запад еще с первой своей поездки. А за что его, спрашивается, любить? Там же нет ничего хорошего, одна страсть к наживе.

Автор «Заметок» проходит мимо гордой самодостаточности швейцарских и итальянских коммун (спустя несколько лет «Идиот» был полностью написан в Швейцарии и Италии, такова ирония истории). Издеваясь над французским буржуа, который больше всего на свете мечтает увидеть море («voilà la mer») и так любит «se rouler dans l'herbe» (повалиться на траве), демонстрируя единение с природой, наш едкий наблюдатель вовсе не обращает внимания на совершающуюся на его глазах революцию в живописи, наступающую

³ Лесков Н. С. О куфельном мужике и проч. // Лесков Н. С. Собр. соч. : в 11 т. М., 1956–1958. Т. 11. С. 147, 148.

эпоху “Dejeuner sur l’herbe” («Завтрак на траве»), написанного именно в 1862–1863 годах.

Вот о французском буржуа, который больше всего любит ездить за город и на отдых к морю, хочется сказать особо, но только после почтительного реверанса в адрес беспощадной критики, которой автор «Записок» подвергает французский бульварный театр. Ни один обозреватель современных российских мильных опер не написал ничего более точного и уничтожающего. Вывод прост: жанр этот низок, в истории культуры не остается, но умирать не собирается. Да и как могут умереть бесконечные варианты бессмертного сюжета: «Вдруг оказывается, что [герой] вовсе не сирота, а законный сын Ротшильда. Получаются миллионы. Но Гюстав гордо и презрительно отвергает миллионы». Или: «Сесиль, разумеется, по-прежнему без гроша, но только в первом акте; впоследствии же у ней оказывается миллион».

Постойте, вдруг закричит внимательный читатель, я это уже где-то видел, я помню! А как же-с, сказал бы г-н Лебедев, конечно, видели-с. «... Это того самого Семена Парфеновича Рогожина, потомственного почетного гражданина, что с месяц назад тому помре и два с половиной миллиона капитала оставил?» И страниц через сто с лишком: «Поздравляю вас, князь! Может быть, тоже миллиона полтора получите, а пожалуй что и больше. Папушкин был очень богатый купец»¹. Наследство — одно, второе, миллионы, роковые женщины, растление, убийство — не зря из «Идиота» вышел столь популярный сериал.

Но дело в том, что «Идиот» — не мильная опера и не драма Викторьена Сарду, а великая книга, до сих пор еще не прочитанная и не понятая, и к ней можно приложить слова самого Достоевского, сказанные о «Дон Кихоте»: «Это пока последнее и величайшее слово человеческой мысли... и если б кончилась земля, и спросили там, где-нибудь, людей: “Что вы, поняли ли вашу жизнь на земле и что об ней заключили?” — то человек мог бы молча подать “Дон Кихота”»². Или «Идиота».

Заметим, что литературных параллелей между князем Мышкиным и Ламанским идалго — море разливанное, но не они представляют для нас интерес или, тем более, важность. Гораздо значительнее воздействие, которое эти образы оказали на реальных людей. Порождения буйной фантазии Сервантеса и Достоевского стали объектами конкретного пространства человеческой жизни, звездами с точными координатами, законами передвижения и параметрами излучения. Это не значит, что они поддаются объяснению — феномен не природный.

В 1943 году во фронтовом письме, говоря о смерти своего брата, только что погибшего на Курской дуге, дед автора этих строк упоминает «вопрос Ивана Карамазова» и на собственном опыте свидетельствует, что «подавление темной силы возможно только путем зла». И тут же пишет о том, что недавно ему «подвернулся в руки “Идиот”». Я перечитал его дважды и, как мне кажется, многое в нем понял. Понял значение мно-

гих тем, затрагиваемых в романе, как развитие одной и главной темы... Почему в «Идиоте» речь идет об эпилепсии? ... Это связано с темой синтеза, гармонии, которой посвящен весь роман. Мышкин задуман: свет, гармония, синтез “настигают” как результат болезни, припадка, то есть этот высший момент жизни духа является следствием болезни, следствием “низкого”, “животного”, “материального” состояния. Но что из того? Важно, что синтез все-таки наступает»³.

Важно, пишет офицер Красной армии 1943 года, что синтез все-таки наступает. Сто пятьдесят лет назад, работая над «Заметками», Достоевский находит неожиданную формулу, много более важную, нежели его свидетельства о Европе: «Напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо в высочайшей степени, чем та, которая теперь определилась на Западе. Самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы... Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого... как отдать [себя] всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями». Именно эти слова давно рассматриваются как момент возникновения образа князя Мышкина.

Только вот что добавляет такой непрозорливый Федор Михайлович: «Беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды». И тут же замечает, что «сделать [этого] никак нельзя» иначе, как «бессознательно», «инстинктивно», когда каждая личность добровольно откажется от каких-то своих прав в пользу общины, а община, наоборот, их не примет, говоря: «Возьми же все и от нас. Мы всеми силами будем стараться, чтоб у тебя было как можно больше личной свободы... Никаких врагов, ни людей, ни природы теперь не бойся».

«Эка ведь в самом деле утопия, господа!» — приговора еще классик, думая, что тут-то он точно уел российских позитивистов (и иноземных тоже), не подозревая, что только что изложил идеал любого разумного общества, тот самый, на пути к которому Запад в последние двести с лишком лет продвинулся ближе, чем любая другая земная цивилизация.

И не увидеть ему из полуторастолетнего далека, как первым признаком того, что российское общество сделало сколько-нибудь уверенный шаг на том же самом длительном пути, будет желание мало-мальски зарабатывающего соотечественника Федора Михайловича немного se rouler dans l’herbe, ну а также, естественно, съездить к морю. Свобода личности удивительным образом наступает после валяния на траве, а не наоборот, такие, понимаете ли, правила у подлунного бытия.

Хотя не так все гладко. Автор «Заметок» откуда-то знает, что московские персонажи после бала у Фамусова обязательно отправляются на закат. «Любят у нас

¹ Достоевский Ф. М. Идиот // ПСС. Т. VIII. С. 9, 140.

² Дневник писателя. 1876. Март // ПСС. Т. XXII. С. 92.

³ Из семейного архива Б. О. Костелянца.

Запад, любят и в крайнем случае, как дойдет до точки (курсив мой. — П. И.), все туда едут... Поколение Чацких обоюбого пола размножилось там, подобно песку морскому, и даже не одних Чацких: ведь из Москвы туда они все поехали. Сколько там теперь Репетиловых, сколько Скалозубов, уже выслужившихся и отправленных к водам за негодностью... Одного Молчалина нет: он распорядился иначе и остался дома, *он один только и остался дома* (курсив мой. — П. И.). Он посвятил себя отечеству, так сказать, родине... Фамусова он и в переднюю теперь к себе не пустит».

Ах, какая музыка для современного читателя, ни слова мимо цели, — и ведь это пишет русский консерватор! Посещает крамольная мысль: может, русскому, да и всякому писателю надобно писать только о предметах, которые он знает, и тогда настанет литературный рай?

Зачем ему Запад, зачем Федору Михайловичу Европа, которую он не любит, даже когда в ней живет? Которую не замечает, считает небезьялой, наваждением? И себя в ней — тоже не любит.

«И все это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... помяните мое слово, сами увидите!»¹ — Достоевский напишет последние строки «Идиота» 29 января 1869 года во Флоренции. По ту сторону Старого Моста, у дороги к особняку Питти, в городе, по словам поэта, «славном не меньше тех же Афин», который создал половину западной культуры и которого великий писатель западной же (но и русской тоже!) цивилизации предпочел не заметить, а точнее, не мог заметить, связанный каторжной работой («уж год поч-

ти, как пишу 3½ листа каждый месяц»²), завершённой отправкой последнего фрагмента романа в «Русский вестник» с обыкновенным для него опозданием.

Цивилизация же не поставила это автору в упрек, а перевела его книги сначала на французский (для увеселения тех самых bourgeois, которые так любят voir la mer, а заодно почитать на пляже увесистый русский роман), потом на остальные языки континента, а еще спустя некоторое время повесила во Флоренции небольшой памятный знак на итальянском наречии (значит, для своих). Дескать, в этих местах (точнее, в здешних окрестностях, “questi pressi” — похоже, дом не сохранился, да и знает ли кто, где была эта съемная квартира?) Федор Михайлович Достоевский на рубеже 1868–1869 годов закончил роман «Идиот». Но водрузят сию табличку все-таки не где-нибудь, а на самой главной улице южного берега Арно, которую не может миновать ни один любознательный турист, американец, европеец, китаец или русский. Кстати, в травелог 1862 года про итальянцев нет ни одного дурного слова. Но проверяли ли это во флорентийской мэрии? Макиавелли обязательно проверил и одобрил бы земляков. Старик знал силу слов и знал, когда они становятся поступками.

Мы читаем и чтим автора «Идиота», а не «Заметок». Проблема Достоевского (да только проблема ли?), что без «Заметок» не было бы «Идиота». Или он был бы совсем другим. Как написала спустя почти целый век одна Санкт-Петербургская дама, «когда б вы знали, из какого сора»... Вот из такого.

Как хорошо, когда этот сор включает не только сибирскую каторгу, но и заграничные путешествия.

Хекмат К. Карзай³

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В АФГАНИСТАНЕ: ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ?

Выражение *межкультурный диалог* является относительно новым в языке, но широко используется политиками, социальными работниками, социологами. Однако само понятие межкультурного диалога довольно сложное, так как не существует простого, общепризнанного определения этого термина, и в основном это понятие выводится из других понятий, таких как «мультикультурализм», «единство общества», «ассимиляция». Тем не менее существуют два общепринятых определения межкультурного диалога.

1. Открытый, протекающий в рамках взаимного уважения процесс интерактивного обмена между ин-

дивидуумами, группами и организациями с различными культурными корнями и мировоззрениями. В его цели входят развитие более глубокого понимания различных перспектив и отношений, привлечение к участию в общественной жизни, улучшение способностей и возможностей самооценки, равенство возможностей и творческое созидание.

2. Открытый и уважительный обмен мнениями между отдельными людьми, а также группами людей различной культурной принадлежности. Цель такого диалога заключается в более глубоком понимании иного мировоззрения⁴.

Хотя это понятие берет свое начало в 1980–1990-х годах, концепция межкультурного диалога получила новый толчок к развитию в свете событий 11 сентября 2001 года, после террористических атак на Нью-Йорк и Вирджинию. Эти атаки унесли жизни более 3 тыс. американцев и дали начало последующей «войне с террором», частью которой были ширококомасштабные

¹ Достоевский Ф. М. Идиот // ПСС. Т. VIII. С. 510.

² Из письма Достоевского к А. Н. Майкову. Цит по: Достоевский Ф. М. «Идиот». Примечания // ПСС. Т. IX. С. 383–384.

³ Директор-основатель Центра по изучению конфликтов и мира (CAPS), магистр Школы международных исследований С. Раджаратнама (Сингапур). С 2002 по 2005 год занимал должность первого секретаря политического отдела посольства Афганистана в США, в 2002–2004-м — научный сотрудник Школы Эдмунда Уолша Джорджтаунского университета, в 2005–2006-м — научный сотрудник Международного центра по исследованию политического насилия (экстремизма) и терроризма (International Centre for Political Violence & Terrorism Research, Singapore).

⁴ Информационный документ по межкультурному диалогу, выпущенный Советом Европы в ноябре 2006 г. URL: http://www.coe.int/t/dg4/intercultural/whitepaper_interculturaldialogue_2_EN.asp

военные операции в Ираке и Афганистане. Соединенные Штаты и их союзники развязали войну с этими государствами, но все понимали, что необходим межкультурный диалог как способ понимания позиций обеих сторон конфликта с культурной и исторической точек зрения. Выражались надежды, что таким образом возможно предотвратить излишние конфликты в будущем и помочь как мусульманскому, так и немусульманскому миру правильно интерпретировать действия другой стороны и реагировать на них.

Возглавляемая американцами коалиция в Афганистане ведет военные действия уже 11-й год, и культурный диалог и взаимное непонимание остаются ключевыми вопросами политического диалога не только между афганцами и их союзниками по блоку НАТО, но и между различными слоями афганского общества. Международные организации, члены гражданского общества и даже военные и политические лидеры начинают задаваться вопросом: «Стоит ли по-прежнему стремиться к межкультурному диалогу и могут ли усилия по его достижению определенно привести к заключению мира между враждующими сторонами?»

В настоящей работе поднимается вопрос о том, может ли понятие межкультурного диалога указывать на то, что мы как сообщества теряем способность понимать и общаться друг с другом. Мы исследуем возникновение и философские обоснования концепции межкультурного диалога, которые рассматриваются как механизм приспособления, согласно утверждению Сэмюэля Хантингтона о том, что современные конфликты вызываются основополагающими культурными различиями между обществами и группами людей. Также мы попытаемся определить, действительно ли существует «столкновение цивилизаций» или, возможно, что еще важнее, столкновение внутри самих цивилизаций. В частности, есть ли такие столкновения внутри ислама? Еще мы рассмотрим пример Афганистана и неблагоприятное воздействие, которое оказывают культурные различия и наша неспособность распознать их как внутри афганского общества, так и при взаимодействии Афганистана и западных стран. Конечно, межкультурный диалог является новым обозначением для старого понятия, и действительно этот диалог веками длится между социальными группами, но в последнее время приобретает большую значимость, по мере того как глобализация и распространение информации посредством Интернета усиливают культурные различия между представителями различных народов.

Межкультурный диалог: ответ Хантингтону

Что привело нас, жителей Земли, к необходимости понимания таких важных терминов, как *межкультурный диалог*? Может быть то, что современные технологии, такие как Интернет, спутниковое телевидение, резкое увеличение мобильной связи довели нас до того, что мы утратили способность общаться друг с другом? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть понятие межкультурного диалога в историческом контексте с момента его возникновения.

Соединенные Штаты Америки и бывший Советский Союз вышли из Второй мировой войны в качестве двух господствующих сил в мире. В результате возникло стратегическое соперничество, которое преобладало на мировой арене в течение 50 лет. В биполярном мире существовали два лагеря: с одной стороны — Соединенные Штаты, демократия и чистый капитализм, а с другой — Советский Союз с однопартийной системой и коммунизмом, экономикой, контролируемой государством. В обоих лагерях отношение государства к тому, что касалось политических взглядов и позиции по отношению к противнику, было совершенно определенным, к тому же противников систематически выставляли в невыгодном свете, они представлялись населению угрозой национальной культуре, философии и образу жизни. Ясно, что этот мировой порядок рухнул после падения СССР в 1991 году.

После распада Советского Союза стали возникать новые теории и концепции, хотя они оставались неразрывно связанными с некоторыми умонастроениями, появившимися в контексте холодной войны. Среди политических теоретиков того времени был и Сэмюэль Хантингтон, американский профессор Гарвардского университета, который написал скандально известную статью, а позже и книгу «Столкновение цивилизаций». В своей работе Хантингтон хотел предсказать природу будущих конфликтов в мире после окончания холодной войны. Он писал: «Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой».

Далее он поясняет: «Национальное государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это линии будущих фронтов»¹.

Конечно, тезис Хантингтона остается невероятно спорным даже сегодня. Многие ученые и мыслители опровергали эту точку зрения, приводя логические аргументы из истории и современности. Конечно, некоторые деятели подтвердили утверждения Хантингтона. Один из таких деятелей, кто не просто выразил поддержку, но и усилил этот тезис, был Усама бен Ладен.

Бен Ладен не только полагал, что культурное столкновение возможно, как утверждал Хантингтон, но и подкрепил свои теории выкладками исламских теоретиков, например работой Саида Куттуба «Вехи на пути Аллаха», о том, что ислам находится в прямом столкновении с Западом. Бен Ладен утверждал, что западные страны нацелились захватить ресурсы и богатства мусульманского мира. Таким образом, адаптируя идеи джихада 1960-х годов к глобализованному миру современности, он призывал мусульман во всем мире к военным действиям против Запада, особенно против Соединенных Штатов, с целью поставить на колени

¹ Huntington S. P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993.

эту глобальную империю. Бен Ладен регулярно обращался к джихаду — обязательному для мусульман — как к средству борьбы против США, которые он считал оккупационными силами. Утверждают, что бен Ладен стал называть так США после того, как они использовали военные базы в Саудовской Аравии — стране, где находятся священные Мекка и Медина — для начала военных операций против Саддама Хусейна во время первой войны в Персидском заливе.

Столкновение внутри ислама?

Заявления и действия Усамы бен Ладена явно указывают на то, что он и его сторонники верили в так называемое столкновение цивилизаций. Прав ли он был, думая, что мы испытываем такое столкновение? Или, возможно, правильнее будет поставить вопрос: а нет ли вместо этого столкновения внутри цивилизаций? В частности, существует ли столкновение внутри ислама?

Исторически у ислама богатая культура цивилизации. Ранний ислам распространялся посредством логики и интеллекта, а не меча. Ко времени смерти пророка Мухаммеда в 632 году ислам распространился по всему Аравийскому полуострову, охватил Северную Африку и пересек пролив Гибралтар, добравшись до Испании, где веками правили мавры. Мусульмане превратили столицу Кордову в крупнейший космополитический город в Европе, где бок о бок мирно жили евреи и христиане, а правители были мусульманами. Через Андалусию в Европу попали греческие тексты, переведенные и комментированные мусульманскими учеными. Торговля процветала, а европейцы знакомились с работами мусульманских ученых. Среди мусульманских научных изобретений были алгебра и астрономия.

Мусульманское общество было более высокоразвитым по сравнению с современным ему европейским, и в 859 году мусульманская женщина по имени Фатима Аль-Фихри основала первый в мире университет. Этот университет существует и по сей день, и его преемником стал университет Аль-Карауин в современном Фесе, в центральном Марокко.

При оценке современной ситуации в мусульманском мире и обращении в прошлое становится ясно, что именно мы подтолкнули Европу к Просвещению, но сами впали в невежество. Всем известно, что мусульмане часто действовали в ущерб собственным интересам, когда в игру вступали крупные мировые колониальные державы, стремящиеся разделить исламский мир на сферы регионального влияния в преддверии Первой мировой войны. Также бесспорным является тот факт, что мусульманским странам постоянно навязывали мнение, что их развитие должно отражать развитие мировых держав, что их государственные институты должны быть точной копией западных, таких как в Великобритании и США. К сожалению, хоть и не удивительно, такие требования были встречены в штыки, и на иностранные призывы к демократии и транспарентности мы ответили автократией и невежеством.

Лидеры мусульманских стран в арабском мире, а также в Центральной и Южной Азии сейчас распла-

чиваются за то, что их страны долго были угнетаемы. Революции, произошедшие на наших глазах в Каире на площади Тахрир, в ливийском Бенгази и на улицах Дамаска, являются признаками оптимизма молодого поколения, которое имеет мужество как видеть лучшее будущее, так и требовать его. Хочется надеяться и быть уверенными, что эти движения не будут использованы отдельными личностями или группами, желающими возвыситься за счет подлинно национальных современных политических движений, считающих, что современность, демократия и ислам не исключают друг друга.

В истории ислама много исторических примеров того, как отдельные лица или группы использовали науку, политические идеи и искусство во благо религии. Сегодня мусульманскому миру требуется направить разум служению той же цели, что позволит разным слоям общества — и разным обществам — трудиться сообща, чтобы улучшить жизнь людей и прославить то направление ислама, которое не представлено фигурами типа Усамы бен Ладена и ему подобных.

Афганский контекст

Примером концепции столкновения цивилизаций может служить Афганистан. Нация, живущая в самом сердце Центральной Азии, измучена 30-летней непрекращающейся войной, которая породила культуру насилия, проникшую почти во все слои афганского общества. Война оказала разлагающее влияние на население страны. Действительно, демография населения и динамика между различными секторами общества изменилась на многих уровнях.

До афгано-советской войны в 1980-х годах афганская культура проповедовала терпимость, умеренность и дружелюбие. Сегодня годы конфликта и нестабильности привели к тому, что общение между афганцами и людьми, не принадлежащими к их клану или деревне, свелось к минимуму. Нехватка жизненных ресурсов, таких как пахотные земли для сельского хозяйства и источники питьевой воды, породила неравную конкуренцию — а во многих случаях и чувство обиды — даже между соседями. В современном Афганистане преобладает культура оружия.

Вдобавок к неблагоприятным социальным последствиям конфликта война выплеснула в народ радикальные идеологии. Население в сельских районах, там, где влияние афганского государства меньше всего и где важнейшие условия, такие как качественное образование, отсутствовали на протяжении десятилетий, более всего подвержено радикальной пропаганде, толкающей людей к экстремистам правого толка. Аналогично многие афганские беженцы, живущие за рубежом в таких странах, как Пакистан и Иран, подверглись «промывке мозгов» со стороны экстремистских элементов, существующих в тамошних обществах. К сожалению, многие представители афганской молодежи безропотно служат пушечным мясом для Талибана и прочих повстанческих сил.

Возможно, наиболее тревожным сигнальным признаком раскола афганского общества могут служить террористы-смертники, действующие как в Афганистане,

так и за его рубежами. Исследования показали, что многие смертники — это молодые люди, неспособные думать независимо и критически и преуспеть в основных сферах жизни по разным причинам, таким как чрезвычайная бедность, недостаток образования и невозможность найти работу.

Они убеждены, что не только борются против тех частей общества, которые живут не по законам ислама, как их понимают вожди повстанцев, но что своей борьбой они осуществляют свои надежды на лучший мир, где им не придется страдать от превратностей жизни и где у них будет возможность увидеть лик Господа. Кроме того, им твердят, что 70 их родственников последуют за ними в жизнь вечную, дарованную в награду за их верную службу исламу.

Всплеск развития информационных технологий, таких как телевидение и радио, с момента падения Талибана в 2001 году также усугубил различия между племенными, этническими и религиозными практиками различных сообществ Афганистана. Эти многочисленные самобытности уникальны, но и сложны, как и их взаимоотношения. В этом контексте межкультурный диалог среди различных этнических групп афганского общества стал еще более важным. По мере того как молодежь в отдаленных деревнях вырастает и знакомится с жизнью других групп, живущих в иных районах страны, понимая и постигая различные нюансы региональных, племенных, политических и тому подобных групп, растет и надежда, что афганское общество будет перестроено и преобразовано в единую афганскую нацию, где вновь будут торжествовать разнообразие, терпимость и дружелюбие.

Это может произойти и происходит на многих уровнях и посредством множества инициатив повсюду в Афганистане. Например, моя организация — Центр по изучению конфликтов и мира — проводит исследования и оказывает поддержку проектам, способствующим миру и правопорядку. Ключевой компонент нашей программы — учреждение Центра молодежного движения за мир и защиту прав (УРМЕС) в городе Лашкаргахе, столице провинции Гильменд. Расположенная на юге провинция Гильменд наиболее сильно пострадала от нестабильности за последние 10 лет. Наш Центр, наряду с прочими возможностями, дает молодежи шанс принимать участие в семинарах, посвященных вопросам лидерства и разрешения конфликтов. В центре внимания этих семинаров — умение слушать и уважительно общаться с партнерами и женщинами.

К тому же образование молодежных советов дало молодым людям возможность принимать участие в межкультурном диалоге, работая совместно с молодежью со всех регионов и племен провинции в совете, целью которого является решение проблем, стоящих перед молодежью провинции Гильменд. Центр молодежного движения за мир и защиту прав организовал форум по межкультурному диалогу между молодежью и старейшинами, которые контролируют большинство аспектов жизни гильмендского общества.

Делая упор на диалог и понимание, получая дополнительное образование и техническую подготовку, молодые люди — члены Центра молодежного движения

за мир и защиту прав — имеют прекрасные возможности построить собственную жизнь, не вступая в повстанческие отряды и не прибегая к насилию. Они также получают навыки и поддержку, необходимую для того, чтобы стать гражданами, активно участвующими в жизни афганского общества.

Похвальные усилия, направленные на укрепление межкультурного диалога, должны продолжаться. Вдобавок гражданское общество, афганское правительство и его международные партнеры должны исследовать возможности для новых форумов и диалогов между различными группами общества. Новые технологии, такие как повсеместный доступ к мобильному Интернету, несомненно, являются бесценным подспорьем в данном процессе, поскольку делают возможным развитие таких инициатив, как Центр молодежного движения за мир и защиту прав.

Хотя прилагаются усилия, чтобы использовать межкультурный диалог как механизм соединения разобщенных частей афганского общества, на важность подобного диалога между культурными нормами Афганистана и западными странами почти не обращали внимания на протяжении 11 лет натовской кампании. Не то чтобы со стороны международных военных и правительственных официальных лиц совсем не было усилий, направленных на понимание и уважение афганской культуры и ислама, — такие усилия были предприняты. Однако сейчас в Афганистане на различных позициях работают представители более 45 наций. К сожалению, некоторые из наших друзей и сторонников, чей вклад высоко оценен афганским народом, все еще продолжают борьбу и, таким образом, не могут понять нашу культуру и образ жизни.

Военные и правительственные официальные представители высокого уровня признают, что уважение к афганской культуре является ключевым элементом для успеха любой долгосрочной кампании в стране. И опять-таки, такие усилия предпринимались. Например, как военным формированиям, так и дипломатам заблаговременно преподают основы знаний о культуре.

К сожалению, многие подобные попытки сосредоточены только на узкоспецифических традициях и обычаях (например, не пожимать руку женщине), но не учитывают эти традиции и обычаи в повседневной жизни. Афганская ценность неприкосновенности личной жизни и женской чести обычно недооценивается и даже отбрасывается коалиционными силами, которые проводят ночные рейды в частных домах, где, как они подозревают, могут находиться повстанцы. Афганское общество также испытывает неприязнь к нежелательным обыскам домов и незаконным заключениям под стражу войсками Международных сил содействия безопасности.

Международное сообщество должно осознать, что его поведение является подчас политической кислородной подушкой для повстанческих сил и тех, кто не желает установления мира и стабильности в Афганистане. В данный момент там нарастает убеждение, что коалиционные силы не считают кровь афганцев столь же ценной, как свою. Недоверие и культурные различия, если их не урегулировать, только углубят

пропасть между афганцами и международным сообществом.

Чтобы афганское общество и международные группы лучше поняли друг друга, срочно необходим хорошо продуманный подлинный диалог. Многие проблемы могут быть решены простым принятием во внимание местных культурных особенностей. В то же время западные партнеры должны объяснить свои намерения и внести ясность в том, что у них нет иных мотивов, кроме установления стабильности в Афганистане. Это поможет снять подозрения, возникшие у афганцев, и побудит афганский народ оправдать международные силы в тех случаях, когда их намерения не вполне ясны для внешнего наблюдателя.

Заключение

Межкультурный диалог — по существу, новый термин для обозначения старого понятия. В конце концов, мусульманский мир и Запад взаимодействовали друг с другом с момента возникновения ислама в VIII веке.

Однако ценность межкультурного диалога в последние годы выросла, особенно учитывая рост технологий и еще больший рост экономической взаимозависимости в условиях глобальной экономики. Очень легко привлечь внимание к культурным различиям между совершенно непохожими цивилизациями, такими как Афганистан и Запад, а также к различиям *внутри* цивилизаций, как в Афганистане, с помощью YouTube и СМС. Соответственно, межкультурный диалог должен возникнуть на множестве уровней.

Диалог между различными группами общества поможет изменить афганскую нацию, постоянно раздираемую конфликтами в течение последних 30 лет, будет способствовать развитию климата понимания и подорвет идеи, высказываемые радикальной пропагандой. Аналогично культурный диалог между Афганистаном и его международными партнерами может помочь преодолеть многие вызовы, возникающие в результате явных различий в ценностях, намерениях и действиях.

Ганс Кёхлер¹

ДИАЛОГ МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ И КУЛЬТУРАМИ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДЛЯ «МИРОВОГО ПОРЯДКА»

I

В современную эру глобализации диалог между различными и потенциально противоречивыми мировоззрениями и системами ценностей, воплотившимися в мировых цивилизациях, совершенно необходим для установления глобального мира. Встреча культур и цивилизаций² на основе транскультурного философского познания истоков нашего «жизненного мира»³ обрела новое значение в качестве элемента мирового порядка. Особенно в крупных поликультурных государствах или объединениях государств (таких как Европейский Союз) диалог культур стал существенным элементом

социальной и политической сплоченности и стабильности.

Ввиду неравной международной расстановки сил в военной, политической, экономической и социальной сферах особое значение приобретает *базовый принцип* конструктивного и устойчивого диалога культур и цивилизаций, именно диалога, который ведется *на равных*. Соответственно герменевтика культуры должна быть недискриминационной, то есть рассматривать культуры и цивилизации, фактически не являющиеся идентичными, как проявления всеобщего духа человечества⁴.

Диалог — основная черта интеллектуальной самореализации человека, как индивидуальной, так и коллективной. Таким образом, его следует рассматривать *всеобъемлюще* и *многомерно*, но ни в коем случае не абстрагироваться от реалий жизненного мира (включая его политические и социально-экономические измерения). В то же время диалог не будет конструктивным и, следовательно, окажется безуспешным в рамках реальной политики, если одна из сторон попытается извлечь выгоду из собственного превосходства на данный момент истории в экономической, социальной или военной области.

Что касается глобального порядка, то здесь имеется комплексная взаимосвязь, подлинная *взаимозависимость*, которая с позиции философии цивилизации и, в частности, философской герменевтики должна осознаваться следующим образом:

а) с одной стороны, диалог цивилизаций — это основное требование для установления глобального

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет безопасности как исполнитель справедливости» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида непобедимого Армянской академии философии и др.

² В данной статье цивилизацию мы рассматриваем как обобщенное понятие, в рамках которого культура относится к категории специальных понятий, и оба они связаны с восприятием человеком мира («жизненного мира») как такового. В этом смысле цивилизация может иметь определенные формы культурного самовыражения в различные исторические периоды и в рамках различного лингвистического, этнического и политического окружения. О концептуальном различии между культурой и цивилизацией см. также: Huntington S. The Clash of Civilization // Foreign Affairs. 1993. Summer. Vol. 72. № 3. P. 24.

³ Здесь этот термин понимается в феноменологическо-герменевтическом смысле, в этом значении его ввел в научный оборот Эдмунд Гуссерль. См., например, главу «Феноменология жизненного мира» в книге: Köchler H. Phenomenological Realism. Selected Essays. Frankfurt am Main : Peter Lang, 1986. P. 42 и след.

⁴ Ср.: Köchler H. The Clash of Civilizations Revisited // Civilizations — Conflict or Dialogue? : Studies in International Relations, XXIV / ed. H. Köchler, G. Grabher. Vienna : International Progress Organization, 1999. P. 15–24.

мира и стабильности, поскольку он способствует построению *справедливого* мирового порядка, то есть воспринимаемого народами мира как *справедливый*;

б) с другой стороны, справедливый и сбалансированный мировой порядок является фундаментальной предпосылкой для *диалога*, так как встреча цивилизаций не происходит в политическом и социально-экономическом вакууме.

«Интерактивный круг диалога», как можно было бы назвать это отношение взаимозависимости, не является результатом и признаком логического противоречия. Структурно он подобен взаимозависимости, возникающей в процессе акта человеческого понимания (*Verstehen*), которое Ганс-Георг Гадамер в своей работе «Истина и метод» описал как «герменевтический круг»¹. Всякая форма культурной или цивилизационной герменевтики должна учитывать эту взаимозависимость.

Когда в 1990-е годы столкновение цивилизаций впервые было определено как главная угроза глобальному порядку, почти все, включая сторонника этой парадигмы Сэмюэля Хантингтона, одобрили ориентацию не на конфронтацию, а на диалог как основу прочного мира между народами². Этот консенсус (хотя и поверхностный) прослеживается в современных глобальных дебатах по поводу диалога, которые проходят в форме торжественных обращений и лозунгов, дипломатических инициатив, конференций на высшем уровне, — все посвящено этой благородной цели, против которой никто не осмеливается протестовать. Политически это выразилось в том, что Генеральная ассамблея ООН провозгласила 2001-й Годом диалога цивилизаций и учредила (в 2005 г.) так называемый «Альянс цивилизаций» при совместной инициативе премьер-министров Испании и Турции.

Однако в большинстве случаев не учитывались условия сотрудничества, на которых диалог должен основываться, чтобы стать эффективным и значимым. Именно здесь вступает в действие *философия диалога* как рефлексия и коррективы инструментализации цивилизационных и культурных различий для последующих (политических) целей.

Попытаемся коротко определить принципы и обязательные условия, которые необходимо соблюдать, чтобы диалог цивилизаций действительно мог стать устойчивой характерной особенностью международных отношений.

1) Равенство цивилизационных (культурных) «жизненных миров» с учетом систем ценностей в нормативном смысле. Это исключает любую форму высокомерия со стороны одной цивилизации (культуры) по отношению к другой. Таким образом, суверенное равенство есть не только атрибут государств как субъектов международного права, но и принцип, который можно ис-

¹ Gadamer H.-G. Hermeneutik I: Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 5th ed. Tübingen : J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1986. (Английская версия: Truth and Method / trans. by G. Barden, J. Cumming. L. : Sheed and Ward, 1975.) См. также: Köchler H. Zum Gegenstandsbereich der Hermeneutik // Perspektiven der Philosophie. 1983. Vol. 9. P. 331–341.

² См. *ero opus magnum*: Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996.

пользовать при описании неотъемлемого права на цивилизационную и культурную идентичность.

2) Осознание «диалектики» культурного самопонимания и самореализации. Цивилизация (культура) способна себя понять и таким образом реализовать свою идентичность, если она соотносится с «иной» посредством независимого выражения определенных картин мира и систем ценностей, то есть представлений о мире, которые являются не просто ответвлением конкретной (унаследованной) цивилизации. Процесс цивилизационной или культурной самореализации структурно идентичен тому, как у отдельного человека возникает самосознание: рефлексия означает, что субъект наблюдает себя из внешней перспективы, делая себя объектом восприятия («диалектика субъекта и объекта»)³. Согласно философии мышления, начиная с Иоганна Готлиба Фихте и Иммануила Канта, *индивидуальное* самосознание представляет собой синтез в диалектическом процессе, где его определяет себя (*de-finitio* в смысле определения границ) по отношению к «иному». То же применимо и к *коллективно-*му самосознанию цивилизации или культуры. Только если последняя способна взглянуть на себя с точки зрения «иной», она достигает статуса зрелости (в смысле своего внутреннего развития, но не в плане внешней оценки!), что позволяет ей преодолеть страх перед иным как «чужеродным» и, таким образом, участвовать в глобальном взаимодействии («диалоге») с другими цивилизациями.

3) Признание метанорм в качестве основания диалога. Извлеченные из нормативного равенства цивилизаций (см. пункт 1), эти нормы на метауровне логически предшествуют материальным нормам и должны поддерживаться всеми партнерами, принявшими на себя существенные обязательства по налаживанию диалога. Толерантность и взаимность (взаимоуважение) — два примера такого рода метанорм; под ними следует понимать формальные (в отличие от материальных) ценности, которые определяют взаимодействие между цивилизациями в целом и не являются предметом обсуждения. Именно они являются «условиями возможности» (*Möglichkeitsbedingungen*) для любого такого процесса, позволяющими отдельной цивилизации реализовывать свою специфическую, то есть материально выраженную систему ценностей⁴. Будучи вследствие своей общей (формальной) природы квазитрансцендентальными предпосылками в кантовском смысле, они не могут быть атрибутом одной отдельной цивилизации: их статус транскультурный.

4) Способность выходить за пределы герменевтического круга цивилизационного самоутверждения. Чтобы позиционировать себя в качестве истинного участника глобального взаимодействия между культурами и цивилизациями, конкретное цивилизационное или культурное сообщество должно выйти за пределы того,

³ Подробнее см.: Köchler H. Die Subjekt-Objekt-Dialektik in der transzendentalen Phänomenologie: Das Seinsproblem zwischen Idealismus und Realismus. (Monographien zur philosophischen Forschung, Vol. 112.) Meisenheim a. G. : Anton Hain, 1974.

⁴ Подробнее см.: Köchler H. Cultural-philosophical Aspects of International Cooperation. Lecture held before the Royal Scientific Society. Studies in International [Cultural] Relations. Vol. II. Vienna : International Progress Organization, 1978.

что Ганс-Георг Гадамер называл “Wirkungsgeschichte” («история воздействий»), имея в виду исключительное влияние соответствующих автохтонных традиций сообщества на формирование социально-культурной идентичности¹. В силу продолжительного влияния на глобальный порядок ссылаясь на европоцентризм как основную особенность формирования коллективной идентичности Запада может адекватно проиллюстрировать эту герменевтическую дилемму. За многие столетия народы западной цивилизации привыкли пропагандировать свою картину мира, систему ценностей и стиль жизни перед лицом остального мира. Этот процесс часто сопровождался стратегией, направленной на переформирование идентичности других культур и цивилизаций. На этом фоне международные культурные обмены нередко становились «встречей с самим собой» или «цивилизационными монологами» главного действующего лица. Однако цивилизация сумеет понять себя и определить свое место в глобальном царстве идей лишь в том случае, если она будет способна приблизиться к картинам мира, которые развились независимо от нее, особенно к тем, которые еще не сформировались в рамках данной цивилизации. Такова сущность диалектики цивилизационного самопознания или самоидентификации (см. пункт 2): *de-finitio* означает способность видеть то, что находится за границами (цивилизации), и понимать собственную цивилизацию или культуру с учетом другой, в то же время сохраняя и развивая целостность собственной позиции.

II

Философия диалога в соответствии с четырьмя принципами и требованиями самопознания и самореализации, которые мы обозначили выше, может помочь в политике управления цивилизационным и культурным многообразием как на глобальном, так и на региональном и внутреннем уровнях. Необходимо, чтобы в сфере политики было признано имеющееся многообразие цивилизаций и культур и приняты во внимание четкие правила, гарантирующие уважение к *праву на многообразие*. Любое отклонение от данного принципа представляет собой повод для конфликта и, возможно, угрозу политическому порядку, а в отдаленной перспективе — самому сохранению государственного образования.

Время для провозглашения или восстановления «монокультурной реальности» давно прошло, причем не только для Европы, которая сама привела в действие механизм «мультикультурного развития» сначала посредством колонизации, а позже — через экономически направляемую иммиграционную политику и глобализацию экономики. Эти исторические процессы активировали культурную динамику, которую невозможно остановить, равно как и процесс индустриализации нельзя повернуть вспять ради ностальгического возрождения доисторического единства с природой.

Ответственная политика призвана создавать организационные рамки, в которых определенные и часто отдаленные (не только географически) культурные

¹ Gadamer H.-G. Hermeneutik I: Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. 5th ed. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1986.

и цивилизационные идентичности могут развиваться и взаимодействовать, *не угрожая* стабильности соответствующей системы и не отдаляя страну от остального мира. Одновременность существования *отдельных* цивилизаций, при том что каждая пребывает в *иной* фазе развития идентичности и в то же время *в одном и том же* месте, одном и том же *пóлс'е*, есть экзистенциальный вызов, который люди, принимающие решения, не могут не учитывать, если не хотят быть «наказанными историей».

Тем, кто вовлечен в *риторику* и *политику* мирного партнерства цивилизаций (это подавляющее большинство стран — членов ООН, прежде всего стран, составивших «Альянс цивилизаций»), нужно напомнить о философских принципах диалога, которые не допускают политики «двойных цивилизационных стандартов». *Равенство* цивилизационных средств выражения неизбежно влечет за собой *их взаимное признание*. То, на что претендуют сами государства (в рамках национального суверенитета), они должны признать и для других. Применение принципа обоюдности к проблемам общинной идентичности означает, что государства должны воздерживаться от провозглашения цивилизационного превосходства или гегемонии. Чтобы заслужить доверие и устойчиво развиваться, политика глобального диалога — внутри или вне ООН — должна руководствоваться этими принципами.

Мультикультурная реальность, ставшая свершившимся фактом во многих государствах, которые обычно идентифицировали себя как национальные, повергла их в глубокий кризис идентичности. Если новая реальность не будет признана на глобальном уровне, мир будет развиваться в направлении постоянной конфронтации по цивилизационным аспектам. Соответственно те, кто пропагандирует цель диалога на *международном уровне*, чтобы выглядеть правдивыми и последовательными, должны делать это и внутри страны, то есть признавать равные права культурных и религиозных меньшинств в *собственных* странах. В эпоху глобальной взаимозависимости понятия «мир в доме» и «мир во всем мире» существенным образом связаны.

Ностальгия по монокультуре, таким образом, должна уступить место *межкультурной открытости* и *цивилизационной любознательности* — это обеспечит долговременную жизнеспособность и успех государства (включая экономическую конкурентоспособность) в условиях сложной взаимозависимости между сферами культурного многообразия на местном, региональном и глобальном уровнях. Согласно диалектике самопознания (см. пункт 2), это ни в коем случае не исключает утверждения конкретной национальной и культурной идентичности.

Устойчивая политика диалога должна основываться на подлинном уважении к системам ценностей других культур. Эта позиция закреплена во Всеобщей декларации прав человека (индивидуальных и коллективных), которые сообщество наций неоднократно подтверждает начиная с 1948 года. Хотя и не находясь в противоречии со специфическими ценностями, присущими каждой цивилизации, основные права формируют *систему метацинностей*, которые

являются общей почвой для диалога. Как отмечалось выше, фундаментальные ценности, такие как свобода, толерантность и другие, выражающие сущность человеческого достоинства, представляют собой нормы, возникающие на основе *взаимности*. В западной цивилизации эти нормы восходят, вероятно, к трансцендентальной философии Канта, в частности к его понятию автономного субъекта, и могут быть объяснены при помощи его *категорического императива* (“Handle so, daß die Maxime deines Willens jederzeit zugleich als Prinzip einer allgemeinen Gesetzgebung gelten könne” — «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»)¹. Эти нормы представляют собой *conditio sine qua non* (непременное условие) для пользования конкретными и специфическими правами, которые имеются и защищаются во всех культурах и цивилизациях. В этом смысле они не являются исключительными нормами, навязанными одной стороне другой на дискриминационном основании. Однако, как верно отметили участники конференции 2001 года в Киото, посвященной диалогу цивилизаций, чтобы развивать глобальный этос как основу мирного сосуществования, «необходимо достичь консенсуса по поводу того, какие нормы являются универсальными и какие нормы являются культурно-специфическими»².

В соответствии с этим нормативным подходом, который выдвигает на передний план обычные нормы второго уровня (так называемые метанормы) в качестве условия принятия множественности нормативных систем первого порядка, практика цивилизационного диалога должна быть *всесторонней* (в плане глобального охвата *всех* цивилизаций) и в то же время *инклюзивной* (поскольку она интегрирует экономический, социальный и политический уровни). Для этого необходимо, чтобы ни одна цивилизация в одиночку не старалась представить себя в качестве глобального «блюстителя стандартов»³. В вышеупомянутой Киотской конференции был сделан акцент на необходимости «тщательно сдерживать, политически или экономически, попытки тех кругов, которые находятся у власти, глобализировать специфические системы ценностей»⁴. На конференции прозвучал призыв к «уважительному диалогу между представителями различных цивилизаций», было подчеркнуто, что «ни одно суждение о нормах других культур не должно выноситься, пока аналогичные нормы в собственной культуре не будут подвергнуты критическому анализу»⁵.

¹ Kant I. Kritik der praktischen Vernunft / ed. J. Kopper. Stuttgart : Philipp Reclam Jun., 1966. § 7. S. 53.

² Международная конференция по диалогу цивилизаций (Университет ООН в сотрудничестве с ЮНЕСКО. Токио, Киото, 31 июля — 3 августа 2001 г.) : отчет. § 32. С. 8.

³ См. также: Köchler H. Civilization as Instrument of World Order? The Role of the Civilizational Paradigm in the Absence of Balance of Power // IKIM Journal of Islam and International Affairs / Jurnal Islam dan hubungan antarabangsa IKIM. 2008. Vol. 2. № 3. P. 1–22.

⁴ Международная конференция по диалогу цивилизаций (Университет ООН в сотрудничестве с ЮНЕСКО. Токио, Киото, 31 июля — 3 августа 2001 г.) : отчет. § 33.

⁵ Там же.

Заключение Универсальная цивилизация и подлинное значение глобальности

Диалог между цивилизациями и культурами в его герменевтическом понимании может помочь раскрыть истинное значение «универсальной цивилизации». По своей природе диалог как поиск взаимного понимания основывается на открытости по отношению к различным проявлениям сущности человечества, как в синхроническом плане, так и в диахроническом. На протяжении истории человечество проявляло себя в многообразии жизненных миров⁶ и конкретных горизонтах понимания⁷ — этот процесс продолжается и в наше время и в целом может быть охарактеризован термином «глобализация». Несмотря на заверения сторонников идеи западного превосходства в ситуации, возникшей после завершения холодной войны, история еще не закончилась⁸.

Ввиду всеобщего характера истории цивилизаций⁹ и одновременного существования множества цивилизационных горизонтов для диалога требуется подлинно *космополитическая* позиция. Она предполагает осознание того, что сохранение культурной и цивилизационной идентичности возможно *без* исключения «иной» культуры и что эта идентичность обусловлена самим пониманием других цивилизаций и толерантностью по отношению к ним.

Более глубокое значение глобализации выражается термином «*глобальность*» цивилизации. Сущность глобальности заключается в позиционировании собственного культурного и цивилизационного самосознания как неотъемлемой части *определенного* сообщества и в то же время в идентификации собственного жизненного мира в рамках универсальной культуры путем взаимодействия с другими цивилизациями на основе равенства и взаимного уважения. Такое отношение в силу герменевтической необходимости дает возможность каждому члену цивилизации ценить *общее* духовное наследие человечества.

Глобальность, понимаемая в этом смысле, не идентична экономической *глобализации* или ошибочно

⁶ В контексте данного анализа мы понимаем этот термин в значении, описанном Эдмундом Гуссерлем в его феноменологии «жизненного мира» (*Lebenswelt*). См.: Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie / ed. W. Biemel // Husserliana. 2nd ed. Den Haag : Martinus Nijhoff, 1962. Vol. VI.

⁷ По поводу герменевтического концепта “Verständnishorizont” (горизонт понимания) см. анализ автора: Köchler H. Philosophical Foundations of Civilizational Dialogue. The Hermeneutics of Cultural Self-Comprehension versus the Paradigm of Civilizational Conflict. Third Inter-Civilizational Dialogue, University of Malaya, 1997. “Civilizational Dialogue: Present Realities, Future Possibilities”. Kuala Lumpur, 15–17 September 1997. I.P.O. URL: www.i-p-o.org/civ-dial.htm

⁸ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. Summer. Vol. 16. P. 3–18; Idem. The End of History and the Last Man. N. Y. : Free Press ; Maxwell Macmillan International; Toronto : Maxwell Macmillan Canada, 1992. По поводу философской критики см. работу автора: Köchler H. Democracy and the New World Order. Studies in International Relations, XIX. Vienna : International Progress Organization, 1993.

⁹ По поводу западной точки зрения см. прежде всего: Toynbee A. A Study of History. L. ; N. Y. : Oxford University Press, 1948–1961.

отождествляется с нею. Последняя навязывает «коммерческие» ценности практически во всех сферах жизни; для нее характерна ориентация на социокультурное *единообразие*, подчиняющее все сферы жизни диктату экономики, в частности необходимости эксплуатации всех наличных ресурсов, материальных и человеческих, с целью получения материальной выгоды.

Несмотря на то что сторонники этого направления развития описывают глобализацию как непреодолимый и неостановимый процесс, лежащий в основе довод неубедителен с философской точки зрения. Рациональное зерно этого процесса основано на допущении того, что только беспрепятственное экономическое и технологическое развитие, не ограниченное этическими соображениями или уважением к культурным различиям, раскроет потенциал человеческой расы и гарантирует процветание *для всех* на долгое время.

Находясь в противоречии с этой позицией, ее партикуляристской перспективой, основанной на превосходстве экономики над прочими сферами жизни, про-

ект диалога цивилизаций, по сути, сам по себе *универсалистский*, представляет *глобальность* в ее исходном значении — как систему открытого, практически безграничного взаимодействия на основе взаимного уважения во всех культурах и цивилизациях. Такая форма универсализма не должна смешиваться с культурным или этическим релятивизмом, поскольку она базируется на *общих* культурных и цивилизационных ценностях, разделяемых всеми представителями человечества.

Такой подход устраняет любую форму эксклюзивизма и односторонности. *Этос* цивилизационного диалога совместим лишь с многосторонним подходом в сферах культуры и политики. Подлинный и устойчивый диалог между культурами и цивилизациями, возможно, окажется единственной жизнеспособной альтернативой разъединяющим силам экономической глобализации и лежащей в ее основе тенденции к социокультурной слабости, а в глобальном масштабе — к постоянной конфронтации¹.

М. И. Клеандров²

ПРАВОСУДИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ

В названии статьи нет ошибки — здесь правосудие и справедливость выступают как двуединое составное понятие. Подразумевается, что правосудие только тогда является правосудием («правым судом»), когда оно по сути своей справедливо, а когда оно несправедливо — это не правосудие, у него масса иных негативных наименований. И это не семантика, это вообще не филологический изыск, здесь мы имеем дело с фундаментальной сущностью права.

Вместе с тем неоспоримо утверждение: правовая культура есть составная часть общей культуры человечества. На разных этапах развития человеческой цивилизации общая культура также развивалась наверняка в своей базовой основе, сохраняя приверженность некоторым фундаментальным опорам, соответственно не оставалась неизменной и правовая культура. Но исторический изыск здесь также не проводится — речь пойдет о ситуации сегодняшнего дня, ее проблемах и путях их решений с ориентацией на день завтрашний.

В свою очередь, понятие правовой культуры также многокомпонентно и состоит как минимум из культуры

законотворчества, правоотношений, работы государственных, в том числе правоохранительных, органов, правоприменения, правосознания (включая подготовку юридических кадров), правового поведения и т. д. Дифференциация в рамках этого понятия может быть осуществлена по множеству критериев, но, без сомнения, основным из них будет носитель правовой культуры, то есть правоприменитель. Конечно, весьма важной является культура правотворчества, но ведь даже идеальная норма права обычно содержит несколько пластов смыслов, залегающих для различных правоприменителей на разных глубинах, и это — не о хронологии правовой информации (даже не правового института, правовой отрасли).

Соответственно, в плане разделения властей можно говорить о правовой культуре лиц, непосредственно осуществляющих законодательную, исполнительную и судебную власть; относительно специалистов в рамках юридической профессии можно говорить о юридической культуре участковых уполномоченных, работников уголовного розыска, дознавателей, следователей и так далее; можно говорить и о правовой культуре государственных (федеральных и субъектов РФ) и муниципальных служащих и т. д.

Но ведь правоприменитель — это не только работники правоохранительных и судебных органов, в непосредственные функции которых входят охрана и защита прав и законных интересов граждан и иных лиц. Это и органы власти и управления, и хозяйствующие субъекты, и работники образования, культуры, искусства, СМИ, то есть, по сути, все, кто применяет (исполняет) право, кто находится в правовом поле, то есть в сфере воздействия правового регулирования. И исключений здесь нет.

¹ О применении парадигмы «столкновения цивилизаций» к глобальной системе см. лекцию автора: *The Dialogue of Civilizations and the Future of World Order. Foundation Day Speech, 43rd Foundation Day, Mindanao State University, Marawi City, Autonomous Region of Muslim Mindanao, Philippines, 1 September 2004.*

² Член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 450 научных работ, в т. ч. монографий: «Институт юридической службы в предпринимательстве», «Ответственность судьи», «Статус судьи: правовой и смежные компоненты», «Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее», «Судебные системы государств — участников СНГ». Член редколлегии журналов «Судья», «Предпринимательское право», «Энергетическое право» и др. Лауреат Международной премии им. Гуго Гроция. Награжден орденом Дружбы.

Но ядром правоприменительной практики является судебная практика. Именно она корректирует поведение правоприменителей, и именно судьи владеют инсайдерской информацией относительно «кухни» принятия судебных решений, создающих в совокупности судебную практику. И если правовая культура — культура правоприменения — должна базироваться на принципах справедливости, то для культуры судебной практики, культуры правосудия это просто естественная база, ее органический фундамент.

Каждый судья должен быть культурным, в идеале — глубоко культурным человеком. Если определенный некультурный поступок совершает иной правоприменитель — обычно это проступок в сфере этики, морали, нравственности. Но если некультурный проступок совершит судья (например: в процессе, обращаясь к одной стороне, судья говорит: «Уважаемый, Вы, наверное, хотите сказать...», обращаясь ко второй стороне: «Говорите громче, что Вы там бормочете, не похмелились с утра, что ли?»), это уже и нарушение конституционного принципа равенства всех перед судом, и очевидное нарушение базового для судебного процесса принципа непредвзятости, что может (даже должно) повлечь отмену судебного акта, вынесенного этим судьей. Потому что, безусловно, такой судебный акт не будет справедливым.

Вместе с тем очевидно: внешние проявления культуры у того или иного судьи — еще не основание полагать, что выносимые им судебные акты безоговорочно справедливы. Также не факт, что все наши судьи высококультурны в обыденном смысле слова (сам организационно-правовой механизм отбора кандидатов в судьи и наделения их судебскими полномочиями весьма несовершенен, а фактор уровня общей культуры здесь просто не определяется), но это не означает, что невысококультурные — внешне — судьи не выносят справедливые судебные акты, корреляция здесь намного глубже и сложнее. Главное — российские судьи чувствуют фундаментальную ценность культуры правосудия и осознают необходимость повышения ее уровня как безусловного основания справедливого правосудия.

Именно поэтому в Постановлении VIII Всероссийского съезда судей «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» от 19 декабря 2012 года прямо сказано (преамбула, последний абзац): «Все более настоятельной потребностью становится необходимость разработки государственного проекта стратегических преобразований организационно-правового механизма отечественного правосудия, конечной целью которых стало бы построение справедливого суда, отвечающего чаяниям российского общества. К отысканию путей решения этой задачи целесообразно привлечение потенциала высших судов страны, соответствующих государственных органов, научных учреждений, органов судейского сообщества и общественных формирований».

И по закону, и фактически Всероссийский съезд судей, созываемый один раз в четыре года, является высшим органом судейского сообщества России, выра-

жает волю всего корпуса действующих судей страны. Это означает, что названное положение постановления съезда, принятое (единогласно) 730 делегатами съезда, — это мнение 3298 действующих судей (24 145 судей системы общей юрисдикции, 3790 судей арбитражных судов и т. д.). Более того, можно уверенно заявить: перед российским обществом высказано консолидированное мнение всех судей страны — непосредственных носителей судебной власти, ежедневно и профессионально реализующих на практике категорию справедливого правосудия, во всяком случае стремящихся к этому.

И с неизбежностью, говоря о необходимости построения в России справедливого суда, можно (а может быть) и нужно задать естественный, сам собой напрашивающийся вопрос: а у нас сегодня суд разве не справедливый? И тут дело даже не в подтексте: если суд у нас справедливый, зачем затевать его модернизацию, когда и так все хорошо. Дело — в определении точки отсчета.

Практически любой судья, вынося судебное решение, уверен: это решение справедливое. Естественно, за редкими исключениями — как в отношении отдельных судей, так и в отношении отдельных судебных решений. Но разговор идет в целом, за минусом этих редких исключений. И тогда получается: в целом судебные решения у нас справедливые, соответственно — судьи наши справедливы (поэтому можно даже уверовать в то, что наши судебные решения эталонны и могут служить образцом и для наших будущих судей, и в качестве примера в учебном процессе для студентов-юристов всего мира), значит, правосудие у нас справедливое, следовательно, механизм нашей судебной власти безупречен. Ведь главное в деятельности судебной власти любого государства — обеспечить справедливое правосудие, и если все судебные решения в этом государстве справедливые, значит, механизм судебной власти в этом государстве, обеспечивающий прекрасные результаты, безупречен, и уж точно в модернизации не нуждается.

Но это если вердикт — справедливо ли или нет судебное решение — выносит судья, принимающий решение. Равно как если этот вердикт — уже относительно всех судебных решений — выносит судейский корпус, сама судебная власть. Однако если учесть, что в любом государстве суд для общества, а не наоборот, то необходима иная точка отсчета. Вердикт — принципиальный — должно выносить общество.

Можно, разумеется, предположить, что общество (в лице его самых активных и принципиальных представителей) не в состоянии объективно оценить справедливость того или иного судебного решения, так как не знает всех обстоятельств и материалов дела, которые знает (и оценил по справедливости) судья, вынесший это решение. И вынося неверный вердикт о несправедливости этого решения, общество (его представители) находится под влиянием ангажированных СМИ (либо — шире — тех кругов, которые старательно доказывают ущербность и незрелость устоев Российского государства, прежде всего его федеральных органов государственной власти, в том числе органов

судебной власти), стремящихся (или под влиянием момента) дискредитировать конкретного судью, конкретный судебный орган, отдельную судебную систему либо целиком судебную власть. Соответственно, данное суждение распространяется и на определенную группу судебных актов, и на них в совокупности, в том числе взятых за длительный временной период.

Но ведь это не так. Общество наше не столь наивно, чтобы безоговорочно в своем вердикте опираться только на эти СМИ. К тому же, если бы это было так, достаточно было бы организовать и провести крупномасштабную контрпропагандистскую акцию с целью «открыть глаза» обществу.

Вместе с тем считать, что в законодательной и исполнительной ветвях государственной власти есть некоторая доля несправедливости в форме недостатков, ошибочных решений и нерешенных проблем и эти ветви власти (их органы) надо совершенствовать и улучшать, а в судебной ветви государственной власти все справедливо и нет в ней ни недостатков, ни ошибочных решений, ни нерешенных проблем, объективных оснований нет. К тому же надо учесть, что всякое дело совершается (или делается плохо, или не делается совсем) людьми, они и создают очаги несправедливости, а людей в законодательной и исполнительной ветвях государственной власти, в потенциале способных принять несправедливое решение, в совокупности в десятки, если не в сотни раз меньше, чем в судебной ветви государственной власти.

Немного лучше сегодня положение с оценкой обществом российской судебной власти в ситуации, когда — гипотетически — каждый из участников каждого из судебных процессов на практике убеждается: в его конкретном деле судья провел процесс справедливо и вынес справедливое решение. Таким образом, гипотетически несколько десятков миллионов россиян в год воочию убеждаются: судебная власть в стране справедлива — на примере своего судебного дела. Но одновременно эти же десятки миллионов россиян находятся под массивным воздействием ангажированных СМИ, неуклонно и постоянно внушающих всем россиянам — наши суды, судьи и их решения несправедливы по определению.

В результате наши десятки миллионов граждан — участников справедливых (в их восприятии) конкретных судебных процессов — оказываются в положении Л. И. Брежнева — из анекдота, который дружно, дополняя друг друга, вспомнили 18 декабря 2012 года на VIII Всероссийском съезде судей Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин и Президент РФ В. В. Путин. В этом анекдоте Л. И. Брежнев, обращаясь к зарубежной даме, говорит: «Уважаемая госпожа Маргарет Тэтчер!» Тут ему помощник подсказывает: «Это Индира Ганди!» И Л. И. Брежнев ему в ответ: «Сам вижу, что это Индира Ганди! Но ведь здесь написано: Маргарет Тэтчер!»

И каждый из названных десятков миллионов россиян, много лет упорно обрабатываемый СМИ по поводу отрицания справедливого правосудия в России и не встречающий контрдоводов в этом вопросе, для себя решает эту дилемму так: да, я встретил справедливого

судью, мне просто повезло, но это исключение, а все остальные судьи в России, раз так «написано» (то есть утверждается СМИ и никем не опровергается), несправедливы.

А остальные россияне, которые не были участниками справедливых, с их точки зрения, судебных процессов, даже и с этими исключениями не сталкивались, поэтому в еще большей мере оказываются под воздействием огульной дискредитации судебной власти в России.

Таким образом, даже если каждый из 32 тыс. российских судей будет всегда выносить исключительно справедливые судебные решения (что, конечно, идеал, который даже с философской точки зрения недостижим), российское общество узнать об этом в сегодняшней системе координат не сможет, и общественное мнение по-прежнему будет считать судейский корпус в значительной мере несправедливым, поскольку будет ориентироваться, как в приведенном анекдоте, на то, что «написано». А десятки миллионов россиян, ежегодно воочию убеждающиеся в справедливости суда, где они были участниками судебного процесса, будут считать, что они «видели» — каждый из них — свое исключение, общее правило не меняющее.

Автору данной работы не довелось встретить результаты ни одного объективного, заведомо не ангажированного социологического исследования, посвященного оценке обществом судейского корпуса, осуществляющего в России правосудие, организованного и проведенного самим судейским сообществом либо по его заказу. Не смог помочь в этом и специальный, целенаправленный и широкоохватный поиск. Публикуемые же результаты социологических опросов, проведенных «извне» судейского сообщества, побуждают отнестись к ним скептически — или это заведомо ангажированный подход, изначально нацеленный на необъективное освещение ситуации, или это опрос непрофессиональный, не позволяющий считать его результаты репрезентативными и т. д.

Каков может быть ответ на вопрос (утрированный, конечно) типа: «Согласны ли Вы с тем, что Земля круглая, вода мокрая, а суды наши могли бы быть и посправедливее?» Любой из ста, тысячи, миллионов разумных людей (включая, кстати, наверняка всех судей) категорически ответил бы, естественно, «да». Но ангажированные исследователи сделали бы такое обобщение: раз опрашиваемые согласились с тем, что суды могут быть и посправедливее, значит, они считают их сейчас «совсем не справедливыми» или в лучшем случае — «недостаточно справедливыми». А в качестве результата проведенного ими соцопроса провозгласили бы вывод: «Сто процентов опрошенных считают российских судей несправедливыми».

Вместе с тем у вопроса: «А разве наш суд несправедлив?» со стороны отдельных (и немало числа) судей есть и изнанка — они считают, что суд (в любой стране) объективно не может быть ко всем одновременно справедлив. И в качестве довода указывает: в судебном процессе почти всегда так или иначе есть две стороны, и выигравшая сторона посчитает суд справедливым, проигравшая же сторона всегда будет

недовольна. К этому можно добавить, что решением по гражданско-правовому спору, удовлетворившим иск наполовину, обычно недовольны обе стороны; а по делам, где всего одна сторона, например при установлении факта, имеющего юридическое значение, при отказе суда в удовлетворении заявленного требования довольных нет вообще.

Но дело в том, что недовольство судом, судьей, судебным решением по конкретному делу и ощущение у участника этого конкретного процесса несправедливости суда, судьи, судебного решения по этому делу — далеко не совпадающие величины. Ведь если процесс по делу судьей проведен безукоризненно, все участники процесса ни в малейшей мере не ощущали со стороны судьи на всем протяжении процесса предвзятости, наоборот, они видели, слышали, что называется — «кожей» ощущали стремление судьи выявить все обстоятельства по делу и чувствовали, что судья делает это профессионально, а, получив решение суда по делу, не найдут в нем изъянов ни с фактической, ни с процессуально-процедурной и иных сторон, проигравшая сторона будет, естественно, недовольна исходом дела, но чувства несправедливости по отношению к суду, судье, судебному решению испытывать не будет. Если, разумеется, потерпевшая сторона — человек (люди) вменяемый и адекватный. Кстати, и обжаловать такое решение весьма трудно — по сути дела не за что «зацепиться». Это идеальное, в том числе с позиции справедливости, судебное решение, и, безусловно, вынесено оно высококультурным судьей.

И наоборот, воспринимая всеми органами чувств, что судья предвзят, аргументы и доводы сторон воспринимает избирательно, ведет процесс с очевидными нарушениями закрепленных в законе процедур, профессионализмом не отличается, а судебное решение нелогично, противоречиво, слабо мотивировано и далеко от норм элементарной грамотности, даже выигравшая процесс сторона не воспримет этот суд, этого судью, это судебное решение как справедливые. Если, опять же, представители сторон в процессе вменяемы и адекватны. Такого судью, безусловно, и культурным назвать нельзя.

Но что это такое: категория «справедливости» как явление? Врожденное чувство? Результат умственной деятельности? Инстинкт, свойственный не только людям, но и животным? Или наоборот — ощущение справедливости свойственно только избранным, наиболее развитым людям? Можно ли «научить» справедливости, например, студентов-юристов? А воспитать? Обнаружить зачатки и воспитанием их усилить? Либо ее наличие или отсутствие (как и «фифти-фифти») предопределено генетикой? Оно у всех людей одинаково либо различается географически, гендерно, в зависимости от возраста, классовых предпочтений, этнических, конфессиональных, этических, социальных, политических и иных факторов, и т. д. и т. п.? Поделить один пирог между двумя голодными людьми поровну — это справедливо? А если первый весит 40 кг, а второй — 140 кг, и второму, чтобы элементарно не умереть с голоду, требуется в несколько раз больше пищи, чем первому, значит «пирог пополам» — будет несправедливо?

Справедливой ли является равная оплата за различный по результатам труд (так называемая уравниловка), либо справедливой будет оплата труда в зависимости от количественных и качественных показателей? Или при оплате труда должно также учитываться количество иждивенцев в семье работника, средний уровень дохода на душу в семье и т. п.? Но, может быть, категория справедливости столь же — объективно — неопределима и даже непознаваема, как, например, любовь, добро, счастье, радость?

Даже поверхностный поиск ответов на эти вопросы вызывает удивление двоякого рода. С одной стороны — относительная слабость понятийного аппарата. Так, в словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «справедливый» характеризуется как: 1. Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. С. судья. С. поступок. С-ое решение. Справедливо (нареч.) оценить. 2. Направленный на осуществление правильных, насущных задач. С-ая народная война. 3. Истинный, правильный. Полученные сведения оказались справедливыми (сущ. справедливость, -и, ж.)¹.

В Большом толковом словаре русского языка, составленном Институтом лингвистических исследований РАН, сказано: справедливый, -ая, -ое; -лив, -а, -о — это: 1. Действующий беспристрастно, в соответствии с истиной. С. судья. С. начальник, командир. Справедлив ли ты к сыну? Очень с. Быть, оказаться справедливым. С. судья. Основанный на беспристрастном соблюдении истины, правильном отношении к кому-, чему-л. С. суд. С-ое решение. С. приговор. С-ая оценка. 2. Основанный на требованиях справедливости (3 зн.); соответствующий моральным и правовым нормам. С-ое дело. С-ое устройство государства. С-ые законы. С-ое требование. 3. Соответствующий истине, действительности; правильный, верный. С-ые слухи. С-ые подозрения. Полученные сведения оказались справедливыми².

В авторском (Н. М. Добрынина, доктора юридических наук, профессора, специалиста в области конституционного права) Универсальном энциклопедическом словаре содержится такое определение: справедливость — справедливое отношение к кому-либо, беспристрастие; справедливый: 1) действующий беспристрастно; соответствующий истине; 2) осуществляемый на законных и честных основаниях; 3) истинный, правильный³. А в Большой юридической энциклопедии⁴ понятие «справедливость» вообще не упоминается.

Естественно, понятие «справедливость» — в привязке к судебным актам — рассматривалось учеными многократно, в том числе в диссертационных исследованиях⁵, иных научных жанрах. Так, И. Михайловская, соотнося принципы независимости, беспристрастности

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 607.

² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2008. С. 1252.

³ Добрынин Н. М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск, 2012. С. 485.

⁴ Большая юридическая энциклопедия. М., 2005.

⁵ См., например: Алексеева Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

и справедливости правосудия, схему этого соответствия представляет следующим образом: чем действительнее гарантии независимости, тем выше вероятность его беспристрастности; в свою очередь, чем выше уровень гарантии беспристрастного судебного разбирательства, тем больше шансов принятия справедливого судебного решения. Другими словами, указывает она: законодательные и иные предпосылки, непосредственно влияющие на независимость суда, опосредованно воздействуют и на характер судебных решений, их беспристрастность и справедливость; все факторы, которые непосредственно влияют на беспристрастность суда, опосредованно повышают или снижают вероятность вынесения справедливых решений¹.

Все вышесказанное верно, но уяснению понимания, что такое справедливость, помогает мало. Вместе с тем понятие «справедливость» широко используется в отечественном законодательстве (например, ст. 6 УК РФ именуется «Принцип справедливости»), в актах международного права (ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод называется право на справедливое судебное разбирательство) и т. д. А ведь это понятие для судей — при вынесении судебных актов — не абстрактное теоретизирование. Однако официальное «раскрытие» содержания понятия «справедливость» в этих и иных актах оставляет желать лучшего. Например, ст. 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ, именуемая «Законность, обоснованность и справедливость приговора», раскрывается в своей ч. 2 так: «Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями настоящего Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона». То есть получается: если приговор законен, то он справедлив. Но это верно лишь при условии, что сам закон (причем именно уголовный) справедлив. А это не так хотя бы потому, что иначе не было бы необходимости постоянно изменять законы: две трети принимаемых федеральных законов — это изменения законов.

Видимо, некоторая слабость, аморфность, неполнота цитируемых определений, обусловленная филологическим инструментарием сопоставления разных величин (справедливость = беспристрастность, истинность, правильность, верность и пр.), являются показателями объективной невозможности выразить языком то, что «ощущается сердцем». Недаром известный философ Н. А. Бердяев говорил об идеях, где «правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью».

Вряд ли кто безошибочно и однозначно ответит на вопросы: «Справедливость чувствуется, осознается или ощущается?» (Это вопрос психологии, морали или даже, может быть, метафизики.) «Само восприятие справедливости/несправедливости базируется на невербальном постижении соответствующих ориентиров или здесь специфический ментальный модус и это постижение достигается на неопознанных и неотрефлексированных измерениях сущностей?»

С другой же стороны: практически любой человек (тем паче любой судья) обычно без долгих раздумий,

¹ Михайловская И. Соотношение категорий «независимость», «беспристрастность» и «справедливость» суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 101.

что называется, «влёт» отличит — при тех или иных общественных проявлениях — справедливость от несправедливости. Причем для нашего, российского, общества любое проявление несправедливости, которое каждый человек «чувствует сердцем», является сильнейшим раздражителем. Директор Института социологии РАН академик М. К. Горшков отмечает: «Наше общество идею “справедливости” возводит во главу угла (мы это видим в ходе наших опросов уже не первый десяток лет)»².

Нужно подчеркнуть: на Руси издревле справедливость была понятием базовым, сакральным; ради нее, «страдающая за правду», шли и на дыбу, и на эшафот. Невозможность «добиться справедливости» нередко приводила к «уходу в запой», но подчас и «брались за вилы».

Может быть, поэтому сегодняшний российский судья вряд ли примет решение, аналогичное судебному акту эстонского судьи о продаже трехкомнатной квартиры гражданки Эстонии Г. за 3200 евро с целью взыскания с нее штрафа за безбилетный проезд и нарушение правил дорожного движения (с набегавшими за несколько лет пени, что в совокупности составило 3200 евро), причем это решение эстонского судьи было приведено в исполнение³. Равным образом вряд ли современный российский судья вынесет приговор о лишении свободы, исчисляемый секундами: именно такой приговор — о лишении свободы сроком на 30 секунд премьер-министра Пакистана за неуважение к суду вынес Верховный суд этого государства⁴.

Справедливы ли наше общество и его государственные устои сегодня? Отнюдь нет, если быть объективным. Можно ли у нас сегодня «найти справедливость», если она попорана — в конкретном проявлении? В принципе и теоретически, и практически обычно можно, но по факту — не всегда, не во всем и не всеми. Но ощущать несправедливость и искать защиту от нее — не исключительный удел индивидуума. Подчас от несправедливости страдают и безуспешно ищут защиту целые коллективные образования. А осознание более-менее широкими слоями общества подчас принципиальной невозможности торжества справедливости, невозможности ее восстановления при поправлении неизбежно приводит к деструктивным проявлениям, направленным прежде всего против центральной власти, которая — в общественном сознании — и виновна в сложившемся положении дел, в том, что в возглавляемом ею государстве «нельзя найти правду».

Осознание сегодня наличия названной в цитируемом положении Постановления VIII Всероссийского съезда судей стратегической проблемы (как обязательный первый шаг на длительном и тернистом пути ее решения) опирается на уверенность в том, что ее решение по значимости для современного гражданского общества сопоставимо, в рамках российской истории, например, с отменой крепостного права Александром II. Именно тогда, во второй половине XIX века, Россия созрела для такого масштабного прорыва к справедливости. Можно сопоставить ее и с судебной реформой: как известно,

² Российская газета. 2013. 27 февр.

³ Российская газета. 2011. 15 сент.

⁴ Российская газета. 2012. 27 апр.

в первой половине XIX века попытки графа И. М. Сперанского провести судебную реформу в России не увенчались успехом именно из-за неготовности общества это принять. Но уже к 1864 году общество к радикальной судебной реформе было готово, и она была успешно осуществлена. Тем более оно готово к решению проблемы торжества справедливости сейчас. Сегодня, в принципе, по значимости и масштабам ее решение можно сопоставить — в рамках отечественной истории — с ядерным и космическим проектами. А ведь в науковедческой литературе отмечается, что за последние двадцать с лишним лет государство вообще не поставило перед наукой и экономикой ни одной масштабной задачи, сопоставимой, например, с созданием ядерного оружия или ядерной энергетики, атомного, подводного и ледокольного флота, освоением космического пространства¹. Вопрос о направлениях, принципах, алгоритмах и динамике реализации проекта — второй; главное и необходимо принципиальное — политическое решение о его разработке.

Механизм восстановления порушенной справедливости многопланов, разнообразен и многозвенен. Но сегодня в демократическом правовом государстве, коим является Россия, ядром этого механизма служит специально для этого созданная, являющаяся самостоятельной ветвью государственной власти судебная власть. Точнее — должна служить.

Известные писатели-фантасты братья Стругацкие в начальный период своей творческой деятельности, в 1960-е годы, в нескольких своих произведениях создали — очень образно и выпукло — мир Полудня (впервые в романе «Полдень, XXII век»), в литературоведении позже охарактеризованный как *мир, в котором хочется жить и работать*. В условиях сегодняшнего дня мир, в котором хочется жить и работать, это может быть прежде всего мир государства, в котором высокая общая культура, соответственно высокая правовая культура и, естественно, высококультурное справедливое правосудие.

Г. Б. Клейнер²

ГОСУДАРСТВО, СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА, БИЗНЕС: ИМПЕРАТИВЫ ДИАЛОГА И КОНВЕРГЕНЦИИ КУЛЬТУР

Структура кристалла

Каждая страна, прошедшая значимый исторический путь, представляет собой целостную социально-экономическую систему, наделенную индивидуальными цивилизационными особенностями (инвариантами). В определенном смысле такую страну можно уподобить кристаллу, сохраняющему внутреннюю структуру и внешнюю форму в широком спектре неразрушающих воздействий. Аналогом кристаллической решетки, обеспечивающей устойчивость страны, является особая структура ключевых внутристрановых подсистем, взаимодействие между которыми позволяет сохранять устойчивость и идентичность.

¹ См.: Саркисов А. А. Российская академия наук: какой ей быть? // Вестник РАН. 2012. Дек. Т. 82. № 12. С. 1109.

² Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН. Заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Научный руководитель Института инновационного управления экономикой Государственного университета управления и факультета экономики и управления университета «Дубна», доктор экономических наук.

Автор более 600 научных публикаций, в т. ч.: «Теория фирмы и практика российских предприятий: состояние, проблемы, перспективы», «Эволюция институциональных систем», «Производственные функции: теория, методы, применение», «Перспективное планирование производства в объединении (опыт моделирования)», «Системная экономика как платформа для развития экономической теории», «Системная теория ролевого управления предприятием», «Стратегия предприятия», «Мезоэкономика развития» и др. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России», заместитель главного редактора «Российского журнала менеджмента». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

Обычно в качестве таких подсистем называется триада «государство, общество, экономика» (иногда последняя заменяется на бизнес). Однако такое трехчленное представление требует ревизии и уточнения. Экономика, понимаемая как сфера организации и протекания процессов производства, потребления, распределения и обмена в стране (народное хозяйство), не тождественна бизнесу как сфере предпринимательской деятельности, направленной на реализацию предпринимательских проектов с целью извлечения прибыли. Если смысл и миссия народно-хозяйственной экономики — обеспечение жизнедеятельности на всей территории страны, то задача бизнеса — активизация инновационных проектов там и тогда, когда они могут принести максимальную прибыль предпринимателю. Это говорит о том, что экономику и бизнес следует рассматривать как разные подсистемы странового уровня.

Таким образом, в качестве различных и относительно самостоятельных макросубъектов можно выделить четыре подсистемы: государство (как организацию, регулирующую жизнедеятельность общества на всей территории страны в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе); социум (как население, структурированное с помощью различных общественных организаций); экономику (как сферу реализации процессов производства, потребления, распределения и обмена); бизнес (как самостоятельную деятельность, осуществляемую на свой страх и риск и направленную на извлечение прибыли). Отметим, что в пространственном аспекте все эти подсистемы не отделены друг от друга и охватывают территориальное и социально-экономическое пространство страны, в то время как функционально они должны рассматриваться как относительно самостоятельные и различные.

Эта «квадрига» ведущих подсистем, а также взаимоотношения между ними на страновом уровне образуют основу системной структуры страны. На уровне регионов, субъектов Федерации, муниципальных образований структура дополняется подобными четырехзвенными комплексами, отражающими властные, социальные, экономические и предпринимательские компоненты жизни локальных сообществ. Такие «квадриги» образуют фрактальную внутреннюю сетку, своеобразную «кристаллическую решетку», обеспечивающую устойчивость и идентичность страны в многоуровневом измерении и в целом. Собственно, только четырехзвенная структура и может рассматриваться как основа подобной «кристаллической решетки».

Пропорции и диспропорции

Смыслы, или миссии, указанных четырех макросистем и их роль в жизни страны принципиально различны. *Государство* регулирует функционирование страны как единого целого, обеспечивает ее безопасность, территориальную целостность и перспективы развития. *Социум* формирует социальную среду, заинтересован в равенстве прав и возможностей своих членов. *Экономика* обеспечивает жизнедеятельность социума, регулирует баланс спроса и предложения, поддерживает однородность экономических условий в разных частях территории. Бизнес является движущим началом различных предпринимательских проектов, реализует инновационную предпринимательскую функцию. Таким образом, государство и социум поддерживают должную меру стабильности развития страны, в то время как экономика — в связи с необходимостью воспроизводства расходуемых ресурсов — и в особенности бизнес вносят в социально-экономическую жизнь страны прогрессивные изменения, новшества и делают межпериодные связи более разнообразными. С точки зрения территориального развития и размещения функцию «гармонизаторов» берут на себя социальная и экономическая сферы, в то время как бизнес и государство диверсифицируют эти процессы.

В итоге мы видим, что четыре указанные макросистемы — государство, социум, экономика, бизнес — в совокупности обеспечивают динамическое равновесие между стабильностью и изменчивостью, унификацией и диверсификацией условий социально-экономического, политического и технологического развития страны.

Для того чтобы страна в целом как социально-экономическая система была способна к самостоятельному бескризисному и устойчивому развитию в контексте современной мировой экономики в течение неограниченного времени, в ней должен соблюдаться паритет функциональных возможностей ключевых подсистем. Так, дисфункции государства лишают страну будущего; неразвитость гражданского общества не позволяет обеспечить равные права различным категориям населения; низкий уровень экономического развития создает почву для территориальной фрагментации страны; дефицит предпринимательства приводит к застою

и в конечном счете — к необратимому отставанию страны от ведущих государств.

Напротив, гипертрофия государственных полномочий обуславливает бюрократизацию страны и снижает инновационный потенциал; неограниченное развитие демократии перерастает в хаос; безудержная «экономизация», стремление к снижению затрат ставят на грань риска жизнедеятельность страны; наконец, гипертрофия роли бизнеса в стране под лозунгом «Бизнес решает все» способна дестабилизировать обстановку, предельно сократив горизонт планирования.

Вывод: необходим специальный механизм на федеральном уровне, а также на уровне субъектов Федерации, обеспечивающий паритет в развитии властной, социальной, экономической и предпринимательской сфер. Среди прочего это предполагает выделение специальных ассигнований для финансирования затрат на эти цели, включая мониторинг пропорций и темпов развития указанных систем, а также бенчмаркинг для сравнения пропорций их роста в абсолютном и относительном выражении с соответствующими показателями развитых стран. Диспропорции неизбежно ведут к неоправданным последующим затратам на преодоление общестрановых рисков и предотвращение провалов.

Четыре системы — четыре культуры

Как уже было сказано, природа и цели четырех основных макросистем различны. Это создает определенные проблемы в их взаимоотношениях. Представляется желательной консолидация усилий всех четырех подсистем в процессах функционирования и развития страны, преодоление фрагментации и расчленения странового социально-экономического пространства. Для исследования этой проблемы важно отметить, что каждая из четырех ключевых подсистем является носителем определенной культуры. Представители государственных органов имеют ярко выраженные особенности менталитета, поведения, мировоззрения, отношения к руководителям, коллегам, подчиненным. Лица, которые являются общественными активистами и считают себя представителями общества («общественники»), также образуют своеобразный слой общества со своим языком, тематикой, интересами. *Культура*, присущая бизнесменам, была чрезвычайно ярко представлена во внешнем облике, языке и манере поведения в 1990-е годы («малиновые пиджаки»). Сейчас эти признаки утратили яркость, но коммерческий стиль мышления и соответствующие целевые установки остались. Что касается представителей производственных предприятий реального сектора экономики, то их культурные особенности не имеют столь броской окраски, как, скажем, у бизнесменов, и возможности их культурной самоидентификации ограничены. Однако и у этой категории есть свой культурный код, обеспечивающий взаимопонимание участников экономической деятельности и возможность согласования производственных решений. Характерной чертой представителей этого слоя социума является патриотизм, адресуемый стране и обществу. Поскольку экономика представляет собой процессную,

не ограниченную территориально систему, представители этого культурного слоя воспринимают страну как единое территориальное целое и находят общий язык вне зависимости от месторасположения предприятий или организаций, где они работают. Характерной для данной культуры можно также считать готовность следовать производственным регламентам, понима-

ние роли коллективизма, «уважительное» отношение к технике и др. Такая культура представляется в стратегическом плане включенной в состав ключевых компонент страновой культуры в целом.

Указанные четыре типа культуры воплощают на макроуровне типы организационной культуры, по классификации Ч. Ханди (см. табл.).

Таблица

Доминирующая ключевая подсистема	Преобладающая в стране культура	Тип организационной культуры	Ценности
1. Государство	Государственническая	Культура Зевса («культура власти»)	Патриотизм, патернализм
2. Социум	Социальная	Культура Диониса («культура общения»)	Коллективизм
3. Экономика	Экономическая	Культура Аполлона («бюрократическая культура»)	Прагматизм
4. Бизнес	Предпринимательская	Культура Афины («культура задач»)	Эгоцентризм, индивидуализм

Расхождение сути внутристрановых культур, с одной стороны, создает необходимое разнообразие, с другой — при чрезмерных размерах повышает риски деструктуризации страны.

Институты внутристранового диалога ключевых национальных систем и сближения культур

Задача пропорционального и сбалансированного развития четырех различных по своей природе, культурным особенностям и функциям макроподсистем требует усилий по организации их эффективного взаимодействия. Это, в свою очередь, требует тщательного анализа предпосылок и прогнозирования результатов такого взаимодействия. Как показывает системный анализ, выполненный на базе современной теории социально-экономических систем¹, между элементами подобных четырехзвенных системных комплексов («тетрад») существуют как силы притяжения, так и силы отталкивания. Сочетание этих сил и создает «кристаллическую решетку», образующую основу устойчивости системы.

В цепочке «государство–социум–экономика–бизнес» соседние члены обладают склонностью к взаимному сотрудничеству, в то время как взаимоотношения между государством и экономикой, а также между социумом и бизнесом не могут не быть напряженными. Они напоминают скорее силы отталкивания. Визуально всю конфигурацию можно представить в виде квадрата, в вершинах которого находятся указанные ключевые системы, а стороны символизируют кооперационные взаимодействия в системах «государство–социум», «социум–экономика», «экономика–бизнес», «бизнес–государство». Диагональные связи «государство–экономика» и «бизнес–социум», наоборот, отвечают напряженным отношениям, характерным для сил отталкивания. Они также тем не менее необходимы для устойчивости конфигурации, поскольку предотвращают ее «схлопывание».

Для наиболее эффективной реализации взаимоотношений между подсистемами, входящими в симбиоз

тические пары, необходима достаточно полная система значимых общественных институтов.

1. *Государство–социум*. Здесь используются разнообразные институты демократии — выборность органов власти, общественный контроль, такие организации, как Общественная палата, институт омбудсмена, средства массовой информации. В целом речь должна идти об *общественно-государственном партнерстве*.

2. *Социум–экономика*. Взаимоотношения между компаниями и обществом сейчас не вполне прозрачны. Предприятия скрывают от общества истинное положение дел, в то время как общество не предоставляет предприятиям информацию о своих текущих и будущих предпочтениях. Проблемы сочетания социальных и экономических критериев в управлении социально-экономическими системами до сих пор не решены. Кризис корпоративного управления конца 1990-х — начала 2000-х годов — свидетельство тому. Институт фондового рынка в России (в значительной мере и на Западе, в Юго-Восточной Азии) не справляется с ролью согласователя интересов предприятий и индивидуальных инвесторов. Необходимо развитие самоуправляемых предприятий и организаций и других видов *экономико-социального партнерства*.

3. *Экономика–бизнес*. Корпоративно-предпринимательское партнерство в России в настоящее время находится на низком уровне. Речь идет в первую очередь о взаимоотношениях «собственник (как физическое лицо) — предприятие (как юридическое лицо)». Интересы развития предприятия часто приносятся в жертву интересам обогащения собственников и/или менеджеров (вывод активов). Здесь необходима кардинальная институциональная перестройка, по существу, корпоративная революция, в рамках которой было бы достигнуто согласование интересов всех участников производства.

4. *Бизнес–государство*. Равноправные отношения в этой сфере крайне важны для странового развития. В России эти отношения характеризовались колебательными движениями, своеобразным «перетягиванием каната». Сейчас установилось определенное равновесие, но оно не представляется устойчивым.

¹ Клейнер Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник РАН. 2011. № 9.

Функционирование государства в интересах крупного бизнеса, так же как и деятельность бизнеса в интересах чиновников, — две стороны одной коррупционной медали. Тщательное оформление и реализация институтов честного *частно-государственного партнерства* — насущная задача времени.

В свете сказанного представляется, что организация эффективной коммуникации и кооперации всех четырех краеугольных общественно-страновых подсистем должна опираться на институционально оформленный диалог представителей симбиотических пар, а также на участие их в многосторонних форумах национального уровня. В связи с этим предлагается дополнить понятия физического лица как индивидуального члена социума и юридического коммерческого лица как самостоятельного участника хозяйственной деятельности следующими категориями:

1) административное лицо — представитель государства как одной из четырех ключевых макроподсистем;

2) предпринимательское лицо — представитель бизнеса как одной из четырех ключевых макроподсистем. Здесь имеется в виду интегрированная группа собственников, осуществляющих конкретный инвестиционный или инновационный проект или группу таких проектов.

Параллельно необходимо уточнить и легитимизировать понятие *экономического субъекта* как самостоятельной обособленной экономической системы, выделив среди таких субъектов следующие категории:

Право на мир и концепция мира связаны с конструктивным диалогом и взаимным доверием. Также следует подчеркнуть значение надлежащего и инклюзивного образования. Но образование нельзя ограничивать изучением одной отдельно взятой культуры или религиозного института. Школа — идеальное место для общения. Она находится у истока диалога. Следовательно, школы необходимы для материализации потребности в диалоге и праве на мир.

Работая в Управлении Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR), мне неоднократно приходилось бывать в конфликтных регионах (Бейрут, Ливан: гражданская война 1975–1978 гг.; Эфиопия: переходный период «красного террора» 1978–1981 гг.; Джуба, Южный Судан: гражданская война 1987–1989 гг.; Пешавар, Пакистан/Афганистан: 1993–1995 гг.).

При первом приближении упомянутые конфликты можно охарактеризовать следующим образом:

¹ Профессор международного права и прав человека Университета Вебстер (Лейден, Нидерланды), доктор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Вебстерский справочник по международному законодательству», «Гаага, мировая юридическая столица» (в соавт.), «Терроризм и международный правопорядок» и др. Вице-президент Германского отделения Ассоциации изучения проблем беженцев.

— *предприятия* как социально-экономические системы с ограниченной территориальной локализацией и неограниченным сроком функционирования;

— *экономические проекты* как социально-экономические системы с ограниченной территориальной локализацией и ограниченным сроком функционирования;

— *экономические процессы* как социально-экономические системы с неограниченным территориальным распространением и ограниченным сроком функционирования;

— *социально-экономические среды* как системы с неограниченным территориальным распространением и неограниченным сроком функционирования.

Интересы функционирования и развития этих субъектов социально-экономического пространства в рамках институтов частно-государственного, частно-корпоративного, экономико-социального и социально-государственного партнерства будут координироваться с интересами физических, юридических, административных и предпринимательских лиц.

Одновременно, кроме институтов бинарной коммуникации, необходимо создание общестранового постоянно действующего системно-интегрирующего института коммуникации представителей ключевых национальных макроподсистем — государства, социума, экономики и бизнеса. На этой площадке в режиме дискретного диалога будут координироваться интересы социальных и экономических субъектов, взаимообогащаться и сближаться культуры ключевых внутристрановых систем.

Петер ван Крикен¹

ПРАВО НА МИР И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

— Ливан: этнические, политические, религиозные;

— Эфиопия: политические;

— Джуба: этнические, религиозные;

— Афганистан: этнические, политические.

Любой человек, помимо уровня культуры, образования, поведения, привлекательности, обладает пятью главными идентичностями: пол (мужской/женский), сексуальная ориентация, цвет кожи, религиозные верования, политические и общественные убеждения.

Первые три признака нельзя изменить (за исключением особых случаев): человек — тот, кто есть, и факт, что это нельзя изменить, способен придать ему душевное спокойствие.

Политические воззрения эволюционируют и в течение жизни человека нередко меняются.

Наибольшую сложность для характеристики идентичности представляет религия: один человек может сам принять какое-либо вероисповедание, другой воспитывается в определенных религиозных традициях; один может сменить веру, а другой — отказаться. Здесь и возникают сложности, связанные с вероисповеданием, а также с убежденностью, что собственная вера лучшая и единственно подлинная («Мой Бог самый великий»).

Более того, приверженцы двух из трех монотеистических религий (за исключением иудаизма) полагают, что их миссия — пытаться обратить в свою веру так называемых неверующих. Все это создает определенную напряженность внутри сообществ, между ними и вокруг них. Это означает также, что диалог зачастую сводится к простому обмену мнениями, попытке убедить другую сторону, что его вера единственно подлинная, и таким образом, скорее к обмену монологами, нежели к настоящему диалогу. (Если только кто-нибудь не попытается сосредоточить внимание на том, что является общим для этих религий, а также на иных точках зрения, с которыми можно соглашаться или не соглашаться.)

Однако в мире непрерывно ведутся войны, право на мир постоянно нарушается, прежде всего по экономическим, религиозным и этническим (племенным, национальным) причинам. Религиозные войны, к сожалению, не остались в прошлом. Религия и этническая принадлежность соотносятся с культурной идентичностью и ложным восприятием других. В 1980-х годах Дмитрий Лихачев сосредоточил внимание на переориентации целей и идей образования. Он разработал концепцию, основу которой составил его взгляд на культуру как историческую память, процесс накопления, нежели последовательных изменений. Такой взгляд обуславливает соотнесение диалога с процессом мирного существования.

Связующее звено между процессом мирного существования и диалогом культур

Очевидно, что конструктивный диалог в результате приводит к *mutua fides* (взаимному доверию), взаимопониманию и высокой взаимооценке. Взаимное доверие необходимо для функционирования сообществ и обществ (равно как и для экономики¹). Оно имеет значение также и для международных контактов. Взаимное доверие повышает самооценку, отсюда — гибкость мнений и открытость по отношению к другим.

Диалог культур и диалоги о культурах должны быть примирительными и ориентированными на мир, а также инклюзивными. Диалог культур, учитывающий этот факт, будет направлен на то общее, что мы имеем, а не на то, в чем различаемся. С учетом этого факта в рамках школьных образовательных систем дети должны обучаться вместе, а не в школах, разделенных на основе политических, общественных или религиозных доктрин. Следует делать акцент на том, что свобода выражения мнения и потребность в создании атмосферы толерантности выходят за рамки свободы религии. То же справедливо и для концепции мира, которую следует воспринимать как первостепенное право и обязательство, а значит, как нечто еще более важное, чем свобода религии. Это означает также, что свобода религии должна рассматриваться как свобода частной жизни: тайна вероисповедания находится в области конфиденциальности, и совершенно необязательно выносить ее на публичное обозрение. Возможно, понятие "laïcité" («светскость») во многом способствует реализации права на мир.

¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию : пер. с англ. М., 2008.

В данном контексте следует подвергнуть анализу стремление определить право на мир, предпринятое в рамках ООН. Но до этого необходимо высказать общие замечания, касающиеся функции закона.

Функции закона в отношении понятия «мир»

Закон представляет собой механизм по урегулированию конфликтов, который крайне необходим для поддержания мира и соблюдения обязательств — *ius cogens* («созывающего права»), для мирного разрешения конфликтов и споров². Для того чтобы создать общество, ориентированное на мир, нужно, чтобы оно было открытым, чтобы были «открытыми» умы³.

Связь между миром, правами человека, экономическим развитием и демократией очевидна. Однако такая ситуация имеет место не всегда. Многие страны ориентированы на экономическое развитие, но при этом лишены полноценной демократии (это однопартийные государства). Кроме того, отсутствие свободы выражения мнения необязательно препятствует экономическому развитию (но в конечном счете может затруднить таковое). Научные исследования отчетливо свидетельствуют о том, что мир обладает огромным потенциалом. Безусловно, статус страны существенно влияет на реализацию прав человека первого и второго поколений (индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП); счастье); внутренний конфликт зависит от демографической ситуации (увеличения числа молодых людей) и, например, от коэффициента Джини (различия в доходах непосредственно влияют на наличие или отсутствие в обществе жестокости).

Мир не является юридическим понятием. Это нечто значительно большее. Но существуют различия между негативным и позитивным миром: негативный мир — отсутствие жестокости, вооруженных конфликтов, в то время как позитивный мир предполагает конструктивное активное взаимодействие.

Это различие является неотъемлемой частью концепции межкультурного диалога: действительно ли мы уважаем друг друга? Уважаем ли мы «инаковость» других? Считаем ли мы, что отказ от жестокости — существенная часть всего этого? Иными словами, не является ли диалог в реальности лишь различными монологами? Действительно ли мы участвуем в диалоге, чтобы выслушать другого? Действительно ли мы не сосредотачиваемся на наших различиях? Радует ли нас похожесть, концентрируя внимание на общем, что есть у нас?

Рузвельт

В январе 1941 года Рузвельт выступил со знаменитой речью «Четыре свободы». Он конкретизировал два

² Закон может также считаться инструментом для изменений, но в то же время закон как таковой не оказывает существенного влияния на мир, поскольку не способен урегулировать вооруженные конфликты: здесь требуются применение силы или (предпочтительно) ведение переговоров, арбитражное разбирательство, урегулирование в судебном порядке и пр. (ст. 33 Устава ООН).

³ Следует отдать должное Кишоре Махбубани (Kishore Mahbubani), который в своей книге «Новое азиатское полушарие» ("The New Asian Hemisphere") утверждает, что Китай представляет собой закрытое общество с открытыми умами, тогда как Индия является открытым обществом с закрытыми умами. Остается лишь поинтересоваться тем, где находились, находятся и будут находиться Европа и США.

права первого поколения и два права второго поколения следующим образом.

В будущем, которое мы стремимся сделать безопасным, мы надеемся создать мир, основанный на четырех основополагающих человеческих свободах.

Первая — это свобода слова и высказываний — повсюду в мире.

Вторая — это свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избирает, — повсюду в мире.

Третья — это свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, — повсюду в мире.

Четвертая — это свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое основательное сокращение вооружений во всем мире, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, — повсюду в мире.

Рузвельт, обозначив свободу от нужды и страха, подразумевал мир:

а) свобода от нужды: ...экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь...;

б) свобода от страха: ...основательное сокращение вооружений во всем мире, [так] чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей... (выделено мною. — П. К.).

Отсутствие актов физической агрессии можно рассматривать как предварительное условие мирной жизни, что, на мой взгляд, предполагает пользование всеми возможными правами, гражданскими и политическими, экономическими и социальными, а также, например, правом на развитие. В данном контексте следует подчеркнуть, что отсутствие актов физической агрессии — то же, что негативный мир (то есть отсутствие жестокости, войн), но в то же время здоровая мирная жизнь, которая выстраивается на основе позитивного мира. Это позволяет пересекать границы, относиться к другим странам и их жителям позитивно и конструктивно, будь то экономические или академические поездки по обмену, туризм или духовные миссии.

Урегулирование конфликтов

В Уставе ООН делается акцент на мирном разрешении конфликтов. Центральной является гл. 6, ст. 33, в которой приведены восемь способов улаживания конфликтов. Кроме того, в числе целей и принципов названы поддержание мира, запрет на использование силы и обязательство улаживать конфликты мирным путем (например, ст. 1.1 и 2.3).

Это не ново. В 1899–1907 годах на Гаагских мирных конференциях особое внимание уделялось мирному разрешению споров. Именно поэтому была создана Постоянная палата третейского суда (Permanent Court of Arbitration, PCA). Дворец мира, в котором размещалась Постоянная палата, был открыт в 1913 году (первый камень был заложен в 1907 г. во время 2-й мирной конференции).

Спустя годы запрет на использование силы (если не считать исключений, прописанных в ст. 42 и 51 Устава) стал безоговорочной нормой международного права — *ius cogens*. Поддержание мира, обязательство разрешать конфликты мирным путем, неиспользование силы — это обязанности одних государств по отношению к другим¹.

Но и каждый отдельный человек также связан с данным обязательством. Человек обязуется не использовать свои права и свободы, если они противоречат целям и принципам ООН, согласно Всеобщей декларации прав человека (ст. 29.3 и косвенно ст. 14.2). Это важный аспект закона о правах человека. Он подчеркивает, что отдельное лицо может в полной мере пользоваться правами, если только осознает подразумеваемые и ясно выраженные ответственность и обязанности. Среди них — обязательство улаживать конфликты мирным путем².

Когда речь идет о поддержании мира, то государства имеют обязательства по отношению друг к другу; отдельные лица — по отношению друг к другу и сообществу в целом. Кодификация права на мир означает, что государства по отношению к своим гражданам принимают на себя обязательства по поддержанию мира и улаживанию конфликтов мирным путем.

В этом плане следует отметить, что данное обязательство относится не только к конфликтам между государствами, но и к конфликтам внутри государства. В связи с межгосударственными и внутригосударственными конфликтами необходимо сослаться на аналогичные разработки в рамках международного гуманитарного права: прежде всего это общая ст. 3 для четырех конвенций Красного Креста 1949 года, позднее доработанная в протоколе II к этим конвенциям.

Уровни прав человека

Несмотря на то что обращение к этой теме выглядит несколько несовременным, мы различаем три уровня прав человека (наряду с осознанием того, что права человека неделимы, неотъемлемы и взаимозависимы):

— первый: гражданские и политические права (воздержание при голосовании, уважение, защита, удовлетворение прав);

— второй: экономические и социальные права (активная роль в сообществе, государстве; вновь уважение, защита и удовлетворение прав);

— третий: права групп, коллективные права.

Что касается прав третьего уровня, то часто можно встретить утверждения, что они главным образом относятся к возвышенным идеалам, утопичны по своей сути и трудны при осуществлении, как, например, право на самоопределение, пищу, развитие, здоровую окружающую среду и, возможно, право на мир.

¹ Такие понятия, как «преступление, совершаемое путем агрессии» и «преступление против мира», восходят к пакту Бриана–Келлога 1928 года, а также к Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» (1974) и дополнению к юрисдикции Международного координационного комитета (начиная с 2017 г.) (Кампала, июнь 2010 г.).

² Проект Всеобщей декларации ответственности человека 1997 года, хотя и без ссылки на какой-либо вид ответственности, связанный с целями и принципами ООН.

Основная сложность заключается в определении тех, кто пользуется правами и несет ответственность за их исполнение. Прежде всего на передний план выдвигается вопрос о возможности рассмотрения этих прав в судебном порядке. Может ли отдельное лицо обратиться в суд, если убеждено в том, что государство отказалось от своего обязательства улаживать конфликты мирным путем? Будет ли учрежден какой-нибудь комитет, в который можно будет направлять жалобы? Будет ли через несколько лет создан всемирный суд по правам человека, где отдельные лица воспользуются *locus standi* (правом быть выслушанным в суде)?

В области защиты прав человека показательным является опыт обращения к ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, описывающих право на самоопределение. Право на самоопределение восходит к резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН 1960 года (1514, 1541). Следует напомнить, что в резолюциях Генеральной Ассамблеи, посвященных 25-й и 50-й годовщинам ООН, право на самоопределение получило новую формулировку в результате осознания острой необходимости предотвратить конфликт. Следует также сделать акцент на участии Международного суда в решении такого рода вопросов (например, в разрешении ситуации в Намибии, Западной Сахаре и Косово). Действительно, спорные вопросы следует решать с участием Совета Безопасности и Международного суда, а не Совета по правам человека или подобной структуры.

Та же аргументация может быть применима к проблемам, связанным с поддержанием мира. Устав ООН четко гласит: главная ответственность возлагается на Совет Безопасности (ст. 24) (несмотря на резолюцию «Единство в пользу мира»). Система разрушилась бы, если бы Совет по правам человека или подобная структура был привлечен к решению проблем мира или использования силы¹.

Третий уровень

Формулирование права на мир в качестве права третьего уровня вызывает серьезные затруднения (хотя все зависит от формулировки). Следовательно, необходимо исследовать вопрос, насколько возможно сформулировать право на мир в качестве права первого и второго уровней.

Вероятно, наиболее перспективный путь — соотносить его в качестве личного права с правом на развитие, равно как и с правами первого и второго уровней. Приведем примеры.

1. Мир есть уполномочивающее право, условие для полноценного пользования гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами.

¹ Фактически Совет по правам человека довольно часто вторгается в сферу действия закона о правах человека, международного гуманитарного права. Будучи лишь Советом по правам человека, часто он делает заявления по поводу войны и мира, использования силы и нарушения гуманитарного права. Остается только ждать, будут ли приветствоваться такие инициативы.

2. Мир есть конечное право, результат соблюдения прав человека всеми людьми. (Таким образом, возникает обоюдная связь между миром и правами человека.)

3. Все люди имеют право жить в мире, чтобы они могли полностью развивать свои способности — физические, интеллектуальные, моральные и духовные — и не стать объектом для какого-либо вида насилия².

Проблемы усугубляются, если право на мир формулируется в качестве права группы, народа. Кто будет основной заинтересованной стороной? Что подразумевается под термином «народ»? Относится ли это к группам меньшинств (этническим, религиозным, языковым)? Это усложняет дискуссию, не говоря уже о применении и возможности рассмотрения этого права в судебном порядке.

Несмотря на то что право на мир было зафиксировано только в декларации, уместно заметить, что последующие соглашения часто основываются на тексте этой декларации, в этом случае декларации могут стать «декларациями+» (как Всеобщая декларация прав человека, которая теперь рассматривается как общий принцип закона) или обязательными (как это произошло с Хартией Европейского Союза по правам человека). Таким образом, точные формулировки в документе чрезвычайно важны.

Недавние события, произошедшие в Совете по правам человека (Женева), служат почвой для дальнейших размышлений. В июле 2012 года Совет по правам человека принял решение учредить межправительственную рабочую группу с открытым составом, уполномоченную постепенно согласовать проект декларации ООН о праве на мир на основе проекта, представленного Консультативным комитетом³.

В проекте акцентируется внимание на международном мире, разоружении, безопасности человека, сопротивлении агрессии, поддержании мира, праве на отказ от несения военной службы по религиозным убеждениям, свободе религии и веры, частных военных и охранных компаниях — это *ключевые аспекты*, а также на обучении мирному сосуществованию, развитии, окружающей среде, в частности на изменении климата, жертвах и слабо защищенных группах — в качестве *прочих аспектов*.

Представленный Консультативным комитетом проект включает ст. 7, которая гласит, что все народы и отдельные лица имеют право сопротивляться и противостоять жестокому колониальному или чужеземному доминированию, нарушающему их человеческие права, включая право народов на самоопределение согласно международному закону. Иными словами, право на мир включает и право на использование силы.

Таким образом, резолюция о праве на мир, включающая много спорных вопросов и тем, вызовет серьезное сопротивление, и едва ли можно ожидать ее единогласного принятия. Следует отметить, что Индия была

² Азиатская хартия по правам человека (1998).

³ Здесь следует напомнить о том, что Генеральная Ассамблея ООН уже в 1984 году приняла Декларацию о праве народов на мир.

в числе стран, которые воздержались при голосовании за этот проект¹.

Обучение миру и диалоги

Исключительную важность для данных Чтений и данной статьи представляет вопрос об обучении миру и подготовка к этому (этот вопрос не является ключевым для создателей декларации, но включен, тем не менее, в разряд *прочих* аспектов), поскольку он тесно связан с диалогом культур и цивилизаций. Здесь уместно полностью процитировать ст. 4 проекта декларации.

1. Все народы и отдельные лица имеют право на всестороннее обучение миру и правам человека. Обучение такого типа должно составлять основу каждой образовательной системы, генерировать социальные процессы, основанные на доверии, солидарности и взаимном уважении, учитывать гендерную перспективу, содействовать мирному урегулированию конфликтов и вырабатывать новые способы организации человеческих отношений в рамках декларации и программы действия в области культуры и диалога между культурами.

2. Каждый человек имеет право на участие в творческом и ненасильственном урегулировании конфликтов на протяжении всей жизни. Эта правомочность должна быть доступна как через формальное, так и через неформальное обучение. Обучение правам человека и миру необходимо для полноценного развития ребенка как отдельной личности и активного члена общества. Обучение и социализация в целях мира — условие, без которого невозможно (*sine qua non*) забвение войн и построение идентичностей, свободных от насилия.

3. Каждый человек имеет право на доступ к информации и получение информации из различных источников без цензуры в соответствии с международным законодательством о правах человека, чтобы быть защищенным от манипулирования, преследующего милитаристские и агрессивные цели. Пропаганда войны должна быть запрещена.

4. Каждый человек имеет право осуждать всякое событие, которое угрожает праву на мир или грубо нарушает его; свободно участвовать в мирных политических, общественных и культурных мероприятиях и инициативах для защиты и развития права на мир, без вмешательства правительств или частных лиц.

5. Государства принимают на себя обязательства:

а) активизировать усилия в сфере образования, чтобы исключить из учебников и образовательных средств информации сообщения, разжигающие ненависть, искажения, предубеждение и негативную предвзятость; запретить прославление жестокости и ее оправдание, обеспечивать базовые знания и понимание главных ми-

¹ Резолюция Совета по правам человека № 20/15 принята большинством голосов: 34 — «за», 1 — «против», 12 — воздержались. Результаты голосования следующие.

За: Ангола, Бангладеш, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Камерун, Чили, Китай, Конго, Коста-Рика, Куба, Джибути, Экватор, Гватемала, Индонезия, Иордания, Кувейт, Кыргызстан, Ливия, Малайзия, Мальдивы, Мавритания, Маврикий, Мексика, Нигерия, Перу, Филиппины, Катар, Российская Федерация, Саудовская Аравия, Сенегал, Таиланд, Уганда, Уругвай.

Против: Соединенные Штаты Америки.

Воздержались: Австрия, Бельгия, Чешская Республика, Венгрия, Индия, Норвегия, Польша, Республика Молдова, Румыния, Испания, Швейцария.

ровых культур, цивилизаций и религий, а также предотвращать ксенофобию;

б) усовершенствовать и пересмотреть образовательную и культурную политику, чтобы обозначить подход, основанный на правах человека, обеспечить культурное многообразие, межкультурный диалог и устойчивое развитие (выделено мной. — П. К.);

в) пересмотреть национальные законы и политику, являющиеся дискриминационными по отношению к женщинам, и принять законы, устанавливающие ответственность за насилие, торговлю женщинами, жестокость.

Когда речь идет о понимании главных мировых культур, цивилизаций и религий, с одной стороны, и межкультурного диалога и культурного многообразия — с другой, необходимо подчеркнуть, что образование — существенный элемент созидания и сохранения и открытых обществ, и «открытых умов».

В данном контексте уместно сослаться на п. 1 ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, где отмечается, что образование предоставляет возможность всем людям эффективно участвовать в жизни свободного общества, пропагандировать понимание, толерантность и дружбу между всеми народами, а также между расовыми, этническими и религиозными группами и содействовать работе Организации Объединенных Наций по поддержанию мира². Интересно,

² Ст. 13: 1. Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на образование. Они соглашаются, что образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и создание ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам. Они далее соглашаются в том, что образование должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами и содействовать работе Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

2. Участвующие в настоящем Пакте государства признают, что для полного осуществления этого права:

а) начальное образование должно быть обязательным и бесплатным для всех;

б) среднее образование в его различных формах, включая профессионально-техническое среднее образование, должно быть открыто и сделано доступным для всех путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования;

в) высшее образование должно быть сделано одинаково доступным для всех на основе способностей каждого путем принятия всех необходимых мер и, в частности, постепенного введения бесплатного образования;

г) элементарное образование должно поощряться или интенсифицироваться по возможности для тех, кто не прошел или не закончил полного курса своего начального образования;

е) должно активно проводиться развитие сети школ всех ступеней, должна быть установлена удовлетворительная система стипендий и должны постоянно улучшаться материальные условия преподавательского персонала.

3. Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов, выбирать для своих детей не только учрежденные государственными властями школы, но и другие школы, отвечающие тому минимуму требований для образования, который может быть установлен или утвержден государством, и обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии с собственными убеждениями.

4. Никакая часть настоящей статьи не должна толковаться в смысле умаления свободы отдельных лиц и учреждений создавать учебные заведения и руководить ими при неизменном условии соблюдения принципов, изложенных в п. 1 настоящей статьи, и требования, чтобы образование, даваемое в таких заведениях, отвечало тому минимуму требований, который может быть установлен государством.

что п. 3 ст. 13 говорит о принципе невмешательства, когда речь идет об обязательстве содействовать религиозному и нравственному образованию в соответствии с убеждениями конкретного человека, в отличие от п. 4 ст. 13, где утверждается, что частные образовательные учреждения должны соблюдать обязательство, изложенное в п. 1 ст. 13. Пункт 3 ст. 13 этой ссылки не содержит. Иными словами, религиозное образование может, вероятно, быть лишено уважительного отношения к другим религиям¹.

Конечно, многие религии воспринимают другие религии скептически. Поскольку религия основана на вере и концепции существования одной единственной «истины», считается, что иные религии низшие «по чину», а то и попросту «ошибочные». Это создает напряженность. Монотеистические религии, благодушно рассуждающие об иных религиях, представляют собой исключение, если не нечто почти невозможное. О дружбе часто не может быть и речи: это — недостижимая цель. Таким образом, налицо противоречие в терминах (*contradictio in terminis*), а именно: поощрение специальных школ, основанных на одной религии, и одновременно внушение уважения и поддержка прочих религий. Но не следует недооценивать проблему. Такое положение не было характерно ни для католических начальных школ, ни для протестантских христианских начальных школ в моей стране; этого нет и в исламских начальных школах, открывающихся сегодня во многих европейских странах. Такое образование не воспитает нашу молодежь в духе взаимного доверия, взаимопонимания и необходимого взаимоуважения. Данное противоречие (свобода вероисповедания, свобода школ и взаимное доверие, дружба и взаимоуважение) следует серьезно изучать.

Если мы заинтересованы в диалоге и положительном взаимодействии, необходимо переосмыслить систему образования как на начальном, так и на среднем уровне. Разумеется, вряд ли нефранцуз выступит

¹ Замечания общего порядка ООН 1999 года к ст. 13, п. 3 и 4 (право на свободу образования):

28. Пункт 3 ст. 13 содержит два положения, первое из которых гласит, что государства-участники обязуются уважать свободу родителей и опекунов обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими убеждениями. Комитет считает, что это положение п. 3 ст. 13 разрешает преподавание в государственных школах таких дисциплин, как общая история религии и этики, если их преподавание ведется беспристрастно и объективно, при уважении права беспрепятственно придерживаться своих убеждений, свободы совести и свободы выражения мнений. Он отмечает, что государственное образование, предусматривающее изучение определенной религии или веры, несовместимо с п. 3 ст. 13, если при этом не предусмотрены недискриминационные исключения или альтернативы, позволяющие соблюсти пожелания родителей и опекунов.

29. Второе положение п. 3 ст. 13 предусматривает свободу родителей и опекунов выбирать для своих детей не только государственные школы, но и другие школы, отвечающие «тому минимуму требований для образования, который может быть установлен или утвержден государством». Его следует увязывать с дополнительным положением п. 4 ст. 13, предусматривающим «свободу отдельных лиц и учреждений создавать учебные заведения и руководить ими» при условии, что эти учреждения соответствуют целям образования, изложенным в п. 1 ст. 13 и ряду минимальных стандартов. Эти минимальные стандарты могут касаться таких аспектов, как зачисление, программы и признание документов об образовании. Такие минимальные стандарты в свою очередь должны соответствовать целям образования, определенным в п. 1 ст. 13.

в поддержку французской системы светских школ. И конечно же, французской школьной системе нельзя гарантировать полное отсутствие неприятия по отношению к другой. Но по крайней мере, с моей точки зрения, это *conditio sine qua non*, чтобы попытаться выстроить сбалансированное общество, основанное на взаимоуважении. Хорошо известен тот факт, что когда люди встречаются, недоверие исчезает. В совместных действиях, совместном преодолении трудностей улучшается взаимопонимание и взаимная оценка. Именно по этой причине я призываю к восстановлению всеобщей воинской обязанности в тех странах, которые ее упразднили, поскольку именно она предоставляет возможность всем этническим и религиозным группам трудиться сообща².

Многообразие

Многообразие стало одной из наиболее спорных проблем в поликультурных обществах. Многообразие — культурное, религиозное, лингвистическое, экономическое, идеологическое или историческое — способно ускорить и обогатить прогресс в обществе. В то же время многообразие без интеграции и общего гражданства обуславливает поляризацию и подрывает социальные и экономические основы³.

Мы должны обращать внимание на интеграцию, общие реалии, а также задумываться о том, займут ли интеграция, ассимиляция или, скорее, мультикультурализм центральное место в дебатах по поводу того, обогащает ли культуру иммиграция. В частности, следует рассмотреть вопрос, способна ли религия стать интегрирующим инструментом или она является барьером на пути строительства доброжелательного инклюзивного общества? Насколько диалог может помочь осуществлению положительной интеграции?

Цивилизация, культура и религия

Можно согласиться с утверждением, что цивилизация, культура и религия представляют собой три различных явления.

В данной статье используются следующие определения:

— цивилизация — это всеобщая культура и образ жизни конкретного народа, нации, региона или периода; человеческое общество, обладающее сложной культурной, политической и правовой организацией;

— культура есть совокупность общих точек зрения, ценностей, целей и практик, которые характеризуют институт или организацию; всеобщность социально передаваемых поведенческих характеристик, искусств, верований, институтов и других продуктов человеческого труда и мысли;

— религия не отличается от культуры, но представляет собой некий результат культуры; культура влияет

² Данная рекомендация рассматривается в моей докторской диссертации (1976) — вопрос о связи между воинским дезертирством и отказом от воинской службы по религиозным убеждениям.

³ http://www.itinerainstitute.org/en/issues/_issue/migration-integration/

на религию и наоборот — религия оказывает влияние на культуру¹.

Вышесказанное необязательно означает, что цивилизации, культуры и/или религии «цивилизованны». Мерило, которое используется для признания цивилизации или культуры «цивилизованными», — это (для данной установки) Всеобщая декларация прав человека и ключевые документы по правам человека, включая, в частности, Европейскую конвенцию по правам человека². В данном случае возможно, что некоторые «цивилизации» или культуры, не говоря уже о религиях, на практике не укладываются в эти нормы. Очевидно, что в таких ситуациях культурная идентичность необязательно заслуживает уважения.

Для того чтобы страна стала инклюзивной, стоит ли считать конституционный патриотизм Хабермаса лучшей идеей, чем «лидирующая культура» (*нем.* Leitkultur)? В Западной Европе нет ни одной страны, которая всерьез рассматривала бы возможность полной ассимиляции меньшинств. Сохранение культурной и религиозной идентичности — ключевая ценность европейской демократии. Страны не стремятся к неразличимости индивидуальностей в однородном обществе.

Культура и религия против гармонии и доверия

Здесь уместно задать вопрос: «Следует ли усматривать в многообразии ценный вклад или препятствие для формирования гибкого, гармоничного и процветающего общества?» Должны мы сосредоточиваться на различиях или, скорее, на том общем, что у нас имеется? Ответ вполне очевиден: сосредоточение на различиях мешает чувству гармонии, социальной сплоченности и доверию. В самом деле формирование доверия проис-

¹ Повсеместно считается, что современная светская культура возникла в результате исторического разлома или разрыва с традиционной религиозной культурой. Также считается, что если религия и занимает какое-то место в современном мире, она в значительной степени ограничена (может быть, даже исключительно ограничена) частной и личной сферами. Исследование религии Максом Вебером и возникновение современной культуры предполагают различные взаимоотношения между современной светскостью и традиционной религией.

Для Вебера современная светская культура есть не результат разрыва с традиционной религиозной культурой, но, скорее, результат специфической интерпретации религиозного. Он доходит до утверждения того, что «разочарование мира», характерное для светской современности, представляет собой актуализацию латентного потенциала внутри религии (главным образом авраамических религий). Он считает современную науку наиболее значимым фактором, который привел к разочарованию мира. В то же время Вебер эксплицитно утверждает, что наука не в состоянии ответить на подавляющее большинство тягостных вопросов, возникших перед человечеством (отдельными личностями и обществами), и не в состоянии отыскать какой-либо смысл в мироздании (включая смысл человеческого существования). Знание Вебером ограничений современной науки (так же как экономики, политики, искусства и т. д.) заставляет представить для религии иную роль в современном мире, нежели ту, которую она играет в частной жизни (URL: <http://www.hartsem.edu/academic/COURSES/summer2007/rs652.html>).

² Эта декларация универсальна и имеет силу повсеместно и для каждого. В ряде случаев она заново подтверждалась, наиболее важное подтверждение было сделано в 1993 году (Вена), когда все страны согласились с тем, что *всеобщий характер этих прав и свобод является несомненным*: это недипломатичное и безапелляционное утверждение. Культурный «релятивизм» в принципе следует игнорировать или отвергать. Однако пока государство-участник находится выше норм, оно может действовать сообразно со своими культурными традициями.

ходит в совместной деятельности, разговоре на одном языке (в буквальном и переносном смыслах), в процессе осознания того, что иногда достаточно и полуслова. В таком контексте все должны знать и понимать историю и традиции страны.

Ни интеграция, ни ассимиляция не означают, что все должны исповедовать одну и ту же религию, отмечать одни и те же праздники, заниматься одним и тем же видом спорта, читать одни и те же книги, питаться одной и той же пищей. Индивидуальность — одно из самых великих достижений современности благодаря просвещению, власти человеческого разума. Жить — значит отдавать и получать. Некоторые культуры немногочисленны ориентированы «на отдачу», тогда как другие склоняются к «получению». Необходимо искать баланс. Следует оставаться при своем мнении, но в гармонии с другими³.

Религия: политические цели

Во многих религиях присутствуют свои традиции, одни из которых находятся в рамках закона, а другие — вне закона. В целом, как отмечалось выше, индивидуальные или групповые религиозные свободы ограничиваются конституцией, Всеобщей декларацией прав человека или соглашениями по основополагающим правам человека.

В Европе центральное место принадлежит Европейскому суду по правам человека. Здесь уместно сослаться на одно важное разбирательство, связанное с политическими свободами, в частности со свободой основывать политические идеи или будущее на религиозных догмах. Как относиться к политической партии, которая стремится к внедрению исламской политической системы, включающей исламские законы? Эти законы касаются регламентирования отношения к наследованию, браку, банковскому делу и т. п. В случае с турецкой политической партией, которая была запрещена турецкими властями, суд в Страсбурге вынес решение с далеко идущими последствиями⁴: «Refah Partisi» (Партия благоденствия, «Рефах») — политическая партия, основанная 19 июля 1983 года. В 1997 году главный прокурор Высшего кассационного суда возбудил в турецком Конституционном суде дело о роспуске партии «Рефах», которую он обвинил в том, что она стала «центром деятельности против секулярности». В поддержку своего заявления он сослался на различные акты и декларации лидеров и членов «Рефах», из которых следует, что некоторые цели партии, такие как введение шариата и теократического режима, несовместимы с потребностями демократического общества.

Перед Конституционным судом представители заявителей утверждали, что «Рефах», которая в то время находилась у власти в качестве части коалиционного

³ Считается, что эпоха Просвещения породила много идей, таких как свобода, демократия и разум — главные общественные ценности. Такой взгляд доказывает, что установление договорного основания прав привело бы к созданию рыночных механизмов и капитализма, научного метода, религиозной толерантности и организации государств в самоуправляющиеся с помощью демократических средств.

⁴ Основание — пресс-релиз за февраль 2003 года. URL: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=84&portal=hbk&action=html&highlight=&sessionid=13669692&skin=hudoc-pr-en>

правительства, постоянно соблюдала принцип секулярности и уважала все религиозные верования, следовательно, не может быть приравнена к политическим партиям, стремящимся к установлению тоталитарного режима.

Решением от 16 января 1998 года Конституционный суд распустил партию «Рефах» на том основании, что она стала «центром деятельности против принципов секулярности». Это означало также, что средства партии «Рефах» должны поступить в казначейство. Конституционный суд постановил, что лидеры «Рефах», в частности Неджметтин Эрбакан, Шевкет Казан и Ахмет Текдал, выступавшие с публичными заявлениями, несут ответственность за партию «Рефах» в отношении конституционности ее действий. Им было запрещено заседать в парламенте или занимать определенные политические посты в течение пяти лет.

Согласно свободам, гарантированным ст. 9 и 11 (свобода религии), а также ст. 10 конвенции, нельзя было лишать официальных лиц государства, в котором то или иное объединение своими действиями подвергало опасности государственные институты, права на защиту этих институтов. Ранее суд постановил, что определенный компромисс между требованиями защищаемого демократического общества и индивидуальными правами является обязательным принципом конвенции.

Суд придерживался мнения, что политическая партия может проводить кампании по изменению законов или правовых и конституционных основ государства при наличии двух условий: во-первых, использованные средства должны быть законными и демократичными; во-вторых, предложенные изменения должны соответствовать фундаментальным демократическим принципам¹. Далее следует, что политическая партия, ли-

¹ Из постановления *Европейского суда по правам человека* (далее — Суд): Суд соглашается с точкой зрения Палаты, что шариат несовместим с фундаментальными принципами демократии, как отмечено в Конвенции: «72. Как и [турецкий] Конституционный суд, Суд полагает, что шариат, который верно отражает религиозные догмы и правила, не изменил своей концепции в ходе истории. Таким принципам, как плюрализм в политической сфере и постоянная эволюция общественных свобод, нет места в шариате. Суд заметил, что совокупность всех оскорбительных заявлений, призывающих к установлению шариата, с трудом можно примирить с фундаментальными принципами демократии, положенными в основу Конвенции. Сложно провозглашать уважение демократии и прав человека и в то же время поддерживать режим, основанный на шариате, который явным образом расходится с ценностями Конвенции, особенно в отношении уголовного права, уголовного судопроизводства, законного статуса женщины и того способа, при помощи которого он вторгается во все сферы частной и общественной жизни в соответствии с религиозными принципами. <...> По мнению Суда, политическая партия, действия которой направлены на введение шариата в государстве — участнике Конвенции, с трудом может называться объединением, соответствующим демократическим идеалам, лежащим в основе Конвенции».

Суд не должен упускать из виду, что в прошлом политические движения, основанные на религиозном фундаментализме, были способны захватить политическую власть в некоторых странах и имели возможность установить такую модель общества, которую они считали нужной. Суд считает, что в соответствии с положениями Конвенции каждое государство-участник может противостоять таким политическим движениям в свете своего исторического опыта.

Далее Суд отмечает, что уже был опыт исламского теократического режима, основанного на законодательстве Османской империи. Когда прежний теократический режим был демонтирован и установлен республиканский режим, Турция предпочла

дери которой подстрекают к насилию или выдвигают политическую программу, которая не уважает правила демократии или нацелена на разрушение демократии и попрание прав и свобод, признанных демократией, не может притязать на обусловленную конвенцией защиту от наказания, налагаемого на этих основаниях.

При оценке необходимости вмешательства и, в частности, того, насколько оно было соизмеримо с острой общественной необходимостью, Суд пришел к выводу, что действия и речи членов и лидеров партии «Рефах», оглашенные в Конституционном суде, отражают мнение партии в целом и что эти действия и речи раскрывают долговременную политику «Рефах» по установлению режима, основанного на шариате в рамках плюрализма правовых систем, и что партия «Рефах» не исключала применения силы, чтобы осуществлять свою политику и установить свою систему взамен существующей. Учитывая, что эти планы несовместимы с концепцией «демократического общества» и что реальные возможности, которые партия «Рефах» должна была воплотить на практике, создали ощутимую и непосредственную угрозу для демократии, наказание, наложенное на заявителей Конституционным судом, даже в контексте ограниченной свободы усмотрения, может объективно рассматриваться как соответствующее «острой социальной необходимости».

Завершающая часть данного постановления — установка против плюрализма законодательных систем, часто выдвигаемого религиозными консерваторами: Суд рассмотрел, в какой степени плюрализм законодательных систем совместим с нормами Европейского суда по правам человека (§ 126 постановления). Были отражены мнения турецкого Конституционного суда относительно той роли, которую в истории исламского права плюрализм законодательных систем играл применительно к шариату. Определения Конституционного суда показали, что шариат представляет собой систему права, распространяемую на отношения между мусульманами, а также между мусульманами и сторонниками иных религий. Для того чтобы дать возможность сообществам, проявляющим верность другим религиям, жить в обществе, где доминирует шариат, исламский теократический режим в эпоху Османской империи до учреждения республики внедрял плюрализм законодательных систем.

1. Европейскому суду не требуется вынесение его отвлеченного мнения о преимуществах и недостатках плюрализма правовых систем. Суд в целях настоящего дела отметил, что, как установил Конституционный суд, политика партии «Рефах» заключалась в применении некоторых норм частного права шариата к большей части населения Турции (именно к мусульманам) в рамках плюрализма правовых систем. Такая политика нарушает свободу людей соблюдать принципы их религии. Это выходит за пределы частной сферы, к которой турецкое законодательство причисляет религию,

форму секулярности, которая ограничила ислам и другие религии сферой частной религиозной практики. Принимая во внимание важность выживания демократического режима, соблюдающего уважение к принципу секулярности в Турции, Суд считает, что Конституционный суд прав в своем решении, что политика «Рефах» в установлении шариата несовместима с демократией (см. также § 40 постановления).

и страдает от тех же противоречий с системой Конвенции, как и внедрение шариата.

2. Рассматривая эту линию рассуждений, Суд отвергает довод заявителей о том, что запрет плюрализма законодательных систем частного права во имя особой роли светского государства в Турции приравнивается к дискриминации мусульман, которые желают в частной жизни следовать требованиям их религии. Суд напоминает, что свобода религии, включая свободу исповедовать свою религию посредством богослужения или отправления обрядов, главным образом является вопросом личного сознания, и подчеркивает, что сфера личного сознания существенно отличается от поля частного права, которое касается организации и функционирования общества в целом. Государства в рамках своих юрисдикций могут законно предотвращать применение норм частного права, касающихся религиозных обрядов, которые наносят ущерб общественному порядку и ценностям демократии, в соответствии с целями Конвенции (например, нормы, разрешающие дискриминацию по полу участвующих сторон, как в полигамии, и привилегии для мужского пола в вопросах развода или правопреемства). Свобода заключения договоров не может нарушать роли государства как нейтрального и беспристрастного организатора отправления религий, вероисповеданий и убеждений (см. § 91–92 постановления).

Заключение

На континенте, где просвещение вызвало к жизни либерализм наряду с этикой и добродетелями, где права все более объединялись с ответственностью, проблемы аккультурации, ассимиляции и интеграции следует рассматривать правдиво и внимательно. Вновь прибывшие должны осознавать, что их правовой статус не может и не будет приравнен к статусу коренных или традиционно существующих меньшинств. Вновь прибывшие и местные жители должны ценить то, что свободы, которыми каждый пользуется, предоставляются вместе с обязанностями, изложенными в ст. 29.3 *Всеобщей декларации прав человека*. К тому же в связи с уважением, защитой и удовлетворением прав необходимо четко понимать, что это обязательство, которое государство берет на себя в сфере образования, здоровья, социальной инфраструктуры и трудовой деятельности. Результатов можно добиться только в атмосфере доверия, гармонии и социального сплочения.

С учетом этого следует обратить внимание на то, что некоторые права личности не могут и не должны занимать центральное место. Речь идет не об ограничении личных и частных прав на исповедание религии. Но следует отметить, что такое исповедание должно иметь место в храмах и домах, непосредственно относящихся к данной религии. Общественное пространство, где должны превалировать гармония, социальная сплоченность и доверие, не должно использоваться в религиозных целях. В пределах этих общественных участков следует признать свободу от отправления религиозных культов как одно из условий существования общества, в котором царит взаимоуважение.

Помимо указания на то, что внедрение шариата или множественной (частной) правовой системы противоречит принципам Европейского суда по правам человека, следует также подчеркнуть, что Европейский суд согласился с запретом ношения хиджабов, с требованием обязательного ношения шлемов мотоциклистами и отказал в праве спонтанного осуществления религиозных обрядов (в любом месте, в любое время)¹. Допущение того, что свобода религии, не говоря уже об уважении и защищенности, в большинстве случаев приводит к удовлетворенности, неверно. Европейская система прав человека позволяет нам быть практичными, прагматичными и работать в интересах общества, где свобода религии гарантируется, но религия не должна занимать центральное место.

Безусловно, многообразие — одна из самых сложных проблем европейского общества. Многообразие не всегда следует прославлять, о чем было заявлено в 2008 году в рамках Европейского года межкультурного диалога². Однако многообразие — культурное, религиозное, лингвистическое, экономическое, идеологическое или историческое — порой ускоряет и обогащает общественный прогресс. Но оно часто мешает и противоречит либеральным традициям Европы. Многообразие без интеграции и общего гражданства приводит к поляризации и подрывает со-

¹ Суд постановил, что прецедентное право подтверждает, что в демократическом обществе государство может ограничивать свободу проявления религиозных чувств, например ношение исламского хиджаба, если ритуалы религии входят в противоречие с защитой свобод других людей, общественного порядка и общественной безопасности (см.: Дело «Далаб против Швейцарии» («Dahlab v. Switzerland») № 42393/98, ECHR 2001-V. Дек.). Обязательство учителя соблюдать рабочие часы, которые, как он настаивает, мешают его присутствию на молитвах, возможно, совместно со свободой религии (см.: Дело «X против Великобритании» («X v. UK») № 8160/78. Решение Комиссии от 12 марта 1981 г. Решения и отчеты (DR) 22. С. 27); как и обязанность мотоциклиста надевать защитный шлем, что, с его точки зрения, противоречит его религиозному долгу (см.: Дело «X против Великобритании» («X v. UK») № 7992/77. Решение Комиссии от 12 июля 1978 г. DR 14. С. 234).

Вспомним, что ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека устанавливает пределы для свободы религии.

Статья 9. Свобода мысли, совести и религии

1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

² Европейский год межкультурного диалога рискованно сосредоточился на различиях. Пример: противостояние культурных традиций как источник нового языка культуры. Язык предубеждений как отправной пункт для культуры, внимательно относящейся к различиям и имеющей общие устремления: роль СМИ в цифровую эпоху — заповедник для обмена мнениями — генезис новых страхов — создание транснациональных коалиций, основанных на коллективном опыте, — инструментализация обмена в качестве средства для выработки общего языка (URL: http://www.interculturaldialogue2008.eu/fileadmin/downloads/documents/133-nationalcampaigns/BE/Festival_of_Intercultural_Dialogue_Debates.pdf).

циальные и экономические структуры. Следует приветствовать диалог, но такой, который основан на не подлежащих вольному толкованию формулировках, например Всеобщей декларации прав человека и Европейской конвенции по правам человека. Если религия займет центральное место и начнет доминировать в общественном дискурсе, это может привести к тяжелым последствиям и затормозить необходимые процессы интеграции. Совместное существование означает, что мы сосредоточиваемся на том общем, что у нас есть.

Право на мир должно стать неотъемлемой частью прав человека в XXI столетии. Однако необходимо тщательно сформулировать положения, чтобы избежать нежелательных последствий. В таком контек-

сте не следует допускать политизации прав человека. Лучше подчеркнуть, что право на мир — прежде всего уполномочивающее право в том смысле, что мир является предпосылкой для пользования правами первого и второго уровней, так же как право на развитие.

Право на мир в любой форме должно обуславливать необходимость участия в представительном диалоге. Диалог между людьми, цивилизациями, культурами всегда базируется на универсальном документе, таком как Всеобщая декларация прав человека. Такой диалог окажет положительное влияние и на установление мира, и на реализацию права на мир.

Таким образом, связь между культурным диалогом и миром очевидна.

А. И. Кузнецов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАКТОВКИ ИСТОРИИ

Начало XXI века отмечено необычайным ростом интереса к истории как одному из ключевых факторов, формирующих общественное сознание и устойчивые стереотипы восприятия народами друг друга. Речь идет не просто о переосмыслении прошлого, которое присуще каждому новому поколению. Мы сталкиваемся со своеобразным феноменом актуализации истории, когда те или иные события, чаще всего связанные с войнами и конфликтами, имевшими долгосрочные международные последствия, заново переживаются как нечто, имеющее непосредственное отношение к современности. Тем самым восприятие прошлого оказывает влияние не только на мнение политических элит и общественных кругов, но и на политику государств.

Все чаще мы становимся свидетелями того, как история выступает в качестве одного из существенных элементов «мягкой силы» во внешней и внутренней политике государств. Это обоюдоострое оружие. Политически мотивированные трактовки истории используются для решения конкретных задач, направленных на формирование позитивного или негативного образа той или иной страны, для повышения или снижения ее репутационного или имиджевого капитала.

Известный американский историк Барбара Такман в свое время писала, что одна из самых больших ошибок в понимании истории состоит в ее интерпретации не на основе обстоятельств, интересов и настроений, которые определяли поступки людей, живших в данный исторический период, а с позиций современного менталитета, сиюминутных политических и идеологических установок и выгод. Именно этот отход от принципа историзма, порой совершенно сознательный, лежит в основе исторического ревизионизма, который довольно агрессивно заявляет о себе в ряде стран, осо-

бенно тех, которые заняты поисками своей новой идентичности.

Подобные проявления наиболее заметны в Европе. Здесь сталкиваются две противоположные тенденции. Одна из них проникнута стремлением к тому, чтобы утвердить позитивные ценности исторического наследия, извлечь уроки из прошлого и не повторять его ошибок. Примерами могут служить франко-германское и российско-германское примирение. Оно способствует формированию общей исторической памяти, служащей интересам укрепления взаимопонимания и сближения между народами.

Но есть и другая тенденция, когда в угоду узким политическим интересам в основу национальной самоидентификации закладываются «образы врага» в лице других государств. Выдвигаются материальные претензии за прошлые обиды. В некоторых прибалтийских государствах дело дошло до призывов сделать насаждаемые там узконациональные трактовки истории единой, обязательной для всех позицией Европейского Союза.

Ревизии подвергается в первую очередь такое событие планетарного масштаба, как Вторая мировая война. Для России это принципиальный вопрос. Цена, которую заплатил наш народ за победу над нацизмом, слишком велика, чтобы мы безучастно относились к стремлению переписать историю этой войны. Поэтому для нас неприемлемы и оскорбительны попытки принизить роль нашей страны в победе над нацизмом, героизировать его пособников, уравнивать в политическом и моральном плане победителей и побежденных, как это сделала, например, Парламентская ассамблея Совета Европы, приняв в 2009 году резолюцию, приравняющую преступления против человечества гитлеровского режима в Германии и сталинского режима в СССР.

Разумеется, здесь не место затевать полемику из-за спорных трактовок истории. Для этого существуют иные форматы. Цель данного доклада — в концептуальном плане поставить вопрос о роли истории в диалоге культур, о том, насколько соответствуют

¹ Директор Историко-документального департамента, член коллегии МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Заместитель Постоянного представителя России при ЮНЕСКО в Париже (1995–2000). Директор Департамента внешнеполитического планирования МИД РФ (2001–2005). Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Королевстве Испания и Княжестве Андорра (2005–2012). Член редколлегии «Военно-исторического журнала».

некоторые национальные трактовки истории реальностям глобального, взаимозависимого мира.

Проблема формирования неконфронтационных подходов к интерпретации истории, конечно же, не нова. Она уже давно обсуждается как в рамках международных организаций, в частности ЮНЕСКО, так и в рамках двусторонних отношений между государствами. Накоплен полезный опыт, например, в деле подготовки фундаментальных международных изданий по истории, в создании совместных учебников, внедрении соответствующих программ в системы образования различных стран.

Однако в современных условиях эта проблема требует гораздо большего внимания, в том числе в рамках диалога культур. До сих пор столкновения между различными трактовками истории носили сравнительно локальный характер и затрагивали в основном соседние страны. Сегодня, в условиях глобализации, подобные конфликты могут возникать в более широких масштабах. С. Хантингтон писал об угрозе цивилизационных разломов между различными регионами мира. Но теперь в условиях интенсификации миграционных потоков такие разломы могут возникать внутри отдельных государств и регионов, вести к разбалансировке международных отношений в целом. Поэтому ошибаются те, кто из соображений союзнической солидарности недооценивают опасность манипуляций историей, искажения правды о Второй мировой войне и ревизии морально-политических оценок нацизма. Ведь односторонняя и не основанная на объективных данных интерпретация тех или иных исторических событий или периодов истории вполне может быть перенесена на почву и без того обостряющихся межнациональных, межкультурных и межконфессиональных отношений, стать поводом для конфликтов и столкновений. Европейский опыт последних лет показывает, что современная цивилизация не имеет полного иммунитета от возрождения идеологий и движений, близких к неонацизму. Об этом говорит растущее число преступлений, совершаемых на почве экстремизма, расовой и национальной ненависти и ксенофобии. Достаточно упомянуть лишь о массовом убийстве людей в Норвегии. А ведь героизация пособников нацизма, демонстративные парады бывших эсэсовцев — это путь к ползучей легитимизации разного рода экстремистских и неонацистских группировок. Вот почему несколько лет назад Государственная Дума Российской Федерации приняла заявление, в котором отмечается, что «ответственные политики сегодня не имеют морального права отягощать грузом прошлого и без того непростую дорогу в будущее всего европейского континента».

Все это говорит о том, что тема непредвзятого подхода к истории должна занять важное место в диалоге культур. Что это означает на практике?

Российский опыт свидетельствует, что нужна в первую очередь терпеливая работа по доведению исторической правды до общественного мнения, особенно молодежи. Главное средство — перевод спорных исторических вопросов в русло непредвзятых научных исследований и дискуссий. Понятно, что приоритет в этом деле должен принадлежать историкам. О пользе такой

практики говорит, в частности, деятельность нашей двусторонней Группы по сложным вопросам с Польшей, совместных комиссий историков с Латвией и Литвой. Несомненно, сотрудничество и солидарность между ответственными историками разных стран должны быть подняты на новый уровень.

Представляя здесь историко-архивную службу Министерства иностранных дел России, не могу не сказать о роли архивов. Они, как известно, являются главным источником, на который опираются в своей работе историки. Архивные документы невозможно «отменить» или переписать. Они говорят сами за себя, показывая неоднозначность и многогранность исторических явлений и фактов. Они не оставляют места для подгонки событий прошлого под заранее готовые схемы. В руках добросовестного исследователя, искренне заинтересованного в поисках исторической правды, они способны противостоять разного рода мифам и фальсификациям. Вот почему свобода доступа в архивы, рассекречивание и публикация документов стали основополагающими принципами работы российских архивов.

Не менее велика роль гражданского общества. Наш долг — на более прочной и систематической основе поддерживать неправительственные организации и движения, которые противостоят экстремизму на этнической или религиозной почве, ксенофобии, радикальному национализму и шовинизму, проводят мониторинг этих явлений и анализ социальных причин их возникновения. Тем самым будут создаваться и барьеры против распространения «особых» трактовок истории XX века, подпитывающих идеи националистического реванша и сведения исторических счетов.

В целом речь идет о выработке научным сообществом и институтами гражданского общества комплекса эффективных организационных, информационно-просветительских и других мер, направленных на утверждение взвешенных, объективных подходов к истории, свободных от политиканства и мифотворчества. Разумеется, все это не должно иметь ничего общего с попытками навязывания каких-либо «унифицированных» подходов к истории или покушениями на свободу исследователя в поисках исторической правды. Плюрализм в оценках и мнениях неизбежен, но он вполне может укладываться в рамки ответственного и неполитизированного восприятия прошлого.

Мы живем в турбулентном мире, дальнейшие пути развития которого не поддаются точному прогнозу. Но спектр потенциальных угроз и вызовов, в том числе в сфере межкультурных и межкультурных отношений, вырисовывается с достаточной ясностью и полнотой. Поэтому необходимо действовать на опережение. Формирование новой мировой культуры, отвечающей реальностям эпохи глобализации, требует выработки адекватных подходов к истории, превосходящих узконациональные трактовки. Естественное стремление новых поколений к переосмыслению прошлого может и должно служить не созданию искусственных барьеров вражды и недоверия между народами, а цивилизационному единству и солидарности современного мира.

В. А. Лекторский¹**КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ**

Как могут взаимодействовать друг с другом разные культуры, в основе которых лежат разные способы понимания мира и человека, разные системы ценностей и норм?

Взаимоотношения культур могут пониматься и реализовываться по-разному.

Прежде всего это толерантность. Существуют по крайней мере два способа ее толкования.

1. Толерантность как безразличие к существованию разных ценностей, способов понимания мира и культурных практик, так как эти различия считаются несущественными перед лицом главных проблем, с которыми имеет дело цивилизация. В соответствии с этим пониманием толерантности истинные представления о мире и правила общественной жизни могут быть рационально обоснованы и поэтому должны быть приняты в качестве чего-то несомненного для каждого разумного человека. Но люди имеют также некоторые представления, истинность которых не может быть безоговорочно признана. Это прежде всего специфические для той или иной культуры ценности и представления о мире. Они принимаются на внерациональных основаниях и играют важную роль в самоидентификации.

Что касается истинных утверждений, рационально обоснованных моральных и юридических норм, то нельзя быть толерантными по отношению к тем, кто их не принимает или нарушает. Но даже в этом случае следует учитывать, что истину нельзя навязать путем физического или пропагандистского воздействия. Человек должен согласиться с истинным высказыванием или рациональной нормой поведения только в результате самостоятельных рассуждений. Поэтому нужно пресекать действия, нарушающие разумные нормы общезнания, и в то же время терпеть в известных пределах неразумные взгляды. Желательно создать такие условия для тех, кто разделяет неразумные взгляды, при которых они отказались бы от своих взглядов и приняли бы то, что несомненно разумно и обоснованно. Согласно этому пониманию толерантности различие культурных ценностей будет постепенно уменьшаться по мере развития цивилизации — как результат

¹ Заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, заведующий кафедрой эпистемологии и логики Государственного академического университета гуманитарных наук, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура» и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии из 21 книги «Философия России второй половины XX в.». Председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журнала «Эпистемология и философия науки». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалью Института философии РАН «За вклад в философию».

взаимодействия различных культур, необходимость решать общие практические проблемы.

2. Толерантность может быть понята и иначе: как уважение к другой культуре, которую невозможно понять и с которой нельзя взаимодействовать. В соответствии с этим пониманием толерантности специфические ценности и представления о мире той или иной культуры не есть нечто несущественное для человеческой деятельности и развития общества: они определяют пути и способы этой деятельности и развития. Нельзя избежать плюрализма культурных ценностей и представлений о мире, так как они коренятся в человеческой природе и связаны с необходимостью самоидентификации. Согласно этому пониманию культуры несоизмеримы. Не существует привилегированной системы взглядов и ценностей. Единственным исключением является идея о том, что все человеческие существа независимо от расы, пола и национальности имеют одинаковые права на физическую жизнь и культурное развитие. Разные культуры не соприкасаются друг с другом, так как существуют в разных мирах.

Итак, одно понимание толерантности исходит из безразличия к другим культурам, другое — из невозможности их понять. Но у этих двух разных пониманий есть нечто общее. Оба они предполагают сохранение существующих культурных различий и не допускают их изменения и развития.

Популярная ныне идея мультикультурализма часто отождествляется с толерантностью. Поскольку стало ясно, что так понимаемые толерантность и мультикультурализм на практике не работают, более того, могут приводить к неприятным социальным последствиям (о чем заявили лидеры Германии и Франции), началась критика того и другого. Но ведь дело в том, что мультикультурализм может быть понят по-разному. Если разные культуры понимаются как замкнутые и не взаимодействующие друг с другом, то мультикультурализм совпадает с простой толерантностью и так же, как последняя, обнаруживает свою ущербность. Но если в идее мультикультурализма подчеркивается открытый характер культуры и предполагаются межкультурное взаимодействие и взаимопроникновение, тогда эта идея понимается не как тождественная простой толерантности, а как идея межкультурного диалога. А диалог выходит за рамки простой толерантности.

Особенность диалога — в том, что в ходе него разные культуры могут развиваться, то есть изменяться, в определенных отношениях.

Диалог предполагает учет точки зрения другого участника. Это не значит некритического принятия чужой позиции. А только то, что в иной культуре, в другой системе ценностей обязательно видеть нечто враждебное, в ней можно видеть что-то, что может помочь в решении неких общих проблем. В таком диалоге не только отдельные люди, но и культуры могут развить собственную самоидентичность.

В связи с этим я хочу дать два разъяснения.

Первое: культуры в целом не могут вступать в диалог. «Диалог культур» — метафора. Только отдельные люди, группы, сообщества, социальные учреждения могут быть участниками подобного диалога.

Второе: диалог, как правило, ведется не относительно систем ценностей, принципиальных представлений о мире или религиозных догматах. Ибо все это конституирует культурную идентичность и лежит в основе идентичности индивидов, принадлежащих к разным культурам. Поэтому если культура не разрушает сама себя (а это иногда случается), ее базовые ценности не обсуждаются в этом процессе. Например, невозможно вести диалог по поводу религиозных взглядов, которые могут быть связаны с культурной самоидентичностью. Если какая-то религия допускает возможность обсуждения своих догматов с внешней позиции (позиций атеистических или иной религии), она теряет право на дальнейшее существование.

Диалог между разными культурами возможен и может быть плодотворен в контексте решения определенных практических проблем и в связи с пониманием этих проблем и предлагаемых способов их решения с точки зрения разных ценностей и представлений о мире. Каждая культура имеет собственную перспективу во взгляде на ту или иную проблему. Сравнение этих перспектив возможно и практически плодотворно. При этом способы решения тех или иных общих проблем, предлагаемые в рамках разных культурных перспектив, могут быть не просто разными, но и отличными друг от друга с точки зрения их плодотворности в определенной ситуации. И эта плодотворность к тому же может по-разному оцениваться в связи с изменением ситуации.

Возможны три результата межкультурного диалога:

- а) синтез разных культур или некоторых черт разных культур;
- б) развитие (то есть изменение в некоторых отношениях) одного или обоих участников диалога;
- в) отказ одного из участников продолжать диалог, возникновение и развитие враждебности к другой культуре.

Существует важное условие участия в межкультурном диалоге — это наличие общности между участниками в понимании существующих проблем (хотя разные участники могут видеть разные ракурсы этих проблем), а также определенных экономических и политических условий, дающих возможность всем участникам влиять на процесс и результат диалога. Таким образом, участники диалога имеют равные права. В противном случае все разговоры о мультикультурализме выглядят как лицемерие: они могут быть способом сохранения статус-кво, что оказывается весьма неблагоприятно для развития некоторых культур. Плодотворный межкультурный диалог возможен только в рамках универсальных политических и правовых институтов, в частности Всеобщей декларации прав человека, системы международного права и т. д. Это важные конституенты современного мирового единства.

Но в связи с этим возникают определенные проблемы. Дело в том, что некоторые положения Всеобщей декларации противоречат другим, такие противоречия

могут быть между индивидуальными и коллективными правами (например, право индивида на свободное передвижение и право культуры на самосохранение и др.). Международное право до сих пор недостаточно разработано и потому в ряде случаев не может регулировать отношения между странами и культурами. К тому же существует проблема интерпретации положений Всеобщей декларации и пунктов международного права. В некоторых случаях эта интерпретация осуществляется только в соответствии с интересами отдельных стран. Такие случаи подрывают роль декларации и международного права в создании мирового единства и создают препятствия для межкультурного взаимодействия.

В качестве участников диалога подразумеваются разные культуры. Однако эти культуры могут существовать на разных уровнях. Есть национальные культуры, а также культуры этнические, региональные, локальные. Некоторые социальные группы могут рассматриваться как носители собственных субкультур. Индивидуальная идентичность строится на основе принадлежности к нескольким коллективным.

Каждая из культур заслуживает уважения и может быть участником диалога. Но нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, роль культур разного типа и разных уровней в формировании индивидуальной идентичности различна. К тому же она может меняться в разных конкретных ситуациях. Индивид может одновременно принадлежать к разным культурным идентичностям не только разных уровней, но и одного уровня (быть полиидентичным). Во-вторых (и это особенно важно), смысл диалога не в том, чтобы культивировать и консервировать различия и имеющиеся культурные идентичности, а в том, чтобы создавать условия для их взаимного изменения — в результате чего различия не исчезают, но изменяются (некоторые различия сливаются в единство, вместо некоторых старых различий появляются новые).

В межкультурном диалоге сегодня происходят важные изменения. Речь идет не только о том, что меняются культуры, участвующие в диалоге. Меняется отношение индивида к культуре. Индивид строит свою индивидуальную идентичность на основании некоторых коллективных. Но сегодня (в отличие от того, что имело место в недавнем прошлом) проблема смены индивидом принадлежности к той или иной культурной идентичности стала гораздо проще. Общество становится все более индивидуализированным. Если раньше культуры носили в основном национальный и этнический характер, то сегодня они гораздо разнообразнее. Возникают новые их формы.

Еще одно существенное добавление к сказанному. Было бы неверно считать, что все ныне существующие культуры участвуют или могут участвовать в межкультурном диалоге. На самом деле некоторые из них были отброшены на обочину цивилизационного развития самим процессом глобализации, другие не могут найти своего места в этом процессе. В этом случае нужно говорить не о межкультурном диалоге, а о развитии враждебности одной культуры к другой (другим). Поэтому факты культурного изоляционизма, фундаментализма и национализма тоже могут быть поняты как побочные продукты глобализации.

Ли Шеньмин¹

ПУСТЬ РОЗА И ФИАЛКА РАСЦВЕТАЮТ РАЗНЫМИ ЦВЕТАМИ (О равноправном диалоге и равноправной коммуникации между цивилизациями и культурами)

Международный финансовый кризис не только не закончился, но и продолжает углубляться. Дело в том, что этот процесс является кризисом международной экономики капиталистических стран, всей их системы ценностей. Этот кризис носит глобальный характер. Вспышка была неизбежна, так как правительства много лет боролись с симптомами кризиса, отодвигая его начало, из-за чего теперь за три-пять лет его преодолеть невозможно. Очевидно, что глобализация, поддерживаемая неолиберализмом, подвергнется пересмотру в мировом масштабе. В мире возрождаются силы, придерживающиеся левых идей.

В такой важный момент мы собрались здесь для обсуждения вопросов равноправного диалога и коммуникации между цивилизациями и культурами, что имеет весьма большое теоретическое и практическое значение.

Человеку повезло — он родился в сложных условиях на маленькой планете, путешествующей по бескрайним просторам Вселенной. В определенных геологических, географических, этнических, экономических, политических, культурных и других условиях возникли различные цивилизации и культуры. В течение почти 6 тыс. лет человеческой истории появились 26 типов цивилизации. В современном мире существуют примерно 63 религии, 190 государств, 6700 языков, более 2 тыс. наций. Разнообразные культуры и цивилизации в мире в течение веков создавались разными странами, народами и нациями и наследовались из поколения в поколение. Это достояние всего человечества, нам надо дорожить им и укреплять диалог и коммуникацию между различными культурами и цивилизациями на благо народов разных стран.

Однако в 1990-е годы после окончания холодной войны в истории человечества появилась «единственная сверхдержава». Глобализация экономики, которой способствовала эта сверхдержава в условиях научно-технической революции, значительно продвинула экспансию международного монополистического капитала в глобальном масштабе. Из-за этого все большее число стран, регионов и народов включаются в систему мировой экономики, центром которой является эта единственная сверхдержава. В нынешнем мире глобализация экономики отнюдь не является простым экономическим процессом. В то же время глобализация осуществляется таким образом, что держава путем экономической экспансии вынуждает принимать

¹ Вице-президент Академии общественных наук КНР. Автор более 10 научных публикаций, в т. ч.: «Забота о народе, забота о партии», «Живя в мире, думать об опасности (исторические уроки краха СССР)», «Китайская внешнеполитическая стратегия в условиях глобализации», «Биография Ван Чжэнь» (в 2 т., в соавт.) и др. Президент Китайской политологической ассоциации; вице-президент Всекитайской академической социалистической ассоциации, глава Всекитайской экспертной комиссии по международным проблемам.

ее культурные ценности и политические идеи. Осознание этого помогает нам понять основные причины гегемонизма в политике и культуре, а также способствует более глубокому пониманию значения политической многополярности и разнообразия культур и цивилизаций в мире.

Каковы подходы к пониманию различных цивилизаций и культур? На рубеже веков в рамках западных политических теорий было выпущено много монографий и проповедей, содержащих прогнозы будущего человечества, в том числе и такие известные, как «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории». Однако на фоне международного финансового кризиса позиции авторов этих работ сильно пошатнулись. Даже автор теории «конца истории» был вынужден признать, что история не заканчивается на капиталистической системе и капиталистическими ценностями.

Однако мы также должны ясно видеть, что *идеология гегемонии является доминирующей в современном мире*. Сегодня более 90 % новостей в потоке глобальной информации находятся под контролем западного мира, возглавляемого Соединенными Штатами Америки. Доля кино и телевидения, производимых в США, составляет всего 6,7 % на мировом рынке, доля американских фильмов заняла более 50 %, доля телевидения США заняла более 70 % на мировом рынке. В 1985 году объем телевизионной и аудиовизуальной продукции занимал 11-е место в национальной экономике США, в 1994-м — 6-е; экспорт телевизионной и аудиовизуальной продукции был на 2-м месте, уступая только экспорту самолетов. В 2000 году объем телевизионной и аудиовизуальной продукции США, поставляемой на экспорт, сравнялся по стоимости с экспортом аэрокосмической промышленности, заняв 1-е место в структуре экспорта США. В 2010 году доля индустрии культуры США достигла 43 % общемировой, а доля индустрии культуры КНР не превысила 4 % — меньше одной десятой доли США. Доля индустрии культуры в ВВП в США достигла 25 %, в Японии этот показатель составляет 20 %, в КНР — всего 2,5 %. Около 80 % глобального ресурса Интернета принадлежат США, более 80 % электронных баз данных находятся под контролем США, почти все правила для Интернета были разработаны в США. В Китае более 560 млн пользователей Интернета, но информация, размещаемая гражданами Китая в Сети, составляет 0,1 % всего потока информации. США назвали Интернет «полем боя» наряду с землей, морем, воздушным и космическим пространством, и это еще нагляднее демонстрирует их культурную гегемонию. По существу, США выполняют функцию полиции «скоростной информационной дороги» глобального Интернета, пытаются допускать в виртуальную реальность только ту информацию, которая соответствует ценностям западного мира,

возглавляемого США. Не только самые популярные интернет-сервисы, но и наиболее известные в мире радиостанции, газеты, журналы, а также университеты, исследовательские и консалтинговые учреждения, которые косвенно представляют услуги для Запада, находятся под контролем США.

Финансовая, техническая и военная гегемония США служит основой их культурной гегемонии. Можно сказать, что финансовое превосходство выступает концентрированным проявлением экономического господства международного монополистического капитала, военное господство выступает концентрированным проявлением политической гегемонии, культурная гегемония выступает концентрированным проявлением идеологической, а техническое превосходство обеспечивает экономическую, политическую и культурную гегемонию. Если рассматривать финансовое, техническое и культурное господство как проявление мягкой силы, то военную гегемонию — как жесткую силу. Тотальная гегемония — финансовая, техническая, культурная, военная — служит новой характеристикой нынешнего периода мирового империализма.

В области культуры и цивилизации проникновение западного мира во главе с США в страны третьего мира главным образом заключается в следующих моментах:

1) критикуемой идеологией выступает марксизм, а также патриотизм; не прекращаются попытки заменить патриотизм «общечеловеческой концепцией ценностей»;

2) пропаганда свободной рыночной экономики и частной собственности;

3) подрыв формы правления, партийной системы и власти в других странах;

4) отрицание истории цивилизации и стран, добившихся успеха;

5) в области теории международных отношений — отрицание государственного суверенитета, насаждение идеи конфликта цивилизаций и общих концепций культуры и ценностей.

Один из мудрейших людей в истории человечества К. Маркс отметил, что человек восхищается изменчивостью и сокровищами природы, но не требует, чтобы роза и левкой услаждали наше обоняние одинаковым ароматом. Почему же люди зачастую требуют, чтобы культуры и цивилизации, которые имеют материальную и духовную составляющие с богатым содержанием, принимали одну и ту же форму? Разные культуры и цивилизации имеют различные характеристики, как камень обладает формой, а вода — свойством преломления света, и это рождает совершенную красоту. Если стачивать углы камня и лишит воду способности преломлять лучи, то кому будут интересны такие пейзажи, которые раньше были разнообразными и красочными?

Хочу высказать следующие идеи:

— *во-первых, необходимо уважать и поддерживать право выбора социального строя и пути развития разных стран.* Социальный строй и путь развития представляют собой ядро и сущность культуры и цивилизации страны, служат основой, которой подчиняются другие формы проявления культуры, цивилизации и духа данной страны. Если какая-нибудь замечательная культура и цивилизация лишаются присущего им способа жизни и производства, экономического и политического строя, то сколько бы денег ни вкладывалось в сохранение этой культуры и цивилизации, они по сути теряют свою энергию и жизнеспособность. Многообразие культур и цивилизаций следует уважать и беречь наряду с сохранением разнообразия экономических укладов и путей развития. Надо уважать политическую многополярность, противостоять экономической и политической гегемонии в мире;

— *во-вторых, надо поддерживать равноправный диалог разных культур и цивилизаций. Каждое государство и национальность имеют свою культурную традицию и модель развития.* Все страны и нации вносят свой вклад в общую историю человеческой цивилизации, насчитывающую несколько тысячелетий. Носители культур и цивилизаций — различные по размерам государства и нации, культуры которых развивались в разное время, но это не значит, что возможно их разделение на хорошие и плохие, высокосортные и низкосортные;

— *в-третьих, следует поддерживать взаимный обмен и обогащение разных культур и цивилизаций.* Этот обмен должен быть взаимно интересным и равноправным, мы можем многому научиться друг у друга и перенимать те или иные ценности. Посредством взаимных обменов каждая культура и цивилизация наполняется новым содержанием и позволяет мирно и разумно обеспечивать общее процветание и развитие;

— *в-четвертых, надо относиться к родной культуре с любовью и уважением, укреплять свои корни и сохранять истоки.* Гегемонистская культура существовала в прошлом, существует сегодня, будет существовать еще какое-то время и даже, наверное, будет развиваться. Поэтому все государства и нации, особенно те, у которых слабое преимущество в мировом сообществе, должны прежде всего сохранять и продвигать свою замечательную культуру. Культуры и цивилизации имеют богатое и глубокое содержание. Было бы неправильно делать выводы об отсталости или прогрессивности культуры только на основе развития материальной базы, науки и техники. Развивая свою национальную научную и массовую культуру, каждая страна и народ должны обеспечивать ее жизнеспособность.

А. Г. Лисицын-Светланов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБОРОТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Расширение гуманитарного сотрудничества выявляет проблемы, связанные с правовым регулированием различного рода отношений, складывающихся в этой сфере международной жизни. Спектр их достаточно широк: от традиционных, к которым можно отнести охрану памятников архитектуры и защиту прав собственности на них, незаконный вывоз культурных ценностей, свободу перемещения и визовые режимы или государственные гарантии по сохранности культурных ценностей, до достаточно новых, например регулирования в киберпространстве и оборота культурных ценностей.

В большинстве случаев действие права адресовано непосредственно к отношениям, связанным с охраной культурных ценностей или просветительской деятельностью. Однако выявляются и общеправовые проблемы, характерные в том числе для регулирования имущественных отношений в иных областях, например внешнеэкономических. К этой категории вопросов следует отнести право государственной собственности в международном обороте, проблемы международной подсудности, проблемы применения иностранного права к международным частно-правовым отношениям.

Правовое регулирование отношений, связанных с охраной и оборотом культурных ценностей, следует рассматривать с учетом следующего. Во-первых, объекты, определяемые как культурные ценности, делятся на движимые и недвижимые. Во-вторых, регулирование их охраны осуществляется главным образом на основе норм публичного права, а оборот — на основе норм частного права. В-третьих, применительно к рассматриваемым объектам и отношениям право действует как на национальном, так и на международном уровне. Таким образом, источниками правового регулирования являются национальное законодательство, предполагающее его комплексное применение, и международно-правовые акты. Соотношение этих двух категорий источников права для целей регулирования любых правоотношений, включая относящиеся к сфере культурных ценностей, определено в Конституции Российской Федерации.

Конституция РФ установила, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются

¹ Директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Международная передача технологий: правовое регулирование» (в соавт.), «Правовые проблемы совершенствования хозяйственного механизма в СССР» (в соавт.), «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Международное частное право: современная практика» (в соавт.), «Международный гражданский процесс: современные проблемы», «Роль права в модернизации экономики» и др. Главный редактор журнала «Труды Института государства и права РАН», председатель редакционного совета журнала «Государство и право». Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Награжден орденом Дружбы, Леопольда II (Бельгия), Сергия Радонежского Русской православной церкви.

частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (п. 4 ст. 15 Конституции РФ). Таким образом, позиция российского права, касающаяся роли международного договора, весьма либеральна, равно как и определена.

Вряд ли можно представить государство, игнорирующее задачи охраны культурных ценностей или не признающее международный договор в качестве эффективного правового средства, обеспечивающего правила такой охраны. Однако на практике не все вопросы, требующие международно-правового регулирования, находят отражение в соответствующих актах.

Вступлению государства в любой международный договор предшествует дилемма принятия политического решения: возможно ли государству принять и разделить цели, задачи и условия, сформулированные в конкретных статьях договора? Здесь часто возникает противоречивая ситуация. Государство, вступив в договор, признает его приоритет, однако насколько внутреннее законодательство государства позволяет ему присоединиться к договору, содержащему положения, отличные от его внутреннего законодательства? Подчас даже самые новаторские положения международного договора могут быть неприемлемыми для того или иного государства, поскольку сфера предлагаемого регулирования не соответствует публично-правовым нормам национальной правовой системы, ограничивающим возможности правительства вводить новое, хотя и «заманчивое» регулирование. Проблема соблюдения баланса между приоритетом международного договора и возможностями правительства государства присоединиться к его условиям в полной мере относится к сфере регулирования охраны культурных ценностей и их оборота.

Исторически сложилось так, что правовой режим культурных ценностей, равно как и регулирование их оборота, в Европе имел определенные особенности, обусловленные в первую очередь цивилизационной общностью европейских государств. Подтверждением тому является заметный ряд международных конвенций и иных международно-правовых документов, берущий свои истоки еще в позапрошлом веке. Говоря о российских инициативах в этой области, следует в первую очередь отметить имя Николая Рериха. Его идеи и усилия, предпринятые в 1905 году в Петербурге, вышли за рамки Европы и завершились подписанием 15 апреля 1935 года в Вашингтоне *Pax Cultura or The Roerich Pact*.

Важно отметить, что процесс выработки международно-правовых правил в вопросах охраны и оборота культурных ценностей строился в первую очередь на многообразии подходов европейских государств, и из этого многообразия рождалось общее современное правосознание. Однако за последние 20 лет **правовая**

карта мира значительно изменилась. В первую очередь это связано с интенсивным развитием Европейского Союза и европейского права.

Взгляд со стороны, а это может быть и взгляд из России, улавливает определенные изменения в процессах выработки международно-правовых правил в различных сферах международной жизни, включая сферу охраны и оборота культурных ценностей. Представляется, что связано это в первую очередь с тем, что главным вектором, по которому развивается правовая мысль в государствах Евросоюза, стало национальное право. В связи с этим возникают вопросы: что происходит на Европейском континенте, за границами Евросоюза и каковы пути взаимодействия иных государств, в частности России, с Евросоюзом и/или государствами — членами Евросоюза? Существуют ли какие-либо особенности регулирования за рамками Европы, включая Россию?

В связи с этой проблемой интересно остановиться на некоторых вопросах регулирования охраны и оборота культурных ценностей, которые сегодня актуальны и вовлечены в общий процесс взаимодействия правовых систем¹. В их основе лежат факторы, соотносимые как с определенными глобальными событиями XX века, так и с правовым статусом участников отношений, связанных с охраной и оборотом культурных ценностей.

Первый фактор — это потрясения XX века: революции и войны, жертвами которых стали не только люди, но и духовные, культурные ценности. Это сила, перемещающая не только людей вопреки их воле, но и культурные ценности, веками собиравшиеся частными лицами и государствами. Эти факторы действуют, игнорируя обычные цивилизованные институты, и тем самым порождают проблемы, трудно решаемые в условиях мирного времени, когда принято руководствоваться институтами правового государства.

Второй фактор — неизменные спутники правового регулирования отношений, связанных с культурными ценностями, изначально претендующие на свою исключительность. Это статус государства как собственника и суверена, а также такие правовые институты, как публичный порядок и публичный интерес. Здесь переплетаются сложные правовые проблемы, лежащие в сфере международного частного и международного публичного права, «внутреннего» и международного гражданского процесса.

Так, существующая реальность не исключает возникновения ситуаций, когда частные лица, претендующие на картины, библиотеки и иные движимые объекты, относимые к культурным ценностям, ищут защиту своих прав не в судах государства местонахождения ценностей, а в иных юрисдикциях, наиболее для них удобных. В принципе такой подход достаточно известен в международной практике и получил название «ForumShopping». Однако применительно к рассматриваемым вопросам он сталкивается с фундаментальной проблемой и международного права, и международного гражданского процесса — судебным иммунитетом иностранного государства, поскольку культурные ценности, являющиеся предметом спора, находятся в собственности иностранного государства.

Таким образом, выявляя актуальные вопросы, связанные с международной охраной культурных ценностей, мы поднимаем весьма злободневную проблему, возникающую не только в сфере регулирования оборота культурных ценностей, но и применительно к другим отношениям в сфере международного общения — разработке более универсального механизма для решения споров, отягощенных иностранным, или международным, элементом. В связи с этим представляется целесообразной разработка универсальной конвенции по вопросам международного гражданского процесса в рамках Гаагских конференций по международному частному праву.

Ричард Льюис²

ИСТОКИ И ПУТИ КУЛЬТУРЫ: ОТ НЕПРИМИРИМОГО РАЗНООБРАЗИЯ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДИАЛОГУ

Сегодня общение между народами — это постоянная работа, не всегда успешная, связанная с преодолением коммуникативных неудач, причины которых уходят корнями в глубину веков. Это абсолютно разные культурные установки и разные картины мира, унаследованные от предков. Путь к диалогу затруднен. Существенные различия в географических услови-

ях, историческом опыте, религиях, философских воззрениях и языках, на которых мы говорим с рождения, постоянно мешают нам и сбивают нас с пути. В глобализирующемся мире основные культуры нуждаются во взаимопонимании и пытаются его достичь. Интересно поразмышлять над тем, станет ли XXI век последним не для истории, а для культурного разнообразия.

Авторы научно-фантастических книг, такие как Артур Кларк, Айзек Азимов или Герберт Уэллс, в своих произведениях описывают жизнь на других планетах (чаще всего на Марсе). Особенно их интересуют физические параметры обитателей других планет («маленькие зеленые человечки»), их интеллектуальные или культурные характеристики (умственные сверхспособности, передовые технологии или вооружение,

¹ Основным источником правовых исследований в России является труд профессора М. М. Богуславского «Культурные ценности в международном обороте. Правовые аспекты» (М., 2005).

² Президент Международного института языкового и кросс-культурного тренинга «Richard Lewis Communications» (Великобритания), профессор. Автор нового подхода к проблемам анализа кросс-культурных коммуникаций. Более 35 лет работает в области прикладной и антропологической лингвистики. Автор первой в мире телевизионной серии уроков английского языка (1961). Основатель языковой школы Linguagama в Riversdown House (1971).

направленные на захват Земли, и т. д.). Марсиане, их язык и культура представляются по-разному в зависимости от того, насколько разыгрывается авторское воображение. Но ни один из этих знаменитых писателей не описал марсиан как состоящих из сотен отдельных племен, тысяч разных языков и культур. Для нас это было бы слишком странно и сложно.

Именно такую картину увидел бы марсианин, если бы он побывал на Земле: две сотни племен, называемых странами, триста основных культур и — Вавилонское столпотворение — 3 тыс. отдельных языков и наречий. И это не плод воображения, это шокирующая реальность, сколь бы неправдоподобной она ни выглядела.

Как мы оказались в ситуации гетерогенного хаоса? Конечно, население планеты достаточно велико, но люди существуют на планете совсем недавно — 7 млн лет из 3,5 млрд, что составляет одну пятисотмиллионную часть всей жизни Земли. Как же нам удалось за 7 млн лет достичь такого разнообразия, в то время как крокодилы и акулы за 20 млн лет не изменились?

Недолгое существование человечества прошло под влиянием нескольких мощных факторов, определивших культурную эволюцию землян:

- 1) география, климат, окружающая среда;
- 2) история;
- 3) религия;
- 4) язык.

Два из названных четырех факторов сформировались относительно недавно. Все мы учимся на исторических примерах, но лишь немногие народы (за исключением китайцев и индийцев) знают свою историю ранее 5 тыс. лет до нашей эры. Мифология австралийских аборигенов («время сна»), рассказывающая о событиях, произошедших 40 тыс. лет назад, нуждается в изучении. Религия, конечно, очень важна, но она вряд ли опередила речь, которая, как принято считать, появилась около 200 тыс. лет назад. Основной причиной появления разнообразия среди людей можно считать *географию*. Она всегда сопутствовала развитию человечества — сначала это был Африканский континент, затем люди разбрелись по всему свету. Влияние языкового фактора очень велико, исторические примеры с доисторических времен свидетельствуют, что язык активно взаимодействует с обществом (например, вежливый японский язык — вежливое японское общество).

Категории культуры

Марсианин, попавший на Землю, будет пребывать в замешательстве (а может быть, и в панике) относительно разнообразия культур и мировоззрений. Как помочь ему начать общение с землянами? Разделим всех людей на три типа (категории): линейно-активные, мультиактивные и реактивные.

Линейно-активные люди ориентируются на достижение конечной цели, они все планируют и делают все последовательно, в строгом соответствии с планом. Говорят они ради того, чтобы передать информацию, и оперируют в основном фактами и цифрами.

Мультиактивные люди разговорчивы, эмоциональны и импульсивны. Они ценят семью, отношения,

встречи, сострадательны и приятны в общении. Такие люди делают несколько дел одновременно, не придерживаясь строгого распорядка. В разговоре они всегда высказывают свое мнение.

Реактивные люди — хорошие слушатели. Они редко вступают в дискуссии, далеко не сразу начинают действовать, предпочитая сначала понять позицию собеседника, а потом сформулировать свое отношение и выработать план действий. Реактивные люди всегда слушают, речь, по их мнению, должна помогать создавать гармонию.

Линейно-активные и мультиактивные люди обычно противостоят друг другу. Они не согласны по большинству вопросов (прямота, эмоциональность, выполнение нескольких дел одновременно) и зачастую раздражают друг друга (жестикация, перебивание, невыполнение пунктов плана).

Реактивные люди отличаются от представителей первых двух категорий, но ладят с ними несколько лучше, так как в целом они менее агрессивны и упрямы, и скорее настроены на диалог.

В итоге международный бизнес постоянно страдает от культурных различий и непонимания, даже в наш век информационных технологий.

Рассмотрим подробнее факторы, которые обусловили подобное разнообразие.

География, климат, окружающая среда

Культурный облик любого человека напрямую зависит от того, где он родился и сформировался как личность. Это неудивительно: между норвежцем родом из Хаммерфеста, блондином ростом 1,90 м, и африканцем из пустыни Гоби существуют глубочайшие психологические различия. Даже если различия не столь существенны, отмечено, что в холодном климате формируется иная ментальность, чем в жарком. Тот, кто вынужден выживать в суровых условиях (норвежец, финн или русский), обычно уравновешен, постоянно поддерживает тепло, на открытом воздухе разговаривает мало, немного жестикулирует и не дотрагивается до собеседника, так как ему мешают тяжелая одежда и толстые рукавицы. Итальянец, баловень средиземноморского солнца, не может жить без многочасовых бесед в кафе на открытом воздухе, при этом он активно жестикулирует, постоянно касаясь собеседника и глядя ему в глаза.

Климатические условия (холод или тепло) влияют на многие проявления культуры — еду, напитки, одежду, моду, тип жилища и даже цвета. Серые дома Финляндии, Швеции и Швейцарии резко контрастируют с домами в Греции, голубыми, синими, белыми и розовыми. Неяркие рыбацкие лодки Балтийского моря кажутся мрачными по сравнению с раскрашенными лодками португальских рыбаков. Жители Средиземноморья едят местные овощи — баклажаны, помидоры, цуккини, шпинат и спаржу. Норвежцы предпочитают мясо с жирным соусом или подливой, ведь им надо бороться с холодом. Чтобы согреться, шотландцы пьют виски, а русские — водку.

Географический фактор проявляется не только в широтном измерении — в холодном или теплом

климате живет человек. Важна и долгота. С запада на восток протянулись Франция, Турция, Казахстан, Индия, Монголия, Китай, Япония. Культуры этих стран различаются в зависимости от типа рельефа: холмы или долины, горы или равнины, пустыня или степь, плоскогорье или остров. Россия расположена на огромной территории, граничит со многими странами, что создает чувство незащищенности. Япония — это остров, и ментальность жителей сродни ментальности воинов, обороняющих крепость. Характер сельских жителей (расслабленность или упорство) зависит от того, насколько плодородна земля. Количество самоубийств в стране определяется количеством получаемого солнечного света.

История

Задача истории — фиксировать то, как развивается культура. Направление развития отдельного народа определяется успехами и неудачами, закрепленными в истории. Но изменения в культуре народа накапливаются годами, и серьезный поворот обычно связан с драматическим событием в истории народа. Такие потрясения остались в прошлом, ничего принципиально нового в мире давно не происходит. В XX веке таким событием стала атомная бомбардировка Японии.

Япония болезненно пережила это событие. Чтобы понять, что значит для японцев поражение, необходимо знать японскую историю. За всю свою долгую историю Япония не потерпела ни одного военного поражения. Японцы считали, что не могут проиграть, ведь на их стороне божественное право, император — бог, а Япония непобедима. И вдруг император, стоя рядом с генералом Макартуром, объявил поражение Японии. Японскому народу пришлось пережить тяжелейший удар: усмирение воинственных японцев — величайший культурный перелом современности.

История постоянно оказывает влияние на культуру, в частности, это особенно заметно в «черных дырах» культуры — устоявшихся взглядах, в правильности которых не принято сомневаться. Примером может служить непрекращающаяся вражда между турками и греками, евреями и арабами, румынами и венграми. Подобные «черные дыры» существуют в каждой культуре, они препятствуют здравому и вдумчивому анализу культур и жизненных устоев других стран. В таких демократических странах, как США или Япония, существует целый комплекс незыблемых понятий. Если вы считаете американскую мечту основой своей жизни, никакие другие жизненные сценарии вас не устроят. Посвятив свою жизнь тому, чтобы в любой ситуации сохранять лицо и выказывать покорность императору, вы никогда не сможете понять ценности других народов.

Влияние истории на развитие культуры можно также проиллюстрировать на примере империй прошлого. Наиболее существенный вклад в культуру внесла Римская империя. Итальянцы, французы, испанцы и румыны сохранили, хотя и в разной степени, культурное наследие римлян (военное дело, строительство, расширение территорий и дух нации). Никто не ставит под сомнение культурный вклад Британской империи в развитие полуострова Индостан, некоторых районов

Азии и Африки. Государственное устройство, парламентское правление, индустриализация (не всегда добровольная) пришли вместе с англичанами. Британская империя, несмотря на всю свою мощь и влияние, просуществовала недолго — около 180 лет. Примерно столько же было отведено французской, итальянской и испанской империям. Дольше всего просуществовала Османская империя (650 лет), хотя ее культурное влияние на государства, входившие в ее состав, весьма ограничено.

Религия

Религия, особенно в виде религиозных институций, всегда имела огромное влияние на культурное поведение людей во всем мире. До 11 сентября 2001 года было принято считать, что в современном мире религиозные догмы утратили свое значение, уступив место научным открытиям, технологическим достижениям и процессам глобализации мировой экономики. Однако события двух последних десятилетий опровергают такую точку зрения. Раскол на полуострове Индостан, война в Персидском заливе, конфликт между израильтянами и палестинцами, раздел Югославии, беспорядки в Боснии и Косово обусловлены религиозными убеждениями, формировавшимися веками.

Отношение людей к религиозным институтам может быть разным, но факт остается фактом — религия имеет огромное значение. Три основные религии, пришедшие с Ближнего Востока, — христианство, ислам и иудаизм — насчитывают 2 млрд верующих. Наиболее быстро растет число приверженцев ислама, хотя индуизм превосходит все остальные религии по числу сторонников. Буддизм, зародившийся в Северной Индии, получил распространение в Бирме, Таиланде, Шри-Ланке, Корее, Китае, Вьетнаме, Непале, Тибете, Центральной Азии и Японии. Религия и культура определяют уклад жизни верующих индуистов, мусульман и буддистов и неразрывно связаны с решениями, которые они принимают ежедневно, включая ведение бизнеса.

Религия не статична, так же как и культура. Римская католическая церковь недавно столкнулась с нравственным кризисом. Ислам также пережил немало побед и поражений во времена Крестовых походов и в мирный период (Эль-Андалус). Наиболее ревностными приверженцами ислама считаются арабы, хотя среди мусульман они составляют меньшинство. В Турции с населением 80 млн человек ислам мирно сосуществует со светским государством. В Индонезии проживают 200 млн мусульман, и местный вариант «мягкого» ислама может послужить примером для всего мира.

Язык

Именно родной язык оказывает наиболее сильное влияние на культурное поведение (даже большее, чем географическое положение и климат), и именно языковой фактор обычно остается недооцененным. Мы не можем игнорировать язык, он зародился вместе с нами и структурирует наше мышление.

Раньше западные ученые считали, что процессы мышления универсальны, что во всем мире люди

одинаковым образом обрабатывают информацию и делают выводы. И только в XX веке, когда мир увидел потрясающие экономические успехи азиатских стран, особенно Японии, утвердилось мнение, что мировоззрение людей на Востоке существенным образом отличается от западного.

Я много общался с азиатами в академической среде, по вопросам ведения бизнеса и личным делам. За эти годы я пришел к выводу, что основным источником культурных различий между Востоком и Западом является различный подход к познанию мира. В частности, основные понятия — «истина», «логика» и «причинность» — имеют на Востоке и Западе разную природу. Линейно-активные жители западных стран, включая русских, верят в научную истину, основанную на картезианской или гегельянской логических системах. Они избирают цель и стремятся ее достичь.

Сосредоточивая свое внимание на чем-либо (или ком-либо), азиаты воспринимают ситуацию как единое целое, не желают (или не могут) отделить человека или предмет от окружающей обстановки и контекста. Каждый — часть целого, и с ним нельзя обращаться как с самостоятельной единицей и контролировать его отдельно от остальных. По их представлениям, мир слишком сложен, чтобы структурировать его по ячейкам. Для китайца не существует абсолютной истины — только то, что здесь и сейчас сложилось в цепочку событий или фактов. Нельзя считать что-то только правильным или неправильным, белым или черным, если соблюден принцип гармонии и исход благоприятен, эти качества могут присутствовать одновременно. Японцы с опаской относятся к понятию «истина», так как оно может разрушить гармонию и помешать движению вперед. На Западе понятие истины имеет двойную трактовку: мультиактивные люди воспринимают ее иначе, чем линейно-активные. Итальянцы считают возможным договориться о правде, если в данной ситуации такой исход будет более благоприятен. Испанцы признают двойную истину — одна служит немедленному достижению целей, другая больше подходит для философских размышлений.

Различное понимание истины и реальности приводит к тому, что три вышеупомянутых культурных типа по-разному организуют свою жизнь. Различны способы ведения бизнеса, поведение в обществе, принятие решений, стили общения, решение проблем, понятие иерархии и проявление уважения, эстетическая и творческая составляющие, этические нормы, ведение переговоров, обязанности, накладываемые обществом, понятие долга и т. д. Разные стили поведения обусловлены собственным пониманием того, как организован мир. Какими же средствами познания и интерпретации пользуется человек, чтобы понять реальность? Почему эти средства так различны в каждой культуре и в чем их различие?

Во-первых, для описания окружающей реальности существует разговорный язык, он предоставляет некую языковую картину мира. Но картины мира существенно различаются. Тот, кто вырос среди немцев и привык думать последовательно и правильно, имеет иную картину мира, нежели американец или австра-

лиец, не ограниченный никакими рамками. Если сравнить европейские языки с японским, различия в картине мира будут более существенными. Именно язык определяет мышление, а не наоборот. К 9–10 годам складываются особенности мышления, определяемые языком. Французский язык обуславливает логичность, доведенную до абсурда, русский язык — красноречивость, испанский — неточность, скрываемую за многословностью, японский — еще большую неточность, подкрепленную необходимостью выразить уважение.

Язык — первый и основной способ интерпретации природы вещей. Как иначе можно думать, если не использовать язык? Как могут предки передать нам свой опыт без языка? Как можем мы передать информацию другим, не пользуясь языком? Конечно, существует письмо. Но письменность, которой пользуются западные языки, отличается от письменности восточных языков. И эти различия еще более существенны, чем различия устной речи. Дети, осваивающие индоевропейские языки, имеют дело с логичной аналитической системой, основанной на алфавите, содержащем от 22 до 28 букв. Им легко сконцентрироваться на том, что сказано или написано. Японские или китайские дети в течение 10, а то и 20 лет изучают язык, содержащий от 5 тыс. до 10 тыс. иероглифов (пиктограмм), это язык, изобилующий неточностями, иносказаниями, сложными формулами выражения вежливости. Они больше концентрируются на том, как что-то сказано или написано. И если западные алфавиты несут исключительно информацию, то восточные пиктограммы (кандзи) имеют не только информативное, но и эстетическое воздействие.

Жизнь японцев осложняется еще и тем, что письмо кандзи, китайское по происхождению, содержит только изолированные понятия — в основном существительные. Японский язык, агглютинативный по своей природе, состоит из единиц, которые невозможно передать на кандзи. Японцам пришлось изобрести дополнительные иероглифические системы письма — хирагана и катакана, чтобы, используя кандзи, полностью передать смысл.

Новые трудности возникают, когда дело доходит до чтения текста. Кандзи предназначен для эстетического восприятия, а хирагана и катакана — для передачи информации. При обработке информации или логических понятий (например, в математике) мы задействуем левое полушарие мозга. Правое полушарие работает с эстетическими и творческими областями, такими как музыка, живопись, рисунок и т. п. Японцам же для чтения книги или газеты необходимо задействовать сразу оба полушария.

Тонкости и особенности языка обуславливают культурные различия. Моя дочь прекрасно говорит по-японски. Когда она работала в японской компании в Лондоне, то посчитала для себя невозможным попросить своего начальника о повышении зарплаты на японском языке. Она сделала это по-английски и добилась успеха. Японцы используют в речи пять и более различных уровней и регистров. Существует вариант японского языка, предназначенный только для женщин. При разговоре с императором используется

другой вариант японского языка. Другие азиатские языки также богаты на формы вежливости, считается, что в тайском языке существует 46 форм для выражения понятия «ты/вы». В китайском языке понятие «сам» является сборным и зависит от того, со сколькими людьми вы встретились и пообщались. Получается, вы не существуете без других людей. Японцы предпочитают не употреблять местоимение «я», это считается нескромным, и когда иностранец, говоря по-японски, произносит «я», это звучит вызывающе.

Немецкие бизнесмены, ограниченные рамками немецкой грамматики, иногда предпочитают вести переговоры по-английски. Это позволяет им чувствовать себя более раскованно, шутить и в итоге добиваться более выгодных условий. Такие слова, как “saudades” в португальском языке, “sisu” в финском или «душа» в русском не имеют прямого перевода на другие языки. Большинство языков обозначают зеленый цвет двумя-тремя словами, в то время как в языке зулусов таких слов 39, ведь эти слова необходимы для описания природы. Родной язык, каким бы выразительным он ни был, задает определенные рамки, обусловленные его строем. В этом случае язык — это некая лингвистическая «смирительная рубашка».

* * *

Несмотря на культурные различия, мы прошли долгий путь к достижению понимания между народами. Значительно улучшилась методика преподавания иностранных языков в Западной Европе, России и даже Китае. Английский служит языком межкультурного общения для миллионов людей, особенно в сферах торговли, технологий и туризма. На регулярной основе проходят встречи таких международных организаций, как Организация объединенных наций (ООН), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и др. Несомненным вкладом в диалог между народами стало создание ор-

ганизации БРИКС, объединяющей Бразилию, Россию, Индию, Китай и ЮАР.

Однако диалог между народами и культурами реализуется с трудом. Возьмем для примера организацию БРИКС. Это мощная организация, члены которой производят почти половину мирового ВВП. В странах, входящих в БРИКС, проживает половина населения земного шара. БРИКС стремится к конструктивному диалогу с западными странами, целью которого является расширение представительства в МВФ, Всемирном банке и других подобных организациях. Однако БРИКС приходится сталкиваться с определенными трудностями.

Кто выступает от имени БРИКС, представляя ценности и устремления организации? Это может быть разговорчивый и эмоциональный индиец, подвижный и харизматичный бразилец, сдержанный и порой двусмысленный китаец или упорный и целеустремленный русский. Все эти люди не только по-разному организуют свое выступление, но и по-разному представляют себе ценности своей организации. Индуистская философия и доктрина Римской католической церкви имеют мало общего с китайским буддизмом и конфуцианством или с той смесью православия и светских идей, которая характерна для России. Идея, заложенная в основу БРИКС, чрезвычайно плодотворна. В состав организации входят крупные мировые державы, и если им удастся найти способ реорганизовать мировую финансовую систему, кардинально изменится само понятие глобализации. Влияние этой организации было бы чрезвычайно сильно, если бы удалось сложить вместе несколько факторов: Китай — лидер мировой экономики, в Индии и Китае проживает наибольшее число потребителей, Бразилия и Россия обладают неиссякаемыми запасами ископаемых, энергии и огромными территориями. У них есть экономическое будущее, но насколько жизненным будет их союз с точки зрения культуры?

Центральную роль в этом союзе может сыграть Россия, многогранная евроазиатская страна, обладающая широтой взглядов.

Чарльз МакГрегор¹

ИМПЕРИАЛИЗМ И КУЛЬТУРА С ПОЗИЦИЙ РЕЛЯТИВИСТСКОЙ ТЕОРИИ

1. Откуда мы знаем то, что знаем?

Лихачевские чтения посвящены вопросам взаимодействия культур, в том числе двух важнейших составляющих культуры — литературы и языка. Эдвард Саид так определял культуру: «Все эти практики и методы как искусство описания, коммуникации и изображения, обычно существующие в эстетической форме. Одной из основных целей этих практик и методов является

¹ Профессор Института Всемирного банка (Великобритания). Автор многочисленных публикаций по истории материальной культуры, этнологии, регионоведению. Почетный профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, автор оригинального курса экологической истории Британии, читаемого в университетах Великобритании и России.

получение удовольствия»². Еще одна важная цель — *смыслы*: литература и язык помогают понять, что действительно важно, и определить высшее назначение жизни.

Мы рассмотрим эти формы культуры в контексте глобализованного мира. Как «культура», так и «глобальный» и «глобализованный» — это термины, границы значения которых трудно определить, а зачастую и основной смысл, придаваемый этим терминам, остается неясным. В статье я попытаюсь дать более четкие формулировки значения этих терминов и рассмотреть их основные компоненты.

² Said E. Representations of the Intellectual: The 1993 Reith Lectures. L.: Vintage, 1994. P. xii.

Кто такой «я», обращающийся к вам? Какое знание он утверждает? Я считаю, что знание относительно: к примеру, Э. Х. Карр, британский историк, занимавшийся историей Советского Союза, был прав, написав: «Изучите личность историка прежде, чем вы приступите к изучению фактов... Как правило, историк находит те факты, которые он хочет найти»¹. Далее: «Когда мы находимся в поисках фактов, вопросы, которые мы задаем, и ответы, которые мы получаем, обусловлены нашей системой ценностей»².

Если вы с этим согласны, то вам придется решить, насколько достоверно то, что вы услышите далее. Вы захотите узнать, каковы мои ценности и какие факты привлекают мое внимание. Предполагается, что система ценностей и интересы складываются под влиянием наследственных факторов и жизненных обстоятельств, поэтому коротко остановлюсь на этих вопросах.

Назову факторы, оказавшие на меня влияние. Моя жизнь складывалась типично для представителя поколения британской интеллигенции, выросшего после Второй мировой войны. На нашу долю выпало не так много трудностей. Мало кому из нас довелось познать голод, изгнание, тюремное заключение, преследование, пытки, тяжелый физический труд или вынужденное одиночество; нам не приходилось бояться, что нечто подобное случится с нами. Большинство из нас никогда не участвовали в военных сражениях ни в своей стране, ни за границей. Но, в отличие от наших родителей, мы отчетливо осознавали, что наша страна теряет былую мощь и силу. В период расцвета Британской империи (в начале XX в.) Лондону подчинялась четверть населения земного шара, Британия контролировала одну четвертую часть поверхности Земли. В этом же веке, немного позднее, Британия вынуждена была участвовать в двух войнах с другими странами, желавшими построить свои империи, — Германскую империю в Европе и Японскую в Восточной Азии. В результате этих войн Британия и другие страны Европы лишились своих территорий в Азии, Африке и Карибском бассейне. Британия больше не могла оставаться центром империи. К концу XX века практически все британские колонии получили независимость. Лишь несколько небольших островов, разбросанных в Мировом океане, остались под властью Британии. Великобритания была вынуждена создавать новые объединения, причем не всегда на выгодных для себя условиях. Теперь, определяя политический курс, Лондону приходится учитывать интересы Вашингтона и Брюсселя. Даже единство самой Британии оказалось под вопросом: определенная часть шотландцев хотела бы, чтобы их страна вышла из состава Соединенного Королевства.

Мое видение этих исторических событий обусловлено моими предпочтениями, которые начали формироваться в том числе и в годы моего детства. Мои родители встретились за 15 лет до моего рождения в студенческом клубе лейбористской партии Оксфордского университета. Мой отец (сын чиновника, студент-стипендиат) изучал историю, а моя мать (дочь юриста) — политологию, философию и экономику. Они

считали себя социал-демократами, поэтому без особенной симпатии относились к Коммунистической партии Великобритании (по их мнению, идеалистической и непатриотичной), но полагали, что предложенный К. Марксом анализ капитализма довольно полон и наводит на размышления. Моя мать до самой смерти хранила свой студенческий экземпляр «Капитала» К. Маркса, том 1 (в книге сохранилась запись, сделанная ее преподавателем в Оксфорде, о том, что ей надлежит прочесть только главы 1, 2 и с 16 по 24). В конце 1940-х годов она пыталась выучить русский язык, но не смогла. Много лет спустя я спросил ее, что она помнит по-русски, и она ответила: «Только одно слово: товарищ». Мой отец после окончания Оксфорда поступил на государственную службу и сумел занять довольно высокую должность: он стал заместителем министра торговли (в Министерстве торговли и коммерции). В течение нескольких лет он занимал пост главного торгового представителя Великобритании и заместителя посла в Канаде.

Вслед за родителями я поступил в Оксфорд, изучал там физиологию, в годы учебы я был настроен несколько радикально. Одни летние каникулы я провел, работая в журнале «New Left Review» («Новое левое обозрение»). Следующим летом я работал в кибуце Кфар Блюм в Верхней Галилее. Я проникся симпатией к идеям, которые Энгельс называл тремя источниками марксизма: «Немецкая идеалистическая философия, французский социализм и английская экономическая теория»³. Родители моей первой жены всю жизнь состояли в Южно-Африканской коммунистической партии и были членами Африканского национального конгресса. Когда в 1968 году мы поженились, мой тесть (Фред Карнесон) отбывал наказание (5 лет 9 месяцев) в центральной тюрьме Претории за политическую деятельность⁴. Моя вторая жена Джейн была преподавателем юриспруденции. Она специализировалась на публичном праве и праве социалистических стран, особенно на административном праве СССР/Российской Федерации и СНГ. Джейн с большим уважением относилась к своим коллегам из Института государства и права РАН. С 2009 по 2011 год (после смерти Джейн) я был приглашенным профессором на факультете иностранных языков и регионоведения в МГУ им. М. В. Ломоносова, где преподавал курс экологической истории XX века.

Судите сами, насколько это воспитание и условия жизни повлияли на факты и практические модели истории, которые кажутся мне предпочтительными. Возможно, вам следует применить релятивистскую теорию знания к вашему восприятию: в нем будут отражены иная наследственность и иные жизненные обстоятельства. Давайте рассмотрим, как эти отличия влияют на наши суждения о культуре в современном мире.

2. Значения терминов «культура» и «глобальный»

Что мы имеем в виду под термином «культура»? Нечто неопределенное и обширное. За последние 350 лет

³ McLellan D. The Thought of Karl Marx: an Introduction. L.: Macmillan, 1971. P. 15.

⁴ Carneson L. Red in the Rainbow. Cape Town: Zebra Press, 2010.

¹ Carr E. H. What is History? L.: Penguin, 1961. P. 23.

² Ibid. P. 131.

прескриптивный смысл культуры уступил место дескриптивному значению:

а) *воспитание детей [называется] культурой их ума*¹. (Культура = процесс усовершенствования природы на благо человека, например приручение и дрессировка животных, облагораживание растений, чтобы обеспечить людей пищей, одеждой, жилищем, транспортом и развлечениями. Это прескриптивное значение);

б) *культура — получение знаний обо всем лучшем в мире, что было создано и сказано*². (Культура = получение знаний о лучших достижениях в науке и искусстве, которыми занимаются при дворе, а не на улицах. Также прескриптивное значение);

в) *культура — это некое сложное целое, включающее знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и другие способности и привычки, приобретаемые человеком как членом общества*³. (Культура (или субкультура) = совокупность благоприобретенных группой людей обычаев, верований, взглядов, образа жизни и социального устройства. Дескриптивное значение.)

В XX веке термин «культура» иногда используется в значении (в), при этом в качестве периферийных оттенков значения выступает или одно из значений (а) и (б), или оба значения.

«Необходимо различать три уровня культуры... Существует “живая” культура, существующая здесь и сейчас, — она доступна только тем людям, которые живут в это время и в этом месте; документированная культура, отраженная в сохранившихся произведениях искусства или в фактах повседневной жизни: культура периода. Также следует упомянуть фактор, соединяющий “живую” культуру и культуру отдельных периодов, культуру селективной традиции»⁴.

По-видимому, «живая» культура — это культура в понимании Тайлора (в), а «документированная» культура включает культуру в толковании Мэтью Арнольда (б), хотя и не в полной мере соответствует данному Арнольдом определению. В «культуре селективной традиции» в некоторой степени объединены все три значения — значение культуры по Гоббсу, Арнольду и Тайлору.

Мы будем придерживаться значения (в), дескриптивного значения из социальной антропологии. Даже если мы ограничимся этим определением, перед нами откроется обширное поле деятельности. В перечне, представленном ниже (основанном на перечне, предложенном Д. П. Мёрдоком⁵), содержится общий список видов деятельности человека. Уильямс описывает культуру как «структуру чувства»⁶, а Рут Бенедикт напоминает о том, что «только в контексте мотивов, эмоций и ценностей, принятых в определенной культуре, можно судить о значении отдельных видов деятельности»⁷.

¹ *Hobbes T. Leviathan. 1651.*

² *Arnold M. Preface to Literature and Dogma. 1873.*

³ *Tylor E. Quoted // Monaghan J., Just P. Social and Cultural Anthropology. Oxford : OUP, 1871. P. 36.*

⁴ *Williams R. The Long Revolution. L. : Chatto & Windus, 1961. P. 49.*

⁵ Цит. по: *Fox K. Watching the English — the Hidden Rules of English Behaviour. L. : Hodder & Stoughton, 2004. P. 12.*

⁶ *Ibid. P. 48.*

⁷ *Benedict R. Patterns of Culture. Boston ; N. Y., 1934. P. 49.*

Список видов деятельности может оказаться полезным для начала исследования.

Мы разделили все межкультурные универсалии на три группы:

- 1) средства выживания;
- 2) досуг;
- 3) социальные практики и общественное устройство.

Межкультурные универсалии — список видов деятельности в культуре

Группа 1 «Средства выживания»

1.1. **Пища** (сельское хозяйство, воздействие на погодные условия).

1.2. **Медицина** (медицина, хирургия, обучение личной гигиене, гигиена).

1.3. **Беременность** (беременность, родовспоможение, уход за новорожденным).

1.4. **Хозяйство** (добывание огня, изготовление инструментов).

Группа 2 «Досуг»

— украшение тела, прическа;

— декоративное искусство, танец, музыка;

— фольклор, мифология;

— спорт, игры.

Группа 3 «Социальные практики и общественное устройство»

3.1. Социальные практики

3.1.1. Светские

— язык, символы, жесты, шутки;

— приветствия, посещения, дарение подарков, гостеприимство;

— приготовление еды, время принятия пищи, празднования, ограничения на отдельные виды пищи; — одежда.

3.1.2. Религиозные

— мораль;

— религиозные ритуалы, представления о душе, умилостивление сверхъестественных существ;

— предсказание будущего, суеверия, магия, толкование снов;

— исцеление верой;

— эсхатология, похоронные ритуалы, траурные церемонии.

3.2. Общественное устройство

3.2.1. Имущественные права, экономическое устройство, правительство, закон, уголовное наказание.

Совместный труд, разделение труда, торговля.

Демографическая политика.

3.2.2. Отлучение от груди, воспитание, половое созревание, ухаживание, сексуальные ограничения, запрет кровосмешения, брак.

Стыдливость, касающаяся естественных потребностей.

Имена, семья, родственные связи, фамилии, правила наследования.

Возрастные группы, дифференциация по статусу.

Жилье, правила проживания.

Это приблизительный, далеко не полный список. Например, в группу 2 «Досуг» не вошли все развлечения, доступные жителям городов с развитой промышленностью, где благодаря техническим достижениям появились разнообразные средства развлечений. (С их помощью мы знакомимся с произведениями мировой художественной культуры: в них воплощено то, что мы воображаем или наблюдаем, в таких формах, как романы, поэзия, пьесы, фильмы, телевизионные программы на электронных или бумажных носителях.)

Этот список не завершен. В нем не указана относительная *ценность* каждой универсалии. Все универсалии кажутся одинаково важными, но в современном обществе, например, воспитание ценится более высоко, чем исцеление верой или прическа. Это лишь список, а не схема: отношения между универсалиями обозначены в общих чертах посредством объединения их в группы, но не указано, что общего у элементов каждой группы. Это не типологическая схема, в которой ценность и соотношения представлены в виде объемной модели. Это лишь первое приближение к модели человеческой культуры.

Модель представляет сложную действительность более простым способом, при этом упоминаются все ее важнейшие части. Например, какие воздействия изнутри и извне определяют культуру страны? Ответить на этот сложный вопрос можно, если сначала найти ответ на более конкретный вопрос: «Как реализация универсалии x_1 в стране A влияет на универсалию y_1 в стране A и какое влияние на эту универсалию оказывает x_2 в стране B ?» На этот вопрос трудно ответить. Поэтому сначала необходимо сделать два вывода об индустриальных обществах: 1) в основном формы, в которых реализуются эти универсалии, в настоящее время меньше отличаются друг от друга в различных (национальных) культурах, чем сто лет назад, и 2) в рамках одной культуры три группы универсалий существенно отличаются темпом изменения и чувствительностью к предполагаемым изменениям.

Категории, перечисленные в группе 1 «Средства выживания», являются частью науки, общей мировой культуры, хотя их социальные особенности (например, средства обеспечения и положение их поставщиков) сильно отличаются в зависимости от страны. Существуют огромные отличия в том, какой вклад каждая из 193 стран — членов ООН вносит в развитие науки. Однако эти категории менее чувствительны с политической точки зрения: в целом формы реализации подвержены гораздо более быстрым изменениям, чем в двух других группах, а споры по поводу предложенных изменений этих форм в основном решаются путем обсуждения, а не физического насилия. Например, то, как в Германии принято ухаживать за новорожденными, сильно отличается от ухода в постнатальном периоде на Украине (в группе 1.3), но эти отличия не настолько велики, и хотя они могут стать предметом споров в научных журналах, но не приведут к войне между государствами.

Универсалии группы 2 более политически чувствительны, чем универсалии группы 1. Например, если

на смену народной музыке (группа 2) приходит зарубежная музыка, это может вызвать недовольство пожилых граждан. Это недовольство будет качественно отличаться от тревоги, вызванной заменой ручной системы управления на цифровую в производственном процессе (группа 1.4). Новые технологии на производственном предприятии могут сократить число и тип рабочих мест, но это не ставит под угрозу социальную идентичность так явно, как утрата привычной музыки. Но предлагаемые и имеющие место в действительности изменения в универсалиях группы 3 «Социальные практики и общественное устройство» вызывают самые сильные реакции. Такие «взрывоопасные» универсалии, как «ограничения на отдельные виды пищи», «ритуалы ухаживания», «дифференциация по статусу» и «религиозные ритуалы», очень медленно меняют формы реализации: те, кто предлагает ускорить перемены, часто подвергаются наказаниям со стороны других членов общества, а ответом на насмешки со стороны чужаков может стать даже убийство обидчика.

Удобно перечислять межкультурные универсалии как отдельные пункты, но они представляют собой не разрозненные предметы, как шары на бильярдном столе. Они существуют в контексте, в окружающей среде, с которой их элементы постоянно вступают во взаимодействие, так же как сложные компоненты крови взаимодействуют с компонентами плазмы крови через частично проницаемую оболочку клетки. Что представляет собой окружающая обстановка? К чему относится слово «глобальный» в словосочетании «глобальный мир»? Я предлагаю описать термин «глобализация» с помощью ее причин и результатов.

На мой взгляд, существуют две основные причины: изменения 1) международной торговли и 2) коммуникаций.

1) В 1995 году Генеральное соглашение по тарифам и торговле стало основой для создания новой организации — Всемирной торговой организации. ВТО обеспечивает свободную торговлю товарами и услугами между 158 странами — членами ВТО и пытается бороться со стремлением богатых стран к протекционизму — защите фермеров своей страны путем выделения сельскохозяйственных субсидий и увеличения тарифных барьеров для фермеров из более бедных стран. Однако основным итогом снижения тарифов в 1995 году — увеличение движения капитала и товаров между национальными границами во всем мире. В этот период стала еще более заметна разница между самыми богатыми странами и самыми бедными государствами.

2) Увеличению движения товаров и ресурсов способствовали достижения в области информационных технологий. Благодаря им увеличилась скорость передачи в телекоммуникациях, таким образом, стал возможен быстрый обмен большим объемом информации и денежными средствами между странами, находящимися далеко друг от друга, при низкой стоимости. Такие усовершенствования имеют не только экономические, но и социальные и политические результаты. В последние 20 лет информация (например, текст или изображения) о событиях, происходящих на местах,

расположенных на большом расстоянии от интернет-пользователя, появляется в компьютере пользователя спустя всего несколько секунд или минут после того, как эти события произошли. В результате в пределах одной страны и между странами создаются социальные сети, которые соединяют незнакомых людей. Эти люди обсуждают общественные и политические проблемы, вместе развлекаются, так что становится возможна координированная деятельность, которой до появления Интернета власти стран могли противодействовать или мешать, так как полностью контролировали национальные СМИ. Внутренние и национальные границы стали более прозрачными, поэтому информация о том, как межкультурные универсалии реализуются в других странах, распространилась по всему миру.

Границы стали прозрачны и для миграции людей. Миграционные перемещения второй половины XX — начала XXI века напоминают, но не полностью повторяют передвижения населения конца XIX — начала XX века. С 1830 по 1920 год из Европы в Северную и Южную Америку, Австралию и Сибирь мигрировали примерно 55–70 млн человек. Приблизительно за аналогичный период времени (1834–1937) — от 30 до 45 млн индийцев мигрировали в Азию, Океанию, Африку и страны Карибского бассейна (Фиджи, Малайя, Бирма, Маврикий, Тринидад и Гайана). Примерно в то же время большое число эмигрантов из Китая приехали в качестве рабочих в Юго-Восточную Азию, страны Карибского бассейна, Калифорнию и Перу, а также в другие уголки мира¹.

Но ситуация изменилась с падением европейских империй (французской, голландской, бельгийской, португальской, британской). Они распались вследствие ослабления метрополий и сопротивления жителей колоний. Во многих колониях в странах Африки и Азии потребовались значительные усилия для того, чтобы сделать борьбу за национальную свободу более эффективной: необходимо было создать новую культурную идентичность, сплотить разрозненные группы, которые прежде объединяло совместное противостояние власти империалистических держав, но которые имели отличные друг от друга культурные особенности.

Внутренние мигранты в качестве рабочих не были привлекательны для этих стран, так как их миграция увеличивала конкуренцию за рабочие места, но не обеспечивала приток нового капитала. Кроме того, они укрепляли влияние уже сложившихся национальных меньшинств. Но в империалистических державах, переживающих спад экономики, как, например, в Британии, где средства инвестировались в восстановление того, что было разрушено во время войны, спрос на неквалифицированную и малоквалифицированную рабочую силу начал превышать предложение. Об этом узнали люди, проживающие в колониях Великобритании в странах Карибского бассейна, Западной и Восточной Африки, Индостана, и в конце 1940-х — начале 1950-х годов поток трудовых мигрантов из этих стран в Великобританию значительно увеличился по сравнению с довоенным периодом.

¹ McNeill J. R. Something New under the Sun — an Environmental History of the 20th century World. N. Y. : W. W. Norton, 2001. P. 277.

Их привлекали свободные рабочие места в Великобритании с более высоким уровнем заработной платы. Кроме того, с закатом империи поток прямых иностранных инвестиций в их страны сократился, и они были вынуждены покинуть родину. В 1913 году доля основного мирового капитала, который был направлен в качестве прямых иностранных инвестиций в бедные страны (с доходами 20 % или менее на душу населения от ВВП США на душу населения), составила 25; к 1997 году эта доля уменьшилась до 5². Когда внутренняя экономика богатых стран Европы преодолела кризис, их колонии обрели независимость и стали не так привлекательны для иностранных инвесторов, как в колониальные времена; поэтому инвесторы предпочитали вкладывать деньги в экономику других богатых стран. В какой-то мере это объясняет разницу в благосостоянии богатых и бедных стран, разрыв между которыми значительно увеличился по сравнению с колониальными временами: в 1955 году ВВП Великобритании на душу населения в 7 раз превышал ВВП Замбии, колонии Британии в Центральной Африке; уже к 2004 году, то есть 50 лет спустя, ВВП независимой Замбии был в 28 раз меньше, чем ВВП Великобритании³.

Результатом миграций стало то, что большая часть граждан Европейского Союза и Северной Америки родилась не на территории страны, где они в настоящее время постоянно проживают. 25 % граждан США — это иммигранты или дети иммигрантов. Сегодня испаноязычное население, афроамериканцы и выходцы из Азии составляют примерно треть (34 %) населения США⁴.

Таблица 1

Этническая принадлежность граждан США⁵

Общая численность населения	%
Белые	64
Выходцы из испаноязычных стран	16
Афроамериканцы	13
Уроженцы Азии	5
Другие	2

На данный момент выходцы из Азии — самая быстрорастущая группа. Среди новорожденных младенцев не с белым цветом кожи составляют большинство⁶.

Наряду с уроженцами испаноговорящих стран и афроамериканцами выходцы из Азии принимают более активное участие в выборах президента, чем белое население. Подавляющее большинство граждан не с белым цветом кожи голосовало за Барака Обаму в 2012 году: 73 % выходцев из Азии, 93 % темнокожих и 71 % испаноговорящего населения, по сравнению с меньшинством (43 %) белых избирателей. Он был избран только благодаря поддержке населения не с белым цветом кожи⁷.

² Ferguson N. Empire — how Britain Made the Modern World. L. : Penguin, 2004. P. 368.

³ Ibid.

⁴ Lee T. America's Race // RSA Journal. 2012. Winter. P. 10; Бюро переписи населения США. 2011.

⁵ Источник: Бюро переписи населения США. 2011.

⁶ Lee T. Op. cit.

⁷ Ibid.

В Великобритании белые — по-прежнему преобладающая этническая группа, они составляют более 4/5 населения.

Таблица 2

Этнический состав жителей Англии и Уэльса¹

Общая численность населения	%
Белые	87
Выходцы из Азии/ британцы азиатского происхождения	6
Темнокожие/ британцы с африканскими корнями	3
Люди смешанной расы	2
Китайцы и другие	2

Благодаря более высокому коэффициенту рождаемости население, имеющее азиатские корни, увеличивается быстрее, чем белое население. В следующей таблице, например, приведены 10 самых распространенных имен, которыми называли новорожденных мальчиков в Англии и Уэльсе в 2011 году.

Таблица 3

10 самых популярных имен среди новорожденных мальчиков в 2011 году²

Гарри	7523
Оливер	7007
Джек	6844
Мохаммед (Мухаммед)	5908
Алфи	5524
Чарли	5516
Томас	5353
Джейкоб	5047
Джеймс	4945
Джошуа	4786

Выходцы из Азии составляют лишь 6 % от общей численности населения. И хотя в других сферах жизни молодые родители из Азии, вероятно, вполне адаптировались к британским условиям, они так и не приняли британские традиции, касающиеся имен (в группе 3.2.2).

3. Некоторые детерминанты компонентов культуры

Таким образом, глобальный мир — это мир со множеством миграций из бедных стран в богатые, при этом в странах-реципиентах происходят соответствующие демографические изменения. Это мир, где капитал быстро перемещается из одной страны в другую, а пропасть между бедными и богатыми странами становится все глубже. Обмен информацией осуществляется очень легко внутри стран и между странами, и эта информация не подвергается жесткому контролю правительств, так что большей части населения известно, как культурные универсалии во всех группах могут варьироваться в пределах одной страны или в разных странах.

Это мир, в котором страна с населением 300 млн человек занимает уникальное доминирующее положение.

¹ Источник: Служба национальной статистики Великобритании. 2011.

² Источник: Служба национальной статистики Великобритании. 2012. Авг.

Это превосходство основано на сильной экономике страны, расходах на оборону, достижениях теоретической и прикладной науки, развитых СМИ и культурных завоеваниях, доставшихся этой стране в наследство от Британской империи, частью которой она когда-то являлась. О связи между культурными особенностями и политическим влиянием этой страны один из видных британских ученых (декан Публичной административной школы им. Кеннеди в Гарвардском университете) не так давно написал: «В мировой политике страна может добиться такого результата, какого захочет, потому что другие страны хотят следовать за ней, восхищаются ее ценностями, подражают ей, стремятся к такому же уровню процветания и открытости. <...> [Мягкая сила] — это способность увлекать и соблазнять. Мы обладаем ею во многом благодаря нашим американским ценностям, благодаря тому, что мы — сияющий “град на холме”»³.

«Мягкая сила» Америки уже не кажется остальному миру неотразимой; она привлекает не больше, чем давно ушедшая в историю Британская империя. За мягкими разговорами скрываются факты военной интервенции, когда США преследовали скорее свои национальные интересы, чем стремились к миру и безопасности. Зная это, те, кто следит за «мягкой силой» США из-за рубежа, затрудняются определить моральный статус этой страны.

Империалистические державы предпочитают думать, что своим господством они обязаны не только военному, но и нравственному превосходству. У британцев тоже были подобные иллюзии. В речи Черчилля о «железном занавесе», произнесенной им в Фултоне, штат Миссури, в 1947 году, он заявил, что Россия хочет не войны, а «плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин». И далее: «Если население Британского Содружества и Соединенных Штатов будет действовать совместно, при всем том, что такое сотрудничество означает в воздухе, на море, на всем земном шаре и в науке и промышленности, если мы будем морально едины, то будет исключен тот беспокойный, неустойчивый баланс сил, который искушал бы на амбиции или авантюризм. Напротив, будет совершенная уверенность в безопасности»⁴.

Не всем эти условия казались «безопасностью». Ответ Сталина не заставил себя ждать в газете «Правда»: «Господин Черчилль начинает дело развязывания войны (как и Гитлер) тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира... По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке — в противном случае неизбежна война».

Прежде польза, которую Британская империя принесла миру, описывалась не совсем в том ключе,

³ Nye J. S. Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford; N. Y.: OUP, 2002. P. 8. (Цит. по: Ferguson. N. Colossus — the Rise and Fall of the American Empire. L.: Penguin, 2005. P. 19.)

⁴ Jenkins. 2002. P. 810.

который избрал Черчилль. За 20 лет до Фултонской речи Черчилля, в 1929 году, лорд Лугард, основатель колоний в Нигерии и Уганде, писал о двойной миссии империи, которую он назвал «двойным мандатом»: «С самого начала следует признать, что европейский ум, капитал и энергия не тратились и никогда не будут тратиться на развитие Африки из чисто филантропических мотивов, что Европа находится в Африке для взаимного блага собственных промышленных классов и туземных народов; выгода может быть обоюдною, и целью и стремлением цивилизованной администрации является осуществление этой двойной миссии»¹. Он приводит примеры тех благ, которые принесли в Африку британцы: «Мы строим автомобильные дороги и железные дороги, осушаем болота и орошаем пустыни, мы выступаем за честную торговлю и конкуренцию — так мы обеспечили процветание и богатство этих земель, мы покончили с голодом и болезнями. Мы положили конец ужасам работорговли и войнам между племенами, человеческим жертвоприношениям и пыткам пациентов лекарями-колдунами. Там, где эти явления сохранились, они жестоко подавляются. Мы стараемся научить туземные народы вести дела гуманно и справедливо и обучить их грамоте и организации промышленности»². Он выступает в защиту этих достижений и делает еще более резкие заявления: «Возможно, британские методы не во всех случаях дали идеальные результаты, но я глубоко убежден, что не может быть сомнений в том, что правление британцев принесло счастье и процветание туземным народам. Пусть те, кто сомневается в этом, объективно оценит результаты. Если, например, в Индии и Египте наблюдаются волнения и стремление к независимости, то это потому, что мы показали им ценность свободы и независимости — то, чего эти народы не знали на протяжении многих веков. Даже их недовольство является показателем их совершенствования»³.

В ту эпоху европейцы часто одобрительно относились к империализму. Маркс писал: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские, нации»⁴.

В 1890 году выдающийся британский инженер, работавший в городке Мерв, что на реке Мургаб (прежде Оксус), писал в письме родным: «Я думаю, ни один здравомыслящий человек не усомнится в том, что стране лучше быть под властью сильного русского правительства. Я не приемлю крайний милитаризм, но здесь наступил общественный порядок и безопасность, а дикие туркмены, гроза их кротких соседей-персов, — похитители людей и головорезы самого худшего сорта — превратились в уважаемых российских подданных. Несомненно, это благо для человечества; англичанам не к лицу воз-

ражать, учитывая нашу склонность к завоеванию территорий»⁵.

Убежденные в своем нравственном превосходстве, что характерно для империалистических держав, русские, вероятно, спровоцировали значительные изменения в туркменских реализациях межкультурных универсалий группы 3 («Социальные практики и общественное устройство»), особенно в пунктах, касающихся правительства (3.2.1). А со временем туркменские традиции в группе 1 («Средства выживания»), вероятно, тоже приблизились к русским.

Британский историк экономики, сторонник империи, недавно назвал основные культурные «дары», принесенные британцами: «Нет сомнений, что без существования Британской империи мир был бы совершенно другим или сильно отличался от сегодняшнего. Даже если предположить, что торговля, движение капитала и миграция в последние 300 лет развивались бы естественным образом, остается передача культурных и общественных традиций. И здесь отпечатки пальцев империи отчетливо видны, и признаки ее влияния нельзя не заметить. Когда британцы управляли страной — даже если они только оказывали влияние на правительство, демонстрируя военную или финансовую мощь, — в этой стране появлялись определенные отличительные черты британского общества — черты, которые британское общество распространяло»⁶.

Фергюсон перечислил девять наиболее важных отличительных черт, которые мы привели ниже, немного изменив их порядок. Первые шесть универсалий относятся к группе 3.2 «Общественное устройство», следующая универсалия — к группе «Досу», а последние две — к группе «Социальные практики», одна — из подраздела религиозных, другая — светских.

1. Английские формы землевладения.
2. Общее право.
3. Шотландское и английское устройство банковской системы.
4. Ограниченное (минимальное) государство.
5. Представительная законодательная власть.
6. Представление о свободе.
7. Командные виды спорта.
8. Протестантское христианство.
9. Английский язык.

Как и Лугард, он утверждает, что, проповедуя свободу и собрания представителей, Великобритания сама спровоцировала распад империи. Он уверен, что эти призывы не были лицемерием: когда британцы вели себя деспотично в других странах, «почти всегда» эти факты подвергались критике в Великобритании⁷.

Остаются открытыми вопросы, насколько верно это утверждение и какие из этих культурных особенностей действительно были исконно британскими. Но распространение английского языка не вызывает никаких сомнений: британцам удалось «англизировать» Северную Америку, Австралию и Южную Африку. После распада империи английский язык все еще широко использовался в бывших колониях в качестве

¹ Luggard L. The Dual Mandate in British Tropical Africa. L.: Blackwood, 1929. P. 617.

² Ibid.

³ Ibid. P. 618–619.

⁴ Marx K., Engels F. The Communist Manifesto. L.: Penguin Classics, 2002. P. 224.

⁵ Hollings M. A. (ed.) The Life of Sir Colin C Scott-Moncrieff. L.: John Murray, 1917.

⁶ Ferguson N. Empire... P. xxiii.

⁷ Ibid.

официального и неофициального второго языка. Рост влияния США способствовал дальнейшему распространению английского языка.

4. «Культурный релятивизм» как идея и действительность

В этом разделе я кратко остановлюсь на том, какое значение это имело для других культур и в особенности для людей, говорящих на других языках. Прежде я хочу рассмотреть теорию, иллюстрирующую отношения между культурами: культурный релятивизм, основанный на равенстве культур. Рут Бенедикт образно выразила эту мысль в начале 1930-х годов, используя поговорку индейцев Северной Америки: «Бог дал каждому народу глиняную чашу, каждому народу разную, и из этой чаши они пили свою жизнь»¹.

Ни одна чаша не лучше и не хуже другой: все этнические группы в равной степени принадлежат человеческой расе, и нам следует по достоинству ценить их многообразие. Бенедикт, американский ученый, сделала эту запись через пять лет после Лугарда. Терпимость, безусловно, — дитя свободы, а разве Томас Джефферсон не описывал США как «империю свободы» за 100 лет до этого?

Но как и у свободы, у терпимости есть границы. Терпимость подразумевает уважение, но все ли заслуживают уважения? Следует ли нам воздерживаться от нравственных суждений о других культурах, полагая, что все проявления других культур нравственно нейтральны? Если не следует, то какие критерии надлежит применять для того, чтобы судить о них? Как нам отличить то, что всегда и везде является плохим, от того, что является плохим из-за нашей эпохи и культуры?

Английский философ Мэри Миджли предложила рассмотреть обряд феодальной Японии, чтобы проверить терпимость²: *цудзигири*, или «смерть на перекрестке», — ритуал для самураев. Самурай проверяет боеспособность своего нового меча следующим образом: он должен разрубить незнакомца, встреченного на перекрестке, от плеча к плечу. Большинство обрядов сегодня не доходят до убийства, но все же некоторые жесткие и безжалостные ритуалы остаются, как и реализация в некоторых обществах других универсалий из группы 3.2. Например, в некоторых обществах обряд полового созревания реализуется путем женского обрезания, в других брак — через убийства во имя чести клана или по принуждению, а в некоторых принято защищать соплеменников, прибегая к геноциду.

Очевидно, что эти практики противоречат принципу, провозглашенному Христом в Евангелии от Матфея (7: 12): «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Но хотя этот принцип звучит как абсолютная истина, он не избавляет нас от морального релятивизма, так как разные общества имеют разные представления о должном поведении. Теперь, когда путешествия в другие страны в реальности и виртуальном мире стали доступны многим, а миграция широко распространена, привычным стал взаимообмен между культурами. Наша культура влияет на отношения с дру-

гими культурами: она определяет то, что мы критикуем в других культурах. Мы стали невосприимчивы к другим: иногда критикуем собственную культуру, сравнивая ее с другими.

Наши суждения о других культурах основаны на собственных ценностях, и все же порой мы не хотим признавать моральный релятивизм. Абсолютные истины звучат убедительнее: они придают нравственному утверждению большую весомость. Например, соблюдение прав человека часто считается абсолютом, это права, которые всегда и везде законны. Но то, какие права мы считаем наиболее важными, обусловлено нашими ценностями: например, мы ценим социальные, экономические и культурные права (такие, как право на здоровье и труд) больше, чем гражданские и политические права (такие, как право на свободу или справедливый суд). На чем основаны эти предпочтения — на абсолютных истинах или на нашей культуре?

Даже абсолютные истины содержат противоречия. Статья 10 о свободе самовыражения в Акте о правах человека (принятом в Великобритании в 1998 г.) звучит следующим образом:

«1. Каждый имеет право на свободу самовыражения. Это право включает свободу придерживаться своих убеждений, получать и передавать информацию и идеи, не опасаясь вмешательства государственных органов и независимо от государственных границ. Эта статья не запрещает государству осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных и кинематографических организаций.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальными процедурами, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других людей, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности судебных органов»³.

В первом абзаце описано само право, но в нем же содержится и ограничение: право государства контролировать некоторые средства массовой информации. Во втором абзаце перечислены только ограничения, и этот абзац длиннее первого. Некоторые ограничения косвенно указывают на то, что иногда права противоречат друг другу. Например, если газета использует право на свободу выражения мыслей и обвинит какого-либо общественного деятеля в лицемерии, этот человек может заявить свое право на защиту репутации и потребовать прекращения публикаций. Какое из этих прав является более важным или, говоря конкретнее, какое из этих прав в большей степени защищает общественные интересы?

Это суждение в рамках одной культуры, в то время как суждение о женском обрезании или убийствах

¹ Benedict R. Op. cit. P. 21.

² Midgley M. Heart & Mind — the Varieties of Moral Experience. L.: Methuen University Paperbacks, 1983. Chap. 5.

³ Bailey S. H., Harris D. J., Ormerod D. C. Civil Liberties — Cases and Materials. 5th ed. L.: Butterworths, 2001. P. 22.

во имя чести — межкультурная оценка. Когда в империалистической Британии давали оценку индийским религиям, большое влияние на эти суждения оказывало мнение королевы Виктории. В 1858 году королеве Виктории показали проект закона, в соответствии с которым Ост-Индская компания передавала функции управления Индией Британской короне. Она добавила собственный комментарий: «Твердо полагаясь на христианские истины и с благодарностью принимая утешение религии, мы отказываемся от права и желания навязывать свои убеждения любому из наших подданных... Мы настоятельно требуем и предписываем всем, кто занимает руководящие должности при нашем правлении, воздерживаться от любого вмешательства в религиозные убеждения или верования наших подданных под страхом того, что это вызовет наше крайнее неудовольствие»¹.

Возможно, она полагала, что безразличие к религиозным верованиям ее подданных-мусульман стало причиной восстания в Индии, которое имело место за год до этого. В любом случае британцы гораздо терпимее относились к индийской культуре в Индии, чем теперь они относятся к проявлениям культуры индийских иммигрантов, живущих в Британии, так как здесь, по их мнению, затрагиваются вопросы социальной сплоченности. Иммигранты могут не соблюдать британские традиции (пункты в группе 3.2.2), как, например, имена, но они не в состоянии соблюдать и все свои традиции, имеющие отношение к ритуалам ухаживания, сексуальным ограничениям и браку. К некоторым традициям в Великобритании относятся скорее как к преступлениям, а не как к вариантам норм, на основе которых новоиспеченные британцы могут строить свою, отличную от британской, жизнь.

«Опрос полицейских подразделений, проведенный Организацией защиты прав иранских и курдских женщин, показал, что в год происходит 2823 преступления во имя чести, что составляет почти восемь преступлений в день. Но считается, что эти цифры сильно занижены, так как 13 из 52 подразделений полиции не ответили на запрос, сделанный этой благотворительной организацией в ноябре 2011 года о таких правонарушениях. Назир Афзаль из Службы судебного преследования заявил, что число преступлений во имя чести в Великобритании, в том числе убийств, совершаемых с целью защиты “честь” семьи в глазах земляков, — неизвестно. “Нам неизвестно точное число убийств во имя чести. В год в этой стране происходит от 10 до 12 таких убийств. Я не знаю, сколько еще безымянных могил в нашей... стране”. Господин Афзаль полагает, что в год в Великобритании заключаются 10 тыс. браков по принуждению. Он сказал, что степень межкультурной чувствительности — это часть проблемы. “Брак по принуждению подобен землетрясению. То, что за ним следует, — это цунами домашнего и сексуального насилия, вопросы защиты прав детей, самоубийства и убийства. Если мы сможем решить вопрос с браками по принуждению, то сумеем предотвратить и все эти последствия”»².

¹ *Morris J.* Pax Britannica — the Climax of an Empire. L.: Penguin, 1979. P. 500–501.

² URL: www.bbc.co.uk/news/uk-17319136 (дата обращения: 19 марта 2012 г.)

«Межкультурной чувствительностью» господин Афзаль объясняет нерешительность принуждения к соблюдению традиций Великобритании, о чем он явно сожалеет. Результатом мультикультурализма, публичного лица «культурного релятивизма», может стать создание сегрегированной, а не единой культуры. В контексте нашего глобализированного мира общественная практика должна быть ориентирована на взаимопроникновение культур. Робин Кук, в то время занимавший должность министра иностранных дел, выразил эту мысль в своей речи 10 лет назад: «Сегодня Лондон — абсолютный центр земного шара. Здесь проживают более 300 этнических общин, каждая из которых состоит по крайней мере из 10 тыс. человек. Сегодня вечером в Лондоне более 300 языков будут звучать во время семейных ужинов. Эта многонациональность — не тяжкое бремя, которое мы принимаем с неохотой. Это огромное богатство, которое делает нашу нацию более жизнеспособной в культурном и экономическом плане... Не только наша экономика выиграла от того, что в нашей стране появились новые национальные общины, — расширился наш культурный кругозор, жизнь стала многообразнее»³.

Он привел пример такого культурного взаимодействия: «Курица в соусе тикка-масала стала истинно британским блюдом не только потому, что оно пользуется большой популярностью, но и потому, что оно может служить прекрасной иллюстрацией того, как Великобритания впитывает и адаптируется к влиянию извне. Курица тикка — это индийское блюдо. Соус масала был добавлен к этому блюду, чтобы оно соответствовало вкусам британцев, которые привыкли есть мясо с подливкой»⁴.

Взаимный обмен между культурами может привести и к росту патриотизма (в сложной форме). Недавно молодого британца азиатского происхождения спросили, какая страна для него важнее — страна, где он родился, или страна, где он живет? Он ответил: «Кто сыграл более важную роль в моем зачатии — моя мать или мой отец?»

5. Глобальное вмешательство в настоящем и будущем

По словам Фукидида, «большие народы делают то, что хотят; малые народы принимают то, что должны»⁵. Мой бывший коллега — издатель из Венгрии — однажды печально сказал мне: «Великих людей из малых народов практически никто не знает». Большие нации могут оставить культурный след в жизни малых народов, не применяя силу для их завоевания, но искажает ли это культуру малых народов?

Это зависит от того, какой след оставлен, в какой сфере культуры и к лучшему или худшему изменилась культура. Европейские империи XIX и начала XX века — Французская, Британская империи или царская Россия — стремились прежде всего внести

³ *Cook R.* Speech to the Social Market Foundation. 2001. 19 April. URL: www.guardian.co.uk/world/apr19/race.britishidentity/print

⁴ *Ibid.*

⁵ *Chomsky N.* Hegemony or Survival: America's quest for global dominance. L.: Penguin, 2003. P. 16.

изменения, например, в форму правления, законы и обеспечение правопорядка, структуру экономики, сельское хозяйство, транспорт, обучение (обычно меньшей части населения) и язык. Религия также привлекала внимание британцев: миссионеры из Великобритании стремились принести «на мрачную землю Африки свет, свободу и цивилизацию». Они же пришли к выводу о том, что «наши территории в Азии <...> даны были нам не только для того, чтобы мы могли получать от них ежегодную прибыль, но чтобы мы могли привести жителей этих территорий, живущих во тьме, грехе и горе, к свету и благотворному влиянию истины (протестантизма)». Это высказывание опубликовал в 1792 году бывший глава Ост-Индской компании. Хотя к середине XIX века британцы стали более осторожно вести миссионерскую деятельность, о чем свидетельствуют слова королевы Виктории в 1858 году (приведенные выше), после Индийского народного восстания, произошедшего в том же году, Лондонское миссионерское общество в своем ежегодном отчете разразилось пламенной речью о старом враге и бесконечно благотворном влиянии проповеди протестантизма: «Вероломство и кровопролитие восстания сипаев навсегда лишили иллюзий и ложного чувства безопасности множество людей и в Британии, и в Индии. Идолопоклонство в сочетании с принципами и духом учения ислама проявили свою подлинную сущность — сущность, которую можно только бояться и ненавидеть... Усилия миссионеров — христиан, которые до сих пор воспринимались с насмешкой и презрением, теперь объявлены крайне важными, стоящими на защите собственности, свободы и жизни».

Очевидно, что миссия заключалась не только в том, чтобы обучить местное население протестантским ритуалам службы и рассказать им об учении христианства, но и в том, чтобы показать, как британцы применили это учение к политическим аспектам экономики колонии.

Британскую империю не вернуть, но она все еще вызывает определенный интерес, так как ее англоязычная преемница сохраняет некоторые отличительные особенности. Стратегия национальной безопасности США, которую президент Буш-младший опубликовал в сентябре 2002 года, имеет много общего с культурным наследием Британии, описанным Фергюсоном. Основные отличительные черты этого культурного наследия перечислены выше. В доктрине Буша утверждается, что цель США — «распространить блага свободы на весь мир». Эта мысль получает в документе дальнейшее развитие: «Мы будем активно работать и нести надежду на демократию, развитие, свободный рынок и свободную торговлю в каждый уголок мира... Америка должна неустанно выступать в поддержку бескомпромиссных требований уважения человеческого достоинства; соблюдения законов; ограничения абсолютной власти государства; свободы слова; свободы вероисповедания; равенства перед законом; уважения женщин; религиозной и этнической терпимости; уважения частной собственности».

Эти основания для вмешательства во внутренние дела государств уже озвучивались в США. В доктрине, провозглашенной президентом Монро в 1823 году,

определен следующий принцип: «Американские континенты ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой». В 1904 году Военно-морской флот США уступал по величине только Военно-морскому флоту Великобритании, поэтому, когда президент Теодор Рузвельт внес поправку к доктрине Монро, она стала звучать более конкретно: «Непрекращающиеся незаконные действия или проявление бесчинств, приводящие к общему ослаблению связей цивилизованного общества, будь то в Америке или где бы то ни было, в конечном итоге требуют вмешательства со стороны какого-либо цивилизованного государства. В западной полушарии следование Соединенных Штатов доктрине Монро может вынудить их, возможно и против своей воли, в вопиющих случаях нарушений законности или проявления бессилия к выполнению обязанностей международной полицейской державы».

Однако американское вмешательство отличалось (и отличается) от вмешательств Британской империи: в ходе этих вмешательств территории стран-реципиентов не заселялись (и не заселяются) поселенцами из США. Они вкладывали денежные средства, оказывали влияние на политические решения, принимаемые этой страной, пропагандировали американские идеи (и среди прочего — христианский эвангелизм); они располагали военные базы США в этих странах или при необходимости отправляли туда морской флот; но значительное число граждан США не приезжало в эти страны, чтобы жить, работать и растить там детей. В этом и состояло их отличие от британских (и, по моему мнению, российских) методов, так как и Британская, и Российская империи стремились заселить территории отдельных колоний своими гражданами. Становится ли от этого американская интервенция неимпериалистической, и если так, то как можно ее назвать?

Американцы верят, что основали республику свободных людей, и в идейном отношении это обусловило невозможность для американцев впоследствии стать империалистами. Если не принимать во внимание эту идеологическую преграду, при каких условиях интервенция становится империалистической?

Государства бывают разных размеров, а, как говорил Фукидид, большие государства обладают силой, которой маленькие государства могут противостоять, только объединившись. В противном случае большее по размеру государство господствует над меньшим. Я полагаю, что существуют три вида господства: сюзеренитет, империя и гегемония. Словарь английского языка «Longman» (результат совместного труда англичан и американцев — компании «Merriam-Webster» и издательства «Longman») дает этим понятиям следующие определения:

— **гегемония** — господствующее влияние или власть, особенно одной нации над другой; превосходство;

— **империализм** — 2) политика, практика или пропаганда распространения власти над народом,

особенно путем захвата территорий или путем косвенного контроля политической или экономической жизни других стран;

— **сюзеренитет** — власть сюзерена; господство.

Сюзерен — 2) господствующая страна, контролирующая международные отношения угнетенной страны, но не вмешивающаяся в ее внутренние дела.

Над чем в культуре меньшей страны господствует большая страна и как? Империалистическая держава определяет для своих колоний большинство пунктов из группы 1 («Средства выживания»), многие пункты группы 2 («Досу») и отдельные пункты из группы 3 («Социальные практики и общественное устройство»), особенно пункты 3.2.1, но также язык (3.1.1), ставя в привилегированное положение язык империи. При гегемонии прямое влияние оказывается только на составляющие пункта 3.2.1. Сюзерен может оставить в неприкосновенности принятые в данной местности способы реализации пунктов, содержащихся во всех трех группах.

Три типа господства также отличаются разными политическими условиями, которые господствующее государство *A* навязывает государству *B*:

1) военные подразделения государства *A* на долгий срок размещаются в государстве *B*;

2) за них платит государство *B*;

3) более трети основных полезных ископаемых, товаров и услуг, производимых государством *B*, покупает государство *A*, часто по ценам ниже мировых;

4) государство *B* устанавливает более высокие пошлины на импорт из стран, которые не находятся под властью государства *A*;

5) решения государства *B* о том, какие секторы экономики следует развивать, соответствуют плану страны *A* о развитии всех территорий, подконтрольных государству *A*;

6) в целом ни одно важное политическое решение страны *B*, касающееся внешней политики и внутренних дел, не принимается без учета мнения государства *A*, и лишь крайне редко эти решения идут вразрез с рекомендациями страны *A*.

Если соблюдены все шесть условий, то *B* — это часть империи *A*. Если соблюдается только последнее условие, то *A* осуществляет гегемонию. Если государство *A* определяет только внешние отношения страны *B*, то *A* — это сюзерен *B*.

В сегодняшнем глобализованном мире мы применяем эти критерии к определению отношений Америки и государств меньшего размера. Но с тем же успехом мы можем применить их к политике Китая. Между прочим, некоторым видным деятелям Великобритании хорошо известно о культурной сущности развития Китая. Мартин Дэвидсон, исполнительный директор Британского совета, бегло говорящий по-китайски, недавно сказал: «Будущее процветание Соединенного Королевства в немалой степени зависит от нашей способности общаться и строить отношения с людьми всего мира, и Китай является для нас одним из важнейших партнеров. Но, несмотря на видимость того, что число британских школ, в которых изучают мандаринский диалект китайского языка, растет, в действительности

таких школ слишком мало. Без сотрудников, которые понимают и могут успешно общаться с представителями одной из крупнейших экономик мира, Соединенное Королевство рискует проиграть конкурентную борьбу и в результате остаться далеко позади».

Китай прекрасно осознает свою мощь в настоящем и будущем. Например, на прошедшей недавно (6 ноября 2012 г.) в Лондоне конференции Китайско-европейской международной бизнес-школы CEIBS и Лондонской школы бизнеса господин Чень Сивей (заместитель председателя Постоянного комитета IX и X национальных народных конгрессов) говорил о том, что Китай осознает «ответственность силы». Эту же фразу в 1968 году использовал сенатор США Фулбрайт применительно к международным отношениям США. Нет сомнений в том, что эта ответственность и внутренние приоритеты дают стимул внешней политике Китая. Китайское правительство планирует увеличить внутренний рынок и укрепить благосостояние государства путем, например, повышения минимальной заработной платы, улучшения социальных гарантий, обеспечения доступного и качественного образования, соблюдения равенства.

Господин Чень не сказал о том, что невозможно обеспечить этот более высокий уровень жизни, используя лишь ресурсы Китая. По меньшей мере последние десять лет Китай привлекает иностранные активы путем покупки или заключения ограничительных контрактов с поставщиками полезных ископаемых и энергоресурсов в более бедных и маленьких странах Африки, Азии и Южной Америки. В обмен на эти договоренности Китай улучшает инфраструктуру этих стран, особенно их системы распределения, а также рассчитывает на то, что страна-реципиент, например, проголосует за лишение Японии постоянного членства в Совете Безопасности ООН или не поддержит предложения ООН осудить политику китайских властей в Тибете или большое число случаев нарушения прав человека в Китае.

Империализм ли это? Китай болезненно воспринимает обвинения в этом. Во время Форума сотрудничества Китай–Африка, который состоялся в Пекине 19 июля 2012 года, Ху Цзиньтао, на тот момент занимавший должность Председателя Китайской Народной Республики, сказал: «Китай — крупнейшая в мире развивающаяся страна, а в Африке находится самое большое число развивающихся стран. Китайский и африканские народы всегда относились друг к другу как к равным, строили отношения на основе искренности и дружбы, обоюдной поддержки и стремились к общему развитию»¹.

Ленин определял империализм как «высшую ступень развития капитализма», неизбежный результат господства финансового капитализма, концентрации производства и монополий в сильных капиталистических странах, разделения мира между крупными компаниями этих стран. Однако основные средства производства и распределения Китая находятся под контролем государства, а коммунизм является национальной идеологией этой страны; по определению же, которое

¹ URL: fmpcc.gov.cn/eng

Ленин дал империализму, коммунистическое государство не может быть империалистическим.

Отношения Китая со странами-поставщиками не удовлетворяют моим шести условиям империализма. Например, Китайская национальная нефтегазовая корпорация владеет контрольным пакетом акций в разработке крупнейшего нефтяного месторождения Судана¹. Вероятно, цена на эту нефть определяется местными расценками, но подразделения Народно-освободительной армии Китая не имеют военных баз в Судане. Условия (5) и (6) не удовлетворены, но, очевидно, Судан учитывает пожелания Китая при голосовании в ООН, а Китай в ответ старается защитить Судан от противоречащих интересам этой страны инициатив ООН. Я полагаю, что культурное влияние Китая на то, как в Судане реализуются универсалии групп 1, 2, 3, незначительно. Например, рабочий язык для общения в местах разработки нефтяных месторождений в Судане английский, а не китайский, и, насколько мне известно, преподавание в школах Судана ведется не на китайском языке. Китай не пытается ослабить влияние ислама на севере Судана и христианства — на юге страны. Учитывая эти обстоятельства, на данный момент Китай не является даже сюзереном Судана. Но было бы удивительно, если бы влияние Китая на Судан не усилилось в ближайшие 20 лет, потому что, как говорится, «рука дающего всегда находится над рукой берущего» и «кто платит, тот и заказывает музыку».

6. Некоторые ограничения

Что значит «заказывать музыку»? Придет ли на смену американской гегемонии китайский сюзеренитет не только в Судане, но и в других странах? И каковы в этом случае будут культурные последствия? Заменит ли китайский язык английский не только в государствах — сателлитах Китая, но и в других странах, где в настоящее время английский является вторым языком? Я не могу себе представить, что китайский язык будет использоваться как неофициальный второй язык Европейского Союза. Станет ли китайский, например, языком, на котором будут написаны слова для большинства популярных песен или самые распространенные книги? Станет ли китайский языком научных статей в большинстве международных журналов, международной системе управления воздушным движением и самого большого сегмента Интернета? Будет ли в английском языке использоваться гораздо больше слов, заимствованных из китайского, чем в настоящее время?

Никто не может предсказать будущее, но мы можем высказать предположения, определив связи между прошлым и настоящим: тенденции настоящего, которые напоминают о тенденциях прошлого, результат которых нам известен. Определение подобия или истинного сходства — трудная задача, решение которой требует большой степени абстрагирования, чтобы избежать даже частичного влияния наших культурных суждений. Э. Х. Карр в 1964 году говорил: «Многое из того, что за последние десять лет было написано в англоязычных странах о Советском Союзе и в Советском Союзе

¹ Klare M. China's imperial predicament // *Le Monde Diplomatique*. 2012. Sept.

об англоязычных странах, было искажено полнейшей неспособностью абстрагироваться и представить себе, что может иметь в виду другая сторона, так что слова и действия другого всегда кажутся враждебными, бессмысленными и лицемерными»².

Карр написал это вскоре после Карибского кризиса, произошедшего в 1962 году, и некоторые британские политики в то время прекрасно понимали, какое влияние тенденции, на которые указал Карр, оказали на международные отношения. Джон Уиндем, позднее лорд Эгмонт, а до этого личный секретарь премьер-министра Великобритании Гарольда Макмиллана, однажды в отчаянии воскликнул: «Было бы гораздо лучше, если бы русские дважды в неделю просматривали протоколы заседаний кабинета министров. Это избавило бы от этих... опасных догадок»³.

То время давно миновало, но взаимопонимание между Великобританией и Россией до сих пор имеет большое значение. Знание таких моментов, я надеюсь, позволит нам осознать всю важность взаимопонимания. Обеим сторонам необходимо понимать, как политические события влияют на культурную жизнь.

Приведу еще один пример из жизни Британской империи. Британцы считают себя создателями первого в мире национального гимна. Этот гимн был впервые исполнен публично в Лондонском театре в сентябре 1745 года. Там «в этот теплый осенний вечер присутствующие мужчины и женщины с восторгом приняли [эту песнь], встали и несколько раз требовали повторить эту песнь»⁴.

Песнь, которую встретили с таким энтузиазмом, имела конкретное содержание.

Боже, храни нашего благородного короля,
Боже, храни нашего великого короля Георга,
Боже, храни короля.
Дай ему ратных побед,
Счастья и славы,
Пусть он долго правит нами:
Боже, храни короля.

Всемогущего Господа молят о защите главы Великобритании, помощи в сражениях и царствии на долгие годы. Во второй строфе Бога просят сокрушить врагов.

Господи Боже наш, восстань,
Рассей наших врагов
И приведи их к гибели;
Разрушь планы их государств,
Расстрой их подлые уловки,
На него возлагаем мы наши надежды,
Боже, храни всех нас.

Угроза внешнего врага обычно способствует сплоченности внутри страны, и 1745-й был годом испытания народного единства в Великобритании. За месяц до первого исполнения этого гимна принц Карл Эдуард Стюарт высадился на острове Эрискей, одном из Внешних Гебридских островов. Две недели спустя он по морю добрался до Шотландии и поднял королевский штандарт, провозгласив себя королем Яковом III

² Carr E. H. Op. cit. P. 16.

³ Knightley P. *The Second Oldest Profession*. L.: Pan, 1987.

⁴ Colley L. *Britons — the Forging of a Nation, 1707–1837*. 2nd ed. New Haven; L.: Yale University Press, 1996. P. 44.

Английским и VIII Шотландским. Подозревали, что его поддерживали Франция и, возможно, Испания.

В третьей строфе четко обозначено предназначение монарха.

Твои избранные дары
Благоволи излить на него;
Да царствует он долго;
Да защищает он наши законы,
И да дарует нам повод
Петь сердцем и голосом.
Боже, храни короля.

Единственным четко обозначенным результатом этих даров всемогущего Бога должно было стать то, чтобы монарх защищал верховенство права. Но в целом песнь молит Бога сохранить народ как единую политическую единицу, помочь этому народу победить в войне, а упоминая законы, песнь призывает к установлению древних свобод, а не к тирании. Бог, к которому обращаются в гимне, однако, не определен явно как бог христианский. Тут прославляется монарх, а не страна или народ, и не упоминается никакой более широкой задачи, которую Британия должна решить за пределами своих территорий.

Этот гимн до сих пор является официальным гимном Великобритании, но с 1920-х годов в стране также используется и неофициальный гимн, который теперь стал музыкой сборной Англии по регби, его также исполняют на церемонии закрытия ежегодных «променадных» концертов, которые проводит корпорация «Би-би-си» в концертном зале Альберт-холл в Лондоне. Этот гимн называется «Иерусалим». Впервые он был исполнен в марте 1918 года, незадолго до окончания Первой мировой войны, когда многочисленные жертвы Первой мировой войны пошатнули милитаризм, свойственный первой и второй Британской империи. Этот гимн «произвел большое впечатление, когда его впервые исполнили в Альберт-холле в марте 1918 года. Он исполнялся в честь того, что кампания «Избирательное право женщинам» вошла в свою завершающую стадию»¹.

Четыре строфы этого гимна принадлежат перу поэта-романтика и художника Уильяма Блейка, они были написаны в 1803 или 1804 году и опубликованы в предисловии к его эпической поэме «Мильтон». В них отражено его видение Великобритании как представительницы истинной религии, а не как основательницы империи. (Блейк выступал в поддержку Американской и Французской революций.) Сто лет спустя стихотворение было отобрано для патристической антологии стихов Робертом Бриджесом, который стал поэтом-лауреатом в 1913 году. В 1915 или 1916 году слова положил на музыку сэр Губерт Пэрри, профессор музыки в Оксфорде. В музыке к гимну «Боже, храни короля» мы слышим, как маршируют английские солдаты в красных мундирах, пронзительно кричат флейты, бьют барабаны. В музыке к «Иерусалиму» — голос добродетели и поэзии, настойчиво призывающий Британию вернуться к учению основателя христианства. «Иерусалим» — это часть иной британской идентичности, проявившейся в более поздний период в ощущении того, что начался закат империи, а британские таланты и усилия должны быть направлены на создание постимперской британской культуры. Вот эта песнь².

На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?
Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик господний с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?
Где верный меч, копье и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.
Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

Е. И. Макаров³

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЦЕННОСТЬ «ЧЕЛОВЕКА ТРУДА» В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКИХ ПЕРЕМЕН

1. Следуя теме Лихачевских чтений, определенной Оргкомитетом в 2013 году, хотел бы с позиций профессиональных союзов Российской Федерации осветить

¹ Scholes P. The Oxford Companion to Music. 9th ed. Oxford : OUP, 1955. P. 540.

² Перевод С. Я. Маршака.

³ Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП (с 2012 г.). Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, в т. ч.: «Трудовые отношения и профессиональные союзы». Действительный государственный советник 2-го класса. Почетный профессор СПбГУП.

тему ценностей в ракурсе социально-трудовых отношений.

Исторический разворот, произошедший в нашей стране в начале 1990-х годов, повлек за собой полномасштабное реформирование культурных кодов, складывавшихся в обществе на протяжении 70 лет. Советское государство, родившееся под лозунгом пролетарской революции, уделяло социально-трудовым отношениям большое внимание на протяжении всего существования. В СССР трудящийся человек, пролетарий был в фокусе идеологической работы, главные идеи коммунизма были построены на фундаменте освобождения труда. Власть отводила теме труда важное место во внутренней политике, в искусстве, быту,

науке во всей совокупности культурных практик советского строя.

Переход к капитализму неизбежно привел к демонтажу прежней системы и постепенному изменению ценностно-смыслового наполнения социально-трудовых отношений. Утверждение экономического либерализма, ставшего противоположностью прежнего государственного регулирования, вызвало к жизни комплекс идей, согласно которым работодатели и работники оставлены наедине в своем противоборстве за распределение результатов труда. Однако время показало, что набор социальных практик классического либерализма отрицательно воспринимается большей частью населения, кроме того, экономические результаты приватизации и свободного рынка в России подвергаются непрерывной критике. В настоящее время, как и во времена Великой депрессии в США, в нашей стране идеи кейнсианства получают все больше сторонников. Похоже, «невидимая рука рынка» уступает место более прагматическим инструментам управления.

На этом фоне важно переосмыслить роль и место социально-трудовых отношений в системе ценностей нашего общества, необходимо использовать возможности межвременного диалога культур для переноса из прошлого в настоящее жизнеспособных и разумных идей.

2. Богатый материал для рассмотрения социально-трудовой проблематики дает проект, который был развернут в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов и последние два года развивается под условным названием «Практическая конфликтология». Под моим руководством осуществляется его специальная часть: работа Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов и соответствующей научной лаборатории.

Не вдаваясь глубоко в подробности, можно охарактеризовать проект как нацеленный на развитие субдисциплины «Социально-трудовая конфликтология». Проект носит междисциплинарный характер, построен с использованием теории систем, их анализа и моделирования, лингвистики, статистического анализа, программирования и ряда других дисциплин. В настоящее время проект представляет собой автоматизированную информационную систему, позволяющую реализовывать две главные функции: в режиме реального времени осуществлять мониторинг конфликтов в сфере трудовых отношений на территории Российской Федерации и в зарубежных странах; производить технический и содержательный анализ социально-трудовых конфликтов, методы которого также построены на современных подходах к анализу данных. В стадии разработки находится прогнозная компонента, которая поможет сторонам социального партнерства ориентироваться в текущей обстановке на «трудовом фронте», а также приступить к практическому урегулированию социально-трудовых конфликтов, принимать своевременные меры, нацеленные на профилактику напряженности в этой сфере.

Массив данных, накопленных в ходе мониторинга социально-трудовых конфликтов в период с ноября по апрель 2013 года, заставляет не только по-новому

взглянуть на сами социально-трудовые конфликты, их формы и содержание, но и поставить вопрос о роли и месте социально-трудовых отношений в современной социальной, экономической и политической повестке дня.

Несколько цифр помогут обосновать такую постановку вопроса. За период с 1 ноября 2012 года по 25 апреля 2013 года на территории Российской Федерации зарегистрировано 87 реальных социально-трудовых конфликтов, которые сопровождалось 314 событиями. В этих конфликтах принимали участие от десятка до нескольких сотен работников. Конфликты зафиксированы в десяти важнейших отраслях народного хозяйства, происходили во всех федеральных округах. К настоящему времени 48 конфликтов завершены, 28 конфликтов находятся в стадии развития, остальные — в стадии зарождения. В 63 % случаев завершённых конфликтов они протекали в наиболее острой и разрушительной форме — забастовке. В 25 % завершённых конфликтов решение трудовых споров было найдено под угрозой забастовки. Приведенные данные получены в ходе непрерывного мониторинга, верифицированы по нескольким источникам, практически полностью достоверны.

По форме изложенное напоминает сводку с поля боевых действий. По смыслу, если к этим данным приложить расчеты о реальных экономических потерях, а также приблизительно сформулировать масштабы ущерба неэкономического рода, ясно, что *социально-трудовые конфликты являются острой проблемой нашего общества*.

Интересно, что около 80 % завершённых конфликтов нашли свое разрешение исключительно благодаря вмешательству органов власти различного уровня. Это свидетельствует о непрерывном воспроизведении синдрома «Пикалево», когда разрешение трудового конфликта осуществляется методами государственного вмешательства — «ручного управления», всегда на стадии проявления разрушительной энергии социального столкновения.

3. Вместе с тем социально-трудовые отношения, в которых, собственно, и кроются причины трудовых конфликтов, оказались вытесненными из сферы общественно-политического внимания общества. Можно констатировать, что сама постановка вопроса о роли и месте социально-трудовых отношений, в упрощенном виде — о роли человека труда, в масштабных преобразованиях, происходящих в нашей стране, отсутствует.

Отмеченная тенденция распространяется не только на общественно-политические аспекты вопроса, но и на научные. В ходе работы над проектом его авторы столкнулись со значительными препятствиями в сфере конфликтологического прикладного научного обеспечения. Прежде всего — с недостаточной разработанностью понятийного аппарата, отсутствием устоявшихся типологий и классификаций в масштабах конфликтологии в целом и в рамках социально-трудовой субдисциплины. Обобщенно можно сделать вывод, что молодая отечественная конфликтологическая наука до сих пор находится в стадии, когда основные

признаки научного знания в этой сфере все еще формируются. Разработчики информационной системы убедились, что рыхлость науки порождает невозможность применения математического аппарата. Фундаментальные проблемы развития конфликтологии пока не удается компенсировать нагромождением авторских классификаций, бессистемных социально-трудовых мониторингов, множеством интуитивных построений о психологических аспектах межличностных и коллективных конфликтов, созданных в рамках философских и социологических направлений.

4. В этом нетрудно было убедиться в ходе круглого стола «Труд в системе человеческих ценностей», проведенного журналистским клубом Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов 14 марта 2013 года с участием ученых и практиков. В ходе обсуждения было отмечено отсутствие внимания к проблемам труда не только в среде ученых (такой вывод сделан на основе анализа динамики публикаций по социально-трудовой тематике в научных российских журналах за последние 10 лет), но и в среде политиков, чиновников, в информационных потоках, формирующих массовое сознание.

Чем же опасно сложившееся положение вещей? Зачем необходимо извлекать из пыльного шкафа прошлых лет малоизвестные теперь, а для кого-то и в прошлом бессодержательные словосочетания: человек труда, социально-трудовой потенциал, социально-трудовая энергия, трудовой энтузиазм? Ответ лежит на поверхности.

5. Высшим политическим руководством страны декларирована модернизация как стратегическое направление развития России. Не вдаваясь в рассуждения о содержании, которое вкладывается в этот термин действующими политиками, примем во внимание, что модернизация как комплексный цивилизационный процесс включает социокультурную, индустриальную и информационную составляющую. Намерение реализовать модернизационный проект совершенно оправданно ставит вопрос о социальной базе модернизации в целом и ее отдельных составляющих. С учетом того, что индустриальная компонента занимает равное положение по сравнению с остальными двумя, необходимо найти ответ на вопрос о роли и составе ее социально-профессиональной базы.

Согласно исследованиям ученых РАН (члена-корреспондента РАН Н. И. Лапина, доктора социологических наук Л. А. Беляевой)¹ в 2010 году 75 % (64) субъектов Российской Федерации находятся на первой индустриальной стадии модернизации, из них 10 — на начальных фазах и низких уровнях этой стадии, а 27 — в зрелой фазе. Лишь 23 % (19) регионов перешли в следующую, информационную стадию модернизации. Очевидно, что социально-профессиональная группа «синих воротничков» — квалифицированных рабочих, инженеров, организаторов производства и других людей труда — является тем локомотивом, который должен вытаскивать 75 % регионов нашей страны на следующую стадию модернизации, и другой альтернативы

¹ «Что такое социальная база модернизации?» Интервью Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=eff20f41-11d1-4b38-9766-8036d129054d#content>

нет. Констатация этого факта совершенно не лишняя, так как позволяет от общих разговоров перейти к проектированию реальных системных действий, которые необходимо осуществить для достижения столь масштабных продекларированных целей.

6. В этом контексте полезно и необходимо сделать ретроспективный анализ роли и места человека труда, социально-трудовых отношений и связанной проблематики в истории нашей страны при решении сходных по масштабу экономических, социальных и политических трансформаций.

Выбраны наиболее показательные эпизоды, однозначно указывающие на важнейшую, в некоторых случаях ключевую роль социально-трудового фактора в масштабных преобразованиях. Эти примеры показывают, что учет или, напротив, игнорирование социально-трудового контекста приводит к небывалым свершениям либо к разрушительным катастрофам.

7. «Догнать и перегнать» — лозунг, выдвинутый Хрущевым в 1957 году, относился не только к рывку в сфере экономики, но, что показательно, и к ускоренному строительству коммунизма, то есть к резкому росту потребления, сравнимому с уровнем в США. На начальном этапе политическое руководство осознало необходимость параллельного решения этих двух взаимосвязанных вопросов. Развитие событий показало, что за сравнительно короткий период времени можно добиться существенного прорыва в промышленности и науке, однако если при этом игнорировать или недостаточно энергично решать проблемы достойного вознаграждения за труд, не развивать отрасли, обеспечивающие потребление, то добиться поставленной цели невозможно. Что и произошло. Ни к 1960, ни к 1970 году тогдашней администрации СССР не удалось выполнить поставленные задачи. Фестиваль молодежи и студентов в 1957 году открыл глаза миллионам граждан нашей страны на то, как живут люди труда за рубежом.

Политика открытости, объявленная Хрущевым, показала советским специалистам уровень покупательной способности зарплат инженеров и квалифицированных рабочих в капиталистических странах. Они увидели условия и организацию труда, о которой российским специалистам оставалось только мечтать. На этом фоне были необходимы своевременные шаги по переводу экономики, отдалившейся от военного времени и восстановительной мобилизации, на новый тип управления, планирования и развития. Другими словами, косыгинская экономическая реформа должна была состояться не в конце 1960-х годов, а на 10 лет раньше. Уже в конце 1950-х нужны были механизмы стимулирования роста производительности труда, интенсивного использования трудового потенциала, переход к иной модели развития. Однако невнимательное, пренебрежительное отношение к социально-трудовым отношениям, в частности повышение норм выработки на предприятиях без достойной компенсации, катастрофическое снижение покупательной способности зарплат людей труда привело к насилию. В Новочеркасске в 1962 году по решению политических властей произошел расстрел рабочих и членов их семей,

требовавших хлеба и снижения цен на мясо. Погибло 23 человека¹. Через два года после новочеркасских событий Хрущев был отстранен от власти.

Камнем преткновения оказались не только его авантюристические инициативы в сфере сельского хозяйства (которые привели к проблемам в продовольственном обеспечении населения), но и неоправданный расчет на эксплуатацию послевоенного трудового энтузиазма, который к середине 1950-х годов исчерпал свой потенциал.

8. Восстановление народного хозяйства после войны, и в частности промышленности к 1948 году, стало возможным исключительно благодаря героическим усилиям всего трудоспособного населения СССР. Несмотря на огромные невосполнимые потери людских ресурсов, жесткий дефицит рабочих кадров, органы управления СССР в числе первых мер по переводу экономики на мирные рельсы предприняли шаги по нормализации режима труда, отменили сверхурочные работы, восстановили восьмичасовой рабочий день и ежегодные оплачиваемые отпуска. Правительство отчетливо понимало, что игнорирование интересов человека труда не позволит решить задачу восстановления европейской части страны из руин. Социальная политика была четко ориентирована на повышение благосостояния трудоспособного населения. Примером разумного управления явилась денежная реформа 1947 года, в результате которой население страны получило полноценный рубль. В течение четвертой пятилетки неоднократно снижались цены на товары массового потребления². Покупательная способность заработной платы, потребление устойчиво росли. Сочетание социальной и экономической политики, учет важнейших интересов человека труда в эти годы позволили решить задачу восстановления народного хозяйства за короткий срок (8 лет). Важнейшими составляющими этого прорыва были сбалансированная социально-трудовая политика и учет интересов человека труда на всех уровнях принятия решений.

9. «Все для фронта, все для Победы» — мобилизационный лозунг, выдвинутый Сталиным в 1941 году, утверждал простую истину: победить врага исключительно военными мерами не удастся. Исход войны зависел в равной степени и от военного, и от промышленного потенциала страны. Необходимо было максимально использовать трудовой потенциал граждан, создать условия для производительного труда в интересах обороны. Для сохранения промышленного потенциала была проведена эвакуация нескольких тысяч предприятий, переброска 17 млн человек (в основном квалифицированных инженеров и рабочих)³. Была увеличена продолжительность рабочего дня до 11 часов при шестидневной рабочей неделе, введены обязательные сверхурочные работы, отменены отпуска, ужесточены санкции к нарушителям трудовой дисциплины. Образование внутреннего «трудового фронта» нашло

свое отражение в лозунгах «В труде — как в бою!», «Все силы на помощь фронту!» и др. От людей труда не в меньшей степени, чем от воинов, зависела независимость страны, и это было залогом успеха.

При всех проблемах и издержках специфическая социально-трудовая политика военного времени не только позволила решить задачи обеспечения фронтовых нужд, но и перенести индустриальные мощности на восток, за пределы европейской части страны, повысить трудовой потенциал в регионах, ранее его лишенных. Своевременное принятие мер по трудовой мобилизации, с одной стороны, учет интересов человека труда в продовольственном снабжении и иных мерах стимулирования — с другой, позволили «на ходу» наладить бесперебойную поставку ресурсов на фронты Великой Отечественной войны, а во второй ее фазе произвести перевооружение армии.

10. Индустриализация экономики в 1930-е годы, как известно, была нацелена на развитие промышленности в СССР, являвшемся в то время по существу аграрной страной. Политическое руководство страны вполне осознавало, что аграрная экономическая база не позволит решить актуальные задачи: преодолеть внутренний хозяйственный кризис, порожденный нэпом, нарастить экономические и военные мускулы, устоять на внешнеполитическом фронте. Во главу угла поставили развитие тяжелой промышленности, энерго- и машиностроения. Руководство страны ясно понимало, что в руках человека труда находятся главные силы, способные вытащить СССР на путь ускоренного развития. Создание условий для производительного и мотивированного труда стало одной из важнейших задач власти. Появилась «научная организация труда», материальное стимулирование в зависимости от уровня производительности труда. Ускоренными темпами шло наращивание фабрично-заводского слоя рабочих. Развитие промышленности привело к созданию в стране системы высшего технического образования. Политические власти всячески пропагандировали трудовые достижения, награждали рабочих и служащих званием «Герой труда». Активно пропагандировалось движение стахановцев. Одним из ключевых моментов эпохи стал трудовой энтузиазм, основанный на комплексе идей о «светлом будущем».

Статус рабочего человека, квалифицированного специалиста, инженера значительно вырос. Форсированная индустриализация привела к существенным социальным сдвигам: урбанизации, радикальному росту количества промышленных рабочих, повышению грамотности и общей культуры населения страны.

11. Будет нелишним напомнить о некоторых событиях и приемах политической эксплуатации темы социально-трудовых отношений в период Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Как известно, детонатором февральского переворота была всеобщая забастовка, начавшаяся 24 февраля. Ей предшествовала волна экономических и политических забастовок в Петрограде, в которых приняли участие более половины всех кадровых рабочих городских предприятий. Лишь на этом фоне стала возможной трансформация массовых беспорядков и демонстраций

¹ Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М., 2006. С. 384.

² Крединс Н. Е. Денежные реформы в СССР 1922–1924 годов и 1947 года // Финансовый менеджмент. 2001. № 6.

³ Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6.

в вооруженный переворот и падение монархии уже 2 марта 1917 года.

Октябрьская революция продолжила цепь событий, в которых одну из ведущих ролей играл человек труда. «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась!» — так сказал вождь мирового пролетариата В. И. Ленин, четко артикулируя источник потрясений в стране. По мнению современных историков, он был в значительной мере прав, так как события 1917 года явились прямым следствием революции 1905 года, с которой, собственно, и началось растянутое крушение империи.

12. Краткий обзор событий 1905 года поможет вскрыть обширный пласт фатальных ошибок самодержавия в отношении к людям труда. Толчком к началу массовых выступлений в 1905 году был расстрел мирной демонстрации рабочих в «кровавое воскресенье» 9 января. Цепь событий, приведших рабочих на улицы Петрограда, их лозунги, содержание рабочей петиции, которую демонстранты надеялись вручить царю, — все указывает не столько на политические корни революции, сколько на ее социально-трудовую подоплеку. Достаточно прочесть третий параграф петиции «Меры против гнета капитала над трудом», куда вошли пункты: «... охрана труда законом; свобода потребительно-производительных и профессиональных рабочих союзов; восьмичасовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ; свобода борьбы труда с капиталом; участие представителей рабочего класса в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих; нормальная заработная плата»¹. По существу петиция являлась программой рабоче-крестьянской революции, и если бы в ней не содержались требования ограничения самодержавия, то, как знать, возможно, действия властей не были бы столь жестокими и истерическими. Удовлетворение требований рабочих (которое состоялось спустя 9 месяцев) могло открыть окно возможностей бескровного переустройства Российской империи в одну из ведущих держав мира. Но самодержавие оказалось недостойно своих подданных и не противилось расстрелу безоружных. История аналогичных выступлений трудящихся в европейских странах, методы урегулирования социально-трудовых противоречий, выработанные еще в XVIII и XIX веках, не были изучены и применены. Империя медленно сползала в пучину революций.

13. Ограничимся этой короткой, но яркой иллюстрацией роли социально-трудовых отношений и человека труда в переломные моменты отечественной истории.

За пределами рассмотрения остаются аналогичные сюжеты из истории Великобритании, Германии, США и других стран. Несмотря на изменение с течением времени содержания социально-трудовых потребностей людей труда, на протяжении последних трех столетий отчетливо прослеживается общая тенденция учета этих интересов как на уровне экономических агентов и политических институтов, так и на уровне

¹ Государство Российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней : сб. док. / под ред. Ю. С. Кукушкина. М., 1996. С. 251.

государственного аппарата независимо от формы их государственного устройства. Также анализ развития социально-трудовых отношений показывает, что если в XVIII–XIX веках решение основных социально-трудовых задач проходило под давлением экономической и политической энергии людей труда, то к концу XX века в наиболее конкурентоспособных экономиках мира системы управления персоналом пытаются предугадать колебания этих интересов и принять предохранительные меры, нацеленные на гармонизацию трудового климата. В этих целях государствами и бизнесом культивируется система социального партнерства, прямых консультаций с работниками или профессиональными союзами.

Справедливости ради надо отметить, что гармонизация слабо удается, так как в рамках проекта, упомянутого в начале доклада, осуществляется мониторинг социально-трудовых конфликтов в зарубежных (приграничных, а также имеющих экономические связи с Российской Федерацией) странах. Количество трудовых конфликтов в этих странах не снижается со времени последнего экономического кризиса, каждую неделю система фиксирует от двух до девяти крупных забастовок. Их причины существенно отличаются от доморощенных (российских), вместе с тем экономический ущерб на несколько порядков превосходит потери от забастовок в нашей стране.

14. Завершая доклад, отмечу, что эволюция содержательной части социально-трудовых отношений продолжается непрерывно и поступательно. Сегодня в связи с вступлением России в ВТО на повестку дня необходимо ставить вопросы качественно нового уровня. Необходимо не только декларировать приверженность конвенциям Международной организации труда в этой сфере, но и развивать систему стандартов достойного труда, которой была посвящена международная конференция высокого уровня, прошедшая в декабре 2012 года в Москве.

Возвращение социально-трудовой тематики в контекст современной культуры российского общества незрело. Этого требует не только международная конъюнктура, но и внутренние потребности общества. Из властных кабинетов поступают сигналы, обязывающие стороны социального партнерства делать это безотлагательно. Президент Российской Федерации В. В. Путин в ряду мер долгосрочной экономической политики на первое место поставил создание и модернизацию 25 млн высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году. Тем самым он признал, что ключевой в «...обеспечении устойчивости экономического роста, увеличения реальных доходов граждан Российской Федерации, достижения технологического лидерства российской экономики»² является социально-трудовая сфера.

На этом фоне необходимо избавляться от дремучего невежества и высокомерия, которое зачастую присуще лицам, принимающим решения в государстве и бизнесе, в отношении людей труда и социально-трудовой проблематики в целом. Тема социально-трудовых

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».

отношений неизбежно будет востребована вне зависимости от времени, политической системы, мечтаний о постиндустриальных и постматериальных укладах.

Отвлечение внимания от проблем человека труда ведет к угасанию интереса к этой теме у государственных и общественных институтов, политиков, научных кругов, разжигает у представителей бизнеса азарт нажиться на эксплуатации дешевой рабочей силы. При

этом пружина социально-трудовых противоречий сжимается все сильнее, накапливая разрушительную энергию. Именно тогда происходит то, что мы видели в Пикалево и других подобных ситуациях. Тогда, как известно, локальная катастрофа была предотвращена, однако стратегические масштабные задачи с горизонтом планирования 10–20 лет не поддаются решению в режиме пожарной команды и на «ручном управлении».

Хуан Антонио Марк¹

КОМПЛЕМЕНТАРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРОТИВ КОНФРОНТАЦИОННЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Один из существенных элементов, которые направляют трансформацию наших сообществ в XXI веке, — это могущество технологий, их постоянное обновление и распространение. Но если в XIX веке технологическое развитие могло использоваться отдельными странами для поддержания власти над другими государствами и сообществами, то новая технологическая революция, преобразующая наш мир, не поддается монополизации, пронизывает все сообщества и вполне естественным путем поступает в распоряжение всех граждан. В определенной степени новая технология обретает в гражданах новых приверженцев, новый источник власти. В этом контексте чрезвычайно важно поддерживать открытые рынки и сохранять динамику кооперации в мире, избегая при этом конфликтов, которые могли бы воспрепятствовать этому быстрому распространению новой культуры по всему миру.

С учетом данной перспективы следует пропагандировать большое значение принятия комплементарных идентичностей в противовес упрощенческому подходу, который традиционно доминировал в мире: модель исключения или конфликта идентичностей.

В данном контексте технологической революции, когда виртуальное измерение все глубже входит в нашу жизнь, чрезвычайно важно сохранять идентичность человека определенной культуре и группе. Это помогает сохранять историю и работать на будущее в атмосфере социальной интеграции. Это позволяет человеку посвящать свою деятельность социальным измерениям. Новые технологии по большей части стимулируют виртуальные связи, и важно поддерживать локальное измерение наших граждан, чтобы сохранить пространства и традиции, которые развились в результате долговременных и устойчивых усилий. Однако новая перспектива предполагает, что локальная идентичность долж-

на рассматриваться как идентичность, комплементарная другим идентичностям, чтобы дать возможность человеку интегрироваться в более масштабные пространства и культурные регионы. Важно стимулировать метод, который позволяет индивиду мыслить глобально, а жить и действовать локально. Применительно к этой цели следующие положения выглядят достаточно убедительными.

1. Привить новым поколениям «ген» ценности многообразия. Другие могут отличаться от нас, но в этой дифференциации и кроется могущество человечества, его потенциальное и устойчивое творческое начало. Различие есть основа духовного обогащения людей, но не повод для беспокойства. Оставляя в стороне то, что нам в человеке не нравится, но разделяя все то, что мы находим новым и комплементарным, мы способны приумножать идеи, действия и инновации в геометрической прогрессии. Такая эмоциональная методика дает возможность избежать конфликтов и усилить творческое начало.

2. Привить идею о том, что идентичности должны рассматриваться как средства выживания обычаев, традиций и стереотипов поведения, которые представляют собой синтез множества предшествующих жизней и, будучи сохраненными, сами по себе являются величайшей ценностью. То, что каждый индивид принадлежит к определенной группе или нации, есть фактор выживаемости для специфической локальной истории. Вот почему так важно, чтобы люди с удовлетворением воспринимали свою локальную идентичность. Но в то же время они должны понимать, что эта идентичность должна существовать не как исключительная идентичность, но как пласт их внутренней специфичности, которая способна укрупняться совместно с другими идентичностями более обширных пространств и человеческих группировок. Все усилия, которые мы можем предпринять, чтобы убедить новые поколения в целесообразности аккумуляции идентичностей в комплементарном масштабе, будут исключительно продуктивны для укрепления взаимосвязи между людьми и избегания рисков конфликтов и разрушений.

По моему мнению, в новом контексте новых возможностей коммуникаций в современном мире это новое видение идентичности становится фундаментальным для массивного расширения диалога

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011). В 1989–1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Иbero-американского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996–2001) и Мексике (2001–2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004–2008). Автор книги «Жди меня в Гаване», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений.

цивилизаций. Сегодня этот диалог имеет решающее значение: границы открыты для коммуникации, и научно-технический прогресс проникает во все сообщества. Нам следует избегать провалов, разочарований и фрустрации. Следовательно, мы должны помогать всем сообществам достигать успехов и быть способными постоянно предоставлять своим гражданам новые возможности. Интерактивный диалог между всеми крайне полезен, но предпосылкой к тому, чтобы он стал эффективным, является понимание того, что другой интересен мне и что его опыт меня обогащает.

Необходимость разработки концепции комплементарных идентичностей применительно к Европе для меня абсолютно ясна. Столетиями страны этого региона пытались основываться на концепции «нации» как факторе исключения по отношению к другим. Предпринимались многочисленные попытки выстроить идентичности, которые могли бы действовать в качестве элемента неприятия других. Результатом явилась вереница кровавых войн, когда единственным победителем оказывалась смерть. Чудовищное опустошение, вызванное Второй мировой войной, привело к сотрудничеству между народами, а параллельно прикладывались усилия к тому, чтобы снизить роль традиционных идентичностей и укрепить европейское измерение всех граждан. Тем не менее через полвека непрерывные усилия в данном направлении были частично нейтрализованы сомнениями, вызванными экономическим кризисом, который начался в 2008 году. Традиционные

идентичности вновь обрели силу и признаки исключения.

Многие жители наших стран предпочитают считаться гражданами своего государства, вместо того чтобы считаться также и европейцами. Проблема в том, чтобы сохранить осознание того, что и те, и другие идентичности комплементарны и нет необходимости снижать способность к укрупнению масштабов взаимосвязей. Все это может показаться сугубым теоретизированием, но я абсолютно уверен, что будущее Европы заключается в ее способности убедить свое население в том, что, будучи интегрировано в крупный концепт идентичности (Европу) и не будучи ограничено узкой локальной идентичностью (французы, немцы, испанцы, итальянцы и т. д.), оно сохранит возможность быть сферой роста и процветания, но не кризиса и упадка. Очевидно, что эта возможность удержания своей роли в будущем истории станет даже более отчетливой, если мы сумеем объединить под крупной европейской идентичностью всех граждан, живущих на пространстве от западного Средиземноморья до границ с Китаем или от Испании до России. Возможность побудить всех граждан этого огромного пространства к одновременному сохранению локальной идентичности — испанцы, русские, немцы и так далее, а также региональной идентичности — европейцы — обозначит наши шансы на процветание и стабильность в этом изменяющемся мире XXI столетия.

В. М. Межуев¹

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Вопрос о ценностях и смыслах культуры возник в результате открытия множества культур, каждая из которых обладает своим неповторимым лицом. Данное открытие довольно позднего происхождения (XIX в.), ему предшествовала концепция культурного европоцентризма, наделявшая правом называться культурой только европейскую. Историко-научной базой идеи множественности культуры послужило то, что Клод Леви-Стросс назвал «тремя гуманизмами» — итальянский Ренессанс, заново открывший для средневекового человека культуру Античности, востоковедческая наука, сделавшая предметом всеобщего интереса культуры великих цивилизаций Востока, этнография (или этнология, научная антропология), давшая начало изучению культур первобытных народов. В итоге то, что называют культурой, охватило собой весь видимый

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования», «Современное знание о культуре», «Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему», «Культура и история (проблема культуры в философско-исторической теории марксизма)», «Идея культуры. Очерки по философии культуры», «Между прошлым и будущим. Избранная социально-философская публицистика» и др., учебных изданий: «История культурологии», «Философия культуры. Эпоха классики», статей по философии культуры и философии истории; философии политики. Член Совета по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ.

исторический горизонт, хотя ни одна из известных науке культур не служит для нее преимущественным этапом, не является культурой более, чем другие. Культура, следовательно, обладает множеством ценностей и смыслов, не сводимых друг к другу. Но что следует называть ценностями и смыслами?

Этот вопрос вплотную подводит нас к другому вопросу: если у каждой культуры свое лицо, то как его можно представить на теоретическом уровне? Тот же вопрос формулируется как вопрос о методе исторического познания, в отличие от метода естественных наук. В истории философии Нового времени известны две основные версии его решения. Первая принадлежит Баденской школе неокантианства (Г. Риккерт), попытавшейся обосновать логику «наук о культуре» в отличие от логики «наук о природе», так называемую индивидуализирующую логику, методом которой является «отнесение к ценностям». Ценность здесь — логическое понятие, позволяющее отличить одну культуру от другой, но одновременно выражающее то общее, что объединяет всех представителей каждой из них. Подобное обобщение является специфическим именно для исторической науки.

С этой точки зрения «науки о культуре» отличаются от «наук о природе» по методу, но не по предмету. Любое явление может быть представлено и как природное

(тогда мы подводим его под общий закон), и как культурное (тогда мы обнаруживаем заключенную в нем ценность, другими словами, его значение для определенной группы людей). Граница между природой и культурой имеет в этом случае характер логической (методологической), но не онтологической границы. Но если культура дана нам как следствие определенной логической операции, то что отличает культуру от природы за пределами логики? Можно ли посредством одной лишь логики (пусть аксиологической) уловить то, что отличает жизнь людей в культуре от существования мертвых тел и живых организмов?

Альтернативной по отношению к теории ценностей (аксиологии) версией исторического познания стала *герменевтика*, которая была объявлена В. Дильтейем универсальным методом всех исторических наук (или так называемых «наук о духе»). Герменевтика — не логическая, а психологическая процедура, называемая также «искусством понимания», в отличие от логики объяснения. Предметом герменевтики является не любая реальность, а только та, которая содержит определенные *смыслы*, то есть реальность не физическая, а психическая. Дильтей обозначил эту реальность термином «дух». Что у неокантианцев было «культурой», у него стало «духом». Соответственно исторические науки, будучи нацелены на постижение «жизни духа», отличаются от остальных наук не только методологически, но и онтологически. Духовные порождения не просто что-то значат для человека, то есть имеют определенную ценность, но носят осмысленный характер, что постигается посредством не логической операции, а психологического вживания в них.

Не будем здесь подробно вдаваться в вопрос о различии между логикой и герменевтикой (на этот счет существует огромная литература). Важно, что ценность и смысл существуют не в одном ряду понятий, а являются следствием совершенно разных процедур в постижении культуры — логической (аксиологической) и герменевтической. Какая из них предпочтительнее — пусть каждый решает для себя сам, но их нельзя смешивать, выдавать за нечто единое.

Дальнейшее размышление о природе ценностей ведет, на мой взгляд, к социологии знания, пытающейся за любой системой ценностей выявить определенную систему общественных связей и отношений. Почему одна группа ценит одно, а другая — совсем другое? Можно ли одну систему ценностей ставить выше другой? Или они равны, эквивалентны друг другу? На знаменитом симпозиуме в Тбилиси по проблеме ценностей в 1965 году группа молодых московских философов, куда входили О. Дробницкий, Н. Мотрошилова, И. Балакина и я, выступила с критикой аксиологии именно с позиции социологии знания. В попытке аксиологизации философии мы тогда увидели опасность ее полной релятивизации. О. Г. Дробницкий чуть позже опубликовал на эту тему книгу «Мир оживших предметов», о которой, конечно, у нас забыли (у нас вообще принято обо всем забывать). А в современном разговоре о ценностях неплохо бы вспомнить о том, о чем говорили на том симпозиуме философы из Ленинграда (В. П. Тугаринов, М. С. Каган), Тбилиси и других го-

родов и почему с ними спорили философы из Москвы (тот же Дробницкий). Ведь к тому времени и на Западе аксиология была подвергнута критике со стороны герменевтики, феноменологии, символической и экзистенциальной философии и пр.

Проблема смысла имеет продолжение: она ставит вопрос о роли интерпретации в процессе взаимодействия и диалога культур, о способности культуры порождать новые смыслы, что М. Бахтин назвал творческой герменевтикой. Сама способность к смыслопорождению является определяющим признаком культуры. На этой теме я хотел бы остановиться более подробно. Приведу простой пример. Современный режиссер, ставящий на сцене классическую пьесу, решает двойную задачу: он должен понять, что хотел сказать этой пьесой ее автор, так сказать, проникнуть в его замысел (это и есть герменевтическая процедура понимания), и одновременно решить, чем эта пьеса может быть интересна современному зрителю. Тем самым режиссер создает определенную интерпретацию данной пьесы, извлекает из нее новый — более современный — смысл, который сам автор, возможно, и не имел в виду. Он видит в пьесе нечто такое, чего не предполагал даже ее автор. Интерпретация всегда шире и богаче авторского замысла. Это и есть творческая герменевтика.

Способность того или иного произведения рождать новые смыслы и есть главное свидетельство его принадлежности к культуре. Классика бессмертна потому, что содержит в себе фактически неисчерпаемый смысл. Но если возможности интерпретации исчерпаны, то это означает, что произведение как бы выпало из культурной жизни, сохранив в лучшем случае чисто антикварную ценность, интересную только специалистам. Ценности можно хранить в музее, смыслы пребывают в реальной жизни. Ценности не отличают «живую» культуру от «мертвой», смыслы присущи только живому. Честно говоря, в мертвом я не вижу никакого смысла.

Отсюда следует, что ценности изучаются, а смыслы творятся, создаются живыми людьми. У ценностей нет конкретного автора, они передаются от поколения к поколению часто в неизменном виде, в то время как каждое поколение по-новому переосмысливает свою жизнь. Эту мысль можно выразить иначе: есть вечные ценности, но нет вечных смыслов. В смыслах, как не в чем ином, ощущается присутствие времени, меняющейся жизни, того, что принято называть историчностью. Я могу вместе с другими разделять некоторые ценности, идущие из прошлого, но не могу жить с теми же смыслами, что и мои предки. Ценности, как правило, наследуются, передаются по традиции, смыслы всегда современны (своевременны). Хотя ценности отличаются одну культуру от другой, они как бы индифферентны по отношению ко времени. (Говоря, например, о ценностях русской культуры, какое время мы имеем в виду?) Смысл же непосредственно зависит от времени, в котором мы живем.

Существуют две болезни, которые могут поразить любую культуру. Во-первых, потеря связи человека с ценностями своей культуры. Об этой болезни

европейской культуры впервые упомянул Ф. Ницше. Он назвал ее нигилизмом. Объявив устами своего Заратустры, что Бог умер, он тем самым возвестил о кризисе всех сверхчувственных ценностей — как ценностей античного рационализма, так и моральных ценностей христианства. Согласно Ницше, надо научиться жить без опоры на эти ценности, полагаясь исключительно на собственную волю. После Ницше тема кризиса европейской культуры уже не сходит с философской повестки дня. С Ницше начинается поворот от «философии разума» к «философии жизни». Теперь уже не в научном и моральном разуме, а в самой жизни ищут смысл культуры, который должен возместить утрату ценностей. Культура при этом, как и все живое, обретает историчность, то есть временность, конечность своего существования. Она в своем движении, как и любая другая форма жизни, проходит фазы рождения, цветения, зрелости и смерти. Кризис ценностей обернулся утратой связи культуры с вечностью — как в ее религиозном, так и метафизическом истолковании. Культура, по словам Зигмунта Баумана, должна научиться жить на совершенно новой территории, на которой нет никакой вечности, где все бrenно и тленно.

Чуть позже обнаружилась и другая болезнь, поразившая европейскую культуру, — потеря связи человека со временем, ставшая причиной своеобразного обесмысливания человеческой жизни. Не случайно примерно в то же время (первая половина XX в.) родилась так называемая третья школа психоанализа — логотерапия (или смысловотерапия), пытающаяся лечить от потери смысла жизни. Эта болезнь связана уже с тем, что М. Фуко назвал «смертью человека» — смертью, конечно, не физической, а эпистемологической, то есть как некоторой исходной диспозиции в научном дис-

курсе. Не будем перечислять все причины, приведшие к этому кризису, — массовизация общества и культуры, консюмеризм, технологизация и сциентизация социальных структур и мышления — они достаточно обстоятельно проанализированы в философской и научной литературе. Но может ли культура существовать вообще без человека, или ей на смену приходит нечто совершенно другое?

Я думаю, вопрос о будущем культуры может быть решен не путем абсолютизации какой-то одной из уже сложившихся культур (каждая в своей обособленности от других рано или поздно оказывается в ситуации кризиса), а посредством восстановления связи человека со всеми культурами. Эта связь, однако, должна строиться не на основе принудительного навязывания человеку какой-то одной культуры, а на основе его собственных культурных предпочтений и свободного выбора. Уже сейчас многие пытаются сочетать в своем культурном «рационе» духовные продукты, изготовленные по разным культурным рецептам. Любой индивид должен иметь право сам избирать свою культурную нишу (или культурную идентичность), пользуясь плодами любой культуры, имея к ним неограниченный доступ. Я называю это правом на культуру, которое, возможно, является самым главным из всех остальных человеческих прав. Ценности любой культуры получают при этом шанс стать ценностями моей культуры, а смыслом такой культуры, как и всей человеческой жизни, являются свободный выбор этих ценностей, их творческая трансформация в какой-то новый культурный синтез. Время такой жизни называется свободным, а человек, живущий в нем, — свободной индивидуальностью. И никакого иного выхода из кризиса культуры я не вижу.

Димитриос Г. Металлинос¹

ПРАВОСЛАВНАЯ СОБОРНОСТЬ: ОТВЕТ ХРИСТИАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОМУ КРИЗИСУ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Начиная с 2008 года западный мир глубоко осознал, что финансовый и социальный кризис угрожает самим основам упрочившейся цивилизации и «западных» национальных культур. Понятие «запада» и «западничества»² впадает в зависимость от капиталистических принципов и норм. В контексте многих западных академических учреждений, соответствующих капиталистическим моделям глобализации и мультикультурализма³, мы осознаем и понимаем под термином «Запад и западный мир» все страны, которые принадлежат к так называемому глобализованному обществу.

¹ Профессор факультета архивоведения и библиотечного дела Ионийского университета (Корфу, Греция), доктор истории. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Британская дипломатия и православная церковь в Ионийском государстве», «Известные ионийские граждане, состоявшие на службе Российской империи», «Новое прочтение жизни святого Спиридона, покровителя Кипра и Корфу» и др.

² *Metallinos D. G. Is Greece a 'Western' or an 'Eastern' country? [Является Греция «западной» или «восточной» страной?] // Bulletin of Queens College. N. Y., 1992.*

³ *Brzezinski Z. Out of Control [Вне контроля]. N. Y., 1993.*

Анализируя историческое восприятие Запада из Москвы, Президент России Владимир Путин отметил, что «обострившиеся вследствие кризиса внутренние социально-экономические неурядицы и проблемы в развитых экономиках ослабляют доминирование так называемого исторического Запада»⁴.

Международное сотрудничество предполагает, что доводы в пользу общих первооснов цивилизации — это общие ценности, общие правила и общие нормы. Таким образом, управление международной системой представляет собой не только геополитическую и экономическую проблему, но прежде всего проблему культурную и духовную.

Во втором десятилетии XXI века, хотя и стало совершенно очевидно, что Запад способен преодолеть этот кризис только лишь при помощи международного сотрудничества, такое решение требует интеллектуальных и моральных предпосылок, к которым не способен

⁴ В речи на Совещании послов и постоянных представителей России, проходящем каждые два года (в 2012 г.).

имеющийся на настоящий момент человеческий потенциал. Налицо огромная разница между мировым порядком, основанным на всеобщих ценностях человечества, и мировым порядком, выстроенным на базе хаотического культурного «бункера», как это описывает хорошо известная метафора в притче о Вавилонской башне в первой книге Священного Писания «Бытие»¹.

От греческого наследия и греческой цивилизации древней эпохи сохранились свидетельства о преодолении различных аспектов исторического кризиса. Греческий философ Аристотель в самом начале своей «Политики»², как принято считать, впервые ввел в употребление термин «гражданское общество» (греч. *politike koinonia* — политическое общество). Греческое существительное *koinonia* в словаре Лиддела–Скотта³ переводится как «община», а термин *politike*⁴ происходит от греческого существительного *polis*, что означает город как организованное политическое сообщество. При всех формах кризиса в древнем греческом мире наши предшественники решали проблему в пределах *politike koinonia* (гражданского общества). Однако ключевой вопрос ныне действующего плана глобализации заключается в реформировании человеческого сознания при помощи глобалистского духовного видения с упором на внедрение антропоцентрического духовного подхода к глобализации.

После бытования и распространения христианства через так называемую Византийскую империю (империю Нового Рима — Константинополя)⁵ христиане никогда не испытывали на себе социального кризиса⁶, так как официальной государственной идеей являлась «соборность» (общинность)⁷, где община идентифицировалась с христианской церковью (*Ecclesia*).

Основной принцип этой (православной) соборности — сосредоточенность не на человеке (антропоцентризм), а скорее на Боге (теоцентризм) или на святых (агиоцентризм, иерофанья), поскольку члены общины живут в соответствии с заповедями апостола Павла, апостола язычников (равно *всех* народов): «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» (К римлянам, 12:15). Соборность есть образ жизни и самоуправление, сохранившее православные народы (греков, сербов, болгар, румын и др.) на протяжении столетий от исламского порабощения.

Отдельные варианты общественного самоуправления наблюдались также и в неправославном христианском мире, однако их результаты менее выражены по сравнению с тем, что обнаруживается в православии, так как они остаются организациями в основном антропоцентричными. Простая солидарность соотечествен-

ников не исцеляет раны, не очищает и не спасает: она всего лишь лечит, создает удобства и поддерживает тех, кто испытывает боль и пребывает в беде. Что действительно заслуживает внимания, так это общественный феномен возникновения и роста социальных формаций, таких как коммуна, задруга (*серб.*) мир, община, артель, которые принимают формы социальной автономии⁸.

Одна такая страна, в которой форма политической общинности (как самоуправления) все еще сохраняется, — это Швейцария. Иоанн Каподистрия (1776–1831), этот «политический святой», первый президент независимой Греции⁹, до того министр Российской империи, является основателем швейцарской системы общинности и прямой демократии, поскольку он был истинным выразителем и носителем принципа православной христианской соборности, который он внедрил в швейцарскую культуру и действительность. Он не настаивал на обращении граждан Швейцарии в православие, однако они восприняли внешнее измерение соборности, то есть самоуправление и прямую демократию (политическое измерение), и отвергли (поскольку не были православными) внутреннее измерение, где «все общее» (Деяния, 2:44: духовное измерение), в латинском тексте “*habebant omnia communia*” (что и вдохновило Карла Маркса на создание понятия «коммунизм»). В таком духе Маркс советует в письме к своим последователям Михайловскому и Вере Засулич¹⁰ следовать русской (собственно, православной) традиции общинности, так как это самый быстрый и наиболее безопасный путь к достижению социализма. Конечно, его последователи, вместо того чтобы использовать богатую и животворную российскую общинную традицию, создали тоталитарное государство, которое в результате распалось с известными последствиями.

Очевидно, что православие сыграло важную роль в Восточной Европе при создании общин и кооперации в противовес капитализму. Тот способ, которым управляется монашеское сообщество Священной горы Афон (“*Agio Oros*”), являет собой более чем тысячелетний живой пример соборности в Греции, когда административная ответственность монашеского государства распределяется между святыми монастырями. «Священная гора», которая достоверно воспроизводит общинный образ жизни православной Римской империи (Византии), сохранила все основные черты православной соборности, в отличие от искаженных и поверхностных ее копий. Главные характеристики православной соборности исходят из следующих представлений.

1. Национальное происхождение. Православный человек любит свою страну (патриотизм), однако с уважением относится к другим странам, сознавая, что выше всего — небесная отчизна¹¹.

⁸ Koutroulis S. Stoiheia tis ellinikis kai diethnous empeirias // Koinotismos mia aigli fotos. С. 26.

⁹ См. показательные работы: Metallinos G. D. Ioannis Kapodistrias (O politicos — Martyras tis Romiosinis) // Orthodoxia kai Ellinikotita. Athens, 1998. С. 247–258; Metallinos G. D. “O Evropaistis” Kapodistrias // Ellinismos Mahomenos. Athens, 1995. С. 69–85; Koukou E. O Anthropos, o evropaios diplomatis. Athens, 1995; Kornilakis I. O Agios tis Politikis. 1831–2011: 180 years from his assassination. Athens, 2011.

¹⁰ Koutroulis S. Stoiheia tis ellinikis kai diethnous empeirias // Koinotismos mia aigli fotos. С. 26–27.

¹¹ «Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (К евреям, 13:14).

¹ Laos N. The Kairological Qabalah. Northampton, 2012.

² Aristotle. Politics. Oxford, 2010.

³ Liddell–Scott. Mega Lexiko tis Ellinikis Glossas. Vol. II. P. 743.

⁴ Op. cit. Vol. III. P. 629.

⁵ Romanides J. S. Romiosyni, Romania, Roumeli. Thessaloniki, 1975.

⁶ Feidas V. I. Byzantium. Athens, 1991. P. 252–255.

⁷ В связи с термином см.: Allee J. G. Webster’s Dictionary. Washington, 1990. P. 79. В связи с этим спорным вопросом представляем показательную библиографию: Pantazopoulos N. O ellinikos koinotismos kai i neolliniki koinotiki paradosi. Athens, 1993; Meletis I. Meletopoulos. Politiki Koinoniologia; Introductory Lessons. 2nd ed. Athens, 2001; Koutroulis S. Ethnismos kai koinotismos. Athens, 2005; Koinotismos mia aigli fotos. 7.11.2010 (приложение к газете MAKEDONIA под ред. S. Koukos).

2. Язык. Все языки священны и различаются только исторической динамикой и употреблением.

3. Разнообразие. Осознание того, что «нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского» (К галатам, 3:28).

4. Мультикультурализм. Уважительное отношение к каждой цивилизации/культуре: все цивилизации должны преобразиться в единство людей, поклоняющихся одному и Единому Господу и Судье истории.

Историческая реальность свидетельствует, как много за последние годы мы наслушались о том, что общинность в политике (Организация Объединенных Наций и т. д.) представляет собой глобализированный заменитель социалистических идей и ответ на чрезмерный либерализм¹. Вот почему мы подчеркиваем определение «православной» соборности: для осознания того, что мы предлагаем модель самоуправления и самоорганизации, проверенную на протяжении определенного периода церковной истории и сохраняемую поныне на пространстве экуменического православия, в рамках монастырей, миссий, приходов и других церковных сообществ.

Для большинства неправославных сторонников общинности либерализм несет в себе дух эгоцентризма, требующий бесконтрольного следования личным интересам и игнорирующий последствия конкурентной борьбы этих интересов. Православная соборность, в противовес этим политическим и идеологическим течениям, предлагает такие ценности, как участие в жизни конкретной общины, преданность этому сообществу и провозглашение коллективных благ — цивилизации и традиции — вместо личных притязаний. Вот почему сторонники соборности, в отличие от тех, кто выражает либеральную идеологию, не ставят личное выше общего, а напротив, полагают, что общинность как раз и оформляет личность и ценностно превосходит последнюю.

Православная соборность провозглашает сердечность, более чем когда-либо необходимую для современного обеспокоенного человека, и это именно то, что едва ли можно найти в иной сегодняшней политической или философской идеологии современной демократии или открытого общества. Вместо ни на что не опирающейся «моральности», основанной лишь на общих, абстрактных и беспочвенных рассуждениях, (православная) соборность предлагает такие принципы, которые тесно переплетены с этосом и укоренены в нашей общественной сущности. Знаменитый греческий, прежде всего православный, писатель, легенда греческой литературы Александр Пападиамандис (1851–1911) в 1908 году (более 100 лет назад) приветствовал основание кооперации в духе православной соборности в Кардице (Фессалия) такими характерными словами: «Принятие таких уставов представляется мне подобным утренней заре». Сотрудничество, совместное творчество, связь и взаимное согласие наших соотечественников знаменуют героическое преодоление тьмы эгоцентризма (которую все мы

¹ Амитаи Этциони был советником в Белом доме, известен как активный защитник общинности. См. его базовую работу: *Etzioni A. The Spirit of Community: The Reinvention of American Society* [Дух общины: реорганизация американского общества]. N. Y., 1993; *Dimitrakos D. Koinotismos: to amerikaniko ypokatastatou tou socialismou; Sygchroni dimokratia kai anoihti koinonia* // *To Vima*. 2000. Nov. 26.

испытывали или все еще испытываем) и в продвижении к свету общинности — процесс, глубоко запечатленный в природе человека (Аристотель). Поэтому исторические исследования подтверждают вывод о том, что соборность у православных народов была светом во тьме исламского (оттоманского) господства.

В духовном мире соборности современный обеспокоенный человек обретает надежду и смысл жизни, поскольку каждый вносит в общину свой вклад соразмерно способностям и соответственно относится к своим насущным потребностям. Таким образом, современная глобализация преобразуется в благодатную и уникальную возможность трансформации из глубины души, так как одни и те же люди (народы мира) являются ее «действующими лицами». Более детально: глобализация трансформируется в экуменическое направление (*oikoumenikotita*), безликое государство — в сообщество граждан, отдельный человек — в личность, частная собственность — в общественное благо, одиночество — в единение с соотечественником, деньги — во взаимнообмен услугами и товарами, наше виртуальное окружение — в действительную общность людей, подавленное состояние — в радостное ожидание, отчаяние — в подлинную надежду на преодоление мирской суеты, суицидальное настроение — в готовность самопожертвования ради соотечественника.

Мы в западном мире и, к сожалению, в православных странах, таких как Россия и балканские государства, а также моя мятущаяся страна Греция, привыкли думать и действовать социально, согласно правилам «нового мирового порядка», то есть современной глобализации. Следовательно, мы рассматриваем в качестве демократических те партии, которые вовсе не связаны предложенными программами, но зависят от отношений, при которых покупаются голоса на выборах, то есть от коррумпированных и низкопробных политиков. В противоположность этому существующему представлению демократия — это соборность, общие собрания активных и неравнодушных граждан, частые референдумы, перестановки и регулярная ротация в среде государственных служащих, которые олицетворяют не власть, но служение сообществу; общественные компании, которые создают богатство для всего общества, но не приводят к коррупции, являющейся богатством для очень немногих; а также к государственному дефициту или зависимости от международных олигархических кругов. Именно такое реалистическое и практически осуществимое видение, как показывает история Греции, России, а также всеобщая история, позволит каждому желающему наслаждаться божественным даром жизни.

Вышесказанное — не богословский анализ, не проповедь и не идеологический призыв. Это — описание исторической реальности, в которой существовали наши предки в недавнем прошлом, подлинного сообщества, где и в наши дни повсеместно царит дух общины (монастыри, миссии, приходы, семьи и т. д.). Провозглашенная «диктатура неизбежных решений», исходящая со стороны глобализации и подконтрольных ей информационных агентств, имеет решение, которое способны предложить только мы. От нас зависит простое решение вопроса: продолжим ли мы медленно погибать или захотим жить?

В. В. Миронов¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: ОТ ДИАЛОГА К МОНОЛОГУ?

В настоящее время в мире происходят процессы, которые значительно трансформируют культуру, во многом влияя на характер межкультурного диалога как основного механизма межкультурного взаимодействия. Происходит процесс разрушения системы локальных культур и, по-видимому, образование культуры иного типа, связанной с формированием глобального коммуникационного пространства. В статье мы раскроем особенности, связанные с локальным характером культуры, определяющим специфику межкультурного диалога и его видоизменение в условиях процесса глобализации.

В контексте исследования мы рассматриваем культуру прежде всего как семиотическую (знаковую) систему. С этой позиции культура выступает со стороны «внешнего наблюдателя» как некая закодированная система смыслов или текст, ибо последний в широком смысле и есть система кодов, связанных единой структурой языка. Особенностью текста выступает то, что он «не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах»². В этом смысле можно дать еще одно описание культуры как некой совокупности текстов и представить человеческую культуру в целом как *Текст* (с большой буквы), то есть как систему, включающую разнообразие всех текстов, созданных человечеством.

В процессе межкультурного взаимодействия происходит постоянный процесс распознавания кодов каждой из культур. Инструментом кодирования выступает живой язык, который формирует то, что мы часто обозначаем как память. «Язык — это код плюс его история»³. В этом его отличие от искусственного языка, который всегда, по выражению Лотмана, есть «структура без памяти». Он может обеспечить точность понимания в виде «чистой передачи» структуры, но такое понимание заведомо будет беднее, так как не имеет корреляции с реальной историей, то есть с событиями

¹ Член-корреспондент РАН, декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры»; «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.), «Онтология и теория познания» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Принципы принятия управленческих решений в системе федеральных органов исполнительной власти (учебно-методическое пособие для госслужащих)» и др. Председатель Экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии, председатель докторского Диссертационного совета по специальностям «Онтология и теория познания», «Философия науки и техники» при МГУ. Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета» (Сер. 7. «Философия»), член редколлегии журналов «Вопросы философии» и «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

³ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13.

ми. Поэтому познание культуры необходимым образом связано с познанием не только его структуры (грамматики языка), но и внутренней смысловой специфики, соотносимой с реальной историей. Интерпретируя культуру как семиотическую систему, мы можем провести анализ трансформаций, которые в ней происходят в настоящее время под воздействием глобального изменения системы коммуникации.

Вслед за Ю. М. Лотманом мы будем обозначать традиционный, или классический, тип культуры как локальный. Локальность — характерный признак классической модели культуры, которая представляется стационарной и «застывшей» системой с позиции человека, погруженного в данную культуру. Оценить изменения в ней можно было лишь «извне» или по прошествии длительного времени. Локальная культура основана на длительной адаптации новообразований, претендующих на статус культурных ценностей, что обеспечивало ее стабильность за счет безболезненного приспособления к ней новых компонентов и их постепенной модификации.

Другим признаком локальной культуры является присутствие в ней культурных оппозиций, или, по выражению Г. С. Кнабе, культурных дихотомий, которые выступают как своеобразные полюса различных ценностных отношений к тому или иному явлению, находящимся в противоречивом диалектическом единстве.

Центральной выступает дихотомия «высокое–низкое», разделяющая культуру на два компонента — высокую и низкую культуры. Именно наличие этой дихотомии лежит в основе процесса адаптации в культуру различного рода новых образований и придания им культурного или, напротив, внекультурного статуса. Это было блестяще проанализировано М. М. Бахтиным при описании им особенностей так называемой «смеховой культуры» периода Средневековья и Ренессанса. «Низовая» часть культуры вбирала стереотипы, традиции и нормы жизни, характерные для большинства людей в их повседневной жизни. «Высокая» часть культуры, напротив, вырабатывала продукты, которые далеко отстояли от стандартных жизненных стереотипов и представлений, были удалены от реальности, являя собой идеальный культурный пласт. Эта часть культуры была принципиально удалена от повседневности, даже от конкретной личности, требовала определенной подготовки при ее восприятии и особой формы организации ее культурного пространства.

Таким образом, культура представляла собой образование, содержащее противоречивые массовый и элитарный векторы, находящиеся в относительном единстве. Это порождало более узкие дихотомии, отражающие те или иные особенности высокой (элитарной) и низкой (массовой) культур⁴, что в целом стимулировало культурный диалог. Мы рассмотрим лишь

⁴ Блестящий анализ данных дихотомий, на который мы опираемся, дал Г. С. Кнабе. См.: Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1993.

некоторые из них, чтобы далее на их примере показать влияние процессов глобализации на данные структуры.

Дихотомия «прикровенность–откровенность» опиралась на представление о том, что все относящееся к высокой культуре постулируется областью необходимого для культурного человека, а элементы обычной жизни объявляются лежащими вне культуры, представляя собой некую периферию или изнанку бытия. Вырабатывается языковая и поведенческая культура прикрытия компонентов жизни человека, обсуждать которые считается неприличным.

Дихотомия «свой–чужой» отражала замкнутость и самодостаточность каждой локальной культуры, что проявлялось в их противопоставлении друг другу. Это позволяло культурам вырабатывать «иммунитет» к проникновению в нее чуждых элементов другой культуры. Здесь свое (внутрикультурное) рассматривалось как истинное, а чужое — как отрицание этого, в крайних случаях как ложное или даже враждебное. Возникновение книгопечатания усилило эту дихотомию, противопоставляя друг другу национальные языки, которые определяли границы «социального единства»¹.

При этом возникновение книгопечатания усилило тенденцию «систематической линейности» в восприятии мира², что, в свою очередь, привело к формированию такой особенности классической культуры, как высокая ценность *принципа завершенности*. Культурное творчество было направлено на создание завершенных объектов, которые отражали установку на возможность постижения бытия, мира и человека, будь то произведения музыки, архитектуры или философии. Литературный текст выступал как некий эталон текста вообще, некий завершенный смысл, которому противостоят тексты «низовой» культуры.

Диалог локальных культур реализовывался внутри особого коммуникационного пространства, который Ю. М. Лотман называл семиосферой, включая в нее не только сумму языков, но и социокультурное поле их функционирования³. В рамках такой семиосферы область пересечения (тождества) была относительно невелика, а область непересекаемого — огромна. Пересекались наименьшие смысловые части культур, а остаток требовал культурной интерпретации, перевода. Необходимость понимания вела к тенденции расширения области пересечения, но наибольшую смысловую ценность имела именно сфера непересекаемого.

В настоящее время в мире происходят *мощные процессы глобализации*, которые оказывают существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты культуры. Глобализация расширяет масштабы коммуникации, делая нашу жизнь более удобной. Комфорт и объективность данного процесса подводят нас к выводу о том, что это позитивное явление. Однако любой процесс развития реализуется как борьба противоположных сторон или тенденций. В частности, глобализация подталкивает мир к процессам интеграционного типа, но одновременно способствует дезинтеграции (отры-

¹ См.: Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004. С. 319.

² Там же. С. 207.

³ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. С. 194.

ву) культур друг от друга — в качестве защитной реакции их растворения в глобальной культуре⁴.

Изменение средств коммуникации влияет на человеческую культуру, трансформируя ее в принципиально иной тип. Трансформация здесь означает изменение через эволюционную смену не просто отдельных элементов системы, а самой сущности системы, то есть ее переход в иное качество. Это направленный внутренний процесс изменения, который, в отличие, например, от революции, в большей степени сокрыт от наблюдателя, ибо реализуется за счет встраивания в ее подсистемные части чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющий ее работать иным образом. Ее можно было бы сравнить, как это делает Дуглас Рашкофф, с трансформацией клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК, изменяющий ее на генетическом уровне.

Нечто аналогичное происходит и в современной культуре. Культура атакуется «медиавирусами»⁵, и наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет, в данном случае «культурный иммунитет» системы, или культура необходимым образом связана с поставщиком «культурных вирусов», чуждых для данной культуры. Конкретная культура получает инфекционное заражение через насаждение культурных стереотипов, которые не вытекают из сформированной веками ее сущности. В результате увеличивается число отдельных культур, впитывающих порции однотипных культурных инфекций, что ведет к ее трансформации. Неслучайно на уровне обыденного сознания мы используем термин «американизация», который необязательно является следствием негативной оценки самих США, а отражает тот факт, что та страна, которая доминирует в научно-техническом отношении, в том числе в сфере информационных технологий, является «культурным донором», распространяющим «медиавирусы» на всем пространстве современной культуры.

В результате *разрушается локальный характер культуры*. Семиосфера как коммуникационное образование, созданное для обеспечения диалога, трансформируется в инфосферу некоего медиапространства, в которое погружаются все культуры, вынужденные существовать по законам этого новообразования. Внешним условием (информационным полем) для такого существования выступает формирующееся пространство глобальной коммуникации, или инфосфера. Инфосфера — это не просто совокупность информационных средств, а реальность, уже не зависящая от человека, но, напротив, делающая его и мир зависящим от нее. Аналогичных процессов в истории человеческого общества не существовало. Вместо адаптации отдельных культур друг к другу в пространстве вышеописанной семиосферы мы оказываемся втянутыми в процесс адаптации всех культур к глобальному коммуникационному пространству. Коммуникация здесь выступает как самостоятельная сила, в буквальном смысле вынуждающая нас вести «диалог» между культурами по своим законам и правилам. Культуры

⁴ См.: Панарин А. С. Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74, № 7.

⁵ См.: Рашкофф Д. Медиавирус. М., 2003.

погружаются в иную внешнюю среду, которая пронизывает межкультурные диалоги, создавая предпосылку для замыкания его в среде глобального коммуникационного пространства.

Это влияет на характеристики культуры, о которых мы говорили выше.

В мире начинают господствовать *интегративные языковые тенденции*. Один из результатов этого — подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен распространить себя в силу политических, научно-технических и других условий. Расширяется «псевдокультурное» поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. В этом коммуникационном поле господствуют общие стереотипы, общие оценки, общие параметры требуемого поведения, общедоступные, то есть наиболее простые, компоненты. Безусловно, это сопряжено с массой удобств, но одновременно может лишить диалог между культурами всякого смысла. Мы можем понять любого человека в любой точке Земли, но на уровне совпадения или даже тождественности смыслов. Это становится общением ради общения. Это общение со своим зеркальным отображением, причем по заданным стереотипам коммуникации. Превалирует царство мертвой тождественности при огромной внешней активности.

Происходит *резкое увеличение образований, преобладающих на статус культурных*. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам и знакам адаптироваться к традиционной смысловой (связанной с текстом) системе ценностей. Разрушаются системы ценностей и традиций, которые господствовали веками, новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остается не всегда ясным. Возрастает количество людей, воспринимающих культурные образования, но они лишаются той утонченности и глубины, той степени подготовки, которая требовалась ранее.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурами. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этом смысле массовая культура — это типично низовая культура, но значительно усиленная новейшими средствами аудиовизуального репродуцирования.

Именно в этих условиях и *возникает феномен «поп-культуры»* как некоего антикультурного «выброса» из общей системы культуры части низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам массовой коммуникации. В этом смысле поп-культура противостоит не только высокой (элитарной) культуре, но культуре в целом, представляя собой контркультурное явление. Именно поэтому мы можем обозначать ее как

симуляцию культуры, подменяющую собой культуру как таковую. Она не имеет национальных корней (даже если сопряжена с языком своей культуры), а является достоянием всех. Главным отличием поп-культуры от классической культуры является изменение характера производства и потребления ее образцов, для которых важнейшим фактором становится огромная массовость и чрезвычайная оперативность распространения. Это в свою очередь порождает бесконечное приумножение сферы удовольствий и развлечений. Современное общество становится фабрикой развлечений, потребители продуктов которой — все общество. Условием развития такой культуры является интегрированная информационная среда, а реализацией — массовые действия, которые мы нынче обозначаем как шоу. Это среда для размножения «медиавирусов», которые распространяются в ней «точно так же, как биологические вирусы»¹.

В шоу господствует не индивидуальное (то есть отличное от другого) творчество, а принцип соучастия. Участие само по себе становится формой коммуникации без необходимости какого-то понимания другого или передачи какого-то смысла. Поскольку бесконечное шоу поп-культуры пронизывает сегодня жизнь каждого человека, то оно не ограничивается только традиционными средствами развлечения, а превращает в развлечение всю окружающую действительность. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалистическими шоу, вынуждающими нас смотреть на самих себя на экране телевизора. Это пример наивысшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, легко поддающиеся манипуляции стереотипы поведения. Мы начинаем погружаться в «реальность», которая конструируется массмедиа, и «знаки поп-культуры и зрелища массмедиа все больше заслоняют чувство реальности людей»². Современный мир превращается в большое шоу и работает по законам данного жанра.

В определенном смысле шоу на новом уровне представляет собой средневековый карнавал, который вошел в нашу жизнь, но в условиях совершенно иной информационной среды. В результате мы живем в обществе, в котором карнавал затянулся и вместо одной-двух недель или месяца длится почти постоянно, нарушая тем самым естественный баланс между высокой и низкой культурами в пользу последней. Низовая культура становится культурой официально признанной как ее превращенная форма, продукты которой как товар необходимо постоянно потреблять. Блестящим условием для нарастания и закрепления карнавала становится Интернет. Общение в Интернете — это виртуальное карнавальное шествие со всей его атрибутикой. Вместо собеседников — маски, которые позволяют говорить все что угодно, включая оскорбления и пр. Это царство (которое в Средние века было временным) дураков, шутов и клоунов, надевающих колпаки. Но карнавал через две-три недели

¹ Раишкова Д. Указ. соч. С. 15.

² Чернявичуте Ю. От высокой культуры к поп-культуре: производство и потребление культуры // Портал «Социально-гуманитарное и политологическое образование». URL: <http://www.auditorium.ru/>

завершался, и люди, получив порцию адреналина, уходили в реальную жизнь до следующего карнавала. Интернет продлевает виртуальный карнавал, переводя его в реальную жизнь, смысл которой легко укладывается в известные три буквы на бесконечно длинном заборе. Мы не можем сконструировать внутри Интернета моральные принципы, перенеся их из нашей действительности. А поскольку их нет, а есть развернутое пространство информации, оно может как сознательно, так и неосознанно подвергаться бесконечной интерпретации. Для описанного состояния культуры характерны все признаки низкой культуры, в центре которой стоит так или иначе понимаемая, как отмечает Г. С. Кнабе, повседневность, ставшая наивысшей культурной ценностью, которая, в свою очередь, сопряжена с такими формами жизненного поведения, как достижение успеха любыми средствами, стремление к комфорту и т. д. Это пронизывает все области человеческой деятельности и культуры.

«Попса» проникает в том числе в такие сферы, как наука и философия.

В конкретных науках это выглядит как выброс на медиарынок результатов данного вида деятельности, часто адаптированной до неузнаваемости или даже до своей противоположности. Есть поп-звезды эстрады или религии, как справедливо отмечает Симон Кардонский, точно так же возникают и поп-ученые с полным набором атрибутики поп-звезды. «Оказалось, что вкладывать деньги в персонифицированную научную

рекламу и научные страшилки гораздо эффективнее, чем в получение нового знания»¹. В философии вариантом поп-культуры выступает постмодернизм, представляя собой некий конгломерат философских воззрений, литературных опытов, фиксаций современных социальных переживаний. «Под вывеской постмодернизма можно не только ставить спектакли и писать стихи, но и печь блины, носить экстравагантные костюмы, заниматься любовью и ссориться, а также зачислять себе в предшественники любых понравившихся авторов из пантеона мировой культуры»². Постмодернизм — это общекультурная деконструктивистская позиция. Это еще одно зеркало культуры на ее современном этапе, одно из проявлений поп-культуры.

Реализацией идей постмодернизма и деконструктивизма на уровне обыденного сознания выступает клиповое сознание. Это форма, отражающая такое умонастроение эпохи, когда человек устал читать большие тексты — будь то образцы литературы или философии; его жизнь заполнена фрагментами новообразованных культурных феноменов; одновременно он стал более свободен в собственном мышлении. Это позволяет ему скорее строить собственные объяснения тех или иных феноменов, чем накладывать предлагаемые, которые при этом нужно еще как-то освоить. Таким образом, из культуры при внешне активном обмене информацией исчезает диалог как обмен смыслами, ибо он просто не нужен в глобальном потребительском обществе.

В. В. Наумкин³

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Пятый глобальный форум «Альянса цивилизаций», состоявшийся в Вене 27–28 февраля этого года, особо отметил важность культурного разнообразия как универсальной ценности мирового сообщества и одной из движущих сил глобального развития. Напомню в связи с этим ту непреложную истину, что большинство государств мира этнически и конфессионально неоднородны и регулирование разнообразных культур является важнейшим вопросом для всех госу-

дарств. Признание культурных различий между людьми в качестве важного компонента цивилизационной среды и обеспечение равных возможностей для всех групп в социально-политической жизни — это задачи, от решения которых зависит успешное функционирование государств. При этом в эпоху мощных вызовов, которые бросает нам глобализация, особое значение приобретает самоидентификация культурно-цивилизационных сообществ.

Начав с России, замечу, что в нашем сегодняшнем дискурсе мы никак не можем выкарабкаться из заржавевших оков извечной борьбы между почвенниками и западниками. (Разве что об «азиатском» выборе речь тогда не шла.) Но эта борьба и в прошлом не была столь уж непримирима. В XIX веке отношение к границе (точнее к Западу) было у всех представителей русской интеллектуальной элиты неоднозначным. Великий Пушкин писал в возрасте 32 лет в письме Чаадаеву по-французски: «Je vous parlerai la langue de l'Europe; elle m'est plus familière que la nôtre» («Буду с Вами говорить на языке Европы: он мне более привычен, чем наш»). Не случайно Достоевский проницательно заметил, что «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность». Живи оба гения сегодня, от некоторых наших коллег и тому, и другому как

¹ Кардонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. URL: http://www.strana-oz.ru/numbers/2002_07/2002_07

² Вайнштейн О. Б. Постмодернизм: история или язык? // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 3–7.

³ Директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», «Island of the Phoenix», «Абу Хамид аль-Газали: Воскрешение наук о вере», «Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle» и др. Главный редактор журнала «Восток (Oriens)». Заведующий кафедрой регионоведения факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. Председатель редакционного совета журнала «Восточный архив», член редсоветов многих журналов. Ряд книг переведен на иностранные языки. Награжден орденом Дружбы, а также зарубежными и общественными наградами, в том числе орденом Почета Совета муфтиев России. Лауреат премии В. В. Посувалюка за достижения в области международной журналистики.

следует бы досталось. Напомню, что, по Достоевскому, которого трудно упрекнуть в космополитизме, «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное». Приведу еще одну его весьма известную фразу: «стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей». Но Андре Жид, говоря о Пушкине, писал, что он является «самым национальным из всех предшествовавших ему писателей» и что напрасно искать у него то, что «привыкли рассматривать как специфически русское: беспорядок, сумеречность, гиперболы, неурядицу. В большей части пушкинских произведений все — ясность, равновесие, гармония». Эта и есть та часть нашего наследия, которая тянет нас в Европу, в европейскую культуру.

Но и Европа уже в обозримом будущем может стать если не преимущественно, то в значительной мере мусульманской. Так что и европейскому полюсу нашего противоположения не избежать цивилизационного разлома. Европейские баталии вокруг укрывающих женщину покрывал — тревожный сигнал. Но ксенофобский призыв одного премьер-министра одной из германских земель — “Kinder statt Inder” («Больше детей, но не индийцев») — вряд ли найдет отклик в семьях коренных европейцев. Швейцарская атака на минареты (к счастью, не нашедшая поддержки в Европе) была сигналом не менее тревожным. Подрывают веками господствующее в нашей стране межконфессиональное и межнациональное согласие и наши фундаменталисты, националисты и ксенофобы (прочищу одного известного журналиста из уважаемой газеты: «не дай бог закричать на всю ивановскую здесь, на Ивановской горке, когда-нибудь какому-нибудь муэдзину»).

Именно с мусульманским миром сближает нас роль религии, проявляющаяся не в растущей религиозности — она у нас не так уж высока и, как во многих других частях мира, повально редуцируется до обрядности, — а в растущей роли церкви. Именно церковь сегодня выступает последовательной защитницей нашей идентичности и цивилизационной особенности («ни Запад, ни Восток»), она наиболее решительно выступает против переноса на российскую почву европейского понимания свободы и прав человека, видя в этом понимании вседозволенность и отход от человеческой морали. Достаточно сказать об ее отношении к гомосексуализму. Ислам, как известно, относится к этому явлению наиболее непримиримо, что оказывает влияние на мусульманское население нашей страны. Однако именно в некоторых мусульманских странах гомосексуализм был всегда распространен больше, чем в особенно либеральных в этом отношении европейских государствах нашего времени. В конце концов, шедевры средневековой арабско-персидской поэзии были созданы и в таком жанре, как *гульман* («мальчики») — стихах, в которых поэты воспевали прелести юных объектов своей однополый любви. Замечу, что при частых призывах к необходимости соблюдения неких целомудренных основ нашей цивилизации понадобилось много времени и еще больше скандалов, прежде чем наши законодатели приняли необходимо жесткие зако-

ны против педофилов. В борьбе против этого ужасающего зла именно Запад был лидером.

Конечно, Россия давно стала государством культурного разнообразия, и навязывание стандартов одной цивилизационной модели (сколь бы успешной и привлекательной она ни казалась) всему населению обречено на неудачу. Культурное разнообразие есть несомненное достоинство и благо, кроме того, оно дает немалые преимущества для вхождения в процесс глобализации. Но приведу один пример того, как вхождение в различные культурно-политические форматы, предопределяемое цивилизационным полиморфизмом (и соответственно культурной амбивалентностью) создает напряженности, требующие решений. Имеется в виду то, что наша страна, закономерно позиционируя себя как государство, одновременно принадлежащее и Западу, и Востоку, действует в конфликтующих между собой форматах. В докладе об исламе, исламизме и исламофобии в Европе, подготовленном Комиссией по культуре, науке и образованию (Могенс Йенсен) и одобренным на июньской сессии ПАСЕ 2010 года, говорится (п. 4), что Ассамблея «сожалеет о попытках государств — членов Организации Объединенных Наций инициировать под эгидой ООН противодействие так называемой диффамации религий, в частности ислама, поскольку такие попытки отражают в большей степени теократические, нежели демократические стандарты». Напомню, что ведения кампании против диффамации религии требует от нашего государства Русская православная церковь. Эту позицию поддерживает и определенное число официальных лиц. Можно ли на самом деле считать, что она отражает «теократические стандарты»? И в какой мере демократические стандарты требуют столь жесткого претворения в жизнь принципа отделения государства от религии (см. там же, п. 5)? Кстати, далеко не во всех странах Евросоюза этот принцип последовательно соблюдается. В Дании пасторы являются фактически государственными служащими. В этом скандинавское государство оказывается похожим на не полностью светскую Турцию, где имамы назначаются государством.

Вообще-то азиатский полюс вынесенного в название нашего форума противоположения неоднороден. Азиатская действительность многолика и чрезвычайно разнообразна. Сингапурская модель у нас в последнее время рассматривается чуть ли не как апогей успешного развития по западному пути, но многие стандарты демократии там отсутствуют. Пример свободы прессы в этой части света дает не Сингапур (где ее нет), а мусульманский несекулярный Пакистан. А применяемая в Сингапуре к преступникам порка ратановыми розгами напоминает скорее афганскую модель, нежели гуманные системы развитых стран, которым по части экономического развития Сингапур действительно не уступает. В этой части непривлекательность сингапурской модели очевидна, а привлекательных элементов немало и у других азиатских стран разного уровня развития, к примеру у Монголии. Те же высокие темпы роста, открытость, плюс та же, что и в Пакистане, свобода прессы. Но при этом именно в Пакистане можно встретить наиболее вопиющие примеры религиозного

мракобесия. Так, часть деобандийских улемов (мусульманских богословов радикально фундаменталистского направления) выступила некоторое время назад с призывом ввести запрет на телевидение, поскольку любое телевидение неизбежно становится орудием растления нравов. Следуя этому призыву, часть местной молодежи устроила на улицах публичное уничтожение телевизоров. Казалось бы, смешно представить, что нечто подобное может произойти у нас или в странах Евросоюза, хотя иногда самые неожиданные предположения становятся явью.

Но все-таки куда же движется Россия? В Азию, куда, похоже, постепенно перемещается центр экономической жизни планеты и где все больше государств входят в число наиболее богатых стран мира, или в стареющую Европу, которая не может существовать без привлечения все возрастающего числа азиатских и африканских рабочих? Разумом в Азию, душой в Европу? Или наоборот? Правы ли те, кто считает необходимым создать свое устройство жизни и даже свою, отличную от всех других политическую систему (об этом не так давно ярко писал Виталий Третьяков), основанные на исконно национальных ценностях и традициях? Но, может быть, нам сначала стоит разобраться в этих ценностях и традициях, поддержав то, что действительно отвечает интересам обеспечения достойной жизни для наших сограждан, и, отвергнув то, что мешает нам развиваться, быть привлекательными и успешно конкурировать с другими нациями?

Думаю, нам не следует ставить самих себя перед надуманным выбором. К сожалению, нас не ждут с распростертыми объятиями ни на Западе, ни на Востоке. Единственно возможный путь для самодостаточной, но живущей в глобализованном мире России — двигаться вперед, сохраняя свою цивилизационную идентичность и заимствуя лучшее в опыте других.

Обратившись к внешнему миру, отмечу, что в современных обществах наблюдаются две противоборствующие тенденции: растущая роль религии в их жизни и секуляризация. Столкновение между этими двумя тенденциями, особенно болезненное в случае, когда разделяющая их линия разлома проходит между различными этноконфессиональными группами, рождает конфликты. Поэтому, согласно М. Кенигу и П. Де Гучтенейре, «важнейший вопрос заключается в том, как в процессе политического регулирования религиозного многообразия соблюсти право личности на религиозную свободу, признавая в то же время религиозные идентичности в публичной сфере».

Некоторые аналитики зашли так далеко, что возлагают вину на существующий и даже углубляющийся раскол между миром веры и миром атеизма за обострение напряженности между культурами, служащее препятствием для усилий по взаимному узнаванию и сближению. Ожесточенная борьба между сторонниками религиозного и светского государства на Ближнем Востоке в результате «арабской весны» ясно демонстрирует необходимость осознания возможных угроз, корнящихся в этом конфликте ценностей.

Демократический ответ на вызов религиозного разнообразия в конечном счете заключается в обеспече-

нии разумного плюрализма, что, однако, не означает, что он в равной степени удовлетворяет все социально-политические силы, прибегающие к религии для продвижения своих целей. Я вкратце коснусь такой общепринятой черты религиозного плюрализма, как толерантность. Даже в обществах, которые довольно далеко продвинулись по пути демократических преобразований, можно нередко услышать критику толерантности как инструмента размывания религиозной идентичности. Концепция толерантности сталкивается с идеей исключительности отдельной религии. Споры о том, верят ли представители различных авраамических религий в одного и того же бога, может ли адепт другой веры достичь спасения, не говоря уже о позиции, которую следует занять по отношению к неверующим и отступникам, носят весьма ожесточенный характер и пока что не привели к сближению позиций.

Когда мы затрагиваем тему взаимосвязи между религией и этничностью, значение приобретает вопрос о том, что те или иные группы считают основным маркером идентичности. Один из представителей Русской православной церкви Владимир Легойда полагает, что религия, будучи сокровенной частью человеческой жизни, является одновременно могучей социальной силой ввиду того, что «она есть то, что философы называют идентичностью человеческого предела». В то же время в России наблюдается разрыв между культурно-религиозной и чисто религиозной идентичностью. Иными словами, люди, причисляющие себя к отдельной конфессиональной группе, в реальной жизни не руководствуются догматами, в которые они на первый взгляд веруют. Часто их религиозность сводится к соблюдению обрядов — и нередко не всех из них. Но, по мнению директора департамента Минрегиона России Александра Журавского, в России как светском государстве религиозная принадлежность не может быть доминантной идентичностью, превалировать должна лишь гражданская идентичность. В Татарстане, где растет роль ислама, подавляющая часть татарской интеллигенции все еще считает, что этничность должна преобладать над религиозностью. Вышеназванный аналитик, подобно многим другим, считает, что проблемы, стоящие перед Россией в этой сфере, вызваны появлением нетрадиционных форм ислама, нехарактерных для России, в традиционном контексте. Борьба между суннитским ханафитским и тарикатистским исламом, которые традиционны для нашей страны, с одной стороны, и приверженцами «чистого ислама», салафитами — с другой, принимает иногда довольно острый характер. Естественно, это создает серьезную проблему для менеджмента этого аспекта культурного многообразия, в котором трудно не сделать ошибок. Разумеется, демократические институты в таких ситуациях обеспечивают наилучшие условия для взвешенного решения проблем. Но, как уже говорилось, даже в обществах с хорошей демократической репутацией наблюдаются процессы, которые вряд ли способствуют нахождению оптимальных форм регулирования культурного многообразия. Я имею в виду элементы дискриминации по отношению к мусульманским общинам, которые можно

заметить в политике ряда правящих партий в некоторых европейских государствах.

В связи с этим можно обратиться к опыту Индии. Как утверждает Гурприт Махаджан, способность Индии сохранить мультикультурную демократию «чаще всего относят за счет (1) наличия полной сил демократии; (2) толерантности доминирующей культуры». Я не уверен в том, уместен ли термин «доминирующей» в контексте тезиса о толерантности, но для поддержания межкультурного мира она очевидно должна проявляться всеми культурами, представленными в обществе. Но если нетолерантность проявляется носителями культуры большинства, не подлежит сомнению, что носители культуры меньшинства ответят им тем же. Вообще говоря, я также не уверен в том, что цивилизации могут подразделяться на толерантные и нетолерантные. Представители многих из них склонны применять тезис о толерантности как раз к собственной цивилизации, подчеркивая, что ей присуще это качество. К сожалению, однако, в истории всех культур были периоды — у кого длительнее, у кого короче, — когда отношение к людям чужой этничности или веры никак не соответствовало канонам терпимости.

В нашем глобализованном мире вопрос культурной идентичности стал чрезвычайно сильным императивом, так как приверженность к своему языку, религии и другим маркерам этой идентичности (независимо от того, унаследованы ли они с точки зрения символической антропологии или сконструированы) рассматривается как определяющий фактор, гарантирующий сохранение этноконфессиональных групп. Предрассудки, мифы, ошибочное восприятие, а также страхи и чувство угрозы порождают национализм, ксенофобию, исламофобию, антисемитизм, враждебность ко всему непохожему.

В связи с этим можно вспомнить, что в XXI веке две мировые войны и две великие революции в России и Китае показали хрупкость не только мировой политической системы, но и мира в целом. «Мы, цивилизации, теперь осознаем, что мы смертны», — констатировал французский поэт Поль Валери. Политики и экономисты к концу XX века открыли для себя, насколько ограничены имеющиеся в их распоряжении инструменты для разрешения конфликтов и преодоления угроз, возникающих в мире.

Оказалось, что принадлежность к определенной цивилизации никак не гарантирует гармоничного развития общества, так как внутри общества и внутри отдельных индивидов таятся деструктивные элементы варварства. Становится все более очевидно, что нужно подавлять не отличные от своих цивилизационные принципы, а элементы варварства, дремлющие в мире.

Прекращение идеологической и отчасти межгосударственной конфронтации в конце XX века вызвало кризис идентичности у широчайших масс людей. Состояние их умов во всевозрастающей степени требует самоидентификации, и мир совершил прыжок вспять, вернувшись к своим первозданным основам — религии и культуре. Но этот процесс потенциально влечет за собой угрозу распада мира на дискретные религиозно-

культурные блоки, не готовые к сближению и гармоничному сотрудничеству. Некоторые аналитики пророчат наступление «периода интенсификации культурных войн». Этого, однако, можно избежать. Необходима готовность как национальной власти, так и интеллектуальной элиты к диалогу и сотрудничеству. И если раньше цивилизационные принципы обеспечивали условия и возможности для принятия политических решений, в настоящее время решения, принимаемые политиками, должны служить целям защиты отличных друг от друга цивилизаций и сотрудничества между ними.

Сила все еще остается основным аргументом в политике, но ее значение как фактора мировой стабильности и устойчивости все более сокращается. Мир един, все в нем взаимосвязано. Вражда и нетерпимость в условиях глобализации перестают быть частными явлениями, они вольно или невольно приобретают глобальный контекст, вырастая в угрозу всему миру. Отношения между цивилизациями никак не могут сводиться к противостоянию и конфликту. Напротив, они давно уже развиваются как взаимодействие в областях «высокой» культуры и благосостояния, как знакомство друг с другом, признание и обмен достижениями. Не столкновение цивилизаций угрожает миру, но ослабление цивилизационных принципов в современной жизни различных народов.

Отвечая в Вене на 5-м Глобальном форуме «Альянса цивилизаций» гарвардско-пекинскому профессору Ту Вэймину, который высказал общепринятую мысль о том, что сегодня мы живем в эпоху «растущего разнообразия культур», я возразил, что на самом деле в наши дни мы являемся свидетелями *уменьшения* разнообразия культур. Некоторые малые и слабые культуры уже почти исчезают, маргинализируются или теряют важнейшие основы своей идентичности под влиянием глобализации, ряд других чувствуют себя уязвимыми, их выживанию угрожает наступление более сильных культур посредством агрессивного проецирования своих ценностей и культурных продуктов или прямой интервенции. Это может углубить опасные раздоры и легко превратиться в источник конфликтов. Нашей целью в рамках «Альянса цивилизаций», на мой взгляд, должна быть защита всех культур с тем, чтобы позволить носителям малых и слабых культур почувствовать себя уверенными, свободными от страха потерять свою идентичность.

В этом ответе я также подчеркнул, что одним из стержней защиты культурного многообразия, развития демократии и разумного управления должно быть наше уважение меньшинства. Меньшинства по взглядам и мнениям, этничности, религии, культуре. Уважение ко всей непохожести. Уважение к слабым. При этом, конечно, всячески должна быть поддержана идея значимости межкультурного диалога, что было лейтмотивом многих выступлений. В то же время я поставил вопрос о необходимости и, возможно, приоритетности диалога *внутри одной культуры*, учитывая, что сегодня мы являемся свидетелями растущей напряженности главным образом в рамках одной культуры, одной религии, одного общества. Например, относительно интерпретации такой универсальной ценности,

как права человека. В связи с этим можно упомянуть продолжающиеся в европейских обществах горячие дебаты о регистрации однополых браков или праве однополых семей на усыновление детей. Или еще более ожесточенные дебаты внутри мусульманских обществ по вопросу *такфира*, предполагаемого права группы верующих подвергать других анафеме. Не стоит и говорить о том, насколько серьезно эти общества страдают от межрелигиозных вооруженных столкновений, иногда в форме отвратительных зверств, жестокого подавления и кровавых конфлик-

тов. Необходимость борьбы с экстремизмом остается условием успешного строительства нового международного порядка, основанного на упомянутых выше широко разделяемых ценностях, поддерживаемых Альянсом.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО гласит, что культурное многообразие «столь же необходимо для человечества, как и разнообразие видов для природы». Социальная справедливость и гармония, демократия и разумное управление обеспечивают наилучшие условия для его сохранения и развития.

М. Б. Пиотровский¹

НЕТЕРПИМОСТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

Нынче модно ругать мультикультурализм и чуть ли не с радостью говорить о провале якобы основанной на нем политики.

Радоваться нечему! Альтернатива сегодня — гражданская война. Такая, какая идет сейчас в Сирии. Сексуализм против фундаментализма. В основе многих сегодняшних и завтрашних конфликтов — нетерпимость. Слово «терпимость» в своем «европейском» переводе (толерантность) тоже сейчас модно. Но оно ничего не значит. Во всяком случае, ничего положительного. А вот слово, от которого оно происходит, становится снова, как прежде, ключевым — «нетерпимость». И одноименный фильм Гриффита нужно показывать снова.

В этой обстановке есть потребность новых размышлений о диалоге культур, в частности, о том, что диалог предполагает двоих, а не множество участников. И, как во многих других случаях, двусторонняя конкретность полезнее, чем отвлеченное благолепие. Ценности и смыслы бывают различными, большую их часть никто отбрасывать не собирается. Потому чисто религиозный диалог невозможен. Догматами не поступаются, а идеальное «молиться вместе» в Ассизи переходит в «молиться рядом». Всегда лучше точно определить позиции, как это сделано в отношении авраамических религий в знаменитом папском послании «В наше время».

За разными смыслами стоят и разные цели. В средневековой Европе гетто были средством защиты собственной идентичности, а превратились в средство угнетения. Мультикультурализм можно использовать

и как орудие ассимиляции, и как защиту от ассимиляции. Разница определяется многими факторами. Однако похоже, что для того, чтобы найти правильные рецепты поведения, опять нужна интеллигенция. Быть может, даже опять — ошибки интеллигенции.

У этого «монашеского ордена» много недостатков, он часто прокладывал дорогу очень злым людям и страшным событиям. Но некоторые общие принципы интеллигентности сегодня очень остро противостоят реальности. Неинтеллигентно судить о людях по их деньгам и доходам. Сейчас деньги — одновременно и критерий хорошего, и показатель плохого. Происходящее смешение порождено тем, что деньги не должны быть критерием достоинств или недостатков.

И эти правильные критерии нельзя перечислить в простых фразах. Достоинства человека — в образовании и в его готовности нести образование. В этом смысле прекрасной моделью является музей. И именно вокруг музеев сейчас идет борьба. За ними с трудом признается право создавать и хранить знания. В них видят поставщиков услуг населению либо служителей власти. За музеями готовы признать право магнита для туриста и мастерской по «печатанию» мелких денег. Музеи же самоотверженно борются за право быть академией и университетом, где все доставляет удовольствие, но трудное и полезное, а не «халявное».

Музеи помогают нам понять удивительное переплетение зеркальных образов и стереотипов, составляющих сегодняшний мир. Кавказские абреки-разбойники реальны, но рождены они романтическими образами русских военных писателей.

Исламский джихад более чем реален, но возрожден он европейским культом крестовых походов и священной войны. Хиджаб стал символом ислама под влиянием миссионерского ужаса перед ним. Мусульманские упреки западной цивилизации зеркальны западным упрекам исламу: язычество, материалистичность, физиологичность, угнетение женщины, нечистоплотность.

В результате при всяком сближении происходит взрыв.

Разграничений много, и диалог часто бывает разговором глухого со слепым. Он не безнадежен, но надо искать точки, может быть, и спора, но спора плодотворного.

¹ Директор Государственного Эрмитажа, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор. Автор более 250 научных работ, в т. ч. книг: «Исторические предания в Коране», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее Средневековье. Становление средневекового общества», «Взгляд из Эрмитажа», «Обретение двух святынь. Футух аль-харамайн» и др. Член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, член Совета по науке при Президенте РФ. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток». Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней, многочисленными зарубежными орденами. Лауреат премии Президента РФ в области культуры и искусства. Почетный гражданин Санкт-Петербурга.

Одной из таких точек может быть забота о культурном наследии. Это вопрос острый, но общечеловеческий подход тут возможен, и потому можно говорить и спорить о том, почему плохо уничтожать Будд в Бамиане, статуи Ленина и мавзолей в Тимбукту. Есть культура и искусство, а они могут найти себе место и вне идеологии. Примеры России, особенно советской, могут тут быть полезными.

Другой острый вопрос — судьбы христианства на Ближнем Востоке. Культура как цель существования человечества дает возможность говорить о том, что уничтожение христианства в местах его рождения приведет к постепенному умиранию этих мест и погубит христианскую цивилизацию в целом. Речь идет о куль-

турной генетике. Гуманитарное интеллигентное знание показывает, что у культуры есть ДНК и культуре опасна генная инженерия.

Есть и острые эпизоды, о которых можно с увлечением спорить. Плохой фильм «Операция «Арго»» сопровождается хорошей книгой, легшей в его основу. Это история захвата американского посольства в Тегеране. Для всех русских памятна аналогичная история, когда погиб Грибоедов. Сходство и различия двух событий могут быть хорошим примером для диалога культур и культурных стереотипов. Даже два принципиальных несогласия вместе могут дать хороший двухсторонний результат.

Диалог культур должен быть острым и диалектичным. Иначе он не становится даже разговором.

В. В. Попов¹

ЕВРАЗИЙСКАЯ СУЩНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

История России — ее главная защитница, все испытания на ее таинственной судьбе оборачивались ей на пользу.

Ф. И. Тютчев

Волею судеб Россия оказалась на перекрестке мировых цивилизаций между Европой и Азией и сформировалась в силу географических, исторических, демографических, культурных параметров как неразрывная целостность западных и восточных сторон, как самостоятельная уникальная цивилизация.

Российская цивилизация — это сплав исторических связей русского народа с другими группами восточных славян, народами уральской, финно-угорской группы, с алтайской (особенно тюркской), кавказской и другими языковыми семьями Западной, Центральной Восточной Азии, Тихоокеанской культурой. В конфессиональном плане это взаимодействие православия с Западом (католицизмом и протестантством), Востоком (исламом: Поволжье, Кавказ, Дагестан, Сибирь) и северным буддизмом и ламаизмом, а также многими местными верованиями — шаманизмом, язычеством народов Крайнего Севера.

В евразийском пространстве веками сосуществовали две крупнейшие мировые религии — христианство и ислам как вероисповедания двух этносов — славянского и туранского. Формой их взаимодействия стал диалог.

На протяжении истории российская цивилизация возникла как уникальная полиэтничная, многоконфессиональная целостность и общность. (Советский народ как наследник этой цивилизации представлял собой более высокую ступень, ибо процесс взаимного обогащения, слияния развивался быстро и по вос-

ходящей. Советская цивилизация — исторически короткая форма попытки построить общество на началах справедливости, создать строй, который соответствует гуманистическим идеалам. Попытка не вполне удалась, но оценивать ее полностью негативно — неверно и безнравственно. Она оказала огромное воздействие на мировые события.)

Наш выдающийся современник — ученый и просветитель Д. С. Лихачев так определял Россию: «Это синтез русской славянской культуры на базе Византии и Скандинавии в органичном сочетании с угрофинскими, тюркскими, татаро-монгольскими народами, через которые воспринята культура Китая, Индии».

Примечательно, что еще в XIX веке Д. И. Менделеев, имя которого навсегда запечатлено в анналах истории, предвидел «превращение Китая в гиганта» и подчеркивал важность установления с ним тесных отношений.

Русский этнос, вступая в дружественные отношения с соседними, приобрел черты суперэтноса многонационального сообщества. Так возникла великая держава-суперэтнос, оказавшая в XIX–XX веках огромное воздействие на мировые события. Дезинтеграция Советского Союза не привела к развалу суперэтноса: государства могут появляться и исчезать, а суперэтнос существует. Он более жизнеспособен, ибо существовал веками и отвечает жизненным интересам. (О Петербурге Д. С. Лихачев сказал: этот город принадлежит не европейскому или восточному типу, а русскому типу со способностью поглощения и преобразования гетерогенных (восточных) цивилизаций.)

Известный политический и общественный деятель XIX века А. П. Бестужев-Рюмин писал: «Русские, как и все великие исторические народы, являются народом смешанным. Славянская цивилизация севера

¹ Директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, профессор. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Персидский залив в планах и политике Запада», «Ближний Тунис» и др. Награжден орденом Дружбы.

и северо-востока и татары. Эти племена, растворяясь среди славян, неизбежно приносили в их быт элементы собственной культуры. Наши предки абсорбировали скандинавские племена».

Примечательно, что В. Г. Белинский и Ф. М. Достоевский признавали, что самой коренной чертой русского национального характера является способность усваивать всевозможные черты любого национального типа. Русская культура и цивилизация вобрали в себя лучшие достижения многих соседних с нами народов и национальностей. Такой процесс взаимного обогащения, по сути дела, создает предпосылки для восстановления в более активном виде евроазиатской роли России.

За время многовекового становления русской цивилизации она испытала воздействие многих культур. Если за точку отсчета условно возьмем IX век, то следующее глобальное воздействие оказал тюркский мир: татаро-монголы привнесли элементы государственной культуры — систему податей, налогов, перепись, первые уроки дипломатии. При этом в стремлении освободиться крепло желание русских к единению. Кульминационным моментом в этом процессе наш выдающийся историк Л. Н. Гумилев считает Куликовскую битву 1380 года. «Ее этническое значение огромно, — писал он, — суздальцы, владимирцы, псковичи и другие пошли сражаться как представители своих княжеств, но вернулись русскими, хотя и живущими в разных городах. В итоге Московская Русь стала реальностью, фактором исторического значения. Третий глобальный процесс — это европеизация России, начатый с эпохи Петра и продолженный при Екатерине Великой. Этот этап помог России покончить со Средневековьем, вывел ее на мировую арену. Важным фактором был происходящий в это же время процесс сближения с Кавказом».

К слову, Иван Грозный расширил территорию в 30 раз, создал централизованное, многонациональное, самое крупное — 6 млн жителей — евразийское государство, где существовали бесплатное начальное образование, суды, местное самоуправление.

Представляется уместным особо отметить значимость трудов Л. Н. Гумилева, которого называют великим евразийцем нашего времени (в октябре 2012 г. отмечалось 100-летие со дня его рождения), в утверждении идеи вековой общности, взаимосвязанности народов, населяющих безграничные пространства Евразии от Балтики и Карпат до Тихого океана. «Именно в Евразии народы связаны не по тому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности исторических судеб. Евразия — это огромный континент не только как пространство, но и в едином историко-культурном смысле», — писал ученый. Исключительно важной является и концепция Л. Н. Гумилева о комплиментарности народов Евразии, их взаимодополняемости, что создает благоприятную почву для диалога, и это отразилось в ставшем хрестоматийным его изречении: «Нельзя стремиться сделать людей подобными себе, а надо учиться жить с ними в согласии». Этот его тезис сегодня звучит как никогда актуально.

Россия стала активно расширяться с XVI века, органически впитывая в себя многие другие народы и народности.

В отличие от американцев, которые завоевывали территорию путем истребления исконного населения индейцев, русские первопроходцы, осваивавшие соседние земли, всегда стремились наладить взаимопонимание и взаимодействие с населявшими их народами и национальностями, хотя продвижение к новым рубежам не всегда шло только мирным путем.

Историческая особенность нашего развития заключается в том, что русские никогда не жили одни на своей территории, а тесно взаимодействовали с представителями почти 200 национальностей. Необходимость такого сожительства приводила к смешению кровей, что очень плодотворно сказалось на появлении целого ряда выдающихся личностей мирового масштаба, которые навсегда прославили нашу страну. Как тут не вспомнить, что солнце русской поэзии имел предка из Абиссинии, а сегодня это район Эритреи, то есть в жилах Александра Сергеевича Пушкина текла и мусульманская кровь. Может быть, не случайно его «Подражание Корану» до сих пор является вершиной духовного понимания иной религии и культуры.

Вероятно, стоит упомянуть о том, что многие известные наши писатели и художники имели татарских родственников, а мать В. А. Жуковского, например, была турчанкой. Непревзойденный мастер гармонии К. Д. Бальмонт говорил, что его мать происходила из княжон Золотой Орды, а отец был известным православным помещиком.

Хотя в России и случались конфликты на национальной почве, но это было скорее исключением из правил. Линия на терпимое отношение к другим национальностям и верованиям проходила красной нитью через всю российскую историю (исключения из правил, разумеется, были). Тем не менее идеи толерантности, собирания земель, лояльное отношение к другим нациям и народностям господствовали и в советский период нашей истории.

Это взаимодействие и явилось базой создания великой русской культуры, свершениями которой мы по праву гордимся — в поэзии, литературе, музыке, художественном творчестве, балете и т. п. В этом смысле русские были главным локомотивом наших выдающихся достижений в культурной области. Именно благодаря этому стали известны имена таких блестящих поэтов и писателей, как киргиз Чингиз Айтматов, аварец Расул Гамзатов, балкарец Кайсын Кулиев.

СССР осуществлял в XX веке контроль над Евразией от центральной Германии до Тихого океана, от Кавказа до Гиндукуша. Ныне граница откатилась к Северному Кавказу, отодвинулась на восток на 1,5 тыс. км до границы с Белоруссией. Столетия расширения России оказались потерянными.

После распада СССР выглядит абсурдным утверждение «о вхождении России в мировую цивилизацию». Россия — сама великая цивилизация (более 100 народов), и это понимание необходимо закреплять. Это придаст уверенность в собственных силах как русским в России, так и 25 млн, оказавшимся

за пределами, ибо они убеждаются в том, что Россия их главная опора.

В современных условиях границы русской культуры и цивилизации расширяются. В силу своего геополитического положения: треть нашей территории находится в Европе, а две трети — в Азии — Российская Федерация, соединяющая два континента, играет универсализирующую роль и по своему статусу является основной составляющей евразийской цивилизации.

Россия, несомненно, является самостоятельной уникальной цивилизацией. Расположение сразу на двух континентах и огромное наше пространство, с одной стороны, представляют собой определенные ограничители, а с другой — безусловно, открывают дополнительные возможности, особенно в плане налаживания реального партнерства цивилизаций.

Системный кризис капитализма показал несостоятельность концепции С. Хантингтона о неизбежном столкновении цивилизаций. Более того, выдвижение на мировую арену Китая и Индии подтверждает, что западная модель не универсальная и не лучшая.

Евразия становится регионом, где прогнозируют самые важные геополитические изменения, и американская элита ныне рассматривает эту зону как главного соперника и даже противника в стратегии по обеспечению могущества и первенства США в мировых делах.

Целью США является расчленение мирового пространства Евразии, ибо цельная и стабильная именно она, а не только Китай, является соперником США в Мировом океане. Это очевидно в силу ее огромного пространства, выхода к морям, огромных запасов углеводородов, ценных металлов, перспективной демографической ситуации: есть подготовленные кадры благодаря традиционно существующим крупным научным центрам.

США пытаются подобраться к средоточию мира, это одна из причин кампании против Ирана (помимо стремления ограничить его влияние в заливе), ибо Иран лежит в предгорьях к этому району. Большое стратегическое значение имеет Центральная Азия — пространство между Каспием и Китаем.

В России восстанавливается концепция Евразии. Обновленная возродившаяся Евразия должна стать основой национальной идеи и стратегии. В этом гарантия выживания России, ее безопасности, независимости, авторитета, ее сохранения как уникальной цивилизации в качестве одной из мировых держав.

В принципе основой должны быть три центра экономического и политического управления: Запад — Москва, Сибирь и Дальний Восток, то есть горизонтальный полицентризм — слияние разных районов в гармонии и единстве, при использовании русского языка как связующего.

В сегодняшнем стремительно меняющемся обществе уходят в прошлое многие привычные образы, структуры, даже некоторые ценности. На авансцену мировой политики выходят такие государства-цивилизации, как Китай, Индия, Бразилия. Их отличают высокая степень национальной самоидентификации, верность традициям и стремление интегрироваться

в глобальное сообщество, сохранив при этом национальный суверенитет и собственную систему ценностей, распространив их за пределы национальных границ.

Некоторые исследователи полагают, что наиболее ярким проявлением этого, по их утверждению, «фазового перехода» является резко возросшее значение человеческого потенциала. Речь, по сути дела, идет о новом этапе в цивилизационном развитии человечества. В складывающемся новом соотношении сил на мировой арене Россия оказывается «зажатой» между растущей мощью Китая, активной экспансией НАТО и угрозами с юга. «В таком контексте евразийская интеграция становится не просто одним из важных для нее факторов, но и глобального масштаба проектом, от которого зависит само суверенное существование Российского государства. Причем понимаемое не в узком смысле, как экономическая и таможенная интеграция нескольких стран СНГ, но в самом широком, в том числе политическом ее проявлении» («Вестник МГИМО». 2012).

Созвучными этому тезису являются и мысли академика М. Л. Титаренко: «Только Россия, основывающаяся на евразийской парадигме, способна решить проблемы возрождения, сохранения своей территориальной целостности, подъема культур всех населяющих ее народов и расцвета русской культуры — стержня единства и взаимодействия цивилизаций».

И представляется логичным и очевидным, что именно на этом аспекте был сделан акцент в ставшей программной статье В. В. Путина в октябре 2011 года. Эта концепция была в сжатом виде изложена следующим образом: «Евразийский союз — это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества. При этом не собираемся кого-либо торопить или подталкивать. Это должно быть суверенное решение государства, продиктованное собственными национальными интересами. Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов».

В современных условиях глубокого глобального экономического кризиса, крайнего напряжения обстановки в различных районах мира, обострения конфликтов единственно возможной стратегией для России является евразийская политическая и экономическая интеграция, которая позволит консолидировать ее собственные ресурсы и вовлечь в этот процесс в той или иной степени потенциал и других стран. Эта идея четко изложена в статье В. В. Путина: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной связки между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом». Здесь мы продолжаем линию наших замечательных предков, в частности Д. И. Менделеева, который говорил, что «мы должны сыграть роль примирителя между Европой и Азией».

В этих условиях на повестку дня снова со всей актуальностью выходит вопрос о строительстве скоростной

железной дороги между Санкт-Петербургом и Владивостоком, которая бы связала скрепой государство Российское и явилась тем крупнейшим национальным проектом, вокруг которого могло бы начаться быстрое развитие прежде всего наших азиатских районов. Об этом размышлял (и как точно он предвидел судьбу отчизны!) еще М. В. Ломоносов, когда говорил, что у России три стратегические задачи: могущество прирастает Сибирью, Северным морским путем и ростом населения русских при развитии отношений с народами нашей Азии.

На основе современной концепции евразийства России суждено играть важную роль в развитии сотрудничества между различными регионами мира. По существу Москва уже сегодня активно посредни-

чает в самых различных конфликтах между Западом и исламским миром, а в дальнейшем эта наша ниша может быть расширена.

Усилия, предпринимаемые нашей дипломатией в урегулировании конфликта на Корейском полуострове, проблемы ядерного оружия Ирана, в Сирии, Афганистане, на Ближнем Востоке и тому подобные показывают, что этот потенциал миротворчества огромен, и если мы реализуем его на практике, то Россия может стать одной из ведущих сил в плане налаживания партнерства цивилизаций.

Как отмечал в начале 2012 года С. В. Лавров, «сегодня идеи реального сотрудничества цивилизаций переходят из области академических дискуссий в сферу реальной политики».

Васил Проданов¹

ТРИ ТИПА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Понятие «культура» имеет более ста дефиниций. В данном случае я понимаю под **культурой** систему ценностей и норм, правил поведения, связанных с *отношениями между людьми*, определяющих своеобразие, идентичность определенной общности. В нее включаются соответственно искусство, традиции, ритуалы, нравы, мораль, этническая или национальная идентичность, определенное восприятие истории общности, язык с соответствующей системой значений. В этом смысле культура имеет различные уровни — от бытовой культуры через художественную литературу и религию до цивилизаций в понимании Самюэля Хантингтона. Эта система ценностей и норм обуславливает идентичность людей, но не связана в обязательном порядке с общественно-политическим устройством того или иного общества.

Культура дефинирует, распространяет, утверждает в определенной общности ценности, которые являются само собой разумеющимися и не подлежат сомнению. Они придают смысл и индивидуальной жизни человека, определяя общий горизонт действий, и существованию больших групп индивидов. Культура конструирует мир сакрального, придает ему специфический смысл и отделяет его от мира профанного, мира быта, целесообразности. Сакральное предполагает некую высшую действительность, сверхценности, ради которых стоит жить и умереть.

Секуляризация и модернизация приводят к потребности в формировании новых типов сакральности и профанности, отличающихся от религии и имеющих светский характер. Основные секуляризованные варианты конструирования такой действительности — это нация (народ, Отечество, Родина), с одной стороны,

¹ Член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дльжимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданское общество и глобальный капитализм», «Насилие в современную эпоху», «Будущее философии», «Социология философии», «Теория болгарского перехода» и др. Член редколлегии ряда научных журналов.

и идеология («светлое будущее коммунизма», «естественные права либерализма» и др.) — с другой.

Культуру в настоящих условиях так называемой «поздней современности» характеризует то, что она не выделена в самостоятельную сферу со своей специфической рациональностью, как в предыдущие периоды (что описывает, например, Дэниел Белл в своей знаменитой книге «Культурные противоречия капитализма»²), а пронизывает все сферы человеческой жизни, в частности, воспринимаемые до этого в качестве обособленных от нее сферы экономики и политики. Происходит процесс культуризации развития, а Самюэль Хантингтон даже говорит о том, что основные конфликты в XXI веке будут возникать между различными культурами (цивилизациями), а не на экономической, политической, идеологической основе³.

Термин «сближение культур» метафоричен и многозначен, но, бесспорно, сегодня он неотделим от идеи исчезновения существовавшей дистанции между близкими и дальними культурами. Это может как усилить взаимодействие, так и привести к конфликтам между ними. И взаимодействие, и конфликты воздействуют на культуры, изменяют их.

1. Сближение культур

Встречи, диалоги и взаимодействия различных культур проходили в различные эпохи, но в настоящее время этот процесс протекает интенсивнее, чем когда бы то ни было в истории. Он характеризуется семью основными формами сближения культур.

Первая форма — *исчезновение пространственных дистанций*. В прошедшей истории культуры всегда были очень удалены друг от друга в пространстве, и их сближение было результатом длительного процесса и преодоления огромных расстояний. Сегодня глобализация, которая чаще всего понимается как своеобразная

² Бел Д. Культурные противоречия на капитализма. София : Народна култура, 1994.

³ Хантингтон С. Сблъсъкът на цивилизациите и преобразуването на световния ред. София : Обсидиан, 2000.

компрессия пространства, превращается в инструмент, с помощью которого предыдущие далекие друг от друга культуры встречаются непосредственно и могут взаимодействовать друг с другом в различном формате.

Вторая форма — *временное сближение*. Культуры, которые в предыдущие периоды были разделены временной дистанцией, сегодня благодаря культурному туризму и дигитальным коммуникациям могут встречаться в представлениях и восприятии современников. Совершенствование индустриализации, производства дает возможность конструировать и воспроизводить культурные продукты разных периодов, своеобразного их смешения в постсовременности. Тот или иной период в истории уже не выглядит как просто локализованный в каком-то дальнем отрезке линейно развивающейся истории, а превращается в предмет непрерывного актуального конструирования и реконструирования в борьбе за историю между различными группами, общностями, идеологиями, занимающимися историческим прошлым. Прошлое теперь рассматривается не просто как сто, двести, тысячу лет назад, а вновь и вновь переосмысливается, и это имеет значение для сегодняшнего восприятия и поведения. Так, мощи Иоанна Предтечи привлекают тысячи людей в Несебр, мэр Пловдива дискутирует с Министерством культуры по вопросу о том, где должно быть казанлыкское сокровище, а сербы могут начать вести войну за Косово, ссылаясь на то, что шесть веков назад состоялась битва на Косовом поле, которая имела для них решающее значение. Сегодняшнее поведение дефинируется через прошлые культурные артефакты, и дистанция во времени исчезает.

Третья форма — *рыночное сближение и виды культурной индустрии*. Глобализация и культурализация экономики связаны с созданием глобального рынка культурных продуктов, при этом рыночный механизм играет ключевую роль в создании, распространении и потреблении культурных продуктов. Сегодня глобальный рынок культуры включает произведения различного качества, а также рынок всех остальных товаров. В зависимости от возможностей и желаний потребителей конструируются различные продукты, что связано со следующими фактами:

— изменение возможностей технического воспроизводства и резкое увеличение числа потребителей какого-либо одного культурного продукта, появление феномена массовой культуры. Эволюция форм и жанров искусства неотделима от процесса повышения производительности труда и падения цены на единицу продукции. Число художественных изделий, а также их потребителей может бесконечно возрастать — как при массовом производстве индустриальных товаров;

— возрастающему включению культуры в рыночный оборот способствуют глобальная приватизация и маркетизация, что приводит к тому, что глобальный рынок культурных продуктов становится одним из самых быстро увеличивающих свою долю;

— увеличение свободного времени, быстрый подъем уровня образования и доходов больших групп людей, удовлетворение основных жизненных потребностей становятся предпосылками для перераспреде-

ния времени и ресурсов потребления культурных продуктов. Параллельно с этим в результате глобализации локальный потребитель культурных продуктов может легко получить доступ к произведениям любого этапа истории в любой точке планеты, то есть формируется глобализованный рынок культурных товаров. Миллиардные туристические потоки превращают культурный туризм, связанный с музеями и историческими местами, в один из наиболее быстро увеличивающихся рынков планеты.

Четвертая форма — *внешнеполитические механизмы сближения*. Распространение своей культуры и культурного влияния — ключевой элемент внешнеполитической деятельности государств, причем некоторые из них наряду с существованием традиционного атташе по культуре создают мощные культурно-информационные центры. Чем больше государство, тем больше у него возможностей утверждать свою культурную и соответственно идейную гегемонию как через свои посольства, так и путем финансирования различных гражданских организаций и так называемых “think tanks”, которые распространяют выгодные для них интерпретации в публичном пространстве. Большие страны, такие как, например, Франция, финансируют переводы и издание своих книг, чтобы распространить и утвердить свою культуру в различных странах и регионах.

Пятая форма — *внутриполитические механизмы сближения*. Потоки эмигрантов и появление новых культурных реалий в иммигрантских государствах, таких как Канада, США, Австралия, обуславливают проведение политики мультикультурализма — поддержки культурного многообразия в рамках одной гражданской нации, когда сосуществуют и взаимодействуют различные культуры.

Шестая форма — *гегемонные формы сближения*. Они реализуются через доминирование культурных индустрий развитых государств, которые распространяют с помощью современных коммуникационных средств и культурного рынка свои культурные продукты по всему миру.

Седьмая форма — *сближение в результате смешения культур*. Это становится типичным в условиях глобализации, разрушающей границы между стилями и культурами, особенно в процессе смешения народов и создания больших эмигрантских общностей. Реализуется как взаимный обмен и появление разнообразных видов смешений культур — постмодерновый пастиш, креолизация, метисация, исчезновение различий между высокой и низкой, элитарной и массовой культурами, множественные сочетания между культурами и стилями. Происходит перенос существующих форм и видов практики из одной среды в другую. Получают развитие культурные гибриды в форме новых течений, смешения стилей, пастишей на различных уровнях — как в виде направлений в том или ином виде искусства, моде, производимых продуктах, разработках художественных творцов, так и в виде культур различных групп, которые изменяются в процессе глобализации, обмениваясь между собой элементами.

2. Конфликт культур

Сближение неизбежно порождает и большинство конфликтов между культурами. Расстояние уже не является преградой, и различия между ними в сочетании с современными социально-экономическими дистанциями легко перерастают в конфликты. Диалогичность — это культурный идеал, но он сталкивается с реальностью — мы живем в мире асимметричных отношений. Огромное количество государств вынуждено считаться с культурой, идеологией, религией сильных. Асимметричные военные, экономические, технологические отношения между отдельными странами и регионами являются предпосылкой асимметричности и в культурном отношении, проявляющейся в гегемонии, ассимиляции, дискриминации, империализме — войне сильных против слабых. Противоречия и конфликты в социально-экономической системе осознаются и реализуются группами через идеологические, культурные и религиозные противопоставления и конфликты. Наиболее типичными являются три основные формы противопоставления и конфликтности культур.

Первая форма — *неравенство между культурами и культурным империализмом*. Существует большое неравенство в ресурсах, которыми обладает та или иная культура, причем процесс взаимодействия приводит к доминированию одних культур за счет других. Это неравенство связано с демографическими и экономическими масштабами различных культур, а также с характером и силой того, что Теодор Адорно называет «культурными индустриями»¹. Это обуславливает два типа отношений между культурами:

— *ассимиляция*, когда более мощная культура подчиняет себе более слабую и, иногда сохраняя ее отдельные элементы, тем не менее постепенно ликвидирует ее, что приводит к изменению идентичности;

— *гегемония, или культурный империализм*, связанный с мировой гегемонией западной, в частности американской, культуры, которая уничтожающе действует на остальные культуры. В сущности, через Голливуд и остальные американские культурные индустрии, а также через огромное количество рекламных продуктов, пропагандирующих глобальную потребительскую культуру, США проводят политику глобального культурного империализма по отношению к остальному миру. Из десяти наиболее популярных фильмов, которые смотрят в любой европейской стране, хотя бы семь произведены в Америке. Американские фильмы уже занимают 65 % рынка Франции, 85 % — Италии, 90 % — Германии и почти весь британский кинорынок². 70 % фильмов в европейском прокате — американские, в то время как только 1 % фильмов, которые смотрят в Америке, — европейские.

Вторая форма — *столкновение цивилизаций* и трансформация геополитического пространства. Эта идея стала популярной в связи с выходом в свет знаменитой книги Хантингтона «Столкновение цивили-

заций». В последние два десятилетия более 90 % вооруженных конфликтов происходят внутри государств, а не между ними. Для оправдания поведения в этих конфликтах используются не идеологические, а культурные и религиозные аргументы. Существует тенденция постсовременной фрагментации государств, причем этот процесс обоснован культурно-этническими и религиозными мотивами. Террористы-самоубийцы на Ближнем Востоке и те, что направили самолеты на башни Всемирного торгового центра в 2001 году, руководствовались религиозными мотивами.

В условиях быстро меняющегося мира потребность в быстром формировании идентичности в современных обществах актуализирует, усиливает и переформулирует прошлые травмы и несправедливость в отношениях между общностями, которые можно охарактеризовать как столкновение культур. В этом смысле можно говорить о том, что идея Сэмюэла Хантингтона о «столкновении цивилизаций» верна.

Третья форма — *культурные войны*. Это понятие стало популярным в последние годы и используется для описания некоторых проявлений мультикультурной ситуации в США в связи со столкновениями между противниками и сторонниками абортов, гей-сообществ, феминизма, религиозного обучения в школах и др. Культурные войны направлены на распад альтернативной культурной системы, ее радикальное изменение и перепрограммирование. Они предполагают несовместимость основных ценностей и норм, составляющих сущность каждой из них, и приводят к культурализации политического пространства, появлению правых и левых ориентиров в культуре. Это проявляется в развитых странах в трансформации сторонников бывших левых в так называемых либеральных левых, для которых характерны защита различных видов идентичности, терпимость к различиям и разнообразию. В то же время наблюдаются появление и рост количества ксенофобских и националистических правых, которые выступают против различий и терпимости к различным процессам, характерным для новых левых в культуре.

3. Трансформация культур

Сближение может быть понято только в антисубстанциалистском контексте: сближаются не некие неизменные сущности, а сущности, являющиеся результатом общих социальных изменений и встречи культур в условиях глобализации, происходят интенсивный процесс конструирования и реконструирования культур, их трансформация.

Выделяются восемь направлений трансформации и реконструирования культур.

Первое — *трансформация истории*. Непрерывное конструирование и новое прочтение истории, представляемое как поиск аутентичной, истинной истории, лежит в основе различных культур и столкновения интерпретаций истории, через которые формируются различные виды идентичности. Религиозные фундаменталисты, например, говорят о необходимости возвращения к аутентичному исламу, но это не ислам VII века, а конструируемая с помощью

¹ Adorno T. The Cultural Industry. L. ; N. Y. : Routledge, 1991.

² Айзнер М. Световни развлечения // Новият световен ред. Световни лидери за планетата и нейното бъдеще. София : Труд, 1999. С. 208; Гаврас К. Да устоиш на «полковниците» на «Дисни» // Новият световен ред. Световни лидери за планетата и нейното бъдеще. София : Труд, 1999. С. 215.

соответствующей интерпретации ислама в условиях XXI века идентичность. Это особенно типично для бывших социалистических стран, где в течение более трех десятилетий происходят ярые столкновения различных интерпретаций их истории.

Второе — *инкультурация*. Понятие «инкультурация» введено папскими энцикликами как инструмент развертывания миссионерской деятельности церкви. Она предполагает, что в борьбе за завоевание новых верующих церковь должна приспособливаться к местным культурам, традициям, верованиям в том или ином регионе. В этом смысле инкультурация — это воздействие одной культуры на другую через приспособление к особенностям тех, на которых она воздействует, — например в богослужении используются религиозные песни, которые связаны с местными певческими ритмами.

Третье — *аккультурация*. Это обмен чертами между различными культурами в результате длительного контакта, но при этом каждая из них сохраняет самостоятельность. Предполагается двунаправленный процесс, когда в ходе культурного взаимодействия воспринимаются определенные черты другой культуры и таким образом создается большая близость между ними.

Четвертое направление — *глобализация*. Глобализация определенных культур в фазе их выхода за пределы ареала и их распространение на новых пространствах реализуются в различных формах:

- распространение черт гегемонной культуры во всем мире, например американизация;

- массированные потоки мигрантов, например распространение ислама в мире, в результате чего все большее количество регионов испытывает процессы исламизации (мечеть уже не характерна для определенных регионов, а становится глобальным феноменом, который можно встретить везде);

- навязывание глобальных рыночных образцов потребления через глобальный маркетинг и брендинг и глобальных товаров через глобальные марки и систему франчайзинга, которые создают однотипные культурные образцы потребления, потребительской культуры. В данном случае особую роль играют глобальные марки и системы обслуживания, такие как «Макдональдс», «Кока-Кола», модные тенденции, китайские рестораны, заведения быстрого питания и др.;

- распространение глобальных культурных или религиозных движений. Типичный пример — евангелический протестантизм, особенно пятидесятничество, которое, выйдя за рамки США, проникает во все уголки планеты, начиная с Восточной и Юго-Восточной Азии, проходя через острова Тихого океана, африканские страны и особенно Латинскую Америку и заканчивая Восточной Европой. В начале XX века это движение охватывает более 250 млн сторонников, трансформируя поведение адептов, среди которых оно распространяется, и приводя к своеобразной культурной революции, затрагивающей отношение людей к семье, сексуальному поведению, воспитанию детей, отношению к труду и экономике¹.

¹ Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект пресс, 2004. С. 15–16.

Пятое направление — *глобализация*. Сегодня процессы глобализации сопровождаются не менее интенсивными и радикальными тенденциями партикуляризации, дезинтеграции, дифференциации, фрагментизации, разрыва связей, противопоставлений и противоречий. Глобализация неотделима от секторного рынка, который базируется на локальных различиях, а это в свою очередь отражается и на культурной сфере. Большая часть глобальной массовой культуры в сущности пропитана локальными идеями, стилями, жанрами в области музыки, искусства, образа жизни, приготовления пищи и т. д. Две основные американские институции глобальной культуры, пришедшей из Атланти (Си-эн-эн) и Лос-Анджелеса (Голливуд), все более пытаются приспособить свои продукты к дифференцированному глобальному рынку, который они сами частично конструируют. Голливуд нанимает смешанные многонациональные и многорасовые составы и представляет различные локальные ситуации, поскольку заинтересован в том, чтобы охватить любую аудиторию, включая и ту, которая не принимает американскую массовую культуру. Си-эн-эн дифференцирует новости по регионам. Чтобы быть эффективной, реклама приспособляется к локальным вкусам.

Шестое направление — *конструирование культурных идентичностей*. Это явление связано с тенденциями к фрагментированию глобальных культурных идентичностей и непрерывным появлением новых идентичностей — новых религиозных движений, гей-структур, культурных направлений. Например, глобальной идентичностью является ислам, но в нем взаимодействует множество различных стилей и направлений, а в современных условиях этот процесс усиливается — от фундаменталистского ислама до европеизированного и американизированного. Глобализация задает границы, в которых осуществляются расширение и диверсификация. Поэтому идентичность превращается в одну из центральных проблем человека. Социальная динамика и многообразие приводят к фрагментации личной идентичности со множеством изменяющихся восприятий существования и принадлежности — этнической, родовой, расовой, сексуальной, культурной, языковой и др. С 1960-х годов мы наблюдаем развитие разных видов политики признания и идентичности и соответственно прав, связанных с ними. На территориях, на которых проживают разные индивиды и общности, пересекается множество разнообразных организаций, институций, субъектов, большая часть которых имеет транснациональный характер, что приводит к возникновению дополнительных идентичностей индивида, увеличивая его лояльность и одновременно делая его относительно независимым от них в отдельности. Культурные идентичности не являются фиксированными, они постоянно находятся в движении, связаны с различными культурными традициями и «культурными смешениями» в глобализирующемся мире.

Седьмое — *возвращение истории*, которое совершается в форме этнического и религиозного возрождения; наблюдаются реконструкция старых религиозных и этнических идентичностей, которые были почти забыты в современную эпоху, и их новый расцвет.

Так, появилось множество новых (даже размещенных в Интернете) языческих религий, которые как будто давно исчезли. Локальные этнические идентичности, которые вроде бы до этого были утрачены, переживают новый расцвет, в том числе в Европе, что приводит к новым конфликтным ситуациям в национальных государствах — от Испании с локальными баскскими, каталонскими и другими идентичностями через сотрясающуюся, разделенную на фламандцев и валлонов Бельгию до общностей в бывшей Югославии и «кипящего котла» десятков этнических идентичностей на Кавказе.

Восьмое направление — *дистанционный национализм*, понятие, введенное Бенедиктом Андерсоном, под которым он понимает тенденцию возвращения к наци-

нализму. Но в постсовременных условиях часто яркими националистами являются диаспоры, с помощью технических средств коммуникации поддерживающие постоянную связь со своей страной, — это сохраняет и усиливает их идентичность в чуждых условиях¹. Типичный пример — турки, проживающие в Германии. Они в 1960-е годы намного легче овладевали немецким языком, чем сегодня, когда круглосуточно транслируется турецкое телевидение и поддерживаются более тесные связи со своей страной через Интернет, мобильные коммуникации и т. д. Европейские политики констатировали провал политики интеграции в Западной Европе и дискутируют о переосмыслении политики мультикультурализма, которая до сих пор служила основой интеграционных процессов в развитых западных странах.

Майкл Пушкин²

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ: ПОЭТ ГЛОБАЛЬНОЙ ВОСПРИИМЧИВОСТИ

Губка или фонтан?

Борис Пастернак писал: «Современные течения вообразили, что искусство как фонтан, тогда как оно — губка»³. Поэзия Андрея Вознесенского — это и губка, и фонтан. Под покровительством Пастернака он впитывает мир с его культурой (культурами) в свое рецептивное воображение. Преемник Маяковского и авангарда, он проецирует этот мир обратно на страницы своих поэтических тетрадей кистью и пером, на сцену — через микрофон.

Поглощающий поэт

Александр Вознесенский в рецензии на книгу мемуаров своего тезки «На виртуальном ветру» 1998 года пытается пояснить значение множественных связей Вознесенского с миром, окружающим его.

«Поэзия — это особый способ познания мира... Для поэта весь мир построен на гармонии — времен, мыслей, загадочно переплетенных судеб, живых, мертвых... И здесь Вознесенский — несмотря на глубоко укоренившееся в обществе восприятие его как поэта-экстраверта — оказывается перед нами прежде всего поглощающим человеком... поэт живет для передачи чужого... для подтверждения чужой боли своей»⁴.

¹ Anderson B. The New World Disorder // New Left Review. 1992. № 193. May–June. P. 13.

² Почетный старший научный сотрудник Центра изучения России и Восточной Европы Бирмингемского университета (Великобритания). Заведующий кафедрой русского языка в Университете Бирмингема (1998–2003). Автор ряда публикаций, в т. ч.: «The Professions and the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia», «Raznochintsy in the University. Government Policy and Social Change in Nineteenth-Century Russia», «Darlington and the University Question», «Menya pugayut formalizmom: Voznesensky's Poetic Art Since 1980», «Andrei Andreevich Voznesenskii 1933–. Poet», «Reference Guide to Russian Literature» и др.

³ Сиявский А. Поэзия Пастернака // Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1965. С. 23. (Библиотека поэта).

⁴ Вознесенский А. Портреты любимых. Андрей Вознесенский, впередсмотрящий, виртуальный и вещный // Ex libris НГ. 1998. 16 июля. С. 6.

Эта интерпретация наталкивает на мысль о том, что «поглощающий» Вознесенский унаследовал частицу пастернаковской «губки».

Как губка, время набухает
В моих веснушчатых щеках⁵.

Вещи как «соседи»

Андрей Сиявский пишет, что Пастернак «любит определять вещи через их границы с соседними вещами, пригороды он описывает линиями вокруг города...»⁶ В поэзии Вознесенского, напротив, вещи становятся «соседями» не через границы с другими объектами, а через сопоставление с чем-то сильно отличным, даже дистантным.

Международный диапазон тем

Представляя сборник Вознесенского «Тень звука» 1970 года, Валентин Катаев пишет, что «темы его стихов интернациональны. Их география впечатляет...» Используя фразу Олеси, Катаев называет работу Вознесенского «депо метафор»⁷. В этом депо поэт связывает прерывистые явления через пространство и время.

Универсальный, энциклопедический

Владимир Новиков переносит всеохватывающий диапазон метафор Вознесенского на все его творчество. Он говорит о том, что «в своих темах и своем словаре он универсален и энциклопедичен... ориентирован на энциклопедизм, на всю широту охвата поля зрения»⁸.

Взаимосвязи и разнообразие

Владимир Губайловский в рецензии на интернет-поэму Вознесенского «tu Поэма» пишет о последовательности

⁵ Вознесенский А. Отступления в виде монологов битников // 40 лирических отступлений из поэмы «Треугольная груша». М., 1962. С. 38.

⁶ Сиявский А. Указ. соч. С. 47.

⁷ Катаев В. Немного об авторе // Вознесенский А. Тень звука. М., 1970. С. 6, 13.

⁸ Новиков В. Философия метафоры // Новый мир. 1982. № 8. С. 247.

его поэтики: «принципы ассоциации основаны на визуальной и фонетической близости» и «декларативных множественных смыслах»¹. Метафорические связи в поэзии Вознесенского (и в его видеомах) часто приобретают игровой характер. Игра со словами представляется стенографией взаимосвязей, которые он детально исследует в тексте своих стихов. Он пропускает разнообразие мира через фильтр собственного поэтического сознания.

Монолог, диалог или полилог?

Александр Вознесенский исследует разнообразие работ Андрея Вознесенского в терминах дискурса: «Стиль речи Вознесенского говорит нам об авторе — это не моно-, а диа- и даже полилог»². Его поэзия про буджает голоса людей через века и страны.

Многоязычная поэзия

В 1981 году, беседуя с американским поэтом Уильямом Джеймсом Смитом («Поэзия разноязычна, поэзия едина»), Андрей Вознесенский попытался заключить идею лингвистического многообразия и единства в поэзии в одну всеобъемлющую формулу: «Языки различаются, но поэзия едина»³. Поэзия Вознесенского за-

ключает в себе широкое разнообразие лексики, стилей, регистров и, как и первая глава пушкинского «Евгения Онегина», замусорена иностранными словами.

Андрей Вознесенский — еж или лиса?

Исайя Берлин в работе о Толстом удачно цитирует греческого поэта и философа Архилоха: «Много знает лиса, еж же одно, но важное». На вопрос, был ли Толстой плюралистом, Берлин отвечает: «Гипотеза, которую я бы хотел предложить, состоит в том, что по натуре Толстой был лисицей, но верил в то, что он еж»⁴.

Вознесенский тоже был лисой, но хотел бы быть ежом. Главенство многообразия над единством в его работе видно из названия первого опубликованного сборника «Мозаика»⁵. Он умеет выражать боль и тревогу, но он только изредка предстает поэтом внутренне-го, духовного опыта, хотя иногда он стремится к этим качествам и объявляет о существовании внутреннего «я». Существует та «уникальность», которая отличает Вознесенского, уникальность нашего мира, представленная через связи в мировом диапазоне событий. Ему не нужно декларировать эту множественность значений: он постоянно демонстрирует ее на практике.

Г. М. Резник⁶

ПРАВО И РЕЛИГИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Осуждение певуний-феминисток за перформанс, устроенный в Храме Христа Спасителя, к двум годам реального лишения свободы, вызвал в обществе оживленную дискуссию о соотношении права на свободу слова и защиты религиозных чувств населения. В ходе полемики, естественно, всплыл и трехлетний давности обвинительный приговор устроителям выставки «Осторожно, религия». Не остались в стороне от нее и представители различных конфессий, требовавших, за редким исключением, введения суровой уголовной ответственности за «богохульство» и «кощунство». Итогом публичного спора явилось не только резкое размежевание поборников свободы выражения мне-

ний и защитников религиозных верований, но и внесение группой депутатов Госдумы законопроекта, предусматривающего уголовное наказание за «публичное оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан» вплоть до лишения свободы на срок до трех лет.

На законопроект дали отрицательное заключение Общественная палата РФ и Совет по правам человека при Президенте РФ. В числе контрдоводов указывалась юридическая неопределенность понятия «оскорбление религиозных чувств», создающая условия для его неоднозначной трактовки и применения. Сторонники законопроекта обращали внимание на то, что оскорбление религиозных чувств граждан уже 10 лет признается административным правонарушением, наказывается штрафом, и в данном случае речь идет лишь о переводе таких поступков в уголовную юрисдикцию и усилении ответственности за их совершение в силу повышенной общественной опасности.

Спор зашел в тупик. Возможны ли сближение двух крайних точек зрения и выработка компромиссного решения? Поиск ответа на этот вопрос, как представляется, невозможен вне социокультурного контекста, в котором обретают смысл юридические конструкции.

Прежде всего обнаруживается, что административная норма, карающая за оскорбление религиозных чувств граждан, за все 10 лет своего существования вообще не применялась. То есть либо она «спящая», либо для применения напрочь непригодная. По причине «отсутствия всякого присутствия» правоприменения резонно обратиться к теоретическим источникам. В наиболее авторитетном Комментарий к Кодексу РФ

¹ Губайловский В. Андрей Вознесенский в Интернете. Поэт опубликовал свою новую поэму «ги» // Независимая газета. 2000. 6 дек. С. 7.

² Вознесенский А. Портреты любимых.

³ Вознесенский А., Смит У. Дж. Поэзия разноязычна, поэзия едина. Диалог // Литературная газета. 2001. 29 апр. С. 14–15.

⁴ Berlin I. Tolstoy and History // The Hedgehog and the Fox. L., 1996. P. 4–5.

⁵ Вознесенский А. Мозаика. Владимир, 1960.

⁶ Президент Адвокатской палаты Москвы, профессор кафедры адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, заслуженный юрист России. Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по вопросам совершенствования правосудия при Президенте РФ. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, знаком общественного признания «Символ Свободы» Союза журналистов России. Почетный доктор СПбГУП.

об административных правонарушениях под редакцией заместителя министра юстиции РФ (М., 2002) читаем, что оскорбление религиозных чувств граждан совершается «публичным образом или в частном порядке путем грубого, неуважительного отзыва, высмеивания религиозных догм и канонов, которые исповедует гражданин, или личных качеств гражданина, связанных с его религиозной принадлежностью».

Откуда растут ноги такого толкования — непосредственно из головы теоретиков или имеют под собой историческую почву? Скорее все же второе. В Уголовном уложении царской России содержалась ст. 182 о «кошунстве, то есть язвительных насмешках, доказывающих явное неуважение к правилам и обрядам церкви православной, или вообще христианства». Но Указом царя-батюшки от 14 марта 1906 года она была отменена практически вместе со всем разделом «О преступлениях против веры». Российская империя, между прочим, продолжала оставаться православным государством. Немаловажным доводом в пользу отмены уголовной ответственности за кошунство послужило соображение об исключительной сложности установления в насмешке цели порицания верования, каковая, однако, по разъяснениям Правительствующего сената — высшей судебной инстанции страны, не должна достигать «прямого оскорбления или поругания», квалифицируемых уже как богохуление.

Предлагать определять в каждом конкретном случае характер высказывания о религиозной вере в качестве «грубого, неуважительного отзыва, высмеивания религиозных догм и канонов», отграничивать желчные нападки от беззлобного подшучивания, подтрунивания, — значит ставить перед судом заведомо невыполнимую задачу, вводить в правоприменение безграничный субъективизм, по сути, уничтожать свободу слова, ставя под запрет шутки, остроты, гиперболы, иронию, сарказм.

Проблема, однако, не столь проста. Ее решение осложняется не в случаях отдельных высказываний в быту, политике или даже в прессе, а, как ни парадоксально, тогда, когда религиозная проблематика входит в художественное творчество. Выставка полотен художников, театральное представление, кинопоказ — именно здесь приходится сталкиваться с протестной реакцией массового сознания, оскорбленными чувствами верующих и церковных иерархов.

Невозможность полностью сбрасывать со счетов восприятие произведений искусства обычным, средним гражданином подтверждается практикой Европейского суда по правам человека. Законы об уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств (богохульство) существуют во всех западных странах, за исключением США, где Первая поправка к Конституции полностью исключает такое преступление. Существуют, как и норма нашего административного кодекса, на бумаге. Так, в Австралии никого не привлекали за богохульство в течение 30 лет. В Великобритании за 90 лет было лишь одно дело по обвинению в богохульстве: осуждены издатель и автор поэмы, которая метафорически приписывала гомосексуальные акты Христу. Оскорбление религиозных чувств в Герма-

нии с 1969 года не было объектом судебного разбирательства, зафиксированы два случая, когда журналистские статьи служили поводом для применения Кодекса прессы. В Канаде прессу не обвиняли в богохульственном оскорблении с 1935 года. В Норвегии норма о богохульстве не применялась с 1936 года. Несколько мусульманских лидеров подали иск в суд на норвежского издателя «Сатанинских стихов», но вскоре отозвали, не рассчитывая выиграть.

Вместе с тем Европейский суд (ЕС) рассмотрел два дела: «Институт Отто-Премингер против Австрии» (1994) и «Мюллер и другие против Швейцарии» (1988) и сформулировал в своих постановлениях критерии, которые, на наш взгляд, позволяют разумно и наименее болезненно разрешать конфликты между свободой художественного творчества и защитой религиозных чувств.

Ассоциация-заявитель «Институт аудиовизуальных средств информации имени Отто Премингера», находящаяся в Инсбруке, намеревалась организовать в своем кинотеатре, начиная с 13 мая 1985 года, демонстрацию фильма Вернера Шретера «Любовный собор». После обращения Инсбрукской епархии Римской католической церкви прокурор за три дня до назначенного показа возбудил уголовное дело против управляющего ассоциации по обвинению в покушении на совершение уголовно наказуемого деяния — «оскорбление религиозных верований» (ст. 188 Уголовного кодекса Австрии). Фильм был арестован и не показан публике. Впоследствии уголовное дело было прекращено, а судебное разбирательство направлено не на осуждение физического лица, а на конфискацию фильма (ст. 33 Закона Австрии о средствах информации). В итоге Земельный суд Инсбрука вынес решение о конфискации фильма, посчитав, что существенное вмешательство в сферу религиозных чувств, вызываемое провокационной позицией фильма, перевешивало в данном случае свободу художественного творчества, гарантированную Конституцией Австрии.

Рассмотрев жалобу ассоциации-заявителя, ЕС ее отклонил, посчитав, что право на свободу выражения своего мнения, гарантированное ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, было обоснованно ограничено австрийским судом в пользу предусмотренных ч. 2 данной статьи Конвенции «защиты прав других лиц», в частности права на уважение религиозных чувств и в целях «предотвращения беспорядков». ЕС обратил внимание на необходимость «учитывать большую роль религии в жизни жителей Тироля. Удельный вес католиков в населении Австрии значителен — 78 %, но среди тирольцев он еще выше и составляет 87 %... Суд не может игнорировать тот факт, что римско-католическая вера является религией подавляющего большинства тирольцев. Наложив арест на фильм, австрийские власти действовали в интересах обеспечения религиозного мира в этом регионе и для того, чтобы у отдельных людей не сложилось ощущение, что их религиозные представления стали объектом необоснованных и оскорбительных нападок».

Особый интерес в данном деле представляют доводы, окончательно склонившие ЕС в сторону настоятельной потребности в демократическом обществе ограничить право ассоциации-заявителя сообщать общественности спорные взгляды и творческие идеи. Ассоциация утверждала, что действовала ответственно, стремясь избежать возможности оскорбить чьи-либо чувства. Она подчеркнула, что планировала показать фильм в своем кинотеатре, который был доступен только за входную плату; кроме того, ее публика в целом состояла из лиц, интересующихся прогрессивской культурой.

Но ЕС посчитал, что большее значение, чем доступ в кинотеатр за плату, имеет широкая реклама фильма: «Общественности было достаточно хорошо известно, о чем фильм и его основное содержание, чтобы получить ясное представление о его характере; по этой причине даже предполагаемый показ фильма был достаточно “публичным” и мог быть воспринят как оскорбление чувств верующих».

Сходная аргументация была применена ЕС в деле «Мюллер и другие против Швейцарии». В 1981 году несколько человек — граждан Швейцарии организовали в г. Фрибуре выставку современного искусства. На этой выставке были представлены три картины художника Ж. Мюллера, на которых изображалось гомосексуальное совокупление, скотоложество, эрегированные пенисы. По представлению прокурора кантона Фрибур картины были изъяты как подпадающие под действие уголовного закона, запрещающего непристойные публикации и оскорбление религиозных чувств. Окружной суд приговорил организаторов выставки к штрафу и постановил «поместить картины в музей, от куратора которых потребуются открыть к ним доступ лишь нескольким серьезным специалистам, проявляющим к ним исключительно художественный или культурный интерес в противоположность интересу похоти».

ЕС, признав, что последние годы подходы к пониманию сексуальной морали модифицировались и общественные идеи о понятиях непристойности, аморальности, неприличия, богохульства значительно изменились и стали заметно более свободными, поддержал позицию швейцарских властей. Решающим аргументом, как и в деле Института им. Отто Премингера, явилось то, что картины Мюллера были доступны для обозрения широкой публике без каких-либо ограничений, так что могли попасть и действительно попали на глаза людям, которые сочли их неприличными.

Представляется, что ЕС сформулировал важный критерий, учет которого позволяет установить баланс между свободой выражения творческих идей и защитой иных общественных ценностей, в том числе религиозных чувств. Это пространство, в котором реализуются продукты экспериментального искусства, эпатазирующего господствующие нравы. Для одних ситуаций уместно не выносить произведения контркультуры

в публичное пространство со свободным доступом туда широкой публики. Для других — требуется разъяснение, что выставка предназначена для ценителей современного искусства. ЕС обратил внимание в упомянутом постановлении по делу Института им. Отто Премингера на то, что «невозможно прийти к всеохватывающему определению того, что представляет собой допустимое вмешательство в осуществление права на свободу слова там, где такое слово направлено против религиозных чувств других лиц. Поэтому национальные власти обладают широким полем усмотрения при оценке потребности и степени вмешательства».

Такое положение накладывает особую ответственность на национальные суды при разрешении споров, затрагивающих религиозные чувства. Примером в данном отношении может послужить разрешение такого рода конфликта во Франции. В 1988 году несколько католических ассоциаций обратились в Парижский гражданский суд с требованием запретить показ фильма Мартина Скорсезе «Последнее искушение Христа». Суд отказался выдать запрет, но, проявив должное почтение к религиозным чувствам католиков, распорядился включить в рекламу фильма предупреждение о вымышленности его содержания. Автору данного доклада в 1998 году пришлось представлять канал НТВ в одном из районных судов Москвы в деле по иску ряда православных активистов с аналогичным требованием. Суд иск отклонил, но не обязал канал подкорректировать рекламу. А жаль, что никому из истцов такая мысль в голову не пришла. Я бы, представляя ответчика, против такого требования не возражал.

Во всяком случае, защита религиозных чувств граждан от оскорбительных действий лежит не в русле взвинчивания уголовной репрессии.

Данное понятие с учетом его широкой оценочности должно остаться в Кодексе об административных правонарушениях и не переноситься в Уголовный кодекс, где уже есть статья, карающая за разжигание религиозной ненависти, а также унижение человека, в том числе по признаку его отношения к религии.

Необходимо помнить, что свобода выражения мнения представляет собой одну из несущих опор демократического общества и, как сказано ЕС в деле Хендисайда, «охватывает не только “информацию” или “идеи”, которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет “демократического общества”».

С другой стороны, как мудро заметил Адам Михник, «дилемма выбора между искушением авторитарных решений и логикой безграничной свободы, по видимому, всегда будет преследовать демократическую цивилизацию».

А. В. Смирнов¹

НОВЫЙ ГУМАНИЗМ КАК НОВЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ?

Идея «нового гуманизма» сегодня выдвинута ЮНЕСКО и активно обсуждается политическими деятелями и учеными. Но что это такое? Какое содержание может быть вложено сегодня в понятие «гуманизм»?

Перед читателем — контур рассуждения на тему, заявленную в заглавии. Я смогу лишь обозначить логику движения и основные понятия, которые необходимы на этом пути. Едва ли не каждый из тезисов, составляющих вехи этого рассуждения, мог бы быть детально разработан. Но это дело других публикаций и другого формата. Связь двух понятий, обозначенная в заглавии, сопровождается знаком вопроса, потому что я предлагаю этот вопрос для продумывания, разработки и развития для тех, кого заинтересуют темы, поднятые в моем рассуждении.

Когда сегодня мы говорим о новом гуманизме, это не означает, конечно, что мы начинаем с нуля, отбрасывая старый, или традиционный, гуманизм. Это означает, что мы возвращаемся к классическому гуманизму (иначе зачем было бы употреблять сам этот термин?), чтобы «перепродумать» его, переосмыслить его основания в свете той новой ситуации, в которой мы оказались сегодня. Поэтому я начну свое рассуждение с вопроса о том, что составляет фундамент классического понимания гуманизма.

Классический европейский гуманизм (Возрождение и Просвещение) связан с утверждением универсализма разума в двух измерениях.

Во-первых, это универсализм объекта и предмета. Это означает, что все — весь мир (как объект разумного познания) и все его аспекты (все возможные предметы познания) — познаваемо разумом *истинно*. Следовательно, нет ничего, что стояло бы выше авторитета разума: религия отходит в область частной жизни, навсегда теряя функции хранилища истины об устройстве мира (но сохраняя свои разнообразные функции в культуре).

Во-вторых, это универсализм человека как родового существа. Это означает, что разум един для всех людей: это один и тот же разум, то есть одна и та же рациональность. Рациональность в принципе едина и противопоставляется тому, что может быть названо нерациональным или иррациональным.

Второе измерение тезиса об универсализме разума, лежащего в основании гуманизма, предполагает ряд важнейших следствий.

¹ Член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН, заведующий Сектором философии исламского мира ИФ РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 8 монографий: «Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры», «Логико-смысловые основания арабско-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство», «La Filosofia Mistica e la ricerca della Verita» («Мистическая философия и поиск истины», на итал. яз.), «О подходе к сравнительному изучению культур» и др. Ответственный редактор книжной серии Института философии РАН «Философская мысль исламского мира». Заместитель главного редактора «Философского журнала».

1. Рациональность, если это подлинная рациональность, дающая истинное знание (вспомним пафос истины, неотъемлемый от просвещенческого понимания разума), не может быть разной в разных частях света или в разных культурах и цивилизациях просто потому, что истина едина. Это значит, что разные культуры находятся в разном отношении к этой подлинной и единственной истине, добываемой с помощью подлинной и единственной рациональности.

2. Именно в этом заключается глубинное эпистемологическое основание европоцентризма: ведь это Запад развил науки, наиболее полно реализовавшие идеал рациональности и научности, так что для любой другой культуры приближение к научности предполагает с необходимостью либо заимствование западного опыта, либо самостоятельное прохождение того же пути. Как бы мы ни замалчивали европоцентризм и ни прикрывали его наслоениями политкорректной риторики, это основание никуда не исчезнет, поскольку оно вытекает из *самой логики*, а значит, будет неизбежно воспроизводиться в любых рассуждениях, явно или (что еще более опасно) скрыто.

3. В этом кроется основание расценивания термина «инаковость» (*otherness*) исключительно как негативного. Инаковость, особенно после саидовской критики ориентализма, стали трактовать как указание на ущербность и неполноценность. Но дело в том, что критика ориентализма, внутренне противоречивая, предполагает в качестве собственного основания *монологичную шкалу* (только в таком случае инаковость по отношению к западному образцу может расцениваться как имплицитная ущербность), а значит, утверждает именно то, что хотела бы отрицать: исключительность западной модели, принимаемой в качестве универсальной, в том числе и как универсальное основание оценки (то, что я называю здесь монологичностью шкалы). Поскольку речь идет о логике, такое противоречие будет неизбежно воспроизводиться, какие бы новые термины взамен попавшей в опалу «инаковости» мы ни изобретали в попытке найти политкорректный вариант (например, *alterity*): такие решения не могут быть чем-то большим, нежели паллиатив. Подлинное решение требует пересмотра логики, а не просто слов; иначе говоря, оно требует найти возможность использовать *полилогичную*, а не *монологичную* шкалу оценок.

4. Понимание разума и рациональности как единой для всех, общечеловеческой основано в конечном счете на представлении о том, что мир едина и что единому миру соответствует одна (и только одна) точно определенная истина. Это положение лежит в основе нововременных наук, и оно ничуть не утратило своего значения сегодня: будь иначе, наука просто не могла бы быть трансформирована в технологию. Все это предполагает и единственную логику *подлинного* (как бы «подлинность» ни трактовалась; но прежде всего в ее сциентистском понимании) познания мира. Упомяну лишь закон исключенного третьего: мы готовы

пересмотреть любую теорию, если она не согласуется с ним, поскольку отказ от него означал бы крушение нашей веры в рациональность и познаваемость мира. (Закон исключенного четвертого и другие варианты альтернативны лишь по видимости, формально: они рассматривают случаи эпистемологической неопределенности, а не научного знания. В принципе то же справедливо для многообразных современных формальных логик: их онтологии искусственны.)

Такое понимание рациональности и истины подвергалось критике в философии в XIX и XX веках, порой весьма жесткой. Эта критика была разной и исходила из различающихся предпосылок, но велась в целом по вектору *сужения* всевластия разума. Конечно, здесь не место ее разбирать. Дело в другом: мне представляется, что критика традиционного представления о разуме и рациональности может вестись и так, чтобы не сузить, а, наоборот, *расширить* представление о рациональности и универсализме.

Такое расширение я и имел в виду, употребив в заголовке этого рассуждения термин «новый универсализм». Критика традиционного представления о разуме и рационализме, которая могла бы быть *расширяющей*, а не *сужающей*, отрицает ограниченность универсализма его традиционными формами, но тем самым и предлагает новую трактовку универсализма, расширяющую его понимание. Такая новая трактовка универсализма вполне соответствует тому, что можно называть «новый гуманизм».

Что же такое этот новый универсализм, как подойти к нему?

Классическое представление о разуме и рациональности, сформированное и развитое в Европе начиная с Платона и Аристотеля, захватывая эпохи Возрождения и Просвещения (когда и формируются классические представления о разуме и универсализме) и включая наши дни, связано с *субстанциальной картиной мира*, неотъемлемо от нее; завязано на нее множеством интимных (внутренних, составляющих самую сердцевину и потому нерушимых) связей.

Что такое субстанциальная картина мира? Это представление о том, что мир состоит из субстанций, наделенных свойствами и находящихся между собой в определенных отношениях. «Отношение», «свойство» — или «сила», если использовать язык физики, — не могут существовать сами по себе, они непременно должны иметь *носителя*. Представление о том, что фундаментом качественного многообразия мира служит подобный носитель, и составляет суть субстанциальной картины мира.

Такое представление было выработано уже как платоновско-аристотелевская парадигма и в целом сохраняется в западной культуре до наших дней. Это далеко не случайно: в понятии субстанции западное мышление находит основание устойчивости и неизменности, а значит, закономерности и познаваемости мира. (Ведь изменение можно мыслить только как изменение неизменного, иначе само изменение не может быть зафиксировано как смысл: мы тогда будем иметь дело с двумя разными вещами, а не с одной и той же изменившейся вещью. «Одно и то же» имеет смысло-

вой приоритет перед «изменением».) Этот тезис допускает разнообразные нюансировки, связанные с именами Уайтхеда или Витгенштейна, Киркегора, Рорти или Делёза, которые, впрочем, не в силах отрицать логическое всевластие субстанциальной картины мира.

Субстанциальный характер картины мира совсем не означает, что ее носители видят в мире только субстанции и что кроме субстанций для них ничего не существует. Конечно, это не так. Данный тезис означает совсем другое. То, что не является субстанцией в общепринятом смысле слова, будет либо 1) осмысляться так, как если бы оно было субстанцией, то есть по той же логике; либо 2) трактоваться через фундаментальное понятие субстанции (самый ранний яркий пример — понятие «становление» у Аристотеля, которое невозможно без понятий потенциальности и актуальности, в свою очередь предполагающих субстанциальность; и здесь субстанциальность логически первична; в целом в связке «бытие–становление» в западной философии логический приоритет всегда остается на стороне бытия).

Теперь — главный вопрос: что если фундаментом *осмысления мира* может быть не субстанция, а что-то другое? Что-то, что в субстанциальной картине мира занимает маргинальное положение, но может выходить на первый план, формируя иной, отличный тип рациональности? Что-то, что позволит схватить устойчивость мира (а значит, и его закономерность и познаваемость) *не* как субстанциальную?

Этот вопрос представляет собой тот мостик, который позволит нам перейти к вопросу о том, как возможен «новый универсализм» (или «расширение универсализма»).

Смысл сравнительной философии, которая составляет сферу моих профессиональных интересов, — в том, чтобы подойти к опыту других культур и цивилизаций «с чистого листа». Это означает подойти к их исследованию так, чтобы увидеть эти культуры и цивилизации как попытку выстроить осмысленность мира, *не предвещая* при этом вопроса о том, на какие именно основания опирается такая осмысленность. (Конечно, такой подход философа-компаративиста предполагает достаточно сложную технику своеобразного гуссерлианского *epoché*, предметом которого в данном случае служат основания рациональности собственной культуры исследователя — той, к которой он принадлежит. Но это особая тема, предполагающая специальный разговор.)

Для меня важно обратить внимание на то, что я говорю именно об *осмысленности*, а не о рациональности; смысл этого различия станет яснее ниже, но уже сейчас оно должно оказаться в центре внимания. Ведь такие основания, возможно, окажутся иными, нежели привычные нам; может случиться, что мы откроем возможность выстраивания осмысленности и формирования картины мира *не* как субстанциальной.

Французский синолог Ф. Жюльен начинает свою великолепную книгу «Путь к цели: в обход или напрямик? Стратегии смысла в Китае и Греции»¹ с замечания

¹ Jullien F. Le détour et l'accès: stratégies du sens en Chine, en Grèce. P. : Grasset, 1995 (рус. пер.: М., 2001).

о том, что только глубокое исследование китайской мысли дало ему понять, насколько необычной является наша собственная культура и ее истоки, которые мы находим в Греции; то, что воспринимается нами как само собой разумеющееся, оказывается совсем *не таковым*, напротив, удивительным в своей уникальности.

Ф. Жюльен не говорит об инаковости; но его утверждение, вероятно, может быть зеркально отображено, сохранив свой смысл. Может быть, ученый, принадлежащий западной культуре, при глубоком изучении оснований собственной культуры; столь же неповторимыми и несводимыми к основаниям других культур и цивилизаций?

То, о чем мы говорим чисто теоретически, пока остаемся в сфере сравнительной философии, имеет и практическое, я бы сказал — историко-практическое измерение. Я имею в виду очень сложные процессы, запущенные глобализацией.

Конечно, на Земле всегда существовали разные культуры и цивилизации, однако никогда они не входили в столь тесное соприкосновение, как сейчас. Этот тезис, безусловно, нуждается в уточнении. Эпоху колониальных завоеваний также нельзя не назвать эпохой «тесного соприкосновения». Но ее отличие от того, что называют глобализацией, заключается в том, что сейчас наблюдается очень тесное взаимодействие и взаимовлияние процессов, происходящих в разных частях мира: случившееся в одной точке может почти мгновенно отозваться совсем в другой точке земного шара.

Такое тесное взаимодействие свидетельствует о том, что мы вступаем в некую новую эпоху, контуры которой еще не очень ясны; эпоху, сутью которой — если применить негативное определение — станет невозможность изолированного существования разных культур и цивилизаций.

Главный вопрос, который возникает в связи с этим, можно сформулировать так: будем мы жить в *монологичном* или *полилогичном* мире? В *моноцивилизационном* или в *многоцивилизационном* мире?

Задать такой вопрос — не то же самое, что спросить о том, в каком мире мы хотели бы жить: в монополярном или многополярном. Вопрос, заданный относительно моно- или полилогичности будущего мироустройства, предполагает гораздо большее, нежели просто политический аспект.

Глобализация, которой мы все являемся свидетелями, имеет прежде всего экономическое измерение. Речь идет о том, что глобализация как унификация, монологичность наблюдается прежде всего в экономической сфере (и в тех областях, которые непосредственно производны от нее). В культурно-цивилизационной сфере происходит скорее обратное.

Рассмотрю только один пример, который непосредственно соприкасается со сферой моих профессиональных интересов как арабиста. Я имею в виду нынешний подъем в арабском мире, пресловутую «арабскую весну», которая вызывает столь противоречивую реакцию. С одной стороны, о ней постоянно говорят по арабским телеканалам, говорят захлеб как о том локусе, той точке, где сегодня делается история, и по поводу которой,

с другой стороны, за пределами арабского мира выражают столько скепсиса, имея в виду ее *уже состоявшиеся* результаты.

Мне кажется, что события «арабской весны» нельзя рассматривать с позиций того, насколько они соответствуют западным представлениям о правильном (наилучшем как наиболее успешном, конкурентоспособном; соответствующем человеческой природе, общечеловеческим ценностям и так далее — существует много синонимичных способов выразить эту мысль) устройстве общества и жизни (а именно рассмотрением с этой позиции вызван горький скепсис тех, кто не готов восхищаться этими событиями). И дело вовсе не в политкорректности или иных соображениях политического толка. Дело скорее в сущности этих событий и в том, что непосредственно связано с этим: в возможности применить *монологичную модель* их оценки (модель, которая построена на представлении о единственности подлинной рациональности, точно отражающей устройство мира или устройство человека и общества, — так мы возвращаемся к началу нашего разговора о гуманизме как универсализме разума), модель, которая однозначно оценивает предмет с точки зрения того, насколько близко он приближается к задаваемому этой линейной шкалой максимуму.

С моей точки зрения, эти события — выражение новой цивилизационной реальности. Суть ее в том, что исламский мир ищет свое цивилизационное устройство после периода колониальной зависимости (XIX–XX вв.) и попыток применить западные модели (капитализм или социализм, вестернизация или социалистическая ориентация — вторая половина XX в.).

Вот почему эти события, которые в политической плоскости демонстрируют усиление позиций исламистов, нельзя рассматривать как реакционные — в историческом смысле этого слова, то есть как возвращение назад, движение вспять от тех моделей политического, экономического устройства общества, которые были найдены и апробированы западной цивилизацией. Такая оценка возможна только при применении монологичной шкалы; она в принципе невозможна, если мы ищем *полилогичную шкалу оценок*.

Вот почему я бы рассматривал эти события и эти явления с точки зрения их обращенности в будущее. Ведь то, что происходит сейчас, хотя и производит впечатление взрыва, готовилось и назревало очень долго. Внимательный взгляд легко рассмотрит постепенные изменения, которые происходили в арабском (и исламском) мире на протяжении последних 30–40 лет. Эти изменения носят вовсе не политический или не только политический характер (последний скорее произведен от них, от своей подлинной и глубинной причины). Они имеют культурный, цивилизационный характер.

Именно к этому мы должны быть готовы — к тому, чтобы ответить на вопрос: в чем причина цивилизационного (а не политического, экономического или какого-либо еще) трения того мироустройства, которое предлагается господствующей глобализационной моделью, и его массового, культурно-цивилизационного восприятия в арабском (а вероятно, и шире — исламском) мире?

Ведь глобализация хотя и имеет прежде всего экономическое измерение, тем не менее неотъемлема от подразумеваемого, но от этого не менее властного цивилизационного измерения. Невозможно принять *только* западную экономическую модель, отбросив все остальное: экономика — часть культуры, и она предполагает свое культурное обеспечение. Тем более это относится к политическому устройству, социальным институтам и так далее: все это требует прежде всего и как минимум (если, конечно, здесь можно использовать слово «минимум») определенного представления о человеке и его соотношении с миром и другим человеком.

Мне представляется, что зазор, вызывающий трение (а подчас и искрение), о котором сказано выше, — это зазор *способов смыслополагания*. Зазор, вызванный тем, что мы сталкиваемся с иной картиной мира, построенной на иных основаниях, нежели привычная нам по опыту западной культуры субстанциальная картина мира с присущей ей логикой, мировидением и т. д. Вот почему нам нужна полилогичная система оценок — не единая шкала, ранжирующая оцениваемое как лучшее—худшее, но многовекторный взгляд, позволяющий схватить то, что не сводится к единому основанию и не умещается на единой шкале.

Возможно ли это? На мой взгляд, да. Этот краткий ответ нуждается хотя бы в некотором пояснении.

Мое утверждение построено на опыте исследования арабской культуры, прежде всего ее классического периода, но также и современности. Насколько результаты, полученные для арабской культуры, переносимы на исламскую культуру в целом — это, вообще говоря, вопрос; но до определенной степени переносимы, как основные черты греческой переносимы на западную вообще (конечно, не все, но именно те, что задают фундаментальную логику культуры).

Мне представляется, что применительно к арабской культуре мы можем говорить о *процессуальной картине мира*: она хорошо прослеживается на уровне как языкового, так и теоретического мышления.

Процессуальность картины мира, основанная на процессуальном типе смыслополагания, порождает и свою рациональность, которая сохраняет все признаки «настоящей» (скажем лучше: подлинной, полной, полноценной) рациональности, но не является рациональностью, производной от субстанциальной картины мира, где устойчивость и закономерность требуют (для своего обнаружения) возведения к субстанции как к неизменному.

Процессуальность проявляет себя во всех областях арабской культуры. Это право, вероучение, филология, философия, если брать основные сегменты теоретического мышления. Этим конституированы понимание человека и его отношение к другому человеку, этика, исламская антропология, то есть базовые моменты, определяющие мировоззрение человека. Наконец, принцип процессуальности очень ярко проявляется в исламском искусстве.

Таким образом, процессуальность прослеживается в вербальной и невербальной сферах и *задает общие смысловые контуры того*, что можно называть арабо-

мусульманской культурой и — с оговорками, приведенными выше, — *исламской цивилизацией*.

Это не означает унификации этой культуры и цивилизации, ее зауживания до жестких рамок. Процессуальность — только ведущий вектор, но не исключительная характеристика: и в прошлом, и сейчас исламская цивилизация демонстрирует феномены, привязанные к иному типу смыслополагания (наиболее известный пример — фальсафа, развивавшая греческую традицию). Тип смыслополагания задает лишь основные контуры, но не исключительную форму.

Сказанное относительно арабо-мусульманской культуры (и в целом исламской цивилизации) предполагает существенную разработку и доказательство, которые (в силу объема) не могут быть приведены здесь. Я могу лишь отослать к ряду работ, которые обосновывают выдвинутые здесь тезисы.

Если основания смыслополагания, то есть тех процедур, благодаря которым достигается осмысленность мира, строится смысловое тело культуры, различны и *несводимы*, если и в самом деле нам стоит говорить о многологичности, а не монологичности, иметь многовекторную возможность оценки, а не единую (моновекторную) шкалу, *если* (подчеркиваю: *если*) все это верно, то не стоит ли поставить вопрос о продумывании понятия «цивилизационное равенство»?

Идея цивилизационного равенства выдвинута и прорабатывается для России и российской ситуации, где мусульмане — не иммигранты, а коренное население страны, так что понятие цивилизационного равенства для России, на мой взгляд, *естественно*. Но не только: оно составляет одно из важнейших условий безопасности страны — его цивилизационного измерения. Насколько эти представления и идеи распространяемы за пределы России, можно обсуждать.

Цивилизационное равенство требует говорить как о равном о том, что изначально *не равно и не может быть равным* (в силу несводимости), в отличие от юридического равенства, где изначально неравные субъекты права берутся как равные *в определенном отношении*, и именно в этом отношении разрабатывается понятие равенства, тогда как неравенство остается за пределами такой разработки. В отличие от этого, для того чтобы обсуждать цивилизационное равенство, необходимо научиться говорить о *неравном*, находя его равенство не как сведение к чему-то единому, не как вылучивание некоего единого для всех общего содержания, не как определение некой *общей рамки*, в границах которой мы должны располагаться (все эти подходы не выводят нас за пределы монологичности и единой шкалы оценок).

Но как же тогда можно говорить о равенстве неравного, не применяя эти отточенные веками стратегии?

Мне кажется, что регистр разговора об универсализме как универсальности рациональности стоит сменить на регистр разговора об универсализме как универсальности *способности смыслополагания*.

В самом деле, давайте задумаемся: правильно ли мы поступаем, зауживая в определении человека слово *sapiens* — «знающий» до понятия «разумный», говоря о человеке как о *rational animal*? Зауживая греческий

логос до разума в *его определенной трактовке*, а затем объявляя эту трактовку универсальной и единственной?

Не следует ли нам говорить о том, что подлинно человеческой чертой является способность *осмысления*, создания структуры осмысленности?

Тогда мы будем говорить об универсализме смыслополагания, а не об универсализме рациональности. Универсальной является *сама способность смыслополагания*, способность к осмыслению мира. Именно она делает нас людьми и отличает от существ, лишенных этой способности.

Интересно, что гуманизм в его расхожем понимании обычно сводится к тезису о том, что «все мы люди, несмотря на все наши различия». Но что значит «быть человеком»? Трудности в поиске ответа на этот вопрос очевидны: 1) невозможно дать ясное определение, что есть человек (XX век похоронил попытки однозначно определить «человеческую природу»), и 2) непонятно, что останется, если убрать «все наши различия»: найдем ли мы что-либо в сухом остатке, кроме чисто биологического субстрата, не отличающего нас от животных, если отвлечемся не только от культурных, исторических, расово-этнических, географических и иных различий, но и от рациональности?

Думаю, что найдем, и нечто весьма существенное. В качестве ответа на этот вопрос (что значит, что «все мы люди»?) я бы предложил такой: независимо от любых различий нас объединяет способность смыслополагания.

Если способность смыслополагания едина *как способность* и именно она составляет универсальное в человеке, то модусы ее реализации различны: единство и универсальность закрепляются в сфере чистой способности, тогда как вариативность и несводимость располагаются в области реализации этой способности. Здесь до определенной степени верна аналогия с поня-

тием языковой способности. Для всех людей она одинакова, универсальна в том смысле, что до определенного возраста все люди могут овладеть любым языком как своим родным, а значит, универсальны в языковом измерении. Однако после того как это случилось (способность осуществилась, из чистой способности перешла в область осуществления), только один язык становится родным для человека: осуществив свою универсальную языковую способность, мы вместе с тем утрачиваем и языковую универсальность.

Вот почему возможны разные типы рациональности, *как таковые* несводимые один к другому, но находящие свое единство как *вариативные* типы чего-то *одного*, а именно — смыслополагания.

Этот тезис, составляющий теоретический базис всего этого рассуждения, основан на теоретической разработке вопроса о смыслополагании и детальных исследованиях различных феноменов арабо-мусульманской культуры. Я могу лишь упомянуть об этом; основательная их экспликация требует иного пространства, нежели пространство этого рассуждения.

Я хотел бы завершить его следующим тезисом. Приняв взгляд, который предложен здесь, мы не потеряем ничего из того, что предлагает нам европейский рационализм, составляющий фундамент той цивилизации, в которой мы сегодня живем. Напротив, мы будем готовы встретить другие способы осмысления мира и построения осмысленности (а значит, и рациональности) не как *лишь альтернативные* западной рациональности (а значит, враждебные ей и потому маргинализируемые или же такие, которые должны быть маргинализированы), а как вырастающие из другого корня, но на той же почве. Это и будет, как мне кажется, подлинно гуманное отношение ко всем тем способам смыслополагания, которые в своем историческом развитии породил человек в разнообразии культур и цивилизаций; то, что заслуживало бы названия «новый гуманизм».

Сюэ Фуци¹

ТВОРЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (На примере политической культуры Кыргызстана)

Многие исследователи, изучающие тему трансформации и политического развития Кыргызстана в годы независимости², пишут о том, что традиционные ценности выросли на почве трайбализма и имеют довольно серьезное влияние на умственное состояние и политическое поведение как лидеров, так и рядовых участ-

ников политических процессов в Кыргызстане. Ученые расценивают ценности как реликт, досадное недоразумение, от которых следовало бы избавиться, причем чем быстрее, тем лучше, чтобы страна наконец смогла выйти на магистральный путь развития на основе демократии и свободы. Автор статьи ни в коем случае не намерен отрицать демократию и свободы как безусловные ценности, выстраданные человечеством в течение долгого исторического периода. Скорее всего автор хочет показать, что даже в условиях экономической глобализации, в эпоху Интернета и новых видов СМИ (социальные сети) для конкретной страны и народа традиционные ценности остаются, и их роль (возможно, в позитивном ключе), как правило, недооценивается многими политическими агентами, аналитиками и исследователями.

¹ Заведующий Отделом стратегических исследований Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, доктор философии. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч. монографии «Политическое развитие в Кыргызстане. 1991–2010», статей «Стабильность и развитие — анализ политических реформ Д. Медведева», «Политическое развитие в России: 2009 год», «Политическая стабильность в России на среднесрочную перспективу: оценка и анализ», «Выборы в Государственную Думу и президентская кампания в России». Обозреватель русскоязычного канала Центрального телевидения Китая.

² Кыргызский переворот. Март–апрель 2005 : сб. / сост. Г. О. Павловский. М., 2005. (Перевороты).

Как представляется, в политической истории независимого Кыргызстана было два государственных переворота¹, которые произошли в 2005 и 2010 годах. И многие исследователи усмотрели здесь следы борьбы родов-племен за власть. Другими словами, трайбализм сделал свое дело. Однако проблема кроется скорее всего не в наличии трайбализма и методах борьбы с ним, а в том, каким образом трансформировать традиционные ценности в современную практику.

В связи с этим на примере Кыргызстана попытаюсь представить следующие тезисы².

Во-первых, институты демократии, такие как разделение власти, система сдержек и противовесов, многопартийность, выборы, парламент, свобода слова и тому подобные, заимствованные извне и перенесенные на кыргызскую почву, не смогли сработать, по крайней мере при первых двух президентах. Свидетельство тому — два государственных переворота, 2005 и 2010 годов. Причина краха двух президентов заключалась в практике консолидации власти в одних руках, которая и повлекла за собой серьезные последствия — абсолютную политическую изоляцию. Следовательно, перед нажимом оппозиции оба президента имели правовые рычаги воздействия вплоть до применения силы для защиты своей власти, к чему морально и психологически не были готовы и вынуждены были сдать и сбежать из страны. Однако такая трактовка носит скорее поверхностный характер. Консолидация власти, авторитаризм является всего лишь одной из причин, приведших к драматическим событиям тех лет.

Во-вторых, для Кыргызстана (вплоть до приобретения независимости) очевидно отсутствие опыта создания национального государства в современном понимании. Однако данное обстоятельство не означает отсутствие опыта политического взаимодействия в рамках родов и племен кыргызского народа. Исторически кыргызские роды и племена всегда взаимодействовали между собой, и такое взаимодействие является важной составляющей народной памяти и политического опыта. Этот немаловажный фактор для адекватного понимания современной истории кыргызского государства.

В-третьих, кыргызские роды и племена имеют долгую историю. Причем в каждом крупном роде существует иерархия. Самое главное, что все они не подчиняются друг другу, независимы друг от друга. В современных условиях роды ведут себя как группы интересов по отношению к государственной власти и конкурируют друг с другом. Многие, если не все, партийные структуры имеют в качестве социальной базы как раз родоплеменные связи. Идеологические платформы партий размыты и трудноразличимы.

Следовательно, главный вопрос для политической стабильности — это инкорпорирование в политиче-

скую систему власти ключевых игроков — партий, групп интересов и их вовлеченность в систему принятия решений. В этом смысле парламентская форма правления является более адекватной альтернативой. Можно допустить, что отсюда пойдет процесс апробирования делиберативной демократии.

В-четвертых, именно с этой точки зрения нужно рассматривать Конституцию Республики Кыргызстан, которая была принята на референдуме 2010 года и является наиболее адекватной политической реалией в стране. Увеличение количества мест (мандатов) в парламенте до 120, партийно-пропорциональная система выборов, пятипроцентный «порог» служат фильтрацией, выгодной, конечно, крупным игрокам. В целом такая система позволяет, с одной стороны, считаться с политической реалией, а с другой — включать в рамки парламентской деятельности политические силы, действующие на основе родоплеменных разделений. С точки зрения практической политики, если все ключевые игроки — группы интересов (роды и племена) имеют свои места в парламенте, то в значительной степени можно исключить разрушительное воздействие борьбы этих же групп, но уже за стенами парламента. Более того, если большинство групп в парламенте выступает за сохранение статус-кво, то вызов со стороны отдельных групп, независимо от того, находятся они внутри парламента или вне его, уже не способен привести к слому системы. И *visa versa*. С этой точки зрения кыргызская Конституция образца 2010 года, безусловно, имеет позитивное значение в плане обеспечения политической стабильности в стране.

В-пятых, успех парламентаризма в Кыргызстане в значительной степени и в первую очередь зависит от того, насколько успешно политики смогли определить границы. Пока парламентарии ведут себя в лучших традициях времен «вся власть Советам». Успех парламентаризма также зависит от того, когда конкуренция между группами созреет до выработки общих подходов и теории о национальных интересах, то есть сознания того, что существует все-таки нечто выше групповых интересов. По этому критерию можно будет судить о степени и уровне политического развития в Кыргызстане.

Резюме. Политическая культура для любого народа и нации является стабилизирующим ядром. А политические традиции, в данном случае трайбализм для Кыргызстана, — ценный опыт политического взаимодействия. И только их творческая трансформация смогла бы решить проблему. И вообще говоря, трайбализм сам по себе не является безусловным злом. А традиционные ценности при адекватном подходе к ним вполне способны работать как позитивный фактор.

¹ Совершенно очевидно, что политическая оценка событий 2005 и 2010 годов серьезно различается среди многих авторов и политиков как внутри Кыргызстана, так и за его пределами. Автор данной статьи исходит из классической дефиниции о революции, которая предполагает коренную перестройку политической системы.

² Фуци С. Политическое развитие в Кыргызстане — 1991–2010. Пекин, 2010.

С. Г. Тер-Минасова¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Глобализация экономики и связанных с ней общественных процессов уже происходит, хотя дебаты о ее сущности, полезности и целях не прекращаются. Увы! Глобализация — явление противоречивое. И если «за» — идеи мира, дружбы, сотрудничества, торговли, совместной научной деятельности, сохранения глобальной окружающей среды, международного туризма и так далее, то «против» — уникальность языков, культур, цивилизаций. Национальная самобытность, национальный язык и национальная культура — под угрозой поглощения, нивелирования, уничтожения. Но ведь именно языковой и культурный барьеры препятствуют объединению людей. Без глобального языка (а поскольку язык неотделим от культуры, то, значит, и глобальной культуры) не может быть подлинно глобального сообщества и возможности построить новую Вавилонскую башню, то есть глобальное мировое сообщество. Сейчас, когда преодолены другие барьеры (расстояния, политические, экономические), языковой барьер раздражает как никогда раньше (прежде его заслоняли другие барьеры).

Введение единого глобального языка (английского, как сейчас, или какого-либо другого в будущем) привлекает возможностью решить многие проблемы: облегчить международное общение, сократить огромные финансовые расходы международных организаций, компаний, концернов на переводчиков — письменных и устных, способствовать обмену информацией и, следовательно, ускорению и улучшению научно-технического прогресса, торговли, бизнеса.

Преодоление языкового и культурного барьеров могло бы быть коммерческой целью и, несомненно, является заветной мечтой коммерсантов, бизнесменов, политиков.

Всемирные общественные организации — ООН, ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и другие — остро нуждаются в едином языке международного общения, даже по финансовым соображениям. По некоторым данным, на переводчиков тратится до 50 % бюджета ООН.

Единый язык освободил бы и армии преподавателей иностранных языков, и легионы учащихся.

¹ Президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор. Автор около 200 научных работ, в т. ч.: «Язык и межкультурная коммуникация», «Language, Linguistics and Life», «Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах», «Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков», «Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации» и др. Президент Национального общества прикладной лингвистики, Национального объединения преподавателей английского языка России. Председатель научно-методического совета по иностранным языкам при Минобрнауки РФ. Почетный профессор Бирмингемского университета (Великобритания). Почетный доктор словесности Университета штата Нью-Йорк (США). Почетный профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения).

О едином языке мечтали поэты.

Века все смелют,
дни пройдут.
Людская речь
В один поток сольется,
Историк, сочиняя труд,
Над нашей рознь улыбнется.
С. Есенин

На роль глобального языка сейчас уверенно претендует — и реально ее выполняет — английский язык. Именно он является языком международного общения. Достижению этого статуса способствовал целый ряд вполне конкретных социально-исторических причин, настолько очевидных, что на них не стоит особенно останавливаться. (Нужно только сразу оговориться, что дело, разумеется, отнюдь не в количестве говорящих (кто здесь сравнится с китайцами?!) и не в мифе об особой легкости, гибкости, удобстве и тому подобных «качествах» английского языка.)

Во-первых, солнце, которое никогда не садилось в Британской империи, теперь никогда не садится в империи английского языка.

Во-вторых — тоже просто — это язык главной и теперь единственной супердержавы, которая правит миром. Неслучайно во Франции и многих других странах глобализацию называют американизацией.

В-третьих, это язык «электронной деревни». И хотя доля его в Интернете уменьшается (сейчас менее 50 % сайтов — на английском языке, а 10 лет назад их было более 90 %), это происходит потому, что массово «подключаются» новые народы и страны, но языком международного общения по-прежнему и практически исключительно является английский.

Рассмотрим плюсы и минусы сложившейся ситуации. Итак, именно английский — по очевидным социально-историческим причинам, выше уже упомянутым, — стал главным языком международного общения и имеет все основания получить статус глобального или всемирного языка, языка общения глобальной деревни.

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос: к каким негативным последствиям может привести наличие глобального языка вообще и английского языка в этой роли в частности?

Эти негативные последствия могут быть рассмотрены в двух аспектах.

1) Чем грозит повсеместное доминирование английского языка как главного средства международного общения неанглоязычному человечеству? Иными словами, какой вред эта ситуация может принести другим народам и их языкам и культурам?

2) Какие негативные последствия ожидают сам английский язык, какой вред может быть нанесен англоязычным народам?

По первому вопросу идет большая непрерывная дискуссия во всем мире во всех формах.

В этой статье рассматривается гораздо менее изученный вопрос: какие минусы эта ситуация таит для самого английского языка, какие опасности подстерегают англоязычные народы?

Преимущества англоязычных народов очевидны. Их родной язык стал средством международного общения. Им не нужно, в отличие от сотен миллионов говорящих на других языках, тратить время, здоровье и деньги на изучение английского, переводчиков и преподавателей, страдать от неспособности общаться с иностранными коллегами и друзьями, комплекса неполноценности, осознания собственной беспомощности и т. п.

Их родной язык, его экспорт приносит англоязычным народам огромные доходы. Я не знаю точных цифр, но уверена, что миллионы носителей английского языка зарабатывают приличные деньги во всех уголках мира, причем часто не имея специального образования, просто как люди, которые могут говорить на своем родном языке, получив этот дар с рождения, естественно и без усилий.

Издание учебной литературы в Англии — родине и колыбели английского языка — сделало преподавание английского языка глобальным бизнесом с оборотом во много миллиардов фунтов стерлингов¹.

Знание английского языка престижно во всем мире, с ним связано продвижение по служебной лестнице, оно помогает сделать карьеру в разных сферах человеческой деятельности. Носители английского языка любого уровня имеют это преимущество.

Все это очевидно, это та польза, которую англоязычные народы извлекают из ситуации, в которой английский язык выступает средством международного общения.

А существует ли вред, и если да, то какой? В качестве ответа на этот вопрос изложу свои наблюдения за долгие годы изучения английского языка, обучения ему студентов Московского университета и общения с коллегами из разных стран мира — и прямого, непосредственного, и косвенного, через чтение книг.

Во-первых, нежелание изучать другие языки — это то, что все знают и о чем с грустью говорят представители англоязычных наций. Действительно, изучение иностранных языков в англоязычном мире не слишком популярно по понятным причинам: «Весь мир учит наш язык, все мало-мальски образованные люди знают или учат английский, нам незачем беспокоиться». В известном смысле английский язык мешает бизнесу англоязычных наций: их компании и предприятия за рубежом много теряют из-за того, что их представители не знают (и не изучают) местных языков и культур. Учат — в несравнимых с остальным миром масштабах — язык ближайших соседей: англичане — французский, американцы — испанский, австралийцы — китайский или японский. По данным 2001 года, 90 % британцев перестают изучать иностранные языки в возрасте 16 лет². В Шотландии только 9 % школьников изучают иностранные языки.

¹ Phillipson R. Voice in Global English: unheard ghords in Crystal loud and clear // Applied linguistics. 1999. Vol. 20. № 2. P. 269.

² Phillipson R. English and the World's languages. Humanizing Language Teaching. Pilgrims Ltd., 2001.

Это, конечно, минус, поскольку знание других языков, а через них — культур духовно обогащает человека, расширяет горизонты, дает новый взгляд на мир. Кроме того, совершенно прав был великий Гёте, когда говорил, что учить иностранные языки надо еще и для того, чтобы лучше овладеть своим родным языком. Р. Филлипсон приводит пример из опыта студенческих обменов в рамках программ Европейского Союза. Британские студенты, приехавшие по обмену в университет в Данию, часто уступали в знании письменного английского датским студентам, для которых этот язык был иностранным³.

И печально знаменитая нелюбовь британцев к иностранным языкам и всему иностранному тоже связана с этим моментом. *Нельзя остаться равнодушным к народу, язык которого изучаешь*. Поэтому весь мир, изучающий английский язык, испытывает особые чувства к людям, владеющим этим даром, поэтому так велик интерес к англоязычным странам, так много англомании — просто из-за радости узнавания выученных слов, близкого знакомства с культурой через учебники английского языка. К ним относятся как к друзьям, почти родственникам. А они избалованы этим вниманием миллионов иностранцев (bloody foreigners) и часто ведут себя высокомерно, хотя не приложили особых усилий — просто случайно родились в англоязычной стране.

Избалованность всеобщим вниманием, к сожалению, становится характерной чертой англичан — в основном благодаря их глобальному языку.

Особенно грустно это наблюдать у преподавателей — носителей английского языка, не только сознающих, но и демонстрирующих свое превосходство перед учениками, которые старательно изучают чужой язык и с наивным восхищением ловят каждое слово этих «полубогов», с легкостью владеющих своим родным языком. Р. Филлипсон приводит яркий пример в уже цитированной работе. Американский политолог Дуглас Ламмис (Douglas Lummis), приехавший в 1961 году на работу в Японию, был поражен уверенностью американцев — преподавателей языка в своем культурном превосходстве. В статье под названием «Беседа на английском как идеология» он писал, что «мир разговоров на английском языке — это расистский мир... Выражение «носитель языка» — это зашифрованное слово «белый»... их подлинная миссия — не преподавать английский, а быть живым образцом американского образа жизни»⁴.

Вернемся, однако, к вопросу о том, чем грозит статус английского языка как глобального средства общения самим англоязычным народам.

Во-вторых, по мнению Д. Кристалла, в этой ситуации возникает лингвистическая элита, состоящая из носителей языка, которая может использовать английский язык в корыстных целях и для манипуляций в разных сферах⁵.

В-третьих (очень важно), став языком международного общения, английский язык как бы перешел

³ Phillipson R. English and the World's languages.

⁴ Ibid. P. 3.

⁵ Crystal D. English as a Global Language. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 12, 17.

во всеобщее пользование, стал всеобщим, международным, глобальным достоянием. С этим связаны два последствия.

Первое: поскольку язык — это не только барьер, разделяющий народы, но и щит, защищающий национальную идентичность и самобытность, англоязычные народы, отдав (пожертвовав?) свой родной язык в чужие «международные» руки, потеряли свой щит, и им грозит утрата национальной идентичности.

У меня сложилось впечатление, что сейчас и английский язык, и культура, в нем заложенная, и, следовательно, национальная идентичность как бы выставлены напоказ в некоей глобальной витрине с рекламной надписью: «Пользуйтесь, мы ваше лучшее средство общения». И все пользуются, и число желающих растет каждый день.

Как известно, язык выполняет две основные функции по отношению к «обслуживаемой» и сформированной им этнической группе: служит, во-первых, средством общения и, во-вторых, средством идентификации. Из-за своей глобальности английский язык сильно ослаблен в плане выполнения функции идентификации. Это, конечно, язык общения (или коммуникации) англоязычных народов, но как язык идентификации, как щит он очень тонок и прозрачен, это хрупкий стеклянный щит: весь мир наблюдает, изучает, критикует, заимствует все то, что отражает зеркало английского языка и хранит его сокровищница, то есть жизнь, быт, культуру в широком смысле слова. Это немного напоминает кошмарные телепередачи «за стеклом». Такова оборотная сторона медали «За глобальность языка», та дорогая цена, которую платят носители великого и могучего английского языка за то, что именно он стал средством международного общения.

Второе последствие: поскольку английский язык отдан в пользование и во власть всему миру, все народы, особенно многочисленные, подделывают его под свою культуру, свой менталитет и свой язык, то есть создают свой вариант английского языка. Иными словами, наряду с американским, австралийским, канадским вариантами «первичного» британского английского существуют, развиваются и множатся варианты «иных стран»: индийский английский, китайский, японский, русский и т. п.

Когда одним языком пользуются миллионы разных язычных людей, это не может не сказаться на уровне и качестве этого языка. А поскольку количество иностранных пользователей во много раз превышает число носителей языка и растет оно гораздо быстрее, то будущее натурального английского внушает определенные опасения. Я слышала историю от иностранных коллег о том, как у носителя языка не приняли статью в международный сборник и попросили ее переписать, потому что его английский был «не такой, как у всех». Мне эта история кажется маловероятной, но сам факт ее появления на свет — даже как анекдота, мифа, шутки — представляется показательным.

Термин “World Englishes” сейчас стал очень популярным, и научный журнал под таким названием издается издательством “Blackwell Publishing” в Оксфорде (Великобритания) и Бостоне (США). Ноябрьский но-

мер журнала за 2005 год был посвящен Russian Englishes (русским английским). Множественное число настораживает: неужели и в России есть разные варианты русского английского?

В-четвертых, дело в том, что массовое распространение английского языка как глобального привело к созданию особой разновидности университетского «английского как иностранного», некоего усредненного, упрощенного для «бедных иностранцев», стандартного, унифицированного, «дистиллированного» языка. Автор «Базового английского» (“Basic English”) Чарльз Огден (С. К. Ogden) писал в 1930 году, что вопрос глобального общения (он назвал его “debabelization” — что-то вроде «девавилонизации») должен быть решен не с помощью искусственного языка, а посредством упрощенной формы английского (“a simplified form of English”). “Basic English” (базовый английский), лексический словарь которого был сокращен Огденом до 850 слов, был задуман как вспомогательный международный язык (“an auxiliary international language”)¹.

В научной литературе «учебный» вариант английского языка, этот стиль учебников, получил название прагмалингвистического. Этот стиль занимает особое положение, так как в нем не доминируют функция сообщения и функция воздействия в чистом виде. Его основное предназначение — служить основой для создания безупречных в языковом отношении учебных пособий, дать изучающим язык образцы лексики, грамматики, фонетики и т. п. Соответственно его основная характерная черта — строгая нормативность на всех уровнях: от фонетики (в английском языке RP — Received Pronunciation) до лексики (никакого сленга, диалектизмов, жаргонизмов)².

Хочу напомнить, что здесь обсуждается не вопрос качества учебных материалов для иностранцев — это отдельная проблема, сейчас широко и противоречиво исследуемая. Я считаю, что с точки зрения иностранцев все правильно: кесарю — кесарево, иностранцам — иностранцево, мы должны знать свое — иностранное — место при пользовании чужим языком. Для отклонений от норм, игры, коверканья и творчества у нас есть свой родной язык. Это — как поведение дома и в гостях. Здесь речь идет о проблемах натурального английского языка, возникающих в связи со столь широким распространением его прагмалингвистического, все более искусственного варианта. Это *в-четвертых*. Разрыв между английским как иностранным и подлинным английским, используемым как единственное средство общения в англоязычных странах, углубляется.

В-пятых, этот «подлинный, настоящий английский» вообще не существует как таковой. Есть несколько вариантов «подлинных» английских, служащих единственным средством общения для своих народов, из которых два основных (это материал для изучения английского как иностранного) — британский и американский. И разрыв между ними тоже непрерывно увеличивается. Британский вариант престижнее

¹ Concise Encyclopedia of Educational Linguistics / ed. by B. Spolsky. Oxford, 1999. P. 782.

² См. об этом подробно: Магидова И. М. Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989.

(история, великая литература, ярко выраженный национальный характер, традиции), американский — практичнее и выгоднее для карьеры. Старшие поколения в иных странах, как правило, — за британский вариант, молодежь — за американский. Молодежи среди изучающих гораздо больше, поэтому американский вариант английского языка активной супердержавы сейчас более распространен, чем британский.

Оба варианта, впрочем, столкнулись с большими проблемами.

Америка — страна иммигрантов, и «американский» язык представлен большой коллекцией вариантов, начиная с самых примитивных. Это проблема номер один. Поскольку именно в Америке родилась идея борьбы за права человека, неудивительно, что именно там возник вопрос о признании права человека на язык (*recognition of linguistic rights as human rights*). Это проблема номер два, напрямую связанная с проблемой номер один.

У британского варианта — свои проблемы, связанные (прямо или косвенно) с глобальным статусом английского языка.

Современный британский английский проявляет тенденцию к размыванию, расшатыванию языковых норм, отходу от *RP (Received Pronunciation)*, *queen's English* (королевский английский). Это выражается в том, что в литературном стандартном английском, языке СМИ употребляются жаргонизмы, сленг, диалектизмы, сниженная лексика, вульгарные выражения, то есть то, что профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ В. С. Елистратов вслед за известным советским филологом Б. А. Лариным называет «варваризацией», сопровождающей конец всякой стабильной эпохи.

Наконец, *в-шестых*, английский язык как глобальный приобретает определенную негативную окраску, что может вызывать негативное отношение к пользую-

щимся английским языком в качестве средства общения народам, в первую очередь к англоязычным.

Негативная окраска английского языка обусловлена целым рядом причин.

Господствующее положение всегда вызывает недовольство. Английский язык имеет отпечаток престижности, элитарности, перспективности, обещания материального преуспевания. Это раздражает другие народы, как те, которые утратили свой высокий международный статус (французский, много лет бывший эксклюзивным языком дипломатии и почты, русский, царивший на огромном советском и окосоветском пространстве, немецкий как язык науки), так и те, которые никогда его не имели. У каждого есть *свой* язык, язык родины, матери (*mother tongue*), любимый и родной.

И чем выше статус английского языка, чем более глобальным он становится, чем больше разговоров о смерти других языков, тем сильнее антипатия к английскому — потенциальному убийце.

Растущее негативное отношение к английскому языку вызвано также и изменением — в отрицательном направлении — оценки народами многих стран мира международной политики США. Как в ЮАР язык африкаанс утратил господствующие позиции, получив ярлык «языка агрессоров», так и английскому языку может грозить такой же ярлык с соответствующими последствиями. В нашей стране после Второй мировой войны резко упал интерес (и, соответственно, количество изучающих) к немецкому языку: одна из главных причин — ассоциации с насилием и агрессией.

Итак, в вопросе об английском языке как глобальном имеются противоречия диалектического характера, то есть такие, которые, по Гегелю, своей борьбой оказываются движущими силами и прогресса общественной жизни, и человеческой деятельности. На этой мажорной ноте и закончим.

М. А. Титаренко¹

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

1. Российское китаеведение ведет начало с основания Русской духовной миссии в Китае, образованной с согласия русского императора Петра I и китайского императора Кань Си в 1711 году. Таким образом, изучение Китая в России систематически ведется в течение

¹ Директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий: «Россия и Восточная Азия», «Россия лицом к Азии», «Китай: цивилизация и реформы», «Россия: безопасность через сотрудничество: Восточноазиатский вектор», «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии» и др. Многие работы переведены на иностранные языки и изданы в Китае, Японии, США, Республике Корея, Германии, Вьетнаме, Индии и других странах. Почетный профессор ряда университетов и Академий наук Китая, США, Кубы, Республики Корея, Вьетнама и Турции. Награжден орденами «Знак Почета», Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Лауреат Государственной премии России (2010) и Премии РАН им. Е. В. Тарле.

более 300 лет. В настоящее время российское китаеведение объединяет около 1,5 тыс. специалистов различных направлений — лингвистов, экономистов, историков, философов, политологов, археологов, математиков, астрономов. За эти три столетия российские ученые внесли огромный вклад в объективное и всестороннее изучение Китая, распространение среди общественности страны знаний об истории, о достижениях в области экономики, науки, культуры, искусства в соседней стране. Характерной чертой российского китаеведения является глубокое уважительное отношение к истории и традициям китайского народа.

XVIII–XIX века были периодом становления и подъема российского китаеведения. Главными направлениями в этот период были изучение китайского языка, китайской культуры, традиций, истории и содействие деловым торгово-экономическим контактам

между Китаем и Россией. В середине XIX века усилиями великих российских ученых Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева и С. М. Георгиевского, митрополита Кафарова (Палладия) сложилась именно российская школа китаеведения, главной особенностью которой является комплексный подход к объекту изучения, особое внимание к исследованию первоисточников. Изучение началось с составления словарей китайского языка и изучения нравственных начал китайского народа (И. К. Рассохин, А. Л. Леонтьев, XVIII в.). Первым произведением — переводом китайских первоисточников на русский язык — был «Канон трех иероглифов» — «Сань цзы цзин» — «Свод нравственных правил».

3. Основателем лучших научных традиций российского китаеведения является великий китаевед Н. Я. Бичурин (в монашестве — Иакинф) — автор многих уникальных трудов по истории, этнологии, экономике, философии, литературе Китая, которые сохраняют свое познавательное значение до сих пор. Он является составителем наиболее полного словаря китайского языка и автором транскрипции китайского языка, которая наиболее адекватно передает звуковую гамму пекинского диалекта китайского языка и сохраняется в России по настоящее время.

4. Характерно, что позиции российского китаеведения XIX века нередко серьезно расходились с официальной позицией царского правительства. Так, российские китаеведы сочувственно относились к восстанию тайпинов, осуждали участие России в подавлении боксерского восстания (ихэтуаней) и экспансионистские акции царского правительства в отношении Китая.

История российского китаеведения XIX века также связана с именами таких выдающихся ученых, продолжателей дела Бичурина, как В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, К. А. Скачков, П. С. Попов, П. И. Кафаров. Выдающаяся заслуга Кафарова и Попова заключается в том, что ими подготовлен и издан уникальный энциклопедический словарь китайского языка в двух томах.

Выдающимся достижением этого периода является «История китайской литературы», подготовленная профессором В. П. Васильевым, перевод классиков китайской философии — Конфуция, Мэн-цзы, Хань Фэй-цзы и др. В этот же период началось изучение китайской религии, особенно буддизма.

Ученик В. П. Васильева С. М. Георгиевский выпустил в середине 1880-х годов фундаментальные труды «Важность изучения Китая» и «Принципы жизни Китая», которые советский синолог А. А. Петров называл «лучшей книгой по идеологии Китая». В трудах Георгиевского впервые был подвергнут критике тезис об «исторической окаменелости» Китая, а также тезис Гегеля о том, что Китай стоит «на самой низшей ступени самопознания всемирного духа», и тезис Канта о том, что «Небесная империя стоит на весьма низкой ступени развития».

5. В первой половине XX века изучение Китая в России теснейшим образом связано с глубоким интересом общественности нашей страны к жизни народа соседней страны, его самоотверженной борьбе за независимость, социальному прогрессу и сопротивлению

японской агрессии. Заслугой советских китаеведов было то, что значение и опыт их становился источником выработки политики государства на китайском направлении, политики активной поддержки борьбы китайского народа за свое освобождение, за утверждение независимости. Воплощением такого подхода стал выход в 1940 году под редакцией академика В. М. Алексеева сборника «Китай», в котором приводились энциклопедические сведения по всем основным аспектам жизни Китая — от археологии и истории до философии и очерков хода антияпонской войны.

6. С начала движения 4 мая 1919 года и в ходе антияпонской войны сложились тесные контакты между лучшими представителями советской и китайской интеллигенции, сформировался полноценный культурный диалог между российской и китайской цивилизациями. Его выдающимися участниками с китайской стороны были писатели и политики Лу Синь, Цюй Цюбо, Мао Дунь, Го Можо, Лао Шэ, философы Ян Санжэнь и Хоу Вайлу, артист пекинской оперы Мэй Ланфань и другие, а с российской стороны — писатели Горький, Маяковский, Островский, Фадеев, Симонов, китаисты академик В. М. Алексеев, журналист В. Н. Рогов, С. Л. Тихвинский, Н. Т. Федоренко, многие российские китаеведы — дипломаты А. С. Панюшкин, А. А. Петров и другие выдающиеся деятели российской культуры. Именно этот диалог китайской и российской культур содействовал формированию открытости китайской культуры, стал мощным фактором обменов и взаимной учебы.

7. В середине XX века после образования КНР развитие китаеведения в СССР получило новый мощный импульс. В те годы тысячи китайских студентов учились в советских вузах, российские студенты учились в Китае. Так сформировался диалог на уровне страноведов и русистов. Следует отметить, что в сложные драматические годы развития Китая, связанные с так называемой великой «пролетарской революцией», главной тенденцией российского китаеведения по-прежнему оставалось обстоятельное комплексное изучение истории культуры Китая, китайского языка, истории КПК и внешней политики КНР. В 1970-е годы был издан учебник по истории Китая. Тогда же вышел целый ряд книг по истории революционного движения 1920–1940-х годов в КНР, истории КПК, исследования взглядов Кан Ювэя, перевод трудов легистов «Шаньшу», а также Мао Цзэдуна, Пын Бая, Чэнь Дусю, Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Лю Шаоци, Чэнь Юня и другие исследования по философии Лао-Цзы, Конфуция, Мо Ди и его последователей, Шан Яна, Ханьфэй-цзы, Чжуан-цзы, Сюнь-цзы. В Улан-Удэ сложилась школа по изучению чань-буддизма и тибетского ламаизма.

В 1972–1973 годах вышли два тома — «Антология древнекитайской философии» и «Антология философии эпохи Хань». В эти же годы вышли перевод и исследование трудов Сунь Ятсена, осуществленный академиком С. Л. Тихвинским, а также «Антология философии Китая XIX века», велась интенсивная подготовка Большого китайско-русского словаря в четырех томах. Эта работа была удостоена Государственной премии. В XX веке в СССР вышли многочисленные переводы

классиков китайской художественной литературы и поэзии Цюй Юаня, Бой Цзюйи, Ли Бо, Ли Цзиньжао, Тао Юаньмина, новеллы Пу Сунлина, романы «Троецарствие», «Сон в красном тереме», «Речные заводы», «Путешествие на Запад», сборники китайских сказок, мифов, древних преданий, поговорок и т. д.

В Институте востоковедения АН СССР регулярно проводились многоплановые, многодневные научные конференции на тему «Государство и общество в Китае». В Институте Дальнего Востока (ИДВ) АН СССР проходили многочисленные научные конференции по экономике, культуре, истории современного Китая. В конце 1980-х годов ИДВ положил начало традиционным международным конференциям под общим названием «Китай, китайская цивилизация и мир», которые продолжаются и по сей день. В 2011 году такая конференция была посвящена теме: «Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации (К 100-летию Синьхайской революции)». На этой многодневной конференции было заслушано более 100 научных сообщений.

8. Нынешний невиданный подъем Китая начался с проведения политики реформ и открытости с конца 1970-х годов. Российскими учеными-китаеводами опубликованы сотни трудов и научных докладов, посвященных изучению различных аспектов развития Китая, издано более 100 трудов, которые охватывают различные аспекты опыта китайских реформ и политики открытости, в том числе серия трудов о развитии китайской промышленности, сельского хозяйства, транспорта, о правовом обеспечении политики реформ и инвестиционном климате, месте и влиянии китайской экономики в мировой экономике, а также многочисленные труды о советско-китайских отношениях.

В это же время выдающийся российский китаевед Р. В. Вяткин осуществил перевод многотомного труда Сыма Цяня «Исторические записки» («Ши цзи»). В 1994 году российские китаеведы издали экспериментальный уникальный труд — энциклопедический словарь «Китайская философия», который положил начало 15-летней работе, завершившейся изданием 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая». Этот труд в 2010 году был удостоен Государственной премии. Следуя примеру выдающегося английского синолога Нидема, эта энциклопедия дает целостную картину истории становления и развития 5-тысячелетней духовной цивилизации Китая, раскрывает истоки жизнеспособности и способности к самообновлению этой великой культуры великого народа.

Важным новым моментом является то, что именно в годы «культурной революции» в Китае в СССР началось издание Антологии китайской классической литературы в 40 томах. До распада Советского Союза вышло 15 томов, которые включали переводы произведений Го Можо, Мао Дуня, Лао Шэ, Ба Цзиня, Дин Линь, Чжао Шули, Ай Цина, а также классические романы. Это издание охватывает всю 3-тысячелетнюю китайскую литературу. С большим удовлетворением можно доложить участникам конгресса, что *все основные классические памятники китайской литературы, искусства и истории в настоящее время переведены на русский язык.*

9. Российские синологи придерживаются той точки зрения, что стержнем и методологической основой становления китайской цивилизации и духовности является китайская философия: учение об изменении, о взаимодействии пяти первоэлементов и противоположных сил «Ян» и «Инь», а также учение о гуманности, мудром управлении, этических основах отношений в обществе и семье, о формах познания, о закономерностях «Дао» и «Дэ» и взаимоотношениях человека и природы, учение о гармонии и благоденствии. Многие из этих идей сохраняют свое влияние и по сей день, например учение о «сяокан», о пяти первоэлементах, об «Инь» и «Ян» и т. д. Поэтому, как было показано выше, особое внимание российские китаеведы уделяли и уделяют изучению философских памятников и памятников, связанных с духовной культурой Китая. И здесь можно смело сказать, что абсолютное большинство классических памятников доцинского периода, а также философские труды многих мыслителей Ханской, Танской, Сунской, Юаньской, Миньской, Цинской династий и современного Китая также переведены на русский язык.

10. Наметившийся подлинный диалог между российской и китайской цивилизациями способствовал росту в России глубокого интереса к китайской культуре и ее опыту духовного и физического совершенствования. Показателем этого является широкое распространение китайского языка. Почти в 100 университетах и институтах России в последние годы созданы факультеты или отделения китайского языка. Возникло немало средних школ и лицеев, в которых изучают китайские оздоровительные системы цигун, тайцзицюань, кунфу и т. п.

В России в настоящее время функционирует более 20 крупных центров изучения современного Китая. Ведущим среди них является Институт Дальнего Востока РАН, в котором более 100 научных сотрудников-китаистов занимаются комплексным изучением истории, экономики, политики, культуры, философии Китая. За 50 лет своего существования Институт подготовил более 500 фундаментальных трудов о китайской культуре, истории, экономике, политике, философии.

Под руководством академика С. Л. Тихвинского вышло 11 томов документов по истории российско-китайских отношений, начиная с 1686 года и по настоящее время. Работа по изданию этих документов продолжается. Со старокитайского вэньяна, маньчжурского, тибетского, старомонгольского языка переведены и прокомментированы тысячи важных документов. Это огромный труд. Ныне под руководством С. Л. Тихвинского наши сотрудники вместе с сотрудниками других китаеведческих центров России завершают работу над фундаментальным трудом — 10-томной «Всеобщей историей Китая с древнейших времен до наших дней», который призван удовлетворить огромный интерес российской общественности к истории нашего великого соседа.

При поддержке наших немецких и китайских друзей российские китаеведы в конце 1990-х годов и в начале XXI века издали уникальный 7-томный труд «ВКП(б), Коминтерн и Китай», в котором опубликован огромный

комплекс документов из совершенно секретных архивов Политбюро ЦК КПСС и Коминтерна. Главные редакторы и составители этого издания: профессора ИДВ РАН М. Л. Титаренко, А. М. Григорьев, А. И. Кортунова, К. В. Шевелев и профессора Свободного университета Берлина Го Хэйюй, М. Лейтнер, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта Р. Фельбер. Публикация этих документов позволила прояснить немало неясных моментов из истории китайской революции, истории советско-китайских отношений и международных отношений на Дальнем Востоке в целом.

На основании изучения 400-летней истории двусторонних отношений российские ученые пришли к выводу, что коренные национальные интересы России и Китая не противоречат друг другу, они часто совпадают или параллельны друг другу. Наши страны могут совместно развивать экономики, взаимно обогащать культуры, поддерживать друг друга на международной арене. Выход отношений России и Китая на уровень всеобъемлющего стратегического взаимодействия и доверительного партнерства создает условия для дальнейшего развития и подъема российского Китаеведения с опорой на тесное сотрудничество ученых двух стран.

В России высоко ценят ту роль, которую играют китайские русисты в укреплении взаимопонимания между нашими странами. Российские ученые поддерживают отношения с соответствующими китайскими институтами и университетами. Наше сотрудничество в области науки, следуя духу времени, переходит на новый этап осуществления крупных совместных проектов. Создан Российско-китайский центр изучения экономики и мировой политики между ИДВ РАН и Университетом Цинхуа (содиректор с китайской стороны — профессор Ван Ци). Успешно функционирует такой же центр по изучению приграничного сотрудничества между Россией и Китаем при Цзилиньском университете в г. Чаньчуне (содиректор центра — профессор Чжу Сянпин). Мы высоко ценим усилия русистов Сычуаньского университета иностранных языков, которые в 2010 году провели первую международную научную конференцию «Российское Китаеведение». Китайские коллеги в Сычуаньском университете взяли на себя организацию перевода 6-томной энциклопедии «Духовная культура Китая».

Изучение Китая в России и изучение России в Китае — это два синергетически влияющих друг на друга процесса, которые служат углублению взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между нашими народами и странами.

Главным выводом, который напрашивается после изучения этих многотомных документов по многовековой истории российско-китайских отношений, является тезис о том, что наши народы все эти годы стремились найти взаимоприемлемые основы и взаимовыигрышные нормы мирного сосуществования, платформу сотрудничества, добрососедства и дружеского взаимодействия. Конечно, в этой многовековой истории были, к сожалению, и драматические периоды, и «горькие страницы». Но не все были главной вехущей тенденцией. Изучение российскими китае-

ведами Китая создает прочную базу для формирования отношений всеобъемлющего доверительного партнерства между нашими странами, для поддержания конструктивного межцивилизационного диалога. Интерес к современному Китаю в России в значительной мере связан с тем, что наши страны объединяет общность или близость стратегических интересов. И Россия, и Китай идут по пути модернизации и подъема. Эту общность интересов хорошо охарактеризовал президент В. В. Путин, который заявил, что задача России — «поймать ветер китайских реформ в паруса России» с тем, чтобы стимулировать всестороннюю модернизацию нашей страны. «Россия, — подчеркнул В. В. Путин, — желает видеть могучий процветающий Китай. Мы уверены, что Китай имеет аналогичное желание видеть Россию сильной процветающей страной».

11. Одна из задач, стоящая перед российским Китаеведением, состоит в том, чтобы сделать знание истории Китая, его традиций основой для понимания опыта китайских реформ и его политики мирного развития и возвышения.

Наши исследования показали, что развивающаяся российская евразийская идентичность во многом близка к конфуцианским подходам культурного развития. Наши исследования специфики и духовной культуры Китая показали особое значение в истории развития китайской культуры тезиса о «гармонии без навязывания единства» («хэ эр бу тун»), а также диалектику развития «О слиянии двух различий в единое» («хэ эр эр и») и «раздвоении единого» («и фэн вэй эр»).

Российские китаеведы своими исследованиями стремятся создать максимально благоприятные предпосылки для укрепления взаимопонимания и доверия между нашими народами. В связи с этим нам нередко приходилось оказываться под серьезным прессом общественного мнения, когда в 1980–1990-е годы в России получила широкое распространение «концепция страха», так называемый прогноз о неизбежности распада Китая, а также концепция некой «китайской угрозы». Российские ученые в своих исследованиях объективно, на фактах, показали несостоятельность этих утверждений.

Российские ученые составили собственные прогнозы, которые были основаны на позитивной оценке перспективы длительного устойчивого роста китайской экономики, а также на признании заинтересованности Китая в проведении политики мира и добрососедства.

В труде Б. Н. Кузика и М. Л. Титаренко, вышедшем в 2006 году, — «Китай–Россия 2050: стратегия соразвития», показана общность интересов и стремление России и Китая по построению справедливого общества на основе стратегии соразвития. Эта разработка российских китаеведов послужила научной основой политических решений о выработке совместных программ подъема Сибири и районов Дальнего Востока и китайского Дунбэя.

В связи с этим в России с глубоким вниманием изучают опыт современной политики реформ и открытости. Среди российских китаеведов существуют

различные точки зрения, однако доминирующей остается мысль об исключительной ценности китайского опыта и его большом международном значении.

Для российской общественности успешный опыт и уроки межкультурного диалога и межкультур-

ных обменов между Россией и Китаем имеют большое значение для становления и укрепления евразийской идентичности российской цивилизации и противодействия попыткам с помощью вестернизации выхолостить самобытность русской культуры.

В. А. Тишков¹

РОССИЙСКАЯ ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или, напротив, воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой. Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, возникли феномен и концепты культурной гибридности. Процесс этот имеет глобальный и, скорее всего, необратимый характер. Те страны и регионы, которые найдут адекватные политические ответы, выиграют; те, кто будут пытаться назад, — проиграют. Поэтому надо по-другому смотреть и на социально-культурную природу современных наций. Именно сообщества «по государству» (многоэтнические согражданства), а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах».

Созданные национальными сообществами экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и общественные организации, высокая (профессиональная) культура служат ключевыми факторами сохранения этнических, языковых, религиозных и других культурно-отличительных систем в рамках национальных сообществ. В последние десятилетия к защитным факторам добавились международные механизмы, но они также создаются представителями наций-государств и существуют на их денежные взносы.

Что представляют собой современные нации? В общественном общественном сознании по этому вопросу наблюдается методологическая путаница и ведутся политизированные дискуссии. В России традиционно сохраняется понимание нации исключительно в этническом смысле. Предложенные двадцать лет назад понимание

¹ Директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор около 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч. монографий: «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «Реквием по этносу», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология», «Российский народ», «Общество в вооруженном конфликте» и др. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники.

и употребление этой категории в двойном (гражданско-политическом и этнокультурном) и не взаимоисключающем смысле² только в последние годы стали в России признанными. И все же это признание имеет зачастую вымученную форму, граничащую с интеллектуальной шизофренией. Идеологическая труха и конфликтогенные рецепты (например, учредить экстерриториальные «национальные советы» для всех этнонаций, включая русскую, вместо действующей по Конституции федерации с этнотерриториальным компонентом³) предлагаются с завидной настойчивостью, особенно в теледебатах и в Интернете.

В России вроде существуют все стороны «национального бытия» и национального дискурса: от экономики и здоровья/нездоровья нации до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно трудно. Одна из причин трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, идеальная нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела метаморфозы, мало связанные с расовыми и этническими реалиями. Трудное признание современных концептов «что есть нация?» наблюдается и в других странах. Во многих странах ведутся споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай — это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций.

Но тогда что есть нация? *Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, обладающая культурной сложностью, которая сжимается в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретает актуализированное старое и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций.*

Схожая ситуация в современных государствах сложилась с языковым разнообразием, ибо язык по-прежнему довольно жестко связывается с этничностью,

² Тишков В. А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2.

³ Попов Г. Х. Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 2011. 10 июня. С. 6.

особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. Российские ученые и практики до сих пор полагают, что у человека должен быть родной язык «своей национальности» и этот язык может быть только один. Оговорка для переписчиков во время переписей населения, что «родной язык может не совпадать с национальностью», в данном случае не спасает ситуацию. В обычном понимании языковая сложность — это существование в мире множества языков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже «красные книги» языков как вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более что язык физически более осязаем через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке как важнейшем средстве коммуникации заключен интерес самых разных человеческих коалиций и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование. Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности. Не случайно одними из пионеров составления этноязыковых атласов в виде известного «Этнолога» были религиозные институты или поддерживаемые христианскими церквями организации.

Традиционный взгляд на ситуацию с языками сводится к тому, что в современном мире под воздействием глобализации исчезновение языков идет быстрыми темпами. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков существуют многочисленные спекуляции и громкие политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы приняты декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный международный документ в этой сфере — принятая кабинетом министров СЕ в 1992 году в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств. Российская Федерация в 2001 году присоединилась к Хартии, но пока не ратифицировала ее. Казалось бы, из-за глобализации мир становится все более моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, все больше овладевают мировым языковым пространством. Однако мировая языковая ситуация и положение с языками в разных странах носят более сложный характер. Эта сложность заключается в следующих процессах:

— *размывание и перемешивание языковых ареалов*, так что сегодня уже никто не рискнет составлять языковые атласы, как это делалось в XIX веке или как это еще можно было сделать с этничностью и религией в XX веке;

— *повсеместное усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия* среди населения многих стран;

— *тенденция к ревитализации языков*, то есть языки возвращаются к жизни после десятилетий умирания и (или) забвения. Примеры — бретонский язык во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США.

Мы не разделяем взгляды сторонников концепта «вымирания языков». Несмотря на драматические прогнозы некоторых ученых и политиков, языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и расширении языкового репертуара отдельных людей. В свою очередь, государственная языковая политика будет развиваться в направлении признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. *Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием будет все больше нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных сообществ.* Благодаря этому, кстати, смогут улучшить свое положение многочисленные русскоговорящие жители Украины, Молдавии, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии и других стран.

Из этих оценок следует несколько вопросов для науки и политики. *Во-первых*, как долго в общественной практике, включая российские переписи населения, будет сохраняться изживающее себя единичное понимание «родного языка», и вообще, что означает данная категория-демиург? Это «основной язык знания и общения» (по Ожегову), или это «первый выученный в детстве язык» (так называемый *материнский язык*), или же что-то другое, например язык своей национальности независимо от владения и использования? Федеральный закон 2001 года о всероссийских переписях населения обязывает в числе прочего собирать данные о «родном языке», но что это такое и как это сделать, из проведенных в 2002 и 2010 годах переписей так и не стало ясно.

Во-вторых, насколько современное государство и его население ответственны за неизменность языковой карты своей страны и языковое пространство обучения, культуры и информации? Чей это вопрос и кто его отслеживает, в том числе и на межгосударственном уровне? Нет сомнения, что сами носители и пользователи языка сохраняют и защищают свои языковые системы коммуникации, но в этом вопросе есть некоторые новые диспозиции. Общественные активисты, ученые-лингвисты и этнографы, некоторые международные структуры с предписанной миссией сохранения нематериального культурного разнообразия озабочены тем, чтобы население продолжало говорить так, как оно говорило сто и двести лет назад, и чтобы это разнообразие сохранялось, как разнообразие видов в живой природе. Недаром появился феномен «красной книги» языков по примеру аналогичной книги вымирающих природных видов. Есть и те, кто проводит политику языкового национализма, полагая, что суверенное государство вправе требовать от всех граждан обязательного изучения и владения языком, который объявлен государственным или официальным. При этом никакого компромисса по части официального двуязычия или многоязычия не допускается. Это приводит к косвенному насилию и дискриминации, причем в ряде государств бывшего СССР языковая дискриминация носит массовый характер.

В-третьих, существует проблема нивелировки языкового разнообразия в условиях глобализации, включая современные экономики и информационные системы и поведение людей. Но существует также проблема языкового романтизма и языкового национализма, когда вопрос о языке становится средством ограничения прав человека и даже гражданских прав, механизмом политического давления и манипулирования, элементом геополитического соперничества, включая давление на те или иные страны и общества. Реальная языковая жизнь и частные стратегии людей в какой-то степени оказались заложниками романтических и политизированных взглядов на то, что есть язык и какая должна быть политика по отношению к языковому вопросу. В конце XX века языковыми утопиями и политизированными рекомендациями грешили постсоветские государства, а также международные организации, включая ЮНЕСКО и ОБСЕ.

В настоящее время в европейских странах (Великобритании, Германии) действуют частные фонды с программами по вымирающим языкам или языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Реализуются проекты и поддерживаются научные исследования, которыми занимаются также и российские ученые. Однако в какой мере эта озабоченность и даже политическая миссия отвечают своеобразию каждой страны, ее регионов, а самое главное — интересам и стратегиям самих людей? Если мы признаем принцип культурной свободы, то *должно быть признано и право на языковой переход (или ассимиляцию)*, а не только на сохранение языка, на котором говорит часть представителей той или иной группы населения (этнической, региональной или мигрантского происхождения). В этой ситуации языки мировых культурных систем, к которым относятся как русский, так и английский, испанский и французский языки, всегда будут в предпочтительном положении даже при формальном равноправии всех языков. Объяснение здесь простое: эти языки предоставляют больше возможностей для жизненного преуспевания, чем так называемые миноритарные языки. Поэтому требование «языковых паритетов» на межгосударственном уровне (типичная позиция: «у нас столько-то русских школ, и у вас должно быть столько же украинских!») не всегда справедливо и реалистично, если учитывать прежде всего запросы и интересы самих людей. В этом вопросе есть свои «двойные стандарты», которые необязательно устанавливаются политиками. Например, переход российского эмигранта чувашского или чеченского происхождения на английский или немецкий язык в стране эмиграции (США или Великобритании, Германии или Австрии) считается приемлемой нормой интеграции, а сходный процесс перехода на русский язык в России представителей нерусских национальностей может трактоваться языковыми националистами и внешними наблюдателями как языковой геноцид или политика насильственной ассимиляции.

Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции.

В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в регионе ЕС еще не решен. Об этом свидетельствует затянувшийся процесс ратификации Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств. По этому вопросу у России формируется своя позиция. Подписав Хартию в мае 2001 года, мы рассматриваем возможность присоединения к этому документу путем ратификации. Россия не единственное государство, отложившее ратификацию. Здесь имеются особенности, которые могут препятствовать положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие территорий, и нежелательность перевода темы языка в политическую плоскость в регионах, где есть конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией.

На современном этапе язык (языки) представляет собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в большой мере автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или «исчезновении народа». Переход на другой язык не означает утрату идентичности, то есть сознания принадлежности к тому или иному народу. В качестве скреп самосознания могут выступать религия, эмоционально-духовная связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности. Проблема автономности культурных ценностей и их утраты без ущерба для социальной жизни еще более обострилась в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие, как исчезновение недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу неудовлетворенности и деградации. К сожалению, на эти современные вызовы Россия пока не научилась реагировать должным образом. Наши законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. Между тем следует говорить о различиях в статусе и уязвимости одних языков по сравнению с другими.

Что же касается современной ситуации в ключевой области языкового образования, то условия преподавания так называемых родных языков в России в значительной степени соответствуют международным стандартам. Однако и в этом направлении государственные усилия должны быть более последовательными. То же можно сказать о ситуации в России со средствами массовой информации и практикой поддержки культурных мероприятий на различных языках. Задача государства — обеспечить в полном соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей территории и для всех граждан. Одновременно государство, региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать

языковые запросы граждан в области образования, правосудия, социальных служб, информации.

Важнейшую роль в утверждении национального самосознания и воспитании ответственного гражданина в современных государствах продолжает играть система образования, хотя значение общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта человека все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона¹. Правовые гарантии такой политики были закреплены Федеральным законом 1992 года «Об образовании», в ст. 2 которого среди принципов государственной политики в области образования называются в первую очередь «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, родине, семье... Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». По этому закону граждане РФ имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования.

На уровне федерального законодательства эти положения долгое время представлялись достаточными. Однако на уровне регионального нормотворчества в области образования возникли серьезные проблемы. Через «национально-региональный» компонент преподавались этноцентристские версии истории так называемых титульных наций. Российская молодежь получала недостаточные знания в области российской истории и русского языка, что ослабляло ее конкурентные возможности². В конце 2007-го и в 2009 году были приняты поправки к закону об образовании, которые сделали региональный компонент образования более подконтрольным федеральной власти, а также расширили возможности самих школ пользоваться вариативностью в выборе программ и предметов. В ответ на озабоченность местных этнических элит было подчеркнуто, что реформа в области образовательных стандартов создаст больше возможностей для учета этнокультурных запросов разных групп населения, проживающих в том числе и в республиках. Несмотря на эти существенные коррективы, остается нерешенной проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным составом населения и в стране в целом. В России, например, до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу российского народа и вклад в историю страны представи-

телей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая, русскоцентристская и новая, этнонационалистическая, что вызывает напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей.

В свое время ряд полиэтничных стран, а также страны Евросоюза произвели ревизию версий национальной истории в пользу более инклюзивных и мультикультурных образцов и демонтажа образа врага в лице других народов и государств. Проблема канона (стандарта) в области исторического образования стала частью глобальной повестки международного интеллектуального сообщества³. Россия в настоящее время также предпринимает шаги по созданию более объективных и менее конфликтных версий прошлого, в том числе на уровне двусторонних комиссий, включающих историков, с одной стороны, из России, с другой — из стран бывшего СССР, Финляндии, Германии, Польши. Это есть часть демократизации интеллектуального и образовательного пространства России и некоторых других стран.

Фундаментальный конституционно-правовой принцип разделения государственного и местного самоуправления остается в России скорее идеологической интенцией, нежели институциональной данностью. В полиэтничных государствах с элементами этнического федерализма невозможно рассматривать «местное управление» только в его конституционно-правовой дефиниции, то есть применительно к уровню ниже регионов — субъектов Федерации. Даже если республики определяются российской Конституцией как «государства» и их государственность составляет часть федеративной государственности, именно они и представляют одно из главных средоточий проблемы самоуправления местных сообществ, ибо территории республик и автономных округов — это территории проживания культурно отличных от остального населения местных сообществ. Сложный этнический состав имеет и большинство российских краев и областей. В этой ситуации федерализм должен сочетаться с сильным местным самоуправлением. Через расширение прав, ресурсов и инициатив местных сообществ может решаться значительная часть проблем межнациональных отношений, а также задача сохранения культурных традиций и своеобразия. Этому способствует ряд факторов.

Во-первых, сама природа и культурная обусловленность формирования территориальных сообществ, а также их постоянная динамика. С этим тесно связаны и территориальные формы местной власти. Как образуется то, что можно назвать «местным сообществом», в историческом и социокультурном аспектах? Можно ли определить членство в местном сообществе по формальному признаку постоянного проживания или в него должны быть включены и те, кто уехал в другой город или даже за границу, но, располагая ресурсами и символическим капиталом, а также имея интересы, продолжает осуществлять власть над сообществом и определять многое в его жизни, в том числе и через практическое участие (спонсорство, культурная

¹ Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. М., 2010. № 1. С. 39–46.

² Анализ ситуации в регионах см.: Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / под ред. В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2010.

³ Тишков В. А. Новая историческая культура. Воронеж, 2011.

деятельность, политическая мобилизация в поддержку выходца или выходцев из сообщества, криминальные связи и действия и т. п.)? Что есть современное местное сообщество, если значительная доля средств, на которые существуют его члены, поступает от тех, кто связан с этим сообществом, но физически в нем не пребывает?

Во-вторых, с этим же связан вопрос о границах местных сообществ и (или) муниципальных образований. Ясно, что это разные границы, и административные границы никогда не совпадают с культурными и хозяйственными. Что в реальной российской практике определяет границы местных образований? Похоже, что здесь фактически сохраняется советская система местного административного деления. Если и появилось что-то новое, так это своего рода вариант американского *джерримендеринга*, то есть границы сельских или городских районов могли быть изменены только исходя из политических соображений, ибо с административными границами связано деление на избирательные округа. Встает вопрос, насколько сохраняющаяся советская система не только местного, но и республиканско-регионального административного деления была и остается оправданной и что можно ей противопоставить как «идеальные» принципы для определения территориальной основы местного самоуправления.

Местные сообщества складываются под воздействием внутренних и внешних факторов, которые имеют динамическую взаимосвязь. То, что тридцать-пятьдесят лет назад казалось (и действительно было) насилием при формировании и определении границ местных сообществ, сегодня становится частью идентичности и глубокой привязанности их членов, то есть воспринимается как историческая норма и даже «традиция». Другими словами, адаптационные возможности современных людей достаточно велики, и они способны не только сами стихийно определять пространственные границы локальных коллективов, но и приспосабливаться к внешним предписаниям, даже не учитывающим местного волеизъявления. Для каждого нового поколения границы местного сообщества — это радиус тех местных дорог, по которым в юности можно было доехать на велосипеде или на мотоцикле, чтобы сходить на дискотеку или погулять с девушкой. *Осваиваемое человеком пространство повседневной жизни скорее расширяется, чем сужается, чему способствуют прежде всего улучшающиеся дороги и средства передвижения.*

Безусловно, в данной сфере социальной жизни сохраняются и могут заявить о себе в форме манифеста некоторые групповые (этнические) границы, которые при всей их изначально ментальной сущности нередко обретают географические параметры. Представители некоторых этнических общностей (а точнее, хозяйственно-культурных комплексов) могли на протяжении длительного времени занимать определенные пространства для проживания и использовать другие пространства для ведения хозяйственной деятельности. Иногда представители двух разных культур могли использовать разные ресурсные ниши на одной и той же территории и проживать смешанно или раздельно-

смешанно (отдельные поселки/аулы, но единые поселения более широкого плана). Пространственные параметры этнических общностей сохраняются и в современной жизни, особенно в сельской местности и в некоторых малых городах (в крупных городах России пока еще нет «этнических кварталов»). Из всего этого и складываются образы «малой Родины», за которые иногда возникают межгрупповое соперничество и даже открытые конфликты.

В-третьих, в какой мере этнокультурный фактор может быть основой определения границ местных сообществ? Для сельских сообществ, безусловно, может, ибо культурная гомогенность мест проживания обусловлена не только давней историей, но и современными человеческими стратегиями: удобством языкового общения, схожестью систем хозяйственного жизнеобеспечения, бытовыми нормами, ценностными ориентациями, обрядовой жизнью и т. п. Ценность культурной партикулярности не исчезает с модернизацией и нивелировкой хозяйства и быта под воздействием рынка и массовой культуры. Многообразие местных сообществ не будет исчезать, а его символическое значение как одной из форм человеческой идентичности даже может возрастать. Значит, этнокультурный фактор должен быть признан одним из приоритетных в определении границ местных сообществ, а сохранение местного культурного многообразия является одной из задач местного самоуправления и государственной политики в отношении местных сообществ. Но как далеко может заходить культурный детерминизм в данном вопросе, если мы уже отмечаем высокую адаптивность и мобильность человеческих коллективов? Некоторые общественные активисты и этнологи высказываются за систему своеобразной местной кантонизации культурно-сложных сообществ и организацию местных поселений и образований на этническом принципе. Такой вариант предлагается для Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и еще ряда регионов РФ. Аргументом в его пользу является необходимость защиты и должного представительства малых этнических групп в более широких многоэтнических образованиях, а также представление о мирной стабильности этнически однородных поселений. По поводу этого аргумента есть большие сомнения, но ясно, что данный вопрос заслуживает обсуждения. Причем культурная основа пространственных границ местных сообществ — проблема не только Северного Кавказа или республик в составе РФ, но и всей страны, ибо культурное разнообразие присутствует и воспроизводится повсеместно, хотя внешние наблюдатели его могут и не замечать. Эту значимость могут и, видимо, должны определять сами жители. Но в какой мере данный фактор первичен, чтобы быть основой решения о границах, и в какой мере решение принимается действительно в результате волеизъявления, а не манипуляций со стороны «этнических предпринимателей» и замороченных паранаучными текстами местных интеллигентов?

В-четвертых, анализ правоведческой и политологической литературы ставит еще одну фундаментальную проблему: в какой мере оправданна единая

категория «местные сообщества» для сельских и городских образований? Для территории Аляски или Москвы с частью Подмоскovie такое деление не носит принципиального характера (ни там, ни здесь нет деревни). Но в России дихотомия *город–село* имеет сложную природу, а жизнь в городе и на селе и характер городской и сельской власти существенно различны.

Анализ повседневности жизни и смысла власти для городского и сельского жителя поможет выявить эти различия, а значит, необходимость различий в правовых нормах и администрировании, не говоря уже о перспективе категоризации двух разных классов социальных явлений: городского и сельского (само)управления. Здесь нельзя обойти и вопрос о существовании в РФ смешанных муниципальных образований, объединяющих городские и сельские территории. По имеющимся полевым наблюдениям¹, в данном случае мы имеем дело с административным «выбросом» персоналистских властных и коммерческих соперничеств, а территория, как и во времена враждующих племенных групп, становится ресурсом выживания и безопасности.

В-пятых, существующая степень анализа и общего понимания игнорирует неформальную сторону

природы власти. Сельские (деревенские) муниципалы продолжают тратить половину своего рабочего времени в кабинетных инстанциях районных муниципальных образований. Одна «местная власть» находится фактически в полном подчинении у другой «местной власти». На чем строится эта повседневная зависимость, которая не прописана в Конституции, законах и указах? Похоже, в ряде регионов нынешние администрации районов полностью подчинили себе власть деревень, поселков и сел, и последняя есть искусственное образование или инструмент осуществления иных функций. Но тогда каких? В любом случае в России наблюдается разрыв между заявленной реальностью (законы, уставы, решения, опросы и т. д.) и практикой повседневности, построенной на неформальных связях, жестких зависимостях, сугубо личных или корпоративных интересах, которые делают итоговую оценку местного самоуправления гораздо менее оптимистичной. Приходится признать, что в современной России многие политические, идеологические и культурные основы местного самоуправления отсутствуют, а в некоторых регионах вообще нет нормальных основ для функционирования местной власти.

П. П. Толочко²

ИМПЕРИИ КАК ВЕРШИНЫ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Когда в 1991 году развалился Советский Союз, ликованием так называемой демократической общественности (мировой и отечественной) не было предела. Многим тогда казалось, что с уходом с исторической арены последней империи мир наконец обретет более справедливое обустройство. При этом понятие «империя» в политологической пропаганде стало отождествляться с чем-то не вполне естественным в истории мирового развития.

Наверное, подобную эйфорию испытывали варвары, сокрушившие Рим, или европейские крестоносцы, уничтожившие Византию. Возможно, также полагали, что совершили благие деяния, хотя в действительности

в обоих случаях обрушили историческое развитие, нанесли ему невосполнимый урон.

Дело в том, что империи во все времена были не просто закономерными стадиями государственного развития, но еще и закономерно прогрессивными, выводящими человечество на пик его культурной эволюции. Разумеется, это не были миры всеобщего благоденствия. Все империи представляли собой мощные военно-бюрократические образования, всегда экспансивные по отношению к другим странам и народам и существовавшие за счет жестокой эксплуатации своих подданных, как в колониальной периферии, так и в метрополии. Конечно, они не пользовались особой любовью у покоренных народов, но были именно теми государственными структурами, которые позволяли аккумулировать экономические ресурсы больших пространств и обращать их на культурное развитие в самом широком значении этого понятия. И не случайно многие империи со временем становились цивилизациями.

Особенно показательным примером этому является Античность, ставшая, по существу, фундаментом нынешней европейской цивилизации. Человечество и сегодня восторгается афинским Акрополем или римским Колизеем, не задумываясь над тем, сколько в них рабского пота и крови. Греция и Рим были крупными рабовладельческими империями древности, подчинившими себе огромные пространства. Греция обладала бассейнами двух морей — Средиземного и Черного, а владения Рима распространились вплоть до Атлантического океана. Жизненные ресурсы этих территорий

¹ Социальная антропология современного российского города: итоги полевых исследований / под ред. В. А. Тишкова. М., 2010; Малый город в современной России: предварительные результаты полевых исследований / под ред. В. А. Тишкова. М., 2010.

² Директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Исторична топографія стародавнього Києва» («Историческая топография древнего Киева»), «Древний Киев», «Древнерусский феодальный город», «Історичні портрети» («Исторические портреты»), «Літописи Київської Русі» («Летописи Киевской Руси»), «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» и др. Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии, член Международного союза славянской археологии. Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии Национальной академии наук Украины им. М. С. Грушевского.

направлялись в метрополии, овеществляясь там в великолепных дворцах и храмах, предметах искусства, школах, обустроенной инфраструктуре.

Однако, паразитируя на покоренных народах, Греция и Рим не только брали, но и отдавали. Регионы их присутствия вовлекались в единую социально-экономическую и военно-политическую систему, окрашивались в культурные цвета империй. Разумеется, речь идет о провинциальных вариантах греческой или римской культур, но и в этом случае население подвластных областей многое приобретало. Варвары становились, если можно так выразиться, немного греками и римлянами. И не случайно европейские народы, которые оказались в имперской орбите античных государств, в последующие периоды постоянно опережали в развитии своих соседей, которых миновала судьба быть покоренными.

Сказанное о Греции и Риме справедливо и по отношению к империям Средневековья. Известно, сколь велика была культурно-историческая миссия Византийской империи, явившейся наследницей античной цивилизации. Она объединила десятки европейских и азиатских народов и была наиболее развитой страной средневекового мира. Несомненно, цивилизацией христианско-православной.

Составной частью византийского содружества наций являлась Киевская Русь. Она также была империей и также выполняла важную культурно-историческую миссию на огромных пространствах Восточной Европы. Благодаря ей многие народы (угро-финские на северо-востоке и тюркские на юге) приобщились к христианской традиции в ее византийско-русском православном варианте и в конечном итоге приняли участие в сложении общерусского культурного пространства.

Для стран средневековой Европы важнейшим условием экономического и культурного развития явилось образование Священной Римской империи.

В Новое время имперский статус имели Великобритания, Франция, Австрия, Россия, Турция и некоторые другие страны. Исследуя становление, развитие и упадок этих империй, историки оценивают их преимущественно с точки зрения гуманизма и справедливости, указывая на их авторитарный и эксплуататорский характер, а также на шовинистическую сущность по отношению к покоренным народам. Некоторые из названных империй удостоились весьма нелестных оценок. Особенно досталось России, получившей определение «тюрьмы народов», а также ее преемнику Советскому Союзу, к которому был приклеен ярлык «империи зла».

Оба определения никакого отношения к реальной действительности не имели. Это были продукты чистой идеологии, стремления западной пропаганды опорочить конкурента и тем самым ослабить его. Во время правления президента США Рейгана, которому якобы принадлежит сомнительная честь изобретения одного из приведенных эпитетов, Советский Союз, вошедший в стадию застоя, никакой империи зла собой не представлял. Такое определение больше подходило к самим США. Это на их совести истребление индейских аборигенов Северной Америки, тогда как в России и Со-

ветском Союзе не был потерян практически ни один малый народ. Это их военные базы находились на всех материках. И, наконец, это они, а не Россия, вели и ведут перманентные войны в разных регионах мира¹.

Сказанное, впрочем, не дает оснований ни идеализировать, ни демонизировать имперский путь развития. Необходимо отдавать отчет, что становление империй всегда сопряжено с насилием. В той или иной степени сильный распространяет власть на слабых, не соотносясь с их жизненными интересами и традициями. В Новое время власть европейских империй (Испанской, Британской, Французской и др.) распространилась на народы Африки, Индокитая, Южной и Северной Америки. Часто с трагическими последствиями для местного населения, как это имело место с народами и культурами Южной и Северной Америки. Благодаря распространению власти европейских стран на другие материки в их закрома потекли богатства со всего мира, обеспечив им бурное технологическое и культурное развитие.

Аналогичное ускорение обрела и Россия, и также в значительной степени потому, что овладела огромными пространствами и природными ресурсами в азиатском регионе. Вспомните пророчество М. Ломоносова, что богатство России будет прирастать Сибирью.

Хорошо это или плохо? Наверное, и то, и другое. Однако вряд ли продуктивно рассуждать о возможных лучших альтернативах. История не знает сослагательного наклонения. Было именно так, и только свершившаяся реальность подвластна нашему анализу. Если говорить о цивилизационных обретениях, то необходимо признать, что именно имперский путь развития обеспечивал человечеству максимальный прогресс. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о таких имперских (и цивилизационных) символах Нового времени, как Лувр, Эрмитаж, дворцовые и храмовые комплексы Санкт-Петербурга, Парижа, Вены, Будапешта, Лондона и др. В каждом из них воплощены высшие мировые достижения в архитектуре и искусстве.

Однако, как и в далеком прошлом, в Новое время также приобретали не только метрополии. Многие получала и имперская периферия. Она втягивалась в государственные правоотношения европейского типа, обретала социально-структурированные сообщества и собственные управленческие бюрократические аппараты. В ряде случаев приобщалась к европейской христианской вероисповедальной и цивилизационной традиции. Не случайно после крушения классической имперско-колониальной системы многие народы Азии, Африки и Южной Америки оказались подготовленными к независимому государственно-политическому саморазвитию.

Разумеется, Россия и ее преемник Советский Союз не были исключением из правил. Хулители этих имперских образований, усердно трудившиеся над развалом «последней империи», называли Советский Союз неестественным, тоталитарным и экономически неэффективным образованием, в котором Россия только тем и занималась, что эксплуатировала и угнетала

¹ Американский писатель Гор Видал саркастически называл эти войны США «вечными», ведущимися «ради вечного мира».

национальные окраины, удерживая их в колониальном статусе.

Что-то из сказанного справедливо, но в целом внедрившийся в сознание людей злобещий образ Советского Союза ничего общего с реальностью не имел. Ведь именно это имперское государство оказалось способным создать мощную индустрию, передовую науку, высокую культуру, выстоять и победить в смертельной схватке с немецким фашизмом и, в конечном счете, первым отправить в космос человека. Определенно, все это требовало огромного напряжения сил всего общества, что было невозможно без жесткой централизации системы управления и экономического отчуждения, одинаковых на всем государственном пространстве.

В отличие от многих империй, в Советском Союзе по существу не было метропольного центра и колониальной периферии. Все это из области идеологической пропаганды. Индустриализацией были одинаково охвачены все регионы страны. В некоторых национальных республиках, как, к примеру, на Украине, уровень развития промышленности и сельского хозяйства был даже выше, чем в самой России. После развала Советского Союза Украина, по оценкам многих зарубежных специалистов, входила в десятку наиболее развитых европейских стран¹.

Все союзные республики являлись национальными государственными образованиями, в которых были подготовлены собственные управленческие кадры, национальная научная и творческая интеллигенция, достаточно четко определены административные границы. С развалом Советского Союза они в одночасье стали суверенными государствами, по существу на той же национально-территориальной основе и с той же национальной администрацией. Первые секретари центральных комитетов коммунистической партии легко превратились в президентов суверенных государств.

Возникает вопрос. Если государства-империи являются закономерными этапами в развитии человечества, к тому же демонстрирующими необычайную культурно-историческую эффективность, то почему они неизменно терпят крушение? Ответ на него одновременно прост и сложен.

Прост, если исходить из общих законов диалектики. Ничто в этом мире не бывает вечным, в том числе и форма государственной организации общества. На ее жизнеспособность влияет множество факторов, как внешних, так и внутренних.

Внешние факторы — это жесткое, а часто и жестокое противостояние с аналогичными имперскими образованиями, стремящимися избавиться от конкурента. В давние периоды — посредством войн, в новые — войн и идеологических диверсий. В наше время наглядным примером этому может служить развал Советского Союза. Конечно же, он «умер» неестественной смертью. Ему помогли «умереть», в том числе и США. В этом они признались устами государственного секретаря А.-Ф. Даллеса и президента Б. Клинтона. Первый, как известно, для разложения СССР предложил куль-

тивировать в нем национализм, ненависть к русскому народу, способствовать созданию хаоса и неразберихи, а другой подытожил проделанную работу, сказав, что «расшатал идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составлявшее основную конкуренцию Америке». Поразительно, но выстоявшая в «горячих» войнах со странами Антанты и гитлеровской Германией Российская империя, трансформировавшаяся в СССР, не выдержала конкуренции в войне холодной, идеологической.

Внутренние факторы — это естественное старение имперских систем, подтачиваемых в том числе и извечными размышлениями интеллектуальных элит над вопросом разумности существующего государственного мироустройства. Их оппозиционное недовольство, как правило, всегда находило сочувствие и материальное стимулирование со стороны конкурентных стран. Нередко такая кооперация приводила к революционным взрывам, сокрушавшим империи, как это случилось с царской Россией и цесарской Австро-Венгрией. Правда, быстро выяснилось, что «новый мир» ничуть не лучше «старого» и никакого пресловутого освобождения народов от имперской тирании не происходило. Все заканчивалось банальной сменой правящих элит².

Теперь попробуем разобраться, в чем сложность ответа. Думается, она в том, что в реальной жизни крушение терпели империи, но не имперская идея. В действительности имперский феномен никогда не уходил с исторической арены. Испытав поражение в одном регионе, он проявлялся в другом. Нередко одна имперская система сменялась другой практически на той же территории. Как Османская мусульманская, пришедшая на смену Византийской православной. Еще более показательный пример являет нам отечественная история, когда коммунистический Советский Союз сменил капиталистическую Российскую империю, сохранив все ее территориальное наследие.

И конечно, в этом меньше всего повинен субъективный фактор. Неизмеримо больше здесь объективной закономерности. Человеческий опыт, раз осознав, что прогрессивное развитие невозможно в условиях разобщенности, уже не мог отказаться от создания больших государственных образований. Не мог в прошлом и не может в наше время. Рассуждения о гибели «последней империи», коей был Советский Союз, являются не чем иным, как криводушным фарисейством. Особенно когда они звучали из уст американских и западноевропейских государственных деятелей и идеологов. Ведь сами-то они жили в империях.

Без каких-либо натяжек под это определение подходят США, наиболее мощная страна мира. Они, как в свое время Великобритания, являются владыками океанов и морей. И можно сказать, что на подконтрольных им территориях также не заходит солнце. Имперским образованием является и Европейский Союз, имеющий надгосударственные управленческие органы, единую валютно-денежную систему,

² По существу, идеологическая война против России продолжается и поныне. Запад и США финансируют сотни общественных институций России, которые под видом борьбы за демократию объективно подрывают государственное единство страны.

¹ В настоящее время уровень ее совокупного производственного потенциала не превышает 70 % от того, что был в 1990 году.

унифицированные вооруженные силы и военный блок в лице НАТО. Стоит ли доказывать, что столь мощный в экономическом и военном отношении союз способен не только оказывать существенное влияние на развитие европейского континента, но и навязывать свою глобализационную волю народам других регионов. Нередко, к сожалению, и посредством военной силы¹.

Однако же и слухи о гибели «последней империи», выражаясь словами классика, оказались сильно преувеличенными. Россия продолжает оставаться великой державой и без отделившихся от нее территорий. К тому же логика исторического развития на постсоветском пространстве неизбежно приведет к его экономической, политической и военной реинтеграции. Разумеется, на новых началах. Это объективный процесс, хотя еще и не до конца осознанный новыми элитами постсоветских стран. Над ними довлеет синдром неожиданно обретенной суверенности, хотя она в условиях глобализации является весьма относительной. Поэтому они, если рассчитывают на успешное развитие своих стран и благополучие народов в нынешнем агрессивно-конкурентном мире, вынуждены будут идти по пути реинтеграции или интеграции с другими объединениями — так, как это сделали страны Восточной Европы и Прибалтийские республики, быстро сдавшие свои суверенности Европейскому сообществу и НАТО.

По существу, процессы, аналогичные европейским, определились уже и на постсоветском пространстве, подтверждением чему стало создание Таможенного союза между Россией, Беларуссией и Казахстаном. На очереди вхождение в него Киргизии и других стран.

Как известно, приглашение войти в ТС получила и Украина, однако ее политическое руководство не спешит его принять. Будто бы из-за опасения потерять свой суверенитет и вновь оказаться в имперском образовании во главе с Москвой. Удивительно, но аналогичные соображения напрочь отпадают, когда речь заходит о возможной интеграции Украины в Европейский Союз. В империи во главе с Брюсселем согласны быть и без суверенитета. Правда, туда Украину не только не приглашают, но и откровенно дают понять, что в обозримое историческое время вообще не примут. Стоит ли доказывать, что стояние в одиночестве на историческом распутье хуже, чем движение в любом направлении? Тем более в восточном, где сосредоточены все основные цивилизационные и экономические интересы Украины. С одной Россией она имеет товарооборот в два раза больший, чем со всеми странами ЕС.

Разумеется, объединенная Европа и США не хотят возрождения Российской империи, даже в ее новых конфедеративных формах. Предпринимаются различные попытки помешать этому процессу, свидетель-

¹ Как считает профессор славистики Лозаннского университета Э. Надточий, «в рассуждениях борцов с агрессивней проклятого НАТО содержится очевидная ошибка: они все еще живут в мире “публичного европейского права” неких “суверенных государств”. А <...> мир этого права давным-давно умер, и живем мы во всемирном мегаполисе, где порядок поддерживает всемирная полиция».

Вот только не объяснил лозаннский профессор, кто уполномочил США и НАТО исполнять роль всемирного полицейского.

ством чему является заигрывание с Украиной, Грузией, Молдовой и другими постсоветскими странами. В них устраиваются, в значительной степени на американские деньги, так называемые цветные революции, приводятся к власти лояльные Западу и, естественно, антироссийские политические режимы.

И тем не менее, несмотря на активное противодействие, объединительные процессы на постсоветском пространстве необратимы. И нет сомнения, что в итоге они приведут к созданию мощного политического и экономического объединения во главе с Россией. Разумеется, с наднациональными органами управления, которые будут действовать на основе консенсуса и располагаться не обязательно в Москве. Есть основания полагать, что к Евразийскому союзу, после долгого и безответного стучания в европейскую дверь, вынуждена будет присоединиться и Украина. Может показаться парадоксальным, но такое развитие событий не столько в интересах самой России или огромного евразийского региона, сколько всего мира, поскольку определенно сообщит ему большую стабильность².

Говоря о современных империях, мы должны отдавать себе отчет в том, что они не похожи на своих предшественниц. В большей мере это проявляется в их внутренней полицентричной структуре, обретающей конфедеративные формы, а также в лучшей сбалансированности экономических интересов стран, образующих эти неоимперии. Что касается их отношения к внешнему миру, то здесь принципиальных изменений не произошло. Как и прежде, они экспансивны и диктуют свою глобализационную волю слабым.

Примеров этому множество. Наиболее свежий — так называемая «арабская весна». Инспирированная США и Североатлантическим альянсом, она ввергла народы арабского Востока в пучину хаоса и гражданского противостояния. Внешне это представляется как забота о свободе и демократии арабов, в действительности преследуется цель стратегического господства и беспрепятственного доступа к энергетическим ресурсам региона. Как это раньше имело место в Ираке, на Балканах, в Афганистане.

Можно сокрушаться по этому поводу, обвинять названные имперские образования в экспансионизме и эгоизме, но нельзя не признать тот очевидный факт, что благодаря именно этим особенностям они являются локомотивами мирового цивилизационного прогресса. И, конечно же, без мобилизации сил и ресурсов многих стран и народов, в том числе и посредством военного принуждения, достичь такого положения было бы невозможно.

Из сказанного не следует, что США и Европейский Союз будут править миром вечно. Придет время, и они так же развалятся, как и их более ранние предшественники. Европейский Союз уже трещит по всем швам. Явно не в лучшую стадию развития входят и США. В наше время процесс старения империй проходит неизмеримо быстрее, чем в прошлом.

² К такому выводу пришел в последнее время, в частности, Збигнев Бжезинский. Говоря о взаимоотношениях Украины и России, он отметил, что они могут быть добрыми соседями. В противном случае Европейский континент разбалансируется и потеряет равновесие.

Но это не значит, что на данном этапе и завершится имперский путь развития мира. На смену развалившимся придут новые империи. Они уже складываются. На пространстве бывшей Российской империи и Советского Союза это Евразийский союз. На Дальнем Востоке — Китай, который, несомненно, является мировой экономической империей. Не исключено, что со временем обретет имперские очертания АСЕАН. Рано или поздно по пути консолидации пойдут и страны мусульманского мира. Причем

«помогут» им в этом США и ЕС. Проводя там политику «разделяй и властвуй», они наглядно показывают, сколь губительна для этих стран политическая разобщенность.

Таким образом, мировое развитие всегда определялось и будет определяться процессами глобализации, а следовательно, и образованием империй как наиболее эффективных форм организации государственной жизни, безусловно, несовершенных, но лучших исторический опыт не придумал.

Ж. Т. Тошенко¹

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ И МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: КАК СОЕДИНИТЬ ИХ ВМЕСТЕ?

Цель настоящей статьи — ответить на вопрос, почему ценности молодежи и молодежная политика существуют сами по себе, мало или совсем не пересекаясь, не сходясь в своих принципиальных ориентациях. А если в чем-то они совпадают, сходятся, то в вопросах, лежащих на поверхности, очевидных, бесспорных, но не отвечающих на стратегические заботы развития общества и молодежи.

Проблемы молодежи всегда были объектом повышенного внимания, во все времена, во все эпохи, во всех без исключения странах мира. И это вполне понятно — все кардинальные сдвиги в истории проходили по инициативе молодежи или с ее активнейшим участием. Все известные революции в мире — это в значительной степени продукт ее деятельности. Именно в ее среде накапливается тот потенциал, который неминуемо реализуется в действительности. При всех возможных изменениях своего потенциала, который кон-

центрируется в ценностях, молодежь всегда олицетворяла ступок энергии, таила в себе зреющие в глубинах общественного сознания и поведения преобразующие идеи и действия, которые были отражением ее ценностных ориентаций. Молодежь всегда стремилась к новому, неизведанному, но принципиально иному, что, в конечном счете, отражало потребности цивилизации. Эта ее устремленность в будущее ни в коей мере не противоречит тому, что в отдельные исторические эпохи молодежь по тем или иным причинам не выходит на широкое историческое поле действий, слабо участвует в осуществлении грядущих преобразований. Тем не менее общество всегда волновали проблемы молодежи, как с точки зрения большой политики, так и с точки зрения решения повседневных забот. Не является исключением и современная Россия: она находится в переходном периоде, когда обостряются все без исключения общественные проблемы, в том числе касающиеся молодежи. И то, что мы видим в России, далеко от тех жизнеутверждающих идей, которые написаны в начале этого абзаца в отношении авангардной роли молодежи в истории человечества, ее наибольшей адекватности цивилизационным вызовам.

Так что же происходит в России с молодежью, какие ценности она исповедует, к чему стремится, на что надеется и насколько ее цели отвечают цивилизационным вызовам?

Если анализировать ценностные ориентации современной российской молодежи, то общей характеристикой может быть их описание как социокультурная травма.

Данные социологических исследований показывают, что в настоящее время ведущими ценностями молодежи выступают такие ориентации, как семья, материальное благополучие, здоровье, карьера, друзья, представления о свободе. Исследуя ценности молодежи, Ф. Шереги предложил рассмотреть их в трех измерениях (группах): социально-биологические, материально-экономические и институциональные жизненные ценности².

Что касается первой группы — социально-биологических ценностей (семья, здоровье, друзья), которые

¹ Член-корреспондент РАН, декан социологического факультета, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 550 научных публикаций, в т. ч. 18 монографий: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное планирование в СССР», «Социальное проектирование», «Парадоксальный человек», «Три особенных лица власти», «Этнокрафия: история и современность (социологические очерки)», «Социология труда: опыт нового прочтения», «Теократия: фантом или реальность?», «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)» и др.; а также учебников: «Социология», «Социология труда», «Социология управления», «Политическая социология». Редактор и член авторского коллектива тематического словаря-справочника в 2 книгах «Тезаурус социологии», библиографического словаря «Социологи России и стран СНГ». Под его редакцией вышли 14 выпусков, посвященных исследованию проблем интеллигенции в современной России, среди которых: «Интеллигенция и власть», «Интеллигенция в мире современных коммуникаций», «Интеллигенция в этноконфессиональном мире», «“Старая” и “новая” интеллигенция: общее и особенное», «Организация и самоорганизация интеллигенции в современном российском обществе» и др.

Руководитель Научного совета РАН «Новые явления в общественном сознании и социальной практике». Главный редактор журнала РАН «Социологические исследования». Член редколлегии журнала РАН «Social Sciences» и «Социология» (Беларусь). Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Действительный член Академии социальных наук Республики Беларусь и Республики Казахстан. Почетный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского. Награжден Серебряной медалью им. П. П. Сорокина.

² Шереги Ф. И. Политические установки студентов российских вузов // СОЦИС. 2013. № 1. С. 104.

вышли на первое место в ценностных ориентациях, то они оценены молодежью очень высоко. Анализ этой группы ценностей на первый взгляд показывает, что дело обстоит сравнительно благополучно. Но как совместить признание *ценности семьи* с почти 50-процентным распадом молодых семей? Более обстоятельный и углубленный анализ показывает, что мы имеем дело с одним из проявлений социокультурной травмы — декларируемым признанием семьи как опоры в жизни и в то же время с неспособностью освоить реалии семейных отношений, нести за них ответственность, неготовностью считаться с интересами другого человека, неумением идти на компромисс. Ценность семьи соседствует с полной неприспособленностью к жизненным трудностям, неспособностью сочетать эмоциональный и рациональный подход, с инфантильностью, неумением выполнять новые социальные роли.

Еще более контрастным является декларирование стремления к *здоровью* и реальное обеспечение практики здорового образа жизни. Статистические данные показывают, что более чем 70 % молодых людей курят. Высок процент употребляющих алкоголь. По данным экспертов, каждый третий юноша и каждая пятая девушка старше 13 лет пьют водку, пиво или слабоалкогольные напитки¹.

Не менее впечатляют и данные по наркомании. Если по официальным данным на учете состоят 550 тыс. наркоманов, то экспертная оценка называет цифру в 6 млн человек (причем 80 % из них молодые люди — 20 % школьники и 60 % в возрасте 16–30 лет). Ежегодно от наркомании гибнут около 70 тыс. человек. Причем рост количества наркоманов продолжается. Число смертей от наркомании выросло в 12 раз, среди детей — в 42 раза. В целом Россия вышла на третье место в мире по количеству наркозависимых после Афганистана и Ирана².

Этот диссонанс между провозглашением ценности здоровья и реальным поведением молодежи во многом обусловлен существующими в обществе нормами рыночных отношений, в частности рекламой самых разнообразных способов курения, употребления пива и алкоголя. И в то же время никак не осуждается нарушение требований здорового образа жизни.

Второй группой являются ценности материально-экономической сферы — карьера, деньги, работа. Очевидно, что материальное благополучие, карьера, а тем более удовлетворяющая человека занятость имеют ключевое значение. Но на этом пути стоят безработица, сложности трудоустройства, часто неразрешимые или трудно решаемые вопросы с жильем для молодой семьи, невозможность устроиться на работу по профессии. Поэтому не удивительно разочарование в жизни, рост неудовлетворенности и, как следствие, рост апатии или фрустрации. А если к этому добавить то, что общество не обеспечивает реализацию этих ценностных ориентаций, то можно говорить о травмирующей ситуации, которая приводит к потере молодым человеком социальной ориентации, а иногда и смысла жизни.

¹ Статистика алкоголизма в РФ за 2012 год. URL: <http://narkom.biz/topic/33-33/>

² Статистика наркомании в РФ за 2010 год. URL: <http://ria.ru/spravka/20100422/225438645.html>

С одной стороны, в обществе провозглашаются жизненно важные для человека права, а с другой стороны, общество далеко от рационального обеспечения их реализации.

Поэтому не удивительны такие социологические данные: 90 % молодых людей связывают свое будущее с профессией чиновника, с успехами в бизнесе, в том числе и в шоу-бизнесе, в спорте и даже с профессией киллера и проститутки. И в то же время практически ничтожная часть опрошенных ориентирована работать на производстве, быть инженерами или рабочими, преподавателями, учеными, строителями, овладеть другими не менее важными и нужными обществу специальностями. Если эти цели недостижимы и нет никаких других нравственных ориентиров, то не это ли приводит к тому (это одно из следствий травмированности сознания и поведения), что в России только с 2000 года *число молодежных самоубийств выросло в 3 раза* (и это при сокращении общего количества всех видов самоубийств)? Ежегодно каждый 12-й подросток в возрасте 15–17 лет кончает жизнь самоубийством. Это превышает среднемировые показатели в 2,7 раза³.

Третья группа — ценности институциональной жизненной среды (власть, вера, отношение к Родине) — оказалась важной составляющей, но уступающей по значимости первым двум группам. Именно эта несформированность (или сформированность в слабой степени) приводит к тому, что на институциональном поле появляются отклоняющиеся, асоциальные, противоправные и даже экстремистские организации. К этой группе примыкают *ценности свободы*, которые в большей степени, чем другие, характеризуют молодого человека как гражданина страны.

При анализе этих ценностей хотелось бы обратить внимание на деструктивные феномены — *это поведенческие акты в повседневной жизни, которые являются отражением стихийных, не всегда осознанных ценностных ориентаций молодежи.* Они «лежат» на «поверхности» общественной и личной жизни, раздражают людей, становятся объектом анализа, попреков, а также поисков методов, при помощи которых можно устранить деформации сознания и действий молодых людей или перевести их в цивилизованное русло. *Это, во-первых, выражается в асоциальных, нередко немотивированных поступках,* которые происходят в молодежной среде и выливаются в разного рода хулиганские акции, противоправное поведение. Нередко они происходят с применением стихийного и слабо мотивированного насилия. Известны случаи жестоких расправ даже в юном возрасте с одноклассниками, в которых вовлечены не только мальчики, но и девочки⁴.

Во-вторых, неупорядоченные, стихийные и спонтанные акции нередко приобретают форму демонстрации своих специфических ценностей, приобретающих вид организованных действий. Так, стала тревожным явлением деятельность деформированных движений, которые переходят от цивилизованных

³ НАК: Основные террористические угрозы для России исходят от бандформирований и неонацистов. URL: <http://m.newsru.com/russia/11mar2009/nak.html>

⁴ Зубок Ю. А., Чупров В. И., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2003.

форм поддержки тех или иных общественных сил к насилию над противостоящей стороной, к использованию травмирующих средств, избиванию, распространению баннеров типа «Смерть врагам», нанесению ущерба «враждебной» стороне. Такие акции характерны не только для болельщиков спортивных команд и поклонников эстрадных звезд (не только отечественных), но и для политических объединений молодежи¹.

Одновременно с этими феноменами особое значение приобретают экстремистские молодежные группировки, которые, по данным Московского бюро по правам человека, насчитывают 141 организацию с численностью до 500 тыс. человек. Причем их численность, начиная с 2007 года, значительно растет². И это не случайность — для этого имеется база. По данным Института социологии РАН, законопослушность подростков с 2006 по 2010 год снизилась с 32 до 15 %. Как показали опросы молодежи, 50 % учащихся 10–11-х классов имели опыт участия в драках. И такой же опыт имели 21 % учащихся 7–9-х классов. Чем не база для образования молодежных группировок и даже банд³? Ведь только скинхедов в 2007 году насчитывалось 20 тыс.⁴ Хотя тяга к объединению была всегда присуща молодежи, но ее представители в сопоставлении со «взрослыми» в 3 раза чаще сбиваются в девиантные сообщества. В результате возникают организованные объединения, состоящие из молодых людей, многие из которых становятся основой для преступных организаций, промышленно грабежами, насилием и даже убийствами. Но при каких обстоятельствах и по каким причинам эти группировки перерастают в «стаи», в полу- и полностью преступные объединения — на это, на наш взгляд, до сих пор нет удовлетворительного ответа⁵.

В-третьих, появилось значительное количество молодежных группировок, возникающих на базе этнонациональных или конфессиональных ценностей, идеологией которых становится по меньшей мере игнорирование интересов других народов или религий, что нередко перерастает в оскорбления, поношения и даже насилие над противостоящей стороной. Эти группировки, пораженные ксенофобией, представляют серьезную угрозу для атмосферы взаимного доверия, культивируют различные формы ненависти и соответствующие реакции на мнимую или реальную угрозу якобы национальным или религиозным интересам.

На их основе появляются и существуют формирования молодежи, которые прямо выступают против существующего строя. Не секрет, что бандформирования в Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии и других республиках Северного Кавказа практически на 100 % укомплектованы молодежью. Такие же группировки стали появляться и в республиках Поволжья — в Татарстане, Башкирии, в основном на базе воинствующих религиозных сект и в первую очередь ваххабизма.

¹ См.: Луков В. А. Молодежные субкультуры в современной России // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3.

² URL: www.newsru.com/russia/17jul2007/extremaly.html

³ Добрынина Е. Поколение «А» // Российская газета. 2012. 1 июня.

⁴ URL: www.newsru.com/russia/17jul2007/extremaly.html

⁵ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // СОЦИС. 2008. № 5.

А если привести статистические данные по количеству погибших от насильственных действий, то масштабы насилия поражают. Россия продолжает занимать первое место в Европе по числу погибших лиц в возрасте 16–29 лет от этих действий. В 2004–2007 годах число убийств детей и молодых людей составляло 16 на 100 тыс. населения, то в 34 раза больше, чем в Германии. Во Франции, население которой в 2,3 меньше, чем в России, число погибших в результате насилия в 2007 году составило 90 человек (в России — 3 тыс.) и 27 человек в 2008 году (в России — 1800)⁶.

Иначе говоря, мы имеем травмированное, испорченное поле ценностей, которое требует определения причин его возникновения и существования, а также поиска ответа на вопрос, как увеличить, поддержать позитивное развитие ценностных ориентаций молодежи, как противостоять негативным тенденциям и обеспечить эффективное сочетание устремлений молодежи с усилиями общества и государства.

Попытки анализа ценностных ориентаций молодежи и всей ситуации с молодежью часто ограничиваются тем, что в качестве основных причин неблагополучия, которые кроются в сознании и поведении молодежи, называются ее неуверенность в будущем, отсутствие гарантий в трудоустройстве, одиночество, неприязнь, а также личные проблемы в виде неразделенной любви, конфликтов с родителями и ближайшим окружением. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что растет удельный вес социальных причин, которые зависят от общества, от государства. Именно неопределенность, неизвестность, нечеткость будущего в сочетании с неуверенностью в настоящем приводит молодых людей к неадекватным, а нередко и к парадоксальным решениям о своем месте в жизни общества, о своем будущем⁷.

Есть и правдоподобные, квазиистинные и примитивные объяснения причин такой ситуации. Обычно они сводятся к перечислению стандартного набора причин, которые в принципе видны каждому более или менее здравомыслящему человеку. Здесь и проблемы занятости молодежи, и безработица, и объяснение роли образования, и общие призывы, вроде того, что молодежи надо уделять больше внимания, что ею надо постоянно и регулярно заниматься. Все это бесспорные истины. Но они поверхностны, самоочевидны и не ориентируют на поиск реальных противоречий, определяющих судьбу и будущее молодежи.

Мало кто сомневается в том, что ситуация с ценностными ориентациями молодежи похожа на «испорченное поле», для которого характерны травмирующие обстоятельства в виде неблагополучия, неуверенности, отсутствия социального здоровья.

Ответом на эту травмирующую ситуацию должна быть имеющаяся официальная молодежная политика, но она, на наш взгляд, характеризуется непродуманностью, частичностью и даже убогостью. В этой политике нет ключевых стратегических установок, которые

⁶ Ведомости. 2010. 23 сент.

⁷ См.: Вишневецкий Ю. Р., Шанко В. Т. Парадоксальный молодой человек // СОЦИС. 2006. № 6; Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи. М., 1999.

в принципе бы ставили во всем объеме и со всей ответственностью перспективные задачи, ориентирующие молодежь и создающие реальные условия для использования молодой энергии.

На этом пути стоит ряд нерешенных общественно значимых проблем.

Во-первых, для молодежи, как и для всего населения, неясен вопрос «Какое общество строится в России?», о чем пишут многие исследователи¹. Эта абсолютная неопределенность не может не сказываться на жизненных ориентациях молодежи. Отсутствие цели развития России не может закрыть брешь того, что молодые люди на осознанном или чаще неосознанном уровне мыслят категориями повседневности, сиюминутности, личного обозримого будущего, а не категориями ответственности как за свою индивидуальную судьбу, так и за свою страну, за то общество, в котором они живут. Как бы ни была привлекательна установка строить свое индивидуальное благополучие, все же это не может полностью удовлетворить умы если не всех, то наиболее активной части молодых людей, ищущих, думающих, сопоставляющих опыт исторического прошлого и реальный опыт других стран и народов. Так что же мы строим? Этот вопрос уже более чем 20 лет остается без ответа. А именно его отсутствие создает базу для мировоззренческой расхлябанности, неустойчивости, для осознания себя не принадлежащим ни к чему значительному и значимому, имеющему право на гордость за свою страну. Человек, особенно молодой, не может жить в ущербной стране, не имеющей определенности, отчетливости в целях и задачах своего существования. И тогда он начинает искать ответы на этот вопрос. И не его вина, что он не находит или не там находит ответ. Но наиболее продвинутая молодежь часто на подсознательном уровне начинает признавать, что существующее общество его не устраивает. В этой ситуации она приступает к поиску, который обычно начинается с отрицания существующего порядка и существующих официальных ценностей и ориентации на что-то иное, которое дало бы определенность в этом турбулентном мире. И этот поиск может выступать в самом разнообразном виде, в самых разнообразных ориентациях, далеко не самых совершенных и оправданных. Но важно, что иных.

Как бы ни отрицали опыт Советского Союза, но он в значительной степени поучителен. Ориентация на строительство самого справедливого общества — социализма и коммунизма, которое бы дало возможность гордиться страной, вдохновляла миллионы людей, была их ценностной установкой. И большинство верило в эти идеалы. И вера охранялась до тех пор, пока не рухнули эти скрепы в условиях застоя, а затем горбачевской перестройки, когда молодежь почувствовала себя обманутой в своих ценностных ориентациях, в самых лучших своих устремлениях, что послужило тому, что она перестала признавать шарханья официальной власти. Прежние цели потеряли социальную легитимность и послужили тому, что эти идеалы были

¹ См., напр.: *Оганисьян Ю. С.* Постимперский синдром: проблема социально-исторической преемственности в поисках российской идентичности // *Философские науки.* 2012. № 11. С. 29–36.

поставлены под сомнение, а потом отвергнуты. Наиболее активные слои молодежи (это особенно проявилось в лавинообразном возникновении различных молодежных объединений во второй половине 1980-х гг.) приступили к поиску ответа на вопрос, почему их не устраивает существующий порядок и что они хотели бы построить, чего добиться. Именно потеря молодежью убежденности в истинности ранее провозглашенных стратегических ценностных ориентиров, отказ поддерживать прежние идеалы стали одной из причин распада СССР.

Но и новая российская власть до сих пор не предложила ничего такого, что бы устроило молодежь. В результате начались (и они не могли не начаться) самые различные поиски того, какой должна быть страна, что должно быть построено. В 1990-е годы некоторые ультралибералы, отвергая все отечественное, призывали ориентироваться на опыт США, Англии, Германии, Японии и даже Аргентины и Португалии. Другие стали приводить в пример Китай, «молодых тигров» Юго-Восточной Азии. Этот вялотекущий процесс то обострялся, то затухал, но за двадцать лет существования новой России так и не дал ответа на эти подспудные ценностные устремления молодежи — что же строится в нашей стране?

Во-вторых, практически в каждом поколении молодежи возникал и существовал слой активно действующих, устремленных в будущее молодых людей, которые хотели реализовать не просто личные, а социально значимые цели, в которых бы воедино соединились общественная и индивидуальная сущность человеческого бытия. В современной России при всех усилиях по пропаганде успешных молодых людей, особенно в сфере бизнеса, они закрывают только брешь ближайших жизненных целей и то далеко не для всех. Официальные структуры не предлагают молодым людям то, что их бы увлекло, ставило перед ними жизненные испытания, из которых можно выйти с честью, решив как общественные, так и личные проблемы. Молодежи надо себя в чем-то испытать, проявить, что осталось бы в истории в качестве зримой, яркой, характерной особенности. Лидеры многих стран понимали, что перед молодежью надо поставить такие задачи, которые бы ее вдохновляли, направляли к перспективным целям, могли сплотить хотя бы ее активную часть для решения кардинальных проблем общественного развития. И чем величественнее ставились задачи, тем больше мобилизовывалась молодежь на их решение. Так, официальные структуры США вовлекли молодежь в распространение идей американской демократии во всем мире, в Великобритании акцентировали внимание на значении культуры английского языка, в Германии — на возрождении на новой основе славы и величия немецкой нации. Уделяла внимание такой постановке вопроса и советская идеология. В 1920-е годы это было строительство принципиально новой жизни, что вовлекло в этот процесс значительное количество молодежи, желающей себя показать в рождении новых форм труда, образования, культуры, искусства. В 1930-е годы молодые люди вдохновлялись призывами, которые звучали необычно и привлекательно.

Помимо участия в стройках первых пятилеток, огромный авторитет снискали призывы «Все — на флот», «Все — в авиацию», «Дашь стахановское движение» и т. д. В 1940–1970-е годы это были «план преобразования природы», затем целина, комсомольские ударные стройки, строительство новых городов и предприятий. И, несмотря на изъяды и даже крупные ошибки и просчеты в реализации этих проектов, в этот процесс были вовлечены огромные массы молодежи, которым представилась возможность испытать себя, попробовать на прочность, сформировать себя как профессионала, на реализацию своих в лучшем смысле этого слова карьерных устремлений.

*А что предлагает современная российская идеология? Добиться материального благополучия, умело вписавшись в рыночные реалии, надеяться на покровительство при достижении своих целей, устроить свое благополучие не столько на любимой, сколько на «денежной» работе? Да, социологические исследования систематически показывают, что материальный достаток стал ведущей ценностной ориентацией многих молодых людей¹. По крайней мере, она преобладает в сопоставлении с такими ценностями, как профессиональный рост, творчество, желание испытать себя в нестандартных условиях. Но такая ситуация нестабильна. Эти же «сытые» молодые люди интуитивно чувствуют уязвимость настоящего положения. Многие из них хотят участвовать в таких делах, в которых на крепость испытывались бы их ум, мужество, способности, желание рисковать, стремление проявить себя в таких обстоятельствах, которых не дает умеренная жизнь маклера, брокера, менеджера и прочих новых рыночных профессий. К сожалению, на эти вопросы *молодежная политика* не дает ответа. Более того, она даже не ставит перед собой эти вопросы и не делает попыток так подойти к молодежным проблемам: что предложить молодым людям, что увлекло бы их, что отвечало духу поиска и испытания в самом высоком смысле этого слова. Иначе говоря, нет великих дел, которые бы вдохновили молодежь.*

В-третьих, утрачено общественное участие в развитии молодежного движения. Полностью разрушена существовавшая программа воспитания детей и юношества. Здесь мы не останавливаемся на том, что в советском воспитании было немало изъядов, просчетов и просто глупостей. Но в целом она функционировала достаточно успешно. Однако, ликвидировав пионерские и комсомольские организации, современные политические оракулы ничего не предложили взамен. Более того, кое-где даже демонстративно отказались от понятия «воспитание», сосредоточившись только на слове «образование», которое из средства социальной мобильности превратилось в средство социального отчуждения, дальнейшего роста социального неравенства. Правда, в последнее время, спохватившись, в официальную лексику опять ввели это слово, но как его трактовать и реализовывать, официальные структуры не имеют четкого представления. Поэтому современная молодежная среда представляет собой сумбурное количество разных

объединений и организаций, которые охватывают незначительное количество молодежи. Но ни одна из них не способна претендовать на выражение идей хотя бы значительной части молодежи².

Отсутствие молодежных организаций, отвечающих духу эпохи, привело к тому, что за молодежь взялись силы, которые или своеобразно понимают свою роль в заботе о ней, или сознательно ориентируют ее на достижение эгоистических групповых целей. В целом объединения молодежи можно разбить на несколько групп. Первая из них представлена различными искусственно созданными политическими молодежными группировками, которые ютятся около более или менее значительных политических партий. Но многие из них, возникнув и даже продемонстрировав свои «успехи», исчезли из политического горизонта или теплятся в малоизвестном формате. Вторая группа — это различные организации, тоже создаваемые извне, и объединения молодежи, которые выступают под националистическими, этнонациональными или квазирелигиозными лозунгами. Парадокс состоит в том, что эти группировки молодежи создаются кем угодно, в том числе и теми, кто находится в конфронтации к официальному политическому строю России.

В-четвертых, современная молодежь лишена нравственных ориентиров, тех людей, которым они хотели бы подражать, тех героев, которые вдохновляли бы молодых людей на гражданские если не подвиги, то поступки. Социологические опросы показывают, что идет ориентация на литературных героев, на исторических персонажей. При этом многие юноши и девушки (до 50 %) утверждают, что они не знают людей, которые были бы для них авторитетными личностями. Реальная же пропаганда эстрадных или спортивных звезд не затрагивает большинство. И даже те, которые им поклоняются, нередко чувствуют их ущербность. Труд творческого человека, труженика исчез из пропаганды идеалов, и поэтому не удивительно, что практически все молодые люди не видят примеры для подражания в политике, культуре и прочем.

И наконец, хотелось сказать о средствах массовой коммуникации и особенно телевидении и их роли в воздействии на сознание и поведение молодежи. Раскрывшая роль СМИ в строительстве новой национальной культуры, А. С. Запесоцкий писал: «Точками роста выступают не базовые ценности российского общества, коренящиеся в глубине веков отечественной культуры, а субкультурные образования типа “гламура” — субкультуры “новых русских”. Образно говоря, новая культура строится не на фундаменте старой, а в стороне от нее, на груде обломков культурных элементов, ранее доказавших свою несостоятельность»³. Конечно, ориентация СМИ только на рыночные механизмы серьезно деформировала духовно-нравственную атмосферу общества, что самым губительным, имеющим дальнейшие последствия образом сказывается на судьбе общества и самой молодежи. Ведь вместо обогащения

¹ Гориков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

² Омельченко Е. Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2003; Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи. М., 2011.

³ Запесоцкий А. С. Метаморфозы СМИ: новое качество или новые болезни // СОЦИС. 2010. № 7. С. 34.

молодого человека в ходе общественной, социально-политической деятельности происходит пропаганда личного обогащения любыми средствами и, как справедливо отмечает А. С. Запесоцкий, воспитывается культура богатого хама. И разве можно воспитать патриота, гражданина страны, когда «СМИ ежедневно рассказывают о продажных ментах и подлых прокурорских работниках, о тупых военных и педофилах, о гомосексуалистах и замученных детях, об умирающих в одиночестве стариках и пожарах, об убийствах и пьяных за рулем, о “неправильной” тысячелетней истории и “неправильных” победах в войне с фашизмом? “Это моя родина, которую меня призывают любить? — справедливо спрашивает молодой человек. — А что-нибудь хорошее на нашей родине есть?”¹. Поэтому не удивительно, что растет число молодых людей, желающих испытать свою судьбу за границей, ибо в своей стране перспективы не особенно просматриваются. И вот уже огромное количество молодых ученых, специалистов

и просто желающих уйти от бесперспективности двинулись за рубеж, и причем не только в страны Западной Европы и США.

Все это позволяет сделать вывод не просто о непродуманности молодежной политики, ее несоответствии ценностным ориентациям молодежи, оторванности от реальной жизни, от понимания ее глубинных тенденций, но и о убогости, бесперспективности и никчемности такой политики, о программе, которая не решает стратегических вопросов жизни молодежи, ее настоящего и будущего. Более того, она не устраняет, а усиливает воздействие существующей социокультурной травмы. А это позволяет сделать вывод, что в такой ситуации ценностные ориентации молодежи остаются на распутье, находятся под угрозой их дальнейшей деформации. В результате судьбы молодежи развиваются стихийно, не имеют исторической определенности и ставят под сомнение реализацию ее социального и творческого потенциала.

В. Т. Третьяков²

МОНОЛОГ С ПОЗИЦИИ СИЛЫ (К когнитивному диссонансу европейской цивилизации добавились этический и эстетический)

XX век — век массовой культуры, что предсказал и объяснил еще Х. Ортега-и-Гассет в «Восстании масс».

Более того, если глазами сегодняшнего читателя посмотреть на эту книгу, то мы увидим, что он предсказал там и то, чему, в частности, я хочу посвятить свое выступление, — массовую политику.

Приведу только одну цитату из «Восстания масс».

«Тирания интеллектуальной пошлости в общественной жизни, быть может, самобытнейшая черта современности, наименее сопоставимая с прошлым. Прежде в европейской истории чернь никогда не заблуждалась насчет собственных “идей” касательно чего бы то ни было. Она наследовала верования, обычаи, житейский опыт, умственные навыки, пословицы и поговорки, но не присваивала себе умозрительных суждений — например, о политике или искусстве — и не определяла, что они такое и чем должны стать. Она одобряла или осуждала то, что задумывал и осуществлял политик, поддерживала или лишала его поддержки, но действия ее сводились к отклику, сочувственному или наоборот, на творческую волю другого. Никогда ей не взбрело

в голову ни противопоставлять “идеям” политика свои, ни даже судить их, опираясь на некий свод “идей”, признанных своими. Так же обстояло с искусством и другими областями общественной жизни. Врожденное сознание своей узости, неподготовленности к теоретизированию воздвигало глухую стену. Отсюда само собой следовало, что плебей не решался даже отдаленно участвовать почти ни в какой общественной жизни, по большей части всегда концептуальной.

Сегодня, напротив, у среднего человека имеются самые неукоснительные представления обо всем, что творится и должно твориться во Вселенной. Поэтому он научился слушать. Зачем, если все ответы он находит в самом себе?»

С появлением и бурным расцветом телевидения, превратившегося в тотальную систему информирования (дезинформирования) аудитории и влияния на нее, массовая культура получила: 1) хрустальный дворец для своего бытования и 2) глобальную систему распространения своего продукта.

Но сама по себе массовая культура была бы не страшна, если бы ей противостояли классические институты восходящего развития общества, а именно: традиционные религии (хранители моральных устоев и запретов); традиционная семья; классическая система образования; высокая культура; классическая наука и профессиональная открытая политика.

Но все это сегодня либо слабее массовой культуры, помноженной на технологическую мощь телевидения, либо включено в орбиту массовой культуры.

С помощью телевидения массовая культура загнала высокую культуру и классическое искусство в информационное гетто.

¹ Каралис Д. Неизвестная страна, которой можно гордиться // Литературная газета. 2012. № 46–47.

² Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор и ведущий программы «Что делать?» (телеканал «Культура»). Автор ряда научно-публицистических и учебных работ, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: взгляд на события российской жизни, 1990–2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года? : сборник статей», «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики». Лауреат премии ТЭФИ, премии «Золотое перо» Союза журналистов России, кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

Традиционные религии (кроме ислама) третируются массовой культурой и массовой политикой и отступают. Им уже не удастся быть хранителями традиционных моральных ценностей. Более того, массовая культура породила новую языческую религию — секулярно-сектантское многобожие маргинальных тоталитарных меньшинств, в принципе отрицающее единую мораль.

Традиционная семья отступает и рушится. И уж точно не она теперь определяет педагогические нормы и систему воспитания подрастающего поколения.

Система массового образования, плодотворная и прогрессивная на первом этапе своего существования, отказавшись в угоду массовости, а следовательно, и упрощения от классических программ и методов образования, превратилась в систему воспроизведения профанных знаний и квазинаучных истин (массовой науки).

К концу XX века почти повсеместно (на Западе точно, в России — в том числе) появилась и массовая политика, то есть демонстративно публичная, театрализованная (масскультовая) политика, в который максимальный популизм формы (включая избирательные процедуры) оторвался от максимальной закрытости принятия важнейших решений. Чем

больше нынешняя политика является политикой для масс (массовой политикой), еще точнее — политикой удовлетворения сотен маргинальных общественных групп, тем больше она отрывается (в своих главных решениях) от настоящих коренных интересов этих масс, общества в целом. Абсолютная театральность современной политики полностью смыкает ее с массовой культурой.

Внешне кажется, что все в современном обществе ведут диалог друг с другом: массовая культура — с высокой культурой, классические религии — с атеистами, элиты — с массами и т. д. А на самом деле массовая культура во всех своих проявлениях (включая массовую науку и массовую политику) подавляет всех, кроме самой себя, участников этого псевдиалога. Фактически это давно уже не диалог, а монолог массовой культуры (и всего остального массового), причем монолог с позиции силы.

Не только когнитивный диссонанс, но и этический и эстетический диссонансы.

Европейская (христианская) цивилизация уже находится в глубочайшем институциональном и сущностном кризисе и усилиями своего ядра — западноевропейских стран — стремительно направляется к границе своего распада.

У Эньюань¹

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА В ПЕРИОД ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: АПОКАЛИПСИС РОССИЙСКОЙ РЕФОРМЫ

1. Зависимость социальных трансформаций от уровня развития социалистической цивилизации и влияние на ее развитие через процесс социальных преобразований

Первая социалистическая система в истории человечества (сталинская модель) сформировалась в 1930–1950-е годы и является закономерным результатом развития человеческой цивилизации. С одной стороны, эта система содействовала модернизации общества и развитию цивилизации в России, подводила прочную материальную основу для борьбы против фашизма. С другой стороны, эта чрезвычайно централизованная политическая и экономическая система была не адаптирована к развитию новой технологической революции, не могла сочетать государственное регулирование и рыночные механизмы для эффективного использования ресурсов, не способствовала энтузиазму народа. Эти недостатки с годами становились все более заметными.

После смерти Сталина советское общество последовательно пыталось изменить сталинскую модель, что вызвало в мире волну трансформации в тех стра-

нах, в которых доминировала плановая экономическая система. Во многих из них начался переход к рыночной экономической системе. Количество стран, проводящих трансформацию, и влияние реформ на национальное экономическое развитие были беспрецедентными в человеческой истории.

Социализм с китайской спецификой, который сегодня имеет большое влияние в мире, тоже извлек уроки из опыта трансформации, которые проявились как в политических, так и в экономических аспектах. Характер трансформации, с одной стороны, зависел от тогдашнего уровня развития социальной цивилизации, с другой — содействовал развитию цивилизации через процесс социальных преобразований.

II. Вклад российских реформ в марксистскую экономическую теорию

Если говорить о вкладе послесталинских реформ в развитие марксистской экономической теории, следует отметить разработанный под руководством Г. В. Маленкова новый курс. Его основные экономические идеи, изложенные в августе 1953 года на сессии Верховного Совета СССР, связаны с необходимостью быстрого подъема сельского хозяйства, а также развития легкой и пищевой промышленности. Новый курс был направлен на повышение уровня жизни советского народа. В теории такой подход означал отказ от традиционной точки зрения марксистской политической экономии на характер и темпы развития первого

¹ Директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР (Пекин), президент Китайской ассоциации изучения истории России, заместитель директора Центра по изучению мирового социализма Академии общественных наук КНР, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Причины распада СССР (мнение китайского историка)», «Первая атака на сталинскую модель», «Нэпманы, их характеристика и роль», «Октябрьская революция: неизбежность и историческое значение» и др.

и второго подразделения общественного производства. В соответствии с ней производство средств производства должно опережать производство предметов потребления. Маленков выдвинул идею, что надо развивать легкую промышленность и сельское хозяйство темпами развития тяжелой промышленности.

Реформа Маленкова в определенной степени оказала влияние на Китай. Всем известно, что в 1956 году Мао Цзэдун в своей статье «О десяти отношениях» написал, что Китай должен извлечь опыт СССР, где одностороннее развитие тяжелой промышленности привело к отставанию развития легкой промышленности и сельского хозяйства. С этого момента Китай начал отходить от советской модели и исследовать путь социализма с китайской спецификой.

В 1957 году в СССР начались реформы системы управления промышленностью и строительством, направленные на преодоление чрезмерной концентрации власти в министерствах и ведомствах и укрепление власти территориальных органов. В мае 1957 года ликвидирован ряд промышленных министерств, и вместо них начали создаваться территориальные совнархозы. Негативные последствия их деятельности — местничество, диктат и администрирование, прогрессирующая бюрократизация. В это же время профессор Харьковского института технологии Е. Г. Либерман написал статью «План, прибыль, премия» (в газете «Правда» от 9 сентября 1962 г.), где он впервые выдвинул идею, что в процессе развития надо использовать материальные стимулы и закон стоимости, которые считались неприемлемыми за рамками капитализма. Его идеи оказали огромное влияние на последующие реформы в социалистических странах, точка зрения о противоположности социализма и капитализма изменилась, признается мнение о взаимозависимости и взаимовлиянии социализма и капитализма. Рекомендации Либермана помогли преодолеть традиционное представление, что план несовместим с рынком и законом стоимости, указали направление реформ социалистических стран и развития марксизма в будущем.

4 октября 1965 года Совет Министров СССР принял постановление «Об утверждении положения о социалистическом государственном производственном предприятии». С этого началась экономическая реформа Косыгина, который был тогда Председателем Совета Министров СССР. Главная ее цель состояла в том, чтобы повысить экономическую самостоятельность предприятий. Это и стало основным результатом реформы, в ходе которой сокращалось количество плановых показателей и расширялась инициативная сторона деятельности предприятий. С этого момента большая часть экономических реформ в социалистических странах была связана с расширением инициативы и самостоятельности предприятий. Вторым важным результатом реформы 1965–1979 годов было появление комплексного подхода к экономическому и социальному развитию. Она определила, что экономическое развитие осуществляется для человека и направлено на его всестороннее развитие.

Косыгинские реформы не дали ожидаемого эффекта с точки зрения кардинального изменения моде-

ли управления экономикой в целом, и поэтому оценки их результатов в кругах ученых невысоки. Но, несмотря на это, по-моему, правильная оценка исторических событий зависит не только от того, какой социальный эффект получен тогда, когда они происходили, но и от того, какое новое направление историческому процессу они дали. Данная статья продемонстрировала вклад реформ СССР в развитие социалистической экономической теории.

III. Провал реформы СССР в середине 1980-х годов и его причины

В марте 1985 года М. С. Горбачев выдвинул проект перестройки под лозунгом «ускорения», главное содержание которого состояло в том, чтобы продолжать общую идеологическую направленность реформ 1957, 1965 и 1979 года. Но почему реформы не удалась?

1. Философские головоломки: отказ от постсоветской системы или ее трансформация?

Тогдашние руководители СССР и часть идеологов реформы считали, что недуги старых советских систем управления политикой и экономикой уже были неизлечимыми, не способными изменяться к лучшему, и остается только полностью уничтожить эту систему.

Я лично с этой точкой зрения не согласен. Любая система содержит в себе две стороны: негативную и позитивную. Система Советского Союза должна была избавиться от своих негативных сторон. В целом же в то время в СССР социальные и межнациональные противоречия и противоречия в экономической системе еще не обострились до очень серьезной степени. Тогда общество Советского Союза в основном было стабильным, и государство считалось одной из двух ведущих мировых сверхдержав. Многочисленные опросы, которые были проведены в России, показывают, что свыше 70 % россиян считают: распада Советского Союза можно было избежать.

2. Полное отрицание истории Советского Союза вызвало хаос социальной идеи.

Руководители Советского Союза считали необходимым разрушить «механизм торможения», и для этого надо было провести кампанию «переоценки» истории Советского Союза. Но результатом этой кампании явилось полное отрицание истории СССР, и замечательные социальные обычаи, концепция морали и ценности, которые были сформированы за несколько веков, потерпели полное крушение, в результате чего у народа пропала вера в социалистические идеалы. В настоящее время верх берет безыдейность. Верования и идеи стали беспорядочными.

3. Появились разные партии и группировки, возникла политическая борьба, обострились социальные противоречия.

В то время было составлено три плана реформы: «план Шаталина», «план правительства», «план президента». Но из-за того, что тогдашняя политическая реформа шла к социальному хаосу, к созданию многих партий, к борьбе друг с другом, любой план из этих трех не мог быть выполнен. В России говорят: «Не разрушай старого дома, пока не построишь новый». Если не будет ни нового, ни старого дома, то людям просто негде будет жить.

4. Главные причины распада СССР

Общепризнано, что распад Советского Союза обусловлен целым рядом причин. Среди них есть исторические и практические, внутренние и внешние и т. д. Сочетание многих факторов привело к развалу страны. Но какая причина среди них самая главная? Существуют разные точки зрения. По-моему, когда происходят важные события в стране, к этому причастен субъект, который должен взять на себя ответственность, и искать этого субъекта должно по закону.

14 марта 1990 года Съездом народных депутатов СССР был принят Закон «Об учреждении поста Президента и внесении изменений в Конституцию СССР», по которому Президент СССР:

1) выступает гарантом соблюдения прав и свобод советских граждан, Конституции и законов СССР;

2) принимает необходимые меры по охране суверенитета Союза ССР и союзных республик, безопасности и территориальной целостности страны, по реализации принципов национально-государственного устройства СССР.

Следует заметить, что тогдашний президент СССР не взял на себя эту ответственность.

IV. Уроки российских реформ

1. Постоянное реформирование социалистической системы, особенно изменение идеи, приносит оживление: марксизм служит руководством к действию, и нельзя относиться к нему доктринально, марксизм

должен изменяться с развитием эпохи. Так, реформы Советского Союза не давали заметных результатов из-за следования доктрине марксизма «преимущественного развития тяжелой промышленности», «несовместимости социализма и капитализма» и т. д.

2. Чтобы добиться наибольших достижений, социализму необходимо принимать общие результаты человеческой цивилизации, включая те результаты капитализма, которые стоит заимствовать и которым можно учиться. Социализм должен не замыкаться в себе, а осуществлять политику «открытости». Вместе с тем надо придерживаться пути развития с отечественной спецификой, нельзя вслепую перенимать или преклоняться перед западной моделью развития.

3. Необходимо рассматривать в комплексе такие три категории, как «реформа, развитие и стабильность». Учитывая уроки реформ Советского Союза, теоретики и практики социализма с китайской спецификой сделали вывод: без стабильной политики и социальной среды ничего не добьешься.

Как одно из достижений человеческой цивилизации, социализм добился общепризнанного успеха по продвижению экономического и социального развития и в период Советского Союза, и в нынешнем Китае. Социализм, безусловно, развивается и совершенствуется, и, я думаю, так называемый конец истории социалистической цивилизации не состоится.

Феликс Унгер¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЦЕННОСТИ, КОНТЕКСТЫ, КОММУНИКАЦИИ

Мы, несомненно, живем в удивительное время, когда все вокруг меняется коренным образом и в мире наблюдается тенденция к сближению. В целом наш мир стремительно движется в неизвестное будущее. Все набирает скорость: и время, и происходящие изменения. То, что играло важную роль вчера, не обязательно будет иметь значение сегодня или через несколько лет. На всеобщие перемены оказывают влияние возможности коммуникации (ИТ) и глобальный рынок со всеми его негативными последствиями. В центре перемен одиноко пребывает Человек, который наблюдает и пытается справиться с этими переменами. Чтобы выжить и адаптироваться к глобальным изменениям, Человек должен иметь твердую основу для осознания собственной позиции.

В конце прошлого столетия произошли значительные изменения, настоящая революция по созданию глобального общества — бесклассового, но движимого финансовыми стимулами. Поэтому крайне важно определить собственную позицию. Старое изречение гласит, что нам надо прежде всего знать свою исто-

¹ Президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия) — партнера РАН в Евросоюзе, профессор, доктор. Почетный директор клиники хирургии сердца частного Медицинского университета им. Парацельса. Автор многих научных работ по сердечно-сосудистой хирургии. Первый европейский хирург, осуществивший в 1986 г. трансплантацию искусственного сердца. Почетный член Российской академии художеств.

рию, которая послужит оплотом будущего. По-немецки мы бы сказали: “Wer nicht weiß, wo er steht, weiß auch nicht, wohin er geht”. Повсюду ведутся острые дискуссии о ценностях, а на деле легко понять, что важнейшая ценность — это сама жизнь. Очевидно, что все мы должны строить жизнь в контексте наших устремлений, и совсем нетрудно продемонстрировать важность этого. Все мы живые люди, существа с ограниченным сроком жизни. Следовательно, самое важное в глобальном мире — помогать человеку сохранить чувство собственного достоинства. В конечном счете это приводит к вопросу о нашей трансцендентальной вечности, из которого, в свою очередь, вытекает вопрос, что считать нашей главной ценностью. Верующие высшей ценностью в трансцендентальном аспекте считают Бога. Другие выдвигают идеологии, которые в большинстве случаев ведут к подавлению человека. В прошлом столетии мы видели, какие идеологии оказались особенно влиятельными, особенно в том, что касается подавления свободы и достоинства Человека.

В большом каскаде ценностей жизнь — ценность величайшая. Далее следуют добродетели, напоминающие нам о том, как надлежит управлять нашим повседневным существованием. Оптимальный путь — строить жизнь сбалансированно, учитывая мудрость таких взаимосвязанных харизматических добродетелей, как вера, надежда, любовь. Третью группу ценностей

составляют моральные, подразумевающие необходимость передачи знаний последующему поколению. В рамках нашего общества это необходимый фактор. Всегда возникают споры о том, как учить детей, что им рассказывать, какой фундамент заложить для их будущего, восприятия будущего, и как помочь им разобратся в подлинном лидерстве.

Упомянув о революции, я, конечно, имел в виду, что мы находимся в состоянии перманентной революции. В мировой истории мы находим различные формы правления, начиная с племен, далее — королевств, империй во главе с императорами милостью божьей и иными императорами, опирающимися на идеологию, например марксизма-ленинизма, гитлеризма и прочих фашистских идей. К концу XX века все они остались в прошлом, в результате народы потеряли руководящие ориентиры. Ныне мы находимся в состоянии перехода к бесклассовому обществу, основанному на материализме и жизни, сфокусированной на деньгах.

Что происходит сегодня? Западный мир переживает тяжелый кризис финансовой системы. Мы наблюдаем изменение модели мироустройства: Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка (БРИКС) устанавливают новый Союз с новыми возможностями конкуренции с евро-долларовым рынком. Примем во внимание, как я отметил вначале, что для рынка и финансового мира характерно исключительное бездушное, пренебрежение Человеком. Они функционируют вне человеческого измерения. Люди более не имеют значения: наиболее желательный вариант — дешевая рабочая сила. Достаточно посмотреть, как быстро транснациональные компании меняют свои национальные адреса по мере эксплуатации стран, в которых они активно действуют. Мы видим, что там, где разрабатываются крупные месторождения, земля подвергается эксплуатации, и это происходит не только в Европе, но, главным образом, в Африке, откуда мигрируют новые поколения, в то время как их плодородные почвы эксплуатируются и разрушаются глобальными игроками. Затронута сама основа жизни: отравляется вода в реках, вырубается лес, и все это ради получения выгоды. Следовательно, необходимы знание и практическая работа, чтобы воспитывать людей, живущих в согласии с природой.

В середине прошлого века появилась концепция социально-экономического рынка, затем были разработаны концепции экологических рынков. Но все они на деле не работают, поскольку слишком многое зависит от денег. Это видно на примере наших магазинов. Тонны пакетов, которые зачастую совершенно не нужны. В машинах имеются одноразовые предметы, быстро выходящие из строя, так что требуются новые одноразовые товары. Сложилась опасная ситуация бесконечного производства. В конце концов, возникает вопрос, как долго наш мир сможет выдержать нас, ведь мы сами уничтожаем его.

Необходима переоценка человеческого измерения. Напомню эффект царя Мидаса: «Ты не можешь съесть свое золото». В контексте глобальной ситуации нам следует прежде всего сосредоточиться на нашем континенте, разделить наше признание и сожаление, поскольку Россия также часть Европы. С учетом этого

при взгляде на карту обнаруживается, что перед нами бесконечные возможности для создания пригодного для жизни континента со всеми необходимыми условиями: большие пространства замечательных земель, множество народов. В данном контексте становится очевидным, что местная промышленность привязывает людей к дому, препятствуя миграции из обжитых родных мест. Между прочим, в нашем распоряжении еще и огромные научно-образовательные ресурсы. В странах Восточной Европы студенты учатся, получают, например, диплом врача, после чего уезжают на Запад. Получается, что государства на востоке Европы вынуждены нести расходы по образованию, в то время как его плодами пользуются другие. Я настоятельно поддерживаю сосредоточение внимания на европейском измерении со всеми новыми возможностями. Никогда прежде мы не могли обсуждать такие возможности, так что в наши дни это — уникальный шанс. Холодная война разделила Европу на две части. Ныне границы исчезают, и перед нами открылось новое фантастическое пространство Европы, простирающееся до Урала. Оно достаточно велико для того, чтобы люди жили в достойных условиях в своих родных местах.

Замечательный инструмент для строительства нового европейского пространства — коммуникация. Известно, что в этом плане у нас сегодня невероятные возможности. Вы можете в режиме реального времени связаться с любым человеком из любой точки планеты. Это фантастическая возможность для обмена мнениями и информацией. Правда, при этом необходим максимальный контроль. Коммуникационные технологии — явление положительное, но иногда нам кажется, что мы теряем свободу, поскольку на каждом этапе вся наша жизнь контролируется множеством способов. Сегодня мы добились максимального контроля, о котором прежде нельзя было и мечтать. Это угрожает нашей свободе. С сугубо человеческой точки зрения я полагаю, что люди, которые задействованы во всех сферах информационного контроля, склоняются к подавлению свободы Человека, напоминая мне ставленников определенных сил. На примере терроризма мы видим, что такое положение дел способно вызвать распад нашей системы. Однако что важнее: контроль, справедливость, безопасность — или свобода? Я считаю, что предпочтительная ценность — свобода в сочетании с человеческим достоинством. Чтобы выработать надлежащий баланс без подавления индивидуальности, необходимы новые концепции.

Такая конференция, как Международные Лихачевские чтения, — хороший повод для развития диалога культур в рамках научного сообщества, особенно для того, чтобы сфокусироваться на проблемах Европы. Нам предстоит многое сделать. В целом ясно, что мы живем в бесклассовом обществе, где у всех одни и те же возможности для жизни. В настоящее время человеческое измерение с его ценностями, добродетелями и моральными принципами основано на нашем трансцендентальном желании, и следует понимать, что также вновь возникают поиски нового пути для восприятия Бога. Эти ценности должны быть связаны с безусловным вечным средоточием, откуда способна

проистекать наша жизнь. Не существует человеческих ценностей на пути, затрагивающем нашу личную свободу. Кроме других, есть одна добродетель, которую следует выделить: это так называемая «эпикья» — термин, означающий, что нам следует действовать в соответствии с духом закона, но не придерживаться слепо его буквы.

Благодаря современным средствам коммуникации появились возможности для новых методов в образовании. Можно обучаться посредством комбинированного дистанционного образования с использованием общего языка коммуникации. Сегодня необходимо использовать все информационные мосты. В нашем распоряжении новые инструменты. Мы обладаем обширными средствами в объединенном мире, что может стать плодотворной основой для человеческого развития. Такие конференции, как Лихачевские чтения, столь ценны потому, что здесь представители разных европейских регионов имеют возможность обмениваться мнениями о путях формирования новой Европы, что создает продуктивное будущее для следующих поколений.

В настоящее время, используя современные средства коммуникации, мы на опыте познаем прогрессирующую глобализацию, когда обмен идеями осуществляется быстро и в любой части мира. Такая коммуникация предоставляет гораздо больше информации, чем это было возможно раньше, — о том, чем люди занимаются, о чем они думают и как развиваются события. Все в жизни имеет два аспекта, как две стороны монеты. Что касается коммуникационной технологии, то в повседневной жизни она оборачивается к нам положительной стороной. Это быстрая передача информации, новые технологии, приводящие также и к новым технологиям в образовании. Но есть и другая сторона: свобода существенно ограничена и вообще находится под угрозой. Собирается слишком много личной информации, в то время как безопасность данных на деле не гарантируется. Это видно на примере хакеров, ворующих данные: люди могут вторгаться даже в так называемые безопасные среды. Иногда кажется, что наступает время введения «диет» в информации: порой чем меньше, тем лучше.

Информация крайне важна в связи с разнообразными изменениями во всем мире. Мы являемся свидетелями различных событий, происходящих на нашей планете. Недавно мы узнали, что на территорию России упал метеорит. Но особенно следует отметить глобальное потепление. Иногда складывается впечатление, что мы пренебрегаем судьбой природы и начинаем создавать разнообразные апокалиптические сценарии.

В прошлом у нас были проблемы суверенности лесов и озоновой дыры. Сегодня в Европе финансовый кризис. Если мы владеем политической информацией, например, о новых правительствах, то это говорит о том, что у нас есть возможность получения информации. Но как бы то ни было, мы становимся очевидцами того, как трудно оценивать ситуацию, в том числе и для политиков. В конечном счете мы сталкиваемся с огромной безработицей. Давайте надеяться на то, что нам удастся избежать мирового кризиса образца 1929 года.

В связи с ценностями возникает еще один существенный вопрос. В большинстве своем главные ценности перепутаны с вторичными и третичными, основанными на требованиях и представлениях народа. Ценности должны быть глобально одобрены и глобально же приняты. Диалог дает нам возможность обмена, интерпретации ценностей и прав человека на основе толерантности. Ценностный базис обычно истолковывается неверно. Повторяю, важнейшая ценность — сама жизнь. Все ценности, добродетели, этические категории должны зиждиться на базисе, ориентированном на Человека и его жизнь.

Диалог культур дает стимул для понимания своей позиции, обращения к другой точке зрения, а также для отыскания новых направлений в собственной позиции. Этот диалог носит поистине межкультурный, транснациональный характер; он преодолевает все границы и, прежде всего, выстраивает мосты от идеи одного человека к идеям других, устраняя пропасть непонимания.

У нас смешанное чувство в ожидании мирного будущего. Мы всегда ощущаем, что с помощью новых средств, лучшего понимания мы сумеем в конечном счете достичь глобального мирного сосуществования. Население планеты ежедневно увеличивается, и это влечет за собой определенные последствия. Глобальными темами становятся здоровье, санитарные условия, продовольствие, вода и энергия. И здесь кроется опасность крупных конфликтов. Мы говорим с позиции мира во всем мире, но пока это далекая цель. Вне зависимости от этого призыва мы должны усердно работать, начиная с нашего собственного окружения и постепенно привлекая соседние и далекие народы.

Мосты надо строить. Они необходимы. Конференции, подобные Лихачевским чтениям, и есть мосты в действии: они столь ценны и важны именно потому, что здесь появляется реальная возможность обсуждения ценности межкультурного диалога в свете глобализации.

В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Проблема цивилизационных рисков скрыто или явно присутствует в философском и культурологическом, политическом и политологическом дискурсах, что выявляется в тех случаях, когда речь заходит о цивилизационном развитии. А тема эта поднимается все чаще в силу многих причин, среди которых особого внимания заслуживают пять основных.

Во-первых, цивилизационный подход становится доминирующим во всех указанных сферах деятельности, поскольку на рубеже II и III тысячелетий наблюдается резкое снижение зависимости общества от предельно жесткой идеологической индоктринации. Зависимость массового сознания от политических доктрин предполагала разрушение цивилизационной идентичности народов, вытеснение традиционных начал новым типом «рецептурного сознания», регламентирующим политическое поведение. Тотальная идеологическая индоктринация затушевывала, скрывала цивилизационное многообразие мира, разделяя государства и народы по принципу «идеологически близкий = цивилизованный» или «идеологически чуждый = варварский». Такое схематичное противопоставление стало малопродуктивным в силу внутренних изменений в сфере «идеологического производства», которое, в свою очередь, качественно изменилось в результате «расформирования» двух противостоявших политиче-

ских систем и «идейных лагерей» — системы капитализма и системы стран социализма с выделением так называемого третьего мира. Новая политическая карта мира утрачивает, таким образом, свою идейную четкость, а под «осыпающимся внешним красочным слоем» становятся видны контуры «первичного живописного слоя» — границы мировых цивилизаций, которые сложились столетия назад, задолго до эпохи господства политических идеологий.

Во-вторых, на этом фоне методологическая основа классификации и политической оценки различных государств и режимов сместилась к двум критериальным схемам, которые связаны с разными цивилизационными школами, но, как правило, ошибочно отождествляются не только в языке публичной политики, но и в научных исследованиях. Согласно первой схеме, в круг (или «клуб») цивилизованных стран включаются только «успешные» государства, лидирующие в технологической гонке и имеющие общие представления об исключительной значимости демократических (либеральных) ценностей и набора типовых демократических институтов. В этом смысле и стало употребляться выражение «западная цивилизация» — как носитель прогрессивных преобразований, отождествляемых с цивилизационным развитием. Все, что выпадает или целенаправленно выводится из этого круга, либо относят к «варварским странам», либо включают в список «стран-изгоев», либо соотносят с образом «оси зла». Согласно второй схеме признается сосуществование во времени многих цивилизаций, в том числе и западной, хотя такое признание само по себе не предполагает, как правило, не только готовности признать равноценность и равноправие цивилизационных миров, но и их право на «приватизацию будущего».

В-третьих, как нечто самоочевидное признается тот «факт», что только западная цивилизация являет собой образец и эталон дальнейшего линейного (прогрессивного) развития — технологического, социокультурного и политического. В политике со времен Античности, когда цивилизованность была впервые противопоставлена варварству, закрепилось это весьма одностороннее и схематичное представление о цивилизации и цивилизованности как о некоем универсальном показателе уровня культурного развития этносов, гражданских наций и государств. При этом уровень цивилизованности народов и стран определяется с XVIII века весьма просто: критерием становится соответствие или несоответствие той или иной культуры (национальной и политической) единому образцу, эталону. А единственно возможный вывод из этого методологического допущения — о том, что роль образцов и эталонов по плечу только немногим европейским народам и странам-лидерам, сумевшим опередить конкурентов («недоцивилизованные» регионы) и с максимальной полнотой реализовать свой

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, член Президиума РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор двух научных открытий, 29 изобретений, более 500 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Патофизиология», «Иммунофизиология», «Альфафетопротейн», «Иммунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека: метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др. Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» («Russian Journal of Immunology»), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Иммунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012).

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Почетный работник высшего образования РФ. Государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Единство и преемственность сознания», «Концептуальный поиск: традиции, новаторство, ответственность», «Творчество и догматизм», «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования», «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам», «Философия и методология политического планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Заместитель главного редактора журнала «Трибуна русской мысли». Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники.

потенциал — интеллектуальный, научный, образовательный и технологический. Из этого допущения был выведен и однозначный геополитический принцип, на котором, по сути, строится вся система международных отношений: «цивилизованные народы» обязаны, более того, вынуждены взять на себя нелегкую, но высокую миссию цивилизаторов. Политики и политики легко усвоили идею «цивилизации-образца», а позднее и идею моноцивилизации, «освобожденной» от «исторических атак» (например, от сохранения языкового и цивилизационного многообразия), невзирая на тупиковый характер этой установки: такой «образец», возведенный в ранг стандарта, явно не обеспечивает выживаемость коренных европейских народов, а следование ему ведет к глобальному экологическому коллапсу.

В-четвертых, совершенно очевидно, что обе вышеуказанные критериальные схемы, как и описанные выше допущения и принципы, сами являются источниками повышенного риска, поскольку представляют собой инструмент поддержания и углубления искусственно создаваемых диспропорций в развитии планетарных регионов, а также источник возможной дискриминации «отстающих стран». Одно из следствий появления такого дополнительного фактора риска, скрытого в методологии политического знания, — тот факт, что этот внутренний дефект остается незамеченным. В результате сам поиск методов и способов минимизации или устранения объективных политических, экологических и социальных рисков осуществляется в рамках методологии, которая зачастую не помогает, а препятствует решению поставленных задач.

В-пятых, особого внимания требуют причина сближения цивилизационной тематики и теории оценки рисков, а также теория управления рисками, которая постепенно занимает все более заметное положение в сфере стратегического планирования и прогнозирования. Дело в том, что интерес к цивилизационной тематике резко повышается, когда обстоятельства принуждают правительства различных государств и руководящие наднациональные органы, которым делегируется выработка коллективных стратегий в межгосударственных блоках и союзах, к принятию заведомо рискованных политических решений. При этом сам цивилизационный подход к изучению социальных и политических феноменов демонстрирует свою эвристическую ценность и эффективность в периоды, которые характеризуются повышенными рисками. Если всплеск интереса к константам (константами можно назвать цивилизационные процессы, так как они протекают на всех этапах становления человечества, связывая поколения общей идентичностью) вызван потребностью обнаружить хоть что-то стабильное в условиях дестабилизации, то понимание связи этих констант с рисками диктуется необходимостью делать выбор между альтернативными сценариями развития событий. Дело в том, что каждый из сценариев несет в себе высокий и неустрашимый элемент непредсказуемости.

Такие периоды связаны, как правило, с феноменом, названным социальной и политической турбулентностью, катастрофами различного генезиса, прежде всего

демографическими и экологическими (техно- и социогенными), и волнообразно возникающими кризисами, обострением и дестабилизацией международных отношений, а также с заметным ослаблением роли факторов сдерживания. Среди таких факторов выделяется ослабление общественного доверия к незыблемости межгосударственных соглашений и договоров на высшем уровне. Их статус был основательно подорван в результате крушения СССР и всей биполярной системы с ее достаточно эффективной «механикой» сдержек и противовесов. Одно из следствий изменения мировой системы — кардинальный и необратимый пересмотр послевоенных европейских границ с дрейфом мирового сообщества (или так называемой мировой цивилизации) к прямым локальным войнам за контроль над стратегическими ресурсами. Кроме того, все меньшим доверием пользуются и традиционные призывы к единению народов во имя преодоления общих глобальных угроз (экологических, техногенных, политических), олицетворением которых становятся образы «общего врага мировой цивилизации». Падение доверия связано с тем, что за такими призывами просматривается почти неприкрытое стремление к концентрации наднациональной власти.

Во всех этих случаях открывается одна любопытная закономерность: цивилизационная специфика регионов, их историческая принадлежность к определенным культурно-историческим типам явно противоречат логике технологического развития и логике построения мира в условиях ускоренной глобализации, когда сосуществуют и дополняют друг друга две разнонаправленные тенденции. Первая — интеграционная, предполагающая создание наднациональных союзов нового типа, а вторая — дезинтеграционная, связанная с целенаправленным разделением отдельных регионов, наций и государств новыми, в том числе не существовавшими прежде государственными границами.

Чаще всего в политике и политических науках понятия «цивилизация» и «риск» соединяют в самых различных комбинациях, когда речь заходит о так называемой технотронной цивилизации. Эта закономерность выявляется, когда под технотронной цивилизацией понимают общие тенденции, характерные для жизни локальных цивилизаций в условиях их тесного взаимодействия и международного сотрудничества (правильнее было бы говорить о сотрудничестве-конкуренции).

Отдавая должное так называемому общецивилизационному подходу, фиксирующему объективные процессы унификации и смены технологических укладов (что очень важно в наши дни), не следует забывать о цивилизационном подходе, который базируется на теории локальных цивилизаций — культурно-исторических типов. Именно он предлагает гибкую шкалу измерения политики (не упрощенно-линейного) с учетом реального цивилизационного многообразия и, что особенно важно, позволяет раскрыть подлинный временной горизонт стратегического планирования и прогнозирования. Стратегия без такого горизонта — политическая бессмыслица, компромиссный и конъюнктурный до-

кумент «к случаю», например, к очередному саммиту лидеров ведущих стран. Каков же горизонт наиболее значимых мировых цивилизаций, среди которых, как признают все наиболее известные исследователи локальных цивилизаций, особое место занимает русская или российская цивилизация? Ответ известен: тысячелетия. А духовная константа мировых религий, составляющих «ядра» многоликой цивилизационной идентичности, — вечность, которая открывается человеку. Значимость подобной точки отсчета для осмысления, постановки и решения собственно экологических проблем, а также для разработки и реализации масштабных проектов экологической направленности не вызывает сомнений.

«Установка на вечность», которую задает конфессионально-цивилизационный подход, позволяет настроить сознание, в том числе и научную мысль, на постижение тайн творения. Без этой мировоззренческой установки непостижимой остается суть самой государственности, природа власти. Дело в том, что временные границы жизни ряда великих государств, и в первую очередь государств-цивилизаций, измеряются иногда многими столетиями. Однако сам институт государственности, а также степень национального суверенитета и, следовательно, сроки существования отдельных независимых государств сужаются на глазах, как шагреновая кожа, по мере расширения возможностей так называемой социальной (геополитической) инженерии и угасания институтов сакральной власти. Социальной инженерией называют вслед за К. Поппером технологию тотального (утопического) или пошагового геополитического конструирования, главными препятствиями для которого были и остаются мировые религии, вековые традиции и уклады народной жизни, а также, разумеется, природные барьеры. Все это позволяет говорить о вхождении человечества в «эпоху риска».

Важно отметить, что само разнообразие локальных цивилизаций, связанное прежде всего с возникновением и распространением мировых религий, никем из политиков не отрицается (особенно после появления и популяризации концепции С. Хантингтона о неизбежном конфликте цивилизаций и связанных с ним политических рисках), но рассматривается как своеобразный атавизм в эпоху интенсивного технологического развития. К умозаключению об атавистическом характере многоцивилизационной модели иногда, кстати, приводят и рассуждения о необходимой транснациональной координации усилий по решению глобальных проблем, способных привести к экологическому коллапсу. Следует заметить, что алармистские установки, распространенные в среде антиглобалистов и внешне направленные не столько против существующих режимов, сколько против рисков, которые вызваны концентрацией наднациональной власти, в действительности используются как сильный аргумент в пользу укрепления именно надгосударственных центров влияния и даже силового разрешения этнокультурных и конфессионально-цивилизационных конфликтов. Все это делается под предлогом обеспечения коллективной экологической безопасности.

Предельно неконструктивная и рискованная с экологической точки зрения политика, соединяющая «технологическую гонку» с «планетарным разделением труда», в том числе с вытеснением опасных производств «на периферию» и почти неконтролируемой трансконтинентальной миграцией, достаточно быстро стирает цивилизационные различия и границы конфессиональных пространств. При этом западная цивилизация, как уже отмечалось, продолжает позиционироваться в качестве образца для подражания, хотя поддержание ее стабильности предполагает непропорционально высокое ресурсопотребление, что делает подражание и копирование (заявленные цели догоняющей модернизации) принципиально недостижимыми ни в настоящее время, ни в долгосрочной перспективе. Однако иллюзия (образ защитника природы и образец экологического мышления и политического поведения) поддерживается во многом благодаря тому, что западные страны действительно инвестируют львиную часть ресурсов — финансовых, интеллектуальных и технологических — в создание системы коллективной экологической безопасности, в том числе в поддержку международных экологических фондов и движений. Разумеется, основная часть этих инвестиций носит «двойной» характер, обеспечивая контроль за «интеллектуальной рентой», а следовательно, и технологическую конкурентоспособность ведущих стран и транснациональных корпораций.

Эта тенденция задает и поддерживает позитивный образ вестернизации как доминирующей тенденции мирового развития. Но за вестернизацией, естественно, скрываются и прямо противоположные тренды, связанные с деформированием конфессионально-цивилизационного стержня самой западной цивилизации, духовных устоев ведущих стран западного мира и деструктивными изменениями социоприродной системы — важнейшего гаранта стабильного технологического и социального развития. Именно здесь кроются причины расхождения позиций: если в публичной политике в большей степени распространен линейно-прогрессистский подход, то в экологическом знании доминирует установка на критику этого подхода.

Особо следует отметить принципиально различную коннотацию термина «цивилизация» в политическом и экологическом дискурсах, что вносит некоторую сумятицу в головы специалистов, занятых собственно экологической политикой. Дело в том, что в языке политики уже давно превалирует сугубо позитивная коннотация этого термина, призванного аккумулировать представления о достижениях, прежде всего научных и технологических, отличающих западную цивилизацию. Такая незаметная подтасовка, о которой не раз говорили русские мыслители (для них русская цивилизация представляла некую самоценность, требующую изучения и защиты от процесса тотальной нивелировки человечества), позволяла сторонникам моноцивилизационного подхода противопоставить политику якобы единого «цивилизованного мира» политике «варваров», «стран-изгоев». В сфере экологического знания чаще всего наблюдается абсолютно противоположная коннотация, ибо основной угрозой для мира, в том числе

и для каждой локальной цивилизации по отдельности, является, по мнению большинства экологов и экологистов, не что иное, как почти языческий культ технического прогресса, характерный для «общемировой» цивилизации.

Распространение цивилизационного подхода в политике затруднено, так как сама попытка измерить ее посредством методологии, основанной на цивилизационных теориях, может вызвать непонимание и даже отторжение. Особенно остро отторжение проявляется у тех, кто привык измерять что-либо в граммах, литрах или, к примеру, в гигагерцах. Политику если и измеряют, то преимущественно в рамках узко понятого экономического подхода — в долларах или евро. При этом

внимание фиксируется, как правило, на эффективности инвестиций.

Завершая краткий анализ проблемы, следует сделать вывод о том, что разработка методологии измерения рисков — политических, социальных и собственно экологических, с которыми сопряжено принятие политических решений, находится в настоящее время на самой начальной стадии. А интерес к проблеме измерения рисков не выходит за пределы сугубо прагматических интересов и сравнительно коротких временных горизонтов, связанных с оценкой ущерба и определением страховых сумм. При этом риски, имеющие отношение к сохранности цивилизационного наследия, выходят далеко за пределы интересов подобного типа.

**Ю. С. Шемшученко¹,
А. В. Скрипнюк²**

ЧЕЛОВЕК КАК ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ ГОСУДАРСТВ

В наше время подавляющее большинство стран мира имеют свои конституции. Это основные законы, определяющие правовой статус граждан, государственное и общественное устройство соответствующих стран, то есть их конституционный строй.

Термин «конституционный строй» широко применяется в науке конституционного права и конституционно-правовой практике. Но он редко употребляется в самих конституциях. Исключение здесь составляют Основной закон Германии 1949 года, Конституция Российской Федерации 1993 года и некоторые другие.

Вместе с тем современные конституции содержат самостоятельные части или структурно обособленные конституционные институты, объединенные общей рубрикой — «Основы конституционного строя». В ряде конституций современных государств имеются отдельные разделы, которые, хотя и называются по-разному — «Основы конституционного строя» (Армения, Беларусь,

Российская Федерация и др.), или «Основные положения» (Эстония, Грузия, Азербайджан и др.), или «Общие принципы» (Испания, Греция, Италия, Литва, Латвия, Кыргызстан, Узбекистан и др.), включают нормы, регулирующие сходные общественные отношения. Соответствующий раздел I в Конституции Украины называется «Общие положения», что в русском языке по смыслу больше воспринимается как «Общие начала». Сходное название имеет раздел Конституции Казахстана. Но основы конституционного строя Украины не являются тождественными содержанию указанного раздела.

Анализ текста Конституции Украины позволяет сделать вывод о том, что конституционный строй, помимо раздела I Конституции, находит дальнейшее развитие и системное закрепление в разделе III «Выборы. Референдумы» и разделе XIII «Внесение изменений в Конституцию Украины». Раздел I содержит положения сущностного характера, большинство из которых выполняют функцию юридического основания для других конституционных положений, включенных в положения разделов III и XIII. Именно раздел I «Общие положения» выступает содержательным стержнем всего Основного закона Украины. Значительная часть его норм является нормами-принципами, которые обеспечивают наиболее общий уровень регулирования.

В данном контексте есть все основания утверждать, что основы конституционного строя — это совокупность наиболее важных принципов, которые имеют особое значение и высшую юридическую силу для организации деятельности государства и общества. Эти принципы определяют форму и средства организации Украины как государства, обеспечивают человеку и гражданину права и свободы, характеризуют ее как конституционное государство, которому свойственны ограничение государственной власти, а также признание и гарантирование народовластия. В то же время эти нормы по юридической природе и силе аналогичны другим конституционным нормам и также являются нормами прямого действия.

¹ Директор Института государства и права им. В. М. Корещко Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины. Автор свыше 800 научных публикаций, в т. ч. книг: «Местные Советы и обеспечение законности», «Человек, природа, закон», «Академическая юридическая мысль», «Государственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды», «Правовые проблемы экологии», «Природа и закон», «Правовой статус Академии наук Украины», «Космическое право»; научных статей: «Экологическая конституция земли: концептуальные подходы», «Современная система энергетического законодательства Украины и основные направления ее совершенствования», «Проблемы развития аграрного права в Украине» и др. Главный редактор ежегодника научных работ «Правовое государство» и 6-томной «Юридической энциклопедии». Лауреат премии Национальной академии наук Украины им. М. П. Василенко, Государственной премии Украины в области науки и техники.

² Академик Национальной академии правовых наук Украины, член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины, доктор юридических наук, профессор. Заслуженный юрист Украины. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 57 монографий. Член редколлегии журнала «Право Украины», заместитель председателя редакционного совета журнала «Юридическая Украина».

Иными словами, основы конституционного строя — краеугольные конституционные идеи и идеалы, которые лежат в основе развития общества и государства и содействуют формированию и изменению соответствующих правоотношений.

По своему содержанию конституционный строй является определенным типом конституционно-правовых отношений, обусловленных уровнем развития общества, государства и права. Исходя из этого, следует согласиться с тем, что нынешний конституционный строй отражает прежде всего соответствующий характер состояния общества, государства и права, которые существуют сегодня на Украине. Дальнейший характер развития конституционного строя должна определить нынешняя конституционная реформа на Украине, осуществляемая в рамках Конституционной ассамблеи, образованной Президентом Украины в 2012 году.

Практическая реализация Основного закона за время, прошедшее с момента его принятия, часто порождала сомнения, что Конституция нашего государства играет роль гаранта в обеспечении правовой системы во взаимоотношениях с обществом, гражданином и государством, выступает своеобразным барьером для разрушительных действий различных ветвей государственной власти, о чем свидетельствуют примеры недавнего прошлого. Но и сегодня нет никаких гарантий, что подобное не повторится в будущем. Указанное положение обусловлено недостаточно определенной социально-экономической структурой общества, что существенно сказывается на содержании основ конституционного строя.

По своему содержанию конституционный строй выражает прежде всего предусмотренные и гарантированные Конституцией государственный и общественный строй, конституционный статус человека и гражданина, систему непосредственного народовластия, организацию государственной власти и местного самоуправления, территориальное устройство, основные принципы внешнеполитической и иной международной деятельности государства, основы национальной безопасности и другие существующие важнейшие виды конституционно-правовых отношений.

По форме конституционный строй Украины является системой основных организационных и правовых форм общественных отношений, предусмотренных Конституцией, то есть основных видов организации и деятельности государства, общества и других участников конституционно-правовых отношений. Прежде всего конституционный строй Украины олицетворяет предусмотренную Конституцией форму (формы) государства — по характеру государственного устройства и государственного правления — и формы непосредственного народовластия. К тому же конституционный строй Украины характеризуется рядом существенных признаков, в частности: суверенностью, демократизмом, гуманизмом, реальностью, системностью, научной обоснованностью, историзмом, преемственностью, программным характером, гарантированностью конституционного строя.

Под гарантиями конституционного строя Украины необходимо понимать систему общесоциальных

и специальных юридических (нормативно-правовых и организационно-правовых) условий и средств материального и процессуального характера, обеспечивающих действенность основных принципов и институтов общественного и государственного строя Украины. Как правило, внимание сосредоточивается на специальных или юридических гарантиях конституционного строя Украины, хотя в реальности его гарантированность в значительной степени зависит от состояния общего развития всех сфер общественной и государственной жизни — политической, экономической, социальной, культурной, экологической, информационной и т. д. При этом следует учитывать, что наряду с объективными факторами, а именно: должным уровнем развития всех сфер общественно-государственного строя, их взаимной корреляции на гарантированность конституционного строя влияют и многочисленные субъективные факторы. Такими субъективными факторами могут быть, например, отношения между национальными политическими лидерами, внутренние споры между различными представителями политической элиты, партикулярные политические интересы различных субъектов политической власти и т. д.¹

Изложенное не отрицает важности специальных (юридических) гарантий конституционного строя Украины. Сейчас они делятся на нормативно-правовые и организационно-правовые гарантии конституционного строя Украины. Соответственно нормативно-правовые гарантии конституционного строя Украины определяются совершенством системы действующего конституционного законодательства Украины, закрепляющей в Конституции и законах Украины основные институты общества и государства. Организационно-правовые гарантии конституционного строя Украины представлены системой участников конституционных правоотношений. К ним относятся: украинский народ, национальные меньшинства, политические партии и общественные организации, профсоюзы, Украинское государство в целом и его уполномоченные органы (Верховная Рада, Президент Украины, Кабинет министров Украины, другие органы исполнительной власти, Конституционный суд Украины, суды общей юрисдикции, прокуратура и др.), территориальные общины и органы, должностные лица местного самоуправления, предприятия, учреждения, организации, международные органы, организации, СМИ и т. д. Важным элементом организационно-правовых гарантий конституционного строя Украины ныне выступают и парламентская коалиция, и парламентская оппозиция.

Как свидетельствует текстуальный анализ современных конституций, в разделах, посвященных определению основ конституционного строя, наличествует шесть групп норм: а) характеризующие государство с точки зрения его независимости и суверенности; б) раскрывающие содержание деятельности государства; в) касающиеся обеспечения функционирования гражданского общества; г) определяющие процесс институционализации государственной власти; д) закрепляющие основные принципы внешней политики; е) определяющие государственную символику

¹ *Тодыка Ю. Н.* Конституционное право Украины: отрасль права, наука, учебная дисциплина. Харьков, 1998. С. 101.

(государственный флаг, государственный герб, государственный гимн).

Но ключевое значение для характеристики конституционного строя имеет человек как высшая социальная ценность. Это означает, что человек является основой существования общества и государства, трудовых коллективов и общественных организаций. Из этого вытекает, что государство обязано защищать жизнь и свободу человека, создавать экономические и другие условия для реализации предоставленных ему прав и свобод¹.

В этом контексте первоочередными задачами сегодня являются укрепление основ демократии и развитие гражданского общества, которые призваны охранять и защищать конституционный строй Украины. Между конституционным закреплением положений и посттоталитарной действительностью существуют различия в плане реального существования на Украине как демократического, так и социального и правового государства.

Принцип демократизма является едва ли не основным в контексте развития отечественного конституционализма и государства. Если придерживаться понимания конституционного строя как системы общественных, государственных и общественно-государственных отношений, которые устанавливаются и охраняются конституцией и другими конституционно-правовыми актами государства, то содержание принципа демократизма заключается в том, что все эти отношения строятся в соответствии с требованиями, когда народ признается верховным и единственным источником легитимной власти, которая осуществляется непосредственно им (или его представителями) в интересах большинства граждан. Демократизм конституционного строя предполагает существование демократической конституции и реальное ограничение ею государства в сочетании с гарантированностью прав и свобод человека и гражданина. Существование демократического конституционного строя означает реализацию в общественной жизни и общественной практике принципа высшей власти народа как принадлежности ее народу, так и осуществления ее народом.

Анализируя классические определения демократии, можно сделать вывод, что основным гарантом демократии конституционного строя выступает сам народ, который в соответствии с конституционными нормами всех современных государств (провозглашающих себя демократическими) является единственным источником власти (ст. 55 Конституции Украины). Однако содержательное тождественное предписание существует и в других конституциях. Например, в п. 2 ст. 1 Конституции Испании испанский народ определяется как «носитель национального суверенитета» и «источник государственной власти». Статья 1 Конституции Италии декларирует, что суверенитет принадлежит только народу. В ст. 4 Конституции Польши отмечается, что верховная власть в Республике принадлежит народу. Выраженную практически в тех же терминах, эту норму мы встречаем и в конституциях государств — участ-

ников СНГ: п. 1 ст. 3 Конституции Казахстана («единственным источником государственной власти является народ»), п. 1 ст. 3 Конституции РФ («носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ»), ст. 1 Конституции Азербайджана («в Азербайджанской Республике единственным источником государственной власти является народ»), ст. 2 Конституции Армении («власть в республике принадлежит народу») и т. д.

Демократизм конституционного строя в современных условиях означает прежде всего создание благоприятных условий для широкого и реального участия граждан в управлении делами государства и общества. Это реальное служение государства и его аппарата народу; оно включает демократичность политического режима, разделение государственной власти, признание приоритета личности, верховенство права и закона. В то же время демократизм конституционного строя — это способ предотвращения узурпации власти и ее отчуждения от граждан.

Таким образом, народ выступает не только гарантом демократичности конституционного строя, но и необходимым основанием, которое вообще делает возможным применение понятия «конституционный строй». Действительно, сам конституционный строй возникает как отражение реальных общественных отношений, которые складываются на основе конституции, а конституция воспринимается в глазах населения как легитимная только в случае признания народа единственным источником власти.

Именно раздел III Конституции «Выбор. Референдум» отражает юридические параметры реализации идеи народовластия или народного суверенитета. Он имеет большое значение, ведь на основе его положений нормируются порядок принятия властных решений непосредственно самим народом, осуществление избирательного права и, наконец, формирование ключевых звеньев государственного механизма.

Народ может контролировать уровень защищенности и обеспечения прав и свобод человека и гражданина, полноту народовластия, демократичность государства.

В этом случае под народовластием мы понимаем принадлежность всей власти народу, а также свободную реализацию этой власти народом в соответствии с его суверенной волей и коренными интересами. В приведенном определении прослеживается связь, которая дает основания трактовать наличие этого института в системе взаимоотношений общества и государства как неперемное условие демократизма конституционного строя. Различают две основные формы участия народа в управлении государством и ведении государственных дел: прямую и косвенную. Довольно часто их еще характеризуют такими понятиями, как «непосредственное народовластие» и «представительная демократия». Непосредственное народовластие — это самостоятельная реализация народом своей воли относительно собственных интересов, собственной судьбы или в отношении других народов и государств с их согласия при содействии политических партий, их блоков, других составляющих механизма

¹ См.: Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право. М., 2011. С. 64.

непосредственной демократии или без них. Его формами выступают выборы, референдумы, плебисциты. Что касается права народа на представительство, оно имеет несколько более сложную структуру и включает такие элементы, как право иметь орган народного представительства, право на периодические выборы народных представителей, право на эффективную работу органа народного представительства, право участвовать в формировании органа народного представительства, право быть народным представителем, право обращаться к народным представителям, право на отзыв народных представителей.

К сожалению, сегодня далеко не все из перечисленных составляющих права на представительство реализуются в политико-правовой жизни нашего государства. Для примера достаточно обратиться к праву на эффективную работу органа народного представительства. Длительное время на Украине можно было наблюдать ситуацию, когда нежелание и профессиональная неспособность народных представителей вести законодательную парламентскую деятельность привели к отсутствию ключевых законов, серьезным препятствиям в развитии важнейших общественно-политических, социально-экономических и культурных отношений, которые должны были способствовать реализации фундаментальных принципов, установленных Конституцией Украины. Без решения всех этих проблем дальнейшее развитие демократического конституционного строя если не полностью становится невозможным, то по крайней мере существенно деформируется.

Существуют проблемы в функционировании правового государства на Украине. Они прежде всего связаны с отсутствием обеспечения господства верховенства права. Ныне государство не выполняет прямо прописанные в Конституции обязательства в социальной сфере. Отсюда непосредственно возникает потребность усиления и максимально четкого закрепления на конституционном уровне социальной направленности государственно-властной деятельности, ответственности государства перед человеком. Все эти проблемы объективно связаны с таким фундаментальным для юридической науки и конституционной практики понятием, как «конституционный строй».

Актуальным вопросом современного конституционного процесса на Украине является решение проблемы реального обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Одним из ведущих принципов правового государства является наличие развитого института прав и свобод человека и гражданина. Несмотря на широкую номенклатуру закрепленных в действующей Конституции прав и свобод человека, их подавляющее большинство являются декларациями, которые не подкреплены практикой развития соответствующих правоотношений. Впрочем, главная проблема в этом смысле состоит не в том, что государство не выполняет свои конституционные обязательства, а в том, что в Конституции не предусмотрены конкретные юридические механизмы, которые не только принуждали бы обеспечивать права человека, но и давали бы человеку возможность эффективно защищать свои конституционные

права в случае неспособности государства или его нежелания действовать в рамках, предусмотренных Конституцией. В правовом государстве должна существовать надежная система защиты прав и свобод человека. Это касается прежде всего деятельности судебных и правоохранительных органов. Сейчас эти две приоритетные функции государства — правосудие и правоохранительная деятельность — наиболее проблематичны. С учетом этого возникает проблема закрепления на конституционном уровне механизма реализации и защиты прав и свобод человека, существование которого содействовало бы серьезному ограничению государственной власти.

Обращаясь к указанным группам конституционных норм, следует отметить, что в современной Украине особой непоследовательностью отличаются конституционные положения, касающиеся организации государственной власти. Фактически до 2010 года не были созданы надлежащие условия для постоянного и конструктивного диалога, сотрудничества между ветвями государственной власти и, как следствие, между государством и обществом. Речь идет не только об оптимальном реформировании государственных институтов, но и о трансформации политической системы, создании действенного механизма сдержек и противовесов и соответствующего их закрепления в Конституции Украины. Имеются в виду совершенствование механизма функционирования государственной власти, целесообразное перераспределение полномочий между Президентом, Верховной Радой и Кабинетом министров, уменьшение концентрации власти в одном центре, обеспечение эффективного сотрудничества законодательной и исполнительной ветвей власти и их взаимной ответственности за осуществление государственной политики. Фактически это означает достижение приемлемого распределения властных полномочий структурами государственного механизма, институционального разделения властей на автономные ветви, обеспечивает существование системы сдержек и противовесов, создание эффективного механизма предохранителей против выделения отдельного органа как доминирующего. Сегодня существенно актуализируется вопрос о дальнейшем развитии парламентаризма и его поддержки и усиления при одновременном возрастании роли Кабинета министров Украины в системе высших органов государственного управления.

Следующим важным направлением, требующим особого внимания в процессе подготовки Концепции изменений в Конституцию, является совершенствование судостроительства. Принятое законодательство о судостроительстве и статусе судей, новый Уголовный процессуальный кодекс по своему нормативному духу соответствуют европейским стандартам. Однако существует объективный ресурс нормативно-конституционных изменений, расширения влияния народа на процесс правосудия (введение конституционных гарантий суда присяжных, изменение порядка формирования и состава Высшего совета юстиции с целью минимизации участия в его работе лиц, представляющих политические структуры).

Актуальной является проблема разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления, необходимость обеспечения эффективного развития местного самоуправления. Следует создать оптимальную модель системы местного самоуправления в комплексе с проведением административно-территориальной реформы.

Наконец, обеспечения основ конституционного строя и его базовых принципов невозможно достичь без решения проблемы его защиты. Не подлежит сомнению положение о том, что конституционный строй и его основы требуют особой правовой защиты от многих негативных факторов. Действующая Конституция практически не предусматривает инсти-

тута защиты основ конституционного строя. Все это, вместе взятое, не позволяет утверждать о наличии конституционных гарантий стабильности и защиты конституционного строя. В обновленной Конституции должным образом должны быть предусмотрены охрана и защита Основного закона. Указанные изменения дали бы возможность решить ряд актуальных и важных проблем современного государственного и общественного развития на Украине, главной из которых является наполнение понятия конституционного строя непосредственным нормативно-правовым содержанием, обеспечение его стабильности и приведение его в соответствие с фундаментальными гуманистическими ценностями.

Эберхард Шнайдер¹

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Понятие «ценность», которое происходит из экономики, в XIX веке получило философский смысл. Проблемой ценностей занимались еще Платон, Аристотель и Фома Аквинский, когда составляли определение блага.

Согласно диаграмме культурных различий известного нидерландского социолога Герта Хофстеде ценности находятся в сердцевине луковицы, которая окружена кожурой ритуалов, затем героев и, наконец, символов². Ценностные представления, которые стоят за политической и экономической артикуляцией власти, являются не идеологической надстройкой, а масштабом ее ориентации и в конечном счете ее обоснованием.

Государство не может навязывать свои ценностные представления другому государству. Оно может только пытаться убедить других в их правильности. Если это удастся, ценностные представления, которые находят свои различные политические и экономические выражения, стоят в одном ряду и являются составными частями плюрализма ценностей. Чтобы сократить напряжение между системами, которые базируются в конечном счете на различных ценностных представлениях, необходим диалог ценностей.

Диалог ценностей не может иметь целью поиск чего-то подобного дорогому компромиссу, так как ценности не следует путать с интересами, которые можно выравнять в компромиссах, правда, до определенной степени. Ценности более основательны, чем интересы. О ценностях нельзя вести переговоры.

Однако ценности и интересы могут вступать друг с другом в конфликт, если игнорируются различные

представления о ценностях и на первое место ставятся интересы. Тем не менее в дальнейшем не исключено, что основанное на общих интересах долгосрочное и интенсивное сотрудничество приведет к сближению ценностных представлений.

Диалог ценностей может вести в конечном счете только к лучшему пониманию ценностей другого. Чтобы это удалось, необходима толерантность, которая предполагает принятие ценностей другого, имеющего право развивать свои ценностные представления и презентовать их без чьего-либо одобрения.

Плюрализм ценностей не является релятивизмом ценностей. Релятивизм означает, что абсолютных ценностей вообще не существует.

Кроме того, ценности могут меняться. А изменения ценностей происходят в обществе и не могут предписываться правительствами. Если изменение ценностей заходит достаточно далеко, это может вести к политическим последствиям, которые власти не смогут предотвратить на долгое время, что показала «арабская весна».

Плюрализм ценностей — это больше, чем просто сосуществование отдельных ценностей или систем ценностей. При этом речь идет скорее об обмене ценностями в форме диалога. В человеческом теле отдельные органы не просто расположены рядом, а они вместе образуют рациональный и функционирующий организм. Плюрализм ценностей предусматривает обмен различными представлениями о ценностях и предполагает общее понимание на метауровне. Если такого понимания на метауровне не добиться, диалог ценностей заканчивается разногласием и конфронтацией. Диалог ценностей требует, чтобы партнеры признавали его как ценность.

О каком общем основном понимании на метауровне идет речь? Это ценность прав человека, о чем говорилось человечество и что определено в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека ООН от 10 декабря 1948 года. Она гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью поступать в отношении друг друга в духе братства».

¹ Профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), профессор Западно-Восточного института в Берлине, доктор философии. Специалист в области внутренней политики России и бывшего СССР. Автор 12 книг, в т. ч.: «Das politische System der Russischen Föderation» («Политическая система Российской Федерации»), «Das politische System der Ukraine» и более 100 научных статей. Член консультативного совета Центра «Евросоюз-Россия» в Брюсселе.

² Hofstede G. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. 4. Aufl. München, 2009. S. 8.

Так как мы должны делать это в содружестве народных масс с государствами, необходимо вспомнить, для чего существуют государства. Цель государства, по Аристотелю, — «совершенствование жизни». Государство, по его мнению, — это «общение... между семьями и родами, ради совершенной и достаточной для себя самой жизни, однако, как мы утверждаем, — для счастливой и хорошей жизни»¹.

Для Фомы Аквинского главная цель государства — всеобщее благо, *bonum commune*². Немецкий философ Витторио Хёсле сожалеет о «вызывающем опасение исчезновении понятия всеобщего блага в современной политической философии» и в «реальной политике современных государств». Он считает, что всеобщее благо не является «лишь склеенными вместе индивидуальными предпочтениями»³. Основным пониманием на метауровне (как условии возможности для ведения диалога ценностей) могло бы стать признание всеобщего блага.

Что нужно понимать под всеобщим благом (*bonum commune*)? Это может быть (1) личное благополучие — счастье в аристотелевском смысле — всех членов общества, если это может осуществляться совместными средствами. Под всеобщим благом могут пониматься (2) все внешние блага, являющиеся ре-

зультатом производственной деятельности общества и способствующие достижению личностного всеобщего блага. Сюда относятся: а) конкретные товары и учреждения, которые создаются обществом для совместного пользования (полиция, почта, железная дорога и т. д.), и б) состояния общества, которые следуют из благ для членов общества (обеспечение правопорядка, общественный порядок и т. д.). Такое всеобщее благо существует тогда в возможностях и преимуществах, которые можно извлекать из вышеназванных благ, если они используются. Государство с его политикой и носителями политики существует для того, чтобы создавать условия возможности счастья одинокого человека.

Средства и пути к созданию условий всеобщего блага могут быть разными. Диалог о ценностях рационален только тогда, когда движется к общему метауровню, который содержит признание прав человека и цели создания государства всеобщего блага. Если критика ценностей другого используется только в качестве инструмента для его политической дискредитации, это не есть диалог ценностей. Если критика ценностей ошибочно воспринимается как вмешательство во внутреннюю политику и политическое нападение, это также не является диалогом ценностей.

Б. Г. Юдин⁴

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСГУМАНИЗМА

Идеи и установки трансгуманизма привлекают сегодня все больше внимания, а трансгуманистическое движение обретает не только новых, весьма активных сторонников, но и разнообразные организационные формы научно-технологических проектов, зачастую весьма амбициозных. На платформе трансгуманизма создаются и объединения социально-политического характера. В этой ситуации возникает вопрос о том, как соотносятся между собой традиционный гуманизм и новейший трансгуманизм.

Один из ярких проводников трансгуманистических идей философ Д. И. Дубровский с тревогой констатирует, что нынешний человек обречен, человечество неуклонно движется к гибели и противостоять

такому ходу событий можно будет лишь с помощью самых решительных мер. В связи с этим он отмечает: «Подавляющая по своему масштабу активность человека, направленная во внешний мир <...> — непременная черта всех исторических эпох и народов, что указывает на ее обусловленность природой человека, то есть генетическими факторами»⁵. С точки зрения Дубровского, человек в его нынешнем виде исчерпал себя — как раз в этом автор видит корни антропологического кризиса. Поэтому уже к середине века может наступить состояние динамического хаоса, за которым последует «либо деградация и гибель человечества, антропологическая катастрофа, либо выход на качественно новую ступень социальной самоорганизации»⁶.

Такой выход на качественно новый этап, по словам Д. И. Дубровского, может осуществиться либо за счет изменения биологической природы человека путем реконструкций в его геноме, с тем чтобы «изменить цели и способы его жизнедеятельности», либо, продолжает автор, надо будет «пойти по пути воплощения разума и социальной индивидуальности в небиологической самоорганизующейся системе, то есть по пути трансгуманистических преобразований»⁷. Мы видим, таким образом, что в обоих случаях, в рамках как биологического, так и кибернетического проекта,

¹ Aristoteles. *Politika*, 9. Buch, 3. Kapitel, 1280, b. 34.

² Aquin Th. *Von Summa theologiae*, II-II, q. 141, a. 8.

³ Hösle V. *Moral und Politik. Grundlagen einer Politischen Ethik für das 21. Jahrhundert*. München, 1997. S. 165.

⁴ Заведующий Отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор и соавтор свыше 450 научных публикаций, в т. ч. книг: «Человеческий потенциал как критический ресурс России», «Здоровье человека: факт, норма, ценность», «Биоэтика и журналистика», «Этика науки: проблемы и дискуссии» и др. Заместитель Председателя Российского комитета по биоэтике при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, эксперт ЮНЕСКО по этике науки и биоэтике, представитель России в Комитете по биоэтике Совета Европы. Главный редактор журнала «Человек». Член редакционного совета журнала «Идеи и идеалы», член редакционного совета журнала «Знание. Понимание. Умение», председатель российского редакционного совета журнала «Личность. Культура. Общество», член Научного совета по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Экономика и социология знания».

⁵ Дубровский Д. И. Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // *Человек*. 2012. № 6. С. 52.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Там же.

предполагается необходимость выйти за пределы «человеческого, слишком человеческого».

В связи с этим, как представляется, имеет смысл взглянуть на феномен трансгуманизма с точки зрения гуманистических ценностей. Хотелось бы, чтобы такой взгляд по возможности не был ценностно ангажированным. Иными словами, речь будет идти не об осуждении трансгуманизма, коль скоро обнаружится его принципиальное расхождение с гуманизмом. Важнее было бы обсудить саму проблему взаимоотношения двух этих позиций. В первом приближении эта проблема может быть интерпретирована как определение границы между человеческим существом и гипотетическим созданием, которое можно обозначить как постчеловека, то есть как выяснение того, можно ли, и если да, то до какой степени, считать постчеловека человеком.

Сразу же заметим, что наша проблема имеет вполне очевидную ценностную составляющую, которая обнаруживается тогда, когда мы задаемся вопросом: «А является ли создание постчеловека благом?» Или, говоря иначе, как следует относиться к концепции трансгуманизма в целом? Действительно, в ценностном отношении трансгуманизм может трактоваться либо как продолжение и развитие традиций гуманизма (коль скоро человек остается человеком), либо, напротив, как преодоление ценностей гуманизма, отказ от гуманистических традиций (учитывая предполагаемые глубокие отличия новой формы человека от нашей).

В манифесте Российского трансгуманистического движения трансгуманизм характеризуется как «новое гуманистическое мировоззрение, которое утверждает не только ценность отдельной человеческой жизни, но и *возможность*, и *желательность* — с помощью науки и современных технологий — безграничного развития личности, выхода за считающиеся сейчас “естественными” пределы человеческих возможностей»¹. В этом определении, как мы видим, трансгуманизм понимается как гуманистическое мировоззрение. Здесь, впрочем, обнаруживается существенное несоответствие. Дело в том, что латинский префикс *транс-* имеет значение «за-, пере-, через, по ту сторону», то есть в данном случае он говорит о *преодолении* гуманизма, но никак не о гуманистическом мировоззрении.

В этом отношении другие определения трансгуманизма представляются более откровенными и вместе с тем более точными. Вот некоторые примеры².

Один из лидеров трансгуманизма Макс Мор определяет трансгуманизм как «такого рода философии жизни <...> которые стремятся к продлению и ускорению эволюции разумной жизни за пределы ее нынешней человеческой формы и человеческих ограничений с помощью науки и технологий, направляемых такими принципами и ценностями, которые содействуют жизни». (Здесь, как мы видим, в качестве основной ценности понимается не человек, что характерно для гуманизма, а разумная жизнь.)

¹ <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/8/>

² Нижеследующие определения приводит А. Сандберг: Sandberg A. Definitions of Transhumanism. URL: <http://www.aleph.se/Trans/Intro/definitions.html>

Митч Портер дает такое определение: «Трансгуманизм — это такая доктрина, согласно которой мы можем и должны стать больше, чем людьми».

С точки зрения Наташи Вита-Мор, «трансгуманизм — это приверженность к преодолению поставленных человеку пределов во всех их формах, включая растущую продолжительность жизни, усиление интеллектуальных способностей, постоянно возрастающие объемы знаний, достижение полного контроля над своей личностью и индивидуальностью и завоевание способности покинуть свою планету».

Согласно Робину Хэнсону, «трансгуманизм — это идея о том, что новые технологии способны в течение ближайших столетий изменить мир настолько, что наши потомки во многих отношениях уже не будут больше людьми».

Очевидно, из всех этих определений следует, что движение трансгуманизма нацелено на преодоление тех ограничений, которые присущи человеку, на выход за пределы собственно человеческого существования вплоть до того, чтобы вообще перестать быть людьми.

Один из принципов декларации, принятой Всемирной трансгуманистической ассоциацией в 2009 году, гласит: «Мы защищаем благополучие всего того, что наделено чувствительностью, включая людей, других животных и любые будущие искусственные интеллекты, модифицированные формы жизни либо иные виды разума, которые могут возникнуть благодаря научным и технологическим достижениям»³. Здесь статус человека приравнивается к статусу животных и различных искусственно создаваемых форм жизни и разума. Иными словами, человек выступает в качестве лишь одной из возможных форм, одного из носителей жизни, интеллекта или разума. Именно последние, то есть жизнь, интеллект или разум, а не человек, как это принято в гуманизме, наделяются высшей ценностью. Интересно отметить, что в предыдущей версии декларации (1998) говорилось о том, что трансгуманизм «включает многие принципы современного гуманизма», однако в дальнейшем это утверждение было опущено. Можно полагать, что в этом проявилось стремление более основательно и недвусмысленно размежеваться с гуманизмом.

Вообще, нервом противостояния между сторонниками трансгуманизма и их оппонентами можно считать расхождение двух ценностных установок по отношению к природе человека. Для того чтобы эксплицитно эти установки, прежде всего имеет смысл обратиться к хорошо известной оппозиции «естественного» и «искусственного». Отметим, что оба члена этой фундаментальной для всякой культуры оппозиции несут мощный ценностный заряд, который для каждого из противопоставляемых понятий бывает положительным либо отрицательным.

1. «Естественное» может восприниматься как дикое, неосвоенное, чуждое, некультурное, хаотичное, неорганизованное, неразумное, как источник опасностей и угроз. Тогда «искусственное», напротив, будет

³ Transhumanist Declaration. URL: <http://humanityplus.org/philosophy/transhumanist-declaration/>

представляться освоенным, окультуренным и своим, близким, организованным, упорядоченным, а также и тем, что дает прибежище и защиту.

2. Либо, напротив, «естественное» будет выступать в качестве чего-то существующего вне и помимо нас, обладающего собственными законами и потенциями своего бытия, собственным устройством, порядком и организованностью, тем, что может восприниматься не просто как безразличный материал для нашей деятельности, но и как нечто самоценное, а также и то, чему мы можем внимать, в том числе и для извлечения каких-либо уроков. При такой трактовке то, что будет пониматься под «искусственным» — это прежде всего вторичное, заведомо несовершенное, всего лишь подражание — более или менее удачное — естественному, нечто, быть может, несущее «естественному» (а вследствие этого, между прочим, и самому себе) угрозу разрушения.

Первая трактовка может показаться не очень популярной для нашего времени, особенно в связи с осознанием негативных экологических последствий деятельности человека. Но эта видимая непопулярность никоим образом не отменяет того, что на более глубоких уровнях своего сознания современный человек в целом чрезвычайно привержен деятельностной или, иначе говоря, *технологической* установке, связанной со стремлением так или иначе упорядочить, организовать и даже поставить на службу своим интересам хаос «естественного».

«Искусственное» в таком случае — не просто сделанное человеком; это не только технически, но и *рационально* определенное и опосредованное, спроектированное, замышленное, то, в чем заключена и выражена *собственно человеческая* деятельность. Таким образом, для раскрытия оппозиции «естественного» и «искусственного» имеет смысл различать натуралистическую и деятельностную установки сознания.

В частности, одним из выражений деятельностной установки можно считать тот пафос, который подчас бывает связан с радикальным отвержением наличной ситуации. Натуралистическое созерцание выступает при этом как синоним не критического отношения к существующей социально-культурной ситуации, признания ее правомерности, согласия с ней, конформизма. Деятельностная же позиция, напротив, будет ассоциироваться с императивом принципиального несогласия с существующим положением дел и, следовательно, его радикального преобразования.

Здесь, таким образом, имеет смысл обратиться к еще одной ценностной (впрочем, не только ценностной) альтернативе: мы можем ориентироваться либо на ценности изменения — и тогда окажемся в фарватере «искусственного», деятельностного. Либо же мы можем исходить из приоритета ценностей сохранения — и тогда окажемся ближе к установкам «естественного», созерцательного.

Попробуем теперь немного более развернуто провести различие двух ценностных ориентаций мира природы, включая и живую природу, и, что для нас особенно важно, природу человека. Одна из этих ориентаций выражает ценности сохранения и акцентирует необхо-

димость оберегать, защищать существующий порядок вещей, который может быть легко и необратимо разрушен нашими грубыми и неразумными действиями. Подобные мотивы особенно очевидны в восприятии экологических проблем и того, в каких направлениях идет поиск их решения. В частности, они проявляются в настороженном отношении к биотехнологическим вмешательствам, таким как введение в окружающую среду генетически модифицированных организмов.

Безусловно, во имя сохранения нам приходится производить немало изменений; однако все эти изменения направлены на восстановление некоторых (воспринимаемых в качестве естественных) поврежденных или нарушенных условий, состояний, структур, процессов, функций.

Согласно другой ценностной ориентации мы можем ставить наши интересы и стремления выше императивов сохранения окружающей нас природы (впрочем, не только окружающей, но и нашей собственной). В таком случае природа воспринимается прежде всего как сырье, которое подлежит преобразованию, более или менее радикальным изменениям в соответствии с нашими замыслами и посредством наших технологий, во имя того, чтобы мы могли достичь своих целей. Это значит, что в конечном счете природа понимается как нечто лишённое собственной внутренней ценности и значимости.

Эту оппозицию двух ценностных систем можно представить и как противостояние позиции натуралиста как *наблюдателя* (стремящегося как можно ближе подойти к идеалу «чистого» наблюдения) феноменов внешнего и внутреннего мира, с одной стороны, и позиции *естествоиспытателя*, то есть исследователя, осуществляющего активное вмешательство и, в конечном счете, производящего изменения в мире — с другой.

Ярким выразителем первой позиции был И. Гёте, призывавший «видеть вещи, как они есть». Конечно же, нынешняя искушенная философия науки полагает такую позицию «чистого наблюдателя» чересчур наивной, поскольку она не учитывает конструктивных возможностей нашего познания и, больше, самого нашего восприятия. Тем не менее эта позиция — позиция «благоговения перед природой» (включая швейцеровское благоговение перед жизнью), несмотря на ее тщательно разобранные слабости, не лишена и некоторых достоинств.

Согласно установкам позиции наблюдателя мы познаем природу для того, чтобы постичь ее красоту, либо восхититься ее совершенством, либо (в более современных версиях) попытаться спасти ее. Природа существует на собственных основаниях и как таковая заслуживает уважения безотносительно наших желаний и намерений.

Вторая позиция воспринимается в качестве наиболее адекватного выражения духа науки как прежде всего исследования. Действительно, наука натуралиста — это наука наблюдения, описания, классификации, наука *постижения природы*, наука *существующего*. В то же время наука исследователя — это наука вмешательства, воздействия, эксперимента как *испытания природы*, наука изменения, наука *возможного*.

Одним из наиболее влиятельных выразителей второй позиции стал К. Маркс, в частности в своем знаменитом 11-м тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹.

Принято — и вполне справедливо — толковать слово «философы» в этом афоризме расширительно, включая всех тех, кто специально занимается объяснением мира, то есть прежде всего ученых. Критика Маркса, следовательно, направлена здесь против позиции, претендующей на объяснение мира таким, каков он *есть сам по себе*, до и помимо каких бы то ни было человеческих вмешательств.

В контексте предыдущих тезисов о Фейербахе трудно увидеть, что Маркс, по сути, отождествляет такую «объясняющую» интенцию с созерцательной установкой предшествующего материализма. Такое отождествление, вообще говоря, не вполне справедливо, поскольку существует немало концепций, согласно которым объяснение, а также и понимание мира (точнее, его отдельных так или иначе выделенных фрагментов) возможно не в форме чистого созерцания, а именно постольку, поскольку мы воздействуем на эти фрагменты, то есть взаимодействуем с миром, а значит, изменяем его.

Можно, между прочим, заметить, что сам Маркс отнюдь не гнушался (особенно после того, как его попытка изменить мир оказалась безуспешной) тем, чтобы этот мир объяснять. И в этом, надо сказать, он весьма преуспел. Но как бы то ни было, в «Тезисах о Фейербахе» совершенно отчетливо противопоставляются две установки. С одной стороны, это установка созерцательная, натуралистическая, нацеленная «только лишь» на объяснение; с другой стороны, установка, которая ставит во главу угла изменение мира и которую можно интерпретировать как технологическую, проектную, конструкторскую и т. п. При этом совершенно очевидно, что именно последней Маркс отдает предпочтение.

Стоит обратить внимание далее на то, что один весьма существенный вопрос остается у Маркса открытым: коль скоро мы действуем, изменяя мир, будет ли истинное, подлинное объяснение следствием, пусть даже побочным, нашей деятельности по изменению мира, либо же сам поиск такого объяснения лишен смысла? Сам Маркс, скорее всего, склонялся к первому ответу, но, подчеркнем, в логике его рассуждений и второй ответ не выглядит неприемлемым.

Теперь мы можем вернуться к противостоянию сторонников трансгуманизма и их оппонентов, вооруженные различением ценности изменения и ценности сохранения. В качестве объекта изменения либо сохранения при этом выступает человек, каким мы его знаем из нашего не столько даже научного, сколько повседневного опыта. И соответственно интересоваться нас будет уже не окружающая природа, а природа человека и ее изменение/сохранение.

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 4.

Очевидно, для трансгуманистов природа человека — это прежде всего объект преобразования, вплоть до самого радикального. С точки зрения их оппонентов, напротив, природа человека обладает самоценностью и заслуживает бережного отношения.

Одним из наиболее последовательных выразителей этой позиции является уже упоминавшийся Ф. Фукуяма. Когда в 2004 году журнал «Foreign policy» обратился к восьми авторитетным мыслителям с предложением назвать идею, которая более всего угрожает благополучию человечества, Фукуяма остановил свой выбор именно на трансгуманизме, охарактеризовав его так: «В последние десятилетия в развитых странах возникло странное освободительное движение. Цель у его крестоносцев намного превосходит цели борцов за гражданские права, феминистов или защитников прав геев. Они хотят не более и не менее чем освободить род человеческий от присущих ему биологических ограничений. Согласно «трансгуманистам», люди должны вырвать свою биологическую судьбу из рук слепого эволюционного процесса, основанного на случайных вариациях и адаптации, и перейти на следующую стадию развития вида»².

Стоит подчеркнуть, что Фукуяма при этом предостерегает от широко распространенного насмешливо-пренебрежительного отношения к трансгуманизму, считая необходимым относиться к нему с полной серьезностью. Нередко, отметил он, от трансгуманистов отмахиваются как от приверженцев какого-то странного культа, какой-то чересчур серьезно воспринимаемой научной фантастики. На первый взгляд кажется, что планы некоторых трансгуманистов подвергнутся криогенетической заморозке в надежде ожить в будущем только подтверждают место этого движения на интеллектуальной обочине.

«Но действительно ли, — продолжает он, — фундаментальный принцип трансгуманизма, согласно которому мы некогда применим биотехнологии, чтобы сделать себя сильнее, умнее, менее склонными к насилию и более долго живущими, так уж нелеп? Какие-то формы трансгуманизма неявно присутствуют в тематике исследований, проводимых в современной биомедицине. Новые процедуры и технологии, идущие из исследовательских лабораторий и больниц, такие как таблетки, изменяющие настроение, препараты для накачивания мышц или селективной очистки памяти, пренатальный генетический скрининг или генная терапия, могут быть использованы не только для облегчения или излечения болезни, но и для «улучшения» человеческого вида»³.

Конечно, пишет далее Ф. Фукуяма, род человеческий довольно жалок, с нашими тяжелыми болезнями, физическими ограничениями, краткостью жизни. А если добавить еще столь свойственные людям завистливость, страсть к насилию, постоянную озлобленность, то трансгуманистический проект начнет выглядеть вполне разумным. Будь это технологически возможным, почему не выйти за наши нынешние видовые пределы? «Эта кажущаяся разумность проекта,

² Fukuyama F. Transhumanism // Foreign Policy. 2004. 1 Sept.

³ Ibid.

особенно когда мы воспринимаем только малые приращения, сама является опасной. Едва ли общество внезапно попадет под чары трансгуманистического мировоззрения. Вполне возможно, однако, что мы будем понемногу отщипывать искусовые дары биотехнологий, не осознавая, что за них придется платить ужасную моральную цену»¹.

Даже учитывая все многочисленные несовершенства рода человеческого, мы, тем не менее, должны с чрезвычайной осторожностью относиться к проектам

его биотехнологической (как, впрочем, и всякой иной) переделки. Представляется, что в той мере, в какой мы считаем, что природа человека есть ценность, что она требует защиты, мы остаемся на позициях гуманизма. Если же мы считаем, что высшей ценностью являются сами по себе долголетие, либо здоровье, либо физические, психические или интеллектуальные свойства, во имя которых можно переделывать человека, создавая постчеловека, то мы оказываемся ближе не к сверхгуманизму, а к антигуманизму.

А. В. Яковенко²

О РОЛИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В последнее время особую остроту в общественно-политическом дискурсе приобретает вопрос о роли нравственных ценностей в современном обществе. Все чаще начинает подвергаться пересмотру их универсальный статус, а основополагающие, образующие их сердцевину понятия получают новую, подчас противоположную первоначальному смыслу трактовку.

Возникает необходимость в проведении четкого разделения между безусловными традиционными ценностными ориентирами, веками направлявшими человечество по пути саморазвития, и распространившимися наиболее активно в начале XXI века ультралиберальными веяниями.

Произошедший в конце 1980-х годов самораспад СССР и социалистического блока, заставший врасплох западное научное сообщество, привел к утрате биполярной политико-идеологической конструкции мира, стабилизировавшей международные отношения на протяжении большей части XX века, и соответственно к торжеству нелиберальной парадигмы. Последняя, как и «однополярный момент», на некоторое время оказалась единственным «властителем дум». Отдельные исследователи-идеалисты даже принялись говорить о «конце истории», а значит, и исторического творчества человека и народов. В связи с этим не могу не вспомнить трактовку темы «конца истории» бывшим архиепископом Кентерберийским Р. Уильямсом в его книге «Достоевский».

Впрочем, в международных отношениях эйфория длилась недолго ввиду опыта первой декады этого столетия, а затем и глобального финансово-экономического кризиса. Из этого можно заключить,

что разговоры о «конце истории» скорее являются предвестниками серьезных потрясений.

Ряд глубинных преобразований неолиберализм произвел на уровне развития социума, во многом утвердив принципы политкорректности и диктатуры меньшинства. Свойственная этому тренду своеобразная «вседозволенность» в итоге привела к вытеснению из общественного сознания целого комплекса традиционных ценностей, разделяемых большинством, подчас «молчаливым».

Примечательно, что отличительными чертами такого либерализма стали неприятие инакомыслия, а также весьма радикальные формы насаждения своей точки зрения, причем при активном содействии властей. Как тут не вспомнить про нигилизм, в том числе в форме доведенного до абсурда материализма, ограничивавшего природу человека потребительскими рамками. О том, куда ведет подобная социальная инженерия, убедительно писал Дж. Оруэлл.

Хотел бы привести цитату из недавнего Послания Президента В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации о том, что «попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей — это, безусловно, проявление тоталитаризма» и «нельзя законом установить нравственность». А ведь именно это сейчас и происходит, даже если формально отрицается.

В результате началось размывание культурно-нравственного пространства социума, подмена его основополагающих понятий. И это в условиях, когда роль религии возрастает повсюду в мире, включая исламские страны. Речь идет о поиске общего знаменателя между культурами и цивилизациями, без которого не укрепить взаимопонимание в современном мире. Как писала М. Олбрайт еще в 2006 году в своей книге «Могущие и Всемогущий», все «должны в равной мере глубоко обращаться к трансцендентным вопросам истории, самосознания и веры». Тем более что «три мировые монотеистические религии дают богатую традицию пересекающихся принципов, этики и верований».

Полагаю, что взгляд на общество исключительно как на социально-механистическую конструкцию при игнорировании его более тонкой духовно-нравственной материи чреват весьма пагубными последствиями для жизнедеятельности и в целом для будущего социума.

¹ Fukuyama F. Op. cit.

² Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук, профессор. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Заместитель министра иностранных дел России (2005–2011). Автор книг: «Международная космическая станция», «Прогрессивное развитие международного космического права», «Современные космические проекты: международно-правовые проблемы», «Альянс цивилизаций и мировая политика», «Международное космическое право», ряда статей по международному праву и внешней политике. Действительный член РАЕН, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, Международного института космического права (IISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж).

Неудивительно, что в современном мире все сильнее возрастает запрос на утверждение норм нравственности и морали на всех уровнях — как во внутриобщественном диалоге, так и на международной арене. Становится очевидным, что без опоры на традиционные ценности невозможны создание и поддержание гармоничной и справедливой системы международных отношений. Это как в экономике развитых стран: пресловутая «протестантская этика» износилась, и все рухнуло.

К сожалению, в последнее десятилетие межгосударственное общение изобиловало примерами лицемерия, «двойных стандартов» и даже прямого, порой не слишком усердно закамуфлированного подлога. Складывается впечатление, что время «джентльменских соглашений» ушло в небытие и главным регулятором отношений становится флюгер переменчивых, узко трактуемых национальных интересов и выгод, который может в любой момент изменить направление и перечеркнуть накапливаемый годами опыт взаимовыгодного партнерства.

Безусловно, такие действия подрывают доверительный характер сотрудничества, столь необходимого сейчас для противостояния глобальным вызовам, угрожающим самому существованию человечества. Это один из крупных факторов нестабильности в мире. Указанные угрозы имеют неуклонную тенденцию к обострению и распространению, захватывая в свою орбиту все новые регионы. Очевидно, что в мире нет такого государства, которое могло бы решать подобные проблемы единолично, не прибегая к сотрудничеству своих партнеров.

Это лишь подтверждает безальтернативность многосторонней дипломатии и настойчиво диктует формирование объединительной повестки дня в мировых делах. При этом очевидна необходимость четко определиться с общими для всех сторон духовно-нравственными ориентирами, закладываемыми в фундамент солидарных действий мирового сообщества.

От этого в конечном счете будут зависеть перспективы устойчивого развития цивилизации. В частности, только на этой основе можно оказывать эффективное противодействие проявлениям расизма, ксенофобии, нетерпимости, политизации межрелигиозного и межцивилизационного диалога, любым формам радикализации, включая неонацизм. Это как раз часть тех «правил игры», общих для всех, о которых сейчас много говорят и пишут, но трактуют, как правило, узко и утилитарно. Без этого фундамента рухнет любой закон и порядок в государстве. Это же верно для международного правопорядка.

Необходимо также отдавать себе отчет в невозможности какого-либо разделения и противопоставления традиционных нравственных ценностей и прав человека, поскольку последние являются прямой производной от первых. Именно этот тезис лежит в основе принятой 27 сентября 2012 года Советом ООН по правам человека резолюции «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей

человечества», внесенной Российской Федерацией в соавторстве с более чем 60 странами, включая членов Организации исламского сотрудничества и Лиги арабских государств. Резолюция отмечает принципиально важную роль в утверждении этих ценностей института семьи, общества в целом и образовательных учреждений и призывает государства всячески их поддерживать.

В связи с этим не может не вызывать сожаления позиция США и стран Европы, проголосовавших против принятия столь востребованного в наше время документа. Ведь именно сейчас универсальные ценности морали подвергаются особенно сильному искажению и выхолащиванию со стороны агрессивного секуляризма, который в своей нетерпимости может сравниться с пуританским фанатизмом, хорошо описанным Вальтером Скоттом в его «Пуританах» (“Old Mortality”).

Это находит свое выражение в абсолютизации прав человека. Так, свобода слова, являющаяся одним из ключевых и безусловных атрибутов и прав индивида и зафиксированная во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, получает вольную трактовку без привязки к ответственности и уважению к взглядам и верованиям других людей.

Производными упомянутого мировоззрения становятся такие явления, как экспорт революций, оккупация других государств под гуманитарными предлогами, создание секретных тюрем на территории третьих стран. Вместо единения эти попытки, сплошь и рядом ведущие к нежелательным последствиям, нацелены на унификацию мира по одним лекалам, будь то модели развития или ценностные ориентиры, то есть преследуют утопическую цель «закрытия истории». В результате искусственно-механических изменений извне страдает уникальный исторический уклад стран, размывается культурная среда обществ.

На смену таким безответственным взглядам на международные отношения должен прийти поистине интеллектуальный, проникнутый духом гуманизма подход, отражающий фундаментальную общность традиционных нравственных ценностей. И это уже вопрос выживания всего человечества.

Поистине этот посыл может быть адресован всем странам, и в первую очередь ведущим государствам, на которых лежит основное бремя ответственности за глобальную безопасность. Как заявил патриарх Кирилл, «путь к созиданию добрососедства между народами лежит через утверждение духовных и нравственных ценностей, имеющих основополагающее значение для бытия наций и цивилизаций».

Надежда в том, что культурно-цивилизационное многообразие современного мира все более громко заявляет о себе. Обратной стороной процессов глобализации становится тенденция повышения значения фактора цивилизационной идентичности. Стремление вернуться к своим цивилизационным корням отчетливо прослеживается в событиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где политическое и социально-экономическое обновление общества зачастую проходит под лозунгом утверждения

исламских ценностей. Схожие процессы наблюдаются и в других регионах, что выводит в разряд первоочередных приоритетов мировой политики задачу предотвращения межцивилизационных разломов, наращивания усилий в интересах формирования партнерства культур, религий и цивилизаций, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества.

Подлинное объединение усилий международного сообщества требует формирования ценностной основы совместных действий, опоры на общий духовно-нравственный знаменатель, который всегда

существовал у основных мировых религий, включая такие принципы и понятия, как стремление к миру и справедливости, достоинство, свобода и ответственность, честность, милосердие и трудолюбие. Отсюда следует одна из главных целей российской дипломатии, как это закреплено в утвержденной президентом В. В. Путиным в феврале этого года обновленной Концепции внешней политики России: «Содействие развитию конструктивного диалога и партнерства между цивилизациями в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и религий».

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Н. С. БОНДАРЬ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
- Ш. ВЕБЕР профессор экономики Южного методистского университета (США)
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- А. ГАМИЛЬТОН Ее Светлость герцогиня Аберкорнская (Великобритания)
- Р. ГЕРРА доктор филологических наук Парижского университета (Франция)
- А. А. ГРОМЫКО профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
- Ю. П. ЗИНЧЕНКО декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Х. КАРЗАЙ директор-основатель Центра по изучению конфликтов и мира (Афганистан)
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- М. И. КЛЕАНДРОВ член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- П. ван КРИКЕН профессор международного права и прав человека Университета Вебстер (Лейден, Нидерланды), доктор
- А. И. КУЗНЕЦОВ директор Историко-документального департамента, член коллегии МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор
- Р. ЛЬЮИС президент Международного института языкового и кросс-культурного тренинга “Richard Lewis Communications” (Великобритания), профессор
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- Т. О’ШИ ректор Эдинбургского университета (Великобритания), Почетный доктор СПбГУП
- М. Б. ПИОТРОВСКИЙ директор Государственного Эрмитажа, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, доктор исторических наук, профессор
- В. С. СТЕПИН руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- СЮЭ ФУЦИ заведующий Отделом стратегических исследований Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, доктор философии

К. ТАПИОЛА	специальный советник генерального директора Международной организации труда (Женева, Швейцария)
М. Л. ТИТАРЕНКО	директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
В. А. ТИШКОВ	директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
Ж. Т. ТОЩЕНКО	член-корреспондент РАН, декан социологического факультета, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
У ЭНЬЮАНЬ	директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, профессор
Ф. УНГЕР	президент Европейской академии наук и искусств (Зальцбург, Австрия), профессор, доктор
В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО	директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Глубокоуважаемые коллеги, дорогие друзья! С 1993 года в нашем Университете традицией стали ежегодные Дни науки, инициатива проведения которых принадлежит Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. В 2001 году Президент РФ В. В. Путин издал указ, в котором в качестве одной из мер по увековечению памяти ушедшего из жизни академика Дням науки в нашем Университете был придан статус Международных Лихачевских научных чтений. Сегодня мы отмечаем 20-летие Дней науки в нашем Университете, 13-й раз они проводятся в статусе Международных Лихачевских научных чтений. Одним из соучредителей Лихачевских чтений является Конгресс петербургской интеллигенции — организация, зарегистрированная в 1999 году по инициативе Д. С. Лихачева. Ее председатель — Михаил Борисович Пиотровский, которого я прошу открыть Чтения.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: — Дорогие коллеги! Прежде всего я хочу вас поблагодарить за то, что вы здесь сегодня собрались. По моему мнению, то, что мы здесь делаем, важно и имеет большую общественную и научную актуальность. Как председатель Конгресса петербургской интеллигенции, я хочу сказать, что сегодня интеллигенция необходима. Казалось бы, все спокойно, интеллигенция сделала свое дело (плохое или хорошее), можно жить нормально. Но необходимо, чтобы интеллигенция вновь приняла активное участие (может быть, с ошибками) в общественной жизни (в частности, связанной с диалогом культур), потому что ситуация обостряется.

В настоящее время проходит Петербургский международный юридический форум, где по инициативе музеев будет проведен специальный круглый стол, посвященный обострению проблемы кощунства, являющегося одним из признаков современности. Это возвращение в Средневековье, или влияние других цивилизаций и диалога культур, или что-то другое? Этот вопрос всегда стоял очень остро. Мы ощущаем, что острые вопросы (что плохо, оскорбляет другого в чужой культуре и т. д.) важны для диалога культур и мультикультурализма, который сегодня все бранят и говорят о том, что он «провалился». Да, разрушилась одна из схем, достаточно простых, но ее провал ведет к очень тяжелым последствиям. И то, что мы имеем сейчас на Ближнем Востоке, и гражданская война в Сирии — к этому привело заявление о том, что не должно быть многих культур и сосуществования культур. Идет гражданская война. Результатом этого является вымывание христианства с территории Ближнего Востока, физическое уничтожение, что приведет к непоправимым последствиям для всей цивилизации, потому что там корни цивилизации, которая является одной из базовых на Земле.

Мы все время говорим «диалог культур», но нужно помнить, что здесь есть противоречие. Диалог культур — это диалог двоих. И, может быть, к этому значению нужно вернуться. Диалог культур очень сложен, нужно понимать все ограничения, которые существуют в диалоге. Был период долгой эйфории, когда все получалось, все культуры были готовы жить вместе и даже забыли о том, что религиозный диалог практически

невозможен, потому что есть догматы, от которых нельзя отказаться. Единственный уровень, на котором можно говорить об этом, — там, где изложены позиции христианства, то, как христианство видит иудаизм, ислам и точки пересечения. Религиозный диалог очень показателен. Знаменитая совместная молитва в Ассизи сначала была молитвой вместе, а потом — молитвой рядом, когда вместе молятся представители разных религий.

Нужно искать в сфере культуры явления, где «точки пересечения» будут работать, потому что важно, чтобы не просто что-то декларировалось. Необходимо вернуться к слову «мультикультурализм» в форме диалога культур, понять, что он может быть одновременно и орудием ассимиляции, единства, и орудием расхождения, раздробления. Классическим примером являются еврейские гетто в средневековой и постсредневековой Европе, которые создавались как средство защиты самобытности, а превратились в средство угнетения (если немного примитивизировать историю). Точно так же многое происходит сейчас. И в данном случае интеллигентный диалог, который не боится никаких противоречий, может и должен быть очень важным. Он связан с практическими вещами, в частности с образованием, потому что именно образование и рассказ о различиях, которые существуют, крайне важны и могут работать.

Я хочу поговорить об острой теме, касающейся музеев, поскольку музеи (большие энциклопедические музеи) — то место, где диалог культур происходит практически, где, рассказывая друг о друге, люди учатся, узнают собственную культуру и чужую. Существуют опасные тенденции — все чаще к музеям, как и вообще к культуре, относятся как к услуге: считается, что они должны развлекать людей, привлекать средства, туристов. И вокруг этого ведутся споры. Хотя на самом деле музеи — то место, где разные культуры не просто взаимодействуют, а зеркально отражаются.

В настоящее время ведутся разговоры о том, что обострение ситуации в мире связано с кошмарным отношением ислама к другим религиям. Христиане постоянно задаются вопросом: «Почему они заботятся о чистоте религии, а мы нет?» Но фанатичное отношение к джихаду, которое свойственно части мусульман, на самом деле рождено не исламом, а христианской традицией превозносить историю Крестовых походов. Великое доброе дело в очередной раз зеркально отобразилось в разных культурах. И все то, что европейцы говорят о мусульманах, мусульмане говорят о западной культуре (угнетение женщин, материализм, язычество и т. д.). Это разнообразие позиций, я думаю, нужно сопоставлять именно на уровне интеллигентного разговора и найти точки соприкосновения.

Одна из точек соприкосновения — забота о культурном наследии. Это очень непросто, потому что культурное наследие разное. Оно уничтожается по идеологическим причинам: христиане уничтожали античные памятники, протестанты — католические, французская, русская революции — церковные памятники, талибы — статуи Будды в Бамиане. Уничтожение мусульманских мавзолеев, не соответствующих исламу,

уничтожение памятников Ленину в постсоветской России — все эти противоречия возникают в связи с одной важной проблемой — сохранения культурного наследия. Здесь в принципе можно найти не только точки схождения, соприкосновения, практической работы, потому что культурное наследие должно быть сохранено разными способами, в частности путем превращения идеологических предметов в музейные.

Тема судьбы христианства на Ближнем Востоке может быть близка всем и понятна, потому что это часть цивилизации. Недавно на одном из заседаний были представлены данные об исходе, рождении, уничтожении. Действительно большой район мира теряет важный элемент, который, пусть не всегда ярко, но всегда присутствовал и без которого все изменится.

Существует много разных провокационных тем, которые можно обсуждать интеллигентно, в сфере культуры. Известный американский фильм «Операция «Арго»», который получил премию «Оскар», на мой взгляд, плохой, но есть хорошая книга, положенная в основу сценария. В ней рассказывается об истории захвата американского посольства в Тегеране и спасении американцев дипломатов. Книга написана хорошо, в ней нет предвзятости и оскорбительности. Эта тема для нас, между прочим, очень близкая и окончательно в нашей культуре не продумана. Захват российского посольства в Тегеране и гибель Грибоедова — сюжет, который дает право поговорить о различиях, схождениях и возможности культурных исправлений. Суть в том, что острые вопросы надо поднимать, найти сферы (и они есть), где они не означают вражду.

Академические дискуссии имеют острый практический «выход», это заставляет иногда быть осторожными, но, наверное, есть сферы, в которых быть осторожным необязательно. Думаю, что на Лихачевских чтениях будет высказано много замечательных мыслей. Итоги Чтений мы подведем тогда, когда все будет сказано, но интеллектуальные результаты обязательно будут, потому что интеллигенция — это соль земли.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Борисович. Слово предоставляется академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН¹: — Тема нашей дискуссии — ценности и смыслы. Почему столь важно говорить сей-

¹ Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философской антропологии и проблем комплексного изучения человека МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор около 500 научных работ, в т. ч. 24 монографий: «Философская антропология и философия науки», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание», «Философия и универсалии культуры», «Новая философская энциклопедия» (в 4 т.), «Философия науки: общие проблемы», «Человеческое познание и культура» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член национальных академий наук Белоруссии, Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж, 2001), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный профессор Академии общественных наук КНР (Пекин). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

час, в современном диалоге культур, о ценностях? В-первых, возникает вопрос, как соотносятся ценности, цели и смыслы? Это проблема и философская, и логическая, тут много оттенков. Но я хочу зафиксировать следующее. Когда речь идет о человеческой деятельности, то здесь цель обязательна, она говорит нам о том, что мы должны получить в качестве результата деятельности. Цель — это идеальный образ результата деятельности, который возникает до того, как получен результат, и есть в сознании действующего субъекта. Она, как программа, будет регулировать сами действия. Но сама цель тоже имеет основания, и эти основания обуславливают ценности. Если цель отвечает на вопрос: «Что ты должен получить в результате своей деятельности?», то ценности отвечают на вопрос: «Для чего? Какое для этого есть основание?» Цели — это глубинные основания человеческой жизнедеятельности и их глубинный смысл.

Ценности иерархичны. В глубинах культуры есть некие базовые ценности и базовые жизненные смыслы, которые создают картину человеческого жизненного мира, и в каждой культуре она своя. Между картинами мира в традиционалистской культуре и в культуре техногенной, которая характеризует современное общество, есть различия. Часто техногенные культуры называют западными по региону возникновения, но сейчас этот тип цивилизации распространился по всему миру. Прошли эпохи модернизаций, возникли новые цивилизации, сохранившие внутри многие традиционалистские ценности, но переработавшие их через науку, образование, новые технологии, вставшие на путь техногенного развития. И поэтому их нужно зафиксировать.

Почему сейчас возник вопрос о базовых ценностях? Дело в том, что еще в середине XX столетия все думали, что именно путь цивилизационного развития приведет человечество к благосостоянию, что на этом пути человечество будет развиваться успешно, и вдруг стали обостряться кризисы — экологический, антропологический. Сейчас чем больше развивается человечество, тем больше возникает техники и технологий, рисков. В настоящее время говорят уже об общественности как об обществе рисков. Вопрос заключается в том, как человечеству избежать глобальных кризисов, микшировать их, можно ли найти такой путь, где мы уйдем от них? Они грозят не просто катастрофами локального характера, а гибелью всей цивилизации. И эта проблема обостряет проблему ценностей. Что лежит в основе этого движения? Какие жизненные смыслы и ценности? Какова картина мира? Каково понимание человека, природы, власти, личности? Что можно и что не нужно переделывать? Что перейдет в будущее как преемственность? Это проблемы гуманитарных наук, и их придется решать.

Сложность современного диалога культур состоит в том, что общечеловеческие жизненные смыслы, которые есть в каждой культурной традиции, жестко связаны с неким особенным, которое характеризует отличие этой традиции от других. И когда речь идет, допустим, о мировых религиях, то там эта «связка» настолько жесткая, что мы не можем выделить определенные

ценности и сказать: «Вы признаете заповеди: не убий, не укради, почитай отца своего, — и мы признаем». Это та база, которая позволит нам договориться. Нет, сразу возникают интерпретации этих смыслов, и начинается различение.

Выяснилось, что на этой основе — только на фиксации этого общечеловеческого, особенно у каждой культуры, — оказалось трудно построить общество мультикультурализма. Об этом писал и Гумилев: если с детства (примерно до 10 лет) человек социализировался в определенной культуре, то, перейдя в другую культурную традицию, получив школьное образование, его там не примут как своего, потому что он впитал некие социально-генетические установки, принципы, ориентации, привычки, которые будут его выделять из этой культурной среды, как бы он ни хотел в нее влиться и адаптироваться к ней. Здесь заложена основная сложность.

Сейчас мы должны найти некие новые ценности, смыслы, ориентиры. Многие протесты и современные столкновения культур связаны именно с тем, что не всегда и не все культуры принимают тот вариант западной культуры, который возник во всех современных потребительских обществах Запада, обществах высокого потребления. И, может быть, это хорошо, потому что общество высокого потребления, как писал Эрвин Ласло, за последние 50 лет потребило энергетических ресурсов больше, чем за всю предыдущую историю. Поэтому наращивать уже невозможно, планета не выдержит. Если это так, то встает вопрос о поиске новых ценностей. Этот поиск должен происходить во всех культурах, надо найти точки роста этих ценностей. И в этом заключается наша задача, задача гуманитариев. Поэтому абстрактные исследования философов, историков, литературоведов, культурологов по культуре вдруг становятся актуально практическими, самыми важными. Или мы это сделаем, и тогда у нас есть шанс, или мы этого не сделаем, и тогда могут быть катастрофы, кризисы и усугубление кризисов цивилизаций.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я благодарю Вячеслава Семеновича за потрясающее по содержанию выступление.

Слово предоставляется академику Валерию Александровичу Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич, за приглашение на это грандиозное мероприятие, которое благодаря Вашим усилиям и Ваших соратников живет и пользуется уважением и авторитетом.

В силу разных обстоятельств (климат, история, хозяйственные практики и т. д.) человечество самовоспроизвело культурное разнообразие: языковое, религиозное, этническое и др. И это культурное разнообразие, как и остальная живая природа, будет сохраняться. Если мы все станем одинаковыми, похожими, то это будет своего рода социальная энтропия, социальная смерть человечества. Поэтому в принципе в культуре ничего не исчезает, и даже в этнографии, которая заботится о сохранении традиций, обычаев так называемой

традиционной культуры, имеется понимание того, что традиция — это вчерашняя инновация, а сегодняшняя инновация — это завтрашняя традиция. Многие десятилетия исследовательский, академический интерес был озабочен в значительной мере установлением культурных различий, изучением дискретных единиц, будь это народный этнос или же какие-то другие сообщества, региональные, религиозные и т. д.

Тем не менее в последнее время появилось иное осмысление: одержимость установлением различий и игнорированием схожести, общности сменилась пониманием культурной сложности. Современный человек и человеческое сообщество вообще являются монокультурными, причем это не жесткие и одинаковые по своим характеристикам культурные типы, а сложный меняющийся динамический феномен, постоянный культурный дрейф. И сегодня даже в сфере самосознания, в которой, казалось бы, все очень трудно меняется, как уже говорил академик Степин, на самом деле происходят изменения. Существует представление о том, что сегодня большинству современных людей трудно определить, к какой культурной традиции, особенно если говорить об этнотрадиции, принадлежит тот или иной человек, включая и граждан нашей страны. С этой точки зрения нужно изучать культурную сложность современных наций, которые объединены под одной суверенной властью, согражданством в государствах, в том числе применительно к нашей стране. До сих пор мы не можем понять, кто мы: россияне, или это выдуманно Ельциным, или это эвфемизм, или это марсиане, или это традиция, которая идет от Петра I? Феофан Прокопович говорил: «Кого хороним? Россияне, Петра Великого погребаем». Кстати, у Дмитрия Сергеевича Лихачева одна из его книг называется «Национальное самосознание Древней Руси», это понятие идентичности, коллективное самосознание, которое всегда, с рождения нашего государства, имело сложный характер, не было монокультурным. На это мне хотелось бы обратить ваше внимание.

И последняя проблема — триединство современной культуры. Существуют три условных мощных культурных потока, которые сегодня имеются в арсенале как отдельного человека, так и различных сообществ: региональный, этнический, гражданский. Это нижний слой, условно говоря, партикулярной или этнокультуры, иногда его называют традиционной культурой, то, что воспроизводится на уровне малых сообществ, за счет передачи информации от поколения к поколению, а не за счет профессионального производства, то, что мы иногда называем народной культурой, в частности в духовной культуре — это фольклор, в материальной — пища, одежда, жилище, хозяйственные практики и т. д.

Очень мощный слой, на мой взгляд, самый мощный, определяющий национальные культуры, — на уровне государства, пользующийся его поддержкой, потому что без государственной поддержки невозможно профессиональная культура, подготовка специалистов в области культуры (театр, кинематография). Поэтому национальная культура — это, наверное, самый мощный срез сегодняшнего культурного пространства,

который в то же время имеет мощное международное влияние.

Существует третий слой — так называемая глобальная или мировая масскультура, который имеет суверенные истоки и формы, но в то же время через него осуществляется мощное влияние национальных культур. Скажем, голливудский кинематограф — это одновременно и мировая культура, значит, одна из форм мировой, глобальной культуры, но в то же время это в какой-то мере воздействие, влияние одной из национальных культур, в данном случае американской. Тем не менее глобальная культура, притом что мы ее часто третируем или подвергаем сомнению, говоря, что она разрушает нашу жизнь и наши культуры, — важная часть, ее нужно признавать, уважать и видеть в ней не только негатив, риски, но и огромную пользу, иначе мы оторвемся от реальной жизни и не поймем очень многого, особенно того, чем живут новые поколения наших людей.

Интересен диалог этих трех слоев культуры: сегодня глобальные и национальные культуры трудно представить без этнокультур. Сегодня на «Евровидении» или в кинематографе невозможно достичь высот, если не используются традиции, скажем, Кустурица — это балканская или цыганская традиция. На «Евровидении» белорусские или украинские исполнители или наши «Бурановские бабушки» используют этно на уровне не только национальной, но уже фактически глобальной культуры. Причем конкурс «Евровидение» — одна из форм массовой глобальной культуры. Это сложное взаимодействие при единстве, даже трудно сказать, что важнее. Это интереснейший феномен, о котором нужно думать, размышлять и спорить. Я желаю Международным Лихачевским чтениям успехов и очень рад принимать в них участие.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: — Позвольте предоставить слово ректору СПбГУП, члену-корреспонденту РАН, академику РАО, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я выступлю в двух качествах — и как ученый, и как председатель Оргкомитета Чтений. Вынося проблему диалога культур в измерение ценностей, смыслов, коммуникаций, я, как и мои товарищи, был убежден, что мы затронули болевую точку современного и мирового, и российского развития.

Наверное, никогда при подготовке Чтений мы не испытывали таких трудностей, как в этом году. Возможно, в науке нарастают общие тенденции, о которых следует задуматься. Огромное количество людей желают говорить о предмете своих узких исследований. Мы становимся все более похожи на героя изречения Козьмы Прутковка: «Специалист подобен флюсу». Оргкомитет Чтений получил более пятисот заявок на участие в конференции, не считая школьных работ (завтра начнется работу Лихачевский форум старшеклассников России), более трехсот из них мы были вынуждены отклонить как не соответствующие тематике или просить авторов переработать их. Чтения — это научный форум,

и я благодарен всем, кто представил свои доклады, переработал их, и тем, чьи доклады не были приняты, но они присутствуют здесь. Всего было принято около 200 докладов, но в Чтениях участвует значительно большее количество людей.

Мы, ученые, должны задуматься над тем, какова мера нашей ответственности за происходящее в этой жизни. Еще 30–40 лет назад голос ученых был слышен во всем мире. Например, в Соединенных Штатах Америки, когда шла война во Вьетнаме. Когда Зеленоград, научный город под Москвой, вышел на демонстрацию против коммунистического правительства, в стране сменилась социально-экономическая формация. Сегодня ученые еще позволяют себе думать, что в мире будет происходить что-то, за что мы не отвечаем, а отвечают власти. А в это время идет уничтожение всего того, что нам дорого. Для Оргкомитета чрезвычайно важно, чтобы Чтения отвечали на важнейшие вопросы, которые ставит жизнь. В работе сегодняшних Чтений принимают участие представители 32 стран, плеяда выдающихся ученых Российской академии наук, различных вузов нашей страны. Мы вместе должны говорить об острейших проблемах, которые становятся опасными.

В связи с темой Чтений мне представляется важным озвучить несколько тезисов. Вне культуры не существует юриспруденции, экономики, искусствоведения, ни одной научной, технической дисциплины, социального знания. Все это и есть культура. И сегодня пора специалистам из разных отраслей знания посмотреть на свою деятельность в ее взаимосвязи с общим контекстом развития культуры.

Я убежден, что культура США, Евросоюза и в особенности России переживает сегодня трагедию катастрофического надлома, конкретные черты которого видны уже без всяких исследований, невооруженным глазом. Новые поколения, вступившие в пору детства и юности, радикально отличаются от своих отцов и дедов. Фундаментальные различия проистекают из систем ценностей, санкционирующих цели деятельности, как уже говорил Вячеслав Семенович Степин, они коренятся в смыслах базисных мировоззренческих универсалий, понимании добра и зла, видении картины мира. Мы картину мира видим иначе, чем новые поколения, вернее, они ее видят по-другому по сравнению с нами. И если учитывать распространенное сегодня клиповое мышление, я не думаю, что их видение более полное.

Общественная практика новой эпохи, новая культура формирует нового человека. По сравнению с тем, что было, новую культуру можно охарактеризовать как культуру деградации и упадка. Решающим фактором трансформации культуры стали информационные потоки, вернее, специфическое управление ими. Эти потоки разрушили процесс культурной преемственности поколений и сейчас представляют собой самобытную культурную систему. То, что происходит, трудно считать магистральным путем развития мировой цивилизации.

Научная мысль XX века поставила на фундамент относительности ценности научно-технического прогресса. Например, мысль о победе человека над при-

родой. Это относительная ценность, потому что стала очевидна опасность истощения природных ресурсов, загрязнения природной среды, уничтожения природы. В наше время уже несомненны и пагубные тенденции очередного витка прогресса, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий, формированием информационного общества. Казалось бы, рыночная экономика в сочетании с политической демократией, свободой слова, доступом к информации открывает широкие, потрясающие воображение возможности для развития человека и культуры, обнаруживается новый взлет гуманизма и духовности. Мы в детстве и мечтать не могли о таких информационных возможностях. Но на практике происходит не взлет, а совершенно противоположное.

В глобальной политике уничтожается с огромным трудом созданная система международного права. Возвращаются дикость и опора на культ силы, неоварварство творится якобы в защиту истинных ценностей, выстроенных человечеством в ходе тысячелетнего развития. Извне провоцируются этноконфессиональные противоречия, например геноцид в Югославии. Затем следует прямое военное вмешательство НАТО с бомбардировками мирного населения и распад этой страны. Вслед за этим происходит вопиющее попрание международного права: оккупация Ирака сопровождается уничтожением сокровищ мировой цивилизации. Уничтожены культурные сокровища, сопоставимые по своему значению с Эрмитажем и Лувром. Думаю, Михаил Борисович Пиотровский меня поддержит в такой оценке. Страна погружается в межконфессиональную войну, каждый день приносящую гибель десяткам и сотням мирных граждан. Внешним вмешательством уничтожаются Ливия и Сирия, во имя «прав человека» там приносятся в жертву десятки тысяч жизней. На наших глазах происходит захват глав независимых государств, передача их в руки враждебным племенам для зверских расправ, похищение граждан других стран по всему миру, пытки в Гуантанамо, присвоение чужих средств на счетах своих банков. Эти и подобные действия совершаются под контролем законных правительств и парламентов, органов юстиции Запада, но главное, давайте об этом задумаемся, с одобрения большинства граждан этих стран.

Еще 40–50 лет назад подобное было невозможно. На Западе, в 1960-е годы, когда он начал эволюционировать в сторону общества потребления, произошла молодежная революция. Зверства войны во Вьетнаме отправили в политическое небытие целый слой элиты США. Теперь же оправдание, одобрение преступлений против человечества стало нормой жизни для миллионов граждан передовых стран Запада. Как такое оказалось возможным сегодня? — Вопрос, который стоило бы осмыслить участникам Чтений. Этот вопрос соотносится с радикальными переменами в сфере глобального общественного производства, фундаментальными сдвигами в развитии глобальной и национальной культур.

Сегодня общественное мнение формируется не университетскими профессорами, учеными, писателями и мыслителями, а владельцами информационных

корпораций, по сути, «денежными мешками», связанными с бюрократами. Сотни миллионов людей по всему миру превращаются в марионеток в руках кукловодов. И хорошо бы, как это было в коммунистические времена, когда нами тоже нередко манипулировали, но делали это, воспитывая человека, возвращая в нем разумное, доброе, вечное. Сейчас человека повергают в дикость.

Не меньший материал для размышлений в связи с этим дает развитие событий внутри нашей страны. Неоварварство торжествует у нас почти во всем — идет ли речь о выборе места для строительства новой сцены Мариинского театра или о введении ЕГЭ в школах, исключении из школьных программ великой русской литературы или о торговле поддельными лекарствами в аптеках. При ремонте Большого театра происходит замена бронзовых элементов декора на пластмассовые. Вузы провозглашаются коммерческими организациями, существующими для извлечения прибыли. Асфальт при прокладке дорог в России заменяется на его имитацию. Вовлечение детей в занятия физкультурой заменяется развитием фанатских движений. Официально провозглашается переход от воспитания человека-творца к формированию квалифицированного потребителя. Совесть заменяется страхом. Пусть это даже страх наказания по закону, но это не радует. Во всех проявлениях деловой и общественной жизни происходит деградация.

Стремясь к достижению западных образцов, Россия сегодня оказалась в авангарде неоварварства, разрушив свою систему культурной преемственности. Молодой курсант Института внутренних войск убил своих соседей — мать и 12-летнего ребенка, потому что они залили водой его квартиру. Подростки подожарили прохожего на Вечном огне, потому что он сделал им замечание. Такие сообщения — не нечто из ряда вон выходящее, это характеристика едва ли не типичного уровня воспитания нашего молодого поколения. Рядом с великой российской культурой, отмирающей по мере ухода с исторической арены советских поколений, создана совершенно иная, не имеющая ничего общего со старой культура. Недавно объектом глумления государственного телевидения России стала одна из победительниц конкурса красоты, которая не знала, что Земля вращается вокруг Солнца. Это типичный результат того, что происходит в сфере российской культуры и образования. По социологическим опросам, 30 % наших граждан не знают, что и вокруг чего вращается в Солнечной системе. Существенная часть населения не знает также, почему нельзя сбивать детей на пешеходных переходах, садиться пьяными за руль и штурвал самолета и т. д. А шедеврами человеческого духа теперь являются изображение мужского полового органа на мосту через Неву, созданное группой «Война» и выдвинутое на соискание государственной премии; телесериал «Школа», получивший высшую премию Академии российского телевидения «ТЭФИ-2010»; панк-молебен группы «Pussy Riot», выдвинутый на всевозможные премии доморощенными демократами. По сравнению с «Pussy Riot» теперь ничего не значат Пушкин, Шолохов, Чайковский, Менделеев и Алферов. На-

шему поколению достаточно сравнить сериал «Школа» с фильмом «Доживем до понедельника», чтобы понять огромную пропасть, созданную за последние 20–25 лет между старой и новой российской культурой. Происходит тотальная смена ценностей, осуществляется воспроизводство нового типа человека, значительно более низкого уровня, чем человек советского времени.

Я с уважением отношусь к Председателю Правительства РФ Д. А. Медведеву, считаю его блестящим выпускником некогда блестящего вуза, но некоторые из его высказываний заставляют меня задуматься. Высказывания Дмитрия Анатольевича — квинтэссенция настроений нашей «элиты». Например: «Министр не рубль, чтобы всем нравиться». Спросим: а что, рубль — это действительно важнейшая ценность нашей жизни? У нас нет других ценностей, таких как, например, Родина, родители, общественный долг и т. д.? Лично мне не нравятся ни рубль, ни доллар, ни фунт. Я люблю свою страну, свой город, людей. Почему нам навязываются такой подход к жизни и такое видение мира? Почему, говоря о министре образования, председатель правительства заявляет, что это «расстрельная должность»? Когда в России эта должность была расстрельной? Я плохо себе представляю, чтобы В. И. Ленин сказал: «Я представляю вам нового главу Наркомпроса Луначарского, он будет отвечать за образование, это расстрельная должность». У нас есть министры, для которых любые должности не являются расстрельными, например С. В. Лавров и С. К. Шойгу. В каком бы министерстве они ни работали. Шойгу ведь не говорит нам, что спасение людей или защита Родины — это платная услуга. И такого министра мы любим значительно больше, чем рубль, потому что он воплощает в работе традиционные ценности нашего государства.

Что происходит с ценностями и смыслами в современных обществах западного типа, развивающихся на духовно-нравственной платформе христианства? Мы видим, что сбылось мрачное пророчество Хантингтона о войне цивилизаций. Страны Азии уже воздвигают барьеры на пути влияния Запада, которое считают тлетворным. С крайней осторожностью эти страны относятся к западному укладу жизни. С горечью приходится констатировать, что в Китае, например, созданы целые научно-исследовательские институты, задача которых — изучение ошибок Советского Союза и современной России с целью их неповторения в своем развитии. Таково отношение к западному пути, западным ценностям в странах, исповедующих буддистскую и конфуцианскую философии.

Что происходит между арабским, мусульманским миром и западной версией христианской цивилизации, мы также видим. Запад во всем мире становится синонимом спекуляции на традиционных ценностях, символом лжи и обмана. Показательно, что даже Латинская Америка, страны христианского мира не хотят двигаться в фарватере современного Запада. Мы — люди безусловно европейской культуры. И Россия, подчеркну, сегодня значительно опережает Запад, двигаясь по пути разрушительных тенденций, как теперь говорят, разрушительных трендов. Надо не только остановиться, но и задуматься, посмотреть, куда двигаться

дальше. Мы не перестанем быть европейцами, соседями арабских стран, стран буддийской и конфуцианской культуры, но нам надо серьезно осмыслить происшедшее и выработать свои рекомендации, суждения, которые могли бы стать основополагающей платформой для дальнейшего развития Российского государства. К этому нас призывает и наш президент Владимир Путин, который всемерно, на протяжении многих лет, начиная с 2001 года, поддерживает Международные Лихачевские научные чтения.

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ: — Большое спасибо, Александр Сергеевич. Предоставляю слово профессору Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — В начале нашей сегодняшней встречи Михаил Борисович сказал теплые слова об интеллигенции, о том, что интеллигенции свойственно заблуждаться. Я полностью с этим согласен и полагаю, что энергия заблуждений, которая свойственна интеллигенции, — все-таки большая созидательная сила. В моем сегодняшнем выступлении будет присутствовать маленькая толика этой энергии заблуждений, я получил ее от Михаила Борисовича как эстафетную палочку.

Несколько слов о том, что, с моей точки зрения, представляет собой феномен государственности и патриотизма в аспекте культуры. Я полагаю, что оценка государственности — это попытка взглянуть на традиционные экономические ценности не с правовых, гражданских позиций, а с позиции философской, возможно, культурологической. Мне вспоминается один памятный случай, который произошел в нашей истории, и я предлагаю его оценить с философской точки зрения. Это событие конца XVIII века, когда Екатерина II послала генерала Ермолова с посольством в Иран. Ермолову было поставлено условие: он должен был оказывать всяческие почести иранскому правителю, вплоть до того, что поцеловать руку. Ермолов появился демонстративно в запыленных сапогах и сказал, что является прямым наследником великого Чингисхана и никогда в жизни не позволит себе оказать иранскому шаху подобные почести. Эта претензия была принята, и он не целовал никому рук, в то время как дипломатические представители Франции, Испании выполнили это. Мне кажется интересным выяснить, почему у этого русского дипломата, военачальника было такое честолюбие. Оказывается, неслучайно. Род Ермоловых ведет свое начало со времен Золотой Орды, примерно с 506 года. Один золотоордынский хан поведал Ермолову семейное предание, что они не простые люди, русские дворяне, а ведут свои истоки от Чингисхана. Наверное, осознание этого, присутствующее у Ермолова, определило масштаб его честолюбия, предопределивший и масштаб его патриотизма.

На мой взгляд, о патриотизме можно рассуждать с точки зрения масштаба или оценки человеческой культуры. Мы все патриоты, но кто-то из нас любит свой родной аул, свою родную деревню, а кто-то может подняться до чего-то большего. Патриотизм помогает оценить то, какие мы. Вспоминаются точные сло-

ва Расула Гамзатова, которому в этом году исполняется 90 лет: «Да, конечно, мы великие. Но когда мы взрослыми станем?»

Патриотизм — это взрослость, когда человек оценивает свое место и роль с высоких позиций. Патриотизм в нашей стране очень разнообразен. Это и патриотизм Лермонтова, и некрасовский патриотизм: «Он проповедует любовь враждебным словом отрицанья», и патриотизм Пушкина: «Клеветникам России». Это очень близко западным моделям патриотизма. Что бы ни делала Родина, плохая она или хорошая, она — Родина. Это разные представления о патриотизме, и можно спорить о том, какие из них являются правильными. Но одно для меня несомненно: патриотизм — это огромная созидательная сила, и надо умело ею пользоваться. Патриотизм — важная составляющая часть национальной культуры. И, может быть, прав Владимир Познер, сказавший, что россияне не должны забывать, что являются наследниками великой византийской культуры. Мы являемся и наследниками Золотой Орды, и это тоже не выбросишь из истории, хотя такие попытки предпринимались в XVIII–XIX веках.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Михаилу Леонтьевичу Титаренко.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Большое спасибо за честь выступить перед высоким собранием. Дорогие друзья, мне очень понравились тезисы, которые я услышал. Хотел бы продолжить мысль, которая только что прозвучала. Россия — наследница своих традиционных корней: великой славянской культуры, великой византийской культуры, которая формировала духовные ценности нашей культуры, культуры и политической системы Золотой Орды. Российская культура имеет синтетический характер, и мы должны понимать, что Россия — это братский союз, сосуществование, органический симбиоз 125 культур больших и малых народов, живущих на самом большом пространстве нашей планеты, которое сейчас называется Российской Федерацией. Я еще раз хочу подчеркнуть — 125 культур, 125 крупных и малых этносов. Стержнем, базой является русская культура. И мы должны понимать, что российская культура — это не только Европа, Византия.

Мы должны осознать место российской культуры и России в мире. Это великая европейская, самая большая европейская держава. Почему Европа с таким трудом и настороженностью относится к России? Потому что Россия по своей территории в несколько раз превосходит Западную Европу. Русский этнос в несколько раз больше самого большого этноса Европы, и эти математические соотношения мы должны учитывать. В то же время Россия — великая азиатская держава. Распад Советского Союза сдвинул Россию на север и восток. Наш единственный прямой выход в Мировой океан — это Дальний Восток и Северный Ледовитый океан. Поэтому я полагаю, что у России в этом смысле особая миссия.

Александр Сергеевич совершенно справедливо сказал о том, что, к сожалению, пророчество Хантингтона

насчет столкновения цивилизаций усилиями Запада стало реальностью. Но есть альтернатива: два великих народа, две великие державы извлекли горькие, кровавые уроки из 20-летнего враждебного состояния и поняли, что только дружба, стратегическое сотрудничество, доверительное партнерство являются спасением. Как записано в последней декларации, подписанной Владимиром Владимировичем Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином, всеобъемлющее стратегическое взаимодействие и доверительное партнерство являются гарантией суверенитета, территориальной целостности и успешного развития наших стран. Это великий тезис для нашей конференции, посвященной диалогу культур. Россия и Китай в этом смысле дают пример сосуществования двух великих наций, двух великих локальных цивилизаций.

Главный тезис китайской цивилизации 2,5 тыс. лет назад выразил основатель и один из величайших деятелей китайской и мировой культуры Конфуций. Ученик спросил учителя: «Учитель, можно ли выразить сущность вашего учения в одном слове?» «Можно, — сказал Конфуций, — и это слово — “взаимность”».

Еще один тезис, который получил развитие во всех великих религиях и культурах, — не делай другим того, чего не желаешь себе. Этот тезис звучал у Будды, Иисуса Христа, Мухаммеда, и этот нравственный принцип был положен в основу Устава ООН.

Другой тезис, который также выражен в китайской культуре и стал сейчас актуален в ходе реализации диалога цивилизаций, — это уважение, пестование разнообразия, многообразия культур, потому что многообразие (взаимная учеба, взаимодействие культур) является фактором и взаимообогащения, и развития. Унификации, которые предлагают наши коллеги, на основе западной системы ценностей — это дорога в тупик, к конфликту цивилизаций. «Гармония различного» — тезис, который должен и может стать принципом диалога цивилизаций. Та работа, которую с таким усилием и энтузиазмом ведет Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, — это великий вклад в реализацию идеи гармонии, процветания разнообразия культур. Я желаю успеха этой конференции и нашей молодежи в изучении блестящего опыта вашего замечательного вуза.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Михаил Леонтьевич. Я приглашаю к микрофону Евгения Ивановича Макарова.

Е. И. МАКАРОВ: — Прежде всего мне хотелось бы от имени учредителя Университета поприветствовать всех, кто прибыл на этот большой научный форум. Когда в 2001 году готовился текст Указа Президента РФ «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева», мы с Александром Сергеевичем занимались этим непосредственно. Ни он, ни я не предполагали, что Лихачевские чтения станут научным форумом такого масштаба и, главное, что они выйдут за рамки анализа славянской культуры, приобретут международный размах и соберут столько серьезных ученых.

Следуя теме Лихачевских чтений, я хотел бы сделать небольшое сообщение с позиции профессиональных союзов, внести свой вклад в развитие темы ценностей, но взять ракурс, интересующий профессиональные союзы, — ценности социально-трудовых отношений. Переход к капитализму в России неизбежно привел к демонтажу прежней системы и постепенно — к изменению ценностно-смыслового наполнения социально-трудовых отношений. На этом фоне важно переосмыслить роль и место социально-трудовых отношений, полезно и необходимо сделать при этом ретроспективный анализ роли и места человека труда в истории нашей страны при решении масштабных экономических, социальных и политических трансформаций. К сожалению, тема социально-трудовых отношений в настоящее время вытеснена из публичного пространства, но тем не менее исторические примеры показывают, как можно достичь небывалых по своим масштабам целей, если правильно использовать социально-трудовой потенциал, или «провалить» глобальные задачи, если игнорировать интересы главной движущей созидательной силы социально-экономического развития — человека труда.

Первый пример. Лозунг «Догнать и перегнать» был выдвинут Н. С. Хрущевым в 1957 году и относился не только к рывку в сфере экономики, но и, что показательно, к ускоренному строительству коммунизма, то есть к резкому росту потребления, сравнимому по своему уровню с США. Так Хрущевым была поставлена задача. Но развитие показало, что можно за короткий промежуток времени добиться существенного прорыва в промышленности, науке, полететь в космос, создать новую атомную подводную лодку, однако если при этом игнорировать или недостаточно смело решать проблемы достойного вознаграждения за труд, не развивать отрасли, обеспечивающие потребление, то добиться поставленной цели невозможно. В 1962 году произошло повышение норм выработки на предприятиях без достойной компенсации, катастрофическое снижение покупательской способности и зарплаты работников, что привело к эскалации насилия в Новочеркасске, когда во время стихийного бунта были расстреляны 23 человека. Попытка догнать и перегнать «захлебнулась» именно из-за того, что наряду с авантюристическими планами в области сельского хозяйства «оголился» продовольственный рынок, потребление упало и мотивация большей части трудовых ресурсов в России, Советском Союзе тогда оказалась невосстановленной.

Второй пример. Восстановление народного хозяйства после войны и, в частности, промышленности к 1948 году стало возможно исключительно благодаря героическим усилиям всего трудоспособного населения Советского Союза. Сочетание социальной и экономической политики, учет важнейших интересов человека труда в эти годы, в том числе разумная денежная реформа, позволили решить задачу восстановления народного хозяйства за 8 лет.

Еще один пример. «Все для фронта, все для победы!» — лозунг, выдвинутый Сталиным в 1941 году, утверждал простую истину: победить врага исключительно

военными мерами не удастся, исход войны зависел в равной степени как от военного, так и от промышленного потенциала страны. И образование внутреннего трудового фронта нашло свое отражение в лозунгах: «В труде, как в бою!», «Все силы на помощь фронту!» При всех проблемах и издержках специфическая социально-трудовая политика военного времени позволила решить не только задачи обеспечения фронтовых нужд, но и перенести индустриальные мощности на восток, за пределы европейской части страны, повысив трудовой потенциал в регионах.

Следующий пример: индустриализация экономики в 1930-е годы, которая, как известно, была нацелена на развитие промышленности в СССР, являющемся в то время, по существу, аграрной страной. Но руководство понимало, что в руках человека труда (фабрично-заводского) находятся главные силы, которые способны направить СССР на путь ускоренного развития. Политические власти пропагандировали трудовые достижения, награждали рабочих и служащих званием «Герой Труда», активно пропагандировалось движение стахановцев. Одним из ключевых моментов стал трудовой энтузиазм, основанный на комплексе идей о светлом будущем.

Будет нелишним напомнить о некоторых событиях и приемах политической эксплуатации темы социально-трудовых отношений в период Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Как известно, «детонатором» февральского переворота была всеобщая забастовка, начавшаяся 24 февраля, а Октябрьская революция продолжила цепь событий, в которых одну из важнейших ролей сыграл человек труда. Вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин четко артикулировал источник потрясений в стране своей фразой о свершившейся рабоче-крестьянской революции, о которой так долго говорили большевики. Он был в значительной мере прав, потому что большевики начали говорить об этом после революции 1905 года, с которой, собственно, и началось растянутое крушение Российской империи. События 1905 года являют собой серию фатальных ошибок самодержавия в отношении людей труда. Толчком к началу массовых выступлений в 1905 году послужил расстрел мирной демонстрации рабочих, Кровавое воскресенье (9 января). Цепь событий, которая вывела рабочих на улицы Петрограда, их лозунги, содержание рабочей петиции, которую демонстранты надеялись вручить царю, — все это указывает не на политические, а на социально-трудовые корни революции 1905 года. Удовлетворение требований рабочих тогда состоялось, но спустя 9 месяцев после расстрела. Своевременное удовлетворение требований рабочих могло бы открыть возможности для бескровного переустройства Российской империи в одну из ведущих держав мира.

Завершая свое выступление, отмечу, что возвращение социально-трудовой тематики в контекст современной культуры российского общества назрело, поскольку мы должны оценить, какие социально-трудовые, профессиональные ресурсы находятся в распоряжении нашего общества для проведения модернизации, заяв-

ленной как одна из стратегических целей сегодняшней политической власти. Этого требуют внутренние потребности общества и международная конъюнктура. Необходимо избавляться от дремучего невежества и высокомерия, которое зачастую присутствует и в государстве, и в бизнесе по отношению к людям труда и социально-трудовой проблематике в целом. Тема социально-трудовых отношений неизбежно будет востребована в России вне зависимости от времени и политической системы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашается президент Европейской академии наук и искусств профессор Феликс Унгер. Напомню, что Европейская академия наук и искусств является официальным партнером Российской академии наук в Евросоюзе.

Ф. УНГЕР: — Дамы и господа, я очень рад находиться сегодня здесь, и в первую очередь я хотел бы поблагодарить академика А. С. Запесоцкого за организацию этой конференции и приглашение участвовать в ней.

Я не в первый раз получил возможность приехать в Петербург; честно говоря, чувствую себя здесь как дома. Тема этой конференции действительно очень актуальна, поскольку это проблема нашего совместного бытия, того, как мы организуем жизнь и сотрудничество в глобальной системе мира.

В прошлом году я имел честь встретиться с Президентом России Владимиром Путиным, и он сказал мне, что «Россия — часть Европы». Я полностью согласен с ним, поскольку по прошлому опыту мы знаем, что Европа — единое и неделимое целое; однако, к сожалению, этот опыт не уберег нас в прошлом столетии от разделения Европы на две большие части — Западную и Восточную.

Сейчас перед нами стоит следующая задача — новый этап сотрудничества между западной и восточной частями Европы. Когда я вчера гулял по Петербургу, то видел огромное количество молодежи, как и здесь сегодня, юные улыбающиеся лица, живописные виды, и все, к чему мы стремимся сегодня, — заинтересовать молодежь будущим и подготовить их к этому будущему.

Дамы и господа, когда мы обращаем внимание на особенности культур Запада и Востока, то становится ясно, что здесь, в России, эти культуры перемешаны — вы можете это легко увидеть при посещении Эрмитажа. Определение культуры становится очевидным — думаю, никому не будет трудно осознать, что же такое культура. Это совокупность всех наших поступков, общения и взаимодействия с другими людьми, это ответы на вопросы о смысле нашей жизни. Вносить свой вклад в культуру можно по-разному, например посредством искусства или науки. Позвольте мне сказать несколько слов о науках.

Думаю, что науки проистекают из нашей деятельности в трех сферах: природной, человеческих отношений и духовной. И нам необходимо найти оптимальный баланс между этими сферами, чтобы получить ответы на интересующие нас вопросы.

Но науки, как подсказывает нам опыт, всегда находятся в развитии, в этой сфере невозможно оставаться на одном месте. Науки постоянно совершенствуются. И самое интересное, что мы наблюдаем сейчас, — как зарождаются междисциплинарные науки.

Это значит, что все, кто серьезно занимается наукой, должны расширять поле своей деятельности. Одна из новейших областей — геновая инженерия, на результатах которой основаны работы моих коллег по трансплантологии, врачей-иммунологов, о том, что человек имеет врожденный иммунитет. Эта информация закодирована в эпигеноме человеческой клетки, она контролирует процессы замещения и изменения геномов. Читая работы по эпигенетике о врожденном иммунитете человека, неожиданно понимаешь, что эта сфера очень широка и охватывает огромный круг вопросов — не только иммунологии, но и философии.

В нашей академии работает профессор философии господин Слотердейк, который ввел термин «философский иммунитет». И уж конечно, дамы и господа, мы все обладаем также врожденным теологическим иммунитетом.

Вы спросите, как иммунология и теология могут найти общие точки? Ответ прост: таинство крещения. Когда священник спрашивает: «Отрекаешься ли от зла?» и вы отвечаете: «Отрекаюсь», здесь-то и проявляется ваш врожденный иммунитет ко злу. Но, дамы и господа, это не простой вопрос, и иногда мы, ученые, склонны рассматривать данную проблему со своей профессиональной точки зрения.

Я хирург и в профессиональном общении пользуюсь медицинской терминологией, так что мой лексикон должен содержать много междисциплинарных терминов. Кстати, об общении: когда ученые из разных стран съезжаются на форумы, между ними не возникает конфликтов, поскольку через пять минут после взаимного представления они спрашивают: «Вы женаты?», задают вопросы о детях, внуках, образовании, обсуждают свои личные интересы.

Если говорить о культуре в целом, то, помимо искусства, науки, торговли и коммерции, в ней важную роль играет религия, оказывающая большое влияние на культуру. И это может спровоцировать конфликт. Господин Пиотровский говорил о конфликтах между православными, католиками и протестантами, а в Европе сейчас поднимается новая волна конфликтов со сторонниками ислама. Межрелигиозный диалог неизбежен, если мы хотим понять, какое место каждый человек занимает в жизни.

В межконфессиональном диалоге каждый имеет собственную твердую позицию. В современной Европе мы утратили религию, а это очень опасно, когда вы теряете свои идеалы и перестаете верить в Бога. Потому что вместо этого вы начинаете создавать жестокие и очень вредные идеологические учения, унижающие человека.

Положение в этой области плачевное. Сегодня господствует идеология денег и материализма. Даже в области медицины: администрация больниц всегда говорит, как сделать их более прибыльными, как заработать на пациентах. Думая лишь о деньгах, мы разру-

шаем нашу душу и отношения между людьми. Приведу пример. Мой старший сын — архитектор. Когда он работал в Камеруне, то обратил внимание, что нефтяная компания «Шелл», разрабатывая там скважины, загрязнила все реки. Местные жители не могут заниматься своим традиционным видом деятельности — рыболовством, но им стали раз в год выплачивать некоторые суммы, чтобы они могли устроить празднества.

Вчера я посетил Русский музей, в частности посмотрел работы Малевича. В своих произведениях в стиле супрематизма он использовал простейшие фигуры: квадрат, круг, крест. Так и в нашем диалоге мы должны найти простые формулы для выражения наших мыслей и общения с соседями.

В 1948 году был принят важнейший документ — Всеобщая декларация прав человека. Это акт помогает нам найти общий язык друг с другом, но, честно говоря, права человека попираются постоянно, и не только в моей стране.

Надо быть очень осторожным в общении, чтобы не задеть болезненные точки, и всегда соблюдать права человека. Толерантность также очень важна, поскольку толерантность — это передача любви. У нас есть совокупность ценностей, безусловных для каждого человека. Многие сейчас говорят не о самих ценностях, но о собственном понимании их. Величайшая ценность — жизнь; служа ей, мы улучшаем природу и общество. Еще одна группа ценностей — моральные, такие как справедливость, любовь. В процессе образования необходимо научить людей, как находить баланс ценностей, преуспевая в профессиональной сфере, но в то же время не забывая, что мы люди и вся наша деятельность должна быть подчинена главной ценности — жизни.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Унгер, будучи выдающимся хирургом, сплотил вокруг себя научное сообщество Евросоюза, выйдя за рамки национальных академий наук, за что огромное ему спасибо. Слово предоставляется профессору Чурову Владимиру Евгеньевичу.

В. Е. ЧУРОВ: — Большинство тезисов, которые я приготовил для сегодняшнего выступления, уже произнесены с этой трибуны моими титулованными коллегами. Я лишь обращаю ваше внимание на трагедию исчезающих городов и связь этого события с мировым бескультурьем. Крупные города на протяжении тысячелетий играли роль центров развития и сохранения культуры. Они же были и политическими центрами, поскольку политика — это лишь часть культуры, а не наоборот.

Сейчас мы наблюдаем печальный процесс деградации крупных исторических городов практически по всему миру. Исчезает Петербург, практически исчезла знакомая с детства Москва, исчезли Париж, исторический Лондон, Касабланка, Киев, Ревель, Таллин. И это имеет, на мой взгляд, весьма печальные последствия для мировой культуры, потому что крупные города воспитывали целые поколения людей.

Наш родной Ленинград–Петербург в XX веке из-за трагических событий трижды полностью менял состав

своих жителей. Приезжавшие сюда новые люди очень быстро попадали под обаяние города и становились коренными ленинградцами, петербуржцами. Так происходило и в других исторических городах, например в Одессе. Сейчас, к сожалению, этот процесс прекратился. Уже нет того обаяния и влияния города на его жителей, которое я в детстве и юности мог наблюдать.

Недавно был оглашен список Магнитского. На мой взгляд, это безумное занятие, поскольку составление любых дисквалификационных списков — это дело негодяев типа Нерона, Гитлера или Ежова. Я предпочитаю, чтобы люди всего мира объединялись вокруг других ценностей, прежде всего в борьбе с тремя главными, на мой взгляд, вызовами XXI века.

Первый вызов — это международный терроризм, причем не как абстрактное понятие. Я хочу жить как раньше, до эпохи международного терроризма, ездить по всему миру, останавливаться в гостиницах и не чувствовать постоянную опасность (в Египте, Тунисе, Сирии и т. д.).

Второй вызов — это экономический кризис. Я хочу, выйдя на пенсию, иметь достаточно средств для того, чтобы покупать билеты в театр, книги и немного путешествовать. И об этом, я думаю, мечтают все культурные люди.

Третий мировой вызов — та волна бескультурья, которая сейчас приобрела размеры цунами и заливает все страны мира, за очень редким исключением. Борьба с волной бескультурья — это не абстрактное занятие, а сохранение традиционной культуры, традиционного языка, традиционной литературы, традиционного театра. Я вовсе не хочу говорить на «птичьей» новоязе, использовать Pidgin English. Я думаю, что многие люди, обладающие хотя бы зачатками традиционной культуры, со мною согласятся.

Цивилизация обязана справиться с этими тремя вызовами, но боюсь, что, к сожалению, я до этих светлых дней не доживу.

И в заключение я прошу у Александра Сергеевича разрешения почтить минутой молчания простых людей, ставших жертвами ужасных преступлений в Бостоне, Бейруте, Сирии, людей, которые не хотели погибать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, предлагаю почтить память наших современников, ставших жертвой современной дикости и неоварварства.

Слово предоставляется Александре Гамильтон, герцогине Аберкорнской из Великобритании, являющейся одним из потомков Александра Сергеевича Пушкина.

А. ГАМИЛЬТОН: — Дамы и господа, уважаемые участники! Для меня большая честь быть приглашенной на мою историческую Родину и иметь возможность участвовать в этом крайне важном диалоге, который проводится в СПбГУП с целью увековечивания памяти академика Д. С. Лихачева, который на протяжении всей жизни был «душой» диалога России с другими культурами.

Мои предки родом из России: и царь Николай I, и Александр Пушкин. По отцовской линии мои предки

были выходцами из Перу, а я родилась в Аризоне, детство провела в Англии, а в 1966 году в возрасте 20 лет вышла замуж за Джеймса Гамильтона, герцога Аберкорнского, и переехала в Северную Ирландию. Я сама в некотором смысле воплощаю диалог культур.

Свой доклад я хочу представить в форме повествования о своей жизни. Я жила в Ирландии во времена суровых испытаний, в период упадка культуры. Фактически на протяжении сорока лет у нас отсутствовал диалог культур. Я хотела бы выступить и как мать — от лица моих детей, так как переживаю за их судьбы. Моей дочери Софии в детстве часто снилось, что на нас напали террористы, а я никак не могла убедить маленькую девочку, что этого не может произойти, ибо такова была окружающая реальность. Я задумалась: это происходит с каждым ребенком на ирландской земле, не только с моей дочерью; испытывая чувство страха, гнева, горечи, мы не даем им выхода, тем самым допускаем, чтобы в жизни наших детей стало больше оружия. Вред наносится уже в самом раннем возрасте, необходимо изменить эту ситуацию. Проблема заключалась в том, как это сделать и что мы можем для этого сделать.

В 1986 году в память о моем предке Александре Сергеевиче Пушкине прошло памятное мероприятие в доме моей бабушки, расположенном недалеко от Лондона. Собрались люди разного происхождения и различных взглядов. Великий художник помог подняться над нашими несущественными различиями и выработать универсальный язык радости и горя, которые всегда идут рука об руку. Эти празднования вдохновили меня: мне пришла в голову мысль о том, что, возможно, я могу взять «дух Пушкина» с собой в Северную Ирландию и помочь маленьким детям найти свой творческий голос. С именем Пушкина я посещала католические и протестантские школы, ученики которых обычно не встречаются друг с другом. Пушкин стал моим пропуском, дал мне возможность посетить любую школу на севере и юге Ирландии, хотя они находятся под разной юрисдикцией: севером управляет Лондон, а югом — Дублин. С именем Пушкина я объехала всю Ирландию и помогала детям и учителям обрести их творческий голос. Что они чувствовали? Может быть, ненависть, печаль, душевную боль, но, возможно, и чувство прекрасного, счастье. Они писали рассказы и стихи. Со временем программа стала более широкой, охватила все виды искусства. Но в основном мы работали в области окружающей среды, с миром природы, мы погружаем детей в природу, чтобы они имели возможность выразить свои чувства. Мы помогаем детям вернуться к чувствам, я считаю это очень важной частью воспитания. Разумеется, нам приходится иметь дело с фактами и цифрами, сдавать экзамены, мы должны мыслить рационально, но также мы должны проявлять эмоциональную отзывчивость, чувства.

На мой взгляд, сегодня необходим целостный подход к воспитанию детей. Молодые люди, которым предстоит жить в XXI веке, будут иметь свой голос. Я использовала образ не того великого Пушкина, которого мы все знаем как автора известных произведений, а девятилетнего мальчика, который слушал сказки

своей земли, рассказанные няней Ариной Родионовной. Наши дети воспитывались на сказках Ирландии, кельтских сказках.

Мы всегда ощущали тесную связь России и Ирландии. Россия — это страна-архетип, страна-символ. Если мы хотим двигаться вперед, выработать новую форму диалога, недостаточно просто проводить встречи, призванные решить множество насущных проблем, нужно более внимательно прислушиваться к своим сердцам.

В заключение представьте, что сидим с Пушкиным и его старой няней Ариной Родионовной у камина. Вглядываясь в дрожащие языки пламени, мы слышим голос Жар-птицы: «Соберитесь с духом. Я вернулась после долгого изгнания из того времени, когда человечеству довелось пройти через самый темный, бездонный сумрак, я облетела всю Землю, видела опустошение и разруху, чудеса мира природы и шедевры культуры. Я видела смерть. Помните — тьма и свет неразделимы. Я знаю, что вы способны творить добро и зло, но, хотя пережитую боль нелегко забыть, рядом с болью всегда найдется место состраданию. Красота, которую ищет мир, — в моем оперении. У меня найдется перо для каждого народа мира, который хочет стать частью Вселенной. Место обучения, где создается “ландшафт души” молодого человека, — это место, где оживают четыре первоэлемента: земля, воздух, огонь и вода. Возьмите это тепло и прислушайтесь к плачу ребенка, потому что ребенок — это начало возрождения, будущее жизни на Земле».

Я считаю, что пришло время прислушаться к голосу Жар-птицы, потому что он вторит плачу ребенка. Возможно, если мы обратим свое внимание на этот плач и откликнемся на него в душе, возникнет новая, творческая форма демократии, в которой одинаково важны разум и сердце, а неосознанный потенциал каждого человека преобразится, соединившись со светом и разумом осознания. Этот голос — голос души, общей человечности, говорящий на символическом языке нашего воображения, который, несомненно, станет необходимым, если состоится диалог между культурами, ведущий к преобразованиям.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте поблагодарить герцогиню Аберкорнскую за по-настоящему философское выступление.

В адрес Лихачевских чтений поступило большое количество различных телеграмм, поздравлений, пожеланий: от Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ С. Е. Нарышкина, министра культуры РФ В. Р. Мединского, президента Российской академии наук Ю. С. Осипова, председателя Федерации независимых профсоюзов России и председателя Попечительского совета нашего Университета М. В. Шмакова, генерального директора ЮНЕСКО И. Боковой, помощника Президента Российской Федерации А. А. Фурсенко. Я зачитаю лишь приветствие Дмитрия Анатольевича Медведева: «Дорогие друзья! Приветствую Вас в Санкт-Петербурге на XIII Международных Лихачевских научных чтениях. Видным ученым, политикам, деятелям культуры из России и зарубежья предстоит обсудить актуальные гуманитар-

ные проблемы, касающиеся развития коммуникаций, социально-правовых отношений, экономики в контексте мирового культурного процесса. Важно, что в работе Чтений принимают участие молодые ученые, юные исследователи творческого наследия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Уверен, что встреча на берегах Невы запомнится вам интересными и содержательными дискуссиями. А предложения и рекомендации, подготовленные в ходе форума, послужат реализации перспективных современных проектов. Успехов вам и всего самого доброго. Д. Медведев».

Я считаю важным, что на протяжении многих лет проводятся Лихачевские чтения, которые учреждены совместно СПбГУП и Конгрессом петербургской интеллигенции, Российской академией наук, Российской академией образования, действуют при поддержке Европейской академии наук и искусств и Министерства иностранных дел РФ. От имени Министерства иностранных дел выступит Александр Игоревич Кузнецов.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Уважаемые коллеги! Прежде всего хочу поблагодарить организаторов за честь принимать участие в очередных Международных Лихачевских научных чтениях. Министерство иностранных дел стояло у истоков создания этого форума. В рамках Лихачевских чтений действует дипломатическая программа «Международный диалог культур», которую мы очень ценим. На протяжении всего периода существования форума наши представители постоянно в нем участвовали и оказывали поддержку. Это продиктовано отнюдь не формальными соображениями, а глубоким убеждением, что эффективная внешняя политика России в современном мире может осуществляться только с учетом глубокого понимания тех межцивилизационных, межкультурных проблем, которые из года в год изучает, обсуждает ваш форум.

Говорят, что российская внешняя политика носит прагматический характер и основана не на абстрактных идеях, а на национальных интересах, что записано в концепции внешней политики России, но прагматизм отнюдь не означает узкий меркантилизм, о котором уже сегодня во многих выступлениях говорилось. Далеко не все в международных отношениях и внешней политике измеряется рублем или долларом.

Самый яркий пример: любой из моих коллег, представлявших Россию в разных странах, и все здесь присутствующие знают, что авторитет, доброе имя России в мире или, как говорили наши дипломаты в XIX веке, обаяние русского имени, определяется во многом отечественной культурой. Точно так же наши внешнеполитические интересы не могут рассматриваться в отрыве от тех глубинных процессов, которые происходят в межкультурных, межцивилизационных отношениях, которые буквально на глазах меняют лицо нашего мира. И чем бы мы ни занимались, с какими бы разноплановыми проблемами ни имели дела, начиная с ситуации в Сирии и заканчивая проблемой усыновления детей или, например, необходимостью защищать нашу страну от попыток искажения ее истории — за всем этим стоит проблематика, которая близка Международным Лихачевским научным чтениям и имеет жизненное

значение для деятельности нашей дипломатии. Поэтому мы очень рады, что авторитет форума постоянно растет, что в его орбиту втягиваются все новые творческие силы, не только научные, но и силы гражданского общества, это тоже очень важно.

Сегодня по традиции министр иностранных дел Сергей Викторович Лавров обратился с приветственным пожеланием в адрес нашего форума. Я процитирую только одну мысль: «Содействие взаимоуважительному и плодотворному взаимодействию наций и конфессий — безусловный приоритет российской политики как внутри страны, так и на международной арене. Усилия, направленные на выработку общих ценностей, на укрепление нравственной основы международных отношений, являются важным вкладом в работу по созданию условий для подлинного партнерства между государствами, формированию справедливой и демократической международной системы. Желаю Вам успешной работы и всего самого доброго».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо. Слово представляется заместителю директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР У Эньюань.

У ЭНЬЮАНЬ: — Уважаемые коллеги, поскольку доклад уже размещен на сайте Университета, попытаюсь тезисно высказать несколько мыслей. Первый тезис заключается в попытке оценить вклад социалистической модели, которая сложилась в Советском Союзе в XX веке, в развитие мировой цивилизации и опыт китайского развития на основе советской модели. После распада Советского Союза возникли различные, совершенно противоположные оценки того, что было сделано во времена существования СССР. С точки зрения философии любой феномен имеет как положительные, так и отрицательные элементы. И опыт Советского Союза можно рассматривать именно так: в нем были негативные и позитивные моменты. К примеру, к позитивным моментам можно отнести победу Советского Союза во Второй мировой войне. В этом плане мне импонирует оценка событий, которая представлена в фундаментальной работе «История Советского Союза» под редакцией академика Абалкина.

Все руководители СССР после Сталина (Хрущев, Маленков, Косыгин, Андропов) пытались реформировать сталинскую модель. Мы оставляем в стороне вопрос о том, насколько успешными были эти попытки, но как историки должны по достоинству оценить их вклад в развитие общечеловеческой цивилизации. Необходимо определить, какие направления реформ были позитивными, какую роль они сыграли в китайских реформах.

Первое ключевое позитивное направление — это попытки разрушить «магическое» понимание марксистской теории экономики, реализовать сочетание плановой и рыночной экономики. Второе направление — попытка реформировать централизованную систему управления политическими процессами и экономикой в стране, придание большей самостоятельности хозяйственным субъектам и обществу. Третье на-

правление, которое я считаю также позитивным, — это стремление не только к росту ВВП, но и к гармоничному развитию человека и общества в целом.

Я должен отметить, что в Китае сначала пристально следили за этими реформами. В нашей стране в свое время при реформировании хозяйственной системы многое было заимствовано из советского опыта.

В заключение я хочу сказать, что Советский Союз распался не в силу того, что система перестала работать, эта модель работает. Проблема заключалась в том, что руководители не смогли должным образом разрешить проблему сложных взаимоотношений между тремя важными факторами, такими как реформа, развитие и стабильность. Социализм с китайской спецификой был построен с учетом как негативных моментов советского опыта, так и позитивных, которые были наработаны в ходе предыдущих реформ Советского Союза. Поэтому мы должны по достоинству оценить вклад советской модели в развитие человеческой цивилизации.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На трибуну приглашает академик Юрий Сергеевич Шемшученко.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Прежде всего я хочу поблагодарить Оргкомитет за приглашение небольшой украинской делегации принять участие в Лихачевских чтениях. Здесь присутствует еще один представитель Украины — известный ученый, археолог и историк, академик Петр Петрович Толочко. Мы высоко оцениваем значение данного форума, не в первый раз принимаем участие в этом мероприятии и знаем, что результаты работы данного форума имеют принципиально важное значение для развития различных отраслей науки.

Я давно работаю в области теории права. Одной из проблем, которые мы обсуждаем на этом форуме, является проблема развития права. Можно сказать, что право — это социальная ценность. К такому выводу пришли ученые, специалисты в этой области. Конечно, право — не панацея от всех бед и имеет много негативных последствий, оно не все может урегулировать в общественных отношениях. Но человечество пока ничего другого не придумало для гарантирования элементарного правопорядка в обществе, для того чтобы человеческие отношения складывались надлежащим образом.

В нашей истории была разработана теория об отмирании права и государства по мере построения коммунистического общества. По расчетам, которые тогда были сделаны, сегодня мы уже должны были бы жить без государства и без права, а отношения должны были бы регулироваться только на основании норм морали и т. д. Но эта теория не выдержала никакой критики, и мы знаем, что сегодня большинство новообразованных в 1990-х годах государств записали в своей конституции, что они являются правовыми. То есть, по сути, вопрос решается в пользу того, что сегодня именно право должно играть решающую роль в регулировании общественных отношений.

Хотя еще столетие назад один из специалистов в этой области профессор Кистяковский писал о том, что правовое государство — это государство, где

открывается широкая сфера для регулирования общественных отношений норм морали, а не права. Правовое государство можно построить только в том случае, если все люди станут святыми. Сегодня возникает трудность в регулировании общественных отношений на границе частично норм морали, частично норм права, то есть это сложная теоретическая проблема, которая должна решаться именно в контексте тех проблем, которые мы обсуждаем в рамках форума, посвященного диалогу культур. Право — социальная, культурная ценность.

На этом пути открываются новые возможности для развития правового государства. Известный российский ученый профессор Алексеев писал о том, что мы приближаемся к построению государства с правом цивилизованных народов, что требует дальнейшего развития с теоретическим обоснованием постановки вопроса. Вопрос заключается прежде всего в том, чтобы право стало более гуманистическим, наполнилось бы более гуманистическим содержанием, в этом направлении оно и должно развиваться.

В то же время право должно соблюдаться, и это тоже один из постулатов. Под этим углом зрения на Украине сейчас проводится конституционно-правовая реформа, причем достаточно оригинальным способом — при президенте была образована специальная Конституционная комиссия, состоящая из ста представителей науки, конституционного права и юристов-практиков (более 70 человек). Открывается возможность обсудить проект изменений в Конституции Украины с учетом максимальной научной обоснованности. После этого вопрос рассматривается уже на уровне Верховного Совета. Согласно планам, которые действуют в рамках данной Конституционной комиссии, примерно в мае мы примем концепцию изменения Конституции Украины. В следующем году будет представлен соответствующий проект. Мы надеемся, что в этот процесс будут вовлечены специалисты из других стран, прежде всего российские, уже подключены соответствующие европейские организации, в том числе Совет Европы и некоторые другие. Важно найти в этом процессе наиболее оптимальное решение с учетом уже имеющегося опыта других государств. В то же время сложно внедрить такой опыт, а также сохранить национальные особенности Украины. Участие в этих Чтениях будет способствовать в этом.

Еще одна глобальная проблема — это охрана окружающей среды. В решении этой проблемы право, прежде всего международное, должно сыграть более важную роль. В этом контексте были разработаны предложения по подготовке проекта всемирного экологического договора. Мы его называем «экологической конституцией Земли». С одной стороны, человечеством осознается важность этой проблемы, а с другой — ее решение продвигается крайне трудно. Мне приходилось выступать с трибуны ООН при обсуждении данного вопроса, и на сегодня одна часть богатых стран не педалирует этот вопрос, потому что заинтересованы в том, чтобы иметь возможность вывозить отходы производства в бедные страны и таким образом загрязнять бедные страны и очищать свои. С другой

стороны, бедные, развивающиеся страны тоже не спешат с решением этого вопроса, ссылаясь на то, что у них есть более важная проблема — это борьба с бедностью. Таким образом, пока на уровне Организации Объединенных Наций решение этого вопроса продвигается очень медленно. Нужно использовать опыт, который сложился в рамках ООН, в частности в ходе разработки Международной конвенции ООН по морскому праву. Десять лет не было уверенности в том, что она будет принята, специальная Конференция ООН обсуждала эти проблемы, и в конце концов в 1982 году была принята Конвенция ООН по морскому праву, которая сегодня работает.

Необходимо, чтобы ООН создала конференцию по подготовке проекта международного договора или международной «экологической конституции Земли». Это определенное движение на пути решения этого вопроса.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Макарову Валерию Леонидовичу¹.

В. Л. МАКАРОВ: — Я хочу сформулировать следующую проблему. Существуют две противоположные тенденции, которые исходят из одного центра. Первая тенденция — наличие «жесткой» и «мягкой» власти, или «мягкая сила» (Soft Power). Эту теорию сформулировал американский политолог Най (он написал много работ на эту тему, его активно цитируют и т. д.). Смысл заключается в том, что надо постепенно распространять «мягкую» власть, чтобы «жесткой» власти становилось все меньше. Вместо того чтобы завоевывать территорию с помощью оружия, надо завоевывать умы, но уже другими методами. У «мягкой» власти свои методы: информационные войны, идеологические и прочие, эти технологии сейчас разработаны. В известных «цветных революциях» существенную роль сыграла именно «мягкая» власть. Сейчас распространяется мировая тенденция, когда «мягкая» власть захватывает все больше пространства, теснит «жесткую» власть. Но отсюда возникает противоположная тенденция, когда «жесткая» власть теснит мягкую.

Что такое «жесткая» власть? Это, в частности, принятие законов, которые должны строго выполняться, соответствующая судебная система и т. д. «Жесткая» власть распространяется на те области, которые традиционно считались сферой действия «мягкой» власти (это восходит к социальным нормам и т. д.). «Мягкая»

¹ Директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности» (в соавт.), «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики».

Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегии и редакционных советов журналов: «Economics of Planning», «Social Sciences», «Кибернетика и системный анализ», «Экономическая наука современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Лауреат премии Совета Министров СССР и др.

власть — когда общество управляет собой самостоятельно.

Что мы наблюдаем сейчас? Например, ювенальная юстиция. Вместо того чтобы общество само определяло, регулировало семейные отношения, принимается закон, то есть действует «жесткая» власть. И таких примеров довольно много. Допустим, оскорбление религиозных чувств. Вместо того чтобы само общество определяло, что и как нарушается в религиозной сфере, принимается жесткий закон. Но какими бы умными людьми он ни принимался, его можно будет трактовать как угодно.

Получает распространение противоположная тенденция, когда вместо того, чтобы общество, в том числе его гражданские структуры, определяло, как нам жить, принимает законы. Франция приняла закон о легализации однополых браков, потому что необходимо жестко регламентировать взаимоотношения между полами. Как будто общество само не в состоянии это сделать, надо все прописать в законе: разрешено или нет, чтобы однополые семьи воспитывали детей. Но я уверен, что в любом случае будет непонятно. То есть набирает силу другая тенденция, когда «жесткая» власть начинает теснить «мягкую».

На мой взгляд, человечество движется в сторону, когда мы будем управлять в основном с помощью «мягкой» власти, то есть идеологии, не будет терроризма и подобных явлений именно благодаря тому, что мы будем управлять сами с помощью «мягкой» власти.

Я обозначил две тенденции, которые, что удивительно, исходят из одного центра. Идет наступление на «мягкую» власть. Было бы интересно послушать объяснения этого феномена.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Валерий Леонидович, объяснение одно — тотальное падение культуры власти. Это мы обсудим в ходе дискуссии. Приглашаю на трибуну академика Владислава Александровича Лекторского.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодня я услышал много интересного, и хочу сформулировать несколько тезисов по этому поводу. Мое выступление связано с проблематикой, которая всегда обсуждается на Лихачевских чтениях. Сегодня много говорили о том, что творится в культуре, о бескультурье, утрате ценностей, эрозии ценностей во всем мире и в России в частности, о конфликте цивилизаций и пр.

В связи с этим я хочу поставить три вопроса и рассказать о трех мифах, которые мешают правильно обсуждать эти проблемы. Первый вопрос: «Зачем культура вообще нужна?» Второй: «Возможен ли диалог культур?» Третий: «Нужен ли диалог культур?»

Зачем нужна культура? Я иногда читаю статьи отечественных экономистов, которые рассуждают о справедливости, в частности они пишут, что это не их дело, что перестали изучать Пушкина, главное, чтобы была эффективность. Задача экономистов — чтобы экономика была эффективной, а также, наверное, борьба с коррупцией, поскольку она мешает экономическому механизму нормально функционировать.

Все остальное, может быть, и важно, но на экономику не влияет.

Недавно довольно известный социолог и экономист удивил меня следующим высказыванием: «Дорогие друзья, без культуры понять экономику невозможно, и то, что делается в российской экономике, прямо связано с тем, к какому культурному типу мы принадлежим». И далее следуют его рассуждения, правда, довольно сомнительные. Он говорит о том, что существуют два типа культуры. В одной культуре с экономикой и гражданскими институтами все хорошо, там есть и «мягкая» сила, и «жесткая», они прекрасно взаимодействуют. А у нас все скверно, экономика не развивается, «жесткая» сила теснит «мягкую», как сказал Валерий Леонидович.

По мнению этого экономиста, Западная Европа приняла свой культурный код от Ветхого Завета, поэтому там все основано на законности и известном принципе талиона «Око за око, зуб за зуб». А Россия пошла не по тому пути, она приняла истину христианства, где есть любовь к ближнему. На этой основе никакой экономики не создашь, ничего хорошего не будет. Это, конечно, не соответствует реальности, потому что без христианства Западная Европа была бы невозможна. Россия — христианская страна, у которой есть свои особенности. Если проблемы есть, то в этой плоскости их нельзя решать, может быть, они связаны с тем, что мы утратили свой культурный традиционный код, но это особый разговор. Во всяком случае этот экономист, с которым я не согласен в его выводах, конкретном анализе, признал тот факт, что это на самом деле так.

За экономическими, геополитическими проблемами, политикой, массовыми конфликтами стоит борьба культурных смыслов, в мире вообще идет война. И культура — не просто украшение. Здесь собрались культурные люди и рассуждают о культуре, диалоге культур, но не потому, что нам нечего делать, а потому что в самом деле, как сегодня стало ясно, культура лежит в основе всего остального. Без этого все остальное невозможно. Поэтому рассуждения о том, что экономика — одно, а культура — другое, — это миф.

Вторая проблема касается диалога культур. Говоря о диалоге культур, мы понимаем, что без него невозможно движение. Но почему-то в культуре мы не видим диалога культур, а видим то, что эти культуры сцепились друг с другом и борьба идет за то, кто кого вытеснит. В мире идет борьба за навязывание определенных культурных смыслов. Почему так происходит и что делать? Причина — в людях, неумных, необразованных.

Здесь вспоминается одна теория, которая на самом деле считается мифом. Культуры настолько различны, что никакого диалога не может быть вообще. Культура — это способ осмысления мира, очки, через которые человек смотрит на все, это система смыслов и система ценностей. Они настолько разные в разных культурах, что просто не могут понять друг друга. Что хорошо для одного, плохо для другого.

Существует целая теория, связанная с трудностями перевода. Несколько лет назад французы издали

«Словарь невозможности переводов». Во французском языке есть такие философские понятия, которые не переводимы на другой язык, таких примеров можно привести множество. В американской философии существует даже теория невозможности детального перевода, которую обсуждают уже 30 лет. Один знаковый специалист по арабской философии из Института философии считает, что многие вещи просто непереводимы. Но из этого делается вывод, что диалог вообще невозможен, даже если и можно жить вместе. А как жить? Либо каждый живет в своей клеточке, не пытаясь понять другого и наладить диалог, либо смыслы одной культуры навязываются другой. Это сможет сделать тот, у кого больше военной силы, денег и т. д. Я хочу сказать, что это тоже миф.

Валерий Леонидович правильно сказал, что на самом деле всегда имело место взаимодействие культур, и каждая культура не есть нечто гомогенное, она гетерогенна, в ней есть разные смыслы, слои. Это было всегда. Культура — это не замкнутая монада (философ Лейбниц считал, что мир состоит из монад, которые не имеют окон, не могут взаимодействовать друг с другом). Взаимодействовать друг с другом можно, правда, не всегда это получается, но существует общее поле смыслов. Когда люди одинаково понимают и мыслят, диалог бессмыслен, потому что они друг другу скажут то, что уже знают. Диалог невозможен, если участники совпадают во всем или если существует абсолютное различие позиций. Диалог возможен и нужен тогда, когда в чем-то есть сходство, в чем-то — различие.

Третий миф. Сейчас ряд исследователей утверждает: есть традиционные культуры, они разнообразны и между собой, может быть, взаимодействуют. Но дело в том, что весь мир, все существующие культуры — западные, восточные — оказались в новых условиях, когда возникли глобальная цивилизация, технонаука, общество знания. Общество гомогенизируется, наука и техника, технологии делают его не более разнообразным, а, наоборот, более гомогенным. Это первое. Второе: вообще все культуры устарели и надо от них отказаться. Человек несовершенен, и на этом пути, какой бы диалог ни велся, ничего хорошего не делает, нужно выйти за пределы существующего человека.

Сегодня поднималась экологическая проблема. Сейчас возникают новые парадигмы, надо об этом говорить и думать, и многие уже пишут об этом. Природу нужно изменить, все переделать, все естественное сделать искусственным, якобы новые нано-, биоинформационные технологии дают такую возможность. Как сказал один теоретик: «Нужно выйти за пределы природных ограничений и начать с человека, заменить его тело, мозг». Недавно один известный отечественный нейрофизиолог предложил: «Дайте мне денег, я через 10 лет создам супермозг, в нем не будет ничего человеческого». Действительно делаются вещи фантастические, но ставится уже иная задача — создать пост-человека.

Все культуры разные, потому что человек несовершенен. Какой бы диалог ни велся, человек всегда уязвим и сам по себе противоречив. Это новая биотехнологическая утопия, позволяющая создать интересные

явления, но сама цель утопическая, по-моему, просто опасная. Из разряда таких, когда говорят, что лучший способ от головной боли — это гильотина. Если уничтожить человека, все человеческие проблемы исчезнут, хотя это делается всерьез. Об этом идет речь. То есть можно показать, что основные смыслы, на которых основывается любая культура (восточная, западная), — сострадание, мужество, забота — утрачивают всякий смысл.

Это кажется фантастикой, но это не фантастика, много людей на Востоке и Западе участвуют в этом процессе. К этому надо относиться серьезно. Даже если будет создан супермозг, он все равно не будет мыслить так же, как человек с его якобы несовершенным мозгом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается Кари Тапиола, специальный советник генерального директора Международной организации труда (Швейцария).

КАРИ ТАПИОЛА: — Уважаемый господин председатель, дамы и господа! Большое спасибо за приглашение Международной организации труда на это важное мероприятие. Исходя из того, что диалог культур — это диалог на разных языках, я использую русский, мой родной язык финский. Русский является официальным языком МОТ. Диалог культур имеет много разных аспектов: национальный, международный, внутренний, внешний, социальный, политический, культурный. В современном мире диалог приобретает все более глобальный характер. Такой диалог (или сеть диалогов) очень важен для Международной организации труда. МОТ — первая международная организация, ей скоро исполнится сто лет. Это не только межгосударственная организация, с самого начала, с 1919 года, МОТ включает и представителей рабочих, профсоюзов, и предпринимателей.

Что является целью трехстороннего диалога Международной организации труда? Если мы хотим вести диалог, сначала его надо организовать. Необходимо вести социальный диалог о трудовых отношениях, праве на труд. Большинство населения живет на средства от своего труда. Международное трудовое законодательство обсуждалось в Париже в 1919 году и является элементом мирного договора этого года. Конституция МОТ начинается словами: «Прочный мир возможен только при уважении социальной справедливости».

Сегодня, в условиях глобализации, чему должен служить на практике диалог, в том числе социальный? Решение трудовых, социальных споров возможно на базе диалога, переговоров, взаимоуважения, учета интересов всех сторон. В процессе глобализации диалог возможен на основе справедливости, требует участия всех государств, организаций, работодателей, предпринимателей, профсоюзов, общества в целом, академического круга, это общая задача для всех.

Культура диалога — это культура компромиссов. Когда ведутся споры, решение не будет найдено при полной победе той или иной стороны. Диалог — это не диктат, диалог должен использоваться вместо диктата. Роль Международной организации труда —

разрабатывать нормы, стандарты для процессов, которые могут привести к надежным результатам, основанным на компромиссах. В конфликтах найти решения возможно на базе фундаментальных прав, общего понимания и диалога, это приведет к укреплению совместных интересов. Я надеюсь, что этот аспект социального диалога послужит одним из важнейших элементов диалога культур.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну судью Конституционного Суда РФ профессора Михаила Ивановича Клеандрова.

М. И. КЛЕАНДРОВ: — Я полностью разделяю один из тезисов Александра Сергеевича, который не только не опровергнут, но и поддержан другими выступающими, — о том, что задачей науки является осмысление того, где мы находимся, какие недостатки у нас есть, к каким вершинам необходимо стремиться, что нужно сделать, чтобы не свернуть с этого пути в тупик или вообще не впасть в бескультурный регресс.

В связи с этим уместно вспомнить, что еще полвека назад в то время уже широко известными писателями-фантастами Аркадием и Борисом Стругацкими был создан в нескольких художественных произведениях «мир полудня» (по названию одного из романов «Полдень XXII век (Возвращение)»), который в литературоведении позже был охарактеризован как мир, в котором хочется жить и работать. С хронологической поправкой как сейчас можно было бы представить этот мир, в котором хочется жить и работать? Центральное слово здесь — «хочется», не тот, который будет обязательно, но который хотелось бы построить. И где хотелось бы жить и нам, и нашим детям и внукам, работать и быть счастливыми? Видимо, это мир высокой культуры, мир, в котором регулируются отношения между гражданами, в том числе с помощью «мягкой» силы, в общем, это и есть регулирование на основе норм морали. Но необходимо регулировать отношения и с помощью норм права, там, где нормы морали не срабатывают. Государство неизбежно, значит, речь должна идти о высоком уровне правовой культуры. Это общество, мир с высоким уровнем правовой культуры. И поскольку государственное устройство и в светлом будущем тоже будет иметь три ветви государственной власти, это мир, в котором третья ветвь государственной власти представляет собой механизм высокопрофессиональных судей, обладающих высоким уровнем профессиональной правовой культуры, который обеспечивает работу этого механизма, осуществление правосудия правого, скорого и справедливого.

Это отнюдь не означает, что сейчас у нас механизм правосудия несправедлив, просто он соответствует нынешнему уровню развития нашего общества и иногда дает серьезные сбои, но у нас все государственные и общественные институты подчас дают серьезные сбои. Суть заключается в том, что это оценочная категория, справедливая или несправедливая, а оценку должна давать не судебная власть, а общество. А общество считает, что судебные решения не всегда справедливы,

не по отношению ко всем и т. д. Есть большой резерв для совершенства.

Принципиально важным является то обстоятельство, что судебский корпус, судебское сообщество России это очень хорошо понимает и воспринимает. Это не самокритика, а осознание фактического положения дел. Во второй половине декабря 2012 года состоялся 8-й Всероссийский съезд судей, который проходит один раз в 4 года. В заключительном постановлении съезда было сформулировано следующее положение: «Все более настоятельной представляется необходимость разработки и принятия государственного проекта стратегических преобразований организационно-правового механизма судебной власти, нацеленного на построение справедливого суда, отвечающего глубоким чаяниям российского общества». И далее: «К поиску решения этой задачи необходимо привлечение потенциала и высших судов, и судебского сообщества, и государственных органов, и общественных институтов, и научных учреждений». Решения съезда — это не мнение отдельных категорий ученых и судей, это консолидированное мнение всех 32 тыс. действующих судей, за него проголосовали все 700 делегатов съезда, отдельно проголосовали за итоговое постановление съезда и это положение. Это серьезное свидетельство того, что судебское сообщество понимает, что и как нужно делать.

Но прежде всего это проблемная задача стратегического характера, а не дело судебской власти, прежде всего это научная проблема, более того, это проблема фундаментальной науки. К ее решению должно быть привлечено внимание, наука должна быть задействована даже в выработке не только стратегии, но и идеологии проекта, поскольку не очень понятно, что такое категория справедливости, поскольку она оценочная. Должны быть задействованы не только общественные науки, но и других отделений, в том числе Отделения науки о Земле, и медицины, и психологии и пр. По своей значимости, результатам, глобальному значению этот научный проект находится, наверное, на одном уровне с такими серьезными научными проектами, как атомный, космический. Но только на него средств выделяется намного меньше.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется судье Конституционного Суда РФ профессору Николаю Семеновичу Бондарю.

Н. С. БОНДАРЬ: — Уважаемые участники Лихачевских чтений, коллеги! Продолжая наш разговор на чрезвычайно интересную тему, я хочу сказать, что у меня возникло ощущение (неслучайно я всех назвал коллегами), что нахожусь в аудитории конституционалистов. Все проблемы, которые здесь обсуждались, имеют конкретное, ярко выраженное, часто концентрированное конституционно-правовое значение. В этом отношении доклад Александра Сергеевича я бы назвал одним из фундаментальных, касающихся кризиса современного конституционализма и ценностей современности.

Первый тезис: мы часто говорим о глобализации мира, в том числе о правовой глобализации, но современный мир переживает в том числе системный кризис

конституционализма с позиции институциональных, функциональных, ценностно-аксиологических характеристик и т. д. Одним из средств, путей преодоления этого кризиса может стать диалог культур, причем не в абстрактном проявлении. Я вспомнил слова Габриэля Лауба: «Цены в магазине конкретны, а ценности абстрактны». Преодоление в том числе кризиса конституционализма — это путь к тому, чтобы одухотворить, оживить, заземлить, конкретизировать абстрактные ценности свободы, равенства, демократии и справедливости и т. д. И это необходимо сделать прежде всего в рамках конституционализма, тех ценностей, которые имеют и писанные воплощения, и духовные характеристики. Это двуединство явлений. Впрочем, здесь можно вспомнить Евангелие от Иоанна (книга 1, стих 17): «...ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа». Хочу обратить внимание, что в Евангелии нет противопоставления закона от Моисея и добродетели, справедливости от Иисуса Христа. И нет, таким образом, противопоставления Ветхого и Нового Заветов с точки зрения ценностных характеристик.

И это важно, как это ни покажется странным в данной аудитории, и для понимания конституции. Конституция — это не просто основной закон государства, за такой ответ на экзамене даже первокурснику вряд ли поставят тройку. Это вульгарно-нормативистская оценка. Конституция — это воплощение единства буквы и духа закона. И дух есть, во-первых, ценностное наполнение этого документа как действующего нормативного акта, во-вторых, воплощение основополагающих принципов нормирования жизни, в-третьих, это основы государства и общества. И своего рода «лампадой» является глава 1 Конституции, которая отражает все эти ценности. Но они сами по себе не могут работать, должны быть механизмы, в том числе государственно-правовые. Важнейшим механизмом является конституционное правосудие.

Приняв участие в Лихачевских чтениях, я осознал, почему Конституционный Суд перевели в Петербург. Потому что Санкт-Петербург — действительно культурная столица, но без конституционализма, конституционного правосудия это была бы неполная характеристика. Подтверждением тому является то, что Александр Сергеевич, по существу, создал филиал конституционного правосудия в своем Университете. Несколько судей Конституционного Суда постоянно выступают здесь.

Последний тезис: конституционное правосудие выполняет преобразовательно-культурологические функции. Конституционный Суд — это не просто суд, он значительно больше, чем суд, и не только потому что судит не человека, а закон, власть. Конституционный Суд обеспечивает гармонизацию буквы и духа Конституции — сочетание ценностей Моисея и Иисуса Христа. И каждому из нас предоставляется возможность принять участие в этом, для того чтобы в конечном счете мы жили в условиях симфонии, а не какофонии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я очень рад, что мы с судьями высокого ранга встречаемся в такой обстановке.

Слово предоставляется профессору Ричарду Льюису, президенту Международного института языкового и кросс-культурного тренинга “Richard Lewis Communications” (Великобритания).

Р. ЛЬЮИС: — Я первый раз принимаю участие в такой конференции и благодарен Александру Сергеевичу за то, что он предоставил мне возможность высказаться перед замечательной аудиторией. Я рассмотрю обсуждаемые явления с иной точки зрения. Мое выступление посвящено теме международного бизнеса в контексте диалога культур. Мои размышления продолжают то, что мы обсуждали сегодня с утра. Глобализация бизнеса предполагает, что отдельные предприниматели и компании должны находиться во взаимосвязи и коммуницировать между собой гораздо больше, чем в обычном производстве. Это черты глобализации.

Возникает вопрос: насколько хорошо или плохо мы проводим диалог? Потому что глобальный бизнес — это диалог культур, мы говорим, передаем друг другу информацию, этот диалог культур происходит каждый день. Таким образом, можно оценить, насколько хорошо мы ведем этот диалог. Иногда возникают трудности. Могут потребоваться некие дипломатические усилия, может быть, необходимо договориться о повестке дня, что тоже достаточно сложно.

Сфера бизнеса предоставляет много возможностей для коммуникации, диалога культур. Для ведения бизнеса необходимо иметь общие цели, общую основу, потому что таким образом мы заработаем деньги. Мы стараемся извлечь пользу из диалога. Я работаю в области международного бизнеса, сотрудничаю с “Deutsche Bank”, “Opel” и Всемирным банком. Результаты этого сотрудничества неплохие, люди действительно хотят коммуницировать друг с другом. Но возникают определенные проблемы. Многие крупные компании, такие как, например, IBM, “Castrol”, “Toyota” и другие, имеют международные команды, которые представляют компанию в различных странах. Допустим, из 10 человек в такой группе 5 или 6 имеют различные национальности, так что диалог культур происходит даже внутри этих групп. Они должны вести бизнес довольно слаженно, насколько это возможно, для этого у них должны быть общие основы. Я часто работаю с такими международными командами, поэтому знаю, как это происходит. Вначале, конечно, возникают трудности, напряженность, проявляется различный уровень владения языком, национальные тенденции и привычки в этом диалоге тоже сбиваются.

Различные тенденции обуславливают следующие различия: американцы склонны к действиям, японцы — к гармонии, французы решают проблемы, немцы пунктуальные и т. д. Глава должен сплотить эту международную группу, обычно требуется 10–12 месяцев для того, чтобы такая международная команда выработала командный язык. Я имею в виду не английский язык, а общий стиль общения, взгляд на вещи и т. д. Тогда легче вести диалог, появляются общие идеи, юмор. Обычно эту высокую планку можно поддерживать месяцы и годы, но иногда из-за внешних проблем,

например в бизнесе, возникают внутренние проблемы, кризисы. Такая напряженность подрывает диалог внутри команды, и здесь проявляются национальные характеристики: американцы стараются все сделать быстрее, немцы работают медленнее, французы погружаются в цинизм, британцы прибегают к своему знаменитому юмору, а другие пребывают в растерянности: «Почему мы не можем прийти к общему согласию?»

Сегодня мы уже обсуждали, почему мы такие разные. Допустим, существует 300 различных культур, 3 тыс. различных диалектов. Что вызывает такое различие? Четыре главные причины: это климат, религия, язык и национальность.

Если вы рождены в Мурманске, то, конечно, вам будет трудно установить коммуникацию с тем, кто родился в Конго. Средиземноморское солнце влияет на стиль общения — быстрый разговор. Арктика отличается от того, что мы имеем в Средиземноморье, это сказывается на манере речи. Мы по-разному относимся к успехам, поражениям и развиваем взаимоотношения с нашими соседями. О религии уже говорилось в ходе пленарного заседания. Еще один фактор — язык. Если вы родились в России, то думаете в российских понятиях о японце, который думает по-японски. Сильный фактор — национальность. В вежливом обществе, у которого богатый язык, ведут себя вежливо. И таким образом они стараются избегать в языке того, что можно выразить невежливо. Это можно проследить в любом языке.

Например, японцы очень заботятся о том, как сохранить лицо, и поэтому они должны на лице отразить то, что вы хотите сообщить другому человеку. Японцы выделяют пять различных уровней разговора, которые зависят от того, с кем он говорит: с вышестоящим или нижестоящим. Если вы разговариваете с японцем, то должны попытаться подняться на высший уровень, пятый. Это продиктовано культурой. Они достаточно жестко к этому относятся и не могут избежать ограничительных мер.

Люди думают по-разному. Например, в тайском языке 16 слов обозначают синий цвет, а в русском три-четыре. Шумные американцы говорят иначе, чем китайцы и немцы. Мы различаемся, но все-таки достигли очередного прогресса в международной коммуникации. Английский язык хорошо преподается во многих вузах России. В Западной Европе, России и даже в Китае сейчас активно изучают английский язык, и скоро эти страны будут двуязычными. В международных организациях, таких как ЮНЕСКО, используется английский как язык общения.

Появилась новая организация — БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика). В этих странах сосредоточено 50 % всемирного населения и соответствующее количество ВВП. Они становятся фактором международных финансов, международной политики. Конечно, эти страны относятся к Западу по-разному. Здесь представлены четыре культуры: бразильцы, индусы, китайцы и россияне, которые используют свои способы. Через 2–3 года мы увидим, каким образом проявится голос БРИКС. Я уверен, что Россия будет распространять свои ценности и свое

понимание культуры. Мы видим, что диалог во всем мире меняется, особенно мы ожидаем этого теперь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Все российские бизнесмены, те, кто участвует в международной деятельности, сегодня учатся по книгам Р. Льюиса.

Предоставляю слово декану Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Я хочу озвучить сомнения, в том числе по поводу того, что здесь прозвучало. Существуют красивые фразы, к которым мы привыкли, красивые слова, которые априори считаются позитивными содержательно и воспринимаются таковыми. Сегодня упоминалась энергия заблуждения как нечто позитивное. С этой энергией интеллигенция, ошибаясь, делала что-то замечательное для развития нашей цивилизации в целом и России в частности. Но одно дело, когда энергией заблуждения заражены умные, образованные люди, желательны еще и совестливые, а другое — когда невежды свою энергию заблуждения несут в массы, политику. Сейчас об интеллигенции не будем говорить, но те, кто сегодня считает себя интеллигенцией, называет себя интеллигентными людьми, — это не очень образованные, совсем бессовестные и далеко не умные люди. Мне их «энергия заблуждения» не нужна, хотя сам по себе термин красивый.

Моя статья называется «Монолог с позиции силы», в ней речь идет о культуре, телевидении и массовой культуре. Я коснусь того, о чем пишу в своей статье, но это имеет прямое отношение к сути сегодняшнего разговора. Потому что важнее, на мой взгляд, не сущности, не смыслы, не ценности, а механизмы, с помощью которых любые ценности, смыслы, сущности могут транслироваться, в первую очередь в массовую аудиторию, либо навязываться.

Два главных слова, которые сегодня прозвучали и присутствуют в названии Чтений, — «диалог» и «консенсус». Два красивых слова, без которых нельзя жить, как мы считаем. Основной пафос сегодняшних выступлений был именно такой. Но практически каждый оратор все-таки высказывал осторожное сомнение.

Я отвечу прямо на вопрос академика Макарова: «Почему из одной точки происходят “мягкая” и “жесткая” власть? “Жесткая” власть наступает на “мягкую”, хотя, казалось бы, говорят о другом?» Дело в том, что ключевое в этих двух терминах не «мягкое» и «жесткое», а слово «власть». И то и другое есть власть. Поэтому, когда нужно, она мягкая, когда нужно — жесткая, закулисная, публичная и т. д. Если в ряд «диалог», «консенсус» добавить третье слово «власть», то все становится на свои места. Самый продуктивный диалог — это диалог о капитуляции, который ведет победитель с побежденным, консенсус достигается очень быстро. Это акт о капитуляции. Никаких других плодотворных и эффективных диалогов я в своей жизни не наблюдал. Капитуляция необязательно военная, любая иная.

Например, в Советском Союзе наступило время гласности и перестройки, многими до сих пор

почитаемое, что прозвучало в контексте нашего разговора. Это был диалог всех со всеми. Писали, говорили, Первый съезд народных депутатов транслировался часами. Какой консенсус был достигнут в результате этого диалога? Только один: никто не стал защищать страну. В результате этого плодотворнейшего диалога страна просто исчезла. Не Россия, а страна под тем названием, в той конфигурации.

Или: что более идеологично, чем мировой кинематограф? Там продукция одних кинофирм и стран постоянно переносится на территорию других кинофирм — это просто бизнес. Кто в этом диалоге, полилоге постоянно побеждает? Голливуд. Может быть, мы победили хотя бы раз в этом диалоге, мы же в нем участвуем? Зачем мне диалог, в котором я все время проигрываю?

Перестройка — раз, Голливуд — два.

Перестройка уже в международном масштабе: Россия начала вести плодотворнейший диалог с Западом. Михаил Сергеевич Горбачев был мастер, любитель, апостол и апостроф одновременно этого диалога. Что в результате? Какой консенсус был достигнут? Тот самый, капитулянтский? На каких условиях? И условия-то были плохие: вывод советских войск из Центральной и Восточной Европы. Итак, я считаю, что, к сожалению, нужно многое пересматривать, в том числе и то, как мы преподаем молодежи, сталкивающейся с реалиями жизни, которые расходятся с красивыми речами, в том числе такими, о которых я говорил.

Мы не сможем двигаться дальше, потому что мир, как здесь справедливо было сказано, становится внешне все сложнее, а внутренне — упрощается. Сущностей становится меньше. Такая сущность, как власть, никуда не уйдет. Я считаю, что мы должны быть честнее и глубже. Я считаю, что если два соседа хотят дружить, то между ними возникает консенсус. Но как только один начинает быть недовольным другим, то уже, на мой взгляд, никакой диалог делу не поможет.

Может быть, Александр Сергеевич, в следующем году (если Вы планируете продолжить этот разговор) направить дискуссию в другое русло, не столь пафосное, не столь привычно стереотипно-позитивное?

Мой доклад посвящен массовой культуре, культуре и телевидению. Казалось бы, диалог идет, массовая культура ведет диалог с культурой, высоким искусством, но где? Что, эстрадная звезда с акробатом встречаются на сцене? Они ведут диалог в реальной жизни, прежде всего на экранах телевизоров. Кого выбирают люди, кого нужно больше показывать? Выбор делают телевизионщики. Телевидение стало храмом массовой культуры, в котором есть комнатка, где живет настоящее искусство. В эту комнатку могут заглянуть любители, кто хочет что-то посмотреть, туда наведываются представители массовой культуры с целью посмотреть, что бы еще из настоящего искусства содрать и превратить в массовый продукт. Если это называется диалогом, а не паразитированием или кражей интеллектуальных, нравственных ценностей, то о чем можно здесь говорить?

Мой вывод таков: сегодня наше общество, на мой взгляд, вся европейская цивилизация (мы не рассма-

триваем другие) находится не только в ситуации когнитивного диссонанса (любимый сегодня термин, который не несет позитивного смысла, это нечто проблемное), о чем, в частности, я попытался сказать, но когда мы говорим о массовой культуре, морали — еще и в ситуации этического и эстетического диссонанса.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, Ваше выступление, как всегда, очень интересное и проблемное.

Я подвел итоги, кто из крупнейших ученых за последние 20 лет чаще всего выступал в СПбГУП. Оказалось, академики Степин и Гусейнов. Я этим горжусь. Можно, конечно, пригласить и других специалистов, но у нас есть некая миссия, и мне кажется, что, как ректор, я с ней справляюсь — в Университете выступают те, кто должен выступать.

Лихачевские чтения (я отреагирую репликой на некоторые высказывания Виталия Товиевича) — это междисциплинарная научная конференция. Мы сознательно приглашаем специалистов из разных областей научного знания, при этом стараемся, чтобы это были не только блистательные специалисты в своей области, но и мыслители, крупные личности, которые выходят за рамки профессии, размышляют о самых разных проблемах. В этом смысле узкий специалист, конечно, может участвовать в Лихачевских чтениях (например, недавно блестяще выступал выдающийся западноевропейский хирург), но надо понимать, что мы живем во время узкоспециализированного знания, и когда каждый выходит за рамки своего узкого направления, он ступает на зыбкую почву. Мы приглашаем и Эльдара Рязанова, и крупных писателей, музыкантов, которые чувствуют мир иначе и доносят свое видение этого мира.

Сегодня произошла удивительная вещь: из массы выступлений выделяются два человека, у которых болит душа за одно и то же, — это выдающийся экономист, математик, академик Макаров и выдающийся журналист Третьяков, их задело понятие «мягкой» и «жесткой» силы, чувствуют наши коллеги, что в нашей жизни происходит что-то не то. Но, Виталий Товиевич, термин «власть» здесь не ключевой. В социологии детально разработаны понятия «мягкие и жесткие регуляторы». Мораль, нравственность, то, что должно быть у человека в душе благодаря воспитанию, образованию, в социологии называется «мягкие регуляторы». Можно говорить: «Над нами власть, над нами сила», но это должно быть внутри у человека. Сюда же входят социальные нормы, аппарат социальных санкций. Когда человек совершил плохой поступок, его не уважают — это тоже «мягкие регулятор», а «жесткая сила», «жесткие регуляторы» — это закон. Вы совершенно справедливо отмечаете, что это огромная боль нашего государства. Власть, в большинстве своем неграмотная и аморальная, пытается реагировать на настроения людей принятием новых законов: «Мы постоянно принимаем законы, только их никто не выполняет», — это попытка заменить «жесткими» регуляторами «мягкие» — один из симптомов глубокого кризиса и болезни нашего общества.

Предоставляю слово академику Национальной академии наук Украины Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Тема моего доклада — «Империи как вершины мирового культурного развития». В каком-то смысле это реабилитации понятия «империя». Старшее поколение помнит, как в 1980–1990-е годы был подвергнут дискредитации термин «советская империя»: ее называли «империей зла» и др. Тогда пришли к выводу, что так дальше жить нельзя.

Между тем империи — это локомотивы мирового развития. Если вы посмотрите исторически от первых цивилизаций Междуречья до Советского Союза, то пики развития приходились именно на империи. Империи активные, динамичные, агрессивные входят в соприкосновение друг с другом и «пожирают» одна другую, но не сходят с исторической арены. Когда развалили Советский Союз, говорили, что наконец-то последняя империя приказала долго жить, причем это говорили люди, которые сами жили в империях — в США, в которых, как в Британии, не заходит солнце на ее владениях, в ее базах. Это говорили в Западной Европе, которая тоже является империей: НАТО и объединенная Европа — это новая империя. Но почему-то не нравилась именно советская империя. По поводу крушения СССР царил всеобщая эйфория. Я могу понять радость и восторг США, Западной Европы — они лишились конкурента. Я даже могу понять радость национальных элит, которые вдруг в одночасье стали президентами, царями и т. д. Но я не могу понять радость русских либералов. Почему им было хорошо, что разваливается великая страна и не будет этой империи? Конечно, было бы хорошо, если бы с развалом пришло новое качество. Новое качество появилось, но худшее. Крушение империи — это всегда трагедия.

Крушение Рима привело к варваризации культур, как и крушение Византии. Наверное, Советский Союз не был идеальным и не достиг вершин, но это было лучшее из того, что существовало на этом огромном постимперском, российском пространстве, было много достижений. И после — резкий обвал. Всем стало хуже. Стало хуже национальным республикам: резкий спад производства, падение культуры, демографические потери. Хуже стало и России: она перестала быть великой страной. Хуже стало и миру.

Александр Сергеевич говорил, что 30 лет назад было немыслимо, чтобы американцы бомбили Ближний Восток или Югославию. И не от того, что нравы пали, а от того, что пал Советский Союз, исчезло сдерживающее начало. Я хочу, чтобы мы задумались (главным образом молодая аудитория) над тем, что мировое развитие всегда определяется (очень противоречиво, сложно) крупными глобализационными проектами, которые заканчиваются рождением имперских образований, эти империи сообщают миру прогрессивное развитие. Наверное, это не лучшее, что могло бы быть, но ведь мы анализируем не то, что могло бы быть, а то, что есть. И перефразируя известного политического деятеля, скажу: империи, наверное, не лучшее из того, что придумало человечество, но лучшего оно придумать не смогло.

Мне кажется, что возрождение советской империи, империи во главе с Россией — императив времени, это нужно всему миру. Иначе маленькие страны, которые сегодня упиваются своей самостоятельностью, и моя родная Украина превратятся в маргинальные элементы, мы потеряем и культуру, и экономику, и демографию. Развитие возможно только в крупном сообществе, случайно Прибалтийские страны быстро перешли из одной империи в другую: им нужны были свобода, независимость и суверенность, но потом они отдали свою суверенность другой империи. На Украине так не получается: мы в одну империю не хотим, а в другую нас не берут. Я не знаю, чем это закончится. Но абсолютно уверен, что это огромное пространство от Европы до Владивостока все-таки должно возродиться как мощная, новая и динамично функционирующая империя. Ничего плохого я в этом не вижу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю на трибуну дипломата Хуана Антонио Марка.

Х. А. МАРК: — Александр Сергеевич, благодарю за то, что Вы вновь пригласили меня на этот форум. Чтения, с одной стороны, объединяет мозговой штурм старшего поколения, с другой — у нас имеется молодое поколение, которое будет строить этот мир в будущем.

Я хочу рассказать о важности концепции самобытности. Самобытность — это традиционная идея. Раньше ее не рассматривали, но сегодня мы живем в мире технологической революции, имеющей различные характеристики, отличные от тех, что были раньше. Они в некоторой степени ограничены специфическим пространством в мире — это позволяет некоторым элементам становиться империями (Греция, Германия, Рим). Сегодня имеются различия, прежде всего технологии. Происходит горизонтальное развитие, реальная составляющая часть технологии — это граждане, которые станут движущей силой мира, независимо от государства, в котором они живут.

Необходимо выиграть время, чтобы избежать конфронтации, поскольку технологии развиваются очень быстро, через 15 лет будет завершен процесс консолидации технологических разработок. Например, одно изобретение — новое приложение “Apple” в телефоне, может быть, через 5 лет будет содержать программу автоматического вербального перевода с любого языка. Возможно, через пять лет у людей, которые вообще не знают языка друг друга, появится возможность общаться с человеком из любой части мира. На Земле проживают 7 млрд человек. Люди с помощью такого телефона будут осуществлять глобальную коммуникацию, что, в свою очередь, обусловит процесс трансформации.

Необходимо, чтобы люди сохранили свою самобытность, местные ценности. Нужны люди, которые будут защищать наследие тех мест, где они родились, местных культур, и в то же время они должны понимать, что местная культура — это ценность, которая не должна вступать в конфликты с другой культурой. Необходимо определить ценности, их важность и богатство.

С момента появления человечества реализуется простой подход к жизни — многие полагают, что только одно мнение является единственно правильным. Необходимо думать о разнообразии, диверсификации. Представьте себе, как был бы беден мир, если бы у нас был только один вид бабочек, одна порода собак, но у нас имеются миллионы различных видов бабочек, различных пород собак. Поэтому диверсификация, разнообразие — самое прекрасное из того, что существует в мире. Нужны разнообразие, гибкость как движущая сила нашего мира, движущая сила развития.

Важно понимать, что период империализма наций закончился. Новое будущее — это граждане. Необходимо открыть пространство, чтобы каждая страна чувствовала себя победительницей, а не проигравшей. Люди должны осознавать значение самобытности и разнообразия культур, и Лихачевский форум с этой точки зрения очень важен.

Следует принять во внимание два момента. Прежде всего это диверсификация (или разнообразие), то, как эту идею можно реализовать в Евросоюзе. На мой взгляд, мы достаточно успешно движемся в этом направлении. Будущее дает нам возможность сохранить это разнообразие. Необходимо гарантировать два основных момента: первое — прежде всего сохранение разнообразия, второе — следует избегать проявления империализма, империалистического мышления. Необходимо, чтобы в Евросоюзе были представители различных государств. Важно избежать конфронтации. Я надеюсь, что это произойдет.

И последнее — взаимоотношения между Россией и Евросоюзом. Как было сказано ранее, изначально Россия — это Европа. Испания — не только Европа, но и бывшие метрополии Латинской Америки. Испанцы могут уехать жить в Аргентину, Мексику, Бразилию. Движущие силы Испании основываются на тесной взаимосвязи с Центральной Европой. То же самое происходит, с моей точки зрения, сейчас и в России. Россия — это не только Европа, но и Азия, в этой стране проживает огромное количество национальностей. В истории России все важные моменты основываются на связях с Европой.

В этом Университете ведутся дискуссии о диалоге цивилизаций, может быть, в следующем году развернутся дебаты о концепции Большой Европы, не той Европы, которая придерживается империализма и модели империи, но той, которая обеспечивает сохранение наследия всех наций, при этом оберегая самобытность. Мы стремимся двигаться не вниз, а вверх, станем движущей силой на пути формирования положительного мышления, создания новой концепции взаимодействия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю к микрофону профессора Анатолия Андреевича Громыко.

А. А. ГРОМЫКО: — Уважаемый президиум, уважаемый Александр Сергеевич! Сегодня проходит уникальный форум, потому что в таком составе мы уже никогда не соберемся. Я хочу надеяться, что с помощью тех высказываний, которые здесь прозвучали, мы

сможем добиться позитивных результатов в нашей работе. Я 6–7 лет был членом совета Пагуошского движения (в 1980-х гг.), о котором сейчас уже мало кто помнит. Это совершенно разные явления — Пагуош, манифест Рассела–Эйнштейна и Лихачевские чтения. Но мне бы хотелось, чтобы международное влияние наших Лихачевских чтений становилось все более широким и эффективным. Международный аспект наших дискуссий — это, наверное, то ценное, что привнесено в деятельность Лихачевских чтений за последние несколько лет.

Мое сообщение, с которым можно ознакомиться на сайте, посвящено теме «Глобальное управление как средство коммуникации в международных отношениях, возможности и риски». Я же хочу подчеркнуть следующее. Недавно мы праздновали День Победы в Великой Отечественной войне и всегда будем его отмечать. На Западе многие удивляются: «Опять Россия празднует праздник Победы? Не пора ли с этим покончить?» Во время Второй мировой войны я жил с родителями в США, где и вырос. С 7 до 16 лет я жил в Вашингтоне, потом в Нью-Йорке. Америка никогда не жила так хорошо, как во времена Второй мировой войны. Все было обеспечено работой, получали неплохие зарплаты, были дешевые продукты и т. д. День Победы — это праздник не только военной победы, это победа нового мирового порядка, оформленного с помощью нового правопорядка. Он основывался на принятом в июле 1945 года Уставе ООН, подписанном в том числе советской делегацией. Я горжусь тем, что мой отец, Андрей Андреевич Громыко, принял большое участие в подготовке этого важного документа и способствовал тому, что за великими державами осталось право вето. Рузвельт не хотел принимать это право, потому что у американцев было большинство в Совете Безопасности ООН, зачем им право единогласия? Президент Америки, симпатизировавший Советскому Союзу, Советской армии, которая сражалась с фашистами, стал выражать сомнения относительно принципа единогласия великих держав. Этот принцип относился к мировому управлению, которое потом трансформировалось в глобальное. Отец ему ответил, что этот принцип должен быть принят, иначе Советский Союз не будет членом ООН. Тогда было немыслимо, чтобы Советский Союз не стал членом такой организации, и Рузвельт принял принцип единогласия великих держав, который потом стал известен как «право вето». Кстати, многие задаются вопросом: «Почему какие-то державы имеют право вето?» Отец объяснял, что принцип вето — это принуждение к компромиссу. Действительно, поиски компромисса — это основное, что должно присутствовать в международных отношениях.

Следует различать реформы, которые мы наблюдаем в тех или иных областях международной жизни, новые или старые коалиции, которые возникают или расширяют свои функции, от попытки реформации международных отношений. В Уставе ООН закреплены принципы, устанавливающие мировой порядок, который можно назвать демократическим. Первый принцип — неприменение силы или угроза применения силы. Кто скажет, что это плохой принцип?

Второй принцип — невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, невмешательство во внутренние дела других государств. Америка в 1920–1930-е годы добивалась, чтобы Советский Союз не вмешивался в дела других государств, особенно Америки. Они боялись социалистических идей, коммунистической идеологии и т. д. Но потом стали отходить от этого принципа.

Сейчас на мировой арене происходит изменение баланса сил, к чему оно приведет, трудно сказать. В настоящее время Китай в Африке быстро распространяет свое влияние, как в 1970–1980-е годы там росло влияние Советского Союза. Не США, Франция и другие страны, а Китай, который признан многими африканскими странами как опора, на которую они могут опереться в этом сложном мире, чтобы выжить.

У тех, кто в условиях глобализации нашел для себя выгодное место, нередко возникает желание сохранить его всеми средствами, в том числе с помощью новых подходов. Следует помнить, как много нелепостей делается людьми только из-за стремления создать что-то новое, когда в этом нет необходимости. Когда менять нельзя, менять не следует. Мне кажется, настало время задуматься о российском консерватизме (это прозвучало во многих выступлениях). Нельзя бесконечно заниматься реформами, скоро ничего не останется от той жизни, к которой мы привыкли.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется сэру Тимоти О’Ши, ректору Эдинбургского университета.

Т. О’ШИ: — Уважаемые господа! Для меня большая честь выступать на Лихачевских чтениях. Санкт-Петербург — очень важный город, именно здесь возникает чувство восхищения храбростью, которую проявило население города во время блокады в период Второй мировой войны, а также восхищение архитектурой, культурой, творческой стружкой, которая во многом ассоциируется с именем Д. С. Лихачева. Наши чтения носят его имя. Меня радует тот факт, что Эдинбургский университет одним из первых зарубежных вузов присудил Д. С. Лихачеву степень почетного доктора наук, а Гуманитарный университет профсоюзов стал первым российским вузом, вручившим Дмитрию Сергеевичу мантию почетного доктора. Я признателен СПбГУП за предложение стать почетным доктором вашего Университета.

Чтобы увидеть, что связывает Эдинбург и Санкт-Петербург, достаточно обратиться к истории. Несколько архитекторов, а также инженеров приехали в Санкт-Петербург из Эдинбурга. Кроме того, медицинская система, которая здесь была создана, тоже была основана в Эдинбургском университете. Это наш вклад в формирование Санкт-Петербурга.

Креативность, творчество в России проявляются в том числе и в том, что в XVIII веке княгиня Дашкова стала первым ученым-женщиной, первой женщиной, которая посетила Эдинбург, наш университет. Это пример для молодых женщин. Позже она стала директором Петербургской академии наук. Уильям Робинсон из Эдинбурга приехал в Россию. Здесь мы видим поле для

творчества и креативности в отношениях между нашими городами, относящихся к периоду конца XIX века.

Также в XIX веке в России активно развивалась химия, в частности Д. И. Менделеев исследовал, чем одни элементы отличаются от других. Британские ученые также исследовали вопрос, каким образом соотносятся молекулы, их сходства и различия. Менделеев составил классификацию химических элементов. Но структура молекулы впервые была исследована нашим ученым Карлом Брауном, который, в частности, использовал иголки своей жены для построения первых моделей молекул. В моем кабинете хранится один из первых вариантов таблицы Менделеева, подписанный им.

Связи с Эдинбургом проявляются также и в создании Центра княгини Дашковой, единственного центра подобного рода, в рамках которого проводятся мероприятия, связывающие Эдинбург с Россией. Студенты этого центра посещают Санкт-Петербург и Россию, на некоторых факультетах изучают Россию, приглашают ученых из вашей страны. Это вселяет большой оптимизм. В этом центре мы обсуждаем новые технологии, экспериментируем с дистанционным обучением через Интернет. Мы уже разработали 6 курсов удаленного обучения. Аудитория по всему миру (в Шотландии, Индии, России, Канаде) может воспользоваться ими. Во многих странах мира изучают наши курсы, в России многие занимаются по этим программам. Эти онлайн-курсы, имеющие глобальный выход, распространяются по всему миру. Для этого студенты используют свои электронные устройства (например, так изучали тему распространения и лечения болезней в Африке). Также группа российских студентов начала составлять подобные курсы на русском языке, российские студенты ответили на всемирный вызов. Мы приглашаем проффессуру из разных стран. Это вдохновляет и внушает надежду на будущее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Юрию Петровичу Зинченко.

Ю. П. ЗИНЧЕНКО: — В первую очередь хочу поблагодарить СПбГУП за организацию Лихачевских чтений. Конференцию такого масштаба с большими организационными нагрузками выдержит не всякое государство, а Александр Сергеевич уже в 20-й раз вместе со своим коллективом организует этот форум, на который собирается интеллигенция не только из Санкт-Петербурга. Большое спасибо коллективу Университета!

Чтения, как сказал Вячеслав Семенович Степин, прошли как минимум три этапа своего развития. На первом этапе это была классическая форма обычной конференции, потом она превратилась в саморегулируемую, а сейчас стала саморазвивающейся системой. Та площадка и Площадь Лихачева, которые здесь представлены, уникальны и для России. Москва — скорее монологический город, а Петербург — это та площадка, где интеллигенция может вести диалог.

Возвращаясь к диалогу культур, я хочу остановиться не столько на диалоге культур, сколько на диалоге поколений. Потому что о диалоге культур здесь говорили, в том числе о большом разрыве, который сейчас

происходит между старым и молодым поколениями. Новое поколение, которое нарождается и встает у руля, отличается от большинства присутствующих в зале. С одной стороны, существует определенное непонимание, традиционный вопрос отцов и детей (уже много тысяч лет), с другой — определенные явления становятся естественным следствием того, что происходит.

Например, школьная программа и стандарты, которые сейчас введены. Недавно мы обсуждали, сколько глав помним из «Евгения Онегина», а сегодня дай бог, чтобы современный школьник или абитуриент вспомнил хотя бы несколько строк. Мы создали ситуацию, когда Пушкин и Лермонтов стали «лимитчиками» в наших школьных стандартах, а Дмитрий Сергеевич сказал бы, что следующим шагом станет введение русского языка как иностранного в наших школах. В этой ситуации нужно посмотреть на причины этого дисбаланса и определенного дискомфорта, который мы испытываем в общении.

Тема Лихачевских чтений — «Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации». Здесь есть о чем поговорить. Достаточно интересны высказывания по поводу когнитивного диссонанса. Но пока не началась фрустрация, еще есть время что-то изменить.

Ситуация, которая сейчас сложилась в информационном пространстве, больше напоминает информационный феодализм, когда СМИ являются одновременно и средствами коммуникации, и средствами формирования общественного мнения, в то же время принадлежат конкретным группам или силам. В этом смысле феодальная раздробленность средств массовой информации под вывеской, может быть, их независимости на самом деле не способствует установлению нормального информационного пространства. Не способствует этому и отсутствие ценностей, потому что мы говорим, с одной стороны, о правовом государстве, с другой — о правовой культуре. Идеология как факт Конституции была изъята из нашей жизни, поэтому отсутствует система ценностей. Возникает вопрос: к чему должны стремиться дети в школе, как их должны воспитывать учителя? Когда с этими простыми вопросами сталкивается наша педагогическая общественность на уровне школы, то она тоже ничего хорошего нам не дает.

В заключение хотелось бы сказать, что диалог, конечно, интересен и полезен и, наверное, красив как некое искусство, но если к диалогу подходить не просто как к искусству, а как к технологии созидания, то это и будет индикатором эффективности любой идеологической деятельности, который вырабатывается на таких форумах. Это одна из площадок, где диалог может быть эффективным и привести к конкретным результатам.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну профессора Ренэ Герра. Прошу Вас.

Р. ГЕРРА: — Сегодня я затрону актуальные темы, хотя говорить буду о прошлом. Вчера на дружеском ужине, на котором присутствовали несколько участников этого форума, обсуждался вопрос: является ли Россия европейской страной? Относится ли она к Европе

или к Азии? Честно говоря, меня эта дискуссия немного покорила. Мой доклад, представленный к Читениям, посвящен становлению и развитию культурных отношений Франции и России. На эту обширную тему уже написано немало книг. Традиционное взаимное притяжение и интерес наших стран, двух великих культур имеет глубокие исторические корни, и здесь хотелось бы привести несколько примеров. В XVIII и XIX веках влияние французской культуры в Европе было преобладающим, французский язык был языком общения знати всех европейских государств. Идеи энциклопедистов в XVIII веке были маяком для всех передовых деятелей культуры и искусства. Французский язык играл большую роль в культурной истории и русского народа, и хотя, как отмечал историк Рамон, не обошлось без прискорбных исторических ошибок, дружба, основанная на широте взглядов, общих качествах, великодушии, неразрывно связывала две великие нации. Это было отмечено еще в 1893 году.

Небольшое отступление. Докладчики, выступающие здесь, часто используют термины «диалог», «консенсус» — а ведь это французские слова. Не знаю, какая в русском языке доля заимствований из французского. После реформ Петра I Россия активно включилась в европейскую жизнь, началось ускоренное сближение культур, стали укрепляться торговые связи и развиваться различные формы общения. У русских появился особый интерес к Франции и всему французскому — истории, литературе, искусству, науке, модам и, конечно, языку. С этого момента молодых дворян отправляют учиться не только в Англию и Голландию, но и во Францию. Начиная с 1720 года русские юноши стали приезжать в Брест и Тулон для изучения морского дела. С середины XVIII века в Париж, Лион, Монпелье ездят богатые вельможи Разумовский, Шувалов, Орлов; совершают культурное паломничество литераторы Тредиаковский, Карамзин, Фонвизин. Этот период отмечен бурным ростом культурных отношений Франции и России, к которой французы тоже проявляют все больший интерес. Сегодня один из выступающих говорил об обаянии русского имени — безусловно, это так. Первыми русофилами (без кавычек) под влиянием Екатерины II становятся философы Вольтер, Дидро, д'Аламбер. Французские архитекторы, художники, философы совершают регулярные путешествия в Санкт-Петербург, где им поручают строительство дворцов и возведение монументов. Напомню (хотя все присутствующие об этом знают), что в 1782 году на Сенатской площади в Санкт-Петербурге торжественно открыли памятник Петру Великому работы французского скульптора Фальконе. Дидро проявлял живой интерес к России и верил в ее светлое будущее, следил за прогрессом русской науки, был знаком с работами Ломоносова и учил русский язык, чтобы иметь возможность читать в оригинале произведения русских писателей. Вольтер в особенности интересовался Россией, переписывался с Екатериной II и просвещенными русскими государственными деятелями. Не случайно в 1746 году он был избран почетным членом Российской академии наук. Вольтер написал «Историю Российской империи при Петре Великом», в которой дал высокую оценку его реформам. Интерес России и Франции друг

к другу был взаимным, он немало способствовал культурному обогащению обеих стран. Русские ученые читали французских философов — Вольтера, Дидро, Монтескье, популярна была и французская литература. Помните у Пушкина: «Откупори шампанского бутылку иль перечти “Женитьбу Фигаро”», — весело советует Моцарт Сальери. Книги Ламартина, Руссо переводят на русский Ломоносов, Тредиаковский, Фонвизин и др. В начале XVIII века французские книги в России по количеству изданий занимали третье место после латинских и немецких, а середине того же века переводы с французского составляли уже 55 % от общего числа переводов. В России находили прибежище люди разных сословий — французские дипломаты и военные спасались здесь от революции, протестанты и кальвинисты — от преследования за вероисповедание и т. д. После Октябрьского переворота, как известно, многие русские интеллигенты и приверженцы православия нашли убежище во Франции.

В период с 1789 по 1812 год в Москве была сформирована французская колония. После войны 1812 года в крупных российских городах стали образовываться французские коммерческие компании и товарищества, объединяющие фабричные производства и торговлю.

Позднее, в начале XX века, парижане открыли для себя русский балет и русскую оперу благодаря прославленным Русским сезонам Сергея Дягилева. В тот период Париж был центром культуры, Франция служила вектором всех новых веяний в искусстве, и туда приезжали молодые художники, скульпторы, писатели. Французы гордились значительной ролью своей культуры в жизни России. Увы, Октябрьский переворот 1917 года и 70 лет советской власти отрезали пресловутым «железным занавесом» русскую культуру от европейской, в частности от французской, но это отдельная большая тема. Таким образом, начавшись в XVIII веке, плодотворный и обогащающий обе стороны франко-русский диалог длится и по сей день, и, слава богу, нет этому конца. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Шломо Веберу.

Ш. ВЕБЕР: — Я прежде всего благодарен Александру Сергеевичу и Организационному комитету за приглашение и очень рад находиться здесь. Для меня это большое событие, которое я никогда не забуду. Мне довелось в течение долгих лет лично участвовать в диалоге цивилизаций, жить во многих странах различных континентов и регионов — Европы, Азии, Америки, Ближнего Востока. Меня всегда интересовало, каким образом культурные и другие различия определяют поведение людей и особенно экономическое, политическое и социальное развитие. Этот вопрос стал темой моих исследований. Но сначала небольшое отступление. Когда я гулял по Киото, древней столице Японии, то увидел надпись на стене: «Мы различны, но давайте жить вместе, учитывая наши различия». Было бы хорошо, если бы мы больше думали об этом красивом призыве и всегда принимали во внимание наши различия, продолжая, тем не менее, двигаться вперед. Ка-

ким образом это пересекается с моими исследованиями и личным опытом? Я всегда интересовался вопросами различия в обществе, в экономическом, социально-политическом поведении людей. Такие различия являются очень важным фактором. Раньше экономисты действительно практически не обращали внимания на культуру и толковали только об эффективности, но как можно говорить об экономическом развитии, не учитывая культурные различия? Посмотрите на страны Азии, Африки — да на какие угодно!

Культура является одним из определяющих факторов поведения людей, поэтому экономическое, политическое, социальное развитие нельзя рассматривать без учета культуры. Мы различаемся по многим критериям — политическим, языковым, генетическим, экономическим, этническим, религиозным и др. Каким образом все эти различия определяют поведение и развитие общества, особенно в российской действительности, где разнообразие — географическое, религиозное и прочее — имеет огромное значение?

Тут следует отметить несколько важных моментов. Поскольку я экономист, напомню, что все имеет свою цену, и если мы хотим сделать что-то хорошее, то это всегда стоит дорого, требует большого количества ресурсов, так что общество должно принять решение, какого рода разнообразие оно может себе позволить. Неограниченное стремление к сохранению различий может иметь и отрицательные последствия.

Два дополнительных момента. Сегодня коллеги говорили о том, какое прекрасное объединение Европейский Союз. Соглашусь, что в некоторых аспектах это хорошее образование, но и там увеличение степени разнообразия делает невозможным разделение Евросоюза. В ЕС существуют разные блоки — западноевропейские государства, славянские и др. Естественно, что в некоторых странах, например в Великобритании, есть некоторое стремление к выходу из Европейского Союза. То есть вопрос о том, хорошо или плохо то, что есть много различий, — очень сложный. Наверное, иногда хорошо, а иногда до какой-то степени плохо. Это как специи: вы садитесь за стол и сыплете в тарелку соль и перец. Без приправ блюдо будет пресным и неаппетитным, но если с ними переборщить, то есть будет вообще невозможно. То же в социальной жизни: если в обществе избыток разнообразия, то это может вызвать противоречия и нестабильность, что мы и видим на примере Европейского Союза и других международных организаций.

Но самое существенное в наших исследованиях о разнообразии, возможно, заключается в следующем. Представим, что в стране есть несколько разных языковых групп, которые существенно отличаются друг от друга. В России, напомню, насчитывается 125 культур, но есть другая страна, поменьше — Папуа — Новая Гвинея, в которой говорят на 857 языках. Как такая страна может функционировать? А происходит следующее: так называемая стандартизация, в ходе которой некоторые языки «отменяются», объявляются неофициальными, и постепенно страна начинает пользоваться всего 3–4 языками. С одной стороны, вроде бы ничего плохого в этом нет, достигается

большая эффективность документооборота и экономического взаимодействия, но какие чувства испытывают люди, когда им не разрешают обучать детей в школах на родном языке, не учитывают их мнение на высоком уровне? Люди чувствуют себя отодвинутыми на обочину. Это происходит во многих странах: часть населения действительно оказывается вне созидательного процесса и в условиях глобализации фактически теряется. Поэтому такая политика представляется не вполне разумной. Мы хотим добиться прогресса, успешного экономического развития всех стран, но этого никогда не произойдет, если мы не учитываем чувства и пожелания больших групп населения. Должна ли экономика учитывать культуру? Это неизбежно, потому что культура уже есть, она существует и никуда от нее не денешься, хотим мы этого или нет. Даже с чисто практической точки зрения для того, чтобы вовлечь широкие круги населения в созидательный процесс, мы должны подходить к делу разумно и учитывать их пожелания.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю к микрофону господина Хекмата Карзая.

Х. КАРЗАЙ: — Дорогие коллеги, для меня большая честь быть приглашенным на Лихачевские чтения. Я второй раз приехал в Санкт-Петербург, и сегодня рад увидеть друзей. Я еще раз убедился, что здесь все окружение служит образовательным целям. Это не только вопрос обучения, я действительно был очень тронут комментариями, которые сделала внучка Александра Пушкина. Мы много говорим о цивилизации, о том, что необходимо улучшать условия жизни, особенно для бедных. И я считаю, что сегодняшний форум представляет прекрасную возможность для обсуждения этой проблемы.

Я написал статью (она доступна в Интернете), в которой подчеркнул несколько основных тем. Прежде всего, почему межкультурный диалог особенно важен в той среде, в которой мы живем? С моей точки зрения это очень важно, поскольку в молодости мне пришлось стать беженцем, я жил в нескольких странах, а затем начал изучать английский и читать англоязычную литературу. Первая книга, которую я прочел, была работа Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Я не согласен с тем, о чем он писал, но есть люди, согласные с его утверждениями. Один из них — всем известный Усама бен Ладен. Много лет назад он прибыл в Афганистан и фактически превратил страну в рассадник международного терроризма, украл нашу культуру, нашу самобытность. Позднее, когда я стал студентом, то понял, что существует очень серьезное столкновение идеологий. Меня научили жить в нашем большом общем мире, быть умеренным. А бен Ладен верил в джихад, в то, что мусульмане непременно должны воевать с Западом. И сейчас мы задаем себе вопрос: как сделать, чтобы мы, все человечество, жили в мире и согласии? Ведь история свидетельствует, что когда идеи мусульманства распространялись по миру (а ислам дошел до Испании, до Кордовы), то между разными религиями не было вражды, мы вели мирные дискуссии. Почему же получилось так, что начала распространяться радикальная идеология, по-

чему на неокрепшие умы постоянно оказывается целенаправленное воздействие? Ведь в прошлом этого не было. Например, когда появилась идея суицидального терроризма, молодые люди стали взрывать себя, потому что они верят в другой мир и надеются попасть туда после смерти. Мы создали образовательный центр, в котором ведем большую просветительскую работу по вопросам прав человека и мирного сосуществования различных культур. Наши студенты приходят к мысли, что у них есть возможность построить лучшую жизнь вместо того, чтобы взрывать себя. До тех пор пока мы не завоеем молодежь, пока не сможем обеспечить ей лучшее будущее, мы не сможем сосуществовать мирно. Нам нужно стремиться к этому, поскольку идеология радикализма распространяется, появляется все больше проблем, и они становятся все сложнее. Решение этих проблем можно найти только с помощью образования.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Гансу Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Дорогие коллеги, я поделюсь некоторыми соображениями в отношении того, что означает культурная идентичность или самобытность, и что представляет собой диалог между культурами и в широком смысле — между цивилизациями, ведущийся в условиях современного миропорядка, который многие выступающие уже описали через свои размышления, которыми они поделились с нами. Позвольте рассказать мою личную историю. Через несколько лет после того, как рухнул прежний миропорядок, в середине 1990-х годов, мне довелось беседовать с господином Хантингтоном. Мы были на конференции, и темой наших выступлений был как раз диалог цивилизаций, политический мир тогда стремился определить ситуацию, обсудить новые условия взаимодействия между мусульманским миром и остальным. Произошел развал двухполярной системы, и я высказал свою тревогу относительно того, как Запад, особенно США, будет взаимодействовать с Ираком. Сейчас мы знаем, что политика в отношении Ирака привела к огромным жертвам, погибли около 1 миллиона иракцев. Когда возникают политические конфронтации в таком масштабе, начинается борьба при такой разнице в силе, то становится трудно поддерживать диалог между разными культурами в широком смысле, включая и религиозные, и другие цивилизационные особенности.

И вот в этом зале я слышу рассуждения о различных концепциях культурной и цивилизационной идентичности. По существу мы видим, что культурная идентичность не является статичной — это идентичность, на которой я сам основываю свое понимание мира. Миропонимание является результатом сотен и тысяч лет развития культуры и цивилизации, к которой принадлежит человек. Мы наблюдаем следствие очень сложных взаимодействий разных культур и цивилизаций. Если бы этого не было, то в истории культур и цивилизаций не было бы прогресса, человечество до сих пор находилось бы на ранних стадиях развития. И в этом факте мы видим различные аспекты в зависимости от того, как его рассматривать — в международном

или глобальном масштабе. Отношения могут быть нейтральными, мирными, а могут проявляться очень бурно. Их можно рассматривать с точки зрения культуры, экономики, но они необязательно развиваются в форме диалога. Диалог — это греческое слово, которое употреблялось в античной философии; оно подразумевает нечто большее, чем просто сосуществовать и замечать друг друга. Диалог предполагает обмен, аргументацию, возможное взаимообогащение; каждая сторона берет информацию из этого диалога. Например, американские и китайские ученые внесли существенные моменты в понимание истории империй, постарались объяснить, как некоторые империи смогли интегрировать различные культурные самобытности и организовали мультикультурную реальность на своей территории. Такие империи просуществовали дольше, чем те, которые хотели избавиться от всего, что отличалось от культуры доминирующей державы. Если кто-то не может определить собственную идентичность, то он не может и сопоставить ее с другой идентичностью.

В чем заключается основополагающий вопрос диалога в условиях существующего миропорядка? До 1990-х годов мы жили в биполярном мире, в котором был определенный баланс сил, а сейчас мир находится в неравновесном состоянии, деморализующем людей. В результате мы видим, что информационное и экономическое взаимодействие на глобальном уровне сформировало мультикультурную реальность, но на планете все еще есть страны, замкнутые в пределах своих монокультур. Германия была монокультурной, а теперь стала мультикультурной, и можно сказать, что ее культурное разнообразие является политическим фактором. Но, как я уже сказал, баланса сил в мире нет, в то время как диалог предполагает равенство. Западу и Востоку придется находить общий язык, используя парадигму диалога, и ООН должна продолжать свою обычную деятельность. Если же мы допустим столкновение цивилизаций, то получим много проблем, поэтому мы постепенно создаем единый и «многоцветный» мировой порядок. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну господина Сюэ Фуци.

СЮЭ ФУЦИ: — Уважаемые коллеги! Мой доклад посвящен политической культуре Кыргызстана, но я не хотел бы рассматривать эту страну с точки зрения абстрактных политических конструкций. Поэтому расскажу об опыте и позиции Китая, который в данном случае является отправной точкой. Начиная с 1860 года, когда Великобритания и другие западные державы с помощью вооруженных сил насильно открыли двери в нашу страну, у нас происходит масштабная трансформация культуры. Этот процесс носит неоднозначный характер. Поражение нашей страны в столкновении с западными державами привело к тому, что некоторые китайские радикалы стали говорить: поскольку мы не смогли обеспечить победу и отстали по всем направлениям, то во всем виновата наша культура, от которой нужно избавиться как можно скорее. Среди мер, которые якобы могли помочь нам в этом деле, даже предлагали ввести латини-

цу! К счастью, такое решение не было принято. Тем не менее это очень сложный процесс, когда страна вынуждена адаптироваться к новым условиям, непривычным и некомфортным. В какой-то период страна была совершенно закрытой (я имею в виду так называемую Великую культурную революцию), затем она снова открылась внешнему миру, и я рассчитываю, что на этот раз надолго. Опыт развития Китая в течение 2 тыс. лет подсказывает, что, возможно, в нашей культуре существует какая-то, условно говоря, «сверхстабильная» глубинная структура, некие константы — картина мира, система ценностей, которые с течением времени, конечно, подвергались изменениям, но в целом сохранились в том виде, в котором они были сформированы много веков назад. И в будущем, я полагаю, развитие нашей страны, достижения и неудачи в большой степени будут зависеть от того, насколько мы понимаем важность этих констант, этой глубинной структуры.

Кыргызстан, наш сосед, — маленькая страна, около 200 тыс. кв. км территории и 5,5 млн человек населения. Я рассматриваю ее с учетом нашего опыта, так как историки считают, что киргизская нация была сформирована примерно в XVI веке, но ее «политическая память» имеет более давнюю историю, и это данность, с которой нужно считаться. В этой стране за 20 лет с момента обретения независимости дважды происходили государственные перевороты, и это говорит о том, что те политические институты, которые были сформированы при прежних президентах, не смогли прижиться на этой земле. Отчасти в этом «виновато» клановое устройство общества. Из-за клановой идентификации в этой стране любой президент, откуда бы он ни пришел, в глазах населения всегда ассоциируется с определенным кланом, поэтому когда он пытается сосредоточить власть в своих руках, то оказывается в абсолютном меньшинстве, настроив против себя население. И в 2005-м, и в 2010 году оба президента не смогли защитить свою власть, понимая, что это приведет к гражданской войне.

Таким образом, и в Китае, и в Кыргызстане (и, наоборот, в любой другой стране с богатыми историческими традициями) залогом успеха является творческая, креативная трансформация. Спасибо за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Прошу подняться на сцену господина Петера ван Крикена.

П. ван КРИКЕН: — Уважаемые коллеги! Помните, в старом фильме «Жизнь Брайана» герой беседует с аудиторией и в частности говорит, что все люди индивидуальны, а один парень встает и говорит: «А я — нет», то есть он не индивид. Это демонстрирует культурное непонимание. Мне говорили, что в российском менталитете индивидуальность не существует. Я жил во многих странах, в том числе в Ливане, Йемене, Судане, Северной и Южной Эфиопии, Афганистане, Пакистане, недавно более двух лет прожил в Лаосе. Таким образом, я подвергался воздействию многих культур. Могу ли я сказать, что знаю и понимаю их? Нет. Это различные культуры, и я старался коммуницировать с ними, но я не могу заявлять, что понимаю их.

Нидерланды славятся тем, что это очень толерантная страна, однако эта черта не более чем миф. Мы не участвуем в диалоге культур. В моем маленьком городе есть разные начальные школы — протестантская, католическая, исламская, индуистская, то есть мы живем порознь, разделены, и о диалоге даже речи не идет. Если два голландца разговаривают друг с другом, то это, как правило, два монолога. Однако в разных странах я всегда обращаю внимание на количество книжных магазинов и на то, сколько литературы переводится с иностранных языков. В России — много. Похожая ситуация наблюдается в Греции и Испании — переводных книг публикуется больше, чем написанных на новогреческом и испанском языках. Это означает трансграничный культурный диалог в действии.

В одной из своих песен “Pink Floyd” поют: «Нам не нужно образование, не нужно воспитание, учителя, оставьте нас в покое, оставьте нас одних». Мы должны почувствовать, что транскультурный диалог очень важен, и есть абсолютные нормы и ценности, ниже которых мы не должны опускаться. В моей жизни был примечательный случай. Двадцать лет назад в Пакистане я в качестве представителя ООН заведовал лагерем для беженцев. В лагере было два миллиона афганцев, поэтому в моем распоряжении был большой бюджет. Ко мне в офис пришла афганская делегация, и я, сославшись на моего отца (им импонирует уважительное отношение к старшим), сказал им: «Вот деньги, на которые вы можете построить свою школу, но с одним условием. Когда я приду в вашу школу, то должен увидеть, что по крайней мере 40 % ваших учеников — девочки». Они настаивали, что мы должны уважать их культуру, в которой девочки не могут получить образование. На что я ответил: «Понимаю, что вы уважаете свою культуру. Но вы также должны уважать и права человека. Мы предлагаем вам построить школу вот на таких условиях». Они трижды приходили и уходили, но в конце концов согласились обучать и девочек тоже.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Предоставляю слово профессору Жану Терентьевичу Тошенко.

Ж. Т. ТОШЕНКО: — Уважаемые коллеги, я хотел бы продолжить тему молодежи, которую затронул Александр Сергеевич, и ценностей, о которых говорил в своем выступлении Вячеслав Семенович, но сказать об этом языком социологии. На что в основном ориентируется современная молодежь? Первые строчки в списке ценностей молодых людей занимают семья, здоровье, друзья. Иногда их называют первичными, базовыми или социально-биологическими ценностями. Эти вопросы являются отправной точкой в жизни молодого человека, но вместе с тем они вызывают и ряд вопросов. Почему почти каждая вторая молодая семья распадается? Называя здоровье важнейшей ценностью, 70 % юношей и 30 % девушек курят. Что касается более серьезных проблем стабильности жизни, то количество самоубийств среди молодежи у нас в три раза превышает среднемировой уровень. Почему возникают такие противоречия? Молодые люди испытывают сильное влияние геоинформационных процессов.

Вторая группа ценностей — социально-гражданские и социально-экономические, связанные с профессией, работой, карьерой. Здесь ориентация тоже в целом правильная, потому что молодые люди хотят устроиться в жизни, получать определенную поддержку. Однако эти ценности подвергаются серьезному давлению. Практически каждый третий молодой человек сомневается в том, что ему удастся решить проблему с работой, которая обеспечит ему благополучие в жизни. То, что государственная молодежная политика не помогает решать эти вопросы, — тоже большая социальная проблема.

И третья группа — социально-конституционные ценности. Это вопросы позиции гражданина, отношения к своей стране, к власти, проблемы веры. Большинство молодых людей пассивно или безразлично относятся к властным структурам, либо не определились с верой, либо испытывают сомнения насчет того, стоит ли гордиться страной, в которой они выросли, получают образование и намерены жить.

Как решать эти проблемы и с какими трудностями мы сталкиваемся при их решении? Во-первых, молодежи часто, хотя и не всегда осознанно, мешает найти ориентиры в жизни следующий вопрос: к чему мы все стремимся, какое общество хотим построить? Во-вторых, государство не выдвигает таких грандиозных целей, которые вдохновляли бы молодых людей. Боюсь показаться ихтиозавром, но когда-то я был участником ударных комсомольскихстроек в Сибири. Понятно, что комсомольские стройки и целину не вернуть, но есть и другие проблемы, в которых молодежь могла бы проявить активность. Сегодня коллеги говорили о проблемах экологической культуры, проявляющихся в окурках на тротуаре, пивных бутылках и вообще культуре повседневной жизни. Почему бы эти привычные явления не объявить проблемой государственной важности?

В-третьих, отсутствуют нравственные ориентиры. Наши исследования показывают, что до 60 % сейчас не имеют таких ориентиров, остальные называют либо героев классической литературы, либо почему-то людей из шоу-бизнеса или спортивного мира. Нравственные ориентиры не связываются в их сознании с именами ученых, людей труда.

Наконец, в-четвертых, проблемы, связанные с воспитанием, о которых сегодня говорил Александр Сергеевич. Сейчас часто можно прочитать в различных СМИ советы, как завоевать доверие, понравиться работодателю, но нигде не учат быть честными, ответственными, сопрягать свои личные интересы с интересами своей страны и общества. Все проблемы, которые я кратко описал, требуют решения, и от этих решений зависит будущее нашей страны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Пленарное заседание завершается выступлением профессора Георгия Борисовича Клейнера.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Я хотел бы прежде всего заявить о своем огромном уважении к этому форуму, который должен стать и будет интегрирующим элементом

российской культуры. Сейчас в Санкт-Петербурге проходит Международный юридический форум, здесь состоится Международный экономический форум, проводится большое количество социологических совещаний — все это замечательно, но нужен некий интеграл, каковым, на мой взгляд, являются Лихачевские чтения, где мы в среде социологов, экономистов, правоведов, философов пытаемся соединить трудносоединимые элементы общественной жизни.

Я хотел бы предложить вам одну метафорическую конструкцию. Мы можем рассчитывать на стабильное развитие страны, когда она подобна определенному кристаллу, устойчивому относительно широкого спектра внешних воздействий. Какова структура этого кристалла, какие части социальной жизни страны должны его удерживать, какие силы притяжения и отталкивания должны действовать внутри для того, чтобы эта структура была устойчивой и мы могли бы рассчитывать на дальнейшее развитие? Ответы могут быть разными, но вот мой вариант. Эта структура включает четыре элемента — государство, социум, экономику и бизнес. Эти четыре столпа составляют системобразующую структуру кристалла, именуемого «страной», а от того, насколько они совершенны, как взаимодействуют, каковы пропорции между ними, зависят, по сути дела, характер страны, стиль и варианты развития. Обычно слово «экономика» рассматривается как синоним «бизнеса», но их необходимо различать. Четыре подсистемы страны — это четыре разные культуры, я бы даже сказал, четыре разные цивилизации. Посмотрите на представителей государственных органов — как они одеваются, держатся, говорят; на представителей бизнеса — это другая культура и цивилизация. А экономика? Посмотрите на экономическую жизнь, на наемных работников, менеджеров предприятий — это третья культура. А население в целом, «простые люди» — четвертая. Интеграция различных сил в стране — задача диалога между этими культурами. Вот почему мне представляется чрезвычайно важной тема, которой посвящены наши Чтения и которая в разных аспектах освещается в выступлениях российских и иностранных делегатов.

Для того чтобы диалог внутри «кристалла» осуществлялся, требуется серьезная доработка системы институтов, определяющих связи между этими четырьмя системами. Исследования показывают, что вообще все эти четыре элемента напоминают структуру квадрата: между диагональными элементами довольно напряженные отношения, и сделать их лучше — сложная, но важная задача; и есть соседствующие элементы, например государство и социум, государство и бизнес. Не случайно сейчас бизнес до такой степени встраивается в государственные органы, что между ними наблюдается некий симбиоз, к которому мы относимся довольно негативно. Однако для того, чтобы организовать правильные взаимодействия между этими четырьмя составляющими, мы должны иметь надлежащие институты. Таких институтов сейчас недостаточно. Возьмем хотя бы элементарный вопрос: кто

должен осуществлять этот диалог? Если представители социума — это физические лица, они обеспечены легитимным законодательством, и мы понимаем, что такое ответственность физических лиц, в экономике у нас нет легитимизированного понятия экономического субъекта. Есть понятие юридического лица, но, во-первых, на одном и том же экономическом субъекте может быть много юридических лиц и, напротив, одно юридическое лицо может доминировать над многими экономическими субъектами. Понятие экономического субъекта как экономического лица, идентифицирующего данную фирму, решило бы многие проблемы нашей экономики. Та же ситуация с предпринимательским лицом: человек, который занят организацией бизнес-проектов, должен иметь возможность быть субъектом некоторых институциональных отношений, а сейчас этого нет. Нет, наконец, и понятия административного лица, если вы имеете дело с государством. Государство большое, как Левиафан, но вас интересует ответственность отдельного государственного органа, который бы считался таким же лицом, как и вы, физическое лицо. Поэтому необходимо изменить всю структуру понятия «лицо», расширив его смысл до уровня, охватывающего все четыре подсистемы.

Предположим, что мы это сделали. Где они будут договариваться, какой институт позволяет объединить на равноправной основе представителей этих четырех систем? Такого института сейчас нет. Ни Государственная Дума, ни Федеральное Собрание в целом эту задачу не решают. Думаю, что назрела необходимость создания некой, условно говоря, ассамблеи, где были бы представлены административные, экономические, предпринимательские и физические лица. Мне кажется, что Лихачевские чтения, наша с вами совместная деятельность в их рамках — вполне подходящая площадка для проведения подобных идей в жизнь. Благодарю вас за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Есть такой орган, который вполне в состоянии постепенно начинать заниматься решением указанных Вами, Георгий Борисович, проблем. Его представители присутствуют здесь. Это заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России Евгений Иванович Макаров и представитель Международной организации труда Кари Тапиола. Дело в том, что данные организации развивают трехстороннее партнерство между работодателями, работниками и государством. Со временем и те вопросы, которые вы поднимаете, могут найти решение в рамках этого мощного института. Работники, я думаю, включены в одну из описанных Вами сторон. Наши профсоюзы стремятся также представлять интересы пенсионеров и других малоимущих слоев населения, но это тема отдельного разговора.

Уважаемые коллеги, я хотел бы поблагодарить президиум и всех участников пленарного заседания, мне также очень приятно видеть здесь студентов. Завтра мы продолжим работу на семи секциях, где возобновится обмен мнениями с учетом сегодняшних выступлений.

Секция 1 ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

17 мая 2013 г. Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

Руководители секции:

Р. ЛЬЮИС	президент Международного института языкового и кросс-культурного тренинга “Richard Lewis Communications”, профессор (Великобритания)
Х. А. МАРК	Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
М. Л. ТИТАРЕНКО	директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
А. И. КУЗНЕЦОВ	директор Историко-документального департамента МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол

ДОКЛАДЫ

Е. М. Астахов¹

О ПРОЕКТЕ «ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

XXI век переживает системный кризис социально-экономических ориентиров и (что еще опаснее) культурных и нравственных ценностей.

На этом фоне перспективы межцивилизационного диалога прогнозировать сложно. Вполне вероятно не расширение диалога, а усиление межцивилизационных противоречий. В последнее время просматривается тенденция к монологу одной цивилизации, которая пытается навязать свою волю другим. После развала СССР и завершения периода двуполярной структуры роль мирового лидера взял на себя «евроатлантический клуб» во главе с США. Проводится линия на установление контроля над природными ресурсами, прежде всего нефтегазовыми коммуникациями, свержение неудобных режимов, экспорт своих стандартов государственного устройства.

Практически осуществляется курс на устранение геополитических соперников и формирование «глобальной цивилизации». Глобализация полезна в технологической сфере для облегчения коммуникационных связей между научными и производственными комплексами. Но глобализация общечеловеческих ценностей представляется контрпродуктивной. Сами ценности, несомненно, нужны. Они изложены в священных книгах христианства, ислама, буддизма и других рели-

¹ Профессор кафедры дипломатии Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Автор ряда монографий и научных публикаций по различной проблематике, в т. ч.: «Дипломатическое сопровождение национального бизнеса», «Глобальная цивилизация и Россия», «Россия и “русский мир”», «Практическая психология для дипломатов» (в соавт.), «Диалог культур в условиях глобализации», «БРИКС — новый полюс мировой экономики и политики», «Движение неприсоединения на современном этапе», «Россия и Латино-Карибская Америка» и др. Член Научного совета Национального комитета по исследованию БРИКС.

гий. Но сформировать единую трактовку универсальных ценностей затруднительно. В условиях культурно-конфессионального разнообразия мира схожие ценности будут трактоваться по-особому, с учетом традиций и менталитета народов. Даже в христианстве имеются существенные различия в понимании его сущности. Если в католичестве со всеми его ответвлениями многие положения Священного Писания применяются как правовые нормы поведения, то в православии упор делается на духовное развитие человека. Но «глобальная цивилизация» задумана как комплексный политический, экономический и культурный проект, единый для всех народов. Если следовать этой логике, то человечество должно выйти на одну общую культуру, один язык и в конечном итоге — на создание «единого человека». При таком подходе «глобальная цивилизация» должна управляться одним «мировым правительством».

Здесь мы подходим к одному важному обстоятельству. Претензии на навязывание «глобальной цивилизации» выдвигаются Западом, который не может предложить соответствующую модель для реализации этого проекта. В условиях мирового кризиса притязания Запада на высший цивилизационный статус уже не имеют оснований. Наблюдаются явные признаки размывания его экономического доминирования и более того — отставания в темпах роста ВВП по сравнению с Китаем и другими «восходящими» экономиками. В этих условиях упор переносится на фундаментальные науки и инновационные технологии. Но и в этих сферах заметно продвижение вперед новых конкурентов.

В целом западная цивилизация на первый план ставит технологический прогресс ради роста потребления. Под эту задачу навязывается и соответствующая макроэкономическая модель с прежними монетаристскими рецептами и преобладанием финансовой сферы над

реальным производством. Практические результаты такой модели видны, в частности, в кризисе еврозоны.

Однако понятие цивилизации подразумевает не только материальные факторы. Принято считать, что «евроатлантическая» цивилизация базируется на определенном образе жизни, политических институтах демократии, либерально-рыночной экономике, христианской религии. Однако реальное содержание этой цивилизации становится более диффузным. Очевидна лишь абсолютная либерализация моральных ориентиров к отходу от протестантской этики и, по сути дела, — от самого христианства. Запад постепенно утрачивает интеллектуальную и духовную сущность, что может привести к процессу его «децивилизации».

Возможно, именно с этими факторами связано нарастание агрессивности в его внешней политике. Открытое вмешательство во внутривнутриполитическую жизнь других стран переходит в фазу прямых военных интервенций. Однако более широкое распространение получают информационные войны, которые с помощью различных пропагандистских механизмов вносят раскол в политические элиты и умонастроения в обществе, подстрекают оппозицию к радикальным действиям против правящих режимов и в целом подавляют волю страны к сопротивлению.

В таком контексте проект «глобальной цивилизации» выглядит как оккупационный режим. Неоднородные результаты силовых акций Запада в Северной Африке и на Ближнем Востоке показывают, что свергать правительства «технически» возможно, но контролировать приходящие им на смену силы нельзя. В любом случае навязать глобальную цивилизацию странам с другими культурно-конфессиональными характеристиками не получится.

Крупнейшие специалисты по межцивилизационным проблемам, в том числе Н. Данилевский, Дж. Тойнби и О. Шпенглер, разделяли тезис о невозможности «общечеловеческой цивилизации». Они высказывались в пользу культурно-исторического разнообразия, различного опыта человеческого творчества. Развитие мира возможно лишь при сохранении идентичности отдельных культур. При этом культуру надо понимать в широком смысле как традиции, генетическую память, восприятие мира, искусство, а также материальные и духовные результаты труда.

В этом контексте интерес представляют процессы, происходящие за пределами западной цивилизации.

Информационные технологии экспорта проекта «глобальной цивилизации» направлены прежде всего против геополитических соперников США — России и Китая.

В России очевидно размежевание политических сил и общества в целом в социально-экономической и культурно-конфессиональной сферах. В результате резкой смены политических, идеологических, экономических и нравственных ориентиров в 1990-е годы усиливается раскол в подходах как к внутривнутриполитическим, так и внешнеполитическим делам. Русскому менталитету европейская культура всегда была более понятна, чем, например, культура азиатских стран. В последние годы «импорт западных ценностей» усилился,

причем речь идет не о вершинах западноевропейской культуры, а о более доступных продуктах массового потребления. Действуют и материальные факторы. Более высокий жизненный уровень населения ведущих западных стран, даже в условиях экономического кризиса, является сильным побудительным мотивом к ускорению процесса «вестернизации» России. Влиятельные слои общества, продолжая традиции русских «западников», выступают за внедрение политических и экономических моделей из Северной Америки и Западной Европы. К тому же часть российской экономической элиты имеет в западных странах свои прямые интересы.

Однако проект «глобальной цивилизации» большинством населения России не разделяется. Есть понимание, в том числе в политической «элите», что полное встраивание в чужую цивилизацию приведет к утрате национальной идентичности.

Вместе с тем в силу своих размеров и географического положения Россия не может изолироваться от глобализационных процессов. В ходе своего исторического формирования Россия вбирала в себя различные этнокультурные и конфессиональные группы. Своим примером она подтверждает тезис о культурно-цивилизационном разнообразии как естественном пути развития человечества.

Запад видит в России не только геополитического, но и цивилизационного противника. Огромная территория, природные ресурсы, военный потенциал, наряду с чуждым Западу православием, другой культурой, особым взглядом на «ценности», издавна питают русофобские настроения. Сегодня Россия является объектом масштабной информационной войны, в которой участвуют и российские «агенты влияния», которые именуются в политической оппозиции, правозащитных организациях, СМИ.

Труднее приходится Западу с другим геополитическим противником — Китаем. При всей его завязанности на рынки США и других западных стран Китай становится самостоятельным экономическим игроком. В отличие от США и бывшего СССР Китай не стремится, по крайней мере, на данном этапе, брать на себя военно-политические обязательства блокового характера. Экономическая мощь и огромное работоспособное население позволяют Китаю без использования силы овладевать ключевыми позициями в других странах, в том числе геополитических конкурентов.

Под «глобальную цивилизацию» Китай не подпадает и по культурно-цивилизационным факторам. Если Россия ощущает свою принадлежность к Европе, то Китай представляет собой совершенно другую «планету», с отличными от других культурой и менталитетом. Своя в Китае и философская парадигма развития: на Западе прогресс понимается как горизонтальное движение, а в Китае — вертикальное, в гармонии с «небесами» и природой.

Вне пределов Запада находятся и другие «восходящие экономики» Востока и Юга: Индия, Индонезия, Иран, Бразилия, ЮАР. Некоторые из них переживают пассионарный период и не намерены использовать чужую модель развития, которая утрачивает

энергетику и духовные ценности. В этой связи отдельно стоит остановиться на перспективах БРИКС. Это формирование объединяет страны с различными культурно-цивилизационными, историческими, религиозными и этническими характеристиками. В этом плане БРИКС — качественно новая, уникальная модель полицентричного мира.

Страны БРИКС символично представляют все континенты, отражая интересы всего развивающегося мира. Они находятся примерно на одном этапе экономического развития, имеют сходные социальные проблемы. Все они расположены вне границ «золотого миллиарда». Но БРИКС — не другой «лагерь». Это просто другая часть мира, не связанная евроатлантической блоковой дисциплиной.

БРИКС — одна из площадок сетевой дипломатии для обсуждения мировых проблем. Пока не просматриваются перспективы превращения БРИКС ни в военно-политический союз, ни даже в экономическую интеграционную организацию. Сегодня БРИКС — только диалоговый форум. Такая форма сотрудничества, а не институциональное объединение с программой и уставом, имеет определенные преимущества. Диалоговый режим предполагает «свободу действий» и одновременно возможность сотрудничества в случае заинтересованности его участников.

При всей нечеткости организационной структуры БРИКС вес этого формирования определяется влиянием и экономическим потенциалом его членов. Китай и Россия являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. Эти страны, а также Индия, Бразилия и ЮАР принимают участие в работе «Большой двадцатки». ЮАР играет заметную роль на африканском континенте. Бразилия — несомненный лидер Латинской Америки. Индия и Китай — два полюса Азии, Россия занимает уникальное «евразийское» положение, ее интересы присутствуют и в Европе и в Азии.

Доля стран — членов БРИКС в мировом ВВП по паритету покупательной способности составляет около 25 %, на них приходится 30 % территории, 49 % трудоспособного населения планеты, 29 % производимой в мире электроэнергии. У стран БРИКС имеются значительные природные ресурсы, в том числе обеспечивающие факторы выживания: энергоносители, огромные пространства, пригодные для аграрного использования земель, уникальные экологические, в частности пресноводные резервы, а также «легкие планеты» в Сибири и Амазонии. В случае необходимости экономическая и ресурсная база БРИКС может обеспечить потребности всего человечества.

Наращивание экономических «мускулов» позволит БРИКС вести конкретный разговор о своей роли в глобальном управлении, причем не только в экономике. Тем более, что трое из пяти стран — членов БРИКС обладают ядерным оружием.

В США уже высказываются опасения, что в среднесрочном плане БРИКС может представлять угрозу американским интересам. Однако пока преобладает тезис о БРИКС как о формировании потенциально значимых, но отстающих от Запада стран. Подобное восприятие свойственно и части российской политической и экономической элиты, для которой традиционно характерен «европоцентризм». Российские «западники» продолжают считать Китай, Индию и Россию нациями с более низким цивилизационным статусом.

Рассуждения о цивилизационном статусе трудно принимать всерьез. Однако очевидно, что в БРИКС входят страны с отстающим от «семерки» уровнем ВВП на душу населения. БРИКС предстоит пройти еще долгий путь, чтобы выиграть экономическое соревнование с «золотым миллиардом».

В восприятии БРИКС свою роль играет и отличная от Запада внешнеполитическая линия. Инициатива в мировых делах принадлежит США и НАТО, которые действуют наступательно, а подчас и агрессивно, а для внешнеполитической линии БРИКС характерны следующие элементы:

- стремление решать стратегические задачи без конфронтации с НАТО, играть «вторым номером», отстаивая свои интересы, но избегая лобовых столкновений;

- заинтересованность в реформировании мировой финансово-экономической системы, установлении справедливых правил торгово-экономического обмена, доступе к финансовым ресурсам и мировым рынкам.

В межцивилизационном контексте появление БРИКС на карте мира симптоматично. Возможно, это объединение станет не только другим полюсом политического и экономического влияния, но и принципиально новой конструкцией будущего мироустройства без навязывания политических и экономических моделей.

Философия БРИКС подтверждает и другое важное обстоятельство. Неприятие проекта «глобальной цивилизации» не означает отказа от сотрудничества с «евроатлантическим» сообществом. Однако это сотрудничество должно иметь конечной целью не обеспечение своих интересов за счет других, не стремление к абсолютному контролю над системой глобального управления, а равноправное взаимодействие в условиях культурно-цивилизационного многообразия мира.

П. С. Гуревич¹

ИДЕНТИЧНОСТЬ: УТРАТЫ И ОБРЕТЕНИЯ

Феномен глобализации, прошедший мировой кризис радикально преобразили процессы национальной и культурной идентификации. Вместе с тем изменились представления о глобализации как социальном феномене. Разумеется, речь все еще идет о доминировании рынка и неолиберальных формах демократии. Не оспаривается господство транснациональных корпораций в различных сферах жизни — от экономики до культуры. Все еще обсуждается однополярность мира и раздаются призывы к многополярности. Глобализация по-прежнему активно влияет не только на экономику и политику, но и на культуру, образ жизни и образ мыслей. Мировой кризис подтвердил реальность общепланетарных тенденций.

За последние годы произошли огромные сдвиги в геополитике, кризис обнажил кричащие противоречия современного мира и самого процесса создания общепланетарной цивилизации. Представление о схождении всех культур в некое единое цивилизационное пространство не выдержало испытаний. Вновь актуализировались давние проблемы философии культуры: может ли культурное воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость под напором чужеродных влияний? Обсуждение этих вопросов в философии имеет давние традиции. Но сегодня в условиях кризиса они обрели особую актуальность.

Эксперты все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Широкое распространение получает в философской литературе идея о том, что адекватно «схваченное» ядро культуры, пронизательное постижение ее ценностно-смыслового содержания, особенностей могут содействовать прогрессу общества и, в конечном счете, всего человечества. Напротив, искаженное или поверхностное понимание сущности духовного наследия, его специфики способно породить мучительные кризисные процессы.

¹ Заведующий сектором истории антропологических учений Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий: «Философское толкование человека», «Психоанализ личности», «Философская антропология», «Философское постижение человека» и др.; ряда вузовских и школьных учебников: «Человек. 9 класс», «Обществознание. 10 класс», «Обществознание. 11 класс», «Основы философии», «Философия: учебник для психологов», «Религиоведение», «Психология чрезвычайных ситуаций», «Политическая психология», «Философская антропология», «Психология личности», «Психология рекламы: историко-аналитическое и философское содержание», «Культурология», «Эстетика» и др. Главный редактор научных журналов «Философия и культура», «Психология и психотехника», «Филология» и др. Профессор социологии Калифорнийского университета. Действительный член РАЕН и Нью-Йоркской академии наук.

Современные культурные события свидетельствуют о распаде вековых идентичностей. Расшатались прежние оценки самоидентичности. Выявились новые подходы к мозаичной культуре. Обострилось стремление более основательно обозначить «почву и судьбу» разных стран, материков, цивилизаций. Понятие идентичности стало утрачивать стойкую определенность. Обозначилось стремление усмотреть во множестве культурных вариаций различные идентификационные рамки. Заговорили о потоке идентичностей. «В результате меняется направление транскультурационных процессов, установившихся еще в эпоху Ренессанса и просуществовавших на протяжении всего проекта модерны. В данном случае под транскультурацией имеется в виду не одна, а несколько культурных точек отсчета, пересечение многих культур, постоянное курсирование между ними и особое состояние культурной промежуточности — “не там и не здесь” или “и там, и здесь”. Транскультурация основана на культурном полилоге, который не ставит целью полное слияние или полный культурный перевод. Здесь культуры встречаются, но не сливаются, не ассимилируются, не расплавляются»².

Век спустя после «Заката Европы» вновь актуализируется проблема европейской самоидентичности и судьбы западной культуры в целом. Известный философ Юрген Хабермас в книге «Расколотый Запад»³ размышляет о том, что сама идея европейской идентичности — вечный сюжет европейской философии. Но чем характеризуется духовный облик Европы? Речь идет не о географическом, пространственном понятии, как если бы всю совокупность людей, обитающих на данной территории, можно было бы охватить понятием европейского человечества. В духовном смысле к Европе относились английские доминионы, Соединенные Штаты, но не эскимосы или индейцы, и не цыгане, длительное время странствующие по всей Европе.

Несомненно, что название «Европа» обозначает общность жизни и творческой деятельности, включая цели, интересы, заботы, тревоги, планы, институты, учреждения. Внутри этой общности отдельные люди действуют на разных уровнях в разнообразных социальных группах, семьях, родах, нациях. Они тесно связаны духовно. Так рождается некий связующий характер культуры. Но почему сегодня эта проблема оказывается особенно актуальной? Какие события мировой истории заставляют вновь вернуться к этой теме? Юрген Хабермас усматривает в европейской идентичности некое коварство. О чем речь? Когда люди объединяются, это вовсе не означает, что так надо. Нередко слияние стран или народов оказывается необязательным или попросту ложным. Насколько с этой точки зрения адекватен образ мирной Европы, которая пози-

² Тлостанова М. В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // Вопросы социальной теории. Человек в поисках идентичности: науч. альм. / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. М., 2010. С. 211–212.

³ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008.

ционирует себя как открытую для других культур, способную к диалогу?

По мнению Хабермаса, европейские государства всеобщего благосостояния сегодня играют огромную роль в качестве образцов и моделей социального устройства. Особенно значим опыт «укрощения капитализма». Но эта политика имеет свои пределы. «Дискурс, начатый в масштабах Европы, необходимо задает направление, стимулирующее процессы самопонимания»¹. Этому смелому предположению противоречат, по-видимому, два факта. Первое. Не привели ли самые значительные исторические достижения Европы, их всемирное признание к тому, что она утратила свою силу, создающую идентичность? Второе. Что должно объединять изнутри такой регион, где, как ни в каком другом, не прекращается соперничество множества сознающих себя наций?

В свое время Э. Гуссерль тоже ставил вопрос о том, что такое «духовный облик Европы». Может быть, это некая философская идея, которая пронизывает всю историю Европы? И не исключено, что это конкретное учение о предназначенности Запада, который на основе идей разума хочет строить свою историческую жизнь? Или это, наконец, просто набор неких ценностей, которые родились именно здесь, в Европе, и позволяют людям ощущать свое родство? Если проследить исторические связи, то непрерывность хода истории поведет нас от немецкого народа к соседнему, от народа к народу, от эпохи к эпохе? В конце концов, оказавшись в Античности, мы будем последовательно идти от римлян к грекам, египтянам, персам. Дорога к предыстории станет бесконечной. Мы непременно окажемся в каменном веке и будем размышлять, что заставило множество человеческих и культурных типов слиться воедино.

Что же, по мнению Хабермаса, из европейской культуры распространилось на другие континенты? Христианство и капитализм, естествознание и техника, римское право и Кодекс Наполеона, гражданско-городская форма жизни, демократия и права человека, секуляризация государства и общества. Выходит, эти достижения не являются сегодня исключительно европейской собственностью. «Западный образ мышления, коренящийся в иудео-христианской традиции, имеет определенные характерные черты. Но и этот духовный облик, отмеченный индивидуализмом, рационализмом и активностью, европейские нации разделяют с нациями Соединенных Штатов, Канады и Австралии. Короче, Запад как духовный центр охватывает больше, чем Европу»².

Но как все-таки ощутить, что мы у себя дома? Может быть, вчувствоваться, например, в историю Индии с ее многочисленными народами и культурными формами? Там тоже единство семейного родства, однако чуждого нам. Со своей стороны индийцы ощущают нас чужаками, признавая своими только друг друга. В Европе есть нечто уникальное, что ощущается не только нами, но и всеми другими группами человечества.

Концепция глобализации поначалу воспринималась повсеместно как чисто аналитическое обозначение ре-

альных процессов, происходящих в мире. Однако уже в начале нового столетия этот термин приобрел характер эмоционально окрашенной политической установки. К слову сказать, иначе и быть не могло. Действительные социальные феномены с трудом ложатся под конкретные доктрины. Ведь мир разделен на национальные государства, отношение которых к глобализации приобретает несколько значений и служит нескольким целям. Некоторые исследователи толкуют о том, что не существует больше национальных правительств. А нации как тяжкий груз прошлого остались. Однако одни государства безоговорочно принимают глобализацию, другие пытаются обосновать, какой на деле она должна быть, а третьи вообще против этого процесса. Национальная специфика обнаруживает себя уже на уровне политики.

Сталкиваясь с глобалистскими тенденциями, локальные культуры неизбежно стараются перекодировать унифицирующие факторы на собственный лад. Так рождается феномен «японизации» или «тайванизации» традиционной китайской культуры, «африканизации» или «исламизации» западной культуры (в ЮАР или Алжире). Ту же самую миссию выполняют знаменитые телевизионные сериалы, индийские или бразильские. Поэтому на самом деле важно осознать, насколько глубоки те или иные измерения глобализации, какова реальность тех или иных культурно-исторических тенденций.

В наше время окончательно определились крупные массивы человечества — цивилизации. Среди них, например, атлантическая (в которую входят Западная Европа и Северная Америка), иберо-латиноамериканская, исламская, азиатско-тихоокеанская, африканская... Так оценивал современную ситуацию недавно ушедший из жизни С. Хантингтон. Однако насколько правомерно говорить также и о евразийской цивилизации как культурной и исторической общности народов, населяющих огромные пространства от Карпат до Камчатки и от Памира до Арктики?

Исторический опыт свидетельствует: при распаде цивилизационного ядра возникают чрезвычайно мощные геополитические цепные реакции, которые в корне меняют облик данной части человечества. В начале 1970-х годов группа членов Римского клуба сделала специальный доклад о том, как внутренне сопряжены друг другу различные религии. Заговорили о грандиозных кросс-культурных контактах, о поисках межрелигиозного вселенского диалога. Но завершилось все это совершенно иным предположением: именно религии ведут к размежеванию человеческого рода, а возможно, и к смертельному противостоянию. Ядро конкретной культуры обладает внутренней устойчивостью. Оно с трудом поддается переплавке. Французский постмодернист Ж. Бодрийяр по этому поводу отмечает, что алакалуфы с Огненной земли были уничтожены, так и не попытавшись ни понять белых людей, ни потолковать с ними. Они называли себя словом «люди» и знать не хотели никаких других. Белые в их глазах даже не несли в себе различия: они были просто непонятны. Ни богатство белых, ни их ошеломляющая техника не произвели никакого впечатления на абори-

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 43.

² Там же. С. 44.

генов. Они не восприняли ничего из этой техники. Они продолжали грести в своих челноках¹. Но если говорить об общей тенденции, то нет уверенности в том, что уничтожение самобытности алакалуфов не станет фатальным и для белых. Культуры живы своим своеобразием, своей исключительностью, непреодолимостью своих ритуалов и своих ценностей.

Еще в 1990-х годах Ж. Бодрийяр указал на угрожающую историческую судьбу африканского материка. Все другие континенты оцениваются обычно как совокупность стран. Но как раз Африка воспринимается как единая страна. Это удивительно, особенно если учесть, что в Африке сегодня существует 55 государств и еще 4 непризнанных. Бодрийяр писал о том, что в результате транскультурных процессов идея свободы может проникнуть в африканские страны. Вообще, по его предостережению, если страны Востока приведут в движение весь огромный запас свободы, который они удерживали, то это будет чревато катастрофой, а главное — нарушит метаболизм ценностей Запада². Собы-

тия, которые разворачиваются сегодня на африканском континенте, подтверждают этот прогноз.

В 2000 году впервые в истории человечества мусульмане превзошли численностью католиков. Теперь футурологи выстраивают свои прогнозы уже не всегда по лекалам глобализации. Они отмечают, к примеру, возможность такой перспективы человечества: радикальные исламисты создают транснациональное теократическое сообщество. Весь неисламский мир объявляется «врагом халифата». Против него начинается террористическая война. Процесс глобализации не только приостанавливается, но и начинает размываться. Мусульманские страны вносят смуту в страны Европы.

Итак, в век глобализации полная безопасность и тотальная оборона недостижимы. Хотим мы этого или нет, но нам придется пройти серьезную школу, «просвещающую» нас относительно «иных ценностей». Политики должны позаботиться о том, чтобы народы смогли жить в условиях нового цивилизационного протистояния.

Е. И. Пивовар³

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И РОССИЙСКОЕ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Я рад вас приветствовать на очередных Лихачевских чтениях, участником которых я становлюсь далеко не первый раз, и тем не менее каждый год мне очень приятно получать от Оргкомитета и лично от Александра Сергеевича Запесоцкого приглашение, а значит, и очередную возможность внести свой вклад в обсуждение актуальных проблем, заявляемых в рамках этого авторитетного научного форума.

Так получилось, что уже не в первый раз темой моего доклада является тот или иной аспект проблематики, связанной с вопросами диалога культур и цивилизаций на обширном постсоветском пространстве, охватывающем значительную часть Евразии. Сейчас уже не подлежит сомнению, что межкультурный диалог является, с одной стороны, традиционным элементом взаимодействия между различными народами и общностями людей (мы можем упомянуть здесь друже-

ские, семейные, рабочие, творческие контакты и т. д.), с другой стороны, представляет собой важный элемент, возможно, даже форму международного сотрудничества (если принимать во внимание, что эффективный межкультурный диалог должен базироваться на определенной системе мер и ценностей, целенаправленно реализующихся тем или иным государством или организацией).

Конечно, сегодня межкультурный диалог на постсоветском пространстве, как и во всем мире, связан с новыми вызовами, перед которыми встало человечество. При этом следует учитывать, что помимо глобализации на межкультурное взаимодействие оказывают влияние и такие факторы, как стремление стран и народов сохранить и укрепить свою уникальность, идентичность, наконец, государственный суверенитет, что наглядно предстает в рассматриваемом нами регионе.

Когда мы говорим о необходимости налаживания межкультурного диалога на постсоветском пространстве, то в первую очередь, как правило, имеем в виду сохранение и приумножение того цивилизационного и историко-культурного наследия, которое формировалось на протяжении длительного периода нахождения этого пространства в рамках единой мультикультурной державы (Российской империи, Советского Союза). В этом контексте неудивительно, что культурный диалог между новыми независимыми государствами и народами, ранее включенными в одну большую страну, тесно связан с проблемами интеграции и регионализации. Действительно, постсоветское пространство с момента распада Союза Советских Социалистических Республик и вплоть до настоящего времени находится под мощным воздействием как интеграционных, так и дезинтеграционных факторов, оказывающих заметное

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 198.

² Там же. С. 142.

³ Член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой стран постсоветского зарубежья РГГУ, заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор. Автор более 200 научных работ, в т. ч.: «Советские рабочие и НТР. По материалам автомобильной промышленности СССР», «Наше Отечество. Опыт политической истории», «Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения», «СССР и холодная война», «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом», «Теоретические проблемы исторических исследований» (5 вып.), «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии», «Постсоветское пространство: альтернативы интеграции» и др. Член редколлегии журналов «Вестник архивиста», «Родина», «Вестник МГУ» (сер. «История»), «Отечественная история». Главный редактор журнала «Вестник РГГУ», главный редактор ежегодника «Исторические записки» Отделения историко-филологических наук РАН.

влияние на определение места и роли каждой отдельно взятой страны, принадлежащей к этому пространству, в формировании современной системы международных отношений, межгосударственных хозяйственных и, безусловно, культурных связей на огромной территории от Балтики и Средиземноморско-Черноморского региона до западного побережья Тихого океана¹.

Российская Федерация сразу же оказалась естественным ядром возможной реинтеграции, что обусловлено различными факторами. На Россию приходится свыше 3/4 территории постсоветского пространства, почти 1/2 населения и около 2/3 ВВП, наша страна единственная, кто имеет протяженные сухопутные границы с большинством государств постсоветского зарубежья. Напомню, что протяженность границ с Казахстаном составляет 7598,6 км, Украиной — 2245,8 км, Белоруссией — 1239 км, Абхазией — 245 км, Южной Осетией — 74 км, Грузией — 561 км (без учета Абхазии и Южной Осетии), Эстонией — 466,8 км, Азербайджаном — 350 км, Литвой — 288,4 км, Латвией — 270,5 км.

Особое место в отношениях России с государствами постсоветского зарубежья должны были играть многовековые культурные связи, языковая и ментальная общность. По мнению подавляющего большинства российских политиков, представителей научной и образовательной общественности, именно культурная близость братских славянских народов неизбежно должна была стать цементирующей основой любых совместных интеграционных проектов, по крайней мере, в европейской части Евразии. Действительно, важным фактором была и остается «личная породненность населения», отсутствие чувства «заграницы» в отношении друг друга, что в определенной степени должно было способствовать «формированию позитивного образа России и дружественных двусторонних отношений»².

Исторические исследования последних лет убедительно доказывают, что процессы возрождения и/или укрепления этнонационального начала в культурах стран постсоветского пространства на ряде сфер общественной жизни сказались в целом благотворно, но вместе с тем обнажили ряд болезненных проблем. Последние столетия русская наука и культура служили как для украинцев, белорусов, так и для других наций и национальностей, населявших СССР, проводниками мирового социального опыта и научно-технических достижений. История наглядно свидетельствует — синтез культурных начал способен многократно усилить культуру каждого народа. Именно поэтому роль интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве как инструмента политического и культурного диалога между бывшими союзными республиками трудно переоценить.

Однако в действительности применительно к периоду 1990–2000-х годов можно говорить о достижениях некоторых успехов разве что в развитии культур-

ных связей между приграничными регионами на части огромной по протяженности границы России со странами постсоветского зарубежья (часто, как, например, в случае с Беларусью, Украиной или Казахстаном, с преимущественно этнически русским и русскоязычным населением) регионами.

Характерной чертой первых двух десятилетий существования независимых постсоветских государств являлось постепенное увеличение культурно-психологической дистанции со своими соседями на рассматриваемом нами пространстве, в особенности с Россией. Это стало следствием политики, проводимой национальными центрами, направленной на усиление национальной компоненты в образовательной, научной и культурной сферах, в средствах массовой информации и публичной жизни в целом. Исключением из этого правила стала только республика Беларусь, где российская (русская) и белорусская компоненты оказались в неразрывной связке при формировании основ белорусской государственности.

Таким образом, как правило, доминирующим в развитии постсоветского пространства оказалось направление, характеризуемое сокращением политических, экономических и культурно-языковых связей между различными элементами общей системы, отныне независимыми государствами, развивающимися прежде всего в соответствии с интересами формирования и укрепления собственной государственности. Это проявилось не в последнюю очередь и в близкой мне как историку гуманитарной сфере: например, становление национальных исторических школ на основе сформулированных политическими и интеллектуальными элитами концепций исторического прошлого и преемственности с настоящим. Задачи развития новых независимых государств создают ряд проблем, обусловленных различными, а нередко и диаметрально противоположными характеристиками событий минувших исторических эпох в национальных историографиях, чрезмерной политизацией оценок тех или иных исторических явлений.

Новые независимые государства стали двигаться по своим траекториям развития, постепенно отдаляясь от советского наследия. В области культурного развития важной составляющей этого процесса стало сокращение ареала Русского мира и русскоязычного культурно-языкового пространства.

Я думаю, все согласится с утверждением, что особое место в полноценном приобщении к культуре, духовным, нравственным, интеллектуальным ценностям и традициям принадлежит языку. Падение роли и значения русского языка в перспективе, безусловно, способно вызывать все большие проблемы в межкультурной коммуникации. Известно, что успешность коммуникации в ситуации культурного контраста (так называемой «межкультурной коммуникации»), применительно к постсоветскому зарубежью, несмотря на наличие большого пласта культурно-исторической общности, все же приходится говорить и о серьезных культурных различиях проживающих там народов) зависит от действия ряда факторов. Напомню, что филологи указывают на то, что одним из основных механизмов семио-

¹ Пивовар Е. И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2008. С. 164.

² Пироженко В. А. Украина: взгляд на Россию в контексте сценариев украинской национальной идентичности // Россия и Украина: этнополитические аспекты взаимодействия : [текст] : сб. ст. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2007. С. 95.

тической индивидуальности является граница, определяемая как «наше», «свое», «безопасное», и так далее, которому противопоставлено «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное»¹.

Поэтому тезис о русском языке как основе интеграции уже отмечен на самом высоком политическом уровне в ряде стран Содружества. При этом русский язык необходимо рассматривать как мощный фактор стимулирования культурного развития народов стран Содружества, приобщения их к передовому социальному и научно-техническому опыту.

Российское зарубежье представляет собой уникальный объект, в развитии которого можно наблюдать специфику взаимоотношений между феноменами языка, культуры и этноса. Концепт Русского мира в последние годы также стал неотъемлемой частью внутренней и внешней политики Российской Федерации, поскольку позволяет соединить в единый комплекс те проблемы развития, которые связаны с миграционными потоками всех направлений. Как историк я хотел бы подчеркнуть, что осмысление роли и места русского мира в международном контексте, в том числе на постсоветском пространстве, является не только условием формирования объективного взгляда на мировой исторический процесс, но и важной составляющей для понимания современных социокультурных процессов и их прогнозирования. Русский мир в странах постсоветского зарубежья, помимо сугубо образовательной и научной составляющей, в равной степени является субъектом международной политической деятельности.

Распад СССР дал русскоязычному населению несколько вариантов жизненной стратегии. В их число включают ассимиляцию в титульную культуру и язык, отъезд в Россию и отстаивание равного статуса в новом сообществе. При этом (что является вполне логичным) именно третий вариант представляется многим историкам и этнологами наиболее оптимальным для России, для соотечественников и для Русского мира в целом. С одной стороны, доля этнически русского и русскоязычного населения в подавляющем большинстве государств постсоветского пространства неуклонно сокращалась, хотя и с разницей в темпах констатируемого нами сокращения. В первую очередь, как отмечалось, это было обусловлено государственной политикой в сфере образования всех уровней и средств массовой информации, где национальные языки постепенно становились доминирующими, хотя и не везде вытеснили полностью русский язык, сохраняющий определенные позиции. Даже применительно к Украине — стране с одной из наиболее многочисленных русскоязычных диаспор соотечественников — исследователи еще несколько лет назад констатировали, что в ее западных регионах фактически не осталось русскоязычных школ, в стране год от года усиливалась диспропорция в количестве русскоязычных граждан и русскоязычных дошкольных заведений². Очевидным было также устойчивое снижение количества обучающихся на русском

языке в вузах. Лишь недавний закон, гарантирующий русскому языку на Украине статус регионального в областях с заметным присутствием русскоговорящего населения, переломил негативную тенденцию.

В целом, необходимо констатировать, что сокращение доли русскоговорящего населения, уменьшение количества русскоязычных СМИ и учебных заведений, предоставляющих образовательные услуги на русском языке, ведет к ослаблению этой важнейшей составляющей потенциала как реинтеграции, так и межкультурного диалога на постсоветском пространстве, где русский язык столетиями являлся основным средством межнационального общения.

Сокращение доли населения, владеющего русским языком, свертывание, как «шагреновой кожи», такой феноменальной культурной общности, как Русский мир, безусловно, подрывают позиции нашей страны и с точки зрения перспектив реализации интеграционных инициатив, и с точки зрения самой возможности вести адекватный (как говорят, на одном языке) диалог с окружающими нас государствами и народами.

Положение усугубилось еще одним важным фактором: формированием новых концепций национальной истории в странах постсоветского зарубежья. Историческое образование и наука всегда играли и играют важную роль в области гуманитарного сотрудничества и в процессах межкультурной интеграции. Нет нужды подробно останавливаться на общепринятом тезисе о том, что сфера истории на постсоветском пространстве на протяжении уже как минимум двух десятилетий после распада СССР (а применительно к ряду стран можно говорить и о более ранней точке начала отсчета, с конца 1980-х гг.) переживает период глубокой трансформации, обусловленной становлением национальных исторических школ на основе сформулированных политическими и интеллектуальными элитами концепций исторического прошлого и преемственности с настоящим, а также современных задач развития новых независимых государств. Вне всяких сомнений, наличие общего исторического прошлого и культурного наследия, с одной стороны, представляет широкую площадку для самого активного взаимодействия историков России и других государств постсоветского зарубежья. С другой стороны, это создает ряд проблем, обусловленных различными, а нередко и диаметрально противоположными характеристиками событий минувших исторических эпох в национальных историографиях, чрезмерной политизацией оценок тех или иных исторических явлений.

В числе наиболее спорных тем прежде всего необходимо выделить сюжеты, касающиеся процесса вхождения тех или иных территорий в состав Московской Руси (одна из наиболее острых тем в современной украинской историографии), Российской империи, Советского Союза, период коллективизации и сталинских репрессий, вопросы взаимодействия национальных окраин и центра в рамках империй, наконец, период распада СССР и образования новых независимых государств. Поэтому процесс взаимодействия отечественных исследователей и педагогов и их коллег в новых независимых государствах является сложным,

¹ Историографию вопроса см. *Пивовар Е. И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2010. С. 8–15.

² Российская диаспора на пространстве СНГ / Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М., 2007. С. 276.

и поиск оптимальных форм сотрудничества продолжается до сих пор.

Серьезную проблему для сотрудничества современных историков России и других стран постсоветского зарубежья представляет, вне всяких сомнений, разрушение существовавшей на протяжении многих десятилетий общей для рассматриваемого пространства системы архивов, без комплексного использования которых не может идти речи об углублении существующих знаний о прошлом, о развитии ранее достигнутого уровня исследовательской работы и разработке новых проблем. В данном направлении работу нужно проводить посредством не только обмена специалистами для прохождения разовых архивных стажировок, но и создания общих баз данных, налаживания схемы постоянного информационного обмена, который позволил бы современным исследователям иметь предельно полное представление о наличии архивных материалов по определенной тематике в конкретных архивных учреждениях. Перспективными формами сотрудничества в данном направлении также являются составление и выпуск совместных сборников ранее не публиковавшихся архивных документов. Немаловажную роль в данных процессах призвано играть Российское общество историков-архивистов, которое в последнее время прилагает целенаправленные усилия по укреплению контактов с сообществами историков и архивистов в странах постсоветского зарубежья.

Очень важно обеспечить доступность архивной информации по ключевым вопросам общего исторического прошлого для образовательных учреждений всех уровней. В этой связи хочется особо отметить важные проекты и своевременные инициативы Федерального архивного агентства о расширении возможностей электронного (в том числе посредством Интернета) доступа к архивным материалам и документам, включая вопросы, связанные одновременно с историей как России, так и сопредельных стран. И в этом направлении российские высшие образовательные учреждения гуманитарного профиля, по моему глубокому убеждению, также должны проводить постоянную целенаправленную работу, подключая к ней, в том числе, коллег-историков и архивистов из стран постсоветского зарубежья.

К пониманию важности поддержки российского культурного наследия пришло и руководство нашей страны, которое всерьез озаботилось налаживанием межкультурного диалога на основе пропаганды отечественных культурных ценностей, поддержки русского языка и соотечественников, проживающих за рубежом. Один из путей достижения успеха в этой области — интернационализация высшего образования — важнейшая характеристика современной системы образования и необратимый процесс в ее развитии. По крайней мере, это актуально для любого государства, ориентированного на инновационность и стремящегося к достойному ответу на вызовы времени.

Нужно иметь в виду, что у интернационализации образования, как говорится, две стороны медали, которые при грамотном использовании могут и должны использоваться для укрепления интеллектуального потенциала страны. Первая сторона — это заимствова-

ние лучшего опыта и достижений наших зарубежных партнеров и их интеграция в отечественный учебный и научно-исследовательский процесс. Здесь имеются в виду и привлечение лучших преподавательских кадров для чтения лекций и проведения семинаров, научных разработок, и организация командировок и стажировок, и открытие курсов повышения квалификации, образовательных (в том числе совместных) программ по новым специальностям и направлениям подготовки и т. д.

Вторая сторона интернационализации — возможности продвижения российского образования, науки и культуры на глобальном рынке в самом широком смысле этого слова. Напомню, что, в частности, это нашло отражение в положениях седьмой программной статьи действующего (на момент публикации его материала в «Московских новостях» 27 февраля 2012 г. премьер-министра и кандидата в президенты) главы нашего государства Владимира Путина, который отметил: «Мы пока очень слабо инвестируем в культурные индустрии, в их продвижение на глобальном рынке. Возрождение мирового интереса к сфере идей, культуры, проявляющееся через включение обществ и экономик в глобальную информационную сеть, дает России с ее доказанными талантами в сфере производства культурных ценностей дополнительные шансы. Для России существует возможность не только сохранить свою культуру, но и использовать ее как мощный фактор продвижения на глобальных рынках. Русскоязычное пространство — это практически все страны бывшего СССР и значительная часть Восточной Европы. Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей. Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире — и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский»¹.

Современное российское академическое и образовательное сообщество в целях поддержки научно-образовательного сотрудничества России и зарубежных государств, углубления посредством этого межкультурного диалога придает особое значение активизации сотрудничества между вузами, включая реализацию совместных образовательных и научных программ; интенсификации академического и межбиблиотечного обмена; открытию центров и представительств российских образовательных учреждений за рубежом; интенсификации и модернизации сотрудничества в сфере межрегионального межвузовского взаимодействия, в том числе посредством создания межрегиональных вузовских консорциумов или форумов (примерами этого могут служить, в частности, форумы ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов России и ряда зарубежных стран, в том числе государств — участников СНГ).

Международные форумы ректоров гуманитарных университетов и деканов гуманитарных факультетов

¹ Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 2012. 27 февр.

по сути уже стали постоянно действующими площадками, обеспечивающими систематические встречи как руководителей университетов и факультетов, так и преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов для обсуждения актуальных проблем гуманитарного образования в различных странах. Организация форумов — инновационная форма сотрудничества представителей международной университетской общности, которая открывает новые направления и возможности взаимодействия в области образования, науки и культуры.

В целях поддержки научно-образовательного сотрудничества России и стран постсоветского зарубежья и развития межкультурного взаимодействия представляется целесообразным: активизировать сотрудничество между вузами, включая реализацию совместных образовательных и научных программ; интенсифицировать академический и межбиблиотечный обмен; содействовать открытию центров и представительств российских образовательных учреждений на постсоветском пространстве, интенсифицировать и модернизировать сотрудничество в сфере межрегионального межвузовского взаимодействия, в том числе посредством создания межрегиональных вузовских консорциумов. Большую роль в укреплении позиций отечественного образования и культуры на постсоветском пространстве должно играть межрегиональное приграничное сотрудничество. Безусловно, отдельным направлением должна стать поддержка программ подготовки и переподготовки, повышения квалификации педагогических кадров. Все это является эффективными элементами международного гуманитарного сотрудничества и важными факторами, способствующими межкультурной интеграции.

Одним из важнейших элементов межкультурного диалога является миграция, которая в том или ином виде характерна практически для всех государств и регионов мира и стала неотъемлемой характеристикой развития нашей страны с начала 1990-х годов.

Миграция населения большинством исследователей рассматривается в широком и узком смыслах. Одно из наиболее распространенных толкований «миграции» — территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких территориальных единиц, независимо от продолжительности регулярности и целевой направленности. Часто миграция населения понимается как законченный вид перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, то есть переселения. В Российской Федерации понятие «миграция населения» на официальном уровне было закреплено в первой половине 2000-х годов в «Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» как перемещение по различным причинам людей через границы тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного изменения места жительства¹.

Если определение понятия «миграция населения» выражает его сущность, то функции выражают свой-

¹ Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации (одобрена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1.03.2003 г. № 256-р).

ства этого процесса и связаны в первую очередь с развитием миграционных процессов в общественной жизни и той ролью, которые они играют в социуме. В частности, Т. И. Заславская в работе «Процессы миграции и их регулирование в социальном обществе»² выделяет такую общую функцию миграции населения, как ускорительную, предполагающую, что миграция населения ведет к развитию населения. Осуществление этой функции связано с изменением и обогащением социально-психологических характеристик людей (расширение кругозора, накопление знаний, обмен трудовыми навыками и опытом, развитие личности и ее материальных, социальных, духовных потребностей, интеграции национальных культур). Данная характеристика является, пожалуй, наиболее глубокой с точки зрения определения того реального или потенциального влияния, которое миграция оказывает на межкультурный диалог.

В отечественных миграционных исследованиях сложились две точки зрения на иммиграционную политику. Сторонники первой (А. Г. Вишневский, Ж. А. Зайончковская, В. И. Мукомель) доказывают неизбежность массовой миграции в силу демографической нагрузки на экономику. Они упирают на то, что население России быстро сокращается. Своего максимума (148,3 млн человек) оно достигло в 1992 году. Согласно переписи населения в конце 2002 года его численность составила 145,2 млн человек, то есть за десятилетие население страны стало меньше на 3,1 млн человек или на 2,1 %. Через 2 года, к началу 2005 года страна недосчиталась еще 1,7 млн человек, а численность населения упала до 143,5 млн человек. В 2010 году она сократилась еще на 2,2 млн. По прогнозам, к 2025 году Россия испытает сокращение жителей в трудоспособном возрасте на 16,2 млн человек даже с учетом иммиграции, поэтому сторонники этой точки зрения говорят, что миграция нужна для улучшения демографической ситуации в стране³.

Сторонники второй точки зрения (Д. Валентей, Н. Слепцов, А. Дмитриев) делают акцент на негативных политических и социокультурных последствиях миграции, предполагая, что Российская Федерация должна сохранять уже сложившийся этноконфессиональный состав населения⁴.

Миграционная политика как комплекс правил, мер и ограничений, направленных на упорядочение гражданских и общественных отношений в области перемещения лиц через границу государств, как внутрь, так и за их пределы, развивалась от малозаметного вопроса в жизни государств до острой проблемы, основными способами управления которой стали иммиграционный контроль и интеграция мигрантов.

² Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // СОЦИС. 1978. № 1. С. 56–59.

³ Зайончковская Ж. Почему России необходима иммиграционная политика // Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинар. учеб. пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиной, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. С. 114.

⁴ Бобылев В. В. Миграционная политика (сущность, структурное строение, основные типы). URL: www.isras.ru/files/File/Vlast/2009/06/Migracionnaya%20politika.pdf

Всевозрастающая роль миграции в обществе привела к превращению мигрантов в важный фактор жизнедеятельности принимающего их российского общества, в один из самых обсуждаемых в нашей стране вопросов. При этом вопрос регулирования миграционных потоков, по сути, в значительной степени связан с проблематикой межкультурного диалога. Мигранты рассматриваются не только как источник угрозы для сложившейся в нашей стране мультикультурной среды — ведь в конце концов наша среда имеет все шансы впитать и переработать, как огромный плавильный котел, различные привнесенные извне представления и традиции. Однако мигранты, в случае их неподготовленности к восприятию реалий российского общества и российской культуры, способны оказывать крайне негативное влияние на ход диалога между культурными общностями России и прилегающих государств, формируя образ опасных чужаков «здесь» и унося затем с собой негативные эмоции о нашей стране «туда» (откуда они прибыли).

Таким образом, одним из важнейших вопросов при рассмотрении проблемы регулирования миграции извне должен быть вопрос о готовности мигрантов к восприятию российских реалий, включая, прежде всего, базовые знания русского языка, российской культуры и традиций, хотя бы самое общее представление о нашей истории и нормах российского законодательства. Именно такое представление о минимуме знаний, которыми должны владеть мигранты (включая как тех, кто хочет получить вид на жительство, так и представителей самой многочисленной группы — трудовых мигрантов), сложилось в российских органах государственной власти.

С 1 января 2012 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 12 ноября 2012 года № 185-ФЗ об обязательном знании русского языка трудовыми мигрантами¹. Уже сейчас мигранты, которые работают в сфере ЖКХ, торговли и быта, обязаны сдавать тест на знание русского языка или представить документ об образовании, признанный в России. Значительная часть центров, получивших право проводить государственное тестирование иностранных граждан по русскому языку как иностранному, открыты к настоящему времени при российских вузах.

А с 1 января 2015 года сдавать экзамен на знание русского языка, истории и законодательства Рос-

сии должны будут уже все въезжающие трудовые мигранты, а также иностранцы, желающие получить вид на жительство в РФ. В настоящее время российское образовательное сообщество проводит большую работу по подготовке соответствующей учебно-методической базы — основы системы будущего тестирования. В частности, концепцию тестирования трудовых мигрантов по истории России готовит по заданию Министерства образования и науки России Российский государственный гуманитарный университет. Должен подчеркнуть, что составление подобной системы тестирования является очень важной работой, поскольку она направлена не только на проверку уровня знаний мигрантов, но и на формирование у них соответствующих компетенций, позволяющих тестируемым лучше понимать основы российской государственности, культуры и традиций народов нашей страны, а, значит, направлена на обеспечение того самого межкультурного диалога, о котором мы с вами говорим сегодня.

В заключение я хотел бы отметить, что в отечественной науке до сих пор не выработалось единого представления о том, какой же должна быть политика России по отношению к постсоветскому пространству. Должны ли мы полностью погрузиться в процессы евразийской интеграции или стремиться прежде всего к развитию отношений с единой Европой, с западным миром? По мнению некоторых специалистов, «...отношения между ЕС и странами Евразийского экономического сообщества имеют глубокую перспективу, характер и динамика их развития предопределят становление единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока в XXI веке»². Другие же указывают на то, что западные государства всеми силами препятствуют реинтеграции постсоветского пространства, поскольку оно является залогом будущего величия России³. Такой плюрализм мнений в научном мире является отражением типичной цивилизационной парадигмы, характерной для российского общества на протяжении многих столетий. Задача профессионального сообщества — содействовать тому, чтобы конкретные цели и задачи российской политики на постсоветском пространстве опирались на солидную, общую для этого пространства историко-культурную базу, которую необходимо всячески поддерживать и укреплять, прибегая к эффективным формам и механизмам межкультурного диалога.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 12 ноября 2012 г. № 185-ФЗ «О внесении изменений в статью 131 Федерального закона “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и статью 272 Закона Российской Федерации “Об образовании”» опубликован 14 ноября 2012 г. в Российской газете (Федеральный вып. № 5935).

² Калиниченко П. А., Трубочева К. И. Европейский Союз на постсоветском пространстве : моногр. М. : РосНОУ, 2012. С. 194.

³ Быков А. Н. Геополитические аспекты евразийской интеграции. С. 14–15.

Э. А. Салыкова¹

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРОВОМ РАЗВИТИИ

Современный этап международных отношений характеризуется динамичными, противоречивыми глобальными процессами, преобразующими геополитический ландшафт мира. Происходящие сложные перемены определяют необходимость объективного анализа концепции устойчивости новой международной системы.

В условиях проявления новых системных характеристик международных отношений в XXI веке, включая развитие многополюсности системы, усиление взаимозависимости государств в связи с обострением глобальных вызовов и угроз, важным фактором влияния на системную среду становится проблема культурно-цивилизационной совместимости ее участников. Тенденция универсализации планетарного масштаба на современном этапе неспособна продуцировать возможности поглощения глобальной цивилизацией многообразия локальных, напротив, на базе инерции цивилизационной детерминации усиливается стремление к сохранению этнических, культурных и конфессиональных особенностей, составляющих цивилизационную идентичность.

Глобализация как объективный процесс, отражающий растущую взаимозависимость мира в XXI веке, выдвигает на передний план проблему формирования открытого культурно-цивилизационного пространства. В Концепции внешней политики Российской Федерации указано, что «глобальная конкуренция впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение и выражается в соперничестве различных ценностных ориентиров и моделей развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики. Все более громко заявляет о себе культурно-цивилизационное многообразие современного мира»².

Пространство, в котором осуществляется межцивилизационное взаимодействие, формируется под воздействием различных геополитических, экономических, социальных и других мировых процессов, не совпадая с границами государств. При этом от Античности до современности фактор неравномерности развития цивилизационных сообществ определяет характер и формы их сосуществования.

В течение длительного исторического периода в мировой политике доминировала западная цивилиза-

ция. Геополитические трансформации, произошедшие на рубеже XX–XXI веков, привели к тому, что в мировых политических процессах все более активно проявляется роль государств, не относящихся к западной цивилизации, в том числе стран с древней цивилизационной самобытностью — Китая, Индии, а также ряда других государств азиатского континента, стран исламского мира и латиноамериканских государств.

Проблемы эволюции межцивилизационной конкуренции стран западной и незападной цивилизаций на рубеже двух тысячелетий определяются новыми глобальными вызовами и угрозами. Возрастает число внутригосударственных межэтнических и межконфессиональных кризисов и конфликтов «нового поколения», которые все чаще приобретают международное измерение.

В мировой политике расширяется число новых негосударственных акторов, участвующих в формировании политических ситуаций на страновом и международном уровнях. При исследовании механизмов воздействия негосударственных участников на международные процессы все более отчетливо проявляются этнический, конфессиональный и культурный аспекты. Так, например, внутренние «зоны нестабильности» государств, возникшие из-за нерешенности этнических и религиозных конфликтов, создают благоприятную среду для распространения политического сепаратизма, экстремизма и терроризма. *Международные террористические организации* активно используют религиозный фактор в качестве инструмента привлечения новых участников в преступные группы. Мировой опыт показывает, что этнический фактор активно используется сепаратистскими движениями для подрыва политической стабильности в государствах.

Глобальные демографические и миграционные процессы в свою очередь активно воздействуют на политическую обстановку в мире и также имеют цивилизационное измерение. События последних десятилетий, связанные с расширением Евросоюза за счет присоединения стран, ранее не входивших в число европейских, привели к формированию культурно-цивилизационной неоднородности населения. Тенденции обострения демографических проблем в европейских странах и увеличения потоков мигрантов преимущественно из стран Ближнего Востока и Магриба значительно влияют на изменение этнического состава населения этих государств и приводят к росту конфликтного потенциала. Несмотря на попытки стран Европейского союза реализовать идею создания «мультикультурного» общества на основе общеевропейских ценностей, сохраняющиеся проблемы социально-экономической, культурной ассимиляции и интеграции иммигрантов в западное общество представляют опасный источник политической нестабильности. Мировой экономический кризис, вызвавший обострение социально-политической напряженности в ряде европейских государств, пока-

¹ Заведующая кафедрой государства и права Дипломатической академии МИД РФ, кандидат юридических наук, доцент. Автор 23 научных публикаций, в т. ч.: «Национальные государства в современных мировых процессах», «Теоретические основы цивилизационного подхода в исследовании мировых процессов», «Проблемы межцивилизационного взаимодействия и негосударственные акторы в современных международных отношениях», «Цивилизационные аспекты модернизации внешней политики России», «Устойчивое развитие глобального мира. Цивилизационное измерение», «Концептуальные вопросы модели межцивилизационного диалога в современных международных отношениях» и др.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/>

зал особую остроту и сложность вопросов миграционной политики.

Возникает закономерный вопрос о том, действительно ли исчерпан ресурс мультикультурализма как средства решения проблем межцивилизационного общения. Возможно, наступил определенный промежуточный кризисный этап, который свидетельствует о неверной оценке предполагаемых результатов, основанных на ожидании лояльного восприятия представителями иных цивилизационных архетипов западных ценностей.

В. Наумкин, рассматривая проблему мусульман на Западе, отмечает, что превращение мусульманской диаспоры в этом регионе во влиятельную общественно-политическую силу не может не оказывать влияния на систему государственно-политических институтов в западных государствах¹. «В целом рост ее численности способствует появлению новых центров силы и нарастанию неопределенности в мировой политике»². Межцивилизационная конкуренция как внутри государств, так и в межгосударственных отношениях требует адекватной оценки роли эффективных коммуникационных механизмов в неоднородной культурно-цивилизационной среде.

Глобальные проблемы и развитие кризисных явлений в современных международных отношениях актуализируют научные дискуссии о современных тенденциях в эволюции межцивилизационных отношений. Исследователи обращаются к различным аспектам данной проблематики. Рассматриваются, например, вопросы, происходит ли уже, как утверждают некоторые авторы, вращение человечества в новый тип (глобальной) цивилизации или же научный анализ должен концентрироваться по преимуществу вокруг оценки общего и частного анализа соотношения динамики мировых и локальных цивилизаций, их противоречий и форм их взаимодействий³. Динамичность мировых политических процессов в условиях глобальных перемен показывает, что прогнозы С. Хантингтона в отношении главной угрозы мира — цивилизационных противоречий — оправдываются лишь частично. Современная мировая практика показывает, что существуют довольно острые противоречия и между государствами, относящимися к единой цивилизационной общности. Показателен в этом смысле пример взаимоотношений между Ираном и Ираком, Северной и Южной Кореей. Так, например, по решению Пхеньяна с 11 марта между Северной и Южной Кореей перестает действовать соглашение о прекращении огня, положившее 60 лет назад конец Корейской войне, а с ним и все прочие договоренности, которые были заключены сторонами Корейского полуострова, чтобы предотвратить военный конфликт.

В силу растущей множественности проявлений глобальных процессов происходит усложнение трансграничных взаимодействий между представителями раз-

¹ Наумкин В. Мусульмане на Западе // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 3 (24). 2010. Сент.–дек. С. 31.

² Там же.

³ Тимофеев Т. Т. Об эволюции взглядов на проблемы межцивилизационных отношений // Межцивилизационные отношения и кризисные процессы. Доклады Института Европы. 2010. № 253. С. 27.

ных цивилизационных общностей Востока и Запада, Севера и Юга. Противоречивая природа культурно-цивилизационного развития связана со столкновением тенденций самоорганизации и регулирования на макро- и микроуровне, усилением рисков межцивилизационной конкуренции на глобальном и локальном уровнях. Исследователи отмечают тенденции деградации культуры и морали, маргинализации значительных масс людей, изменение структуры ценностей, потребностей и идеалов современного человека⁴.

В условиях сохраняющегося цивилизационного многообразия современного глобального мирового сообщества актуализируется проблема влияния разных форм межцивилизационного взаимодействия на системное развитие международных отношений. Сотрудничество в культурно-цивилизационном измерении становится все более важной составляющей интеграционного диалога, игнорирование которого может привести к серьезным диспропорциям в долгосрочной перспективе развития системы международных отношений.

В мировых процессах развиваются тенденции, отражающие чрезвычайную противоречивость и неравномерность глобализации, в рамках которой ускоряющийся процесс объединения идет одновременно с процессами дифференциации. В новых глобальных условиях мира особую значимость приобретает вопрос о продвижении диалога культур как формы взаимодействия между представителями различных религий и конфессий и их влияния друг на друга с сохранением индивидуальной идентичности. Признание актуальности проблемы межцивилизационного согласия послужило основанием для принятия решения Генеральной Ассамблеи ООН о провозглашении 2001 года Годом диалога между цивилизациями, объявления Международным десятилетием культуры мира и ненасилия периода 2001–2010 годов. В Глобальной повестке дня для диалога между цивилизациями, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция от 21 ноября 2001 г.), указано: «Необходимо признавать и уважать богатство всех цивилизаций и искать то общее, что объединяет цивилизации с целью комплексного решения всех проблем, стоящих перед человечеством»⁵. В документе определено, что диалог между цивилизациями будет глобальным по своему кругу участников и открытым для всех. В содержании этого международного документа диалог цивилизаций определяется как процесс, идущий внутри цивилизаций и на их стыке, который основан на всеобщем участии и коллективном желании учиться, открывать для себя и изучать концепции, выявлять сферы общего понимания и основные ценности и сводить разные подходы в единое целое с помощью диалога.

Институт межцивилизационного диалога до настоящего времени не сложился как устоявшаяся струк-

⁴ Цыганков П. А. Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты: колл. моногр. / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Голден-Би, 2008. С. 32–33.

⁵ Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями. Принята резолюцией 56/6 Генеральной Ассамблеи от 9 ноября 2001 г. URL: http://www.un.org/russian/document/convents/dac_agenda.html

турная реальность в системе международных отношений и находится в процессе формирования. В условиях культурно-цивилизационного многообразия мира перспектива развития диалога цивилизаций обусловлена многомерностью связей расширяющегося числа акторов международных отношений.

Качественные отличия современной фазы взаимодействия цивилизаций определяются совокупностью факторов в новых условиях ускоряющегося темпа исторического развития в мире. Ключевой проблемой формирования общих критериев устойчивого развития человеческого сообщества является укрепление духовно-нравственного основания международных отношений в целях сближения и взаимообогащения, различных культурно-цивилизационных сообществ.

Взаимодействие государственных и негосударственных акторов в условиях роста конфликтного потенциала в мире на основе национальных и конфессиональных противоречий предопределяет возрастание роли диалоговых моделей регулирования конфликтов с участием сторон и международных посредников.

Трансграничные вызовы и угрозы безопасности требуют консолидации усилий государств в целях развития международно-правовых механизмов межцивилизационного диалога. Коммуникативная практика диалога на основе процесса познания способствует реконструкции существующих стандартов восприятия его участниками, что необходимо, в частности, для сближения позиций в условиях негативных социальных процессов как следствия политического, экономического или других форм неравенства в обществе.

В современных условиях мирового развития для становления межцивилизационного диалога как института системы международных отношений недостаточен только прагматический интерес к использованию прогрессивного опыта развитых сообществ в научно-технической, экономической и других сферах. Необходимым условием является наличие политической воли участников к конструктивному восприятию позиций партнеров по диалогу, что не противоречит стремлению к сохранению своей культурно-цивилизационной идентичности в международных отношениях.

Основная цель диалога между цивилизациями — содействие последовательному развитию на основе новой поведенческой парадигмы признания приоритетности общих ценностных критериев мирового сообщества, связанных с осмыслением сущности чело-

века, его коммуникативных качеств. Условия сохранения цивилизационной самобытности не противоречат вовлечению народов в процессы реализации гуманистического направления международного сотрудничества, основанного на общности человеческой природы и осмыслении интегративных ценностных начал. Онтологическая истинность диалога предопределяет его созидательный потенциал в корректировке разрушительных конфронтационных тенденций в мировых политических процессах.

Практические меры по развитию институциональных механизмов межцивилизационного диалога в целях устойчивого развития системы международных отношений должны быть направлены:

- на разработку международно-правовых регуляторов формирования диалоговых моделей, включающих государственных и негосударственных участников;

- создание и развитие соответствующих структур в составе действующих международных организаций для расширения и углубления международного сотрудничества, решения сложных задач одновременно государствами и их организационными блоками с учеными, политиками, представителями бизнес-структур, деятелями искусства и другими выдающимися представителями стран и народов;

- формирование мировоззренческих позиций, необходимых для сближения и взаимопонимания между народами различных культур и цивилизаций¹.

Исторический опыт России с ее многообразием этносов, конфессий и культур в преодолении «столкновения цивилизаций», столь волнующего современный западный мир, показывает значение достижения межнационального и межконфессионального мира и согласия для укрепления государственности. Возрождение и сохранение основных элементов, определяющих российскую цивилизационную идентичность, создание условий для усиления процессов сближения и взаимопроникновения культур различных народов, проживающих на территории страны — одно из основных условий ее внутренней стабильности и прочности позиций во внешней сфере. Продвижение межцивилизационного диалога для развития гуманитарного потенциала международных отношений — важный вектор внешнеполитической деятельности России, основанный на понимании того, что цивилизационное и культурное многообразие современного мира представляет собой не разъединительный фактор, а ресурс развития.

¹ Садыкова Э. Л. Концептуальные вопросы модели межцивилизационного диалога в современных международных отношениях : моногр. М. : Орбита-М, 2012. С. 254.

С. В. Снапковская¹ГЕНЕЗИС ФОРМИРОВАНИЯ
РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Исследование генезиса историко-культурных традиций русского и белорусского народов позволило установить феномен «культурно-педагогического пограничья», сущность которого заключалась в следующем: культура и образование на белорусских землях формировались и развивались на перекрестке двух типов христианской цивилизации — западной, римско-католической, и восточной, славяно-русской, византийско-православной.

Культурное пограничье вобрало в себя этнические, языковые, литературные, конфессиональные и другие пограничные контакты и влияния. Культурные границы могут быть заметными и незаметными, прямыми и волнообразными, узкими и широкими, «под замком» и прозрачными, изменчивыми и постоянными. История культуры и просвещения Беларуси демонстрирует, что ее границы всегда были открытыми и прозрачными. На протяжении своей истории белорусские земли входили в состав различных государственных формирований. Отсутствие выразительного белорусского характера в государственно-политическом организме обусловило открытость его культуры для внешних влияний, сильную подверженность его элит ассимиляционным воздействиям со стороны соседних культур, языков, религий, глубокую национальную и этнокультурную толерантность.

Все европейские художественные стили — от романского до различных течений постмодернизма в отрендеризированном варианте и творчески переработанные на собственной почве — представлены в культуре Беларуси. Это выразилось в процессе взаимовлияния восточно- и западноевропейской культурных традиций. Примерами такой тесной взаимосвязи могут служить: взаимовлияния византийско-русской и западноевропейской традиции в иконописи, использование наследия византийско-русского и римско-католического церковного права при разработке статута ВКЛ, толерантное соединение гуманизма и религиозной идеологии в культуре Беларуси эпохи Возрождения, создание унитарства как синтеза православия и католицизма, влияние достижений Эдукационной комиссии Речи Посполитой на создание Министерства просвещения Российской империи. Эти тенденции во многом обеспечили творческий подъем белорусской культуры в XVI — начале XVII века. В произведениях культурной элиты белорусского народа (Ф. Скорины, Н. Гусовского, С. Будного, Л. Сапеги, В. Тяпинского, Л. Зизания, А. Воловича) была обоснована и сформулирована ключевая идея раз-

вития белорусской культуры — синтез идеалов и ценностей Востока и Запада, толерантность к различным культурам и религиям².

Культурно-цивилизационная ориентация Беларуси не являлась застывшим и однообразным явлением и на протяжении длительного периода неоднократно менялась. На белорусском «перекрестке» встречались, взаимодействовали, обогащались и переосмысливались на местной основе многие культурные и духовные течения. В результате распространения иноэтнических влияний тут возникли целые культурные субстраты и анклавы. Эти культурно-духовные пласты невозможно отделить от культуры Беларуси, которая имеет такое же право зачислить их в свое культурное наследие, как это делали по отношению ко многим ее явлениям и персоналиям русская и польская культуры.

Выразительным примером могут служить деятельность и взгляды белорусско-русского просветителя Симеона Полоцкого³. Он заложил основы российской книжности, выявил национально-самобытный тип барочной культуры Беларуси и России. Этот тип культуры базировался на двойном синтезе: на гармонизации средневековых и ренессансных идеологических ориентаций и духовных ценностей, с одной стороны, и компромиссе между православным традиционализмом и европейским научным рационализмом — с другой. В Беларуси его творчество дополнило недостроенную гуманистическую традицию эпохи Ренессанса. В России «русское барокко» компенсировало отсутствие там ренессансного типа культуры. Талантливый и творчески активный «западник», просветитель компромиссной ориентации Симеон Полоцкий заложил несущие конструкции российского образования.

Первая половина XIX века была неразрывно связана с процессом переориентации системы просвещения на территории Беларуси с польско-католической на восточно-православную модель образования. Важнейшим направлением образовательной политики стало распространение русского культурного просветительства путем расширения православия и внедрения русского языка в учебно-воспитательном процессе. Оценка фактора «русификации» в историографии неоднозначна. В то же время влияние русского просвещения на процесс формирования белорусской национальной школы и педагогики с научно-педагогической точки зрения было благотворным. Разработанный К. Д. Ушинским в XIX веке принцип народности, ключевым элементом которого стало образование на родном языке, проявился в творчестве белорусских просветителей и педагогов (Я. Чечёт, Я. Борщевский, В. Дунин-Марцинкевич). Наиболее выразительно идея народности оформилась в трудах идеолога белорусско-

¹ Заместитель исполнительного директора Национально-культурной автономии «Белорусы России» (Минск), доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «У истоков национальной педагогики: Из истории школы и педагогической мысли Беларуси конца XIX — начала XX в.», «Образовательная политика и школа в Беларуси в конце XIX — начале XX в.», «Развитие образования и педагогической мысли Беларуси во второй половине XIX — начале XX в.», «Основы культурологии», «История образования и педагогической мысли» и др.

² Культура Беларуси: 20 лет развития (1991–2011). Минск, 2012. С. 13.

³ Снапковская С. В. Развитие образования и педагогической мысли на территории Беларуси во второй половине XIX — начале XX в. М., 2011. С. 29.

го культурного возрождения конца XIX века Ф. Богусевича, призывавшего: «Не пакідайте ж мовы беларускай, каб не ўмерлі!» Принцип народности составил ключевое звено в концепции белорусской национальной школы, разработанной лидерами белорусского национально-культурного возрождения начала XX века (М. Богданович, Я. Колас, Я. Купала, В. Ластовский, А. Луцкевич, С. Полуян, Тетка). В конце XIX — начале XX века в Беларуси происходило усвоение достижений русской культуры путем синтеза реалистических и модернистских течений в искусстве и литературе.

Современное научное исследование досоветской историко-культурной тематики должно сочетать в себе несколько методологических парадигм, объединенных в широком контексте «империя–провинция».

Первая парадигма (провинциальная, белорусская) должна нацеливать на изучение внутрибелорусских факторов развития культуры. Для более полного и всестороннего понимания происходивших здесь культурных процессов необходимы учет и анализ факторов этничности, конфессиональности, различной цивилизационной ориентации, модернизации, государственной политики.

Другая исследовательская парадигма (общероссийская) предусматривает включение местного белорусского фактора в широкий общероссийский контекст. Факторы и подходы, которые использовались в белорусской парадигме, необходимо соотносить с тенденциями развития Российской империи в соответствующих сферах, в том числе с господствовавшими тогда политико-идеологическими концепциями (теорией «официальной народности», концепцией «западнорусизма»), методами образовательной политики на западных окраинах империи (прежде всего русификацией и деполонизацией), теоретическими поисками русской педагогики в области национальных образовательных ценностей.

Третья исследовательская парадигма (региональная) предполагает использование сравнительного подхода к анализу историко-культурного материала в масштабе региона под условным названием «западные провинции» Российской империи в составе территорий современных Беларуси, Литвы, Украины и Польши. Сопоставление различных факторов развития белорусских, литовских, украинских и польских губерний (образовательных, этнических, конфессиональных, культурно-цивилизационных) открывает дорогу ко многим интересным, подчас парадоксальным выводам и заключениям¹.

Необходим учет аксиологической неоднозначности творческого наследия деятелей культуры и науки, творивших на русско-белорусском пограничье. Уровень национальной самоидентификации неодинаков как для отдельных творцов культуры, так и для отдельных ее видов, стилей и жанров. Поэтому сравнительный анализ взаимодействия различных культур в белорусском регионе остается перспективным направлением для развития культурной компаративистики. Важно исследование углубленной характеристики психологических основ российской и белорусской ментальности в культуре и образовании, направленных на развитие центростремительных образовательных процессов на региональном и российско-белорусском уровне, на разработку механизмов взаимодействия культурно-образовательных проектов в гуманитарно-информационной сфере, а также на изучение профессиональной деятельности российских и белорусских учреждений образования и культуры посредством развернутого ретроспективного компаративистского анализа. В условиях глобализации актуализируется идея толерантности и межкультурного диалога в процессе взаимодействия различных культур.

М. Н. Фомина²

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР ПО-КИТАЙСКИ³

Современный мир порождает не только новые условия существования, сосуществования, но и факторы, объясняющие эти процессы. К одному из них относится диалог, который раскрывается как на международном, так и на локальном уровне. И в обоих случаях он прежде всего обусловлен современными глобализационными процессами, которые вносят свои «коррективы» в устоявшееся восприятие и объяснение данной реальности. Это касается различных сфер деятельно-

сти и отношений человека и общества, в том числе и на уровне международных и национальных отношений в Китае.

Достаточно привычным стало понятие «глобализация», которое из научной сферы плавно перешло в СМИ, а в последующем и на уровень бытовых разговоров; понятие вылилось в тезисы «мы все всё знаем», «во всем виновата глобализация», «глобализация найдет выход...» и т. п. В научной сфере глобализация стала созвучна с понятиями «локализация», «регионализация», «модернизация» и своими производными — «глобализирующая экономика», «глобализирующая культура» и тому подобными как проявление и поиск научной мысли в достаточно сложном конгломерате не только научных предположений и аксиом, но и в реальной возможности оценки объективной реальности. В научной мысли глобализация обосновывается политическими, экономическими и культурными процессами, рожденными в США и транслирующимися на мировое сообщество. Поэтому неслучайно, что как в ев-

¹ Снапковская С. В. Указ. соч. С. 83.

² Проректор по инновационному образованию, профессор кафедры философии, теории и истории культуры Забайкальского государственного университета (Чита), доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы Читинской области. Автор более 110 научных публикаций, в т. ч.: «Cultures of North-East Asia», «Вечные проблемы» философского диалога», «Философская культура: точки измерения» (в соавт.), «Логико-методологическое обоснование культуры», «Виртуальная культура и религия: не виртуальные размышления» (в соавт.) и др. Член Российского философского общества.

³ Статья подготовлена в рамках Соглашения 14.В37.21.0031 Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

ропейском, так и в российском пространстве глобализационные процессы, сохраняя свою суть, приобрели специфические особенности, обусловленные национальными, ментальными характеристиками. Не остался в стороне и Китай.

Стратегия развития Китая, отражая идею Дэн Сяопина «ждать своего времени и развивать свой потенциал», определила в последующем идею 24 иероглифов: «спокойно наблюдать; обеспечивать наши интересы; хладнокровно справляться с трудностями; скрывать наши возможности и ждать прихода нашего времени; не выпячивать достоинства; никогда не стремиться к лидирующему положению»¹, которая, как можно предположить, вступив в противоречие с реальной картиной позиционирования Китая в мире, сформировала восприятие глобализации в Китае как «глобализации с китайским лицом» или «глобализации по-китайски» (и другие варианты).

В сентябре 2003 года на Международной научной конференции «Китай, Россия и глобализация» в Институте Дальнего Востока РАН в речи Временного поверенного в делах КНР в РФ господина Чжоу Ли² была озвучена мысль, что «развивающиеся государства должны, исходя из своих собственных условий, выбирать путь развития в связи со спецификой данного государства, последовательно и постепенно проводить политику реформ и открытости, принимать меры предосторожности и повышать возможность противостояния рискам, поддерживать стабильное, здоровое развитие экономики страны... Китай придерживается позиции активного участия в процессе глобализации, стремится к получению выгод и избежанию вреда», что, по сути, созвучно содержанию вышеназванных иероглифов.

Здесь стоит заметить, что в отличие от европейских стран Китай воспринимает глобализацию с позиций экономической составляющей, поэтому неслучайно, что чаще всего звучит понятие «экономическая глобализация», подтверждающее политику Китая, направленную на развитие новых технологий, которые должны способствовать модернизации китайской промышленности, о чем, в частности, говорят и китайские транснациональные инвестиции. Не созвучно ли это с положением китайской философии «следовать жизни»?

Традиционная китайская философия предполагает, что мудрый должен следовать тому импульсу, который он получил, и поэтому может управлять миром. Следовательно, традиционно сложившийся импульс жизни и в условиях экономической глобализации способствует тому, что экономика Китая станет управлять миром. Не об этом ли говорил турецкий ученый Ремзи Дурмуш: «Сегодня неизбежен тот факт, что Китай, который в течение последних 30 лет тихо и застенчиво развивался и рос, будет представлять собой важнейшую силу мировой экономики в рамках капиталистической системы»³?

¹ Леонард М. О чем думают в Китае? М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. С. 139.

² Китай, Россия и глобализация. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/86346.htm>

³ Дурмуш Р. Глобализация и Китай / TUIC Akademi, Турция. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20130116/204692516.html>

Философия и духовная культура Китая всегда адекватно отражали не только прошлое, но и настоящее Поднебесной. Поэтому «отделять» традиционализм и глобализм (в европейском понимании) бессмысленно: традиции ориентировали человека на отождествление «я» с миром, а следовательно, на единство и устойчивость «я в мире». Поэтому ядро китайской культуры — традиционализм — в условиях глобализации (уточним, экономической глобализации, так как речь идет о Китае) и есть та мудрость, которая следует импульсу жизни.

Как замечает М. Леонард, для Китая неприемлема ситуация, где он «оказался бы под катком глобализации», поэтому они готовы строить свою философскую концепцию глобализации, которая выражается через принципы «Капитализм на берегах Желтой реки», «Коллегиальная диктатура» и «Всеобъемлющая национальная мощь», которые и будут ориентированы на возможность контроля за экономикой со стороны национального государства, что, по сути, и отражается в строительстве нового миропорядка — «Китайского мира за Великой стеной». Но данные принципы только внешне ориентируют на восприятие китайской глобализации как глобализации для Китая. У глобализации по-китайски есть и обратная сторона медали — китаизация. Стремясь стать мощным экономическим мировым двигателем, Китай создает и прецедент китаизации мира через пропаганду боевых искусств, учение Конфуция, в котором заложен глубокий моральный смысл, теряющий себя сегодня в мире, так как моральные и нравственные ценности приобретают «новый облик». Одним из доминирующих факторов развития страны является повышение влияния китайской культуры на международном уровне. Поэтому не случайно, что на XVII съезде КПК (2007) было заявлено о превращении Китая в глобальную культурную державу, следствием чего должно стать повышение уровня привлекательности китайской культуры.

Следовательно, опираясь и сохраняя традиции, Китай видит в них механизм «следования импульсу жизни» в глобализационной трансляции, но на уровне внутренней политики одним из приоритетных направлений его политики является построение «гармоничного общества», смысл которого состоит в оптимизации межэтнических отношений в рамках диалога культур в социокультурном пространстве, так как КНР обладает плюрализмом культур и сложным этническим делением.

Реформы «открытости» Дэн Сяопина внесли изменения не только экономического, но и социокультурного характера. В Конституции КНР отмечено, что все этнические группы имеют равные права и возможности, а следовательно, им должно уделяться равное внимание для сохранения своего культурного наследия. Но здесь же культурная политика Китая направлена на приоритеты ханьцев над другими национальными меньшинствами. Это сказывается, например, на признании единой формы языка — путунхуа, который становится языком межэтнического общения. Хотя, стоит отметить, это характерно не для всех провинций, территориально отдаленных от центра.

Вышесказанное позволяет отметить, что в условиях глобализирующегося Китая диалог приобретает внешнее и внутреннее специфическое «оформление»,

если в первом случае он обусловлен взаимовыгодными условиями, то во втором — «мягкой силой», конструирующей национальную политику государства.

А. Н. Чумаков¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ: КРИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В научной среде и еще больше в широком общественном сознании прочно укоренилось мнение, что глобализация — явление изначально отрицательное, пагубно влияющее на развитие национальных культур. При этом утверждается, что она подрывает самобытные основы развития отдельных, в особенности малых народов, упрощает, а то и вовсе нивелирует их культуры, приводя последние к «общему знаменателю», под которым, как правило, понимаются «массовая культура», унификация общественной жизни и т. п. Как следствие, высказываются опасения, связанные с потерей идентичности и самостоятельности малых народов, утратой культурного разнообразия, исчезновением редких языков и даже депопуляцией отдельных этносов. В итоге и сама глобализация, и имманентно связанная с нею массовая культура, равно как и интеграционные процессы мирового развития, подвергаются жесткой критике, а все, что ассоциируется и соотносится с глобализацией, оценивается с позиции катастрофизма и неприятия. В связи с этим правомерно встает вопрос: насколько обоснованы такие утверждения и порождаемые ими страхи? Действительно ли глобализация лишь отрицательно влияет на состояние национальных культур и реально грозит пагубной для них унификацией в различных сферах общественной жизни?

В значительной степени ответы на поставленные вопросы зависят от того, как понимают природу глобальных процессов и как оценивают их всевозможные последствия, в том числе и в сфере культуры. На эту непосредственную связь глобализации и культуры указывает, в частности, А. С. Запесоцкий, когда, анализируя творческое наследие В. С. Степина, пишет: «В наше время глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур. И от того, как будут осуществляться эти взаимодействия, зависят судьбы цивилизации... Многообразие культур и их взаимодействие выступает условием их развития. Унификация и уничтожение культурного многообразия может приводить к вырождению культур»². Принимая как должное наличие культурного разнообразия, следует также принять и плюрализм мнений, и наличие существенных разногласий в столь сложной и совсем еще молодой,

активно формирующейся области научного знания — глобалистике. Однако важно подчеркнуть, что попытки истолковывать глобализацию как результат чьих-либо целенаправленных усилий или иных каких-то заранее спланированных действий не заслуживают серьезного внимания. И прежде всего потому, что субъективный фактор, в какой бы форме он ни проявлялся и в каком бы качестве ни выступал, хотя и играет порой весьма важную роль, тем не менее определяющим началом в глобализации никогда не был и теперь таковым не является. К своему нынешнему глобальному состоянию, характеризующему системной целостностью и всеобщей взаимозависимостью, мировое сообщество шло долго и последовательно. Причем развитие это по сути своей всегда было объективно-историческим. Так, еще задолго до первых этапов реальной глобализации, начавшейся с эпохи Великих географических открытий, общественное развитие проделало долгий путь от становления до четкого проявления локальных связей и отношений; затем в период Античности на смену им пришла эпоха региональных событий, продлившаяся до эпохи Возрождения.

Реальные же глобальные связи и отношения, начавшиеся с подтвержденного практикой осознания человеком истинного устройства и масштабов нашей планеты, тоже претерпели серьезную эволюцию. Так, ко второй половине XIX века в результате вовлечения в глобальные процессы в массовом порядке экономической, политической и социальной сферы *реальная глобализация* переросла в *фундаментальную*. С выходом человека в космос и началом информационно-технологической революции со второй половины XX века фундаментальная глобализация стала по существу тотальной, *многоаспектной*, захватив в свою орбиту уже и информационное пространство, и экологию, и сферу культуры. Именно к этому времени в полной мере относится проявление такого феномена, как «массовая культура», истоки которой следует искать на этапе фундаментальной глобализации и продуктом которой она, собственно, и является³. Одним из первых, кто серьезно стал исследовать феномен массовой культуры, был, несомненно, Х. Ортега-и-Гассет. В то время, когда о глобализации еще не говорили, но уже все более реально ощущали, непосредственно сталкиваясь с ее проявлениями, он сначала в статье «Массы», а затем в своей знаменитой книге «Восстание масс» подверг основательному анализу феномен

¹ Заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч.: «Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст», «Философия глобальных проблем», «Глобализация. Контуры целостного мира», «Philosophy of Globalization», «Сущность современной глобализации» и др. Первый вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журналов «Вестник Российского философского общества», «Век глобализации».

² Запесоцкий А. С. Теория культуры академика В. С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае–сентябре 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 75–76.

³ См.: Массовая культура // Глобалистика: энцикл. / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М.: Радуга, 2003. С. 541–546; Чумаков А. Н. Метафизика глобализации: культурно-цивилизационный контекст. М.: КАНОН+, 2006. С. 172–193.

толпы и «человека массы». При этом показал, как происходит вытеснение общим частного, как осуществляется замещение индивидуального коллективным, пояснив все это короткой, но предельно точной фразой: «Эпоха масс — эпоха массивного»¹. В дальнейшем явление массовой культуры, в том числе и ее отношение с культурами национальными, исследовали Т. Элиот, Д. Пайпер, Д. Макдональд, М. Маклюэн, Э. С. Маркарян, М. С. Каган, В. М. Межуев, В. С. Степин, А. С. Запесоцкий, В. В. Миронов и др.

Так, например, М. Маклюэн еще на заре массового внедрения телевидения писал, что создаваемая им атмосфера и среда, в которую попадает телезритель, не столько раскрывают, сколько подменяют реальность, воздействуя таким образом не на одну подкорку, но и на сознание в целом, меняя и формируя целенаправленным образом все мировоззрение человека. Человек массы теряет свое личностное начало, отмечал он, сравнивая такого человека со зрителем огромного всемирного театра, где проходит встреча по бейсболу; а когда вы смотрите партию по бейсболу, вы — никто. Отсюда, заключает Маклюэн, человек массы находится одновременно повсюду, но он «человекообразный никто»².

Массовая культура, таким образом, характеризует особенности производства материальных и духовных ценностей в современном обществе. Эта культура рассчитана на широкое и постоянно возобновляемое потребление. Массовой она является еще и потому, что перманентно воспроизводится и вполне доступно представляется широкой аудитории всевозможными средствами информации и торговли, непременно сопровождаемой вездесущей рекламой. Другими словами, культура становится «массовой», когда ее продукты стандартизируются и беспрепятственно распространяются среди широкой аудитории в таком количестве, что ценность их по сравнению с образцами-оригиналами, если таковые вообще оказываются в наличии, становится ничтожной. И в то же время образцы высокой, элитарной культуры, оцениваемые порой и без того достаточно высоко, со временем, как правило, лишь увеличиваются в цене. Важно подчеркнуть при этом, что лучшие культурные достижения — изначальные образцы массовой культуры, формируются обычно в лоне национальных культур. К тому же та или иная национальная культура дает таких образцов тем больше, чем больше она опирается на развитость других сфер общественной жизни данного общества (экономической, политической, социальной). В этом отношении западные страны, и в частности США, особенно преуспели. Но это вовсе не значит, что эти страны и их национальные культуры не подвержены влиянию массовой культуры, заключающей в себе немало элементов национальных культур множества других стран. И все-таки следует признать, что удельный вес влияния национальных культур, например Африки, Юго-Восточной Азии или Латинской Америки, на формирование мировой массовой культуры весьма незначителен, тогда как США и ряд других развитых стран занимают в этом

процессе лидирующие позиции. Здесь важным является то, что в западных странах уровень развития средств массовой информации (газеты, журналы, радио, телевидение, кино, аудиовидеозапись и т. п.), технических систем передвижения (авиация, железнодорожный, автомобильный, водный транспорт) или, например, художественной и популярной литературы, значительно влияющей на общественное сознание, намного опережает страны менее развитые. А это имеет принципиальное значение в конкурентной борьбе.

К этому следует добавить и обусловленные глобализацией интернационализацию экономических связей с постоянно растущим количеством деловых контактов и отношений, резко возросшие потоки студентов, выезжающих на учебу, как правило, в более развитые страны, наконец, неизменно расширяющиеся научные и культурные контакты, которые многократно увеличивают число перемещающихся по планете людей. Все это не может не сказываться на национальных культурах, которые исторически сформировались в тех или иных конкретных условиях, но, оказавшись под сильным влиянием массовой и других национальных культур, не могут не трансформироваться и не видоизменяться, что также способствует распространению наиболее упрощенных, легко тиражируемых образцов культуры.

Таким образом, массовая культура становится уже не только средством распространения тех или иных образцов культуры, проводником каких-то конкретных идей, но и реальным оружием в острейшей политической борьбе как внутри отдельных государств, так и на мировой арене. И то, что такая борьба по мере усиления глобализации будет обретать все новые грани и очертания, сомневаться не приходится. На данное обстоятельство указывает, в частности, В. В. Миронов, когда пишет, что «становление глобальной мировой системы культуры, разрушая классическую систему цивилизации как совокупности локальных культур, локальных государств, базируясь на использовании новейших информационных технологий и открывающихся коммуникационных возможностей, может реализоваться как наднациональное управление миром... Это может реализоваться в глобальном системном тоталитаризме нового типа, с совершенно уникальными возможностями манипуляции над сознанием как отдельного человека, так и общества в целом, при внешнем виде демократического устройства»³.

И в этом одна из причин того, что на уровне обыденного сознания массовая культура зачастую воспринимается как явление, порожденное Западом, который будто бы один только и производит такую культуру, планомерно и целенаправленно навязывая ее всему миру. Однако с таким односторонним взглядом на весьма сложное явление нельзя согласиться. Массовая культура — уникальный социальный феномен, никогда ранее не встречавшийся в человеческой истории. К тому же она не является чьим-то изобретением или выдумкой, происками каких-то заинтересованных сил или результатом определенных целенаправленных уси-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 123.

² McLuhan M. Culture is Our Business. N. Y. ; Toronto, 1970. P. 3.

³ Миронов В. В. Современные трансформации культуры. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 85.

лий. Массовая культура — порождение прежде всего объективных причин и тенденций, которые заключены в универсальных чертах самой культуры как общечеловеческого, присущего всем странам и народам явления, а также в объективной логике ее развития в условиях становления целостных структур, которые складываются в процессе разворачивающейся многоаспектной глобализации, охватившей теперь уже практически все сферы общественной жизни.

Отсюда массовую культуру не следует воспринимать как непременную утрату духовности, творчества и уж тем более как уничтожение национальных культур. В ней наиболее ярко проявляется специфика глобализирующегося мира, его унификация, что нередко и не без основания связывается с «техногенной» культурой «потока», «конвейера», «штампа». Однако ее следует рассматривать не только как негативное явление, но и как явление вполне закономерное и даже по-

зитивное, если видеть в ней адекватную реакцию культуры в целом на усложняющийся и все более формирующийся в единую целостность современный мир.

Таким образом, в заключение подчеркнем, что вопреки широко распространенному мнению глобализация не столько нивелирует национальные культуры, сколько стимулирует их к обособлению, перед натиском со стороны все усиливающегося влияния на них массовой культуры. Более того, она усиливает их сопротивление внешнему воздействию, поддерживает иммунитет самосохранения и укрепляет сопротивляемость чуждому влиянию. В итоге, принимая во внимание объективный характер и неизбежность как глобализации, так и сопутствующей ей массовой культуры, национальные культуры должны не бороться с этими явлениями, а адекватно вписываться в систему новых, как мировых, так и трансформируемых ими региональных и локальных отношений.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Ф. А. АСАДУЛЛИН	заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат филологических наук
Е. М. АСТАХОВ	профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, кандидат исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Е. ВЯТР	Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления (Варшава, Польша), доктор социологии
А. ГАМИЛЬТОН	Ее Светлость герцогиня Аберкорнская (Великобритания)
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
В. ИНГИМУНДАРСОН	профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии
Х. КАРЗАЙ	директор-основатель Центра по изучению конфликтов и мира (Афганистан)
Г. КЁХЛЕР	президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
П. ван КРИКЕН	профессор международного права и прав человека Университета Вебстер (Лейден, Нидерланды), доктор
А. И. КУЗНЕЦОВ	директор Историко-документального департамента МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
Р. ЛЬЮИС	президент Международного института языкового и кросс-культурного тренинга “Richard Lewis Communications” (Великобритания), профессор
Х. А. МАРК	Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
Т. О’ШИ	ректор Эдинбургского университета, Почетный доктор СПбГУП
Е. И. ПИВОВАР	член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор
В. ПРОДАНОВ	член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук, профессор
М. Л. ТИТАРЕНКО	директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
У ЭНЬЮАНЬ	директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Здравствуйте, уважаемые коллеги. Хочу сказать несколько слов, которые, думаю, будут полезны для проведения сегодняшней дискуссии. Мы специально приглашаем к участию в Чтениях представителей разных областей научного знания, чтобы получить интегральное видение протекающих процессов в сфере диалога культур. Мы сегодня обсуждаем проблемы диалога культур не впервые, и Оргкомитет каждый раз обобщает высказывания наших гостей из разных регионов мира. Позвольте высказать в этой связи несколько тезисов.

Прежде всего необходимо обратить внимание на само понятие «культура». В мире активно развива-

ется наука культурология, которая изучает это понятие. Надо отметить, что оно — одно из самых сложных, так как у него более шестисот определений. Применительно к диалогу культур наиболее удобным нам представляется одно из самых старых определений понятия культуры — как всего того, что сделано руками и разумом человека за всю историю человечества. Это наиболее широкий и общий подход, при котором все, что происходит, допустим, в сфере экономики, является частью культуры. При таком подходе, например, юриспруденция, то есть вся сфера судопроизводства, законов, правоохранительной системы, находится внутри культуры, является ее частью. А также

административные институты, институты власти, выборные органы, пресса — все это является культурой и представляет собой определенные ее подсистемы, которые связаны с другими подсистемами определенными, иногда видимыми, иногда невидимыми нитями. Конечно, существуют и национальные представления об административных институтах, о юриспруденции, экономике, но все это — единый массив культуры, подсистемы которого связаны между собой огромным количеством различных нитей. Это первое, о чем хотелось бы сказать.

Второе. Когда мы говорим о диалоге культур, то имеем в виду диалог людей, которые выступают носителями различных интересов. Интересы разные, и в рамках культуры они, как мы знаем, не очень хорошо уживаются. В культуре существуют относительно обособленные, отдельные пласты. И в то же время считается совершенно определенным фактом существование глобальной культуры. Каждый из нас живет в мире многих культур: есть собственная культура семьи, есть культура нашего города, культура этноса, культура страны и есть глобальная культура. В глобальную культуру входит много разных явлений, например аэропорты и отели, когда мы перемещаемся по разным странам и видим, что есть одинаковые стандарты, правила поведения. Глобальную культуру составляют и другие компоненты, например наука, где закон Ома, представления Дарвина или таблица Менделеева не принадлежат какой-то одной культуре. Огромный массив естественно-научных знаний — это, конечно, факт глобальной культуры. Мы видим, что в последние годы массив элементов, которые являются достоянием всего человечества, непрерывно увеличивается.

Также мы видим, что по мере глобализации появляется и другая очень мощная тенденция — это тенденция к усилению роли национального фактора в культуре. В условиях глобализации каждый этнос старается как можно активнее защищать свою культуру. Если раньше мы думали, что есть опасность уничтожения национальных культур под влиянием глобальной культуры, то сейчас мы видим, что практически каждый этнос, каждая национальная культура усилиями конкретных людей, организаций, социальных институтов старается защитить сама себя. Получилось так, что опасность подавления национальных культур оказалась намного меньше, чем мы ожидали. Несколько лет назад на Лихачевских чтениях Михаил Пиотровский, директор Эрмитажа, высказал интересный тезис, что каждый человек должен учиться жить в разных культурах. На первый взгляд это почти невозможно, но выдающийся российский философ А. А. Гусейнов, директор Института философии Российской академии наук, выходец из Дагестана, на личном опыте показал, что это вполне возможно. Дагестан — маленький регион на Кавказе. Господин Гусейнов говорит, что меняет культуру (может быть, это не совсем удачное сравнение) так же, как иногда человек меняет костюм. Когда он приезжает в Дагестан, то мыслит на своем родном языке, языке этой небольшой горной республики, и ведет себя в соответствии с ее обычаями. Когда он возвраща-

ется в Москву, то ведет себя по нормам, обычаям российской культуры.

Тезис о том, что возможно жить в разных культурах, чрезвычайно важен, он помогает понять, как человек может освоить многообразие культур, не подавляя личную культуру, национальную культуру. Мне думается, положение о том, что человек может жить во многих культурах, очень важно для правильного понимания мультикультурализма. Мы видим, какой проблемой в странах Запада становится то, что различные этносы живут там согласно своей культуре и не интегрируются в культуру той страны, куда их представители приехали. К примеру, в Германии и во Франции. Конечно, у человека должен быть базовый язык как один из важнейших элементов общности. И в то же время человек должен говорить на нескольких языках и иметь возможность быть интегрированным в разные культуры, в том числе и в культуру той страны, где он живет.

Существует важная категория, которая обычно остается вне поля зрения людей, работающих в областях, не связанных с культурой, — это картина мира. Картина мира базируется на ценностях, и есть различия в национальном понимании ценностей. Но в то же время существует и понятие общечеловеческих ценностей. Насколько значимо это понятие, как оно работает? Я думаю, что оно не безусловно. Если мы рассмотрим, например, подход с точки зрения традиционных религий, то там есть, конечно, базовые понятия, такие как «этика», «честность», «долг», «ценность Родины», «ценность своей культуры» и т. д. Но в разных культурах это понимается по-разному; например в философии восточных религий очень многие вещи, такие как время, пространство, человеческая деятельность, понимаются качественно иначе, чем на Западе. Здесь присутствуют наши коллеги из других регионов, которые, сталкиваясь с западной культурой, наверное, хорошо это ощущают.

Итак, я высказал некоторые мысли и точки зрения, которые у нас сложились на протяжении ряда лет дискуссий на Лихачевских чтениях. Мне показалось, что эти соображения могут быть вам полезны в выстраивании своих выступлений, чтобы наша сегодняшняя дискуссия продолжала предыдущие.

Пользуясь случаем, от имени Оргкомитета хочу еще раз поблагодарить вас за участие в Чтениях, пожелать вам успехов в работе. Надеюсь, ваше пребывание в Петербурге будет плодотворным и останется приятным воспоминанием.

На этом, если позволите, я передам слово моим замечательным коллегам — академику Михаилу Леонтьевичу Титаренко, которого мы считаем великим ученым, и Александру Игоревичу Кузнецову, представляющему Министерство иностранных дел, которого мы очень хорошо знаем в научном мире как крупного российского дипломата. Господин Кузнецов вернулся на работу в Москву с должности Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Испании. Он является одним из авторитетнейших российских дипломатов. Я хочу с удовольствием отметить участие в нашей дискуссии Хуана Антонио Марка, человека, который много лет

был Чрезвычайным и Полномочным Послом Испании в Москве. Хочу сказать добрые слова в адрес господина Льюиса, который представляет весьма интересную арену диалога культур, протекающего в сфере бизнеса. Здесь собрались выдающиеся, крупные ученые, практики и общественные деятели. Я восхищен выступлением госпожи Гамильтон (герцогини Аберкорнской), которая вносит в наш научный мир нотку человечности и душевного обращения к великим ценностям, которые необходимы каждой цивилизации и культуре. Благодарю вас за внимание. Желаю вам успехов!

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Уважаемые коллеги, выступление организатора этого форума, ректора СПбГУП, академика Александра Сергеевича Запесоцкого задало тон нашей дискуссии, и я думаю, что мы продолжим в том же духе. Итак, первым приглашаем выступить профессора Евгения Михайловича Астахова.

Е. М. АСТАХОВ: — Междивизиональный диалог, разумеется, необходим, хотя на этот счет существуют разные мнения. И именно диалог, а не монолог, потому что просматривается попытка реализовать проект глобальной цивилизации, осуществляется курс на устранение геополитических соперников. Конечная цель, если отбросить все риторические «одежды», по крайней мере некоторых авторов этого проекта, — формирование единой глобальной культуры, единой нации, если хотите, с одним языком и единым мировым правительством. Первый этап реализации этого курса общеизвестен, не буду повторять: это и Белград, и Ливия, и Ирак, и Сирия, и другие страны, это и информационный прессинг против некоторых стран, в частности против России. Очевидно, что глобализация полезна в технологической сфере для коммуникационных связей между научными и производственными комплексами. Но глобализация ценностей контрпродуктивна, тем более ценностей западных, скажем, англосаксонского варианта цивилизации; например в определенных странах Западной Европы сегодня налицо утрата некоторых ценностей или их девальвация, и даже кое-где наблюдается отход от крестьянских ценностей. Теперь уже родители не мать и отец, а родитель № 1 и родитель № 2.

Но вернемся к информационному прессингу против России. Россия — естественный геополитический соперник, скажем, англосаксонской цивилизации, поэтому против нее направлены информационные технологии экспорта упомянутого проекта, нельзя не признать, что они успешно работают. Мы видим раскол в российском обществе в целом, в социально-экономической и культурно-конфессиональной сферах. Этот раскол имеет и внутренние, и внешние причины. С внутренними понятно: постоянно в российском обществе и в императорской России были какие-то противостояния — западники, почвенники и тому подобные, это давняя история. Но сегодня хотелось бы обратить внимание на чисто внешние причины — это импорт западных ценностей, причем постоянно усиливающийся. Речь идет не о вершинах европейской культуры, а о доступных продуктах массового потребления,

тем более что европейская культура близка русскому менталитету и эти простые, лежащие на поверхности вещи, делающие жизнь комфортной, с большой охотой принимаются. Я уже не говорю о том, что многие российские, я бы сказал, русские западники имеют сейчас на Западе свои материальные интересы. У многих там на постоянной основе живут жены, любовницы, дети, и работают они в России так называемым «вахтовым методом»: живут там, а сюда приезжают зарабатывать деньги, потому что на Западе все ниши заняты.

Конечно, мы видим определенные попытки со стороны Москвы противостоять этой вестернизации. Например, уже ведутся разговоры о едином учебнике истории, недавно в рамках Администрации Президента РФ было создано Управление по общественным проектам, которое будет заниматься патриотическим воспитанием. Но пока все эти попытки робкие и проводятся с определенной оглядкой опять-таки на Запад. А наступление, в том числе внутреннее информационное наступление, продолжается. Под крики о завинчивании гаек и ограничении режима свободы слова в России некоторые наши СМИ, причем находящиеся на финансировании государственных структур, не только критикуют, скажем, Путина, что вполне понятно, а устраивают настоящую травлю. Но, как это бывало в России не раз, метят в Путина, а попадают в Россию. Пока власть в Москве все это терпит, потому что исходит из того, что системная оппозиция управляема и к тому же дает аргумент для диалога с Западом, в том смысле, что у нас все-таки есть свобода слова и демократия — и все довольны. Ну и нельзя не признать, что работа нашей внутренней оппозиции через некоторые СМИ не охватывает все население, это надо понять. В нее вовлечены значительные круги московской и петербургской интеллигенции, это тоже очевидно. Но в принципе государственная пропаганда, да и контрпропаганда, у нас еще не на высоте: мы все время оправдываемся и защищаемся.

Может быть, это связано с тем, что сейчас нет идеологии, национальной идеи, четких геополитических целей, а у Запада такие цели есть, даже у латиноамериканских стран, где я много лет работал. Есть они и у русских внутренних западников. Очевидная цель так называемых «вождей Болотной площади» — это вернуться к власти, которая была в первое десятилетие после 1991 года. Их волнует только этот вопрос, а не демократия, свобода слова и тому подобное, это все для западных журналистов, которые с удовольствием публикуют на Западе материалы о своих беседах с лидерами оппозиции, создавая тем самым там соответствующую психологическую окраску. Однако, на мой взгляд, проект глобальной цивилизации большинством населения России не поддерживается. Есть понимание, в том числе и у политической элиты, что полное встраивание в чужую цивилизацию ведет к утрате национальной идентичности. Вместе с тем в силу своих размеров и географического положения Россия не может изолироваться от глобализационных процессов. В ходе своего исторического формирования страна вбирала в себя различные этнокультурные и конфессиональные группы и своим примером подтверждает

тезис о культурно-цивилизационном разнообразии как естественном пути развития человечества.

Хотелось бы сказать несколько слов о том, что события, происходящие в России, в Западной Европе не всегда понимаются правильно. В декабре 1991 года между лидерами трех бывших советских республик произошла историческая встреча в Беловежской Пуще. В принципе на Западе это было воспринято спокойно. Я хотел бы воспользоваться тем, что здесь находятся бывший посол Испании в Москве и бывший посол России в Мадриде, и задать им вопрос: «Вы можете представить ситуацию, чтобы в галисийских лесах собрались представители, скажем, трех автономных регионов Испании и не посоветовавшись ни с королем, ни с центральным правительством, пришли к абсолютно незаконным соглашениям?» В результате этих соглашений более 30 млн русских людей или, во всяком случае, думающих по-русски, разделяющих русскую культуру, оказались в других странах, которые раньше были республиками единого государства.

Произошла не только геополитическая, но и гуманитарная катастрофа. Еще вчера эти люди жили в одной стране, а буквально на следующий день оказались в другой, с другим официальным языком, другими законами. И примечательно, что лучшие умы русского зарубежья, внесшие крупный вклад в мировую и отечественную культуру, восприняли как национальную катастрофу события 1917 года, и 1991-го. И встает вопрос: какую политику надо проводить по отношению к русским людям, оказавшимся на чужбине, но продолжающим говорить и думать на русском языке? Большинство из них от своей генетической Родины не отказываются, русского человека можно вывезти из России, а отнять ее у него нельзя. Во всяком случае если он действительно русский. Все 1990-е годы в тогдашнем ясинском руководстве страны сохранялся «беловежский подход». Бывшие наши соотечественники живут теперь в других странах, которые должны решать, что с ними делать, а России вмешиваться нельзя, иначе ее будут упрекать в имперских устремлениях и создании «пятой колонны» в новых независимых государствах. Такой подход полностью устраивал элиты этих новых государств и позволил им заняться достижением своих государственных целей, то есть легитимизацией государственности и границ, которые раньше были только административными, а теперь стали государственными. В закреплении государственности подразумевалась среди прочих важная цель — вытравить из живших там людей генетическую память, ограничить использование ими русского языка, в том числе в детских садах, школах, вузах, СМИ, культурной жизни. Вот вам культура и диалог культур.

Очень любопытно: если ранее атаки направлялись против империи СССР, якобы «тюрьмы народов», то сейчас бывшие критики сами стали мини-империями и не дают самоопределяться своим народам. Этот вопрос возник у Грузии с Южной Осетией, Абхазией, то же самое у Молдовы с Приднестровьем, у Украины с Крымом и т. д. Что делать, чтобы защитить этих людей? На Западе поддержки, откровенно говоря, не получить, мы видели реакцию Запады, практически

единодушную, кстати, должен отметить, за исключением Испании, когда в 2008 году по существу все встало на сторону Саакашвили против России. Но наших людей все равно бросать нельзя, причем нам не надо бояться фантомной боли по бывшей империи, надо проводить твердую политику по защите нашего населения. Представьте себе, что, скажем, в Канаде меньшинство населения говорит на французском языке, но французский является государственным, в республиках Прибалтики половина населения говорит на русском языке, но русский не считается никаким языком, и Запад молчит, он в эти дела не вмешивается, это, мол, внутреннее дело.

Тут могут быть два варианта действий: мягкая дипломатия — это указ о добровольном переселении соотечественников в Россию, поддержка русских диаспор за границей, но, кроме повседневной работы с рассылкой учебников и тому подобным, есть вариант применения и так называемой жесткой политики, если хотите, жесткой силы. Тут вопросы непростые, деликатные, но, на мой взгляд, иногда можно ставить вопрос и о так называемых экономических санкциях, если права русских людей абсолютно игнорируются и идет политика вытравливания их из новых государств. Опыт показывает, что практически все страны Запада активно работают по вопросу защиты своих соотечественников. К примеру, Институт Сервантеса в Испании, Институт Гёте, Альянс Франсез и т. д. Там идет плановая государственная целенаправленная работа, геополитические цели которой — защита своих людей и продвижение своих интересов.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Евгений Михайлович, Вы в своем очень откровенном и остром выступлении осветили целый ряд реально существующих в жизни России проблем и действительно острых и разных точек зрения по этим проблемам, это очень важный аспект. Позвольте предоставить слово профессору Ефиму Иосифовичу Пивовару.

Е. И. ПИВОВАР: — Уважаемые коллеги, я ректор Гуманитарного университета в Москве, порожденного именно эпохой постсоветской России, потому что это университет, который первым стал называться российским в марте 1991 года (между прочим, это первое решение Ельцина как президента России еще в составе Советского Союза) и первым был назван гуманитарным. Поскольку я последние десятилетия так или иначе занимаюсь постсоветским зарубежьем и постсоветским пространством (есть кафедра и в РГГУ, и в МГУ я руковожу кафедрой истории стран ближнего зарубежья), то мне близка тема межкультурного диалога на постсоветском пространстве. По моему мнению, на пленарном заседании очень ясно было заявлено, и я это абсолютно поддерживаю, что культурное разнообразие в мире — это реальность, это данность, которая не исчезнет, это я могу сказать как историк. Да, она меняется, приобретает новые формы, может показать новое лицо, но все-таки это данность — она вечна, и вся история человечества это доказывает. С другой стороны,

взаимообогащение и взаимодействие культур тоже нельзя остановить. Поэтому мы говорим о глобальной культуре, это, собственно, и есть процесс взаимообогащения, взаимодействия.

В этих двух, я бы сказал, парадигмах, есть позитивное и есть тревожное. Позитивное заключается в том, что в процессе взаимообогащения, взаимодействия неизбежны некоторая нивелировка и потери, их не может не быть. Эти объективные потери, которые являются, с одной стороны, действительно потерями, а с другой — приобретениями, мы должны учитывать и принимать как реальность процесса. Но есть потери, которые мы можем предотвратить, для того чтобы разнообразие культур сохранялось и чтобы каждая культура имела будущее. Для нас, для Российской Федерации, это вопрос, честно говоря, жизни и смерти. Российская Федерация — это только 2 % населения и 12 % территории мира, но когда в стране больше сотни культур, конечно, для нас это не пустой звук. Есть страны моно- или почти монокультурные, есть страны, как наша, которые имеют огромное разнообразие культур, и вокруг наших территорий таких стран тоже много. Я смотрю на наших китайских коллег, у которых, конечно, огромное количество культур, хотя со стороны кажется, что в Китае одна культура, но это далеко не так. Строго говоря, и у нас так же. Все представители русской эмиграции называются русскими, хотя так их можно назвать с натяжкой, они скорее русскоязычные. Конечно, россияне в Аргентине под «русскими» понимают и украинцев, и азербайджанцев, и евреев, и белорусов. Даже в Израиле, где практически все евреи, называют их русскими, меня называют русским, хотя я, конечно, русский еврей, просто так принято. Так что это типичное заблуждение.

Итак, что же нам надо делать? Мне кажется, что поможет нам образование, которое обращено в будущее, и мы передаем знания прошлого через процесс образования будущим поколениям. На это направлено образование со времен Древней Греции или более ранних эпох, об этом говорили и Платон, и Аристотель, и другие великие мыслители. Так вот оно и должно искать пути, чтобы разнообразие культур сохранялось и чтобы диалог культур минимизировал бы эти потери. Как этого достичь? Конечно, это можно сделать с позиции толерантного отношения друг к другу, то есть через диалог. Что такое диалог? Это не только понимание и представление о том, что предлагают другие, это еще и учет этого понимания, а не отрицание его. Это не означает абсолютное принятие, но это учет другой точки зрения и вступление с ней в дискуссию. Вот что такое диалог в моем понимании. С одной стороны, я понимаю пафос моего предшественника и разделяю его боль, потому что тоже считаю, что распад СССР — это геополитическая трагедия, но, с другой стороны, я хотел бы предостеречь нас от такого недопонимания другой точки зрения. Конечно, мы говорим о русских, которые остались вне пределов Российской Федерации, но нельзя не говорить и о тех азербайджанцах, украинцах, белорусах, казахах и других народах, которые оказались в Российской Федерации. Так что этот процесс не односторонний.

И в целом отношение Российского государства к внутренним диаспорам — тоже важный показатель, которым проверяется отношение к нашим диаспорам в других странах. Например, когда шведы уделяют внимание финскому меньшинству у себя и наоборот, они тем самым скрепляют взаимодействие между этими народами, между этими соседями. Это один сюжет. Второй сюжет: мы претендуем (и это правильно) на то, чтобы русский язык как великое достижение предшествовавшего советского периода, да и Российской империи, стал языком межнационального общения, чтобы он помог приобщению к мировой культуре всех народов, малых и больших, всей нашей огромной страны. Но надо изучать языки и культуры народов России, которые стали самостоятельными. Мы, увы, этим занялись только когда появилось постсоветское пространство. Надо изучать украинскую, белорусскую, казахскую, азербайджанскую культуру, иначе у нас не получится диалога. Увы, надо признать, что мы это делаем так же плохо, как отстаиваем интересы русского языка в этих странах. Не лучше, не хуже, а плохо делаем и то, и другое.

В заключение хочу сказать, что тут собрались люди, которые понимают, что диалог культур неизбежен, что он имеет большое политическое значение, что без этого нельзя взаимодействовать. Все это понимают, но необходимы и конкретные действия. Конечно, надо признать, что в образовательной практике постсоветской России мы уступаем Советскому Союзу по взаимодействию тогда между республиками, а теперь между отдельными государствами. Мы не занимаемся подготовкой кадров друг для друга, а это для нас первостепенно. Мы не поддерживаем тех, кто по-прежнему хочет укрепления нашего взаимодействия. Есть, конечно, некоторые проблески. На европейском экономическом пространстве и в деятельности экономической комиссии это, конечно, уникальный случай, когда Казахстан, Белоруссия, Россия начинают экономическое сближение. Произошел поворот и в отношениях Украины и России с точки зрения взаимодействия гуманитариев. Я в этом процессе участвую, мы стали совместно издавать книги, проводить форумы, у нас появились ассоциации украинистов, русистов, но первые 10 лет наблюдалась совершенно иная ситуация. Наконец, этот процесс начинается, но без наших усилий он заглохнет. Поэтому я думаю, что к этому процессу необходимо привлечь молодое поколение. Спасибо.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Большое спасибо, Ефим Иосифович. Я приветствую Ваш конструктивный подход к решению острых вопросов, которые были поставлены в первом выступлении. Это очень ценно и важно. Слово предоставляется профессору Ежи Иосифу Вятру.

Е. ВЯТР: — Прежде всего я хотел бы поблагодарить за приглашение принять участие в этих важных Чтениях, я здесь уже во второй раз. Также хотелось бы высказать короткие комментарии, которые относятся к концепции диалога культур и к двум, можно сказать, провокационным выступлениям моих предшественников.

Ректор в своем вступительном слове подчеркнул важность мультикультурного положения и сказал о том, что некоторые аспекты культуры важны именно с точки зрения диалога, а некоторые черты мультикультурности не столь важны для него. Конечно, мы путешествуем повсюду и видим различные стили архитектуры, и что из этого? Здесь нет почвы для диалога, но мы можем выйти на более узкие концепты культуры, которые как раз провоцируют нас на обсуждение в форме диалога культур, определяются как система ценностей, и мы можем использовать определение ценностей культуры. Проще говоря, это означает, что разные культуры имеют разный порядок приоритетов этих ценностей, некоторые вещи больше ценятся в одной культуре, а другие более ценны для нас. Например, если мы посмотрим, как в разных странах относятся к женщинам, то увидим массу различий, и здесь есть что обсудить.

Мы, конечно, можем уважать традиции исламской культуры, там решают проблему по-своему, но это не означает, что мы должны принять идею, что женщины менее полноценны, чем мужчины. Мы не можем принять такое положение и должны развивать активность наших граждан, с тем чтобы различие культур было сведено к очень простому вопросу: что более важно — коллективные интересы, интересы государства или интересы индивида, отдельного гражданина? Если мы говорим о двух различных политических культурах в Европе — это западная либеральная культура и восточная культура, то можем свести разговор к этим основным вопросам. Здесь можно привести пример из великого романа русской литературы «Война и мир», когда князь Болконский ведет разговор с сыном, и суть того, в чем старается убедить старый князь молодого, — это то, что империя, государство — это самая главная ценность, ради которой каждый должен пожертвовать своей жизнью; это элемент культуры. Толстой намеренно вложил такие мысли в уста пожилого отца для того, чтобы передать россиянам эту ценность. С другой стороны, западная либеральная культура фокусирует свое внимание на индивидуальности, некоторые видные западные политики предпринимали попытки, чтобы уменьшить индивидуалистический подход к политике.

Более 50 лет назад Джон Кеннеди в своей знаменитой речи сказал: «Дорогие американцы, не спрашивайте, что страна может сделать для вас, — спросите, что вы можете сделать для своей страны». Это было сказано намеренно. В контексте русской культуры эквивалентно тому, что сформулировал Джон Кеннеди, Россия не может сказать: «Не спрашивайте, что Россия может сделать для вас, а спросите себя, что вы можете и должны сделать для России». Наоборот, надо задать вопрос: «Что Россия может сделать для вас как для индивида?» Эта форма диалога включает в себя некий компромисс. Мы видим, что на протяжении последних двух десятилетий, после того как мы ушли от коммунистической системы, упор делался на права человека. Это новая поддержка культуры, которая развивается, и здесь более глубокое понимание того, что граждане имеют права, и даже больше чем права, — они имеют обязанности контролировать тех, кто дер-

жит власть в своих руках, то есть властители со своей стороны должны быть ответственны перед гражданами и т. д. Вот здесь я вижу большое пространство для диалога культур; для диалога, а вовсе не для столкновения культур.

Кстати, вспоминая пленарное заседание, где упоминалась идея Сэмюэля Хантингтона о столкновении культур, я хочу сказать, что знал его более 50 лет, во многом наши точки зрения совпадали. Так вот, вы неправильно поняли то, о чем он говорил. В своей книге «Столкновение цивилизаций» он не говорил, что такое столкновение обязательно и неизбежно, наоборот, он предупреждал об опасности такого столкновения. В последней главе своей книги он пишет как раз о новом мировом порядке, который основывается на взаимном понимании, и до последних дней жизни он противостоял политике США, демонической политике. Это логично, потому что он жил в США и полагал, что ни Америка, ни другая сверхдержава не должны навязывать свои ценности другим культурам. Вот это мы должны держать в своей коллективной памяти. А история — это набор различных версий, объяснений, описаний и даже различная социологическая терминология. Мы знаем, что определенные события, которые произошли, не могут быть описаны как нейтральная информация. Мы знаем, что в 1941 году нацистская Германия напала на Советский Союз, но что это означало для народов Советского Союза, для немцев, для поляков — здесь у нас различные воспоминания. Эти воспоминания часто противостоят друг другу, и поэтому происходят столкновения мнений.

В Польше предприняли попытку примирить эти воспоминания, и частично она оказалась успешной. Я родился за восемь лет до начала войны, жил в Варшаве во время оккупации и представить себе не мог, что впоследствии между немцами и поляками возникнут такие тесные отношения, но это произошло. Не менее удачная идея — это то, что многие польские деятели вступили в процесс примирения различных представлений в отношении прошлого между российскими и польскими политиками. Здесь мы достигли частичного прогресса. И еще я хочу сделать комментарий, отвлекаясь на выступление моего предшественника. Я понимаю его боль от распада Советского Союза в 1991 году. Две федерации — Югославия и Советский Союз распались, но в Югославии это привело к трем кровавым войнам и сотням тысяч жертв, а в Советском Союзе этого не произошло. Здесь мы должны понимать, что, с одной стороны, это трагедия, но с другой — это политика, которую мы должны уважать: Россия, движущая часть Советского Союза, примирилась с процессом распада государства и отказалась использовать силу, включая военную, для того чтобы сохранить этот союз. И я вижу, что в дальней исторической перспективе это и будет самым важным.

Х. КАРЗАЙ: — Позвольте мне сказать несколько слов. Я услышал здесь критические замечания в адрес традиционной исламской культуры. На мой взгляд, те, кто их высказывает, недостаточно хорошо знают нашу

многовековую культуру, которая имеет немало достижений. В священных текстах ислама говорится, что мужчины и женщины равноправны. Мы знаем примеры, когда в годы господства Талибана в Афганистане женщин заставляли закрывать лицо, но это не имеет отношения к религии.

Е. ВЯТР: — Полагаю, что мы можем обсудить этот вопрос на разных уровнях. Один: что, собственно говоря, постулирует ислам как религия. И это правильно, но я-то говорил не о классической интерпретации Корана, а о его «отражении» на практике. Приведу два примера. Несколько лет назад Йемен, где я работал консультантом, изменил семейное законодательство, разрешив полигамные браки. Но полигамные браки только в том смысле, что мужчина может иметь более одной жены, а не наоборот. Еще один пример: новая Конституция Египта, разработанная под влиянием «Братьев-мусульман», закрепила невозможность для женщины стать президентом республики. Я могу согласиться с тем, что этого в Коране нет, но это то, что делают современные мусульманские богословы. Мне думается, что здесь проявляется фундаментальная защита того, что в Европе и США противодействует гендерной культуре.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Спасибо. Позвольте предоставить слово профессору Василу Проданову.

В. ПРОДАНОВ: — Я хотел бы обратить внимание на две, думаю, самые важные функции культуры и в этом контексте на два феномена. Первая функция — это мягкая сила, соотношение культур — это соотношение сил. Глобальные перемены мягкой силы происходили несколько столетий, существовал глобальный евроцентризм, потому что Западная Европа была глобальным пространством. Последние 50 лет XX века мы очень сильно подверглись американизации в результате развития коммуникационных культур. Самое сильное воздействие американской культуры в результате привело к крушению Советского Союза. У США была самая большая сила. Теперь мы видим тенденции регионализации культур: исчезает единая гегемонная сила и возвращается в каком-то смысле империя. Я живу на Балканском полуострове, и там, например, турецкие сериалы постепенно вытесняют американские, русских уже нет, идет процесс неоосманизации. Те же самые процессы протекают в самых разных частях мира. Восхождение БРИКС — это восхождение нового соотношения мягких сил. Это первый аспект.

Второй аспект, я думаю, важный: культура — это идентичность, соотношение культур — это соотношение разных идентичностей. И здесь очень важна роль истории, как мы воспринимаем, трактуем историю. Мы наблюдаем две важные тенденции. Первую тенденцию я называю «возвращение истории». В Советском Союзе, например, идентичность формировалась через будущее коммунистическое общество. Теперь на этой территории все бывшие советские республики возвращаются к истории. История — это инструмент

формирования идентичности, поэтому, думается, идет процесс этнического возрождения, при котором наблюдается реконструкция старых идентичностей и этнических идентичностей, забытых в современную эпоху, и их новый взлет. Так, например, в Интернете появляется очень много языческих религий, и это возвращение к старым идентичностям, которые как будто бы исчезли, но они претерпевают второе рождение, в том числе и в Европе. Все это создает новые конфликтные ситуации в национальных государствах — от Испании с региональными басками, каталонцами до Великобритании с Шотландией.

И вторая тенденция — это трансформация истории, когда непрерывно конструируются новые прочтения истории, представляемые как поиск аутентичной истинной истории, формирующей новые виды идентичностей. Поэтому, я думаю, сейчас идет самая сильная, невиданная до сих пор битва в области истории, развивается самая сильная тенденция разночтений в истории, потому что мы пишем новую историю. На Балканском полуострове, например, македонцы думают, что у них самая древняя история, их корни идут от Александра Македонского. Албанцы говорят, что у них самый древний язык в мире, а курды — что они самый древний народ, создавший пирамиды. И эти тенденции прослеживаются во всем мире. Это очень важные тенденции конструирования истории, битвы истории, с одной стороны, и перемен, связанных с глобальным соотношением сил, — с другой. Спасибо.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Слово предоставляется Александру Игоревичу Кузнецову.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Тема моего выступления полностью совпадает с тем, о чем только что говорил профессор Проданов. Это тема диалога культур и национальных трактовок истории. Действительно, я согласен с господином Продановым, что в последнее время наблюдается необычайный взлет интереса к истории и явление, которое получило название «исторический ревизионизм». Но мне кажется, что здесь надо внести важное уточнение. В принципе исторический ревизионизм, пересмотр истории можно считать абсолютно нормальным явлением, потому что каждое поколение историков, естественно, стремится по-новому интерпретировать исторические события, сказать новое слово в исторической науке, найти новые подходы, ввести в научный оборот новые документы, источники; это абсолютно нормальный процесс. Но мы-то говорим сейчас совершенно о другом — о том, когда история становится инструментом мягкой силы во внешней и внутренней политике государств. Профессор Проданов говорил о своем регионе, Россия тоже постоянно сталкивается с возникновением разных интерпретаций истории, которые не только вступают в противоречия с другими, но и наносят прямой ущерб взаимопониманию, доверию между народами, становятся источниками вражды и конфликтов.

И опять-таки, я согласен с тем, что история, и это естественно, становится одним из главных инструментов формирования национальной идентичности,

особенно в тех государствах, которые сравнительно недавно обрели независимость, и, конечно, перед ними стоит проблема самоидентификации. И было бы совершенно нормально, если бы этот процесс протекал на базе позитивных ценностей, когда в основу самоидентификации закладываются такие ценности, как культурное наследие, язык, национальные традиции и т. д. Но мы сталкиваемся с совершенно другим явлением, когда в основу национальной идентичности закладывается образ врага. И это, в общем-то, облегчает задачу — не строить идентичность на базе позитивных ценностей, а идти по пути наименьшего сопротивления, когда достаточно просто бросить клич, что враг у ворот и против него надо объединяться, интегрировать свое общество и т. д. Это, к сожалению, происходит в целом ряде стран.

Я совершенно далек от мысли затевать сейчас какую-то дискуссию по спорным историческим трактовкам, хотел бы поставить вопрос шире: насколько такой подход к истории соответствует реальностям глобального мира, нет ли здесь опасности для конфликтов и каких-то столкновений между государствами, народами на локальном, региональном уровне, между соседними странами и не кроется ли здесь опасность для цивилизационного диалога и межцивилизационных отношений в более широком плане? Сейчас мы видим, как в условиях миграционных потоков, в условиях смешения, сближения людей, представляющих разные мировоззрения, разные культурные традиции, возникает проблема, что история, как один из фундаментальных элементов общественного сознания, может служить не только основой для диалога, но и источником конфликта. Например, проблема, которая, к сожалению, существует и чрезвычайно болезненно воспринимается в России и на уровне государства, и на уровне общественного мнения, — это попытки реабилитации, героизации пособников нацизма в некоторых странах, когда бывшие эсесовцы, а мы знаем, какую оценку этой организации дал Нюрнбергский трибунал, спокойно проводят свои парады и чуть ли не на официальном уровне объявляют патриотами и борцами за свободу.

В некоторых странах Европейского Союза к этому очень спокойное отношение, нам говорят: «Зачем вы такое внимание этому уделяете? Это маленькие страны, у которых было тяжелое прошлое, они жертвы, а вы на них обижаетесь, Россия — большая страна, и не стоит на это обращать внимание». Но на самом деле это чревато серьезными последствиями, потому что в условиях глобализации, эмиграционных потоков, которые происходят практически во всех странах Европы — и в Европейском Союзе, и в России, — мы видим, как поднимают голову самые разные экстремистские группировки, исповедующие ксенофобию, ненависть, и более того — совершаются преступления на этой почве. Мы все наблюдали чудовищную историю в Норвегии; это преступление, которое было идеологически мотивировано, причем мотивировано идеологией, очень близкой к нацизму. И возникает вопрос: если в одних странах Европейского Союза происходит легализация нацизма, то не приведет ли это к легити-

зации и других экстремистских групп, которые получают распространение в Европе?

Что с этим делать и как реагировать на эти тревожные явления? Когда происходит столкновение взаимоисключающих исторических трактовок, особенно по поводу Второй мировой войны (а вы знаете, что для России это чрезвычайно болезненный вопрос, потому что наша страна заплатила очень высокую цену за победу над нацизмом), когда в международных организациях или на уровне отдельных стран делается попытка поставить на одну ступень гитлеровскую Германию и Советский Союз, конечно, это вызывает очень болезненную реакцию и в нашем общественном мнении, и на уровне государства. Ведь это не безобидные утверждения, они влекут за собой и попытки выдвижения материальных претензий, и попытки использования всех этих дискуссий в определенных геополитических целях. В таких случаях мы исходим из того, что все-таки в этих условиях нужно стремиться к тому, чтобы в обсуждении вопросов истории последнее слово принадлежало самим историкам, потому что все-таки существует очень большая разница в восприятии истории представителями общественного мнения в целом и профессионалами, которые этими вопросами занимаются специально. У последних гораздо больше возможностей увидеть разные стороны исторических явлений, которые никогда не бывают простыми, а всегда противоречивы, многогранны и имеют массу разных углов, в то время как общественное мнение мыслит более упрощенными категориями. Иногда восприятие истории подменяется национальной исторической мифологией, и от этого не уйти никуда, так будет всегда. Но голос историков, конечно, должен звучать.

У нас есть положительные примеры: мы с профессором Пивоваром являемся членами польской группы по сложным историческим вопросам. Не знаю, как Ефим Иосифович, но мое впечатление таково, что эта работа очень полезна, потому что позволяет снимать, отодвигать в сторону острые эмоциональные моменты, которые иногда сказываются на отношениях между государствами. Это и способ разрядить обстановку вокруг исторических вопросов, и, что очень важно, путь к установлению истины, потому что мы не просто ведем дискуссии, а работаем со сборниками документов, наши архивы предоставляют источники, рисующие более широкую картину исторических событий, которые мы обсуждаем. Конечно, здесь нужны, на мой взгляд, большие усилия, а именно участие гражданского общества в утверждении ценностей, которые отличались бы разнообразием. Было бы абсурдным стремиться к выработке какого-то унифицированного взгляда на историю, этого не будет никогда, но мы должны стремиться убирать, снимать те элементы, которые действительно наносят ущерб взаимопониманию между народами, сеют вражду и создают устойчивые стереотипы негативного восприятия народами друг друга. Я думаю, эта проблема характерна пока для Европы, но надо думать на опережение и в условиях глобализации, которая еще неизвестно как будет развиваться; мы сейчас не можем спрогнозировать это

развитие, но видим, какие опасные тенденции вырисовываются. Мне кажется, эта тема должна присутствовать в нашем межкультурном, межцивилизационном диалоге. И мне приятно наблюдать, что она волнует ученых, что они видят это явление, а если видят, то, значит, будут пытаться прийти к взаимопониманию и соответственно искать способы решения этой проблемы.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Должен сказать, что это не только европейская проблема. Здесь присутствуют наши китайские коллеги, думаю, что если бы здесь были корейские или вьетнамские коллеги, они бы нам рассказали об очень острых проблемах в отношениях этих стран с Японией, потому что Япония не признает себя агрессором. Считается, что Вторая мировая война началась 9 сентября 1939 года, а на самом деле она началась в 1937 году с агрессии Японии против Китая. Но Япония не признает этого факта, что является серьезным противостоянием в отношениях со многими государствами, в том числе и с Россией. Очень остро этот вопрос стоит в дискуссиях с Кореей, Вьетнамом, Малайзией, Индонезией — в общем, со всеми. Эта проблема действительно имеет большое значение, и я думаю, что в ходе нашего форума в дальнейшем эта тема будет расширяться. Позвольте предоставить слово профессору У Эньюаню.

У ЭНЬЮАНЬ: — Прежде всего позвольте мне выразить благодарность за высокий уровень организации нашего мероприятия. В ходе дискуссии у нас даже появились идеи более тесного сотрудничества. В Китае в рамках нашей Академии проводятся форумы подобного направления, то есть по вопросам глобализации, диалога культур, и поэтому мы полагаем, что в будущем можно подумать над тем, как бы объединить наши усилия для того, чтобы привлечь к более активному участию ученых из Китая.

Далее хотелось бы сказать несколько слов на тему разнообразия культур в условиях глобализации и проблем прав человека. Первое: разнообразие культур является закономерностью развития человечества в целом. И понятно, что в условиях глобализации идентифицируются контакты между людьми и уже невозможно какой-либо культуре или цивилизации быть замкнутой на себе, и в этом отражается некий тренд к взаимному проникновению культур и формированию общих наборов ценностей, в частности это связано с индустриальной цивилизацией. Имеются в виду также взаимное проникновение рыночной и плановой экономики и формирование нового подхода к созданию экологической цивилизации по защите окружающей среды. Но мы должны также очень бережно относиться к уникальности каждой культуры, которая сложилась в результате многолетнего развития. Не удивительно, что в рамках ООН в Париже в 2005 году была принята новая конвенция по защите разнообразия культур, в которой предусмотрена установка, что культура является важным импульсом для устойчивого развития каждой страны. Так что мой первый тезис заключается в том, что мы должны уважать разнообразие культур

и не можем допустить, чтобы во имя распространения какой-либо одной высокой национальной культуры уничтожались культуры, которые находятся как бы на более низком уровне развития.

Второй тезис касается взаимоотношений между разнообразием культур и правами человека. Должен отметить, что такая же идея была предложена в рамках ООН. В той же конвенции было сказано, что только с помощью эффективной защиты прав человека мы можем обеспечить разнообразие культур, но в то же время мы знаем, что в разных странах существует свое понимание прав человека. Моя мысль заключается в том, что права человека — это конкретное понятие, и есть универсальные стандарты, но, тем не менее, в рамках прав человека существуют национальные особенности. В частности, для развивающихся стран право на жизнь и право на экономическое развитие также являются неотъемлемой частью прав человека. Исходя из этого, мы выступаем против унифицированного подхода к проблемам прав человека. Спасибо за внимание.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Позвольте предоставить слово видному общественному деятелю Испании господину Марку Хуану Антонио.

Х. А. МАРК: — Здесь были высказаны интересные идеи, особенно касающиеся вопросов, как сделать устойчивой архитектуру нашего нового пространства, это очень важно для прогресса и развития. В первом выступлении было упомянуто, что коллапс с Советским Союзом произошел неожиданно, а я так понимаю, что это было закономерностью. Эта огромная территория была по существу не Российской империей, а обширным пространством особой социальной модели, и когда эта модель разрушилась и люди поняли, что у этой системы нет будущего, тогда все это пространство развалилось как система. И тогда россияне увидели, что их территория уменьшилась, потому что сама модель рухнула. У нас в Испании есть такие проблемы между Кастилией и басками, потому что архитектура нашей политической системы неправильная. Таким образом, мы должны развивать архитектуру этих общественных пространств, единственные, кто развил хорошую архитектуру, — это США. Почему? Потому что она там основывается на общем цементе, который сплачивает всех граждан, — на американском образе жизни, где очень важна возможность достичь успеха и т. д. Это объединяет людей не просто как имперская идея, а скорее как цель создания такого места, где хочется жить. Такие процессы мы наблюдаем в Калифорнии, Нью-Йорке и др. Каждый штат старается убедить других, что люди рады там жить, и это очень важный фактор, который объединяет пространство.

Таким образом, нам сейчас надо найти хорошую идею, как организовать наше общественное пространство в этой части мира. У нас есть потенциал, есть знающие ученые, и, тем не менее, мы в Испании все еще не установили должную архитектуру общественного пространства. В Европейском Союзе у нас огромные проблемы, потому что мы являемся союзом, который диверсифицирован, но мы пока не можем действовать

на основе той идеи, что одна нация или одна модель является правильной, потому что мы исторически знаем, что такой подход всегда приводит к поражению. То же самое касается и России. Я полагаю, что Россия имеет одно огромное преимущество — это то, что люди устремлены в будущее, у них огромная интеллектуальная мощь, огромный научный потенциал, но они должны забыть, каким образом история развивалась в XX веке, и строить на сто процентов структуру XXI века.

Я полагаю, что мы должны создать общее общественное пространство — от Средиземного моря до Азии. Мы разделяем общую цивилизацию, и сделать это будет не просто, потому что имеется много элементов истории, которые нужно сохранить, но мы должны быть достаточно разумными для того, чтобы построить единое пространство. Здесь возникает дилемма между государством и индивидом. Я думаю, что технология уже решила эту проблему. Мы видим, что миллионы людей каждый день что-то изобретают, и это разнообразие насколько велико, что нет одного, который указывает другим. Ни в физике, ни в юриспруденции, нигде никто не может думать, что он будет организовывать других, это относится к прошлому, а не к будущему. Таким образом, что является для нас историческим вызовом? Вызов состоит в том, чтобы организовать такое пространство для 800 млн людей с тем, чтобы они сохранили разнообразие и комфортно жили в этом пространстве и чтобы каждый день становились все более богатыми и процветающими. И мы по существу имеем или будем иметь две модели: это США, и в этой части мира, от Средиземного моря до Азии, есть такие огромные пространства, как Китай и Индия, где все хорошо организовано; они особенные и исторически своеобразные, это гораздо более монолитные цивилизации. Возникает вопрос, являющийся вызовом для всех: каким образом пространствам развиваться? Но я думаю, что в XXI веке предмет архитектуры общественного пространства является самым важным. Спасибо.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Слово предоставляется профессору Валуру Ингимундарсону.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Хочется отметить, что здесь идет очень интересная беседа, и мне хотелось бы поговорить об ответственности в области культуры за массовое уничтожение в мировых масштабах и обсудить ее с исторической и современной точки зрения. Кроме того, обсудить концепции прав человека и суверенитета, а также отклики на случаи геноцида, преступления против человечества и влияния преобладающих идеологических парадигм на мировые конфликты. Такие исторические прецеденты, как Нюрнбергский процесс, принятие Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, формирование международных судов, трибуналов, специальных трибуналов и концепция суверенитета, рассматриваются сквозь призму колониализма, неоколониализма, смены режимов. Здесь применимы та-

кие понятия, как «гуманитарное вмешательство, «ответственность за защиту» и «традиционные процессы стабилизации умиротворения». Несмотря на тесную взаимосвязь между терминами «геноцид» и «преступления против человечества», в международном праве больше выделено отличительных характеристик, чем сходств между этими понятиями.

Оправдание преступлений против человечества и наказание виновных в них не рассматриваются в рамках определения геноцида и не вошли в Конвенцию о геноциде. Однако эта цель преследовалась в рамках разработки понятия «преступления против человечества»; это такие преступления, как апартеид, зачистки, насилие, и такие акты, которые рассматриваются как постоянные преследования тех или иных этнических групп, подвергающихся атакам. Поэтому для определения геноцида как преступления необходимо наличие умысла и требуется более четкая реакция международного сообщества на акты жестокости и преступления против людей. Первая Конвенция о правах человека непосредственно затрагивала торговлю людьми, права рабочих, но в течение многих лет ООН была достаточно беззубой, не могла применить целый ряд положений этой конвенции в отношении государств, повинных в массовых убийствах. Так было, например, с Соединенными Штатами Америки, которые не ответили за военные преступления, совершенные во время войны во Вьетнаме.

Только после окончания конфликта между Западом и Востоком, когда на международной арене появилось пространство для решения вопросов вины и наказания за массовые репрессии и преступления против человечества, возникла возможность создания структур, которые могли бы устанавливать мотивы преступлений, умысел и соответствующим образом выносить свои решения по поводу способов, которыми государство преследует свои политические, экономические или военные цели. Не были разработаны документы, которые могли бы успешно бороться с преступлениями против человечества и жестокостью в отношении широких народных масс. Как, например, было в Руанде, Югославии, Бангладеш, Алжире, Камбодже. Принцип ответственности должен предусматривать установление четкого кодекса поведения в отношении таких преступлений, как было в случае гуманитарного вмешательства в конфликт в Косово. Участники этого действия должны были принять на себя обязательства по защите граждан и иметь соответствующий инструментарий, для того чтобы установить порог, при котором защита своих граждан перерастает пределы необходимой обороны и превращается в военное преступление.

Требование смены режима, которое вытекает из доктрины о защите прав человека, может быть весьма важным действием. Опыт гражданских войн в таких странах, как Сальвадор, Гватемала, Гондурас, показал, что сильные авторитарные режимы, которые контролируют армию, как правило, несут ответственность за большинство военных преступлений. Внешнее вторжение может восстановить баланс в пользу тех, кто противостоит репрессивным режимам, за исключением случаев, когда была широкая

международная поддержка. Такие попытки в соответствии с гл. 7 Устава ООН не были успешными. Если во имя гуманитарных целей свержается режим, то таким образом мы получаем явление, которое можно назвать «военным гуманизмом». И мировое сообщество всегда будет подвергаться давлению в случаях преступлений против человечества с требованием вмешаться и помешать осуществлению массовых репрессий людей, как это было в Югославии или Руанде. Сейчас правовая оценка военных преступлений подвергается сомнению, и, как правило, всегда речь идет о политической подоплеке в судебных процессах. Совет Безопасности ООН уже в отдельные свои документы начал включать обязательства о наказании лиц, повинных в массовых казнях и жестокости. Поэтому больше внимания должно быть уделено разработке инструментов, которые могли бы поддерживать гуманитарные ценности и препятствовать их уничтожению. Спасибо.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — Большое спасибо за очень яркое и содержательное выступление, которое раскрывает принципы высокого нравственного суда над политикой и над тем, что делают политики. Как много раз говорилось в истории, политика — дело грязное и порой очень трудно сочетаемое с высокими нравственными принципами, я с Вами абсолютно согласен. Позвольте предоставить слово нашему уважаемому коллеге Фариду Абдуллоевичу Асадуллину.

Ф. А. АСАДУЛЛИН: — По случайному совпадению или нет, но одновременно в Санкт-Петербурге проходит еще одно значительное интеллектуальное событие — Международный юридический форум, и поскольку мне пришлось участвовать в работе первых двух дней, я для себя отмечаю, что круг вопросов, которые обсуждают и там, и здесь, примерно один и тот же. На самом деле глобализация, помимо положительных моментов, с которыми мы сталкиваемся каждый день, породила и глобальную турбулентность во всех сферах человеческой деятельности, это касается практически всего, с чем мы имеем дело сегодня. Это касается и взаимоотношений секулярного общества с людьми, которые видят свое будущее и будущее своих детей в рамках развития традиционных ценностей, впитанных ими с молоком матери. Одним словом, есть очень много вопросов, на которые трудно адекватно реагировать, но, тем не менее, наш форум собирается уже 13-й раз, и мы каждый раз для себя фиксируем какие-то новые достижения в развитии межкультурного, межнационального диалога.

Я считаю, что сегодня традиционный образ жизни, который есть и в христианстве, и в исламе, и в других мировых религиях, сталкивается с напором либеральных, а лучше сказать, псевдолиберальных ценностей, исходящих из Центральной Европы. Например, трудно найти оправдание закону, принятому сегодня во Франции, который легализовал однополые браки. Сегодня господин Марк говорил о новой архитектуре общественного пространства, что Европа нам якобы показывает новые ценности, которые частью европейского социума уже приняты, и я знаю, что есть катего-

рия людей, которые живут по этим новым законам. Но опять-таки, если отталкиваться от традиционных ценностей, то в данном случае я буду говорить об исламе. Исламское понимание института брака в принципе не оставляет места однополым союзам, это грех, который очень трудно оправдать. Здесь возникает сложная ситуация, и я думаю, что Европа будет сталкиваться с ней постоянно: те новые европейцы, которые приезжают из арабо-мусульманского мира, эти новации в строительстве семьи, я полагаю, просто не примут. И эта проблема является общечеловеческой, мы должны давать какие-то моральные оценки тому, что происходит в Европе. Да, из Европы в Россию приходит очень много полезного, европейский опыт воспринят, европейские технологии становятся частью российского общества, но, тем не менее, есть вещи, которые лично у меня вызывают отторжение.

Я хотел бы развернуть наш сегодняшний разговор немного в другую плоскость, потому что, раз мы находимся в Санкт-Петербурге, мне очень важно обратить внимание на новые возможности, которые открывают такие учреждения культуры, как Эрмитаж. В силу того что я востоковед и учился в Санкт-Петербурге, к счастью, знаком с Михаилом Борисовичем Пиотровским, я слежу за той огромной культурно-образовательной работой, можно даже назвать ее культурно-тренерской, когда Эрмитаж постоянно обновляет свои экспозиции и у нас есть возможность посещать выставки исламской культуры, исламской цивилизации. Недавно с успехом прошла выставка, которая дошла в том числе и до Эдинбурга, «Мусульманское искусство от Китая до Европы». Одновременно там проходят выставки, которые демонстрируют достижения христианской, буддистской и других культур. Мне кажется, этот ресурс очень важен, потому что, на мой взгляд, вербальные возможности диалога культур все же ограничены и надо подключать некую историческую оптику, когда человек не только слышит, но и видит. Думаю, это имеет больший коэффициент полезного действия в плане углубления диалога цивилизаций, поэтому отмечаю это как положительное явление.

Экспозиции мусульманской цивилизации, мусульманской культуры сегодня открыты в Лувре, в Британском музее постоянно действует экспозиция, которая рассказывает о достижениях не только исламской цивилизации, но и других восточных цивилизаций. Если мы пытаемся прогнозировать, как будет развиваться человеческое сообщество, то должны четко понимать, что цивилизационными локомотивами в XXI и, если нам суждено жить, в XXII веке будут культуры, связанные с Китаем, с арабо-мусульманским миром, то есть центр глобальной культурной геополитики смещается из Европы в сторону Азии. И в этом смысле, конечно, у России очень сильные авантажные позиции. Россия всегда была неким мостом между Востоком и Западом, и поэтому мы наш исторический ресурс должны очень правильно оценить и использовать во благо нашего многонационального государства, и я категорически против других подходов.

Я с уважением слушал выступление нашего польского коллеги господина Вятра и хочу сказать, что

внимательно читал Конституцию Египта, но не знаком с ее последней редакцией, может быть, уже есть другой вариант Конституции, но я не помню, чтобы там было положение о том, что в Египте президентом не может быть женщина. Более того, политическая история мусульманского мира показывает, что Беназир Бхутто долгое время была президентом Пакистана. Мы знаем, что в Индии — в государстве, которое впитало и индуистские, и мусульманские традиции, президентом был мусульманин. Поэтому, выстраивая межкультурный, межцивилизационный, межрелигиозный диалог, мы все же должны в большей степени заниматься инвентаризацией того, что происходит в нашем культурном пространстве. Я хочу задать вопрос господину Вятру: «А в Польше когда-нибудь президентом была женщина?» По-моему, в истории и Речи Посполитой, и современной Польши вообще такой вопрос не стоял. Спасибо за внимание.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Слово предоставляется профессору Петеру ван Крикену.

П. ван КРИКЕН: — Позвольте подключиться к дискуссии и поговорить о праве на мир, а также об образовании и воспитании. После 1991 года господин Фукуяма написал книгу «Конец истории и последний человек», он был оптимистичен, но его оптимизм не был справедливым. Несколько лет спустя Хантингтон написал свою статью «Столкновение цивилизаций», в названии которой изначально стоял знак вопроса, потом, когда он уже переработал эту статью, знак вопроса был опущен. Фукуяма написал книгу о доверии и задался вопросом: почему одно общество экономически более успешно, чем другие? Ответ прост: глубинная причина — это взаимное доверие. От того, собираемся ли мы доверять нашим соседям, иностранцам и тем, у кого иные взгляды на жизнь, зависит успех цивилизации. У понятия «цивилизация», как мы сегодня слышали, более чем 300 определений, и мы согласились, что должны быть приняты некоторые минимальные нормы и ценности. Мы понимаем, что они должны быть введены в наш стиль жизни и нашу цивилизацию.

Эти минимальные нормы и ценности были определены во Всеобщей декларации прав человека, которая была принята 9 декабря 1948 года (к слову, 10 декабря того же года была одобрена Декларация по геноциду). Мы не должны забывать, что Всеобщая декларация была принята и такими странами, как Ирак, Иран, Афганистан, Индия. Многие думают, что эта декларация — типичный продукт Запада, но нет, в большинстве своем к ней присоединились страны третьего мира, развивающиеся страны, они тоже голосовали за эту хартию. И китайцы, и ливанцы имели своих представителей в команде, которая разрабатывала проект этой декларации, в общем, в работе принимали участие страны, имеющие различия в реализации экономических и социальных прав. Южная Азия и Южно-Африканская Республика воздержались от голосования. Говоря о диалоге между цивилизациями, мы главным образом должны сделать упор на взаимное

уважение и взаимное доверие. И это означает нечто большее, чем толерантность, мы должны активно проявлять понимание.

Теперь мне хотелось бы сказать несколько слов об образовании и воспитании. У нас в стране действует такая концепция, что каждое религиозное меньшинство может иметь собственную систему образования вплоть до высшего. Получается так, что дети не находятся в одной классной комнате, если они атеисты, или индуисты, или христиане и т. д. Это, конечно, работает против взаимопонимания, но это происходит в моей стране и в некоторых северных странах. Мы не сидим без дела в нашей части Европы, у нас было пять тихих революций за последние годы. Первая революция произошла в области гендерных отношений и была связана с положением женщины в обществе Западной Европы. Конечно, наша политика была гораздо более продвинута по сравнению с восточными странами, хотя в нашей стране только в середине 1960-х годов женщины получили те же права, что и мужчины. Это всего лишь полтора поколения назад. Вторая революция — между детьми и родителями. Дети получили права, а не только обязанности. Третья — это гомосексуальная революция. Я никому не навязываю обязанность жениться на ком-нибудь того же пола, но я настаиваю на том, что надо признать, что каждый имеет право создавать семью с тем человеком, с которым захочет, и это должно быть принято на официальном уровне, законодательно. Главное, чтобы все были счастливы. Четвертая революция — взаимоотношения между индивидами и церковью, то есть религиозными институтами. И последняя, пятая: между индивидом и государством, то есть властями. Все это указывает на то, что происходят цивилизационные изменения в моей стране. Какое бы определение мы ни применяли, цивилизация существенно изменилась и продолжает меняться. Как я понимаю, цивилизация — это работа, которая продолжается, мы движемся вперед, и я верю, что движемся в правильном направлении и научимся проявлять уважение ко всем иным цивилизациям, поскольку они признают те нормы, которые мы находим во Всеобщей декларации прав человека.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Я предоставляю слово академику Михаилу Леонтьевичу Титаренко.

М. Л. ТИТАРЕНКО: — В своем кратком выступлении я хотел бы привлечь внимание уважаемых коллег к трем вопросам. Первый: государство Россия сложилось как совокупность, союз, соподчинение, взаимозависимость огромного количества малых и больших народов. Было такое мнение, что Россия — «тюрьма народов», по этой концепции тюремщиком якобы выступал русский народ, но на самом деле, если взять за основу эту концепцию, то сам русский народ был заключен в эту тюрьму и делился тюремным пайком с другими заключенными. И трагедия распада Советского Союза со всей очевидностью показала, как говорится, кто кого кормит. Наши украинские друзья часто упрекали Москву, «москалей», что те едят их хлеб, их сало. Образовалась независимая

Украина, и где стала эта славная республика покупать хлеб и сало? В Грузии, которая считала, что ее угнетали в советские времена, уровень жизни был в два раза выше, чем в России. Угнетенные Прибалтийские республики сохранились как этнос только потому, что они были, если говорить их словами, «угнетенными частями Российской империи». Существует топоним «прусссы». Раньше был такой народ, но он исчез, такая же судьба ждала и наших эстонских, литовских и латвийских собратьев.

Этим я хочу привлечь ваше внимание, дорогие коллеги, не к каким-то особенностям или восхвалению России, нет, я хочу сказать, что Россия дает другой тип отношений между цивилизациями, между культурами, не по горизонтали, а по вертикали. Принцип отношений русской культуры с другими культурами многонационального Российского государства, где проживают 125 больших и малых этносов, строится по принципу симфонического оркестра. Есть большая партия скрипок, можем считать, что это русские, есть партия тромбонов, флейт и есть совсем маленькая часть инструментов, и все они составляют симфонический оркестр. Есть такой прибор — камертон, который можно сравнить с культурой маленького народа, допустим бурятов, но без нее нет российской культуры. Мне кажется, что наши друзья в Европе и в мире уделяют недостаточно внимания колоссальному опыту России в налаживании этих симфонических отношений между культурами.

Второй вопрос касается опыта российско-китайских отношений. Русская и китайская культуры — это великие, но совершенно разные культуры. И я хочу сказать, что Россия с огромным уважением с самого начала относилась к китайской культуре и наладила отношения путем взаимной учебы, взаимного влияния, сотрудничества. И первый труд, который был переведен с китайского на русский язык, — канон нравственности китайской культуры «Сань цзы цзин» («Троеслово»). На днях наш Институт Дальнего Востока РАН выпустил пятый, самый современный перевод этого издания. О том внимании, которое Россия, российская общественность уделяла налаживанию диалога именно с культурой Китая, свидетельствует следующий факт: практически все классические труды китайской культуры в области философии, истории, литературы, искусства, изготовления фарфора, письменности и межгосударственных отношений переведены на русский язык, это тысячи томов. В нашем институте находится уникальная и единственная в мире синологическая библиотека, в которой хранится 300 тыс. томов только о Китае.

В самое трудное время, когда распался Советский Союз, коллектив нашего института, как вызов судьбе, начал создавать уникальный труд — «Энциклопедию духовной культуры Китая», которая вышла в 6 томах и получила Государственную премию. Этот труд был высоко оценен нашими китайскими друзьями, аналогичного в мире нет даже в Китае. Я хочу сказать, что отношения между нашими странами имеют примерно 400-летнюю историю, где было всякое, но доминирующей была тенденция поиска добросо-

седства, взаимопольного, взаимовыгодного сотрудничества. Хочу обратить внимание на одно историческое событие, которое сейчас происходит. За всю историю отношений между нашими странами Китай впервые посещает с официальным визитом Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Русская православная церковь была создана по взаимной договоренности между императором Петром I и великим китайским императором-просветителем Канси. Этому предшествовал конфликт, который произошел на границе. Большая группа русских защитников города Албазин так героически сражалась за свою крепость, что это произвело колоссальное впечатление на императора Канси. Он поступил так, как поется в опере «Князь Игорь»: «Вы не пленники мои, вы моя гвардия», — он взял их в плен и сделал частью своей личной охраны. Император выделил участок земли в Пекине, где сейчас находится российское посольство, и разрешил отправлять культ православия. Когда батюшка, который пришел вместе с бывшими пленными, умер, Канси написал письмо императору Петру I, чтобы он прислал человека, который будет духовным отцом этих его подчиненных. Так возникла русская духовная миссия и произошел первый диалог цивилизаций, основанный на взаимопонимании, взаимостремлении понять и учесть позицию друг друга.

Я хочу сказать, что наши страны извлекли уроки из 20-летней ссоры между Советским Союзом и Китаем, которая возникла по вине двух лидеров — Мао Цзэдуна и Хрущева, и выстроили отношения на невмешательстве во внутренние дела друг друга, уважении выбора друг друга, желании учиться друг у друга, помогать друг другу. Они создали предпосылки для того, чтобы в течение очень короткого исторического срока, 20 лет, российско-китайские отношения поднялись до уровня всеобъемлющего стратегического взаимодействия и доверительного партнерства и был подписан договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Мы учитываем опыт наших китаистов и пытаемся внедрить в сознание россиян, российской общественности те полезные принципы, которые присущи китайской культуре. Одним из важнейших является принцип уважения и желания сохранять, пестовать разнообразие, потому что оно является фактором, способствующим взаимообогащению, взаимному развитию, а не унификации, не китаизации русской культуры и не русификации китайской культуры, а именно взаимной учебы и взаимному влиянию. Хочу подчеркнуть, что именно на этом принципе Российское государство строит свои отношения и с другими культурными цивилизациями.

Третий вопрос касается применения данного принципа в установлении отношений между культурами. Должен отметить, что для того, чтобы строить добрые отношения с целью изучения сущности, понимания проблем, национальных интересов всех других народов, в России создана целая система (уникальная, ни в одной стране такой нет) научного, гуманитарного, педагогического изучения и освоения культурного наследия других народов. По инициативе Юрия Владимировича Андропова, в конце 1950-х —

начале 1960-х годов в рамках Академии наук СССР были созданы подразделения, которые изучали культуры всех народов, всех крупных цивилизаций. Самый старый в этом плане институт — Институт востоковедения РАН, который уже более 200 лет изучает культуры наших восточных соседей — от Ближнего Востока до Северной Африки. Одновременно были созданы Институт США и Канады, Институт Африки, Институт Дальнего Востока (для изучения современного Китая), Институт Латинской Америки, Институт славяноведения и балканистики — все эти учреждения обобщают опыт других культур, других цивилизаций, и на этой основе мы строим отношения, устанавливаем контакты, ведем диалог с нашими партнерами во всех странах. Хочу сказать, что в этом отношении наш опыт полезен для дальнейшего углубления диалога цивилизаций.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Спасибо большое, Михаил Леонтьевич, Ваше выступление — это настоящий гимн принципу единства многообразия, который вообще бы стать девизом диалога культур. Этот древний принцип, сформулированный еще апостолом Павлом, является общим для всех культур и цивилизаций. Я предоставляю слово профессору Ричарду Льюису.

Р. ЛЬЮИС: — Прежде всего я хочу сказать, что просто удивляюсь богатству идей нашего собрания ученых. Мне было приятно, когда академик Запесочный сказал не только о диалоге цивилизаций или диалоге народов, но и о диалоге в сфере бизнеса. Я участвую в работе примерно 70 иностранных компаний и должен отметить, что диалог бизнеса, диалог между компаниями обычно проходит довольно гладко, и для этого есть свои причины: они хотят заработать деньги. Крупные компании действительно работают очень упорно и совершенствуют диалог своих международных подразделений. Если мы посмотрим на 10 крупнейших компаний в мире, многие из них даже крупнее по масштабу, чем правительства отдельных стран, то они занимаются разного рода деятельностью, и мы не можем игнорировать то, что происходит. Здесь я проявляю оптимизм, потому что вижу, что произошло за последние 20 лет. Качество обсуждения в таких международных командах значительно возросло, они успешно между собой общаются.

Возьмем такую страну, как Швейцария, о которой никто еще пока не говорил. Швейцария — это хороший пример страны, где разные культуры сосуществуют и успешно развиваются. Не знаю, наверное, трудно было заставить французов, немцев и итальянцев работать вместе, для этого потребовался и длительный срок, и национальный гений. Бизнес, я бы сказал, опережает политическую сферу, позволяет добиваться прогресса и учиться работать в этом процессе с такими разными взглядами и подходами. Думаю, что глобальная культура непременно родится и она будет сосуществовать с местной культурой, более узким понятием, но это будет происходить медленно. Соединенным Штатам Америки понадобилось 170 лет после революции для того, чтобы стать действительно еди-

ной нацией. Трудно ожидать от Европы, что это может произойти за 20–30 лет, это слишком оптимистично. Европе тоже придется просуществовать 100–150 лет, прежде чем сформируется культура, подобная культуре Соединенных Штатов. И Россия не может оставаться изолированной на своем огромном пространстве от Калининграда до Владивостока. У нее крупнейшие территории в мире, самые протяженные границы, огромные залежи полезных ископаемых. Конечно, Россия с ее почти 150-миллионным населением должна занимать лидирующие позиции в Европе, я убежден, что это произойдет.

Глобальная цивилизация, глобальная культура возникнет на основе связей, которые формируются уже сейчас. К примеру, Интернет, которого раньше не было, а что будет потом, через 10, 20, 30, 40 лет? Мировая культура будет формироваться очень быстро, и Россия будет ее обязательным элементом. Тут уже упоминались страны БРИКС, и этот союз будет очень мощным фактором развития в ближайшем будущем, так как составляет половину населения мира. И Россия могла бы стать голосом БРИКС, настоящим посредником между странами Старого Света и новыми лидерами. Россия иногда бывает, так скажем, не очень популярной в мире, но она гораздо более популярна, чем мы думаем. В наш институт в Англии приезжали коллеги из Казахстана, Азербайджана, Туркменистана, Таджикистана, и все они общались между собой по-русски. Все очень хорошо отзывались о российском опыте, который насытил содержанием их национальный опыт, и положительно к этому относились. А возьмите такую страну, как Финляндия, вашего соседа. Финляндия показала миру, что она передовая страна и у нее добрососедские отношения и с Западом, и с Россией. Я прожил там более 5 лет и знаю, что это чистая правда, поэтому не надо испытывать пессимизма по отношению к России. Российскому государству, конечно, нужно иное брендрование. Россия сейчас как раз находится в процессе ребрендинга, что можно только приветствовать. Поэтому я был бы весьма оптимистичен, России предстоит сыграть великую роль не только в диалоге культур, но и в диалоге бизнеса. Большое спасибо.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Слово предоставляется госпоже Александре Гамильтон.

А. ГАМИЛЬТОН: — Большое спасибо за очень интересную дискуссию. Я бы хотела поговорить о впечатлениях вчерашнего дня, поскольку на пленарном заседании было очень интересно слушать обсуждения разных участников в течение всего дня. А вечером, я думаю, многие из участников ходили на балет «Спящая красавица». На этой замечательной постановке я стала свидетельницей и участницей другого диалога — диалога сердец. Если мы не будем вкладывать сердца в наши обсуждения, у нас не будет прогресса и мы не сможем восстановить свою роль как человеческие существа. Вчера мы видели историю Спящей красавицы, как все королевство заснуло, потеряв всякое осознание окружающего мира. И сейчас в мире отдельные нации, народы тоже находятся

в бессознательном состоянии. И тут появляется черная энергия, как в балете в виде феи Карабос (интересно, что в спектакле фею Карабос танцевал мужчина, что очень непривычно). Но что спасает? Свет и любовь. Когда принц целует юную принцессу и возвращает к жизни человечность, именно в этом проявляется любовь. Нам нужна любовь, чтобы понять друг друга, и я полагаю и верю, что именно это искупит наши исторические ошибки. Так что спасибо вам за возможность, что мне представилась, участвовать в этом замечательном форуме.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Спасибо, госпожа Гамильтон, хочется аплодировать, потому что Вы внесли такой эмоциональный, человеческий элемент в нашу дискуссию. Я восхищаюсь тем, как люди могут понимать художественные произведения и извлекать из них полезные уроки для всех. Приглашаю выступить господина Ганса Кехлера.

Г. КЕХЛЕР: — Краткий комментарий по поводу основных тем сегодняшнего обсуждения. Для меня один из крупнейших вопросов, который связан с межкультурной коммуникацией, межкультурным диалогом, — это напряжение, которое создается между единообразием и разнообразием. Это эффект, который нельзя отрицать, поскольку динамика глобализации следует тенденции внесения единообразия в наш образ жизни. Уже столетия это продолжается по всему миру. Куда бы я ни поехал, в Европе, в мусульманском мире, на Дальнем Востоке, — везде можно видеть эти базовые компоненты, ингредиенты западной культуры в музыке, в потреблении. Идете вы в супермаркет здесь или в Токио, даже в Тегеране можно найти одни и те же товары, в одном и том же стиле, разработанные под одними и теми же торговыми марками. Так что разницы нет. Я австриец, и мы гордимся своими элегантными магазинами в центре Вены, но вы в них можете найти то же самое, что и в любой другой части света. Но, несмотря на это единообразие, существует и противоположная реакция, которая многих людей в тех регионах, которые сейчас подвергаются влиянию западного образа жизни, заставляет подтверждать или вновь утверждать их культурные идентичности. Давно уже, много лет назад, несмотря на всю власть и западное влияние, иранцы вдруг решили, что сущность их национальной идентичности составляет их исламское наследие. То, что мы в последние годы называли «арабской весной», другие люди называли «арабской революцией» или «восстанием», тоже отчасти может быть связано с этим утверждением культурной идентичности.

И небольшое последнее замечание в отношении того, что сегодня говорилось. Большая проблема, которая стоит перед нами, — это четко разделить общее и частное в том, что касается ценностей, чтобы нам не впасть в ложный универсализм, как назвал это профессор Ричард Фокс. Давайте рассмотрим, например, вопрос о правах человека, здесь толкование очень важно. Большинство государств поддержали Всеобщую декларацию прав человека, но в чем индивиду-

альность и какова диалектика взаимоотношений между Западом традиционным и в итоге консервативным? Я полагаю, что в Европе, например, несмотря на то что мы следуем привычному толкованию статуса индивидуума в обществе, мы думаем, что он таким же должен быть и в других обществах. Мы должны изменить наши подходы на этой поздней стадии промышленного развития или, может быть, даже уже в постиндустриальном обществе, мы не можем навязывать кому-либо свои идеи, потому что есть разные принципы, разные стадии социальной идентичности и есть способы, с помощью которых общество может выжить. Если бы мы смогли найти для этого новое оружие, то это бы называлось культурой империализма.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Слово предоставляется профессору Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогие коллеги, у меня появились три реплики в связи с сегодняшней нашей дискуссией. Первая вызвана выступлением коллеги Проданова о том, что часто в нашем нынешнем национальном развитии история становится заложницей национальных предпочтений, и мы хотели бы видеть себя такими, какие мы есть сегодня, в глубокой древности, что на самом деле невозможно. Возникает вопрос об ответственности ученого сообщества перед нынешним развитием. Ученые не имеют права идти на поводу общественного мнения, они не должны нравиться обществу, они должны исповедовать только принцип истинности, но, естественно, в возможном объеме нашего познания, и не следовать за общественным мнением, а вести его, и тогда, я думаю, у нас будет меньше проблем. Комиссии между Польшей и Россией, между Украиной и Россией, между Польшей и Украиной, конечно, должны сыграть роль в стабилизации наших отношений и выравнивании диалога, мы не должны бесконечно спорить и предъявлять исторический счет друг другу.

Вторая моя реплика связана с выступлением нашего уважаемого посла Хуана Антонио Марка о том, что советская модель, или та наша модель на 1/6 части земного шара, была нежизнеспособной и как будто бы сама себя изжила, а есть очень хорошая модель — американская. Я бы тут поспорил с коллегой, как сказал академик Титаренко, наша плохая модель сохранила все 120 малых народов, а хорошая американская модель уничтожила все народы, которые там были до ее внедрения. И потом, я не думаю, что принцип «Где хорошо, там и Родина» — это принцип современного человека. Если бы вдруг не стало моей Украины или России и мне пришлось бы выбирать, то я бы все-таки предпочел Испанию, а не Соединенные Штаты Америки.

Третья реплика касается прав и свобод человека. Вы знаете, я не убежден, что надо так абсолютизировать права и свободы, ведь это уже пошло против промысла Божьего, некоторые страны уже по существу занялись отрицанием жизни. Я бы оплакивал судьбу Европы в связи с тем, что ее народы исчезнут. Но, слава богу, есть другие народы, которые ведут традиционный

образ жизни, и если вы исчезнете, ваше место займут другие, но стоит ли идти по этому пути, сохраните Европу. Спасибо.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Слово предоставляется сэру Тимоти О'Ши.

Т. О'ШИ: — Интересные были дискуссии вчера и сегодня, я бы хотел подчеркнуть еще раз то, что сказала леди Аберкорн. Если думать о культуре, не стоит думать об узких вопросах — политических, экономических, конечно, культура должна включать и художественное творчество, и бизнес, ее надо понимать гораздо более широко. Думаю, в будущем не будет никаких трудностей с решением проблемы преобладания представителей мужского пола в правительствах стран Европы. Я один из тех, кто готов к тому, что вокруг будут

жить люди разных культур, поэтому не стоит ограничивать свои подходы и взгляды. Для меня диалог — это когда один человек что-то говорит, а другой в аудитории на основе опыта или информации выдвигает аргументы против, начинает спорить. Уверен, что цель международных встреч о культурном диалоге очень благородна. Спасибо.

А. И. КУЗНЕЦОВ: — Мы с вами подошли к концу нашей работы, и должен отметить высокую организованность и качество дискуссии. Если мы скажем, что это был интересный, увлекательный обмен мнениями, то это будет не просто данью вежливости или какой-то формальностью, а это действительно так. В заключение хочу поблагодарить наших переводчиков, которые помогли нам в этом интересном диалоге культур. Спасибо!

Секция 2

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

17 мая 2013 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор
- В. А. ТИШКОВ директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО: «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕК» И «ОБЩИННЫЙ СОЦИАЛИЗМ»

1. Модернизация и культура. Тема российской модернизации, активно обсуждавшаяся два-три года назад², а сейчас то ли поистершаяся, то ли вошедшая, наконец, в собственно научный оборот, временами относится исследователями к отечественной культуре. Анализ взаимоотношений между нашей социально-экономико-политической реальностью и культурой позволяет говорить о наличии социально и психологически болезненного разрыва между культурой как традицией и современностью как экономической модернизацией и технологическим перевооружением³.

Было бы ошибочно утверждать, что данная трудность является достоянием исключительно российской жизни. Сложные взаимоотношения между экономикой и нравственностью, модернизацией и традиционной культурой имеют место и в других обществах. Э. Шейн указывает: «Культура представляет собой стабилизатор, консервативную силу, она наполняет вещи смыслом и делает их предсказуемыми. Многие консультан-

ты по менеджменту и теоретики утверждают, что в качестве основы высокой и длительной эффективности желательна “сильная” культура. Однако сильные культуры по определению стабильны и с трудом поддаются изменению. Раз мир становится более турбулентным, требует больше гибкости и обучения, не означает ли это, что культура является, по сути, обузой?»⁴

2. О значении традиционных ценностей. Очевидно, что придать идее модернизации легитимность могло бы ее соответствие представлениям большинства нашего народа об общем благе: наличие консенсуса по базовым ценностям среди членов коллектива (социума) по-прежнему является необходимым условием эффективности его деятельности — как трудовой, так и социальной. К аналогичному выводу приходит и Э. Шейн, утверждая, что залогом успешного формирования организационной культуры является наличие консенсуса относительно представлений о целях, задачах, базовых ценностях, способах управления и контроля внутри организации⁵.

Увы, но говорить о наличии в общественном сознании россиян такого консенсуса пока рано. Количество расхождений во взглядах на прошлое и будущее страны, ее историю, знаковые исторические фигуры, перестройку конца 1980-х годов по-прежнему высоко. Нет единства и в отношении так называемых экономических ценностей. Одна из основных особенностей России — это относительно невысокий процент населения, живущего в соответствии с базовыми ценностями буржуазного мира. В принципе, предпринимательство нигде в мире не является обязательной нормой жизни, класс бизнесменов — всегда меньшинство. Однако в России количество людей, стремящихся жить по традиции, то есть «как все», особенно велико.

⁴ Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2008. С. 303.

⁵ См.: Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2008.

¹ Главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук. Автор более 70 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. учебных пособий: «Обществознание. Человек в обществе», «Обществознание. Гражданин в государстве», статей по социальной философии, теории и истории культуры.

² См., например: Агошков А. В., Станкевич З. А. Модернизация России — социальное измерение // Национальные интересы. 2010. № 6.

³ См., например: Агошков А. В. Культура и культурология как факторы российской модернизации // Проблемы российского самосознания. Религиозные, нравственные и правовые аспекты культуры: тр. Рос. науч.-практ. конф. светских ученых и теологов с участием зарубежных исследователей (Москва, 2 октября 2012 г., Пермь, 4–5 октября 2012 г.) / Ин-т философии РАН, Пермский гос. ин-т искусства и культуры. М.; Пермь, 2012. Ч. 1. С. 32–38; Модернизация как культурная революция: докл. Гильдии исследователей / А. Ашкерова [и др.]. URL: <http://polit.ru/article/2011/03/01/aa010311/>; Меренков А. В. Проблемы и перспективы человека в XXI веке // Известия Уральского гос. ун-та. 2001. № 19. С. 31; Синецкий С. Б. Ретроориентация как проблема современного культурологического образования // Вопросы культурологии. 2012. № 2. С. 37; Флиер А. Я. Некультурные функции культуры: очерки. М., 2008. С. 269.

«Согласно выводам ряда социологических исследований, удельные веса россиян, разделяющих ценности инициативности (“выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все”) и традиционности (“жить как все лучше, чем выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью”), — величины одного порядка — около 40 %»¹. Иными словами, значение традиционных ценностей в нашем обществе по-прежнему велико.

3. Социализм как встреча ценностей прошлого и будущего. Таким образом, одной из насущных задач общественной науки является создание привлекательного образа будущей России, в котором органично сочетались бы черты как прошлого, так и будущего. Не претендуя на исчерпывающий ответ на данный «вызов», мы хотели бы обратиться к мнению выдающегося отечественного философа и социолога А. Г. Дугина. Характеризуя чувство справедливости как «уникальную тягу к Пределу, к полному исчерпанию предлагаемых идеологических возможностей, волю к Абсолютному», Дугин представляет социализм как «идеологическое явление, менее всего укладывающееся в конвенциональные политические схемы», которое является «наиболее близким к самой сущности Третьего пути», где Третий путь — своего рода консервативная революция, имеющая своей целью восстановление общины как идеальной единицы социального устройства и торжество общинного, подлинно коллективистского мировоззрения.

Обращая внимание на сложную природу социализма, являющегося точкой притяжения самых различных и подчас взаимоисключающих общественных сил и культурных смыслов — предельно консервативных, традиционалистских, авторитарных, почвенных и спиритуалистских, с одной стороны, и предельно модернистических, прогрессистских, эгалитаристских, технократических и материалистических — с другой, он пишет: «Социализм, таким образом, есть тенденция и консервативная, и революционная одновременно, так как она ориентирована на реализацию в будущем идеала прошлого. В социализме на первый план выступает диалектический фактор, так как возвращение к общине (Gemeinschaft) после ее разрушения капиталистическим обществом (Gesellschaft) должно стать процессом качественно иным, нежели существование общины (Gemeinschaft) по инерции. Поэтому телеологическая ориентация социализма предполагает в будущем не просто общину, но Абсолютную Общину, основанную не на братстве братьев, но на “всеобщем братстве”. Фактически, социалисты хотят вернуться не во вчерашний, а в позавчерашний день, в Золотой век, к Истоку. Отсюда и кажущаяся подчас странной образность социалистических идей, в которых воспеваются не просто органические, реалистически-общинные отношения, но отвлеченный эдемический идеал, прото-община (Urgemeinschaft)»².

¹ Сусоколов А. А. Экономическая культура российского общества в XX в. (Материалы к лекционным занятиям) // Вопросы культурологии. 2006. № 5. С. 42.

² Дугин А. Г. Загадка и разгадка социализма // Вопросы культурологии. 2006. № 4. С. 36.

Эти обстоятельства являются, по мнению А. Г. Дугина, причиной формирования социальной базы социализма XXI века: «Зона нищеты стала при капитализме единственной сферой сосредоточения Подлинного, Духовного, Справедливого. Именно сюда и стянулась вся “соль земли”, сохранившая верность принципам общины (Gemeinschaft) и отказавшаяся от буржуазно-индивидуалистических правил общежития. <...> Социализм предполагает уникальный революционный альянс между высшей духовной аристократией, “лишенной наследства” режимом сытого буржуа, и народными массами, низшими низами, более всего подверженными эксплуататорскому давлению восторжествовавшей с капитализмом посредственности. Это еще одно “совпадение противоположностей”, свойственное социалистическому учению»³.

4. Об актуальности темы общины. Оставляя в стороне философскую и эсхатологическую сторону вопроса, мы хотели бы развить тему общины как формы сочетания ценностей экономической жизни прошлого и будущего. Известно, что крестьянская община и (как ее разновидность) трудовая артель являются поистине уникальным примером гармоничных социально-экономических взаимоотношений в отечественной истории. Вопрос о том, возможно ли использование данной формы хозяйственных взаимоотношений в настоящее время, рассматривается на протяжении нескольких последних лет и окончательного ответа не получил.

На этот счет мы хотели бы привести позиции двух исследователей. Первый, Г. В. Мальцев, склонен считать, что потенциал общинного строя еще не исчерпан⁴. Второй, А. А. Сусоколов, настроен более скептически: «Уже в недрах социалистического общества произошло разложение общинной идеологии. Оно не могло не произойти, поскольку такая идеология не соответствовала масштабам общества, его экономике и вызовам истории в лице технического и экономического прогресса других стран»⁵. Тем не менее оба они признают, что тема общины недостаточно исследована в нашей науке, как с точки зрения анализа исторического опыта России, так и в аспекте прогнозирования тех или иных сценариев общественного развития нашего Отечества, для чего «необходимо специально исследовать, возможно ли решать... новые задачи с помощью части старых инструментов»⁶. Это и дает исследователям общины, в целом опыта местного самоуправления как культурного и хозяйственного явления, некоторые шансы в будущем.

Создание позитивного образа экономического будущего России связано, на наш взгляд, с изучением как собственно хозяйственных механизмов, так и всего комплекса базовых представлений, который можно определить как *дух артельности*, умение объединяться для

³ Дугин А. Г. Указ. соч. С. 37.

⁴ Мальцев Г. В. Община между социализмом и капитализмом. «Крестьянский социализм» // Мальцев Г. В. Крестьянская община в истории и судьбе России // Национальные интересы. 2009. № 6. С. 24–25.

⁵ Сусоколов А. А. Экономическая культура российского общества в XX в. (материалы к лекционным занятиям) // Вопросы культурологии. 2006. № 4. С. 43–44.

⁶ Там же.

достижения общей цели, отодвигая свой узкий корыстный интерес на второй план. (Считается, что эта черта являлась первоосновой коллективного страхования внутри сельской общины — помочей.) Как бы ни был далек от нас оригинал, его признаки встречаются в нашей современной жизни, например, в форме «командного» стиля работы и создания соответствующего вида организационной культуры (формирования «командного духа»).

Интересно, что такие важнейшие черты общины, как стремление к равенству и ограничению формального контроля, свойственны не только отечественной экономической культуре, но и западной. Э. Шейн, ссылаясь на работы Г. Хоманса и Д. Догерти, приводит результаты наблюдений за трудовыми коллективами, которые указывают, что:

1) «работники скорее согласятся получать меньшую зарплату, чем нарушить установившееся соотношение между “справедливой”, по их мнению, ежедневной оплатой и дневной нормой выработки. Более того, работники оказывают влияние на “передовиков”, побуждая их работать и зарабатывать меньше, но сохранять понятие справедливой дневной выработки в неприкосновенности»¹ (равенство);

2) «возможность достижения приемлемого уровня взаимопонимания, позволяющего реально координировать релевантную информацию, возникает только при выходе группы за... формальные границы»² (ограничение формального контроля).

Таким образом, если нормы и принципы общинного бытия неприменимы в рамках «большого общества» (А. А. Сусоколов) и больших социальных групп, то в пределах трудовых коллективов (средних социальных групп) у них есть возможность жить и развиваться, обретая юридические формы прямой (общинной) демократии³. Конкретные параметры таких средних групп (количество членов, их половозрастная и профессиональная принадлежность, уровень квалификации, должностные обязанности, характер взаимосвязей с другими малыми группами/структурными подразделениями и пр.) могут уточняться, тем не менее сама модель «глобальное общество—локальный трудовой коллектив» может, на наш взгляд, быть положена в основу дальнейших исследований взаимоотношений нездорового «большого общества» и его здоровой ячейки, каковой мы и считаем общину.

Б. В. Аксюмов⁴

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Современное развитие мировых культурных процессов характеризуется острой внутренней конфликтностью, столкновением разнонаправленных тенденций развития, противоречащих друг другу идей и принципов, смыслов и ценностей бытия. Главное внутреннее противоречие современной культуры состоит в острой конкурентной борьбе между современностью (или даже постсовременностью) и традиционализмом, секулярной и религиозной моделями социокультурной эволюции. Данное противоречие достаточно явственно обнаруживается в нарративе социокультурного развития современной России и ее отдельных регионов, в частности Северного Кавказа. Находящаяся в поис-

ке адекватного модернизационного проекта, Россия делает ставку на современность, развитие, изобретение и внедрение во все сферы жизнедеятельности новых технологий. Аналогичные процессы идут и в культурной сфере, которая все в меньшей степени ориентируется на традиции, пытается окончательно эмансипироваться от религиозных мотивов и регламентаций, делает акцент на свободном творческом самовыражении индивидуума. Практическое отсутствие цензуры, общепринятых норм и ценностей, глубокий кризис коллективных форм идентичностей обусловили предельную атомизацию и беспорядочную пестроту культурного ландшафта большей части современной России. Данные процессы, которые можно обозначить как процессы «постмодернизации», сближают Россию с западным культурно-цивилизационным миром.

Совершенно иным образом идет развитие культурных процессов на Северном Кавказе. Здесь традиции не только не отвергаются, но становятся еще более значимыми; религиозный компонент социокультурного пространства не только не находится в состоянии кризиса, но его значение возрастает с каждым годом; коллективные формы идентичности не только не распадаются, но происходит их упрочение. Движение в противоположные стороны, очевидная асимметрия и дисгармония в развитии, углубляющиеся культурно-цивилизационные бреши становятся все более заметными. Подобные асимметрия и дисгармония как раз и являются характерным проявлением фундаментальных противоречий в развитии современной культуры, которая конституируется сегодня между полюсами

¹ Шейн Э. Указ. соч. С. 143.

² Там же. С. 125.

³ Отметим, что родственная идея «производственной демократии» выдвигалась европейскими социал-демократами еще в 1980-х годах. Она подразумевает непосредственное участие трудящихся в управлении предприятиями, приобщение профсоюзов к совладению предприятиями через повышение доли участия (создание фондов) в доходах этих предприятий, контроль производственных советов над определенными сферами хозяйственной деятельности (уровнем занятости, социальной политикой, гуманизацией труда, улучшением его условий) и пр. См.: Лопарев А. В. Социал-демократия: истоки и современность // Обществознание в школе. 1998. № 5. С. 13–14.

⁴ Профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук, доцент. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Конфликт цивилизаций в контексте современных глобализационных процессов», «Конфликт цивилизаций в современном мире и цивилизационный выбор России», «Культурно-идеологические аспекты напряженности в Северо-Кавказском регионе», «Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы» и др.

постмодерна и архаики, предельного секуляризма и религиозного фанатизма.

В этом смысле существенный интерес вызывает экспликация современного развития культурных процессов в Северо-Кавказском регионе. Необходимо подчеркнуть, что социокультурные особенности Северного Кавказа наиболее выпукло проявляют себя в контексте рассмотрения попыток модернизации региона. Самой существенной из этих попыток была советская модернизация, по этой причине важное значение имеет выяснение степени воздействия советских модернизационных преобразований на реальную жизнедеятельность современного северокавказского социума. В связи с этим отметим, что двумя стратегическими направлениями советской модернизации в регионе были: во-первых, ставка на неуклонное «погружение в современность», означавшая в перспективе полный отказ от реальных традиционалистских практик и сохранение их лишь в качестве символического культурного наследия, и, во-вторых, резкое и безоговорочное внедрение секулярной модели социокультурного бытия. В какой-то период развития советского Северного Кавказа стало казаться, что данные стратегические ставки сыграли в полной мере и регион постепенно преодолевает религиозность и традиционализм. Можно даже утверждать, что при условии существенной пролонгации советской цивилизационной модели модернизационные преобразования на Северном Кавказе могли бы получить необходимую фундаментальность, принципиальную укорененность в менталитете и культуре местного социума.

Реальные исторические процессы конца прошлого столетия выдвинули на авансцену совершенно иные сценарии социокультурного развития Северо-Кавказского региона. В условиях начавшегося во второй половине 1980-х годов трансформационного периода со всей его неопределенностью и нестабильностью очень быстро обнаружила себя поверхностность того культурно-цивилизационного воздействия, которое испытал на себе Северо-Кавказский регион в советское время. Еще на закате советской эпохи в полной мере проявил себя процесс этнокультурного и религиозного возрождения, резко изменивший социокультурную атмосферу в Северо-Кавказском регионе уже в первые постсоветские годы. Этнонационализм, религиозность и вообще вся традиционалистская основа северокавказского социума, маргинализированная в советский период, но все не утратившая своего субстанционального значения, вдруг получила возможность заявить о себе, снова возвести себя на тот пьедестал, с которого она на некоторое время была свергнута. По сути, в первые постсоветские годы Северо-Кавказский регион был предоставлен самому себе, новое Российское государство, еще не способное реально планировать и тем более осуществлять стратегическое развитие, ничего не могло предложить региону, который естественным образом сделал ставку на проверенную веками традиционность.

Наиболее явным и, так сказать, классическим выражением фундаментальной традиционности современной культуры Северного Кавказа является функционирование в большинстве республик клановой системы. Сохранение клановости не просто как пережитка прошлого, а как атрибута современной жизни позволяет обнаружить в наличествующей социокультурной системе ряда северокавказских республик выраженные черты средневекового уклада. В XXI веке, эпохе высоких технологий и планов полета на Марс, клановая система является анахронизмом, препятствующим реальным модернизационным преобразованиям в регионе.

Быстрое и безальтернативное восстановление клановой системы в постсоветский период лишний раз свидетельствует о поверхностном характере советской модернизации Северного Кавказа. Видоизменив *внешний* облик социокультурной системы региона, советская власть оставила практически в прежнем виде ее *внутреннюю* традиционалистскую сущность. Для того чтобы воздействовать на саму основу клановой системы, необходимо было затрагивать не только и не столько экономические и политические аспекты жизни северокавказского социума, сколько его культурно-цивилизационный фундамент. Однако при господствовавшей в тот исторический момент марксистской идеологии с ее гипертрофированным экономическим детерминизмом решить эту задачу было невозможно. Культурно-цивилизационная специфика региона, рассматриваемая как часть надстройки, должна была, по мысли советских политических деятелей, кардинально измениться вслед за революционной трансформацией экономических и политических отношений.

На сегодняшнем этапе исторического развития та же задача по модернизации Северо-Кавказского региона стоит перед современным Российским государством. Представляется очевидным, что государственная политика в этих непростых условиях должна быть направлена на разрешение сложившихся противоречий, обеспечение реальной модернизации северокавказского социума. Вместо этого, в том числе и благодаря внедрению религиозного образования, произошла существенная исламизация современной культуры ряда республик Северного Кавказа. Активная миссионерская деятельность по проповедованию радикалистских версий ислама, массовое обучение студентов в сомнительных зарубежных университетах, государственная поддержка, оказываемая «традиционному» исламу, привели к тому, что социокультурные процессы в Северо-Кавказском регионе в чрезмерной степени акцентированы на религиозном компоненте. Как следствие — противоречие между секулярным и религиозным, современным и традиционным не только не разрешается, но становится еще более выраженным, попытки модернизации оборачиваются еще большей архаизацией региона, а задача по интеграции Северного Кавказа представляется все более трудновыполнимой.

И. Ю. Алексеева¹

МЕТАКУЛЬТУРА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

Идея общества знаний сегодня приобретает черты нового социального идеала, вдохновляющего авторов-обществоведов и определяющего направленность стратегий и программ региональных, национальных и международных структур. В современной литературе можно найти разные трактовки общества знаний. (Следует отметить, что выражения «общество знаний» и «общество знания» употребляются как синонимичные и соответствуют английскому “knowledge society”).

В 2005 году был опубликован доклад ЮНЕСКО с показательным заглавием «К обществам знания»². Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что слово «общество» употребляется здесь во множественном числе. Это сделано для того, чтобы подчеркнуть многообразие обществ знания, которое будет обусловлено культурным и языковым многообразием. Следует согласиться с авторами доклада в том, что унификация и стандартизация, предполагающая реформатирование имеющихся знаний и отказ от не укладывающихся в новые форматы традиций, не являются оптимальным путем к обществам знания. Чтобы найти ответы на современные вызовы, каждое из существующих обществ должно осознавать и правильно оценивать богатство знаний и способностей, которыми оно обладает.

Современное общество неслучайно называют «обществом меньшинств». В обществе меньшинств никто не ощущает себя принадлежащим к большинству населения, но каждый является представителем какой-либо малой группы, выделяемой по образу жизни, интересам, нравственным или политическим позициям или другим основаниям. Термин «глокализация» акцентирует то обстоятельство, что глобализация сопровождается тенденциями к локализации — возрастанием интереса к местным особенностям и традициям. Интернет — технико-технологический символ глобализации — активно используется в организации локальных сообществ, воссоздании и конструировании локальных культур. Надежды на то, что распространение компьютерных технологий по всему миру позволит выработать согласованные стандарты поведения, способные стать основой глобальной этики³, которая составила бы нормативный каркас глобальной культуры, выглядят скорее наивными, чем имеющими веские основания.

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доцент. Автор 87 научных публикаций, в т. ч.: «Человеческое знание и его компьютерный образ», «Что такое общество знаний?», «Информационная эпоха: вызовы человеку» (в соавт.), «Что такое компьютерная этика?» (в соавт.), «Информационная компетентность, естественный интеллект и НБИКС-революция» и др.

² К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005.

³ Такую идею выдвигала К. Горняк-Кочиковска: *Gorniak-Kocikowska K. The Computer Revolution and the Problem of Global Ethics // Global Informational Ethics / eds. T. Bynum, S. Rogerson. Guilford UK: Oprangen Publication, 1996.*

Еще в 1970-х годах авторы доклада, подготовленного для президента Франции⁴, предсказывали, что нарождающееся информационное общество будет менее четко социально структурировано и более полиморфно, чем общество индустриальное, это будет сложное общество культурных напряженностей и культурных конфликтов. Оправдывается ли сегодня такой прогноз? Скорее да, чем нет. Он верен даже в отношении стран, избежавших политических и экономических потрясений последнего десятилетия XX века: оставив в прошлом классовую этическую структуру, сочетавшую универсальную систему культурных норм (во многом обусловленных христианской религией) с относительно автономными системами разных классов и социальных слоев, эти общества отнюдь не приблизились к состоянию культурной однородности. Более того, была отвергнута и сама правомерность стремления к подобному состоянию как к цели: ценностью провозглашено разнообразие, понимаемое как проявление свободы.

В России минувшего столетия дважды — после революции 1917 года, а затем в 1990-х годах — происходили революционные изменения в экономической, политической и социальной системах, закономерно сопровождавшиеся коренными изменениями в сфере культуры и нравственности. На смену сословному обществу, существовавшему в Российской империи, пришло советское общество, стремившееся к полному социальному равенству всех своих членов и почти достигшее такого равенства. Идея социальной однородности советского общества сочеталась с идеей единой культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. С крушением советской системы эти идеи утратили актуальность, стала набирать популярность идея мультикультурности, получившая официальный статус в Западной Европе. Признание европейскими лидерами провала политики мультикультурализма напомнило российским интеллектуалам о том, что их роль не сводится к пересаживанию заграничных идей на отечественную почву, но предполагает также собственное интеллектуальное производство, поиск новых ответов на вызовы современности, создание адекватных инструментов для осмысления быстро меняющегося мира.

Полезным инструментом в осмыслении современной проблематики единства и множественности культур могло бы стать понятие метакультуры. Известно, что идея метакультуры занимала важное место в учении Даниила Андреева, где получила мистическую окраску. Тем, кто использует понятие метакультуры сегодня, не нужно выяснять соотношение его современных смыслов с системой и смыслами Даниила Андреева. Важно то, что выявление и конструирование

⁴ Доклад об ожидаемых социальных эффектах развития информационно-коммуникационных технологий был опубликован в Париже на французском языке в 1976 году. В данной работе использован перевод на английский язык: *Nora S., Minc A. The Computerisation of Society. A Report to the President of France. Cambridge; L., 1980.*

метакультур способны заполнить становящуюся все более опасной «пустоту» между тем, что именуется глобализацией, и тем, что осознается как локализация, между глобальным информационным обществом и «обществами меньшинств». Идея метакультуры связана с нахождением общих оснований, необходимых для взаимодействия и совместного развития различных культур и субкультур. Нахождение и создание таких оснований — серьезная и сложная работа, которая не может быть заменена упрощенными подходами, декларирующими абсолютную ценность традиции (как правило, одной из многих) или обязанность «прибывающей» стороны соблюдать нормы поведения стороны «принимающей» (эти нормы нередко существуют в виде неписаных правил, не укладывающихся в точные формулировки, и потому не могут быть быстро усвоены). Такая работа предполагает целенаправленное культуротворчество, предполагающее рефлексивное отношение к культуре вообще.

Общепринятое представление о культуре как совокупности достижений людей в освоении природы, обустройстве среды обитания, регулировании отношений между людьми, в науке, технике, искусстве и прочем в данном контексте вполне уместно. Однако наиболее интересные перспективы открывает «программноцентричная» концепция культуры, развиваемая В. С. Степиным. В рамках этой концепции культура мыслится как система надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения¹. В. С. Степин выделяет три уровня программ в системе культуры. Первый составляют реликтовые программы, «осколки» прошлых культур, утратившие ценность для общества новой эпохи, но все еще регулирующие некоторые виды поведения людей. Второй уровень представлен программами, возникшими как выражение запросов и потребностей современного общества, а также программами, сформированными на предшествующих этапах развития, а затем вписавшимися (с определенными изменениями) в новые условия. Наконец, третий уровень содержит программы видов и форм человеческой деятельности, возможных в будущем. Не всем из них суждено осуществиться в реальности, однако, порождая подобные феномены, общество вырабатывает «проекты», значимость которых может оказаться огромной. Упомянутые типы программ, существующие в культуре на любом этапе ее развития, условно обозначаются соответственно как устаревшие, современные и новаторские.

Опираясь на трактовку В. С. Степина, мы обращаем внимание на языковые средства, используемые в создании программ культуры. Если разные компьютерные программы могут быть написаны на одном языке программирования, то новые программы в культуре не создаются без изменения языка. Эти изменения могут быть более или менее существенными, но всегда предполагают как вхождение в язык новых имен, так и придание новых смыслов уже известным именам. Эти изменения в числе прочего открывают возможность фор-

¹ См., например: *Степин В. С.* Философская антропология и философия науки. М.: Высш. шк., 1992; *Он же.* Культура // Философский словарь. М.: Республика: Современник, 2009.

мирования метакультур, части которых мыслятся как особые культуры.

Перспектива современной российской метакультуры была открыта в связи с обретением в 1990-х годах нового смысла словом «россияне». Неожиданно для многих высокопарный синоним слова «русские», принадлежавший языку реликтовых программ, стал использоваться для обозначения всего населения Российской Федерации. Однако задача формирования российской метакультуры не была не только проработана, но и поставлена. Осознанию значимости этой задачи препятствовали разные факторы. В их числе — распространение «передовой» идеи мультикультурности на фоне актуализации архаичных культурных программ, выдвинувших на первый план религиозные различия между людьми, населяющими Российскую Федерацию. Серьезные препятствия метакультурным устремлениям создало имущественное расслоение общества, пришедшее на смену социальному равенству советских времен. Создание метакультуры не требует ликвидации экономического неравенства, но предполагает его осмысление, уверенность в его правомерности — не только юридической, но и нравственной. Следует отметить, что и устаревшее значение слова «россияне» как синонима слова «русские» почти забыто, но не совсем. Отсюда — недоумение по поводу того, что жители Украины не являются россиянами, а жители Кавказа и переехавшие в Российскую Федерацию жители Средней Азии — россияне. Упомянутые препятствия, как и многие неназванные, не имеют фатального характера, но должны продумываться и учитываться в метакультурной программе, без которой Россия будет лишь формальным объединением в одном государстве разных культурных групп, все больше отдаляющихся друг от друга.

Сравнительно недавно казалось, что идея «симфонической» евразийской культуры, выдвинутая русскими эмигрантами в Европе 1920-х годов, представляет интерес в лучшем случае в качестве музейного экспоната. Однако в постсоветский период евразийство получает второе дыхание, а сегодняшняя задача — дополнить евразийскую экономическую интеграцию формированием евразийской культурной идентичности — ставится как практическая.

Необходимость создания метакультур, российской и евразийской, не снимает с повестки дня вопроса о метакультуре русской. Одним из ключевых в этом контексте становится соотношение «русскости» с «украинством». Ни для кого не секрет, сколь велики усилия и ресурсы, вкладываемые сегодня в противопоставление украинской культуры русской, в воспитание «настоящего украинца, убившего в себе русского». Тем не менее возможность создания современной русской метакультуры, как включающей культуру украинскую, существует. Необходимый для этого язык «программирования» должен содержать средства, служащие делу объединения, не принижающего ни одну из объединяемых сторон, но возвышающего каждую.

Здесь уместно вести речь о новых и хорошо забытых старых именах земель и народов. Например, можно осовременить некогда общепринятое деление русских

на великорусов, малорусов и белорусов, заменив название «малорусь» (воспринимаемое как обидное «недорусские», хотя изначально не имеющее такого смысла) на «перворусь». Разумеется, непривычный конструкт «перворусскости» может удивлять и вызывать возражения, однако найдутся и веские основания законности его происхождения. Ведь когда-то Русью называли лишь небольшую территорию на северо-востоке нынешней Украины, а, например, Новгород Русью не считался. О новгородце, поехавшем в Киев или Чернигов, писали, что он отправился на Русь из Новгорода, а с XIV века Русью называли уже всю территорию, заселенную вос-

точными славянами¹. И кто знает, как сложилась бы судьба украинского сепаратизма, если бы всероссийский самодержец именовался «государем всея Руси, великия, и первыя [вместо малыя], и белыя»?

Чтобы стать «живой идеей», конструкты русской метакультуры, «великорусскости» и «перворусскости» не нуждаются в одобрении официального Киева или официальной Москвы. Решающим является принятие этой идеи представителями интеллектуальных меньшинств России и Украины, ищущих способы самоописания, отвечающие потребностям реализации накопленного историей потенциала творчества.

Н. К. Анохина²,
О. П. Бабицкая³

О ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНОГО И СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

Приходится констатировать, что мы опять живем в эпоху стирания граней, теперь уже между высокой культурой и масскультурой. Многие понятия культуры и даже само понятие «культура» изменяют ценностное содержание.

Из существующих более двухсот определений слова «культура» большинство носит возвышенный, духовный характер. Но сегодня прежнее, романтическое понятие «культура» эволюционировало. К 1990-м годам идея о том, что высокая культура является некой высшей реальностью, а люди, которые ее создают, — высшими существами, изжила себя. Старое значение слова «культура» — нечто ортодоксальное, доминирующее и возвышенное — уступило место антропологическому, в духе К. Леви-Строса значению: характерная деятельность любой группы людей (культура электронной почты, культура спора, культура рэпа). Все эти культуры не имеют при этом ничего общего с высокими ценностями цивилизованного мира⁴.

¹ См.: Зализняк А. А. Об истории русского языка. URL: <http://elementy.ru/lib/431649>

² Заведующая кафедрой социологии, политологии и права Сибирского государственного индустриального университета, доктор культурологии, кандидат технических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Наука в интерьере культуры», «Научно-культурная демаркация: проблема и предпосылки ее решения», «Применение структурно-функционального анализа при исследовании проблем модернизации экономики РФ», «Вопросы образования и науки современной высшей школы», «Особенности языка в современном социокультурном пространстве и личностном измерении» и др. Член редакционного совета журнала «Культура и цивилизация».

³ Доцент кафедры иностранных языков Сибирского государственного индустриального университета. Автор 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феномен креативности в наукоискусстве» (в соавт.); «Культурологический анализ особенностей и динамики процессов в области языкознания» (в соавт.); «Глобализация как состояние современной культуры» (в соавт.); «Сравнительный анализ содержания понятий и механизм трансляции их культурных смыслов в разные сферы человеческой деятельности», «Особенности языка в современном социокультурном пространстве и личностном измерении» (в соавт.)

⁴ Молчанова Г. Г. Синергия как основной типобразующий параметр современных языковых и межкультурных инноваций // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 4. С. 11.

Доказано, что ценности представляют собой центральную категорию культуры. Дж. Сибрук первым отметил, что «старые культурные арбитры, задача которых была в том, чтобы определить, что “хорошо” в смысле “имеет ценность”, заменялись новыми, для которых “хорошо” означало “популярно”... Мощный тектонический сдвиг произошел в понятии культуры как статуса — от аристократической иерархии “высокого” (highbrow) и “низкого” (lowbrow) к масскультурной модели “ноубрау”. Сегодня мы наблюдаем стирание граней между “высоким” и “низким”, между highbrow и lowbrow. Приход культуры nobrow означает, что старые различия между высокой культурой аристократии и коммерческой культурой масс уничтожены и на их месте возникла иерархия “модности”.

Ноубрау не является культурой, лишенной иерархии, но... в ней своя элитарность — иерархия того, что модно⁵.

Ценности, состоявшие в том, чтобы избежать низших форм коммерческой культуры, были заменены на другие: идти на разумный компромисс с этой культурой. Писать на коммерческие злободневные темы, стараться привлечь внимание публики, создавать скандалы, пытаться увеличить тираж любой ценой стало теперь нормой. Массовый рынок, бывший когда-то врагом художника, начал приобретать некую целостность, став подлинно народным выражением предпочтений аудитории. В мире относительных вкусов популярный хит обладал тем, чем идеалы качества не обладали. «Этому во многом способствует то, что уже выросло и сформировалось новое поколение, новая аудитория, для которой разницы между рынком и культурой практически не существует... Это поколение, выросшее на кабельном телевидении и новых фильмах, кормили культурой, которая была в большей степени ориентирована на рынок, чем культура старших поколений. Сегодня маркетолог сидит у молодых внутри... Они делают свое искусство, имея внутри некий маркетинговый барометр. Художник превратился в маркетолога,

⁵ Сибрук Дж. Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М., 2005.

артист — в чиновника: крайняя форма вертикальной интеграции»¹. Дух творчества начинает бесследно исчезать.

Исторически переход от противопоставления «высокой» (highbrow) и «низкой» (lowbrow) культур к культуре *poprow* объективно закономерен, как закономерна смена культурных парадигм от моностилистической к полистилистической. Как показывают исследования многих авторов, исторически моностилистическая культура постепенно сменяется полистилистической, на уровне познавательной деятельности это коррелирует со сменой «эволюционной» парадигмы парадигмой «плюралистической» (Т. Кун), на коммуникативном уровне — сменой «гуманитарной» культуры культурой «мозаичной» (А. Моль), на культурологическом — переходом от противопоставления культур *highbrow/lowbrow* к культуре *poprow* Дж. Сибрука. При этом наиболее характерной приметой полистилистической культуры становится не «исключение», а «включение» в себя всевозможных культурных феноменов, что можно обозначить как установку на «культурную терпимость»². А толерантность крайне востребована в современном социуме.

Рассматривая искусство в системе культуры, следует обратить внимание на присущее ему множество свойств, качеств, черт, сторон, функций, которые составляют совокупность отличительных признаков искусства от других сфер культуры, то есть его специфику. Искусство как специфическое общественное явление представляет собой сложную систему, структура которой характеризуется единством принадлежащих ему функций. Благодаря этим функциям искусство выступает и как средство общения людей, и как источник эстетического наслаждения, и как способ воспитания индивида на основе той или иной системы ценностей. Кроме этого, ценности — это определяемое социальными обстоятельствами многоаспектное явление, имеющее четко заданный культурный смысл, включающий позитивную или негативную оценку мира в его широком значении³. Ценности общества включают ценности идеологической, политической, духовной направленности. По содержанию это господствующие в обществе идеи, идеалы, нормы, требования, являющиеся для большинства граждан предпочитаемыми и обязательными.

Отметим, что ценности искусства в разные эпохи были и есть различные. В эпоху Возрождения — это новое понимание природы и окружающего мира, культ разума и знаний, представления о новой роли человеческой личности, идеи благородства и добродетели, новое понимание любви и красоты и т. д. Не случайно поэтому в XIV–XV веках появляется идеал — универсальный человек, высокоодаренный в разных областях творчества.

Что касается современных художников, то их уже не интересует ни содержание, ни материалы и прочее,

поэтому в традиционную живопись художники поп-культуры начинают внедрять инородные элементы — обломки гипсовых изображений, детали машин и т. д. Появляются поп-скульптуры, объекты, ассамбляжи, инсталляции, в которых используются самые разные материалы, в том числе и в большом количестве вещи, бывшие в употреблении, то есть содержимое мусорных ящиков, помоек и свалок. Часто создаются композиции из упаковочного картона, тары потребительских товаров и тому подобных материалов. Творцы поп-арта не ограничиваются только двумерными или статическими произведениями, они создают энвайронменты (поп-арт-пространства) и поп-артистические действия — перформансы, хэппенинги и т. д. Последние особенно характерны для представителей американского поп-арта.

По своему духу и внутренней ориентации поп-арт вошел в историю культуры все-таки как продукт американской индустриально-потребительской цивилизации. Именно в США он достиг необычайного размаха и был признан в художественных кругах в качестве влиятельного движения в искусстве второй половины XX века, хотя по манере исполнения и типам артефактов художники сильно отличаются друг от друга, что демонстрирует их глубинную принадлежность к пестрой и стандартизированной повседневности массового общества, в котором все ориентировано на массовое потребление...⁴

Сегодня традиционные искусства (включая такие молодые, как фотография и кино) практически исчерпали свои изобразительно-выразительные возможности. Здесь практикуют теперь бесконечные повторы, модификации, музейно-обывательские интерпретации, коммерческое тиражирование и тому подобное, новые (вероятнее всего, это будут уже искусства, основанные на электронных носителях) еще не сформировались или находятся в зачаточном состоянии. Пока более-менее отчетливо видны три основные сферы, в которые трансформируются традиционные искусства под влиянием научно-технического прогресса: 1) организация всеобъемлющей среды обитания человека; 2) шоу-бизнес; 3) виртуальное искусство в сетях электронных коммуникаций. В каждой из них они утрачивают свою новоевропейскую сущность «изящных искусств», то есть более-менее автономных видов искусств «станкового» характера, обладающих в первую очередь эстетической функцией, образно-символической организацией и ориентированных на возведение реципиента (как правило, индивидуального) к некоему первообразу (идеальному или материальному). Новые сферы культуры, возникающие на основе трансформации (или замены) традиционных искусств, идут по пути объединения или даже синтеза всевозможных элементов психоэмоционального воздействия на «массового» человека, то есть на индивида, включаемого актом восприятия (или соучастия) в определенную психомоторную систему массовой коммуникации⁵.

¹ Сибрук Дж. Указ. соч. С. 131.

² Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XIX века) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1977. Вып. 414. С. 36.

³ Мартыненко Н. Д. Специфика искусства и его социализирующее воздействие на личность // Вопросы культурологии. 2007. № 7. С. 48.

⁴ Анохина Н. К. Наука в интерьере культуры. Кемерово, 2006. С. 151.

⁵ Бычков В. В. К историософии современного искусства (Дескриптивно-лексикографический срез) // Пространства жизни: К 85-летию Б. В. Раушенбаха. М., 1999. С. 364.

Самые эффектные образцы science-art, которые сейчас «модны», можно обнаружить в био-арте, в который, кроме биологии и микробиологии, входят художественные эксперименты в области генетики и экологии, проекты с использованием растений и животных, а также различные медицинские манипуляции с человеческим телом. В качестве примера можно привести известный проект Стеларка «Третье ухо», в рамках которого художник осуществил пересадку дополнительного уха в собственное правое предплечье. Конечно, слышать это ухо не может, но с имплантированной гарнитурой Bluetooth у него появляются другие, неожиданные для этого органа функции. Технология вживления в тело по принципу симбиоза порождает новые смыслы и толкования, новые приемы исследований, которые прежде были неприемлемы или непостижимы одним только

воображением¹. Подобные «модные» произведения формируют соответствующие ценности.

Заметим, что знакомство с высокохудожественным произведением искусства нередко приводит к более глубокому пониманию устройства мира. Возможно, эмоциональное состояние человека при просмотре такого произведения делает его чувство, а следовательно, и мысль более сильной и высокой, а творческую идею — менее субъективной, формируя соответствующие ценности. А некоторые произведения современного искусства, которые сейчас «модны» (например, science-art, поп-арт), вряд ли способны выполнять гедонистическую или воспитательную функции, поскольку в их предназначении лежит маркетинговое начало, а следовательно, и соответствующие ценности, то есть другая деятельность порождает другие смыслы.

Н. Г. Багдасарьян²

РИСКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Традиционное изучение представляет себе культуру как некое упорядоченное пространство. Реальная картина гораздо сложнее и беспорядочнее. Случайности отдельных человеческих судеб, переплетение исторических событий разных уровней населяют мир культуры непредсказуемыми столкновениями. Стройная картина, которая рисуется исследователю отдельного жанра или отдельной замкнутой исторической системы, — иллюзия.

Ю. М. Лотман³

Формирование концепции культурного разнообразия в период становления этнографии, культурной антропологии сопровождалось поиском принципов объяснения культурных различий. Напомним, что в качестве оснований разнообразия были выделены синхронические (внутри- и межкультурное влияние и обмен) и диахронические (сочетание элементов неизменного и меняющегося, пластичного и ригидного, традиционного и инновационного в эволюционной динамике) сходства и отличия. В рамках кросс-культурных исследований были достигнуты значительные результаты в понимании проблем культурной динамики, устойчивости культурных систем, их взаимодействия. Так, еще Н. Я. Данилевский, выводя свой четвертый «закон исторического развития», подчеркивал, что цивилизация, как культурно-исторический тип, тем разнообразнее и богаче, чем разнообразнее, независимее составляющие ее элементы. Важным этапом стал сформулиро-

ванный одним из основателей кибернетики У. Р. Эшби принцип необходимого многообразия (разнообразия). И хотя этот принцип выводился первоначально применительно к системам управления, он сегодня берется за отправную, фундаментальную точку для понимания любых сложных и сверхсложных систем. Особую роль принцип играет в исследовании современных социокультурных процессов.

Период последней четверти XX века и начала XXI, продемонстрировавший стремительное ускорение «хода истории», заставил посмотреть на изменения, происходящие в обществе и культуре через призму глобализационных трендов. Все изменилось в нашем мире. Он пришел в движение. Культурные системы, включенные во все более связанный глобальный мир, сталкиваются между собой, порождая третью реальность, принципиально новую, не являющуюся очевидным, логически предсказуемым последствием ни одной из столкнувшихся систем, что резко увеличивает непредсказуемость дальнейшего движения⁴. И это означает, что мы вступили в полосу общества риска.

Еще относительно недавно предполагалось, что в любой культуре имеет место «доминирующая» культура титульных наций и культуры так называемых меньшинств. Но сегодня ситуация уже другая. Динамика соотношения коренного населения европейских стран и непрерывно прибывающих в них мигрантов такова, что понятие доминанты совсем скоро изменит свое содержание. А следовательно, проблема культурного разнообразия из плоскости желательного

¹ Булатов Д. Наука — последнее табу в современном искусстве // Искусство. 2009. № 4–5. С. 56.

² Профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Культурология» (учебник), «Культура как среда выживания: эффект бабочки и «окно принятия решений», «Творческая личность в этнокультурном пространстве и задачи образования», «Региональное сообщество и этнические мигранты: модели социокультурного взаимодействия», «Управление и ценности: семь «С» в судьбе бизнеса и страны». Член Экспертного совета при Комитете по международным делам Совета Федерации РФ.

³ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис: Издат. группа «Прогресс», 1992. С. 208.

⁴ Лотман Ю. М. Указ. соч. С. 104–105.

неизбежно перейдет в плоскость остро необходимого, имеющего не только теоретический, но и сугубо практический, правовой характер.

Обсуждение этой проблемы на международном уровне привело к созданию в 2001 году Всеобщей декларации о культурном разнообразии, в которой оно возводится в ранг «всеобщего наследия человечества». В 2005 году документ обрел форму Конвенции ЮНЕСКО «О защите и поощрении разнообразных форм культурного выражения». Понятно, что никакой, даже самый проработанный документ не способен описать всего разнообразия вновь и вновь возникающих изменений. Проблема требует глубокой теоретической проработки, масштабной и междисциплинарной программы исследований в рамках мирового сообщества.

В основе такой программы — понимание того, что современный мир нуждается в смене цивилизационной парадигмы. И новая парадигма описывается в терминах риска. Современные общества представляют собой сверхсложные системы, для которых характерно возрастание неопределенности социальной жизни: часто трудно определить административные, социальные, природные границы рисков. К тому же их последствия могут оказаться непредсказуемыми. В частности, один из основоположников теории общества риска У. Бек полагал, что такая неопределенность приводит к революционным изменениям в структуре общества.

Если сфокусироваться на тех изменениях, которые сопровождают динамику культурного разнообразия, то обнаружатся такие риски, как:

— беспрецедентное миграционное давление со стороны одних государств на другие. Иммиграционные потоки, перемещающиеся с юга на север и с востока на запад, сокращают долю титульных наций в развитых странах — и за счет интенсивного (легального и нелегального) пополнения населения этих стран, и за счет высокого уровня рождаемости. Идет «арабизация» Франции, «тюркизация» Германии и Голландии, «индопакистанизация» Великобритании; в США — увеличение доли выходцев из Латинской Америки, Африки, Китая;

— миграционные процессы оказывают влияние на генофонд наций и стран-реципиентов, и стран-доноров, в частности за счет роста смешанных браков, а также расширения практики усыновления детей, рожденных в иных странах и культурах;

— в структуре принимающих обществ растет доля маргинального населения, а нелегальные потоки, криминализируя страны-реципиенты, создают основу для прибыльного бизнеса;

— столкновение разных культур, религиозных и национальных традиций дестабилизирует страны-реципиенты: последние десятилетия отмечены бесконечным искривлением вокруг тех или иных проблем повседневной жизни в новом, смешанном типе обществ;

— страны-доноры, и в предшествующую эпоху имеющие более низкий уровень экономического развития, испытывают наступление со стороны развитых стран, в том числе за счет утечки мозгов и перемещения квалифицированной рабочей силы в эти страны;

— в свою очередь эти процессы усиливают поляризацию жизненного уровня, неравномерность в режимах воспроизводства населения, ограничивают возможность самореализации людей (во всех группах стран).

Этот ряд проблем и конфликтных ситуаций можно продолжать. Следует, однако, задать вопрос о том, каким образом возможно предотвратить непрерывно возникающие в процессе глобализации этнокультурные риски и опасности. Разумеется, страны-реципиенты должны формировать специализированные (не только правовые) механизмы адаптации иммигрантов и включения представителей третьего мира в свои сообщества. Так, Луман обращает внимание на то, что минимизация рисков возможна при создании устойчивых коммуникаций, которые формируются в том числе и как форма социальной солидарности. Не меньшую роль в минимизации рисков может играть и их институционализация, как это подчеркивает Э. Гидденс.

Разумеется также, что необходимо прогнозировать последствия появления новых сообществ, возникающих на границах культур. Следует при этом помнить, что этнокультурная сфера чрезвычайно чувствительна не только к любому внешнему воздействию, но и к форме их артикуляции. Сложность решения проблемы заключается в том, что еще не наработан категориальный аппарат для анализа этнокультурных рисков, позволяющий конструировать эффективные технологии противостояния им.

Как бы то ни было, все поле современных рисков, в данном случае этнокультурных, следует описывать и ранжировать с последующим формированием социальных институтов, специализирующихся на их минимизации посредством согласования действий всех, кто включен в данное поле рисков.

И ясно лишь одно: сохранение присущего миру разнообразия должно быть поставлено во главу политических решений и политических действий в современном мире. Оно необходимо для его существования.

Г. М. Васильева¹,
Л. И. Харченкова²

СМЕНА ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ РОССИЯН И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В настоящее время нередко приходится слышать о культурном кризисе и ценностных сдвигах в русском национальном сознании.

Если ранее традиционным было доминирующее положение старших поколений, то сегодня наблюдается возрастание роли молодежи, поскольку молодые адаптируются к переменам, обусловленным техническим прогрессом, быстрее и успешнее. В связи с этим уместно вспомнить концепцию М. Мид³, которая строится на определении зависимости межпоколенных отношений и темпов научно-технической и социальной динамики, где выделяются три типа культур: **постфигуративные**, в которых дети учатся главным образом у своих предшественников; **кофигуративные**, в которых дети и взрослые учатся прежде всего у своих сверстников; **префигуративные**, в которых взрослые учатся также у своих детей.

На наш взгляд, для современного этапа культурного развития характерна именно кофигурация, которая складывается как результат существенных перемен в жизни российского общества. В обществе, где единственной моделью стала кофигурация, считается естественным отличие форм поведения каждого следующего поколения по сравнению с предыдущим. Так, студенты Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, которым предлагалось выстроить в виде пирамиды ценности, актуальные для них и их родителей, на вершине своей пирамиды нередко размещали такие ценности, как *карьеризм, умение влиять на людей, умение выделиться среди других*. Для родителей же актуальными оказались следующие ценности: *гостеприимство, душевная гармония, честность, открытость, верность дружбе, патриотизм*. Таким образом, студенты продемонстрировали наличие ценностных сдвигов у представителей разных поколений, происходящих в рамках одной культуры.

Безусловно, у представителей одной культуры могут наблюдаться определенные различия ценностных картин мира, которые порождаются как субкультурными

ми, так и индивидуальными особенностями. Как известно, любая культура состоит из множества субкультур, имеющих как возрастные, так и социальные различия (например, субкультуры гуманитарной и технической интеллигенции, субкультура предпринимателей и т. д.), характеризующихся определенными особенностями интерпретации и оценки окружающей действительности. Однако, по мнению культурологов, любое общество, какую бы сложную структуру оно ни имело, всегда обладает неким «ядром культуры», которое состоит из общих для большинства субкультур фрагментов ценностной картины мира, позволяющих представителям лингвокультурной общности однозначно воспринимать и оценивать некоторые ключевые ситуации, а также понимать друг друга.

К безусловным ценностям русской культуры, свидетельствующим о «широте русской души», многие исследователи традиционно относят такие качества, как *самопожертвование, удаля, храбрость, доблесть, отвага, героизм* и др. Перечисленные качества присутствуют в ассоциативных рядах ко многим лексемам русского языка (ср., например, реакции на стимулы «герой», «воин», представленные в Русском ассоциативном словаре). Богатый ассоциативный фон зафиксирован и у лексемы «кавалерист», не попавшей, к сожалению, в список стимулов, включенных в РАС. Слово «кавалерист» в значении «военнослужащий кавалерии» было включено нами в материалы свободного ассоциативного опроса, проведенного среди различных возрастных и социальных групп респондентов (студентов и преподавателей РГПУ им. А. И. Герцена). Названный стимул получил следующие повторяющиеся реакции: *красный, Буденный, атака, усы, Гражданская война, удаля, доблесть, сабли наголо, героизм, рубить с плеча, безудержность, гусар, война, напор, лихой, экстремизм* и др.

Следует отметить, что в ответах участников опроса были зафиксированы не только те реакции, которые соотносят данное слово с конкретными историческими фактами, но и те, которые имеют характеризующую функцию. Наибольшее число негативно окрашенных реакций дали представители младшего поколения (аспиранты и студенты), а наибольшее число положительных реакций было получено у старшего поколения. Таким образом, в сознании молодого поколения такие качества, как *удал, героизм, доблесть*, чаще «соседствуют» с негативными характеристиками (*экстремизм, натиск, стремление рубить с плеча* и т. д.).

Можно предположить, что богатство ассоциативного фона к слову «кавалерист» у всех участников эксперимента объясняется особой ролью кавалерии в русской истории, перенасыщенной войнами и сражениями. Историческая роль русской кавалерии в сознании русских людей старшего поколения была подкреплена романтизацией и поэтизацией Гражданской войны,

¹ Профессор кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор филологических наук. Автор более 100 научных и научно-методических работ по лексикологии, лексикографии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, в т. ч. «Основные направления формирования межкультурной компетенции студентов гуманитарных специальностей» (в соавт.) и др.

² Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 200 научных и методических работ, в т. ч.: «Риторика и речевое воздействие: сборник упражнений» (в соавт.), «Прикладные аспекты межкультурной коммуникации (на примере русско-финского взаимодействия)» (в соавт.), «Методика изучения невербальной коммуникации (на примере русского и китайского жестового поведения)» (в соавт.), «Основные направления формирования межкультурной компетенции студентов гуманитарных специальностей», «Креативный потенциал текстов массовой культуры (на примере рекламы)» и др.

³ Мид М. Культура и мир детства: избр. произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Сеева; сост., авт. послесл. и отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1988.

о чем свидетельствуют многочисленные литературные произведения, песни и кинофильмы. Ввиду этого особенности, присущие кавалеристам, приобрели в сознании русских людей (особенно старшего поколения) яркость, особую значимость, устойчивость и положительную окрашенность.

Существенные изменения социальных и экономических условий жизни российского общества редуцировали романтическое восприятие данного явления у младшего поколения, способствовали выдвиганию на первый план таких качеств, как *экстремизм, натиск, безудержность*, вступающих в определенный диссонанс с закономерностями мирной политической жизни и новых экономических отношений. Негативные коннотации актуализировались в новом значении слова «кавалерист»: «О стороннике решительных действий, скорых перемен в экономике, политике», зафиксированном в словаре «Новые слова и значения» (1997). Выделенное значение иллюстрируется таким примером: «Кавалеристы могут какое-то время давить на административные рычаги, но они не способны обеспечить долговременное здоровье общества и его нормальное развитие»¹. Таким образом, движение лексем по оценочной шкале «хорошо-плохо» свидетельствует не только об определенной ценностной вариативности, во многом обусловленной неоднородностью национальной культуры, но и о некоторых модификациях ценностного ядра национальной культуры.

Во многих работах, посвященных состоянию русской культуры на современном этапе, отмечается определенное изменение ценностных ориентиров национальной культуры, которое характеризуется как прогрессивное и как крайне регрессивное явление. Так, В. К. Кантор констатирует: в наши дни «растет поколение, которое не связывает свои надежды на устройство жизни с государством, полагаясь прежде всего на личные усилия, ум, талант, умение и ловкость»².

Однако реакция на ценностные сдвиги в современной культуре чаще имеет менее оптимистическое звучание: «Возник резкий слом прежних ценностных ориентаций. Утверждается идеология индивидуализма,

накопительства... Национальные традиции втаптываются в грязь. Цель жизни теперь — только деньги»³. Оправданное беспокойство, вызванное столь заметной «переоценкой ценностей», заставляет ряд авторов рассматривать их как проявление необратимо развивающихся культурных процессов.

Несмотря на некоторые специфические черты современного состояния русской культуры, следует отметить, что, на наш взгляд, подобная ценностная переориентация, несмотря на всю ее масштабность и яркость проявления, еще не свидетельствует о глубине, системности и необратимости изменений ценностных основ национальной культуры.

Проблема системного, поступательного развития мировых культур в соотношении с их временными, относительными модификациями решается в современной культурологии с помощью обращения к биологическим понятиям «ароморфоз» и «идиоадаптация», которые предлагает использовать Э. С. Маркарян⁴ в целях решения проблемы эквивалентности объектов культуры. На наш взгляд, проблема переоценки приоритета ценностей духовно-нравственного порядка в пользу ценностей экономического характера в русской культуре нашего времени может быть проанализирована с помощью этих же понятий.

Ароморфозы с точки зрения культурологии понимаются как такое состояние маргинальной лингвокультурной общности, когда произошла или происходит коренная перестройка или замена системы ценностей. «Идиокультурные адаптации» (термин Э. С. Маркаряна), служащие объяснением временных, поверхностных, часто вынужденных, защитных культурных изменений, обуславливают специфичность тех или иных семиотических феноменов в одной лингвокультурной общности по сравнению с другой.

Представляется, что процесс отхода от ценностей духовного плана к ценностям материально-экономическим не может иметь непрерывно поступательного характера, присущего ароморфозам прежде всего в силу опасности полной победы цивилизации над культурой и природой как неизбежного результата такого системного «прогресса».

¹ Литературная Россия. 1988. № 13.

² Кантор В. К. Стихия и цивилизация: два фактора «русской судьбы» // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 44.

³ Рощенко Л. А. Снижение экологического состояния русского языка — одно из слагаемых духовного и культурного распада народа // Духовные национальные традиции русского народа и русский язык. Липецк, 1995. С. 74.

⁴ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука: Логико-методологический анализ. М., 1983.

Л. Н. Вшивцева¹

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ²

На сегодняшний день важнейшими факторами культурно-цивилизационного развития общества, включая российское, выступают процессы глобализации, которые, по мнению сторонников концепции конфликта цивилизаций, привели к столкновению ценностей современности и традиционности как на мировом (например, западная и исламская цивилизации), так и на региональном (например, «русские» края и «национальные» республики Северного Кавказа) уровнях. Д. Пантвич видит это противостояние как «конфликт между локальными (традиционными) и глобальными (модернизационными) ценностями, выражающийся в конфликтах между свободой и равенством, между коллективизмом и индивидуализмом, между ксенофобией и открытостью к миру, между толерантностью и нетолерантностью»³. Этот конфликт ценностей ведет к формированию одних и уничтожению других цивилизационных идентичностей, определяет переход идентичности из одной формы в другую, детерминирует состояние геополитической системы.

Конфликт ценностей традиционности и современности ведет к тому, что в рамках одного государства можно наблюдать сосуществование двух противоположных процессов, угрожающих единству национального культурно-цивилизационного пространства: 1) этническое возрождение, приводящее к доминированию этнической идентичности; 2) культурная и информационная глобализация, способствующая унификации образов идентификации и замене их на повсеместно узнаваемые символы и ценности глобального пространства. С этим конфликтом столкнулась и современная Россия: с одной стороны, дезинтеграция общества, обусловленная доминированием региональных идентификационных моделей, устремлением периферийных полиэтничных регионов незавершенной модернизации реализовать претензии на собственную культурно-цивилизационную самобытность (например, кавказская цивилизация), усилением осознания локальной особости,

этнической идентичности в ущерб формированию общероссийской, с другой — для значительного числа регионов с интенсивной степенью модернизации преобладают западные идентификационные модели, основанные на культурных принципах, ценностных установках и институциональных механизмах коммерциализированного общества. Очевидно, что единственным выходом из данного конфликта является синтез модернизации и традиционности, основанный на сочетании лучших глобальных и локальных ценностей.

Осуществляющиеся в современной России модернизационные преобразования, являющиеся основой современности, немислимы без идеалов традиционности, выступающих ценностными ориентирами культурно-цивилизационного развития: нахождения места и роли страны в мире, осознания ее самобытности и уникальности, понимания россиянами собственной исторической судьбы. Очевидно одно, что среди множества альтернативных путей развития современного российского общества — советский, западный, восточный, православный, самобытный — единственным правильным остается самобытный, особый путь, не приемлющий никакого компромисса между Востоком и Западом, заключающийся в осознании прошлого, настоящего и будущего нашей страны как уникальной цивилизации, обладающей своими базовыми ценностями и фундаментальными мировоззренческими принципами бытия и имеющей свой неповторимый смысл развития. Выбор особого пути культурно-цивилизационного развития России обусловлен тем, что традиционные ценности российской культуры существенно отличаются от базовых ценностей как западноевропейской, так и восточной культур. По замечанию Н. М. Лебедевой, в культуре современного российского общества в наибольшей степени отвергаются ценности двух крайних полюсов: на одном — власть, влияние, авторитетность, отвага (дерзость), потакание себе (ценности иерархии и автономии), а на другом — ценности противоположного смысла: довольство своим местом в жизни, скромность, благочестие, единство с природой (ценности иерархии и гармонии). Отвержение этих групп ценностей исследователем усматривает в русской традиционной (коллективистской по сути) культуре⁴.

Западный путь невозможен для России по причине того, что в ней доминируют диаметрально противоположные западным ценности культуры: коллективизм; равенство и социальная справедливость; государственность; установка на восприятие главы государства как народного защитника; державность; универсалистский духовный характер русского мессианизма. Именно эти базовые ценности, светские по своей форме, но духовно-нравственные по своему содержанию, отвечают многовековой национальной традиции

⁴ Лебедева Н. М., Павелко Е. В. Исследование преемственности культуры у русских на современном этапе развития // Ежегодник Российского психологического общества. Ярославль, 1998. Т. 4, вып. 1. С. 100.

¹ Доцент кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, кандидат философских наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Концепции ненасилия в русской и западной культурной антропологии», «Толерантность и ненасилие как принципы неконфликтных межэтнических отношений в современной России», «Ненасилие как принцип поведения человека в условиях мировых природных и социальных катаклизмов», «Ненасилие: бытие, сущность, типизация», «Толерантность и идентичность: к вопросу о соотношении понятий», «Насилие и ненасилие как принципы современных и традиционных цивилизаций», «Проблема культурно-цивилизационной идентичности современной России», «Ненасилие как принцип цивилизационной идентичности России: история и современность» и др. Член Российского философского общества.

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Особенности формирования российской цивилизационной идентичности в Северо-Кавказском регионе». Грант Президента РФ МК-3338.2013.6.

³ Пантвич Д. Конфликты ценностей в странах транзитии // Социс. 1997. № 6. С. 35.

Российского государства и выполняют роль общенациональных интегрирующих символов. Западный вариант культурно-цивилизационного развития России допустим, если наша страна готова быть марионеткой Запада, и недопустим (несмотря на то что между Россией и Западом существуют обширные культурные связи, христианские корни и некий параллелизм истории), если она желает сохранить свою субъектность.

Однако самобытный путь развития России ни в коем случае не предполагает изоляции от ценностей западного мира, а наоборот, немыслим без полноценного включения нашей страны в глобальное пространство, в складывающуюся в мире модель постиндустриального общества. Отсюда проблема культурно-цивилизационного развития России не должна сводиться только к бесконечным дискуссиям относительно «величия» и престижа страны, а должна включать в себя вопросы экономического роста, постиндустриального развития. Последние во многом определяют такие важнейшие условия сохранения цивилизации в современном глобальном мире, как сильное государство, национальные идея и идеология, особая миссия и роль в мировых масштабах.

Конфликт ценностей современности и традиционности способствует разновекторности культурно-цивилизационного развития России, что хорошо видно на примере Северо-Кавказского региона. Доминирование традиционалистских ценностей, почти полное отсутствие модернизационных ориентаций способствуют тому, что кавказская культура на сегодняшний день выступает как малоинтегрированная и неорганиче-

ская часть общероссийской культуры. По замечанию В. А. Авксентьева и Б. В. Аксюмова, «идеологическую и ценностно-мировоззренческую основу этой культуры составляет своеобразное сочетание традиционализма и ислама... Идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к исламскому миру позволяют говорить не только о культурно-идеологическом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа»¹. Одним из основных средств преодоления данного культурно-цивилизационного раскола может и должна выступить экономическая реконструкция Северного Кавказа на базе итогов культурно-исторической эволюции народов данного региона в соотнесении с общими процессами социально-культурных трансформаций России.

Культурно-цивилизационное развитие и даже сохранение России зависят от того, насколько гармонично произойдет сочетание ценностей современности и традиционности. Очевидно одно, чтобы стать субъектом, а не объектом глобальной надцивилизационной интеграции, России необходимо сохранить единство своего культурно-цивилизационного пространства, что, с одной стороны, требует сохранения традиционных базовых ценностей или, как подчеркнул наш президент В. В. Путин, «сохранения русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские»², с другой — невозможно без экономических преобразований, установок на модернизационное развитие, модернизационную переориентацию народов России.

Т. В. Глазкова³

КОНЦЕПТОСФЕРА КАК СИСТЕМА КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ

Концепт, отличаясь минимальностью, «включает в себя не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций»⁴.

Деление концептов⁵ на научные (парные) и художественные (изолированные, «абсолютные изоляты»)

¹ Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона // Обозреватель. 2012. № 7. С. 7, 10–11.

² Путин В. В. Россия: национальный вопрос. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 07.02.2013).

³ Доцент кафедры иностранных языков Российской академии музыки им. Гнесиных, кандидат культурологии. Автор около 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феномен “случайного семейства” и его интерпретация в творчестве Ф. М. Достоевского», «О двойственной природе семейных ситуаций в творчестве Ф. М. Достоевского», «Культурно-исторический аспект изучения литературы: “случайное семейство” как феномен культуры», «Анализ художественного текста как культурная коммуникация», «Современная молодежь в поисках идентичности: выбор между подпольем и коммерческим успехом», «“Случайное семейство”: повседневность как предмет художественной культуры», «“Преданья русского семейства” в художественной культуре XIX в.» и др.

⁴ Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007. С. 20.

⁵ Данное деление предпринято академиком Ю. С. Степановым в указанной работе.

позволяет каждый концепт рассматривать в двухуровневой системе: как самостоятельную единицу с внутренним смыслообразованием и как единицу единой концептосферы культуры, смыслообразование в которой возникает в результате взаимодействия с другими концептами, и в то же время как единицу, влияющую на смыслообразование в концептосфере в целом.

В современной культурологии выделяют два основных подхода к пониманию концепта: лингвокультурологический (Ю. С. Степанов, В. В. Колесов) и философский (Ж. Делез и Ф. Гваттари). Понимая концепты культуры как «ключевые слова», сторонники первого подхода пытаются охарактеризовать национальный культурный опыт. Согласно второму подходу, концепт определяется как «становящаяся событийная множественность»⁶. Опираясь на две версии понимания концепта, культурологи рассматривают «концепт как инструмент анализа, который позволяет исследователю удержаться над бездной философских обобщений, избежать жесткости категориальных обьятий социологии и не задохнуться в головокружительном мельтешении фактов»⁷.

⁶ См.: Концепты культуры и концептосфера культурологии: кол. моногр. / под ред. Л. В. Никифоровой, А. В. Коневой. СПб., 2011. С. 6.

⁷ Там же. С. 7.

Для анализа концепта в культуре представляется продуктивным сопряжение лингвокультурологического и философского подходов, поскольку речь идет не только и не столько о поименовании явления культуры, но в первую очередь о его бытовании и восприятии участниками культурного процесса. Так или иначе, анализируя концепт, мы выходим на смыслообразование, которое происходит внутри концепта и которое сам концепт, в свою очередь, создает в соответствии с реализацией его потенций в конкретной культурной практике конкретного носителя культуры. А. Ю. Большакова в связи с этим пишет: «Если терминологически объем понятия синонимичен значению, то концепт — смыслу, сущности»¹. В то же время необходимо отметить существование иной точки зрения на данную проблему: «Принимая во внимание тот факт, что концепт принадлежит национальному языковому сознанию, можно считать, что в дихотомии значение–смысл он соотносим со значением, и остается только найти его имя — определить языковую единицу/единицы, чей план содержания он представляет»².

Содержание термина «смысл» как категории философии составляет «многообразная рефлексивная связь наличной предметности и проблематизированной онтологии», «это включенность некоторой частной и ситуативной предметности сознания в общую “картину мира”, сложившуюся в этом сознании; такая необходимая связь между ними, без которой ни эта предметность, ни эта “картина” не могут быть помыслены»³.

В своем исследовании концепта с позиций когнитивной лингвистики Ю. Е. Прохоров приходит к следующему выводу: «Концепт — сложившаяся совокупность правил и оценок организации элементов хаоса картины бытия, детерминированная особенностями деятельности представителей данного лингвокультурного сообщества, закреплённая в их национальной картине мира и транслируемая средствами языка в их общении»⁴.

Анализируя концепт в культуре, академик Ю. С. Степанов указывает: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»⁵.

Д. С. Лихачев в своей работе, посвященной концептосфере русского языка, отметил, что концепт «является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»⁶.

¹ Большакова А. Ю. Архетип–концепт–культура // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 47.

² Ясинская М. Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность (На материале историко-биографической прозы князя Б. И. Куракина) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

³ Даренский В. Ю. Концепт «герменевтического круга» как рефлексия смыслотворчества в культуре // Концепты культуры и концептосфера культурологии : кол. моногр. / под ред. Л. В. Никифоровой, А. В. Конева. СПб., 2011. С. 66.

⁴ Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М., 2009. С. 159.

⁵ Степанов Ю. С. Указ. соч. С. 43.

⁶ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.

При этом ученый указал на зависимость потенции концепта от культурного опыта человека: «И слово, и его значения, и концепты этих значений существуют не сами по себе в некоей независимой невесомости, а в определенной человеческой “идеосфере”. У каждого человека есть свой, индивидуальный культурный опыт, запас знаний и навыков (последнее не менее важно), которыми и определяется богатство значений слова и богатство концептов этих значений, а иногда, впрочем, и их бедность, однозначность»⁷.

Многозначность и заместительность концепта позволяют рассматривать отдельный концепт внутри концептосферы, как локальной или индивидуальной, так и общекультурной, общенациональной, общечеловеческой. Вслед за Д. С. Лихачевым концептосферами уместно называть «в совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом»⁸ с поправкой на культурологический ракурс заявленной проблемы и с учетом в этой связи культурных смыслов, продуцируемых словами-концептами. В данном случае, собственно, не наблюдается никакого противоречия, поскольку, как совершенно справедливо заметил Д. С. Лихачев в указанной работе, «Концептосфера языка — это в сущности концептосфера русской культуры»⁹.

Основные концепты концептосферы русской повседневной традиционной культуры были когда-то названы Ф. М. Достоевским: «Семья, обычай, Бог»¹⁰. Это те основания, от которых, по слову писателя, русский человек, не знающий удержу, мог отказаться «в иные роковые минуты его жизни»¹¹.

Указанные концепты, разумеется, принадлежат к макроуровню, то есть к концептам общенациональным и общекультурным применительно к русской традиционной культуре. По свойству концепта данные концепты в свою очередь представляют собой концептосферы, включающие локальные и индивидуальные концепты на микроуровне. Таково же соотношение частной жизни и жизни общества, истории отдельной личности и истории нации, культуры конкретного человека и культуры общества, в котором этот человек живет.

Таким образом, свою концептосферу имеет каждый отдельный концепт в силу своей многозначности и зависимости от субъективного опыта личности, его использующей. Но в то же время концептосферу имеет и отдельная культура. В этом случае концептосфера представлена совокупностью концептов, порождающих смыслы, составляющие при их сближении новые смыслы для характеристики бытийности того или иного феномена или артефакта.

⁷ Лихачев Д. С. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. М., 1989. С. 61.

¹¹ Там же.

В. В. Горшкова¹**ЦЕННОСТНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР**

Современная ситуация кризиса культуры создает необходимость исследования ряда смыслообразующих факторов в изменении ценностей. Проблему ценностей нельзя рассматривать абстрактно: ценности всегда связаны с социальным развитием. К. Манхейм сравнивал ценности с дорожными огнями, поскольку они регулируют коммуникацию внутри культуры.

Всякое изменение целей и структуры общества ведет за собой переоценку ценностей: благодаря этому человек получает возможность действовать в новых социальных условиях. Этот феномен позволил Ж.-П. Сартру со свойственной ему категоричностью заявить о том, что ценности и идеалы выдумываются человеком. В. Франкл определил ценности «как универсалии смысла, кристаллизующиеся в типичных ситуациях, с которыми сталкивается общество или даже все человечество».

К. Манхейм сформулировал два парадокса, которые происходят в ценностной сфере современного общества расширяющихся контактов. Он обратил внимание, что цивилизации используют метод перевода ценностей из одной системы в другую при переходе от более простых ценностей к более сложным, чтобы заставить систему ценностей функционировать еще раз. Этот прием приводит к неожиданным последствиям: ценности неожиданно превращаются из инструмента социальной справедливости в инструмент эксплуатации.

Так, ценности западной цивилизации пытаются представить в качестве универсальных во влиятельных международных миротворческих организациях. Для западной цивилизации мира эти ценности выполняют регулируемую функцию, а на международной арене они становятся средством подавления других народов.

В последние два десятилетия проблема соотношения прав человека и так называемых «азиатских ценностей» стала подниматься в политической риторике руководства ряда государств Азии и в научной литературе.

Одним из теоретических оснований для утверждений об особых азиатских ценностях является культурный релятивизм, идея о том, что ценности культурно специфичны и так называемых «общечеловеческих ценностей» не существует. Согласно этой точке зрения представления и ценности у каждой культуры свои, не существует транскультурных стандартов того, что правильно и неправильно. Следовательно, каждая культура внутри себя определяет свои ценности, нормы, образ жизни, режим прав человека, и вмешательство извне, навязывание порожденных в другой культуре норм и стандартов, неправильно. Но именно к та-

кому навязыванию приводит универсалистская по своей сути идеология либерализма с ее представлениями об «общечеловеческих ценностях» и «универсальных правах человека». И то, и другое является не общечеловеческим и универсальным, но порождением западной культуры и неприемлемо в иных культурных контекстах.

Признание справедливости культурного релятивизма автоматически означало бы правоту сторонников «азиатских ценностей» и явилось бы для них идеальным теоретическим фундаментом. Однако идеология культурного релятивизма на самом деле сталкивается с весьма серьезными проблемами теоретического плана, не подтверждается эмпирически и ведет к весьма сомнительным практическим выводам.

Во-первых, с точки зрения культурного релятивизма невозможен никакой межкультурный диалог по вопросу о ценностях. Культуры в этом плане непрозрачны и недоступны для понимания других культур, каждая, даже употребляя одно и то же понятие (допустим, «права человека»), будет говорить о чем-то своем и непонятном для других. Однако такой диалог имеет место, и мы вполне понимаем, о чем говорят представители других культур, рассматривая вопрос о правах человека, даже если не соглашаемся с их конкретной концепцией этих прав.

Во-вторых, согласно релятивистским представлениям, так как правильное и неправильное определяется культурой/обществом, то культура/общество не может ошибаться. Следовательно, оправданны любые, в том числе самые чудовищные и антигуманные представления и действия, лишь бы они были в духе культурной традиции, одобрялись культурой.

В-третьих, релятивизм представляет собой плохое основание для толерантности. Из него можно сделать вывод: «мои ценности не лучше ваших, поэтому не буду навязывать их вам», но с равным успехом и «мои ценности не хуже, можно и навязать».

В основе спора между сторонниками и противниками «азиатских ценностей» лежит также проблема индивидуализма и антииндивидуализма в социальной и политической философии. Дело в том, что в политической философии либерализма всегда доминировал методологический индивидуализм — представление о том, что индивиды предшествуют обществу, общество формируется индивидами и интересы индивидов первичны по отношению к интересам общества в целом. Отношения между членами общества строятся по модели контракта, и права индивидов необходимы им как защитная сфера, охраняющая их от нежелательного воздействия общества.

Истина заключается не в консервации традиции и не в ее уничтожении. Она — в уважении традиции. Консервация традиции есть путь в никуда, и возникшее за пределами стран Азии не означает «неподходящее для них». Возникшие в западной культуре ценности прав человека в определенном смысле универсальны

¹ Декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 300 научных и научно-методических работ, в т. ч. монографий: «Педагогическая философия Джона Дьюи», «Непрерывное образование: социокультурный аспект», «Диалог в образовании человека»; учебных пособий: «Диалог как технология социальной работы», «Современное семействование». Награждена медалью К. Д. Ушинского.

и аконтекстуальны, тогда контекстуальной должна быть их реализация. Но другой тупик — это неучитывание традиции, убийство традиции. Поэтому вопрос о внешнем содействии тем или иным реформам совершенно особый, он должен решаться с учетом всех конкретных обстоятельств и воздействия извне, если они действительно необходимы, должны быть максимально мягкими и ограниченными. Майкл Манделбаум пишет: «мы должны чувствовать, что нам повезло, что у нас есть демократическая история и представления. Эти представления могут импортировать те, кто их хочет, но не имеет, но их нельзя экспортировать. Мы можем только создать такой контекст, где другие захотят их импортировать».

Однако и сами ценности западной цивилизации требуют коренного пересмотра. Еще Э. Фромм отметил, что существует значительный разрыв между тем, что современный западный человек считает своими ценностями, и действительными ценностями, которыми он руководствуется и которые им не осознаются.

К числу универсальных общецивилизационных ценностей следует отнести те, которые необходимы субъектам всех цивилизаций для того, чтобы жить в едином мировом цивилизованном сообществе. Прежде всего это витальные ценности: право на жизнь и продолжение рода, сохранение здоровья, неприкосновенность личности. Затем экологические ценности:

чистые почва, вода, воздух, достаточность основных ресурсов. Первичные гражданские права: защита от неправового насилия и принуждения, свобода перемещения, неприкосновенность жилища, свобода совести, слова, собраний, ассоциаций. Универсальные политико-правовые ценности: независимость суда, свобода и независимость печати, различные формы участия граждан в политической жизни. Универсальные социально-экономические ценности — право каждого на самообеспечение. Особая роль принадлежит праву на непрерывное самообразование.

Все перечисленные ценности служат основой для реализации собственно цивилизационных ценностей, относящихся к особенностям образа жизни и мышления каждой цивилизации. Следующий уровень представляют уже национальные ценности, связанные с характерными чертами каждого из народов, входящих в данную цивилизацию. Признание универсальных общецивилизационных ценностей в качестве ведущих и определяющих составляет уже сегодня ту минимальную платформу, которая необходима для консенсуса в диалоге культур.

Но формальное определение круга универсальных ценностей не сможет осуществить желаемый диалог культур, поскольку основой всяких изменений в ценностях являются изменения в структуре и содержании мышления человека.

В. Ю. Дунаев¹

АРХИТЕКТОНИКА СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

«Растрепанная импровизация истории» (А. И. Герцен), ее «импрессионистская безответственность» (О. А. Кураев), если не преступная небрежность в обустройстве величественного целого общечеловеческой культуры, нигде, пожалуй, не проявляются столь явно, как в социокультурном ландшафте постсоветских суверенных республик. Его рельеф создается взаимодействием нескольких формообразующих потоков: инерцией прежнего типа социокультурного развития; ассимиляцией новых культурных норм, ценностей, социостилей; возрождением традиционных этнокультурных стереотипов; диалогом этнических культур и т. д. Результатом интерференции этих потоков становится мозаичное, лоскутное пространство культуры, в котором идентификационные стратегии подчиняются принципу “anything goes” («все сойдет, все сгодится»). Но методологический анархизм и соответствующий

ему беспорядочный «дрейф идентичности» по наборам культурных парадигм или культурно-цивилизационных моделей личного самоопределения не означают автоматического утверждения подлинно свободного мировоззренческого выбора.

В культуре должно быть нечто онтологически непреложное, в чем человек даже в условиях культурно-мировоззренческого плюрализма может обрести твердую духовную опору. Отрицание онтологического и аксиологического центра и замена иерархической смысловой структуры «номадической дистрибуцией» превращают философию культуры в регистрацию «поверхностных эффектов», создающихся скольжением смыслов и значений, без надежды — да и особого желания — пробиться к безотносительным духовным смыслам и ценностям культуры.

Мозаично-сетевая морфология мира современной культуры находит свое отражение в постмодернистской идеологии децентрированных структур. С точки зрения Ж. Деррида, основополагающей эпистемой классической культуры является понятие «бесструктурного центра структуры», создающего сбалансированность и гармонию структур внутри целостной формы, в то время как в самом центре свободная игра и трансформации элементов запрещены. Однако себетожественный смысловой центр, как подчеркивает Ж. Деррида, не объективное свойство структуры,

¹ Заведующий сектором политических технологий Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Человек и социальное государство» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.), «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Логическая структура и экзистенциальный смысл философской онтологии» (в соавт.), «Структуры и апории аксиологической модальности социодискурса», «Концептуальные основания и стратегические приоритеты этнополитики современного Казахстана», «Об инновационных технологиях социально-политического риск-менеджмента в Казахстане» (в соавт.) и др.

а интерпретационная фикция классической (логоцентристской) онтологической парадигмы. Модель структуры, организованной вокруг абсолютного центра, должна быть заменена децентрированной моделью сосуществования равноправных и равноценных смысловых инстанций в соответствии с семантической матрицей, задающей конфигурацию онтологически-смыслового поля философии культуры как сеть связей между его гетерогенными элементами.

Позитивный смысл «апофатической семантики» деконструктивистских стратегий состоит в том, что ее окольные пути позволяют четче, осмотрительнее, вывереннее артикулировать вопрос об условиях бытия человеческой культуры, о том в ней, что не поддается никаким языковым играм, интертекстуальным подменам, отсылкам и стираниям. Жак Деррида не устал подчеркивать, что движения деконструкции логоцентристской эпистемы обитают («как бы обитают») внутри самих деконструируемых структур и поражают свою цель изнутри. В связи с этим возникает соблазн рассматривать этих обитателей как скопище паразитов, облепивших и упорно пожирающих изнутри институциональную ткань социума, логические конструкции метафизических систем, догматические положения религии, нравственные кодексы и т. д. На самом же деле в дискурсе Ж. Деррида единое первоначало не исчезает, но создается возвратным движением следа как «первоначалом первоначала». Сознание изобретает свой путь внутри всегда-уже-начатой редукции, где изначальный Абсолют присутствует не как налично-сущее, но лишь неустанно *различая-откладывая*, бесконечно приберегая себя.

Фактически в построениях Ж. Деррида речь идет не о дискредитации онтологических универсалий и систем традиционной метафизики, а о новых принципах их понимания и артикуляции. И в этом отношении постмодернизм движется параллельными курсами с поисками нового типа рациональности современным естествознанием и социогуманитарными науками.

Зададимся вопросом: какая основная процедура реализуется в предложенной постмодернизмом методике деконструкции через возвратное движение следа как «первоначало первоначала»? В качестве такой процедуры выступает итерация основополагающего различия в сериях, превращающих логоцентрическую эпистему и ее направляющие схемы в диссипативную систему со своими собственными параметрами порядка, невидимыми или игнорируемыми с позиций самой эпистемы. Суть этого процесса можно описать на основе использования современных синергетических представлений об универсальных структурно-порождающих механизмах в динамическом хаосе и математического аппарата фрактальной геометрии.

Основоположник фрактальной геометрии Бенуа Б. Мандельброт так начинает свою книгу: «Почему геометрию часто называют “холодной” и “сухой”? Одна из причин — ее неспособность описать форму облака, горы, дерева или береговой линии. Облака не являются сферами, горы — конусами, береговые линии нельзя изобразить с помощью окружностей,

кору деревьев не назовешь гладкой, а путь молнии — прямолинейным»¹. Существование таких феноменов Б. Мандельброт воспринял как вызов математическим теориям, которые никак не объясняют того, что мы видим или ощущаем, и решил заняться подробным изучением тех из форм, которые Евклид отложил в сторону из-за их бесформенности — исследовать морфологию «аморфного».

Теория странных аттракторов и хаотической (или стохастической) эволюции возникла и развивалась вне какой-либо связи с фрактальными множествами, и все же оказалась буквально пронизана ими. Аттракторы и репеллеры большинства динамических систем имеют явную тенденцию к фрактальности. «Все известные “странные” аттракторы представляют собой фрактальные множества»². В диссипативных системах аттрактор копирует сам себя, воспроизводя основное свойство фракталов — самоподобие. Фрактал в геометрии и странный аттрактор в теории хаотических динамических систем по сути дела являются синонимами.

Теория динамического хаоса, синергетика, фрактальная геометрия также инициируют методологические, философско-мировоззренческие разработки нового типа теоретико-познавательных моделей исследования социокультурных систем и процессов. На наш взгляд, фрактал — это методологическая модель разрешения антиномии системы и ризомы, логической категории и экзистенциала, регулярности и спонтанности. Картина номадической дистрибуции смыслов в «ризоморфных» средах произвольно фрагментированного мира культурных ценностей и норм близка и вместе с тем принципиально отлична от фрактального типа морфологии культуры.

Основное свойство топологической структуры фракталов — самоподобие, по модели отражения зеркала в зеркале. При этом для большинства фракталов характерно нежесткое самоподобие, рекурсивные процедуры их генерации ковариантны, то есть зеркала обладают определенной структурностью, кривизной.

Определение фрактала, данное Мандельбротом, звучит так: «Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому». Фактически фрактальная структура обесмысливает само противопоставление «часть-целое». В этом отношении фрактал гомологичен лейбницевской монаде как понятию простой субстанции, в которой необходимо должна существовать множественность состояний и отношений, хотя частей она не имеет. Идеально-типические модели смыслового пространства культуры, построенные на основе парадигматического свойства фракталов, позволяют разрешить особую концептуально-методологическую проблему, связанную с парадоксами теоретического анализа самосоотнесенных систем. Суть данной проблемы можно прояснить на основе исследований Ю. М. Лотмана «семиосферы культуры». Эти исследования показали, что «неоднородность внутренней организации составляет закон существования культуры», необходимое условие преодоления энтропии структурного

¹ Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. М., 2002. С. 13.

² Там же. С. 280.

автоматизма. Вместе с тем «...на определенном этапе развития для культуры наступает момент самосознания, — она создает свою собственную модель. Эта модель определяет унифицированный, искусственно схематизированный облик, возведенный до уровня структурного единства. Наложенный на реальность той или иной культуры, он оказывает на нее мощное упорядочивающее воздействие, доорганизовывая ее конструкцию, внося стройность и устраняя противоречия»¹.

Принцип самоподобия означает, что метаязык теоретической рефлексии должен обладать той же структурой, что и ее предмет, и накладывает запрет на «упорядочивающие» воздействия. Эпистемологически это требование легитимизируется особым типом отношения «часть–целое», определяющим топологию фракталов. В этой топологии элемент заключает в себе собственное субстанциальное целое, есть «часть, равная целому, причем целое не равно своей части»², как определял существо символа П. А. Флоренский. Раскрывая диалектику числа у Плотина, А. Ф. Лосев так формулирует основную интуицию бытия античного платонизма: «Условием мыслимости мира является тождественность каждой вещи с миром в целом»³. Поэтому единство нельзя понимать только как объединенность. Единство есть там, где каждая часть, отличаясь от целого, в то же самое время тождественна с этим целым. Плотин приводит аналогию с разлитым в чаши молоком. В каждой чаше находится порция, которая определяется как часть целого. Но нельзя сказать, что белизна кружки молока является частью белизны молока в целом (как «двойка» является частью «десятки»), или что белизна кружки молока меньше, чем белизна всего молока; в этом случае «мы имеем белизну части, а не часть белизны»⁴. Белизна целиком и полностью присутствует в любом произвольно взятом количестве молока.

В отличие от принципов построения самореферентного текста, структурное и функциональное самопо-

добие в нелинейных развивающихся системах может возникать (или, напротив, исчезать) в областях нелинейных резонансов, в том числе в ритмокаскадах, порождаемых морфогенетической волной диалогического общения *между* сознаниями. Фрактальный тип организации текстов культуры и принцип самоподобия позволяют принять «индивидуализирующую тонкость» (Ф. Ницше) экзистенциальной коммуникации как порождающую модель *нелинейной компаративистики*, в которой идеи и тексты культуры, даже включаясь в интертекстуальные игры и подмены, сохраняют смысл *живого события*.

Архитектоника произведения-текста представляет собой открытое множество констелляций рефлексивных резонансов, среди которых нет ни привилегированных точек, ни привилегированных траекторий движения (они выбираются свободным произволом). Однако если мы ведем речь о Тексте в его постмодернистском понимании, то нельзя забывать указание Р. Барта, что на уровне Текста, в отличие от Произведения, смыслы создаются и фокусируются не автором, а читателем, в его — читателя — времени, с позиций его собственного духовно-интеллектуального и жизненного опыта.

В попытках экзегезы текстов Книги Бытия Августин приходит к заключению: «...если бы я писал книгу высшей непреложности, я предпочел бы написать ее так, чтобы каждый нашел в моих словах отзвук той истины, которая ему доступна; я не вложил бы в них единой отчетливой мысли, исключавшей все остальные»⁵. Именно так устроена Культура как Текст. Соответственно особого рода исследовательская стратегия архитектоники смыслового пространства культуры направляется не по пути изменения существующей или введения новой аксиоматики, а по пути развития логико-смысловой согласованности intersubъективного контекста определения универсалий культуры.

¹ Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 501–502.

² Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Имена: соч. М.; Харьков, 1998. С. 140.

³ Лосев А. Ф. Диалектика числа у Плотина // Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М., 1994. С. 721.

⁴ Плотин. Эннеады IV. 3. О сомнениях души. Первая книга // Плотин. Космогония. М.; Киев, 1995. С. 59.

⁵ Августин Аврелий. Исповедь. СПб., 1999. С. 349.

О. А. Жукова¹ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
И ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА СМЫСЛОВ

Наблюдая и интерпретируя современность, можно зафиксировать, что масштаб разнонаправленных социальных процессов ведет к значительным культурным трансформациям, одним из знаковых выражений которых стал распад привычных картин мира. Именно распадающиеся структуры ментальности, укорененные в определенных культурно-религиозных традициях, и их новые версии «сборки» становятся предметом осмысления философов и культурологов, продолжающих традицию познающего разума — традицию философской рефлексии над основами человеческого бытия. Современному философу и теоретику культуры приходится все свои построения удерживать в историческом горизонте прошлого, настоящего и будущего, тем самым помещая их в проблемное поле исторической культурологии. Подобные исследования требуют концептуальных вводов, новых образов понимания, языков их репрезентации, и в описании реалий современной культуры следует ожидать приращение философско-культурологического тезауруса. Возникающие на наших глазах новые реальности, впрочем, как и видоизменяющиеся культурные традиции, закрепляются в виде образов-метафор, а затем обретают статус понятия, входя в научный дискурс.

В этой ситуации, на наш взгляд, перед представителями гуманитарной науки, составляющей ядро интеллектуальной культуры России, стоят как минимум две серьезные проблемы. Во-первых, проблема дискурса — научного языка, отвечающего задаче понимания современной культуры; во-вторых, проблема актуализации смыслов и концептов, способных запустить механизм саморазвития российского общества и продуктивного индивида — творческой личности, соответствующей креативной парадигме информационной культуры. Выступает ли российское научное сообщество транслятором гуманистических идей, удается ли ему выполнять свою главную культурную функцию — производства знаний и производства смысла, без чего существование любого сообщества, тем более имеющего многовековую культурную историю, просто невозможно? Следует учитывать социальную и культуротворческую «связку» между «производством смысла» и «производством знаний», когда философские модели понимания становятся базовыми целе-ценностными моделями социально-культурной деятельности человека и транслируются через важнейшие социальные институты, такие как институт образования и воспитания.

¹ Профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Курс лекций по философии и истории русской культуры», «Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре» (в соавт.), «Лекции по истории русской культуры», «Метафизика творчества. Искусство и религия в истории культуры России», «Русская культура: онтология Слова и Образа», «Актуальность традиции: Художественное творчество в истории русской культуры» и др.

Здесь возникает еще один вопрос, чрезвычайно острый именно для России с ее специфическим переплетением духовной, художественно-философской и социально-политической традиций, оформивших государственность и культуру. Какая интеллектуальная традиция может обеспечить преемственность социально-культурного опыта, «бродильным элементом» которого всегда выступали метафизические смыслы, объясняющие взаимоотношения человека с миром в горизонте трансцендентных представлений? В связи с этим актуальным в философском и культурологическом плане становится вопрос о проявлениях метафизического мышления в современной культуре, о наличии или отсутствии в ней метафизических программ. Он касается и проблемы трансформации культурных и политических традиций, содержащих религиозные представления о жизни человека и общества.

Метафизическая линия развития русской культуры, определяемая синтезом религиозного, социально-политического и художественного опыта, все еще недостаточно артикулирована в российской гуманитаристике. Для интеллектуального сообщества более существенна исследовательская перспектива, которая возникает для данной темы, долго находившейся на периферии научных интересов и образовательной практики, прежде всего в советской России. Приходится принимать во внимание тот факт, что идеологическая блокада русской социально-политической и религиозно-философской мысли в течение длительного времени осложнила освоение богатейшего наследия интеллектуальной культуры. Разрывы собственной традиции на уровне высоких форм философской рефлексии преодолеваются достаточно сложно. Во многом восстановление недостающего звена — значительного пласта культурной памяти исторической России — *напрямую связано с освоением корпуса текстов и интеллектуальной биографии русских мыслителей*. Настоящее задание особенно актуально в связи с активным обсуждением проблем общественного устройства страны, со сложившимся отношением к ее историческому и духовному наследию и соответственно с определением содержания школьного и вузовского образования.

Трагические обстоятельства российской истории XX века — неизбежный фон при формировании современного отечественного научного дискурса, в который активно включается проблематика русской социальной и религиозно-философской мысли рубежа XIX — первой трети XX века. Русские интеллектуалы — ученые, мыслители, общественные деятели, писатели и композиторы — смогли на очень высоком уровне выполнить задачу по осмыслению многообразных социально-политических, духовно-нравственных и художественно-эстетических сюжетов отечественной истории и культуры. Оказавшись на цивилизационном разломе старого и нового миропорядка, в идейно-концептуальном плане русская культура достигла

своего рода «акме». Характеризуя интеллектуальный климат советского периода, необходимо ввести термин «духовно-культурная изоляция» и говорить об идеологической подмене критических структур философского мышления социальной мифологией в большевистской версии марксизма, даже более в политической практике его применения, чем в теории. Однако сложно организовать культуру, к которым, безусловно, относятся историческая Россия, не могут быть свернуты и редуцированы до простой и непротиворечивой социальной модели даже самыми радикальными методами прямого уничтожения носителей высоких духовно-интеллектуальных и художественных традиций. Внутри этой культуры остаются «каналы» трансляции смыслов, идеалов и ценностей, остаются и вертикальные метафизические связи с иным, вечностью.

Суть национальной трагедии состоит в том, что Россия потеряла свою интеллектуальную и духовно-творческую элиту. Большевизм сделал ставку на массовое образование, соответствующее индустриальной стадии развития общества. Стране Советов удалось вырастить новую научно-техническую интеллигенцию, но при этом она потеряла старую — лучших представителей образованного класса России. Граница пролегла по оси истории до и после русской революции и по оси пространственной локализации культуры — внутри и за пределами Родины. В то же время русская культура периода «рассеяния» никогда не прекращала своего существования. Она предпринимала действия по самосохранению и интеллектуально-творческому развитию. Примером являются опыты институционализации философско-богословского образования в Западной Европе и Америке; научно-образовательная и общественная деятельность выдающихся русских мыслителей: Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, П. Б. Струве, Ф. А. Степуна, Г. П. Федотова; творчество С. В. Рахманинова, И. Ф. Стравинского, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева и т. д.

Продемонстрированная способность удерживать и транслировать духовные смыслы в отрыве от материнской культуры говорит о коллективном труде по сохранению аутентичной интеллектуальной среды. Над исторической драмой возвышается опыт русских мыслителей и художников. Поражает сила духа, с которой они преодолевают глубоко личностную трагедию разрыва с Родиной, масштабом своего дарования и интеллектуальным трудом противостоят жесткой логике исторических событий. Художественная и научно-гуманитарная элита дореволюционной России — этот «интеллигентский» плод русской культуры — оказалась важным и абсолютно необходимым звеном в линии исторической преемственности XX века. Совместно с «малым стадом» творчески мыслящих людей, принадлежащих к научно-академической и артистической среде советской России, представителям России за рубежом удалось сохранить национальный «генетический» код культуры. В их опыте преодоления национальной трагедии значимым оказался идеал русской культуры — творческого совершенствования личности перед лицом Вечности и истории.

Можно привести немало ярких примеров и доказательств активной интеллектуальной работы по со-

хранению и развитию отечественной культуры. Так, Петр Бернгардович Струве стал одним из идейных лидеров русской эмиграции, что подтверждено фактом его председательствования на знаменитом Съезде русской эмиграции в 1926 году, его деятельностью политика, публициста и ученого, признанного мировым обществом. Иван Александрович Ильин до последних дней работал над проектом возрождения России через построение творческой демократии на основе христианизации всех сфер жизни. Творчество выдающегося интеллектуала и публициста Георгия Петровича Федотова также с полным основанием можно назвать монотематичным, посвященным проблеме «русской жизни», культурного феномена России, ее цивилизационной идентичности. В России же люди уходящей интеллектуальной формации, к которой принадлежали П. Б. Струве, И. А. Ильин, Г. П. Федотов, А. Ф. Лосев и Д. С. Лихачев, становились политическими узниками режима. По выходу из лагеря Лосев ведет жизнь, по его словам, «жалкого учителишки»; в отсутствие полноценной духовно-интеллектуальной среды, академических свобод и свободы совести он отстаивает право личности исповедовать философскую и религиозную истину. Лихачев поднимается по академической лестнице, претерпевая прессинг официоза, добивается мирового научного признания и возвышает свой голос в защиту подлинных ценностей культуры.

Показательно, что наследнику русской философской школы Лосеву не находится места на кафедре университета, и он преподает в Московском педагогическом институте. Лихачев на долгое время как бы уходит в академический «затвор» — скрывается от власти под покровом научных штудий текстов русской литературы. Вынужденный поворот Лосева от свободной философии к истории эстетики по причине политического и идеологического отсечения свободы, являющейся своего рода выражением личностного достоинства человека «профессорской» культуры, вполне понятен из перипетий его жизни. Понятен и вытекающий из данных обстоятельств маргинальный статус философа, усиленный тайным постригом. Напротив, казалось бы, признание научных заслуг Лихачева растет, но око режима не дремлет, и при нападении «неизвестного» его в буквальном смысле спасает от смерти рукопись «Слова о полку Игореве». При всем драматизме обстоятельств жизни выдающихся представителей русской интеллектуальной традиции для нас важно именно то, что в контексте советской истории преемственность все же осуществляется. И в форме особой *субкультуры личности* духовно-интеллектуальное ядро русской традиции передается через духовный опыт учителя и через культуру разума, которая заключается в особом способе философской рефлексии и методологии гуманитарного знания.

Примеры Лосева и Лихачева говорят о том, что другого авторитета, кроме личности учителя и ученого, хранителя знаний и смыслов, процесс вхождения человека в мир культуры, его «очеловечивания» история не знает. Какой бы технологической оснащенности ни достигли культура и система образования, на уровне целей и ценностей личности, включающих, безусловно,

получение профессиональных умений и на их основе профессионально-творческих достижений, общество и школа будут нуждаться в учителе и ученом, обладающих духовным опытом и культурой разума. В подобном типе отношений между учителем и учеником получаемое и добываемое знание непосредственно возникает как личностный смысл, как духовно-интеллектуальная рефлексия личности, осознающей диалектическую взаимосвязь между творческой свободой и моральной ответственностью.

Подобно тому, как Ученик нуждается в наставничестве Учителя, общество нуждается в скрепляющих его смысло-жизненных установках. Интеллектуальное общество призвано продуцировать смыслы, артикулировать идеи, защищать фундаментальные ценности познания, свободы, духа, творчества, выступая важнейшим звеном в преемственности социально-культурного опыта. Для России справедливо говорить о доминировании духовно-ориентированных целей и ценностей жизни, предполагающих стратегию совершенствования личности и общества в присутствии трансцендентного идеала. Специально заметим, что культурная история России с ее смысловой взаимообусловленностью религии, политики и культуры оказывается очень трудным заданием для современных представителей гуманитарной науки.

Можно говорить, что философская рефлексия над историческим опытом России сегодня остается одной из центральных задач отечественной культурологии. Здесь возникает ключевая для философско-культурологического знания проблема, связанная с взаимодействием двух типов отношения к миру культуры — как к рукотворной деятельности человека и как к религиозной традиции, освященной авторитетом предания и огражденной догматикой. Если сегодня эта тема не станет предметом активного обсуждения в научном сообществе, то культурно-политическая жизнь постсоветского общества в сложном процессе строительства новой российской нации может оказаться в тупике неразрешимых противоречий. Как представляется, путь познания исторического опыта связан с процедурой философской экспертизы, которая представляет собой своего рода пространство «срединной культуры». Эта интеллектуальная субкультура возникает как медиация — поиск смысла и решения за рамками сложившихся ментальных стереотипов культуры посред-

ством преодоления их ограниченности. Медиация противостоит инверсии — быстрому логическому движению индивидуального и общественного сознания, привычно ищущему смысл событий в ранее сложившихся моделях понимания, как правило, в рамках дуальной оппозиции, характерной для мифологического, некритического, неисторического мышления.

В контексте обсуждения поставленной проблемы возникает образ *медиатора — опосредствующей интеллектуальной культуры*, способной преодолевать инверсионные исторические ритмы российской культурной и социально-политической истории. Речь может идти о новой стратегии развития России на основе глубокого изучения и понимания ее исторического опыта. В рамках данной задачи философская критика культурно-политической истории России есть необходимое условие консолидированной научной, общественной и государственной работы, позволяющей предотвратить трагически повторяющееся столкновение консервирующего и архаизирующего традиционализма и творческого, продуктивного культурного развития личности и общества.

Наши рассуждения могут быть сведены к двум тезисам:

1) сохранение целостности России требует новой интерпретации ее культурной и социально-политической истории, что позволит обеспечить воспроизводство общества, культуры, государства за рамками архетипа консервации и мифологизации культурной традиции;

2) главной интеллектуальной задачей становится такой тип философской рефлексии, который обеспечивает процедуру критического переосмысления и творческого освоения культурной традиции, выполняет функцию медиатора в согласовании и опосредовании духовно-культурных и социально-политических практик в современной истории России.

Только в этом случае для России открываются исторические перспективы в современности, которые не станут очередным сломом ее традиции, а, наоборот, позволят на новом этапе решить актуальные геополитические и внутривитальные задачи на основе принципов культурного универсализма, создавшего когда-то большой мир христианской Европы и национально-культурную общность России.

О. П. Зубец¹

ЕДИНСТВЕННОСТЬ ПРОТИВ УНИКАЛЬНОСТИ

Круг проблем, объединенных темой ценностей и смыслов культуры, включает и вопросы, связанные с тем, что каждая культура, рассматриваемая в про-

¹ Старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. книг: «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время», «Возраст: особенности нравственной жизни»; статей «Аристократизм как основание поступания», «Ложь как самоустранение», «Megalopsychos, Magnanimus, Величавый», «Дискуссия о даре: о возможности аристократического в морали», «О гордости», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте» и др.

странстве множественности культур и таким образом рядоположенная им, осознает саму себя в качестве ценности и видится со стороны в качестве ценной, в первую очередь посредством понятия уникальности. Можно сказать, что сама уникальность выступает в качестве ценности, причем такой, которая лежит в основе всех других ценностей, специфических для данной культуры. Тем не менее понятию уникальности в контексте фундаментальной философско-этической проблематики противостоит понятие единственности,

позволяющее особым образом задать основания диалога культур и самосознания отдельной культуры. Обращение к понятиям единственности и уникальности обусловлено не стремлением добавить в философско-этический обиход несколько новых терминов, но значимостью понятийной ситуации, ни описание, ни анализ которой без них невозможны. Эти понятия в определенном отношении формируют ее сердцевину. Речь идет о совокупности проблем, в центре которых — понятия морального субъекта и морального поступка (хотя слово «моральный» можно было бы снять, так как данные словосочетания тавтологичны), то есть о понимании самой морали. В то же время эти понятия имеют определенную историю рассмотрения в диспутах, посвященных диалогу культур. Их задание в рамках философской этики позволяет выйти на особое этическое понимание проблем этого диалога — через призму теоретического и нормативного видения.

Идея единственности субъекта индивидуально ответственного поступка высказывалась М. М. Бахтиным, Ханной Арендт, а в современной российской философии — А. А. Гусейновым (Х. Арендт подчеркивает единственность мыслящего человека, не нарушаемую даже его неизбежной раздвоенностью в акте мышления, о морали же она говорит как о затрагивающей человека именно в его единственности). Субъект морали абсолютно единствен (и в этом абсолютен) в силу того, что он является единственным основанием поступка, так что всякое ограничение этой единственности означало бы, что поступок имеет и другие причины, а значит, субъектность и тождественная ей ответственность невозможны. Субъект морали является единственным в силу своей абсолютности, подобно тому как единствен любой абсолютен, — сомнение в этом порождает лишь противоречие в понятии. Единственность в таком случае — именно то, что есть прямой смысл данного слова: не существует ничего/никого иного, а лишь одно, что неизбежно тождественно всему бытию, так как любое ограничение означало бы множественность. Эта древняя мысль рождается заново при философской попытке задать субъекта морали: он оказывается тождественным индивидуально ответственному поступку, который также единствен и абсолютен, и всему моральному пространству, всему ценностному бытию. Для М. М. Бахтина эта единственность долженствующая: никто и ничто не может быть автором моего поступка, что и делает меня ответственным субъектом (на моем месте в пространстве бытия не может быть никого иного уже в силу того, что на нем есть я). Но и поступок абсолютен — как моральный, он не является выводом из прошлого или переходом к будущему, но сам порождает их и охватывает бытие как вневременное (любая попытка задать поступок иначе означает вписывание его в «паутину» детерминаций и лишение его моральной природы). Таким образом, пространство морали оказывается пространством единственного субъекта и единственного поступка.

В морали человек одинок. Более того, его одинокая единственность долженствует не только в ответственности поступания, но и требует от него быть всемирным законодателем, не уклоняться от того, что опре-

делено его единственностью (о чем и говорит Кант). И никакие самые благоприятные жизненные обстоятельства не могут избавить его от самого себя в пространстве морали. Отсюда — известное античное изречение: лучше пострадать от несправедливости, чем совершить ее: ведь совершивший несправедливость навсегда остается неразлучным с «собой-преступником». Тема прощения коренится скорее не в морали: человек не может простить сам себя, если не он жертва поступка. И сам поступок для него есть он сам, его собственное бытие, по отношению к которому он не может занять внешнюю, оценочную, прощающую или не прощающую позицию. Он не может и забыть поступок, только если лишится сознания и перестанет быть моральным субъектом: ведь поступок не существует во времени, утекающем в прошлое, он всегда актуален, всегда сиюминутен. Для него, в отличие от правового деяния, нет срока давности, и «я», совершивший недопустимое, всегда и всюду таков.

Единственность субъекта морали определяет и ответственность *за все* — за все, произошедшее в прошлом и возможное в будущем, точнее — за все, что пребывает со мной как *мое* вне времени: в этом смысле и смерть Сократа, и преступления фашизма находятся в поле моей индивидуальной и единственной ответственности как мои поступки, которые я не могу простить и исключить из своего бытия; я не могу, оставаясь субъектом морали, помыслить их как не свои. И помыслить некоторое событие, явление, не исключая и не теряя его авторства, ответственности за него, его субъектности, возможно только через понятие единственности.

В пространстве познания единственный как субъект поступка оборачивается «ничто»: его нельзя определить, задать с помощью описания (так неуловимо человеческое «я», которое всегда оказывается за спиной смотрящего), он сопротивляется любому объективированию, рассмотрению в качестве объекта, без чего не может обойтись познание, но, более того, своей единственностью отменяет любую возможность существования и познающего. Единственный в пространстве познания есть *ничто*, подобно всякому абсолюту. И он же — как абсолютное начало, единственная причина — является *всем* в пространстве поступка, и его взгляд обращен не на себя, но от себя.

Содержание понятия «уникальность» при поверхностной схожести совершенно иное, можно даже сказать, несовместимое с «единственностью». То, что трудноуловимо с помощью традиционного теоретического описания, легко схватывается в языке: он сопротивляется таким словосочетаниям, как «уникальный Бог», «уникальный “я”», «уникальный поступок», «уникальный Пушкин», — язык чувствует эту несовместимость как неприменимость определения «уникальный» к тому, что является единственным. И ничто не мешает нам говорить о единственности Бога, «я», поступка и Пушкина.

Уникальность — понятие, в котором предпринимается заранее обреченная попытка прийти к «единственности» через познание и оценочные суждения на основе сравнения, сопоставления, оценки в превосходной

степени. Оно выражает превосходство в одном или нескольких отношениях. Его пространство — познание и оценка, это пространство познающего разума, решающего конкретные задачи рассудка и разного рода оценивания. Оно основано на ограничении (самим собой, своим разумом) того, что хотят задать в качестве ничем не ограниченного, — и уже в этом оно глубоко противоречиво: в нем скрыта безуспешность попытки перейти от уникальности к единственности. Спор об уникальности события есть процедура познающе-оценивающего, сопоставляющего, аргументирующего разума, вписывающего это событие в ряд других (причинный ряд, ряд сопоставлений и т. п.), и она совершенно исключает возможность видения события как поступка, то есть видения его в пространстве морали, индивидуальной ответственности.

Для меня принципиальное, сущностное различие, несовместимость единственности и уникальности стали очевидны при обращении к теме Холокоста, знакомстве с дискуссиями, касающимися этического взгляда на это событие, большая часть которых начиналась с обсуждения степени его уникальности, как бы его права быть рассматриваемым в большей степени, чем другие примеры геноцида. Независимо от ответа на последний вопрос, в самой логике такого рассмотрения воспроизводилась логика нацистов, подходивших к решению еврейского вопроса рационально, научно, с привлечением как современных технических, так и интеллектуально-духовных сил. Дискуссия об убийстве, уничтожении народа превращалась в своего рода теоретический диалог о возможности убийства, достаточности его оснований — и она не может быть иной, пока остается в пространстве познания, пока Холокост есть лишь уникальное событие, превышающее другие по описываемым количественным показателям. В пространстве морали и адекватном ему этическом рассмотрении о Холокосте невозможно говорить, так как он выпадает из пространства человеческого бытия, это то, чего вообще не должно быть (Х. Арндт): о нем нельзя говорить как об объекте познания и оценки. Но его можно увидеть в оптике ответственного субъекта, и тогда он становится абсолютным и единственным поступком единственного субъекта. В этом случае ответственным за него (а мо-

ральная ответственность не подвержена делению, ограничению, разделению с кем-то) является каждый из нас, любой, считающий себя ответственным за поступок, а следовательно, и за весь мир, в котором он совершается и которым он создается. Это видение Холокоста как собственного поступка есть включение его в моральное пространство. Оно означает одно: абсолютный запрет на убийство, такой запрет, который выводит вопрос об убийстве из области рационального рассмотрения, сферы решений человека.

Вернемся к противостоянию понятий единственности и уникальности, к тому, как оно проявляется при обращении к проблемам диалога культур. И первый вопрос, который можно было бы задать: каким образом возможно понимание культуры как уникальной? Если культура сама себя определяет в этом качестве, то это противоречит содержанию уникальности, предполагающему сравнение, сопоставление, оценку, ранжирование, то есть взгляд некоего внешнего исследователя, сопоставляющего разные культуры. Если сама культура претендует на такую роль, то это вряд ли способствует диалогу культур. Даже идея несопоставимости культур есть своего рода вывод из возможности сопоставления. Понятие единственности культуры выводит ее из этого объективирующего пространства познающего оценивания, но выражает ее авторство мира, в котором существуют и другие культуры, в некоторой степени видные в ее оптике и за которые она также ответственна. Она видит другие культуры как свои, значимые для себя: они — формы ее самой, так как воспринимаемы ею в силу того, что она культура. И «я», будучи персонализацией культуры, единствен — во мне и через меня существуют и другие культуры как иные.

Помыслить собственную единственность невозможно, так как она задана взглядом «от себя». Уникальность мыслится, описывается, но уничтожает сама себя (подобно зеркальной комнате Леонардо да Винчи, в которой попытка увидеть себя одного оборачивается бесконечным многообразием и бесчисленностью). Так, культура как уникальная видит в мире лишь бесчисленные отражения себя самой, а культура как единственная видит мир как мир культуры и тем самым берет на себя ответственность за иное не как отражение себя, а как за свой мир.

С. Ю. Иванова¹

ПАТРИОТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

На протяжении всей истории (особенно на переломных этапах развития, в условиях ломки устоявших-

¹ Заведующая кафедрой социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч.: «Демократия: конфликтность и толерантность» (в соавт.), «Патриотизм, национализм, глобализм: исторические, антропологические, социокультурные аспекты», «Политико-идеологические предпосылки снижения межэтнической напряженности и становления культуры мира», «Социально-политические предпосылки межэтнического противостояния на Юге России», «Процесс модернизации и межэтнические конфликты на Юге России», «Современный российский патриотизм», «Новая российская идентичность в глобализирующемся мире» и др.

ся воззрений) именно любовь к отечеству становится наиболее значимой социокультурной ценностью. Этот подход разрабатывался не только в рамках русской философской традиции, он имеет более глубокую теоретическую традицию, уходящую корнями в глубь веков. Уже у Платона имеются рассуждения о том, что родина дороже отца и матери.

В начале XXI века все большее распространение в рамках философской антропологии приобретает взгляд на патриотизм как на важнейшую ценность, интегрирующую не только социальный, но и духовный, нравственный, культурный, исторический и другие

компоненты личности. Однако до сих пор не определено конкретное содержание патриотизма как ценности, не исследована ее взаимосвязь с другими близкими ей ценностями, явно недостаточное внимание уделяется изучению проблемы реального проявления патриотизма в системе взглядов, позиций, ценностных ориентаций, и особенно в процессе социализации и деятельности реализации личности, в условиях современной России.

Как известно, в социокультурных ценностях проявляется общественная и культурная значимость материальных объектов, социально-политических и духовных образований для человека. Для развитого гражданского сознания отечество — это наивысшая ценность.

В связи с этим возникает вопрос о том, каковы те социокультурные функции, которые данное духовное образование выполняет в обществе, каково его значение для эффективности функционирования социальной системы, наконец, какова его ценность для отдельной личности. Ответ на этот вопрос можно найти в нашем великом прошлом.

Проблема разделения судьбы со своим отечеством, общности этой судьбы была одной из ключевых для российской интеллигенции, оказавшейся на чужбине. В печальной россыпи эмигрантских судеб, в этих «маленьких трагедиях» отдельных человеческих жизней отражалась и самая большая трагедия всего российского рассеяния — трагедия разрыва с родиной. Разрыв с Россией советской не всеми воспринимался как разлука с отечеством, ибо того отечества, которому принадлежали их сердца, в России уже не существовало. Поэтому и пребывание на чужбине рассматривалось ими не столько как эмиграция из отечества, сколько как возможность сохранить верность ему. В таких представлениях находившиеся за рубежом оказывались даже «ближе» к подлинным ценностям, святыням и традициям отечества, нежели оставшиеся в советской России.

Традиционная «странническая» тенденция в психологии и мировоззрении российской интеллигенции в условиях реального скитальчества на чужбине обернулась своей противоположностью — непреодолимым влечением к родной земле и своему народу. Та самая интеллигенция, которую, как известно, до революции упрекали в чрезмерной «идейности» и «беспочвенности» (Г. Федотов), «отщепенстве» (П. Струве), «безрелигиозности» (Н. Бердяев), в эмигрантском творчестве явила образцы глубокой приверженности народу, традициям национальной истории, культуры, государственности, религии. Узы, связывающие с родиной, скрытые прежде в ходе идейно-политической борьбы, на чужбине были обнажены, указав остоу подлинных ценностей и смысла человеческого бытия и творчества.

С. Франк отмечал в связи с этим, что родина — не кумир и любовь к ней не есть влечение к какому-то призраку и поклонение какому-то идолу. Таким образом, наряду с чувством гражданственности и сопереживания за судьбу отечества патриотизм эмигрантской интеллигенции был окрашен человеческим переживанием самого факта разлуки с родиной, которое обычно

выражается понятием ностальгии и имеет одну природу с тоской по семье и отчужденному дому. И многие представители российского рассеяния почувствовали справедливость известных слов И. Тургенева о том, что «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись...» Две ипостаси, два «берега» появились и у русской национальной культуры. Творчество в эмиграции не только проистекало из этих обстоятельств и их отражало. Оно являлось их преодолением, звеном, связующим воедино распавшееся и разделенное во времени и пространстве. Из приведенных высказываний видно, что, будучи отражено в сознании людей, объективное социокультурное явление — отечество — превращается в систему знаков и символов, в систему ценностей. Став знаками и символами, элементы структуры реального отечества превращаются в ценности, указывающие на человеческое, социальное и культурное значение данного явления действительности. Природа данного отечества, его культура, политический строй — все элементы оцениваются в плане добра или зла, красоты или безобразия, справедливого и несправедливого. Все многообразие явлений объективной реальности — отечества — может выступать в качестве духовных ценностей.

Можно выделить следующие обязательные элементы, так или иначе присутствующие в «образе Отечества».

Наименование. Само наличие общего названия, применяемого людьми, соединенными в одно отечество, говорит об осознании ими своей принадлежности к данному социокультурному целому. Здесь же необходимо подчеркнуть, что даже, казалось бы, такое политически нейтральное понятие, как «наименование отечества», является ценностью, подчиненной различным групповым интересам.

Символы и наглядные представления. Большое значение для создания вокруг образа отечества системы ценностей имеют такие символы, как герб, знамя, гимн, форма одежды. В этнически и классово окрашенном сознании они получают неоднозначный смысл. В этих случаях социальные группы и этносы вырабатывают свои символы. Сама структура символа направлена на то, чтобы через частное явление дать целостный образ объективно существующего отечества. Ближе к этому психологическому механизму стоит и формирование наглядных представлений, которые, в конечном счете, также становятся символами отечества. Это могут быть элементы родной природы: ландшафт, флора, фауна.

При формировании новых социокультурных образований рождается и новая символика. Наиболее эффективна эта новая символика тогда, когда опирается на те или иные традиционные подходы, а в определенных случаях — на религиозную символику. Смысл символа нельзя свести к однозначной логической формуле, ибо он отражает весь мир социокультурной общности — и природную ее сферу, и политический режим, и культурную неповторимость, и национальный характер.

Уходит с исторической сцены народ — уходит и символика (хотя какие-то знаки могут подхватить

другие народы, они включаются в совершенно иную систему значений).

«Образ Отечества» обязательно сочетается с *памятниками истории и культуры народа*. Как известно, памятник истории представляет собой один из видов охраняемого наследия. Основным критерий — синхронность конкретного объекта или места (постройки, ландшафта и т. д.) с историческим фактом (событием) или жизнью или деятельностью выдающегося лица. Например, Бородинское поле — даже если бы на нем не было ни одного памятника, все равно остается памятным местом.

Персонификация. Образ родины во многих случаях связан (а иногда и отождествлен) с образами людей — матери, отца, национальных героев. Действительно, представление отечества в лицах, становящихся символами либо семейной, либо политической ориентации, придает особую интимность патриотическому чувству и увеличивает его роль в мотивации поведения человека.

Есть такие знаковые элементы отечества, которые имеют смысл для больших групп людей. Например, для многих русских людей представление о своем Отечестве неразрывно сочетается с образом Петра Великого, отождествляется с государственным достоинством народа.

Следует заметить, что в идее отечества система ценностей предстает в более рафинированном, очищенном от образности виде, в большей мере связана с идеологическим уровнем отражения. Здесь отечество как ценность важно для личности, прежде всего реализацией в нем ее политических идеалов, других духовных устремлений.

Отношение к отечеству обнаруживает себя также и в художественном творчестве, в эстетике. Одна из центральных категорий эстетики — прекрасное — включает в себя некоторые стороны отношения к отечеству. Подчеркнуто патриотические мотивы звучат в эстетической мысли народов, когда происходит становление их национального литературного языка, когда идут сложные процессы его взаимодействия с диалектами, наконец, всегда, когда выдвигается требование верности действительности и воплощения в художественном творчестве лучших сторон народного сознания.

На основе разделяемой большинством членов общности системы ценностей, сконцентрированной вокруг того или иного «образа Отечества», возникает ценностно-ориентационное единство общности, показатель ее сплоченности. Тому смыслу, который мы вкладываем в «образ Отечества», во многом тождествен применяемый в западной науке термин «объект лояльности».

В условиях социокультурного кризиса и в ходе жесткой политической борьбы различные силы, не только оппозиционные, но и властные, стремятся отождествить свои действия с интересами отечества. Причем именно попытки власти ангажировать патриотизм в целях укрепления своего положения способны привести к особенно серьезным последствиям, использоваться как средство манипуляции массовым сознанием и оружие подавления инакомыслия. Нравствен-

ная и ответственная позиция интеллигенции — едва ли не единственная гарантия от утверждения подобного подхода. Кроме нее в обществе нет силы, которая в силу своих органических качеств и функций могла бы различить патриотизм «истинный» и «ложный», дать ориентиры, принципы и образцы должного отношения к отечеству.

Патриотизм — это специфический механизм трансляции культуры. В самых недрах национально-государственного организма он проявлялся в идеях и чувствах, способствующих объединению людей вокруг святынь и интересов, в равной мере понятных каждому и близких для всех. Основания патриотизма содержатся, с одной стороны, в осознании человеком своей принадлежности к определенной цивилизационной и национально-государственной целостности, с другой стороны, в его частной жизни, в гражданском обществе.

Важно избегать двух крайностей в трактовке патриотизма как ценности. Первая — утверждение, что он отрицает свободу личности, означает лишь род духовного рабства, разобщает человечество. Истоки такого подхода обнаруживаются, начиная с космополитической традиции Просвещения. Вторая крайность — абсолютизация патриотизма, свойственная мировоззрению замкнутого этноса, отчужденно или враждебно смотрящего на мир.

Отношение к отечеству, всегда оставаясь универсальной ценностью, сохраняет индивидуальность в своих конкретных проявлениях. В этом смысле каждый человек по-своему «ощущает» и представляет отечество.

Патриотическая деятельность — это способ воплощения патриотического сознания и совокупность действий, направленных на реализацию патриотических целей. Патриотическим может быть любой вид человеческой деятельности, при условии, что в ее мотивационной структуре будут преобладать патриотические мотивы. Деятельная сторона патриотизма является определяющей, так как именно здесь происходит трансформация чувств и идей в конкретные дела. Патриотическая деятельность является своеобразным результатом достигнутых эмоциональной и рациональной сторон патриотизма, в соответствии с чем можно судить о настоящем отношении человека к отечеству.

Трудности, которые в современный период переживает отечество, усилили внимание к теме подвижничества. Умение стойко переносить испытания, вера в судьбу народа, способность к самопожертвованию — эти нравственные ценности, заложенные в социальной памяти народа, воспринимаются новыми поколениями. Даже в глухие застойные времена народ выдвигал подвижников, которые выполняли долг верности совести, культуре, нашим идеалам. Тема «патриотизм и подвижничество» заслуживает специального изучения.

Таким образом, ценностные и деятельностные аспекты патриотизма синтезируются в представлениях об отечестве как социокультурной ценности. Представление о социокультурной ценности отечества применительно к современным российским реалиям имеет

определенное своеобразие, которое выражается в следующем:

— во-первых, изменился сам объект патриотизма. Вместо единого многонационального государства СССР образовалась Российская Федерация, а также ряд других республик; что существенно сужает объект патриотизма и делает его более неопределенным для значительной части народа;

— во-вторых, изменилось социокультурное содержание патриотизма: идеология, характер и особенности взаимоотношений между народами и отдельными людьми, перспективы социального и экономического развития;

— в-третьих, изменению подвергся и субъект патриотического сознания. Многонациональный народ Российской Федерации не является копией советского

народа времен СССР, ему присущи свои особенности в сфере патриотического сознания.

Эти особенности складываются из двух составляющих: первая особенность характеризуется преемственностью с патриотическим сознанием народов СССР; осталось ощущение Отечества как огромной территории, не уступающей самым великим государствам мира; сохранено чувство многонациональности как естественного состояния патриотического сознания; не утрачено представление об Отечестве как великой державе, пусть и временно потерявшей значительные силы и др. Вторая выражает отличие от этого сознания: появилось ощущение искусственного разрыва с частью Отечества, стремление восстановить утраченное; восстанавливается чувство более тесной преемственности с дореволюционной Россией.

Г. К. Касумова¹

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Начало XXI века характеризуется радикальностью происходящих социокультурных процессов, которые затрагивают первоосновы социальной организации жизни людей. Не вызывает сомнений, что все эти явления не только изменили жизненное пространство культуры, но и вызвали раскол монолитной структуры традиционной системы ценностей. Среди множества факторов, влияющих на трансформацию системы ценностей, необходимо выделить формирование нового глобального миропорядка, новой реальности, в рамках которой создается новая система ценностей.

Влияние глобализации на ценности человека очень значительно по своим социокультурным последствиям. Если исходить из понимания глобализации как стремления человечества сохранить многообразие культур, но при этом достичь цивилизационного синтеза (единство в многообразии), то этот процесс невозможен без изменений в тенденциях развития человечества, более конкретно — без формирования новой парадигмы культуры. Но общеизвестно, что в основе любой культуры лежит определенная система ценностей и изменения культурной парадигмы повлекут за собой изменения ценностной системы. Если мы положительно принимаем идею глобализации человечества, то должны быть готовы к становлению новой парадигмы культуры с качественно иной системой ценностей.

Анализ процесса изменения культуры показывает, что если изменения коснутся ценностно-смыслового ядра культуры, то мы станем свидетелями появления нового типа культуры.

¹ Доцент кафедры философии Бакинского государственного университета (Азербайджан), кандидат философских наук. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч.: «Культурно-цивилизационные грани глобализации», «Социокультурная реальность глобализирующегося мира», «Социально-философский аспект формирования нового типа культуры», «Мультикультурализм как явление глобализации: социально-философский анализ», «Модели межкультурных коммуникаций как предмет философского анализа», «Interaction of Cultures in the Context of Globalization», «Philosophical Aspects of Cultural Relationships» и др. Член Российского философского общества.

Одним из базовых условий существования и сохранения самобытности любой культуры является стабильность ее ядра, в котором сконцентрированы базовые ценности данной культуры, формируемые веками и обычно входящие в понятие «традиционные ценности». Целостность ядра культуры обусловлена структурой системы ценностей, находящихся в определенной иерархии. Введение новых ценностей, нарушение иерархии в ценностной системе могут привести к разрушению целостности ценностно-смыслового ядра культуры, в результате чего происходит его трансформация. Данные процессы способствуют формированию новых оснований культуры — новых культурных кодов, что, в свою очередь, становится основой изменения самой культуры, и возникает новый тип культуры. Но весь этот процесс — смена базисных ценностей культуры, изменение приоритетов, включение новых ценностей, отвечающих потребностям сегодняшнего дня, — очень сложный и длительный процесс. Культура как сложная самоорганизующаяся система не позволяет изменять систему ценностей под влиянием возникновения новых представлений, не успевших пройти «культурную обработку» (В. В. Миронов). Механизмы самоорганизации культуры стремятся сохранить фундамент культуры и оказывают сопротивление. Но на определенном этапе развития в обществе начинают функционировать факторы (в современных условиях один из существенных факторов — это глобализация), которые активизируют процессы «вызревания» новых ценностей и нарушают прежнюю систему, несмотря на устойчивость фундаментальных ценностей.

На наш взгляд, уже сегодня можно говорить о распаде прошлой модели культуры, который обуславливает не просто потерю отдельных ранее значимых для индивида и общества ценностей или их замену на новые, более современные, например неолиберальные. Распад прошлой модели культуры означает изменение в самой системе духовных ценностей, нарушение прежней упорядоченной, органично связанной, иерархически определенной системы ценностей.

Анализируя современную социокультурную ситуацию, сложившуюся в обществе, можно сделать следующие выводы.

1. В современной системе ценностей можно выделить следующие группы ценностей: базисные ценности каждой конкретной культуры, инновационные ценности, псевдоценности.

2. Базисные ценности культуры претерпевают определенные изменения, адаптируясь к изменившимся современным условиям. Полностью сохранить базисные ценности в их традиционном виде нецелесообразно, так как они не будут актуализированы и восприняты современным человеком. Очень важно при этом, на каком основании формируется эта система ценностей (а основания могут быть самыми различными).

3. Современное общество отличается инновационным характером, поэтому формирование и функционирование в нем инновационных ценностей имеют закономерный характер. Однако любое изменение предполагает выход системы из состояния равновесия. Это означает, что формирование инноваций нарушает стабильность системы. Чем больше количество и масштабы инноваций, тем сложнее им «встроиться» в существующий традиционный контекст системы и тем большими конфликтами сопровождается этот процесс. Но инноваций требуют глобальные процессы, происходящие в мире, изменение социокультурного пространства, формирующиеся новые принципы межкультурного взаимодействия. В результате происходят столкновение и борьба двух тенденций, двух ценностных систем.

В современной системе ценностей наблюдается противоречие между традиционными и современными ценностями, что приводит к многочисленным конфликтам как внешнего, так и внутреннего характера.

4. Процесс замены одних культурных ценностей другими происходит на протяжении всей истории человечества. В принципе, это неизбежный и объективный процесс, отражающий процесс развития в системе культуры. Но на различных этапах социокультурного развития этот процесс происходил по-разному. Современный этап имеет свою специфику. Никогда прежде смена культурных ценностей в обществе не происходила такими темпами, как в современном обществе. Причиной всех этих процессов исследователи называют глобализационные процессы, изменившие коммуникативную ситуацию в мире. Создание глобального коммуникативного пространства изменило механизм формирования новых культурных ценностей и темпы их вхождения в иерархическую структуру ценностной системы. Новые ценности возникают и распространяются так быстро, что не успевают пройти проверку временем на истинность. В результате — среди новообразованных культурных ценностей немало «псевдокультурных» ценностей, имеющих часто преходящий характер. Одним из проявлений этой тенденции стал кризис идентичности как результат ослабления социо-

культурных институтов — факт, наблюдаемый в современной жизни.

5. Если традиционные ценности сформированы в достаточно устойчивую систему, то вновь формирующаяся система ценностей еще не обладает таким системным характером. Отсутствие системности делает современную ценностную систему нестабильной, лишает ее характера основополагающей, базисной как в личностной, так и в общественной сфере в целом. В этом одна из основных причин реального отсутствия сколько-нибудь целостной системы ценностей современного человека. Все это дает исследователям основания утверждать, что в современном мире царит ценностная неопределенность, а также то, что современный мир утратил ценностные основания своей жизнедеятельности.

Трансформация ценностной системы культуры в современном обществе еще окончательно не произошла, ценности еще не представляют собой упорядоченную сложившуюся иерархическую систему. Культурные ценности значительной части общества на постсоветском пространстве находятся не в устойчивом и иерархически организованном состоянии, а в основном пребывают в разрозненном и фрагментарном виде. Нарушение иерархии ценностей, их разбалансированность можно наблюдать не только в системе культурных и духовных ценностей, но и в системе политических и других ценностей. Оно органично соответствует конкретным условиям общества, конкретному этапу его развития. В настоящее время это общее состояние взаимообусловленных в едином социальном пространстве ценностных систем, связанное с периодом их трансформации и отражающее переходные процессы в обществе.

6. В современных условиях происходит процесс становления новой системы ценностей, отличающейся от предшествующей новыми элементами, структура и связи между которыми детерминированы комплексом различных политических, экономических и социально-исторических факторов, среди которых важную роль играет глобализация. Эта формирующаяся ценностная система выражает новое видение мира человека, живущего в условиях глобализирующегося мира.

Процессы глобализации создают новый социокультурный контекст, который оказывает существенное влияние на вектор изменения ценностной системы. Уже сейчас можно сказать, что изменения направлены в сторону создания условий для формирования общезначимых универсальных ценностей, которые могут определять стратегию жизнедеятельности всего мирового сообщества.

На наш взгляд, трансформирующаяся современная ценностная система будет обогащаться в дальнейшем историческом развитии в соответствии с динамикой глобализационных связей, параллельно масштабам глобализации, изменению мировоззрения людей и процессам формирования глобального сознания.

В. И. Каширин¹

СТАНОВЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ КРИЗИСОЛОГИИ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ НОВЫХ ПОДХОДОВ

Ядро кризисной проблематики перемещается из финансово-экономической в культурно-психологическую и цивилизационно-креативную сферы. И нет ни одной гуманитарной науки, которая ни касалась бы этой проблематики. Становятся востребованными широкие философские обобщения, и кристаллизуются новые подходы в рамках конституируемого научного направления — гуманитарной кризисологии. А. А. Деркач и И. Л. Лаптева, указывая, что кризисные состояния становятся неотъемлемым сопутствующим компонентом проблемного поля социальной практики, предлагают в рамках кризисологии признать востребованным новое научное направление — социальную акмеологию². А. С. Кравченко пишет, что в сформировавшемся «сложном обществе» «точки бифуркации, за которыми следует неопределенное развитие, становятся нормой»³. По нашему мнению, уже и конфликтология, изучающая межличностные, межэтнические, региональные, глобальные и другие формы конфликтов, созрела для того, чтобы перейти к более глубокому изучению их содержательного аспекта — докризисных, конфликтно-кризисных и посткризисных состояний. Возможно, следует развивать в рамках гуманитарной кризисологии также и рискологию, экстримологию, ритмоциклологию, войнологию, социальную симметриологию и другие гуманитарные науки. Главное при этом — четко осознавать, что одной наукой здесь обойтись нельзя. Нужен глубокий, серьезный философский поиск, обуславливающий создание методологической базы нового научно-философского направления.

Исключительную важность в этом представляют положения синтезного мышления В. И. Вернадского, в частности о роли исходной философской предпосылки и энергии человеческой культуры.

«Философия никогда не решает загадки мира. Она их ищет», — неоднократно повторял В. И. Вернадский в своих трудах. В этом поиске важна исходная предпосылка. Например, таковой для К. Маркса и Ф. Энгельса послужила переработанная ими гегелевская философия, «которая уже при их жизни не отвечала в основном научной методике и научным исканиям... Застой философской мысли у нас и переход ее в бесплодную

схоластику и талмудизм, пышно на этом фоне расцветавшие, являются прямым следствием такого положения дел»⁴, — писал Вернадский в 1938 году (опубликовано впервые в 1991 г.).

Далее в дневниках, увидевших свет лишь в 2006 году, читаем: «Еще раз пересмотрел “Диалектику природы” Энгельса — остается прежнее впечатление: черновые тетрадки, *alterilich* (устаревшее). Есть кое-что интересное, но в общем в XX веке класть в основу мышления, особенно научного, такую “книгу” — совершенное сумасшествие. Люди закрывают глаза на окружающее и живут в своем мире. Сами подрывают свою работу»⁵.

Написано 23 марта 1938 года, но разве сегодня много найдется ученых и философов, согласных с автором этих строк? Опираясь на взгляды Вернадского, мы анализировали признаки, по которым отвергается универсальность диалектической парадигмы⁶. Под влиянием глобалистики и глобального эволюционизма все более распространенной становится точка зрения о необходимости применения триалектической парадигмы к живым системам, в том числе социальным⁷.

Вместе с тем существует мнение, что в мире глобальных трансформаций диалектика реактуализируется. Только применять ее надо подобно космической ракете, которая «обеспечивает преодоление земного тяготения и выход за пределы Земли, но не годится для путешествия в соседний супермаркет», — считает А. В. Бузгалин⁸. По существу, он соглашается с тем, что диалектика уже не является универсальным методом, хотя и «работает в креатосфере».

Выдвинем предположение, что наиболее результативной в кризисологическом исследовании может быть диалектико-триалектическая парадигма, сочетающая диалектику макросоциальных процессов с триалектикой мультипроцессов в пространственно-временных ситуациях (ПВС).

Вторым важным положением для создания методологической базы гуманитарной кризисологии является учение В. И. Вернадского об энергии человеческой культуры (ЭЧК), которая возникает как результат общения между живыми организмами (биогеохимическая энергия), реализуясь в биосфере, в частности в воспроизводстве потомства, а с появлением человека трансформируется в ЭЧК, реализуясь в создании и функционировании ноосферы. Как видно, и ЭЧК, и ее продукт — ноосфера — берут начало в информационном поле культуры, межличностной и межкультурной

⁴ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. Приложение. Заключительные фрагменты раннего варианта рукописи. М.: Наука, 1991. С. 247.

⁵ Вернадский В. И. Дневники, 1935–1941: в 2 кн. / сост. В. П. Волков. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 267.

⁶ Каширин В. И. Глобалистика и философия планетарного самосознания. Ставрополь, 1998; Он же. Очерки философии планетарного самосознания: моногр. Ставрополь, 1996; и др.

⁷ Музыка О. А., Попов В. В. Время и социальная синергетика. Ростов н/Д, 2007. С. 176–177.

⁸ Бузгалин А. В. Диалектика: реактуализация в мире глобальных трансформаций // Вопросы философии. 2009. № 5.

¹ Профессор Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Социальное времяведение: философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования» (в соавт.), «Информационное поле культуры: информационный отбор — цивилизационный выбор» (в соавт.), «Формирование духовного мира молодежи в контексте культуры времени» (в соавт.), «Ноосферный патриотизм — на смену мультикультурализму в международных отношениях», «Синергетика духовного мира молодого человека», «Культура ноосферного патриотизма как культура глобального доверия», «Ноосферный патриотизм как концепт культуры времени» и др. Член Российского философского общества.

² Деркач А. А., Лаптева И. Л. Актуализация социально-акмеологического потенциала модернизации России // Человеческий капитал. М., 2012. № 9 (45). С. 10–15.

³ Кравченко А. С. Становление сложного социума: востребованность новых подходов к исследованию // Гуманитарий Юга России: науч. журн. Ростов н/Д, 2012. № 2. С. 13.

коммуникации, радикально расширяя ее смысл — от культуры диалога до границ культуры самосознания, определяющей культуру индивидуального поведения, коллективной деятельности и творчества.

По В. И. Вернадскому, научное творчество развивается по типу установления *времениподобия* и *пространствоподобия*, а философское творчество всегда выступает как углубление человека в самого себя, то есть как бесконечноподобие. В. И. Вернадский подчеркивает, что биогеохимическая энергия обеспечивает процесс цефализации (концентрации мозга в головной части тела), а впоследствии, с появлением человека, превращаясь в ЭЧК, обеспечивает процесс интеллектуализации, свидетельством которого является «научная мысль как планетное явление». По существу, речь идет об эволюции новой формы реальности — культурно-энергетической. Можно предположить, что в «сложном обществе» она взаимодействует с материально-событийной реальностью ПВС. Гуманитарные кризисы, следовательно, можно квалифицировать как дисбаланс в эволюционировании этих двух форм социальной реальности, как нарушение их динамического равновесия, «смягчение» которого происходит за счет наиболее подвижной и активной составляющей — широко понимаемой планетарной энергии человеческой культуры.

Для гуманитарной кризисологии важно выделить диалектическую противоположность кризисных и антикризисных факторов — «сквозных» культурно-временных аттракторов — на всех трех ступенях «сложности» анализируемого кризиса: 1) конфликтно-кризисной (целостности настоящего); 2) докризисной (преемственности прошлого); 3) посткризисной (целесообразности будущего), триалектика которых интерпретируется как их взаимодополняемость. На первой ступени, по нашему мнению, действуют

материально-событийные, специфические, локально-региональные, внешние факторы, воспринимаемые как целостность ПВС. На второй и третьей ступенях действуют культурно-энергетические аттракторы: вторую ступень занимает энергия культурно-временной образности «внутренних таймеров» темпорально-бытия преемственности (внутренние образно-темпоральные тренды), а третью — энергетика метавнешнего воздействия глобально-смысловой целесообразности, связующей внешнее и внутреннее. И здесь возникает проблема номер один — описать (различить) и диагностировать (распознать): а) материально-событийные факторы ПВС — внешние, ситуационные, близкого действия, которые могут быть конфликтно-кризисными; б) культурно-энергетические — внутренние, образно-темпоральные, докризисные и метавнешние, глобально-смысловые, посткризисные — оба вида факторов отдаленного, замедленного или отложенного действия.

Концепция культуры времени вместе с тем квалифицирует гуманитарные кризисы как следствие неадекватности выбора цивилизационными субъектами мотивированных индивидуальных «ответов» на коллективные и аутентично интерпретируемые «вызовы». Культура времени становится универсальной диалектико-триалектической научно-философской социальной технологией изучения и практического регулирования гуманитарных кризисов.

Итак, гуманитарная кризисология — это научно-философское направление, предметом которого является изучение «время-процессов» возникновения, разворачивания и «смягчения» кризисных состояний, а также со-творчества цивилизационных субъектов с целью предупреждения и преодоления гуманитарных кризисов любого масштаба.

И. Ф. Кефели¹

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ РЕСУРС СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ ВЕКЕ

Советская культура как социальное явление недавнего прошлого с позиций современного исследователя уже не вызывает ни огульного охаивания, ни безудержной идеализации. Творцами зарождающейся советской культуры во всех ее проявлениях были рабочие, крестьяне, научная и творческая интеллигенция (даже находящаяся в эмиграции) царской России, представители многих наций и народностей, которые уже во второй половине XX века образовали единый советский народ как новую социальную общность. Именно по-

¹ Заведующий кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 180 научных работ, в т. ч.: «Культурология. Основы теории и истории культуры», (отв. ред., соавт.), «Судьба России в глобальной геополитике», «Философия геополитики», «Геополитика Евразии», «Глобальная геополитика», «Геополитика Евразийского Союза: от идеи к глобальному проекту», «Л. Н. Гумилев: pro et contra» (науч. ред., сост.) и др. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность».

этому подход, ставящий в центр исследования культурной истории человека, личность создателя нового общества, должен быть, очевидно, исходным ценностным критерием при оценке всех сторон советской культуры. По-моему, пришло время сугубо научного, объективного осмысления деятельности советского народа как новой полиэтнической общности с присущими ей социокультурной спецификой, идеологией, ментальностью, стереотипами поведения, духовными ценностями. Еще 16 октября 1918 года было опубликовано обращение «От Государственной комиссии по просвещению», в котором, в частности, провозглашалось: «Высшей ценностью и в социалистической культуре останется личность. Но эта личность может развернуть со всей возможной роскошью свои задатки только в гармоничном и солидарном обществе равных»². Дальнейший ход истории показал, что эти во многом жизнеутверждающие слова воплотились в реальную

² Народное образование в СССР: сб. док. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 141.

жизнь советского народа в ходе культурной революции. В современной отечественной культуре, которую вряд ли можно назвать единой многонациональной культурой, произошло достаточно четкое размежевание линий ее развития. Одна из них, получившая либерально-западную ориентацию, импульсивная и непоследовательная, эклектичная и поверхностная, спекулируя на стереотипе «все советское — плохое», выражает стремление явных и неявных околокультурных деятелей разрушить строй русского национального самосознания. Более того, разрушить «связь времен» отечественной культурной истории, веками обогащавшейся национальными культурами, и свергнуть новые поколения соотечественников в лоно мировой (читай: западной) цивилизации. Другая линия определяет сердцем выстраданную борьбу за сохранение идеалов справедливости, героизма, добрых чувств, оптимизма, которые были присущи отечественным национальным культурам и воплотились в том советском патриотизме, который утверждался многими деятелями культуры. Лишь следуя этой линии, можно усматривать новизну и преимущество советской культуры в том, что она утверждала общечеловеческий нравственный и исторический смысл всего советского строительства как наиболее прогрессивного, а типического героя советского искусства — как человека высокой идеи и гуманного поступка, раскрывающегося через исторические деяния своего народа.

История распорядилась так, что послереволюционная Россия была детищем культурного творчества народных масс. В недрах учения о социалистической революции получали развитие представления о творчестве масс как истинном искусстве (А. М. Горький). Сама революционная эпоха зывала к утверждению реализма как ключевого метода осмысления и выражения самой себя. И делом культурной жизни, согласно А. В. Луначарскому, были «единый культурный поток», «единый социальный прогресс», «общая культурная картина». Так, различное толкование творчества (индивидуального либо массового) привело к признанию в России двух культур — буржуазной и пролетарской (как переходной, предваряющей развитие коллективистской культуры). Социалистическая революция в России развела по обе стороны баррикады культуры советскую и русского зарубежья. И если вторая, возвращенная нам сегодня, в своих первоисточниках представляет необычайно широкую и пеструю палитру образов, мнений, идей о судьбах России, то первая воплотилась в реальную жизнь поколений советских людей со всеми ее грандиозными достижениями и неизбежными потерями.

В данном случае хотелось бы напомнить суждения И. В. Кондакова, автора довольно содержательной, но явно тенденциозной книги, посвященной истории отечественной культуры и опубликованной еще в 1994 году в качестве учебника для вузов под названием «Введение в историю русской культуры». Тогда автор заявлял, что Россия дважды стояла перед выбором: *революция* или *культура*. В 1907 году история остановила свой выбор на «точке развития культуры». В октябре 1917 года история выбрала «точку зрения жизни»,

предпочтя творчеству культуры историческое творчество, «живое творчество масс». Социалистическая революция, по Кондакову, произошла из-за дефектности, «образного компонента русской культуры», постоянной и нередко ожесточенной борьбы «между логикопонятийным, формальным мышлением и образно-ассоциативным, во многом интуитивным мышлением в русской культуре второй половины XIX — начала XX века». Бездоказательно автор утверждает, что культура русского зарубежья «как единая и целостная система... выстраивалась в последовательном противопоставлении русско-советской культуре: как истинное — ложному, национальное — вненациональному, духовное — бездуховному и т. п.». Советская культура признается автором не иначе как тоталитарная, порожденная тоталитарным типом цивилизации, «застрявшим» между восточным и западным типами и теперь все же идущим к западному, либерально-демократическому типу цивилизации как наиболее предпочтительному варианту мирового развития¹.

Примечательно, что уже в 2011 году, то есть спустя почти 20 лет, этот же автор в очередной своей работе «Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме» высказал сентенции иного порядка: «Сегодня явно наступает время для того, чтобы взглянуть “без гнева и пристрастия” на культуру советской эпохи и увидеть в ней не одни лишь политическую демагогию и фальшь... В советской эпохе были не одни лишь литературные и художественные однодневки... но и тот “сухой остаток” культурного наследия, который и в XXI веке, и в последующие, нам неведомые столетия будет определять культурно-историческое значение советской литературы и искусства как таковых». Что же усматривает Кондаков в «сухом остатке» советского культурного наследия, «нашего советского всё»? «Основной феномена, в целом называемого “советской литературой”... — заявляет он, — были все-таки простейшие идеи — коммунистическое православие и советское самодержавие, сильно смахивающие на те, дореволюционные, “уваровские”...»

И это, скажете вы, всё, что оказалось в “сухом остатке”?

Увы, всё².

Что из всего богатства нашей культуры взять на вооружение для сохранения русской, советской, российской цивилизации? Каков субстрат цивилизационного ядра России? Каков геополитический статус России? Что и как может ответить России на глобальные вызовы современности? Ответы на эти вопросы следует искать, опираясь на четкую научную методологию и ясное мировоззрение. В современной постмодернистской ситуации, очевидно, неправомерно будет утверждать главенство какого-либо одного метода, подхода к анализу обозначенных выше проблем. Думается, правомерно будет утверждать необходимость совместного включения в методологию трех подходов — *цивилизационного, геополитического и глобального*. Все

¹ Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1994. С. 191, 364.

² Кондаков И. В. Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме. М., 2011. С. 163–164, 167.

они тесно связаны между собой, хотя каждый из них обладает своей спецификой.

Цивилизационный подход в современных исследованиях обретает особую значимость, поскольку в мировом сообществе на рубеже веков достаточно четко оформились локальные цивилизации (их еще называют гецивилизациями), каждая из которых может быть охарактеризована конкретными параметрами: количество входящих в них государств, площадь и размещение по территории, численность и национальный состав населения, принадлежность к мировым религиям, объем внутреннего валового продукта и др. Данный подход позволяет проследить макродинамику мировых процессов, инициируемых в первую очередь исторически сложившейся культурой, определяемой этническим составом и месторазвитием цивилизации.

Иначе говоря, цивилизационный подход предполагает анализ исторической динамики цивилизации (*диахронический* аспект анализа). Цивилизационный подход включает в себе не только историко-познавательную функцию, но и прогностическую. Однако эта прогностическая функция во всем своем объеме раскрывается

в контексте геополитического подхода, который основан на выявлении содержания и характера взаимоотношений между цивилизациями на определенном этапе исторического развития в соответствии с принципом «вызов–ответ» (*синхронический* аспект анализа), что предполагает формирование сценариев дальнейшего развития цивилизаций.

С полным основанием мы можем утверждать правомерность включения в исследовательский процесс того самого глобального подхода, который, во-первых, объединяет рассмотренные выше цивилизационный и геополитический подходы; во-вторых, ориентирует аналитика на выявление мировых центров силы (актуальных, потенциальных и перспективных); в-третьих, предоставляет возможность составления сценарных проектов блокировки различных гецивилизаций по различным основаниям — экономическим, политическим, территориальным, конфессиональным, социокультурным. Но в любом случае прочность того или иного блока, альянса, союза гецивилизаций в виде полюса силы опирается на историческую память. Для современной России — это в первую очередь память о недавнем советском прошлом.

Г. Г. Коломиец¹

СМЫСЛ «ЭСТЕТИЧЕСКОГО» В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МИРА

Пьер Булез, французский композитор авангардного направления, выступавший против рутинных оперных постановок и написавший в связи с этим статью с дерзким названием «Взорвите оперные театры!», приводил слова идеолога сюрреализма Андре Бретона: «Простейшее сюрреалистическое действие состоит в том, чтобы выйти с револьверами в руках на улицу и не глядя расстреливать толпу, сколько будет возможно»². К этому можно вспомнить слова известнейшего поэта Гийома Аполлинера о том, что сегодня нам безобразное нравится так же, как и прекрасное. Шокирующие признания и предвидения. На мой взгляд, когда мы узнаем о чудовищных злодеяниях, то стоит задуматься над присутствием и действием в нашем цивилизационном мире, в котором подчас размываются границы между воображением и реальностью, эстетического компонента со знаком отрицательного, совершенно безобразного. Сразу замечу, что статья не сводится к осуждению безобразного, а обращена к тому, чтобы поразмышлять над тем, почему человеческое лицо своей «звериной стороной» и любопытством к «телесному» ищет удовлетворения. Здесь открывается большое

поле для обсуждения, но одну мысль о ценности «эстетического» выскажу сейчас.

Эстетизм, как правило, строился на противопоставлении по отношению к логосу. Древнегреческий «эстетизм», означающий ощущение, чувственное восприятие, то есть способность человека распознавать формы бытия на основе органов чувств, интеллекта и эмоциональной реакции, указывал на человека как микрокосма, переживающего радость бытия, чувственную связь с космосом, природой. Современное понимание эстетического как совершенного вообще и совершенного в своем роде, где совершенство выступает отнюдь не всегда в позитивном качестве, или понимание эстетического как ценностного отношения человека к миру (на основе различения ценностей и антиценностей) указывает на то, что прав был Фридрих Ницше, который сказал, представляя трактат «Рождение трагедии из духа музыки», что существование мира может быть только и оправдано как эстетический феномен, точнее «только как эстетический феномен бытие и мир оправданы в вечности»³. При этом символическое выражение эстетики жизни Ницше видел в двух противоположных мироощущениях, прорывающихся из самой природы, — аполлонического и дионисического. Так вот — наш мир и есть эстетический феномен.

Потребность в остроте эстетического переживания, порой на грани жизни и смерти, прекрасного и трагического, особенно ощущается в наш век. И не случайно. Слишком свободно современный человек

¹ Профессор кафедры философской антропологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Ценность музыки: философский аспект», «Искусство как способ быть в мире или к вопросу о коммуникативной функции искусства», «Функции музыки в социуме», «О роли искусства в контексте диалога культур», «От либеральных к наднациональным ценностям в современном культурном пространстве», «Философия искусства: о творчестве, творческом процессе и вдохновении», «О тенденции сближения научного и художественного способов познания» и др.

² Boulez P. Musikdenken heute. Mainz, 1963. S. 19.

³ Ницше Фр. Рождение трагедии из духа музыки. М., 2004. С. 73.

почувствовал себя творцом, потому что совершается восхождение человека творческого и творящего на всечеловеческий подиум в свете современных цивилизационных и глобализирующихся процессов. Произошел переход от человека гармоничного, вписывающегося в космологическую «картину мира» (Античность), от осознания того, что человек — творец самого себя в смысле нравственного совершенства (Возрождение), человек — творец культуры (Новейшее время) к представлению «человека творческого», почти свободного творца, строителя новой, очередной «картины мира» XXI века. Человек творческий свободно экспериментирует с живой природой, самим человеком, искусственно, с помощью науки эстетизирует тело и душу или оживляет машину. Он не просто жаждет участвовать в творении мира, он уже участвует в творческом процессе космического масштаба.

Примером осмысления глубокого вращивания «эстетического» в научное знание и стиль жизни послужила состоявшаяся в 2012 году в Москве I Международная научно-практическая конференция под названием «Научное искусство» (“Science art”), организованная тремя факультетами Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: химическим, биологическим и философским (кафедра эстетики). В конференции приняли участие 179 ученых и художников из 19 стран. Обсуждались многие вопросы: проблема соотношения искусства и науки, их взаимовлияние и возможный симбиоз; философско-эстетические и биоэстетические основания научного искусства; культурологические, искусствоведческие, психологические и другие междисциплинарные связи в области научного искусства; новые технологии в актуальном искусстве и дизайне; становление современной алгоритмической эстетики и др. Пожалуй, самым спорным вопросом стал вопрос сближения или несближения научного и художественного способов познания, взаимодействия логоса и эстезиса.

Художественные изменения выразительных форм искусства XX века и самого языка современного искусства, допускающего сочетать, казалось бы, по смыслу «несочетаемое», усиливающаяся тяга к творческим перформансам с использованием современных технологий указывают на тенденцию сближения двух форм познания — научного и художественного. Расширение границ искусства, в том числе и интертекстуального, множественного прочтения и интерпретаций искусства становится нормой, так же как и расширение границ научного знания, которое находится в поисках новой картины мира, открытия новых микро- и макромиров. В ускоряющемся процессе глобализации наблюдается сближение разных системообразующих принципов, указывающих на модальные изменения в антропосоциогенезе.

На характерное сближение в человеческом сознании и деятельности научной и художественной форм познания указывает и расширяющееся проблемное поле эстетики, включающей как эксплицитную эстетику (научно-философскую с присущей ей методологией и системой понятий, элитную науку о неутилитарном, ценностном отношении к явлениям мира), так и им-

плицитную эстетику и дизайн, основанные на непосредственных эмпирических данных и функциональном назначении вещей.

Научная и художественная формы познания являются способами духовно-практического освоения действительности. Однако их функциональность различна: в искусстве преобладает эстетическая функция, в науке — логическая, наука нацелена на обеспечение жизнедеятельности, на продвижение цивилизации. Вместе с тем и искусство, и наука имеют целевое самодвижение вверх и вперед, расширяя проблемное поле творческого человеческого пространства. Заметим, что и в науке, и в искусстве необходимы игра расудка и воображения, присутствие эстетического опыта. Художественный способ познания осуществляется посредством актуализации образного, внелогичного мышления, силой воображения, интуиции. В научном познании преобладают рациональность, логическое мышление. Вместе с тем сегодня в искусстве приветствуется и доминирует конструктивный тип творца, а в науке ценится интуитивное озарение, ведущее к конкретному результату. В постмодернистский период нехарактерной стала бывшая оппозиция игрового и функционального начал. Игровое, неутилитарное и функциональное практическое стали равноценными ценностями в искусстве и в жизни.

Однако сегодня и в науке, и в искусстве более всего мы ценим не умение, мастерство, а творческую идею и адекватное ее воплощение, новизну и актуальность, сам творческий процесс. Ценим человека творческого, способного к удивительным открытиям, нашедшего индивидуальное нестандартное решение в лабиринтах новизны. В искусство вторгаются, с одной стороны, научное знание, с другой — атрибуты художественного освоения мира (специфической формы познания), такие как вдохновение, волеустремление и самоизживание художника, близкие ученому в акте творения, созидания. Творческий процесс, на наш взгляд, есть: 1) событие разверзания истины в актах сцепления логического, рационального и внелогического, интуитивного; 2) ответ на «призыв» самоидентификации человеческого рода, космического принципа бытия; 3) напряжение человеческого разума, озарение, вдохновение как панпсихологическое свойство сознания. Вдохновение — это отнюдь не эмоциональное волнение, эмоции лишь сопутствуют вдохновению. Вдохновение — это полетное стремление идеи воплотиться в процессе, воля к «открытию», раскрытию и рождению нечто сущностного. Здесь действует «энергия», несущая информацию, которую автор не может не принять. Творец, одержимый идеей, вдохновением, словно ищет «место» нарождающемуся творению. Вдохновенное искусство и почти вдохновенная наука занимают свое место в ценностях человеческого духа. Вдохновение выступает «ин-форма-ционной» связью между иррациональным, интуитивным, бессознательным и рациональным, сознательным. В творении совершается со-бытие «несокрытия» или «разверзания» истины эстетически существующего и воспринимаемого бытия.

Тенденция взаимодействия научной и художественной форм познания способствует прорыву

в постижении бытия космического, человеческого, имеет всеобщее значение в диалоге культур. В искусство вводятся новые технологии, согласуясь с той или иной творческой идеей, которая может рождаться путем долгих поисков сознанием, чисто умозрительным экспериментом, полезным самим по себе и готовящим почву для подлинного человека-творца. Новации вторгаются в традиционное мышление, подчас разрушая привычные представления, гипотезы и теории. В актах становления «картин мира», приращивания социокодов культуры и цивилизации содержится созидательный смысл. Эстетическое пронизывает наш мир куда более сильно, чем представляется рациональному сознанию, недооценивающему силу эстетического. Эстетическое как прекрасное осмыслялось в истории философии, следуя представлению иерархического восхождения от красоты тела к красоте души, нравов, к прекрасным искусствам и наукам, наконец, к эстетической идее как таковой в высшем смысле и высших духовных смыслах явленного мира. Эстетическое как самодостаточная категория эстетики XX века, вбирающая комплекс взаимосвязанных эстетических ценностей и их антиподов, является выразителем феноменально противоречивого мира.

Согласно В. С. Степину, бытие человека определено его особой телесностью, включающей два взаимосвязанных компонента: биологическую организацию человеческого тела и его «неорганическое тело»¹. Под «неорганическим телом» подразумевается «продолжение» человеческой телесности посредством орудий труда, «тело цивилизации», когда в историческом процессе в производственной деятельности создаются функционально пригодные формы бытия. В этом процессе эстетическое как ценностное отношение к миру, выражающее тяготение к совершенному, одной стороной обращено к биологическому телу человека, а другой — к «неорганическому телу человека», сотворе-

нию полезных вещей — к эстетике дизайна. В расширяющемся пространстве неорганического тела цивилизации растет востребованность в дизайнерской деятельности, падает интерес к классической эстетике, ориентируемой на красоту духовную, прекрасное в искусстве, метафизический смысл красоты. Более привлекательны физическая красота и все, что связано с биологическим телом человека. Складывается впечатление, что эстетика, и особенно биоэстетика, вопиет, кричит, хочет быть услышанной под натиском «неорганического тела».

Трагикомическая ситуация (в смысле большой человеческой иронии) современного цивилизационного мира заключается не в противопоставлении двух тел — природного биологического тела человека и тела цивилизации, а в их вращении. Отсюда и сближение двух форм познания: научной и художественной, подчас псевдо- или околохудожественной. С одной стороны, неорганическое тело, новые технологии жизни внедряются в биологическое тело — идет поиск продолжения жизни красоты телесной. С другой стороны, человеческое тело наслаждается неорганическим телом и не очень озабочено сохранением этой самой жизни. Смысл эстетического видится в стремлении к сбалансированному сочетанию аполлонического/дионисического, прекрасного/безобразного, возвышенного/низменного, поэтического/прозаического, музыкального/дисгармонического в современном образе жизни, когда эстезис и логос не были бы противопоставлены друг другу, когда коммерческие интересы брендов неорганического тела и извращенные страсти не поглотили хаосом формы человеческого бытия. Образно говоря, если вообразить весь цивилизационный глобализирующийся мир как большой симфонический оркестр, то эстетическое начало выступает в роли дирижера, задача которого — донести смысловое прочтение творения до всех участников творческого процесса.

С. С. Комиссаренко²

КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В истории России личность во многом определяла основные тенденции развития культуры и придавала любой исторической эпохе персоналистическую направленность. Так сложилось исторически, что личность всегда являлась объектом культивирования и воспитания. Каждая эпоха вырабатывала свои специфические технологии ее формирования и разрабатывала проекты по созданию того типа личности, который требовался конкретному времени. Начиная со времен принятия христианства в X веке, когда качественным образом менялась и формировалась

¹ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб., 2011. С. 20.

² Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Культурные традиции русского общества», «Элита отечественной культуры», «Клуб как социально-культурное явление: исторические аспекты развития» и др. Почетный работник высшей школы РФ.

ментально-мировоззренческая матрица отечественной культуры, впервые возникла потребность в новом человеке как носителе православных ценностей. Однако данный процесс не носил поступательного характера, а имел циклическое движение, впрочем, как и развитие отечественной культуры в целом. Наиболее удачный ответ на государственный запрос нового человека был дан Петром I, а вслед за ним возник инновационный проект И. И. Бецкого и Екатерины II под названием «люди новой породы». Апофеозом государственного проектирования новой личности стал «советский человек».

Новые вызовы российского общества, связанные с глубинными изменениями политического, экономического и социального устройства, не привели к пересмотру взаимоотношений культуры и человека, общества и личности, так же как и к разработке новых форм

культурного обустройства современного социального пространства, поиску новых подходов к формированию личности XXI века. Сегодня рыночная экономика изменяет не только качество жизни, но и самого человека. На первый план выдвигаются экономические ценности, и смысл жизни видится в ракурсе экономических интересов и выгод. Приоритет финансово-состоятельного человека определяет высшую шкалу личностных ценностей. Буржуазные ценности признаются общественно значимыми, а духовно-нравственные безвременно утрачивают свою истинную востребованность. Капитализация социальных отношений модифицирует социально-культурные институты, изменяет смыслы жизни, приоритетом которых становятся сила и успех, гедонизм и деньги. Активно утверждаемые средствами массовой информации подобные ценностные ориентиры нравственно развращают одних и внутренне опустошают других. Безнравственность становится критерием в определении качеств человека. За чертой культурного развития остаются те, кто не вписался в капиталистические условия жизни. В итоге значительное большинство людей оказывается в группе социальных изгоев.

Размывание «ценностного поля» российской культуры фиксирует отсутствие в общественном сознании людей, обладающих духовным авторитетом, одинаково признаваемым всеми слоями и группами социума. Невостребованность референтных личностей затрудняет процесс самоопределения общества по отношению к будущему, не позволяет внятно и ответственно сформировать национальную идею. Отсутствие духовных альтернатив ведет общество к однополюсному, одномерному развитию, усредненному пониманию смыслов жизни, утрате традиций и субъективно-волюнтаристскому отношению к культурным достижениям прошлого.

Проблема взаимоотношений культуры и личности в России является перманентной. Она постоянно волновала русских философов. Русская философская традиция исследования различных аспектов познания и поиска истины неразрывно связана с личностью русского человека и взаимообусловлена культурными тенденциями. Отечественных ученых отличает не только обращенность к личности во всех проявлениях ее многообразных качеств, но и традиционная аксиологическая направленность. Русские философы исходят из ценности человеческой личности и ее приоритета в социально-культурных процессах. Личность есть смысл культурного бытия.

Философия Вл. Соловьева впервые поставила проблему нравственности человека в отечественной культуре. По мнению философа, путь к нравственному совершенству амбивалентен. Русский мыслитель объясняет это противоречием между психической природой человека, стремящегося к самоутверждению, то есть к проявлению эгоизма, и альтруизмом. Для Вл. Соловьева проявление взаимоисключающих качеств личности есть естественный процесс «в человеческой природе». Только «интуитивная мораль», основанная на инстинкте нравственности, способна «дать рациональное оправдание» человеческой деятельности¹.

¹ Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996. С. 404.

Неразрывность понимания сущности личности проявляется в использовании термина «культура» русскими мыслителями, исходными посылами которых являлось ее изучение от производного слова «культ», субъектом которого является человек. П. А. Флоренский считал его «ядром» и «корнем» культуры. «Перевес кulta» оправдывает смысл культуры, определяемой духовным законом, где духовная ценность есть объективный смысл и оправдание нашей жизни, «узел, завязывающий нашу личность»².

В. В. Розанов писал: «...культура есть все, в чем завит, скрыт какой-нибудь культ. В понятии кulta содержится внутренний, духовный смысл культуры; в понятии сложности содержится ее внешнее определение. Культурен тот, кто не только носит в себе какой-нибудь культ, но кто и сложен, то есть непросто, неоднобразен в идеях своих, в чувствах, стремлениях, наконец, в навыках и во всем складе жизни»³.

Таким образом, вопросы значимости личности русские философы выдвигали на первый план, поэтому их мысль является гуманистически ориентированной. Она не могла существовать вне и без личности. Вся русская философия проникнута состраданием к несовершенству человека с одновременной верой в его духовное личностное преобразование. Русская мысль не ограничивалась простой констатацией наличия проблемы человека. Она искала и находила пути к индивидуальному его становлению через духовный опыт переживания. Для русских философов личность всегда обладает духовным складом и особым менталитетом. Она не только оказывает влияние на культурно-духовные процессы отечественной культуры, но и придает данным процессам экзистенциальную направленность.

Современная философско-культурологическая мысль XXI века, исследуя феномен культуры, часто связывает ее сущность с личностным развитием. Философ и культуролог В. М. Межуев определяет философию «как способ мышления свободного человека». Целью философии, по мнению В. М. Межуева, является «познание истины, причем относительно не столько внешнего мира, сколько самого человека. Философия существует в культуре как самопознание, или самопознание свободного человека, которое, однако, не может быть одним и тем же во все исторические времена и эпохи»⁴. Рассматривая философию культуры с позиции личности, ученый выделяет главное и основное свойство — свободу, которая является, с одной стороны, чертой личности, а с другой — условием его развития: «Человек свободен в той мере, в какой осознает свою несвободу и стремится ее преодолеть. Способность к такой рефлексии и формируется философией. Она есть рефлексия человека об истинных основаниях его познания и поведения, полагая их либо в собственном разуме, либо за его пределами, но во всяком случае в его свободе. Короче говоря, она учит человека быть свободным во всех его действиях и поступках»⁵.

² Флоренский П. А. Христианство и культура / вступ. прим. А. С. Филоненко. М., 2001. С. 639.

³ Розанов В. В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. С. 29.

⁴ Межуев В. М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 107–108.

⁵ Там же. С. 109.

Проблема актуализации свободы человека возникает сегодня в связи с тем, что только свободный человек становится личностью. Несвобода зависит не столько от самого человека, сколько от политических, государственных, общественных установлений, которые исторически были преградой на пути обретения человеком истинной свободы.

Там, где нет уважения к личности человека, его свободе, достоинству, боли за него, нет сострадания к нему и признания его смыслом существования общества и культуры, наступает кризис. В свое время «философ свободы» Н. А. Бердяев писал: «Кризис культуры совершается глубинным измерением, а не в измерении плоскостном... Что значит кризис культуры? Кризис этот есть острое переживание и острое сознание на вершинах культуры внутренней противоположности и внутренней несоразмерности между культурой и бытием, между культурой и творчеством. ...Создаются ценности культуры вместо нового бытия, книги, картины, учреждения вместо новой жизни, вместо иного мира. В формальной, современной, классической культуре, в ее науках и искусствах, в ее государственных учреждениях и правовых институтах раскрывается бездна, полярно противоположная бездне самой жизни, бездне самого бытия»¹.

Кризис российского общества характеризуется трансформацией самосознания отечественной культуры в виде утраты идеалов, убеждений и отсутствия ресурсов для накопления духовного опыта каждой отдельной личностью нашего общества. Это ставит под угрозу процесс перехода России к демократии. Вместе с тем сегодня наибольшее внимание уделяется политико-экономическим аспектам общественного развития, чем культурным. Отрыв материально-практических основ жизни общества от культурных и духовных сфер приводит к тому, что человек является не целью развития, а всего лишь средством, а не наоборот, как писал в свое время В. В. Розанов. Еще в начале XX столетия немецкий социолог М. Вебер определил постулат — капиталистический (хозяйственный) дух конструирует экономическое и социальное развитие. Приоритет остается за духом, а не за экономикой.

Кризисные процессы культуры связаны прежде всего с дегуманизацией российского общества. Проблема утраты гуманизма — наиболее острая сегодня тема. Это одна из «больных» тем отечественной гуманитарной культуры. Несмотря на то что гуманизм зародился, окреп и заявил о себе миру в недрах западноевропейской культуры, он стал русской темой по зову всей нашей действительности, направленности миропонимания вообще и обостренности имманентного кризиса духовности в России, начало которому было положено в первой половине XX столетия. Хотя, трудно найти в истории России время, где бы отсутствовал кризис гуманизма того или иного уровня, ибо личность никогда не была в общественно-историческом процессе основной духовной силой, а верховенство челове-

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. С. 228–229.

ческой личности никогда не доминировало над интересами государства. Весь XX век был антигуманным, массы определяли вектор развития, а сама личность была низведена до ее составляющей, но никак не приоритетной индивидуальной и самодостаточной ценности. Кризис русского гуманизма во многом обусловлен тем, что история России не знала времени Ренессанса как явления культуры, где самоутверждение человека было связано не только с общей направленностью «отделения светской культуры от религиозного культа» (Л. М. Батлин), но и общей обращенностью к личности человека, основу которого составлял не средневековый теоцентризм, а антропоцентризм. Получив некоторую свободу от диктата церкви, личность эпохи Возрождения раскрепостилась и устремилась к творческой реализации. Индивидуализм заявил о себе в сферах искусства, особенно в живописи, архитектуре и литературе. Тип личности Возрождения основывается на антропологической модели культуры и представляет собой разносторонне образованную и гуманистически ориентированную личность.

Россия, к великому сожалению, не смогла исторически выработать «ген» гуманизма. И, как следствие этого, человек перестал быть ценностью на уровне социума, государства и общественного сознания. Значимость человека сведена лишь к «нейтральной единице» общественного развития. Современная культура отказывает личности в ее самоценности и ценности как таковой. Она размывает смысловое предназначение — видеть в личности свою главную цель и ресурс своего развития. Человек становится субъектом разрушения со стороны внешнего воздействия, ведущего к социально-культурной дезинтеграции, дезориентации, поскольку отсутствуют ценностные духовные объекты, конкретные жизненные смыслы и нет соответствующих времени идей и идеалов. Внутренний конфликт порождается отсутствием условий для самоактуализации, невозможностью реализовать творческий потенциал, что оборачивается утратой эмоционального отношения к жизни. Личность становится объектом внутреннего саморазрушения.

Во всех сложных переплетениях становления и развития личности она перестала интересоваться социальными институтами, чье предназначение — воспитывать ее и формировать. Духовность как неразрывное начало в личности не является сущностью ее становления и духовного роста. «Культура личного духа» отсутствует как обветшалая категория вчерашнего дня. Востребованы иные ориентиры в личностном становлении и иные ценности. Материальное бытие доминирует над духовным.

В связи с этими процессами сегодня актуализируются гуманитарные технологии, для которых человек должен стать целью социально-культурной системы, ядром, вокруг которого они функционируют. Проблема гуманитарных технологий заключается в поиске путей, средств и методов, которые нацеливают систему на человека на использование личностного ресурса и создание условий для его духовного самовыражения. Так, гуманитарные технологии связаны с деятельностью личности, которая ориентирована

не только на себя, но и на других. Они представляют собой личностно ориентированные технологии. Их сущность заключается в формировании чувства сострадания, сопереживания, сочувствия, уважения к другой личности и признании ее самоценности. Они позволяют создавать условия культивирования, формирования лучшей личности, деятельность которой творит, сохраняет и распространяет культуру во всех ее ментально-экзистенциальных пластах. В процессе культурной деятельности личность прежде всего изменяет себя, формирует личностное миропредставление, определяет собственную мировоззренческую систему, выстраивает свой внутренний микромир и выработывает отношение к макромиру в целом. Степень ее саморазвития может быть различной, то есть лич-

ность, изначально обладая определенной потенциальностью, способна осуществить процесс восхождения к лучшему. Если личность рефлексивна, то при определенных (не всегда благоприятных) социально-культурных условиях окружающего мира она способна самоактуализироваться. Личностная актуализация направлена на выработку лучших человеческих качеств, которые и являются, по сути, основными в развитии человека. Понимание лучшего как самых высоких личностных качеств и самых хороших свойств, выработанных личностью, позволяет рассматривать ее в качестве субъекта «культы» и результата процесса, направленного на ее культивирование, то есть формирование, как со стороны самой личности, так и со стороны окружающей ее социокультурной среды.

В. А. Конев¹

ФИЛОСОФИЯ ЦЕННОСТЕЙ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Диалог культур — явление исторически позднее. На протяжении многих веков войны между народами и государствами являлись также и войнами между культурами, когда завоеватели истребляли или стремились истребить культурную идентичность покоренных народов. Достаточно трудно определить историческое время зарождения такого взаимодействия культур и народов, которое может быть названо диалогом культур. Но несомненно то, что диалог культур становится не только возможным, но и необходимым, когда культура формирует свои ценности и когда возникает рефлексия по поводу ценностей, осмысливается сама их природа. Высшим уровнем такого осмысления становится философия ценностей, возникновение которой прямо совпадает со временем, когда в сознании народов начинает заявлять о себе идея диалога.

Два философа, совершенно по-разному трактующих философию Ницше, Мартин Хайдеггер и Жиль Делёз, сходятся при оценке его философии в одном: они оба считают, что именно Ницше создает новую философию — философию ценностей. «Не без влияния Ницше академическая философия конца XIX — начала XX в. становится “философией ценности” и “феноменологией ценности”», — пишет Хайдеггер². «Самый общий замысел Ницше состоит в том, чтобы ввести в философию понятия смысла и ценности. Совершенно очевидно, что современная философия, в значи-

тельной своей части, жила и живет до сих пор за счет Ницше», — утверждает Ж. Делёз³.

Что стало причиной обращения философии к проблематике ценностей? И Хайдеггер, и Делёз видят эту причину в объективных обстоятельствах развития самой философской мысли. Для Хайдеггера это «бытийствующая истина бытия», которая (истина бытия) проявила свою собственную сущность в возросшей силе субъективности, а последняя «волит» свои предпочтения⁴. Для Делёза обращение Ницше к ценностям вызвано потребностью в новом варианте философской критики, которая заменила бы формальную (трансцендентальную) критику Канта и утилитаристскую критику (например, классово-содержательную критику марксизма). Такой критикой, согласно Делёзу, становится метод генеалогии, которая, с одной стороны, основывается на чувстве различия, а с другой — исследует как сам источник возникновения ценностей, так и различия, заключенные в этом источнике⁵. Поворот европейской философии к ценностям логично вытекал из изменения ориентации философии с обсуждения чисто метафизических проблем бытия и истины на осмысление экзистенциальной и антропологической проблематики⁶, а это, в свою очередь, совпадало и укрепляло возрастание внимания к человеку и его судьбе — появлению «Человеческой комедии» вместо «Божественной».

Основным вопросом философии ценностей становится вопрос об основании ценности. И здесь сразу появляется парадокс порочного круга, ибо, как замечает Хайдеггер, «ценность существует только в ценностном бытии»⁷. «Ценность предполагает предварительное наличие оценок», — вторит Делёз⁸. Что чему предшествует: оценка — ценности или ценность — оценке,

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 250 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Философия образования. Культурно-антропологический аспект», «Социальное бытие искусства», «Онтология культуры», «Человек в мире культуры», «Критика способности быть (семинары по «Бытию и времени» М. Хайдеггера), «Трансцендентальный эмпиризм Жюль Делёза», «Знак: игра и сущность» (в соавт.), «Онтологические особенности мира человека», «Социальная философия», «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание» и др.

² Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2007. Т. 2. С. 85.

³ Делёз Ж. Ницше и философия / пер. с фр. О. Хомы. М. : Ad Marginem, 2003. С. 33.

⁴ См.: Хайдеггер М. Указ. соч. С. 209.

⁵ См.: Делёз Ж. Указ. соч. С. 36.

⁶ Вспомним, что уже Кьеркегор говорит об экзистенциальной философии и экзистенциальных понятиях, а Фейербах — об антропологическом методе.

⁷ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 41.

⁸ Делёз Ж. Указ. соч. С. 34.

ценность — значимости или значимость — ценности? Выход из этого парадокса находится в различении значимости и ценности, оценки и ценности как различных культурных феноменов.

Ценности образуют особую аксиологическую культурную форму — одну из универсальных культурных форм наряду с такими, как формы демонстрации (примеры, образцы и т. п.), императивные формы (предписания, инструкции и т. п.) и формы-принципы (указание на сущность действия). А значимость/незначимость, оценка и тому подобное есть проявление способности различать нечто наличное относительно свершаемого действия, что придает этому действию особый статус культурного акта. Способность различать или, как выражается Божественная София, проводить «круговую черту по лицу бездны» (Притч. 8: 27) — это абсолютная культурная способность, конституирующая культурную деятельность как таковую. Эта способность оказывается культурной потому, что она с неизбежностью порождает мир, несущий в себе различие значимого и незначимого, этого и иного, того, что по-разному оценивается относительно данного действия. А мир значимого бытия и есть мир культуры, мир человеческого бытования. Различение значимого/незначимого и их оценка являются автохтонными смыслами мира культуры, они вырастают на ее почве и свидетельствуют о ее присутствии¹. Поэтому значимое/незначимое и оценка могут существовать и существовать в культуре до появления ценностей как особых культурных регулятивов.

Тексты древнеегипетской Книги Мертвых показывают, что для египтянина того времени недостаточно было сказать: «Я не творил зла вместо справедливости», но нужно было сопроводить это утверждение длинным перечнем того, чего не делал и что делал, так как идеи зла и справедливости еще не оторвались от их конкретных проявлений. А вот Сократ уже требует от своих собеседников не приводить конкретные примеры справедливого или прекрасного, а дать понятие справедливого или прекрасного как такового, то есть дать представление о ценности справедливости или прекрасного. Ибо идея прекрасного, как говорит Сократ на пире у Агафона, не может быть в чем-то прекрасна, а в чем-то не прекрасна, в то время как конкретная вещь в одном отношении может быть прекрасной, а в другом — нет. Поэтому можно утверждать, что ценности как особый культурный регулятив и особое предъявление культурного содержания — явление достаточно позднее как в истории культуры, так и в культурном развитии конкретного человека.

Представляется, что сущность и назначение ценности наиболее точно выразил Ф. Ницше в 715-м фрагменте «Воли к власти»: «Точка зрения “ценности” — это точка зрения *условий сохранения, условий подъема сложных образований с относительной продолжительностью* жизни внутри процесса становления»² (курсив Ницше, подчеркнуто мной. — В. К.). Есть сложная структура — общество или личность, эта структура на-

ходится в процессе постоянного становления, она не вечна и поэтому не может оказаться в состоянии полной реализации своих целей, но для *сохранения* себя как определенной структуры и для поддержания своих усилий постоянного *подъема внутри* процесса становления, который ориентирован на достижение полноты своего бытия, нужны определенные условия — это и есть ценность. Ценность — это устремленность, это перспектива, это *точка зрения* на себя с позиции определенности, можно сказать, вечности (*sub specie aeternitatis*), в конце концов, это преобразование относительности в абсолютное, относительного времени жизни (пустого «теперь», которое сменится другим «теперь») в качественное состояние, судьбу, историю. Ценность показывает, что время — это материал, из которого жизнь (общество, личность) создает свою определенность. Поэтому вес и значимость ценности напрямую зависят от времени ее действия (NB: стоимость — производное от времени).

Действие ценности — организация, создание ситуации выбора, так как ценности всегда альтернативны. В ситуации выбора конституируется «я» действующего человека, ибо если ценности даются, то выбор между ними должен быть сделан самим человеком, что с неизбежностью ставит его перед самим собой, открывает ему его «я». Поэтому ценность всегда утверждается индивидуальным актом, даже тогда, когда ее содержание не выходит за границы уже устоявшихся в культуре значений. Благодаря тому, что способом существования ценности является ее утверждение индивидуальным актом, для содержания ценности важно не столько *что* ею утверждается, сколько *кто* утверждает, так как за это утверждение всегда есть ответственный. Именно поэтому ценностные культурные формы (сами ценности) обладают такой силой, благодаря которой держатся та или иная культура, тот или иной общественно-этнический уклад жизни.

Отмеченные выше постулаты философии ценностей — основание ценностей в автохтонных смыслах культуры, временная антиномичность ценности (это *теперь* превращает в *вечность*), за всеобщность ценности ответствен *этот* конкретный человек — создают своеобразные методолого-прагматические основания диалога культур.

Автохтонное противопоставление значимого/незначимого дает основание понимания всякого культурного бытия как бытия, включающего в себя различие, которое неискоренимо, а потому с этим всякое культурное (то есть человеческое) действие должно считаться. Культурный плюрализм — закон культурного бытия.

Если точка зрения ценности в результате выбора действующего человека дает культуре ее определенность и историческую предопределенность, то сделанный тобою выбор, а это твоя свобода, несет в себе признание свободы как основания ценности — ценность там, где есть выбор. Значит, признание свободы Другого вытекает из твоей свободы.

Если за утверждение ценности ответствен *этот* конкретный человек, если в связи с этим становится важным не только *что* ценности, но и *кто* с ней сопрягает свою судьбу, тогда, во-первых, становится

¹ См. подробнее: Конев В. А. Априорность и автохтонные идеи культуры // Кантовский сборник. 2009. № 2 (30). С. 101–112.

² Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. СПб.: Азбука классики, 2006. С. 429.

возможным реальным конкретным диалог представителей разных культур (причем не только разных этнических, но и разных личностных культурных конфигураций внутри одной этнической культуры), и во-вторых, этот диалог не может исключать признание права человека на утверждение смыслов его культуры.

Культурная коммуникация, реализующая подобные принципы, требует от носителя культуры реф-

лексивного отношения к культурному бытию, которое, как представляется, является следствием понимания исходной природы культуры — культура есть там, где есть граница, а человек культуры — это человек, знающий границы, знающий меру и видящий других. Противоположность ему — не знающий границ хам, не способный ни на какие контакты с другими.

Л. К. Круглова¹

ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ: ПОИСК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ЦЕННОСТЕЙ

Проблематика «глобальной культуры» связана в международной дискуссии с именами Э. Смита и А. Аппадурай. Первый из них исходит из понимания культуры как «коллективного образа жизни, репертуара верований, стилей, ценностей и символов»². В связи с этим Э. Смит полагает, что понятие культуры имеет конвенциональный характер, в реальности существуют только отдельные культуры, которые соответствуют определенному социальному времени и пространству, территории проживания конкретного этноса, нации, народа. В этом методологическом контексте сама идея «глобальной культуры» представляется Э. Смиту абсурдной³, поскольку глобальная культура оказывается лишённой всех существенных признаков культуры.

Каждое из «обвинений» в адрес самой идеи «глобальной культуры» заслуживает отдельного рассмотрения. Первое из них — внесторичность глобальной культуры. Однако если рассматривать мировую историю непредвзято, то можно отчетливо увидеть в ней неуклонно усиливающуюся тенденцию к объединению разрозненных человеческих сообществ в целостное образование. Наиболее острая проблема современности заключается именно в том, чтобы, поддерживая тенденцию к объединению, сохранить при этом разнообразие культур, которое является общим богатством человечества.

Другое обвинение в адрес «глобальной культуры», состоящее в том, что она не имеет своей сакральной территории, можно опровергнуть, как представляется, легко и немногословно — у глобальной культуры есть сакральная территория — это планета Земля. Со времени первого полета человека в космос эта мысль стала достоянием едва ли не каждого человека.

Не выдерживает критики и утверждение Э. Смита, что идея глобальной культуры не отражает какую-либо идентичность. Как известно, в мировой культуре существуют понятия, достаточно полно выражающие всепланетную форму идентичности, — это «человек», «человечество».

¹ Заведующая кафедрой философии и культурологии Государственного университета морского и речного флота им. адм. С. О. Макарова, доктор философских наук, профессор. Автор более 160 научных работ, в т. ч.: «Культурология», «Теория культуры» в 3 ч. (ч. I «Введение в теорию культуры», ч. II «Структура и функция культуры», ч. III «Цивилизация. Культура. Гуманизм»), «Человек–Природа–Общество–Культура (социокультурная антропология)» и др.

² Глобальная культура и культурная «экспансия». URL: <http://www.cult-web.ru/cult-webs-234-1.html> С. 1.

³ Там же.

Более подробного рассмотрения требует положение Э. Смита о том, что у глобальной культуры нет никакой общей памяти поколений, а память об опыте колониализма и трагедиях мировых войн — это история свидетельств раскола и трагедий идеалов гуманизма. Надо признать, что здесь имеет место суровая констатация реальных фактов. Однако у действительности есть и другая сторона — это история дружественных союзов народов и государств, история создания и функционирования международных организаций и общественных движений планетарного масштаба. И речь, видимо, должна идти о необходимости блокирования тенденции к расколу и конфронтации и поддержке тенденции к объединению.

Идея Э. Смита о том, что глобальная культура не имеет «перспектив» будущего, интересна тем, что таким образом обращается внимание на необходимость этого компонента, то есть «перспекта» или проекта будущего, как неотъемлемого атрибута каждой культуры.

И наконец обсуждение тезиса Э. Смита о том, что у глобальной культуры нет исторических носителей, но есть создатель — новый культурный империализм глобального масштаба, придает проблематике глобальной культуры предельную остроту и актуальность. Надо признать, что в настоящее время наиболее активным носителем и создателем глобальной культуры действительно выступают те силы, которые заинтересованы в осуществлении негативных сторон глобализации, каковыми являются стандартизация и унификация. Однако, признавая весомость аргументов Э. Смита, нельзя не увидеть, что они не столько доказывают вредность глобальной культуры, сколько убеждают в необходимости создания проекта глобальной культуры, альтернативного тому, за которым стоят интересы транснациональных корпораций.

Несколько иная трактовка проблемы глобальной культуры представлена в концепции американского социально-культурного антрополога А. Аппадурай. Глобальная культура видится им как постоянно меняющаяся комбинация взаимодействия пяти пространств: этнопространства, формируемого СМИ (медиапространство), технопространства, формируемого технологиями, финансового пространства, где основным фактором являются денежные потоки, пространства идей, основными составляющими которого являются государственные идеологии и идеологии

общественных движений. В терминологии А. Аппадурои все эти пространства глобальной культуры имеют названия этноскейп, медиаскейп, техноскейп, финанс-скейп, идеоскейп.

В этой конструкции обращает на себя внимание то обстоятельство, что идеоскейп выделен в качестве самостоятельного фактора формирования глобальной культуры. Весомость этой идеи увеличивается в связи с тем, что одним из лейтмотивов книги А. Аппадурои, в которой представлена его концепция¹, является констатация того факта, что в современной социальной жизни небывало высокое значение имеет воображение. При этом автор подчеркивает, что, в отличие от фантазии, несущей «неустрашимые коннотации мечтаний, отстраненных от проектов и действий», воображение имеет «проективный смысл, смысл прелюдии к деятельному самовыражению того или иного рода»². В связи с этим А. Аппадурои делает чрезвычайно важное заключение, что, хотя проекции в прошлое по-прежнему релевантны современной политике воображения, однако концепции будущего сегодня играют в групповой политике намного большую роль.

Таким образом, рассмотрев концепцию глобальной культуры Э. Смита и А. Аппадурои, можно сделать по меньшей мере два вывода. Первый из них заключается в том, что идея глобальной культуры действительно может быть использована как орудие культурного империализма. Однако, как известно, любой бытовой предмет может найти свое применение не только по своему прямому назначению, но и как орудие членовредительства и даже убийства. Понимание этого не заставляет нас отказываться от полезных вещей.

Второй вывод заключается в том, что идея глобальной культуры высвечивает необходимость ее проектирования, создания образов будущего, которые могли бы стать побудительным мотивом конструктивных и солидарных действий различных человеческих сообществ.

Анализ идейного материала, связанного с проблематикой «глобальной культуры», показывает, что в настоящее время фактически имеются два проекта ее построения. По чертежам одного из них глобальная культура должна быть предельно унифицированной и стандартизированной. Корни этого проекта — в экономико-финансовой сфере. За ним стоят интересы транснациональных компаний, готовых весь мир превратить в конвейер по производству прибылей. Проект унификации и стандартизации органично вписывается в техноскейп, поскольку технологиям чужды культурные различия, а питательная почва финанс-скейпа обеспечивает прочные позиции в медиаскейпе. В пространстве идей проект стандартизации и унификации (он же проект культурного империализма) появляется как «заказное изделие», хорошо финансируемое и поддерживаемое СМИ.

Интересы человечества при реальном объединении как средство решения глобальных проблем и одновременно при сохранении разнообразия культур обуслов-

¹ Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis ; L. : Univ. of Minnesota Press, 1996.

² Фура В. Арджун Аппадурои «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации : реф. // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 58.

ливают необходимость проекта глобальной культуры, альтернативного тому, о котором речь шла выше. Условно его можно назвать «гуманистическим». Работа над ним только начинается. Совершенно очевидно, что местом его порождения может быть только пространство идей (идеоскейп). Рассчитывать на поддержку финанс-скейпа не приходится, но при этом необходимо тесное взаимодействие со СМИ (медиаскейпом). В гуманистическом проекте необходимо предусмотреть, что несущие конструкции задания глобальной культуры должны быть выполнены из прочных материалов. Вероятно, прежде всего здесь речь должна идти о ценностях, которые имеют объединяющий смысл и при этом уже достаточно укоренены в культуре. Представляется, что в этом качестве прежде всего нужно рассматривать такие ценности, как гармония, любовь и творческое деяние³.

Интересно в связи с этим вспомнить происхождение самого слова «гармония». Первоначально оно обозначало скрепы, которыми соединялись отдельные части корабля. Например, в «Одиссее» Гомера сказано, что, собираясь в путь, Одиссей обивал корабль гвоздями и «гармониями»⁴. Таким образом, в представлении древних греков гармоничным считалось то, что ладно скроено и крепко сшито. Надо отметить, что в значении понятия «гармония» сохранился первоначальный этимологический смысл слова, что бывает далеко не всегда. Отвлекаясь от частных случаев, можно дать следующее определение: гармония — это структурное свойство объекта, которое выражается в разнообразии и единстве составляющих его элементов.

Аксиологический статус категории «гармония» определяется тем, что она применяется во всех видах деятельности, а также для характеристики всех видов субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. Прежде всего это касается взаимоотношений человека и природы. О необходимости гармонии между ними выразительно говорил Аурелио Печчеи (1908–1984), один из организаторов Римского клуба. В статье, которую он диктовал за несколько часов до смерти, обращается внимание на то, что «гармония человека и природы отвечает не только сиюминутным интересам и задачам обозримого будущего, это еще и великая культурная ценность»⁵.

Не менее велико значение гармонии в межцивилизационных и межкультурных отношениях. Так, разнообразие цивилизаций и культур является богатством всего человечества, источником и условием его жизнеспособности. Однако, не будучи подкреплено единством, это же разнообразие может стать и становится причиной бесконечных конфликтов и в конечном счете может привести к гибели человечества.

Перечисление сфер, где гармония имеет статус высшей ценности, можно продолжать до бесконечности: привычными являются разговоры о гармонии межличностных отношений, гармонии человека с самим собой, гармонии личных и общественных

³ См.: Круглова Л. К. *Человек–Природа–Общество–Культура: социокультурная антропоэкология*. СПб., 2013.

⁴ Лосев А. Ф., Шестаков В. П. *История этических категорий*. М. : Искусство, 1965. С. 36.

⁵ Печчеи А. *Римский клуб — повестка дня на конец века* // Лосев К. С. *Мифы и заблуждения в экологии*. 2-е изд., доп. М. : Научный мир, 2011. С. 7.

интересов и т. д. Все это убеждает в том, что гармония имеет статус универсальной ценности и потому может рассматриваться как одна из несущих конструкций здания глобальной культуры.

То же самое можно сказать и о такой ценности, как «любовь». Излишне говорить о том, насколько глубоко тема любви укоренена в культуре. На первый взгляд некоторым исключением в этом отношении представляется наука. Однако на самом деле это не совсем так. Достаточно напомнить о деятельности Гарвардского исследовательского центра по созидательному альтруизму, организованного П. А. Сорокиным. Проект назывался «Таинственная энергия любви», ему знаменитый культуролог и социолог посвятил в 1950-е годы 10 лет своей жизни¹.

Проблематика любви имеет прямое отношение к такому источнику социальной энергии, как патриотизм, к формированию такого человеческого качества, как трудолюбие, обладающего не только личным, но и глубоким общественным значением. Любовь лежит в основе отношения человека ко всем сторонам его жизни, что отражено в таких понятиях, как «любимая земля», «любимый город», «любимые книги», «любимая музыка» и т. д.²

Статус любви как ценности определяется тем, что она по своей сути способна обеспечивать интегративные процессы и при этом обладает огромным энергетическим потенциалом. Его реализация возможна за счет включения в число системообразующих ценностей такого феномена, как творческое деяние.

Следует подчеркнуть, что значение гармонии, любви, творческого деяния как самостоятельных ценностей многократно усиливается именно за счет их соединения в триаду. Так, гармония вне союза с любовью и творческим деянием может остаться в области бесполезных мечтаний, любовь без гармонии и творческого деяния может стать демонической силой, деятельность, лишенная тепла любви и чуждая гармонии, имеет результатом не созидание, а разрушение.

Триада «гармония, любовь, творческое деяние» может существовать в мировой культуре не вместо, а вместе с другими конструкциями — «вера, надежда, любовь», «истина, добро, красота». Дальнейшее насыщение идейного пространства глобальной культуры позитивным материалом может и должно способствовать блокированию негативных тенденций глобализации и реализации гуманистического проекта глобальной культуры.

Т. В. Кузнецова³

СМЫСЛОПОЛАГАНИЕ ИДЕИ НАРОДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Бурное развитие средств массовой коммуникации, интенсивная урбанизация, нано- и биотехнологии создают такие условия в современной культуре, при которых информация становится инструментом новых форм жизни и поведения, стирая этнокультурное своеобразие, обезличивая человека, подгоняя под общую планку. Ценностные ориентации переосмысливаются. Проблемная ситуация заключается в том, что люди, живущие в социокультурном пространстве глобализирующегося мира, являются вместе с тем специфическими информационными носителями черт национальных культур.

Процессы цивилизационной трансформации, характерные для последних десятилетий XX века, имеют общемировой смысл. Но они особенно значимы для России. Сугубо «технологическое» мышление, склонное отрицать традиции, которое столь характерно для российского либерального реформаторства, убедительно продемонстрировало всю ограниченность и опасность стратегий развития, не соотношенных с реальным культурно-историческим процессом и формируемых

вне связи с национальной традицией. Порывая с идеологиями социального экспериментирования, современная русская духовная культура приобретает все более выраженное стремление к самоидентификации. В этом кроется одна из причин исключительной актуальности культурно-исторических исследований, которые не только помогают лучше понять прошлое, но и, в сущности, намечают определенные ориентиры для будущего.

В данном контексте закономерно возникает проблема культурной памяти, культурного наследия «почвь», на которую могут опираться созидание и развитие современного российского общества.

Ушедший век оставил России и миру целый ряд проблем, от которых зависит будущее человеческой цивилизации. На какой духовной основе возможно решение этих проблем? Какие культурообразующие идеи и понятия последуют с нами в XXI век, а какие станут или уже становятся достоянием истории? Без ответа на этот вопрос невозможно ни сознательное отношение к культуре, ни социокультурное прогнозирование. Для многонациональной России разнообразие народного творчества — не просто бесценное наследие, это наше общенациональное преимущество. Именно традиции народов страны выполняют ключевую объединяющую роль, способствуя сближению людей и утверждению принципов согласия и толерантности.

Уделяя значительное внимание сохранению чистоты традиций в сугубо фольклорных жанрах, научно-методические центры в своих изданиях часто ориентированы на эксперимент и импровизацию

¹ Сорокин П. А. Таинственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 1.

² См.: Круглова Л. К. Указ. соч.

³ Профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор более 70 научных работ, в т. ч. монографии «Парадигма народности в эстетической теории». Член редколлегии журнала «Вестник Московского университета», серия «Философия». Заместитель председателя диссертационного Ученого совета по эстетике МГУ им. М. В. Ломоносова. Заместитель председателя Московского отделения Российского философского общества.

в сфере самодеятельности, организации народных празднеств и в так называемых комплексно-досуговых программах, где в настоящее время идет интенсивное взаимопроникновение нескольких разнопорядковых «эстетических рядов», в том числе заданных либерализмом, существуют современные СМИ.

Эстетические вкусы и художественные традиции, присущие тому или иному народу, в определенной мере стали платформой, на которой формировалась современная художественная культура нового типа. Они образовали как бы одну из «исходных матриц» этого процесса, над которой надстраивались другие художественные пласты по мере их включения во вновь складывающуюся систему культуры и освоения национальным самосознанием. Они, в свою очередь, нередко начинали выступать в качестве «опорных элементов», бравших на себя ведущую роль в дальнейшем культурном развитии, которые Лихачев считал сложнейшей и высокоразвитой эстетической системой.

Здесь перед нами действительно поток приобретающего все новые формы народного творчества, хотя в него включены авторские элементы и приемы, взятые из других пластов культуры. «Культура, — пишет Д. С. Лихачев, — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения народом, нацией». И далее: «Культура — это святыни народа, святыни нации».

Круг элементов, из которых синтезировано все многообразие национальной культуры, за последнее время существенно расширился. Да и степень творческой раскованности, проявляющейся в нарушении нормативных жанровых границ, сегодня возросла. Думается, что основное значение в этой меняющейся эстетической ситуации приобретает творчески импровизационная стихия коллективного самовыражения, отождествляющего себя с народной позицией, народом как субъектом, сохраняющим эстетическую, а во многих случаях и нравственную дистанцию по отношению и к академическому художнику, и к современному шоумену, и к ученому-фольклористу, какие бы элементы художественного языка и приемы он ни использовал.

Суть вопроса — в формах их включения в рамки творческого процесса, осуществляемого по собственным законам народного мирозерцания. От того, к примеру, что в частушке вдруг возникает пальто из журнала «Бурда Моден», а в сценарии фольклорного праздника наряду с матрешками и Петрушкой вдруг появилась кукла Барби с комично-выразительными осколочками английской речи, они вовсе не выпадают из рамок того явления, которое М. Бахтин назвал народной смеховой культурой. Если, конечно, все сделано тактично, со вкусом и верным чувством собственных эстетических принципов.

Социальный запрос на народность не исчез, но изменил свой характер и как бы переместился в иную социокультурную плоскость. Прежде всего необходимо отметить, что определяющим мотивом в трактовке народности, тесно увязывающим концептуальный подход к проблеме с тем действительным пространством возможностей, в котором отныне может развиваться вся многообразная деятельность по изучению, собиранию,

сохранению и развитию народного искусства, сегодня становится регионализация. В связи с этим следует отметить специфические особенности языковой культуры регионов, смыслообразующие формы этнических корней. Этнос, по словам Л. Н. Гумилева, представляет собой «устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, существующих как этническая энергетическая система, противопоставляющая себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающаяся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно изменяется в историческом времени». Само историческое время наполнено процессом цивилизационного развития, обусловленного движением человеческого духа. Цивилизация, согласно С. Хантингтону, определяется как общими объективными элементами, такими как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Цивилизация является наивысшей культурной общностью людей и всеобъемлющим уровнем культурной идентификации, помимо того что отличает человека от других биологических видов.

При этом следует заметить, что у каждой культуры, как писал Шпенглер, есть собственная цивилизация. Цивилизация выступает как «неизбежная судьба культуры», когда достигнут тот пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов «исторической мифологии». Как известно, Шпенглер противопоставлял культуру и цивилизацию, однако, как показывают современные процессы, в изменяющемся социокультурном пространстве, как мы полагаем, национально-культурное ядро способно приспособиться к мировым цивилизационным процессам.

Критическая мысль, как правило, отмечает, что в условиях глобализации в России происходит полоса резких и быстрых социальных, экономических и политических сдвигов, совершенно изменивших весь контекст, в котором до того остро стояла проблема народности искусства — от организационно-финансовых до идеологических ее аспектов. Серьезно изменился общественный климат: идеологические ограничения советского времени были сняты, однако культуроцентричные ориентации постсоветской эпохи чрезвычайно быстро трансформировались в культ экономики и «экономического» человека. Узко понятый экономический рационализм стал вытеснять далеко на периферию все то, что не укладывается в рамки стандартизованного индустриального потребления.

Однако, на наш взгляд, концепт смыслополагания народности не утратил своей силы. Уходя от одних традиций, человечеству свойственно вырабатывать новые традиции, меняя формы общения, способы коммуникации, опираясь на глубинные антропологические основания, обеспечивающие существование ценностей народной культуры в контексте общечеловеческих ценностей. Философия, конечно, дает разные ответы на вопрос о смысле жизни. Но требуется, наверное, государственный заказ на основательные научные исследования, которые придут на смену выдумкам политиков и публицистов и приведут к выработке практических эффективных государственных мер по согласованию насущных вопросов народности современной культуры.

В. Д. Курганская¹ПОЛИТИКА МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА

Мультикультурализм как особая форма либеральной идеологии был главным трендом дискурса и практики этнокультурной политики европейских стран второй половины XX столетия. В условиях глобализации, когда под воздействием миграционных процессов изменяется национальный состав практически всех стран, тема мультикультурализма становится особенно актуальной, поскольку далеко не все мигранты стремятся интегрироваться в принимающее общество, предпочитая жить *своей* жизнью в *своих* анклавах по *своим* правилам.

Став под влиянием глобализационных процессов за какие-то полвека полиэтническими и поликультурными, принимающие страны вдруг осознали, что их культура больше не является доминирующей (или же что легитимность этого доминирования становится все более проблематичной) и что она иной раз нуждается в большей защите, чем культура меньшинства. Поэтому европейские политики заговорили о крахе мультикультурализма, предполагающего признание равноценности культур национального большинства и этнических меньшинств. Будучи президентом Франции, Николя Саркози заявил, что политика мультикультурализма провалилась и что французское общество было слишком озабочено идентичностью того, кто приезжает в страну, и обращало недостаточно внимания на идентичность страны, которая принимает приезжего.

Ранее с аналогичным заявлением выступила канцлер Германии Ангела Меркель, которая признала провал политики мультикультурализма, не отрицая, что Берлин заинтересован в рабочей силе и хочет создать для приезжих хорошие условия.

Чуть позже ее поддержал премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, призвавший к переходу к «мускулистому либерализму» и призвавший перевернуть страницу с провалившимися методами прошлого.

Россия и Казахстан столкнулись с проблемами адаптации мигрантов в своем обществе относительно недавно, и многие политики и эксперты не считают их серьезными. Будучи президентом России, Дмитрий Медведев объявил, что для России неприемлем тезис о неудаче сосуществования различных культур.

Однако многие российские политики не столь оптимистично настроены по отношению к перспективам мультикультурализма. Так, директор Института глобализации и социальных движений Борис Кагарлицкий в унисон европейским политикам заявил, что мульти-

культурализм — это тупиковая стратегия, но те замены, которые ему предлагаются, необязательно будут намного лучше.

Казахстан имеет свою социокультурную специфику. Русская культура пустила здесь глубокие корни, и потому процессы строительства национальной государственности (введение одного государственного языка, изменения в ономастике, доминирование одной национальной группы в органах управления и т. д.) воспринимаются русскими как угроза утраты своей идентичности. По словам казахстанского политолога Рустема Кадыржанова, между казахами и русскими в Казахстане установилось негласное соглашение: казахи согласились на доминирование русской культуры, русские — на политическое доминирование казахов. Однако, по его мнению, нынешняя национальная политика направлена на ассимиляцию и «казахизацию» общества.

Имеет ли в Казахстане перспективы мультикультурная политика? Как представляется, мультикультурным обществом такое, в котором этнические группы толерантны и решают свои проблемы через социальное партнерство, то таковым казахстанское общество и является на сегодняшний день.

Будучи составной частью мировой культуры, каждая культура взаимодействует как равноправный партнер и соучастник в создании общечеловеческих духовных ценностей, развиваясь, по образному выражению М. М. Бахтина, на основе диалога культурных атомов. Проведенное в декабре 2012 года автором статьи комплексное исследование немецкой диаспоры в Казахстане показало, что именно так происходит диалог между культурами различных этнических групп страны. Приведу некоторые высказывания участников немецкого фокус-групп из этого исследования.

— *Этнокультурные центры объединяют людей, которые стремятся сохранить и приумножить культуру немецкого народа. Они участвуют не только в собственных праздниках, но и в мероприятиях, проводимых другими этнокультурными объединениями. Думаю, что это способствует более тесному сотрудничеству и дружественным отношениям между разными этносами, обогащению культуры своего народа.*

Перед этнокультурными центрами как культурными антрепренерами в условиях глобализации, когда унифицируются культурные образцы, размываются культурные коды, стираются границы в понимании «своего» и «чужого», встают сложные задачи по сохранению ценностей и смыслов национальной культуры.

— *Мы, конечно, в первую очередь ходим в немецкое общество для того, чтобы не забыть наши национальные корни. Мы их здесь подпитываем. Но при всем при этом в ассоциации-то много обществ, где работает общество «Казак тілі» («Казахский язык»),*

¹ Главный научный сотрудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы), доктор философских наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Казахстан в глобальном мире: вызовы и сохранение идентичности» (в соавт.), «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп в Казахстане: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Философская антропология как метафизика свободы» и др.

и когда празднуются национальные казахские праздники, они нас приглашают на свои мероприятия. Мы с удовольствием их посещаем, мы очень хорошо знаем казахские национальные традиции, много знаем слов из казахского языка. Многие из нас уже породнились с казахами, и у нас такой микс получается в организации нашего быта — мы печем, например, казахские баурсаки, и они нам очень нравятся. И наряду с тем, что мы готовим немецкие блюда — картофель унд клин, картофель унд крауд, мы готовим и с удовольствием едим беибармак, мясо по-казахски, и это все здорово. И если где-то говорят о каких-то межнациональных проблемах, то, сколько лет я живу в Казахстане, общаюсь, у нас никогда не было межнациональных проблем.

Комплексное исследование немецкой диаспоры в Казахстане доказывает большой потенциал мультикультурализма. Ведь с помощью правильно выстроенной мультикультурной политики государство может формировать стратегии социального согласия между этническими группами, вовлекать представителей этнических групп в переговорный процесс.

— Мы празднуем свои национальные праздники и казахские праздники. Мы знаем много местных традиций и обычаев. Среди нас много людей, которые выросли в среде казахов. Они разговаривают на казахском языке. Некоторые считают себя — немцев — породненными членами казахского рода, среди которых они долго жили бок о бок.

Как следует из приведенных высказываний, немцы-респонденты понимают взаимодействие культур как обогащение своей культуры, трансляцию своих ценностей в другую культуру и наоборот. Другая культура, в их представлении, дает возможность лучше понять людей других этнических групп, позитивно воспринимать ценности другой культуры, строить отношения между людьми разных национальностей на толерантной основе.

Как в любом цивилизованном обществе, казахстанское государство обеспечивает свободное развитие культур всех этносов на основе общечеловеческих приоритетов. В этом и заключается смысл мультикультурной политики — дать возможность каждому этносу

сохранить и развивать духовно-нравственную составляющую своей национальной культуры, не ущемляя при этом культуру других народов.

Однако государство, добившись значительных успехов в продвижении политики мультикультурализма, не имеет права почивать на лаврах.

Так, в Казахстане нельзя не заметить стремления отдельных политических групп к перестройке культурного пространства. Непрекращающиеся спекуляции вокруг требований восстановления исторической справедливости, муссирование исторических обид не сходят со страниц отдельных СМИ, в том числе виртуальных.

Созданное в Страсбурге в 2012 году международное правозащитное движение «Мир без нацизма», объединяющее более 140 национальных антифашистских организаций, в феврале 2013 года заявило, что в СМИ и социальных сетях Казахстана нарастают ксенофобия и национализм, имеют место попытки фальсификации истории, героизации Туркестанского легиона СС («Восточно-тюркское соединение») и других пособников нацизма. Безнаказанная деятельность националистических радикалов, атмосфера вседозволенности и обострение гражданского противостояния отрицательно сказываются на международном имидже Казахстана, долгие годы служившего для мирового сообщества образцом межнационального и межконфессионального мира и согласия, констатируется в документе.

Универсальной модели построения мультикультурального общества не существует. Задача казахстанского общества — продолжать следовать интеграционным стратегиям мультикультурализма, а государства — поставить преграду деятельности националистических радикалов и обеспечивать свободу культурного и этнического самовыражения всем народам, населяющим страну. Любой другой путь в обществе, где проживают многочисленные диаспоры, губителен, ведь изобретенные вчера национальные границы и барьеры, возведенные на таком фундаменте, как коллективная потеря памяти, сегодня воспринимаются уже как вечная и неизменная категория (Э. Ренан).

И. В. Малыгина¹

ДИСКУРС ВЛАСТИ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Постоянная актуализация научной рефлексии на тему ценностно-символических оснований культу-

¹ Директор Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики, доктор философских наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Современные дискурсы этничности: методологический тупик или возможность примирения оппозиций?», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире», «Динамика российской идентичности», «Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей», «От “помнящей культуры” к “культуре забвения”: дискурсы и исторические формы репрезентации культурной памяти» и др.

ры, по всем признакам не исчерпавшей еще ресурс постмодернистского релятивизма, свидетельствует об одной из антропологических данностей: как бы ни существовал в культуре человек — в гармонии ли с базовыми ценностями или в неизбывном противоречии с ними, — он не может существовать вне системы координат.

Что же касается культуры как пространства смыслов и значений, то ее пределы обнаруживаются именно там, где данные смыслы и значения утрачивают качество конвенциональности для конкретной общности.

Если признать данные замечания корректными, то характеристики современной ситуации: тревожные —

«кризис культуры» или совсем безутешные — «антропологическая катастрофа», оказываются не просто сюжетами в копилку современного мифотворчества. Приходится соглашаться: «в мире антропологической катастрофы скорость смены одного события другим так велика, что значения и смыслы не успевают осесть. <...> мы их не успеваем сделать фактом сознания. Поэтому сегодня каждому из нас приходится жить в режиме неизвлеченного смысла. В мире неясного и неочевидного»¹. Антропологический кризис, одним из основных признаков которого следует считать деформации нормо- и смыслообразования в культуре, несомненно, является общемировым трендом современности, однако его российская версия обладает своей спецификой, во многом обусловленной этноментальным своеобразием и историческим опытом россиян.

Если сквозь призму этих допущений проследить «крупными штрихами», хотя бы в границах последних 100 лет, динамику российской культуры, мы без труда обнаружим обусловленность ее ценностно-смысловых трансформаций спецификой дискурса власти, характерного для того или иного историко-культурного контекста.

Вопрос о сложности и многомерности дихотомии культуры и власти возник не сегодня и не в России. Но несмотря на многочисленные попытки мыслителей и политиков обозначить «точки сопряжения» и демаркационные линии этих феноменов, вопрос этот до сих пор оставляет пространство для размышлений. Стремление «примирить» или развести по разным углам «социального ринга» власть и культуру до сих пор лишь умножает противоречия и внушает мысль о бесплодности подобных усилий.

Однако невозможно абстрагироваться от того, что власть, в силу ее почти неограниченной возможности оказывать влияние на сознание и поведение людей (посредством авторитета, закона или даже физического насилия), узурпирует статус «ценностного законодателя» в обществе. Во многом именно власть определяет критерии и границы социально одобряемого и санкционируемого поведения человека, формирует систему конвенциональных норм, социокультурных предписаний и запретов, определяя тем самым пределы культуры данного общества².

Изменения во властных стратегиях, как правило, влекут за собой серьезные трансформации системы ценностей. Вспомним, что на протяжении жизни всего лишь трех-четырех поколений процесс переоценки ценностей в России происходил как минимум трижды, и всякий раз «подчиняясь» радикальным изменениям дискурса власти.

Как известно, с момента Крещения Руси и почти тысячелетие роль нравственного законодателя в российском обществе исполняла религия. В основе русской культуры полагалась ценностно-символическая система, основанная на православных идеалах, опре-

деляющих ценностно-смысловые границы культуры. Высочайшая степень конвенциональности и универсальности этих смыслов, на протяжении столетий остававшихся незыблемым основанием социальной солидарности, проявилась в том, что самоидентификаты «русский» и «православный» долгое время выступали как смысловые эквиваленты.

Монархическая, самодержавная власть в России вплоть до начала XX века опиралась именно на православие, которое наполняло социально-политическую форму организации общества духовно-культурным содержанием — идеологическим, этико-философским, эстетическим и собственно религиозным.

В октябре 1917 года система ценностей, основанная на Божественном авторитете, на Божественном откровении, была разрушена до основания. Причем вместе с храмами были уничтожены, разграблены, утрачены создаваемые веками памятники архитектуры, живописи, ювелирного искусства. От русской культуры оказался отторгнутым целый пласт, чрезвычайно важный для самосознания, что повлекло за собой и системные изменения культурной среды.

Власть большевиков принесла с собой принципиально иную систему ценностей, основанную на авторитете коммунистической идеологии, что привело к формированию качественно новой системы ценностей. Конвенциональность новых идеалов, культурные качества человека новой эпохи и принципиально иной культурной среды проявились в закреплении в массовом сознании соответствующего самоидентификата — «советский». Это самоназвание сохраняло свою актуальность вплоть до так называемой перестройки или начала демократических преобразований в России.

Что произошло в это время с культурой общества? Наша любимая «национальная забава»: устоявшаяся в течение десятилетий система ценностей, определявшая содержание и пафос советского образа жизни и советской культуры, вновь была разрушена столь же стремительно. И снова до основания, только на этот раз вместе с культурными текстами советской эпохи.

Взамен властью реформаторов были предложены не вполне отчетливо осознаваемые народом, но адекватные вызову политических и мировоззренческих трансформаций российского общества идеалы свободы и демократии. Однако в условиях отсутствия национальной идеи, концепции цивилизационного и социально-экономического развития государства, но при наличии гласности и свободы слова данные идеалы обрели формы культурного плюрализма и нравственного релятивизма, указывающих на глубокий мировоззренческий кризис в обществе, на отсутствие в стране единого, разделяемого всеми ее гражданами культурно-символического кода. А. С. Ахиезер заметил по этому поводу: в отличие от западных обществ, где культурный плюрализм является стимулом для развития либеральной государственности и толерантности, в России он стал серьезным фактором раскола в обществе, причем основная линия раскола пролегла между государством (читаем: «властью». — *И. М.*) и самоорганизовавшимся

¹ Гиренок Ф. Антропологическая катастрофа. URL: <http://www.hgono.ru>

² С этой точки зрения феномен власти подробно рассмотрен в философской концепции М. Фуко (См.: Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996).

в локальные миры народом, не знающим гражданского общества¹.

Следует признать, что одним из бесспорных позитивных результатов так называемых демократических преобразований общества является многообразие форм его экономической, политической и культурной жизни, внешне свидетельствующее о глубоко продвинувшемся процессе демократизации российского общества. Но парадокс данной ситуации заключался в том, что сфера ценностных оснований оказалась столь же подверженной процессу плюрализации, как и любая другая сфера общественной жизни. Все более явным становился «дрейф» ценностно-смысловых ориентиров, со всей очевидностью обозначилась ситуация этического и морального релятивизма; проявления «двойной морали» и «двойных стандартов» стали вариантом нормы. Культурный герой новой эпохи примерил маску своего двойника — трикстера, пренебрегающего культурными предписаниями, нарушающего границы дозволенного, стремящегося вырваться «за флажки» социокультурных ограничений.

В сфере нравственной культуры данные процессы проявились максимально остро. Нравственная дезориентация стимулировала в обществе напряженный поиск новых ценностных опор. При этом спектр поиска оказался чрезвычайно широким. Вспомним, насколько активной была вспышка интереса к религии, и определенная часть общества обрела нравственные опоры именно в религиозности. Однако совершенно очевидно, что религия не готова сегодня занять ту нишу, которую она занимала столетиями, — слишком велик оказался разрыв в национальном самосознании.

Наряду с этим в условиях формирования рыночной экономики, стремительного и хаотичного развития первоначального («дикого») российского предпринимательства, основанного на жесткой конкуренции, широкое распространение получили идеи, присущие этике «иммoralизма» с ее отказом от христианского идеала, отрицанием альтруизма и сострадания, постулированием «морали господ»; утверждением «воли к власти», права сильнейшего; с ее пресловутым «падающего — подтолкни» и, конечно, с идеалом «сверхчеловека», провозглашенными некогда Ф. Ницше.

Экономические реформы, повлекшие за собой расслоение населения по имущественному признаку, актуализировали в среде экономически «несостоявшихся» людей идеи пессимистической этики с ее взглядом на мир как средоточие мук и страданий, вырваться из которого нет никакой возможности, если верить А. Шопенгауэру. Конечно, я далека от мысли, что представители всех слоев общества — от лифтера до академика — читали в середине 1990-х годов Ницше и Шопенгауэра, но «в воздухе витало».

Незаметно каждый стал обладателем «своей собственной» морали, начиная с политической элиты, каждый из представителей которой не только демонстрировал собственное политическое кредо, но и предлагал «электорату» его нравственное обоснование (или оправдание?).

¹ Ахиезер А. Насколько мы разные? // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26). С. 68–73.

Таким образом, релятивизм стал характерным признаком новейшей российской истории и культуры. Как же следует расценивать эту данность? С одной стороны, можно относиться к ней как к проявлению процессов раскрепощения нравственного сознания общества и индивида. Ибо ситуация морального выбора сегодня — это уже не «оглядка» на некий безусловный «авторитет», будь то религия или государство, а самореализация индивидуальной воли, акт творчества (в идеале — ответственной и нравственной личности). С другой стороны, релятивизм делает весьма условной грань между допустимым и санкционированным в культуре; превращает приоритеты индивидуалистического утилитарного сознания в норму, рутинную повседневность. Более того, релятивистская мораль утрачивает свою основную функцию — регулятивную: в ситуации, когда каждый поступает собственную мораль, велики ли шансы достижения общественного согласия? По всей видимости, не больше, чем у футболистов из известной сказки Лазаря Лагина после того, как Старик Хоттабыч из самых добрых побуждений вбросил на футбольное поле 22 мяча. Когда каждый со своей моралью как с персональным мячом, социального хаоса избежать трудно. К тому же, если некое явление становится функционально несостоятельным (не функционирует), значит, оно перестает существовать как таковое, а мы имеем дело не с чем иным, как с симулякрами или имитациями морали.

Во многом эта ситуация стала следствием социально-политических трансформаций российского общества, а потому и ответственность во многом ложится на власть, поскольку изменить ситуацию, постепенно, корректно, но целенаправленно формируя в обществе непротиворечивую ценностную систему (учитывающую, тем не менее, презумпцию права личности на индивидуальную стратегию самоопределения и самопрезентации в культуре), способны люди, не только наделенные совестью, но и облеченные властью.

Что может стать основой системы ценностей, способной обеспечить общественное согласие и приостановить реакцию распада в обществе? Возможно, это закон? Не будем сейчас говорить о несовершенстве государственного законодательства, но, если быть честными в определениях, то боязнь закона и даже уважение к нему — еще не есть нравственность.

Может быть, это права и свободы других людей? И более всего права мыслители, в разное время утверждавшие, что любой человек свободен в реализации своих естественных прав и свобод ровно до тех пор, пока не нарушает границы чужой свободы? Великий нравственный закон, сформулированный в год Французской революции. Но безусловность его действия может быть обеспечена лишь при условии его беспрекословности и неотвратимости, как для властных решений политических элит, так и для свободной воли любого другого человека. Утопия? Поживем — увидим...

Ф. Т. Мамедов¹**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ И ОЦЕНКЕ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ**

История мировой цивилизации свидетельствует о стратегическом значении духовной культуры и «духовного производства» как для национального, так и для глобального развития. Духовная культура — это неисчерпаемый источник жизни, человеческого развития и счастья, благотворная энергия знаний, добра, любви и созидания. Нет более высокого критерия человеческой ценности во всем мире. Только высокая культура может спасти мир. Однако для того, чтобы культура могла спасти мир, мир должен беречь, развивать и защищать культуру, сделав ее поступательное развитие абсолютным приоритетом человеческой жизнедеятельности.

Мировая культура — это множество разнообразных культур, каждая из которых обладает как универсальными, так и специфическими характеристиками, что в первую очередь отражается в различиях в *базовых ценностях духовной культуры*. *Смысл и ценности каждой культуры* связаны с интеллектуальным развитием, знаниями, мировоззренческими установками, менталитетом, культурными традициями народа. Каждая культура имеет свои характерные культурные синдромы, в которых воплощены этнические или национальные особенности — психология, убеждения, религиозные представления, нравственные ценности, нормы, восприятие и интерпретация окружающего мира.

В *смысловом* отношении развитие культуры — это многовековой исторический процесс, в основе которого лежит *потребность* в заботе о поддержании и улучшении человеческой жизни. Это тот ключевой общечеловеческий мотив, который объединяет разные народы. Следовательно, содержательную основу смысла человеческой жизни должны составлять такие *ценности*, как сама жизнь, развитие врожденных культурных качеств и способностей человека, возможность позитивно реализовать естественное стремление к превосходству через самосовершенствование и творческую деятельность, результаты которой могут служить самому человеку, его близким, обществу и человечеству в целом. В этом контексте следует по достоинству оценить концепцию Абрахама Маслоу, определившего в качестве меры совершенства культуры ее способность удовлетворять потребности человека и создавать благоприятные условия для социальной реализации потенциальных способностей личности. Пожалуй, нашед-

шие отражение в холистической концепции А. Маслоу человеческие потребности — физиологические, в самосохранении, безопасности и мире, в любви и общности, в самоутверждении и признании, в самоактуализации и совершенствовании через творчество, являются постоянными индикаторами мотивации жизнедеятельности культурных народов вне зависимости от времени, места проживания, пола, национальных и религиозных границ.

Влияние культуры на социальное поведение человека трудно переоценить. Поведение — это действие, обусловленное намерениями, а намерения обусловлены общей культурой и объективностью информации. Представления, ценности и нормы, принятые в определенной культуре, способствуют формированию стандартов и моделей жизнедеятельности, используемых для оценки или экспертизы поведения людей, соответствия установленным правилам. Коммуникация предполагает «согласование взаимоотношений по статусу и соблюдение этого порядка», эффективность которых во многом определяется уровнем культуры людей.

От культуры человека зависит то, как он воспринимает и интерпретирует события и факты, историю и поведение людей. То есть поведение индивидуума во многом определяется его культурой — менталитетом, традиционными представлениями о жизни, обычаями, верой, пониманием. Здесь имеют значение такие личностные особенности, как культура мышления, интеллектуальная культура, жизненный опыт, характер, биологическая природа человека. От знания этих особенностей, в первую очередь менталитета, обычаев и традиций, во многом зависит предсказуемость поведения человека, этноса и общества, эффективность социальной инженерии.

Различные культуры имеют много общего в содержании национальных ценностей. Это — любовь, дружба, труд, рождение детей, семья, праздники, трапеза, искусство, образование, этикет, спорт, религия и другие сферы человеческой жизнедеятельности, в которых воплощены естественные человеческие потребности, отношения и идеалы. Однако менталитет, традиционные формы, ритуалы, отражающие специфические особенности отдельных культур, могут быть разными. В силу этого поведение, естественное для одной культуры, может считаться неэтичным в другой. Существуют различные «языки культур», в соответствии с которыми одни и те же явления или знаки по-разному воспринимаются и интерпретируются в тех или иных культурах.

Сходство культур объясняется в первую очередь природно-географическими условиями и социальной средой, которая во многом влияет на генетический код культуры (врожденные культурные качества) индивидов. В каждой культуре существуют как ассоциативные формы поведения, которые одобряются и поддерживаются обществом, так и диссоциативные —

¹ Профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук. Автор более 200 научных и научно-просветительских работ по истории и теории культуры и науки, научных концепций и проектов, нацеленных на модернизацию и социальный прогресс азербайджанского общества и государства. Среди них — фундаментальные труды: «Культурология: вопросы теории и истории», «Культурология как путь к эффективной жизнедеятельности», «Культура управления. Опыт зарубежных стран», отмеченные Национальными премиями «Умай» и «Интеллект». Президент Ассоциации культуры Азербайджана. Председатель Общества культурологов Азербайджана. Главный редактор Международного культурологического журнала «Симург» (Вопросы истории и теории мировой культуры и цивилизации).

не одобряемые и не поддерживаемые. Это во многом зависит от традиционных представлений людей и уровня понимания ими действительности: природы и человеческих отношений, ценностей. Общечеловеческие, универсальные параметры жизнедеятельности, обусловленные естественными потребностями людей, поразному удовлетворяются в культурах разных народов, имеющих свою специфику. То есть это культурологический вопрос о технологии — как это осуществляется, на основе каких принципов, ценностей, критериев и способов.

Среди наиболее универсальных ценностей духовной культуры, способствующих правильному мышлению, намерениям и поведению, можно было бы назвать: высокий интеллект, профессионализм, правовые знания, уверенность в себе, целеустремленность, рассудительность, терпеливость, выдержку, справедливость, порядочность, уважение к личности, культуру ответственности, терпимость к другим, следование статусным отношениям, уважение к власти, доброту, вежливость, семейную культуру, уважение к старшим, любовь к детям, преданность, здоровый конформизм, патриотизм, гармонию с окружающим миром.

При этом культуры Востока и Запада имеют свои характерные особенности, которыми являются соответственно коллективизм и индивидуализм. Г. Триандис подчеркивает, что если для Запада характерна культура индивидуальной ответственности и стремление к личным успехам, то для Востока — культура социальной солидарности и коллективной поддержки. Эти особенности необходимо учитывать при международном культурном диалоге. Знание этих культурологических характеристик способствует предсказуемости поведения людей в тех или иных ситуациях.

Адаптация к той или иной культуре требует преодоления культурных различий, что тесно связано с коммуникационной культурой, в поле зрения которой находятся мысли, чувства, потребности, желания, намерения и действия, направленные на позитивное изменение поведения. Одной из задач коммуникационной культуры является правильное понимание природы и культуры человека. Это обусловлено тем, что наряду с культурой на поведение человека большое влияние оказывает его биологическая природа. Если поведение животного нетрудно определить по его биологическому виду как признаку его природы, то характер человека, во многом зависящий от его биологической природы, определить значительно труднее, ибо он может быть тщательно скрыт внешним обликом, соответствующим определенным моделям культурного поведения, не всегда отражающим истинный облик личности, ее убеждения и ценности.

Коммуникационная культура во многом зависит от уровня общей культуры народа, его способности к культурным изменениям и инновациям в процессе культурогенеза. Большое значение для понимания социальной роли духовной культуры и возможностей регулирования человеческих коммуникаций имеет закон Лесли Уайта, рассматривавшего культуру как целостную социальную систему. Согласно культурологической концепции Л. Уайта, «поведение человека изме-

няется с изменением его культуры». Здесь, безусловно, речь идет в первую очередь об изменении сознания людей при помощи образования, воспитания и просвещения. Под влиянием ряда социальных институтов культуры, таких как воспитание и образование, наука, обычаи и традиции, просвещение, культурный обмен, право и законодательство, экономика и политика, а также субъективных факторов культура современного человека меняется на определенных этапах его жизни. Происходит переоценка ценностей и мировоззренческих установок, совершенствуется восприятие, понимание и интерпретация объективной действительности, видение будущего.

Глобализация и укрепляющееся сотрудничество представителей разных народов требуют гармонизации их культур, выработки универсальных этических принципов и «работоспособных» моделей поведения, разумной культурной идентичности в социальном поведении людей. Согласно концепции Г. Триандиса, если элементы культуры дисфункциональны, то есть не выполняют своей функции, то ученым следует это выявить и изменить. Трудно с этим не согласиться, ибо речь идет о требовании логики в самой жизни, без которого невозможно добиться эффективной эволюции культуры, социально-культурного прогресса, того, что сегодня принято называть «инновационной деятельностью». Незнание дорого стоит, а превосходство человека в первую очередь обеспечивается развитием и практическим использованием результатов интеллектуальной культуры.

Большое значение для понимания и оценки ценностей и смыслов в духовной культуре, а также для изучения межкультурных отношений, развития культуры коммуникации и совершенствования технологий межкультурного диалога имеет *культурология*. Она помогает осуществить экспертизу на функциональность (жизнеспособность) определенных форм поведения и взаимодействия как способов решения жизненно важных социальных проблем. Опираясь на правильный выбор принципов и критериев оценки, универсальные методы, обеспечивающие измеримость результатов, достоверность, научную обоснованность и максимальную объективность анализа, культурология также дает возможность определить общее и разное в культурах — менталитет, традиции, представления. Продуктивными для понимания поведения представителей разных культур и измерения антропологических параметров культуры являются системный и ситуационный культурологический анализ, универсальный метод «культурологическая пирамида», а также использование шкалы ценностей, методов стандартизации и идентификации.

Безусловно, для понимания определенной культуры необходимо знать не только общие свойства, но и язык данного этноса или народа, его историю, достижения, законы и технологии жизнедеятельности, значения слов, выражений, взаимосвязей измеряемых объективных переменных, а также невербальных символов — жестов, мимики, взглядов и ряд других уникальных характеристик, присущих данному этносу. Скажем, не познав экспериментально энергетической особенности огня, невозможно чисто визуально, за счет

субъективного видения получить правильное представление о реальной сущности этого явления.

Наука не терпит аксиологического отношения к изучаемому объекту. Получение наиболее важных результатов этнографических наблюдений, социологических опросов и экспериментов должно быть свободным от субъективности, измеримым, доступным для проверки и доказательным, для чего важно использовать в анализе совокупность культурологических исследовательских методов. Этим объясняются преимущества системного культурологического подхода, включающего комплексные исследования, основанные на методологической базе, дающей возможность получения наиболее точной информации об изучаемой культуре в целом и ее элементах в отдельности. Сложность вопроса обусловлена и тем, что в рамках современных культур может быть множество людей с индивидуальными культурами и ценностными предпочтениями, по многим параметрам и особенностям отличных от основного древа национальной культуры. Поэтому для обеспечения безопасного развития, взаимоуважения, солидарности и сотрудничества между представителями разных культур необходима их гармонизация на основе базовых универсальных культурных ценностей, присущих всем людям. Путь к решению этой проблемы — последовательный стратегический переход от человека типа *Homo sapiens* к человеку типа *Homo culturales*, обладающего необходимым уровнем знаний, умений, организованности, нравственности и созидательной деятельности, а также высокой степенью идентичности, взаимопонимания, согласования интересов и мотивации.

Важность развития коммуникационной культуры и освоения культурологических навыков правильного ситуационного поведения обуславливает необходимость знания исторических достижений нацио-

нальных и мировой культуры, понимания воплощенных в них законов человеческого развития, видения новых возможностей и путей к надежному будущему. Универсальные культурологические знания о сущности, структуре, функциях, особенностях и возможностях культуры, достижениях и преимуществах разных культур приобретают растущее значение для политиков и управленцев. Необходимо более глубокое освоение в практике государственного и международного управления методов системного культурологического анализа, помогающего лучше раскрыть конкретные механизмы социального поведения в разных культурах мира и субкультурах своего общества. Знание обычаев и традиций той или иной культуры — ключ к пониманию менталитета и мотивов поведения людей, а следовательно, к эффективному управлению на основе владения «языком» и «правилами игры» данной культуры. Используя методы аккультурации и инкультурации, можно активно влиять как на развитие макроккультуры общества, так и на субкультуры отдельных групп и индивидов. Незаменимое значение для этого имеют применяемые в культурологии логический, антропологический, исторический, структурный, функциональный, психографический, демографический, ситуационный, сравнительный и другие методы анализа конкретного социума.

Рассмотренный материал дает возможность утверждать, что универсальный культурологический подход к пониманию и оценке ценностей и смыслов в духовной культуре открывает новые возможности для совершенствования межкультурного диалога на всех уровнях. Это ставит на повестку дня вопрос о целесообразности более активного международного сотрудничества культурологов в области разработки коммуникационных технологий, способствующих повышению результативности диалога культур и цивилизаций.

А. П. Марков¹

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ЭТОСА КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ

Национальная культура как целостность образуется вокруг *этоса* — системы ценностно-нормативных и морально-этических доминант. Этнос выстраивается на базе ментальных особенностей коллективного субъекта культуры, он фиксирует мироощущение человека, его жизненные смыслы, определяет ценности и стереотипы поведения, детерминирует структуру социальной иерархии, специфику функционирования базовых социально-культурных институтов: политических институтов, частной собственности, экономи-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурсе национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Основы социокультурного проектирования», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культурологическая модель высшего образования» (в соавт.) и др.

ки (в том числе особенности рынка и способы экономического обмена), семьи (включая особенности гендерных и ролевых взаимоотношений ее членов).

Сформировавшийся за два десятилетия рыночных реформ «капиталистический этос» становится сегодня главным препятствием на пути реализации проекта модернизации — единственного шанса выживания России в мире. Однако экономика страны находится в таком плачевном состоянии, что адаптация сложившихся в западных странах моделей технического развития не приведет к выравниванию экономических показателей с мировыми сверхдержавами (не говоря уже о том, чтобы обеспечить конкуренцию с западным миром по критерию «инженерной культуры»). В логике модернизационных проектов европейских стран выход из системного кризиса либо невозможен, либо он растягивается на такое неопределенно долгое время, которое находится уже по ту сторону национального

коллапса (в метафорическом плане — *Апокалипсиса*)¹. По сути, Россия сегодня вошла в критическую зону кризиса, когда проблема «быть или не быть» будет решена в ближайшее время выбором сценария грядущего и успехом его воплощения. «Страна входит в критическое десятилетие» (Г. Малинецкий) — в контексте динамично меняющегося мира сроки «модернизационного рывка» сжимаются почти до времени образовательного цикла одного поколения. Сегодняшняя ситуация в политической, экономической и духовной жизни в России близка к катастрофической, неслучайно она начинает описываться в категориях «глубинного системного кризиса». Недееспособная экономика, разрушенный интеллектуальный потенциал страны, растлевающее воздействие СМИ, атомизированное общество, пораженная потребительством правящая элита, демографический кризис — все это неизбежно ведет к утрате Российским государством атрибутов субъектности и суверенитета. В сложившихся условиях Россия «обречена» на прорыв в достойное будущее (именно прорыв, рывок, а не последовательное развитие, так характерное для рационального Запада). Альтернативы инновационному пути развития страны нет — реализация проекта модернизации сможет воодушевить погрузившееся в уныние общество, очистить погрязшую в коррупции власть и перевести проедающую последние остатки советского наследия экономику на инновационную.

Модернизационный проект, безусловно, предполагает технологическую революцию, но главным условием его успешности становится «человеческий фактор». В этом контексте основная задача всех социальных институтов состоит в поиске культурно-антропологических ресурсов, способных обеспечить модернизационный прорыв. К сожалению, «человеческий капитал» в современной России находится еще в более плачевном состоянии, чем агонирующая в «метастазах» коррупция экономика (да и власть тоже). Утрачено представление о социальной справедливости — важнейшей экзистенциальной ценности, позволяющей старшим поколениям жертвовать личным во имя общего дела. Общество уже два десятилетия переживает острейший и системный кризис идентичности, разрушающий национальную общность «мы». Власть (как и вся правящая элита), демонстрируя полное отчуждение от проблем и чаяний общества, невиданный размах потребительской идеологии, катастрофически утрачивает свою легитимность. Разрыв идет как по горизонтали (чему ярким свидетельством являются многочисленные телевизионные ток-шоу, участники которых демонстрируют диаметрально противоположные позиции и точки зрения), так и по вертикали.

Модификация антропологических матриц «русской цивилизации» началась с чудовищных ошибок (а также целенаправленных действий определенных социальных сил) эпохи М. С. Горбачева, в результате

¹ Дело в том, что западный мир в последние десятилетия совершил глобальный технологический прорыв во многих областях и сферах. Выдвигаются грандиозные международные проекты, способные перевооружить мировую индустрию. В условиях финансово-экономического кризиса США и европейские страны активно создают свое будущее, ускоренными темпами строя новую технологическую реальность, что становится реальной угрозой существования России.

которых была ликвидирована могучая сверхдержава, а заодно и вся мировая система социализма. Последующее погружение России в рыночную стихию за короткий срок разложило общественную мораль, разрушило духовную составляющую личности. Значимым фактором деформации национально-культурного этоса стали целенаправленные действия новых агентов «культурной политики»: субъектов «третьего сектора»; развращающего воздействия на сознание и поведение маркетинговых технологий (и прежде всего рекламы и PR-коммуникаций); средств массовой информации — деструктивное влияние последних на фундаментальные антропологические константы культуры очевидно и масштабно.

Однако в ментальных глубинах и в системе исторически устойчивых ценностных доминант отечественного этоса имеются значительные ресурсы, востребованность которых может повысить реалистичность проекта модернизации, — «человеческий капитал» России не раз совершал «чудо» модернизации². Поэтому стратегической задачей всех институтов государства и гражданского общества сегодня должно стать *утверждение в обществе тех жизненных стратегий, которые составляли ядро традиционного национально-культурного этоса, лежали в основе смысла жизни, социальных отношений, трудовой этики* (в том числе и составляли социально-нравственную базу советского периода истории). Необходима реабилитация в общественном самосознании и последующая системная востребованность типа личности, способной жить по совести, исповедовать моральную ответственность — за свое призвание, судьбу страны, своих близких.

Ресурсом расширения социальной базы такой жизненной стратегии могут стать исторически устойчивые черты национальной ментальности, которые не смог истребить капитализм, а именно: совесть как внутренняя со-настроенность на другого (как мысль, проникнутая чужой болью и радостью), которая является гарантией личной порядочности и нравственной репутации; ценности духовного стяжательства, личного и аскетизма и незначимости материальных благ; гражданственность и готовность к самопожертвованию; патриотизм, в основе которого лежит любовь к Отечеству и уважение к его истории. Именно на базе такой «антропологической матрицы» можно будет отвергнуть убийственную для страны и личности потребительскую идеологию, заменив ее *мобилизационной стратегией*³.

Расширение социальной базы обозначенных выше жизненных стратегий возможно в определенной

² Н. А. Бердяев называет пять периодов, когда Россия вынуждена была *заново* начинать выстраивать свой духовный образ: Киевская Русь, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская.

³ Нетрудно заметить, что обозначенные выше личностные качества характерны для человека советского периода истории, но питающие их ценности корнями уходят в прошлое русской истории, в культуру русского старообрядчества, которая смогла сформировать в XVII–XVIII веках социально-трудовую этику (альтернативную протестантизму!), опирающуюся на базовые ценности национальной культуры и бережно сохраняющую традиции православия (и прежде всего этический идеал Нагорной проповеди Христа). Как известно, именно эта ценностная модель не только обеспечила модернизацию российского общества, но и стала в определенной степени идеологической основой формирования национального государства и гражданского общества.

духовной и социально-культурной среде, творцом которой должны стать все сознательные и ответственные субъекты национальной идеологии и политики, и прежде всего само государство, которое в российской истории традиционно играло ключевую консолидирующую роль.

Для оздоровления общественной идеологии и создания благоприятной духовно-нравственной атмосферы в обществе необходима целенаправленная государственная культурная политика, консолидирующая усилия всех здоровых сил общества (и прежде всего образования, средств массовых коммуникаций, искусства) по нескольким стратегическим направлениям.

Во-первых, формирование духовной общности «мы» нации (которая сегодня фрагментируется и распадается по этническим, региональным, клановым и иным критериям), утверждение соборно-общинной солидарности и демонстрация ее как единственной альтернативы атомарности и конкурентности капиталистических отношений.

Во-вторых, утверждение социальной справедливости как величайшей ценности и основы солидарности. Как известно, в национальном самосознании справедливость всегда воспринималась выше «буквы права» — в конфликте между законом и справедливостью сердце русского человека всегда было на стороне справедливости. Соединяясь с душевной болью за человека обиженного, пострадавшего от несправедливости, справедливость становится в один ряд с милосердием, добром и правдой. Русский человек всегда чрезвычайно болезненно воспринимал элементы несправедливости, и он не готов служить обществу, которое живет по законам джунглей. Желание справедливости резко выросло в последний период, когда народ без всякой «подготовки» был брошен в дикую стихию рынка с ее алчностью, ложью, несправедливостью и жестокостью.

В-третьих, реабилитация ценностей духовности и нестяжательства, которые только и могут обуздать гедонистический беспредел и эгоистический разгул сегодняшнего времени.

В-четвертых, духовная элита общества во имя будущего России обязана реабилитировать национальную идею, которая может стать платформой государственной идеологии, ценностной основой для возвращения смысла человеческого труда как способа личностной самореализации. Национальная идея — это концентрированное выражение смысла бытия нации, она есть такая же «роковая необходимость», как и законы физического мира: она действует «как реальная мощь», определяет «бытие морального существа», проявляется «как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места» (Вл. Соловьев). Духовно-нравственный стержень русской идеи составляет этика коллективного спасения: «Мой народ не спасется, если не спасутся все народы. Это и есть русская идея. И ничего другого она не означает. ... Русская идея — это идея как жить в соответствии с моралью христианства или с моралью коллективного спасения. ... На этом построена вся великая русская литературная культура с ее всемирной отзывчивостью, с ее способностью перевоплощаться в кого угодно. С ее ко-

лоссальной восприимчивостью. Русские всегда брали на себя миссию какого-то духовного объединения. ... Русская идея о том, что спасти себя могут не индивидуально, а только в миру, вместе с этим миром». Исторически Россия — это прежде всего великая культура с ее «вселенской миссией нахождения мостов между конфессиями, культурами, миссия духовного объединения во имя спасения всех, коллективного поиска выхода. Если это уйдет, то вместе с ним уйдет и Россия» (В. М. Межуев).

Сегодняшняя Россия находится в острейшей стадии затяжного кризиса, то есть в той «точке бифуркации», в которой с одинаковой вероятностью сочетаются «траектории» гибели и содержатся шансы спасения, преобразования (*др.-греч.* κρίσις — решение, поворотный пункт). Кризис — это хронотоп концентрации непредсказуемых проблемных ситуаций, вызванных вопиющим несоответствием целей и существующих средств их достижения. Ситуация кризиса в максимальной степени чувствительна к конструктивным идеям и замыслам, она готова востребовать инновационные проекты, способные вернуть систему в границы нормы. Дело в том, что переживающая кризис система уже содержит в себе (потенциально) проекты исцеления — они «спрятаны» в той «точке бифуркации», благодаря которой система получает шанс перейти в новое состояние при минимальном изменении ее базовых параметров. И еще одна важная деталь: предельная неустойчивость системы в ситуации кризиса снижает значимость силы воздействия, повышая при этом роль концентрированного и целенаправленного «укола», способного перевести систему в новое качество. Адресом такого «укола» в современной ситуации является «человеческий капитал» России, выращивание и сохранение которого должно быть не просто задачей, но спасительной миссией государства и всех социально-культурных институтов и здоровых сил общества. А это значит, что в сложившейся ситуации ключевым условием выживания России становится не столько строительство многомиллиардных «Сколково» или абсурдные усилия по интегрированию в «европейский дом» (уже давно переживающий агонию западноевропейского рационализма и тупики капиталистической модели), сколько вхождение в собственную духовную традицию, обретение будущего в неразрывной связи с пониманием ошибок, трагедий и величия исторического прошлого (Д. С. Лихачев).

Известный аргентино-американский математик, основатель алгоритмической теории информации Г. Чайтин остроумно заметил: «Люди имеют будущее, если они заслуживают иметь будущее». Своей историей, культурой, подвигом, самоотверженным подвигом служения миру и добру (и конечно, колоссальным и трагедийным опытом сотворенного за последнее столетие зла) российский народ заслужил право на достойное и осмысленное будущее (кстати, необязательно сытое и благополучное). Мировая и отечественная история показывают, что миром движут не только страсти, но и добродетели. В этом убеждении — источник нашей веры

в возможность духовного преображения «человеческого материала» — этого ключевого фактора успешности модернизационного проекта и выживания России в агрессивном мире, стоящем на пороге тотального конфликта за базовые ресурсы жизнедеятельности. Важное условие успеха такого проекта — вера всех здоровых сил общества (и прежде всего того слоя, который отвечает за самосознание нации) в его

реалистичность. Отечественная история знает немало эпох, когда ключевую роль в национальном возрождении играл специфический для русской культуры этос, его удивительная способность конструктивно реагировать на вызовы времени, а также тип русского характера, энергетика которого в безнадежных ситуациях творила чудеса спасения Отечества и преображения человека.

С. Т. Махлина¹

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ ИСКУССТВА В XXI ВЕКЕ

Ценности и смыслы искусства всегда были одними и теми же: воспевание добра, подвига, героизма и т. п. Однако каждая эпоха привносит свои оттенки в содержание этих извечных ценностей. При этом каждый новый этап в искусстве порождает новые необычные смыслы. Как верно отметил Марсель Пруст: «Каждый художник — гражданин неведомой страны, позабытой даже им, отличающейся от той, откуда, снявшись с якоря, явится другой художник»². Вот почему каждая эпоха имеет свой стиль или стили. «Они дряхлеют со временем, новое поколение писателей приходит со своими стилями, высмеивая стилистические гримасы стариков»³.

Эпистема сегодняшней жизни насквозь проникнута коммерческими интенциями. И в театре, и в литературе, и в изобразительных видах искусства экономический диктат формирует те явления, которые лишь внешне напоминают искусство, а на самом деле — однодневки, тонущие в море столь же поверхностных подделок под искусство. Как пишет Э. Фрадкина, «в условиях современного нэпа... современные композиторы перестают писать для театра. Получается замкнутый круг. Скоро и симфонию для большого оркестра перестанут создавать из-за невозможности оплатить зал и исполнителей. Пока еще спасают сохранившиеся из прошлых времен фестивали, хотя с их финансированием положение все труднее и труднее»⁴. Пишите что хотите, играйте что желаете. Только государство к этому не имеет никакого отношения⁵, как показано в романе

¹ Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор свыше 400 научных публикаций, в т. ч. 16 монографий: «Семиотика культуры и искусства», «Тесты по истории искусства древнего и средневекового Востока», «Русская философия и художественная культура России», «Язык искусства в контексте культуры», «Семиотика культуры повседневности» и др.

² Пруст М. Пленница. М.: Худ. лит., 1992. С. 250.

³ Ерофеев В. Путешествие Селина на край ночи // Ерофеев В. В лабиринте проклятых вопросов: эссе. М.: Союз фотохудожников России, 1996. С. 359.

⁴ Фрадкина Э. Размышления у театрального подъезда. Мариинский театр: К 200-летию Гоголя // Музыкальная академия. 2009. № 3. С. 59.

⁵ Впрочем, касается это не только нашей страны. В романе Мишеля Фейбера приводятся обычные отговорки государственных и властных организаций, от которых зависит субсидирование современных музыкальных акций: «Давай я сама попытаюсь угадать, — сказала Дагмар голосом, в котором звучало презрительное недоверие к государству — любому государству, которое с готовностью идет навстречу ее нуждам. — Они сказали, что, разу-

«Квнтет “Кураж”» Мишеля Фейбера, обладателя всех существующих британских премий, автора, считающегося образцом «большой литературы» современности. Люди ловкие, пронырливые, но не всегда талантливые стали занимать командные высоты в административных центрах управления формами бытования академической художественной культуры.

Все же и в этом явлении есть определенные положительные стороны. И так, с одной стороны, ориентация на экономический эффект диктует создание и исполнение произведений, которые будут восприниматься как можно более широкой публикой, то есть ориентация на популярное, массовое искусство. С другой стороны, ясно видно стремление к серьезной академической культуре и наиболее интересным и глубоким произведениям, которые создаются в наше время. Для современной богатой прослойки, образовавшейся после перестройки, модным стало посещение концертов серьезной музыки.

Доминирование тенденции к развлекательности демонстрирует анализ самых популярных мест отдыха россиян: 20 % — кинотеатр, 14,4 % — театр, 12,2 % — дискотека, 8,1 % — музей, 6,9 % — цирк, 3,6 % — концерт классической музыки, 3,4 % — опера, 3,1 % — балет, 28,3 % — другое⁶. Налицо доминирование «дискурса развлечения», как об этом пишет Константин Богданов, когда книга утрачивает былую роль, а основными его характеристиками становятся «изобразительные и аудиовизуальные медиа: фото- и кинотексты, речевая и музыкальная акустика и т. д.»⁷.

Вместе с тем нельзя не видеть и определенные завоевания, связанные с Новым временем. В первую очередь это обусловлено тем, что любой человек получил возможность проявить себя не только в рамках своей страны, но и в мировом масштабе. Мы знаем имена великих отечественных исполнителей, которые сегодня стали известны всему миру.

Современный исследователь Нигель Варбуртон отмечает такую характерную для современной практики ситуацию, когда предметам повседневной

меется, это замечательная идея, но им недавно урезали дотации и к тому же нынешний экономический климат, так что они ужасно сожалеют...» (Фейбер М. Сто девяносто девять ступеней. Квнтет «Кураж»: романы. М.: АСТ-МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С. 155).

⁶ Языком цифр // Аргументы и факты. 2005. 10 марта. С. 23.

⁷ Богданов К. А. Из истории клякс: Филологические наблюдения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 8.

жизни придается статус произведений искусства. Отсюда становится сложным определить особенности современного искусства и выделить, что — искусство, а что — неискусство. Вот что об этом говорит И. Бахштейн: «Модернистская игра заключается в том, что граница между искусством и неискусством проводится интерпретатором (художником) в том месте, где публика ожидает этого меньше всего... изобразительное искусство — это всегда самое идеологизированное и ангажированное искусство при тоталитарных режимах, игра в элитарность принимает новый оборот по мере того, как модернист (или постмодернист) деконструирует свою собственную культурную роль»¹. В современном искусстве осуществились радикальные инновации. Предмет в искусстве, показанный применительно к историческим планам, создает новое прочтение картины, которая построена на разных сопоставлениях и становится многомерной.

Сегодня можно констатировать, что постмодернизм ушел в прошлое. Как верно пишет о современных произведениях искусства С. Савицкий, «история современного искусства замыкается на проблематику репрезентации и интеллектуальной оценки»². Интерпретация нового искусства оказывается очень усложненной. Новый визуальный опыт «подразумевает смысл изобразительных знаков за пределами их языкового обозначения»³.

Как известно, новые формы искусства всегда рождаются на грани, в противовес чему-то. Именно благодаря противоречиям проявляют себя новые явления в искусстве. При этом для современного искусства все более характерна интернациональность.

Сегодня появилось много новых форм искусства в виде различных видов объектного искусства — found object, перформанс, инсталляция, в которых используется подлинное и мнимое, единичное и массовое. При этом фотография входит в арсенал средств, столь важных, например, для видеоарта. Сегодня мы видим рождение новых произведений на стыке художественного дизайна и артистических практик.

Одно из явлений современного искусства — минимализм — искусство без лишних движений, хотя при всей его отточенности оно вызывает ощущение холода. Это искусство как бы воплощает идею Татлина о «реальном пространстве и реальных материалах». Минимализм по-разному проявляет себя в Европе и Америке. Ричард Сера, видный современный искусствовед, определяет ситуацию следующим образом: «Европейские художники второй половины 1960-х годов, которые достигли некоторого критического подхода по отношению к институализации культуры, такие как Бойс и в значительной степени Бротаерс, вышли из FLUXUS и традиции Дюшана. Они работали и играли со значением found object — готовых предметов, в то время как американские минималисты создали особенные предметы, которые были свободны от “значений”, зависели от зрительского восприятия и пространства

¹ Бахштейн И. Итоги модернизма // Искусство XX века. Итоги столетия. СПб., 1999. С. 99–101.

² Савицкий С. О самом-самом // Новый мир искусства. СПб., 2003. № 6. С. 56.

³ Там же.

репрезентации»⁴. Поп-арт, совершенно по-новому отразивший взгляд на репрезентацию объекта, неслучайно зародился в Америке, где вещь рождается в мощной индустрии товарного обмена и где коммерческий успех возвел успех вещи в культ. «Американская культура, как это на самом деле первым обнаружил поп-арт, — изначально культура знаковая, а не символическая; она напоминает максимально упрощенный для нужд пользователя интерфейс... Поп-артисты совершили в пространстве этой культуры достаточно резкий жест, обнаружив, что ее немногочисленные догматы и вещи — это всего лишь вещи. Например, нет святынь, кроме кока-колы, но и она всего лишь напиток»⁵.

В современном искусстве название и время создания произведения часто значат не меньше, чем само произведение. Приведем в качестве примера работу Дамиена Херста “The Physical Impossibility of death in the mind of someone living”. Его интересуют вещи не сами по себе, а как возможность вызвать ассоциативный ряд в сознании у зрителя.

Другой тип современных произведений — инсталляции, вписывающиеся в философскую концепцию ситуационизма, когда идея ходовой вещи ставится в центр артистических задач.

Значительный вклад в современное искусство вносит фотография, которая показывает нам полноту искусства как полноту жизни. Сегодня фотография взяла на себя функции картины, определяя, как и кинематограф, способ видения мира, критически переосмысливая действительность

Столь же значима в современном искусстве такая его форма, как видеоарт, выражающий философский концепт переосмысления действительности и актуализирующий визуальность. Видеоарт — медийная культура, апроприирующая такие пласты, как музыкальные телеканалы, рекламные ролики, образы молодежной и корпоративной культуры.

В современном искусстве многозначность символов, отсутствие приоритетов в сравнении способствует тому, что критики имеют возможность трактовать их в зависимости от концепции выставки. Вот что пишет, например, В. В. Савчук: «Перформанс — производное покоя и расцвета демократии, он выполняет те функции, какие в традиционных обществах выполнял святой, дервиш, юродивый или шут»⁶.

Основная черта современного искусства — концентрация на современности, его документация. Как правило, содержание многих произведений не отсылает нас к прошлому и не обращается к будущему. В центре внимания — современность. Основное содержание — сегодняшний день. Вот почему превалируют такие формы, как перформанс, акция. Искусство становится высказыванием на определенном пространстве, когда зритель вовлекается во внутреннюю ткань

⁴ Serra R. In conversation with Alan Colquhoun, Lynne Cooke and mark Francis // Museum Architecture. Text and Projjects by Artists. Cologne : Verlag der Buchhandlung Walter Konig, 2000. P. 90.

⁵ Андреева Е. Все и Ничто. Символические фигуры в искусстве второй половины XX века. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. С. 246–247.

⁶ Савчук В. В. Конверсия искусства. СПб. : Петрополис, 2001. С. 82.

произведения. Это роднит изобразительное искусство с театром. А в самом театре мы видим нечеткое разделение сцены и зала. Таким образом, мы наблюдаем, с одной стороны, вовлечение публики в ткань художественного произведения, с другой — искусство стремится стать предельно документальным. Вот почему в театре широко распространен прием воспроизведения разговоров повседневной жизни. Это стремление нарушения границ между сакральным и профанным, религиозным и светским мы видим повсеместно.

Еще одна характерная черта, знаковое отличие современного искусства — стремление совместить несовместимое. Так, в музыке мы видим, как западноевропейские композиторы стремятся использовать интонационный словарь Востока (чаще всего пентатонику) и европейский звукоряд, не совместимые друг с другом. И наоборот, это же стремление совместить Восток с Западом характерно для творцов восточных стран. И эту тенденцию мы наблюдаем во всех видах искусства. Транскультурные тенденции в языке искусства повсеместны и прогрессируют. Тот единый, целостный язык искусства, характерный для начала человеческой культуры, когда независимо от места, будь то Пиренеи, Сибирь или Африка, рождались одинаковые сюжеты и единые выразительные приемы, является в конечном счете целью, к которой стремятся люди. Но, обогащенный историей и национальными особенностями, язык искусства строится на более глубокой основе, полнее и полноценнее выражая место человека в мире.

Ценностные установки и смыслы современного искусства проявляются и в стремлении воспроизвести особенности всей Вселенной. Показательно, что Владимир Мартынов создал произведение, в котором сочетание знаков должно было предупредить (и предупредило, как считает автор и исполнители) падение метеорита на Землю.

На основе вышеизложенного можно выявить и другую характерную черту современного искусства — взаимодействие высокой академической классики и массового искусства, когда архаичное и современное взаимодействуют.

Важная закономерность современного искусства — стремление взаимодействия его различных видов и жанров. Впрочем, и эта знаковая черта — отнюдь не современное завоевание. Мало кто знает, что, например, Виктор Гюго был замечательным художником и его изобразительное наследие насчитывает почти 4 тыс. иллюстраций и рисунков. При этом его изобразительные произведения ценились такими выдающимися мастерами, как Делакруа и Ван Гог, а сегодня воспринимаются как предвестник абстрактного экспрессионизма и сюрреализма¹.

Одна из знаковых особенностей современного искусства — его эсхатологичность. Характерен, например, фильм Ларса фон Триера «Меланхолия». Но и это не новость. Еще в 1961 году Э. Ионеско написал сценарий «Гнев», воплощенный Сильвенном Доммом, где изображено крушение нашей планеты, а телевидение показывает цветочки, ручейки и в конце концов пленительная дикторша объявляет: «Дорогие дамы и господа! Через несколько минут — конец света»².

Сегодня, в начале XXI века, очень сложно выявить все ценности и смыслы стиля или стилей эпохи. Они будут полностью определены в будущем, так же как всесторонне можно описать лишь уже прошедшую моду, но какие-то знаковые особенности можно увидеть уже сейчас, хотя, возможно, многое мы еще не осознали. Пожалуй, в связи с этим феноменом можно процитировать глубокомысленное замечание Людвиг Витгенштейна: «Наиболее важные для нас аспекты вещей скрыты из-за своей простоты и повседневности (их не замечают, потому что они всегда перед глазами). Подлинные основания их совсем не привлекают внимания человека. До тех пор пока *это* не бросится ему в глаза. Иначе говоря: то, чего мы [до поры] не замечаем, будучи увидено однажды, оказывается самым захватывающим и сильным»³.

Подытоживая представленную картину современной художественной жизни, можно сделать вывод о том, что современное искусство является наследником и классики, и авангарда. Оно впитало знаковые особенности не только искусства в целом, но и те черты, которые были характерны для прошлого века.

¹ Dessins de Victor Hugo // Graves par Chenay, texte par Theophile Gautier. Montpellier : Archange Minotaure, 2002.

² Ионеско Э. Собрание сочинений. Носорог. Пьесы. Проза. Эссе. СПб. : Симпозиум, 1999. С. 390.

³ Витгенштейн Л. Философские исследования. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 129.

Л. А. Меньшиков¹

СТАТУС ЦЕННОСТЕЙ В ПОСТМОДЕРНЕ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Исследования, направленные на определение хронологических рамок, сущности и содержания постмодернистской культуры, ставшие в последнее десятилетие актуальными, настоятельно требуют изучения вопроса о месте понятия «ценность» в постмодернистском мировоззрении, об отношении постмодерна к общечеловеческим ценностям и возможности реконструкции постмодернистской системы ценностей.

Достаточно устоявшимся является взгляд, восходящий к классической работе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» и его идее о постмодерне как эпохе «недоверия к метарассказам»: «В современном обществе и культуре... вопрос о легитимации знания ставится в иных выражениях. Великий рассказ утратил свое правдоподобие»². В контексте этого взгляда постмодернизм может быть определен в терминах «культуры-безценностей». Легитимация культурного факта теперь происходит помимо выяснения отношения к ценности. Возможен даже разговор о «смерти ценностей». Из глобального отвержения объяснительных систем и авторитетов следует утверждение того, что невозможно какое бы то ни было установление приоритетов в отношении человека к той или иной социокультурной реальности, то есть установление ценности. В результате отношение к культурной значимости, полезности, важности, включаемое в понятие ценности, не может быть четко определено в контексте постмодернистского мировоззрения. Постулируется принципиальная обесцененность культурных фактов.

Существуют теоретико-культурные параллели для подобного толкования социокультурной реальности. Так, в рамках культурного релятивизма, распространившегося в качестве популярной культурологической парадигмы во второй половине XX века, подобное отношение к ценности высказывается не как характеристика того или иного исторического периода, а как общий методологический принцип межкультурного диалога. Культурно-релятивистский взгляд, предполагающий толерантное отношение к культурным фактам по причине того, что все они являются ценностью для какого-то носителя данного культурного факта, был, с одной стороны, продолжен в постмодернистской теории культуры, а с другой стороны, превращен в ней в прямо противоположный взгляд. Это произошло постольку, поскольку постмодернизм не просто релятивизирует ценности, а релятивизируя, отрицает их. Бо-

лее того, претензии установления того или иного отношения к культурному факту как ценности неизменно должны трактоваться в постмодернизме как проявления насилия и культурной экспансии. Такая точка зрения, которая может быть названа точкой зрения «радикального постмодернизма» в отношении к ценностям, является весьма распространенной в классических сочинениях по теории постмодернистской культуры — от деконструктивистской и постструктуралистской критики до классиков «высокого» постмодернизма.

Близкое отношение формируется и в рамках мультикультуралистской теории, которая может быть сведена к попытке разрешения дезаксиологизма постмодернистского взгляда на мир, — объявление толерантности по отношению к культурным привычкам и образу жизни социальных и этнических групп, составляющих меньшинство в культуре, по сути дела, ведет к отрицанию ценности как коренного основания культуры. Это происходит потому, что признание равноправия культурных форм приводит к отрицанию сути понятия ценности — приоритета одного культурного факта над другим. Ценности иной культуры, будучи воспринятыми, очевидно, должны быть встроены в систему ценностей культуры-реципиента. Поскольку они являются ценностями иной культуры, они с необходимостью будут маркированы как высокие или низкие (в зависимости от типа отношения культуры-реципиента к культуре-донору), в результате чего произойдет либо признание их как ценности, либо отрицание. Но и то и другое в равной мере означает отказ от признания их равноправия — они встраиваются в существующую систему, таким образом устанавливая с ней определенные отношения зависимости. Тем самым мультикультуралистская теория, признавая равноправие ценностей, на самом деле содержит в себе основания для разрушения ценности как таковой. Все эти теоретические основания и были обобщены постмодернистской теорией, которая сделала реальные исторические выводы из данных теоретических построений. Но как культурно-релятивистские, так и мультикультуралистские теории могут быть подвергнуты справедливой критике, и тем самым постмодернистские выводы из них также должны быть смягчены.

В связи с этим существенным является вопрос о движущих причинах подобного отношения к ценностям. Существует ряд достаточно устоявшихся оснований «смерти ценностей». В качестве характерного примера можно вспомнить высказывание Т. Адорно о «невозможности писать музыку после Освенцима». Безусловно, в кризисе ценностей значителен вклад гуманитарной катастрофы Второй мировой войны, ставшей одним из толчков для формирования постмодернистской культуры, равно как и гуманитарных катастроф, последовавших за ней и приведших мир в перманентное «состояние катастрофы», как еще может быть определен постмодерн. Глобальное изменение сознания человечества в его отношении к моральным

¹ Заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, кандидат философских наук, доцент. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Энциклопедия на границах эпох», «Тотальное искусство за порогом молчания», «Культура постмодерна», «История культуры как «вечное возвращение» стиля», «Новые традиции и постмодернистское искусство: о методологии изучения», «Современная философия в Европе и России», «Мессианизм в русской культуре Серебряного века: Соловьев и Скрябин о роли искусства и художника», «Искусство «без границ» как новая форма креативности», «Философия культуры. Идеи о культуре в истории западной общественной мысли» и др.

² Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 92.

нормам, в определении ценности человеческого и личностного в культуре, произошедшее в результате изменения отношения к смерти, связанного с войной, имело далеко идущие последствия.

Поскольку пошатнулись основополагающие устои, составлявшие, как казалось, фундамент всех известных исторических типов культуры, и прежде всего европейской культуры в ее общечеловеческом звучании, подверглась деформации вся система ценностей европейской культуры, которая и воспринималась, несмотря на достаточно продолжительную традицию теоретической борьбы с европоцентризмом, как общечеловеческая. Вслед за основополагающими этическими ценностями, продемонстрировавшими свою нежизненность и неработоспособность, стали проявлять неустойчивость и прочие составляющие ценностной системы. В результате этого мы не можем выразить однозначное отношение той или иной современной культуры к основным ценностям европейца — жизни и здоровью, семье и дому, работе и включенности в общество, материальному благосостоянию, духовности и личностному росту, удовольствиям и развлечениям, творчеству и образованию, свободе, гармонии и счастью. Каждая из этих ценностей приобретает относительный характер и может как вызывать крайне негативные оценки, так и подавлять собой остальные, тем самым ломая и разрушая систему.

Принципиально иной взгляд представлен в исследованиях общества второй половины XX века, проведенных Р. Инглхартом, которые позволяют определить постмодернизм как постматериалистическое состояние мира ценностей. Инглхарт писал о «сдвиге от материалистических приоритетов к постматериалистическим — переходе первостепенной роли от вопросов материальной и личной защищенности к проблемам самовыражения и качества жизни»¹. В качестве основания постмодернистской культуры в данном случае следует рассматривать не катастрофизм политических отношений, а стабильность экономического уклада и общий рост благосостояния, наблюдавшийся на протяжении второй половины XX века на территории западного мира. Понятие «мировая система ценностей», предлагаемое Инглхартом, заставляет смотреть на постмодернистский мир как на время становления новой системы ценностей. Наблюдаемые в этих исследованиях рост личностного участия в жизни общества и усиление интереса к духовным ценностям оказываются возможными благодаря мнимому разрешению экономических противоречий, которое имеет как объективный характер — повсеместного повышения уровня материального производства относительно более раннего исторического состояния, так и субъективный — ощущение благополучия и стабильности на фоне полувекового периода сравнительного политического постоянства и экономической успешности.

На современной стадии развития общества все поставленные в истории философской мысли проблемы существования человека, выраженные в ценностях, оказались более или менее удачно разрешенны

¹ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011. С. 57.

ми в практической жизни. Новая же проблематизация общественных отношений происходит на наших глазах и пока не имеет должной завершенности и систематичности. В результате в жизни конкретного человека возникает ощущение разрешенности или ожидаемой разрешаемости всех сколько-нибудь значимых проблем существования — от экономических и политических до преодоления старения и смерти. Формируется осознание мира, которое может быть названо «вялотекущим оптимизмом», — общее оптимистическое ощущение мира, рожденное еще авангардной культурой, дополняется неприятным, затягивающим и «тошнотворным» (в терминологии Сартра) ощущением безысходности и бессмысленности поиска положительного смысла. Поэтому растет значение сфер жизни общества, занятых формированием ценностных ориентаций — культура приходит в постматериалистическое состояние.

Указанные аспекты проблемы соотношения постмодерна и ценностного мира культуры могут быть названы негативной и позитивной аксиологией постмодерна. Нельзя не обратить внимания и еще на одну, практическую, сторону, связанную с особенностями формирования ценностного мира в постсовременной культуре. Со становлением практической социологии возникает новая культурная реальность, порожденная социопросами как специфически социологической методикой исследования. Социопросы, которые были первоначально лишь вспомогательной исследовательской методикой, постепенно благодаря средствам массовой информации приобретают характер новой культурной формы. Они превращаются сначала из средства исследования общественного мнения в средство его формирования, а затем и в форму бытия современной культуры. Ни одна из сфер нашей жизни немислима сегодня без всевозможных социологических и псевдосоциологических анализов текущей культурной ситуации. Всевозможные рейтинги, шорт-листы, топ-листы и прочие аналогичные формы исследования не столько изучают то или иное состояние культуры, сколько в значительной степени формируют его, уже не анализируют существующую систему ценностей, а устанавливают свою собственную. Это — будучи осмысленным культурой — приводит к одному простому и очевидному результату. Система ценностей, которая ранее воспринималась как объективная и связанная с глубинными устоями культуры в целом, начинает восприниматься как искусственная реальность, подлежащая целенаправленному формированию, что не может не вызывать недоверия к ней, поскольку условия, способы и участники формирования этой системы могут быть сомнительными и не соответствующими идеалу.

Сами понятия ценности и системы ценностей становятся относительными, вариабельными и небесспорными. Это лишь усиливает «апокалипсический тон современности», вводя человека в состояние неуверенности в его положении в мире, — это положение оказывается крайне неопределенным, человек пребывает в состоянии невозможности его четкого и систематического определения — положение в мире рейтингов зыбко, поскольку они поминутно меняются

и не могут быть закреплены в стройной системе ценностей. Выражением этого становятся попытки сведения системы общечеловеческих ценностей к ценностям одного порядка, который также имеет тенденцию к вытеснению другим, столь же неопределенным и непостоянным. Одной из таких попыток становится «эстетический поворот», осуществленный в культуре XX века. В его рамках происходит мнимое конструирование системы ценностей, которая уже не может удержаться в качестве системы: «Эстетическое обращено к открытости события; так создается основание для представления особой целостности, отличной от мировоззрения, от проекта, от картины мира, но со-

храняющей в своей данности следы предшествующих опытов понимания»¹. Эстетическое как важнейшее проявление аксиологического отношения на протяжении всего XX века стремится к конституированию культурного опыта в рамках своих средств. Но указанная попытка лишь драматизирует опыт построения постмодернистской культуры и демонстрирует, с одной стороны, действительность осуществленного проекта конструирования культуры без ценностей, а с другой стороны, его бесперспективность, поскольку данный проект представляет собой лишь определенную форму новой культурной целостности, возможность которой постмодерн отрицал.

А. Н. Мосейко²

РОССИЙСКИЕ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ: ДИАЛОГ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И СМЫСЛОВ

Разбиты вдребезги скрепы нашего прошлого, и, словно щепки большого корабля, носятся русские люди по всем концам земного шара. Где их нет? Где не услышишь русской речи?

Безымянный русский доктор из Африки

Российское зарубежье (русский мир) как самостоятельный всемирный социокультурный организм представляет собой поле многочисленных пересекающихся и взаимодействующих диалогов культурных ценностей и смыслов. Содержание и характер диалогов зависят от многих обстоятельств, но прежде всего от особенностей принимающей стороны, степени ее близости, схожести, «узнаваемости» (культурной, психологической, социоисторической, языковой и т. д.) для эмигранта. Беспрецедентные сложности возникали для российских эмигрантов в Африке, где культурные ценности и смыслы были непонятны, иногда диаметрально противоположны российским.

В потоке появившихся в последние десятилетия работ по истории российской эмиграции недостаточно внимания уделяется российскому зарубежью на периферии русского мира, в частности на Африканском континенте. Историк-африканист А. Б. Летнев отмечал «периферийность, маргинальность, изолированность той части всемирной российской диаспоры, которая очутилась на Африканском материке»³. Действительно, эмигранты из России оказались в Африке, чаще все-

го подчиняясь необычным и трагическим обстоятельствам своей судьбы изгнанников. Эмигранты, прежде всего военные, попадали, например, в лагеря беженцев Египта, Туниса, Алжира. Большую часть африканской диаспоры составили безработные русские эмигранты, вынужденные уехать из Европы в связи с экономическим кризисом начала 1930-х годов.

Была, правда, очень незначительная, часть эмигрантов, которые со временем добровольно выбирали африканскую страну, соответствующую их научным или творческим интересам, например Египет, Эфиопию.

В послевоенный период российское зарубежье пополнилось перемещенными лицами — бывшими военнопленными, людьми, принудительно угнанными в Германию, а также добровольно ушедшими с немецкими войсками — все они боялись репатриации и постарались осесть хотя бы в Африке. Еще раньше советские военнопленные, бежавшие из немецких лагерей, сражались в войсках союзников против итало-германской армии в Северной Африке.

После 1991 года, в период перестройки, возникло такое новое явление, как трудовая эмиграция с возможностью возвращения и наличием двойного гражданства (согласно закону «О гражданстве РФ» от 28 ноября 1991 г.). В основном поток трудовой эмиграции был направлен в Южную Африку как самую экономически развитую страну континента. В результате наиболее обширные и разнообразные анклавные российско-го зарубежья были сосредоточены в Северной и Южной Африке, значительно меньше — в Тропической. При всем различии этих регионов Африки сходным для эмигрантов из России была их необычность: природно-климатическая, культурная, ментальная, социополитическая. Часто это вызывало психологический шок, растерянность и даже отторжение. Однако силою обстоятельств эмигранты были вынуждены приспосабливаться, вписываться в эти условия существования.

¹ Грякалов А. А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: Топос Homo Aestheticus // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 55.

² Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарные исследования» (в соавт.), «Роль духовного наследия российского зарубежья в формировании образа России в западной культуре», «Трансформация образа России на Западе в контексте культуры последней трети XX века», «Культура повседневности русской эмиграции и ее место в культурном разнообразии мира», «Кризис идентичности и духовные искания африканской интеллигенции», «Религиозный опыт на Мадагаскаре. Миф и ритуал» и др.

³ Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы : сб. ст. М., 2001. С. 3.

Особенностью эмигрантского бытия является невероятная сложность самоидентификации. Как правило, российский эмигрант оказывается одновременно включенным в три сообщества (России, принимающей стороны и диаспоры)¹, и с каждым из этих сообществ он связан множеством нитей, участвует во множестве ценностных и смысловых диалогов. В Африке же этих сообществ оказывается больше, ибо каждая страна-реципиент, в свою очередь, включает как европейское колониальное (или бывшее колониальное) сообщество, так и сообщество аборигенов. В Южной Африке к этим двум сообществам присоединяется сообщество «почти аборигенов» — африканеров (буров). И каждое из них имеет свои особенности.

В статье мы рассматриваем прежде всего диалогические ценностно-смысловые отношения российских эмигрантов с сообществами принимающих стран.

В Североафриканском регионе заметное место для российского зарубежья занимает Египет. Следует сказать, что в Египте многое привлекало русскую научную и творческую интеллигенцию еще в дореволюционный период — и памятники древней цивилизации, и святыни раннего христианства. До Первой мировой войны в Египте побывали В. Соловьев, И. Бунин, Вяч. Иванов, Н. Гумилев, А. Белый, академики С. В. Бакалович и Б. А. Тураев, египтолог А. Живаго и др.

После революции в Египет стали прибывать русские беженцы, которых (вместе с уже существующей до 1917 г. русской колонией) насчитывалось не менее 10 тыс.² Эмигрантов из России Египет встретил беженскими лагерями англичан³ с тяжелейшими условиями существования. Большие трудности возникали с поисками работы. Естественно, что русские эмигранты стремились найти работу у англичан — шоферами, механиками, трамвайными служащими, в конторах и бюро, а женщины — гувернантками, горничными в европейских семьях. Однако это не всегда удавалось, и женщинам приходилось работать в арабских семьях, мастерских, магазинах, где они сталкивались с особенностями отношения мусульман к женщинам, мусульманскими поведенческими стереотипами и ориентациями, не совпадающими с русскими ценностями. Русские эмигранты — технические специалисты, медики — успешно работали на строительстве плотин в дельте Нила, Управлении по эксплуатации Суэцкого канала, сфере тропической медицины, но и они испытывали огромные трудности, сталкиваясь с тяжелым климатом, языковым барьером, конфессиональными различиями. В результате возникало отчуждение от основной арабской массы населения. Многие эмигранты так и не смогли адаптироваться к жизни в Египте и использовали все возможности, чтобы уехать в Европу.

В то же время русские ученые, художники оставили неизгладимый след в культуре, науке Египта. Египтологи В. С. Голенищев, В. М. Викентьев, А. Н. Пьянков работали в университете Каира, во Французском

¹ См.: Пивоваров Е. И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 36–37.

² Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 319–324.

³ Египет с 1914 по 1923 год был английским протекторатом, но и позже в стране сохранялось господство Британии.

институте восточной археологии и оставили не только замечательные научные труды, но и учеников — египетских ученых⁴. В Египте сохранилась память о замечательном русском художнике И. Я. Билибине. Он не только создавал портреты и картины по частным заказам богатых греков, но и иконы в греческом православном храме. Эти иконы под воздействием климата разрушаются и требуют реставрации, которую в Египте не собираются производить. В 1990 году председатель Советского фонда культуры (СФК) академик Д. С. Лихачев выдвинул инициативу о переговорах с Египтом по поводу возвращения с компенсацией билибинских икон в Россию, но развал Союза и ликвидация СФК прервали их⁵.

Значительно более серьезные, чем в Северной Африке, ценностные барьеры и противоречия ожидали эмигрантов из России в Тропической и Южной Африке, где подавляющее большинство населения в 1920–1930-х годах придерживалось (несмотря на христианизацию и исламизацию) традиционных верований, обычаев и образа жизни. Российские эмигранты в странах Тропической Африки — в Конго, Сенегале, Гвинее, Камеруне и других — оказались в совершенно немыслимой для них среде, почти на другой планете. Они работали по контрактам с французскими и британскими предпринимателями, но на рудниках, строительстве дорог, в портах им приходилось иметь дело с местными рабочими-африканцами, русские врачи лечили как колониальных чиновников, так и африканцев, россияне общались с местным населением и в быту. Помимо изнуряющего климата, ядовитых насекомых, неведомых болезней, русских эмигрантов, не имеющих представления об особенностях африканских культур, шокировало поведение африканцев, их нравы, обычаи, ритуалы. Пугали многочасовые ритуальные танцы под ритмы тамтамов, в которых танцоры с масками доводили себя до экстаза. Однако каждый ритуал имел свой смысл и цель — способствовал снятию напряжения в коллективе, решению конфликта и единению или был направлен на исцеление больных, общение с предками, вызов дождя и т. д. Вызывала раздражение одежда туземцев, точнее почти ее отсутствие. У африканцев свои представления о стыдливости и нравственности, и их тоже отталкивало многое в поведении европейцев, например курение, неумеренное употребление алкоголя и т. д. Противоречивость ценностных предпочтений и ориентаций удивляла, а часто возмущала русских практически на каждом шагу. Африканцы казались русским «дикими» и «безнравственными», например в силу их достаточно свободного сексуального поведения, терпимого отношения к добрачным связям. Однако ценностные ориентации африканцев определялись естественно-природными импульсами, в связи с чем добрачные связи и особенно дети, рожденные до брака, воспринимались как благо, а девушка, имеющая детей, — как завидная невеста, ибо не было опасности бездетного брака. В то же время внебрачные связи осуждались, и муж имел право потребовать от обидчика материальной компенсации. Но и в этом случае

⁴ См.: Беляков В. Приютила Африка Жар-птицу. Россияне в Египте. М., 2000. С. 125–136, 204–208.

⁵ Там же. С. 123–125.

дети, рожденные не от мужа, принимаются с любовью в семью, ибо для африканцев главное богатство — это дети. Такие нравственные установки определяются мировоззрением африканцев, согласно которому главной базовой ценностью является жизненная сила, жизненная энергия, а предназначение человека — эту силу приумножать и развивать. Африканец к детям — своим или чужим — всегда относится нежно и трепетно.

У европейцев, в том числе российских эмигрантов, работающих с африканцами, вызывали неприятие их «неорганизованность», опоздания на работу и даже отлучки. Однако у африканца свое восприятие времени, он живет, подчиняясь природным ритмам, в том числе ритмам жизни семьи и общинного коллектива. Участие в обряде инициации, например, для него неизмеримо важнее, чем работа у белых. Отсюда вытекает и отношение африканца к труду и его продуктам. Он трудится для обеспечения жизни своей семьи, ему не нужны излишки продуктов, которые он потратит на праздники и подарки. Казалось бы, беспечность, безответственность. Но праздник не менее важен, чем труд. Это общение с сакральным, разрядка, игра, смена деятельности, наконец, средство повысить свой престиж перед соплеменниками¹.

Из этого краткого очерка ясно, сколь далеки друг от друга были системы ценностей африканцев и русских эмигрантов. Попав в Африку, они стремились разобраться в людях, с которыми их столкнула жизнь, в их сущности. Владимир Унковский, русский врач-эмигрант, работавший в 1920–1930-е годы в Дагомее (с 1975 г. — Республика Бенин), размышляет об африканцах, сравнивая их с людьми своего круга. «Европеец, очутившись на экваторе, среди африканских негров, поражается антиподностью понятий и быта, — пишет он. — Но, присматриваясь внимательно и изучая, мучается сомнениями. Где же правда?.. Наши достижения, взлеты к небесам и победы?.. Или счастье в первобытности?.. Взрослые младенцы — как завидуешь им!»² Русские, которые жили в африканской среде достаточно долго, начинали понимать образ мыслей африканцев, ценности и смыслы их жизненного мира, а отсюда возникали терпимость к их необычности, уважение к ним, ибо знание и понимание друг друга — основа продуктивного ценностного диалога.

Вначале африканцы воспринимали эмигрантов из России лишь как белых, а их культурные особенности — как «чужацества белых», но со временем они начинали понимать и ценить их доброту, мужество и отзывчивость. Разумеется, как и во всякой культуре, ценностные предпочтения и ориентации в Тропической Африке меняются под напором модернизации, однако базовые ценностные и смысловые принципы сохранились, особенно в сельской среде, до сих пор.

Изменилось отношение к русским после того, как Советский Союз занял позицию поддержки национально-освободительного движения. Русских (так называют

всех выходцев из нашей страны не только в Африке, но и в других странах) стали отличать от других «белых» и относиться к ним как к друзьям. Часто это отношение распространялось и на эмигрантов.

Специфически складывалась судьба российской эмиграции в Южной Африке. Пик притока сюда эмигрантов из России пришелся на послевоенный период (1950-е гг.). Перемещенных лиц среди них было крайне мало, в основном это были послереволюционные эмигранты из разоренной войной Европы, стран Северной и Тропической Африки. В Южно-Африканском Союзе (ЮАС, с 1961 г. — ЮАР) во время войны началась быстрый рост промышленности, государство вошло в десятку богатейших стран мира. Интенсивное развитие требовало притока квалифицированных технических кадров. Правительству для проведения своей расистской политики также необходимо было установить баланс между белым и черным населением, которого было большинство (70 %). Все это привело к привлечению белых иммигрантов, в числе которых были и русские. Положение русских эмигрантов в ЮАС оказалось несравненно лучшим, чем в других странах, однако, освобожденные от проблемы выживания, они не избавились от тоски по Родине. В ЮАС они общались в основном с англичанами и африканерами, в последних они даже находили родственные для русских качества. В 1952 году в Йоханнесбурге возникло Общество русских эмигрантов, которое способствовало сохранению русской идентичности, сбережению русской культуры.

От африканской части населения эмигранты были далеки, даже отчуждены, чужды им были ценности и мировоззренческие принципы африканцев, тем более их борьба против апартеида. Члены южноафриканской русской диаспоры соблюдали лояльность по отношению к власти и идеологии, господствующей в стране, ибо не хотели создавать для себя проблемы³.

Сложным и даже двусмысленным оказалось положение эмигрантов из России в 1990-е годы — так называемой трудовой эмиграции. В нашей стране произошла перестройка, а вместе с ней — общая масштабная переоценка ценностей. Кардинально изменился курс правящих кругов по отношению к ЮАР. От безусловной поддержки партии «Африканский национальный конгресс» (АНК) в борьбе с расистским режимом и активного выступления на международной арене против апартеида наше правительство ослабило связи с АНК, а в 1992 году установило дипломатические отношения с ЮАР, нарушив тем самым международный бойкот в отношении этой страны. Эта непродуманная политика на многие годы затормозила наше сотрудничество с Южной Африкой, где уже в 1994 году к власти пришел АНК⁴. На этом фоне в нашей стране началась неясная, но заметная агитация за эмиграцию в ЮАР. В условиях перевернутых ценностных ориентиров, утраты привычных смыслов жизни людям, лишившимся опоры и в прошлом, и в настоящем, и в будущем, казалась привлекательной эмиграция в Южную Африку —

¹ См.: Мосейко А. Н. Человек в традиционных обществах Африки. Образы мира — коллектив — личность // Обычай. Символ. Власть. М., 2010.

² Унковский В. В мире экзотики (из личных впечатлений) // Африка глазами эмигрантов. Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002. С. 46–47.

³ Горелик Б. М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М., 2007. С. 64–65.

⁴ Шубин В. Г. Африканский конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М., 1999.

страну богатую, с комфортным климатом. В результате сотни россиян из страны, охваченной глубоким кризисом, отправились в ЮАР, стоящую у порога политических перемен. Большинство из них устроились в новой стране, однако после 1994 года ЮАР стала ориентироваться преимущественно на автохтонное африканское население. Россиянам не могли простить «предательства» их правительства по отношению к АНК¹. Таким образом, ценностный диалог, к которому всегда стре-

мились эмигранты из России в принимающей стране, был затруднен и оказался эффективен только на индивидуальном уровне.

Даже эти краткие заметки свидетельствуют о сложности и многогранности ценностно-смысловых диалогов, в которые приходилось вступать русским эмигрантам, стремившимся интегрироваться в новую для них среду и желающим сохранить при этом свою национально-культурную идентичность.

А. М. Мосолова²

ОТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ К КОНСТРУИРОВАНИЮ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК И ИХ АКЦИОСФЕРЫ

1. *Ценности* — важнейшая составляющая *архитектоники культуры*. Как отмечал еще Н. Бердяев, «человек есть существо оценивающее, определяющее качество. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентная функция сознания». Ценности существуют в системе *отношений* людей как субъектов к объектам как носителям ценности. Ценности есть определение *значения* объекта для субъекта. Они воплощают исторический опыт и концентрированно выражают *смысл* культуры отдельного народа и всего человечества. Под смыслом я понимаю сам способ обнаружения человеком *значения* того или иного объекта для своего бытия. Иными словами, *смысл* — это *придание ценности всему*, что входит в пространство культуры из мира природы, и всему, что создали сами люди. Ф. Ницше говорил, что «человек создал смысл вещей, *человеческий смысл!*» Сущность ценности — в ее значимости, а не фактичности.

По мнению многих исследователей, *система ценностей* образует внутренний стержень, или *ядро* культуры, духовную квинтэссенцию интересов отдельных личностей и социальных общностей. И эта система ценностей оказывает обратное воздействие на социокультурные потребности и интересы, выступая одним из главных мотиваторов деятельности и поведения людей. Ценности человека являются своего рода ориентирами, с которыми он соотносит свои действия и поведение.

2. Как полагает академик В. С. Степин, «в глубинных основаниях культуры можно выделить фундаментальные

жизненные смыслы, базисные ценности, которые играют роль своего рода системных параметров, объединяющих все многообразие культурных феноменов в органическую целостность. Эти ценности и жизненные смыслы представлены мировоззренческими универсалиями (их именуют также категориями культуры, идеями, концептами), которые в своем сцеплении или взаимодействии задают обобщенный образ человеческого жизненного мира»³. Содержание мировоззренческих категорий, по В. С. Степину, включает всеобщий слой смыслов, который «всегда сплавлен со вторым смыслом, который репрезентирует специфику культуры исторически определенного типа общества, выражает особенности способов общения и деятельности людей, хранения и передачи социального опыта, особенности принятой шкалы ценностей». Третий слой смыслов — это «конкретизация универсалий в многообразии групповых и индивидуальных мировосприятий и миропереживаний»⁴.

В свете этого *развитие культуры* предполагает со-зидание, *конструирование новых смыслов и значений*, которые связаны с регуляцией и управлением деятельностью, поведением и общением людей. Вместе с тем *развитие культуры связано с формированием новых кодовых систем*, закрепляющих и транслирующих эти смыслы и значения.

3. Ценности являются предметом изучения широкого круга гуманитарных наук, что обусловлено сложностью этого феномена, его сторон, аспектов, свойств и функций. Представители разных конкретно-научных подходов пытаются строить аксиологические концепции, сводя сложное к простому, целое к части или сумме частей, многомерное к одномерному. Однако лишь философский и культурологический подходы к исследованию этого сложного феномена способны теоретически «схватить» его в целостности, выявить его структуру, которую эта целостность обеспечивает и которая обуславливает отбор и взаимоотношение наук, обращающихся к их познанию. Культурология целостно исследует акциосферу в эволюционной самоорганизации жизнедеятельности человека, ее исторические типы в динамике культурогенеза.

¹ Горелик Б. М. Указ. соч. С. 151–159.

² Заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Скульптура и монументальное искусство Киргизии», «Теодор Герцен. Творческий портрет», «Виталий Бубенцов — художник Русского Севера», «Культурные индустрии Кольского Севера» (в соавт.), «История искусства Кыргызстана (с древнейших времен до XX века)», «Культура Дальнего Востока России» (в соавт.), «Культура Урала» (в соавт.), «Культура Северо-Запада России» (в соавт.), «Культурология» (в соавт.), «Основы теории художественной культуры», «История культуры Кольского Заполярья» (в соавт.), «Мировая художественная культура в памятниках» (в соавт.), «Философско-культурологические основания содержания структуры современного гуманитарного образования» и др. Награждена орденом «Знак Почета», почетной грамотой Министерства образования РФ и др.

³ Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 61.

⁴ Там же. С. 64.

4. Изучение культуры в целом, в том числе ее ценностных структур и их роли в развитии культуры, не является целенаправленным и согласованным в интеллектуальных практиках в нашей стране. В массиве литературы о культуре существует множество слабо согласующихся языковых систем и пластов, которые принадлежат разным эпохам, научным направлениям и философским школам. Это метафизический язык искусствоведения, язык классической и позитивистской философии, но особенно — язык импровизационной герменевтики и постмодернизма. Многие российские авторы за последние десятилетия привыкли работать по линии «догоняющей модернизации», используя языки поздно переведенных текстов полувековой давности в парадигмах европейской мысли — структурализма, функционализма, символического интеракционизма и т. д. На отечественную мысль сильно повлияла традиция неокантианской трактовки «наук о культуре», заострившая противоположность *понимания* как интуитивного постижения реальности *объяснению* как дискурсивно-логической процедуре. Это одна из причин несерьезного отношения к гуманитарному знанию.

Кроме того, на существующую бессистемность научного языка культурологии повлияли методологический плюрализм и понимание научного творчества почти как произвола автора. Самыми распространенными форматами культурологического дискурса сегодня являются: «каждый о своем» или же «о высоких абстракциях». К тому же любой разговор о культуре в журналистике и политологии именуется «культурологическим», хотя вовсе таковым не является. Об этом свидетельствуют сотни и сотни сборников с материалами огромного числа конференций, посвященных обсуждению различных проблем культуры, включая аксиологические. В них «тонут» действительно эвристические достижения философии культуры и культурологии.

Несмотря на противоречия и трудности в процессе изучения культуры как явления высокой сложности, созданной человечеством, в нашей стране сложилось представление о разных уровнях и соответствующих им познавательных процедурах исследования культуры. Это уровни *философии культуры*, собственно *культурологии* и конкретно-частного *культуроведения*, изучающего отдельные явления и стороны культуры (этнографии, филологии, искусствоведения и т. д.). В частности, М. С. Каган писал: «Как философская антропология не есть человековедение, как социальная философия не есть социология, так и философия культуры и культурология — это разные уровни одного и того же предмета»¹. Эта позиция сегодня характерна и для других крупных российских философов и культурологов — В. М. Межуева, В. М. Розина, В. С. Степина. Например, В. С. Степин считает, что общая картина структуры и динамики есть предмет культурологии, и эта картина «не сводится к философии и не является ее частью. Она принадлежит к области специальных знаний о культуре, которая получает философское обоснование»². К сожалению, в условиях затянувшейся

моды на плюральный постмодернизм имеется множество проявлений методологической наивности и методологического нигилизма и путаницы в теоретических уровнях исследования культуры и ее элементов.

Как раз культурология как система специальных научных знаний о целостности культуры и ее исторических модификациях сложилась в нашей стране. В этой системе преодолена редукционистская трактовка феномена культуры, сведение его содержания к искусству, музеям, охране памятников истории, явлениям духа. Путь к теоретической культурологии пролегал, как известно, через абстрагирование и формализацию объектов исследования, через рационализирующую и конституирующую деятельность познающего субъекта.

К настоящему времени в российской культурологии вышли на первый план и продуктивно развиваются два направления концептуализации культуры. Во-первых, это *деятельностная теория культуры*, представленная такими крупными учеными, как Э. С. Маркарян, М. С. Каган, В. С. Степин и их последователи. Во-вторых, это *информационно-семиотическая теория культуры*, которую на базе идей А. Моля и Ю. М. Лотмана наиболее глубоко разработали А. С. Кармин, Х. Г. Тхагапсоев и ряд других авторов. Развитие культурологической мысли на основе деятельностного и информационно-семиотического подходов позволило открыть культуру как «систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее проявлениях»³. Согласно концепции В. С. Степина, в целостном социальном организме культура выступает аналогом генетических кодов, передаваемых от поколения к поколению людей, весь массив информации о созданном ими неорганическом мире и способах существования в нем.

По мнению А. С. Запесоцкого, данное определение культуры является новаторским, задавая принципиально новый ракурс видения культуры, понимания ее сути. С одной стороны, оно «сочетает достоинства деятельностного, ценностного и семиотического подходов, интегрирует достоинство этих подходов, с другой — носит динамический характер, с третьей — антропоцентрично, то есть ставит в центр системы человека, его развитие»⁴.

Можно с уверенностью сказать, что в российской научной мысли сформировались глубокие философско-методологические основания изучения культуры как сложного и целостного объекта познания, на которых можно строить исследование ее морфологии, свойств, особенностей, динамики, аспектов, в том числе касающихся ценностей и смыслов культуры. Вместе с разработкой проблем философии культуры в России конституировалась культурология, определилось ее место в системе наук, хотя ее легитимация в научном сообществе встречает трудности, связанные с инерцией старого типа мышления и отсутствием культурологической компетентности современного уровня среди ряда

¹ Каган М. С., Соколов Е. Г. Диалоги. СПб. : СПбГУ, 2006. С. 9.

² Культурология как наука: за и против : круглый стол. Москва, 13 февраля 2008 г. / науч. ред. А. А. Гусейнов. СПб. : СПбГУП, 2009.

³ Степин В. С. Указ. соч. С. 43.

⁴ Запесоцкий А. С. Концепция культуры В. С. Степина // Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. С. 11.

представителей других областей научного знания и органов управления наукой, образованием и культурой.

Российская культурология с ее интегративными и генерализирующими возможностями способна обновить исследовательскую оптику и поднять на новый уровень систематизации знания о человеке и созданном им мире культуры, а также продолжить разработку своего понятийно-категориального языка — одного из главных индикаторов ее научности. Однако в стране нет мощных научно-исследовательских центров по культурологии, ни в структуре РАН, ни в других научно-образовательных структурах страны. Плюралистическое «броуновское движение», присущее состоянию науки во многих университетах, не может заменить целенаправленное развитие культурологии и ее продуктивное воздействие на обновление существующих и конструирование новых разнообразных культурных практик. *Создание сети взаимосвязанных центров сегодня становится настоящей необходимостью.* «Нет ничего практичнее хорошей теории», — любил повторять один из патриархов отечественной культурологии Э. С. Маркарян. Это общепризнанное лаконичное утверждение как нельзя лучше вскрывает суть дела, обсуждаемого сегодня. *Решение практических задач* развития современной культуры *требует «хорошей теории».* Как было показано, философская теория культуры и теоретическая культурология в решающей степени сформированы и открыты для последующей разработки своих направлений, отраслей, аспектов, категорий и т. д. Кроме теоретических усилий, культурология сегодня должна потратить немалые усилия проектно-регулятивного и смыслополагающего характера.

Уже говорилось о том, что *развитие культуры* связано с *двумя линиями* — формированием новых кодовых систем и выработкой новых смыслов и значений. Компьютерная стадия развития нашей цивилизации предоставляет *новые системы кодирования массового социокультурного опыта*, который должен осваивать индивид. Эти информационные системы закрепляют изменения характера коммуникаций и способов включения человека в специальные связи, в пределах которых варьируются разные формы социального поведения и деятельности. Неслучайно так остро стоит

вопрос о необходимости тотальной информатизации населения страны. Следует заметить, что *формирование новой системы кодирования* накопленного опыта *опережает выработку новых смыслов и значений*, регулирующих поведение и общение людей. Именно на эту сторону развития культуры следует обратить самое пристальное внимание.

Культурология должна стать более чувствительной к реальным вызовам сложного и напряженного бытия современников, к изменившимся «текстам культуры» с его многообразными значениями и смыслами. По метафорическому выражению Клиффорда Гирца, современный текст культуры являет собой «паутинку смыслов» или «паутинку значений», сплетенную запутавшимся в ней человеком¹. Действительно, ценностные ориентации и смыслы в современных «текстах культуры» настолько противоречивы, неустойчивы, разнонаправленны, дезорганизованны, что человек теряется в этой «паутине». Отсюда возникают мотивы «обесмысленности существования» и жажда поисков новых смыслов. Сегодня необходимы переосмысление всей проблематики современных культурно-трансформационных процессов в стране и конструирование новой российской национальной культуры с определенным типом (или типами) научной рациональности, с гуманитарными ориентирами и ценностями.

Особого внимания заслуживает решение вопросов по *культурологии образования* — важнейшего инструмента анализа и конструирования современного образования как фундаментального способа воспроизводства и развития культуры российской нации. Нужна корректировка стратегического курса в управлении образованием с учетом реальных особенностей поликультурной страны и остроты вопроса социокультурной идентичности россиян, учитывая многообразие семиотических образов культуры народов России.

Развитие культуры России с ее сложной ценностно-смысловой структурой в изменившихся условиях существования предполагает целенаправленное взаимодействие между научно-исследовательскими, образовательными, управленческими и общественными организациями. В настоящее время нужна синергия усилий всех культурологов страны, заинтересованных в позитивном, качественном развитии культуры нашей Родины.

С. С. Неретина²

ДЕРРИДА VS АВГУСТИН: ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ 17 СТОЛЕТИЙ

В последнее время, несмотря на то что понятие «диалог культур» стало едва ли не журналистским

¹ Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. С. 11.

² Главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук. Автор более 200 работ, в т. ч. монографий: «Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка», «Концептуализм Абельяра», «Верующий разум. К истории средневековой философии», «Верующий разум. Книга Бытия и Салический закон», «Точки на зрении», «Философские одиночества» и др.

брендом и что исчезло философское направление, признанным главой которого был В. С. Библер, именно идея диалога набирает силу. Вторая половина XX века и первое, а теперь уже и второе десятилетие XXI века производят словно бы расчет со всей предыдущей философией и метафизикой, породив особые методы такого расчета, связанные с понятиями деструкции и деконструкции. Достаточно посмотреть работы М. Хайдеггера с его анализом философии И. Канта, Р. Декарта, Г. В. Ф. Гегеля, а также Фомы Аквинского, Иоанна Дунса Скота, У. Оккама, Ф. Суареса и еще древнее —

Парменида или Гераклита. Страстный анализ и спор Ж. Дерриды с Э. Гуссерлем, М. Фуко, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Соссюром показывает не только новые начала философии, но и то, что эти начала чреваты рассогласованием, и уж точно лишает нас самоуверенности в понимании смыслов текстов, в которые впечатаны мысли их авторов. Сообщаемость с авторами этих текстов не только наращивает эти смыслы, но и ставит под вопрос старое понятие коммуникации, понятие, связанное с даром (*munus* — дар) одного члена общества другому. Нынешняя коммуникация происходит сквозь разрывы, и, похоже, эта взрывная пустота, это изначальное отсутствие, невозможность опереться на некие трансцендентные истины характеризуют философское движение, озабоченное поиском ускользающего или ускользнувшего и способов его схватывания, чаще всего принимающего форму идеологии, требующей сохранения и непреложного следования.

В этом смысле сопоставление идей Дерриды и Августина, которых отделяют друг от друга почти 17 столетий, оказывается весьма насущным делом. Августин в диалоге «Об учителе» во многом отвечает вопрошаниям современного мыслителя. Они, казалось бы, очевидные противники. Деррида в работе, посвященной грамматологии, отстаивает приоритет письма над устным словом, проводит критический анализ современной науки о языке, отождествляющей вещь и знак и настаивающей на их единстве, предлагает логику палеонимии, смысл которой заключается в придании старым понятиям новых смыслов. Идеи же Августина обычно справедливо относят к онто-теологическим, развивающим мысль о подчинении письма устному слову. Но это лишь один срез его мышлений, показывающий к тому же процесс складывания определенной идеологии. Но параллельно развивается другая мысль, противоположная идее единства вещи и знака и их равенства. Деррида мог бы найти в Августине союзника не столько своей идеи, сколько в деле напряжения мысли об изначальности бытия и его представленности. Связывает их и балансирование на грани нечто/ничто бытия, и сама парадоксальность мышления.

Основная мысль Августина в диалоге заключается в том, что истинное понимание вообще происходит вне знака внутри человека. Внутреннее — сама истина, которая, скрипя и царапаясь, овладевала человеком, прорываясь, как он пишет, в голос, то есть *писала* его, делая ему биографию. Это не противостоит идее Деррида, особенно если вспомнить, как удивился Августин, увидев пишущим св. Амвросия: он понял этот факт как *само письмо*.

Августин, ставя в диалоге проблему определения и соотношения вещи и знака, полагал главным вопросом выявление оснований грамматологии, которая должна опираться на умопостижимые истины. Выясняя основания грамматологии, Августин выстраивает пропозиции, меняющие свой смысл в зависимости от поставленных произносящим эти предложения целей. Так, в словах молитвы, обращенной к Богу, внешне может показаться, что человек чему-то научает Бога и повелевает Им («дай мне»), желая от Него чего-то добиться. Одна-

ко это кажущееся желание учить тут же превращается в собственную противоположность: желание чего-то, выраженное в форме повеления кому-то другому, мгновенно и безоговорочно превращается во внешнее выражение своего собственного внутреннего желания не столько в изыскательном, сколько в сослагательном наклонении, когда повеление превращается в упование. Такого рода пропозициональные метаморфозы назывались в Средневековье чудом. Попытка обратиться к Богу в повелительной форме, оборачивающаяся выражением своего желания, показывает полную невозможность рассмотреть Бога категориально. Соответственно Бог-Слово — это Слово как таковое, именно потому — неопределенное. Его артикуляция в Библии оказалась презентацией неясного целого, которое было основанием фонетической речи, возможностью того, чего еще нет, что не определено, а не наоборот. Этот фон выражается писанием. В «Исповеди» глагол «*scribere*» употребляется в значении, гораздо более важном, чем «*dicere*»: слово «книга» означает здесь самого Бога, а слова «приказать», «писать» или «стать» употреблялись как синонимы. Писание происходило из немоты, неясности, желания Бога нечто сделать, из его скрежета делания, ибо вещь — это и речь, и дело, *ges*, вместе.

Казалось бы, такое Писание предполагает необходимость знакового выражения. И Августин, определяя, что такое вещь, что такое знак, в чем их сходство, а в чем отличие, обнаруживает парадокс существования самого Слова. Когда он скажет, что знак указывает на вещь, но и сам может быть вещью (например, дым, указывающий на огонь), это скорее формулирование парадокса, связанное с желанием проанализировать степень возможности постижения Бога, чем отождествление вещи и знака. Обозначение истинной Вещи вторично, оно идет «от нас», а «наши» вещи — вещезнаки. Движение означивания у Августина не происходит непрерывно. Напротив, там, где оно может казаться непрерывным, оно *quasi*-верно и *quasi*-необходимо, поскольку Вещь (истинная Вещь — это Бог) сама по себе не нуждается в представлении. Она лишь может выразить желание быть предьявленной, и то в случае, если прекратится знаковость. Доказательство же, что Она есть сама по себе, коренится в неотступном желании человека «дойти до истины», даже если не знаешь, что это такое. В этом смысле Бог или всем наполнен, или пустотен и не определен, то есть Он — не знак и не обладает значением. Поскольку человек — Его образ и подобие, то и его полностью означить нельзя. Он сам — трещина, разрыв.

Выведение значения из неопределенности весьма существенно для понимания того способа, каким могут образовываться значения без ускользающего от определения обозначаемого. Причем это касается любой единичной вещи, в которой находится не подлежащее определению всеобщее («*universalia in re*»). Всеобщее оказывается неопределенным не только потому, что над ним нет высшего рода, на основании которого происходит определение, но и потому, что звук речи может появиться случайно. Мысли, как писал Августин в трактате «О диалектике», находятся «в душе,

они выражаемы до голоса»; они лишь стремились «прорваться в голос» и лишь потому могли сложиться в высказывания¹. И это вполне соответствует мысли французского философа XX века.

Августин не называет Вещь-Бога Логосом, пытаясь объяснить происхождение знака (мира) из ничего. В результате анализа слова «ничто» из стиха Вергилия («если ничто от великого города бог не оставит») обнаруживается, что определение знака как указателя на вещь неверно, поскольку «ничто означает <...> то, чего нет»². «Ничто» не может удержать даже мысль о том, что такое знак (ведь его нет, значит, и мысли нет). Оно — «род противоречия», создающего возможность с помощью замены слов полностью изменить смысл фразы. Но этот род («ничто») вообще может ничего не предполагать: нет — это нет. Невозможно даже говорить о смысле незначимого ничто. Можно согласиться, что «внутри этой эпохи чтение и письмо, выработка или истолкование знаков, вообще текст как знаковая ткань» действительно «выступают как нечто вторичное», но это не значит, что «им предшествуют истина или смысл, уже созданные логосом и в стихии логоса»³. У «ничто» нет смысла, в этом качестве оно — фикция.

Однако у Августина есть основания подозревать его нефиктивный характер. След, слово, которое, как и Деррида, Августин делает в «Исповеди» едва ли не термином, указывает на то, чего уже нет, но что определено было (например, младенчество). То, что было, можно, конечно, связать с Вещью-Логосом, ибо у этого «было» были свидетели. Но свидетелей нетворящего Бога нет. Никто ведь и не ставил вопрос о том, как Бог стал Логосом: это положение взято, как если бы оно было достоверным, о нем, как о достоверном, свидетельствует этот мир, если его понимать как образ и подобие Бога.

При объяснении упомянутого «рода противоречия» Августин заявляет, что все анализируемые слова объясняются тоже словами. Однако есть вещи, которые видны без слов или которые можно объяснить без слов, например, показать пальцем на какое-либо тело и все телесное (цвет). Но нельзя жестом показать предлог. К тому же чаще всего движение сопровождается не только его показом, но и словесным объяснением. Чтобы объяснить слово «ходить», нужно ходить и при этом говорить, что это и есть «ходить».

Объяснив различие между словами-знаками и вещами, к которым знаки прилагаются, Августин проводит анализ имени. Имя — это то, что связано с умом и законом, к тому же оно обозначает нечто. Нечто — не вещь. Оно может стать вещью при наложении имени. Нечто — *aliquid*, «некое что», но это «некое что», или «что-то иное» можно назвать «вещью» при условии его именованья. Между «неким что» и именем, которым его могут наречь, стоит ничто: оно держится между ними на расстоянии. Из этого следует, что без «ничто» не обходится никакое нареченное «что». Более того, в это «что» вторгается некий нефонетический элемент

(он вторгается, впрочем, и в письмо, в слове “*theatrum*” не произносится буква “*h*”). Любая вещь, таким образом, состоит из ничто и имени. Вещь, которая может быть означенной, но не является знаком, называется «обозначаемое», а слово, обозначающее эту вещь, — «значение». И если даже именем считать единство обозначаемого и обозначения, то наличие «ничто» разбивает это единство, позволяя при необходимости смещать смысл, а то и вовсе его упускать, оставляя за именем-словом пустую оболочку. Такое смещение заложено в условия процесса именованья. Только после этого процесса можно определить письмо как знак знаков, произносимых голосом, то письмо, которое Деррида назвал низшим. Да так оно есть и для Августина. Но для последнего не менее значимо, что вещь прежде всех знаков.

Казалось бы, тенденция, которую наметил Деррида (письмо после речи, произнесенной голосом), обрисована правильно. Но все-таки у Августина это — второе письмо, ясное и содержательное. Первое же — то неясное, царапающее горло, из которого еще только должны получиться или не получиться звуки. «Ничто», вставленное между «что» и «именем», образующим вещь, однако, тоже слово: то, чего нет, обозначается членораздельным звуком с известным значением того, чего нет, и знанием того, чего нет. Таким образом, возникновение мира из ничего оказывается тождественным возникновению по Слову. Ничто оказывается необходимой внутренней границей вещи, которую вовне этой границы составляют знаки — буквы, слова, имена.

При этом можно поставить такой вопрос: почему «ничто», вставленное между «что» и «именем», не разрушает вещь? А оно не разрушает, это эмпирический факт, заставляющий поставить вопрос: является ли знаком имя «ничто», и если является то не является ли оно ничем не значащим именем, *flatus vocis*? Однако даже если оно *flatus vocis*, то чем является его знак на письме? Ибо «ничто» не может уничтожить только самое себя. Когда в Средневековье «этот», сотворенный, мир называли иллюзорным, то определение употреблялось неслучайно. В нем слышится «игра», “*ludus*”. И Августин активно вводит это слово, обращая внимание на то, что игра ведется ради того, чтобы вынести и даже полюбить жар и свет рая. В такой игре обозначаемое постоянно смещается. Но может ли смещаться истинное, или истина? И не в игре ли, напоминающей творческий, выражающий только лишь желание жар, смысл образа и подобия, все самое важное для жизни человека превращающий в шутку? Если же истинное остается самим собой, то какова функция знака, который ее не может редуцировать к себе и соответственно не может представить? Это, как считает Деррида, рассматривавший подобное соотношение, ведет «к разрушению самого понятия знака». Так же считает и Августин, подчеркивающий, что при этом не исчерпывается ни теологическая, ни онтологическая проблематика.

Августин настаивает на том, что все, обозначенное знаками сложено из ничто и имени. Через саму себя показывается только речь. Но поскольку она сама — знак, то «не остается вовсе ничего, чему, как кажется,

¹ *Augustini A. De dialectica. 5.*

² *Augustini A. De magistro. 2, 3.*

³ *Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000. С. 129.*

можно научиться без знака»¹. Августин снова формулирует парадокс: если ничего нельзя преподать без знаков, то как можно преподать ничто? А если ничто нельзя преподать, то появляются сомнения в тотальной знаковой мира, которая вместе и в настоящем времени, и вне его. Знак есть всегда, если есть мир, а человек подхватывает его. Этот знак в его время означает не то, что он означал вне этого времени и вообще за порогом времени. В силу этого смысл вещи постоянно смещается, и значение всегда означает нечто иное, чем означающее. Потому знак не означает смысла.

Это вполне перекликается с тем, о чем писал Деррида: «Знак должен быть единством неоднородного, поскольку означаемое... не является в себе самом означающим, или, иначе, следом, или во всяком случае его смысл никак не соотношен с возможностью следа»². Деррида словно имел в виду этот диалог Августина, когда писал о следе и о том, что «внеположность означающего» — «это внеположность письма как такового». О том, что перед нами письмо, вряд ли могут быть сомнения. Деррида — философ, пытающийся постичь

нефилософское. Августин — философствующий теолог, и он не может уйти от такого вопроса, ибо как теолог и проповедник он должен суметь объяснить, во что должны верить верующие. У Августина две стратегии: одна — показать абсолютную непознаваемость и неделимость письма, а другая — показать способ, которым оно может быть дано.

Письмо действительно «распахивает историю логоса и само существует лишь в Логосе, ибо до Логоса или вне Логоса оно — ничто»: это утверждают и Августин, и Деррида. Августин подчеркивает эту изначальную ничтожность, когда говорит: «Если признал за истину, что я сказал, то научился от Него, а если не признал, ничему не научился».

Размах, который получила эта проблема в свете нарождающейся теологии, мешает записать Августина в ряды полных логоцентристов. Вчитавшись в его произведение, понимаешь, насколько различаемы вещи и знаки по факту существования и осуществления. Но тем более существенным оказывается диалогическое напряжение между IV и XX веками.

С. Б. Никонова³

ПАРАДОКСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ЭТНОГРАФИЯ И ФЕНОМЕН «ДРУГОГО»

Основанием постановки проблемы диалога культур являются глобализационные и универсализационные процессы, происходящие в современном мире, с преобладанием западного образца. Возможность диалога культур рассматривается как альтернатива вестернизации.

Но сам принцип диалогичности тесно связан со структурой западной мысли: в рамках других культур он, возможно, просто не мог бы возникнуть. Это ставит серьезную моральную проблему перед тем, кто ратует за сохранение культурного многообразия, но противится стратегии изоляционизма.

Рассмотрим проблемы и парадоксы, возникающие в этом контексте, на примере исследовательской практики, развившейся в рамках европейского научного знания, но направленной на изучение и сохранение многообразия культурного наследия разных народов, — практики этнографического исследования. Подобный род исследования оказался одним из тех мостов, которые привели европейскую мысль от всеохватности применения естественно-научного метода в сферу гуманитарного знания.

В конце XIX века Н. Н. Миклухо-Маклай следующим образом объяснял выбор в качестве сферы своего исследования человеческих обычаев, а не естествен-

ного мира: «Те же райские птицы и бабочки будут летать на Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллекции. Между тем как, почти наверное, при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи теперешних папуасов исказятся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса в его примитивном состоянии в горах Новой Гвинее, подобно тому как я искал орансакай и оран-семанг в лесах Малайского п-ва»⁴. Общение с белыми пришельцами неизбежно изменит жизнь туземных народов, даже если это общение с исследователем, не говоря уже о контактах с более грубыми экономическими и политическими силами.

Кроме того, заслуживает внимания следующая фраза: «В непродолжительном, быть может, времени, вследствие развития торговли в Тихом океане жители берега Маклая войдут в сношения с другими народами, и тогда их примитивность вполне исчезнет, а вместе с тем исчезнет большая часть того научного интереса, который представляют дикари в их первобытном состоянии»⁵ (курсив мой. — С. Н.).

Это высказывание выражает внутреннюю двойственность научного этнографического интереса. Здесь содержится немалое еще незадолго до описываемых событий признание равенства «дикарей» и европейцев: о нем свидетельствует указание на легкость, с которой они наверняка смогут перенять принципы столкнувшейся с ними новой цивилизации.

⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Сообщение о путешествиях, сделанное в Русском географическом обществе в 1882 г. // Путешествия на берег Маклая. М., 2011. С. 350.

⁵ Там же. С. 349.

¹ Augustini A. De magistro. 10, 30.

² Деррида Ж. Указ. соч. С. 134.

³ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по учебной работе, кандидат философских наук, доцент. Автор более 70 статей в научных изданиях, в т. ч.: «Логические основания толерантности», «Нарратив: описание истории или самосознание историка?», «К проблеме кризиса и трансформации в современной культуре: варианты теоретического осмысления» и др.; монографии «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление».

Но это также признание всепоглощающего превосходства последней. Кульминацией превосходства оказываются сетования на неизбежную утрату соблазнительного для нее предмета исследования. Моральное требование вступить в продуктивное общение с представителем другой культуры и обогатить его своими достижениями, обогащаясь также и его достижениями (потому что едва ли можно отрицать, что знакомство с другими культурами оставило европейскую жизнь совершенно неизменной), или моральное требование интерессубъективности вступают в конфликт с объективным интересом ученого, не желающего терять столь привлекательный для исследования *объект*.

В то же время и само желание оставить объект нетронутым, не повредить его самобытности своим наблюдением составляет моральное требование. Но оно вновь подчеркивает превосходство исследуемой культуры над исследуемой. Это утверждение превосходства культуры, внутренней сутью которой является исследовательский интерес не только к самой себе, но и ко всему, отличному от нее. Превосходство происходит из единственного факта: по природе своей исследователи, мы можем понять любую другую культуру, она же нас — нет. До тех пор, конечно, пока не станет такой же, как наша. А равенство состоит в том, что другая культура признается *способной* стать такой же, как наша, и исчезнуть при этом, как она сама.

Итак, птицы и бабочки не изменятся, по крайней мере настолько, чтобы это стало немедленно значимым для зоологии. Но любые контакты между разумными существами меняют их мгновенно и необратимо, и по мере накопления изменений желанный «другой» перестает быть прежним «другим», и мы видим перед собой совсем не тот объект, что раньше. Диалог, в который вступают разумные существа, препятствует возможности установления естественно-научного отношения между субъектом и объектом.

Межкультурные контакты существовали всегда, но они были губительны для той культуры, которая оказывалась слабее в военном, техническом и даже в мировоззренческом отношении. Потому что более слабый «другой» рассматривался не более чем как чужак, варвар, не обладающий должными знаниями, живущий ложными ценностями и погрязший в заблуждении, которое в крайнем случае должно быть исправлено, а в более общем — уничтожено. Никто не проявлял интереса к сохранению чужих ценностей. И в то же время это грубое и насильственное отношение удивительным образом долгое время способствовало сохранению многообразия культур в самобытном состоянии! И именно та традиция, которая столь проникновенно задумалась о самобытности «другого» и его сохранении, практически тотально и неуклонно универсализировала мир по собственному образцу.

Но не следует ли признать, что в этом образце действительно есть нечто ценное для всех: нечто, что позволяет наладить общение между людьми не как между «своими» и «чужими», не как между «исследователем» и «объектом», но как между равными, рационально мыслящими субъектами?

Сетования на упадок культурного многообразия и утрату, по известному выражению К. Н. Леонтьева, «цветущей сложности» в едином пространстве коммуникации неслучайны. Они выливаются во все более интенсивные разговоры о возможности развития национального и этнического самосознания. Но и тезис о национальном самосознании порожден европейской субъективистской культурой. Нужно признать прозорливость опасения, сформулированного Миклухо-Маклаем: любые попытки сохранить самобытность культур, их обычаи, традиции, языки, ремесла — как исходящие от европейских исследователей — препятствуют закономерной логике развития рационального диалога. Ведь мы снова сталкиваемся с противоречием моральных требований. Требование оставить «другого» как он есть, отвернуться препятствует диалогу, вниманию к «другому» как к рациональному существу. Оно заставило бы нас покинуть его как нечто чуждое, отказать в своем общении и помощи ради сохранения его в качестве объекта. А требование вступить в диалог и поделиться теми достижениями, которые могли бы быть понятны и полезны ему как мыслящему существу, ведет к его трансформации под влиянием этого диалога.

Можно сказать, что трансформация под воздействием диалога с «другим» оказалась внутренней потребностью и принципом европейской культуры. Но, обращаясь к «другому», который отличен от нее именно тем, что для него изначально чужд этот принцип диалогичности, она вынуждает и «другого» перестать быть другим, вовлекаясь в трансформацию. Будучи рациональным существом, он легко принимает диалогический интерес. Причем этот процесс оказывается странным образом неизбежен даже в том случае, когда «другой» пытается активно противостоять влиянию. Уже само соприкосновение с новым принципом вынуждает осмыслить выбор: вести диалог или вступать в конфронтацию. Возможность диалога оказывается неизбежной границей культурной самобытности.

Даже оставляя в стороне негативные и грубые стороны европейской экспансии, ограничиваясь лишь исследовательским интересом, подобным маклаевскому, мы не можем избежать осуществления сформулированного им страха. Процесс исследовательского вторжения оказывается необратимым. А страсть к сохранению культурной самобытности воплощается лишь в форме консервации и музеефикации.

Что могло бы противостоять этому пессимистическому сценарию? Возможно, опасность исходит из представления о функции научного знания в структуре современного мира. С одной стороны, гуманитарное знание, ведущее нас к признанию принципа диалога, продолжает сохранять статус науки. С другой стороны, именно научный подход, предполагающий исследование *объекта*, рассматривается в качестве создающего наиболее адекватную картину мира. Но субъект-объектное деление подвергается резкой критике внутри самой западной мысли. В то же время в этнографическом исследовании содержится нечто большее, чем то, что предполагается традиционным представлением о науке, — это практика диалогического общения.

Гуманитарная сфера — это в первую очередь сфера практики, в которой сталкиваются и осуществляются индивидуальные усилия конкретных людей.

В этнографическом исследовании наряду с информацией и классификацией полученных данных присутствует конкретное усилие по установлению контакта с другими людьми в попытке понимания удивительных особенностей их поведения по отношению к нам и на-

шего — по отношению к ним. И даже при стирании в исследовании объективных культурных различий индивидуальные различия, выявляемые в процессе диалога (если этот диалог действительно будет установлен и заменит собой попытки механического отношения к другому как к объекту, пусть даже в высшей степени интересному), смогут породить новую «цветущую сложность» в пространстве гуманитарного знания.

А. А. Орлов¹

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

Возникновение социокультурных, межнациональных, конфессиональных и межпоколенческих конфликтов между различными социальными группами в стране обусловлено как политическими и социально-экономическими обстоятельствами, приведшими к резкой социально-экономической стратификации населения, так и процессами, происходящими в развитии российской культуры.

Наиболее значимый фактор, оказывающий существенное влияние как на межличностные, социальные, межпоколенческие и политические взаимоотношения, так и на развитие культуры в нашем Отечестве, — сверхдинамичное развитие человеческого общества, что влияет на характер взаимодействия между людьми: новые информационные технологии и связанные с ними процессы глобализации привели к опережающему старшее поколение развитию молодежи. Формируется новый тип культуры, становление которого предполагает обучение младшими старших новым моделям поведения и деятельности.

Все вышесказанное актуализирует проблему развития в контексте общей культуры новой педагогической культуры нашего общества и государства, ее ценностно-смысловых оснований, что даст возможность повлиять на гуманизацию отношений между людьми, сформировать в обществе толерантное отношение к «инаковости».

Педагогическая культура как явление общественной жизни тесно связана с уровнем политической, экономической, нравственной, эстетической, трудовой, физической и другими сторонами общей культуры общества и государства. Она представляет собой целостную открытую динамическую систему, элементами которой являются многообразные образовательные практики (как институализированные, так и стихийные). Системообразующим фактором, придающим целостность данной системе, являются цели, ценности и смыслы воспитания и межпоколенческих отноше-

ний в нашем обществе и государстве. В состав педагогической культуры общества, помимо названных, входят также педагогические знания, модели поведения и межличностного взаимодействия, педагогическая рефлексия: способность общества объективно оценивать образовательную ситуацию в стране и осознание обществом и государством высокой миссии профессионального педагогического труда.

В связи с этим представляется необходимым выявить исходные позиции в области ценностно-смыслового понимания обществом и государством идеалов и целей образования (созидания) человека и прежде всего определить взгляды на сущность воспитания.

Есть *воспитание как социальное явление* (его еще определяют как социализацию личности), которое существует столько, сколько существует человеческое общество. Поэтому странно слышать стенания некоторой части общества о том, что в последнее время у нас не было воспитания. Оно было, но каковы его направления и результаты? Они таковы, каковы духовные, интеллектуальные, политические, экономические, гражданские, нравственные приоритеты общества: сотни тысяч беспризорных и безнадзорных детей, омоложение преступного мира, наркологизация молодежи, развитие тоталитарных сект и деструктивных молодежных объединений, массовый отъезд молодежи реализовать *воспитание как педагогический процесс*. Являясь элементом социализации, он представляет собой процесс целенаправленного взаимодействия воспитателей и воспитанников, ориентированный на духовное, интеллектуальное, эмоционально-волевое и физическое развитие личности. Взаимодействие части и целого в данном контексте достаточно сложно и противоречиво. В массовом сознании сложилось представление о доминировании, главенствующей роли в становлении личности воспитания как педагогического процесса. Думается, что это ошибочное мнение. Воспитание как педагогический процесс имеет ограниченные возможности. Эти ограничения обусловлены прежде всего теми ценностями и идеалами, которые господствуют в обществе. В настоящее время многие нравственные и гражданские ценности и ориентиры, культивируемые средней и высшей школой, не востребуются обществом и государством. Поэтому для части выпускников этих образовательных учреждений

¹ Заведующий кафедрой педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Способы представления теоретических знаний в учебных курсах по педагогике», «Педагогическое образование: поиск путей повышения качества», «Проектирование содержания педагогических дисциплин в вузе», «Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании» (в соавт.), «Развитие профессионального мышления будущего учителя в вузе» и др. Член редакционного совета журнала «Педагогика». Награжден медалью К. Д. Ушинского.

социальная адаптация является процессом болезненным, а иногда и деструктивным: цинизм, агрессивность, «пофигизм», уход в виртуальный мир и прочее становятся для некоторых молодых людей доминирующими жизненными ориентирами. Кроме того, диаметрально меняется оценка таких нравственных понятий, как алчность, агрессивность, эгоизм и др. В условиях рыночных отношений они обретают статус позитивных качеств личности.

Следовательно, в общественном сознании должны устойчиво укрепляться социально значимые ценности, позитивно влияющие на развитие педагогической культуры населения. Думается, что к становлению общественного сознания как элемента культуры можно с полным основанием отнести слова видного российского историка и педагога В. О. Ключевского, который справедливо отмечал, что все должны понимать идею воспитания и понимать ее одинаково: «Воспитатели и учителя должны знать, кого им нужно воспитать и выучить, знать не только тот педагогический материал, который сидит или бегают под их руководством, но и тот умственный и нравственный идеал, к которому они обязаны приближать эти вверенные им маленькие живые будущности, смотрящие на них полными смутных ожиданий глазами. Воспитатель, который не знает, кого он должен воспитать, воспитывает только самого себя, то есть продолжает собственное воспитание»¹.

Культивируемым СМИ и информационными технологиями гедонистическим жизненным ценностям и установкам, ориентирующим подрастающие поколения на то, что получение удовольствий и достижение успеха любой ценой есть благо, целесообразно противопоставить императив нравственного закаливания личности. Крупный российский педагог П. Ф. Каптерев утверждал, что «...нужно человека закалить, то есть воспитать его в такой простоте и даже некоторой суровости обстановки, чтобы изменение условий в неблагоприятном смысле не могло оказать на него подавляющего действия, не обессиливало, чтобы человек не только сохранял силы к борьбе, но от борьбы с препятствиями увеличивал бы их. <...> Под нравственным закаливанием

нужно понимать не закаливание в тесном нравственном смысле, только в области нравственных чувствований, но и закаливание в широком смысле душевной деятельности вообще. Под ним нужно разуметь развитие значительной душевной энергии и стойкости при самых неблагоприятных обстоятельствах, способность отказаться от разных, более или менее значительных удовольствий для достижения поставленной цели»².

В современной социокультурной ситуации воспитание — процесс межпоколенческий, обоюдный. Социологи отмечают, что он усложняется определенной маргинализацией молодежной среды, обусловленной некоторыми механизмами социализации в современном обществе, потерявшем традицию четкого перехода подрастающих поколений в гражданскую и юридическую «взрослость». Молодежная субкультура оказалась гораздо более сложным явлением, чем это обычно было принято считать.

Маргинальность молодежных субкультур — это рассогласование в системе отношений индивида, социальных и этнических групп к культуре, природной и социальной среде. И это порождает многообразные риски, то есть систематическое столкновение образовательных институтов с угрозами и опасностями в процессе принятия решений о путях развития, так как приходится делать выбор среди имеющихся альтернатив в условиях неопределенности.

При вычлениении ценностно-смысловых оснований новой педагогической культуры общества целесообразно обратить внимание на то, что сегодня маргинально, завтра может стать социальной нормой. (Например, проникновение молодежного и интернет-сленга во все сферы жизни.) Необходимо отойти от устаревшего подхода, рассматривающего отношения «отцов и детей» только в качестве конфликта поколений, и проектировать новое коммуникативное пространство как пространство диалогического общения в противовес существующему авторитарному стилю межпоколенческих отношений. А это требует серьезного преобразования этических и профессиональных ценностей, культивируемых обществом, государством и его социальными институтами.

И. В. Палагута³

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ «ТРАДИЦИОННЫХ» КУЛЬТУР: ПРОБЛЕМЫ ИХ ДИНАМИКИ И ИЗМЕНЧИВОСТИ

Человеческая культура — комплексное, системное явление, которое можно рассматривать как средство

¹ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. IX. С. 5–6.

² Каптерев П. Ф. О нравственном закаливании // Избранные педагогические сочинения. М. : Педагогика, 1982. С. 148–149.

³ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор исторических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Искусство Древней Европы: Эпоха ранних земледельцев (VII–III тыс. до н. э.)», «Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites», «Мир искусства ранних земледельцев Европы. Культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.»; статей ««Биноклевидные» изделия в культуре Триполье–Кукутень: опыт комплексного исследования категории «культовых» предметов», ««Technical decoration» of the Tripolye Ceramics», «Элементы «технического» орнамента и проблемы интерпретации декора ке-

внебиологической адаптации человека к окружающей среде, как природной, так и создаваемой им самим среде социальной»⁴. В научных исследованиях культуры в течение последних полутора столетий сложился целый ряд устойчивых представлений и стереотипов. Они превратились в постулаты для развития последующих построений, следование которым даже определило

рамки Триполье–Кукутень», «Мифы и реальность в интерпретации орнаментов древних земледельцев Европы» и др.

⁴ Вишняцкий Л. Б. Введение в преисторию. 2-е изд. Кишинев : Высшая антропологическая школа, 2005. С. 112–113; см. также: Кожин П. М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток : Дальнаука, 2007. С. 14–15, 26 и сл.

целые исследовательские направления и которые имеют и более широкое распространение — не только в научной среде, но и в массовом сознании. Так, несмотря на продолжающуюся уже многие десятилетия критику специалистов, автору в рамках его исследований в области первобытной духовной культуры пришлось непосредственно столкнуться с постулатом о консерватизме и неизменности традиционных культур, которые могут сохраняться в течение столетий и тысячелетий. Этот стереотип возник в среде эволюционизма XIX столетия, когда культуры «традиционных обществ» воспринимались как некие рудименты, законсервировавшиеся в своем развитии и остающиеся на тех стадиях развития, которые европейцы миновали много тысячелетий назад. Считается, что с такими же обществами имеет дело и первобытная археология.

Ограниченные возможности для технического прогресса первобытных обществ очевидны. Однако и в рамках этих условий объекты материальной культуры, связанные с изобразительным и декоративно-прикладным искусством, которые непосредственно отражают явления духовной культуры, могут претерпевать значительные изменения за относительно короткий промежуток времени, охватывающий несколько поколений. Наблюдения автора над эволюцией орнаментов трипольской культуры, распространенной на территории юга Восточной Европы в IV тыс. до н. э., показывают динамичные изменения системы орнамента, происходящие на фоне изменений в культурной среде¹. Аналогичная смена смысла и форм орнаментальной графики отмечена и в материалах этнографических наблюдений, проводившихся в самых различных регионах мира².

Такие же изменения касаются и предметов пластики, которые отражали базовые религиозные представления ранних земледельцев. Например, особые формы статуэток, сгруппированные в наборы, существуют в той же трипольской культуре только в начальный период ее развития — в течение не более 300 лет, когда ее носители осваивали лесостепную зону к востоку от Карпат. Изображали они отнюдь не «духов плодородия» или ипостаси «Великой Богини», а группу конкретных персонажей, скорее всего — общих предков. Однако с распадом первоначального культурного единства это представление становится неактуальным, и наборы статуэток прекращают изготавливать³. Подобные примеры можно приводить и из области

¹ *Palaguta I.* Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites / British Archaeological Reports, International Series, 1666. Oxford: Hadrian Books, 2007; см. также: *Палагута И. В.* Орнаменты Триполья-Кукутени: направления исследований и возможности интерпретации // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. Вып. 1.

² *Андреев М. С.* Орнамент горных таджиков верховьев Амударьи и киргизов Памира. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1928; *Bunzel L.* The Pueblo Potter: A Study of Creative Imagination in Primitive Art. N. Y.: Dover Publications, 1972; *Кожин П. М.* Плетеные сосуды индейцев Калифорнии // Сб. МАЭ. Культура и быт народов Америки. Л.: Наука, 1967. Вып. XXIV; и др.

³ *Палагута И. В.* Об отражении социального контекста в раннеземледельческой пластике // Памятники археологии и художественное творчество: материалы VI Всерос. осеннего коллоквиума / ООМИИ им. М. А. Врубеля, Омский филиал ИАЭ СО РАН,

исследований материалов бронзового и раннего железного веков (в частности, показательным является практически мгновенное — в течение 2–3 поколений — распространение в пределах степей Евразии скифо-сибирского «звериного стиля»).

Аналогичное формирование новых представлений буквально на глазах у этнологов иллюстрирует и появление «карго-культов» у населения Океании после Второй мировой войны⁴, и процесс сложения новых представлений в среде населения Новой Гвинеи⁵. Изобретение многих, казалось бы, «вековых» европейских традиций на протяжении последних двух столетий хорошо проиллюстрировано в работах английского историка Э. Хобсбаума⁶.

Использование постулата о неизменности традиционной культуры, который позволяет обосновывать наличие «вековых» традиций, свойственных какому-либо народу, этнических стереотипов и устройства общества, происходит отнюдь не с целью исследований конкретных культур прошлого. Так, еще несколько десятилетий построения академика Б. А. Рыбакова, возводившего мотивы русских сказок чуть ли не к палеолиту, а основы славянского язычества — к раннеземледельческой трипольской культуре⁷, казались столь незыблемыми, как и та политическая система, в рамках которой она поддерживалась. В реальности выстроенные цепочки доказательств основаны на внешних и случайных аналогиях и не выдерживают серьезной критики. В частности, тема «охоты на мамонта», которую усматривает Б. А. Рыбаков в русских народных сказках, скорее всего, появилась в них благодаря многочисленным лубкам, изображавшим тех слонов, что в XVII–XVIII веках неоднократно присылались российскому двору в подарок от персидских шахов.

К стереотипам, основанным на представлении о незыблемости основ традиционной культуры, относятся и популярные ныне расхожие представления об изначальной «соборности» русского народа, о неприятии иных политических моделей, кроме основанных на авторитарной власти. При этом забывается, что само сложение основ великорусской культуры произошло в XV–XVII веках в рамках тех процессов становления культур национальных государств, которые происходили в пределах всего европейского региона, с особенностями в виде «второго издания крепостничества» в Речи Посполитой, Пруссии, Венгрии, России и ряде других стран Центральной и Восточной Европы. Таким же образом и споры о событиях еще более ранней истории, IX–X веков, — «призвании варягов» — приобретают ожесточенный характер лишь постольку, поскольку становятся основой для очередного политического мифа. Отрицание роли

ОМГПУ. Омск: Наука, 2011. С. 60–63; более развернутые публикации сданы в печать.

⁴ *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: ИНВЕСТ-ППП, 1995. С. 12–13, 76 и сл.

⁵ Об эволюции представлений бороро см.: *Годелье М.* Загадка дара. М.: Восточная литература, 2007.

⁶ *The Invention of Traditions* / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

⁷ См.: *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

скандинавов, деятельное присутствие которых доказано находками значительного количества археологических комплексов, играет роль лишь в политическом, но не научном дискурсе.

Духовная культура, как система ценностей и форм поведения, не может оставаться застывшей и неизменной: опираясь на прошлое, культура живет настоящим. Смысл культуры — в создании для ее носителей условий материального и духовного комфорта, выработки таких норм сосуществования, в которых возможна твор-

ческая свобода, необходимая для ее саморазвития. Глубину исторической памяти может поддерживать лишь письменная традиция, возникновение которой возможно только лишь с формированием устойчивых государственных образований¹. В пределах же дописьменной или формирующейся с образованием государства «народной» культуры, отличной от «письменной» культуры элиты, установки, нормы и традиции, вопреки сложившимся стереотипам о ее устойчивости и «традиционности», могут быть достаточно изменчивыми.

И. Н. Панарин²

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1. Проблемы диалога культур и цивилизаций на геополитическом пространстве ОДКБ

В узком смысле под диалогом понимается особый вид коммуникаций, который строится по модели речи, разговора, чередования вопросов и ответов. В более широком и содержательном смысле понятие диалога распространяется на культуру в целом (диалог как бытие культуры — встреча культур — взаимопонимание культур). Широкий диалог, который постоянно идет в культуре, осуществляется на основе циркуляции в общественном сознании различных идей, мировоззренческих и ценностных установок. Диалог культур осуществляется на нескольких уровнях: внутри- и межэтническом, внутри- и межконфессиональном, внутри- и межличностном. Наибольшее значение для ОДКБ как организации, объединяющей шесть стран, имеет межцивилизационный диалог. Главную роль в нем играют цивилизационное самосознание и цивилизационные (базовые) ценности государств — членов ОДКБ. Диалог цивилизаций — это всегда диалог об их мировоззренческих основах, первичных символах, конечных сакральных ценностях, вокруг которого объединяются сложные социокультурные системы. Реалии межцивилизационного диалога стран ОДКБ — это прежде всего совместимость базовых установок государств, длительное время существовавших вместе в рамках Российской империи и СССР. Сложность и драматичность современной ситуации диалога культур и цивилизаций связана с ослаблением регулирующей роли универсальных институтов международных взаимодействий (международного права, ООН), распространением экстремизма и терроризма. В мире сформировано глобальное информационное пространство, в котором доминируют коммуни-

каторы США и Великобритании. Это информационное пространство с особым типом коммуникативной практики, далекой от диалога (информационное давление и навязывание западных ценностей, внушение или даже целенаправленное навязывание чуждых для населения стран ОДКБ ценностей и образов).

В результате внешнего информационного воздействия создаются новые угрозы и вызовы диалогу цивилизаций и культур стран ОДКБ. Происходит культурное и языковое обеднение коммуникативной практики стран ОДКБ, заменяются базовые ценностно-смысловые доминанты, снижаются преемственность традиций и связанность знаний. Особо опасный характер разнонаправленных тенденций современной глобализации по-американски (в направлении формальной, надцивилизационной интеграции и в направлении оттеснения на периферию социальной жизни и развития целых массивов традиционных цивилизаций, которые не вписываются в «глобальный западный проект») состоит в возможности разрушения складывающегося столетиями диалога культур и цивилизаций на евразийском пространстве.

2. Духовный суверенитет государств — участников ОДКБ

Глобальное информационное пространство XXI века характеризуется активным использованием различными деструктивными силами методов информационного противоборства и терроризма, при их ориентации на цели дестабилизации социально-политической ситуации в государствах — членах ОДКБ. Информационно-психологический терроризм — это новый вид деятельности, ориентированный на использование различных форм и методов негативного воздействия на информационно-психологическую среду государств — членов ОДКБ с использованием СМИ для создания негативных условий, влекущих за собой дестабилизацию социально-политической обстановки. Очевидно, что Россия и другие государства — члены ОДКБ заинтересованы в сохранении базовых ценностно-смысловых доминант для развития диалога культур и цивилизаций. Поэтому ключевой задачей является обеспечение *духовного суверенитета* на пространстве ОДКБ, в условиях глубочайшей трансформации

¹ Кожин П. М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. М.: Форум, 2011. С. 36–48.

² Координатор Аналитической ассоциации Организации Договора о коллективной безопасности, доктор политических наук, профессор. Автор ряда книг и статей, в т. ч.: «Информационная война и геополитика», «Информационная война за будущее России», «Крах доллара и распад США», «Первая мировая информационная война. Развал СССР», «Мир после кризиса, или Что дальше?» и др. Автор и ведущий еженедельной программы «Мировая политика» на радио «Голос России».

мира и внешнего информационного давления¹. Духовный суверенитет ОДКБ — это целостная система базовых ценностно-смысловых доминант и национальных ценностей государств — членов ОДКБ, на основе которых формулируются стратегические цели развития. Базовые приоритеты в духовно-нравственной сфере государств — членов ОДКБ: в этих странах признается идеологическое многообразие, направленное на укрепление государств и стабильности в зоне ответственности ОДКБ; стабильность на пространстве ОДКБ реализуется на основе базовых принципов: здоровая и крепкая семья с детьми — основа общества и государства; социальная справедливость; патриотизм (любовь к родине); защита духовно-нравственных ценностей и национальных святынь; диалог культур и цивилизаций; социальное партнерство.

3. Информационная политика ОДКБ

Для обеспечения духовного суверенитета пространства ОДКБ необходимо: добиться доминирования в информационном пространстве ОДКБ духовно-нравственных ценностей; блокировать распространение в мировом информационном пространстве негативных материалов о странах ОДКБ, целенаправленно искажающих их традиции и историю; культ насилия и жестокости на телеэкранах пространства ОДКБ должен быть заменен культом духовности, знаний и творчества; народные сказки должны вернуться в информационное поле ОДКБ и стать основой для воспитания детей.

Главами государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности на заседаниях Совета коллективной безопасности ОДКБ неоднократно подчеркивалась необходимость принятия дополнительных мер по созданию совместного информационно-аналитического потенциала в интересах развития эффективной системы коллективной безопасности, пропаганды деятельности ОДКБ. В этих целях Секретариат ОДКБ провел 11 марта 2013 года Международный семинар-совещание с руководителями информационно-аналитических структур государств — членов ОДКБ. На нем было принято решение о создании Аналитической ассоциации ОДКБ, которая предназначена для разработки мероприятий и стратегии скоординированной информационной политики в интересах государств — членов Организации, информационно-аналитической поддержки решений глав государств — членов ОДКБ, налаживания деловых контактов, обмена информацией, проведения экспертного и ситуационного анализа и для более тесного взаимодействия сторон. В рамках деятельности Ассоциации в 2013 году проводится цикл экспертно-аналитических мероприятий.

¹ Сам термин «духовный суверенитет» придумал боевой генерал В. Усманов (он сказал мне о нем сразу же после моего доклада на Втором соборе родителей России в Екатеринбурге 27 июля 2012 года — мы сидели рядом в президиуме, и он поделился со мной своей идеей). Мне термин понравился, и я о нем рассказал впервые публично 30 июля 2012 года, на пресс-конференции в ИТАР-ТАСС УРАЛ. Очевидно, что основой духовного суверенитета стран ОДКБ является синтез духовности, диалога культур и цивилизаций. Напомню о том, что базовым принципом Британской империи являются тезисы о конфликте цивилизаций и отрицании духовности.

Тема первого заседания круглого стола, которое было проведено в Бишкеке 26 марта 2013 года, — «ОДКБ и вопросы обеспечения безопасности в Центральной Азии». 18 апреля 2013 года прошел круглый стол на тему «Информация и терроризм»². В ходе заседания круглого стола рассмотрены следующие вопросы: мировая война с терроризмом: некоторые итоги; информационное пространство и антитерроризм. Для участия в данном мероприятии были приглашены политологи и эксперты, представители структур Аналитической ассоциации ОДКБ, МИД России, Службы внешней разведки России, ФСБ России, МВД России, Антитеррористического центра СНГ, Координационной службы Совета командующих пограничными войсками СНГ, полномочные представители государств — членов ОДКБ.

Участники круглого стола разработали рекомендации, предложив направить усилия государств — членов ОДКБ в следующих направлениях: выработка международно-правовых механизмов защиты информационного пространства ОДКБ от распространения идеологии терроризма, пропаганды насилия, терроризма и радикализма; формирование основ межгосударственной системы информационного антитеррора для противодействия идеологии терроризма, попыткам применения акций информационно-психологического терроризма против населения стран ОДКБ; совершенствование национального законодательства государств — членов ОДКБ, направленного на повышение социальной ответственности и этики СМИ, блокирующего деструктивную деятельность СМИ; пресечение государствами — членами ОДКБ террористической и экстремистской пропаганды в сети Интернет, с учетом того, что введение только национальных запретительных правовых норм оказывается малоэффективным ввиду того, что сайты террористической направленности создаются, как правило, в доменной зоне на территории других стран; подготовка системы международно-правовых мер по защите граждан государств — членов ОДКБ от негативного информационно-психологического воздействия, в первую очередь молодежи как наиболее уязвимой перед целенаправленной пропагандой идеологии терроризма и насилия; координация деятельности общественных, культурных и иных гуманитарных ресурсов государств — членов ОДКБ в сфере противодействия идеологии терроризма и экстремизма для обеспечения населения стран ОДКБ достоверной и объективной информацией, гарантируя от предвзятости и целенаправленного искажения фактов, наносящих нравственный ущерб пользователям сети Интернет, читателям, зрителям и слушателям СМИ; диагностика деятельности и выявление коммуникаторов и проводников идеологии терроризма в информационном пространстве ОДКБ; блокирование распространения в информационном пространстве ОДКБ негативной информации, способствующей эскалации террористической деятельности, проведение мониторинга интернет-ресурсов для осуществления оперативного

² С основным докладом «Терроризм: право силы против силы права» выступил главный аналитик Всемирного антикриминального и антитеррористического форума, ветеран внешней разведки КГБ СССР О. М. Нечипоренко.

блокирования использования возможностей блогосферы коммуникаторами терроризма («вербовщиками», «агентами влияния» и «информаторами» террористических групп); активизация использования интернет-порталов, сайтов и ресурсов, размещающих материалы контрпропагандистского характера, способствующих изобличению истинных целей и намерений идеологов терроризма, лидеров бандформирований, а также зарубежных структур, использующих Интернет для пропаганды террора и насилия; создание особых механизмов взаимодействия СМИ государств — членов ОДКБ с органами государственной власти в кризисных ситуациях, способствующих проявлению этики и гражданской ответственности журналистов при освещении событий чрезвычайного характера; противодействие радикализации и рекрутированию исламистской молодежи в террористические организации. Привлечение к процессу информационно-идеологического противодействия служащих традиционного исламского культа, деятелей культуры и сферы образования.

В настоящее время в состав Ассоциации входит 21 информационно-аналитическая структура из всех стран ОДКБ, в том числе ВЦИОМ, РИСИ. Ассоциация предполагает разработку базовых принципов скоординированной информационной политики на пространстве ОДКБ, в числе которых: постоянное информирование населения о конкретной военно-политической, внешнеполитической, военно-технической и гуманитарной деятельности ОДКБ; целенаправленное освеще-

ние событий в формате ОДКБ (встреч глав государств, учений и т. д.), сопровождение их позитивными репортажами и комментариями в СМИ, ориентированными на укрепление союзнических связей; позитивное освещение международной активности государств — членов ОДКБ, прежде всего в части реализации согласованных подходов, отстаивании позиций, одобренных уставными органами Организации, противодействия попыткам отпора коллективным инициативам союзников в международных организациях; блокирование реализации замыслов третьих стран, стремящихся к использованию информационного пространства ОДКБ в целях искажения итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн, политического давления и вмешательства во внутренние дела под предлогом оказания содействия развитию демократических процессов или иными надуманными предложениями вмешательства; не допускать распространения информации, способствующей пропаганде нацистской идеологии, идей терроризма, экстремизма, расовой и религиозной нетерпимости, оскорбляющей национальные и духовно-нравственные ценности народов, проживающих на территории государств — членов ОДКБ. Данные базовые принципы скоординированной информационной политики на пространстве ОДКБ, направленной на развитие диалога культур и цивилизаций, будут представлены главам государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности для утверждения на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ.

К. С. Пигров¹

ИРОНИЯ И ЛЮБОВЬ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ

Основанием единства культуры выступает человек, хотя культура в то же время живет всем многообразием универсума. Сократ был не вполне прав, когда отказывался от познания устройства универсума — он не хотел видеть, что не только универсум отражается в душе, но и душа запечатлевается в доступном нам универсуме — в разнообразных культурных артефактах. Поэтому гуманитарная и естественно-научная культура, опирающаяся, соответственно, с одной стороны, на отношение к человеку и, с другой — на отношение человека к универсуму, поскольку обе эти стороны являются носителями человеческих смыслов, — разделяются лишь относительно². Отсюда, из этой относительности внутреннего разделения культуры, вытекают две редукционистские тенденции: или 1) гуманитарная культура, которую мы далее будем называть также гуманита-

ристической, сводится к естественно-научной культуре в духе физикализма, или, напротив, 2) техника и вообще вся естественно-научная новейшая европейская культура (так называемая «наука и техника») в духе постпозитивизма сводятся к культуре гуманитарной.

И в самом деле, все науки, поскольку они именно науки, а не «утилитарные инструкции по применению», в сущности гуманитарны, хотя их обращенность к универсуму задает такие специфические черты, которые остаются в тени, если заниматься исключительно человеком, его духом и душой. Кажется, что естествознание и техника отделяются от гуманитаристики довольно определенно: рубежом здесь выступает математика, вообще — использование искусственных языков, прежде всего жесткой и однозначной терминологии, приспособленной для дедуктивных построений. Но ведь, по сути дела, и сама математика в самом глубоком смысле принадлежит гуманитаристике³.

Гуманитарная культура, поскольку она глубинно связана с человеческой сущностью, в своем основании *празднична*⁴. Праздник не столько манифестирует причастность человека к утилитарной горизонтали

¹ Профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий: «Творчество и современность», «Научно-техническое творчество: социально-философские проблемы», «Шепот демона: опыт практической философии», «К метафизике праздничного», учебника «Социальная философия»; редактор коллективных монографий «Восточная Европа: концерт культур», «Феномен самодетельного философствования» и др. Член редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество».

² См.: Сноу Ч. П. Две культуры и научная революция // Сноу Ч. П. Портреты и размышления, М., 1985.

³ См., например: Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика? М., 2001; Пойа Дж. Математика и правдоподобные рассуждения. М., 1975.

⁴ Подробнее см.: Пигров К. С., Смирнов Е. А., Юдин Н. Л. К метафизике праздничности. М., 2011.

жизни (экономика, оборона, производство и потребление средств выживания), сколько обнаруживает фундаментальную вертикаль бытия. Гуманитарное знание постоянно приковывает их внимание не потому, что они пытаются с помощью этого знания чего-то достичь — решить какие-то внешние утилитарные задачи с ее помощью. Гуманитаристика наиболее ясно обнаруживается тогда, когда она — самоцель, а не только средство для чего-то внешнего. Люди занимаются литературой, искусством, религией, философией, филологией, искусствоведением не потому, что они надеются «повысить производительность труда в материальном производстве». Проникновение гуманитарного начала в «науку и технику» наиболее ярко обнаруживается там, где исследования природы, как и технические инновации, также оказываются самоцельными. Более того, именно в том случае в этих областях и достигаются наиболее значимые результаты, когда они не подверстаются под какие-то утилитарные цели. «Одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей. Эта причина толкает людей с тонкими душевными струнами от личных переживаний в мир объективного видения и понимания. Эту причину можно сравнить с тоской, неотразимо влекущей горожанина из шумной и мутной окружающей среды к тихим высокогорным ландшафтам, где взгляд далеко проникает сквозь неподвижный чистый воздух и наслаждается спокойными очертаниями, которые кажутся предназначенными для вечности»¹.

Гуманитаристика, а также и естествознание, и техника, в той мере, в какой они предстают как гуманитаристика в своей самоцельности, — это насыщенная необходимая роскошь. Они, как кажется, не необходимы для нашего биологического выживания, но они жизненно необходимы для собственно человеческой жизни. Дайте нам лишнего, а без необходимого мы как-нибудь обойдемся². Хотя, конечно, можно ставить перед гуманитаристикой и «практические» цели и даже достигать каких-то положительных результатов, скажем, в плане формирования здорового образа жизни или укрепления социального порядка.

Культура в своих базовых горизонтах ориентирована не горизонтально, а вертикально. Она всегда представляет собой в той или иной форме совершаемый прорыв к Абсолюту, к предельным основаниям человеческого бытия. Вот поэтому она и празднична. Она не особенно озабочена нуждами нашего животного организма, не удовлетворяет сама по себе материальные потребности. Она ориентирована на духовные и душевные ценности, а потому артикулирует праздничное начало. Гуманитаристика благодаря празднику, раскрывающему собственно человеческое в человеке, обретает внятный язык. Через праздник в гуманитарной культуре воплощается «призрак рода», о котором Ф. Бэкон высказывался отрицательно. Но ведь в «при-

¹ Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Эйнштейн А. Собр. науч. тр. : в 4 т. М., 1967. Т. 4. С. 40.

² Известный афоризм Оскара Уайльда: "Give me the luxuries and I can dispense with the necessities".

зраке рода» содержится и мощное положительное, эвристическое начало. Он может быть сопоставлен с известным антропологическим принципом³. Разделение «двух культур» в духе упомянутого Ч. П. Сноу есть, по сути, разделение двух принципиально различных отношений к этому «призраку рода». Формула Канта по поводу того, что мы не можем не заниматься теми проблемами, которые в сущности не можем разрешить, относится не только к философии. Эта формула касается и религии, и искусства, и точных, и технических областей. Таким образом идея культуры сближается с абсолютным духом Гегеля⁴.

Однако современный человек лишен той самоуверенности, которой был исполнен панлогизм Гегеля. Сегодня мы особенно остро переживаем всю несопоставимость нашего бытия с бытием не только абсолюта, но и универсума. Мы возвращаемся к трагическому осмыслению дистанции между нашим переживанием бытия и логическим пониманием бесконечности, что так ярко выразил не только Паскаль, но и Ньютон, при всем своем подчеркнутым «естественно-научным» восприятием универсума. Напомним ключевой образ Ньютона, который, по существу, является фундаментальным концептом новоевропейской культуры, осмысляемой философски: "I do not know what I may appear to the world; but to myself I seem to have been only like a boy playing on the sea-shore, and diverting myself in now and then finding a smoother pebble or a prettier shell than ordinary, whilst the great ocean of truth lay all undiscovered before me"⁵.

Именно из-за несоизмеримости задач и человеческих возможностей в гуманитаристике явно или неявно включается измерение *иронии*⁶, на что обычно не обращают внимания. Ирония здесь понимается не в узко повседневном смысле, а именно в смысле философском. А. Блок в своем блестящем, но одностороннем эссе «Ирония» делает акцент только на обыденном значении иронии⁷. Но ирония не может быть сведена к подковерной возне и изощренным уколам честолюбия, где господствует стихия ressentiment. Именно этот ressentimentный аспект подчеркивает та дефиниция иронии, которую мы обнаруживаем и в «Литературной энциклопедии»: «... явно притворное изображение отрицательного явления в положительном виде, чтобы путем доведения до абсурда самой возможности положительной оценки осмеять и дискредитировать данное явление, обратить внимание на тот его недостаток,

³ См., например: Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология. Теория и наблюдения. М., 1978. С. 369–370.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 т. М., 1977. Т. 3 : Философия духа. С. 382–410.

⁵ «Не знаю, чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу, развлекающимся тем, что иногда отыскиваю камешек более цветистый, чем обыкновенно, или красивую ракушку, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным». URL: <http://avva.livejournal.com/273778.html> (дата обращения: 12.03.2012).

⁶ Об иронии см. классическую работу: Янкевич В. Ирония. Прощение / пер. с фр. В. В. Большакова, Б. М. Скуратова. М., 2004; Осиповская И. А. Ирония и Эрос. Поэтика образного поля. М., 2007. С. 84–104.

⁷ Блок А. Ирония // Блок А. Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л., 1962. Т. 5. С. 345–349.

который в ироническом изображении заменяется соответствующим достоинством»¹.

Философская ирония, ведущая свою родословную от Сократа, в противоположность обыденной иронии (так сказать, «иронии Ксантиппы»), есть фундаментальный момент бытия человеческой культуры². Как бы там ни было, но без высокой иронии культура либо теряет свою человечность, либо превращается в самодовольный панлогизм, как в философии Гегеля. Высокая ирония культурного человека, прежде всего по отношению к самому себе, светится в приведенном высказывании Ньютона. Если посмотреть с этой точки зрения на все фундаментальные общие суждения о культуре, то эту иронию можно обнаружить всюду. Возьмем фрагмент известного стихотворения А. Фета:

Не тем, Господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданием.

Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам бессильный и мгновенный,
Несу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей Вселенной.

Сколько высокой иронии в этих строках! Величественной иронии, обращенной к человеку, который и ничтожен, и велик. Гуманитаристика, по существу, представляет собой культуру иронии, ясное переживание бесконечной дистанции между миром горным и миром дольным.

В определенных отношениях, поскольку ирония и юмор тесно связаны, гуманитаристика представляет собой культуру человеческого смеха, причем смеха человека над самим собой. По сути, невозможно представить гуманитария, который, приняв «позу мудрости», взирает на мир с исключительно серьезным и скорбным выражением лица. Подлинные гуманитарии учат улыбнуться тогда, когда невозможно не заплакать.

Мы иронизируем не только по отношению к самим себе, но и по отношению к абсолюту — то есть к самому Богу. Ирония — это последнее прибежище для того, чтобы сохранить человеческое достоинство в осознании той несоизмеримости, которая разверзается между абсолютом и моей субъективностью. Гуманитаристика, таким образом, оказывается веселой наукой.

Но на дне человеческой улыбки всегда таится *меланхолия*, снимаемая (в гегелевском смысле) иронией. Иначе говоря, ирония представляет собой последний бастион внутреннего противостояния меланхолии. Слово «меланхолия»³ не часто употребляется сегодня. Мы предпочитаем использовать «современное» понятие «*депрессии*», сциентизированное и отсылающее

¹ Ирония // Литературная энциклопедия. URL: <http://slovari.yandex.ru>

² Разумеется, ирония Сократа и ирония Ксантиппы находятся в сложных отношениях, которые не могут быть сведены к простому взаимному отрицанию, но обсуждение данного вопроса вышло бы нас за пределы данной статьи.

³ См. многочисленные интерпретации гравюры А. Дюрера «Меланхолия».

нас к психологии, психотерапии, медицине как к естественным и даже техническим наукам. («Если у тебя депрессия, прими таблетку!» Но от меланхолии в принципе не помогут таблетки!) Поэтому мы и говорим не о депрессии, а о меланхолии, чтобы преодолеть одностороннюю естественно-научную нацеленность современного сознания.

Если говорить об иронии попросту, то в конце концов это всего-навсего способ *никогда* не падать духом. Ирония — это способ сохранения достоинства в трагических обстоятельствах. Фильм Роберто Бенини «Жизнь прекрасна» есть классический образец последовательно и до конца проведенного принципа высокой иронии⁴.

На скрытую и явную иронию обречен разум. Он просто не может не пойти по пути иронии. Настоящий философский разум наполнен сожалением (может быть, ностальгией) по тому, что мы при наших вселенских амбициях не всецельны. Капля воды может убить каждого из нас. И это наполняет нас, способных мыслить о вечности, высоким сожалением:

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданием,
И в ночь идет, и плачет, уходя⁵.

Рассудок, напротив, идет, как кажется, не по пути иронии, а по циническому пути⁶. И вот здесь будто бы возникает существенное расхождение. Рассудок — это путь *сведения* субъекта к объекту. Это путь редукции человеческой индивидуальности, которая пытается сказать «Нет!» любым обстоятельствам, — редукции индивидуальности к «объективным законам развития». И циническое объяснение смерти Базаровым: «Одно знаю, я умру, и из моей могилы лопух вырастет», — вот завершенная формула цинизма. «Наука и техника», которые забыли или помнили не хотят о своем гуманитарном призвании, так или иначе идут по пути цинизма либо в создании оружия массового уничтожения, либо в «научно обоснованном» попрании базовых моральных ценностей. Гуманитаристика отвечает на такие демарши взволнованным негодованием, которое иногда отрезвляет.

Не будем торопиться осуждать рассудок, однозначно моралистически противопоставляя его разуму. Если уж говорить о Базарове, то отметим, что его жизненная позиция — это также позиция иронии, причем не мелкой иронии, а именно высокой иронии по отношению к гуманитаристике, олицетворением которой оказывается Павел Петрович. Базаров обличает прекраснотупые гуманитаристики, и за прошедшие 150 лет со дня выхода романа нельзя сказать, что Павел Петрович «победил» Базарова, или наоборот, Базаров «победил» Павла Петровича. Здесь отчетливо выявилась некоторая фундаментальная антиномия внутри культуры,

⁴ В частности, фильм Марюса Вайсберга «Гитлер капут!» — это пародия или, может быть, парафраз к фильму Роберто Бенини. Низкая ирония по отношению к высокой иронии.

⁵ Фет А. А. Л. Бржеской // Фет А. А. Лирика. М., 1966. С. 120–121

⁶ См.: Слотердайт П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001.

разрешить которую невозможно, но возможно дистанцироваться от нее в иронии: не только «лирики» иронически относятся к «физикам», но и «физики» (причем не без основания!) относятся иронически к «лирикам». И вот в таком взаимно ироническом отношении и состоит культура как процесс или, может быть, как экссесс.

Призвание человека культуры, человека образованного, ученого, в частности подлинного универсанта, — взлететь над дисциплинарным членением, над цинизмом, на который провоцируют естественнонаучные дисциплины, и над прекраснотушим гуманитаристикой в видении целостности культуры. Поэтому во всяком университете гуманитарные факультеты жизненно необходимы, как, вообще говоря, необходимы и естественнонаучные факультеты. Они — гнезда взаимно иронического в культуре.

В культуре мы — вне времени. Есть ли в гуманитарном измерении знания вообще что-то существенно новое по сравнению с XVIII–XX веками? Вряд ли! В гуманитарных науках говорить о «движении вперед» по меньшей мере неправомерно. Аналогичным образом, как показал, к примеру, Т. Кун, эфемерен и «прогресс» естественнонаучных областей культуры, хотя еще 200 лет назад этот прогресс казался несомненным¹.

Отсюда один весьма практический вывод в нашей торопящейся (куда!?) цивилизации. Если времени в культуре, обращенной к эйдосам, по существу нет, если нет прогресса в культуре, то куда торопиться?! Гуманитаристика учит, в сущности, одной мудрости: «Не торопись!»² Отсюда медленное чтение филолога и медленное чтение философа. Ирония, внутренне пронизывающая культуру, делает торопящегося гуманитария смешным, как, впрочем, смешон любой деятель культуры, который боится «не успеть». Смысл культуры — в терпении и неторопливости, освещенных высокой иронией.

Одного измерения иронии, придающего жизнь культуре, конечно, недостаточно, чтобы раскрыть суть смыслов культуры. Культура — это способность внешне, беззаветно *любить*. Причем, говоря о любви, мы не имеем в виду в первую очередь общепринятое ее понимание как отношение человека к человеку, а особо положительное отношение к артефактам культуры, скажем, к произведениям искусства, святыням религии, к текстам классиков философии и др. Любовь к произведениям культуры обнаруживается в ведании ими, но сама любовь к этим артефактам, может быть, даже важнее, чем их знание. Пусть наивная школьница думает, что «Герой нашего времени» написан Гоголем, но если она искренне любит это произведение, мы готовы простить ошибку, легко поправимую при наличии любви. Любовь стоит неизмеримо выше равнодушно-

го ведания ремесленника-архивариуса! Если есть любовь, знание в конце концов придет. Знание есть функция любви в большей мере, чем любовь — функция знания. Пусть человек полагает, что английское слово “star” происходит от русского слова «старцы», ибо, мол, умершие старцы в виде звездочек смотрят на нас с небес. Пусть это неверно, но как истинно! «Плохая физика, но зато какая поэзия!» Поэтому я, к примеру, люблю самодельных философов, выражающих саму стихию философствования, которое есть в своей основе не что иное, как именно стихия любви к философии³.

Любовь к артефактам культуры бескорытна и стоит по ту сторону каких-либо меркантильных выгод или удовлетворения тщеславия. Подлинное отношение к культуре предполагает, что мы не для того читаем, чтобы написать что-то «миропотрясающее», что оставит наше имя в веках, а для того пишем, чтобы действительно понять, что мы читаем. Эту великую и фундаментальную любовь к классическим артефактам культуры прекрасно выразил поздний Борхес: «Иные гордятся каждой написанной книгой, я — любовью прочтенной... Хороший ли я писатель, не знаю; но читатель, я смею думать, неплохой, и уж в любом случае чуткий и благодарный. <...> Я знаю, что роман — жанр не менее искусственный, чем аллегория или опера, но включаю и романы, потому что они тоже вошли в мою жизнь... Мы <...> чтобы собрать воедино все тексты, которые были важными для нас, обходим дворцы и галереи памяти, как писал святой Августин... Книга — вещь среди других вещей, том, затерянный среди других томов, наполняющих равнодушный мир, пока она не найдет своего читателя, человека, которому предназначены ее символы. Из этой встречи и рождается неповторимое чувство, называемое красотой, чудесная тайна, расшифровать которую не под силу ни психологии, ни риторике. “Роза цветет безо всякого почему”, — сказал Ангел Силезий, а Уистлер через несколько веков заявил: “Искусство существует — и все”»⁴.

В предисловии к «Семи вечерам» Борхеса существенно то, что самозабвенная любовь к книгам протекает на фоне высокой супружеской любви к Марии Кодиме. Здесь намечаются пути выстраивания человеческих отношений вместе с любовью к артефактам культуры.

Те фундаментальные измерения культуры, на которых мы попытались сосредоточить внимание в данной статье, а именно — всегда присутствующие в подлинной культуре и органичные ей измерения высокой иронии и любви, в новых условиях помогают нам на затуманенном небосводе обнаружить те «неподвижные звезды» человеческого бытия, без которых оно потеряло бы смысл.

³ См., например: Пигров К. С. Феномен самодельного философствования в современном Петербурге (О бескорыстной и безответной любви к философии) // Петербургская философия как феномен русской духовности : тез. Первой ежегод. конф. С.-Петерб. ассоциации философов. Санкт-Петербург, 16–17 ноября 1998 г. СПб., 1998. С. 90–92.

⁴ Борхес Х. Л. Семь вечеров / пер. с исп. В. С. Кулагиной-Ярцевой // Борхес Х. Л. Собр. соч. : в 4 т. 2-е изд., испр. СПб., 2005. Т. 4 : Произведения, 1980–1986; Посмертные публикации. С. 31.

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

² См.: Пигров К. С. Желание как терпение // Философия желания : сб. ст. / под ред. И. В. Кузина. СПб., 2005. С. 113–116.

Г. А. Праздников¹

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА КУЛЬТУР: НРАВСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО МИРОВОГО ИСКУССТВА

Сложный, многомерный предмет глобализации, рассматриваемый как необходимый процесс реализации объективных универсальных исторических тенденций, представляет собой очевидное, подробно описанное и проанализированное явление неизбежного сближения народов, наций и стран. Диалог культур совершенно неотделим от процессов мощного развития информационных связей на основе новейших средств коммуникации, возрастающей интенсивности миграционных процессов, единых механизмов мировой экономики, транснациональных корпораций, создания международных правительственных и неправительственных организаций и т. д.

Диалог — это прежде всего субъект-субъектное отношение. Эта связь может быть бесконтактной (так, за исключением исполнительских искусств, художник не знает реакции на произведение), более того, как ни парадоксально это звучит, диалог может быть односторонним (сигналы, посылаемые внеземным цивилизациям безответно, но это диалог в потенции, в бесконечно долгой надежде на отклик). Субъектами диалогового общения в равной степени могут быть индивид, группа, социум, культура, все человечество (по отношению к инопланетным цивилизациям).

Может быть, никогда прежде эта проблема не была столь значимой, как в современной культуре, где актуализированы и функционируют в единой целостности неведомые прежде пласты культуры «большого» времени и «большого» пространства. Буквально на наших глазах прошлое из исторических памятников переходит в состав живой художественной культуры, планетарный масштаб обретают феномены региональных культур. В этом процессе сложнейшим образом взаимосвязаны осознание художественно-эстетической суверенности, порой альтернативных явлений культуры, и переживание некоего духовно-нравственного единства человечества. Идея глобального мира прокладывает себе дорогу на протяжении всей человеческой истории, однако с особой очевидностью общность исторического процесса открылась человеку XX века, когда появилась возможность увидеть универсальное общее основание человеческой культуры.

Разные культуры нуждаются друг в друге — каждая для самой себя и каждая — для существования целого, развивающегося через «равноразличия» (М. Гелфтер). Понимание необходимости сохранить многообразный мир не только не исключает, но и предполагает возможность увидеть многообразие как единство. В диалоге

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт» и др. Член Союза театральных деятелей Санкт-Петербурга. Почетный профессор СПбГУП.

культур мы обнаруживаем различия в явлениях, внешне сходных, и смысловое единство — в различиях. Мировая культура строится на базисных, фундаментальных, смысловых основаниях человеческого бытия, отражая их и одновременно участвуя в порождении и закреплении смыслов истории.

В своей концепции культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев постоянно обращал внимание на ее объединяющую роль, полагая эту функцию как целевую. Взаимное общение и стремление к нему возможны только на основе некоей единой силы, связывающей все культуры. Один из крупнейших историков минувшего века Арнольд Тойнби просто и точно определил эту «тягу» людей друг к другу как потребность «реально» осознать и пережить «*обицу* им человечность»² (курсив мой. — Г. П.), позволяющую жить вместе одной семьей, сохраняя при этом культурное разнообразие. В контексте рассматриваемой проблемы необходимо вспомнить: для Д. С. Лихачева отношения «человечества и человечности»³ всегда выступали в нераздельном единстве.

Необходимость целостного познания любых форм творческой деятельности в контексте человеческих ценностей все отчетливее осознается современной наукой. Возможно, на нынешнем этапе культура переживает пик своего смысложизненного поиска.

«Культура подошла к глубочайшему внутреннему кризису. Все линии культуры доходят до предельных концов и выходят из дифференцированных ценностей. Основная проблема XIX и XX веков — проблема отношения творчества (культуры) к жизни (бытию)». Актуальность этих слов из опубликованной в 1916 году книги Н. А. Бердяева «Смысл творчества»⁴ в нынешнем мире возросла многократно. Кризис современной исторической ситуации в значительной степени определяется нарастающими тенденциями дезинтеграции, специализации культурной деятельности, не ориентированной на реалии человеческой жизни. Только совершенно нечуткий человек может не заметить в обществе состояния беспокойства, встревоженности, вызванное нестабильностью, неустойчивостью культуры и жизни. Символом времени стала частица «как бы». Кризис идентичности переживают практически все формы культуры.

Остросовременными оказываются вопросы, казалось бы, давно ставшие хрестоматийными и тривиальными: что такое искусство? Художник? Произведение? Культура? Арт-деятельность — это художественное творчество? Арт-субъект — это художник? Чему альтернативно «альтернативное искусство»? Что такое «посткультура», если в этом словосочетании остается

² Диалог историков. Переписка А. Тойнби и Н. Конрада // Новый мир. 1967. № 7. С. 177.

³ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 148.

⁴ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 520.

«культура»? Все эти вопросы актуальны, только проблема специфики различных культурных явлений отходит на периферию, уступая место смысловому их осознанию, то есть погружению в контекст жизненного бытия. Здесь в диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности предстает сложный комплекс проблем человековедения: творчество и культура, гуманизация личности, экзистенциально-нравственное отношение к миру, свобода и ответственность, жизнь как творчество и творчество как жизнь. Глубинное единство жизни и творчества, их неслиянность и нераздельность в современной культуре все явственнее и острее обретают теоретическое истолкование. Один из крупнейших философов минувшего века Ортега-и-Гассет понятие «жизнь» считал не только самым важным, но и наиболее «радикальным». Радикальным в том смысле, что о каких бы реальностях (действительных или возможных) ни шла речь, мы просто вынуждены соотносить их с жизнью.

Необходимо не только, как говорил Ницше, взглянуть на искусство «под углом зрения жизни», но и включить его в «состав жизни», ибо человеческая жизнь — не биологическое функционирование организма в его взаимодействии со средой, но многоуровневая (в единстве тела, души и духа) деятельность биосоциокультурного существа. Бытие человека сплошь проблематично: постоянно решается вопрос соответствия его существования сложному, внутренне противоречивому миру, где неразрывно связаны естественное и искусственное, духовное и телесное, биографическое и биологическое, порядок и хаос, преднамеренное и непреднамеренное, полезное и вредное... — одновременная жизнь и в природе, и в культуре. Самые сложные движения духа нельзя понимать как что-то невещное или надвещное. Человеческая жизнь «человекообразна» и в своих главных качествах определяется мерой человеческой активности: возможно увеличение жизни (по Л. Толстому, «движением от себя к Богу»), равно как и ее «сокращение» — глупым, бесформенным, бессмысленным проживанием. Вот почему, по глубокому убеждению Ортега-и-Гассета, первичное, истинное значение жизни раскрывается не в биологическом, а биографическом подходе¹.

Такое понимание равно необходимо как для смыслового постижения художественной культуры, так и для понимания самой жизни. «Живя, мы занимаемся литературой, даже не зная об этом, и занимаясь ею, может быть, живем как-то иначе...»² Эта мысль Мераба Мамардашвили о взаимопроникновении разных планов жизни, уходящих глубинными конями в человека и соединяющихся на каком-то уровне сознания, была в высшей степени значима для него. Само искусство он трактовал как феномен культуры, в общении с которым мы не только в произведении понимаем что-то, но через его переживание вступаем в жизнь в новом человеческом качестве.

Смысл художественного творчества, как, впрочем, и смысл любой деятельности, есть некая конечная цель, то, ради чего совершается деятельность, чем она обо-

снована и оправдана в человеческом бытии. Обуславливая необходимость в культуре тех или иных ее образований, смысл детерминирует деятельность, лежит в ее основании. В то же время сама деятельность смыслотворна, в историческом ее развитии смыслы закрепляются, углубляются, эволюционируют. Смысл не лежит на поверхности явлений, и чем явление сложнее, тем труднее он открывается, ибо смысл несводим ни к значениям отдельных сторон явлений, ни к их внешнему объединению. Смысл — это та *сокровенная* суть, воплощением которой и выступает то или иное целостное образование человеческой культуры. Специфические характеристики, функции этого явления культуры есть не что иное, как способ существования, воплощения и выявления смысла.

Постичь смысл искусства — культурного явления, сопутствующего всей истории человечества, — можно лишь в масштабе долгой жизни, большого времени и пространства, в соотношении со смыслом истории.

Если можно определить смысл истории как самоутверждение человечества через овладение миром и самосовершенствование, то, естественно, назначение различных форм культуры может быть выявлено только в предельно широкой системе «человек-мир».

Человеческий мир — это мир, исторически данный человеку, освоенный в его общественной практике. Предметно-вещественные характеристики этого мира — с изменением их функциональной роли — становятся ценностно значимыми, наделяются человеческим смыслом. Этот мир включает не только наличное бытие, но и прошедшее, и будущее, воплощенное в памяти и воображении. В широком смысле слова человеческий мир есть мир культуры, включающий и человека во всей полноте его человеческой социальной сущности. Но культура — не только (а может быть, даже и не столько!) состояние мира, «ставшего» человеческим, но и процесс *становления* этого мира, создаваемого совокупными усилиями человечества и всеми без исключения формами деятельности. Человек познает и преобразует этот мир, овладевает им, адаптируется, приспосабливается к нему, однако подлинную человечность он обретает, *приобщаясь* к «человеческому миру».

По-видимому, эта необычайно сложная по составу потребность гармонизации человека и мира лежит в основе искусств, определяя генеральный жизненный смысл его функционирования в системе человеческого бытия. Приобщая к человеческому миру, искусство оптимально выражает человеческое в человеке, универсально формирует и реализует человеческое «я».

В широкой панораме искусства всех эпох и народов его ориентация художественной сферы на жизненные ценности улавливается как наиболее устойчивая тенденция, реализующаяся в бесконечном многообразии художественных форм. Мысль современного исследователя, непредвзято и живо обращенная к мировой культуре, обнаруживает смысловую направленность творчества на упорядочение и совершенствование жизни, преодоление хаоса,

¹ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 86.

² Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М., 1995. С. 301.

раздробленности человеческого бытия. Источником этой гармонизирующей организации художественного мира могла быть идея космоса, разумно сотворенного демиургом, или космоса, выражающего моральность или аморальность живых существ (Древний Китай, Индия), либо образ предельной полноты человеческого бытия на основе вполне земных представлений об идеалах истины, добра и красоты.

Мы слышим живой человеческий голос в искусстве Средневековья и художественных явлениях недавнего прошлого, привычно связанных в нашем сознании с декоративностью формы, конструктивной изобретательностью или разрушением эстетического канона. В произведениях Матиса, Пикассо, Кандинского переживаются ныне утверждение красоты и света, трагическое постижение судеб современного человека и человечества, живая боль и радость художника.

Человек осознает свою жизнь не просто как пребывание в мире, но и как свободное деятельное его преобразование, гармонизацию, посильное воплощение в нем идеалов добра и красоты. Становление личности в ее неповторимом богатстве способствует активизации творческого потенциала человека и человечества, а реализация этих потенций во всех фор-

мах культуры есть условие созревания человечности и ее критерий.

Обретенная искусством полнота человеческих отношений к миру, включающая и индивидуально-личностный мир самого художника, обусловила формирование нового типа творчества. Теперь творчество предполагает «всего человека», ориентированного на общечеловеческие цели и осуществляющего в творчестве (творчеством) определенную жизненную программу. Свободное выражение личности в «спонтанной страсти» есть одновременно жизненный и художественный акт, в конечном счете определяемый содержанием человеческих ценностей.

Посредством культурной деятельности люди общаются друг с другом, а потому любой творческий акт есть не только специализированное действие, но и поведение, поступок, жизненное деяние. Отношение художника к конкретному произведению, искусству, культуре, самому себе, другим людям и миру в целом единосущны.

Художник объективно оказался средоточием глубинных внутренних связей искусства и жизни, сложная диалектика которых выступает не во внешней их соотносительности («как в жизни»), но в фундаментальной внутренней общности — «как жизнь».

В. Н. Сагатовский¹

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Чтобы последующий текст не являл собой образчик постмодернистской болтовни, для начала определимся с исходными понятиями.

Термин «культура» может употребляться в двух различных смыслах. Во-первых, для обозначения различных типов общества (фаустовская культура, русская культура и т. д.). Именно в этом смысле говорили о типах культуры О. Шпенглер, о культурно-исторических типах Н. Я. Данилевский, о борьбе цивилизаций С. Хантингтон (то, что в русской и немецкой литературе именуется культурой, в англо-саксонской — цивилизацией). Во-вторых, культура означает не тип общества в целом, но определенный аспект, сторону общественной жизни. В этом смысле культура, в отличие от проявления объективных оснований общественной жизни, того, что в марксистской литературе именуется естественно-историческим процессом, есть характеристика проявления субъективного основания, самореализации субъекта в определенных объективных условиях. И тогда *культура* предстает как семантическая сторона процесса и результата человеческой деятельности в виде реализации ценностей субъекта (общества, общности, личности), которые выступают в ка-

честве концентрированного итога глубинного общения (термин Г. С. Батищева) души индивидуальности с трансцендентной реальностью, духовной основой бытия². По сути дела, примерно на таком основании дает свою типологию культур П. Сорокин: идеалистическая, чувственная, идеационная.

Под *ценностями* как системообразующим ядром культуры я понимаю внутренние основания выбора целей и средств деятельности, отвечающих на вопрос: «Во имя чего эта деятельность совершается?», задающих тем самым ее *жизненный смысл* и носящих *аксиоматический характер* в рамках данной культуры. В понимании *диалога культур* я следую за М. Бахтиным, то есть имею в виду такое общение, в котором субъекты одновременно и сопереживают внутренний мир друг друга, и следуют принципу вневходимости, не теряя своей индивидуальности³. И наконец, *глобализация* понимается мной достаточно традиционно — как процесс мировой экономической, политической и культурной интеграции, однако я делаю существенное уточнение: этот процесс имеет как объективное, так и субъективное основание. То есть обуславливается не только объективными тенденциями развития, но и определенным типом культуры.

¹ Профессор кафедры философии и истории науки Белгородского института искусств и культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Философия антропокосмизма: авторский словарь», «Антропокосмизм — системообразующий принцип ноосферного мировоззрения», «Мой враг антропоцентризм», «Социальная синергетика и концепция доопределения бытия», «Вселенная философа», «Философские заметки», «О развивающейся гармонии», «Философия антропокосмизма в кратком изложении» и др.

² См.: Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения) : в 3 ч. СПб., 1999. Ч. 3 : Антропология. С. 34–37; *Он же*. Философия антропокосмизма : авт. словарь. СПб., 2012; *Он же*. Философия культуры: предмет и основные понятия. URL: <http://vasagatovskij.narod.ru>

³ См.: Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 352–354.

Со всем этим, естественно, можно не соглашаться, но, во всяком случае для того, кто читает не «по диагонали» и не окончательно погряз в клиповом «мышлении», дальнейшее должно быть достаточно ясным. Моя же задача — сделать его отчетливым.

Глобализация как объединение человечества является объективно неизбежной, если, конечно, нынешняя цивилизация не погибнет в результате нерешаемости глобальных проблем современности. Но проблема в том, в каком направлении и какими средствами достигается это объединение, каково соотношение ценностей различных культур, задающих это направление, является ли их диалог основным средством грядущего объединения и действительно ли в его основе лежат ценности, именуемые общечеловеческими?

Бесспорно, расширение сферы общения между представителями различных культур способствует взаимопониманию и обмену достижениями в различных сферах жизни, в том числе взаимообогащению ценностными ориентациями. Некоторые из них органически вплетаются в ткань определенной культуры, другие приобретают даже общечеловеческий характер. Так, для самых различных культур общими ценностями стали образование, взаимный интерес друг к другу, к человеческой истории и искусству, стремление к социальной справедливости, забота о здоровье, бытовой комфорт. Следует отметить также диалог и сближение ценностей Востока и Запада, вопреки уверенности Киплинга, что навстречу друг другу они не пойдут. Но далеко не все ценности становятся общими благодаря диалогу, то есть на основе понимания и добровольного принятия. Многие из них получают распространение вследствие манипулятивного воздействия и «заражения» со стороны моды, рекламы, средств массовой информации. Достаточно вспомнить явно преувеличенный интерес к сексу, ориентацию на подражание «звездам», настрой футбольных фанатов, внедрение модной музыки или молодежного сленга, чуждых традициям данной культуры. Тем не менее надо признать, что расширение возможностей межкультурного диалога является одним из объективных проявлений глобализации.

Однако все перечисленные выше ценности наполняются определенным содержанием, отражая в себе более глубинные базовые ценности, выступающие как бы брендом соответствующей культуры. Что это за ценности и приобрели ли они общечеловеческий характер? На последний вопрос, к сожалению, приходится ответить отрицательно. Дело в том, что глобализация, хотя и является объективным процессом, реально направляется вполне определенным субъектом и в его интересах. Таким субъектом является международный финансовый капитал, опирающийся, как на силовой рычаг, на страны «золотого миллиарда», и прежде всего на США и Англию. Аксиологической основой здесь оказываются исторически сложившиеся базовые ценности Запада.

Дадим краткую характеристику этих ценностей в процессе эволюции той культуры, которую О. Шпенглер в свое время назвал «фаустовской». Первые этапы этой эволюции были проанализированы М. Вебером. С самого начала этот тип культуры содержал

в себе коренное противоречие, в полной мере проявившееся в наше время. Протестантство, будучи христианской религией, видело высшую ценность в достижении вечной жизни. Но средством ее достижения оказывалось не молитвенное созерцание, а активная деятельность, направленная на увеличение богатства; именно такая деятельность считалась богоугодной. Естественно, активная деятельность предполагала ориентацию на личную свободу и опору на самого себя: базовые ценности американского образа жизни¹. Но в этот пока еще христианский фундамент был замешан и нехристианский элемент: «Хозяйственному строю капитала необходима... преданность делу... служение своему "призванию", сущность которого заключается в добывании денег»². Итак, сначала культ богатства во имя Бога, а затем и во имя самого богатства. И этот поворот развратил аскетизм трудоголика, ориентированного на максимум капитала ради спасения в будущей вечной жизни. «По мере того, — пишет М. Вебер, — как аскеза начала преобразовывать мир, оказывая на него все большее воздействие, внешние мирские блага все сильнее подчиняли себе людей и завоевали, наконец, такую власть, которой не знала вся предшествующая история человечества. В настоящее время дух аскезы... ушел из этой мирской оболочки»³. Это было написано в начале прошлого века. За время, прошедшее с тех пор, развитое на этой основе общество стало потребительским и постиндустриальным. Идеалистическая культура уступила место чувственной, Homo faber уступил место Homo ludens, трудоголик — плейбою.

Могут ли ценности, провозглашаемые таким обществом, получить статус общечеловеческих? Нет, не могут. Начнем с самой главной ценности, которой потрясают идеологи рыночной демократии, — со *свободы*. Во-первых, нет единого теоретического понимания этого феномена: свобода как «осознанная необходимость» (марксизм), как возможность выбора (экзистенциализм), как творчество нового (Бердяев). Западное понимание свободы — это, конечно, возможность выбора. Но это лишь характеристика «свободы-от». Если же мы зададимся вопросом, для чего нужна возможность выбора христианину, буддисту, коммунисту или представителю культуры Запада, то получим совершенно разные ответы на вопрос: «Что есть "свобода-для"?» Свобода для самореализации в максимизации богатства (капитала), власти над миром («воля к власти») и в максимуме потребления, став общечеловеческой ценностью, просто погубит человечество в результате экологической, военной и культурно-демографической катастрофы.

Поэтому пропагандисты такой свободы расцвечивают ее требованиями толерантности, прав человека, прав сексуальных меньшинств и т. п. В действительности все это означает коммерческую выгоду вседозволенности любых потребностей на мотивационном уровне. А на уровне экзистенциальном — своеволие, распушенность, разврат. Диалог с такой культурой

¹ См.: Kearny N. The American Way. An Introduction to American Culture. New Jersey, 1984.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 91.

³ Там же. С. 206–207.

возможен лишь частично — на уровне ее понимания. Но, как известно, понять — еще не значит простить и принять. Приняв ее, любая другая культура нарушит принцип вневходимости, то есть перестанет быть самой собой. А поскольку глобализация проводится с позиций именно таких ценностей, их навязывания всему человечеству (с трагическими последствиями этого в России мы сталкиваемся вплотную), то антиглобализм становится вполне объяснимой реакцией.

Да, такая глобализация не нужна, и диалог с ее базовой ценностной основой невозможен. Здесь уместен не диалог в бахтинском смысле, но политические и правовые переговоры и договоренности. И при этом всегда надо помнить о необходимости того, что И. Ильин назвал «сопротивлением злу силой». Ибо превращение этих региональных ценностей в общечеловеческие на практике означает вывоз капитала из стран, предназначенных субъектом нынешней глобализации к исполнению роли сырьевого придатка и отношениям друг с другом по принципу «Разделяй и властвуй». Только субъекты компрадорского капитала и их обслуга смогут получить «блага» потребительского общества, а остальная часть населения подлежит развращению и эксплуатации (а по мере надобности и сокращению).

Какие же базовые ценности могут быть противопоставлены в качестве основы глобализации, не попирающей все культуры, кроме той, что провозгласила себя избранной? В свое время К. Маркс противопоставил базовым ценностям капитализма, получившего именно в культуре Запада свое классическое развитие, принципиально иной подход, который С. Кургинян справедливо считает сутью коммунизма. Вот этот подход: «...Воззрение, согласно которому человек... всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство — как цель производства. На самом же деле... чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо дру-

гих предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, то есть развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*»¹. Саморазвитие целостного человека, бесспорно, является одной из базовых ценностей, которая в идеале могла бы стать общечеловеческой. Но только в определенном контексте.

Что я имею в виду? То, что эта ценность также родилась в недрах фаустовской культуры. И дело не только в том, что саморазвитие и самовыражение могут приобретать очень разные — вплоть до взаимоисключающих — интерпретации (видел бы Маркс проявления современного «свободного самовыражения»...). Главное же — это отрицание «заранее установленного масштаба». А это уже *антропоцентризм*, то есть позиция, согласно которой все в этом мире есть лишь объект для человеческой деятельности и только человек — субъект. Но такое творчество *бездуховно*, каким бы оно ни было впечатляющим.

Творческое самовыражение человека должно быть включено в контекст воли к любви, а не воли к власти. В осознании этого — основной вклад русской культуры в дело будущего объединения человечества. В свете этого смысл человеческой жизни — «вплетение своей нити в Божью ткань мира» (И. Ильин). В классической русской философии выработано основополагающее понятие *соборности* (и только плохо знакомые с ней люди пишут этот термин через запятую рядом с коллективизмом и общинностью)². Соборность — это такие отношения между частью и целым (человеческой индивидуальностью и Богом, природой, обществом), которые основаны на добровольном признании самоценности друг друга: «Общение в любви», как в свое время кратко выразил эту мысль Бердяев.

Итак, творчество в контексте соборности — вот база системы ценностей, которая могла бы быть положена в основу глобализации, ведущей к расцвету человечества, а не к глобальной катастрофе.

Т. Б. Сиднева³

КЛАССИЧЕСКИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Плюрализм позиций, чрезвычайная пестрота и многоязычие, характерные для современной худо-

жественной культуры, отражают всеобщую установку на обновление, нарушение стереотипов, доходящие до эпатажа. Обратной стороной этой установки являются апатия к разного рода экспериментаторству, «закрывать» сознания, неотделимые от желания вновь и вновь эксплуатировать некогда достигнутый эстетический или коммерческий успех. В русле этих разнонаправленных, порой взаимоисключающих тенденций особую остроту приобретает вопрос о роли классических художественных ценностей в современной культуре, о необходимости классического в жизненном пространстве человека.

Классическое искусство можно отнести к понятиям, значение которых кажется известным «по умолчанию» и не требующим каких-либо обсуждений

¹ Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1968. Т. 46, ч. 1. С. 476.

² См.: Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994; *Он же*. Почему наше общество не принимает русскую идею? URL: <http://vasagatovskij.narod.ru>

³ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор около 150 публикаций, в т. ч.: «Искусство как метафора бытия», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика для творческих вузов», «Шум и музыка: логика взаимопревращений», «Современное искусство в ситуации смены парадигм», «Искусство в поисках истины: между элитой и массой», «Музыкально-философские рефлексии Жана Поля Сартра», «Актуальные проблемы высшего музыкального образования» и др. Член Союза композиторов РФ.

и прояснений. В то же время погружение в реальность не дает четкого ответа на определение смысла и границ классики, а в процессе поиска формулировок «легко впасть в ложный пафос и пустую риторику»¹. Определение классического в его метастилевом значении — как «образцового», «совершенного», отражающего фундаментальный опыт искусства — не представляет большой трудности, если мы обращаемся к отдаленному прошлому. Проверенность временем обуславливает пиетет перед шедеврами, а всеобщее признание закономерно превращает их в своего рода «аксиомы культуры». Но сводима ли роль классики к памятнику или музею? В чем заключается ее актуальность в современной культуре?

Острота и принципиальность этого вопроса сегодня обусловлены беспредельной широтой толкования и частотой употребления термина «классика», прочно закрепившегося даже в сфере повседневного потребления. Однако, как известно, повсеместное внедрение термина не делает его содержание более внятным.

В поиске адекватного понимания ценности классического искусства не следует забывать, что этот вопрос неотделим от выявления внутренних механизмов развития культуры, осознания традиции и ее диалога с современностью.

Среди множества дефиниций культуры одной из важнейших является ее толкование как пространства смысловых универсалий, объединяющих духовные устремления отдельной личности и мира в целом. Для полноценного существования культура вырабатывает различные способы организации жизненного пространства, создает «систему кодирования, воспроизводства и трансляции определенных умений, опыта, знаний, которым дана человеческая мера, вернее размерность человечески возможного»².

М. С. Каган определяет культуру как ценностно-смысловую иерархию, в которой смысл отражает личностное постижение, объединяющее знание, понимание, оценку, переживание. М. М. Бахтин обосновывает диалогическую природу смысла, включающего оценку и требующего ответного понимания. Данные определения свидетельствуют о том, что необходимость классических ценностей в культуре обуславливается их включенностью в актуальное содержание человеческого бытия, смысловое пространство культуры. Исходя из этого, многочисленные эксперименты с постмодернистской «актуализацией» классики, в последние десятилетия охватившие театр, музыку, изобразительные искусства, могут быть плодотворными только при сохранении диалогичности смыслового пространства. Если человеку, не знающему оригинальных, изначально задуманных авторами текстов, предложить результаты постмодернистской «экспериментации», — разрываются нити диалога, не постигается смысл произведения, утрачивается роль классического в актуальном пространстве культуры.

В то же время классические художественные ценности — не объект познания или некая информацион-

ная база данных. Ключевое значение Пушкина, Достоевского, Чехова, Моцарта, Чайковского, Шостаковича не в том, что их *знают*, а в том, что вместе с ними *переживают* процесс развертывания смыслов созданных ими гениальных творений. В труде «К философии поступка» М. Бахтин вводит понятие «участное мышление», «участное переживание», то есть не отвлеченное, бесстрастное, теоретико-мыслительное, а ценностное, исполненное человеческой теплоты и целостной полноты жизни. Подчеркивая неотделимость познания от личностного переживания предмета, он утверждает: «Вся общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте»³. Переживать предмет, по Бахтину, значит «иметь его как действительную единственность, но эта единственность предмета и мира предполагает соотношение с моею единственностью»⁴.

«Участное мышление», связанное с установкой на единственность, уникальность встречи с искусством, дает ключ к пониманию вершинных творений былых эпох. В связи с этим следует подчеркнуть, насколько вредоносным — и для формирования личности, и для культуры в целом — является сведение изучения классической литературы в школе к тестированию. Здесь утрачивается необходимая для понимания искусства (да и жизненного пространства в целом) «ответственная участность», или, по определению Бахтина, эмоционально-волевое, *интонирующее* мышление.

Методологически важным для определения роли классических ценностей в современной культуре является понятие «концептосфера». Введенный Д. С. Лихачевым по аналогии и «биосферой» и «ноосферой» термин «концептосфера» фиксирует фундаментальные характеристики языкового мира. Исследователь определяет ее как «совокупность потенциалов, открываемых в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом»⁵. Скучный культурный опыт человека неизбежно проявляется в «бедности» и ограниченности концептосферы его языка — как активного, так и пассивного. И напротив, концептосфера «тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека»⁶.

Очевидная значимость этого понятия в определении роли классического в современном мире проявляется в следующем. Во-первых, человек, пренебрегающий классическим наследием, отличается не только малой осведомленностью в искусстве (риску предположить, что без музыки Гайдна, Моцарта, Бетховена, без знания классиков джаза Б. Гудмена, Чарли Паркера или творчества «The Beatles» прожить можно), не только ограниченностью эмоционального опыта (ведь его мы приобретаем и в переживании жизненных ситуаций). Чрезвычайно существенно то, что у обладающего скудным художественным опытом слушателя не развита «способность быстро извлекать ассоциации

³ Бахтин М. К философии поступка. URL: <http://philosophy.ru/library/bahtin/post.html>

⁴ Там же.

⁵ Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Блиц, 1999.

⁶ Там же. С. 153.

¹ Михайлова М. Эстетика классического текста. СПб.: Алетейя, 2012. С. 5.

² Мамардашвили М. Наука и культура. URL: <http://philosophy.ru/library/mmk/science.html>

из запаса этого опыта и осведомленности»¹. Важно, что жизнь такого наивного слушателя становится одномерной, бесцветной, ограниченной.

Второй принципиально значимый момент — диалог разных концептосфер. В мире языка, как отмечает Д. С. Лихачев, богатство концептосферы «облегчает общение, понимание значения слов, открывает сотворчество, «дофантазирование»². В искусстве как диалогической форме мышления взаимодействие концептосфер является условием понимания и «участного переживания» художественного опыта, запечатленного в классическом тексте. Причем вживание в художественную реальность классического произведения не предполагает, что мы должны «как бы переселиться в нее» (М. Бахтин) и взглянуть на мир ее глазами. «Творческое понимание не отказывается от себя, от своей культуры», но занимает позицию *вне-находимости*³, тем самым раскрывая и другую культуру и себя во всей полноте. Великие произведения возникают в недрах истории, они фиксируют спрессованный веками опыт. В то же время искусство прошлых эпох перерастает себя, открывая новые смыслы. Как точно замечает Й. Хейзинга, в прошлом мы ищем «скрытое обещание того, что исполнится в будущем»⁴.

Постигая классическое искусство, мы подключаемся к диалогу с иными концептосферами. И полноценность этого диалога обусловлена тем, насколько богат и объемён в нашем сознании резервуар памяти искусства, происходит ли необходимое сопряжение «горизонтов ожиданий» (термин Х.-Р. Яусса). Весьма любопытным примером может стать «Классическая симфония» С. Прокофьева. После студенческого увлечения творчеством Гайдна композитор пишет (по его собственному признанию) «из озорства» симфонию в гайдновском духе, вступая в яркий остроумный диалог с классиком. Характерное обращение к творчеству Гайдна мы находим и в Первой симфонии А. Шнитке. Она завершается тем, что музыканты оркестра постепенно уходят со сцены под звуки финала «Процальной симфонии» Йозефа Гайдна (подобно тому, как это происходит и в самой симфонии венского классика). Кроме гайдновского сочинения, Шнитке использует многочисленные музыкальные цитаты (из произведений Бетховена, Чайковского, Штрауса, Шопена, Грига).

Упомянутые произведения давно и прочно вошли в арсенал музыкальной классики. Слушатель, включенный в многомерное сопряжение композиторских концептосфер, слышит в этой музыке диалог эпох, и его актуальное, «участное» переживание является условием полноценного восприятия звучания.

Размышления о роли классического искусства в современной культуре закономерно приводят нас к проблеме художественного вкуса. Действительно, почему именно классика способствует формированию грамотной позиции в оценке различных явлений искусства? Как объяснить ее способность создавать в личности защитные механизмы по отношению к вторичности, рутине, пошлости?

В поисках ответа на данные вопросы важный вектор размышлений мы находим в статье В. А. Конева «Метрика пространства человеческого бытия». Говоря о специфике смыслового пространства человеческого бытия, исходным принципом его организации автор полагает «различие позиций». Мерой распознавания различий является граница, которая отделяет значимое от незначимого, свое от чужого, индивидуальное от общего, сакральное от профанного. Граница «дает пространству человеческого бытия многоголосие»⁵ и определяет его главные качества: силу интенсивности и иерархичность.

Создавая и воспринимая искусство, человек сам определяет степень активности, динамичности и отношения соподчинения в художественно-смысловом пространстве. Это зависит от объема «присвоенного» художественного опыта и интенсивности его переживания, которые и позволяют выстроить «многоголосие» видов, жанров, стилей, техник искусства в развитую иерархическую систему.

Роль классических художественных ценностей в пространстве человеческого бытия родственна значению символа. Как пишет Ю. М. Лотман, «в символе всегда есть что-то архаическое. Каждая культура нуждается в пласте текстов, выполняющих функцию архаики. Сгущение символов здесь обычно особенно заметно»⁶. Как «вечный признак подлинного искусства» (Д. Мережковский), символ «всегда темен в своей глубине» (Вяч. Иванов). Он и обуславливает многоликость, многосмысленность и неисчерпаемость постижения истории художественного опыта.

Можно выдвигать разные критерии классического искусства. Это и полнота отражения действительности, и правда чувств, множественность, неисчерпаемость смыслов, и безупречность формы, и сочетание новизны с пиететом перед традицией, и фиксация единства прошлого, настоящего, будущего. Эти критерии действительно «работают» в различных жанровых и стилевых сферах искусства. Не менее важно понять механизмы существования классических ценностей в смысловом пространстве культуры. Современное состояние человеческого бытия показывает, что эта проблема еще довольно далека от своего разрешения.

¹ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 153.

² Там же.

³ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 353.

⁴ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Наука, 1988. С. 5.

⁵ Конев В. А. Метрика пространства человеческого бытия // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 7 (88). С. 11.

⁶ Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 191.

Е. П. Тонконогая¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА**

Понятие диалога культур стало чрезвычайно актуальным в современной реальности, причем в самых разных областях знаний — в культурологии, искусствознании, литературоведении как пограничной между искусствоведением и филологией области, в лингвистике, точнее в тех ее разделах, которые связаны с проблемой «язык и культура», а также в педагогике, связанной с обучением представителей этнических меньшинств или учащихся, составляющих многонациональные коллективы, как в общеобразовательных школах, так и в вузах. Это понятие закладывается в концепциях развития российского образования, учебных планах и программах, актуализируется в курсах лекций для студентов и слушателей системы повышения квалификации педагогических кадров.

Для того чтобы диалог культур был диалогом, необходимо наличие как минимум двух культур — некой государственной, или «русскоязычной», культуры — и культуры этнического меньшинства. Даже определение государственной формы культуры тут оказывается далеко не однозначным, что же касается идентификации второго участника диалога, то с ним мы имеем еще больше проблем. Если же понимать под диалогом культур некое соприкосновение носителей российской государственной культуры с любой иной, то в таком «диалоге культур» второй участник будет выступать либо в виде научной фикции, поскольку общие характеристики культуры отсутствуют, либо в виде монстра-мутанта, созданного из скудных знаний педагогов об этнографии отдельных этносов, каждый из которых имеет богатейшую историю и самобытные культурные традиции. При равной степени внутреннего богатства и равной адаптированности к условиям жизни «диалог» между такими культурами в образовательном процессе не устанавливается из-за разницы в объеме знаний о культурах.

Надо также иметь в виду и то, что исторически в диалог, о котором идет речь, вступали не некие абстрактные культуры, а реальные субэтнические культуры, причем «русская» культура была представлена не своей государственной формой, а региональной культурой. Таким образом, учет всех реальностей превращает понятие диалога культур в виртуальную сущность, а фактическая конкретика его делает соответствующий материал непригодным для изучения.

Следующий фактор, характеризующий диалог культур в его педагогическом понимании, — социальный. Кто с кем осуществляет диалог — провинциальный экономист с петербургской учительницей, профессор-культуролог с морским капитаном или депутат Госдумы от какого-то автономного округа со студентами-петербуржцами во втором поколении? Ясно, что со-

¹ Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 280 научных публикаций, в т. ч.: «Основы андрагогики: учебное пособие для студентов высших педагогических заведений», «Семья как объект социальной работы» и др. Награждена медалью К. Д. Ушинского.

циальные различия с обеих сторон не могут не приниматься во внимание как при научном изучении проблемы, так и при решении практических образовательных задач. В реальности диалог культур осуществляется между коренным и приезжим населением национальных регионов, в равной мере представляющим разные социальные группы, и только в этой сфере мы имеем контакты носителей культур, не имеющие социальной маркировки или нейтрализующие социальную маркировку. Вместе с тем инокультурные представители интеллигенции и творческой среды контактируют с разными социальными группами «русскоязычного» населения у себя в регионах, а также в тех местах, где они проживают, — в административных центрах.

Студенты и преподаватели представляют собой специфическую социальную группу, наименее типичную из групп носителей этнических культур — при этом ценности и жизненные интенции этих групп часто имеют целью максимально дистанцироваться от собственной этнической культуры: получить нетрадиционную для этноса профессию, переехать в большой город, найти брачного партнера не из среды своего народа и т. п. Эти социальные среды рассматривают принадлежность к этносу прежде всего как источник повышения социального статуса, предполагающий в перспективе некое благосостояние, в то время как принадлежность к малочисленным народам часто в психологическом плане понижает социальный статус.

Наконец, не менее значимой для характеристики диалога культур является объективная оценка типа и степени взаимодействия тех сущностей, которые именуются культурами. На самом деле в современном состоянии в каждом из случаев речь должна идти о различных территориальных субкультурах, которые к тому же имеют и особые социальные манифестации. Диалог культур, принадлежащих к разным временным срезам, — это метафора, которая имеет смысл для изучения искусства модерна, питающегося этнографическими материалами, или такого же регионального модерна, который произрастает из региональных субкультур на этнических основах. Но в образовательном процессе, участники которого сосуществуют во времени, и тем более в обучении подрастающего поколения, которое станет свидетелем смены культурной парадигмы, это понятие лишается смысла. В национальных пространствах существуют обычно несколько разных сообществ — приезжее население и одна или несколько общин коренного населения по разным этносам, если коренное население в том или другом селе является смешанным. В этих условиях диалог культур предстает мнимым, поскольку все сообщества проявляют тенденции к взаимному обособлению, а не к интеграции. Если в том или ином регионе имеет место аккультурация или ассимиляция одного этноса другим, более крупным и более «престижным», то, само собой разумеется, говорить о диалоге в таких случаях не приходится.

в данном случае мы реально имеем культурный монолог вместо диалога.

Феномен диалога культур часто, в том числе и в образовании, используется с одной прагматической целью — сформировать толерантность в межэтнических отношениях. Полезность решения этой задачи не вызывает сомнений и не может оспариваться. Однако само решение этой задачи невозможно без знания конкретных этнических культур во всем их многообразии и истории, без знания территориальных и социальных вариантов этих культур, а также без четких и объемных представлений

о современном состоянии этнических культур. Современная система образования не располагает такой информацией и оказывается не в состоянии внедрить весь этот материал в образовательный процесс в методически корректной форме. Понятие диалога культур в образовательном процессе в наши дни выглядит не более чем привлекательной декларацией, за которой стоят часто такие представления об этнической культуре, которые составляют полную противоположность гуманитарной парадигме, будь то культурология, этнография, этносоциология или этнодемография.

А. Я. Флиер¹

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Как известно, социокультурное состояние локальных сообществ (народов) не является постоянным, исторически неизменным. С течением времени многие параметры этого состояния меняются, что фиксируется по всему комплексу внешних проявлений, которые в совокупности называются «культурой того или иного народа». Культура и последовательность ее изменений представляют собой наглядное выражение прожитой истории всякого общества. Такая изменчивость может иметь как заметную динамику, так и замедленный темп, с трудом различимый в ходе наблюдений. Вместе с тем, в любом развитии, помимо признаков прогресса (то есть структурного и функционального усложнения), наблюдается еще и ряд закономерностей исторической изменчивости, о которых я хочу рассказать.

Первая закономерность заключается в том, что в ходе исторического развития общества углубляется уровень специализированности в деятельности людей. С каждой новой эпохой человек-деятель утрачивает навыки универсала, владеющего всеми технологиями, применяемыми в данной области социальной практики, и становится все более узким специалистом, владеющим технологиями только в какой-то локальной специализации этой области. Одновременно увеличиваются и глубина его познаний, и качество профессиональных навыков. На примере медицины или инженерной деятельности этот процесс наблюдается наиболее наглядно. Эту тенденцию еще в конце XIX века выявил Эмиль Дюркгейм и объяснил ее причины последовательным усложнением технологий в любой сфере деятельности, что требует более узкой специализации работника.

Однако эта тенденция приводит и к определенным социокультурным следствиям. Благодаря углублению специализации нарастает темп и объем изменений, новаций, усовершенствований в любой области деятельности. Это происходит потому, что работа узкого спе-

циалиста постепенно обретает все более творческий, рационализаторский характер, что становится одной из осмысленных задач его профессиональной практики. В некоторых сферах мало-помалу стирается четкая граница между работой специалиста-исполнителя и специалиста-исследователя. Понятно, что в разных профессиональных областях эта тенденция развивается с разной интенсивностью.

Благодаря этому темп изменчивости культуры в ходе истории в целом нарастает. В области экономики это явление называется научно-технической революцией. Но и в искусстве мы наблюдаем такую же нарастающую динамику перемен художественных стилей, в науке — ускоряющуюся смену принципов и парадигм познания и обобщения, в социальной жизни — эволюцию от кровнородственных отношений сначала к религиозно-политическим, а затем к национально-политическим и социально-культурным отношениям, и так во всем. Отмеченная тенденция охватывает практически все области жизни, постепенно вытесняя традиционную модальность социального бытия в маргинальное поле этого бытия.

Таким образом, мы видим, что в полном соответствии с возрастающим темпом социального развития общества нарастает темп изменчивости его культуры. Это объясняется процессом углубления специализации в деятельности людей и нарастанием творческого характера этой деятельности.

Другая закономерность социокультурной динамики заключается во взаимозависимости темпов социокультурного развития общества и уровня локальной самобытности его культуры. Мы хорошо знаем, что все этнические, а затем и национальные культуры отличаются более или менее выраженной самобытностью своих конкретно-исторических черт, благодаря которым мы и различаем эти культуры между собой и в связи с чем на конкретно-историческом уровне обобщения следует говорить не о культуре вообще, а о множестве различных самобытных культур.

Однако рассмотрение этого явления в исторической динамике показывает, что степень выраженности локальной культурной самобытности того или иного общества в существенной мере определяется темпом его социального развития. Когда динамика развития

¹ Профессор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 400 научных работ, в т. ч.: «Очерки теории исторической динамики культуры», «Культурология для культурологов», «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством обычая и рабством статуса» (в соавт.), и др.

общества ускоряется, понижается уровень его культурной самобытности; при замедлении темпа социального развития возрастает культурная специфичность. То, что за ускорение динамики развития приходится расплачиваться потерей изрядной доли традиционной культурной специфичности, мы хорошо знаем на примерах реформ Петра Великого в России, революции Мэйдзи в Японии, реформ Кемала Ататюрка в Турции и др. То, что усиление культурной самобытности сопряжено с застоем в социальном развитии, мы также можем наблюдать в собственной истории на примере Московского царства или по некоторым периодам истории Китая (например, эпоха Цинь).

Мне представляется, что культурная самобытность — это отнюдь не обязательная форма существования культуры, а ее частный случай, детерминированный особыми историческими обстоятельствами, прежде всего социальной самодостаточностью локального сообщества. Но в ходе индустриального и постиндустриального развития обществ их социальная самодостаточность начинает сдерживать прогресс во всех сферах жизни. В противовес этому нарастает обмен информацией, опытом и знаниями между народами, коммуникативные барьеры размываются и при этом снижается функциональная значимость культурной самобытности и черты ее выраженности. Чем выше темп социального развития, тем активнее протекает этот процесс.

Вместе с тем полное исчезновение локальной культурной самобытности в перспективе представляется маловероятным. Все общества социально неоднородны. И в каждом обществе всегда будет существовать прослойка людей, обладающих пониженной конкурентоспособностью в любой деятельности, особенно в наиболее новационных ее направлениях, которые условно можно назвать социальными аутсайдерами. Именно для этих людей демонстрация местной самобытности останется основной формой их культурного самовыражения.

Третья закономерность социокультурной динамики, которую я хочу рассмотреть, заключается во взаимозависимости между уровнем социокультурного развития общества и параметрами социальной свободы человеческой личности. Эта взаимозависимость выражается в том, что по мере социального развития общества и усложнения его социальной структуры поэтапно ослабевает социальный контроль над человеческой личностью, и она получает больший простор для своей социальной и культурной самореализации, то есть большую социальную свободу. Уровень жесткости социального контроля над индивидом в общностях первобытной стадии развития, что выражалось в многочисленных табу, ритуалах, обрядах и прочем, был существенно выше, чем контроль сельской общины над земледельцем аграрной эпохи, выраженный в системе этнографических и религиозных обычаев и сословных ограничениях. Такой контроль еще больше сокращается по отношению к горожанину индустриальной эпохи, который уже имеет определенные гражданские права и пользуется узаконенными политическими свободами. На постиндустриальной стадии развития получает

приоритет свобода культурного самовыражения человека. Вектор развития ситуации в направлении расширения социальной свободы индивида здесь совершенно очевиден.

Чтобы понять социальную обусловленность этого процесса, нужно представить себе человеческую культуру как одну из программ социального поведения живых существ. Социальное поведение животных регулируется в основном системой инстинктов, которые транслируются генетически и задают комплекс типовых реакций на типовые жизненные ситуации. В ходе антропогенеза популяционные животные инстинкты в существенной мере были вытеснены другой программой социального поведения — этническим обычаем. Обычай по существу представляет собой аналог инстинктивного поведения; он также построен на типовых реакциях на типовые жизненные ситуации, но его информационной основой являются, по всей видимости, архетипы сознания и ментальности, которые не наследуются генетически, а передаются посредством подражания (импринтинга) от родителей к детям. Разумеется, важнейшую роль в наследовании обычаев играет и процедура специального обучения детей устоявшимся правилам поведения. На этой трансляции обычаев и была построена традиционная культура первобытной и аграрной эпох. Жизнедеятельность сельских работников в деревне, составлявших абсолютное демографическое большинство населения ранних исторических эпох, в принципе не требовала иной, более сложной поведенческой программы.

Ситуация принципиально изменилась с переходом на индустриальный уровень развития, и особенно с началом масштабной урбанизации. Жизнь в индустриальном городе уже не может быть надежно обеспечена типовыми реакциями на типовые ситуации. На смену обычаю приходит другая поведенческая программа — система рационального поведения. В отличие от обычая и его императивных установок рациональное поведение определяется самим человеком, его разумом и ограничено достаточно абстрактными законами, регулирующими поведение в экстремальных ситуациях. Право человека на рациональное поведение, определяемое его разумом, — это и есть свобода. Доверие общества разуму человека ведет к постепенному ослаблению социального контроля над его поведением, невмешательству в его личную жизнь, внешний имидж и прочие индивидуальные проявления, не представляющие опасности для окружающих.

Итак, на протяжении человеческой истории мы можем наблюдать смену программ социального поведения *Homo sapiens*, воплощаемых и выражаемых в культуре: от популяционного инстинкта, преобладавшего на стадии антропогенеза, к этническому обычаю, регулировавшему поведение людей на первобытной и аграрной стадиях, и далее к свободному рациональному поведению членов гражданского общества на индустриальной и начинающейся постиндустриальной стадиях социальной эволюции. И это прямое следствие социального развития, которое проходит общество в ходе своей истории.

Приведенные три примера, конечно, не исчерпывают все закономерности, регулирующие социокультурное развитие, но позволяют спрогнозировать некоторые тенденции обозримого культурного будущего. В нем можно ожидать, во-первых, ускорение темпа перемен культурных форм, стилей, порядков. Во-вторых, понижение актуальной значимости национальной самобытности культуры, постепенно превращающейся в специфическую субкультуру традиционалистской части населения. И, в-третьих, в качестве определен-

ной компенсации снижения значимости национального начала следует ожидать повышения роли и значимости индивидуального начала в культуре, уже не только в художественной, что фактически наблюдается со времен Ренессанса, но и в социальной.

Этот прогноз касается обозримых культурных перспектив развитых постиндустриальных стран. Актуальность этого прогноза для России будет зависеть от темпов и особенностей ее постиндустриального развития.

С. С. Халилов¹

ВОСТОК И ЗАПАД: ГЕОКУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Существует ли такое отдельное явление, как культура, наряду с политикой, наукой, религией, нравственностью и другими? Или же культура существует как структурный уровень этих областей? Мы придерживаемся последней позиции.

Иначе говоря, вместе с разделением по областям — по горизонтали — следует провести разделение и по вертикали. Передняя линия каждой области — творческая деятельность — является прерогативой только профессионалов, исследователей, в то время как результаты этого творчества усваиваются определенной социальной общностью и переходят в традиции и навыки, что является показателем культурного уровня общества. Культура по отраслям часто охватывается понятием «цивилизация».

Под диалогом культур, как правило, понимается соотношение не отраслевых, а «национальных» культур. А что подразумевается под «национальной культурой»? Сюда обычно включают этнические и религиозные традиции, моральные нормы, духовную жизнь людей. Однако немалое значение имеет взаимосвязь отраслевых культур, в совокупности образующих локальные цивилизации. Приведение их к единому знаменателю в различных географических и политико-экономических регионах, идентификация и стандартизация новых технологий являются важным условием современной мировой системы.

Приобщение всех регионов к единой цивилизации становится возможным благодаря применению науки

к разным отраслям жизни. Вернее процесс направлен от традиционализма к рационализму и «онаучиванию» всех форм деятельности.

Образ жизни, основывающийся на приоритете разума и образе жизни и приоритете силы, — две крайности. Все другие формы оформления общества находятся между ними. С. П. Фицджеральд пишет: «...культурные господства восточного Китая, как и города Греции, пали под жестоким давлением воинственных народов, единственным вкладом в цивилизацию которых были способность к военной организации и умение выработать и внедрить суровый свод законов»².

В то время как экономика, торговля, транспорт, новые технологии побуждают мир к объединению, тенденциозная деятельность и амбиции политических лидеров, а также абсолютизация этнокультурных ценностей способствуют его расколу.

Хочу напомнить самую древнюю и продолжительную форму межкультурных отношений — Великий шелковый путь. Несмотря на все трудности, этот путь, пересекавший территории многих империй, продолжал действовать в течение многих тысячелетий.

Если бы верблюжьи караваны с грузом с легкостью могли передвигаться из одного конца света на другой, то в истории международной политики приоритет был бы не за войнами и политикой, а за торговлей и культурой.

Однако наряду с верблюжьими караванами в истории всегда имела место и вооруженная конница. Наряду с посланниками доброй воли — купцами, соединявшими различные части света, — были и вооруженные силы, требовавшие от купцов дань при переходе через границу «их территории».

С течением времени характер обмена товарами изменился. Параллельно с вывозом готовых товаров производился экспорт специализированных кадров и технологий. Торговля инициировала трансформацию идей, знаний и технологий. Легче стало производить товары на месте, чем перевозить их. Также произошла трансформация ценностей. В результате приоритеты во взаимоотношениях значительно изменились. Торговля «переросла» в диалог культур.

Мы не согласны с делением цивилизаций по религиозному признаку. Более разумным представляется

¹ Руководитель Исследовательского центра «Запад-Восток» (Азербайджан), главный редактор журнала «Философия и социально-политические науки». Член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана.

Автор 517 научных публикаций, в т. ч. «Основания научно-технического прогресса. Логико-методологический анализ», «Любовь и интеллект», «Романтическая поэзия в контексте восточно-западной проблематики», «Книга афоризмов. Избранное из избранных», «Elm haqqında elm» (Наука о науке), «Philosophy, science, culture. Their peculiarities in the East and the West», «Phenomenology of Life or Life of Idea».

Председатель Президиума Ассоциации философских и социально-политических наук Азербайджана. Член Президиума ВАК при Президенте Азербайджанской Республики. Депутат Парламента Азербайджанской Республики (2000–2005). Член Американской философской ассоциации (The American Philosophy Association — APA), Международного общества исследователей Гуссерля и феноменологических исследований (International Husserl and Phenomenological Research Society), Американской ассоциации политических наук (American Political Science Association — APSA). Награжден орденом Шохрат (Славы).

² Фицджеральд С. П. Китай. Краткая история культуры. СПб.: Евразия, 1998. С. 65.

деление на восточную и западную цивилизации. Но и это деление условно. Существует единая общечеловеческая цивилизация, в становлении и развитии которой в той или иной степени принимали участие разные народы и регионы. Вместе с тем на ранней стадии развитие человечества не представляло собой единый и непрерывный процесс, а совершалось в разных пространственно-временных континуумах. Речь может идти скорее о процессах, сформировавшихся и протекавших в различных геополитических регионах в тот или иной период времени, то есть о локальных цивилизациях.

А. Тойнби, рассматривая историю человечества как смену цивилизаций, делит их по географическому, религиозному и даже национально-этническому признакам¹. У него речь идет о возникновении, развитии и закате крупных социальных общностей, обладавших относительной внутренней целостностью. Прогресс человечества, таким образом, представляется как динамическая совокупность или синтез локальных процессов развития. Но каким образом эти локальные процессы дополняют друг друга в качестве слагаемых общечеловеческого развития?

Суммирование локальных цивилизаций представляет собой серьезную научно-философскую проблему. К сожалению, в этой сфере научные исследования практически не ведутся. Чаще встречаются исследования, в которых ввиду противопоставления отдельных локальных цивилизаций и акцентирования внимания более на различиях, чем на сходстве, поднимается вопрос о «столкновении цивилизаций».

Вместе с тем в современную эпоху процессы должны были развиваться в направлении формирования единой цивилизации. Однако часто встречаются случаи сознательного или несознательного смещения понятий «единая цивилизация» и «западная цивилизация». И это несмотря на то, что в структуре современной цивилизации представлены достижения всех прежних цивилизаций.

А. Тойнби выступает против сведения цивилизации только к западной. На основе исторического анализа он выдвинул концепцию множественности цивилизаций, существовавших в различные периоды истории, назвав помимо них, еще 5 цивилизаций, существующих в его эпоху. Тем самым он выступает против понятия «единая цивилизация». Но, критикуя идею единой цивилизации, Тойнби по сути критикует тезис о современной западной цивилизации как единственной: «Этот тезис о единстве цивилизации является ложной концепцией, к которой современных западных историков привело влияние их социального окружения. Особенность, вводящая в заблуждение, состоит в том, что наша современная западная цивилизация набросила сеть своей экономической системы на весь мир...»² Далее он пишет: «В культурном плане для тех, у кого есть глаза, очертания четырех живых незападных цивилизаций видятся достаточно четкими».

Что путает Тойнби?

¹ Тойнби А. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2002.

² Тойнби А. Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: АСТ, 2009. С. 88.

Выделяя 21 цивилизацию, существовавшую в прошлом, и 5 цивилизаций, существующих в настоящем (то есть в современную Тойнби эпоху), он представляет единую цивилизацию, в которой на передний план выводится одна цивилизация и игнорируются другие. Аргументы Тойнби достаточно убедительны, и его позиция объяснима.

Но почему мы настаиваем на понятии «единая цивилизация»? По той причине, что в сложившейся ситуации необходим более точный подход.

Да, можно говорить о множественности цивилизаций. Такие цивилизации мы называем историческими или локальными, поскольку они возникают в определенных регионах, развиваются, затем по той или иной причине их развитие останавливается, и цивилизация постепенно движется к закату. Тойнби тоже описывает исторический процесс зарождения и исчезновения цивилизаций. Его вводит в заблуждение тот факт, что и в его эпоху существует множество цивилизаций, одна из которых претендует на статус единой. Называя ее западной цивилизацией, к которой он и сам принадлежит, Тойнби тем не менее не хочет показаться предвзятым и справедливости ради защищает право альтернативных цивилизаций на автономное существование.

Но мы придерживаемся другого мнения. Во все времена наряду с множеством цивилизаций существовала по меньшей мере одна ведущая, которая была таковой благодаря не культурному своеобразие или национально-этнической исключительности, а сочетанию в себе положительных черт других цивилизаций.

Единая цивилизация суммирует достижения различных цивилизаций. На современном этапе эту функцию выполняет западная цивилизация. С нашей точки зрения, в каждой передовой цивилизации, перенявшей эстафету, есть часть других цивилизаций. И точно так же цивилизация, именуемая западной, в действительности есть общечеловеческая цивилизация.

Эту ситуацию достоверно характеризует Ф. Бродель. Он отличает единую цивилизацию от локальных. Это общее по отношению к частному. Ф. Бродель, ссылаясь на Р. Арона, пишет: «Созданные Западом технические новшества экспортируются по всему миру и с радостью принимаются. Они создают единый образ мира: здания из бетона, стекла и стали, аэродромы, железные дороги с вокзалами и громкоговорителями, огромные города, где концентрируется большинство населения планеты. Объединяет ли вся эта техника мир? Реймон Арон писал: "Мы находимся на той стадии развития, когда обнаруживаем одновременно относительную истинность концепции цивилизации и необходимость преодоления этой концепции... Фаза цивилизации заканчивается, и человечество переходит, хорошо это или плохо, на новую стадию развития..."», стадию *единой цивилизации*, способной распространиться на всю Вселенную»³.

Изучение отдельных локальных цивилизаций в пределах их рамок представляет интерес только в историческом плане. Отнюдь не все социальные процессы осознаны и целенаправлены. Но взгляд на них

³ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. С. 38.

через тысячелетия позволяет выявить в этом стихийном процессе целенаправленность. Если мы рассматриваем каждый пройденный этап как часть или ступень целостного процесса, то сначала нужно, исходя из достигнутого уровня развития, создать общую картину процесса, и лишь тогда сложится точное представление о функциях и роли отдельных частей в системе.

Каждый человек не только отражает специфику определенной природно-географической и социальной среды, но и является носителем общечеловеческих ценностей, представляя в этом смысле *человека вообще*. Поэтому, как бы ни была разнообразна «вторая природа», созданная в разные времена, в ней отражены общие черты, обусловленные общечеловеческим в человеке.

Между людьми существуют не только внешние, но и языковые, религиозные различия и т. д. Это разнообразие обуславливает существование различных культур. Интеллект является для всех людей общим. Безусловно, люди наделены неодинаковым интеллектом, но все думают, опираясь на единое основание. Логика одна. Кто-то наделен большей способностью логично мыслить, кто-то — меньшей. Но и в древности, и сегодня, и на Востоке, и на Западе механизмы мышления людей совпадают.

Так, если каждый народ имеет свою поэзию, свое искусство, то этого нельзя сказать о науке. Наука не может быть у каждого народа своя. Кто-то может лучше ее освоить, кто-то — хуже. Наука носит общечеловеческий характер. В этом плане общими для всех цивилизаций является именно интеллектуальный прогресс и как его производная — наука.

Именно здесь проявляется различие между цивилизацией и культурой. В культуру не входят наука, технология, творческие процессы в целом. Они становятся культурой, только будучи усвоены общественным сознанием. Передовая линия науки и всех других творческих отраслей не включается в понятие «культура».

Другими словами, культура есть ценностно-нормативная система, сложившаяся в конкретном регионе, локальной социальной среде в определенный период времени. Эти ценности усваиваются людьми в неодинаковой степени. Поэтому люди в различной степени являются носителями культуры. Но их критерии, эталоны специфичны только для данного локального социума. В другом социуме будут действовать другие критерии. Этим обуславливается различие культур. Иными словами, если один социум в культурном плане отличается от другого как количественно, так и качественно, то одна локальная цивилизация отличается от другой в основном количественно, то есть в плане достижения определенного уровня в последовательном, восходящем развитии человечества. Путь, пройденный одной цивилизацией, проходят и все остальные. Путь один, причем вертикально направленный, поскольку действует принцип кумулятивности. Этого мнения придерживается и Ф. Бродель: «Прошлое цивилизаций — это история постоянных заимствований друг у друга на протяжении веков, что вовсе не исключало сохранения ими своих коренных особенностей и самобытности. Признаем, однако, что впервые доми-

нирующий аспект какой-либо одной цивилизации охотно заимствуется *всеми* цивилизациями мира, тем более что скорость современных коммуникаций способствует быстрой и эффективности этого заимствования. Мы полагаем, что происходит проникновение вышеназванной *индустриальной цивилизации* в коллективную цивилизацию планеты. Результатом этого проникновения стал, становится, станет процесс перестройки структур каждой из цивилизаций»¹.

Но как можно перестроить структуру цивилизаций? Проблема заключается в идентификации ныне существующих цивилизаций. Важно уточнить основные составляющие единой цивилизации — восточное и западное «крылья».

Прежде всего отметим, что, хотя понятия «Восток» и «Запад» первоначально использовались в географическом смысле, мы употребляем их не в этом значении. Во-первых, встречаются и другие значения этих слов. Так, Восток воспринимается как символ традиционности, а Запад олицетворяет собой современность. С этой точки зрения особенности развития науки, культуры, образования на Востоке и Западе являются скорее временными, нежели пространственными, показателями.

Во-вторых, поскольку деление на Восток и Запад проводится на основании различий между типами цивилизаций и стилем мышления, то эти понятия также употребляются в данном контексте.

В-третьих, самое главное, важнейшим фактором различия Востока и Запада является то, в каком масштабе — личном или общественном — строятся отношения. Восточное мышление основную цель видит в совершенствовании человека, в западном видении главное — это совершенствование общества.

Восток и Запад представляют собой не столько географическое, сколько временное деление. Традиционное сталкивается здесь с современным, модерном. Если слово «Восток» ассоциируется с духовно-нравственными качествами, изначально свойственными человеку и выражающими его сущность, то слово «Запад» — с интеллектуальными и технологическими достижениями человека в Новое время. При таком понимании говорить о какой-либо западной цивилизации до Нового времени невозможно (нелогично). После распада Римской империи вплоть до эпохи Ренессанса Европа была частью восточной цивилизации, причем провинциальной ее частью. Основные процессы, значимые исторические события, определявшие геополитическую ситуацию, культурный и технологический прогресс, разворачивались именно на Востоке. Европейские страны участвовали в них в той мере, в какой имели связи с этими крупными центрами культуры. Неслучайно Испания, находившаяся под влиянием средневекового мусульманского мира, в развитии научно-философской мысли опережала все другие европейские страны. Церковь же была идейным центром не цивилизации и прогресса, а схоластики и инквизиции.

Приоритет в ту или иную эпоху тех или иных основ бытия — материального или духовного, чувственно-эмпирического и чувственно-эстетического

¹ Бродель Ф. Указ. соч. С. 38.

первоначал — также основывается не на географическом делении. После превращения Европы в носителя «западной цивилизации» ее экстраполяция в прошлое осуществлялась на основе произвольных субъективных рассуждений, что было одним из проявлений европоцентризма. Основным аргументом при этом была, безусловно, античная цивилизация. Однако объективный анализ показывает, что в плане деления на Восток и Запад система созданных в античную эпоху ценностей не соответствовала ни одному из этих полюсов и в этом смысле представляла собой скорее синкретическое явление.

В то же время начиная с XIX века в связи с ростом интереса к восточному стилю мышления закладываются основы новых философских и литературно-художественных изысканий, предвещавших будущий синтез цивилизаций. Наконец-то идеальная схема общественного прогресса начнет проявляться в реальности!

Именно поэтому сегодня диалог Востока и Запада, идея общечеловеческого единства находятся в центре особого внимания. Сквозь призму XXI века достаточно отчетливо видны контуры глобальных процессов, происходящих в мире. Очевидно, что формирование нового миропорядка требует нового подхода и к так называемому «диалогу цивилизаций». Еще в 1970–1980-х годах лишь немногие могли видеть сущность и приоритеты новой тенденции, заключающейся прежде всего в том, что культурная глобализация отражается на политической. Актуализация деления на Восток и Запад явилась следствием именно этих тенденций.

В современной научно-философской литературе речь идет либо о противостоянии, либо о диалоге цивилизаций. На самом деле, несмотря на различия культур, существует одна общечеловеческая цивилизация, которая создана усилиями всех народов. В этом смысле можно говорить лишь о монологе цивилизации. Другое дело, кто стоит у руля этого единого общечеловеческого процесса. В современную эпоху в мире сложилось относительно устойчивое положение, явившееся следствием формирования политической карты, завершения в целом процесса распределения экономики

и материально-технической культуры. Но на фоне ускорения миграционных процессов, размывания экономических и культурных границ возникает необходимость перераспределения материальных и духовных ценностей на основе новых критериев. Если прежде в пределах своих границ каждая страна имела собственный экономический и культурно-духовный «рельеф» и механизмы развития, то теперь этот национальный «рельеф» постепенно рушится. Без учета направления глобальных «ветров» представить географию культур уже невозможно.

Сегодня в кризисном состоянии находится не только мировая экономика, но и мировая социальная система в целом. Снимаются фильмы о конце света. Правда, о спаде, закате Европы говорят уже давно. Но говорят преимущественно философы, исходящие из гораздо более масштабных процессов. Отнюдь не все жители европейских стран имеют четкие представления о том, куда ведет путь, по которому они идут. Неведение и страх перед неопределенностью обычно усиливаются в эпоху экономических кризисов. Бессмысленно обвинять кого-либо в этом, поскольку такие кризисы возникают из недр глобализирующегося мира. В условиях гонки вооружения, распространения массовых заболеваний, растущей угрозы экологической катастрофы все оказываются «в одной лодке».

Через СМИ и Интернет глобализация сегодня проникает и в сферу нравственности, где непросто разрабатывать «противовирусную программу». Иными словами, в условиях глобализации, когда у каждой страны достаточно своих проблем, им грозит опасность превращения в чужую жертву. Беды тоже глобализируются. Следовательно, сегодня ни одна страна не может ограничиваться защитой собственных национальных интересов. Как говорил Ж.-П. Сартр, каждый человек, обладая свободой воли, несет ответственность за все, что творится в мире. Сегодня лишь нравственной ответственности или чувства вины недостаточно. Когда существует непосредственная угроза жизни людей, борьба с ней должна стать общей задачей всего человечества.

**В. Б. Шестаков¹,
В. А. Таймазов²,
С. М. Ашкинази³**

БОЕВЫЕ ИСКУССТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Физическая культура как совокупность всех материальных и духовных ценностей, создаваемых и используемых в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, является важной составляющей национальных культур большинства стран мира. В свою очередь исторически важную часть национальных систем физического воспитания в большинстве стран мира занимали и занимают единоборства.

В различных регионах сложились *весьма* оригинальные системы единоборств, которые отражали национальные традиции, религиозно-философские основы, географические особенности этих регионов. На Востоке и в Азии это восточные боевые искусства (в Китае — различные направления ушу, в Японии — каратэ, джиу-джитсу, айкидо, дзюдо, кендо; в Корее — тхэквондо, хапкидо, кумдо и др.), в Бразилии и странах Латинской Америки — капоэйра, в странах Европы — различные виды борьбы, кулачный бой (бокс), фехтование холодным оружием (в Средние века как компонент рыцарской физической культуры), в России — штыковой и рукопашный бой, самбо и т. д. В то же время нельзя не увидеть, что на становление и развитие этих систем достаточно сильное влияние оказывали и другие системы единоборств из сопредельных территорий.

Эволюция единоборств в различных регионах мира — это результат синтеза, интеграции, а по сути,

«диалога» различных национальных систем рукопашного боя во всем их сложном многообразии, попытка интегрировать в себя все лучшее, эффективное. Причем изучались и заимствовались не только и не просто приемы, но, что более важно, принципы построения эффективной техники движений. Одним из наиболее ярких примеров и результатов подобного «диалога» является самбо — яркий синтетический вид спорта и система подготовки, интегрировавшая в себя наиболее интересные, эффективные элементы национальных видов борьбы народов России и республик бывшего СССР. Этот опыт оказался очень удачным и продуктивным, причем настолько, что в настоящее время встал вопрос о включении его в Олимпийские игры как одного из популярных в мире вида единоборств.

Проверка эффективности различных систем единоборств многие века была весьма кровавой и очень жестокой, так как проводилась на полях сражений или в поединках. Лишь в начале XX века, с развитием олимпийского движения, она во многом была перенесена на поле спортивных соревнований. Этот диалог принял цивилизованные формы.

Настоящий взрыв интереса к традиционным формам рукопашного боя стран Дальневосточного региона и в целом к восточной философии и культуре в Европе и Америке произошел в середине XX века. Это было после возвращения американских войск по окончании Второй мировой и Корейской войн, где они во время боевых действий лицом к лицу «познакомились» с восточными боевыми искусствами, а в период оккупации даже смогли позаниматься у тамошних мастеров. «Разозглись» интерес к Востоку и фильмы такого признанного в Японии и в мире режиссера, как Акира Куросава. Его «Гений дзюдо» («Сугата Сансиро»), выпущенный еще в 1943 году, и более поздние — «Двойник», «Смута» и, конечно, «Семь самураев» во многом способствовали популяризации дзен-буддийской жизненной философии и самурайских принципов. Но мода недолговечна и изменчива. Однако все мы являемся свидетелями того, что, хотя первая волна ажиотажа вокруг восточных единоборств уже давно прошла, устойчивый интерес к ним сохраняется и по сей день в большинстве стран Европы и мира. Причиной этому является их мощный философско-этический потенциал.

Мы считаем, что с этого периода диалог между системами единоборств перешел на *качественно новый уровень* — *внимательное изучение и постижение культурно-философской и аксиологической составляющих национальных систем единоборств*. Ведь именно глубокие философские основы и культурно-психологические традиции — вот принципиальное отличие восточных боевых единоборств от каких-либо других. Кроме того, восточные боевые искусства уже много веков не просто неразрывно связаны со становлением

¹ Член Комитета Государственной Думы РФ по физической культуре, спорту и делам молодежи, кандидат педагогических наук, заслуженный работник физической культуры РФ, заслуженный тренер России. Неоднократный чемпион и призер чемпионатов России, мастер спорта по дзюдо и самбо. Президент Международной федерации самбо. Подготовил ряд известных спортсменов. Награжден Почетным знаком «За заслуги в развитии физической культуры и спорта», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² Ректор Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный тренер России. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. «Биоэнергетика спорта», «Генерал А. Д. Бутовский: у истоков олимпийского движения», «Спортивная генетика», «Спорт и иммунитет», «Петр Францевич Лесгафт: История жизни и деятельности», «Хронобиология и спорт», «Психофизиологическое состояние спортсмена: методы оценки и коррекции» и др. Член Межведомственной комиссии по развитию физической культуры, массового спорта и традиционных видов физической активности Совета по развитию физической культуры и спорта при Президенте РФ, член коллегии Министерства образования РФ, председатель Совета УМО вузов РФ по образованию в области физической культуры. Награжден орденом Дружбы и орденом Почета.

³ Профессор кафедры физической культуры СПбГУП, доктор педагогических наук, заслуженный работник физической культуры РФ. Автор свыше 220 научных публикаций, в том числе монографии «Вопросы теории и практики обучения военнослужащих рукопашному бою», «Обучение рукопашному бою в современных зарубежных армиях», «Технико-тактическая подготовка в комплексных единоборствах» и др. Вице-президент Международной любительской и Общероссийской спортивной федераций «Универсальный бой».

и развитием восточной философии, медицины и культурно-психологических традиций этого региона, но и сами являются важной их составляющей.

Не секрет, что абсолютное большинство новичков приходят в секции спортивных единоборств для того чтобы как минимум уметь защитить себя и научиться драться. Но любому, кто начинает заниматься восточными боевыми искусствами, с первых тренировок прививается очень важная мысль о том, что для истинных приверженцев этих боевых искусств физическая победа над противником, безусловно, важна, но никогда не является самоцелью. *Преодоление самого себя, своих слабостей и недостатков, постижение окружающего мира и себя в нем, жизнь в гармонии с окружающим миром* — вот *цель* и истинный смысл *пути*, который предложили патриархи — основатели восточных боевых систем для потомков.

Нужно признать, что в последние десятилетия на рубеже XX–XXI веков и особенно в последние годы «диалог» национальных систем единоборств существенно активизировался — расширился спектр, формат и география различных фестивалей и совместных соревнований по восточным и европейским единоборствам. Это движение стало настолько заметным явлением в мире, что международная организация «Sportaccord» (признанная Международным олимпийским комитетом) с 2010 года стала проводить Всемирные игры боевых искусств (Sportaccord World Combat Games).

Первый мультиспортивный форум состоялся в Пекине и прошел с огромным успехом. В нем приняли участие более тысячи спортсменов из 106 стран мира, которые соревновались по 13 видам спорта и боевых искусств. В октябре 2013 года в Петербурге пройдут вторые Всемирные игры боевых искусств. В наш город приедут продемонстрировать свое мастерство более 1300 спортсменов из 120 стран мира, причем уже по 15 видам спорта и боевым искусствам: айкидо, боксу, джиу-джитсу, дзюдо, каратэ, кендо, кикбоксингу, савату, самбо, спортивной борьбе (вольной и греко-римской), сумо, тайскому боксу, тхэквондо, ушу и фехтованию, из которых 9 — азиатских, 6 — европейских.

Динамика развития этого мощного мирового спортивного форума проявляется не просто в увеличении количества спортсменов, видов состязаний и стран-участниц. *Главное другое* — она существенно расширила возможности и отразила потребность к дальнейшему взаимообогащению культурными ценностями национальных систем боевых искусств, которые признаны не просто важной частью национальных культур многих стран, но и частью мирового наследия. В 2009 году Всемирный союз боевых искусств был официально включен в состав ЮНЕСКО. И в этом же году ЮНЕСКО признала необходимым внесение восточных единоборств в список *мирового нематериального культурного наследия*.

Этот факт позволяет сделать вывод о том, что в последние годы произошло важное смещение акцентов в восприятии восточных боевых искусств. Они стали не просто *посредником* в распространении восточной культуры, но и *важной частью мирового диалога культур*.

Будущие Всемирные игры–2013 внесут свой значимый вклад в этот диалог. Они станут не только крупным международным соревнованием. Помимо спортивных состязаний, запланирована обширная культурная программа, раскрывающая древние традиции боевых искусств разных стран мира, их социальные и духовные ценности. Предполагается, что тематика мероприятий будет охватывать историко-культурные аспекты развития разных стилей и школ, их значимость и влияние на общество, культуру, науку.

Еще одно подтверждение новому уровню этого диалога — VI Международный научный конгресс «Спорт, Человек, Здоровье», который запланирован в рамках культурной программы вторых Всемирных игр боевых искусств. Тематика Конгресса будет полностью посвящена широкому кругу современных проблем спортивных единоборств и боевых искусств, рассмотрению их ценностей, смыслов, их роли в мировом спортивном движении.

В качестве *главных целей* данного Конгресса были сформулированы следующие:

— способствовать развитию боевых искусств и спортивных единоборств как важной составляющей мира спорта, положительно влияющей на формирование физически и нравственно здорового общества;

— всемерно содействовать сближению и взаимопониманию культурных традиций Востока и Запада, лежащих в основе боевых искусств, как структурообразующих начал современной цивилизации.

Для реализации этих целей на Конгрессе предполагается рассмотрение не только актуальных проблем развития спортивных единоборств, но и тем, обобщающих и развивающих аксиологические, философские, культурологические и нравственные составляющие боевых искусств.

Обращение к аксиологическим, философским, культурологическим и нравственным составляющим спортивных единоборств и боевых искусств является далеко не случайным. Можно констатировать, что важнейшие фундаментальные нравственно-этические постулаты при обучении боевым искусствам не всегда выполняются в жизни. Причин много, но главная, как верно заметил профессор А. А. Долин, состоит в том, что *тепмы распространения восточных боевых искусств в Европе и Америке значительно опередили возможности освоения истинных ценностей этой части культуры Востока. Спортизация и коммерциализация, стремление к достижению быстрых результатов, внешняя атрибутика, ритуалы без понимания их смысла во многом вытеснили философско-этическую составляющую кэмпо*. К сожалению, это произошло во многом благодаря телевидению и кино, ежедневно пропагандирующим насилие и жестокость, которые демонстрируют псевдомастера боевых искусств. И этому необходимо активно противостоять. Ведь требования к морально-этической стороне формирования личности адепта той или иной системы, его нравственному облику — это тот аспект боевых искусств Востока, который остался неизменным до наших дней на протяжении всей многовековой эволюции. Поэтому ценностные аспекты занятий единоборствами будут занимать особое место в тематике проводимых научных мероприятий.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Б. В. АКСЮМОВ	профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук
И. Ю. АЛЕКСЕЕВА	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доцент
Н. К. АНОХИНА	заведующая кафедрой социологии, политологии и права Сибирского государственного индустриального университета, доктор культурологии, кандидат технических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Н. Г. БАГДАСАРЬЯН	профессор кафедры социологии и культурологии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Т. В. ГЛАЗКОВА	доцент кафедры иностранных языков Российской академии музыки им. Гнесиных, кандидат культурологии
В. И. ЕРЕМЕНКО	заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидат философских наук, профессор
О. А. ЖУКОВА	профессор кафедры культурологии Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
С. Ю. ИВАНОВА	заведующая кафедрой социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук, профессор
В. И. КАШИРИН	профессор Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук
С. С. КОМИССАРЕНКО	профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии
В. А. КОНЕВ	заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ	заведующий отделом эпистемологии и логики Института философии РАН, академик РАН, академик РАО, доктор философских наук, профессор
И. В. МАЛЫГИНА	директор Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики, доктор философских наук, профессор
Ф. Т. МАМЕДОВ	профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук
А. П. МАРКОВ	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
А. Н. МОСЕЙКО	ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
С. С. НЕРЕТИНА	главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук
И. Н. ПАНАРИН	координатор Аналитической ассоциации Организации Договора о коллективной безопасности, доктор политических наук, профессор
К. С. ПИГРОВ	профессор кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук

Г. А. ПРАЗДНИКОВ	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
Т. Б. СИДНЕВА	проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
В. А. ТИШКОВ	директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель Секции истории Отделения историко-филологических наук РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Б. Г. ЮДИН	заведующий Отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

В. А. ТИШКОВ: — Уважаемые коллеги! Начинаем работу нашей секции. Слово предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Несколько слов от имени Оргкомитета. В Международных Лихачевских научных чтениях принимают участие полторы тысячи человек, работают семь секций. От Оргкомитета я хотел бы всех поприветствовать и пожелать успешной работы.

Профессионально я ближе всего этой секции, поэтому хочу сказать несколько слов именно здесь, нашему научному культурологическому цеху. Работа Оргкомитета в этом году была, пожалуй, тяжела, как никогда, потому что образовался огромный разрыв между тем, что происходит в культурологическом цехе, и реальными потребностями государства, властных структур, общества, профессионалов, которые работают в разных сферах деятельности (экономистов, юристов и др.).

Мне, как первому доктору культурологических наук в нашей стране, приятно, что культурология стала модной отраслью научного знания. Как несколько лет назад она вобрала в себя рекламу и связи с общественностью, сегодня культурология вбирает представителей иных научных знаний: философов, филологов, историков и др. Это замечательно. Но в то же время формируется тенденция отрыва нашей области научного знания от реальных потребностей, практики. С философией это уже произошло, она погрузилась в дебри решения внутренних инструментальных задач и во многом перестала быть интересной обществу.

Вячеслав Семенович Степин, выступая на Философском конгрессе, заметил, что необходимо вернуть философии статус науки, имеющей непосредственное отношение к практике, отвечающей на практические вопросы жизни. Тем более такая задача стоит перед культурологией, которая в структуре научных дисциплин сегодня заняла место между философией и конкретными дисциплинами: литературоведением, филологией, этнографией, историей и т. д. Задача культурологии заключается в осмыслении структуры, морфологии культуры, динамики культурных процессов. Когда мы этого не делаем, в жизни происходят страшные вещи.

При подготовке к Лихачевским чтениям я заметил, что в деятельности отдельных моих коллег имеет место недопустимый консерватизм. Тема Чтений — «Диалог культур», а замечательный профессор из любимого мною вуза присылает доклад о том, что такое культура. Это, может быть, интересно ему, но стране давно не интересно. По критерию новизны и соответствия тематике я был вынужден отклонить большое количество докладов, а уважаемых мною авторов просить переписать доклады.

Культурологические знания сейчас чрезвычайно востребованы мировой цивилизацией. Организации Объединенных Наций, ЮНЕСКО, Правительству РФ нужны конкретные ответы на вопросы, их должна дать наука. Так же как и Министерству иностранных дел чрезвычайно важны практические рекомендации по построению диалога культур, а мы витаем в облаках. Поэтому я призываю участников секции сфокусироваться на болевых точках цивилизации. В нашей стране остро стоят этнические проблемы. Какие ответы может дать культурология? Уже есть неудачный опыт Германии, Франции в том, как там понимают мультикультурализм и реализуют его практически. Отечественная культурология может предложить другое понимание мультикультурализма? Вероятно, да. Мы должны генерировать идеи, которые потом лягут в основу государственной политики, а мы все еще занимаемся изучением индейцев Аляски. Я не против, но если бы мы могли из опыта индейцев Аляски извлечь что-либо ценное для развития нашей культуры (например, в сфере контактов с Кавказом), было бы прекрасно. Как они адаптировались в американскую культуру, что с ними происходило, какой урок был извлечен для развития государства?

В результате наше знание остается невостребованным. Поэтому мне кажется чрезвычайно важным, чтобы у нас сегодня состоялся предметный разговор с формулировкой идей.

Михаил Борисович Пиотровский (арабист, а не культуролог) однажды сказал: «Человек должен учиться жить в разных культурах». Почему не мы это сформулировали? Мне бы хотелось, чтобы материалы заседания сегодняшней секции содержали как можно больше крупниц позитивной мысли. Сейчас мы проводим анализ материалов, накопленных за годы проведения Лихачевских

чтений, на основе которого попробуем сформировать банк конструктивных идей.

Я прошу настроиться на дискуссию и не терять болевой нерв, выработать идеи, концепции, которые потом можно развивать и использовать. Мы должны быть нацелены на результат. Я уверен, что результаты будут — секцию ведут выдающиеся ученые академики Тишков и Лекторский. Желаю успехов в работе!

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо, Александр Сергеевич, за важное выступление, нацеливающее нас на обсуждение, в том числе практических вопросов. Вы сказали о том, что философия где-то витает, но сейчас в мире и нашей стране проявляется другая тенденция. В Курчатовском институте создали Центр альтернативных исследований, где нейробиологи изучают идею создания супермозга, но они постоянно привлекают философов для обсуждения вопросов. Так что философия востребована.

Слово для выступления предоставляется профессору Борису Владимировичу Аксюмову.

Б. В. АКСЮМОВ: — Позвольте сказать несколько слов о коренных переломах в развитии современной культуры, месте современной России в этом процессе и проблемах Северного Кавказа, которые меня волнуют.

Первое — современное развитие мировых культурных процессов характеризуется острой внутренней конфликтностью, столкновением разнонаправленных тенденций развития, противоречащих друг другу идей и принципов, смыслов и ценностей бытия. Главное внутреннее противоречие современной культуры состоит в острой конкурентной борьбе между современностью (ее даже можно назвать постсовременностью) и традиционализмом, секулярной и религиозной моделями социокультурной эволюции. Амплитуды развития современной культуры очень широки. Если мы берем религиозный компонент, то, с одной стороны, это постхристианский Запад, который во многом уже оторвался от своей религии. Недавно в Интернете я прочитал заметку о том, что 9 стран (Дания, Норвегия и др.) уже, по сути, стали безрелигиозными. Это очень показательный факт. С другой стороны, мы видим в исламском мире нарастание религиозного фанатизма, терроризма, экстремизма и пр. Это одна амплитуда, которая проходит по религиозной линии.

Если рассматривать проблему соотношения современности и традиционности, то здесь мы видим, с одной стороны, прорыв в XXII век, полеты в космос, постмодернизационную экономику, а с другой — возвращение к архаике, традиционализму. Эти амплитуды сегодня определяют развитие современной мировой культуры.

Несколько слов о России и Северном Кавказе, чтобы показать их место между этими амплитудами. Так или иначе мы вынуждены противопоставлять Россию и Северный Кавказ, хотя я считаю Северный Кавказ неотъемлемой частью Российской Федерации. В последнее время, к сожалению, часто приходится слышать, что Северный Кавказ нужно отделить, настолько эта

территория несовместима с остальной Россией по ценностям и принципам. Возможно, это в какой-то степени справедливо, но это не значит, что нужно ставить вопрос об отделении Северного Кавказа.

На мой взгляд, современная Россия окончательно встала на путь модернизационного развития. Проект модернизации, о котором так много говорят в последнее время наши политики, в частности Медведев и Путин, устремлен в будущее. Аналогичные процессы проходят и в культурной сфере. Идет модернизация экономики, с одной стороны, и постмодернизация культуры — с другой. На Северном Кавказе мы наблюдаем совершенно противоположные процессы — демодернизацию экономики и архаизацию культуры. Мы видим несовпадение, расщепление развития России и Северного Кавказа. Большая часть регионов России идет по пути модернизации, постмодернизации. А Кавказ — наоборот. Эта асимметрия, «брешь» в культурно-цивилизационном развитии России сегодня определяет конфликты и проблемы на Северном Кавказе: терроризм, экстремизм, этнополитический кризис, существование клановой системы и пр.

Возникает вопрос: каким образом все это гармонизировать? Возможно ли сделать Северный Кавказ неотъемлемой частью Российской Федерации не только с точки зрения государственного целого, территории, но и с точки зрения культурно-цивилизационных принципов? Конечно, в настоящее время трудно говорить о том, возможно ли это в принципе, но, безусловно, такие усилия следует предпринимать.

Государственная политика в этих непростых условиях должна быть направлена на разрешение сложившихся противоречий между современностью и традиционностью, секуляризмом и десекуляризмом, на реальную модернизацию северокавказского социума. Вместо этого, в том числе и благодаря внедрению религиозного образования, произошла существенная исламизация современной культуры ряда республик Северного Кавказа. Активная миссионерская деятельность по проповедованию радикалистских версий ислама, массовое обучение студентов в сомнительных зарубежных университетах, государственная поддержка, оказываемая «традиционному» исламу, привели к тому, что социокультурные процессы в Северо-Кавказском регионе в чрезмерной степени акцентированы на религиозном компоненте. Как следствие, противоречие между секулярным и религиозным, современным и традиционным не только не разрешается, но становится еще более выраженным, и попытки модернизации оборачиваются еще большей архаизацией региона. И задача по интеграции Северного Кавказа представляется все более трудновыполнимой.

Для иллюстрации хочу привести один пример. Недавно проводилось исследование уровня развития разных видов идентичностей в Северо-Кавказском регионе. Эти исследования показали, что уровень идентичностей, таких как этническая и религиозная, очень высок. Уровень этнической идентичности — более 80 % в целом по республикам Кавказа, наиболее выражен на востоке Кавказа (Чечня, Ингушетия и Дагестан); уровень сформированности религиозной идентичности —

более 90 % (особенно в Дагестане — 90,5 %). При этом уровень гражданской идентичности является достаточно сформированным и высоким — более 70 %.

Здесь возможны два подхода: одни исследователи говорят о том, что эти виды идентичности — дифференцирующие и интегрирующие — дополняют друг друга, а не противостоят друг другу, и на их основе можно сформировать некий синтез, единое социокультурное и культурное цивилизационное пространство России и Северного Кавказа. Другие, и я отношусь к их числу, говорят о том, что эти цифры показывают разрыв, брешь, о которой я уже говорил.

Гражданская идентичность, с одной стороны, и этноконфессиональная идентичность — с другой, часто выступают как конкурирующие, конфликтующие, сталкивающиеся между собой. К сожалению, на сегодняшний день процессы дезинтеграции становятся все более очевидными. И мы видим, что весь мир этим охвачен, и на глобальном уровне, и на региональном это тоже проявляется. Россия как страна, основанная на нескольких цивилизационных началах или идеях, в большей мере, чем многие другие страны, подвержена влиянию глобальных противоречий современного развития мировой культуры.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Ирине Юрьевне Алексеевой.

И. Ю. АЛЕКСЕЕВА: — Считаю большой удачей, что выступаю после профессора Аксюмова. С удовольствием читаю его работы, потому что он не боится затрагивать острые вопросы и осмысливать опыт, который он и люди, живущие на Северном Кавказе, переживают и который для них значим и актуален.

Валерий Александрович Тишков на пленарном заседании затронул вопрос о том, кто такие россияне. Мы помним, когда Борис Николаевич Ельцин употребил словосочетание «дорогие россияне». Многие были удивлены, потому что в Толковом словаре русского языка 1980-х годов россияне — это устаревший, высокопарный синоним слова «русские». А сегодня россияне — это современное слово, которым обозначают гражданина Российской Федерации. Например, мои русские соседи из Молдавии говорят: «Мы русские, но не россияне», потому что у них нет гражданства Российской Федерации.

Мне представляется в данном контексте важной и интересной концепция культуры, которую разрабатывает Вячеслав Семенович Степин. В этой программноцентричной концепции культура рассматривается как система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. Выделяются три уровня: реликтовые, архаичные программы, современные и новаторские. Возникает вопрос: может ли существовать российская культура, объединяющая русскую и чеченскую культуры? Я думаю, что может и должна существовать, и это вопрос разработки, создания новаторских программ. Миссия создания таких программ лежит на нас, представителях интеллектуального слоя.

С одной стороны, сегодня мы наблюдаем мультикультурализм, с другой — монокультурализм. Чего не

хватает на фоне кризиса мультикультурализма, о котором многие говорят? Я считаю оправданным введение понятия «метакультура». Этот термин употребил Даниил Андреев в своем мистическом учении. Говорить о российской культуре как включающей русскую и чеченскую как минимум странно, но о метакультуре Российской Федерации мы можем говорить. И не только как о реальности, но и как о потенци, задании.

Вообще в 1990-е годы многие религиозные программы, которые считались архаичными, стали восприниматься как новаторские. Частнособственнические настроения, тоже воспринимаемые как архаичные, стали новаторскими. Сегодня важно понять, что новаторские программы должны создавать мы, при этом меняя язык, вводя новые термины, например «российская метакультура».

Еще одна важная задача — это программа русской метакультуры. Может быть, здесь мы можем придать уже новое значение старым понятиям и ввести новые, включающие русскую, украинскую и белорусскую культуры.

Вчера на пленарном заседании украинский археолог говорил о необходимости воссоздания империи. Конечно, сложно поставить такую задачу — воссоздать империю, это не политкорректно и по сути неверно. Но мы знаем, сколько сил и средств направляется на то, чтобы воспитать настоящего украинца, который «убил» в себе русского. А ведь не у всех получается «убить». На пленарном заседании один из докладчиков говорил о том, что Украину не берут в Европу, и украинцы, может быть, не верят, что «убили» в себе русских, может быть, в какой-то ситуации проявится то, что они русские.

Мы помним, что было такое государство — Русь, Великая, Малая и Белая. Если вместо Малороссии использовать слово «Перворусь», то можно говорить о великорусах, белорусах и перворусах, это будет исторически оправдано, потому что Русью называлась лишь небольшая территория, куда входили Киев, Чернигов. Если в новгородских берестяных грамотах написано, что человек поехал из Новгорода на Русь, значит, он поехал в Киев или Чернигов. Здесь возникает много вопросов для специалистов, но во всяком случае это новое смысловое поле.

В. А. ТИШКОВ: — На трибуну приглашается профессор Надежда Гегамовна Багдасарьян.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Поскольку вчерашний день был насыщен разными высказываниями, идеями, сегодня хотелось бы высказать свое мнение по поводу услышанного вчера и сегодня. Из всего спектра идей, позиций, которые были высказаны вчера, я остановилась бы на двух. Первое — это тезис В. Т. Третьякова о том, что хватит разговаривать по поводу диалога, все это без толку, и само понятие диалога вряд ли уже может быть использовано и т. д. Второе — высказывание господина Толочко по поводу империи: он сказал, что это лучшее, что создало человечество, и что развитие возможно только в крупных объединениях.

Я вспомнила самое маленькое государство Люксембург, где с точки зрения развития нет проблем. В связи

с тем, что мы услышали, приведу одну цитату Омара Хайяма: «Большая часть из тех, кто в настоящее время имеет вид ученых, одевают истину ложью, не выходя в науку за пределы подделки и притворяясь знающими». Мы стали свидетелями упадка науки, осталась малочисленная когорта людей науки. Суровость нашего времени препятствует им всецело отдаться совершенствованию, углублению своих навыков. Омар Хайям известен не только как автор рубаи, но и как великий ученый.

Вторая маленькая реминисценция — Лев Толстой писал о том, что наука — пустое занятие, удовлетворение любопытства ученых. Наши современники, жившие при советской власти, добавляли: удовлетворение любопытства ученых за счет государства. По мнению Толстого, за всю историю науки ученые ничего народу не дали.

Мне сложно согласиться с некоторыми высказываниями о культурном разнообразии. Этот принцип создает базис, основу методологии смены цивилизационной парадигмы. То, что сегодня происходит в мире, его движение дает нам совершенно другие послы. Культурные образцы, с которыми мы имели дело еще совсем недавно, сегодня меняются, как и весь категориальный аппарат. Например, когда мы произносим слово «француз», возникает образ Франции, которую мы знаем по классике. Это исторический, историко-культурологический, чрезвычайно интересный материал.

Что происходит сегодня? Страны Европы демонстрируют третью реальность, третий тип культуры. Посещая европейские страны, мы удивлялись, как много там некоренного населения. Сегодня меняется этот тип культуры. Это принцип заложен в основу любых сложных (особенно сверхсложных) систем.

Апеллируя к тому, что сказала Ирина Юрьевна, хочу сказать, что нужны новые понятия. Категориальный аппарат, с которым мы до сих пор имели дело, не дает возможности работать с новыми социокультурными реалиями. Поэтому складывается принцип культурного разнообразия. Это серьезная универсальная методология для любых сложных и сверхсложных систем, природных и не природных.

В. А. ТИШКОВ: — Мы заслушали три доклада, связанных с практическими современными проблемами. Игорь Николаевич Панарин, пожалуйста, выскажите свое мнение.

И. Н. ПАНАРИН: — На пленарном заседании представитель Китая сказал, что они изучают уроки советского развития и краха. Я согласен с тезисом Аксумова о том, что Северный Кавказ органично развивается в рамках глобализации. У Северного Кавказа нужно учиться защитным механизмам по сохранению национальных традиций, обычаев и т. д. В православной России строится много храмов, внутри остальной России происходят другие процессы. Как совместить два диалога — исламский и православный? Это большая проблема, но ни в коем случае нельзя их противопоставлять.

А. Н. МОСЕЙКО: — На пленарном заседании был поднят вопрос, очень важный с моей точки зрения, о болевых точках культуры. И одной из таких болевых точек являются ценности и смыслы. Сегодня в выступлении Н. Г. Багдасарьян прозвучала интересная мысль о незападном мире, который она назвала третьей реальностью. Еще Тойнби в своей последней работе «Цивилизация перед судом истории» поставил вопрос о взаимоотношениях мира и Запада. Сейчас закладывается аппарат для оценки взаимоотношений Запада и незападных стран. Так, Айзенштайн сформулировал положение о многих современностях, он сказал, что сейчас нельзя говорить о единой современности, под которой подразумевается западная, есть различные современности и каждая незападная страна вступает в свое развитие в соответствии со своим пониманием современности. Недавно я прочитала несколько работ. В исследовании одного британского ученого высказывается мысль о монокапитализме, в частности о важности капитализма с азиатским лицом. Австралийский исследователь говорит о том, что сейчас мир формирует новые ценности, что популярность и идеал Запада уже поникли и сейчас на первый план выступают другие страны. Болевая точка — это незападные общества.

В. А. ТИШКОВ: — Следующий докладчик — Глазкова Татьяна Вацлавовна.

Т. В. ГЛАЗКОВА: — Темы диалога культур я касаюсь постоянно, потому что преподаю русский язык как иностранный. И в своих рассуждениях мне бы хотелось оттолкнуться от фразы, которую вчера на пленарном заседании произнес Владислав Александрович Лекторский, сказав, что диалог невозможен, если все участники совпадают во мнениях, и в том случае, если они полностью расходятся во взглядах. Когда мы говорим о диалоге, то чаще всего настроены не на дискуссию, а на полемику, в то время как, наверное, правильнее было бы находиться в русле дискуссии и искать общие точки соприкосновения.

В диалоге культур наилучшим образом проявляется специфический характер каждой культуры, поскольку условием диалога становится поиск общих точек соприкосновения феноменов, заведомо различных по содержанию культурных смыслов, вкладываемых каждым участником межкультурного обмена, коммуникаций в систему своих базовых ценностей. Разумеется, в каждой культуре существует своя система ценностей, и отношение к этой системе определяется благодаря культурным смыслам, которые содержатся в концептах. Построение концептосферы, понятия концепта, несмотря на разность наполнения, позволяет различным культурам вступать в диалог.

В свое время в работе «Этика нигилизма» Семен Людвигович Франк, определивший культуру как совокупность коллективных ценностей в общественно-исторической жизни, подчеркивал, что такое восприятие культуры характерно для европейцев, но не принимается русской интеллигенцией, настроенной в этом смысле антикультурно в силу общего жизнеустройства

России. Разумеется, со временем понятия уточнялись, но здесь, может быть, можно обратиться ко вчерашнему выступлению профессора Тощенко, который говорил, ссылаясь на социологические исследования, о несовпадении заявленной ценностной шкалы и поведения людей, выявляемом в социологических опросах.

Указание Франка, на мой взгляд, весьма симптоматично в связи с обсуждаемой темой диалога культур и содержания смыслов и ценностей в рамках этого диалога. Разность в понимании концептов культуры, всех ценностей, его составляющих, и смыслов, возникающих в результате формирования отношения к основным или базовым ценностям, репертуар концептов, включаемых в концептосферу культуры, — все эти факторы необходимо учитывать при подготовке к диалогу культур и ведении этого диалога в условиях мультикультурной ситуации общения. Они проявляются в процессе диалога на самых разных уровнях — понятийном, символическом, вербальном, невербальном, экстралингвистическом. Знание и понимание собственных культурных кодов, владение ими создают условия для диалога с другими культурами. Но продуктивное существование в этом диалоге невозможно без понимания права другой культуры не только на свою систему ценностей, но и на иной смысл ценностей, идейно-содержательный план которых кажется единственно возможным в культуре.

Таким образом, в диалоге культур происходят многочисленные процессы декодирования культурных смыслов, рождаемых концептами культуры и раскрываемых в системе, именуемой концептосферой. В заключение важно заметить, что, ведя диалог, мы должны ориентироваться на оппозицию «свой–другой», а не «свой–чужой». Впрочем, об этом довольно много говорится в литературе, в частности, посвященной поиску идентичностей.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Жуковой Ольге Анатольевне.

О. А. ЖУКОВА: — Уважаемые коллеги, я рада приветствовать вас на очередных Чтениях, вновь общаться с вами и поделиться своими соображениями, тревожащими меня как человека, принадлежащего к интеллектуальной традиции, к традиции русской интеллектуальной культуры. Я в большей степени буду говорить о ценностях и смыслах, практически не меняя главную тему своего доклада, который был опубликован на сайте.

Диалог сегодня — это скорее наше желание и декларация намерений, а в реальности мы наблюдаем особую форму встречи разных культур, интересов, жесткую конкуренцию, переходящую в конфликт картин мира, ценностей и смыслов. На пленарном заседании было справедливо отмечено, что одним из основных трендов современной цивилизации является неоварварство, которое можно охарактеризовать как сверхархаичку культур, достигших значительных результатов своего исторического цивилизационного развития, культур, которые претендуют на универсальное положение в истории мировой цивилизации.

В данном случае меня, как специалиста по русской культуре, волнует судьба русской интеллектуальной культуры. Современные российские интеллектуалы, наследники богатейшего достояния России, поражены в своих правах. Мы видим это практически ежедневно, это является политической повесткой дня.

Что можно сделать? Власть определяет наше отношение, и главное заключается в культурной политике, стратегии доминирующих властных элит, которые формируют запрос на тип общества и тип культуры. Какой он? Это традиционная личность, традиционное общество модерна и постмодерна. Современная российская власть в этих контурах, концептах не может определиться, и мы наблюдаем бесконечно понижаемый и понижающийся уровень интеллектуальной культуры. И дело не только в массовизации сознания, которое сопровождает общие процессы глобализации, а в том, как определяется субъект исторического развития, главный автор современности, кому делегируются цель и задача строить, конструировать современность, осваивать историческое наследие.

Должна отметить, что современным российским интеллектуалам роль коммуникатора и автора современности пока, увы, не принадлежит. Мы вынесены за скобки публичного пространства, и наш голос во многих важных, судьбоносных моментах развития страны не учитывается. Вообще в России судьба интеллектуальной культуры, безусловно, трагична, как и судьба философа, и судьба личности. Собственно, эту ситуацию демонстрирует не только история XX века, но и в целом история Руси, России — от Максима Грека, который приехал сюда с просветительской миссией и оказался репрессирован, до мучительной мысли Чаадаева, русских философов-эмигрантов и тех, кто остался в Советской России и принял на себя миссию внутренней эмиграции (Лосев, отчасти Лихачев, Бахтин), сохраняя этот накал и субстрат русской интеллектуальной культуры только как субкультуру личности.

Мы стоим перед неразрешимым вопросом модификации интеллектуальной культуры: русская традиция должна сохранить себя или двигаться в сторону классической интеллектуальной культуры Запада? В этом случае современный философ, гуманитарий — это интеллектуал, демонстрирующий инструментальный характер экспертного знания. Сохраняет ли он в себе моральные характеристики русской интеллигенции, отменяя задачу творческой свободы и одновременно моральной ответственности?

Мне кажется, что трудный путь синтезирования морального начала интеллектуальной культурой и чисто инструментального, прагматического знания современной российской интеллектуальной элитой еще не пройден, хотя, конечно, сохраняется пафос просветительства и отстаивания главных ценностей, определивших в том числе и духовный облик русской интеллигенции. Наше общество сегодня очень нуждается в скрепляющих смыслоразличительных установках (воспользуюсь формулой Льва Наумовича Когана, одного из своих учителей, который предпочитал говорить о смыслоразличительных установках). Такую задачу мы должны сегодня определить для себя, чтобы наш голос был услышан

и в публичном пространстве роль русского интеллигента и интеллектуала была признана структурообразующей, целеполагающей.

На мой взгляд, до сих пор перед нами стоит задача освоения корпусов текстов и интеллектуальных традиций России. Владислав Александрович — автор и один из редакторов книжной серии «Философы России», этот труд российские философы взяли на себя. К сожалению, сегодня не существует интеллектуального образца, лица, примера, на котором школьник, студент, человек современного российского общества может строить свою жизнь. Отсутствие интеллектуальных примеров, образцов — это большая проблема.

Еще один определяющий момент — это отсутствие связи между производством смысла, которым занимается, может быть, замечательная, но все-таки узкая группа интеллектуалов, и производством знаний, то есть трансляция этих смыслов в ткань современной культуры, что может быть реализовано только через институты социального образования и воспитания. Вот эта «связка» плохо работает, и, к сожалению, условия для того, чтобы эта трансляция происходила, не создаются. Мы видим, что сегмент гуманитарного знания сокращается и образовательная и культурная политика нашего государства, к сожалению, этому не способствует.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что процесс выделения индивидуального «я», личностная рефлексия из коллективного «мы» в целом представляет собой путь сложения философской интеллектуальной культуры, которая рефлексировала над мифами и сомневается в привычной, традиционной картине мира. Это, пожалуй, остается главной задачей для современных российских интеллектуалов.

В. А. ТИШКОВ: — На трибуну приглашается профессор Ирина Викторовна Малыгина.

И. В. МАЛЫГИНА: — Уважаемые коллеги! Одна из проблем, с которой мы с вами столкнулись в начале нашей дискуссии, связана с тем, что мы оперируем слишком сложной терминологией, поэтому может возникнуть «зазор», двусмысленность в понимании. Понятия «империя», «диалог», «смыслы» и «ценности» настолько многозначны, что, может быть, мы не всегда в контексте выступления будем иметь в виду все семы, грани значения.

Я тоже хочу соотнести свое выступление с дискуссией и обратить внимание на несколько сюжетов, которые прозвучали вчера на пленарном заседании и, возможно, сегодня получат свое развитие. На пленарном заседании с большой тревогой обсуждался процесс ценностного кризиса. Почему возникло чувство тревожности? В связи с тем, что ресурсы диалоговых коммуникативных стратегий себя исчерпывают? Что происходит с ценностным фондом современной культуры? Куда исчезли ценности? Современная культура совершенно не исчерпала ресурса постмодернистского легитимизма. Мне кажется, мы дожили до тех счастливых времен, когда хорошо то, что для меня ценно.

И при этом нам не интересно, насколько это ценно для других. Это, конечно, метафора.

Дело в том, что ценности исчезают не сами по себе. Человечество без них уже не может жить. Они перестают быть конвенциональными. Мы действительно утрачиваем единый, объединяющий нас всех культурный корень. Но стоит ли нас за это винить или мы достойны сострадания? Какая еще страна переживала такие ценностные метаморфозы на протяжении жизни 3–4 поколений? Только за XX век мы как минимум трижды пережили ценностные «перевертыши». Система ценностей, основанная на божественном авторитете, божественном откровении, когда мы себя называли не просто россияне (действительно этот идентификат был не востребован очень долго, в России практически никогда), а говорили: русский — это православный. Это происходило до 1917 года, когда ценностная система совершенно изменилась, мы все стали советскими, то есть была некая конвенция, коллективный самоидентификат. Это происходило до начала демократических преобразований в России, перестройки. Что произошло в это время? Наша любимая национальная забава: мы, как всегда, все разрушили до основания, но только если в 1917 году мы крушили храмы, то в период демократических преобразований мы избавлялись от культурных текстов советской эпохи. Что было предложено взамен? Культурный плюрализм. Но у нас ничего не получилось. Если в европейских странах плюрализм способствовал формированию либеральной гражданственности, толерантности, как бы мы ни относились к этому понятию, у нас он стимулировал ситуацию раскола, распада, фрагментации культуры. Теперь мы не знаем, как себя найти. Мы — россияне? Это название нас не очень скрепляет.

Сегодня смыслообразование происходит вокруг концепции идентичности. Что такое идентичность? Это наша рефлексия и глубинное эмоциональное, на сакральном уровне переживание по поводу двух вопросов: кто я и с кем я? Что это за целостность, по отношению к которой я могу сказать «мы», «и я этой силы частица»?

Кризис идентичности, с которым столкнулась российская культура, — это не только наша прерогатива, на самом деле это общемировой тренд современности. Другое дело, что в России все всегда сложнее и болезненнее. Поиск новой идентичности у нас приобрел две тенденции в русле мировых трендов: с одной стороны, это поиск культурно-цивилизационной идентичности, и здесь Россия исторически смотрит в сторону Западной Европы, по крайней мере после реформ Петра, которые, по словам Федотова, поставили Россию на пересечение самых великих культур Запада и сформировали природу русского европейца. Но здесь у нас не сложилось. Дело в том, что наше вхождение в глобальное пространство, в том числе и в западноевропейскую цивилизацию, не было поступательным и органичным, как у большинства европейских стран. Как только «железный занавес» упал, мы ввалились в это пространство. Нас там не ждали. И нам еще только предстоит сформировать цивилизационную идентичность.

Особенность современных идентификационных процессов заключается в том, что идентичность в современном мире становится конвенциональной. Нам мало, что мы заявили себя как европейцы, нам надо, чтобы европейцы сказали: «Да, действительно, мы с этим согласны». Но Европейский Союз пока нас не приглашает, не идентифицирует россиян как европейцев.

С другой стороны, неудачи поиска цивилизационной идентичности стимулировали противоположную тенденцию, мы стали искать основание социальной солидарности в глубинах наших традиционных культур. Но что произошло в советский период, мы все знаем: народы, а российский, может быть, в первую очередь, оказались оторванными от своих этнических корней. Явление этнического ренессанса, которое развернулось по всему миру, у нас тоже происходило по-особенному, было заидеологизировано, стало средством борьбы этнических элит за влияние на местах. Мы просто разползлись по этническим «пещерам». А русским вообще не к чему прислониться в этом смысле. Поэтому сублимации в поисках идентичности были направлены на локальную идентичность.

Еще одна сложность — разнонаправленность, амбивалентность поиска идентичности — вывела нас на очередной виток извечных метаний между глобализмом и антиглобализмом или, как раньше говорили, между западничеством и славянофильством. Фактически повторяется та же тема, но у нас она осложняется тем, что разрыв между желанием включиться в модернизационные процессы, присоединиться к Западу и сохранением традиционализма выражен очень ярко. Почему? Мы — страна евразийская, и исторически Россия впитывала не только европейскую культуру, но и традиционализм восточных и кочевых языческих культур. И, к сожалению, самые болезненные конфликты и внутринациональные российские разломы пролегают на оси Запад–Восток, причем, как сегодня уже было замечено, имеется в виду исламский Восток.

Что делать? Концепция толерантности не выдержала проверку временем, ее ставят под сомнение, она не вполне работает, как и концепция мультикультурализма. Они отходят в разряд мифологии глобализма. Что остается? Не следует отказываться от идеи диалога, сегодня действительно важно перенести акцент на субъект диалога, того, кто будет транслировать эти смыслы. Говорят о появлении нового андрогена, человека, который, с одной стороны, защищает презумпцию невиновности традиции, а с другой — готов к модернизационным переменам. Что это, утопия? Звучит, конечно, завораживающе, но доживем ли мы когда-нибудь до такой идеальной модели? Глобальная культура не случилась, а сами собой противоречия диалогом не станут.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Фуаду Теюбовичу Мамедову.

Ф. Т. МАМЕДОВ: — Уважаемые коллеги, я хочу поговорить об основных трендах современности. Мы, культурологи, по-видимому, в первую очередь долж-

ны отвечать на вопрос: «Как это сделать наилучшим образом?»

В настоящее время происходит деградация высокой культуры, хотим мы этого или нет. Это диалектический процесс, который нужно обязательно регулировать. Александр Сергеевич Запесоцкий говорил о неоварварстве, дикости, культе силы в глобальной политике и ответственности ученых. Действительно, ученые должны вырабатывать такие технологии жизнедеятельности, которые могли бы разрешать противоречия и направлять высвобождающуюся энергию в созидательное, а не разрушительное русло. Валерий Александрович Тишков высказал мысль о постоянных изменениях феномена культуры и важности влияния этнических культур, сохраняющих свою национальную самобытность и в то же время модернизирующихся в рамках этой культуры. Вячеслав Семенович Степин — о необходимости управлять точками роста ценностей во всех культурах. Ганс Кехлер — о том, что культуры предполагают равенство.

Исходя из поставленных задач, важно сегодня осознать, что мы принадлежим к единому типу человеческой культуры — *Homo sapiens*. Но в рамках *Homo sapiens* существует много разных культур — дикости, варварства, авторитаризма, феодализма, технократизма, рационализма и гуманизма. Значит, культурологам нужно стремиться к гармонизации мира культур.

Я предлагаю подумать о разработке международной программы, регулирующей переход от человека типа *Homo sapiens* к человеку типа *Homo culturales*, то есть человеку культурному, обладающему высокой степенью знаний, умений, организованности, нравственности и созидательной деятельности. Как это делать? Через гармонизацию культур и интересов, разработку новых идентичностей в культуре, ориентированных на базовые культурные ценности, которые мы всегда можем найти у разных народов. То есть нужно менять сознание.

Основоположник культурологии Лесли Уайт в свое время сказал, что поведение человека меняется с изменением его культуры. Значит, мы должны думать о том, чтобы поднять роль культурологии и в исследованиях актуальных проблем развития человечества, государственной политики, управления. Мы должны формировать человека нового типа, который будет осознавать свою идентичность с *Homo culturales*, то есть развивая человека через образование, науку, просвещение, такие качества, как знание, умение, организованность, нравственность и созидательная деятельность. Если исключить нравственность, мы получим цивилизованность, а цивилизованность может быть и разрушительной, деструктивной силой. Даже созидательная деятельность может носить эгоистический характер, то есть поведение культурного человека и культурное поведение человека — это не одно и то же.

Я хочу привести слова известного азербайджанского мыслителя Мирзы Шафи Вазеха, которые не утратили своей значимости:

Добру и злу дано всегда сражаться,
И в вечной битве зло сильнее тем,
Что средства для добра не все годятся,
Меж тем как зло не брезгует ничем.

Давайте созидать силами добра и формировать человека *Homo culturalis*. Я лично готов работать над этой программой, так же как и возглавляемая мною ассоциация «Культура Азербайджана», и Академия государственного управления при Президенте Республики, если вы примете решение включиться в разработку этой международной программы. В этом случае мы сможем улучшить ситуацию и вселить людям надежду на будущее, потому что только высокая культура может спасти мир, если мир защитит культуру.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — В выступлениях были прекрасно показаны метания в интеллектуальной истории России. Но мне кажется, что если эти метания были оправданы в XVIII–XIX веках, то в XXI веке пора уже от них отказаться. На мой взгляд, не нужно смотреть ни на Запад, ни на Восток, надо просто быть самим собой. Это нормальное развитие любого человека. Если человек хочет себя утвердить в жизни, то надо не смотреть на соседа, а делать свое дело. И если ты все делаешь успешно, твоя судьба сложилась. Это применимо и к народу.

Нам, культурологам, эти идеи нужно пропагандировать. Не следует забывать о том, что русская философия в начале XX века поставила те проблемы, которые западная философия начала задавать только в середине XX века. Если говорить об искусстве, то не следует забывать о том, что Лев Толстой и Достоевский признаны во всем мире. Не надо забывать и об авангарде и т. д. Мы всегда можем говорить о том, что самобытность существует. И я думаю, что главное для современного развития России — экономического, политического, культурного, личностного — определиться в своей судьбе без ориентации на что-либо.

Н. Г. БАГДАСАРЬЯН: — Я хотела бы сказать несколько слов по поводу выступления Ирины Викторовны. Отмечается пессимизм современной молодежи. Мы имеем дело со студентами и видим, что с ними происходит. Но в современной ситуации есть тренды, которые у меня вызывают оптимизм, хотя многие говорят о том, что современная молодежь нацелена исключительно на материалистические ценности и для них ничего, кроме хорошей зарплаты, не существует. Согласно некоторым исследованиям и наблюдениям, у определенной категории молодежи начинают доминировать нематериальные ценности, есть вещи, которые для них важнее, чем хорошая зарплата, прекрасная работа, карьера и т. д. Эти данные сегодня фиксируют европейские и американские социологи, они говорят о том, что американская молодежь вступила в новую парадигму. Что касается нашей страны, то Россия всегда находилась на перекрестке сопряжения разных культур.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Светлане Юрьевне Ивановой.

С. Ю. ИВАНОВА: — Поиск смысла и ценностей, наполнение традиционных ценностей новым смыслом являются актуальной задачей современной науки и за-

дачей этической современной интеллигенции и тех, кто себя к таковой причисляет. Тема моего выступления — «Патриотизм как значимая социальная ценность в современной России». По моему убеждению, именно патриотизм является не только социально значимой, но и в определенном смысле системообразующей ценностью среди тех, которые мы сейчас ищем. Но актуальна ли эта проблема? Безусловно.

По данным ВЦИОМ и РОМИР, 89 % россиян полагают, что сегодня мы недостаточно говорим о патриотизме и недостаточно воспитываем его. Потому что если не погружаться в психологические, политологические дискуссии, то патриотизм понимается либо как чувство, либо как идеология, то есть существует на многих уровнях. Патриотизм является гражданским чувством, своеобразным конструктором, соответственно конструирование этого чувства, его формирование — это задача, которая не решается достаточным образом, по мнению россиян. 17 % опрошенных полагают, что развитие патриотизма происходит само собой, 79 % считают, что общество обязано организовывать деятельность в этом направлении, 19 % — что воспитанием патриотизма должны заниматься СМИ, более 50 % — школа и семья.

Мы проводили опрос студентов в нашем университете. На вопрос: «Хотите ли вы, чтобы вашим патриотическим воспитанием занимались?» 62 % студентов ответили: «Да, нам этого не хватает». Но для того, чтобы понять, куда двигаться дальше, каким образом и что формировать, нужно определить точку, в которой мы сейчас находимся.

В настоящее время патриотизм присутствует в жизни россиян, представляет собой достаточно сложное явление, которое одновременно является наследником советского патриотизма, патриотизма великой российской державы и представляет собой совершенно новый феномен. Потому что изменился сам субъект патриотизма, то есть мы, жители нашей страны, уже не тождественны субъекту патриотизма, каким был многонациональный советский народ, если вспомнить советский патриотизм. В то же время изменился и объект патриотизма, то есть наше Отечество, культурное поле, в котором формировался этот феномен, и содержание самого патриотизма: оно стало неидеологичным. Мы долго отказывались от монополии на идеологию, об этом много говорилось. Патриотизм стал чувством интимным, я бы сказала, антропологическим.

Чем характеризуется современное патриотическое сознание? С одной стороны, осталось ощущение Отечества как огромной территории, не уступающей великим государствам мира, сохранено чувство многонациональности как естественное чувство, не утрачено представление об Отечестве как великой державе, временно переживающей определенные трудности. С другой стороны, появилось ощущение искусственного разрыва с частью Отечества, стремление восстановить утраченное. Отмечу интересный момент: переход от советского патриотизма к патриотическому сознанию современности занял очень короткий промежуток времени, и этот был деструктивный переход. Если на ранних этапах это чувство трансформировалось

эволюционно, то здесь имели место сознательное разрушение и нейтрализация патриотического сознания. Нельзя смотреть в будущее, говорить о настоящем, не обращаясь к прошлому. В этом смысле состояние российского сознания, российской культуры не столь уникально. Если обратиться к истории вопроса, то можно привести высказывания Чаадаева, который говорил, что критерии развитости цивилизаций — это благоустроенная жизнь народа в различных ее проявлениях, и путь к ее достижению — это опора на внутренние источники и одновременное заимствование из Европы классической культуры.

Одновременно сейчас присутствует феномен, который Николай Яковлевич Данилевский охарактеризовал как «европейничание». Он писал о том, что «европейничание» включает искажение народного быта и замену его иностранными чуждыми образцами, заимствование иностранных учреждений без учета особенностей России. Мы видим это сейчас в системе образования. Явления внутренней российской жизни рассматриваются с европейской точки зрения и через «европейские очки». Актуально и высказывание Ивана Александровича Ильина о поисках ценностей. Семья, вера, свобода, совесть, родина, национальные патриотические чувства, государство и частная собственность — он предлагал такую систему ценностей, считая главной патриотизм, любовь к Родине, которую он называл единственной духовной реальностью. Любовь к ней отражает три феномена особой родины, России. Бремя земли, пространства: мы занимаем 1/6 часть суши. Бремя природы — это ранние заморозки, бесконечное болото на севере и сыпучие пески на юге. Бремя народности, выражающееся в том, что в России проживают до 180 различных племен и наречий. Мы должны принять это бремя и не искоренять.

Невозможно решение проблемы формирования патриотизма без определения того, что значит быть русским, без отношения к тому, что значит русский, без разведения понятий «русский патриотизм» и «российский патриотизм». Потому что в то время, когда произошел этнический ренессанс многих народов, населявших бывший СССР, этнический ренессанс русского народа сопрягался с такими понятиями, как «национализм», «шовинизм» и т. д. Сейчас мы не можем дать точного определения, что значит быть русским. Посмотрев в прошлое, можно сказать, что русское отождествлялось с народностью Достоевским, всечеловечностью — Белинским. Струве говорил, что русские — это те, кто участвует в русской культуре. На мой взгляд, это определение является наиболее актуальным на сегодняшний день.

Патриотизм, как и любое другое чувство, формируется в системе символов, образов и героики. Это герб, флаг, гимн страны. Гимн страны в последние десятилетия не знал практически никто из школьников, согласно недавно проведенным опросам, слова гимна страны знают 23–25 % учащихся. Это трагический момент культуры, когда гимн много раз переписывался, не было слов и даже члены Государственной Думы при проигрывании гимна вставали, но молчали или шептали слова старого гимна, то есть присутствовала не-

кая эклектика. Герб, знамя — тоже символы страны, но они не более 5–7 лет назад вошли в наши официальные кабинеты и учебные заведения, до этого в этой сфере был вакуум.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов практически были повержены все образцы, на которых воспитывалось поколение 40–50-летних. Среди новых героев молодежи, согласно опросам («Кого вы считаете образцом для подражания?»), выделяет разных людей — от Билла Гейтса до Петра I. На российском телевидении проводился опрос «Кого можно считать героем России?» Выбор остановили на Александре Невском. С горечью хочу заметить, что очень мало называют представителей второй половины XX и начала XXI века. Из политических деятелей чаще всего звучит имя Владимира Путина в силу его известности, иных героев нет. Все другие герои — из эпохи Петра I и более ранних либо эклектика из того, что мы сейчас называем обществом мультикультурализма.

Если иметь в виду символические практики, то, говоря о России, каждый представляет себе некий образ (они тоже не столь многочисленны): это Кремль, береза, некие визуальные образы, наполненные смыслами, и в то же время все символическое поле, способствующее формированию этого чувства. При этом русскость и российскость отождествляются. Эта сфера завоевана рекламщиками. Мы видим рекламу на улицах наших городов, где количество русского, российского значительно возрастает: русское лото, русская водка, можно продолжить этот символический ряд. Это стихийный рыночный ответ на социальный запрос, консолидирующий некие моменты для нашего народа.

На пути формирования российского патриотизма, российской идентичности возникают проблемы. Патриотизм, безусловно, является основанием для формирования позитивной идентичности. Говоря сегодня о проблемах Северного Кавказа, можно сказать, что патриотизм в значительной степени является альтернативой этнонационализма. Необходимо решить сложную проблему взаимодействия с региональными этническими идентичностями, смягчения противоречий между различными составляющими российской идентичности, проблему симметричного характера регионального и городского развития России, потому что Россия сейчас — это множество Россий (Россия Москвы и даже Подмосковья и т. д.).

И самый важный вопрос, на мой взгляд, — если понять смысловое содержание этого феномена, то нужно определиться с тем, кто будет это делать и как. Сейчас политическая элита должна быть патриотически ориентирована. Патриотизм силен как чувство, тем, что имеет деятельностный аспект, это не только символы и риторика, точнее словарь и риторика, но и патриотическая деятельность элиты, направленная в первую очередь на формирование этого чувства.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Владимиру Ивановичу Еременко.

В. И. ЕРЕМЕНКО: — Уважаемые коллеги, я хотел бы вместе с вами поразмышлять на следующие темы:

российская интеллигенция как ретранслятор ценностей и смыслов, диалог культур как источник или исходный пункт зарождения российской интеллигенции, миссия, субъектность интеллигенции, ее положение в современном российском обществе, какие задачи она сегодня выполняет и какие теоретические проблемы возникают.

С моей точки зрения, диалог культур, который сегодня вызывает такие скептические, пессимистические оценки, не утратил своей конструктивной, созидательной роли, по крайней мере в условиях современной России, поэтому я бы не отвергал его возможность и функции. Более того, диалог культур как взаимопроникновение, взаимообогащение стал бы неплохой альтернативой тому, что действительно исчерпало возможные смыслы. Я имею в виду термин «толерантность», который у многих вызывает недоумение. А диалог культур — работающая категория.

Петербург стал «повивальной бабкой» российской интеллигенции, «окном в Европу». Как говорил Моисей Самойлович Каган, Петербург стал воротами, через которые из Европы шли новые ценности и смыслы, важные и необходимые для становления ментальности российской интеллигентности. Но в этот момент происходит столкновение традиционных ценностей, таких как солидарность, соборность, правда, самодержавие, патриотизм (мы его сегодня не ищем, а восстанавливаем, напоминаем о том, что это традиционная ценность, которая была, есть и будет), православие и империя.

Несколько слов по поводу империи. Н. Г. Багдасарьян, говоря об империи, привела в качестве примера Люксембург и сказала о том, что можно процветать и без империи, нормально жить в условиях неимперского существования. Я полагаю, что такое сравнение не очень корректно и неконструктивно, потому что «имперскость» — это ценность России, она обусловлена геополитическими, географическими и иными обстоятельствами. Эта ценность имела основание и как идеал, и как норма, и как общественное благо, и другие основания, поэтому это часть самосознания российского общества. Она никуда не исчезла, сохраняется в современной России, может быть, не в таких очевидных формах, как это было раньше.

Традиционные ценности существовали до Петровских времен. Но наряду с ними появились новые ценности, проникнув через «ворота», которыми стал Петербург: свобода личности, народное представительство, разделение властей, республика. В ходе такого взаимодействия, борьбы одних ценностей с другими сложилась определенная эклектическая система ценностей, которая стала духовной основой той социальной группы, которую мы потом назвали российской интеллигенцией. Эта эклектичность и внутренняя противоречивость позволили российской интеллигенции стать эффективным посредником между властью и обществом, выполнять эту функцию.

Вообще присутствие интеллигенции в общественной и политической жизни страны очевидно, однако определение границ этой группы и векторов ее взаимодействия с обществом и властью по-прежнему представляется очень сложной теоретической задачей. Каж-

дая эпоха накладывала отпечаток на менталитет и образ интеллигента. Дореволюционная интеллигенция искала спасения в социальном покаянии перед народом, верила в преобразовательную силу просвещения, шла в народ с «Букварем», исповедовала жертвенность. «Дело прочно, — говорил Некрасов, — когда под ним струится кровь». В Советском Союзе интеллигенция была огосударствлена. Можно напомнить слова Бухарина о том, что «мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике». Появились понятия «рабочая интеллигенция», «народная интеллигенция», «крестьянская интеллигенция» и т. д. И, как представляется, новое историческое общество — советский народ — стало синонимом советской интеллигенции. Эта интеллигенция была носителем партийно-государственных ценностей. У интеллигенции эпохи перестройки разрушительные силы оказались сильнее, чем созидательные. Иссякание и распад она чувствовала острее, чем прирастание, произрастание и рассвет. Эта интеллигенция, с моей точки зрения, несет ответственность за распад времен, за крупнейшую геополитическую катастрофу — распад Советского Союза.

Я вспоминаю дискуссии, которые велись в эпоху перестройки, некоторые из активных участников тех дискуссий присутствуют сегодня здесь. В то время уже появились статьи Нины Андреевой «Не могу поступать по принципам», Александра Николаевича Яковлева «Антиперестроечный манифест». Интеллигенция уже почувствовала дух свободы, начала рвать на части всех, кто стоял на пути перестройки и мешал двигаться вперед. Вспоминаю собрание творческих работников, которые гневно бросали обвинения в адрес партийных руководителей. Запомнились слова замечательного актера Кирилла Лаврова, сказавшего партийным деятелям Ленинграда: «Вы сначала дайте нам (актерам) колбасу, а потом требуйте от нас хороших спектаклей». Потом колбаса появилась, но почему-то стало мало хороших спектаклей, о которых мы сегодня, обращаясь к прошлому, вспоминаем и которыми восторгаемся.

Третье тысячелетие отмечено появлением на общественно-политической арене нового поколения интеллигенции, которой, как мне думается, необходимо освободиться от «родимых пятен» своих предшественников. Мировой опыт учит: эволюция предпочтительнее революции. Революционный шаг Блока должен стать эволюционным шагом Евтушенко. К сожалению, новая интеллигенция наступает на старые грабли.

В Санкт-Петербурге начал свою работу политический дискуссионный клуб, и я присутствовал на некоторых его заседаниях в качестве участника, эксперта. Назову темы некоторых выступлений: «Эволюционный путь, боюсь, невозможен» (Валерий Ачкасов), «Бархатная революция рано или поздно произойдет» (Даниил Коцюбинский). В этих и многих других выступлениях говорилось о том, что надо готовиться к революции, что баррикады неизбежны, необходимо готовить народ, просвещать его и выводить на баррикады, потому что нынешняя власть без боя не сдастся и без революции дело не обойдется. Для того чтобы стать на путь свободы и демократии, надо насильственно убрать тех, кто

сегодня заседает в Кремле. И новой интеллигенции, конечно, надо отмежеваться от «болотной оппозиции», которая сегодня рвется во власть.

Жизнь по совести приобрела статус сакральности и стала познавательным знаком интеллигента, но и здесь требуется аккуратное и вдумчивое исследование проблемы. Разве не по совести некоторые интеллигенты шли к бомбометанию для достижения своих, как им казалось, правильных идей? Я напому слова Наума Коржавина: «Ради правды и любви тут убит был русский царь! ...Ради призрачной мечты! Самозванство! Стыд и срам!» Жесткая зависимость интеллигенции от государства не выдержала проверки временем, но и абсолютизация, непримиримость интеллигенции к власти тоже себя исчерпали. Поэтому миссия сегодняшней интеллигенции заключается в том, чтобы поддерживать власть, когда она права, и критиковать ее, выдвигать требования, когда совершает ошибки. Интеллигенция всегда, пользуясь своей независимостью, внутренней свободой, должна выступать жестким критиком власти. Абсолютизация этого тезиса не кажется конструктивной.

В заключение мне хотелось бы сказать о культурной ситуации в Петербурге. Подлинный интеллигент сегодня не может не выступать против складывающейся культурной политики в Санкт-Петербурге. Это тот случай, когда петербургская интеллигенция должна не уходить во внутреннюю иммиграцию, а активно выступать за изменение ситуации. На ключевых постах оказались люди, слабо укорененные в общественно-культурную среду Петербурга, они ее не чувствуют, не понимают. Они действуют как наемники. Петербургской культурой, идеологией, средствами массовой коммуникации руководит человек, большая часть профессиональной деятельности которого была посвящена организации общественного питания. Я имею в виду господина Кичеджи. Отсюда — масса ошибок, которые совершаются, в том числе и в кадровых вопросах.

Диалог культур — это альтернатива войне культур. Сегодня наша интеллигенция может быть привлекательна и для людей, исповедующих самобытные ценности, и для западников, и для патриотов и т. д. И она не исчерпала себя, более того, сегодня способна переломить ту конфронтацию, которая существует в духовной и культурной жизни нашей страны.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Надежде Константиновне Анохиной.

Н. К. АНОХИНА: — В рамках рассматриваемой проблемы развития культуры, ее ценностей и смыслов мне хотелось бы сказать об особенностях современного искусства, а затем дать общую оценку этому творческому процессу.

Первое: доказано, что ценности представляют собой центральную категорию культуры. Джон Сибрук впервые отметил, что сегодня мы наблюдаем стирание грани между высоким и низким, между “highbrow” и “lowbrow”, переход к культуре «ноубрау» — к тому, что модно, популярно, но в «ноубрау» есть своя элитарность, иерархия.

Второе: исторический переход от противопоставления высокой, “highbrow” и низкой, “lowbrow” культур к культуре «ноубрау» объективно закономерен, как закономерна смена культурных парадигм от моностилистической к полистилистической культуре. При этом наиболее характерной приметой полистилистической культуры становится не исключение, а включение всевозможных культурных феноменов, что можно обозначить как установку на культурную терпимость, толерантность.

Третье: в современном искусстве появляются новые формы популярного художественного творчества: поп-скульптура, ассамбляжи, инсталляции. Творцы поп-арта не ограничиваются только двумерными или статистическими произведениями, они строят энвайронменты (поп-арт-пространства) и организуют поп-артистические действия — перформансы, хэппенинги. В них утрачивается сущность изящных искусств, обладающих в первую очередь эстетической функцией, образно-символической организацией, — ориентировать на возведение реципиентов как некий первообраз, идеальный или материальный.

Четвертое: самые эффектные образцы “science-art”, которые сейчас модны, можно обнаружить в био-арте, который, кроме биологии и микробиологии, включает художественные эксперименты в области генетики и экологии, проекты с использованием растений, животных, а также различные медицинские манипуляции с человеческим телом. Подобные модные произведения формируют совершенно иные ценности.

Учитывая эти изменения, мне бы хотелось сказать, что сегодня искусство надо понимать как динамический процесс художественного творчества в самом широком его значении, как сложную саморазвивающуюся нелинейную, неравновесную систему, отражающую социокультурные изменения современного мира, его ценности. Этот креативный процесс идет в соответствии с метаморфозами менталитета человечества, выявляет особенности глобальной эволюции человека как субъекта культуры, а вместе с тем и самой культуры.

Это сегодня самостоятельный процесс. Мы не можем влиять на все, может быть, поэтому нам так трудно найти точки соприкосновения и какие-то общие принципы. Культура является сложным нелинейным неравновесным процессом и содержит элементы случайности, конструктивного хаоса, что очень хорошо отражается в искусстве. Может быть, необходимо распространить принцип толерантности как фундаментальный принцип глобального эволюционизма наряду с принципами динамизма, системности, самоорганизации. Возможно, благодаря принципу толерантности культура будет иметь фундаментальное значение. Человеку необходимо адаптироваться в средствах морали и нравственности к современному процессу, чтобы эволюционировать.

В. А. ТИШКОВ: — На трибуну приглашается Владимир Александрович Конев.

В. А. КОНЕВ: — Уважаемый профессор А. С. Запесоцкий призвал к решению практических проблем.

Если этого не делать, то не все будет благополучно. Мы погружены в культуру, поэтому вопросы культуры волнуют каждого. Если современное общество не сосредоточится на проблемах культуры и образования, ничего не получится. Эти проблемы должны решаться в прагматической плоскости, без всякого теоретического основания. «Нет ничего практичнее хорошей теории».

Я хотел бы сосредоточиться на тех вопросах, которые уже были озвучены: это проблема нового языка, новых категорий, нового видения и т. д. Меня, как человека, который занимается философией, культурой, связан с культурологией, это волновало всегда. Что такое ценность? Вячеслав Семенович Степин полагает, что это «глубинные основания деятельности». А где находится глубинное основание деятельности? Это непростой вопрос. Я согласен с Вячеславом Семеновичем, сказавшим: «Для современного гуманитарного знания важно найти точки роста новой ценности». Значит, надо эту ценность определить.

Когда говорят о ценностях, вспоминаются материальные и духовные ценности. Но первое, что следует разделить, — это оценка и ценности, или значимость и ценности. В культурах всегда есть значимость, культура начинается со значимости, потому что культурное действие — это действие разграничений: «да-нет», «хорошо-плохо» и т. д. Поэтому культура — это проведение границ, и культурный человек — это человек, знающий границы, хам — его противоположность. Значение, значимость не есть ценность. Ценность — это особая культурная форма, которая представляет социальный опыт человека.

В Древнем Египте египтянам были известны слова «добро», «зло», «справедливость», но не было ценностей справедливости и добра. В Книге Мертвых говорится: «Я не делал никому зла», и после этого идет перечисление того, что делал и что не делал человек. Для него не существовало понятия зла или добра. Сократ призвал к определению справедливости и красоты: «Ты не называй красивые предметы, а скажи, что такое красота». Это уже ценность. Есть культуры, в которых ценности отделились от значимости и существуют как самостоятельные, а есть культуры, в которых ценности только лишь прорастают.

Я сформулировал следующее определение ценности, которое, как мне кажется, наиболее точно представлено у Ницше. Он, согласно Хайдеггеру и Делезу, первый создает философию ценности, разворачивает европейскую философию к философии ценности. Фрагмент 715 из «Воли к власти»: «Точка зрения ценности — это точка зрения условий сохранения, условий подъема сложных образований с относительной продолжительностью жизни внутри процесса становления». Существуют сложные системы — человек, общество, которые не имеют вечной жизни, они ограничены в своей жизни. И вот для того, чтобы в этот ограниченный момент поддерживать полноту своего существования и бытия, появляется особый механизм — ценность. Ценность — это превращение «теперь» в вечность, указание на завершенность и, что важно, это всегда существующая для человека объективная сила,

заданная в культуре, но ценность реализуется только через личный выбор. Поэтому ценность — это не только «что», а «кто» это «что» утверждает.

Это три важных постулата философии ценности: есть значимое и незначимое; есть ценность как превращение «теперь» в вечность; обращение со временем как с материалом. Для человека время — это не период, в котором он существует, это материал, из которого он строит свою жизнь. Обратите внимание, как мы говорим о времени: «Времени не хватает», «Дайте мне время», «Я все время истратил», как каменщик говорит о камнях. Время — это материал, из которого строится жизнь, ценности — это превращенное время. Достаточно вспомнить, что такое стоимость — время, которое затрачено на производство товаров.

Всякая культура живет тогда, когда в ней возникают ценности, дающие ей возможность завершенно существовать, но это завершенное существование возможно только тогда, когда человек совершает какой-либо акт. Поэтому диалог оказывается необходимым моментом существования культуры, когда культура осознает себя как культура. До тех пор пока культура себя не осознает, диалог невозможен, идет война. А когда культура осознала себя как особенность, тогда другая культура для нее выступает тоже как особенность. Если мы решаем вопрос нашей жизни (личной или общественной), то надо стараться достичь определенности, использовать весь материал, который существует вокруг, чтобы заложить свой кирпичик в основы существования, благодаря которому мы будем жить дальше.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Валерию Ивановичу Каширину.

В. И. КАШИРИН: — В Северо-Кавказском федеральном округе только один русский субъект — Ставропольский край, остальные — северокавказские республики. Здесь уже выступали представители нашего университета. Этнические проблемы Северного Кавказа поднял Борис Владимирович Аксумов, о проблеме патриотизма говорила Светлана Юрьевна Иванова. Хочу добавить, что проблема патриотизма ставится у нас более широко: это ноосферный патриотизм (вслед за Вернадским) — более широкая форма.

Одна из проблем, которую мы разрабатываем, — проблема гуманитарной кризисологии. В нашем университете широко развита этническая конфликтология, у нас работают основатели этнической конфликтологии, в частности Авксентьев Виктор Анатольевич. Проблемы конфликтологии — не только этнические, выделяется региональная конфликтология, молодежная и т. д. Выделение специализаций, различных видов конфликтологии приводит нас к мысли о том, что необходимо философское обобщение всех форм конфликтов, не только научное, но и философское. Через осмысление кризиса, кризисологии (конфликт — это форма проявления кризиса) мы поднимемся до анализа конфликтно-кризисного и посткризисного состояния. И тогда можно будет рассматривать не только состояние нынешнего конфликта, но и перспективы. Каковы перспективы преодоления конфликтов и кризиса,

являющегося причиной конфликта? По времени нам близок финансово-экономический кризис, который затронул все страны. Этот кризис необычный, он переходит из одной сферы в другую: сначала был финансовый кризис, теперь — экономический, он затрагивает различные этнические сферы: трудовую, социальную и др. Мы видим, что кризис «ветвится». Культурно-временное ветвление кризиса вынуждает нас говорить о том, что нужна теория, которая целостно осмыслила бы этот кризис во всех его проявлениях. Это первая черта кризиса.

Вторая черта, которую отмечают многие исследователи, — кризис не заканчивается, а превращается в текущую реальность. Это тоже требует особого подхода, причем не только конфликтологического, но и логического. Почему мы называем его гуманитарной кризисологией? Дело в том, что в какой бы отрасли кризис ни проходил: экономической, финансовой, социальной или технической, его последствия всегда гуманитарные. То есть они всегда сказываются на человеке, социуме, поэтому мы такую кризисологию называем гуманитарной.

Возникает вопрос о методологической базе кризисологии. Методологическая база — это исходная позиция. Советский Союз был социально-цивилизационной ловушкой, в которой мы оказались, о чем пишут исследователи. Она берет свое начало из теоретической ловушки — марксизма и ленинизма, и прежде всего из диалектики. Диалектику нельзя применить к общественному развитию. Об этом еще в 1938 году писал Владимир Иванович Вернадский: «Маркс и Энгельс переработали гегелевскую философию, которая уже при их жизни не отвечала в основном научной методике и научным исканиям. Застой философской мысли у нас и переход ее в бесплотную схоластику и талмудизм, на этом фоне расцветающий, является прямым следствием такого положения дел». И далее в дневниках, которые были опубликованы в 2006 году, читаем: «Еще раз пересмотрел диалектику природы Энгельса, остается прежнее впечатление, черновые тетрадки устаревшие, есть кое-что интересное, но, в общем, в XX веке класть в основу мышления, особенно научного, такую книгу — безумие. Люди закрывают глаза на окружающее и живут в своем мире, сами подрывают свою работу». Владимир Иванович Вернадский также писал о диалектике Маркса, Энгельса, заметки о Ленине, Сталине и советской политике.

Первый важный вопрос — это методологическая база, исходная посылка. Диалектическая посылка, как мы видим, не может служить теперь основанием для анализа социальных явлений. Сейчас все больше ученых, социологов, философов говорят, что нужна триалектическая методология. Я больше склоняюсь к мнению, что нужна триалектическая методология, которая отмечала бы не только борьбу противоположностей, но и взаимодополняемость трех составных частей: вчера, сегодня, завтра, пространственные, временные характеристики и т. д.

Второй важный вопрос — выбор методологической основы кризисологии. Мне кажется, этому соответствует концепция Владимира Ивановича Вернадского

«Об энергии человеческой культуры». Я давно изучаю труды Вернадского, к сожалению, могу констатировать, что учение об энергии человеческой культуры совершенно не разработано нашими философами, социологами и культурологами. А ведь энергия человеческой культуры может вывести нас из кризиса и тупика развития. Энергия человеческой культуры, кумулятивно накапливаемая, это и энергия самосознания, культуры самосознания, поведения, деятельности, в том числе профессиональной и т. д. То есть речь идет о разработке новой методологической базы, диалектике триалектической методологической базы. На какой основе ее разрабатывать? Предыдущий оратор говорил о времени, это исключительно важный момент. Время — это самый гуманитарный фактор, который привносит философия в естествознание. Культура времени является тем основанием, на котором следует разрабатывать культуру времени. Об этом много написано, в частности Ольгой Валерьевной Кашириной защищена докторская диссертация по культуре времени. Таким образом, если мы хотим приблизиться к решению настоящих проблем, следует приблизиться к кризисологии.

К. С. ПИГРОВ: — Мы должны понять, что кризис — это нормальная форма жизни человека, и с этой точки зрения вся наука в целом — это и есть кризисология. Я хочу сказать о катастрофе, которая, на мой взгляд, может быть метафорически уподоблена поцелую Бога. Наука о катастрофе принципиально невозможна, и это существенно. Как и философия, только религия и искусство могут приблизиться к катастрофе, потому что мы, когда говорим о катастрофе, осознаем конечность бытия человека и человечества. Например, в недооцененной работе «Космология духа» Ильенков говорит о самоубийстве, самопожертвовании всего человечества ради спасения Вселенной. Может быть, плохая физика, но какая поэзия!

И. В. МАЛЫГИНА: — Я хочу перевести дискуссию в другую плоскость. Философия в первую очередь нацелена на формирование универсальных тенденций. Причина не в том, что философы что-то не так делают или им надо заниматься чем-то иным, мне кажется, речь идет о некоей разобщенности научного профессионального сообщества. Если бы культурологи, социологи и все, кто занимается исследованиями культуры, больше корреспондировались с философскими концепциями, может быть, было бы меньше общих проблем.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — Несколько слов по поводу выступления Надежды Константиновны Анохиной, которая говорила о современном искусстве, явлениях, существующих на теоретическом уровне. Я давно высказал мысль, что пришло время написать книгу или большую работу на тему искусства, потому что глубоко убежден: многое из того, что было названо Надеждой Константиновной, к искусству не имеет отношения и то, что существует сегодня в одном ряду с Бахом, Мусоргским, Пикассо, Кандинским, — это явления другого порядка. Даже в терминологии нужно закрепить «альтернативное искусство». Я понимаю

альтернативность романтизма классицизму. Чему альтернативно альтернативное искусство? Искусству как таковому. Мы говорим о совершенно другом явлении. И многое из того, о чем говорила Надежда Константиновна, — это не трансформация искусства, а переход искусства в другую сферу, где оно искусством перестало быть, и об этом надо говорить достаточно жестко. Даже, может быть, не ставить одно выше другого, это просто другое.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Светлане Сергеевне Комиссаренко.

С. С. КОМИССАРЕНКО: — Меня, как культуролога, педагога и просто человека, волнует отсутствие диалога в российском обществе между культурой и обществом, обществом и личностью, личностью и культурой. И поэтому я буду говорить о той тревоге, которую вызывает сегодняшнее состояние аксиологической системы, трансформирующейся в нашем обществе. Новые вызовы, которые затрагивают политическое, экономическое, социальное переустройство, к сожалению, не привели к переустройству культурному и пересмотру взаимоотношений между культурой и человеком и необходимости формирования личности XXI века.

В X веке был первый вызов, когда отечественная культура выработала на основе ценностей запрос и ответила на запрос того времени, сформировала нового человека. К сожалению, это не было поступательно, потому что отечественная культура циклична в своем развитии. И если говорить о проектировании личности, то можно вспомнить времена Петра I, когда его модернизация потребовала вестернизации, догоняющей модели, был необходим практико-ориентированный деловой человек.

Далее Екатериной Великой (я ее называю «первым имиджмейкером России») была выработана государственная политика. Иван Иванович Бецкой описал новую породу людей на основе третьего сословия. Апофеозом проектирования личности стал советский человек, этапы его формирования. Но о чем бы мы ни говорили, любые этапы основываются на ценностях времени и ориентируются на них. Сегодня, когда на первый план выдвигаются инструментальные цели, рыночная экономика ориентирует на ценности, смысл жизни видится в ракурсе экономических выгод и интересов. Безусловно, аудитория, присутствующая в читальном зале Гуманитарного университета, в иерархии ценностей не назовет среди приоритетов «деньги». Но все средства массовой информации формируют именно финансовые ценности, деньги не зарабатываются, а выигрываются.

Сегодня деньги, гедонизм, успех и финансовая состоятельность — это вершина личностных достижений. Конечно, эти ценности, активно утверждаемые, нравственно развращают и внутренне опустошают. И сегодня, к сожалению, приходится говорить, что безнравственность становится критерием определения качеств человека, размывание ценностного поля ведет к утрате референтных личностей. Уходят духов-

ные лидеры, и я пока не могу назвать того, кто пришел им на смену, тех, с кого можно брать пример.

Такие термины, как «духовность», мы, к великому сожалению, можем употреблять только в учебных аудиториях, а слово «элита» вообще надо убрать из обихода, потому что под «элитами» сегодня понимается только одно — это не духовно-интеллектуальная, а политическая элита. Я не смогу сказать, что кризисные явления — наше перманентное состояние и в этом мы будем возвращаться. Любой кризис — это болезнь, по моему личному убеждению. Современный кризис связан с дегуманизацией российского общества. Проблема утраты гуманизма — это болезнь нашего современного общества.

Гуманизм зародился, окреп, расцвел в западноевропейской культуре. Мы не знали гуманизма как такового, отсюда, как мне кажется, отсутствие гуманизма — наша родовая болезнь. Возникает вопрос: как из этого выйти? Потому что весь XX век — это век массовизации, когда личность не признавалась ценностью государства.

Во второй статье Конституции утверждается, что личность является приоритетной. Это красивые слова, между декларацией и жизнью существует большой разрыв. Россия не выработала ген гуманизма, и у нас личность никогда не была признана вершиной культурного, социального, политического и тем более государственного развития. В связи с этим сегодня наиболее актуальны гуманитарные технологии, которые я понимаю как поиск путей, средств и методов, нацеливающих нашу социально-культурную систему на человека, использование личностного ресурса и создание условий духовного самовыражения не только на культурную деятельность во имя себя, но и прежде всего во имя других.

Здесь мы говорили о Ницше, который определил личность как контрапункт между общественной и частной жизнью. Он предложил педагогическую программу формирования личности, писал о наследственности, формировании энергии человека и конкретных методиках. Отвечая на вопрос профессора Малыгиной, я, обращаясь к своим студентам, могу сказать: набирайте в поисковой интернет-системе «Иван Александрович Ильин “Путь духовного обновления”». Используя современные технологии, мы не должны забывать о тех людях, которые обо всем давно уже сказали.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Александру Петровичу Маркову.

А. П. МАРКОВ: — Я хотел бы высказать несколько тезисов по поводу содержания ключевых категорий, лежащих в названии нашей секции. Поводом для моего участия в дискуссии стали сегодняшние выступления моих коллег, а также вывешенные на сайте конференции тезисы уважаемого мною В. М. Межуева, которые вызвали в моем сознании некое смысловое напряжение. Бесспорно то, что способность к смыслопорождению — существенный признак культуры и базовое свойство человека.

В то же время пространство полемики с автором рождается в искусственном противопоставлении ценностей и смыслов, а также в ограничении смысла сферой свободного выбора личности, результатом духовной активности отдельного субъекта. Вадим Михайлович утверждает, что «ценность — логическое понятие, позволяющее отличить одну культуру от другой, но одновременно выражающее то общее, что объединяет всех представителей каждой из них... Ценности можно хранить в музее, смыслы пребывают в реальной жизни. ...Ценности изучаются, а смыслы творятся живыми людьми. ...Ценности не отличают живую культуру от мертвой, смыслы присущи только живому. Честно говоря, в мертвом я не вижу никакого смысла. Потому на том свете нет и культуры». Пожалуй, самый спорный тезис В. М. Межуева состоит в том, что ценности любой культуры «получают шанс стать ценностями моей культуры, а смыслом такой культуры, как и всей человеческой жизни, является свободный выбор этих ценностей, их творческая трансформация в какой-то новый культурный синтез. Время такой жизни называется свободным временем, а человек, живущий в нем, — свободной индивидуальностью. И никакого иного выхода из кризиса культуры я не вижу».

Мне кажется, в таком понимании смыслы культуры теряют свою консолидирующую способность, становятся способом индивидуализации, разъединения социального пространства. Субъективистский «произвол» выбора смыслов неизбежно приведет к утрате не только национально-культурной, но и персональной идентичности (как известно, культуры в смысловом пространстве самодостаточны и трудносовместимы). Человек в выборе смысла (как и ценностей, Родины, матери) предельно несвободен, и в такой неосознаваемой несвободе только и возможно человеческое счастье.

М. М. Бахтин когда-то очень точно подметил, что диалог продуктивным становится лишь тогда, когда «разности» встречаются на почве «общего». Мне показалось, что «разность» наших позиций сегодня доминирует, сокращая единое пространство смыслов (если воспользоваться ключевой категорией названия секции). Поэтому вначале я хотел бы обозначить границы содержания ключевой категории «смысл», которая является важнейшим результатом самосознания субъекта культуры, универсальной формой ее самоорганизации. Метафорически можно сказать, что интегрирующие культуру смыслы являются «душой» культуры — ее связующим элементом, стягивающим все ее многообразие в духовную целостность.

Смыслообразование как функция культуры осуществляется преимущественно в системе гуманитарного знания (включая и философско-религиозную литературу), которое берет на себя важнейшую задачу самосознания общества, анализа духовного опыта и ошибок прошлого, проектирования будущего. Как справедливо отмечал М. М. Бахтин, «онтологически культура есть не что иное, как внесение в мир смысла». Смысл, можно сказать, гуманизирует культуру, освящает ее, высвечивает ее главные достижения. «Банком» смыслов выступает концептосфера языка, а также система гумани-

тарной культуры, тексты которой концентрируют коллективный опыт и результаты смыслополагания.

Следует отметить, что процесс смыслообразования в гуманитарной культуре может носить деструктивный характер, искажая пути развития и творя негативные прогнозы будущего. Кризисно-деградационная динамика смысловой сферы культуры связана в основном с антропологическими моделями, рождающимися в системе гуманитарного знания. В частности, антропологический проект «нового язычника», который существенно «потеснил» классический образ человека, зародился в недрах западноевропейской гуманитарной культуры и в конечном счете оказался сценарием «смерти человека» в его классической формуле (человека как *antroposa*, то есть существа, устремленного в сферу духа).

И в системе массового сознания в определенных условиях возникает и распространяется особый тип мировосприятия — «деградирующий», «кризисный», в пределе — катастрофический. Возникающее в период всеобщей психологической и духовной усталости, такое сознание, как справедливо отметил С. С. Хоружий, носит демобилизирующий характер: оно лишает человека смысла жизни, девальвируя базовые ценности труда, призвания, семьи, любви, счастья. На мой взгляд, именно с утратой смысла базовых ценностей связаны сегодня пессимистические настроения и прогнозы будущего. За последние два десятилетия утрачено представление о социальной справедливости — важнейшей экзистенциальной ценности, позволяющей старшим поколениям жертвовать личным во имя общего дела. Кризис смысла труда обрекает все проекты модернизации на неизбежный провал. Гедонистический беспредел и эгоистический разгул сегодняшнего времени уничтожили смысл ценностей духовности и нестяжательства, которые могли бы оздоровить общественную идеологию и создать благоприятную духовно-нравственную атмосферу.

Для культуры кризис базовых смыслов представляет чрезвычайную опасность: утрата объединяющих духовное поле культуры смыслов понижает уровень сложности культурной системы, способствует дезорганизации и деструкции социально-культурной жизни общества, ее примитивизации и в конечном счете грозит энтропией культурного организма. «Бессмысленность» разрушает основу взаимопонимания, которое возможно лишь в едином смысловом поле культуры, она разрывает национальное самосознание на взаимоисключающие модели понимания человека и мира, формулы прошлого и настоящего, проекты будущего (именно это мы наблюдаем в сегодняшней ситуации).

Смыслы играют ключевую роль не только в пространстве культуры, но и в структуре индивидуального сознания, в сфере человеческой экзистенции. Не случайно данная проблематика активно разрабатывалась не только в философии (достаточно назвать блестящую работу С. Л. Франка «Смысл жизни»), но и в системе психологического знания (в частности, эта проблематика стала ключевой в получившей всемирную известность монографии В. Франкла «Человек в поисках смысла»). Система индивидуальных смыслов

экзистенциально и ментально обусловлена: смысл открывается в горизонте мира жизни субъекта, который «выбирает» (ищет, находит) смыслы, резонирующие с его картиной мира, образами «мы» и «они», характером и остротой личностных проблем. Разрушение поля индивидуальных смыслов неизбежно ведет к деградации личности, расширяет спектр и социальную базу девиаций.

В индивидуальном плане смысл обеспечивает сущностный контакт с базовыми ценностями культуры — понимая и осозная их смысл, человек принимает их, начинает жить ими, включает их в глубины собственной экзистенции. *Смысл* в системе индивидуальной жизнедеятельности можно рассматривать в качестве посредника между личностью и истиной: он являет нам истину, свидетельствует о ней — словом, символом, смыслообразом (не случайно в системе религиозного сознания обретение высшего смысла бытия отождествляется с постижением истины (в пределе — с постижением образа Бога). Неслучайно человек в ситуации утраты смысла жизни, если он отказывается от стратегии саморазрушения (через пьянство, наркотики, суицид), идет в религию, и в основе этого выбора — не только компенсация чего-то недостающего в этом мире, но и обретение высшего смысла — в форме позитивного ответа на самый экзистенциально напряженный вопрос: а есть ли смысл в жизни и в чем он заключается?

Для понимания глубинных основ смысла необходимо обозначить базовые характеристики данного феномена, а также особенности самого процесса смыслополагания.

Первое. Проблемная детерминированность смысла и смыслополагания. В основе формирования смысла — восприятие жизненной ситуации как экзистенциально катастрофической, проблемной. Утрата важных жизненных ценностей, смысла труда, жизни в целом становится базовой предпосылкой конструирования нового смысла — жизни, любви, творчества. В смысловом вакууме возникает стремление воссоздать или сотворить новые смыслы. Именно в таком контексте мы говорим: высокая значимость осмысления чего-то. Понимание проблемности как глубинной основы смыслополагания может стать предпосылкой выхода на новый виток межкультурного диалога. В этом контексте я хотел бы привести пример изящной концепции диалога культур, которую изложил во вчерашнем выступлении В. А. Лекторский. Культуры не могут вступать в диалог. «Диалог культур» — метафора. Только отдельные люди, группы, сообщества, социальные учреждения могут быть участниками диалога. При этом диалог нельзя вести относительно систем ценностей, принципиальных представлений о мире или религиозных догматах. Ибо все это лежит в основе идентичности индивидов, принадлежащих к разным культурам. Поэтому если культура не разрушает сама себя, ее базовые ценности не обсуждаются в этом процессе. Диалог между разными культурами возможен и может быть плодотворен в контексте решения определенных практических проблем и в связи с пониманием этих проблем и предлагаемых способов

их решения с точки зрения разных ценностей и представлений о мире.

Второе. Понимающая природа смысла. Смысл — итог цельного знания, синтеза сердца и совести, а не только рассудка. Враг смысла — однобокая рациональность, которая умерщвляет «сердце» смысла, лишает его целостности и полноты. Следовательно, производство и постижение смыслов возможны на основе синтеза разума и веры. Невозможно творить и постигать смысловые миры культуры преимущественно рациональными способами. Духовная глубина смыслов ускользает от непосредственного восприятия, она способна «открыться» в ответ на усилие духовно-целостной личности, — на усилие, в котором интегрированы рациональные и чувственные энергии разума и души: интеллект, интуиция, вера, любовь. У П. Флоренского есть мысль о том, что познание совершается не только интеллектом, но и верой, любовью, оно становится родом общения с предметом познания, способом целостного самоосуществления человека познающего. Осмыслить — значит понять синтетически, соединив веру и разум, ум и сердце. Вера (как и любовь к носителю смыслов) в структуре смыслополагания играет фундаментальную роль. Она позволяет проникнуть за пределы вещественного, почувствовать сопричастность к истине, стать участником ее *оестествления*. Без этой энергии попытка прикоснуться к смыслу становится способом его убийства. Неслучайно сегодня парадигмы, складывающиеся в системе гуманитарного знания (в том числе и культурологическая), включают энергию веры в структуру исследовательского метода, внутри которого вера «встречается с разумом в перспективе взаимодополнительности» — они встречаются в качестве партнеров, равновеликость которых гарантируется концепцией диалога культур (эта идея убедительно звучит в тезисах А. А. Гусейнова).

Третье. Диалогичность процесса и результата рождения смысла. Смысл интерсубъективен, он обретается как *со-мысль*, то есть помысленное вместе, предстает в процессе *со-знания*, как результат реального или внутреннего диалога личности с иными носителями мысли. Смысл — это живая субстанция. Даже в системе гуманитарного знания смысл не способен предметиться: его бытие «здесь и теперь» требует постоянных усилий — интеллекта, души, воли. Если значение — это когда нечто приобретает особую значимость для меня, то смысл объединяет меня с другими, становится чем-то осмысленным и общим. Мы с вами здесь в процессе коллективного речевого ищущего смысла, соприкасаясь нашими мыслями. *Смысл* — это *со-весть*, способность услышать весть, идущую из иных времен и сфер. *О-мысливание* становится условием соборности, средством формирования культурной общности «мы», причем не только в реальной, но и в виртуальной плоскости — на уровне самосознания (в лингвистике смысл понимается как соединение, синтез значений, их интеграция, формирующая сущность, качественно отличная от компонентов). *Смысл* в этом плане можно рассматривать предпосылкой счастья (как состояния *с-части*) — не случайно проблематика смысла

и счастья человеческой жизни всегда была предметом философского знания.

В связи с этим миссия гуманитарного знания — востребовать неактуализированные смыслы, которые находятся в «запасниках» гуманитарной культуры (в ее философских, научных, духовных, художественных текстах); творить новые смыслы, восстанавливающие единство духовного пространства культуры, преемственность ее настоящего и прошлого, создавать «защитные» психокультурные практики, позволяющие современному человеку осмысленно, и не теряя смысла, продолжать существовать в этом, по сути, бессмысленном мире.

В заключение я хотел бы напомнить формулу духовной миссии Виктора Франкла, всемирно известного психиатра и психолога, автора метода экзистенциального психоанализа, узника нацистского концлагеря, который на собственной судьбе понял великую созидательную миссию смысла: «Я видел смысл своей жизни в том, чтобы помогать другим увидеть смысл в своей».

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется Аиде Николаевне Мосейко.

А. Н. МОСЕЙКО: — Я согласна с выступлением Александра Петровича Маркова. Мы в Центре цивилизационных и региональных исследований постоянно говорим о том, что, кроме рации и абстрактных исследований, существуют образ предмета и воображение. Исследователь со своим опытом, воображением всегда вкладывает в исследуемый объект собственную душу, собственный опыт. Впервые это отметили антропологи, в частности об этом писали Маргарет Мид, Тернер, который говорил, что эффект наблюдателя меняет человека, с которым ведется разговор и исследование которого происходит, потому что анкетированный отвечает на вопросы. Я сама не раз бывала интервьюером и видела, как меняется мнение человека, он улавливает мои образы, мое мнение и говорит то, что я хотела бы услышать. Речь идет о роли образов, воображения и эмоций в научном исследовании.

Второй день мы много говорим о диалоге, хотя Лихачевские чтения проходят 13-й год и все они посвящены диалогу, но только в этом году так остро, в такой болевой форме встал вопрос о том, что такое диалог и возможен ли вообще диалог культур. Диалог культур прежде всего предполагает анализ того, какие культуры участвуют в нем, потому что все культуры разные. Хантингтон разделил культуры на сильные и слабые, в частности японскую культуру он назвал сильной, а африканские — слабыми. Этот вопрос прояснили антропологи, такие как Кребер в своей работе «Конфигурации культуры», Гирц, Рут Бенедикт и др. Кребер, например, определил сильную культуру как жизнеспособную, способную находиться в активном диалоге, то есть противостоять другой стороне, сохранять свою самость во взаимодействии с другой культурой. Жизнеспособность и жизнестойкость являются основанием диалога, если в диалог вступает слабая и сильная культуры — результат предсказуем.

Я работаю в Институте Африки, занимаюсь исследованием Мадагаскара и русского зарубежья. Объездив пол-Африки, могу с сожалением констатировать: большинство африканских культур тихо вымирает. Молодое поколение африканцев, с которым я общаюсь (прежде всего аспиранты), уже стыдятся своей культуры. Статистика показывает, что каждый африканец, имеющий минимум образования и минимум денег на билет, мечтает уехать в Европу, причем инженеры, врачи готовы работать уборщиками, механиками, но на Западе. Африканские культуры в этом плане имеют очень печальное будущее, если не произойдет чего-то экстраординарного.

Когда речь идет о диалоге, встает вопрос о разделении культур на традиционные и техногенные. Я думаю, что такое жесткое деление не должно существовать. Например, Степин говорил о том, что в Японии произошла смена традиционной культуры техногенной. На мой взгляд, такой замены не происходит. В Японии сильная культура, и произошло следующее: она усвоила востребованные ею технические достижения, технические ценности и приумножила их, сохранив при этом свою традиционную культуру, традиционный образ жизни, обычаи, поклонение императору и пр.

Мадагаскар демонстрирует поразительные результаты диалога, когда происходит поглощение одной культуры другой, вступающей с ней диалог, усвоение ее ценностей при сохранении своей самости. Что происходит с Россией? Почему в нашей стране столько людей, столько интеллигентов, готовых усваивать западные ценности? В любой момент они готовы уехать на Запад. Почему уезжают выпускники наших вузов, а если не уезжают, то мечтают уехать? Почему весь мир пополняется русскими людьми? Русская культура сильная или нет? Конечно, я не могу назвать ее слабой, но особенность русской культуры заключается в том, что ей нужна пограничная ситуация, момент истины, тогда проявляются все ее жизненные силы, эмоции. Это смута, две отечественные войны, когда на второй план отходит все остальное и напряжение показывает, что это сильная культура. Сейчас нет пограничной ситуации, и культура, к сожалению, подавляется западными ценностями, кощунством, массовой культурой, которая на самом деле культурой практически не является. В. Т. Третьяков был прав, когда говорил: кого больше показывают по «ящику» — тот и победитель, это действительно так.

Диалог имеет множество сценариев. Диалог сильной и слабой культур — это диалог-капитуляция. То, что произошло с Африкой, — капитуляция. Диалог двух сильных культур имеет разные сценарии. Это может быть уважительный диалог двух свободных культур, они могут воздействовать друг на друга, что-то получить друг от друга, но, как правило, одна из культур всегда имеет более агрессивные намерения, чем вторая, и происходит борьба. Этот диалог перерастает не просто в конфликт, а иногда в кровопролитную борьбу.

Отдельная тема — Мадагаскар и колониализм. Существует миф об ужасах колониализма, сегодня африканцы вспоминают колониализм как «золотой век». Колонизаторы обеспечили высокое материальное

благополучие, они строили социальное жилье, открывали школы, госпитали, лечили африканцев, которые не знали о современных формах лечения, до этого их лечили только знахари. И единственная жесткость колониализма проявлялась в одном — в культуре. Потому что колониализм нес цивилизаторскую миссию, аборигенам давались все блага, кроме культуры. Культура не уничтожалась, но создавались такие условия, когда культура унижалась. И когда не было выбора, сами африканцы, а не миссионеры сжигали фетиши, становясь христианами, но большинство из них было двоеверцами.

Что произошло на Мадагаскаре? Две франко-малагасийские войны, во второй войне — поражение, провозглашение колониальной администрации, установление французского языка и французской цивилизации со своими принципами. После этого началось кровопролитное восстание, которое продолжалось 19 лет (500 тыс. погибших). То есть диалог двух сильных культур может выразиться в кровопролитной борьбе. Восстание было подавлено. Колонизаторы всячески пытались воздействовать на малагасийскую культуру и цивилизовать ее. Они сократили гуманитарное образование, в школах прекратилось преподавание таких дисциплин, как история, малагасийский язык, литература, фольклор. Вспыхнуло новое кровопролитное всеобщее восстание, люди боролись за свой язык, свое прошлое, свои гуманитарные ценности. Диалог может быть и таким. Колонизаторы отступили, аборигены ввели в школах географию, малагасийскую историю, малагасийский язык. До сих пор в каждой малагасийской газете существует цензура, страхующая от засорения малагасийского языка английскими и французскими заимствованиями.

Я постоянно мысленно провожу параллель с русской культурой, мы молчим, а у нас уничтожается гуманитарное образование. В списке обязательных для чтения книг, который опубликовало Министерство образования, есть Улицкая, но нет Щедрина и т. д. Об этом нужно говорить, но мы молчим. У нас нет сильного яркого протеста интеллигенции, учителей, родителей. В школах сокращается время на изучение истории, русского языка. Когда наши ученые говорят на русском языке, мы мысленно их переводим, а простой человек многого не поймет, потому что много иностранных терминов. Ему кажется, что чем больше в речи иностранных слов, тем он выглядит умнее. Но разве это так? Значит, наш язык нам не дорог. Я постоянно сравниваю судьбу России с судьбой маленького острова Мадагаскар, и все время не в нашу пользу.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Игорю Николаевичу Панарину.

И. Н. ПАНАРИН: — Я оттолкнулся от выступления Александра Сергеевича Запесоцкого, призвавшего переходить к практике. В частности, мне помог Александр Петрович Марков, который говорил о смыслах и ценностях.

Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) объединяет 6 стран, в том числе Россию, а также Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Армению и Белоруссию. У этих шести стран должны быть общие ценности и смыслы. Возникает практический вопрос: как их сформировать? Двадцать лет после развала Советского Союза организация была аморфной, но в декабре 2012 года было принято решение о создании коллективных войск ОДКБ: единых вооруженных сил, системы ПВО, сил специальных операций, включая спецназ Главного разведуправления, ФСБ, СВР, Госнаркоконтроля, МВД и ряда силовых структур, в том числе МЧС.

Возникает вопрос: на каких ценностях и смыслах должна формироваться единая оборонная политика. Чем отличается ОДКБ от НАТО? НАТО — только военно-политическая организация, в рамках ОДКБ мы боремся и с нелегальной миграцией, наркотрафиком, выполняем ряд других функций, которые кардинально отличаются от функций блока НАТО. Чтобы решить эти задачи, было принято решение о проведении скоординированной информационной политики.

После выступления предыдущего оратора, который сказал, что в школах почти не изучают Пушкина, возникает вопрос: на чем строить эту общность? Предыдущие докладчики говорили, что отсутствует пантеон героев. Как выстроить всю систему?

В декабре 2011 года главами государств было принято решение о проведении скоординированной информационной политики. Возникла проблема формирования единого пространства. Мы пришли к пониманию необходимости создания новой структуры. 11 марта 2013 года была создана аналитическая организация ОДКБ, я являюсь ее координатором (человеком, который организует эту деятельность), а председателем Совета — генеральный секретарь ОДКБ Н. Н. Бордюжа. В эту структуру вошли Российский институт стратегических исследований (классическая аналитика) и все крупнейшие ведущие аналитические центры при главах государств и т. д. Второе направление — это Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и аналогичные социологические центры ведущих стран.

Впервые за последние 20 лет были проведены социологические исследования в Киргизии (центр «Эльбикир»). Мы с радостью узнали о том, что 57 % населения Киргизии (русские, узбеки и киргизы) положительно оценивают деятельность ОДКБ и лишь 5 % — негативно. Это достаточно высокая оценка. Напомню, что Киргизия — это особая страна, в течение XXI века там произошли два переворота. Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов также вошел в аналитическую ассоциацию. 26 марта 2013 года мы впервые в Бишкеке провели круглый стол, на котором собрались политологи-эксперты. В ходе дискуссии возник спор с Н. Г. Багдасарьян об «имперскости/не-имперскости». На том круглом столе собрались и либералы, и государственники, и эксперты, это было наше решение — собрать все диаметрально противоположные точки зрения. Но — ключевой момент — все

подчеркивали, что именно гуманитарный аспект является основным, а не военный и др.

И в этом смысле мое выступление — это призыв к началу диалога, выстраиванию системы ценностей, которую, безусловно, необходимо формировать. На мой взгляд, понятия диалога культур и цивилизаций, дружбы народов должны стать основными. Здесь представитель Ставрополя говорил о разности Северного Кавказа и России, но есть еще и Таджикистан, Киргизия, возникает много этнических, религиозных проблем, поэтому необходимо формировать определенную базу.

В этом ключе я хочу рассказать о стратегической линии. ОДКБ впервые участвует в Лихачевских чтениях, генеральный секретарь планировал присутствовать здесь, но по ряду причин не смог. Мы рассматриваем Лихачевские чтения как некую платформу, базис для выработки гуманитарной политики ОДКБ.

Еще один важный аспект. В Петербурге два раза в год собирается Парламентская ассамблея ОДКБ. Недавно в состав наблюдателей ОДКБ были приняты два государства, не входившие в состав бывшего Советского Союза, — это Сербия (Балканский полуостров) и Афганистан. К сожалению, наши средства массовой информации уделили этому событию крайне мало внимания. С точки зрения расширения географии бывшего постсоветского пространства это крайне интересный факт. Речь идет о расширении пространства ОДКБ до Балканского полуострова и выходе за пределы Центрально-Азиатского региона. В 2014 году мы вступаем в очень сложную фазу — вывод войск НАТО из Афганистана, здесь существуют риски и угрозы для Центральной Азии и Кавказа.

Завершая свое выступление, скажу, что с удовольствием послушал выступления, с кем-то мы спорили. Я предлагаю мыслить в конструктивном ключе: мы приглашаем принять участие в мероприятиях, проводимых ОДКБ. 30 мая состоится круглый стол «Безопасность и блогосфера», на котором соберутся силовики всех спецслужб России и представители всех стран ОДКБ, эксперты. Затем пройдут встречи в Минске, Ереване, Алмате и т. д. Цикл мероприятий распisan. Я надеюсь, что с вашей помощью мы выработаем универсальные нетеоретические подходы, которые могли бы стать некой основой цементирования пространства ОДКБ на взаимоприемлемых ценностях и смыслах.

Участница из Киргизии, пережившей две революции, сказала, что полностью отрицает державный подход, но считает, что должен быть диалог культур. Я благодарен ведущим дискуссии, которые создали позитивную ауру для нормального диалога, и надеюсь, что на будущих Лихачевских чтениях мы представим некий документ, который при первом приближении можно назвать «Ценности и смыслы ОДКБ», чтобы обсудить его в широком кругу, для того чтобы его потом использовать в практической деятельности.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Слово предоставляется профессору Светлане Сергеевне Неретинной.

С. С. НЕРЕТИНА: — Я согласна с Константином Семеновичем Пигровым в том, что часто мы упо-

требляем слова в непонятном значении. Например, используем слово «искусство» по отношению к тому, что не хуже искусства, но искусством не является. Мы употребляем слово «культура» по отношению к тому, что не хуже культуры, но культурой не является. Мы хотим отвергнуть масс-субъекта. Между тем это основная проблема современности — субъект современной истории. И в этой масс-субъектности появляется ситуация, которую в свое время выразил Юрий Петрович Любимов, когда ставил «Пиковую даму»: он перед каждым хористом ставил микрофон, и тогда с помощью техники все могли услышать любого человека из хора.

Ток-шоу, которые транслируются СМИ, отвратительны не потому, что таковы ток-шоу, а потому, что бездарны их руководители. Но что мы хотим увидеть? Мы увидим индивида, который желает высказаться, но оказывается в ситуации, будучи не вовлеченным в коммуникацию. Эта невовлеченность в коммуникацию — одна из важнейших проблем современности. Мы живем не в каменном веке, а сейчас, и должны иметь дело с современными людьми.

Говоря о современной бездуховности, а сегодня прозвучали эти слова, мы пытаемся определить, что такое духовность. Но термины «бездуховность» и «духовность» нам как бы навязываются извне: мы обязаны с ними работать. Но термин — всего лишь термин, заметка на пути, если ты идешь по тому пути, где она стоит, но ты можешь идти по другому пути. Часто люди пытаются определить, где такого термина нет, но термин словно заставляет человека идти за собой, доказывая его несамостоятельность. О современной культуре с ее бедами и напастями можно говорить, минуя его, тем более что термин в нашей стране обладает сугубой религиозностью.

Работать в метафорических терминах не менее духовно, чем с термином «духовность». К тому же, как показывают многие опубликованные материалы, под духовностью чаще всего понимают наше прошлое. Мы сейчас ни одного нового термина не придумали. Мы работаем с прошлым, и поэтому предполагают, что до момента принятия в России христианства, действительно великого события, никакой духовности не было.

Методологическим основанием выяснения причин духовности или бездуховности объявляется диалог, и мы сегодня об этом говорили. Диалог — странное явление, он вроде бы есть и его вроде бы нет, все можно заболтать, а можно выявить предельные основания мысли, чтобы довести понятия до полного самовыражения и исчерпания. Именно это делали Библер, Михаил Константинович Петров. Я благодарна Владиславу Александровичу Лекторскому, который опубликовал их работы. Это означает одно: мы свое дело сделали, а значит, должны ожидать голоса извне? Что мы должны осознать?

Ойген Розеншток-Хюсси сказал, что в кризисные периоды, а мы живем в кризисный период, общество поражают анархия и декаданс, здесь нужно не плакать, а понять, что мы сейчас живем в этой ситуации. Эта ситуация означает отсутствие речи, поскольку в катастрофе утрачивают силу все старые традиции,

здесь происходит не только захват мира, но и потеря обретенного опыта, и даже если находятся люди, желающие передать нечто из прошлой традиции, их слова или лишены силы убеждения, или вообще какой-нибудь силы, поскольку отсутствует сам предмет разговора. Мы хотим, чтобы он был, а его уже нет, и нас не слышно.

Ситуацию, о которой я хотела сегодня рассказать, я обозначила как фантомные боли современной философии, потому что мы утратили гуманитарность, опорный естественно-научный аппарат, даже тех людей, которые защищали старую философию. Мы оказались в ситуации ничто. Что вы хотите от молодых людей, которые стремятся опереться на западную философию? Я дала I курсу задание написать сочинение на тему «Что такое философия?» Когда я прочитала эти сочинения, была удивлена, потому что одна из студенток, уже отчисленных, написала: «Я испытываю жажду ноэмы» (не знаю, откуда она знает это слово). Почему мы от молодой девушки 17 лет требуем знания значения этого слова? Ее потрясло само слово, она хочет узнать основания того, что мы с вами утратили. Мы все время находимся в ситуации, будто философия — это набор схем, но мы должны иметь мужество следовать за мыслью, даже не зная, куда она нас приведет. Она может привести в неведомое, никаких схем, никаких опор здесь не существует, мы должны быть готовы к этому.

Философия, как и любая теория, предполагает постоянные изменения, деформацию собственной мысли, ибо, обращаясь к началам, я не знаю, что там обнаружу. И эта травма называется утратой «что». У нас все энциклопедии описывают, что такое «ничто» и даже «нечто», но слово «что» отсутствует, это утрата дотошно-вопросания, не связанного только сущностью, когда это «что» превратилось в «квиддигас» с желанием увидеть и понять нечто, всегда ускользающее. Самым таинственным оказывается «что».

Мы сегодня говорили о том, что такое культура. Это смыслы, а это значит, что мы действуем по старинке. Жак Деррида говорит о том, что разница между обозначающим и обозначаемым постоянно смещается.

В. А. ТИШКОВ: — К микрофону приглашается профессор Константин Семенович Пигров.

К. С. ПИГРОВ: — Попытаюсь поддержать тех, кто задает альтернативу настроения, и поэтому мой эпиграф будет такой: «Мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв». Культура обнаруживается тогда, когда она сама — цель. Люди занимаются литературой, искусством, физикой и математикой не потому, что они надеются повысить производительность труда. Я заготовил две замечательные цитаты: одна принадлежит Альберту Эйнштейну, другая — Ньютону. Речь идет об эссе Эйнштейна «Мотивы научного исследования», где он вслед за Шопенгауэром говорит, что «одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, — это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и пустотой». Вторая цитата — это известное изречение Ньютона: «Не знаю,

чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу...»

Итак, цельность культуры — это самое важное, и, кстати говоря, именно цельность оказывается наиболее практичной. Конев говорил о том, что хорошая теория практична. Но именно сама цельность культуры и ее самодостаточность и дают основания для того, чтобы в лихую годину можно было к ним обратиться. В этих высказываниях великих физиков о культуре я хотел бы обратить внимание на фундаментальность несоизмеримости задач и человеческих возможностей в культуре.

Таким образом, культура (явно или неявно) обязательно включает иронию, которая здесь понимается не в узкоповседневном смысле, а в философском. Существуют две иронии: одна — ирония Сократа, это и есть философская ирония, а другая — ирония Ксантиппы. Когда я читаю эссе Александра Блока об иронии, то слышу голос Ксантиппы. Речь идет о философской иронии. Ирония, юмор и смех тесно связаны, смех прежде всего над самим собой. Невозможен гуманитарий и культурный человек вообще, если он принимает мудрый вид и взирает на мир с серьезным и скорбным выражением лица. Культурные люди должны улыбаться тогда, когда невозможно не заплакать. Мы иронизируем не только по отношению к самим себе, но и по отношению к Абсолюту.

Хотел бы напомнить, что сегодня происходит не только глобализация, но и фундаментализация. Посмотрите на судьбы стран Ближнего Востока, Россию и то место, которое занимает в ней Русская православная церковь. Здесь наблюдается определенный перекосяк, и фундаментализация — это наша проблема. Мы с помощью философии иронизируем надо всем, но за нашей улыбкой всегда таится меланхолия, не депрессия. От меланхолии, в отличие от депрессии, таблеток не существует. В этом плане можно говорить о нашей обреченности на меланхолию, которая таится в иронии по отношению к самим себе. Разум ироничен, а рассудок скорее идет по циническому пути. Рассудок — это путь сведения субъекта к объекту. Можно в качестве примера привести слова Базарова: «Одно знаю, я умру, и из моей могилы лопух вырастет». Но не будем осуждать Базарова, его ирония тоже, в сущности, высокая. Спор Базарова и Павла Петровича неразрешим в принципе. Поэтому я не думаю, что сегодня Базаров победил бы в споре Павла Петровича.

Гуманитарная наука возродится, я совершенно спокоен за судьбу и гуманитарной культуры вообще и русской культуры в частности, потому что здесь представлены мощные стихии. Они непобедимы, потому что в культуре мы существуем вне времени. В культуре можно говорить не о прогрессе, а о движении вперед. Если нет времени, то зачем торопиться? Медленное чтение филолога и философа — это слова Ницше, которые повторил Лихачев.

С этой точки зрения самый главный смысл иронической культуры заключается в терпении, которое освещается в высокой иронии. Но одной иронии недостаточно, речь идет о другом измерении — о любви, я имею в виду не отношение человека к человеку.

В этом контексте я говорю о любви к произведениям культуры и артефактам, я думаю, что это важнее, чем знание о них. Профессор Праздников возмущался тем, что школьница полагает, что «Героя нашего времени» (она считает этот роман замечательным произведением) написал Гоголь. Но я думаю, что это не страшно, потому что любовь стоит неизмеримо выше равнодушного ведания ремесленника, архивариуса. И если есть любовь, то знания в конце концов придут, знание есть функция любви в большей мере, чем любовь — функция знания. И любовь к артефактам культуры бескорыстна, находится по ту сторону меркантильных выгод или удовлетворения тщеславия. Подлинное отношение к культуре предполагает, что мы не для того читаем, чтобы что-то написать.

В юности я думал: прочту классиков и напишу что-нибудь «миропотрясающее». Нет, мы для того читаем, чтобы что-то написать, мы для того пишем, чтобы понять, что мы читаем. Это великая культура, которая, как океан, о котором говорил Ньютон, расстилается перед нами. Советский поэт в веселом отчаянии воскликнул: «Ну пусть писателя не вышло, зато читатель мировой». Это и есть, как мне кажется, фундаментальная ироническая и любовная позиция, которая задает основания культуры.

Здесь я хотел бы напомнить о посмертном произведении Борхеса «Семь вечеров», в котором он рассказывает о своей бесконечной любви к великим литературным произведениям. Самозабвенная любовь к книге протекает на фоне высокой супружеской любви его к Марии Кодама. Здесь намечаются пути выстраивания человеческих отношений вместе с любовью к артефактам культуры, которые прекрасны. Слезы в современном обществе не поощряются. Но когда я вижу, как венгр, получивший импринтинг русской культуры, говорит, что у него наворачиваются слезы при исполнении кубанским казачьим хором марша «Прощание славянки», я думаю, что эти слезы и есть суть культуры.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Татьяне Борисовне Сидневой.

Т. Б. СИДНЕВА: — Позвольте рассмотреть вопрос о классических художественных ценностях, их существовании в современном смысловом пространстве культуры. Острота этого вопроса связана, во-первых, с тем, что классика сегодня по умолчанию кажется всем известной, понятной и не требует каких-либо размышлений и доказательств. Второй не менее острый момент связан с тем, что классика сегодня внедрена во все сферы нашей жизни, сегодня говорят о классической обуви, классических банках, пряниках, конфетах. Проблема классики в искусстве заключается не только в том, чтобы составить список необходимых для знания сочинений, сколько в том, чтобы понять механизм внедрения в современную культуру и, главное, необходимость классики в современном мире. В поисках методологических ключей, объясняющих необходимость классики, я хочу обратиться к четырем понятиям, сформулированным не в связи с классическим искусством, но открывающим много для его понимания.

Первое понятие — «участное мышление», «участное переживание». Это понятие употребляет М. Бахтин в книге «Философия поступка». Все общезначимые ценности имеют значение только лишь в индивидуальном контексте, частным образом и как лично пережитое, говорит Бахтин. И классика ценна не тем, что знают Чайковского, Мусорского, Моцарта, а тем, что вместе с этими авторами мы можем пережить богатый духовный опыт.

Второе понятие, также извлеченное вне связи с классическим искусством, но имеющее методологически важное значение, — концептосфера. Как известно и сегодня уже говорилось, это понятие ввел Дмитрий Сергеевич Лихачев по аналогии с «ноосферой» и «биосферой». Для понимания классики имеет принципиальное значение то, что говорит Дмитрий Сергеевич о концептосфере как фундаментальном свойстве языка. Скучный опыт концептосферы человека лишает возможности моментально включать цепь ассоциаций, и наоборот, для человека, живущего в богатой концептосфере, потенциальная возможность его языка открывает широкое пространство смыслов. Д. С. Лихачев отмечает: диалог концептосфер, полноценный и многозвучный, возможен лишь тогда, когда человек обладает богатым внутренним опытом.

Третье понятие, которое мне кажется принципиальным для понимания классики, я нашла в блестящей статье В. А. Конева «Метрика пространства человеческого бытия». В этой статье Владимир Александрович говорит о том, что главным принципом существования человеческого бытия является развлечение, а мерой существования в этом пространстве — граница сакрального и профанного, своего и чужого, индивидуального и всеобщего. Именно граница позволяет человеку ориентироваться в пространстве, этот ориентир дает фундаментальный классический опыт.

Четвертое понятие, которое также изначально вне связи с классическим искусством входит в наш научный мир, — это символ, который объясняет Ю. М. Лотман. Определяя его, Юрий Михайлович Лотман всегда имеет в виду что-то архаическое и добавляет: каждая культура нуждается в пласте текстов, выполняющих функцию архаики. Именно функцию архаики священного текста выполняет классическая художественная традиция, которая фундаментальным опытом, проверенностью временем дает возможность человеку понимать все новое и динамически развивающееся в искусстве.

Моисей Самойлович Каган определил культуру как ценностно-смысловую иерархию. Среди множества определений, как мне кажется, оно является принципиальным. Когда мы включаем классику искусства в ценностно-смысловую иерархию, то становится понятно, где искусство, а где его имитация.

В. А. ТИШКОВ: — Прошу выступить Бориса Григорьевича Юдина.

Б. Г. ЮДИН: — Мой друг психолог Эдуард Глебович Алексеев (ныне уже покойный) критически высказывался по поводу работы Выготского о кризисе в современной психологии. По его мнению, это такое

мышление, которое везде видит приметы кризиса. За 70 лет многое изменилось, но оставалось неизменным то, что я постоянно жил в ситуации кризиса.

Кризис — это методологическое средство для описания современной действительности. Почему современной? То, что я воспринимал как кризис в 1960–1970-е годы, сейчас представляется беспроblemным существованием. Кризис обступил нас со всех сторон. Но кризис — это необязательно катастрофа, и может быть, сохраняется оптимизм.

Теперь несколько слов по поводу диалога культур. В свое время Кант сказал: «Для того чтобы лучше узнать свою страну, надо путешествовать по другим странам». Мне представляется, что понятие диалога предполагает многое. Когда мы вступаем в диалог с другой культурой, то тем самым стремимся лучше понять собственную культуру. Диалог культур — это скорее методологический инструментарий.

Тема моего доклада связана с трансгуманизмом, с тем, как я его интерпретирую. Это попытка выстроить диалог не между двумя культурами, существующими в одно время, а между культурами сегодняшней и будущей. Это попытка понять нас сегодняшних, которые продуцируют трансгуманистические проекты. Здесь уже упоминалось об антропологическом кри-

зисе. Мой друг философ Дубровский полагает, что антропологический кризис дошел уже до того, что необходимо стать транс- и постчеловеком, иначе человек будет противоречить познавательной и производительной активности. Все рушится, в частности в экологии наблюдается уже не кризис, а катастрофа. Единственный выход — переходить на позицию трансгуманизма.

В. А. ТИШКОВ: — Благодарю всех участников сегодняшнего заседания! На мой взгляд, работа нашей секции была плодотворной, интересной. Хочу обратиться к присутствующим здесь студентам: не воспринимайте слишком серьезно все, что говорили сегодня ученые, у которых наблюдается серьезный кризис в понимании современной России. Мы живем в одном из красивейших городов мира, где много людей посещают театры, музеи. За последние 20 лет СПбГУП стал одним из самых комфортных высших учебных заведений, с богатым содержанием. Никогда не отвергайте сегодняшний день, современную жизнь. Желаю вам успехов!

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодня состоялось интересное обсуждение, я узнал много нового, есть о чем подумать. Благодарю всех участников!

Секция 3

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ: МОНИТОРИНГ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

17 мая 2013 г. Лекционный зал №6

Руководители секции:

- А. В. ДМИТРИЕВ член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный научный сотрудник Института социологии РАН, советник РАН, доктор философских наук, профессор
- Е. И. МАКАРОВ заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП
- Ж. Т. ТОЩЕНКО член-корреспондент РАН, декан социологического факультета, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор

ДОКЛАДЫ

В. А. Авксентьев¹

ЮГ РОССИИ: ОТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАСКОЛА К ИНТЕГРАЦИИ²

Важнейшей причиной того, что региональный кризис на юге России (Северном Кавказе) приобрел затяжной и системный характер, является глубинный социокультурный раскол, который пролегал между «национальными» республиками региона и «русскими» краями и областями. Расхожая интерпретация этого раскола в терминах межконфессионального конфликта является поверхностной: хантингтонская модель конфликта цивилизаций как религиозно-фундированного не вполне приемлема для описания ситуации на Северном Кавказе. В постсоветский период Северный Кавказ претерпел глубокую экономическую демодернизацию, повлекшую за собой социокультурную и политическую архаизацию. Возродились свойственные эпохе домодерна социальные и политические отношения и институты, общественное сознание устойчиво обращено в прошлое. Религия лишь закрепляет и внешне оформляет эти процессы, хотя все больше из функцио-

нального превращается в сущностный феномен. Более эвристически ценным для анализа ситуации на юге представляется концепт «конфликта цивилизаций», понимаемого как конфликт между социально воплощаемыми идеалами современности и традиционности³. При этом смысловым ядром современности является установка на развитие (модернизацию), в то время как традиционность связывается с поисками социального идеала в прошлом.

Экономическую демодернизацию претерпели в постсоветский период все российские регионы, однако нигде, кроме Северного Кавказа, она не имела столь сильного воздействия на социокультурные процессы. Этничность, никогда не утрачивавшая свои социодифференцирующую и социомаркирующую функции на Кавказе, в условиях постсоветской архаизации обрела новую экономическую основу.

Н. Зубаревич, выделив «три России» с точки зрения модернизации, индустриализма, постиндустриализма и сопутствующих признаков, дополнила эту модель «четвертой Россией», которую составляют республики Северного Кавказа и юга Сибири⁴. В социокультурном плане «четвертая Россия» — это архаизировавшийся регион с доминированием традиционалистских ориентаций, поддерживаемых архаичными социальными и политическими институтами. Процесс ретрадиционализации продолжается, и в последние годы его

¹ Директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 270 научных публикаций, в т. ч.: «Конфликтология: базовые концепты и региональные модели» (в соавт.), «Конфликтологические сценарии юга России в контексте социокультурного развития региона» (в соавт.), «Функциональность этнополитического конфликта: ограничения и возможности (опыт системного менеджмента на Северном Кавказе)», «Культурно-идеологические аспекты напряженности в Северо-Кавказском регионе» (коллективная монография), «Регионогенез на юге России: решения, проблемы, риски», «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» (в соавт.) и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов.

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе», реализуемого при поддержке РГНФ, грант № 11-03-00070а.

³ Аксюмов Б. В. Конфликт цивилизаций в современном мире и цивилизационный выбор России. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. С. 79–124.

⁴ Зубаревич Н. Четыре России // Электронное периодическое издание «Ведомости» («Vedomosti»). URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii?full#cut (дата обращения: 04.03.2013).

стержнем стала религия. Люди, социализировавшиеся в ретрадиционализированном мире, испытывают «комплекс неофита», в отличие от представителей истинно традиционного мира, и стремятся активно манифестировать свою традиционность, важным признаком которой в условиях Кавказа является этничность. Это проявляется, в частности, в многочисленных случаях конфликтной демонстрации этничности («танцы на Манежной» в Москве или «танцы на Пушкинской» в Ростове; подобных случаев немало в российских городах), а также провоцирующего поведения кавказской молодежи в городах и населенных пунктах, за которыми следует «выброс» конфликтного напряжения (типичный пример — с. Ремонтное в Ростовской области, сентябрь 2012 г.). Подмечено, что инициаторы таких происшествий в регионах с преобладанием русского населения — не старожильческое иноэтничное население, а молодые люди, приехавшие в гости к родственникам или друзьям или на учебу. И хотя не эти молодые люди являются причиной напряженности, которая складывается и нарастает годами, но именно их демонстративное социокультурное поведение становится «спусковым крючком» для перерастания напряженности в манифестный конфликт.

В другой части юга России — краях и областях — сохранились устойчивые модернизационные ориентации. До экономического кризиса 2008 года модернизационные процессы в Ростовской области, Краснодарском крае протекали весьма динамично, и в настоящее время Краснодарский край является одним из лидеров России по инвестиционной привлекательности. Разделение «большого» Южного федерального округа в 2010 году привело к появлению Северо-Кавказского федерального округа с глубоко демодернизированной экономикой и архаизированной социальной и политической структурой. Особое место отводится Ставропольскому краю, который должен выступить в качестве локомотива инновационного развития округа, но эта миссия так и не начала выполняться.

Такой социокультурный расклад на юге страны не способствует социокультурной интеграции и становлению *российской цивилизационной идентичности*. Слишком разновекторными оказались тенденции в социокультурном развитии региона.

Ранее мы отмечали, что формирование цивилизационной идентичности России предполагает модернизационную переориентацию населения юга¹. Для преодоления социокультурного раскола и движения в сторону социокультурной интеграции обязателен выход

Северного Кавказа из состояния «четвертой России», что возможно только на основе модернизации. Контент- и дискурс-анализ выступлений региональных политиков свидетельствуют, что модернизационные ориентиры пока формирует только политический класс Кабардино-Балкарии. И хотя речь идет о политической риторике, для формирования социокультурных ориентаций она имеет большое значение.

При этом мы считали и считаем, что социальная, политическая и культурная модернизация юга России возможна только на базе экономической модернизации, которая должна выступить в качестве стартового механизма комплексной модернизации. Этот тезис не является общепризнанным, наоборот, он имеет больше противников, чем сторонников. С нашей точки зрения, советский опыт преобразований на Северном Кавказе свидетельствует о том, что социокультурная модернизация должна быть востребована «снизу», то есть экономическими процессами. Экономические преобразования первых советских пятилеток имели целью не столько увеличение производства в регионе, сколько изменение социальных, политических и духовных процессов. Создание индустрии существенно изменило уклад жизни, потребовало определенного уровня образования и профессионализма. К концу советского периода Северный Кавказ был вполне промышленно развитым регионом с полноценной социальной структурой, неплохой системой образования, а Дагестан — одним из важнейших центров развития ВПК. Все народы находились в поле единой «многонациональной советской культуры» и при реальных проблемах и тяжелом наследии сталинской национальной политики считали себя частью советского народа.

Преодоление социокультурного раскола на юге — это проект социокультурной реинтеграции на экономической базе модернизации и социокультурной основе *российской цивилизационной идентичности*. Необходим переход от проекта формирования российской гражданской идентичности (в значительной степени реализованного) к проекту формирования российской цивилизационной идентичности, который сформулирован на постановочном уровне². Формирование российской цивилизационной идентичности выводит нас на аналогию с советской идентичностью, понимаемой именно как цивилизационная. Успешность формирования советской цивилизационной идентичности и формирование советского народа как ее носителя позволяют дать оптимистические прогнозы: социальные мегапроекты такого рода вполне реализуемы.

¹ Авксентьев В. А. Экономические и социокультурные детерминанты региональных конфликтов на юге России // Диалог культур в условиях глобализации : XII Международ. Лихачевские науч. чтения. СПб. : СПбГУП, 2012. Т. 1 : Доклады. С. 371.

² См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17831/> (дата обращения: 30.01.2012).

Г. М. Бирженюк¹**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТНОСТИ
В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ РОССИИ И СТРАНАХ СНГ**

В процессе труда люди вступают в разнообразные отношения — социальные, экономические, правовые и др. Эти отношения могут носить характер сотрудничества, но могут и приобретать конфликтный характер. Источники социально-трудовых конфликтов различны, они многократно проанализированы в публикациях по соответствующей тематике. Соответственно социально-трудовые отношения должны регулироваться. Это происходит в двух формах — судебной, то есть на основе правовых механизмов, и внесудебной — на основе переговорных процессов.

Обобщение статистики трудовых конфликтов в России и странах СНГ показывает, что, несмотря на существенные различия, обусловленные культурой, экономикой, социальной политикой в каждой из стран содружества, есть один аспект, который является для них общим. Это проблемы правового регулирования социально-трудовой сферы.

Трудовые кодексы (ТК) Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, других стран СНГ, как показывает анализ, в общем, представляют собой кодексы первоначального этапа рыночной экономики. Этот этап отличается высокой динамикой, и в силу этого каждый ТК в той или иной степени не соответствует ни реалиям экономики, ни потребностям субъектов правоотношений. Это можно проиллюстрировать на примере Трудового кодекса РФ.

По идее, ТК — это достигнутый компромисс между профсоюзами (как представителями трудящихся), государством и работодателем. Собственно, на этой основе возникают условия для относительно бесконфликтного осуществления и развития социально-трудовых отношений. Когда ТК имеет пробелы, содержит нормы, которые можно трактовать в различных смыслах, когда в нем есть перекосы в правах отдельных категорий, то он сам становится источником конфликтов в социально-трудовой сфере.

Если посмотреть на ТК РФ с этих позиций, то увидим, что в нем смешаны совершенно различные по своей природе права — экономические, социальные, политические. Более того, одни права часто выдаются за другие, что вносит изрядную путаницу. В частности, право на труд трактуется как экономическое, но оно по сути является социальным правом. Право на забастовку лишь отчасти экономическое, это больше политическое право. Предмет борьбы многих поколений трудящихся за свои социальные права — 8-часовой ра-

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Клуб и здоровый образ жизни», «Основы региональной культурной политики и формирования культурно-досуговых программ», «Культурология образования: цели, задачи, возможности» (в соавт.), «Инновации в туристской отрасли: источники, механизмы, проблемы», «Диалог культур и цивилизаций в современном мире», «Социально-трудовые конфликты в странах СНГ: проблемы интеграции научного знания и практики в контексте глобализации» и др. Почетный профессор СПбГУП.

бочий день — не столько социальное право, сколько экономическое.

Таким образом возникает определенная «туманность» в правовом поле. Известное право на труд, закрепленное в Конституции РФ и ТК, представляет собой не что иное, как право на занятие каждым рабочим места, позволяющего ему получать достойную зарплату, самореализоваться и т. д. Фигурой умолчания является ответ на вопрос, кто именно должен обеспечить это право, то есть предоставить человеку рабочее место? Если иметь в виду конкретного работодателя, то он такую задачу перед собой не ставит. Не решают ее и всевозможные объединения работодателей. Более того, работодатель заинтересован в том, чтобы имела место некоторая безработица: в этом случае есть возможность отбора лучших работников, меньше их строптивость в разрешении трудовых напряжений, ниже притязания в области оплаты труда. В итоге больше прибыль и меньше проблем.

Трудовое право уникально. Оно является инструментом отстаивания трудящимися своих экономических прав в ситуации острого конфликта между работниками и работодателем. Для решения такого рода конфликтов (по поводу оплаты труда, режима работы и т. п.) существует суд. Однако само существование такой правовой нормы, которая предусматривает не только право на забастовку, но и процедуру ее объявления и проведения, содержит в скрытом виде признание того, что суд может быть неправ или как минимум с его решением можно не согласиться и предпринять массовую акцию для выражения несогласия. То есть универсальное для всех право решения спорных вопросов через суд дополнено в виде исключения правом на внесудебное решение — забастовку. Забастовка всегда предполагает не только прекращение работы, но и заявления в печати, митинги, шествия. Всему этому сопутствует широкая кампания в СМИ с привлечением депутатов, политологов, экспертов и пр. В итоге имеет место политизация экономического конфликта.

Примечательно, что ТК регулирует далеко не все трудовые отношения. По различным оценкам, в последние 10 лет у нас в полтора-два раза вырос неформальный сектор трудовых отношений. Речь идет о тех, кто перепродает товар на рынках, ремонтирует квартиры частным образом, сидит в подъездах в качестве консьержек, торгует в палатках и т. д. Там практически отсутствует любое регулирование и защитные функции сведены к минимуму. Это своего рода парадокс — в России вроде бы осуществлялось цивилизованное строительство рыночной экономики и неформальный сектор по всем законам науки должен был сузиться, а он расширился в разы. Сегодня у нас примерно 20–30 % занятых работников сосредоточены в неформальном секторе, где Трудовой кодекс ничего не регулирует и никто о нем не слышал. Еще примерно 15 % работающих заняты на малых предприятиях. Здесь ТК соблюдается весьма условно и далеко не в полном объеме. В итоге получается,

что ТК сегодня более или менее полно регулирует труд лишь примерно четверти людей, занятых в российской экономике. В других странах СНГ этот показатель колеблется в пределах от 20 до 50 %.

Еще одна особенность нынешнего ТК — он не в полной мере является инструментом, выравнивающим права всех участников трудовых отношений. В частности, работники имеют право на забастовку, но работодатель не имеет права на локаут — массовое увольнение работников.

С другой стороны, в ТК не предусмотрено никаких механизмов защиты интересов работников в тех случаях, когда работодатель исчезает. У нас в стране в розыске находятся тысячи учредителей предприятий мелкого и среднего бизнеса. Они просто бросают свои структуры и пропадают — по разным причинам (рэклет, долги, факторы личного характера и т. д.) В итоге ООО юридически существует, но фактически ликвидировано, и работники не могут получить зарплату, выходное пособие. Взять трудовую книжку они тоже не могут, как и защитить свои права.

Но есть и другая сторона вопроса. Например, существует категория работников (счет идет на тысячи и десятки тысяч), которые не выходят на работу в течение дня, недели, месяца и «дематериализуются». Уволить их нельзя, подать в розыск можно только при наличии в их действиях признаков состава преступления. Такая ситуация связана с немалыми затратами. Есть

193-я статья, согласно которой с работника надо взять письменное объяснение и только потом можно уволить в связи с грубым нарушением дисциплины. А до этого приходится брать новых работников по срочному договору на период отсутствия «мертвых душ». Но срочный договор не стимулирует работника на долговременные усилия, повышает его управляемость и соответственно уменьшает объем прав. В итоге ТК, защищая виртуальных работников, ущемляет права реальных.

ТК и другие законы, действующие в социально-трудовой сфере, будь то в России, Беларуси или любой другой стране СНГ, — это не набор деклараций и благих пожеланий, а документы, которые закрепляют, институализируют, нормативизируют и оформляют сложившиеся отношения между трудом и капиталом, между работником, работодателем и государством как третьим субъектом. Как известно, юридическое действие тогда приобретает юридическую силу, когда оно имеет юридическую форму. Поэтому ТК должен содержать четкие процедуры, позволяющие правильно применить содержащиеся в нем нормы.

Как представляется, совершенствование законов, регулирующих трудовые отношения, приведение их в соответствие с социальными, культурными, экономическими и другими реалиями в России и других странах СНГ является важным фактором совершенствования трудовых отношений, а значит, и сокращения числа и степени напряженности конфликтов.

В. Ю. Бочаров¹

СОСТОЯНИЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

2012 год во многом стал знаковым для институционализации трудовых отношений в Самарской области.

Во-первых, в феврале 2012 года было подписано новое трехстороннее соглашение «О регулировании социально-трудовых отношений в 2012–2014 годах»², предусматривающее на ближайшую перспективу принятие ряда мер по улучшению ситуации в сфере трудовых отношений.

¹ Доцент кафедры социологии и политологии Самарского государственного университета, исполнительный директор НИИ социальных технологий СамГУ, кандидат социологических наук. Автор ряда научных публикаций, монографий «Социальный институт наемного труда в современной России», «Социально-трудовая сфера сельского хозяйства Самарской области: состояние, тенденции, перспективы» (в соавт.), «Наемный труд в современной России: пространство матрицы отчаяния», а также более 50 научных статей, в т. ч.: «Институциональный подход к анализу договорных трудовых отношений», «Социально-экономическая ситуация в фермерских хозяйствах Самарской области» (в соавт.), «Трудовой потенциал фермерства: уровень профессионально-квалификационной подготовки, материальное положение и мотивация труда», «Социологический анализ отечественных профсоюзных организаций: теория и практика», «Роль профессиональных союзов в становлении социального института трудового найма в России», «Сравнительный анализ уровня жизни медицинских и педагогических работников в ходе реализации национальных проектов» (в соавт.), «Пути совершенствования правовых норм социального института трудового найма: опыт самарского мониторинга социально-трудовой сферы» и др.

² <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW256;n=41951>

Во-вторых, в октябре 2012 года на областном уровне был принят закон «О социальном партнерстве в сфере труда на территории Самарской области»³, среди приоритетных задач которого зафиксированы такие важнейшие положения, как «формирование механизма коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений» и «позаэтапное повышение заработной платы работников» (ст. 3 «Задачи социального партнерства в сфере труда на территории Самарской области»). Реализация этих задач является важной предпосылкой дальнейшего развития трудовых отношений и по замыслу должна привести к позитивным изменениям во всей социально-трудовой сфере.

Пока же говорить о существенных изменениях в состоянии трудовых отношений на предприятиях обрабатывающих производств еще преждевременно. Результаты выполненного сотрудниками НИИ социальных технологий СамГУ осенью 2012 года исследования⁴ говорят о том, что изменения, безусловно, есть, но основные оцениваемые показатели, а именно: 1) состояние

³ Закон Самарской области от 10 октября 2012 г. № 90-ГД «О социальном партнерстве в сфере труда на территории Самарской области». URL: www.garant.ru

⁴ Социологический опрос был осуществлен в сентябре-ноябре 2012 года. В ходе исследования были проведены анкетный опрос и интервью 700 респондентов — работников и экспертов — руководителей и специалистов предприятий обрабатывающих производств Самарской области.

коллективно-договорной практики; 2) оценка профсоюзной деятельности; 3) оценка социальной напряженности и степени готовности работников к конфликтам, пока не свидетельствуют о радикальных переменах. Вероятно, такие перемены можно будет ожидать при условии реализации новых нормативных актов на основе реального диалога между представителями работодателей и профсоюзами. Пока же речь может идти о фиксации ситуации, сложившейся в Самарской области на уровне прошлых мониторинговых замеров¹.

1. Состояние коллективно-договорной практики на предприятиях

В рамках опроса работников промышленности, проведенного в 2012 году, в качестве характеристик коллективно-договорной практики на предприятиях использовались следующие показатели:

- информированность работников о наличии коллективного договора;
- степень соответствия его содержания интересам работников;
- степень его выполнения со стороны работодателя;
- регулярность переговоров между работниками и администрацией.

Результаты опроса 2012 года свидетельствуют, что по сравнению с предыдущим исследованием, проведенным в 2008 году, ситуация относительно осведомленности работников о наличии коллективного договора на предприятии не изменилась. Доля опрошенных, указавших, что на их предприятии действует коллективный договор, по-прежнему, составляет около 2/3 респондентов. В среднем каждый четвертый респондент затруднился ответить, есть ли на его предприятии коллективный договор. Еще 8,4 % уверены, что коллективного договора нет, хотя на всех обследованных предприятиях он заключен, то есть эту часть работников можно смело добавить к тем, кому о коллективном договоре ничего не известно. В итоге средняя доля неинформированных составляет более 1/3 (34,3 %).

Как и в 2008 году, разные категории работников неодинаково информированы о наличии коллективного договора на предприятии. Рабочие низкой квалификации, как и прежде, информированы в меньшей степени, чем высококвалифицированные рабочие и специалисты (%):

Доля информированных		
	2008 год	2012 год
Рабочие 1–3-го разрядов	50,7	44,7
Рабочие 4–6-го разрядов	66,4	68,7
Специалисты	71,9	70,8

Также стоит отметить, что по-прежнему меньше всего доля информированных о коллективном договоре на предприятии среди молодых работников до 30 лет. Сегодня о коллективном договоре, действующем на предприятии, знают менее половины работников этой возрастной группы (в 2008 г. — 52,9 %). В то же время отметим, что в старших возрастных группах работников

¹ См.: Бочаров В. Ю. Социальный институт наемного труда в современной России. Самара, 2010.

(46–60 лет и старше 60 лет), по данным опроса 2012 года, доля респондентов, знающих о существовании на предприятии коллективного договора, заметно увеличилась:

Возрастная группа	2008 год	2012 год
Моложе 30 лет	52,9	48,9
31–45 лет	72,9	70,3
46–60 лет	69,9	78,6
Старше 60 лет	59,1	85,3

Очевидно, что действующий на предприятии коллективный договор сам по себе не может гарантировать защиту социально-трудовых прав работника². Важно прежде всего содержание этого документа, а также его обязательное исполнение сторонами. Так же, как и в 2008 году, лишь примерно 2/3 работников (от информированных о наличии на предприятии коллективного договора) считают, что содержание коллективного договора в той или иной степени учитывает их интересы. Остальные же уверены в обратном (11,1 % или незнакомы с его содержанием (20,0 %).

Мнения работников о том, как работодатели выполняют свои обязательства, включенные в коллективный договор, также мало отличаются от данных 2008 года. Так же, как и тогда, около 2/3 респондентов считают, что коллективный договор в той или иной степени выполняется работодателем, а примерно каждый десятый утверждает обратное.

Еще один показатель состояния трудовых отношений на предприятии — наличие переговорного процесса между работниками и работодателями. Известно, что регулярные переговоры между сторонами договорных трудовых отношений свидетельствуют о развитости социального института наемного труда³. Такая практика позволяет оперативно разрешать социальные проблемы на предприятии, предотвращая рост социальной напряженности и не доводя до открытого трудового конфликта. Между тем ситуация на предприятиях Самарской области в 2012 году по сравнению с 2008-м изменилась незначительно. Доля респондентов, утверждающих, что на их предприятии ведутся регулярные переговоры между работниками и администрацией, несколько выросла, но по-прежнему не превышает 40 % респондентов от числа информированных о наличии на предприятии колдоговора, уступая более значительной доле неинформированных респондентов. По сути, на значительной части предприятий практика регулярных переговоров практически превращена в узкий по составу участников «келейный» диалог. Результаты этих переговоров не выносятся на общие собрания работников, не становятся диалогом между работодателем и работниками наемного труда.

Итак, по сравнению с 2008 годом состояние коллективно-договорного регулирования трудовых отношений

² См.: Бочаров В. Ю. Состояние коллективно-договорной практики на отечественных промышленных предприятиях // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований»: XI Файнбургские чтения. Пермь, 2012. С. 100–103.

³ См.: Бочаров В. Ю. Наемный труд в современной России: пространство матрицы отчаяния. «The Matrix reloaded» vs «Fatal errors». Saarbrücken, 2012.

на обследованных предприятиях Самарской области практически не изменилось. Оно остается на том же формальном, не учитывающем в полной мере интересы персонала уровне. Об этом свидетельствуют практически те же данные, полученные в ходе опроса 2012 года:

	2008 год	2012 год
Доля работников, указавших, что на их предприятии действует коллективный договор	65,9	65,7
Доля респондентов, указавших, что в коллективном договоре учитываются их интересы	69,1	68,9
Доля респондентов, указавших, что коллективный договор выполняется работодателем	66,7	63,6
Доля респондентов, указавших на наличие на их предприятии переговорного процесса	31,8	39,2

Единственный показатель, который демонстрирует позитивную динамику, — увеличение доли респондентов, отмечающих наличие на предприятии регулярных переговоров между администрацией и работниками. Но и в этом случае увеличился этот показатель очень незначительно.

Таким образом, состояние коллективно-договорной практики на обследованных предприятиях обрабатывающих производств в 2012 году нельзя признать удовлетворительным и динамично развивающимся. Ситуация оказалась «замороженной» на уровне кризисных

показателей 2008 года. Не последнюю роль в сохранении такого положения вещей сыграла пассивность профсоюзных структур, слабо влияющих на регулирование вопросов оплаты и условий труда работников.

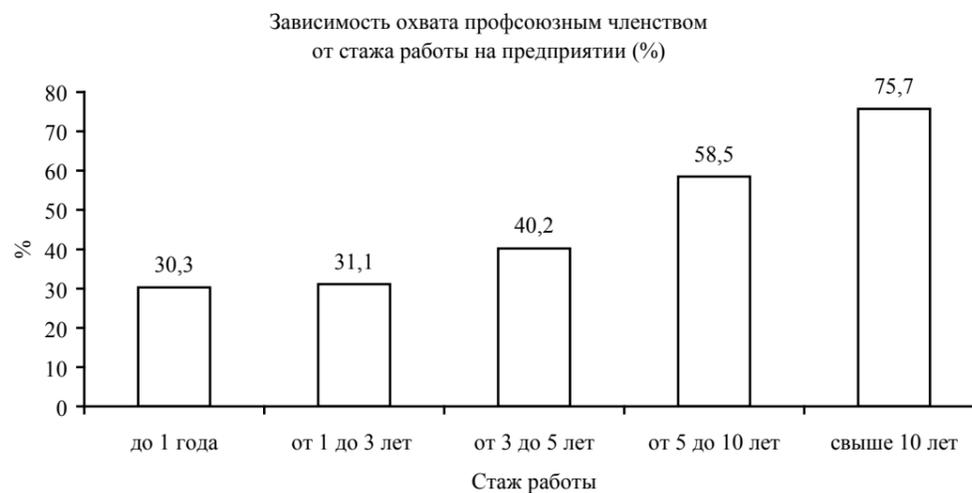
2. Оценка работниками деятельности профсоюзных организаций

По результатам опроса 2012 года, доля работников, являющихся членами традиционных профсоюзов, входящих в систему ФНПР, достигла своего минимума за все годы аналогичных замеров, проводимых с начала 2000-х годов. По данным опроса 2012 года, членами этого профсоюза себя считают лишь около половины опрошенных работников. Деятельности альтернативных профсоюзных структур на обследованных предприятиях, как и во все предыдущие годы, зафиксировано не было. Ниже приведены данные, выполненные за указанные годы исследований, о доле респондентов, являющихся членами профсоюза (%):

2000 год	62,5
2004 год	65,0
2008 год	57,3
2012 год	51,0

Все проведенные ранее замеры в рамках мониторинга свидетельствовали о существовании четкой зависимости уровня профсоюзного членства от стажа работы респондентов на предприятии. Не стали исключением и данные опроса 2012 года. Ниже приведено распределение членства в профсоюзе в зависимости от стажа работы по всему массиву опрошенных в целом (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Рассматривая уровень членства в профессиональном союзе в зависимости от профессионально-квалификационной категории работников, следует отметить долгосрочную тенденцию сокращения доли членов профсоюза среди всех категорий опрошенных работников. Но наиболее явно такое сокращение заметно среди работников 1–3-го разрядов:

Являются членами профсоюза (%)

	2006 год	2008 год	2012 год
Рабочие 1–3-го разрядов	59,8	49,7	34,4
Рабочие 4–6-го разрядов	72,8	58,6	55,2
Специалисты	63,2	59,4	53,5

Приведенные выше данные позволяют сказать, что членство в рядах профсоюза из года в год все меньше привлекает работников предприятий обрабатывающих производств. Постепенно снижается и доля тех членов профсоюза, которые считают, что профсоюз в той или иной мере влияет на улучшение условий и оплаты их труда на предприятии. В 2012 году об этом заявили лишь 36,5 % опрошенных, являющихся членами профсоюза. В 2008 году эта доля составляла 44,1 % опрошенных членов профсоюза.

Приведенные сведения свидетельствуют о пока еще незначительной роли профсоюзов в решении наиболее острых проблем трудовых отношений на предприятиях и их низком авторитете среди основной массы работников, либо не знающих, что делает профсоюз, либо уверенных в его бессилии перед администрацией предприятия. Отметим, что падение авторитета профсоюзных организаций происходит именно среди работников рабочих профессий, тогда как среди специалистов его позиции сохраняются примерно на уровне 2008 года и даже незначительно укрепились в 2012-м (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка работниками влияния профсоюзной организации на улучшение условий и оплаты их труда (по категориям работников, в % к числу опрошенных членов профсоюза)

Категории работников	В той или иной мере оказывает влияние		Совершенно не оказывает влияния		Затруднились ответить	
	2008 г.	2012 г.	2008 г.	2012 г.	2008 г.	2012 г.
Рабочие 1–3-го разрядов	40,7	32,0	27,2	26,0	32,1	42,0
Рабочие 4–6-го разрядов	49,8	32,9	29,6	34,1	20,6	33,0
Специалисты	39,0	43,4	44,5	28,3	16,5	28,3

Так же как и в 2008 году, работникам предприятий обрабатывающих производств, являющимся членами профсоюза, задавался вопрос: «А у вас не появляется желание выйти из профсоюза?» Ответы, полученные от респондентов, свидетельствуют, что низкая оценка деятельности профсоюзных организаций заставляет примерно половину (45,8 %) членов профсоюза задумываться о целесообразности своего дальнейшего нахождения в рядах организации, которая столь слабо отражает их интересы перед работодателем.

Таким образом, по данным опроса работников, проведенного в 2012 году, очевидно, что профсоюзные организации на значительной части предприятий не пользуются авторитетом у большей части работающих. Причем ситуация по сравнению с 2008 годом для этих организаций лишь ухудшилась. Работники видят, что профсоюзные лидеры, отстранившись от решения вопросов трудовых отношений, занимаются привычными им еще с советских времен социальными вопросами. Это подтверждают и эксперты исследования в своих интервью, характеризуя деятельность профсоюза на предприятии как работу культмассовика: «предоставляются билеты в театр, кино, новогодние подарки, поздравления...» Безусловно, такая деятельность несет в себе положительный эффект для улучшения психологической обстановки на предприятии, но она не имеет ничего общего с функциями профсоюза в условиях рыночной экономики.

3. Оценка социальной напряженности и степени готовности работников к конфликтам

В исследованиях, выполняемых в рамках мониторинга социально-трудовой сферы на предприятиях обрабатывающих производств, социальная напряженность рассматривается как негативная характеристика трудовых отношений, свидетельствующая о степени рассогласования интересов работников и работодателей и угрожающая вероятностью открытого трудового

конфликта между ними¹. Опираясь на опыт проведенных ранее исследований, можно утверждать, что с ростом социальной напряженности на предприятиях растет доля работников, задумывающихся о смене места работы (увеличивается уровень потенциальной текучести), и снижается доля вовлеченных в работу предприятия. Возникновение конфликтных ситуаций из-за невнимания к причинам социальной напряженности нарушает нормальный ритм его работы, сопровождается остановкой работы оборудования, посещением заинтересованными работниками дирекции предприятия в рабочее время, что, в свою очередь, способствует нарушению технологических процессов, графиков и планов работы предприятия.

Уровень социальной напряженности зависит прежде всего от наличия нерешенных проблем в производственной жизни, связанных с самыми разными ее сторонами — с условиями и оплатой труда, отношениями с руководством и нарушением социальных гарантий. Наиболее частым источником напряженности являются необоснованные, несправедливые действия мастера — низового руководителя производства, совершаемые либо по неопытности, либо из корыстных побуждений.

Для выяснения возможности открытого массового конфликта на предприятии респондентам традиционно задается вопрос: «Какова, на ваш взгляд, вероятность открытого массового конфликта (остановка работы, забастовки, митинги) на вашем предприятии в ближайшем будущем?» Динамика мнений работников по поводу вероятности конфликта представлена ниже:

Доля допускающих возможность конфликта (%)	
2004 год	15,5
2006 год	13,8
2008 год	13,8
2012 год	15,5

¹ См.: Бочаров В. Ю. Социальная напряженность на предприятии // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В. А. Ядов. СПб., 2006. С. 299–300.

Очевидно, что существенных изменений в оценках за все время наблюдений не зафиксировано. Эти данные практически свидетельствуют о низкой вероятности возникновения открытого массового конфликта на обследованных предприятиях. Подтверждает сказанное и величина индекса вероятности массового конфликта

(ВМК)¹. Значение этого индекса в целом по массиву опрошенных в 2012 году оказалось аналогичным полученному в 2008-м — 0,33. Значение индекса ВМК по предприятиям различных видов обрабатывающих производств по сравнению с данными 2008 года приведено ниже:

Обрабатывающие производства	2008 г.	2012 г.
Производство транспортных средств и оборудования	Не обслед.	0,33
Производство машин и оборудования	0,35	0,23
Химическое производство	0,16	0,35
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	0,36	0,56
Производство пищевых продуктов	0,45	0,20
Среднее значение индекса ВМК	0,33	0,33

Судя по рассчитанным значениям индекса ВМК, ситуация на обследованных предприятиях обрабатывающих производств Самарской области в 2012 году не выглядела тревожной. Ни одно из предприятий не имеет индекса с отрицательным значением.

Высказывание респондентом мнения о возможности конфликта еще не является условием его готовности участвовать в реальном трудовом конфликте. Выделить группу тех, кто несет в себе потенциальную

готовность к участию в открытом конфликте, и действительно оценить степень готовности персонала предприятий обрабатывающих производств к участию в забастовочных акциях помогает вопрос: «Если недовольство людей перерастет в открытый конфликт, вы лично готовы оставить работу, пойти на митинг, бастовать?» Распределение ответов и рассчитанные индексы готовности к конфликту (ИГК)² приведены в табл. 2.

Таблица 2

Степень готовности работников к участию в конфликте, если он возникнет на предприятии (%)

Обрабатывающие производства	Да, готов(а) участвовать	Может быть, и буду участвовать	Нет, не буду участвовать	Индекс готовности к конфликту (ИГК)
Производство транспортных средств и оборудования	11,9	27,1	39,0	-0,14
Производство машин и оборудования	13,2	28,5	22,9	0,05
Химическое производство	11,4	30,2	21,5	0,05
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	9,4	22,7	41,4	-0,21
Производство пищевых продуктов	10,5	26,6	32,9	-0,09
Всего	11,3	27,1	30,9	-0,06
Для сравнения: Данные опроса 2008 года	14,8	21,3	24,7	0,01

Примечание: Остальные респонденты затруднились ответить.

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют, что в целом уровень готовности работников предприятий обрабатывающих производств к забастовочным акциям в 2012 году по сравнению с 2008-м снизился. Хотя и тогда его нельзя было назвать высоким.

Тем не менее стоит обратить внимание, что на каждом из обследованных предприятий работают люди, которые имеют мотивы для участия в протестных действиях. На предприятиях производства машин и оборудования и химического производства около 40 % опрошенных в той или иной мере оказались готовы поддерживать протестные акции, а Индекс ГК имеет значение, близкое к нулю. Менеджменту предприятий необходимо учитывать, что существует ряд факторов, которые могут напрямую влиять на рост конфликтных настроений. Они должны о них знать и не допускать ухудшения ситуации. Они должны постоянно заботиться об улучшении социального климата, используя в работе методы прямого диалога с персоналом и повышение квалификации низового управленческого звена. И главное, не допускать нарушений законных прав работников.

Ниже представлены доли работников, в той или иной мере готовых к участию в забастовке на предприятии, среди разных категорий респондентов по уровню удовлетворенности работой, условиями, оплатой, чтобы лучше представить себе, кто на предприятиях является носителем протестных настроений.

¹ Методика подсчета индекса ВМК основана на придании каждому варианту ответа на вопрос о вероятности открытого массового конфликта определенного веса от +1,0 до -1,0 (+1,0; +0,5; 0,0; -0,5; -1,0). После соответствующих подсчетов каждая группа предприятий обрабатывающих производств получает значение индекса «вероятность конфликта». Его значение может иметь величину от +1,0 — конфликт исключен до -1,0 — большая вероятность конфликта.

² Расчет ИГК происходит следующим образом. Первый вариант ответа («Да, готов(а) участвовать») умножаем на +1,0. Второй вариант ответа («Может быть, и буду участвовать») умножаем на +0,5. Третий вариант ответа («Нет, не буду участвовать») умножаем на -1,0. Четвертый вариант ответа («Затрудняюсь ответить») умножаем на 0. Все полученные цифры складываем и делим на 100. Полученный индекс изменяется в пределах от -1,0 (минимальная готовность к конфликту) до +1,0 (максимальная готовность к конфликту).

Категории работников	Доля работников, в той или иной мере готовых бастовать (%)	
	2008 год	2012 год
Вполне удовлетворенные работой	21,0	30,5
Совершенно не удовлетворенные работой	68,4	54,1
Вполне удовлетворенные условиями труда	25,4	38,0
Совершенно не удовлетворенные условиями труда	44,8	65,1
Вполне удовлетворенные справедливостью оценки труда	30,5	40,1
Совершенно не удовлетворенные справедливостью оценки	54,8	58,3
Вполне удовлетворенные зарплатой	21,1	34,3
Совершенно не удовлетворенные зарплатой	51,9	52,2

Как видно из приведенных выше цифр, главными факторами, влияющими на готовность наемных работников к участию в открытых трудовых конфликтах на предприятии, являются общая неудовлетворенность работой, а также неудовлетворенность условиями и оплатой труда. В контексте общей неудовлетворенности доминирует недовольство зарплатой в разных аспектах: как размером заработка, так и критериями оценки труда.

Совершенно очевидно, что у большей части готовых к конфликту работников есть основания, чтобы вести себя подобным образом. Это выражается в их неудовлетворенности отдельными сторонами их работы. И отдел персонала предприятия должен знать, чем вызвано это недовольство, и вести диалог с этими работниками.

Подводя итог анализу состояния социальной напряженности на обследованных предприятиях, необходимо отметить, что в целом по массиву опрошенных доля респондентов, допускающих возможность возникновения открытого массового конфликта на предприятии, невелика (15,5 %). Еще меньшая доля работников (11,3 %) определенно готова участвовать в протестных акциях или митингах. Тем не менее следует учитывать, что при первом же ухудшении экономиче-

ской ситуации на предприятии в связи с внешней неблагоприятной обстановкой даже эта небольшая часть работающих может спровоцировать социальный конфликт. Поэтому руководству предприятий необходимо в первую очередь обратить внимание на устранение причин недовольства работников, среди которых всегда находятся центральные вопросы трудовых отношений — заработная плата и условия труда персонала. Цивилизованный диалог по этим вопросам способен предотвратить возникновение конфликтных ситуаций либо направить их разрешение в мирное русло конструктивных переговоров.

Необходимо также учитывать, что если социальная напряженность и не перейдет в конфликтную ситуацию (что чаще всего и бывает в современных условиях), это не значит, что она не окажет влияния на деятельность предприятия. Социальная напряженность отрицательно влияет на качество труда, на соблюдение технологической дисциплины, на состояние дисциплины трудовой. Не прилагая усилий к снижению социальной напряженности, не рассматривая ее как сигнал опасности, руководство предприятий демонстрирует свою неспособность наращивать социальный капитал предприятия, работать на перспективу в современных условиях.

А. В. Дмитриев¹

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИММИГРАЦИИ: ОТ ДИАГНОСТИКИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ²

Предварительные замечания. Для понимания миграции, так же как и постоянного поселения, уже недостаточно констатировать, что она обусловлена производством либо, наоборот, ее воздействием на развитие производства. Необходимо выделить еще один аспект — отношения людей между собой.

¹ Член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный научный сотрудник Института социологии РАН, советник РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. книг: «Общая социология», «Социальный конфликт: общее и особенное», «Конфликты миграции», «Юг России: конфликтное измерение», «Мигранты в новой среде: практики взаимодействия», «Конфликтология», «Социальный конфликт» и др. Главный редактор журнала «Социология образования». Лауреат премии им. М. М. Ковалевского Российской академии наук.

² Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Другое важное обстоятельство заключается в том, что преимущества миграции для самих мигрантов и обществ, в которые они вливаются, осознаются далеко не всеми. Можно сказать, что миграция вызывает противоречивые оценки. Она может лишить страны самых умных и талантливых и разлучить семьи. У нее есть некие преимущества, но она зачастую создает и напряженность в обществе. А проблемы, касающиеся интеграции мигрантов, повсюду вызывают ожесточенные споры. Аргументы некоторых участников: вместе с мигрантами прибывают преступники и террористы. Кроме того, существует стойкое убеждение — мигранты лишают работы местное население. Ответы на многие вопросы, возникающие в связи с миграцией, не найдены.

Потоки трудовых мигрантов. Миграционные потоки в РФ обычно делятся на две части: внутренние

и внешние. Последние состоят из иммиграции и эмиграции, причем иммиграция явно преобладает — сказывается приток переселенцев из ближнего зарубежья. Региональная особенность внешней миграции состоит в том, что наиболее привлекательными территориями являются Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Белгородская область и ряд других.

Основные потоки эмигрантов и иммигрантов слабо контролируются. Отчасти по этой причине наблюдается и разделение труда по сферам деятельности между этническими группами мигрантов.

Конфликтное взаимодействие. На первый взгляд привлечение на законном основании иностранных работников не оказывает существенного влияния на рынок труда в целом по России. Их удельный вес в численности занятых в различных субъектах РФ колеблется в среднем от 1 до 3 %. Этот факт старательно подчеркивается во многих публикациях и публичных выступлениях. Однако если учесть нелегальных мигрантов, то картина принципиально меняется, и данный показатель возрастает как минимум в два-три раза, а в таких отраслях, как строительство, в отдельных субъектах РФ он нередко составляет до 40 % от общей численности работников.

В отличие от многих исследователей, оптимистично оценивающих трудовую миграцию в Россию как выгодную и объективно-прогрессивную, безотносительно к ее форме и содержанию, придерживаюсь несколько иной позиции. Считаю, что выгоды не должны оправдывать то качество внешней трудовой миграции, в котором она предстает уже почти два десятилетия и является не чем иным, как вынужденной и примитивной формой жизни миллионов людей, на которую их обрекли правящие режимы стран происхождения. Такая миграция имеет мало общего с правом человека на свободу передвижения и выбора, на труд и достойное вознаграждение за работу, на защиту от произвола и беззакония. Для основной массы мигрантов, работающих по найму у российских работодателей (равно как и для работников из числа граждан России), примитивность бытия усиливается архаичными, неправовыми практиками, погружением в трудовые отношения, свойственные давно минувшим эпохам.

Переплетение разнородных факторов исподволь создает риски дальнейшей деструкции общего социокультурного фона и повсеместно подталкивает институционализацию теневых, криминальных практик взаимодействия работодателей с трудовыми мигрантами на рынке труда, деформирует содержание трудовых отношений между ними (принудительный труд, обман, дискриминация, нелегальный статус, изоляция и др.). Эти практики пронизаны особо чувствительным латентным антагонизмом интересов и напряженностью отношений взаимодействующих сторон. Их распространенность не является чем-то случайным. Они во многом освящены моделью рыночной трансформации страны, ее идеологией, создавшей культ «сильного» предпринимателя-частника, не обремененного правом, знанием, моралью и социальной ответственностью, превратившей его в некую квазикультурную

ценность, следование которой гарантирует социальный успех, власть и богатство.

Возникающие конфликты чаще всего улаживаются по жесткой схеме: работодатель предлагает мигрантам альтернативу — принять его условия без каких-либо обсуждений либо быть уволенными. То есть доминирует принудительно-силовое подавление и «закрывание» конфликта, сопровождающееся порой поступками, подпадающими под действие уголовного закона. Несмотря на этот доминирующий вектор, просматриваются и другие тенденции.

Обозначились, наконец, контуры тенденции, отражающей попытки использования легальными мигрантами законодательно регламентированных методов и процедур регулирования конфликтов, обращения за помощью в контрольно-надзорные органы субъектов РФ, в консульские учреждения и посольства стран происхождения мигрантов, расположенных в России. Подкрепляется эта тенденция инициативами общественных организаций по созданию системы учета злоупотреблений работодателей, по защите интересов мигрантов в судах и иных инстанциях. Предпринимаются попытки создания профессиональных союзов иностранных работников.

В последние годы появились признаки новой тенденции — поворот к организованному противодействию крупным группам трудящихся-мигрантов производу работодателей. Речь идет в первую очередь о китайских мигрантах. Осознание причастности к сильному государству, способному их защитить, придает им возрастающую уверенность в своих силах.

Работодателями сделан особый акцент на преимущественный найм мононациональных групп трудящихся-мигрантов и сокращение многонациональных коллективов работников. Одна из причин — стремление облегчить управление с помощью лидеров групп (бригадиров), способных находить возможности коррекции поведения своих соотечественников и подчинения их требованиям работодателей.

Анализ показывает, что мигранты и работодатели не имеют общих представлений о механизмах регулирования трудовых конфликтов либо имеют об этом полярно различающиеся представления. Работодатели не стремятся к изучению существующих практик и противодействуют организации соответствующего обучения мигрантов, освоения ими методов предупреждения конфликтов, их структурирования и поэтапного разрешения. В результате обе стороны лишаются возможности в адекватной форме представлять свои интересы, вырабатывать взаимоприемлемые решения на основе цивилизованного диалога и компромиссов. На противодействие работодателей любым формам правового консультирования мигрантов указывают и эксперты и сотрудники недавно созданного Управления содействия интеграции ФМС России.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, меры по ограничению произвола работодателей, конечно же, принимаются. Однако вероятность дальнейшего роста злоупотреблений с их стороны высока и предопределена в том числе отсутствием внятного правового

регулирующие трудовые отношения между работодателями и мигрантами.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что изменить сложившуюся ситуацию, минимизировать риски конфликтных взаимодействий работодателей и мигрантов под силу, естественно, только государству. Но качественное решение этой задачи невозможно без инициативы институтов гражданского общества, в частности профсоюзов, без углубленного исследования назревших проблем и формирования соответствующего общественного мнения. Одна из таких проблем, требующих всестороннего исследования, связана с функционированием Таможенного союза России, Беларуси, Казахстана, продвижением к единому экономическому пространству и вероятностью подключения к этому процессу ряда постсоветских государств. Это актуализирует задачу концептуального осмысления возможного конфликтного потенциала миграционных процессов в рамках грядущего общего рынка труда, свободного передвижения рабочей силы и новых тенденций в миграционной политике. Наиболее рискованной в последние годы стала массовая миграция из республик Средней Азии.

Дефицит правовой культуры. Деструкция правовой культуры, явный дефицит последней отчетливо проявляется в отсутствии сколько-нибудь общих представлений у мигрантов и работодателей о правовых механизмах регулирования трудовых конфликтов. Обе стороны имеют об этом, как правило, полярно различающиеся представления и тем самым лишаются возможности в адекватной форме представлять свои интересы и выработать взаимоприемлемые решения. Довольно плохо стороны ориентируются и в практике судебного разбирательства.

Вероятность дальнейшего роста злоупотреблений мотивируется и отсутствием внятного правового регулирования трудовых отношений между работодателями и мигрантами. Многие нормы законодательства, призванные решать эту проблему, как бы «распылены» по различным правовым актам и отраслям, часть из них явно устарела. В Трудовом же кодексе РФ они попросту отсутствуют. Поэтому представляется обоснованным предложение ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации о целесообразности принятия отдельного федерального закона, предметом которого будет являться исключительно правовое регулирование привлечения и использования иностранной рабочей силы на территории Российской Федерации как самостоятельной категории мигрантов.

В связи с этим настоятельно важно, чтобы вышеотмеченные меры были эффективны лишь при тесной взаимосвязи с решением другой проблемы, связанной с реализацией права граждан Российской Федерации на *приоритетное* трудоустройство. До настоящего времени в нормативных правовых актах не прописан детально механизм и гарантии реализации данного права. Действующие административные процедуры противоречивы и легко обходятся работодателями, предпочитающими нанимать иностранных работников. Отсутствует в нормативных актах и положение о санкциях

за игнорирование работодателями конституционного права граждан России на труд и за ущерб, который они причиняют подобными действиями.

Ныне правительство постоянно вносит поправки в трудовое законодательство с целью сделать трудовую миграцию управляемой и поставить ее под контроль. Но это не значит, что чиновники среднего и низшего уровней готовы сдать рынок труда. Официально мигрантов по-прежнему хотят использовать с учетом перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах и на основе принципа приоритетного использования национальных кадров. Существует, однако, сомнение, что в ближайшее время власти смогут полностью победить нелегальную миграцию.

Воздействие профсоюзов. Иммигранты составляют особую категорию трудящихся, которая демонстрирует бедность и низкую производительность труда. Более того, в отличие от европейских стран Россия по-прежнему имеет дело с нелегальными и легальными мигрантами, включая сезонных рабочих, бродяг, беженцев, не включающихся в профсоюзные или иные организации рабочего плана. Этнические особенности и мобильность по-прежнему отделяют их от труженников-резидентов.

Существует точка зрения, что к этим различиям нужно относиться не как к проблеме отверженности, а как к состоянию дифференцированного вовлечения, не как к черте, разделяющей рабочих и бедняков в национальных или глобальных масштабах, а как к иерархиям в рамках общего контекста бедности. Все множество продуктивно и все оно обездолено¹.

Согласно неомарксистским воззрениям, продуктивность мигрантов связана со стремлением не столько самим уйти от состояния насилия и голода, но и обеспечить своих родственников минимальным достатком. Наряду с этим стремлением существует латентная тяга к свободе. Это обстоятельство, к сожалению, ныне не воспринимается ни местным населением, ни работодателями, ни вовлеченными в процесс чиновниками, ни даже экспертами-демографами и экономистами. Последние по иронии ситуации предлагают привлекать мигрантов, дабы восполнить дефицит ресурсов в народном хозяйстве. Просят сотни тысяч, а получают гораздо больше и не могут даже приблизительно определить число приехавших.

Сопrotивление эксплуатации и нищенскому состоянию иммигрантов неизбежно. Их движение постепенно будет структурироваться, фрагментаризация по этническому принципу — преодолевать, уныние и апатия сменятся претензиями не только к нанявшему их работодателю, но и к местным властям и к Федеральному правительству.

Изложенный выше общий прогноз имеет прямое отношение к профсоюзам, которые не могут пока представлять не только безработных резидентов, но и массы иммигрантов. Да и организационные формы профсоюзов во многом устарели, они в лучшем случае решают социально-экономические, точнее трудовые, проблемы, сосредоточиваются на узких ситуациях

¹ Более подробно см.: Харп М., Негри А. Война и демократия в эпоху империи. М., 2006. С. 171–175.

обеспечения рабочих мест и требованиях увеличения зарплаты. Участие иммигрантов в политических формах конфликтов повсеместно исключается, поскольку усилия российских профсоюзов традиционно направлены на защиту лишь трудящихся-резидентов.

В России в настоящее время социальное партнерство постепенно вырастает из механизма разрешения конфликтных ситуаций в способ цивилизованной выработки совместных решений актуальных проблем и стратегии экономического и социального развития. Профсоюзы последовательно выступают за укрепление и развитие системы социального партнерства, в которой видят ключ для консолидации усилий всего общества при решении социально-экономических проблем. Сегодня ФНПР и ее членские организации активно участвуют в разработке программ занятости, предлагают меры по социальной защите работников, осуществляют контроль за соблюдением законодательства в этой области, неуклонно отстаивают права трудящихся в широком спектре повседневных форм конкретной деятельности.

Однако очевидно, что для решения многих современных задач надо меняться и самим профсоюзам: необходимо наращивать эффективность своей деятельности, повышать квалификацию кадров. В связи с этим потребность в специалистах-конфликтологах становится все более насущной. Стране нужны профессионалы, которые могли бы прогнозировать конфликты, предотвращать их, а когда это невозможно — управлять их цивилизованным разрешением¹.

Ныне ФНПР, на наш взгляд, стоит перед необходимостью реформирования организации, которая смогла бы в ближайшем будущем представлять нарастающую общность труда, т. е. представлять всю социально-трудовую массу трудящихся, включая все категории, в том числе и иммигрантов. Последние пока являются пассивными жертвами эксплуатации и других форм несправедливости. Но они мобильны и склонны к объединению пока в рамках этносов, что несет известные риски дестабилизации сложившихся в стране иерархий. В целом же, учитывая разнородность как профессионального, так и этнических признаков, им удастся ускользнуть от контроля коррумпированных властных структур. Надолго ли?

Существует непосредственная причина для поддержки *организационного подхода* к трудовой миграции: рабочие-мигранты также являются потенциальными

членами профсоюзов. Установление связи с трудовыми мигрантами и вовлечение их в профсоюзы будет возможно только тогда, когда союзы будут восприниматься как поборники прав работников-мигрантов. Исследователи могли бы дать приемлемый для российских профсоюзов анализ острых проблем, предложить практические действия и пути использования международных документов, содержащих нормы и механизмы контроля. Справедливый труд для рабочих-мигрантов означает справедливость для всех работников.

По мнению работников МОТ, профсоюзы могут работать в четырех областях:

Принимать участие в обсуждении политики по трудовой миграции с тем, чтобы обеспечить максимальную выгоду и минимальные потери для трудящихся. Позиция профсоюза такова, что миграция и трудящиеся-мигранты — это не «проблемы», которые нужно решать. Трудящиеся-мигранты — это люди, пытающиеся улучшить свою жизнь, и с ними необходимо обращаться соответствующим образом.

Проводить информационные кампании для рабочих и широкой общественности на уровне стран. Часто для разделения трудящихся используется расизм и национальная неприязнь. Профсоюзы должны доносить до своих членов и трудящихся информацию о таких фактах и развенчивать мифы и ложь, распространяемые расистскими организациями.

Сотрудничать с профсоюзами в других странах — вовлекать профсоюзы как в странах происхождения, так и в странах, принимающих работников-мигрантов. Международная солидарность — это не вопрос выбора и даже не обязанность профсоюзов. В глобальном мире — это необходимость.

Организовать работников-мигрантов. Профсоюзам известно, что наилучший способ защиты работников — это их организация².

В этих документах говорится также об укреплении потенциала профсоюзных движений для участия в формировании миграционной политики, популяризации проверенного опыта в области трудовой миграции и связи с работниками-мигрантами; о том, как обеспечить, чтобы миграция, если она имеет место, приносила максимальную пользу для всех: для стран происхождения работников-мигрантов, принимающих стран и для самих работников, как мигрантов, так и немигрантов.

¹ Шамаков М. В. Конфликтологи нужны современной России // Конфликтолог — профессия XXI века : учеб. пособие. СПб., 2011. С. 7–8.

² В поисках достойной работы — права работников-мигрантов: руководство для членов профсоюза. Женева, 2010. С. 13.

Р. В. Карапетян¹**ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЕМНОГО ТРУДА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

В теории социально-трудовой конфликт со времен К. Маркса представляется в виде противопоставления интересов сторон капитала и наемного труда как обязательное условие воспроизводства капиталистического общества. Социальные и экономические отношения в сфере производства, складывающиеся на основании борьбы за интересы каждой из сторон, рассматривались в качестве рационального пути разрешения конфликта и стабилизации либо изменения уже существующих общественных отношений власти.

Трудовой конфликт составляет основу капиталистического общества в самых разнообразных формах проявления — коллективного или индивидуального, легального или нелегального, открытого или закрытого. В самом общем виде основной причиной трудового конфликта при капитализме является отсутствие у наемной рабочей силы собственности на средства производства и связанной с этим возможностью покупки и использования ее способностей к труду в неподконтрольных ей производственных условиях. Это позволяет собственникам присваивать труд работников в процессе производства, организованном с позиции интересов стороны капитала. Целью рациональной организации капиталистического производства выступает применение таких методов воздействия на рабочую силу, которые позволили бы получить максимально высокий результат от ее использования. В этом заложены структурные противоречия между наемными рабочими и собственниками капитала.

Конфликт вызван непосредственно антагонизмом капитала и труда, который лежит в основе организации всей капиталистической экономики. Причины конфликта до настоящего времени являются следствием легитимности существующих отношений власти и выразителями общественного порядка капитализма. Таким образом, можно говорить, что процессы возникновения и разрешения социально-трудового конфликта представляются в качестве основного элемента воспроизводства капиталистического общественного порядка, тогда как институционализация классовых противоречий продолжает порождать социальные условия постоянного возобновления данных конфликтов.

Причиной их постоянного воспроизводства является особое положение наемной рабочей силы. Дело в том, что капиталистическое общество институционализирует и способствует ее массовому распространению. Основное условие ее существования определено необходимостью осуществлять труд и подчи-

няться экономическому порядку капитализма, несмотря на ограничения развивающего потенциала труда. Главным принципом такого порядка является то, что любой человек, лишенный средств к существованию, имеет всего лишь одну возможность для выживания — стать наемным работником. В этом качестве он появляется на рынке труда и начинает торговать своими способностями.

Покупатель человеческих способностей (работодатель) нацелен на их максимальное использование для достижения своих интересов. Он создает для их реализации особые условия, называемые организацией производства, постоянно следит за тем, чтобы они не иссякали, компенсируя потери жизненной энергии. Он даже создает условия для воспроизводства этих способностей, поскольку принадлежащее ему производство изготавливает продукцию, удовлетворяющую разнообразные потребности. И все это делается с одной целью — чтобы продавец способностей, не задумываясь, расстался со своим товаром. Но как только способности перестают удовлетворять требованиям покупателя, им сразу же находят замену в лице других желающих продать свои способности. На этом основан прогресс капиталистической экономики, и это становится основой для возникновения конфликта всей капиталистической системы.

Трудовой конфликт лежит в основании капиталистического общества. Он происходит из-за различного положения людей в экономической системе общества, доминантного положения одних над другими. Основная причина постоянного воспроизводства социально-трудового конфликта в условиях капиталистического общества видится в необходимости подчинения одной (большей) части населения другой (меньшей), имеющей, однако, для этого финансовые, политические и юридические ресурсы, закрепленные за ним законами государственной власти. Речь не идет о прямом принуждении к выполнению трудовых обязательств, гарантии капиталистической демократии действительно воплощены в жизнь. Однако вся система отношений построена таким образом, что труд для подавляющего большинства оказывается единственным средством существования и интеграции в общество. Социокультурная сглаженность конфликта оказывается во многом иллюзорной. Попытки нивелирования конфликта посредством распространения ценностей массового потребления уже не дают положительного результата в современном постиндустриальном обществе, хотя еще 10–20 лет назад их называли универсальной панацеей в решении социально-экономических проблем. Напротив, пропаганда потребления разрушает этику труда, формировавшуюся в западном мире на протяжении последних 500 лет. Жизненные стандарты современного мира трансформируют ценности труда как цели и смысла жизни в обществе в бессодержательное средство «свободы» потребления. Таковы результаты

¹ Доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных работ, в т. ч.: «Социология труда», «Индустриальная социология и социология предприятия», «Предмет социологии труда в изменяющемся обществе», «Социология труда: о новой-старой парадигме», «К вопросу о генезисе социальной ценности труда. Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества», «История справедливого распределения: труд и общество (от первобытного хозяйства до капиталистической экономики)» и др. Директор Российско-Германского центра социальных наук СПбГУ.

массового распространения наемного труда и институционализации отношений купли-продажи наемной рабочей силы.

В самом деле, заинтересованность работника быть нанятым вовсе не исчерпывается его желанием быть занятым в производстве, которое ему не принадлежит. Продажа способностей предполагает денежную компенсацию, которая обеспечивает доступность общественных благ. Однако возможность их получения сопряжена с трудом, который работник должен выполнить для достижения целей производства, не имеющих ничего общего с его личными целями. В этом коренится основное противоречие наемного труда в современном обществе капитализма: с одной стороны, труд — единственный источник удовлетворения материальных и духовных потребностей и приобретения статуса в обществе, с другой — пожизненная зависимость и несвобода в распоряжении своими способностями.

Современная капиталистическая экономика создает все условия для усиления социально-трудового конфликта, поскольку желание одних получать все более высокие прибыли, наращивая объемы производимых товаров и услуг, неизбежно усиливает зависимость тех, кто является их производителями и одновременно потребителями.

Для России в основном характерны те же самые тенденции, которые имеют место в любом капиталистическом государстве, главная из которых — усиление зависимости наемного труда и, как следствие, усиление социально-трудового конфликта. Однако наемному труду в России свойственны и особенности, обусловленные более поздним вступлением страны на путь построения капитализма (в начале 1990-х гг.), а также исторической и социальной спецификой России, условиями развития экономики и общества, ментальностью российских граждан.

Эти особенности связаны с продолжающейся трансформацией политических, экономических и социальных институтов; попыткой интеграции в тоталитарно-капиталистическую систему ценностей либерального, демократического государства; стремлением государственной власти снять с себя ответственность за развитие экономики при удержании полного контроля над распределительной системой; минимизацией социальной поддержки и максимизацией контроля и подчинения. При такой форме государственного управления наемная рабочая сила является органически востребованным институтом. Им легко управлять — контролировать численность, производить перераспределение, влиять на потребности и возможности, определять качество, в том числе уровень образования и квалификации, менять жизненные стандарты. Рыночные механизмы, создающие условия для дефицита рабочих мест и конкуренции наемного труда, способствуют этому. Оттого они поддерживаются и пропагандируются государственной системой как миф о «честной и здоровой конкуренции» — в реальности как средство запугивания и подавления недовольства.

Государство в состоянии выступить посредником в разрешении конфликтов в трудовых отношениях, пусть не разрешать, но хотя бы смягчать конфликтные

ситуации. Но им выбрана другая стратегия — репрессивного подчинения наемной рабочей силы порядку капиталистической экономики и открытой финансовой и политической поддержки крупного капитала.

Начиная с момента создания новой социально-экономической модели, именуемой капитализмом, государственная система управления дистанцировалась от процессов, ведущих к разрушению промышленного потенциала страны, речь идет о сфере материального, и прежде всего промышленного, производства. Сокращение коснулось металлургической промышленности, производства машин и оборудования, химического производства, обработки древесины и производства изделий из дерева, а также производства транспорта и оборудования. До сих пор не достигнуты те объемы и мощности, которые существовали на закате социалистической экономики. И хотя в последние годы (после кризиса 2008 г.) в целом имеют место позитивные тенденции, темпы прироста оказываются крайне медленными и нестабильными. По данным Росстата, индекс промышленного производства в 2011 году по сравнению с 2010-м составил 104,7 % (в 2010 г. индекс промышленного производства составлял 108,2 %). При этом производство машин и оборудования ушло в минус (–4,8 % по отношению к предыдущему году)¹.

Нестабильность сегодняшней ситуации в российской экономике, сопровождающаяся низкими темпами модернизации, развитием преимущественно добывающего сектора, а также рост инфляции и нежелание государства нести затраты на воспроизводство рабочей силы (здесь в первую очередь следует упомянуть политику перевода здравоохранения и образования на самокупаемость) существенно деформируют отношения на рынке труда между сторонами спроса и предложения. Происходит искусственное занижение цены труда рабочей силы, что естественным образом способствует обострению отношений между наемными работниками и работодателями. Средняя заработная плата в России в 2012 году составила в пересчете на доллары США 760 долларов против 2600 в Греции (находящейся в настоящее время в самом глубоком и затяжном кризисе), 1100 долларов в Румынии² (в прошлом также страны с социалистической экономикой).

Основным оправдательным аргументом государства является низкая производительность труда. В современных условиях информатизации и компьютеризации предприятий производительность труда гораздо больше зависит от используемых техники и технологий, чем от рабочей силы. При низкоквалифицированном труде рабочий использует весь потенциал своих физических сил. И чем больше сил он готов потратить, тем выше будет производительность его труда. В условиях современного производства, когда труд работника полностью подчинен движению машин и механизмов, которые задают ритм работы, упрекать его в низкой производительности труда — значит намеренно вводить в заблуждение участников производственного процесса с целью снижения издержек на их труд. Эта старая уловка капитала, который в погоне за прибылью

¹ http://expert.ru/dossier/story/industry/?chart=1&view_type=2

² <http://bs-life.ru/rabota/zarplata/zarplatavmire2012.html>

всегда недоволен производительностью труда наемной рабочей силы. Примечательно, что отечественные государственные деятели активно отстаивают позиции капитала, обосновывая низкие зарплаты работников их невысокой производительностью труда¹ и обвиняя в слабом росте производства наемных работников. При этом государственная власть не принимает активной позиции, направленной на стимулирование частного капитала к приобретению новых средств производства (в том числе улучшение условий труда). Этот вопрос оказывается исключительной прерогативой собственника. Понятно его желание — сэкономить не только на труде, но и на его условиях. Износ основных фондов за последние 10 лет имеет тенденцию к постоянному увеличению. На 2011 год он составил 47,9 %, в 2010 — 47,1 %².

Видимо, устаревающее оборудование выгоднее заменять дешевой рабочей силой. Возможно, поэтому уровень безработицы в России с момента кризиса 2008 года и до настоящего времени был относительно стабилен и составлял 6–8 %. Такие показатели достигаются также политикой государства по занижению цены труда основной части наемных работников.

Государство провозглашает лозунги о модернизации экономики, но не дает четкого ответа, что такое модернизация. Часто она отождествляется с преодолением экономического и технологического отставания России от некоторых развитых стран Запада. Логично было бы предположить, что для этого нужно в первую очередь развивать интеллектуальный потенциал труда. Однако практика оказывается другой, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, с 2000 по 2010 год сократилась с 1532,6 до 736,5 тыс. человек, то есть на 796 100 работников — более чем в два раза³.

В основном наука и технологии используются как основные источники отчуждения и эксплуатации наемного труда. Идеалы модернизации, которые должны привести к развитию общественного потенциала, снижению общественных издержек и освобождению человека от экономического принуждения, имеют мало общего с реальностью. Пока в зародышевом состоянии модернизация обеспечивает подчинение рабочей силы экономическому порядку капитализма, создавая условия для все большей зависимости человека от труда и потребления.

Сокращение производственных издержек связывают именно с модернизацией, когда на смену работнику приходит новое техническое приспособление (прорыв в этом плане в мире произошел еще в начале XX в., и тенденция только нарастает). Но если раньше замене подлежал производительный труд, то теперь благодаря использованию компьютерной техники это касается также непроизводительного труда. В настоящее время под воздействием технической революции и принципиально новых информационных технологий проблема занятости в сфере услуг становится не менее острой,

¹ <http://www.gazeta.ru/business/2013/01/24/4939149.shtml>;
<http://www.vestifinance.ru/articles/14418>

² http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/osnfond/STIZN_vs.xls

³ http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/IssWWW.exe/Stg/d2/22-02.htm

чем в сфере материального производства. Чрезвычайно ярко это проявилось в период кризиса 2008 года и последующих лет, когда сокращение коснулось в первую очередь работников нематериального производства. Модернизация капиталистического производства сегодня — это полное устранение труда из его сферы.

Существует прямая причинно-следственная связь между уровнем дохода (ценой рабочей силы) и социальным положением человека в обществе. Во-первых, низкий доход снижает жизненные стандарты и шансы, в том числе иметь хорошее здоровье, большую продолжительность жизни. Данные статистических исследований российского общества, проведенных в 2012 году, демонстрируют следующую ситуацию: по состоянию здоровья (август 2012 г.) Россия находится на 97-м месте в мире⁴. По мировым показателям качества жизни в 2012 году Россия продолжает существенно отставать от развитых капиталистических обществ, заняв в рейтинге стран 59-е место, между Румынией и Монголией⁵. По ВВП на душу населения в 2011 году Россия заняла по данным Всемирного банка и МВФ 58-е и 54-е место соответственно⁶.

В результате непрекращающегося роста инфляции, снижения реальной заработной платы и, следовательно, падения жизненного уровня населения происходит занижение стоимости рабочей силы и, как результат, увеличение потребности населения в рабочих местах. Это не может не провоцировать эскалацию социально-трудового конфликта. Параллельно с этим осуществляется вытеснение с рынка труда коренного населения из числа потенциальных работников представителями мигрантов⁷. Только по официальным данным, за 11 лет численность иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность в России, увеличилась на 79 % — с 213,3 тыс. человек в 2000 году до 1027,9 тыс. человек в 2011-м⁸. Их труд оказывается дешевле, то есть он более выгоден в использовании. Капитализм — система, основанная на достижении максимального результата, не принимающая в расчет различия культурного, национального, религиозного, возрастного и полового характера. Есть лишь калькуляция издержек на рабочую силу и рациональная стратегия сокращения цены труда. Пока мигранты успешно заняли вакансии рынка низкоквалифицированной рабочей силы; однако существующие тенденции позволяют говорить, что в ближайшем будущем они составят конкуренцию коренному населению на рынке квалифицированных специальностей. Подобные тенденции позволяют предположить, что трудовой конфликт выходит за рамки экономической сферы, распространяясь на культурную и этническую сферы.

Высокие риски на рынке труда вынуждают искать альтернативные формы получения доходов. Эти приспособительные механизмы возникли спонтанно, еще в период формирования капиталистического хозяйства в 1990-е годы. На сегодняшний день они выглядят как

⁴ http://images.businessweek.com/bloomberg/pdfs/WORLDS_HEALTHIEST_COUNTRIES.pdf

⁵ <http://bs-life.ru/makroekonomika/uroven-zizny2012.html>

⁶ http://vid1.rian.ru/ig/ratings/gdp_per_capita_2012.pdf

⁷ <http://www.kommersant.ru/doc/1816341?isSearch=True>

⁸ http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/IssWWW.exe/Stg/d1/06-09.htm

естественный атрибут жизненных стратегий населения. Неформальный и полуформальный характер трудовой занятости, а также вторичная занятость позволяют судить о нестабильности рынка, слабой проработанности государственной политики в этом направлении, искаженной системе социальной защиты населения¹.

Развитие общества обусловлено далеко не только экономическими успехами, но и культурными, этическими, нравственными преобразованиями, распространением гуманизма и солидарности, повышением образовательного уровня, увеличением продолжительности жизни и т. д. Но именно в этом экономика капитализма ограничивает модернизацию общества, отстраняя человека от созидания и приобщая к потреблению. Конфликтность современных процессов модернизации состоит в том, что человек все меньше востребован в качестве общественного индивида, личности и все больше в качестве производителя-потребителя. И этот разрыв неумолимо увеличивается.

Отличие западной модернизации от российской состоит в том, что первая тождественна формированию новых принципов общественного обустройства (*modern times, temps modernes*, новое время — Гегель), исторически пришедших на смену эпохе Средневековья на рубеже XV–XVI веков. Эволюция модернизации не имела ничего общего с выстраиванием политики по ее насаждению. Модернизация в России — это, напротив, искусственно созданный процесс преобразования общественных институтов под потребности капиталистического производства.

Развитие, приобщение к культуре и образованию полностью подчинены капризам капиталистической экономики. Отсюда мы имеем очень спорные, часто негуманные реформы средней и высшей школы. Известно, что чем меньше времени для обучения требует какой-нибудь труд, тем меньше издержки производства рабочего, тем ниже цена его труда, его заработная плата. Понятно, что будущую рабочую силу подготавливают под определенные потребности экономики. В условиях приоритета добывающей сферы в первую очередь востребован труд низких квалификаций. В отношении нематериальной сферы также можно констатировать, что преобладают услуги низкого качества, а значит, низкой квалификации, будь то органы власти, торговля, образование, медицина или шоу-бизнес.

Это та ситуация при которой не предполагаются альтернативы выбора для большинства наемных работников. В этих условиях для удовлетворения насущных потребностей (часто обеспечения собственного выживания), поддержания связи с обществом и своего социального статуса рабочая сила вынуждена принимать правила, определенные капиталистической экономикой. Отсутствие свободы выбора укореняется еще и тем, что капитализм навязывает рабочей силе жизненный стандарт, согласно которому все ее затраты сил, здоровья, интеллектуального потенциала — оправданная жертва ради свободы потребления. Для того чтобы работник меньше обращал внимание на условия и смысл своего труда, несправедливость распределе-

ния и воровство работодателей, социальная значимость труда сводится к получению вознаграждения (заработной платы), а потребление возводится в ранг сверхзадачи — единственной цели и смысла всего существования человека.

Поэтому сотни миллионов людей ежедневно отправляются на работу с одной целью — заработать как можно больше денег, чтобы как можно быстрее и разнообразнее их потратить. Ведь современный мир, с его акцентом на потреблении, побуждает каждого максимально концентрировать свои усилия на приобретении всего того, что призвано подтвердить положение в обществе, принадлежность к определенной социальной группе, избранность, исключительность, элитарность.

Больше труда означает его более высокую эффективность, производительность и квалификацию. Больше труда — это расширение границ потребления. Таковы стандарты капиталистического производства и таковы стереотипы, навязываемые российскому обществу. Наемная рабочая сила вынуждена подчиниться этим стандартам, поскольку они иницируются и обществом, и каждым в отдельности его гражданином. Капиталистическое общество предлагает каждому попробовать свои силы в гонке за материальным благополучием и высоким социальным статусом. И если у человека не находится никакого другого ресурса, за исключением собственного труда, то ему не остается ничего, кроме этого «последнего шанса». Надежда, что он будет оценен по заслугам, а также моральный долг перед обществом заставляют его принять правила игры капитализма — стать наемным трудовым ресурсом. В отчаянии быть непризнанным человек должен ежедневно доказывать свою пригодность и полезность, создавая все новые и более доступные общественные блага и потребляя их все в большем количестве. Но даже в этом случае капитализм предоставляет ему всего один шанс — быть ресурсом труда и ресурсом потребления одновременно. Как представляется, это разрушает целостность личности, формируя благодатную почву для внутреннего психологического конфликта человека как потребителя и как производителя в одном лице.

Современное положение наемной рабочей силы в России свидетельствует об обостряющемся трудовом конфликте, имеющем все основания быть определенным не только как экономический, но и как политический и социальный.

На протяжении по крайней мере ста лет (начиная с 1860-х гг.) трудовые конфликты, связанные с проблемами занятости, заработной платы, условий труда, участия в управлении, предполагали политические и экономические акции и протесты. Отождествление сферы труда со всей системой общественного производства позволяло представить данные требования как всеобщие, а трудовые конфликты рассматривать как общественные. В процесс разрешения противоречий активно включались политические партии, профсоюзы, союзы предпринимателей, гражданские организации. Но в конечном итоге лишь активное вмешательство государственной власти оказалось действенным в разрешении

¹ См. подробнее: Браун Д., Ванту И., Визан Р. и др. в кн.: Не-стандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшника. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.

столь глобальных проблем общества. Практика последних лет четко свидетельствует о нарастающем значении государства в сфере решения трудовых конфликтов. На сегодняшний день даже неолиберальная политика США возводит контроль социально-трудовых отношений в ранг общенациональных приоритетов. Российское правительство выбирает другую стратегию. Поддерживая крупный капитал, государственная власть одновременно самоустраняется от бескомпромиссного объективного разрешения противоречий между частным капиталом и наемной рабочей силой. Такая позиция лишь провоцирует усиление социально-трудового конфликта.

Литература

1. Ельмеев В. Я. Социальная экономия труда / В. Я. Ельмеев. — СПб., 2007.
2. Забелин К. Рабочий класс и современное общество / К. Забелин // Власть: общенац. науч.-полит. журн. — 2011. — № 1.
3. Золотов А. В. О роли рабочего класса в современной экономике / А. В. Золотов // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Экономика и финансы». — 2004. — № 2.
4. Максимов Б. И. Состояние и динамика социального положения рабочих в условиях трансформации / Б. И. Максимов // Социс. — 2008. — № 12.
5. Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 6. С. 428–459.
6. Нестандартная занятость в российской экономике / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. — М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
7. Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. — СПб.: Алетейя, 2002.
8. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 2-е изд., испр. — М.: ИНФРА-М, 1999.
9. Энгельс Ф. Введение к отдельному изданию работы К. Маркса «Наемный труд и капитал» 1891 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 22.
10. Deutschmann Chr. Kapitalistische Dynamik. Eine gesellschaftstheoretische Perspektive / Chr. Deutschmann. — Wiesbaden, 2008.
11. Koslowski P. Wirtschaft als Kultur: Wirtschaftskultur und Wirtschaftsethik in der Postmoderne / P. Koslowski, Dt. Erstausg. — Wien: Passagen-Verl. [u. a.], 1989.
12. Oechsler W. A. Personal und Arbeit: Grundlagen des Human-Resource-Management und der Arbeitgeber-Arbeitnehmer-Beziehungen / W. A. Oechsler. — 9, aktualisierte und überarb. Aufl. — München: Oldenbourg, 2011.
13. Offe C. Sozialökonomie des Arbeitmarktes und die Lage "benachteiligter" Gruppen von Arbeitnehmern / C. Offe, K. Hinrichs. — Neuwied, 1977.
14. Piore M. J. Das Ende der Massenproduktion: Studie ueber die Requalifizierung der Arbeit und die Rueckkehr der Oekonomie in der Gesellschaft / M. J. Piore, C. F. Sabel; Aus d. Amerikan von J. Behrens — Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verl., 1989.
15. Seifert H. Kontroversen um Effizienz und soziale Sicherheit / hrsg. H. Seifert, O. Struck — Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften: GWV Fachverlage GmbH, Wiesbaden, 2009.
16. <http://apps.who.int/>
17. <http://de-portal.com/>
18. <http://www.gks.ru/>
19. <http://www.kommersant.ru/>
20. <http://www.ng.ru/>

Б. И. Максимов¹

ЭЛЕМЕНТЫ СИЛОВОГО ХАРАКТЕРА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Необходимо отметить отдельные черты (элементы) характера взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений в российском производстве в настоящее время. Одна из таких черт, существенных по значению, — силовой характер отношений между работодателями и наемными работниками в значительной части взаимоотношений. Это отношения не просто сторон с различными (чаще — противоположными) интересами, уравновешиваемыми при помощи норм трудового законодательства, а именно противостояние сил, притом с доминированием одной из сторон.

В постперестроечном Трудовом кодексе значительная часть трудовых отношений между работодателями и наемными работниками подведена под шапку социального партнерства, являющегося идеальной формой «мирного сосуществования», в идеале — сотрудничества противостоящих субъектов; дух партнерства должен пропитывать отношения в целом. Замыслы составителей Кодекса вполне благонамеренны. Партнерство, то есть достижение, фиксирование договоренностей посредством переговоров, затем осуществление колдо-

говоров, трехсторонних соглашений, в принципе выгодно всем сторонам. Для наемных работников оно более приемлемо, чем ведение постоянной, изнуряющей и малоэффективной силовой борьбы за свои интересы, по крайней мере в тактическом плане. Забастовки, другие способы протеста требуют от работников огромного напряжения, иногда оказываются роковыми в их трудовой жизни, вопреки бытующему представлению о легкости объявления и проведения протестных акций. Недаром рабочие применяют такие формы, как крайние меры. Партнерство в принципе выгодно и работодателям, ибо конфликтное противостояние обходится им иногда дороже, чем соблюдение норм, выполнение обязательств, обозначенных в результате договоренностей, иногда уступок с их стороны, компромиссов. Ну и, разумеется, для властей, государства в целом как со-субъектов трипартизма достижение социального мира в сфере производства также является желательной целью, позволяет властям присутствовать в партнерстве в качестве гаранта законности, но не арбитра, модератора конфликтных отношений, придает всему социальному механизму устойчивый статус, являющийся предпосылкой нормальных трудовых процессов, и в особенности инновационной деятельности.

Правда, противники социального партнерства, как известно, отрицают его в принципе как соглашательство

¹ Ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Горизонты российской социологии труда и самарской социологической школы», «Рабочий класс, социология и статистика», «Трудовые организации как субъекты общественной жизни: динамика изменений», «Рабочие в реформируемой России, 1990-е — начало 2000-х годов», «Шахтеры, власть, народ» и др.

наемных работников с работодателями, с которыми не может быть никакого сотрудничества. Но это в случае принятия наемными работниками стратегической позиции классовой борьбы¹; в тактических целях социальное партнерство все же принимается.

Два достаточно известных в сфере производства обстоятельства делают социально-трудовые отношения силовыми. Первое — неравноправие сторон. (Равноправие — основа партнерства.) Но на практике работодатели доминируют в силу ряда факторов: перевеса их разнообразных ресурсов, более высокого авторитета, в том числе социально-психологического, традиционного почитания начальства подчиненными, слабости защитных объединений наемных работников, психологии терпеливого перенесения «временных» тягот, трудностей. Второе обстоятельство — реальное использование доминирования работодателей для ущемления прав наемных работников. По многим высказываниям респондентов, работодатели перманентно ущемляют, нарушают интересы работников; проявляется это в несоблюдении норм (например, по охране труда), невыполнении соглашений, договоров, обязательств по Трудовому кодексу (особенно в сфере оплаты труда), в игнорировании обращений, заявлений работников и т. п. Упомянутые респонденты подчеркивают, что ущемление прав наемных работников заложено в природе власти собственников, работодателей. «Жадность» последних в сочетании с их социальной безответственностью в свое время отмечал, будучи премьер-министром, В. В. Путин при посещении предприятий в г. Пикалево. Остается неясным, обусловлена ли эта черта начальной «дикостью» российского капитализма или она является коренной характеристикой последнего.

Допускает силовой характер трудовых отношений вплоть до административного произвола не только упомянутая терпимость работников, обусловленная общей зависимостью от начальства, но и позиции контролирующих, правоохранительных организаций, например органов Рострудинспекции, судебных инстанций, односторонняя позиция которых является притчей во языцех, невнимание СМИ, да и общественного мнения в целом к социально-трудовой сфере.

Что из этого всего следует? Силовые отношения, обуславливая трудовую мотивацию работников, делают их позицию индифферентно-отчужденной, способствуют формированию психологии «пофигизма», в первую очередь у рабочих. Такие настроения перекликаются с явлением люмпенизации в позднесоветское время

(отмечаемым, в частности, В. И. Герчиковым)². Можно было бы признать это нормальным состоянием капиталистических трудовых отношений в России, если бы не необходимость современной (сегодняшней) модернизации российского производства. А инновационная деятельность предполагает сотрудничающий характер труда всех участников (субъектов) инновационной деятельности, проявление инициативы, добросовестного отношения к работе и организации. Нововведения, по крайней мере, должны приниматься всеми участниками процесса производства. Успех модернизации, вопреки технократическому подходу определяется не только материальными, финансовыми, правовыми, информационными условиями, но и инновационной активностью наемных работников, в том числе и рабочих, без которых, по выражению инженеров, никакие новшества в материальном производстве невозможны.

Факторы формирования «инновационного человека» и в рыночных (капиталистических) условиях достаточно известны (вовлечение в инновационную деятельность, наличие адекватных стимулов, создание кооперативных организаций, кружков качества, программ обогащения труда, инновационной атмосферы в организации и т. д.). Существуют и реальные примеры инновационных предприятий, где во всю силу работает «человеческий фактор» инновационного развития. Однако предпосылки, механизмы запуска инновационных импульсов остаются недостаточно ясными, малоисследованными. Известная «глухота» российского производства к инновациям (выражение заместителя губернатора Петербурга) выглядит даже загадочной.

Одним из средств смягчения силового противостояния в трудовых отношениях является уже названное социальное партнерство — участие работников в управлении, в прибыли, в корпоративных, патерналистских программах и мероприятиях. Примером использования механизма социального партнерства со стороны наемных работников без патернализма могут служить действия докеров ОАО «Морской порт Санкт-Петербург» по реализации своих требований через колдоговоры в процессе переговоров. Между прочим, профсоюзы показывали работодателям (портовым компаниям) выгоду повышения заработной платы рабочим (ввиду повышения квалификации наемных работников и роста их производительности)³.

Однако на практике, как правило, социальное партнерство остается лишь ориентиром скорее идеологического характера, его потенциальные возможности не задействованы.

¹ Мандел Д. Социальное партнерство и классовая независимость в постсоветском рабочем движении // Альтернативы. 2005. № 3. С. 24–40.

² Герчиков В. И. От социального планирования — к управлению персоналом: развитие прикладной промышленной социологии в России. Новосибирск, 1997. С. 48–53.

³ Максимов Б. Докеры открывают перспективу // Альтернативы. 2006. № 3. С. 117–131.

Е. С. Садовая¹

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ «ЗАЕМНОГО» ТРУДА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ

Характер регулирования социально-трудовых отношений всегда определяется социально-экономическими и политическими особенностями функционирования социально-трудовой сферы и характером общественного труда в данный конкретный период времени. Современная экономика (впрочем, справедливым будет сказать гораздо шире — современное общество) переживает период серьезной трансформации. Эти глубокие перемены так или иначе отражаются на функционировании социально-трудовой сферы. Прежде всего следует отметить кардинальные качественные изменения отраслевой и профессионально-квалификационной структур рабочей силы. Сегодня в силу повышения технологичности производства промышленность становится все менее трудоемкой, все меньшая доля работающих трудится в развитых странах в промышленности — от 11 % занятых в США до 17–20 % в Германии и Италии², что одновременно требует значительного роста числа работников, занятых в сфере производства и распространения информации. Высвобождающиеся из производственного сектора работники переходят, таким образом, на интенсивно создающиеся в высокотехнологичных секторах сферы услуг рабочие места. Появился даже такой термин, как «терциализация экономики». Все большее значение приобретает также труд в социальной сфере — имеются в виду такие отрасли, как здравоохранение, образование, социальное обслуживание, то есть в отраслях, «ответственных» за формирование человеческого капитала. Эти отрасли также становятся более технологичными. В результате в профессионально-квалификационной структуре занятых преобладают лица с высшим и средним профессиональным образованием.

Изменения в характере труда не просто подразумевают рост образовательного уровня занятых, но требуют от них более творческого подхода к выполняемой работе. Эксперты обозначают этот процесс как переход от «эксплуатации уже имеющихся профессиональных навыков и умений работника к «управлению талантами»³. Творческий характер труда в свою очередь предопределяет его индивидуализацию, что позволяет специалистам даже сравнивать современный постиндустриальный труд с ремесленничеством на но-

вой стадии его развития⁴. При этом современное «ремесленничество» распространено прежде всего в сфере производства информации, связано с нематериальным творчеством и требует высокого уровня не просто профессиональной подготовки, но и интеллектуального развития.

Не случайно некоторая часть современных агентств, занятых подбором персонала, носит название «охотники за головами» (headhunters). Действительно, каждый творческий работник представляет собой «штучный товар», и, следовательно, постиндустриальные работники гораздо менее едины, чем работники индустриальной экономики. Это касается не только выполняемых ими функций, но даже зачастую единства места работы. Появилось даже такое понятие, как «телеработники», причем это чаще всего не обычные надомники, а высококвалифицированные бухгалтеры, консультанты, дизайнеры, программисты, сценаристы и т. д. Таким работникам в процессе «торга» за условия найма все в меньшей степени нужны коллективные механизмы защиты социально-трудовых прав, получившие широкое распространение в индустриальную эпоху, поскольку их способности делают их эксклюзивными специалистами, которые очень высоко оцениваются работодателями.

Однако в силу того, что повышаются требования к качеству рабочей силы, на рынке труда появляется все больше работников, неспособных «вписаться» в новое постиндустриальное разделение труда в силу пониженной конкурентоспособности. Подчеркнем, что речь идет не об отдельных личностях, а о целых социально-демографических группах населения. К таким группам относятся: люди старших возрастов, лица с низким уровнем образования и квалификации, женщины, воспитывающие детей, но нуждающиеся в источниках доходов, молодые люди, впервые выходящие на рынок труда. Далеко не все представители обозначенных социально-демографических групп могут адаптироваться к изменяющемуся производству и переучиваться постоянно в течение трудовой биографии. Молодежь попадает в число «исключенных» по другим причинам — молодые люди не обладают достаточным опытом и в условиях повышающейся конкуренции за рабочие места проигрывают работникам, уже трудившимся и имеющим положительную «трудовую историю». Такие работники также не попадают под классические трудовые отношения, на них не распространяются и соответствующие механизмы регулирования. Пониженная конкурентоспособность на рынке труда порождает новые механизмы регулирования социально-трудовых отношений, например срочные трудовые контракты. Появился такой термин, как «частичные работники».

Таким образом, одновременно с индивидуализацией труда происходит процесс сегментации рынка труда

¹ Заведующая сектором Отдела социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, доцент кафедры профсоюзного движения Академии труда и социальных отношений (Москва), кандидат экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Зарубежный опыт регулирования «заемного» труда и возможности его применения в России», «Роль и место профсоюзов в модернизации России», «Проблемы представительства интересов сторон в системе социального партнерства России» и др.

² Конечно, снижение доли занятых в промышленности обусловлено и переводом промышленных производств за пределы развитых стран, и переводом, как правило, уже устаревшие, наименее технологичные производства.

³ Черняева Д. В. Непрофсоюзные формы представительства работников в коллективных трудовых отношениях // Труд за рубежом. 2008. № 3. С. 60.

⁴ Шкаратан О. Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 30–54.

и соответственно трудовых отношений. Кроме «классических» трудовых отношений, существующих в традиционных индустриальных и социальных (бюджетных) отраслях и регулируемых как законодательством, так и коллективно-договорными механизмами, обеспечивающими работникам вполне приемлемые условия найма, появляются новые трудовые отношения. Эти отношения весьма неоднородны. Они складываются прежде всего в высокотехнологичном сегменте сферы услуг, в котором работники в состоянии в индивидуальном порядке «выторговывать» себе приемлемые и достойные условия найма. Кроме того, возникают целые сектора экономики, в которых трудятся работники с пониженной конкурентоспособностью. Они оказываются не в состоянии претендовать на те стандарты социальной защиты занятости, которые характерны для первых двух групп трудовых отношений.

При этом социально-трудовые отношения последних двух групп наемных работников можно охарактеризовать как нестабильные с точки зрения традиционных социальных гарантий. Некоторые специалисты отмечают, что заметные изменения в качестве и уровне подготовки ресурсов заставили отойти от гипотезы однородности трудовых ресурсов в пользу более гибких форм описания трудового потенциала, адекватных реалиям сегодняшнего времени¹. Новое «качество» современного труда, новый характер социально-трудовых отношений обуславливают изменение характера их регулирования.

Наибольший интерес и в то же время наибольшие опасения с точки зрения сохранения социальной стабильности вызывает так называемый заемный труд и обеспечивающий его новый институт рынка труда — частные агентства занятости (ЧАЗы). Возникновение этого института регулирования занятости обусловлено как изменением характера труда и социально-трудовых отношений в постиндустриальную эпоху, так и необходимостью повышения эффективности рынка труда и снижения социальных издержек для работодателей в условиях глобального мира. Одним из важнейших направлений деятельности ЧАЗов становится сдача персонала в аренду — лизинг персонала (аутстаффинг) и выполнение отдельных функций, не главных для основного производства, предприятиями-подрядчиками (аутсорсинг), в качестве которых ЧАЗы и выступали. Эти новые кадровые технологии стали получать все большее распространение в современных условиях. Причем чаще всего ЧАЗы «продают» труд именно тех работников, которые не смогли или не захотели работать на условиях традиционного найма. Это либо «штучные» высококвалифицированные специалисты, либо лица с пониженной конкурентоспособностью на рынке труда, причем последние численно преобладают.

Главным аргументом бизнеса в пользу этих новых технологий является тот неоспоримый факт, что их использование резко повышает эффективность труда, что неудивительно в условиях значительного снижения затрат работодателей на рабочую силу, а также на поиск

¹ Научные труды Института народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А. Г. Коровкин. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 189.

необходимых специалистов. При этом ЧАЗы рассматривают заемный труд как инновационную кадровую технологию, способную решать также социальные проблемы, связанные с занятостью². В частности, речь идет о том, что лишь через такие «гибкие» с точки зрения социальных гарантий и качества трудовой жизни механизмы некоторые группы работников, обладающих пониженной конкурентоспособностью на современном рынке труда, могут «вписаться» в него, получить работу и возможность выйти из порочного круга застойной безработицы, пусть и соглашаясь на незащищенные, урезанные условия найма.

Некоторые развивающиеся страны еще с конца 1970-х годов даже сделали использование этих инновационных кадровых технологий важнейшим ресурсом своего выхода на мировой рынок рабочей силы. Так, в Индии была принята специальная правительственная программа, основанная на создании дешевой системы образования по подготовке программистов и бухгалтеров для развитых стран, прежде всего США³, что позволило обеспечить занятость миллионам работников. Существует значительное число исследований, подтверждающих плюсы таких «новых» трудовых отношений⁴.

Однако использование таких технологий несет в себе и серьезные угрозы стабильным трудовым отношениям, а говоря шире — качеству жизни работников, если они используются без контроля со стороны государства и гражданского общества, делая трудовые отношения все более неустойчивыми (снижается размер оплаты труда, ухудшаются его условия, социальные гарантии). Это особенно ярко подтверждается в условиях России в отсутствие достаточно проработанного трудового законодательства, сложившейся правоприменительной практики и наличии неразвитых механизмов коллективно-договорной защиты интересов наемных работников. Но и в развитых странах применение таких «инновационных» кадровых технологий вполне реально деформирует сложившееся за десятилетия социальное государство с высоким уровнем социальной и правовой защиты занятости. Нельзя забывать, что подавляющая часть лиц трудоспособного возраста — это наемные работники (60–65 % лиц трудоспособного возраста в развитых странах⁵), и работа по найму —

² Нетипичные формы занятости: заемный труд и аутсорсинг // Итоги. 2008. 18 авг.

³ Кузнецов С. Е. Влияние международной торговли услугами США на американский рынок труда // Труд за рубежом. 2009. № 4. С. 55.

⁴ См., например: Смирных Л. И. «Агентская» занятость: взгляд со стороны предложения труда // Материалы конф. / под ред. Г. А. Ахинова, В. В. Елизарова, Е. Н. Жильцова, Р. П. Колосовой; экон. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 21 ноября 2007 г. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 218; Луданик М. В. Дистанционная занятость в России: перспективы развития и проблемы регулирования // Уровень жизни населения регионов России. 2007. № 8/9. С. 71–86; Скавитин Л. А. Телеработа в Европе, или Работающие без столов // Управление персоналом. 2004. № 22; Либо М. Г., Фей К. Эффективное управление (HRM) виртуальными работниками в России / Стокгольмская школа экономики в России (SSE Russia), Ин-т междунар. бизнеса Стокгольмской школы экономики. 2001. URL: http://www.sserussia.org/sseru?page-pages/rsr/p_research_projects-r; и др.

⁵ Доклад Мирового банка «О мировом развитии 2011: конфликты, безопасность и развитие». URL: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/worlddev2011.pdf>

единственный способ для них обеспечить себе и своей семье приемлемое качество жизни. При этом сегментированный рынок труда и присутствие на нем значительного числа лиц, готовых трудиться на любых условиях, не претендовать на высокий уровень социальной защиты, затрудняет реализацию принципов социального единства лиц наемного труда и не позволяет даже работающим в секторах с традиционными условиями найма быть слишком «требовательными» в диалоге с работодателями при отстаивании своих социально-экономических прав.

Ситуация особенно обострилась в период и после экономического кризиса 2008–2009 годов. На состоявшейся 20 сентября 2012 года в Москве XII Международной конференции столичных профцентров Европы по проблеме достойного труда в европейских столицах были названы следующие цифры, свидетельствующие о росте незащищенной занятости и экспансии частных агентств занятости на рынках труда даже самых благополучных в социальном отношении стран. Так, при низком уровне безработицы в Швеции значительно увеличился рынок агентств по найму, и зарплата у нанятых через них рабочих — на 18 % ниже средней. В Германии, одной из самых благополучных экономик еврозоны, на гибких условиях заняты больше 30 % работников, в Берлине ситуация еще хуже — 42 % работников находятся в положении неустойчивой занятости, под угрозой увольнения¹. В тех европейских странах, где уровень безработицы высок, складывается еще более сложная ситуация.

Анализ опыта зарубежных стран, раньше России столкнувшихся с проблемой появления новых механизмов регулирования социально-трудовых отношений, дает возможность полнее учесть негативные аспекты деятельности различных агентов на рынке труда и лучше понять, какие опасности для трудовой сферы таится в широком распространении «нестандартных» трудовых отношений, технологий заемного труда.

Главное отличие «традиционных» трудовых отношений от труда заемного, вызывающее наибольшие споры у юристов и являющееся «камнем преткновения» в переговорах между наемными работниками и работодателями, — то, что функции работодателя исполняются двумя субъектами и трудовые правоотношения (зачастую в урезанном виде) дополняются гражданско-правовыми, а работник становится «арендованным» (*personnel leasing, leased employees*). Как справедливо отмечает известный специалист в области гражданского права В. В. Витрянский, «физические лица являются субъектами гражданских прав и ни при каких условиях не могут приравниваться к объектам гражданско-правовых сделок»².

Действительно, деятельность агентств по временному трудоустройству нарушает этот важнейший правовой принцип и порождает серьезные проблемы в социально-трудовой сфере. Профсоюзы считают, что использование на предприятии временных работников ущемляет интересы постоянных работников тех же

¹ http://www.solidarnost.org/thems/profsoyuznaya-zhizn/profsoyuznaya-zhizn_9232.html

² Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М., 2000. Кн. 2 : Договоры о передаче имущества. С. 464.

профессий и квалификации, ибо делает их положение менее прочным. Кроме того, при использовании таких «заемных» работников возникают и другие, не менее серьезные проблемы, связанные с низкой оплатой их труда, нестабильностью и недостаточной защищенностью, интегрированностью в трудовой процесс и т. д.

МОТ, международные профсоюзы решительно выступают против широкого распространения атипичных форм занятости. В связи с этим серьезные трудности возникают с «легитимацией» атипичной занятости. В тех же странах, где уже узаконено применение «заемного» труда в каких-либо формах, процесс этот шел достаточно сложно, при активном участии в обсуждении профсоюзов, при изначальном запрете использования труда агентских работников.

В европейских странах, где заемный труд уже разрешен (Франция, Германия, Испания, Италия, Люксембург, Бельгия, Великобритания и ряд других), он жестко регламентируется законом. В Евросоюзе заемный труд признается особым видом трудового правоотношения, во многих странах Европы частное агентство занятости рассматривается как работодатель со всеми вытекающими юридическими последствиями³. В некоторых европейских странах на деятельность ЧАЗов распространяется общее трудовое законодательство. Еврокомиссия приняла решение о необходимости разработки рамочного закона о заемном труде, гарантирующего соблюдение минимальных трудовых прав работников во всех странах Европейского Союза.

Основными направлениями регулирования и ограничения деятельности ЧАЗов являются:

1) *условия деятельности*. Агентства действуют, как правило, на основании разрешений или лицензий. Параллельно с выдачей лицензий возможно также использование системы сертификации. Органом, выдающим подобный документ, как правило, является комиссия, построенная на принципах трипартизма (в ее состав входят представители государственной службы занятости и частных агентств, а также наиболее представительных организаций работодателей и трудящихся);

2) *гарантии занятости; сроки; перечни профессий*. В законодательстве некоторых стран предусматривается, что если работник в качестве «заемного» трудится больше определенного срока, то он автоматически переходит на бессрочный контракт (Испания, Хорватия). Во Франции агентство обязано заключать с работником срочный договор, и этот договор не может быть заключен больше, чем на один год.

В других странах договор между работником и ЧАЗом должен быть в обязательном порядке зарегистрирован в государственных органах занятости (или в других органах), в некоторых случаях работодатель обязан обременять заявку.

В таких странах, как Япония, Германия, Нидерланды, Италия, Франция, Бельгия, деятельность таких агентств ограничивается лишь определенным кругом занятий: привлечение высококвалифицированных специалистов, замещение постоянных работников, временно отсутствующих, резкое расширение производства,

³ *Blanpain R. Temporary Work and Labor Law of the European Community and Member States. The Hague ; L. ; N. Y. : Kluwer Law International, 1993.*

вызвавшее потребность привлечения большого числа работников, и т. п. В любом случае работодатель обязан доказать, что ему требуется привлечь именно заемных работников, причем если он недавно провел на своем предприятии сокращение численности персонала, то в разрешении ему будет отказано;

3) *заработная плата*. В законодательстве некоторых стран предусмотрены нормы, согласно которым заработная плата «заемного» работника не может быть меньше, чем у занятых постоянно. Законодательство Австрии, Бельгии, Франции и ряда других стран предусматривает, например, что ЧАЗ обязано гарантировать работнику такие же условия труда применительно к конкретному рабочему месту, что и у постоянных работников¹.

Национальный совет по трудовым отношениям США определил «общность интересов» в качестве главного принципа трехсторонних трудовых отношений, когда временные работники имеют с постоянными работниками общие процедуры контроля, условия труда и интересы с точки зрения заработной платы, рабочего времени и условий занятости;

4) *дополнительные выплаты* предусматриваются за неиспользованный отпуск, за отсутствие работы и т. д. В Германии, например, между работником и агентством заключается письменный договор, охватывающий условия труда и социальные права работника; подтверждается, что даже в периоды отсутствия работы работник получает определенное вознаграждение. Эти отношения регулируются специальным законом, регламентирующим коммерческую передачу в аренду работников (принят в 1972 г., новая редакция — 1995 г.);

5) *охрана труда*. В Финляндии порядок телеработы в крупных компаниях регламентируется соглашениями по вопросам охраны труда и здоровья работающих. Принципы контроля над условиями труда в данном случае те же, что в офисах, и привязаны к правилам внутреннего распорядка;

6) *социальные программы*. Отдельные страны (например, Германия, Австралия) стимулируют работу частных служб по трудоустройству наименее конкурентоспособных групп населения: безработных с продолжительным стажем, молодежи 16–17 лет и пр. За их трудоустройство частные агентства могут получить специальные средства поддержки из государственного фонда содействия занятости;

7) *защита деятельности профсоюзов*. Законодательство некоторых стран предусматривает, что работники ЧАЗов не могут направляться на замену бастующих. Например, в Великобритании Правила поведения агентств занятости и бизнеса занятости (2004) вводят подобные ограничения;

8) *участие «заемных» работников в коллективно-договорном регулировании трудовых отношений*. Вопросы распространения коллективных договоров и соглашений на «заемных» работников решаются по-разному.

В Нидерландах положения коллективных соглашений для временных работников предусматривают постепенное распространение защиты работников в за-

висимости от продолжительности работы на предприятии. В итоге практически весь голландский сектор рабочей силы, передаваемой в наем кадровыми агентствами, охвачен коллективными договорами, в деталях регулируемыми трудовые правоотношения (в частности, оплату труда, количество рабочего времени, продолжительность отпуска, размер выходного пособия, пенсии и т. п.)².

В законе Финляндии о трудовых договорах содержатся положения, направленные на защиту работника: работодатель обязан информировать работника об условиях заключаемого с ним договора. При этом работодатель должен с самого начала определить, считает ли он работника наемным или самостоятельно занятым работником. Коллективные переговоры распространяются на временных работников.

В соответствии с положениями закона о трудовых договорах Аргентины на работника, нанимаемого через частные агентства занятости, распространяется действие коллективного договора и представительство профсоюза.

Интересны примеры Швеции³ и Германии⁴, где ЧАЗ и временные работники охватываются коллективными договорами, определяющими трудовые отношения.

В Нидерландах и Дании имеется законодательное регулирование ЧАЗ, его нормативно-правовая база выработана в процессе социального диалога, с акцентом на растущей роли коллективных переговоров в регулировании этого сектора⁵.

Во Франции в 2005 году Объединение французских предпринимателей МЕДЕФ и пять крупнейших профсоюзных объединений подписали межотраслевое соглашение, регулирующее условия занятости «дистанционных» работников, их труд юридически приравнивали к труду лиц, работающих на условиях постоянного найма.

Характерно, что в Швеции в 2000 году произошло значительное увеличение численности членов профсоюза именно за счет «дистанционных» работников, которые в профсоюзе увидели силу, способную защитить стабильность их занятости.

В целом анализ зарубежного опыта регулирования заемного труда свидетельствует о невозможности выработки единого универсального подхода к данному вопросу. В каждой стране проблема решалась и решается исходя из сложившейся системы трудового права, институциональных особенностей функционирования национального рынка труда, культурно-исторических особенностей, включенности национального рынка труда в глобальный и многих других факторов. Кроме того, наиболее успешные примеры такого регулирования встречаются в тех странах, где оно носит

² Т. Киселева. Частные агентства занятости: проблемы законодательного регулирования деятельности // Менеджер по персоналу. 2007. № 10.

³ Nystrom B. The Legal Regulation of Employment Agencies and Employment Leasing Companies in Sweden // Comparative Labor Law and Policy Journal. Vol. 23, № 1.

⁴ Рамочный коллективный договор о временной работе, Германия. URL: <http://www.bza.de/tarif/tarifvertraege.php>

⁵ «Временная посредническая деятельность в расширенном ЕС», июнь 2006 г. URL: <http://euro.eurofound.eu.int/thematicfeature14.html>

¹ Storrie D. Temporary Agency Work in the European Union. Luxembourg : Office for European Communities, 2002. P. 28.

узконаправленный, «точечный» и в то же время комплексный характер, основываясь на выявлении «узких» мест и принятии адекватных мер и действий.

Нельзя не отметить той важной роли, которая в развитых странах отводится социальному диалогу или коллективно-договорному регулированию социально-трудовых отношений в деле смягчения наиболее неприемлемых с социальной точки зрения последствий использования новых кадровых технологий. Как записано в п. 4, ст. 2 Конвенции МОТ № 181 («О частных агентствах занятости»), специальные законы, регулирующие деятельность ЧАЗов, принимать можно только «после консультаций с наиболее представительными организациями работодателей и трудящихся», при этом ст. 4 предписывает «принимать меры, обеспечивающие чтобы трудящиеся, нанятые ЧАЗ <...> не были лишены права на свободу объединений и на ведение коллективных переговоров».

Справедливости ради отметим, что о поголовном распространении новых форм трудовых отношений говорить пока не приходится. Так, в большинстве стран Западной Европы в секторе заемного труда сегодня работает от 1 до 2,5 % всего занятого населения¹. По данным МОТ, в 15 странах Евросоюза 1,4 млн работников (1,4 % от общего числа занятых) трудится в качестве заемных работников². Однако наблюдающиеся тенденции говорят о том, что именно эти формы регулирования трудовых отношений в последние годы распространяются все интенсивнее, что не может не беспокоить как профсоюзы, так и правительства, которые отвечают за сохранение социальной стабильности и поддержание достойного качества жизни.

Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что отсутствие трудовых правоотношений в широких масштабах со всеми вытекающими последствиями, в том числе ликвидацией обязательств по социальному страхованию, чревато серьезными социальными конфликтами либо требует кардинального (в разы) повышения уровня оплаты труда и нахождения новых механизмов поддержки социально незащищенных слоев населения. Индивидуальные трудовые отношения особенно опасны для работников в тех случаях, когда из плоскости трудовых уходят в плоскость гражданско-правовых. В этих случаях проблема страхования различных связанных с трудовой сферой рисков полностью ложится на плечи работника и становится исключительно зоной его индивидуальной ответственности, если предупреждение этих рисков осуществляется на страховых принципах, а так происходит в большинстве стран мира. Тогда проблема благополучия работника при потере им заработка действительно на 100 % связана с размером заработной платы, которую он получал.

Как справедливо отмечают ведущие исследователи в области социальной политики, «повышение индивидуализации в сфере труда и социальных отношений может гармонично протекать при наличии устойчивого источника дохода (гарантированной заработной платы) и развитых систем социального страхова-

¹ European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions / Temporary agency work in an enlarged European Communities (VIII).

² <http://www.ubo.ru/articles/?cat=1318&pub=400>

ния. Здесь кроется суть вопроса, возникающего в связи с раздроблением общества наемного труда, приемлемая модель которого существовала на протяжении XX века. Это узловое вопрос как постоянной занятости и доходов населения, так и социальной интеграции современного общества»³.

В России, как уже отмечалось выше, атипичная занятость, хотя и не получила пока широкого распространения, имеет, тем не менее, достаточно высокие темпы роста. Особенно опасно, что работодатели все чаще стремятся выводить за рамки своих производств не только вспомогательные функции, но и основные, подрывая тем самым и так недостаточно сильные традиции коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений и снижая и без того низкий уровень социальных гарантий для занятых⁴. При этом частные агентства занятости и работодатели настойчиво инициируют процесс законодательного закрепления использования в стране труда агентских работников, не учитывая интересы защиты их трудовых прав. Однако, на наш взгляд, для принятия и реализации подобного закона на данном этапе развития рынка услуг в области найма и трудоустройства в России еще недостаточно объективных предпосылок. Прежде всего потому, что отсутствует серьезная государственная концепция содействия занятости, учитывающая интересы всех субъектов рынка труда и основанная на трехсторонних принципах взаимодействия в области занятости. Без принятия такой концепции, предусматривающей согласованность и взаимодополняемость всех институтов рынка труда (в том числе согласованность деятельности государственных и негосударственных служб занятости) при решении основных стратегических задач в области регулирования занятости, невозможно ставить задачи выработки соответствующего законодательства по регулированию деятельности частных агентств занятости.

Обязательным условием для реализации этого положения должно стать усиление профсоюзов как одного из ведущих институтов гражданского общества и придание в связи с этим нового качества системе социального партнерства в стране. Ведь, как отметил в «Общем обзоре» Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций МОТ, анализируя практику консультаций социальных партнеров по основным направлениям социально-экономической политики в стране, гораздо более важное значение для создания эффективной процедуры консультаций социальных партнеров имеет общий уровень социального диалога в стране, нежели институциональные рамки и регламенты⁵. Этот вывод в полной мере может быть отнесен и к той сфере регулирования социально-трудовых отношений, которая рассматривалась нами, а именно к сфере новых, нетипичных форм такого регулирования.

³ Роиц В. Д. Социальная сплоченность: доктрина Совета Европы и задачи для России // Труд за рубежом. 2009. № 1. С. 32.

⁴ Подробнее см., например: Крестянинов А. Н. Корпорации и профсоюзы: социальное взаимодействие в эпоху глобализации: моногр. М.: Издат. дом «АТиСО», 2012.

⁵ ILO: Tripartite Consultation. General Survey concerning the Tripartite Consultation (International Labour Standards) Convention, 1976. № 144; The Tripartite Consultation (Activities of the International Labour Organization) Recommendation. № 152; International Labour Conference. 88th Session. 2000. Report III (Pt. IB).

В. А. Сауткина¹

НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Трудовые права, сформулированные мировым сообществом в XX веке, которые успешно применялись в области регулирования трудовых отношений индустриального общества, стремительно утрачивают свои позиции в условиях новой общественной организации труда. Развитие информационного общества порождает принципиальные изменения в области занятости, которые вызывают необходимость произвести соответствующие изменения в трудовом законодательстве. Например, на наших глазах формируется большой сегмент отношений, которые имеют сетевую основу. И практика показывает, что имеющийся в настоящее время правовой инструмент уже не справляется с ролью их регулятора.

Уже в конце прошлого столетия общество в развитых странах вплотную столкнулось с реальной необходимостью регулировать публичные правоотношения в сетях. В сетевой бизнес, где оборачивается огромное количество денежных средств, стали вовлекаться миллионы людей. В связи с этим исследователями была заявлена необходимость формирования новой концепции трудовых взаимоотношений в этой сфере. Многие прогнозы, высказанные в то время по этому поводу такими известными на западе исследователями трудового права, как лорд Уэддерберн, Ж. Лион-Кан, В. Дойблер, М. Рудом и П. ван дер Хейден, в сборнике «Трудовое право в постиндустриальную эру», в настоящее время подтверждаются практикой повседневной жизни².

Стало очевидным, что в XXI веке трудовое право как особая отрасль будет претерпевать значительные изменения. Предстоит большая работа по обновлению своих методов, усовершенствованию инструментария, для того чтобы, возродившись на новой основе, успешно отстаивать свои основные принципы. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования перспектив развития основных институтов трудового права, всей совокупности трудовых прав в системе прав человека, как в отдельных странах, так и во всем мировом сообществе в целом.

Все большее число экспертов отмечают возрастание доли «незащищенной занятости» на глобальном рынке труда³. В области современных трудовых отношений все более отчетливо проявляется необходимость разработки новой модели защиты интересов все большего числа работников, занятых в сетевом секторе. В число

этой категории в первую очередь попадают работающие в условиях дистанционной занятости. Особенно много проблем в связи с этим возникает в тех развивающихся странах, где контроль над соблюдением всех законодательных норм в этой сфере практически отсутствует или исполняется на ненадлежащем уровне. К таким странам, к сожалению, относится и современная Россия, и большинство стран СНГ. В связи с этим очень важно учитывать опыт тех стран, которые гораздо раньше столкнулись с указанными выше проблемами. Находясь в стадии перехода от индустриального общества к постиндустриальному, эти страны переживают множество негативных процессов. Прежде всего необходимо отметить связанную с этим тенденцию нарастания доли примитивного труда, особенно в сфере обслуживания. Однако надежды на реализацию заявленного курса на модернизацию в нашей стране позволяют рассматривать проблемы трудовых прав и тенденции их развития в XXI веке в рамках общемирового постиндустриального процесса трансформации трудовых прав.

Уже на данный момент в сетях MLM (комплексного многоуровневого маркетинга) как в России, так и во всем пространстве стран содружества (СНГ) работают миллионы людей. Однако это происходит при явной недостаточности правовых средств, которые позволяли бы своевременно регулировать возникающие в этой сфере отношения. В результате многие участники такого рода бизнеса работают без заключения гражданско-правовых и трудовых договоров и соответственно не всегда платят налоги. Фискальные органы, которые не располагают достаточной информацией о явлениях, происходящих в сфере трудовых отношений в сетевом сегменте, не могут принимать необходимые меры. Таким образом, получается, что огромный массив деятельности сетей происходит вне правового поля. И, как следствие, повсеместно распространяется практика нарушения прав в области социального обеспечения тех работников, которые заняты в этой сфере.

На наш взгляд, в настоящее время созрела ситуация, когда сформировался взаимный интерес вывести из тени и полностью легализовать трудовые отношения работодателей и работников, осуществляющих свою деятельность в Сети. Это необходимо не только государству, но всем участникам процесса. Работники, занятые в сетях, должны иметь возможность пользоваться социальными правами, как в настоящем, так и в будущем, обеспечивая свою старость необходимыми отчислениями как в пенсионный фонд, так и в другие социальные фонды. В этом направлении уже развернулась дискуссия, как в научной среде⁴, так и в среде самих работников, занятых в сетевом бизнесе.

Работа является той областью, где многие важные факторы, влияющие на состояние здоровья работника,

¹ Старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат исторических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты» (в соавт.), «Проблемы эффективного управления результатами научной деятельности в России», «Институт несостоятельности и положение наемных работников: западный опыт», «Интересы создателей интеллектуальной собственности в законодательстве РФ», «Формирование отечественной инновационной системы тормозится нерешенностью кадровых и правовых вопросов», «Нормотворчество работодателя: рамки, ответственность» и др.

² uchebniki-besplatno.com/pravo...trudovoe/osnovnye...

³ Светлов А. Качество жизни — новые критерии. URL: <http://opec.ru/1417187.html>

⁴ См., например: *Голоскоков Л. В.* Переход к сетевому праву и законодательству как веление времени // Государство и право. 2012. № 2. С. 78–86.

не учитываются. Это относится равно и к условиям найма работников, и к характеру и условиям их труда. Важно вовремя обратить внимание на то, как новые тенденции, развивающиеся в этих сферах, вступают в противоречие с теми последствиями для состояния здоровья, которые они вызывают. Во всем мире гибкая рабочая сила позитивно оценивается с экономических позиций. Однако так называемая ненадежная занятость, подразумевающая временные контракты, занятость без оформления контракта, вызывает серьезные проблемы со здоровьем у таких работников, осознающих ненадежность своего положения. Особенно остро эти негативные тенденции коснулись работников, которые в прошлом привыкли к определенному уровню защищенности своих трудовых прав и вдруг оказались в ситуации, которую трудно, а порой и невозможно преодолеть без значительных потерь.

В большинстве стран со средним и низким уровнем доходов прогресс регулирования в этой области практически отсутствует. Это относится и к большинству стран Содружества (СНГ). В результате высокий спрос на работу, а также различные стрессы, связанные с неблагоприятными условиями труда, становятся факторами риска возникновения проблем психического и физического здоровья. В брошюре ВОЗ «Ликвидировать разрыв в течение одного поколения» приводятся данные обследования нарушений психического здоровья в зависимости от типа контракта среди группы работников физического труда в Испании, которое проводилось в 2005 году. В группе мужчин, не имеющих постоянного контракта, было зафиксировано более 25 % таких случаев, тогда как в числе имеющих постоянную работу — всего лишь 5 %. Оказалось также, что женщины более болезненно воспринимают отсутствие у них постоянного контракта. Это обследование показало: среди обследованных женщин, не имеющих постоянного контракта, более 30 % были подвержены таким нарушениям здоровья¹. Причем становится очевидным, что эта проблема разрастается по миру и затрагивает уже не только страны с плохо налаженной системой защиты занятости, но и те, которые еще в недалеком прошлом были вполне благополучными.

В условиях бурного развития новейших технологий продолжается процесс повышения эффективности труда, который сопровождается повсеместным сокращением рабочего времени и снижением числа занятых. В связи с этим как у самих работников, так и у исследователей проблем занятости возникают значительные опасения из-за возможных социальных последствий, которые могут возникнуть из-за падения спроса на рабочую силу.

В первую очередь встает вопрос, как обеспечить рабочими местами все возрастающую массу людей, которые становятся «лишними» благодаря успехам в области технического прогресса. Новые технологии, в том числе и информационные, сами по себе не являются причиной безработицы. Старые рабочие места действительно вытесняются, но появляются новые, где потери и выигрыши в сфере занятости различаются

¹ См.: Ликвидировать разрыв в течение одного поколения. Женева: ВОЗ, 2008. URL: whodc.mednet.ru/component/option,com_attachments/id,./task,download/

по регионам, странам, по отраслям, по фирмам. Все зависит от следующих факторов: макроэкономической ситуации, институциональной среды, правительственной политики, стратегий отдельных фирм и общих социально-политических контекстов.

Исследования показывают, что в тех странах, которые сумели наладить высокотехнологичное производство и экспорт на быстрорастущие высокотехнологичные рынки, наблюдается тенденция к созданию большого числа рабочих мест. По мнению экспертов, на современном этапе развития технологического прогресса необходимо соблюдать правильное соотношение между инновацией в процессах и инновацией в продуктах². Если в процессах инновация развивается быстрее, то занятость сокращается. В случае, когда темп инноваций сбалансирован, то вновь возникший спрос на новую продукцию может стимулировать рост занятости. Становится выгодным одновременно инвестировать в создание рабочих мест и в других отраслях, например связанных с обслуживанием отдыхающих или с охраной окружающей среды³.

Динамика уровня занятости зависит не только от стабильности демографической ситуации и темпа распространения новых технологий. Процессы изменения в данной сфере без преувеличения можно назвать одним из самых сложных явлений современного мира. Существует значительное число факторов, степень воздействия которых в равной мере зависит и от социальной, и от иммиграционной политики, а также и от формирования новой институциональной инфраструктуры и значительных изменений отношений в трудовой сфере. Очевидно, что внедрение новых технологий меняет тип рабочих мест, их количество и качество. Соответственно новая производственная структура потребует появления принципиально новой по своему качеству рабочей силы. На наш взгляд, суть нарастающих в связи с этим проблем сводится к тому, что та часть населения, которая по тем или иным причинам не сможет приобрести информационную квалификацию, будет на время выключена из состава рабочей силы или резко понизит свой личный статус. Причем, учитывая глобальный характер происходящих в этом направлении процессов, такие явления можно будет наблюдать не только в различных категориях населения, например таких, как молодежь, женщины предпенсионного возраста, но и появятся целые проблемные регионы, как в отдельных странах, так и по всему миру. В этом случае появляется реальная угроза для стабильности, если вовремя не найти лучших путей для взаимоотношений между трудом и капиталом.

В целях более успешного поиска эффективного регулирования таких отношений в настоящее время очень важно постоянно наблюдать состояние рынка труда в сфере ИКТ. Благодаря данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), силами которой раз в четыре года проводятся исследования

² Существуют разные виды инноваций. Например, инновации процесса предполагают внедрение новых технологических или управленческих процессов. Продуктовые инновации предполагают создание продукта с новыми полезными качествами.

³ См.: Жеребин В. М. Модернизация экономики и занятость населения // Вопросы статистики. 2011. № 10. С. 19–30.

состояния рынка труда в секторе ИТК, существует возможность сравнивать положение дел в различных странах. Так, например, по данным 2007 года, по показателю доли ИКТ работников среди общего числа занятых лидировали следующие страны: Норвегия — 4,8 %, США — 3,7 % и Великобритания — 3,2 %. Причем важно отметить при этом, что по такому важному макроэкономическому показателю, как объем ВВП, в этот период лидировали именно эти же страны. Россия, где доля занятых в секторе ИТК на тот момент составляла 1,4 %, отставала от этих стран и по показателю объема ВВП примерно в тех же пропорциях¹.

Вместе с новыми технологиями в области производства появляются и совершенно иные отношения между работодателем и наемным работником. Например, у работодателя появилась возможность то собирать, то рассеивать рабочую силу в любое время и практически в любом месте для выполнения определенных проектов. Это породило совершенно новый тип так называемых виртуальных предприятий. Появилось множество различных способов найма рабочей силы, которые можно отнести к особо гибким формам. Суть же происходящих изменений заключается в том, что происходит невиданное ранее увеличение производительности труда, а вместе с тем и его прибыльности. Но при этом труд стал стремительно терять былую правовую защиту. Индивидуальные сделки становятся массовыми, а условия их заключения непрерывно меняются, следуя за ситуацией на рынке труда. Очевидно, что при таких обстоятельствах традиционная роль профсоюзов, имеющих большой опыт эффективного воздействия на работодателя при нарушениях прав работающих на крупных предприятиях, в большинстве случаев нарушения индивидуальных контрактов остается незначительной.

Профсоюзы должны работать в этом направлении. Однако появление работника с гибким рабочим временем и индивидуальным трудовым контрактом требует не только отработки новых форм правовой защиты такого рода занятых. В связи с этим предстоят значительные изменения в сознании и психологии обеих сторон, взаимодействующих в этой новой форме трудовых отношений.

Считается, что так называемые гибкие формы найма более приемлемы для молодежи, прежде всего потому что им легче адаптироваться ко всему новому, чем людям среднего и пожилого возраста. Кроме того, такие формы найма как нельзя лучше подходят и для молодежного образа жизни, так как дают много возможностей сочетать труд с учебой, занятием спортом и другими самыми различными видами молодежного досуга. При хорошо налаженной системе организации различных способов трудоустройства молодежь в развитых странах не должна тратить большую часть своего времени на поиск новых мест работы.

Однако вопреки таким очевидным преимуществам именно в молодежной среде безработица стала очень большой социальной проблемой даже в самых развитых странах Европы. Согласно данным бюро Eurostat, на декабрь 2011 года свыше 30 % молодых людей в воз-

расте до 25 лет не имели работы. В абсолютных цифрах это огромная по европейским меркам армия молодых безработных: по 27 странам ЕС — 5,492 млн человек, по 17 странам еврозоны — 3,29 млн. Самый высокий уровень безработных за этот период был зафиксирован в Испании — 47,2 %, Греции — 47,2 % и Словакии — 35,6 %. Наиболее благоприятным оказалось положение в Германии, где уровень молодежной безработицы составил 7,8 %, а также в Австрии — 8,2 % и в Нидерландах — 8,7 %².

Сложившаяся в Европе ситуация грозит стать причиной реального исчезновения с рынка труда целого поколения молодых людей. Решать проблему приходится в неблагоприятных условиях, так как из-за кризиса трудно изыскать достаточно средств на финансирование программы по молодежному трудоустройству. Министры труда и социального развития из социал-демократических и социалистических партий стран Евросоюза призывают высший исполнительный орган ЕС как можно скорее принять эту программу на законодательном уровне. Слишком высокая стоимость такой программы, которая оценивается в 1 млрд евро, является причиной нерешительности тех, от кого зависит принятие решений. По заявлению министров труда, средства на это в европейском бюджете есть, нужна лишь политическая воля для скорейшего начала инвестирования в создание новых рабочих мест.

Большая ответственность за будущее молодежи лежит, конечно, на работодателях. Создавая рабочие места для молодых людей, а также проводя необходимую подготовку и запуская специальные образовательные программы, они могут переломить опасную тенденцию на рынке труда. Министры труда считают, что для того, чтобы решить проблему в ближайшем будущем, каждому молодому человеку должно быть предложено дальнейшее обучение или дополнительная подготовка, стажировка, рабочее место или другая возможность трудоустройства не позднее четырех месяцев после окончания школы и превращения в безработного³.

Очевидно, что основной проблемой для успешного формирования молодежи в качестве социальной группы является момент перехода от учебы к профессиональному обучению и труду. Именно в это время реализуются самые важные социальные функции: в относительно короткий срок должны быть решены не только задачи получения профессиональной квалификации и рабочего места, но и создания своей семьи. В настоящее время проблема обретения экономической самостоятельности для молодежи практически во всех странах становится одной из самых важных. Отсюда и то особое внимание, которое уделяют политики многих стран созданию наиболее благоприятных условий для своевременного их трудоустройства.

Опыт реализации молодежной политики в развитых странах Европы, США и в других регионах показывает самые разные подходы и к ее разработке, и к практике применения. В настоящее время в мире существуют разные способы решения этих проблем, которые варьируются от четкой политики ограничения

² Безработица в странах Евросоюза достигла рекордного уровня // Российская газета. 2012. 1 февр.

³ <http://www.spravedlivo.ru/news/anews/16375.php>

¹ См.: Жеребин В. М. Указ. соч. С. 28.

роли государства в процессе социализации молодежи до полной ответственности государства за интеграцию всей молодежи в социально-экономическую жизнь общества. В первом случае практикуется широкое вовлечение в этот процесс общественного и коммерческого сектора. Во втором случае в практике планирования молодежной политики более активно разрабатываются стратегические планы, государственные программы, национальные, а также и отдельные социальные проекты. Все это многообразие форм и методов определяется особенностями исторического и культурного развития, а также и менталитета народов, проживающих на территории той или иной страны. Однако можно сказать, что все без исключения политики развитых стран признают необходимость в той или иной форме содействовать бесконфликтной интеграции молодого поколения в активную трудовую и социальную деятельность в своей собственной стране.

В США традиционно развивается концепция молодежной политики, которая основывается на минимальном участии государства в практической деятельности содействия социализации молодежи. В стране хорошо отработаны механизмы привлечения благотворительных частных организаций и коммерческих структур для реализации программ и проектов в этой области. При этом социально незащищенные и неблагополучные категории молодежи имеют возможность получить поддержку от государственных структур, а выделяемые средства весьма строго регламентируются и находятся под жестким финансовым контролем. Налаженная таким образом система отлично работает благодаря существующей в стране традиции самоуправления, которая функционирует на всех уровнях социального взаимодействия. Кроме того, государство активно использует рычаги фискальной политики в целях стимулирования частных фирм активно заниматься подготовкой молодых кадров и их трудоустройством. В этих целях средства, которые тот или иной предприниматель направляет на обучение молодежи, освобождаются от налогов. Фирмы, где такая подготовка организована в целях дальнейшего использования молодых кадров на собственном предприятии, полностью или частично освобождаются от уплаты взносов в фонд социального страхования¹.

В настоящее время в США действует свыше 300 программ поддержки и защиты молодежи. Наиболее массовыми являются программы Лиги защиты молодежи, «Лиги неограниченных возможностей кампуса», «Студенты за ликвидацию голода», «Лицом к улице», программа «Хелп» для одиноких матерей до 20 лет, «Приобщение к городским проблемам» и программы Армии спасения, которые охватывают в настоящее время различные категории молодого населения Америки и все профессиональные учебные заведения страны².

В Германии доминирует другая стратегия, основанная на особой роли государства в регламентации закономерно мер поддержки интеграции всей молодежи в трудовую жизнь общества. В этих целях разрабатываются

специальные социальные программы, участие в которых доступно молодежи из всех социальных слоев. Существует довольно развитая и эффективно работающая инфраструктура. Основным носителем финансовой поддержки является Федеральный фонд детей и молодежи. Практически во всех крупных городах созданы информационные центры.

Именно на германском рынке труда складывается наиболее благоприятная ситуация. Однако и там процент безработицы среди молодых людей выше среднего уровня по стране. Кроме того, необходимо учитывать, что более чем треть юношей и девушек, считающихся занятыми, имеют трудовые контракты на ограниченный срок, работу на неполный день и прочие виды временной занятости. Как правило, устройство на такую работу происходит через «прокатные» агентства, когда специальные фирмы временно предоставляют своих сотрудников другим компаниям. Для того чтобы найти такого рода работу, достаточно обратиться за информацией в Интернет. Сначала нужно исследовать предложения, размещаемые на сайте Федеральной биржи труда, так как выбор вакансий там очень большой. Кроме того, на различных сайтах свои порталы имеют и работодатели, и профсоюзы³.

Кроме того, в Германии существуют программы поддержки молодежной кооперации и предпринимательства, которые также признаны во всем мировом сообществе в качестве эффективных мер содействия в трудоустройстве молодежи. На наш взгляд, особенно важно, что именно в условиях кризиса Германия сочла возможным открыть свой рынок труда для многих стран ЕС, ставших членами Евросоюза в 2004 году. С начала мая 2011 года граждане Латвии, Литвы, Венгрии, Словакии, Словении, Эстонии и Польши могут без оформления документов, разрешающих трудовую деятельность, занимать предложенные им вакансии.

Причем самое важное при этом, что в данный период в Германии существует дефицит специалистов именно в сфере высоких технологий, инженеров горного дела, энергетиков, медиков. По оценкам экспертов, высшие заведения Германии выпускают в год около 14 тыс. специалистов области ЭВМ при потребности в 20 тыс. Существуют вакансии для молодых ученых и исследователей. Таким образом, в Германии есть потребность в квалифицированных иностранных специалистах. Однако не следует ожидать большого притока таких специалистов из стран Восточной Европы, так как для молодых специалистов из этих стран может оказаться более привлекательной Великобритания. В первую очередь потому, что не будет языкового барьера, а в Германии каждому кандидату на рабочее место необходимо сдать экзамен по немецкому языку. Кроме того, нанимающей стороне необходимо доказать, что на это место нет претендентов на внутреннем рынке⁴.

Другим примером способов организации молодежной политики может послужить опыт Японии. Основными чертами японского подхода являются

³ См., например: monster.de и jobscout24.de

¹ <http://laboureconomics.ru/glava3/p34>
² Прогноз Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции к 2020 году». URL: <http://forum.rkrp-rpk.ru>

⁴ Деев И. Германия открыла свой рынок труда для восьми восточноевропейских стран // ИТАР-ТАСС. Планета. Компас. 2011. № 27. Июнь.

совместные взаимовыгодные действия государственных органов и общественных институтов и четкое распределение ответственности между ними. Широко применяются методы государственного обеспечения функционирования в специальных молодежных центрах, бюро и службах. Работа всех этих организаций отличается четким распределением ответственности, высокой степенью координации деятельности всех государственных органов и их взаимодействием с социальными политическими и общественными структурами.

Несмотря на все усилия, которые предпринимают политики в самых разных уголках мира для создания благоприятных условий вхождения молодежи в трудовую жизнь, основной удар мирового кризиса пришелся именно на эту категорию населения практически во всех странах. От успешного преодоления этой проблемы зависит их будущее. Но, как показывает практика, возможностей кардинально переломить ситуацию не так уж много. С одной стороны, состояние экономики многих стран настоятельно диктует необходимость повышения пенсионного возраста, но реализация этих намерений неминуемо увеличит молодежную безработицу. По этой причине новое руководство Франции решило отложить ранее заявленные реформы, предполагающие увеличение пенсионного возраста в стране.

Масштаб существующих проблем на глобальных рынках труда достаточно полно отражен в материалах ежегодного доклада МОТ «Глобальные тенденции занятости — 2012 г.: предотвратим развитие кризиса занятости». Авторы доклада приводят данные о том, что в результате практически непрерывного кризиса на рынке труда в течение последних трех лет во всем мире образовался так называемый «запас» безработных в размере 200 млн человек.

В 2011 году безработными оказались 74,8 млн молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, что на 4 с лишним миллиона больше по сравнению с 2007 годом. При этом вероятность безработицы среди молодежи во всем мире почти в три раза выше, чем среди других возрастных категорий. В этом документе приводятся данные о том, что глобальный уровень безработицы среди молодежи составляет 12,7 %, что по-прежнему превышает докризисное значение на целый процентный пункт. Исходя из сегодняшнего состояния дел, авторы доклада не видят реальных перспектив по улучшению положения в области занятости молодежи в ближайшее время¹.

Однако решать проблему все же придется. На наш взгляд, сдвинуть, переломить эту пагубную тенденцию станет возможно лишь в случае, если она действительно станет приоритетом в реальной экономике в первую очередь развивающихся стран, где существует запас энергии для осуществления этого прорыва.

Е. И. Степанов²

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАПРЯЖЕНИЙ И ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА «РОССИЯ–БЕЛАРУСЬ»

Рассмотрение заявленной нами темы представляется необходимым начать прежде всего с напоминания всем участникам нашей секции о том, что рассматривать и обсуждать различные аспекты и проблемы мониторинга, анализа и прогнозирования социально-трудовых конфликтов, представлений и устремлений не только работников и работодателей как их непосредственных участников, но и различных государственных учреждений и общественных организаций на пространстве СНГ — в том числе и даже прежде

всего профсоюзов — все мы должны с учетом *определенного диалога культур, выявления и рассмотрения их определенной ценности и смысла, а также — их происходящей коммуникации*. Поскольку именно это выступает общей темой нынешних Лихачевских чтений.

При этом в выступлениях и обсуждениях мы должны учитывать, что в нынешних условиях коренных преобразований во всех странах СНГ одни из наиболее существенных перемен происходят именно в сфере социально-трудовых отношений. Причем многие из этих перемен имеют не позитивный, а негативный характер, ухудшая образ жизни и деятельности весьма большого числа трудящихся как участников этих отношений, вызывая у них острое недовольство и уменьшая тем самым благосостояние в этих странах и подвергая опасности само их существование.

Под этим углом зрения я и постарался рассмотреть проблему дальнейшего развития интеграции России и Белоруссии в рамках союзного государства. Ибо, как представляется, позитивное решение этой проблемы без преувеличения можно считать ключевым не только для внешней и внутренней политики каждой из этих стран, но и для дальнейшего развития отношений как в СНГ, так и на всем «постсоциалистическом» пространстве.

Актуальность и значимость, а также большую остроту этой проблеме придают, как представляется,

¹ www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/.../2012/0123.htm

² Главный научный сотрудник Института социологии РАН (Москва), профессор Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Современная модернизация в России с позиций социальной философии и конфликтологии», «Современная глобализация: состояние и перспективы», «Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы», «Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования)», «Современная конфликтология: общие подходы к моделированию, мониторингу и менеджменту социальных конфликтов», «Россия: политические противоречия и поиск согласия», «Современная конфликтология в контексте культуры мира», «Современный терроризм: состояние и перспективы», «Отечественная конфликтология: к вопросу о становлении и развитии», «Ценностные ориентации — предпосылка программ переустройства общества» и др. Главный редактор серии тематических выпусков «Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения». Главный редактор научно-практического журнала «Конфликтология». Президент Международной ассоциации конфликтологов.

прежде всего размежевание различных социально-политических сил и на международной арене, и внутри самих стран по поводу отношения к идее интеграции, а также к тем путям и средствам, которые могут обеспечить ее реализацию. Не секрет, например, что идея интеграции прямо противостоит существующему на Западе плану отделения России от Европы путем создания своеобразного «санитарного кордона» вдоль западных границ РФ, состоящего из ряда стран — бывших республик распавшегося Советского Союза и бывших дружественных ему государств Центральной Европы. Среди этих «окончательно оторванных» государств создатели этого плана очень (быть может, даже особенно) хотели бы видеть именно Белоруссию, поскольку это отчетливо обнаружило бы «преодоление» прежних наиболее тесных и дружественных связей, которые исторически возникли у России с ее ближайшим окружением, и появление долгожданных для западных «политтехнологов» и соответствующих этому плану идейно-политических переориентаций. Поэтому успешная интеграция России и Белоруссии во внешне-политическом плане представляет собой наиболее радикальное средство противодействия подобным попыткам формирования антироссийских блоков, а во внутриполитическом — сохранение и укрепление в каждой из этих стран исторических традиций совместного решения назревших трудностей и задач на почве согласованного и взаимовыгодного объединения и распределения усилий во всех основных сферах их общественной жизни.

Чтобы быть успешным, процесс интеграции в обеих странах должен иметь две основные и наиболее важные опоры:

а) позитивное отношение к нему со стороны основной массы населения;

б) содействующую ему государственную политику, реализуемую через соответствующие экономические и политические решения и программы, хорошо между собой согласованные и совмещенные.

Как показывают данные недавних социологических исследований, первая из опор процессу интеграции обеспечена. Она достаточно надежна, несмотря на то что в сознании четырех пятых населения и Белоруссии, и России со времени распада Союза укоренилась идея независимого существования их стран как условия, наилучшим образом соответствующего их успешному существованию и развитию. Так, за экономическую интеграцию обеих стран выступают около двух третей опрошенных белорусов (61 %) и примерно столько же россиян (58 %). Более того, участником этого процесса они хотели бы видеть и третью славянскую страну — Украину. Правда, справедливости ради необходимо отметить, что среди белорусов не менее популярна и идея экономической интеграции с Западной Европой: 64 % опрошенных, тогда как на Украине — 62 %, а в России — почти на 20 % меньше (около 45 %).

Представляется важным подчеркнуть, что экономическая интеграция России и Белоруссии вообще вызывает у населения наибольший интерес из всех других направлений их объединения. Скажем, за их тесный

производственно-политический союз выступает немногим менее половины опрошенных граждан обеих стран (40 % — в Белоруссии и 46 % — в России), а вот за их военный союз — заметно меньше (около 30 % опрошенных белорусов и около 40 % россиян).

Отсюда вытекает, кстати, и важность второй основной опоры процесса интеграции — государственной политики вообще, социально-экономической политики каждого из государств в особенности. Однако с этой второй составляющей успешного объединения двух стран дело обстоит сейчас весьма сложно. Здесь многое зависит от соотношения внутренних политических сил, особенно от того, какая из этих сил является в проводимой экономической политике — в социально-трудовой ее составляющей в особенности — определяющей, ведущей, выражающей и реализующей соответствующую волю своих трудящихся граждан.

Эта зависимость осознается и населением обеих стран, и, разумеется, специально изучающими ее реализацию и последствия исследователями-экспертами. Так, по мнению недавно опрошенных экспертов, в наибольшей мере восстановлению социально-экономического и военно-политического союза России с Белоруссией в новой и вместе с тем сохраняющей преемственность форме могут в наибольшей мере содействовать либо возвращение к власти в России коммунистов (58 %), либо приход в Кремль правительства социал-демократов реформаторского толка (42 %). Если же в России сохранится политический курс, проводившийся Б. Ельциным и его командой, а следовательно, и его социально-экономическая и социально-трудовая политика, то шансов на восстановление такого союза, по оценке экспертов, весьма немного (вероятность не более 30 %). В самой же Белоруссии восстановлению этого союза больше всего может содействовать (согласно опросу) сохранение у власти сил, поддерживающих А. Лукашенко.

Эта оценка представляется совершенно справедливой. Действительно, проводившаяся командой Б. Ельцина и во многом еще сохранившаяся и теперь радикал-реформистская экономическая и трудовая политика, абсолютизовавшая принцип «дерегулирования экономики», идею устранения государства от контроля за ее трансформацией и функционированием на новых рыночных основаниях, привела саму Россию к экономическому и социальному кризису, результаты которого широко известны. Это — ежемесячная «утечка» из страны от 1,5 до 4 млрд долларов, в сумме составившая к настоящему времени 200–400 млрд долларов, на порядок превысившая государственный бюджет; сокращение на 50–60 % промышленного потенциала страны, 150 млрд долларов внешнего долга, к тому же продолжающего нарастать; многомесячные и многомиллиардные задержки и невыплаты заработной платы миллионам трудящихся самых разных профессий и пенсий престарелым во всех регионах страны; криминализация бизнеса, развал военно-промышленного комплекса и снижение боеспособности армии, подрывающие обороноспособность страны; наконец, «утечка мозгов», резкое сокращение средств на развитие науки, культуры, образования,

здравоохранения, всей социально-бытовой сферы жизни российского населения.

Все эти факты подводят к одному неутешительно-му выводу: проводимый в социально-экономической и трудовой сфере радикально-либеральный курс не только потерпел провал, но и поставил эту сферу на грань полного развала, катастрофы, которая вот-вот разразится, похоронив не только экономику, но и все остальные общественные сферы. Поэтому абсолютно ясно, что он ни в коей мере не способен обеспечить эффективную интеграцию России и Белоруссии, а может лишь затруднить ее и дискредитировать.

Для успеха же интеграции экономическая и трудовая политика, осуществляемая Россией, ее государственными структурами, требует коренного пересмотра. Ее смысл должен заключаться прежде всего в обеспечении роста производства и доходов населения, в повышении конкурентоспособности отечественных предприятий. А это, в свою очередь, тесно связано со всемерным разворачиванием предпринимательской активности самой трудящейся части населения, с развитием на этой основе малого и среднего бизнеса, означаящим, по существу, формирование и укрепление того «среднего класса», который, по справедливому заключению аналитиков, составляет необходимую экономическую основу стабильного существования и развития современной демократии. Против объединения на такой основе, думается, не могут возражать ни Белоруссия, ни Россия, ни другие страны СНГ.

Напротив, именно в создании такой основы и усматривают россияне и белорусы смысл интеграции своих стран, на что указывают как их предпочтения, оказываемые тем политическим лидерам и политическим силам, которые провозглашают соответствующие ей программы, так и негативные оценки тех из них, действия которых воспринимаются в качестве препятствия ее созданию. В этом отношении характерно, например, откровенное признание одного из видных представителей либерального направления в России, директора Фонда «Центр политического анализа и консалтинга» А. Федорова в сравнительно недавней дискуссии в «Независимой газете» факта массовой негативной оценки результатов проводимого правящей в стране радикально-либеральной элитой курса: «В морально-психологическом смысле мы очень много потеряли за эти 10 лет. Прежде всего не удалось убедить большинство людей в целесообразности и эффективности либеральных преобразований и в том, что предыдущий, советский образ их жизни был неудовлетворительным. Поэтому сейчас усиливается ностальгия по “застою”, и провести “морально-психологическую модернизацию” в масштабах всей страны просто невозможно».

Представляется, что именно с надеждой на осуществление этого нового курса в процессе интеграции России и Беларуси связана впечатляющая поддержка президента Александра Лукашенко, которую он получил на недавних выборах в виде более двух третей голосов всех участвовавших в выборах белорусских граждан. Она к тому же больше чем на треть перекрыла даже тот показатель его рейтинга, который он имел, согласно опросам, на протяжении последних

шести лет (48,7 %). С этими же надеждами населения можно, думается, связывать и самый высокий рейтинг Коммунистической партии Белоруссии как до выборов, так и в ходе них (10,2 %), по крайней мере втрое превысивший рейтинг ее основного политического противника — Белорусского народного фронта (3,4 %), поскольку именно коммунисты всегда резко критиковали радикально-либеральный курс, а БНФ его поддерживал, точно так же как и идею интеграции не с Россией, а с Западом, идеологи которого старались навязать проведение радикальной либерализации на всем постсоветском пространстве.

Данные исследований белорусского общества показывают, что для выявившихся предпочтений основной его части президента А. Лукашенко и его курса на интеграцию с Россией есть определенные объективные и субъективные основания.

Скажем, согласно переписи в феврале 1999 года население Белоруссии составило 10 млн 37 тыс. человек. Однако, по данным исследований, проведенных Институтом социологии НАН РБ в 1999 и 2000 годах, из них высокий душевой доход имели лишь 1,4 %, низкий — 57,5 %, средний — 38 %. Поэтому не случайно чуть больше половины жителей страны (50,3 %) считали и продолжают считать себя бедными, 10,6 % — нищими и лишь 0,5 % — богатыми. Кроме того, в стране сложилась довольно парадоксальная ситуация, когда именно те работники промышленной сферы, которые производят основные материальные блага, особенно сильно не удовлетворены своим уровнем жизни, считают, что они живут хуже других категорий населения. Примерно ту же степень неудовлетворенности высказывали и продолжают высказывать и работники сферы культуры, образования, здравоохранения, науки. А вот студенты и учащиеся, а также предприниматели значительно больше довольны сложившимися условиями. В целом эксперты приходят к выводу, что за последние годы плодами происходящих перемен сумели воспользоваться лишь те социальные группы, которые имели доступ к перераспределению государственной собственности и финансовых средств: представители аппарата государственного и хозяйственного управления, региональные власти, криминальные структуры, лица, сумевшие сколотить первоначальный капитал на финансовых аферах и посредничестве при покупке и продаже нефти, металлов, леса и другого сырья, крупных оптовых партий товаров и т. п.

Между тем состояние производительных сил республики далеко не так уж плачевно, как могло бы показаться из этих данных, и потому — при надлежащем использовании — способно обеспечить значительно более высокий уровень благосостояния трудящихся. В стране сохранилось самодостаточное сельское хозяйство и экспортно-ориентированная современная промышленность; авто- и тракторостроение, химическое производство, микроэлектроника, точное приборостроение и т. д. Хотя промышленное производство существенно зависит от импорта энергоресурсов, сырья и комплектующих, оно все же обладает высоким потенциалом развития и конкурентоспособности на рынке развивающихся стран и стран со средним

уровнем развития, а по определенным видам товаров (продукция химической, текстильной, мебельной промышленности, производство минеральных удобрений и т. п.) способно составить конкуренцию и товаропроизводителям из промышленно развитых стран. При этом (по оценке даже американских экспертов из Центра международного частного предпринимательства) республика обладает весомым преимуществом перед многими странами: рабочей силой — одной из самых высокообразованных и высококвалифицированных. В целом по основным производственным показателям Белоруссия до сих пор занимает одно из ведущих мест среди стран со средним уровнем развития, в особенности по индексу трудового и человеческого развития.

Этот разрыв между экономическим потенциалом и реальным благосостоянием самих белорусских трудящихся не может не накладывать отпечаток на их социально-экономические, политические и идеологические предпочтения. И действительно, население страны до сих пор не определилось с выбором модели экономической системы: только 20,7 % опрошенных высказались за свободную рыночную экономику, 19,5 % хотели бы иметь смешанную экономику с преобладанием элементов рыночного регулирования, 32,3 % — с преобладанием элементов государственного регулирования, а 19,4 % — вообще желают вернуться к централизованной плановой экономике. Отсюда неудивительно, что в политическом плане основная часть белорусского населения отдает предпочтение социализму и недолюбливает капитализм: по опросу, проведенному в 2001 году, лишь 26 % считают предпочтительным для Белоруссии капитализм, тогда как социализм — 43 %.

Неудивительно также, что, по данным белорусских социологов, накануне предвыборной президентской кампании интерес большей части граждан был сосредоточен на внутривнутриполитической и, особенно, на внутривнутриэкономической и трудовой ситуации. И хотя за проведение экономических преобразований высказались 58,1 % опрошенных, особенно подчеркнув при этом необходимость создания благоприятных условий для развития предпринимательской деятельности, поддержка курса экономических реформ совместилась у них с предпочтением иметь эффективную социально-трудовую защиту, в том числе с помощью активного участия профсоюзов. Так, более 70 % опрошенных минчан выразили надежду на сохранение гарантий со стороны государства в области заработной платы трудящихся, их пенсий, пособий и т. п., причем эту надежду большинство граждан республики давно и прочно связали только с продолжением деятельности А. Лукашенко. Экспертные оценки белорусских социологов и политологов задолго до выборов показывали, что за него проголосуют более 4 млн избирателей и что при любом наборе соперников он победит уже в первом туре выборов, набрав около 70 % голосов, тогда как никто из его оппонентов не наберет больше 10 %. Примерно так и произошло.

При этом, поскольку Белоруссия, находясь в составе СССР, являлась одной из индустриально развитых республик (будучи, по существу, «сборочным

цехом» всего Союза), занимала по ряду показателей ведущее место в мире, имела высокий уровень культурного и научно-технического развития, большая часть избирателей, особенно среднего и старшего возраста, как мы уже отмечали выше, прямо связывала свои надежды на экономический подъем страны с интеграцией с Россией как преемницей экономических, социальных, культурных традиций и ресурсов. И надо сказать, что для этого к моменту президентских выборов в стране были полные формальные основания. Ибо принятой властями обоих государств Программой действий по реализации положений договора от 8 декабря 1999 года о создании Союзного государства прямо провозглашается в качестве стратегической цели: *устойчивое социально-экономическое развитие государств-участников Союза на основе объединения их материального и интеллектуального потенциалов, позитивного для самих трудящихся использования рыночных механизмов функционирования экономики, а также создания и развития унифицированных денежно-кредитных, бюджетно-налоговых и валютных систем, финансовых рынков, роста материального благосостояния граждан обеих стран.*

Более того, эти формальные условия к моменту выборов уже имели весьма существенное практическое претворение. Так, для сравнения, по утверждению тогдашнего исполнительного секретаря «двойки» П. П. Бородина, весь бюджет СНГ составлял всего 260 млн рублей, тогда как бюджет Союзного государства — 3,3 млрд рублей, из которого финансировались свыше 30 производственных программ. Благодаря этому, заводы, которые еще недавно в белорусских и российских городах простаивали, сегодня производят продукцию, востребованную не только в Белоруссии и России, но и в Европе. В целом экономическими связями с белорусскими партнерами в настоящий момент охвачено уже 79 конкретных центральных и региональных производственных субъектов Российской Федерации.

Словом, «процесс пошел», несмотря на большое количество трудностей и препятствий, в том числе связанных с различиями в подходах к построению системы экономических и политических отношений находящихся у власти элит в обеих объединяющихся странах. И он требует от власти преобладающих элит взаимной коррекции этих подходов в интересах повышения эффективности налаживающегося взаимодействия. Общие принципы этой корректировки, как считают компетентные исследователи, с которыми, думается, следует согласиться, можно было бы выразить следующим образом:

- создание рыночной, но социально ориентированной экономики;
- формирование институтов и культуры, обеспечивающих политический плюрализм;
- создание эффективной системы местного самоуправления, в том числе и различных профсоюзных организаций, и государственной системы управления, способной стать альтернативой традиционному бюрократическому централизму;

— выработка правил позитивного экономического и политического поведения представителей политических элит обеих стран.

Причем в решении этих задач важной становится не только эффективная законодательная и исполнительная деятельность, но и нравственный пример со стороны высших лиц в руководстве наших стран, особенно постоянное внимание к конструированию позитивного образа власти в общественном мнении. Иначе трудно рассчитывать на конечный успешный результат начавшейся их интеграции, чрезвычайно важной не только для них самих, но и для дальнейшего углубления и укрепления продуктивного сотрудничества всех стран СНГ.

Отслеживать и оценивать используемые при решении этих важных и нужных задач средства и способы действия признано важным и нужным Президиумом Российской академии наук, поддержавшим в связи с этим предложенный Институтами философии и социологии РАН и НАНБ проект совместных научных исследований «**Социогуманитарные проблемы суверенитета и интеграции в Союзном государстве “Россия–Беларусь”**».

В связи с этим в заключение представляется необходимым отметить, что основное внимание в ходе реализации данного проекта и позитивного преодоления с его помощью имеющейся материальной неудовлетворенности и опасных социально-трудовых конфликтов в обеих странах планируется сосредоточить на анализе двуединой закономерности:

а) становлении новой российской и белорусской государственности и развитии различных частей и структур Союзного государства;

б) формировании специфических форм суверенизации и интеграции экономики, политики и других сфер и структур союзного государства в условиях новых общих вызовов и угроз модернизации и обеспечения национальной и коллективной безопасности.

При этом солидарный конструктивный ответ на эти вызовы и угрозы должен быть основан как на реанимации всего позитивного, характерного для недавней исторической общности России и Белоруссии, так и на качественном обновлении их межгосударственного сотрудничества и на движении к интеграции, выступающей его высшей формой, основанной на «синергии» потенциалов союзников. Особое внимание в связи с этим должно быть уделено выявлению их роли в СНГ, ЕврАзЭС, Таможенном союзе, ОДКБ, в реанимации «славянского треугольника» СНГ.

А такой подход потребует системного междисциплинарного синтеза философского, социологического, политологического и культурологического знания. Партнерство экспертов этих сфер социального знания поможет более глубоко и всесторонне исследовать эту комплексную проблему, что *позволит в дальнейшем построить модель реинтеграции суверенных государств на постсоветском пространстве, реализация которой способна обеспечить равноправный и демократический характер сообщества, его конкурентоспособность и высокое качество жизни наших народов, в том числе и на основе точного определения, позитивного урегулирования и эффективного разрешения во всех основных сферах их жизнедеятельности социально-трудовых конфликтов.*

Кари Тапани Тапиола¹

СОВРЕМЕННЫЕ СТАНДАРТЫ ДОСТОЙНОГО ТРУДА

Основополагающий принцип Международной организации труда (МОТ) — *социальная справедливость*. МОТ была создана на Версальской мирной конференции почти 100 лет назад, в 1919 году. В Преамбуле к Конституции этой организации говорится, что достижение прочного мира возможно только при соблюдении принципов социальной справедливости.

Приблизительно в то же время в Санкт-Петербурге началась революция, так как русский народ стремился к установлению социальной справедливости, мира и демократии. МОТ и русская революция пошли разными путями. Их сторонники придерживались различных точек зрения по поводу того, каким образом следует урегулировать социальные конфликты. Безусловно, одно из основных отличий состояло в подходе к решению таких конфликтов: следует ли решать такие конфликты путем сотрудничества работодателей, профсоюзов и правительств или же такие конфликты необходимо ликвидировать в интересах власти или господства рабочего класса?

Наличие различных путей достижения социальной справедливости было характерно для прошлого века.

¹ Специальный советник генерального директора Международной организации труда (Женева, Швейцария), старший советник по историческому проекту МОТ. Имеет ряд публикаций на социально-трудовые темы.

Несмотря на отличия, конкурирующие экономические и общественные системы имели общие устремления. Одним из них стало желание установить правила, обеспечивающие защиту трудящихся в повседневной жизни, на работе, создать условия жизни для работающих мужчин и женщин и их семей.

За последние сто лет значительно возросла роль трудового и социального законодательства. Многие из этих законов были разработаны МОТ. Эта организация также активно участвовала в разработке стандартов в области защиты прав человека, особенно прав профсоюзов, коллективных трудовых договоров, отмены принудительного и детского труда и ликвидации дискриминации на рабочем месте.

Вследствие постоянных глобальных изменений, начавшихся в 1990-х годах, эти стандарты — права человека в трудовой сфере — стали необходимым социальным условием для достижения успеха в новой глобальной экономике. Они легли в основу понятия «достойный труд», принятого в МОТ. Собственно эти стандарты были приняты практически всеми странами независимо от их политического, экономического или социального уровня, а также от уровня их развития.

Одним словом, они стали необходимым условием стабильного роста, гарантирующего занятость и социальную защиту. Также они определили метод достижения: сотрудничество всех заинтересованных сторон — работодателей и работников, правительств, других влиятельных общественных сил. Важно, что они показали, как урегулировать разногласия, неизбежно возникающие между различными группами общества.

Российская Федерация ратифицировала все восемь конвенций МОТ, в которых закреплены эти стандарты. Россия также продолжает ратифицировать и обеспечивать выполнение многих других важнейших конвенций МОТ. Цель стандартов достойного труда — создание структуры, в рамках которой будут соблюдаться права и интересы трудящихся и работодателей.

В то же время на смену односторонним, революционным, капиталистическим и другим упрощенческим подходам пришло осознание того, что ради собственного будущего все общества должны стремиться к социальному диалогу.

Если, к примеру, решения, касающиеся вопросов занятости и производства, будут приниматься при участии всех заинтересованных сторон, осознающих возможные последствия, они будут продуктивными и эффективными. А в случаях, когда необходимо приспособиться к изменениям или преодолеть трудности, переговоры могут привести к двум возможным результатам — поиск методов, которые в наименьшей степени ущемляли бы интересы людей, имеющих отношение к этому вопросу, и поиск путей восстановления роста производства и занятости, как только конкретная сложная ситуация изменится к лучшему.

Это требует достаточно высокого уровня терпимости к различным точкам зрения, а также умения слушать и вести диалог. Цель стандартов достойного тру-

да — создать пространство для такого диалога в масштабе страны, отдельного региона, на рабочих местах.

Всем системам, и демократическим, и авторитарным, независимо от того, называют их капиталистическими или социалистическими, трудно отказаться от традиции принимать решения «наверху». Иногда даже в отдельной системе с высоким уровнем демократии ожидается, что начальник или руководитель каким-то образом решит проблему, приказав, позвонив или передав указания иным способом.

Однако сегодня структурам производства и общественной жизни все менее свойственна иерархичность. Даже на рабочих местах трудовые коллективы становятся взаимосвязанными сообществами. Факторы, изменяющие наши культуры и способы взаимодействия друг с другом, определяются, с одной стороны, новыми технологиями, а с другой — более широкими возможностями для реализации прав личности и коллектива. Именно таким образом компьютеры и мобильные телефоны обеспечивают свободу самовыражения и участия в объединениях, практически таким образом печатные издания способствовали развитию рабочего движения в прошлом.

Структуры, которые становятся все более сложными, не могут управляться только извне. Внутренние силы этих структур — и трудящиеся, и профсоюзы трудящихся наравне с работодателями — должны нести большую ответственность за результаты в сфере экономики, общества или реализации стремлений человека.

Стандарты достойного труда являются важным инструментом в этом процессе, основанном на расширении ответственной демократии и возможностей для социальных партнеров — работников и работодателей, а также их организаций — полноценно участвовать в созидании общего будущего.

А. Г. Титова¹

ПОЛИТИЗАЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА СТАДИИ РАЗВЕРТЫВАНИЯ ТРУДОВОГО КОНФЛИКТА²

Трудовой конфликт рассматривается в современной конфликтологии как на микросоциальном, так и на макросоциальном уровнях. На микросоциальном уровне трудовые споры представляют собой разногласие между работником и работодателем в организациях и на предприятиях по вопросам, разрешаемым трудовым законодательством, на макросоциальном уровне трудовые споры следует рассматривать как результат противоречий между работниками и работодателями, выступающими трансляторами интересов противополож-

ных социальных групп и отстаивающими эти интересы различными способами вплоть до радикальных с обеих сторон. В последнем случае трудовые отношения отражают неравенство между представителями разных социальных групп, а трудовые споры являются следствием неблагоприятного положения трудящихся.

Когда положение трудящихся стало предметом внимания ученых, появились первые попытки оценить реальное положение рабочих и наладить связь между работниками и администрациями предприятий. Авторы теорий управления, которые появились на рубеже XIX–XX веков, создали методологическую базу разработки системы предупреждения конфликтов в производственном процессе. В работах Ф. У. Тэйлора, А. Файоля, Э. Мэйо, А. Маслоу, Ф. Херцберга формулировались научные подходы к организации труда, факторы мотивации поведения человека в организации, принципы отношений между руководителем и коллективом на предприятии, среди которых особенно выделяются

¹ Профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор политических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Политический процесс в современной России и механизм его функционирования», «Политическая власть в современной России: проблемы развития и совершенствования», «Технология власти», «Современная российская политика».

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта № 6.7594.2013.

ответственность руководителя за положение работника, коллективная ответственность за работу предприятия, дисциплина. Авторы, обратившие внимание на «человеческую сторону предприятия» (Дуглас Макгрегор), рассматривали деятельность менеджеров как способ эффективного управления людьми. Различные представления о природе человека служили исходными позициями при выявлении потребностей и мотивов, которые лежат в основе его трудовой деятельности.

Очевидно, что следствием попыток оптимизировать процессы управления было решение политико-экономических задач: увеличения прибыли и компенсирование неблагоприятных условий труда и быта работника, предотвращение конфликтов между работодателями и работниками, сохранение, в конечном счете, существующих социальных отношений, политической системы.

Вместе с тем использование предложенных принципов и подходов эффективного управления на локальном уровне, на уровне отдельных предприятий и организаций не могло изменить сложившуюся социальную систему, не предотвращало конфликты между работодателями и работниками, не исключало критического отношения к власти.

Когда на первый план выходит несовпадение глубинных интересов между работодателями и работниками, решение проблем их взаимоотношений переходит из области медиативных техник в область политическую. В таком случае работодатели неизбежно прибегают к помощи власти, то есть к принудительным действиям со стороны структур, призванных обеспечивать установленный социальный порядок.

Политизация трудовых отношений зависит от типа политической системы, характера политических отношений, которые существуют в данном обществе, изменений в социальной структуре общества (сокращение численности рабочего класса, недостаток квалифицированной рабочей силы, недостаток возможностей для воспроизводства рабочей силы, снижение уровня образования и культуры работника, социальный раскол общества на сверхбогатых и сверхбедных, несовместимость социальных ожиданий и социальных ценностей).

Следует признать, что разработанные техники разрешения конфликтов нередко граничат с манипуляциями, в то время как предупреждение конфликтных ситуаций имеет более выраженный социальный характер. Таким образом, первостепенное значение на макро- и микроуровне имеют процессы профилактики конфликтов, среди которых первоочередное место занимают технологии предупреждения трудовых конфликтов.

Несомненным шагом вперед мирового сообщества в регулировании трудовых конфликтов была разработка общих требований к условиям достойного труда человека в 186 конвенциях Международной организации труда. Неблагоприятные последствия мирового экономического кризиса 2008–2009 годов, угрожающие «демократическим ценностям, социальной справедливости, справедливой глобализации», привели к принятию Декларации МОТ о социальной справедливости в це-

лях справедливой глобализации (2008), а также Глобального пакта МОТ о рабочих местах (2009). В Итоговом заявлении состоявшейся 12 декабря 2012 года Международной конференции под девизом «Достойный труд — основа экономического роста» было отмечено, что инструментом согласования экономических интересов становится конструктивный диалог между представителями профсоюзов, работодателями и органами власти. В заявлении председателя Международной конференции высокого уровня были сформулированы основные направления программы достойного труда для стран, заинтересованных в развитии конструктивных отношений в сферах занятости, фундаментальных принципов и прав труда, социального диалога, социальной защиты. Таким образом, мировое сообщество пытается создать систему трудовых отношений, участники которых соблюдают принципы демократии и справедливости и трудовые споры не принимают политического характера.

Учитывая изменившуюся социальную структуру современных обществ, можно констатировать, что приоритеты государственной политики в сфере труда не исключают необходимости объединения усилий всего общества, и шире — мирового сообщества в достижении социального баланса и устойчивого развития. Конфликты из индивидуальных отношений, где с одной стороны — работодатель, с другой — работник, перешли в область коллективных взаимодействий. Новые мировые реалии демонстрируют необходимость формирования новых отношений, основанных на толерантности, соглашениях и конструктивных взаимодействиях.

Объективной потребностью эпохи все в большей степени становится использование механизма социально-политических решений, в принятии которых участвует широкий круг представителей различных структур гражданского общества — конфессии, малые народы, мигранты (традиционные объекты социальной политики) — постепенно превращаются в активных участников социально-политических процессов, уровень политического сознания и организации которых, однако, остается достаточно низким.

Реализация основных направлений программы достойного труда в российских условиях представляет собой прежде всего политическую задачу: речь идет о необходимости государственного контроля над осуществлением прав работника, особенно в условиях незавершенной капитализации, когда нормы взаимодействий в системе «работодатель–работник» отражают эксплуататорский и хищнический характер российского предпринимательства и не отработаны механизмы (в том числе и гражданские) формирования социальной ответственности бизнеса. В этом случае роль института, выражающего интересы трудовой части общества, может взять на себя государство. Именно государство становится главным звеном в механизме становления социальной ответственности бизнеса, обеспечивая правовую защиту работника, действуя совместно с бизнесом по созданию эффективной системы занятости, благоприятных условий для решения социальных проблем человека труда. В отличие от развитых

демократий Запада, россиянин, как правило, не отождествляет себя с той или иной партией или идеологией, он не стремится стать членом политической партии и отстаивать свои права в форме организованного диалога с властью. Несовершенство правовой и судебной систем ограничивает возможности вести трудовые споры в суде. Вследствие этого основной формой выражения конфликтности трудовых отношений в России становится протестное движение.

Россия ратифицировала 58 конвенций (из них 50, еще будучи в составе СССР, 8 — в Российской Федерации), однако капитализация российского производства, совершавшаяся в ускоренные сроки и носившая криминальный характер, привела к углублению социальных, конфессиональных, национальных, экономических противоречий в обществе и не сопровождалась применением демократических принципов организации труда.

Показателями перехода трудового спора в политический конфликт являются:

- 1) наличие предмета спора и неразрешимость существующего противоречия правовым путем;
- 2) появление эмоционального напряжения вокруг предмета трудового спора;
- 3) эскалация эмоционального напряжения вокруг предмета трудового спора;
- 4) появление повода, стимулирующего перерастание трудового спора в трудовой конфликт;
- 5) обострение позиций обеих сторон;
- 6) переход трудовых споров в стадию открытого столкновения.

Что касается процедуры разрешения конфликтов, то следует отметить следующее: процесс медиации должен проходить в строгом соответствии с нормами российского и международного права; регулирование конфликтов осуществляется в рамках соблюдения прав наиболее ущемленных слоев населения; поиск компромиссов в процессе урегулирования трудовых конфликтов должен соответствовать принципам социальной справедливости, что предполагает как вышеизложенное, так и созданную в стране систему социального обеспечения, последовательное проведение социальной политики.

Исследования, которые с 1990-х годов проводятся в России по вопросам трудовых отношений, показывают, что главными недостатками в области создания системы разрешения трудовых конфликтов являются: несоответствие законодательства меняющимся потребностям времени; отсутствие на предприятиях групп контроля над выполнением решений комиссий по трудовым спорам; не везде создаются сами комиссии, не создано эффективно действующей системы защиты прав работника¹.

Дополнительные проблемы в трудовые отношения вносит миграция. Превращение мигрантов в активных политических субъектов — ближайшее будущее и России, где они являются наиболее ущемленной группой населения, подвергающейся эксплуатации со стороны работодателей и вызывающей недоброжелательное

отношение со стороны местного населения. Мигранты представляют собой группу риска — неустойчивую среду конфликтов и национальной розни, о чем, в частности, свидетельствуют события в Москве, где правоохранительные органы все чаще предотвращают разборки между враждующими группами.

Положение мигрантов остается достаточно сложным. В Россию чаще всего приезжают люди низкой квалификации, пребывающие на нелегальном положении, что дает основание для снижения зарплаток, использования их на тяжелых видах труда. Работодатели не считают себя ответственными перед работниками-мигрантами за условия их труда и быта.

Кроме того, проблемы мигрантов — условий их труда и быта, правового статуса, защиты прав, оплаты труда — становятся предметом политических спекуляций.

Попытки урегулировать ситуацию в правовом и социальном плане (создание Фонда поддержки трудовых мигрантов, выпуск информационных листовок, газеты, социальная, культурная, правовая поддержка иностранцев, работающих в России) не снимают многочисленных вопросов о статусе иностранных работников в России.

Решение серьезной проблемы трудовой миграции должно осуществляться как на уровне государства, так и на уровне работодателя и работника. На уровне государства необходимо обеспечивать взаимную защиту принимающим и отправляющим государствами договоренностей относительно защиты мигрантов, а также соблюдать достигнутые договоренности.

Проблемы правового и социального порядка, несвоевременная выплата заработной платы, ухудшение условий труда, низкие тарифы оплаты труда, несоответствие их трудовым затратам неминуемо приводят к резкому обострению отношений между работодателями и работниками, властью и трудящимися, к переходу конфликта в стадию, когда переговоры становятся невозможными. Не допустить политизации трудового конфликта можно в стадии досудебного и дозаставочного регулирования с помощью посредника. Таким посредником может быть арбитр, специалист по урегулированию конфликтов, однако в России их услуги почти не пользуются, конфликтологи чаще всего не находят работу по специальности, несмотря на то что в их услугах нуждается все большее число граждан. Конфликт, доведенный до противостояния работника, работодателя и власти в лице государства, становится частью политического процесса: социально-экономические интересы начинают трансформироваться в политические, выраженные в требованиях смены субъектов власти, всех принимающих политические решения. Свидетельством подобных отношений становится забастовочное движение, учащение митинговых форм выражения социального протеста, активное сопротивление решениям власти.

До 2011 года одной из основных причин протестного движения трудящихся была невыплата или несвоевременная выплата заработной платы работникам. Однако с 2011 года основные претензии были к уровню оплаты труда и политике увольнения работников

¹ Савич А. В. Совершенствование системы урегулирования трудовых конфликтов : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 1999.

работодателями, к условиям труда работника. Особо следует отметить, что существующее в российском обществе неравенство, коррупция, бюрократизация способствуют ухудшению положения человека труда, который, по сути, имеет самые минимальные возможности отстаивать свои права. Из числа активных политических субъектов исключаются многие группы населения, в том числе и мигранты.

В период обострения экономического кризиса стали приниматься непопулярные меры по оптимизации расходов региональных бюджетов, в которые, в частности, входили: сокращение размеров индексации оплаты труда работникам организаций бюджетной сферы; сокращение расходов на оплату труда работникам организаций бюджетной сферы за счет уменьшения численности работников; сокращение субсидий муниципальным образованиям или отказ финансирования отдельных субсидий и др.¹ Совершенно очевидно, что выход из кризиса в России совершается за счет населения, которое несет на себе всю тяжесть его последствий. Это приводит к постепенному накоплению протестного потенциала в регионах.

Таблица 1

Динамика забастовочного движения в России²

Года	Общая численность протестов
2009	254
2010	175
2011	243
Федеральные округа	Трудовые протесты по округам России (% от общей численности протестов)
Центральный	25
Северо-Западный	18
Сибирский	16
Дальневосточный	14
Приволжский	10
Уральский	11
Южный и Северо-Кавказский	По 3
Зарубежные трудовые протесты	1
	Отраслевая структура протестов в 2011 году (в % к общей численности протестов)
Промышленность	40
Здравоохранение, народное образование, культура	20
транспорт	23

Высокий уровень «жестких» протестных движений в промышленности и более «мягкие» формы — в здравоохранении, образовании и культуре. Подъем забастовочного движения в 2009–2010 годах относится к периоду начала экономического кризиса.

В последнее десятилетие расширяется поле факторов, способствующих политизации трудовых отношений. Главным фактором в 1990-е годы была невыплата

¹ Регионы России: 2009: итоги и перспективы : докл. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-238596.html?page=2#7800638>

² Составлено по: Забастовочное движение в России в 2011 г.: По материалам Рабочего университета им. Хлебникова. URL: <http://www.rkrp-rpk.ru/content/view/6905/63/>

заработной платы, вслед за этим — несоблюдение техники безопасности труда и начинающаяся дифференциация доходов (на долю 10 % наиболее обеспеченных слоев населения в 1997 г. приходилось 31,2 % денежных доходов), рост безработицы (1992 г. — 3,9 млн чел., 1996-м — 9,2 млн чел.). В настоящее время среди причин, вызывающих социальное напряжение, на первое место выходит глубокое социальное расслоение: на 100 российских миллиардеров приходится 30 % общего благосостояния россиян (в то время как в мире — не более 2 %). По данным ВЦИОМ, 80 % населения считают, что неравенство в России чрезмерно. Кроме того, неравенство распространяется и на региональном уровне, его расширению способствует рост безработицы, в том числе и среди работоспособного пожилого населения, структурная безработица (неполная занятость), уровень и качество среднего и профессионального образования, проводимая политика подготовки специалистов в учреждениях профессионального образования (доля выпускников составляет всего 4,9 %), наличие нетрудоспособных членов семьи. Проведение социальной политики, увеличение средней заработной платы способствовали стабилизации социальных отношений, однако не сняли напряженности в трудовой сфере. Приоритетным направлением социального протеста в настоящее время становится система ЖКХ. Проблемы в этой сфере привели к новому витку протестного движения, который и по характеру, и по интенсивности отличается от бурного протестного потока 1990-х годов, сложнее и разнообразнее становятся выдвигаемые требования, к политическому протесту все чаще присоединяются служащие и молодежь. Вместе с тем невысокой остается активность рабочих промышленных предприятий. Причина кроется в дифференциации труда по отраслевому признаку: заработная плата работника нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих отраслей, газовой отрасли остается намного выше заработной платы рабочих других отраслей: в 2008 году она составила 33 206,1 руб.³, в уменьшении численности работников, снижении трудовых вакансий (за период с конца 2008 г. — начала 2009 г. снизилось соответственно с 1,4 млн рабочих мест до 0,9 млн). Процесс увольнений в большей степени затронул предприятия машиностроения, химической промышленности, строительства. С октября 2008 года до конца 2009-го общая численность уволенных работников на предприятиях составила 881 тыс. человек⁴.

Большие возможности предупреждения трудовых конфликтов и перехода их в политическую сферу есть у региональных органов государственной власти и местного самоуправления, лучше владеющих ситуацией в своем регионе. Однако мониторинг качества жизни населения и эффективности управления, который проводится с 2007 года Центром социально-консервативной политики в Центральном федеральном округе, позволяет выделить ряд общих региональных проблем, которые свидетельствуют о существовании множества пробелов в работе местных администраций, которые прямо или косвенно способствуют росту социальной напряженности:

³ http://www.ng.ru/politics/2012-12-12/3_kartblansh.html

⁴ Там же.

— в управлении — недостаток профессионализма, коррумпированность, неспособность контролировать наиболее важные сферы развития региона, отсутствие инновационных прорывов;

— в экономике — хроническая нехватка ресурсов, долги, напряженные отношения между бизнесом и властью или сращивание бизнеса и власти; низкий уровень доходов основной массы населения;

— в социальной жизни — недостаточное внимание к развитию социальной сферы¹.

Так, в Ярославской области, которая отнесена к региону среднего уровня развития², на региональном и муниципальном уровнях отмечаются невысокое качество управления, отсутствие должного контроля над развитием жизненно важных сфер городского и областного хозяйства — ЖКХ, дорожного строительства, транспорта. В области высокий уровень дефицита местного бюджета, низкие зарплаты, что свидетельствует о существовании серьезных проблем, существенно снижающих качество жизни трудовой части населения области. Большой проблемой

остается защита прав трудящихся профсоюзами, федеральным и местным законодательством. В области полностью отсутствуют нормативно закрепленные институты по правам человека, нет Уполномоченного по правам человека, Уполномоченного по правам ребенка, не функционирует Комиссия по правам человека, созданная 1 декабря 1998 года, в области отсутствуют и сильные общественные объединения³. Область является зоной потенциальных политических конфликтов, которые могут стать реальными при наличии сильного руководящего политического центра в лице оппозиции.

В заключение следует подчеркнуть, что трудовые конфликты имеют тенденцию превращаться в политические, составляя часть политического процесса в условиях глубоких социальных трансформаций, когда с особой остротой проявляются все противоречия общества, население с трудом адаптируется к происходящим переменам и наступает время обманутых ожиданий и ощущения господствующей несправедливости по отношению к человеку труда.

Ж. Т. Тошенко

ГЕНЕЗИС ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ СОЦИОЛОГИИ ТРУДА И МЕСТО ИДЕЙ КОНФЛИКТНОСТИ В ИХ РАЗВИТИИ

В ходе исторически обусловленного объективного процесса развития материального производства познание социальных резервов труда открывало новые грани и возможности, что позволило достичь более значимых результатов, возвышающих общество и самого человека в их взаимодействии с природой. Именно такой подход позволяет проследить, как расширялись представления о социальных ресурсах труда и как эти резервы использовались в жизни общества. «...История промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности... В обыкновенной, материальной промышленности... мы имеем перед собой под видом чувственных, чужих, полезных предметов... опредмеченные сущностные силы человека»⁴. Поэтому анализ генезиса идей социологии труда неотделим от анализа генезиса идей и трудовых конфликтов, в которых проявляется реализация этих сущностных сил или, по крайней мере, одних их компонентов.

До конца XIX века экономика в целом и ее наиболее продвинутая часть — промышленность — развивались без учета социальных параметров своего раз-

вития. Работодатели ориентировались на такую организацию труда, в которой не было места чувствам, мотивам, ориентациям людей. Из работника пытались выкачать максимум возможного — через увеличение рабочего дня до 16, а иногда и до 18 часов, а также через эксплуатацию женского и детского труда. Даже великие технические нововведения XIX века были мало ориентированы на то, чтобы «состыковать» человека и машину: в существовавших условиях приспособление к технике было заботой и обязанностью самого работника. Полное игнорирование человеческого фактора дополнялось стремлением работодателей обеспечить тотальный контроль за рабочими посредством совершенствования приемов и методов надзора, осуществляемого мастерами и другими низовыми руководителями производства. Эта ужасающая жизнь и особенно работа на производстве нашли отражение в работах исследователей и писателей этого периода (см., например, работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и потрясающее воображение описание жизни рабочих в романах Ч. Диккенса, Э. Золя и др.). Именно такое положение труда и породило *первые трудовые конфликты*, которые в основном содержали экономические требования и больше характеризовали обострение отношений между работником и работодателем. Но уже во второй половине XIX века экономические требования стали дополняться политическими, когда претензии стали предъявляться не только конкретному капиталисту (работодателю), но и всему государственному, политическому устройству общества.

Поэтому большой интерес представляет возможность «полистать» эту книгу жизни: как, когда и при каких обстоятельствах раскрывались перед научной и практикой социальные грани труда, как они

¹ См.: Оценка социальной эффективности и управления регионами Центрального федерального округа по критерию качества жизни населения. М.: ЦСКП в ЦФО, 2011. С. 67.

² Там же. С. 66.

³ Исаева Е. А. Нормативно-правовая база, регулирующая деятельность институтов гражданского общества в Ярославской области // Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области. Ярославль, 2010. С. 14.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 123.

развивались, как открывались новые, как происходило обогащение уже познанных, но имеющих серьезные резервы на новом витке функционирования производства, как преодолевались противоречия в ходе реали-

зации целей и задач производства. Полистаем вместе с читателем эту книгу «сущностных сил» человека труда наряду с анализом тех противоречий, которые встречались на каждом этапе (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура генезиса идей и практики использования социальных резервов труда

Периоды	Этапы	Содержание	Первые исследования	Основные причины конфликтов
1. Социально-экономические (наблюдаемые) резервы	Экономический человек	Стимулирование труда	1890–1910-е гг.	Оплата труда
	Технологический человек	Организация труда	1900–1912-е гг.	Длительность рабочего дня (требования 8-часового рабочего дня)
	Профессиональный человек	Профессиональная подготовка	1908–1915-е гг.	Отсутствие заботы и помощи в приобретении и совершенствовании квалификации
	Социально-биологический человек	Условия труда	1920–1930-е гг.	Неудовлетворенность внешними факторами (загазованность, грязь, освещенность, температурный режим и т. д.)
2. Социально-личностные (латентные) резервы	Социально-психологический человек	Социально-психологические отношения	1930-е гг.	Ненормальные отношения внутри организации
	Конфликтующий человек	Разрешение конфликтов	С конца 1930-х гг.	Неудовлетворенность общим состоянием (производственным, социально-экономическим, семейным, социальным)
	Социально-бытовой работник	Создание социальной инфраструктуры труда	С 1930-х гг.	Необеспеченность жильем, бытовыми условиями на производстве
3. Творческие и гражданские резервы	Творческий человек	Участие в техническом творчестве	1950-е гг.	Неучастие (отказ от участия) в совершенствовании производственного процесса
	Управляющий человек	Соучастие в управлении	1960-е гг.	Отчуждение от всех форм соучастия в управлении
	Социально-политический человек	Работник как гражданин	1970-е гг.	Игнорирование прав работника как гражданина данного общества
4. Системные социальные резервы	Системный работник	Комплексное использование резервов труда	С 1970–1980-х гг.	Игнорирование работника как личности

Поясним данную таблицу.

Что касается *первого периода* — социально-экономических резервов, то необходимо отметить, что к *концу XIX — началу XX века объективно вызрела идея — обратиться к тем ресурсам, которые кроются в самом работнике, пробудить его заинтересованность в эффективной и результативной деятельности.* Это был поистине революционный, кардинальный шаг, меняющий всю ситуацию на производстве. Открытие (научное и практическое) роли трудового сознания и поведения людей позволило понять, усвоить, а затем и использовать личные возможности и способности работника для повышения эффективности производства. Это открытие — важнейший этап в развитии экономики, в познании и использовании социальных резервов труда. Именно этим подходом снижался и потенциал трудовых претензий работников к работодателям. Но такое решение внутрипроизводственных противоречий было эпизодическим, в лучшем случае означало выход из конфликтных ситуаций в рамках конкретных производств. Но так как потенциал накапливался постепенно, охватывал все новые и новые растущие отрасли, конфликты в рамках этого периода из внутрипроизводственных, внутриорганизационных стали выходить на отраслевой и общенациональный уровень. Конфликты стали нередко приобретать характер клас-

совой борьбы со всеми ее формами, вплоть до революционных действий.

Во втором периоде в значительной степени под влиянием социалистической революции в России эти трудовые конфликты стали решаться *посредством использования социально-личностных резервов.* И это означало то, что во многих индустриально развитых странах трудовые конфликты стали «гаситься» за счет использования косвенных рычагов воздействия на сознание и поведение работников, в результате чего они практически не выходили на общенациональный уровень. Вот почему после 1920-х годов в мировой истории не было крупномасштабных потрясений. Если на предшествующем этапе доминировала тенденция «работодатель всегда прав» и применялись меры, чтобы подавить претензии работника, то с конца 1920-х — начала 1930-х годов, после мирового экономического кризиса 1929–1933 годов, стал допускаться принцип решения проблем с учетом того, что «работники в чем-то могут быть правы», и поэтому усилия сосредоточились на устранении и согласовании противоречий, которые касались *социальных позиций работника и даже его семьи.* В этих ситуациях осуществлялись действия по их решению в основном в рамках предприятий, фирм, организаций, но эти действия нередко согласовывались и на общенациональном уровне.

И такая реакция на трудовые противоречия принесла плоды и постепенно открыла новый период в развитии и решении социальных проблем труда.

Этот *третий период* — использование творческих и гражданских резервов труда — включал поиск новых способов воздействия на работника, главным из которых было стимулирование его участия в управлении, решении проблем производства в тесной связи с социально-политическими устремлениями работников. Иначе говоря, работник предстал в этой книге сущностных сил человека как *гражданин*, интересы которого не замыкаются только проблемами производства — его все в большей мере волнуют и проблемы общества.

На современном — четвертом — этапе развития производства — в период комплексного использования резервов труда — системные социальные резервы труда нацелены на то, чтобы обеспечить развитие работника как личности.

Долгое время социальные резервы, возможности человека принимались в расчет по-разному: чаще стихийно, чем сознательно. На их реализацию накладывали отпечаток господствующие социально-экономические условия, предопределяющие, в чьих интересах используются резервы, заложенные в творческой природе человека. Но современные реалии свидетельствуют, что социальные потенциалы работника связаны не только с технико-технологическими и социально-экономическими резервами, но и с такими важными элементами поведения человека на производстве, как *рабочая совесть, профессиональная мораль*. Все большую роль в поведении работника играет *внутренняя мотивация*, гарантирующая усердие и хорошее качество работы.

На этом этапе стали актуальными и новые формы разрешения конфликтов, когда в их решение включаются и государство, и многочисленные общественные организации. К этим формам можно отнести и социальное партнерство, и прямое вмешательство государства, и поиск взаимоприемлемых компромиссов. Для решения внутрипроизводственных трудовых противоречий все больше стали применяться меры социальной защиты и социальной помощи, в оказание которых включаются как владельцы производства, так и государственные структуры.

При анализе трудовых конфликтов на современном этапе развития общества нужно обратить внимание на источники их возникновения и содержание. В соответствии с этим, *во-первых*, выделяются мотивационные конфликты, которые возникают тогда, когда, как правило, недооцениваются потребности. Наиболее ярко выражены такие мотивы, как безопасность, позиция человека в этом конфликте не всегда защищена. Все, что ущемляет чувство собственного достоинства, пробуждает энергию, нацеленную на конфликт (В. Зигерт). *Во-вторых*, конфликты возникают тогда, когда на предприятии недостаточно развиты контакты работников с администрацией, нет развитого информационного поля. Это, например, непонимание, неверная интерпретация информации и т. п. *В-третьих*, конфликты возникают, когда работнику приходится играть сразу несколько ро-

лей, которые еще и не удается гармонизировать. Тогда ролевых конфликтов не избежать. Например, если один из работников получил повышение по службе, то ему приходится быть руководителем для своих сослуживцев и оставаться с ними за «своего». *В-четвертых*, это конфликт власти и безвластия, когда человек ставит перед собой цели, условия их реализации. Постоянное стремление к новому и невозможность реализовать свои цели постепенно обостряют ситуацию. Производство страдает, если руководитель предприятия не может добиться признания своей позиции.

И наконец, это *конфликты-фантомы*, источником которых выступает что-то существенное в воображении людей. Справиться с такими конфликтами бывает намного сложнее, чем с реальными. Столкновения на производстве, которые в конечном счете ни к чему не приводят, отравляют жизнь многим, тем более что некоторые действия получают неверную интерпретацию.

Конфликты в личной жизни работников также влияют на производство. Они ведут к снижению заинтересованности, работник делает гораздо больше мелких ошибок, появляется невнимательность, его поведение становится неколлегиальным.

Нужно отметить, что монокаузальные конфликты, то есть имеющие в своей основе только одну причину, редки. Поэтому нельзя ограничиваться тем, что лежит на поверхности, а следует анализировать глубже, искать скрытые причины, не упускать сопутствующие мотивы.

Важнейшим средством преодоления сложившихся противоречий на пути использования современных социальных резервов труда является получение работником полной и достоверной информации. Эта информация призвана пробудить творческие потенциальные возможности человека и направить их как на развитие самой личности, так и на дальнейшее коренное улучшение функционирования производства. В этих условиях **объективная потребность в побуждении творческих сил людей все больше смыкается с личным стремлением человека к самовыражению**. И, как следствие, деятельность современного работника лишь тогда достигает результата, когда органически включает в себя как накопленные на предшествующем этапе знания о своих физических, биологических, социально-психологических возможностях, так и новую информацию о потенциальных резервах современного этапа развития производства.

Однако реальность как плановых, так и рыночных взаимодействий в России показывает, что трудовые отношения серьезно разрегулированы. Как свидетельствуют данные, утеряна взаимосвязь между мерой труда и мерой вознаграждения. Парадоксально, но происходящие сдвиги в экономике мало изменили оценку, которая была дана населением как в советское время, так и в период рыночных реформ.

В заключение следует подчеркнуть тот факт, что смена этих периодов в развитии труда и соответственно в развитии и решении конфликтных ситуаций не отменяет действие факторов и условий на предыдущем этапе развития. Каждый новый этап, опираясь на уже

достигнутое, наращивает потенциал средств и методов решения всех социальных ресурсов труда во всем их многообразии и многоаспектности.

Таким образом, социология труда предстает перед нами как крайне увлекательный и противоречивый путь поиска и использования социальных резервов труда, когда научная мысль и производственная практика взаимодействовали между собой более интенсивно, чем в других направлениях социологической мысли, обогащая и в то же время стимулируя друг друга на раскрытие социальных граней труда, преодолевая разногласия и противоречия, в том числе и путем решения трудовых конфликтов, которые на каждом новом этапе обретали новые грани и новые формы проявления. На наш взгляд, именно такой подход, когда по мере развития производства раскрывались те или иные резервы труда, которые дополнялись новыми аспектами, все в большей мере охватывал многообразие проявлений труда. Несомненно, будущее породит новые поиски и новые резервы, которые могут быть познаны и использованы в процессе управления социальным развитием производства. Так, на наш взгляд, такими новыми проблемами становятся вопросы корпоративной культуры, нового осмысления мотивационных факторов труда, обеспечения долгосрочных программ социального развития производственных организаций. К новым поискам можно отнести и попытки определить характеристики трудового поведения с точки зрения национальных особенностей.

Нет сомнений, что в этом поиске генезиса идей и социальной практики предстоит открыть еще немало граней, которые обогатят наше представление о труде как в целом, так и о его формах в различных отраслях национального хозяйства.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. — М., 2002.
2. Вильховченко Э. Д. Критика современной буржуазной теории «человеческих отношений» / Э. Д. Вильховченко. — М., 1971.
3. Васильчук Ю. А. Социальное развитие человека в XX веке. Фактор культуры / Ю. А. Васильчук // Общественные науки и современность. — 2003. — № 1.

4. Гуревич М. А. Социальные аспекты адаптации населения промышленного региона к рыночным отношениям / М. А. Гуревич, Н. Ф. Павлова. — Екатеринбург, 1998.

5. Займелин Е. П. Социальная организация труда: переход к социальному сотрудничеству и партнерству / Е. П. Займелин. — Ульяновск, 1996.

6. Зайцев А. К. Социальный конфликт / А. К. Зайцев. — М., 2001.

7. Здравомыслов А. Г. Человек и его работа в СССР и после / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов. — М., 2003.

8. Кацва А. М. Социально-трудовые конфликты в современной России: истоки, проблемы и особенности / А. М. Кацва. — М.; СПб., 2002.

9. Кравченко А. И. Социология труда в XX веке. Историко-критический опыт / А. И. Кравченко. — М., 1987.

10. Кравченко А. И. Классики социологии менеджмента: Ф.Тейлор и А. Гастев / А. И. Кравченко. — СПб., 1998.

11. Маркович Д. Социология труда / Д. Маркович. — М., 1998.

12. Пилипенко Н. Н. Формирование квалифицированных кадров / Н. Н. Пилипенко. — М., 1982. — С. 4.

13. Подмарков В. Г. Человек в трудовом коллективе / В. Г. Подмарков. — М., 1981.

14. Радаев В. В. Экономическая социология / В. В. Радаев. — М., 2009.

15. Семигин Г. Ю. Социальное партнерство в современном мире / Г. Ю. Семигин. — М., 1996.

16. Социальные проблемы труда и подготовки инженеров / под ред. С. Я. Кугеля, И. П. Яковлева. — Л., 1989.

17. Социология труда / под ред. Н. И. Дряхлова, А. И. Кравченко, А. А. Шербины. — М., 1993.

18. Тейлор Ф. Научная организация труда / Ф. Тейлор // Научная организация труда и производства. — М., 1965.

19. Тощенко Ж. Т. Социология труда: опыт нового прочтения / Ж. Т. Тощенко. — М., 2005.

20. Тощенко Ж. Т. Социология труда / Ж. Т. Тощенко, Г. А. Цветкова. — М.: Юрайт, 2012.

21. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения. Сегодня и завтра / Г. Форд. — М., 2003.

22. Человек в инновационной экономике XX века. — М., 1994.

23. Шершнева Е. А. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: Опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России / Е. А. Шершнева, Ю. Фельдкофф. — СПб., 1999.

24. Штайльманн К. Новая философия бизнеса / К. Штайльманн. — М.: Берлин, 1999.

25. Hirschwitz M. Industrial Sociology: An Introduction / M. Hirschwitz. — L., 1985.

26. Fox A. Sociology of Work in Industry / A. Fox. — L., 1981.

27. Sociology of Industry / S. R. Parker [et al.]. — L., 1969.

Б. Г. Тукумцев¹

ОПЫТ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ И ТЕНДЕНЦИЙ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В РЕЖИМЕ МОНИТОРИНГА

Социальная напряженность в исследованиях социально-трудовой сферы рассматривается обычно как

¹ Ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург), руководитель Центра исследований состояния и инновационного развития социально-трудовой сферы, кандидат философских наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Парадоксы трудовых отношений в российской промышленности», «Бедность и нищета работников промышленного производства», «Анализ инновационной деятельности в научных учреждениях: культуральный подход», «Социологический анализ инновационной деятельности научных организаций», «Методологические предпосылки исследования инновационной культуры в научных организациях», «Социокультурный подход к анализу трудовой деятельности» и др.

одна из характеристик трудовых отношений, складывающихся на предприятиях в процессе организации трудовой деятельности. Она определяется как «устойчивое рассогласование интересов субъектов договорных трудовых отношений, которое проявляется в латентных (неявных) или явных противоречиях между работниками и работодателями»². По нашему глубокому убеждению, уровень социальной напряженности в значительной степени зависит от состояния управленческой

² См.: Бочаров В. Ю. Социальная напряженность на предприятии // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. В. А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. С. 299–300.

культуры на предприятиях, которая проявляется прежде всего в степени соблюдения трудового законодательства. Высокая культура управления предполагает сотрудничество с персоналом, ориентирована на поддержание приемлемых для работников условий и уровня оплаты труда, на обеспечение элементарной справедливости при принятии любых управленческих решений. Пренебрежение этими требованиями неизбежно влечет за собой появление и рост социальной напряженности.

Социальная напряженность независимо от причин ее возникновения на предприятии не способствует его успешной работе. Прежде всего она ухудшает самочувствие людей, лишает их чувства защищенности, уверенности в перспективе нормальной работы на этом предприятии. В тех случаях, когда причины усиливающейся напряженности длительное время не привлекают внимания руководителей или не рассматриваются ими конструктивно, они могут перейти в открытый трудовой конфликт. И в первом, и во втором случае социальная напряженность оказывает негативное влияние на трудовое поведение персонала предприятия. Прежде всего она способствует увеличению потенциальной и реальной текучести кадров. В наших исследованиях нам удалось подтвердить эту зависимость. С повышением уровня социальной напряженности увеличивается и доля работников, которые хотели бы сменить место работы. Это невыгодно ни работнику, ни работодателю.

Не менее негативным последствием социальной напряженности является снижение включенности персонала в деятельность предприятия. Включенность интерпретируется в современных исследованиях трудовых отношений прежде всего как ориентация работника на стабильную работу. Но не только. Включенность предполагает идентификацию работающего с предприятием, предрасположенность рассматривать цели предприятия, на котором он трудится, и проблемы, с которыми оно сталкивается, как значимые для него. Включенность означает принятие работником ценностей, правил и норм, функционирующих на предприятии, и готовность следовать им в своей работе¹. Такое отношение к предприятию становится одним из определяющих факторов мотивации труда работающих. Чем в большей степени человек включен в деятельность предприятия, тем выше его готовность способствовать успеху фирмы. Тем больше оснований ждать от него добросовестного соблюдения технологической дисциплины, ответственного отношения к качеству выполнения работы, нетерпимости к нарушениям регламента любого типа. По степени включенности в деятельность предприятия можно судить о состоянии культуры управления персоналом и сложившихся трудовых отношений.

Включенность персонала в деятельность предприятия — это не досужие вымыслы менеджеров, не попытки повлиять на мотивацию труда. Это жесткое условие успешного перехода мировой экономики к новому постиндустриальному укладу промышленного

¹ См.: Бочаров В. Ю., Тукумцев Б. Г. Оценка включенности персонала в деятельность предприятия // Социологические методы в современной исследовательской практике. М.: НИУ ВШЭ, 2011.

производства. Главная особенность нового уклада заключается в кардинальном изменении места и роли человека в производственном цикле. Новый мир технологий требует высочайшей ответственности от каждого исполнителя, осознания им последствий и недопущения любого нарушения организационной дисциплины. Потому что в новых условиях возможность внешнего контроля над соблюдением технологических требований исполнителем сокращается до минимума или вообще отсутствует, и допущенное нарушение может быть выявлено лишь на заключительной стадии производства, а в некоторых случаях лишь у потребителя продукции.

В этих условиях только высокий уровень включенности персонала в деятельность предприятия (идентификация) становится залогом качества его работы. Поэтому сегодня формирование включенности во всех развитых странах не случайно является одной из важнейших составляющих модернизации социального капитала².

Но при высоком уровне социальной напряженности формирование такой включенности исключено. Здесь преобладает другой процесс, процесс нарастания отчуждения персонала от деятельности предприятия и адекватное этой ситуации снижение качества труда.

Исследователи Научно-исследовательского института социальных технологий Самарского государственного университета уже более 15 лет осуществляют систематический анализ состояния социальной напряженности на промышленных предприятиях Самарского региона. Эта работа выполняется в рамках ежегодного мониторинга социально-трудовой сферы области. Заказчиком исследований является правительство области. Научное руководство проектом осуществляет Н. В. Авдошина — директор Научно-исследовательского института социальных технологий СамГУ, доцент Самарского государственного университета. Автор статьи является научным консультантом этого проекта.

Исследования, которые выполняются на промышленных предприятиях в режиме мониторинга, дают представление о многих аспектах сложившейся здесь социально-трудовой ситуации. Исследователи анализируют состояние социального капитала предприятий (профессиональный потенциал, состояние трудовых отношений, социальная ответственность работодателя, включенность персонала в деятельность предприятия). Наряду с этим рассматриваются и другие составляющие социально-трудовой сферы: условия труда, состояние оплаты труда, уровень жизни, жилищные условия, социальное самочувствие работающих и т. п.

Социальная напряженность анализируется в исследованиях как одна из характеристик состояния трудовых отношений. Эта характеристика формируется исследователями на основе ряда косвенных данных, мнений и суждений работников, полученных в процессе опроса. Критериями оценки являются мнение респондентов о возможности открытого трудового конфликта на предприятии, а также их отношение к участию

² См., например: Дик Р. ван. Преданность и идентификация в организации: пер. с нем. Харків: Гуманитарный центр, 2006.

в подобной протестной акции. По данным исследования, выполненного в 2012 году по группе промышленных предприятий одного из Поволжских регионов, выяснилось, что примерно каждый шестой работник считает возможным возникновение открытого трудового конфликта на своем предприятии. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Какова, на ваш взгляд, вероятность открытого массового конфликта (остановка работы, забастовки, митинги) на вашем предприятии в ближайшем будущем?» Ниже приведены данные (в %) в сравнении с 2008 годом.

	2012 год	2008 год
Допускают высокую вероятность конфликта	15,5 %	13,8 %

Отвечая на этот вопрос, респонденты выступают в качестве экспертов, не выражая личного отношения к возможному участию в таком трудовом конфликте. Поэтому второй вопрос исследования был направлен на выяснение вероятности их личного участия в таком событии. Он имел следующий вид: «Если недовольство людей перерастет в открытый конфликт, вы лично готовы оставить работу, пойти на митинг, бастовать?» Полученные результаты дают основания для вывода о том, что число готовых принять участие в протестной акции существенно больше, чем число тех, кто считал конфликт неизбежным. Более 38 % респондентов на обследованных предприятиях выразили в большей или меньшей степени свою готовность участвовать в таких акциях. Ниже приведены эти данные в сопоставлении с 2008 годом.

	2012 год	2008 год
Да, готов участвовать	11,3 %	14,8 %
Может быть, буду участвовать	27,1 %	21,3 %

Обращает на себя внимание тот факт, что доля работающих, имеющих претензии к администрации предприятий, длительное время остается неизменной. Это свидетельствует о том, что руководство предприятий не придает этому значения. Между тем, когда лишь каждый шестой респондент говорит о вероятности тру-

дового конфликта на предприятии, можно допустить, что угроза нестабильной ситуации на предприятии не столь велика. Но когда выясняется, что более трети работников имеют основания для того, чтобы принять участие в акции протеста, то это свидетельствует о достаточно высоком уровне социальной напряженности. И тогда исследователи обращаются к поиску причин сложившейся ситуации.

Они выясняют, заключен ли на предприятии коллективный договор, информированы ли об этом договоре работники предприятия, соответствует ли он интересам работников и в какой степени выполняются сторонами договора принятые на себя обязательства. Выясняется также, каким образом рассматриваются вновь возникающие в процессе работы проблемы, ведутся ли переговоры с работодателем. Исследователи строят свой анализ всех этих аспектов трудовых отношений, исходя из их правовой обусловленности и обязательности. Их несоблюдение является, с одной стороны, нарушением трудового законодательства, а с другой — одной из причин социальной напряженности.

К сожалению, данные исследования свидетельствуют о том, что только половина респондентов (50,2 %) указала при опросе, что договор заключен. И это в то время когда он действительно подписан и существует на всех обследованных предприятиях. Но половина респондентов об этом ничего не знает. Такая ситуация наблюдается в течение длительного времени. В 2008 году результаты были такими же. Процедура заключения коллективных договоров не достигала и не достигает своей цели. На большей части предприятий договор не обсуждается и не доводится до сведения персонала. Следовательно, он не выполняет своей роли в снижении социальной напряженности. Ведь даже среди тех, кто информирован о наличии коллективного договора, каждый третий считает, что его интересы в коллективном договоре не учитываются. А каждый десятый сообщает о том, что, по его мнению, работодатель не выполняет взятых на себя обязательств.

На предприятиях региона уже несколько лет не возникают открытые трудовые конфликты, забастовки, стачки. Но это не может служить поводом для ослабления внимания к состоянию социальной напряженности.

Г. А. Цветкова¹

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА КАК ИСТОЧНИК МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЯН

ства, поскольку развитие любого производства зависит от рационального соотношения уровня заработной платы работников и прибыли предприятия. Однако на практике это часто выливается в трудовые конфликты. Вот и на современном этапе для России это жизненно важная проблема. Ибо страна находится в условиях постоянных реформ. Социальные перемены в экономике происходят одновременно очень быстро и очень медленно. Экономическое сознание россиян доминирует над другими формами общественного сознания.

Эта тема является актуальной и злободневной на протяжении практически всей истории челове-

¹ Профессор кафедры социологии организаций и социальных технологий Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор социологических наук. Автор более 90 опубликованных научных и учебно-методических работ, в т. ч.: «Социальные различия как факторы деятельности местного сообщества» (в соавт.), «Изменились ли проблемы местного самоуправления за последние 10 лет?» (в соавт.), «Специфика проведения социологических исследований в сфере экономики», «Изменились ли современные социологические исследования в сфере труда?», «Кто и как боролся с коррупцией?» (социологический анализ), «Социология труда. Учебник» (в соавт.) и др.

Ситуацию усугубляет и тот факт, что, с одной стороны, Россия объявлена социально-правовым государством, с другой — в ней наблюдается приоритет частных фирм и компаний. В этих условиях заработная плата имеет принципиальное значение, ибо пока она позволяла смягчать не только любые социально-экономические издержки предприятий, но и мощные кризисы, которые экономика страны испытывала начиная с 1990-х годов. В то же время проблемы с заработной платой преимущественно воспринимались и воспринимаются как социальные (социальная справедливость, социальная ответственность), а не экономические. При этом работник со своими проблемами остается один на один.

Каков же уровень материального положения работающих россиян? Как они воспринимают роль заработной платы в современных условиях? Необходимо сразу отметить, что динамика общественного восприятия процессов в сфере экономики далека от устойчивости. Если в конце 1980-х годов удельный вес негативных оценок экономического положения в стране был в 2–3 раза меньше по сравнению с результатами опроса 1990 года, то в настоящее время опрошенные в оценках разошлись: 46,1 % утверждают, что положение «хорошее», а 46,4 % респондентов заявили обратное.

В целом результаты анализа и обобщения одного из последних социологических исследований¹ в этой области указывают на следующие специфические черты: *во-первых*, присутствует определенная иерархия материальной обеспеченности работников, где лидирующее место занимает *уровень, когда денег хватает лишь на основные продукты и одежду*. С ним соотносили свой достаток более 57,0 % опрошенных.

Следующий материальный уровень работников был представлен ими как сравнительно высокий, хотя «некоторые покупки им не по карману». На это указало около четверти респондентов (24,6 %). О низком и очень низком уровне своего материального положения заявлял почти каждый десятый (9,6 %) респондент. А вот тех, кто не испытывал никаких материальных затруднений в жизни, оказалось всего 5,6 %. Таким образом, в иерархии материальной обеспеченности существует несколько уровней. Их основой являются уровни, при которых «денег хватает только на продукты и одежду» или даже «некоторые покупки им не по карману», то есть ситуация довольно сложная.

Во-вторых, значимость материальных затруднений проявилась и в ответе на вопрос: «Что для вас наиболее важно в работе, которой вы заняты?» 74,1 % россиян указали на величину заработной платы. Более того, для увеличения своего заработка трудится дополнительно на основной работе или на стороне каждый второй работник.

Исходя из данного посыла, основная причина для недовольства и соответственно желания сменить работу у каждого второго россиянина — низкая зарплата.

¹ Всероссийское социологическое исследование «Экономическое сознание российского населения», выполненное под руководством Ж. Т. Тощенко в 2012 г. Массив опрошенных 1200 чел. Опрос проводился в 12 субъектах РФ, включал предприятия различных форм собственности и отраслей промышленности.

В разгар кризиса, три года назад, доля желающих сменить работу была ниже (42 %).

В целом подтверждением проблемности экономического состояния на личностном уровне служит и то, что в случае потери работы почти каждый второй респондент (46 %) предпочел бы трудоустройство в любом месте, но за хорошую зарплату. К этому в большей мере стремятся опрошенные средних городов (51,5 %), затем сельские (49,6 %) и работники столичных городов (41,7 %).

Что касается выбора форм собственности (частная или государственная) при трудоустройстве, то за исключением работников столиц все опрошиваемые преимущественно остановили свой выбор на государственном предприятии. При этом вскрыт явный перевес в сторону государственных предприятий по сравнению с частными. Среди работников средних городов приоритет трудоустройства на государственные предприятия по сравнению с частными фирмами выше почти в 2 раза (19,1 и 10,7 %). Значительное превосходство выявлено по данному вопросу и у сельских (19,9 и 7,0 %), то есть в 2,8 раза. А вот для работников столиц форма собственности предприятия не имела такого значения. Частные предприятия предпочли бы 17,8 %, государственные предприятия — 16,7 % опрошенных.

Таким образом, что если на первоначальном этапе становления рыночной экономики для трудоустройства роль формы собственности была малозначительной, то в настоящее время определенный приоритет выстроен в сторону предприятий государственной формы собственности.

Вместе с тем, если обратимся к данным Росстата о среднегодовой численности занятых в экономике по формам собственности, то обнаружим несколько иную тенденцию. К примеру, если в начале 1990-х годов работающих на предприятиях государственной и муниципальной форм собственности было 69,1 % (1992), то в 2010 году их число сократилось более чем в 2 раза и достигло 30,9 %. А вот на предприятиях частной формы собственности ситуация в этой области прямо противоположная: если в 1992 году — 19,3 %, то уже в 2010-м — 58,4 %, то есть среднегодовая численность работающих увеличилась в 3 раза. За этот период времени значительно возросло и количество предприятий частной формы собственности по сравнению с государственными предприятиями (соответственно: если в 1995 г. — 63,4 %, то в 2010-м — 85,1 %; 1995 г. — 14,3 %, в 2010 г. — 2,5 %). Отсюда можно сделать вывод, что предпочтения работников не соответствуют реальной ситуации, отражающей их занятость на предприятиях различных форм собственности.

В-третьих, современный *уровень заработной платы по-прежнему обуславливает деление на богатых и бедных*, характеризующее уровень и качество жизни работников и их семей. Если в 1992 году доходы 10 % наиболее обеспеченных граждан в 29 раз превышали доходы такой же доли наименее обеспеченных, то в 2007-м разница в доходах 10 % самых богатых россиян и 10 % самых бедных достигла по стране около 17 раз, а в Москве — 50 раз. В 2011 году доходы самых бедных россиян ниже доходов самых богатых

были в 16 раз. Если не брать в расчет «сверхбогатых». И данная тенденция сохраняется.

В 2012 году минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в России составлял 4611 рублей. За два года (с 2009 г.) МРОТ был увеличен на 6,5 %, а рост цен за это же время достиг 24,3 %. Если в целом по стране средняя заработная плата за май 2012 года, по данным Росстата, была на уровне 36 611 рублей (24 400 руб. по данным Русского портала), то в 1991 году она составляла лишь 548 рублей, то есть количественно зарплата возросла приблизительно в 67 раз. Но что же стоит за этими цифрами? Если в 1991 году можно было за среднюю заработную плату купить 1034 л молока и 645 кг хлеба, то в 2012-м — лишь 606 л молока и 619 кг хлеба. Хотя если в качестве эквивалента взять картофель, то в 1991 году можно было купить 182,6 кг, а в 2012-м — 835 кг. Однако это ситуацию не меняет, поскольку при определении прожиточного минимума государство в свои расчеты закладывает нормативы биологического выживания одинокого человека в экстремальных условиях. При этом прожиточный минимум традиционно равен около трети средней заработной платы. Следовательно, в структуре заработной платы заложен только спрос на определенную деятельность без должного уровня содержания не только самого работника, но и его детей.

Аналитики компании «ФинЭкспертиза» после изучения анализа социально-экономической ситуации в Российской Федерации пришли к выводам: официально за чертой бедности находятся около 15 % населения, а реально — 40 %.

Ситуацию усугубляет и продолжающаяся задолженность по выплатам заработной платы. И, как результат, крайне нестабильная зарплата — это визитная карточка российской среды. Да и рабочие места имеют далеко не высокий уровень социальных пакетов. Возможно, это связано с тем, что если во многих государствах на рынке труда движение рабочих мест осуществляется в сторону формального сектора, то в России присутствует противоположное стремление.

Не способствует материальному благополучию россиян и то, что почти миллион работников не имеют рабочих мест, не получают соответствующих доходов, то есть безработные. Негативно сказываются на ситуации и отраслевые, территориальные, социально-демографические и профессионально-квалификационные диспропорции. Сказывается и высокая дифференциация материального положения людей в различных муниципальных образованиях, к примеру, доля бедных жителей в селах в 1,3 раза больше, чем в городе.

В-четвертых, в оценках материального положения жителей различных населенных пунктов выявлено несколько особенностей. Так среди тех, кто считает свое материальное положение высоким, вскрыта следующая иерархия: чем выше уровень населенного пункта, тем выше оценка уровня материального положения работников: 35,8 % — столичный, краевой или областной центр; 22,4 % — город, но не краевой или областной центр; 19,8 % — село (деревня).

Среди тех, кто отнес себя к бедным, обнаружена значительная дифференциация по месту их житель-

ства (город, село). Если о тяжелом положении в столичном, краевом или областном городе заявили 6 % респондентов (им денег не хватает даже на продукты и одежду, то есть люди живут в крайней нужде), то в селе к данной категории себя отнесли свыше 12 % опрошенных, то есть в 2 раза больше. Что подтверждается и величиной заработной платы работников, занятых в сельском хозяйстве: в январе 2011 года составила 10 668 рублей, или 50 % к общероссийскому уровню.

Что касается заявивших о среднем уровне достатка, то материальное положение соответствующих работников, живущих в селе, лидирует среди всех типов населенных пунктов. Здесь 64,0 % респондентов указали, что при желании могут купить основные продукты и одежду (средний уровень). В столичных городах это могут приобрести лишь 52,2 %, в городах среднего уровня — 62,2 %.

Каковы же источники сбоя в классической иерархии населенных пунктов? Почему материальное положение селян оказалось преобладающим над состоянием городских жителей? Вероятнее всего, это обусловлено спецификой экономического сознания. Материальные притязания работников сел значительно меньше по сравнению с работниками, живущими в городах. Отсюда иное восприятие и их собственного благополучия.

Подтверждением объективности полученных результатов исследования (материального положения селян) служат и данные Росстата. За последние годы ситуация на предприятиях сельского хозяйства улучшилась: если в 2003 году число убыточных предприятий составляло 53,5 %, то в 2010-м их количество уменьшилось и достигло 27,5 %, то есть произошло сокращение убыточных предприятий практически в 2 раза. В то время как количество убыточных предприятий в других отраслях экономики значительно выше, к примеру, среди предприятий транспорта и связи (35,9 %), предприятий по добыче полезных ископаемых (32,4 %) и пр.

В-пятых, характерным признаком современного времени является дифференцированное восприятие со стороны респондентов экономической ситуации на разных уровнях (федеральный, по месту жительства и работы). Наиболее позитивные оценки отмечены в отношении собственных предприятий. На хорошее состояние дел по месту работы указало более 74 % опрошенных. Однако, несмотря на этот факт, лишь 5,6 % респондентов не испытывают никаких материальных затруднений. Здесь наглядно проявляется одна из специфических черт современной экономики: благосостояние работников не зависит от экономического положения их предприятия.

Следует отметить, что феномен, проявляющийся в том, что респонденты несколько выше оценивают положение дел на своих предприятиях по сравнению с другими объектами, выявляется уже в течение многих лет.

В то же время пессимистические оценки изменились, разрушив прежнюю иерархию объектов. К примеру, если в 1998 году экономическое положение в России оценивалось негативно 76 % опрошенных, то в 2012-м только 46,2 % респондентов указали на этот

факт, то есть сокращение почти в 1,7 раза. Если ранее пессимизм увеличивался по мере отдаления предмета оценки от его непосредственной деятельности и жизни, то сегодня экономическая ситуация в местах проживания рассматривается более критично, чем в стране в целом. Исключение составляют жители столичных городов. Из них более 40 % считают, что экономическое положение в их населенном пункте сложное. В то время как ситуацию в стране негативно воспринимают 46 % россиян.

Заставляет задуматься и то, что работа на предприятиях различных форм собственности не изменяет материального положения работников. Ибо, как указывают респонденты, ситуация на всех предприятиях схожая.

Учитывая отмеченные выше факты, по-прежнему актуален поиск основных стимулов и мотивов, способных сформировать желание людей работать активно и эффективно. Наряду с этим хотелось бы, чтобы в полной мере реализовывался механизм экономического стимулирования, к примеру, действовала зависимость уровня заработной платы от вклада работника в производство. Пока она является формальной. Ибо, за исключением столичных городов, ни в одном из типов населенных пунктов влияние оплаты труда на стремление работать с большей отдачей сил на основной работе не выявлено. Так, на вопрос: «Если вы будете работать с большей отдачей сил на основной работе, ваш заработок увеличится?» в селах более 62 % респондентов ответили, что ничего не изменится, против 28 %, заявляющих, что их оплата труда повысится. Что касается городского населения, то здесь 33 % опрошенных заявили об увеличении заработной платы, то есть в этом плане ситуация несколько лучше. Хотя пессимистическое настроение у респондентов одинаковое (62 %).

Низкий уровень экономического стимулирования проявляется и в ответах на вопрос: «Уменьшится ли ваш заработок при меньшей отдаче сил на основной работе?» В этом плане более сложное положение в селах, где почти 54 % респондентов заявили, что ничего не изменится. Это против 32,0 % опрошенных, полагающих, что оплата труда уменьшится. Несколько лучше взаимосвязь труда и материального вознаграждения наблюдается в нестоличных городах (48,2 против 42,5 %). В столичных же городах ситуация несколько иная. Здесь каждый второй считал, что при повышении трудового вклада заработная плата может повыситься. Сомневаются же в этом 42,4 % опрошенных. Если же трудовой вклад будет понижен, то и в этом случае 49,2 % респондентов утверждало, что заработная плата сократится. 39 % опрошенных колеблются, считая, что ничего не изменится.

Следовательно, пока механизм экономического стимулирования эффективно воздействует на ограниченное количество работающих: от 8 до 26 % работающих в зависимости от типа населенного пункта (чем ниже их уровень, тем меньше его использование). Наиболее результативно он действует в столичных центрах. Учи-

тывая этот факт, есть определенные предпосылки того, что в ближайшее время механизм взаимовлияния трудовых усилий на уровень заработной платы заработает на более широкий охват работающих в различных типах населенных пунктов. Этому способствуют и другие факторы, к примеру, то, что сегодня деньги, материальные и другие ценности занимают лидирующее положение в иерархии факторов, определяющих социальное положение и престиж человека в нашем обществе. На это указывало большинство жителей всех населенных пунктов, включая селян.

Подводя итог результатам социологического исследования, хочется подчеркнуть следующее: поведение современных работников изменяется, но пока преимущественно в силу объективных обстоятельств. И это является основной причиной того, что человек труда даже на своем предприятии остается объектом. От него мало что зависит. Интересно, что восприятие состояния дел на предприятиях оказалось более оптимистическим, чем соответствующие показатели по стране в целом и по всем типам населенных пунктов.

Что касается заработной платы как источника материальных проблем работников, то результатами исследования это в полной мере подтверждено. Для большинства россиян заработная плата является основным источником качества жизни. Однако в структуру заработной платы официально заложены лишь нормативы биологического выживания одинокого человека в экстремальных условиях, что негативно отражается на воспроизводстве трудовых ресурсов и материальном положении работников и их семей.

Несмотря на наметившийся рост доходов, их уровень продолжает оставаться низким. Присутствует слабое воздействие заработной платы на стремление работников работать с большей отдачей сил на основной работе. Нестабильные зарплаты порождают социальную напряженность в обществе. Конфликты между работниками и работодателями по поводу уровня заработной платы продолжаются. Руководители предприятий не учитывают, что эффективность труда работников зависит от щедрого вознаграждения за труд. Благополучие работников не зависит от экономического положения их предприятий. Эти негативные процессы ослабляют трудовой потенциал страны. Выявлена высокая дифференциация доходов в различных типах населенных пунктов. В условиях низкого уровня и нестабильности заработной платы работники диверсифицируют свою трудовую активность, прибегая к дополнительной занятости.

Хотя потребность россиян иметь хороший материальный уровень даже в результате смены места работы на любое другое присутствует уже довольно продолжительное время. Повышение заработной платы среди главных проблем современности занимает приоритетное место. Да и правительство ставит целью сокращение бедности, а этот фактор объективно зависит от независимости, самостоятельности и роста доходов населения.

В. Н. Шаленко¹ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В РОССИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА:
МОНИТОРИНГ И АНАЛИЗ

Опыт социологических исследований забастовочных ситуаций позволяет утверждать, что многие открытые трудовые конфликты при определенном стечении обстоятельств могут быстро интенсифицироваться и перейти в более напряженную форму трудовых протестов, вплоть до экстремальных². Поэтому трудовые протесты требуют к себе пристального внимания, так как любой из них может в короткое время стать массовым. К трудовым протестам необходимо относиться как к опасным инфекционным заболеваниям, когда каждый случай требует внимания и активизации органов, способных остановить возникновение эпидемии.

Не случайно государственные органы большинства стран ведут поштучный учет забастовок. Например, в США национальное Бюро трудовой статистики (Bureau of labor statistics) фиксирует только остановки работы, в которые вовлечено более 1 тыс. человек. В России Федеральная служба государственной статистики (Росстат) на основании данных, предоставляемых Федеральной службой по труду и занятости (Роструд), публикует данные о количестве забастовок, то есть случаев «временного добровольного отказа работников от исполнения трудовых обязанностей (полностью или

частично) в целях разрешения коллективного трудового спора»³. Здесь фиксируются только те забастовки, которые проходили в рамках зарегистрированных коллективных трудовых споров, причем делается это только с 2006 года. Те забастовки, которые возникали стихийно, российской статистикой не учитывались вообще. Данные о числе зарегистрированных государственными органами забастовок приведены в табл. 1.

Даже беглого взгляда на приведенные в табл. 1 данные достаточно, чтобы понять, что они совершенно не пригодны для анализа. Сначала забастовки исчисляются сотнями (2000 и 2001 гг.), затем десятками (2002 и 2003 гг.), потом тысячами (2004 и 2005 гг.), наконец в последние годы (2006–2009) — единицами. Трудно найти содержательное объяснение таким изменениям. Все эти годы социальная обстановка была относительно стабильной. Даже реформа монетизации льгот, протесты против которой начались с середины 2004 года, не объясняет роста числа забастовок с 67 до почти 6 тыс. Против монетизации выступали льготники — пенсионеры, чернобыльцы, военные и т. п. Трудовые коллективы присоединялись к этим акциям довольно редко.

Таблица 1

Данные о числе забастовок, зафиксированных государственными органами⁴

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Число забастовок	817	291	80	67	5933	2575	8	7	4	1

Наиболее достоверным объяснением этому является то, что такие скачки обусловлены изменением методики учета забастовок. С 2006 года стали учитываться только законные забастовки, но при этом оказалось, что огромное количество забастовок и трудовых протестов, протекающих в других формах, осталось неучтенным.

Ярким свидетельством «слепоты» государственной статистики в области трудовых отношений является неадекватность системы регистрации трудовых конфликтов, которая в кризисном 2009 году зафиксировала всего один трудовой конфликт, а в 2010-м — ни одного. По итогам мониторинга трудовых протестов в Центре социально-

трудовых прав (ЦСТП) в 2009 году было зафиксировано 272 протестные акции, в 2010-м — 205, в 2011-м — 262 и в 2012-м — 276. Анализ информации о трудовых протестах показывает, что только десятая часть их проходит в формах, предписанных законом (коллективный трудовой спор, остановка работы по заявлению из-за невыплаты зарплат), а подавляющее большинство — в форме стихийных акций, главной целью которых является стремление обратить внимание работников на свои проблемы, добиться диалога с работодателем. Опасность этих протестов заключается в том, что, выходя за пределы предприятий и накладываясь на другие проблемы (коммунальные, социальные и т. п.), они могут перерастать в акции гражданского неповиновения, как это было в 2009 году в Пикалево и в 2010-м в Междуреченске.

Мы считаем правомерным при обсуждении актуальных проблем социально-трудовых конфликтов в России воспользоваться результатами аналитической работы Центра социально-трудовых прав (ЦСТП). В табл. 2 приведены данные мониторинга трудовых протестов ЦСТП, которые частично пересекаются по времени с данными Росстата. В таблице приведены данные обо всех протестных акциях, то есть событиях, связанных с действиями работников по отстаиванию своих социально-трудовых интересов. Минимальной формой протеста является выдвижение сформулированных требований хотя бы

¹ Профессор Российского государственного социального университета, доктор социологических наук, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социальные конфликты», «Трудовые конфликты: методология, теория и управление», «European Society of European Societies: a View from Russia», «Актуальные проблемы современной трудовой конфликтологии», «Духовные проблемы нашего времени», «Меры оптимизации социального управления забастовочным движением» и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов, член Европейской социологической ассоциации и Российского общества социологов.

² См.: Шаленко В. Н. Трудовые конфликты. Методология, теория и управление: моногр. М.: Academia, 2008.

³ См.: Российский статистический ежегодник. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009. Разд. 5: Труд. Методологические указания.

⁴ См.: Российский статистический ежегодник. 2009.

⁵ Информация о социально-экономическом положении России. 2009. М.: Федеральная служба гос. статистики, 2009.

по частичному изменению социально-экономической ситуации или трудовых отношений на предприятии (в организации). В качестве инициатора протеста рассматриваются работники (организованные или не организованные в профсоюз), предпринимающие, в том числе и вместе с представителями других групп и организаций, протестные действия. Особо выделяются протестные акции работников, приводящие к полной или частичной остановке деятельности предприятия или организации (стоп-акции). Стоп-акции не всегда проходят в форме забастовок. Трудно назвать забастовкой голодовку и отказ от работы по статье о невыплате зарплаты, также вряд ли стоит называть забастовкой временный захват предприятия. Практика оказывается богаче, и забастовка — это всего лишь одна из форм протеста, при которой осуществляется полная или частичная остановка работы.

Из сказанного выше вытекает, что следует считать с нарастающей сложностью, противоречивостью эко-

номической реальности, порождающей новые, малоизученные формы конфликтного взаимодействия на производстве. Речь идет о новых формах социально-трудового протеста, сходных с трудовыми конфликтами или пограничных с ними. В этом контексте под «трудовым протестом» подразумевается такая открытая форма трудового конфликта, в рамках которого работники предприятия (организации, корпорации) или трудовая группа предпринимают действия, направленные на отстаивание своей социально-трудовой позиции путем воздействия на работодателя или других субъектов, определяющих позицию работодателя, с целью ее изменения»¹.

Данные мониторинга ЦСТП значительно отличаются от данных Росстата. Прежде всего из-за того, что здесь учитываются все виды протестов, а не только законные забастовки. Даже если сравнивать число стоп-акций с числом официально зарегистрированных забастовок, видно, что данные расходятся на порядки.

Таблица 2²

Общее и среднее количество трудовых протестов за 2008–2011 годы

	Общее число акций	Среднемесячное число акций	Общее число стоп-акций	Среднемесячное число стоп-акций	Доля стоп-акций
2008	96	8,0	60	5,0	62,5
2009	272	22,7	106	8,8	38,9
2010	174	17,4	76	7,6	43,7
2011*	126	20,5	46	7,7	37,4

* Примечание: данные за 6 месяцев.

На основании данных мониторинга можно описать *интенсивность трудовых протестов*, которая характеризуется среднемесячным числом акций, и *напряженность трудовых протестов*, определяемую долей стоп-акций в общем числе акций протеста. В кризисном 2009 году интенсивность трудовых протестов значительно возросла по сравнению с 2008-м — почти в три раза. В 2010 году показатель интенсивности снизился, но не до уровня 2008 года, а всего лишь на четверть.

Напряженность трудовых протестов, определяемая долей стоп-акций в общем числе акций протеста, менялась иначе. В 2009 году при значительном росте интенсивности протестов их напряженность падала. Это было вызвано тем, что в условиях кризиса протесты стали чаще проводиться в форме митингов, пикетов и других акций, которые проходили за пределами предприятий. В одних случаях остановка работ не происходила, потому что предприятие было остановлено до того, как работники начали протестовать, в других они уже не видели смысла протестовать на предприятии и выносили свои требования вовне, адресуя их властям, органам правопорядка, общественности и т. п. Уменьшение числа стоп-акций может свидетельствовать о том, что работники исчерпали возможности урегулирования конфликта внутри предприятия

¹ Бизюков П. Динамика трудовых протестов в России (2008–2011) // Вестник общественного мнения. 2011. (Апрель–июнь). № 2. С. 31.

² Там же. С. 32.

и ищут возможности для этого вовне. Но в 2010 году начался обратный процесс — интенсивность упала на четверть, а вот напряженность возросла на протяжении восьми месяцев и только в первые месяцы осени резко пошла на убыль.

Рост напряженности трудовых протестов, по мнению аналитиков, свидетельствует о том, что протесты стали «уходить» с улиц и площадей и «возвращаться» на предприятия. Но при этом число стоп-акций превышает докризисный уровень. Кризис ушел, а интенсивность протестов при росте уровня напряженности снизилась незначительно.

Приведенные данные о количестве трудовых протестов, а также данные об их интенсивности и напряженности показывают, что трудовые протесты могут выступать детонаторами крупных социальных потрясений, сотни протестов не могут не вызывать озабоченности. По данным мониторинга, в 2009 году в двух из трех регионов случилось хотя бы одному трудовому протесту, а в 2010-м трудовые протесты проходили в каждом втором из 83 регионов. Также прослеживается динамика в «расползании» трудовых протестов по отраслям — становится все меньше отраслей, незнакомых с практиками трудовых протестов. Можно с уверенностью утверждать, что это и распространенное и распространяющееся в стране и экономике явление.

Данные мониторинга позволяют очертить круг основных *причин* трудовых протестов на российских предприятиях (рис. 1).

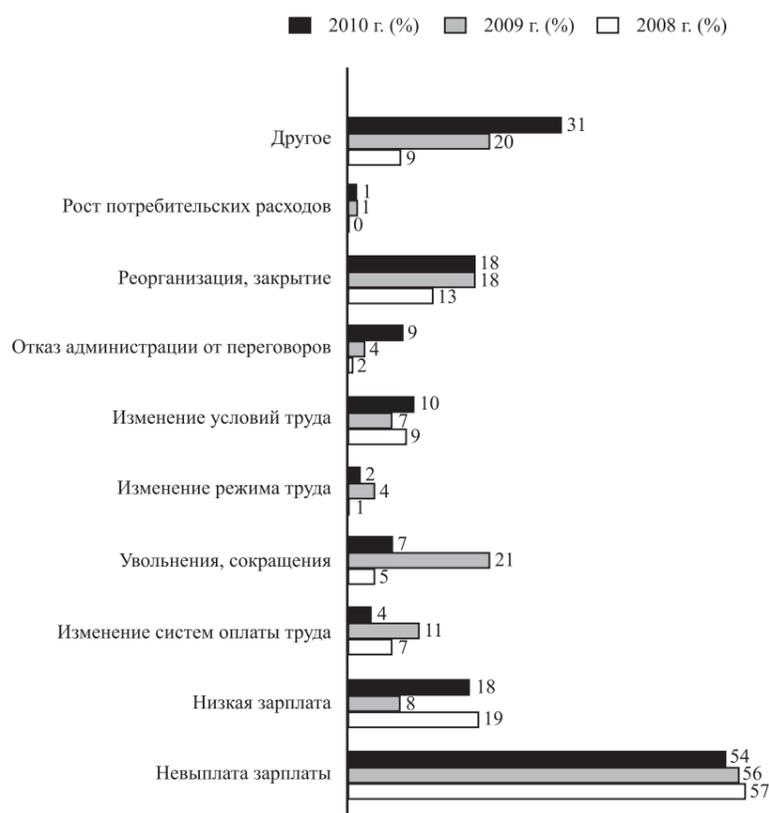

Рис. 1

Достаточно сказать, что более половины акций трудовых протестов с 2008 по 2010 год приходится на «несвоевременную выплату зарплаты». А с учетом ее низкого уровня, произвольного изменения работодателем системы оплаты труда доля «зарплатного фактора» повысилась до 76 % в 2010 году. Не удивительно, что иные причины упоминаются гораздо реже, кроме реорганизации, закрытия, а также группы «другие причины». В последнюю вошли новые, не попадавшие ранее факторы, например связанные с требованиями нормализации социально-экономических условий жизни во-круг градообразующих предприятий, которые сливались с протестами жителей малых городов.

Обращает на себя внимание тот факт, что если в предыдущие годы на задержку выплаты зарплаты приходилось более 50 %, то в 2011-м — только 35 %. В то же время заметно выросла доля трудовых протестов из-за ее низкого размера (с 19 до 29 %). Повидимому, трудящиеся извлекли социальные уроки из экономического кризиса 2008–2009 годов; бастовать нужно не только из-за задержки выплаты зарплаты, но и против ее низкого уровня. Безусловно, это более нормальная ситуация, присущая рыночной экономике, когда работники добиваются повышения зарплаты, а не, как в годы кризиса, протестуют против почти бесплатной работы. Об этом же говорит и увеличение трудовых протестов из-за закрытия или реорганизации предприятий: каждый пятый (22 %) в 2010 году и каждый третий (34 %) в 2011-м.

Таким образом, в 2011–2012 годах произошло изменение структуры и значимости различных причин трудовых протестов. Появляются новые факторы, вызывающие трудовые конфликты на российских предприятиях, в организациях и компаниях. Коллективные трудовые споры и конфликты стали чаще приобретать экономический характер, тогда как в прошлые годы он был более политизированным, конфронтационным.

Что касается форм трудовых протестов, то мониторинг позволил выделить самые популярные: выдвижение требований перед администрацией, остановка предприятия, митинг вне его территории и обращение к властям. Минимальной формой трудового протеста для удовлетворения жалоб коллектива в истекшие 2–3 года остается *выдвижение требований*, но зачастую оно является стартовым этапом трудового протеста, после чего бастующие участники переходят к остановке работы или митингам. В свою очередь к *остановке работы организации* склонны прибегать чаще всего сторонники незаконных и стихийных противодействий. Для информирования внешних наблюдателей о наличии острых противоречий интересов между персоналом и работодателем, неустраиваемых в рамках предприятия, предназначены митинги за его пределами. Обращение к властям и правоохранительным органам происходит в форме коллективных писем и жалоб с той же целью, что и на митингах. Но последние обращены к внешним наблюдателям вообще, а обращения к органам власти имеют конкретных адресатов — местное

руководство, суд и прокуратуру. Письменные обращения должны получить их официальную реакцию.

Наряду с анализом особенностей форм трудовых протестов следует обратить внимание на еще два значимых момента.

Первый аспект проблемы касается низкой доли легитимных форм трудовых забастовок: остановка работы по статье «невыплата зарплаты», «коллективный трудовой спор без забастовки и с забастовкой». В 2008–2009 годах на их долю приходилось по 9 % от числа всех протестов. Это значит, что каждая одиннадцатая акция протекает в формах, запрещенных трудовым законодательством. Во-вторых, весьма высокая доля жестких форм трудовых конфликтов — голодовки, захват предприятий, перекрытие магистралей, на которые приходилось в 2008 году 17 %, в 2009-м — 18 % и в 2010-м — 17 % всех трудовых протестов. Если предположить, что эти жесткие формы являются ответной реакцией протестующих работников на грубые нарушения их прав, то три года подряд доля таких акций была постоянной. Правда, в 2011 году она снизилась до 7 %, может быть, в связи с уменьшением числа грубых нарушений законных интересов.

Но при этом нельзя упускать из виду такой фактор, как соотношение стоп-акций с митингами и обращением к властям. Трудовые эксперты выявили следующий парадокс: в период экономического кризиса 2008–2009 годов число остановок работы предприятий было мало, но выросло число митингов и обращений к властям. Наемные работники отказываются от классической забастовки в форме остановки работы организации, которая в условиях кризиса и так работает вполсилы. Но если бесполезна такая форма экономической борьбы внутри предприятия, то остается рассчитывать на внешнее вмешательство в трудовой конфликт, который демонстрируется для местных властей, журналистов, населения. К такой «уличной» стратегии конфликтного противоборства протестующих работников вынуждает сам работодатель, который отказывается от социального диалога с персоналом на основе взаимовыгодных интересов и занимает жесткую позицию на переговорах. Работодатель в рамках трудового законодательства может срывать процедуры коллективных переговоров, блокировать трудовые споры и благодаря этому игнорировать требования работников.

В этой тяжелой для себя ситуации, когда в условиях кризиса остановка работы утратила эффективность в качестве средства воздействия на предпринимателя, протестно настроенные работники нашли единственный выход — проводить публичные акции для привлечения к своим проблемам внимания со стороны. Но обнаруживается и реальная опасность перемещения трудовых конфликтов на улицы и площади городов, где объединяются интересы бастующих работников и населения, недовольного работой социальных, коммунальных и других служб. А это влечет за собой худшую деструктивную альтернативу — выяснение конфликтных отношений за пределами предприятия чревато трансформацией трудового конфликта в социальный с риском применения акции гражданского неповиновения.

За истекшие 3–4 года существенно изменился состав участников трудовых протестов на предприятиях. Если в 2008 году две трети акций проходили в форме стихийных процессов, то в последующий период профсоюзы превратились в главный персонаж конфликтного противоборства наемных работников с работодателями. И в первую очередь это касается первичных профсоюзных комитетов предприятий, из которых каждый второй участвует в трудовом споре или конфликте. Наряду с этим постоянно снижается доля стихийных забастовок, что свидетельствует о росте организованности протестных акций.

Одновременно наблюдается повышение доли участия в них городских и региональных отраслевых профсоюзов. Так, если в 2008–2009 годах профсоюзные комитеты предприятий вынужденно подключались к стихийным забастовкам, то в 2010–2011 годах они все чаще стали самостоятельно возглавлять трудовые протесты с целью предотвращения обострения экономического конфликта до стихийных акций массового протеста. Свой вклад в повышение уровня организованности социально-трудовых протестов вносят различные общественные и общественно-политические структуры, оказывающие солидарную поддержку профсоюзным активистам.

Отмеченная выше динамика, по мнению экспертов, вызывает двойственное впечатление. С одной стороны, происходит рост числа трудовых протестов в нелегитимных формах, но, с другой стороны, повышается организующая роль профсоюзных комитетов на предприятиях при проведении акций. Но не с целью поддержки участников радикальных конфликтных действий, а скорее с тем, чтобы довести информацию о неприемлемой для работников социально-экономической ситуации как до предпринимателей, так и до местных и региональных властей. А тот факт, что успех протестующим работникам приносят конфликтные акции, не регулируемые Трудовым кодексом, — проблема законодательства, а не сфера ответственности профсоюзов.

В заключение следует отметить, что в последние годы численность трудовых протестов не снижается по сравнению с кризисными годами. По мнению ведущих российских экономистов, экономический кризис не привел к позитивным структурным изменениям, в том числе к изменению роли работников, которые в результате введения Трудового кодекса в 2002 году превратились в прибыльный ресурс для отечественного бизнеса. Трудящиеся лишены права сопротивляться произволу предпринимателей, не могут влиять на повышение своей зарплаты, улучшение условий и охраны труда. Им оставлена лишь возможность соглашаться с любыми решениями работодателя и в качестве «слабого» партнера в трудовом процессе выпрашивать некоторые уступки, что совершенно недопустимо для рыночной экономики.

Несмотря на то что экономический кризис закончился для предприятий, он сохранился для работников в виде таких реальных угроз, как задержки выплаты зарплаты, реорганизации и увольнения. Именно уровень конфликтности трудовых отношений практически не снизился, как и число трудовых протестов на предприятиях.

В настоящий момент наблюдается слабая результативность как государственно-правовой (через правоохранительные органы), так и общественной, коллективной (через профсоюзы) модели защиты трудовых прав наемных работников. Обе модели демонстрируют низкую, совершенно недостаточную эффективность.

По свидетельству профсоюзов и наемных работников нарушения трудовых прав на производстве приняли массовый характер. Тем не менее государственная инспекция труда фиксирует лишь те нарушения, из-за которых в нее обращаются работники, но и это единицы из тысяч пострадавших людей. Потому что большинство из них сознательно отказываются от защиты своих трудовых прав по той причине, что сама процедура защиты для них — это длительное и затратное мероприятие. Направляется предложение об упрощении действующего механизма правовой самозащиты работников, освобождения их от бюрократических ограничений и препятствий. В этом контексте следует расценивать как нетерпимое явление тот факт, что до сих пор отсутствует комплексная система мониторинга состояния и нарушений трудового законодательства менеджментом и работодателями на федеральном и региональном уровнях.

Нормализовать ситуацию можно путем введения назревших изменений в нынешнее трудовое законодательство, в первую очередь в закон о забастовках. Речь идет о ликвидации нарушенного равновесия прав — коллектива и профсоюзов, с одной стороны, и работодателя — с другой. Выходя за пределы базирующегося предприятия, трудовые протесты сливаются с социальными протестами других социальных групп города и региона, создавая тем самым благоприятную почву для массовых радикальных протестов. Перекрыть этот канал аккумуляции социальной напряженности возможно, создав условия для решения социально-экономических проблем наемных работников только или главным образом внутри предприятия за счет расширения их прав с тем, чтобы они под руководством профсоюзов могли на равных вести социальный диалог с работодателем, тем более в конфликтных ситуациях. Разумеется, в ближайшей перспективе это приведет к росту уровня зарплат, расходов на улучшение условий и охраны труда. Но в долговременной перспективе эти затраты могут быть выгодными для всего общества благодаря усилению социальной стабильности и социального мира на производстве.

А. В. Юркевич¹

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА УКРАИНЕ: МОНИТОРИНГ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Федерация профсоюзов Украины — наибольшее репрезентативное объединение всеукраинских профсоюзов, представляющее интересы более 8 млн работников, ветеранов труда, студенческой и учащейся молодежи страны в отношениях с органами власти. Одним из приоритетных направлений деятельности Федерации и ее членских организаций является защита социально-экономических прав и интересов членов профсоюзов путем применения процедур разрешения коллективных трудовых споров.

Формирование системы разрешения коллективных трудовых споров началось с принятием Закона Украины «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» (далее — Закон), который определил правовые и организационные принципы функционирования системы мер по их решению.

С целью содействия урегулированию коллективных трудовых споров (конфликтов) Указом Президента Украины от 17 ноября 1998 года № 1258 был образован постоянно действующий государственный орган — Национальная служба посредничества и примирения (далее — НСПП).

Для объединения усилий, направленных на улучшение состояния социально-трудовых отношений, а также предотвращения возникновения коллективных трудовых споров и содействия своевременному и справедливому их разрешению между Федерацией профсоюзов Украи-

ны и Национальной службой посредничества и примирения заключено соглашение о сотрудничестве. Аналогичные соглашения были заключены также во всех регионах Украины между областными советами профсоюзов и региональными отделениями Службы.

В соответствии с заключенными соглашениями на областных уровнях проводятся совместные выезды в города и районы для обучения председателей профсоюзных комитетов предприятий, организаций и учреждений с целью предотвращения, а также оказания помощи в разрешении коллективных трудовых споров; проводятся семинары-совещания по повышению правовой культуры сторон социально-трудовых отношений.

Для повышения эффективности работы примирительных органов при решении коллективных трудовых споров на учебной базе Национальной академии государственного управления при Президенте Украины проводятся подготовка и обучение трудовых арбитров, которые в основном являются представителями профсоюзных организаций и объединений. Эти арбитры привлекаются как во время проведения трудовых арбитражей, так и во время проведения примирительных комиссий.

Постоянной практикой деятельности Федерации профсоюзов Украины, ее членских организаций стали совместные мероприятия с центральными и местными органами исполнительной власти, отраслевыми, территориальными профсоюзами, где анализируются состояние и пути улучшения социально-трудовых отношений между работодателями и наемными работниками.

¹ Заведующая отделом по вопросам коллективных трудовых споров Департамента производственной политики и коллективно-договорного регулирования аппарата Федерации профсоюзов Украины.

За период своего существования (1999–2013 гг.) по состоянию на 1 января 2013 года Национальной службой посредничества и примирения был зарегистрирован 1801 коллективный трудовой спор. Больше количество было в 1999 году — 421, что свидетельствует об обострении социально-трудовых отношений, и меньше всего в 2007 году — 49. Уменьшение споров, к сожалению, нельзя связывать с экономической стабильностью, поскольку продолжает увеличиваться задолженность по заработной плате, незаконные увольнения. Скорее это связано с длительностью примирительных процедур и несоответствием действующего Закона общественной необходимости.

Рис. 1. Коллективные трудовые споры в разрезе отраслей промышленности, которые решались в 2012 году

Как показывает анализ требований (4486), из общего количества коллективных трудовых споров (1801) основную долю (53,5 %) составляют требования относительно невыполнения законодательства о труде; 30,5 % — невыполнения коллективного договора, соглашения; 13,3 % — установления новых или изменения существующих социально-экономических условий труда и производственного быта и 2,7 % — заключения или изменения коллективного договора, соглашения.

В последние годы участились случаи массовых сокращений работающих на предприятиях, широко применяются отпуска без сохранения заработной платы. Некоторые предприятия работают в режиме сокращенной рабочей недели (до трех дней). На большинстве предприятий приостановлено действие положений коллективных договоров, сокращены или вовсе не выплачиваются поощрительные выплаты, единовременные пособия, доплаты к заработной плате.

Следует отметить, что в 2012 году на Украине работники предприятий стали активнее защищать свои трудовые права и соответственно по сравнению с предыдущими годами несколько увеличилось количество споров. Как видно из рис. 2, если в 2008 году их было 72, 2009-м — 75, 2010-м — 64, 2011-м — 84, то уже в 2012 году — 102 коллективных трудовых спора (рис. 2).

Неотъемлемой частью решения коллективных трудовых споров на Украине, как и в других странах мира,

Наибольшее количество коллективных трудовых споров возникало именно на производственном уровне — 1713, меньше на территориальном — 73, на отраслевом — 12, на национальном уровне — 3.

Из 191 спора, которые решались в 2012 году, по отраслям экономики наибольшее их количество наблюдалось на предприятиях машиностроения — 32, жилищно-коммунального хозяйства — 23, угольной промышленности — 22, транспорта и связи — 20, строительства — 14, химической промышленности — 3, пищевой — 11, металлургии и обработки металла — 8, образования — 5 (рис. 1).

является право на забастовку. В соответствии с Законом Украины «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» забастовка применяется как крайнее средство разрешения коллективного спора и устанавливает специальную процедуру ее проведения — определенную последовательность действий и сроки проведения. Несоблюдение этой процедуры влечет признание забастовки незаконной.

Основными причинами проведения забастовок и акций социального протеста на Украине также являются задолженность по выплате заработной платы, несвоевременная выплата текущей заработной платы, неудовлетворительные условия труда, несоблюдение работодателями правил техники безопасности. Как видно из рис. 3, количество забастовок по годам существенно не отличается: в 2008 году — 10, 2009-м — 12, 2010-м — 14, 2011-м — 12, 2012 году — 11 (рис. 3).

Согласно ст. 13 Закона Украины «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» стороны коллективного трудового спора обязаны использовать для его урегулирования все возможности, которые не запрещены законом. Поэтому их разрешение во многом зависит от активной профсоюзной позиции. Примером защиты социально-экономических и трудовых прав работников являются три коллективных трудовых спора на национальном уровне между Федерацией профсоюзов Украины и Кабинетом министров Украины, основными требованиями в которых было выполнение положений генерального

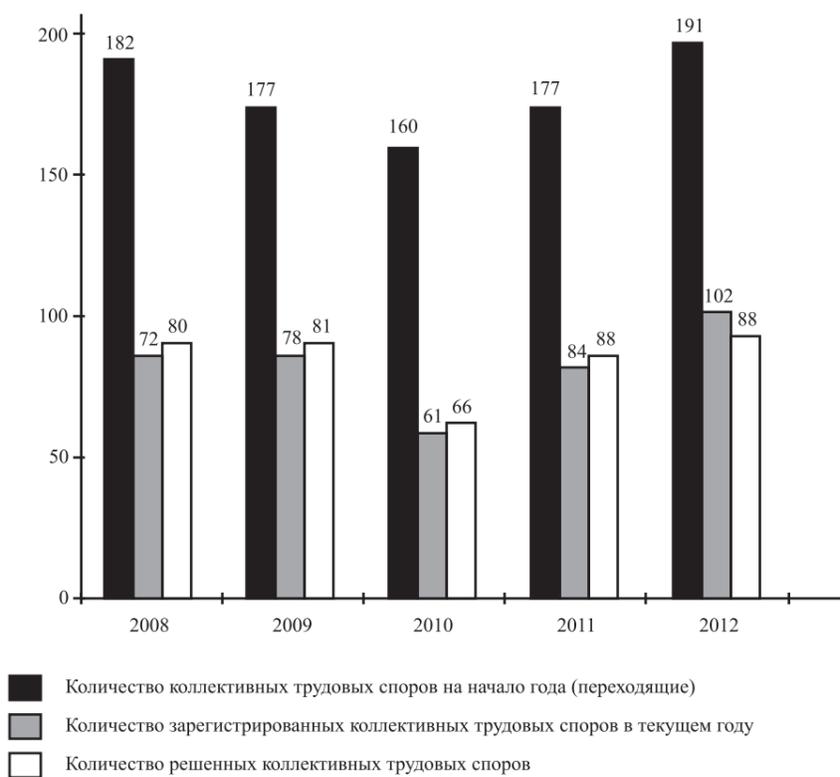

Рис. 2. Количество зарегистрированных и решенных коллективных трудовых споров (конфликтов) в 2008–2012 годах

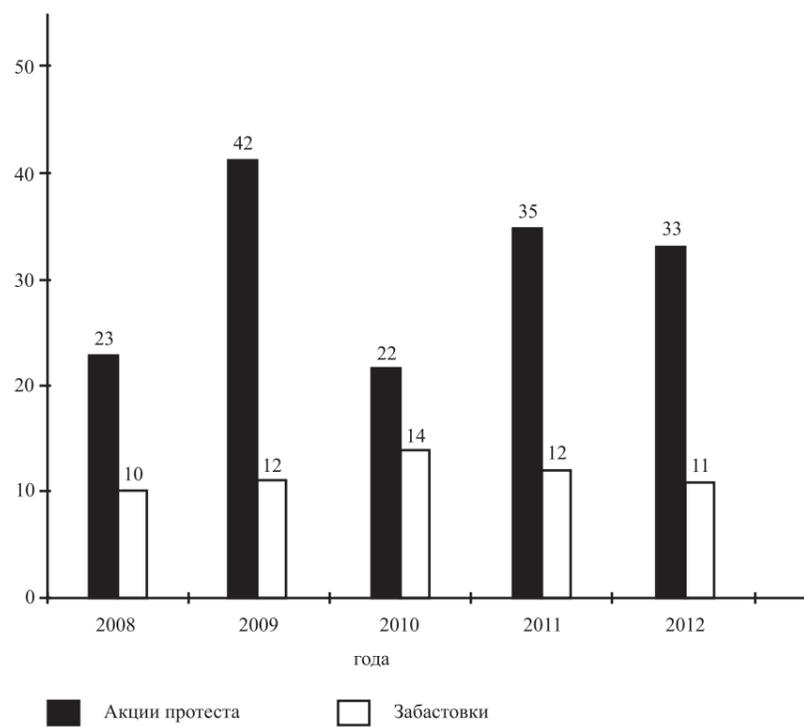

Рис. 3. Количество забастовок и акций социального протеста, которые происходили на Украине в течение 2008–2012 годов

соглашения, улучшение социально-экономических условий труда, производственного быта и повышение размера оплаты труда наемных работников. После проведения примирительных комиссий и трудового арбитража правительственная сторона шла на уступки и соглашалась с требованиями профсоюзов.

При подготовке прогноза развития социально-трудовых отношений, возникновения коллективных трудовых споров на Украине на 2013 год, по информации Национальной службы посредничества и примирения, учитывались тенденции финансово-экономического характера, проводился мониторинг состояния социально-трудовых отношений на предприятиях, в организациях, учреждениях, анализ динамики количества коллективных трудовых споров и причин забастовок.

Основными причинами *социально-экономического* характера, которые, по прогнозам, возможно, приведут к ухудшению социально-трудовых отношений на Украине в 2013 году, остаются следующие проблемы: нарушение социальных и трудовых прав работников в ходе реорганизации, реструктуризации объектов хозяйствования; низкий уровень оплаты труда в ряде отраслей экономики; применение на отдельных предприятиях, в учреждениях, организациях вынужденной неполной занятости, работа в условиях неполного рабочего дня (недели); несоблюдение субъектами хозяйствования установленного законодательством уровня минимальной заработной платы, несоответствие тарифных ставок (должностных окладов) требованиям генерального, отраслевого, регионального соглашений; невыполнение положений законодательства об охране и безопасности труда; несоблюдение прав и гарантий работников на предприятиях, на которых реализуются процедуры по восстановлению платежеспособности должника или признание его банкротом.

В основе многих из указанных выше причин лежат негативные факторы, которые носят *финансово-экономический* характер: негативные или неэффективные экономические и финансовые результаты предыдущих структурных перестроек отдельных отраслей экономики, неэффективная деятельность части предприятий, убыточность производства, которые имеют тенденцию к увеличению в отдельных отраслях экономики; несвоевременные или неполные расчеты потребителей за поставленную продукцию, товары, выполненные работы, полученные услуги; недостаточные объемы финансирования или неравномерное на протяжении года финансирование предприятий и организаций из местного и государственного бюджетов; несвоевременное поступление субвенций на отчисление затрат при перевозке льготных категорий пассажиров; низкий уровень дотаций на компенсацию убытков предприятий через государственное регулирование цен и тарифов; несоответствие тарифов на жилищно-коммунальные услуги затратам на их производство.

Как в 2012 году, так и в текущем высока вероятность нестабильности социально-трудовых отношений в трудовых коллективах и возникновения коллективных трудовых споров на предприятиях машиностроительной, транспортной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства.

Следует отметить, что при решении коллективных трудовых споров работники предприятий и профсоюзы всех уровней сталкиваются с проблемами и несовершенством Закона Украины «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» относительно:

- отсутствия разграничений понятий спора о праве и спора об интересах;
- длительных и сложных по форме процедур рассмотрения коллективного трудового спора примирительными органами;
- отсутствия обязательности выполнения сторонами спора (конфликта) решения трудового арбитража;
- минимальной ответственности сторон за невыполнение решений и отсутствие механизмов выполнения решений трудового арбитража и примирительной комиссии;
- отсутствия возможности проведения предупредительных и солидарных забастовок;
- многочисленных ограничений права на забастовку для отдельных категорий работников, а также отсутствия эффективных механизмов разрешения коллективных трудовых споров для таких работников;
- правовой незащищенности работников, которые вступили в коллективный трудовой спор;
- отсутствия государственного финансового обеспечения посредников и трудовых арбитров.

Кроме того, как показывает анализ практики разрешения трудовых споров на Украине, индивидуальные трудовые споры регулируются в судебном порядке, а коллективные, наоборот, имеют только внесудебный порядок урегулирования и лишены возможности рассмотрения в суде. Поскольку трудовые споры разрешаются инстанциями (органами) и судами различной юрисдикции, а законодательная база по вопросам, связанным с трудовыми спорами, не систематизирована, возникает необходимость создания новой модели решения трудовых споров на Украине путем реформирования существующей.

С целью усовершенствования механизмов их разрешения реализуется шведско-украинский проект, имеющий целью разработку и внедрение новой концепции урегулирования трудовых споров. Новая модель решения трудовых споров на Украине базируется на нормах Европейской социальной хартии (пересмотренной), конвенций Международной организации труда, ратифицированных Украиной, и на достижениях лучших отечественных и европейских практик. Концепция новой модели решения трудовых споров классифицирует их по предмету спора — на споры о правах и споры об интересах — и определяет пути и процедуру их решения, обязательность исполнения принятых трудовым арбитражем решений и ответственность за нарушение законодательства о трудовых спорах, обеспечения прав работодателей и наемных работников во время спора. Кроме того, определяется роль профсоюзов и организаций работодателей в процедурах решения трудовых споров на всех уровнях, предусматривается системная государственная профессиональная подготовка независимых посредников и трудовых арбитров, упрощается процедура объявления забастовки.

В. Н. Яковчук¹

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПРИНЦИПАХ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Трудовая сфера, как жизненнообразующая область человеческого бытия по своей объективной природе, чревата социальными конфликтами. Проблематичность, неудовлетворенность, конфликтность — это своеобразные родимые пятна на сфере труда. Тому есть ряд причин, одна из которых — разнонаправленность основополагающих экономических интересов базовых субъектов социально-трудовых отношений: нанимателей (работодателей), работников наемного труда и государства. Максимизация прибыли, желание возможно большего вознаграждения за свой труд, увеличение доходных статей государственного бюджета — главные векторы экономических устремлений соответствующих сторон сферы труда.

Одновременная реализация «по максимуму» отмеченных выше притязаний нереальна, что вызывает необходимость вынужденного или добровольного принятия определенных уступок одной или несколькими сторонами. В этом смысле как в теории, так и в практике регулирования социально-трудовых отношений предполагаются два основных подхода к разрешению возникающих конфликтов: первый подход — это конфронтация (силовое давление, навязывание своего варианта решения проблемы); второй — социальный диалог (коллективные переговоры, компромиссы).

Воплощением второго подхода при разрешении противоречий в сфере труда, получившим развитие в ряде стран с развитой рыночной экономикой (прежде всего западноевропейских стран) выступают отношения между нанимателями (их объединениями), наемными работниками (профсоюзами) и органами государственного управления на принципах социального партнерства (трипартизма, в отдельных случаях — бипартизма).

Определенный уровень институционализации социального партнерства в сфере труда получило в условиях современной Беларуси. Его необходимость закреплена в 14-й статье Конституции Республики Беларусь. Сами принципы социального партнерства сформулированы в действующем Трудовом кодексе РБ. Это равноправие сторон, соблюдение норм законодательства, полномочность принятия обязательств, добровольность и учет реальных возможностей, обязательность выполнения договоренностей, отказ от односторонних действий, взаимное информирование социальных партнеров об изменении в трудовой ситуации.

Сравнивая принципы социального партнерства, выделенные белорусским и российским законодателями,

¹ Доцент кафедры истории права и гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО» (Республика Беларусь), кандидат социологических наук. Автор ряда научных, учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Социальное партнерство в трудовой сфере Беларуси как системный социальный феномен», «Социология», «Социальное партнерство в сфере труда», «Экономическая социология», «Партнерство социальное», «Теоретико-методологические проблемы социальной молодежной политики Беларуси» и др. Член редколлегии научно-практического журнала «Труд. Профсоюзы. Общество».

можно видеть их фактическую идентичность по большинству позиций. Вместе с тем заслуживает внимания ряд принципов, получивших применение в Трудовом кодексе Российской Федерации и не имеющих отражения в законодательстве Республики Беларусь. Во-первых, это принцип заинтересованности сторон в участии в договорных отношениях. Он фактически выражает осознание различными социальными группами и слоями общественной целесообразности поиска социального мира и согласия на основе договора, взаимного учета интересов другой стороны.

Во-вторых, два принципа связаны с определенным уровнем общественно-политического развития общества: принцип содействия государства в укреплении и развитии социального партнерства на демократической основе и принцип свободы выбора при обсуждении вопросов, относящихся к сфере труда. В данном случае речь идет о развитии социального государства с рыночной экономикой, гражданских правах в сфере труда.

В-третьих, принцип контроля принятых коллективных договоров, соглашений. Он относится к организационно-технологическим факторам эффективного функционирования механизмов социального партнерства на различных уровнях. Более полная реализация данного принципа в условиях Беларуси позволила бы повысить результативность заключаемых между социальными партнерами коллективных договоров на уровне предприятия, соглашений на местном уровне, тарифных соглашений на отраслевом уровне, генерального соглашения на республиканском уровне.

Система социального партнерства в Республике Беларусь, помимо официально закрепленных принципов, включает ряд других институциональных компонентов: широкую правовую базу коллективно-договорных трудовых отношений; формы и органы трехстороннего взаимодействия; идеологические установки на необходимость поиска компромисса, мирного разрешения возникающих трудовых конфликтов (коллективных трудовых споров).

К объекту своего анализа мы относим коллективный трудовой спор как вид трудового конфликта. Коллективные и индивидуальные трудовые споры различаются по их субъектам (сторонам), предмету, правовым процедурам разрешения. По белорусскому законодательству под коллективным трудовым спором понимаются неурегулированные разногласия сторон коллективных трудовых отношений по поводу установления, изменения социально-экономических условий труда и быта работников, заключения, изменения, исполнения либо прекращения коллективных договоров, соглашений.

Законодатель устанавливает логически последовательный с точки зрения провозглашенных принципов социального партнерства алгоритм разрешения коллективного трудового спора, сторонами которого выступают наниматель или их объединения и работники в лице

их представительных органов. Основными стадиями разрешения подобного трудового конфликта названы: предъявление и рассмотрение требований, примирительная комиссия, посредничество, трудовой арбитраж, забастовка. При этом на всех стадиях взаимодействия сторон коллективного трудового спора доминантная роль отводится коллективным переговорам.

По данным Республиканского трудового арбитража, в 2012 году в Беларуси было зарегистрировано 24 коллективных трудовых спора, проведено столько же примирительных комиссий и 2 арбитражных заседания, урегулировано с участием трудовых арбитров 57 разногласий, связанных с заключением и исполнением коллективных договоров. В 2011 году названные цифровые показатели составляли соответственно 31, 31, 7 и 53.

Причинами коллективных трудовых споров являлось, как правило, неисполнение отдельными нанимателями взятых на себя в коллективных договорах обязательств. Это касалось обеспечения работающих средствами индивидуальной защиты; выплаты соответствующих премий, а также среднего заработка за время трудового отпуска; повышения тарифной ставки первого разряда; своевременного перевода на счета профсоюзов членских взносов, удерживаемых из заработной платы работников, и др.¹

Процесс институционализации отношений социального партнерства в Беларуси нельзя считать завершенным. Система взаимодействия объединений нанимателей, профсоюзов и органов государственного управления еще не приобрела характера устоявшегося, широко укоренившегося в сфере трудовых отношений механизма, основу которого составляют не только формальные нормы и правила, но и особый общественный менталитет, характерными чертами которого выступают толерантность, настрой на сотрудничество, уважение к партнерам.

Имеет место практика, когда разрабатываемые государственными органами проекты нормативно-правовых актов по вопросам труда не согласовываются с профсоюзами и объединениями нанимателей, или когда государство «меняет правила игры» в сфере труда без обсуждения их с социальными партнерами.

Слабо выражена в системе социального партнерства Беларуси позиция стороны нанимателей, что вызвано рядом обстоятельств. Прежде всего, это отсутствие у объединений нанимателей должного статуса в правовом поле социально-партнерских отношений, а также широкой членской базы среди хозяйствующих субъектов, превалирование государственного сектора в отраслях экономики, в результате чего бизнес не приобрел пока должного влияния в системе общественных отношений.

Важно отметить при этом, что одних экономических, политических, организационно-правовых условий недостаточно для эффективного социального диалога в обществе, цивилизованного разрешения трудовых конфликтов. Для этого нужна соответствующая культурная среда. Д. С. Лихачев представлял «...чрез-

¹ О работе Республиканского трудового арбитража в 2012 году // Министерство юстиции Республики Беларусь. 2013. URL: http://www.minjust.by/ru/site_menu/resptrud/deyat

вычайно важным рассматривать культуру как некое органическое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои, общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоотношения и взаимоотталкивания...»²

Для полноценной реализации провозглашенных принципов социального партнерства необходимо наличие в обществе соответствующих культурных предпосылок. К ним можно отнести ориентацию общественного сознания не на конфронтацию, а на поиск социального согласия и конструктивного взаимодействия; понимание важности разрешения возникающих трудовых противоречий на основе существующих законов и правил; осознание субъектами трудовых отношений необходимости учитывать не только свои интересы, но и интересы партнеров; заботу профсоюзов как об уровне заработной платы, так и о повышении производительности труда; заинтересованность предпринимателей в решении социальных программ и др.

Культура партнерских отношений в сфере труда предполагает формирование в обществе миролюбивой социально-психологической атмосферы, способствующей поиску социального консенсуса, создающей более благоприятный фон для сглаживания возникающих трудовых противоречий.

Особую актуальность, на наш взгляд, в современных условиях, связанных с продолжающейся мировой финансовой и экономической нестабильностью, высокой безработицей, обострением в ряде стран трудовых противоречий, приобретает осмысление места и содержания принципа социальной солидарности как важнейшего фактора и центрального звена формирования культурной среды социального партнерства и снижения уровня конфликтности в трудовой сфере.

Классик французской и мировой социологии Э. Дюркгейм на рубеже XIX и XX веков рассматривал солидарность как центральное понятие и существенный элемент социальной интеграции. Важную роль в развитии общества, укреплении его солидарности и стабильности ученый отводил правовым и нравственным аспектам отношений между нанимателями и наемными работниками, рабочими и руководителями предприятий, конкурирующими предпринимателями. Общество, в котором отсутствуют регулирующие общественную жизнь социальные образцы, находится в состоянии аномии. С таким «аномическим» состоянием общества, на взгляд ученого, «...связаны непрерывно возрождающиеся конфликты и всякого рода беспорядки... в экономическом мире. Поскольку ничто не сдерживает существующие силы и не очерчивает им границ, которые бы они уважали, они стремятся развиваться неограниченно, взаимно подавить и покорить друг друга»³.

Ситуация, когда «сильнейшим удастся подавить слабейших и подчинить их себе», по Э. Дюркгейму, может вынудить подчиненного к терпению, но она не может привести к устойчивому равновесию. Навязанное силовым путем перемирие будет временным

² Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 350.

³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. и послесл. А. Б. Гофмана. М., 1990. С. 6.

и не сможет умиротворить людей. «Человеческие страсти успокаиваются только перед лицом нравственной силы, которую они уважают. Если всякий авторитет такого рода отсутствует, то господствует право сильного и явное или скрытое состояние войны непременно становится хроническим»¹.

Социальная солидарность находит воплощение в деятельности Международной организации труда. Уже в организационном строении МОТ реализуется принцип солидарности посредством трехстороннего представительства сторон трудовых отношений стран-участниц в высшем органе организации — Международной конференции труда и исполнительном органе — Административном совете. МОТ, подтверждая неизменность своих основных подходов в новых условиях в связи с глобализацией мировой экономики, приняла в 1998 году Декларацию об основополагающих принципах и правах в сфере труда. Ее главная цель — стимулировать согласованные усилия всех стран, направленные на то, чтобы экономический прогресс сопровождался прогрессом социальным, и при этом в полной мере учитывалось все разнообразие условий, возможностей и приоритетов каждой страны.

В Декларации ООН, принятой на Саммите тысячелетия в сентябре 2000 года, солидарность выделена одной из фундаментальных ценностей для международных отношений в XXI веке. Согласно этому документу мирового сообщества принцип солидарности означает, что, во-первых, глобальные проблемы должны решаться при справедливом распределении издержек и бремени в соответствии с фундаментальными принципами равенства и социальной справедливости. Во-вторых, те, кто страдает или находится в наименее благоприятном положении, заслуживают помощи со стороны тех, кто находится в наиболее благоприятном положении².

В системе трехстороннего взаимодействия социальная солидарность может способствовать поиску компромисса и социального согласия между профсоюзами, объединениями нанимателей, органами государственного управления. Солидарность в этом случае выходит за рамки корпоративных интересов каждой из сторон социального партнерства. Социальный мир и конструктивное взаимодействие в сфере трудовых отношений выступают необходимым условием устойчивого и динамичного социально-экономического развития общества, отрасли, региона, конкретного предприятия.

Приверженность белорусских профсоюзов принципу социальной солидарности означала бы, кроме всего прочего, содействие расширению и укреплению организационно-правовых оснований представительства работодателей в трехсторонних отношениях; проявление большей заинтересованности во взаимодействиях с объединениями нанимателей на всех уровнях при разработке нормативно-правовых документов

по вопросам трудовых отношений; систематическое привлечение стороны нанимателей к проводимым профсоюзами семинарам, конференциям, круглым столам по проблемам социально-экономического развития, социально-трудовых отношений, социального партнерства и др.

Формирование полноценного института социального партнерства в условиях социального государства связано с освоением профсоюзными организациями, комитетами, объединениями, широким профсоюзным активом культуры партнерских взаимоотношений, осознанием своих законных прав выступать, порой жестко, представителем стороны трудящихся для реализации их социально-экономических и трудовых интересов.

Особое место в цивилизованной рыночной экономике приобретает позиция социально ответственного бизнеса (предпринимательства). В литературе можно встретить самые широкие интерпретации сущности и содержания этого понятия. Разработчики Концепции социального государства Российской Федерации под социальной ответственностью бизнеса понимают целый ряд конкретных дефиниций. Это забота об обеспечении выпуска качественной продукции, о своевременной выплате достойной заработной платы, создании условий для воспроизводства рабочей силы, обеспечении охраны и безопасных условий труда, поддержании уровня занятости, финансовой поддержке систем профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров, своевременном отчислении страховых платежей, развитии объектов социальной сферы, благотворительной деятельности и др.³

Социальная ответственность цивилизованного бизнеса выступает частью движения современных европейских государств по пути решения социальных проблем в вопросах жилья, здравоохранения, образования, занятости, социальной защиты, свободы перемещения, исключения дискриминации и др.⁴

Опыт социального диалога в странах с развитой рыночной экономикой показывает, что партнерство не исключает социально-трудовых противоречий и конфликтов в сфере труда. В то же время оно помогает достигать эффективного взаимодействия сторон и тем самым содействовать росту трудовой и предпринимательской активности, оздоровлению процессов конкуренции, улучшению условий труда и качества жизни работников, снижению остроты социально-трудовых конфликтов.

Попытка осмысления в докладе некоторых аспектов функционирования института социального партнерства, использования его возможностей для снижения конфликтности трудовой сферы, предпринятая нами в белорусском и частично в российском контекстах, не исчерпывает широкой проблематики вопроса, как на «площадке» СНГ, так и в плане современных мировых вызовов и реальностей.

¹ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 7.

² Бюллетень ООН. 2003. № 1. С. 2.

³ Кулинченко В. В. Социальная ответственность бизнеса как условие эффективности социального партнерства // Труд и социальные отношения. 2006. № 4. С. 66.

⁴ См.: Зотиков А. Европейская социальная хартия: почему ее необходимо ратифицировать // Человек и труд. 2004. № 6.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

В. А. АВКСЕНТЬЕВ	директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
К. Я. АМАНДЫКОВ	заместитель председателя Федерации профсоюзов Республики Казахстан
А. В. ВЕРШИНИН	специалист научно-исследовательской лаборатории Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП
А. В. ДМИТРИЕВ	член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный научный сотрудник Института социологии РАН, советник РАН, доктор философских наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
Е. И. МАКАРОВ	заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП
Е. С. САДОВАЯ	заведующая сектором Отдела социально-трудовых исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН, кандидат экономических наук, доцент
К. ТАПИОЛА	специальный советник генерального директора Международной организации труда (Женева, Швейцария)
Л. Г. ТИТОВА	профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор политических наук, заслуженный деятель науки РФ
Ж. Т. ТОЩЕНКО	член-корреспондент РАН, декан социологического факультета, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор
Б. Г. ТУКУМЦЕВ	ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, кандидат философских наук, доцент
Г. А. ЦВЕТКОВА	профессор кафедры социологии организаций и социальных технологий Российского государственного гуманитарного университета, доктор социологических наук
Н. ЭЛОМАА	директор департамента переговоров между предпринимателями и профсоюзами Центрального объединения профсоюзов Финляндии
В. Н. ЯКОВЧУК	доцент кафедры истории права и гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО» (Республика Беларусь), кандидат социологических наук

Е. И. МАКАРОВ: — Уважаемые участники Лихачевских научных чтений! Наша секция посвящена социально-трудовым конфликтам на пространстве СНГ, их мониторингу, анализу, прогнозированию. Я призываю вас в своих выступлениях придерживаться этой темы, но в то же время не забывать о том, что наш форум в целом посвящен диалогу культур. Первым я приглашаю выступить нашего гостя из Финляндии Николаса Эломаа.

Н. ЭЛОМАА: — Я хочу вкратце рассказать о проблемах профсоюзов в Финляндии. Они насчитывают более 1 млн членов, всего в Финляндии проживают 5 млн человек. У нас нет специальных законов о мини-

мальной зарплате и соглашениях о зарплате, которые заключают профсоюзы. Об этом важно помнить, когда мы говорим о конфликтах в сфере труда. К настоящему времени наше законодательство устарело, оно было принято в 1920-е годы по аналогии с немецким законодательством. Я разделю свое выступление на две части: обычные конфликты и необычные конфликты, которые сегодня являются главной проблемой. Пример обычного разрешения споров. Допустим, в октябре истекает срок соглашения, заключенного с работниками в металлургической отрасли. За месяц до этого начинаются переговоры по поводу заработной платы. Обычно они не бывают очень легкими, но если все проходит удачно, то подписывается договор и обе стороны

довольны. 95 % переговоров заканчивается успешно, но остается 5 %, которые заканчиваются безрезультатно. Если работники к ноябрю не получат новое соглашение на будущий год, то здесь уже должен вмешаться совет. Нельзя заставлять работников подписывать какие-либо соглашения, если они этого не желают, медиатор не должен давить на них. Им нужно найти компромисс путем диалогов и обсуждений.

Государство не может заставить обе стороны подписать какие-либо соглашения. Если медиатору удастся достичь соглашения между двумя сторонами, то это будет хороший результат — новое подписанное соглашение. Обычно и рабочие, и работодатели не вполне довольны результатами переговоров посредством медиаторов. Я юрист и поэтому знаю, что лучший контракт — это тот, в котором обе стороны немного недовольны. Но если случается такая ситуация, что профсоюзы и работодатели не могут достичь соглашения, в таком случае рабочие начинают забастовку. И все это в соответствии с законом, так как в этот момент у них нет официального договора и, соответственно, есть право добиваться его заключения на своих условиях. Сегодня такое случается редко и занимает от одного до четырех дней. Но в любом случае им нужно договориться и подписать договор, хотя никто не может заставить их сделать это. Это пример обычного способа разрешения споров путем переговоров, когда подписывается договор при участии медиатора или без него.

Вместе с тем, сегодня мы наблюдаем новый метод разрешения трудового спора, когда люди просто уходят со своих рабочих мест и перестают исполнять трудовые обязанности, и я называю это ненормальным способом решения трудовых конфликтов. Как вы знаете, сегодня мир живет в очень быстром темпе и становится все более грубым по отношению к человеку. Компании очень быстро растут, объединяются, делятся на части, увольняют и нанимают сотрудников. И каждый рабочий задает себе вопрос: «Что будет со мной?» Например, компания «Nokia», которую многие из вас знают, планирует закрыть свои заводы в Финляндии и отправиться на Восток, конечно, рабочие будут недовольны, потому что потеряют свои места. И какая будет первая реакция работников? Они выйдут на демонстрации, могут просто не выйти на работу. Раньше это воспринималось с пониманием, однако теперь компании научились бороться с подобными явлениями. И в такой ситуации никакие переговоры не помогают. Если не существует инструмента для того, чтобы начать диалог, приходят юристы, и это не очень хорошо. Может быть, они и найдут решение, но оно будет слишком дорогое стоить и приведет к тому, что если одна сторона выиграет, тогда другая проиграет. И если вы окажетесь на стороне проигравших, вы запомните это надолго.

Эти локальные конфликты, решение которых может быть найдено только в суде, в будущем могут составить очень большие сложности. И в такой ситуации профсоюзам очень трудно найти компромисс. Вы же знаете, что такое месь. Мы можем справляться обычным способом, когда достигается соглашение между профсоюзами и компанией, но необычные ситуации бросают новый вызов Финляндии. Нам нужно найти

инструменты, чтобы справляться с новыми конфликтами на локальном уровне и устранять все недопонимания между работодателями и работниками. Нам нужно вернуться к диалогу, в котором мы будем уважать и доверять друг другу. Спасибо, я надеюсь, мне удалось дать вам некоторое представление о том, как решаются трудовые конфликты в Финляндии.

Е. И. МАКАРОВ: — У меня к Вам вопрос, уважаемый Николас: в Финляндии довольно много эмигрантов, которые вовлечены в трудовую деятельность. Есть ли какие-то национально-культурные особенности их конфликтного поведения и как они включены в вашу национальную систему разрешения конфликтов?

Н. ЭЛОМАА: — Спасибо, это действительно очень важный вопрос сегодня. Конфликты индивидуального характера решаются на локальном уровне. Если вы не входите в профсоюз, то на своем рабочем месте будете чувствовать себя очень некомфортно и волноваться о его сохранении в будущем. Проще отдать свои проблемы на решение профсоюзу, чем пытаться самому с ними справиться. При возникновении спора у работника ему необходимы время для самостоятельного урегулирования и знание правил. Требуются услуги консультанта или адвоката, что весьма дорого. Поэтому 80 % всех, кто работает в Финляндии, являются членами профсоюза. Что касается эмигрантов, они в основном прибывают из Восточной Европы и не очень доверяют профсоюзам. Работники не хотят вступать в профсоюзы, и это означает, что если они сталкиваются с проблемами, им приходится решать их самостоятельно. Им нужно платить за то, чтобы обратиться в суд, нужна хорошая подготовка для переговоров с начальником. Им приходится нанимать адвоката, чтобы он представлял их интересы в суде, и цена может достигать 20 тыс. евро. Поэтому у обычных людей, не членов профсоюза, нет возможности обращаться в суд. Их трудовые споры крайне трудно решить в пользу работника. В связи с этим мы настоятельно всем рекомендуем вступить в профсоюз, независимо от того, из какой страны приехали эти люди. Если они находятся в Финляндии, они должны соблюдать финские законы.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Дополнительный вопрос, поскольку проблема эмиграции нам тоже знакома. Половина мигрантов в России — это нелегалы, поэтому они не могут обратиться ни в суд, ни к начальнику, они обращаются к своей диаспоре. Как вы к этому относитесь?

Н. ЭЛОМАА: — Поскольку Финляндия является частью Евросоюза, нам все равно откуда мигранты. Вне зависимости от того, легально или нелегально они прибыли, после решения вопроса о законности пребывания в стране они попадают на рынок труда. Если они приезжают из других стран Евразии, то в любом случае это легальные мигранты. Финляндия — это практически остров, с одной стороны она граничит с Россией, с другой — окружена морем, поэтому на практике нелегальных мигрантов в Финляндии очень мало. И если

вдруг они где-то появились, то все соседи будут знать об этом и этот факт не уйдет от внимания властей страны. Чаще всего такие люди работают в строительстве, но их начальники должны четко знать, есть ли у них нелегальные мигранты.

— *Уважаемый Николас, насколько я понял, ваши профсоюзы огорчаются сегодня тем, что переговоры работников и работодателей нередко заходят в тупик и не решают какие-то проблемы, и профсоюзам приходится вмешиваться и искать компромиссы. У меня вопрос: а кто же ведет эти переговоры со стороны работников, если потом профсоюз реализует эти решения?* (вопрос из зала)

Н. ЭЛОМАА: — Обычно, когда затеваются переговоры, начальная планка задается повышением зарплаты на 5 %, но в результате реальное повышение обычно составляет 2 или 3 %, и переговорщики знают об этом. Как правило, и те, кто ведет эти переговоры, и рабочие не всегда удовлетворены результатом. Но это компромисс, реальный и достижимый. Нам нужно вести диалог со всеми членами профсоюза, объясняя возможности переговорной тактики. Но вопрос не только о зарплате, он касается еще и качества работы, и преимуществ, которые получает работник: страховка, отпуск по уходу за ребенком, отпускные. В переговорах обычно принимают участие глава профсоюза и переговорщики, и это не просто члены профсоюза, а те, кто работает на профсоюз.

Е. И. МАКАРОВ: — Следующий выступающий — Кайрат Якудаевич Амандыков, наш гость из Казахстана, прошу Вас.

К. Я. АМАНДЫКОВ: — Уважаемые коллеги, я хотел бы начать свое выступление с благодарности за то, что меня, не ученого человека, а практика, пригласили на этот форум. Профессор Григорий Михайлович Бирженюк в своих трудах верно подмечает, что в государствах СНГ очень схожая ситуация по конфликтологии, особенно по вопросу о трудовых спорах и конфликтах, которые происходят на наших пространствах. И все совпадает: и причины конфликтов, и структуры конфликтных ситуаций, и распределение типа конфликтов в процентном соотношении к их общему числу в наших странах. Когда есть социальное неравенство в обществе, конфликт — это обычный и даже необходимый элемент социальной жизни. За 20 лет, пока происходили реформы, модернизация, мы через профсоюзы не могли достучаться до своих социальных партнеров, до представителей госорганов, до представителей объединений работодателей. Но это понятно, потому что в первые годы после распада Советского Союза, как мы знаем, все производства остановились, показатели упали и нужны были инвесторы, поэтому работодатели вынуждены были вкладывать свои деньги и, естественно, их защищать. Любая активность со стороны наемного работника, трудового человека пресекалась, и нам приходилось с этим мириться, но сегодня, по истечении времени, в связи с ростом экономических воз-

можностей государства голоса рабочих уже слышны. Процесс реформирования сопровождался дисфункциональными явлениями в социальной сфере: как я говорил, спадом производства, обнищанием части населения, резкой социальной дифференциацией общества и безработицей. На этом фоне и происходят сегодняшние трудовые споры и конфликты.

Я хотел бы рассказать, как мы в Казахстане решаем эту проблему. Если вы помните, у нас в нефтегазовом комплексе два года назад на фоне этих социальных конфликтов произошли кровопролитные события, погибли люди. И вот не было бы счастья, да несчастье помогло. После этого все повернулись к этим социальным конфликтам лицом: и государство, и работодатели, и мы за эти два-три года многого достигли. Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев раньше постоянно подчеркивал социальную ориентированность рыночной экономики, и в этом году в своем ежегодном послании, когда он обозначал долгосрочные стратегические программы, новый политический курс государства, еще раз подтвердил, что обеспечение социального благополучия граждан гарантирует государству обновленный социальный стандарт. От этого мы отталкиваемся и сегодня. Становится понятно, что процесс трудовых отношений на месте не стоит, наше законодательство опаздывает и не все учитывает. За эти годы значительно изменилась даже сущность трудовых конфликтов в Казахстане. Если в первые годы наши рабочие боролись за выплату зарплаты, за улучшение условий труда, то сегодня в трудовых конфликтах все больше акцент стал делаться не только на борьбе за материальные блага, но и на утверждении определенной системы формирования цивилизованных рыночных отношений, эффективного хозяйствования и государственного регулирования.

Сегодня мы хотим достучаться до своих социальных партнеров и объяснить им, что если долго не решать трудовой конфликт, он может превратиться в политический. Это показали последние случаи, когда участники конфликтов начинали выдвигать политические требования. Это один важный момент. И второй важный момент: я еще раз повторю, что за годы социально-экономических преобразований государственные структуры, объединения работодателей оказались неподготовленными, а во многом неспособными трансформировать требования рабочего движения в социальное законодательство и правила цивилизованных трудовых отношений. Сегодня в Республике Казахстан все социальные партнеры понимают, что важнейшей сферой поддержания партнерских отношений между работником, работодателем и государственными органами являются своевременное предотвращение конфликтов и эффективное разрешение споров в процессе переговоров или примирительно-посреднических процедур. Признавая значение переговоров как способа разрешения конфликтных ситуаций, мы определяем, насколько субъекты конфликта подготовлены, владеют технологиями ведения переговоров, соблюдая законодательные и правовые нормы.

Я еще раз вернусь к труду. В последние два-три года мы начали вплотную заниматься социальными

конфликтами, искать материалы по этой теме, и мы нашли доклад профессора Бирженюка в сборнике Лихачевских чтений. Там он говорит о нарушениях действующего законодательства, называет структурные изменения, типичные причины конфликтов и особо выделяет конфликты с менеджерами. У нас такие конфликты тоже происходят, и мы стараемся обратить на это внимание своих социальных партнеров. Как вы знаете, мы тоже ориентированы на добычу полезных ископаемых, на нефтегазовый комплекс. Там в основном работают транснациональные компании с менеджерами-иностранцами, которые не понимают наш менталитет, быт, условия. Наши работники, которые пришли с лондонскими дипломами, тоже мало от них отличаются, демонстрируют высокомерное отношение к рабочим и не вступают в социальные диалоги. Но, благодаря усилиям профсоюзов и поддержке главы государства, мы начали обучать все стороны социального партнерства, и особенно менеджеров и государственных чиновников, которые курируют данную отрасль. Сегодня все граждане нашего государства понимают, что социальное партнерство — надежная основа для предупреждения, урегулирования и решения трудовых конфликтов цивилизованным путем, и важнейшим механизмом разрешения трудовых конфликтов является коллективный договор, договорный процесс.

Наш Трудовой кодекс сегодня на 80 % ориентирован на договорный процесс. Казахстан самым последним из стран СНГ принял его в 2007 году. Мы взяли все лучшее из трудовых кодексов государств ближнего зарубежья, и сегодня в Республике акцент делается на социальное партнерство. Во-первых, современная конфликтология сформировала условия для разрешения конфликтов и определила, что главнейшей составляющей является примирительно-посредническая технология. После известных кровопролитных событий мы в свое законодательство внесли предложение, что ни одна из сторон коллективно-трудового спора не вправе уклониться от участия в этих процедурах, за нарушение указанных положений все стороны должны привлекаться к уголовной ответственности. С этим проектом согласились и наши законодатели, мы законопроект вынесли на обсуждение в парламенте. Во-вторых, наша инициатива примирительно-посреднической технологии должна осуществляться специальными комиссиями в соответствии с действующим законодательством, трудовым арбитражем, но обязательно с участием государственной стороны, чего раньше не было. Государственные чиновники были молчаливыми наблюдателями со стороны. Выполнение решений примирительно-посреднического органа должно быть обязательным для конфликтующих сторон, особая ответственность за невыполнение обязательств по соглашению, достигнутому сторонами в результате названных примирительных процедур, должна быть возложена не только на представителей работника и работодателя, но и на представителя государственных структур. Вот такие новеллы в нашем государстве.

Одно маленькое добавление. Почему мы вносим в наше действующее законодательство такие карди-

нальные новшества? Потому что у нас республика маленькая, чуть больше Финляндии, но если там 5 млн граждан, то у нас 13 млн, 6 млн из которых наемные работники, из них мы в Федерации профсоюзов объединяем 2 млн 200 тыс. А где находятся наши моногорода, предприятия, транснациональные компании? В маленьких аулах, локальных поселках и районах. И так как другой работы нет, прокуроры, которые должны надзирать за законностью, и представители работников устраивают на эти предприятия своих родственников и потом, когда случается конфликт, они умывают руки и не вмешиваются. Вот поэтому мы ужесточаем наше действующее законодательство. Спасибо.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, академику Александру Сергеевичу Запесоцкому, возглавляющему Оргкомитет Лихачевских чтений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, от имени Оргкомитета хочу поблагодарить вас за участие в Лихачевских научных чтениях и пожелать успехов в работе. Считаю необходимым отметить, что направление работы вашей секции у нас в программе Чтений появилось впервые, и это совершенно не случайно, потому что мы возлагаем определенные надежды на результаты вашей дискуссии. Думаю, что и в последующие годы мы будем включать данное направление в программу Чтений. Необходимо, чтобы разговор шел не просто о нашей практике, о том, что в нашей жизни происходит, какие у нас трудности, конфликты, и даже не о том, как это преодолевать. Мы должны постепенно выводить этот разговор на более высокий теоретический уровень (быстро мы это сделать не сможем), потому что я убежден, что ключ к решению практических вопросов в области социально-трудовой практики, социально-трудовых конфликтов находится не только в сфере конкретных технологий урегулирования конфликтов. Сегодня серьезнейшая проблема — это проблема философская, культурологическая, потому что она коренится в идеологии.

Надо сказать, что участники социального партнерства — государство, работодатели и профсоюзы — это три различных субъекта, обладающие тремя разными идеологиями, при этом идеология государственная, идеология чиновника, в России и в странах СНГ очень близка к идеологии предпринимателя. И эти идеологии плохо сходятся вместе, не имеют пока достаточного количества точек соприкосновения, и это, на мой взгляд, чрезвычайно препятствует развитию социального партнерства. Должен сказать, что в мировом сообществе эти вопросы отработаны значительно лучше. Есть очень мощный инструмент — это Международная организация труда, в которой идеологически эти вопросы проработаны очень серьезно. Может быть, сама организация и не рассматривает эти вопросы как идеологические, но я уверен, что если мы возьмем Устав МОТ или конкретные документы, то найдем там базовые ценности, принципы сотрудничества, целый набор конкретных идеологических вещей, на которых

основана деятельность МОТ и которые положены в основу развития всей системы мирового социального партнерства.

Система социального партнерства — это мировое достижение цивилизации. И у нас есть люди, которые пытаются это мировое достижение сделать достоянием России. Это в первую очередь Михаил Викторович Шмаков, который последние 20 лет внедряет это в России с огромным трудом, преодолевая сложные препятствия. Мы со своей стороны должны оказать научную поддержку развитию, утверждению этих ценностей социального партнерства в практике нашего общества. Людям, которые вовлечены в конфликты, иногда кажется, что это происходит только между трудящимися, профсоюзами и работодателями с участием чиновников. На самом деле это очень широкий процесс, который всегда захватывает интересы общества. Наш опыт изучения конфликтов на факультете конфликтологии показывает, что когда мы привлекаем к конфликтам внимание общества, они разрешаются значительно быстрее и более грамотно — и в интересах экономики, и в интересах участников этих конфликтов. Существуют определенные методы привлечения к процессу разрешения споров общества, правоохранительных органов, судов, прокуратуры, следственного комитета, это тоже чрезвычайно важные вещи. Мы можем их привлечь, но тоже только на основе определенной идеологии, принципов и т. д.

В Конституции России записано, что у нас нет государственной идеологии. Мы это иногда понимаем так, что у нас вообще не должно быть никакой идеологии. Да нет же, у нас есть идеология — это нравственность, только разные слои населения понимают ее по-разному. Нам очень важно правильно выработать ценности социального партнерства, доводить его смысл до общества и создавать новую идеологию развития социального партнерства у нас в государстве. Если мы все правильно сделаем, серьезно к этому подойдем, сможем выявить ценностное и смысловое ядро, тогда мы сможем наладить продуктивный диалог разных культур. А в нашем случае это диалог между культурой предпринимательского сообщества, работодателей, чиновников и культурой трудящихся. Это на сегодняшний день две разные культуры, которые не всегда могут найти общий язык, вроде бы все говорят по-русски, а общего языка уже нет, смыслы происходящего разные. Думаю, что здесь есть очень серьезная теоретическая проблема, и мы должны найти ее решение, хотя нам будет трудно это сделать.

В нашей жизни возникает много разных конфликтов: к примеру, в семье, из-за музыкальных вкусов, между родителями и детьми. Нам надо найти те конфликты, которые мы можем исследовать и к решению которых можем правильно применить аппарат социологии, психологии, теории рекламы и связей с общественностью, права, экономики, потому что, в конечном счете, за гармонизацией социально-трудовых отношений стоят еще и интересы общества. В России сейчас реально происходит экономический кризис, который власти скрывают от трудящихся, у нас колос-

сальное падение собственного российского производства. Почему такое происходит? А потому что отношения между государством, работодателями и работниками неправильно отрегулированы, не в соответствии с интересами экономического развития, и в этом смысле мы сегодня существенно отстаем от развитых стран Запада. У нас есть большой теоретический аппарат различных наук — и гуманитарных, и экономических, и юридических, у нас есть очень важный опыт Международной организации труда, у нас есть понимание ситуации, в которой мы находимся, знание контекста, и впереди у нас огромная теоретическая работа.

Я призываю всех вас приложить максимум усилий, это необходимо для того, чтобы заниматься новыми, не совсем понятными, трудными делами. Если мы грамотно к этому подойдем, то сделаем новое и очень хорошее дело для нашей страны. Наше дело — возродить Россию, снова сделать ее великой державой, чтобы мы гордились страной, в которой живем. Уверен, что отношения в области социального партнерства, преодоления социально-трудовых конфликтов помогут решить эту задачу.

Я очень рад, что в этой аудитории присутствуют Евгений Иванович Макаров, заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России; крупнейшие ученые нашей страны академик Тощенко, профессор Дмитриев; что в нашей дискуссии принимают участие сотрудники Международной организации труда, наши гости из Финляндии. Радует и присутствие молодых людей, а это означает, что у нашего дела уже есть будущее. Для меня чрезвычайно важно, что еще мы выполняем поручение человека, в которого верим, которому доверяем и которым гордимся, — Президента Российской Федерации Владимира Путина, по решению которого мы и создали факультет конфликтологии. Мы будем собираться каждый год, чтобы обмениваться результатами наших научных исследований, и мы будем полезны нашей стране. Спасибо вам.

Е. И. МАКАРОВ: — Александр Сергеевич, мы по велению души будем заниматься развитием конфликтологической науки. Я предоставляю слово нашему белорусскому коллеге Владимиру Николаевичу Яковчуку.

В. Н. ЯКОВЧУК: — Уважаемые коллеги по научной секции, уважаемые студенты родственного нам университета, поскольку Международный университет «МИТСО» в Минске тоже является профсоюзным, то есть учредителем нашего университета является Федерация профсоюзов Беларуси. Для меня большая честь участвовать в Международных Лихачевских научных чтениях. За эту счастливую возможность я хочу поблагодарить оргкомитет Чтений, ректорат Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов. Хочу также высказать благодарность лично заместителю председателя Федерации независимых профсоюзов России Евгению Ивановичу Макарову, благодаря информационной поддержке которого мне, в общем-то, удалось оказаться здесь. Мое личностное восприятие такого уникального действия, как Лихачевские чтения, связано с воспоминаниями о прежнем

опыте общения с Россией. Будучи студентом, мне приходилось проходить практику в Москве, учебную, потом преддипломную, и я возвращался оттуда воодушевленный не только российским культурным наследием (помню, как мы ночами стояли в очередях, чтобы купить билеты в «Таганку»), но и тем информационно-интеллектуальным опытом, который удавалось получить во время практики.

Второе мое погружение в образовательно-научную российскую среду было уже в среднем возрасте, когда мне посчастливилось учиться в аспирантуре Центра социологических исследований Академии общественных наук. Этот Центр тогда организовал и возглавил уважаемый Жан Терентьевич Тошенко. В аспирантуре я опять получил мощный информационный ресурс, который оказывал сильное воздействие на учебу, научное развитие, работу. Сегодня, не прерывая связей с Россией, я стараюсь если не ежедневно, то по мере возможности слушать информационные сообщения о том, что происходит в России, через РТР, НТВ, благо у нас эти телевизионные каналы постоянно действуют. Очень огорчаюсь, как и многие белорусы, когда нам отключают телеканал «Культура»; он одно время транслировался, потом был отключен. Но сегодня возникает некая озабоченность черновым контекстом, который сквозит в подобных передачах. Новости начинаются с каких-то трагедий, новых коррумпированных схем и т. д. И вот на этом фоне такое событие, как Лихачевские чтения, является неким интеллектуальным фантомом, духовно-культурным феноменом, который подтверждает, что культурный, информационный, научный ресурс России не иссяк и не иссякнет. Здесь нам надо сотрудничать, участвовать в совместных мероприятиях, взаимно обогащая свой опыт.

Теперь перейду к нашей теме трудовых конфликтов, потому что трудовая сфера, как вчера говорил представитель Международной организации труда, когда отмечал, что большая часть людей живет благодаря труду, это действительно жизнеобразующая сфера человеческого общества. Труд может облагородить и вознести человека в социальном статусе, в других достижениях, может и унижить человека через безработицу, нищету. Трудовая сфера по своей объективной природе конфликтогенна. Уважаемый ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов только что говорил о различии культуры социальных партнеров в сфере труда, о необходимости разрабатывать эту проблему в научных исследованиях. Я обращаю внимание на то, что экономические интересы нанимателей, то есть работодателей, работников и государства во многом различаются, и эта разнонаправленность векторов коренных интересов указанных субъектов заложена в самой природе трудовых отношений. Тема моего доклада, представленного на Чтения, связана с ролью социального партнерства в разрешении трудовых конфликтов. Имеется в виду социальное партнерство в смысле коллективно-договорного регулирования труда, социального диалога, по-разному называют этот тип отношений.

Если коснуться в этом плане белорусского контекста, то скажу, что в целом у нас на сегодняшний день

сформирована, я бы сказал, прочная организационно-правовая база социального партнерства в сфере труда. В Конституции Республики Беларусь записано, что взаимодействие между органами государственного управления, профсоюзами, объединениями нанимателей строится на принципах социального партнерства. В Трудовом кодексе сформулированы сами принципы социального партнерства. В стране созданы трехсторонние органы взаимодействия социальных партнеров — Национальный совет по трудовым и социальным вопросам на республиканском уровне, аналогичные советы на других уровнях. Данная система, можно сказать, идентична российской, других стран СНГ, поскольку организационно-правовая база формировалась с начала 1990-х годов, когда постсоветские республики, в том числе Беларусь, обрели государственный суверенитет. Большую помощь тогда оказала программа сотрудничества с МОТ.

Что касается трудовых конфликтов, то опять-таки белорусский законодатель четко прописал процедуры разрешения коллективных трудовых споров — трудовых конфликтов особой, так сказать, формы. Это и порядок инициирования коллективного трудового спора, и примирения, и посредничества, и арбитража, и забастовки.

Моя основная мысль сводится к тому, что просто определить правовую базу недостаточно, нужен еще какой-то культурный контекст, культурная система, в которой работали бы наниматели, представители работников и органов государственного управления, чтобы этот механизм функционировал более эффективно. К таким культурным условиям и предпосылкам, на мой взгляд, относится наличие в обществе некой миролюбивой общественной психологии, когда социальные партнеры не только думают о реализации своих интересов, но и учитывают интересы других сторон. Это забота, допустим, тех же профсоюзов не только о повышении зарплаты, улучшении условий труда (как говорят, это их святая обязанность), но и о повышении производительности труда, эффективности производства в целом. Это когда государство учитывает мнение своих социальных партнеров, советуется, информирует и т. д. К сожалению, в этом плане есть проблемы, и среди них я бы выделил институциональную слабость объединений нанимателей как представителя стороны нанимателей в целом (почему я говорю «нанимателей», потому что в белорусском законодательстве употребляется именно такой термин).

Объединения нанимателей у нас существуют, но их статус фактически определяется законом Республики Беларусь «Об общественных объединениях». Отдельного закона об объединении нанимателей пока нет, хотя его проект разрабатывался, даже вносился в парламент, читался в первом чтении, но потом было принято решение отложить этот вопрос, как говорят, в долгий ящик. И получается, что объединение нанимателей имеет такой же статус, как и объединение, например, филателистов, любителей кошек и т. п. Это, безусловно, уважаемые общественные объединения, через которые граждане реализуют свои интересы, но, согласитесь, что у объединения нанимателей в системе

трудовых отношений есть некие базовые интересы и цели. Закон об объединениях нанимателей (работодателей), который есть в Российской Федерации, в других странах СНГ (в прошлом году подобный закон был принят на Украине), существенно расширил бы место и повысил бы роль нанимателей в системе социального партнерства Беларуси. Еще одной проблемой мне видится то, что государство, записав в Трудовом кодексе такие принципы социального партнерства как равноправие сторон, соблюдение норм законодательства и тому подобные, вместе с тем допускает случаи принятия определенных правовых актов в сфере труда, не информируя и не советуясь со своими социальными партнерами. В заключение хочу сказать, что одним из путей повышения или расширения культуры социально-партнерских отношений мне видится укрепление, развитие, внедрение принципов социальной солидарности и солидарной ответственности в практику деятельности всех трех сторон социального партнерства.

Ж. Т. ТОШЕНКО: — Владимир Николаевич, скажите, пожалуйста, реально какие сейчас трудовые конфликты в Белоруссии?

В. Н. ЯКОВЧУК: — Если говорить о коллективных трудовых спорах, то по данным Республиканского трудового арбитража (это государственный орган в системе Министерства юстиции, который призван вести регистрацию коллективных трудовых споров) в 2012 году в стране официально зарегистрировано 24 таких спора, в предыдущем, 2011 году, — 31. Естественно, проведено столько же примирительных процедур, потому что создание в случае возникновения коллективного трудового спора примирительной комиссии — это обязательная процедура, предписанная законодателем, важная стадия разрешения коллективного трудового спора. Если, допустим, стороны не проведут процедуру примирения, то впоследствии, если дело дойдет до забастовки, это станет основанием для признания ее незаконной. Арбитражных заседаний в 2012 году было только 2 из 24 инициированных коллективных трудовых споров, то есть 22 спора были разрешены на стадии примирения. Примерно такая же картина наблюдалась и в предшествовавшем году.

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется профессору Анатолию Васильевичу Дмитриеву.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Проблема культурных различий между тружениками, властями и профсоюзами существует, и для Российской Федерации это очень важная проблема. Из выступлений коллег складывается впечатление, что трудовые конфликты в рамках «профсоюз–государство–трудящиеся», в общем-то, решаются. Речь идет о важных деталях, только лишь о деталях, но все же важных, касающихся улучшения взаимоотношений, консенсуса или, как здесь говорили, интеграции, партнерства. Это все понятно, мы будем все это делать, но существует огромная группа трудящихся, особенно в Российской Федерации, которые не во-

влечены ни в какие организационные связи, ни с профсоюзами, ни даже с государством, ни с местным населением, — это мигранты. Не буду говорить об этой проблеме, она, в общем-то, вам известна, но хочу сказать, что сопротивление эксплуатации и нищенскому состоянию мигрантов в Российской Федерации неизбежно. Мы постоянно это ощущаем, это показывают не только происшествие в Кондопоге несколько лет назад, но и, скажем, нынешние события в Татарстане, где велико напряжение между местным населением и приезжими из республик Средней Азии и других регионов. На Украине, в Белоруссии, а тем более в Финляндии, может быть, это менее распространено, но на территории Российской Федерации, особенно в некоторых районах, это сильное сопротивление очень заметно. В данной ситуации надо что-то думать, в частности о социальном партнерстве в этих условиях.

Хочу сказать, что Федеральная миграционная служба в своих предложениях по решению этой острой проблемы, которые она постоянно вносит на рассмотрение президенту, не привлекает к этому процессу ни конфликтологов (правда, мы еще не структурированы), ни профсоюзных активистов. Я считаю, что профсоюзы, основная задача которых сейчас — это работа с тружениками, имеющими российское гражданство, а не приезжими, и уже работающими членами профсоюза, здесь профсоюзы не дорабатывают, мягко говоря, хотя это чрезвычайно актуальная проблема, которая, повторю, будет обостряться. Причем программа вовлечения мигрантов в состав профсоюзов даже не разработана, с моей точки зрения, может быть, я ошибаюсь. Повторю, для конфликтологов важно видеть эту тенденцию, и то, что мы сегодня затрагиваем эту тему, уже что-то значит.

Из этого следует, что профсоюзы могут и должны работать в четырех направлениях. Первое: принимать участие в обсуждении политики трудовой миграции, о чем я говорил, с тем чтобы обеспечить максимальную выгоду и минимизировать потери для трудящихся, потому что внутри предприятий идет острая конкуренция. Если, скажем, при найме мигрантов дворниками в Москве такой конкуренции нет, то на предприятиях возможны конфликты, поскольку рабочие всегда считают, что в любой момент могут быть нарушены их права. Второе направление: проводить информационные кампании для рабочих и широкой общественности на международном уровне. Когда выступал коллега из Финляндии, я вспомнил фильм «Особенности национальной охоты», насколько там культурная матрица одного из персонажей, финна, кстати, который участвует в охоте, отличается от культурной матрицы охотников российского происхождения. Совершенно разные проблемы, но в то же время и одинаковые.

Третье направление профсоюзной работы: участие в обсуждении миграционных проблем на уровне нескольких стран. То есть необходимо сотрудничать с профсоюзами других стран, вовлекать профсоюзы как стран происхождения, так и стран, принимающих работников-мигрантов. У нас вообще этого нет. Мои попытки каким-то образом выяснить, как работают профсоюзы, скажем, в Таджикистане, Киргизии,

не увенчались успехом, не удалось собрать никаких сведений. Кстати, в рамках конкретного исследования мы пытались опросить мигрантов Средней Азии на юго-востоке Москвы. Как только мы начали опрос, немедленно пришли работники административных органов района и сказали: «Мы не хотим, чтобы вы проводили опрос». Мы спросили: «А почему? Вам же интересны сведения». Они ответили: «Очень просто: после вашего интервью, ваших бесед мигранты начинают говорить о своих правах». И четвертое направление: это решение проблемы организации работников-мигрантов. Профсоюзам известно, что наилучший способ защиты работников — это их организация. Здесь профсоюзам тоже предстоит очень много работы. Поэтому в заключение хочу сказать, что работы для всех хватит.

Е. И. МАКАРОВ: — Анатолий Васильевич, хочу откликнуться на Вашу ремарку относительно того, насколько сегодня профессиональные союзы в Российской Федерации готовы к вовлечению трудовых мигрантов в цивилизованный трудовой процесс. Надо сказать, что этот вопрос находится на очень ранней стадии своего развития, хотя формальных препятствий для вовлечения легальных трудовых мигрантов в цивилизованный трудовой процесс нет. Они расцениваются нами так же, как и все остальные граждане Российской Федерации. Однако временные мигранты, которые прибывают по краткосрочным визам с целью, скажем так, совершить демпинг на рынке труда, имеют преимущество перед местными работниками: это именно демпинг на зарплате, на социальных, пенсионных и других выплатах, вытекающих из заработной платы. В отношении временных трудовых мигрантов пока действительно полная темнота, и предстоит еще осветить эту часть нашей жизни каким-то правильным светом. Следующее выступление: Жан Терентьевич Тощенко.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Уважаемые друзья, позвольте свое выступление начать с исторической ремарки. В истории советской социологии была одна замечательная страница, которая называлась заводской социологией. Вот здесь присутствует Будимир Гвидонович Тукумцев, один из представителей группы специалистов, которые работали непосредственно на предприятиях и включались в решение социальных проблем в широком смысле этого слова, и это было одной из эффективных отраслей нашей социологии на уровне предприятий. В связи с этим я хотел бы, уже как социолог, напомнить такие данные. В советское время мы спрашивали людей: «Если у вас возникают конфликты, трудности в жизни, к кому вы обратитесь за помощью?» И нам отвечали таким образом: «Мы обратимся к своему предприятию, руководителю, в партийную, комсомольскую организацию, в райсовет, в облсовет, напишем в ЦК, ну и к родным, близким, которые нам помогут». Вот данные, которыми мы сейчас располагаем: на 1-м месте родные, близкие, знакомые люди, а все организации уходят на 5–10-е места, то есть человек сейчас находится в ситуации, когда не видит в официальных и общественных структурах возможности защитить его интересы.

И вот в связи с этим я хотел бы высказать свои соображения о том, как развивалась культура трудовых конфликтов в 1990–2000-е годы. Молодое поколение этого не помнит, поэтому ему полезно послушать. В начале 1990-х годов, когда мы перешли от советской системы, начали переходить к капиталистической форме хозяйствования, было провозглашено, что на первых порах интересы человека отодвигаются на задний план. Было очень большое движение людей, которые выражали свой протест лично: приковывали себя цепями к ограде заводов, участвовали в пикетах, устраивали индивидуальные и коллективные голодовки, думая, что если они страдают, то соответственно будет какая-то реакция. В конечном счете, какое-то время такая реакция была, потом это достаточно быстро приелось, на голодающих перестали обращать внимание как на неэффективное средство. И где-то уже во второй половине 1990-х годов начался новый этап — попытка противостоять самим работодателям. Был период захвата предприятий, не пускали руководителей на предприятие, но этот период тоже достаточно быстро закончился, потому что с частным предпринимателем спорить было трудно. Многие из них просто закрывали предприятия. В общем, и этот метод решения проблемы тоже зашел в тупик. Тогда была предпринята попытка, коллеги старшего поколения помнят, нанести вред всему народному хозяйству: перекрывали железные дороги, пути сообщения, таким образом обращая внимание на то, что надо решать проблемы трудящихся — проблемы оплаты труда, жилья, благополучия.

Но тут возникла парадоксальная ситуация, которой я и занимаюсь: за те проблемы, которые исходили в основном от частных собственников, отвечало государство. Это противоречие не всегда находило своего разрешения, так что разговаривать с государством через интересы частного собственника, в общем-то, было достаточно неэффективно. И сейчас мы столкнулись с очень интересным моментом, который ставит перед нами новые проблемы в решении трудовых конфликтов. Когда мы спрашиваем у людей: «Поддерживаете ли вы идею рынка, рыночных отношений?», 70–80 % говорят: «Да, рынок — это необходимо». Правда, трактуют его по-разному: одни — как полностью свободный рынок, другие — как социальный, третьи — как рынок государственный, с вмешательством государства. Подчеркиваю: к рыночным отношениям в целом у подавляющего большинства населения благоприятное отношение. Но когда мы задаем другой вопрос: «Как вы относитесь к бизнесменам, предпринимателям, банкирам?», все говорят, что это жулики, в тюрьму посадить их надо. Послушайте, а как рыночная экономика без этих людей будет существовать? Это парадоксальное умозаключение, когда человек искренне верит в то, что рынок нужен, и в то же время желателен рынок без этой категории людей. Поэтому вопросы, которые сейчас возникают при решении трудовых конфликтов, вызывают определенную долю непонимания того, что происходит в реальной жизни.

Есть трудовые конфликты, о которых говорил Анатолий Васильевич, связанные с трудовой миграцией, ее правовым положением, социальным положением

и вообще нерегулируемостью отношений между тем, как должны работать люди, и тем, как должны разрешаться их претензии. Обращаю внимание еще на одну интересную деталь: последние исследования, правда, локальные, показали, что число недовольных трудовыми конфликтами больше в процентном отношении не среди бедных, пенсионеров, а среди так называемого среднего слоя людей, которые более обеспечены, вроде уже нашли себя в реальной жизни, но у них, вероятно, и более высокие претензии к государству, к работодателю. Поэтому вопросы, связанные с трудовыми спорами, чаще исходят от продвинутого слоя людей и в общественном, и в экономическом, и даже в образовательном отношении. Я могу привести данные «Левада-центра» и ВЦИОМ, которые локально опрашивали людей, участвовавших в конфликтах на Болотной площади, на проспекте Сахарова. Оказалось, что на 86 % это люди с высшим или незаконченным высшим образованием, и в своем положении они достаточно устроены и в личном, и в общественном плане, но уровень претензий этой группы людей более высокий, чем других групп населения. Я думаю, что сейчас, при решении вопросов с трудовыми конфликтами, перед нами возникают реальные проблемы, и этнические, и социальные, и профессиональные, и они подбрасывают нам новые вопросы, на которые мы должны попытаться найти ответы.

— *Разрешите ремарку по поводу среднего слоя. Меня просто немного удивила новая информация, которую предоставил известный экономист, популяризатор Иноземцев: децильный коэффициент (отношение 10 % самых богатых к 10 % самых бедных) по России 1 к 17, по Санкт-Петербургу — 1 к 21, а по Москве 1 к 35. В нормальных экономиках капиталистического либерального склада максимум 1 к 14, то есть мы уже где-то за пределами максимального либерализма.* (реплика из зала)

Е. И. МАКАРОВ: — Слово предоставляется Елене Сергеевне Садовой.

Е. С. САДОВАЯ: — Тема моего выступления — использование новых механизмов регулирования социально-трудовых отношений, в частности заемного труда. Но мне хотелось бы вписать эту проблематику в более широкий социально-экономический и политический контекст. В связи с чем возник такой феномен, как заемный труд? Транснациональные компании, внедрившие этот механизм регулирования трудовых отношений, стремились повысить свою эффективность. Действительно, на первый взгляд, заемный труд позволяет повысить эффективность экономической деятельности. Самый яркий пример, с которым я недавно ознакомилась, — случай, приводимый международными профсоюзами, из практики компании «Coca-Cola», которая, придя на рынок ЮАР, вывела своих водителей на аутсорсинг. Причем попросила этих водителей устроиться не в какую-то институционализированную фирму, которая предоставляет заемный труд этой компании, а зарегистрироваться в каче-

стве индивидуальных предпринимателей, так что они должны были сами нести все социальные расходы. В чем это выразилось? Заработная плата сразу упала с 1200 до 600 евро — экономическая эффективность налицо. Подобного снижения издержек трудно добиться, не используя такие жесткие механизмы регулирования трудовых отношений. Однако когда эти способы снижения издержек приобретают массовый характер, компании тут же сталкиваются с проблемой: кто будет покупать их продукцию, пусть она даже стала очень дешевой?

Французский политик Марин Ле Пен однажды произнесла интересную сентенцию, которую я хочу процитировать. Она сказала: «Глобализация — это когда рабы делают товары для безработных». То есть одна часть общества сталкивается с безработицей, потому что она неконкурентоспособна в условиях глобальной экономики из-за высокой стоимости труда. А другая часть конкурентоспособна, но трудится в очень тяжелых условиях, которые не позволяют людям становиться эффективными потребителями. О какой экономической эффективности может идти речь, когда подрывается база потребителей продукции компаний? И вообще, можно ли все сводить только лишь к экономической эффективности? В советское время в «Литературной газете» на 16-й полосе был опубликован рассказ Михаила Жванецкого «Паровоз для машиниста или машинист для паровоза?». Перефразируя, хочу задать вопрос: экономика для человека или человек для экономики? Имеет ли смысл экономическое развитие, если оно не конвертируется в социальный прогресс или хотя бы в какой-то приемлемый уровень существования, а еще лучше — жизни большинства людей?

Современный философ и мыслитель Амартия Сен в одном из своих докладов о развитии человечества, которые начиная с 1990 года публикуются в рамках ежегодных программ развития общества, выделил три стратегии развития стран:

- 1) благополучие за счет роста, то есть экономический рост, который конвертируется в социальное развитие;
- 2) благополучие за счет поддержки — стратегия «проедания» богатства, когда социальная политика не обеспечивается экономическим ростом;
- 3) социальное изобилие — экономический рост, который не приводит к социальному прогрессу.

Примерами разных стратегий являются Ботсвана и Куба. Ботсвана входит в число мировых лидеров по экономическому росту, в последние годы она занимает третье место по этому показателю. Понятно, что сказывается эффект низкой базы, но по показателю ВВП на душу населения Ботсвана находится в ряду среднеразвитых стран, примерно 14 тыс. долларов на душу населения (в Китае, для сравнения — около 7 тыс. долларов). При этом в Ботсване высочайший уровень младенческой смертности, огромная смертность женщин при родах, безработица 40 % и прочие «прелести». В то же время на Кубе, как известно, очень бедной стране, одна из самых высоких в мире продолжительностей жизни населения при малых доходах. Конечно, лучше быть богатым и здоровым, но возникает

вопрос: нужен ли экономический рост, если население живет в ужасных условиях, или лучше жить в бедности, но с хорошим здравоохранением?

В мировом сообществе сложился консенсус по поводу того, что экономические достижения должны конвертироваться в социальное благополучие. И даже сформировались некие «маяки», которые мы называем социальными государствами. Эта модель после крушения коммунистической идеологии и экономики стала господствующей, и вроде бы мы стремимся строить нечто подобное. Но вот незадача — в тот момент, когда эти идеи стали господствующими, возник кризис социального государства, что констатируется даже признанными авторитетами, нобелевскими лауреатами, такими как Кругман, Стиглиц и др. Кризис социального государства проявляется прежде всего в социально-трудовой сфере — ухудшении качества труда по всему миру, в странах с разным уровнем социально-экономического развития — США, России, Индии и т. д. Это и уменьшение доли труда в продукте, снижение качества и стабильности занятости. К сожалению, пока не выработано никакой альтернативы, новой парадигмы развития общества не предлагается. Более того, даже объединение протеста против сложившейся ситуации затруднено из-за того, что наш мир сильно сегментирован, в нем большое количество групп с разными интересами. Поэтому, обращаясь к молодой части аудитории, хочу сказать, что на ваши плечи ляжет выработка новой идеи и парадигмы общественного развития. Мир сейчас стоит на развилке.

Вчера в выступлениях коллеги вспоминали книгу Стругацких «Поддень XXII век». Конечно, хотелось бы жить в таком будущем, но ведь эти же авторы написали и другой роман — «Трудно быть богом», и такое будущее тоже возможно. Мы должны приложить все усилия, чтобы будущее пошло по приемлемому в общегуманитарном смысле пути. Но в большей степени это зависит от молодежи.

Е. И. МАКАРОВ: — Уважаемые коллеги, для иностранных гостей я хочу пояснить, что «заемный труд» в том контексте, в котором мы его обсуждаем, в европейской практике называется «аутстаффингом» (outstaffing). Такое явление действительно возникло сравнительно недавно, и вместе с ним появились проблемы, над которыми надо работать. Большое спасибо Елене Сергеевне за то, что она затронула эту тему.

И все же — паровоз для машиниста или машинист для паровоза? Это крайне важная тема, поскольку она является базовым социальным постулатом, который лежит в основе оценки характера социально-трудовых отношений. Цивилизованные отношения, принятые в обществах социальной справедливости, демонстрируют, что паровоз для машиниста, а если мы возьмем другую экономико-политическую парадигму — неолиберализм, то увидим, что там действительно машинисты, пассажиры и все прочее — для паровоза. Думаю, что таким образом толкуется данный трудноразрешимый вопрос.

Слово предоставляется профессору Цветковой Галине Александровне.

Г. А. ЦВЕТКОВА: — Прежде всего позвольте поблагодарить организаторов и участников Чтений, потому что благодаря подобным форумам осуществляется поиск истины, диалог разных субъектов, в частности субъектов труда. В связи с этим хочется спросить: а есть ли диалог культур между различными субъектами труда на территории Российской Федерации? Данные статистики свидетельствуют, что в последние годы у нас практически не фиксируются трудовые конфликты, то есть официально конфликтов как таковых в России не существует. В то же время, согласно социологическим исследованиям, ситуация в этой области очень сложная. Начиная с 2008 года, количество трудовых протестов неуклонно растет. В чем же заключаются проблемы?

Если взглянуть на динамику причин трудовых конфликтов, то опросы показывают, что значительная часть проблем возникает из-за материальных факторов — низкой зарплаты, невыплат, изменений в системе оплаты труда. Однако существует еще ряд вопросов, которые лежат в основе трудностей в этой сфере. Прежде всего, заработная плата, будучи важнейшим, критическим фактором, недооценивается различными субъектами права, в первую очередь работодателями и государством. Так что в последние 25 лет заработная плата является средством решения многих проблем и в то же время ключевой характеристикой, которая в значительной степени влияет на поведение работников, материальное благополучие семей и в целом развитие и эффективность предприятия, города, района, деревни. Это социально-экономическая проблема, имеющая принципиальное значение.

Если рассматривать работника как потребителя, то и здесь заработная плата играет решающую роль. Актуальность данной темы связана и с другими проблемами, в которых в наибольшей степени проявляются факторы материального благополучия. В частности, в области экономических правонарушений наблюдается более чем семикратный рост числа преступлений, совершенных лицами без постоянного источника доходов. Тем самым дестабилизируется обстановка в России в целом.

Есть ли диалог с властью? С одной стороны, конечно, есть. Существуют различные формы взаимоотношений, более того, основные положения трудового законодательства официально расширяют права работников по отношению к работодателю. В то же время диалог как таковой у нас осуществляется в сильно урезанном варианте. Руководители предприятий нередко просто отказываются от переговоров, при этом не считая нужным своевременно производить оплату труда. Не действуют на работодателей и законодательные нормы, предусматривающие штрафы и другие санкции. Исходя из этого, можно утверждать, что субъекты права по-разному воспринимают ситуацию на рынке труда. С одной стороны, государство требует, чтобы переговоры велись. Кстати, одним из хороших примеров является работодатель в лице Президента Российской Федерации, который ведет диалоги с населением, и люди могут обратиться к руководителю страны с любым вопросом, как и к руководителю

предприятия. В то же время работники практически не принимают активного участия в управлении производством, разрешении тех или иных конфликтов, вплоть до того, что не все соглашаются обращаться к руководителю, особенно по поводу заработной платы. В связи с этим есть интересные данные, характеризующие поиск работы и внимание к заработной плате в этот период. Человеку требуется от 1 до 5 минут, чтобы понять, подходит ли ему та или иная вакансия, при этом условие «заработная плата по договоренности» в 3–5 раз снижает количество желающих трудоустроиться. Во многих объявлениях информация о заработной плате вообще отсутствует, потому что работодатель боится ее обозначить. Однако в этом случае потенциальные сотрудники теряют интерес к данному объявлению, и таким образом качественный состав трудового коллектива в той или иной степени меняется.

В настоящее время большинство россиян (более 60 %) живут в надежде на то, что в ближайшие 6 лет социально-экономическое положение улучшится, и в первую очередь надежды связываются с зарплатой. Работодатели также понимают серьезность проблемы, однако активных изменений в области заработной платы не наблюдается. Часто приходится слышать, что благосостояние народа не повышается, но это не так. Доходы растут, но вместе с тем возрастают издержки, связанные с повышением потребительских цен и тарифов.

Каковы же в нашей стране перспективы в области заработной платы и рынка труда? Тут следует рассмотреть еще и такой показатель, как качество рабочей силы. В настоящее время, впервые за всю практику с советского периода, ведущей формой образования стала заочная, а не дневная, как раньше, и даже не вечерняя. Если учесть, что в условиях глобализации идет процесс вхождения России в мировые рынки, то возникает вопрос: кто же в конечном итоге будет представлять страну, какой уровень знаний у этих людей, с каким кадровым потенциалом Россия будет конкурировать в мире? Тот факт, что у нас заработная плата не повышается до должного уровня и не соответствует основным качественным показателям развитых стран, указывает на то, что наша перспектива — дешевая рабочая сила. Предпосылки к этому налицо. Уже в средней школе дети, принимающие участие в исследованиях, отвечают на вопрос о важных и нужных предметах следующим образом. Только половина опрошенных считают, что необходимо знание русского языка и математики, а о том, что надо знать хоть один иностранный язык, заявляет каждый четвертый. То есть вопрос о качестве рабочей силы возникает уже на уровне средней школы и естественно в дальнейшем порождает проблемы, связанные с материальным благополучием. Поэтому мое пожелание молодым коллегам: учитесь и делайте это осмысленно, непременно приобретайте финансовую грамотность, чтобы понимать основы социально-экономических ситуаций, которые имеют место в России и в которых вам придется жить и растить своих детей.

Е. И. МАКАРОВ: — Позвольте, Галина Александровна, задать вопрос. Сегодня развиваются новые

формы обучения — дистанционные, а молодежь стремится как можно быстрее после окончания средней школы найти рабочее место. Возможно, все эти факторы влияют на то, что растет количество людей, выбирающих заочную форму обучения. Вы не рассматривали данный феномен с этой стороны?

Г. А. ЦВЕТКОВА: — По количеству студентов Россия занимает одно из ведущих мест в мире, включая развитые страны. Что же касается качества обучения на заочном и на вечернем отделениях, то оно оставляет желать лучшего. Одна из причин заключается в том, что заочники и вечерники — люди работающие, и их не всегда вовремя отпускают с работы на занятия или на сессию, а зачастую у них просто не хватает сил на то, чтобы освоить учебную программу. В конечном счете получается, что человек приобретает «корочку», к тому же нередко оплатив процесс обучения, но не осознает в должной степени, что он получил высшее образование. В одном из экономических вузов недавно было проведено исследование: насколько профессиональный уровень людей, получивших высшее образование в советский период, соответствует нынешним экономическим реалиям. Оказалось, что качество того образования остается намного лучше, чем получаемого сегодня. Более того, появились студенты, не заинтересованные в получении профессиональных знаний. Однако они приходят к работодателям и требуют заработную плату согласно диплому, не имея должного профессионального уровня. И даже руководители далеко не всегда разбираются в стилях и методах управления, не понимают смысла стимулирования труда того или иного работника и действуют по единственному принципу «Я начальник, ты дурак». Этот принцип необходимо изживать.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо, Галина Александровна. Думаю, что в этой аудитории нет таких студентов, которые не заинтересованы в знаниях. Следующее слово предоставляется Титовой Людмиле Григорьевне.

Л. Г. ТИТОВА: — Я обозначу самые важные, на мой взгляд, вопросы, которые волнуют меня, как политолога, давно изучающего проблемы политической культуры, технологий власти и т. д. Мы все создаем, что в условиях современного общества решение трудовых конфликтов представляет собой задачу, которую решают не только работодатель и работник, но и государство, и все общество. Поэтому мне бы хотелось рассмотреть эту проблему в более широком контексте.

Чем вызвана политизация трудовых конфликтов? Первая причина заключается в том, что разрастается пространство, в котором политизируется трудовой процесс, появляются новые виды труда, наблюдается плавное перетекание занятости из сферы производства в сферу услуг, возникающие здесь противоречия связаны с новыми требованиями к властным, управляющим структурам по улучшению оплаты, условий труда. Вторая причина — отраслевое неравенство. Работники одних предприятий, например добывающих отраслей,

находятся в привилегированном положении с точки зрения оплаты труда, а труд людей, работающих в других областях, например образовании, существенно недооценивается. К тому же в обществе существуют латентные формы конфликтов, и довольно сложно прогнозировать, каким образом они могут проявиться. Один из имплицитных факторов — культура труда, которая сегодня требует детального и тщательного изучения. Не секрет, что в обществе падает ценность труда как такового. Этому немало способствуют средства массовой информации, внушающие, что «гламурный» способ существования гораздо более подходит человеку, что досуг — это основная ценность, а высокий доход можно получить быстро и без труда (правда, способы не называются). На самом деле для того, чтобы иметь хотя бы небольшие средства к существованию, надо много и усердно работать, привычку к труду необходимо прививать с детства и на всю жизнь. Однако трудовое воспитание уже утратило свою ценность, и трудно сформировать в общественном сознании, особенно у молодежи, представление о значимости трудовой деятельности. Ситуация осложняется тем, что падает уважение человека труда к самому себе и своему делу, люди ориентированы только на финансовую сторону работы, труд теряет свое смыслообразующее начало. Вчера один из выступавших привел замечательный пример. Почему мы победили в Великой Отечественной войне? А потому, что люди видели смысл в своем героизме. Сегодня же в трудовой сфере смысл в значительной степени утерян.

Хочу обратить внимание еще на один момент. К сожалению, исчезло такое явление, как рабочие династии. Такие династии формировались не только в сфере производства, были династии врачей и т. д. Уважение к своему делу передавалось из поколения в поколение. А сегодня трудящаяся молодежь формируется «на пустом месте», многие молодые люди живут в основном теми ценностями, которые им преподносят средства массовой информации и наиболее успешная часть общества, которая, в общем, не любит говорить о том, каким образом она достигла своего успеха, но с удовольствием его демонстрирует. Таким образом, мы получаем определенную культурную атмосферу в обществе. На днях произошел примечательный эпизод. Я читаю лекцию о системе управления в сфере производства, и один из студентов задает вопрос: «А зачем нам, собственно, это все учить? Я работаю в частной фирме, прошу отпустить меня на сессию, а мой руководитель — предприниматель — отвечает: “Зачем тебе это образование? Посмотри, у меня 8 классов и — миллионное состояние”». Понимаете, формируется некая культурная парадигма.

Теперь к вопросу о паровозе и машинисте. Не секрет, что в учреждениях, где ненормированный рабочий день, на некоторых предприятиях работники трудятся по 12–14 часов в сутки. За что трудящиеся боролись более 150 лет? Люди счастливы уже оттого, что у них хотя бы есть работа. Это тревожный знак, такая полуфеодалная модель труда широко внедряется в России.

Что делать? Из истории известно два способа решения подобных проблем. Один из них революци-

онный. В свое время Ленин прекрасно описал признаки революционной ситуации, так вот, в России такой ситуации нет. Психологи говорят о так называемом мгновенном времени. Российская ментальная парадигма — это как раз жизнь в мгновенном времени: мужик долго терпит произвол начальства, нытье жены, бесконечные замечания тещи, потом он напивается, дает зуботычину начальнику, быстренько «приводит в чувство» жену и выгоняет тещу. Но он протрезвеет — и начнется то же самое существование. Вариант второй — эволюция, следовательно, реформы. Но успешные государственные реформы осуществляют люди с государственным мышлением, а не менеджеры, которые занимаются тем, что ежедневно лагают одеяло. Сегодня России, больше чем любой другой стране, необходимы государственные деятели. Во-вторых, мы должны считаться с тем, что процесс решения трудовых споров будет постепенным и затяжным, и надо подготовиться к тому, что придется очень долго формировать сознание человека, воспитывать и воспитываться самим, возвращаться к ценности труда и опять начинать этот длинный трудный путь. В заключение хочу напомнить слова, сказанные одним из коллег на пленарном заседании: сегодня стократно возрастает роль российской интеллигенции, которая как раз и должна взять на себя тяжелый труд решения этих проблем.

Е. И. МАКАРОВ: — Спасибо, Людмила Григорьевна. Есть ли вопросы к докладчику?

— У меня замечание по поводу династий. Поскольку предприятия рушатся, рабочие династии невозможны. А вот, например, в искусстве несколько поколений. У всех на виду Урганты, Пьехи и т. д. В образовании также родители стараются передать детям институты и факультеты. Так что к области культуры тезис о династиях не относится. (реплика из зала)

Л. Г. ТИТОВА: — Да, это очевидно, спасибо.

Е. И. МАКАРОВ: — Благодарю Вас, Людмила Григорьевна. Вы знаете, время от времени приходят на ум новые термины, которые иногда, возможно, стоит ввести в оборот. Сейчас у меня возникло словосочетание «трудовое варварство», связанное с тем, о чем говорила Людмила Григорьевна. Это трансформация ценностно-смыслового содержания трудовых отношений. Капитализм заменил прошлую форму общественных отношений, но ценностно-смысловое содержание труда пока не прошло того же трансформационного процесса, и мы находимся в каком-то странном варварском состоянии, когда возможно все.

Переходим к следующему выступлению. Пожалуйста, Вершинин Андрей Владимирович — молодой ученый, который в рамках научно-исследовательской лаборатории Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП занимается конкретными разработками, научными исследованиями, ориентированными на прикладное применение

конфликтологии в сфере социально-трудовых конфликтов.

А. В. ВЕРШИНИН: — В последнее время в России вопросу регулирования социально-трудовой сферы и в первую очередь социально-трудовых конфликтов уделяется особое внимание. Эффективное регулирование становится возможным на основе постоянного наблюдения социально-трудовой сферы. Эффективность мониторинга социальных систем во многом зависит от успешности внедрения современных методов обработки эмпирических данных. Одной из составных частей этих методов является классификация.

Под классификацией понимается логическая операция последовательного деления, состоящая в систематическом распределении элементов объема понятия по классам. Как и любая другая логическая операция, классификация осуществляется по определенным правилам логики.

При нарушении этих правил метод, в рамках которого была проведена классификация, даст ошибочный результат. Таким образом, эффективность мониторинга социально-трудовых конфликтов, а затем успешность их регулирования зависят от корректности решения задачи классификации социально-трудовых конфликтов. Проведенное нами исследование было направлено на решение следующих задач:

- 1) выявить общепринятые в конфликтологии классификации конфликта;
- 2) оценить их с точки зрения соответствия логическим правилам построения классификаций;
- 3) выбрать основания для классификации конфликтов в социально-трудовой сфере.

Для решения задачи выявления общепринятой классификации мы обратились к учебной литературе. Временным отрезком, ставшим для нас периодом изучения, был определен период с момента появления в России учебников по конфликтологии до настоящего времени. В ходе исследования установлено, что вопросы классификации конфликта раскрываются практически в каждом учебнике, что подтверждает важность этого вопроса в общей теории конфликтов. В 28 источниках встречается 148 вариантов классификации.

Использование метода контент-анализа позволило определить основания деления конфликтов, по выбору которого научное сообщество достигает большего единства.

Вместе с тем даже в этих случаях авторские формулировки оснований значительно разнятся. Еще более вариативны члены деления, получаемые в результате классификации. Можно сказать, что по этому вопросу не хватает единства и отсутствует внятная, одинаково понимаемая всеми конфликтологами терминологическая система научной дисциплины «Конфликтология». Недостаточная согласованность позиций ученых в одном из важнейших вопросов теории конфликтов — его классификации свидетельствует о начальном этапе становления конфликтологии как научной дисциплины. В настоящее время конфликтология переходит на уровень развертывания массовых практических исследова-

ний, и отсутствие общепринятой классификации конфликта становится тормозом в работе конфликтологов-практиков.

В ходе исследований было обнаружено большое количество логических ошибок, которые создают дополнительные трудности для прояснения авторских подходов и согласования позиций. Такие ошибки делают непригодным использование в операциях мониторинга большинство из рассмотренных классификаций.

Остается открытым вопрос о возможности построения единой и полной классификации конфликта. Для теории конфликта решение этой задачи стало бы переходом на новый уровень. Для практической же деятельности, решающей насущные и срочные задачи, мы считаем возможной разработку классификации конфликта в рамках ее отдельных отраслей, частных конфликтологических наук, изучающих не конфликты в целом, а отдельные уровни, характеристики, виды. В частности, разработка классификации социально-трудовых конфликтов могла бы стать задачей конфликтологии социально-трудовой сферы.

Основой для разработки такой специальной классификации могут послужить выявленные в ходе анализа такие основания деления, как: уровень организованности сторон конфликтного взаимодействия, функциональная значимость конфликта, направленность конфликтного взаимодействия, степень разработанности нормативных способов разрешения конфликта и др. В то же время следует заметить, что и другие классификации, которые представлены в учебной литературе, не утрачивают своего значения, однако нуждаются в дополнительном осмыслении, избавлении от логических противоречий и достижении терминологического единства.

Можно считать это постановкой проблемы для дальнейшего систематического изучения. Спасибо за внимание.

— *Андрей Владимирович, не могли бы Вы назвать типичный пример логической ошибки?* (вопрос из зала)

А. В. ВЕРШИНИН: — Да, конечно. Существуют четыре основных логических правила классификации. Одно из них — правило единственности основания классификации. Примером нарушения этого правила может стать деление множества конфликтов по степени проявления, в результате которого получились следующие классы: открытые, скрытые, преднамеренные, случайные. Очевидно, что первая пара классов получена в результате деления по одному основанию, а вторая пара — по другому. Такая ошибка называется сбивчивым делением.

Е. И. МАКАРОВ: — Следующий выступающий — профессор Авксентьев Виктор Анатольевич.

В. А. АВКСЕНТЬЕВ: — Уважаемые коллеги, на первый взгляд, мое выступление не вполне соответствует теме нашей секции, однако на самом деле существует прямая связь между теми проблемами, изучением которых я занимаюсь, и социально-трудовыми

конфликтами. Напомню, что в 2009 году тогдашний Президент России Дмитрий Анатольевич Медведев определил Северный Кавказ как наиболее серьезную внутриполитическую проблему современной России. С этого времени, пожалуй, не произошло ничего такого, что изменило бы положение, — проблема остается все такой же сложной и далекой от решения, как и три с половиной года назад, несмотря на организационные и финансовые меры со стороны государства.

Как соотносятся социально-экономические и культурные факторы в детерминации этого затяжного конфликта, в том, что не удастся достичь каких-то существенных результатов его урегулирования? Когда в Северо-Кавказский федеральный округ был назначен первый и работающий поныне полпред А. Г. Хлопонин, он был убежден, что все проблемы можно решить, если будут искоренены безработица и бедность. С тех пор его мнение радикально изменилось, теперь он говорит, что разрешить национальные и религиозные проблемы чисто экономическими способами невозможно.

Полгода назад был утвержден один из важнейших документов, которого мы ожидали несколько лет, — «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации». Правда, в нем положение дел на Северном Кавказе существенно переоценено. Говорится, что достигнуты существенные результаты по обеспечению стабильности на Северном Кавказе, но я пока не могу найти какие-либо признаки стабильности. Безусловно, некоторые позитивные результаты имеются, этого нельзя отрицать, но они не сопоставимы ни с организационными, ни с финансовыми усилиями. Известный экономист, социолог, демограф Наталья Зубаревич выделила на территории России целых три страны — с точки зрения модернизации, развития социальных и политических институтов. Позднее она перешла к позиции «четырех Россий», поскольку стало очевидно, что республики Северного Кавказа и некоторые республики юга Сибири не соответствуют тем критериям, которые были сформулированы для «третьей России». То есть речь идет не о недостаточном развитии модернизационных процессов, а о том, что доминируют антимодернизационные установки как некая ценность. «Четвертая Россия» — это в первую очередь архаизировавшийся регион с доминированием традиционалистских ориентаций, поддерживаемых устаревшими социально-политическими институтами. И процесс ретрадиционализации продолжается; его стержнем в последние годы стала религия.

Но есть и другая часть юга России, так называемые русские территории, где сохранились устойчивые модернизационные устремления. Это в первую очередь Ростовская область, Краснодарский край — лидер по инвестиционной привлекательности. Таким образом, фактически на юге сложились два мира, две России в одной — это модернизирующаяся русская часть региона, входящая в нынешний Южный Федеральный округ, и сохраняющая архаические традиционалистские настроения другая часть, включающая республики Северного Кавказа. И самое сложное заключается в том, что этот раскол не преодолевается, не купируется, а становится все заметнее на уровне установок об-

щественного сознания. «Повернутость» общественно-го сознания в прошлое рассматривается в республиках как достижение, принцип, ориентация. Стало очевидно, что предлагавшиеся меры экономической реконструкции региона не будут эффективными. В первую очередь не сработает ставка на туристский комплекс, поскольку вряд ли кто-то возьмется развивать туристский комплекс в регионе с высокими рисками не только для экономики, но и для жизни людей.

Единственный путь изменить эту ситуацию — двинуться в сторону модернизации, устранить этот раскол. Преодолеть феномен «четвертой России» можно только одним путем — перейти на путь модернизации. Каким образом это можно сделать, и вообще — не утопия ли это? Вспоминая советский опыт, скажу: нет, не утопия. Тогда на Кавказе была другая жизнь. Дагестан был одним из ведущих центров развития военно-промышленного комплекса, а сегодня все развалилось, население живет за счет натурального хозяйства или изготовления шерстяных изделий. Но это было, значит, другая жизнь возможна. Контент-анализ выступлений наших ведущих региональных политиков показывает, что модернизационные установки формируют пока политический класс Кабардино-Балкарии. В речах Президента и других руководителей, по крайней мере, на уровне лексики, эти идеи присутствуют, и уже это хорошо, потому что сначала в умах должны укорениться идеи, каким образом будем двигаться вперед. Безусловно, реализации этого процесса будет мешать много препятствий. Это и сложившаяся социальная структура общества с этническими кланами, которые объективно не заинтересованы в модернизации; и нехватка кадров — реализовать современные производства сегодня практически некому; и, безусловно, это демодернизированная политическая структура, принципы отношений во власти. Есть и социокультурные препятствия: отсутствие модернизационных устремлений в массовом сознании, интереса к индустриальному труду и к производительной деятельности вообще. Когда говорят о том, что бич Северного Кавказа — безработица, это правда только отчасти. Не хватает рабочих мест для депутатов, прокуроров, глав администраций, судей, следователей, но есть рабочие места для строителей, дорожных работников. Еще одна проблема — нелегальная трудовая миграция в этих же трудоизбыточных регионах. Тем не менее, с чего-то надо начинать, социальная и культурная модернизация Северного Кавказа, о которой часто говорят как о том, к чему надо стремиться, все-таки должна быть востребована «снизу», то есть со стороны экономики. Стартовым механизмом для преобразований в регионе может быть только комплексная экономическая модернизация, проще говоря, реиндустриализация на новой технологической основе. Только индустриальное производство, когда делается что-то реальное, может изменить атмосферу в обществе и жизнь людей. Благодарю за внимание.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Виктор Анатольевич, а кто же будет производить модернизацию, неужели опять деньги туда посылать?

В. А. АВКСЕНТЬЕВ: — Анатолий Васильевич, тут два вопроса: кто и за чей счет. Наиболее сложный вопрос — кто? Не хочу говорить о принуждении, но, скажем так, на юге России возможен только мобилизационный вариант модернизации. Как это, собственно, и было в период советской власти. Дело не столько в деньгах, сколько в отдаче от этих денег. Сейчас отдача близка или равна нулю.

Е. И. МАКАРОВ: — Могу подписаться под каждым Вашим словом, Виктор Анатольевич, потому что долгое время жил в Грозном и твердо знал, что главное предприятие этого города — завод «Красный молот», и работать на нем было весьма престижно.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Уважаемые коллеги, я с большим удовольствием предоставляю слово Евгению Ивановичу Макарову.

Е. И. МАКАРОВ: — Хочу рассказать о проекте, который сейчас реализуется в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов. Мы построили мониторинговую систему, которая нацелена на достижение определенных целей. За основу было взято определенное «дерево целей». Главная задача — выявить социально-трудовые конфликты на территории Российской Федерации и в приграничных странах, начиная с получения достоверной, полной и объемной информации. Другие задачи — предоставление гражданам, общественным институтам, научным сотрудникам актуальной и достоверной информации о социально-трудовых конфликтах, выработка рекомендаций по урегулированию и локализации конфликтов, создание системы объективных индикаторов конфликтного потенциала, создание условий для формирования системы государственных, общественных и частных институтов по урегулированию конфликтов, дальнейшее развитие науки о конфликтах и совершенствование программ и методов обучения студентов, преподавателей по этому направлению.

Как работает эта система? В ее основу положено некое технологическое ядро. Первый этап — сбор информации из печатных и электронных СМИ, данные статистики, пользователи-корреспонденты, в том числе органы государственной власти, различные институты, которые занимаются аналогичными задачами (мониторингом). Таким образом, набирается довольно обширный объем источников информации (более 100 ресурсов), которые в настоящее время подвергаются ежесуточному и ежечасному мониторингу. В результате выделяются необходимые полезные данные, которые проходят через фильтры, выполняются их систематизация, сохранение, далее производится регистрация полученных информационных единиц. Второй этап — выявление конфликтов, установление взаимосвязей между различными субъектами и объектами, анализ и сопровождение конфликтов, когда мы начинаем во временном или каком-то ином ключе рассматривать то, что происходит в социально-трудовой сфере. На третьем этапе должна быть реализована функция выработки рекомендаций, сейчас мы над этим рабо-

таем. В стадии разработки находится функция прогнозирования. Все это технологическое ядро ресурса, построенное с применением современных методов и способов обработки информации. В основном здесь использованы логические и формальные методы. Система автоматизированная, хотя значительное участие человека все же требуется, поскольку есть очень много вопросов, в том числе и научного плана, препятствующих переводу такого рода действий на исключительно автоматическую основу. Проблема заключается в том, что сама конфликтологическая наука ставит перед нами слишком много задач, на которые мы до сих пор не можем найти ответы. Коллега Вершинин рассказал о классификации — это фундаментальная проблема, с которой мы столкнулись, потому что современные способы обработки информации требуют применения математических методов и формальной логики. В условиях, когда отсутствует общепринятая в научном сообществе классификация социально-трудовых конфликтов (по крайней мере, нам не удалось обнаружить ни одного следа такой классификации), очень сложно производить правильную оценку и группировку поступающих сообщений, формирование на их основе событий и выявление конфликтов. Но классификация — не единственная проблема, с которой мы столкнулись. Еще одна проблема — отсутствие единого глоссария по темам конфликтологии, особенно в сфере социально-трудовых конфликтов, и из этой проблемы вытекают сложнейшие задачи построения так называемых информационных тезаурусов. В любой информационно-поисковой системе по законам математики мы обязаны применять тезаурус, то есть однозначно понимаемый машиной и человеком язык представления данных. К сожалению, в связи с тем, что глоссарии, которыми мы сегодня пользуемся в конфликтологии, довольно разноплановые и сформировать из них единую стройную систему представления терминов довольно сложно, очень трудно построить реальный тезаурус для применения математических методов. Эта задача ждет своего решения. Я знаю, что Анатолий Васильевич работает над ней, он уже подготовил полный «Словарь конфликтолога», который скоро выйдет в свет, и мы надеемся, что на его основе нам удастся продвинуться в этом направлении.

Следующая научная проблема, которая перед нами стоит, — анализ конфликтов, особенно в той части, которая является ненаблюдаемой стадией конфликта. Мы знаем, что существует определенный порог, после которого конфликт становится публичным, и порог, после которого конфликт уходит из публичной сферы и мы не можем его наблюдать, не погружаясь непосредственно в среду, в которой происходит дальнейшее развитие конфликта. Эта проблема сложная, так как, к сожалению, мы можем отследить максимум 70 % событий, происходящих в конфликте, и это можно считать идеальным вариантом. Поэтому невозможно составить цельное представление о конфликте от момента его зарождения до полного исчезновения, а это очень важно с точки зрения анализа поведения сторон, применяемых ими методов, возможных вариантов и результативности урегулирования конфликта.

В настоящее время ресурс находится в опытной эксплуатации, он пока не может быть представлен для общего пользования. То есть мы имеем работающий ресурс, но он находится в стадии пилотной эксплуатации. Идет большая работа как по решению научных проблем, так и по поиску ответов на аналитические вопросы, которые решаются в настоящее время в рамках конфликта.

Для чего, собственно, нужна эта система, какого рода аналитические выводы мы можем сделать? На основе работы системы составляются бюллетени — еженедельные, ежемесячные, ежеквартальные — серия бюллетеней, которая показывает реальную ситуацию в сфере социально-трудовых конфликтов. Это и есть конкретный продукт, доступный для исследования и анализа. В ближайшее время бюллетень за первый квартал будет опубликован. В этом бюллетене приведены данные по 44 реальным трудовым конфликтам — содержание, участники, причина, отраслевая и территориальная специфика. Нам предстоит сделать еще очень много для того, чтобы дать возможность анализировать данные о конфликтах с применением методов статистики, разрабатывать возможности прогнозирования и разрешения конфликтов. Одно ясно: это вполне решаемые научные задачи. Приглашаю всех участников Лихачевских чтений присоединиться к пока небольшому кругу людей, занимающихся проблематикой социально-трудовых отношений и конфликтов, и помочь нам в решении этого многообразия научных задач.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Спасибо, Евгений Иванович. Ваша работа уникальна, в Российской Федерации ничего подобного еще не было.

Е. И. МАКАРОВ: — Благодарю Вас. Следующий докладчик Тукумцев Будимир Гвидонович.

Б. Г. ТУКУМЦЕВ: — Уже около 40 лет вместе с коллегами из научно-исследовательского института «Социальные технологии» Самарского государственного университета мы имели возможность осуществлять регулярные исследования в области трудовых отношений и социальной напряженности на промышленных предприятиях.

Результаты этих исследований дали нам в свое время основания утверждать, что большая часть конфликтов, возникающих на предприятиях, происходят в бригадах из-за неразрешенных разногласий между мастером и рабочими. Чаще всего это бывает на крупных предприятиях, где происходит частая смена низовых руководителей, где нередко на эту работу назначаются специалисты, не имеющие достаточного опыта. В 1970-х годах, еще в советский период, все забастовки на АвтоВАЗе происходили именно по этой причине. Одна из бригад, конфликтуя с мастером, останавливала конвейер, и работа всего завода была парализована. Нам довелось участвовать в анализе причин этих конфликтов и создать ряд социальных технологий, позволяющих предупреждать подобные конфликты на основе введения элементов демократии в управление

бригадами (создание Советов бригад), которые полностью сняли эту проблему. В течение 20 лет эти технологии использовались. С 90-х годов по ряду причин они, к сожалению, перестали воспроизводиться. Конечно, нельзя не учитывать того, что социальная напряженность имеет много и других источников, которые в разной степени влияют на ее состояние. Причем характер этих источников постоянно меняется.

С 90-х годов начал давать о себе знать новый, весьма весомый источник социальной напряженности. Он был обусловлен становлением на отечественных предприятиях принципиально новых для отечественного производства трудовых отношений. Разумеется, не исчезли и старые причины конфликтов и социальной напряженности, но приход рыночных отношений в сферу труда на производстве породил новую ситуацию на предприятиях. И большая часть трудовых конфликтов являются сегодня следствием развития в течение последних двух десятков лет таких отношений между работодателями и работниками наемного труда на отечественных предприятиях, которые даже близко не напоминают то сотрудничество и то партнерство, к которому призывает стороны трудовых отношений новый Трудовой кодекс Российской Федерации.

Что же это за отношения, которые сложились сегодня на отечественных предприятиях? Они совершенно не похожи на те отношения, которые в настоящее время действуют на предприятиях стран Европы и Америки, где действует рыночная экономика. В трудовых отношениях на отечественных предприятиях четко просматриваются нормы и правила, характерные для раннего капитализма XIX и начала XX века, — беспрекословный диктат работодателя, индивидуальный характер его работы с персоналом, отсутствие юридической ответственности за трудовые отношения, за воспроизводство трудового потенциала, вообще за судьбу рабочего. Для нынешних российских хозяев производства рабочий не является фигурой, с которой надо считаться. На отечественных предприятиях царит такая культура трудовых отношений, которую современный мир капитала уже давно изжил. Нередко складывается ситуация, когда нынешний характер трудовых отношений невыгоден самим хозяевам. Но они с упорством продолжают жить и работать по лекалам позапрошлого века. Вот несколько примеров.

Сохраняется произвол в оплате труда. Зарплата рабочих на одном предприятии может различаться в 10–15 раз, что было немыслимо в советский период, когда действовала тарифная сетка. В результате среднедушевой доход 14 % рабочих не дотягивает до прожиточного минимума, их семьи живут в нищете. А работник, живущий в бедности, никогда не будет хорошим работником.

Неуважение, безразличное отношение к работнику, особенно к тому, который только что пришел на предприятие, приводит к тому, что молодежь не идет работать в промышленность, это непрестижно да и прожить на заработок невозможно. Молодые люди не желают учиться рабочим профессиям, а стремятся в сферу обслуживания, в торговлю, куда угодно, только не в производственные отрасли. Сегодня среди людей,

работающих в промышленности, молодежь составляет всего 12 %, то есть идет вымирание рабочего класса.

В условиях низкой зарплаты обновлять оборудование и модернизировать производство невыгодно. Зачем покупать дорогой станок, если гораздо дешевле обходиться дешевым трудом рабочего? Это типичная логика раннего капитализма.

«Пофигизм» — хлесткое словечко, придуманное в последние годы. Работники предприятий этим термином называют ситуацию на предприятии, когда для большей части работников безразлично, что происходит в сфере производства, какая выпускается продукция и каково ее качество.

На Западе людей всячески приобщают к заботам о деятельности предприятия, побуждают их к заинтересованному участию в контроле качества, к повышению культуры производства. У социологов есть такой показатель, как «включенность», аналогичный применяемому в западных странах показателю «идентификации» работника с деятельностью предприятия. По данным Европейской комиссии, от 50 до 75 % рабочих в странах Евросоюза идентифицируют себя со своим предприятием. У нас по той же методике число таких работников в одном из промышленных районов лишь 8 %. Попробуйте при таком «пофигизме» изготовить ракету — куда она полетит?

А ведь как раз сложившиеся трудовые отношения формируют такое отношение, такую идеологию сегодняшнего персонала предприятий. За последние два десятилетия никаких значительных изменений в этой сфере не произошло. К сожалению, не внес изменений в практику развития трудовых отношений и новый Трудовой кодекс. Мы почти 16 лет ведем мониторинг социально-трудовой сферы на предприятиях своего региона и не видим значительных изменений, даже зарплата не меняется существенно. Она, конечно, повышается, но теми же темпами растет и прожиточный минимум.

Чаще всего, обсуждая подобные факты, мы говорим о двух сторонах трудовых отношений, забывая, что есть еще и третья сторона — государственная власть, которая не меньше двух других сторон объективно заинтересована в изменении ситуации. Государство заинтересовано в модернизации производства, в высоком качестве изделий, в социальном благополучии работников наемного труда, которые одновременно являются и гражданами Российского государства и которые должны еще и обеспечивать рост народонаселения. Но мы все чаще слышим, что государство уходит из сферы труда. Для такой оценки, к сожалению, есть основания. Новый Трудовой кодекс, который был направлен в первую очередь на формирование прогрессивных трудовых отношений, оказался «сырым», явно недоработанным. Многие его положения не работают. Призывы к социальному партнерству повисли в воздухе, потому что никто не знает, как их реализовать. Государство не нашло ничего лучше, чем возложить всю ответственность на профсоюзы. В Кодексе бесконечно повторяется слово «профсоюзы». А руководство предприятий почему-то к сотрудничеству, партнерству не побуждается, оно остается в стороне

и не имеет никаких обязательств в этой сфере. За развитие социально-трудовых отношений почему-то отвечает не работодатель, а председатель профкома. Нигде в мире нет таких норм. Профсоюзы могут способствовать формированию сотрудничества, но не организовывать его. И не менее важно то, что в Трудовом кодексе даже не прописано, как должно выглядеть это сотрудничество в России, каков его рабочий механизм.

Властные структуры явно не хотят ссориться с собственниками, с крупным капиталом. В Трудовом кодексе записано, что минимальная зарплата должна быть не меньше величины прожиточного минимума. Но незадолго до этого была ратифицирована Конвенция Международной организации труда, в которой утверждается, что минимальный уровень зарплаты необходимо устанавливать в размере трех прожиточных минимумов, потому что у работника, как правило, есть семья, дети. Тем не менее, Трудовой кодекс РФ фиксирует в качестве нормы минимальной зарплаты величину не менее прожиточного минимума. Но это еще, как выясняется, не узаконенный уровень. Потому что Государственная Дума, ежегодно принимая закон «О минимальном размере оплаты труда», устанавливает этот размер по величине ниже прожиточного минимума.

Вывод нам представляется таким: сегодня перемены в сфере трудовых отношений могут быть реально осуществлены только после вмешательства в эту сферу Правительства и Государственной Думы. Необходим пересмотр действующей социальной политики в сфере труда, изменение ряда положений трудового законодательства. Наша задача состоит в том, чтобы попытаться убедить их в этом.

Е. И. МАКАРОВ: — В прозвучавших выступлениях была высказана интересная мысль: необходимо принуждение к социальному партнерству и ответственность, вплоть до уголовной, за уклонение от него. Это, конечно, жесткие меры, но что-то в этой идее есть.

Слово представителю Международной организации труда Кари Тапиола.

К. ТАПИОЛА: — Много из того, о чем здесь сегодня было сказано, имеет прямое отношение к тому, чем ежедневно занимается Международная организация труда. Иногда у людей складывается впечатление, что Международная организация труда занята исключительно теоретическими, абстрактными вопросами. Но сейчас я хочу затронуть один вопрос, который очень актуален и важен для нашей дискуссии. Это право на забастовку. Через месяц у нас откроется ежегодная 102-я Конференция МОТ и мы снова будем обсуждать право на забастовки. Дело в том, что ни одна конвенция МОТ прямым текстом не гарантирует права на забастовки. Между тем это одно из важнейших прав трудящихся, существенный элемент демократии. Право на забастовку может быть ограничено законодательством только в тех случаях, когда забастовка может нанести ущерб безопасности страны или здоровью людей. Сейчас, в новых международных условиях, снова поднимается вопрос о том, имеют ли право работники

участвовать в так называемых забастовках солидарности. Это очень важная проблема, потому что, например, посмотрите, в каких условиях трудятся граждане Бангладеш, где работники умирают тысячами и не имеют право бастовать. Когда латышская фирма занимается строительством в Швеции и ее сотрудники получают «латышскую» зарплату, то какие права имеют шведские профсоюзы? Или киргизские работники продают свой труд за «киргизские» деньги, то что могут сделать профсоюзы на этом уровне? Это вопрос, над которым надо думать и решать его. Трудовая миграция — это элемент глобализации, и он вновь поднимает старый вопрос о праве на забастовки, о праве профсоюзов эффективно взаимодействовать с работодателями. Когда происходили известные события в Польше, МОТ поддерживала право польских рабочих на забастовку, тогда не было дискуссий на эту тему. Однако сегодня мы вынуждены в рамках рыночной экономики вернуться к проблематике, которая была актуальна 100 лет назад, когда создавалась Международная организация труда, призванная решать вопросы трудовых конфликтов. Это непростые вопросы, и я думаю, что в будущем нам не раз придется возвращаться к проблемам, которые мы решали в прошлом, а для этого надо тщательно изучать историю.

Е. И. МАКАРОВ: — Уважаемые коллеги, в словах, которыми Кари Тапиола закончил свое выступление, когда говорил о том, что если мы пытаемся найти ответы на вопросы, с которыми столкнулись сейчас, то надо хорошо знать свою историю, и Будимир Гвидонович, кстати, сказал, что мы вернулись в период начала дикого капитализма, — во всем этом есть своя «сермяжная» правда. Наша цивилизация нашла ответы на возникшие когда-то вопросы, те-

перь надо внимательно изучать пройденный путь и пытаться приспособить существующие решения к сегодняшнему дню. А если возникают принципиально новые проблемы, то, конечно, надо искать и новые решения.

Большое спасибо всем участникам сегодняшней дискуссии. Примечательно, что в каждом выступлении мы сталкивались с одной и той же темой, которая представлена как главная тема Лихачевских чтений, — диалог культур. Речь идет и о культуре отношений в рамках трехстороннего партнерства: о культуре работодателей, работников, государства, профессиональных союзов; и о культуре экономического базиса, на котором вырастает та или иная система, — неолиберальная, социально ориентированная либо какая-то другая. Это взаимодействие национальных культур, когда мы сталкиваемся с мигрантами в процессе трудового и иного взаимодействия. Мы видим совершенно разные культурные традиции и практики, и это тоже надо понимать, когда мы занимаемся анализом социально-трудовых отношений. Сегодня мы постоянно находились в этом контексте.

В заключение призываю всех коллег продолжить изучение проблем социально-трудовой конфликтологии, работая над актуальными практическими задачами, прозвучавшими с этой трибуны. А мы берем на себя функцию сплочения единомышленников в решении этих задач. Надеемся на вашу помощь и содействие.

А. В. ДМИТРИЕВ: — Уважаемые друзья, желаю вам успехов в такой важной и трудной деятельности и надеюсь, что мы еще не раз соберемся, чтобы обменяться мнениями и обсудить актуальные вопросы. Спасибо вам.

Секция 4
ЭКОНОМИКА И ПРАВО
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

17 мая 2013 г. Лекционный зал №1

Руководители секции:

В. Л. МАКАРОВ

директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО

директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, академик Национальной академии наук Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

Т. Бауэр¹

ДОВЕРИЕ И ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ КАК ЦЕННОСТИ
(На примере трансформационного процесса в Венгрии)

Еще будучи студентами, представители моего поколения слышали от своих преподавателей, что в соответствии с марксистской доктриной в общественных науках нет возможности для экспериментов, как в естественных науках. Это, очевидно, правильно. Вместо экспериментов исследователь пользуется сравнениями. Например, если какой-либо феномен, наблюдаемый в определенной стране, имеет как специфические предпосылки (отличные от других стран), так и специфические сценарии развития, то, вероятно, можно говорить о наличии причинно-следственной связи.

Подобные рассуждения применимы, в частности, и к таким фундаментальным ценностям жизни, как доверие и предсказуемость. Что такое доверие как ценность и какую роль оно играет в хозяйственной системе? Современная хозяйственная деятельность опирается на множество связей между экономическими субъектами: предприятиями как поставщиками и покупателями, банками, инвесторами и т. п. В условиях конкурентного рынка каждое предприятие учитывает возможность замены существующих поставщиков другими, которые предлагают более выгодные условия (качество товаров, цены, сроки поставок и т. д.). Однако возможность постоянной замены в реальной жизни всегда ограничена, и поэтому экономические субъекты стараются развить сеть надежных, прочных свя-

зей с поставщиками, покупателями, банками и т. д. Таким образом они сэкономят расходы на информацию и принятие новых решений. В процессе развития прочных связей возникает взаимное доверие между экономическими субъектами как необходимое условие бесперебойного хода хозяйствования. В этом смысле доверие является незаменимой составной частью экономической системы, иными словами, системным звеном в экономике.

Помимо экономики, доверие представляет собой важную составную часть и других subsystemов общества. Доверие к государству и между отдельными субъектами играет большую роль в правовой сфере. Правовой порядок любой страны — это не только совокупность принятых парламентом законов или указов президента и т. д. Кроме формальных норм, прописанных в законах или указах, взаимодействие между людьми регулируется и неформальными правилами. Например, не существует формального правила, по которому лица, занимающие государственные должности, обязаны отвечать на вопросы представителей прессы, но в действительности они поступают именно так. Это способствует возникновению и сохранению доверия общественности как к органам власти, так и к отдельным ее представителям. Аналогично не существует законного права, которое запрещало бы правительственному большинству в парламенте без участия оппозиции изменить конституцию или парламентский регламент. Однако в таких вопросах в демократических странах принято сотрудничать с оппозицией и стремиться к достижению согласия между отдельными фракциями в парламенте. На главные посты в различных

¹ Профессор Университета им. И. Гёте (Франкфурт-на-Майне, Германия). Автор более 50 научных работ, опубликованных на английском, немецком, венгерском, русском и других языках, в т. ч. монографии «Инвестиционные процессы в условиях плановой экономики». Научные интересы: трансформационные процессы в бывших социалистических странах — сравнительный анализ.

контрольных органах (Прокуратура, Конституционный Суд, Счетная палата, государственное радио и телевидение, Избирательная комиссия и т. п.) в демократическом государстве обычно назначаются или избираются лица, не принадлежащие к отдельным политическим партиям, хотя формального запрета не существует. Также принято, что в парламентских комиссиях, которые контролируют правительство по вопросам госбюджета или госбезопасности, председательствуют представители оппозиции.

Соблюдение этих неформальных правил является условием эффективного контроля правительства парламентом и, таким образом, предпосылкой возникновения доверия между большинством и меньшинством в парламенте. Эти особенности демократического строя способствуют тому, что жители данной страны независимо от своих политических убеждений считают государство своим, а не враждебной силой, а себя — полноправными гражданами страны. Все принимают результаты выборов, которые считаются честными. Существование такого доверия особенно важно в тяжелой обстановке, когда власть должна убеждать граждан в необходимости применения непопулярных мер. Если государственный деятель избегает встречи с независимыми СМИ, большинство не учитывает намерений меньшинства при определении «правил игры» в политике, назначает своих сторонников на руководящие посты в контролирующих органах, то доверие к нему подрывается, и власть будет не в состоянии убедить народ в правильности проводимого курса.

Не менее важна предсказуемость деятельности государства, отдельных органов, ведомств и учреждений. Под предсказуемостью следует понимать логическую последовательность проводимых в рамках экономической политики государства мероприятий. При этом они должны находиться в русле тенденций предшествующего развития экономики страны. Если это достигнуто, то возникает доверие между бизнесом и государством. Эффективное функционирование развитой рыночной экономики западных стран опирается на оба вида доверия: между отдельными фирмами и между государством и бизнесом. Тем самым становится очевидной органическая связь между ценностными категориями доверия и предсказуемости. Предсказуемость экономической политики государства обуславливает доверие к нему со стороны предпринимательских кругов.

Использование категорий доверия и предсказуемости как системных категорий позволяет проанализировать развитие экономики Венгрии. Международный финансовый кризис 2008 года привел к тому, что в 2009 году почти во всех странах Евросоюза снизился ВВП (единственным исключением стала Польша). Начиная, однако, с 2010 года в большинстве стран возобновился экономический рост, который продолжался в 2011 и 2012 годах. Однако имеется ряд исключений, к которым, в частности, относится Венгрия. Если в ряде стран Центрально-Восточной Европы начиная с 2010 года рост инвестиций возобновился, то в Венгрии по-прежнему наблюдается спад капиталовложений, который начался еще в 2006 году, что негативно повлияло на темпы роста ВВП. Подобное неблагоприятное

развитие было вызвано необходимостью восстановления макроэкономического равновесия в 2006 году, а затем — международным финансовым кризисом. Однако правомерно поставить вопрос: почему спад объема капиталовложений продолжался и в 2010–2012 годах, то есть в период преодоления кризиса в других странах? Напомним, что в условиях существования социалистического содружества (коммунистического блока) в Венгрии были проведены глубокие экономические реформы, вследствие которых государственные предприятия и колхозы приспособились к отечественному и зарубежному спросу намного эффективнее, чем в других социалистических странах. Поэтому снабжение потребительского рынка также было существенно лучше. Иными словами, Венгрия была более успешной в экономическом отношении страной по сравнению с другими странами социалистического блока. Кроме того, первое десятилетие рыночных реформ прошло в Венгрии более благополучно. Страна провела приватизацию, открыла свою экономику для международных транзакций и активно включилась в процесс европейской интеграции. Если в 1970–1980-е годы в Венгрии возникло больше совместных предприятий, чем во всех других странах Совета экономической взаимопомощи, вместе взятых, то в 1990-е годы в Венгрию поступило больше прямых иностранных инвестиций, чем в другие европейские постсоциалистические страны. Вследствие этого Венгрия достаточно быстро реализовала структурные сдвиги в промышленности и внешней торговле.

В последние годы, однако, наблюдается обратная тенденция. В то время как в Польше продолжается непрерывный рост экономики, в Словакии в 2000-е годы активно возросли объемы привлекаемых прямых иностранных инвестиций, то Венгрия постепенно начинает отставать от этих и других стран по целому ряду показателей. Чем это можно объяснить? Процесс отставания Венгрии начался в середине 2000-х годов и имел тогда конъюнктурный характер: причиной замедления роста было вынужденное ограничение как потребления, так и капиталовложений с целью преодоления несбалансированности в госбюджете. Эти меры принесли положительные результаты: показатели внешнего и внутреннего равновесия улучшились и были созданы предпосылки роста. Вырос курс венгерской валюты, и уменьшился венгерский внешний долг. Начиная с 2010 года форинт снова ослабел и венгерские государственные ценные бумаги вновь стали продаваться по более высоким ценам.

Как я отметил выше, в 1970–1980-е годы Венгрия была страной реформ с широкой самостоятельностью предприятий. Активно развивались торговые и финансовые связи венгерских предприятий с западными фирмами. До системного переворота 1989–1990 годов венгерский парламент принял законы о хозяйственных обществах и преобразовании госпредприятий в частные. Произошла либерализация цен и внешней торговли. Было создано Государственное учреждение по надзору над хозяйственной конкуренцией. Обновленная конституция утвердила независимость судов. В итоге условия хозяйственной деятельности приблизились к западной

рыночной экономике. С одной стороны, возникла одна из важнейших предпосылок функционирования рыночной экономики — свободный выход новых организаций на рынок. Следовательно, были усовершенствованы условия конкуренции. С другой стороны, возросло доверие к защите собственности и силе договоров. Все это способствовало как дальнейшему притоку прямых иностранных инвестиций, так и развитию частного предпринимательства внутри страны. Это развитие в 1980-е годы опиралось на опыт совместных предприятий и мелкого предпринимательства.

Развитие рыночной экономики в странах Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, способствовало возникновению обоих видов доверия, с другой — предполагало его. Эти тенденции наблюдались в течение 1990-х годов и в Венгрии. Стабилизационные мероприятия 2006 года, прежде всего введение дополнительных налогов, ослабили веру предпринимателей в стабильность. Однако основные принципы рыночной экономики не были затронуты. Вынужденное сокращение совокупного спроса привело к ослаблению интенсивности инвестиционной деятельности, но каких-либо существенных изменений развития венгерской экономики не произошло.

С приходом к власти нынешнего руководства страны во главе с Виктором Орбаном возникла иная ситуация. Новое правительство снизило подоходный налог за счет введения единой налоговой ставки (16 %) и существенного увеличения льгот. В то же время были снижены налоги для мелких предприятий. Для того чтобы сохранить относительную сбалансированность госбюджета, коммерческие банки и крупные фирмы ряда отраслей, в которых преобладают зарубежные собственники (энергетика, телекоммуникация, сети в розничной торговле), были обложены дополнительными налогами. С целью решения проблем высокой задолженности людей по кредитам в иностранной валюте и роста тарифов по коммунальным услугам правительство законодательно вынудило банки и предприятия в сфере услуг снизить процентные ставки и цены за счет своей прибыли. Венгерское правительство стремится вытеснить с рынка зарубежные фирмы. Премьер Орбан считает необходимым, чтобы в собственности страны было не менее 50 % коммерческих банков. Государство выкупило часть акций нефтяной компании MOL, подразделения германской энергетической фирмы ЭОН, автомобильный завод «Раба» и принудило французских собственников вернуть водопроводные предприятия городам Будапешт и Печ. Было огра-

ничено строительство новых торговых центров и магазинов, что создает препятствия для вступления новых субъектов на рынок.

Подобные действия венгерского правительства были в известной мере непредсказуемы. Они подорвали доверие бизнеса к государству. В результате в экономике страны наблюдаются отчетливые негативные тенденции. Резко уменьшились не только зарубежные, но и отечественные капиталовложения. Даже отечественные инвесторы начали выводить свой капитал в зарубежные страны. Пользуясь конвертируемостью форинта и свободой движения капитала в рамках Евросоюза, частные лица переводят свои сбережения за границу. В первые два десятилетия рыночных реформ Венгрия (вместе с Чехией) характеризовалась низкой долей эмиграции по сравнению со странами СНГ, Румынией, Болгарией и Словакией. В последнее время наблюдается противоположный процесс: молодые венгры, особенно с высшим образованием, уезжают на Запад. Это огромные потери как в краткосрочном периоде (налоги с трудовых доходов этих людей), так и в долгосрочной перспективе: страна теряет человеческий капитал высокого качества.

Другие страны Центральной и Восточной Европы тоже испытывали трудности в последние годы. Международный финансовый кризис оказал отрицательное влияние на их экономики. Несмотря на это, в Польше экономический рост непрерывно продолжается, а в ряде других стран после кризиса он возобновился. Основной причиной указанных различий между Венгрией и другими странами Центральной и Восточной Европы является то, что в других странах хозяйственные субъекты могли предсказать поведение государства и установить взаимное доверие между предприятиями. Нынешнее правительство Венгрии предполагало, что снижение подоходного налога путем введения единой ставки будет стимулировать отечественных предпринимателей и приведет к оживлению внутреннего рынка, дополнительное налогообложение банков и зарубежных фирм вызовет поддержку населения. Однако правительство не учитывало исключительное значение категории доверия и предсказуемости как «факторов производства» в экономике XXI века. Опыт последних лет Венгрии, как и целого ряда посткоммунистических стран, наглядно показывает необычайную значимость этих ценностей в современной экономике. Эти ценности как воздух: пока он свободно доступен, мы его не замечаем, но как только его становится меньше, мы страдаем от его нехватки.

В. Г. Графский¹ПРАВОВОЕ ОБЩЕНИЕ
КАК ОБЛАСТЬ ЦЕННОСТНОГО ДИАЛОГА

Предлагаемая тема воспринимается автором как еще один повод для нового аналитического взгляда на содержание и эффект столкновения традиционных и меняющихся форм человеческого общения и одновременно как на возможность привлечь внимание к нервным узлам взаимосвязей соответствующих институтов, ценностей, подходов. Одновременно с этим появляется возможность обозреть совместность и изменчивость некоторых новых границ коммуникаций в социуме, в чувствах, действиях привычных участников правового общения, несущего в себе ценностные ориентиры и традиции внутрикультурных и межкультурных связей.

При всем многообразии обсуждаемых в литературе культурных форм и традиций, для нашего обзора существенное значение имеют составные части комплекса национально-государственной, этнической и политической культуры той или иной нации — в виде правовых законов, государственно-политических институтов, языка общения и делопроизводства, традиционно используемого набора важнейших ценностных ориентаций участников правового общения². Однородные культурные комплексы в такой форме характерны не только для однопользовательных государств, таких как Армения или Израиль, но и многонациональных, очень сложных по составу, как Россия, или суперсложных, как Индия, своеобразии которых легко различимо в любом наборе из разряда современных государств.

Указанные характеристики культуры образуют составные части внутренней культуры быта и нравов определенного государства и народа (государствонации), тогда как набор нескольких других таких куль-

тур, существующих одновременно и даже входящих в коммуникацию с данной конкретной культурой, формально образует уже внешнюю среду существования данной культуры. Средоточием многих вариаций межкультурного общения на почве правовых принципов и требований выступает международное право, которое помимо субъектов публичного межгосударственного правового общения имеет большой спектр частного правового общения, и все это регламентируется ныне общепризнанными отраслями международного публичного и частного права.

Более простым в силу привычности и большей известности предстает правовое общение внутригосударственное и, тем самым, — внутрикультурное правовое общение, которое регулируется преимущественно двумя фундаментальными отраслями права — гражданским и уголовным (карательным), а также общегражданским конституционным законодательством (конституционным, или как до недавнего времени его называли — государственным правом). Гражданское право (законодательство) регулирует, по шуточному определению одного французского цивилиста, личные и имущественные права в семье и за ее пределами. Следует обратить внимание, что именно начиная с семьи каждый гражданин проходит нелегкую школу правового воспитания и просвещения, причем набор областей законодательного регулирования и знания здесь удивительно многообразен и переменчив с возрастом и переменной лично-семейного статуса, что дает основания уподобить семью маленькой политической общине и одновременно составной ячейке многосложного и открытого для взаимного диалога с ней государственного сообщества. Карательное право возникает и используется как следствие совершения проступка, нарушающего запрет официальных законов или правовых обычаев. И так у большинства народов и народностей мира в прошлом и настоящем.

Что можно отнести к разряду признаков, составляющих благоприятную почву для диалога культур и столь же плодотворной конкуренции соперничающих ценностных ориентаций? Начнем с ценностных ориентаций. Об их существовании свидетельствует, к примеру, перечень общепризнанных принципов международно-правового общения³ или перечень основных прав человека (у Локка их три — право на жизнь, свободу и собственность, во Французской декларации прав 1789 года их пять — свобода, равенство, собственность, безопасность, сопротивление угнетению и т. д.).

³ К их числу обычно относят десять универсальных принципов: принцип неприменения силы и угрозы силой; принцип разрешения международных споров мирными средствами; принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; принцип обязанности государств сотрудничать друг с другом; принцип равноправия и самоопределения народов; принцип суверенного равенства государств; принцип добросовестного выполнения обязательств по международному праву; принцип нерушимости государственных границ; принцип территориальной целостности государств; принцип уважения прав человека и основных свобод.

¹ Заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий, а также статей основополагающего профиля: «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Бакунин: из истории политической и правовой мысли», «Политические и правовые взгляды русских народников», «Правовое общение в прошлом и настоящем», «Интегральная юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект», «Право как результат применения правила законной справедливости»; «Концепция государства законности и правового государства в их возникновении, соотношении и современном состоянии» и др.; учебников: «История политических и правовых учений», «Всеобщая история права и государства» и др. Член редколлегии журналов «Государство и право», «Право и политика», «Философия права» (приложение журнала «Право Украины») и др.

² Важной вехой в освоении аксиологического подхода к праву и правоведению в отечественной литературе стали разработки 1990-х годов коллектива историков и теоретиков права под руководством члена-корреспондента РАН В. С. Нерсесянца. В изданной ими монографии «Политико-правовые ценности: история и современность» (М.: Эдиториал УРСС, 2000) были поставлены и обсуждены следующие темы и проблемы: предметное поле юридической аксиологии; компоненты права как ценности: триединство равенства, свободы и справедливости (В. С. Нерсесянц); идея господства справедливых законов: современная история; эволюция права и правовых ценностей в процессе перехода от традиционного общества к современному (В. Г. Графский), государствоведение: аксиологический подход (Л. С. Мамут), добросовестность — *bona fides* — как правовой принцип (Д. В. Дождев) и др.

Существенными для гарантированного осуществления диалога ценностных культурных ориентаций в правовом общении являются некоторые институциональные и узаконенные формы внутрикультурного и межкультурного диалога. Среди институциональных форм на первое место надо поставить суд как главный гарант легитимного протекания конфликта правовых требований и законных интересов. К узаконенным формам следует отнести признаваемые в большинстве стран мира источники права в форме обычая, прецедента и официального закона (правовую доктрину в международном и внутригосударственном правовом общении следует отнести, с понятными оговорками, к ряду норм и принципов современного обычного права, хранимого и толкуемого общепризнанными знатоками современного права).

Правовое общение как формализованный процесс вовлекает людей, различные общности (семья, родственники, сограждане и др.), формализованные институты, политико-организационные комплексы в виде партий, движений, кружков, самодеятельные общественные объединения, а также различные неформальные заинтересованные группы, озабоченные своими обособленными ценностными предпочтениями и целями и предстающие вовне носителями определенных социальных ролей и норм, смежных с моральными и юридическими нормами.

В наборе общекультурных ценностей и ориентаций в социальном общении возможно и желательно различие центральных и периферийных по степени их предпочтительности. Например, справедливость и законность в праве, высоко ценимые вместе с воздаянием должного и воздержанием от причинения вреда¹, а также свобода и равенство вместе с гарантированным обеспечением защиты и восстановления нарушенных прав в суде, и др.

В обсуждении этих вопросов всегда встречались и продолжают встречаться некоторые недостаточно проясненные культурологические характеристики современного права, правоведения и правового общения. Среди них наряду с традиционным обращением к истолкованию вопроса «что есть право?» часто присутствуют в наше время истолкования социальных ценностей и смыслов в праве, включая истолкования позиций либералов, консерваторов или марксистов в этом фундаментальном во многих смыслах вопросе. Гораздо реже включаются истолкования этих понятий в их применении к доктрине юснатурализма, юспозитивизма или интегральной юриспруденции — в последнем случае юриспруденции воображаемой или уже кем-то выстроенной и растолкованной. Не все ясно с употреблением и растолкованием заимствованной у философов конструкции классической и постклассической философии применительно к философии права или к теории права. Предложенные в юридической литературе варианты обобщений не выглядят убедительными ни

¹ Эта тема обсуждена нами в нескольких публикациях: *Графский В. Г.* Право как результат применения правила законной справедливости (интегральный подход) // *Государство и право*. 2010. № 12. С. 5–13; *Он же.* Правовое общение в прошлом и настоящем // *Право и политика*. 2011. № 1; *Он же.* Справедливость и право // *Дискуссионные проблемы права: труды Ин-та государства и права РАН*. 2012. № 5. С. 163–174.

в истолкованиях этой конструкции, ни в практическом ее использовании в анализе объектов и процессов, будь то современные или так называемые постсовременные процессы и перемены.

Общение между народами и государствами можно считать нормальными и плодотворными, когда они выстраиваются похожими на добрососедские отношения между семьями или более крупными общностями. Главными заповедями в таких отношениях становятся доброжелательность, взаимопонимание, взаимопомощь и др. Подобные взаимоотношения выстраивались и поддерживались на протяжении веков и тысячелетий между многими племенами, народами и государствами, хотя в письменной и устно фиксируемой истории обычно чаще всего фиксируются конфликтные отношения, которые сопровождалась войнами, взаимной неприязнью, всяческими унижениями и лишениями.

Если первый вариант общения выглядит привлекательным и обнадеживающим, а также разумным и справедливым, то другой требует и всегда требовал приложения немалых технико-организационных и политико-властных усилий для разрешения именно конфликтных противостояний — разрешения мирного, путем переговоров и особым образом фиксируемых договоренностей, либо путем военного противостояния и усилий по предотвращению традиционных или новых причин межнациональной конфликтности и войн — войн на покорение или даже на полное истребление. Требования и устойчивые варианты разрешения подобных конфликтов сродни (и по манере, и по результатам) использованию требований старинных правовых обычаев в конфликтах между индивидами и группами, начиная от первобытности и вплоть до настоящего времени. Со временем первобытное обычное право становится предметом законодательного освоения и распространения — то есть обычай как неписанный закон становится (или, наоборот, отвергается) законом письменным и применяемым на всей территории государства, существование которого без таких правил и требований становится делом немислимым и практически невозможным. Похожим образом обычай междуплеменных и межгосударственных отношений становятся совокупностью правил и требований, включаемых в двусторонние или многосторонние международные договоренности. Но на этом похожесть правовых обычаев в семье и обычаев международного общения заканчивается, поскольку у них различная перспектива реализуемости. Правовые обычаи и затем правовые законы в государственном общении обеспечиваются в своей реализации основанной на преобладающих ценностных ориентациях могущественной силой общественного мнения, то есть силой убеждения и, главное, принуждения. В международных отношениях эти же моральные и юридические правила обеспечены в большей части только силой убеждения с опорой на общественное мнение и на добрую волю участников международных договоренностей.

Исторически правовые нормы и требования пребывали и (вопреки распространенным в среде современных правоведов противоположным взглядам и мнениям) до сих пор пребывают в состоянии

взаимодополнительности и взаимоподдержки с моральными требованиями и нормами. И в этом заключена существенная особенность наследования упомянутой сдвоенности взаимодействия морали и права от первобытных времен и времен господства правовых норм и правил, берущих истоки из религиозных ритуалов и текстов, вплоть до настоящего времени. В современных международных отношениях эти особенности сдвоенного действия моральных и правовых правил сохраняются в более отчетливых формах и традициях, хотя не всегда должным образом констатируемых.

Необходимость общения задается, как известно, существующими формами общежития (семья, род, профессия, этническая и религиозно-политическая общность и др.). Под их влиянием оно становится устойчивым, длительным, продуктивно-плодотворным с непосредственным, частым и легким взаимным восприятием его участников в одном месте и в одно время. Одностороннее проявление общественного чувства не создает ни общения (поскольку оно предполагает взаимосвязь), ни общежития. Людей сплачивают в некое единство связи и скрепы родственные, семейные, племенные, народные и национально-государственные, хозяйственные и духовные, а также политические, моральные и правовые и не в последнюю очередь биологические и биосоциальные.

Право как социальное явление, при всей сложности своего строения и многозначности своих внешних проявлений, выглядит относительно консервативным социальным институтом. И если взглянуть на его историю в сопоставлении с историей государства, то этот вывод будет всесторонне подтвержден и убедительно проиллюстрирован у самых разных народов в самых обособленных регионах мира.

Право в переживаемый исторический период отмечено в своих традиционных проявлениях и действительности интенсификацией глобальных экономических и политических процессов сотрудничества и одновременно биполярной или множественной конфликтностью¹. В этих своих модификациях оно функционирует преимущественно всю вторую половину XX столетия и существует вплоть до настоящего времени. Право как многосложная совокупность законов, норм, принципов и институтов отмечено в этот период некоторыми важными новациями в своих внутренних и внешних проявлениях, ставших заметными как в отраслевом, так и в фундаментально-системном своем существовании. Так, например, в дополнение к финансовому праву появилось и упрочилось право банковское, а к морскому и воздушному праву добавилось космическое право,

к универсальному международному праву добавилось право региональное (европейское право, латиноамериканское и др.).

Как и многие другие назревшие и неотложные социально-политические проблемы современного общественного бытия в их личном, индивидуальном или групповом воплощении, обсуждаемая особенность меняющегося правового общения и регулирования выглядит как задача многоаспектная, а для «больших узких специалистов», понятное дело, еще и междисциплинарная.

Восприятие права как результата применения правил законной справедливости формально подпадает под требования и методологические запросы системного анализа, однако его познавательные и прагматические последствия делаются не столь удобопонятными и самоочевидными в случае трактовки права только как приказа суверена (короля, парламента и т. д.). Причиной тому становится так называемая «нелинейность системы», которая в процессе своего функционирования и саморазвития демонстрирует сосуществование порядка и хаоса, которые взаимопроникают и взаимно трансформируют друг друга.

Справедливость в правовом общении связана с проявлением нескольких моральных и иных скреп, включая вышеперечисленные семейные, лично-групповые, профессиональные и политические скрепы человеческого общежития. Биологи, дополняя этот перечень, говорят, что за чувство справедливости отвечают несколько участков мозга, связанных с эмоциональной сферой человека. На этом основании некоторые социологи и юристы отрицают существование социальной справедливости, ибо в ней, по этой логике, нет ничего, кроме эмоций. Однако подобная логика не вполне убедительна, поскольку сильно упрощает обсуждаемую здесь проблему.

Для переживаемой исторической эпохи, как уже неоднократно отмечалось в литературе философского и культурологического профилей, характерно преобладание стремительных и фундаментальных перемен с непредсказуемыми последствиями. Эти перемены настолько сильны, что становятся практически неустраняемыми и неуправляемыми и подчиняют своему воздействию многое привычное и традиционное в нашей жизни и в нашем повседневном (и не только повседневном) общении. Перемены эти находят заметное отражение в проблематике и строе наших размышлений о старом и новом в области правового регулирования и его легитимности, действительности, а также о возможных перспективах политики права.

¹ Ряд плодотворных аспектов этой темы обсужден О. Хеффе в монографии «Справедливость. Философское введение» (М.: Праксис, 2007), особенно разделы: «Принципы справедливости в юстиции», «Глобальная справедливость», «Глобальные правовые задачи», «Больше чем справедливость: чувство общности и дружба». См. также: Philosophie der Gerechtigkeit. Texte von der Antike bis zur Gegenwart / Hrsg. von Christof Horn, Nico Scarano. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2002.

А. А. Джагарян¹

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА

Жизнь народов, было замечено еще Р. Иерингом, как и жизнь отдельных личностей в государстве, есть общение, система взаимных соприкосновений и влияний — дружественных и враждебных, отдача и присвоение, заимствование и сообщение, короче — громадный обмен, охватывающий все стороны человеческого бытия, как материальные, так и духовные, правовые². В современных условиях качественного расширения международных отношений с характерными для них не во всем однозначными, нередко противоречивыми тенденциями, связанными с различными формами проявления глобализации, с одной стороны, и автономизацией, обусловленной стремлением народов к сохранению своей национально-культурной самобытности и политико-экономической самостоятельности — с другой, на первый план выходит проблема поиска универсальных оснований для поддержания и гармоничного развития подобных отношений как мирных, взаимоуважительных и созидательных.

Размышляя о природе политического в современном мире, в том числе в его интернациональном преломлении, судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев на XII Международных Лихачевских научных чтениях высказал идею о том, что сегодня альтернативой архаичной доктрине «реальной политики» как выражению голый целесообразности («щичинного реализма») является конституционная политика, основанная на формировании общего конституционно-правового интеллектуального пространства. По его мнению, конституционные ценности как основное содержание конституционно-правового концептуального пространства, общего для всего цивилизованного человечества, являются достоянием всех людей, и это позволяет, в том числе, находить юридически и социально взвешенные решения во взаимоотношениях членов мирового сообщества³.

Конституционализм выступает концентрированным смысловым и нормативным выражением конституционно-правового интеллектуального пространства, его идейно-правовым эквивалентом, и вместе с тем — это объективация содержания данного про-

странства в соответствующей системе государственно-правовых институтов и отношений. Конституционализм сочетает в себе философско-мировоззренческие, нормативно-регулятивные, организационно-институционные и практико-прикладные начала, служит как «философией конституционного мировоззрения» (по выражению В. Т. Кабышева), так и методологией и практико-прикладной технологией правовой организации жизни общества, обеспечивает эффективную социокультурную коммуникацию в соответствии с универсальными правовыми принципами.

Понимание конституционализма в качестве основы обеспечения не только социокультурной коммуникации в рамках национального (гражданского) общества, но и межкультурного, междоцивилизационного диалога связано с изменением функционального содержания конституционализма в изменяющемся социально-историческом контексте. Если изначально доминировало (и не преодолено до сих пор) представление о нем как о прежде всего политико-правовом режиме ограничения (или самоограничения) государственной власти в целях обеспечения индивидуальной свободы, то в настоящее время активно развивается подход к конституционализму с более широких социогуманитарных позиций (В. Д. Зорькин, Н. С. Бондарь, Г. Г. Арутюнян, И. А. Кравец). Это предполагает включение в него как собственно правовых, так и неюридических явлений, равно как и «метаюридических» феноменов социального, экономического, политического, культурного характера, в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой формирования конституционализма и одновременно средой его существования и развития, влияют на его конкретное историческое содержание⁴. В рамках этого подхода ясно, что сама сущность конституционализма, обусловленная его социальной основой, не сводится к негативно-ограничительным характеристикам в государственно-властной сфере, а приобретает иной, более сложный и объемный смысл. Главным образом он связан с устойчивым обеспечением и поддержанием правового баланса высших социальных ценностей в системе различных по своему характеру общественных отношений, определяющих основы жизни и деятельности народа не только как самостоятельного государственно организованного общества, но и как неотъемлемой части мирового сообщества.

Утверждение конституционных принципов и ценностей в системе основ общественно-политического строя современной государственности с необходимостью предполагает глобализацию (универсализацию) функций конституционализма, распространение его императивов, в том числе на международный уровень отношений, поскольку такие отношения складываются на основе суверенного равенства конституционных

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, кандидат юридических наук. Автор 115 научных публикаций, в т. ч.: «Конституционная ценность избирательных прав граждан Российской Федерации» (в соавт.), «Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации», «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав граждан с участием профсоюзов» (в соавт.), «Конституционно-правовые основы финансово-экономического обеспечения местного самоуправления в России: теория, практика и тенденции развития» (в соавт.), «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России» и др.

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. Ч. 1. С. 4–5.

³ Гаджиев Г. А. Realpolitik, эскабарство, конституционная политика и русская культурно-этническая традиция // Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб. : СПбГУП, 2012. Т. 1 : Доклады. С. 55–58.

⁴ Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. М. : Формула права, 2012. С. 9.

государств — как итог согласования их интересов и воля в соответствии с общими для них принципами. Верховенство права, запрет произвола и агрессивного насилия, достоинство человеческой личности и обусловленные им признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, равноправие, справедливость, идеологическое, политическое, экономическое и культурное многообразие, равно как и иные относящиеся к основам конституционного строя принципы, ориентируют в нормативном плане деятельность субъектов международного общения, так же как и внутригосударственную деятельность. Конституционный Суд РФ, рассматривая в 2012 году вопрос о конституционности Протокола о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО, указал на то, что правила международного договора, если они противоречат положениям Конституции РФ, не могут находить своего применения, и поэтому обязанностью органов государственной власти при имплементации международных договоров в правовую систему России является недопущение нарушений основ конституционного строя.

Конституционализм — как политико-юридическая философия, доктрина и практика сбалансирования власти и свободы, частных и публичных интересов, индивидуалистических и коллективистских ценностей и начал в соответствии с необходимостью достижения общего блага (состояния справедливого и равного обеспечения интересов каждого в согласии с интересами всех) — формирует универсальное открытое правовое пространство для репрезентации, согласованного существования и взаимодействия субъектов социокультурной и межкультурной, межцивилизационной коммуникации. Определяет конституционно-правовые мировоззренческие установки партнерского взаимодействия, общие принципы, стандарты и правила, а также средства (формы) его правомерной реализации; способы нормативной и институциональной фиксации его результатов; механизмы предотвращения и преодоления конфликтов на основе уравнивания интересов участников. Любая же деформация конституционализма — это отход от всеобщего согласия в отношении системы социокультурных ценностей общезития¹.

Значение конституционализма как основы обеспечения межцивилизационного диалога определяется рядом обстоятельств, среди которых можно выделить, в частности, следующие, основные.

Во-первых, конституционализм по своей сути направлен на формирование принципиально открытого, но верного себе и своим цивилизационно-культурным идеалам общества, которое во взаимоотношениях с другими обществами выступает в суверенно-государственной форме, что предполагает в качестве единственно допустимого только диалоговый механизм организации подобных отношений — путь взаимных согласований, уступок, компромиссов.

Во-вторых, важно учитывать, что конституционализм выступает планетарным явлением, а не частью культу-

ры и традиции только одной, западной, формы цивилизации. В нем получают свое отражение находящиеся в диалектическом единстве национальные и наднациональные начала, обеспечивается их согласование на основе универсальной (абстрактно-всеобщей) конституционной методологии. Соответственно конституционно обусловленная межкультурная коммуникация должна опираться на безусловное признание разнообразия и равноценности каждой формы цивилизации и равное к ним отношение, поскольку каждое национальное сообщество обогащает конституционное достояние и наследие человечества и черпает из этого общего источника. Универсальный характер конституционализма сочетается с его специфическим вхождением в состав национальной культуры, вследствие чего межцивилизационный диалог, опирающийся на конституционные принципы, должен учитывать культурное своеобразие членов мирового сообщества и неравномерность их социально-исторического развития. Неслучайно формирование юрисдикционных органов в структуре ООН (Международный суд, Комитет по правам человека) строится на принципе представления основных (главнейших) форм цивилизации и основных правовых систем мира.

В-третьих, конституционализм с необходимостью предполагает согласование ценностей традиционализма и прогрессизма. С одной стороны, это обеспечивает естественно-поступательное, эволюционное развитие общества при сохранении его социокультурной идентичности в мире, а с другой — является существенным фактором поддержания и развития в рамках стратегии международных отношений соседских и более глубоких интеграционных связей на основе признания общности культурно-исторических корней и судьбы народов. В этом плане категории «европейский конституционализм», «евразийский конституционализм» характеризуют динамику объединительных процессов, реальную способность конституционных принципов воздействовать на формирование и функционирование наднациональных институтов.

В-четвертых, конституционализм, как явление не только формально-юридическое, но и социокультурное, подразумевает взаимодействие и согласованное функционирование правовой и иных социально-нормативных систем, юридических и нравственно-этических, религиозных правил. Из этого вытекает необходимость не только организации международных отношений на основе признания правопорядков, ориентированных по преимуществу на иные, чем собственно правовые, типы нормативности (например, религиозную), но и подчинения самого межцивилизационного диалога нравственно-этическим требованиям.

Развитие конституционализма как глобальной идеи связано, в конечном счете, с утверждением в мировом сообществе представлений о едином и неделимом характере безопасности конституционных ценностей как основы для устойчивого национального и международного развития.

¹ Арутюнян Г. Г. Аксиологическая природа конституционализма в контексте исторической эволюции конституционной культуры // Философия права Пятикнижия : сб. статей / сост. П. Д. Баренбойм ; под ред. А. А. Гусейнова и Е. Б. Рашковского. М. : ЛУМ, 2012. С. 82.

А. А. Дорская¹

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦЕРКОВНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Вопросы правового режима имущества религиозного назначения имеют на современном этапе большое значение и в научном, и в практическом смысле, так как во всем мире наблюдается рост религиозности, сопровождающийся постепенным становлением нового типа верующего — человека, обладающего высоким уровнем образования, рефлексии, но остро нуждающегося в нравственных ориентирах в бесконечных информационных потоках. Например, только в России, по оценке О. И. Сгибневой, «уровень религиозности... возрос приблизительно с 20 % в 80-х гг. XX в. до 50–80 % (в зависимости от региона) в первом десятилетии XXI в.»².

Во второй половине XX века были выработаны международно-правовые стандарты по свободе совести, включающей не только свободу вероисповедания и право на атеистическое мировоззрение, но и коллективные права верующих на осуществление религиозного культа, для чего необходимо имущество религиозного назначения. Так, в ст. 6 Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 года понятия свободы мысли, совести, религии или убеждений закреплены как сумма следующих прав: «а) отправлять культы или собираться в связи с религией или убеждениями и создавать и содержать места для этих целей; б) создавать и содержать соответствующие благотворительные или гуманитарные учреждения; в) производить, приобретать и использовать необходимые предметы и материалы, связанные с религиозными обрядами или обычаями или убеждениями <...>; г) испрашивать и получать от отдельных лиц и организаций добровольные финансовые и иные пожертвования <...>; д) устанавливать и поддерживать связи с отдельными лицами и общинами в области религии и убеждений на национальном и международном уровнях»³.

Свободе совести посвящены и региональные международно-правовые документы. Так, в 1989 году в Итоговом документе Венской встречи представителей государств — участников СБСЕ впервые в международном праве была изложена система мер, гаран-

тирующая функционирование религиозных объединений как самостоятельных структур: предусматривается предоставление религиозным объединениям статуса, соответствующего их внутреннему правопорядку, то есть религиозно-правовым (каноническим) нормам; уважение права верующих и религиозных объединений приобретать и использовать священные книги, религиозные издания на языке по своему выбору и другие предметы и материалы, относящиеся к исповеданию религии или веры; разрешение религиозным объединениям, организациям и учреждениям производить, импортировать и распространять религиозные издания и материалы; право религиозного объединения или организации заниматься благотворительной деятельностью, испрашивать и получать добровольные финансовые и другие пожертвования⁴.

Таким образом, сегодня международно-правовые документы гарантируют возможность для конфессий иметь имущество на основе принципа недискриминации, а иногда и льготный правовой режим, что является важнейшим условием реализации свободы совести как одного из базовых понятий прав человека.

В национальных правовых системах по-разному решается вопрос о правовом режиме имущества религиозного назначения.

В странах, где признается государственная религия (в Великобритании — англиканская церковь, в Швеции, Норвегии, Дании, Исландии — лютеранская, в Греции — православная, на Мальте — католическая церковь, во многих мусульманских странах и т. д.), такой статус позволяет религиозной организации иметь полное или частичное освобождение от налогов, значительную земельную собственность и здания, финансирование от государства⁵.

В светских государствах идет процесс расширения имущественных прав религиозных организаций. Например, ни одна церковь в Германии не обладает государственным статусом. Однако «свободу вероисповедания следует понимать, — пишут Д. В. Беллинг, А. В. Бойко и Н. Б. Серова, — не только как индивидуальную свободу, но и как свободу организационного объединения с целью совместного публичного вероисповедания. Под последним понимается, в частности, свобода церквей в их исторически сложившейся форме на вероисповедание, в соответствии со своим назначением»⁶. Это очень важно именно для регулирования церковно-имущественных вопросов, так как

¹ Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор. Автор 210 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века», «Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния», «Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права», «Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы» (в соавт.), «Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений», «Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность» и др.

² Сгибнева О. И. Современная религиозная ситуация: социологический анализ // Власть. 2012. № 3. С. 75.

³ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 г. // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповеданий. Нормативные акты. Судебная практика / сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский. М., 2001. С. 23–25.

⁴ Итоговый документ Венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания от 15 января 1989 г. // Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповеданий. Нормативные акты. Судебная практика / сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский. М., 2001. С. 30–31.

⁵ Бажан Т. А., Старков О. В. Религиоведение для юристов: учебник / под общ. ред. О. В. Старкова. СПб., 2007. С. 442.

⁶ Беллинг Д. В., Бойко А. В., Серова Н. Б. Право церквей на самоопределение по законодательству Германии // Государство и право. 2008. № 11. С. 64.

религиозное объединение вправе само определять, что относится к имуществу религиозного назначения, какие объекты необходимы для проведения богослужения и т. д. К странам данной группы также могут быть отнесены США, Канада и страны Европейского Союза, где религиозные организации, пользуясь правами частных юридических лиц, обладают недвижимостью, в том числе земельными участками, в основном на праве собственности. Это касается храмов, монастырских комплексов, объектов образовательного и культурного назначения, административных зданий и т. п. Ситуация, при которой храмы и относящиеся к ним земельные участки находятся в государственной собственности, касается только единичных, особо ценных памятников архитектуры. Передача же в пользование, тем более в аренду, храмов и земельных участков, как правило, не практикуется¹.

В большинстве стран Центральной и Восточной Европы, ранее входивших в социалистический лагерь, собственность религиозных организаций полностью либо в большей своей части уже возвращена верующим. В настоящее время в Польше, Чехии, Венгрии, Румынии, странах Балтии приняты и действуют законы о реституции. В качестве примера возвращения церковной собственности можно привести акт Венгерской Республики 1991 года «Об утверждении прав владения на бывшее имущество церквей», которым восстанавливаются права собственности религиозных организаций на отнятое у них после 1 января 1948 года имущество, включая объекты религиозного, социального, культурного, медицинского назначения и земельные участки. В католических странах заключаются конкордаты, которые содержат международное обязательство по урегулированию проблем, касающихся национализированного имущества Римско-католической церкви. Например, договор между Чешской Республикой и Святым Престолом «Об упорядочении взаимных отношений».

Следует отметить, что процесс восстановления имущественных прав религиозных организаций в странах бывшего СССР, за исключением стран Балтии, имеет свои особенности. Как правило, государства не спешат возвращать национализированную собственность, несмотря на взятые международные обязательства. Среди республик бывшего СССР наиболее полные меры в этом направлении были предприняты в Грузии, где было подписано Конституционное соглашение между государством и Грузинской православной церковью, составляющее часть конституции страны. Менее радикальные шаги предприняты в странах Балтии, где правительства пошли на выборочную реституцию церковного имущества, в том числе Русской православной церкви.

Процесс передачи имущества культового назначения религиозным организациям и расширения имущественных прав конфессий идет активно и в России. Как известно, в 1990 году был принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях»²,

¹ *Шашкин П. А.* Управление церковным имуществом: правовые аспекты. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1371208.html> (дата обращения: 28.10.2012.)

² Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. Ст. 813.

а уже 29 декабря того же года — Постановление Совета Министров СССР № 1372 «О порядке передачи религиозным организациям в собственность культовых зданий, сооружений и другого имущества культового назначения, находящегося в собственности государства»³. С этого времени началась постепенная передача имущества, которое до революции принадлежало различным конфессиям, религиозным организациям. 14 декабря 2010 года вступил в силу Федеральный закон РФ № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»⁴, который определяет порядок безвозмездной передачи в собственность или безвозмездное пользование религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации или муниципальной собственности, что ускорило данный процесс.

Однако, как показывает практика, закон породил массу противоречий. Иногда процесс передачи имущества религиозного назначения сопровождается тем, что из зданий выселяются самые незащищенные категории российских граждан (например, больные дети). Уже есть случаи безвозвратной утраты культурных ценностей, переданных религиозным организациям, которые не имеют структур и необходимого опыта для поддержания их нормального существования. Возникает законный вопрос, почему фактический возврат имущества собственникам, которым оно принадлежало до 1917 года, осуществляется только в отношении религиозных организаций, что делает их привилегированным субъектом права и т. д.

Наряду с международно-правовой и национальной составляющей правового регулирования вопросов, связанных с имуществом религиозного назначения, огромную роль играют церковные каноны. Например, для всех организаций Римско-католической церкви, в том числе российских, действует Кодекс канонического права.

Ныне действующий Кодекс канонического права был принят в 1982 году и вступил в силу 27 ноября 1983 года. Он состоит из 1752 канонов, разделенных на семь книг: «Об общих нормах», «О народе Божиим», «Об учительском служении Церкви», «О служении освящения в Церкви», «О временных благах в Церкви», «О санкциях в Церкви» и «О процессах»⁵.

Вопросы приобретения, пользования и распоряжения церковным имуществом регламентируются в книге V данного Кодекса. В каноне 1254 закреплено, что «Католическая церковь имеет изначально присущее ей право приобретать, сохранять, управлять и отчуждать мирские вещи для достижения своих целей, независимо

³ Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1990 г. № 1372 «О порядке передачи религиозным организациям в собственность культовых зданий, сооружений и другого имущества культового назначения, находящегося в собственности государства». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8616>

⁴ Федеральный закон РФ от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» // Российская газета. 2010. 3 дек. № 274.

⁵ The Code of Canon Law : a Text and Commentary. N. Y., 1985.

от мирской власти». Для обозначения собственности в каноне используется термин “dominium”, то есть традиционная для римского права формула, включающая владение, пользование и распоряжение вещью. Целями права собственности Римско-католической церкви провозглашаются: проведение богослужений, оказание скромной поддержки духовенству, осуществление задач святых апостолов, благотворительность (канон 1255). Кодекс повторил положение Второго Ватиканского собора 1962–1965 годов, согласно которому, если у церкви возникают излишки имущества, она должна распределить их в соответствии с перечисленными целями, поставив на первое место помощь бедным. Вопрос о способах приобретения церковной собственности трактуется в Кодексе канонического права очень широко. В каноне 1259 закреплено, что «Церковь может приобретать вещи любым справедливым способом, предусмотренным естественным или позитивным правом, которым позволено приобретать собственность другим лицам». «Законность» способа приобретения имущества в каждом конкретном случае должна рассматриваться индивидуально. Например, влияние на волю умирающего с целью составить завещание в пользу церкви, в то время как его семья нуждается, может быть признано несправедливым способом¹.

На примере Кодекса канонического права Римско-католической церкви видно, что каноны об имуществе и имущественных отношениях достаточно хорошо разработаны, и религиозные организации исходят из них в своей деятельности.

Таким образом, конец XX — начало XXI века — эпоха становления нового этапа религиозности и взаимоотношений государств с религиозными объединениями. Религиозный фактор снова достаточно сильно влияет на развитие культуры. Говоря о правовом режиме имущества религиозного назначения в любой стране, необходимо учитывать универсальные и региональные международно-правовые стандарты, согласно которым имущество конфессий является необходимым условием реализации принципа свободы совести; канонические представления об имуществе, его предназначении и способах приобретения и отчуждения; а также внутрисударственное законодательство, определяющее статус религиозных конфессий в данной стране. Реализация принципа свободы совести требует индивидуального подхода в решении каждого вопроса, связанного с имуществом религиозного назначения, и кроме правовых аспектов со стороны всех субъектов должны учитываться нравственные нормы.

В. В. Зябриков²

РУССКАЯ ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИНОСТРАННЫХ ТИПОЛОГИЙ

Введение. Настоящий доклад посвящен поиску решения проблемы культурной самоидентификации российского бизнеса. Решение этой проблемы даст возможность организовать обмен знаниями между родственными в культурном отношении странами, импорт опыта развития бизнеса из стран с близкой культурой и формирование правильной траектории развития российской деловой культуры.

Важной проблемой является выбор культурной траектории развития России. Так, А. Агеев³, в связи с недавно случившимся вступлением России в ВТО, справедливо отмечает необходимость решения проблем российской деловой культуры, состоящих в сильной зараженности бизнесменов «коммерческой патологией», то есть игнорированием всех проблем, не имеющих отношения к получению прибыли, а также «силового перекаса», то есть стремления решать экономические проблемы с помощью силового принуждения, пример которого, к сожалению, подает государство. Верно от-

мечена А. Агеевым и чрезмерная закрытость российской экономики, в которой основным критерием выбора делового партнера стал признак «свой–чужой».

С сожалением следует отметить, что большинство российских авторов, посвящающих свои работы проблемам деловой культуры, напоминают скорее медиков. Они правильно отмечают симптомы «болезни» и предлагают свои варианты их лечения на основе прошлого опыта и собственной интуиции. Число диагнозов при этом может быть равно числу экспертов, причем диагнозы могут противоречить друг другу.

Но так же, как в медицине, пришла пора «доказательной медицины», в рамках которой необходимо обосновывать, что больной выздоровел благодаря (а не вопреки) прописанным лекарствам, так и в теории деловой культуры приходит время корректных и основанных на эмпирических данных классификаций.

Позиционирование Д. С. Лихачевым русской культуры. Большинство авторов справедливо полагают, что деловая культура страны в первую очередь определяется ее национальной культурой (национальным характером). Особенно остро стоит проблема идентификации русской культуры: в силу ее фрагментарности некоторые авторы договариваются до концепции культурного конгломерата, то есть произвольного набора разнообразных культур, у которых отсутствуют выраженные общие черты, что лишает русских предпринимателей опоры на национальные корни. Другие авторы — сторонники широко распространенной концепции евразийства — отводят России промежуточное

¹ Вишинский А. А. Правовой режим церковного имущества по каноническому праву Римско-католической церкви // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 1 (228). С. 95.

² Доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Основы экономики фирмы», «Общий менеджмент: курс лекций», «Концепция интеллектуальной организации», «Типология и эволюция организационной культуры», «Факторы конкурентоспособности экономики стран СНГ» (в соавт.), «Стратегия, культура и структура организации» и др.

³ Агеев А. Культурная революция // Экономические стратегии. 2012. № 5. С. 5.

положение между Европой и Азией и тем самым ставят под сомнение национальную идентичность России, ведь вести бизнес на мосту между Европой и Азией неудобно и опасно.

Выходом из релятивистского культурного тупика является использование концепции академика Д. С. Лихачева, который в своей последней книге «Русская культура» (2000) предложил заменить хорошо известную горизонтальную культурную ось Запад–Восток на вертикальную ось Север–Юг в связи с возникновением Руси по линии Север (Скандинавские страны) — Юг (Болгария, Византия). Д. С. Лихачев также предложил оригинальное название для нашей страны — Скандославия, соединяющее в одном слове Скандинавию и Православие, имеющее греческие корни.

Д. С. Лихачев считал русскую культуру типично европейской, то есть западной, что, по мнению автора настоящей статьи, является для страны как бы авансом. На мой взгляд, нельзя смешивать ответы на два разных вопроса: «где мы находимся?» и «где мы должны находиться с точки зрения истоков происхождения и успешного будущего страны?»

Российский кластер в существующих типологиях национальных деловых культур. Ни одна известная сегодня типология национальных деловых культур в отдельности не позволяет провести корректную кластеризацию, то есть выделение групп стран со схожими чертами деловой культуры. Классик теории деловой культуры Г. Хофстед (Нидерланды) в целом правильно, по мнению автора этого доклада, считает Россию восточной державой. В то же время многочисленные кластеризации, которые опубликовал Г. Хофстед, не являются корректными из-за избыточного количества в его теории неранжированных параметров, среди которых имеются и взаимозависимые.

Известный английский специалист Р. Льюис считает российскими «соседями по культуре» страны центра и юга Европы — Францию, Италию и Испанию. Недостатком этой типологии является использование трех центров кластеризации (треугольник Льюиса) вместо необходимых четырех. Именно четыре центра кластеризации правильно могли бы отразить сущность по сути двумерной классификации Р. Льюиса (проактивность–реактивность, моноактивность–полиактивность).

Все это делает задачу создания системной классификации национальных деловых культур на базе четких критериев и вторичной системной обработки собранных упомянутыми авторами ценных эмпирических данных весьма актуальной.

Предлагаемая классификация национальных деловых культур. В основе предлагаемой классификации лежит идея о схожей природе национальных деловых и организационных культур, то есть культур в рамках отдельного юридического лица. Автор предпринимает попытку расширить зону действия универсального набора организационных культур: лидера, бюрократа, предпринимателя и профессионала (Ч. Хэнди, К. Камерун и Р. Куинн, В. Зябриков¹ и др.) с микроуровня экономики на макроуровень экономики для создания универсальной классификации национальных деловых культур.

Процедура классификации начинается с формирования четырех культурных кластеров: 1) азиатского (культура лидера); 2) немецкого (бюрократическая культура); 3) американского (культура предпринимателя) и 4) скандинавского (культура профессионала). Далее вводится двумерная система координат с важнейшими и независимыми параметрами, характеризующими процесс принятия решений: «индивидуализм–коллективизм» и «рациональность–эмоциональность», и используются данные Г. Хофстеда, Р. Льюиса, Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тернера² для наполнения кластеров конкретными странами.

В полученной таким образом системе кластеров Россия относится к азиатскому кластеру коллективных и эмоциональных стран. В них решения принимаются обычно на основе интуиции и чувств, мышление имеет преимущественно образный характер, восприятие мира является целостным (синтетическим), гармоничным. Такая культура способствует внедрению стратегического управления организацией, которое в целом становится все более эмоциональным, а не рациональным. На смену принятой ранее доктрине целесообразного укрощения эмоций приходит концепция развития эмоционального интеллекта, а эмоциональное интуитивно-чувственное мышление открывает путь к внедрению в России концепции интеллектуальной организации.

Валур Ингимундарсон³

КУЛЬТУРЫ БЕЗНАКАЗАННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: РЕАКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА НА МАССОВЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ

Введение

Геноцид и преступления со стороны государства исторически обусловлены целым рядом факторов,

¹ Зябриков В. В. Типология и эволюция организационной культуры // Проблемы современной экономики. 2007. № 4 (24). С. 194–199.

² Тромпенаарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч. Четыре типа корпоративной культуры : пер. с англ. Минск, 2012. С. 1–370.

³ Профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, председатель правления Научно-инновационного центра EDDA, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия,

связанных со злоупотреблением властью и идеологией. Эти факторы культурно определены и специфичны.

США и имперская политика», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет» и др. Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований».

Так, в одном случае имеет место желание создать, расширить и сохранить государство и империю как форму правления, при этом инициатор полон решимости ликвидировать угрозу или насадить террор. Во втором случае осуществляется поиск идеализированного будущего, «конца истории», вдохновленного утопической идеологией: здесь государство демонизирует целевую группу жертв и проводит интенсивную пропаганду для интенсификации массового насилия. Третий случай представляет собой комбинацию первых двух: использование политических мифов, например, воплощенных в ультра национализме, с целью насаждения повсюду территориального суверенитета¹. Кумулятивная радикализация, характеризующая массовые злодеяния, обычно возникает в результате политических кризисов, которые дестабилизируют государство и обуславливают подавление правительством межобщинных конфликтов, за исключением конфликтов, возникающих на почве «кровавых чисток» во имя обретения органичной суверенности².

Природу таких преступлений можно выразить в точных терминах, однако проблема установления времени и методов предотвращения, вмешательства и наказания оказалась намного более сложной. Международная политическая система до сих пор не выработала единых норм как для оценки события, так и для предотвращения грядущего массового насилия, осуществления военного вмешательства в дела суверенных государств, выстраивания отношений с государствами и отдельными лицами, виновными в политике геноцида. Хотя с учетом постоянной неспособности государств придерживаться обязательств по соблюдению прав человека и стремления политических лидеров нарушать таковые так называемое «международное сообщество» постоянно сталкивается с обвинением в упорном пренебрежении или соучастии, когда оно игнорирует геноцид и преступления против человечества.

В данной статье я в исторической и современной перспективе рассматриваю внутренний конфликт между правами человека и суверенитетом, когда дело касается осуществляемых или поощряемых государством злодеяний. Международная реакция на геноцид и преступления против человечества связана с политическими институтами и процессами, такими как послевоенная система ООН, распространенные идеологические парадигмы, политика великих держав; с событиями в сфере юриспруденции, например Нюрнбергским процессом, Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, учреждение *ad hoc* (применительно к конкретному случаю) международных трибуналов и Международного уголовного суда; с проблемами суверенитета, обусловленного периодом колониализма, неоколониализма и «смен режима»; с дискуссионными доктринами «гуманитарного вмешательства» и «ответственности по защите»; а также с правосудием переходного периода и постконфликтной стабилизации.

¹ См.: *Chalk F.* Intervening to Prevent Genocidal Violence: The Role of the Media // *The Media and the Rwanda Genocide* / ed. A. Thompson. L.; Ann Arbor: Pluto Press, 2007. P. 375.

² *Mann M.* The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 500–501.

Внимание в статье уделено трем вопросам. Первый: я оцениваю влияние внешнего вмешательства на области защиты прав человека, геополитики и «смены режима». Второй: я анализирую тонкую связь между международным судебным преследованием и сдерживанием геноцида и преступлений против человечества. И третий: я исследую, каким образом карательное правосудие, например судебные разбирательства, и реституционное правосудие, включая комиссии по установлению истины и амнистии, повлияли на международную реакцию по поводу массовых нарушений прав человека.

«Международное сообщество» и массовые злодеяния

Термин «геноцид» ввел в оборот Рафаэль Лемкин (1900–1959), который впервые использовал его в своей книге «Правление государств “Оси” в оккупированной Европе», опубликованной в 1944 году³. Несмотря на то что это слово появилось в черновом варианте Устава Нюрнбергского международного военного трибунала, в окончательной версии текста предпочтение было отдано термину «преступления против человечества», чтобы обозначить преследование и физическое истребление национальных, этнических, расовых и религиозных меньшинств. Проанализировав нацистские проекты по истреблению людей во время Второй мировой войны, Организация Объединенных Наций отдала приоритет вопросу о том, как ответить на геноцид посредством его предотвращения и мер наказания за него. Геноцид стал центральным пунктом в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него⁴, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. Конвенция кодифицировала так называемые нюрнбергские принципы для выявления состава преступлений против человечества и военных преступлений и определила геноцид как преступление, совершаемое с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу⁵. Таким образом, геноцид был приоритетно обозначен в соглашении, это положение было дополнено рядом важных обязательств, таких как обязанность предотвращать преступление, принимать соответствующее законодательство и наказывать за данное преступление. Преступления против человечества были также кодифицированы в Уставе Международного военного трибунала. Однако термин был ограничен по сфере применения, которое свелось к судебному разбирательству на Нюрнбергском процессе. Все прочие обязательства в отношении преступлений против человечества существуют на основании обычного международного права⁶.

Несмотря на положения конвенции о геноциде, требование защиты уязвимых слоев населения быстро

³ *Lemkin R.* Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 1944.

⁴ *Hubert D., Blätter A.* The Responsibility to Protect as International Crimes Prevention // *Global Responsibility to Protect*. 2012. № 4. P. 38.

⁵ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него ООН от 9 декабря 1948 года. URL: <http://www.un.org/millennium/law/iv-1.htm>

⁶ См.: *Schabas W.* Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. URL: <http://www.hrweb.org/legal/genocide.html>

утратило силу в связи с политикой соотношения сил и идеологией холодной войны. На деле конвенция перестала быть действенной сразу после вступления в силу в 1951 году. Ее критиковали за слишком ограниченное толкование геноцида и недостаточность мер по принуждению. Во-первых, не было проведено различие между жестокостью, умышленно направленной на уничтожение группы, и нападениями на членов группы или нападками на их культуру и язык, не сопровождавшимися гибелью людей. Во-вторых, в тексте из понятия «геноцид» было намеренно исключено спланированное уничтожение политических групп и общественных классов. Это означало, что исключались жертвы организованных государством и идеологически мотивированных массовых убийств в сталинском Советском Союзе, Индонезии или Камбодже. В-третьих, страны — члены ООН в целом отвергли учреждение международных судебных органов и полицейских сил, которые могли бы аннулировать их суверенные властные полномочия.

С учетом того, что ответственными за массовые убийства обычно являются суверенные государства, страны — члены ООН выказали свое нежелание действовать против одного из своих¹, как это произошло, когда Соединенные Штаты Америки столкнулись с обвинениями в военных преступлениях во время вьетнамской войны. Это объясняет также и то, почему не удалась попытка учреждения международного уголовного суда — главной цели конвенции. Десятилетиями не проводились судебные процессы по военным преступлениям. В период холодной войны (1950-е — конец 1980-х гг.) ни одно массовое убийство не было квалифицировано ООН как геноцид. США и другие западные державы даже поддержали ООН по отношению к режиму красных кхмеров, поскольку это означало непризнание вреда от вьетнамского вторжения в Камбоджу в 1978 году, даже если оно остановило геноцид. Точно так же, когда Индонезия оккупировала Восточный Тимор и уничтожила примерно треть его населения, ничего не было сделано². Одним словом, после кодификации осуждения геноцида ООН на практике с ним примирилась.

Только после окончания холодной войны, в 1990-х годах, Совет Безопасности ООН учредил Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) и аналогичный — по Руанде (МТР), которые конвенция по геноциду стала рассматривать в качестве инструментов международного правосудия. Впервые закон 1948 года вступил в силу, когда за геноцид в 1998 году были осуждены политические лидеры Руанды. Первым государством, нарушившим конвенцию, оказалась Сербия в 2007 году. Международный суд снял с Сербии обвинения в прямом геноциде во время боснийской войны, однако признал, что Сербия нарушила международное законодательство тем, что не предотвратила геноцид 1995 года в Сребренице и не выдала трибуналу обвиненных в геноциде.

По прецедентам с Югославией и Руандой впоследствии были учреждены специальные суды для Сьерра-Леоне и Камбоджи, а затем был создан постоянный

¹ Chalk F., Jonassohn K. *The History and Sociology of Genocide: Analyses and Case Studies*. New Haven: Yale University Press, 1990. P. 11.

² Ibid. P. 12.

Международный уголовный суд (МУС). Эти события мотивированы тем, что ответственность в виде наказания является ключевым пунктом в предотвращении геноцида, как особо отметил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в плане действий по предотвращению геноцида в 2004 году³. Для тех случаев, когда карательное правосудие не является сдерживающим средством, ООН начала разработку иного механизма принуждения, получившего название «обязанности по защите», предоставляющего возможность военной интервенции в исключительных случаях, если государства ведут войну с собственным народом. Закрепленная в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКСГС) 2001 года⁴, данная инициатива обусловила необходимость примирить уравнивающую логику «суверенитета» и «защиты прав человека» в ответ на массовые злодеяния⁵. Всемирный саммит Генеральной Ассамблеи ООН принял доктрину «обязанности по защите» в 2005 году, отметив, что «каждое государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечества»⁶.

Если принцип «обязанности по защите» описывается как «норма в становлении»⁷, то его военный аспект вызывает протесты на том основании, что он нарушает государственный суверенитет, поощряя или подталкивая к смене режима⁸. Жизнеспособность этого термина была подвергнута сомнению после военной интервенции НАТО в Ливии, что Россией, Китаем и некоторыми другими странами было расценено как нарушение мандата Совета Безопасности ООН. Безусловно, можно возражать по поводу того, что каждый конфликт с применением силы имеет различную динамику в зависимости от природы, географии, близости к влиятельным странам или их интересам. Интервенции — всегда вызов для государственного суверенитета в международной системе, построенной из национальных государств. Но проблема защиты уязвимых слоев населения в кризисных ситуациях также основана на выработанных десятилетиями гуманитарных нормах и правах человека. И реализация международного законодательства по правам человека в конечном счете возлагается на государства. Не существует международных правил принуждения, которые могли бы заставить государства подчиняться вышестоящим международным организациям⁹.

³ Стокгольмский план действий по предотвращению геноцида Генерального секретаря ООН Кофи Аннана от 7 апреля 2004 года. URL: <http://www.preventgenocide.org/prevent/UNdocs/KofiAnnansActionPlanToPreventGenocide7Apr2004.htm>

⁴ Ответственность по защите: Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (МКСГС, ICISS). Декабрь 2001 года. URL: <http://responsibilityto-protect.org/ICISS%20Report.pdf>

⁵ См.: McClean E. *The Responsibility to Protect: The Role of International Human Rights Law* // *Journal of Conflict & Security Law*. 2008. Vol. 13, № 1. P. 125.

⁶ Ibid. P. 123.

⁷ Contarino M., Negrón-Gonzales M., Mason K. T. *The International Criminal Court and Consolidation of the Responsibility to Protect as an International Norm* // *Global Responsibility to Protect*. 2012. № 4. P. 275.

⁸ См., например: Bellamy A. J. *The Responsibility to Protect and the Problem of Regime Change: e-International Relations*, 27 September 2011. URL: <http://www.e-ir.info/2011/09/27/the-responsibility-to-protect-and-the-problem-of-regime-change/>

⁹ Contarino M., Negrón-Gonzales M., Mason K. T. *Op. cit.* P. 282, 284.

«Обязанность по защите» как спорная норма

Марта Финнмор и Кэтрин Сиккинк доказали, что международные нормы проходят три стадии, для каждой из которых характерны различные действующие лица и механизмы¹. На первой стадии («возникновение нормы») новая идея внедряется в сферу существенных международных политических дискуссий с целью убедить всех в необходимости ее принятия и использования. В случае доктрины «обязанности по защите» эта роль досталась Генеральному секретарю ООН и МКСГС. Вторая стадия нормативного цикла («нормативный каскад») может последовать только тогда, когда первая стадия достигла «переломного момента» после того, как ключевые страны одобрили эту норму. Институционализация нормы, надо полагать, предшествует этой стадии. По окончании «каскада» процесс переходит в третью, последнюю, стадию — интернационализацию, когда норма становится общепринятым правилом поведения².

Если судить с точки зрения этого, по общему признанию, телеологического процесса, можно выдвинуть тезис о том, что норма «обязанности по защите» «застряла» на первой стадии, поскольку она все еще встречает сопротивление со стороны ключевых фигур, несмотря на принятие итогового документа Всемирного саммита ООН 2005 года. Противодействие России и Китая санкциям ООН против Сирии и военному вторжению уже нейтрализовало последствия ливийской операции в плане укрепления этой доктрины. Политика российских властей согласуется с противодействием военному вторжению в Косово в 1999 году, которое оправдывалось гуманитарными соображениями («гуманитарное вмешательство»). Точно так же политика Китая во многом определяется его опасениями по поводу собственного суверенитета: необходимостью пресекать любые попытки выделения или самоопределения внутри границ — позиция Китая, которая также имела место во время военного вторжения западных стран на Балканы в 1990-х годах.

Отсутствие консенсуса по поводу «обязанности по защите» выявляет главную проблему этой дилеммы, когда гуманитарные соображения вступают в конфликт с государственным суверенитетом и геополитическими интересами. Для таких стран, как Россия, Китай и Бразилия, Запад, проводя операцию в Ливии, пренебрег гуманитарной мотивацией и прибегнул к принципу «обязанности по защите», чтобы свергнуть режим Каддафи. При таком толковании принцип суверенитета в конечном счете оказывается более важным, чем понятие защиты прав человека, если речь идет о «смене режима». Другой связанный с этим вопрос — избирательность: почему одни гражданские войны рассматриваются влиятельными странами как более значимые, чем другие войны? Бездействие в Руанде, конечно, — наиболее яркий пример двойных стандартов.

Правительство Бразилии пыталось найти выход из тупика, заняв промежуточную позицию между теми

¹ Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52, № 4. P. 887–917.

² Contarino M., Negrón-Gonzales M., Mason K. T. Op. cit. P. 279–280; см. также: Mani R., Weiss T. G. R2P's Missing Link, Culture // Global Responsibility to Protect. 2011. № 3. P. 454–455.

странами, которые настаивали на незыблемости суверенитета, и теми, которые считали, что принцип «обязанности по защите» при определенных обстоятельствах доминирует над суверенитетом³. Бразильское правительство хочет запретить любые попытки использовать «обязанность по защите» по отношению к дальнейшей «смене режима» или неокOLONIALИЗМУ по ливийскому сценарию и в то же время твердо поддерживает саму норму, направленную против преступлений против человечества и геноцида. Это положение подверглось критике, так как непонятно, какую роль оно будет играть в тех местах, где возможна интервенция⁴. Такой подход подчеркивает необходимость выйти за пределы аксиомы: единственными затронутыми сторонами окажутся страны, организовавшие вторжение и подвергнувшиеся вторжению⁵. В ряде случаев вторжение обострило существующие конфликты, спровоцировало новые конфликты и повысило уязвимость гражданского населения⁶. В данном контексте вспоминается война в Ираке, даже если она и не была оправдана гуманитарными соображениями.

Ограничение использования принципа «обязанности по защите» для защиты гражданского населения может обусловить использование контраргумента, что этот принцип служит интересам *статус-кво* за счет стабилизации и косвенной поддержки правительств, причастных к массовым злодеяниям. Это выражается в непривлечении таких правительств к ответственности. Опыт ООН по командированию миротворцев в зоны гражданских конфликтов для защиты гражданского населения, где имеются сильные правительства и военизированные формирования, в ряде случаев оказался пагубным. Наглядный пример — геноцид в Сребренице, происходивший на глазах международных миротворцев. Это можно подтвердить также и тем, что концепция суверенитета неотделима от концепции легитимности. Возникает вопрос: уместен ли принцип недопустимости смены режима, если власть была захвачена незаконно или насильственными недемократическими средствами? Международное сообщество иногда может быть поставлено в положение, когда ему приходится закрывать глаза на право правительств осуществлять террор по отношению к собственному населению.

Предотвращение геноцида посредством наказания

Как отмечает Мартин Меннеке, обычно считается, что конвенция по геноциду предлагает только один путь борьбы международного сообщества с геноцидом, а именно — посредством двойного акта: предупреждения события и наказания. В данном случае осталась без

³ См. материалы 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, заявление посла Антонио де Агилар Патриота, министра иностранных дел Бразилии, об «ответственности наряду с защитой», 21 февраля 2012 года. URL: <http://www.un.int/brazil/speech/12d-agp-responsibility-while-protecting.html>

⁴ См., например: Economist. 2012. 7 Apr.

⁵ См.: Welcome to Brazil's version of responsibility to protect // Guardian. 2012. 10 Apr.

⁶ Заявление посла Антонио де Агилар Патриота об «ответственности наряду с защитой», 21 февраля 2012 года. URL: <http://www.un.int/brazil/speech/12d-agp-responsibility-while-protecting.html>

внимания еще одна возможность — «предупреждение через наказание»¹. Если учитывать связь между этими двумя факторами в большинстве внутренних уголовных судов, вызывает удивление тот факт, что этот предотвращающий аспект карательного правосудия столь поздно появился в международном политико-правовом дискурсе. Хотя ООН уделяла мало внимания теме геноцида в течение столь долгого времени, наиболее показательной инертностью этой организации проявилась во время холодной войны.

Аргумент «предотвращение посредством наказания» является спорным. Несмотря на то что наказание может служить делу правосудия, не ясно, в какой степени оно предотвращает массовые злодеяния. Одни, опираясь на исторические факты, могут начать рассуждать о том, что суды, вероятно, не имели бы никакого значения для обезумевших лидеров, таких как Гитлер или Пол Пот. Другие, например Слободан Милошевич, возможно, осознали бы, что они не хозяева своей судьбы, но, как убедительно показал Майкл Манн, играли уже по-крупному. Они понимали, что если проиграют, то погибнут; если выигрывают, то риск будущего судебного преследования померкнет по сравнению с перспективой стать национальным героем².

Таким образом, следует избегать любых обобщений по поводу угрозы судебного преследования. Вероятность того, что Совет Безопасности ООН передаст материалы по ситуации в Дарфуре в Международный уголовный суд (МУС), оказалась реальным сдерживающим фактором: военачальники были глубоко обеспокоены тем, что их могут привлечь к суду. В других случаях, однако, эти меры оказались неэффективными. Трибунал по бывшей Югославии был учрежден в 1993 году, но геноцид в Сребренице произошел двумя годами позже, в 1995-м. Точно так же можно возразить, что предположение о том, что организаторы геноцида проводят свою политику с учетом возможных рисков и потерь, является неправдоподобным³. Те, кто критикует суды как неудачное средство предотвращения массовых нарушений прав человека, слишком далеко заходят, предлагая и восхваляя амнистию, гарантированную нарушителям во имя социального согласия в качестве альтернативы. Это, пожалуй, ошибочная дихотомия, так как она означает вознаграждение преступников и поддержание их у власти с единственной целью — достижения политической стабилизации. Даже если международное уголовное преследование оказывает ограниченное воздействие на текущие конфликты, то его отдаленные последствия гораздо более значительны.

Как отмечает Рути Г. Тейтель, судебные процессы предлагают пути для выражения как общественно-го осуждения жестокости в прошлом, так и легитимации правовых норм, необходимых для консолидации нового начинания⁴. Международные судебные процессы 1990-х годов были построены по образцу послево-

енного Нюрнбергского процесса. Хотя исторический прецедент не был безупречным. Обвинения и вердикты в Нюрнберге частично основывались на обратной силе закона: некоторые нормы, которыми руководствовались в этих судебных разбирательствах, не существовали во время совершения преступлений. Но это, очевидно, оказалось недостаточным основанием для делегитимации суда, с учетом характера нацистских преступлений, включая кампании по уничтожению евреев и цыган. Более весомым было обвинение в политизации, так как трибунал руководствовался политическими соображениями, что подрывало идеалы беспристрастности и универсальных норм. Замалчивание военных преступлений, совершенных союзниками, таких как атомные бомбардировки или бомбежки немецких городов, подчеркивало этот аспект. Нюрнбергские процессы предложили, однако, стандарты ответственности в международном праве: ответственность за жестокость поначалу возлагалась на отдельных лиц. Более того, принципы Нюрнберга лишили иммунитет глав государств — ключевой в настоящее время законный прецедент для судебного преследования лидеров правительств за преступления против человечности и геноцид.

Недавние судебные процессы были политически в том смысле, что в ряде случаев их инициировали сторонники вмешательства, например западные державы по отношению к Балканам. Кроме того, легитимность этих процессов в международном праве зависела от Совета Безопасности ООН, чьи решения часто мотивировались скорее геополитическими интересами, чем международными правовыми нормами. Эти трибуналы имели те же недостатки, что и Нюрнбергский трибунал. Наглядный пример — вопрос избирательности. Суды могут рассматривать дела ограниченного числа нарушителей, даже если преступников гораздо больше. Этот отбор часто основан на том, что под суд попадали те, кого удавалось арестовать, а также те, чьи действия приобрели общественный резонанс и имели множество свидетелей. Таким образом, этот метод создавал ощущение пристрастности судебного преследования. Наконец, международные процессы, хотя и были глубоко символически в политическом плане, привели к наказанию лишь немногих. Однако можно утверждать, что международные суды, такие как суд по бывшей Югославии и Руанде, были менее повинны в «правосудии победителей», чем Нюрнбергский трибунал. Обвиняемым были предложены обширные списки гарантов правовой процедуры. Напротив, даже если внутренние суды способны работать быстрее, им часто не хватает легитимности по делам массовых преступлений из-за слабости институциональных законодательных структур или вследствие политической предвзятости — вмешательства правительства.

Одной из целей Международного уголовного суда, учрежденного в 2002 году, являлось преодоление такого рода препятствий. Этот суд должен был стать последним оплотом справедливости, расследуя и привлекая к ответственности в тех случаях, когда это не удавалось внутренним судам. На самом деле Международный уголовный суд — несовершенный инстру-

¹ Mennecke M. Punishing Genocidaires: A Deterrent Effect or Not // Human Rights Review. 2007. Vol. 8, № 4. P. 320.

² Mann M. Op. cit. P. 528.

³ Mennecke M. Op. cit. P. 324–325.

⁴ Teitel R. G. Transitional Justice. Oxford : Oxford University Press, 2000. P. 30.

мент. Он может преследовать за преступления, совершенные только после его учреждения, и его мандат ограничен. Многие государства-участники наделили собственные национальные суды универсальной юрисдикцией в отношении тех же преступлений, которые не признают никакого срока давности для таких тяжких преступлений, как геноцид. Еще более важно, что некоторые державы не признают юрисдикцию суда, например США, Китай и Индия, а отдельные страны, в частности Россия, не ратифицировали договор. Отсутствие поддержки таких могущественных стран подрывает авторитет суда и его всеобщность. Однако, несмотря на критику, что суд продемонстрировал предвзятость, ограничиваясь, по крайней мере до сих пор, африканскими странами, он сумел расследовать военные преступления в Конго, Уганде, Дарфуре и Кении. В одних случаях дела передавались в суд заинтересованными странами, в других — Советом Безопасности ООН. Значение фактора сдерживания суда неясно: осуждению подверглось немного людей. Но поскольку в его деятельности участвует 121 страна, он обладает значительной международной легитимностью.

Реакция на массовые злодеяния при помощи законного судебного преследования отражает попытку принять во внимание закон и предложить справедливое решение жертвам. Успех таких процессов должен измеряться не числом судебных дел или обвинительных приговоров, а тем, справедливы они или нет. Политическая стабильность и примирение не являются целью этих процессов. Настоящие, как отмечает Марта Миноу, процессы переключают жажду мести от индивидов на государство или официальные органы, «охлаждают месть до воздаяния»¹. Следовательно, эти процессы не предполагают прощения или извинения перед жертвами, так как их внимание сосредоточено на преступниках. В силу этих причин требуются иные способы решения проблем, связанных с последствиями геноцида.

Здесь возникает вопрос: является ли реституционное правосудие противоположностью карательному правосудию в контексте того, что определяется термином «правосудие переходного периода» (политические и законодательные процессы, характеризующиеся переходом от авторитарного правления к демократии после внутренних или внешних конфликтов)²? Можно привести аргумент, что наказывать преступников недостаточно: жертвы также имеют право знать правду о злодеяниях прошлого и вообще быть услышанными. Комиссии по установлению истины, репарации, извинения и отчеты традиционно рассматривались как средства решения таких проблем. Они уделяют меньше внимания личностям и больше — сообществам и государствам-нациям; они стремятся раскрыть фак-

¹ Minow M. *Between Vengeance and Forgiveness: Facing History after Genocide and Mass Violence*. Boston : Beacon Press, 1998. P. 26.

² См.: Teitel R. G. *Op. cit.*; Elster J. *Closing the Books: Transitional Justice in Historical Perspective*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004; *Assessing the Impact of Transitional Justice: Challenges for Empirical Research* / ed. H. van der Merwe, V. Baxter, A. R. Chapman. Washington : United States Institute for Peace, 2009.

ты, идентифицировать преступников и определить ответственность как часть процесса противостояния прошлому и выстраивания новых отношений между гражданами и государством. Такие реституционные механизмы отделены от судебных преследований, избегают возмездия, а также воздаяния, даже если рекомендуют определенные законные действия против преступников. Комиссиям по установлению истины не удается воссоздать равновесие, при этом судебные процессы оканчиваются наказанием. Они не обязывают жертвы прощать правонарушителей, так как на это способны только отдельные лица, но не государства. И конечно, их нельзя использовать в качестве инструментов для уклонения от судебных разбирательств, как желают того некоторые правонарушители.

Действительно, возникают серьезные возражения по поводу того, что только комиссии по установлению истины способны примирить социум после массовых злодеяний, таких как геноцид. Они напоминают театральные представления, даже если служат терапевтическим целям и помогают установить «истину» о том, что произошло. Комиссия по установлению истины и примирению в Южно-Африканской Республике (КИП), борющаяся с наследием апартеида, обладала правом объявлять амнистию лицам, которые добровольно признали ответственность за совершение политически мотивированных преступлений. Как и суды, комиссия выносила решение о виновности или невиновности людей, а также амнистировала виновных. Но амнистирование не требовало демонстрации угрызения совести у тех, кто освобождался от ответственности.

Оборотная сторона реституционного процесса в Южной Африке, как подчеркивали многие жертвы преступлений против человечности, заключалась в лишении права добиваться правосудия через уголовное или даже гражданское судопроизводство. Надо признать, что Комиссия по установлению истины и примирению достигла одной из своих целей — обеспечения безопасности для мирного перехода власти. Черное большинство в Южной Африке получило контроль над политической системой, наделив бывших угнетенных властными полномочиями, но в партнерстве с преступниками — белой элитой, которая все еще контролирует жизненно важные экономические ресурсы. Однако идея прощения массовых убийц, чье раскаяние, возможно, оказалось неискренним, может быть истолкована как несовместимая с правосудием. Необходимость политической стабилизации после крупных социальных расколов не оправдывает требования ухода от ответственности и освобождения преступников.

Комбинация карательного и реституционного правосудия — один из путей решения проблемы массовых злодеяний. В Устав Международного уголовного суда был включен ряд новых прав, которыми наделяются жертвы. В отличие от внутригосударственного процесса над Эйхманом в 1960-х годах, сегодня жертвы впервые получили возможность излагать свои взгляды перед судом. Таким образом, появляется возможность установить баланс между ориентированностью процесса на преступников, с одной стороны, и жертвами, которые добиваются расширенных полномочий (или,

как определила Шощанна Фелман, «семантических полномочий»¹) посредством своего участия, — с другой. Как утверждала Тейтель, юридические ритуалы и процессы благодаря судам и общественным слушаниям служат не только содействию политическим преобразованиям, но и возможности делать исторические заявления на языке правосудия в общепонятных терминах относительно прав и обязанностей, касающихся прошлых правонарушений. Использование этого языка может сыграть важную роль в ликвидации последствий прошлого, что имеет решающее значение для любого искупительного политического изменения².

Заключение

Несмотря на тесную связь между терминами «геноцид» и «преступления против человечности», различия между ними более существенны для формирования международного права, нежели их сходные черты. Обоснования для предотвращения или прекращения злодеяний и наказания ответственных за них не следует искать в более широком толковании геноцида или дополнениях к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Действительно, цель была достигнута посредством расширенного понимания преступлений против человечности. В настоящее время это понятие включает преступления, которые изначально в него не входили, такие как апартеид, насильственная высылка, пытки, насилие, заключение в тюрьму или целый ряд действий, «совершенных как составная часть широко распространенного или систематического нападения на любых гражданских лиц при осознании сути этого нападения»³. В отличие от геноцида, в случаях преступлений против человечности отсутствует особая дискриминационная составляющая, что дает ООН или другим международным или региональным организациям большую свободу действий при реагировании на массовые преступления.

Наряду с Всеобщей декларацией прав человека Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него представляет собой фундаментальный акт. Это первое соглашение по правам человека, хотя в соответствующих более ранних международных договорах были проанализированы такие проблемы, как работорговля, незаконная торговля женщинами и права трудящихся. Конечно, реальная политика холодной войны на десятилетия лишила смысла конвенцию и обусловила неэффективность действий ООН по отношению к массовым злодеяниям. Только после окончания конфликта между Востоком и Западом появилась возможность для рассмотрения на международной арене вопросов о предотвращении и наказании, а также о разрушении культуры безнаказанности с целью формирования ответственности. Правда, политический и правовой процессы, ведущие к принятию решения о военном вмешательстве или воздержании от

¹ Felman S. Theaters of Justice: Arendt in Jerusalem, the Eichmann Trial, and the Redefinition of Legal Meaning in the Wake of the Holocaust // *Critical Inquiries*. 2001. Vol. 27, № 2. P. 201–238.

² См.: Ruti G. Op. cit. P. 116.

³ Hubert D., *Blätter A.* Op. cit. P. 47–48; см. также: Римский статут Международного уголовного суда от 1 июля 2002 г. URL: <http://untreaty.un.org/cod/icc/statute/rome.htm>

него для предотвращения массовых преступлений, редко отражают бескорыстность мотивов. Этими процессами зачастую движут вопросы продвижения или защиты политических, военных или экономических интересов государств или сохранения исторических связей между государствами, нежели цели урегулирования гуманитарных конфликтов.

ООН так и не удалось выработать документы для всеобщего применения по вопросам реагирования на массовую жестокость. В качестве реакции на внешние угрозы геноцид и преступления против человечества более не превалируют, гораздо чаще эти преступления ассоциируются с внутренними угрозами, как в случаях с Руандой, Югославией, Бангладеш, Алжиром и Камбоджей⁴. Принцип «обязанности по защите» устанавливает более отчетливые нормы поведения в ходе реагирования на подобные кризисы и несколько умаляет значимость «права на вмешательство», преобладающего в дебатах о «гуманитарной интервенции» в связи с войной в Косово. «Обязанность по вмешательству» обычно понимается как вторжение, когда государство терпит неудачу в обеспечении обязательства по защите собственных граждан. Однако сроки вмешательства столь же проблематичны, сколь и его законность, если надо принять решение, когда переступить черту.

Как показывает полемика вокруг интервенции в Ливию и расхождение взглядов насчет Сирии в Совете Безопасности ООН, «обязанность по защите» так и не смогли консолидировать в качестве международной нормы. Более того, модификация этой доктрины после исключения из нее требования «смены режима», по-видимому, не имеет юридической силы. Опыт гражданских войн в таких странах, как Сальвадор, Гватемала и Гондурас, показал, что жесткие авторитарные правительства, контролирующие армию, как правило, ответственны за подавляющее большинство массовых преступлений. Вторжения извне, которые склоняют баланс в пользу тех, кто противостоит репрессивным режимам, не обязательно несправедливы или ошибочны. И редко таким операциям оказывается широкая международная поддержка при отсутствии гуманитарного измерения или приведения в действие (усилиями Совета Безопасности) гл. 7 Устава ООН, где детально анализируется ситуация, угрожающая региональной стабильности. Но это, конечно, не оправдывает геополитических устремлений, когда вмешательство направлено на свержение правительств во имя гуманизма или того, что Наум Хомский назвал «военным гуманизмом»⁵.

⁴ См., например: Chalk F., Jonassohn K. Op. cit. P. 35.

⁵ Chomsky N. *The New Military Humanism: Lessons from Kosovo*. Montgoe ; Maine : Common Courage Press, 1999.

Хомский заимствовал термин «военный гуманизм» у Ульриха Бека, чтобы обозначить подведение идеологического фундамента под интервенцию НАТО и США в Косово. Бек, однако, иначе интерпретировал этот термин. Он хотел обратить внимание на опасность, возникающую в связи с развитием новой глобальной военной системы прав человека, которая может стереть разделяющую войну и мир грань. Такое прочтение, конечно, более существенно для современных дебатов по поводу «обязанности по защите». См.: Beck U. *Über den postnationalen Krieg // Blätter für deutsche und internationale Politik*. 1999. Aug. № 8. S. 985–987; *Idem*. *Power in the Global Age: A New Global Power // Economy, Malden : Polity, 2005. P. 333.*

Международное сообщество всегда будет находиться под бременем необходимости вмешательства, если акты геноцида или преступлений против человечества неминуемы. То же самое применимо и к последствиям злодеяний. Процессы *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде, а также Международный уголовный суд, конечно, не безукоризненны. Сдерживающее значение процессов по военным преступлениям не определено, и в этом плане их избирательность — пример несовершенного правосудия. Однако эти процессы демонстрируют включение в политику, в отличие от преднаме-

ренной инерции, которая превалировала в эпоху холодной войны. Тот факт, что главные преступники Руанды, Югославии и Камбоджи в конечном счете предстали перед судом, показывает, что Совет Безопасности ООН приступил к выполнению договорного обязательства по наказанию виновных в геноциде и преступлениях против человечности. Однако в качестве института, ответственного за глобальную безопасность, он потерпел неудачу в попытках выработки политического и правового документа для упреждения или прекращения жестокости.

С. А. Исаева¹

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ РОЛИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Представление о месте и роли государства как в обществе в целом, так и в экономике неизбежно меняется под воздействием множества факторов. При этом несложно при желании разглядеть общую мировую тенденцию возрастания количества и качества выполняемых им функций, усиления его позиций. Многие при этом зависят от культурных традиций общества, которые могут ускорять, а могут затормозить процессы преобразований.

Большое значение для нового взгляда на государство имел отход от вульгарного экономического детерминизма, который в значительной степени приводил как минимум к недооценке социокультурной составляющей общественного развития. Во второй половине XX века человечество осознает гибельность существующей ориентации на безудержное стремление к постоянному, ничем не ограниченному росту материального благополучия без оглядки на отрицательные побочные эффекты своей деятельности. Начались массовые протестные движения против существующего мирового порядка. Огромный резонанс вызвали сенсационные алармистские доклады Римского клуба, которые дали толчок к переводу решения обозначенных проблем на уровень официальных международных организаций во главе с ООН.

Проблемой номер один сначала называли катастрофическое положение дел с экологией, затем на этот же уровень опасности подняли социальные проблемы. Многочисленные международные форумы в результате привели к знаменитой конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году, на которой была принята «Повестка дня на XXI век». В ней впервые были обозначены наиболее сложные проблемы, стоящие перед человечеством, и предложены меры по их преодолению

¹ Первый заместитель генерального директора ООО «Конкорд» (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Закономерности формирования современной Национальной инновационной системы» (в соавт.), «Роль институциональных факторов в повышении эффективности государственного управления экономикой», «Роль государственно-частного партнерства в развитии современной экономики», «Повышение качества государственного управления экономикой» и др.

или хотя бы смягчению. Вполне естественно, что обязанность реализатора новых идей была возложена на национальное государство. Культура рыночного фундаментализма начинает сдавать свои позиции.

Последний мировой кризис и формы и методы выхода из него всех развитых стран, основанные на интенсивном государственном вмешательстве в воспроизводственный процесс, вообще заставили усомниться в ее состоятельности. Либеральное крыло экономистов скорректировало свои позиции, вынужденно признав некоторые направления действия государства объективно необходимыми. Впрочем, наиболее стойкие из них оказались не готовы идти даже на небольшие уступки. Институт Катона (мировой центр либертарианцев) представил публикацию в феврале 2009 года письма группы профессоров, выступивших против антикризисной программы Б. Обамы. По их мнению, рынок в условиях глобализации и либерализации выполняет функции государства и не нуждается в улучшениях и регулировании, хеджирует возникающие риски. Они выступили за полный отказ от государственного контроля, минимизацию функций Центробанков, МВФ.

И все-таки основная часть сторонников мейнстрима не стала отрицать очевидные факты и делать вид, что в обществе ничего не меняется. Не очень охотно, но признала, что государство может выступать в критических ситуациях в качестве спасателя, проводя активную антициклическую политику. В результате делается вывод, что глубина и интенсивность государственного регулирования экономических процессов зависят в значительной степени от фазы цикла экономического.

Но если приливы и отливы государственной активности можно объяснить циклическостью социально-экономических процессов, то общая тенденция изменения роли государства требует более основательного объяснения на уровне базисных общественных институтов, культурных традиций. При этом возникает интересный момент. Бескомпромиссные сторонники экономической свободы и такие же противники государственного вмешательства в экономику по сути выступают за изменение традиционных общественных институтов.

Такой позиции последовательно придерживается Е. Ясин, который пишет, что если базисные институты и культура неизменны, а инновационность как-то связана с отмеченными свойствами европейской культуры, то у России нет шансов преодолеть отставание и достичь технологической границы¹. Естественно, возникает вопрос: что же Е. Ясин понимает под культурой? Находим прямое разъяснение в другом исследовании: «Культура понимается нами как совокупность социальных норм, в этом случае — регулирующих экономические отношения»².

В этой же статье он определенно высказывается за радикальный вариант развития страны: «Для реальной модернизации необходимы радикальные институциональные преобразования, включая полноценную политическую демократизацию. Заряд возможностей, полученный от рыночных реформ, в России еще далеко не исчерпан, и, если его дополнить демократическими институтами, можно придать обществу уверенность в том, что новая Россия встанет вровень с другими развитыми демократическими странами»³.

Автор выступает за радикальное изменение институтов, но как их поменять без помощи государства? Как обойтись без принуждения? Конечно, как это принято в либеральной традиции, для страховки процесс радикальной перестройки дополняется демократическими институтами, что является как бы индульгенцией от обвинений в использовании государственных рычагов для реализации либеральных идей.

Но никакие ссылки на демократию не вводят в заблуждение после заявления автора, что особенность нашей страны, как и других стран с формирующимся рынком, в том, что она стремится культивировать институты, оправдавшие себя в иных странах и в иной культурной среде. Даже использование мягкого термина «вращения» нового института не избавляет от вопроса о том, кто будет вращивать. И из дальнейшего изложения понятно, что это государство.

Интересно, что либеральную идеологию предпочитают сильные государства. Более того: чем они сильнее, тем громче заявляют о своей приверженности либеральным ценностям. На первый взгляд непонятно, как можно выступать с идеями, по сути подрывающими собственное ведущее положение в обществе. На самом деле речь идет о двойных стандартах. Своих позиций в обществе они не уступают.

Если вспомнить историю возникновения либеральной идеологии, ставшей основой рыночной культурной традиции, то несложно обнаружить инициатора ее появления. Это мощный по тем временам английский капитализм, экспансионистской политике которого мешала идеология закрытых национальных рынков сторонников меркантилистских взглядов. Появляется английская политическая экономия с ее рыночной свободой, а главное — с идеей свободной торговли. И в дальнейшем за каждым подъемом либерализма просматрива-

ется интерес наиболее мощных на тот момент государств, которые не боятся, а наоборот стремятся к открытой конкурентной борьбе с заведомо более слабым противником.

Лукавство проповедников либерализма состоит в том, что они выступают не против государства вообще, а против сильной государственной политики конкурентов. Что же касается собственной страны, то они нисколько не возражают против государственной поддержки собственных интересов в любой форме, вплоть до военных действий. И, конечно же, либералы возлагают на него обязанность навязывать миру свои «ценности», пропагандировать ценности рыночной культуры.

Самой яркой иллюстрацией нечестной игры развитых стран во главе с США была эпопея навязывания отставшим в своем развитии странам идеологии Вашингтонского консенсуса, которая закончилась плачевно практически для всех, кто попался на заманчивые обещания.

Естественно, при этом главный удар наносился по государству как институту, стоящему на страже интересов сообщества, представителем которого он является. Приватизация, либерализация внешней торговли, дерегулирование рынков капитала, отказ от промышленной политики — вот универсальные «лекарства» от социально-экономической отсталости, которые в соответствии с Вашингтонским консенсусом были рекомендованы странам и Латинской Америки, и Африки, и Восточной Европы, и бывшим республикам Советского Союза.

Негативные последствия идей унификации были столь очевидны, что 3 апреля 2011 года на ежегодном заседании Международного валютного фонда и Всемирного банка президент и исполнительный директор МВФ Д. Стросс-Кан провозгласил официальный отказ от Вашингтонского консенсуса. Глава МВФ сказал: «Вашингтонский консенсус с его упрощенными экономическими представлениями и рецептами рухнул во время кризиса мировой экономики и остался позади»⁴.

И мы уже встречаем взвешенный взгляд на перспективы развития страны: «Соответственно если правительство, общество, бизнес делают ставку на устойчивую постиндустриальную модель развития, то институциональные ресурсы для этого следует привлекать не путем заимствования формальных институтов стран, которые — при номинальном сопоставлении — смогли решить аналогичную задачу, а посредством поиска и подбора национальных конкурентных преимуществ, основанных на специфике социального и культурного капитала»⁵.

Вполне естественно возникает вопрос: почему вопреки реально существующему на практике процессу возрастания экономической роли государства в теории не уменьшается количество противников этой тенденции, которые постепенно сдают существующие позиции,

¹ Юдаева К., Ясин Е. Стратегия-2050: справится ли Россия с вызовами глобализации? // Вопросы экономики. 2008. № 5. С. 19.

² Ясин Е. Институциональные ограничения модернизации, или Приживется ли демократия в России? // Вопросы экономики. 2011. № 11. С. 11.

³ Там же. С. 4.

⁴ Глобализм с человеческим лицом // Независимая газета. 2011. 6 апр. URL: http://www.ng.ru/economics/2011-04-06/1_globalizm.html

⁵ Аузан А., Келимбетов К. Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 39.

но при этом появляются новые аргументы и спор не затухает, а разгорается с новой силой. Главной причиной является то, что результаты деятельности любого экономического субъекта могут быть как положительными, так и отрицательными — как с точки зрения общества в целом, так и отдельных его социальных групп. С ростом масштабов и интенсивности государственного участия в воспроизводственном процессе возрастает и уровень возможных негативных последствий для какой-то части общества, чей-то интерес будет затронут.

Государство как субъект экономических отношений имеет свои обособленные интересы, отклонение которых от общественных вызвано культурными традициями того или иного сообщества. Следует признать, что по своей природе оно стремится к ведущей роли в жизни общества, что может приводить к излишней регламентации экономической деятельности, то есть выходить за пределы объективно необходимо-

го регулирования, пытаться проникать в сферы, в которых непосредственное участие государства противопоказано.

Кроме того, не надо забывать, что государство — это отдельные структуры, которые тоже имеют обособленный интерес. Наконец государственный аппарат — это люди, от которых зависит конечный результат деятельности государственных органов, которые могут быть некомпетентны, коррумпированы, просто не способны выполнять необходимые функции. Уровень этих отрицательных явлений в решающей степени зависит от культурных неформальных институтов. Действие такого аппарата дискредитирует саму идею государственного регулирования и делает ее неосуществимой. Но необходимость государственного участия в экономике от этого не исчезает. В противном случае общество не сможет решать главные стратегические проблемы.

А. В. Костина¹

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ И ДУХОВНЫХ ОСНОВАНИЙ

Современное развитие культуры России самым непосредственным образом связано с ее экономическим развитием. Поскольку основным трендом современности являются глобализационные тенденции, можно утверждать, что доминирующие сегодня в экономическом и социально-политическом плане общественные системы задают и ценностные ориентиры. Действительно, Россия естественно воспринимает те парадигмы, которые характеризуют развитие Европы и США, унаследовавших европейские базовые принципы (по крайней мере, в момент основания государства). Это обусловлено большей близостью наших культур по сравнению с культурами конфуцианского, индуистского, арабского ареалов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что определенная культурная близость сочетается с существенными различиями в системах ценностей. Мировоззренческим основанием западной культуры являются установки философии позитивизма и прагматизма, признающие в качестве базовых доминант целесообразность деятельности, инструментальность ценности разума, на-

целенность на реализацию тактики достижения успеха и признания, на отработку методов разрешения проблемных ситуаций, позволяющих наиболее эффективно адаптироваться к изменяющимся социальным условиям. Для этого мировоззрения, опирающегося на принципы инструментализма, операционализма, прагматизма, позитивизма, а также нео- и постпозитивизма, характерна рациональная этика, направленная на реализацию стратегий максимально полной адаптации к социальным условиям на повседневно-бытовом уровне. Это, конечно, не означает отсутствия высших социальных и духовных ценностей в данных типах общества, таких как либерализм и демократия, но вместе с тем свидетельствует о доминировании установки на настоящем, требующем его улучшения согласно принципу мелиоризма.

Не ставя перед собой задачи оценки этих системных духовных принципов как функционирующих в определенном культурном контексте, обратим внимание на характер их проявления в российском обществе. Такая постановка вопроса определяется задачами статьи, связанными с выявлением ценностно-смысловых доминант современной отечественной культуры в их взаимообусловленности с ее экономическим развитием. Можно отметить, что современная экономическая система России, основанная на принципах свободной конкуренции, и ее социокультурная система находятся в неполном взаимодействии, а подчас и противоречат друг другу. Это связано с тем, что экономика самым непосредственным образом связана с ценностными основаниями культуры.

Этот тезис принимают многие ученые, отмечающие кризис доминирующей сегодня неоклассической экономической парадигмы и исчерпание ее эвристического

¹ Декан факультета философии, культуры и искусства Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор. Автор 229 научных публикаций, в т. ч.: «Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты» (в соавт.); «Культура: между рабством конъюнктуры, рабством бытовая и рабством статуса» (в соавт.); «Соотношение традиционности и творчества как основа социокультурной динамики»; «Национальная культура — этническая культура — массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе»; «Теоретические проблемы современной культурологии: идеи, концепции, методы исследования» и др. Академик Международной академии наук (IAS). Член редакционных коллегий журналов: «Знание. Понимание. Умение», «Культура и цивилизация», «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке», Politbook.

потенциала. Академик С. Ю. Глазьев показывает, что основные постулаты неолитеральной экономической модели не учитывают именно духовного фактора развития культуры как контекста функционирования экономики. По его мнению, которое согласуется с точкой зрения видных западных экономистов Р. Нельсона, С. Винтера, А. Алчиана, неверными оказываются многие основополагающие принципы неолитеральной теории — прежде всего игнорирование значения такого мотива экономической деятельности, как идеологическая направленность поведения и нравственные ограничения¹.

Если говорить о духовных принципах и основаниях отечественной культуры, можно отметить постоянное стремление ее субъекта к духовности и пренебрежение прагматизмом. Представитель этой культуры как отрицательные воспринимал такие качества европейца, как экономность, бережливость, расчетливость, свидетельствующие, с его точки зрения, об узости, ограниченности и прагматичности их носителя. В противовес утилитаризму западной культуры, для русского культурного архетипа были характерны пренебрежение к земным благам, мессианизм, коллективность, стремление к вечному поиску идеала и к постижению основ бытия, терпимость, в том числе к иноверам.

Эти духовные факторы весьма существенны и проявляются весьма отчетливо в современном социокультурном развитии. Там, где они учитываются, экономика развивается органично, там, где игнорируются, наблюдаются срывы, несогласованность, неравномерность экономического движения. Более того, пренебрежение духовным содержанием культуры и внедрение в ее контекст новой экономической модели приводят к весьма негативным последствиям. Говоря о России, к их числу можно отнести: распространение ценности потребления; формирование установок, исходящих из «экономики изобилия» (Ф. Слейтер²) и состоящих в стремлении удовлетворения многочисленных, искусственно сформированных потребностей как неперемного атрибута современного человека; ориентацию на определенные стандарты поведения, имиджи и стереотипы, позволяющие демонстрировать собственное экономическое превосходство или — чаще — имитировать его; убежденность в относительности шкалы ценностей и готовность ее корректировать в соответствии с изменившимися социальными условиями; установку на престижное потребление и восприятие вещей, поступков, стремлений в качестве символов принадлеж-

ности к социальному слою, выступающему в качестве идеального ориентира.

Несмотря на очевидность этих негативных процессов, расшатывающих духовные основания отечественной культуры, преодолеть их не так просто. И связано это, во-первых, с трудностью формализации духовных факторов, «сопротивляющихся» подчинению процессу математического моделирования в рамках экономической теории, во-вторых, с культурным и идеологическим контекстом, оказывающим существенное влияние на содержание практически любой научной парадигмы. И, несмотря на то что в современном обществе признана мысль о невозможности производства знания без «этической компоненты»³, она не становится пока основанием для обновления духовного состояния общества в соответствии с архетипическими ценностными основаниями отечественной культуры.

Несмотря на очевидность этого тезиса, он никак не учитывается в современной рыночной теории, где отстаивается способность рыночной экономики к саморазвитию и саморегуляции, исходя из установки на максимизацию прибыли. Современная же экономическая теория в виде неоклассической парадигмы духовный фактор не учитывает. Между тем, к сегодняшнему дню накоплено немало фактов, не вписывающихся в данную теорию, причем их признают и американские экономисты. О неадекватности этой теории реальному экономическому развитию еще в 1971 году говорил президент Американской экономической ассоциации, лауреат Нобелевской премии В. Леонтьев. В 1972 году этот тезис подтвердил нобелевский лауреат Д. Тобин, в 1980 году на этот факт обращал внимание классик теории экономического роста Р. Соллоу⁴. О таком условии подъема экономики, как необходимость приведения управления хозяйством в соответствие с ценностями российской культуры, пишет в своих работах академик С. Ю. Глазьев. В качестве таких оснований выделяются: необходимость помнить о духовном смысле жизни, заботиться о благе ближнего, общества и Отчизны; восприятие материального благополучия как испытания и ответственности; порядочность в деловых отношениях; необходимость творческого развития человека; необходимость заботы о человеке труда⁵.

Таким образом, вполне объективные законы развития общества и его экономики в значительной степени зависят от духовных, нематериальных компонентов, составляющих содержание его культуры.

¹ Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. С. 56–57.

² Slater Ph. E. The pursuit loneliness American culture at the breaking point. Boston, 1970. Chap. 5. P. 97.

³ См.: Клейнер Г. Б. Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты // Общественные науки и современность. 2005. № 3.

⁴ См.: Костин В. И., Костина А. В. Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты. М.: Книж. дом «Либроком», 2013.

⁵ Глазьев С. Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Издат. дом «Экономическая газета», 2011. С. 492–500.

А. А. Ливеровский¹**СУБКУЛЬТУРА НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ
И ИСЛАМСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

В докладе в рамках рассмотрения тенденции взаимопроникновения исламской и европейской правовых культур исследуется вопрос о возможности внедрения правовой составляющей субкультур, сложившихся в республиках Северного Кавказа, в законодательство Российской Федерации.

1. XIX век можно характеризовать как эпоху постепенного снижения влияния религиозных установок на правовое регулирование общественных отношений. Для исламских государств это выразилось в изменении положения мусульманского права в соответствующих правовых системах. Если ранее в соответствии с принципами и нормами шариата регулировались все сферы общественных отношений, в том числе государственно-властные, то начиная с середины XIX века сфера действия мусульманского права постепенно ограничивалась гражданско-правовыми отношениями (вопросы брака, семьи, наследования, попечительства, имущественные)². При этом начался процесс эволюции мусульманского права под влиянием европейских правовых моделей.

Таким образом, можно утверждать, что начавшаяся в XIX веке и укрепляющаяся в XX веке тенденция взаимопроникновения исламской и европейской цивилизаций (если отринуть от агрессивных «построений» радикальных исламских кругов) для современных государств может стать основой для совершенствования национальных правовых культур по пути взаимного обогащения. Это дает основания рассчитывать на мирное сосуществование народов и этнических групп, исповедующих разные культурные традиции.

2. Следует отметить особое положение так называемых территориальных империй³, которые образовались к концу XIX века на евразийском континенте за счет завоеванных или присоединенных территорий с населением многонационального и разноконфессионального состава. И вопрос сосуществования различных этнических групп и религиозных общин на отдельных терри-

ториях в условиях характерного для XIX века подъема национального самосознания превратился для империй в проблему сохранения территориальной целостности. Правители империй, лишившись в какой-то мере религиозного фактора в качестве элемента укрепления государственности, вынуждены были руководствоваться политикой относительной веротерпимости и толерантности по отношению к народам и этническим группам, исповедующим различные религии и составляющим население государства. Особенно важным для властителей империй стало находить компромиссные принципы регулирования личного и гражданского статуса мусульман, проживающих в областях государства, пограничных с исламскими странами, где наблюдалось значимое, а иногда и агрессивное влияние ортодоксального ислама. Такой страной, в полной мере обладающей «пограничным статусом», была Российская империя⁴. При этом правительство и в политическом плане не ставило своей задачей⁵ подавить национальную самобытность: язык, традиции, религию. Более того, на территории Российской империи государственная власть следовала принципам правового плюрализма во многих отраслях права. В семейном и гражданском праве вопросы, касавшиеся заключения брака, прав наследования имущества, дарения, передачи прав собственности и других гражданско-правовых отношений, регулировались в зависимости не только от сословной, но и религиозной, этнической или территориальной принадлежности подданных. Споры по религиозным предписаниям осуществляли действующие шариатские суды, а суды адата рассматривали светские вопросы на основе обычного права. Подобный правовой и политический плюрализм, позволявший мусульманским народам в вопросах личного статуса и семейной жизни руководствоваться нормами шариата и адата, отнюдь не приводил к распаду империи. Историко-правовой анализ показывает, что для данной территориальной империи в результате действия «пограничного эффекта» народы, компактно проживающие на ее территории и исповедующие ислам, в вопросе обретения независимости ориентированы скорее на гарантирование сильной державой безопасности и благоприятных экономических условий, нежели на религиозный фактор, если «метрополия» проявляет при этом известную правовую толерантность.

¹ Профессор СПбГУП, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук. Автор около 150 научных публикаций, в т. ч.: «О статусе субъекта Российской Федерации», «Исторические и правовые особенности субъектного состава РФ», «Конституционно-правовой статус Санкт-Петербурга», «Актуальные проблемы федеративного устройства России», «Федеральное вмешательство» и др. Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса.

² Исследование данных проблем подробно излагается в работах известного российского ученого Л. Р. Сюкияйнена. См.: Найдется ли шариату место в российской правовой системе? О правовой природе шариата и его взаимодействии с европейским правом // Ислам на постсоветском пространстве. Взгляд изнутри. М., 2001.

³ Территориальными империями (в отличие от колониальных) называются такие многонациональные государства, в которых присоединенные части не отделены от метрополии пространственно и юридически. Для населения этих частей действуют единые для всего государства законы, и народы, их населяющие, могут обладать определенными представительскими правами в общегосударственных органах власти.

⁴ Безусловно, таким же «пограничным статусом» обладает и современная Россия, в какой-то мере вынужденная дополнительно датировать некоторые погранично расположенные субъекты Российской Федерации, обеспечивая территориальную целостность государства.

⁵ Данный вывод имеет общий характер и не всегда согласуется с государственной политикой Российской империи в отдельные исторические моменты. В частности, определенные конъюнктурные соображения и даже личные симпатии монархов приводили к резкой дифференциации в положении отдельных народов и конфессий. Например, в конце XIX века императорским указом был запрещен (!) украинский язык и униатская церковь.

Анализ законодательных установлений Российской империи позволяет предложить новое содержание понятия «претворение шариата (или адата)». А именно — введение в законодательство мусульманских государств юридических конструкций, предоставляющих возможность религиозным (или этническим) общинам руководствоваться в определенных сферах общественных отношений нормами шариата (или адата) и разрешать соответствующие правовые споры в традиционных судах, не выходя при этом из государственной правовой системы.

Таким образом, «евразийское» геополитическое положение Российской империи позволило (вынудило?) создать специфическую (в условиях православного государства!) культуру, политическую и правовую, которая впитывала в себя и усиливала культуры национальных окраин и позволяла (до поры) удерживать огромное государство от развала в рамках достойного и мирного сосуществования представителей христианской и исламской цивилизаций.

3. Ситуация изменилась после революции 1917 года. Пришедшие к власти большевики создали не просто светское государство, но государство с идеологией воинствующего атеизма, который распространялся на все верования, исповедуемые народами бывшей Российской империи.

Большевики, внедряя коммунистическую идеологию, решая проблемы захвата и удержания власти, боролись с религиозными организациями не только ради передела собственности, но с религией как источником обычаев, традиционного уклада народов, проживающих на разных частях нашей страны.

Устоявшийся веками и имеющий религиозные корни жизненный уклад, специфический, характерный для определенной географической зоны порядок хозяйственной деятельности компактно проживающих социальных, национальных общностей были опасны для революционеров, насаждавших новый порядок, новое мировоззрение, основанное на разрушении права собственности, на воспитании ненависти между представителями разных сословий.

В какой-то мере взамен религиозного фактора для создания новой государственности и решения «национального вопроса» советской властью был выдвинут национально-территориальный принцип как основа федеративного устройства. Надо отдать должное коммунистической партии — забота о развитии национальных субкультур при настоящем продвижении русского языка и русской культуры как стержня укрепления государства была действительно и дала серьезные результаты. Однако поощрялась лишь «художественная составляющая» национальных субкультур, а обычаи и традиции народов, отражающие их сложившийся уклад, в том числе религиозный, и имеющие правовое значение, не только не отражались в законодательстве, но формально и фактически преследовались до последних дней советской власти.

4. Конституция Российской Федерации 1993 года установила, что Россия остается светским государством, однако действительная реализация в его соци-

альном пространстве положений ст. 13, 14, 19, касающихся религии, привела к полноценной легализации деятельности религиозных организаций. Для субъектов Российской Федерации, на территории которых компактно проживали мусульмане, это вызвало возрождение ислама, причем именно в рамках тех его толкований, которые были специфичны для народов России.

Следует учитывать, что даже среди представителей так называемого «традиционного ислама» не было и нет единства в следовании единым религиозным предписаниям. Более того: процесс исламизации республик проходит на фоне противостояния различных течений, каждое из которых желает занять доминирующее положение.

Наряду с весьма значимым процессом исламизации республик Северного Кавказа необходимо констатировать также возрождение обычного права. В условиях многонациональности республик Северного Кавказа обращение к нормам обычного права происходит в рамках следования местным адатам, возникшим под влиянием различных течений ислама, его толкований и отражающим разные национальные (этнические) уклады.

Отметим, что как правовые, так и обрядовые споры продолжают разрешаться (на основе предписаний местных адатов) джамаатами — советами старейшин, образованными в соответствующих этнотерриториальных сообществах.

На «бытовом уровне» правовые нормы, связанные с шариатом и адатами, никогда не исчезали. Наоборот, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки «изъять» их из правовой практики, эти нормы благополучно пережили и советское время, и продолжают в значительной степени определять общественные отношения в «мусульманских субъектах Российской Федерации» на современном этапе. Не замечать эти нормы или делать вид, что в России существует единая правовая система, чревато для российских федеральных властей тем, что многие реально функционирующие механизмы межнациональных и социальных отношений будут уходить в тень, создавая основу для национального и религиозного размежевания в России.

Такая ситуация может косвенно способствовать распространению радикальных религиозных учений, противопоставлению той формы ислама, которая укоренилась в данном регионе, «иностранных» форм, «привнесенных» на землю Северного Кавказа в последние десятилетия.

С другой стороны, можно констатировать, что в республиках Северного Кавказа уже сложились специфические общественные отношения, основой которых является культура (опыт) совместного проживания людей, этнических общин и разных вероисповеданий.

Для ее развития и укрепления следует создавать (на уровне субъекта Российской Федерации) законодательные условия¹, в рамках которых граждане, объединившиеся в этнические или религиозные общи-

¹ Возможно, следует частично заимствовать в этом плане законодательный опыт Российской империи.

ны по установленным законодательством вопросам (в основном гражданско-правового характера) смогут руководствоваться нормами соответствующего местного адата или признаваемыми религиозными предписаниями (общинное законодательство). Кроме того, должна быть создана двухуровневая система квазисудебных органов: первый уровень, разрешающий споры в рамках общинного законодательства, второй уровень — представительный, проводящий примирительные процедуры разрешения конфликтов, возникающих между представителями различных общин.

Выводы

В субъектах Российской Федерации, национально-территориальных образованиях Северного Кавказа в результате исторического процесса взаимопроникновения европейской и исламской цивилизаций — западной и восточной (условно) культур на евразийском континенте России, под влиянием как правовой политики Российской империи, так и коммунистической идеологии советской власти, сформировались определенные субкультуры. Немалое значение всегда имел и имеет в настоящее время вышеупомянутый «пограничный

эффект», то есть особенности геополитического положения данных регионов.

Реализуя право на самоопределение, закрепленное в ст. 5 Конституции Российской Федерации, народ субъекта Российской Федерации, обеспечивая свое социальное и культурное развитие, вправе отразить в своем законодательстве правовую составляющую сформировавшейся субкультуры.

В конституции республик Северного Кавказа предлагается ввести юридические конструкции опосредованного введения норм местных адатов или направлений шариата, нацеленных на автономность принятия решений в отдельных этнических и религиозных общинах в соответствии с их традиционными укладами, обозначая при этом отраслевые и процедурные ограничения.

Разработка содержательных и эффективных юридических конструкций для обеспечения и укрепления стабильности в республиках Северного Кавказа возможна лишь при условии высокого уровня толерантности светской власти к традиционным укладам жизни горских народов и искреннего уважения к различным религиозным верованиям.

О. В. Мартышин¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Проблема ценностей не получила тщательной разработки в отечественной теории государства и права, хотя в советское время появлялись монографии о справедливости и была опубликована книга видного болгарского юриста Н. Неновски, обучавшегося в аспирантуре юридического факультета МГУ. Возможно, это связано с тем, что проблема не является юридической в строгом смысле слова. Ценности выходят за рамки права и правовой теории. Они универсальны, охватывают все стороны общественной жизни. Ценности прежде всего являются предметом философии и этики. Попытка объявить свободу, равенство, справедливость сугубо юридическими понятиями, сформировавшимися первоначально в рамках права, перенесенными впоследствии в другие сферы жизни, не выдерживают критики.

Можно надеяться, что введение в учебную программу магистратуры юридических вузов философии права приведет к оживлению аксиологической тематики

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: монографий «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др., учебников «История политических и правовых учений», «Теория государства и права» (отв. ред. и один из авторов), научных статей «Несколько тезисов о перспективах правового государства в России», «Политическая обязанность», «О либертарно-юридической теории права и государства», «Революция и развитие российской государственности», «О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры», «Идеология и формирование новой политической и правовой системы в Российской Федерации» и др.

ки, так как философию права называют иногда наукой о ценностях и антиценностях.

Актуальность проблемы возрастает в условиях идеологической неопределенности. В начале 1990-х годов в постсоциалистических странах Восточной Европы получила распространение мысль о деидеологизации государства. Это была реакция на официальную идеологию тоталитаризма. Ст. 13 Конституции РФ отразила ту же тенденцию, провозгласив идеологическое многообразие и исключив установление государственной или обязательной идеологии. Возможно, в период смены режимов такая декларация была нужна, хотя ее правовое содержание поглощается ч. 1 ст. 29, гарантирующей свободу мысли и слова. Политические мотивы вели к недооценке роли идеологии.

Между тем конституция современного государства, провозглашая определенные принципы, сама по себе представляет идеологический документ. Идеологическое многообразие и политический плюрализм, основы конституционного строя — это тоже идеология. Покушение на них карается законом. К результатам деидеологизации следует отнести не только плюрализм мнений, платформ и движений, но и известный идейный вакуум, неопределенность в стране, привыкшей жить по четким установкам, не подготовившей своих граждан к сознательному выбору.

Сейчас отношение к идеологии в РФ меняется. Политические партии осознали, что идейная пустота не способствует их влиянию, и пытаются обзавестись теоретическими платформами. Трудно представить себе, чтобы эти усилия привели к открытию принципиально

новых направлений. Но поскольку четкое мировоззренческое и политическое самоопределение вышло в России из моды, поиск нередко ведется на уровне первоначальных ценностей, что укрепляет их идеологическое содержание. Отвергая обязательную идеологию, государство не может быть полностью нейтральным к идеологии, возникающей в обществе, оно заинтересовано в утверждении определенных принципов. В том, какие принципы поощряются, раскрывается характер государственной власти.

Проблема ценностей, как и нравственности вообще, ставится в двух плоскостях: идеала и действительности. Разрыв между ними неизбежен. Дело — в его степени и тенденции: подтягивается ли действительность к идеалу, или, наоборот, идеалы низводятся до уровня действительности. Последний вариант, типичный для разных эпох, применительно к официальному католицизму своего времени описал Томас Мор: «Проповедники, люди хитрые... узнав, как тяжело людям приспособить свои нравы к требованиям Христа, они приладили его учение к своим нравам». Увы, в современной России преобладает именно такая тенденция.

Л. Д. Гудков, директор Аналитического центра Юрия Левады, выделял «такие черты массового постсоветского человека, как недоверие к другим, лукавство, нормативный релятивизм, цинизм и готовность приспособиться к любой изменившейся “игре” ценной снижения уровня ожиданий»¹. Ему вторил один из учредителей Конгресса петербургской интеллигенции, писатель Д. А. Гранин, заявивший на круглом столе, посвященном проблемам политики государства в сфере нравственности и духовности, в апреле 2008 года, что раньше у людей была мечта о создании справедливого коммунистического общества, а теперь остался только культ денег². Значительная часть общества стремится к тому, что называют иногда «отрицательными ценностями»³, не идеальными, нравственными, а материальными, житейскими.

Сложность реализации идеальных ценностей обусловлена не только материальными возможностями и состоянием нравов, но и тем, что система ценностей лишена гармонии. Коллизии ценностей — неизбежное явление. Иерархия ценностей признается не всеми, но, кажется, без нее хотя бы не в абсолютной, а относительной, то есть временной, установленной для конкретного случая, форме решение коллизий невозможно. На высшую ступень в иерархии ценностей могут претендовать лишь справедливость и общее благо, причем последнее часто понимается как один из важнейших аспектов справедливости. Но и это не решает проблему.

Дело в том, что справедливость и общее благо представляют собой не элементарные, простые ценности, а сложные, составленные из простых ценностей, таких, например, как свобода, равенство, безопасность и т. п. К тому же никогда не было и не будет единого мнения по вопросу о справедливости и общем благе. Это и делает недостижимой полную гармонию ценно-

стей, что подчеркивал П. И. Новгородцев. «Личность и общность, равенство и свобода, право и нравственность <...> находятся в вечном антагонизме и не допускают окончательного примирения»⁴, — писал он. Отсюда необходимость выбора, то есть предпочтений, приоритетов.

Коснемся некоторых аспектов такого рода выбора в постсоветской политико-правовой системе, его теоретической обоснованности и практических последствий. Увлечение идеалами свободы и демократии привело не только ряд общественных деятелей и публицистов, но и некоторых профессиональных юристов к утверждению «приоритета прав человека над государственными интересами». Считают, что этот принцип закреплен в ст. 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». При этом игнорируются ч. 3 ст. 17 («Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц») и особенно ч. 3 ст. 55, в которой приоритет явно отдается интересам общества и государства («Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»).

В обоснование приоритета прав человека приводится получившая немалое распространение в нашей литературе, в том числе юридической, совершенно неубедительная теория персонистского и системноцентристского (социоцентристского) общества. Реальность системноцентристского общества так же бесспорна, как и то, что его наиболее последовательной формой является тоталитаризм, приносящий права человека в жертву государству. Но вот персонистское общество не только проблематично, но и принципиально неосуществимо. Логически это вытекает из множественности центров. Общество жизнеспособно, когда оно центрировано, а не центробежно. Можно было бы признать персонистским анархический идеал. Считать персонистским то, что К. Поппер называл «открытым обществом», то есть современные западные демократии, нет никаких оснований. Это либеральные системы, в которых гарантируются права человека, но лишь в той мере, в какой они не противостоят общественным интересам, и этот принцип был сформулирован одним из родоначальников западного либерализма Дж. Локком. Лозунг «приоритета прав человека», взятый на вооружение в России в период увлечения «мировыми стандартами», свидетельствует об ошибочном понимании основ либерализма. Нужно ли говорить, что никакого приоритета прав человека в России не было и нет и что этот лозунг послужил ширмой для незаконного обогащения?

В первом десятилетии XXI века идеологические (ценностные) установки претерпевают изменения. «Мировые стандарты» уступают первенство национальным традициям и специфике. Эта коррекция курса принципиально оправдана и могла бы оказаться плодотворной, если бы не опасность эксцессов проти-

¹ Независимая газета. 2008. 8 апр.

² Там же. 22 апр.

³ Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 503.

⁴ Новгородцев П. И. Сочинения. М., 1995. С. 374.

воположной направленности. Вместо поисков путей приспособления либерализма к российским условиям и традициям (а это и есть диалог культур) происходит вытеснение либерализма консерватизмом.

Идеология консерватизма берется на вооружение правящей партией. Под консерватизмом обычно понимается стремление сохранить существующий порядок, предохранить его от распада. Но в современном российском варианте речь идет не об увековечивании сегодняшнего состояния и уж тем более не о защите остатков советского наследия (наоборот, к нему воспринимается сугубо отрицательное отношение), а о возрождении прошлых традиций. Такой консерватизм приобретает реставрационный характер. Грань между консерваторами и реакционерами достаточно тонка. Обычно сторонников сохранения сущего называют консерваторами, а борцов за восстановление минувшего — реакционерами.

В нашем консерватизме велик удельный вес реставраторства. Очернение советской эпохи сопровождается апологией самодержавия. Идет дискредитация не только Октябрьской, но и Февральской революции, вообще всякой революции, и Английской, и Великой французской. Российское самодержавие конца XIX — начала XX века рассматривается как гарант стабильности, благополучия, справедливости и прогресса. Церковь пытается вернуть себе тот статус, который она имела до революции. Раздаются призывы относиться к ней как к опоре государства, хранительнице национальных традиций, духовности, нравственности, источнику новой, объединяющей народ идеологии. Возрождаются сословная гордость и ее современная несловная модификация — элитизм. А элитизм, как и сословность, — это покушение на равенство — принцип либерализма и революций.

Эти новые идейно-политические тенденции получают очень яркое, я бы сказал, утрированное воплощение в нашей юридической литературе. В работах А. М. Ве-

личко, В. В. Сорокина, А. А. Васильева, А. В. Серегина¹ и других православная монархия характеризуется как лучшая и едва ли не единственно возможная форма российской государственности. Пока это выглядит как экзотика. Но призывы отказаться от либерализма все чаще раздаются в нашей общественной жизни. В пропаганде либеральных ценностей видят атаку «на те ценности, которые складывались в нашем обществе веками». Появились и утверждения, что российское руководство решило отказаться от либерализма. Так, 4 марта 2013 года на заседании дискуссионного клуба Всемирного русского народного собора протоиерей Александр Шумских заявил: «В сегодняшней России должны продолжиться те процессы, которые начались при Сталине. Путин начал антилиберальную контрреволюцию»².

Либерализм и консерватизм не всегда противостояли друг другу. Известны и попытки их синтеза. Не к этому ли стремились ранние славянофилы, в частности А. С. Хомяков? А. И. Герцен говорил о «либеральных консерваторах». Блестящий образец своеобразного сочетания либеральных и консервативных идей дал Б. Н. Чичерин в статье «Россия накануне двадцатого столетия», которую можно рассматривать как его политическое завещание. По цензурным соображениям статью пришлось печатать в Германии. В ней дается трезвая оценка тяжелого положения России и предлагается программа либеральных преобразований при сохранении самодержавия.

Консерваторы современной России склонны противопоставлять себя либерализму, что чревато самоизоляцией от мировых процессов. При всех отклонениях и отступлениях человечество в целом продолжает путь, начатый Европой в XVII–XVIII веках, и движется к демократии и либерализму, а не к самодержавию и клерикализму, или теократии. Противиться этому — значит отходить от диалога культур к национальной замкнутости и исключительности.

А. А. Моисеев³

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Развитие и углубление глобальных процессов в мире, безусловно, связаны с развитием международного права. Президент В. В. Путин в своем выступлении 26 сентября 2012 года перед иностранными посла-

¹ Величко А. М. Философия русской государственности. СПб., 2001; Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007; Васильев А. А. История русской консервативной правовой мысли (VII–XX вв.). Барнаул, 2011; Васильев А. А., Серегин А. В. История русской охранительной политико-правовой мысли (VII–XX вв.). М., 2011.

² НГ Религии. 2013. 6 марта. С. 1.

³ Декан факультета международного права Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук, профессор. Вице-президент Российской ассоциации международного права. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Надгосударственность в современном международном праве», «Суверенитет государства в международном праве», «Международные финансовые организации (правовые аспекты деятельности)» и др. Доктор права Австралии.

ми, говоря о большом значении международного права, подчеркнул, что без опоры на международное право невозможно вести дела в современном мире.

Международные отношения (а в них участвуют порядка 200 государств и около 300 межправительственных организаций), мировой правопорядок базируются на международном праве. Оно определяет статус участников международного общения, их права и обязанности, правила поведения, влияет на внутреннее право государств.

Современное международное право, пройдя длительный путь развития, сформировалось после Второй мировой войны как демократичный и прогрессивный институт международного сообщества. Его принципы — разрешение споров только мирными средствами, запрещение применения вооруженной силы, уважение

суверенитета и суверенного равенства государств, невмешательство во внутренние дела и другие создают правовую базу для развития нормативных отношений между государствами и различными национальными культурами.

СССР внес решающий вклад в создание Устава ООН, развитие международного права. России политически выгодно выступать на международной арене в роли лидера в борьбе за международное право. Оно отвечает интересам России, обладающей широкими правами, как постоянный член Совета Безопасности ООН. В п. 4 ст. 15 Конституции России указано, что основные принципы и нормы международного права, договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы России, а в случае расхождения между нормой внутреннего права и нормой международного договора России приоритет имеют нормы договора.

Конечно, наивно идеализировать международное право: его нарушают, совершая самые серьезные нарушения — незаконное применение вооруженной силы, вмешательство во внутренние дела других государств (война в Ираке, военные действия НАТО против Югославии и др.). Но то же самое происходит и с внутренним правом.

Обстановка на международной арене часто определяется соотношением военно-экономического потенциала государств. Но международное право как инструмент защиты национальных интересов имеет определяющее значение, и многие государства, в том числе латиноамериканские, активно используют его для защиты своих интересов.

Нередко приходится сталкиваться с тем, что некоторые государства, игнорируя основные принципы международного права, выдергивают из контекста всего международного права только политические права человека и используют это для давления на другие государства, для свержения неугодных им правительств (Ливия, Сирия).

Примером могут служить события, произошедшие на севере Африки, — в Ливии, где в нарушение норм международного права западным державам удалось свергнуть законное правительство, обстановка вокруг Сирии — иностранная поддержка оппозиции, ведущей вооруженную борьбу с целью насильственного свержения правительства, привлечение внимания мирового сообщества к международному праву в связи с рассмотрением в ООН вопроса о его верховенстве, определенные обострения отношений западных стран с рядом государств, в том числе на религиозной почве.

России, как и другим крупным державам, политически выгодно быть лидером на международной арене. Но если лидерство в военной и экономической области требует значительных финансовых средств, то лидерство в борьбе за повышение роли международного права, его соблюдение требует прежде всего интеллектуальных усилий. Для достижения этой задачи необходимо осуществлять комплекс политических, дипломатических, организационных, информационных и иных мероприятий. Тем более что международная обстановка сейчас для этого благоприятная.

В свете принятой Резолюции ГА ООН № 66/102 от 13 января 2012 года о верховенстве права и предложений, сформулированных в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 года¹, целесообразно предложить в рамках ООН перечень конкретных мер, которые государства могли бы осуществлять для соблюдения международного права и его развития. В число этих мер необходимо включить составление списка авторитетных лиц, которые могли бы выступить в роли посредников для урегулирования споров, в том числе и в случае внутреннего вооруженного конфликта; рекомендовать в этот список кандидатов от России, имеющих внешнеполитический авторитет и дипломатический опыт.

Заявить, что Россия готова предоставлять свою территорию для встреч представителей спорящих или противоборствующих сторон, оказывая тем самым «добрые услуги». Выступить за то, чтобы более эффективно использовать арбитраж для разрешения споров, направлять Советом Безопасности ООН международных наблюдателей в государства, где возникают конфликтные ситуации, ведущие к внутренним вооруженным конфликтам, рекомендовать российских граждан в качестве международных наблюдателей.

Предложить, чтобы в комиссии, создаваемые для контроля за выполнением международных договоров, в частности о правах человека, входили не представители правительств, а независимые эксперты из числа граждан государств — участников этих международных договоров.

Предложить, чтобы все государства — члены ООН, которые этого еще не сделали, включили в свое законодательство положение, аналогичное ч. 4 ст. 15 Конституции России о международном праве и приоритете нормы договора, если норма внутреннего права расходится с ней.

Выступить за усиление международного сотрудничества для борьбы с международным терроризмом и пиратством. Отметить, что Россия готова участвовать в объединенных действиях военно-морских сил для борьбы с пиратством, направлять для этого свои военные корабли, и, что было бы разумно, разработать правила действия государств в этой области с учетом их заинтересованности в международном судоходстве и использовании мирового океана. Заявить, что Россия готова разработать ряд дополнительных мер международного сотрудничества в этой области, в частности обмен информацией, сотрудничество госорганов и т. п.

Усилить работу с Китаем, Индией, Бразилией, латиноамериканскими и другими государствами, чьи позиции по международному праву совпадают с российской, для совместных действий на международной арене.

Вовлечь российский парламент в более активную работу по вопросам международного права, выступить с заявлениями по этим вопросам, наладить контакты с парламентами других государств. Создать в Комитете

¹ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. A/RES/60/1 от 24.10.2005 г. Раздел 37. Обязанность защищать население от геноцида, этнических чисток и преступлений против человечности.

по международным делам Государственной Думы РФ подкомитет по вопросам международного права для подготовки предложений в этой области.

Роль международного права будет возрастать в связи с глобализацией, ведущей к интеграции государств.

Поскольку число противоречий, споров увеличивается, именно международное право, его институты — мирные средства разрешения споров (посредничество, арбитраж и т. п.), могут играть всевозрастающую позитивную роль в жизни мирового сообщества.

Г. И. Муромцев¹

ДИАЛОГ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассмотрению столь сложной и многогранной темы следует предпослать вопросы методологического характера. Представляется, что именно они лежат в основе парадигмы данного исследования, предопределяя в известной мере его содержание. Это прежде всего вопрос о том, что есть диалог правовых культур. Если в общепринятом значении диалог есть разговор, где участвуют два или несколько субъектов², то в данном случае перед нами субъекты комплексные, имеющие сложное строение. В этих условиях возникает вопрос: какие стороны (аспекты, «параметры») правовых культур вступают в диалог? Какова в нем роль государства? Предполагает ли он лишь добровольные контакты между правовыми культурами либо сюда же входит одностороннее навязывание силой правовой культуры более развитой страны стране либо странам с более низким уровнем социокультурного развития? Наконец, возникает вопрос о факторах, обуславливающих историческую необходимость межкультурного диалога вообще и диалога правовых культур в частности.

Для определения «параметров» правовых культур нам следует раскрыть содержание понятия структуры правовой культуры, а также место, занимаемое той или иной из них в рамках типологии и классификации правовых культур. Поскольку правовая культура есть элемент культуры общесоциальной, то ее структура воспроизводит структуру этой последней. Мы можем выявить ее элементы, если рассмотрим ту и другую культуру как результат, с одной стороны, предшествующего исторического развития, с другой, его отражения общественным сознанием на тот или иной момент истории. При таком подходе в структуре общесоциальной и правовой культур можно выявить элементы объективного и субъективного характера. В первой из этих культур под элементами объективного характера следует понимать то, что создано в ее рамках интеллектом и руками человека за предшествующую историю. Тогда элементами субъективного характера будут исторически изменчивые формы восприятия культурной действительности в общественном сознании. Каждый человек, появляясь на свет, воспринимает эту действитель-

ность «с нуля», но познает ее сквозь призму культуры, к которой принадлежит. Это восприятие включает также осознание того, что он живет в окружении культур «чужаков».

В рамках правовой культуры в качестве объективных элементов ее структуры выступают сложившиеся в ходе истории структура права, его нормы и источники, юридическая техника и т. д., а в качестве субъективных — общественное правовое сознание, важнейший элемент которого — общественная правовая психология. К сожалению, степень ее изученности, особенно в контексте исторической эволюции, явно недостаточна. Между тем именно она представляется важнейшим звеном в «механизме» (или «технологии») диалога культур. Теоретически в диалоге, или взаимодействии, правовых культур одинаково участвуют как объективные, так и субъективные элементы. Однако присутствующий при этом политический интерес может привести к доминированию одних и недооценке других, отторжению элементами одной культуры элементов другой и т. д.

Поскольку правовая культура, как и культура общесоциальная, есть понятие историческое, то, следовательно, диалог правовых культур — также историческая категория. Он возникает и развивается в ходе истории, в течение которой изменяются как содержание, так и формы, в которых он происходит. В условиях разнообразия правовых культур и неодинаковости их развития важное методологическое значение приобретает вопрос об их типологии и классификации. Под типом правовых культур мы понимаем в данном случае некую их совокупность, объединенную известной общностью мировосприятия и правопонимания, структуры права и механизма его действия, статуса личности и характера ее взаимоотношений с властью. Представляется, что типологически правовые культуры (и правовые системы) разделяются на традиционные, существующие на добуржуазной стадии истории, и буржуазно-европейские, сложившиеся с формированием капитализма. В Европе традиционный тип правовых культур практически исчез, тогда как в Африке и на Востоке эти культуры (их элементы) широко распространены. Правовые культуры традиционного типа отличает прежде всего слитность права с религией. Отсюда — восприятие мира вне контекста истории, а права — в качестве несотворимого, вечного и неизменного. В условиях слитности право (в сфере личного статуса) носит личный (а не территориальный) характер, сфера его действия может не совпадать с границами государства.

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Конституции арабских государств», «Мусульманское право (структура и основные институты)», «Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции», «Конституционное право развивающихся стран», «Теория государства и права», «Право и политика в современной России», «Право и культура» и др.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 146.

Классификация правовых культур традиционно-го типа позволяет выделить обычно-правовую, иудейскую, индусскую, зороастрийскую, исламскую и другие правовые культуры. Сюда же следует включить традиционную правовую культуру феодальной Европы¹. В рамках буржуазно-европейского типа обычно выделяют англосаксонскую и романо-германскую правовые культуры. Особо следует выделить страны Африки и Востока, где сосуществуют правовые культуры того и другого типа. Приведенная картина позволяет заключить, что межкультурные контакты (или диалог правовых культур) возможны на внутритиповом и межтиповом уровнях. Последний вариант обусловлен неравномерностью развития различных стран и народов, вследствие чего одни из них вырываются вперед, а другие используют их опыт при решении собственных задач². Такое видение проблемы делает диалог, или взаимодействие культур, общесоциальных и правовых, неотъемлемой частью исторического процесса.

Определяя исторические рамки диалога правовых культур, следует поставить вопрос: с чего он начинается в истории? Если право возникает одновременно с возникновением человеческого общества («Где общество, там и право»), то можно ли утверждать, что одновременно с этим в истории возникают культура вообще (культура в общесоциальном смысле) и правовая культура? Думается, ответ здесь не может быть однозначным. Действительно, с одной стороны, культура, или цивилизация, предполагает письменность как способ (средство, инструмент) передачи от поколения к поколению накопленных знаний, навыков, умений, а также обычаев, традиций, законов и т. д. С другой стороны, в бесписьменную эпоху уже формируются (пусть еще в примитивной форме) определенное видение мира, система ценностей, понимание права (хотя термина, адекватного европейскому понятию права, обычно еще нет), механизм разрешения социальных конфликтов и т. д. Иными словами, возникает некая «конструкция», выступающая историческим предшественником и основой общесоциальной и правовой культур в их современном понимании.

Грань между общесоциальной культурой и культурой правовой здесь еще трудноразличима. Но именно на этой стадии истории формируется модель взаимоотношений между племенами, этносами, социальными общностями как носителями формирующихся правовых культур. Как это ни парадоксально, но в ее основе лежат факторы не только позитивного, но и негативного свойства. Так, для традиционных обществ типично мировосприятие, исходящее из деления мира на «своих» и «чужих». К «своим» здесь относятся те, кто принадлежит к данной общности (большесемейной, племенной, этнической и т. д.), исповедует ее религию и следует персональному праву ее членов.

Поэтому под защитой права и религии находятся лишь «свои». «Чужие» же есть неправовые существа,

¹ Пожалуй, можно предположить, что культура такого типа существовала также в доантичных Греции и Риме.

² В обоснование этой исторической закономерности развития стран и народов внес значительный вклад видный отечественный историк-медиевист А. Я. Гуревич (См.: Гуревич А. Я. Начала феодализма // Гуревич А. Я. Избр. тр. : в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 194–198).

и по отношению к ним допустимы любые насильственные действия — война, грабеж, уничтожение культурных ценностей и т. д. Древние римляне, давшие миру непревзойденную систему частного права, отличались вместе с тем невероятной жестокостью во время своих завоевательных войн. Этому способствовала психология общества, где сильны пережитки родового строя (существовавшего, как известно, за счет присвоения продуктов природы) и, следовательно, еще не развиты навыки повседневного напряженного труда. Поэтому захват чужого имущества обычно был предпочтительнее созидания его посредством собственных трудовых усилий³.

Вместе с тем военный захват подчас имел и обратную сторону, когда захватчики воспринимали более высокую культуру побежденных народов. Пример тому — римская государственность, воспринятая германскими варварами, арабские завоевания в VII–VIII веках, в ходе которых арабы восприняли достижения более высоких цивилизаций, обогатив тем самым исламское право⁴.

Наиболее эффективным фактором межкультурного диалога, начиная с глубокой древности, является экономический обмен, торговля между странами и народами, в ходе которых происходит невольное взаимовлияние правовых культур, их взаимообогащение. Сюда же следует включить использование в решении собственных правовых проблем опыта более передовых стран (пример тому — помощь греков римлянам в подготовке Законов XII таблиц; приглашение на княжение «чужих» князей в некоторых странах, включая Русь, и т. д.).

Вместе с тем в условиях слитности права и религии следует различать взаимодействие правовых культур в сфере, которую мы сегодня относим к частному праву, и в области публичного права. Так, слитность религии, права и морали, характерную для традиционно-религиозных правовых систем Востока, российский востоковед Л. С. Васильев сравнивал с панцирем, отторгающим всякое внешнее воздействие⁵. Неудивительно, что восприятие всякой иной правовой и политической культуры в этой области равнозначно вероотступничеству, то есть тягчайшему по тем временам преступлению. В римском публичном праве мы находим пережитки такой же структуры. Многократно цитируемая мысль Ульпиана, что публичное право относится к положению римского государства, несет на себе отпечаток позитивистского правопонимания. Между тем несколькими строками ниже Ульпиан пишет о том, что публичное право «включает в себя святыни (sacra), служение жрецов, положение магистратов»⁶. Характерно,

³ Так, по свидетельству А. Я. Гуревича, викинги подчас предпочитали пролить кровь на поле сражения во имя захвата чужой собственности, нежели проливать пот ради того, чтобы вспахать поле и долгие месяцы выращивать хлеб (См.: Гуревич А. Я. Викинги // Гуревич А. Я. Избр. тр. : в 2 т. Т. 1. С. 123–125).

⁴ См., например: Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966.

⁵ См.: Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1988. С. 18.

⁶ Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты / пер. и предисл. И. С. Перетерского; отв. ред. Е. А. Скрипилов. М., 1984. С. 23.

что в этом перечне святыни и служение жрецов предшествуют положению магистратов, что позволяет сделать вывод, что в римском праве религия рассматривалась как его первооснова. Однако здесь мы видим уже попытки использования Римом опыта Греции в вопросах законодательства и кодификаций.

Итак, уже в древности и Средневековье взаимодействие культур отличалось разнообразием форм. Во взаимодействие вступали, как правило, однотипные правовые культуры. Их несовместимость вследствие исторической разнотипности была еще крайне редкой. Диалог культур происходил как с участием государства (обмен опытом законодательства, кодификаций и т. д.), так и без него (торговля, деловые контакты и т. д.). Редким исключением был прогресс в развитии правовых культур в результате победоносной войны.

На характере диалога правовых культур сказывался факт слитности права и религии, вследствие чего диалог начинался подчас посредством религии, а завершался на уровне права (обращение в ислам неарабских народов, что предопределяло восприятие и мусульманского права).

В средневековой Европе описанная картина дополняется тем, что контакты между правовыми культурами одной и той же эпохи дополняются контактами между правовыми культурами, разделенными в истории многими веками. Так, в эпоху Возрождения шел процесс восприятия древнегреческой культуры, в нашем случае философии, что создало основу для обращения к человеку как высшему началу бытия и способствовало в будущем разработке концепции прав человека.

Рецепция римского права в средневековой Европе сыграла выдающуюся роль в дальнейшем развитии права в странах континента. Весьма важно, что рецепцию обусловила потребность развивающегося рынка в адекватной правовой форме. Поэтому римская правовая культура была воспринята сначала в европейском обществе, а потом уже на уровне государств, составив основу континентальной европейской правовой культуры.

Россию также относят к странам романо-германского права. Однако в отличие от стран Западной и Центральной Европы, здесь, начиная с эпохи Петра I, рецепция осуществлялась в сфере не частного, а публичного права. К тому же речь шла о восприятии не римского права, а законодательства ряда стран европейского континента, воспринявших римское право. Процесс рецепции осуществлялся здесь в обратном порядке — от государства к обществу. Он преследовал прежде всего государственные интересы и не оставил глубокого следа в общественном сознании.

Техника рецепции иностранного права в постсоветской России родственна политике в этой области Петра I в смысле абсолютизации воспринимаемых норм и недооценки уровня российского правового сознания, которое этим нормам не соответствует. Так, закрепление в Конституции РФ 1993 года принципов развитого буржуазного общества без учета того факта, что это общество (пусть и второй раз в нашей истории) лишь начинает создаваться, изначально обуслови-

ло фиктивность ряда фундаментальных конституционных положений.

В Новое и Новейшее время одним из направлений взаимодействия правовых культур в мире стал факт колониального порабощения многих стран европейскими державами. Теоретически колониальный режим означал распространение действия на колониальную территорию права метрополии. В действительности ситуация здесь имела двоякий характер. На одних территориях (Северная Америка, Австралия) европейское право утверждалось почти в «чистом» виде, поскольку местная традиционная культура, а подчас и ее носители здесь попросту уничтожались. В других регионах (Тропическая Африка, Ближний и Средний Восток) колонизаторы столкнулись с традиционными правовыми культурами, которые в ряде своих параметров оказались несовместимы с европейским правом. Такая несовместимость была обратно пропорциональна уровню социально-экономического развития той или иной колониальной страны. И хотя колониальный период прошел под знаком внедрения в колониях европейского права, однако и сегодня правовые культуры этих стран сочетают европейские и традиционные элементы.

В новой и новейшей истории России важное воздействие на развитие правовой и политической культуры оказали войны, в которых она потерпела поражение. Так, следствием Крымской войны стали реформы Александра II, Русско-японской войны — принятие основных государственных законов 1906 года, Первая мировая война привела к революциям 1917 года, а афганская война — к распаду СССР.

Две мировые войны, имевшие место в прошлом столетии, оказали существенное влияние на развитие законодательства, правового и политического сознания во многих странах мира. Так, создание Лиги наций, а затем Организации Объединенных Наций были попыткой мирового сообщества создать механизм обеспечения международного мира и безопасности, призванный не допустить повторения подобных кошмаров. Агрессивная война объявлена сегодня преступлением против человечества, а многие государства провозгласили в своих конституциях политику мира в качестве одного из основополагающих принципов.

Что касается глобализации как фактора межкультурного диалога, то здесь не все представляется однозначным. В подходе к рассмотрению проблемы видится элемент идеализации. В самом деле, в недалеком прошлом глобализация отождествлялась чаще всего с европейской интеграцией в рамках Европейского союза. Однако сегодня Евросоюз переживает не лучшие времена, когда юридически на повестку дня ставится вопрос о возможности его сохранения. Что касается остального мира, то он представляется единым лишь в научно-техническом отношении (Интернет, мобильная телефонная связь и т. д.), однако сохраняются межкультурные различия, и самое главное — возрастает разрыв в уровнях социально-экономического развития наиболее передовых и наиболее отсталых стран. В этих условиях мечты о мировом праве и мировом государстве представляются утопическими.

С. В. Поленина¹

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА И ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Закрепив в первой советской Конституции, принятой 10 июля 1918 года, что «правом избирать и быть избранными пользуются обоюбого пола граждане», Россия стала седьмым государством мира (после Новой Зеландии, Австралии и Скандинавских стран), уравнявшим в этом вопросе правовой статус женщин и мужчин. К сожалению, почти за столетие, прошедшее с тех пор, наша страна в этом вопросе не только не пошла вперед, но и уступила место многим другим странам мира. Достаточно напомнить, что на фоне Декларации тысячелетия ООН, включившей равенство прав и возможностей женщин и мужчин в число фундаментальных ценностей международных отношений в XXI веке, Государственная Дума РФ на протяжении двух своих созывов отклоняла предложения женских общественных организаций о включении в избирательные бюллетени по выборам в Думу кандидатов мужчин и женщин в определенной пропорции (70 % мужчин и 30 % женщин). И ныне в результате выборов, прошедших весной 2012 года, число женщин среди депутатов нижней палаты Российского парламента составляет около 13 %, не достигая даже среднестатистических для большинства государств мира показателей в этом вопросе.

Летом 2010 года Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин рассмотрел объединенные (шестой и седьмой) периодические доклады Российской Федерации о ходе выполнения нашей страной Конвенции ООН 1979 года и выразил в связи с этим серьезное беспокойство по целому ряду фактов. Прежде всего отмечалось, что ни в самой Конституции РФ, ни в других законах, в том числе в Уголовном и Трудовом кодексах, нет определения дискриминации, и соответственно отсутствует явно выраженный запрет не только прямой, но и косвенной дискриминации по признаку пола. Не упоминается в российском законодательстве и о возможности использования временных специальных мер для преодоления последствий структурной и исторической дискриминации в соответствии со ст. 4 Конвенции ООН 1979 года.

Между тем весь этот комплекс вопросов должен был быть регламентирован в давно прошедшем первом чтении проекте Федерального закона «Об обеспечении равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», который с тех пор подвергается дополнительному редактированию в ряде комитетов Государственной Думы.

Не менее важным с точки зрения достижения подлинного гендерного равенства явилось бы принятие

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Законотворчество в Российской Федерации», «О Своде законов Российской Федерации», «Гендерное равенство: проблема равных прав и равных возможностей мужчин и женщин», «Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика» и др.

также включенного в одобренную Государственной Думой еще в 1997 году Концепцию законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей, но не реализованного до сих пор проекта Федерального закона «О введении общего социального норматива соотношения оплаты труда в бюджетной и внебюджетной сферах». Этот федеральный закон был бы особенно важен с точки зрения рационального распределения трудовых ресурсов в пределах одного и того же или разных регионов, а также устранения кадровой гендерной однобокости в сфере здравоохранения и образования. Закон отвечал бы также на неясные для большинства населения вопросы типа: «Почему водитель трамвая или автобуса имеет значительно более высокий оклад, чем учитель в школе, обучающий его детей?»

В России, как и во всем мире, не искоренено насилие в отношении женщин во всех сферах жизни: в семье, на работе и в обществе. Этот факт особо отмечается в заключительных замечаниях к Российской Федерации Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 15 июля 2010 года. Указывается, что Комитет серьезно озабочен увеличением в нашей стране насилия в отношении женщин и девочек во всех его формах как в частной, так и в публичной жизни.

При этом Комитет напрямую связывает этот факт прежде всего с патриархальностью сохранившихся в обществе практик, традиций, укоренившихся стереотипов в отношении роли, обязанностей и идентичности мужчин и женщин во всех сферах, что влечет за собой неблагоприятный и неравный их статус во многих областях, включая образование, общественную жизнь, процессы принятия решений как на государственном, так и на общественном уровнях, в том числе в семейной жизни и др.

В качестве существенной причины увеличения масштаба насилия Комитетом ООН вполне основательно названа также недостаточная осведомленность, с одной стороны, общественности, особенно жителей сельских и отдаленных местностей, а с другой — сотрудников всех ветвей власти, включая судебную, о правах женщин по Конвенции ООН 1979 года и Факультативному протоколу к ней, а также об общих рекомендациях Комитета ООН по этому поводу.

В качестве иллюстрации основательности такого малоприятного для России вывода можно привести ряд примеров. Одним из них служит широкая общественная дискуссия, проходившая в течение второго полугодия 2012 года в связи с отказом руководства ряда государственных общеобразовательных школ Ставрополя — региона, расположенного на юге России, — допустить появление на занятиях старшеклассниц в мусульманских платках — хиджабах, символе подчиненного положения женщин в семье и обществе.

В дискуссиях по этому поводу, состоявшихся в том числе и в Государственной Думе, принимали участие Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка П. Астахов и министр образования и науки РФ Д. Ливанов. Оба они усматривали в действиях директоров школ ущемление прав девочек на образование, но даже не упомянули об обязанности Российской Федерации, ратифицировавшей Конвенцию ООН 1989 года, «принимать все меры для отмены обычаев и практик, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин» (п. 1 ст. 2 Конвенции).

В заключении Комитета, касающемся Российской Федерации, имеется подраздел «Стереотипы и культурная практика». В нем указывается, что Комитет испытывает озабоченность по поводу того, что государство — участник Конвенции ООН 1979 года (в лице определяющих внутреннюю политику должностных лиц) неоднократно подчеркивало при принятии правовых решений роль женщин именно как матерей и жен. Комитет пишет, что для достижения в России подлинного равенства между полами необходимо, чтобы женщины рассматривались в первую очередь не как жены и матери, а как индивиды, занимающие равное с мужчинами положение в обществе, что и должно активно пропагандироваться в средствах массовой информации. Между тем уже не первый год электронные и печатные СМИ всех регионов РФ трактуют праздничный нерабочий день 8 марта исключительно как «праздник весны и цветов», а также как повод для по-

лучения женщинами подарков, размер и стоимость которых должны якобы определять степень привязанности к ним близких и не очень близких лиц мужского пола.

На явный крен гендерной политики Российского государства в сторону демографии активно прореагировали и государственные средства массовой информации, в арсенале которых появился исключенный уже не одно десятилетие из российского семейного законодательства термин «глава семьи», применимый к тому же исключительно к мужчинам, и словосочетание «муж — добытчик и кормилец семьи».

Любые правовые предписания, в том числе и гендерной направленности, нуждаются в механизме претворения их в жизнь. Относится это и к ч. 3 ст. 19 Конституции РФ. В связи с этим представляется целесообразным: а) создание (воссоздание) должности Уполномоченного по правам женщин на федеральном и региональном уровнях; б) воссоздание при Правительстве РФ с учетом предыдущих заключительных рекомендаций Комитета ООН и Пекинской платформы действий Комиссии по улучшению положения женщин, с наделением соответствующего национального механизма четким мандатом и обеспечением его необходимыми людскими, финансовыми и техническими ресурсами для эффективного функционирования; в) создание с учетом национального и зарубежного опыта судебных и квазисудебных органов для рассмотрения и медиации трудовых, семейных и информационных споров.

В. Н. Сафонов¹

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕЖИМА В ФОРМИРОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ

Понятие «государственный режим» не относится к основным категориям права. В западной правовой науке принято рассматривать государственный режим как понятие политической науки. Соответствующая дефиниция часто применяется в ряде социологических исследований, например в трудах Р. Арона².

В работах отечественных юристов, конституционалистов и теоретиков категория «государственный режим» в последние годы наряду с устоявшимся поняти-

ем «политический режим» активно используется для характеристики формы государства.

Основная цель данного сообщения — обращаясь к опыту развитых стран, выявить специфику воздействия современных государственных режимов на формирование и развитие конституционной традиции. Понятие конституционной традиции в значительной мере совпадает с реализацией конституционных функций и принципов и включает функциональную деятельность в соответствии со статусом высших государственных органов. Соответственно существующим определениям государственного режима «реальный порядок функционирования и взаимодействия высших органов власти» и составляет основу понятия государственного режима. Такое определение впервые было дано Б. А. Страшуну³. Большинство отечественных авторов работ по общей теории права и государства отмечают, что государственный режим является частью политического режима, но в то же время в условиях конституционной демократии категория «государственный режим» приобретает самостоятельное значение⁴.

³ Страшун Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1993. Т. 2. С. 3.

⁴ Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М., 2008. С. 171.

¹ Заведующий кафедрой государственного права Регионального открытого социального института (Курск), доктор юридических наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Становление и развитие социально-экономических прав граждан в США», «Верховный суд США: социальные права и социальное законодательство», «Конституция США и социально-экономические права граждан: историко-правовое исследование» (монография), «Аффирмативные (“позитивные”) меры и Верховный суд США», «Применение Верховным судом США доктрины “надлежащей правовой процедуры” для конституционной легитимации социально-экономических прав», «Социальное законодательство в США (историко-правовые аспекты)», «Соотношение форм правления и режимов правления», «Верховный суд США и социальные реформы “нового курса” Ф. Рузвельта», «“Евроцентризм” в сравнительном правоведении: методология и методика» и др.

² Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1999; *Он же*. Этапы развития социологической мысли. М., 1997.

Конституционные традиции, формирующиеся в процессе осуществления государственной власти¹, могут получить нормативную фиксацию либо не иметь нормативного выражения, но в обоих случаях они являются частью правовой реальности. Эти новые традиции проявляются преимущественно в рамках государственного режима.

Из понимания государственного режима как форм и методов осуществления государственной власти и реального взаимодействия высших органов власти происходит очевидный, проявившийся во всех странах и национальных правовых системах разрыв между конституционными декларациями и действительным, реальным взаимодействием, между провозглашенной конституционной моделью и фактической конституцией. В связи с этим особое значение имеет интерпретация конституции теми или иными субъектами (законодателем, органом конституционного контроля и судами, главой государства и пр.) с определенными целями².

В американской правовой науке Р. Дворкин выступил с видоизмененной концепцией интерпретивизма. Р. Дворкин в соответствии с потребностями развивающегося общества выдвигает «обновление конституционных принципов»³. Такое обновление, разумеется, не может происходить без воздействия социокультурной среды и действует в том или ином обществе через политический и государственный режим (у Дворкина через политические институты и политические ценности).

Конституционные основы организации государственной власти с точки зрения методологии интерпретивизма не только определяются буквой конституции, но формируются в процессе реализации конституционных норм и принципов⁴, что не всеми принимается в процессе конституционного судебного правотворчества. С гносеологической точки зрения изучение конституции невозможно без рассмотрения государственного режима и, наоборот, изучение государственного режима невозможно без конституционно-правового анализа.

Отличительная черта понятия «государственный режим» в том, что оно воплощает правовую реальность, близкую к *национальной форме конституционализма*. Как справедливо отмечают отечественные авторы, через государственно-правовой режим «правящие силы страны, не затрагивая формальных устоев правления, способны модифицировать форму государства, приспособить ее к политической обстановке в стране или подчинить собственным политическим интересам»⁵.

¹ Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин выделяют такой компонент понятия государственного режима, как его формирование в результате осуществления форм и методов государственной власти (См.: Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 270).

² Под интерпретацией здесь следует понимать не традиционные виды и способы толкования, а политико-правовую интерпретацию, интерпретацию через призму социальных, экономических и политических целей. Оставляем без рассмотрения вопрос о законодательстве как единственном субъекте правотворчества, дискутируемый в науке.

³ Dworkin R. Justice for Hedgehogs. Cambridge, 2011. P. 414.

⁴ О правотворчестве конституционных судов, развивающих общие принципы, см.: A Matter of Interpretation. Federal Court and a Law / by A. Scalia. Princeton, 1999. P. 3.

⁵ Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. М., 2008. С. 95.

Действительную сущность государственного режима в *Германии* (в противоречии с установлениями о парламентской республике как форме правления) многие авторы определяют как «режим канцлерской республики»⁶. Это понятие означает не только традицию сильной исполнительной власти со времен прусской монархии, кайзеровской империи, сохранившейся и в Веймарской республике, но и положения современной Конституции ФРГ. Речь идет, в частности, о «конструктивном вотуме недоверия»⁷. Этот механизм переизбрания канцлера не позволяет отправить в отставку действующего канцлера без синхронного (одновременного) назначения его политического оппонента. К тому же в следующей статье речь идет о возможности роспуска бундестага по инициативе канцлера. По замыслу авторов конституции, это способ уравновесить исполнительную власть с сильнейшей по букве конституции законодательной властью. Имея в виду практическую невозможность смещения канцлера и замены его политическим оппонентом, было бы логично иметь в парламентской республике и режим — парламентаризм. Констатируем несовпадение конституционно-политического устройства и государственного режима. Не случайно в последние годы говорят о режиме «кабинетного правления» не только в Великобритании, но и в Германии. Понятие государственного режима в Германии отличается сочетанием парламентаризма и «канцлеризма», роли правительства и федерального канцлера как воплощения старой централистской традиции. Но и такого сочетания старых и новых традиций еще недостаточно для определения сущности государственного режима. Основой государственного режима является не верховенство канцлерской власти, а реализация других конституционных принципов: разделения властей с механизмом сдержек и противовесов, реализация принципа федерализма.

Государственный режим во Франции целесообразно охарактеризовать с точки зрения особого значения субъекта правотворчества. Государственная политико-правовая доктрина и ее реализация в законодательстве — вектор, перманентно определяющий сущность французского конституционного права.

Общепризнано, что во Франции нет классического разделения властей; более того, здесь нарушено равновесие между законодательной, исполнительной и судебной властью в пользу исполнительной. Причиной этому была старая традиция «бонапартизма» как ответа на излишне радикальные устремления широких слоев буржуазии, мелких собственников и социалистических движений.

Из современной французской правовой реальности следует, что ядро государственного режима, именуемого ограниченным дуализмом, — это приверженность традициям сильной исполнительной власти и в то же время развитого парламентаризма. Подобное сочетание не выглядит как неустрашимое и неопределенное противоречие; более того, оно «заложено» в конституционную систему Франции, закреплено в качестве конституционных принципов. Это двойное содержание

⁶ Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981.

⁷ Конституция (Основной закон) ФРГ. Ст. 67, 68.

реализуется в рамках действующего государственного режима в том смысле, что ни одна из ветвей не получает решающего перевеса, не складывается угрозы узурпации власти на длительный период вследствие влияния таких традиций, как развитая многопартийность, политико-правовое сознание, сменяемость политических сил. Можно утверждать, что элементы французского государственного режима (двойная ответственность правительства, парламентская демократия, президент как гарант Конституции, независимость судебной власти, понимаемая скорее не как независимость, а как ответственность перед законом) являются одновременно и элементами французского конституционализма (конституционно-правового режима).

Оценка французского режима как «ограниченного дуализма» увязана со «спящими полномочиями», когда президент Франции обязан учитывать силу общественного мнения, воспроизведенную на выборах в парламент и представленную парламентской оппозицией. Иначе говоря, президент вынужден подписывать законопроекты, не вполне отвечающие его политическим взглядам, поскольку императивное значение имеет конституционный принцип демократического парламентского правления.

Помимо высокой степени легитимности президентской власти (в этом и состоял замысел творцов французской Конституции и элемент голлизма как политико-правовой доктрины) особое значение имеет так называемая регламентарная власть — передача части законодательных полномочий правительству (Государственному совету). Признавая, что во французской Конституции отсутствует классическое разделение властей, более важно констатировать другой факт. Отсутствие равновесия властей во Франции не препятствуют эффективному функционированию государственных институтов. Старая традиция (парламентаризм в ответ на бонапартизм, парламентский социализм в ответ на «элитизм» и т. д.) после 1958 года дополнена новой традицией ограниченного дуализма.

Формально ограниченный дуализм присущ и государственному режиму в современной России, но в отличие от Франции у нас нет развитой партийной системы и опыта «безболезненной» сменяемости власти. Конституционный принцип демократического парламентского правления не зиждется на старой правовой традиции, проходит этап становления, что порождает многочисленные проблемы, среди которых синдром «ручного управления». Существенным признаком такого режима ограниченного дуализма является критерий харизмы главы государства, президента, способного действовать вне прямых политико-правовых предписаний, дискреционно, по усмотрению, в соответствии с элементами конституционного статуса. Это ведет к доминированию исполнительной власти, к оттеснению парламента на второстепенную роль (что было и во французской современной традиции накануне событий 1968 г.). Утрачивается (подвергается эрозии) главный критерий дуалистического режима — ответственность правительства перед парламентом. Более того, как подчеркивается в зарубежных

исследованиях¹, законодательная власть ставится под контроль власти исполнительной. К тому же этому способствуют некоторые парламентские процедуры. Например, обязанность первоочередного рассмотрения правительственных законопроектов (характерно для Франции). Надо учитывать, что президент Франции наделен исполнительными полномочиями, а косвенно — и законодательными в виде регламентарной власти.

Без учета правового опыта зарубежных стран не просто решить заявленные задачи реализации основных принципов конституционализма, в том числе федерализма.

Развитие конституционной государственности путем правотворчества Верховного суда США продемонстрировало соблюдение баланса власти, а не конституционное закрепление перевеса одной из сторон, как сущностный признак американского государственного режима.

Опыт США по многим критериям неприменим в российских условиях, например, в России нет судебного федерализма, а известный «нейтрализм» Конституционного Суда РФ по вопросам федеративных отношений (система выборов в субъектах) не позволяет прийти к выводу об активной роли отечественного органа конституционного контроля в формировании модели федерализма.

Для реализации на практике концепции федерализма недостаточно формального закрепления федеративного принципа в Конституции РФ; необходима соответствующая политическая воля, укорененность интересов субъектов, не во всем совпадающих с интересами центра в массовом сознании россиян. Развитие партнерских отношений нацелено на достижение консенсуса при равноправном обсуждении острых и насущных вопросов. Нежелательно менять статус органов власти субъектов Федерации (а он связан с порядком формирования) по краткосрочным и среднесрочным соображениям.

Наряду с формальными признаками статусного свойства в содержании федеративных отношений выделяется приверженность демократическим процедурам. Разветвленная выборная управленческая структура, которая неизбежно возникает в государственных режимах федеративных государств, «стимулирует общественную активность населения, что создает определенные препятствия на пути усиления влияния бюрократии»². Баланс властных отношений необходим в нашей стране. Даже необходимые прогрессивные элементы федерализма реализуются у нас явно в соответствии с «централистской» политической целесообразностью.

Резюмируя высказанные соображения, выделим значение отношений обратной связи между формирующейся новой (в историческом измерении) конституционной традицией и элементами государственного режима.

¹ Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2005. С. 133.

² Федерализм: теория и история развития / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2000. С. 75.

А. В. Скоробогатов¹

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Российская правовая культура носит пограничный характер², одновременно заимствуя и адаптируя восточные и западные ценности. Традиционно Россия тяготела к восточной правовой культуре, была велика роль общины, которая препятствовала выделению личности, развитию личного права и индивидуальной правовой культуры. Особенности российской правовой культуры заключались в следующем: высокая приоритетная защита общих интересов, общего дела, духа соборности в ущерб личным притязаниям индивида, его правам и интересам; широкое распространение неправовых регуляторов в обществе (моральных, религиозных, нормативных, патриархально-семейных, традиционных и т. д.); отрицательное отношение православной религии к правовой культуре; высокая степень «присутствия» государственности в общественной жизни, господство официальной идеологии, подчинение права государству. Среди основных идей российской правовой культуры можно выделить:

- 1) религиозность, которая характеризуется высокой этико-эмоциональной настроенностью, склонностью к эсхатологической сосредоточенности на веровании и самоотверженности. Эта установка была синтезирована в идею соборности;
- 2) моральность, смысл которой заключается в смиренности и терпимости, негативном отношении к рационально-практическому образу жизни;
- 3) идея правовой справедливости, которая является не равной мерой воздаяния за одинаковые деяния, а оценкой, выражающей и утверждающей индивидуальность человека и его деяния;
- 4) идея милости, воспроизводимая в контексте комплекса раболепия перед властью, привычной приниженности, распластанности перед ней;
- 5) идея служения, которая фиксирует ценность подчинения человека общественному целому, призванность человека воспроизвести в своем единичном бытии его гармонию;
- 6) идея мученичества, призванная компенсировать правовой произвол, придать ему смысл душеспасения (правовая сфера в силу нравственной неполноценности воспринимается как сфера насилия и страдания).

Примитивность российской правовой культуры в допетровский период определялась отсутствием юридической науки, упором власти при формировании правосознания на карательный характер закона.

¹ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института экономики, управления и права (Казань), доктор исторических наук, доцент. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Типология правопонимания: сравнительно-правовой анализ», «Политические идеи и символы в правовой культуре России на рубеже XVIII–XIX веков», «Право: от плюрализма понятий к междисциплинарной категориальности», «Нравственный потенциал религиозного воспитания» (в соавт.), «Методология исследования права в современном отечественном правоведении», «Регулирование права на свободу передвижения и выбор места жительства в России на рубеже XVIII–XIX веков» и др.

² О пограничном характере российской цивилизации см.: Шелякин Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.

Со времен царствования Петра I наблюдается дихотомия правовой культуры: нормативное определение правомерного поведения, соблюдение которого обеспечивается страхом наказания, и организация жизни индивида за счет внутреннего убеждения в необходимости правильного поведения, соответствующего заветам предков и религиозным канонам.

В настоящее время российская правовая культура находится на этапном рубеже поиска собственной целостности. Правовая культура непосредственно связана с многообразными общественными процессами, зависит от происходящих в обществе изменений и является их совокупным выражением. Любые заметные изменения правовой реальности предполагают одновременно и эволюцию правовой культуры.

Правовая культура российских граждан характеризуется сложностью и неоднородностью, где одновременно сочетаются стремление к законопослушному поведению и готовность нарушить закон ради личной выгоды.

Независимо от правового статуса граждан у большинства из них существует невысокий уровень представлений о патриотизме, престиже государства, чувстве национальной гордости, гражданственности, ценности права.

В то же время можно выявить корреляцию правовой зрелости с чертами волевого профиля личности и приоритетными способами разрешения конфликтов. Целеустремленные, настойчивые и самостоятельные индивиды демонстрируют более зрелое правовое сознание. У индивидов, которые предпочитают соперничество в конфликтных ситуациях, проявляются установки на противоправное поведение и даже вызов закону. Индивиды, ориентированные на сотрудничество, напротив, демонстрируют большее уважение к закону и осознают опасность противоправного поведения и для личности, и для государства.

Российская правовая культура уже пережила диаметрально противоположные периоды своей истории, включая расколы и дифференциации, и теперь нуждается в системной идентификации с отечественной духовной и культурной жизнью общества, в сопряжении со всем контекстом жизнедеятельности российского общества. Формирование правовой культуры современного российского общества требует переосмысления сложившейся системы ценностей и нравственно-правовых идеалов. Однако потеря связи с национально-духовными корнями, перманентная ситуация реформ и недостаточная роль государства в правовой социализации обусловили существенные деформации российской правовой культуры. Этот процесс затрагивает все ее структурные компоненты: познавательный, эмоционально-оценочный и правоповеденческий.

Нынешнее государство — это государство «отцов», в котором доминируют стереотипы, традиции, сформировавшиеся в предшествующий период общественного развития. Молодое поколение сталкивается с тем, что эти ценности не «работают» в реальных условиях. Од-

нако старшее поколение не предпринимает действенных мер по консенсуализации традиционных ценностей с современными условиями жизнедеятельности общества.

Современная правовая культура России развивается четырьмя путями.

1. Рецепция западного права (немецкого и французского, а через них римского) и западной правовой культуры (прежде всего американской), предполагающих приоритет либеральных ценностей и индивидуальных интересов. Преимущественно это касается регулирования частных отношений. При агрессивном механизме распространения западной правовой культуры процесс рецепции достаточно близок к аккультурации, при которой полностью изживаются традиционные для России правовые ценности.

2. Имплементация восточного права (византийского, золотоордынского (а через него китайского), татарского) и византийской правовой культуры, предполагающих приоритет коллективных интересов и внеправовых регуляторов. Отсутствие научной проработанности и осмысления зарубежных правовых норм обуславливает отсутствие изучения возможности их применения к регулированию общественных отношений в России.

3. Обращение к российской дореволюционной правовой доктрине, рассматриваемой как непрерываемый авторитет, и традиционной правовой культуре, опирающейся на авторитет закона только в случае его установления государственной властью, легитимность которой подтвердил Бог. Сущностной характеристикой российской правовой культуры является противопоставление морали закону. Сущностью закона выступает наказание, сущность же морали — внутренний запрет, ориентация на сознательное правильное поведение, что характерно для восточной правовой культуры. Традиционно воспринимается, что закон имеет силу только тогда, когда соответствует морали (в случае, если власть правителя от Бога, то его законы априори справедливы). В случае коллизии права и морали (справедливости) он решается в пользу последней, которая выступает как надзаконный принцип. При таком отношении к закону правомерным является поведение, которое соответствует заветам предков и религиозным канонам.

4. Сохранение традиций советской правовой культуры с приоритетом классовых ценностей и внеправовых (надправовых) регуляторов (моральный кодекс строителя коммунизма); убежденность во вторичном характере права по отношению к правосознанию как регулятору поведения, вера в то, что при достижении высокого уровня правосознания и отсутствии антагонистических классов в будущем коммунистическом обществе потребность в праве как социальном регуляторе отпадет.

В целом для российской правовой культуры характерно не критичное отношение к иностранной правовой культуре. Как результат, происходит подстраивание правовой реальности под рецептированные или имплементированные иностранные правовые нормы, что воспринимается как модернизация российского общества, развивающегося как «догоняющее». Для этого характерны мобилизационный тип развития и императивное правовое регулирование с целью преодолеть любое со-

противление правовой политике как единственно верному вектору развития.

Деформированность правовой культуры российских граждан представляет собой результат ошибок, упущений и недостатков в правовом воспитании подрастающего поколения: в семье и учебных заведениях, по месту жительства и работы; просчетов в деятельности соответствующих государственных учреждений, общественных институтов; недостаточной и малоэффективной координации их усилий при осуществлении деятельности по профилактике правонарушений. Кроме того, отрицательным фактором, влияющим на процесс формирования правовой культуры, является кризис института семьи и перманентная ситуация реформ, при реализации которых государство не всегда успешно использует механизм правового регулирования.

Деформация правовой культуры российского общества проявляется прежде всего в правовом нигилизме. Можно выделить следующие проявления правового нигилизма в современной России:

- 1) несоблюдение и неисполнение требований законов и иных нормативных актов, когда граждане живут и действуют вопреки требованиям правовых норм; подмена правовых регуляторов иными регулятивными системами;
- 2) подмена законности прагматичной целесообразностью;
- 3) отождествление права с фактическими действиями властных структур;
- 4) неуважение к суду и правоохранительным органам; стремление решать юридические конфликты самостоятельно, при посредничестве иных (в том числе и криминальных) структур, неформальных лидеров;
- 5) аполитичность и отсутствие сопричастности к делам государства и общества.

Осознание государством негативных последствий распространения в обществе правовых деформаций привело к утверждению Президентом РФ в 2011 году «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан»¹, главной задачей поставивших формирование в обществе устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма. Данный документ можно рассматривать как правовую доктрину, на основе которой в настоящее время разрабатываются конкретные практические шаги. В качестве таковых можно назвать новые образовательные стандарты средней и высшей школы² и Закон «Об образовании в Российской Федерации»³.

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 г. № Пр-1168) // Российская газета. 2011. 14 июля. № 151.

² См. например: Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «бакалавр») (зарегистрировано в Минюсте РФ 21.05.2010 № 17337) : приказ Минобрнауки РФ от 04.05.2010 г. № 464 (ред. от 31.05.2011 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 26.

³ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон Рос. Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.

А. В. Стремоухов¹

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ЦЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДОВОГО АРБИТРАЖА СТРАН СНГ

Начало нового тысячелетия ознаменовалось пристальным вниманием государств и обществ к роли и значению духовных ценностей во всех сферах жизнедеятельности людей. Особенно большое значение духовные ценности приобретают для активизации диалога культур, диалога цивилизаций. Одной из важнейших духовных ценностей в ходе диалога культур является право. Хотя существует и несколько иное мнение индийского правоведа С. П. Сниха² о неуниверсальности права.

С. П. Сних считает, что право как фундаментальный принцип жизни присуще западной цивилизации, но не восточным (китайской, индийской, японской). На Востоке отдается предпочтение иным социальным регуляторам. Конфуций и его последователи в Китае отдавали предпочтение традициям и нравственности. Принятие законов рассматривалось как дурное предзнаменование того, что государство должно погибнуть. Однако в современных условиях и восточные цивилизации под влиянием Запада не отвергают значения права, которое, конечно, подвергается существенным влияниям со стороны издавна сложившихся традиций и стереотипов поведения.

Право характеризуется тем, что оно исходит от определенного авторитета — государства, и его соблюдение обеспечивается авторитетом силы государства. Каждое право обосновано не только этически (исходит от определенного авторитета), но и аксиологически, то есть оно сориентировано на определенную систему ценностей, принятую в обществе. При формировании права государство ориентируется на те ценности, в которых нуждается общество, и в силу этого само является ценностью.

Ценность — это то, что необходимо человеку, обществу, то, что способно удовлетворить какие-то потребности, то, что в конечном счете оценивается положительно. Право является ценностью вторичной и инструментальной. Первичными, основными ценностями являются жизнь, честь, достоинство, свобода человека, собственность, общественный порядок, безопасность человека, его материальное, биологическое, социальное благополучие, справедливость и т. д. Если бы право не ориентировалось на эти ценности, то и само не имело бы ценности.

Одна из важнейших отраслей права стран СНГ, в том числе российского права, — трудовое право. Оно прежде всего охраняет и защищает такие ценности работника, как право на труд, на свободу труда, на сво-

бодное распоряжение своими способностями к труду, на достойную оплату труда, на отдых и на индивидуальные и коллективные трудовые споры (ст. 37 Конституции РФ). Институтом трудового права, содержащим нормы, регулирующие защиту ценностей работника, является трудовой арбитраж. Он имеет чрезвычайно большое значение как элемент существующей национальной внесудебной системы примирения сторон коллективных трудовых споров³.

В России межотраслевой институт «Трудовой арбитраж» образуют нормы Трудового кодекса Российской Федерации (ст. 404) и Рекомендаций об организации работы по рассмотрению коллективного трудового спора в трудовом арбитраже, утвержденных Постановлением Минтруда РФ от 14 августа 2002 года № 59⁴. Из международных правовых актов в числе важнейших для рассматриваемого здесь института следует назвать Рекомендации МОТ № 92 от 29 июня 1951 года «О добровольном примирении и арбитраже»⁵. В последних говорится: «С целью способствовать предупреждению и разрешению трудовых конфликтов между предпринимателями и трудящимися должны создаваться органы по добровольному примирению, соответствующие национальным условиям» (ст. 1). В соответствии с ч. 1 ст. 404 ТК РФ трудовой арбитраж представляет собой орган по рассмотрению коллективного трудового спора.

Трудовой арбитраж в РФ и большинстве государств СНГ является временным органом, создаваемым для урегулирования конкретного коллективного трудового спора⁶. Законодательство государств СНГ возлагает обязанности по формированию трудового арбитража, как правило, на стороны коллективного трудового спора. Однако по Трудовому кодексу Республики Казахстан (ст. 293) он создается с участием членов республиканской, отраслевой или региональной комиссий по регулированию социально-трудовых отношений.

Количественный состав трудового арбитража в странах СНГ различен. Так, по законодательству Республики Беларусь он создается в составе одного или нескольких трудовых арбитров, в зависимости от масштаба и сложности спора. Трудовой кодекс Российской Федерации ограничений численного состава

³ См.: Матыцина Н. К созданию российской системы трудового арбитража // Человек и труд. 1996. № 5. С. 100.

⁴ Бюллетень Минтруда РФ. 2002. № 8.

⁵ Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 176–177.

⁶ Разрешение коллективных трудовых споров (конфликтов) // Сборник законодательных и нормативно-правовых актов. Киев : Основа, 2000; Трудовой кодекс Республики Беларусь : принят палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию на 20 июля 2007 г. Минск, 2007; Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3. Трудовой кодекс Республики Казахстан от 15 мая 2007 г. № 251-III ЗРК (с изм. и доп. от 19 декабря 2007 г.). URL: <http://www.zakon.kz> (дата обращения: 15.01.2008).

¹ Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. учебников и монографий: «Право социального обеспечения», «Правовая защита человека», «Трудовое право», «Гражданско-правовые договоры по передаче имущества», «Права граждан Российской Федерации в сфере культуры», «Профсоюзное право», «Права человека» и др. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

² См.: Сних С. П. Юриспруденция. Философия права. М., 1996.

трудового арбитража не предусматривает. В соответствии со ст. 293 ТК Республики Казахстан трудовой арбитраж должен состоять не менее чем из пяти человек.

В отличие от трудовых кодексов Российской Федерации, Республики Казахстан и Закона Украины, белорусский законодатель предусмотрел не только количественный, но и персональный состав трудового арбитража, требования к которому определены в ст. 384 ТК РБ. В ТК РФ требования к лицам, рекомендуемым в качестве трудовых арбитров, отсутствуют.

Во всех государствах СНГ трудовой арбитраж считается временно действующим органом, создаваемым для разрешения конкретного спора. Исключение составляют лишь постоянно действующие российский и белорусский трудовые арбитражи. Белорусский республиканский трудовой арбитраж является постоянно действующим трудовым арбитражем, состоящим из трех арбитров, избираемых по соглашению сторон из числа трудовых арбитров, рекомендованных председателем Республиканского трудового арбитража или предложенных сторонами.

В Законе Республики Украина (ст. 11) также определены виды споров, для разрешения которых специально создается трудовой арбитраж: это споры о выполнении коллективного договора, соглашения или отдельных их положений; споры о невыполнении требований законодательства о труде. Однако их рассмотрение осуществляется по процедуре, единой для всех видов споров, в том числе и для споров по вопросам установления новых или изменения существующих

социально-экономических условий труда и производственного быта, заключения или изменения коллективного договора, соглашения, когда примирительной комиссией не было принято по этим вопросам согласованного решения.

Регламент работы трудового арбитража обычно устанавливается по соглашению сторон. В соответствии со ст. 383 Трудового кодекса Республики Беларусь он может быть закреплен в коллективном договоре, соглашении либо по соглашению сторон. Ряд вопросов, касающихся разрешения коллективного трудового спора, урегулирован в Законе Республики Украина и в трудовых кодексах Республик Беларусь, Казахстан. В соответствии со ст. 383 Трудового кодекса Республики Беларусь решение трудового арбитража, в письменной форме и не позднее чем в пятидневный срок со дня получения обращения сторон, направляется сторонам. Оно принимается большинством голосов арбитров, участвующих в рассмотрении спора. Трудовой арбитр, не согласный с решением по спору, вправе изложить в письменной форме особое мнение, которое приобщается к делу. Более подробно в ст. 386 ТК Республики Беларусь регламентируется порядок рассмотрения коллективных трудовых споров республиканским трудовым арбитражем. Решение по спору выносится не позднее чем в двухнедельный срок со дня получения заявления. Срок рассмотрения спора может быть продлен председателем Республиканского трудового арбитража, но не более чем на один месяц. Решение по коллективному трудовому спору принимается большинством голосов трудовых арбитров.

Г. Ф. Фейгин¹

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В современном мире активно идут региональные интеграционные процессы. К настоящему моменту функционирует около 200 региональных экономических и торговых блоков. При этом практически все развитые индустриальные страны являются членами региональных интеграционных образований. Региональная интеграция порождает множество проблем, среди которых важное место занимают межкультурные коммуникации. Очевидно, что региональные блоки создаются с целью углубления интеграции. В идеале группа стран формирует правительственные органы наднационального уровня и превращается в единое государство (региональные соединенные штаты). Что означает данный феномен в культурном контексте? Национальное государство практически всегда содер-

жит некое большинство коренного населения, то есть национальную культуру. Вступление страны в региональный блок подразумевает более интенсивный контакт с другими национальными культурами. Если последовательно предполагать развитие региональной интеграции вплоть до образования региональных соединенных штатов², то необходимо допустить возможность становления *региональной культуры* (полной или частичной трансформации национальных культур в региональную). Осуществимо ли это в реальности?

Поиск ответов на данный вопрос неразрывно связан с интерпретацией ведущих концепций национальных деловых культур и межкультурных деловых коммуникаций. Среди них особо обращает на себя внимание типология деловых культур Р. Льюиса. Ее несомненное достоинство — высокая степень систематизации и охват национальных культур всего мира.

² В данном аспекте следует отметить концепцию интеграционных ступеней Б. Балаша. Он выделяет следующие интеграционные формы: зона свободной торговли, таможенный союз, единый рынок, валютный союз, политический союз. Предполагается, что развитие интеграции приводит к переходу на более высокую интеграционную ступень. Высшей ступенью является политический союз, который фактически и означает образование региональных соединенных штатов.

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. «Национальные экономики в эпоху глобализации», «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Стратегический менеджмент в условиях глобализации», «Теория и практика приватизации в объединенной Германии», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России», «Менеджмент в условиях глобализации» и др.

В соответствии с данной концепцией выделяются три основных типа культур (моноактивные, полиактивные и реактивные). Другие национальные культуры занимают промежуточное положение, находясь ближе к одному или другому типу. При этом Р. Льюис исходит из ярко выраженной *национальной доминанты* деловых культур. Каждой деловой культуре свойственны определенные признаки, которые в значительной мере имеют национальную основу. Рождаясь в определенной национальной культурной среде, человек формируется при ее непосредственном влиянии. Тем самым возможность существования каких-либо наднациональных (региональных) культурных общностей подвергается сомнению. Примечателен и тот факт, что страны, находящиеся фактически в одном регионе, относятся к различным культурам, то есть при формировании региональных блоков проблемы межкультурных взаимодействий оказываются неизбежными.

На основании концепции Р. Льюиса рассмотрим культурную принадлежность государств, входящих в крупнейшие региональные блоки (табл. 1–3).

Таблица 1
Типы национальных культур стран — членов Европейского Союза

Страны	Типы деловых культур
Германия	Моноактивная
Великобритания	Моноактивная
Голландия	Между моноактивной и полиактивной (ближе к моноактивной)
Дания	Между моноактивной и полиактивной (ближе к моноактивной)
Бельгия	Между моноактивной и полиактивной (в центре)
Франция	Между моноактивной и полиактивной (несколько ближе к полиактивной)
Италия	Полиактивная
Испания	Полиактивная
Швеция	Между моноактивной и реактивной (ближе к моноактивной)
Финляндия	Между моноактивной и реактивной (близко от центра, несколько ближе к моноактивной)

Таблица 2
Типы национальных культур Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА)

Страны	Типы деловых культур
США	Моноактивная
Канада	Между моноактивной и реактивной (в центре)
Мексика	Полиактивная

Таблица 3
Типы национальных культур стран — членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)

Страны	Типы деловых культур
Сингапур	Между моноактивной и реактивной (близко от центра, несколько ближе к реактивной)
Филиппины	Между полиактивной и реактивной (близко к центру, несколько ближе к реактивной)
Индонезия	Между полиактивной и реактивной (близко к центру, несколько ближе к реактивной)
Вьетнам	Реактивная

В табл. 1–3 представлены лишь те страны, входящие в соответствующие региональные блоки, которые непосредственно указываются в модели Р. Льюиса. Что касается некоторых других стран, то, следуя логике рассуждений Р. Льюиса, можно предположить, к каким типам деловых культур они относятся. Так, например, Греция занимает промежуточное положение между полиактивной и реактивной культурами, страны Восточной Европы располагаются между моноактивным и полиактивным культурными типами (ближе к полиактивному), не указанные в табл. 3 страны блока АСЕАН (Бруней, Лаос, Таиланд, Камбоджа, Малайзия и Мьянма) относятся к типам культур, близким к реактивному (однако находящимся в промежутке между реактивным и двумя другими типами культур). Отсюда следует очевидное разнообразие культурных типов для стран, стремящихся к тесной региональной интеграции. Устойчивость культурных типов неизбежно приводит к определенным трудностям при осуществлении деловых контактов (какой-либо региональный культурный тип до сих пор не сложился ни в одном крупном региональном блоке). Этим обусловлены, в частности, следующие проблемы, возникающие в современной интеграционной практике:

— Практически в каждом интеграционном блоке декларируются цели, связанные с максимальным углублением интеграции (вплоть до создания политических союзов). Однако в реальности уровень интеграции ни в одном блоке не достиг подобной глубины. Лишь в Европейском Союзе сформирована единая валютная зона (куда не входит ряд стран — членов ЕС). В других блоках валютный союз рассматривается как будущая (труднодостижимая) цель.

— Существенные сложности наблюдаются в процессе реализации самих интеграционных моделей. Это хорошо иллюстрирует долговой кризис, обострившийся в зоне евро в 2011 году. Одна из главных причин кризиса связана с несогласованностью фискальной политики, которая в значительной мере имеет культурные основания (различные представления о приоритетах и возможностях государства в налогово-бюджетной сфере).

— Концептуальные основы интеграционных проектов в настоящее время довольно размыты, что также объясняется проблемами в области межкультурных коммуникаций. Например, остается открытым вопрос о сценариях дальнейшего расширения Европейского Союза. О том, что этот вопрос выходит за рамки чисто экономических приоритетов, свидетельствует факт принятия в ЕС Болгарии и Румынии, в том время как Турция по-прежнему не входит в ЕС. Что касается других блоков, то вопрос о перспективах их расширения (или слияния, как, например, в Латинской Америке) также остается открытым.

Таким образом, концепция Р. Льюиса является важным инструментом для исследования современных региональных интеграционных процессов. Модель Р. Льюиса позволяет оценить не только степень разнообразия национальных деловых культурных типов, но и возможности их совместимости, особенности их взаимодействия. Подход Р. Льюиса в известной сте-

пени обнажает сложность и противоречивость феномена региональной интеграции. С одной стороны, региональная интеграция в ее современной форме представляет собой своеобразный поворотный пункт в истории человечества. После Второй мировой войны все больше стала осознаваться необходимость коренного пересмотра базовых принципов взаимодействия отдельных государств и регионов. В этих условиях преимущества региональной интеграции (в области экономического сотрудничества) казались очевидными. В рамках регионального блока может возникнуть значительно более сильная и эффективная хозяйственная система, нежели в рамках одной страны. Однако столь тесное сотрудничество предполагает выработку единого подхода во всех сферах общественной жизни. Здесь и возникает обозначенная выше проблема. Национальные культурные типы опираются на многовековые тради-

ции и поэтому являются устойчивыми. Они не могут измениться в связи с экономическими соглашениями или решениями политиков. Каким может быть выход из создавшейся ситуации, получит ли новые импульсы процесс региональной интеграции? Ответ на этот вопрос вытекает, в частности, также из концепции Р. Льюиса. Отмечая устойчивость и национальную доминанту деловых культур, он рассматривает межкультурные коммуникации как одну из важнейших профессиональных компетенций современности. Отмечается возможность эффективного восприятия чужих культур и конструктивного диалога с их представителями. Очевидно, что перспективы развития современных региональных блоков во многом зависят от решения проблемы межкультурных противоречий и повышения межкультурной компетентности на всех уровнях управления региональными интеграционными блоками.

Е. В. Харитонов¹

ДЕЛОВЫЕ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ

В международных деловых отношениях преимущество будет иметь тот, кто сможет понять деловую культуру партнеров по бизнесу, осознать не только лежащие на поверхности поведенческие и коммуникационные проявления деловой культуры, но и глубинные, смысловые, социокультурные причины, составляющие ее основу.

Существует реальная проблема: различия в деловых культурах сдерживают развитие бизнеса. Непонимание деловой культуры партнера и лежащих в ее основе базовых ценностей и смыслов приводит к разрушению диалога культур, отсутствию взаимопонимания, блокировке деловых отношений.

Проблема подлинного ценностно-смыслового диалога включает такую психологическую дилемму, как соотношение значения и смысла в коммуникационных системах. Понятие смысла связано с глубинными пластами опыта — как личностного, так и коллективного. Смысл в психологии принято противопоставлять значения как некие социокультурные инварианты, как «социально-кодифицированную форму общественного опыта»². Различия «общих» значений и личностно-культурно-детерминированных смыслов устанавливают пределы понимания между взаимодействующими сторонами как в межличностном, так и в межкультурном диалоге.

В каждой социокультурной общности возникают собственные «смыслообразующие контексты»³, осно-

ванные на совместном переживании реальных событий, исторических фактов, культурных явлений, на общих трагедиях и победах, радостях и разочарованиях, образах врагов и героев. В границах единого ценностно-смыслового контекста возникают условия, способствующие однозначному пониманию значений. Это благоприятствует диалогу и выработке точных и эффективных моделей и форм коммуникации. Серьезные проблемы возникают в межкультурных коммуникациях, особенно с представителями далекой по «смысловому контексту» культуры.

В истории российско-африканских отношений был период, который сформировал общий ценностно-смысловой контекст. И до сих пор в отношениях России и ряда стран африканского континента огромную роль играет общее прошлое, связанное с борьбой против колониальной зависимости Африки. Помощь СССР африканским странам, огромное количество африканских студентов, которые учились в советских вузах и затем, как правило, занимали высокие государственные посты в своих странах, существование культурных центров — все это создавало тот самый единый ценностно-смысловой контекст, который способствовал взаимопониманию. Я была свидетелем того, как встречались российские (советские) и африканские «однополчане», это было в Зимбабве, какой невероятной энергетикой отличались такие встречи: «...они вспоминали минувшие дни и битвы, где прежде рубились они». В таких ситуациях нивелируются различия и достигаются договоренности. Некоторые российские компании, работающие в Африке, привлекают старых специалистов с их опытом, пониманием Африки и африканцев, с их еще пока действующими связями, для установления контактов с африканскими партнерами, и это, как правило, приводит к успеху.

Но времена меняются, уходит то поколение, которое выработало единый «ценностно-смысловой контекст»,

¹ Старший научный сотрудник Института Африки РАН, кандидат психологических наук, доцент. Автор более 170 научных публикаций, в т. ч.: «Коммуникативные барьеры: теория и практика (в контексте межличностного и межкультурного взаимодействия)», «Люди в корпорации. Корпоративная культура в современной России», «Зимбабве на перепутье», «Эффективные деловые коммуникации в международном бизнесе: принцип “подстройки” (на примере китайской дипломатии в Африке)», «“Смысл для себя” и “смысл для других”: корпоративный имидж и корпоративная культура», «Люди в организации (к вопросу об “антропологии” российского бизнеса)» и др.

² Леонтьев А. А. Психология общения. 2-е изд. М., 1997. С. 139.

³ Леонтьев Д. А. Психология смысла. М., 1999. С. 375.

дети африканской элиты теперь учатся в европейских, американских и китайских вузах, а наши бизнесмены приняли «западную», жестко-прагматическую модель деловой культуры, которая распространяется и на российско-африканские отношения. И при кажущемся сходстве унифицированных деловых моделей поведения возник разрыв российско-африканского межкультурного диалога. Прежний смысловой контекст уже не представляет ценности для вновь пришедшего поколения российских и африканских бизнесменов, а основ для нового уровня взаимопонимания пока не выработано. И с российской, и с африканской стороны наблюдается множество ошибочных действий, которые выстраивают коммуникативные барьеры между российским и африканским бизнесом. И с одной, и с другой стороны периодически возникают проявления превосходства — чванство и доминирование российских бизнесменов, иллюзорное ощущение легкости «гешефта» в африканской стране, связанное с незнанием и даже боязнью Африки. С африканской стороны (особенно у молодого поколения, получившего образование на Западе) — также элементы превосходства и даже угрозы: «Мы будем дружить с вашими врагами», — так сказал мне в интервью один нигериец, принадлежащий народу ибо, Ник О.

Нельзя бесконечно эксплуатировать заслуги СССР и каждый раз при встрече с африканцами напоминать о нашей прошлой дружбе и о роли России как правопреемнице СССР в освобождении Африки от колониализма. Как сказал во время своего официального визита в Москву летом 2010 года президент ЮАР Джейкоб Зума: «Мир изменился. Мы живем уже в совсем другом мире».

Необходимо искать новые основы для выстраивания диалога. Одной из таких основ может быть понимание современной деловой культуры африканцев и лежащих в ее основе традиций, культурно-ментальных особенностей.

Что же такое «деловые культуры»? По определению Р. Льюиса, культура — это «коллективное программирование мышления группы людей, которое оказывает влияние на поведение человека и той общности, к которой он принадлежит. Культура — продукт... представленный в виде устойчивых ценностей, верований и моделей общения»¹.

Одной из наиболее интересных концепций деловых культур в международных деловых отношениях является концепция Р. Льюиса. По его мнению, существуют три типа деловых культур. Первый — «моноактивные» культуры, ориентированные на задачу и достижение результата. Бизнесмены «моноактивных» культур склонны четко планировать жизнь, придерживаться графика и делать только одно дело в каждый момент времени. Второй тип — «полиактивные» культуры, основной приоритет которых — установление отношений. Представители этого типа культур делают несколько дел одновременно, они динамичны и не склонны придерживаться планов и графиков. Третий тип — «реактивные» культуры, ориентированные на вежли-

¹ Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М., 1999. С. 50.

вое согласие, избегание конфликтов и конфронтации, сохранение репутации.

В чем состоит специфика деловых культур в африканских странах? Каковы представления африканцев о собственной деловой культуре, отличаются ли они от мнения российских бизнесменов, работающих в Африке? К чему приводят различия в представлениях? Можно ли их преодолеть? На эти вопросы автор ищет ответы в своих исследованиях и наблюдениях.

Автор предлагаемой работы неоднократно выезжала в Африку и проводила там полевые исследования. Южно-Африканская Республика, Намибия, Зимбабве (бывшая Южная Родезия), Уганда — все эти африканские государства отличаются своеобразной культурой, специфическими традициями, особенностями образа жизни, представлениями о мироздании. Эта культурно-цивилизационная основа, несмотря на процессы модернизации в Африке и признаки глобализационных процессов, которые отражаются на всех сферах жизни африканцев, тем не менее, детерминирует глубинные процессы, лежащие в основе сложившейся там деловой культуры.

В результате наших исследований был выявлен серьезный разрыв между восприятием африканцами собственной деловой культуры и представлениями работающих в Африке российских бизнесменов и специалистов. Мнения африканской стороны дифференцированы, они содержат тонкие различия. Африканцы ставят свое поведение в зависимость от обстоятельств и множества иных параметров ситуации, в то время как представления российских бизнесменов стереотипны и связаны с существующим в сознании российских бизнесменов «одномерным» образом африканского партнера.

В представлении российского бизнеса африканцы «полиактивны», причем, как отметил в интервью представитель одной из крупнейших российских компаний, «эта полиактивность африканцев сопряжена с неэффективностью, так как при поручении африканскому сотруднику двух дел одновременно или снижается качество выполнения обоих дел, или не решается ни одно»². Таким образом, мнение российских бизнесменов не только стереотипно, но и негативно-оценочно, и данный факт рассогласования представлений является серьезным барьером в коммуникации.

Африканцы же оценивают свою деловую культуру как комплексную, в которой наряду с преобладающей полиактивностью и ориентацией на отношения присутствуют элементы других деловых культур. Мы имели возможность наблюдать проявления всех трех типов деловых культур во время переговоров с африканскими партнерами. Интересно, как признаки реактивной деловой культуры проявляются в том, как в одно и то же понятие российскими и африканскими бизнесменами вкладываются разные смыслы. Так, например, понятие «Договорились!», однозначно понимаемое российскими бизнесменами как достижение реального результата в переговорах, может иметь совершенно иной смысл для африканцев: например, «хорошо, давайте попробуем», «в принципе возможно» или даже «всякое может быть, не хочу тебя обижать».

² По материалам экспертного интервью в ЮАР.

Вместе с тем в российской и африканской деловых культурах можно найти общие моменты, которые прежде всего связаны с существованием различных по своей природе культурно-исторических пластов в их взаимовлиянии и интеграции, которые рожают новое качество деловой культуры настоящего времени. Следует отметить сложный, внутренне противоречивый характер культуры в африканских странах. Вызывает вопрос, насколько традиционные представления и верования африканцев, их базовая смысловая система влияют на «современную» социальную жизнь, на поведение, установки, стиль и способы принятия решений в бизнесе и политике.

Противоречия современной культуры в Африке имеют различные корни¹. С одной стороны, колоссальный культурный слой связан с колониальным прошлым африканских стран, с наслоениями западной культуры и западных ценностей: британских, бельгийских, французских, португальских, а в Намибии — германских. С другой стороны, существует мощный фундамент традиционной культуры. В постколониальную эпоху западные культурные влияния осуществляются через систему образования, по каналам СМИ, через Интернет, который получил значительное развитие в африканских городах.

Современный африканец может иметь внешний — «модернизационный» пласт при сохранении влияния внутреннего базового пласта культуры, связанного со смысловым культурным контекстом, с традициями, обычаями, ценностями. На коммуникационном уровне можно наблюдать единообразие в виде «западного», надцивилизационного стандарта, касающегося протокола делового взаимодействия. Речь идет о так называемой «давосской культуре», которая распространена среди представителей бизнес-сообщества африканских стран, и прежде всего ЮАР².

Вместе с тем это сходство иллюзорно и обманчиво, и на глубинном уровне возможны искажение и смещение смыслов. Культурные особенности партнеров могут быть скрыты под универсальной деловой «западной» культурной оболочкой. В отношениях с африканскими партнерами это проявляется очень ярко. Как правило, африканцы на переговорах ведут себя абсолютно привычным и понятным для нас образом, наши деловые культуры во многом сходны, Россия также преимущественно полиактивна. В процессе деловых коммуникаций возникают контакт и взаимопонимание, достигаются необходимые договоренности. Проблемы возникают позже, когда проходит срок взятых на себя африканской стороной обязательств, а дело не начинается, и это российской стороной воспринимается как необязательность и ненадежность. Аналогичные наблюдения сделаны и английскими и американскими экспертами. Так, несмотря на то, что ведущие

¹ Харитонов Е. В. Российский бизнес на африканском континенте: диалог в условиях мультикультурализма // Диалог культур в условиях глобализации : XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Т. 1. С. 442–443.

² McCarthy J. Globalisation and Business Culture in South Africa (1999). Цит. по: Бернштейн Э. Глобализация, культура и развитие. Может ли ЮАР быть не просто придатком Запада, а чем-то большим? // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004. С. 225.

южноафриканские менеджеры составляют часть глобальной давосской культуры, более широкая культура ЮАР и других стран «представляет собой что угодно, но только не предпринимательскую культуру»³. Именно кажущееся сходство внешнего, «имитационного», «адаптационного»⁴ пласта деловой культуры африканцев приводит к диссонансу между ожиданиями и реальностью. И если трактовать поведение африканцев как не соответствующее стандартам бизнес-коммуникаций «цивилизованного» мира, может возникнуть серьезный коммуникационный барьер или даже разрыв коммуникаций.

Помимо констатации факта, что деловая культура африканцев имеет свою специфику, важно понимать ее истоки, которые лежат в истории, культуре, традициях конкретной страны или региона Африки. Рассмотрим пример. Так, многие российские бизнесмены и специалисты, работавшие в Африке, отмечали неточность в обращении со временем у своих африканских партнеров: опоздания на встречи, несоблюдение принятых сроков выполнения работы, в сочетании с чрезвычайной требовательностью к точности и дисциплине с российской стороны. Вместе с тем именно особенности традиционной культуры, специфика миропонимания и мышления, отношение к таким универсалиям, как пространство и время, приводят к описанным проявлениям деловой культуры и особенностям деловой коммуникации, с которыми сталкиваются российские бизнесмены. Опоздания африканцев на встречу, несоблюдение сроков, невыполненные обещания могут иметь разные причины и корни: от природного, традиционного для африканцев «иноного», циклического восприятия времени⁵ до намеренного «реванша» в отношениях с белым человеком в форме затягивания начала встречи (нам нередко приходилось ожидать в приемной, когда нас пригласят на встречу, хотя назначенное время уже прошло). Договоренности, которые достигаются российской и африканской сторонами, могут оцениваться партнерами по-разному: российской стороной — как контракт и достижение соглашения, африканской стороной — как выступление в стиле «реактивной» деловой культуры: «согласимся, а потом посмотрим, как будет развиваться ситуация, время покажет».

Особый интерес в связи с отмеченными особенностями деловой культуры африканцев представляет специфика восприятия времени, имеющая сходные черты в странах африканского континента. Это — циклическое восприятие времени в традиционных

³ Бернштейн Э. Указ. соч. С. 228.

⁴ Так, по мнению Р. Льюиса, «такая адаптация не влечет за собой изменений психики. Мы перенимаем манеры... но к нашей подлинной сущности это внешнее поведение не имеет никакого отношения... То важное, что происходит в нашей душе, остается чем-то глубоко личным, надежно защищенным от внешних влияний. Мы можем внешне меняться перед другими, но при этом внутренне оставаться самими собою, следуя своим целям» (Льюис Р. Указ. соч. С. 29).

⁵ Мосейко А. Н. Время и пространство в мировоззренческих системах африканских культур // Пространство и время в архаических и традиционных культурах : сб. ст. / отв. ред. И. В. Следзевский, Д. М. Бондаренко. М., 1996; Арсеньев В. Р. Ментальные коды и поиски «мнимого»: временные и социальные циклы бамбара // Там же.

африканских культурах¹, его взаимосвязь с культом предков, с представлениями о мироздании, отражающая архаическую «онтологическую концепцию» африканцев². Настоящее, прошлое и будущее в представлении африканцев существуют одновременно, это формы существования единого и цельного времени. А поскольку они едины, то время обратимо, оно не уходит навсегда. Африканец, у которого сохранились элементы традиционного сознания, остро ощущает связь времен и обратимость времени. Наиболее ярко это проявляется в ритуалах, в которые многие африканцы вовлечены до сих пор, причем это касается и людей, занимающих высокие посты в правительстве африканских стран. Каждый человек африканской культуры, даже получивший европейское образование и занимающий пост в правительстве, экзистенциально ощущает и переживает, часто неосознанно, основные элементы архаической культуры своего народа. Нам неоднократно говорили об этом сами африканцы во время наших экспедиций в страны Африки к югу от Сахары.

Вот пример. Мы ехали по провинции Квазулу-Наталь в ЮАР. Там сейчас идет строительство социального жилья — кругом поселки, состоящие из маленьких типовых прямоугольных домиков с крошечными участками земли. Я заметила, что рядом с этими современными домиками, нарушая общую геометрию, стоят традиционные африканские круглые хижины с конической соломенной крышей, и попросила сопровождавшего нас африканца, принадлежавшего народу зулу, объяснить, что это значит. Улыбнувшись, он ответил, что без этого невозможна жизнь, так как только в таких круглых хижинах происходит общение зулу с духами предков. И заметил, что все серьезные решения принимаются только по совету и с разрешения предков. «Это касается и политических решений?» — спросила я. «Да, конечно», — ответил мой собеседник. И президент — не исключение. Принимая решения, он обычно едет в свою деревню и советуется с родственниками, живыми и ушедшими в мир предков. Так, одна из крупнейших российских компаний, работающих в ЮАР, решила подарить президенту специально оборудованную машину со спутниковой связью — по проекту «теле-

медицина», для диагностики и назначения схемы лечения жителям африканских деревень, где нет врача и люди лишены медицинской помощи. Только посоветовавшись с жителями своей деревни, президент принял этот подарок.

Вернемся к рассуждениям о времени. Теперь становится понятным, что, по представлениям африканцев, время не уходит, а значит, торопиться бессмысленно, опоздать невозможно, а понятия «точность», «дисциплина» и «пунктуальность» — это дань современной «давосской культуре». Таким образом, когда российские бизнесмены оценивают африканских партнеров как недисциплинированных и даже ненадежных, необходима та самая «кросс-культурная сензитивность», о которой писал Р. Льюис³, и понимание культурно-исторических корней и базовых ценностно-смысловых структур, которые лежат в основе моделей поведения и формируют специфическую деловую культуру африканцев.

Считается, что попытки научно объяснить представления африканцев о времени с позиций рационального европейского подхода «обречены на недостаточную адекватность получаемых результатов исследуемым социокультурным реалиям»⁴. Однако трудности объяснения в пределах существующих научных парадигм не означают невозможности понимания африканцев в их современном существовании, включенности в реальные межкультурные, экономические, политические, деловые коммуникации. По мнению Р. Льюиса, «уже одно то, что мы знакомы с проблемой и учитываем картину мира иноземного друга, поможет установить такой уровень взаимопонимания, какой возможен при различии наших ментальностей»⁵.

Приняв во внимание наличие специфической деловой культуры у представителей африканских стран, осознав ее корни и характер проявлений, можно выстроить эффективный межкультурный диалог, основанный на уважении культуры африканской стороны, на формировании единого ценностно-смыслового контекста и на общности задач и интересов, существующих в современных российско-африканских отношениях.

¹ Ярская В. Н. *Время в эволюции культуры*. Философские очерки. Саратов, 1989. С. 21.

² Илиде М. *Космос и история*. Избранные работы. М., 1987. С. 55.

³ Льюис Р. Указ. соч. С. 62.

⁴ Бондаренко Д. М. *Пространственно-временная «система координат» жителей древнего Бенина (Западная Африка) // Пространство и время в архаических и традиционных культурах*. С. 77.

⁵ Льюис Р. Указ. соч. С. 49.

Е. Г. Хольнова¹**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА КАК ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ**

Современное общество представляет собой многообразие организаций, движений, социальных групп, политических, религиозных, культурных и иных течений, каждое из которых развивается по своим специфическим законам. Основным показателем развития общества является культура, выполняющая роль посредника между государством и обществом, являющаяся основополагающим фактором социально-экономического развития страны.

Развитие диалога культур, процессы глобализации, затронувшие экономику большого количества как развитых, так и развивающихся стран, привели к необходимости осознания социальной ответственности бизнеса как фактора сохранения культурных ценностей и внедрения зарубежного опыта в российский бизнес.

Социальная ответственность относится к одной из морально-этических ценностей, действующих на уровне субъекта, которым может выступать как отдельный индивид, так и социальная организация или общество в целом. Предприниматель, являясь центральной фигурой в рыночной экономике, взаимодействует с государством, обществом, различными социальными группами и организациями. Его экономическое поведение в первую очередь определяется социокультурными факторами. Успех такого взаимодействия обусловлен ролью ценностных ориентаций в социально-экономической культуре общества. Культура общества определяется с помощью набора норм и системы ценностей, определяющих поведение всех ее индивидов, включая предпринимателей. Наличие прав и возможностей предпринимателей в обществе устанавливает границы их действий и способствует развитию субкультуры государства. Предпринимательская субкультура, реализуемая через социально-экономические отношения, выступает своеобразной проекцией культуры общества, в котором она функционирует.

Предпринимательство осуществляется в определенных социокультурных условиях, порожденных менталитетом народа, культурой общества, сложившимися традициями, действующими законами. Все эти культурные элементы в совокупности придают социокультурную направленность предпринимательской деятельности, преобразуя ее потребности, мотивы, ориентиры, цели и оказывая значительное влияние на развитие бизнеса и экономики государства. Внутреннее содержание, механизмы деятельности поддерживают социальную направленность предпринимательства. Она проявляется в культурных традициях, идеологии, ценностях, деловых поступках и т. д.

¹ Заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Концепция финансовой устойчивости коммерческого банка как методологическая основа эффективного функционирования банковского финансового менеджмента», «Теория и методология формирования и развития отечественного финансового менеджмента банка», «Роль банковского менеджмента в современных условиях развития экономики России», «Основы банковской деятельности. Учебное пособие», «Стратегический и финансовый менеджмент системы оказания образовательных услуг в высокотехнологичных корпорациях» и др.

Социальный курс предпринимательства характеризует его эффективность, успешность, устойчивость и живучесть. Жизнеспособность предпринимательских структур определяется состоянием и уровнем развития социальных сторон деятельности.

Особое звучание социальная ответственность бизнеса (СОБ) приобретает в конце XX века, когда результатом хозяйственной деятельности становятся не только материальные блага, потребляемые отдельным индивидом, но и сущностные черты социально-экономического устройства общества, «потребляемые» обществом в целом. Возникает новая категория — «социальная ответственность», реализуемая через понимание предпринимателями своей общественной роли над приоритетом частных интересов, которая нашла свое отражение в концепции социальной ответственности бизнеса (СОБ). Основу этой концепции составляет идея о том, что противоречие между частным интересом бизнеса (прибыль) и интересами общества (благополучие для большинства) должно разрешаться бизнесом в пользу общества как той системы, частью которой является сам бизнес.

СОБ предполагает добровольный вклад бизнеса в сохранение культурного наследия, развитие общества в социальной, экономической и экологической сферах, связанный напрямую с основной деятельностью компании и выходящий за рамки определенного законом минимума.

Социальная ответственность бизнеса за сохранение культурного наследия, как правило, проявляется в двух формах:

— развитие меценатства и благотворительности в сфере культуры;

— совместное участие государства и бизнеса в сохранении и развитии культурных ценностей в рамках экономически эффективных проектов в сфере культуры.

СОБ рассматривается преимущественно как добровольный отклик той или иной компании на социальные проблемы общества. Безусловно, данный отклик на социальные нужды и развитие социальных программ имеет глубокий ценностный смысл, но проблема в том, что для большинства российских организаций направление части финансовых ресурсов по социальным каналам не является ценностным, моральным выбором.

Данный процесс начался в России в период выхода национальной экономики из кризиса 1998 года. Серьезное влияние на формирование основных принципов социальной ответственности в российском бизнесе оказало взаимодействие культур в форме межнационального диалога, которое предполагает сопоставление национальных ценностей и выработку понимания того, что собственное этнокультурное сосуществование невозможно без уважительного и бережного отношения к социально-экономическим ценностям других народов.

Критериями успешной деятельности компании на рынке являются не только ее деловая репутация, но и ориентация на социальные установки, общественные ценности, национальные традиции, которые

оказывают существенное влияние на степень СОБ и отражают ее роль в формировании культурных ценностей нации.

СОБ как ценность направляет деятельность субъекта в ходе его практической деятельности, и ее роль заключается в том, что она выступает ориентиром и направляет не только жизнедеятельность одного индивида, но и социальную активность больших групп людей, организаций. Стратегический характер СОБ как ценности, распространенной в рамках культуры организации, проявляется в том, что через нее осуществляется воздействие на состояние всего российского общества. Таким образом, СОБ выступает как стратегическая ценность и одновременно является средством управления индивидами на личностном, организационном и социальном уровнях. Все это определяет серьезное отношение к исследуемой проблематике.

Диалог культур жизненно необходим для выработки единого понимания и подхода к такому сложному явлению, как СОБ, поскольку сохраняется принципиальное отличие в понимании роли СОБ в обществе. В развитых западных странах СОБ функционирует как устойчивый социальный институт, она рациональна и эффективна, что отличает ее от традиционной благотворительности. В российских условиях СОБ реализуется как реакция на необходимость решения острых социальных проблем, которые не могут быть профинансированы в полном объеме государством. Таким образом, социальная ответственность в российском бизнесе явно недооценена и не выполняет в полном объеме своей функции сохранения культурного наследия и развития общества.

Необходимым условием для дальнейшего развития СОБ в России и повышения эффективности локализации его финансовых потоков с целью сохранения ценностей цивилизации и роста культурного потенциала является, на наш взгляд, создание международного координационного центра, который стал бы инструментом формирования и проведения последовательной целостной культурной политики, обеспечил целенаправленный характер мероприятий, включая их

финансирование, дал анализ образовательных и культурных, этических и социальных проблем, разработал межнациональную стратегию СОБ, целевые программы и учебные пособия по культуре, обусловленные особенностями социально-экономического положения стран, включая Россию.

В целях реализации продолжения федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 гг.)¹ Министерство культуры РФ разработало организационно-финансовый план реализации данной программы на 2013 год² (далее — План). Планом предусмотрено 114 направлений финансирования культурного наследия России, в частности в рамках нашей секции можно выделить такие, как:

- формирование единой информационной системы общероссийского мониторинга состояния развития культуры;

- проведение систематических научных и статистических исследований развития отрасли и ее инновационного потенциала;

- проведение научных исследований, научно-проектное и инфраструктурное обеспечение деятельности по сохранению объектов культурного наследия;

- формирование банка данных единого государственного реестра объектов культурного наследия народов РФ и мониторинг их состояния и использования³.

В процессе реализации данного Плана предполагается его финансирование в объеме почти 9,3 млрд руб., причем доля федеральных средств составит 85 %, остальные средства предполагается получить из прочих источников, в первую очередь от российского бизнеса в рамках реализации им функции социальной ответственности.

Диалог культур, формируя основу для развития общества, определяет новые цели и ценности общественной жизни, новые принципы межрегиональных и межгосударственных культурных связей, основанных на внедрении инноваций, обеспечивающих рост культурного потенциала общества, одной из которых является СОБ.

Е. Ф. Чеберко⁴

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И РЫНОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ В РАЗВИТИИ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ

О системном кризисе современного общества говорят и пишут много и постоянно, особенно после по-

¹ Федеральная целевая программа «Культура России» (2012–2018 гг.): Постановление Правительства РФ № 186 от 03.03.2012.

² Организационно-финансовый план реализации федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018) на 2013 год: Приказ Министерства культуры РФ № 89 от 05.02.2013.

³ Там же.

⁴ Профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Совершенствование управления государственным сектором экономики» (в соавт.), «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Теоретические основы предпринимательской деятельности (макроэкономический аспект)», «Основные направления и факторы перехода к инновационной экономике» (в соавт.), «Закономерности формирования современной национальной инновационной системы» (в соавт.) и др.

следних экономических потрясений. Речь идет именно о кризисе всех сторон общественной жизни, каждая из которых вносит свою лепту в конечный результат. В условиях глобализации все главные причины кризисных явлений носят интернациональный характер, то есть имеют общую основу, последствия и общие средства их преодоления.

Особое значение имеет определение роли и места государства в системе общественных отношений. В своем докладе на XII Международных Лихачевских чтениях А. С. Запесоцкий так обозначил одну из центральных проблем современного российского общества: «Какой капитализм у нас построен? Что представляет собой сегодня Российское государство, какова его реальная политика, кем и как она разрабатывается

и реализуется? Как эта политика соотносится с потребностями общества?»¹

Уже в момент появления экономической теории возникли острые разногласия среди специалистов по поводу экономических функций государства, которые со временем не только не затухают, а разгораются с новой силой. Одна сторона настаивает на природной неэффективности государственного регулирования и собственности. Другая ссылается на провалы рынка при решении некоторых проблем. В качестве доказательства каждая сторона приводит убедительные примеры из практики. Убеждают они прежде всего в том, что провалы и неэффективность возникают, когда неправильно выбраны средства достижения поставленных целей. Поэтому интерес представляет не спор о том, что лучше по своей природе — рынок или государственное регулирование, а научное обоснование, где и при решении каких проблем предпочтение нужно отдавать рыночной стихии, а где эффективней привлечь государство.

При этом важно понимать, что границы возможностей подвижны и со временем и развитием производительных сил они изменяются. Если 30 лет назад частный бизнес не помышлял о космосе, то сегодня уже существуют частные предприятия, предлагающие полеты на околоземную орбиту. Но и у государства расширяется сфера деятельности и появляются новые функции.

В результате, как это ни странно звучит, происходит одновременно усиление плановых начал экономики развитых стран и развитие рыночных механизмов. Практически все страны имеют планирующие органы и долгосрочные индикативные планы либо используют программно-целевые методы реализации стратегических проектов. Весьма значительные ресурсы идут через бюджеты, которые очевидно являются элементом планового механизма общества.

Что касается сферы деятельности, то она прирастает за счет постоянно увеличивающихся масштабов нематериальной базы, в которой возрастает количество организаций, существующих на бюджетной основе. С развитием общества меняется понятие производительного и непроизводительного труда.

Разумно и логично выглядит, что в античные времена и эпоху раннего средневековья первостепенное значение придавалось сельскохозяйственному труду, и только он признавался физиократами производительным, то есть создающим богатство общества. Странным для современного человека, но исторически объяснимым является то, что они называли бесплодным классом учителей, врачей, юристов и уж тем более людей искусства. Презренным считался труд, связанный с извлечением прибыли, который Аристотель называл хрематистикой, а стремление к наживе он полагал более дурным делом, чем блуд. Центральной проблемой этого еще экономически слабого общества было накормить население, и в центре внимания вполне естественно находилась связанная с этим деятельность.

¹ *Запесоцкий А. С.* В чем заключается ущербность современного российского капитализма // Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. СПб.: СПбГУП, 2012. Т. 1: Доклады. С. 417.

Промышленная революция расширила понятие производительного труда до труда, производящего материальные блага. Увеличение материального благополучия привело к появлению все большего слоя людей, которые стали заниматься профессиональной деятельностью, связанной с удовлетворением духовных потребностей.

Следующий этап связан с возрастанием и обособлением сферы услуг. Термин не совсем удачный, сохраняющий отголоски существовавшей до определенного времени подчиненной роли сферы, не производящей материальные блага, по отношению к отраслям материального производства. Точнее говорить не об оказании услуг, а о производстве нематериальных благ. Тем более что речь идет о возникновении самостоятельной сферы, в которой возрастает доля социокультурных потребностей. Все большее значение приобретает проблема взаимоотношений экономики и культуры.

В широком понимании культура — это совокупность материальных и духовных ценностей, созданных и создаваемых человечеством в процессе общественно-исторической практики. При таком подходе экономика — более узкое понятие, то есть составная часть культуры.

В настоящее время, по крайней мере в большинстве экономических исследований, под культурой понимают институты, регулирующие поведение людей, их ценностные установки, основанные на традициях, обычаях, социальных нормах. Авторы доклада «Культурные факторы модернизации», подготовленного в 2011 году под эгидой Консультативной рабочей группы Комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России, определяют, что под культурой понимают всю сеть формальных и неформальных институтов, ответственных за производство, разрушение, трансляцию и распространение ценностей.

При таком подходе к культуре имеются в виду нравственные, духовные ценности, роль которых с развитием общества возрастает, увеличивается значение нематериального производства. Изменение факторов общественного развития является закономерностью, которая вытекает из представления о предмете экономической теории.

Самое простое и точное по сути определение было вынесено А. Смитом в заголовок его главного труда: «Исследование о природе и причинах богатства народов». То есть перед экономической наукой стоят две главные задачи — найти источник богатства и средства его преумножения.

В такой предельно ясной постановке вопроса видно, что в ходе исторического развития менялся как источник богатства, так и средства его преумножения. Нравится нам или не нравится, но когда источник богатства скуден, а средства его получения примитивны, на первый план объективно будет выходить материальный фактор. Но приписывать его абсолютизацию К. Марксу нет оснований. Если посмотреть на марксистскую концепцию целей общественного развития, то достаточно вспомнить идею, что в будущем обществе самым большим его богатством, по мнению

К. Маркса, будет свободное время, которое используется для развития личности, а это невозможно без выхода на первые роли сферы культуры.

Имеет смысл вспомнить и об исторической тенденции развития производительных сил, которая состоит в постепенном вытеснении человека из производства вплоть до полного. Сегодня мы находимся на этапе, когда все основные функции человека переданы машине, и он встает рядом с производством, оставляя за собой творческие и контролирующие функции.

Еще утописты-социалисты видели основным занятием граждан будущего идеального общества творческую деятельность в сфере культуры в широком понимании этой сферы. Но здесь возникает проблема вариативности перехода в новое общественное состояние. Первыми с массовым высвобождением работников из производства в результате перехода к пятому технологическому укладу столкнулись США.

Оказалось, что высвобожденные работники не спешат заняться творчеством. Вытесняются прежде всего люди малообразованные, низкой квалификации, чьи возможности заняться новой креативной деятельностью ограничены. В большинстве развитых стран существует мощная система социальной поддержки своих вытесненных из производства граждан, но это не выход из положения, поскольку безработица ведет к тяжелым социальным последствиям, к деградации части населения.

Какое будущее ожидает человечество, зависит от всей совокупности отношений, которые мы определяем как культуру. Прежде всего речь идет об экономической форме удовлетворения социокультурных потребностей. В какой степени здесь можно положиться на рыночные механизмы?

Очевидно, что без них сегодня не обойтись. Но при этом нужно помнить, что рынок абсолютно нечувствителен к социальным последствиям своей деятельности. Он прекрасный реализатор, но задавать цели и заботиться о ликвидации негативных внешних эффектов должно общество, потому что главный мотиватор его деятельности — прибыль. Механизм этот безгрешен по природе, но особенно опасно его неконтролируемое функционирование в сфере культуры.

Кроме того, нужно посмотреть, что вообще происходит с рыночными отношениями в настоящее время. Суть их остается постоянной, но формы проявления изменяются, и со временем появляются новые закономерности. Если обратиться к последнему экономическому кризису, то на его глубину повлияли не столько существовавшие всегда законы функционирования капиталистического рынка, сколько появившиеся новые тенденции, которые, если вдуматься, являются признаком деградации этих отношений, как минимум, началом этого процесса.

В масштабах всего общества происходит отрыв реального сектора экономики от финансового. Проблема фиктивного капитала приняла невиданные доселе масштабы. В среднем на каждый доллар, измеряющий стоимость реального сектора мировой экономики, в финансовой сфере циркулировало уже в начале XXI века

примерно 50 долларов. Это означает, что классическая формула движения капитала Д–Т–Д трансформировалась в Д–Д. Деньги можно делать из денег, минуя производственную стадию.

Наиболее резкая оценка сложившейся ситуации прозвучала в выступлении президента Франции Н. Саркози на 40-м Всемирном экономическом форуме в Давосе 27 января 2010 года: «Сначала глобализация приняла форму глобализации сбережений. Она привела к миру, в котором все основывалось на финансовом капитале и почти ничего на труде; миру, в котором предприниматели уступили спекулянтам и в котором живущие на нетрудовые доходы оставили далеко позади работающих; миру, в котором неоправданное и несоразмерное использование заемных средств создало такую форму капитализма, при которой рискованное использование чужих денег, позволяющее легко и быстро получить прибыль, но крайне редко приводившее к процветанию или созданию рабочих мест, стало нормой»¹.

Как такая трансформация рыночных механизмов скажется на сфере культуры? Очень точную оценку существующей ситуации дал член-корреспондент РАН Игорь Поспелов: «Самый мой отчаянный прогноз состоит в том, что если тенденция замещения реального продукта информационными услугами продолжится, то мировая экономика перейдет в нулевой рост. В пределе мы получим такое общество, которое теряет интерес к окружающему миру. Чем оно будет заниматься? Я думаю, что все погрузятся в бесконечно глубокий мир межличностных отношений: половина населения строит “Дом–2”, вторая половина на них смотрит. Потом меняются»².

Если в целом в экономике возникла возможность делать деньги, пренебрегая производством благ, удовлетворяющих общественную потребность, то в сфере культуры явно прослеживается тенденция делать деньги, не выполняя своей миссии формировать и развивать позитивную систему духовных ценностей. Так, индустрия массового досуга и в мире и в нашей стране превратилась в значительной своей части в систему делания денег на продукте с минусовым общественным эффектом, что значительно хуже ситуации с виртуальными финансами. Финансисты получают деньги за манипуляции, которые не дают реального позитивного экономического вклада в развитие страны, а в случае с индустрией досуга может быть произведен продукт, наносящий ущерб обществу.

Учитывая значимость сферы культуры для экономики и особенности ее современного рыночного существования, можно сделать вывод, что в большей своей части она должна существовать на основе государственного сектора. В случае, когда это нежелательно или невозможно, — под контролем общества в целом и государства как его представителя.

Усиление роли государства в экономике отнюдь не означает, что рыночные отношения себя полностью исчерпали. Все чаще возникает ситуация, когда ни госу-

¹ Глобальная конкурентоспособность 2009–2010 гг. Доклад Всемирного экономического форума (Давос, Швейцария, январь 2010 г.). М., 2010. С. 84.

² Рубченко М. Без баланса // Эксперт. 2010. № 29.

дарство, ни рынок не в состоянии самостоятельно решать какие-то стратегические проблемы. Как всегда, решение находится где-то посередине, то есть в разумном сочетании рыночных механизмов и государственного регулирования. Если говорить о перспекти-

вах развития культуры и экономики как единого целого, то наиболее прогрессивной формой их взаимодействия является государственно-частное партнерство, которое поможет в первую очередь в создании социокультурной инфраструктуры.

И. А. Честнов¹

ПРАВО КАК ДИАЛОГ: К ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ ПРАВА²

Темой Лихачевских чтений, начиная с 2007 года, является диалог культур. Принципиальная важность обсуждения этой проблематики состоит прежде всего в том, что только на основе диалога возможны эволюция человечества, сосуществование, предполагающее единство в разнообразии. Более того, сама социальность, содержание которой формируется культурой, внутренне диалогична: любое социальное явление или процесс предполагает соотнесение индивидуальной точки зрения (позиции) и поведения с интенцией и действиями Другого. Из этой соотнесенности или взаимообусловленности индивидуального и безличностного, представленного социально значимым Другим, формируется и воспроизводится социальность, существующая как диалог человека и структуры. Социальная структура — это не объект, обладающий модусом предметного бытия, не вещь, но объективированное социальное представление, формируемое и воспроизводимое действиями и ментальной активностью конкретных людей. В общем и целом нельзя не согласиться с А. Хоннетом, что воспроизводство общественной жизни осуществляется при реализации императива взаимного признания, поскольку субъекты лишь тогда могут достичь практического отношения к самим себе, когда научатся понимать себя из нормативной перспективы своих партнеров по интеракции в качестве их социальных адресатов³.

Право — момент, сторона или аспект общества, разновидность социально-культурных явлений. Следовательно, если признается диалогичность социальности как таковой, то нельзя не признать диалогичность права. В то же время приходится констатировать, что диалогичность права практически не разработана в юридической науке. В связи с этим принципиально

важным представляется формирование диалогической онтологии права, позволяющей обнаружить те аспекты бытия права, которые остаются без внимания в классических юридических концепциях.

Диалогический подход к правопониманию призван реализовать эвристически ценные идеи М. М. Бахтина, В. С. Библера, М. Бубера, М. Ю. Лотмана, О. Розеншток-Хюсси и других сторонников диалогизма в философии и семиотике⁴.

Диалог — это отношение (как внутреннее, ментальное, так и внешнее, представляющее собой фактическое взаимодействие конкретных людей) к Другому как к субъекту, а не объекту. Более того, это отношение к Другому как к самому себе, в результате чего реализуется взаимность перспектив «я–ты»: мы смотрим на мир глазами Другого (других, «обобщенного Другого») и воспринимаем себя так, как нас воспринимает Другой. При этом диалог — это и не отождествление с Другим, но и не полное разъединение с ним: соотнесение с Другим производится для того, чтобы выявить схожесть и отличие. Сходство проявляется прежде всего в типизированных действиях (в представлениях о схожести, типичности поступков), так как именно такая типизация обеспечивает «экономия мышления», облегчает наше поведение. Поэтому огромную роль в нашей жизни играют символы, установки, стереотипы поведения, архетипы коллективного бессознательного, типизирующие и наши действия, и нас самих⁵.

В то же время каждый человеческий поступок (как и каждая личность, и взаимодействие между личностями) является уникальным и неповторимым. Суть диалога с этой точки зрения — акцент на такой самодостаточности, отыскание неповторимых черт у Другого. Выявляя эти уникальные черты и Другого, мы (я) тем самым проясняем свою с ним несхожесть, самобытность. Однако уникальность и неповторимость всегда относительны (как и типичность, повторяемость). При этом оба отмеченных полюса являются однопорядковыми, а доминирование одного над другим в практической жизни (например, в политике) чревато либо анархией, либо тоталитаризмом, полностью поглощающим, отчуждающим личность. Поэтому диалогическая

¹ Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная антропология права современного общества» (в соавт.), «История политических и правовых учений. Теоретико-методологическое введение», «Актуальные проблемы теории государства и права. Диалогическая природа государства и его место в политической системе общества», «Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права», «Постклассическое правопонимание», «Постклассическая теория права» и др.

² В настоящей публикации развиваются некоторые идеи, высказанные автором на VIII Международных Лихачевских научных чтениях (Честнов И. А. Диалогичность права в глобализирующемся обществе // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб.: СПбГУП, 2008. С. 282–285).

³ Honnet A. Kampf um Anerkennung. 2 Aufl. Frankfurt am Main, 1994. S. 148.

⁴ Только на основе социально-философских идей можно предложить новый тип правопонимания, так как право (как и любой другой феномен «пределной» общности) не может быть обосновано «изнутри», из самого себя. Неудачи в построении замкнутой, обособленной («чистой», по терминологии Г. Кельзена) системы права — тому наглядное подтверждение.

⁵ Символ, по мнению А. Н. Уайтхеда, обеспечивает направление личностных экспрессий к единой цели (Whitehead A. N. Символизм, его смысл и воздействие. Томск, 1999. С. 56).

методология (и онтология) должна найти «золотую середину» — такое соотношение личного и коллективного начал, которое давало бы простор экспрессии, самореализации личности и в то же время обеспечивало бы достижение целей коллективного целого.

Отмеченная проблема относится к числу «вечных». Ей посвящена обширнейшая литература¹. Эту проблему применительно к праву, представляющему собой сторону общества, определенный момент, можно назвать основным вопросом философии права. Действительно, право соединяет и разъединяет индивидов, выступая мерой типичности и уникальности их правового статуса. Решить эту проблему, как представляется, в состоянии диалогическая онтология права.

Право с этой точки зрения, как и любой социальный институт (и общество в целом), — это совокупность взаимодействий и представлений, образов (ментальных явлений), обусловленных спецификой культуры данного социума, обеспечивающих его (социума) целостность. Такие взаимодействия основываются на взаимном признании субъектами друг друга и своих взаимных притязаний (взаимных действий, ориентированных друг на друга, в которых реализуется корреспонденция прав и обязанностей). То же самое касается и представлений (ментальных образований): они должны быть легитимными, то есть признанными широкими слоями населения². При этом легитимность (как и ментальный образ) проявляется в типизированных взаимодействиях. Так, норма права только тогда может считаться таковой, если она реализуется в правоотношениях; в противном случае это «мертвоорожденная» статья нормативного правового акта. Здесь налицо диалог объективного и субъективного: норма права как модель типизированного взаимодействия предполагает соотношенность (как мысленную, так и фактическую) конкретных действий с информацией (управомочивающей, обязывающей или запрещающей), в ней закрепленной. То же самое, например, касается специфики должностного лица: это соединение личностной уникальности с типизированной ролью — должностью.

Следует иметь в виду, что взаимодействия и ментальные процессы, образующие содержание всех социальных институтов (в том числе и права), бывают двух видов: традиционные, воспроизводящие этот институт без существенных его изменений, и инновационные, вносящие в его структуру нечто новое. В последнем случае происходит формирование нового института (например, новой нормы права), важнейшим условием чего является все та же легитимность — признание этой инновации как эффективной, целесообразной, справедливой, правильной и т. д.

В то же время нельзя не отметить, что право — это отнюдь не любые представления и взаимодействия (как и не любая инновация может быть признана правовой). Важным критерием права (но не единственным) явля-

¹ Из публикаций на русском языке нельзя не отметить работу Н. Элиаса (*Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001*).

² Критерий легитимности социального института вследствие амбивалентности любого социального явления включает как полное его одобрение, так и молчаливое согласие с ним. Нелегитимным признается только такой институт, который отвергается населением, не реализуется в практических действиях или которому широкие слои населения оказывают противодействие.

ется признание взаимных прав и обязанностей³. Более «глубинным», сущностным аспектом права выступает его функциональность. Именно право, на наш взгляд, обеспечивает целостность общества, его воспроизводство⁴. Причем это такая целостность, в которой личностное начало органично сочетается с коллективистским⁵. Это функциональное назначение права является его трансцендентальным началом, условием всех остальных признаков права (взаимного признания прав и обязанностей, формальной определенности, соотношенности с реализуемостью в фактических взаимодействиях, принуждением на стадии правоприменения).

Это трансцендентное начало может быть рассмотрено с диалогической точки зрения (правда, на уровне самой широкой абстракции) как соотношение своего поведения с необходимым для сохранения данного социума поведением. Оно (трансцендентное начало) в условиях радикального сомнения, свойственного обществу эпохи постмодерна, не может быть (само по себе) представлено в каком-либо конкретном содержательном воплощении⁶. Но отрицать его существование невозможно, если мы не отрицаем существование общества и отдельных людей. Только так можно сохранить общее понятие права, более «устойчивое», нежели изменчивое признание взаимных обязанностей (А. В. Поляков), весьма проблематичное в мультикультурном социуме⁷.

Это общее, универсальное трансцендентное начало конкретизируется в имманентном — в том, как именно обеспечивается целостность того или иного социума, как именно закрепляется в нем мера индивидуального и коллективного начал. Именно здесь, по косвенным признакам, можно обнаружить те социальные нормы, которые отвечают трансцендентному (сущностному) признаку права. Такими косвенными признаками являются: легитимность соответствующего правила поведения, его регулярная повторяемость, широкая распространенность, эффективность (которая всегда относительна, так

³ По мнению А. В. Полякова, легитимация права как взаимное признание права и обязанностей и есть его сущность (*Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 27–45*).

⁴ В связи с этим можно сослаться на Н. Лумана, полагавшего, что право — это иммунная система социума (*Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб., 2007. С. 489*).

⁵ А. Н. Уайтхед писал, что общество ответственно за выживание отдельных индивидов, составляющих его, а эти отдельные индивиды ответственны за содействие обществу (См.: *Уайтхед А. Н. Указ. соч. С. 57*).

⁶ Так, понимаемое трансцендентное начало напоминает формулировку формальной рациональности Ю. Хабермаса: она формальна именно потому, что любое содержательное ее определение неизбежно опровержимо.

⁷ Мультикультурное общество отличается отсутствием не только социальной, но и устойчивых групповых идентичностей, в котором только «чужое» обладает всеобщностью (*Kristeva J. Nations Without Nationalism. N. Y., 1993. P. 21*). Еще более категоричен в связи с этим Ж. Бодрийяр, по мнению которого современное массовое общество уже не является социальным (всеохватывающим, унифицирующим). Масса («молчаливое большинство») является мнимым референтом, так как «у молчаливого большинства не бывает представителей». «Массы — уже не инстанция, на которую можно было бы сослаться, как когда-то на класс или народ. Погруженные в свое молчание, они больше не субъект (прежде всего не субъект истории) и, следовательно, не могут войти в сферу артикулированной речи, в сферу представления...» (*Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 28*).

как просчитать «окончательный» эффект какой-либо социальной нормы невозможно). При этом окончательным критерием права является проверка историей — сохранение социума на протяжении длительного времени.

Право в диалогической перспективе — это не только законодательство (формы внешнего выражения нормативности права), но и механизм формирования и воспроизводства образцов функционально значимо-

го поведения. Право существует только тогда, когда сформированные нормы (образцы наиболее функционально значимого поведения) реализуются людьми на практике, в ходе которой нормы и институты права интериоризируются в персонифицированные смыслы, то есть когда люди соотносят свое поведение с теми ограничениями, которые налагает норма или институт права.

В. Е. Чиркин¹

О ПРИМЕНЕНИИ ФОРМАЦИОННО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ И ПРАВОВЫХ СЕМЕЙ

Термины «формация» и «цивилизация» неоднозначны и дискуссионны. Первый из них мы используем в его марксистском значении — общественно-экономическая формация. С самого начала это понятие было односторонним. Акцент ставился на производительные силы и производственные отношения, другие стороны общества иногда игнорировались, использовалась жесткая детерминированность в развитии человечества. Можно по-разному относиться к этому термину, однако признано, что в мире существовали рабовладельческий и феодальный строй, существует капитализм, были (СССР и др.) и есть страны тоталитарного социализма (Вьетнам, Китай, КНДР, Куба, Лаос).

К понятию цивилизации, их числу, названиям существует множество дискуссионных подходов. Некоторые исследователи насчитывают до трехсот определений цивилизации. Автор данной статьи исходит из того, что цивилизация — это определенный образ жизни крупных сообществ людей (народа, группы народов), зависящий от объективных условий существования человеческих сообществ, имеющий системный характер и опирающийся на одинаковые постулаты (в том числе социальные нормы разного рода — обычаи, право, религию и др.), которые требуется считать основополагающими, а иногда даже неопровержимыми и вечными (например, в прошлом — в индуизме, в настоящее время — в мусульманском праве).

Многие зарубежные авторы, особенно американские, связывают цивилизацию с понятием «культура народа (народов)». Понятие «культура» в значении определенного общественного явления, определенной данности в свое время начали разрабатывать американские социологи Алмонд, Верба и некоторые другие, оно близко к понятию «цивилизация». Однако в поня-

тии культуры есть также качественная оценка: это совокупность *достижений* определенных крупных сообществ людей, народов, стран в сферах производственной, общественной, духовной жизни. Такие достижения оцениваются с позиций общегуманных ценностей человечества (добро в отличие от зла, свобода, справедливость и др.) и общих ценностей данного сообщества (многие ценности в мусульманском праве наряду с общегуманными иные, чем в социалистическом).

Формация, культура народа, цивилизация — нечто единое и вместе с тем разное. У каждого из этих явлений есть позитивные и отрицательные стороны. Это относится и к прошлому, и к действующим в формациях, культурах, цивилизациях правовым системам (достижения искусства и рабство в Древней Греции, исключение стихии рынка и тоталитаризм в СССР, политическая свобода и прибыль как главная цель современной капиталистической либерально-социальной системы права).

В свое время английский историк А. Тойнби насчитал в истории 19 цивилизаций: крито-микенскую, сирийскую, древнегреческую, китайскую, православную и другие (затем свел их к 13)². Некоторые ученые считают, что существуют только две цивилизации — традиционная и современная. Французские компаративисты Ж. и Ж.-Э. Жиккель говорят о том, что теперь в мире «стала универсальной» единственная цивилизация — индустриальная³. Иногда утверждается, что в России — своя цивилизация⁴. Несмотря на эту неопределенность в понятии и классификациях, российские исследователи отмечают, что «цивилизационный подход на глазах превращается в одно из приоритетных направлений»⁵.

У такого подхода есть большой плюс и свои минусы: сторонники исключительно цивилизационного подхода в юридической науке отвергают «рациональные зерна» других способов анализа, многофакторность познания права (в частности, правовых систем). Пока, кроме общих рассуждений о возможностях типологии права по социально-культурным (цивилизаци-

¹ Главный научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Государственная власть в развивающихся странах», «Государствоведение», «Сравнительное государствоведение», «Законодательная власть», «Революционно-демократическое государство современности», «Глава государства. Сравнительно-правовое исследование», «Публично-правовое образование»; учебников «Конституционное право России», «Система государственного и муниципального управления», «Публичное управление», «Конституционное право зарубежных стран» и др. Член редколлегии журналов «Труды Института государства и права Российской академии наук», «Государство и право», «Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», «Вопросы правоведения».

² Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 731.

³ Gicquel J., Gicquel J.-É. Droit constitutionnel et institutions politiques. 22 éd. P., 2007. P. 29.

⁴ Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 213.

⁵ Сунатаев М. А. К проблематике цивилизационного подхода к праву (очерки общей теории и практики). М., 2012. С. 31, 33.

онным) основаниям, современные авторы вопреки заголовкам глав в книгах никакой типологии правовых систем в сравнительном правоведении и иной типологии предложить не смогли¹. Мы полагаем, что такие классификации можно создать на основе совмещенного формационно-цивилизационно-культурологического подхода.

Основоположники системного подхода к сравнительному правоведению (Р. Давид, К. Цвейгерт, Х. Катц, Р. Леже и др.) совершили прорыв в научных исследованиях. Они создали новое направление, выделили и проанализировали различные правовые общности современности, назвав их системами, или семьями (романо-германская, англосаксонская, мусульманская, социалистическая и др.²), рассмотрели исторические системы прошлого и остатки их элементов в современных условиях (индуизм, иудейство и др.). Термины «правовая система» и «правовая семья» при этом, на наш взгляд, ошибочно используются как тождественные.

В настоящее время многие авторы выделяют все большее число систем или семей (называют отдельно романскую, германскую, скандинавскую, славянскую, южноамериканскую и другие семьи или системы). На наш взгляд, если отвлечься от частных и сосредоточить свое внимание на главном — на сущности и содержании правовых образований (общностей, формирований), то прежде всего следует разграничить понятия «правовая система» (в международном плане, а не как система отдельного государства) и «правовая семья» (в таком же аспекте), положив в основу понятия системы не только цивилизационный, но и формационный (преимущественно формационный) подход.

На наш взгляд, нельзя говорить о том, что формационный подход к понятиям и анализу сообществ, цивилизаций, культур, государства, правовых систем совершенно безрезультатен. Он дает возможность установить социальную сущность, некоторые принципиальные особенности правовых систем прошлого (вряд ли можно отрицать особую социальную сущность рабовладельческого, феодального или «буржуазного» права). В современных условиях свои принципы права. Своя сущность правового регулирования наблюдается в условиях капитализма, мусульманского фундаментализма с его полуфеодальными элементами, тоталитарного социализма в сохранившихся социалистических государствах. Использование формационного подхода как одного из элементов научного анализа может давать достоверные результаты, но такой подход схематизирует и обедняет действительность, а иногда и приводит к ошибочным выводам, отвергая гуманистическое значение конституционного опыта человечества до создания социалистического государства «диктатуры пролетариата».

Цивилизационный (социально-культурологический) подход к праву, его системам и семьям (в нем

¹ См. соответствующую главу с таким названием в книге М. А. Супатаева (*Супатаев М. А. Указ. соч. С. 31–41*).

² Некоторые авторы выделяют отдельно романскую, германскую, скандинавскую, славянскую, южноамериканскую и другие системы.

есть свой социальный элемент, отличный от формационного) учитывает многие стороны, которые игнорировались при формационном подходе, выявляет разновидности правовых семей внутри их «сущностных систем», обогащает познание, делает его более разносторонним, богатым, учитывающим разные стороны, выходящим за пределы только контрастного сравнения, присущего формационному подходу. На наш взгляд, обогащенное современными представлениями и уточнениями формационное и цивилизационное изучение систем и семей права (правовой действительности в самом широком толковании) совместимо. Одно не исключает другого, оба подхода могут комбинироваться, и при учете сильных и слабых сторон каждого могут привести к истинным выводам.

Таким образом, для классификации правовых систем в современном мире, анализа их плюсов и минусов (именно систем, а не семей, мы различаем эти понятия, что отчетливо видно на примере семей фундаменталистских (радикалистских) стран, например ОАЭ, Омана, Саудовской Аравии, и «продвинутых», модернизированных стран, например Египта, Ирака, Сирии, принадлежащих к одной и той же системе) необходим не односторонний, а комплексный подход, соединяющий способы анализа и синтеза с формационных (сущностных) и цивилизационных, культурологических позиций, включающих и сущность, и содержание.

Такой подход позволяет сделать вывод, что в современном мире действуют три правовые системы:

1) мусульманская (комплексно и на государственном уровне эта система регулирует отношения в небольшом числе стран мусульманского фундаментализма (радикализма) — в ОАЭ, Саудовской Аравии, Омане, Катаре; в модернизированных мусульманских странах (Египет, Ирак, Индонезия и др.) важные принципы «классического» мусульманского права (не все) тоже включены в законодательство, а на обыденном уровне (и не только) нормы этой системы применяются широко: по данным исламских источников, мусульман в мире насчитывается около 1,6 млрд);

2) тоталитарно-социалистическая система (около 1,5 млрд человек, проживающих во Вьетнаме, Китае, КНДР, Кубе, Лаосе). Подлинного социализма, как он мыслился многими передовыми людьми, пока осуществить не удалось. Он реализовался по разным причинам в форме тоталитарного социализма, причем право тоталитарного социализма в СССР в 1920–1940-е годы и современных сохранившихся странах тоталитарного социализма неодинаково;

3) капиталистическая либеральная и частично социальная система, кратко — капиталистическая либерально-социальная (3,5 млрд человек) — в большинстве государств мира в разных формах, в том числе неразвитых (мы помним о неизбежной ограниченности социального фактора при капитализме).

Общественные, а чаще личные и частные отношения остальной части человечества регулируются путем смешения норм различных семей, среди которых трудно выделить доминанту, чтобы отнести их к той или иной семье, иногда — обычным правом, в редких

случаях — остаточными нормами исторически пережиточных систем или семей.

В каждой из них есть основные общие системные (формационные) признаки, а также цивилизационные и культурологические особенности. В соответствии с этим мы можем различить в мусульманской системе суннитскую и шиитскую семьи, классического фундаменталистского права и модернизированную семью. Тоталитарно-социалистическая система имеет общие признаки (руководящая роль коммунистической партии, власть трудящихся, система органов типа Советов, обязательная марксистско-ленинская идеология с национальной спецификой — идеи Хосе Марти на Кубе, Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина в Китае и др.), но семья настоящего отличается от семьи прошлого (отказ от диктатуры пролетариата, признание необходимости частной собственности и ее роли, отказ от по-

нятия «эксплуататоры», признание социалистического регулируемого рынка, концепций абсолютных прав человека, правового государства и др.).

Современная капиталистическая либерально-социальная семья (с ее конституционными нормами о социальной функции частной собственности, социальной справедливости, социальном партнерстве, с развитым социальным законодательством и демократическими институтами) существенно отличается от семьи XVIII–XIX веков. В то же время разные особенности культуры позволяют, например, выделить романогерманскую и англосаксонскую семьи человечества. Однако либерально-социальный капитализм — это тоже капитализм. Его главная ценность — частная собственность, а не труд, основное устремление — не общее благо, а прибыль, в праве доминирует индивидуалистический подход. Все это важно учитывать.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Т. БАУЭР	профессор Университета им. И. Гёте (Германия)
В. Г. ГРАФСКИЙ	заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
Н. Н. ЕФРЕМОВА	ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
А. В. КОСТИНА	декан факультета философии, культуры и искусства Московского гуманитарного университета, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, доктор философских наук, доктор культурологии, профессор
В. Л. МАКАРОВ	директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
О. В. МАРТЫШИН	профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
А. А. МОИСЕЕВ	декан факультета международного права Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор
Л. А. ПАСЕШНИКОВА	первый проректор СПбГУП, профессор кафедры отраслей права
В. Н. САФОНОВ	заведующий кафедрой государственного права Регионального открытого социального института (Курск), доктор юридических наук, профессор
А. В. СКОРОБОГАТОВ	заведующий кафедрой теории и истории государства и права Института экономики, управления и права (Казань), доктор исторических наук, доцент
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
Е. Ф. ЧЕБЕРКО	профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук
И. Л. ЧЕСТНОВ	профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО	директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, академик НАН, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые коллеги, разрешите приветствовать в нашем лекционном зале участников секции «Экономика и право в контексте мирового культурного развития» в рамках XIII Международных Лихачевских научных чтений. Мне очень приятно, что мы в очередной раз уже в течение нескольких лет в рамках профессионального сообщества обсуждаем на Лихачевских чтениях проблематику жизненно важных областей общественных отношений, экономики и права. Многие выступления, прозвучавшие здесь, достойны внимания в контексте мирового культурного развития, диалога культур и партнерства цивилизаций, что является генеральной линией Лихачевских чтений.

Руководителями нашей секции сегодня являются два уважаемых ученых — академик Российской академии наук Макаров Валерий Леонидович, академик Национальной академии наук Украины, иностранный член Российской академии наук Шемшученко Юрий Сергеевич. В начале работы нашей секции я предоставляю слово нашим руководителям. Пожалуйста, Валерий Леонидович.

В. Л. МАКАРОВ: — Приветствую вас, дорогие друзья. Напоминаю, что сегодня мы рассматриваем проблемы экономики и права с учетом контекста — взаимодействия различных культур. Юрий Сергеевич, прошу Вас.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Я рад находиться здесь и выступать ведущим нашей секции. В свое время я учился в Киевском университете на юридическом факультете, но затем, после реорганизации, он стал юридически-экономическим факультетом. Потом юристов и экономистов снова разделили. Но я думаю, что сочетание экономики и права все же имеет некий резон. В настоящее время и в России, и на Украине есть немало высших учебных заведений именно экономико-юридического профиля.

Сейчас мне хотелось бы затронуть одну проблему, которая меня давно интересует. Это экологическая безопасность. Мы с российскими учеными совместно на уровне международного сотрудничества сформулировали некоторые вопросы, в том числе и связанные с Экологической конституцией Земли. Это новый проект, который мы пытаемся продвинуть. Проблемы экологии хорошо известны, но как решать их на практике? Сегодня в мире действует около 200 международных соглашений экологического характера. Однако они были подписаны в разные периоды, иногда противоречат друг другу, в некоторых частях устарели и т. д. Можно сказать, что экологическое право начало развиваться в XIX столетии, когда было заключено международное соглашение, связанное с охраной морских котиков. Сегодня проблема ставится в более широком контексте — как охрана окружающей среды в связи с постоянным экономическим развитием всех стран на всех континентах. Поэтому возникла проблема международного экологического права.

Еще Советский Союз выступал на уровне Организации Объединенных Наций с инициативой о принятии всеобщего международного комплексного закона об охране окружающей среды. Сейчас тоже делаются такие попытки, в том числе Украина с трибуны ООН предлагала принять соответствующий акт, касающийся экологической безопасности, в основе которого должно лежать право человека на безопасную окружающую среду. Это непростая проблема. Мне приходилось выступать с этой идеей в Комитете ООН, рассматривающем правовые вопросы, и я пришел к выводу, что мировое сообщество пока не готово принять такой международно-правовой акт, как Экологическая конституция Земли. Причем тут четко определены две позиции. С одной стороны, развитые страны, которые в наибольшей степени загрязняют окружающую среду, не хотят принятия такого акта, потому что имеют возможность размещать отходы производства в развивающихся странах; с другой — развивающиеся страны заявляют, что им надо решать более актуальные и сложные проблемы, связанные с бедностью, а потом, может быть...

Думаю, что ни та, ни другая позиция не выдерживают критики. Если мы хотим жить в здоровой среде, то надо принимать меры уже сейчас. Предстоит большая работа — обсуждение, согласование позиций и т. д. Но прежде всего требуется всеобщее осознание важности этой проблемы и необходимости ее практического решения. Для этого понадобятся новые всемирные форумы. Много лет назад я принимал участие в конференции по морскому праву. Проблема охраны окру-

жающей среды обсуждалась на уровне ООН, и многие тогда говорили, что решение найти очень трудно, что проблема обсуждается уже 10 лет, но никаких сдвигов нет. Однако в итоге была подписана Конвенция ООН по морскому праву. На мой взгляд, надо с такой же настойчивостью продолжать продвижение Экологической конституции Земли, до тех пор пока это не приведет к положительному результату. Эта проблема важна не только в глобальном масштабе, но и представляет интерес для нас с вами и станет предметом нашего обсуждения на нашей секции в числе других тем.

Предоставляю слово профессору Графскому Владимиру Георгиевичу.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — У меня сложилось впечатление, что правовое общение — это область внутригосударственного, внутрикультурного и межкультурного ценностного диалога. В связи с этим прежде всего необходимо обсудить, что такое ценностная ориентация. На вчерашнем заседании академик Степин обозначил некоторые глубинные смысло-жизненные ориентации, важные для понимания процесса правового общения. В частности, атрибутом нормального правового общения является формализованное равенство, как, например, на рынке у покупателя и продавца.

Вопросы правового общения и правовых ценностей трудно обсуждать, поскольку классических работ на эту тему нет, и только в конце 1980-х наш академический коллектив начал над ней работать. Правда, в 1974 году был издан труд нашего болгарского коллеги Нено Неновски, но мы увидели его только лет через 15. И мы под руководством академика Нерсесянца сделали свою работу «Политико-правовые ценности: история и современность». Рассмотренные в ней вопросы — предметное поле юридической аксеологии, компоненты права как ценности, триединство равенства, свободы и справедливости. Кстати, автор этой трехипостасной концепции права — Владик Сумбатович Нерсесянц, один из наиболее читаемых в Интернете ученых. Далее, идея господства справедливых законов, современная история и эволюция права и правовые ценности в процессе перехода от традиционного общества к современному. И еще государствоведение: аксеологический подход и добросовестность как правовой принцип. В общем, набор вопросов наряду со многими другими. Я считаю, что это наиболее подходящее пособие для юридического просвещения, подготовленное в 1990-х годах.

Как же все-таки представлять ценностные ориентации? Надо иметь в виду, что каждое понятие употребляется в двух или трех смыслах. Ценность может быть представлена как абстрактная категория, конкретная, юридическая, экономическая, философская и т. д. Поэтому многие термины, так сказать, «нарасхват», юристы и экономисты могут обсуждать одно и то же. Например, свободу. Ценностное определение Нерсесянца: право как совокупность трех требований — равенства, свободы, справедливости. Он считал, что главное в этом триединстве — формализованное равенство, то есть равенство всех участников правового общения без враждебного отношения друг к другу, с целью

уважительного общения. Я бы на первое место поставил справедливость. Считаю, что включение этой категории в понимание права является важным событием для отечественной юриспруденции. Это стало возможно благодаря усилиям двух человек — академика Нерсесянца и Романа Зиновьевича Лившица, который всю жизнь занимался трудовым правом, но в конце жизни написал замечательный учебник по теории права. Я продолжаю традицию. Считаю, что право можно представить еще и как результат применения правила законной справедливости.

Международное право является областью, где происходит межкультурное взаимодействие. 130 лет назад вышла работа отечественного теоретика международного права Федора Федоровича Мартенса «Современное международное право цивилизованных народов», она переиздавалась четыре или пять раз еще до революции, переведена на все европейские языки, японский и персидский. Мартенс был признанным знатоком международного права, его приглашали в качестве судьи в различные международные коллективы. До сих пор существует так называемая «оговорка Мартенса», которой тоже уже больше ста лет. Для того чтобы показать близость нашего замечательного соотечественника к сегодняшнему обсуждению, приведу несколько его цитат.

«Высший источник международного права — идеи правды и справедливости». Я говорил, что в последнее время вспомнили о справедливости, но, оказывается, еще в XIX веке эта мысль была высказана Мартенсом в его знаменитой книге.

А как он представляет себе участников международного общения (кстати, он же ввел в практику и сам термин «международное общение»)? — «Только то государство, в котором личность получила признание своих прав, может стать членом правильно организованного международного общения».

И еще об «оговорке Мартенса». Для защиты воюющих и гражданского населения на Гаагской конференции мира в 1899 году он предложил применять положение, согласно которому «население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания». Мартенс, таким образом, представляет правило, которым надо руководствоваться в тех случаях, когда ничто не зафиксировано ни в каких соглашениях. Его формула оказалась очень долговечной.

Еще один момент — диалогичность, естественная для любого общения, особенно массового и даже научного. Так вот между двумя позициями — классической и неклассической философией — присутствует некая диалогичность. Надо каким-то образом отразить современные новшества в правовом общении, используя эту конструкцию (классическая — неклассическая), которую придумали не юристы, а философы. Жителей города Санкт-Петербурга особенно заботит эта тема, они являются пионерами ее творческого возделывания, но убедительности пока маловато.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Владимир Георгиевич, правомерно ли говорить о верховенстве закона? Или возможно только верховенство права?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Это непростой вопрос. Дело в том, что во всем мире, и в России в том числе, право обычно определяется как норма, которую сформулировало государство. Однако еще Кант говорил, что закон может быть нормальным и ненормальным, справедливым и несправедливым. Об этом не говорится в кодексах. Поэтому нормальный закон — это справедливый закон. А Кант даже придумал термин «правовой закон». Другое дело — что такое право? Если только приказ, то тут все просто, а если не всякий приказ, а только справедливый? А чтобы это определить, надо исходить из неких ценностных ориентиров. Нерсесянц предлагает такие категории, как всеобщее равенство, свобода и справедливость. Наибольшие трудности с понятием «справедливость». Самое интересное начальное исследование еще в середине XX века провел Хаим Перельман, в ближайшее время выйдет на русском языке его трактат. Перельман рассматривает 6 критериев справедливости. Однако эта тема остается предметом споров, продолжается обсуждение соотношения права и закона.

А. Ф. БОРОВИКОВ: — У нас на юридическом факультете есть другой термин: «праведный закон». В гимне факультета есть такие слова: «Мы все юристы и хотим, чтобы в мире один лишь правил праведный закон». Как соотносятся «праведный» и «справедливый»?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Здесь русский язык большой помощник. Что значит жить по праву? Правильно — по справедливости. Поэтому праведный закон и справедливый закон, наверное, можно считать синонимами.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Известный украинский поэт Тарас Шевченко в одном из своих стихотворений написал: «Когда же мы дождемся того времени, когда придет новый и правильный закон?» А сейчас слово предоставляется профессору Костиной Анне Владимировне.

А. В. КОСТИНА: — Уважаемые коллеги, прежде всего хотелось бы выразить глубокое удовлетворение от того, что этот форум собирает огромное количество ведущих специалистов во всех областях, и каждый год тематика очень актуальна. Аксеологическая проблематика, которая в этот раз является центральной, по моему, абсолютно соответствует тем запросам, которые сегодня присутствуют в различных областях — экономике, праве, политике, культуре. Вероятно, это отчасти связано с тем, о чем говорил Владимир Георгиевич. Думаю, что неклассическая философия как раз предполагает отказ от жесткого следования причинно-следственным связям, и этот момент сегодня ярко проявляется в политике, юриспруденции и даже в экономике, которая, в общем, является достаточно точной

наукой, имеет дело с цифрами и расчетами. Будучи культурологом и философом, а не экономистом, я заинтересовалась, как экономика связана с системами ценностей и каким образом экономическое развитие опосредуется теми особенностями культуры, которые присутствуют в разных культурных и цивилизационных ареалах. Сегодня общепризнано, что основа нации и национального государства — это именно ценности, духовное основание жизни народа. Однако развитие экономической теории не в полной мере соответствует данному тезису, и необходимость поиска новых оснований экономической теории сегодня является центральной проблемой для ученых. Об этом, в частности, говорит академик Сергей Юрьевич Глазьев. В последних двух книгах он отстаивает необходимость ценностного аксеологического подхода и применения его в экономической теории. Для того чтобы осознать этот тезис, необходимо обратиться к тем аксиомам, на которых зиждется неоклассическая экономическая теория. Что это за аксиомы? Представление всего разнообразия хозяйствующих субъектов в качестве экономических агентов, которые мотивированы только максимизацией текущей прибыли, и предположение, что данные экономические агенты действуют абсолютно рационально, что соответствует классической парадигме, и мотивации их сводятся к тому, чтобы конкурировать друг с другом. Другая аксиома: в результате экономического поведения хозяйствующих субъектов устанавливается ситуация рыночного равновесия. Правда, оно никогда не наблюдается на практике, так как постоянные колебания рынка зависят не только от объективных факторов, но в значительной мере связаны с субъективными. Мы знаем, как рынок реагирует на те или иные политические события, отставки должностных лиц, болезни руководителей. Такие субъективные факторы, возможно, связанные с общественной и культурной жизнью, оказывают на экономику огромное влияние.

Еще одна аксиома: игнорирование нравственных ограничений и идеологической составляющей поведения. Нам представляется, что экономика в любой стране развивается по одним и тем же законам вне зависимости от тех культурных и ценностных оснований, которые доминируют в данном регионе, в данной культуре. Этот подход имеет разные причины, прежде всего сложность формализации духовных отношений и ценностей. Как их измерить? Конечно, можно провести социологические опросы, подсчитать, сколько людей считают приоритетной ту или иную ценность, и все же эти цифры очень трудно формализовать. Вторая причина — те научные школы, приверженцами которых являются сторонники разных экономических концепций. В качестве примера можно привести различия двух научно обоснованных теорий — рыночного и планового хозяйственного развития. Эти теории довольно долго существовали параллельно, они соответствовали двум политическим системам, капиталистической и социалистической, и фактически выступали научной базой для их легитимации. И только после российских реформ 1990-х годов стали в полной мере очевидны достоинства и недостатки обеих моделей. Плановое хозяйство — это наличие в границах отрасли налажен-

ных горизонтальных связей между предприятиями и вертикальных между отраслями, гарантированные поставки сырья и оборудования, сбыт продукции, ценовые характеристики, инертность экономики, но в то же время и большая предсказуемость. Эта система, на мой взгляд, вписывается в рамки парадигмы, основанной на законах классического детерминизма, согласно которым одна и та же причина влечет по крайней мере схожие последствия.

Однако сегодня мы оказались в совершенно другой ситуации. Экономическое развитие России в XXI веке уникально в том смысле, что оно связано с формированием экономики переходного типа, обладающей принципиальной неустойчивостью и, следовательно, повышением угроз, в том числе и национальной безопасности. Для того чтобы экономика была эффективной, необходима не только непротиворечивость объективных законов, определяющих развитие общества, не только стабильность и сбалансированность системы общественных отношений, но и устойчивость воспроизводства мотивов поведения и эффективного взаимодействия различных социальных общностей в данной системе. Все это опирается на ценностные смыслы, устойчивые модели поведения и прочее, что передается из поколения в поколение и связано с культурными архетипами. Таким образом, вполне объективные законы развития общества в экономике в значительной степени зависят от духовных, нематериальных компонентов, которые составляют его содержание. Но в современную рыночную теорию этот тезис никак не вписывается, и современная неolibеральная экономика уже практически отказалась от того, что начиналось еще с Макса Вебера, который показал, что протестантская этика и протестантские ценности сформировали определенную экономическую парадигму. Сегодня экономическая теория в виде неоклассической парадигмы не учитывает духовные факторы. Однако она является официально признанной, выполняет функцию научного обоснования идеологии рыночного фундаментализма либерального государства и определяет примат частной собственности. Именно эта неolibеральная теория, активно развивающаяся в США с середины XX века и представленная в работах будущих нобелевских лауреатов Гарри Марковица, Уильяма Шарпа, Мертона Миллера, Фишера Блека, Роберта Мертона и других, привела в 2008 году к системному кризису всей мировой системы.

Между тем к сегодняшнему дню накоплено немало фактов, которые не вписываются в данную теорию, причем это признают и сами американские экономисты. О неадекватности этой теории в реальном экономическом развитии еще в 1971 году говорил президент Американской экономической ассоциации, лауреат Нобелевской премии Василий Леонтьев, в 1972-м этот тезис подтвердил Нобелевский лауреат Джеймс Тобин, а в 1980-м на этот факт обращал внимание классик теории экономического роста Роберт Солоу. К настоящему времени эти концепции нашли подтверждение в работах Нельсона и Уилсона, которые доказывают неверность главного тезиса неоклассической экономической парадигмы. Ее суть, напомню, сводится

к утверждению в качестве главного закона развития целерационального поведения индивида. Но сегодня мы видим, что мотивация хозяйствующих субъектов не всегда вписывается в сценарий максимизации прибыли, что их поведение на рынке нередко ориентируется на минимальную прибыль, необходимую для продолжения воспроизводства. В хозяйственной деятельности существенную роль играют механизмы, связанные со стереотипами деятельности, ценностными системами, в том числе неформальными, с мотивацией персонала, профессиональным языком, используемым сотрудниками организации, стереотипами принятия решений. В результате деятельности целого ряда ученых, следующих новому подходу и отказывающихся от исчерпавшей себя неоклассической экономической парадигмы, установлена закономерность общественного развития, которая выражается в его неравномерности, нелинейности траектории развития, распространения и замещения технологий, неопределенности и альтернативности технологических траекторий, наличия разрывов между фазами жизненного цикла эволюции и технологий, обусловленности кризисов мировой экономики технологическими сдвигами. Все то, что я сейчас перечислила, полностью вписывается в постнеклассическую или неклассическую философскую традицию, которая отказывается от линейности как основного принципа развития и мышления. Естественно, что неклассическая философия обусловлена теми открытиями, которые были сделаны в рамках синергетики. Эти наработки оказались очень своевременными, соответствующими тем существенным и очень стремительным изменениям, нелинейным и неэволюционным, которыми изобилует период конца XX — начала XXI века. И сегодня многие экономисты признают, что в качестве экономических оснований следует рассматривать духовные факторы, такие как необходимость помнить о духовном смысле жизни, заботиться о благе ближнего, общества и Отчизны. Материальное благополучие надо воспринимать как испытание на ответственность, необходимы творческое развитие человека, порядочность в личных отношениях. А забота о человеке труда и вообще трудовая этика являются ценностью, которая, возможно, станет решающим фактором развития экономических отношений. Более того, сегодня признается, что в современном обществе процесс производства, в том числе производства знаний, невозможен без этического компонента.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Анна Владимировна, в Вашу концепцию вписывается тезис, что экономика должна быть экономной?

А. В. КОСТИНА: — С моей точки зрения, конечно, экономика должна быть экономной. Более того, возможно, что именно этот принцип определяет эффективность развития. Ведь экономика является фундаментом любого развития — социального, культурного, политического; возможно, не напрямую, а опосредуя эти процессы и в то же время будучи опосредованной ими. В то же время тезис о максимизации прибыли, который заключается в этой парадигме, сегодня не всегда

подтверждается на практике. Мы видим, как сегодня развивается малый бизнес, исходя из того, что в обществе много рисков, связанных и с законодательством, и с экономическими отношениями, и с культурным фоном, в рамках которого они развиваются. И предприниматели (не только мелкие) понимают, что стремление к максимизации прибыли на самом деле часто оборачивается возможностью хотя бы сохранить и чуть-чуть преумножить то, что имеется. Так что эта парадигма является основополагающей, без нее не было бы никакой экономики. Зачем же тогда развиваться, если мы не будем стремиться к повышению рентабельности того или иного производства? Но в то же время практикой настоящего времени является рискованная экономика.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Мне импонирует Ваша позиция, но почему Вы так акцентируете внимание на неоклассике?

А. В. КОСТИНА: — Наверное, потому, что я, не будучи экономистом, отметила, что именно неоклассическая парадигма в наибольшей степени конфликтует с тем представлением, которое имеется у меня как у философа. Это не то, что сегодня наиболее распространено, а то, что может быть продиктовано с большим основанием. А неолиберальная теория не настолько влиятельна, как может казаться, потому что все системные тезисы и флуктуации, которые наблюдались в экономике, связаны с неолиберальными принципами. Именно поэтому я остановилась на этой парадигме, хотя есть много других и, возможно, они в большей степени соответствуют нашему социокультурному контексту.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Следующий выступающий — профессор Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Спасибо. Один из выдающихся, но сильно недооцененных культурных деятелей XX века Илья Григорьевич Эренбург когда-то вступил в полемику (естественно, заочную) с Генрихом Гейне, классиком немецкой литературы. Гейне в свое время написал стихотворение о двух гренадерах, которых привезли из русского плена во Францию, а Эренбург «ответил»:

«Во Францию два гренадера...»
Я их, если встречу, верну.
Зачем только черт меня дернул
Влюбиться в чужую страну?

Той самой чужой страной, в которую он влюбился, была как раз Франция. Приведенная цитата позволяет отметить сложность проблемы. С одной стороны, принятие чужой культуры, ведь «влюбленность в чужую страну» — это феномен в контексте диалога культур. С другой — «зачем только черт меня дернул», то есть признание, что это вроде бы нехорошо. Все это говорит о том, что культуры, в том числе и экономические, имеют национальную основу. В этом заключается и концепция Ричарда Льюиса, которая основана на положении о том, что деловые культуры в первую очередь национальные. Можно говорить о семейных,

региональных и глобальных составляющих культуры, но Льюис однозначно утверждает, что важная составляющая — национальная. То есть именно национальные культуры вступают во взаимодействие определенным образом. В частности, по Льюису, человек усваивает свою национальную культуру в момент социализации: если, предположим, ребенок в 3 года приезжает в Соединенные Штаты Америки из другого региона, то он становится американцем, если же он меняет страну в 11–12 лет, то он сможет хорошо усвоить язык, интегрироваться, но американский деловой стиль ему уже не будет свойствен.

Какая в связи с этим возникает проблема? Понятно, что в условиях глобализации, в том числе и экономической, происходит взаимодействие национальных хозяйственных систем, они все более переплетаются. Это отражается в конкретных показателях, динамике международных прямых инвестиций, то есть сегодня страны все больше экономически зависят друг от друга. И, конечно, все это сопровождается культурными контактами, в результате культуры все больше соприкасаются, обогащают друг друга. Я задал Льюису вопрос: «А есть ли такое понятие “глобальная культура”?» Он ответил, что глобальной культуры нет и быть не может, но есть глобальный культурный контекст, то есть можно принять чужую культуру, увидеть в ней позитивные стороны, приспособиться, «влюбить в чужую страну». И еще есть компетенции.

В настоящее время глобализация сопровождается некоторыми явлениями, среди которых отчетливо просматриваются два. Глобализация наталкивается на противодействие, в частности многие люди считают, что необходимо отстаивать свои национальные особенности. Возможно, об этой проблеме скажет профессор Томаш Бауэр на примере Венгрии.

Что же касается России, то предлагаю обратиться к недавней истории. Время господства плановых экономик было эпохой культурного противопоставления Западу: у нас другая хозяйственная система, более совершенная, мы стремимся ее построить и если отстанем, то это временное явление. Что же касается западной экономической культуры, то мы можем ее уважать, но в целом отрицаем, потому что в ее основе лежит эксплуатация человека человеком и прочие отрицательные моменты. Потом была другая крайность, когда мы, наоборот, полностью принимали западную модель, говорили, что это эталон, к которому надо стремиться. А сейчас, когда мы столкнулись с проблемами, порожденными экономической реформой, то поняли, что нельзя слепо копировать чужой опыт, а надо отстаивать свой путь, и успех той или иной страны не означает, что это безусловный пример для нас.

В какой области еще важен этот аспект? Конечно, в вопросах региональной интеграции. Этот процесс предполагает вступление стран в региональные блоки, в рамках которых начинают взаимодействовать национальные культуры. Сегодня в мире более 200 региональных образований. Ричард Льюис классифицирует культуры на линейно-активные, мультиактивные и реактивные; интересно рассмотреть региональные блоки с этой точки зрения. Например, Евросоюз сегодня

включает 27 стран, скоро присоединится еще одна — Хорватия. В странах — членах ЕС исторически сложились разные типы деловых культур, получилась довольно пестрая картина. И если национальные деловые культуры объединяются, если в чистом виде региональных культур, наверное, все же нет, то культурная выживаемость регионального блока зависит от того, как эти разные культуры будут между собой взаимодействовать, какой баланс найдут. Это непростая проблема. В свое время я обсуждал с одним экспертом тему Греции. Почему именно там возникли финансовые проблемы? Ведь из всех стран зоны евро Греция не самая слаборазвитая, Словакия и Словения экономически не сильнее, а проблема возникла в Греции... Ответ на этот вопрос кроется в области культуры. Что значит существовать в условиях, скажем, валютного союза? Принимать единые правила, в частности проводить такую фискальную политику, которая предполагает разумное расходование средств, учет всех интересов. Это свойственно странам северной Европы и гораздо меньше — южноевропейскому менталитету, в частности Греции. Поэтому именно греки столкнулись с такими трудностями. Сейчас очевидно, что надо пересматривать свое отношение, но это противоречит неким культурным установкам. Хотя есть и другой момент. Например, выход Греции из зоны евро создал бы прецедент и породил вопрос: насколько вообще разумен и обоснован сам проект? Поэтому принимаются все меры, чтобы этого не допустить. Таким образом, национальная культурная основа, бесспорно, очень значима, но в условиях глобализации она будет частично подтачиваться, будут расширяться межкультурные компетенции. Будущее региональных блоков во многом зависит от того, как национальные деловые культуры будут находить баланс. Благодарю за внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Григорий Феликсович, Вы безоговорочно принимаете теорию профессора Льюиса?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Профессор Льюис, безусловно, выдающийся специалист, я во многом вижу рациональность его подхода. Пожалуй, единственное, о чем я хотел бы подискутировать, — о возможности глобальной или региональной культуры. На мой взгляд, приближение к ним возможно. Концепция профессора Льюиса, что национальное — это основа, имеет большую теоретическую и практическую ценность, в этом я не сомневаюсь.

А. Ф. БОРОВИКОВ: — Как Вы оцениваете идею создания Соединенных Штатов Европы, в частности ее состояние в настоящее время?

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Во всяком случае то, что Ленин в свое время обращался к этой теме, говорит о том, что идея создания Соединенных Штатов Европы не нова. Другое дело, что история Европы — это во многом история вражды и войн, так что пришлось отложить реализацию этой идеи по крайней мере до послевоенного времени. У стран, входящих в Евросоюз, очень

много исторических различий. Почему Соединенных Штатов Европы до сих пор нет и даже Конституция Евросоюза не принята? Думаю, что как раз из-за тех культурно-исторических различий, которые не позволяют быстро осуществить эту идею. Тем не менее европейцы вернулись к ней после Второй мировой войны и сделали целый ряд шагов в направлении интеграции.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые коллеги, слово предоставляется Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — От лица Оргкомитета хочу поблагодарить вас за участие в нашей работе. Помоему, не только в России, но и во всей Европе невозможно найти более крупных ученых в своих областях, чем академики Макаров и Шемшученко. Желаю вам успеха в дальнейшей работе.

Несколько слов о содержании дискуссии. Напомним, что тема нашей конференции — ценности и смыслы, они чрезвычайно важны для правильного развития юриспруденции и экономики. Последние лет 200 человечество живет в условиях углубления различных областей знания. И чем глубже, тем меньше люди представляют, что происходит в соседних областях, теряют общую картину мира, горизонты и поля зрения. И тогда происходит то, что произошло в России, когда совершено неужественные люди — Гайдар, Греф, Чубайс, которые стали руководить страной, решили, что Минэкономразвития — это то главное министерство, которое должно определять все развитие страны — культуры, образования, потому что в их понимании деньги представляют собой смысл жизни. На самом деле нигде в истории человечества не было такого — после Адама Смита, когда эта идея была высказана. И, кстати, сразу дополнена самим Адамом Смитом; он признал, что, хотя деньги очень важны, есть еще другие, не менее важные ценности и смыслы. И экономика может нормально развиваться только в том случае, если есть определенный баланс между ценностью денег и другими важными в жизни ценностями (а на самом деле более важными). Деньги — это только инструмент для работы экономики, но вообще экономика должна быть наполнена другими смыслами. Наши экономисты в правительстве, так же как и руководители Высшей школы экономики и Академии Госслужбы, почти не читали Карла Маркса и плохо читали Адама Смита. Отсюда налицо грубейшие теоретические ошибки, приведшие к построению у нас в стране дефективной социально-экономической системы.

Почему у нас в стране такая невероятная коррупция? Что, российский народ больше других склонен к воровству? Почему нужно каждый день придумывать новые законы? Нельзя воровать здесь, нельзя воровать там... Вчера был очень интересный разговор, мне кажется, и для правоведов, о том, что в области права не решаются все вопросы регулирования социальной жизни и чрезмерное производство законов приводит только к правовому нигилизму, люди перестают выполнять законы. Если нет мягких факторов — моральных, нрав-

ственных, если люди не демонстрируют свою приверженность к высоким ценностям развития человеческой цивилизации, то никакие законы не выполняются. Беда России в том, что у нас произошли чудовищные деформации. Поэтому мы видим крах экономического развития страны, тщательно скрывааемый властями невероятный кризис, развал производства. Мы видим, что экономика имеет сырьевой, торговый характер, и еще много неприятных явлений. К сожалению, в этой области мы обогнали Запад, потому что там кризисы происходят по той же причине. Экономика и юриспруденция — не фундамент национального развития, а лишь составная часть, и там, где эта часть начинает довлеть над иными факторами — культурой, искусством, моралью, нравственностью, экономика начинает буксовать и правоохранительные органы не справляются с решением своих задач.

Экономика, которая не служит человеческим ценностям, а направлена только на извлечение прибыли, оказывается в конечном счете неэффективной. Именно поэтому страны Запада столкнулись с кризисом, а Китай и другие регионы на протяжении многих лет опережают их в темпах роста. В основе экономического чуда Южной Кореи лежит особое отношение к национальной культуре, к нравственности, к моральным ценностям. Корейцы в годы диктатуры за очень короткий промежуток времени прошли тот этап, на котором Россия застряла на 20 лет. Они увидели, что механическое копирование западных ценностей не выводит страну из тупика, а, наоборот, заводит в тупик. И пересмотрели понимание экономики, культуры, права и т. д. Японское экономическое чудо опирается на национальные традиции и национальный характер, на лучшее, что есть в людях. Такое тотальное воровство, как у нас, им даже в голову не может прийти. А ведь наши люди далеко не худшие в мире, и все было бы по-другому, если бы не ложные концепции развития страны. Арабский мир находится в состоянии непримиримой войны с Западом на почве ценностей, они готовы взять на вооружение технологические достижения цивилизации, но не согласны с тем, что Запад делает сегодня в остальных областях. И даже христианские страны Латинской Америки категорически отказываются от навязываемых им моделей экономического и социального развития.

Экономика и юриспруденция являются частью культуры. Если мы не будем об этом помнить, то нас снова ждут поражение за поражением в борьбе за сильную экономику и правовое государство, в построении механизма по борьбе с коррупцией и т. д. Фейгин Григорий Феликсович, к которому я отношусь с огромным уважением, быстро ощутил уязвимость своих диалогов с Ричардом Льюисом. Профессор Льюис выстраивает свою теорию исходя из потребностей практики. А современная культурология определенно утверждает, что сегодня существуют региональные культуры, другое дело, что их не надо принимать как некий абсолюте. Скажем, семейная культура существует? Да, в каждой семье своя культура, определенным образом вписанная в культуру общества. Есть что-то общее, в том числе язык, но в то же время каждая семья имеет свои осо-

бенности. То же и в каждом регионе. Есть глобальная культура, об этом у нас на Чтениях прекрасно говорил академик Гусейнов. Возьмите аэропорты, мировую систему коммуникаций — вот вам глобальная культура. А возьмите достижения науки — закон Ома, таблица Менделеева, открытие пенициллина. Это тоже глобальная культура! Все объективные достижения науки, которые становятся достоянием человечества, составляют массив глобальной культуры. Этот массив непрерывно увеличивается, и параллельно растет внимание к национальным факторам.

Мне бы очень хотелось, чтобы юристы и экономисты, присутствующие в этом зале, — замечательные ученые, аспиранты, студенты — как можно больше выходили за рамки конкретных дисциплин. Думаю, что если мы более пристально посмотрим на ценности и смыслы, попытаемся на них сфокусироваться, то достигнем большого прогресса в своих областях. Разве в праве нет своих ценностей? А справедливость? А равенство всех людей перед законом — это ли не есть одна из высших ценностей? И серьезный вопрос для экономистов, на который классики экономической теории в свое время блестяще ответили, только мы склонны это забывать. Что первично — бытие или сознание? Если внимательно почитать Маркса, то окажется, что бытие и материальная сфера в какие-то моменты экономического развития доминируют, а в другие моменты идеология выходит на первый план при построении экономических систем.

Мне думается, что университеты должны быть тем местом, где и ученые демонстрируют очень широкий кругозор, и профессура, конечно, живет не так, как описал Козьма Прутков: «Специалист подобен флюсу». И студентам надо стремиться к широте теоретической подготовки, хорошенько изучать классиков. Да и у нас на экономическом факультете блестящая профессура, которая исповедует широкий подход. Как председатель Оргкомитета, напоминаю, что Лихачевские чтения по своей природе являются междисциплинарными, поэтому призываю вас стремиться именно к расширению междисциплинарного подхода, только так мы будем на передовых рубежах и в юриспруденции, и в экономике, и вся Россия будет на передовых рубежах. Спасибо вам большое.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Думаю, Александр Сергеевич прав, заостряя внимание на том, что деньги не решают все. Но проблема соотношения права и морали — одна из важнейших, и многие ученые ее исследовали. Несколько лет назад, выступая на Чтениях, я сказал, что неплохо было бы созвать всемирный конгресс «Право и культура», потому что решать проблемы только с помощью закона — это недостаточно. Напомню слова профессора Кистяковского, сказанные в начале прошлого века, о том, что правовое государство можно построить только тогда, когда все люди будут святыми. Трудно сказать, когда это произойдет, а между тем жить приходится сейчас, в настоящее время. Повторяю, решать сложнейшие глобальные проблемы только на основании законов и норм права не получится. Право должно взаимодействовать

с моралью, но как этого добиться? Данная проблема требует серьезных исследований и решений.

Предоставляю слово профессору Моисееву Александру Александровичу.

А. А. МОИСЕЕВ: — Значение международного права в развитии диалога национальных культур и обращения к нему в условиях глобализации становится все более очевидным. Юрий Сергеевич задал вопрос о том, какова ценность права. Я попытаюсь частично ответить на него, сфокусировавшись на международном праве. Мы порой не можем договориться по простым вопросам с ближайшим соседом в своем доме, а здесь имеем дело с массивом норм, договоренностей, которые являются обязательными либо рекомендательными для большого количества государств. Причем эти государства различаются — в каждом своя культура, религия, экономический уклад, и нет среди них одинаковых. Даже экономически сопоставимые или исповедующие одну и ту же религию государства отличаются друг от друга. То, что их объединяет, — международное право. Я занимаюсь правом уже 20 лет, но не считаю, что это главная ось, вокруг которой должно вращаться мироздание. Согласен с высказанным здесь мнением, что право для государств является инструментом для достижения целей — мощным, эффективным, мирным. Не следует слишком превозносить международное право, но нельзя впадать и в другую крайность, отторгая его. Это сильнейший инструмент, еще раз подчеркиваю.

К нашей радости, сейчас происходит всеобщий разворот в сторону международного права, в частности это отражается во внешней политике нашего государства. Так, в сентябре 2012 года Президент России Владимир Путин в своем выступлении перед иностранными посланцами подчеркнул, что без опоры на международное право невозможно вести дела в современном мире. Количество государств в мире значительно — примерно 200, при этом около 300 межправительственных организаций, и весь этот большой массив субъектов может взаимодействовать только на основе установленного общего порядка, сформулированного в международном праве.

Международное право имеет большую историю, однако ключевым моментом для современной жизни стало принятие Устава ООН, когда фактически произошло принципиальное изменение всей системы международных отношений. Известно, что в международном праве существует 10 базовых принципов, правда, до сих пор ведутся споры, что же входит в эту десятку. Например, является ли обязательным принцип сотрудничества? Государство, которое не желает сотрудничать, — нарушает ли оно международное право? Однако наиболее важно для системы международного права то, что впервые был сформулирован принцип суверенного равенства государств. До принятия этого принципа, закрепленного в Уставе ООН, в мире существовал принцип уважения государственного суверенитета, то есть признавалась независимость субъектов. Но с принятием принципов суверенного равенства мы получили новую правовую, идеологическую

и культурную конструкцию: независимо от того, является ли государство слабым или сильным, где оно расположено стратегически и географически — оно уравнивается в правах с другими субъектами международных отношений, то есть они имеют одинаковые юридические права и обязанности. Это принципиальный момент, который привел к развалу колониальной системы, возможности более слабых государств защищать свои права и т. д. В такое развитие событий значительный вклад внес Советский Союз, и нам ни в коем случае нельзя забывать об этом. В результате в Конституции России в п. 4 ст. 15 указано, что основные принципы и нормы международного права, договоры Российской Федерации являются составной частью правовой системы России, а в случае расхождения между нормой внутреннего права и нормой международного договора России приоритет имеют нормы международного договора. Это очень важное положение подчеркнуто в нашей Конституции: нормы международного права имеют приоритетное значение.

Однако не будем идеализировать действительность. Мы живем в реальных условиях, где международное право нередко нарушается. Меня часто спрашивают: «Внутри государства понятно — есть уголовный и прочие кодексы, с помощью которых нарушителя можно привлечь к ответственности. А если нарушается международное право, то никого нельзя наказать! Как же реализовать это право?» Тем не менее оно существует. Международное сообщество принимает, что норма соблюдается не только тогда, когда над тобой стоит человек с дубинкой, но и тогда, когда люди об этом договорились. Или государства. К тому же в международном праве существует такая мера, как санкция. Еще одно сравнение, подтверждающее важность международного права. Несмотря на уголовный кодекс, преступления все же совершаются, но никто не ставит под сомнение необходимость уголовного права. То же самое в международном праве: нарушение права не означает, что оно не нужно или бесполезно.

Повторяю, право, в том числе и международное, является инструментом, но существует опасность применения его норм фрагментарно, без учета других. Например, мы сталкиваемся с попытками противопоставления принципа самоопределения народов и принципа территориальной целостности, тогда как международное право говорит о том, что мы должны применять все принципы одновременно, нельзя говорить об одном, игнорируя другое. В последнее время из контекста международного права «выдергиваются» политические права человека и делается акцент на них, это используется для давления на режимы неугодных государств. Последствия мы наблюдаем в Ливии и Сирии: удается свергнуть законное правительство либо происходит поддержка оппозиции, ведущей вооруженную борьбу с целью насильственного или нелегитимного свержения правительства.

Что касается международного сообщества, то оно тоже подчеркивает важность международного права. Так, 13 января 2013 года была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о верховенстве права. Для Российской Федерации поддержка современного

международного права является выгодной и правильной линией внешней политики. В последней концепции внешней политики России, принятой 12 февраля 2013 года, практически в каждом абзаце упоминается международное право в том или ином виде, что очень отрадно.

К. МИНИН, III курс, юридический факультет: — В своем выступлении Вы говорили о приоритете норм международного права и привели в пример Ливию и Сирию. Однако Вы утверждаете, что действия Соединенных Штатов там были неправомерными. Объясните, пожалуйста, почему Вы так считаете? И второй вопрос. В международном праве акцент часто делается на том, что представление справедливости может выступать источником международного права. Что Вы думаете по этому поводу? Спасибо большое.

А. А. МОИСЕЕВ: — А что такое справедливость? Я, как юрист и исследователь, не могу дать определение. Хотя право — и внутригосударственное, и международное — с помощью своих норм решает именно вопросы справедливости. В задачи юристов не входят рассуждения о том, что справедливо, а что нет; они должны обеспечивать соблюдение норм права. Поэтому я бы ответил на этот вопрос так. Что касается Сирии, то международной общепризнанной оценки нынешним событиям пока не дано, но очевидно, что есть односторонняя поддержка Западом оппозиции, действий, направленных на свержение режима. Мы знаем, что изменение того или иного режима возможно демократическим путем, во всяком случае об этом заявляется в международных и внутригосударственных документах. Однако в Сирии не проводилось ни референдума, ни выборов, а вместо этого продолжают беспорядки в попытке свергнуть действующую власть.

Е. БРЕСЛАВСКИЙ, II курс, юридический факультет: — Вы говорите, что, вступая в международные отношения, страны соглашаются на оговоренные условия. А как обеспечивается соблюдение этих условий? Ведь возможно нарушение соглашения, есть ли механизм принуждения, чтобы этого не происходило?

А. А. МОИСЕЕВ: — Во-первых, международное право предусматривает санкции. Во-вторых, если нормы или действия государства не отвечают общей логике развития международных отношений, то они являются ущербными. Например, никакой суд до сих пор не дал оценки событиям в Ираке, когда были нанесены удары под предлогом того, что якобы в стране есть ядерное оружие и это представляет угрозу. В действительности все оказалось по-другому. Мы видим, что международное право, в отличие от внутригосударственного, более «растянуто», то есть оценка будет сделана, но, видимо, позже. Но что мы имеем сейчас? Политический режим, который существовал в этом государстве, бесследно исчез, никто о нем не вспоминает, но последствия оказались плачевными.

То есть международное право близко к философии. Один философ сказал, что в тех случаях, когда ему

не хватает фактического материала для развития мысли в той или иной ситуации, он обращается к документам международного права, потому что они отражают те ключевые нормы, которым должны следовать государства в историческом периоде для того, чтобы быть эффективными. Действительно, в международном праве не предусмотрена машина подавления, но здесь действуют другие механизмы, не менее эффективные.

Могу продолжить рассуждать на эту тему с точки зрения власти. Если государство или отдельные представители власти действуют неэффективно, пусть даже не внутри государства, а во внешней политике, то возникает вопрос об их легитимности, что, в конечном счете, сокращает срок их пребывания во власти.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — С удовольствием предоставляю слово нашему гостю, господину Бауэру.

Т. БАУЭР: — Григорий Феликсович затронул вопрос, можно ли влюбиться в другую страну. По своему опыту знаю, что это не только возможно, но и очень приятно. Я впервые был на берегах Невы более полувека назад, с тех пор несколько раз приезжал сюда и в другие города России и все это время испытываю любовь к русскому языку, к русскому народу, русской культуре и науке.

В последние годы в моей стране, Венгрии, вместо экономического подъема, которого ожидало нынешнее правительство, наблюдается спад. Я задал себе вопрос: почему? Намерение нового правительства состояло в том, чтобы после нескольких лет неблагоприятного периода перейти к динамичному экономическому росту. Почему раньше развитие тормозилось? В Венгрии был кризис — и по внутренним причинам, и по внешним. Начиная с 2006 года предыдущее правительство было вынуждено сократить внутреннее потребление и инвестиции, и это привело к стагнации в экономике, осложненной к тому же последствиями международного финансового кризиса 2008–2009 годов. В 2010 году новое правительство приняло меры для оживления экономики: снизило подоходный налог с населения и налоги с малого бизнеса и ввело совокупный налог, как и несколько лет назад в России. Они надеялись, что это приведет к активизации предпринимательской деятельности и началу роста венгерской экономики. На самом деле стагнация продолжилась, и прежде всего продолжился спад инвестиций в венгерскую экономику, начавшийся в 2007 году. В последние четыре года продолжается сокращение инвестиций вообще, и особенно прямых иностранных инвестиций.

Почему нынешним руководителям не удалось достичь поставленных целей? Они недооценили роль доверия и предсказуемости в современной экономике. Доверие, предсказуемость — важные ценности во взаимоотношениях между людьми, но какое отношение они имеют к рыночной экономике? Мы всегда слышали, что при капитализме человек человеку волк, все борются между собой, так что никакое доверие невозможно. На самом деле в современном капитализме все по-другому. Экономические субъекты налаживают многосторонние взаимоотношения. Каждая фирма

стремится к тому, чтобы сделать свою деятельность как можно эффективнее: с одной стороны, выбрать самого хорошего поставщика, который надежно и недорого поставит нужные материалы, с другой — найти такого потребителя, который готов заплатить побольше. Невозможно каждый день искать нового поставщика и нового покупателя, это требует слишком больших затрат и приводит к потерям. Поэтому все экономические субъекты стараются найти надежного партнера, с которым можно наладить прочные, надежные хозяйственные связи. Известно, например, что крупные фирмы, такие, например, как немецкий «Фольксваген», обычно сотрудничают со своими поставщиками на протяжении многих десятилетий, а это значит, что между партнерами складываются доверительные отношения. Если поставщик поставляет качественный товар в оговоренные сроки, то предприятие-покупатель готово даже переплатить, потому что надежность для него очень важна. В этом и состоит роль доверия в экономике. Другой вопрос — отношения между государством и предприятием. Если правила игры достаточно стабильные, то предприятие действует в предсказуемой экономической ситуации: какие условия сегодня, такие будут и завтра. Эта определенность условий возможна в случае предсказуемого правительства. Таким образом, повторяю, доверие и предсказуемость — две важнейшие ценности в экономической жизни.

Что случилось в Центральной и Восточной Европе после распада социалистической системы? Мы стали строить капитализм. Постепенно между предприятиями наладились прочные связи, и между предприятиями и государством сформировалось доверие, возникла предсказуемость условий. А новое венгерское правительство снизило одни налоги, прежде всего подоходный налог для населения и налог на прибыль для мелких предприятий, и в то же время увеличило другие — косвенные налоги и прямые налоги на банки и крупные зарубежные предприятия. Вследствие этих и некоторых других решений в венгерской экономике исчезло доверие и предсказуемость действий государства. Поэтому резко сократились инвестиции, иностранный и даже отечественный капитал начал утекать из Венгрии. Еще раз подчеркну: важнейшие ценности в экономике — доверие и предсказуемость; таким образом, мы получаем совсем иную картину функционирования капиталистического рыночного хозяйства, чем привыкли об этом говорить.

И последнее замечание. Вчера на пленарном заседании многие участники довольно критически рассматривали роль денег, сопоставляя деньги и ценности. Сегодня Александр Сергеевич повторил эту мысль в очень острой форме, связав ее с критическим подходом к деятельности моего покойного коллеги Егора Тимуровича Гайдара и ряда его коллег. Я хочу обратить внимание на следующее. Деньги как институт современной экономики — носитель двух важных ценностей. Первая ценность — свобода. Каким образом деньги связаны со свободой в крупной и сложной экономике? Существует очень много взаимных зависимостей между субъектами, они могут быть либо денежные, либо не денежные, личные, натуральные. В плановом

хозяйстве была система личных, ведомственных подчинений вместо денежных. Так вот, важная роль реформ Гайдара состояла в том, что в России, как и в странах Центральной и Восточной Европы, вместо личных, не денежных зависимостей была создана система денежной зависимости, что создает свободу и для предприятий, и для людей. Вторая важная ценность — ответственность. Мы всегда должны учитывать, что если построим футбольные стадионы, как это сделали в Венгрии, то может не хватить средств на здравоохранение. Если для вас важны Олимпийские игры, то меньше средств останется на другие цели. Значит, денежное хозяйство — это выражение ответственности, которая является очень важной ценностью в жизни и отдельного человека, и целого общества, но прежде всего руководителей. Вот связь между культурой, ценностями и экономикой.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляется профессору Чеберко Евгению Федоровичу.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Сегодняшняя дискуссия натолкнула меня на некоторые мысли. Во-первых, не могу не высказаться по поводу неоклассической теории. На мой взгляд, она сыграла в некоторой степени негативную роль и отходит на второй план, во всяком случае складывается такое впечатление на основе некоторых действий наших руководителей. Достаточно вспомнить, что в 1990-х годах экономическим советником Президента России был Андрей Илларионов, который сейчас благополучно пребывает в Институте Катона в Соединенных Штатах Америки. А сейчас, если не ошибаюсь, таким советником стал академик Глазьев, и это о многом говорит. Политика явно поворачивает в другую сторону.

Что касается проблем, связанных с деньгами, то здесь подходы могут быть разные, но, на мой взгляд, мы не совсем верно расставляем акценты. Речь идет не о деньгах, а о политике, которая проводится на основе монетаристских идей. Ведь что такое идея Гайдара и его команды? Это использование чисто монетаристских методов реализации экономической политики в тот момент. Монетаризм как теория возник довольно давно, а реализовываться в политике начал только в конце 1980-х годов в Соединенных Штатах Америки, когда президент Рейган начал проводить так называемую «политику рейганомики». За США последовали всего три страны: Великобритания, Чили и Россия 1990-х годов. Почему на это не решились европейские страны, объявившие лозунг «Назад к Адаму Смиту»? Дело в том, что в чистом виде монетаризм — очень жесткая политика. Она могла быть приемлема в Соединенных Штатах Америки, поскольку там сложилась специфическая ситуация. В послевоенный период преобладали кейнсианские и некейнсианские варианты экономической политики, и это привело к тому, что государство «въехало» в экономику слишком далеко. Вообще в этом отношении государство, если ему дать волю, начинает выходить за рамки дозволенного, так всегда было и будет. Появление в тот момент таких концепций, как «государство всеобщего благоденствия», «демократиза-

ция капитала» и другие, было обусловлено именно концентрацией экономической власти в руках государства. Это, безусловно, надо было пресечь. Но в какой форме? Монетаризм объявлял: «Государство — вон из экономики!», но в США это, в сущности, осталось декларацией, а реализовало этот лозунг правительство Гайдара в России. В чем разница? Я образно сформулировал бы так: заевшиеся, задремавшие от сытости США и Великобритания нуждались в толчке, так как у них практически исчезли экономические стимулы. Выражаясь неакадемическим языком, им надо было дать пинка, чему и поспособствовали монетаристские идеи. А полуголодная, разрушенная Россия в 1990-е годы в этом не нуждалась, поэтому уход государства из экономики на тот момент сыграл сугубо негативную роль.

Что же касается соотношения экономики и культуры, то на эти вопросы возможны разные взгляды. Почему сегодня экономисты обращают такое пристальное внимание на культурологию? Здесь, видимо, причина не одна, и никогда культура не была на задворках, здесь Александр Сергеевич как раз говорил о том, что мы не внимательно читаем Маркса. Не знаю, насколько хорошо я читал Маркса, но у меня никогда не складывалось впечатление, что культура у него была вторична. В частности, можно вспомнить его тезисы о будущей системе, в которой высшей ценностью будет свободное время, а люди, постепенно вытесняемые из сферы производства, будут заняты исключительно творческим трудом. Так что он придавал культуре первостепенное значение. Другое дело, что сейчас, в период сложных реформ, резко возрастает роль человеческого фактора. Известно, что определений культуры очень много; я согласен с одним из них: культура — это все, что создано человеком. Но культура в обыденном восприятии — это нечто нематериальное, духовное, связанное с моралью, нравственностью и т. д. На мой взгляд, это просто два понимания — узкое и широкое. Если взять культуру в широком смысле, то непонятно, каково соотношение культур и экономик. Можно прийти к выводу, что во всем плохом виновата культура, так же как и за все хорошее мы должны ее благодарить. В связи с этим вспоминается известная миниатюра Жванецкого:

«Консерватория, аспирантура, мошенничество, афера, суд, Сибирь.

Консерватория, частные уроки, еще одни частные уроки, зубные протезы, золото, мебель, суд, Сибирь.

Консерватория, концертмейстерство, торговый техникум, зав. производством, икра, крабы, валюта, золото, суд, Сибирь.

«Может, что-то в консерватории подправить?»

Это, конечно, шутка, но в принципе о значении культуры экономисты всегда помнили. Коллеги замечательно здесь говорили о дореволюционных исследованиях в области юриспруденции и экономики именно с этой точки зрения. В 1912 году академик Янжул написал работу «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)», назвав нравственность фактором, способствующим экономическому развитию во все времена. По его словам, «жизнеспособность народа зависит от его любви к правдивости. Народ, который честен, тем самым силен не только нравственно, но и экономически».

Особенно важно его видение будущего экономической науки: «Таким образом, лишь одновременное воздействие развития образования и улучшения нравственности и специально честности может значительно поднять и поставить всю настоящую культуру на твердые основания и сделать ее прочной и долговечной. В этом заключается цель и назначение будущей науки народного хозяйства в истинном смысле этого слова». То есть исследования на эту тему велись уже тогда и продолжают сейчас. Но почему сегодня экономические исследования особенно ориентируются на это направление? Вероятно, появление новых экономических отношений, переход от одного технологического уклада к другому требует новых нравственных норм поведения человека. То есть закладываются основы для каких-то новых общественных отношений.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Я услышал два названия экономических учений — историческая школа и институциональная школа. Но точно такие же названия есть и в правоведении! Представляется, что на этой основе возможно содружество политэкономии и юриспруденции.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Связь юридической и экономических наук вообще очень тесная. Уважаемый коллега Шемшученко рассказал, что он окончил юридический факультет, который потом объединили с экономическим. И мы прекрасно помним, что в Санкт-Петербургском университете когда-то был юридический факультет с отделением экономики, которое впоследствии отделилось. То есть наши науки исторически взаимосвязаны. И многие ученые работали на стыке юридических и экономических знаний; во всяком случае, я не мыслю свою деятельность без знания правовых основ.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Часто приходится слышать, что Россия не нуждалась в столь жестких реформах. Но те потребности, которые сформировались перед этим, — в потребительских товарах, широком доступе к информации и другие, — можно ли было их удовлетворить без тех реформ?

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Реформы были необходимы, в этом нет сомнений. Но как они проводились, не слишком ли жестко? Я бы выбрал какой-нибудь более «христианский» вариант.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Следующий выступающий — профессор Мартышин Орест Владимирович.

О. В. МАРТЫШИН: — Мне хотелось бы тоже коснуться вопроса системы ценностей, но скорее в государственно-правовом аспекте. Вчера на пленарном заседании среди многих мыслей было, в частности, сказано, что в России проблема ценностей приобрела особое значение в связи с процессом деидеологизации, осуществленным в нашей стране. Этот процесс имел одно безусловно положительное последствие:

возникновение плюрализма — идейного, политического и др. Но наряду с этим и ряд отрицательных последствий. Первое — идеологическая аморфность государства, неясность ориентиров; второе, не менее страшное, — торжество материальных ценностей. То, что было спрятано в подполье, вылезло наружу, открыто себя провозглашает, кичится своими возможностями и заставляет всех считаться с этим. Позволю себе поспорить с профессором Бауэром. Деньги — ценность, это всем известно. В «Иване Сусанине» (советский вариант «Жизни за царя») главный герой произносит:

Да, да, вы правы, деньги — сила,
Червонцы лучше, чем могила.

Да, деньги сила, материальная ценность. Профессор Гурвич употребляет термин «отрицательная ценность»; наша же тема — ценности положительные. Вчера на заседании был поставлен интересный вопрос: природа, истоки этих ценностей — интернациональны или национальны? Однозначного ответа быть не может: и то, и другое неизбежно и важно. В то же время ставить вопрос о том, что национальные ценности и традиции могут противоречить общечеловеческим, по-моему, было бы не корректно. Не всякая национальная традиция представляет собой ценность. И надо ставить вопрос о том, что те традиции, которые противоречат общечеловеческим ценностям, надо изживать.

Есть одна особенность российской истории и национального менталитета, которая распространяется, конечно, и на проблему ценностей, — стремление к крайностям, готовность переходить от одной крайности к другой. Вот как красиво изложил эту особенность Константин Леонтьев, один из самых знаменитых и откровенных идеологов русского консерватизма XIX века: «Чтобы русскому народу действительно пробыть надолго тем народом-“богоносцем”, от которого ждал так много наш пламенный народоловец Достоевский, — он должен быть ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен, иначе через какие-нибудь полвека, не более, он из народа-“богоносца” станет мало-помалу и, сам того не замечая, народом-“богоборцем”, и даже скорее любого другого народа, быть может, ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей». Вот такие крайности мы наблюдаем в постсоветское время и в решении проблемы ценностей. Первая крайность — тезис «Приоритет прав человека». Он получил исключительную популярность среди юристов, которые при этом опираются на неудачное, неточное положение Конституции «Права человека есть высшая ценность». Конституция, провозгласив это в ст. 2, 55, сама себя опровергает, устанавливая причины, по которым права человека не только могут, но и должны быть ограничены. Идея приоритета прав человека получила разнообразные воплощения в нашей юридической теории. Очень моден тезис, что есть системоцентристское общество, под которым подразумевают в первую очередь общество тоталитарное, и есть персоноцентристское. И все исходят из этого деления, стремясь к так называемому персоноцентристскому обществу. А мне кажется, что все общества могут быть только системоцентристскими, потому что персоноцентризм — это анархическая

идея, распад, ибо общество живо за счет центростремительных, а не центробежных сил.

Однако сейчас ситуация быстро меняется. Происходит поворот от всеобщих, интернациональных ценностей к национальным, от либеральных к консервативным. И это тоже наблюдается в нашей жизни и юридической литературе. Можно признать, что консерватизм — это идеология правящей партии, «Единой России», причем у многих идеологов этого консерватизма он приобретает совершенно очевидный реставраторский характер, и это не консерватизм по отношению к распавшемуся советскому строю, а попытка возродить дореволюционную монархическую Россию, в которой православная церковь была государственным институтом. Отсюда претензии нашей крупнейшей религиозной организации — Русской православной церкви — на то, чтобы быть носителем национальной культуры и традиции, творцом новой национальной идеологии, которая должна объединить всю страну. Эти тенденции получили полное и яркое воплощение и в юридической литературе. Появилось целое направление, которое называлось сначала «консервативная русская политическая мысль», а сейчас еще хлеще — «охранительная русская политическая мысль». В последние годы вышло несколько книг по истории охранительной политико-правовой мысли и правовых культур.

К. МИНИН: — В своем выступлении Вы упомянули о чрезмерной концентрации внимания на правах человека в нашей Конституции и вообще в правовом поле. А как Вы себе представляете построение гражданского общества? Возможно ли оно без внимания к правам человека?

О. В. МАРТЫШИН: — Совершенно очевидно, что уважение и гарантия прав человека — необходимое условие гражданского общества и правового демократического государства. Я выступаю не против прав человека, а против утверждения приоритета прав человека над правами того же гражданского общества, правами нации, государства или любого объединения. В юридической литературе вы найдете такое понимание этого приоритета, и не только в научной. Возьмите действующие до сих пор Основы законодательства Российской Федерации в области культуры, принятые в 1992 году. Там четко сказано, что в области культуры именно права человека приоритетны относительно права государства, нации, любого объединения, партии, профсоюза, религиозных групп, этнических групп и др. Это явное преувеличение, и это нереально. Хороший текст Конституции выглядел бы так: «Конституция Российской Федерации гарантирует осуществление прав человека»; это четкая и достаточная юридическая формулировка. А у нас как? «Права человека — высшая ценность». Это не норма права, а общая декларация, из которой можно сделать любые выводы.

Е. БРЕСЛАВСКИЙ: — Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил о том, что честь, порядочность и совесть — основополагающие факторы формирования личности. Мне кажется, что эти же духовные ориенти-

ры можно применить и к юриспруденции и экономике в нашей стране. Как Вы полагаете?

О. В. МАРТЫШИН: — Да, конечно. Есть универсальные ценности, о них сегодня не раз упоминали. Я бы на первое место поставил справедливость, потом равенство, свободу. Законность, но это уже специфически правовая ценность. Кстати сказать, общее благо — тоже одна из ценностей и неперенный компонент справедливости на протяжении всей истории философии. От Аристотеля до наших дней общее благо рассматривается как важный показатель справедливости.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Приглашаю на трибуну профессора Сафонова Владимира Николаевича.

В. Н. САФОНОВ: — Я не первый раз здесь выступаю и в очередной раз убеждаюсь, что студенты задают хорошие вопросы. Я не очень люблю монологические выступления и всегда стремлюсь к диалогу. Еще Михаил Михайлович Бахтин говорил о диалогическом характере культуры. Поэтому я выскажу ремарки по поводу выступлений двух коллег, с которыми много лет знаком, Ореста Владимировича и Владимира Георгиевича, о равенстве и справедливости. Хочу поддержать Владимира Георгиевича: принцип формального равенства не является основополагающей и исчерпывающей основой права, как думают изучаемые мною на протяжении 30 лет американские юристы. Полагаю, что гораздо более эффективен принцип справедливости. Приведу пример. Еду я в машине в Северной Америке, дорога хорошая, скорость высокая... И вдруг водитель сбавляет ход, и мы движемся очень медленно. В чем дело? А в том, что на дороге огромные рекламные щиты, которые буквально не дают ехать. Я говорю: «Как же так?! В гражданском законодательстве всех штатов рекламная деятельность детально регламентирована, в том числе и с точки зрения морального ущерба, который наносит нам реклама, мы все от этого страдаем, — и вдруг такое». А мне в ответ: «Здесь индейская резервация, и местным властям нужно зарабатывать. Это несправедливо по отношению к водителям,двигающимся по этому шоссе, но справедливо по отношению к местным жителям». Таким образом, когда мы говорим о правах и справедливости, всегда нужно иметь в виду соотношение ценностей, — то, чего недостает в нашем обществе, которое преследует часто противоположные цели. Наше общество сильно раздроблено, сегодня проблем еще больше, чем раньше.

А теперь обращусь к юридической науке. В нее не вполне вошло такое понятие, как «государственный режим». Я отдаю должное недавно ушедшему от нас Сергею Сергеевичу Алексею, который обращал внимание прежде всего на субъект этого понятия. Вообще в теории права есть понятие правового режима, и одна группа теоретиков говорит, что главное — субъект правового режима, другая утверждает, что главное — объект: таможенный правовой режим, любой отраслевой режим и т. д. Понятие «правовой режим» аморфно. Многие говорят о государственно-правовом режиме, в наших учебниках постоянно речь идет о политическом режиме.

Коллега Игорь Андреевич Исаев в своей недавней книге говорит о том, что понятия государственного режима и политического режима идентичны.

Интересно рассмотреть западный опыт. Вот американские ценности. У нас распространено мнение, в том числе его можно услышать, к сожалению, и от политиков, что американские ценности — это прежде всего частная собственность и свобода предпринимательства. Так-то оно так, но, как говорил вчера участник Чтений из Техаса, более важными являются пределы, рамки, чувство меры. Я только что привел пример американского отношения к запросам некоторых общественных групп. И еще должен сказать, что нынешний состав Верховного Суда США (а я изучаю Верховный Суд на протяжении 40 лет) самый реакционно-консервативный, проповедующий сплошь либеральные ценности. И что? 12 апреля 2012 года там было проведено голосование по программе медицинского страхования стоимостью в 1 трлн 700 млрд долларов. Программа предусматривает, что не только престарелые и отдельные группы инвалидов будут получать бесплатное медицинское обслуживание, но гораздо более значительная часть населения. И Верховный Суд большинством голосов принимает эту программу. В связи с этим возникает вопрос о природе власти. Как говорит коллега Исаев, природа власти в том, что она институциональна и естественна. Из-за своей институциональной природы власть воспроизводит саму себя, особенно это очевидно в России, поэтому она часто остается скрытой, закулисной. В Америке это тоже есть — я далек от идеализации. Но там присутствует и другое: реальные принципы и ценности.

И в заключение — о конституционной традиции. Возьмем традицию Америки — неприкосновенность частной собственности. Однако для строительства третьего Диснейленда, во Флориде, Верховный Суд постановил снести 200 домов. Хотя они были построены на законном основании! Но дело в том, что Диснейленд и смежные, скажем так, фирмы и предприятия, которые будут построены, обеспечат работой примерно 70 тыс. молодых людей и дадут толчок для развития этой части Флориды. И Верховный Суд принимает решение о сносе. Мы всегда говорим, что общее право — это мораль. Но какая мораль в решении Верховного Суда? А мораль в том, что эти домики строились в 1950-х годах при Эйзенхауэре. А жителям снесенных домов в качестве компенсации дали другие, вполне пристойные и современные, между Флоридой и Джорджией. Богатое общество способно быть моральным.

Конституционная традиция формируется государственным режимом, а государственный режим — это, прежде всего, принципы и ценности. У США их четыре. Вчера я слушал выступления представителей Конституционного Суда, и мне хотелось включиться в дискуссию по поводу ценностей. Действительно, одна из этих ценностей — конституционное правосудие, понимаемое как интерпретация Конституции, ее увязывание с современными потребностями и ценностями. К сожалению, наш Конституционный Суд часто занимает нейтральную позицию, как это произошло в 2005 году. Основные ценности, которые выше идеологии прав че-

ловека, — разделение властей и федерализм. Спасибо за внимание.

В. Л. МАКАРОВ: — Следующий выступающий — профессор Честнов Илья Львович.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Несколько слов в защиту постклассической теории права, которую сегодня критиковали. Наверное, претензии были справедливые: она не вполне доработана, недостаточно аргументированна. Новая, возникающая на наших глазах концепция еще не завершена. Кстати, обратите внимание, что ни одна из классических концепций не была доведена до логической точки. Например, позитивизм XIX века не был завершен, нормативизм XX века, как оказалось, не может быть обоснован, историческая школа права была поставлена под сомнение из-за проблематичности некоторых оснований, и т. д.

Однако что представляет собой постклассическая теория права? Академик Степин много пишет о постклассической философии, связывая ее с формированием новой картины мира. На мой взгляд, и право, и экономика, и политика не являются самодостаточными явлениями, отгороженными Китайской стеной друг от друга и от общества. Поэтому если сегодня господствует та или иная картина мира, то она не может быть доминирующей и в праве. Но с чем ее можно связать, эту самую постклассику, применительно к праву? В первых, это человекоцентризм в праве. Орест Владимирович говорит о том, что персоноцентризм приводит к анархии. Возможно, это так — в гипертрофированной версии. Но, наверное, персоноцентризм можно понимать немного по-другому. Например, так, что право, так же как и экономика и политика, не существует вне и без человека. Например, институт права ориентирован на усредненного обезличенного человека, который выступает как правовой статус. А применительно к конкретному человеку, который может выполнять функции этого института, опять-таки, что такое норма права? Это модель поведения. Кто субъект поведения? Конечно, человек. Поэтому норма права ориентирована опять же на обезличенного человека. Человек персоноличный, скажем так, возникает в правоотношениях, норма права, реализуется в правоотношениях и там уже действует. Даже если с юридической точки зрения считается, что в правоотношения вступают коллективные субъекты, все равно они действуют через своего представителя. Поэтому субъект правоотношения в эмпирической реальности — это человек как носитель статуса: физического лица в одних правоотношениях, должностного лица в других, в том числе представителя юридического лица в гражданском праве.

Но человек специализирован в рамках определенной культуры, и из-за этого возникает самый сложный и важный феномен: многообразие культур, влияющих на действие права, которое опять-таки действует через человека, например через его восприятие ценностей, закрепляемых в Конституции, законодательстве, и через индивидуальные потребности, которые есть у каждого. Проблема в том, что в разных культурах системы ценностей разные, и если универсальная культура

сформируется, то это произойдет не в ближайшем будущем, несмотря на глобализацию. К тому же процессы глобализации сопровождаются локализацией. В каких-то вопросах, несомненно, происходит сближение, но в чем-то, в частности в вопросах культуры, религии, наоборот, разобщение. Конкретный пример. Право — это мера свободы, но если в Англии свобода — одна из важнейших ценностей и трактуется как возможность совершения тех или иных действий, ограниченная свободой другого, то в Японии как эгоизм — противопоставление себя другому. Не вполне понятно, как японцы в таком случае обходятся с правами человека. В Японии гражданский процессуальный кодекс составлен по образу и подобию кодексов стран континентальной Европы, по форме это романо-германская правовая система, однако частота обращений в суды по гражданским делам в 10 раз меньше на единицу населения, чем в европейских странах. И не потому, что там рассматривается меньше гражданских дел, а потому, что японцы предпочитают обращаться к нормам гири, к примиренческим процедурам. Кстати, суд в обязательном порядке сам назначает примиренческую процедуру даже тогда, когда японцы туда обращаются, поэтому до судебного решения доходит только треть дел, поступивших на рассмотрение суда. Есть и другие существенные отличия, которые дают основания самому, на мой взгляд, авторитетному криминологу нашей страны профессору Гилюнскому утверждать, что нет универсальных составов преступления. Казалось бы, как это нет — вот, например, убийство. Однако даже убийство может трактоваться принципиально по-разному. На войне чем больше убьешь людей, тем больше медалей получишь. Бывает убийство на дуэли, в случае необходимой обороны и многие другие. Таким образом, с точки зрения Гилюнского, все это можно квалифицировать по ст. 105 УК РФ. А есть ли вообще в праве что-нибудь универсальное? Такое, что позволяет рассматривать те или иные нормы именно как право? На мой взгляд, такой универсальный критерий есть, и поэтому постклассика — это не постмодернизм, который отрицает все, что можно отрицать, деконструируя до полной анархии и расчленения. Таким универсальным свойством, на мой взгляд, является функциональная значимость права. Право — это такие нормы, которые обеспечивают выживаемость соответствующего общества. Спасибо за внимание.

В. Л. МАКАРОВ: — А есть ли универсальные ценности и обсуждаются ли они в постнеклассической философии?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Академик Степин в своих трудах пишет о том, что ценность развития — это универсальная, всеобщая, вечная ценность. Другое дело, что эта ценность в разных культурах (а он различает патриархальную, техногенную, посттехногенную культуры) реализуется по-разному. На мой взгляд, такой ценностью является выживаемость, но она обеспечивается по-разному. Опять-таки есть сложная проблема соотношения выживаемости и самореализации. Рональд Инглхарт, американский культуролог, пишет о том, что в традиционном обществе главное — выжи-

ваемость, а в постиндустриальном — самореализация. Согласен, но самореализация возможна только тогда, когда есть минимум выживаемости. С моей точки зрения, это и есть универсальная ценность.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Илья Леонидович, среди американских ученых существует мнение, что эпоха моральных ценностей закончилась. Мы все умеем объяснять, но задача науки не в этом, а в том, чтобы подняться на новую ступень. Поэтому должны быть вечные ценности, правда, постулируется это иначе, как классические и политические принципы и классическая мораль. Как Вы к этому относитесь?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Позиция Рональда Дворкина, на мой взгляд, несколько противоречива, поскольку у него верхний уровень «империи права» (это его термин) составляют именно моральные принципы. Однако он уходит от ответа на вопрос, что это такое, кстати, приводя аргументацию неоинституциональной экономической теории или теории рационального выбора: это то, что выберут граждане, члены данного общества. И, кстати, именно так трактуют американскую Конституцию, поскольку сегодня такие верхние принципы морали.

Есть знаменитая формула Радбруха: «Законы надо оценивать с точки зрения морали в том случае, когда они вопиюще несправедливы». То есть оценивать как негативные, и, следовательно, в таком случае у народа появляется право на восстание. Такие законы были, например, в фашистской Германии.

Однако в чем еще проблема диалога культур? 11 сентября 2001 года выходцы из стран Ближнего Востока, живущие на пособие в лагере для переселенцев в Нидерландах, ликовали. Живут на территории западноевропейской страны, которая объявила день траура, и радуются. Где общие, универсальные ценности?

В. Л. МАКАРОВ: — Следующий выступающий — Скоробогатов Андрей Владимирович.

А. В. СКОРОБОГАТОВ: — Уважаемые коллеги, мы много говорим о цивилизационном подходе, и мне тоже хотелось бы в рамках цивилизационного подхода, связанного с правовой культурой, с теми ее особенностями, которые сформировались в России и во многом определяют поведение российских граждан, коснуться вопроса правового поведения. Я не могу сказать «правомерное поведение», поскольку в той теории государства и права, которая господствует у нас, «правомерное» понимается как поведение в соответствии с законом. Говорить же о том, что наши граждане поступают на основе закона, будет не совсем справедливо; скорее они поступают в соответствии с тем, что считается правильным в обществе. В связи с этим несколько тезисов. Первый: российская правовая культура, как и российская культура в целом, носит пограничный характер — с точки зрения не территориальности, а культуры, западной и восточной. Если посмотреть на формирование российской правовой культуры, то можно говорить о рецепции и западных, и восточных ценностей. С одной стороны, традиционно, начиная с Владимира

Святославича, мы говорим о проникновении восточных ценностей — сначала византийских, затем «золотоордынских», в том числе и китайских. Благодаря восточному влиянию сформировался определенный приоритет не индивидуальных, а коллективных интересов и вне правовых регуляторов, то есть в случае противоречия между законом и справедливостью приоритет будет отдаваться справедливости. Соответственно если перед российским гражданином стоит выбор: как поступить — по закону или по справедливости, то он поступит по справедливости. Но при этом справедливость для многих трактуется не так некий абстрактный идеал, а означает поступать «правильно», «как все». Если *все* переходят дорогу на красный свет, значит, это правильно, а «правильно», значит, «можно», даже если это противоречит закону. С другой стороны, мы можем говорить и о рецепции западного права, начиная с Петра I, может быть, даже чуть раньше, с Алексея Михайловича. Однако это не затрагивает глубинных основ общества, и скорее можно говорить о том, что в России формируется своеобразная правовая культура, которая носит в целом этический характер, но при этом имеет нормативное выражение. Особенно это характерно для последних двух десятилетий, когда очевидно влияние американской культуры, американских ценностей без учета того, насколько это соответствует российским традициям. Хорошие они или плохие, но реформы должны проводиться с учетом традиций.

Кроме того, применительно к современной правовой культуре можно говорить о еще двух путях. Сейчас идет активное обращение к дореволюционной правовой доктрине, которая, как совершенно справедливо сказал Олег Владимирович, представляется идеалом. При этом мы упускаем из виду, что в царской России законность воспринималась с точки зрения установления ее сакральной власти: та справедливость, которая есть в народе, и та, что идет от власти, — обе носят сакральный, божественный характер, а значит, не противостоят друг другу. Сейчас этого нет, хотя определенная сакрализация власти у нас присутствует. И, безусловно, сохраняются традиции советской правовой культуры, прежде всего надправовых регуляторов, таких как моральный кодекс строителя коммунизма, который в значительной степени исполнял роль права.

И второй тезис, на котором мне хотелось бы остановиться, — тот кризис правопонимания и правовой культуры, который породила Конституция. В тот момент, когда создавалась Конституция, отказ от официальной идеологии был необходим, но это привело к тому, что теперь нет единого стержня, который определял бы направление развития правовой системы. Получается, что граждане предполагают одно, государство устанавливает другое. Следствие — правовой инфантилизм, когда нет интереса к праву и человек пытается поступать в соответствии с какими-то иными регуляторами. К тому же в определенной степени подталкивают к этому и СМИ. Посмотрите на засилье фильмов на криминальные темы, различных судебных шоу — в них постоянно подчеркивается противоречие между законом и справедливостью. Даже положительные герои постоянно подчеркивают, что не могут по-

ступать по закону, поскольку это будет несправедливо. Естественно, что и у граждан формируется та же убежденность: так как СМИ подчеркивают, что поступать по закону несправедливо, то закон несправедливый (то есть неправовой) и, значит, соблюдать его не нужно. Это связано с тем, что нет четкой правовой идеологии, правовой доктрины, которая бы определяла единое направление развития права. Поэтому наше право развивается хаотично, во многом это латание дыр.

Повторяю, нет единого стержня и соответственно правовой доктрины, которая помогла бы устранить эту проблему. Еще в 2011 году были приняты Основы государственной политики по развитию правовой культуры и правосознания граждан, в которых предполагается как раз формирование российской гражданской идентичности. А российская гражданская идентичность в свою очередь предполагает достаточно высокий уровень правовой культуры и безусловное доверие к тем органам, которые это создают. Однако, как показывают последние социологические опросы, степень доверия к законодателю в лице Государственной Думы и в целом Федерального собрания и степень доверия к президенту различаются в несколько раз. Доверие к президенту существенно выше, что вполне соответствует российским традициям, когда глава государства воспринимается как хороший царь при плохих боярах. Сакрализация главы государства по-прежнему сохраняется. Еще в одном социологическом исследовании предлагалось ответить на вопрос: «Кто больше борется с коррупцией: местные органы власти, правительство, Федеральное собрание или президент?» Разница в оценках местных органов и президента почти десятикратная, то есть президент лично борется с коррупцией. На этой оптимистичной ноте я бы хотел закончить. Спасибо.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Слово предоставляет профессору Ефремовой Надежде Николаевне.

Н. Н. ЕФРЕМОВА: — В теории и истории государства и права проблеме взаимосвязи и взаимодействия политики, права и экономики традиционно уделялось и уделяется достаточно много внимания. В теории государства и права ее традиционно относят к методологической. И это верно как для экономикоматериалистической, марксистской, так и для немарксистской концепций, в рамках которых определяется сущность и типология обществ, государства и права в связи с их экономическими основаниями.

Марксистская теория обосновала формационный подход к типологии общества, государства и права, в связи с которым эти социальные феномены определялись как одноименные сменяющим друг друга в мировой истории формациям. Иные типологии, основанные на разнообразных социальных критериях, демонстрируют типы общества, государства и права, соответствующие и поименованные в зависимости от удовлетворяемых интересов доминирующих социальных групп: этнических, конфессиональных, сословных и т. д. Известен и цивилизационный подход, основанный на учете комплекса цивилизационных, культурологических критериев. Однако, в отличие

от экономико-материалистического подхода, другие не рассматривают экономический критерий в качестве единственного и базисного. Тем не менее во всех случаях экономика выступает определяющим фактором для общества, государства и права, поскольку создает материальную основу для развития названных социальных институтов, а также иных, в том числе и духовных.

Известный критик марксизма, профессор И. В. Михайловский также отмечал «огромную важность экономической обстановки в жизни человечества». Однако роль экономики в социальном развитии нельзя абсолютизировать. Поскольку на этот процесс влияют также политические, идеологические, духовные (и религиозные), национальные, этнические и другие факторы.

Чаще из этой триады: экономика, государство и право, — в юридической доктрине рассматривают взаимосвязи и взаимодействие экономики и государства. Причем в одних случаях признается первенство экономики, в других — приоритет государства, в третьих — паритет экономики и государства. В зависимости от их соотношения выделяют модели государства: либеральное, тоталитарное и др.

В качестве одного из объектов исследования я выбрала не экономику в целом, а категорию собственности, потому что собственность является, по крайней мере двойственной: имеет и юридическую, и экономическую природу. Собственность в праве — одна из важнейших категорий, она важна для права национального и международного, частного и публичного, для юридических доктрин, законодательства и юридической практики. Два социальных явления — право и экономика — сосуществуют в истории, меняя свое взаимодействие.

До XVIII века в российском законодательстве термины «собственность» и «право собственности» отсутствовали, что породило заблуждения отдельных исследователей об отсутствии такового явления в средневековой истории русского общества и государства.

Однако это неверно: само явление существовало, и как объект, по-разному словесно обозначаемый, регулировалось и охранялось правом: первоначально обычным, а позднее законодательством (хотя отдельные отношения собственности продолжали регулироваться правовыми обычаями до начала XX в.). Тенденции, наметившиеся в XVIII веке в отношении регулирования права собственности, продолжились в XIX — начале XX века. В Своде законов Российской империи была установлена дефиниция права собственности: это «власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно». Уголовным законодательством устанавливалась ответственность за преступления против собственности. Соответствующее гражданское и уголовное законодательство действовало до конца монархического периода.

Однако того понимания собственности, которое пропагандировали западноевропейские просветители, ни российское законодательство, ни практика рассма-

триваемого периода не восприняли, хотя в русской философской и юридической доктрине соответствующие взгляды высказывались и приходило понимание того, что свобода — истинный дух собственности, а суд не только карательный орган, но и орган, обеспечивающий права и свободы личности, в том числе право собственности. Без собственности свобода личности — иллюзия, так же как и свобода и собственность без правовой защиты.

Собственность во многом определяет тип права, уровень его развития по форме и содержанию, в том числе в гуманитарном измерении; право же легализует тип, виды и формы собственности, обеспечивает их регулирование и охрану, одной из цивилизованных форм которой является судебная, ограничивающая произвол. И следовательно: собственность, право, свобода, правосудие — это вечные человеческие ценности, уровень развития и фактическое проявление которых исторически конкретны и обусловлены как материальными, так и духовными факторами, соответствующими времени и культуре.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Наши Чтения подходят к завершению. В свое время Марк Твен, приняв участие в каком-то совещании, вынес резюме: «Самый главный результат заключается в том, что мы не сделали ничего плохого». Мы, действительно, сегодня никому и ничему не навредили, в том числе и юриспруденции. Обсудили довольно широкий круг интересных вопросов, высказали свои соображения, многие из которых, несомненно, заслуживают внимания. Мы рассмотрели актуальные вопросы развития права и экономики с точки зрения взаимосвязи с духовными ценностями, каковой является прежде всего культура, и в этом контексте я абсолютно согласен с теми соображениями и предложениями, которые здесь были высказаны. Думаю, надо и дальше работать над этими предложениями; очевидно, что это — задача будущего.

Я также хочу отметить, что состоявшаяся дискуссия о взаимоотношении права и морали, права и культуры, трактовке самого понятия права оказалась очень содержательной и интересной. Юристы знают, что споры на эти темы ведутся уже давно, и до сих пор выдвигается немало новых идей, но как эти идеи сочетаются с понятием права в классическом понимании? На эту тему я услышал немало интересных мыслей. На мой взгляд, желательно, чтобы сфера регулирования норм морали расширялась, потому что законы далеко не всегда могут решить ту или иную проблему, в то время как превеликая роль денег, наблюдаемая в настоящее время, сказывается на моральных устоях общества. В этом контексте, безусловно, нужна дополнительная большая работа, исследования, выработка рекомендаций и т. д. Надеюсь, что сегодняшняя дискуссия окажется полезной в этом отношении.

Мне очень приятно, что в работе нашей секции участвовали студенты и аспиранты. Они действительно приняли непосредственное, живое участие, и я думаю, что за ними будущее науки и решение тех проблем, которые здесь были затронуты. Желаю всем новых творческих успехов и всего доброго!

Секция 5 НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

17 мая 2013 г. Лекционный зал № 5

Руководители секции:

С. Р. АБРАМОВ заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор
Р. ГЕРРА доктор филологических наук Парижского университета (Франция)

ДОКЛАДЫ

С. Н. Артановский¹

РАННИЙ КОМПАРАТИВИЗМ: БРАТЬЯ ВЕСЕЛОВСКИЕ

В середине XIX века в русской фольклористике и литературоведении появилось течение, которое избрало своим основным методом сравнительно-исторический. Суть этого метода заключалась в том, что ученые пытались установить, в фольклорно-литературной традиции какого народа появились определенные сюжеты, которые потом передавались от народа к народу, принимали новый облик в иной национальной среде, образовывая цепочку «бродячих сюжетов» и в конечном счете становясь частью единого всемирно-исторического литературного процесса.

Теперь немного истории. Становление русской национальной культуры относится к началу XIX века. Импульсами для этого процесса стали победа над наполеоновскими войсками и свободолюбивые духовные поиски русской дворянской интеллигенции, в частности декабристов.

Большой вклад в становление русской науки внесли труды отечественных этнографов, в начале XIX века рьяно взявшихся за изучение русской старины. Позади осталось наивное стремление XVIII столетия найти «дух народов» в неизблемой природе естественного человека и в случайностях исторической жизни. XIX век понял значение истории как закономерного процесса, сформировал историзм в его различных проявлениях.

Одним из таких проявлений историзма был сравнительный метод. До этого в науке о фольклоре господствовала мифологическая школа. Ее главным представителем в России был Александр Николаевич Афанасьев, опубликовавший книгу «Поэтические воззрения славян на природу» (1866–1869). Вслед за ним пришел

¹ Почетный профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Историческое единство человечества и взаимное влияние культур», «Критика современной зарубежной философии», «Исторические закономерности развития культуры», «Введение в социальную экологию», «На перекрестке идей и цивилизаций», «Культура как мудрость».

Ф. И. Буслаев, многочисленные труды которого относятся к более позднему времени.

Основная идея ученых мифологического направления заключалась в том, что в основе духовной жизни древних народов лежала мифология, получившая разработку и развитие в разнообразных художественных произведениях устного фольклора. Ученые мифологической школы утверждали, что наличие сходных сюжетов и мотивов в фольклоре и древней литературе различных народов, часто удаленных друг от друга во времени и пространстве, объясняется общностью их мифологических представлений, что, в свою очередь, вызвано общностью психологического склада человечества.

«Мифологи» — сначала немецкие, например братья Гримм, — накопили много интересных материалов, сделали массу тонких наблюдений, ввели в научный и литературный оборот сказки, пословицы и многое другое. Вслед за Германией Россия и другие европейские страны добились больших успехов в изучении фольклора. Под влиянием этих достижений в России в 1840-е годы появилось и утвердилось в общественной мысли понятие *народности*. Под народностью понимали совокупность обычаев, особенностей быта, представлений и верований этноса. В независимой русской мысли народность противопоставляли летописи княжеских и царских ратных подвигов и завоеваний, указов и повелений, иногда и казней. В эти годы Бокль в Лондоне уже обдумывал свою «Историю цивилизации в Англии», позже ставшую настольной книгой русских либералов. Но и в официальной идеологии России нашлось место термину *народность*, который Уваров включил в свою известную формулу, где он был со временем истолкован как антитеза западническому либерализму.

Однако чем дальше рос снежный ком конкретно-этнофольклорного материала, чем больше насыщалось общественным смыслом понятие народности,

тем очевиднее становилось несовершенство методологии мифологов. Все заметнее проявлялись гадательность и произвольность их теоретических построений, и в особенности натянутость тех объяснений, которые они давали памятникам фольклора и древней литературы. Надвигался кризис старой методологии. Чувствовалась потребность в новых идеях. С другой стороны, под влиянием Запада в России проявились свежие тенденции в изобразительном искусстве, литературе, музыке. Но постепенно сложились национальные школы в искусстве и науке, по-своему преобразовавшие то, что шло из Европы. В связи с этим возникло желание сравнить свое и иноземное, проследить параллели, пути распространения западных влияний. В русле этих духовных запросов находится и научное творчество братьев Веселовских.

Опубликованные в 1850-х годах работы Александра Николаевича Веселовского проложили новый путь в гуманитарных исследованиях. В этих трудах ученый дал блестящие образцы применения сравнительно-исторического метода.

Скажем несколько слов о личности Александра Николаевича. Дворянский род Веселовских дал России многих выдающихся деятелей. Особенно известны три брата — Авраам, Исаак и Федор — все дипломаты времен Петра Великого. В Англии и других европейских странах они успешно выполняли важные дипломатические поручения, но иногда им приходилось скрываться в этих странах: прослышав о преследованиях, которым подвергались их друзья и покровители в России, они боялись вернуться домой. Их непростые судьбы подробно описаны в исторической литературе. Александр Николаевич родился в Москве в семье генерала и крупного землевладельца. Научная деятельность его началась за границей. Венцом этого периода было исследование «Вилла Альберти», опубликованное на итальянском языке. Оно имело большой успех в кругу западноевропейских ученых, и Веселовский стал подумывать о том, чтобы навсегда обосноваться в Италии. Но слава его дошла и до Петербурга, и оттуда в Италию пришло письмо с предложением занять место заведующего кафедрой Петербургского университета. Александр Николаевич это предложение принял, и с тех пор его деятельность была неразрывно связана с петербургским университетом и городом на Неве.

Суть научных поисков Веселовского в следующем. Изучив множество произведений древнерусской литературы, ученый обнаружил в них ряд мотивов и сюжетов, которые встречаются в литературных памятниках других народов, в частности, народов Западной Европы. Веселовский показал, что общность сюжетов появляется не за счет наличия некоторых общих мифов, но нередко является результатом заимствований. Свои наблюдения Веселовский распространил на большое число произведений, во многих случаях показав конкретно-исторические пути заимствований и влияний. Так созрел и укрепился сравнительно-исторический, или компаративный, метод фольклористического и литературоведческого исследования.

Александр Веселовский был не единственным европейским ученым, разрабатывавшим в 1850-е годы

компаративный метод. В предисловии к немецкому переводу «Панчатантры» (1859) Т. Бенфей на большом конкретном материале показал, что сюжетное сходство фольклорных и литературных произведений может объясняться тем, что литературные сюжеты перемещаются в пространстве, переходя из страны в страну, от народа к народу. Так, из Индии многие сюжеты попали к персам и арабам, а от них к народам Европы. Примером являются «Сказки тысячи и одной ночи».

Соображения Бенфея дали толчок теории заимствований, использованию компаративного метода в фольклористике и литературоведении. Но вскоре они подверглись серьезной критике. В особенности это относилось к подходу к историческим фактам, характерному для Т. Бенфея. Немецкий филолог в своих построениях находился во власти господствовавшей в то время «индоевропейской лингвистики», особенное значение придававшей санскриту и рассматривавшей Индию как прародину всех европейских языков, да и всей европейской словесности. В отличие от Бенфея, Александр Веселовский ввел в научный обиход обширный славянский материал, проанализировал множество древнерусских сказаний, установил их связь с западноевропейскими повестями. Одна из его самых известных работ называется «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западноевропейские легенды о Морольфе и Мерлине» (1872).

В 1940-х годах во время навешанной политическими мотивами кампании по «борьбе с космополитизмом» официальная большевистская наука обвинила Александра Веселовского в космополитизме. Имя его не сходило со страниц статей и памфлетов, в которых разоблачались «безродные космополиты». Если считать критерием исключительную межнациональную широту научного кругозора Александра Николаевича, его владение многими европейскими языками, его действительно можно назвать космополитом. Возможно, подобно многим богатым дворянам своего времени, годами жившим в странах Западной Европы, Веселовский в своих житейских привычках, а не исключено, и в научных подходах не был чужд некоторого «европеизма» — так же, как, например, И. С. Тургенев. Но он был верным сыном России, и ничего антирусского в его научном творчестве не было. Как раз наоборот: достижения сравнительно-исторического изучения культур показывали богатство международных связей русской культуры, существовавших с древних времен, и тем самым свидетельствовали о достоинстве русской культуры. По сути дела, сравнительно-исторические исследования указывали на то, что русской культуре было что дать человечеству и что она обладала способностью самобытно развиваться, усваивая чужеземные влияния. Другими словами, был собран конкретный материал для обоснования тезиса об интернациональном измерении русской культуры. Несколько позже этот материал межнациональных связей вошел в комплекс представлений о двуединой основе русской национальной идеи — как утверждения о внутреннем богатстве русского национального развития и как его внешней духовной экспансии и силе поглощения ею иноземных влияний.

Однако нельзя отрицать, что сравнительно-исторический метод на раннем этапе его развития имел и серьезные недостатки. С особой силой они проявились в книге Алексея Николаевича Веселовского, родного брата Александра, «Западное влияние в новой русской литературе». Алексей Николаевич родился в Москве, в молодости служил в армии, затем окончил Московский университет. В дальнейшем его академическая деятельность оказалась связанной с этим университетом и вообще с Москвой. Выйдя в отставку в офицерском чине, Алексей Николаевич посвятил свою жизнь литературоведческим исследованиям, преимущественно в области западной литературы. Его многочисленные эссе написаны живо и увлекательно. Но наибольшую известность ему принесла книга, уже упомянутая нами. Ее первое издание вышло в 1883 году, за ним вскоре последовало еще несколько изданий, в 1916 году вышло пятое издание. Впрочем, автору книга принесла не только лавры. Рецензенты отметили то, что они поняли как антипатриотический дух книги: мол, автор, кроме иностранных влияний, ничего в русской литературе не увидел. Веселовский энергично защищался, писал одно за другим предисловия к новым изданиям, не скупился на сильные слова, уверял, что сам ненавидит «чужебские» и, конечно, никакого отношения к нему не имеет. Но это помогало плохо.

Так было 100 лет назад. Но и сегодня, перечитывая книгу Алексея Николаевича, испытываешь чувство оскорбленной национальной гордости. Глава за главой, страница за страницей идут утверждения, что такой-то русский классик был под французским, немецким или иным влиянием, в молодости много читал иностранных книг и так до конца своих дней остался под их воздействием. Больше ничего о его творчестве не сказано. Невольно создается впечатление, что кроме этих влияний в его произведениях ничего и не было. Петербургскую академию наук, пишет Алексей Веселовский, создали немецкие ученые. Крылов в молодости увлекался чтением французских книг и под их влиянием написал свои пьесы. Позже читал Лафонтена и, переводя его сюжеты, использовал их для создания своих басен. И так далее.

А ведь это и в самом деле так! Только почему автор не добавил к сказанному, что Ломоносов, воспользовавшись тем, что сделали немцы, продвинул дела Академии вперед, а некоторым чересчур амбициозным немецким ученым объявил войну? И почему он умолчал о том, что басни Крылова написаны замечательным русским языком, критика в адрес власти перенацелена с французского абсолютизма на русский? И что некоторые басни Крылов написал самостоятельно, не пользуясь наследием Лафонтена, который, кстати сказать, широко использовал сюжеты Эзопа? Если бы он упомянул об этом, хотя бы бегло, все претензии к нему были бы сняты.

Но неужели Алексей Веселовский, ученый большой эрудиции, ничего не знал о самобытной переработке иностранных влияний в русской литературе? Об этом известно даже просто образованной публике. Нет, конечно, он об этом отлично знал, но придерживался го-

сподствовавшей в те времена позитивистской методологии. А она запрещала ученому выходить за рамки заявленной темы, требовала держаться фактов как можно ближе и избегать обобщений и всяких чувств. Ученый поставил своей задачей констатировать наличие иностранных влияний в русской литературе — и сделал это весьма успешно. Остальное его не касалось. И получился конфуз. Почтенный профессор, родом из семьи, на протяжении столетий служившей России верой и правдой, очутился едва ли не в компании каких-то нигилистов, людей, славного своего родства не помнящих.

Разумеется, возможны другие истолкования несомненного факта игнорирования Алексеем Веселовским самобытного освоения западных влияний в русской словесности, и именно такие истолкования были сделаны теми советскими учеными, которые «боролись с космополитизмом». Но мы полагаем, что ошибка Веселовского — методологическая, и национальный нигилизм тут ни при чем.

В последней трети XIX века в гуманитарных исследованиях продолжался процесс накопления и обработки фольклорно-языкового материала, который начался еще в XVIII веке и которому дали импульс труды А. Н. Афанасьева и Ф. И. Буслаева. Работа над толковым словарем русского языка, в которой приняли участие Петр Киреевский и другие энтузиасты, была прежде всего подвигом Вл. Даля, посвятившего ей многие годы жизни. Отметим, что под влиянием компаративизма Буслаев в последние годы творческой деятельности, трагически прерванной слепотой, стал использовать в своих трудах компаративный метод.

В своем дальнейшем развитии компаративизм преодолел многие недостатки своих первых начинаний. Вехой на пути его развития стал 1905 год, когда в Париже под редакцией Ф. Бальденсперге стал выходить журнал «Обозрение сравнительной литературы», международный по составу участников. Среди его авторов не последнее место заняли русские ученые. Получили широкую известность труды академика В. Ф. Шишмарева, позже — М. П. Алексеева, который на склоне лет был удостоен звания почетного доктора Сорбонны, действительного члена Российской академии наук. Он получил и другие российские и международные почетные дипломы.

Сравнительно-исторический метод широко используется в гуманитарных исследованиях и сегодня, но он во многом уже не такой, каким был в XIX столетии. Ученые, использующие этот метод, в своих сопоставлениях и генеалогии «бродячих сюжетов» более осторожны, чем их предшественники. Сегодня эти представления входят в более широкое понятие *диалога культур* или, выражаясь более точно, диалога народов мира посредством культуры. Но мы с благодарностью вспоминаем братьев Веселовских и других пионеров компаративных исследований, которые в свое время внесли в них большой вклад и тем самым сделали возможными современные достижения литературно-фольклористического компаративизма.

М. Н. Барышников¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ, ИНТЕРЕСЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Институциональные изменения выступают как результат взаимодействия групп интересов, способных преодолеть ограничения ценностно-ориентированных механизмов социальной идентификации. Соответственно общественный прогресс заключается в переходе к более эффективным способам реализации интересов людей, институционально закрепляемых на уровне внутри- и межгруппового сотрудничества. Иначе говоря, прогресс объективно связан с постоянно увеличивающейся численностью групп (подгрупп) интересов, формирующих качественно новое пространство для межкультурного диалога. С течением времени их количество достигает величины, не соответствующей содержанию, объемам и границам (хозяйственным, социальным и политическим) используемых ресурсов, которые могли бы удовлетворять потребностям этих сообществ. В результате возникает соответствующий для данной исторической эпохи кризис ресурсного спроса и предложения, разрешение которого связано с обретением нового качества институционального, технологического и организационного обеспечения баланса внутри- и межгрупповых интересов. Можно утверждать, что в соотношении с имеющимся объемом и структурой ресурсов (природных, физиологических, интеллектуальных, технологических, финансовых и пр.) не может быть однозначно «своих» или «чужих» ценностных доминант, есть ассоциированные и в этом смысле публично отстаиваемые интересы, перспективность которых выражается в готовности индивидов к открытому, то есть сопровождающемуся свободным обращением материальных и духовных ценностей, взаимодействию. Достижимый в этом случае консенсус позволяет обеспечить новые институциональные возможности для гуманизации экономической и общественно-политической жизни.

Одна из основных проблем современности заключается в том, что количество групп интересов закономерно возрастает, но действовать им приходится с учетом сохраняющихся хозяйственных, социокультурных и политических границ. И если в сфере экономики интернационализация предпочтений происходит сравнительно быстро, то в других областях общественной жизни ситуация с барьерами складывается крайне неблагоприятно. Современная ситуация в мире наглядно об этом свидетельствует. В исторической перспективе государственная, национальная, конфессиональ-

¹ Заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор 157 научных публикаций, в т. ч.: «Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты», «Компания Нобелей: баланс интересов и эффективность функционирования», «Акционерные компании в России в начале XX века: баланс интересов и институциональные ограничения (теоретические аспекты проблемы)», «Институты, групповые интересы и развитие экономики» (в соавт.), «Бизнес в диалоге культур: экономическая необходимость и культурные доминанты», «Бизнес в историческом измерении: эффективность и социокультурные предпочтения» и др.

ная и семейная идентичность обречены на обесценивание, если институционально не будут согласованы с альтернативными им порядками индивидуального и группового самовыражения. В целом, прогресс общества обусловлен постоянно растущей численностью групп интересов, способных поддерживать порядок конкурентного доступа к ресурсам за счет открытой, обезличенной координации своих устремлений и в соответствии с потребностями экономического развития в его глобальном выражении. В конечном счете следует признать, что «высокий доход и развитые политические институты тесно связаны»².

Важнейший фактор, обуславливающий различия между странами и регионами в хозяйственных показателях, — это наличие сбалансированных интересов, определяющих направленность взаимодействия людей друг с другом и доступными ресурсами. Институты экономической свободы (прежде всего регуляторы, обеспечивающие неприкосновенность личной жизни человека и его собственности), поддерживаемые государством как нейтральным по своему характеру гарантом соблюдения правопорядка и социальных обязательств, являются, безусловно, ключевым звеном в обеспечении такого баланса и складывающихся на его основе гражданских и политических свобод. Доминирование традиционных норм³ человеческого общения, прежде всего в их социокультурной иерархии, не только не способствует созданию национально-специфической формулы модернизации, но в значительной мере определяет замкнутость, элитарность, оторванность от интересов разнообразных общественных групп и в конечном счете эгоистический (опportunистический) характер возможной реформаторской деятельности. Апелляция к культурной самобытности (привычному) не имеет ничего общего с желанием стабильности и предсказуемости, поскольку последнее несет в себе поиск новых ценностных ориентиров, стремление использовать различные социокультурные ресурсы, способные обеспечить сбалансированное, комфортное взаимодействие разнообразных (и постоянно возрастающих по численности) групп интересов.

Ценностные доминанты, утверждающиеся в культурной жизни в виде привычек⁴, не только влияют на формирование ментальных стереотипов в обычном поведении индивидов, но и оказывают решительное

² Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 42.

³ В неформальных институтах следует различать межгрупповые традиции и формирующие их групповые нормы (правила) поведения. Первые — безусловны, вторые — условны (как подвижная совокупность конкретных индивидуальных интересов). Исторический опыт свидетельствует о том, что изменение традиционных ценностей начинается с ревизии предпочтений тех или иных общественных групп, сопровождающейся ограничениями и последующей трансформацией межгрупповых социокультурных (ментальных) приоритетов.

⁴ По мнению Ф. Фукуямы, «культура есть унаследованный этический навык или привычка» (Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 66).

воздействие на характер групповых отношений в сфере производства и распределения общественных благ, со всеми присущими им последствиями для экономического и социального развития в целом. Отрицать подобное влияние невозможно уже потому, что последствия духовных исканий, обретавших крайнюю идеологизированность и политическую нетерпимость в XX веке, наглядно проявились в России в своем антибуржуазном содержании. Естественно, в данном случае речь не идет об отрицании общекультурных ценностей как таковых, имея в виду их безусловное значение для становления современных основ человеческой цивилизации. Закрепленные в гражданских свободах, они принципиальны с точки зрения соблюдения людьми конституционных норм, включая верховенство закона и равные права для всех, невзирая на пол, возраст, семейные предпочтения, расовую и религиозную принадлежность. С хозяйственной точки зрения культура — инструмент саморегулирования поведения людей, что означает ее способность снизить (или повысить) издержки обеспечения определенных правил игры, но не инициировать экономический рост как таковой. В целом вопрос ставится о современном месте и роли культуры — в ее материальном и духовном выражении, как совокупности институтов, призванных оказывать стимулирующее воздействие на хозяйственную активность людей независимо от их социальной или политической принадлежности.

Материальные интересы людей по своей сути не могут быть статичны (в отличие от конкретного социокультурного института, который фиксирует их соотношение в конкретный период времени) в условиях, когда существует конкуренция за ресурсы — природные, финансовые, интеллектуальные и пр. В средневековую эпоху ограниченный рамками государственного и этноконфессионального контроля потенциал такой конкуренции объяснял крайний консерватизм общественной жизни. Как отмечал Ф. Бродель, культура почти всегда являлась «защитницей существующего порядка»¹. Однако в Новое время рост соперничества за ресурсы, сопровождавшийся ослаблением властных и социокультурных (в том числе семейных) доминант поведения людей, постепенным стиранием национальных и религиозных границ в межгрупповом сотрудничестве, вызвал инновационные изменения в хозяйственном и, как следствие, общественно-политическом облике западноевропейских стран. Интерес к деньгам стал восприниматься как «постоянство, упрямство и каждодневное тождество людей по отношению друг к другу»². Переход к ассоциированным (безличным), самоуправляемым, открытым для представительства разнообразных индивидуальных предпочтений формам деловой активности, находившим отражение в тех или иных организационных структурах фирм (в первую очередь акционерных компаний), стал переломным событием в исторической трансформации западной экономики. Стимулы хозяйственной активности приобрели каче-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Весь мир, 2007. Т. 3: Время мира. С. 694.

² Хиршман А. О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М., 2012. С. 93.

ственно новое содержание, имея в основе разделение культурных и гуманитарных, привычных и инновационных потребностей функционирования человеческого общества. Данное обстоятельство объясняет исторические достижения США и современные экономические успехи ряда стран третьего мира, оказавшихся способными преодолеть социокультурные границы хозяйственной деятельности ради обретения более совершенных инструментов организационного и научно-технологического развития.

Историческое утверждение капитализма свидетельствовало о глубоких сдвигах инновационного характера, сопровождавшихся размыванием прежнего, оформленного властными, церковными и семейными институтами пространства человеческой деятельности и распространением публичных, ассоциированных форм хозяйственного поведения индивидов. В данном отношении вряд ли корректным будет говорить о «справедливости» капиталистической системы (в том числе и в вопросе о социальном или имущественном неравенстве) и соответствии ее принципов интересам общества в целом. Речь идет о том, как соотносятся эти принципы с интересами отдельных общественных групп, то есть насколько предпочтения последних согласованы на уровне государственном с децентрализацией, общественном — с самоуправлением, хозяйственном — с интеграцией, и насколько этот баланс обеспечивает эффективное функционирование капитализма как глобальной социально-экономической системы. Такой подход тем более важен, если учесть, что современная рыночная экономика выступает как совокупность межгрупповых (то есть организационных) и в этом смысле безличных отношений. Противопоставление последним конкретной этнической или профессиональной идентичности оборачивается культурной замкнутостью и в конечном счете — нарастанием консервативных тенденций в общественной жизни. Институциональные ограничения (как на правовом, так и неформальном уровне) социокультурных предпочтений позволяют выйти за рамки устоявшихся национальных и религиозных отношений и тем самым раскрепостить инновационный потенциал хозяйственного поведения человека. Современные проблемы капитализма проистекают не столько из умаления культурной составляющей, сколько из попыток сдержать рост гуманитарных потребностей, сохранить приоритет тех или иных национальных, в том числе в их государственном и культурном выражении, ценностей. С другой стороны, кризисные явления в мировой экономике свидетельствуют о размывании существующих социокультурных общностей, появлении на их основе все новых групп интересов при одновременном и закономерном усилении конкурентной борьбы за ресурсы и дифференциации уровня благосостояния. При таких обстоятельствах обновление ценностных ориентиров, прежде всего за счет их институциональной реструктуризации (в том числе в сфере научно-технологического и образовательного взаимодействия), может обеспечить сбалансированный экономический рост и, как следствие, равноправное взаимодействие культур, освобожденных от диктата бедности и беспорядка.

Исторический опыт подтверждает приоритет экономических потребностей над социокультурными в процессе осуществления модернизационных проектов в странах, находящихся в переходной, социально нестабильной внутренней ситуации или обладающих поликультурным (прежде всего в этноконфессиональном плане) характером общественного устройства. Для многонациональной России, не завершившей путь капиталистической трансформации, поиск «передовых» социокультурных моделей развития с исторической неизбежностью приводил к идейно-политическому «расколу», хозяйственному распаду и утверждению авторитарных форм правления. Реформаторские усилия по определению не могут иметь в основе абстрактные — «смысловые» — ценности, доминирующие в привычных социокультурных границах окружающей человека действительности. Прежде всего новые хозяйственные возможности, позволяющие преодолеть государственные и этноконфессиональные формы зависимости от мифологизированной реальности, дают возможность активизировать индивидуальную и групповую энергию преобразовательной деятельности, в том числе в сфере культурной жизни. На кризисные вызовы должен последовать адекватный гуманитарный ответ, который следует сформулировать и реализовать в соответствии с меняющимися потребностями и интересами креативных (сочетающих инициативную деятель-

ность и независимое, новаторское мышление) групп, проявляющих себя на стыке значимых для общественного прогресса областей — бизнеса, науки и образования. На этой основе возможно построение более совершенных ценностных механизмов культурного взаимообогащения, не испытывающих давления со стороны консервативных элементов институциональной среды и способных в исторически обозримой перспективе обеспечить на межгрупповом уровне необходимые стимулы и, как следствие, результативность коллективного творческого поиска. Подчеркнем, что инновационное развитие экономики означает прежде всего рост группового благосостояния, который сопровождается усиливающейся информационной открытостью, самостоятельностью суждений и поступков, нетрадиционными направлениями интеллектуальной деятельности, активным объединением единомышленников, все новыми профессиональными успехами и возрастающим материальным благополучием. Групповая консолидация приобретает характер исторической закономерности, влияя на складывание межгрупповых интересов тем сильнее, чем эффективнее будут действовать стимулы в отношении преодоления устоявшихся социокультурных предпочтений. Отметим (перефразируя Л. Н. Толстого), что в этой ситуации все счастливые группы становятся похожи друг на друга, а каждая несчастливая группа остается несчастной по-своему.

Ю. Б. Борев¹

СМЫСЛ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ПОЗИЦИЯ В ДИАЛОГЕ

Значимость диалога. Спасение от разногласий — диалог. Неурегулированные разногласия перерастают в конфликт. Конфликт может быть разрешен продолжением диалога или войной. Худой мир лучше доброй ссоры. Поэтому диалог, особенно конструктивный, всегда предпочтителен. В культуре, в том числе и художественной, диалог плодотворен. Чтобы вести плодотворный конструктивный диалог в искусстве, необходимо видеть и понимать смыслы в произведениях своей и чужой культуры. В конечном счете смыслы во многом определяют и ценность произведения. Конечно, в сфере ценностных качеств произведения большую роль играют его художественные достоинства, но это не отменяет значимости его смыслов. В цепочке понятий, входящих в название лихачевской конференции «Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации», определяющим звеном является понятие «смыслы». Смыслы решают всё.

¹ Главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, академик Академии художеств РФ, доктор филологических наук, профессор. Автор более 500 научных статей и около 50 книг. Среди них: «Эстетика», «О трагическом», «Комическое...», «Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения "Медного всадника"», «Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд», «Художественная культура XX в.», «Энциклопедический словарь. Эстетика. Теория литературы»; «Ванька-встанька и состояние мира», «Власти-мордасти», «Сталиниада», «Фарисея», «История государства советского в преданиях и анекдотах», «XX в. в преданиях и анекдотах», «Из жизни звезд и метеоритов»; «Луначарский» (ЖЗЛ), роман «Земля-воздух», сборник стихов «Повесть о треугольниках». Член Союза писателей и Союза кинематографистов РФ.

Диалог — диалектическое единение смыслов, обмен взаимопонятными смыслами, благодаря которому появляется приращение — смысл, интегрирующий смыслы, высказанные сторонами обмена мнениями.

Мой доклад посвящен проблеме выявления смысла художественного произведения. Смысл произведения и есть авторская позиция в диалоге с читателем и читательской аудиторией (в процессе художественного восприятия), с критикой (в процессе анализа и оценки произведения), с другими культурами (в процессе перевода произведения и его восприятия иноязычной аудиторией, аудиторией иной культуры).

Методология анализа — система аналитических подходов и мыслительных операций, обеспечивающая постижение смысла произведения как целостности. Прочсть произведение, присвоить его смысл, испытать художественное наслаждение и оценить шедевр — это статья конгениальным его автору, вступить в диалог на равных с гением. Произведение — художественно-коммуникативное средство такого диалога, а критика, вооруженная методом, его посредник.

«Метод» в переводе с древнегреческого означает «идущий вслед». Парадокс метода в том, что он позволяет, исследуя даже никому не ведомое явление, идти вслед за предшественниками; мыслить, опираясь на опыт предшественников, имевших дело с явлениями подобного типа.

Остановлюсь на шагах (мыслительных действиях) критического анализа художественного произведения.

Первое мыслительное действие (шаг) — установка анализа и общее суждение о произведении: предварение, выбор «исходной позиции» и направления анализа, определение его парадигмы (предположительного исходного смысла, который подтверждается или опровергается дальнейшим исследованием). Никакое исследование невозможно без установки. Чтобы искать, надо предположительно знать, что ты хочешь найти. У Эмиля Золя есть образ врача, который всю жизнь резал собак, ставя эксперименты, но он ничего не мог найти, так как не знал, что искать. Жизненный опыт критика «прокидывается» на произведение, в результате чего появляется общее суждение о нем, а также установка детального целостного его рассмотрения. Встреча установки и литературного текста рождает первый уровень интерпретации произведения — общий взгляд на него, общее суждение о нем, еще не детализированное, еще не углубленное в конкретность. Это общее прочтение — первый этап материализации установки. Этот этап дает видение объекта общим планом, в широком контексте. Далее общее суждение будет и конкретизироваться, и обрастать деталями, и подправляться данными анализа.

Историзм — главное в интерпретационной установке, определяющее все подходы и приемы анализа. Не раз отмечалось, что опыт вдвойне несовершенен: мы рождаемся слишком поздно для того, чтобы видеть начало, и умираем слишком рано для того, чтобы видеть конец многих явлений. История восполняет оба этих недостатка.

Произведение — звено в художественной традиции, начало которой положено задолго до нас. Поэтому важно исследовать произведение с учетом всей традиции. Историзм заставляет рассмотреть художественное произведение как звено художественного процесса.

Второе мыслительное действие (шаг) — определение смысла внешних связей произведения. Это мыслительное действие дает возможность увидеть произведение средним и крупным планом, рассмотреть его «вплотную» и с разных сторон. Произведение объемно и многогранно. Каждый художественно-критический подход обеспечивает рассмотрение произведения с определенной, специфической стороны, а количество таких подходов задано самим произведением, его свойствами и связями. Социологический подход видит ключ к пониманию произведения в современном интерпретатору обществе. Культурно-исторический подход исходит из того, что культура — один из ключей интерпретации произведения, поскольку оно возникает на основе определенной культурной традиции и в ее русле существует. Именно в поле культуры художественное произведение выражает, закрепляет и передает другим людям художественные идеи и образы. Культура дает код, позволяющий прочесть и понять произведение.

Биографический подход. Судьба художника — тоже ключ к смыслу его произведения. Произведение всегда уникально и оригинально: в нем запечатлевается неповторимая личность его создателя. На эту особенность художественного творчества опирается биогра-

фический подход — способ прочтения художественного произведения через личность автора.

Творческо-генетический подход. Творческая история произведения — надежный способ выявления художественного целеполагания. «Горе от ума» Грибоедова, например, имеет три основные редакции, «Война и мир» Толстого — четыре, «Ревизор» Гоголя — пять. В «Горе от ума» насчитывается до девяти сот переработок. Текстологический анализ — сличение вариантов, изучение черновиков, подготовительных записей — устанавливает направление развития авторской мысли. Все эти материалы — средства интерпретации произведения.

Второй шаг выявляет смысл внешних связей произведения — богатство и оригинальность художественно запечатленных в нем эстетических отношений.

Третье мыслительное действие (шаг) — определение смысла внутренних связей (структуры) художественного текста. Это действие осуществляет проникновение, то есть движение внутрь исследуемого предмета, с использованием различных приемов и операционной техники. На этом этапе раскрываются смысл и значение внутренних связей исследуемого объекта, его строения, организации, сочленения частей и элементов. Метод критики обеспечивает проникновение вглубь художественного текста, анатомирование и выявление его структуры, членение его на элементы и изучение каждого из них. Это мыслительное действие использует операционную технику структурного и стилистического анализа, приемы микроанализа, позволяющие постичь смыслообразующее значение внутреннего строения художественного текста.

Во внутренней организации художественного текста есть не только качественная, но и количественная сторона, проявляющаяся в ритмическом строении, в частоте употребления тех или иных слов, рифм, художественных средств. Эти количественные параметры произведения способна выявить статистическая методика. Однако она только тогда может быть научно плодотворна, когда имеет социологическую основу. Лишь научно корректное применение математических и других «искусствоведческих» приемов дает положительный эффект.

Одним из инструментов операционного проникновения в художественный текст является *структурный анализ*, который позволяет исследовать художественный текст как организованное множество, как систему элементов. Структурный анализ — это контролируемый принципом историзма стоп-анализ, операционная техника, позволяющая проникнуть в строение произведения, исследуя его как систему приемов, обусловленную единством художественного задания. Возможность свободной смены оснований деления на элементы придает структурному анализу гибкость, открывает оперативный простор для исследования, позволяет под разными углами «рассекать» художественный текст и проникать внутрь его строения, выявляя концептуальный смысл самой его организации.

Смысл языкового и стилистического строения художественного текста раскрывают семиотический и стилистический анализ. *Семиотический анализ*

предполагает рассмотрение художественного произведения как знаковой системы и исходит из положения «искусство есть язык». Система передает смысл (художественную концепцию). Художественное произведение значимо все сплошь. Технически служебные и потому заместимые элементы здесь минимальны. Понять чужое высказывание — значит найти для него место в окружающем его контексте. Понимание диалогично; оно противостоит высказыванию, как реплика противостоит реплике в диалоге.

Стилистический анализ строится на операциях: реконструкции грамматически нормативного предложения, которое лежит в основе стилизованного предложения, и выявлении взаимоотношений между этими двумя предложениями. Обыденно-нормативный язык, то есть нулевой уровень письма, или стилистически немаркированный текст, или школьный язык, — точка отсчета для стилистического анализа. От нейтральной основы языка отклоняется индивидуальный стиль художника, выражающий его социальные ориентации и личностные духовные качества.

Четвертое мыслительное действие (шаг) — определение смысла произведения в свете социально-эстетического функционирования.

Функциональный подход сосредоточивает внимание исследователя не на произведении, а на его духовной действительности; художественный смысл произведения выявляется через его реальное функционирование в культуре. Такого рода исследования ведутся в двух направлениях: как конкретно-социологические и как рецепционно-эстетические.

Конкретно-социологические исследования позволяют раскрыть картину социального функционирования произведения, выявить среду его распространения, охарактеризовать рецепционные предпочтения и ориентации публики. Сила воздействия произведения на читателя и степень распространения данного воздействия в разных социальных средах поддаются измерению.

Рецептивный подход стремится понять произведение через ряд его конкретных исторических, групповых и индивидуальных восприятий, рассматривая его вос-

приятие разными поколениями читателей в разные эпохи. Воздействие текста обусловлено его художественной значимостью, а также индивидуальностью и конкретно-историческими условиями бытия читателя.

Статистическая методика помогает увидеть общую картину этих процессов и изменения самого социального веса произведения, его смысла и значения. Социальное бытие произведения осуществляется через его взаимодействие с аудиторией, через общественное мнение, через интерпретацию его критикой. Эти факторы определяют его социальный статус и онтологию. История общественной «репутации» произведения, история трактовки его критикой, история внимания к нему публики — один из ключей к его интерпретации.

Пятое мыслительное действие (шаг) — итоговое суждение о смысле произведения, возникающее благодаря обобщению, суммированию всех данных, полученных в результате предшествующих мыслительных действий. На этом этапе выявления смысла произведения происходит обретение целостного взгляда на предмет путем интеграции результатов предшествующих этапов анализа. Исследователь возвращается к общему плану, но обогащенному детализированным видением. Обобщение реализует исходную установку, обогащенную результатами анализа его внешних и внутренних связей и его функционирования. В итоге достигается обобщенно-теоретическое видение предмета, обогащенное знанием подробностей, которые были добыты в процессе предшествующих шагов анализа. Возникает целостный облик произведения и складывается итоговое конкретно-всеобщее суждение о его смысле. Разно- и многоподходная методология, «централизованная» историческим взглядом, способна привести к синтезу многообразных точек зрения на произведение, к их слиянию в единое его прочтение и установлению его художественной концепции. Целостный анализ включает в себя оценку художественной концепции, выявление ее богатства и оригинальности.

Смыслы, которые вносят произведения в художественную культуру, диалогически взаимодействуют с отечественной и мировой культурой, и это определяет мировой процесс художественного развития.

Ю. Н. Варзонин,¹
А. В. Ковтун²

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДА ЕВАНГЕЛИЯ Л. Н. ТОЛСТЫМ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И КОНФЛИКТА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ БИБЛИИ КАК САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА

Как известно, Библия — это корпус книг Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, имеющих для всех верующих христиан решающее значение в вопросах вероучения. Следовательно, для распространения христианства было необходимо иметь единый текст, который, будучи переведен на другие языки, позволил бы «проповедовать Евангелие всей твари» (Мк. 16:15), то есть «научить все народы» (Мф. 28:19) Благой Вестью о Спасителе и Богочеловеке Иисусе Христе.

Однако проповедь апостолов, которые были готовы обойти весь мир, дабы обратить всех людей, и иудеев, и язычников, в христианскую веру, не всегда была единой: так, то, что писал и чему учил апостол Павел, далеко не всегда находило подтверждение в посланиях и деятельности других апостолов, в частности — иерусалимских «столпов»: Иакова, Петра и Иоанна.

Кроме того, постепенное распространение христианства по всему миру привело к тому, что новая религия, «наталкиваясь» на местные обычаи и верования, приобретала в результате противостояния языческой и христианской картин мира специфическую историко-культурную «окраску». Феномен «двоеверие» по-прежнему существует в культурах народов, воцерковленных еще на заре христианской истории.

Многообразие христианского мировоззрения связано еще и с тем, что в результате расколов и церковных войн между представителями этой религии произошло становление самостоятельных христианских деноминаций, представители которых упрекают друг друга в отступлении от первоначальных истин, возмущенных Богом через пророков и апостолов и переданных последними и их последователями сначала в устной, а потом и в письменной форме.

¹ Профессор кафедры теоретической лингвистики, рекламы и коммуникативных технологий Тверского государственного университета, доктор филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Что даст риторике прагмалингвистика?», «Риторика и лингвистика», «Der Feind: Liebe Deinen Nächsten — die Rhetorik eines Christen. Erich Maria Remarque. Leben, Werk und weltweite Wirkung», «Эффективность воздействия/взаимодействия с позиций риторической модели», «Номо ментада — “человек лживый”», «Категории этики в теории риторики», «Онтология и риторика», «Когнитивно-коммуникативная модель риторики» и др.

² Специалист по учебно-методической работе Волонтерского центра научно-образовательного центра инновационных технологий развития профессиональной карьеры молодежи Тверского государственного университета. Автор 14 научных публикаций, в т. ч.: «Ситуация непонимания: коммуникативный аспект», «Воспитание ответственности за интерпретацию слова и текста как одна из проблем обучения герменевтике перевода и филологической компетентности», «Некоторые проблемы исследования сакрального текста с точки зрения филолого-эзегетического метода (к вопросу о возможности комплексного изучения библейского текста)», «Обучение герменевтике перевода как одна из фундаментальных задач лингводидактики (на примере изучения греческого языка Нового Завета)», «Актуальные проблемы интерпретации смысловой партитуры библейского текста в процессе преподавания и изучения древних языков и культур» и др.

В целом, Библия как свод книг, написанных в разное время разными людьми и имеющих в своей основе идейно-тематические и жанрово-стилистические отличительные черты, представляет собой, тем не менее, единство Первозамысла — передать людям Божественное Откровение о смысле их взаимоотношений с Богом и между собой. В этом отношении сближаются все христиане; однако их интерпретации сакрального языка и текста и основанные на ней традиции и обычаи (сюда же относятся и богословские труды, и религиозно-философские работы) расходятся (иногда — в частности, иногда — вплоть до противоположных толкований одного и того же слова, выражения, фрагмента текста и даже всей книги).

Приведем пример. В основу православного и католического вероучения (задолго до Великой Схизмы 1054 г.) положен принятый на Никейском и Константинопольском Вселенских соборах 325 и 381 годов «Символ Веры». Этот небольшой текст, созданный в результате богословских интерпретаций Библии, является кратким изложением христианских догматов о Боге, Церкви и человеке. Однако позднее, в 589 году, Римско-католическая церковь, руководствуясь теологическими и политико-культурными мотивами, внесла в текст добавление — выражение «и от Сына». (Присоединив его к фразе: «[Верую]... и в Духа Святого, Господа Животворящего, Иже от Отца исходящего», представители Западной церкви признали, что Дух Святой, Третье Лицо Святой Троицы, «исходит» не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына.) Такое изменение не могло не вызвать решительных возражений со стороны православной церкви. Это обстоятельство привело, в конечном счете, к разрыву отношений между католиками и православными на долгое время.

Впоследствии существенные расхождения в богословских толкованиях текстов Библии привели к церковным войнам между католиками и протестантами. Нельзя не вспомнить и печальные события старообрядческого раскола в православии, когда противники внесения исправлений в церковно-богослужбные книги жестоко наказывались светскими и церковными властями.

Не менее известны дебаты, которые ведутся американскими проповедниками, вербующими в оккультно-деструктивные секты молодежь и пожилых людей, которые совершенно не знают ни текста Библии, ни ее православной интерпретации, хотя многовековая история православия на Руси явилась живительным источником для славяно-русской культуры.

Однако конфликт библейских интерпретаций этим не исчерпывается. Нередко в рамках одной и той же традиции появляются свои собственные толкования Библии и переводы созданных на их основе богослужбных книг, основывающиеся на осовременивании стиля

и языка. Например, достаточно большую известность получила в наше время деятельность группы православных священников и мирян, одним из вдохновителей и непосредственным участником которой является отец Георгий Кочетков. Эти люди (среди которых был выдающийся филолог XX в. академик С. С. Аверинцев) занимались сознательной русификацией церковно-богослужебных текстов и библейских книг Ветхого и Нового Заветов, предположив, что в них содержатся неясности, неточности и серьезные ошибки.

Например, одни слова и выражения нуждаются в переводе на современный русский язык по причине непонятности их значения: «гугнивый», «мшелоимство», «Премудрость, прости!»; другие имеют иное значение: «блаженный», «живот», «прелесть». Прояснить их смысл, сделать качественный филологический комментарий и исправить ошибки — важная и благородная задача, справиться с которой не всегда могут даже квалифицированные специалисты...

Как уже говорилось нами ранее, издание русской Библии 1876 года, названной в трудах известного отечественного филолога-библеиста К. И. Логачева «второй национальной Библией России» (в отличие от Елизаветинской Библии 1751 г., которую он считал «первой национальной Библией России»), по сей день представляет собой официальное Священное Писание Русской православной церкви. Этот перевод, по мнению одного из авторитетнейших специалистов по истории церковнославянского языка, доктора филологических наук Е. М. Верещагина, отличается высоким уровнем точности и написан стилистически хорошим языком, он вполне понятен — иными словами, он сыграл ту роль, для которой был предназначен, а именно — для домашнего чтения, дабы понимать содержание текстов, переведенных на церковнославянский язык Кириллом и Мефодием и употребляемых в православном церковном богослужении.

Однако уже во второй половине XIX века язык, на который была переведена Синодальная Библия, воспринимался как устаревший. Поэтому для последующего времени (в особенности для второй половины XX в.) характерен ряд попыток осуществить новые переводы, и в первую очередь — Евангелия. Корректировке подвергаются синтаксические конструкции, которые являются, по большей части, калькой с еврейского или греческого оригинала; однако наиболее уязвимыми для критики оказались многие библейские слова или выражения: одни из них были вытеснены из фонда русского языка, значения других подверглись переосмыслению.

Так, для русского языка являются несвойственными такие обороты, как «иметь жизнь во имя Его [Иисуса Христа]» (Лк. 20, 31) или «...как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного и тогда расхитит его» (Мф. 12:29) и т. п.

Однако таких случаев совсем немного; более актуальной задачей для переводчика и комментатора являются, скорее, трансляция и объяснение смысла изобразительно-выразительных средств (в первую очередь это относится к таким сложным видам художественных образов, как метафоры и символы). Сюда же отно-

сится и прояснение значений слов и выражений, имеющих специфическую, историческую и национально-культурную окраску (например «мытарь» (Лк. 3:12), «фарисей» (Мк. 2:24), «пасха иудейская» (Ин. 2:13), «синагога» (Лк. 4:16), «синедрион» (Мф. 26:9) и др.). Сюда же относятся понятия, значимые в христианско-богословском отношении (ср. «Бог» (Быт. 1:1), «Слово» (в значении — «Иисус Христос, Сын Божий, Второе Лицо Святой Троицы») (Ин. 1:1), «благодать» (Ин. 1:16), «крещение» (Мк. 1:4), «покаяться» (Мф. 3:2) и т. п.).

В настоящее время некоторые библеизмы постепенно возвращаются в общее употребление, но не все они понятны современному читателю Библии. Следовательно, это обстоятельство приводит к появлению на свет новых переводов, а значит — новых интерпретаций и истолкований книг Священного Писания Ветхого и Нового Заветов.

И все-таки, несмотря на то, что сегодняшние переводчики стремятся улучшить текст, осовременивая языковые единицы различных уровней, начиная от словообразовательного и лексического и заканчивая морфологическим и синтаксическим, эти попытки приводят по большей части к тому, что новые переводы становятся образцами радикальной замены непонятных слов, выражений и конструкций, употребляемых в Синодальной Библии.

Рассмотреть подробно все переводы Библии в рамках одной работы, конечно же, невозможно. Однако мы попытаемся привести достаточное количество примеров, которые могли бы наглядно представить имеющуюся на данный момент ситуацию, названную нами в рамках данной работы «профанизацией» смыслов, потенциально заложенных в первоначальный (сакральный) текст и впоследствии десакрализованных современными переводчиками-интерпретаторами.

В самом деле, практически любая деятельность человека, связанная с интерпретацией (то есть переработкой информации, которая заложена в текст, осуществляемой при помощи декодировки сообщения), обречена на так называемую «энтропию смысла». Остается добавить, что изменение оригинального текста (проявляющееся как потеря его исходной формы и определенного рода искажение авторской интенции) представляет собой «невосполнимую утрату» для реципиента, будь то заурядный читатель или внимательный исследователь-критик. Если все вышеизложенное применить к феномену сакрального текста, то в результате мы получим объяснение действия механизма десакрализации.

Однако если при переводе обычного текста трансформации в области языка и стиля — дело привычное, то для верующего человека любое изменение в сфере Священного Писания подчас равносильно катастрофе: поколебать незыблемость догматов и устойчивость обрядов подчас граничит с ересью, «апостасией» (то есть отступлением) от вероучения, основанном на Божественном Откровении, содержащемся в сакральном тексте.

Сказанное поможет, как нам кажется, объяснить трагическое обстоятельство в истории отечественной

культуры — разрыв между талантливейшим писателем Львом Николаевичем Толстым и Русской православной церковью.

Творчество Л. Н. Толстого особо актуально в наши дни: его жизнь и деятельность являются объектом пристального внимания со стороны школьных учителей, литературоведов, специалистов в области педагогики, культурологов, философов и даже представителей Русской православной церкви.

Однако, к сожалению, отечественной литературы, посвященной анализу той части переводческо-истолковательной деятельности Толстого, которая, в свою очередь, связана с интерпретацией писателем библейского текста, сравнительно немного, и практически вся она написана еще до революции. Еще меньше внимания уделяли этой проблеме на Западе.

Таким образом, толстовское понимание Евангелия, вовлеченное в конфликт интерпретаций библейского текста, привлекло наше пристальное внимание. Поэтому нам бы хотелось посвятить критическому разбору Евангелия «от Толстого» оставшуюся часть нашей работы, которая откроет новые особенности механизма словообразования вариативности переводческой деятельности.

Не останавливаясь на истории написания «Соединения и перевода Евангелия» — этого своеобразного Евангелия «от Толстого» (оно подробно изложено толстоведом В. Гусевым в «Комментариях» к данной работе, изданной в 24-м томе Полного собрания сочинений писателя), оговоримся, что в своем «Вступлении» Л. Н. Толстой подчеркивает полемичность своей религиозно-филологической деятельности по отношению к официальной версии перевода Евангелия (так называемый «Синодальный перевод» 1876 г.).

Известно, что переводческая деятельность Толстого явилась практическим воплощением созданного им учения, которое впоследствии получило название «толстовство». Его доктрина основана на убеждении писателя о том, что выход из тупика, в который зашло человечество в результате уродливого развития цивилизации, возможен лишь при обращении людей к нравственным идеалам, содержащимся в воззрениях Эпиктета, Марка Аврелия, Конфуция, Лао-Цзы, Мэн-Цзы и Иисуса Христа.

По сути, «толстовство» опирается на противоречивое в своей сути основание: объяснение всего с помощью человеческого разума и убеждение в существовании некоего безличного Высшего Начала, которое сокрыто в каждом человеке и побуждает его к добру. Характерно, что все это писатель считал учением Христа. Однако понимание Толстым Евангелия всегда было чуждо официальному православному вероучению.

Отрекшись от учения православной церкви, Л. Н. Толстой утверждал, что он, тем не менее, верен христианской истине. Для того чтобы реализовать свои взгляды, он занимался изучением древнегреческого и древнееврейского языков, дабы читать Библию в оригинале. Однако позднее он решил, что Ветхий Завет — это памятник отжившей национальной религии, и сосредоточился только на книгах Нового Завета, в первую очередь на Евангелии.

Отвергнув богатейшее наследие церковной библейской экзегезы и выводы современной ему новозаветной либерально-протестантской критики, Лев Толстой признавал только свое личное «разумение». Рассмотрим вкратце его особенности.

1. Евангелие следует рассматривать не как историческое повествование о земной жизни Богочеловека, а как сборник нравственных сентенций, «учебник» о смысле жизни. В связи с этим «сказания о чудесах», рассказ о Воскресении, составляющий квинтэссенцию Евангелия, некоторые нарративные части были опущены.

2. В то же время все речения Христа, имеющие, по мнению Толстого, этическую ценность, были разделены им по 12 главам, каждая из которых содержит греческий текст и два текста на русском языке: Синодальный перевод и параллельный ему перевод, выполненный Толстым. В конце каждого абзаца помещались примечания филологического и герменевтико-экзегетического характера.

3. Своим комментариям Толстой придал антицерковный и даже нередко антиправительственный и антиобщественный характер. Поэтому некоторые высказывания Христа приобретали у переводчика окраску, соответствующую его собственным взглядам. Наибольшие споры вызвало буквальное понимание Толстым слов «не противься злему» (Мф. 5:39), которые ветхозаветному юридическому закону справедливого возмездия («око за око, зуб за зуб») противопоставляют новозаветную нравственную заповедь о прощении личных обид и этим возвышающую человека над законом справедливости. Писатель же истолковал эту заповедь как отказ от всякого сопротивления злу, тогда как Сам Христос, обличая «сильных мира сего»: Ирода, книжников, фарисеев (последние у Толстого «превращаются» в «православных»), подал пример действительной борьбы со злом.

4. Лев Толстой составил «гармонию», объединив все «параллельные места» и расположив все события, изложенные евангелистами Марком, Матфеем, Лукой и Иоанном, в хронологической последовательности.

Соответственно, он выполнил, собственно говоря, не столько перевод, сколько парафраз (то есть передачу своими словами, пересказ содержания) Четверо-евангелий, объединив все тексты каждого из Евангелий в один.

5. Отказ от традиционного Синодального перевода привел Толстого к тому, что он сам стал изучать древнегреческий язык, чтобы сделать собственный парафраз. Однако, как видно из приведенных ниже примеров, Толстой смог овладеть оригинальным языком Евангелия лишь в той степени, насколько он соответствовал его религиозно-этическим убеждениям.

Чтобы проиллюстрировать, к чему приводят попытки передать на повседневном, разговорном языке священные смыслы, мы приведем примеры из данного сочинения Л. Н. Толстого, опираясь на созданную специально для этого исследования типологию переводческих «техник» русифицированного перевода. Для удобства понимания того, о чем идет речь, мы наглядно, в рамках одной таблицы, приводим примеры разночтений Синодального перевода и парафраза Толстого.

1) Перевод, который связан с «улучшением» формы Синодального перевода и смысла касается в незначительной мере (постольку, поскольку это имеет отношение к изменению значений языковых единиц и/или возможности подобрать эквивалентную замену в целевом языке).		
а) Русифицируются слова и выражения, переведенные более точно (нередко — по мнению Толстого) в грамматическом отношении (с точки зрения грамматических категорий, порядка слов, синтаксических конструкций и т. п.).		
Место	Синодальный перевод	Парафраз Л. Н. Толстого
Мф. 5: 42	Просящему у тебя дай и от хотящего занять не отвращайся.	И всякому, кто просит у тебя, давай . И не убегай от того, кто хочет занять у тебя.
Ин. 1: 6	Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн.	Был человек послан от Бога, имя ему Иоанн.
Ин. 20: 31	Сие же написано, дабы вы уверовали , что Иисус есть Христос, Сын Божий , и, веруя , имели жизнь во имя Его.	Написано это для того, чтобы верили , что Иисус Христос есть Сын Божий , и, поверивши , получили бы жизнь через то, что Он был.
б) Русифицируются слова и выражения, нуждающиеся, по мнению Толстого, в более понятном (нередко с точки зрения синонимии, квазисинонимии и т. п.) выражении		
Место	Синодальный перевод	Парафраз Л. Н. Толстого
Мф. 1: 19	Иосиф же, муж Ее (Богородицы. — А. К.), будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее.	Иосиф, муж Ее (Богородицы. — А. К.), был праведен: не хотел Ее уличить и задумал без огласки отпустить Ее.
Мф. 1: 24–25	Встав от сна , Иосиф поступил , как повелел ему Ангел Господень , и принял Жену свою , и не знал Ее, как, наконец , Она родила Сына Своего первенца , и он нарек Ему имя: Иисус.	Проснувшись , Иосиф сделал , как велел ему Ангел Божий , и принял Ее (Богородицу. — А.К.) себе в жены . И не имел с Ней дела , пока Она не родила Своего первого сына и назвала его Иисус.
Мф. 3: 2	И говорит: покайтесь; ибо приблизилось Царство Небесное.	Иоанн говорил: одумайтесь, потому что наступило Царство Небесное.
Мф. 4: 3	И приступил к Нему (Христу. — А. К.) искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами.	И приступил к Нему (Христу. — А. К.) искушитель и сказал: если Ты Сын Бога, то скажи, чтобы камни эти стали хлебами.
Лк. 2: 40	Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости ; и благодать Божия была на Нем.	Мальчик возрастал и мужал духом , и прибавлялось в Нем разума . И милость Божия была на Нем.
в) Сюда также можно отнести случаи, связанные с русификацией слов и выражений, обладающих специфической, исторической или национально-культурной окраской.		
Место	Синодальный перевод	Парафраз Л. Н. Толстого
Мк. 1: 4	Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение для прощения грехов.	Явился Иоанн Купало в степи и проповедовал купанье в знак перемены жизни, в знак перемены от заблуждений.
Лк. 12: 59	Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта .	Тогда ты сам знаешь, уже не выберешься, пока не отдашь последнюю копейку .
Ин. 5: 15	Человек сей пошел и объявил иудеям , что Исцеливший его есть Иисус.	И пошел человек и рассказал евреям , что это Иисус его поднял.
2) Перевод, который связан с коренным изменением смысла (переосмыслением Синодального перевода). В основном сюда относится русификация слов и выражений, обладающих идеологическим (религиозно-богословским) содержанием, для которых практически невозможно подобрать эквивалентную замену в целевом языке и, тем более, дать им истолкование, не свойственное традиции, на которой создавался первоисточник (в то время как Л. Толстой поступил именно так, нарушив концепцию оригинала).		
Место	Синодальный перевод	Парафраз Л. Н. Толстого
Мк. 1: 4	Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение для прощения грехов.	Явился Иоанн Купало в степи и проповедовал купанье в знак перемены жизни, в знак перемены от заблуждений.
Ин. 1: 1	Вначале было Слово , и Слово было у Бога, и Слово было Бог.	Началом всего стало разумение жизни . И разумение жизни стало за Бога. И разумение то жизни стало Бог.
Ин. 13: 2	И во время вечера, когда дьявол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его (Христа. — А. К.)...	И во время ужина, когда злой умысел выдать Его (Христа. — А. К.) вошел в душу Иуды Искариота...

Как видно из приведенных примеров, в толстовском переводе Четвероевангелия оказались подвергнуты пересмотру некоторые языковые единицы (в первую очередь — грамматические структуры и синонимические отношения в лексике), затруднявшие, по мнению писателя, восприятие смысла первоначального текста.

Заслуга писателя заключается также в том, что он попытался сделать понятными слова и выражения, чуждые русской ментальности, не соответствующие образу жизни и быта простых и знатных русских людей.

Перевод Евангелия, выполненный Л. Н. Толстым, характеризуется рядом спорных моментов, в числе которых в первую очередь можно назвать изобретение новых слов, которые, как ему казалось, проясняли смысл непонятных церковных терминов. Однако на деле его филологические интерпретации и богословские рассуждения являются не чем иным, как плодом собственного учения Толстого, подвергавшего нападкам основы вероучения христианской церкви. Следовательно, его филолого-герменевтическая деятельность, направленная на толкование смысла слов и выражений из Синодального текста, не может считаться убедительной, если исходить из установок библейских переводчиков православно-христианского происхождения.

В целом, для Толстого Синодальная версия — это «перевод слов», а не «перевод мысли». Поэтому он выполнил грандиозную для своего времени работу по пересмотру имеющейся версии перевода библейского текста.

Если судить его деятельность с позиции прошлого, он выполнил титанический труд, который был явно не под силу многим его современникам, обладающим язы-

ковым чутьем, художественным талантом и разносторонней образованностью. Однако с точки зрения современного развития языка и мышления сочинение Толстого положило начало традиции русификации и десакрализации, которые характерны для имеющихся на данный момент трансляций библейских смыслов и значений, отказавшихся от опоры на кирилло-мефодиевское наследие, без которой, по нашему мнению, подобная деятельность лишается возможности быть осуществленной.

Да, перевод Библии на русский язык — задача непростая: русское православие имеет более чем тысячелетнюю историю, и мы, русские, не вправе отказаться от своего прошлого и пренебречь духовным наследием наших предков, которые донесли до нас Библию, переводя книги Ветхого и Нового Завета с древних языков, переписывая их, сверяя, печатая, изучая, комментируя их содержание. Вот почему необходим не новый перевод, а поновление Синодальной русской Библии, которое бы осуществлялось с опорой на кирилло-мефодиевскую традицию, авторитетность которой была безусловна для всех поколений библейских переводчиков, вплоть до святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, одного из инициаторов публикации Синодальной версии русского перевода.

На наш взгляд, влияние кирилло-мефодиевского наследия на переводчиков Библии XXI века очень важно: в деятельности по переводу книг Священного Писания, помимо филологической преемственности, мы имеем дело с органичным восприятием святоотеческого Священного Предания, в полной мере реализованного в понимании смысла как отдельных слов и выражений, так и целостных концепций авторов библейских книг.

М. Н. Ветчинова¹

ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Современное развитие человеческой цивилизации привело к тому, что все страны и континенты независимо от своего развития и политических воззрений вынуждены жить как единый организм и решать общечеловеческие задачи. Соответственно возрастает роль образования как фактора, направленного на развитие и укрепление глубинных основ личности, сочетающей в себе знания национальной и мировой культур и осознающей универсальность фундаментальных и общемировых ценностей.

Человек в современной социокультурной ситуации находится на рубеже культур, взаимодействие с которыми требует от него диалогичности, понимания,

¹ Профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор 93 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Социокультурная ценность иноязычного образования в гимназиях России второй половины XIX — начала XX века», «Иноязычное образование в гимназиях России второй половины XIX — начала XX века: проблемы содержания и методов обучения», «Теория и практика иноязычного образования в отечественной педагогике второй половины XIX — начала XX века: смена парадигм», «Образ преподавателя иностранного языка: вчера, сегодня, завтра», учебно-методических пособий и статей в центральных журналах «Наука и школа», «Иностранные языки в школе», «Вопросы образования» и др.

уважения к культурной идентичности других людей. По нашему глубокому убеждению, только высокообразованные и культурные личности способны решать поставленные мировым развитием глобальные задачи современности.

Литература, как древняя, классическая, так и современная, позволяет воспитать личность, способную оценить все особенности, отличительные черты различных культур. Через литературу, произведения различных авторов человек способен понять культурные особенности, речь, поведение, мысль, ценности как отдельного представителя, так и целой общности представителей иной культуры. Изучая литературные произведения различных наций и народов, можно найти в них как много различий, так и много цельного, единого.

На примере изучения древнеславянской литературы и современной русской, украинской, белорусской, польской и других славянских литератур можно сделать вывод о единой основе всех этих народов, а также о различии в современных взглядах и менталитете, сформированных в процессе культурно-экономического развития и влияния других культур.

В процессе образования литература позволяет развивать язык человека, формировать его духовные ценности, воспитывать толерантное отношение к представителям других культур, расширяет кругозор. Уже в XIX веке в русской педагогике признавалось, что изучение иностранной литературы необходимо и для лучшего понимания русских произведений. Так, в 1883 году членами Комиссии для изыскания мер к улучшению преподавания новых языков отмечались творения французских писателей, которые оказали наибольшее влияние на русскую литературу. Например, «Корнель — “Сид”, Расин — “Атала” или “Федра”, Мольер — “Тартюф” и “Мизантроп” (как представляющие типы, которые выводили также наши писатели Сумароков, Княжнин, Грибоедов и другие). Буало — “Ода на взятие Намюра” и его сатиры (как такие произведения, которым подражали Тредиаковский, Кантемир, Ломоносов). Вольтер — “Генрида” (как образец для “Россиады” Хераскова), Лафонтен — басни (Крылов), Дидро — “Отец семейства” (как образец мещанской драмы), Бомарше — “Севильский цирюльник” или “Женитьба Фигаро” (как произведения, которые имели влияние на комическую оперу конца XVIII века)»¹.

Таким образом, на основе двух этих примеров уже можно сказать, что «чистой» национальной литературы не существует. Всевозможные древние эпосы (индийские, шумерские, китайские, еврейские и многие другие) уже в те времена имели похожие идеи в своих сюжетах: всемирный потоп, рай, ад, заповеди, что позволяет нам говорить о взаимовлиянии культур посредством литературных произведений. Более высокообразованная культура оказывала влияние на близлежащие цивилизации. Например, шумерская цивилизация Междуречья посредством «Легенды о Гильгамеше» оказала колоссальнейшее влияние на последующее развитие таких великих цивилизаций, как вавилонская, ассирийская, персидская, армянская, еврейская. В свою очередь великая древнеперсидская литература являлась одной из основ для развития древнегреческой культуры — основоположницы европейской цивилизации.

На территории европейской России происходили аналогичные процессы. С принятием христианства в Киевской Руси появилась письменность и утвердился литературный язык, благодаря которому восточные славяне получили доступ к центру мировой культуры, которым на тот момент являлась Византийская империя. Постепенно в процессе эволюции Россия, собирая и аккумулируя в себе знания и культурные ценности иных народов, сама стала центром высокой духовной культуры. Русская литература, опираясь на шедевры мировой культуры, благодаря менталитету нации, стремящейся к постоянному поиску, обогатилась и сама стала источником развития для народов, населявших российское царство, затем империю.

Русская литература XV–XIX веков являлась опорой образования и развития культуры на всей территории Российской империи. На русской литературе воспитывались передовые люди, зарождались новые идеи, обо-

¹ Кавказский учебный округ. Комиссия для изыскания мер к улучшению преподавания новых языков в средних учебных заведениях. Тифлис, 1883. С. 445.

гащался язык, развивался алфавит и литературы других народов империи — казахов, туркмен, киргизов, калмыков, башкиров и т. д. Аналогичные процессы происходили и на других территориях планеты.

В конце XIX — начале XX века наступает эпоха империализма, когда высокоразвитые страны поделили между собой сырьевые территории и вынуждены были развивать образование и таким образом насаждать свою культуру среди завоеванных народов. Актуальным становится рассмотрение вопроса о соотношении образования и культуры. Может ли образованный туземец, получивший образование для работы на современной технике, воспринять «более передовую» европейскую культуру, стать ее частью или же только пользоваться ее достижениями? До окончания империалистической эпохи, до 1970-х годов, так и не смогли выработать единого мнения. В современном обществе в связи с ускорением и усложнением интеграционных процессов эта тема становится еще более актуальной и требующей ответа.

Соотношение образования и культуры — теоретический вопрос, всегда интересующий исследователей гуманитарного цикла наук. Феномен образования в контексте культуры изучали такие ученые, как Э. С. Баллер, М. М. Бахтин, В. С. Библер, А. П. Валицкая, Б. С. Гершунский, В. Е. Давидович, М. С. Каган, И. А. Колесникова и др. Исследователи данного феномена отмечают, что образование и культура представляют собой две стороны генетически единого процесса развития человечества и общества, взаимодействие которых обеспечивает производство, трансляцию и усвоение знаний и ценностей.

Е. В. Бондаревская обосновывает положение о целесообразности образования и воспитания в контексте культуры. Н. Е. Щуркова рассматривает организацию воспитания как фактор вхождения российского общества в мировую культуру. Исследования группы психологов во главе с И. А. Зимней основаны на понимании его как процесса формирования отношения человека к миру. В таком подходе в центре внимания находится тот факт, что люди не рождаются с определенной культурой, а приобретают ее в ходе общения, на основе социальной деятельности².

Сегодня, говоря о взаимодействии культур, традиционно опираются на принцип диалога культур, который раскрывается М. М. Бахтиным, В. С. Библером, С. Ю. Кургановым и другими учеными. Согласно их концепции, любое обучение должно строиться как диалог различных исторически существовавших логик, культур, способов понимания (античной, средневековой, нововременной, современной). Непреходящую ценность имеют размышления М. М. Бахтина, который писал: «Личность жива только в своей обращенности к другим, значит, личность есть там, где есть диалог... Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже... один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость

² Общая культура человека в системе требований государственного образовательного стандарта / И. А. Зимняя [и др.]. М., 1999. С. 12.

этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она себе не ставила, мы ищем в ней ответ на наши вопросы, новые смысловые глубины. При такой диалогической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, каждая из них сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются¹.

М. М. Бахтин правомерно считал, что в ходе диалога с другими культурами возникает особое общение между людьми, в котором участники «нащупывают» свой собственный взгляд на мир².

Эта мысль очень важна, так как незнание культуры другого народа, его менталитета приводит к межнациональному непониманию и конфронтации. Как отмечал Д. С. Лихачев, каждая из культур прошлого или иной страны становится для интеллигентного человека «своей культурой», поскольку познание своего сопряжено с познанием чужого. Именно такое понимание открытого и толерантного процесса культурной коммуникации и позволило Д. С. Лихачеву утверждать, что культура — это универсальный фундамент человеческого существования, главный источник гуманизации человеческой истории.

Таким образом, диалог культур — это взаимодействие и взаимовлияние контактирующих культур и языков, обеспечивающих адекватное взаимопонимание и духовное взаимообогащение представителей различных лингвокультурных общностей на основе их равноправных отношений.

С учетом новых социокультурных реалий мировая гуманитарная мысль разрабатывает соответствующие направления развития образования, которое должно

способствовать тому, чтобы, с одной стороны, человек осознал свои корни и тем самым мог определить свое место в мире, а с другой — привить ему уважение к другим культурам. В этом плане особо актуальным становится поликультурное образование, которое рассматривается как важная часть современного образования, способствующее усвоению знаний о других культурах, уяснению общего и особенного в традициях, образе жизни, культурных ценностях народов, воспитанию молодежи в духе уважения инокультурных систем, готовности вступать с ними в диалог. По словам А. С. Запесоцкого, «культура цементирует человеческую общность, придает ей ориентиры и самобытность»³.

Литература, как проявление культуры, невидимым образом соединяет прошлое, настоящее и будущее. Диалог с культурой прошлого помогает человеку лучше понять настоящее. Д. С. Лихачев писал: «Не только культура, но и весь мир берет свое начало в Слове... Слово, язык помогают нам видеть, замечать и понимать то, чего мы без него не увидели бы и не поняли, открывают человеку окружающий мир»⁴.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что на протяжении развития человеческой цивилизации литература являлась и является основным способом передачи культурных достижений человечества. Литературу с полной убежденностью можно назвать языком в диалоге культур. Благодаря литературе и ее развитию от древности к современности культуры различных цивилизаций были сохранены, развиты и постепенно превращаются в единую многогранную общечеловеческую культуру.

Давид Гиллеспи⁵

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ И НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ: ДВА ВЕКА САТИРЫ И СМЕХА

Контакт, взаимодействие и взаимовлияние культур и цивилизаций — отнюдь не специфическое явление современной эпохи, и опыт подобных встреч оказал влияние на формирование ядра как западноевропейской, так и русской культуры. Рефлексия о своих корнях — такая же характерная особенность любой развитой культурной традиции. И если говорить о таком явлении, как межкультурный диалог, то следу-

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 40.

² Бахтин М. М. Эстетическое наследие и современность: межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 1992. Ч. 2. С. 32.

³ Запесоцкий А. С. Философия и социология культуры. СПб., 2011. С. 167.

⁴ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 14.

⁵ Профессор русского языка и литературы Университета г. Бат (Великобритания). Читает курсы «Современное российское кино» и «Европейское кино». Его исследовательские интересы включают русскую литературу послевоенного периода и русскую культуру в постсоветское время. Автор более 30 научных публикаций, посвященных русской литературе XX в., советскому и российскому кинематографу, в т. ч.: «Российский роман XX века: вступление», «Русское кино», «Италия как "другой": "Ностальгия" Андрея Тарковского», «Русская проза в канун постмодернизма», «Насилие и авторитарность в прозе Сорокина», «Violence and Masculinity in Modern Russia», «Early Soviet Cinema: Innovation, Ideology and Propaganda» и др.

ет иметь в виду, что он может иметь диахроническую форму, быть диалогом между прошлым и настоящим в рамках одной национальной культуры, быть диалогом между «архивистами» и «новаторами», по меткому слову Ю. Н. Тынянова.

В русской культуре такой диалог, такая авторефлексия ведутся давно. В настоящем докладе я буду говорить о современном русском писателе Евгении Попове (род. в 1946 г.) — продолжателе гоголевской традиции в русской литературе, авторе большого числа остросоциальных произведений, в течение нескольких десятилетий приверженном одной тематике, и в то же время ярком новаторе в области стиля и формы. Новаторство его порой столь велико, что придает его творчеству «раскольнический» характер.

В начале своей литературной карьеры Е. Попов писал в духе «деревенской прозы». Такими были его рассказы, выпущенные в 1979 году в самиздатовском альманахе «Метрополь», и произведения, вошедшие в сборник под названием «Веселие Руси» (США, Анн-Арбор: «Ардис», 1981). Попов всегда определял себя в русле русской литературной традиции, и его первые печатные работы, изданные в Советском Союзе

в 1976 году, сопровождались предисловием Василия Шукшина. Шукшин — один из самых популярных авторов того поколения — был сибиряком, как и сам Попов.

Шукшин до самой своей смерти в 1974 году, был наставником Попова. Для обоих писателей характерна особая манера описания сильных мужских характеров, состоящих в конфликте со своим окружением. Герой Шукшина — «чудак», растерянный тип, социальный неудачник, тем не менее вызывающий сочувствие. У Попова этот тип превращается в «мудака» — морально неустойчивого и склонного к саморазрушению. Вот что пишет о нем Джереми Моррис: «Чудак озабочен отношениями между ним и обществом, на него давит социальная ответственность. Мудак же, в понимании Попова, часть некоей эстетической и онтологической целостности. Это и антиутопия, высмеивающая саму возможность социального прогресса, и утопия, провозглашающая верховную силу искусства. Абсурд, присущий утопии, сводит на нет значимость (и полезность) написанного»¹.

Герои произведений Попова спиваются, понимая, что ничего не могут предпринять для того, чтобы сделать свою жизнь лучше. В этом он близок таким авторам, как Венедикт Ерофеев и Сергей Довлатов, которые, так же как Попов, расходились во взглядах с советскими идеологами. Так же как и его земляк Владимир Сорокин, Попов отказывается принимать обусловленность и рационализм постсоветского общества. Но Сорокин идет еще дальше, он противопоставляет этому обществу нигилизм, доводя его до гротеска. Для Попова мир — это хаос и абсурд, он не принимает маргинального положения писателя в так называемой «неокрепшей демократии» новой России².

Сам Попов заметил, что его роднит с Шукшиным еще одно обстоятельство, странное и, пожалуй, случайное. Отец Шукшина был арестован НКВД в 1933 году, когда сыну было всего четыре года. Шукшин так и не выяснил, какова была причина ареста, он лишь узнал, что его отец расстрелян в 1942 году. Вероятно, отца писателя обвинили во «вредительстве» — порче сельскохозяйственного инвентаря, что часто случалось в те годы. Мать Шукшина сменила фамилию на девичью — Попова, потом снова вышла замуж. Шукшин вернул фамилию своего отца в 16 лет, когда получал паспорт. События детства, проведенного с отчимом, легли в основу сборника коротких рассказов «Из детских лет Ивана Попова», изданного в 1968 году. (Иван Попов — родственник Шукшина.) Попов и впрямь альтер эго Шукшина, его живой, энергичный и скабрёзный двойник³.

В эпоху гласности М. С. Горбачева произведения Попова снова начали печатать. Его предыдущие

¹ Morris J. From *chudak* to *mudak*? Village Prose and the Absurdist Ethics of Evgenii Popov // *Modern Language Review*. 2004. № 99. P. 703.

² Gillespie D. Evgenii Popov and the Satire of Collapse: the "I" of the Narrator // S. Graham, O. Mesropova (eds.) // *Uncensored? Re-inventing Humor and Satire in Post-Soviet Russia*. Bloomington, 2009. P. 1–13.

³ Попов Е. На полпути к Аксенову: к юбилею Василия Аксенова // Октябрь. 2007. № 7. С. 122; Шукшин В. «Я родом из деревни...» // Шукшин В. М. Собр. соч. : в 6 т. М., 1998. Т. 1. С. 5–6.

остросоциальные рассказы, изданные в «Метрополе» и сборнике «Веселие Руси», были написаны от третьего лица. Теперь же Попов пишет от первого лица, опираясь на собственный опыт, что позволяет ему постоянно выражать свои чувства, взгляды и зачастую моральную неудовлетворенность. Имена его героев могут быть разными — Ферфичкин, Гдов, Безобразов, но всегда видна авторская позиция Евгения Анатольевича Попова (ведь все они причастны к его биографии).

Среди персонажей Попова периода гласности встречаются многие из его друзей, например: Дмитрий Пригов, Виктор Ерофеев, Белла Ахмадулина (в произведении «Душа патриота»), а позже Роман Солнцев. Попов осознанно выбирает основным жанром своих работ официальные заявления в собственной трактовке. Это позволяет ему подчеркнуть торжественность и лживость официального языка советской эпохи, высмеивая его с известной долей сарказма, показывая его несостоятельность и тот смехотворный эффект, который он производил («Прекрасность жизни», 1990). В работах раннего постсоветского периода Попов открыто заявляет собственное «я», это моральная и культурная позиция, с высоты которой автор критикует происходившие в русской истории преступления и обманы. На первый план выходит озлобленный автор-публицист, озабоченный социальными проблемами, а не писатель, которому когда-то не давали печататься. В этих рассказах, написанных от первого лица, Попов высмеивает «неокрепшую демократию», возникшую после 1991 года. Особенно он критикует ее за страдания, выпавшие на долю простых людей. Оба романа — «Подлинная история "Зеленых музыкантов"» (1999) и «Мастер Хаос» (2002) — отражают стремление автора высмеять, осудить и обличить недостатки общества. Попов считает, что имеет на это право, так как писатель всегда выступает с позиций высшей морали. Такая позиция соотносится с русской классической традицией, подобную которой два века назад отстаивал Николай Гоголь, и Попов считает себя его последователем, обличая социальные пороки современности. Подобно Гоголю, он напрямую обращается к читателю, призывая его вместе посмеяться над злом и коррупцией, которая, как он считает, поразила новую Россию.

Книга «Прекрасность жизни» — это явная пародия, сатира, юмор. Подзаголовок романа гласит, что главы взяты из газеты, которая никогда не будет начата и закончена, что само произведение — набор вырезок из газет и отдельных газетных статей, огромных по размеру. Целью является создать общий эффект лживости и показного оптимизма, господствовавший в советской прессе, а также показать, как обеднялся и искажался русский язык. С присущей ему иронией и тонким сарказмом автор раскрывает, как официальный язык советской эпохи становится средством обмана и недоумков, как все люди погружаются в иллюзии, словно в кокон. Сорокин также обличал лживость официальных речей, но Попов делает это с юмором, смягчая сарказм тонкой иронией.

Несомненно, «Прекрасность жизни» — это титанический труд, содержащий более 400 страниц

заголовков и цитат из газет, подобранных по темам (некоторые написаны неким Е. Поповым), посредственных стихов «официальных» поэтов, таких как Сергей Михалков, автор двух национальных гимнов — советского и постсоветского. Ему, как и Юрию Бондареву, достаются наиболее саркастичные замечания автора. В книгу включены истории и анекдоты, отражающие жизнь советского общества в период с начала 1960-х по 1985 год. Среди тем, которые освещаются в книге, — внутренняя политика Советского Союза, отношения с другими державами, развитие литературы и искусства в стране. Советская пресса уделила особое внимание следующим событиям: полет Юрия Гагарина в космос в 1961 году; Карибский кризис 1962 года; отстранение Хрущева от власти в 1964 году; суд над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем (1966); «братская помощь» Чехословакии, оказанная Советским Союзом и другими странами Варшавского договора в 1968 году; изгнание Солженицына из СССР в 1974-м; нападки Феликса Кузнецова на «порнографический “Метрополь”» в 1979 году (излюбленный объект сарказма для Попова); просьба афганского правительства «оказать срочную политическую, моральную и экономическую помощь, включая военное содействие» в том же году; Олимпиада в Москве и смерть Владимира Высоцкого (1980); развал советской «геронтократии» в начале 1980-х; приход к власти Михаила Горбачева и закат ненавистной системы.

Определяющей чертой творчества Попова является то, что исторические события показаны через призму их влияния на людей и общество. Автор не обращает внимания на такие абстрактные вещи, как международные отношения, встречи мировых лидеров, международные соглашения или даже гонка вооружений и космическая гонка. История глазами Попова — история страданий людей, которые не раз были преданы российскими лидерами разных уровней, история многих, униженных и эксплуатируемых горсткой правителей.

Особенно любопытны сейчас несколько снисходительные ссылки на молодых и в 1960-х годах никому не известных писателей, таких как Эдуард Тополь, Валентин Распутин, Фридрих Горенштейн и Владимир Войнович. Однако, учитывая время написания (1987) и опубликования (1990) книги, о жизни в Советском Союзе можно сказать многое, но назвать ее «прекрасной» никак нельзя. Сейчас роман Попова можно рассматривать как ироничное выступление против лживости и порочности умирающего советского режима¹.

Многие работы Попова посвящены литературе и природе творчества, в его романе «Накануне накануне» (1993) явно прослеживаются аналогии с Тургеневым. «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» (1999) — это взгляд с прищуром на публику с пози-

¹ Роберт Портер указывает, что «когда книга была опубликована в 1990 году, ее заглавие едва ли могло быть более ироничным... сама официальная жизнь превратилась в пародию реальности». Деминг Браун соглашается: «Попов дает возможность говорить самой мозаикой фактов, которая так им составлена, что ирония неизбежна: в обществе массовой лжи даже приличные люди слегка нравственно подпорчены, хотя и не сознают этого. Предельная ирония заключена уже в самом заглавии книги» (См.: *Brown D. The Last Years of Soviet Literature: Prose Fiction 1975–1991. Cambridge, 1993. P. 162.*)

ций постмодернизма, напоминающий металитературные опыты создания произведений для подготовленного читателя. Название книги имеет отношение к популярному детскому мультфильму, основанному на сказочном сюжете, и в предисловии автор признает, что роман сродни «сказке». Попов, используя детскую сказку, в недетских выражениях обличает советскую тоталитарную действительность, он срывает завесу сказочного и искусственного, чтобы открыть «настоящую историю». Через призму собственного опыта и воспоминаний автор своим творчеством предупреждает и сожалеет: «(Посвящается) молодым людям, чтобы гордились отцами и в то же время избежали их ошибок и страданий»².

В романе «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» основной акцент поставлен не на несправедливости советского режима, хотя и этому автор уделяет достаточно внимания, а на попытке начинающего писателя по имени Иван Иванович опубликовать свою работу в СССР. В образе Ивана Ивановича явно просматривается сам Попов. Книга разделена на две части: первая представляет собой подробный отчет о борьбе Ивана Ивановича с цензурой и литературной бюрократией; вторая часть состоит из многочисленных примечаний, расширяющих текст и отступающих от него весьма далеко. Вторая часть намного больше, это своеобразная предыстория романа. Такая двойная структура явно напоминает книгу Владимира Набокова «Бледный огонь» (1962), в которой одно стихотворение снабжено подробным комментарием, содержащим различные примеры языковой игры и экстратекстуальных аллюзий. К этой же художественной форме Попов вернется в 2012 году в своем романе «Арбайт. Широкое полотно».

С присущей ему иронией Попов рассказывает в своем романе о принятии Ивана Ивановича в литературное сообщество. Он с сочувствием показывает, как его герой постепенно становится все более посредственным писателем, преданным системе. Такова судьба типичного советского литератора, и, как замечает Попов, он сам мог бы превратиться в такого автора, если бы согласился играть по правилам. Сначала его карьера развивается по классической модели, характерной для любого писателя-диссидента: исключение из вуза, работа сторожем, наставления знающего жизнь журналиста.

Однако комментарий к тексту зачастую противоречит этому самодостаточному повествованию и явно представляет точку зрения автора, саркастичного и беспощадного. Как и в случае с романом Набокова, комментарий расширяет границы и приближается к тому, что автор называет «правдой». Литература и действительность существуют параллельно, в неразрывной связи друг с другом. Согласно примечанию 142, факты и реальность и то, как советская литература представляла эту реальность, часто не совпадают. Примечание 257 начинается с полуприличного анекдота, а заканчивается оглушительной критикой общества, которым управляют ложь и скрытность, и явной аллюзией к одному из основных текстов социалистического реализма.

² Попов Е. Подлинная история «Зеленых музыкантов». М., 1999. С. 7.

Автор не только раскрывает смысл, стоящий за «сказочным» названием книги, он также намерен показать, что за внешним лоском респектабельности советского общества стоят помпезность, двуличность и лживость, презрительное и грубое отношение к простым людям. «Подлинная история» — это и литературный анекдот, и политическая критика. Особая форма изложения заканчивается на пастернаковской ноте надежды на лучшее для всех, что сродни сказочному финалу «и жили они долго и счастливо» (примечание 885).

Не удивительно, что в следующей книге Попова хаос вновь проявляет свою уродливую сущность, что отражено в названии. «Мастер Хаос» — еще одно произведение, написанное от первого лица, в котором предпринята попытка описать и проанализировать развал Советского Союза и Восточноевропейского блока, контролировавшегося коммунистами. Первые роман был опубликован в ежемесячном журнале «Октябрь» в 2002 году, позже он появился в виде отдельного издания. Автор описывает его так: «открытая мультиагентная литературная система с послесловием ученого человека», и это посвящение — полупародия с налетом псевдоучености — полностью соответствует шутовскому стилю и содержанию работы. «Мастер Хаос» — бессвязное блуждание по лабиринтам русской и советской истории, с ироническими отступлениями, с неожиданными спорами с большевиками о несправедливости и превышениях власти. Повествование ведется как от первого лица, так и от лица вымышленного персонажа — шифровальщика Безобразова. Он высказывает свои взгляды на «неокрепшую демократию» постсоветской России, эта фраза символизирует для него неспособность российского политического сообщества достичь уровня западных обществ или хотя бы стабильности.

Некоторые страницы как будто бы вообще не связаны с повествованием, как, например, конец первой главы, где в алфавитном порядке расположены все страны мира. Это никак не объяснено, не связано с текстом ни словами, ни союзами, просто список. Большевиком автор критикует практически на каждой странице, политические и экономические вопросы для него так же важны, как и личные. Целые абзацы посвящены описанию преступлений, совершенных властью. Попов рассказывает свою историю, используя обрывки газетных заголовков и статей, анекдоты из жизни, отдельные сатирические отступления. В этом роман сродни книге «Прекрасность жизни».

«Мастер Хаос» кажется случайной бессвязной подборкой отдельных мыслей и обрывков новостей о русской и восточноевропейской политической истории. Но на самом деле нить повествования, выстроенного умно и тонко, все время возвращает нас к мысли о бессмысленности человеческих жертв. В 1990-х годах, когда произошла девальвация рубля, демократия в глазах многих россиян стала синонимом бандитизма и бедности. И это происходило на самом деле. Попов обличает политических лидеров, постоянно используя прием повтора, что добавляет повествованию ироничный смысл. На последних страницах перечислены все возможные происшествия и природные катаклизмы,

но этот неизбежный природный хаос не идет ни в какое сравнение с рукотворным хаосом, который Россия пережила при большевиках.

Литература, столь важная для русской души, и природа творчества постепенно становятся основными темами работ, написанных Поповым. Примером может служить «Накануне накануне», а также сборник «Опера нищих», который содержит прямые отсылки к сатирической балладе Джона Гея, написанной в 1728 году. Баллада Гея высмеивает власть имущих, показывая, как современное общество пронизано злом от верха до самого низа. Попов обличает стяжательство и коррупцию, считая их столь же распространенными и вредными в России XX века, как и в Англии XVIII века.

Исследователи заметили склонность Попова к использованию литературных традиций, будь то русский фольклор, русская классика или современная литература. Работы, написанные в 1990-х годах, имеют аллюзии к таким авторам, как Александр Дюма, Иван Тургенев, Борис Пильняк. Намеренно подражая литературным моделям, Попов предвосхитил литературные тенденции и открыл путь к правильному пониманию «молодого смелого мира» конца 1990-х.

То, что Попов написал «Мастер Хаос» от первого, а не от третьего лица, показывает его глубокую озабоченность. В книгах, написанных в постсоветский период, много личного, как, например, разрыв отношений. Автор как будто оставляет всякое притворство и представляет себя обнаженным и растерянным перед читателями.

Книга «Крестовоздвиженский: выбранные места из переписки Гдова и Хабарова», вышедшая в 2007 году, — это страстный, мощный отклик на социальные потрясения, полный язвительного юмора. Это поток сознания, основными темами которого являются пороки недавнего советского времени и моральное и материальное обеднение населения. Хабаров — еще одно литературное альтер эго Попова, их отличает лишь одно: Хабаров — шовинист и антисемит, что свойственно пролетариям, он любит водку и Родину, но ненавидит интеллигентов. Так же как и Попов, Хабаров презирает современную культуру, так любимую «быдлом». Произведение заканчивается утверждением о сущности русских: несмотря на бедность и жестокость мира, воровство, пьянство и разврат остаются «вечными темами». Россия привыкла веселиться и продолжает это делать. Выступая на недавнем мероприятии по случаю двухсотлетия со дня смерти Гоголя, Попов гневно обличил пороки современного российского общества, сказав, что проступки Чичикова выглядят на их фоне «безвинной шалостью».

Попов выступает открыто, его перо «сочится ядом» против тех, кто предал русский народ. Его литературные двойники Гдов и Безобразов совершенно беспомощно взирают на новую, рыночную Россию. Для создания сатирического пародийного эффекта Попов использует особый литературный прием: факты, о которых он сообщает, не соотносятся с теми словами, которые он использует для этого. Этот разрыв настораживает читателя, который понимает, насколько лживыми могут быть официальные сообщения, как язык может служить

средством подавления. Этот излюбленный прием советских сатириков звучит у Попова более эмоционально, более персонально, как будто официальная «правда» заменена личной историей. И если в советское время лишь писатели и артисты материально страдали от своей непохожести, то теперь, с развалом режима, «звериный оскал капитализма» увидели все.

Книги Попова, написанные после 2000 года, представляют собой описание жизни простого русского человека после развала Советского Союза, описание все более ироничное и безрадостное. Хаотично изложены сюжеты из жизни России в 1990-х, хаотичен язык, хаотичен и синтаксис. От первого лица высказана боль автора — новая Россия нищает, люди вынуждены жить на 20 долларов в месяц, им приходится воровать и грабить. Путешествуя из Петербурга в Москву, Попов сравнивает то, что видит, с картиной, нарисованной не менее радикальным писателем Александром Радищевым два века назад.

Язык для Попова очень важен, и хотя его можно использовать для того, чтобы обманывать и предавать, язык — проводник культуры прошлого и надежд на лучшее будущее. Попов мастерски использует средства языка для того, чтобы создать эффект политической иронии и лингвистической игры. Попов компилирует официальные заявления, лозунги, бюрократические клише, журналистские штампы и создает из них целые книги. Даже небольшие рассказы состоят из длинных предложений, порой одно предложение с множеством придаточных и условных предложений занимает один абзац. Это создает эффект потока сознания, состоящего из исторических событий, отдельных персоналий, современных историй, чувств и мыслей автора. Здесь можно встретить как иностранные слова (в основном английские), так и ругательства, аллюзии к популярной культуре и официальному языку советской и постсоветской власти. Резкий полемический тон, однако, не обходится без юмористических вкраплений.

Рассказ «Виртуальная реальность» начинается с воспоминаний Гдова о художнике Владимире Боеере, который жил «в слободе 3-го Интернационала, на улице Лагерной, где держали коров, население которой хоть и нечетко, но все же делилось на сидевших и сажавших, проживших длинную поучительную жизнь, неоднократно менявшихся местами». Язык для Попова — оружие и инструмент, с помощью которого можно выразить свою боль, свое отношение к несправедливости, с юмором выйти из трудной жизненной ситуации.

Та свобода, с которой Попов обращается с языком, позволяет ему смешивать настоящее и прошлое, как, например, в статье, написанной в 2005 году и озаглавленной многозначительно «Русская литература лучше, чем секс». В этой статье Попов утверждает победу русского писателя над политической обстановкой, хотя, по его же признанию, непонятно, почему советский режим не разрушил русскую литературу. Он называет таких литераторов, как Пастернак, Ахматова, Булгаков, Зощенко, Маяковский, Платонов, Солженицын, Шолохов, которые выросли в борьбе с системой.

Попов и его двойники Хабаров и Гдов превращаются в символ всеобщего хаоса. В рассказе «Старик и скважина» Гдов не может получить воду из скважины на даче, это служит метафорой неспособности справиться с современным миром. В рассказе «Приторный ад» надпись на английском языке в общественном туалете наводит Хабарова на мысль о том, что в чем Россия продвинулась, так это в знании иностранных языков.

Несомненно, через своих литературных двойников Попов выражает страхи и разочарования как интеллигенции, так и простых людей. В постсоветской России их смелым надеждам не суждено сбыться. В названии рассказа «Оскал» (2008) проскальзывает нотка сожаления о прошлом, ведь именно так раньше представляли себе капитализм простые люди. Писатель Гдов, сидя в ресторане со своим другом Хабаровым, вспоминает давнюю историю, когда все пассажиры автобуса, в котором он ехал, вдруг поддались коллективному помутнению на сексуальной почве. Автобус попал в аварию, выжил только Гдов, сумевший противостоять животной похоти. Он пытался вразумить своих сограждан, но безрезультатно. Само значение секса доведено у Попова до абсурда.

Попов остается оптимистом, он верит, что изобретательность и стойкость сибиряков помогут им пережить постсоветское время. В этом он похож на Шукшина и Распутина, хотя они расходятся во взглядах на политику и культуру. В эссе «Сибирь» (как у Распутина) Попов вспоминает о своей юности, проведенной в Красноярске, о знакомом венгре, который пробыл 15 лет в ГУЛАГе, а затем остался в Сибири. Он рассказывает о деревне староверов, живущих в невероятно трудных условиях, без электричества, за счет собственного хозяйства.

В марте 2007 года Попов начал вести собственный интернет-блог, приглашая читателей к диалогу по насущным проблемам. Он все еще работает и содержит больше тысячи страниц комментариев. В 2012 году на основе записей в этом блоге Попов написал книгу «Арбайт». В ней он продолжает критиковать Советский Союз и его пережитки в постсоветское время, а также коррупцию, охватившую современное общество. В книге две части: в первой представлены собственные размышления Попова (или Гдова) и вопросы по тексту, как в учебнике; во второй — вопросы и комментарии читателей. Книга заканчивается благодарностью всем авторам. Эта форма, несомненно, нова для русской литературы. Писатель активно взаимодействует с читающей публикой, надеясь на ее поддержку и одобрение.

Остается добавить, что хотя Попов осуждает происходившее в потерянной стране и сожалеет о происходящем в той, что пришла ей на смену, он все равно считает абсурд единственным неизменным фактором русской жизни на многие годы. Его творчество абсолютно русское, ведь в нем провозглашаются общность писателя и печатного слова и единство индивидуально-коллективного, то, что называется «писать о жизни». Попов стремится привлечь внимание к исторической несправедливости, к изъянам общества, используя силу слова. От других писателей постсоветского

периода Попов отличается тем, что он не просто старый брюзга, которому ничего не нравится в современном мире, а, скорее, озлобленный, не примирившийся с современностью молодой человек. Он сатирик, его смешно читать, но в его стране, как он считает, не осталось беззлобного юмора. Попов уверяет нас: что бы ни случилось, люди в России будут всегда читать книги и пить водку.

То, что Попов принял решение писать от первого лица, лишней раз доказывает, что он считает себя общественной, политической, культурной совестью эпохи. В этом Попов схож с Юрием Трифоновым (1925–1981), выдающимся советским писателем, создателем «городской прозы». Самые откровенные замечания о жизни в Советском Союзе и об истории СССР Трифонов написал во время своих зарубежных поездок в США и Западную Европу. Попов также пишет за границей: статья «Русская литература лучше, чем секс» написана в Италии, а «Мастер Хаос» — в Германии.

У Попова большой опыт, его размышления многословны, они выражают правду, понятую с годами. Писатель открыто высказывает свое неприятие не-

справедливости и абсурдности жизни, неприятие общества, которое потеряло моральные устои, культуру и способность смеяться. Литературе не под силу исправить исторические ошибки, но она может выразить отчаяние и осуждение сложившейся ситуации. Литература может показать, как такие как Гдов и Безобразов оказываются за бортом в условиях, когда все продается, в ситуации, которую можно считать отказом от русских культурных устоев. Эти основы священные, пока есть писатели, сохранившие свое достоинство в советский период и продолжающие оставаться совестью общества сейчас.

Сама культура и ее гуманистическая основа подвергаются сейчас в России серьезной опасности. Личностная проза Евгения Попова остается тем маяком, который освещает путь всем людям, которым небезразлична ее участь. Так же как Гоголь два века назад, Попов настаивает: печатное слово призвано осуждать и высмеивать социальные и политические пороки. И в XXI веке для Попова актуален бессмертный гоголевский вопрос: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая небогинимая тройка несешься? <...> Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа».

В. С. Елистратов¹

РУССКИЙ ЯЗЫК НА СТЫКЕ «ЖЕЛЕЗНОГО» И «ЦИФРОВОГО» ВЕКОВ

Каждая лингвокультура (русская, французская, японская и т. д.) может рассматриваться, если воспользоваться в рабочем порядке биологической терминологией, *онтогенетически* и *филогенетически*. То есть анализируются ее отдельное, индивидуальное развитие или развитие в максимально широком контексте мировой лингвокультуры — и пространственном, и временном.

Эти термины достаточно часто употребляются в социолингвистике. Но мы говорим об ином ракурсе проблемы.

Итак, онтогенез лингвокультуры, с точки зрения лингвокультуролога, — это ее развитие как таковое. Лингвокультура исследуется как индивидуальный феномен на данном отрезке времени ее «жизни», изучаются ее происхождение, развитие, иногда — гибель. Здесь, разумеется, можно (и нужно) изучать взаимодействие данной лингвокультуры с другими языками и культурами. Например, русская лингвокультура знала сотни взаимодействий с другими лингвокультурами — от угро-финских и греческой до французской и американской. Все это элементы ее онтогенеза.

¹ Профессор кафедры лексикографии и теории перевода факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор культурологии, заслуженный профессор МГУ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Словарь московского арго», «Словарь русского арго», «Толковый словарь русского сленга», «Арго и культура», «Язык старой Москвы», «Словарь языка Василия Шукшина», «Трактат про таракана», «Словарь крылатых слов (русский кинематограф)», «Словарь крылатых фраз российского кино», «Нейминг: искусство называть» и др. Автор стихотворных сборников «Московский Водолей», «По эту сторону Стикса», «Духи мест», сборника юмористических рассказов «Тю! или Рассказы русского туриста». Публицист, переводчик. Член Союза российских писателей.

Мы знаем, к примеру, что в русском языке много тюркизмов, галлицизмов или американизмов. Мы можем сравнивать механизмы этих заимствований, историко-культурные условия, в которых они происходили. На основании данных исследований лингвисты и лингвокультурологи могут выстраивать гипотезы и делать выводы: о том, что американизмы будут «переработаны» русской лингвокультурой, как они «переработали» и освоили в свое время тюркизмы, или наоборот — что в условиях современного информационно-цифрового общества, в корне отличающихся от условий того, «примитивно-феодалного», русский язык и русская культура совершенно беззащитны и будут поглощены «черной дырой» Интернета. Гипотез и выводов может быть бесконечное количество, и они могут быть диаметрально противоположными. Но все эти построения будут в конечном счете именно онтогенетическими.

Лингвокультурный филогенез подразумевает освещение эволюции всей мировой лингвокультуры, и контекст в данном случае должен быть максимально широким.

Отметим, что филогенез языков, филогенез культур и филогенез лингвокультур — связанные друг с другом, но далеко не однородные процессы. В каждом конкретном случае мы имеем совершенно индивидуальную комбинацию факторов, и вывести некую интегральную формулу крайне трудно, а может быть, и невозможно, по крайней мере на данном этапе развития гуманитарного знания.

И все же, на наш взгляд, наибольшего успеха можно достичь, если попытаться сочетать максимально

«конкретный», «узкий» онтогенез с максимально «широким» филогенезом.

Примерно так: есть некое конкретное состояние русской лингвокультуры начала второго десятилетия XXI века с ее офисным сленгом, сленгом гопников, забором матизмов, компьютерными смайликами и т. д. И есть многотысячелетняя история мировой лингвокультуры с ее каменным, медным, бронзовым и железным веками. Казалось бы, это слишком разные измерения. Одно — конкретно-лингвистическое, другое — можно сказать, метафизическое, историческое. Но «бывают странные сближенья», как сказал поэт.

Начнем с того, что железного века никто в общем-то пока не отменял. После так называемого бронзового коллапса XII–XIII веков до нашей эры начинается интенсивное вытеснение «железом» «бронзы» и, соответственно, если называть все своими именами, более примитивными, но более сильными «железными культурами» культур «бронзовых» — более изысканных, тонких, развитых, но «слабых».

Нас, конечно, интересует не бронза и железо, а то, что в дальнейшем, после долгого развития, именно эти «железные лингвокультуры» создали в разных уголках земного шара те сакральные корпуса текстов, которые до сих пор являются основанием человеческой цивилизации. «Бронзовый коллапс» сменяется «осевым временем» (знаменитый термин К. Ясперса), временем деятельности Сократа, Будды, Лао-цзы, Конфуция, создания значительной части «Танаха», «Илиады», «Одиссеи», «Махабхараты» и так далее, а затем — появления христианства с полным текстом Библии и ислама с Кораном.

С известной долей условности, но, как нам кажется, с полным основанием можно утверждать, что *всё*, что было написано и сказано далее, вплоть до современных рок-текстов или переписки пользователей Интернета в соцсетях, есть не что иное, как гигантский корпус «комментариев-интерпретаций» сакрального «первокорпуса».

В первую очередь речь идет о сакральных текстах трех мировых религий. Во всех лингвокультурах, принявших эти три религии со всеми их многочисленными ответвлениями, изводами, вариантами, как канонически-религиозно-философскими, так и полужызычными-народными, существовали некие особые сословия. Сначала это были языческие жрецы, затем — священники. Но, кроме того, жреческо-священническую функцию в светском обществе выполняла особая культурная прослойка, которая в русской традиции стала именоваться интеллигенцией. Мы не будем в данной короткой статье вдаваться в споры о сущности русской интеллигенции: этот вопрос слишком сложный и запутанный. Позволим себе сослаться на авторитет академика Д. С. Лихачева¹, изложившего свою позицию просто, но вместе с тем очень глубоко и убедительно.

Для нас важна мысль о том, что в любой лингвокультуре есть нечто подобное русской интеллигенции. Это люди, не обязательно относящиеся к христианско-

му, буддийскому или исламскому духовенству, которые являются носителями системы знаний и ценностей, содержащихся в сакральном «первокорпусе» человечества, утвержденном, как уже было сказано, в железном веке.

Что произошло дальше? Ровно в той последовательности, в какой эти религии возникали (буддизм—христианство—ислам), в их «недрах» зародились некие особые направления, при всем их различии имеющие глубинные, можно сказать, онтологически общие черты.

В V–VI веках в Китае возник чань-буддизм, распространившийся в ряде регионов и получивший законченную специфическую форму в Японии в XII веке (дзен-буддизм). Через четыре века после появления дзен-буддизма, в XVI веке, в Европе была проведена реформа Лютера. А еще через два столетия, в XVIII веке, возник исламский ваххабизм (салафиты).

Дзен-чань, протестантизм и ваххабизм имеют, помимо прочего, одну общую черту: они резко отрицают обязательное «посредничество» между высшими ценностями (Богом, благодатью, высшей истиной, путем к нирване — как угодно) и данным конкретным человеком. Иначе говоря, они по сути отрицают «жреческо-священническую» функцию особого сословия и дают полную свободу любому человеку самому «вникать» в сакральный текст, интерпретировать и «комментировать» его².

Конечно, в этой «тройке» ваххабизм — как наиболее «молодой» феномен, возникший и развивающийся на фоне мощного исламского радикализма, — несколько специфичен. Но в нем заложены те же «онтологические семена», что и в чань-дзен, и в протестантизме. Надо только подождать, пока они взойдут.

Основное лингвокультурологическое следствие реализации установок «дзен-протестантизма» — частичная, а затем и полная *десакрализация* лингвокультурного сознания. То же в конечном счете рано или поздно ждет и салафитов-ваххабитов (хотя сейчас на это не похоже). Но вспомним религиозное направление, связанное с именами Лютера, Кальвина, Цвингли и др.

Протестантская этика так называемых бапов («белых английских протестантов») в конечном счете привела к полностью антисакральной идее «брендинга-нейминга», суть которой заключается в том, что имя, слово, язык есть в первую очередь (и только!) товар³. Дзен же стал преимущественно этической доктриной.

И неслучайно удивительный, но вполне закономерный союз дзен и протестантизма возник во второй половине XX века, когда религиозно-эстетическая доктрина дзен вдохновила коммерсантов-протестантов Запада, принявших дзен-буддизм (Джобс, Гейтс и др.), на создание индустрии персональных компьютеров⁴, что собственно и открыло принципиально новую для мировой лингвокультуры эпоху — цифровую. Сама по себе «цифра» (новые информационные технологии),

² См. об этом подробнее: Елистратов В. С. Массовая культура: жрецы, певцы и бренды // Нева. 2012. № 2.

³ См. об этом подробнее: Елистратов В. С., Пименов П. А. Нейминг: искусство называть. М., 2013; Елистратов В. С. Нейминг-трейдинг-балалайкинг // Знамя. 2012. № 2.

⁴ См. подробнее: Елистратов В. С. Интернет-нирвана Стива Джобса // Октябрь. 2012. № 2.

¹ См., например, его знаменитую статью 1993 года «О русской интеллигенции» (Новый мир. 1993. № 2).

разумеется, не является злом. Она есть следствие демографического взрыва, начавшегося в XVIII–XIX веках. Но «цифра» является не менее грозной энергией, чем атомная. И подобно атому, «цифра» может быть как мирной, так и немирной.

Вполне возможно, что мы сейчас переживаем некий «железный коллапс», аналогичный «бронзовому коллапсу» трехтысячелетней давности. Духовная сущность этого «коллапса» заключается в постепенной десакрализации ценностей железного века. «Железо» победило «бронзу», «цифра» хочет победить «железо».

Русская лингвокультура зародилась и развивалась в сакрально-зрелый период железного века. Ее сакральность (в широком смысле этого слова) очевидна. Многие, казалось бы, далекие друг от друга формулы из разных эпох и сфер русской жизни, например такие, как «Москва — третий Рим и четвертому не бывать» или «Поэт в России больше, чем поэт», — онтологически родственные формулы. И даже коммунистический идеологический дискурс XIX–XX веков, как мы понимаем, глубоко сакрален (пусть и псевдо- или даже антисакрален).

Сакральный онтогенез русской лингвокультуры в настоящее время столкнулся со стремительно набирающим силу и скорость «цифровым» десакрализованным филогенезом цивилизации.

Главный показатель «сакральности» лингвокультурного онтогенеза — лингвоцентризм сознания, то есть отношение носителей языка к своему языку как к высшей духовной ценности.

Для лингвоцентрически мыслящего народа язык — это не только (и не столько) средство коммуникации (а именно так или почти только так понимается язык в Новейшее и особенно в «цифровое» время), но нечто большее: говоря словами М. Хайдеггера, «язык — это Дом Бытия». Язык — основная, базовая форма существования сакральной лингвокультуры. Все остальные формы онтологически вторичны.

В настоящее время (во втором десятилетии XXI в.) мы наблюдаем очень сложную ситуацию, одновременно и обнадеживающую, и тревожную. Ситуация глубоко противоречиво-антиномична.

С одной стороны, не будет преувеличением сказать, что мы переживаем некий ренессанс словесности, причем именно «цифровой». Сотни тысяч россиян пишут стихи и прозу, которые востребованы в Интернете. Надо отметить, что речь идет не только об откровенной графомании: встречается и множество по-настоящему ярких текстов. В художественной литературе учреждены десятки премий. Люди читают и пишут.

С другой стороны, очевидно, что современная литература, словесность больше не имеют того авторитета, какой имели еще 25–30 лет назад. Поэт в России — «не больше, чем поэт».

С одной стороны, общество глубоко озабочено состоянием языка, его чистоты, выразительности, богатства и т. д. Состояние языка постоянно обсуждается в СМИ.

С другой — язык находится под тяжелейшим «тестовым прессом» ЕГЭ. Количество часов, выделенных на русский язык и литературу в школах, постоянно сокращается, и грамотность действительно падает.

Можно было бы привести еще множество подобных хорошо известных любому словеснику антиномий состояния современной русской лингвокультуры. В конечном счете речь идет об антиномии традиционного «железного» онтогенеза и нового «глобалистски цифрового» филогенеза.

Будет ли русская лингвокультура окончательно десакрализована филогенезом цифровой эпохи и растворится в «цифровой энтропии» или отстоит свою сакральную онтогенетическую доминанту, а значит, свою «самость», выражаясь языком А. С. Пушкина, свое «самостоянье» — зависит от всех и от каждого из нас.

Е. В. Иванова¹

РУССКИЙ МИР ИЛИ РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ГЛАЗАМИ А. П. ЧУДАКОВА И П. И. ЗАЙЦЕВА

В моем докладе на прошлых Лихачевских чтениях речь шла о понятии «культурно-исторический тип», которое в изучение русской культуры впервые ввел русский ученый и государственный деятель Николай Яковлевич Данилевский в работе «Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1868). В дальнейшем этим понятием пользовались его последователи — Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев и Ю. Н. Говоруха-Отрок. При разногласиях в вопросе о том, что составляет опре-

¹ Ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук. Специалист по литературе и религиозно-философской мысли Серебряного века, автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Павел Флоренский и символисты», «Чуковский и Жаботинский. История взаимоотношений в текстах и комментариях», «Вольная философская ассоциация. 1919–1924», «Александр Блок: последние годы жизни».

деляющие черты культурно-исторического типа, все они сходились во мнении, что цементирующей основой национального идеала служит православие.

Обращаясь далее к очень важной, с нашей точки зрения, но редко вспоминаемой работе Д. С. Лихачева «Заметки о русском», где также речь идет по существу о русском искусстве как культурно-историческом типе, мы отмечали, что в его концепции, создававшейся в эпоху, когда православие насильственно вытравлялось из общественного сознания, уже сама культура была объявлена фундаментом единства Киевской Руси, тем связующим началом, которое проходит через всю ее историю: «Духовная, культурная власть Киевской культуры оставалась сильной и тогда, когда военное могущество Киева пало»².

² Лихачев Д. Заметки о русском. М.: Советская Россия, 1984. С. 45.

Лихачев отмечает еще одну важную особенность русской культуры — участие в ее создании людей разных национальностей: «В древней русской литературе наряду с русскими писателями выступали болгары (Киприан, Григорий Цамблак), сербы (Пахомий Логофет, Аникита Лев Филолог), греки (Максим Грек и многие другие), хорваты (Юрий Крижанич), поляки (Андрей Белобоцкий), мордвыны (по-видимому, “протопоп богатырь” Аввакум и его недооцененный противник — патриарх Никон), белорусы, украинцы (их много в XVII веке, всех не перечислишь)... Все они включались в созидательный процесс развития русской литературы»¹. Благодаря этому русский культурно-исторический тип никогда не замыкался в рамках одной национальности, носил интернациональный характер, являясь объединяющим началом русского государства.

Д. С. Лихачев в своих суждениях о русской культуре неизменно имел в виду прежде всего литературу, главным образом древнерусскую. Но русской культуре соответствовал и определенный тип хозяйствования, также связанный с религиозным обиходом, опирающийся на особое отношение к природе, в результате чего возник особый, русский тип цивилизации, создателями которого были не только крестьяне, но и широкие слои горожан — мещане, рабочие, интеллигенция. В. В. Розанов в свое время определял цивилизацию как «полноту улучшенных форм человеческого существования». А. Д. Снявский отметил еще одну важную черту: «Слово “цивилизация” предполагает, помимо прочего, длительность и устойчивость существования форм, давно отточенных временем»². В обоих случаях цивилизация понимается не как нечто противоположное культуре, как это понимал А. Блок и ряд русских философов Серебряного века, а как некое «бытовое», если так можно выразиться, выражение или даже следствие культуры, созданный ею бытовой уклад, в котором эта культура себя осуществляет.

Примерно в таком же ракурсе рассматривал русский культурно-исторический тип В. И. Фатющенко в книге «Идея жизни в русской литературе»³, где в центре внимания была особая система ценностей, созданная русской литературой, оказавшей существенное влияние на весь жизненный уклад населения России, все то, что А. Д. Снявский подразумевал под русской цивилизацией, а В. И. Фатющенко в ряде работ называл «русским миром».

Для нас важно, что этот русский мир, или эта русская цивилизация, по существу, была упразднена в 1917 году, ее остатки сознательно уничтожались в советский период, а на ее месте пытались создать советскую цивилизацию, основополагающие черты которой, теорию и даже метафизику описал А. Д. Снявский в работе «Основы советской цивилизации». Он последовательно изложил, как, искореняя православие, пытались заменить его верой в коммунизм; уничтожая традиционный крестьянский тип хозяйства, заменяли

его колхозами; уничтожая классическую русскую литературу, пытались заменить ее советской литературой с особой системой ценностей. О последнем процессе в свое время писал В. Ф. Ходасевич в статьях «Литература и власть в советской России» (1931), «Литература и резолюция ЦК» (1932), «О советской литературе» (1938) и «Орденосцы» (1939)⁴.

Советская цивилизация (или советский культурно-исторический тип) описана достаточно подробно, но встает вопрос: какова была судьба традиционного русского культурно-исторического типа, который, имея такую длительную историю за плечами, не мог исчезнуть в одночасье? Рассмотрим две книги последних лет о судьбе русской цивилизации в советское время.

Как представляется, наиболее ярким литературным произведением о русской цивилизации, написанным в последние годы, стал роман Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», признанный жюри «Русский Букер» лучшим русским романом десятилетия 2001–2010 годов. Большую часть жизни А. П. Чудаков был известен как литературовед, специалист по творчеству А. П. Чехова. Однако главное свое сочинение он назвал романом, и в дневниковой записи от 27 февраля 1985 года так объяснил обращение к этому жанру: «Вдруг пришла в голову простая мысль: все мои идеи о предметном мире, экологии, современном человеке и вещи устройстве мира не могут вписаться в традиционные жанры статей или даже книги (о чем я тоже думал). Об этом надо писать прозу!»⁵

Однако в результате возникла не совсем обычная проза. Это скорее воспоминания о детстве, проведенном в Казахстане, городе Чебачинске, где жили семьи политических ссыльных, по существу определявших культурный и хозяйственный уклад города. Это не вполне роман в традиционном его понимании, несмотря на то, что перед читателем проходят судьбы большого числа людей. Вымысел совершенно отсутствует, перед нами скорее воспоминания, автобиография, где скрупулезно описан тот особый мир, который принесли сюда так называемые «бывшие»: утраченные ныне представления о морали, долге, отношении к природе, об охране которой, судя по книге А. П. Чудакова, «бывшие» начали задумываться на несколько десятилетий раньше, чем в нашем лексиконе появилось слово «экология». Приехав на учебу в Москву, окунувшись в атмосферу советского учебного заведения, позднее работая в советском академическом институте, А. П. Чудаков все время ощущает этот мир за своими плечами и невольно сравнивает его с новым, советским. Сравнение оказалось явно не в пользу той «советской цивилизации», изучать которую А. П. Чудакову пришлось с первых шагов в Москве. В результате он со временем ощутил себя посланцем другой цивилизации, описать которую он и пытается в своем романе.

В процессе работы над романом автор записал в дневнике: «Это будет последний роман-идиллия — ностальгия по доиндустриальной эпохе,

¹ Лихачев Д. Указ. соч. С. 44.

² Снявский А. Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2002. С. 5.

³ Фатющенко В. Идея жизни в русской литературе. М., 2011.

⁴ Ходасевич В. Статьи о советской литературе // Вопросы литературы. 1996. Июль-авг. С. 173–213.

⁵ Чудаков А. П. Из дневников, записных книжек, писем // Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: роман. М., 2002. С. 516.

но не патриархальной <...>, а русско-интеллигентски-патриархальной, осколок дворянского XIX века»¹. Себя он называет «представителем последнего военного поколения — представителем особым, свободным в детстве от яда советской пропаганды»². По существу, тема романа — вещный мир детства героя, которого в романе зовут Антон, мир людей, среди которых он рос, и возвышающийся над всеми как некая вершина дед автора, выпускник духовной семинарии, ставший агрономом и научивший внука видеть в труде смысл существования человека. Бережно, по крупинкам воссоздан предметный и хозяйственный мир, окружавший героя в детстве. В этом мире одежду носили на протяжении всей жизни (в начале романа читаем: «дед аккуратно повесил на спинку стула черный пиджак, оставшийся от тройки, сшитой еще перед Первой мировой войной...») Между тем дело происходит в Чебачинске уже после Второй мировой войны), белье для всей семьи стирала своими руками бабушка — воспитанница института благородных девиц, до конца жизни сохранившая привитые там навыки.

Среди тех, кто окружал Антона в Чебачинске, были ссыльные разных национальностей из многих уголков страны: латышская и польская интеллигенция, немцы Поволжья, депортированные чеченцы; математику в школе преподавал доцент Ленинградского университета, литературу — доцент из Куйбышева, физкультуру — чемпион СССР по десятиборью и т. д. Кроме того, в начале войны туда же была эвакуирована группа ученых из Академии наук, и герою романа довелось увидеть академика Вернадского, специалиста по буддизму академика Щербатского, кораблестроителя академика Крылова.

Благодаря всем этим обстоятельствам А. П. Чудаков застал, а в зрелом возрасте еще и описал то, что Аркадий Аверченко некогда назвал «осколками разбитого вдребезги» — остатки дореволюционной русской цивилизации, которая на протяжении столетий созда-

валась силами всех населявших Россию народов и угасала вместе с уходом из жизни людей, получивших собирательное название «бывшие». То, что мы потеряли с их уходом, передают слова деда перед кончиной, в которых он подвел некий итог произошедшей на его глазах смене двух цивилизаций: «Они отобрали сад, дом, отца, братьев. Бога они отнять не смогли, ибо царство Божие внутри нас. Но они отняли Россию. И в мои последние дни нет у меня к ним христианского чувства»³. Словом, роман получился о «России, которую мы потеряли», о той русской цивилизации, угасающие черты которой А. П. Чудаков бережно и любовно описывает в своем романе.

Еще одно произведение, которое также описывает утраченный мир русской цивилизации, — «Записки пойменного жителя» Павла Зайцева. Впервые небольшой фрагмент «Записок» был опубликован в журнале «Новый мир» (1994, № 11) и частично в журнале «Наш современник», в 2012 года в Рыбинске книга вышла полностью. Это рассказ о русской Атлантиде, или о граде Китеже, хотя нет никакой надежды на то, что он когда-нибудь воскреснет. В «Записках» рассказывается о крестьянской цивилизации, которая испокон века существовала в пойме между реками Мологой и Шексной и погрузилась на дно в момент создания весной 1941 года Рыбинского водохранилища. Автор книги не профессиональный литератор, по профессии он рабочий, в прошлом коренной житель этих мест. Как и А. П. Чудаков, он бережно описывает мир, погубленный в результате так называемого преобразования природы, бессмысленного и беспощадного. Перед нами и здесь вещный мир, бытовой и жизненный уклад, навеки погребенный на дне водохранилища. Обе книги, столь разные, воссоздают то, что некогда было тем самым культурно-историческим типом, о котором писали русские философы и который ушел безвозвратно, без всякой надежды на воскресение.

Роберт Илсон⁴

ОБМЕН ЛЕКСИКОЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Явление обмена, существовавшее еще на ранних этапах развития языка, затрагивает все его сферы. Широко известно, что в английском языке есть названия животных германского происхождения (cow — «корова») и названия сортов мяса этих животных, пришедшие из французского (beef — «говядина»). Мы также знаем, что наравне с названиями цветов в английской геральдике (azure — «лазурный», gules — «красный») из французского языка заимствованы особые названия масти лошадей (goan — «чалый», bay — «гнедой»). Полагаю, что в русском языке аналогичные назва-

¹ Чудаков А. П. Указ. соч. С. 544.

² Там же. С. 545.

³ Там же. С. 500.

⁴ Научный сотрудник Лондонского университета. Автор и редактор ряда научных изданий, в т. ч.: «Комбинаторный словарь английского языка» (в соавт.), «Collocations and idioms» (ed.), «Dictionaries, lexicography and language learning» (ed.) и др.

ния лошадиных мастей — тюркского происхождения. Но языковой обмен этим не ограничивается. Английский звук [zh] в словах measure и treasure заимствован из французского языка. Кроме того, в английском языке степени сравнения прилагательных образуются двумя способами: red, redder, reddest и azure, more azure, most azure. Я считаю, что аналитические формы с more и most были либо заимствованы из французского языка, либо как минимум испытали на себе его влияние. Другие языки германской группы, например нидерландский, действительно проявляют тенденцию к образованию аналитических форм степеней сравнения, но ни один из них не демонстрирует ее так явно, как английский язык (и, конечно же, нидерландский язык тоже находился под влиянием французского).

Давно признана важность лексического обмена. Поэтому, по крайней мере, с момента выпуска третьего

издания полного словаря (1961) американская компания Мерриам–Уэбстер использовала в этимологии многих технических статей не только обозначение NL = *New Latin* (новолатинский), но и ISV = *International Scientific Vocabulary* (международная научная терминология). Например, в 11-м издании Академического словаря Мерриам–Уэбстер (2003) мы находим:

megawatt... *n* [ISV]

phylogenetic... *adj* [ISV, fr NL (from New Latin) *phylogenesis*...]

-ol *n suffix* [ISV, fr. *alcohol*].

В 11-м издании Академического словаря Мерриам–Уэбстер *международная научная терминология* определяется следующим образом: *сущ.* часть научной терминологии и лексикона других специализированных областей знания, состоящая из слов или иных языковых форм, одновременно существующих в двух или более языках и отличающихся от новолатинских форм за счет приспособления к структуре отдельных языков, в которых они встречаются.

В 1929 году Ч. К. Огден ввел термин «базовый английский язык», называя так язык, который, как он надеялся, станет вторым международным. И с тех пор базовый английский принял в свой состав более 60 международных слов, уже употреблявшихся на тот момент в других языках (например, *alcohol, cigarette, hotel, taxi, telephone, algebra, zoology*), и 150–200 научных слов (например, *age, focus, substitution, active, exact, particle, reversible, lung, parent, vestigial, wild*), и это не считая основного словарного состава, насчитывающего 859 единиц (а также отдельные допустимые суффиксы и комбинации)¹.

Естественно, что в современном глобализованном мире языковой обмен процветает как никогда ранее. В данной статье я ограничусь только лишь описанием лексического обмена с тем, чтобы более подробно остановиться на различных его моделях, разрабатываемых сегодня. Кроме того, я не буду рассматривать все единицы языка. В частности, не буду касаться естественных видов (например корова), простейших доиндустриальных предметов и продуктов материальной культуры (молоток, сыр), абстрактных понятий (красота, правда) и социальных отношений (двоюродный брат/сестра, теща/свекровь), но уделю особое внимание техническим и научным терминам (водород, компьютер), обычно изучаемым в рамках раздела лексической терминологии.

Вот очень условная классификация процессов лексического обмена, которую я буду анализировать:

- 1) использование международной научной терминологии и/или новолатинских единиц, ориентировочно традиционный понятийный аппарат;
- 2) заимствование;
- 3) калькирование / словообразовательное заимствование;
- 4) независимая лексикализация;
- 5) описание (не именование).

Вначале нужно разграничить процессы заимствования (усвоения) и калькирования (приспособления). Рассмотрим английское слово *intelligentsia*, заимство-

ванное из русского языка. Посмотрим на немецкое слово *Weltanschauung*. Английский язык заимствовал его в исходной форме (Spengler's pessimistic *Weltanschauung* — пессимистический взгляд на жизнь Шпенглера). Но в английском это слово также было переведено по частям. В результате получилось нечто менее иностранное “Spengler's pessimistic *world-view*”. Данный вид словообразовательного заимствования иначе называется калькированием. Интересно, что само слово *calque* (калька), существующее в английском языке, заимствовано из французского, в то время как синонимичная единица *loan-translation* «словообразовательное заимствование» — калька с немецкого *Lehnübersetzung*. Собственно говоря, прежде чем назвать одно слово калькой другого, следует знать его историю. Я знаю, что английское *world-view* является калькой с немецкого *Weltanschauung*, поскольку его присутствие в немецком языке засвидетельствовано раньше, чем существование *world-view* в английском. В противном случае я бы мог сделать вывод, что *Weltanschauung* — калька с *world-view*! Тем не менее здесь имело место калькирование, и неважно, в каком направлении шел процесс. Следует уточнить, что в настоящем исследовании я буду использовать термины «заимствование» (*borrowing*) и «калькирование/словообразовательное заимствование» (*calquing/loan-translation*) в историческом аспекте (в синхроническом более, чем в диахроническом), без учета направления лексического обмена.

Иногда мы будем свидетелями того, как один язык зафиксировал в словаре некое понятие независимо от других языков, также имеющих в словарном составе данное понятие. И так, предмет, называемый в британском английском языке *mobile*, а в американском варианте английского языка *cellphone*, в немецком имеет название *Handy*. Получается, что немецкий язык заимствовал английское прилагательное *handy* и перевел его в разряд существительных, называющих указанный предмет. Еще раз отмечу, что действую внеисторически: насколько я знаю, предмет вполне мог быть изобретен в Германии и, возможно, там же получил название до того, как приобрел самостоятельное наименование, включенное в словарный состав британского и американского вариантов английского языка.

И наконец, я разделяю независимую лексикализацию и описательный способ. Мое разграничение является частью более общего деления на именование (Naming) и описание (Describing). Следствием именованья становится возникновение новой лексемы (Lexical Unit — LU) в другом языке: “mobile = Handy”. Описание, напротив, способствует появлению в другом языке лексически соответствующей единицы (а Lexically Relevant Unit — LRU): “mobile = мобильный телефон”. И лексема, и лексически соответствующая языковая единица могут служить эквивалентами при переводе. Однако если лексемы (LU) обычно вводят в одноязычные словари, то лексически соответствующие единицы (LRU) — нет (об этом см. в моей статье «Техника объяснения в переводе», которая выходит в свет в ближайшее время).

¹ См.: *Ogden Ch. K. Basic English. N. Y., 1968.*

Сейчас предлагаю проанализировать выбранные мною примеры лексического обмена в английском, французском, немецком, русском и иногда испанском языках.

Следует обратить внимание, но не ограничиваться единицами, появившимися в настоящее время. Давайте начнем с названий некоторых химических элементов:

англ. + символ	франц.	нем.	рус.	исп.
oxygen (1788) O	oxygène	Sauerstoff	кислород	oxígeno
hydrogen (1788) H	hydrogène	Wasserstoff	водород	hidrógeno
carbon (1789) C	carbone	Kohlenstoff	углерод	carbón
yttrium (1814) Y	yttrium	Yttrium	иттрий	
ruthenium (1848) Ru	ruthénium	Ruthenium	рутений	
californium (1950) Cf	californium	Kalifornium	калифорний	
rutherfordium (1969) Rf	rutherfordium	Rutherfordium	резерфордий (АИ) ¹	

Элементы, названные ранее, в английском и французском (а также испанском) языках используют в своих названиях типичные компоненты, общие для европейских культур; немецкий и русский используют словообразовательные заимствования; проще говоря, английский язык склонен походить на французский, русский — на немецкий. Элементы, получившие наименования позже, названы по имени мест или людей, связанных с ними. Таким образом, на публику выносились конкретные имена и, возможно, даже националистические тенденции, хотя предпочтение по-прежнему отдавали классическому, традиционному способу словообразования с помощью окончаний *-ium/-ий*. С другой стороны, эти новые элементы имели в принципе те

же заимствованные формы в английском, французском, немецком, русском и испанском языках. Заимствование вытеснило калькирование. Отметим также, что даже если названия в разных языках отличаются (например *carbón*, *Kohlenstoff*), то символы химических элементов остаются теми же (например *C* в английском, русском и немецком).

В следующей части научной терминологии очевидна всеобщая тенденция как в использовании международной системы символов химических элементов, так и в превалировании заимствования над калькированием.

Здесь мы обратимся от химии к атомной и субатомной физике:

англ.	франц.	нем.	рус.	исп.
atom (XV в.)	atome	Atom	атом	
electron (1891)	électron	Elektron	электрон	
neutron (1932)	neutron	Neutron	нейтрон	
hadron	hadron	Hadron	адрон (1962: Л. Б. Окунь)	
charm quark	quark de charme	Charme-Quark	<i>с-кварк</i> или <i>очарованный кварк</i>	
strange quark	quark étrange	fremdes Quark	странный кварк	cuark extraño

Частицы, открытые ранее, имели традиционные названия, что предполагало всеобщее их заимствование. В последнее время терминология (кварк, очарование, странность) использует английские слова, которые затем посредством кальки попадают в другие языки. В этом отношении важная минимальная пара — *hadron* (1962) и *quark* (1963/4). Американский физик Мюррей Гелл-Манн причудливым образом ввел в употребление слово «кварк». Решимости ему придало упоминание элементарной частицы в романе Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану»: «В 1963 году, когда я присвоил имя “кварк” простейшим компонентам нуклона, у меня был только звуковой вариант слова, без графической формы. Оно могло бы произноситься *kwork*. Позже в один из редких случаев, когда я внимательно перечитывал роман Джеймса Джойса “Поминки по Финнегану”, я наткнулся на слово “quark” в предложении “Три кварка для мастера Марка”». Совсем иное Окунь говорил об *адроне*:

«Я назову “адронами” сильно взаимодействующие частицы и соответствующие процессы распада — “адронными” (греческое слово *δρός* означает “большой”, “массивный” в отличие от греческого *λεπτός*, в переводе означающее “маленький”, “легкий”). Надеюсь, что данная терминология окажется удобной». Окунь следовал традиции и вводил в обращение классическое название, заимствованное из мертвого языка. Оно было нейтральным и, следовательно, удобным в отношении живых языков; каких-то пару лет спустя Гелл-Манн сказал в сущности так: «Мы открыли и назвали эту частицу на языке Англофонии: если вы желаете сослаться на нее в другом языке, вам придется принять или приспособить наше название». Ситуация немного похожа на ту, что мы заметили в части названий недавно открытых элементов (калифорний), в отличие от названий старых элементов (кислород).

Для примера привожу названия, взятые из космологии, описывающие разные процессы в действии:

англ.	франц.	нем.	рус.	исп.
big bang (1948)	big bang	Urknall	большой взрыв	golpe grande
black hole (1968)	trou noir	Schwarzes Loch	черная дыра	agujero negro

¹ АИ — Андрей Иванов, который во многом помог мне написать эту статью. Доктор Иванов указал на то, что резерфордий мог бы с тем же успехом быть назван *Kurchatovium* *Ku* = «курчатовий». О других подобных противоречиях читайте в статье в Ви-

кипедии “List of chemical elements naming controversies” — «Список неоднозначных названий химических элементов». Поражает не столько противоречие, сколько принятие в итоге общепринятой терминологии.

Эквиваленты «черной дыры» образованы на основе приспособления (то есть кальки). Что касается эквивалентов словосочетания «большой взрыв», во французском языке используется принятие (а именно заимствование). Другие языки в большей или меньшей степени

используют приспособление: русское слово «взрыв» должно переводиться английским “blast”, в то время как *bang* означает удар.

А сейчас обратимся к названиям различных деталей современной жизни:

англ.	франц.	нем.	рус.	исп.
welfare state (1941)	état providence	Wohlfahrtsstaat	государство всеобщего благоденствия, социальное государство	estado benefactor
command economy (1942)	économie d'ordre	Befehl-Wirtschaft	командная экономика (АИ)	
third world (1963)	tiers-monde (1952)	Die dritte Welt	третий мир	tercer mundo

Все эквиваленты словосочетания «командная экономика» образованы путем адаптации (приспособления). То же самое происходит и с выражением «третий мир», которое имеет собственную малоизвестную историю возникновения. Оказывается, оно появилось во французском языке и было калькой от *Tiers État*, названия третьего сословия (бур-

жуазии) до Французской революции. В понятии «социальное государство» немецкий язык использует приспособление (адаптацию), французский и испанский — независимую лексикализацию, а русский, кажется, скорее описание, чем наименование (если так, то приведенные мною русские эквиваленты идиоматичны!).

англ.	франц.	нем.	рус.	исп.
computer	ordinateur	Computer	компьютер	computadora
software	logiciel	Software	программное обеспечение/софт	software
on-line	en ligne	online	интерактивно/онлайн	en línea
e-mail	courriel	E-Mail	электронная почта/мейл	correo electrónico
download	téléchargement	Download	загрузка	telecarga
laptop	portable	Laptop	портативный компьютер/ноутбук (АИ)	ordenador portátil
microwave (oven)	four à micro-ondes	Mikrowelle	микроволновая печь	microonda
CEO	Directeur Général/PDG	CEO	главный исполнительный директор	Presidente
peer review	révision de pair	Gleich-Rezension	рецензия; отзыв	revisión por expertos

Наиболее значима здесь тенденция немецкого языка заимствовать английские термины: Computer, Software, E-Mail, Download, Laptop, CEO. Другую крайность демонстрирует французский язык: там прослеживается тенденция двигаться в своем направлении, используя независимую лексикализацию (*ordinateur*, *téléchargement*, *portable*) или оригинальный вид адаптации (калькирования), где -el “électronique” добавляется к соответствующему знаменательному французскому слову, так что *courrier électronique* становится *courriel*. Русский и испанский языки стремятся к более традиционным калькам, которые для иностранца, подобного мне, представляются едва ли лексикализованными, они больше похожи на описания, чем на наименования: действительно ли в указанных языках отсутствуют в обиходе идиоматические эквиваленты?

Можно ли увидеть в этом общие тенденции? Возможно. Первые в списке единицы (такие как первые химические элементы) относятся либо к классической терминологии (слова заимствованы из греческого языка, новолатинского, а также французского и английского), либо к кальке, основанной на базовой терминологии (например слова из немецкого и русского языков): *hydrogen*/водород. Среди поздних заимствований обнаруживаем нетрадиционную терминологию и заимствования (*californium*/калифорний) или калькирова-

ние (*Black Hole*/Черная дыра). Как правило, есть желание создавать эквиваленты, которые бы легко понимали люди, говорящие на других языках. Германия в этом смысле демонстрирует крайнюю противоречивость (например, «интернациональное» *CEO* и идеосинкретическое *Handy* — «мобильный телефон»). Самое поразительное изменение касается вытеснения классической терминологии (например *адрон*) английским языком, который является своего рода международной резервной валютой научных терминов (например *quark*) и который благосклонно относится к заимствованию своей лексики другими языками, способствует появлению в его рамках различного рода технических терминов, приветствует и калькирование в другие языки (например, *command economy*/командная экономика), и нелексикализованное описание (*laptop*/портативный компьютер).

Также не стоит забывать, что проблемы, связанные с лексическим обменом, существуют не только между языками, но и внутри конкретного языка. Международный язык порождает национальные варианты, где современные вещи могут называться по-разному. Английское слово *buggy* («легкая двухместная коляска») в интралингвистическом смысле имеет два значения. В британском варианте английского языка оно может означать “push-chair” (ходунки) или то, что

американцы называют “stroller”; в американском английском данное слово может означать “pram” (детская коляска) или, как называют американцы, “baby carriage”. Соответствующий пример интерлингвистического значения можно рассмотреть на слове *laptop* (см. выше). Андрей Иванов (в личном разговоре) говорит: «Русский эквивалент слова “laptop” — это “ноутбук”. “Портативный компьютер” звучит устаревшим. На самом деле подавляющее большинство русских людей, говорящих на английском языке, вполне

уверены, что слово “ноутбук” переводится на английский “notebook”». Проблема в том, что немаркированное, скрытое значение английского слова *laptop* — это тип компьютера, в то время как немаркированное значение английского слова *notebook* — это вид канцелярской продукции. Слово *notebook* будет означать «маленький компьютер» только в явно техническом контексте. Пример, приведенный ниже, показывает взаимодействие интралингвистических и интерлингвистических вариантов:

англ.	франц.	нем.	рус.	исп.
mobile BrE = AmE cellphone	mobile/portable	Handy/Mobiltelefon	мобильник	móvil Esp = celular Am

Что скажут франкоговорящие жители Канады или Африки?

Более того, возвышение английского в качестве международной лексической резервной валюты, возможно, повлияло на состав словарей одним весьма странным образом. С помощью Андрея Иванова я просмотрел двуязычные словари в поисках лексических эквивалентов и выяснил, что они больше благоволят калькированной лексике (например «командная экономика») и нелексистизированным описаниям (например «портативный компьютер»), чем заимствованиям (например «онлайн», «ноутбук»), которые почти подсознательно воспринимаются сейчас как сленговые или просторечные. Так будет продолжаться и дальше, пока примеры заимствований с большей вероятностью будут появляться во многих, по мнению лексикографов, источниках низкого качества, не представляющих никакой ценности (реклама, устная речь), даже в эпоху краудсорсинга (“crowd-sourcing”, АИ) и больших данных “Big Data” (например “Megacorpuses”).

В связи с этим стоит упомянуть, что в английском языке технические термины (связанные с фермерством и навигацией), использовавшиеся еще во времена основания Америки, все еще остаются общепотребительными в британском и американском вариантах; термины, ассоциирующиеся с технологиями XIX века (*railways/railroads* — железные дороги, *motor cars/automobiles* — автомобили), демонстрируют поразительную разницу между англичанами и американцами (во времена максимальной независимости двух государств); термины, связанные с технологиями XX века (авиация, компьютеры), сейчас также актуальны, но американские нормы используют вместо британских (*program* вместо *programme*). Как бы мы ни осуждали подобную универсализацию, я считаю, что это лучше, чем взаимное непонимание.

Кроме таких общих тенденций, выбор эквивалентов может о многом сказать. Возьмем для примера слово *глобализация*:

англ.	франц.	нем.	рус.	исп.
globalisation (1951)	mondialisation/globalisation	Globalisierung	глобализация	globalización

Все наши основные языки используют заимствования. Даже во французском языке есть слово *globalisation*. Но французский чаще отдает предпочтение слову *mondialisation*. Итак, является ли *mondialisation* французской калькой от *globalisation*? Нет. Во-первых, оно, так же как и *globalisation*, употребляется с 1951 года. И еще важнее то, что, по мнению Жака Деррида, англо-американское слово *globalisation*, образованное от корня *globe* («сфера»), — это исключительно географическое понятие, а именно то, что вызывает распространение по всему земному шару.

Mondialisation происходит от слова *monde* («мир»), как говорит Деррида, и это социально-культурное понятие: *le monde* для европейцев — прежде всего христианский мир, и *mondialisation* предполагает распространение господствующего влияния западного общества на весь свет¹.

Еще одну интересную деталь указал профессор Э. Дж. Хобсбом. Слово *социализм* (в классической терминологии) имеет практически идентичную форму во всех языках, взятых нами в качестве образцов. Иначе обстоит дело со словом *забастовка*:

англ.	франц.	нем.	рус.	исп.	итал.
strike	grève	Streik/Ausstand	забастовка	huelga	sciopero

Для меня это означает следующее: радикальное движение последних 200 лет есть результат союза местных движений нижних социальных слоев (бастующие рабочие) и международной идеологии, навязанной сверху (типичные социалисты-интеллектуалы происходят из среднего или высшего класса).

Нас по сей день преследуют призраки заката и падения Римской империи, последующего дробления ла-

тинского языка на группу романских языков. Несколько лет назад Роберт Берчфилд, редактор Большого Оксфордского словаря английского языка, предположил, что английский язык, став международным, возможно, распадется на взаимно непонимаемые языки. Ранее

¹ См.: Li V. Elliptical Interruptions or, Why Derrida Prefers *Mondialisation* to Globalization // The New Centennial Review. 2007. P. 141–154.

некоторые советские ученые высказывали похожие опасения о распаде русского языка. Но у распада есть альтернатива, так называемая койнезация. Койне, общий греческий язык, возник в качестве главного разговорного языка на территории эллинистического Средиземноморья. Этот язык стал результатом взаимной адаптации различных диалектов, существовавших в Греции в тот период. Он распространился на обширные земли, его статус возрос до того, чтобы стать языком Нового Завета. Очевидно, что народы западных районов Римской империи не нуждались в таком активном общении, как наследники Александра Македонского. Необходимость письменной коммуникации после падения Римской империи восполнялась использованием классической латыни. Наличие лексического обмена свидетельствует о том, что люди во всем мире настолько желают общаться друг с другом в письменной и устной форме,

что ценят появление понятных всем эквивалентов названий предметов, свойственных любой культуре. Какое утешение!

Когда телеграф наконец-то связал штаты Мэн и Техас, Генри Дэвид Торо порадовался, что жители Мэна теперь могут общаться с жителями Техаса. Но у него были сомнения, захотят ли жители Мэна и жители Техаса что-то сказать друг другу.

Если приведенные нами данные о чем-либо свидетельствуют достоверно, то очевидно, что народы во всем мире хотят общаться.

Приложение

1. В английском языке существуют типы понятий, которые обозначаются как народным разговорным словом, так и классическим техническим термином, из которых оба широко используются. По крайней мере один из таких типов — названия костей:

англ.	франц.	нем.	рус.	исп.
collarbone/clavicle	clavicule	Schlüsselbein	ключица	clavicula
breastbone/sternum	sternum	Brustbein (<i>у нмиц</i>), Brustknochen	грудина	esternón

Другой подобный тип — названия цветов. По радио «Би-би-си» (в четверг, 19 февраля 2013 г., в 9:45–10:00) читали эссе Джорджа Оруэлла, в котором он жаловался на

то, что в последнее время, как ему казалось, в английском языке появилась тенденция использовать термины для названия цветов, а не их народные разговорные названия:

англ.	франц.	нем.	рус.	исп.
snapdragon/antirrhinum	gueule-de-loup/muflier	Löwenmaul	львиный зев	dragón
forget-me-not/myosotis	myosotis/'oubliez-moi pas'	Vergissmeinnicht	незабудка	nomeolvides

Из моего короткого исследования и приведенных примеров следует, что английский язык вероятнее иных языков использует два названия для некоторых типов костей и видов цветов. Называя типы костей и цветов, неудивительно, что французский и испанский языки используют только классическую терминологию; немецкий и русский — только народные слова. Терпимость английского языка к двойной терминологии в таких сферах может отражать его терпимость в целом к словам, имеющим синонимы в германских, греческих и латинских источниках (например *kidney* — «почка», *renal* — «почечный», *nephritis* — «воспаление почек»).

2. Еще одна область, заслуживающая отдельного исследования, — это перевод эвфемизмов, особен-

но тех, которые вошли в употребление в последние годы в связи с экономическими и военными проблемами. Например, *quantitative easing* («количественное послабление» — увеличение денежного содержания), *friendly fire* («дружеский огонь» — нанесение огня по своим войскам), *collateral damage* («сопутствующий ущерб» — гражданские жертвы во время военных или полицейских операций) и т. п.

Много лет назад Оруэлл сетовал, что слово «ликвидация» стало эвфемизмом «массового убийства». Необходимость в таком эвфемизме, увы, возросла, ибо ситуация ухудшилась по прошествии времени. К сожалению, подобные эвфемизмы в некоторых случаях возникли слишком недавно, чтобы найти отражение в стандартных словарях.

О. Б. Кафанова¹

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРООБРАЗ ОБЛОМОВА: ДИАЛОГ И. ГОНЧАРОВА И Э. СЮ

Принято считать Обломова, героя одноименного романа И. А. Гончарова, типично русским типом. Прообразы ленивцев мы находим в русском фольклоре: например, колоритный Емеля в сказке «По щучьему веленью», который ничего не делал, лежал на печи и с помощью волшебства исполнял любое свое желание. Во многих русских народных сказках существует такой атрибут, как скатерть-самобранка, всегда готовая предоставить своему обладателю всевозможные яства без всяких усилий с его стороны, а после трапезы убрать грязную посуду и объедки. Однако во второй половине XIX века лень в русской культуре стала восприниматься и как результат социокультурных факторов. Со времен Н. А. Добролюбова (1859) много и справедливо писалось о развращающем влиянии крепостнической идеологии на сознание человека. Лень и апатия Обломова — это результат воспитания и окружающих обстоятельств, «обломовщины». В оценке революционно-демократической критики лень представляла как явление с четкой отрицательной коннотацией.

Но на создание образа ленивца у Гончарова повлияли и литературные источники, один из которых назвал Андре Мазон, указавший на имплицитное присутствие в «Обломове» романа Э. Сю «Les sept péchés capitaux» («Семь смертных грехов»). Общая идея «Обломова» перекликается с одной из его частей — «La Paresse» («Лень»)². Есть все основания полагать, что Гончаров был знаком с этим произведением.

Сочинения Э. М. Ж. Сю (Sue, 1804–1857), французского писателя, одного из основоположников «народного романа» (*roman populaire*) или массовой литературы, были хорошо известны Гончарову, литературным дебютом которого стал перевод двух глав из романа «Atar Gull» (1832)³. В романах русского писателя встречаются многочисленные реминисценции из произведений Сю. Например, в «Обыкновенной истории» Александр Адуев приводит сентенцию о дружбе из уже названного романа «Atar Gull»⁴. Далее, рассказывая о круге чтения юной Юлии Тафаевой, Гончаров среди книг, которыми «француз усовершенствовал на-

конец воспитание» девушки, называет роман Сю «Les sept péchés capitaux»⁵. В «Обломове» Сю упоминается дважды. В последней главе дается аллюзия «Mystères de Paris»⁶. Другая апелляция к Сю делается без указания конкретного произведения. Ольга Ильинская улавливает во фразах Ильи Ильича отголоски романских клише из произведения французского автора в тот момент, когда они говорят о любви⁷.

Хронология создания произведений делает возможным предположение, что «Лень» («La Paresse», 1848) послужила одним из импульсов для замысла «Обломова». Посвящая отдельное произведение каждому из смертных грехов («Гордость», «Зависть», «Гнев», «Сластолюбие», «Лень», «Скупость», «Чревоугодие»), Сю стремился полемически опровергнуть традиционную христианскую точку зрения на них. Он разделял фурьеристскую концепцию оценки страстей. По его мнению, «никакой недостаток, никакой порок, даже из тех, которые христиане считают самыми тяжкими, не является плохим сам по себе», «все зависит от социального контекста и обстоятельств»⁸.

Особенно много перекличек в двух произведениях наблюдается в экспозиции. При этом можно отметить как явное сходство между двумя художниками, так и существенные различия. Сю сразу заявляет о своем намерении дать модель лени в самом прелестном ее выражении. И далее следует очень лаконичное описание очаровательной маркизы Флоранс де Люсеваль (Luceval), которой не исполнилось еще и семнадцати лет: «...она белая и румяная, с прекрасными белокурыми волосами. Несмотря на гибкую и стройную фигуру, молодая женщина слегка полновата; но эта легкая полнота так восхитительно распределена, что превращается в новую прелесть»⁹. Все очаровательно во внешности юной Флоранс, шесть месяцев назад вступившей в брак, и даже преждевременная полнота нисколько не портит ее гармоничного облика.

Гончаров гораздо более пространен и неоднозначен в первоначальном описании своего героя. И он дает возрастную характеристику: «Это был человек лет тридцати двух-трех от роду»¹⁰, но не ограничивается описанием внешности, а пытается заглянуть в характер Обломова. Если шестнадцатилетняя женщина, хотя и замужняя, только начинает формироваться, мужчина в возрасте Христа, совершившего свой подвиг, должен быть вполне сформировавшейся личностью. Гончаров тоже дает приметы внешности своего героя, но его оценка при этом колеблется: «Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный или казался таким, может быть, потому, что Обломов как-то обрюзг не по летам: от недостатка ли

¹ Заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург), доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор около 180 научных публикаций, в т. ч.: «Жорж Санд и русская литература XIX века (мифы и реальность)», «Жорж Санд. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке». Т. 1 (в соавт.); «Европейский интерлингвизм в зеркале литературы: картина мира в немецкоязычной поэзии и ее русских переводах», «Европейская литература в зеркале сибирской периодики конца XIX — начала XX в.», «Русское в немецких дискурсах, немецкое в русских дискурсах» (отв. ред.), «Литература в синтезе искусств. Сад и город как текст» (в соавт.), «Elena Gan et ses deux filles comme phénomène culturel» (в соавт.), «L'image de l'Allemand 'idéal' dans la prose féministe russe du XIXe siècle», «Взгляд из Франции на войну Наполеона с Россией: мысли и вымыслы Жорж Санд» и др.

² Mazon A. Un maître du roman russe. Ivan Gontcharov 1812–1891. P., 1914. P. 314.

³ Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 534–545.

⁴ Там же. С. 323–324.

⁵ Гончаров И. А. Указ. соч. С. 363.

⁶ Там же. Т. IV. С. 490.

⁷ Там же. С. 313.

⁸ Bory J. L. Eugène Sue, le roi du roman populaire. P., 1962. P. 312.

⁹ Sue E. Les sept péchés capitaux. La Luxure // La Paresse. Nouvelle édition. P., 1866. P. 179.

¹⁰ Гончаров И. А. Указ. соч. Т. IV. С. 5.

движения или воздуха, а может быть, того и другого. Вообще же тело его, судя по матовому, чересчур белому цвету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины»¹.

Сю в экспозиции романа подробно изображает позу своей юной ленивицы, растянувшейся в мягком кресле с откидной спинкой. Гончаров уделяет описанию домашнего костюма Обломова гораздо больше внимания, вдаваясь в подробности и детали. Но сходство в основных концептах очевидно. Атрибутами лени становятся длинные и широкие домашние туфли и халат, соответственно пеньюару и маленьким домашним туфлям у Сю. По сравнению с шестнадцатилетней красавицей, которая спит до половины первого дня, а одеться не может до двух часов, Обломов выглядит почти героем, потому что он в половине десятого уже «напился чаю». Но подобный режим все-таки более соответствует реальности, тогда как в произведении Сю намеренно утрируются черты поведения юной Флоранс. Французского автора совершенно не заботит описание интерьера, потому что лень хозяйки несколько не отражается на порядке и комфорте в доме (домашним хозяйством управляет ее муж). В романе Гончарова, напротив, тщательно выписана обстановка в квартире на Гороховской улице, где вся мебель и вещи покрыты грязью, пылью и паутиной. И реалистическое описание запущенности жилища сразу задает отрицательную коннотацию модели лени, представленной Гончаровым, которая подкрепляется нелепой фигурой нерадивого Захара.

Бездеятельная Флоранс живет, тем не менее, довольно интенсивной внутренней жизнью. Она может часами предаваться созерцанию сада, любоваться из окна своего будуара игрой света и тени, отбрасываемой лучами солнца, пронизывающими голубоватый мрак тенистой аллеи, испытывать наслаждение от отдаленного шума водных каскадов и щебетания птиц... Сю, несомненно, наделяет свою юную героиню способностью поэтически воспринимать мир, эстетически чувствовать красоту природы. Герой Гончарова обнаружит эту способность гораздо позже, в ходе развития сюжета под влиянием любви к Ольге Ильинской.

В экспозиции Сю сразу задано противопоставление Флоранс ее мужу, человеку рациональному, энергичному, но чрезмерно суетному. Оппозиция бездеятельности и мелочной суетности служит скорее

оправданием, чем обвинением лени, которая позволяет сохранить и не растратить впустую душевные силы. Более развернутая экспозиция Гончарова, в которой до мельчайших деталей выписаны «типические обстоятельства», также включает противопоставление бездеятельного героя его слишком деятельным приятелям. Персонажи Сю и Гончарова с одинаковой опаской относятся к идее движения и беготни. И для Флоранс, и для Обломова отвратительна идея путешествия. Молодая женщина бурно ссорится по этому поводу с мужем, называя настоящим «варварством» предложить ей свадебное путешествие. Аналогична и реакция Обломова на советы доктора отправиться в путешествие для смены места и климата, чтобы избежать преждевременного удара.

У Сю молодая женщина предлагает своему супругу расстаться, мотивируя свое решение полным несходством характеров. Она объясняет ему, что его постоянное движение, хождение, суета для нее столь же несносны, как для него невыносимы ее лень и стремление к покою. Французский писатель четко выдерживает заданную схему и приводит всех к счастливому финалу. Его героиня соединяется с мужчиной сходного характера, поселяется в Провансе на берегу моря и добивается в своем саду чудес, заставляя апельсиновое дерево зацвести и благоухать в декабре. Ее муж также находит женщину, которая разделяет его любовь к движению, путешествиям и бесстрашно покоряет горы Кавказа. Рационалистическая диалектика Сю ведет к прямолинейному оптимизму: любой недостаток человека оборачивается достоинством в другой ситуации, нет непреодолимых обстоятельств, все зависит от желания добиться своего счастья. Однако выписанные им характеры не отличаются психологической убедительностью и страдают схематичностью.

Гончаров, возможно, оттолкнувшись от первоначальной идеи, заимствуя некоторые приемы и детали изображения лени у Сю, ломает литературный стереотип. В его романе все намного сложнее; диалектический взгляд писателя на человека приводит к пессимизму и сомнению: никто из его героев не вкушает настоящего счастья. Используя, казалось бы, тот же сюжетный ход, Гончаров выскальзывает из заданной схемы и создает новые коллизии, остающиеся открытыми для бесконечных прочтений.

А. М. Мелихов²

КАВКАЗСКИЕ ПЛЕННИКИ ЭКЗОТИКИ

за Кавказ наши литературные пращурсы золотого века писали о горцах преимущественно в выспренном тоне. В романтической поэме «Кавказский пленник» молодого Пушкина «черкесы» лишены не просто каких-либо снижающих черт, но даже их хозяйственные заботы представлены только кратким и праздничным упоминанием: «С полей народ идет в аул, / Сверкая светлыми косами». Зато набегам, которых пленник видеть не мог, посвящены самые звонкие строфы: «Обманы хитрых узденей, / Удары шашек их жестоких, / И меткость неизбежных стрел, / И пепел разоренных сел, / И ласки пленниц чернооких», — цитировать можно

Можно с гордостью за нашу всемирную отзывчивость отметить, что даже в годы жестокой борьбы

¹ Гончаров И. А. Указ. соч. Т. IV. С. 5.

² Писатель, публицист, литературный критик, кандидат физико-математических наук. Заместитель главного редактора журнала «Нева» (Санкт-Петербург). Автор литературно-публицистических произведений и книг прозы, в т. ч.: «Провинциал», «Весы для добра», «Исповедь еврея», «Горбатые атланты, или Новый Дон Кишот», «Роман с простатитом», «Любовь-убийца», «Мудрецы и поэты», «Нам целый мир чужбина», «Чума», «В долине блаженных», «Любовь к отеческим гробам», «Интернационал дураков», «Дрейфующие кумиры», «Броня из облака», «Колочий треугольник» и других, а также 60 научных работ по математике. Лауреат Набоковской премии, премии им. Гоголя, премии Правительства Санкт-Петербурга и др.

долго, но всюду поэт воспеваает жестокие подвиги горцев с неприкрытым восхищением.

В знаменитом «Аммалат-беке» Марлинского «татары» постоянно произносят примерно такие монологи: «Ты уж не будешь носить меня как пух по ветру, — говорил он, — ни в пыльном облаке на скачке, слыша за собой досадные клики соперников и восклицания народа, ни в пламя битвы; уже не вынесешь еще однажды из-под чугунного дождя русских пушек. С тобой добыл я славу наездника; зачем же мне переживать и ее и тебя?!»

«Полубуйся на смелость наших женщин, пули, как мухи, жужжат, а им и горя мало! Дстойные матери и жены богатырей!.. Конечно, в великий стыд вменится тому, кто ранит женщину; да ведь за пулю нельзя поручиться. Острый глаз направляет ее, но слепая судьба несет в цель».

Но если мы пожелаем заглянуть в их метафизический мир, то найдем лишь такую настораживающую цитату: «Прибытие русского отряда не могло быть новостью для дагестанцев в 1819 году; но оно и до сих пор не делает им удовольствия. *Изуверство* (курсив мой. — А. М.) заставляет их смотреть на русских как на вечных врагов, но врагов сильных, умных, и потому вредить им решаются они не иначе как втайне, скрывая неприязнь под личиною доброхотства».

Даже в реалистическом, казалось бы, «Герое нашего времени» горцы как будто свободны не только от серьезных метафизических размышлений, но и от нужд «низкой жизни» — разве что Казбич продает баранов, но и то не желает торговаться: сказал — отрезал. А если Азамат и совершает низкий поступок, то все-таки не корысти ради, а из-за страстной влюбленности в лихого скакуна.

Разумеется, такая неотступная романтизация должна была рано или поздно породить отрезвляющую реакцию. Я не стану говорить о саркастическом Щедрина, давшем двум проходивцам кавказского происхождения громкие имена Амалат и Азамат (следуя Гоголю, наградившему простецких немецких ремесленников именами Шиллера и Гофмана), — сатирик есть сатирик, — «креативнее» взглянуть в бесспорно гениальные творения великого реалиста Льва Николаевича Толстого.

Мечты Оленина, отправляющегося на Кавказ, явно порождены романтической кавказской поэзией и прозой: «Все мечты о будущем соединились с образами Амалат-беков, черкешенок, гор, обрывов, страшных потоков и опасностей. ... То с необычайною храбростию и удивляющею всех силою он убивает и покоряет бесчисленное множество горцев; то он сам горец и с ними вместе отстаивает против русских свою независимость». (Последнее особенно интересно: романтический юноша мечтает сражаться на стороне врага; во время войны с Францией при всей франкофилии тогдашнего дворянства подобные мечты были невозможны; юные лицеисты смотрели вслед уходящей рати, завидуя тому, кто умирать шел мимо них.) Но когда он наконец видит настоящих горцев, гордых, бесстрашных, их душа для него остается совершенно закрытой.

Что неудивительно — ведь он их видит лишь издали. Зато толстовский «кавказский пленник» видит

их очень близко. Толстой дал своему шедевру название в откровенной полемике с Пушкиным. В первом же столкновении с горцами, которых автор наделяет не экзотическим именем черкесов, а куда более обыденным для русского уха именем «татары», повествователь упоминает об их совсем не поэтических свойствах: «Хотел он подняться, а уж на нем два татарина вонючие сидят». И везут его не на «летучем» аркане, как у Пушкина: «Стремится конь во весь опор, / Исполнен гибельной отваги; / Все путь ему: болото, бор, / Кусты, утесы и овраги; / Кровавый след за ним бежит, / В пустыне топот раздается; / Седой поток пред ним шумит — / Он в глубь кипящую несется; / И путник, брошенный ко дну, / Глотает мутную волну, / Изнемогая, смерти просит / И зрит ее перед собой... / Но мощный конь его стрелой / На берег пенный выносит». Жилина везут без всяких театральных эффектов: «Сидит Жилин за татаринном, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синееется».

И в сарае бросают его даже не на кошму, а на обыкновенный навоз. И наблюдает он вокруг себя самую что ни на есть будничную жизнь. И даже в набегах не заметно ничего героического: «Бывало, приезжают они — гонят с собою скотину и приезжают веселые. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего».

Жилин несколько не романтизирует горцев, но при этом не испытывает к ним и враждебных чувств — у них свой интерес, а у него свой, вот и все.

Но у него проходит стороной и старик с белым «полотенцем», обмотанным вокруг папахи, когда-то убивший сына-предателя, своего рода татарский Тарас Бульба. Внешний облик его впечатляет: нос крючком, как у ястреба, вместо зубов два клыка, но во имя чего он совершил сыноубийство, Жилина несколько не интересует.

Вероятно, романтическое отношение к горцам можно назвать дворянским, а обыденное — народным, и Толстой стремился выразить народное отношение к Кавказу.

Не только в мечтах, но и в реальности сражаясь с горцами, русское дворянство восхищалось ими и даже подражало в одежде, верховой езде и т. п. Казаки же, тоже подражая горцам в боевых повадках, не испытывают к ним ни ненависти, ни восхищения: Лукашка, убивший абрека, только досадует на ускользнувших его товарищей так же, как на упущенного на охоте кабана. Правда, над телом убитого его посещают и более сложные чувства: «Тоже человек был! — проговорил он, видимо, любясь мертвецом». И тут же досадует, что ему не подходят портки убитого: «Мне не налезут: поджарый черт был».

Столь простое отношение к смерти противника отнюдь не мешает казакам щеголять знанием его языка, Лукашка, даже смертельно раненный, ругается «по-татарски»: «*Ана сени!*» — в отличие от оленинского лакея Ванюши, вставляющего французские слова: «*ла филь!*», «*ла фам!*». Но какая сказка, какая мечта движет горцами, никто и не думает интересоваться.

Но что взять с бесхитростных сынов природы — даже в гениальном «Хаджи-Мурате» всего лишь намечена симметрия Шамиля и Николая, а на сверхполитические, метафизические цели встречаются только намеки: Хаджи-Мурат «стал думать», прежде чем принять газават, но как и о чем он думает — об этом нет ни слова. Это у Толстого, посвящающего многие страницы духовным поискам русских персонажей. Хаджи-Мурат «стал на молитву», и дело с концом, и его изумительное мужество предстает почти что жизненной репейника. Имам Шамиль молится в силу общественного положения религиозного руководителя, но и для него самого это «так же необходимо, как ежедневная пища».

В итоге даже поклонники кавказской доблести не пошли дальше юного Лермонтова: «Им Бог — свобода, их закон — война». Однако свобода не может быть Богом: Бог указывает человеку высшие цели, а свобода лишь развязывает руки. Во имя каких высших, метафизических ценностей сражаются «черкесы» — этот вопрос в русской литературе даже не обсуждается. Ее пресловутой всемирной отзывчивости на это недостает.

Справедливости ради надо добавить, что так овы, по-видимому, все национальные литературы — при том, что никаких других литератур мир пока что не видел. Этому нежеланию (этой неспособности) одной культуры войти в метафизические глубины другой можно дать и жесткую оценку: даже восхищение оказывается бессознательной маской высокомерия — да, они храбрее нас, но мы-то сложнее! Хотя не исключено и более мягкое толкование: мы не хотим вглядываться в душу «благородных дикарей», чтобы не разочароваться, но счастья-де нет и между ними, их души так же сложны и запутанны, как наши.

В литературе последнего двадцатилетия, когда уже не требовалось имитировать «дружбу народов», пишущий эти строки не может припомнить произведения, где бы сколько-нибудь подробно изображались отношения русских и кавказцев, связанных друг с другом единым бытом, кроме своего романа «Исповедь еврея», вошедшего в дилогию «Тень отца». «Народный» взгляд пятидесятых на ссыльных ингушей, чеченцев и балкарцев представлен там как полностью лишенный даже проблеска романтизации — их оценивают как обычных соседей, по самым приземленным критериям: насколько они удобны и безопасны для окружающих (от того и другого местное население далеко не в восторге: это очень сильные, почти непобедимые конкуренты в очередях и на танцах). А в чем-то подражать им, учиться их языку, видеть в них носителей особой культуры или жертв несправедливости никому даже в голову не приходит: они воспринимаются скорее как победители — горцев судят не свыше повседневности.

Зато уже тогда начиналась романтизация Америки с ее джазом, Бродвеем, престижными именами: Боб, Пит, Сэм... В 1980-е возникло целое направление в молодежном сленге, использующее английские корни с русскими суффиксами: «герла» (девушка), «аскать» (просить) и тому подобное. Не решаюсь сказать, чего в этом было больше — щегольства казака Лукашки или рисовки лакея Ванюши. Но романтического отношения

к Кавказу я и сегодня не нахожу ни в быту, ни в литературе.

Про «Исповедь еврея» («Тень отца») я уже сказал: там представлен взгляд ребенка, над которым не слишком возвышаются и воззрения взрослых.

В последние годы довольно громко прозвучали два романа о Кавказской войне 1990-х — в особенности «Асан» Владимира Маканина, хотя не остался незамеченным и «Чеченский блюз» Александра Проханова. Оба романа открыто идеологичны, то есть герои — более аллегории и сюжетные функции, чем живые люди, но горское *во имя* все равно не затронуто ни там, ни там.

Это и неудивительно, если в первом романе представлено мировосприятие кладовщика (Жилина!), хотя и невероятно интеллектуализированного для своей прозаической профессии — у него хватает социально-философской квалификации вполне отчетливо сформулировать либеральную и во многом, вероятно, справедливую идею: торговля между противниками смягчает накал войны, порождая, впрочем, и новые конфликты, но уже не такие яростные, как конфликты метафизические, конфликты воодушевляющих грез. Однако в чем заключаются эти грезы, кладовщика не интересует, и в этом пункте автор предпочитает следовать правде жизни, а не вкладывать в голову героя собственные мысли. Горцы же изображены как партнеры по бизнесу, и не более того, а какое в бизнесе может быть «во имя»!

В «Чеченском блюзе» тоже представлено лишь мировосприятие «простого человека», солдата: «Я их ненавижу за то, что они убивают моих друзей», — и не более того. Да не просто убивают, а предельно коварно: зовут в гости, клянутся в любви к России и лично к гостям, а потом, когда гости расслабляются, устраивают кошмарную резню. И женщины в этом участвуют, и местный интеллигент — все, не задумываясь, попирают священный долг гостеприимства.

Я не собираюсь обсуждать, бывало такое или нет, а тем более — типично это или нетипично, отмечу лишь то, что и здесь автор даже не пытается — хотя бы карикатурно — изобразить, во имя какой высшей правды чеченцы творят эти ужасы, одновременно ставя на карту и собственную жизнь: ведь они не могут не догадываться, что российскому командованию просто не позволят оставить такой разгром, такие потери безнаказанными.

Столь страстный идеолог, как Проханов, тоже не может не понимать, что без хотя бы смутного ощущения какой-то своей высшей правоты ни человек, ни тем более народ жить не могут, но...

Похоже, его интересует лишь одна сторона конфликта — своя.

Итак, вопрос о метафизической стороне кавказского менталитета в нашей литературе, похоже, еще не ставился.

А между тем в любом диалоге каждая сторона готова принять лишь те мнения и чувства партнера, которые не разрушают ее собственную экзистенциальную защиту — ее ощущение своей красоты и значительности. И поскольку важнейшие элементы кавказского

мироощущения в нашей литературе не представлены, это означает, что к диалогу мы не готовы. Я почти уверен, что и образ русского человека в кавказских зеркалах в каких-то важных пунктах был бы отвергнут оригиналом, что означает, что к диалогу не готова и кавказская сторона.

Что же говорить об обыденном сознании, если диалога нет даже в литературе? Поэтому с нее-то и стоит начать. Для начала я бы предложил совместную подготовку и издание российско-северокавказского сборника, где писатели разных народов постарались бы высказать то лучшее, что они видят в другой стороне, которая что-то приняла бы, а что-то уточнила. То есть

оригинал поправлял бы свой, уже и без того идеализированный портрет. Возможно, мы обнаружили бы, что даже наша идеализация оказалась бы неприемлемой для наших партнеров по диалогу, зато мы получили бы шанс узнать, какими они хотят выглядеть в наших глазах.

Быть может, это бы нас сблизило. Но, может быть, и отдалило бы. Сближение возможно лишь при наличии общей экзистенциальной защиты, которую в принципе могли бы создать имперские государственные начала, способные преодолеть этнический эгоизм во имя более высокого и многосложного целого.

Ю. Б. Орлицкий¹

АНГЛИЙСКИЙ «СЛЕД» В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ

Плодотворность творческого взаимодействия и взаимобогащения литератур лучше всего можно наблюдать на примере заимствования и переосмысления различных литературных форм, складывающихся в одних национальных литературных традициях, а затем подхватываемых другими. Особое положение России в кругу европейских культур общеизвестно: русская словесность, в частности, достаточно поздно по сравнению с другими европейскими обратилась к разработке светских жанров и форм, и поэтому рассматривать их вне учета иноязычных влияний просто невозможно. Механизм таких влияний хорошо виден на материале такой относительно поздней литературной формы, как прозаическая миниатюра.

Вопреки распространенному мнению, лирическая прозаическая миниатюра (стихотворение в прозе) вовсе не является в русской литературе авторским «изобретением» И. С. Тургенева. История этой формы во французской и вообще европейской словесности берет свое начало задолго до появления «Маленьких поэм в прозе» Шарля Бодлера, к которым некоторые исследователи напрямую возводят обращение к ней автора «Отцов и детей».

Однако, как справедливо утверждает Ю. Левин, в русских переводах конца XVIII века западноевропейской поэзии преимущественное положение занимала не французская, а английская поэзия². При этом, по его же наблюдениям, большинство переводов, с опорой прежде всего на ту же французскую традицию, выполнялось прозой, причем нередко — с французских или немецких переводов-посредников.

¹ Главный редактор информационного издания Российского государственного гуманитарного университета «Вестник гуманитарной науки», доктор филологических наук, профессор. Автор около 1000 научных публикаций, в т. ч.: «О природе русского свободного стиха», «Динамика стиха и прозы в русской словесности», «Стих и проза в русской литературе: очерки истории и теории», «Силлабо-тонический метр в эпистолярной Пушкина: к постановке проблемы», «Стиховое начало в русской прозе XX века: опыт типологии», «Опыт универсальной ритмической типологии литературного текста», «“Анапестический” “Петербург” и “ямбическая” “Москва”? (К вопросу о стиховом начале в романах А. Белого и его содержательной функции)» и др.

² История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. СПб., 1996. Т. 2 : Драматургия. Поэзия. С. 145.

Особое место среди английских переводов занимали, как известно, предромантические поэмы Юнга, Томсона и Грея. Но названные произведения объемные, чаще всего они занимали книги целиком. А вот русские подражания и переводы фрагментов этих поэм часто бывали — по разным соображениям — вполне скромными по размерам. Поэтому, как пишет тот же Ю. Левин, именно «под влиянием английской сентименталистской поэзии (к тому же переводившейся прозой) формировался новый жанр бессюжетных произведений, посвященных медитациям лирического героя, которые можно назвать “стихотворениями в прозе”. Начало этому положил Карамзин очерком “Прогулка”» (1789)³.

Справедливости ради заметим, что первым назвал «Прогулку» «стихотворением в прозе» еще В. Сиповский в 1899 году, а за ним В. Резанов внес свое уточнение: «...сентиментальным “стихотворением в прозе”»⁴.

«И далее, — как замечает Левин, — в русских журналах печатались многие подобные лирические отрывки, посвященные таким характерным для сентиментализма темам, как времена года и части суток, блаженная сельская жизнь, уединение, смерть и загробное существование, оплакивание умерших и т. п.»⁵

Среди авторов таких лирических миниатюр, как правило, давно и по большей части справедливо забытых, можно выделить молодого В. Жуковского. Его самое первое печатное прозаическое произведение «Мысли при гробнице» появилось в конце ноября 1797 года в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» — издании Московского университетского благородного пансиона, воспитанником которого Жуковский являлся с февраля 1797 года. Вслед за ним здесь же публикуются «Мир и война» (1798), «Жизнь и источник» (1798). Чуть позже, в 1800 году, в «Утренней заре», альманахе, выпускавшемся собранием

³ История русской переводной художественной литературы. С. 151.

⁴ Сиповский В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 134; Резанов В. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906. С. 134.

⁵ История русской переводной художественной литературы. С. 151.

воспитанников Университетского благородного пансиона, были помещены еще три прозаических произведения Жуковского: «К надежде», «Мысли на кладбище» и «Истинный герой».

Как видим уже по названиям, начинающий поэт в основном следует английской «кладбищенской» традиции. Например, его «Мысли на кладбище»:

«Ночь наступает. Молчание, одеянное мраком, величественно несется на землю — все безмолвствует под кровом его ризы.

Луна, собеседница горестных, медленно подымлет бледное чело свое из-за отдаленных гор; слабо осребрят она кремнистые их вершины, и луч ее пробирается в дремлющий лес; кажется, тени, чада молчаливой ночи, блуждают в густоте его.

Серые облачка опускают задумчивый образ луны — тем она любезнее, тем привлекательнее. Трепещущий луч ее, преломляясь о них, тихо несется долу.

Здесь, в обители смерти (на кладбище), в долине спокойствия, разливая она бледное сияние на могилы, скрывающиеся в недрах своем почивших, он мешается с юными чадами весны, дышащими на них благоуханием, и кажется, хочет проникнуть гробные камни, чтобы оживить тление.

Бьет полночь — это час смерти — луна на половине пути своего; она прямо над моею головою; свет ее ударяет в узкое окно развалившейся часовни и рисует решетки ее на руинах.

Облокотясь на падший столб, смотрю я вокруг себя — все молчит — почившие спят сном безпробудным. Гений уныния, в белой одежде, с поникшею главою, сидит на гробовых обломках и стонет о бренности всего подлунного.

Они спят — сии сыны тления; они спят — и кто их пробудит? Натура, одеянная мраком, дремлет на лоне полуночи; все молчит; ни единый глас не взывает к ним.

Все молчит в благоговейном ужасе. Пустынный ручей тихо струится по камням; соловей давно остановил громкие трели свои — все молчит... Но се грядет утро. С высоты отдаленных гор несется благотворное сияние его долу. Натура пробуждается: все творение возглашает гимны. Се грядет утро; но они спят.

Они спят, не внемля гласу взывающего к ним дня; они спят — и кто их пробудит?

Спите, сыны тления; еще не время — наступит утро бессмертия; жизненный луч его проникнет в сердце Мира — и вы восстанете от сна своего. Спите, сыны тления; еще не время...»¹

Как видим, в этой миниатюре, безусловно, главенствуют две темы — природа и человеческая смерть на ее «фоне», что было характерно именно для английской предромантической (другими словами — сентименталистской) традиции, причем именно поэтической, а не прозаической.

Позднее в этом же русле пишут свои миниатюры в прозе такие разные авторы, как православный писатель Игнатий Брянчанинов и популярный русскоязычный еврейский поэт Семен Фруг. Причем Брянчани-

¹ Жуковский В. Сочинения в стихах и прозе. СПб., 1901. С. 799.

нов помещает несколько своих миниатюр в первый том своего богословского сочинения «Аскетические опыты», а Фруг начинает «кладбищенской» миниатюрой собрание своих стихов. Приведем для сравнения два произведения.

И. Брянчанинов «Кладбище» (20 мая 1844 г.):

«После многих лет отсутствия посетил я то живописное село, в котором я родился.

Давно-давно принадлежит оно нашей фамилии. Там — величественное кладбище, осеняемое вековыми древами. Под широкими развесами деревьев лежат прахи тех, которые их насадили. Я пришел на кладбище. Раздались над могилами песни плачевные, песни утешительные священной панихиды. Ветер ходил по вершинам деревьев; шумели их листья; шум этот сливался с голосами поющих священнослужителей.

Услышал я имена почивших — живых для моего сердца. Перечислялись имена: моей матери, братьев и сестер, моих дедов и прадедов отшедших. Какое уединение на кладбище! Какая чудная, священная тишина! Сколько воспоминаний! Какая странная, многолетняя жизнь! Я внимал вдохновенным, божественным песнопениям панихиды. Сперва объяло меня одно чувство печали; потом оно начало облегчаться постепенно. К окончанию панихиды тихое утешение заменило собою глубокую печаль: церковные молитвы растворили живое воспоминание о умерших духовным утешением. Они возвещали воскресение, ожидающее умерших! Они возвещали жизнь их, привлекали к этой жизни блаженство.

Могилы праотцев моих ограждены кругом вековых деревьев. Широко раскинувшиеся ветви образовали сень над могилами: под сенью покоится многочисленное семейство. Лежат тут прахи многих поколений. Земля, земля! сменяются на поверхности твоей поколения человеческие, как на деревьях листья. Мило зеленеют, утешительно, невинно шумят эти листочки, приводимые в движение тихим дыханием весеннего ветра. Придет на них осень: они пожелтеют, спадут с деревьев на могилы, истлеют на них. При наступлении весны другие листочки будут красоваться на ветвях, и также — только в течение краткой чреды своей, также увянут, исчезнут.

Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!»²

А вот какие раздумья посещают на кладбище предков спустя сорок лет лирического героя Фруга: «На светлой, веселой речке Ингулец, притоке Днепра, в долине, окруженной зеленеющими холмами, уютится колония евреев-земледельцев. Лет 80 назад эта долина была покрыта дремучей степной травой, в которой водились во множестве ящерицы и ужи. Стаи диких уток и дроф кружили над речкой и долиной, оглашая воздух гоготаньем и гомоном.

На одном из холмов виднеется кладбище, обнесенное полуразвалившейся каменной оградой, с почернелыми от времени и непогод и поросшими мхом деревянными воротами.

В этих двух пунктах сосредоточено все, с чем связаны мои ранние воспоминания.

² Брянчанинов Игнатий, еп. Сочинения. СПб., 1886. Т. 1: Аскетические опыты. С. 184.

Первое, что я увидел, приближаясь после многих лет разлуки к родному уголку, было кладбище. Путь из города Х., откуда я ехал, проходит мимо того холма, на котором оно находится. И первый поклон я отдал тем из моих земляков, которые, намаявшись вдоволь в течение своей трудовой жизни внизу, в долине, перебрались сюда, на зеленеющий холм, в “доброе место” вечного мира и покоя.

Поздняя весна стояла над беспредельной степью, расстилавшейся кругом во всей своей милой красоте и спокойном величии. Лучи заходящего солнца золотили эту раздольную, зеленую степь, ясно отмечая далекие курганы, разбросанные по ней. Пестрел погоняемый тремя всадниками табун. Дальше ехал, точно плыл, человек в “бидарке”, запряженной рослой лошадей, впереди которой резво скакал тоненький жеребенок. С давно не испытанным удовольствием я вдыхал свежий и чистый аромат, разлитый в бодрящем весеннем воздухе.

Поросшее густым пыреем, ромашкой, одуванчиками, лежало предо мною старое кладбище. Тут и там над почернелыми надгробными плитами возвышалась стройная душистая акация и приземистый орешник раскидывал свои колючие, темные ветви. Вечерняя роса белела на траве между могильными буграми. Много знакомых мне имен начертано на этих камнях. И какие это все маленькие и вместе с тем — милые люди!¹

Второй ключевой эпизод в этой истории — прозаические переложения отдельных фрагментов из «Песен Оссиана», пользовавшиеся в России начала XIX, как и во всей Европе, огромной популярностью².

Возможно, первой отнесла русские переложения оссиановских поэм к числу «стихотворений в прозе» переводчица «Песен» Макферсона Е. Балабанова; в предисловии к поэмам «Ойна-Моруль», «Кольнадона» и «Ойтона» она пишет: «Эти три поэмы любви, нечто вроде стихотворений в прозе». Ниже, характеризуя поэму «Крома», она выражается еще определеннее: «Это опять стихотворение в прозе почти без содержания, с явными остатками какого-то размера, с *reftain* и чисто лирическими вставками»³. Очевидно, есть определенные основания возводить появление в русской словесности многие ранние опыты прозаических миниатюр («стихотворений в прозе») к переводам песен Оссиана.

Так, Жуковский опубликовал в единственном выпуске альманаха «Собиратель» (1829) миниатюру «Барды»: «Барды поют. Мы извлекаем камень из шумящего потока и, согласуясь с размером песен Уллиновых,

¹ Фруг С. Полное собрание сочинений. Одесса, 1913. Т. 1. С. 7.

² См.: Левин Ю. Оссиан в русской литературе. Л., 1980. См. также наши статьи: Орлицкий Ю. Б. Русский Оссиан в костюмах разных веков: ритмические особенности переводов книги Дж. Макферсона (Костров–Карамзин–Балабанова–Левин) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвуз. сб. науч. тр. Самара, 2003. С. 163–178; Он же. Предромантические истоки русских «стихотворений в прозе» (стихотворные и прозаические переложения отдельных «Песен Оссиана» как первые образцы прозаической миниатюры) // Предромантизм и романтизм в мировой культуре: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию И. В. Вершинина: в 2 т. Самара, 2008. Т. 1. С. 25–38.

³ Макферсон Дж. Песни Оссиана. СПб., 1890. С. 200, 213.

то протяжных, то быстрых, кладем под него три вражьи выпуклые щита, кладем кинжал и панцирь, окружаем камень насыпью земли и так его приветствуем:

“Сын потока, ныне возвышающийся над землею! Беседуй здесь с именами грядущими о мощном племени Сельмы. Некогда в бурную ночь усталый путник возляжет под тобою; шумящий мох твой пробудит его сны: увидит он прошлые годы, увидит кровавые битвы, увидит царей, с голубыми щитами нисходящих в сраженья, и луна туманная осветит пред ним смятенное поле. Он проснется с зарею, заметит кругом себя гробы воинов и спросит: что знаменует сей камень? И ему скажет старец: сей камень воздвигнут был Оссианом, героем минувшего времени”⁴.

Как видим, перед нами вполне самостоятельный текст (прозаическая миниатюра), для восприятия которого, однако, читателю необходимо подключиться к оссиановому контексту, как минимум знать ключевые онимы поэм (Уллин, Сельма, сам Оссиан) и т. д. При этом Жуковский, ориентируясь прежде всего на особенности английского образца, обильно метрирует свой перевод, однако использует для этого не ямб (условные строки этого метра встречаются в отрывке лишь трижды), а разные трехсложники.

Не менее интересен и другой, также сильно метризованный фрагмент из поэмы «Берратон», помещенный в альманахе «Собиратель» в разделе «Выписки»: это незаглавленный фрагмент, подписанный, как и «Барды», именем Оссиана, — отрывок из знаменитой элегии на смерть Мальвины, открывающей поэму «Берратон»: «Зачем пробуждаешь меня, ветер Вселенной. Играя со мною, ты говоришь мне: окропляю тебя рососою небесною. Но время увядания моего близко, близка непогода, которой умчат твои листья. Завтра придет странник, придет любовавшийся моей красотой; в поле кругом будут искать меня взоры его и не найдут меня»⁵.

Очевидно, для Жуковского лирическая прозаическая миниатюра (как переводная, так и оригинальная), соотносимая со стихотворной культурой содержательно, непременно должна была содержать и формальные признаки стиха — прежде всего силлабо-тонический метр.

Регулярно вводили метр в свои переводы Оссиана и другие русские авторы, перекладывавшие его песни прозой. Особенно ярко это проявляется в переводах одной из самых лирических поэм — «Песни в Сельме», неслучайно ставшей одним из самых переводимых на русский язык произведений Макферсона. Так, образец прозаического переложения лирического вступления к «Песням» дал в своей «повести», опубликованной в 1791 году, Н. Карамзин: «Звезда ниспускающей ночи, прекрасен свет твой на западе. Ты подьмешь из облака блистающую главу свою; шествуешь величественно по холму. Что видишь ты в долине? Умолкли бурные ветры. Вдали слышно журчание потока; шумящие волны бьются о берег каменный. Мухи вечерние

⁴ Оссиан. Барды поют. Мы извлекаем камень из шумящего потока... [Перевод В. А. Жуковского] // Собиратель. 1829. 1-й год. № 1. С. 16.

⁵ Оссиан. Зачем пробуждаешь меня, ветер весенний... [Перевод В. А. Жуковского] // Собиратель. 1829. 1-й год. № 1. С. 13.

на слабых своих крыльях летают и жужжат в поле. Что видишь ты, светило любезное? Но ты улыбаешься и заходишь. Волны с радостью окружают тебя, омывают прекрасные волосы твои. Прости, луч тихий! Да воссияет свет души Оссиановой!

И воссияли они в силе своей! Я вижу умерших друзей моих, собирающихся на Лоре, где они во дни прошедшие собирались. Является Фингал, подобно влажному столбу тумана. Герои окружают его и барды пения: Уллин седовласый, величавый Рино, Альпин сладкогласный и кроткая, печальная Миньона. Как переменились вы, друзья мои, со дней сельмского пиршества, когда мы спорили в пении, подобно ветеркам весенним, несущимся вдоль по холму и колеблющим попеременно тихо шепчущую волну¹.

Вслед за Костровым и Карамзиным публикует свой прозаический перевод (с французского переложения Летурнера) в книге «Уединенные часы пустытника в хижине, или Собрание разных сочинений и переводов из лучших мест Оссиана и Овидия» (М., 1815) В. Литвинов. Его Оссиан в этой написанной архаическим («докарамзинским») языком лирической миниатюре тоже не обходится без метра: «Луна, другиня ночи, с главою лучезарною, являющуюся из облаков Западных, непечатающая величественные стопы свои на лазурной тверди небесной, что смотришь ты в долину? Ветры бурные дня умолкли; шум водопада кажется удаляющимся; волны утихшие пресмыкаются при подошве утеса; насекомые вечерние, быстро несущиеся на крылах легких, напоминают своим журчанием тишину воздушную. Луна блестящая — что смотришь ты долине? Я зрю тебя восклоняющуюся, осклабясь на край небосклона. Волны сближаются с веселием вокруг тебя, омывая блещущие волосы твои. Прости, луна уединенная; да огонь Гения моего возблистает на месте твоём: я ощущаю его возрождающимся в своей силе; я созерцаю его при свете тени моих друзей, собравшихся на холме Лоры; вижу Фингала посреди своих героев, вижу бардов моих соперников: почтенного Уллина, величественного Рина, сладкогласного Альпина, нежную и плачевную Миньону»².

Таким образом, русские переводчики отдельных «Песен Оссиана», а также отрывков из них, которые, в отличие от книги Макферсона в целом, чаще воспринимались как прозаические аналоги эпических или лирических стихотворений, выбирали для их воссоздания или стихотворную форму, или форму прозаической миниатюры, которая к тому времени уже складывалась в нашей литературе как в переводах, так и в оригинальном творчестве писателей.

Третий английский источник русской лирической миниатюры (на этот раз несколько необычный) — переводы такого «стихотворного» автора, как Байрон. Парадокс в том, что его творчество и, соответственно, переводы произведений на русский язык приходятся на объявленный тем же Жуковским период перевода-

¹ Сельмские песни. Из творений Оссиановых [Перевод Н. М. Карамзина] // Разные повести, переведенные Н. Карамзиным. М., 1816. Ч. I. С. 34–35.

² Уединенные часы пустытника в хижине, или Собрание разных сочинений и переводов из лучших мест Оссиана и Овидия / изд. В. Литвиновым. М., 1815. С. 67–68.

«соперничества», то есть именно стихотворных переводов. Но наряду с многочисленными стихотворными переложениями и подражаниями в разные десятилетия XIX века мы встречаем три интересных прозаических перевода апокалиптического стихотворения Байрона «Тьма»: Федора Глинки, Ореста Сомова и Александра Воейкова³; чуть позднее это же стихотворение переводит прозой юный Лермонтов, который оставил также еще два прозаических переложения из Байрона. Вот как выглядит в переводе Лермонтова стихотворение «Napoleon's Farewell»: «Прости! О край, где тень моей славы восстала и покрыла землю своим именем — он покидает меня теперь, но страница его истории, самая мрачная или блестящая, наполнена моими подвигами. Я воевал с целым светом, который победил меня только тогда, когда метеор завоеваний заманил меня слишком далёко; я противился народам, которые боялись меня оставленного, последнего, единственного пленника из миллионов бывших на войне.

Прости, Франция! — Когда твой венец короновал меня, я сделал тебя алмазом, дивом и красотою земли. Но твоя слабость повелевает, чтоб я тебя оставил, как нашел, увядшую славою и упавшую своим именем; ибо сердца старых бойцов моих были приведены в отчаяние нападением бури и непогоды, хотя сражения были выиграны и орел, коего взор померкнул, мог бы снова подняться, встретив солнце победы.

Итак, прости же, Франция! — Но если свобода снова появится у тебя, вспомни обо мне — фиалка надежды еще растет, скрываясь во глубине долин твоих; хотя она увяла, слезы твои могут воскресить ее — я могу еще смешать неприятелей, нас окружающих, и твоя душа еще может внять голосу моему; в цепи, которая нас оковала, еще есть кольца, могущие разорваться, тогда, обратясь, призови начальника твоего выбора»⁴.

Еще более неожиданно выглядит обращение к прозе в переложении стихотворения Байрона «Поражение Сеннахериба» (так у автора. — Ю. О.), выполненное композитором М. Мусоргским в 1860–1870-е годы для одноименной кантаты; комментируя этот текст, музыковеды обычно пишут: «Текст из цикла “Еврейские мелодии” Байрона в переводе А. К. Толстого и в свободной транскрипции Мусоргского»⁵, однако есть основания считать, что это абсолютно самостоятельное прозаическое произведение.

«Как стая волков голодных, на нас враги набежали. Толпы их златом и пурпуром нас ослепляли. Их копыта стальные блистали, как звезды, на зыби играя, как лес роскошный и могучий. С восходом солнца поднимались толпы вражды. И солнце померкло, не стало зари

³ Мрак: (Из сочинений лорда Байрона) // Благонамеренный. 1822. Ч. 17, № 3. С. 122–126 (пер. О. Сомова); Тьма: (Из Байрона) // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. 17, № 2. С. 159–164 (пер. Ф. Глинки); Тьма: (Из Лорда Байрона) // Новости литературы. 1825. Кн. 12, июнь (пер. А. Воейкова). Подробнее см.: Сухарев С. Л. Стихотворение Байрона “Darkness” в русских переводах // Великий романтик: Байрон и мировая литература. М., 1991. С. 221–236.

⁴ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Л., 1979. Т. 1. С. 519–520.

⁵ Наследие М. П. Мусоргского: сб. материалов: к выпуску Полного академического собрания сочинений М. П. Мусоргского: в 13 т. / сост. и общ. ред. Е. М. Левашева. М., 1989. С. 129.

от полчищ вражых. Поблекшими листьями, бурей гонимыми, те толпы с закатом солнца поле покрыли.

И ангел смерти взмахнул крылом в тиши ночной, парил на крыльях смерти страшный дух. Смертным дыханьем поразил врага, ангел смерти врага оледенил. Страшным, смертным дыханьем поразил врага ангел мщенья страшный. И сердца врагов забилась в последний раз и смолкли навсегда¹.

Интересно, что именно собрание сочинений Байрона вышло в России в прозаическом переводе в 1894 году в пяти томах².

Характерно, кстати, что переводы «Стихотворений в прозе» Бодлера появляются в России спустя пять лет: первым выпустил их А. Алябьев (1899), затем — А. Булгакова (1902), М. Волков (1909 и 1911), Л. Гуревич и С. Парнок (1909), Эллис (1910).

До Бодлера появились в русском переводе и «стихотворения в прозе» Оскара Уайльда: первое напечатал в своем очерке Дионео (Шкловский) в 1898 году; а начиная с 1905 года выходит в свет несколько изданий этих произведений в переводах М. Ликиардопуло. Наконец, в собрании сочинений появляются ставшие классическими переводы Ф. Сологуба, издающиеся и сегодня.

Художник

«Был вечер, и вот в душу его желание вошло создать изображение радости, пребывающей одно мгновение. И он в мир пошел присмотреть бронзу. Только о бронзе мог он думать.

Но вся бронза во всем мире исчезла, и вот во всем мире не было литейной бронзы, кроме только бронзы в изваянии печали, длящейся вовеки.

Это же изваяние он сам своими руками создал и поставил его на могиле той, кого он любил. На могиле усопшей, которую любил он больше всех, поставил он это изваяние своей работы, чтобы оно служило знаком любви, которая не умирает, и символом печали, которая длится вовеки. И вот во всем мире не было иной бронзы, кроме бронзы этого изваяния.

И взял он изваяние, которое он создал, и ввергнул его в большую печь, и пламени предал его.

И вот из бронзы в изваянии печали, длящейся вовеки, он создал изваяние радости, пребывающей одно мгновение³.

Прозой иногда переводили и верлибры с длинной строкой У. Уитмена: наиболее известен среди них перевод Д. Майзельса⁴. Однако особенно «повезло» в этом смысле другу американского поэта Эдуарду Карпентеру (1844–1929), целую книгу стихотворений которого перевела прозой Софья Шиль (1863–1928), назвав их, соответственно, «стихотворениями в прозе».

¹ Мусоргский М. Письма. М., 1981. С. 141–142. См. также: М. П. Мусоргский как писатель XX века // Слово и музыка : материалы научных конференций памяти В. В. Михайлова. М., 2008. С. 89–103.

² Байрон Дж. Г. Полное собрание сочинений : в 5 т. СПб., 1894.

³ Цит. по: URL: http://sologub.narod.ru/texts/translations_wilde.htm#2

⁴ Стихотворения Уолта Уитмена. Из «Песни плотничьего топора»; «В тесных кораблях на море». Из цикла «Посвящений» [Пер. Д. Майзельс] // Пламя. 1918. № 30. С. 498.

Не смеются ли над тобой?

«Не смеются ли над тобой, не издеваются ли над тобой? Или они смотрят тебе вслед и, хихикая, переглядываются между собою? Презирают тебя за то, что ты неправильно сложен, что ты застенчив, за то, что ты не похож на других, что ты неудачлив во всех делах, — и ты знаешь, что все это правда?

И ты уходишь в свой угол, и прячешься от людей, и страдаешь при мысли, что никто не думает о тебе, а если думает, так враждебно?

Дитя мое, есть одно существо, которое не только думает о тебе, но которому ты необходимо нужен.

Не одинок ли ты на свете?

Не согрешил ли ты? Нет ли у тебя тайны, от которой ты жаждешь освободиться и не имеешь мужества открыть ее?

Или лицо твое так обезображено, что никто не решается взглянуть тебе прямо в глаза?

Или ты страдаешь смертельной болезнью, слышишь ее биение в мертвой тишине ночи? Может быть, среди светлого солнечного дня, когда прохожие спешат туда и сюда, ты чувствуешь темный зов в иной мир?

Не обуревают ли тебя неотступные похоти, о которых ты не смеешь говорить? Не доводит ли тебя до безумия их жгучее жало и мысль, что они могут быть обнаружены?

Дитя мое, есть один, который все понимает. Нет ничего скрытого и нет ничего, что нужно было бы скрывать. Все имеет смысл.

Нет части твоего дня, твоего тела, твоих мыслей, твоих страстей, которая не была бы подготовлена спокойно и обдуманно и которая не будет откинута так же спокойно и обдуманно, когда кончится надобность в ней.

Нет ни предрассудков, ни слабостей, ни самооправдания, ни особенностей.

Ты включен в великое, и все, что ты чувствуешь и думаешь, в тот же самый миг чувствуется и делается другим.

Где бы ты ни был, что бы ты ни делал, всегда есть один, который дружески смотрит на тебя и понимает тебя.

Ты можешь отшатнуться от этого взора; но если ты научишься выдерживать его и даже сам станешь смотреть ему в лицо (может быть, в течение одной жизни, а может быть, в течение многих жизней), ты убедишься, что перед этим взором рассеивается все: тайные страхи, уродство, обманы и самая смерть.

И ты почувствуешь себя не одиноким, а владыкою над всем миром⁵.

Напомним, что в России начала XX века Карпентер был хорошо известен, но не как поэт — ученик и в значительной мере подражатель Уитмена, а как публицист: с 1898 по 1915 год вышло несколько его книг: «Какая нам нужна наука?» (1911), «Любовь и смерть» (1915); «О браке» (1904), «Промежуточный пол» (1916), «Тюрьмы, полиция и наказание» (1907), «Цивилизация, ее причина и излечение и другие статьи» (1906), «Человек и его посланничество: Человек.

⁵ Карпентер Э. Я поднимаюсь из тьмы: Избранные стихотворения в прозе. М., 1907. С. 34.

Его философия. Его послание к отдельному лицу. Его послание к о-ву» (1915), «Я есмь» (1907), «Современная наука» (1898); причем предисловие к «Современной науке» написал Лев Толстой, «Любовь и смерть» представлял П. Д. Успенский, еще две книги — Иван Наживин.

Подводя итог, можно сказать, что переводы англоязычных поэтов, а также подражания их авторам стали в конце XVIII — начале XX века одним из важнейших источников русской прозаической миниатюры;

причем как в тех случаях, когда оригинал был написан традиционным (силлабо-тоническим) стихотворным метром, так и при переводах на русский язык верлибров, прозаических миниатюр и поэтической прозы — как целиком, так и фрагментарно. Таким образом, частная история одной конкретной литературной формы убедительно показывает, как литература одной национальной традиции превращается при переводе/подражании в факт иной словесной культуры и традиции.

Т. Г. Рабенко¹

ВИЗАНТИЙСКИЕ ТРАДИЦИИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (На материале проповедей XI–XII вв.)

В настоящее время представителями различных отраслей науки активно разрабатывается широкий спектр тем по проблеме диалога культур. В их числе — вопрос о религиозно-эстетической, а также жанрово-стилевой соотносительности византийской и древнерусской духовной литературы, о степени влияния сложившейся в Византии восточно-христианской цивилизации на литературу славян. Изучение данного вопроса, рассматриваемого в общекультурном контексте художественно-эстетических взаимоотношений Византии и Руси, необходимо для уяснения многих процессов и явлений, происходивших как в самой Византии, так и в сопредельных с нею странах.

Созданная в Византийской империи уникальная по своему богатству христианская культура, безусловно, оказала глубокое воздействие на страны средневековой Европы, в том числе и на Древнюю Русь. К моменту вокняжения Владимира Русь — могущественное государство, характеризующееся развитым феодализмом, государство, которое по территории превосходит даже Византийскую империю. Князь Владимир осознал необходимость приобщения своего народа и государства к одной из великих религий, которые к тому времени были приняты соседями Руси (ислам у волжских булгар, иудаизм у хазар, христианство в Польше). Летописное предание об избрании князем Владимиром «греческой веры» в образной форме свидетельствует о том, что на Руси оценили высочайший уровень развития духовной и эстетической культуры, достигнутый в Византии, которая находилась в конце X века на вершине политического и культурного развития².

¹ Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета, кандидат филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Параметрические основания лингвистической типологии», «Литературная разговорная речь и ее своеобразие», «Областной словарь Кузбасса» (в соавт.), «Основные духовные ценности православия в древнерусской гомилетике», «Роль религиозной проповеди в духовном возрождении российского общества (на материале древнерусских проповедей XI–XII вв.)», «Клятва как фидеистический речевой жанр», «Утешение: речевые тактики жанра», «Извинение: речевые тактики жанра и средства их языковой реализации», «Благодарность в культуре речевого общения», «Языковые средства реализации речевого жанра угрозы» (в соавт.) и др.

² Кузенков П. В. Византия и Русь // Православная энциклопедия. М., 2004. С. 223; Чекалова А. А., Чичуров И. С. Византийская империя // Там же. С. 125–126.

В силу своего самостоятельного и независимого социально-экономического положения Русь принимает новую религию на началах самостоятельной, равной всем остальным церкви, приобщается к христианству, не подпадая первоначально ни под какую политическую или идеологическую зависимость. «Христианство было своеобразно усвоено русскими, — пишет академик Б. Д. Греков³, — как и все, что так или иначе попадало извне к русскому народу». Христианство на Руси, «заимствованное от греков и в то же время не отмежеванное полностью от Запада, оказалось в конечном счете не византийским и не римским, а русским».

Примечательно, что после крещения Руси эволюция русско-византийских отношений шла по пути перехода от военно-политических, дипломатических и экономических столкновений и союзов к преимущественно церковным связям и культурному взаимодействию. Эта особая близость Руси и Византии была во многом обусловлена осознанием общности православной духовной культуры, в течение веков служившей связующим звеном между этими странами. Принятие христианства из Константинополя рассматривалось Византией как вхождение древнерусского народа в состав Вселенской православной церкви и вовлечение его в сообщество христианских государств во главе с империей. Однако подобные представления вовсе не означали реального политического подчинения Руси Византии⁴.

Распространение христианской веры на Руси и провозглашение обновленной системы ценностей, безусловно, связаны с развитием проповеднической деятельности. Первые образцы древнерусской практической риторики появляются в X–XII веках, когда на Руси закладываются основы церковного красноречия. Установлено, что на заре христианства древнерусская проповедь находилась в прямой зависимости от проповеди греков и болгар, а также от греко-византийской и болгарской духовной традиции, что объясняется самими обстоятельствами принятия христианства: близостью территорий, сложившимися политическими, культурными и религиозными связями. Но овладение данными традициями произошло так быстро, что это дает

³ Греков Б. Д. Киевская Русь. Л., 1953. С. 392.

⁴ Кузенков П. В. Указ. соч. С. 223.

основание говорить как бы об отсутствии «периода ученичества»¹.

Обращение Руси к христианству совпало с возникновением славянской письменности. Древнерусская книжность с самого начала оказалась фактически тождественной с общеславянской церковной литературой, основанной на переводах с греческого языка на «словенское письмо». Среди переписываемых и переводимых текстов на Руси преобладали книги Священного Писания и богослужебные книги. Одновременно с ними начинают переводиться творения святых отцов, в том числе и гомилетические творения. Сочинения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Назианзина, Афанасия Александрийского, Ефрема Сирина, Нила Синайского и других бытовали на Руси в виде энциклопедических, четких сборников: Святославов «Изборник» 1073 года (переведенный с греческого на древнеславянский язык в конце IX — начале X в.), «Изборник» 1076 года, «Златоструй» (составленный в Болгарии при царе Симеоне и, возможно, при его участии), «Измарагд», «Торжественник», «Златоуст», «Златая чепь», Миней четъи, «Шестоднев» (цикл проповедей о сотворении мира в переводе Иоанна Экзарха Болгарского), «Паренесис» («Увещание» — свод наставлений для новокрещенных) и др. Творения святых отцов сыграли важную роль в формировании этических принципов новообращенного населения Руси и в освоении его сознанием основ христианской догматики. С XI века Киевская Русь становится центром славянского мира, главным ареалом общеславянской переводной деятельности.

Древнерусская проповедь дала значительные по содержанию и самобытные по национальному колориту произведения: «Слово о Законе и Благодати» Илариона, митрополита Киевского, дидактические «слова» преподобного Феодосия, игумена Киево-Печерского, митрополита Никифора и новгородского епископа Луки Жидята, шедевры торжественного красноречия святителя Кирилла, епископа Туровского. Древнерусские проповедники свободно владели всем многообразием приемов, выработанных святоотеческой проповедью и развитых классическим торжественным красноречием Византии. Яркий образный язык проповедей того времени, их удивительная глубина и актуальность мысли обеспечили им долгую жизнь в русской культуре.

Творения древнерусских проповедников необходимо рассматривать в контексте конкретно-исторической обстановки, поскольку они выражали политические идеи и тенденции своего времени. Естественно, что важнейшей проблемой широкого политического значения того времени было приобщение русского народа к христианству. Сочинения древнерусских проповедников, демонстрируя некоторое умиление перед фактом приобщения русичей к «истинному источнику благодатной веры» — византийскому православию, тем не менее одухотворены идеей борьбы за политическую и церковную самостоятельность, доказательством равноправия Руси и Византии, поскольку конкретно-историческая обстановка, в которой происходило введение христианства на Руси, — это проти-

¹ Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М., 1987. С. 7.

воборство двух государственных систем: византийской и русской, двух миров: христианского («ромейского») и языческого («варварского»)².

Идея равноправия всех народов, противостоящая теориям вселенской империи и вселенской церкви, — основная идея «Слова о Законе и Благодати» Илариона. Иларион своим сочинением «прославляет русский народ среди народов всего мира и резко полемизирует с учением об исключительном праве на вселенское господство нового Рима — Византии»³. «Византийской теории вселенской церкви и вселенской империи, — пишет Д. С. Лихачев⁴, — Иларион противопоставил свое учение о равноправности всех народов, свою теорию всемирной истории, как постепенного и равноправного приобщения всех народов к культуре христианства». «Иларион как бы противопоставляет обанкротившемуся античному миру новый мир, представленный народами, которых греки высокомерно третировали как “варваров”». Будучи христианами, греки «чинят насилие другим христианам». Они не делятся приобретенной «благодатью» с другими народами, а с «иудейской завистью» своекорыстно стремятся удерживать ее только для себя. Поэтому греки недостойны благодати и истины, которым «лепо» было воссиять над «новыми людьми», ибо не вливают новое вино в ветхие мехи, которые могут порваться, но для нового учения нужны новые мехи, новые народы⁵.

Русский митрополит сравнивает Владимира с самим великим Константином, первым императором, узаконившим христианство в Римской империи, и называет их равноумными и равнохристолюбивыми. Если вселенские церкви гордятся своим первым христианским императором, то и русская церковь должна воспевать «крестителя Руси» князя Владимира. Для древнерусских и в целом славянских книжников это произведение послужило источником многочисленных подражаний, образцом высокого изложения мыслей, что определило его популярность не только на Руси, но и в южнославянских странах. Оригинальные памятники красноречия Древней Руси в XII–XIII веках проникают в южнославянские страны, служат примером для многочисленных подражаний («Слово», возникшее под влиянием византийских авторов, оказало особое влияние на сербские жития святых Симеона и Саввы, написанные афонским монахом Доментаном) на Афоне (в целом известно более 50 списков «Слова»). Таким образом, творчески воспринимая византийский опыт из самой Византии и через посредство соседних славянских государств, Киевская Русь сама начинает транслировать его на окружающий мир.

Русский народ, долгое время игравший в диалоге культур роль «принимающей» стороны, после усвоения богатого византийского наследия сам стал носителем и хранителем традиций православия. По мнению Б. А. Успенского, русичи, получив византийскую систему ценностей в готовом виде, восприняли лишь ее

² Дулман Е. К., Глушак А. С. Введение христианства на Руси: легенды, события, факты. М., 1988.

³ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947. С. 52.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Будовиц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 71.

внешнюю оболочку, форму, ритуал, наполнив их новым содержанием и новыми смыслами¹. «Россия всегда была эксплицитно ориентирована на чужую культуру. Сперва это была ориентация на Византию. ... ценности задаются извне, и это с необходимостью предполагает сознательное усвоение чужих культурных моделей и концептуальных схем». Однако есть мнение², что в данном случае речь не может идти о диалоге культур, поскольку долгое время Русь была «принимающей» стороной, не имея возможности предложить византийцам нечто равноценное, равно как и о предложенной Д. С. Лихачевым идее «трансплантации» основ византийской культурной традиции на русскую почву. Тем не менее красноречие Древней Руси восприняло высокие традиции ораторского искусства Античности, Византии, где существовала целостная и стройная система ораторских жанров. Киевская Русь явилась наследницей греко-славянской культуры. Оставаясь в русле византийско-славянского учительства, древнерусское красноречие творчески осмыслило полученное наследие.

Древнерусские проповедники дают образцы тонкого, глубокого усвоения и переосмысления на славянской почве основных идей византийского христианского миропонимания и наполняют конкретным содержанием христианские формулы основных нравственных законов. Так, нравственный девиз любви к ближнему, с особым воодушевлением воспринятый на Руси и по патристической традиции основанный на любви Бога к людям, звучит как восхваление братской взаимопомощи, призыв к прекращению взаимной вражды: *«Брату ямы не рой, чтобы не вверг тебя Бог в еще большую!»*

Процайте брат брату и всякому человеку и не воздайте зла за зло». Только всепрощающая и всепобеждающая любовь должна безраздельно господствовать в сердце человека — это свидетельство его высочайшей праведности. Неслучайно высшая божественная заповедь — заповедь любви, которая провозглашается Иисусом Христом в ответ на обращенный к нему одним из фарисеев вопрос о высшем законе человеческой жизни: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобная ей: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”» (Мф. 22: 37–39).

Таким образом, в христианской заповеди любовь к Богу и любовь к ближнему даны в единстве: *«Любовь имейте ко всякому человеку, а более всего — к близким; и пусть не будет у вас иного на сердце, а другого на устах!»* (Лука Жидята «Поучение к братии»). Нравственный императив действенного служения, любви к ближнему является важнейшей чертой, отражающей суть русского христианского идеала.

Однако ко времени появления на Руси литературных произведений Византии и Болгарии на русской территории уже было развито искусство устной речи. «Сама русская почва, — пишет Д. С. Лихачев³, — была хорошо подготовлена для создания искусства слова. “Дарам волхвов” из далеких стран предшествовали “дары своих пастухов” — представителей неученой мудрости народа». В итоге церковное красноречие Древней Руси явилось своеобразным синтезом русского народного красноречия и зрелых традиций восточного христианского проповедничества.

Е. А. Селиванова⁴

ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ, КУЛЬТУР И ОНТОЛОГИЙ В ТРАНСЛЯТОРНОЙ МОДЕЛИ

Синтез в современной лингвистике функционально-коммуникативной и когнитивной научных парадигм обусловил новый подход к традиционным отраслям языкознания, одной из которых является переводоведение (транслатология). Принципы экспансионизма, антропо- и этноцентризма, психоментализма,

креативности, деятельности и телеологичности, присущие современной лингвистической методологии [8; 17], обеспечивают рассмотрение перевода как целенаправленной лингвопсихоментальной преобразующей деятельности личности, соотносящей собственный интерпретативный процесс текста-оригинала с программированием интерпретации адресатом текста-перевода. Такая деятельность переводчика как рекреативной системы погружена во множественные диалогические отношения, порождаемые соотносительностью всех компонентов интерпретативно-порождающего дискурса, какковой является перевод, с интериоризованным бытием и семиотическим универсумом.

Сущность интерпретативно-порождающего дискурса кроется в слиянии в одном преобразующем процессе двух фаз: интерпретации переводчиком оригинала и лингвокреативной процедуры порождения на базе этой интерпретации текста-перевода. Фаза интерпретации, в терминах лингвистической герменевтики, предполагает «понимание распределенное, позволяющее восстановить системомыследеятельностную ситуацию и мир смыслов продуцентов текста, и перевод понятого содержания и концепта в словесно-знаковую

¹ Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 5–7.

² Пенская Т. М. Крещение Руси, византийская культурная традиция и становление древнерусской культуры // VI Приморские образовательные чтения памяти святых Кирилла и Мефодия. Владивосток, 2007. С. 11.

³ Лихачев Д. С. Величие древней литературы // Памятники литературы Древней Руси: XI–XII вв. М., 1978. С. 388–393.

⁴ Профессор кафедры теории и практики перевода Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого (Украина), доктор филологических наук, заслуженный работник образования Украины. Автор многочисленных научных публикаций, в т. ч. монографий «Основы лингвистической теории текста и коммуникации», «Когнитивная ономазиология», «Складне слово: мовні моделі світу», «Нариси з української фразеології», «Мир сознания в языке», учебников «Актуальні напрями сучасної лінгвістики», «Основы лингвистической теории текста и коммуникации», «Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми», «Основы теории мовної комунікації», «Современный русский язык. Морфология», энциклопедий современной лингвистики.

форму интерпретатором как высказанную рефлексию» [4, с. 7–10]. Переводчик не может быть простым транслятором, не имеющим своего «я». Он — главный антропоцентр интерпретативно-порождающего дискурса, личность творческая, мыслящая. Выполняя перевод, он сознательно или неосознанно включает в него собственное распредмечивающее понимание оригинала и устанавливает баланс в диалоге двух языков, культур, онтологий. Он становится не только интерпретатором, но и аналитическим критиком текста.

Фаза порождения вторичного текста представляет соположение внутренне высказанной рефлексии переводчика с кодом иного языка с учетом универсума иной культуры, интериоризованного бытия иного этноса. Такое множественное соположение в «межпороговом» пространстве [26] интерпретации/порождения обуславливает коррекцию программы адресованности перевода. «В своей деятельности переводчик может ориентироваться на конкретного человека, на определенную группу или на усредненного (типичного) представителя какой-нибудь группы, поэтому один и тот же текст может переводиться по-разному» [15, с. 116]. Переводчик дважды корректирует исходный смысл в первой и во второй фазах, но и реальный адресат перевода осуществляет третью коррекцию как собственную рефлексию текста в структуре своего сознания.

Такая тройственная коррекция с учетом возможностей «свободно-вариативной интерпретации текста» (М. М. Бахтин), безусловно, удлиняет расстояние между смыслом и целями, заложенными автором в оригинале, и рецептивным смыслом и целями перевода. Сокращение протяженности этого расстояния — первостепенная задача переводчика, но, как видим, и не только его, ибо баланс интерпретаций зависит и от эффективности авторской программы адресованности, компетентности реального адресата и соотношения пространственно-временных континуумов автора оригинала, переводчика и адресата. Поэтому понятия эквивалентности, адекватности, буквальности изначально не отвечают реальным возможностям интерпретативно-порождающего дискурса перевода. Можно говорить лишь об оптимальной сбалансированности содержания, формы, прагматической установки.

Исходя из общего подхода к созданию такого баланса, в существующих концепциях перевода можно условно выделить три направления.

Первое — универсалистское, в основу которого положена рационалистическая методология, — опиралось на положение о коде-инварианте, создающемся в межпороговом пространстве оригинала и перевода на этапе трансфера и позволяющем осуществить преобразование текста на одном языке в текст на другом. Это направление сложилось в основном в прикладных переводоведческих исследованиях, в частности в машинном переводе. В советском языкознании такой подход базировался на разработках А. Н. Леонтьевым положения об универсальном предметно-изобразительном коде, а в западной прикладной лингвистике — на трансформационном анализе и теории универсальных глубинных структур генеративной грамматики. В книге

«Введение в прикладную лингвистику» А. Н. Баранов предлагает оригинальную и многофакторную схему основных языковых и когнитивных операций, сопровождающих процесс перевода. Схема предполагает две фазы перевода: «сперва на гипотетический концептуальный язык-посредник (концептуальное представление текста, лишенное особенностей L_1 и L_2), а потом, уже с этого языка-посредника, на язык-цель» [1, с. 138–139]. Такими языками-посредниками в различных школах машинного перевода служили языки представления синтаксических и семантико-синтаксических структур, когнитивные модели (фреймы, сценарии), семантические языки тезаурусного типа [10, с. 216–261; 3, с. 360–388]. Этот подход оказался плодотворным для перевода текстов особых типов (научно-технических, научных, деловой сферы) и, бесспорно, не исключает трудностей, образно названных Н. Н. Леонтьевой «лингвистическими перекрестками», а также вмешательства человеческого фактора на этапах редактирования.

Второе направление — этнолингвокультурологическое, опирающееся на методологию функционализма, — рассматривает перевод в ракурсе триады «этнос–язык–культура» [24, с. 5–19] как преобразование текста-оригинала в соответствии со спецификой инолингвокультурной среды. Такой интегративный подход формировался постепенно на основе перехода от сильных вариантов гипотезы Э. Сепира–Б. Уорфа к более слабым, от критики гипотезы к компромиссному рассмотрению универсального и идиоэтнического в соотносимых языках.

Становление и развитие этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, теории и практики межкультурной коммуникации обусловили выработку оптимальной стратегии соположения текстов оригинала и перевода — учета лакунизированного характера одной лингвокультурной общности по отношению к другой (Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина). Центростремительные тенденции, присущие теории перевода, первоначально сосредоточивающей внимание на лингвистическом факторе, на формально-структурной и нормативно-содержательной эквивалентности оригинала и перевода [16], на создании переводчиком смыслового аналога оригинала, «сбалансированного соотношения полноты и точности смыслов» [9, с. 3], уступили место центробежным, учитывающим несовпадение не только языков, но и онтологий, культур этносов, исторической и пространственной детерминантам порождения оригинала и восприятия перевода [5; 13; 20; 25]. Ю. Найда назвал такую, считающуюся весьма перспективной, ориентацию современного переводоведения коммуникативной [25]. К. Клакхон рассматривал психологическую разновидность перевода, где слова производят тот же эффект на носителей языка переводчика, что и на людей, говорящих на языке оригинала, как близкую к невозможному [6, с. 187].

Базовым понятием данного подхода служит эквивалентность, «мотивирующая переводческие трансформации необходимостью достижения равноценности их (оригинала и перевода. — Е. С.) регулятивно-го воздействия на своих адресатов» [20, с. 31]. Адресат перевода должен максимально приблизить свое

восприятие к восприятию адресата оригинала. При этом задачу переводчика усматривают в переключении не только кодов языков, но и культур, этнических онтологий. При таком подходе снятие барьеров двух этнических онтологий и культур, коммуникативных компетенций, требующее компенсации лакун различного порядка, не говоря уже о временных барьерах, влечет за собой значительную трансформацию текста-перевода по сравнению с оригиналом, расширяет границы мегатекста (комментариев, примечаний переводчика). Учет тетратомии «этнос–язык–культура–онтология» при переключении-порождении создает для переводчика сверхсложную задачу, решение которой крайне важно для конкретного рода дискурсов (международных переговоров) и текстовых ситуаций (модально-аксиологических, эмотивных, культурно-специфических).

Третье направление — «отчуждающее», близкое по установкам неопозитивистской методологии и сформировавшееся на основе немецкой переводческой традиции [15, с. 119], — предполагает осознанное введение читателя переводчиком в чужой мир языка, культуры, мировидения. И если второе направление требует рекреации оригинала и приспособления его к программе адресованности для читателя перевода, то в третьем направлении постулируется отчуждение адресата от своей культуры и привычных стереотипов не как переключение, а как погружение, которое можно соположить с некоторыми чертами необуквализма [7, с. 245–254] в плане абсолютизации (как в позитивном, так и в негативном плане) достижений и недостатков оригинала. Отчуждающий переводчик может манипулировать текстом и, исходя из множественности и вариативности интерпретаций текста вообще, предоставлять читателю право перевода на основе собственного культурно-семиотического опыта интертекстуализировать перевод и избрать его интерпретационный ключ. При этом читатель помнит о том, что перед ним перевод текста чужой ему культуры, «чужой» в языке оригинала.

Анализ данных трех направлений переводоведения дает нам возможность квалифицировать перевод как многофакторный процесс, в котором главным является смыкающе-преобразующе-погружающий человеческий фактор, успешность деятельности которого обусловлена его билингвокультурной компетентностью, гармонизацией с текстом оригинала и идеальным адресатом перевода.

В конечном счете эти компетентность и гармонизация обеспечиваются готовностью переводчика к многостороннему диалогу, ибо, по словам А. А. Потебни, «передать мысль можно только тому, кто готов ее воспринять, так как язык только возбуждает умственную деятельность человека, который, понимая, что ему говорят, думает своей собственной мыслью, формирует мысли из своего собственного материала» [14, с. 95]. Квалифицированный переводчик должен быть личностью всесторонне «диалогической», ибо векторы диалога ориентированы на различные составляющие интерпретативно-порождающего дискурса.

Предлагаемая нами модель перевода [18, с. 144–156] базируется на концепции диалогичности гуманитар-

ного познания М. М. Бахтина, концепциях Московско-тартуской семиотической школы, достижениях прагматической лингвистики, теории текста и коммуникации.

Данная модель представляет собой синергетическую нелинейную суперсистему, включающую ряд модулей как самостоятельных функциональных узлов. Антропными модулями дискурса являются автор (адресант), адресат (читатель) и переводчик как промежуточная смыкающе-преобразующая подсистема. Данные модули манифестированы сферами индивидуальных сознаний, включающих ментальные лексиконы, сопряженные с невербальным когнитивным пространством, а также иные, отличные от мышления смыслопорождающие психические функции (ощущения, чувствования, интуицию и трансценденцию), коррелирующие со сферами бессознательного. Эти составляющие антропных модулей на основе многоплановых диалогических отношений обеспечивают: а) порождение модуля текста-оригинала со встроенной в него программой интерактивности и интерпретации; б) интерпретации этого модуля переводчиком на основе собственной сферы сознания и интерпретанты; в) порождения/преобразования путем смены регистров ментальных лексиконов модуля текста-перевода; г) восприятие его исходя из интерпретанты сознания адресатом перевода.

Поскольку «интерпретативный режим вербальных значений соотносится с социо- и этнокультурной компетенцией носителей концептуальных систем», «переводчик работает не только с вербальными формами, но и со стоящими за ними концептами» [22, с. 66–67], а значит, его задачей является концептуальное соотношение пространства и стратегий исходного текста с интерпретативными фильмами адресата.

Диалогическими коррелятами перечисленных модулей, в том числе текстовых, служат динамизированные во времени и пространстве модули интериоризованного бытия как онтологии этносов, к которым принадлежат автор, переводчик и адресат, и модули семиотических универсумов как кодов культуры данных этносов. Погруженность антропных и текстовых модулей в бытие и культуру зависит от установки перевода: универсалистской, этнокультурной и отчуждающей. Универсалистская позиция переводчика нивелирует эти различия для адресатов перевода, хотя концептуальное пространство переводного текста при достаточно высокой энциклопедической и межкультурной компетенции читателя может частично снимать эту нивелировку. Этнокультурная установка определяет адаптацию адресата к чужой культуре как переключение этнокультурной доминанты в иную, близкую этносознанию читателя, исходящее отождествления прагматических воздействий. Отчуждающая установка переводчика погружает читателя в структуру этносознания автора оригинала, в его творческую манеру, специфику чужого языка и стиля, давая адресату свободу адаптации в чуждой культуре.

Динамический модуль интериоризованного бытия обеспечивает пространственно-временную дискретность режимов порождения оригинала, повествования, перевода и интерпретации перевода адресатом. Этнокультурная онтология порождения и повествования

может также быть различной, что создает для переводчика дополнительные трудности, усложняя диалогические отношения с оригинальным произведением.

Модуль семиотического универсума, в который погружены антропные и текстовые модули, обладает чертами глобализации и этнизации, сохраняя целостность и динамизируясь на основе онтологического дуализма инвариантов и вариантов дискурсов, текстов и неязыковых семиотических сфер, а также принципа асимметрии семиотических систем и среды семиозисов. Ю. М. Лотман одним из факторов долгой жизни, сохранения текста в культуре, семиосфере считал обеспечивающееся временем переформулирование основ структуры текста: «Он вступает во взаимодействие с неоднородным ему сознанием и во время генерирования новых смыслов перестраивает свою структуру, но при этом это переформулирование не должно переходить границ свободы смыслов, которых нет в тексте» [11, с. 434]. В этом положении заключена скрытая мысль о роли перевода в сохранении и динамизации семиотического универсума. Этнокультурная специфика семиотических продуктов, привносимая в универсум путем перевода, способствует глобализации и развитию различных семиосфер, а глобализация, в свою очередь, динамизирует этнокультурные семиотические процессы.

Тем самым диалогические отношения переводчика с семиотическим универсумом направлены на вовлечение в круг реципиентной культуры инокультурного семиотического продукта. Рекурсивно-прокурсивная диалогичность текста с семиотическим универсумом для переводчика, имеющего дело с отдаленным от адресата во времени текстом, может означать необходимость учета связей произведения как «с теми, на которые оно отвечает, так и с теми, которые на него отвечают» [2, с. 178]. В данном случае важную роль может сыграть мегатекст перевода. В ракурсе предлагаемой модели представляется перспективной концепция тотального перевода П. Торопа, согласно которой процессуальная сущность перевода рассматривается в совокупности четырех факторов: текстового, метатекстового, интертекстового и экстратекстового [21]. Последние два фактора детерминируют перевод социокультурной бытийностью этносов, ибо культура выходит за пределы совокупности или даже системы текстов и растворяется в социуме [12, с. 10].

Рассмотрение перевода как интерпретативно-порождающей лингвопсихоментальной целенаправленной деятельности в ракурсе многомерной диалогичности позволяет выявить ряд факторов, способствующих оптимальной сбалансированности целей,

установок, концептов, смыслов текстов оригинала и перевода.

Литература

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику : учеб. пособие / А. Н. Баранов. — М., 2001.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин. — М., 1996. — Т. 5.
3. Беляева Л. Н., Откупщикова М. И. Автоматический (машинный) перевод / Л. Н. Беляева, М. И. Откупщикова // Прикладное языкознание. — СПб., 1996.
4. Богин Г. И. Текстовые ключи к инокультурным смыслам / Г. И. Богин // Вісник Київського державного лінгвістичного університету. Сер. Філологія. — Киев, 1999. — Т. 2. — № 2.
5. Виноградов В. А. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы / В. А. Виноградов. — М., 2001.
6. Клакхон К. К. М. Зеркало для человека. Введение в антропологию / К. К. М. Клакхон. — СПб., 1998.
7. Коломісць Л. В. Віршовий переклад як метапоетичне письмо: проблема творчого методу перекладача / Л. В. Коломісць // Мовні і концептуальні картини світу. — Киев, 2002. — № 7.
8. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. — М., 1995.
9. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения) / Л. К. Латышев. — М., 1981.
10. Леонтьева Н. Н., Шаляпина З. М. Современное состояние машинного перевода / Н. Н. Леонтьева, З. М. Шаляпина // Искусственный интеллект : справ. — М., 1990. — Кн. 1.
11. Лотман Ю. М. Текст у тексті / Ю. М. Лотман // Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. — Львів, 1996. — С. 430–441.
12. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. — Свердловск, 1991.
13. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория зарубежного перевода / Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни. — М., 1999.
14. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. — Киев, 1993.
15. Раренко М. Б. Развитие перевода в XX веке в России и США / М. Б. Раренко // Лингвистические исследования в конце XX в. : сб. обзоров. — М., 2000.
16. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. — М., 1964.
17. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. — Киев, 2000.
18. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. — Киев, 2004.
19. Селиванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селиванова. — Полтава, 2010.
20. Текст и перевод / под ред. А. Д. Швейцера. — М., 1988.
21. Тороп П. Тотальный перевод / Тороп П. — Тарту, 1995.
22. Фесенко Т. А. Перевод в зеркале когнитивной науки / Т. А. Фесенко // С любовью к языку. — М. ; Воронеж, 2002.
23. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. — М., 1973.
24. Этнопсихолінгвістика / под ред. Ю. А. Сорокина. — М., 1988.
25. Nida E., Taber Ch. R. Theory and Practice of Translation / E. Nida, Ch. R. Taber. — Leiden, 1964.
- Robinson D. What is Translation? Centrifugal Theories, Critical Interventions / D. Robinson. — L., 1997.

Н. Г. Шаймердинова¹

ОСОБЕННОСТИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО КОЙНЕ

В современной тюркологии статус языка рунических письменных памятников (орхонских, енисейских, таласских) вызывает неоднозначные суждения. В. В. Радлов, один из первых исследователей этих памятников, отмечал, что древнетюркский язык состоит из трех диалектов: наречия северных тюрков-сиров, говор южных тюрков-уйгуров и смешанный северо-южный диалект [1]. Некоторые другие тюркологи относят рунические тексты либо к огузскому, либо к турфанскому, либо к уйгурскому диалектам.

В то же время ряд исследователей язык древнетюркских рунических памятников характеризуют в большей степени как стандартный литературный язык, нежели та или иная диалектная форма, что подтверждается следующими высказываниями: «общий письменный литературный язык древнетюркского общества», «рунический литературный язык», «стандартный язык официального повествования», «тюркское руническое койне», «эпитафийные надписи на камнях» (Л. Р. Кызласов, С. Е. Малов, И. В. Кормушин, Э. Р. Тенишев).

Высказывая свою точку зрения по поводу вышеприведенных суждений, Э. Р. Тенишев отмечал: «...есть основания полагать, что тюркоязычными племенами задолго до употребления рунического письма был выработан свой вариант обобщенной речи, стоящий над диалектами, которым могли пользоваться в устно-поэтической практике, во время публичных выступлений и обрядовых действий» [2, с. 178]. С появлением у тюрков рунического письма устное койне оформилось в стройную литературную норму, получившую общественное признание и распространение в древнетюркском государстве. «В VII–VIII веках языком рунических надписей как единым литературным стандартом пользовались различные тюркские племена или союзы племен — огузы, уйгуры, кипчаки и др. Каждое племя имело, разумеется, свой народно-разговорный язык для повседневного общения: у огузов и кипчаков это были j-языки (ajag, goj-), у уйгуров d-язык (adag, god), у киргизов — z-язык (azag, goz)» [2, с. 179].

Изучение подлинников рунических текстов, их чтение, анализ, перевод, работа над языковой системой позволяют нам разделять точку зрения Э. Р. Тенишева и других ученых и считать, что язык таласских, енисейских, орхонских, турфанских и других рунических памятников является стандартной формой древнетюркского языка, руническим койне той дальней эпохи. Все это подтверждается высокой лексикой и стилем памятников, их художественностью, эмоционально-экспрессивной окрашенностью слов и выражений, многообразием сравнений, метафор, гипербол и других художественных тропов. В текстах памятников часто используются присущие литературному языку [3, с. 90]:

¹ Профессор кафедры тюркологии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан), доктор филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Когнитивная семантика древнетюркских орхонских текстов», «Репрезентация в языке древнетюркской картины мира», «Когнитивные модели древнетюркских текстов в русских переводах» и др.

— ораторские формулы: «...Став каганом, я поднял немущий, бедный мой народ. Бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть неправда в этой моей речи?» [4, с. 264]. «Я, тюрк Бильге-каган, нынче сел на престол»; «О! Вы, тюркские, огузские беки и народ, слушайте! Если Тенгри сверху не давило тебя, и земля внизу не разверзлась под тобой, тюркский народ, кто погубил твое государство, твою власть! Объединяйтесь!» [4, с. 268];

— обращения: «О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, объединив тюркский народ, создал государство, здесь высек. Как, заблуждаясь, вы распадаетесь, тоже вырезал на этом камне...» [4, с. 265];

— риторические вопросы: «Был народ, у которого было государство. Где государство это теперь? Был народ, у которого был собственный каган. Где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?» [4, с. 186]. Или: «Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя?», «Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя?»;

— высокая лексика: «Небоподобный, неборожденный (собств. “на небе” или “из неба возникший”) тюркский каган, я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мной мои младшие родичи и молодежь; (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и ана, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказы, (вы) тридцать; благородные герои, царствует тюркский каган, роскошные дары, сладкие речи, возвысившийся, лукавый, престол» и т. д. [5, с. 37–40].

Язык орхонских надписей отличается особой стилизацией, которую обобщенно можно представить как:

— повторяемость слов и выражений в особой рифмованной тональности («имевших колени заставил преклонить колени, имевших головы заставил склонить головы», «вперед — на восток, назад — запад; справа, в стране полуденной, слева, в стране полуночной», «истинно мудрые люди, истинно мужественные люди не поддавались обману»). Частотность рифмопоэтической тональности текстов позволяет некоторым исследователям толковать их как поэзию древних тюрков (И. В. Стеблева, М. Жолдасбеков);

— тексты памятников насыщены эмоционально-экспрессивными метафорами, сравнениями, эпитетами, которые, с одной стороны, раскрывают эмоционально-образный характер мышления древних тюрков, с другой — демонстрируют богатство, красочность, высокую художественность древнетюркского языка: «Войско торгошского кагана в Болчу пришло, как огонь и буря», «Кровь твоя бежала (лилась) рекой, твои кости лежали как горы», «На другой день они пришли, пламеня, как пожар», «...Я проливал свою красную кровь, стекал (лился) мой черный пот» (орхонские тексты) [4].

Эмоциональным построением текста, художественными тропами насыщены енисейские и другие рунические тексты: «Золотой колчан, мой — я разлучился

с тобой», «Печаль из печалей — вы отделились [от нас], о горе», «Вы, Тириг-бек [были] словно клыкастый вепрь», «Жаль, моя земля, моя священная земля, — о жаль! Жаль, мое государство, мой хан, солнце и луна, о жаль! Моя... земля» (енисейские памятники) [6].

«Моя маленькая жена осталась вдовой, мой сын полненький малыш», «У родственников расстройство желудка от глубоких переживаний, как у лошадей и волов», «Развей мою печаль», «Кара-Чур — меткий стрелок (по прозвищу) Кол-Кар — Ямаз (букв. "Рука — не Промахнется")» (таласские памятники) [7].

Язык отражает реалии действительности. Возникновение, совершенствование и распространение тюркской руники связаны с развитием культуры и укреплением государственности в Центральной Азии, существенными социальными, политическими, экономическими изменениями в жизни кочевых народов. Формирование письменности для того времени есть важный признак развития тюркских сильных государств, тюркской цивилизации. Руническая письменность в период ее расцвета получила широкое распространение на огромной территории: от Восточного Туркестана на востоке до Дуная на западе, от Таймыра на севере до Ферганской долины на юге. Социально-культурное развитие степной цивилизации, развитие торговых путей, Шелкового пути, памятные исторические события, хроника походов и сражений как важные вехи жизни кочевых и оседлых народов были основой для широкого распространения письменности, грамотности народов евразийского пространства. Древнетюркский язык был языком повседневной жизни, обыденной коммуникации между этносами и народами, языком государственного обустройства, использовался для различения титулов и званий, издания указов и распоряжений каганов и ханов.

Другой причиной распространения письменности являются религиозные взгляды тюркских этносов и народов. В эпоху тюркских каганатов в Центральную Азию активно проникают различные религиозные формы — манихейство, буддизм и христианство, которые продолжали сосуществовать с тенгрианством, шаманизмом. В жизни древних государств и народов духовные начала, религиозные формы были основной идеологией жизни и управления народами. Для широкого распространения манихейства и буддизма тюркские миссионеры оставляли свои надписи-призывы, многочисленные письменные отметки о молениях, свершенных у скал; были записаны также покаяния и мольбы верующих, многочисленные другие религиозные надписи. Эти надписи встречаются на камнях и урочищах Южной Сибири, Саяно-Алтая, Северо-Западной и Центральной Монголии, Прииртышья. Например, надписи-призывы религиозных проповедников к верующим: (e)gi «Очистись (искупи грехи)», Яблык-Таш XI; búit (e)gi «Уверуй и очистись (искупи грехи)», Яблык-Таш XVI; (e)g (a)ti t(e)k (ã)š { ä } «Его имя мужа-эра — Текеш» (освободи его от греха), Казахстан, Жаксылыксай I [8, с. 68].

На древнетюркский рунический язык переводились манихейские, буддийские и другие религиозные

тексты, что также способствовало пространственно-временному распространению рунической письменности. Таким образом, социально-исторические, культурные, религиозные аспекты являются причиной образованности, грамотности не только отдельных знатных лиц, но и широкого круга людей.

В качестве одного из примеров можно назвать краткую наскальную надпись, обнаруженную в 1985 году археологом А. Е. Рогожинским в Восточном Казахстане, в урочище Койтубек, в юго-восточных отрогах Курчумского хребта. И. Л. Кызласов прочитал рунический текст, определил палеографическую принадлежность и историко-культурное значение надписи. Текст надписи сводится к следующему: us(i)kl(i)g { ä } (a)jurtim «Я велел изъясняться письменно» [8, с. 65]. По стилю словаря данная надпись относится к высокохудожественному литературному языку: «велел», «изъясняться», «письменно». Императив (повеление, приказ), содержащийся в слове «велел», означает приказ человека, наделенного властью; слово «изъясняться» предполагает — рассказать, точнее, описать какое-то произошедшее событие. Наречие «письменно» означает: субъект действия хорошо осведомлен об образованности и грамотности адресата, так как просит оповещать его в письменной форме. Все содержание предложения содержит важную информацию о достаточной грамотности населения, потому что такие надписи были не единичны и нашли широкое распространение в Евразийском ареале.

Древнетюркская руническая письменность — феномен, развивавшийся на протяжении многих сотен веков, не случайно в селегинском памятнике рунические надписи называются «тысячелетними и бесчислодневными». Временные границы рунической письменности — начало и конец (*terminus ad quem terminus ad quo*) — до сих пор не нашли четкого определения. Протоисток руны и руноподобных знаков восходят к скифо-сакской культуре и эпохе гуннов, о чем свидетельствуют надписи на «оленных камнях» Тувы, «Памятная скала» Сулекской писаницы, надписи на серебряной чаше из Иссыкского кургана Казахстана, резы на костяной бляхе в Иртышском кургане Павлодарской области Казахстана и многие другие факты, установленные археологами.

Несомненно, расцвет рунической письменности приходится на V–X века. В этот период функционируют три варианта рунического письма — енисейская, таласская и орхонская. В современной тюркологии нет единого мнения о хронологии их появления. П. М. Мелиоранский, С. Е. Малов, И. Л. Кызласов наиболее древним типом рунического письма считают енисейские руны. По мнению В. В. Радлова, знаки онгинского памятника представляют начальный, наиболее древний этап развития рунической письменности, так как в памятнике не различаются твердоядные и мягкоядные согласные, наблюдается своеобразие графем, непохожи геометрические начертания знаков [1, с. 44]. В то же время другие орхонские надписи называются классическими рунами, представляют собой стройную, упорядоченную систему звуков, в которой определена система гласных фонем, а большинство согласных

различаются по признаку твердости и мягкости. Язык этих памятников характеризуется как стандартный литературный язык, древнетюркский рунический койне.

Широкое проникновение в степную Евразию различных религиозных форм (IX–X вв.) манихейства, буддизма, ислама, христианства несторианского толка, а также распространенные с этими формами религиозные тексты послужили началом вытеснения рунической письменности манихейской, уйгурской, арабской графиками. По некоторым данным исследователей, следы рунической графики протянулись вплоть до XIII века.

Литература

1. Радлов В. В., Мелиоранский П. М. Древнетюркские памятники Кошо-Цайдам / В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский // Сборник трудов Орхонской экспедиции. — СПб., 1897. — Т. IV.
2. Тенишев Э. Р. Избранные труды : в 2 кн. / Э. Р. Тенишев. — Уфа, 2006. — Кн. 1.

3. Шаймердинова Н. Г. Рунический литературный язык орхонских памятников Средневековья / Н. Г. Шаймердинова // VI International Symposium Contemporary Issues of Literary Criticism Medieval Literary Processes. Georgia, Europe, Asia. — Tbilisi, 2012.

4. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас орхонских памятников / М. Жолдасбеков, К. Сарткожаулы ; пер. М. Жолдасбекова, Н. Шаймердиновой [и др.]. — Астана, 2006.

5. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности / С. Е. Малов. — М. ; Л., 1951.

6. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования / И. В. Кормушин. — М., 1997.

7. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма / А. С. Аманжолов. — Алматы, 2003.

8. Кызласов И. Л. Как называли руническое письмо сами тюркские народы / И. Л. Кызласов // Российская тюркология. — 2011. — № 2(5).

9. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина / П. М. Мелиоранский. — СПб., 1899.

Д. А. Шукина¹

ЯПОНСКАЯ МОДЕЛЬ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. АКУНИНА

В современной науке словосочетание *диалог культур* утратило метафоричность и обрело статус междисциплинарного термина, который широко используется в культурологии, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации (работы В. В. Воробьева, С. Г. Тер-Минасовой и др.). При постижении инокультуры важно само восприятие страны, которое складывается на основе традиционных представлений народов друг о друге (иначе — культурных стереотипов) при чтении научной, художественной и публицистической литературы, просмотре фильмов и телепередач, в процессе изучения иностранных языков.

В России интерес к Японии имеет давнюю традицию, сложились устойчивые представления о Стране Восходящего Солнца, в русский язык вместе с культурными реалиями вошли японские слова, например, *сакура, сакэ, самурай, сатори, сумо*.

Обратимся к творчеству Б. Акунина, «ведущего диалог» с японской культурой в романе «Алмазная колесница», эссе и новелле «Кладбищенские истории», а также в японской пьесе-приложении к роману «Весь мир театр».

Следует отметить, что автор широко вводит японские лексические единицы, семантизируя их различными способами: 1) прямое толкование в тексте: «*гайдзин* — иностранец»; 2) перевод в постраничной сноске: «*ёку ирассяимасита!* — Добро пожаловать!» (яп.); 3) широкий контекст: «Со вчерашнего дня не ел, не спал, только пил сакэ. В животе ноет. Но *хара* может

потерпеть»². Опора на номинации-стереотипы предполагает переход на когнитивный уровень, который связан с изложением основ дзен-буддизма (религиозно-философского учения, получившего распространение в Японии), в частности учения о дао — пути просветления.

Япония в изображении Б. Акунина реальна, ее можно увидеть, услышать, ощутить. Автор выступает как писатель, публицист, историк, этнограф, филолог. Например, демонстрирует фонетические особенности японского языка: смешение дрожащего [р] и шелевого [л], свистящих и шипящих согласных: «От волнения все “р” и “л” полезли друг на друга. Вы брагодный человек, господин вице-консульт. Я навеки ваш доржник»³.

В романе «Алмазная колесница» есть эпизод, увиденный с разных точек зрения представителями различных культур: глазами русского вице-консула и его японского слуги. Это знакомство главного героя с японской кухней. Восприятие японца: «Господин порадовал отменным аппетитом, только вот манера поглотить пищу у него оказалась интересная. Сначала откусил маленький кусочек сколопендры, потом весь сморщился (должно быть, от удовольствия) и быстро-быстро доел, жадно запив ячменным чаем. От чая поперхнулся, закашлялся, разинул рот и выпучил глаза»⁴. Восприятие русского: «Завтрак, приготовленный туземным Санчо Пансой, был кошмарен. Как они только едят это склизкое, пахучее, холодное? <...> Не желая обижать японца, Фандорин поскорее проглотил всю эту отраву и запил чаем, но тот, кажется, был сварен из рыбы чешуи»⁵.

В романе много вставок, новелл о японской истории и культуре. Особое место отведено хокку,

¹ Заведующая кафедрой русского языка и литературы Национального минерально-сырьевого университета «Горный» (Санкт-Петербург), доктор филологических наук, профессор. Автор около 70 научных публикаций, в т. ч.: «Трансформация пространства в русской прозе XX века (от Михаила Булгакова к Виктору Пелевину)», «Чеховский театр на современной сцене», «Гуманитаризация технического образования: традиции и перспективы», «Инновационный подход к созданию программ повышения квалификации» (в соавт.), «Название художественного текста как способ моделирования интертекста в современной русской литературе», «Символика интертекста в русской литературе XXI века» и др.

² Акунин Б. Алмазная колесница. М., 2004. С. 198.

³ Там же. С. 351.

⁴ Там же. С. 286.

⁵ Там же. С. 290.

традиционному японскому трехстишию. Каждая глава второй части заканчивается трехстишием, лирическим обобщением, например: «Не беречь красы / И не бояться смерти: / Бабочки полет»¹. В текст романа включено эссе о хокку, своего рода пособие по японской поэзии.

В книге «Кладбищенские истории» программное раздвоение автора на писателя (новелла) и публициста (эссе), по сути, не добавляет ничего нового к модели японской культуры. В соответствии с заявленной в названии темой Япония характеризуется как страна, где мастерски умеют умирать. В коротком эссе преобладает самоирония, а в новелле описанные компоненты японской культуры сочетаются с уже известными художественными приемами (детективный сюжет, смешение религии и мистики на фоне дзен-буддийского просветления).

Роман Б. Акунина «Весь мир театр» (2009) в жанровом отношении может быть определен как театраль-ный детектив. Один из самых известных шекспировских афоризмов вынесен в заголовок текста неслучайно. Заложенное в названии соотношение встраивается в следующий ряд: естественное поведение человека / игра, мир / театр, природа / культура, при этом каждое понятие может вступать в различные гипогиперонимические отношения с другими. В XX веке происходит художественное и философское осмысление метафоры «мир — театр».

Разработка театральной метафоры в романе Б. Акунина обусловлена развитием сюжета, характеристиками героев, детективным жанром и осуществлена по законам стилизации. Сюжет, основа которого — расследование убийств, разворачивается в театральной среде, на страницах романа находят отражение спектакли и репетиции, взаимоотношения между актерами труппы (закулисы), околотеатральная жизнь. Объектом стилизации у Б. Акунина становится не только жанр детектива, но и ряд структурных, стилистических, речевых особенностей, характеризующих художественный дискурс XX века.

Анализ текста романа позволяет сделать следующий вывод: метафора «мир — театр» выступает как объект изображения (фабула, сюжет и характеры героев-актеров); как модель для различных интерпретаций (философско-эстетической, прагматической, психопатологической); как средство выразительности (театральная метафора, выступая в качестве образного способа восприятия мира и его концептуализации, опирается на основные принципы театра: условность, ориентация на зрелищность, высокая степень эмоционального воздействия на зрителя); как свернутый метатекст (своеобразный семиотический маркер, функционирующий в текстовом и интертекстуальном пространстве).

Стилизация, раскрывающая механизм построения и восприятия романа Б. Акунина, особенно ощутима в приложении, которое представляет собой текст пьесы. Главный герой, решив от любовного недуга стать драматургом, для «Ноева ковчега» пишет «Две кометы

в беззвездном небе» с подзаголовком «пьеса для театра кукол в трех действиях с песнями, танцами, трюками, фехтовальными сценами и митиюки». Последний термин отсылает к традиционному японскому театру, следует указать, что его пояснение дается в тексте романа, это комментарий Фандорина: *митиюки* обозначает действие на сцене, когда герои находятся в пути. Признанный знаток японской культуры, Чхартишвили стилизует текст пьесы, вводя в нее, с одной стороны, структурные элементы *японского театра кукол дзёрури*: ведущая роль сказителя, деление сцены на две части, актеры, играющие кукол (в традиционном японском театре куклы почти в рост человека и с богатой мимикой), любовно-бытовой сюжет; с другой — узнаваемые стереотипы-реалии традиционной японской культуры и быта: гейша, веер, кимоно.

Пьеса, помещенная в приложение и фигурирующая в основном тексте романа, написана специально для труппы театра «Ноев ковчег», связана с интересом к ориентальному стилю в искусстве, которым было отмечено начало прошлого века, и соответствует представлениям режиссера Штерна об идеальной пьесе.

Следовательно, японская пьеса представляет собой *текст в тексте*, в то же время функционирует в качестве метатекста. Театральность проявляется прежде всего на жанровом уровне: пьеса для театра кукол, которых играют актеры, является драматургической частью детективного романа о театре «Весь мир театр». За счет выстраивания многомерной конструкции (текст в тексте в тексте...) возрастает роль условности как ведущего театрального принципа.

Мотив оживших кукол-марионеток встречается в мировой культуре, важно подчеркнуть, что именно в 1911 году (время действия романа) состоялась знаменитая премьера балета И. Ф. Стравинского «Петрушка», в котором оживали куклы. Кроме того, у каждой куклы своя маска (амплуа), соответствующая амплуа определенного актера труппы, при этом актер в смоделированном автором мире либо действует по законам своей роли, либо отказывается от предлагаемой ему маски. С этой точки зрения развязка детективного сюжета оказывается вполне закономерной, так как Девяткин, актер без определенного амплуа, «един в девяти лицах», сам выбирает себе маску злодея в мире, который представляется ему театром.

В основе романа Б. Акунина «Весь мир театр» лежит стилизация (прототипные черты детектива, произведений для театра и о театре, речеведческие стереотипы театральных персонажей), которая раскрывает способы построения текста массовой литературы и задает его интерпретацию.

Таким образом, при создании модели японской культуры у Б. Акунина преобладают цитирование и стилизация. Анализ индивидуального стиля писателя в рамках различных жанров позволяет обнаружить типологические закономерности создания речевой структуры произведения-стиликации.

¹ Акунин Б. Указ. соч. С. 183.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

С. Р. АБРАМОВ	заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор
Ю. Б. БОРЕВ	главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, академик Академии художеств РФ, доктор филологических наук, профессор
М. Н. ВЕТЧИНОВА	профессор кафедры иностранных языков Курского государственного университета, доктор педагогических наук
Ренэ ГЕРРА	доктор филологических наук Парижского университета (Франция)
Е. В. ИВАНОВА	ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук
Роберт Ф. ИЛСОН	научный сотрудник Лондонского университета
А. В. КОВТУН	специалист Волонтерского центра Тверского государственного университета
Чарльз МакГРЕГОР	профессор Института Всемирного банка (Великобритания)
З. Н. ПОНОМАРЕВА	доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат филологических наук
Майкл ПУШКИН	почетный старший научный сотрудник Центра изучения России и Восточной Европы Бирмингемского университета (Великобритания)
С. В. СНАПКОВСКАЯ	заместитель исполнительного директора Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России», доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор
С. Г. ТЕР-МИНАСОВА	президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор
Д. А. ЩУКИНА	заведующая кафедрой русского языка и литературы Национального минерально-сырьевого университета «Горный», доктор филологических наук, профессор

С. Р. АБРАМОВ: — Дорогие друзья и коллеги! Позвольте мне открыть заседание нашей секции, вести которую мы будем вместе с известным нам всем французским славистом, профессором Ренэ Герра. Проблема диалога культур, которой посвящена уже не впервые наша конференция, нам, филологам, понятна и близка как никому иному, ибо любой диалог культур, который имел место в письменный период истории человеческой цивилизации, непременно находил свое отражение в литературных источниках, в текстах.

Всякий общественный проект (в том числе проект глобализации) обретает практический смысл лишь тогда, когда в нем содержится идейная программа, способная завоевать массы, а также когда этот проект реализуют личности, способные служить проводниками идей и являть собой, всей своей жизнью пример служения идее, способные стать эмблемами этой программы. Очевидно, что глубина и теоретическая проработанность идеи и нравственное и культурное превосходство ее сторонников — одни из основных гарантий ее успеха. Не говоря уже о том, что идея не может быть эгоистической, ограни-

ченной частными интересами группы, а проводники ее — руководствоваться корыстными мотивами. Современная глобализационная программа, о которой на протяжении последних лет, в том числе и на этой конференции, сказано уже немало, не предъявила еще ни внятной концепции, ни привлекательной для всех цели, ни безупречных адептов. К тому же это далеко не первый проект объединения человечества. От строительства Вавилонской башни и древних империй до идей мировой революции и русского космизма было предложено множество проектов, в том числе и весьма успешных. Один из них — идея устройства вселенской христианской церкви, намеченная уже в Новом Завете в апостольских посланиях Павла и воплощенная на практике вселенскими соборами и трудами выдающихся христианских деятелей — святых отцов и учителей Церкви. Мы поговорим об этих проблемах сегодня с позиций филологии, рассмотрим, как они отразились в литературных текстах, в истории национальных литератур, в художественном дискурсе, в межкультурной и межъязыковой коммуникации. Вполне уместно будет и обсуждение проблем филологического

и — шире — гуманитарного образования, формирования личности посредством литературы. Слово предоставляется профессору Юрию Борисовичу Борову.

Ю. Б. БОРЕВ: — На пленарном заседании были сделаны замечательные доклады, в частности блестяще выступил Александр Сергеевич. Было упомянуто одно ключевое слово — «конвергенция». Я думаю, что диалог XX и XXI веков — это диалог социализма и капитализма, причем этот диалог иногда перерастал в конфликт. В таком диалоге не может быть абсолютного победителя. Жданов говорил о том, что «главное в конфликте — не победа, а соглашения». Победа социализма в Венесуэле сегодня чревата серьезными конфликтами, победа НАТО в Югославии, когда бомбили Белград, чревата потерей этой организацией морального облика. Китайцы вышли вперед в развитии главным образом за счет того, что пошли по пути конвергенции, соединения достоинств социализма (социальной программы) и капитализма (рынка). По этому же пути идут и Скандинавские страны.

Одними из важных событий XX века стали Октябрьская революция и крах СССР. Октябрьская революция принесла много бед: Гражданская война, террор. Вместе с тем она открыла дорогу интернационализму. И если Россия многое потеряла в ходе революции, то западный мир выиграл, потому что он впервые обратился к анализу общества массового потребления. Я думаю, что общество массового потребления — это виток Октябрьской революции. Крах СССР стал всемирным историческим событием, о трагизме этого события хорошо сказал Путин. Поэтому, на мой взгляд, проблема конвергенции — одна из важнейших.

С. Р. АБРАМОВ: — Вопрос о социально-политических взаимоотношениях различных систем и другие не могут быть исчерпаны ни в рамках пленарного заседания, ни в пределах секционных дискуссий. Мы, однако, должны ограничить нашу дискуссию проблематикой, связанной с филологическими, литературно-критическими, историко-литературными проблемами.

Р. ГЕРРА: — Совершенно с этим согласен.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется профессору Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА: — На протяжении развития человеческой цивилизации литература является одним из основных способов передачи культурных достижений. Литературу можно называть «языком» диалога культур. Литература, как и произведения культуры, невидимым образом соединяет прошлое, настоящее и будущее, а культурное прошлое помогает человеку лучше понять настоящее. Благодаря литературе и ее развитию от древности к современности культуры различных цивилизаций были сохранены, развиты и постепенно превратились в общечеловеческую культуру. Литература — мощнейший источ-

ник культурного развития и межкультурного диалога. Это сосредоточение человеческих интересов, к пониманию которых во все времена стремилось человечество. Через увлечение литературой постигаются культура, окружающий мир, человек, ментальность народа, его характер, образ жизни, традиции. Литература является одним из выражений человеческого духа, о чем замечательно размышлял философ Семен Людвигович Франк.

Для того чтобы в настоящее время объяснить человеческую жизнь, нужно изучать произведения искусства, письма, дневники, биографию, историю, но не научную литературу по психологии. Чтение литературных художественных произведений дает ряд конкретных образов, вызывает чувства, заставляет радоваться, жалеть, пробуждает сострадание, любовь, уважение к доброму, презрение, отвращение к низости и пошлости, негодование по поводу подлости.

Однако сегодня отмечается значительное снижение интереса к чтению, влияния литературы на формирование духовно-нравственного мира детей, подростков, молодежи. Именно поэтому общественность призывает к повышению читательской культуры, которая оказывает положительное влияние на общую грамотность, мировоззрение, ценностную ориентацию.

Продуманное литературное образование, планомерно реализуемое, оказывает положительное влияние не только на общую грамотность современных молодых людей, но и на их способность, готовность участвовать в межкультурной коммуникации, стать полноценными активными участниками диалога культур. И может быть, тогда XXI век, как и XIX, по праву можно будет назвать читающим. Чем больше мы читаем, тем больше мы узнаем чужую культуру, становимся толерантными, и это имеет огромное значение.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется Евгении Викторовне Ивановой.

Е. В. ИВАНОВА: — На пленарном заседании Ренэ Герра говорил о важной для русской культуры теме — о том влиянии, которое на нее оказала французская культура. Когда мы говорим о русской культуре как национальной, необходимо сформулировать, что мы понимаем под этим термином. Д. С. Лихачев отмечает одну важную особенность русской культуры — участие в ее создании людей разных национальностей: в древнерусской литературе наряду с русскими писателями выступали болгары (Киприан), сербы (Пахомий Логофет), греки (Максим Грек), хорваты (Юрий Крижанич), поляки (Андрей Белобоцкий), мордвы (по-видимому, протопоп Аввакум и патриарх Никон), белорусы, украинцы... Все они были включены в созидательный процесс развития русской литературы. Изначально фундамент русской культуры был многонациональным, многие народы слились в созидательном процессе создания русской культуры.

Затем наступил период, когда (и об этом вчера говорил профессор Герра) русская культура развивалась под сильным влиянием французской культуры. Пушкин, Тютчев писали по-французски. Вообще в част-

ной жизни, воспоминаниях люди всегда переходили на французский язык как более приспособленный для литературы. В то же время и Пушкин, и Тютчев написали много замечательных русских стихов. То есть национальное загадочно в своем субстрате, сложно определить, что в литературе национальное, а что многонациональное.

Что определяет русскую культуру? Изначально она многосоставна, но в ядре своем однонациональна. Это самое трудное в определении русской культуры. Например, французская культура мононациональная, но однородная. Но у нас есть писатели, о которых нельзя однозначно сказать, кто они по национальности. Недавно в «Новой газете» была опубликована статья, где ставился вопрос о том, что же можно называть русской культурой, если Лермонтов — шотландец, Пушкин — эфиоп, и делался вывод, что русской культуры вообще не существует. Мне кажется, что первое слово в названии в нашей секции — «национальные», — пожалуй, самое трудное.

С. Р. АБРАМОВ: — Позвольте несколько слов в связи с выступлением Евгении Викторовны Ивановой, особенно ее финальной части, которая меня глубоко взволновала. Она вновь напомнила мне об одной болезненной для меня лично проблеме, с которой я постоянно сталкиваюсь в России. У нас появилась крайне неприятная, но весьма хорошо финансируемая тенденция подвергать остракизму и деструкции само понятие русской культуры и вообще русскости. Одно лишь упоминание о русскости, русском характере, русском этносе, русской нации объявляется шовинизмом, даже нацизмом, фашизмом. Русским внушают, что говорить об этничности, о национальном стыдно, неприлично, несовременно. А ведь одна из работ Дмитрия Сергеевича Лихачева посвящена проблеме русскости, определению того, что такое русская культура. Он как раз и посвятил свою работу выяснению этой проблемы. Но сегодня по телевидению (например, по НТВ) целые передачи посвящаются высмеиванию идеи национальной русской культуры и идентичности, где задаются вопросом: «Кто такие эти русские? Их вовсе нет. Что такое русская культура? Мы этого не знаем. Кремль — это итальянская архитектура, а храм Василия Блаженного — калька византийских соборов» и т. д. Эти высказывания вызывают серьезный протест, по меньшей мере недоумение. Когда нам говорят, в качестве аргумента, якобы убийственного для признания автономности русской культуры, что она, русская культура, впитала разные влияния: французское, немецкое, итальянское, что она лишь сборная солянка из обрывков чужих культур, я хочу возразить на это известной нам всем формулой: «Нам внятно всё — / и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений». Восприимчивость — такова особенность русской культуры, ее национальная черта. Именно эта черта делает русскую культуру культурой «всеединства», «всечеловечества», как об этом замечательно писал наш великий философ Вл. С. Соловьев.

Пожалуйста, профессор Роберт Илсон с репликой.

Р. Ф. ИЛСОН: — «Опыты» Монтеня были переведены на английский язык в 1603 году. Недавно в Германии я произнес речь, посвященную одному из персонажей Шекспира, в которой говорилось о судьбе Британского содружества. Речь шекспировского персонажа, написанная четыре столетия назад, оказалась весьма схожей с тем, что сегодня произносят политики в Европейском Союзе. Так что тема содружества культур актуальна всегда.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется Светлане Валентиновне Снапковской.

С. В. СНАПКОВСКАЯ: — Как специалист в области русского, польского, белорусского языков, согласна с тем, что сказал Д. С. Лихачев: русская культура — это культура символическая, впитавшая многие элементы, в том числе из белорусской культуры. Я филолог, поэтому основываюсь на фактах.

Белоруссия всегда являлась культурным мостом между Западом и Востоком и несла западные влияния, уже переработанные в эмоциональном белорусском слове, в Россию. Более того, в процессе этой деятельности вырабатывались собственно белорусские национальные стили.

В XVI столетии известный белорусский философ, просветитель, литератор Франциск Скорина перевел на старобелорусский язык Библию. В Москве, в которую он приехал, чтобы распространять идеи просвещения и письменность, его не приняли. Через столетия, в XVII веке, белорусский просветитель, поэт, литератор Симеон Полоцкий распространяет эти идеи, и многие соглашались с тем, что западное просвещение нужно развивать. Западник, просветитель Симеон Полоцкий заложил несущие конструкции российского образования. В этом смысле он является предтечей Михаила Васильевича Ломоносова. Славянские работы предстают в замечательном синтезе, взаимодействуют в исторических эпохах.

Главная особенность российско-белорусского межкультурного диалога — взаимовлияние. В рамках единого русскоязычного культурного информационного пространства в современных условиях российский комплекс является преобладающим. Мы имеем в наличии культурно-историческую схожесть: историю, язык, культуру, национальное самосознание. В данном случае это сходство играет на руку сильнейшему. Отсюда стремление к поиску путей сохранения культурной уникальности малых и средних государств. Важно, чтобы политические и культурные элиты это понимали.

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — Идея конвергенции, сосуществования разных литератур и национальных культур важна. Я воспитывалась и училась в советской школе и советском университете. Мы изучали историю республик, стран бывшего СССР. Нужно вернуться к великолепному богатству культур разных стран, чтобы понять нашу литературу, культуру и язык. Когда мы работаем параллельно, пытаемся найти соответствия, различия, мы начинаем больше

любить и понимать собственный язык, культуру, историю.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется профессору Роберту Илсону.

Р. Ф. ИЛСОН: — Явление обмена, существовавшее еще на ранних этапах развития языка, затрагивает все его сферы. Давно признана и его важность. Естественно, что в современном глобализованном мире языковой обмен процветает как никогда ранее. Все наши основные языки используют заимствования. Даже во французском языке есть слово “globalisation”. Но французский чаще отдает предпочтение слову “mondialisation”. Итак, является ли mondialisation французской калькой от globalisation? Нет. Во-первых, оно, так же как и globalisation, употребляется с 1951 года. И еще важнее то, что, по мнению Жака Деррида, англо-американское слово “globalisation”, образованное от корня globe («сфера») — это исключительно географическое понятие, а именно то, что вызывает распространение по всему земному шару. Mondialisation происходит от слова “monde” (мир), как говорит Деррида, и это социально-культурное понятие: le monde для европейцев — прежде всего христианский мир, и mondialisation предполагает распространение господствующего влияния западного общества на весь свет.

Еще одну интересную деталь указал покойный профессор Э. Дж. Хобсбом. Слово «социализм» (в классической терминологии) имеет практически идентичную форму во всех западноевропейских языках, взятых нами в качестве образцов. Иначе обстоит дело со словом «забастовка»: strike (англ.), grève (фр.), Streik/Ausstand (нем.), huelga (исп.), sciopero (итал.). Для меня это означает следующее: радикальное движение последних 200 лет есть результат союза местных движений нижних социальных слоев (бастующие рабочие) и международной идеологии, навязанной сверху (типичные социалисты-интеллектуалы происходят из среднего или высшего класса).

Нас по сей день преследуют призраки заката и падения Римской империи, последующего дробления латинского языка на группу романских языков. Несколько лет назад Роберт Берчфилд, редактор Большого Оксфордского словаря английского языка, предположил, что английский язык, став международным, возможно, распадется на взаимно непонимаемые языки. Ранее некоторые советские ученые, кажется, высказывали похожие опасения о распаде русского языка. Но у распада есть альтернатива, так называемая койнезация. Койне, общий греческий язык, возник в качестве главного разговорного языка на территории эллинистического Средиземноморья. Этот язык стал результатом взаимной адаптации различных диалектов, существовавших в Греции в тот период. Он распространился на обширные земли, его статус возрос до того, чтобы стать языком Нового Завета. Очевидно, что народы западных районов Римской империи не нуждались в таком активном общении, как на-

следники Александра Македонского. Необходимость письменной коммуникации после падения Римской империи восполнялась использованием классической латыни. Наличие лексического обмена свидетельствует о том, что люди во всем мире настолько желают общаться друг с другом в письменной и устной форме, что ценят появление понятных всем эквивалентов названий предметов, свойственных любой культуре. Какое утешение!

Когда телеграф наконец-то связал штаты Мэн и Техас, Генри Дэвид Торо порадовался, что жители Мэна теперь могут общаться с жителями Техаса. Но у него были сомнения, захотят ли жители Мэна и жители Техаса что-либо сказать друг другу.

Если же приведенные нами данные о чем-либо свидетельствуют достоверно, то очевидно, что народы во всем мире хотят общаться.

С. Р. АБРАМОВ: — Приглашаю к микрофону господина Ренэ Герра, который сам олицетворяет собою диалог культур.

Р. ГЕРРА: — Французская литература не настолько монолитна, как было сказано. Уместно напомнить, что особенно в XX веке (и это продолжается) многие писатели не просто имели русское происхождение, но и говорили по-русски: я имел честь быть с знаком с Анри Труайя (он же Лев Тарасов), который родился в Москве и прекрасно говорил по-русски. Анри Труайя — это известный французский писатель, в сорок лет ставший академиком Французской академии, он писал замечательные романы и многое сделал для диалога наших литературных культур. Написал замечательные «Русские биографии» — о Пушкине, Жуковском, Достоевском, Толстом.

Также можно вспомнить известную французскую писательницу Натали Саррот, которая была русской и свободно говорила по-русски. Она тоже многое сделала для диалога культур.

Этот список можно продолжить. Представители первой волны эмиграции, особенно младшее поколение (но не только они), тоже внесли весомый вклад. Сейчас в России готовится к изданию трехтомник Надежды Городецкой, это наше поколение.

Диалог между культурами ведется испокон веков. Это обоюдное обогащение. Французы и русские были созданы друг для друга, у нас много общего. Поэтому, когда русские писатели и художники приезжали во Францию, они чувствовали себя как дома. Как и французы, которые приезжали в Петербург или Москву. Я в Петербурге чувствую себя прекрасно.

Диалог — это не пустые слова, не то, что мы придумали. Это постоянное взаимообогащение двух культур в течение веков. Меня, французского слависта, эта проблема волнует уже давно.

М. ПУШКИН: — Мой близкий друг Тони Блэк, друг Светланы Григорьевны Тер-Минасовой, 20 лет назад проанализировал либретто к опере «Кармен» и обнаружил, что в нем есть фразы, которых нет

в новелле Мериме, но есть в тексте поэмы Пушкина «Цыганы». Как это произошло, мы не знаем, но диалог культур существует.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется профессору Светлане Григорьевне Тер-Минасовой.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Мы живем в эпоху глобализации, которая управляет нашей жизнью. Человечество всегда мечтало о хорошей жизни, что наступит светлое настоящее. Великая мечта готова осуществиться, к этому уже есть научно-технические предпосылки, наступила эра коммуникации. Произошли парадоксальные явления, все народы внезапно стала интересовать проблема национальной идентичности, национальной культуры, те, кто забыл свой родной язык, неожиданно его вспомнили. Язык несет заряд культуры, отношение к людям, миру. Сейчас то же происходит с литературой и культурой.

Вместо того чтобы строить общий дом и общую жизнь, мы выделяем свою литературу, культуру и родной язык. О единстве мечтали русские поэты, например Сергей Есенин писал: «...людская речь в один поток сольется. Историк, сочиняя труд, над нашей розню улыбнется».

Единый поток — это угроза для национальной литературы. Такую угрозу несет и доминирование во всех сферах английского языка, англоязычного менталитета. Происходит наступление английского языка, американской культуры во всех формах и сферах: песни, фильмы, книги, пресса и т. д.

На конференции отмечалось не раз, что всем культурам угрожает поглощение, уничтожение, речь идет об убийстве языка и культуры. В выступлениях участников говорилось о французских писателях с русскими корнями, русских писателях с разными корнями. Можно говорить не о диалоге, а о венке культур. Диалог — когда говорят два партнера. А то, о чем говорили сегодня, — это переплетение культур. Борьба с глобализацией может привести к замыканию в рамках одной культуры, когда все начнут говорить, что между нами нет ничего общего. Это крах.

Я хотела бы вернуться к вопросу о культуре, глобализации и сказать в защиту английского языка следующее. Именно он является языком международного общения. Надо понимать, что английский язык стал глобальным языком международного общения совершенно объективно, в силу социально-исторических причин. Дело, разумеется, не в численности говорящих и не в мифе об особой легкости, гибкости, удобстве и тому подобных «качествах» английского языка.

Во-первых, солнце, которое никогда не садилось в Британской империи, теперь никогда не садится в империи английского языка.

Во-вторых, это язык супердержавы, которая правит миром.

Причину распространения английского языка видят в политическом, историческом, социальном аспектах, когда британское правление пало, флаг английского языка немедленно подхватили американцы.

Но когда распался Советский Союз, русский язык утратил свои позиции, потому что у нас не было соседних супердержав, в которых говорили бы на русском языке. Мир русского языка закончился вместе с Советским Союзом. Языки не подчиняются внешним законам, а живут своей жизнью.

Я хотела бы поговорить не только о том, что английский язык испортил жизнь всем народам и обезобразил их культуры, но и том, какие минусы эта ситуация таит для самого английского языка, какие опасности подстерегают англоязычные народы.

Преимущества англоязычных народов очевидны. Их родной язык стал средством международного общения. Им не нужно, в отличие от сотен миллионов говорящих на других языках, тратить время, здоровье и деньги на изучение английского, переводчиков и преподавателей и т. п. Но не все так просто.

Во-первых, представители англоязычных наций потеряли всякий интерес к изучению иностранных языков. Если человек хочет общаться, то он тратит время и силы на изучение других иностранных языков. Более того, изучение других культур и литератур нужно еще для того, чтобы понять и оценить свою культуру, глубже понять собственный язык. Неожиданно открываются новые грани своего языка, которые мы не видим, потому что для нас это родной язык и мы воспринимаем его как данное, часть нашего «я». Нельзя остаться равнодушным к языку, народу, язык которого ты изучаешь. Изучение языка — это путь к миру и дружбе между народами. В связи с тем, что весь мир изучает английский язык, все интересуются им, а с помощью языка — культурой этой страны. Часто мы знаем культуру изучаемого иностранного языка лучше, чем свою.

Во-вторых, статус английского языка как глобального средства общения грозит самим англоязычным народам, по мнению Д. Кристалла, еще и тем, что в этой ситуации возникает лингвистическая элита, состоящая из носителей языка, которая может использовать английский язык в корыстных целях и для манипуляций в разных сферах.

Во-третьих, став языком международного общения, английский язык как бы перешел во всеобщее пользование, стал всеобщим, международным, глобальным достоянием. С этим связаны два последствия. Первое: язык — это не только барьер, разделяющий народы, но и щит, защищающий национальную идентичность. Англоязычные народы, отдав свой родной язык в «международные» руки, потеряли свой щит, и им грозит утрата национальной идентичности. Язык выполняет две основные функции по отношению к формированию этнической идентичности: он не только отражает, но и формирует человека. И его функция в английском языке существенно нарушена. Глобальность языка — та цена, которую платят носители языка. Второе последствие: поскольку английский язык отдан в пользование и во власть всему миру, все народы, особенно многочисленные, подделывают его под свою культуру, свой менталитет и свой язык, то есть создают свой вариант английского языка. Термин “World Englishes” сейчас стал очень популярным, и издается научный журнал под таким названием.

В-четвертых, дело в том, что массовое распространение английского языка как глобального привело к созданию особой разновидности университетского «английского как иностранного», некоего усредненного, упрощенного для «бедных иностранцев», стандартного, унифицированного, «дистиллированного» языка.

В-пятых, как известно, существуют несколько вариантов английского, и они различаются. Настоящий английский вообще не существует как таковой. Есть несколько вариантов «подлинных» английских, служащих единственным средством общения для своих народов, из которых два основных: британский и американский. И разрыв между ними тоже непрерывно увеличивается. Бернард Шоу сказал, что англичане и американцы — два народа, разделенные общим языком. Это уже не парадокс. Английский язык меняется, существенно расходятся его варианты. Какой английский настоящий: австралийский, или британский, или американский?

В-шестых, английский язык как глобальный приобретает определенную негативную окраску. Агрессивная политика Соединенных Штатов Америки вызывает у многих народов негативное восприятие, и это переносится на язык.

В вопросе об английском языке как глобальном имеются противоречия диалектического характера, то есть такие, которые, по Гегелю, своей борьбой оказываются движущими силами прогресса общественной жизни. Все меняется, в связи с чем и возникают проблемы.

С. Р. АБРАМОВ: — Светлана Григорьевна затронула в своем выступлении несколько важных тем. Во-первых, если говорить о нашей любви к тем народам, языки которых мы изучаем, это правда, я испытал это на себе. Я немного изучал французский, итальянский, испанский языки и влюбился во Францию, Италию, Испанию. Английский я учу давно, поэтому с Англией у меня давняя любовь.

Присутствующие здесь Ренэ Герра и Майкл Пушкин — в каком-то смысле наша «пятая колонна» в западных странах, эти люди несут в себе и с собою любовь к России и русской культуре, что бы ни происходило между политическими элитами наших стран, как бы ни развивались отношения, они соединяют нас и открывают диалог культур.

Вторая важная мысль, затронутая Светланой Григорьевной, — это порча языка вследствие заимствования. Я, например, переживаю это как личную проблему: мне больно за русский, когда в нем используются исковерканные английские слова, и за английский, который в каком-то смысле подвергается глумлению. Мы, филологи, люди словесной культуры, должны практически этому сопротивляться. Например, всюду у нас используется слово «кликнуть» не в смысле окликнуть, как и должно быть в русском языке, а в смысле «Click now», то есть щелкать мышкой, это уродливое словопотребление, и таких примеров множество.

Слово предоставляется господину Майклу Пушкину.

М. ПУШКИН: — Мой доклад посвящен поэзии Вознесенского. В его стихах сплошное переплетение культур. Его всегда интересовал человек. Человек узнает себя в его произведениях. Проблема уверенности в себе касается и народа. Посмотрите, например, стихотворения «Русские Westники» (1990) или «Русские европейцы» (2007). Часто в его поэзии встречаются межкультурные реминисценции, отсылки к политическим личностям, много стихов посвящено его американскому другу Аллену Гинзбергу: мы читаем про век Сталина и Аллена.

Стихотворение 1984 года «Ядерная зима (Из Байрона)». В стихотворении 1816 года «Тьма» Байрон поэтически отреагировал на извержение вулкана. Эти байроновские строки на русский язык впервые переводит Тургенев. А Вознесенский пишет на эту же тему стихотворение: Вознесенский, по образованию архитектор, предсказывает ядерную зиму и ее тьму. Он хорошо представлял визуальные образы, соединял внутреннюю суть с внешней, глобальной.

Стихотворение «Васильки Шагала» (1973). Благодаря воображению поэта васильки мечутся в московском и парижском пространстве, но эти обособленные местности сливаются в глобальное единство посредством повторной фразы «небом единым жив человек».

В 1982 году он создал утопический проект в духе универсальной архитектуры. Во вступлении к нему он пишет: «Его пропорции соотносятся с размерами земного шара, наш глаз перспективно ищет соотношение с землей, человек осознает себя частью общего, в этот момент сможет передвигаться из города в город, из страны в страну, ритуально символизировав мировое единство человеческой культуры».

Музыка занимает видное место в поэзии Вознесенского. Часто в основе его произведений лежит мысль о духовных качествах искусства, способности музыки приносить собой спасение, например в поэме «Последние семь слов Христа» (1999). На переднем плане даже не музыка, а духовная тема. Межкультурное взаимодействие проявляется в текстах Вознесенского и в том, что приводятся цитаты на русском, английском, латинском языках, упоминается швейцарский хореограф, работающий в Брюсселе, алжирский писатель. Обозначены религиозные эмблемы трех крупных религий. В поэме «Беременный бас» (2001) мы видим осознание духовной силы музыки, поэма построена на сравнении разных культур. Упоминаются русский, американский музыканты. Поэт рисует духовную роль английской музыки с помощью игры слов: «без скращения и крещендо».

Музыкальная тематика особенно очевидна в некоторых стихотворениях личного характера конца XX — начала XXI века, например тема страха потери голоса. В одном из стихотворений выразительно изображено невольное молчание скрипки итальянского мастера. Вознесенский объявляет о глобальном стремлении к внутренней восприимчивости, в которой звучно поет внутренний голос, слышат не уши, а души.

С. Р. АБРАМОВ: — Вознесенский был интересен как человек, всю жизнь игравший словами (и это тема отдельного лингвистического анализа).

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — Господин Пушкин, скажите, пожалуйста, образ переплетения культур, в частности русской и английской, преобладает в ранних стихотворениях Вознесенского либо более поздних, или трудно выделить определенный период?

М. ПУШКИН: — Трудно выделить определенный период, потому что, по-моему, всю жизнь с самого начала до последних лет в его творчестве отмечается это переплетение, «венюк культур», как сказала Светлана Григорьевна Тер-Минасова, причем диалог не только с английской, а со многими культурами.

З. Н. ПОНОМАРЕВА: — Как Вы думаете, он в этом смысле уникален или это общее свойство современной русской поэзии?

М. ПУШКИН: — В некоторой степени переплетение культур есть в творчестве Евтушенко, у Рождественского почти нет, у него преобладает личная тематика (поэт, женщина, природа и т. д.). У многих поэтов присутствует тема встречи культур. Обобщать очень трудно, потому что все поэты индивидуальны.

С. Р. АБРАМОВ: — Слово предоставляется профессору Дарье Алексеевне Шукиной.

Д. А. ШУКИНА: — Мне понравилось выступление Светланы Григорьевны Тер-Минасовой. Словосочетание «диалог культур» в современной науке стало междисциплинарным термином. Светлана Григорьевна предложила новый термин — «венюк культур». И эта метафорическая составляющая мне кажется очень привлекательной. Будем надеяться, что этот термин войдет в нашу жизнь.

Постижение культуры и другого языка, диалог культур могут происходить разными способами. Самый простой путь — это усвоение традиционных представлений на уровне сложившихся национальных стереотипов. Например, что думают русские о французах, англичанах, англичане — о нас и т. д. Очень важно чтение научной, художественной, публицистической литературы. Мы смотрим фильмы, спектакли, телепередачи, изучаем иностранный язык и сами преподаем. Путь изучения иностранной культуры через обучение тоже интересен.

Я много лет проработала в Санкт-Петербургской консерватории, учила аспирантов, в частности из Японии. Мой интерес к японской культуре проявился в попытке ответить на вопрос, как японская культура представлена в русской. В русский язык вместе с культурными реалиями вошли японские слова, например: сакура, сакэ, самурай. Мне было интересно узнать значение философского понятия «сатори». Моя японская аспирантка Мицука сказала, что это объяснить невозможно, но можно почувствовать или передать в длинном рассказе: люди сидят в саду за япон-

ской чайной церемонией, вода стекает по желобам в сосуд, когда он наполняется, последняя капля его переполняет, ударяется деревянная ложка, и тогда наступает просветление.

Обратимся к творчеству Б. Акунина, ведущего диалог с японской культурой в романе «Алмазная колесница», эссе и новелле «Кладбищенские истории», а также в японской пьесе-приложении к роману «Весь мир театр». Мы не будем говорить о художественных достоинствах творений Бориса Акунина, а поговорим о том, с какими интересными моментами можно столкнуться.

Мне, как филологу, было интересно, как он трактует японские слова, вводит их в российский контекст. Например, прямое толкование в тексте: «Гайдзин — иностранец»; или перевод в постраничной сноске: «Ёку ирассяимасита! — Добро пожаловать!»; или же широкий контекст: «Со вчерашнего дня не ел, не спал, только пил сакэ. В животе ноет. Но хара может потерпеть».

Я хочу сказать о том, каким образом возможно в литературном или художественно-публицистическом тексте отразить другое сознание. Опора на номинации-стереотипы предполагает переход на когнитивный уровень. Борис Акунин (Григорий Чхартишвили) попытался это сделать.

В романе «Алмазная колесница» есть эпизод, увиденный с разных точек зрения представителями различных культур: глазами русского вице-консула и его японского слуги. Это знакомство главного героя с японской кухней. Японский слуга главного героя описывает прием пищи господином: «Господин порадовал отменным аппетитом, только вот манера поглощать пищу у него оказалась интересная. Сначала откусил маленький кусочек сколопендры, потом весь сморщился (должно быть, от удовольствия) и быстро-быстро доел, жадно запив ячменным чаем. От чая поперхнулся, закашлялся, разинул рот и выпучил глаза». А вот как описывает этот эпизод представитель русской культуры: «Завтрак, приготовленный туземным Санчо Пансой, был кошмарен. Как они только едят это склизкое, пахучее, холодное? <...> Не желая обижать японца, Фандорин поскорее проглотил всю эту отраву и запил чаем, но тот, кажется, был сварен из рыбьей чешуи».

Таких интересных преломлений одной культуры в другой у Акунина довольно много. Например, в романе «Алмазная колесница» особое место отводится традиционному японскому трехстишию хокку. Первая книга романа композиционно выстроена по структуре этого поэтического размера. Причем каждая глава второй части завершается написанным автором хокку, например «Не беречь красы / И не бояться смерти. / Бабочки полет».

Последнее произведение, «Весь мир театр», — это драматургическое приложение, своего рода стилизация, которая позволяет прочитать в целом текст этого произведения, написанного для массового читателя.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Вы сказали, что иностранец по-японски гайдзин. Этот перевод можно трактовать как комплимент?

Д. А. ЩУКИНА: — В тексте это японское слово дается русскими буквами просто как обозначение. Гайдзин означает чужак. И в слове «чужак» есть нечто иное, чем в слове «иностранец». На эту тему существуют интересные рассуждения русских, которые живут в Японии. Они говорят, что, как бы человек ни изучал японский язык и культуру, он никогда не станет японцем. Слово «гайдзин» — это высшая ступень. Отношение к иностранцам вообще характеризует разных людей, независимо от того, где они проживают, в Азии или Америке. Например, в Китае иностранца называют словом, которое означает «старая желтая шляпа», то есть чужой, несимпатичный, неприятный.

С. Г. ТЕР-МИНАСОВА: — Я совершенно с Вами согласна. Конечно, к чужакам всегда и везде относились настороженно.

Р. ГЕРРА: — Когда пытались перевести название романа Камю “Étranger”, были предложены разные варианты, в том числе «Иностранец», «Посторонний» и «Чужак». Прекрасный перевод — «Иностранец», но есть советские переводы с другим названием — «Посторонний».

С. Р. АБРАМОВ: — А как правильно, по-Вашему?

Р. ГЕРРА: — «Иностранец» более нейтральное, не «чужак», где есть негативные коннотации.

Д. А. ЩУКИНА: — У «посторонних» тоже есть коннотация.

Р. ГЕРРА: — Да, но другая.

Р. Ф. ИЛСОН: — Каждый язык формирует свою уникальную картину мира, используя порой при этом слова, обозначающие непередаваемые концепты, специфические для каждой культуры. Их значение трудно описать средствами другого языка, поскольку они формируются всей культурно-языковой системой.

С. Р. АБРАМОВ: — Весьма значимо замечание о том, что каждый язык формирует свой мир. И когда исследователь вступает в новый мир, о чем сейчас говорил Роберт Илсон, он не знает, какие вопросы задавать, поэтому многие глубинные понятия этого языка остаются неизведанными для внешних исследователей, не находят правильного эквивалента перевода.

Слово предоставляется профессору Чарльзу МакГрегору.

Ч. МакГРЕГОР: — Эта конференция посвящена вопросам культуры, в том числе двум важным составляющим культуры — литературе и языку.

Что мы имеем в виду под термином «культура»? За последние 350 лет прескриптивный смысл культуры уступил место дескриптивному значению:

- а) воспитание детей называется культурой их ума;
- б) культура — получение знаний обо всем лучшем в мире, что было создано и сказано;

в) культура — это некое сложное целое, которое включает в себя знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи и другие способности и привычки, приобретаемые и достигаемые человеком как членом общества.

В XX веке термин «культура» иногда используется в значении (в), при этом в качестве периферийных оттенков значения выступают или одно из значений или оба значения — (а) и (б).

Удобно перечислять межкультурные универсалии как отдельные пункты, но они существуют в контексте, в окружающей среде, с которой их элементы постоянно вступают во взаимодействие. Что представляет собой эта окружающая обстановка? К чему относится слово «глобальный» в словосочетании «глобальный мир»? Я предлагаю описать термин «глобализация» с помощью ее причин и результатов.

Я предлагаю две основные причины: изменения международной торговли и коммуникаций.

Глобальный мир — это мир с большим количеством миграций из бедных стран в богатые, при этом в странах-реципиентах происходят соответствующие демографические изменения. Это мир, где капитал быстро перемещается из одной страны в другую, а пропасть между бедными и богатыми странами становится все глубже. Обмен информацией осуществляется достаточно легко внутри стран и между странами, и эта информация не подвергается жесткому контролю правительств.

Это также мир, в котором страна с населением в 300 млн человек занимает доминирующее положение. Такое превосходство основано на сильной экономике этой страны, расходах на оборону, достижениях теоретической и прикладной науки, развитых средствах массовой информации и культурных завоеваниях, доставшихся этой стране в наследство от Британской империи, частью которой эта страна когда-то являлась. Мягкая сила Америки уже не кажется остальному миру такой неотразимой; она привлекает не больше, чем прежде привлекала давно ушедшая в историю Британская империя. Империалистическим державам нравится думать, что своим господством они обязаны не только военному, но и нравственному превосходству.

Я хочу рассмотреть теорию об отношениях между культурами: культурный релятивизм, основанный на равенстве культур. Наши суждения о других культурах основаны на собственных ценностях, и все же мы порой не хотим признавать моральный релятивизм. Абсолютные истины звучат убедительнее: они придают нравственному утверждению большую весомость. Но даже абсолютные истины содержат противоречия.

По словам Фукидида, «большие народы делают то, что хотят; малые народы принимают то, что должны». Европейские империи XIX и начала XX веков — Французская, Британская империи или царская Россия — стремились, прежде всего, внести изменения, например, в форму правления, в законы и обеспечение правопорядка, структуру экономики,

сельское хозяйство, транспорт, обучение (обычно меньшей части населения) и язык. Религия также привлекала внимание британцев: миссионеры из Великобритании стремились принести на мрачную землю Африки свет, свободу и цивилизацию.

Британскую империю не вернуть, но она все еще представляет собой определенный интерес, так как ее англоязычная преемница сохраняет некоторые из ее отличительных особенностей. «Стратегия национальной безопасности США», которую президент Буш-младший опубликовал в сентябре 2002 года, имеет много общего с культурным наследием Британии, описанным Фергюсоном. В доктрине Буша утверждается, что цель США — «распространить блага свободы на весь мир». Эта мысль получает в документе дальнейшее развитие: «Мы будем активно работать и нести надежду на демократию, развитие, свободный рынок и свободную торговлю в каждый уголок мира... Америка должна неустанно выступать в поддержку бескомпромиссных требований уважения человеческого достоинства; соблюдения законов; ограничения абсолютной власти государства; свободы слова; свободы вероисповедания; равенства перед законом; уважения женщин; религиозной и этнической терпимости; уважения частной собственности». Эти основания для вмешательства во внутренние дела государств уже озвучивались в США, например в «доктрине», провозглашенной президентом Монро в 1823 году. Однако американские вмешательства отличались (и отличаются) от прошлых вмешательств Британской империи в одном отношении: в ходе этих вмешательств территории стран-реципиентов не заселялись (и не заселяются) поселенцами из США. Американцы считают, что их Революция основала республику свободных людей, и в идейном отношении это якобы обусловило невозможность для американцев стать впоследствии империалистами. Так ли это?

С. Р. АБРАМОВ: — К микрофону приглашается Алексей Владимирович Ковтун.

А. В. КОВТУН: — Я хочу, чтобы наша дискуссия помогла примирить культуры, которые не всегда друг друга понимают, не всегда дают возможность стать ближе друг к другу. Хочу сказать несколько слов о негативных аспектах перевода Библии как сакрального текста в диалоге культур.

При переводе Библии часто наблюдалась ситуация, когда было знание языка, но не было знания культуры. Кроме того, возникала проблема несоответствия церковных традиций.

Как известно, Библия является сводом книг, написанных в разное время разными людьми. Все они имеют общую цель: создать у читающего человека представление о единстве Бога как Творца и человеке как его творении. В этом отношении Библия действительно является сакральным текстом, светская же литература, как правило, антропоцентрична, в центре — человек с его переживаниями, Библия

направлена на воссоединение Заветов, Ветхого и Нового, единение человека с Богом.

Перевод Библии на национальные языки был обусловлен тем, что нужно было донести до разных народов весть о Христе. Однако эта весть несла с собой еще и заряд агрессии, то есть человек должен был приобщиться к иной культуре. Например, в истории славянских народов христианство насаждалось огнем и мечом. Библия до конца не была понята русским человеком, потому что навязывалась. В сознании русского человека постоянно соперничали две тенденции. С одной стороны, человек воцерковлен, он знает, что такое обряд, как поставить свечку, перекреститься, время атеизма прошло, однако у него разорвано сознание, эстетическая составляющая. И часто человек в поисках этого подтверждения начинает создавать свой мир, привносить дополнительный смысл, который мешает понять истину Священного Писания.

Печальный пример: как церковнославянский язык, преломляя истины, написанные на древнегреческом языке, в сознании людей по-разному воспринимался. В наши дни существует множество переводов Священного Писания на русский язык, более тридцати, и все они так или иначе восходят к первому национальному переводу Библии (так, по крайней мере, пишет профессор К. И. Логачев).

Однако возникает проблема: человек, который читает Библию, переведенную в конце XIX века, понимает, что текст во многом устарел, хотя некоторые места до сих пор понятны. Для того чтобы пояснить, что я имею в виду, хочу привести следующий пример. Молодые люди пришли в церковь венчаться, им зачитывается апостольское послание, а они все воспринимают буквально: чтобы жена как можно скорее родила ребенка. Такие драматичные ситуации свидетельствуют о том, что современный человек далеко не всегда понимает то, что написано в Библии или в книгах, которые на ней основаны, и часто в лучшем случае возникает непонимание, в худшем — это чревато выяснением отношений на уровне церковных людей, религиозного сознания русского человека.

В заключение хочу сказать, что современные переводы иллюстрируют множество примеров следования за Толстым. Вряд ли сейчас найдется переводчик, который на самом деле вернулся бы к начальному смыслу слова, текста, заложенному оригинальными авторами. В настоящее время предпринимаются попытки издать современный перевод Библии, но далеко не всегда эти переводы будут удачными, поэтому время покажет, удастся преодолеть этот конфликт или нет.

Р. Ф. ИЛСОН: — Не говоря уже о том, что понимание текстов Священного Писания профессионально обусловлено, что влияет и на переводческую практику. Английских переводов Библии значительно больше, все они делались с надеждой стать универсальными, для всеобщего использования. Однако иудеи не принимают важнейшую для христиан молитву «Отче наш», поскольку не допускают даже

мысли о столь фамильярном обращении к Богу, само имя которого считают неприемлемым.

С. Р. АБРАМОВ: — Что касается библейских текстов в частности и понимания «сакрального» вообще, то, надеюсь, когда-нибудь мы придем к общему пониманию проблемы. Надежды, о которых говорил Роберт Илсон, не оправдались. Они и не могли оправдаться. Каждый перевод имеет свою целевую конфессиональную аудиторию, не говоря уже об авторских и стиливых особенностях текста. Универсальным он может стать лишь при наличии универсального понимания сакрального, то есть при единой всеобщей религиозной догматике, что заведомо неосуществимо. В каждой религии есть собственное представление об истине, свой свод канонов и догматов. Наивное представление существовало и существует среди наших христиан, которые полагали, что раз Бог

един, то он един для всех, тем самым подменяя онтологическую характеристику гносеологической. Не знаю, охватывает ли это заблуждение и европейцев: что мы все (христиане, иудеи, мусульмане) якобы верим в одного Бога. Я всегда знал, что это не так, что христианский Бог — это Бог-Троица, чему нет места в исламе. То, о чем сказал господин Илсон, подтверждает и невозможность единства между христианством и иудаизмом. Поскольку для христиан фундаментально представление о Боге как отце, а в оригинале Молитвы Господней употребляется не просто слово «отец» (звательный падеж «отче»), а ласковая, уменьшительная, даже интимная арамейская форма «авва» — «папа, папочка», более интимная форма обращения к Богу, что, конечно, выглядит едва ли не кощунством для правоверных иудеев и мусульман.

Заседание нашей секции подошло к концу, надеюсь, что оно было успешным. Спасибо всем за участие!

Секция 6 КУЛЬТУРА И КОММУНИКАЦИИ

17 мая 2013 г. Журналистский клуб (аудитория № 249)

Руководители секции:

В. С. СТЕПИН	руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы телевидения (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова
В. К. МАМОНТОВ	президент ОАО «Редакция газеты “Известия”»
А. А. ДЯТЛОВ	первый заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда»

ДОКЛАДЫ

Е. Г. Борисова¹

«ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВО» КАК АТРИБУТ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

1. Место информации в процессах символического общественного обмена определяется этапом развития культуры, а также уровнем развития средств массовой коммуникации, которые делают их владельца «хозяином дискурса». При этом процесс выбора канала информации и соответствующих сведений определяется не столько личными желаниями аудитории, сколько целенаправленными действиями различных социальных агентов, производящих и транслирующих информацию.

2. В современном обществе характер и мотивация потребления информации являются результатом действия усилий огромной армии профессионалов — от редакторов и верстальщиков до составителей сетки вещания, веб-дизайнеров, специалистов по SEO (продвижению сайтов). Управление вниманием аудитории, принуждение к потреблению рекламной продукции и другой информации является профессиональной задачей рекламистов и специалистов по связям с общественностью. При этом усилия различных социальных агентов направлены на то, чтобы адресат увидел какое-либо сообщение или, напротив, прошел мимо него.

3. В разные исторические эпохи потребление информации и управление этим процессом заметно различаются. В традиционном обществе получение информации «извне» занимало незначительное место в объеме сведений и по большей части было связа-

но с авторитетными источниками и содержанием: это были сакральные сведения (от духовных руководителей, священников) или сведения государственной важности — как от официальных лиц (например, сборщиков налогов, местных властей), так и от своих сородичей, оказавшихся «вне мира» (в солдатах, в городах на отхожих промыслах). Все это позволяло сохранить унаследованную от архаики сакральность слова, стремление к получению информации со стороны адресата (что, впрочем, не отменяло попыток управления потреблением информации, в частности влиянием на то, «милорда глупого» или «Белинского и Гоголя» понесет мужик с базара).

4. В индустриальном обществе расширение каналов коммуникации привело к кардинальной смене роли информации в жизни человека, условий ее потребления и каналов распространения. С одной стороны, человек в городе — в новых для многих условиях — не мог рассчитывать на знания, полученные от предков или из собственного опыта и во все большей степени зависел от получаемой извне, через возникшие и развивающиеся СМИ, информации². С другой стороны, его поведение во многом определялось полученной информацией (реклама, газеты, листовки), и большое количество отправителей (и коммерческих, и политических, общественных государственных) начало конкуренцию за внимание адресата. Коренным образом изменилась ситуация с подачей информации: если раньше адресат искал необходимые сведения, то теперь информация стала навязываться адресату (как и при потреблении

¹ Профессор кафедры массовых коммуникаций Московского городского педагогического университета, доктор филологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. книг: «Алгоритмы воздействия», «Язык общественно-политической коммуникации»; статей «Ассоциативная сеть как основа представления содержания сообщения», «Язык в основе взаимопонимания», “Understanding by Communication” и др.

² Н. Луман утверждал: «Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаем через массмедиа (перевод А. Филиппова) (*Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. 2. erweiterte Auflage. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1996. S. 9.*)»

многих других товаров), а адресат пытался отобрать ту информацию, которая представлялась ему более правдоподобной. Навязывание происходило и технически (массовые доставки тиражей, броские вывески, затем радио через репродукторы), и экономически (более дешевые газеты), и креативно — за счет более изысканных средств привлечения внимания и воздействия на сознание.

5. В России элементы традиционного общества сохраняются и в современной культуре, продолжая сосуществовать с индустриальным (урбанистическим) укладом, что повышает значимость внешнего фактора потребления информации. При этом сознание адресатов меняется в связи с изменяющимися условиями с разной скоростью. В ситуации, когда большая часть населения относится к потреблению информации традиционно, использование разработанных методик приводит к созданию грандиозного информационного шума, обуславливает сложность доступа к нужному. При этом каждому отдельному сообщению, как правило, верят («Ведь в газете напечатано!»), а в целом информация воспринимается настороженно и отчужденно. Формируется новый тип потребителя информации, который декларирует недоверие к источникам: рекламе, телевидению, прессе, но в то же время воспроизводит получаемые сведения как собственные мысли. Это позволяет избежать отказа от лживого источника, что нередко происходит с людьми традиционного склада (как случилось с советской пропагандой, отвергнутой из-за лживости в ряде позиций). Заметим, что привыкший к гедонистическому потреблению информации человек уже вряд ли вернется к традиционной «познавательной» подаче информации: такие способы и такие эпохи начинают восприниматься как «серые», скучные. В потреблении информации, как и во всем потреблении постиндустриального общества, сохраняется ориентация на удовлетворение желаний, что усиливает гедонистическую мотивацию в выборе источников¹.

6. Возникающая конкуренция дает возможность сравнивать информацию из разных источников, что создает иллюзию свободы выбора. Однако в реальности этой возможностью пользуются единицы, поскольку большие объемы не оставляют времени и сил для переработки и сравнения данных из нескольких источников. Кроме того, в потоке информации формируется несколько подпотоков (дискурсов), отличающихся и языком (ср. язык нынешней «Правды» и «Коммерсанта»), и создаваемой картиной мира. Потребитель, как правило, не в состоянии регулярно погружаться в различные миры и выбирает источник, который соответствует его взглядам, иногда даже в ущерб новизне.

7. Управление информацией в постиндустриальном обществе развивает все заложенные в индустриальном обществе тенденции. Развитие Интернета доводит идею свободы доступа к информации до предела (или беспредела): в Сети найдется все, причем для этого не нужно ни специальных знаний, ни дорогостоящих усилий. В то же время при таком обилии источников (несколько миллионов сайтов) потребление информации не может не регулироваться. Причем, поскольку в Сети отражены и реальные СМИ (практически каждая газета, теле- или радиоконпания имеют свой сайт), управление оказывается скоординированным, распространяющимся на все источники одновременно. Средствами управления в Сети оказываются поисковики, которые распределяют информацию, предлагаемую по запросу, определенным способом: или это самые посещаемые (а значит, раскрученные, дорогие) сайты, или само место в списке отдельно проплачивается, то есть подача источника привязана к его финансовой поддержке. Реклама в Интернете оказывается более навязчивой, располагаясь в зоне постоянной видимости пользователя. А контекстная реклама подается определенным пользователям, продемонстрировавшим в Сети свои интересы (через выбор сайтов или запросы при поиске). Наконец, сегодня значительная часть информации потребляется через социальные сети. Это создает возможность формирования определенных общих предпочтений (практически моды) для больших групп пользователей, объединенных в группы. Здесь инструментом является перепост, который может быть как преднамеренным (заинтересованный распространитель входит в группу), так и спровоцированным — размещенным на популярном сайте, содержащем привлекательные мемы.

В результате у потребителя формируется полное ощущение независимости выбора, и в то же время отбор источников информации, а вслед за ним и самой информации умело направляется. Возможность отслеживания этого процесса, а тем более противостояния ему существенно сужается по сравнению с предыдущим этапом, когда разнообразие источников (разные газеты, реклама) создавало определенные возможности для критической оценки предложений, их сравнения. Не последнюю роль играют и гедонистические аспекты, в том числе хороший и дружелюбный интерфейс сайта, что в значительной степени коррелирует с затраченными деньгами. Таким образом, человек постиндустриального общества оказывается в значительной мере погружен в тот виртуальный мир, который создан современными производителями и трансляторами информации, при этом критическое отношение потребителя к сообщению нивелируется иллюзией свободы выбора информации и ее источника.

¹ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.

Е. В. Брызгалина¹КОММУНИКАТИВНЫЙ СТАТУС ОБРАЗОВАНИЯ:
ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Взаимоотношение между коммуникацией и образованием может быть рассмотрено в различных аспектах: образование как рефлексия над коммуникацией (коммуникативистика как учебный курс и образовательно-исследовательское направление; учебные дисциплины и направления подготовки — «Социология коммуникации», «Психология коммуникации», «Межкультурная коммуникация» и ряд других); коммуникация как условие образования (без коммуникативного взаимодействия учителя и ученика нет педагогического результата); коммуникация как результат образования (образование как формирование коммуникативной компетентности индивида); образование и коммуникация как способы ответа на вызовы культуры и социума (критерии оценивания повседневных практик образования и коммуникации с позиции адекватности ответов на вызовы); совпадение процесса образования и коммуникации (образование в целом есть коммуникативная практика). Возможны и иные варианты.

В последнее время идея рассмотрения образования и коммуникации как тождественных процессов привлекает внимание исследователей. В литературе появляются высказывания о том, что современное образование претерпевает «коммуникативный поворот»². В актуальной культурной обстановке возможно выделить ряд условий для вывода о «коммуникативном повороте» в образовании: онтологические (все культурные предметы начинают рассматриваться как коммуникативные структуры, реальность представляется как результат культурного производства и получает коммуникативную трактовку); эпистемологические (коммуникация генерирует значения и образцы интерпретации мира, социума, самого человека); аксиологические (коммуникация становится самоценной, не требующей обязательного обращения к оценке ее содержательной стороны); инструментальные (механизм коммуникации распространяется на все виды социального воспроизводства, в том числе на воспроизводство человека, существенно его трансформируя). «Коммуникативный поворот» нацеливает на анализ образовательных практик как коммуникативных ситуаций. Значимость такого подхода определяется тем, что для субъектов образования границы ситуации, ожидания от сторон участников, субъективные переживания ситуации оказываются особыми объектами анализа. Тем самым образовательная практика для субъектов, вовлеченных в нее, дает инструмент личностного развития через

рефлексию над коммуникативными особенностями образовательных ситуаций.

Рассмотрение образовательных практик как коммуникативных ситуаций позволяет сделать акцент на их локальности, более четко отграничить влияние тенденций прошлого на настоящее или проявление в настоящем трендов будущего, выявить ключевые параметры детерминации коммуникативного поведения субъектов образования культурными традициями или моделями будущего. Образование и коммуникация могут быть рассмотрены как подчиняющиеся существующим социокультурным отношениям; в этом случае акцентированное внимание будет уделено преемственности норм и трансляции культурных стереотипов, ролей и традиций. Но возможно их рассмотрение с позиции не сегодняшнего дня, а из точки некоего идеала, хотя идеалы будущего общественного устройства весьма трудно определимы как по объективным, так и по субъективным причинам. Однако можно утверждать, что при оценке коммуникации и образования исходя из некоего, пусть и абстрактно заданного, понимания будущего сегодняшние образовательные и коммуникационные практики будут рассматриваться с позиции потенциала их инновационности в создании образов и форм будущего. Они могут быть рассмотрены как факторы и источники генерации культуры будущего. Таким образом, коммуникативный статус образования зависит от избранных определений и средств анализа. Образовательная коммуникативная ситуация оказывается собранием культурных и социальных смыслов, носящих внеситуативный характер и относящихся частью к прошлому, частью к будущему. Это проекция социальных отношений (имеющихся в наличии или желаемых), а не только прямое влияние локального микроокружения и ограниченного культурного контекста.

Коммуникативистика как наука об особенностях различного рода взаимодействий внутри социальных (человеческих) систем³, как известно, исходит изсылки о том, что невозможно разделить суждение и собственно предмет суждения, понимание и интерпретацию, суждение и коммуникативное действие. Для коммуникативистики сама реальность возникает (конструируется) в постоянно производимых процессах интерпретации. Вне коммуникативной ситуации (вне поля интерпретации) предмет суждения отсутствует. Коммуникативистика тем самым дает иное понимание классических для гуманитарного знания понятий, таких как «личность», «культура», «смысл», «значение» и т. д. Разнообразие интерпретаций и их конфликты тогда оказываются связанными не с личными позициями субъектов, а с самой сущностью культуры, а социальные трансформации соотнобразовываются с изменениями структуры коммуникативных процессов.

Акцент на коммуникативный характер образования требует рассматривать внутренние процессы

¹ Заведующая кафедрой философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Индивидуальность: стратегия поиска», «Концепции современного естествознания», «История биологии как смена парадигмального знания», «Индивидуальность человека» и др.

² Например: «Коммуникативный поворот» современного образования: сб. науч. ст. Минск, 2004; Коммуникация и образование: сб. ст. / под ред. С. И. Дудника. СПб., 2004; Коммуникативные практики в современном обществе: сб. ст. / под ред. В. В. Васильковой, И. Д. Демидовой. СПб., 2008.

³ Гойхман О. Я. Коммуникативистика в современном обществе // Современная коммуникативистика. 2012. № 1. С. 4–8.

в образовании как опосредованные внешними проявлениями социального взаимодействия, требованиями социальных ролей. Тогда образование как коммуникативная практика трактуется как направленная на достижение социально измеряемого результата, а не как ориентированная на индивидуализацию человека, его бытия. Это создает условия для оценки эффективности образования и как процесса, и как результата, и как системы образовательных учреждений не на основании анализа содержания образовательных практик, а путем их инструментального или процессуального оформления. Если обратиться к анализу направлений реформирования национальных образовательных систем, то внимание к внешним формальным атрибутам образования, их масштабирование под некие образцы (например, Болонский процесс с унифицирующими требованиями к национальным рамкам квалификаций, структуре компетенций, кредитно-модульной модели образования и прочим рамочным моментам) превалируют над содержательным изменением образования.

В коммуникативных образовательных ситуациях находит отражение противоречие между требованиями социума и культуры как целостных и динамичных систем, с одной стороны, и индивидуальными представлениями субъектов образования о целях и задачах коммуникативного взаимодействия в культурной среде — с другой. Сегодня для обучающегося субъекта образование все чаще выступает как способ достижения коммуникативной компетентности. В образовании значимым становится получение не знаний и навыков, скоррелированных с устоявшейся социальной реальностью, а компетенций, связанных с возможностью получения и обработки информации в быстро меняющихся условиях, генерации новых инновационных смыслов в ситуации неопределенности и личного выбора. Быстрое устаревание научных знаний как базиса образования, стремительные трансформации социального взаимодействия меняют смысл образования для индивида в направлении всевозрастающей прагматизации оценок. Это проявляется в том числе в трактовке результата образования как достижения коммуникативной компетентности, без прямой связи с содержанием образования. Овладение знанием ради практического применения все больше приводит к тому, что знание утрачивает статус самооценности, безотносительной к утилитарному приложению. Знание объявляется ценным только при наличии возможности его непосредственного использования и достижения практического результата. Если обучающийся приобретает некоторый товар — образование, то его рыночная стоимость определяется для него тем, как его можно продать на рынке труда; возникает вопрос о целесообразности трат за невостребованное знание (причем под тратами может подразумеваться как прямой денежный эквивалент, так и собственные усилия, затраченные обучающимся). В статус такого невостребованного знания для лица, получающего естественно-научное или инженерное образование, попадает гуманитарный компонент, обеспечивающий целостность картины мира. Для представителя социогуманитарного направления подготовки аналогичное отношение наблюдается к пролонгирован-

ному в высшей школе изучению естественно-научных дисциплин. Критерием успешности образования становятся не систематичность и фундаментальность усвоенных знаний, а прагматические возможности применения освоенных коммуникативных практик, причем их прямая связь с содержанием полученного образования не подразумевается. «Целью образования становится не стремление к сохранению информации, культурной памяти, а намерение изменить имеющуюся культурную память, подготовить субъекта к принятию решений в условиях неопределенного будущего и неполноты информации»¹.

Акцентированное внимание к коммуникативной компетентности в ущерб содержательной стороне образования проявляется и в антифундаментализации. Высокое качество образования традиционно связывали с последовательным и систематическим изучением как профильных прикладных, так и фундаментальных гуманитарных и естественно-научных предметов. В ходе нынешних реформационных процессов глобальным вопросам и теориям отводятся роли второго плана, даже относительно собственно научных теорий возникает дискуссия об их месте в образовании. Одно понимание фундаментального образования связывает его с более углубленной подготовкой по заданному направлению, изучением сложного круга вопросов по основополагающим проблемам избранной сферы, которое требуется не каждому работающему в конкретной области («образование вглубь»). Другое понимание фундаментального образования требует сочетания гуманитарного и естественно-научного знания на основе изучения широкого круга вопросов («образование вширь»). Фундаментальное образование должно строиться на базе сочетания естественно-научных и гуманитарных знаний, диалога двух культур. Это требование обусловлено тем, что полученное прикладное образование быстро устаревает в силу стремительных темпов экономических и социальных изменений. Кроме этого, в разрешении возникающих в профессиональной деятельности социально-этических проблем важна та целостная картина, которая складывается именно в результате полноценного системного образования. Но достижение задачи гармонического соединения в современном образовании сталкивается с существенными сложностями.

В современных условиях существенно повышается роль неформального образования, это еще один шаг на пути отхода от трактовки образования как процесса передачи знаний и культурных традиций в сторону отождествления понятий «коммуникация» и «образование». Ключевые понятия, создающие ценностную структуру личного восприятия, все чаще формируются спонтанно, в результате восприятия случайных впечатлений, воздействия СМИ, общения в малой группе, включенности в молодежные неформальные объединения. Ценностный ряд этих коммуникативных ситуаций и институтов неформального образования коренным образом отличается от тех, что сформулированы в образовательных стандартах формального

¹ Брызгалова Е. В., Прохода В. А. О критериях оценки педагогической деятельности преподавателя в контексте управления качеством образования // Вестник Московского университета. Сер. 7 «Философия». 2012. № 6. С. 47.

образования. Легкость их усвоения, эмоциональная насыщенность, простота и доступность неформальных коммуникативных ситуаций приводят к тому, что образование как институционально оформленная сфера теряет центральное место в культуре, снижается его социализирующая функция для конкретного индивида.

Таким образом, если в современных исследованиях образования становится возможным говорить о коммуникативном повороте, то сам термин «коммуникативный поворот» отражает концептуализацию установления правил понимания и определения образовательной реальности.

Ю. Д. Гранин¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОГО ГЛОБАЛИЗМА

В современной литературе часто смешиваются понятия «глобализация» и «глобализм». Одной из причин этого смешения является принадлежность авторов, использующих эти понятия, к разным дисциплинам и междисциплинарным парадигмам исследования. Преодолеть этот плюрализм интерпретаций можно за счет выхода в сферу трансдисциплинарных исследований — классической социальной философии, и шире — философии истории².

В этом социально-философском контексте глобализацию продуктивно интерпретировать как начавшуюся несколько тысячелетий назад *мега-тенденцию к поэтапному объединению цивилизационно, экономически, культурно, политически и иначе разделенного человечества в потенциально возможную глобальную (планетарную) общность, осуществляющуюся* в череде многих попыток и *на основе разных цивилизационных моделей развития*. Историческими субъектами глобализации на протяжении многих столетий выступали империи древности, Нового и Новейшего времени, претензии которых на мировое политическое, экономическое и культурное господство (глобализм) раз за разом наталкивались на сопротивление народов иной цивилизационной принадлежности.

Наиболее успешной и все еще незавершенной оказалась евроатлантическая форма глобализации человечества. В течение последних трех столетий ее основные субъекты — Голландия, Великобритания, Франция, Германия и США — последовательно создавали новый «глобальный порядок» за счет навязывания евро-атлантической модели развития своим колониям и сателлитам.

Сейчас евро-атлантический глобализм сместился в плоскость «символического насилия», характерной чертой которого стало формирование массовой мульт-

тикультурной среды существования (глобальной массовой культуры), появление и распространение которой вызвано действием институтов нелиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти. Этот вопрос заслуживает отдельного обсуждения.

От современной культурной мозаики рябит в глазах. Попадая в пространство Интернета, других СМИ, в кинотеатры и театры, концерты и супермаркеты, удивляешься многообразию и эстетическому плюрализму предлагаемых культурных блюд. Здесь, как в слоеном пироге, мы можем встретить причудливые смешения стилей и товаров из разных стран мира, пласты внациональной глобальной культуры, гибридные формы и вновь актуализированные локальные. Не следует, однако, забывать, что большая часть производства продуктов культуры подчинена логике рынка. А потому современная мультикультурная среда — вовсе не пространство свободы. При всем своем разнообразии она является пространством управляемого потребления, контролируется ТНК, рыночным стратегиям которых плюральность культурной среды вполне соответствует.

В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях нелиберальной глобализации исследователи называют «экзотизацию» специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что нелиберальный «плюралистический» мультикультурализм создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире.

Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментации культуры гражданская и культурная идентификация осуществляются через потребление. Принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современной стадии глобализации, заключается в том, что она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде «специфическую» идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с «конвейера», поставлена на поток. В итоге множественность самоидентификаций (религиозная, этническая и др.) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор около 120 научных публикаций, в т. ч. монографии «Глобализация и национализм: история и современность. Социально-философский анализ», статей «Человек в поисках идентичности: вопросы и ответы», «Глобальное гражданство» или «глобальный этос»?», «Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим», «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма», «Формирование российской нации» и др.

² Теоретические представления которых о сущностных характеристиках истории человечества являются базовыми, образуя метафизические основания дисциплинарных и междисциплинарных социальных, исторических и гуманитарных исследований.

индивидуализированную массу. «Массовая культура» так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, формирующий новую идентичность глобального потребителя, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того «изготовленная», мера своеобразия. Экономическая борьба становится все в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации.

Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения этих моделей потребителем и роста прибыли. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни. В результате социокультурное развитие человечества сегодня предстает как противостояние транскультурной идентичности и идентичностей этнокультурных и гражданских, имеющих привязку к национальному государству.

В этих условиях национальные культуры, по-прежнему, остаются мощным фактором мирового развития. Это не просто мультикультурализм, а позитивное многообразие. И здесь велико значение национального государства, которое должно не только оборонять свою идентичность от масскультурной экспансии, но и способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своеобразия и самобытности. Отсюда важность культурной политики национального государства, по крайней мере в отношении элитных образцов, символов национальной культуры. Зрелые национально-культурные идентичности приобретают непреходящую ценность в глобальном мире.

Пока символическому насилию евро-атлантической формы глобализации наиболее успешно противостоит «китайско-конфуцианская» цивилизация, сочетающая

традиции и современность для сохранения национальной идентичности. Метанарратив, который окончательно примиряет традицию и западную «современность» в данном культурном ареале, — «это, безусловно, идея национального успеха — не марксизм-маоизм и не либеральная демократия, а именно такая специфичная форма национализма послужила залогом того, что традиционные и современные институты достаточно гармонично работают в одном направлении»¹.

На этом фоне перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор «западников» и «славянофилов», но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Евро-атлантические ценности и институты в массовом сознании остаются чем-то обязательным и условным, а собственные традиции в ряде случаев сведены к этнографически-рудиментарному состоянию. В настоящее время они реально объединены по принципу «абсурдной дополнительности», а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть. Если массовая культура современной Японии представляет собой «кентаврическое образование», в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе. В итоге символическая система общества — общества с размытой национальной идентичностью — оказывается уязвимой в настоящих и грядущих культурных сражениях стремительно глобализирующегося мира. Вызывает тревогу и то, что «российская культура-цивилизация вступает в эти сражения по сути символически обезоруженной, с “голыми руками” и в своей деконструированной незащитной “телесности”» (А. С. Панарин). Шансы такого символически «разоблаченного» общества перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными.

Т. В. Ефимова²

ИНТЕРНЕТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ И ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В процессах создания, сохранения, распространения, функционирования культуры трудно переоценить значение коммуникации. Как убедительно показал М. Маклюэн, а впоследствии М. Кастельс, именно изменения в средствах коммуникации, прогресс соответствующих технологий оказывают глубокое непо-

¹ Кармадонов О. А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 38.

² Заместитель декана факультета конфликтологии СПбГУП по научной работе, доцент кафедры социально-культурных технологий, кандидат культурологии. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Влияние Интернета на потребление современной молодежью традиционных средств массовой информации», «Мультикультурализм как теория и социальная практика в контексте глобализационного процесса» (в соавт.), «Некоторые аспекты влияния Интернета на традиционные социальные институты», «Социальные сети как перспективное пространство рекламных и PR-коммуникаций туристского предприятия» (в соавт.), «Социально-психологические особенности общения в Интернете» и др.

средственное влияние на темпы и вектор культурных процессов, диалог культур, формы инкультурации личности, на культуру в целом.

Интернет по праву можно считать одним из самых крупных явлений в культуре конца XX — начала XXI века. Он принципиальным образом повлиял на экономику, науку, образование, стал важным фактором межличностной коммуникации, политических и других процессов в современном обществе.

Можно с полным основанием утверждать, что Интернет — это принципиально новый социокультурный институт. Основаниями для такого утверждения выступают следующие аргументы.

Во-первых, Интернет отвечает одному из важнейших критериев социального института — это удовлетворение устойчивой социальной потребности за счет

реальных функций, которые он выполняет. Эти функции весьма многообразны. Среди них ведущей является именно коммуникативная, через которую реализуются и другие функции, такие как содействие упрочению социальных отношений за счет трансляции во все слои общества информационных моделей поведения и деятельности в экономической, политической, культурной и иных сферах.

Во-вторых, как и другие традиционные социальные институты, Интернет воздействует на личность, социальную группу, общество в целом, формирует сходное поведение людей в конкретных типовых ситуациях, открывает возможности для согласования между членами социума интересов и потребностей, корректировки способов удовлетворения этих потребностей. Тем самым объективно Интернет, как и другие социальные институты, обеспечивает стабильность общественной системы как целостного образования.

В-третьих, для социального института на определенной стадии зрелости важным является его внешнее, организационное оформление. В настоящее время в структуре Интернета можно четко выделить:

а) ISOC, Internet Society. Это организация, определяющая направления развития Интернета и формы содействия глобальному информационному обмену на основе Всемирной сети. В рамках ISOC действуют IAB (Internet Architecture Board), который отвечает за техническое руководство и ориентацию Интернета, а также утверждает правила, по которым каждому компьютеру присваиваются уникальные адреса в Сети;

б) консорциум WWW, координирующий деятельность различных исследовательских учреждений, по совершенствованию технологий World Wide Web;

в) организации, регистрирующие доменные имена в каждой стране;

г) национальные отдельные компьютерные сети, входящие в состав Интернета;

д) провайдеры Интернета — юридические лица, обеспечивающие доступ пользователей к сети Интернета;

е) пользователи Интернета, которых сегодня в мире насчитывается примерно 2,27 млрд человек¹. Следует отметить, что эта система характеризуется имперсональностью. Иными словами, социальные отношения в ней прямо не зависят от личностей, вступающих в эти отношения.

В-четвертых, Интернет как социальный институт имеет традиционные для других институтов прагматические, инструментальные функции. В то же время он обладает еще одной — уникальной — функцией, которую можно обозначить как интеграционную. Эта функция реализуется в целом ряде аспектов, таких как:

а) социализация. Благодаря Интернету личность намного быстрее и эффективнее интериоризирует знания о существующих в социуме и его отдельных структурах нормах, ценностях, моделях поведения. Благодаря Интернету человек адаптируется к социальной среде и миру в целом, органично включается в общество;

¹ Количество пользователей Интернета в мире превысило 2,2 млрд. URL: <http://korrespondent.net/business/web/1343686-kolichestvo-polzovatelej-interneta-v-mire-prevysilo-22-mlrd/> (дата обращения: 25.03.2013).

б) содействие прогрессу. Интернет как инновация, благодаря которой другие инновации активно входят в жизнь человека и общества. Интернет не только распространяет инновации, но и активно готовит сознание различных слоев и групп населения к предстоящим изменениям, не только снимая защитный барьер перед переменами, который имеется в сознании, но и формируя желание приблизить эти инновации.

в) воздействие на интеграцию общества. Интернет обладает огромными ресурсами в области трансляции на различные аудитории текстов культуры, моделей поведения. Тем самым в обществе формируется основа для повышения солидарности на основе единых ценностей и норм. Одновременно Интернет способствует преодолению социальной дифференциации, создает собственный социальный мир, в котором основными стратообразующими критериями начинают выступать интересы тех или иных людей, на основе которых интегрируются старые и молодые, богатые и бедные, представители различных этносов и т. д.

Влияние Интернета на современную культуру весьма глубоко и разнообразно. Диалог культур, который имел место на всех этапах развития человечества, благодаря сети Интернет приобрел невиданные прежде масштабы и темпы. Интернет легко преодолевает национальные границы, нивелирует языковые барьеры, интегрирует различные формы, виды, жанры художественной культуры. В частности, Интернет внес в художественную культуру такие новые аспекты, как мультимедийность, интерактивность и гипертекстуальность. Мультимедийность создает ряд возможностей сочетать различные виды представления аудио-, видео-, текстовой информации. Интерактивность предполагает активное взаимодействие между субъектами коммуникации в системах «автор—читатель», «исполнитель—слушатель (зритель)» на основе обратной связи и часто — в режиме реального времени. Гипертекстуальность (гипертекст) позволяет участнику коммуникации самостоятельно определять уровень глубины получаемой информации, степень ее детализации, то есть «создавать децентрализованную систему, точка фокусировки которой зависит от читателя... Каждый, кто использует гипертекст, делает свой собственный интерес организующим принципом (или центром) поиска информации в каждый момент времени»².

Иными словами, в новой культуре, которая часто называется «интернет-культурой», у каждого человека возникают условия для того, чтобы не только потреблять продукты культуры, но и активно влиять на процессы их создания, сохранения, распространения. В отличие от культуры предшествовавшего возникновению Интернета периода, тяготеющей к монологическому взаимодействию с аудиторией, возникают диалогическая и полилогическая культуры. Это в подлинном смысле слова культура глобального диалога, культура пространства активного формирования социальных связей.

Интернет — это фактор возникновения, развития и функционирования культуры глобального диалога, где реализуется широкий спектр возможностей для

² Landow George P. *Hyper/Text Theory*. Baltimore ; L., 1994. Цит. по: Сухов В. Интернет-СМИ Рунета: системные характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

каждого индивида высказаться, присоединить свой голос к голосам единомышленников, обратиться в полном смысле «к городу и миру». Сеть обеспечивает новый уровень причастности индивида актуальным событиям, явлениям, миру в целом, расширяет возможности личности, социальной группы, иной общности не только получать актуальную информацию, но и оказывать влияние на те или иные события и процессы через организацию коллективных действий.

Необходимо также отметить, что благодаря своему коммуникативному потенциалу Интернет существенно видоизменяет формы и другие параметры инкультурации личности. Находясь во Всемирной сети, человек получает практически неограниченные возможности для знакомства с сокровищами мировой и отечественной культуры, виртуального посещения любых

музеев, картинных галерей, различных уникальных природных объектов, мест, имеющих культурно-историческое значение, и т. д.

Подводя итоги, отметим, что влияние Интернета на культуру, несмотря на интенсивные исследования, пока изучено явно недостаточно. Имеются многочисленные факты не только позитивного, но и негативного влияния Сети на культуру. Это касается деформации языка, создания виртуальных сообществ деструктивной направленности, расширения влияния асоциальных элементов, контркультур и т. д. Представляется, что консолидация усилий как ученых различных стран в изучении влияния Интернета на культуру, так и государственных и общественных организаций по регулированию этого влияния сохранят актуальность еще длительное время.

Ю. П. Зинченко¹

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТСТВА В СИСТЕМЕ ВЗРОСЛЫХ ЦЕННОСТЕЙ И КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Современное развитие общества принято идентифицировать как переходный этап от индустриального общества, основными ценностями которого являются накопление капитала производства и потребление товаров и природных ресурсов, к информационному обществу, в котором цивилизационное развитие обусловливается рефлексией коллективного человеческого разума на основе коммуникативно-информационных технологий роли гармонии между комфортом и благополучием человека и сохранением биосферы как главной ценности человеческой цивилизации². Этот процесс сопровождается сменой ценностно-смысловой парадигмы развития культуры. Общество, основанное на знаниях, рассматривается как высшая цель эво-

¹ Декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «Методологические проблемы психологии безопасности. Личность, общество, государство», «Основы безопасности личности и общества», «Макропсихологические аспекты безопасности России», «Информационная и психологическая безопасность в СМИ», «Психология корпоративной безопасности», «Человек как субъект и объект медиапсихологии», «Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками в обществе риска», «Современный образ России: перспективы развития», «Психология виртуальной реальности», «Психология спорта», «Психосоматика: телесность и культура», «Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода».

Главный редактор журналов «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология», «Российский психологический журнал», «Национальный психологический журнал», «Psychology in Russia». Президент Российского психологического общества, председатель Совета по психологии УМО РФ по классическому университетскому образованию, заместитель председателя Экспертного совета по психологии и педагогике ВАК РФ, член Президиума Международного союза психологических наук (IUPsyS) при ЮНЕСКО. Лауреат Премии Правительства РФ в области образования.

² Тоффлер А. Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 1999.

люции современного общества³. Согласно межправительственной программе ЮНЕСКО «Информация для всех»⁴ происходит смена ценностной установки на информацию. Если раньше проблема доступа к информации трактовалась как технологическая и экономическая, то в настоящее время она трактуется как гуманитарная, социальная и политическая. Планируется разработка международной информационной политики, ориентированной на развитие интеллектуальных ресурсов человека, его творческого потенциала, информационной культуры личности на основе свободного и эффективного доступа к информации. Приоритетными ценностями становятся свобода информационных потоков, свободный доступ к информации и информационное разнообразие. Однако свобода без введения стандартов социальной ответственности в систему ценностей субъектов информационного взаимодействия приводит к тому, что современное информационное пространство изобилует антикультурным информационным контентом, представляющим угрозу для здоровья и жизнедеятельности большинства людей, включая детей. Это может привести к межпоколенческому разрыву в передаче культурных ценностей и смыслов.

2. Социальная ситуация развития в современном информационном обществе характеризуется рядом особенностей, порождающих социальные риски утраты эффективности институтов социализации, процессы формирования устойчивой иерархии смысловых образований личности. Прежде всего к ним относится социальная аномия — исчезновение/размывание одной ценностной системы общества при несформированности другой. Ценностный межпоколенческий разрыв,

³ Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.

⁴ Программа ЮНЕСКО «Информация для всех». URL: <http://www.ufap.ru>

риски утраты преемственности на протяжении последних 20 лет составляют угрозу развития личности. Высокая социальная неопределенность, «социальная текучесть» общества определяет трудности профессионального, жизненного и личностного самоопределения и обретения идентичности у большинства современных детей. При этом информационная среда становится одним из важнейших институтов социализации нового поколения наряду с институтом семьи и школы, в определенной мере замещая традиционно сложившиеся формы социализации. Агрессивность ряда информационных каналов в навязывании амбивалентных идеалов, личностных выборов, решений и способов действий детям и подросткам, манипуляция сознанием, порождающая низкий уровень психологической безопасности, трудности личностного развития ребенка, утрата чувства «необратимости жизни», клиповое сознание — вот далеко не полный перечень проблем, порождаемых недобросовестностью некоторых производителей различных видов информационной продукции, которые ссылаются на приоритет ценностей, связанных со свободой информационных потоков. Нередко под этими ценностями подразумевается свобода распространения негативного контента, включающего порнографические сайты, демонстрацию маргинального стиля жизни, экстремальных переживаний, связанных с удовлетворением базовых потребностей, различных видов насилия.

Психологией накоплен большой опыт исследований, посвященных влиянию негативных смысловых установок на здоровье, психическое состояние и поведение детей и подростков. Наибольшее количество исследований посвящено влиянию сцен насилия на агрессивное поведение детей. Одним из серьезных последствий постоянного наблюдения детьми сцен насилия является формирование отношения к нему как к норме поведения. Дети становятся бесчувственными, не способными переживать чужую боль и легко применяют насилие в своих играх.

Шесть крупнейших профессиональных объединений (Американская академия педиатрии, Американская академия психиатрии детей и подростков, Американская ассоциация психологов, Американская медицинская ассоциация, Американская академия семейных врачей и Американская ассоциация психиатров) предупреждают о негативных эффектах воздействия медианасилия на детей. У детей увеличиваются проявления антисоциального и агрессивного поведения, они становятся менее чувствительными к насилию и к лицам, страдающим от насилия. Вместе с тем дети боятся стать жертвой насилия и при этом стремятся видеть больше насилия в развлечениях и в реальной жизни. Более того, дети начинают

рассматривать насилие как допустимое средство разрешения конфликтов.

Если насилие совершается харизматическим или привлекательным персонажем, с которым ребенок идентифицирует себя, и он при этом успешен, воздействие насилия становится еще больше.

Особое значение имеют риски социализации, определяющие взаимодействие детей и подростков с Интернетом. В частности, к таким рискам можно отнести следующие: столкновение с недостоверной, опасной, противоправной информацией, способной сформировать искаженную систему ценностей, негативное влияние на развитие личности, возможность интернет-зависимости, отрицательное влияние на психическое здоровье, вред для физического здоровья, девальвацию нравственно-этических ценностей, вытеснение и ограничение традиционных форм общения. В связи с этим мы можем говорить о возникновении новой социальной ситуации развития личности ребенка, в которой важнейшей координатой становятся ценностно-смысловые содержания информационно-коммуникационных технологий, и в первую очередь Интернета.

3. Вместе с тем было бы абсолютно ошибочным игнорировать новые возможности информационных технологий, в первую очередь Интернета, которые значительно расширяют зону ближайшего развития ребенка. Модернизация системы общего и дошкольного образования предполагает изменение образовательной парадигмы от приоритета задач усвоения знаний, умений, навыков к развитию ценностно-смысловой сферы личности. Решение указанной задачи может быть успешно реализовано посредством создания образовательной развивающей информационной среды на основе широкого диапазона информационных и образовательных ресурсов и возможностей сети Интернет, СМИ, видов печатной продукции и др. В этих условиях развитие медиакомпетентности детей и подростков, формирование информационной культуры, обеспечивающей возможности целенаправленного, разумного и адекватного использования информационных ресурсов, становится ключевой задачей медиаобразования. Становление общества знаний, основанного на сетевых технологиях, порождает новые формы социального взаимодействия и интеграции в пространстве социальных практик и активной деятельности детей и молодежи.

Позитивными ключевыми функциями информационной среды в социализации ребенка являются: введение ребенка в мир культуры; трансляция социальных ценностей, задач, смыслов, норм и правил; ориентация ребенка в системе социальных и межличностных ролей и отношений; формирование информационной культуры, обеспечение ребенку переживания чувства принятия и безопасности.

М. И. Козьякова¹

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ДИСКУРСА

Культура как глобальный феномен, в котором разворачивается история человечества, обладает особой универсальностью. Идеи системности, целостности, динамики необходимы при рассмотрении различных сторон этого поистине бесконечного дискурса. Реалии природных и социальных явлений, с которыми сталкивается человек, осваиваются и перерабатываются им посредством коммуникационного инструментария, в том числе языка. При этом они нагружаются теми или иными ценностными коннотациями, обретают собственное существование в качестве норм и правил, традиций и обычаев. Культурная семантика значений и оценок, смыслов и концептов сопровождает различные стороны человеческого бытия, становясь неотделимой от них.

Специфику современного этапа развития пытается уловить постнеклассическая методология, используя неопределенностный подход, распространяя его на широкий круг явлений. В то же время в исследованиях философов, культурологов, социологов отсутствует консенсус относительно содержательных характеристик постиндустриальной эпохи. Чаще всего общество определяется как информационное, а современный мир — как глобализирующийся (так, XVI Всемирный социологический конгресс был посвящен качеству социального существования в глобализирующемся мире)².

Концепт единого, целостного, взаимосвязанного мира принадлежит концу XX века, как и сама дефиниция. Интеграционные процессы, рассматриваемые как межкультурное, трансграничное взаимодействие, сформировали европейскую культурную модель так называемого «универсального образа жизни» (Д. Нэсбитт, П. Эбурдин), позднее — атлантическую, при всем различии европейских и североамериканских культурных особенностей. Доминирующая североатлантическая либо европейская модели предлагают остальному миру в качестве образца собственную систему ценностей, стереотипы образа жизни. Изменения затрагивают не только системы и структуры общества, но и личностные диспозиции, включая ментальность, социальные практики, образцы поведения людей.

Западное общество номинируется не только как информационное, но также как потребительское или досуговое. В соответствии с этим креативные точки семантики находятся на пересечении сфер информации, потребления и досуга. Первое место в этом ряду по праву принадлежит информации, хотя представления о новой информационной эпохе как о вступле-

нии человечества в «осевое время» господства знания (М. Маклюэн)³ в полной мере не оправдали себя. Информация и знание отнюдь не тождественные понятия, и общество знания, как стало ясно теперь, — дело будущего, возможно, весьма отдаленного. Тем не менее информация и сейчас играет важнейшую роль: в развитых странах она становится основным структурообразующим элементом социума, определяет качество жизни, перспективы экономического и социального развития⁴. Информационные сети, охватывающие огромные территории, делают возможным ее регулярный сбор, обмен, передачу на дальние расстояния. Формируется новая ментальность человека постиндустриальной эпохи: сознание привыкает к регулярному поступлению информации, у населения возникает своеобразная зависимость — потребность в получении новостей.

Социальные связи все более определяются и опосредуются информационными. «Жить в обществе», быть включенным в общественную жизнь означает практику регулярного подключения к информационным потокам, потребления (то есть восприятия, усвоения, использования) проходящей по ним информации. Информационное потребление в известной степени пассивно, но статус потребителя меняется кардинально — автономный субъект становится объектом воздействия информационных технологий, помещающих его в пространство массовой культуры.

Сырой поток реальности, пропущенный через массмедийные каналы, так или иначе вербализуется и оценивается. Он подвергается кодированию, проходит селекционную обработку, ранжируется определенным образом. Средства массовой информации создают собственный продукт — мифологемы и мифы массовой культуры, активно внедряемые в сознание реципиента. «Массмедиа», так же как и реклама, обладают специфическим, вне- или алогичным типом воздействия: «не логика тезиса и доказательства, но логика легенды и вовлеченность в нее» (Ж. Бодрийяр). Такая ситуация создает условия для информационно-ценностного взаимодействия. Определенные социальные группы получают возможности транслировать образцы субкультурного опыта в пространство массовой культуры. Модели и знаки реального мира заслоняют собой репрезентируемый объект, отделяются от него. Они обретают собственную жизнь, зачастую слабо соотносящуюся с породившим его объектом. Новый универсум коммуникаций наполняет виртуальное пространство фантомами, получившими название симулякров.

Информационные структуры играют особую роль в формировании языка повседневности, «искусственного фольклора» (К. Брук-Роуз), становящегося важнейшим атрибутом массовой культуры. Для «новояза» характерны стертые выражения, клише, банальности. Тем не менее он является наиболее востребованным

¹ Профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Эстетика повседневности», «История. Культура. Повседневность»; статей «Постмодерн и повседневность», «Культура и миф: прощание с модерном», «Наука и искусство XX века: между логосом и мифом», «Модернизация, культура, этнокультурный диалог как исторический опыт России», «Красное» и др.

² XVI World Congress of Sociology. The Quality of Social Existence in a Globalizing World. Durban. South Africa. 2006.

³ Маклюэн М. Средство само есть содержание / Информационное общество. М., 2004. С. 347.

⁴ Martin W. The Information Society. L., 1988. P. 42.

коммуникативным кодом, вербализующим смысл и значения постиндустриальных реалий. В нем много элементов, принадлежащих современной компьютерной лексике: матрица, блогер, загрузка, сайты и т. п.

Потребительское общество в глобализирующемся мире меняет свои субстанциональные характеристики. Производство, присущее современности, создает специфический тип потребления. Выпуская большие массы легко тиражируемой, однотипной и однородной продукции, оно требует адекватности субъекта и потому рождает потребность на серийно воспроизводимые вещи, на определенный набор благ. Новая парадигма, входящая в дискурсивное поле культуры, устанавливает равнозначность и равноправие всех конструктивных элементов. В отсутствие иных критериев господствуют дух и практика «нонселекции» (Д. Фоккем). Она создает эфемерное равенство между вещами и предметами, идеями и теориями — разница заключается только в цене. Ценность превращается в цену.

Формируются особые механизмы раскручивания гонки потребления и среди них — престижность, успех, редуцируемый к главному принципу — «Потреблять больше и лучше!» В известной степени потребление, на котором зиждется вся система западной культуры, есть «тотально идеалистическая практика» (Ж. Бодрийяр)¹ и, однако, она — одна из основополагающих практик современности. Символический обмен не имеет пределов, так как ориентируется на внешние, показательные номинации, поддержание имиджа и декора. Потребляемые вещи, предметы, услуги обретают особую символическую ценность. Символы, маркируемые брендами, отражают аксиологическую иерархию этого мира — статуса, престижа, благополучия.

Эпоха всеобщей консьюмеризации порождает мифологему «нового гуманизма». Мораль делает знакомым сам факт потребления, снабжая его позитивными коннотациями. Тратить деньги, пользоваться разнообразными благами, обладать вещами — нравственно! Общество одобряет и поддерживает эти действия, они становятся синонимом успеха. И, напротив, уходит в прошлое быллой стереотип ригоризма, скромности и самоограничения, осуждения вещиизма. Вместе с ним уходит и примат идейно-духовного, его верховенство над «низменной» материей.

В рамках общества потребления чрезвычайно усиливается роль посредников, в лице которых выступают мода и реклама. Они во многом определяют потребительские мотивации — большинство потребностей формируется под их воздействием, через внушение и манипуляцию. Рекламная привлекательность, ее соблазн диктуют «стратегию желания», опосредуя бытовое поведение масс. Потребление, обслуживаемое рекламой, объединяет и структурирует общество, оно обладает достаточно тонкими механизмами, подключающими индивидов из разных социальных групп к единому целому. Формально наделенная задачей информировать потребителя о свойствах товара, реклама, а также мода выходят далеко за рамки узкой функциональности. Они конструируют мифологическую, условную реальность, ценности, имеющие значение

некоего культурного стандарта. Утверждая и санкционируя определенные модели поведения, рекламные инверсии претендуют на руководство повседневной жизнью: «Каждый день в твоих руках», «Живи на яркой стороне» — оптимистические слоганы играют роль, аналогичную идеологическим призывам советской эпохи.

Изобилие, доступное далеко не каждому, формирует систему социальной идентификации, репрезентирует принадлежность к тем или иным социальным слоям. Потребитель не свободен в выборе своих предпочтений, они диктуются кодом той группы, к которой он принадлежит. Конечно, и ранее материально-предметная сфера могла маркировать социальный статус своего владельца, как делают это в настоящее время шестисотый «Мерседес» и костюм от Хьюго Босса, сеть магазинов «Копейка» или старенький «Москвич». Универсализация данного кода, однако, достигается только в обществе потребления, при абсолютизации последнего.

Свой вклад в аксиологический контент вносит досуговая сфера. На вершине социальной пирамиды всегда находится небольшое количество привилегированных (Ф. Бродель). Реалии «общества досуга» включают в их число представителей мира массовой культуры. Шоу-, поп-, рок-, теле-, спортивные и политические звезды задают тон в мировой и отечественной массовой культуре. Правда, наша страна пока не достигла уровня «досугового» образа жизни. Слишком велик удельный вес населения с низким уровнем доходов. Населения, для которого речь идет не о досуговой, игровой или развлекательной сфере, а о способах простого выживания в жестких условиях рыночного хозяйства. Однако некоторые закономерности, характерные для западных стран, просматриваются и у нас.

Приобщенное к культуре постмодерна, массовое сознание требует соответственного оформления потребляемой рекреационной продукции. Качественные характеристики будут неизменно сводиться к занимательности интриги, зрелищности и яркости, эмоциональности и романтичности, противопоставляемых обыденному. Должен соблюдаться определенный канон типологической узнаваемости, формульности, однозначности морали, и, конечно, данная специфическая продукция должна нести известный заряд оптимизма.

Роль современных героев массовая аудитория неизменно отдает лицам, развлекающим и занимающим публику. Это телеведущие, популярные артисты кино и эстрады, певцы, некоторые яркие политики и спортсмены. Рейтинг симпатий всегда возглавляют люди, часто появляющиеся на экранах телевизоров, на страницах массовых изданий. Звезды не только выступают на сцене, поют или танцуют, они участвуют во всевозможных викторинах, демонстрируют кулинарные таланты, катаются на коньках, делятся воспоминаниями, преодолевают специально созданные для них препятствия. В условиях повышенного внимания массмедиа их высказывания, оценки, предпочтения, события частной жизни получают широкий резонанс, влияют на ценностные ориентации публики.

¹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 168.

В эпоху глобализации территориальные границы и социальные институты в известной степени утрачивают возможность сохранения неповторимого культурного облика того или иного народа. Все более теряют свое значение память и опыт предыдущих поколений, нарушается межпоколенческая преемственность. Социологи отмечают происходящее в общественном сознании явление «детрадиционализации» — утрату традициями функции поддержания порядка, моделирования поведенческих стереотипов. Тенденция к образованию единого культурного пространства оборачивается в условиях информационного общества властью сильнейшего: власть вписана «на фундаментальном уровне в культурные коды» (М. Кастельс)¹.

«Символическое насилие» (П. Бурдьё) вызывает протест против «культурного империализма», провоцирует поворот к этническим, национальным истокам. В социокультурной сфере фактически все исследования отмечают наличие взаимосвязанных трендов — глобализации и глокализации: «чем более глобальным становится наш мир, тем большую жизненную важность для людей приобретают поиски личной и коллективной идентификации», — отмечают исследователи². «Универсальный образ жизни» и культурный

национализм соседствуют друг с другом на разных уровнях, в разных регионах: «чем более наши образы жизни становятся схожими, тем более прочно мы будем держаться за такие ценности, как религия, язык, искусство и литература. По мере того как внешние стороны нашей жизни сближаются, мы будем все больше дорожить традициями, порождаемыми внутри нашего общества»³.

Эти тенденции внушают надежду, что особенно важно для нашей страны, дважды на протяжении прошлого столетия терявшей свой идентификационный код. В эпоху перестройки в пустое пространство семиосферы (Ю. М. Лотман) устремились со всего света симулятивные идеи, образы, римейки и парафразы. Конечно, здесь доминировали образцы североатлантического издания массовой культуры, далекие от подлинной культурной аутентичности, зато удивительно коммерчески конкурентоспособные. И потому так важна задача культурного диалога, в том числе «диалога элиты и общества». Средством, дающим возможность восстановить культурную самобытность, вернуть историческую память становится национально-ориентированная культурная политика, предполагающая политическую волю и государственную активность.

А. В. Лыткина⁴

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКИ: ЕВРОПЕЙСКИЕ ОБРАЗЦЫ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

Сегодняшнее время — это время господства коммуникации, чья «луженая глотка будет господствовать в XXI веке» (Р. Дебрэ). Современное постиндустриальное, информационное общество живет иллюзией, что технические средства, завоевав пространство, подчинили себе и время. Но безраздельное господство этого феномена, по мнению французского мыслителя Р. Дебрэ, ведет к кризису культуры, утрате связей между прошлым и настоящим, между «когда-то» и «теперь»⁵. Исследователь полагает, что ренессанс коллективной памяти, хронологии, обладание общим прошлым пролегал через «континент Передачи», суть которой — «в переносе информации во времени, между различными пространственно-временными сферами»⁶. Речь идет о передаче ценностей, знаний, идей, концепций, осуществляемых посредством институтов и авторите-

тов, с опорой на основные локусы (музей, библиотека, школа, церковь, академия и т. д.).

Р. Дебрэ в расширении зон мобильности («Теперь по Интернету мы плаваем легче, чем по хронологии»), в подчинении длительного (передаче культурных благ — Л. Л.) эфемерному (коммуникации — Л. Л.) видит признаки кризиса цивилизации. Но передача — это не просто сохранение; это то, что позволяет коллективу, нации осознавать себя единым целым, сохранять то, что будет отличать их от «иных», «других». Передача есть преобразование, преображение, построение идентичности. Это движение против беспорядка, агрессии, энтропии, дисперсии⁷; передача — это долгосрочное послание.

Поль Валери в «Обрывочных историях» суть термина «передача» выразил так: «Важнейшим триумфом человека... является то, что он сумел перенести на завтра последствия и плоды вчерашних трудов». Передача — это «поддержание пути»; когда «мертвый сумел схватить живого, но живой сумел восторжествовать над мертвым»⁸.

Медиология как учение о средствах передачи знаний и традиций может стать методологической основой прослеживания путей духовного наследования, а также разрывов отношений между поколениями в истории отечественной журналистики.

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 502.

² Цит. по: Джонсон Э. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями. М., 2002. С. 54.

³ Нэбитт Д., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000. М., 1992. С. 138.

⁴ Профессор кафедры журналистики СПбГУП, доктор филологических наук. Автор около 90 научных публикаций, в т. ч.: «Жанры коми-зырянской прозы первой трети XX века: взаимодействие романа, повести, рассказа и очерка», «Очерковая проза Европейского Севера России», «Российская журналистика Александровской эпохи», «Статьи Л. Н. Толстого начала XX века», «Российская протоглянцева журнальная периодика» и др.

⁵ Дебрэ Р. Введение в медиологию. М., 2010. С. 16.

⁶ Там же.

⁷ Дебрэ Р. С. 29–30.

⁸ Там же. Указ. соч. С. 28.

Исследование «движения русской журнальной периодики» (Белинский) началось еще в 1810-х годах (подготовительные заметки князя Вяземского к изданию журнала Вольного общества «Арзамас») и продолжается до сих пор. В публикациях А. Западова, Б. Есина, Е. А. Корнилова, Р. Овсеяна, И. Кузнецова, Л. Громовой, С. Махониной, А. Станько, А. Акопова и многих других история российского научно-популярного журнала предстает в двухмерном, оптическом измерении. Современные же интерпретационные и реинтерпретационные практики требуют трехмерного, синергетического прочтения феномена.

Российская академическая журналистика началась с 1727 года изданием газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Она, по словам Г. Балицкого, «не оставила по себе ни влияния, ни следа... но не дала умереть совершенно периодической печати в России»¹. Первым же повременным научно-популярным журналом в стране следует считать «Исторические, генеалогические и географические примечания», выходившие с 1728 по 1742 год на русском и немецком языках. Издание имело прикладное назначение — служить пояснением неясных и незнакомых мест, встречающихся в текстах академической газеты.

Но инициатор издания «Примечаний» и первый редактор Г. Ф. Миллер вскоре превратил их в самостоятельный орган, призванный просвещать читателей, представлять информацию из различных областей наук естественных и гуманитарных. С 1733 года «Примечания» дополнились «Частью литературной» (стихи, художественная проза). Так впервые была выстроена архитектура российского научно-популярного издания.

Российский журнал с момента своего зарождения формировался как издание, ориентированное на «безличную публику», как «чтение для любопытства, добровольного желания узнать что-то»².

В этом видится отказ в поддержке европейских образцов: французского «Журнала ученых» (1665) Д. де Сало, английских «Философских трудов Королевского общества» (1665) Г. Ольденбурга и научно-литературно-библиографической периодики XVII–XVIII веков (например, «Афинский Меркурий» Д. Дантона, издававшийся в 1691 г.), немецких «Ученых записок» (1682) О. Менке и др. Все они формировались по типологии журналов-ревью.

Возникший в 1755 году при Санкт-Петербургской академии наук научно-популярный журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» заголовком подтвердил интеракцию между изданиями: первая часть — научно-популяризаторская, вторая — «для увеселения читателя». Подобная композицион-

ная интенция уже становилась неким медиумом, конституирующим феномен передачи: российский «толстый» научно-популярный журнал являлся каким-то энциклопедическим сборником, соперничающим со школой и университетом и вытесняющим из обращения книгу»³.

Частная российская журнальная периодика 1756–1790-х годов важным для себя полагала налаживание коммуникационных отношений с аудиторией. Такими были журналы «Праздное время, в пользу употребленное» (1756–1760), «Трудолюбивая пчела» (1759), «Полезное увеселение» (1760–1762), «Свободные часы» (1763), «Невинное упражнение» (1763), «Доброе намерение» (1764), «Поденщина» (1769), «Полезное с приятным» (1769), «Адская почта» (1769), сатирические журналы Н. Новикова 1769–1774 годов, «Всякая всячина» (1769–1777), «Собрание новостей» (1775–1776), «Утренний свет» (1777–1782), «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791–1793) и др. Но эти журнальные опыты не были лишены направления: публицистические начала составляли обязательный компонент их содержания. Ориентация на коммуникативные филиации переводила наследование традиций в пространство импликации.

Внешнее нарушение непрерывности в развитии ранней российской научно-популярной периодики было компенсировано «Санкт-Петербургским журналом» (1797) И. П. Пнина. В связи с этим заслуживает упоминания не получившее пока концептуальной оценки в научной литературе издание профессора Сохацкого «Политический журнал с показанием ученых и других вещей» (М., 1790). В нем были описаны все политические события во Франции тех лет. В журнале проводились взгляды умеренной конституционной партии⁴.

Издания различных вольных обществ, существовавших в Санкт-Петербурге и Москве с 1801 по 1820-е годы, служили неким претекстом научно-популярным журналам первой трети XIX века («Благонамеренный», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Московский телеграф») или интенционально приближающимся к этому типу («Вестник Европы», «Сын Отечества», «Невский зритель», «Отечественные записки», «Северный вестник», «Аврора», «Академические сочинения», «Северный архив», «Московский вестник» др.).

Процесс становления российской научно-популярной периодики середины XVIII — начала XIX века был осложнен неспешным формированием институтов, мест идентификации, способных к «увекочению идей», идущих через поколения.

¹ Балицкий Г. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908. С. 64.

² Там же. С. 4–5.

³ Шлосберг А. Начало периодической печати в России. СПб., 1911. С. 4.

⁴ См. об этом: Пятковский А. Из истории нашего литературного и общественного развития. Монографии и критические статьи. СПб., 1876. Т. 2. С. 72–73.

А. В. Матвеева¹

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ МЕДИАСРЕДЕ

1. Логика развития контента глобальной медиасреды и степень ее активности по отношению к человеку претерпевает серьезные изменения на протяжении последних 20 лет. Средства массовой коммуникации являются инструментом коллективной рефлексии — что есть человек и его «цивилизация»: «животное без перьев», нажимающее непрерывно на рычаги удовольствия, или «душа живая», жаждущая счастья и жизни в вечности?

Мы счастливое поколение, потому что наше детство прошло в обществе Ивана Царевича, Василисы Прекрасной, Конька-Горбунка, Золушки, героев сказок А. С. Пушкина, С. Т. Аксакова, А. Н. Афанасьева, в атмосфере волшебного мира Г.-Х. Андерсена. Они учили нас верности, дружбе, самопожертвованию во имя правды, вере в то, что любовь побеждает смерть, а добро сильнее зла.

Современное поколение сталкивается с новой, виртуальной реальностью, опыта взаимодействия с которой нет у нашего поколения, так как мы выросли вместе с развитием научно-технической базы, позволяющей функционировать современной глобальной медиасреде. У человечества нет культурного иммунитета против информационных угроз, направленных на реперные точки культурной матрицы: гендерные, национальные, конфессиональные, нравственно-этические, эстетические.

2. Человеку свойственны три вида взаимодействия: интравзаимодействие как диалог с «внутренним я», интервзаимодействие как общение с «другим» или «другими» и символическое взаимодействие с миром культуры, благодаря которому человек становится субъектом истории. Средства массовой коммуникации (СМК) как техническая система и коммуникативная корпорация представляют собой «культурное орудие» (Л. С. Выготский²), позволяющее человеку вступить в новый тип взаимодействия — метакоммуникацию, — при котором человек как бы «помещает» свои органы чувств в объектив телекамеры, а свой интеллект — в жесткий диск компьютера и с их помощью значительно расширяет возможности считывать информацию о пространственно-временных и культурных изме-

нениях реального мира, в котором он живет. Структура виртуального общения по топологическим свойствам схожа с психологическими процессами, обеспечивающими порождение «образа мира», модифицируемого в «имидж мира». В силу пространственно-временного разделения субъектов, вступающих в метакоммуникацию, возрастает роль репрезентации образов партнеров по общению, а также носителей символической реальности, знаков и символов интенций, установок, смысловых схем, ролевых взаимодействий и культурных фреймов. Медиасреда может быть рассмотрена как пространство экстерииоризации некоего «функционального органа» индивидуального сознания личности, позволяющего расширить ее возможности во взаимодействии с коллективным сознанием при построении картины мира.

3. Какие возможности предоставляет человеку медиасреда с точки зрения ценностно-смыслового вектора своего развития? А. В. Смирнов определяет понятие культуры «как способ смыслополагания, способ формирования осмысленности, то есть создание целостной картины мира, в которой человек живет и действует»³. Создатели и распространители информационного продукта фактически работают со смыслами и ценностями, таким образом влияя на этот способ смыслополагания, то есть на культуру.

Вряд ли стоит говорить об очень сложных вещах, таких как философия зла, или о сакральном или инфернальном пространстве, нашедшем прекрасную возможность материализоваться посредством человеческой фантазии и творчества с помощью технических средств, фиксации психической реальности. В этом случае используются новейшие технические достижения: технологии 3D и 4D, синтез различных языков (вербальный, невербальный, цифровой, мультимедийный) и т. д.

И, видимо, не следует много говорить о простых вещах, таких как функционирование медиабизнеса, превратившего медиакommunikation в способ зарабатывания денег через продажу внимания и эмоций аудитории рекламодателям. Если упростить проблему, то контент медиасреды, СМИ и Интернета является фоном для сигнальной информации рекламы, размещение которой среди контента приносит прибыль. Содержание медиасреды должно быть удобной и эффективной рамкой для восприятия, запоминания и возбуждения желания купить рекламируемый товар. Из многочисленных исследований известно, что запоминается то, что вызывает или сопровождается переживанием сильных базовых эмоций: страха, радости, удивления, отвращения, удовольствия, презрения. Все, что заставляет задуматься, напрячь интеллект, думать о смысле жизни или вечных ценностях, блокирует сильные эмоции, то есть делает человека относительно бесстрастным и поднимает над суетой бытия, противопоставлено как «рамка» для рекламы. Она нам кажется глупой, бессмысленной,

¹ Профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор психологических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Психология коммуникаций: методология, модели, методы» (учебное пособие), «Особенности психологических экспериментальных исследований в области массовой коммуникации», «Personality determinants of manipulative behavior in the negotiation process», «Analysis of Mass-Media affected transformations of the danger concept», «Трансформация представления об опасности под воздействием СМИ», «Медиакоммуникация как предмет психологического исследования», «Возможности психологического консультирования в информационном пространстве», «Влияние языка СМИ на формирование стратегического мышления личности», «Особенности психологических экспериментальных исследований в области массовой коммуникации» и др. Член Общественного совета при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка.

² Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1984. Т. 3.

³ Смирнов А. В. О подходе к сравнительному изучению культуры. СПб. : СПбГУП, 2009.

неуместной и пошлой и точно не побуждает купить товар. Реклама в боевике или философской драме будет восприниматься по-разному. Пока единственным цензором содержания медиасреды будет рейтинг, то есть показатель числа зрителей, находящихся в данный момент перед экраном телевизора или компьютера, обслуживающий интересы рекламного бизнеса, ценностно-смысловой вектор развития содержания медиасреды будет направлен в стороны телепередач типа «Камеди-клуб» и «Дом-2».

4. Стоит отметить, что в процессе развития культуры содержится закономерность, которая проявляется и в логике развития контента медиасреды. В истории человечества сначала появились мифы, легенды, притчи, затем театр, драматургия, романы и повести. Почему необходима условность изображения бытия? Видимо, она нужна, чтобы человек мог без ужаса пережить невыносимую тяжесть морального выбора, сталкиваясь лицом к лицу с борьбой добра и зла в своем сердце. Авель должен быть убит, потому что его больше чем меня, Каина, любит Бог-отец. Ученик не может не предать учителя, потому что он не оправдал честолюбивых помыслов ученика. Гордыня и зависть приводят к предательству и убийству. Не об этом ли все современные боевики, драмы и ток-шоу? И опять, как в незапамятные времена, — люди гибнут за металл. И еще одна миллионная история об этом, интересно рассказанная или талантливо смонтированная, приковывает людей к экрану. Постмодернизм внес опасный тренд в изменение ценностно-смыслового содержания медиасреды. Он уравнивал с точки зрения успеха позитивного и негативного героя, показав, что нарушение культурных табу и заповедей морали может приводить к успеху и не наказываться обществом. В результате мы наблюдаем рост цинизма, жестокости, пошлости и разврата в медиасреде. В свою очередь эротизация рекламного контента привела к сдвигу нормативов на границе интимного и публичного пространства, а героическое начало утратило смысловую нагрузку спасать, защищать и созидать и приобрело формы брутальности, грубого материализма, пропитанного духом низменных инстинктов и разрушительных интенций.

5. Одним из ярких примеров такого сдвига в глобальной медиасреде может быть история успеха южнокорейского ролика Gangnam Style, который сейчас насчитывает более 1,4 млрд просмотров на YouTube. Он появился в Сети в середине июля 2012 года. Южнокорейский рэпер Psy (настоящее имя Пак Чэ Сан) спел незатейливую песенку и станцевал «танец на лошади» под довольно сложный и хорошо смонтированный видеоматериал, неоднозначный с точки зрения традиционной культуры. Уже в ноябре 2012 года этот видеоролик победил в номинации «лучший клип года» на церемонии MTV Europe Music Awards, где Psy станцевал свой танец с Мадонной. Создатель Google Ларри Пейдж приводит этот клип как пример образцового содержания YouTube в будущем и называет его самым влиятельным на весь мир произведением. К этому следует добавить, что с исполнителем этого клипа встречался Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, а в самой Южной Корее на инаугурации президента Пак Кын Хе в феврале 2013 года, собравшей 70 тыс. человек, была исполнена песня Gangnam Style. Движения южнокорейского певца Psy заразили весь мир от американских военнослужащих до украинских гимнасток. Клип Gangnam Style принес его автору и видеохостингу YouTube 8 млн долларов, полученных за счет рекламы во время демонстрации этого видео на сервисе. Каждый просмотр видео приносит компании доход в 0,65 цента. Одновременно важно отметить, что у аудитории не возникает сомнений по поводу ценностно-смысловой составляющей клипа. В настоящее время в YouTube всеобщее внимание привлечет еще более незамысловатый клип Harlem Shake.

Если общество не поставит под контроль информационные потоки, создаваемые с помощью новейших технологий, то оно будет трансформировано по ценностно-смысловому вектору культуры. Важно перенести границу войны за культурную норму из пространства образования, искусства и науки в картину мира тех людей, которые формируют, управляют и распространяют информационный контент в современной глобальной медиасреде.

Н. М. Мышьякова¹

«ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ» КОММУНИКАЦИИ

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий...

И. С. Тургенев

Драматическая жизнь классических традиций в современной культуре — общая тема множества научных публикаций. В числе тревожных симптомов находятся

¹ Заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор искусствоведения, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. «Литература и музыка в русской культуре XIX века», «Лирика А. А. Фета (интермедийные аспекты поэтики)», «Художественная культура Средних веков», «Сфера социально-культурного сервиса: теоретические аспекты изучения» (в соавт.) и др.

и языковые изменения. Однако язык — особая субстанция: «живой как жизнь», «восстающий из пепла», неуязвимый, обладающий мощнейшим потенциалом возрождения и жизнестойкости. По словам Л. Витгенштейна, «сходство с речью для нас не поверхностное сравнение, но нечто важное и великое!»² Именно тотальность и высокая степень языковых деформаций позволяют надеяться на существование противоположного элемента оппозиции и внушают некоторый оптимизм.

² Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 469.

К негативным языковым тенденциям («клиника языка») можно отнести следующие:

Утрата идеологического статуса языка. Общее убывание антропности, низкий статус гуманитаристики, ничтожная доля гуманитарного знания в различных образовательных системах, естественно, деформируют традицию благоговейного отношения к слову. Слово как «дело», как «оружие», преследования за публичное выступление сейчас выглядят, в лучшем случае, архаично, чаще — как новый и любопытный скандал. Азарт и мощь публичного высказывания превратились в телевизионные шоу-программы, планомерно и целенаправленно развлекающие массовую аудиторию, которая более смотрит, чем слушает. Популярные ораторы современности из высшего эшелона власти выглядят эстрадными артистами. Зрелищный и мобильный характер происходящих споров скорее отвлекает от смысла дискуссии, чем заставляет задуматься. Из слова элиминирована именно *идея*. Даже законодательное слово скомпрометировано практикой невыполнения и у подавляющего большинства не вызывает доверия. Это элемент коммуникации, а не идеологии.

Утрата юридического статуса языка. Свобода слова, традиционно интерпретируемая как знак свободы *вообще* и являющаяся одной из высоких целей человечества, став массовой и повседневной практикой, превратилась во вседозволенность и языковой беспредел. Путаность, непрозрачность и необозримое множество юридических документов, неисчислимо количество поправок и дополнений, тотальное юридическое невежество подавляющего большинства населения полностью лишили слово законности. «Слово — закон» уже руины.

Внутриязыковая неразборчивость. Кризис русского образования, ставший постоянной темой обсуждения на разных уровнях, явлен прежде всего в поражающей безграмотности. Отсутствие профессиональной корректуры во многих издательствах, низкая грамотность пишущих и издающих свои труды в «авторской редакции» стали повседневной практикой и вызывают скорее печаль, чем возмущение. Обилие информации, новые технологии печатания, атаки иноязычных обозначений деформировали правила переноса слов, «обогатили» современный словарь чудовищной лексикой (*винда, автогад, ксерить*). Допуская эти инновации, язык проявляет странную неразборчивость, всеядность.

Сдача этических позиций. Равнодушие языка к собственной внутренней чистоте и классичности приводит к оккупации устной и письменной речи недопустимыми выражениями. Просторечные, грубые, жаргонные, даже нецензурные выражения стали знаками «простоты», доступности, человечности говорящего. Низовая лексика как бы осуществляет акт классовой мести, занимая позиции официально разрешенного слова. Даже словообразовательная модель становится более просторечной. Если раньше статус обыкновенного пьяницы повышался суффиксом *-ист*, превращая его в *алкоголиста* и тем самым включая в высокий ряд *коммунистов, активистов, пропагандистов* и прочих, то сейчас в ходу занижающие и огрубляющие аффиксы

(например, *звезданутая, видюха, пофигачь*). Из фольклорного персонажа *мужик* превратился в синоним человека мужского пола, а *баба* стала чуть ли не обозначением человеческого в женщине. Красивое и этически высокое слово пытается камуфлировать себя иронией или черным юмором, но позиция его хрупка, а перспективы смутны.

«Физические» потери языка. Коммуникативная модель, требующая быстрого и объемного пропускания информации, способствует рождению различных лексических карликов, морфологических уродств: *ксерокопировать — ксерить; фотографии, фотографировать — фотки, фоткать; фанаты — фаны*. Однако сокращениями слов дело не ограничивается, и появляются сокращения фраз: заниматься креативной деятельностью — *креативить*, быть пенсионером — *пенсионерить*.

Практика ключевых слов, всевозможные шаблоны, услужливо предлагаемые в мобильном телефоне, вошедшие в неисчислимые пособия по искусству коммуникации, позволяют архивировать высказывания и чрезвычайно способствуют клишированности и обезличенности речи (*я в шоке; это его проблема; благодарю за вопрос; с этого момента подробнее*). Краткость и точность мутировали в шаблон.

Таким образом, выражаясь словами литературного персонажа, «перспективы достаточно мрачны». Однако на той же почве языкового попустительства существует «веселая наука» и практика словотворчества, обнаруживающие неиссякаемость народного духа, смекалки, жизнестойкости, позволяющие культуре выживать не только *несмотря*, но и *вопреки*. Языковая вседозволенность и беспредел оборачиваются поливалентностью, порождающей «невозможные фигуры», остроумные языковые гибриды с культурным шлейфом: *франкенфуд* (еда, приготовленная из генетически модифицированных продуктов), *абсурдистан* (всякая страна, в которой происходит что-то абсурдное), *гараж-махал* (многоэтажный гараж или парковка). Всепроницающий юмор, соединяющий высокое и низкое, трагическое и смешное и облекающий драму и прозу жизни в крепкое русское *словцо*, остается и сегодня характерной чертой «великого и могучего» русского языка (например, черный юмор петербургской зимы, соединивший трагедию с модной праздничной датой и именем руководителя города, — «валентинки от губернатора»).

Кризисная ситуация порождает и увеличивает творческие усилия. Выход из коммуникационного кризиса видится именно в коммуникационных обновлениях, в выявлении субъекта в контексте вербальных практик. Коммуникативная стратегия предполагает возрождение и интенсификацию субъект-субъектных отношений. В ситуации постоянно нарастающей многозначности, вариативности текста возрастает роль воспринимающего сознания. «Смерть автора», провозглашенная культурой XX века, обернулась усилением рецептивной активности. Читатель превращается в фигуру более значительную, чем создатель текста, последнее слово за ним. Ролевой обмен между писателем и читателем разрушил этимологию: *автор* перестал быть

авторитетом. Взаимодействие литературы, автора, читателя (потребителя, пользователя) и СМИ — одна из глобальных культурных проблем времени: «технологическое становится естественным»¹, а социально-культурное пространство «превращается в компьютерный код — всеобщий и обманчивый»². В связи с этим особо акцентируется именно гуманитарный аспект возникшей ситуации. В контексте деформации традиционных языковых форм каламбурные трансформированные новообразования отражают основные современные тенденции: тотальную сценичность, напряженную экспрессию, игривость и беззаботность словообразования, смелость заимствований и переводов, равноду-

шие к стилевым ограничениям, вольность цитирования. На языковых потерях и деформациях и вырастает некая «прибавочная стоимость знака»³, адекватная театральности современной культуры. Отсюда — не только повседневное остроумие, но и виртуозная языковая игра невиданного размаха. Изначальная антропность культуры служит надежным гарантом ее жизнеобеспечивающим и смыслонесущим преобразованиям. Ассимиляция новых аудиовизуальных технологий и классических культурных традиций способна выполнить омолаживающую функцию, гармонизировать кросс-культурное взаимодействие различных социальных языков.

М. Р. Проскуряков⁴

О ДИНАМИКЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Важной тенденцией в языке СМИ является сложение властной вертикали, в которой СМИ становятся инструментом информирования и контроля, формирования информационных приоритетов — создания и поддержания элементов общества потребления. В качестве инструмента государственных и коммерческих монополий язык СМИ ограничен в аналитических и публицистических средствах. Впрочем, когда говорят о языке СМИ, правильнее было бы говорить о разных языках, поскольку сегодня не существует единого недифференцированного языка, но есть несколько различных речевых практик, которыми пользуются СМИ.

Предпосылкой характеристики языка СМИ является и то, что пресса — продукт российского общества. Нет языка прессы вне проблем современной России, и этот язык таков, как те, кто на нем говорит, с учетом их образованности, ясности гражданской позиции, профессионализма.

В настоящее время завершен период изменений языка СМИ, которые активно происходили в лексическом и синтаксическом строе русского языка с начала 1990-х годов. Эти изменения серьезно повлияли на словарный запас, стилевое разнообразие, соотношение жанров устной и письменной речи в дискурсе СМИ.

В речевых произведениях СМИ отражались новые явления, что не могло не вызывать общественный резонанс и негативное отношение к отрицательным языковым фактам, выраженным в речевых ошибках, неоправданных заимствованиях, применении жаргонной и субстандартной лексики. Время глобальных перемен в языковой ткани подошло к концу, а общественная привычка критики СМИ как источника ошибок и неоправданных искажений русского языка осталась. Когда сегодня говорят о большом количестве неточ-

ностей в языке СМИ, чаще всего следуют этой инерции темы, закрепившейся в общественном сознании с 1990-х годов.

Нельзя не обратить внимания на содержательную пустоту и информационный вакуум, которые наполняют журналистские произведения: информация имитируется. Базовое качество журналистской информации — объективность — сегодня все сложнее проиллюстрировать произведениями профессиональной журналистики.

Язык СМИ в прагматичной действительности России стал продуктом рыночных отношений, испытывает давление трендов государственных и экономических монополий. Сегодняшние изменения русского языка носят внутренний, системный характер и провоцируются технологиями информирования и воздействия. С одной стороны, это имеет отношение к телевизионным технологиям, а с другой — к революции, происходящей в интернет-СМИ.

В рамках расширяющегося телевидения растет объем порождаемой речевой продукции, увеличивается число звучащих журналистских произведений. Можно также говорить об усложнении коммуникативных задач, которое влечет создание все новых синтетических жанров.

В интернет-СМИ устная речь преобладает над письменной. Уменьшение числа говорящих в профессиональной сфере СМИ сопровождается увеличением числа слушающих. Подобный процесс имеет место и в других речевых сферах, например в политике и образовании. Все меньше говорящих и больше слушающих. Технологии обратной связи в различных видах СМИ позволяют вести диалог, не участвуя в общении, и выражать мнение, не принимая своих решений: публицистика и аналитика имитируются в виртуальном коммуникационном пространстве «кликами», «эсэмэсками» и «лайками». Говорить и думать не нужно, достаточно кликать компьютерной мышкой.

На фоне снижения общей образованности рядового носителя языка увеличивается разрыв между «элитарной», профессиональной речевой культурой того, кто говорит, и речью того, кто слушает. Язык СМИ

¹ Кнорр-Цетина К. Рынок как объект привязанности // Социология вещей: сб. ст. Универс. б-ка Александра Погорельского. Сер. «Социология. Политология» / под ред. В. Вахштайна. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2006. С. 38.

² Там же.

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 1997. С. 26.

⁴ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Смысл текста как самоорганизующаяся система», «Концептуальная структура текста» и др.

становится все более доступным, приближаясь к устной речи в синтаксических и лексических компонентах.

Можно говорить о цехе журналистского сообщества как носителе элитарной речевой культуры, представляющей образцы речевого поведения. Такая «элитарность» стала возможной благодаря критическому снижению уровня речевой компетентности целевых аудиторий СМИ. В этих условиях остро встает вопрос о формулировке речевого идеала, адекватного коммуникативной реальности сегодняшнего дня.

Произведения великой русской литературы, которые в недавнем прошлом были источником возрастания речевой компетентности, сегодня полузабыты, а устные и письменные журналистские тексты оказывают существенное влияние на формирование культурных и речевых приоритетов наших современников. В связи с этим на СМИ возлагаются особая гражданская ответственность и миссия, связанные с просвещением, обучением и формированием личности. Сегодня журналист должен не только найти свою аудиторию, но и подготовить ее к тому, что и как намерен ей сообщить. Не только найти своего читателя, но и воспитать и образовать его, поднять до уровня восприятия идей и смыслов, которые он собирается донести.

Снижение уровня речевой компетентности связано со становлением информационного общества. Во все более сложной системе СМИ речь порождается с помощью технических устройств и не предполагает ответной реакции адресата. Заменяя традиционные живые ситуации общения, электронные СМИ предлагают адресату чужую устную речь.

Модель информационного общества позволяет ограничить круг профессионалов, владеющих словом, до узкой «элиты» и, напротив, предполагает существование целевых аудиторий с низкой речевой компетентностью, достаточной лишь для восприятия, но не для активной и ответственной реакции.

Усилия всего журналистского сообщества сегодня направлены на поиск оптимальных путей формирования социальных приоритетов и убеждений. Журналист должен учить своего читателя, поднимать его до восприятия вопросов и проблем, которые ставятся в его произведениях.

Сохранится ли журналистское сообщество в той форме корпорации профессионалов и мастеров слова, к которой мы привыкли на протяжении десятилетий, или уступит место новой, непрофессиональной журналистике, которой охвачены сейчас электронные СМИ? Не может не беспокоить тот факт, что отношения профессионального журналиста со своим читателем становятся все более официальными, технологичными, оставляя в профессиональном дискурсе лишь задачи информирования и воздействия. В это же время в сфере непрофессиональной журналистики можно наблюдать бурный рост диалогизированных, публицистических жанров. Непрофессиональный журналист общается со своей аудиторией значительно более экспрессивно и эмоционально, но порой безграмотно. Доступ к эфиру и электронным СМИ получают неподготовлен-

ные носители языка, что ведет к постоянному обновлению ядра креативного журналистского сообщества, появлению новых талантов.

Внутри системы речевой практики СМИ можно наблюдать две разнонаправленные тенденции. Одна из них связана с включением практики повседневной разговорной речи в дискурс журналистских произведений. Другая представляет вторжение деловой речи (в ее письменном варианте) преимущественно в информационные жанры.

В первом случае мы можем наблюдать изменение отношений с целевой аудиторией, которая становится ближе журналисту; его произведения воспринимаются более живо и эмоционально. Отношения журналиста и читателя все чаще эмоциональны. В этом случае журналист использует разговорную лексику, свободные формы повседневной речи для того, чтобы найти общий язык с читателем.

Противоположная тенденция исходит от государственной журналистики, которая освещает события политической жизни, информационные поводы, связанные с деятельностью исполнительной и законодательной властей. Журналистские произведения, создающиеся в данном дискурсе, отличаются большим аналитизмом, стремлением к научным и учебным формам представления темы. Можно наблюдать как два этих дискурса — информационно-развлекательный и государственно-информационный — сталкиваются, и в результате возникает тот усредненный устно-письменный формат речевых произведений, который пользуется широким спросом в различных коммуникативных ситуациях. Этот усредненный устно-письменный вариант публичной речи является универсальным, поскольку встречается и в виде напечатанных текстов, и в виде звучащей по телевидению и радио речи. То есть это текст, который с равным успехом и эффективностью может и произноситься, и восприниматься в печатном виде.

Многообразие стилей и жанров речевой практики СМИ является горнилом, в котором формируется универсальный язык российского информационного общества.

Литература

1. *Проскуряков М. Р.* О некоторых проблемах языка СМИ / М. Р. Проскуряков // Журналистика XXI века: инновации и реальность : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. — СПб., 2012. — С. 16–27.
2. *Проскуряков М. Р.* К вопросу об экологии рекламного дискурса / М. Р. Проскуряков // Реклама и PR в России : материалы науч. конф. — СПб. : СПбГУП, 2013.
3. *Проскуряков М. Р.* Язык власти: очерк культуры речи двух президентов / М. Р. Проскуряков // Современная русская речь: состояние и функционирование : сб. аналит. материалов. — СПб., 2004.
4. *Проскуряков М. Р.* Дискурс борьбы: очерк языка предвыборных кампаний / М. Р. Проскуряков // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. «Филология». — 1999. — № 1.
5. *Проскуряков М. Р.* Дискурс власти: очерк культуры политической речи / М. Р. Проскуряков // Современная русская речь: состояние и функционирование : сб. аналит. материалов. СПб., 2004.

В. В. Согрин¹

АМЕРИКАНСКАЯ ТЕМА В РОССИЙСКИХ СМИ

Раскрытие российскими СМИ американской темы может быть разделено на три этапа — «горбачевский», «ельцинский» и «путинский».

М. Горбачев на первом этапе своих реформ реализовывал *Великую советскую мечту* — «догнать и перегнать Америку» на основе социалистической модернизации. В 1987 году Горбачев поменял реформаторскую стратегию, объявив о соединении социализма с рынком и демократией. США из врага номер один превратились в друга СССР. Эта установка повлияла на российские СМИ. «Переустроить Россию по-американски» — вот лейтмотив российских СМИ того этапа. США объявлялись образцовой страной среднего класса, народной демократией, воплощением материального изобилия и духовных свобод. Критики США были объявлены клеветниками. Так, «Комсомольская правда» опубликовала разгромную статью о главном советском телевизионном критике США В. Зорине, дав ей название «Он учил нас ненавидеть Америку».

Апогея российская любовь к США достигла в начале ельцинского периода. Согласно данным Всеобщего центра исследований общественного мнения (ВЦИОМ), в 1990-м году 96 % опрошенных сделали выбор в пользу общественной модели, восторжествовавшей в той или иной западной стране. Наибольшее число — 32 % — признали наилучшей моделью США². Новое российское руководство, сформировавшееся в результате успешной антикоммунистической революции, действовало под либерально-демократическим знаменем и рассматривало лидера западной цивилизации США как идейного и политического союзника. Конец 1980-х — начало 1990-х годов стали периодом апологетического отношения ведущих российских СМИ к Соединенным Штатам, их опыту и идеалам.

Через полтора-два года после достижения «сердечного согласия» между Россией и США в России в силу внутренних перипетий, как и внешнеполитических коллизий, отчетливо проявилось разочарование в либерально-демократических идеалах и их главным выразителе — Соединенных Штатах. США со своей стороны разочаровались в «диком» российском варианте реализации американских ценностей, как и в нежелании России воспринять Соединенные Штаты в роли лидера мировой демократической революции, а на практике единственного гегемона нового мирового порядка.

¹ Руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор около 250 научных работ, в т. ч. монографий: «Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века», «Политическая история США, XVII–XX вв.», «Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина», «Исторический опыт США», «Демократия в США. От колониальной эры до XXI века» и др. Главный редактор журнала «Общественные науки и современность», председатель Российской ассоциации историков-американистов.

² Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения // Информационный бюллетень ВЦИОМ. 1993. № 6. С. 14.

В период президентства В. Путина критическое отношение российской власти и СМИ к США углублялось. Официальная идеология, озвучиваемая ведущими телеканалами и прессой, подвергла жесткой критике США за гегемонизм, иные пороки, целенаправленно насаждала антиамериканизм. Вместе с тем российская элита посылала своих детей на учебу в западные университеты и обзаводилась недвижимостью на Западе. При встречах и переговорах с американскими лидерами российские руководители ведут себя так, как будто США являются их партнером. Россия последовательно заключает с США важные и полезные договоры, сотрудничает в борьбе с терроризмом в Афганистане, укрепляет отношения с НАТО. Подобные факты дают основание утверждать, что антиамериканизм является для российского руководства продуктом, рассчитанным на внутреннее потребление, инструментом мобилизации масс в свою поддержку, поскольку иные инструменты в дефиците.

Антиамериканизм стал основополагающей идеологией современной российской власти и определяет американскую тематику современных российских СМИ. Приведение примеров начну с главного официального органа Кремля — «Российской газеты». Ограничусь двумя примерами. В. Овчинников, обозреватель газеты, в прошлом советский либерал и автор ярких книг «Корни дуба» (об Англии) и «Ветка сакуры» (о Японии), выступил с пространной статьей, доказывающей, что И. Сталин в период Второй мировой войны заимствовал идею этнических чисток у президента США Ф. Д. Рузвельта³. Не ссылаясь ни на какие источники, автор доказывает, что в конце 1943 года во время Тегеранской конференции в ответ на просьбу посоветовать, как ему поступать с чувствительными к германской пропаганде «мусульманскими общинами на Кавказе и в Крыму», Рузвельт «подсказал Сталину идею этнического ГУЛАГа». Эта чудовищная фальсификация, очерняющая американского президента-демократа и обеляющая советского диктатора, развивается в жанре фэнтези, немислимого даже в советские антиамериканские времена. Овчинников, описав, как Рузвельт разместил в американском ГУЛАГе тысячи американских японцев после того, как в конце 1941 года Япония напала на США, утверждает что именно этому совету последовал Сталин в своей этнической политике.

Приведу короткое опровержение фальсификации Овчинникова. Да, Рузвельт переместил 100 тыс. японцев Тихоокеанского побережья США на период войны во внутренние районы страны. Никто из них при этом не пострадал, они жили в сносных условиях и после войны вернулись в прежние места проживания. Но Сталина не нужно было обучать опыту этнических чисток. Еще в июле 1941 года, то есть задолго до Рузвельта, сразу после начала войны с Германией, сталинским указом был «зачищен» миллион поволжских немцев. Они были перевезены в столыпинских

³ Овчинников В. Скелет в шкафу. Идею «этнического ГУЛАГа» Сталину подсказал Рузвельт // Российская газета. 2008. 23 дек.

вагонах в Сибирь и Северный Казахстан, от голода и отсутствия воды погибли 400 тыс. немцев. Оставшиеся в живых не вернулись, поскольку поволжская республика немцев была ликвидирована раз и навсегда. Народы Северного Кавказа и Крыма «зачищались» отнюдь не по американскому образцу. Один пример. В феврале 1944 года полковник М. Гвишиани загнал в сарай и сжег заживо 700 чеченцев, не захотевших покинуть родное село. За «решительные действия» полковник был повышен в звании и награжден орденом Суворова¹. Всего было «зачищено» 0,5 млн чеченцев.

В другой статье «Российская газета» приписала одно из самых позорных военных поражений Российской империи проискам США. Член-корреспондент РАН А. Н. Сахаров выступил на ее страницах с концепцией, что Россия в 1905 году могла рассчитывать на победу в войне с Японией, а ее проигрыш был результатом происков США, вынудивших Россию пойти «на уступку Японии Курил и Южного Сахалина»². Роль США в российско-японском конфликте А. Н. Сахаровым была демонизирована. В действительности, как это давно показано и в американской, и в российской исторической литературе, США и их президент Т. Рузвельт, выступившие с согласия как Японии, так и России, посредником на их переговорах в 1905 году, исповедовали концепцию баланса сил и в силу этого, требуя уступок от потерпевшей поражение России, вместе с тем сдерживали (и сдержали) чрезмерные притязания Японии. Тезис А. Н. Сахарова о том, что США в 1905 году показали «еще раз, кто является истинным дирижером событий на Дальнем Востоке» антиисторичен. Дело в том, что в тот период, а, тем более, ранее, США по своему влиянию в мире и на Дальнем Востоке уступали всем ведущим европейским державам — Англии, Германии, Франции — и из-за позиции последних не сумели воплотить в жизнь свои стратегические установки, в первую очередь доктрину «открытых дверей». Влияние, которым А. Н. Сахаров наделил США применительно к 1905 году, эта страна стала обретать только после Второй мировой войны, но тогда ее мощным противовесом был СССР. Реальной мировой гегемонии Соединенные Штаты достигли после окончания холодной войны. Отмечу также, что А. Н. Сахаров, в 2009–2012 годах член президентской комиссии по борьбе с фальсификацией истории в ущерб интересам России, упустил из виду, что Курилы давно принадлежали Японии и уступать их не требовалось. Поскольку факт давней принадлежности Курил Японии зафиксирован во всех школьных учебниках, ошибку Сахарова можно определить как фальсификацию.

В последние годы во влиятельных средствах массовой информации (документальные и игровые фильмы на телеканалах «Россия-1», «Культура» и др.) стал активно возрождаться миф о том, что продажа Аляски Соединенным Штатам в 1867 году была «крупнейшей политической аферой XIX века» и «предательством

¹ История России. XX век : в 2 т. / отв. ред. А. Б. Зубов. М., 2009. Т. 2. С. 132.

² Сахаров А. Н. Правда о неоконченной войне. Позорный проигрыш Русско-японской войны 1905 года не более чем исторический миф // Российская газета. 2006. 13 нояб.

национальных интересов России»³. В предатели таким образом попадают император Александр II и лучший российский министр иностранных дел А. М. Горчаков. На самом деле Россия продала Аляску в силу объективных причин. Она потерпела сокрушительное поражение в Крымской войне от Англии и Франции, крайне нуждалась в деньгах, а Аляска приносила ей одни убытки. Россия уступила Аляску за 7,2 млн долл., при этом американские сенаторы упорно не хотели ратифицировать соглашение о покупке «морозильника», как они называли Аляску, и российскому послу в США пришлось лоббировать ее продажу при помощи щедрых взяток законодателям Соединенных Штатов.

Конспирологическая теория стала излюбленным средством российских СМИ в пестовании антиамериканизма. Коммерческий директор ОАО «Первый канал — Санкт-Петербург» Н. Стариков в своих исторических передачах на радио «Русская служба новостей» (РСН)⁴ последовательно доказывает, что российская грабительская приватизация 1990-х годов была проведена в соответствии с замыслами и по указке США. При этом никаких документальных доказательств конспиролог не приводит. Также он не смог привести доказательств о вербовке М. Горбачева американскими спецслужбами в судебном иске против первого и последнего Президента СССР.

Телеканал Рен ТВ, активно пестующий конспирологический подход ко всем реалиям, в передаче 16 января 2013 года утверждал, что американские спецслужбы заразили раком венесуэльского президента У. Чавеса, а американский капитал давно и последовательно плетет нити заговора против России, как и всего прогрессивного человечества.

Ряд российских СМИ используют более тонкие средства пестования антиамериканизма. Примером может служить телеканал «Russia Today», созданный российским правительством как контрпропагандистский и рассчитанный на зарубежную аудиторию. На телеканале работают американские дикторы и обозреватели, прекрасно владеющие английским языком, также как дикцией и артикуляцией. В регулярных передачах о США они раскрывают исключительно «оборотные стороны» Америки, призванные показать, что она погрязла во всех смертных грехах. Как профессиональный американист, признаю, что это хорошо документированные передачи, которые невозможно назвать фальсификацией. Но также невозможно назвать раскрытие американской темы объективной, поскольку позитивные стороны американской цивилизации вообще не показываются. Объективное раскрытие американской темы должно содержать выверенный и взвешенный баланс разных сторон жизни в Америке. Конечно, отражение российской темы в американских СМИ также не является объективным, но это объект уже другого анализа.

Но возможно ли вообще объективное раскрытие американской темы в российских СМИ? Для ответа полезно взглянуть на немногие сохранившиеся в России

³ Критику этого мифа и его современных версий и выразителей в России см.: *Иванян Э. А.* История с А.С. и Р.С. // США. Экономика. Политика. Культура. 2011. № 12.

⁴ В частности, в передаче от 21 февраля 2013 г.

либеральные СМИ. На мой взгляд, отражение американской темы на либеральном радио «Эхо Москвы» трудно назвать объективным, поскольку здесь доминирует раскрытие преимуществ и позитивных черт либерально-демократических США. То же самое можно сказать практически обо всех других либеральных СМИ.

Среди немногих известных СМИ, в которых американская тема находит более или менее объективное освещение, я бы назвал «Московский комсомолец» (МК). Приведу один из свежих примеров. В номере за 22 февраля 2013 года публикуется статья А. Минкина, в которой раскрывается лицемерный характер за-

боты российских депутатов о русских детях в США, а также статья «Пехтинг как массовое явление», показывающая цинизм антиамериканизма российского политического класса. Но в этом же номере опубликована статья «Сирия жестоких убийств», в которой раскрывается террористический характер сирийской оппозиции, поддерживаемой США.

Безусловной же задачей академического сообщества, по моему убеждению, является сохранение и углубление объективного сбалансированного подхода в изучении США, противостояние пропагандистским штампам, способствование позитивному диалогу двух культур.

Н. А. Хренов¹

МЕДИА В СИТУАЦИИ РЕАБИЛИТАЦИИ МОНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рубеж XX–XXI веков, как казалось, давал основания оптимистически смотреть на расширение принципа диалога в социальной коммуникации. Именно это обстоятельство определяло интерес к диалогу в его бахтинском смысле, хотя, как известно, сам М. Бахтин обратился к этому принципу социальной коммуникации, когда в самом социуме он был утрачен. Тоталитарные режимы возвращали мир к принципу монолога. Это соответствовало эпохе вождей и диктаторов. Но в последнее время оптимизм по поводу диалога заметно затухает. Попробуем понять начавшийся в социальной коммуникации регресс. Для этого рассмотрим те процессы, которые разворачиваются в такой сфере коммуникации, как медиа.

Среди разных определений медиа мы находим и такие, которые дают сами практики современных медиа. Основатель журнала «Афиша» И. Осколков-Ценципер формулирует: «Медиа — это способность рассказывать истории и через это давать нам новые линзы, инструменты для понимания действительности»². Но вот еще емкая формула предмета: «Медиа — это способность небольшого числа голосов быть услышанным большим количеством ушей»³.

Но проблема, конечно, заключается в том, что, внедряя новые линзы для видения действительности, медиа не должны относиться к ним как к единственно вер-

ным. В этой сфере должны иметь место и плюрализм, и обратная связь, без чего нет диалога. Нельзя также допускать, чтобы меньшее число голосов превращалось в один универсальный и исчерпывающий голос. Многоголкое и многоголкое, дифференцирующееся на множество социальных групп и субкультур современное общество должно представлять в процессах коммуникации множеством голосов — и голосами меньшинств, и голосами больших человеческих общностей. Но это постановка вопроса в идеальном виде. Что же можно наблюдать в реальной практике медиа?

Начнем с установления периодизации в деятельности медиа, и в частности с исходной точки, когда их действие начинает восприниматься как взрыв. Этой исходной точкой в нашем недавнем прошлом является начавшийся распад монологического монстра — большевистской империи, иначе говоря, приход к власти М. Горбачева. Правда, с тех пор прошло уже много времени, и мы сегодня находимся в другой ситуации. Пережитые последние десятилетия позволяют выделить два главных этапа в истории медиа: ренессанс в 1990-е годы, когда началась реабилитация диалога в социальной коммуникации, и кризис в 2000-е годы. Конечно, такое деление на два периода является условным.

Распад большевистской империи, упразднение государственного контроля, активизация либеральных идей, возникновение общественного мнения — все способствовало и возрождению диалогического принципа, и соответственно ренессансу медиа. А главное: общество ощутило себя самостоятельным по отношению к государству. Свобода медиа — следствие свободы общества. Но не только о следствии свободы общества в данном случае следует говорить. Медиа активно формулировали общественное мнение, от них многое зависело.

Прочитав выказывание главного редактора газеты «Сегодня» Д. Остальского. (Эта газета является первым медиапроектом В. Гусинского.) Он говорит, что журналистское сообщество сыграло роль отсутствующего, как известно, в России среднего класса. В начале 1990-х были только первые олигархи и беднейшая

¹ Заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «Человек играющий» в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха» и др. Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России, член Общественного совета по гуманитарным наукам при Комитете по образованию и науке Государственной Думы РФ.

² История русских медиа. 1989–2011. М., 2011. С. 216.

³ Там же.

часть населения, которая пострадала от реформ, и ей трудно было разделять идеи реформаторов. «Единственная часть общества, — говорит Остальский, — которая поддерживала либеральное направление в политике, направление Ельцина–Гайдара, были журналисты... Реформаторское направление начала 90-х в значительной степени держалось при поддержке журналистского сообщества»¹.

Стоит ли доказывать, что в силу этого журналисты часто оказывались в опасности? Они и потом постоянно будут в опасности. Приведем еще один факт. Во время путча в 1990 году из Белого дома шла трансляция. Ее отключили. Репортерам пришлось выйти на площадь, заполненную людьми, и продолжать вещание. Это нужно было сделать, чтобы люди не покинули площадь. Если бы они ушли, немедленно были бы введены танки. Судьба самих репортеров была бы весьма драматической. Поэтому вещание продолжалось круглосуточно².

Обратим внимание на уникальный случай, когда в истории произошло совмещение медиа, или средств массовой коммуникации, для которых основополагающим признаком, согласно Н. Луману, является отсутствие интеракции (то есть непосредственного взаимодействия людей в одном пространстве, в котором они видят и слышат друг друга), со средствами массового воздействия, реальными лишь при наличии интеракции. В российской науке средства массовой коммуникации и средства массового воздействия разводятся³.

Когда М. Маклюэн говорит о медиа, то использует понятие «взрыв». Но он связывает это с появлением каждого нового средства медиа, будь то печатная книга или телевидение. Однако то, что происходило в 1990-е годы в России, тоже похоже на «взрыв». Но взрыв на этот раз происходил с помощью уже успевших стать традиционными медиа. Выяснилось, что в них существовал такой потенциал, который в Советском Союзе до этого не был востребован.

Сегодня от этой эпохи мало что сохранилось. Разве что бесконечно надоевшая вульгарная ругань Жириновского. Так мы оказываемся очевидцами того, что сами творцы медиа называют кризисом. Государство берет реванш, демонстрируя жесткую логику всей российской истории, связанную с раскачиванием маятника то в сторону «оттепели», то в сторону «заморожков», а следовательно, то в сторону диалога, то в сторону монолога. В начале 1990-х годов в России вышло интересное фундаментальное исследование философа А. Ахиезера, в котором под этим углом зрения была проанализирована вся история России⁴. То, что сегодня происходит в России, буквально иллюстрирует эту концепцию А. Ахиезера. В стране, в которой средний класс не сложился, еще долго будет реальным такое маятниковое раскачивание из крайности в крайность. Сегодня мы дрейфуем в обратном направлении и, кажется, отрезаемся от того, чего уже успели достичь.

¹ История русских медиа. С. 73.

² Там же. С. 32.

³ Волков А. Об актуальных проблемах средств массового воздействия (СМВ) и средств массовых коммуникаций // Предмет семиотики. Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. М., 1975. С. 12.

⁴ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск. 1997. Т. 1 : От прошлого к будущему. С. 71.

Ренессанс медиа в 1990-е годы совпал с очередной «оттепелью» и выражал ее настроения. Хотя мы обычно называем «оттепелью» хрущевскую эпоху, то есть период с середины 1950-х годов. Но этой «оттепели» предшествовал русский Серебряный век, или русский культурный ренессанс в начале XX века. Эту эпоху Д. Мережковский тоже называл «оттепелью». Можно идти и дальше, в XIX век. Один из ярких периодов в истории России — Александровский период (эпоха Александра I), который тоже обозначали как весну.

В 1990-е годы был проигран один из вариантов функционирования медиа, в контексте которого формируются особые структуры их языка. В ситуации ренессанса медиа действительно складывается новый язык, который давно возник на Западе. Вот признание одного из сотрудников выходившей в начале 1990-х годов «Независимой газеты», которую редактировал В. Третьяков. «Мы вырабатывали практически на пустом месте новый язык СМИ в России, — говорит он. — До этого газеты пользовались партийно-бюрократическим канцеляритом. А мы, вооружившись до зубов стайлбуками “Financial Times” и “Reuters”, пытались привнести западные критерии на отечественную почву. И, в общем-то, преуспели — хотя создали нечто свое. Мне кажется, это был очень интересный и очень адекватный своему времени язык»⁵.

Но время меняется, и этот адекватный своему времени язык оказывается в кризисе. Глава «Первого канала» К. Эрнст по этому поводу прямо говорит: «Телевидение и все остальные медиа съели тот язык, которым разговаривали»⁶. Обобщая сказанное, он констатирует: «Кризис медиа конца первого десятилетия нынешнего века может оказаться покрупнее пришествия Гутенберга. Все медиа — от почти уже античных до суперсовременных — мычат в попытке выплюнуть из себя слова уже наступившего тысячелетия. И для того, чтобы это преодолеть, нужны принципиально новые и не технические, а философские решения»⁷.

Но важна не только принципиально новая стратегия. Нужно хотя бы проанализировать накопленный медиаопыт. Что является определяющим: сами медиа или общество, в котором они функционируют? Отвечая на этот вопрос, избежим в данном случае ссылок на М. Маклюэна, прочертившего логику эволюции медиа, начиная с изобретения фонетического алфавита. Но было бы полезным вернуться в XVIII век, с которым наше время, как свидетельствует практика медиа периода ренессанса, многое связывает. Пожалуй, это время является настоящей исходной точкой тенденции, определившей взрыв медиа в 1990-е годы. Обращаясь к этой эпохе, Г. Тард начинает их историю с появления общественного мнения и его влияния на власть. По его мнению, вовсе не парламенты, а именно общественное мнение является «фабрикой власти». «Власть выходит отсюда, — пишет он, — как богатство из мануфактур и фабрик, как наука выходит из лабораторий, из музеев и библиотек, как вера выходит из изучения катехизиса и материнских наставлений, как военная сила выходит из пушечных заводов и казарменных учреждений»⁸.

⁵ История русских медиа. С. 35.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же.

⁸ Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 1902. С. 121.

Общество, освобождающееся от государства, входит в этап своего динамичного развития. История все более стремится стать историей не империй и государств, а историей обществ. С этого момента иначе воспринимается время. Прошлое уступает будущему. Культивируются инновации и модернизации. И так до сих пор. Сегодня в России тоже провозглашен курс на модернизацию. Что же является активным рычагом внедрения футуристического мировосприятия, которое породит все типы авангарда — от политического до художественного? Авангард стремится отрезать человечество от прошлого. Но, кроме того, уязвимость авангарда состоит в том, что он монологичен.

Но отречение от прошлого неизбежно приводит к процессам симуляции, к производству симулякров, и прежде всего с помощью медиа. Кризис языка медиа, который констатируют сами их творцы, означает осознание того, что используемый сегодня медиаязык — это язык симулякров. Не поэтому ли так постоянны на телевидении сюжеты об инопланетянах и о конце света. Кризис языка — это утрата реальности, а там, где утрачивается реальность, возникают симулякры. Н. Луман не использует понятие «симулякр», но вот что он говорит: «Мы не спрашиваем о том, что имеет место; что за мир и что за общество нас окружает. Напротив, мы спрашиваем о том, как возможно, что информация о мире и об обществе признается информацией о реальности, если известно, как она производится»¹.

Когда общество с помощью медиа освобождается от прошлого, возникает необходимость постоянного утверждения связи между настоящим и будущим. Общество, отрываясь от прошлого, перестает развиваться в соответствии с большими длительностями времени и начинает ощущать себя в пространстве кратких длительностей. Но большие исторические длительности — это время культуры. Разрывая с прошлым, авангард разрывает с культурой. Какое же средство оказывается наиболее соответствующим новой общественной динамике? Какое средство начинает воспроизводить жизнь в кратких длительностях? Конечно же, прежде всего пресса и медиа в целом. Прочитируем в связи с этим снова Н. Лумана. «Они (СМК. — Н. Х.), — утверждает он, — порождают время, которое сами себе и предпосылают, а общество к этому приспосабливается. Это красноречиво подтверждается прямо-таки невротической одержимостью инновациями в экономике, политике, науке и искусстве (хотя никто не знает, откуда протекает новизна нового и насколько велик его запас)»².

В соответствии со словами Н. Лумана получается, что эта невротическая одержимость инновациями идет от медиа. В этом высказывании мы узнаем позицию М. Маклюэна: мощные технологии способны конструировать новую реальность, которая сильнее самой реальности. Нет, еще не объясняет взрыв медиа ни сама технология, ни даже возникшее общественное мнение. В данном случае невротическая одержимость новым является следствием возникшего в XVIII веке мировосприятия, которое есть модерн. Корень монологизации социальной коммуникации связан именно с ним. Начало эскалации медиа действительно связа-

¹ Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 189.

² Там же. С. 38.

но с XVIII веком. Именно потому, что в этом веке начинается эпоха модерна. Во многом и вся наша история, и в том числе история медиа началась в эпоху раннего модерна, то есть в эпоху Канта и Гегеля, когда были сформулированы основополагающие философские принципы мировосприятия модерна.

Если представители медиа сегодня констатируют кризис их языка, то в реальности под этим следует понимать в том числе и кризис модерна как мировосприятия, причем мировосприятия во всем мире. Но в России в период ренессанса медиа модерн оказывался еще в зените. Получается так: в других странах модерн угасал, а российские медиа его возрождали, провоцировали и, точнее, выражали. Хотя в России 1990-х годов развернулись дискуссии о постмодерне, особенно в художественной среде, постмодерн здесь не имел значительного эффекта. Да и сам постмодерн очень напоминал авангардистские акции и, следовательно, продолжал оставаться все тем же модерном.

Между тем в самом обществе развертывался глубокий, подспудный процесс, который и привел к нынешнему состоянию — к кризису медиа. Медиа все еще пытаются пользоваться языком, сформировавшимся в 1990-е годы, а общество сильно трансформировалось. В нем активизировались консервативные элементы. Между медиа и обществом возникло противоречие. Этот глубокий, подспудный процесс идет бессознательно, и для того чтобы начать в нем разбираться, введем в логику рассуждений, кроме общества и государства, еще один «персонаж», об активности которого в нашей стране имеется весьма поверхностное представление, а именно — культуру. Именно этот «персонаж», а не постмодерн, является наиболее активным средством сопротивления модерну как мировосприятию, которое, как сегодня понятно, стало причиной многих трагедий в истории последнего столетия.

Но если мы вводим в структуру рассуждений о медиа понятие культуры, то вместе с этим приходится констатировать и особое время, которое М. Бахтин называет «большим временем», а Ф. Бродель — «временем больших длительностей». А это время для медиа, оказывающихся во власти невротической одержимости нового, удивительно неорганично. Медиа в этой парадигме просто не способны функционировать. Их роль в активизации культурной парадигмы, пожалуй, заключалась в том, что именно они это сопротивление активности культуры и спровоцировали. И то, что мы сегодня много рефлексируем о культуре, не случайно. Такая рефлексия свидетельствует о том, что активизируется спасительный комплекс, который позволит преодолеть все принятые модерном противоречия и разрушения. Медиа уводили общество в сторону от прошлого, а культура это перечеркнутое модерном прошлое реабилитирует.

То, что происходит с культурой, — стихийно и бессознательно, поскольку формируемое медиа сознание людей просто не способно выходить в пространство больших длительностей. И активность государства, и активность православной церкви, столь очевидная сегодня в России, — лишь надводная часть айсберга. В данном случае и государство, и церковь являются во все не инициаторами, не ведущей силой. Они только

оформляют то, что возникает в самом обществе. Они ощутили, что следует дать какой-то творческий ответ на вызов, возникший в связи с продолжающимся на протяжении вот уже почти трех десятилетий реформированием. Невозможно утверждать, что этот творческий ответ в виде давления государства на медиа и активного внедрения религиозной ортодоксии является удачным. Просто такой творческий ответ для России оказался традиционным и очень привычным. Легче всего не изобретать ничего нового, а воспользоваться тем, что в истории уже имело место. И далее в соответствии с концепцией А. Ахиезера.

Что все-таки произошло в самом обществе, что привело к осознанию кризиса языка медиа? Обратимся снова к маклюэновской идее взрыва. Он говорит, что с появлением каждого нового средства медиа в обществе происходит выброс энергии, подобно той, что возникает в результате расщепления атомного ядра. Была эпоха, когда медиа спровоцировали национализм и индивидуализм, но наступила эра, когда эти комплексы нейтрализуются, стираются. Все это имеет отношение к формированию и поддержанию индивидуальных, национальных и коллективных идентичностей. Этот вопрос сегодня в России активно обсуждается, в том числе и применительно к медиа. Тут, разумеется, существуют веские причины — и распад имперской идентичности, и стремление сохранить старую или обрести новую идентичность, что в ситуации глобализации действительно представляет серьезную проблему.

Медиа тоже являются мощным средством и поддержания, и формирования идентичности — и общенациональной, в чем заинтересовано государство, и в субкультурной, и в культурной, и в любой другой. Например, главный редактор русской версии журнала «Playboy» — первого профессионального мужского глянцевого журнала, задался целью транслировать с помощью своего издания новый образ русского мужчины. Он признается, что «хотел изменить традиционные русские представления о настоящем мужчине как о вечно пьяном, жирном, неухоженном, по-хамски относящимся к женщинам»¹. Он пишет: «Мне хотелось продемонстрировать нашим мужчинам, что возможны и другие — более привлекательные типажы. Джендльмен, плейбой, вообще ухоженный галантный мужчина, динамичный, следящий за собой, культурный и — что главное в контексте журнала — уважительно, восхищенно и в то же время играючи относящийся к женщинам»².

Другие, более серьезные журналы тоже ставили своей целью если не формировать такие идеальные образы, то, по крайней мере, отдавать отчет в том, для кого же они работают и кто их воспринимает. Это то, что на телевидении и в прессе называют форматом. Вот, например, представитель медийного проекта середины 1990-х годов «Сноб» М. Гессен уже пользуется понятием «идентичность». Он говорит, что его издание ставит своей целью обнаружить, выявить и сделать реальностью аудиторию «состоявшихся людей», занимающихся «частным обустройством и выстраиванием собственной идентичности»³. Так журналист выходит

¹ История русских медиа. С. 136.

² Там же.

³ Там же. С. 289.

на обсуждение вопроса о конструировании и создании с помощью медиа идентичности.

В какой мере можно утверждать, что это одна из функций медиа в любых ее формах и проявлениях? И отдельный вопрос: в какой мере можно утверждать, что в постсоветской России функционирование медиа привело к созданию новых идентичностей? Каков вообще потенциал медиа в формировании и утверждении идентичности? Не такой уж он и значительный, во всяком случае не единственный, по сравнению с культурой.

Если создавать такие идентичности медиа и способны, то не являются ли они, эти идентичности, лишь набором весьма поверхностных характеристик человека, которые не имеют отношения к другим способам конструирования идентичностей, и прежде всего к культуре? Наиболее мощным средством формирования идентичности является все-таки культура.

Но тут следует иметь в виду специфику русской культуры, способной разрушать то, что в какой-то период (в нашем случае в период ренессанса, то есть в 1990-е гг.) успевают создать медиа. Культура способна возвращать в свой контекст вырвавшиеся на свободу и опирающиеся на технологии медиа. При этом культуру не приходится отождествлять исключительно с чем-то идеальным, возвышенным и позитивным. Культура — то, что формировалось в больших исторических длительностях. Аксиология тут ни при чем. Это очень консервативный институт. И хотя сегодня в России повсюду говорят об упадке культуры, она продолжает оставаться предельно активной, в том числе и в сфере конструирования идентичностей.

Чтобы прояснить вопрос со спецификой русской культуры, процитируем суждение Н. Бердяева о морфологии русской культуры. Цитируя Н. Бердяева, мы возвращаемся к идее больших длительностей в истории, с помощью которых активно программируется сознание и поведение людей. «Россия, — пишет Н. Бердяев, — совмещает в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего Средневековья до XX века, от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры»⁴. Ментальные формы и формулы, сложившиеся на разных этапах истории культуры, способны всплывать в коллективном сознании и быть активными в формировании каких-то установок и оценок.

Такие состояния культуры, возникшие в истории последовательно, могут в результате нарушения в силу каких-то причин их иерархии функционировать самостоятельно и одновременно. Это происходит в ситуации, которую Э. Дюркгейм назвал «социальной аномией», а в России называют смутой. Но эту смуту мы как раз и переживаем. Она никак не может закончиться. Такое совмещение объясняет и современные процессы, когда активность некоторых слоев общества, заинтересованных в последующих изменениях (а это проявилось в акциях и на проспекте Сахарова, и на Болотной площади в 2012 г.), наталкивается на противодействие других слоев общества. Средства массовой коммуникации уступают место средствам массового

⁴ Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 71.

воздействия. Появление массы на площади — свидетельство опять же кризиса новейших технических медиа с характерным для них отсутствием интеракции. Площадь — отрицание медиа и возвращение к наиболее архаическим формам коммуникации, которые мы выше назвали средствами массового воздействия.

Существует много причин, способствующих активизации в современной жизни традиционных словес сознания. Н. Бердяев не перечислил всех аргументов в пользу своего тезиса, но они есть. Чтобы в этом убедиться, обратимся еще к одному эксперту по морфологии русской культуры — русскому философу-эмигранту Г. Федотову, который позволит также разобратся в проблематике идентичности и в возможностях медиа конструировать идентичности.

Г. Федотов попытался разгадать общественный регресс, что развертывался в России с конца 1920-х — начала 1930-х годов в связи с реальностью сталинской вертикали. Он стремился обнаружить ту социально-психологическую основу, которая способствовала реализации этой вертикали¹. Вот и сегодня, чтобы разобратся в кризисе медиа, следует эту основу тоже обнаружить. Все начинается с социума, а не с медиа.

Г. Федотов обращает внимание на то, что социальная аномия, возникшая в результате распада царской империи и последовавшей за ней революции, привела к прорыву в новую действительность средневековых слоев сознания, которые оказались предельно активными. Г. Федотов показал, что сталинская эпоха в российской истории оказалась возможной в результате активизации того типа личности, который был сформирован в Средние века, в эпоху строительства «третьего Рима» и вновь вышел из исторического забвения после гражданской смуты (революции и Гражданской войны). Собственно, именно эта смута его активность и спровоцировала.

Такая смута оказалась возможной благодаря активности другого типа личности, для которого важно было соотносить реальность с идеалом, а точнее, с утопией. Поскольку же такой идеал реализовать сложно, то он находится всегда в движении, в постоянном поиске, в странствиях, в том числе духовного плана. Этот тип личности Г. Федотов назвал странником. Если москвитянин или средневековый тип личности ради стабильности (слово-то какое популярное в современной России!) государства готов пожертвовать свободой, то странник больше всего ценит свободу и ради этой свободы способен ассимилировать элементы других культур и пожертвовать государством, да, собственно, вообще культурой. И действительно, когда произошла революция, она и была принесена в жертву. Понятно, что взаимодействие этих двух типов личности могло бы происходить по принципу диалога. Но в реальности соответствующие им картины мира существуют, как правило, не одновременно, а последовательно, сменяя друг друга.

Г. Федотов свидетельствует о том, что русской культуре присуще отсутствие единого базового типа личности. Здесь он распадается на два определяющих типа, под воздействием которых развертывается маятниковая история в больших длительностях, которую и обнару-

¹ Федотов Г. Письма о русской культуре // Федотов Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. СПб., 1992. Т. 2. С. 163.

живает А. Ахиезер. Те два периода в истории медиа (ренессанса и кризиса) следует рассматривать тоже в этих длительностях исторического времени. Период, который мы здесь обозначаем как период кризиса медиа, разворачивается под знаком актуализации картины мира типа личности, называемого Г. Федотовым москвитянином. И этой картине мира диалог не соответствовал.

В горбачевско-ельцинскую эпоху активность проявляет именно тип личности странника. Он начал активизироваться еще в период хрущевской «оттепели». Следствием активности его ментальности стали 1990-е годы. То, что сегодня происходит, вовсе не является подтверждением концепции Г. Лебона о том, что масса, взбудораженная революционными переменами и реформами, которые нельзя назвать удачными, рано или поздно устает от свободы, оказываясь способной подчиниться человеку с железной волей. Это скорее свидетельствует об очередном приходе средневекового типа — москвитянина, который в российской истории активизировался еще с рубежа 1920–1930-х годов. Но нечто подобное происходит и в 2000-е годы. Ясно, что эти процессы первоначально рождаются и развертываются в социуме, а потом уже к ним пристраивается и использует их власть.

Ментальность москвитянина — еще одно из проявлений российской ментальности, а следовательно, российской культуры, с которым следует считаться так же, как и с ментальностью странника. Ему нужна не столько информация, сколько миф. Причем к мифу как составляющей всякой культуры следует относиться серьезно, как и к самой культуре. Считаться, но не идти у него на поводу. Его активность спровоцирована, как это было и раньше, активностью модерна, которую и демонстрировали медиа в эпоху их ренессанса, то есть в 1990-е годы. Ведь не секрет, что все последние 20–25 лет значительные слои общества относились, например, к практике телевидения весьма критично.

Очевидно одно: в новой ситуации язык медиа действительно оказался в кризисе, а вместе с ним в кризисе оказались те медиа, которые давно стали традиционными. Сегодня Россия осваивает Интернет и пытается осмыслить последствия нового взрыва, возникающего в результате распространения Всемирной паутины. Этот процесс осмысления только начинается. На новой фазе функционирования медиа российское общество уходит в мировую паутину, как раньше уходило в катакомбы. Она позволяет получать информацию, минуя традиционные средства медиа, контролируемые государством.

Не случайно Г. Рейнгольд — автор книги «Умная толпа: новая социальная революция», пытающийся понять Интернет как новое средство медиа, утверждает, что Сеть открывает новую возможность объединения людей в «умную толпу», способную сопротивляться властным структурам. Правда, он не исключает того, что, предоставляя человечеству большую свободу, новое средство медиа способно трансформироваться в то, что может стать причиной ее утраты, превращаясь в орудие поголовной слежки, почище той, что описана Оруэллом². Поживем — увидим.

² Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. С. 16.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Е. В. БРЫЗГАЛИНА	заведующая кафедрой философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент
Ю. И. ВДОВИН	доцент кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного университета
А. А. ДЯТЛОВ	первый заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда»
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
М. И. КОЗЬЯКОВА	профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук
А. И. КУПРИЯНОВ	главный редактор газеты «Вечерняя Москва», шеф-редактор газеты «Известия»
С. Л. ЛЕСКОВ	научный обозреватель газет «Комсомольская правда», «Известия»
В. К. МАМОНТОВ	президент ОАО «Редакция газеты “Известия”»
Л. В. МАТВЕЕВА	профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор психологических наук
В. Н. СЕРОКЛИНОВ	редактор отдела прозы журнала «Сибирские огни»
В. В. СОГРИН	руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
В. Д. СОШНИКОВ	заведующий кафедрой журналистики, заведующий кафедрой режиссуры мультимедиа СПбГУП, профессор, заслуженный работник культуры РФ
В. С. СТЕПИН	руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Н. А. ХРЕНОВ	заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! На мой взгляд, сегодня здесь должна состояться одна из наиболее интересных дискуссий Международных Лихачевских научных чтений. В зале собрались интересные докладчики, практики, крупные ученые, что обещает серьезное и глубокое обсуждение проблем в сфере культуры и коммуникации.

От Оргкомитета Чтений прошу придать дискуссии менее прикладной, но более общефилософский характер, поразмышлять над тем, что происходит с коммуникациями вообще. Мы часто рассматриваем коммуникации как утилитарную составляющую нашей жизни, источник, из которого мы получаем информацию, развлечения. Но, анализируя ситуацию в системе массовых коммуникаций в последние годы, очевидно, что система массовых коммуникаций становится «нашим всем» (а раньше мы говорили, что «Пушкин — наше все»), причем я вкладываю в это выражение не лучший смысл.

Речь идет о том, что система массовых коммуникаций не только в нашей стране, но и во всем мире начинает играть особенную роль, отличающуюся от той, которую они исполняли 15–20 лет назад. И дело здесь не просто в увеличении их мощности, распространении, не в том, что появился Интернет, который предоставил новые возможности. Дело в том, что в определенный момент объем информационных потоков перешел в совершенно новое качество, над которым следует задуматься в философско-культурологическом плане.

Например, в нашей стране функция воспитания подрастающего поколения была изъята у воспитателей, школьных учителей, вузовских профессоров и передана телевидению. Интернет уже давно не является средством свободного общения, с его помощью манипулируют общественным сознанием. Манипулирование сегодня заменило традиционные институты демократии на Западе.

Недавно я выступал в Берлине, где собралось примерно 300 журналистов. Я им сказал, что все они — орудия манипуляции. 15 лет назад 5 американских корпораций производили порядка 80 % всех новостей в мире, сейчас монополизация дошла до того, что 3 американские корпорации производят 92 % новостей во всем мире. Сейчас западная пропаганда обрабатывает западную аудиторию намного лучше и эффективнее, чем в свое время пропаганда Геббельса. Немецким журналистам это сравнение не понравилось не потому, что было произнесено слово «Геббельс», а потому что мы отразили суть происходящего.

Тридцать лет назад властителями умов в мире были ученые, литераторы, крупные писатели, общественные деятели, философы. Например, Сартр выступил со своей концепцией, и она овладела миром. До него свою идею предложил Анри Барбюс. Для того чтобы заставить правительство изменить позицию, один писатель мог написать письмо 15 писателям в разных странах мира, и политика правительства менялась. Американская общественность положила конец войне во Вьетнаме. Военные силы Америки, конечно, проигрывали, но война еще долго бы продолжалась, если бы не вмешалась общественность. Если бы сегодня американцы вели войну во Вьетнаме, американская общественность спокойно бы воспринимала те же самые зверства, может быть, их не показывали или показывали бы совершенно иначе. Эта картина сегодня создается в рамках западного общества.

Кто сегодня влияет и стоит за информационными каналами? Владельцы корпораций, которые тесно аффилированы с властными структурами. Кто управляет миром? Что происходит с информационными потоками? Мы видим, что сейчас под информационным влиянием искажается сущность человека, появляется новый тип человека. Мы долго говорили о том, что формируется «клиповое мышление». Но оно уже сформировано, в течение последних 15 лет во взрослую жизнь вступают новые поколения с «клиповым мышлением». Это означает, что они не имеют той картины мира, которая была присуща людям, воспитанным в наше время. Прогресс пошел вспять. У многих из тех, кто входит во взрослую жизнь, деформировано сознание.

На нашем заседании присутствует выдающийся российский философ Вячеслав Семенович Степин, автор глубоких философских работ, он относится к числу людей, которые теоретически наиболее глубоко исследовали процессы, происходящие с информационными потоками. Здесь присутствуют крупнейшие российские журналисты: Виталий Товиевич Третьяков, представляющий лучшую часть отечественной журналистики; Владимир Мамонтов, один из ярчайших и думающих российских журналистов, президент «Известий»; Андрей Дятлов, представляющий «Комсомольскую правду», крупнейший опытный журналист; и видные теоретики, которые представили свои доклады на Лихачевские чтения.

Сегодня в рамках Международных Лихачевских научных чтений проходят заседания восьми секций с участием около 1500 человек, в Театрально-

концертном зале собрались более 700 школьников для обсуждения идей и наследия Д. С. Лихачева.

Надеюсь, что здесь состоится интересный разговор, в котором примут участие и те, кто идет нам на смену.

Слово предоставляется академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Сейчас важно определить круг проблем, о которых мы должны дискутировать. Одна из важных проблем, которую сегодня сформулировал Александр Сергеевич, — как сегодняшнее состояние цивилизации, ее технологии меняют традиционные ценности, связанные со СМИ, коммуникацией, традиционными институтами. Александр Сергеевич сказал, что сегодня само понятие «демократия» проблематизировано, потому что демократия — это свободные выборы и идеи, свобода волеизъявления. Но существует система программирования (жесткого и мягкого) людей, поэтому люди думают, что обладают свободным волеизъявлением и могут отстаивать свои интересы, голосовать, но впоследствии оказывается, что это совершенно не совпадает с реальными интересами страны, их социальной группы, их самих.

Я вспоминаю, как известный советский и российский артист Василий Лановой, выступая на заседании клуба «Свободное слово», рассказывал: «Я приехал к своей сестре на Полтавщину в 1990-х годах. Она была активной демократкой, ратовала за суверенность Украины, а первыми словами, которыми она меня встретила, были: “Василий, шо мы не рабы?”» То есть люди со временем осознавали, что то, что они сделали, — вовсе не то, чего они хотели, и, может быть, в момент, когда они были охвачены общим чувством, ими манипулировали. Это первая важная проблема — проблематизация фундаментальных социальных институтов, таких как демократия, свободное волеизъявление, права человека, то, за что мы держимся, что выступает как идеал. Как современные технологии, современный мир деформируют ценности и какие здесь возникают возможности и сценарии развития? В этом круге проблем особо стоит вопрос о СМИ и средствах массовой коммуникации.

Маршалл Маклюэн был совершенно прав, когда подчеркивал, что состояние культуры во многом зависит от средств кодирования социального опыта, которые могут этот опыт сохранять, транслировать и расширять поле трансляции, охватывая все большее число людей. Он справедливо выделял дописьменное общество, общество с письменностью и подчеркивал, например, что в дописьменных обществах невозможны право и государство, там совершенно иначе понимаются базовые ценности, такие как справедливость и т. д. Затем появилось книгопечатание, «галактика Гутенберга», когда возникла массовая читающая публика и образование стало массовым. В условиях ранних стадий письменного общества, например в древней египетской цивилизации, писцы были привилегированным слоем общества, и то, что они писали, переписывали и хранили, было часто засекречено, оставалось достоянием жрецов, фараонов. И массовой грамотности тогда не было.

Потом следует возникновение средств массовой информации, газет, означавшее переворот в социальных коммуникациях. В связи с появлением СМИ возникли особые формы организации малых социальных групп. Малые социальные группы — это фундамент социальной жизни, они всегда предполагают непосредственную коммуникацию людей. Большие социальные группы — это классы, сословия, нации, которые существуют не сами по себе, а только формируясь на основе малых социальных групп: семья, друзья, футбольные болельщики, театралы, профессиональные объединения людей и т. д. В Советском Союзе производственный коллектив многие считали вторым домом. Например, В. М. Межуев в личной беседе однажды сказал мне, что Институт философии — это его первый дом.

Сегодня возникли новые способы образования малых социальных групп, а это реальная социальная структура общества, которая подлежит особому анализу. Кстати, такой анализ фактически не был сделан, потому что в данном случае необходимо совместить социологию и современную информатику, особенно, это актуально в связи с Интернетом.

Последний слой, по Маклюэну, с которым мы сейчас имеем дело, — компьютерное письмо, компьютерные сети, Интернет. В СПбГУП уже проводился круглый стол, посвященный этой теме, на котором было высказано много интересных идей, в частности о том, что такое виртуальная реальность и как воздействует Интернет на умы людей, какие открывает возможности.

Идеи Маклюэна справедливы, каждая новая технология обуславливает передачу программ социального поведения, общения, деятельности. Я определяю культуру как системно организованную, сложную, развивающуюся систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, деятельности поведения и общения людей. Именно программы, которые обязательно воздействуют на нас, надстраиваются над биологическими программами и регулируют их. Регулятивная роль программ социального общения, поведения, деятельности фиксировалась и Фрейдом, и неофрейдизмом, и Юнгом, и другими направлениями. Существуют работы на эту тему, например «Философия языка» Хайдеггера, в которой он показал, как язык программирует человека.

В культуре существуют сложные иерархии смыслов, в фундамент заложены мировоззренческие идеи и ценности, определяющие картину мира, на которую ориентируется тот или иной человек, воспитанный, сформированный в данной культуре, а другая культура может задавать, продуцировать иную картину.

В связи с этим мне хотелось бы выделить следующие вопросы: как появление новых технологий, новых средств коммуникации меняет социальные связи людей и какие происходят изменения в этой картине? Это очень важная проблема.

Цивилизация, в которой мы живем, находится на переломе. Что из этого получится, трудно сказать. Мы находимся в состоянии фазового перехода: заканчивается один тип цивилизации, который зародился в эпоху Ренессанса, Реформации и раннего Просвещения

и сформировал определенную систему ценностей. Эта система ценностей всегда лежала в основе современной техногенной цивилизации. В ее основу заложена идея научно-технологического прогресса, который через экономику, производство меняет предметную среду социальной жизни, связи и отношения людей, способы их коммуникации, причем все это происходит в ускоренном режиме. В техногенной цивилизации ценятся инновации, в противовес традиционному обществу, где главная ценность — традиции, а не инновации. Эта цивилизация породила глобальные кризисы, постоянно их обостряет, при этом непонятно, как из них выйти. Очевидно, дело в глубинных ценностях этой цивилизации, необходимо проанализировать, как они сейчас трансформируются.

Цивилизация прошла три стадии развития: доиндустриальную, индустриальную и сейчас находится на постиндустриальной стадии. На постиндустриальной стадии она сформировала, как многим кажется, желательное для людей общество, которое сейчас называют обществом массового потребления или потребительским обществом, и создала определенные культуры этого общества и все, что обслуживает их, само общество — определенные культурные установки, ценности, которые часто преподносятся нам как желательный образ жизни будущего.

На эту тему можно долго говорить, уже сформулирована идея о том, что если все человечество (7 млрд) достигнет такого уровня потребления, как Соединенные Штаты Америки на современном этапе развития, в частности в потреблении энергии, то все разведанные энергетические ресурсы будут исчерпаны в течение 15 лет: в США примерно 300 млн человек потребляют 42–44 % мировой энергии. Концепция «золотого миллиарда» известна. Важно проанализировать, что происходит с фундаментальными ценностями (права человека, демократия, свободное волеизъявление) в современных условиях, как они деформируются, как средства массовой коммуникации стимулировали эти деформации и сохраняют деформированные ценности, к чему это приведет? Эти проблемы всегда остаются за рамками дискуссии, когда обсуждаются современные коммуникации.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Вячеслав Семенович в своем выступлении представил историко-теоретическую базу того, о чем я хотел рассказать. Действительно, сейчас, проблемы журналистики, поднимаемые в статьях философов, социологов, — это конъюнктурная прагматика: кто-то хочет кого-то обличить — и выше этого дискуссия не поднимается, либо видна тенденциозность, то есть выбирается энное количество текстов, из которых выводится то, что хотелось бы. Я думаю, что философы, которые решили бы проанализировать тексты (причем под текстом я понимаю и изображение — это тоже текст), представленные в средствах массовой информации России, допустим, циркулирующие в течение года, получили бы как минимум базу для

интересных выводов. Каждый отдельно взятый журналист субъективен. Суммарно (даже в своей субъективности) это карта в том числе и заблуждений данного общества по тому или иному поводу. Кроме того, журналисты навязывают свою точку зрения обществу. Я сейчас близок к завершению своей теории телевидения, в которой затрагиваю и политический вопрос. Сегодня это проблема средств массовой информации вообще.

Хотелось бы проанализировать то, чем является телевидение сегодня, и в этом контексте изложить несколько тезисов. У меня есть проверочный вопрос, который я задаю в том числе и своим студентам, но на который никогда не получаю правильного ответа как от молодых, так и от опытных журналистов, уже работающих на телевидении: «Какой самый распространенный жанр телевизионной передачи, телевизионного продукта на телевидении?» Обычно отвечают: ток-шоу, сериалы, но это неправильный ответ. Конечно, это реклама. Сбивает слово «телепередача», но телепередачей теперь называют все — от фильма до «Спокойной ночи, малыши» и «Дома-2». Передача — это как заметка в газете. Причем интересно, что в рекламу не вторгается ни один другой жанр, хотя она использует все, вторгается в любую телевизионную передачу, даже в информационные выпуски. Правда, в программу «Время», транслируемую по «Первому каналу», не вставляют рекламные блоки, но на всех остальных каналах и в шестичасовых вечерних новостях по «Первому каналу» реклама тоже выходит. Если в течение нашего сегодняшнего разговора каждые 15 минут будет вбегать девушка и рекламировать прокладки, а другая — зубную пасту, а третья — еще что-то, то они передадут нам свою стилистику.

— *Во время прямой линии с Президентом России реклама тоже транслируется.* (реплика из зала)

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Вы просто не замечаете. Прямая линия транслируется без рекламы потому, что она сама является гигантским четырехчасовым рекламным роликом и самой дорогой рекламой. Не существует такой фирмы, которая сможет оплатить свою рекламу внутри прямой линии Путина, если бы такая фирма была, она являлась бы главным бенефициантом в нашем государстве, по статусу равным президенту.

Все знают, что такое реклама, рынок, общество потребления. Люди смотрят телевидение и думают, что все искажают продажные журналисты, которые показывают свое, поэтому нужно критически на это смотреть. Оказывается, не журналисты это определяют.

Вторая тенденция. Телевидение — по-прежнему самое мощное средство массовой информации, поэтому оно будет определять (не важно, какова его технологическая основа) ценности новой жизни. Если там постоянно присутствует реклама, выводы можете делать сами. В журналистских статьях пишут обо всем, но до сути не добираются. Я буду рад, если кто-то из студентов возьмется написать курсовую, а еще лучше дипломную работу на следующую тему: нужно взять программу телепередач за неделю 2013, 2003, 1993,

1983 годов и сравнить их, проанализировать, как каждые 10 лет трансформируются названия передач. И вы увидите, что от марксизма-ленинизма (контент был заполнен серьезными темами) сейчас наблюдается движение в сторону развлекательности, комедийности. Пока эта тенденция продолжается.

Третья тенденция. Сегодня все говорят о «клиповом сознании», и Александр Сергеевич упомянул об этом. «Клиповое сознание» всё воспринимает как некую картинку. Для меня и текст, и изображение — это все равно текст. Если «клиповое сознание» рассмотреть применительно к конкретному тексту, то я бы назвал это «анекдотизацией». Обратите внимание на постмодернизм: современные романы — это попытка для читателя, знакомого с произведениями Пушкина и даже Набокова. Они состоят из набора анекдотов, коротких рассказов той или иной степени глупости, пошлости и остроумия. Повсеместно наблюдается анекдотизация литературы, текстов. Сегодня выпускаются передачи, которые так и называются «Анекдоты», «6 кадров», где экранизируют анекдоты.

Можно указать еще на ряд тенденций, которые трансформируют ценности. Существует партия Twitter'a (об этом тоже можно поговорить) — это анархо-плюрализм. Анархия рано или поздно завершится авторитарным режимом, иного не дано. А в нашем случае она закончится демократическим тоталитаризмом, собственно, к которому мы уже близки.

Еще раз о телевидении — это самый мощный источник воздействия. Что такое телеэкран? Это внешний символ, атрибут медиаверы. Раньше в красном углу каждой избы стояли иконы, теперь — телевизор. Мы не заметили, как сначала появился один телевизор, а теперь целый иконостас, рассеянный по квартире. К анализу проблемы должны подключиться культурологи, философы и сравнить изображение на иконе (от живописного до содержательного) и в телевизоре. На иконе, как правило, скорбный взгляд, икона, где всегда смеются, — телевизор. На многих иконах изображен ад и грешники, за грехи подвергающиеся мучениям. Эти грешники, во-первых, всегда изображены внизу иконы, во-вторых, там присутствует натурализм, но не настолько подробный, нет движения. И вдруг весь этот ад оказывается в центре иконы с подробностями, по крайней мере 5 минут эту картину ада можно просматривать. Суммируя все это, можно сделать очевидные выводы.

И последнее. Телеведущий подменил журналиста, журналистика вытесняется, в печатных СМИ она еще присутствует, а на телевидении уже находится в «почетном» гетто. Поразительно, что передовое технологическое средство распространяет невежество, где важно сохранять скорость. С помощью Интернета массово распространяются профанные очевидные знания, с помощью телевидения — невежество. С какой скоростью идут оба процесса и какой из них доминирует? Я считаю, что доминирует распространение невежества, чему мы многократно являлись свидетелями на конкретных экзотических примерах относительно того, что вокруг чего вращается, и т. д. Создается печальная картина. А мы привыкли, что завтра будет лучше,

чем сегодня, послезавтра еще лучше и вообще мы идем в светлое будущее, сначала коммунизма, а теперь капитализма. Кажется, мы движемся по замкнутому кругу.

Есть что анализировать, над чем размышлять и о чем спорить, пока это все, на мой взгляд, происходит довольно поверхностно, на уровне политического переругивания по поводу того, кому больше заплатили, а нужно обсуждать более существенные проблемы.

А. И. КУПРИЯНОВ: — Виталий Товиевич, как в ближайшем будущем будут соотноситься сетевое телевидение, потоковое и каналное, дециметровое?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Относительно процентного соотношения нужно беседовать с «технарями» от телевидения, с теми, кто занимается развитием технологических платформ. Для меня не важен технологический носитель, важно, сколько экранов находятся рядом с человеком, а их становится все больше и больше, в том числе на вокзалах, в поездах, самолетах и т. п. Причем возникают подозрения, что они не только показывают, но и снимают, это отдельная тема. Сейчас много производителей телеконтента, наблюдается сетевой анархизм, в том числе и малых телеканалов. Я исхожу из того, что нормальный человек не может из тысячи телеканалов отобрать те, которые его интересуют. Большинство будут испытывать в этом потребность, которую будут удовлетворять специальные структуры по отбору. Мы уже это видим — спутниковое телевидение продает пакеты телеканалов. Кто будет осуществлять выбор? Мне не важно, будут этим заниматься маленькие фирмы или большие, вновь созданные из людей, знакомых с данной проблематикой, то есть из работников медиасферы. Но тенденция пока такова — мощнейшие телехолдинги той или иной страны (в России это ВГТРК, «Первый канал») будут производить так называемый видеоконтент и абсорбировать другой, который появляется стихийно, под себя. Как будут передавать изображение в конкретный город — эфирным образом или сетевым, на мой взгляд, не принципиально. Положение естественных монополий в виде «Первого канала» и ВГТРК, на мой взгляд, никто поколебать не сможет. Если их не реформировать, если не будет принято специальное решение, то будет именно так.

В. К. МАМОНТОВ: — Я хотел бы сделать несколько замечаний, которые, может быть, добавят возможностей по дискутировать. Виталий Товиевич упомянул об анекдотизации. Можно создать пост в «Facebook» и получить на него огромное количество положительных откликов типа «ха-ха-ха», «во дает» и подобных, собрать эти «лайки» и ощутить себя Господом Богом на три секунды перед этой аудиторией. Что по смыслу? Ничего. Пустота. Как в фантастическом рассказе о галетах «Пупс»: «Во рту галеты тихо пищат “пупс... пупс...” и тут же... испаряются. Словно раскусываешь зубами маленькие резиновые шарики, надутые стопроцентным воздухом...» Нет вкуса, а ощущение, что ты что-то съел. У меня все чаще возникает ощущение, что в нашей медийной сфере эти вещи все заполнили. Что служит продуктом для анекдотизации, когда

никто ни во что не хочет вникать, «клипового мышления»? Я согласен с тем, что это Митрофанушка в разном возрасте, есть достаточно солидные Митрофанушки. В общем дело зашло далеко.

Недавно в «Facebook» прошел интересный опрос: надо было решить простейший пример: $1 + 2 \times 6$. Правильно решили этот пример менее 50 % образованных людей, которые составляют аудиторию «Facebook». То, что люди решили этот пример неправильно, для меня означает (возможно, я ошибаюсь), что в большинстве случаев эти забывшие арифметику, а также этику, биологию и, возможно, что-то еще люди в основном принимают абсолютно неверные решения. Это связано не только с образованием, арифметикой, выхолащивается трудовая модель: надо потрудиться, чтобы что-то вспомнить. Порядок действий прост, но это надо знать. Мы медийной сферой выхолащиваем дело и делаем людей несчастными. Это мне кажется очень важным.

На пленарном заседании Александр Сергеевич привел хороший пример — указал на различие между сериалом «Школа» и фильмом «Доживем до понедельника». Это, к сожалению, очень правильная вещь.

Хотел бы развить еще одно замечание, которое здесь уже прозвучало. Среди журналистских заблуждений, о которых говорил Виталий Товиевич, можно выделить такое: главное — содержание, новость, событие, эксклюзив, а как подать (в виде печатной заметки, в Интернете, социальной сети, на экране телевизора), — это всего лишь вопрос формы.

Я искренне благодарен Вячеславу Семеновичу, который процитировал Маклюэна и тем самым подсказал мне мысль, что ты всегда продан, только не всегда об этом знаешь. Мы с шеф-редактором «Комсомольской правды» Ганелиным постоянно спорим на эту тему. В частности, он говорит: «Дайте мне новость, а мы ее на бумаге подадим», на что я отвечаю: «Ты не замечаешь, как новость в зависимости от того, куда она попадает, в какой сосуд, меняется сама и меняет тебя. Меняя тебя, она подтачивает, как червяк, и, значит, ты уже другой, но ты не замечаешь этого». В этом суть манипулятивности, на мой взгляд. Если мы об этом здесь поговорим и разовьем мысли Маклюэна, Вячеслава Семеновича Степина и мои, это будет интересно.

В выступлениях упоминались важные понятия, например «компьютерное письмо»: интересное сочетание старинного термина «письмо» с современным термином, еще не очень определенным и ясным. Мне кажется, то, что мы здесь попытались оценить культуру, сформулировать некоторые выводы, чрезвычайно важно. Для меня, например, культура — это система запретов. Пока самоцензура позволяет человеку оставаться в рамках той парадигмы, о которой говорил Вячеслав Семенович (он возвел ее к Ренессансу и довел до сегодняшнего дня). Мы сомневаемся сейчас, будет ли она работать, останется она или нет, это важный момент.

Слово предоставляется Андрею Анатольевичу Дятлову.

А. А. ДЯТЛОВ: — Мне кажется, что сегодня мы говорим правильные вещи. В Америке произошла такая история. После того как США фактически проиграли

войну во Вьетнаме, во-первых, они с почетом уволили всех генералов, которые вели эту войну; во-вторых, переписали все боевые уставы, поскольку война по этим уставам не могла быть выиграна. И уставы начали создаваться по простому принципу: как только их понимают новобранцы, которые приходят в американскую армию, устав начинает действовать.

В настоящее время в средствах массовой коммуникации, в сфере их воздействия на людей наблюдается такая же ситуация, как с газетами. Последние 10 лет все говорят о том, что газеты отомрут. Сейчас другие средства массовой информации (телевидение, радио) тоже начинают защищаться. На мой взгляд, они через некоторое время не будут играть той роли, которую играют сейчас, по той причине, что есть “Facebook”, “Twitter” и прочие, где человек может не просто отреагировать на то, что он прочитал, но и поделиться своим мнением. Он уходит в сообщество, где его выслушают, и эти «лайки» для него очень важны, потому что он ощущает себя востребованным.

Меня не пугает то, что «Первый канал» доминирует на телевидении (или второй, третий, четвертый, пятый), потому что когда вы приходите домой, то включаете телевизор не для того, чтобы посмотреть сериал, а для того, чтобы создать фон: вы ходите, смотрите, готовите, ужинаете, переключаете каналы, и вам не важно, что говорят. Люди в Интернете более восприимчивы к тому, что им скажут, потому что понимают, что возникнет реакция на то, что они разместили. По телевизору такой реакции нет, потому что это фон.

Я думаю, что лет через 10, а может быть, и раньше люди создадут программу, которая позволит им программировать то, что они хотят видеть. Например, я в Интернете набираю список фильмов, которые хотел бы посмотреть, список информационных программ, и телевизор будет показывать то, что мне реально хочется увидеть.

В. С. СТЕПИН: — Если такие компьютерные программы будут созданы, может быть, они будут формировать программные пакеты. И тогда человек сможет из этого пакета выбирать.

А. А. ДЯТЛОВ: — Мне нравится, что я затронул актуальную тему. У меня есть аргумент — это мой двухлетний внук. Я долго думал, что подарить ему на День рождения, и подарил iPad. Этот маленький человек, еще не умеющий говорить «дедушка», абсолютно свободно ориентируется в iPad'e, смотрит мультфильмы, играет, рисует и т. д. Ребенок с двух лет приучается к тому, чтобы использовать только ту информацию, которая ему нужна.

С газетами уже происходят такие метаморфозы: люди перестали на них подписываться и покупают у метро только то, что нужно. Такое же будущее ждет и телевидение. На мой взгляд, это хорошо, потому что поток информации, который нам предлагают, очень широк, все освоить невозможно, вследствие чего телевизор воспринимается лишь как фон. Каналы, которые нам нужны, мы будем выбирать сами. Воздействие на умы будет снижаться. Социальные сети — та площад-

ка, где люди будут общаться между собой и при этом участвовать именно в тех сообществах, в которых хотели бы. И это на самом деле хорошо, потому что любая идеологизация тягостна. Невозможно целый день читать информацию, которую тебе предлагают. Человек хочет и должен жить своей жизнью, поэтому он сам определит то, что ему предлагают, чем ему хочется заниматься. Если наше государство «пойдет» в социальные сети, для того чтобы регулировать умы через потоки, которые человек определяет сам, то продвинется довольно далеко. Это тоже плохо, потому что человек в своих соображениях должен быть свободным. Мне нравится, что социальные сети развиваются очень активно. Приведу один аргумент в пользу того, что это правильно: в прошлом году аудитория «Яндекса» превысила аудиторию «Первого канала» в два раза.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Елене Владимировне Брызгалиной.

Е. В. БРЫЗГАЛИНА: — Я хочу продолжить дискуссию и поддержать уникальный формат Лихачевских чтений: предварительно я достаточно подробно ознакомилась с опубликованными на сайте докладами и хотела бы высказаться по поводу идей, которые прозвучали.

Я хочу поговорить не о культуре в целом, а об образовании как системообразующей части культуры во взаимоотношениях с коммуникацией. Образование может быть рефлексией над коммуникацией. Мы сегодня наблюдаем, как коммуникативистика становится учебным курсом, образовательно-исследовательским направлением. Поддерживаю коллег, которые сетовали на то, что мало теоретических работ, но тем не менее объем качественных работ увеличивается. Сегодня среди учебных дисциплин и направлений подготовки уже есть социология коммуникаций, психология коммуникаций, межкультурная коммуникация, реклама и связи с общественностью и т. д.

Если рассматривать образование и коммуникацию во взаимодействии, то возникает спектр позиций, зависящих от определений. Я понимаю коммуникацию как процесс общения между людьми посредством передачи информации в виде символов, который включает источник, адресанта, каналы передачи информации и кодирования, дешифровку и содержание. Данный процесс можно оценить с позиции эффективности (достигнуты ли цели коммуникации), контролировать, направлять, им можно манипулировать, учитывать цели и мотивы адресатов, контекст и т. д.

Если определять образование, то о нем можно говорить в четырех разных смыслах, и соответственно возникают четыре вида взаимоотношений с коммуникацией.

Первое понимание — образование как ценность. Я полностью разделяю определение ценности, которое на пленарном заседании дал Вячеслав Семенович Степин. Хочу обратить внимание, что образование не может существовать без постижения сущности, а сущность образования зависит от целевого понимания, целевой трактовки. И когда коммуницируют по поводу

понимания образования, это в первую очередь коммуникация относительно целей. Среди всех говорящих на эту тему субъектов можно выделить два ключевых — государство и индивид. Основная коммуникация по поводу целей образования происходит именно между ними.

Существуют две модели понимания целей образования между индивидом и государством. Первая модель, в литературе ее иногда называют «американской», указывает на то, что образование развивается ради интересов индивида, личностного роста. В такой модели обычно отсутствуют государственные формы контроля за содержанием образования, эта функция переложена на ассоциации гражданского общества. Как правило, такое образование платное во всех смыслах, можно говорить о прямом финансовом эквиваленте или затратности как таковой.

Вторая стратегия, к которой тяготеет Россия, это модель образования, в которой понимание целей образования закладывается со стороны государства, как правило, финансирующего это образование. Соответственно образование как коммуникативная практика в такой модели рассматривается как направленное на достижение социально измеряемого результата. Образование тогда становится формой ответа на вызовы культуры, и критерии оценивания практики образования связаны с адекватностью ответов на эти вызовы.

Часто говорят, что образование не соответствует реальным запросам, но если образование ориентируется на настоящее, оно неизбежно будет рассматриваться как устаревшее. Рассматривать образование с позиции будущего невозможно, сегодня уже звучали слова «фазовый переход как состояние современной цивилизации». Поэтому ценность образования неизбежно оценивается с позиции настоящего, и тогда оценка эффективности образования строится не на основе содержания, а на основе инструментального или процессуального оформления. Вспомните споры о критериях эффективности вузов, вообще идею рейтингования, идею оценки публикационной активности по индексам цитирования, количества публикаций и т. д.

Если обратиться к анализу направления реформирования национальных образовательных систем, то очевидно, что это стремление к внешним, формальным атрибутам образования, их масштабирование под некоторые образцы эффективности–неэффективности, по сути, это замена коммуникаций по поводу ценности образования разговорами о его стоимости.

Второе понимание образования, которое также сказывается на понимании коммуникации в образовании, — образование как система образовательных учреждений. В этом случае коммуникации между ними строятся по вертикали и горизонтали в условиях многопрофильности, разных форм собственности, когда на образовательном рынке существуют и образовательные учреждения с давними традициями, и вновь открываемые инновационные, и вся среда конкурентна. Это приводит к тому, что связи с общественностью как способ коммуникации образовательных учреждений развиваются очень интенсивно. Сегодня во всех вузах есть соответствующие структуры, на которые возложе-

ны именно эти цели коммуникации с аудиторией, как внешней, так и внутренней. Отрадно, что непрямая реклама, а именно долгосрочные связи с общественностью, которые опираются на инструменты долгосрочного позиционирования, сегодня рассматривается как ключевое направление коммуникаций в этой трактовке образования.

Третье понимание — образование как результат. В этом случае коммуникация может быть оценена как один из ключевых результатов современного образования. Произошла смена образовательных стандартов, переход от знаний к компетентностной парадигме привел к тому, что результаты образования формируются в виде требований к качествам обученного субъекта. И среди этих требований значимую роль играет достижение коммуникативной компетентности. В образовании главным становится не получение знаний и навыков, которые скоррелированы с устоявшейся социальной реальностью, а набор навыков, направленных, условно говоря, в будущее, как считали разработчики стандартов. Возникает опасность так называемой беззнаний парадигмы, когда можно обладать коммуникативной компетентностью, например уметь спорить, работать в команде, отстаивать собственную позицию, но эта компетенция может не опираться на содержание. Мы, преподаватели, знаем, насколько сегодня мозаичны знания, как трудно в аудитории привести пример, который был бы понятен значительной части. Быстрое устаревание знаний как базиса, стремительная трансформация социального взаимодействия меняют смысл образования для индивидов в направлении всевозрастающей прагматизации оценок. Это связано с тем, что образование становится менее фундаментальным, что проявляется в том числе и в отношении к гуманитарной компоненте естественно-научного образования. Это «работает» и в обратном направлении, когда представители социогуманитарного направления критически относятся к естественно-научным дисциплинам.

Последняя трактовка — образование как процесс — пожалуй, наиболее интересна. В этом случае коммуникация и образование равны друг другу по объему, коммуникация есть условие образования. Здесь мы можем обсуждать и роль СМИ в этом процессе, и изменение трактовки соотношения «студент–преподаватель», и разрушение мотиваций, и изменение самих субъектов образования.

Последний тезис — проекция в будущее. Если мы считаем, что коммуникативистика указывает на конструирование реальности через постоянные процессы интерпретации, то можно сказать, что реформирование образования фактически связано с изменением структуры коммуникативных процессов. И в будущем, вполне вероятно, нас ждет большая дифференциация. Минимизированное «живое» образование в общении, основанное на целевой компоненте, связанной с формированием индивидуальности, укорененной в культуре, и массовое образование — дистантное, утилитарное, прикладное, развлекательное, визуализированное. А социальные и культурные последствия этого еще предстоит оценить.

В. К. МАМОНТОВ: — Я хочу поблагодарить Елену Владимировну за «структурную решетку», которую она нам предложила, это очень важно.

Слово предоставляется Валентину Дмитриевичу Сошникову.

В. Д. СОШНИКОВ: — Наша секция называется «Культура и коммуникации». Мне кажется, что это не очень точное название. Разве культура не является одним из коммуникаторов? Геббельс говорил: «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет». Общество должно быть идеологизировано, идеология должна существовать, если нет идеологии, у общества нет перспективы. Другое дело, что существует и идеология фашизма, но идеология идеологии рознь.

В. С. Степин затронул тему технологизированной молодежи. Мы вчера принимали государственный экзамен у наших выпускников. Когда вопросы касались технологий, все было прекрасно, когда гуманитарных проблем, гуманитарных дисциплин (литературы, истории) — очень тяжелая ситуация. Наши учащиеся все больше ориентированы на практику, рассчитанную на потребление необходимых качеств. Действительно, сегодня активно развиваются информационные, компьютерные технологии, дети 5–6 лет уже сидят за компьютером.

Прежде всего нужно обратить внимание на духовную жизнь. Я не призываю к тому, чтобы все обязательно были религиозно настроены, но духовная жизнь сегодня полностью отсутствует. Приведу один пример. В конце 1960-х годов со спектаклем «Зримая песня», который стал классикой студенческого театрального мира, я объехал всю Европу. И я помню, когда мы общались с американцами, немцами, то понимали, что мы выше их духовно. Мы спрашивали их о писателях, например о Фолкнере, а они не знали кто это. Мы чувствовали свою значимость, потому что читали. Сегодня компьютер полностью заменил все. Он стал идеологом, и это страшно.

Недавно я посетил Германию и обнаружил, что сегодняшняя молодежь там намного выше нашей молодежи с точки зрения интеллектуального развития. Между интеллектом и духовностью прямой связи нет, но существуют обязательные моменты, которые вбирают одно в другое.

Вспомним Достоевского: чем отличается человек, живущий в России, независимо от национальности, от западного человека? Одним: западного человека волнует только то, что происходит с ним самим, а российского человека волнует все, что происходит в мире. Степень волнения всегда зависит от духовного мира. Духовный мир сегодня превращается в практическую точную технологически сконструированную ситуацию. Обратите внимание, что сегодня у молодого поколения даже эмоций мало, эмоциональная структура практически уничтожена. Почему это происходит? Мы ушли от одного и не пришли к другому. Нельзя находиться посередине, нужно пристать к какому-то берегу. Сегодня мы плывем к берегу, который России не нужен. Если бы мы сегодня знали идею, к которой нужно двигаться, наверное, было бы проще жить. Но мы этого не знаем,

а вырабатывать ее необходимо, хотя мы не хотим этого делать, поэтому плывем по течению, которое не имеет перспектив.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Вячеслав Семенович, какую новую идеологию, какой идеал вы предлагаете? Вы сказали, что существует миллион идеологий и постоянно говорят о новых смыслах. Новые технологии порождают новые смыслы. Как бы я ни просил привести пример нового смысла, который уже возник с помощью новой технологии, ничего вразумительного, кроме описания самой технологии, я не услышал. Человечество как цивилизация существует примерно 5–7 тыс. лет, и практически все это время оно существовало без Интернета, телевидения. Лишь последние 20 лет — с Интернетом, последние 50 лет — с развитым телевидением. Поэтому считать, что смыслы, порожденные предыдущими 5 тыс. лет, когда все было создано, устарели, а последние 20 лет породили новые смыслы, на мой взгляд, просто глупо. Если бы у древних греков было телевидение и Интернет, то мы бы сейчас не имели ни телевидения, ни Интернета, потому что они в свое время ничего не сделали бы, а просто смотрели в экран.

Вячеслав Семенович, может ли человечество (с Интернетом или без), на Ваш взгляд, породить новые смыслы, которых до сих пор не было?

В. С. СТЕПИН: — Говорить о смыслах сложно. Потому что есть корни смысла, смысложизненные ориентиры, которые одновременно выступают как ценности и заложены в глубинах цивилизации. Когда я говорю о техногенной цивилизации, то предполагаю много разных ее видов. Так же как существуют, допустим, животный и растительный миры с подвидами, семействами: растения, кустарники, цветы, травы, млекопитающие, хищные, травоядные, бактерии и др. Но мы различаем два основных типа. Я выделяю традиционалистские смыслы и ценности и ценности, которые возникли в техногенной культуре. Далее я анализирую, как эти ценности техногенной культуры изменили традиционалистские смыслы и ценности в процессе модернизации.

Процессы модернизации были обусловлены не просто желанием что-то изменить, а жизненной необходимостью. Например, так постоянно происходило с Россией: мы отставали от Запада, потом вдруг выяснилось, что мы самые сильные, а затем проиграли Крымскую войну. Почему? Потому что противники использовали нарезные ружья, броненосцы. То же самое происходило в Русско-японскую войну. Каждый раз после этого начиналась модернизация: первую Северную войну Петр проиграл, и начались Петровские реформы, после Крымской войны начались реформы Александра II. Это необходимость уцелеть в конкурентной борьбе с более сильными государствами, которые сначала были слабее, потом развили технологии, создали новый образ жизни, и уже мы перенимаем у Европы технику, технологии, образование. Как только это произошло, традиционной культуре была сделана прививка, все это меняет культуру. Плеханов,

оценивая Петровские реформы, писал: «Петр I пришил европейскую голову к азиатскому туловищу». Так до сих пор и живет этот кентавр. Правда, европейская голова и азиатское туловище все-таки взаимодействуют друг с другом, в связи с чем возникает особенность российской культурной традиции. Поэтому мы и все время спрашиваем: «Мы Европа или Азия? Кто мы? Евразия или Азиопа?»

Каждая такая прививка — это изменение ценностных ориентаций. Техногенная цивилизация породила кризисы, а на ее знаменах было написано: «Научно-технический прогресс». Меняются техника, технологии, предметная среда, человек, устанавливаются новые человеческие связи. Человек этим управлять не может. Еще Наполеон говорил: «Главное — ввязаться в драку, а там будет видно». С изменением техники, технологий меняется жизнь, открываются новые перспективы. Мы говорим, что это прогресс, что эскалатор доставит нас в светлое будущее, завтра будет лучше, чем вчера. Ни в одной традиционалистской культуре нет идеи, что будущее лучше прошлого, там все наоборот. Там «золотой век» уже в прошлом, когда жили мудрецы, святые, оставившие нам замечательные труды, по которым мы будем впредь строить жизнь так, как это делали мудрые люди.

Особенно важны экологический и антропологический кризисы — это угроза человечеству и цивилизации. Я подробно писал о них в своих работах. Если все будет так продолжаться, произойдет катастрофа, а потом на осколках разрушенных цивилизаций человечеству придется искать новые пути.

Можно говорить о том, что все беды коренятся в научно-техническом прогрессе, но как сейчас можно жить без этого, прокормить 7 млрд населения Земли? Нельзя.

Надо искать смыслы, точки роста ценностей. Проанализировав современную науку, «постнеклассическую рациональность», я нашел точку роста. Раньше наука говорила: «Я сама буду продуцировать новые миры, вы их внедряйте через технологии, это и есть благо». А теперь мы говорим: «Нужно дать социальную оценку техники, научных программ, посмотреть, к каким сценариям они приведут, обозначить катастрофические сценарии». Возникло целое направление социальной оценки техники и научных программ, этика начинает их регулировать. Раньше этого не было. Это точка роста новых ценностей, новый смысл жизни внутри старого.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Все, о чем сейчас говорил Вячеслав Семенович, подтверждает мой ответ на этот вопрос: никаких новых смыслов не возникает и возникнуть не может.

В. С. СТЕПИН: — Абсолютная идея такова, что они возникают как поправка старых, но никогда не будут их отрицать.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется журналисту-практику Александру Ивановичу Куприянову.

А. И. КУПРИЯНОВ: — У нас есть мультимедийная редакция «Вечерней Москвы». Я неслучайно спросил о сетевом телевидении. Мы конвергируем, экспериментируем, выводим новые блоки. Возникает вопрос: готова к этому аудитория или нет? Нужно ей это или нет? Или мы играем в свои придуманные журналистские и философские игры?

Я недавно сделал открытие, что образ великого богосного народа, который существует в моей любимой стране, навязан классиками (Достоевский, Горький и др.), которые мечтали о таком народе и эту идею насаждали. Они считали, что народ, у которого главный принцип «Корова сдохла у соседа, в моем доме праздник», на что-то способен. Это навязанная точка зрения. Сегодня Андрей Дятлов много говорил во славу социальных сетей, Интернета, что социальные сети — безусловное благо в коммуникациях, демократии. Практика показывает, что Интернет в России превратился в помойку, сведение счетов, унижение великих людей, многого достигших в своей жизни, поскольку в Сети действует принцип анонимности.

Но готова ли аудитория, о которой мы печемся, на которую мы работаем, к восприятию новых технологий, новых приемов работы, новых коммуникаций? Мы обложили экс-министра обороны со всех сторон, а посадить не можем. Народ спрашивает: «Доколе?» Если департамент имущественных отношений Министерства обороны РФ, в котором работала поэтесса Васильева, по-прежнему существует, то о какой философии нового подхода можно говорить? Может быть, власть, губернаторы, депутаты Государственной Думы сначала будут решать насущные важные социальные проблемы, начиная от ЖКХ и заканчивая проблемами образования, медицины?

Об образовании коллега высказался очень интересно. Решая практические проблемы, мы выйдем на серьезные вопросы, связанные с коммуникативностью и новой философией общества. Утром просыпается человек и не понимает, где он, что с ним, а тут еще присутствие в социальной сети. Я сначала, так же как и все, зарегистрировался в сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook». Я не отделяю себя от народа, езжу в электричках и на метро, я плоть от плоти этого народа. Ничего не произойдет до тех пор, пока мы не решим сложные задачи построения демократии, общества.

В связи с упоминанием Геббельса вспомнилась буря, разразившаяся по поводу публикации Ульяны Скойбеда в «Комсомолке» в ответ на комментарий политика Гозмана. Совершенно не выдержанный материал, это недопустимо. Цитата из Геббельса: «Некоторые штатские говорят нам о мире, это говорят слабые духом или недобитые нами. Там, где стоим мы, мы стоим твердо».

В поисках смысла надо начинать с практических вещей и начать говорить историческую правду. Где правдивая биография Пушкина? Она не написана. Зато у нас есть приглашенная биография: «Пушкин — наше все», — прокричал пьяный Аполлон Григорьев. Никто не помнит, кто такой Аполлон Григорьев, но с той поры Пушкин — наше все. Надо писать исторически

правдивые вещи, например сейчас ведутся споры о новом учебнике по истории.

Если мы начнем с основополагающих вещей, то многие вопросы не останутся без ответов. Мне кажется, что журналистика, средства массовой информации подняли большой пласт проблем. Сегодня говорили правильные вещи, но пока не решим практические задачи, мы не выйдем на этот рубеж.

В. К. МАМОНТОВ: — Александр Иванович — опытный полемист, практический журналист.

А. А. ДЯТЛОВ: — Позвольте озвучить две реплики. Первая — по поводу публикации Скойбеды, это позор, который моя газета будет переживать довольно долго. Но проблема не в том, что она написала, а в том, как она это предварила.

Вторая — мы, особенно журналисты нашего поколения, боимся социальных сетей, и это плохо. Дело не в том, что они появились и хотим мы в них участвовать или нет и т. д. Надо отдать должное тому, что произошло: огромное количество людей ушло в социальные сети. Студенты, которые здесь присутствуют, многое из того, что мы говорим, не понимают по той причине, что у них свой мир, своя социальная сеть, свой язык и т. д. Мы не находим в себе силы приблизиться к их уровню. Наша задача как умных людей, получивших классическое образование, которого сегодня, к сожалению, не дают, на языке тех людей, которые существуют в социальных сетях, объяснить им в том числе и то, что является ценностями жизни, над чем им стоит поразмышлять, на что обратить особое внимание и т. д. Это тяжелая работа, гордыня наша так велика, что мы не можем до этого снизить. Либо мы перейдем на язык людей, которые существуют в социальных сетях, и донесем до них ценности, которыми мы владеем, либо нас оттеснят на обочину.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Николаю Андреевичу Хренову.

Н. А. ХРЕНОВ: — Я хочу озвучить послесловие к своему докладу, который размещен на сайте Университета. Я бы назвал свое выступление иначе, чем доклад: «Пределы эскалации коммуникативных технологий: ностальгия по площади». Идеи, которые я сейчас выскажу, навеяны вчерашним пленарным заседанием.

Начну с высказывания Ю. М. Лотмана по поводу вклада М. Бахтина в гуманитарные науки. Ведь тема диалога, вынесенная в название Лихачевских чтений, — это бахтинская тема. Ю. М. Лотман отметил гениальное прозрение М. Бахтина по поводу того, что коммуникация станет одной из центральных проблем XX века. Это не умаляет значимости вклада в гуманитарную науку Д. С. Лихачева, который вместе с М. Бахтиным и Ю. Лотманом оказал на наше поколение огромное влияние. То, что коммуникация станет одной из центральных проблем XX века, М. Бахтин, пожалуй, разгадал первым. Иначе мы сегодня не собрались бы в этом замечательном Университете, в который хочется приезжать, и не говорили бы о диалоге

на секции, посвященной отношениям между коммуникацией и культурой.

Правоту М. Бахтина подтверждает и тот факт, что именно в XX веке выяснилось, что коммуникация имеет самостоятельную историю. Но в данном случае следует разделить коммуникацию в широком и коммуникацию в узком смысле. Н. Луман утверждает, что общество вообще состоит из разных коммуникаций. Взгляд на общество с коммуникативной точки зрения составляет специфику социологического подхода в его современном варианте. Под коммуникацией в узком смысле следует понимать массовую коммуникацию, разновидности которой появлялись на протяжении истории человечества. Это, конечно, не только коммуникации, возможные на основе электронных технологий, каких в XX веке стало много.

Но почему представление об истории коммуникации, понимаемой в узком смысле, возникает лишь во второй половине XX века? Этому открытию во многом способствует общественный резонанс возникшего телевидения, включившего человека в новые отношения со временем и пространством. Это был не только количественный (по охвату аудитории, которой стало все общество), но и качественный момент. Впервые проявилась историческая перспектива предмета исследования — коммуникации.

В этом смысле можно согласиться с В. Т. Третьяковым, который, излагая проект своего исследования о телевидении, попытался обосновать исключительную роль телевидения в осознании коммуникации именно как массовой, когда массмедиа, по известному выражению, становится «нашим всем». Почему же история массмедиа не была открыта раньше? Разве никто не писал о письменности? Писали. Разве мало исследований о печатной книге? И об этом тоже писали достаточно. Но для того, чтобы возникло представление об истории коммуникации, необходимо увидеть и в письменности, и в печати что-то общее, иначе говоря, уточнить предмет. Когда уточнен предмет, можно писать его историю. Этого до определенного времени сделать было невозможно. Да и сейчас серьезных фундаментальных исследований на тему истории массовой коммуникации практически нет.

Когда я говорю, что это представление об истории СМК появилось во второй половине XX века, то имею в виду прежде всего М. Маклюэна — парадоксального, пронзительного мыслителя, идеи которого (например, идея о смерти печатной книги) нас еще несколько десятилетий назад так пугали. Сегодня, наблюдая за внезапным вторжением Интернета в культуру, мы убеждаемся в том, что его прогнозы оправдываются.

Итак, исследований по истории СМК нет. Если этой проблематики и касаются, то, как правило, мы имеем дело с поверхностной, а точнее, апологетической историей СМК. Имеет ли она право на существование? Несомненно, имеет. Возникновение новых технологий не может не вызывать восторга. В XX веке человечество постоянно имеет повод пребывать в эйфории. Мы с некоторых пор это ощущаем снова, осваивая Интернет.

Но я бы хотел, чтобы история массовой коммуникации была написана не с апологетической позиции.

Вот почему вчера, слушая выступление В. Т. Третьякова, я оценил его мысль о том, что мы слишком спешим демонстрировать свое отношение к некоторым явлениям априорно позитивно. Очень ценная мысль. Так случилось с восприятием СМК. Правда, В. Т. Третьяков имел в виду диалог. Я бы его мысль использовал применительно к коммуникации, смысл которой, конечно, шире, чем диалог, поскольку коммуникация бывает как диалогическая, так и монологическая.

Удивительный парадокс: человечество открывает принцип диалога в те исторические эпохи, когда наблюдается его дефицит, когда он почти исчез, как это произошло при тоталитарных режимах. Ведь и М. Бахтин проявил к нему интерес в советской империи во многом, как нам представляется, потому, что он исчез. Читая стенограмму XIV съезда ВКП(б) (интереснейшая, кстати сказать, вещь, тут даже пера М. Шатрова не нужно), убеждаешься, что в то время диалог еще существовал. Но вскоре он исчезнет навсегда.

Я об этом говорю не потому, что М. Бахтин предстает величайшим еретиком, а потому, что это мое наблюдение сегодня можно приложить к более общему явлению — не только к коммуникации, но и к культуре в целом. Чем больше мы говорим о культуре (а в последние годы мы о ней говорим действительно много, даже развивается целая наука — культурология), тем очевиднее, что наука о предмете есть, а сам предмет находится в состоянии исчезновения. Последствия этого констатировал А. С. Запесоцкий, открывая пленарное заседание и оценивая некоторые современные явления как неоварварство. Охотно присоединяюсь к этому диагнозу.

Название нашей секции — «Культура и коммуникация». Следовательно, мы не можем обойти вниманием вопрос, в каких отношениях находятся между собой культура и коммуникация. Чтобы этот вопрос прояснить, мне пришлось обратиться к Н. Луману — автору вышедших не так давно двух книг, специально посвященных массмедиа. Но там я обнаружил весьма противоречивые суждения на эту тему. Например: «Культура есть продукт системы массмедиа» или «Массмедиа как основание культуры». Но там имеются и суждения иного рода: «Система массмедиа разрушает аутентичную культуру». Еще более загадочная мысль: «Без массмедиа культуру нельзя было бы распознать как таковую». Последнее суждение, пожалуй, является наиболее интригующим, но оно осталось нерасшифрованным.

Как же все-таки быть? Культура и коммуникация — это одно и то же или это разные вещи? Развести коммуникацию и культуру невозможно. Но и утверждать, что это одно и то же или что между ними существует гармония, тоже невозможно. Очень бы хотелось, воспользовавшись парадоксальным суждением В. Т. Третьякова, уйти от апологетической истории массмедиа и понять, что мы с появлением каждого нового средства коммуникации приобретаем, а что теряем.

Если в истории внимательно проследить реакции на появляющиеся в разное время средства коммуникации, апологетическое восприятие коммуникации придется исключить. Это амбивалентные реакции и оценки. Попробуем найти в истории аспект, способный

прояснить амбивалентное отношение к коммуникации в формах, например, телевидения или Интернета. Очевидно, что каждое средство коммуникации входит в культуру с конфликтом. Возьмем хотя бы письменность, которая, по мнению К. Леви-Строса, уже поставила человечество перед теми проблемами, с которыми оно сталкивается в наши дни, осваивая новые средства коммуникации.

В одном из диалогов Платона египетский царь Тамус, обращаясь к изобретателю письма, обращает внимание на уязвимость нового коммуникативного средства — письменности. Позвольте процитировать Платона. Пожалуй, это суждение можно уже спроецировать на реакцию, касающуюся Интернета. Может быть, такой реакции еще нет, но, полагаю, она может появиться в будущем. «В души научившихся им (письменам. — Н. Х.) они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память, — говорит царь Тамус, — припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для обучения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых».

Но если появление письменности в культуре нельзя оценивать однозначно, так, может быть, изобретение Гутенберга уж точно заслуживает апологетического отношения? Оказывается, не заслуживает. По некоторым данным, дворянство, духовенство и даже гуманисты еще долгое время отдавали предпочтение рукописной книге. Недоверие к печатной книге можно обнаружить у Монтеня. Он констатирует, что с помощью этого средства начала распространяться страсть к «бумагомаранию», что приводит к упадку культуры, ведь печатать и тиражировать можно и глупости. Мы помним то место из романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери», в котором говорится, что Гутенберг уничтожил культовое зодчество. И наконец, суждение Л. Толстого о негативных последствиях распространения печати, которое позволяет вспомнить не только сказанное Монтенем, но еще и знаменитый трактат Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов, или же оно содействовало порче их?» Л. Толстой, как известно, любивший Руссо, предрекает даже гибель цивилизации как следствие распространения печати. Для него профессия журналиста не является предпочтительной.

Любопытный аспект, связанный с последствиями распространения печати, отмечает М. Маклюэн. Оказывается, печать не может перевести в систему знаков опыт, накопленный бесписьменными культурами. А он является ценным. Отныне этот опыт будет составлять содержание того, что Фрейд назовет сферой бессознательного. И бессознательное вовсе не исчерпывается стихией либидо, что бы по этому поводу ни утверждал Фрейд. Эту сферу образуют ранние слои человеческой культуры, от которых мы уходим все дальше. Значит, наравне с позитивными и заслуживающими всяческих восторженных оценок характеристиками печатная

книга, как и письменность, лишила человечество чего-то очень важного и существенного.

Так, может быть, кинематограф, наконец, войдет в культуру без конфликта? Ведь именно он оказывается способным реабилитировать телесность, которая с появлением письменности и печати шла на дно. Кажется, кинематограф упраздняет негативные последствия предшествующих способов коммуникации. Ничуть не бывало. Возникновение кинематографа тоже конфликт. Достаточно прочитать одну из ранних статей К. Чуковского, специально посвященную раннему кино. Там первые кинозрители представлены варварами.

Но на этот раз в начале XX века критика нового средства возникла в сообществе педагогов. Они первыми просигнализировали об опасности, доказывая, что кино — не просветительное средство, а школа преступлений. Они призывали спасать детей от разрушительного средства. Педагоги первыми стали обсуждать проблему, которая не перестает волновать до сих пор. Недавно вышла книга К. Тарасова «Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры». В ней на основе социологических исследований доказывается, что в молодежной аудитории действительно существует группа риска, подверженная негативному влиянию образов насилия в фильмах.

Что касается телевидения, то нельзя не вспомнить знаменитый тезис Маклюэна по поводу того, что оно стирает тот пласт культуры, который до этого формировался под воздействием печатной книги. А этот пласт связан с развитием личного начала. Это просто катастрофа. Виталий Товиевич вчера убедительно говорил о телевидении как «храме массовой культуры», в котором потерялось подлинное искусство.

Наконец, возникает Интернет, и дискуссии, связанные с его появлением, свидетельствуют: та мозаичная культура, что приходит на смену аристотелевской системе знаний, о чем уже давно писал А. Моль, продолжает утверждаться. Невероятное расширение и увеличение объема информации в связи с возникновением Всемирной паутины диктует принесение в жертву ее углубленного осмысления. Интернет возвращает нас к исходной точке, а точнее, травме, антропологической травме, вызванной к жизни коммуникативными системами. Можно было бы продолжить такие антиапологетические суждения по поводу коммуникации. Надеюсь, я удачно воспользовался методологией В. Т. Третьякова.

Выхватив из длительной истории коммуникации несколько фактов, я попытался воссоздать логику, которая не является апологетической. Но пора поставить вопрос: что все это означает? Означает ли это то, что человечество как малое дитя по-прежнему остается беспечным и благодушным, сначала открывая, а потом забывая негативный смысл последствий эскалации массмедиа? Человечество забывает, что, несмотря на увеличение числа СМК, противоречия так и не удается разрешить. Сложность проблемы со временем только увеличивается.

Здесь следует напомнить, что когда Маклюэн говорил о появлении каждого нового средства коммуникации, он использовал слово «взрыв». И появление

телевидения у него уподобляется взрыву водородной бомбы. Он вопрошал: задумываемся ли мы над последствиями этого взрыва? Но, может быть, я ошибаюсь. Может быть, человечество все же как-то эту проблему решает? Если, возникая, каждое СМК выводит за пределы привычного, взрывает существующую культуру, то, может быть, время все лечит? И то, что какое-то время казалось выходом за пределы культуры, означает только то, что в связи с еще одним возникающим средством формируется новое напластование культуры. В результате культура становится более развитой и сложной. И в общем культура рано или поздно ассимилирует технологию, подчиняя ее себе.

Я обозначил два варианта последствий вторжения коммуникации в культуру. Какой же из них следует принять за истинный? Объяснение негативных последствий вторжения в культуру коммуникации в конце концов сводится к одному. Необходимо уяснить, что относится к подлинной, а что к неподлинной коммуникации. В данном случае мы используем терминологию К. Леви-Строса. Все фантастические средства коммуникации, возникшие на основе технологий и представляющие собой органопроекции, являются неподлинными. Подлинной же является коммуникация, возможная в сообществе общающихся, в котором люди в состоянии видеть и слышать друг друга. По этому поводу К. Леви-Строс размышляет так: критерием подлинной коммуникации является отношение соседства в малых сообществах, где каждый знает каждого.

Нет никаких сомнений в том, что формирование глобальной культуры, о чем сегодня так много говорят, в том числе и на Лихачевских чтениях, будет диктовать эскалацию глобальных коммуникаций, и в частности Всемирной паутины. Интернет, разумеется, будет соответствовать этой реальной потребности. Без насыщения этой потребности современного человека представить невозможно. Именно глобальные коммуникации будут доминантой. А более традиционные способы коммуникации будут приноситься в жертву.

Но принесение в жертву традиционных средств коммуникации, характерных для локальных сообществ, с чем связана история коммуникации, явно не смогло разрешить проблем, возникших с появлением письменности. И об этом превосходно сказал К. Леви-Строс: после возникновения письменности наши взаимоотношения с другими людьми носят случайный и отрывочный характер. Ведь они основываются на глобальном опыте, а не на конкретном восприятии одного субъекта другим. В частности, он пишет: «Мы не склонны к парадоксу и не собираемся давать отрицательную оценку колоссальному перевороту, наступающему в связи с изобретением письменности. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что, облагодетельствовав человечество, она одновременно отняла у него нечто существенно важное». Сказанное К. Леви-Стросом имеет отношение не только к письменности.

Возникает вопрос: кто заинтересован в том, что история коммуникации развивается именно так, а не иначе? Кто является субъектом коммуникативных процессов: личность, социальная группа, субкультура, общество, государство? Когда Ж. Деррида, вспоминая

Руссо, говорит о неподлинной коммуникации, он ее связывает с произволом власти. И здесь я вновь сошлюсь на В. Т. Третьякова, сказавшего на пленарном заседании: важны не ценности и смыслы сами по себе, а механизмы их трансляции в массы. Ведь коммуникация не сводится к информации. Это и внушение, воздействие, а значит, монолог, а не только диалог. Государство, конечно, может стать субъектом коммуникации. И тогда наш диалог трансформируется в монолог. Появляется кто-то один, претендующий на истину в последней инстанции. Таким претендентом на монолог является новый «культурный герой».

Главный редактор газеты «Московский комсомолец», один из лидеров нашей журналистики, Павел Гусев отмечает в своей лекции, изданной в СПбГУП: «Если почти все СМИ принадлежат государству, то вы должны писать о событии или человеку так, как это видит тот или иной чиновник или депутат». Какой тут диалог? Или еще цитата из П. Гусева. «Что такое, в сущности, государственные СМИ? Это “причесывание” наших с вами взглядов “под одну гребенку”» и т. д.

Комментируя суждения Руссо о коммуникации, в частности о письменности как средстве удержания власти над огромными, рассредоточенными в пространстве массами и территориями, Ж. Деррида пишет: «Правительства, угнетающие свои народы, делают одно и то же: разрушают наличие и солидарность граждан, единодушные “собрывшегося народа”, рассеивают людей, держат своих подданных порознь, лишая их тем самым чувства сопринадлежности общему пространству речи и общения, основанного на убеждении».

Так вот, оказывается, что происходит. Имеются институты, которые пользуются технологиями, рассеивающими людей в пространстве. Это механизм воздействия коммуникации в понимании В. Т. Третьякова. В силу этой рассеянности в пространстве коммуникация развертывается как регулируемая, и потому в ней преобладает монолог, а не диалог. И Бахтин о ценности диалога напоминает потому, что в самой реальности, как я уже отметил, этот диалог отсутствовал.

Можно принять мысль К. Леви-Строса о значимости элементарных и традиционных форм коммуникации, угасание которых не восполнить с помощью электронных технологий. Но можно сказать еще об одной надревнейшей форме коммуникации — это коммуникация на площади. Площади, преодолевающей эту рассеянность массы в пространстве. Когда-то в нашей науке предпринималась попытка выделить эту коммуникацию на площади в особую разновидность и обозначить ее не как средство массовой коммуникации, а как средство массового воздействия. Такая попытка ошибочна. Ведь массовая коммуникация — тоже средство массового воздействия.

Действительно площадь — уникальное и традиционное средство коммуникации. Совсем недавно площадь (как бы она ни называлась — проспектом Сахарова или Болотной площадью) дала о себе знать. Но, назвав эти две конкретные пространственные точки в городе в связи с массовыми демонстрациями, я вовсе не собираюсь говорить о политике. Я хочу объяснить эти массовые акции активностью специфического комму-

никативного фактора, способствующего возрастанию роли глобальных средств связи.

Как реакция на отсутствие интеракции в коммуникативных системах возникает притягательность собравшихся на площади, возвращающей к традиционным способам коммуникации. Площадь — эффективное средство смягчения «антропологической травмы», которую пытался объяснить еще Платон. Это стремление упразднить коммуникацию на основе технологий и возвращаться к ее элементарным формам. Площадь — способ преодоления монолога.

Кто в нашей науке объяснил притягательность площади? Все тот же М. Бахтин, только в другом сочинении. Когда мы наблюдаем поведение людей на площади, не следует забывать, что площадь имеет не только политический, но и коммуникативный и, можно даже сказать, компенсаторный смысл. Именно на площади, на которой собирается масса, к человеку возвращается чувство социальности в ее первоначальной, исходной форме. Толпа на площади — самая архаическая, самая древняя и подлинная форма социума. Она на время упраздняет перманентное нарастание в культуре эффекта отчуждения (осмыслять которое начал еще Гегель, продолжил ранний Маркс, а в XX в. — Хайдеггер), в том числе отчуждения человека от человека, человека от общества, человека от государства.

И сколь бы фантастическими ни были коммуникативные технологии, они не снимают это отчуждение. Нарастание такого отчуждения сопровождает всю историю массовой коммуникации. Это оборотная сторона коммуникативного прогресса, и ее невозможно не учитывать. Это обстоятельство не позволяет представлять историю коммуникации апологетически. Принцип органопроекции, который оказывается в основе всех технических изобретений, оказывается для человечества величайшей ловушкой. Эта проблема требует антропологических процедур. И она все еще далека от разрешения. Мы вновь и вновь наступаем на те же грабли, и у нас по-прежнему накапливаются негативные последствия эскалации коммуникации.

История массмедиа есть в то же время и история бессознательного нарастания отчуждения. Идеалом коммуникации по-прежнему кажется то, что постиг еще Руссо: прелесть общения в малых сообществах, где каждый знает каждого, где каждый знает только часть истины, а сама истина вовсе не приходит извне, уже готовой, а возникает в процессе коммуникации или, как утверждал М. Бахтин, в процессе диалога. Но дело не только в дефиците такого рода общения — в пространстве малых сообществ. Аура площади, к которой время от времени общество возвращается, тоже понятна именно в коммуникативном ключе.

В. С. СТЕПИН: — Николай Андреевич, Вы сказали абсолютно правильно: есть живая коммуникация людей — это общение. Общение невозможно в масках, закрытое. Отсюда вопрос, связанный с проблемой анонимности в Интернете. Пока это будет существовать, у трусливого человека будет искушение нанести оскорбление любому и таким образом самоутвердиться, потому что он безнаказан, его не поймаешь. А если это

исчезнет, то есть если человек, вступающий в коммуникацию в Интернете, будет называть свою реальную фамилию и адрес, не станет ли это способом давления, потому что критическая мысль будет зажата. Анонимность Интернета — одна из проблем. Возможна ли на основе анонимности реальная коммуникация, которая предполагает процедуру общения людей, или это будет уже не общение?

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Мне хотелось бы продолжить мысль Вячеслава Семеновича о том, что новые современные этические средства — фактически новый тип регулятора саморазвития, самоорганизации человечества, где могут собираться как созидательные, так и разрушительные силы по отношению к прогрессу. И важно понять, какого типа ценности несут эти регуляторы. С одной стороны, мы говорим об анонимности СМИ, что влечет безнаказанность. Но обратите внимание, сейчас мы наблюдаем тягу людей к популярности: человек научился класть плитку на кухне и сразу снимает про себя кино, выкладывает в Сеть.

На этой волне популярности я хочу проанализировать ценности, существующие в нашем обществе, тренды развития ценностей в самой популярной медийной среде — «YouTube». Я не согласна с тем, что раньше все было замечательно, а сейчас молодежь плохая. Молодежь замечательная. Более того, молодежь уже не платит, как наше поколение, за убийство помазанника Божьего. Она эту кару уже не несет. Она другая. Поэтому у них сценарий Виктора Степановича Черномырдина «Хотели как лучше, а получилось как всегда», по которому мы жили, уже не работает. Нужно относиться очень внимательно к молодежи, особенно к I курсу.

Меня поразили данные проректора одного из вузов, который провел исследования по оценке ценностей с помощью чувствительности айтрекера. Пятый курс выделяет следующие ценности: карьера, деньги, быстро, то есть смысл в том, чтобы быстро накопить денег, потратить и умереть. Первый курс считает абсолютно иначе: семья, здоровье, дети, карьера, деньги, у них сменились ценности, поэтому мы не можем сейчас прогнозировать, что все будет ужасно. Наверное, будет лучше, и молодежь детскую болезнь вседозволенности, популярности переживет, я за нее спокойна.

Что сейчас происходит с нашими организаторами медиаконтента, талантливыми мужчинами за сорок? Куда мы ведем своих детей? Не превратились ли мы в крысолова из поэмы М. Цветаевой? Надо отдать должное нашему правительству, проблема начала решаться, с 1 сентября 2012 года действует Федеральный закон РФ № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Я являюсь руководителем Общественной комиссии по мониторингу практики применения Федерального закона № 436-ФЗ при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка П. А. Астахове. На первом заседании Комиссии, на котором собралось много представителей СМИ, юрист НТВ сказал: «Лидия

Владимировна, Вы инквизиция для СМИ». Я предложила Астахову полгода не затрагивать мониторингом ситуацию, которая происходит в СМИ, потому что все отгородилось статусом «16+». На всякий случай телеканал «Мир» вообще поставил «18+», хотя, по моему, дети его не смотрят. В общем сейчас стоит серьезная проблема.

Продолжу разговор о «YouTube». Одним из популярных зрелищ может быть назван южнокорейский ролик Gangnam Style, который сейчас насчитывает более 1,4 млрд просмотров. Он появился в Сети в середине июля 2012 года. Южнокорейский рэпер Psy (настоящее имя Пак Чэ Сан) спел незатейливую песенку и станцевал под сложный и хорошо смонтированный видеоматериал, неоднозначный с точки зрения традиционной культуры. Важно отметить, что у аудитории не возникает сомнений по поводу ценностно-смысловой составляющей клипа. Показана детская площадка, на которой находится 40-летний мужчина. Что делает маленький ребенок в интимной зоне взрослого мужчины? Разве это не символ педофилии? Что такое «gangnam»? Это символ. Об этом говорит и популярность этого клипа, это своеобразный вирус, люди воспроизводят эти движения, манеру поведения, манеру одеваться и мыслить. Я, как человек, проработавший 10 лет в судебной психиатрии, хотела бы обратить внимание ученых мужей на другое: каковы тренды развития?

Обратите внимание, что идет борьба с конфуцианской идеологией: пожилые люди обслуживают более молодого мужчину. В конфуцианстве это недопустимо, молодые должны подчиняться пожилым и уважать их статус. Что происходит дальше? Какие символы предлагаются? Молодой мужчина делает так, чтобы девушка упала, эротическая подоплека. Это популярное зрелище.

В. К. МАМОНТОВ: — А теперь посмотрите на молодую аудиторию.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Молодая аудитория внимательно смотрит на качественно технически сделанный смонтированный продукт. Это дорогая работа, продукты монтажный план, съемки, освещение, грим.

В. К. МАМОНТОВ: — Молодые люди, ответьте, пожалуйста, на вопрос: «Вы догадывались о подтекстах, о которых говорит Лидия Владимировна, проникают они к вам в сознание или нет?»

— Если нужно, то это можно найти в видео лобой направленности, даже в мультфильмах. (реплика из зала)

Л. В. МАТВЕЕВА: — Я говорю о тренде в ценностно-смысловом содержании медийного пространства вообще. С чего начиналось медийное пространство? В «Останкино» собирались культурные люди с культурными интересами и программами. Куда сейчас направлена видекамера? Видекамера смотрит на наш гипоталамус. На что лучше всего реагирует гипоталамус, на какую упаковку? Это наше бессознательное,

два главных инстинкта — танатос и эрос. В 1901 году Петр Борисович Ганнушкин написал работу «Сладострастие, жестокость и религия», которая не была опубликована в силу одиозности, сборник его работ вышел в свет только в 1998 году в Ростове-на-Дону. Ганнушкин пишет о том, что три чувства, различные на первый взгляд: злоба, сексуальная любовь, религиозные чувства, если опираться на множество фактов и соображений, находятся друг с другом в большой близости. Когда возрастает их интенсивность: злость трансформируется в жестокость, свирепость, сексуальная любовь — в страсть, религиозные чувства — в фанатизм, то эти три чувства совпадают и смешиваются без заметных границ. Это очень серьезное утверждение. То, что мы видели: перерастание эротического возбуждения в злобу и агрессию по отношению к старикам, женщинам, детям — это логика развития ценностей, возбуждение чувств. Потому что именно эти чувства — агрессия и любовь — дают самое сильное возбуждение эмоций, то есть страх смерти и страсть продолжения рода. Надкультурная матрица, табуированные запреты держали эти две страсти в узде, а сейчас Интернет позволяет выплеснуть это и выйти за рамки культурной матрицы. Готовы ли мы следовать за этим поводом?

Ролик, взорвавший Интернет, — “Harlem shake”, длится полминуты. Я посмотрела историю “Harlem shake”: это эфиопские танцы вокруг костра. Куда мы движемся? К племенному костру, вокруг которого собираются охотники, пришедшие с охоты с тушей мамонта. Но если отключить электричество, компьютер не будет работать, а танцы могут остаться. Если мы сейчас не создадим в головах тех, кто контролирует медийные потоки, табуированные регуляторы (что можно делать, а что нельзя), то простые люди будут танцевать “Harlem shake”. Что будет дальше, я не знаю, но можно представить. Канныализм, или операции без наркоза, или «киллер-караоке», где человеку делают больно, а он должен петь. Из этого же ряда «Слабое звено». Как еще можно разрушить матрицу, все человеческое в человеке? Что такое философия зла? Почему зло имеет такую притягательную силу и визуализируется с большими деньгами? Почему страх смерти, любовь к смерти вызывают у нас эти чувства?

У меня, как психолога, возникают большие сомнения по поводу того, что ученые могут направить процесс в разумное русло. Как сделать так, чтобы инструмент интернетной саморегуляции стал цивилизованным? Можем ли мы сделать его цивилизованным? Риторический вопрос.

В. С. СТЕПИН: — Проблема поставлена. Во-первых, это показатель кризиса. У меня возникла аналогия: чем больше императорский Рим приближался к своему разрушению, тем более активизировались простые биологические инстинкты людей: поедание пищи как удовольствие, изысканные пиры; секс во всех вариантах, и все это было официально. Чем это закончилось? Совершенно противоположным: распространилось христианство, которое жесточайшим образом стало контролировать эти процессы.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Вячеслав Семенович, в священных текстах написано, что к концу времен мы будем поедать своих детей. В Интернете сейчас выкладывается 2 тыс. порнографических сайтов с детьми. Этого раньше не было. Это все по Ганнушкину.

В. С. СТЕПИН: — Я вспомнил притчу о Сократе, когда к нему пришла гетера и сказала: «Сократ, ты учишь своих учеников, а я сейчас приглашу своих подруг, и они забудут, что ты им говорил о добродетели». Сократ ответил: «Тебе легче, я тяну их вверх, а ты — вниз». Это легче всего.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Лидия Владимировна преподает на факультете телевидения МГУ. Зная, что такое современное телевидение, наблюдая все эти тенденции, я ввел в наш образовательный стандарт психиатрию, психологию и педагогику. В беседе с деканом факультета психологии Ю. П. Зинченко я сказал: «Даже если в студии в качестве героев передачи сидят чуть ли не канныбалы и насильники, может, они подсадные утки, рассказывают очень натурально. В студии половина людей неуравновешенных, судя по их реакции. Например, Джигурда. Мне нужно, чтобы мои студенты знали, как вести себя с сумасшедшими, в том числе и с буйными, поскольку они ежедневно могут оказаться в подобной ситуации». Это прагматический подход. Такова реальность, и я ее почувствовал как декан факультета, желая оградить своих выпускниц от того, чтобы их не изнасиловали и не съели прямо в студии, чтобы они могли отличить сумасшедшего, канныбала от нормального человека.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Сергею Леонидовичу Лескову.

С. Л. ЛЕСКОВ: — Вячеслав Семенович, приятно, что Вы стоите на защите нравственных принципов, цитируете Сократа, который, замечу, был осужден за растление молодежи. В этом есть некоторые противоречия. Мне кажется, что дискуссия, которая разгорелась с такой силой, об утрате нравственных ценностей несколько спекулятивна, ибо в истории человечества не было ни одного поколения, которое не считало бы, что следующее за ним поколение утратило истинные смыслы и ценности. Такие письма можно найти на египетских пирамидах и камнях, так было всегда. Когда вы были молоды, ваши отцы говорили о вас то же самое. Иногда это «выливается» в революцию, это крайний вариант развития, но неизбежное течение жизни.

Когда мы говорим о «клиповом сознании», которое присуще молодому поколению, это не хорошо и не плохо. Это следствие изменений в жизни. Посмотрите: фактически все в зале на нашей дискуссии сидят с гаджетами. Объективное развитие цивилизации приводит к тому, что поток информации на протяжении жизни одного поколения удваивается. С точки зрения психологии наиболее информативный способ восприятия информации — видеоканалы. Читать времени уже нет, человек не может усвоить весь массив информации, который необходим для адекватной ориентации в жизни.

Это можно сделать только через «экран». Правда, здесь возможно печальное следствие: поколение (и это, пожалуй, в истории цивилизации происходит впервые) не успевает освоить весь объем информации, который наработан за время его активной жизнедеятельности. С этим, наверное, связано то, что одно поколение уже не может передать свой опыт следующему поколению. Наиболее ярко эта ситуация проявляется в связи с использованием гаджетов: человек предыдущего поколения просто не понимает, что это такое, и отец не может научить сына, но внук научит. Таких феноменов в цивилизации не было никогда, но ведь это касается не только гаджетов, но и того, что некоторые нравственные ценности, которые казались незыблемыми, тоже не передаются. Такой разрыв представляет большую угрозу, но эта угроза, как мне кажется, непрогнозируема. Вообще в будущее заглянуть невозможно, думать об этом хочется, но предсказать его невозможно. Это новый виток цивилизации, который мы не можем осмыслить.

В Москве в последние дни главным событием стало ДТП, которое устроил певец Витас на ВДНХ. Видимо, это крупномасштабная фигура в нашей культуре, ибо об этом происшествии писали все газеты и его показывали все каналы. Очень странно. У любого здравомыслящего человека все, что сделал этот артист, вызвало бы отвращение, омерзение, но его действия вызывали не осуждение, а интерес, это было некое бесплатное шоу, которое хотелось смотреть вновь и вновь. Этот пример говорит об изменении культурных кодов. Наши отцы не стали бы это смотреть, а мы смотрим. Может быть, все, о чем мы говорим, — это наши проблемы. Ведь газеты, которые переживают упадок, и телевидение, о котором сегодня так убедительно говорили, — это продукция не молодого поколения, а наша, это мы производим всю эту мерзость, и у нас нет отвращения. Мы, руководители СМИ, журналисты, всеядны как терьеры, готовы проглотить все.

Я работал в разных газетах и прекрасно помню те времена, когда «Комсомольская правда» организовывала романтическую, поднимающую дух поколения, зовущую вперед пешую экспедицию на Северный полюс. Более того, это была и научная экспедиция. Представить, что «Комсомольская правда» сделает это сейчас, невозможно. «Известия», «Пионерская правда» придумали когда-то «Золотую шайбу» и «Кожаный мяч». Профессиональный журналист Анатолий Аграновский («Известия»), имя которого сейчас забыто, в свое время поддержал офтальмолога Святослава Федорова, которого преследовали чиновники, в результате чего была открыта уникальная не только для нашей страны, но и для всего мирового здравоохранения клиника, переросшая в целый комплекс и представленная во многих городах. Может быть, строительство этого комплекса — единственное достижение перестройки.

То есть журналисты, газеты, СМИ были когда-то другими. Сейчас «молодые таланты» возвращаются на «бройлерной» фабрике звезд, хотя их достижения мне кажутся сомнительными. Без сомнений, это некое следствие общества потребления, в которое мы окунулись в последние 20 лет.

Незадолго до своей смерти великий математик Арнольд, который умер во Франции, но работал в нашей стране, сказал мне, что общество потребления не заинтересовано в том, чтобы было много умных и образованных людей, потому что такие люди не будут покупать товары и вовлекаться в консюмеризм. В обществе потребления неизбежно будет происходить отторжение Моцарта и Толстого, и я думаю, будет совершаться поворот к Витасу.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Викторовичу Согрину.

В. В. СОГРИН: — Ю. М. Лотман сказал, что свобода — это культура запретов. Хочу высказать свое мнение по поводу услышанного. Первое — об огромном количестве информации. В чем заключается наша задача? Информации всегда было много. Известно суждение, что есть книги, которые нужно перечитывать, но 90 % книг не нужно читать вообще. 90 % информации не нужно смотреть, именно этому нужно учить молодежь.

Второе — об идеологии. Существует большое количество видов идеологии. Если в России сейчас установить единую идеологию, о которой многие мечтают, то это, скорее всего, будет национал-социалистская идеология. Вы этого хотите? Какая идеология будет проводиться в новом учебнике по истории? Учебники по истории никакого отношения к исторической науке не имеют, они обслуживают власть. И будет написан учебник, где патриотизм трактуется как слепая любовь к власти, государству, всем русским монархам. Я обнаружил, что мы критикуем всех, включая Медведева, но выше — нет.

И наконец, третье — о русских писателях. Русские писатели (Чехов, Бунин, Куприн и др.) показывали, кем были русские люди, крестьяне. И те, кто читает их произведения, знают, кем на самом деле были русские люди.

Мой доклад называется «Американская тема в российских СМИ». Накануне участия в Лихачевских чтениях я слушал радиостанцию «Русская служба новостей» (это канал Доренко), в эфире которой в течение часа выступал член Государственной Думы от фракции «Единая Россия» Федоров. Он говорил о том, что Россия оккупирована США, что Соединенные Штаты Америки осуществили нашу приватизацию, захватили наши газеты, телеканалы, переписали нашу Конституцию. Это враг, с которым нужно бороться, и возглавляет эту борьбу Владимир Владимирович Путин. Поразительно, что на это шоу звонят слушатели и ни один из них не сказал, что в эфире озвучивают параноидальные идеи. Это свидетельствует о том, что антиамериканизм отечественных средств массовой информации оказывает реальное воздействие на наших слушателей и зрителей.

Нашим зрителям внушили конспирологическую теорию, которая стала излюбленным средством российских СМИ в пестовании антиамериканизма. Например, в последних радишоу, которые я слушал, слушатели, дозванивающиеся в прямом эфире, говорили,

что американцы организуют теракты, когда падает рейтинг президента. Начал падать рейтинг Обамы — произошел теракт в Бостоне, рейтинг президента Буша (хотя его тогда только избрали) — теракт 11 сентября 2001 года.

Я выделил четыре типа освещения темы Соединенных Штатов Америки в отечественных СМИ.

Первый тип — грубейшая фальсификация, я бы ее назвал «порнофальсификацией». В советский период до такой низости фальсификации не опускались.

Второй — фальсификация, когда показывается только одна сторона Америки. Телеканал «Russia Today» работает профессионально. Якобы он по популярности в Англии занимает первое место. Там предоставляют интересную информацию, но односторонне. Этот продукт производят американцы, на телеканале работают американские дикторы и обозреватели, прекрасно владеющие английским языком, так же как дикцией и артикуляцией. В регулярных передачах о США они раскрывают исключительно «оборотные стороны» Америки. Преподносятся антиамериканская информация. Это одна из причин, по которой я смотрю этот телеканал. Все, что они показывают, — правда. В Америке есть и другая сторона, но об этом не говорят.

Третий тип — наши либеральные СМИ, которые показывают уже другую сторону Америки.

Четвертый тип информации о США — более или менее взвешенная подача информации.

Среди немногих известных СМИ, в которых американская тема находит более или менее объективное освещение, я бы назвал «Московский комсомолец» (МК). В одном из номеров за февраль 2013 года была опубликована статья А. Минкина, в которой раскрывается лицемерный характер заботы российских депутатов о русских детях в США. Другая статья — «“Пехтинг” как массовое явление», показывающая цинизм антиамериканизма российского политического класса. Но в этом же номере опубликована статья «Сирия жестоких убийств», в которой раскрывается террористический характер сирийской оппозиции, поддерживаемой США.

Александр Сергеевич Запесоцкий, которого я очень уважаю, хотя моя оценка ученых существенно отличается от его оценки, несколько раз высказывался о США. Если бы сейчас Америка вела войну во Вьетнаме с такими же потерями, там возникло бы массовое антивоенное движение. Кроме того, у американских избирателей есть возможность по-другому выразить протест: они избрали президентом Обаму, который прекратил войну в Ираке и Афганистане. У Америки есть другая сторона, которая выпала из поля зрения наших средств массовой информации, поэтому мы имеем то, что имеем.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется профессору Марии Ивановне Козьяковой.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Мы говорили о корейском клипе, но не нужно обращаться к Корее, примеров достаточно и в России. Могу привести вопросы, которые переходят в разряд классификационных: сколько лет длилась Столетняя война, кто изобрел таблицу Мен-

делеева? На ЕГЭ мальчик ответил на вопрос, кто такой Гагарин: «Это первый человек, который сказал: “Понаехали”». Это будущий гражданин нашего так называемого демократического общества.

Несколько слов о демократии. Сразу вспоминается Древняя Греция. Но демократия в Греции была очень ограничена, только для избранных. Все остальные — это варварские племена, и демократия греков на них не распространялась, более того, она не распространялась и на местных жителей, которые официально не считались настоящими гражданами. В ходе дискуссии неоднократно вспоминают историю, говорили о варваризации. В истории постоянно происходят спады, мы все время «скатываемся» к варваризации. Когда пала Римская империя, 500 лет длилась эпоха варваризации. Сегодня прозвучала интересная мысль: «Нужно опуститься до уровня тех людей, которые существовали тогда». Здесь кроется небольшая неточность: интеллектуалы Средневековья, Фома Аквинский и другие отцы церкви говорили не «опуститься», а «опроститься», необходимо говорить на другом языке, чтобы тебя поняли, иначе невозможно «достучаться».

Главная проблема, которая стоит на повестке дня, — это объединение общества, выработка ценностей, на основе которых можно создать новый код идентичности. За прошедшее столетие дважды был разрушен комплекс идентичности. Первый раз — в 1917 году, когда все было разрушено до основания. Мы возрождаемся в качестве великой страны. А на каком основании? Ничего нового придумать нельзя, в основе этого возрождения лежат старые идеи, идеалы и ценности. В 1990-х вновь все было разрушено. Мы прокламируем абсолютно другие лозунги, отрицаем то, что было раньше.

Чего мы хотим? Действительно, мы получили варваризацию, потому что новое нужно создавать. Первое — с помощью диалога. Об этом виде диалога, к сожалению, на пленарном заседании не вспомнили, — это диалог элиты и общества. Кого у нас можно причислить к элите, а кого — к обществу? В средствах массовой информации муссируется понятие «национализация элит» — это возвращение капитала в страну, чтобы элита могла представлять национальные интересы. Это правильно, нужно идти дальше в этом направлении.

Второе — это национально ориентированная государственная политика, которая позволит защищать национальные интересы. Те поколения, которые уже выросли здесь, учить и образовывать, наверное, бессмысленно, можно аккуратно влиять на них, и рычаги этого влияния — массмедиа, к которым прислушивается население. В определенных интеллектуальных кругах стало модным говорить: «Мы не смотрим телевизор, у нас его нет». Скоро, наверное, будут говорить: «Я убрал все свои аккаунты из Интернета, меня там нет». Но Интернетом пользуются, поэтому понятно, что он останется. Задача для работников массмедиа в любой сфере, педагогов, старшего поколения — растить и возвращать эту смену. Это задача долговременная и сложная, и может возникнуть много препятствий

на этом пути, но другого выхода нет. Великая страна должна возродиться.

В. К. МАМОНТОВ: — К микрофону приглашается Виталий Николаевич Сероклинов.

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Я привык больше писать и читать, чем говорить с трибуны. В докладах, которые размещены на сайте Университета, либо косвенно, либо напрямую говорится о необходимости вмешательства государства в культуру, где воцарился хам. Я с этим не совсем согласен, в том числе с автором доклада, в котором упоминался корейский товарищ. Завершается доклад тем, что кому-то нужно вмешаться в эту ситуацию. Вы имели в виду государство?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Нет, не государство.

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Вы говорите, что люди понимали смысл клипа как пропаганду педофилии. Мы видим разные смыслы, и ничего страшного в этом нет. Мне кажется, что любое вмешательство государства в культуру заканчивается либо трагедией, либо фарсом, либо глупостью. Пример трагедии известен по 1940-м годам, например постановление о журнале «Звезда», которое закончилось для многих смертью, кого-то посадили и т. д.

— *Не было смертей и никого не посадили.* (реплика из зала)

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Я благодарен за поправку, давайте остановимся на том, что это была трагедия, которая сейчас может повториться, но, конечно, уже на другом уровне. В качестве примера фарса можно привести список рекомендованной литературы, составленный от имени государства Министерством образования. По поводу этого списка и либералы, и консерваторы, и русофобы, и русофилы дискутировали. Одним много Пелевина, другим мало Улицкой, третьим мало Пушкина. Все были недовольны. Глупостью, с моей точки зрения, было вмешательство представителей государства в проведение «Тотального диктанта».

Мне кажется, что государство должно предоставлять возможность дискутировать и собираться экспертам, то есть предоставлять структуру и возможность что-то решать экспертному сообществу. Только этим и должно заниматься государство, но не вмешиваться с обязательными указаниями, жесткими законами, которые ограничивают, но ни к чему не приводят. В том числе по знаковым культурным ситуациям: неправильно запрещать детям использовать Интернет. Но, к сожалению, я не знаю, как правильно.

— *Государство может выделять средства на культуру?* (вопрос из зала)

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Я заинтересованное лицо, мне хочется, чтобы средств выделялось больше, но я понимаю, что государство не может угодить всем, врачам, наверное, деньги нужнее.

— *«Сибирские огни» выходят за счет государства, на бюджетные деньги?* (реплика из зала)

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Государство выделяет средства, кроме того, существуют гранты, но мы постоянно должны защищаться, потому что в моем журнале половина авторов — новички, которые не печатались бы в нем при отсутствии финансирования. Поэтому я смотрю на этот вопрос с разных точек зрения. С одной стороны, хочется, чтобы государство давало деньги, с другой — я понимаю, что на всех не хватит.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Юрию Иннокентьевичу Вдовину.

Ю. И. ВДОВИН: — Для чего существуют средства массовой информации? Для реализации права граждан на получение информации, с тем чтобы на основе информированности граждане могли делать осознанный выбор в своих предпочтениях: от президентов до штанов. Кто-то скажет, что средства массовой информации должны формировать общественное мнение. Если мы используем слово «формировать», то в контексте «формировать общественное самосознание у граждан». Если мы будем исходить из этого, то многое из того, что сегодня обсуждалось, станет более понятным.

Печален вывод о том, что у нас ужасная молодежь, ужасные интересы. Я помню свое поколение, в молодости я был немного старше тех, кто позже стал хиппи. Сегодня мы говорим о 2 млрд просмотров корейского клипа. Вообще это свойственно не только «YouTube», по телевидению половина каналов такие. Хиппи, став взрослыми, обуржуазились и ведут себя вполне прилично. Я думаю, что и с этой молодежью произойдет что-то подобное. Просто мы живем в другом пространстве, с Интернетом, в котором человечество научится жить.

В ходе дискуссии было сказано, что Америка потребляет 42 % мировых энергетических ресурсов. Но на единицу продукции Россия тратит значительно больше энергоресурсов, чем американцы. Более того, американцы стремятся к экономии ресурсов, а мы не занимаемся этой проблемой.

— *В России холоднее. У нас 40 % территории находится севернее Полярного круга.* (реплика из зала)

Ю. И. ВДОВИН: — От того, что холоднее, у нас в стружку превращается 90 % металла? Америка на 5 % населения земного шара тратит 42 % энергетических ресурсов. Но это нельзя распространить на всех, потому что не хватит ресурсов.

Сейчас ведется много разговоров о национальной идее, государственных интересах. Мне кажется, что в нашей стране должна быть одна государственная или национальная идея — реализация прав и законных интересов граждан. Но пока она не стала таковой. Зато мы обижаемся, когда Витас становится центром телевизионных и радиотрансляций, события такого рода все средства массовой информации освещают с удовольствием.

Я в процессе своей деятельности занимался защитой двух профессоров Военно-механического института, которых по ложному обвинению в шпионаже в пользу Китая посадили на 12 и 12,5 лет. Мы провели интернет-конференцию Москва–Петербург, посвященную этому событию: в Москве на нее пришел один журналист, в Петербурге — два. Проблема защиты прав человека средствами массовой информации не интересует. Кроме того, многие журналисты говорят о том, что это все равно не выйдет в эфир. Мы живем в стране, в которой нет свободы слова, а из всех свобод для нас важнейшими являются свобода слова и свобода информации. Если этих свобод не будет, не будет никаких других свобод. Поэтому, воспитывая журналистов, мы должны научить их думать о свободе слова и их социальной журналистской функции, которой они должны служить.

В. К. МАМОНТОВ: — Такие выступления лишней раз подчеркивают, что у нас есть и свобода слова, и свободные дискуссии. Это тоже чрезвычайно важно. Я позволю себе сделать маленькое отступление. В Америке живет мой друг, редактор небольшой газеты в американском городе Гранд-Форкс (Северная Дакота). В молодости он был хиппи, теперь уже пожилой человек, возглавляет газету и абсолютно вписан в истеблишмент, у него все в порядке. Как проходят его субботние вечера? Он надевает старую куртку и идет к себе в гараж, где у него хранятся старые диски, там он слушает в наушниках старую музыку, “Jefferson Airplane” — о веществе, которое меняют сознание. Воскресенье посвящает домашним делам. Я не знаю, когда он настоящий. Может быть, человек так устроен, что он настоящий и тогда, и сейчас, просто сложная история. У него прекрасная семья, он обладатель Пулитцеровской премии за репортажи о спасении людей во время наводнения.

С. Л. ЛЕСКОВ: — Я некоторое время работал в Америке и знаю нескольких лауреатов Пулитцеровской премии. Любопытно, за что американцы ее присуждают. Кто-то сказал, что русские интересуются всем миром, а американцы — только собой. Статистика присуждения Пулитцеровской премии свидетельствует о противоположном. Мой знакомый, который возглавляет газету в Техасе (несмотря на то что Техас — самый большой штат в Америке, это, конечно, провинция), получил Пулитцеровскую премию за то, что в течение года эта техасская газета каждый месяц публиковала новостные материалы с расследованием о насилии в семье в разных странах мира: в Камбодже, Колумбии, Нидерландах, Америке, России. В эти страны выезжали журналисты, собирали материал, проводили расследования. Эти материалы ждала читательская аудитория, они пользовались успехом, это было важно для газеты и всех интересовало. Я не могу представить ни одну газету в нашей стране, которую бы эта тема заинтересовала не то что на протяжении года, а даже один материал о насилии в семье в Руанде. Это просто невозможно. Вселенная рядового американца значительно шире, чем вселенная россиянина. Это непреложный

факт, а не только мои впечатления. Можно посмотреть на сборы благотворительных фондов по поводу катастроф и катаклизмов.

В. К. МАМОНТОВ: — Завершая дискуссию, я попрошу высказаться Андрея Анатольевича Дятлова.

А. А. ДЯТЛОВ: — Мне понравился разговор, который сегодня состоялся. Я не первый раз присутствую в Университете на дискуссиях, но в этот раз произошло точное попадание в цель, такое нервно-правильное. Попытка переосмысления того, что мы делаем с аудиторией и какую аудиторию представляем в будущем, как нам нужно меняться. Я рад, что здесь прозвучали разные мнения и это не вызывает яростного отторжения. Здесь говорили о свободе слова. Обмен мнениями, а не осуждение других — это правильный путь.

Я очень болею за студенческую аудиторию. Мы, получившие классическое образование, говорим на глобальные, понятные нам (тем, кому за 40, 50) темы. Мне кажется, что пришла пора передать молодежи наши знания, при этом надо учитывать то, как они это воспринимают. И когда мы рассуждаем о том, кто они такие, кто мы такие, надо понимать, что время течет очень быстро.

Я, как большой любитель афоризмов, скажу: наши мысли и наше восприятие того, что происходит, надо вешать на точечные гвоздики. Во времена Александра Сергеевича Пушкина на часах не было секундной стрелки, то есть была иная протяженность времени, и то, как люди воспринимали время, было совершенно другим. Если мы это зафиксируем в сознании, то, может быть, многое поймем. Я благодарен за поправку коллег, что нужно не опуститься до уровня молодежи, а перейти на их язык. На наших часах по сравнению с их часами тоже нет секундной стрелки, молодежь развивается гораздо быстрее и уходит на другие площадки. Если мы туда не пойдем, то все, о чем мы сегодня говорили, то, как мы представляем наш культурный слой, образование, для них будет совершенно бесполезно. Взаимодействие должно проходить не на нашей, а на их площадке. И это мне кажется очень важным и сегодня во многих выступлениях прозвучало.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Наше сотрудничество с СПбГУП будет продолжаться. В этом составе мы не первый раз собираемся. Хочется, чтобы состоялась если не развивающаяся дискуссия, то во всяком случае плодотворный разговор, в том числе и для студентов.

Здесь прозвучало, что пьяный Аполлон Григорьев на открытии памятника Пушкину сказал: «Пушкин — наше все». В данном случае он сказал правду. В связи с крахом ценностей европейской христианской цивилизации можно задать вопрос: почему зло так привлекательно? Но Бодлер написал «Цветы зла» до появления телевидения. Прогнозы и оценки часто не сбываются. Ужас в том, что сейчас о человеке, который два раза спел по телевизору или бросил две реплики, часто

похабные, говорят: «Это наше все». Главное — он сам уверен в этом. Между прочим, Аполлон Григорьев сказал это не при жизни Пушкина.

Вчера на пленарном заседании один из ораторов, вспоминая о расцвете русской интеллигенции (во всяком случае в мифах у русской интеллигенции было все хорошо, даже ее заблуждения), сказал, что даже «энергия заблуждения» интеллигенции вела вперед страну, общество, нашу цивилизацию. Сейчас это звучит не как красивая поэтическая метафора, а как предупреждение. Те, кто раньше назывался интеллигенцией, априори предполагалось, что это образованные, воспитанные люди, соизмеряющие свои поступки скорее с благом других, чем с собственным. В настоящее время с помощью современных СМИ, коммуникаций, в первую очередь сетевых, телевидения нам дают «энергию заблуждения» не интеллигенции, не образцовых людей, а невежд — в этом ужас. В сетях нет «энергии заблуждения» Лихачева и Бахтина, там совсем другие люди, которые не читали ни Бахтина, ни Лихачева. Берегитесь энергии заблуждения тех, кто сегодня говорит: «Я имею право на ошибку». Не всякому нужно давать микрофон, я в этом уверен, и вопрос цензуры здесь стоит не так, как раньше.

Обращаясь к студентам, хочу сказать. Вы будете работать в современных средствах массовой информации, если здесь учиться неслучайно. Я не во всем согласен с Лидией Владимировной, которая сказала, что все это делает не молодежь, а кто-то другой. Обсуждаемый ролик Gangnam style делали не 80-летние старики, а новое поколение. Продюсеры ссылаются на то, что это делается для молодежи. Когда вы окончите Университет и придете работать в средства массовой информации города Санкт-Петербурга, культурной столицы России, а возможно, и на федеральные каналы, ситуация будет в ваших руках. Конечно, вам не сразу разрешат снимать ролики, но если вы что-то подобное сотворите, будут решать, пускать ролик в эфир или нет. При этом вы будете ссылаться на то, что он интересен друзьям и людям вашего возраста. Моральный выбор будет за вами.

В ходе обсуждения студентка сказала, что такое возможно в любом мультфильме. Это был правильный ответ, но не полный. В советское время на журфаках и в редакциях практиковалась такая игра. В газете «Правда», тогда самой главной и известной, каждый день печатались передовые редакционные статьи без подписи автора, в колонке слева, они писались в ЦК КПСС и были посвящены интернационализму, марксистско-ленинской теории. Игра состояла в том, что нужно было прочитать передовицу из «Правды», чтобы все воспринимать в сексуальном смысле. Это вызывало смех. Люди, которые писали передовицы, ничего эротического не имели в виду. Напомню, что большинство сказок эротичны. Это восходит к фольклору, архетипам, все уже давно расшифровано, но тогда это либо честно называлось, либо для детей создавались детские версии сказок. А здесь наоборот, все скрывается и подается под фальшивой маркой. Именно в этом кроется нечестность, а не в том, что это открытие. Можно сочинить сценарий более

брутального ролика, но мы этого не делаем, а если делаем, то не обманываем. Хотите — смотрите, хотите — нет. В этом обман. И вам придется решать этот вопрос.

В. К. МАМОНТОВ: — Спасибо всем, кто принял участие в дискуссии, каждое мнение было интересным. Мне очень понравилось, я набрался идей. Это важная и полезная дискуссия. Мне импонирует, когда возникают образы. Дятлов привел образ часов без секундной стрелки. В производстве клипов, о которых мы говорили, используются миллисекунды. Существует специальная компьютерная программа iMovie, которая позволяет быстро изготовить нечто доморощенное. Много времени займет подготовительный этап, необходимо проделать колоссальную умственную работу: что я хочу сказать, где найду, как обработаю? Месяц уйдет на подготовку, затем за 2 часа, зная технические законы, я быстро сделаю клип, потом можно будет его улучшить и т. д. Каждый человек это может сделать самостоятельно. Вопрос только в том, для чего мы это делаем, что мы хотим сказать? Кто-то хочет славы и популярности, конвертирует клип в деньги. О корейце (он никто с точки зрения мировой эстрады) никогда не узнали бы, но он хотел славы. Понимая, что на «Warner Brothers» он не попадет (там свои люди с цензурными, политическими ограничениями), PSY снял клип и разрушил барьеры, выложив его на «YouTube», а теперь уже люди из «Warner Brothers» хотят с ним встретиться. В первом клипе нужно было пробить стену, поэтому была соответствующая энергетика. На мой взгляд, клип отвратительный, но какая энергетика и мощь! А второй клип у него не получился (на порядок меньше количество просмотров). Культура начинает мстить, она показывает, кто ты на самом деле. Эта история очень показательная и глубокая.

В связи со сказками мне вспомнился советский мультфильм «Голубой щенок». Я ничего не представлял себе, кроме одинокой маленькой собаки голубого цвета. Ее тоже нужно любить, она не должна быть одинока. Есть ли в мультфильме подтекст, куда нас звали режиссеры? Молодое поколение, посмотрите мультфильм с этой точки зрения. Лидия Владимировна рассказала, как на все надо смотреть. Сексуальный подтекст можно разыскать везде.

Темы, которые мы сегодня затронули, очень важны.

— Прошу Вячеслава Семеновича Степина подытожить нашу дискуссию.

В. С. СТЕПИН: — Вообще сексуальные подтексты не всегда служат способом. Напыщенная истина, которой раньше могли следовать люди, утрачивает свое значение и приобретает комический смысл, и тогда этот прием начинает работать. Маркс сказал, что человечество весело расстается со своим прошлым. Это один из способов критики. В 1980-х годах мы смеялись над фразой, которая широко употреблялась в газетах: «Введение нового члена в политбюро с чувством глубокого внутреннего удовлетворения». Это то же самое,

что и игра, в которой сексуальные мотивы видны в передовицах. Раньше это никому не приходило в голову.

Тем не менее существуют серьезные вещи. В сегодняшнем разговоре я выделил две основные темы. Первая тема — говорилось о сегодняшнем дне, о том, что надо делать, о трудностях журналистики, важности осваивать новые технологии, тех проблемах, которые связаны с задачей сохранения незыблемых человеческих ценностей. Нельзя надо всем глумиться и все отрицать, потому что происходит оскотинивание человека.

Вторая тема, которая переключается с первой: процессы, которые сейчас происходят, — своеобразный индикатор того, что мы вступили в особую полосу, «фазовый переход». Эта полоса часто описывается как сложная система. Когда она развивается, на каком-то этапе старые связи начинают рваться, системе трудно воспроизводиться на основе старых программ, она не воспроизводится в том виде, в каком хотелось бы, и начинается поиск новых изменений. В период перехода в новое качество система может быть разрушена и возможно несколько сценариев развития. Никто не гарантирует, что будет реализован благоприятный сценарий. Более того, если говорить о современном развитии современной цивилизации, неблагоприятных сценариев больше, чем тех, которые выведут цивилизацию на новый виток развития.

Переходная полоса обычно описывается в терминах динамического хаоса, синергетики. Здесь есть точки бифуркации, где возникает множество сценариев. Кстати, их не бесконечное множество. На эту тему существуют работы отечественных авторов. Сергей Павлович Курдюмов немало внес в понимание процесса и закономерностей развития системы на стадии динамического хаоса. Число сценариев определено предельно развитием системы, характером внешней среды, но заранее сказать, какой из них реализуется, — трудно.

Происходит сложный интересный процесс, о котором писал Курдюмов, возникает режим, когда намечается «странный аттрактор», путь, русло, движение по какому-либо сценарию, а дальше все происходит самостоятельно, возможности прежних сценариев исчерпываются. В математике пока не существует процесса, позволяющего это описать, поэтому нужна новая теория вероятности с изменяющимися вероятностными мерами. Такую идею высказывал Холмогоров, но в целом эта стадия по-разному понимается.

Постмодернизм тоже осмысливает эту стадию и делает вывод: отныне будем жить в стадии динамического хаоса. Но это противоречит закономерностям развития всех сложных систем, потому что из хаоса всегда возникает новый порядок. С этой точки зрения важно проследить, что совершается сейчас в современной культуре, в том числе и в СМИ, какие возникают проблемы и возможности. Об этом говорил Виталий Тониевич: надо видеть гуманистические ориентиры, которые нельзя уничтожать, при всей критике современных отношений, неудачах властей должен быть индикатор.

Несколько слов о старом и молодом поколениях, молодежи эпохи Интернета. Здесь нет ничего такого,

что противоречило бы старому и новому пониманию мира. Молодежи вместе со старшим поколением придется искать новые пути. Вам жить в эту сложную эпоху. Не нужно думать, что это будет эпоха удовольствий, развлечений и роста потребления. Это проблемные вещи. Выросла новая молодежь. Я постоянно работаю со студентами и могу сказать, что студенческая аудитория СПбГУП прошла хороший отбор, здесь учатся хорошие студенты, но и в Московском университете достаточно умных людей.

В ходе дискуссии был поднят важный вопрос, связанный с «клиповым сознанием». Сергей Леонидович привел слова математика Арнольда о том, что общество потребления не нуждается в людях, обладающих рациональностью (это такой стиль мышления, позволяющий просчитывать и видеть, что из этого выйдет), нужны люди, которые увлечены, которые могут ускоренно потреблять. Действительно общество потребления возвращает таких людей. Я сослался на высказывание социолога Гелмера, который писал, что в современном обществе большая часть людей ориентирована на легкие занятия, не желает преодолевать трудности, если у них что-то не получается, в Интернете, виртуальной реальности игр, они ищут легкие пути. Если у человека не получается, допустим, победить в игре, он начинает новую игру, как бы возвращается вспять, но в жизни так не бывает. В реальности объект, если ты действуешь против его воли, дает тебе сдачу. В обществе фиксируется снижение общего тонаса рациональности, отсюда, по его мнению, проистекают заблуждения, околонучные вещи, псевдонаука, сужается круг людей, которые хотят всю жизнь заниматься наукой, поскольку это очень тяжелый труд.

Возникает вопрос: какой тип мышления сформируется, если так будет продолжаться? Нужна отлаженная система образования, все претензии, которые здесь предъявлялись к нашей системе образования, справедливы. В свое время Выготский и Лурия проводили исследования в Средней Азии, которые показали, что у людей традиционалистских культур другая ментальность. Не в том смысле, что они глупые, а в том, что они с трудом решают задачи, оторванные от действительности, абстрактные, например математические или логические задачи. Аксакала спросили: «Берлин — город в Германии, в Германии нет верблюдов, есть ли в Берлине верблюды?» Он ответил: «Наверное, есть. Может туда таджик пришел или киргиз». Он мыслит согласно логике здравого смысла, а не логике силлогизма. «У тебя три сына и 12 мешков муки. Сколько достанется каждому, чтобы было поровну? — Четыре». Делить аксакал умеет. Затем его спросили: «До соседнего кишлака 12 минут идти пешком, а на велосипеде — в 3 раза быстрее. За сколько можно доехать?» Он отвечает, что не знает, что он на велосипеде не ездил, может, за минуту, может, за две. Дети, которые изучили элементарный курс математики и естественных наук, быстро решали эти задачи.

Американские психологи по этой же методике провели в Либерии тестовые опросы и получили такие же ответы и результаты, хотя Средняя Азия и Либерия

не связаны между собой, между ними нет контактов. Это фиксация различия традиционалистской ментальности и ментальности, которая современной цивилизацией формируется через занятия наукой. Если в образовании исчезнет научная компонента, то у нас не будет людей, которые могут системно мыслить.

Современное студенчество знает больше, чем мы в их возрасте, они раскованнее, смелее, увереннее. Но среди них очень мало людей, обладающих системным мышлением, то есть умеющих по цепочке делать жесткие выводы, несмотря на то что это утомительно и требует волевых усилий, иногда результаты не сходятся и приходится начинать сначала. Это пробелы в нашем школьном образовании, их надо обязательно ликвидировать, потому что иначе у нас не будет людей, которые смогут предвидеть возможности социальных процессов, происходящих в мире.

Когда мы о чем-либо говорим, важно фиксировать историческую ситуацию развития, потому что в разных исторических ситуациях существовали разные культуры, разные ценности и разные смыслы. Хочу ответить Сергею Леонидовичу, что Сократ не занимался растлением молодежи, потому что во времена Сократа это не воспринималось как нечто из ряда вон выходящее. То, что его судили, — это легенда. У греков не было

такого жесткого осуждения однополых браков и т. д. Его осудили за то, что он развращал умы, он их тянул вверх, потому что ставил вопросы, которые затрагивают ценности жизни. Как всякий философ, он задавался вопросом: «С чего ты взял, что это добродетель? Давай подумаем вместе». Вообще такие вещи всегда значимы, важно, что остается в культуре. Остается в культуре не то, какой Пушкин (любил женщин и т. д.), хотя это великий человек, а стихотворение «Я помню чудное мгновенье». В остальном я с Сергеем Леонидовичем полностью согласен.

Две темы, которые я обозначил, сегодняшние проблемы и то, что связано с глобальным цивилизационным переходом, накладываются друг на друга. Мы сегодня нащупали это наложение. Это было и в выступлении Лидии Владимировны, в котором были обозначены важные идеи и важный сдвиг в понимании проблемы развития системы коммуникаций в нашей жизни.

В. К. МАМОНТОВ: — Я благодарю выдающегося ученого, прекрасного публициста Вячеслава Семеновича Степина за вклад в нашу дискуссию. Позвольте поблагодарить всех выступивших в дискуссии, а также всех, кто был в этом зале, за доброжелательную атмосферу, за активность.

Секция 7 ПЕТЕРБУРГ В ДИАЛОГЕ С МИРОВОЙ КУЛЬТУРОЙ

17 мая 2013 г. Зал заседаний Ученого совета (аудитория № 200)

Руководители секции:

В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП
С. Н. ИКОННИКОВА	профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ

ДОКЛАДЫ

В. Ю. Богатырев¹

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В ДИАЛОГЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР: К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОЙ ВОКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

«Схемы видения меняются в зависимости от национальности. Существуют итальянский и немецкий способы представления, которые остаются одинаковыми в течение веков»². Но наше время парадоксально. Процессы глобализации нивелируют и унифицируют среду обитания, жизненный уклад и мировоззрение; язык, на котором мы разговариваем, и искусство, при помощи которого стремимся обобщить художественные сущности нашего времени.

В вопросах сохранения и бытования классического искусства эта проблема стоит не столь остро — вехи и достижения прошедших эпох зафиксированы и не могут подвергаться ревизии в контексте эволюции современности. Но факт взаимопроникновения культур в истории Европы дает исследователю возможность анализа данного процесса в своей ретроспективе. Результатом таких научных обобщений могут стать как объективная оценка процессов, происходящих в нашем обществе, так и уточнения в истории искусства.

Предметами данной статьи станут проблемы идентификации отечественной вокальной школы и стилистические особенности, присущие вокальному искусству в России нашего времени.

Когда мы говорим о русском и национальном в академической вокальной музыке, то вынуждены упрощать, доводить до схематичности историю вопроса. Обобщения, как правило, сводятся к следующему: итальянская опера явила себя России при дворе Анны Иоанновны в 1737 году спектаклем

¹ Доцент кафедры вокала и музыкального воспитания Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, доктор искусствоведения. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Опера: структура роли в партитуре спектакля», «Актер и роль в оперном театре» и др.

² Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств. СПб., 1994. С. 401.

Франческо Арайя «Abizare»³. В 1755 году оперный спектакль впервые звучит в Петербурге на русском языке. Далее, в операх Е. Фомина, Д. Бортнянского, А. Верстовского новый музыкальный жанр (для театроведения — вид театра) приобретает в нашем Отечестве самобытный российский колорит. И наконец, на премьере «Жизни за царя» М. И. Глинки 27 ноября 1836 года — исключительно национальные, только русской опере присущие черты. При этом следует уточнение: «Каждая культура создавала “свое чужое”, которое принималось за действительно соответствующее той или иной национальной традиции, но постепенно раздвигала рамки подлинного и корректировала свои представления о чужеземном»⁴.

Примечательно, что факт возникновения русской вокальной школы мы также связываем не с традициями церковно-славянского пения, византийской традиции, тоже привнесенной извне и развившейся на русской почве, но с рождением и вхождением в обиход русской оперной музыки. «Дедушка русской оперы» О. Петров берет уроки у К. Кавоса, но признается нами первым русским вокалистом потому, что он «первый Иван Сусанин».

Определяя стилистические особенности национальной вокальной школы, мы также склонны обобщать и «национализировать» не только историю исполнения русской музыки, но и сам способ певческой фонации. Так, по мнению Б. Асафьева, отечественные вокалисты должны «Упражняться в воспроизведении основных оттенков речевой интонации и искать соотношение и различие между ними и соответствующими моментами в музыкальной интонации <...> вести слух

³ Опера Ф. Арайя «Цефал и Проксис» на русский текст А. П. Сумарокова.

⁴ Назайкинский Е. Стиль и жанр в музыке. М., 2003. С. 210.

от речевой интонации как таковой <...> к синтезу слова и напева в высших образцах мелодической речи»¹.

Довольно прочно укоренилась и точка зрения о существовании «русской школы пения», основанной М. И. Глинкой. То, что Глинка прилежно и последовательно изучал искусство пения с итальянскими педагогами в Петербурге, позднее прошел основательную вокальную подготовку у педагога Нощари в Неаполе, апологеты самодостаточности и уникальности русской вокальной школы опускают. И противопоставляют фактам измышления об открытой полемике М. И. Глинка с итальянской школой пения.

Для опытного вокального педагога очевидно, что упражнения, разработанные М. И. Глинкой, лишь приспособливают итальянский метод постановки голоса к особенностям русской речи с ее заглубленной фонемой и вялой относительно итальянского языка артикуляцией.

Музыковедением справедливо принято за аксиому, что характеристики итальянской, немецкой, французской, русской и всякой иной вокальной музыки связаны с просодией и фонетикой языка. Этими факторами определяется самобытность мелодии, метроритмические закономерности музыкальной структуры и, как следствие, специфика вокального искусства как такового в Италии, Франции, Германии или России. В анализе методических установок всякой национальной школы пения все вновь не столь однозначно.

Так, первым профессором, основателем петербургской вокальной школы был Камилло Эверарди. Будущий профессор Санкт-Петербургской консерватории был рожден в Бельгии, учился в Льеже и Париже. Среди его наставников — Л. Поншар и М. Гарсиа-сын. Эверарди совершенствует свое искусство в Неаполе (маэстро Мацциани) и в Милане (маэстро Ламперти). Сам выдающийся певец и педагог полагал, что ему удалось объединить в своем творчестве и педагогической деятельности достижения французской и итальянской вокальных традиций. Таким образом, основатель петербургской школы — педагог, лишенный каких бы то ни было русских влияний в вопросах техники пения. Более того, К. Эверарди часто подвергают критике за отсутствие в педагогическом репертуаре русской вокальной музыки.

Но для Эверарди, как и для большинства педагогов, воспитанных на идеалах староитальянской школы, интерес представляют не новая эстетика молодой русской оперы, а проблемы вокального, певческого дыхания. «Северяне не умеют правильно дышать по вине их сурового климата. Когда воздух зимою холоден, как, например, в России, то люди инстинктивно избегают глубокого дыхания. Только на юге, например, под благословенным небом Италии, люди дышат глубоко, полной грудью, что так необходимо для пения»².

Такой «глубокий вдох», понимаемый как соприкосновение с итальянской певческой традицией, с итальянской вокальной школой, всегда являлся необходимым условием успешного обучения и дальнейшего творчества наших вокалистов на протяжении двухсот-

летней истории отечественной вокальной традиции. Безусловно, не может быть и речи о том, что сегодня или когда-либо прежде нельзя научиться правильным навыкам здесь, в России. Но история вокального искусства прямо указывает на необходимость прямых, постоянных контактов с европейскими центрами вокальной педагогики.

М. И. Глинка учился в Италии и потом учил сам лучших певцов императорской сцены. Камилло Эверарди воспитал целую плеяду вокальных педагогов, продолжавших и развивавших его педагогические принципы уже на новом, в том числе и русском репертуаре. И сегодня очень многие профессора Санкт-Петербургской консерватории начала XXI столетия могут проследить свою педагогическую родословную до первого профессора вокальной кафедры Консерватории.

Когда в 1920-е годы возможность совершенствовать свои вокальные навыки в Европе была пресечена, падение уровня вокального искусства в итальянском и французском репертуаре стало очень заметно уже к 1930-м годам. «Увы, на моих глазах вокальное искусство падало, терялся секрет постановки голоса, бель канто и дикции в пении <...> У тех, кто помнит феноменов как Патти, Лукка, Котоньи и другие, воспоминания о прежних певцах затерли последующие воспоминания»³. Эта тенденция усилилась и укрепилась к середине столетия: со сцены практически исчезли голоса драматического наполнения. На аудиозаписях тех лет отчетливо слышна речитативная манера вокалистов, подменяющая итальянскую кантилену в итальянских же операх.

Новый, небывалый расцвет русской, советской вокальной школы приходится уже на 1960–1970-е годы, когда лучшие выпускники наших консерваторий имели возможность стажировки в миланской “La Scala” у профессора Дженааро Барра. Свое искусство в Италии совершенствовали И. Богачева, Т. Синявская, В. Норейка, Б. Минжелкиев, Н. Огренич, Ю. Марусин и многие другие выдающиеся певцы и педагоги нашего времени.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что влияние европейской вокальной культуры на эстетику русской оперы всегда носило плодотворный, конструктивный характер; что русская музыкальная традиция органично включает итальянскую вокальную школу, присваивает и претворяет на национальной почве достижения итальянского *bel canto* и французского речитативного метода.

Современный культурный контекст бытования классической музыки имеет одну особенность, прежде для исполнителей не существовавшую. Сегодня вокалист поет музыку всех эпох и стилей. Консерваторская программа в российских вузах канонизирует это положение. За время обучения осваиваются: старинные, классические, романтические и современные арии; камерные произведения от К. Монтеверди до советской песни. Добавим к этому, что арии и романсы поются на языке оригинала. Так, автор данной статьи за время обучения в Санкт-Петербургской консерватории пел на итальянском, немецком, француз-

¹ Асафьев Б. Речевая интонация. Л., 1965. С. 8.

² Цит. по: Барсова Л. Из истории петербургской вокальной школы. Эверарди. Габель. Томарс. Ирецкая. СПб., 1999. С. 10.

³ Станиславский — реформатор оперного искусства. М., 1988. С. 41.

ском, испанском, чешском, финском, шведском. Среди авторов музыки — А. Шенберг и Г. Перселл, В. Беллини и Д. Шостакович, А. Берг и Ф. Рамо, Дж. Верди и М. Мусоргский. В таком безбрежном разнообразии эпох и национальных традиций первостепенное значение приобретает постижение стилистических норм и правил вокальной музыки.

«Когда искусство может свободно окидывать взглядом ряды образов, сопоставлять различные характерные формы и передавать их, тогда-то высшей ступенью, которой оно может достигнуть, становится стиль»¹. Искусствоведением неоднократно отмечено, что «большие европейские стили» формировались вне российской культуры, что мы их усвоили и присвоили в готовом, сформировавшемся виде и что проблема «чистоты стиля» является одной из самых сложных и неоднозначных в русской культуре. Начинающему певцу трудно найти себя в таком многообразии форм и смыслов. Ориентиром здесь может стать лишь поиск аутентичности в музыкальном штрихе, фонетике чуждого тебе языка. Научить этому может только носитель этой аутентичности — певец, воспитанный иной культурной традицией. Значит, и здесь мы получаем необходимым условием контакт с носителем изучаемой и исполняемой нами музыки.

«Первое и легчайшее достижение для дарования самобытного есть обретение своеобразной манеры и собственного, ему одному отличительно свойственного тона»² — высказанное о поэтическом творчестве, для музыканта-исполнителя это утверждение обратно. Высшая сложность и заключается в приобретении собственного тона в материале чужом, присваиваемом.

Оперное искусство часто называют парадоксальным. Сформированное из многих частей и ставшее но-

вой, неделимой художественной сущностью, оно все же всегда полно противоречий и парадоксов. Одно из вновь рожденных не может быть подтверждено никакими цитатами исследователей, его изучавших. Заключается оно в удивительном сочетании фактов. Отечественные певцы в вопросах стиля уступают европейским певцам, но российские вокалисты обладают вокальным материалом, зачастую превосходящим по качеству голоса европейских коллег.

При этом оперное искусство на Западе в силу ряда причин, таких как комплекс данностей, продиктованных опере общекультурным контекстом в целом и эстетикой «режиссерской оперы» в частности, стремительно трансформируется. Теряются характеристики, составлявшие основу, фундамент старой и новой итальянской вокальных школ. Слабеет вокальный импеданс³, трансформируются правила вокальной регистровки, голоса зачастую приобретают качества, ранее используемые лишь на концертной эстраде.

Русская вокальная традиция с ее извечным консерватизмом, медлительностью в реакциях на европейскую моду, напротив, все еще сохраняет многие прежде незыблемые каноны оперного искусства. В ближайшее время мы получим ответ на вопрос: сохранятся ли эти отличия в России, подобно тому, как сохраняется патриархальность некоторых сфер общественной и культурной жизни у нас, относительно динамично трансформирующейся западной традиции? Или же, сообразно всегдашним влияниям законодателей музыкальной моды, русскую оперу ждет окончательное перерождение вокальной эстетики, просуществовавшей от возникновения первых романтических опер в Италии первой трети XIX столетия вплоть до наших дней?

Н. В. Буров⁴

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА АРХИТЕКТУРНУЮ КУЛЬТУРУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

На днях разработчики социальной сети произвели необычное и довольно интересное нововведение:

¹ Гёте И. В. Простое подражание природе, манера, стиль // Гёте И. В. Собр. соч. : в 10 т. М., 1980. Т. 10. С. 28.

² Иванов Вяч. Манера, лицо и стиль // Иванов Вяч. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт. М., 1987. Т. II. С. 622.

³ В вокальной педагогике термины «сильный импеданс» и «слабый импеданс» введены Р. Юссоном в работе «Певческий голос». Обозначают полное акустическое сопротивление голосового тракта, иначе говоря — умение певца добиться высокой степени резонирования певческого аппарата средствами вокального, удержанного дыхания.

⁴ Директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор СПбГУП. Народный артист России, заслуженный деятель культуры Республики Польша. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Музей и личность», «Педагогическая культурология музейной деятельности», «Арт-педагогика». Председатель Общественного совета Санкт-Петербурга. Председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза театральных деятелей России (2001–2005). Председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга (2005–2008). Снялся в фильмах: «Военная разведка. Первый удар», «Агент особого назначения», «Винтовая лестница», «Роман императора», «Жизнь и смерть Ленки Пантелеева», «Мастер и Маргарита», «Образ врага», «Свой — чужой» и др. Награжден орденом Почета, орденом Святого равноапостольного великого князя Владимира III степени Русской православной церкви, офицерским крестом ордена Заслуги Республики Польша.

в контактной информации о пользователе в графе «Город» теперь красуется название «Культурная столица». Данное нововведение было прокомментировано следующим образом: «Не волнуйтесь, в этом особая магия Санкт-Петербурга, дабы избежать сравнения с другими городами и вместе с тем подчеркнуть необычайную насыщенность и величие Питера как истинного культурного центра России».

Звание «Культурная столица» Петербург носит так давно, что, во-первых, уже никто не вспомнит, когда и за что город его получил. И, во-вторых, город так сросся с ним, что никому не приходит в голову, что это звание нужно хотя бы время от времени подтверждать практикой. К нему и относятся не как к званию, а как к чему-то вроде фамилии, которое досталась городу от рождения и никуда от него не денется. И, на наш взгляд, это полностью оправдано.

Основанный Петром I Санкт-Петербург обладает значительным историко-культурным наследием: разнообразные музеи, множество театров, большое количество писателей, поэтов и музыкантов, вышедших

именно из Санкт-Петербурга, приносят городу мировую славу и почет.

Городу чуть более 300 лет, однако его богатая история, участие европейских мастеров в развитии архитектуры и искусства сделали свое дело. Архитектурный ансамбль города и его окрестностей сохранился в практически неизменном виде и сегодня представляет собой уникальный заповедник европейских архитектурных стилей. Это связано с тем, что любая архитектура развивается в некотором поле постоянного напряжения, возникающего между традициями местной культуры и привлекательностью чужеземных влияний, и регулируется соотношением внешних заимствований и местных традиций. Каждый город на свой лад управляет этим полем, создавая характерный лишь для него синтез. В Санкт-Петербурге это поле напряженного взаимодействия развито в наиболее возможной степени.

Не бывает архитектуры, и тем более не бывает городов, которые могли бы быть задуманы как закрытые социокультурные системы, абсолютно самобытные и формирующиеся независимо от внешних влияний. Каждое общество испытывает различные влияния под воздействием путешествий, встреч, торговли, завоеваний. Не существует города, архитектура которого формировалась бы вне этих воздействий, в котором местная культура не обогащалась бы за счет множественных внешних влияний. И в этом смысле город, открытый миру и задуманный как «окно в Европу», сумел создать свой, типично петербургский мир.

Именно этот мир одновременно предъявляет к городу самые разные требования: это новый Рим по своему идеалу, окно в Европу по своему предполагаемому будущему, царская резиденция по своей повседневной реальности.

На формирование культурного облика столицы на протяжении полутора столетий (с начала XVIII и до середины XIX в.) оказывали воздействие, пересекаясь и переплетаясь, различные стилевые влияния: суровость, свойственная архитектуре Северной Европы в творениях немецких и голландских мастеров; нарядная пышность барокко, соединенная с чертами русской архитектуры у итальянских зодчих; классицизм, знаменующий конец царствования Екатерины II, проявившийся в продуманности и стремлении к строгости, а порою даже суровости архитектурного стиля; александровский ампи́р с монументальными фасадами, нагруженными регулярным декором (около 1810 г.). В середине столетия набирает силу эклектика, в полном соответствии с русской традицией и ее собственным талантом к сочетанию частностей, который пренебрегает правилами и движется наперекор примерам.

Поворотным моментом в обретении свободы интернациональных влияний, характеризующих архитектуру Санкт-Петербурга, можно считать Исаакиевский собор, творение знаменитого «русского» француза Огюста

Монферрана. В этот период к чертам, характерным для классицизма, присоединились особенности, свойственные русскому градостроению: крупномасштабные проекты, лаконизм основных объемно-пространственных решений и пышное декоративное убранство фасадов. И с этого периода можно с уверенностью говорить о петербургском характере архитектуры. Глядя на памятники, кажется, что они нарисованы в городе и ради города, но вопреки его внутренней логике...

Позволим себе напомнить, что Исаакиевский собор — один из четырех выдающихся памятников архитектуры Санкт-Петербурга, входящий в состав Государственного музея-памятника с одноименным названием. Наряду с ним в состав музея входят Сампсониевский и Воскресенский Смольный соборы, а также храм Воскресения Христова (Спас на Крови). Каждый храм приобретал свой неповторимый облик на протяжении всей истории Санкт-Петербурга и в результате творческой деятельности нескольких поколений зодчих.

Сегодня наш музей, разрушая сложившееся представление, что культура — это «сфера услуг, приносящая доход», видит свое предназначение в качестве проводника одной из основных государственных функций — участника международного культурного диалога. Расширяя привычные музейные рамки, мы видим свое участие как «музей в Санкт-Петербурге», «музей в России», «музей в мире», для чего создаем новые музейные проекты.

Так, в 2013 году в музее родился новый передвижной международный проект, который был представлен сначала в Санкт-Петербурге, а затем в различных городах России и за рубежом.

Проект объединяет две фотовыставки «Взгляд с Исаакия: Петербург глазами ангелов» и «Сохраненное равно приобретенному».

Выставка «Взгляд с Исаакия: Петербург глазами ангелов» состоит из панорамных изображений ангелов, находящихся на балюстраде Исаакиевского собора. С помощью фотографий зрители могут увидеть Санкт-Петербург с новых необычных ракурсов — с «ангельской высоты».

Выставка «Сохраненное равно приобретенному» отражает один из наиболее значимых процессов музейной деятельности — сохранение культурно-исторического наследия. Посетители смогут увидеть кропотливый труд, мастерство и талант реставраторов, проследить этапы реставрационного процесса.

Подтверждая тезис об интернациональном влиянии, характеризующем архитектурный облик Санкт-Петербурга, заметим, что в строительстве и оформлении города принимали участие англичане, голландцы, итальянцы, испанцы, немцы, шведы, французы. Одно перечисление имен знаменитых художников, скульпторов и архитекторов может занять несколько страниц. Их труд сделал наш город «Северной Венецией», «Северной Пальмирой», «музеем под открытым небом», «культурной столицей».

А. М. Буровский¹

ПЕТЕРБУРГ — СЕМАНТИКА КОНТЕКСТА

Не успели первые сваи войти в грунт Заячьего острова в мае 1703 года, как мифы поднялись плотным облаком над постройкой, над людьми, как комары. Мифологично почти все, что рассказывается о Санкт-Петербурге и в школьных, и в вузовских учебниках; почти все то, что считается его историей, не происходило вообще или происходило иначе, чем описано.

Считается, что основателем и строителем Петербурга был Петр. Что Петербург строился по трем последовательно сменявшим друг друга планам, и что первым из них был план, разработанный лично Петром и Трезини. Так сказать, «Петр первым начал», а остальные только продолжали.

Что построен он в единственно возможном месте — остальные по разным причинам не годились, и что назван он в честь Петра I.

Что Петербург есть «русская Европа», ее каменный манифест. Он был с самого начала замыслен и создавался как «окно в Европу», с тем и сделан.

Но все это — совершеннейшая неправда, и это легко узнает каждый, кто начинает заниматься не мифологией, а реальной историей этого великого города.

Начать следует с того, что строиться Санкт-Петербург начал вообще безо всякого плана. 16 мая 1703 года был заложен, строго говоря, не город, о городе еще не помышляли. Заложена была Петропавловская крепость, и не более того. Назвали ее, правда, Питер-Бурх, но носила она это название не более двух месяцев. Как только в крепости заложили церковь Петра и Павла, так и вся крепость стала Петропавловской, а название Санкт-Питер-Бурх отнесли уже ко всему поселению.

Только после Полтавской битвы, то есть после 1709 года, речь зашла о строительстве здесь города, и тем более — *столицы*.

Но пространство Петербурга застраивалось нерегулярно, бессистемно. До 1715 года предполагалось, что центр у города уже есть: Петропавловская крепость на Заячьем острове. Планировалось, что основная часть Санкт-Петербурга расположена будет на правом берегу Невы, за крепостью. Васильевский остров перережут каналом, и на нем будет находиться торговая часть будущего города.

Фактически этот первоначальный Петербург по своей планировке оказывался неким подобием Москвы, с Петропавловской крепостью в роли Кремля. Неровные улицы с названиями Посадская, Пушкарская, Зелёная, Ружейная или Монетная разбегались

¹ Ведущий эксперт ОАО «Геолэкспертиза», заместитель директора Института политической экологии, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор.

Автор монографий «Антропозоология» и «Политическая экология» (в соавт. с С. П. Якуцени) и многих научно-художественных публикаций, в т. ч. книг: «Санкт-Петербург как географический феномен», «Вся правда о русских. Два народа», «Наполеон — спаситель России», «Несбывшаяся Россия», «Оживший кошмар русской истории. Страшная правда о Московии», «Петр Первый. Проклятый император», «Покорение Сибири: мифы и реальность», «Правда о допетровской Руси. “Золотой век” Русского государства», «Правда о “золотом веке” Екатерины», «Русская Атлантида. Невымышленная история Руси» и др. Автор концепции ноосферного образования.

от Петропавловской крепости по радиусу. Особенности этой планировки первоначального Петербурга хорошо видны и сегодня.

С 1711 года начинается усиленное заселение Санкт-Петербурга. Теоретически власти издавали разного рода указы, предписывавшие, кому где селиться. На практике каждый строился там, где хотел; первоначально застраивалось в основном правобережье Невы, ее северный берег — Петербургская сторона (нынешняя Петроградская). Отметим, что само название свидетельствует — была сторона Петроградская, то есть занятая городом, и сторона, городом отнюдь не занятая.

Очень скоро, вопреки гениальным указам великого Петра, на Адмиралтейской стороне тоже стала возникать хаотическая застройка, — вопреки воле царя город «плеснул» и на левобережье Невы, стал развиваться по своим законам, не очень подчиняющимся воле царствующих особ.

В этих условиях и появился первый план застройки Петербурга — «план трех авторов» — Петра, Трезини, Леблona.

Проект Ж. Б. Леблona 1715 года предусматривал, что центр города будет находиться на Васильевском острове, вместо улиц будут каналы, как в Венеции, и что весь Санкт-Петербург будет обнесен крепостной стеной в форме эллипса. Первоначально и размечались на Васильевском острове не улицы, а «линии», каждая из которых была стороной канала. По замыслу, эти каналы могли бы принимать даже самые большие морские корабли того времени.

Существует много легенд, в которых Меншиков, завидуя Леблону, велел копать каналы мельче, чем было задумано, и все испортил. В реальности все просто: подпочвенные воды стояли в 80 см под поверхностью Васильевского острова. Как тут ни копай, а каналов не сделаешь.

Новый план предусматривал создание центра города на Васильевском, уже без каналов... По проекту Д. Трезини, здание Двенадцати коллегий должно было сформировать западную границу предполагаемой центральной площади столицы. Поэтому величественное здание и обращено к набережной Невы своим непрезентабельным фасадом, скрытое внутри позднейшей застройки. Поэтому оно и дисгармонирует со всем созданным позже ансамблем.

Вести строительство на Васильевском не получалось, потому что мостов через Неву не было, доставлять грузы на остров было очень непросто, а Адмиралтейство и его окрестности играли все большую роль в городском хозяйстве Петербурга.

Почти сразу начал формироваться центр города на левом берегу Невы; формировался он стихийно, вопреки планам и намерениям Петра. Только в 1715 году Д. А. Трезини и Ж. Б. Леблон внесли свой проект регулярной застройки строго по красной линии улиц. Но при жизни Петра не было никакого регулярного плана застройки этой части города.

Знаменитый проект «трезубца» из Невского, Вознесенского проспектов и Гороховой улицы, расходящихся веером от основания «трезубца» — Адмиралтейства, создан только в 1737 году П. М. Еропкиным при участии М. Г. Земцова и И. К. Коробова.

До этого застройка левого берега Невы велась в основном хаотично. Насколько хаотично, показывает хотя бы «излом» Невского проспекта, который строили одновременно с двух сторон: пленные шведы со стороны Адмиралтейства, монахи со стороны Александроневской лавры, а единого плана, очевидно, не существовало.

Как видно, в планы Петра постоянно вмешивались обстоятельства естественного порядка. Причем в обоих случаях — и по первоначальному замыслу, и по плану Трезини–Леблон — возникал город неоригинальный: или подобие Москвы, или подобие Венеции.

Возникни Петербург с сухопутным центром на Васильевском острове, тоже возник бы совершенно другой город, нежели современный Петербург, и тоже очень напоминающий и Москву, и древнейший Париж, замкнутый в пределах острова Сите.

Вероятно, если бы реализовались все три замысла времен Петра, возникший город и по духу был бы совершенно иным, чем Санкт-Петербург; скорее всего, гораздо больше напоминающий Москву, чем реально возникший Петербург.

Знакомый нам Петербург начал возникать с 1769 года — тогда Екатерина II утвердила план регулярной застройки города. Формально этот план действовал до смерти Екатерины. Фактически же основная часть плана оказалась выполненной к 1820–1840-м годам; тогда потребовался новый план.

По плану 1769 года уже не предусматривался единый центр города. Если он и был, то очень «расплывчатый»: вокруг обширной водной глади, при разделении Невы на рукава у стрелки Васильевского острова. Ничего похожего на жесткий, сразу замет-

ный моноцентризм Москвы. Именно по этому плану стали возводиться уже не отдельные строения, а грандиозные архитектурные ансамбли, которые и придали центру Петербурга его нынешние черты, включая величественность, монументальность и яркое своеобразие.

К этому времени была возведена и приняла современный вид центральная часть города, ее историческое ядро — то, что мы и называем сегодня Петербургом. Это была эпоха, когда персидский посол на вопрос, как нравится ему Петербург, ответил: «Этот строящийся город будет когда-нибудь прекрасен».

Тот Петербург, который мы знаем, реально начали строить в середине XVIII века, с 1760-х годов, и построили где-то к 1840-м, примерно за 80 лет. Семантика планировки и архитектуры этого города уже совершенно оригинальна. Во-первых, Петербург по своей планировке полицентричен. Во-вторых, его пространство позволяет выбирать направления движения: всегда есть не один, а несколько выходов из любой точки пространства; практически полное отсутствие тупиков. В-третьих, его архитектурный ансамбль, при разных стилях отдельных зданий, поражает единством замысла и стиля. В-четвертых, раскрытие на вид всех сооружений и урочищ города значительно выше, чем во всех европейских столицах и в Москве. В-пятых, семантическая валентность (термин М. Ю. Лотмана) Петербурга уникальна и позволяет ему, переживая культурно-исторические эпохи, воспринимать и присоединять новые смыслы.

Все это делает Петербург, во-первых, уникальным явлением мировой архитектуры и градостроительного искусства; во-вторых, явлением, намного обогнавшим свой век и опередившим европейское градостроительство по крайней мере на столетие.

Само по себе существование Петербурга ставит под сомнение еще один традиционный миф — об отсталости России.

В. А. Гаврилов¹

«НЕБЕСНАЯ ЛИНИЯ» И «НЕБЕСНЫЙ ФРОНТИР»: ИСТОКИ, ПАРАЛЛЕЛИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Определение, понятие «небесная линия» (skyline), характеризующее внешний «образ» Санкт-Петербурга, как известно, принадлежит Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, введено им в обиход в статье «Небесная линия города на Неве», в которой он размышлял над сложившейся уникальностью городского пространства, его доминирующей горизонтальной составляющей. Д. С. Лихачев утверждает, что самая, может быть, характерная градостроительная черта в облике Петербурга — преобладание горизонталей над вертикалями. «Горизонталы создают основу, на которой рисуются все остальные линии. <...> В английском языке есть понятие

¹ Доцент кафедры дизайна интерьера Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, кандидат искусствоведения. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Топология “места” в искусстве скульптуры XX века», «Пластические новации в скульптуре XX века» и др. Член правления Санкт-Петербургского отделения Союза дизайнеров России.

skyline (небесная линия). Это не линия горизонта в нашем смысле слова. Значение skyline более широкое: оно включает линию соединения гор и неба (где горизонта, с нашей точки зрения, нет), линии домов и неба и прочее. Зубчатая, как бы дрожащая линия домов на фоне неба создает впечатление призрачности, эфемерности городской застройки².

В другой своей работе, «Петербург в истории русской культуры», он также говорит, что «главное в облике нашего города — это четко выраженные горизонталы. Первая горизонталь — это линия соприкосновения воды и земли на колоссальных пространствах разветвленного устья Невы. Благодаря отвесным набережным, которые имеются только в Петербурге, это идеально прочерченные линии. И эта линия соприкосновения

² Лихачев Д. С. Небесная линия города на Неве // Наше наследие. 1989. № 1. С. 8–13.

воды и земли — самая важная линия в Петербурге. Другая горизонталь — это ровный, всегда одинаковый уровень набережных. И третья горизонталь — это четкая линия домов, линия соприкосновения крыш домов и неба, которая регулировалась специальными постановлениями: не выше Зимнего дворца. К этим горизонталям восходят вертикали: перпендикуляры Петропавловского, Михайловского и Адмиралтейского шпилей как бы подчеркивают основные горизонталы города»¹.

Мы намеренно взяли для примера два, с одной стороны, крайне непохожих города, с другой — начавших свою историю примерно в одно и то же время, с одинаковыми географическими данными, создаваемых по одним и тем же идеалистическим представлениям об идеальном устройстве города — использование регулярной планировки с прямоугольной сеткой улиц. У этих мегаполисов трехсотлетняя с небольшим история, в отличие от «старых» городов, имеющих порой тысячелетние традиции. Эти города относятся к абсолютно «новым», созданным с чистого листа.

Сравнение, сопоставление вертикали и горизонтали видится нам как противопоставление не по принципу хорошее–плохое, а скорее как разные, равные возможности. В нашем докладе в качестве оппонента мы предлагаем пример другого мегаполиса Нового Света — это Нью-Йорк (первоначально Новый Амстердам), а точнее Манхэттен, который сами горожане, собственно, и называют «Нью-Йорком». Как известно, Новый Амстердам, он же Манхэттен–Нью-Йорк, как собственно и Санкт-Петербург, построен по тем же лекалам, идеалистическим представлениям, уходящим глубоко в античную, ветхозаветную традицию — к произведениям Платона и его представлениям об идеальном городе, к идеям великих утопистов Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы.

Петр I стремился создать Санкт-Петербург как «идеальный город», «парадиз» с его регулярной, построенной по линейке «парадиза» планировкой, соответствующей этому понятию, которое он вынес (как можно допустить) во времена Великого посольства, в частности в Нидерландах в 1697–1698 годах.

А. В. Иконников в своем фундаментальном труде «Утопическое мышление и архитектура» пишет, что парадигмой идеального сверхбытия в христианских представлениях был образ рая — места вечного блаженства праведников в будущей послеземной жизни. Он полагает, что Новый Завет не содержит каких-то описаний, позволяющих придать этому образу конкретные чувственные формы. Однако, по его мнению, образ рая наглядно опредмечивался не только в иконографической, литературной и фольклорной традициях, которые в основном основывались на интерпретации (толковании) библейских метафор, но и подчас в «околобиблейских» апокрифических текстах. Иконников приводит в качестве иллюстрации три линии истолкований этой темы, с ссылкой на С. С. Аверинцева: это — «рай как сад; рай как город; рай как небеса». Первой из них, по его словам, соответствует принятый многими языками исходящий от греческого термин «парадиз», которым представление о рае «связывается с цветущим

¹ Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 541–552.

огражденным садом (у ранних иранцев — имеющим очертание квадрата)»².

Эта линия восходит из ветхозаветного описания Эдема: «Сад, имеющий очертания квадрата или круга, огражден — как и подобало плодоносящему оазису среди пустыни, его благотворная для человека упорядоченная среда противопоставлена “тме внешней”»³. Огражденность упорядоченного пространства, противопоставленного окружению, как говорит Иконников, связывает образы рая парадиза и рая города. Основой представлений о последнем, продолжает он, «были сложные многозначные метафоры в “Апокалипсисе”, посвященные небесному граду Иерусалиму, который “имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов. <...> Город расположен четверугольником, и длина его такая же, как и широта”»⁴. Тема рая как города, говорит Иконников, оказала значительное влияние на утопическую мысль ренессансных гуманистов, облекшуюся в форму урбанистических литературных утопий и архитектурных фантазий (проекты «идеальных городов»). Он утверждает, что идеально устроенный город метафорически представлял идеализированный образ государства и цивилизации, подобно тому, как «небесный град Иерусалим» в тексте «Апокалипсиса» представляет рай.

Архетипом утопии на все времена, говорит А. В. Иконников, стало идеальное общество, описанное Платоном, идеальная программа которого противопоставлена хаосу разваливающегося классического полиса с его погруженной в раздоры демократией. В диалоге «Критий» приведена, как подробное описание Атлантиды, говорит Иконников, «вербальная модель пространственного устройства идеального государства — прообраз градостроительной утопии»⁵ — равнинный остров с горой, расположенной в центре, вокруг которой попеременно чередуются водные и земляные кольца, «...проведенные словно циркулем из середины острова и на равном расстоянии друг от друга. <...> Цари потрудились даже и над устройством равнины, выправив ее продолговатый четырехугольник и окопав его громадным каналом»⁶. Иконников сообщает, что порядок государственного устройства был спроецирован на идеальную геометрию столицы атлантов и что этот геометрический абсолют отразил представление Платона о строении Космоса (а космос — как целое — для него наивысшее эстетическое совершенство). Иконников констатирует, что утопия идеального государства стала интеллектуальным прибежищем великого философа, жизнь которого совпала с трагическим временем исторического перелома. Она не оказала влияния, по его словам, на его современников, но созданный им архетип ментальной конструкции более двух тысячелетий привлекает внимание заключенными в нем принципами организации мысли.

Схожие описания идеального города мы находим в произведениях Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы.

² Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура. М., 2004. С. 22.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Там же. С. 20.

Томас Мор в своей «Утопии» (1516), описывая города идеального государства, приводит следующее: «Кто узнает об одном из городов, узнает обо всех: так как они вообще похожи друг на друга (насколько не препятствует этому местность). <...> Амаурот расположен на пологом склоне горы, по форме он почти квадратный. <...> Высокая и толстая стена с частыми башнями и укреплениями опоясывает город. С трех сторон стены окружает сухой, но глубокий и широкий ров. <...> С четвертой стороны заменяет сама река»¹. В «Городе Солнца» (1623) Томмазо Кампанеллы мы читаем: «На обширной равнине возвышается высокий холм, на котором и расположена большая часть города; многочисленные же его окружности выходят далеко за подножие горы, размеры которой таковы, что город имеет в поперечнике свыше двух миль, а окружность его равна семи. А благодаря тому, что лежит он по горбу холма, площадь его больше, чем если бы он находился на равнине. Разделяется город на семь обширных поясов, или кругов, называющихся по семи планетам. Из одного круга в другой попадают по четырем мощным улицам сквозь четверо ворот, обращенных на четыре стороны света»².

Мы видим, как сходны различные описания идеального города и план создания города на Неве, приписываемый самому Петру, объективности ради имеющий нескольких авторов, включая первого «генерал-архитекта» будущего города Леблон и Трезини. Ж. Б. Леблон — автор первого генерального проекта планировки Санкт-Петербурга (1717) с центром на Васильевском острове. План Леблona предусматривал «строго прямоугольную сетку улиц и каналов, прямоугольные площади, эллиптический пояс укреплений». И хотя осуществление плана оказалось нереальным, многие градостроительные идеи Леблona легли в основу планировки и развития города в дальнейшем. Знаменитый проект «трезубца» из Невского, Вознесенского проспектов и Гороховой улицы, расходящихся веером от основания «трезубца» — Адмиралтейства, был создан лишь в 1737 году П. М. Еропкиным при участии М. Г. Земцова и И. К. Коробова, — аналогично Риму и Парижу.

Напомним, что наиболее ранней проекцией эстетической утопии барокко на градостроительство Европы, по мнению Иконникова, стала начатая в конце XVI века реконструкция Рима в интересах контрреформации. «Постановление Тридентского собора, завершившегося в 1563 году, требовало превратить искусство в оружие католической ортодоксии. Энергичный папа Сикст V... (1585–1590) поставил на службу церкви искусство градостроительства. Рим, превращаемый реконструкцией в произведение этого искусства, должен был получить характер мирового города, центра сил, которые распространяются далеко вовне»³. Осуществление замысла, продолжает развивать свою мысль Иконников, Сикст V передал придворному архитектору Доменико Фонтана (1543–1607). Реконструкция, начатая им, превратила барочный Рим в идеальную модель столичного горо-

да. А введенные им «знаки столичности» — прямые перспективы, завершенные вехами-obeliskами; «трезубец» из трех главных улиц, сходящихся к главному узлу городского плана, и регулярно организованные площади, служащие продолжением интерьера главных зданий, — стали для градостроительного искусства общепринятыми стереотипами. Эти принципы были использованы также в преобразованиях столицы Франции, начатых в XVII веке, заключает Иконников. Реконструкцией Парижа в 1670-е годы руководил А. Ленотр. Город, по словам Иконникова, так же как и Рим (как впоследствии и Санкт-Петербург), был «...структурирован трезубцем» («трезубцем») главных радиальных направлений, как бы наложенных на нейтральную прямоугольную сетку второстепенных улиц (повторена схема «трезубца», расходящегося от римской площади дель Пополо, также независимого от рисунка вторичной уличной сети)»⁴.

Жан-Батист Александр Леблон (1679–1719) — первый «генерал-архитект(ор)» Санкт-Петербурга, являлся учеником А. Ленотра, воплотил полученный опыт на практике — при закладке «нового города». Надо сказать, что именно Леблон и Трезини заложили школу отечественной архитектуры.

Как мы уже представляли выше, в качестве оппонента «небесной линии» выступает «небесный фронт» небоскреба как альтернативы освоения пространства по вертикали, практически бесконечного, как говорит современная практика. «...Схема 1909 года представляет манхэттенский небоскреб как утопическую формулу для создания неограниченного количества новых территорий на одном городском участке»⁵, — говорит молодой, никому не известный нидерландский архитектор в далеком 1978 году Рем Колхас в своей книге «Нью-Йорк вне себя», создавший ретроспективный манифест Манхэттена. Поскольку у каждой такой территории собственная судьба, продолжает он, своя программа, над которой, по его мнению, архитектор уже не властен, небоскреб оказывается инструментом нового *непредсказуемого* урбанизма. Манхэттену, как он думает, «... не остается ничего, кроме как выдавить саму решетку вверх к небесам. И только небоскреб может предложить бизнесу широкие просторы рукотворного «Дикого Запада», новый *небесный фронт*»⁶. Как известно, городскую структуру Манхэттена составляет регулярная решетка улиц, образующих одинаковые прямоугольные кварталы, делящих остров на 2028 равных частей размером 70 на 200 метров. Сегодня, в 2013 году, спустя 40 лет, мы воспринимаем это имя совершенно иначе. Присуждая Притцкеровскую премию за 2000 год, жюри определило, что Рем Колхас прочно вошел в пантеон наиболее значимых архитекторов как ушедшего, так и наступившего столетия.

Достойным вкладом Санкт-Петербурга в мировую культуру является прежде всего то, что он сохранил свое лицо, свой «образ», свою «небесную линию». Колхас в своих градостроительных проектах разрушает

¹ Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 177–179.

² Утопический социализм: хрестоматия / под общ. ред. А. И. Володиной. М., 1982. С. 82.

³ Иконников А. В. Указ. соч. С. 40.

⁴ Иконников А. В. Указ. соч. С. 42.

⁵ Колхас Р. Нью-Йорк вне себя: ретроактивный манифест Манхэттена: пер. с англ. М., 2013. С. 89.

⁶ Там же. С. 90.

регулярную скучную сетку улиц (по-американски), например в Алмере, городе-спутнике Амстердама, история которого тесно связана с историей создания как Санкт-Петербурга, так и Нового Амстердама — Нью-Йорка, оправдываемую в одних случаях идеалистическими представлениями, в других — экономической целесообразностью, отдавая все большее предпочтение гармоничной спонтанности.

Таким образом, сопоставив две градостроительные парадигмы — «небесной линии» Санкт-Петербурга и «небесного фронта» Нью-Йорка — Манхэттена (соответственно горизонтальной и вертикальной парадигмы), можно заключить следующее: одна базируется на чисто экономическом факторе, другая остается сопоставимой человеческому измерению. В одном случае сохранение принципов архитектуры Витрувия, в другом — «дизайна» через его основную функцию — отвлечение (абстракцию). Лозунг функционального дизайна «Единство функции, конструкции, формы» (конца 1960-х гг.) можно было бы представить как отвле-

чение основных принципов архитектуры Витрувия (I в. до н. э.) «Польза, прочность, красота», где функция является отвлечением пользы, конструкция — отвлечением прочности, соответственно форма является отвлечением красоты.

В заключение приведем следующие слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Если мы любим свой город, мы должны сохранять облик города, созданный в значительной мере при его закладке великим Петром. В первую очередь мы не должны строить высотные здания, от которых уже отказались многие градостроители в Европе. Будем следовать заветам Петра Великого. <...> Нашему городу возвращено его историческое название — Петербург. А вместе с этим историческим названием мы можем надеяться на полное возвращение его культуре его европейского характера со всеми европейскими ценностями: личностным характером, универсализмом, восприимчивостью к другим культурам, терпимостью к чужим убеждениям, свободой, открытым выходом в Европу и свободным входом к нам»¹.

И. А. Гольдман²

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКА ШАГАЛА

Марк Захарович Шагал — белорусский, российский, французский, еврейский художник, проживший большую часть жизни во Франции, — никогда не забывал о своих исторических корнях, что отразилось на всем его творчестве, являющемся ярким примером воплощения идеи «диалога культур».

В произведениях изобразительного и декоративно-прикладного искусства художнику удавалось, соединяя традиционные еврейские мотивы с современными европейскими художественными направлениями и течениями, вести диалог с миром, Родиной, с самим собой и оставить заметный след в истории мировой художественной культуры.

Иногда Шагала представляют художником-самоучкой. Но это явное заблуждение, поскольку мастер получил основательное профессиональное художественное образование. Первым его учителем был воспитанник Павла Чистякова Иегуда (Юдель) Пэн, открывший в Витебске свою художественную школу. В ней Шагал получил первые художественные навыки. Вместе с тем определяющим и знаковым этапом в творческом и личностном становлении художника стал петербургский период.

Первое знакомство с многонациональным городом, куда Марк Шагал приехал учиться, состоялось в 1907–1910 годах: «Юный Шагал проявил изрядную настойчивость и добился необходимого для евреев разрешения на проживание в столице. Зимой 1906/07 года вместе со своим другом Виктором Меклером он переезжает в Петербург. После художественной школы Иегуды Пэна в Витебске Шагал очутился в самом сердце куль-

турной России, где ему предстояло по-настоящему постигнуть искусство живописи...»³

За первые три года обучения в Петербурге Шагалу пришлось столкнуться со многими трудностями. Он успел поработать ретушером, художником-оформителем вывесок. Его художественные умения отшлифовали занятия в нескольких петербургских учебных заведениях. Не сумев поступить в художественное училище им. барона Штиглица, он оказался на III курсе возглавляемой Николаем Константиновичем Рерихом рисовальной школы Общества поощрения художеств. Несколько месяцев он провел в школе живописи и рисования С. М. Зайденберга. Затем учился в школе-студии Елены Званцовой в Академии художеств, где преподавали известные художники объединения «Мир искусства» Мстислав Добужинский и Лев Бакст, которому Шагал помогал создавать декорации к балету «Нарцисс». С еврейской интеллигенцией Петербурга Шагала познакомил меценат Г. А. Гольдберг.

В поисках славы, признания, желая работать по своему и не испытывать притеснений Марк Шагал мечтал о светском Париже, его привлекала французская живопись. Петербург оставил противоречивые впечатления у юного художника: с одной стороны, великолепные художники-педагоги, оказавшие влияние на формирование стиля Шагала, его художественной манеры, а с другой — отсутствие творческой свободы, столь необходимой художнику, чье искусство метафорично.

Уже в ранних картинах Шагала «Семья, или Материнство» (1909), «Русская свадьба» (1909), «Женщина с букетом» (1910), «Рождение» (1910) определяется круг тем, основных мотивов последующих работ художника. Картины художника выполнены под

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 175–183.

² Доцент кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича, кандидат искусствоведения.

³ Вальтер И. Ф., Метцгер Р. Марк Шагал. 1887–1985. Живопись как поэзия / пер. с англ. Т. Старостиной. М., 2008. С. 8.

влиянием петербургской школы живописи того времени, еврейской старины, прослеживается знание композиционных приемов западноевропейской живописи того времени. Его картины-притчи посвящены сценам деревенской и сельской жизни. Шагал размышлял о человеке как философ, пытаясь осмыслить то, что хранится в памяти человека, вечные ценности жизни, любовь земную и небесную, смысл бытия, мир в целом.

Петербургские произведения — результат рефлексии Марка Шагала как художника мира, пытающегося осмыслить историко-культурный и художественный процесс на рубеже XIX–XX веков, эксперименты в изобразительном искусстве с цветом и композицией. Он находился под впечатлением от произведений импрессионистов, постимпрессионистов, художников объединений «Мир искусства» и «Голубая роза». Словно вступая с ними в культурный диалог, он создавал свои произведения.

Работы Шагала — квинтэссенция разных художественных направлений рубежа XIX–XX веков. Сохраняя интерес к фигуративности, натуре, что для него первично, он тем не менее свободен в работе с цветом. Мы видим это в картине «Маленькая комната» (1908). Отсюда — некоторая противоречивость, двойственное отношение к петербургским работам Шагала. Художник, не боясь ничего нового, стремится остаться самобытным, проявить свою индивидуальность, создавая упрощенные, почти «примитивистские» формы.

Одновременно с примитивистскими произведениями Шагал пишет картины, в которых прослеживаются «академические нотки»: «Марьясенька» (1907), «Автопортрет с кистями» (1908), «Моя невеста в черных перчатках» (1909), смело показывая тем самым свою разносторонность.

В «Автопортрете с кистями» Марк Шагал изобразил себя в образе мастера минувших эпох. Здесь уместно провести параллели с автопортретами художников Ренессанса, Голландии и Фландрии XVII века. Тема любви, которая была сквозной в творчестве Шагала, нашла пронзительное воплощение в портрете Беллы «Моя невеста в черных перчатках». Сразу вспоминаются образы Франсиско Гойи и Эдуарда Мане.

В этих произведениях Шагал отдает дань классическим европейским традициям, о которых всегда будет помнить в своем творчестве.

Близость Шагала к символистским идеям связывает его с театральной культурой начала XX века. Действительно, именно в петербургский период проявилась его страсть к театру, чему мы находим подтверждение в картине 1908 года «Деревенская ярмарка», вероятно, созданной художником под влиянием постановки «Балаганчика» Александра Блока в театре В. Ф. Комиссаржевской. Шагал, показывая условность границ между жизнью и смертью, выстраивает композицию на противопоставлении реального и ирреального. Целостность композиции достигается на основе разобщенности элементов фабулы.

Словно продолжая свои размышления, Шагал обращается к тому, что заложено в человеческой памяти. В работе «Покойник» 1908 года действие происходит в открытом пространстве. На интерьеры художник не обращает внимания, локализуя свое восприятие действительности, что будет характерно и для последующих его произведений.

Одна из важных и заключительных картин-притч художника в петербургский период — «Рождение» 1910 года, где Шагал изобразил сцену, увиденную им. Художник по-своему истолковывает евангельский сюжет Рождества Христова, создавая жанровую картину, в которой обыденное становится вселенским. Шагал не смог остаться в стороне, поскольку для символистов данная тема была очень актуальна. С одной стороны, обыденность и драматизм действия в левой части картины: лицо роженицы, мучающейся от боли, с другой — превозносящаяся над обыденностью благая весть, исходящая от повивальной бабки с младенцем на руках. Корова рядом с мужчинами на правой стороне картины заставляет вспомнить о поклонении волхвов.

Таким образом, за петербургский период Марку Шагалу удалось вырасти до профессионального художника, освоившего академическую школу живописи, определить с основными темами своего художественного творчества, создать собственный художественный стиль. Однако петербургский период в творчестве Шагала по-прежнему недооценен, а ведь в Париж, по мнению Марселя Бриона, Марк Шагал прибыл сформировавшимся художником.

В Петербурге Шагал был еще дважды. Второй раз художник побывал в Петрограде в 1915–1918 годах. Он приехал сюда со своей супругой Беллой Розенфельд. За это время он успел послужить в Военно-промышленном комитете, принять участие в выставке современного русского искусства, пережить революционные события Октября 1917 года, отказаться от должности в Министерстве искусства, познакомиться с Сергеем Есениным, Владимиром Маяковским, Борисом Пастернаком и другими деятелями культуры того времени. В 1973 году Шагал триумфально возвратился в Россию.

В 2012 году в честь 125-летия со дня рождения Марка Шагала Фонд имени Д. С. Лихачева совместно с Государственным Эрмитажем организовали международную конференцию «Марк Шагал и Петербург: жизнь, творчество, наследие», а галерея искусств “Kgallery” — выставку «Петербургские художники в честь Марка Шагала», где были представлены работы известных авторов (Ф. Волосенков, А. Заславский, В. Лукка, В. Яшке, О. Яхнин, А. Зинштейн).

Проведенные юбилейные мероприятия — подтверждение неподдельного интереса специалистов к петербургскому периоду творчества Шагала и признание его важным этапом в формировании профессионального мастерства художника, чье влияние на мировой художественный процесс очевидно.

С. А. Гончаров¹

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КАК ДИАЛОГ МИРОВЫХ ГОРОДОВ: ОТВЕТ НА КРИЗИС КУЛЬТУРЫ

Сохранение культурных констант, общечеловеческих приоритетов, необходимость поддержания мировым социумом единства ценностных позиций являются ключевыми условиями выживания и развития человечества. Сегодня это важнейший вопрос, без осмысления которого не могут быть решены в том числе и экономические проблемы.

Увы, но следует констатировать, что прежнее единство человека и культуры катастрофически нарушено: возникло новое противоречивое единение человека и экономики, новый ментально-ценностный тип современности — тип homo oeconomicus. Это — тупиковый путь цивилизации. В эпоху глобальных кризисов современности культура утратила свой прежний статус, она смещена в маргинальную зону, она перестала быть антропоцентричной — той сферой, где и через что происходит духовное самоопределение человека, сопряженное с вертикальным смыслом его существования и перспективами его будущего.

Культура стала продуктом, услугой, культура стала рядоположенной с другими видами товаров, которые ограничивают человеческое существование и его смысл технологиями потребления здесь и сейчас. Кризис культуры оборачивается кризисом человека, мутацией его духовного модуса. Категория будущего как то, что создается духовным строительством человека и его ценностным универсумом, формирует его жизненные стратегии, утрачивает свой смысл. Современный человек растворен в повседневности, переживая кризис идентичности, чувство одиночества, разобщенности, стрессовую полиритмию жизни городов. Город наиболее концентрированно воплощает все плюсы и минусы современного мира.

Исследования говорят о том, что в ближайшее десятилетие городским населением станет более 70 % всех живущих на Земле. Иначе говоря, современная цивилизация — это цивилизация городов, больших городов в физическом, экономическом и культурном значении. Направление развития мирового урбанизма — это агломерации, крупнейшие городские образования, такие как Токио, Мехико, Калькутта и другие города мира, в России, например, Москва. Это особая организация пространства и среды, особые образ жизни и тип коммуникаций. В городах интегрируются все смыслы и ценности, здесь происходит встреча человека с со-

временностью. Историософия встречи города и человека весьма драматична. Неслучайно мировое искусство посвятило этой теме особое внимание. Достоевский одним из первых стал философски осмысливать проблемы именно большого города и драму человеческого существования в нем. То, о чем писал Достоевский в XIX веке, стало еще актуальнее в XXI веке. Город солнца, город будущего, город-судьба, «О граде Божьем» Августина, «Два града» С. Н. Булгакова — большой ряд в истории мировых рефлексий прямо или символически, религиозно-мистически связан с переживаниями, поисками идеального града-города, который является идеальной моделью мира, города, в котором человек счастлив. Не менее сильна и противоположная рефлексия — города-антиутопии (вспомним хотя бы знаменитый фильм Фрица Ланга 1927 г. «Метрополис»).

Как примирить, как соединить два града — небесный и земной, как снять пропасть между ними, какими могут быть эти пути? Один из них — через интеллектуально-культурный диалог мировых городов, через построение мировой культурной оси, способной уравновесить влияние на мир и на человека технократизированной экономики.

Поэтому, в продолжение мировой культурной традиции, сегодня приобретает особую актуальность развитие идеи мировых городов, осмысление широкого спектра вопросов, среди которых важнейшие — каким должен быть современный город, какую роль сегодня может сыграть отдельный город в культуре мира и судьбе человека, в чем человеческий смысл города и какой символический план он должен выстраивать, чтобы духовная вертикаль сопутствовала жизни каждого человека и его повседневности? Как должна строиться культурная политика, чтобы развивалась и реализовывалась достаточно давняя идея антропоцентричного города и одухотворенного горожанина? Почему большие города не только различны и индивидуальны, но и похожи друг на друга, как выстраивается их диалог в символизме планировочных концептов и архитектурных форм? В чем их историческая миссия, в том числе по отношению к малым городам? Можем ли мы сегодня совместно выработать новую модель культурно-интеллектуальной коммуникации мировых городов, новый формат диалога, в котором могут принимать участие не только ученые, деятели культуры, бизнеса, политики, но и просто жители, познавая Другое и ощущая себя частью единого человеческого сообщества?

Проблемы современных городов — это далеко не только транспорт, инфраструктура, экология. Проблема городов — это проблема новой философии, новых концепций, подходов, инструментария анализа, стратегий и гуманитарных технологий, новых моделей социокультурных коммуникаций, осмысленных именно с культурфилософских позиций в интересах

¹ Первый проректор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Российского культурологического общества. Автор более 200 работ по проблемам культуры, литературы и образования, в т. ч. монографии: «Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте», «Cosmos of Russian Life. An Introduction to Russian Culture», «Образ России во временной перспективе: от культурогенеза социального мифа к картине мира современной молодежи» (в соавт.), «Миф о России в русской социокультуре» (в соавт.), «От Императорского Воспитательного дома к Российскому государственному педагогическому университету им. А. И. Герцена» (в соавт.) «Петербургская школа. Система образования в Северной столице на рубеже XIX–XX веков» (в соавт.) и др.

человека. Но это еще и проблема понимания современного человека. Кто он в условиях жизни большого города? Каков строй его внутренней жизни, специфика его реакций, восприятия, коммуникаций, ценностей, потребностей и т. д.? Все так стремительно меняется — не только ментально, но и психофизиологически. Современный человек как социобиологическое явление и часть городской среды нуждается в адекватном научном понимании.

Ценности культуры, интеллекта, творцов и интеллектуалов сегодня нуждаются в согласованной поддержке и развитии мировыми городами. Необходима новая культурная политика мирового сообщества, ее совместная реализация может существенно редуцировать кризис культуры и кризисные явления в мире.

Ярким образцом мирового города выступает Санкт-Петербург. Особая миссия трансляции смыслов и ценностей, сохранения и развития духовного потенциала человека изначально присутствует в жизни Санкт-Петербурга, который всегда обладал собственной философией, уникальным внутренним миром, неповторимым обликом, по праву считался «культурной столицей» России.

Во-первых, Петербург — открытый город. Эта устойчивая характеристика архитектуры городского ландшафта продолжает восприниматься вполне законной частью того мирового культурного опыта, который был унаследован новой российской столицей от Древнего Рима. Неслучайно Петербург называют городом-цитатой, городом-рифмой — в нем отражаются как в зеркале культуры и города мира, так же как петербургский текст отражен во многих из них. Петербург — это культурный универсум мирового порядка.

Как отмечал один из крупнейших знатоков истории Петербурга профессор И. М. Гревс, «в эпохи кризисов великих культур особенно остро пробуждается сознание содержащихся в них духовных ценностей, особенно ярко поднимается чувство любви к ним и вместе с тем желание и жажда хранить их и защищать. Город — один из сильнейших и полнейших воплощений культуры, один из самых богатых видов ее гнезд»¹.

Во-вторых, Петербург замыслился как Град — «город городов». В этом и заключается его феноменальное явление. Культурные координаты Петербурга существуют как бы в двух плоскостях. С одной стороны, это обычный горизонтальный срез, в котором запечатлена повседневная жизнь и «торжествует» реальная история. С другой стороны, это измерение вертикальное, пространство полета, заключенное между «двумя градами» — небесным и земным, зеркальной поверхностью Невы и «небесной линией» Петербурга. Именно поэтому применительно к Петербургу, а не другому городу принято говорить о его метафизике, то есть о сфере вневременных смыслов.

В-третьих, Петербург — это город-личность, и перед ним как городом-личностью, заложенным личностью, встают задачи сохранения внутреннего состояния человеческой свободы, ценности человеческой индивидуальности, обретения культурной идентичности.

¹ Гревс И. М. Предисловие к книге Н. П. Анциферова «Душа Петербурга» // Анциферов Н. П. «Непостижимый город...». СПб., 1991. С. 25.

Пространство культуры и есть главный путь человека к себе. В подобной самоидентификации и заключается историческая миссия Петербурга в современной культуре. Именно это определяет эстетику Санкт-Петербурга как мирового города и — в большей степени — этос культурной столицы России. В этом, мне кажется, может заключаться и миссия мировых городов, и смысл их большого диалога.

За три века своего существования Петербург стал не только священным, но и жертвенным камнем русской истории. Это область тех смыслов, которые составляют вечную вертикаль и являются основой большого диалога. Историософия мировых культурных центров — важнейшая гуманитарная проблема, не получившая до настоящего времени своего должного осмысления. Этот содержательный ракурс обязательно должен учитываться в современной культурной политике. В глобализирующемся мире культурная политика не может мыслиться вне диалога.

Вместе с тем на примере современных мегаполисов становится особенно ощутимо, насколько технико-цивилизационная история человечества и его культурная история оказываются разобщенными. Культура современных городов представлена преимущественно в виде обособленных пространств (музеев, театров, архивов, библиотек), коммуникативный и развивающий потенциал которых реализуется далеко не в полной мере. У Петербурга есть интересный опыт новых социокультурных практик, которые могут быть полезными в диалоге городов. Под непосредственным воздействием проекта «Метафизика Петербурга», основанного на идеях великих ученых Ю. М. Лотмана², В. Н. Топорова³, И. М. Гревса⁴, Н. П. Анциферова⁵, Д. С. Лихачева⁶ и осуществленного петербургскими исследователями на рубеже XX–XXI веков, развиваются многие аспекты мировой философско-культурологической урбанистики.

Сегодня чрезвычайно важным делом можно считать не только дальнейшую актуализацию культурного потенциала Санкт-Петербурга, но и разработку инновационных образовательных, просветительских программ, новых социокультурных практик, в центре внимания которых — человек и современный город во всем многообразии их взаимоотношений и культурных проявлений. Замечу попутно, что Герценовским университетом инициирована разработка нового научно-образовательного направления — педагогическая урбанистика. Урбанистика (петербурговедение) должна стать важной составной частью образования, в том числе университетского. Человеку, начиная

² Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18. С. 32–44.

³ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб. : Искусство-СПб., 2003.

⁴ Гревс И. М. Монументальный город в исторической экскурсии // Экскурсионное дело. 1921. № 1. С. 1–14.

⁵ Анциферов Н. П. «Непостижимый город...». СПб. : Лениндат, 1991.

⁶ Петербург в истории русской культуры : актовая лекция, прочитанная академиком РАН Д. С. Лихачевым 19 мая 1993 года, в день вручения ему диплома и мантии Почетного доктора СПбГУП [С.-Петерб. Гуманитарного ун-та профсоюз]. СПб. : СПбГУП, 1994.

с раннего детства, необходима помощь в понимании культурной среды, жизненного пространства, в котором осуществляется его жизнь. Представляется, что реализация образовательных программ, связанных с ментальной историей и культурой Санкт-Петербурга, внесет значительный вклад не только в общее дело совершенствования подготовки специалистов в условиях интенсивного вхождения России в международное образовательное пространство, но и станет важной составляющей культурной политики города, ориентированной на всех жителей города. Очень важно каждому жителю города сделать доступными его символические духовные смыслы. Это те культурные коды, которые ведут к пониманию и объединяют нас.

Судьба Петербурга вот уже три века выступает индикатором наиболее значимых событий мировой истории. В этом смысле культурные ландшафты Северной столицы обладают важной прогностической функ-

цией. В истории и культурных пространствах города можно найти ответы на самые сложные современные проблемы.

Для современного этапа культурного диалога Санкт-Петербург как открытый город, город-личность, город-цитата, город-рифма оказывается исключительно перспективным пространством интеллектуальных коммуникаций мировых городов. Санкт-Петербург — это своеобразная афинская агора, то есть пространство для интеллектуальных бесед и диалога. Сегодня мир нуждается в новом масштабном слове и новом действии, возможно, что сегодня, здесь, оно начинается. В меру уникальности своей исторической судьбы Петербург — это город не только прошлого или настоящего. Это порог, двери диалогизма и интеллектуальной культуры будущего. Мировая культурная ось должна выстраиваться мировыми городами в интересах человека. В этом их историческая миссия.

С. М. Грачева¹

СОВРЕМЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ ПЕТЕРБУРГСКИХ ХУДОЖНИКОВ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Пейзаж — один из самых распространенных в современном академическом искусстве жанров. Именно на его примере уместно говорить о диалоге культур в современном художественном пространстве, поскольку пейзаж сумел вобрать в себя традиции многих направлений и явлений разных культур и эпох.

XX век, переживший так много потрясений и перемен, авангардных, модернистских и постмодернистских поисков в искусстве, представил богатейшее разнообразие пейзажных видов и типов: от традиционного «чистого» до «урбанистического» и «индустриального». Через пейзаж выражали свой ретроспективизм «мирикусники», ироничность и бунтарский дух — «бубновалетцы», многомерность и многозначность бытия — символисты, выход в пятое измерение — супрематисты, симультанное видение мира — абстракционисты.

В петербургской живописи XX столетия пейзаж всегда был заметным жанром, начиная от «Мира искусства», «Круга художников», затем группы «Одиннадцать» и, конечно же, в академической школе. Здесь можно вспомнить имена А. Осмеркина, В. Загонька, Е. Моисеенко, А. Мильникова, П. Фомина и других замечательных мастеров.

Петербургские художники бережно сохраняют и транслируют традиции мирового искусства, преобразуя их в своеобразную *петербургскую школу*, находясь в непрерывном диалоге с мастерами былых эпох и современностью. Особыми чертами петербургской акаде-

мической школы можно считать: бережное отношение к прошлому, умеренный консерватизм взглядов, высокий уровень профессионализма, стремление к безупречному эстетическому вкусу.

Подчеркнем, что для академической традиции характерно обращение к классическому наследию, хотя и достижения модернистского искусства не игнорируются художниками, но достаточно осторожно вводятся в культурный контекст.

Так, до последних дней своей жизни воспитывал в своих учениках уважение к лучшим образцам искусства русских и западноевропейских мастеров недавно ушедший от нас А. А. Мильников — выдающийся живописец, руководитель монументального отделения Института имени И. Е. Репина. И сам он бережно относился к историческому прошлому, демонстрируя диалогичность своего мировосприятия. На одной из последних выставок, в которых он принимал участие, были представлены «Осенний пейзаж» и «Вечер». Особое впечатление произвел «Осенний пейзаж», написанный в духе старых мастеров, тончайшими лессировками, с глубоким пониманием техники и образной системы европейского пейзажа XVII–XIX веков (К. Лоррена, Т. Гейнсборо, Дж. Констебла).

В академическом искусстве бережно сохраняются традиции реалистического русского этюдного пейзажа в духе Союза русских художников, сочетающего приемы реалистического искусства с элементами импрессионизма и постимпрессионистической декоративности. Среди педагогов есть корифеи подобного рода живописи, давно уже вызывающей ассоциации с лучшими традициями европейского пейзажа рубежа XIX–XX веков, — В. Ф. Руднев, Н. Н. Репин, В. С. Песиков. Это еще раз доказывает, что в искусстве диалог возможен не только среди современников, но и в исторической перспективе.

¹ Декан факультета теории и истории искусств Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, профессор кафедры русского искусства, доктор искусствоведения. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «История русской художественной критики. XX век», «Отечественная художественная критика XX века: вопросы теории, истории, образования», «Критическая деятельность художников русского авангарда первой половины XX века», «Пейзаж в творчестве Александра Куприна: стиль мастера и стиль эпохи» и др. Член Союза художников РФ.

В работах Н. Н. Репина «За сеном», «К вечеру», «Лето» узнаются традиции русского реалистического пейзажа. Художник словно стремится каждый пейзажный мотив облечь в монументальную форму, используя приемы колористического обобщения, лаконичности формы, панорамные построения композиций. «Левитановская» простота и ясность формы, выразительность цветовых отношений, лишь кажущихся на первый взгляд очень простыми, но поистине виртуозных, присутствуют в пейзаже В. Ф. Руднева «Ветрено. Голубково».

Выбирая простые мотивы, решенные, как правило, в камерных по размеру холстах, а иногда и просто в миниатюрных этюдах с натуры, В. С. Песиков как будто специально сосредоточивает наше внимание на достоинствах драгоценной красочной фактуры, сложнейших нюансах тонов и полутонов, внутреннем драматизме колорита. Академичность, умноженная на тонкий художественный вкус и мощную интуицию, никогда не устаревает и не теряет своей романтической привлекательности. Национальные пейзажи с бесхитростными на первый взгляд мотивами, в которых много воздуха, протяженного горизонта и бесконечной глубины пространства, занимают основное место в его творчестве. Удивляешься постоянству его пристрастий: Старая Ладога, Великий Новгород, Вологда и ее окрестности, Онега, Свирь вдохновляют художника с самого начала творческого пути. Он не устает находить все новые мотивы для пейзажей, придумывать новые композиционные решения и наполнять их разными чувствами.

В так называемых «чистых» пейзажах В. С. Песиков почти освобождается от повествовательности, решая сугубо живописные проблемы. Один из последних пейзажей — «На медном озере» (2009) — восхищает виртуозностью исполнения, когда быстрыми, точными, легкими ударами кисти свободно моделируется сложная форма. Рельефная фактура густых и вместе с тем почти прозрачных мазков придает внутреннее напряжение всей композиции, построенной на ритмичном чередовании планов. А цветовые акценты — красная и желтая листва на деревьях — вносят эмоциональное оживление в полотно.

Тишина и молчание довлеют над миром в пейзаже С. Н. Репина «Первый снег», праздничной яркостью наполнено «Озеро» с изображением потрясающе прозрачной, доведенной до волшебного звучания глади воды. Человеческие фигурки вносят лишь легкий диссонанс в общую потрясающую гармонию природного мира, наполняют его движением. «Река Сороть. Тригорское» и «Петровское. Вид на Михайловское» сочетают изысканность декоративно решенного колорита с реалистической трактовкой образа. С. Н. Репин с неизменным постоянством обращается к образам Псковской земли, находя в них истинную гармонию, создавая собственную картину мира, лишённую суетности, мелочности и лишних деталей. Ностальгия по детству и юности, естественной первозданной жизни человека близка работам С. Н. Репина. Его композиции «Пастораль» и «Береза» пронизаны ощущением неброской, но удивительной красоты Русской земли, ее могучих деревьев, высокого летнего неба, зеркальной гла-

ди озер. Образы беззаботного детства, когда «деревья были большими», когда гармония мира еще не была нарушена взрослой жизнью, возникают, когда смотришь на эти изысканные в колористическом отношении картины, сочетающие пленэрность с элементами декоративности.

Особого внимания заслуживают работы Н. П. Фомина «Карелия. Сумерки», «Холодный май», «Перелески». Эти пейзажи решены с картинным размахом, в них есть даже определенная повествовательность, с прологом, кульминацией, сюжетной развязкой. Их можно долго рассматривать, погружаясь в чистоту и прозрачность воздуха карельского вечера; наслаждаясь звенящим ароматом майской зелени, схваченной легким заморозком; восхищаясь нежными и изысканными, иногда даже чуть диссонирующими, цветовыми сочетаниями. Монументальная сила и декоративная красочная эмоциональность присущи пейзажным образам Н. П. Фомина — «Цветет черемуха», «На закате», «Храм».

«Цветет черемуха» — это панорамный пейзаж, обладающий чертами эпичности и монументальности. Цветение черемухи представлено как рождение космоса из хаоса, крупномасштабное эффектное действо. Просыпающаяся после долгого сна земля с черными проталинами вдруг начинает оживать, наполняться жизненной энергией, появляется свежая зелень, возникают новые свежие краски... И вдруг — первые обильно цветущие деревья, таинственно связанные со стихийными силами природы. Поэтому так тревожно белеют они на фоне темного мрачного неба... Немного смещенные, «сезаннистские» объемы «Храма» заполняют практически весь холст и католический храм, архитектура которого близко придвинута к краю холста, словно нечто одухотворенное надвигается на зрителя всей своей мощью. Благодаря этому приему он кажется особенно величественным и загадочным. Стены храма, покрытые многочисленными «мозаичными» живописными мазками, играют всеми оттенками теплых и холодных цветов спектра богатой палитры мастера. Это создает эффект драгоценной поверхности храмовой постройки и ее почти неземного сияния на фоне вечернего города.

«Чистый» пейзаж стал главной темой А. В. Чувина. Его произведения отличаются лиризмом выбранных мотивов в сочетании с лаконичностью изобразительных средств и даже некоторой жесткостью, монументальным размахом и чрезвычайно обобщенным характером композиционных построений, энергичностью линейных ритмов и при этом декоративной яркостью и эмоциональным напряжением колорита, отсутствием лишних деталей. Профессионализм мастера, основанный на совершенном, можно сказать, «волевом» владении формой, соседствует с тонкими, порой ничем не защищенными переживаниями, что не оставляет даже намеков на сентиментальные настроения. Пейзаж «На Белогуле» (2005) связан с Пушкиногорьем, скупой красотой Псковской земли. В нем, как в стихах замечательного поэта Н. Рубцова, «золото зари упало на серебряную воду». Раскинулось безмятежное величественно-спокойное северное озеро, его холодные воды пронизаны вечной тайной, берега устланы скупой суровой растительностью, а в недрах озера

видимо-невидимо заветных богатств. Разлилась над озером почти звенящая предрассветная тишина, в которой можно услышать даже «перешептывание» рыб на глубине. Сидящая фигура рыбака на берегу вносит жанровый подтекст в эту по существу картину-притчу, родственную, возможно, нестеровским северным пейзажам. И как в период символизма, пейзаж сближается здесь с сюжетной картиной, выполняя важнейшую семантическую функцию, являясь частью философского размышления, приобретая черты многозначности и многообразия. Пространственные построения как бы уходят от трехмерности, а колорит — от пленэрности, превращаясь, как некогда определил М. Волошин, в «пейзаж как исторический портрет земли», архаичский или археологический пейзаж.

Эпическая, чуть вытянутая по горизонтали композиция «Хмурый день» раскрывает бесконечную панораму волжского простора. Широкая, вольная русская река, ее необъятные берега, прибрежные утесы, низкое небо над водой с нависшими тревожными облаками — все сплелось воедино. Без детального пересказа, но с мощной эмоциональной силой передано острое драматическое переживание. Серьезную роль играют в этом полотне фактура холста и пастозная, местами почти рельефная фактура самой живописи, придающие дополнительный динамизм образу. В колорите преобладают холодноватые серебристо-синие, темно-синие, голубые, белые цвета, уравновешенные теплым цветом песчаного берега.

Своеобразной концентрацией таких колористических пристрастий автора стала масштабная картина «Облака плывут», написанная с монументальной силой и одновременно с импрессионистической легкостью, словно этюд с натуры за несколько часов. И вместе с тем в ней присутствуют черты декоративности и обобщения.

В пейзажах М. Кудреватого, объединенных в цикл «Хранители города», Санкт-Петербург — прежде всего город, сконцентрировавший мощную интеллектуальную, духовную, эмоциональную энергию многих поколений. Зримо это воплощено в памятниках архитектуры и скульптуры, которые в пейзажах художника словно «оживают» и приобретают упругие органические свойства материи. «Апостол Петр» и «Евангелист Иоанн» на крыше Исаакия («Хранители города», 2001), «Ахилл» на башне Адмиралтейства («Вознесенский проспект», 2000), «Кутузов» перед Казанским собором («Дождь на Невском», 2003), «Нептун» на Бирже («Над Невой», 2002) — это не просто некие доминанты, заполняющие «простор меж небом и Невой», или эффектные «иллюстрации», но главные действующие лица, способные повлиять на ход истории, остановить угрозу, заставить трепетать или воззвать к жизни. Действительно, как в стихах Б. Ахмадуллиной, «перед этой красотой все — суета и дым...»

Конечно же, вдохновляются авторы и видами самой Академии художеств — одного из старейших архитектурных ансамблей нашего города. В пейзаже В. Л. Боровика «Зима в академическом саду» представлен простой мотив — северный фасад Академии. Альма-матер, виднеющаяся через заснеженные, покрытые инеем огромные деревья, превращается в величественный

и романтический образ. Старинное здание, окруженное серебристыми пятнами «крон», — как ускользающая мечта, таинственный, неуловимый призрак, непокоренный герой.

Прекрасными живописными качествами и импрессионистической свежестью отличаются пейзажи Павловского цикла Е. В. Малых, свободой пластического языка и драматической напряженностью — «Жиздра» А. Б. Гришина, философской наполненностью — «Фонтан» А. С. Заставского, тщательной проработкой деталей в сочетании с монументальным размахом — «Бурный день на Неве» А. Н. Блюка. В «голубо-розовской» цветовой гамме, но с экспрессионистичными «вихреобразными» фактурными мазками сделаны работы И. В. Петрова «Голубая весна», «Крюков канал. Наводнение», «Симеиз».

Художники много путешествуют и привозят из разных уголков земного шара впечатления. Прекрасны видовые пейзажи Е. А. Зубова («На Аландских островах»), П. И. Юшканцева («Собор в Пуно. Перу», «Ольгатайтамбо. Перу»), А. Н. Блюка («Жаркий день в Ханчжоу»). Среди подобных работ есть не только изображения каких-либо экзотических мест, но и немало виртуозных по исполнению запоминающихся образов, иногда доведенных до максимальной отточенности мельчайших деталей, как в офорте М. А. Раздурдина «Сестре Леванте. Лигурия».

Немаловажную роль играет пейзаж в сюжетных композициях. Так, «Моление о мире» Х. В. Савкуева продолжает тему памяти, сохранения вечных человеческих духовных и нравственных богатств. В грандиозном по размаху, эпическом полотне (200×450 см), как в скульптурном фризе, развернуто бесконечное пейзажное пространство, наполненное фигурами людей и животных. Все эти фигуры одновременно полны действия и вместе с тем находятся словно в оцепенении. Представлен мотив национального эпоса — сильные, суровые, мощные духом мужчины-горцы, легко сдерживающие природную стихию, которую олицетворяют покорно стоящие могучие быки, наклонились к быстрой горной реке и с трепетом опускают руки к плывущим по воде яблокам. Яблоки — как послания о мире, письма мира, голуби мира... Человечество устало от войн безжалостного XX века и стремится заниматься исконными делами — растить детей, возделывать землю, пасти скот... Этот мифологически обобщенный и возвышенный образ наполнен поэзией и красотой родного края художника — Кабардино-Балкарии.

Современному художнику всегда очень сложно сделать выбор — пойти по пути эпатажа, чудачеств и постмодернистских экспериментов или обратиться к гармонии мира, своей душе, истокам культуры. Второй путь не кажется актуальным, но это надежный путь. Современный пейзаж как форма отношения к действительности расширяет свои границы, позволяя ощутить всю палитру чувств, верований, переживаний, сомнений, рациональных и иррациональных представлений художника. Как и столетие назад, пейзаж является одним из стилиобразующих жанров современной эпохи, *созидающая культурное пространство как пространство диалога традиций, смыслов и ценностей.*

Н. В. Гришанин¹

СИМВОЛИКА ТЕКСТА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Диалог культур актуален для городской культуры, поскольку город имеет динамическую структуру, постоянное стремление к саморазвитию, в противоположность ему деревня имеет концентрическую, замкнутую структуру, и процессы культурного диалога в ней практически отсутствуют. Диалог культур реализуется, в том числе, в формировании символов, и символы в дальнейшем участвуют в диалоге, являясь в определенной мере его инициаторами. В городе перманентно осуществляются процессы символизации. Его природа такова, что архитектура, литература, другие виды искусства, свидетельствующие о городе, являясь продуктами деятельности человеческого духа, имеют двойную природу: физическую (камень, холст, бумага и другие материалы) и духовную (смысл, наделяющий физическое значением). Ю. М. Лотман писал: «Архитектурное пространство (города) живет двойной семиотической жизнью. С одной стороны, оно моделирует универсум: структура мира построенного и обжитого переносится на весь мир в целом. С другой, оно моделируется универсумом: мир, создаваемый человеком, воспроизводит его представление о глобальной структуре мира. С этим связан высокий символизм всего, что так или иначе относится к создаваемому человеком пространству его жилища»². Город диалогичен, и реализуется этот диалог процессом обретения новых символов или новых смыслов существующих знаков.

Символ выступает конденсатором всех признаков знаковости и одновременно выводит за пределы знаковости. Он — посредник между разными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной мере он посредник между синхронией текста и памятью культуры. Он инвариативен, реализуется в вариантах и структурно самостоятелен. Символ является выражением для более ценного культурного содержания, при этом указывает на культурную традицию, является механизмом единства памяти культуры, он текстуален, то есть ему присущи признаки текста. Символ будет выступать как нечто неоднородное окружающему его текстовому пространству (маркированность), как посланец других культурных эпох (= других культур), как напоминание о древних (= «вечных») основах культуры (Ю. М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров).

Структура символов той или иной культуры образует систему, изоморфную и изофункциональную генетической памяти индивида. Символ легко вычленивается из семиотического окружения, он маркирован и является «напоминанием о древних основах культуры». В рам-

¹ Заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии, доцент. Автор более 30 научных работ, в т. ч. монографии «Брендинг территории. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры», статей «Роль системной работы с горожанами в рамках спортивного брендинга территорий», «Концепции брендинга города», «Особенности формирования бренда города» и др.

² Лотман Ю. Архитектура в контексте культуры // Семиосфера. СПб., 2000. С. 676.

ках одного города мы способны ощутить диалог, лучше сказать, полилог символов в культуре.

Мы можем определить следующие символы города:

— пространственные символы: а) внешне-пространственные, концентрический/эксцентрический город; б) внутренне-пространственные, символическая геометрия города, сакральные/несакральные пространства в городе;

— символы культуры и природы: для Петербурга — камень и вода;

— имя-образ города как поле смыслов города;

— маркированность текста города (природно-субстратные элементы: климат, состояние почвы, описание растительности и животного мира).

Символ городской культуры не принадлежит одному срезу культуры. Поэтому в каждом из культурных слоев, вступая в диалог с культурным пространством, он изменяет пространство и сам при этом модифицируется при структурной неизменности, что дает ему возможность отсылать к истории данной городской культуры и объединять в диалоге ее исторические пласты культурной традиции. Он является механизмом памяти культуры.

Символика Петербурга многим знакома с детства: корабль Адмиралтейства, Александровский столп, ангел на шпиле Петропавловского собора, Медный всадник — все эти символы принадлежат только Петербургу. Но насколько применительно понятие «символ» к этим образам? Все зависит от контекста, от точки зрения наблюдателя на данный знак. Можно смотреть на него как на обозначение города (значок на карте, сигнал) или как на символ, имеющий исторические корни (например, Адмиралтейский корабль — символ города, с которого началось формирование флота в России). Таким образом, знак от символа отличает восприятие субъекта. Эта позиция и будет зависеть от наблюдателя и от ситуации, в которой данный знак используется.

По словам Г. В. Вилинбахова, «узловые, переломные моменты истории всегда имеют определенное знаковое выражение»³. Д. С. Лихачев справедливо заметил, что «Петру, бесспорно, принадлежит смена всей “знаковой системы” Древней Руси. Он передел армию, передел народ. Сменил столицу, перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский, он демонстративно нарушил прежние представления о “благочестивейшем” царе и степном укладе царского двора». «Западность» Санкт-Петербурга, противопоставление его остальной России отразились в символике города и являются основой диалога культур.

Проникновение западной символики в Россию более других городов заметно в Санкт-Петербурге. Город противопоставил себя остальной территории России. Столица, основанная на отвоеванной, маркируемой

³ Вилинбахов Г. В. Основание Петербурга и имперская эмблематика // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 50.

в сознании народа как «чужое» место земле, становится символическим центром государства. Диалог начинается с момента рождения города, так как не только месторасположение, но и личность Петра I, архитекторы-строители, уклад жизни горожан, сами горожане и их вероисповедание вступают в противоречие со сложившимися стереотипами о городе и городской жизни в сознании русского человека, который воспринимает город как обжитое, знакомое пространство. Город находится на стыке культуры русской (допетровской) и европейской, являясь точкой роста новых отношений между культурами Запада и Востока. Петербург — город, находившийся эксцентрически по отношению к существовавшей России, его позиционирование само по себе диалогично, антагонистично России.

Попытки уйти от этой сущности города не приводят к положительному результату, поскольку такая позиция инициирована идеей города. Отрицание этой позиции приводит к тому, что город до сих пор не может определить свое место среди других европейских городов. Если Амстердам, Париж, Лондон, Берлин давно вошли в европейскую и мировую семью городов со своим четким образом, то Санкт-Петербург находится в постоянном поиске. Город обращается к климатическому феномену белых ночей, к метафизическому образу «культурной столицы», хотя еще в XIX веке была сформулирована четкая позиция «окно в Европу». Символ «окна» является пространством диалога, будь то окно для общения влюбленных или переговорное окно, одушина или балконное, через которое выходят посмотреть на парад.

Санкт-Петербург сам становится символом диалога культур как «город — антитеза государству», вступающий в диалог с Европейским домом и Русским миром. Его идея реализуется в этом постоянном диалоге, город инициирует диалог. Если для российского гражданина город — самый далекий, на краю земли, то для европейца город — в начале страны или начале России. И *диалогичное противостояние* является основой символики Петербурга. Вся остальная символика города производна от данного символа или его дополняет, к примеру, если говорить о природно-субстратных элементах символики текста, усиливающих символическое противостояние города государству. Город противостоит и противопоставляет российское европейскому в геополитическом контексте; окультуренный камень противостоит воде в природно-климатическом аспекте; новый городской уклад противостоит старому в историческом; месторасположение города на краю государства — географическое противостояние; петербургский текст находится в филологическом противостоянии остальным русским литературным текстам; другие противостояния подчеркивают природу основ-

ного символа. Это противостояние в символике Петербурга стало основой исследования российских и советских ученых о символике города вообще.

Для Г. В. Вилинбахова Петербург — прежде всего символ *нового периода истории* России — имперского, сформировавшего имперскую эмблематику Петербурга. Ю. М. Лотман в совместной статье с Б. А. Успенским «Символика Петербурга» выделяет две основные сферы городской символики: город как имя и город как пространство. Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский утверждают, что в пространстве город располагается двойко: он может отождествляться с окружающим пространством и быть видимым центром, изоморфным государству (окружающее пространство), либо наоборот, быть его антитезой, то есть противостоять государству. Вяч. Вс. Иванов разделяет пространство города на сакральное и несакральное¹, определяет, что именно имя-образ, несущее на себе историческую традицию и функцию конденсатора памяти, становится символом города и инициатором диалога с окружающим миром. Имя может быть именем человека, названием предмета или любой другой персонализацией, например, близнецные культы в зарождении города, образ матери-города и др.² Для Санкт-Петербурга такими историческими личностями были: основатель города император Петр I, святой князь Александр Невский, В. И. Ленин, многие писатели, композиторы, архитекторы. Личности исторических персонажей, биография и произведения указывают на город, являясь его подтекстом, смыслом. Личность, обладающая уникальным собранием характеристик, ценностей, идей, вступая в диалог с городом как пространством символов, трансформирует существующие символы, наделяя их новыми смыслами, или формирует новые символы. Феномен имени Ленина заключается в том, что имя развернуло на 360 градусов всю символику города. Прежние имперские символы стали восприниматься (не сразу) символами угнетенного народа или народного творчества. В этом акте мы видим, как город снова противопоставил себя государству.

Таким образом, город находится в пространстве разных культур: европейской и русской (допетровской), имперской и советской, восточной и европейской, но в Санкт-Петербурге городская символика имеет основанием два противоположных символа: один из них — это «окно в Европу», второй — «город, противостоящий государству». Эти символы диалогичны по своей природе. Объединение их парадоксально, но, вступая в диалог, эти символы дают нам эффект и раскрывают «секрет вещи». Город — для построения новой России не через замкнутость и концентричность, а через динамические отношения с окружающими государствами, через диалог.

¹ Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту, 1986. С. 11.

² Там же. С. 16.

В. И. Еременко¹РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ФЕНОМЕН ДИАЛОГА КУЛЬТУР:
ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

Специфику интеллигенции как социально-культурного и политического феномена невозможно понять в отрыве от своеобразия исторического развития России.

Время рождения светской интеллигенции относится к петровской эпохе, а местом рождения, по мнению некоторых ученых, стал Петербург. Наш город «оказался не столько «окном в Европу», сколько «воротами из Европы»².

Через Петербург европейская культура и просвещение становились достоянием узкого и медленно расширяющегося слоя образованных людей. Ценности западной цивилизации неизбежно сталкивались с традиционными ценностями российского общества (правда, справедливость, семья, Родина, патриотизм, православие, монархия и др.). На этот процесс накладывались внутренние противоречия: контрасты между обретенными идеалами и жизнью большинства народа, между техническим и научным прогрессом Европы и крепостничеством, абсолютным самодержавием, которые воспринимались интеллигенцией как главные причины отсталости России, ее унижительного существования на уровне Средневековья.

В результате исторического диалога культур, принадлежащих к разным цивилизациям, возник своеобразный симбиоз ценностей и смыслов, составивший духовно-нравственную основу российской интеллигенции, ее менталитета. В нем причудливо и противоречиво сочетались светские и религиозные ценности; духовные постулаты либерализма, консерватизма, социализма; разные по своему смыслу экономические и политические идеалы.

Ценностная и смысловая эклектика позволяла российской интеллигенции на протяжении длительного времени выполнять миссию активного и влиятельного посредника между обществом и властью. Одновременно она же служила причиной внутреннего размежевания и противоборства (к примеру, «западники» и «славянофилы»), возникновения различных альтернатив преодоления отсталости и обретения свободы личности, разных подходов к взаимоотношению с властью и ее оппонированию.

Присутствие интеллигенции в общественной и политической жизни страны очевидно, однако определение границ этой группы и векторов ее взаимодействия с обществом и властью по-прежнему представляется сложной теоретической задачей.

¹ Заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидат философских наук, профессор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Ценностные основания парламентаризма как условие социальной стабильности», «Эволюция феномена парламентаризма в русской политической мысли», «Социально-культурная характеристика парламента как государственного института», «Национально-культурные особенности генезиса парламентаризма в России», «Особенности российского парламентаризма в евразийской политической интеграции» и др.

² Казан М. С. Образованные люди с большой совестью // Судьба российской интеллигенции. СПб.: СПбГУП, 1999. С. 80.

Интеллигента от интеллектуала отличает наличие нравственного вектора. Поэтому неправомерно механически считать интеллигенцией ту часть общества, которая профессионально занимается умственным трудом. Интеллигенция — это совестливые образованные люди, властители дум эпохи. А. Н. Радищев говорил, что душа у них уязвлена страданиями человеческими.

Каждая эпоха накладывает отпечаток на менталитет и образ жизни интеллигента. Дореволюционная интеллигенция искала спасения в социальном покаянии перед народом-богоносцем, верила в преобразовательную силу просвещения, шла в народ с букварем, исповедовала жертвенность. По словам Н. А. Некрасова: «Дело прочно, когда под ним струится кровь».

В Советском Союзе интеллигенция была огосударствлена. Н. И. Бухарин говорил: «Мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике». Появились понятия «рабочая интеллигенция», «крестьянская интеллигенция», «народная интеллигенция». В сущности, новая историческая общность «советский народ» стала синонимом советской интеллигенции. Она была носителем партийно-государственных ценностей.

У интеллигенции эпохи перестройки разрушительные силы оказались на порядок сильнее созидательных. Иссякание и распад она чувствовала острее, чем произрастание и расцвет. Эта интеллигенция несет ответственность за распад времен, за «крупнейшую геополитическую катастрофу», по словам В. В. Путина, — развал Советского Союза.

Третье тысячелетие отмечено пришествием на общественно-политическую арену нового поколения интеллигенции, которой необходимо освободиться от родимых пятен своих предшественников. Мировой опыт учит: эволюция предпочтительнее революции. «Революционный шаг» (А. Блок) должен уступить место «эволюционному шагу» (Е. Евтушенко). К сожалению, новая интеллигенция наступает опять на старые грабли. В Санкт-Петербурге начал свою работу политический «Дискуссионный клуб». В 2012 году прошло его первое заседание. Достаточно назвать темы выступлений некоторых его участников, чтобы понять общую направленность клуба: «Эволюционный путь, боюсь, невозможен» (В. Ачкасов); «Бархатная революция рано или поздно произойдет» (Д. Коцюбинский).

Новой интеллигенции надо отмежеваться от «болотной» оппозиции, идущей в ногу с крайне левыми, от гроздьев гнева уличного энтузиазма, умело подогреваемого амбициозными дельцами, рвущимися во власть, отставными правительственными чиновниками, скандальной теледивой, эпатажными политиками.

Жизнь по совести обрела статус сакральности, стала опознавательным знаком интеллигента. Но и здесь требуется аккуратное и вдумчивое исследование проблемы. Разве не по совести некоторые интеллигенты пришли к бомбометанию для достижения своих, как

им казалось, праведных идей? «Ради Правды и Любви тут убит был русский царь... Ради призрачной мечты! Самозванство! Стыд и срам!» — писал Н. Коржавин.

В современном российском обществе, к сожалению, доминируют правовой нигилизм, тотальная недооценка права. Этому недугу подвержена и часть интеллигенции. Это означает, что совесть надо соединить с табу, правом. В структуре личности нового интеллигента ценности правовой культуры должны занимать доминирующее место. Интеллигент должен научиться жить не только по совести, но и по праву, не только по правде, но и по закону.

Жесткая зависимость интеллигенции от государства не выдержала проверки временем. Но и абсолютизация непримиримости интеллигенции к власти исчерпала себя. Сущность интеллигента проявляется во внутренней свободе, независимости, освобождении от всяких догматов, навязанных извне. Внутренняя независимость дает возможность и поддержать власть, когда она того заслуживает, и быть ее оппонентом.

Подлинный интеллигент не может не выступить против складывающейся культурной политики в Санкт-Петербурге. На ключевых позициях оказались люди, слабо укорененные в общественную и культурную среду Петербурга, не обладающие достаточными знаниями и навыками администрирования. Вице-губернатор Санкт-Петербурга, отвечающий за культуру, образование, идеологию, большую часть своей профессиональной деятельности занимался организацией общественного питания.

Особый уровень непрофессионализма власть Петербурга проявила при скандальном назначении Дмитрия Месхиева главой Комитета по культуре. В конечном счете едва ли не целый год Комитет не имел председателя.

Остается острой проблема сохранения культурно-исторического наследия. Сжимается, как шагреновая кожа, сеть учреждений культуры, уменьшается финансирование театров, нет внятной информационной политики (при наличии газеты, телевизионного канала). А главное — так и не установился грамотный, взаимно доверительный диалог власти с петербуржцами.

Кажется, петербургских руководителей больше волнует процесс построения модели «христианской власти» в городе, нежели социально-культурные процессы.

«Не могу молчать», — так можно было бы обозначить позицию петербуржца-интеллигента.

Но вот другая ситуация. Исполнился год с момента избрания В. Путина президентом России. Его возвра-

щение на высший государственный пост сопровождалось громкими утверждениями о неизбежности «политического застоя». Прошедший год это утверждение опроверг. Он прошел под знаком большой политической реформы. «Узкие места» старой системы превратились в точки роста. Политическая система страны существенно изменилась. Главным хранителем наследственных ценностей оказалось государство. Президент выдвинул концепцию духовных скреп общества. Интеллигенты третьего тысячелетия и должны быть носителями этих скреп, держать на руках государство, как атланты. Будущее России — в сотрудничестве интеллигенции с властью. Интеллигенция во власти сохранит свои родовые черты, если будет служить ей, а не прислуживать.

Диалог культур — альтернатива войне культур. Интеллигент является идеальной фигурой для диалога. Самим своим существованием интеллигент соединяет и примиряет альтернативные взгляды. Он может стать привлекательным и для тех, кто ратует за самобытность национального российского воспитания, потому что принято считать его чисто российским по происхождению и вкладываемому в него понятию. И для тех, кто ориентирован на Запад, потому что петровские реформы были повивальной бабкой интеллигенции.

Интеллигент — привлекательное понятие для патриотов, потому что исполнение долга перед народом, страной — родовые качества интеллигенции. Сегодня страна переживает особую страницу примирения с прошлым. На задворки истории должен уйти лозунг «кто не с нами, тот против нас». Знаковым событием последнего времени стало перезахоронение на кладбище Донского монастыря в Москве останков выдающихся представителей «белого движения» — генералов Деникина, Каппеля, философа Ильина. Урок потомкам дал поэт-интеллигент Максимилиан Волошин. В стране, разделенной ненавистью на два враждующих лагеря, он сумел подняться над схваткой и сказать великие слова: «И всеми силами своими / Молюсь за тех и за других».

Сегодня интеллигенция, возникшая на базе диалога разных культур и ценностей, остается единственным генератором и осмыслителем созидательных идей, основным духовным наставником общества, который в состоянии и просветить, и образумить, и сотрудничать с любой властью, любой оппозицией.

Предназначение интеллигенции, смысл ее существования состоит в том, чтобы служить ценностным ориентиром человеческого бытия.

Ю. А. Запесоцкий¹

КУЛЬТУРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ГОРОДА В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ

В наши дни крупнейшие города мира стремятся извлечь пользу из собственного имиджа, привлекая туристов, учащихся, инвестиции, осваивая бюджеты своих стран и международных организаций. Во всем мире в последние десятилетия расширяется профессиональная сфера «маркетинг мест», которая формирует прочную теоретическую базу для создателей брендов городов и других территорий. Эти бренды становятся ценнейшим товаром в мире, где все больше доминируют унификация и стандартизация. У города, который хочет быть конкурентоспособным по современным стандартам, должен быть свой ярко выраженный бренд.

Различные попытки позиционирования Петербурга имели место как в минувшие времена, так и в современный, постсоветский период. В XVIII–XIX веках Петербург — имперская столица с четко выраженными европейскими корнями, столица европейской державы, распространяющей свое влияние на Кавказ, за Урал, в Среднюю Азию и в Америку в некоторых отношениях так же, как это делали Англия, Франция, Испания. В советский период Ленинград — родина трех революций, колыбель революционного пролетариата, город белых ночей и Северная Венеция. В постсоветское время в ряде СМИ по политическому заказу насаждался образ Петербурга как «криминальной столицы». В 1990-е годы родилась и иная концепция: «Петербург — культурная столица России».

Сегодня основные черты Петербурга, нуждающиеся в утверждении в глазах российской и мировой обществественности, до сих пор сформулированы недостаточно четко и конкретно. И это притом, что город имеет собственную историю, философию, уникальный архитектурно-ландшафтный облик, своеобразный менталитет жителей.

В соответствии с теорией формирования образов бренд может быть создан только в зоне пересечения сильных сторон города и потребностей целевых групп. Из всех возможных граней позиционирования должна быть выбрана одна, которая будет считаться основной и без изменений доводиться до всех целевых групп.

Город не может обрести свою идентичность и устойчивый бренд, если в сознании его жителей он имеет одни черты, а вне Петербурга транслирует совершенно другие. Здесь важно отметить, что жители Петербурга по большей части испытывают к городу необычайную любовь, гордятся своей к нему принадлежностью. В этом содержится одна из предпосылок обретения

Петербургом нового привлекательного и устойчивого бренда.

В отличие от имиджа, который может создаваться искусственно и иметь мало общего с реальностью, настоящий бренд всегда несет в себе сущностные черты продвигаемого объекта. Таким образом, позиционирование Петербурга требует осуществления самопознания и философского осмысления города, вычленения особенностей и приоритетов его жителей.

При разработке нового позиционирования города большое значение приобретает также его история. Интересный материал для анализа в этой связи представляют взгляды Д. С. Лихачева на петровские реформы и место Петербурга в русской и мировой культуре. Он понимал историю в первую очередь как историю культуры². Ученый видел культуру России частью европейской культуры, историю России — частью европейской истории. Он считал, что реформы Петра по сути не переводили Россию из «азиатчины» в Европу, а только ускорили ее культурное развитие³.

При этом надо отметить, что культура понимается Д. С. Лихачевым в широком смысле, то есть в нее входят не только литература, искусство, быт, но также наука, образование, государственно-административное устройство, организация вооруженных сил, техника и технологии и прочее — словом, все, что создано руками и разумом человека⁴.

Историко-культурный смысл создания Петром I новой столицы — поворот страны из Средневековья на путь европейского Просвещения. Как глава государства Петр был заинтересован в укреплении мощи державы, выводе России на международную арену в качестве влиятельной силы. Но реализация этого стремления встречала такое труднопреодолимое препятствие, как общая культурная отсталость страны. Самыми серьезными проблемами и отличиями России от других ведущих мировых держав было практически полное отсутствие науки и университетского образования внутри страны. Правда, в XVII веке дело образования заметно активизировалось (в регентство Софьи, например, открылась Славяно-греко-латинская академия), но до настоящего перелома было очень далеко. Трудно не согласиться с современной американской исследовательницей Л. Хьюз, которая в своей книге о царевне отмечает: «Несмотря на... многообещающие успехи, нужно признать, что казенное образование и издательское дело в России по западным меркам было более чем скромным»⁵.

¹ Доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, кандидат культурологии. Автор учебного пособия «Основы брендинга», монографии «Бренд как социально-культурный феномен», а также более 50 научных публикаций по культурологии, рекламе, связям с общественностью, интернет-технологиям, в т. ч.: «Имидж и бренд: инструменты творения "нового человека"», «Бренд как фактор эволюции современной массовой культуры», «Мировоззрение создателя проекта как концептуальный фундамент будущего бренда», «Технология брендинга как инструмент продвижения общественной организации» и др. Руководитель брендингового агентства Pro.Name.

² Запесоцкий А. С. Дмитрий Лихачев — многогранность научного наследия // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 37.

³ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 168.

⁴ См., например: Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 348–363; Он же. Декларация прав культуры // Там же. С. 390–397.

⁵ Хьюз Л. Царевна Софья. СПб.: Гранд, 2001. С. 33.

Петру I предстояло перевести Россию от религиозной культуры Средневековья к светской культуре Нового времени. В силу сложной международной обстановки и внутренней ситуации в стране сделать это надо было решительно и в очень короткие сроки. По яркой оценке философа К. Д. Кавелина, «Петр действовал как воспитатель, врач, хирург, которых не обвиняют за крутые и насильственные меры... Нужды были слишком настоятельны, чтобы можно было вести реформу медленно, спокойно, рассчитывая на много лет вперед»¹.

Царь-реформатор сумел определить нужный для страны курс. Вектором перемен стало движение на Запад, в сторону «похожести» на Европу. Ориентация на Запад была не проявлением инстинкта подражания, а целенаправленной программой овладения факторами, необходимыми для развития России, для решения ее собственных задач.

Отец Петра I, царь Алексей Михайлович, по определению канадского историка Ф. Лонгуорта, разрывался «между византийской исключительностью и страстным желанием быть на равных с европейскими манерами; между московским обскурантизмом и рациональным миром науки и техники»². Петр I сделал решительный выбор. В отличие от своих предшественников он возвел свои культурные начинания в ранг государственной политики.

Исследуя рождение и развитие Петербурга, М. С. Каган формулирует мысль, близкую к той, что высказывали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, а еще раньше — В. С. Соловьев. В истории русской культуры было два решающих поворота, две «культурные революции», или два культурных «взрыва» (по терминологии Ю. М. Лотмана), или две «революции сверху» (по терминологии Н. Я. Эйдельмана): принятие христианства на Руси и основание Петербурга. В обоих случаях обширное и могучее государство, лежащее на европейском континенте, между Востоком и Западом, волей его правителей разворачивалось лицом к Европе: первый раз — к господствовавшей там христианской религии, второй — к светской культуре Просвещения. Эти два переломных для судеб отечественной культуры события объективно стали главными вехами на пути ее развития — психологического, политического, нравственного и художественного³.

Именно с этими событиями связано понимание статуса «культурной столицы» России. В своих книгах и многих статьях, посвященных Петербургу, М. С. Каган принципиально настаивал на том, что Россия исторически сложилась как бицентричная по своей культуре страна, в которой на протяжении трех столетий при смене юридических столиц существовали две культурные столицы, два центра духовного притяжения, отношения между которыми развивались по принципу «от конфронтации к диалогу». Этот бицентризм пронизывает все сферы культуры, обеспечивая ее богатство и многообразие форм. Будущее отечественной культу-

¹ Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антол. СПб.: РХГИ, 2001. С. 585.

² Longworth Ph. Alexis: Tsar of All the Russians. N. Y.: Franklin Watts, 1984. P. 117.

³ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб.: Паритет, 2006. С. 31.

ры должно быть обеспечено диалогом двух ее культурных столиц, что предполагает сохранение своеобразия Петербурга и Москвы и их обоюдное движение к единству национального миропонимания⁴. Это положение, сформулированное выдающимся философом и культурологом, имеет большое значение для позиционирования Петербурга как культурной столицы.

История культуры Петербурга дает еще один замечательный сюжет, который может быть использован при формировании бренда города. Это то, как царь-реформатор, осознанно и целенаправленно используя целый арсенал приемов, осуществил по сути ребрендинг целого государства. В первую очередь Петр формировал образ Петербурга. Это делалось через образ жизни: свой собственный и широких слоев населения.

На первый взгляд, реформы Петра I были одинаково тотальными во всем, преобразовывали весь контекст жизнедеятельности: государственное устройство и управление, элиту страны, армию, законы, сферу производства, быт и т. д. Но Д. С. Лихачев во всем вихре перемен, порожденных кипучей деятельностью Петра I, выделяет и вводит в фокус своего внимания, казалось бы, третьестепенные, поверхностные черты событий.

Миф, образ, знак — вот круг явлений, которые, по мнению ученого, играют решающую роль в успехах петровских реформ. Гений Петра I, по Д. С. Лихачеву, проявляется чуть ли не в первую очередь в радикальном и стремительном изменении общественного мнения: «Одна из особенностей всех действий Петра состояла в том, что он сумел продемонстрировать демонстративный характер... всему тому, что он делал. То, что ему бесспорно принадлежит, — это смена всей “знаковой системы” Древней Руси. Он передел армию, он передел народ, сменил столицу, демонстративно перенес ее на Запад, сменил церковнославянский шрифт на гражданский»⁵.

Надеть европейское платье и новые мундиры, «скоблить» бороды, «реформировать всю государственную и военную терминологию на европейский лад, признать европейское искусство»⁶ требовалось вовсе не для удовлетворения капризов монарха, так же, как и «изобретение нового русского знамени (перевернутого голландского флага)», вынос столицы за пределы исконно русских земель, изменение обычаев высших классов, характера увеселений, различных «символов и эмблем»⁷. Д. С. Лихачев утверждает, что «эта смена “знаковой системы” ускорила происходящие перемены в культуре. Она придала процессам, происходящим до того в полуосознанной форме, сознательное направление»⁸. Разрыв со знаковой системой предшествующего периода культурной жизни

⁴ Каган М. С. История культуры Петербурга: учеб. пособие. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 316.

⁵ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры. С. 165.

⁶ Там же. С. 168.

⁷ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 182.

⁸ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры. С. 168.

России был не только закономерным, но и осознанным, более того — подчеркнутым: «Петр I не был первым, кто поднял спор новой России со старой Русью. Но Петр всячески пытался этот спор сделать демонстративным. Он стремился... к тому, чтобы... утвердить в сознании современников глубину совершающегося переворота... Все перемены облекались в демонстративные формы»¹.

Между тем, смена знаковой системы представляла собой далеко не простую задачу. Как известно, в конце XVII века в России не было современных средств массовой информации. В этой связи особая роль возлагалась на административный ресурс и так называемую народную молву.

Механизм народной молвы запускался в действие прежде всего конструированием нетрадиционного образа государя и уклада жизни его приближенных. «Петр постоянно чувствовал себя в поле зрения не только своего народа, но и всей Европы. И он умел... придать демонстративный характер... своей собственной фигуре»², — пишет Д. С. Лихачев. И продолжает: «он демонстративно нарушил прежние представления о “благочестивом” царе и степенном укладе царского двора, не только внеся во дворец рабочие инструменты и станки, но и заведя “всешутейный и всепьянейший собор”, общаясь со шкиперами и плотниками, работая на верфях и выполняя обязанности бомбардира. Он разрушил церемониальность и степенность»³. Государь не случайно «воспринимался как творец современной России, которая казалась полной противоположностью древней»⁴. Вместо малоподвижного, церемониально недоступного государя всея Руси с его пышными титулованиями и пышным образом жизни Петр I творил образ царя-труженика, царя-плотника, царя — простого бомбардира, царя-учителя и ученика, просветителя и исследователя»⁵. Очевидно, что обратившись лично к науке и ремеслам, царь необычайно поднял их статус в глазах населения, сделал эти занятия престижными в обществе.

Петр I осознанно использовал приемы, которые сегодня мы однозначно отнесли бы к арсеналу PR. Об этом говорят его участие в составлении собственной биографии и описания, которые нашли отражение в литературе и заняли свое место в учебниках. Кроме того, отнюдь неспроста в петровские времена основным жанром в живописи стал портрет. Это объясняется реализацией PR-задач по усилению воздействия образов царя и его приближенных. Кстати, миниатюрные портреты служили и наградными знаками. Петр I также приказал сотворить его собственную фигуру в полный рост.

Впитывая западную культуру и технологии, внедряя их у себя на родине, Петр не только расширял сознание своих соотечественников, но и внедрял новый образ своей страны и ее правителя на Западе. Царь от-

четливо понимал, что нельзя организовывать широкий въезд иностранцев в Москву, где упорно отвергалось европейское влияние. Реализовать свои планы Петр I смог в новой столице, которую он вынес за пределы исконно русских земель. Она демонстративно получила голландское название — Санкт-Петербурх. Петербург стал «примерным» городом, по которому иностранцы судили обо всей России, хотя страна еще долго привыкала к новой столице. Уже в 1720 году ганноверский резидент писал о Петербурге, что, «учитывая немногие годы, употребленные на его строительство, он кажется чудом света»⁶. Петербург со времен Петра стал не только «окном в Европу», но и дверью из Европы в Россию.

В повседневную жизнь высших сословий упорно внедрялись все новые корпоративные стандарты, которые в результате такого целенаправленного воплощения оказывали свое влияние на все общество в целом, — смена знаковой системы наилучшим образом происходила через элементы образа жизни, досуга элиты. Петровскую технологию «культурной революции» можно представить как следующую последовательность культурного воздействия: «чуждательства» царя — образ жизни его придворных — народная молва — образ жизни более широких слоев населения.

В первой четверти XVIII века в Петербурге по приказу царя стали издавать первые средства массовой информации — газету и журнал. Были напечатаны и сотни книг. Культурные символы, внедренные Петром I в общественное сознание, стали играть роль своего рода указателей, дорожных знаков на пути к повышению социального статуса, карьере, богатству, общественному призванию. Хочешь процветать — поспевай, прояви отвагу, смекалку, получи образование, примени его на службе стране. Не можешь сам — отдай служению делу Петра I своих детей. Неудивительно, что страна пришла в движение. Общеизвестно, что во времена правления Петра I Россия сделала быстрый рывок в своем развитии. Страна встала на путь Просвещения. Коренным образом изменились место России и ее роль в международных отношениях того времени. Д. С. Лихачев приводит сведения из работ историка М. М. Щербатова, который вычислил, что для петровских реформ без Петра I понадобилось бы семь поколений и что тогда соответствующие преобразования России закончились бы только в 1892 году⁷.

В результате деяний Петра и его последователей Петербург стал, бесспорно, самым европейским городом России не только по географическому расположению, но и по культурно-историческому облику. При разработке нового позиционирования чрезвычайно важно, чтобы будущий образ не противоречил, а продолжал и доказывал то, что представлял город ранее.

С переводом столицы в Москву город перестал быть административным и финансовым центром страны, но продолжил выполнять культурную, образовательную и научную функции. И, несмотря на текущее ослабление позиций Петербурга в сфере культуры,

¹ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь. С. 182.

² Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры. С. 165.

³ Там же.

⁴ Лихачев Д. С. Русская культура Нового времени и Древняя Русь. С. 172.

⁵ Там же. С. 182–183.

⁶ Каган М. С. История культуры Петербурга. С. 51.

⁷ Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры. С. 168.

представляется логичным выделить концепцию «культурной столицы» как одну из основных для стратегического продвижения.

Но стоит ли в условиях рыночных отношений рассматривать Петербург только с точки зрения возможностей функционирования культурного центра? Может быть, перспективнее было бы сделать упор на развитие промышленности или подумать о переориентации Петербурга в крупнейший центр бизнес-активности, раз город так выгодно расположен по отношению к западным странам? Об этом неоднократно заявляло руководство города и предпринимало соответствующие действия. Теоретически такие направления в качестве стратегических были возможны, но упущены в начале 1990-х годов. Сказалась хозяйственная неопытность тогдашней петербургской администрации, да и ситуация в целом для развития этих направлений в городе на Неве была неблагоприятной. В итоге к настоящему времени оказалось, что если Петербург начнет претендовать на функции общероссийского делового центра, то позиционироваться ему придется как «Москва № 2», так как обогнать лидера деловой активности в ближайшей перспективе не удастся.

Вот почему значительно более предпочтительными для позиционирования Петербурга в общероссийском и мировом контексте все же представляются такие черты, как особая, укорененная в его истории с самого момента создания концентрация науки, образования, культуры. Следует заметить, что первым наиболее активно, четко и целенаправленно в постсоветский период эту идею сформулировал Анатолий Собчак.

В конце 1990-х годов констатация особого культурного, научного и образовательного потенциала мегаполиса, весьма удачно и ярко, с точки зрения ребрендинга Петербурга, воплощенная в формулу «культурной столицы России», оказалась в центре общественного внимания.

Руководство государства не только осознало этот брендинговый ресурс Петербурга, но и использовало его в целях формирования нового образа страны. Возрождение Константиновского дворца и создание в нем резиденции Президента РФ с возможностями приема других глав государств, празднование 300-летия Петербурга, проведение саммита «восьмерки», ряд двусторонних встреч на высшем уровне — это цепь событий, совершенно очевидно имеющих имиджевый аспект. Они подчеркивают образ Санкт-Петербурга как одной из уникальных мировых культурных столиц и выглядят как хорошо обоснованная и последовательно реализуемая государственная политика. Уже из программ визитов глав государств в наш город очевидно, что президент России демонстрирует им воплощенные в Петербурге величайшие достижения мировой культуры. И это разрушает в сознании влиятельнейших людей планеты, мировой элиты создаваемый и культивируемый многими западными СМИ образ России как дикой, нецивилизованной, непредсказуемой страны, с которой нельзя вести дела. В этом смысле Владимир Путин, безусловно, продолжил петровскую традицию, предложив стране и миру ее современную интерпретацию.

Тем не менее, редких, хоть и ярких событий недостаточно для ребрендинга города. Петербургу требует-

ся не только четкое позиционирование, но и отлаженная стратегия донесения собственного образа до целевых аудиторий. И здесь выявляется ряд новых серьезных проблем.

Не имея четкой концепции позиционирования, Петербург за последние десятилетия претерпел значительные стихийные трансформации. В худшую сторону изменилась «корпоративная культура» мегаполиса. Так, в советские времена город обладал особой бытовой культурой, которая проявлялась во внешнем виде, поведении и языке ленинградцев. В сознании современных петербуржцев исконные городские ценности занимают все меньше места, уступая лидерство низкопробной массовой культуре, пропагандируемой по федеральным телевизионным каналам. Пропадает привлекательная индивидуальность петербуржцев (а значит, и города), которая могла бы служить частью хорошей основы позиционирования.

В историческом центре Петербурга реализуются проекты строительства многоэтажных зданий, которые разрушают его визуальный облик, вступают в культурное противоречие со старинными петербургскими архитектурными доминантами, такими как Адмиралтейство, Петропавловский и Исаакиевский соборы. А ведь визуальные символы — важнейшие элементы бренда города. Люди во всем мире узнают Лондон по Биг-Бену, Париж по Эйфелевой башне, Рим по Колизею. В отличие от перечисленных, Дубай узнается по многоэтажным современным зданиям. И это понятно, ведь их построили на месте пустыни, где ничего ранее не было.

Решение этих проблем требует весьма значительных ресурсов и квалифицированного руководства. Формирование бренда всегда дорого обходится городу, но еще дороже оказывается его отсутствие. Практика показывает, что в подобных случаях продуманные вложения окупаются за период от 5 до 20 лет.

Достойное позиционирование города не решается только наращиванием экономической мощи с последующим выделением в бюджете строки «на пропаганду». Во-первых, соответствующие властные институты должны четко сформулировать для себя черты образа Петербурга, культивируемого внутри страны и продвигаемого в мировое сообщество. Во-вторых, этот образ должен овладеть умами элиты, а затем и рядовых горожан. В-третьих, должен быть задействован современный инструментальный формирования общественного мнения, адекватный существующей проблеме.

Выбранная концепция позиционирования должна не только вызывать поддержку внутренних аудиторий, но и соответствовать государственному видению. Превращение государством миссии Петербурга в элемент политики России приведет к успеху не только самого города, но и страны в целом.

Важно подчеркнуть, что противопоставление Петербурга Москве, своего рода конкуренция образов этих двух мегаполисов в общественном мнении страны не вредят построению целостного образа России. Напротив, разные образы двух культурных столиц взаимно дополняют друг друга, создавая общее впечатление культурного разнообразия и богатства.

С. Н. Иконникова¹**ЛАНДШАФТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В ДИАЛОГЕ С МИРОВОЙ КУЛЬТУРОЙ**

Понятие ландшафта имеет давнюю историю и связано с особым отношением человека к культурной среде, пространству проживания и деятельности, местам исторических событий и личных воспоминаний. Ландшафт органично связан с символическими значениями и культурными ценностями. В нем воплощены образы исторической эпохи, пространственные смыслы и культурные коды. Именно поэтому для культурологии такие понятия, как культурное пространство, историко-культурная территория, места исторических событий, являются фундаментальными для исследования национальной и мировой истории, мифологии и художественной культуры, семантики и топонимики, межкультурной коммуникации и духовного мира личности. Русский общественный деятель и художник Н. К. Рерих с огорчением писал о переименовании многих исторических мест, которое ведет к забвению и исчезновению из народной памяти. «Горько и страшно становится каждому русскому сердцу от мысли, что имена селений, из которых многие и многие имеют смысл исторический, из которых многие являются единственными источниками исторических исследований, стали доступны произволу забывающих родину и родное»².

Академик Д. С. Лихачев придавал особое значение культурной ценности пространства как среды обитания человека, ответственности за сохранение исторического центра городов, мест знаменитых сражений, усадебных и садово-парковых комплексов, в которых отразились особенности различных периодов и событий нашей страны, творчество знаменитых деятелей науки, искусства, литературы.

В историческом процессе формирования национального характера особое значение имеет отношение к природе: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских»³, — отмечает Д. С. Лихачев. Пространство родной Земли, даль лесов, высота небес отразились в самосознании личности. Слова «родина», «природа», «родник», «народ» имеют общий корень в русском языке. Родная природа запечатлена в иконописи, пейзажной живописи, народных песнях и праздниках.

Это отношение воплотилось в крестьянском жизнеустройстве, эстетике параллельных линий пашни, плане сельских поселений, красоте деревянных построек.

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ», «Диалог о культуре», «История культурологических теорий», «Контур исторической культурологии», «Философские основы развития культурологии», «Хронотоп культуры как основа диалога поколений», «Энергия творчества и обаяние личности», «Гармония "цветущей сложности" — союз этики и эстетики», «Теория культуры» и др. Президент Санкт-Петербургского культурологического общества. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденом «Знак Почета».

² Рерих Н. К. По старине. М., 1993. С. 14.

³ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 6.

Для православных храмов выбиралось самое видное место на пригорках, крутых берегах рек, в единении с природой, чтобы колокольный звон был слышен издали. Русский человек не просто наслаждался видами природы, но жил в согласии со всем окружением. В национальном характере запечатлены восторг перед открытой далью, тоскливое страдание от тесноты и ограниченности взора. Ландшафт родной природы оказывает влияние на самосознание человека, его жизненный тонус, самочувствие и ментальность⁴.

Ландшафт Петербурга формировался в условиях подключения русского сознания к системе представлений западного мира, сложного взаимодействия идеи строительства «правильного» европейского города, традиций древнерусского зодчества и особенностей природной среды города. Результат этого диалога можно обнаружить в каждом элементе пластически-пространственной структуры Петербурга (отдельных зданий, мостах, оградах, памятниках и т. д.) Все элементы взаимосвязаны композиционно и подчинены единому целому.

Культурный ландшафт Санкт-Петербурга имеет неповторимый, уникальный облик и запоминающиеся черты, которые воплощают духовность города, становятся источником эмоционального восхищения и вдохновения. Культурное пространство Санкт-Петербурга отличается особым «светом»: декор фасадов, подсветка архитектурных ансамблей и памятников, мостов и шпилей соборов, цветовая гамма садов и парков, освещения улиц и проспектов.

Д. С. Лихачев отмечал в пространстве Санкт-Петербурга гармоничное сочетание трех горизонтальных линий: уровня воды в Неве и каналах, гранитных парапетов набережных, высоты зданий Зимнего дворца, создающих архитектуру четких контуров города. Именно эти горизонтали раскрывают перспективу в историческом центре города. Панораму органично дополняют купола соборов и шпилей. Все это создает уникальную композицию и целостный образ культурного ландшафта Санкт-Петербурга.

Ансамблевый принцип построения культурного пространства города исследовал известный культуролог М. С. Каган в монографии «Град Петров в истории русской культуры», отмечая взаимосвязь четырех главных подсистем: улица–площадь–парк (сад, сквер)–река/канал⁵.

Пластический ансамбль архитектуры включает центр, окраины и пригороды, создавая представление о «расширяющейся вселенной».

Органичную связь ландшафта и исторического развития города раскрыл Е. А. Кайсаров в мультимедийных учебниках по истории культуры Петербурга⁶.

⁴ Затесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб.: Наука, 2012. С. 202.

⁵ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб.: Славия, 1996. С. 253.

⁶ Каган М. С., Кайсаров Е. А. История культуры Санкт-Петербурга: учеб. комплекс. СПб.: СПбГУП, 2010.

Исследователь семиотики культуры Ю. М. Лотман отметил в культурном ландшафте Санкт-Петербурга две особенности: призрачность и театральность, которые создаются уникальным петербургским климатом и колоритом, мягкой цветовой гаммой дождей и туманов, сочетанием водного и небесного пространства, сезонов белых ночей и необычайной красоты закатов. Поэтические описания белых ночей, их очарование, мистическая сверхъестественность представлены в русской литературе. Возможно, эти чувства испытал Петр Великий, когда закладывал город в мае 1703 года, в разгар белых ночей.

Расположение Санкт-Петербурга «на краю пространства», вдоль русла Невы, в непосредственной близости к акватории Балтийского моря, включает в городской пейзаж наводнения и штормовые ветры, порождая предчувствие опасности и «дух дальних странствий», открытость миру и интерес к другим культурам, создавая особый тип ментальности.

Театральность воплощена в восприятии культурного ландшафта города как огромной Сцены, на которой разворачиваются праздничные события — как спектакли, требующие особого оформления, не нарушающего исторически сложившейся гармонии и порядка. Театральность отражается и во внешнем облике петербуржцев, предпочтении строгого классического стиля поведения и общения, внутреннего протеста против неопрятности внешнего облика, вульгарности вкусов, грубости и пошлости. Культурное пространство Санкт-Петербурга формирует тип горожанина, особый облик и стиль жизни, восприятие классического и современного искусства, деликатность и толерантность, отсутствие национальной и социальной спеси, доброжелательность, достоинство и преданную любовь к городу. Эти черты душевного облика петербуржцев отражают атмосферу личной причастности к истории города, драматическим событиям, стремление сберечь красоту от варварства и разрушения. Известный исследователь русской культуры Ю. М. Лотман назвал культурное пространство «семиосферой», в которой органично сочетаются топология, морфология, инфраструктура и историческая динамика¹. Он отмечал, что по объему исторической памяти, культурных текстов и символов, великих имен и достижений Санкт-Петербург является уникальным городом, способным преодолевать старение и воплощать постоянное обновление. Душа города живет в культурном пространстве и самосознании петербуржцев. В ней сосредоточены эмоциональные настроения, мифологические образы, символические знаки исторической памяти ушедших поколений. Мемориальные доски, настенные барельефы, скульптурные изображения, орнаменты и цветные витражи образуют своеобразное «метанаселение» в декоративном облике города.

Культурный ландшафт архитектурного облика дополняют зеленые зоны уникальных садов и парков, скверов, оформления улиц и проспектов. Летний сад — почти ровесник города, заложен при участии Петра Великого. Михайловский, Таврический сады, парки

¹ Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Наука, 2002. С. 27.

на Крестовском и Елагином островах, дворцы и парки Царского села, Павловска, Гатчины, Ломоносова и других исторических мест неразрывно связаны с культурным ландшафтом Санкт-Петербурга.

В 1972–1975 годах была принята Конвенция ЮНЕСКО об охране Всемирного природного и культурного наследия, в которую были включены архитектурные ансамбли и исторические ландшафты Москвы и Санкт-Петербурга, Великого Новгорода и Ярославля, Владимира и Суздаля, Кижей и Казани, природные памятники Кавказа, Алтая, Сибири, Камчатки и другие заповедные места².

Несмотря на очевидность значения исторического ландшафта как феномена культуры, отношение к культурному пространству стало предметом острых дискуссий. Модернизация исторического центра Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, нарушение высотного регламента, уплотнительная застройка ведут к невосполнимой утрате исторической ценности культурного ландшафта.

Культурный ландшафт необходимо рассматривать как историческое наследие и охранять на основе Российского законодательства, актов ЮНЕСКО и общественной инициативы гражданского общества от попыток умалить его значение. Важно стимулировать общественное мнение, средства массовой информации, систему среднего и высшего образования рассматривать культурный ландшафт как ценность исторической, экономической, политической и духовной деятельности.

В Санкт-Петербурге Всемирный клуб петербуржцев и Балтийская медиагруппа учредили премию «Небесная линия», которая вручается тем, кто содействует сохранению исторического и природного ландшафта города, силуэта городских панорам и архитектурной застройки. В 2010 году премия была вручена директору «Эрмитажа» М. Б. Пиотровскому, кинорежиссеру А. Н. Сокурову, заслуженному строителю РФ В. Заренкову, содействовавшему сохранению исторической панорамы города. Уникальность культурного ландшафта — основа любого туристического проекта, эмоциональных впечатлений и переживаний. Стремление посетить «чудеса света», увидеть их в рамке «живого ландшафта» — важный стимул путешествий. Национальным достоянием являются такие природные ландшафты, как вершина горы Фудзияма в Японии, вулкан Везувий в Италии, Ниагарский водопад в США, Волга в России и другие замечательные символы национальной и мировой культуры. Они остаются неприкосновенными, охраняются от натиска технических преобразований. Особенность культурного ландшафта состоит в его символическом значении, сакральном смысле, который сохраняется в общественном и индивидуальном сознании, передается от поколения к поколению. Но следует признать относительную хрупкость подобного основания. На него могут оказывать влияние различные аргументы: необходимость технической реконструкции, выгодные проекты модернизации, обвинения в архаизме. Можно упомянуть проект

² 830 чудес света, которые нужно увидеть // Самые удивительные памятники архитектуры и природы по признанию ЮНЕСКО. М. : АСТ, 2008.

реконструкции Невского проспекта, который неоднократно обсуждался в 1960-е годы; проект небоскреба Газпрома на берегах Невы в Санкт-Петербурге вызвал протест в XXI веке.

Ландшафт Петербурга, ставший результатом диалога культур, отражает особенности социального развития общества, ценностные ориентации и приоритеты, аккумулирует образы эпохи. Преимущество урбанизации и индустриальной технологии выдвигало на первый план промышленный ландшафт и вытесняло историческое прошлое как архаику и отсталость. По-

степенно прагматический подход преодолевается, хотя процесс идет медленно. Культурный ландшафт рассматривается как «символический капитал» (П. Бурдьё), когда ценность территории постоянно возрастает в силу ее исторической значимости как культурного наследия. Культурный ландшафт способствует закреплению в сознании событий, встреч, воспоминаний. На основе образно-символического взаимодействия происходит сакральная трансформация современного пространства, которое приобретает новые самоценные культурные координаты.

Е. А. Кайсаров¹

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОЙ СРЕДЫ ПЕТЕРБУРГА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В условиях глобализации, активизации этнокультурных контактов проблема толерантности стала одной из наиболее обсуждаемых в научном мире. Возникнув как веротерпимость в условиях религиозного раскола, толерантность распространялась со временем на партийно-политические убеждения, а в современную эпоху — и на различия, коренящиеся в принадлежности к различным культурным мирам. Толерантность, по мнению академика А. А. Гусейнова, «представляет собой духовно-нравственный и этико-правовой облик единства гражданского общества, социального и публичного пространства, складывающегося, несмотря на изначальные различия индивидов, поверх их мировоззрений, верований, политических убеждений, культурных различий»².

Совершенствование городской толерантной среды через всемерное сохранение и развитие всех представленных в Санкт-Петербурге культур и национальных традиций является интегративной частью усилий органов власти и гражданского общества по закреплению за Санкт-Петербургом роли культурной столицы России, мегаполиса с благоприятной средой для жизни и деятельности миллионов его жителей. Решение этой задачи тесно связано с историческими особенностями становления и развития города, где традиционно существуют представители различных этносов, культур, религий.

Интенсивный культурный обмен и стремление к налаживанию контактов с европейским миром стали важнейшей чертой внешней политики Петра I. Правление царя-реформатора было отмечено приглашением и нескольких тысяч иностранных специалистов. Так, во время Великого посольства в 1697–1698 годах только из Голландии было приглашено около

600–900 специалистов. В первые годы Северной войны была установлена норма, по которой 2/3 офицеров должны быть из иностранцев. Это привело к тому, что в отдельные годы в русскую армию принимали по 2–3 тыс. выходцев с Запада. С 1710-х годов резко возрастает число приглашенных лиц гражданских профессий, имевших отношение к сфере наук, искусств, инженерного дела, мануфактурной промышленности. Утверждаясь на Западе в качестве равноправного делового партнера, Петр привлекал в свою страну европейских негодантов, раздавая им привилегии на торговлю в России³.

Результатом политики активного привлечения иностранцев стал многонациональный состав населения Петербурга. Ряд исследователей полагает, что в середине XVIII века иностранцы в Петербурге составляли 6–8 % населения⁴. С 1869 года в Петербурге стали регулярно (каждые 10 лет) проводиться переписи населения, что позволяет перейти к точным статистическим показателям. Доля иностранцев в населении города падает с 3 % в 1869–1881 годах до 1,2 % в 1910-х⁵. Резкое уменьшение доли иностранцев в Петербурге конца XIX — начала XX века не означает, что его население стало по сравнению с прошлым более этнически однородным. Доля русских в столице даже уменьшилась по сравнению с XVIII веком. Но нерусская его часть состояла в это время уже не из иностранцев, а из российских подданных.

По указу Петра I все девять губерний России должны были присылать людей на строительство Петербурга. В числе этих строителей было большое количество татар, казаков, калмыков, финских и ингерманландских крестьян и т. д. Это был искусственный процесс, регулируемый государством: насильственно переселенные крестьяне и ремесленники пополняли рабочий люд столицы. В конце XIX века процесс принял естественный характер. На рубеже XIX и XX веков в населении Петербурга уроженцы других губерний и государств

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников: «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др.

² Гусейнов А. А. Диалог культур: пределы культурологического анализа // Диалог культур в условиях глобализации: XI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 12–13 мая 2011 г. СПб., 2011. Т. 1. С. 64.

³ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех городов в свете» — град святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века). СПб., 1999. С. 27–28.

⁴ Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы. СПб., 2002. С. 19.

⁵ Там же. С. 21.

вместе с уроженцами Петербургской губернии составляли 69 %¹.

Таким образом, одна из главных особенностей Петербурга заключалась в том, что этот город с момента его основания был многонациональным по составу населения и своему культурному облику. Эта ситуация заставляла обращать внимание на формирование толерантной среды в городе, уважение, принятие и понимание прав другого.

В начале XVIII века общение русских и европейцев, носителей своих культурных представлений и норм, происходило в обстановке своеобразного конфликта культур. Для нормального взаимодействия, подразумевающего понимание противоположной стороны, им часто не хватало знаний друг о друге, понимания культурных кодов чужого общества.

Известный исследователь культуры Петербурга О. Г. Агеева отмечала, что описание трудностей, конфликтности общения, вызванных несхожестью, различием культур, — характерная черта сочинений о России иностранцев — выходцев из Европы. Разные культурные стереотипы, ценностные ориентации не укладывались в одинаковую шкалу оценок. Налицо был своеобразный коммуникативный провал². Каким образом преодолевался этот провал? Как утверждалась в городе обстановка терпимости и уважительного отношения к другим культурам?

В Средние века русские считались и были в целом народом этноцентричным, то есть ориентировались на традиции своего народа и недоверчиво относились к чужим ценностям, хотя и использовали некоторые технические и культурные достижения Запада. Слом этноцентричности сознания русских людей увязывался с закреплением общего положительного представления о Европе — источнике новой науки и техники, которые позволят вывести страну в число передовых стран мира, укрепить ее обороноспособность.

Православная церковь культивировала недоверчивость к иностранцам, к людям иного вероисповедания. Она оказывала сопротивление проявлениям западных порядков и обычаев. Осуществляя огосударствление церкви и религии, подчиняя ее деятельности интересам государства, направленным на сотрудничество с Западом, Петр I переориентировал церковь на терпимое отношение к другим народам и конфессиям. Символом новых межконфессиональных и межэтнических отношений, складывающихся в Петербурге, стала застройка «Невской першпективы», которая началась с 1730-х годов. К 1730 году на углу Невского проспекта и Мойки была открыта голландская реформатская церковь. Неподалеку от нее, также на Невском проспекте, возводится каменная немецкая церковь. Выше голландской церкви на берегу Мойки в 1733 году появилась деревянная французская реформатская церковь. В районе Невского построили свою церковь шведы и финны. В 1735 году католики поставили каменный собор на «Большой першпективе» против Гостиного двора³.

¹ Многонациональный Петербург. История. Религия. Народы. С. 28.

² Агеева О. Г. Указ. соч. С. 32.

³ Семенова Л. Н. Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). СПб., 1998. С. 15–16.

Петр I, стремясь преодолеть жесткое неприятие всего иностранного, уничтожал внешние признаки, позволявшие безошибочно определять православных христиан от «безбожных немцев». В 1700 году под барабанный бой в Москве был объявлен указ об упразднении русского платья и введении для горожан платья венгерского покроя. Аналогичные цели преследовали указы об обязательном бритье мужчин и введении специальных пошлин за ношение бороды⁴. Это была своеобразная смена «знаковой системы», которая помогала ликвидировать барьеры между русскими и иностранцами, придавала процессу утверждения терпимого отношения к другим народам и конфессиям демонстративный характер.

Важную роль в формировании толерантной среды Петербурга в Петровское время сыграло расселение по слободам. В Москве достаточно многочисленная иностранная колония располагалась преимущественно в пределах Немецкой слободы за крепостными стенами. Тем самым русские в пределах одного города отгораживались от иноземцев, они противопоставлялись друг другу.

В Петербурге слободы возникали в связи с желанием пришлых людей жить в соответствии со своими обычаями, «на свой лад». В числе первых в Петербурге застраивалась Татарская слобода. Ее образование было прямым следствием распоряжений Петра I. Затем на западной стороне Марсова поля возникла слобода, получившая характерное название «Финские шхеры», где поселились шведы и финны. Появившиеся слободы позволяли представителям разных народов сохранять свой язык, обычаи, культуру.

В отличие от Москвы, слободы Петербурга не были закрытыми образованиями. Состав их населения отличался большой пестротой. Здесь люди разных национальностей проходили первую школу совместного проживания, уважительного отношения друг к другу.

В последующие годы петербургское градостроительство полностью отказалось от традиций застройки Московской Руси. Несмотря на образование названных выше слобод, в городе преобладал принцип смешанных поселений иностранцев и россиян, коренного и пришлого населения. Условия, сложившиеся в Петербурге, благоприятствовали тому, что общины сохраняли свои этнокультурные особенности и в то же время многие иностранцы принимали русское подданство, осваивали русский язык и становились полноправными жителями Петербурга.

Это далеко не полный перечень мер, принятых Петром I, которые способствовали установлению в городе толерантной среды. В последующие десятилетия этот процесс получает дальнейшее развитие. Важнейшим его результатом становится появление в XIX веке нового типа личности — петербуржца, главным свойством которого становится терпимость, проявлявшаяся в этнической, религиозной и других сферах.

На сегодняшний день в Петербурге проживают люди более 120 национальностей. Большинство из них владеет русским языком. Многие хорошо адаптированы к условиям жизни Петербурга и культуре города,

⁴ Семенова Л. Н. Указ. соч. С. 10.

видят в нем свой дом. Другие еще не полностью освоились в новой для них среде, сохраняют многое из того, что характерно для национальной культуры народа, к которому они принадлежат. Однако как первые, так и вторые осознают себя петербуржцами и в то же время считают, что они полномочные представители своих народов в этом городе. Жители Петербурга исповедуют десятки религий, в мегаполисе действуют более 200 храмов. У представителей каждой национальности есть возможность исповедовать религию своего народа¹.

В последние десятилетия город стал притягательным для людей многих национальностей России и соседних с ней стран, бывших республик Советского Союза. Петербург теперь осваивают представители народов, мало знакомых коренным жителям. Если украинцы, белорусы, немцы, финны, татары, латыши, эстонцы считаются «своими», то новые жители города: чеченцы, дагестанцы, азербайджанцы, узбеки, таджики, молдаване рассматриваются как «чужие». Двадцать лет — небольшой срок, чтобы принять людей, которые отличаются

от петербуржцев внешним обликом, языком, манерой поведения, образом жизни. Чтобы произошел процесс превращения «чужих» в «своих», требуется время.

В 2005 году Правительство Санкт-Петербурга приняло программу «Толерантность» (2006–2010), определившую стратегию гармонизации межэтнических и межкультурных отношений в городе. Выполнение этой программы благодаря комплексному характеру мероприятий по воспитанию гражданской солидарности, поддержанию мира и согласия в целом заложило основы толерантного сознания и поведения всех социальных групп населения города.

Сегодня в совершенствовании толерантной среды городу предстоит решить две главные задачи — обеспечить гармоничное сосуществование и конструктивное взаимодействие всех представленных в городском сообществе этноконфессиональных групп и формирование эффективных механизмов социальной интеграции и культурной адаптации мигрантов. На их решение направлена новая программа «Толерантность на 2010–2015 годы».

Д. Н. Катыхева²

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И СМЫСЛОВЫЕ РЕСУРСЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО БАЛЕТА

Уникальная школа русского балета (ныне Академия русского балета им. А. Я. Вагановой) в этом году и конкретно в эти дни отмечает свое 275-летие. Это событие, имеющее государственное и общемировое значение, отмечается не только в нашей стране, но и в ближнем и дальнем зарубежье. Именно со школой тесно связано развитие русского балета, смысловые ресурсы которого определились в диалоге культур. И тем самым внес вклад в сверхкультуру (термин А. А. Гусейнова), мировое хореографическое искусство, в танец, возникший в раннюю пору существования человечества и продолжающий развитие в настоящее время. В сфере балета «сверхкультура» существует издавна. Глобальная сущность людей, как справедливо замечает академик А. А. Гусейнов, «возможна как общность сверхкультурная, транскультурная»³.

В среде балета «сверхкультура» формировалась веками. Достаточно вспомнить идеи французского хореографа — реформатора балета XVIII века Ж.-Ж. Новера с требованиями полноценной художественной драматургии, литературной, исторической основы балетного спектакля, действенного одухотворенного танца. Все это нашло свою благодатную почву в русском балете, его школе. А затем выдающиеся французские хо-

реографы Ж.-Ж. Перро, М. И. Петипа, А. Сен-Леон, итальянские танцовщицы активно участвовали в становлении и развитии классического танца в России. А вместе с ними рождались великие отечественные хореографы, среди которых — Л. Иванов, создатель знаменитых «лебединых» сцен в балете Чайковского «Лебединое озеро» в совместной постановке с Петипа. Они вошли в многочисленные редакции этого балета на мировых сценах.

М. И. Петипа вместе со своими российскими артистами и хореографами поднял классический балет на уровень мировых сцен, отдавал должное своим единомышленникам. Они обладали ценнейшим качеством в искусстве — стремлением к эмоциональной, психологической глубине сценических образов. Осердеченный танец, «душой исполненный полет» (формула А. С. Пушкина), «сердцем спетое слово» (М. Щепкин) — в сущностной природе русского искусства во всех его проявлениях.

В системе пушкинских ценностей особое место принадлежит сердцу. Это сакральный орган, через который происходит общение с вечным. С ним сопрягается импровизация, близкая вдохновению, музыке души и любовному чувству. Искусство, музыка, поэзия, танец — среда человеческого сердца и души. Такова пушкинская Лаура («Каменный гость»), которая вольно предавалась вдохновению, когда «слова рождала не память рабская, но сердце». Пушкин однажды написал: «Оставь герою сердце! Что же он будет без него? Тиран».

Неслучайно М. Петипа в русском классическом балетном театре создавал образы балетной драмы (хореодрамы), требующей танцующего актера, способного

¹ Многонациональный Петербург. История, Религия, Народы. С. 3.

² Профессор кафедры искусствознания СПбГУП, доктор искусствознания, заслуженный деятель искусств РФ, почетный работник высшего образования РФ. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч. книг: «Литературный театр», «Вопросы теории драмы: действие, композиция, жанр», «Петербургские сезоны. Начало XXI века (Драма. Балет)», «Рудольф Нуреев — балетмейстер» и др. Почетный профессор СПбГУП.

³ Гусейнов А. А. Диалог культур — пределы культурологического анализа // XXI Лихачевские чтения, 11–13 марта 2011 г. СПб. : СПбГУП, 2011. С. 127–128.

переживать роль, а не изображать чувства. На закате своего творчества он предупреждал русских артистов идти своим путем, а не подражать моде итальянских танцовщиков, соревнующихся в голом техницизме, лишенном одухотворенности, эмоциональности в танце. Этими качествами русский балет будет покорять мир вплоть до наших дней. Российские поэты, композиторы, актеры, режиссеры, художники обогащают мировую «сверхкультуру».

Особенно ярко проявилось взаимодействие русского и европейского, а позже американского балета в XX–XXI веках. «Сверхкультура» здесь проявила себя в полном объеме. Она не существует без творческого взаимообмена мирового балета, в том числе российского участия, в хореографических постановках балетмейстеров, балетных артистов разных стран, как и балетных школ. Для мирового и балетного театра трудно переоценить значение открытий в области актерского искусства, режиссуры, постановочных идей К. С. Станиславского, Вс. Мейерхольда, М. Чехова. Как постановщик, Станиславский учел опыт европейской режиссуры — мейнингенцев, позже Г. Крэгга. А Вс. Мейерхольд обращался к разным эпохам развития мирового театра, вплоть до его самых ранних периодов развития. Это будет использовано в отечественном и мировом драматическом и балетном театрах.

Большую роль в развитии сценических образов в отечественном и мировом балетном театре, органике поведения артиста, психологической глубины в перевоплощении сыграла знаменитая система воспитания актера Станиславского (в американском театре названная методом Станиславского). Он утвердил высокую план-

ку художественности в отличие от бессодержательной зрелищности, открыв законы режиссуры театра драматического и балетного.

В XX веке в мировом хореографическом искусстве, в том числе с помощью русского балета, было разбросано много «камней»: оживленные в танце фрески, вазовая живопись, скульптура, барельефы и горельефы, драмбалет, неоклассика, свободный танец, танец-модерн, джаз-танец, бытовой, народно-сценический, фольклорный, спортивно-бальный и др. Целый ряд новых идей был воплощен выдающимися отечественными балетмейстерами ленинградской школы балета — Ф. Лопуховым, Л. Якобсоном, Ю. Григоровичем и другими; артистами Г. Улановой, М. Семенович, Н. Дудинской, А. Шелест, В. Ермоловым, В. Ермоловым, В. Чабукиани, Н. Зубковским, Ю. Соловьевым... список можно продолжать.

Ю. Григорович стал тем художником, который вознамерился собирать «камни», выбрав за основу самый драгоценный, оговоренный танцевальной культурой нескольких веков — классику, которую И. Стравинский называл «торжеством порядка над произволом».

В наши дни мы явились свидетелями широкого мирового резонанса 100-летнего юбилея Русских сезонов в Париже, организованных Сергеем Дягилевым. В культурную жизнь нашей страны, Европы и Америки вошли «дягилевские чтения» и фестивали в честь открытия новых художественных идей.

Творческий диалог культуры, в котором участвует российский балет, продолжается по настоящее время, отстаивая право искусства на стремление к идеалу, к добру и красоте.

С. В. Лагутин¹

ПЕТЕРБУРГ И ПРОЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Нет никаких сомнений, что феномен Петербурга есть прямой результат диалога культур, но со временем в историческом гуле становится трудно разобрать, кто кому и что хотел сказать, хотел услышать или возразить. Обратившись к первым речам *диалога*, можно установить тех «собеседников» и их особые чаяния. «Посмотрите внимательно на ребенка, когда он еще у материнской груди. Постарайтесь увидеть, как внешний мир впервые отражается в еще затуманенном зеркале его разума; отметьте его первые сильные впечатления; вслушайтесь в первые произнесенные им слова, которые свидетельствуют о пробуждении пока еще дремлющей силы его разума, и, наконец, поприсутствуйте при первых испытаниях, которые ему предстоит выдержать, и только в этом случае вы поймете, в чем источник его предрассудков, привычек и страстей, которые он пронесет через всю свою жизнь. Не-

¹ Старший преподаватель кафедры философии и культурологии СПбГУП. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Проблема выражения дискурсивного и экзистенциального», «Глобализация как судьба всемирной истории», «Истоки лингвопроектирования науки в XVII в.», «Философские основания языка математика XVI–XVII вв.», «Универсальный язык как модель комбинаторных конфигураций», «Расколдовывание тегга incognita: к истории философии географии» и др.

что аналогичное происходит и с нациями»². Эти строки французского мыслителя А. де Токвиля могут организовать особый взгляд на рождение Петербурга и той России петровской поры, которая станет обретать свой голос в истории диалога мировой культуры.

Возникновение Санкт-Петербурга явилось поводом для обращения умственного взора Европы на всю Россию, поскольку впервые Россия предложила себя Европе как свободное пространство возделывания самых разных утопических проектов.

Характерна в связи с этим эволюция взглядов на Россию Г. В. Лейбница. В молодом возрасте он под псевдонимом Георгий Литвин пишет свою политическую работу «Трактат о польском престолонаследии».

Применяя логико-математический метод, Лейбниц составляет 60 суждений, в которых почти во всех случаях первым отклоняет русского кандидата, сына царя Алексея Алексеевича, и высказывается при этом весьма определенно. Несмотря на то что Лейбниц изображал Россию в черных красках, тем не менее он признавал за ней весомую силу, когда предостерегал от военных столкновений с ней.

² Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 43.

Так у Лейбница обнаруживается первое мнение о России как о потенциальной угрозе, но любопытно, как этот потенциал у него же станет со временем наполняться иным содержанием.

В 1697 году Лейбницу удалось установить личный контакт с Петром I, личность которого оказала на него грандиозное влияние. У Лейбница возникает план превратить Россию в страну с европейской цивилизацией и образованием. Он чувствует, что ему «открылся бесформенный мир неограниченных возможностей». Он не уставал повторять, что Россия — это “*tabula rasa*”, “*comme une nouvelle terre*”. И сам царь, по его словам, *tabula rasa*, равно как и прочие «умы в русских землях». В итоге «в представлении Лейбница миссия Петра совместилась с его собственной миссией»¹. Надежда Лейбница состояла в том, что Россия каким-то образом заново вдохнет универсальный разум в Европу.

Из чего следует, что Лейбница совершенно не интересовало своеобразие России, а исключительно лишь только возможность вдохнуть новые силы в дело Просвещения. Поэтому России необходимо сотрудничество с Европой, а Европе, напротив, стоит не столько опасаться России, сколько всматриваться в ее бескрайние горизонты. Этим выражается второе открытие России для Лейбница, но есть еще и третье.

В 1711 году Лейбниц пишет Петру I письмо: «Поскольку умы в русских землях являют собой еще *tabula rasa* и подобны невспаханному полю, то можно будет избежать того повреждения наук, что укоренилось в Европе, причем столь глубоко, что избавиться от этого нелегко. А русские могли бы вынести для себя пользу из чужих ошибок и при хорошем устройении наук засиять добрым примером для всей остальной Европы <...> ибо тогда не только северные земли стали бы лучше, но и в наших землях воссиял бы новый свет»².

В этом описании Россия предстает как страна, которая разрешит все сомнения Европы о самой себе и укажет тот путь, который ясно виделся Лейбницу в его универсальном проекте.

Так, у Лейбница обнаруживаются три образа России — «Образ варваров, которых следует опасаться и от которых нужно держаться как можно дальше; образ *tabula rasa*, на которой можно было бы развернуть европейскую цивилизацию, и образ нового света, который прольется из России и озарит путь Европе. Это те три образа, которые с тех пор определяли культурно-политическое мышление и политические действия европейцев по отношению к России: ужас и отторжение — миссионерский энтузиазм цивилизаторов — восторженное увлечение»³.

Важно также заключить, что представлению о стране как широком поле для правительственных экспериментов, гигантском подопытном экземпляре, к которому можно было приложить самые передовые административные и юридические идеи с полнотой, не-

¹ *Pome G.* Лейбниц и возникновение европейских образов России // К истории идей на Западе: Русская идея. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Издат. дом «Петрополис», 2010. С. 93; *Benz E.* *Leibniz und Peter der Große.* S. 16, 19.

² *Pome G.* Указ. соч. С. 94; *Guerrier W.* *Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Großen.* № 125. S. 175.

³ *Pome G.* Указ. соч. С. 95.

возможной в Западной Европе, суждено было быстро развиваться под воздействием реформ Петра I.

При содействии Петра I нашли себе практическое применение и прочие идеи, изобилующие в самой Европе, не только идеи науки, но и искусства. Примечательна история строительства Санкт-Петербурга с архитектурной точки зрения.

Архитектурные стили и проекты европейских образцов были призваны изменить художественное мировоззрение русских людей начала XVIII века. Этому способствовали приглашенные Петром многие европейские зодчие — Д. Трезини, Г. Матарнови, И. Браунштейн, К. Растрелли, но особое внимание стоит уделить архитектурной деятельности в Петербурге французского архитектора Ж.-Б.-А. Леблona.

Творчество Леблona как признанного мастера садово-паркового искусства и одного из создателей нового типа городских особняков высоко оценивалось современниками, а также последующими поколениями архитекторов и исследователей. Вместе с Р. де Котом и П. Лепотром Леблон стал родоначальником нового типа планировки жилого здания и нового стиля отделки интерьеров — «стиля Регентства». Именно Леблон попал в поле зрения Петра I. С 1714 года русский царь искал выдающегося архитектора европейского масштаба для работ по созданию Санкт-Петербурга. В 1716 году Леблон прибывает в русскую столицу. Леблон развивал в своих проектах не классицизм в точном понимании этого слова, а свойственную французской архитектуре конца XVII столетия линию барочного классицизма. При том что во Францию русские поедут учиться архитектуре спустя несколько десятилетий.

Петербург в проекте Леблona обретал форму эллипса с центром на Васильевском острове, внутри этой равномерно укрепленной крепости — широкие улицы и просторные площади, украшенные фонтанами и статуями; здания декорировались соответственно их роли, в центре города — дворец царя и дома знати, в каждой части города — школы, церкви, а «внутри города для пешеходов» по улицам должны быть «рощи» и т. д.

Налицо — идеи регулярности, классицистической упорядоченности, означавшие для автора красоту города. Последнее для эволюции архитектурной мысли Петровского времени очень важно.

Изучая «План Леблona», многие исследователи рассматривали его как «нереальный», считали, что он «отличается формальным, оторванным от действительности характером» и является «нежизненным». Эти выводы наиболее важны в соотношении с поздним представлением Лейбница о России. Однако, как пишет С. В. Семенцов, «Справедливы мнения о “Плане Леблona” как о воплощении идеальной модели города нового типа, разрабатывавшейся в европейском градостроительстве в XVI–XVII веках. Но беспочвенны оказались обвинения Леблona в “нереальности” и “идеальности” плана. Леблон сумел с выдающимся мастерством создать новую прекрасную градостроительную композицию»⁴.

⁴ Санкт-Петербург на планах и картах первой половины XVIII века / С. В. Семенцов [и др.]. СПб., 2004. С. 91.

И тем не менее «План Леблona» был подвергнут забвению, а Петербург продолжил развиваться по «Плану Трезини». Но даже нереализованный «План Леблona» выявил многие градостроительные особенности Санкт-Петербурга, которые позднее были осуществлены в проектах других градостроителей и архитекторов.

Для России эти проекты являлись весьма неродственными традиционному художественному мировоззрению, воплощение которого в градостроительстве можно обнаружить в планах города Москвы начала XVIII века. Санкт-Петербург был первым в России городом, который строился по плану. Рациональный принцип в подобном масштабе впервые реализовывался на берегах Невы.

Вновь мы сталкиваемся с идеями Лейбница, которые плоть от плоти есть дух европейской культуры своего времени, которые без всякой подготовки с благими намерениями обрушиваются на «бородатую» Россию.

Ключ к пониманию и оценке возникшего диалога культур Европы и России начала XVIII века мы сможем найти у того же А. де Токвиля, чья мысль была

взята за методологический принцип. При рассмотрении истории первых переселенцев — английских пуритан — на Американский континент очевидна реализация протестантского проекта, включавшего в себя идеи республиканства и демократии. Америка начала XVI века есть реализованный проект идеи устройства общества, возникшей в европейской культуре. Ценой вопроса явились индейцы, нашедшие себя чуть позже в резервации.

Блестящие идеи европейской культуры, вспыхнувшие в воображении их авторов, сформировали представление о России как о земле будущего, с которой нужно оперировать как с областью потенциального. Но что-то пошло не так, как в Америке. Фантазии о русских варварах увязли в русских снегах, так и не позволив Европе осуществить свою надежду, — если Россия была способна оставить свое варварство в прошлом, то у нее оказывался даже некоторый потенциал, позволявший ей заново вдохнуть в Европу тот животворный дух, который континент, как тогда казалось, уже потерял.

Таковы первые речи диалога культур России и Европы начала XVIII века.

С. С. Лебедева¹

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Идеи Д. С. Лихачева об открытости и уважении российской культуры и культуры других народов сформировались не только в контексте русской культуры, но и в условиях уникальной петербургской духовности — в городе, в котором активная социально-культурная деятельность в течение трех веков была ведущим направлением работы различных учреждений и общественных организаций.

Как известно, ценности и жизненные приоритеты складываются на протяжении многих столетий, передаваясь из поколения в поколение и определяя характер социально-культурной жизни, мировоззренческие основания функционирования и развития системы образования, науки, традиции и нормы общественной деятельности. Значимой исторической традицией Санкт-Петербурга была развитая социально значимая активность различных учреждений, религиозных и общественных организаций. Специальными службами осуществлялся сбор информации историко-культурного, этнографического, экономико-хозяйственного, торгово-промышленного характера, которая давала представление о занятости населения в разных видах деятельности, степени вовлеченности

в систему образования и работу профессиональных институтов.

Образованием детей и юношей занимались казенные и частные учебные заведения, где при недостаточности материальных средств прихожанами поддерживались учащиеся разных сословий. Уже к середине XIX века значительное место начинают занимать библиотеки, имеющие в своем арсенале книги на разных языках, благородные собрания, устраивающие концерты, чтения, спектакли, обучение танцам, театральные представления. Ширится система воспитательных заведений для детей мужского и женского пола, причем вне зависимости от вероисповедания. Каждое из учреждений характеризуется широкой культурной программой, включающей в себя церковное пение, музицирование, изучение литературы, изобразительное искусство, прикладные виды деятельности и т. д.

Система образования включала: духовные (духовная академия, семинария, духовные училища), иноверческие (римско-католическая семинария и римско-католическая духовная академия). Из высших учебных заведений выделялись Санкт-Петербургский университет, Педагогический институт с публичными лекциями для вольнослушателей. Среди средних общеобразовательных учебных заведений к 1870-м годам было 8 мужских гимназий; частных классических — 4; реальных училищ — 2 и 2 евангелических училища на правах гимназий, а также четыре прогимназии. Уделялось внимание женскому образованию: работало 7 гимназий и одна прогимназия, а также педагогические курсы.

Одним из важных направлений развития социально-культурных инициатив середины XIX века стало

¹ Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, профессор кафедры теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор педагогических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Глобальное образование как фактор социализации населения групп риска. Учебно-методическое пособие», «Социальная работа с пожилыми и инвалидами: учебник» (в соавт.), «Роль специальных библиотек в образовательной деятельности социальной группы инвалидов», «Социальная направленность деятельности прогимназии», «Развитие социальных функций образования взрослых (на примере инвалидов)» и др.

развитие публицистики и журнальной деятельности. Наряду с известными изданиями создаются специальные журналы для воспитанников военно-учебных заведений, журнал для солдат, журнал «Звездочка» для детей старших и младших возрастов. Растет число профессиональных журналов, а также изданий для лиц, интересующихся разными направлениями отечественной и зарубежной культуры и относящихся к разным конфессиям.

Богатством начинаний отличалась деятельность евангелических приходов, католических костелов, лютеранских и православных церквей. По данным, опубликованным А. Н. Гречем, в 1850 году в Санкт-Петербурге проживало православных и единоверцев 413 902 человека, иноверцев — 70 132, раскольников — 967, не христиан — 2337 человек. Религиозные организации большое внимание уделяли воспитанию человека на всех возрастных этапах его жизни.

Достаточно высок был интеллектуальный потенциал города. Из «учебных учреждений» основное место занимала Академия наук с ее тремя отделениями: физико-математическим, русского языка и словесности, историко-филологическим. По сведениям 1869 года, действительными членами были 43 человека, почетными — 66 (из них русских — 57, иностранных — 9), членами-корреспондентами — 192 (65 русских и 127 иностранных). При академии работало несколько комиссий и обществ, среди них Русское археологическое; филологическое; географическое, любителей духовного просвещения, Вольное экономическое общество, основанное еще в 1765 году, педагогическое, Русское техническое и др.

Значимым направлением общественной жизни города была социально-благотворительная деятельность, направленная на поддержку слабо защищенных слоев населения (или «недостаточных слоев» — термин, используемый в литературе XVIII–XIX вв.). На протяжении XVIII–XIX веков разные авторы подчеркивали, что «нигде в России благотворительность, помимо ее обширности, не устроена так правильно и многосторонне, как в Петербурге, и нигде не имеет она столько органов, рассчитанных на предупреждение всевозможных нужд и лишений» (В. Михневич). Отмечалось, что благотворительность была вызвана нищетой и бедностью, что она «вошла в народные привычки, освящена временем и необходимостью и стала одной из наиболее симпатичных добродетелей русского характера. Благотворительная деятельность обеспечивала социальную поддержку и образование малоимущих слоев населения, она строилась с учетом особенностей культуры, опиралась на духовно-нравственные основы в соответствии с религиозными воззрениями вне зависимости от конфессионального контекста, ее традиции закла-

дывались в систему образования. В систему благотворительности были включены различные организации и ведомства: «ученые учреждения», учебные заведения, благотворительные общества, воспитательные заведения, врачебные учреждения и др. Была организована система статистического учета благотворительных инициатив медицинских, образовательных, культурных и научных учреждений, в рамках этой системы фиксировались также и негативные явления в сфере общественной нравственности, на основе которых разрабатывались действенные меры по предупреждению и снижению опасных явлений.

В качестве цементирующего основания благотворительных инициатив выступало созданное 16 мая 1802 года министерство, которое включало в себя следующие структуры: медико-филантропический комитет; попечительский комитет о бедных; общество посещения бедных; дом призрения малолетних бедных; институт слепых; дом воспитания бедных детей; школу для девочек; дом призрения убогих; богадельни.

В начале XX века в период Русско-японской кампании по инициативе жены Николая I, Александры Федоровны, создается Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Членами этого Совета состояли лучшие правоведа, экономисты, общественные деятели. Одним из направлений работы было устройство детей раненых и павших воинов «вне штата» в учебные и воспитательные учреждения¹. В тот же период был создан Алексеевский главный комитет (в честь наследника престола Алексея) по призрению детей лиц, погибших в войне с Японией. Председателем Главной комиссии этого комитета был назначен действительный тайный советник, известный ученый П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Санкт-Петербург того периода отличался также высокой по тому времени культурой организации социальной жизни населения, медицинскими и санитарно-гигиеническими структурами. Так, например, в столице к середине XIX века работало 40 бань, население обслуживало 17 больниц и 5 госпиталей. Кроме того, частные лечебные клиники осуществляли «безденежное пользование» неимущих с «безденежным отпуском медикаментов» (А. Н. Греч). Бесплатная медико-хирургическая помощь оказывалась известными врачами Н. Ф. Эдельбергом и И. Д. Штраухом. Медицинское бесплатное обслуживание предоставлялось в финской и британо-американской церквях на Васильевском острове.

Приведенные факты и примеры характеризуют социально-культурную деятельность различных учреждений и общественных организаций как исторически устойчивую и значимую традицию духовной жизни Санкт-Петербурга.

¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 105. Л. 15.

Ю. В. Лобанова¹ПРОБЛЕМА ВИДОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Культура Санкт-Петербурга, как и любого другого города, может быть рассмотрена как минимум на трех взаимосвязанных уровнях — видовом, типическом и индивидуальном. Очень часто при осмыслении конкретной городской среды в расчет берется только последний уровень. Тем самым исследователи идут как бы на поводу у города, у заложенной в нем потребности находиться в центре, любым образом выделиться из ряда себе подобных. Взятый вне контекста, город действительно может казаться уникальным во всех своих проявлениях — и в способах адаптации к природным условиям, и в принципах пространственно-пластической организации, и в характере осуществления заложенных в нем функций. На этом эмпирическом уровне взаимодействия «факторов своеобразия» (среды которых нет ни одного не подверженного историческим изменениям) достигается ситуация, отраженная в известной поговорке «что город, то норы».

Вместе с тем очевидно, что *индивидуальное* своеобразие городской среды также обладает чертами относительности, безусловности и может быть наиболее ярко раскрыто в сопоставлении с городами: 1) занимаемыми приблизительно то же место в сложившейся иерархии городов; 2) связанными с данной средой отношениями типического своеобразия. Отсюда, с одной стороны, непреходящая, несмотря на разницу в «удельном весе» этих городов (столь отчетливо обнажившаяся в реалиях 1990-х гг.), неизбежность смысловой пары «Москва—Санкт-Петербург», а с другой — нечасто встречающиеся попытки соотнести культуру Петербурга, к примеру, с городскими культурами Запада и Востока, Севера и Юга, Античности и Нового времени, увидеть в ней одно из воплощений «русскости» и «российскости» (идея города как выразителя национальной культуры).

Типическое своеобразие впервые обнаруживается в тот момент, когда складывается упомянутая выше иерархия: возникает деление городов на малые и большие, столичные и провинциальные. По мере их дифференциации, углубления процессов разделения труда между ними типическое своеобразие также принимает более отчетливые формы — один город утверждается в значении университетского центра, другой — промышленного, третий — религиозного и т. д. Любопытно, что эпитеты, которые город стремится закрепить за собой (для Петербурга таковыми являются, к примеру, «северная столица» и «культурная столица»), указывают и на его уникальность в рамках конкретного

¹ Доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат культурологии. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч.: «Концепты Санкт-Петербурга в современной архитектуре», «О культурном пространстве Кольского Севера: культурные ландшафты», «Типология городов Кольского Севера: подходы и методы», «Культурология города: типологический аспект», «Будущее исторического города», разделы «Культура Древнего мира», «Культура классического нового времени», учебника «Культурология» и др.

урбанизированного пространства, и, одновременно, — на принадлежность к определенной, отнюдь не малочисленной «группировке», представляющей городские культуры многих стран.

Деление городов на типы позволяет, таким образом, осмыслить город в контексте. Существуют интереснейшие закономерности, касающиеся принципов формирования и исторического существования «родственных» городов, и их необходимо учитывать в проектной деятельности. Это отмечал и В. Л. Глазычев: «Когда в игру включается представление о месте того или иного города в стратегии территориального развития, когда затем начинается сценарная разработка вариантов развития города, вопрос о его доминирующих функциях становится определяющим. Иначе и не может быть, так как до сих пор никто не смог предложить другой способ определения ведущего вектора городского развития»². Разумеется, при использовании функционального подхода важно помнить, что в большинстве случаев город, в особенности крупный, оказывается принадлежащим сразу к нескольким типам; а так как полифункциональность заложена в самой природе города, то картина связей между городами по принципу типического родства представляется подвижной и потенциально не ограниченной.

Типический уровень очень важен. Он дает возможность (столь редко реализуемую на практике) рассмотреть город всесторонне, а главное, как отмечалось, — через призму разнообразных, разнородных связей раскрыть уникальные качества конкретной городской среды. Можно сказать, что проблема соотношения индивидуального и типического является одной из магистральных в разговоре о городе, его историческом значении и путях развития. Так, М. С. Каган отмечал, что «в каждой стране есть поселения рядовые, ничем не проявившие себя в духовной жизни народа и поэтому трудно отличимые друг от друга, но есть и города уникальные, с особой историей, судьбой, вкладом в национальную и мировую культуру — скажем, Карфаген и Иерусалим, Афины и Спарта, Рим и Венеция, Париж и Марсель, Киев и Новгород, Москва и Петербург»³. Близким по смыслу предстает высказывание В. Л. Глазычева по поводу городов-центров, которые «исторически приобрели столь индивидуальный характер, что от концентрации внимания на них, как именно на типе, не слишком много толку»⁴. Вряд ли, впрочем, следует говорить о городах, ничем не проявивших себя, хотя бы их «идея» (каждый город возникает там и тогда, где и когда обнаруживается потребность в его существовании) была заимствована или имела частный (локальный) характер, так же как и преувеличивать степень независимости выдающегося города от неких стандартов, которые вырабатывает городская среда, находя

² Глазычев В. Л. Урбанистика. М., 2008. С. 37.

³ Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 19.

⁴ Глазычев В. Л. Указ. соч. С. 37, 34.

конкретные формы воплощения, адаптируясь к природной и социокультурной данности.

Культура Санкт-Петербурга непредставима без рефлексии, без отстраненного, рационального взгляда на себя, свое место в системе городских культур России, Европы, мира. Северная столица — один из тех городов, которые не только не рискуют «раствориться» на уровне типического своеобразия, но различимы также на еще более высоком, так называемом *видовом* уровне, позволяющем выявить качества, демонстрируемые городом в противостоянии природе и деревне. Данный уровень, возможно, не имеет столь выраженного прикладного значения, однако позволяет отказаться от некоторых устойчивых мифологем, в значительной степени повлиявших на содержание петербургского текста русской литературы.

Например, можно предположить, что вне зависимости от конкретного историко-культурного наполнения город в сопоставлении с природой будет демонстрировать такие качества, как *искусственность* и *упорядоченность*. При всей неоднозначности подобной трактовки логика здесь прозрачна — полноценно противостоять природной среде может только среда, противоположная ей по характеристикам. Следовательно, о какой бы эпохе ни шла речь, город всегда будет квинтэссенцией культуры, и «умышленный» Санкт-Петербург в этом отношении отнюдь не является чем-то необычным. Примечательны приемы, с помощью которых город запечатлевает свою рукотворность в художественных текстах, делая, в том числе, акцент на рукотворности самого материала, из которого формируется предметная оболочка. К примеру, в ряду «общих мест» в литературе урбанизма следует выделить представление о современном городе как изделии из «стекла и бетона»; «в мрамор, в гипс, и в сталь, и в коготь, и в мазут» одет, согласно Э. Верхарну, «город-спрут» («Исход»); «Стальной, кирпичный и стеклянный», с железными жилами, с дворцами из золота и хрустальными залами внутри последних — город у В. Я. Брюсова («Городу. Дифирамб»). Этой же особенностью города, по-видимому, навеяно сравнение его с «толчеей фарфора и битого хрусталя» (И. А. Бродский. «Венецианские строфы», II).

Характерно, что подобное восприятие городской среды иногда переносится и на природную составляющую материального каркаса города (например, пространственное уподобление вод стеклу: «вод веселое стекло» (А. С. Пушкин. «Евгений Онегин», глава I, строфа XLVIII) или «воды, застывшие стеклом» в стихотворении Н. С. Гумилева «Венеция»; показателен в этом отношении «оловянный закат», брошенный вечностью в город (стихотворение А. А. Блока «Вечность бросила в город...») или сверкающее, как эмаль, море, являющееся частью города (Н. С. Гумилев. «Неаполь»).

Антиномичность упорядоченности города и стихийности природы пронизывает тексты урбанистической направленности уже в период древности. К примеру, разнесшийся слух о предполагаемом строительстве города птиц (Тучекукуевска) вызывает появление землемера с измерительными приборами, движимого

желанием «отмерить каждому / полоску воздуха», сразу же предлагается план города:

Затем прямую, тоже по линейке,
Я проведу, чтоб круг квадратом сделался.
Здесь, в центре, будет рынок. К рынку улицы
Пройдут прямые. Так лучи расходятся,
Сверкая, от звезды. Звезда округлая,
Лучи прямые, —

на что следует реплика:

«Ты Фалес поистине!»
(Аристофан. «Птицы», 1003–1008;
пер. С. В. Шервинского)

Примеры подобного прочтения города как системы с четко прочитываемой структурой запечатлены во многих художественных текстах разных эпох (в том числе Средневековья), часто с использованием приема гиперболизации. В этой связи мысли сенатора А. А. Аблеухова, связанные с восприятием петербургского пространства (Андрей Белый. «Петербург»), как и парадоксальный, на первый взгляд, вывод «За Петербургом же — ничего нет» не представляются чем-то исключительным, что заставляет по-новому оценить как меру регулярности Санкт-Петербурга, так и настойчивые попытки противопоставления «неорганичному» городу на Неве, вызванному к жизни некоей насильственной волей в соответствии с предумышленной схемой, планом, правилом¹, «органичной» Москвы.

С такой же определенностью Петербург разделяет со всеми городами качества (по-разному преломляемые на типическом и индивидуальном уровнях), противопоставляющие город «негороду» (деревне). К числу этих качеств может быть отнесена *обособленность/относительная замкнутость* и в то же время *притягательность*. В иконографии любого крупного города нетрудно обнаружить образ «чужака», провинциала, стремящегося покорить город, утвердиться в нем (и Александр Адуев, выведенный И. А. Гончаровым в романе «Обыкновенная история», — лишь один из многих в этой категории, наряду, например, с Растиньяком).

Особенно интересен мотив противопоставления «святой» деревни городу как источнику греховности, проклятому месту, которое в отечественной традиции устойчиво ассоциируется с Петербургом. В действительности мотив этот, существующий во множестве вариаций, проходит через всю литературу урбанизма. Он очевиден, к примеру, и в предании о Содоме и Гоморре, и в «Божественной комедии» Данте, и в сюжете изгнания бесов из Арещо (фреска Джотто); город как ад выведен в очерке М. Горького «Город Желтого Дьявола»; без обиняков называет адом Париж О. Бальзак («Золотоокая девушка») и т. д. Взгляд на основание города как на акт, по своей значимости близкий сотворению мира; утверждение (часто проявляющееся в фактах преодоления, покорения «естественной природы») demiургической роли человека в ущерб роли Создателя, несомненно, можно считать предпосылками для возникновения эсхатологического мотива, многократно повторенного отнюдь не только на петербургских страницах текстов урбанизма.

¹ Например: *Топоров В. Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург: Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. С. 11.

Очевидно, что в отличие от черт типического своеобразия, рассмотренных Н. П. Анциферовым, перечень черт видового своеобразия среды города не может быть продолжен «до бесконечности», а семантика порожденных ими художественных образов действительно будет общей для многих городов, создавая жизненно необходимую основу для проявления типического и индивидуального своеобразия. Какую бы роль ни играли Рим, Лондон, Париж, Санкт-Петербург в мировой истории и истории своих стран — они играли ее в соответствии с возможностями, которые обрела культура, отлившись в городскую форму. Благодаря непрерывному воздействию факторов видового своеобразия, конкретный город не утрачивает своей специфически-средовой сущности и тогда, когда под грузом семантических наслоений начинает восприниматься как своего рода символ, идея, абсолютный дух.

Анализ текстов, тематически связанных с городом, показывает, что на протяжении столетий в большинстве из них ключевое значение придавалось именно видовым и типическим качествам (отмеченная В. Л. Глазычевым индивидуализация городов — явление сравнительно позднего времени), через ко-

торые город утверждал свою особость. В современных условиях значение этих качеств возрастает, что, несомненно, свидетельствует о потребности городов в диалоге, консолидации перед лицом общих проблем. Изменение конфигурации сложившихся городских систем, поиск «городской идентичности» в ситуации перехода к постиндустриальному обществу, одновременное обозначение дезурбанизационных процессов — вот лишь некоторые симптомы, заставляющие оценивать современный этап, переживаемый городской культурой России как кризисный. Неудивительно, что сегодня взаимодействие между городами во многом строится по горизонтали — как малые, так и средние и крупные города стремятся быть вписанными во множество культурных контекстов. Так, не утрачивает своего значения институт побратимства, как правило, связывающий города, родственные своим статусом и исторической ролью; рождаются новые сообщества (яркий пример — проведение конгрессов петровских городов). Подобное сотрудничество является взаимовыгодным, содействующим развитию не только отдельных городов, но и городской культуры в целом.

В. В. Молзинский¹

«ХОВАНЩИНА» М. П. МУСОРГСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ СТАРООБРЯДЧЕСТВА И СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Россия–Восток, Россия–Запад — извечный вопрос отечественной культуры. В XIX веке он обрел контуры славянофильско-западнической антитезы, когда исторической точкой в оценке ее первопричин обычно, можно сказать, стереотипно, а затем уж и традиционно рассматривалась эпоха «славных дней Петра».

Правомерен, однако, взгляд В. О. Ключевского, который был склонен видеть корень «разлада» уже в событиях предыдущего — XVII столетия, и особо выделял в них роль церковного раскола², вызванного, напомним, грекофильской реформой патриарха Никона, приведшей к отступлению от религиозно-нравственных основ русского традиционного православия и действительному неприятию «никоновых новшеств» огромной частью населения России, именуемой «староверием», а чуть позднее — «старообрядчеством».

И все-таки проблема взаимосвязи идей старообрядчества и славянофильства еще долго оставалась актуальной для гуманитарной мысли и лишь на рубеже

XX–XXI столетия была подвергнута философскому анализу в диссертации О. В. Парилова, который аргументированно выделяет черты общности и различий идей раннего старообрядчества и славянофильских концепций XIX века³.

Достижения исторической мысли рубежа XIX–XX веков и современной философской мысли способствуют осмыслению достижений русской художественной культуры периода ее расцвета. Речь, конечно же, должна идти о периоде второй половины XIX века, когда достигает апофеоза национальная классика и в искусстве России рождаются сюжеты, связанные, в частности, с воплощением отечественной истории на оперной сцене и в произведениях русской живописи.

Случилось так, что кульминацией тенденции историзма стали явления искусства, посвященные теме раскола старообрядчества и особенностям ее преломления в жизни народа и государства. В контексте научно-исторических знаний речь прежде всего шла о соотношении национального и инационально привнесенного. В искусстве же все более рельефно очерчивалась новая тенденция (или по крайней мере особенность) осмысления прошлого. Не отвергая реальности противостояния западным привнесениям со стороны сторонников национального, укоренившегося в массовом сознании жизненного уклада, подчеркнем здесь не менее важную, на наш взгляд, особенность — наметившегося

¹ Заведующий кафедрой теории и истории музыки Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Старообрядческое движение второй половины XVII века в русской научно-исторической литературе», «Очерки русской дореволюционной историографии старообрядчества», «Старообрядчество в русском искусстве второй половины XIX — начала XX века как проблема отечественной науки» и др.; научный редактор-составитель «Учебных программ курсов истории музыки и музыкально-теоретических дисциплин».

² Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1908. С. 245. Ч. 3.

³ Парилев О. В. Типологические особенности старообрядчества и славянофильства и их значение в развитии русского национального самосознания: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2000.

и начавшегося тогда диалога культур: с одной стороны, то была культура прошлого, олицетворяющего для немалой доли народа идиллию «Святой Руси», а с другой — культура «никоновых новин» и реформированного православия, как бы нацеленного на усвоение нового, связанного с постижением идущих «извне» культурных веяний в целом.

Таковы в общих чертах содержательно-смысловые особенности начавшегося диалога старого и нового, диалога, доходившего порой до силовых противостояний, но имеющего в основе комплекс исторических и религиозно-мировоззренческих первопричин, обладающих объективными особенностями зарождения и преломления в народном сознании, жизни народа и государства.

Глубокое осмысление этих особенностей вызывало к жизни величайшие явления искусства, такие как опера «Хованщина» М. П. Мусоргского — величайшего представителя петербургской композиторской школы, запечатлевшего в своем великом произведении события эпохи «бунташного века» московской государственности в поворотный момент ее истории, когда староверие могло вновь вернуть свое положение государственно-православной веры, какое имело до Никоновой реформы.

Но почему такая «московская» тема оказалась отображенной в наследии «кучкиста» Мусоргского, всецело связанного с формирующимися традициями музыкальной культуры Санкт-Петербурга?

Многое определялось здесь расцветом славянофильских идей, способствующих формированию опыта осмысления старообрядчества, его места в русской истории, исходных позиций в оценках прошлого. И случилось так, что «балакиревская школа», или «русская пятерка», «Могучая кучка», движимая в своем развитии идеей поиска национального языка, вобрала многое из числа достижений культуры славянофильства. Уместно вспомнить, что именно в русле данной тенденции оформилось и позитивное понимание старообрядчества как исторического явления, народной жизни и религиозного чувства как сферы объективного осмысления в науке, как предмета художественного воплощения в искусстве. Основой данной тенденции, как известно, стала идея историко-культурной самобытности России и идеализация ее исконных, народно-национальных традиций перед западными привнесениями.

Подчеркнем, однако, многоплановость необычайно широкого круга культурно-исторических явлений, отвечающих понятию славянофильства, вступившего в середине — второй половине XIX века в позднюю стадию. В воззрениях славянофилов нового поколения (И. Д. Беляева, Т. И. Филиппова, Ап. А. Григорьева, Б. Н. Алмазова, Н. В. Берга, И. Ф. Горбунова, П. И. Мельникова-Печерского, Л. А. Мея, А. Н. Островского, А. Ф. Писемского, А. А. Потехина, Т. И. Филиппова, Е. Н. Эдельсона и др.) складываются принципиально новые подходы к осмыслению прошлого и настоящего. Прежде всего это отношение к отечественной истории как к истории народа; идеализация народного жизненного уклада как воплощения старой русской традиции; взгляд на старообрядчество как на

проявление народного религиозного чувства, на раскол XVII века как на поворотный момент, нарушающий естественный ход российской истории; наконец, это идеализация русского православия в его традиционном виде — до Никоновой реформы.

Старообрядчество и его исторические истоки, массовые народные движения и религиозно-нравственные устои становятся основой идейно-художественного замысла величайших явлений русского искусства. К такому относится наследие М. П. Мусоргского, увенчанное оперой «Хованщина». Без преувеличения ее можно считать вершиной в развитии жанра отечественно-исторической оперы. На протяжении всего XIX века не было произведений, столь полно отвечающих понятию историзма в музыке. Достоинства творения М. П. Мусоргского в его целостности предопределили огромное внимание к нему исследователей, в частности тех, кто имеет выраженную направленность творческих поисков ответов на вопросы отражения исторических событий в искусстве. И невзирая на обилие литературы далекого и недавнего прошлого¹, по сей день появляются все новые работы, авторы которых стремятся к постижению непостижимого — к осмыслению неисчерпаемой глубины идейного замысла «Хованщины».

К такому можно отнести замечательную статью Н. С. Серегиной ««Рассвет на Москве» в свете песнопений Владимирской иконе Богоматери», в которой автор дает свою, вполне убедительную версию роли «Рассвета» в истории отечественного музыкознания. «Вступление к Хованщине — это моление и похвала Богоматери... духовное зеркало, не омрачаемое суетой и беснованием мира, заря спасения граду сему от тьмы скорбей и междоусобных браней»².

Но события оперы происходят на земле, где нет спасения от скорбей и междоусобных браней, но есть реальная история, контрастная высочайшим идеалам и замешанная на крови и корыстолюбии, а потому и контрастная по средствам художественного воплощения.

В решении оперного замысла Мусоргский предстает не просто выдающимся классиком отечественной музыки, но и мыслителем, с именем которого можно связывать проблему художественного постижения прошлого во всей глубине и многомерности составляющих его исторических процессов. Даже в трудах именитых авторов эпохи Мусоргского, а равно в письмах и воспоминаниях современников сложно найти адекватное понимание его исторических взглядов на раскол, запечатленных в «Хованщине».

Не будучи ученым-историком, Мусоргский в своем образном восприятии обнаруживает убедительность трактовки событий и первопричин «хованщины», которые и сегодня могут быть предметом научного спора,

¹ См., в частности, работы таких авторов, как Е. Н. Абызова, А. А. Альшванг, Б. В. Асафьев, Г. Н. Бакаева, Г. Л. Головинский, М. Д. Сабина, Л. А. Жуйкова, Н. В. Запорожец, В. Г. Каратыгин, Ю. В. Келдыш, И. И. Мартынов, Г. Н. Некрасова, И. Ю. Неясова, А. А. Орлова, Т. В. Попова, М. П. Рахманова, В. В. Стасов, Н. В. Туманина, Э. Л. Фрид, Г. Н. Хубов, Р. К. Ширинян, С. И. Шлифштейн и др.

² *Серегина Н. С.* М. П. Мусоргский: «Рассвет на Москве» в свете песнопений Владимирской иконе Богоматери // *Отражения музыкального театра / ред.-сост. Т. А. Зайцева, Э. С. Барутчева.* СПб., 2001. С. 88.

допускающего много дискуссионных вопросов. Некоторые из них вполне убедительно были поставлены Мусоргским в процессе разработки основных сюжетных линий оперы. По крайней мере «художественное постижение прошлого» в наследии великого композитора и мыслителя удивительно емко отражает дух эпохи, история которой — следствие целого комплекса взаимодополняющих причин социально-политического и религиозно-нравственного порядка.

Одна из них — попытка вождей старообрядчества обратиться к властям, придерживающимся с идеей возврата государственной церкви в лоно «старой веры» (ведь была причина, по которой «раскол как идея мужественного героического противостояния гнету всяческой ортодоксии, церковной и государственной, как символ готовности пожертвовать жизнью во имя свободы духовного волеизъявления волновал... многие умы»¹); другая — накал мятежных настроений в стрелецкой среде, направленных на восстановление старых привилегий; третья (менее известная) была высказана даровитым, но рано ушедшим из жизни М. Д. Хмыровым и определялась недовольством стрельцов (в массе своей староверов), вернувшихся из Чигиринского похода, сожжением в Пустозерске протопопа Аввакума и его союзников²; наконец, наиболее реальная и определяемая сугубо земными мотивами — борьба царевны Софьи за власть против Петра в форме провокации стрелецко-раскольничьего мятежа, обеспечившего «равноправное» царствование Петра и Ивана при ее регентстве, а затем жестокое усмирение народа и расправа с главным исполнителем — Иваном Хованским, ставшим ненужным и опасным главой серьезной и только им управляемой военной силы. Допустимой представляется и «суммарная» версия, согласно которой все упомянутые выше причины способствовали формированию действенных факторов происходящих событий.

Характерен еще один факт истории отечественной культуры. В год смерти М. П. Мусоргского Россия знакомится с выдающимся полотном В. И. Сурикова «Утро стрелецкой казни» и повестью Д. Л. Мордовцева «Великий раскол». Но если великий живописец обнаруживает убедительное ощущение прошлого на уровне жизненных впечатлений и феноменальной интуиции, если давний знакомый М. П. Мусоргского писатель Д. Л. Мордовцев вполне удовлетворен поверхностным усвоением общепринятых оценок духовно-академической направленности, то композитор глубоко входит в круг лучших достижений научно-исторической литературы своего времени. А всякая попытка объективного осмысления событий становления религиозно-общественных движений старообрядчества в искусстве неукоснительно требует анализа той первичной основы, какой в интерпретации событий прошлого выступает система исторических знаний.

В спектре таковых — труды Н. И. Костомарова, мировоззрение которого вообрало в себя обширный круг славянофильских идей, а изложенные оценки церков-

¹ Головинский Г. Л., Сабина М. Д. М. П. Мусоргский. М., 1998. С. 675.

² Хмыров М. Д. Стрельцы и первый стрелецкий бунт с раскольничьим мятежом (Исторический очерк) // Северное сияние. 1863. Т. 2, № 3. С. 146.

ного раскола XVII века оказали особое влияние на современников, в частности на исторические взгляды М. П. Мусоргского. Композитор сам пишет об этом в своей краткой «Автобиографической записке». Более того, он упоминает имя Н. И. Костомарова в числе мыслителей, оказавших наибольшее влияние на мировоззренческие установки его композиторского творчества³, в чем-то, следовательно, и на выбор оперных сюжетов. Во всяком случае обращает на себя внимание следующее совпадение: через год после опубликования в «Вестнике Европы» (1871) «Истории раскола у раскольников» Н. И. Костомарова, где предпринимается одна из первых в российской науке попыток научно-исследовательского подхода к осмыслению этого сложного явления русской истории, М. П. Мусоргский приступает к подготовке либретто оперы «Хованщина», в драматургии которой образы раскольников-староверов составляют то же высокое духовное начало, что концентрированно выражено в «Истории» Н. И. Костомарова. Имеются документы, подтверждающие факт содействия Н. И. Костомарова зарождению мысли композитора о «Хованщине»⁴.

Идеи Н. И. Костомарова и Д. Л. Мордовцева, следовательно, повлияли на формирование замысла создания в оперном жанре своеобразного цикла — «грандиозной музыкально-исторической хроники России», в основе которой события трех смут: начала XVII века («Борис Годунов»), событий стрелецких бунтов 1680–1690-х годов («Хованщина»), наконец, народных движений «пугачевщины», составивших основу нереализованного оперного замысла М. П. Мусоргского. Констатируя такой не вполне состоявшийся факт творческой биографии композитора, М. П. Рахманов находит, что такой материал не мог быть почерпнут у Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева или А. С. Пушкина, но имел убедительное, соответствующее воззрениям композитора осмысление в работах «новых историков», в частности Н. И. Костомарова⁵. Понимание народа как самостоятельной силы исторического процесса у Н. И. Костомарова исследователь справедливо расценивает как отвечающее мировоззренческим установкам М. П. Мусоргского⁶. Но эта сила подвержена воздействию корыстных властолюбцев, в противоборстве которых народ оказывается наиболее страдающей стороной (предсказание юродивого в «Борисе Годунове», поражение стрельцов в «Хованщине»).

В интерпретации Н. И. Костомарова раскол выступает сопутствующим фактором антифеодальных выступлений. Подобный подход, обнаруживающий акцентирование в расколе его социально-противогосударственных моментов, заставляет увидеть в мировоззрении ученого выраженные черты политического радикализма. Важнее, однако, подчеркнуть противоположное — наличие разумной грани, за которой добротный научно-исторический анализ мог бы обрести черты

³ Мусоргский М. П. Автобиографическая записка 1880 г. // Мусоргский М. П. Литературное наследие. М.; Л., 1971. С. 268. Т. 1.

⁴ М. П. Мусоргский. Письма и документы / сост. А. Н. Римский-Корсаков. М.; Л., 1932. С. 423.

⁵ Рахманов М. П. Истоки оперных концепций М. П. Мусоргского: автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 1987. С. 15.

⁶ Там же.

умозрительных вульгарно-социологических «теорий». В концепции историка течение «старой веры» хотя и рассматривается в ряду реальных компонентов осознанного сопротивления власти, но не выступает определяющим в социально-политических процессах. Особенно показательна здесь костомаровская версия событий «Хованщины», предложенная в разделе «Царевна Софья» второго тома «Русской истории в жизнеописаниях ее важнейших деятелей». Лишь одной из вдохновляющих сил стрелецкого мятежа предстает раскол, понимаемый как движение «старой веры».

То же самое можно сказать об авторской позиции М. П. Мусоргского, заявленной в оперной драматургии «Хованщины».

Но есть еще одна особенность подхода М. П. Мусоргского к истории. Для композитора, создателя «Бориса Годунова» и «Хованщины», история России — это история народа, оказывающегося страдающей стороной при всех коллизиях и изменениях в государстве. В том сказывается влияние народнической идеологии. Отсюда и интерес к освещению старообрядчества и его места в народной жизни в трудах А. П. Щапова, ставших основополагающими в формировании так называемой «социально-политической» школы русской исторической мысли о расколе. Поиск первопричин раскола и его места в народной жизни влечет за собой обращение М. П. Мусоргского к воззрениям А. П. Щапова, запечатленных в его книге «Русский раскол старообрядчества».

Таким образом, в выстраивании оперной концепции произведения М. П. Мусоргский имел возможность опереться на фундаментальную базу научных знаний об истории московских событий 1682 года, о роли в них религиозно-политических идей старообрядчества.

Подобной базы не было в освещении событий последующих стрелецких бунтов (1689 и 1698 гг.)¹, эпизоды которых лишь контурно намечены в опере, будучи фактически «нанизанными» на стержневую идею — эпохальной роли «хованщины» в российской истории.

Это-то, по-видимому, и объясняет во многом ту концентрацию событий оперы, что допускает М. П. Мусоргский, соединяя вместе события 1682 года, когда Петру было 10 лет, 1689 и 1698 годов, когда Петр — уже реально действующая личность российской истории.

Можно добавить также исключительную популярность исторических знаний в период творческой деятельности М. П. Мусоргского, когда, по словам Д. Л. Мордовцева, происходит «эпидемическая попу-

¹ Согласно результатам исследований, проведенных в свое время Н. М. Молевой, документы дела Шакловитого, без которых объективно разобраться в событиях стрелецкого бунта 1689 года невозможно, были опечатаны и скрыты «от лишних взоров» в Оружейной палате при Екатерине II и лишь через 70 лет, при Николае I и по его повелению, стали достоянием историков. Но то была лишь часть дела, тогда как другая хранилась в собрании князя М. Ю. Виельгорского и стала доступна исследователям уже в год смерти М. П. Мусоргского. Только тогда стало ясно, что бунт 1689 года был спровоцирован Софьей как попытка государственного переворота с целью захвата царской власти. Неудачным исполнителем оказался Шакловитый, не сумевший поднять стрельцов на массовое выступление (См.: Молева Н. М. Царь-девица // Знание — сила. 1971. № 1. С. 32–36).

ляризация научных предметов», а исторические и этнографические труды нередко пишутся и читаются как беллетристика².

Таков весьма существенный историко-социологический феномен эпохи, характеризующий состояние проблемы «искусство–публика», «литература–читатель», «театр–зритель», «музыка–слушатель»: деятели культуры обращались к грамотной аудитории, способной оценить моменты интерпретации исторического сюжета, увидеть и понять особенности творческой и мировоззренческой позиции автора, склонного концентрировать события вокруг центральной (по его мнению) точки отображаемых событий.

Но возможность такого метода не объясняет факта его реализации в творчестве великого художника и мыслителя. Есть другое объяснение, связанное с содержательно-смысловой основой старообрядчества как учения и миропонимания. Аксиоматичный консерватизм в отношении к религии, окружающему миру и нравственным ценностям, выраженное стремление к сохранению всего привычного, устоявшегося на протяжении веков, позволяли художникам идентифицировать в своем образном восприятии прошлое и настоящее. Так рождается принципиально новый аспект проблемы историзма в русском искусстве второй половины XIX века — не просто стремление к достоверности художественного воплощения образов и событий прошлого, но попытка воссоздать это прошлое как запечатленную художественными средствами живую, видимую реальность.

Такова «Хованщина» М. П. Мусоргского. Запечатленная в ней драма народа, приверженного национальной традиции православной веры, обращенной к заветам старины, крах надежд на возврат к прошлому и необратимый поворот к новому и еще непонятному и нарушающему привычный, а потому естественный патриархальный уклад — смысл этой реальности. Пересекающимися оказываются не столько образы и события стрелецких бунтов 1682, 1689 и 1698 годов, но двух веков истории — важнейших для двух фаз развития русского славянофильства: *раннего* («классического»), видевшего корень зла России в петровских преобразованиях, нарушающих естественный ход культурно-исторического процесса, и *позднего* — склонного к идиллии «Святой Руси», олицетворяемой символом старой, «древлеправославной» веры. Возврат к ней как единой для всего народа и государства — основа массовых движений, вдохновленных массовыми, несбывшимися ожиданиями народа, — смысловой стержень волнений и бунтов 1682 года, полувивших имя «хованщины».

«Хованщина» М. П. Мусоргского — не просто вершина жанра русской исторической оперы. Она уникальна как область пересечения тенденций старообрядчества и славянофильства в русской музыкальной культуре, обуславливающего существо ее идейно-образной концепции, соотношения сюжетных линий, основы драматургии, отображения прошлого как воплощенной жизненной реальности.

² Цит. по: Рахманова М. П. Истоки оперных концепций М. П. Мусоргского: дис. ... канд. искусствовед. Л., 1986. С. 24.

Н. Н. Мутья¹

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЫСТАВКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА КАК ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Современная выставочно-экспозиционная деятельность как «особое гуманитарное пространство»², как пространство традиций, ценностей и смыслов расширяет наши представления о природе и сущности искусства как форме диалога культур. Художественная выставка, являясь **сферой межкультурного диалога**, выступает не только как форма художественной коммуникации и актуализации культурно-исторического и художественного наследия, но и как способ формирования научного, образовательного и эстетического пространства современности.

Художественный Петербург всегда славился своей выставочной деятельностью. Этому способствовали и прекрасные выставочные площадки, и петербургская художественная школа, обладающая неповторимым стилем, и традиции культурной жизни Северной столицы.

Многие современные художественные выставки являются активной **формой исторического диалога культур**³. Особенно те из них, которые посвящены интерпретации исторических событий и образов личностей прошедших эпох в изобразительном искусстве. Историческая тематика все больше интересует кураторов современных выставок. Отмеченное явление находит подтверждение в анализе крупных выставок, проведенных в Петербурге за последнее десятилетие.

Историческая живопись всегда тяготела не только к показу значимых исторических событий и великих исторических личностей, но и к крупному формату живописных полотен. К сожалению, многие большеформатные произведения очень редко экспонируются на выставках. Эту задачу попытались решить сотрудники Русского музея, организовав выставку «Большая картина» (2004), на которой были представлены произведения из запасников прославленного собрания. Тем самым выставка способствовала «прямому диалогу» современных зрителей и художников прошлого.

Выставка вызвала и полемику в художественной среде: как понимать определение «большая картина»? Ограничивается ли это понятие только метрическими единицами или включает в себе и высокую идею, требующую воплощения в монументальной форме? Возможны ли иные трактовки термина⁴?

Эта проблема находит яркое отражение в картине К. Е. Маковского «Поцелуйный обряд» (1895), где ху-

дожник второй половины XIX века изобразил в крупном масштабе не подвиг, не трагедию, не переломное событие истории, а бытовое действие времен Ивана Грозного — завершение пира целованием гостей хозяйкой дома. Заслуживает ли показ обыденного события прошлого, правда не лишённого драматизма, большого формата? Для художественной жизни периода расцвета салонных тенденций и позднего академизма такое решение вполне оправданно. Поиск красоты в прошлом, уход от насущных вопросов современности органичен для художников этих направлений. Для них важны были эти вопросы, и отражали они их решение в крупных формах исторических полотен, тогда как их современники — художники демократической линии — считали, что большого формата заслуживает только исторически значимое событие. С такой трактовкой задач «большой картины» зритель знаком по постоянной экспозиции музея, где демонстрируется произведение В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком» (1895). Иную трактовку зритель «наглядно» оценил благодаря временной выставке.

Итак, как показал проект «Большая картина», выставки способствуют не только диалогу зрителя и художника (посредством картин), но и диалогу в современной профессиональной художественной среде, касающемуся проблемных вопросов понимания искусства ушедшего времени.

Художники решают и вопросы осознания русской истории, показывая нам ее творцов в разных ипостасях. Эта проблема находит отражение в концепции еще одной выставки Русского музея «Избранники Клио: герои и злодеи русской истории» (2011). И опять в исторический диалог, касающийся выставки как формы воссоздания персональной истории, вступают его различные аспекты: «художник–история», «зритель–история», «картина–история», «зритель–картина» и т. п.

Это многообразие подуровней диалогов «спровоцировано» тем, что устроители экспозиции, сохраняя хронологию в показе исторических лидеров России, не придерживаются этого принципа в представлении творчества художников — произведения мастеров изобразительного искусства разных времен объединены одной исторической личностью. Так, в зале, посвященном Ивану Грозному и его эпохе, можно было одновременно увидеть и картон знаменитого русского живописца второй половины XIX века В. Г. Шварца «Иван Грозный у тела убитого им сына в Александровской слободе» (1861), и полотно известного советского художника П. П. Соколова-Скаля «Иван Грозный в Ливонии. Взятие крепости Кокенгаузен» (1942). Причем если в первой работе Иван IV представлен как злодей, то во второй — как герой. При этом оба художника находятся во власти аллюзии. Если Шварц решает в своем полотне этическую проблему власти, интересующую людей второй половины XIX века, то Соколов-Скаля, изображая победоносное сражение прошлого,

¹ Доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения. Автор около 50 научных публикаций, в т. ч. книг: «Виктор Гартман», «Русское декоративно-прикладное искусство XVIII — начала XX века», «Леон Бакст», «Иван Грозный. Историзм и личность правителя в художественной культуре XVIII–XX веков» и др. Член Союза художников России.

² Гусейнов А. А. Как возможна глобальная общность людей? // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Международные Лихачевские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. Доклады. СПб. : СПбГУП, 2010. С. 61.

³ Панченко А. С. Основные тенденции современной выставочной деятельности художественного музея (на материале музеев Санкт-Петербурга рубежа XX–XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2012. С. 15.

⁴ Большая картина. СПб., 2006.

воодушевляет воинов Великой Отечественной войны на подобные битвы. Такая разновременная и неоднозначная трактовка образа исторического правителя и интересна современному зрителю, втягивая его в диалог с изображенной эпохой, аллюзивным подтекстом трактовки настоящего в прошлом, причем того настоящего, которое тоже успело стать историей, и т. п.

Выставка показывает зрителям и то, что даже художники, творящие в одну эпоху, будучи приверженцами разных художественных линий, могли по-разному интерпретировать характер одной и той же исторической личности. Напомним, во второй половине XIX века наиболее ярко различия в понимании роли личности в истории просматриваются в творчестве художников салонно-академической и демократической линий. Так, художник-академист Г. С. Седов представляет Ивана Грозного как сладострастного старца («Царь Иван Грозный любит на Василису Мелентьеву», 1875). А художник-демократ И. Е. Репин изображает Ивана Грозного не только как убийцу, но и как жертву своего деяния («Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», 1885). Зритель, рассматривая эти работы, обнаруживая в них те черты, которые подчеркивают различия не только в творческих концепциях художников, но и показывают их разное понимание истории, словно находится в атмосфере диалога двух ярких художественных линий второй половины XIX века.

В Петербурге проходят выставки, где демонстрируются и произведения современных художников, пытающихся показать в них свое понимание истории Отечества. Главной выставочной площадкой в Петербурге для знакомства с их творчеством стал Центральный выставочный зал «Манеж». И на этих выставках есть возможность не только заочного диалога художника и зрителя, но и личностного общения, так как на открытии подобных экспозиций нередко присутствует автор демонстрируемых произведений.

Отметим, что Илья Глазунов вступает в диалог со зрителем не только на выставках, но и при помощи средств массовой информации. Так, он публично отстаивал свою позицию в отношении личности Ивана Грозного в знаменитом проекте российского телевидения «Имя Россия» (2008).

В 2011 году в Манеже проходила юбилейная выставка И. С. Глазунова. Наряду с полотнами, написанными им в последние годы, на выставке демонстрировались картины прошлых лет. Среди них — его знаменитое произведение «Иван Грозный» (1974). Можно спорить о художественной ценности этого творения мастера, но оно интересно тем, что художник одним из первых в истории отечественной живописи трактует царя как противоречивую личность. Живописец изобразил Ивана Грозного на фоне величественного собора Василия Блаженного и Лобного места рядом с этим храмом, где по обычаю Средневековья проводились казни. Благодаря такому «фону» художник показал, что перед нами царь-герой — завоеватель Казани (на это указывает храм Покрова на Рву, воздвигнутый в честь победы над татарами) и одновременно царь-тиран, жестоко расправляющийся с собственным народом (это иллюстрируют плаха с обреченной жертвой и палач, занесший над нею топор).

В этой работе художник прибегает к излюбленному приему — в живописное произведение он вносит элементы коллажа, что более характерно для произведений прикладного искусства. Одежда царя сделана из дорогой ткани, повторяющей рисунок старинной парчи, шапка вышита жемчугом и стразами, имитирующими драгоценные камни, так же украшен и посох. Фигура царя словно спрятана за тканевую «декорацию». Архитектурный пейзаж со сценой казни написан декоративно. Небеса плоскостно вызолочены. При помощи светотеневой живописной моделировки объемно «реален» только страшный лик Ивана и рука, сжимающая злоедейский посох. Совмещение живописного и декоративного начал в этом произведении второй половины XX века вызывает в памяти древнерусские иконы в богатых окладах, где за пластинами золота, украшенными драгоценными камнями, видимыми оставались только лики и руки святых. Вполне возможно, что художник рассчитывал на рождение подобной ассоциативной связи. И от этого весьма спорного сопоставления в произведении Глазунова святости (по формальным средствам выражения) и злодеяния (по сюжету) еще явственнее проявляются противоречия личности Грозного царя. Итак, в творчестве художника ярко просматривается диалог искусства прошлого и настоящего.

Глазунов известен не только как художник, но и как педагог. Благодаря его стараниям в Москве была организована Российская академия живописи, ваяния и зодчества. В этом учебном заведении продолжают развиваться художественные традиции, которые художник впитал еще за годы учебы в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Наиболее ярко эти традиции проявляются в исторической живописи питомцев Глазунова. Но студенты впитывают и те традиции, которые характерны для московской школы живописи, к примеру яркий колорит. Своеобразной формой творческого отчета студентов остаются выставки. Некоторые из них проходят в петербургском Манеже (например, «Ступени мастерства», 2013). Эти выставки часто являются отражением диалога двух живописных традиций — петербургской и московской.

Выпускники Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, став самостоятельными художниками, также организуют выставки в Петербурге. Так, в 2008 году в Манеже прошла выставка исторического художника Павла Рыженко. Живописец, испытав сильное влияние творческой личности Ильи Глазунова, нашел свой художественный язык и свою трактовку образов исторических героев. Его Иван Грозный в картине «Царево молчание» (2005) одновременно и строгий правитель, и религиозный молчаливец. Не менее интересен и образ сподвижника царя — Малюты Скуратова («Царский указ», 2006). Перед нами не одинокий рыжий палач-опричник, а мужественный воин.

Итак, выставочная деятельность Петербурга, объединяя прошлое и настоящее через мир художественных образов, является значимым фактором **формирования исторической памяти и ценностных смыслов современной культуры**.

С. Б. Никонова¹

РОССИЯ И ЕВРОПА: ПЕТЕРБУРГ МЕЖДУ ЗЕМЛЕЙ И МОРЕМ

В работе «Земля и море. Созерцание мировой истории» К. Шмитт описывает два вида цивилизаций, деятельность которых связана с освоением сухопутных либо морских просторов. Они противостоят друг другу, и, вглядываясь в это противостояние, Шмитт приходит к выводу: хотя человек — существо сухопутное, именно владычество над морем способствует обретению им силы, недоступной при деятельности на суше.

В чем же состоит эта новая сила, новое качество, сообщаемое морским господством? Из приводимых в работе исторических примеров можно сделать вывод: это новое качество есть качество глобальности, переход от локальной замкнутости на уровень мирового общения. Подобный переход Шмитт называет «революцией пространства» и свершение ее относит к истории Европы Нового времени, начиная от эпохи Великих географических открытий до становления современного глобального мира.

Цивилизации, осваивающие землю, сколь бы мощными они ни были, оказываются обреченными на пространственную ограниченность. На первый взгляд в таком описании есть нечто парадоксальное, ведь именно вода разделяет земли, делает их неведомыми друг другу, между тем как земля, легко проходимая человеком, соединяет разрозненные территории.

Но кажется, что сама возможность разметки территорий на земле устанавливает границы, между тем как текучая и как бы «ничья» вода их стирает. Земная оседлость привязывает к земле, как корнями в ее глубины уходит дерево, между тем как течение воды устремляет в бескрайнюю даль. Водное сообщение облегчает торговлю и путешествия. Суша с ее разнообразным рельефом, с ее диких обитателями выступает как символ различия, выражающегося в разнообразии культурных традиций, обрядов, верований, социальных установлений, разнящихся систем мировидения. Море же создает единое пространство общения. Море подобно языку: в качестве сложной знаковой системы, чуждой смысловому содержанию разделенных сознаний, он создает тем не менее плюралистичное текучее intersubjective пространство коммуникации. Так и море, разделяя, соединяет и своим единообразием нивелирует сухопутные границы и различия.

И вот, согласно Шмитту, по крайней мере до начала освоения воздушной стихии в XX веке, тот, кто властвовал над морем, властвовал над всем миром. Кто же не был связан с морем, тот, можно сказать, выпадал из мира. Шмитт пишет: «На взгляд, определяемый исключительно морем, земная твердь, суша есть всего лишь... незахваченная территория»². Шмитт при-

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по учебной работе, кандидат философских наук, доцент. Автор более 50 статей в научных изданиях, в т. ч.: «Поэзия и подражание в структуре новоевропейской субъективности», «Нарратив: описание истории или самосознание историка?», «Апофатическое медиапространство» и др.; монографии «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление» (2012).

² Шмитт К. Земля и море. Созерцание всемирной истории / пер. Ю. Ю. Коринца // Точка перехода : [Электрон. ресурс]. URL:

водит слова английского путешественника и авантюриста XVII века Уолтера Рэли: «Тот, кто господствует на море, господствует в мировой торговле. А тому, кто господствует в мировой торговле, принадлежат все богатства мира и фактически сам мир». И другие, более поздние слова, характеризующие морской дух: «Всякая мировая торговля есть свободная торговля»³, отмечая при этом, что они характеризуют скорее конкретную эпоху, нежели являют собой неизменную истину. Подобный взгляд стал всеобъемлющим, когда выработанный Новым временем и подкрепленный идеями Просвещения буржуазный порядок перешел в открытую фазу своего существования. Причину смены перспективы от взгляда, бросаемого с земли в даль моря, к взгляду, бросаемому с моря на еще неизвестную и непокоренную землю, Шмитт видит в революции сознания, произошедшей в новоевропейской мысли и породившей в физике понятие пустого пространства, а в искусстве и философии — саму идею перспективы, центрированной взглядом субъекта.

Это обоснование весьма необычным образом проясняет, как и почему именно европейская цивилизация стала центром и образцом современного глобального мира. Вступая в общение с ней, любая иная традиция вовлекается в глобальное общение. Вовлекаясь же в глобальное общение, она не может избежать необходимости в обращении к его принципам. Диалог, ставший возможным благодаря обращению к морю/языку как к универсальному пространству коммуникации, вынуждает менять принципы вступивших в него сторон на диалогические.

В этом контексте феномен Санкт-Петербурга представляется собой нечто выдающееся. В упомянутой работе Шмитт приводит Россию как яркий пример сухопутной цивилизации, вступившей в схватку с цивилизацией моря. Однако схватка была бы практически безнадежной, если бы описанное превосходство универсального (морского) взгляда над локальным (сухопутным) не было учтено. И оно учитывается — через стремление России стать морской державой и тем самым стать равноправным партнером в глобальном мире, которое воплощается в строительстве Петербурга.

В работе «Внутри мыслящих миров» Ю. М. Лотман, описывая город как символическую структуру, дает определения двух типов городов по отношению к окружающему их миру. Один город — центр мира, концентрический «город на горе», выстраивающийся естественно и постепенно: «Такой город выступает как посредник между небом и землей, вокруг него концентрируются мифы генетического характера (в основании его, как правило, участвуют боги), он имеет начало, но не имеет конца — это “вечный город”...»⁴ Пример такого города — Москва. Другой тип — эксцентрический город, расположенный на краю культурного

<http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/schmitt02.htm> (дата обращения: 07.04.2013).

³ Шмитт К. Указ. соч.

⁴ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семiosферы. СПб., 2000. С. 321.

пространства. Этот край земли — берег моря, устье реки. Такой город, по мнению Лотмана, создается как бы вопреки природе, в борьбе с нею, он побеждает стихию, но, с другой стороны, искажает естественный порядок. Вокруг такого города формируются эсхатологические мифы, нарастает чувство обреченности, страх уничтожения. «Как правило, это — потоп, погружение на дно моря»¹. По Лотману, земля и вода являют собой две противоположные стихии, определяющие образы городов. Петербург по Лотману — город воды. Пусть и грозя уничтожением, именно вода дает городу быть, хотя, основанный на стихии, столь явно чуждой человеку, он кажется созданным намеренно как опасное противостояние с водой. «Петербургский камень, — пишет Лотман, — это камень на воде, на болоте, камень без опоры, “не мирозданию современный”, а положенный человеком»². Образ окаменевшего во мгновение усилием человеческой воли болота напоминает магическую иллюзию, вызывая к жизни образ города-призрака.

Это описание не только выражает признание связи Петербурга с осваиваемой стихией моря, но и напоминает о чуждости этой стихии, ужас перед которой проявляет себя в мифологии Петербурга. Построенный как «окно в Европу», Петербург представляет собой для России скорее прорыв, проход, чем собственно город в качестве населенного пространства. Прорыв к воде как выход в мир глобальной свободы: свободной торговли и «пустого пространства» новоевропейского мировосприятия. И в этом смысле Петербург оказывается гораздо более «водным», нежели любой другой европейский город, поскольку любой другой европейский город есть укрепление, построенное на земле, противящееся натиску плавучих странников-кораблей и отсылающее за свои пределы изнутри своих стен торговые экспедиции. При всей глобальности европейского сознания, европейский город скорее есть крепость — в противоположность странной роли Петербурга как прохода и прорыва. Хоть и начавшись со строительства укрепления, он воплотил в себе идею открытого — в сторону моря — пространства, упорядоченность которого тает по мере приближения к берегу и, наконец, теряет всякую определенность (быть может, не случайно берег моря лишен здесь набережных и четкой линии,

но до сих пор словно бы опасливо оставляется под свалки, пустоши и скрытые от повседневной городской жизни портовые работы). В этом смысле, как город воды, как город разомкнутого пространства, Петербург ни в коей мере не является подобием какого-либо европейского города, хотя и несет в себе черты стиля каких угодно европейских городов. Скорее он есть квинтэссенция европейского духа, перенесенная на чуждую почву, и потому тем более явная, ведь в качестве прохода он представляет собой пустое пространство, равно чуждое обоим мирам, которые соединяет. Но это пустое пространство, представленное в форме города, есть наиболее явное выражение порыва к стиранию различий в единой перспективе универсального пространства.

Петербургский поэт А. Скидан в эссе «О пользе и вреде Петербурга для жизни» указывает на «вторичность» замысла Петербурга по отношению к европейским столицам, характеризуя его как подражание какому-то неопределенному «европейскому» образцу. «Своим обликом он напоминал то новый Амстердам, то северную Венецию, то Париж, то Афины, то Рим, но как-то фрагментарно, местами, постоянно ускользая от определения собственной сущности, не совпадая с самой собой... В целом же Санкт-Петербург являл постороннему наблюдателю некий полуфантастический собирательный образ европейской столицы вообще или, скажем так, “европейскости”»³. Но по сути еще более верным будет обратное: именно Петербург заставляет видеть характерные европейские черты в других городах, так что при сравнении скорее не он оказывается похожим на них, а именно они на него: во всех европейских городах есть что-то, напоминающее Петербург. И если судьба развития новоевропейского мышления оказалась движением от создания глобального пространства на основе завладения единым пространством моря как условия торговли и коммуникации к выходу в бесконечный виртуальный океан информационных потоков, за которыми теряется какое-либо чувство реальности, то можно сказать, что в качестве воплощения европейского духа как духа текучей безосновности, чистой трансгрессии, пространственного прорыва Петербург представил европейскому миру пример рефлексии о его собственных основаниях.

С. Б. Смирнов⁴

ЕВРОПЕЙСКИЙ МАСШТАБ: СОВРЕМЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА

Не секрет, что со времен основания города самосознание петербуржцев имело черты, отличающее их

¹ Лотман Ю. М. Указ. соч.

² Там же. С. 323.

³ Скидан А. О пользе и вреде Петербурга для жизни. Электронный ресурс: Вавилон. Тексты и авторы. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/skidan7-16.html> (дата обращения: 07.04.2013).

⁴ Доктор культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Сфера научных интересов: сравнительная историко-культурологическая урбанистика, история Петербурга и Москвы. Член редколлегии журнала «Культура и цивилизация».

от других россиян. Набор и сочетание этих черт менялись, но сам факт их наличия никогда не оспаривался. Катастрофы и урбанистический взрыв XX века неоднократно меняли состав его населения, но петербургский менталитет демонстрировал удивительную жизнестойкость. Польский писатель Я. Ивашкевич еще в середине 70-х годов XX века заметил: «Этот огромный город был разрушен во время блокады, большинство же нынешних его граждан — пришлое население. И все же удивляет, как эти пришедшие люди приспособились

к стилю города, к его нравам»¹. Со временем петербургские «нравы» менялись, но восприятие петербуржцами своего города как наиболее европейского города России сохранялось всегда. Конечно, в первую очередь оно было связано с его политической ролью, культуртрегерским предназначением, архитектурным обликом, но и ощущение того, что Петербург стоит на границе России и Запада, никогда не покидало жителей города.

Во времена империи сухопутная граница была от Петербурга в сотнях верст, в 1920–1930-е годы она проходила в 30 километрах от Ленинграда, но во все эпохи существования города его пограничный характер определялся, в первую очередь, положением «при море», говоря словами Пушкина. Морским путем из Петербурга всего за несколько дней можно было добраться до Центральной Европы. По суше этот путь был в несколько раз дольше и утомительнее. Несмотря на то, что в XVIII — начале XX века Россия владела на Балтике, не считая других, такими крупными портами, как Рига и Ревель (Таллин), Петербург все это время оставался крупнейшим портом империи. В первые десятилетия советской власти, когда Петроград-Ленинград был единственным портом страны на Балтике, его значение еще более возросло. Напротив, во второй половине XX века оно упало, в том числе и потому, что коммунистическая власть близоруко развивала, в ущерб ленинградскому порту, порты Прибалтики, потерянные для страны в начале 1990-х. В этом смысле распад СССР и новый этап интеграции России в мировую экономику создали предпосылки для резкого усиления роли Петербурга в международной торговле и туризме. Сегодня, двадцать лет спустя, уже можно говорить о том, что в регионе сформировался и продолжает развиваться многопрофильный торговый комплекс с центром в виде реконструируемого петербургского порта, подковой охвативший Финский залив от Усть-Луги на юго-западе Ленинградской области до Выборга на ее северо-западе.

Огромное значение для развития Петербурга как центра культуры и туризма имеет строительство нового пассажирского порта, что позволило уже сегодня резко увеличить поток туристов из-за рубежа, посещающих берега Невы, начать развивать паромное сообщение с другими портами Балтики. Если на рубеже XX–XXI веков Петербург посещало чуть более 2 млн человек в год, то в 2011 году число туристов превысило 5,1 млн². Не Барселона, конечно, но учитывая проблемы с инфраструктурой и сезонный характер петербургского туризма, который очень трудно преодолеть, этот результат уже заслуживает уважения. При этом резервы для дальнейшего роста еще весьма значительны, особенно если учитывать, что в ближайшее десятилетие и воздушный порт Петербурга аэропорт «Пулков» должен превратиться в крупнейший аэропорт Северной Европы.

Даже в позднее советское время положение города-порта откладывало особый отпечаток на жизнь Ленинграда, да и туристы-иностранцы были тогда уже

не редкостью на улицах города. Предприимчивая часть горожан активно вступала с ними и моряками с иностранных и отечественных судов в запрещенные товарно-денежные отношения. И пусть неконтролируемые контакты с иностранцами, мягко говоря, не приветствовались, само их присутствие в Ленинграде давало ощущение, что «Запад» — не абстракция, не картинка из телевизора, а реальность, представленная на Невском проспекте хорошо одетыми и раскованными людьми.

Парадоксально, но петербургские (а до 1917 г. и имперские) и ленинградские власти, а вслед за ними и архитекторы на протяжении почти трех веков практически игнорировали тот факт, что город расположен на берегу моря. У города до сих пор нет морского фасада, хотя и построен жилой комплекс с таким названием. В исторической части города еще в XIX веке прибрежная полоса была занята портом и судостроительными заводами. Только в 1970-е годы была предпринята попытка благоустройства морского берега Васильевского острова, здесь появились набережная, пассажирский порт, комплекс «Ленэкспо», гостиница «Прибалтийская». Но даже на Васильевском острове берег был благоустроен только частично, а южный и северный берега Финского залива в черте города продолжали являть собой унылое зрелище заброшенности — болота, камыши и мусор. В советское время казалось, что город сознательно поворачивается спиной к западу — Западу, с которым его разделяла (соединяла) Балтика. Но горожане всегда чувствовали значение моря в судьбе города и их собственной судьбе. Это ощущение точно выразил И. Бродский:

Я родился и вырос в балтийских болотах, подле
серых цинковых волн, всегда набегавших по две...
В этих плоских краях то и хранит от фальши
сердце, что скрыться негде и видно дальше.

Сегодня, когда идеологические комплексы советского времени постепенно уходят в прошлое, уже можно сказать, что город поворачивается лицом к своей западной границе, лицом к морю. Мало того, он стремится на запад, намывая все новые земли, сжимая Маркизову лужу. Жить «с видом на море» стало модным и престижным. Архитекторам еще предстоит ответить на вызов времени и создать западный фасад устремленного к Западу города. Очень хочется верить, что их ответ будет адекватен градостроительному и художественному уровню, заданному историческим Петербургом.

Во второй половине 1940–1980-х годов, после Великой Отечественной войны, близость сухопутной границы с Финляндией играла в жизни Ленинграда минимальную роль. Только что финны, отдохавшие на берегах Невы от строгостей сухого закона, были самыми многочисленными иностранцами. Из ленинградцев в ближайшей «капстране» бывали единицы. После распада СССР многие горожане добрым словом поминали стойкость финнов в «зимней войне» 1939–1940 годов — Финляндия так и не стала советской, а следовательно, ей не пришлось возвращать независимость в 1991 году. Поэтому и лучшие курортные и дачные

¹ Иваишкевич Я. Петербург. СПб.: Стройиздат, 2002. С. 68.

² URL: <http://fontanka.fi/articles/2146>

места на Карельском перешейке не оказались снова за границей, как это случилось с домами и дачами тех петербуржцев, которые в свое время обзавелись недвижимостью в Эстонской ССР.

Сегодня, как и в 1920–1930-е годы, сухопутная граница проходит рядом с Петербургом не только на севере, но и на западе. И если для того, чтобы пересечь границу с Финляндией, нужно, в зависимости от пункта перехода, проехать 170–190 километров, то до границы с Эстонией — всего 150. Скоростной поезд «Аллегро» домчит вас до российско-финляндской границы чуть более чем за час. Поездки в Финляндию и, в меньшей степени, в Эстонию, стали повседневностью для сотен тысяч петербуржцев. В 2011 году генеральное консульство Финляндии в Петербурге выдало около 1 млн виз! Даже учитывая, что консульство обслуживает и другие регионы Северо-Запада России, можно смело утверждать, что каждый пятый петербуржец в 2011–2012 году планировал хотя бы раз посетить Финляндию. Ведь шенгенские визы выдают в Петербурге консульства и других европейских государств (на конец сентября 2011 года, например, консульство Эстонии получило 31,5 тысячи заявлений¹). Нет сомнений, что петербуржцы посещают Финляндию чаще, чем какой-либо из регионов России, за исключением Ленинградской области. Получается, что и свою северную соседку они знают лучше собственной страны. И речь идет о самой динамичной и активной части населения северной столицы России. С близостью Евросоюза связаны поэтому и некоторые особенности современного петербургского менталитета. Они хотя и формируются только в последние два десятилетия, но уже достаточно заметны — по крайней мере, если судить по тем самым 20 % горожан, для которых поездки за границу превратились в часть их повседневной жизни и большинство которых, по-видимому, можно отнести к петербургскому среднему классу.

Анализ суждений и поведения этой части населения города показывает, что у них сформировалась потребность в поездках за пределы России. При этом приграничное положение Петербурга способствует тому, что петербуржцы ездят за границу в процентном отношении к населению города гораздо чаще, чем жители центральных районов страны (в том числе и Москвы). Как и жители других приграничных районов, они, как правило, едут в соседние государства на короткие сроки, но цели их поездок заметно отличаются от тех, что преследуются их соотечественниками. Это краткосрочный отдых или шопинг, а чаще — сочетание того и другого, реже — бизнес-туризм. В этом смысле мотивация петербуржцев мало отличается от мотивации к посещению соседних стран у других европейцев и заметно отличается, например, от мотивов поездок за границу большинства жителей российского приграничья на Дальнем Востоке, где многие по-прежнему живут перепродажей китайских товаров.

Близость границ к северу и западу от города и сравнительная легкость их пересечения влияют на пространственное мышление петербуржцев — они не чувствуют себя жителями места, откуда три дня до ближайшей границы скачи — не доскачешь. При этом нужно понимать, что в сознании большинства россиян граница страны по-прежнему делится на «настоящую» и «не очень». И дело не в том, что они не признают Украину или Казахстан полноценными государствами, а в том, что жизнь в этих постсоветских государствах мало отличается от российской, потому и пребывание в этих странах едва ли серьезно влияет на ценностные установки граждан Российской Федерации. А систематическое пересечение границы с Евросоюзом на ценностные установки петербуржцев, несомненно, влияет. В этом смысле петербуржцы находятся между двумя ценностными полюсами — Европой и Москвой и, очевидно, в значительной степени тяготеют к первому. Москва в некотором смысле замыкает пространство, в котором существует современный петербуржец. Ведь туда активная часть петербургского населения вынуждена ездить тоже очень часто. Для понимания его психологии важно именно то, что он едет в Москву вынужденно, потому что там сосредоточены власть и деньги, а не с удовольствием, как, например, в Финляндию. Так или иначе, но знание о современной России у той части горожан, которая в принципе покидает пределы города и дачные пригороды Петербурга, в основном исчерпывается знакомством с Москвой, нравами и ценностями московской бюрократии и московского бизнеса. Учитывая, что 700 км до Москвы сегодня можно преодолеть за 4 часа на скоростном поезде «Сапсан» и началось, наконец, строительство скоростной автомобильной дороги между двумя российскими столицами, то и здесь перемещаться приходится в сопоставимых с европейскими масштабах.

Когда-то С. Довлатов назвал Ленинград «весьма язвительным господином». Писатель считал, что «это наименее советский город России»². Сегодня у Петербурга двойственная роль. С одной стороны, политическая элита страны в той или иной степени связана с ним. С другой, современный Петербург — «язвительный господин» еще в большей степени, чем Ленинград. Пограничный характер города, возможность достаточно свободно, даже при наличии небольших средств, посетить страны Евросоюза, активное (хотя пока, к сожалению, на порядок меньшее, чем в Москве) участие иностранцев из западных стран в жизни Петербурга делают типичного петербуржца весьма критичным по отношению к происходящему в России. Чего ему, очевидно, не хватает (и это все еще не изжитое наследие прошлого), так это желания и стремления изменить ее к лучшему. Хочется верить, что и здесь не все безнадежно. Ведь исторический опыт города свидетельствует: можно быть европейцем и деятельным российским патриотом одновременно.

¹ URL: <http://www.peterburg.estemb.ru/novosti/aid-1904>

² Довлатов С. Д. Собрание прозы : в 3 т. СПб. : Лимбус Пресс, 1995. Т. 2. С. 94.

А. В. Успенская¹

ИСТОРИЯ СТАРЕЙШЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛОГА ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУР

Одним из наиболее значительных результатов реформ Петра I, резко развернувшего Россию в сторону Запада, явилось формирование системы школьного образования, ориентированного на европейские образцы. В Европе, и прежде всего в Германии, служившей главным ориентиром для российской школы, гимназия являлась уникальным примером соединения различных культурных тенденций: античной системы гуманитарного образования, основанной на изучении греческих и латинских писателей, средневековых схоластических традиций тривиума и квадриума, тенденций эпохи Возрождения с интересом к родной словесности и естественным наукам и рационалистических веяний эпохи Просвещения. Таким образом, на российскую почву пересаживалось явление, само по себе представляющее собой результат широкого диалога культур, и российская гимназия явилась полем культурного взаимодействия (а порой и столкновения) традиций Средневековья, Возрождения и Просвещения, базировавшихся на фундаменте античной цивилизации.

Третья петербургская гимназия имеет долгую и примечательную историю. На протяжении трех четвертей XIX века она считалась образцовым классическим столичным учебным заведением, а потому небезынтересно проследить, как в ее истории отразились судьбы классического образования и в целом культурный диалог России и Запада, с одной стороны, и России и античного мира — с другой.

Эта гимназия ведет свое происхождение от Академической гимназии, основанной в Петербурге в 1726 году. В 1758–1765 годах ею руководил М. В. Ломоносов, который сам написал для нее устав.

С наступлением Александровской эпохи, в 1805 году, Академическая гимназия была преобразована в четырехлетнюю Петербургскую губернскую гимназию. Программа была энциклопедической, изучались философия, эстетика, экономика; латынь входила в число обязательных предметов.

В 1811 году по проекту попечителя Петербургского учебного округа С. С. Уварова, будущего министра народного просвещения, гимназия была преобразована в классическую, первую в России. В учебный план был введен греческий язык, но исключены философия, политическая экономия, коммерческие науки, эстетика. В 1818–1822 годах эта гимназия выпускала лучших воспитанников с аттестатом, приравненным к университетскому. Наконец, с 26 января 1823 года она обрела постоянное место — здание бывшего Пантелеймоновского училища (Гагаринская улица, д. 23). Об этом свидетельствует надпись «1823», украшающая фронтон здания. Номер «3» она получила еще позже,

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др.

в 1832 году, когда петербургским гимназиям решили присвоить номера.

Став министром народного просвещения, С. С. Уваров (1834–1849) продолжил реформу гимназий и резко усилил «классическую» сторону образования. В Третьей гимназии главными предметами стали латинский и греческий языки. По воспоминаниям гимназистов этого времени, в грамматические тонкости учителя не вникали, но сурово заставляли учить лексику. Сам Уваров прекрасно знал и любил древнюю литературу, и главной задачей курсов по латыни и греческому было чтение текстов. Характерно, что в ту эпоху гимназисты не относились к античности как к чему-то официозному, казенному. Либерально мыслящий юноша находил в античности близкое для себя, особенно у писателей республиканского Рима.

Революционные события 1848 года во Франции испугали российское правительство и отразились на порядках наших учебных заведений: из университетского преподавания была исключена философия, была разрушена уваровская система классического образования — в гимназиях начали резко сокращать преподавание древних языков и тем более античной литературы, считалось, что они способствуют вольномыслию. В этот период в Петербурге только Третья гимназия оставалась классической, с преподаванием и латыни и греческого, хотя часы были сокращены и здесь.

В эпоху реформ Александра II, в 1864 году, был принят новый устав средних учебных заведений, утверждены новые учебные программы. Гимназии были разделены на классические и реальные. В классических гимназиях латынь и греческий снова стали обязательными предметами. В 1864 году, как нам кажется, программа по древним языкам была продуманной и сбалансированной, сформирована в результате широкой общественной дискуссии, в ней были уравновешены, гармонизированы различные общественные устремления.

Однако российское общество радикализировалось, и ожесточенные споры продолжались. Сторонникам «реального» образования казалось, что занятия древними языками — лишь способ деградации молодежи, отвлечения ее от проблем современности.

Другая часть образованного общества считала необходимым именно в этот момент широко изучать античные языки и литературу. Эту точку зрения обосновал известный поэт, один из крупнейших переводчиков с латыни А. Фет. В эссе «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» он ставит вопрос о классическом образовании как способе создания новой, внесловной, умственной и нравственной аристократии.

Но, как это часто бывает в России, прекрасные идеи в процессе воплощения испытали серьезное искажение. 19 июня 1871 года министром народного просвещения Д. А. Толстым была утверждена новая

программа классических гимназий. Латынь начиналась с первого класса, греческий язык — с третьего, причем языки преподавались каждый день (для сравнения — Закон Божий в последнем классе — 1 урок, русский язык — 2 урока в неделю). Но дело было даже не в увеличении количества часов по древним языкам, а в изменении методики преподавания: вместо чтения античных классиков вводилось бесконечное изучение грамматических форм.

Третью гимназию окончили Д. И. Писарев, Л. Модзалевский, зоолог Карл К. Сент-Илер, педагог В. Эвальд, профессор права Петр Калмыков, Петр Струве, Иван и Дмитрий Толстые, крупный политический деятель партии кадетов В. Д. Набоков, один из крупнейших писателей Серебряного века Д. С. Мережковский, детский писатель, переводчик С. Я. Маршак.

Многие выпускники оставили интересные воспоминания, которые в основном собраны в книге «За сто лет: Петербургская (бывшая) третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа» (Пг., 1923). Наиболее подробные воспоминания относятся к эпохе 1870–1880 годов. Так, Владимир Набоков-старший получил еще до гимназии отличную подготовку по древним языкам и не испытывал трудностей в учебе, окончил гимназию с золотой медалью, но отмечал общую неблагоприятную атмосферу в гимназии: низкий уровень преподавания, страх учеников, издевательства некоторых учителей.

Возможно, наиболее подробные, эмоциональные и художественно значимые воспоминания о гимназии оставил Д. С. Мережковский. Это «Автобиографическая записка», а также поэмы «Вера» и «Старинные октавы». Его гимназические годы пришлись на конец 1870-х — начало 1880-х, это был самый разгар школьного классицизма. В поэме «Старинные октавы» Мережковский с грустью вспоминал, как их учили древним языкам — начетнически, подменяя живое общение с великими классиками унылым изучением грамматических форм:

«О юность бедная моя, как мало / Ты вольных игр и счастья мне дала: / Классической премудрости начало, / Словарь латинский, холод, скука, мгла...»

Если сопоставить воспоминания Набокова-старшего и Мережковского, можно прийти к интересному выводу: поэма «Старинные октавы» и гимназические воспоминания отца, возможно, отразились в романе Владимира Набокова «Приглашение на казнь» — это описание детства Цинцинната, томившегося в школе, «в канареечно-желтом, большом, холодном доме, где живых, бойких детей готовили к благополучному небытию взрослых истуканов».

История Третьей петербургской гимназии отражает общую картину не только классического гимназического образования в России, которое на протяжении XIX века несколько раз претерпевало резкие изменения, но и в целом — диалога России и Запада. Российские гимназии — одна из форм реализации идей Петра I, стремившегося быстро, даже насильственно, привить России европейский облик. Его преемники стремились пересадить на российскую почву европейскую систему образования, порой не считаясь с тем, есть ли у страны достаточная база, ресурсы, возможности для такого рода ускоренной вестернизации. Первая эпоха (1805–1828) отражает прекраснотворческие и либеральные мечты Александра I, когда гимназическое образование попытались сделать фундаментальным, энциклопедическим, приближенным к университетскому и при этом внесловным — в духе идей Просвещения. Однако обилие разнообразных курсов и недостаток учителей породили его поверхностность. В николаевское царствование в гимназии воцарилась жесткая, казарменная система, сопровождавшаяся введением строгого сословного принципа. При этом уваровская реформа позволила серьезно изучать древние языки и античных авторов, более того, она в рамках жесткой идеологической системы прививала гимназистам широту взгляда и даже некое вольномыслие. Следующий период — последние годы царствования Николая (1849) — падение «уваровского классицизма», резкое ослабление преподавания древних языков, попытка отказа от широкого гуманитарного образования (примечательно, что в России с ужесточением политического режима не раз происходило резкое уменьшение объема и качества преподавания гуманитарных дисциплин). Наконец, в 1860–1880-е годы наступила эпоха расцвета школьного классицизма, который вводился с самыми лучшими намерениями, но сочетал усиленные занятия античными языками со схоластическим, почти средневековым способом их изучения. Однако важно отметить, что именно эпоха «школьного классицизма» способствовала расцвету русского Серебряного века, дала России плеяду поэтов и писателей, чье творчество насыщено античностью: И. Анненский, Вяч. Иванов, Н. Гумилев, А. Ахматова, О. Мандельштам и др. В частности, прошедшие суровую классическую школу Д. С. Мережковский и В. Я. Брюсов оставили серьезный след в истории переводов античных классиков: Брюсов перевел «Энеиду» Вергилия, Мережковский перевел 6 трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. Таким образом, история Третьей классической гимназии демонстрирует не только сложность, но и перспективность диалога античной и русской культур в сфере гуманитарного образования.

В. Е. Чуров¹

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ГОРОДА, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО

Люблю фотографировать старые кварталы в тех городах, в которых доводится бывать по службе. С конца XX века все больше городов исчезает, и фотографирование старых зданий — это всего лишь безнадежная попытка сохранить в памяти то, что невозможно сохранить в натуре. Очень быстро исчезают Петербург, последние остатки моей Москвы, Одесса, Лондон, Париж, старая французская Касабланка, на улицах которой великолепные образцы архитектуры 1910–1940-х годов фотографируют только русские. Об этом нам с женой сообщили интеллигентные женщины на пороге одного из великолепных обветшавших зданий в стиле модерн.

Кажется, несколько лет назад пообещали разрешить снести 42 тыс. домов в исторической части Петербурга. Один из прежних мэров Одессы обосновал новую застройку города тем, что якобы весь песчаник, использовавшийся при строительстве Одессы, за сто лет утратил свои прочностные качества.

Вместе с городами исчезает их высокая культура. При всем моем восхищении великолепной акустикой и удобством нового здания Мариинского театра в нем нет и уже не будет петербургской/ленинградской культуры. Ровно так же как в Опера Бастилии, в отличие от старой «Гранд-опера», нет парижской культуры и уже никогда не будет.

Зависит ли сохранение города от людей, живущих в нем? Практически нет. В сосуществовании города и его обитателей город всегда был главным. В Ленинграде/Петербурге в XX веке население полностью обновилось три раза: после Гражданской войны, ссылок 1920–1930-х годов и блокады. Однако каждая новая волна переселений попадала под влияние великого города, и эти люди становились ленинградцами-петербуржцами. Так же как население Одессы в XX веке несколько раз полностью заменялось, и каждый приезжавший человек, новый житель Одессы, проникался духом этого города. Сейчас этот процесс прекратился.

Вместе с городом исчезает часть истории. Фасад здания можно восстановить в прежнем виде, но внутри уже нет лестниц, по которым ходили наши предки: известные, не очень известные и совсем неизвестные. Нет перил, которых касалась их рука, нет дверей, которые они открывали, нет половиц, по которым они ступали, нет печей и каминов, у которых они грелись.

Особенно печальна в исчезающих городах судьба их исторических центров. В мире существуют две мо-

¹ Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, профессор СПбГУП. Автор свыше 60 научных публикаций, в т. ч.: «Голосует вся Россия: о правовых и организационных особенностях грядущих выборов», «Избирательное законодательство и выборы в современном мире», «Демократия и культура: проблемы взаимовлияния избирательных систем и национальных культур» и др.; свыше 150 очерков, нескольких научно-художественных произведений и рассказов: «Тайна четырех генералов», «Путешествие с гвардии генерал-майором артиллерии Владимиром Иосифовичем Брежневым от Будапешта до Вены», «Корзина со старыми театральными программками», «Рассказы Джона Сильвера», «Рассказы старого дворника» и др. Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Александра Невского.

дели деградации. Первая — когда помещения для канцелярской работы, магазины, рестораны, банки вытесняют из центра города живших там людей и центр превращается в нечто подобное лондонскому Сити, совершенно нечеловеческому месту. Вторая модель деградации, которую я воочию наблюдал в Лиме и Касабланке, — когда состоятельные люди переселяются на окраины в комфортабельные новые дома и виллы, а в центре города остаются или поселяются те, у кого нет средств на содержание и поддержание в порядке исторических зданий. И дома стоят (если только их не реставрируют на средства ЮНЕСКО, или короля, или Общества охраны памятников) с выбитыми окнами, осыпающимся фасадом, облепленным проводами разного типа...

С исчезновением городов исчезает наша память. Я всегда считал и считаю, что история любого государства, любого города складывается из историй семей, живших в этой стране, в этом городе. Для меня важно постоять перед домом, в котором жили мои предки. Это, наверное, для всех важно. Дом, где жили мои дед и бабушка в Москве на Смоленской набережной, пока стоит, но он превратился в обиталище богатых новых русских и иностранок. И теперь во двор, где я играл в детстве, не пройти, потому что его огородили решетками с цифровыми замками. Стоит и дом на Мичуринской в Петербурге/Ленинграде, около «Авроры», где я жил в детстве до 1959 года. Но дом на Песках, где жил мой двоюродный дед, Павел Андреевич Чуров, чиновник Министерства уделов, попал в зону сноса, хотя мог бы простоять не одну сотню лет.

Исчезновение городов обуславливает снижение интереса к чтению литературных произведений прошлых лет. Хорошая книга всегда содержит описание места действия. При этом неважно, это Достоевский или Лео Мале с его циклом детективных романов о парижских арондисманах. Читать эти книги сейчас очень сложно, потому что Париж времен Лео Мале исчезает, Петербург времен Достоевского исчезает, даже и роман «Дети Арбата» читать сложнее, когда в заповедной зоне Москвы снесено столько домов.

Города — это основа основ мировой культуры. Исчезновение городов в том смысле, который я вкладываю в этот термин, означает быструю и очевидную деградацию мировой культуры. Недавно, комментируя появление нелепого «списка Магнитского», я сказал, что составление проскрипционных списков всегда было уделом негодяев типа Нерона, Гитлера или Ежова. Но есть цели, ради которых стоило бы объединить усилия всех разумных людей в мире. Таких целей я могу назвать три. Во-первых, борьба с международным терроризмом, чтобы мы могли вернуться к прежней спокойной и комфортной жизни без унизительных досмотров в аэропортах и т. д. Во-вторых, борьба с экономическим кризисом за сохранение того уровня достатка, который необходим культурному человеку для покупки билетов в театр, книг, общения

с друзьями, путешествий. В-третьих, необходимо объединиться в борьбе с волной бескультурья, которая уже достигла размеров цунами и обрушивается на остатки старой цивилизации, сплотиться в борьбе за сохранение классического языка, литературы,

театра, музыки, всего того, к чему привыкли культурные люди.

Может быть, с этими тремя проблемами человеческая цивилизация и справится, но боюсь, что я до этой счастливой поры уже не доживу.

О. Ю. Юхнина¹

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА ПЕТЕРБУРГА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА

На протяжении многих тысячелетий существует диалог культур как естественное свойство развития цивилизации. Однако в наши дни в условиях протекающих процессов глобализации экономики и духовной жизни он приобретает особое значение. В современной мировой ситуации диалог культур, предполагающий не замкнутость, а взаимную открытость, видится единственно плодотворным.

М. М. Бахтин в разработанной им диалогической концепции культуры предложил оригинальное видение проблемы культурных контактов, говоря о важном значении взаимодействия культур в рамках одной эпохи и отдаленных друг от друга во времени культур. Он считал, что, глядя на себя глазами другой культуры, преодолевая тем самым свою односторонность и ограниченность, культура приближается к пониманию себя самой.

Этот диалог — взаимопроникновение и взаимовлияние культурных традиций, своеобразный источник их взаимообогащения и развития. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, другим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются»².

Можно с уверенностью сказать, что процесс взаимодействия и взаимопроникновения культур в России происходил именно в Санкт-Петербурге. С самых первых лет своего существования Петербург становится символом нового этапа развития русской культуры, который ознаменовался кардинальными изменениями во всех ее сферах. Петербург не просто превращал Россию в морскую державу, именно здесь создавалось особое пространство для возникновения диалога русской традиционной культуры с достижениями соседних государств в области наук, искусств, ремесел. Уникальность Санкт-Петербурга заключается также в том, что формирование культурного пространства свидетель-

ствует о сознательной установке на диалог между народами, отличительной чертой которой стала открытость Другому, желание понять его.

В период своего становления Санкт-Петербург формируется не только как главный культурный центр, он воплощает весь дух петровских преобразований, которые связаны прежде всего с процессами европеизации, и наглядно показывает, что русская культура является частью культуры европейской. На протяжении XVIII–XIX веков складывался особый стиль жизни Петербурга, наложивший отпечаток на все формы духовной и художественной культуры. Петербург не только стал «перекрестком культур» — здесь сложилась особая, неповторимая полифоническая культура.

Санкт-Петербург сегодня занимает особое место среди мировых мегаполисов как уникальный по масштабу памятник, сохранивший в основных чертах грандиозный исторический центр и ожерелье пригородных ансамблей.

Большинство мировых столиц формировалось постепенно, в течение столетий, видоизменяя свою структуру. Санкт-Петербург создавался с широчайшим размахом, динамично осваивая огромное пространство природного ландшафта. Это уникальный градостроительный эксперимент, в основе которого лежал синтез общеевропейских культурных традиций, новых для России стилей, типов зданий, планировочных решений, где органично сочетались новые архитектурные принципы с природными условиями, особенностями дельты Невы. При этом Санкт-Петербург — «Второй Амстердам, Северная Венеция, Новый Рим и Версаль» обрел черты неповторимого своеобразия.

Уникальность Петербурга — это не только шедевры архитектуры, но и целостная архитектурно-пространственная среда, которая не была изменена и в советский период строительства города, когда историческое ядро Петербурга не было нарушено.

Благодаря высокой степени сохранности и подлинности исторических территорий центр Санкт-Петербурга вместе с группами памятников пригородов включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Многие города по праву названы музеями под открытым небом, но ни один из них не может быть законсервирован. Санкт-Петербург также не может застыть в однажды обозначенных архитектурных формах: в современном мегаполисе должны появляться новые музеи, административно-культурные и бизнес-центры, современные жилые комплексы. Реализацию подобных проектов современной архитектуры мы

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по научной работе, кандидат искусствоведения, доцент. Автор более 30 научных публикаций в изданиях, посвященных русскому искусству XIX–XX вв., в т. ч.: «Стиль модерн как художественное явление в культуре XX века», ряда статей об отечественной культуре XX в.: «Современная архитектура в историческом пространстве Петербурга», «Новая жизнь промышленных зданий. Лофт-проекты Петербурга» и т. д.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 354.

наблюдаем сегодня в пространстве города. Но при этом мы видим подчас хаотическое смешение направлений, тенденций, когда рядом сосуществуют традиции постмодернизма, неомодернизма, хай-тека, нового периода неоклассики.

Безусловно, глобальные процессы, охватившие мир, нивелируют национальные особенности. Мир стал другим. Сегодня информационные технологии изменили и характер труда, и образ жизни. Требования к организации жизненного пространства также становятся иными. Компьютерные программы нового поколения влияют на креативность проектного мышления, расширяют его диапазон. Коммуникативность архитектуры, а именно поиск равновесия между глобальным и локальным, общественным и личным, поиск взаимосвязей между «техно» и «эко» становится сегодня главной темой.

Насколько возможной видится реализация этих идей в пространстве Петербурга, ведь в период становления новых архитектурных тезисов российская архитектура не была причастна к школе классического модернизма, западного постмодернизма, деконструктивизма?

Говоря о диалоге, необходимо задуматься, насколько глубоко новые архитектурные идеи восприняты сознанием, обладают ли самостоятельной внутренней мотивацией творческого процесса, сохраняет ли архитектура чувство реальности. Совершенно очевидно, что пока невозможно анализировать российское архитектурное сознание в целом, ориентируясь на западную модель. Запад давно живет как информационное общество, осмыслив плюсы и минусы этого явления, как общество массового потребления, поэтому различия социально-культурного фона западного и российского пространств иные. Пути развития современной российской архитектуры не имеют прямого сходства с западной архитектурной мыслью.

Важнейший вопрос в начале XXI столетия в профессиональной рефлексии российского архитектора можно сформулировать так: насколько возможно сегодня на переломном этапе появление своей архитектуры, не подражательной, не вторичной архитектурной культуры, а именно своей?

Может ли сегодня современная российская архитектура обрести собственное лицо, не пугаясь «периферийности», занять свою позицию, чтобы участвовать в диалоге с «всемирной цивилизацией», тем самым противостоять нивелирующему процессу глобализации? Сегодня пришло осознание того, что диалог возможен лишь на основе взаимопонимания, но вместе с тем лишь на основе индивидуального в каждой культуре.

Сегодня на примере Петербурга мы видим, как осваивается европейский архитектурный опыт, как современная архитектура пытается вписаться в историческое пространство города. Можно привести только

один пример, но он будет весьма показательным. Тем более что сегодня мы стали свидетелями завершения проекта, длившегося 10 лет.

В 2002 году был объявлен международный конкурс на реконструкцию Мариинского театра в Санкт-Петербурге. Это были революционные события в российской архитектурной жизни¹, да и сама задача была грандиозной — создание новой сцены театра в историческом центре города, в сложившемся архитектурном пространстве — и потребовала от участников конкурса не менее сложных решений, произведение должно быть ориентировано на современные концепции архитектурной формы и одновременно на контекст.

В конкурсе участвовали 5 иностранных и 5 российских архитектурных бюро, среди которых были определены лучшие проекты: француз Доминика Перро, американца Эрика Оуэна Мосса, проект Андрея Бокова и Олега Романова. Для российских архитекторов, участвовавших в международном конкурсе, это была проверка современного чувства формы. По итогам международного конкурса выиграл французский архитектор Доминик Перро, предложивший футуристический проект с гигантским куполом, потом за проект бралось НПО «Геореконструкция фундаментпроект», в итоге была выбрана канадская компания “Diamond Schmitt Architects”, которая строила оперные здания в Торонто и Онтарио.

Строительство второй сцены Мариинского театра в Санкт-Петербурге почти закончено. В январе 2013 года с фасадов сняли леса, в настоящее время в театре завершаются отделочные работы. Новая сцена Мариинского театра открыла свои двери для зрителей в мае 2013 года.

В историческом центре Санкт-Петербурга появилось здание в стиле хай-тек. Может ли подобная архитектура вписаться в окружающий контекст Санкт-Петербурга? Трудно поверить, что подобный проект возвышается на плоском ландшафте центра Петербурга, направленного целиком и полностью на идею сохранения наследия, продолжения классицистической традиции, а также контекстуального подхода во всем, что касается вмешательства в городскую среду.

По выражению М. Бахтина, культура может существовать только на границах: между днем сегодняшним и прошлым, между различными формами культурной деятельности, между произведениями различных авторов.

Диалог как принцип культурного развития позволяет не только органично заимствовать лучшее из мирового наследия, но и вынуждает человека подать «свой» голос, совершить личностное переосмысление «чужой» культуры. Только внутреннее переосмысление культурных ценностей, только активный диалог с культурными фигурами делает человека культурным, приобщенным к большому космосу культуры.

¹ Практика проведения подобных международных конкурсов необычна для отечественной архитектуры. Подобных международных соревнований, проведенных с целью последующего строительства, зафиксировано только два: проект Дворца Советов на месте снесенного храма Христа Спасителя (Москва, 1934 г.) и проект мэрии в составе делового центра «Москва-сити» (2002) Победу и в первом и во втором проектах одержали наши соотечественники Борис Иофан и Михаил Хазанов.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

В. Ю. БОГАТЫРЕВ	доцент кафедры вокала и музыкального воспитания Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, доктор искусствоведения
А. М. БУРОВСКИЙ	ведущий эксперт ОАО «Геолэкспертиза», заместитель директора Института политической экологии, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ	доцент кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, руководитель брендингового агентства Pro.Name, кандидат культурологии
С. Н. ИКОННИКОВА	профессор СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
С. В. ЛАГУТИН	старший преподаватель кафедры философии и культурологии СПбГУП
С. С. ЛЕБЕДЕВА	профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, профессор Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор педагогических наук
Ю. В. ЛОБАНОВА	доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат культурологии
Н. Н. МУТЯ	доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения, член Союза художников России
С. Б. НИКОНОВА	заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП по учебной работе, кандидат философских наук, доцент
С. Б. СМIRНОВ	доктор культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
В. Е. ЧУРОВ	председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП

С. Н. ИКОННИКОВА: — Я приветствую участников нашей секции, и мне приятно, что среди нас много молодежи. Позвольте предоставить слово ректору СПбГУП, члену-корреспонденту РАН Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, от имени Оргкомитета Лихачевских чтений хочу поблагодарить вас всех за участие в работе данной секции. Секция «Петербург в диалоге с мировой культурой» впервые проходит в рамках Лихачевских чтений и формат ее еще не сложился. Оргкомитету Чтений хотелось бы, чтобы искусствоведы, специалисты по архитектуре, живописи, выставочной деятельности сделали бы над собой усилие и вышли за рамки своей узкопрофессиональной деятельности, попробовали бы посмотреть на какие-то вещи шире.

Не замыкаться на анализе градостроительных планов, выставок, музеев и тому подобного, а задуматься над тем, что происходит с культурой в целом, потому

что Петербург — это не просто мегаполис, а модель, где на протяжении более чем трехсот лет сосуществуют разные культуры. И что происходит, когда они встречаются? Как формируется совершенно неповторимый облик этого города? Как он сейчас стирается, уничтожается? Какое влияние наш город оказывает на развитие мировой культуры? Мне думается, что нам нельзя оставаться в рамках подхода 20–30-летней давности, потому что теоретический аппарат изучения культуры уже ушел далеко вперед.

Наш город со своим символическим образным языком оказывает огромное воздействие на людей, которые в нем живут. Я приехал в Ленинград шестилетним мальчиком и увидел, что здесь совершенно особенные люди. В 1972 году я последний раз видел на улице ленинградцев, настоящих ленинградцев-петербуржцев. Вы знаете, чем они отличаются от сегодняшних? Тем, что они садились в общественный транспорт в порядке очереди, на улице никогда не проходили мимо человека, который заблудился,

на остановках транспорта никогда никто никого не отталкивал, на улицах никогда не звучал мат. Сейчас у 60 % петербуржцев матерщина — это норма речи. Они при детях употребляют мат.

Что стало с этой культурой? Я на протяжении нескольких лет пытался это понять. Интервьюировал крупных специалистов, практиков, беседовал с главным архитектором города О. Харченко. И он мне сказал очень интересную вещь: «Начало 70-х — это время массовой жилищной застройки. Историческая часть Петербурга занимает уже менее трети города». Когда маленькие дети вырастают, например в Купчино в его нынешнем виде, то почему они должны вести себя не так, как, к примеру, в Набережных Челнах? Они ведут себя хуже, чем Набережных Челнах. Потому что в Набережных Челнах их культурные корни, там есть люди, которые их знают и видят, а здесь они себя чувствуют маргиналами, перекасти-полем.

Меняется архитектура и формируется иной тип человека, формируется совершенно иная городская культура. Даниил Александрович Гранин 10 лет тому назад заметил, что петербуржцы перестали улыбаться друг другу, перестали друг к другу по-доброму относиться. Мы всегда гордились культурой этого города, это было что-то особенное, и вдруг растворилось в никуда. Что происходит? Как это совместимо с диалогом культур? С какой культурой вообще мы вступили в диалог?

Думается, что на Лихачевских чтениях мы должны объединить свои усилия для того, чтобы понять, что происходит, что могло бы нам все-таки помочь сохранить хотя бы оставшиеся крупинки петербургского, ленинградского духа. У каждого из нас есть возможность участвовать в огромном числе других конференций — по выставочному делу, музейному делу, в специализированных конференциях по архитектуре, — и мне, как председателю Оргкомитета, очень хотелось бы, чтобы каждый сегодня внес бы свою лепту в понимание того, что происходит в петербургской культуре.

Мы ведем диалог с другими культурами, но мы также ведем диалог и с нашим прошлым, и с великими людьми, которые создавали этот город, развивали его. Двадцать лет назад — 19 мая 1993 года, Дмитрий Сергеевич Лихачев прочитал у нас в Университете потрясающую лекцию. Он дает нам отличный образец междисциплинарного подхода к решению проблемы понимания нашего города. Он показывает, как здесь прорастала русская культура и состоялась премьера древнерусского зодчества, он говорит, что Петербург — самый русский город в России и самый европейский город в Европе.

У него, кстати, есть замечательный сборник работ по культуре, который мы издали в 2006 году к его столетию, мне очень хотелось бы, чтобы наши студенты ознакомились с его работами. Мы должны все вместе не только открывать для себя какие-то новые, более современные пласты видения культурной реальности, но и продвигаться вперед в научном осмыслении.

Я хотел бы, чтобы мы на Чтениях сосредоточились на том, что представляет собой Петербург как

явление культуры. Тогда мы найдем точные ответы. А что здесь неприемлемо, что недопустимо? А ведь еще Д. С. Лихачев говорил о соразмерности человека и окружающей его архитектурной среды. Коммунисты, конечно, преследовали благую цель — обеспечить население дешевым жильем, поэтому началось массовое жилищное строительство, а поплатились мы именно тем, что они вообще-то и не хотели потерять — высоким человеческим духом. Потому что пространства влияют на психику людей, в таких пространствах уже очень трудно родиться новому Лихачеву, новому Бехтереву. Благодарю вас и желаю успехов в вашей работе!

С. Н. ИКОННИКОВА: — Приглашаю к микрофону профессора Сергея Борисовича Смирнова.

С. Б. СМОРНОВ: — Одним из феноменов Петербурга являются определенные черты своеобразия, характерные для горожан, которые воспроизводятся из поколения в поколение, несмотря на катастрофы, постигшие город в XX веке. Так восприятие петербуржцами своего города как самого европейского города России сохранялось всегда. Это в первую очередь связано с его политической ролью, культурегерским предназначением, архитектурным обликом, и немаловажным фактором является тот, о котором я сегодня хотел бы поговорить. Это пограничное местоположение Петербурга.

Во времена империи сухопутная граница находилась от Петербурга в сотнях верст, в 1920–1930-е годы она проходила всего лишь в 30 км от Ленинграда, но на протяжении существования города его пограничный характер определялся в первую очередь его положением «при море», говоря словами Пушкина.

В первые десятилетия советской власти, невзирая на большие территориальные потери в Прибалтике, роль Ленинграда в этом смысле только возросла, потому что он остался единственным портом страны на Балтике. В то же время, говоря о советском периоде, нельзя не отметить, что довольно долго (1940–1980-е гг.) роль Петербурга как портового города была невелика. Советская власть близоруко вкладывала много средств в развитие и строительство новых портов на Балтике, которые после распада Советского Союза были утрачены, что повлекло невосполнимые потери для экономики страны в целом и региона в частности.

Начиная с 1990-х годов петербургский порт, точнее говоря, целый портовый кластер от Усть-Луги до Выборга, развивается очень интенсивно и постепенно превращается в крупнейший не только в России, но и во всем Прибалтийском субрегионе. Конечно, огромное значение имеет и то, что в последние годы начал развиваться и морской пассажирский порт, и сейчас основной поток туристов — это прибывающие на круизных лайнерах. Последние два года количество туристов, прибывающих в Петербург, стабильно превышает 5 млн человек. Всего лишь 10–15 лет назад эта цифра была в 2,5 раза меньше, хотя, конечно, и сейчас Петербург значительно уступает

крупнейшим городам Европы. Барселона, например, принимает свыше 20 млн, но нужно учитывать и очень короткий туристический сезон, характерный для Петербурга. Перспектива здесь в развитии аэропорта «Пулково», который по замыслу его владельцев (главным является компания «Lufthansa»), должен стать крупнейшим транзитным аэропортом Северной Европы, что соответственно будет способствовать развитию туризма в городе.

Говоря о том, что Петербург — окно в Европу, необходимо заметить, что горожане об этом не задумываются. И Финский залив, как правило, с морем у нас не ассоциируется. И когда мы смотрим с берега Васильевского острова на гладь Маркизовой лужи, то воспринимаем это в первую очередь как место, где ловят корюшку, плавают яхты, но вовсе не как дорогу, по которой можно попасть в Западную Европу. Собственно говоря, город и развивался таким образом, как будто при море был только в том смысле, что здесь имелся порт. Петербург до сих пор так и не имеет сформированного морского фасада. Об этом много говорили в советское время, создавались планы, но, кроме строительства отдельных объектов типа гостиницы «Прибалтийская» в 1970-х годах, процесс дальше не пошел.

Сегодня, как и в 1920–1930-е годы, сухопутная граница снова проходит рядом с Петербургом, причем не только на севере, но и на западе. До границы с Финляндией — 170–190 км, с Эстонией — 150 км. Скоростной поезд «Аллегро» преодолевает расстояние до границы с Финляндией чуть больше чем за час. Количество выдаваемых в Петербурге виз странами Шенгенского соглашения и по динамике, и по количеству поражает воображение, финское консульство второй год подряд выдает свыше миллиона виз. Даже консульство маленькой Эстонии в прошлом году выдало 40 тыс. виз.

И совершенно очевидно, что никто из жителей других регионов России не выезжает за пределы нашей страны так часто, как петербуржцы. Кто-то с этим может не согласиться, вспомнив Калининградскую область, Дальневосточный регион, но здесь есть принципиальная разница: на Дальнем Востоке и в Калининградской области выезд наших граждан за границу преимущественно связан с мелким бизнесом, а не с целями, характерными для большинства петербуржцев, — туризм, шопинг, знакомство с культурой наших соседей, что придает своеобразие пограничному движению. И это преимущество, которое отличает жителей города, выезжающих за пределы страны, имеющих возможность собственными глазами увидеть, что происходит за границей, сильно отличает петербуржцев. Второе направление движения — это Москва. И здесь тоже есть принципиальное отличие, потому что в Москву, как правило, петербуржцы ездят не для того, чтобы полюбоваться ее красотами, это, как правило, деловые поездки. И возникает парадокс — Россия известна современным петербуржцам гораздо меньше, чем Финляндия и Москва.

Р. Л. УРИЦКАЯ, доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП: — Если верить статистиче-

ским данным международных туристических агентств, то в мире, во всяком случае в Европе, лидируют туристы из Германии. Немецкие туристы — наиболее часто встречающаяся публика в любой точке планеты. Исходя из Вашей научной концепции, не говорит ли это о кризисе их европейской самоидентификации? Они часто бывают и в Африке, и в Азии, и в России, и где угодно.

С. Б. СМИРНОВ: — Чрезвычайно интересный вопрос. Мне кажется, что Германия в этом отношении наиболее интересна с точки зрения того, что происходит в ней сегодня — как немцам в условиях кризиса удается развиваться. Мне кажется, что нас еще ждут сюрпризы, даже на ближайших выборах, новые правые набирают там силу и, судя по всему, пройдут в бундестаг. Немцы, с одной стороны, действительно устали от того, что они тащат на себе Евросоюз, по крайней мере так они считают. С другой стороны, внутри Германии наблюдаются собственные противоречия, связанные с крайней неравномерностью развития. Не надо забывать, например, что Бавария производит половину всего валового продукта Германии, а бывшая ГДР — по-прежнему хлебник. К тому же наступает крах политики мультикультурализма, признанный даже лидерами страны, в том числе Ангелой Меркель. Все это заставляет немцев задумываться о своем мире. У нынешнего поколения немцев нарастает недовольство: «Прекратите нас топтать за 12 лет фашистской диктатуры. Истории Германии — свыше тысячи лет. Почему мы должны постоянно каяться за эти 12 лет?» — к сожалению, эта тенденция сильна и скорее всего приведет крайних правых в парламент Германии, выборы в который состоятся осенью.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется Светлане Борисовне Никоновой.

С. Б. НИКОНОВА: — Я хочу поговорить о пограничном положении Санкт-Петербурга, но с несколько другой точки зрения: о месте России в контексте столкновения с европейской культурой и о соотношении города Петербурга с тем проектом, согласно которому он был задуман. В своей статье, которая опубликована на сайте, и в своем докладе я отталкивалась от идеи немецкого философа Карла Шмитта, которую он излагает в работе «Земля и Море. Созерцание мировой истории». Он говорит о существовании двух видов цивилизаций: цивилизации морские, цивилизации сухопутные, которые соответственно осваивают землю и море. В данном случае Шмитт отмечает противостояние между Россией как сухопутной цивилизацией и Европой как цивилизацией морской. И он описывает, в чем различие между этими двумя видами цивилизации. По Шмитту, именно освоение морского пространства ведет к установлению глобального господства, и это глобальное распространение, глобальную экспансию мы видим в глобализации, которая в настоящий момент происходит в мире. Шмитт называет эволюцию пространства экспансивностью.

Как ни странно, цивилизация, которая делает ставку на море, как бы стирает границы между культурами. Вроде бы суша предоставляет нам возможность для свободного перемещения, человек все-таки существо сухопутное, тем не менее своим разнообразием ландшафта и рельефа она и разграничивает: возникают ограниченные территории с совершенно разными культурами, традициями, обычаями, а вода везде одна и та же. Выходя на воду, мы как бы выходим в глобальное пространство, которое сразу соединяет. Такие культуры, как греческая, достигли существенной экспансии и свободы мышления именно потому, что выходили в море, за счет налаживания торговых связей, что, собственно говоря, уже можно назвать диалогом. Здесь море напрямую соотносится с главной темой нашей конференции — с диалогом культур. Море как бы дает возможность вступить в диалог, это некое единое пространство коммуникаций. В этом смысле оно подобно языку, то есть разные сознания разделены своей локальностью, а язык создает возможность общения, он совершенно равнодушен к внутренним особенностям и предоставляет единую знаковую систему. Точно так же и море предоставляет единую знаковую систему.

С этой точки зрения хотелось бы посмотреть на место Петербурга в контексте проекта глобальной экспансии. В этой экспансивности, которая выводит Европу к морю, заставляет ее быть морской цивилизацией, и проявляется собственно суть европейской культуры. Порыв субъекта, который представляет собой центр перспективы, некий взгляд на мир, который перед ним открывается, — это как бы универсальное пространство, без ценностных иерархических различий. Петр I строит Петербург для того, чтобы дать России выход к морю. Зачем он понадобился? Шмитт говорит о схватке между Россией и Европой как о схватке между сухопутной цивилизацией и морской, и в этих условиях глобального общения оказывается, что любое общение, даже противостояние, уже есть некая форма диалога и осуществляется по правилам диалога.

По правилам глобального языка, глобального пространства, даже вступая в конфликт, приходится все равно вступать в пространство сообщений. Поэтому Россия нуждается в выходе, чтобы вступить в диалог, стать некой частью единого глобального мира, чтобы получить возможность противостоять его тенденциям. Для этого и строится Петербург, описанный Лотманом в работе «Внутри мыслящих миров» с точки зрения разделения двух видов городов: «город на горе», в центре, который иерархически структурирует вокруг себя обитаемые территории, и «города на краю мира», имеющего пограничное положение и совсем другую мифологию. Это мифология некой угрозы, потому что он все время находится на краю — в устье реки, на береговой полосе, ему угрожает наводнение — то есть это город, который создается неестественно, вопреки природе. Это камень, который воплощает порыв человека к тому, чтобы утвердить себя вопреки невозможности утверждения себя. Именно это Лотман отмечает в Петербурге.

Петербург строится как своеобразное «окно в Европу», и его роль — это проход, окно, прорыв. Петербург создавался по европейскому проекту, но хотелось бы заметить, что европейский город — это укрепление, которое возводится против моря. В этом смысле европейские города возникают как некие пограничные образования, они противостоят морю, посылают торговые экспедиции, но устроены таким образом, чтобы противостоять набегам с моря. А Петербург полностью морю открыт, потому что его главная роль — именно проход. У города нет стен, нет укреплений, нет крепости, он даже по отношению к морю как бы стирает свою определенность, упорядоченность. Вот почему у нас нет «нормального» выхода к морю, нет даже приемлемой набережной, как будто мы прячемся от моря, а может быть, оно нас пугает идеей потопа. Здесь можно вспомнить работу петербургского поэта Скидана, которая называется «О пользе и вреде Петербурга для жизни», где он критически рассуждает о Петербурге, сравнивая его с другими европейскими городами, рассматривая в контексте европейского проекта. Он пишет, что это не Петербург похож на какие-то европейские города. Созданный так, как он создан, в конечном счете он оказывается квинтэссенцией европейского города, и в конце концов совершенно разные европейские города оказываются похожими на Петербург. И в этом смысле Скидан называет Петербург постмодернистским городом. Россия, так и не вписавшись в проект европейского модерна, так и не преодолев различий, фактически сразу оказывается рефлексией по поводу модерна, а рефлексия по поводу модерна как раз и есть постмодерн. Следовательно, Петербург — это не город в прямом смысле, а воплощение новоевропейского экспансивного порыва, порыва субъекта к тому, чтобы распространить себя в открытое пространство. И весь пугающий хаотический характер этой экспансии в структуре Петербурга как некоего городского пространства являет себя, то есть, во-первых, он строится не как город, не как огражденная территория, защищающая себя, а намеренно именно как окно, проход в Европу, окно к морю из сухопутной цивилизации к морской. А с другой стороны одновременно представляет собой рефлексию над тем самым порывом, к которому стремится. Рефлексию над той самой морской цивилизацией, которой Россия хочет стать.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Следующим выступит Юрий Александрович Запесоцкий.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позвольте начать с небольшого отступления. Я на майских праздниках гулял по центру Петербурга и пожалел производителей «мыльниц», любительских фотоаппаратов, потому что все туристы ходили с iPad'ами и с iPhone'ами и фотографировали на них. Я сразу же понял, что «мыльницы» как товарная категория исчерпали себя. Приятно, что туристов было очень много, мне кажется, даже больше, чем в предыдущие годы, то есть поток растет. Однако есть некоторые «но», потому что они видят наш город не только таким, каким мы

хотели бы, чтобы они его видели, но и таким, какой он есть на самом деле.

Моя тема посвящена бренду города, бренду Санкт-Петербурга и, конечно, первое, о чем хотел бы сказать, это то, что я подразумеваю под термином «бренд города». На мой взгляд, это образ города, который создается целенаправленно, который, в свою очередь, устойчив во времени, и характеристики данного образа соответствуют реальным чертам объекта, который данный образ представляет. Если это так, то речь идет действительно о бренде города, а не о симуляторе, не о некоем искусственно созданном имидже, мы знаем, что есть личности, в том числе политические, которые перед камерой представляют один свой облик, а на самом деле являются совершенно другими людьми. То же самое может быть и с городом.

Очень бы не хотелось, чтобы образ нашего города, который транслируется на внешнюю аудиторию, кардинально отличался от того, как мы хотели бы к нему относиться. И здесь встает серьезный вопрос: а действительно ли Петербург является той желанной культурной столицей России, как мы его хотели бы называть, или же имеет право на существование термин «криминальная столица России», который был искусственно приписан нашему городу в 1990-е годы? Вынужден констатировать, что последний имеет право на существование, хотя проблема не только в криминале.

Я хотел бы обратить внимание на то, что сейчас поведение петербуржцев не соответствует поведению жителей культурной столицы, то есть тому месту, где они находятся. К примеру, на дорогах автомобилисты не пропускают «скорую помощь»; огромное число людей, употребляющих алкоголь прямо на улице; в городе очень много мусора, люди умудряются выбрасывать мусор из окон, а также не убирать за собственными собаками; не оказывают помощь тем, кому она нужна. И этот облик видим не только мы, но и гости города. Как это гармонирует с образом культурного человека? В своей диссертации я привожу пример рекламного ролика, где отклеившийся кусок обоев закрывают бутылкой пива — это юмор, шутка, но между тем мы начинаем закрываться газеткой от стоящей перед нами женщины в метрополитене, чтобы не уступать ей место, и не оказываем помощь тем, кому стало плохо с сердцем, думая: «Это пьяный лежит, чего ему помогать», — так и строится наша жизнь в Петербурге. В городе масса автомобилей с «блатными» номерами, но проблема не в том, что их много, а в том, что люди стремятся к тому, чтобы у них были эти «блатные» номера. Но и это только полбеда.

Вы знаете, когда у нас в городе началась мода на автомобильные номера серии «вор», меня это действительно испугало, то есть люди считают модным показать свою принадлежность к категории воров, следовательно, сейчас модно украсть, быть богатым вне зависимости от того, каким образом эти деньги получены, то есть я — вор и это круто, я еду на дорогой машине — вот что самое главное. Я вынужден сказать, что некоторые студенты, в частности даже аспиранты на-

шего Университета, оказавшись в раздевалке спортзала, почему-то переключаются и начинают разговаривать матом. Мне это не совсем понятно. Что, в актовом зале Университета ты являешься аспирантом, а выйдя в раздевалку, становишься другим человеком? Или ты вышел за ограду — и можешь плевать и мусорить? Мы об этом бренде Петербурга говорим, когда упоминаем культурную столицу? В чем проблема этой идентичности?

Естественно, новая российская реальность, нацеленная на деньги, исходит не из Петербурга, а из Москвы, где на данный момент уже устоялся культ денег. Приезжие с низким уровнем культуры. Вы, наверное, хотели бы, чтобы я сказал, что главная проблема — в приезжих с низким уровнем культуры, но проблема, на мой взгляд, совершенно в другом: этот город способен любого человека перевоспитать, сделать более культурным и объяснить, как нужно себя вести. Люди не делают замечания тому, кто ведет себя противоправно или бескультурно, и тем самым стимулируют его негативное поведение.

Проблемой в формировании системы ценностей, на мой взгляд, являются спальные районы. Я однажды услышал мнение, что петербуржцы перестали выезжать из спальных районов: в одном спальном районе спят, в другом спальном районе работают или в том же самом. До Эрмитажа не добираются, а если добираются, то в кабаки поблизости. И это проблема, потому что архитектура очень сильно воздействует на наше мировоззрение, точно так же, как и одежда, которую мы надеваем. Я неоднократно замечал, что студенты на I курсе одеты в широкие штаны или рваную одежду, на III курсе — в пиджак и галстук. Поэтому исторический центр города никто не отмечал, в нем нужно проводить время и водить туда своих детей.

И немаловажный момент, о котором я не слышал в таком контексте, — это общероссийские средства массовой информации и интернет-источники, которые нас окружают и из-за которых стирается та уникальная информация в петербургском стиле, которая могла бы подаваться тем людям, которые привержены данному культурному типу и здесь проживают. То есть мы могли бы читать петербургскую газету, смотреть петербургский телеканал, но, к сожалению, даже тот канал, который называется «петербургским», таковым не является, он вещает на всю Россию, у него приоритеты также являются коммерческими, он вынужден или считает возможным забывать о петербургском стиле. Если мы хотим, чтобы Петербург воспринимался как культурная столица, то его культура должна быть на высоте.

Я вкратце напомню, что для того, чтобы быть культурной столицей и соответствующим брендом, необходимо возвращаться к истокам. Этот город был целенаправленно создан Петром I. Он заставил сбрить бороды, полностью изменил сознание людей, сделал его более европейским, привел сюда европейцев, построил здания, потрясающие по архитектуре, внедрил светское образование, музеи и создал новую жизнь для нашей страны, и некоторые ученые даже

сравнивают появление Петербурга с теми изменениями, которые произошли в ходе Крещения Руси. Город настолько был пропитан тем духом, который в него изначально внедрили, что даже после смены ситуации в стране, названия страны, города, эта сила, наоборот, приумножалась.

Всем известна ленинградская культура, царившая в советские времена. К 1990-м годам она во многом стерлась, и мы имеем то, что имеем. Может ли Петербург отличаться от всего того, что происходит в России? Ведь всегда проще сказать: «Везде так», но я приведу вам, на мой взгляд, важный пример. Мой хороший приятель приехал в Калининград, взял машину в прокат, его остановили местные сотрудники ГИБДД и говорят: «Вы не пристегнуты». — «Виноват, давайте мы как-то решим вопрос на месте». На что ему ответили: «Вопрос на месте будете у себя в России решать». Да, Калининград географически отделен от основной территории Российской Федерации, и дело не только в географии, но и в отношении людей, в их сознании. Мы не должны думать, что Петербург может быть культурной столицей просто потому, что здесь находятся Эрмитаж, Кунсткамера, Санкт-Петербургский государственный университет и другие университеты.

Наш Университет, к примеру, так же, как Петербург, был создан искусственно, вместе с определенной системой ценностей. Мы поставили ограждение и сказали: «Мы не можем гарантировать того, что происходит за забором, но на своей территории постараемся сделать все, что от нас зависит». То же самое можно и нужно делать в пределах города, и я со всей ответственностью заявляю — выносить за его пределы. Петербургская культура должна фонтанировать в каждом из нас, и брызги должны достигать даже главного очага бескультурного пожара — Москвы. Тем более что многие из нас ездят туда работать. Давайте насаждать культуру как внутри города, так и вовне, начиная с самих себя, в таком случае Петербург действительно станет брендом, настоящей культурной столицей, в том числе и для туристов, которые будут без опаски сюда приезжать и считать, что Санкт-Петербург и Россия в целом являются европейской страной.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Пожалуйста, вопросы.

О. БУКИНА, аспирантка факультета искусств СПбГУП: — Я согласна с тем, что культура исходит из каждого из нас, но на сегодняшний день, мне кажется, не стоит забывать о том, что политика государства не настроена на то, чтобы страна становилась более культурной. Мы сегодня говорим о том, что культурной столицей должен быть Петербург, как город может быть культурной столицей сегодня? Я занимаюсь современным искусством: мы пропагандируем современное искусство, вывозим его в Европу, говорим о том, что в Петербурге оно существует, хотя многие люди об этом не подозревают, даже петербуржцы. Как можно говорить о продвижении, когда у нас нет музея современного искусства? Я не говорю о частных инициативах: есть

замечательный музей Аслана Чехоева — «Новый музей», но на государственном уровне эти инициативы не поддерживаются. Мы даже не можем себя критиковать открыто. Это показали несколько экспозиций, которые были закрыты, а потом были закрыты и институции. Я думаю, что каждый должен становиться культурнее, фонтанировать, но политика государства все-таки так или иначе должна быть настроена на это.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо за ваш вопрос и комментарий. Во-первых, в Петербурге достаточно большое количество музеев, но с точки зрения бренда у Петербурга, действительно, есть серьезный недостаток. Это не просто культурная столица, на данный момент Петербург больше тяготеет к городу-музею. Это в том числе выражено в отсутствии современного искусства, и я неоднократно сталкивался с позицией, что Петербург — это город традиционного искусства, где поддерживают традиции и не дают возможности развиваться современному искусству. Поэтому музей современного искусства, на мой взгляд, в Петербурге должен появиться наряду с традиционными. Иначе в качестве современного искусства на мостах будут по-прежнему фаллические символы появляться. Это как раз то, что касается индивидуального уровня. На государственном уровне должна быть поддержка, но в первую очередь надо рассчитывать на себя вне зависимости от того, будут вас поддерживать или нет. Неважно кто — государство и даже ваши близкие.

— *Когда Вы последний раз были в Москве?* (вопрос из зала)

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Около полугода назад, вообще стараюсь туда не ездить. Действительно, у меня сложилось негативное отношение к этому городу.

— *Мой опыт поездок на Запад связан в частности с тем, что, проходя по улицам европейских городов, я обращаю внимание на рекламу турфирм. И за 20 лет ничего не изменилось. Везде наш славный город позиционируется как «Город царей». Может быть, у Вас есть какие-то предложения, чтобы наш бренд реализовывать, и Вы могли бы предложить новые слоганы?* (вопрос из зала)

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — На самом деле болезненная тема, потому что то продвижение России, Петербурга, которое идет на внешнюю аудиторию, не соответствует реальным чертам объектов, и в частности Петербурга. Проводилась очень серьезная рекламная кампания, в которой упор делался на хохлому и медведей, но в Петербурге нет медведей, да и хохломы тоже. Не за этим сюда люди едут. Водка, медведи, хохлома — это стереотипы. И мне на самом деле грустно, что интеллекта и профессионализма хватает лишь на то, чтобы использовать только эти стереотипы. Я, как руководитель брендингового агентства и практик, хочу сказать, что просто взять и предложить какой бы то ни было слоган — некорректно, требуется очень серьезная работа не одной команды и не одного

агентства, а практиков, представителей культуры и прочих институтов, поэтому этим нужно серьезно заниматься и подходить к вопросу немного по-другому. Но конкретный слоган сейчас, конечно, не предложу.

В. Ю. БОГАТЫРЕВ: — Позвольте озвучить следующую ремарку. Мне кажется, что Петербург нуждается сегодня в некоей идее своего развития, существования, и слово «бренд», на мой взгляд, для него несколько мелко, потому что самый дорогой бренд у нас — это «Coca-Cola», он стоит дороже всего, и мы с ним имеем очень мало общего. Что касается современного искусства в Петербурге, проблема здесь совершенно очевидна, потому что мы немногое в нашем городе, в нашей культурной среде можем подвергнуть ревизии. Петербург возник как некая ревизия по отношению к московской культуре. Нам очень сложно, будучи петербуржцами, это отрицать, и это тоже повод к размышлению.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Когда Россер Ривз, весьма известный американский специалист по промашу в середине XX века, взялся за продвижение Эйзенхауэра на президентских выборах, многие были возмущены из-за того, что президента начали рекламировать как тушенку. Это, конечно, было возмутительно. И в массовом представлении бренд — негативный феномен. В своей диссертации я пишу о негативном воздействии брендов на культуру, но, как и у каждого объекта, у брендов есть и мощная креативная сила, которая способна в том числе оказывать и положительное воздействие на культуру. Я не случайно в начале своего выступления пояснил, что в данном случае под брендом города мы подразумеваем устойчивый во времени образ, который соответствует реальным характеристикам объекта. Поэтому, надеюсь, что в дальнейшем мы сможем воспринимать бренд не только как негативный объект, но и как положительный.

Вы упомянули аспект, связанный с противостоянием Петербурга и Москвы. Я не хотел плохо говорить о Москве, просто каждый день средства массовой информации показывают нам нелицеприятные события, и так уж получилось, что Москва является эпицентром этих событий. Уверен, что в Москве живут порядочные люди и сосредоточено большое культурное достояние. Поэтому прошу прощения, если кого-то обидел. Но противостояние Петербурга и Москвы, на мой взгляд, — это ключевой элемент продвижения бренда Петербурга.

С. Н. ИКОННИКОВА: — У Сергея Борисовича прекрасная монография об этом вечном споре. Действительно, так получилось, что они несовместимы.

Р. ЛУКИЧЕВ, аспирант кафедры искусствоведения СПбГУП. — Я третий год занимаюсь бизнесом в сфере туризма, поэтому тема бренда для меня весьма актуальна. Несколько слов по этому поводу. В Санкт-Петербурге есть ряд брендовых объектов: Кунсткамера, Эрмитаж, разводные мосты. Но не кажется ли Вам, что бренд города должен сознательно регулироваться и фор-

мироваться со стороны, например, Комитета по туризму, Комитета по молодежной политике, Комитета по культуре и т. д.? Приведу простой пример: в Санкт-Петербурге есть такой объект, который брендом, к сожалению, не является, — это Мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда. Недавно я сопровождал школьную группу на экскурсию в этот музей. Это самые обычные дети, которые жуют жвачку, сидят в Интернете и по вечерам тайком от родителей пьют пиво. Но вы бы видели глаза этих детей, когда звучала магнитная лента, на которой записаны звуки падающей на город бомбы, и когда экскурсовод объясняла им, что жители блокадного Ленинграда, защищавшие город, в том числе и дети, ничем от нас с вами не отличались, просто их детство, в отличие от вашего, выпало на это время.

В этом музее совершенно потрясающие гиды, и даже у тех детей, которые обычно не слушают экскурсовода, что-то меняется в сознании, глаза светлеют. Это производит колоссальное впечатление. На мой взгляд, именно этот музейный объект должен быть обязательно включен в каждую туристическую программу для каждой школьной группы, которая приезжает в наш город, чтобы дети могли познакомиться с недавним прошлым, которое еще живо. И данный объект, я думаю, необходимо включить в общую картину Санкт-Петербурга в обязательном порядке.

Ю. А. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Полностью поддерживаю Вашу идею и, тем не менее, считаю, что большие дела начинаются с малого. На мой взгляд, пускай лучше школьники будут фотографироваться на фоне Кунсткамеры, чем с пивом на фоне «умершего на время», то есть пьяного товарища. Я надеюсь, что наша с вами активная позиция будет поддержана, мы должны чаще заявлять о том, что нас беспокоит. И к вопросу о государственном регулировании — необходимо сделать так, чтобы не пойти нам навстречу было невозможно.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется профессору Андрею Михайловичу Буровскому.

А. М. БУРОВСКИЙ: — Наш удивительный город — это как бы одновременно две разные сущности, то, что придумано, или то, что мы думаем о нем, и то, что существует в реальности. Я рад, что выступаю после уважаемого коллеги, который долго рассказывал, каким должен быть этот город. Это очень характерно. Петербург построили через 60–80 лет после Петра I, которого совесть не позволяет называть Великим. После этого обожествленного царя-антихриста появился город, не имеющий ничего общего с его первоначальной задумкой. А после того, как он появился, появилась и другая мифология, еще более интересная: город Петра и Павла превратился в город, посвященный самому Петру, названный в честь Петра I.

До сих пор существует множество различных мифологем, каким должен быть Петербург, каким он на самом деле является и кем ты в нем должен быть. Сама идея «Мы должны быть такими, поскольку мы петербуржцы» у меня, петербуржца в шестом поколении, автора книги «Санкт-Петербург как географический

феномен», сразу вызывает протест, причем совершенно естественный. Вспоминается, как огромная тетка из ГОРОНО мне, восьмилетнему пацану, громко орала: «Ты должен быть патриотом своей школы!» С тех пор я много кем должен был быть: комсомольцем, пионером, почитать ветеранов, строить социализм — список можно продолжать бесконечно. Теперь я должен быть высококультурной личностью, поскольку живу под управлением вчерашних бандитов и вчерашних комсомольцев, нахавших много денег, ставших как бы правительством и заявивших, что они петербуржцы.

Это меня восхищает так же, как и то, что тетеньки в бесформенных черных кофтах и платках меня, крещенного при рождении, учат православию. Когда меня крестили (это было в Киеве много лет назад), мои предки уже не рисковали жизнью, но карьерой рисковали вполне определенно. И когда теперь тетенька, которая была пламенной атеисткой до 1991 года, начинает обучать православию, это у меня вызывает некоторый внутренний протест.

Я много лет проработал в археологических экспедициях, и когда обсуждают проблемы или дают команду студентам, делается это очень просто, так же как в армии: там рывкают матом. Два дня назад я приехал из Москвы и могу сказать только одно: там мне неоднократно пытались уступить место в метро, а вот в Петербурге этого не делают. Это я понимаю — город большой культуры. Но, знаете, общая массовая культура в Москве заметно выше. Вообще Москва — это город, вызывающий уважение к своему народу. Приехало множество разных людей из разных регионов страны, с разными бытовыми привычками, но они находят общий язык, вежливы, вместе работают, и в городе возникает своеобразная массовая вежливость поведения. В Петербурге я этого не наблюдаю, к сожалению.

Еще раз подчеркиваю: я имею право критиковать. Мой предок пришел в Петербург из Тверской губернии после реформ Александра Освободителя. И здесь возникает вопрос: о чем же мы сейчас беседуем? О диалоге, который был положен в основу создания и развития Петербурга? Все идеи, положенные в его основу, идеологичны, даже конфронтационны, ведь и правда «город на краю». На краю чего? Европы? Ничего подобного. Хельсинки севернее расположен, да и Осло, и Стокгольм на той же широте. На краю русского мира, даже не русского мира, не новгородского — московского мира, Московской Руси. Но на краю. Город — форпост, город, открытый пространству, город, обращенный к морю. Но опять-таки: для кого обращен к морю, кого так удивляло море? Новгородцев? Они по нему ходили еще в Средневековье. Кого еще, галисийцев? Да они моряки. А вот «москалей» — да, удивляло чрезвычайно. Долгое время в русском языке слово «берег» не распространялось на берег моря, в московском диалекте берег называли голландским словом «кюст». Первые 20 лет существования Петербурга то, что мы сегодня называем берегом Финского залива, называлось иначе, правда, я не выяснил до сих пор, как называли это место русские, подданные шведского короля. Может быть, потому что большинство из них уехало в Швецию, после того как «москалей» завоевали терри-

торию Петербурга. Он ведь не был пустым, здесь были расположены 42 поселения. Почему, интересно, немцы остались, а русские уехали? Крайне любопытный момент, который стоит отразить.

Интересная вещь получается: мы одновременно видим некий город, некую реальность, в то же время получаем огромное количество мифов об этом городе. И человек, реже сталкивающийся с ними, оказывается в странном положении. Моя старшая дочка, сейчас ей 15 лет, впервые приехав в Петербург, очень удивилась: «А почему говорят, что он мрачный? Смотри, папа, какие светлые краски везде. Какой он радостный, веселый, праздничный». Петербург в общественном сознании считается мрачным, тяжелым, давящим городом, депрессивным. Город, который считается городом высокой культуры, является городом обычной средней российской провинциальной культуры. Выстроенный как некий диалог с Западом и зачастую представляющийся рефлексией на западную культуру, западные города, в действительности завершает некий культурный процесс, который мы часто не замечаем. У нас до сих пор присутствует странное представление, что мы одновременно и воюем с Западом, боремся с ним, и одновременно все время рефлекслируем и ставим себя в положение учеников. Когда в белорусском университете проходила презентация моей книги «Русская Атлантида», то там недоумевали: «Вы у себя в Московии до сих пор выясняете, европейцы вы или нет, а мы давно перестали это делать. Почему и кому мы должны доказывать, что мы европейцы, — себе или Западу?»

С. Н. ИКОННИКОВА: — Андрей Михайлович, что Вы понимаете под той семантикой, которая относится к нашему городу?

А. М. БУРОВСКИЙ: — Как я уже сказал, существует вполне реальный Петербург, который можно изучать, что временами пытаются сделать, и выстраивается некая семантическая линия, то есть можно об этом рассуждать. Получается очень интересная вещь: Петербург очень давно, еще в XIX веке, создал то, что Европа хотела бы создать, но создавала позже и хуже. Не только регулярную застройку, но и дома, стоящие вплотную друг к другу, образующие сплошной фасад. В Париже строить так стали только после барона Османа. Правда, реформы Османа были весьма прагматичны: нужно было сделать широкие прямые авеню, чтобы облегчить расстрел из пушек парижан, если, не дай бог, они восстанут. Цель заключалась именно в этом. Но в результате задача была выполнена.

Вспомним Лотмана и его рассуждения о том, как возник особый фасадный город, а ведь Петербург до сих пор город фасадов. Отойдите в сторону от великолепных фасадов центральных улиц — и вы увидите облезлые дворы, которые ничем не лучше, чем в Новгороде или Пскове, даже пострашнее будут, и этот контраст удивляет всякого, кто побывал в Петербурге. Судьба распорядилась так, что я родился и вырос в Сибири, просто приезжал сюда часто, но когда я сюда приезжал, я забывал, что Петербург не только город

высоколобой интеллигенции, но еще и злобных, тупых подъездных баб.

Петербург является уникальным городом, в него ездят отдыхать, в том числе из провинции, из Москвы. Петербург — это город, который многие в Москве считают более русским, чем Москву. Парадокс. У нас сложилось представление, что есть русская Европа — Петербург, и есть архаичная, милая, отсталая Москва, одновременно очень русская, а у москвичей прямо противоположное мнение. По этому поводу можно долго рассуждать.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово — Юлии Владимировне Лобановой.

Ю. В. ЛОБАНОВА: — Каждый город стремится быть своеобразным, не похожим на все остальные города. Если хотите, это конечная цель существования любого города — быть в центре как можно большего культурного пространства, привлекать к себе внимание. Для осуществления этой идеи существует множество способов, в том числе уже упоминавшиеся сегодня бренды. Главным образом выступавшие сегодня докладчики говорили об индивидуальном своеобразии, и индивидуальное своеобразие действительно то, к чему стремится каждый город, и по сути дела то, к чему должен стремиться каждый человек, и параллель между городом и человеком неслучайна, потому что городская среда отличается таким качеством, как антропоцентричность.

Надеюсь, вы согласитесь с тем, что людей роднят некие общие качества. Да, есть нечто, что у каждого человека за душой, и у города тоже есть своя душа или, выражаясь современным языком, системные качества. Разные исследователи по-разному на протяжении истории изучения Петербурга высказывались в этом отношении. Но существуют качества, какие-то характеристики, которые Петербург разделяет с другими городами, как есть три уровня своеобразия. Индивидуальное своеобразие — это лишь один из уровней. Существуют также типическое и видовое своеобразие, как писал Фернан Бродель, замечательный исследователь, работа которого не утратила своей актуальности. Город всегда есть город, он существует в соответствии с теми принципами, законами, которые присущи развитию, функционированию разных городов.

Почему важны типическое и видовое своеобразие? Потому что индивидуальное своеобразие ярче всего познается в сопоставлении городов, относящихся к одному типу. Существует такое понятие — «иерархия городов», разделение труда между городами, можно выделить типы городов севера и юга, запада и востока. Вы знаете, что существуют исторические типы городской культуры? Города Античности отличаются от городов Средневековья, города Средневековья — от городов Нового времени, например Петербург — это ярко выраженный тип новоевропейского города. Безусловно, Петербург является русским городом, который построен русскими людьми и, несомненно, есть черты, которые объединяют города одного государства. Об этом писали разные исследователи, в том числе тот же

Фернан Бродель ссылается на высказывание путешественника, который обратил внимание на то, что очень много общего между городами Китая, Индии и, с некоторыми оговорками, городами Западной Европы.

Типическое своеобразие впервые обнаруживается там, где возникает деление городов на большие и малые, столичные и провинциальные, и по мере углубления дифференциации между городскими культурами возникают более отчетливые формы и типы. До сих пор не утратило своей актуальности деление городов по их функциям — не по тем функциям, которые эти города осуществляют для человека, а по тем, которые города обнаруживают в диалоге с себе подобными. Значение города как университетского, или музейного, или туристического, или портового центра актуально и в наше время, несмотря на то что есть весьма авторитетные исследователи, которые утверждают, что бессмысленно делить города на типы. Но те же самые исследователи, например Вячеслав Леонидович Глазычев, говорят о том, что типическое своеобразие необходимо учитывать в проектах развития современных городов.

Обратите внимание: эпитеты, которые сегодня прозвучали — культурная столица или Северная столица, также фиксируют место города в иерархии городов. Задумайтесь над тем, что существует такой тип города, как культурная столица, очень часто в культуре разных стран культурными столицами оказываются бывшие столицы. Когда город утрачивает статус политической столицы, он довольно часто приобретает название культурной столицы. И опять-таки эти эпитеты (вторая Венеция или Северная Венеция, вторая столица) относят Петербург к определенной группе городов. Наконец, существует и видовое своеобразие. Если задаться вопросом, что же такое город, то трудно найти однозначную формулировку, хотя некоторые исследователи часто отталкиваются именно от типического своеобразия. Очень трудно определить город как феномен, который существует вне конкретного пространства и времени, но город для человека — это прежде всего среда обитания.

Много ли сред обитания существует на нашей планете? Всего лишь три. Это природа, природная среда, это среда «не города» или деревни, это собственно городская среда, и специфика города, любого города как особого вида среды обитания, определяется в противопоставлении с другими средами. Зададимся вопросом: какие качества обнаруживает город, противопоставляя себя природе? О каком периоде развития городской культуры мы бы ни говорили, город всегда будет максимально полным на тот момент олицетворением, воплощением культуры. Это важно для Петербурга, потому что очень часто можно услышать: «Ах, он искусственный, ах, он умышленный», но эту функцию противостояния природному началу и проявления максимальной рукотворности дают нам все города как особый феномен, особая среда обитания. Город также сравнили с природой. Существует устойчивый миф в отношении исключительной упорядоченности Петербурга — города, в котором улицы пересекаются под прямым углом.

В действительности идея порядка выражается не только в планировке, но и в тех законах, нормах, которые существуют в конкретной городской среде. Если говорить о пространстве классической организации, то идея регулярности, принцип регулярной планировки обнаруживаются и в древних городах, и в городах Нового времени, исключение — средневековые города. Если кратко говорить о качествах, которые любой город демонстрирует, то город — это всегда то, что не деревня. В. Л. Глазычев говорил, что городов в России в принципе нет, что российская культура находится на пороге урбанизации, для этого у него есть соответствующая аргументация. Но в рамках той или иной культуры выделяется город, и «не город» или деревня, следовательно, эту пару всегда нужно принимать в расчет.

Какие же качества демонстрирует город, противопоставляя себя деревне? С одной стороны, такое качество, как замкнутость: деревня распахивает вам свои объёмы, город зачастую непримиримо ошетиливается на чужаков и моментально их идентифицирует, иногда исторгает из себя. С другой стороны, город исключительно притягателен по многим причинам — и для самореализации, и для жизни в более комфортных условиях. И последняя оппозиция: деревня святая, а город греховный. Очень часто в европейской литературе город трактуется как очаг греховности, и когда в очередной раз будете читать, что Петербург — город антихриста, проклятый город, Петербургу быть пусту, имейте в виду, что точно такие же проклятия слышны в адрес любого крупного города, вся европейская литература пестрит подобного рода упреками в адрес городской культуры. Почему город воспринимается как очаг греховности? Это отдельная тема для разговора. Но между городами существуют взаимопонимание, диалог, и горизонтальные связи между городскими культурами очень важны, потому что российский город находится в ситуации структурной перестройки. Поэтому чем больше существует горизонтальных связей с другими городами, тем лучше для его развития.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Прошу послушать выступление Сергея Владимировича Лагутина.

С. В. ЛАГУТИН: — Санкт-Петербург — особый город. Я имею некоторого рода профессиональное отношение к его истории, в частности в какой-то момент мое внимание в наибольшей степени сосредоточилось на начальном периоде истории города — XVIII веке. Я заметил одну особенность: мы воспринимаем город на эстетическом уровне, так как наш исторический опыт настолько мал, что мы можем замечать лишь малую толику.

Я очень подробно изучал планы и чертежи города XVIII века, ознакомился и с XIX, и XX веками. Но XVIII век оказался для меня загадкой в большей степени, и я, пользуясь возможностью, решил высказать некоторые соображения. Прежде всего о том, что это было за время, что такое XVII век в Европе и что такое XVII век в России, какая культурная обстановка сложилась в Европе, что такое эпоха Просвещения и насколько она реализовалась именно в России.

В первую очередь я хотел бы упомянуть несколько личностей, которые имеют отношение к этому контексту: это всем известный великий философ Лейбниц, который являлся и дипломатом, лично был знаком с Петром I и даже финансировал проекты, которые предлагал Петру I. В 1669 году встал вопрос, кто унаследует польскую корону, как раз тогда молодой Лейбниц, будучи дипломатом, высказывал соображения, кто же должен взойти на престол. Одной из кандидатур был сын русского царя Алексей Алексеевич. Лейбниц всеми средствами старался этому помешать, так как прекрасно понимал роль России и ее потенциал на тот момент времени. Именно от него мы узнаем, что думали в Европе о России. Впервые о России как о потенциальной угрозе заговорили в связи с Польшей. Второе, о чем говорил Лейбниц относительно России, но уже после знакомства с Петром I, — то, что Россия каким-то образом вдохнет универсальный разум в Европу. Из этого совершенно очевидно следовало, что Лейбница интересовало не своеобразие России, а исключительно возможность вдохнуть новые силы в дело Просвещения, то есть Россия использовалась как плацдарм для практической реализации идей, которые на тот момент времени столкнулись с собственной исторической реальностью и начали пробуксовывать. Это то, что касается взглядов Лейбница: с одной стороны, варвары, с другой — некая потенциальная возможность.

Второй персонаж, которого я рассматривал в своей статье, — Жан-Батист Леблон, известный французский архитектор, который работал в стиле барочного классицизма. Этот стиль оказался очень близок духу русской культуры на тот момент времени.

Я хотел бы обратить внимание на то, как понималось барокко в Европе и насколько оно было воспринято в России. Представление об этом может дать характеристика барокко, данная Ж. Делезом: «Барокко зачастую ограничено пользовалось живописью, располагая ее только в алтарях, — но объясняется это тем, что живопись выходит из своих рамок и реализуется в скульптуре из многоцветного мрамора; скульптура же преодолевает сама себя и реализуется в архитектуре; а архитектура, в свою очередь, воспринимает фасад как рамки, но рамки эти сами отрываются от интерьера и завязывают отношения с окрестностями так, что архитектура реализуется в градостроительстве в целом. Так, находящийся на одном конце цепочки живописец превращается в градостроителя на другом, и мы присутствуем при чудесном развертывании континуума искусств вширь или в протяженности: совмещение рамок, каждая из которых преодолевается набухающей в ней материей. Это экстенсивное единство искусств и образует вселенский театр, в котором есть воздух и земля и даже огонь и вода. Скульптуры — это подлинники его персонажи, а город — декорация, зрители же этой декорации — сами герои картин или скульптур. Искусство в целом становится «Социусом», публичным социальным пространством, населенным барочными танцорами».

Собственно говоря, именно такое представление складывается о тех первых градостроительных проектах и планах в стиле барокко. Я согласен со Светланой

Борисовной, что не Петербург похож на европейские города, а любой европейский город оказывается похож на него.

О. БУКИНА: — Мы сегодня много говорим об истории, о задумках, о том, как планировалась застройка города. А я все-таки хотела бы поговорить о настоящем и будущем архитектурном облике. В настоящее время город застраивается иначе, и исторический центр в том числе. Как Вы можете это прокомментировать и какое будущее его ждет?

С. В. ЛАГУТИН: — Вспомните события, связанные со строительством Охта-центра, который вызвал у специалистов и жителей города ряд нареканий и был отменен. Это наглядный пример, когда роль градостроителя берет на себя человек, не связанный с архитектурой, непонятно чем руководствующийся. Город, несмотря ни на что, продолжает расширяться, и хотя спальные районы имеют мало отношения к искусству, я не вижу в этом никакой трагедии, потому что жизнь есть жизнь со своими запросами.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется Чурову Владимиру Евгеньевичу.

В. Е. ЧУРОВ: — Действительно, среда, особенно в спальных районах, деградирует очень быстро, но проблема в том, что деградирует и среда исторического центра. Я уже говорил, что борьба с небоскребом, который являлся воплощением идеи Петра Великого, — осиновый кол в «грудь» Ниеншанца. Вы же помните высказывания о том, что 42 тыс. домов в пределах исторического центра должны быть снесены, поскольку они ветхие. Бывший одесский мэр довел эту идею до абсурда. Будучи заинтересован в новом строительстве в Одессе, он сказал: «Вся Одесса была построена герцогом Ришелье из непрочного известняка, у меня имеется инженерное заключение, что за сто лет он полностью исчерпал свои прочностные строительные качества. Таким образом, мы должны просто снести все, что есть в старой Одессе, иначе это рухнет нам на головы».

В Касабланке, где недавно мы были с женой, есть французский город — его называют так потому, что он построен французами во времена протектората с 1910 по 1956 год. Это изумительный заповедник архитектуры, многих образцов которой уже не сохранилось на южном побережье Франции. Там присутствуют ранний модерн, ар-нуво, ар-деко, конструктивизм, причем всех видов: ранний, предвоенный, колониальный, конструктивизм с пролетарскими элементами и послевоенный. Все это обветшало, так как в центре живет беднота, богатые переселились в новые особняки на окраины. Соответственно денег на ремонт нет, но это пока еще все подлинное.

Мы с женой фотографировали эти великолепные дома, архитектурные детали, и местные жители сразу определили нашу национальность: они сказали, что никто кроме русских этой архитектурой не интересуется. Вот пример диалога, а поскольку в Касабланку

приезжают в основном русские из Петербурга, можно сделать вывод о ценности отдельных осколков петербургской культуры в отношении французской архитектуры в Касабланке.

Вчера мы с коллегами передавали экспонаты в подшефный Этнографический музей. Журналисты, естественно, задали нам вопрос по поводу абсурдной идеи о передаче части коллекции Эрмитажа. Ну как объяснить культурному человеку, что это такое, не прибегая к ненормативной лексике? Я, как человек, который знаком с историей Эрмитажа, который читал знаменитую трилогию С. Варшавского и Б. Реста о спасении экспонатов Эрмитажа, даже помыслить об этом не могу. Если коллекция все-таки будет передана в Москву, то надо будет потребовать, чтобы Национальная галерея в Вашингтоне вернула все свои экспонаты.

Я хотел бы вас призвать вот к чему: чтобы молодежь спрашивала у старшего поколения, что им почитать, потому что посмотреть уже многого нельзя. Как это ни странно, в советский период Ленинград сохранялся, были, конечно, потери — Греческий портал на месте Октябрьского концертного зала, где была снесена Греческая церковь, да и ансамбль на Сенной площади. Но что это по сравнению с тем, что происходит сегодня? Поэтому пропускайте город через себя. Конечно, это идеализм. Мы живем в условиях развитого капитализма, равно как и лондонцы, парижане, касабланцы и другие, все равно денежный вал снесет и этот город тоже. Фотографируйте, пока еще есть что. Еще раз хочу сказать: печально, что бескультурье наблюдается повсеместно и в первую очередь накрывает исторические города. Нет исторического Лондона, исторического Парижа, даже квартал Маре превратился в заповедник одной сексуальной ориентации, чего раньше не было. Поэтому еще раз повторю любите Петербург, пока он еще не исчез окончательно.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется профессору Лебедевой Светлане Соломоновне.

С. С. ЛЕБЕДЕВА: — Дорогие коллеги! Мы участники Лихачевских чтений, поэтому позвольте мне сказать несколько слов о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве. Во второй половине 1960-х годов на Васильевском острове по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева стали создаваться профильные школы, и одной из них была филологическая школа, директором которой был Ардалион Александрович Мордвинов, фронтовик, человек, побывавший в ГУЛАГе, преданный литературе и друживший с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Они разработали очень интересную программу подготовки юных филологов, которая предусматривала циклы лекций крупных ученых в здании школы № 27. Мне посчастливилось там преподавать. Так я познакомилась с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Хочу рассказать о его работе с учащимися, которых он хотел воспитать. В то время в Пушкинском Доме разбирались рукописи, и он ребят из этих классов определил в качестве сотрудников, которые должны были заниматься этими рукописями. И один из учеников,

Володя Себардин, просматривая какие-то рукописи, нашел письмо Александра Сергеевича Пушкина. Это была случайность, но для ученика 9-го класса это было поистине открытием. Помимо этого, Дмитрий Сергеевич Лихачев считал, что учащиеся филологических классов должны встречаться с крупными учеными. В школу были приглашены Базанов, Макогоненко, ряд других ученых, которые читали лекции. Заразились этим и родители, и уже когда я работала в школе, мы ходили на лекции в университет, за что тоже ратовал Дмитрий Сергеевич. Дмитрий Сергеевич часто выступал перед преподавателями. Нужно было переломить старый подход советской школы. И он активно в этом участвовал, выступая перед преподавателями.

Говоря о деятельности в тот период, нужно сказать, что он способствовал не только созданию филологических школ: были созданы математическая школа, физическая школа, химическая школа, биологическая школа и ряд других. Благодаря его усилиям, а также Никиты Константиновича Толстого и еще ряда ученых удалось поработать и с северными регионами нашей страны, куда они ездили и отбирали наиболее талантливых детей для специнтерната № 45. То есть то, что у нас работал 45-й интернат для талантливых ребят из разных областей, — это тоже заслуга Дмитрия Сергеевича.

Хочется отметить и его деятельность во время перестройки. Дмитрий Сергеевич провел огромную работу для того, чтобы внедрить в современную культуру людей с ограниченными возможностями. По его инициативе и Эрмитаж, и Русский музей, и ряд театров создали программы, в которых участвовали эти дети. То есть, говоря о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве, я хочу сказать о человеческой душе. Это был нравственный, кристальной души человек, который даже в самое сложное время не сидел сложа руки.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Уважаемые коллеги, послушаем выступление Натальи Николаевны Мутья.

Н. Н. МУТЯ: — Художественный Петербург всегда осваивался выставочной деятельностью. Этому способствовали прекрасные выставочные площадки и петербургская художественная школа. И многие выставки, которые проходят в Петербурге, являются активной формой исторического диалога культур, особенно те, которые посвящены историческим деятелям.

Сейчас во многих странах мира возрождается интерес к своему прошлому, и это происходит не только в изобразительном искусстве, но и в кинематографе. Создаются прекрасные телесериалы, которые, кстати, способствуют тому, чтобы люди как можно больше знали о своем прошлом, такие, к примеру, сериалы, как «Тюдоры» или «Великолепный век», которые рассказывают о средневековой Европе и Азии. Наши сериалы об исторических деятелях не дотягивают до такого высокого уровня. Однако, к счастью, в Петербурге есть художественные пространства, где можно увидеть, как решается тот или иной исторический образ.

К сожалению, даже наши известные музеи не всегда могут принимать обширные исторические экспозиции, поэтому очень интересны временные экспозиции —

о них я хотела бы поговорить. К примеру, о выставке «Большая картина», которая проходила в 2004 году в Русском музее, где были представлены произведения из запасников прославленного собрания. Тем самым выставка способствовала «прямому диалогу» современных зрителей и художников прошлого. Здесь были показаны те картины, которые, к сожалению, в советское, да и в постсоветское время были малоизвестны широкой общественности, зрителям.

Выставка вызвала интересную полемику в художественной среде — как вообще понимать определение «большая картина»? Ограничивается ли это понятие только метрическими единицами, или включает в себе и высокую идею, требующую воплощения в монументальной форме? И возможны ли иные трактовки этого термина? Проблема нашла яркое отражение в картине К. Е. Маковского 1885 года «Поцелуйный обряд». Здесь мы видим воспроизведение старинного русского обряда, своеобразную иллюстрацию к роману Толстого «Князь Серебряный» — не крупный подвиг, не трагедию, не переломное событие истории, а бытовое действие времен Ивана Грозного — завершение пира целованием гостей хозяйкой дома.

Заслуживает ли показ обыденного события прошлого, правда не лишённого драматизма, такого большого формата? Для художественной жизни периода расцвета салонных тенденций и позднего академизма такое решение вполне оправданно, потому что для них поиск красоты и уход от насущных вопросов современности был органичен и художники считали, что и их понимание истории заслуживает большого полотна. В постоянной композиции Русского музея можно будет увидеть и другую картину — «Покорение Сибири Ермаком» (1895) В. И. Сурикова. На ней запечатлено событие исторической важности, что интересно — большая картина может быть посвящена и великому и малому событию. Временные выставки позволяют современному зрителю оценить разные подходы к исторической трактовке. Не менее любопытна еще одна выставка Русского музея — «Избранники Клио: герои и злодеи русской истории» (2011 г.). И опять в исторический диалог вступают различные аспекты: «художник и история», «зритель и история», «картина и история», «зритель и картина» и т. д. Многообразие подуровней диалогов спровоцировано тем, что устроители композиции, сохраняя хронологию в показе исторических лидеров России, не придерживаются этого принципа в представлении творчества художников. То есть произведения мастеров изобразительного искусства разных времен объединены одной исторической личностью.

Так, в зале, посвященном Ивану Грозному и его эпохе, можно было одновременно увидеть и картину знаменитого русского художника второй половины XIX века В. Г. Шварца «Иван Грозный у тела убитого им сына в Александровской слободе», и полотно известного советского художника П. П. Соколова-Скала «Взятие Иваном Грозным ливонской крепости Кокенгаузен» (1942). Если на первой картине Иван IV представлен как злодей, убивший своего сына, то здесь мы с вами видим Ивана Грозного в качестве героического

деятеля, который воюет с Немецким орденом, обосновавшимся в Ливонии, и воспринимается он как герой. В принципе это было еще и своеобразной аллюзией, потому что картина была создана в 1942 году. К сожалению, ее очень редко демонстрируют, но благодаря этой выставке мы смогли увидеть эту картину. На выставке были очень интересные параллели: можно было посмотреть не только как художники разных эпох подходят к прочтению образа, но и как художники одного времени смогли этот образ оттенить. В этом плане интересна картина художника-академиста Григория Седова 1875 года, представляющая Ивана Грозного как сладострастного старца, «Царь Иван Грозный любит на Василису Мелентьеву». А художник-демократ И. Е. Репин изображает Ивана Грозного не только как убийцу, но и как жертву своего деяния — «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». Зритель, рассматривая эти работы, обнаруживает в них черты, которые подчеркивали разницу не только в творческих концепциях художников, но и разное понимание истории, и опять-таки зритель находится в своеобразном диалоге — диалог художников-академистов и диалог художников-реалистов. В Петербурге проходят выставки, где можно напрямую пообщаться с художниками. Среди них и Илья Сергеевич Глазунов, выпускник Ленинградского института им. И. Е. Репина, который одним из первых стал обращаться к истории. В 2008 году он участвовал в знаменитом проекте российского телевидения «Имя Россия», а в 2011 году в Манеже прошла юбилейная выставка Глазунова.

А. М. БУРОВСКИЙ: — Почему Вам интересен образ столь страшного, преступного царя?

Н. Н. МУТЯ: — Мне импонирует политика, которую он проводил, — укреплял централизованную власть. В его правление была приращена Сибирь. К сожалению, мы до сих пор живем за счет Сибири. Я не считаю его хорошим или плохим, мне интересно его восприятие с точки зрения и положительного, и отрицательного героя. Я думаю, это тоже своеобразный диалог.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Слово предоставляется Всеволоду Юрьевичу Богатыреву.

В. Ю. БОГАТЫРЕВ: — Мы сегодня много говорили о Санкт-Петербурге. Всем известно, что не стоит город без праведника — таким праведником был Дмитрий Сергеевич Лихачев. Один из основных моментов его проповедывания культуры — он старался не разграничивать культуру на академическую и неакадемическую, призывал воспринимать ее как нечто живое, продолжающееся и сегодня.

В Петербурге это делать всегда затруднительно, ведь Петербург во многом город обратной перспективы, это заметно даже в центре города. С Гороховой улицы видны Адмиралтейство и восстановленный шпиль над швейной фабрикой, теперь это бизнес-центр. Это по большому счету обратная перспектива, золотой шпиль — от него тень. Нечто подобное можно обна-

ружить на любом проспекте, он все время начинается вертикалью, и есть какие-то повторения, то есть свет у нас идет от центра, от того, что как будто когда-то было. Но это совершенно не так: посмотрите на современную архитектуру — это, как правило, зеркальные поверхности, отражающие то, что уже построено. Посмотрите на здание, где располагается вторая сцена Мариинского театра. Когда попадаете в это здание и смотрите в панорамные окна, то видите панораму Петербурга, ту панораму, которая, собственно, это здание уничтожила. Чтобы нам с вами не превратиться в такого монстра, стоящего посреди нашего города, для этого мы с вами сегодня и собрались. Я считаю, что вместо того, чтобы высказывать сожаления по поводу гибнущей культуры, надо просто честно служить своему делу, и тогда у нас появится шанс сохранить то, что нам завещано и оставлено великими предшественниками.

В. Е. ЧУРОВ: — Есть люди, и я отношу себя к их числу, которые умеют путешествовать и в пространстве, и во времени. Для этого не нужна никакая машина времени, для этого нужен просто определенный объем знаний. Я, например, сейчас большую часть своего времени провожу в XIX веке, так как пишу об этом, вы можете ознакомиться с моим творчеством в «Русском пионере». Вы знаете, что в 1813 году в русской армии, совершавшей заграничный поход по освобождению Германии, офицеров и генералов-немцев было больше, чем в прусской, поэтому и дружили домами. Если нет возможности путешествовать в пространстве, постарайтесь научиться путешествовать во времени. Наши соотечественники братья Стругацкие в своих произведениях предвидели будущее. В их творчестве прослеживаются две провидческие линии: одна — каким мог бы быть идеальный мир, а вторая — каким будет мир неидеальный. К примеру, «Хищные вещи века» — это картина нашего современного бытия. Немногие фантасты обладают даром предвидения. Но высший пилотаж — когда удастся совместить путешествие во времени с путешествием в пространстве, когда вы, стоя на каком-либо месте, можете представить себе идущего навстречу человеку 200-, 300-, 400-, 500-летней давности, можете с ним поговорить, увидеть своими глазами события, происходившие там много лет тому назад. Спасибо.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Дорогие коллеги! Признаюсь, у меня были сомнения, что наша дискуссия на столь объемную тему, которая заявлена в названии нашей секции, сможет закончиться в течение отведенного времени. Но все состоялось, и оказалось, что именно это — самое интересное, потому что это судьба города. Надеюсь, что чем больше мы будем думать о нашем городе, чем больше у нас будет идей по поводу его жизни, тем лучше нам удастся включиться в ту «небесную линию», которую защитили М. Б. Пиотровский, А. Н. Сокуров и заслуженный строитель РФ В. Заренков и др. Во всяком случае, судьба города в значительной степени зависит от нас с вами — каким образом мы будем реагировать на различные проекты его совершенствования. Будьте здоровы и до следующих встреч!

Секция 8 ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Лихачевский форум старшеклассников России)

17 мая 2013 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководитель секции:

Н. В. БУРОВ — директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», председатель Общественного совета Санкт-Петербурга, профессор кафедры режиссуры и актерского искусства СПбГУП, народный артист России

Участники:

Е. П. ЕФИМОВА — директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ — ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

А. АЛЕКСАНДРОВА, В. БУГАЙЧУК, Н. ГЕНКУЛОВА, Е. ГУЛЯЙКИНА, В. КУЗНЕЦОВ, А. КУЧИНА, М. РУБЦОВА-КОЗЛОВСКАЯ, А. САДЫКОВА, С. СМЕТКИНА, Е. ТУПИЦЫНА, К. ЦВЕТКОВА — старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово для приветствия участников Лихачевского форума старшеклассников России предоставляется ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Я рад приветствовать школьников и педагогов, находящихся в этом зале, президиум во главе с Николаем Витальевичем Буровым, председателем Общественного совета Санкт-Петербурга, директором государственного музея «Исаакиевский собор».

Я являюсь председателем Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений. Наш Университет старается максимально развивать наследие Д. С. Лихачева, причем не только научное, но и, что не менее важно, нравственное. Дмитрий Лихачев — символ, и не только для нашего Университета, но и во многом для людей моего поколения. Здесь, на этой сцене, в 1993 году он принял мантию Почетного доктора нашего Университета и выступил с замечательной лекцией «Петербург в истории русской культуры». Самое главное — Дмитрий Сергеевич Лихачев является для нас примером служения стране, нравственности и истинным ценностям.

Ваше поколение живет в необычайно трудную эпоху. Конечно, вам известно о предреволюционных и послереволюционных трудностях, о блокаде в годы Великой Отечественной войны. Война, разруха, голод... Но мне кажется, что вашему поколению уготовано более трудное испытание — это испытание неправдой

и ложными ценностями. Современный старшеклассник погружен в противостественную информационную среду (особенно это касается телевидения), которая пытается навязать представления о том, что самое главное в жизни — это деньги.

Даже премьер-министр Д. А. Медведев, которого я уважаю, выступая в Государственной Думе в связи с критикой министра образования, сказал: «Министр не рубль, чтобы всем нравиться». Я стал размышлять. Я никогда не думал о том, что мне должен нравиться рубль, что я должен любить его, доллар, фунт стерлингов или евро. Я всегда полагал, что должен любить Родину, своих родителей, работу, свой город, друзей, любимую женщину, своих детей. Почему мы должны любить рубль? Неужели рубль — это смысл жизни и наша цель — чтобы их было как можно больше? Но это уродливый мир. Да, мы хотим жить хорошо, достойно. Но в жизни есть ценности, неизмеримо более важные, чем деньги, ведь деньги — это всего лишь средство, мерило нашего труда. Мы хотим, чтобы у нас была любимая работа и чтобы она приносила нам удовольствие, мы хотим быть полезными людям и получать достойную зарплату, чтобы не нуждаться, иметь возможность достойно жить: ходить в рестораны, посещать музеи, театры, ездить за рубеж и т. д. В этом нет ничего плохого. Для этого нужны деньги, но это всего лишь средство обмена между людьми продуктами своего труда, это не самоцель.

Юрий Михайлович Лужков, бывший мэр Москвы, проработал на этом посту более 15 лет. Они с женой активно занимались бизнесом, заработали состояние

и теперь прекрасно живут в Австрии. Но счастливы ли они? Есть ли у них самые главные вещи в жизни: Родина, друзья, уважение общества? Они не совершили преступления, просто уехали с деньгами. Боюсь, что счастья у них меньше, чем у человека, получающего скромную зарплату российского учителя, или профессора вуза, или врача, который каждый день лечит детей и нужен людям, востребован, у него совесть чиста. Ценность — жить с чистой совестью, когда ты можешь сказать своему ребенку: «Может быть, у меня не так много денег, но они заработаны честно».

Самое трудное для вас, на мой взгляд, — противостоять соблазну. Я достаточно часто беседую с нашими абитуриентами, вашими сверстниками. На вопрос «Кто ваш герой?» иногда слышу шокирующие ответы: «Ксюша Собчак». Почему не люди, которые защищали Россию, Петербург? Почему не великие ученые, открытиями которых мы гордимся? В конце концов, почему не Алла Пугачева, которая поет хорошие песни? Почему Ксюша Собчак? «У нее есть свое мнение, она его отстаивает». Какие за этим мнением стоят ценности? Чему этот человек посвятил жизнь, что она сделала хорошего, чтобы ее уважать?

При всех замечательных возможностях, которые предоставляет Интернет, надо понимать, что ваше поколение ждет тяжелейшие испытания. В ходе социологических исследований школьников было выявлено, что, по их мнению, успеха в жизни можно достичь благодаря везению или чуду. Сегодня менее 5 % старшеклассников считают, что успех возможен благодаря упорному труду, таланту, который надо развивать.

Если вы хотите в зрелом возрасте жить с осознанием собственного достоинства и чистой совестью, то выбрали замечательный путь — чтение книг Д. С. Лихачева. Мне хочется, чтобы в ходе дискуссии вы рассказали о своих мыслях и чувствах, которые у вас возникают при встрече с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и его работами.

Я хочу пожелать вам удачи, чтобы у вас все сложилось и реализовались ваши смелые мечты. По-моему, путь к воплощению в жизнь амбициозных, серьезных или скромных планов должен быть честным, жизнь нужно прожить красиво, не извлекать себя в грязи. Этот путь вы правильно начинаете с чтения книг Д. С. Лихачева. От Университета, Оргкомитета Лихачевских чтений я хочу пожелать вам больших успехов на этом пути!

Е. П. ЕФИМОВА: — Дорогие друзья! Я тоже рада приветствовать вас в СПбГУП на Лихачевском форуме старшеклассников России. В этом зале собрались лучшие представители учащейся молодежи и педагогической общественности Санкт-Петербурга, Ленинградской, Липецкой, Мурманской, Новосибирской, Пензенской, Самарской, Тверской областей, Республика Карелии, Коми и Татарстана — участники конкурса творческих работ «Идеи Дмитрия Лихачева и современность» и их педагоги-наставники. Этот конкурс проводится с 2006 года и включен в перечень олимпиад и других конкурсных мероприятий Мини-

стерства образования и науки РФ, по итогам которых присуждаются премии в целях поддержки талантливой молодежи, что свидетельствует о высокой оценке данного мероприятия.

Лихачевский форум старшеклассников проводится в целях повышения интереса молодежи к жизни, общественной деятельности и творчеству Дмитрия Сергеевича Лихачева, к отечественной культуре и литературе, развития конкурентных способностей школьников и выявления талантливой молодежи. В жюри входят известные ученые, литературоведы, историки, журналисты, писатели, представители ведущих школ Санкт-Петербурга. Решением жюри участники конкурса и их педагоги-наставники награждаются дипломами.

В 2012/13 учебном году в конкурсе приняли участие 596 школьников, представляющих 52 региона России и Республику Казахстан. По традиции значительная часть работ поступила из малых городов и школ, расположенных в сельской местности. На Лихачевский форум старшеклассников России за счет Университета были приглашены победители и призеры конкурса, которые заняли I, II и III места. Они составляют президиум форума. Победители и призеры получили уникальную возможность донести основные положения своих творческих работ до своих сверстников — участников форума. Наш форум завершится награждением победителей конкурса.

Н. В. БУРОВ: — Я рад приветствовать всех в этом зале. Вчера на пленарном заседании здесь развернулась бурная дискуссия среди академиков, а сегодня работаем мы. Уверен, что если в сердце, уме возникает отклик на то, что слышишь и видишь, значит, время потрачено недаром.

Вы приехали в Петербург в прекрасное время, в преддверии белых ночей. Их воспевали в своих произведениях поэты XIX–XX веков. Белые ночи никого не оставляли равнодушными. Мне тоже хотелось бы, чтобы вы неравнодушно отнеслись к белым ночам и вообще к Петербургу, потому что это особенный город. Он принадлежит не только тем, кто здесь живет, но и всей России, Европе, миру, в этом его особенность. Петербург можно любить или не любить, но никто не остается к нему равнодушным.

Мы живем в постоянно меняющемся мире, который ставит перед нами новые вызовы, на которые мы должны отвечать. Распространено заблуждение, что можно спрятаться от суеты, от всего, что происходит вокруг, и переждать любую бурю. Так не бывает. Мир настолько связан с нами, и мы настолько связаны с миром, что должны постоянно осознавать, что происходит вокруг, с нами и как мы можем в этом не только участвовать, но и влиять на это.

Дмитрий Сергеевич Лихачев был удивительным человеком. Он предчувствовал конец технократической промышленной эпохи не только в России, но и в мире и наступление гуманного века, ориентированного на иные ценности, нежели предыдущий век. Это логичное продолжение истории, но мы еще до конца не осознали, в какой век мы вступили. Это век великого гуманитарного рывка, развития. Препятствует этому

стремление к обогащению, сиюминутным развлечениям, радости в ущерб всему остальному. Это вызовы окружающей среды.

В своих работах вы попытались разобраться в сложных явлениях, о которых задумались. Когда наступит ваше время (а это произойдет очень скоро), я надеюсь, что вы не выбросите на свалку все, что создавалось нами и до нас, воспользуетесь опытом предыдущих поколений и примените его уже в новой практике.

Я желаю вам успехов, уверенности в себе. Вы пострадали идеи, которые изложили, и вам нужно за них отвечать и уметь противостоять, оппонировать иным мнениям. Это пригодится в жизни в любой ситуации. Вы уже добились успеха, потому что присутствуете в этом зале. Гуманитарный университет профсоюзов — особенный вуз в Петербурге, со своим лицом, университетскими обычаями, часть из них похожа на те, что есть в других вузах, часть имеет особенный характер, нигде не повторяющийся.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается победительница конкурса, учащаяся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 9 г. Сердобска Пензенской области Екатерина Гуляйкина.

Екатерина ГУЛЯЙКИНА: — Актуальность трудов Д. С. Лихачева обусловлена возросшей потребностью в духовно-нравственных идеях в настоящее время, которое часто характеризуют как эпоху бездуховности и равнодушия. Вопросы, на которые обращал внимание ученый еще в середине XX века, остаются актуальными до сих пор.

Дмитрий Сергеевич Лихачев — ученый-гуманист, энциклопедист, который успешно работал во многих областях гуманитарной науки. Особый интерес представляют его культурологические идеи. Культура в его понимании — это человеческая форма жизни, то, что выделяет человека из природы и отличает от других живых существ, человеческое пространство и человеческий способ существования в мире. Культура, по мнению ученого, исторична и целостна. Дмитрий Сергеевич первым в Новейшей истории России обосновал культуру как духовный базис общенационального бытия, а ее сохранение — как залог душевной безопасности нации. Д. С. Лихачев — автор понятия «экология культуры» и основатель новой научной дисциплины «Экология культуры». Ученый сформулировал «Десять заповедей человечности». Большим вкладом в развитие теории культуры является разработанный в 1995 году проект «Декларации прав культуры».

Тема моей работы — «Актуальность идей Дмитрия Сергеевича Лихачева в современной России (анализ ежегодного Послания Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию в контексте культурологических идей Д. С. Лихачева)». Одним из методов анализа стал контент-анализ, предполагающий выделение ключевых слов и их математическую обработку. В качестве смысловых единиц были выбраны наиболее значимые и часто встречающиеся в работах Лихачева понятия: «культура», «духовность», «нравственность»,

«интеллигентность», «история». Показательно, что в послании термин «культура» звучит 21 раз, чаще, например, чем слово «власть» (18 раз).

Анализ ежегодного Послания Президента Федеральному собранию показал, что многие идеи академика Лихачева не утратили своей значимости до сих пор. Президент России, как и Д. С. Лихачев, считает, что Россия должна быть благополучной и процветающей страной, основа которой — развитие культуры. И академик Лихачев, и президент Путин едины во мнении — общественные преобразования должны опираться на ценности культуры и национальное самосознание. Наша сила — в нашей культуре. Президент в своем послании также обращается к теме памяти: «Важно беречь историческую ратную память Отечества». С большим уважением и ученый относится к исторической памяти. Дмитрий Сергеевич говорил, память — основа совести и нравственности, основа культуры. Память — наше богатство. Президент России в своем послании часто употребляет понятия «история» (20 раз), «прошлое» (7 раз), что является косвенным доказательством внимания к данной теме со стороны главы государства.

В Послании Президента РФ было уделено внимание теме нравственности как основы власти. Чтобы Россия была суверенной и сильной, нас должно быть больше и мы должны быть лучше в нравственном отношении. Президент не раз обращает внимание на влияние нравственных начал в разных сферах жизни. В экономике: «Для качественного обновления экономики нужна честная конкуренция». В политике: «Моральный авторитет государства — это базовое условие развития России». Д. С. Лихачев также считал, что без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, не выполняются указы, невозможно прервать коррупцию и взяточничество.

В послании В. В. Путин обращает внимание на важность развития гражданской позиции. Активная гражданская позиция Лихачева была практическим выражением его культурологических идей. Благодаря его вмешательству не был реализован безумный проект поворота северных рек, были спасены от уничтожения, сохранены церковные здания, представляющие историческую и культурную ценность, ландшафтные парки Новгорода, архитектурные ансамбли Ферапонтова и Кириллова монастырей.

Схожи взгляды главы государства и ученого на патриотизм. Патриотизм — это служение Родине, которому чужды любые проявления изоляционизма и национализма. В послании говорится, что «любой национализм и шовинизм наносят прямой огромный ущерб прежде всего тому народу и тому этносу, интересами которых якобы и озабочены националисты...» Эта же мысль звучит у академика Лихачева: «Национализм — это самое тяжелое из несчастий человеческого рода. Национализм порождает неуверенность в самом себе, слабость и сам, в свою очередь, порожден этим же». И В. В. Путин, и Д. С. Лихачев выступают противниками всякого рода культурной исключительности и культурного изоляционизма, сторонниками культурного единства человечества при безусловном сохранении

национального своеобразия. По мнению главы государства и академика Лихачева, в национальном многообразии — сила России, они отмечают уникальность России и призывают беречь ее.

Глава государства, так же как и ученый, встревожен бездуховностью, равнодушием и агрессивностью общества, видит в этом угрозу для безопасности государства. Дмитрий Сергеевич полагал, что с агрессивностью в обществе можно бороться только культурой. В. В. Путин также считает, что вопросы развития нравственности нельзя решить с помощью законов. В послании говорится: «Мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества». Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. О роли образования писал также и Д. С. Лихачев: «Образование может создать человека будущего, человека творческого, созидателя всего нового и нравственно отвечающего за все, что будет создаваться».

Таким образом, идеи Послания Президента РФ Федеральному собранию во многом созвучны мыслям великого ученого-гуманиста Д. С. Лихачева. В этих трудах обращается внимание на нравственность как основу экономики и политики, роль образования и воспитания в современном обществе, необходимость открытости и диалога культуры, неприятие национализма и желание видеть Россию процветающей и благополучной.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается победительница конкурса, занявшая II место, учащаяся Международной гимназии «Ольгино» Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов Арина Кучина.

Арина КУЧИНА: — Я хочу поприветствовать всех присутствующих в этом зале и сказать, что находиться сегодня здесь — огромная честь для меня.

Мы не можем отрицать упадка нравственности и духовности в наши дни. Многих людей уже поразили этот недуг. Как же бороться с безнравственностью и бездуховностью? Изучив труды Д. С. Лихачева, в частности книгу «Письма о добром и прекрасном», я обратила внимание на 24-е письмо, в котором академик пишет: «Казалось бы, вещи материальны, а они стали частью нашей духовной культуры, слились с нашим внутренним миром, который условно можно было бы назвать нашей “душой”. Ведь мы говорим “от всей души”, или “мне это нужно для души”, или “сделано с душой”. Вот так! Все, что сделано с душой, идет от души, нужно нам для души, — это и есть “духовная культура”. Чем больше человек окружен этой духовной культурой, погружен в нее, тем он счастливее, тем ему интереснее жить, жизнь приобретает для него содержательность. А в чисто формальном отношении к работе, к учению, к товарищам и знакомым, к музыке, к искусству нет этой “духовной культуры”. Это и есть “бездуховность” — жизнь механизма, ничего не чувствующего, неспособного любить, жертвовать собой, иметь нравственные и эстетические идеалы.

Давайте будем людьми счастливыми, то есть имеющими привязанности, любящими глубоко и серьезно что-то значительное, умеющими жертвовать собой ради любимого дела и любимых людей. Люди, не имеющие всего этого, — несчастные, живущие скучной жизнью, растворяющие себя в пустом приобретательстве или мелких, низменных “скоропортящихся” наслаждениях».

Я взяла цитату из этого письма в качестве эпиграфа к своей работе, потому что вопрос, поднятый Дмитрием Сергеевичем, показался мне очень важным. Академик говорит о бездуховности, пытаюсь показать, насколько важно сохранять «живую душу»: не относиться ко всему вокруг как к обыденной реальности, бытовым составляющим. Нужно искренне любить свою жизнь, свою работу, своих друзей, родственников, Родину, культурное и историческое наследие своей страны и не только любить, но и ценить и сохранять в себе эту любовь. Безразличие, черствость, нежелание понять, лень — пороки современного общества, от которых пытался оградить нас Д. С. Лихачев.

Тема бездуховности часто звучит в произведениях русской литературы. Каждый писатель, заинтересованный в решении этой социальной проблемы, раскрывает ее по-своему. Тема свободы, нравственности и человечности — одна из основных в романе «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана. На страницах романа читатель встречается как с упадком духовной культуры, так и, наоборот, с духовным благородством. Один из героев романа (Штурм) говорит: «Главная беда наша — мы живем не по совести. Мы говорим не то, что думаем. Чувствуем одно, а делаем другое. Толстой, помните, по поводу смертных казней сказал: “Не могу молчать!” А мы молчали, когда в тридцать седьмом году казнили тысячи невинных людей. И это лучшие молчали! Были ведь и шумно одобрявшие. Мы молчали во время ужасов коллективизации. И я думаю — рано мы говорим о социализме — он не только в тяжелой промышленности. Лишить человека права на совесть — это ужасно».

В. Гроссман, как и Л. Н. Толстой, уверен, что войну выигрывают не полководцы и государство, а народ, чья духовная сила оказывается сильнее. Он пишет роман о духовной силе, целой эпохе, но, так как герои романа — обычные люди, мы также видим проявление подлости и малодушия. Времена Великой Отечественной войны и сталинских репрессий были очень тяжелым испытанием для людей, было сложно не струсить и остаться самим собой. Многие мирись с тем, что им суждено погибнуть, и переставали бороться, а вместе с тем гибли духовно. Но сдаваться нельзя ни в коем случае. В. Гроссман пишет: «Судьба ведет человека, но человек идет, потому что хочет, и он волен не хотеть», — и тем самым говорит о том, что даже в совершенно безвыходной ситуации человек может и должен искать выход, он также должен сохранить в себе человеческое. Трусовость, несомненно, самый страшный из людских пороков, но нужно побороть страх и, не падая духом, бороться за свою свободу, ведь в этой борьбе человек не может не победить.

Я сделала вывод, что бездуховность есть наихудший человеческий порок. И если человека бездушного мы еще можем простить за то, что у него нет души, он не виновен в ее отсутствии, то человека безразличного, безынициативного, «формально относящегося к работе, к учению, к товарищам и знакомым, к музыке, к искусству» (именно так я могу охарактеризовать субстанцию, ошибочно именуемую человеком, которая не ценит культурное богатство страны, ничем ни увлекается и не хочет учиться чему-то новому), следует осуждать. Я полностью согласна с Д. С. Лихачевым, что бездуховность, какие бы красочные толкования ей ни придумывали, — в первую очередь «жизнь механизма, ничего не чувствующего, неспособного любить, жертвовать собой, иметь нравственные и эстетические идеалы». Человек перестает быть человеком, выполняет привычные для него операции, ничего при этом не чувствуя. Если человек делает что-то не по своему желанию, а по необходимости — это и есть формальное отношение. Если ты только изображаешь чувства, но не испытываешь их — это и есть та самая бездуховность, о которой говорил Лихачев. Жизнь — не комбинация алгоритмов, а чувства, переживания, общение, ситуации... И если человек живет «по накатанной», не испытывая никаких чувств от общения с людьми, и поступает так, а не иначе, потому что привык, то он вовсе не живет, а существует. Работа, общение с друзьями, родственниками должны приносить удовольствие.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Софии Сметкиной, победительнице конкурса, занявшей II место, учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы поселка Соколье Елецкого района Липецкой области.

София СМЕТКИНА: — Выдающиеся идеи академика, ученого, текстолога Д. С. Лихачева о русском языке не перестают волновать людей, обеспокоенных катастрофической языковой ситуацией, сложившейся в современном обществе. Академик Лихачев внес огромный вклад в развитие языка, культуры речи и интеллигентности молодежи. Академик считает, что интеллигентность закладывается в молодости.

В трудах Д. С. Лихачева прослеживается тема культуры речи, необходимости бережного отношения к языку. В книге «Письма о добром и прекрасном» автор подчеркивает, насколько важно уметь говорить. «Самая большая ценность народа — его язык — язык, на котором он пишет, говорит, думает. <...> Эмоции, ощущения только окрашивают то, что мы думаем... но мысли наши все формулируются языком.

Вернейший способ узнать человека... — прислушаться к тому, как он говорит. ... язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры. <...> Это один из совершеннейших языков мира, язык, развивавшийся в течение более тысячелетия, давший в XIX веке лучшую в мире литературу и поэзию».

Нельзя не согласиться с мнением великого ученого. Именно речь человека — свидетельство его грамотности, образованности, интеллигентности. О куль-

туре речи писали великие ученые и исследователи во все времена. Актуальной тема культуры речи остается и в наши дни, так как отношение к себе и окружающему миру можно выразить только посредством литературного языка, обладающего тонкой организацией и подчиненным нормам.

Текстолог Дмитрий Сергеевич Лихачев чрезвычайно высоко ценил наследие великих русских авторов: М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, И. А. Бунина, Н. С. Лескова и т. д. И тем более значимым становится его вклад в развитие языка и культуры русского народа. Тексты Лихачева — раздумья вслух, нравственный и социальный посыл. Мысли и идеи автора широко известны как молодому, так и более старшему поколению. А. С. Пушкин вызывал у Дмитрия Сергеевича восхищение: «Пушкин — это гений, сумевший создать идеал нации. Не просто “отобразить”, не просто “изобразить” национальные особенности русского характера, а создать идеал русской национальности, идеал культуры».

Мудро и современно звучат слова Д. С. Лихачева: «Удивительно правильная мысль: небольшой шаг для человека — большой шаг для человечества. Можно привести тысячи примеров тому: быть добрым одному человеку ничего не стоит, но стать добрым человечеству невероятно трудно. Исправить человечество нельзя, исправить себя — просто. Накормить ребенка, перейти через улицу старика, уступить место в трамвае, хорошо работать, быть вежливым и обходительным... Все это просто для человека, но невероятно трудно для всех сразу. Вот почему нужно начинать с себя».

Д. С. Лихачев, академик, текстолог, почетный гражданин Санкт-Петербурга и культурный человек, свою жизнь посвятил служению Родине, людям. Очень чуткий и отзывчивый, Дмитрий Сергеевич был неутомимым тружеником, написал много работ по текстологии, культуре, экологии, древнерусской литературе. Он сочетает высочайший интеллект, энциклопедические знания, помноженные на нравственность, и воплощает черты российской интеллигенции, духовности, доброты, образованности, благородства, подлинно народной мудрости.

Одна из главных идей Лихачева состояла в том, что человека нужно воспитывать не извне — человек должен воспитать себя сам. Он должен не усваивать готовую истину, но всей жизнью искать ее. Дмитрий Сергеевич всегда отстаивал свои убеждения, принципы в искусстве, литературе, жизни. Честь, порядочность, совесть — это качества, которыми дорожить нужно так же, как мы дорожим своим здоровьем, ибо без этих качеств человек не человек.

Д. С. Лихачев стал пророком своего времени, на рубеже XX–XXI веков сформулировал вечные принципы жизни применительно к новым условиям. По Лихачеву, заповеди человечности звучат примерно так: не убий и не начинай войны; не помысли народ свой врагом других народов; не укради и не присваивай труда брата своего; ищи в науке только истину и не пользуйся ею во зло или ради корысти; уважай мысли и чувства братьев своих; чти родителей и прародителей своих

и все сотворенное ими сохраняй и почитай; чти природу как мать свою и помощницу; пусть труд и мысли твои будут трудом и мыслями свободного творца, а не раба; пусть живет все живое, мыслится мыслимое; пусть свободным будет все, ибо все рождается свободным. Эти десять заповедей стали завещанием Лихачева и его автопортретом.

В своей работе «Письма о добром и прекрасном», адресованной прежде всего молодым, Лихачев на конкретных примерах показывает, что такое добро и почему добрый человек внутренне красив, живет в согласии с самим собой, с обществом и природой. С присущим ему педагогическим тактом Дмитрий Сергеевич учит мудрости.

Размышляя в своих трудах об истории языка и древнерусском языке, академик задается вопросом: «Чем был церковнославянский язык в России?» Этот литературный язык не был всеобщим для нашей письменности. Язык многих литературных произведений (язык летописей, изумительный язык «Русской правды», «Слова о полку Игореве», «Моления Даниила Заточника», не говоря уже о языке Аввакума) далек от церковнославянского. Церковнославянский язык, перенесенный на Русь из Болгарии не только через книги, но и устно — в богослужении, стал на Руси своеобразным индикатором духовной ценности.

Необычайная любовь к русскому языку, глубокое понимание проблем языка отличают труды Д. С. Лихачева. Ученый говорит о том, что язык обладает памятью. Этому способствует существование тысячелетней литературы, письменности, но более всего развивает язык поэзия. «Письма к молодым читателям» отличают образованность, любовь к родному языку, понимание его природы: 19-е письмо «Как говорить?», 20-е письмо «Как выступать?», 21-е письмо «Как писать?», 12-е письмо «Человек должен быть интеллигентен».

В статье «О языке устном и письменном, старом и новом» Лихачев отмечает, что необычайную выразительность русскому языку придает обилие суффиксов и префиксов, предлогов, окончаний, с помощью которых с легкостью образуются слова. Лихачев учит нас не говорить вычурно, не употреблять терминов из детективных романов, штампованных выражений. Автор советует думать о конкретном значении тех выражений, которые употребляешь в речи. Данные вопросы актуальны и в наши дни, когда отмечается падение культуры речи среди молодежи. Особенно это характерно для школьников. Академик Лихачев просит нас пользоваться языком аккуратно, бережно, настолько огромно культурное богатство русского народа.

Идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева относительно языка и культуры речи общепризнаны в обществе. Речевая культура, нравственность, отношение к слову как способу обозначать новые явления нашей жизни, глубоко осмыслены и освещены в трудах академика.

Известна нетерпимость Д. С. Лихачева к ненормативной лексике. В одном интервью 1976 года он сказал: «Если бесстыдство быта переходит в язык, то бесстыдство языка создает ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело».

В 19-м письме «Как говорить?» он писал: «Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влиянию среды, если она “затягивает”». Человек переступает границу добра и зла чаще всего через слово — неправильное, неподобающее, противоестественное употребление слов, ненормативную лексику. Поэтому и нарушение словом норм общественной морали называется сквернословием.

Я предлагаю прислушаться к идеям великого ученого: «Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно — прислушиваясь, запоминая, читая и изучая... Наша речь — важнейшая часть нашей... личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влиянию среды, если она “затягивает”», — завещал академик. Эти слова стали девизом для молодого поколения.

Е. П. ЕФИМОВА: — Радует ваша увлеченность темой и искренняя любовь к творчеству Дмитрия Сергеевича.

На трибуну приглашается Наталья Генкулова, победительница конкурса, занявшая III место, учащаяся 11-го класса средней образовательной школы № 16 г. Сыктывкара (Республика Коми).

Наталья ГЕНКУЛОВА: — «Осознанная любовь к своему народу несоединима с ненавистью к другим», — сказал Д. С. Лихачев. Россия — многонациональное государство, в котором, согласно Конституции, соблюдаются права и свободы каждой народности. Однако до сих пор на бытовой почве между гражданами разных национальностей возникают конфликты, предубеждения и неприязнь. Главной причиной являются отрицательные проявления этноцентризма (механизма межэтнического восприятия, охватывающего процесс социального оценивания и сравнения через призму традиций и норм своей этнической группы).

Сплочение нации и сохранение культурного разнообразия являются положительной характеристикой этноцентризма. Отрицательное его проявление — трансформация в национализм и его крайнюю форму — шовинизм. Люди часто с пренебрежением относятся к народам, обычаи которых им кажутся странными или непонятными. Здесь же коренятся истоки отрицательных явлений этноцентризма, которые и становятся причиной крупномасштабных войн и конфликтов. На индивидуальном уровне эти явления создают затруднения при общении представителей разных культур и народов. Расовая и национальная нетерпимость представляют собой бытовую разновидность национализма. Она возникает стихийно в массовом сознании и поведении людей. В составе каждой нации есть группы, которые заинтересованы в утверждении особых привилегий для своей нации и при этом грубо нарушают принципы справедливости и равенства прав. Известно, что национализм имеет положительную характеристику, а именно — развитие у людей национального самосознания. Это важнейший фактор, который характеризует нацию как общность и человека как члена этой общности.

Национальное самосознание основывается на исторической памяти, знании истории нации, ее традициях. «Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы. Сознание этого единства и есть национальное сознание», — писал русский философ Н. А. Бердяев.

Почему же национализм — негативное социальное явление? Национализм прежде всего порожден страхом людей одной этнической группы, его истоки связаны с мыслью о том, что родной край в любой момент может быть захвачен другим государством, и если у нации не будет особых привилегий, то она постепенно прекратит свое существование. Так у людей складываются некие «образы врагов», которыми и становятся люди других народностей.

В своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, культурный и духовный рост, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации. Он опирается на национальное сознание как на чувство, которое родственно патриотизму, но им вовсе не является. Подкрепленный страхом людей, национализм становится идеологией, стремящейся к объединению различных слоев общества, невзирая на противоположные классовые интересы.

«Национализм — проявление слабости нации, а не ее силы», — говорил Лихачев. И я с ним абсолютно согласна. Ведь вся национальная культура народа под влиянием национализма постепенно оказывается на периферии государственных интересов, то есть в центре нации уже не культура, а само идеологическое течение, в то время как националисты делают культуру главным лозунгом объединения. Это внутреннее противоречие ограничивает регулятивные функции государства. Вследствие этого повышается роль местных традиций, авторитета, религии. Национальное, испытывая на себе их давление, формирует зауженное пространство межэтнической нестабильности, в котором появляются подозрительность, фобии, предрассудки. Поэтому сильна та нация, которая обладает бескорыстной осознанной любовью к Родине.

Но чем определяется это чувство? В книге «Письма о добром и прекрасном» академика Д. С. Лихачева есть ответ на этот вопрос: «Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное; это — любовь к своему городу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей». Итак, осознанную любовь к своей Родине можно именовать патриотизмом. Быть патриотом — значит ощущать себя неотъемлемой частью Отечества. Это сложное чувство возникает еще в дошкольном возрасте, когда закладываются основы ценностного отношения к окружающему миру, которые формируются в ребенке постепенно, в ходе воспитания любви к своим близким, детскому саду, родным местам, родной стране.

Именно об этом в своих работах писал К. Д. Ушинский. Он ввел в русскую литературу термин «народная педагогика», видя в фольклорных произведениях богатый материал для воспитания любви к Родине. Его точка зрения во многом созвучна мнению Дмитрия Серге-

евича: «Чувство любви к Родине нужно заботливо выращивать, прививая духовную оседлость...» — говорил академик Лихачев.

Но как бытовой национализм проникает в умы подростков? В наше время главным источником отрицательного воздействия культуры являются СМИ, в первую очередь Интернет. Во Всемирной сети можно найти группу ресурсов, именуемых «имиджбордами», которые предполагают свободное общение. Но в каталоге тем с легкостью можно отыскать дискуссии с расистским юмором, и самое главное — участников предостаточно! Стереотипы, навязываемые родителями, тоже часто становятся причиной негуманного отношения к другим нациям. Ведь дети берут пример с родителей, а значит, мнение старших часто отражается в их поступках.

В своей школе я провела небольшое исследование, в ходе которого выяснилось, что правильное представление о национализме имеет лишь 31 % опрошенных подростков. Значит, дети в большинстве случаев просто не знают, что представляет собой эта идеология. 19 % подростков выделили неполноценные нации — это, несомненно, проявления бытового национализма, с которыми сталкиваются все, следовательно, необходимо бороться с этим. Конечно, запретить негуманные ресурсы не получится, но со стереотипами можно бороться. Бытовой национализм не просто искоренить, но можно попытаться сделать это посредством воспитания в подростках толерантности и патриотических чувств. Необходимо учиться взаимопониманию между людьми различных культур, воспитывать в своих детях любовь, привязанность к семье, дому, детскому саду, улице, городу, объяснять им, что любой труд достоин уважения, что нужно относиться бережно к природе и ко всему живому. Каждый ребенок должен получить элементарные знания о правах человека, о том, что такое толерантность, научиться проявлять чувство уважения к другим людям, народам, развивать интерес к русским традициям и промыслам. Подросток должен осознавать чувство ответственности и гордости за достижения Родины, знать символы своего государства: герб, флаг, гимн, расширять представления о России, ее столице. Только тогда мы сможем гордиться своим будущим.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Алине Садыковой, победительнице конкурса, занявшей III место, учащейся 10-го класса средней общеобразовательной школы поселка Озерный (Республика Татарстан).

Алина САДЫКОВА: — «Язык в еще большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе... Речь, письменная или устная, характеризует его в большей мере, чем даже его внешность или умение себя держать». Эти слова Дмитрия Сергеевича Лихачева послужили темой для моей творческой работы.

«Самая большая ценность народа — его язык, язык, на котором он пишет, говорит, думает... Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие,

его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит... Язык — тонкий показатель его человеческих качеств, его культуры». Эти мысли, сказанные в одной из статей книги «Заветное», великий ученый продолжает в книге «Письма о добром и прекрасном». Эта книга — одна из самых душевных. «Неряшливость в одежде — это прежде всего неуважение к окружающим вас людям, да и неуважение к самому себе... Надо быть одетым чисто и опрятно, в том стиле, который больше всего вам идет и в зависимости от возраста», — пишет в своем 19-м письме «Как говорить?» Д. С. Лихачев. И далее: «Язык в еще большей мере, чем одежда, свидетельствует о виде человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе... Грубость в языке в основном свидетельствует о психологической незащищенности человека, о его слабости, а вовсе не о силе. Говорящий стремится грубой шуткой, резким выражением, иронией, циничностью подавить в себе чувство страха и боязни. Это признак невоспитанности, неинтеллигентности, а иногда и жестокости. По-настоящему сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо». Эти слова великого ученого очень актуальны.

«...Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием: в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса... Берегите чистоту языка, как святыню!» — этот завет оставил нам великий русский писатель И. С. Тургенев. В необыкновенном богатстве русского народного языка наши передовые ученые и писатели видели залог его великого будущего, расцвета русской культуры.

Сегодня мы наблюдаем, что неграмотная, несвязная, грубая речь, сквернословие, уголовный жаргон стали повседневным явлением, с которым, пожалуй, все уже свыклись. Во всяком случае никто не делает замечаний хамам, скорее всего из чувства самосохранения. Но самым страшным атрибутом общения людей сегодня является всепроникающий мат. Липкой скверной нас обволакивает матерщина, постоянно унижая и оскорбляя как говорящих, так и слышащих.

Как быть и что делать? Язык тесно связан с мышлением, сознанием человека. Не нужно быть психологом, чтобы увидеть следы деградации в человеке, постоянно извергающем поток грязных слов, которые, словно коррозия, разрушают его душу. К сожалению, сегодня приходится констатировать упадок культуры, духовности и нравственности в обществе. Из истории мы знаем, что падение культуры языка имело место и раньше — после трех революций в начале XX века. По воспоминаниям современников, великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии Иван Бунин покинул Родину в том числе из-за «опохабленности русского языка». Шариат тоже категорически запрещает хулу, особенно в присутствии детей и женщин.

Именно дети и подростки в первую очередь попадают под влияние сквернословия: они, словно губка, впитывают и плохое, и хорошее. И виноваты в этом

в первую очередь взрослые, которые, несмотря на усталость, раздражение, гнев, должны перестать грубить и браниться. Личный пример и участие могут многое изменить.

Задумались об этой ситуации и в Государственной Думе. 22 февраля 2013 года в Кодекс об административных правонарушениях РФ было внесено следующее изменение: «...изготовление или распространение продукции средства массовой информации, содержащей нецензурную брань, влечет наложение административного штрафа». Но одними наказаниями и запретами ситуацию не исправить. Нужно помочь «великому и могучему» русскому языку выжить, сохранить его. Несмотря на тотальное наступление иноязычных слов и выражений, намеренное огрубление и упрощение слов, язык справится и с этой напастью, как в эпоху Петра I с потоком иностранных слов. Надо лишь помочь ему, серьезно, кропотливо, методично, вместе с великой русской литературой Серебряного и Золотого веков, историей, народной культурой, обычаями. Нужны ориентиры, цели, примеры. В нашем случае — культурный язык и правильная речь.

Д. С. Лихачев писал: «Наш язык — важнейшая часть нашего общего поведения в жизни. И по тому, как человек говорит, мы сразу и легко можем судить о том, с кем мы имеем дело; мы можем определить степень интеллигентности человека, степень его психологической уравновешенности, степень его возможной “закомплексованности”. Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно — прислушиваясь, запоминая, замечая, читая и изучая. ...Наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, наших души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она “затягивает”».

Среда в Республике Татарстан многонациональная. В столице республики Казани проживают представители свыше 115 национальностей. За многовековую историю эти народы сроднились, прекрасно понимают друг друга, общаясь на государственном русском языке. Сегодня Казань живет в ожидании XXVII Всемирной летней универсиады, которая пройдет с 6 по 17 июля 2013 года. Первым показателем нашего гостеприимства и доброты будет именно язык.

Как говорил Д. С. Лихачев, надо не только учиться «хорошей, спокойной, интеллигентной речи», но и систематически работать над совершенствованием имеющихся достижений в области языка. Великий педагог Сухомлинский подчеркивал, что язык воплощает культуру мышления, культуру человеческих чувств. Дружное сосуществование и общение многонационального народа нашей республики помогает нам добиваться больших успехов.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Ксении Цветковой, победительнице конкурса, занявшей III место, учащейся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 9 г. Ржева Тверской области.

Ксения ЦВЕТКОВА: — Дмитрий Сергеевич Лихачев... О чем мне говорит это имя? Что я знаю об этом человеке? Каким он мне представляется?

Во-первых, человеком с трудной и сложной судьбой: недостаток средств в семье, арест в юности, полугодовое следствие, пять лет лагерей, ссылка на Соловки, вследствие этого — подорванное здоровье. Затем блокадная зима, смерть дочери Веры.

Во-вторых, человеком, чье мнение является авторитетным, на чьи высказывания мы привыкли ссылаться как на истину в последней инстанции. Как отмечает литературный критик и публицист Лев Аннинский, «Лихачев был авторитетен и как гражданин, и как личность, и как великий ученый. Он был таким, каким нельзя притвориться».

В-третьих, чрезвычайно активным и инициативным человеком. Фонд культуры, журнал «Наше наследие» — его труды. Также он возглавлял издание «Памятники культуры».

В-четвертых, прекрасным собеседником. Об этом нам говорит его книга «Письма о добром и прекрасном», где он ведет душевный разговор с молодежью о правде и совести, доброте и милосердии, образованности и интеллигентности и многом другом, что, к сожалению, потеряло свою ценность в современном мире. Парадокс в том, что он не открыл ничего нового — это норма для порядочного человека, но окружающий мир стал настолько безнравственным, что об этом просто необходимо вести речь, и он нашел сердечные и простые слова для убеждения молодых.

В-пятых, неординарно мыслящей личностью, имеющей свое мнение. Репутацию инакомыслящего человека он получил еще во время кампании против советских наименований улиц в Ленинграде, в защиту их старых названий. Его выступления по этому поводу транслировались и по телевидению. Он заставлял общественность взглянуть на знакомые вроде бы вещи по-новому, задуматься над тем, на что, возможно, не обращали внимания. Можно только удивляться, как, несмотря на возраст, Дмитрий Сергеевич Лихачев сумел сохранить живой и непосредственный взгляд на мир: «Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового».

В-шестых, Дмитрий Лихачев был человеком разносторонних интересов: историком, знатоком литературы, лингвистом. Только он мог так точно сказать о значении языка в жизни человека: «Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит. И так, есть язык народа как показатель его культуры и язык отдельного человека как показатель его личных качеств — качеств человека, который пользуется языком народа. Если мы обращаем внимание на манеру человека себя держать, его походку, его поведение, на его лицо и по ним судим о человеке, иногда, впрочем, ошибочно, то язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры».

Роль языка в современном мире невозможно переоценить. Эта тема всегда актуальна и злободневна. Владение красивой речью актуально в современном мире. Большинство работодателей перед тем, как взять чело-

века на работу, выносят окончательное решение только после собеседования, только при личной беседе можно определить, насколько человек владеет речью, умеет правильно и грамотно выражать свои мысли, логично и последовательно рассуждать, не бояться каверзных вопросов. Таким образом, язык, как зеркало, отражает внутреннее богатство человека, его отношение к окружающим.

К сожалению, современная молодежь совершенно разучилась выражать свои мысли на бумаге. Это связано с тем, что люди перестали писать письма друг другу, вести дневники, в которых анализировали события прошедшего дня и свои поступки. С появлением компьютера и Интернета молодежь стала забывать про реальность и все больше погружается во «Всемирную паутину». Онлайн-переписке присущи сокращения, использование заимствованных слов, жаргонизмов, ненормативной лексики. Д. С. Лихачев известен как противник ненормативной лексики. В одном из интервью 1976 года он сказал: «Если бесстыдство быта переходит в язык, то бесстыдство языка создает ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело». Также он любил повторять завет Н. В. Гоголя: «Со словом надо обращаться честно», — и писал молодежи: «Избегайте слов-“паразитов”, слов мусорных, ничего не добавляющих к мысли».

Современная жизнь очень быстрая, мобильная, такой же становится и письменная речь: сжатой, информативной, краткой. Люди не задумываются о красоте речи, использовании описательных конструкций, средств выразительности, поэтичности, образности. Скудность письменной речи говорит о скудности ума, лени, так как над красивой речью нужно работать. В качестве примера можно привести труды многих русских писателей, которые, переписывая по несколько раз свои произведения, добивались красоты, точности выражения мысли (Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. С. Пушкин и многие другие). Ведь «искусство слова, — как отмечал академик Лихачев, — самое сложное, требующее от человека большой внутренней культуры, филологических знаний и филологического опыта».

В своих работах Д. С. Лихачев проявляет особую обеспокоенность по поводу низкого уровня культуры в нашем обществе. Особенно это касается молодого поколения, будущего России.

Когда мы говорим о языке, невозможно не затронуть понятие «интеллигентность», под которым мы подразумеваем умение самостоятельно мыслить, выносить суждения о делах людей и проявлениях мироздания. Интеллигентность дает силы противостоять бескультурью и возможность проявлять доброжелательность к людям и интерес к жизни. Правительство России стало задумываться о том, каким вырастет будущее поколение, какие знания оно получит. Ведь культурная, интеллигентная личность — результат того, что было заложено и привито в детстве. В этом году правительство провело ряд преобразований, которые в дальнейшем должны способствовать росту интеллигентности молодежи. Был разработан и утвержден список из ста книг, рекомендованных для внеклассного чтения, на который может ориентироваться каждый

образованный и интеллигентный человек. Также планируется составление списка ста лучших фильмов. Целью этого проекта является не развлечение молодежи, а знакомство с историей кинематографии и расширение кругозора учащихся.

Таким образом, и семья, и школа, и вузы, и государство должны воспитывать в человеке интеллигентность и культуру. Все это воплощается в развитии устного и письменного языка. Ведь состояние языка отражает и состояние государства. Общество с яркой, богатой, развитой речью — общество, у которого есть будущее. Общество людей с косной, примитивной речью, не стремящееся развивать свой родной язык, — регрессирующее, лишенное будущего.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Екатерина Тупицына, победительница конкурса, занявшая III место, учащаяся 11-го класса гимназии № 10 г. Новосибирска Новосибирской области.

Екатерина ТУПИЦЫНА: — Мне кажется, русского культуролога, литературоведа и искусствоведа Д. С. Лихачева можно по праву назвать пропагандистом нравственности, старавшимся поднять человека над бесполезной суетой этого мира. Лихачев стремился пробудить в человеке не животное начало, требующее «хлеба и зрелищ», а призвать к ответу человеческое в человеке. «Человеческое, слишком человеческое», — скажет в XIX веке Ницше и начнет разрушать основы нравственности и духовности, пригласив «господ жизни» разгуливать по руинам старого мира и насмехаться над недееспособной христианской религией. Новое время и Лихачев вновь воздвигли храм духовности и нравственности на «обезбоженной» Земле, подарив человеку «крылья».

Д. С. Лихачева интересовало многое: он анализировал древнерусские памятники литературы, но его также занимали и насущные проблемы, тревожащие современное общество: главы многих его книг посвящены проблемам национализма и патриотизма.

Симптоматично высказывание Лихачева: «Осознанная любовь к своему народу несоединима с ненавистью к другим», побудившее размышлять о таких категориях, как национализм, патриотизм, любовь, ненависть. «Возлюби ближнего своего, — говорит нам Библия, — как самого себя». Не значит ли это, что одна только любовь к человечеству ничего не стоит (и ничего не значит), если в сердце человека нет любви к самому себе? Человек, искренне любящий и уважающий свою индивидуальность, никогда не сможет покуситься на индивидуальность других. Соединима ли ненависть к другим с любовью к себе? Нет: человек ненавидит лишь то, что ненавидит в себе. Ненависть к другим обнажает его ненависть к себе: он несправедливо приписывает ближним свои пороки, от которых сам не может избавиться. Несмотря на то что любовь и ненависть — это две стороны одной медали, «не может быть двух солнц на небосклоне»: человек, наделенный свободой выбора, всегда склоняется к чему-то одному, и этот выбор как нельзя лучше характеризует его.

Перефразировав, можно сказать: «Возлюби другие народы (отличающиеся по конфессиональным, политическим, нравственным и прочим взглядам) как свой народ»; «Человек ненавидит в других народах то, что ненавидит в своем народе (или в самом себе)». В последнем случае знаменитое декартовское “*Cogito ergo sum*” превращается в новую пугающую доктрину современного человека: “*Odisse ergo sum*” («Я ненавижу, следовательно, я существую»). Человек ненавидящий не живет, направляя подавляемую в себе ненависть и на жизнь в том числе: жизнь для него — темная холодная комната, населенная ненавидимыми созданиями, среди которых только он — носитель высшей правды, лермонтовский «демон». Человек любящий готов жертвовать собой ради других, потому что любовь способна искупить все: если ты хочешь, чтобы тебя любили, ты сам должен любить. Вспоминается золотое правило нравственности: относись к другим так, как ты хочешь, чтобы другие относились к тебе. Полученные выводы можно применить и к более обширной категории — народу, состоящему из таких же ближних, которых следует возлюбить.

Что говорит нам опыт веков? Действительно ли те, кто любил себя, не питал ненависти к другим? Действительно ли те, кто принял себя, так же безропотно принимал других, несмотря на то что мир полон маргиналов и преступников? Борис Пастернак, лауреат Нобелевской премии по литературе, в своем романе «Доктор Живаго» пишет: «Я думаю, — произносит в Н. Н. Веденяпин, — что, если бы дремлющего в человеке зверя можно было остановить угрозою, все равно — каталажки или загробного воздаяния, высшею эмблемою человечества был бы цирковой укротитель с хлыстом, а не жертвующий собой проповедник».

Организирующая материя, способная удержать человека от разрушения и насилия, — это любовь, а не тирания. Исторический опыт показывает: людей привлекает не Наполеон Бонапарт с его идеями о мировом господстве, не Адольф Гитлер с идеей о высшей арийской расе, но кроткий и смиренный проповедник из Назарета, говоривший на языке притч и отвергающий насилие. Конечно, и Наполеон, и Гитлер блистали на Олимпе, но ни один из тиранов не удерживался на вершине долго: например, аргентинский правитель Видела, отличавшийся жестокостью, сам был впоследствии казнен; римский народ с радостью приветствовал смерть деспота Нерона, Наполеон был сослан на остров Святой Елены, Гитлер осуждается повсеместно (даже немцами гражданами), а культ личности Сталина был развенчан на XX съезде КПСС. Но культ Христа существует около двух тысячелетий, потому что он построен на любви, признании всех людей равными перед лицом Бога. Любовь — сила, способная объединить и примирить; и тот, кто любит ближнего своего, никогда не поднимет на него руку. Говоря иначе: тот, кто любит народ свой, никогда не поднимет на него (и на другие народы, являющиеся, как уже было сказано, ему в такой же степени ближними) руку.

Д. С. Лихачев писал: «Патриот — это не националист». То есть человек, любящий свою Родину и преданный ей всем сердцем, не может ненавидеть,

притеснять или предвзято относиться к людям других национальностей.

Националистов волнуют не человек, его душа и внутренний мир, а внешнее «убранство», национальность, которая для них решает все. Они убивают тех, кто не соответствует их воззрениям. В свете наших размышлений о природе любви и ненависти, патриотизма и национализма еще глубже звучит высказывание Н. А. Добролюбова: «Человек, ненавидящий другой народ, ненавидит и свой собственный». Наша истинная национальность, по мнению писателя Герберта Уэллса, — это человек: нет ни русских, ни американцев, ни немцев, ни евреев, есть только единство, полностью воплощенное в этом слове. «Человек — это великолепно, это звучит гордо», — мечтает Сатин, герой драмы Максима Горького «На дне». Кант отмечает следующее: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Таким образом, человек, осознанно любящий свой народ, делает любовь всеобщим законом ко всем народам без исключения.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Анастасии Александрович, победительнице конкурса, занявшей III место, учащейся 10-го класса Державинского лицея г. Петрозаводска (Республика Карелия).

Анастасия АЛЕКСАНДРОВА: — Актуально высказывание Д. С. Лихачева, изложенное им в книге «Русская культура»: «Русская культурносфера способна убедить каждого образованного человека в том, что он имеет дело с великой культурой, великой страной и великим народом. Для доказательства этого факта нам не требуется в качестве аргументов ни танковых армий, ни десятков тысяч боевых самолетов, ни ссылок на наши географические пространства и залежи природных ископаемых».

Что такое культурносфера по Д. С. Лихачеву? Сегодня этот термин входит в научный оборот. Исследователи давно сошлись во мнении, что культурносфера — это отдельная «атмосфера» человеческого бытия, которую и предложил назвать культурносферой академик Д. С. Лихачев. Она определяет ее как огромное целостное явление, делающее людей, населяющих определенное пространство, не просто населением, а народом, нацией. Культурносфера — это сфера действия культуры как таковой. Присутствие культуры — всеобъемлющая характеристика собственно человеческого бытия. По справедливому мнению Дмитрия Сергеевича, присутствие культуры должно быть всюду: в поведении, отношении к истории и искусству, окружающей природе. Ученый писал: «Мне представляется необходимым рассматривать культуру как определенное пространство, сакральное поле, из которого нельзя, как в игре в бильярд, изъять одну какую-нибудь часть, не сдвинув остальное. Общее падение культуры непременно наступает при утрате какой-либо ее части».

Необходимо также определить, кого можно назвать образованным человеком. Это человек, обладающий большим запасом знаний, полученным в результате обучения в учебном заведении или самостоятельного

изучения чего-либо. «Образование — замечательное дело, надо лишь хоть иногда вспоминать о том, что ничему, что стоит знать, научить невозможно... Жажда знания есть плод долгих лет учения», — писал Оскар Уайльд.

В книге Д. С. Лихачева «Русская культура» звучит та же мысль — человек постоянно должен работать над собой, самостоятельно добывать знания. То, что мы получаем на уроках в школе, — ничтожно мало, чтобы назвать себя образованным человеком.

Рассуждая об интеллигентности и образованности, Д. С. Лихачев пишет: «Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового. Что такое интеллигентность, культурность человека? Знания, эрудиция, осведомленность? Нет, нет и нет. Избавьте человека от всех его сведений, лишите его памяти, но если он при этом сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства... Способность к приобретению знаний — это тоже интеллигентность». Только по-настоящему культурный человек обладает восприимчивостью к интеллектуальной жизни.

Могу ли я назвать себя культурным, образованным, интеллигентным человеком? Скорее всего, я на пути к этому. Все зависит от того, насколько человек способен самообразовываться. Большую роль в становлении личности играет семейное воспитание. Именно в семье закладываются нравственные основы: это понятие добра и зла, самоуважения и уважения к другому человеку, это память о своих корнях, расширение культурного кругозора, умение общаться, то есть воспитать в себе интеллигентного человека, умеющего сохранять физическое и нравственное здоровье.

Я уже третий год участвую в конкурсе «Идеи Дмитрия Лихачева и современность», потому что мне это интересно. Для меня Дмитрий Сергеевич во многом стал учителем жизни. Главы из книги «Русская культура», в которых Лихачев пишет о трагической судьбе русской интеллигенции, меня потрясли. Я увидела человека, для которого деспотизм отвратителен и важнее всего сохранение чувства собственного достоинства. Он, несмотря на все жизненные трудности, всегда оставался человеком. По мнению С. С. Аверинцева, с уходом Д. С. Лихачева мы потеряли особый, «невосстановимый культурный тип». Я считаю его образцом интеллигентного человека, которого по праву можно назвать совестью нации.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Владислав Кузнецов, дипломант конкурса, учащийся 11-го класса средней общеобразовательной школы № 77 г. Самары.

Владислав КУЗНЕЦОВ: — Еще в XX веке в «Письмах к молодым читателям» замечательный российский филолог Д. С. Лихачев отмечал: «Каждый человек должен так же писать хорошо, как и говорить хорошо. Речь, письменная или устная, характеризует его в большей мере, чем даже его внешность или умение

себя держать...» Современные филологи с тревогой обсуждают значительные изменения, которые произошли в языке общения за последние десятилетия. Они говорят об оскудении и упрощении его словарного запаса.

Принимая во внимание данные сведения, мы задались вопросом: что в XXI веке является фактором оскудения и упрощения языка общения? Наблюдая за тем, как мои одноклассники отбивают сухие строчки СМС своим друзьям и близким, я понял, что в наш мобильный век мало кто «в забвенье шепчет наизусть письмо для милого героя», как писал великий русский поэт А. С. Пушкин. Несколько строчек по электронной почте достаточно, чтобы знать, что мы живы и здоровы.

Возможно, отказ от традиционного классического письма является тем самым фактором, который негативно сказывается на языке общения. Мое наблюдение подтвердил опрос, проведенный среди одноклассников. На один из вопросов: «Пишите ли Вы письма друзьям, знакомым?» 67 % опрошенных ответили «нет». Самый распространенный аргумент, что «нет смысла в данном веке писать письма. Сейчас век технологического прогресса, и письма пишутся электронные». А на вопрос «Считаете ли Вы, что писать письма — устаревший метод общения?» 79 % опрошенных ответили «да», мотивируя тем, что «это занимает много времени, можно общаться более быстро другими способами».

Актуальность темы сформулирована в стихотворных строчках Н. Кузовлева: «Прошу тебя, пиши мне письма! В наш громкий век им нет цены...» Как изменились приветствия и прощания на пути от классического письма к СМС-сообщению? На основе этого вопроса мы выдвинули собственную гипотезу: за 200 лет культура написания писем очень изменилась. СМС-переписка как современный эпистолярный жанр привела к упрощению и оскудению языка общения.

Обратившись к истории, я выяснил, что история обмена известиями начинается с каменного века. В последней четверти IX века, почти в самом начале существования Киевской Руси, были заложены основы русской почты — одной из старейших в Европе. В Древней Руси грамотных людей было очень мало. Письма писали в основном монахи, князья и их окружение. Эти письма носили дипломатический характер и служили средством связи с иноземцами, а также использовались в торговле. В Средневековье многие произведения, признаваемые ныне художественными, являлись простыми деловыми документами. Например, ставшее хрестоматийным письмо Ивана Грозного опричнику Василию Грязному. В Петровскую эпоху был образован русский литературный язык нового типа, который стал употребляться в частных письмах. XVIII и XIX столетия можно назвать веками письма. История свидетельствует, что люди XVIII века любили писать письма, писали часто и подробно — родным, друзьям, официальным лицам.

В эпоху Пушкина письмам придавалось большое значение. Для того чтобы написать письмо, надо было обладать внутренней культурой. Необходим был и навык. Писать письма обучали, учили, как надо обращаться к начальству, другу, любимой женщине, императору — это был специальный ритуал.

Прогресс остановить невозможно, но, наверное, рано еще говорить о бумажных письмах в прошедшем времени. Однако необходимо заглянуть в будущее. Последствия, вызванные потерей эстетических функций письма и преобладанием информативных, могут быть необратимыми — это стереотипность мышления, штампованность речи, меньшее проявление индивидуальности, оригинальности человека.

Я пришел к выводу, что СМС-переписка как эпистолярный жанр XXI века привела к появлению нового, бедного языка, упрощению и оскудению языка общения. Закончив исследование, я провел классный час, на котором озвучил одноклассникам свои выводы. Чтобы усилить впечатление от контраста между традиционным письмом и СМС-сообщением, я попросил их написать письма и перевел их на язык СМС. На моих одноклассников выступление произвело сильное впечатление. Думаю, что теперь их отношение к слову будет более бережным.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется Марии Рубцовой-Козловской, дипломантке конкурса, учащейся 11-го класса школы № 630 Приморского района г. Санкт-Петербурга.

Мария РУБЦОВА-КОЗЛОВСКАЯ: — Д. С. Лихачев отмечал, что «природа создавала человека много миллионов лет, пока не создала, и вот, эту творческую, созидательную деятельность, нужно, я думаю, уважать, нужно прожить жизнь с достоинством и прожить так, чтобы природа, работавшая над нашим созданием, не была обижена... Как это понимать, как это прилагать к своей жизни, на это должен отвечать каждый человек индивидуально, применительно к своим способностям, своим интересам...»

Мне кажется, эти слова великого человека, академика, ученого Д. С. Лихачева могут быть применимы в качестве эпиграфа ко всему жизненному пути и творчеству моего деда — поэта Николая Рубцова. Я своего деда никогда не видела. О его творческом жизненном пути мне постоянно рассказывали моя мама — Рубцова Елена Николаевна и моя бабушка — Генриэтта Михайловна Меньшикова. В нашем доме часто собирались люди, которые хорошо знали Николая Рубцова. В нашем семейном архиве хранятся аудио- и видеозаписи с воспоминаниями современников, работы художников, фотографии и фильмы о биографии и творчестве Н. М. Рубцова.

Когда-то Л. Н. Толстой искал со своими братьями «зеленую палочку счастья», чтобы сделать счастливыми всех людей на Земле. Николай Рубцов искал «зеленые цветы», которые открыли бы ему тайну творческой силы художника. Каждый из нас отвечает за судьбу Родины, и поэтому важно, чтобы не утратило силу простое человеческое слово, тихое, негромкое, но проникающее в душу.

Так и в поэзии Николая Рубцова мы видим дорожки нашему сердцу приметы нашей родины России, радость и тревогу за ее судьбу, судьбу всей Земли. Поэт ушел из жизни в январе, не дождавшись «зеленого шума» природы, крика журавлей, пасхального

перезвона колоколов, но оставил нам звуки и краски Руси. Все, что создано им, пропитано ощущением простора Русской земли, покрытой то белым снегом, то ковром из цветов и трав. Беспредельный океан света, звездное небо, одинокий крест над обрывом — это музыка его души...

Почему такой близкой оказалась поэзия Николая Рубцова? Он писал на близкие для русского человека темы: о красоте окружающей природы, величии Русской земли, заботах, переживаниях — словом, о том, о чем поется в деревенских песнях, рассказывается в бабушкиных сказках. Близость его поэзии к народному фольклору не удивительна — существует большой библиографический материал, в котором рассказывается, с какой любовью поэт относился к народному творчеству, с каким интересом и азартом отыскивал он древние книги с песенными текстами, сказками и легендами, как слушал живую речь и старинные рассказы о прошедшем времени.

Я принадлежу к поколению, которое можно охарактеризовать словами Шекспира: «...поколение, вывихнувшее сустав...» Поэтому нам необходимо учиться у Д. С. Лихачева, Н. М. Рубцова в первую очередь уметь любить и беречь нашу природу, видеть в малом большое и любить свою Родину.

Н. В. БУРОВ: — «Стукнул по карману — не звенит! / Стукнул по другому — не слышать! / Если только буду знаменит, / То поеду в Ялту отдыхать...» — это тоже Николай Рубцов. Мы все были увлечены его поэзией 30–35 лет назад. Рубцов велик, может быть, еще и тем, что его стихи не только читали, но и перекладывали на музыку. Недавно отмечался юбилей Николая Рубцова, в том числе и на Кировском заводе, где он у станка начал свою трудовую деятельность, потом работал в многотиражке. Его путь в литературу был трудным. На заводе был устроен поэтический вечер, и произошло удивительное событие: десятки рабочих собрались в громадном цехе и взахлеб, перебивая друг друга, читали стихи Николая Рубцова. У меня к вам просьба: возьмите в библиотеке том стихов Николая Рубцова, возможно, вы полюбите его творчество.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается Вячеслав Бугайчук, дипломант конкурса, учащийся 11-го класса гимназии № 1 г. Североморска Мурманской области.

Вячеслав БУГАЙЧУК: — Что следует считать показателем принадлежности человека к определенной национальной культуре? Этот вопрос сегодня, на мой взгляд, отнюдь не праздный. Разумеется, внешние признаки не могут считаться определяющими. Если, к примеру, надеть на человека русский национальный костюм, это не будет свидетельствовать о том, что он приобщился к русской культуре. Одним из важнейших показателей этнической принадлежности является язык, ментальные «маркеры», которые А. Д. Шмелев называет «ключевыми понятиями культуры», «своего рода ключом к пониманию важных особенностей культуры народа». Овладевая языком как средством

не только коммуникации, но и осуществления этнической функции, человек приобретает и развивает качества истинного гражданина и патриота, воспитывая в нем чувство уважения через познание. Д. С. Лихачев утверждал, что «для художественной речи важны слова, “нагруженные” широким и разнообразным объемом и с большими ассоциативными возможностями, слова — возбудители ассоциаций и в связи с этим слова, богатые исторической традицией, многовековым культурным контекстом».

Обратимся к конкретным примерам «ключевых» слов русской национальной культуры. Следует отметить, что русская языковая модель мира, как отмечают многие исследователи (в частности, Н. И. Толстой, А. Д. Шмелев), определяется двумя противопоставлениями: идеального и материального, а также эмоционального и интеллектуального. При этом центральное положение в русской национальной языковой модели занимает душа, которая соединяет в себе свойства того и другого.

А. Д. Шмелев в книге «Русская языковая модель мира» пишет, что «каждый человек обладает уникальной душой, и поэтому людей удобно считать по душам. Именно такой способ счета принят в России. Поэтому употребительное во многих западноевропейских языках латинское выражение “per capita” (буквально “на (одну) голову”) переводится на русский язык как “на душу населения”. В русском языке распространено словосочетание “широта русской души”, обозначающее щедрость, готовность простить». Однако А. Д. Шмелев пишет, что «выражение “широта души” может интерпретироваться и иначе, обозначая тягу к крайностям, экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества. Эта тяга к крайностям (все или ничего), максимализм, отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций часто признается одной из самых характерных черт, традиционно приписываемых русским». Близкой лексической единицей русского языка, указывающей на нематериальное начало в человеке, является слово «дух», которое, в отличие от «души», противопоставляется плоти, и если душа подобна некому материальному органу («душа в пятки ушла», «камень с души упал»), то дух рассматривается как некая нематериальная субстанция, которая окружает его и душу, своего рода ореол... (например, такие выражения, как «дух вон», «дух перевести», «святой дух»).

Интересны такие «маркеры» национальной культуры, как синонимичные лексемы «воля» и «свобода». Слово «воля» полисемично. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля, оно имеет два значения: 1) способность к выбору деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления; 2) свободное состояние, возможность проявления чего-нибудь без ограничений со стороны кого/чего-нибудь. Но прежде всего в русском языке лексема «воля» ассоциируется с бескрайними просторами как в душе, так и в пространстве. Концепт «воля» имеет смысловую пару «свобода», которая не совпадает по значению с первым словом. Слово «воля» является особым «маркером» ментальности русского человека.

Анализируя различия между волей и свободой, Лихачев в произведении «Заметки о русском» утверждал: «Широкое пространство всегда владело сердцем русским. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, ничем не огражденным пространством».

Интересно использование ключевых понятий русской культуры в произведениях классической литературы, ибо литература является неотъемлемой частью любой национальной культуры, именно она запечатлевает особенности ментального сознания нации. Образ творчества в лирике русских поэтов часто является вместилищем и даже синонимом *души*, в связи с чем творческому вдохновению дано избежать «тленья». Вспомним известное стихотворение А. С. Пушкина:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит.

В стихотворении В. А. Жуковского «Невыразимое» душа стремится к Богу:

Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена...

За словом «дух» в светской литературе сохранилось простое, «анатомическое» представление о духе: затаять дух, перевести дух, дух захватывает, дух замирает. Пример употребления такого сочетания: «Наконец разжалось, схватило воздухом обожженное горло; остановившееся сердце пошло своим ходом, и я смог перевести занявшийся дух» (В. Астафьев «Последний поклон»). Специфических примеров в поэтических текстах нами выявлено не было.

Тщательному анализу подверглись понятия «воля» и «свобода». Специфику этих понятий пытались объяснить многие русские писатели. Наиболее развернутое рассуждение представлено в миниатюре Надежды Тэффи «Воля». Писательница размышляет о трудностях перевода слова «воля»: «Воля — это совсем не то, что свобода. Свобода — *Liberte*, законное состояние гражданина, не нарушившего закона, управляющего страной. “Свобода” переводится на все языки и всеми народами понимается. “Воля” непереводаема... Свобода законна. Воля ни с чем не считается. Свобода есть гражданское состояние человека. Воля — чувство».

Много интересного можно узнать, исследуя специфику эмоционально-оценочного компонента некоторых русских выражений в сравнении с подобными выраже-

ниями из других языков. Например, на русском языке о России говорят: «Наша страна». Англичане в соответствии со своим национальным характером проявляют обычную сдержанность в отношении к Родине и называют ее нейтрально “this country” («эта страна»). Английский язык, отражая английский национальный характер, пошел другим путем. Пылкое открытое словесное выражение любви, даже к Родине, не в духе англичан, но в духе русских.

Итак, в триаде «язык–мышление–культура» все понятия взаимосвязаны настолько тесно, что ни один из этих компонентов не может функционировать самостоятельно. Вместе они способны формировать и отражать мир, создавая его языковую картину, которая прежде всего формируется благодаря ключевым понятиям национальной культуры. На основании этого заключения можно сделать вывод о том, что ключевые понятия культуры — одно из основополагающих явлений лингвокультурологии. Эти понятия одновременно отражают и формируют образ мышления человека.

Е. П. ЕФИМОВА: — Дорогие друзья, заключительное слово предоставляется Николаю Витальевичу Бурову.

Н. В. БУРОВ: — Сегодня я рад был услышать ваши мысли, увидеть эмоции, которые вы заложили в свои выступления. Отрадно, что, опираясь на мудрые мысли академика Лихачева, вы не занимаетесь начетничеством и не просто формально цитируете, а пытаетесь найти этому применение.

Отдельное спасибо Владиславу Кузнецову за интересное исследование о развитии эпистолярного жанра. В армии я оказался в ситуации, когда времени и тоски было много, что вылилось в письма и спасло душу. Пишите друг другу письма, СМС — это современный телеграф, вынужденная мера, а речь, конечно, совсем иное.

Помните строки А. С. Пушкина: «Я скоро весь умру, но, тень мою любя, / Храните рукопись, о други, для себя!»

Е. П. ЕФИМОВА: — Дорогие друзья, еще раз поздравляю победителей, дипломантов и участников нашего конкурса, а также педагогов-наставников и родителей. Надеюсь, что наши творческие связи будут развиваться, и старшеклассники будут так же активно участвовать в следующих конкурсах творческих работ «Идеи Дмитрия Лихачева и современность». Разрешите от лица Оргкомитета пожелать вам творческих успехов! Всего вам доброго!

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов С. Р. 527, 575–584
Авксентьев В. А. 383, 439, 451, 453
Агошков А. В. 269
Аксиомов Б. В. 271, 360, 362
Александрова А. 694, 704
Алексеева И. Ю. 273, 360, 363
аль-Фейсал Турки 24
Амандыков К. Я. 439, 441
Анохина Н. К. 275, 360, 371
Артановский С. Н. 527
Асадуллин Ф. А. 26, 253, 263
Астахов Е. М. 233, 253, 255
Ашкинази С. М. 358
Бабицкая О. П. 275
Багдасарьян Н. Г. 277, 360, 363, 368
Барышников М. Н. 530
Бауэр Томаш 457, 510, 519
Бирженюк Г. М. 385
Бобров М. М. 29
Богатырев В. Ю. 632, 681, 687, 693
Богомолов О. Т. 31
Бондарь Н. С. 36, 203, 220
Борев Ю. Б. 532, 575, 576
Борисова Е. Г. 585
Боровиков А. Ф. 512, 515
Бочаров В. Ю. 386
Бреславский Е. 518, 522
Брызгалина Е. В. 587, 610, 615
Бугайчук В. 694, 706
Буров Н. В. 634, 694, 695, 706, 707
Буровский А. М. 636, 681, 687, 688, 693
Бусыгин А. Е. 44
Варзонин Ю. Н. 535
Васильева Г. М. 279
Вдовин Ю. И. 610, 627
Вебер Шломо 47, 203, 228
Вершинин А. В. 439, 451
Ветчинова М. Н. 539, 575, 576
Вшивцева Л. Н. 281
Вятр Ежи 51, 253, 257, 259
Гаврилов В. А. 637
Гаджиев Г. А. 53, 203, 210
Гамильтон Александра 56, 203, 214, 253, 266
Гатиллов Г. М. 58
Генкулова Н. 694, 699
Герра Ренэ 61, 203, 227, 527, 575, 576, 578, 582
Гиллеспи Давид 541
Гинзбург Виктор 47
Глазкова Т. В. 282, 360, 364
Гольдман И. Л. 640
Гончаров С. А. 642
Горшкова В. В. 284
Гранин Ю. Д. 589
Графский В. Г. 460, 510–512, 521, 524
Грачева С. М. 644
Гришанин Н. В. 647
Громько А. А. 63, 203, 225
Гуляйкина Е. 694, 696
Гуревич П. С. 236
Гусейнов А. А. 66
Джагарян А. А. 463
Дмитриев А. В. 383, 391, 439, 440, 445, 452–454, 456
Дорская А. А. 465
Дунаев В. Ю. 285
Дятлов А. А. 585, 610, 614, 615, 619, 628
Елистратов В. С. 546
Еременко В. И. 360, 369, 649
Ефимова Е. П. 694–701, 703–707
Ефимова Т. В. 590
Ефремова Н. Н. 510, 525
Жукова О. А. 288, 360, 365
Запесоцкий А. С. 68, 203–232, 253, 360, 361, 439, 442, 510, 515, 516, 610, 681, 694
Запесоцкий Ю. А. 651, 681, 684–687
Зинченко Ю. П. 203, 226, 592
Зубец О. П. 290
Зябриков В. В. 467
Иванова Е. В. 548, 575, 576
Иванова С. Ю. 292, 360, 368
Иконникова С. Н. 632, 655, 681–684, 686–693
Илсон Роберт 550, 575, 577, 578, 582, 583
Ильинский П. О. 74
Ингимундарсон Валур 253, 262, 468
Исаева С. А. 475
Кайсаров Е. А. 657
Карапетян Р. В. 395
Карзай Хекмат К. 77, 203, 229, 253, 258
Касумова Г. К. 295
Катышева Д. Н. 659
Кафанова О. Б. 556
Каширин В. И. 297, 360, 372
Кефели И. Ф. 298
Кёхлер Ганс 81, 203, 229, 253, 267
Клеандров М. И. 85, 203, 220
Клейнер Г. Б. 90, 203, 231
Ковтун А. В. 535, 575, 583
Козьякова М. И. 594, 610, 626
Коломиец Г. Г. 300
Комиссаренко С. С. 302, 360, 374
Конев В. А. 305, 360, 371
Костина А. В. 477, 510, 512, 514
Крикен Петер ван 93, 203, 230, 253, 264
Круглова Л. К. 307
Кузнецов А. И. 102, 203, 215, 233, 253, 259, 264, 266–268
Кузнецов В. 694, 704
Кузнецова Т. В. 309
Куприянов А. И. 610, 614, 618
Курганская В. Д. 311
Кучина А. 694, 697
Лагутин С. В. 660, 681, 690, 691
Лебедева С. С. 662, 681, 691
Лекторский В. А. 104, 203, 218, 269, 360, 368, 371, 374, 377–379, 382
Лесков С. Л. 610, 624, 628

- Ли Шеньмин 106
Ливеровский А. А. 479
Лисицын-Светланов А. Г. 108
Лобанова Ю. В. 664, 681, 689
Лыткина Л. В. 596
Льюис Ричард 109, 203, 221, 233, 253, 266
МакГрегор Чарльз 113, 575, 582
Макаров В. Л. 203, 217, 457, 510, 523, 524
Макаров Е. И. 125, 203, 211, 383, 439–443, 445–451, 453–456
Максимов Б. И. 399
Малыгина И. В. 312, 360, 366, 373
Мамедов Ф. Т. 315, 360, 367
Мамонтов В. К. 585, 610, 612, 614, 615, 617–619, 623–629, 631
Марк Хуан Антонио 130, 203, 224, 233, 253, 261
Марков А. П. 317, 360, 374
Мартышин О. В. 481, 510, 521, 522
Матвеева Л. В. 598, 610, 623, 624, 627
Махлина С. Т. 320
Межуев В. М. 131
Мелихов А. М. 557
Меньшиков Л. А. 323
Металлинос Димитриос Г. 133
Минин К. 518, 522
Мионов В. В. 136
Моисеев А. А. 483, 510, 517, 518
Молзинский В. В. 666
Мосейко А. Н. 325, 360, 364, 377
Мосолова Л. М. 328
Муромцев Г. И. 485
Мутья Н. Н. 670, 681, 692, 693
Мышьякова Н. М. 599
Наумкин В. В. 139
Неретина С. С. 330, 360, 379
Никонова С. Б. 333, 672, 681, 683
Орлицкий Ю. Б. 560
Орлов А. А. 335
О'Ши Тимоти 203, 226, 253, 268
Палагута И. В. 336
Панарин И. Н. 338, 360, 364, 378
Пасешникова Л. А. 510, 516, 519, 525
Пивовар Е. И. 238, 253, 256
Пигров К. С. 340, 360, 373, 380
Пиотровский М. Б. 143, 203, 204, 207, 210
Поленина С. В. 488
Пономарева З. Н. 575, 577, 581
Попов В. В. 144
Праздников Г. А. 344, 361, 373
Проданов Васил 147, 253, 259
Проскураков М. Р. 601
Пушкин Майкл 151, 575, 578, 580, 581
Рабенко Т. Г. 565
Расторгуев В. Н. 188
Резник Г. М. 152
Рубцова-Козловская М. 694, 705
Сагатовский В. Н. 346
Садовая Е. С. 401, 439, 447
Садыкова А. 694, 700
Садыкова Э. Л. 244
Сауткина В. А. 406
Сафонов В. Н. 489, 510, 592
Селиванова Е. А. 567
Сероклинов В. Н. 610, 627
Сиднева Т. Б. 348, 361, 381
Скоробогатов А. В. 492, 510, 524
Скрипнюк А. В. 191
Сметкина С. 694, 698
Смирнов А. В. 155
Смирнов С. Б. 673, 681–683
Снапковская С. В. 247, 575, 577
Согрин В. В. 603, 610, 625
Сошников В. Д. 610, 617
Степанов Е. И. 410
Степин В. С. 203, 205, 585, 610, 611, 615, 617, 618, 622, 624, 629
Стремоухов А. В. 494
Сюз Фуци 159, 203, 230
Таймазов В. А. 358
Тапиола Кари Тапани 204, 219, 414, 439, 455
Тер-Минасова С. Г. 161, 575, 579, 581, 582
Титаренко М. Л. 164, 204, 210, 233, 253, 255–257, 259, 261–265
Титова Л. Г. 415, 439, 449, 450
Тишков В. А. 168, 204, 206, 269, 361–369, 371, 372, 380–382
Толочко П. П. 173, 204, 224, 253, 267
Тонконогая Е. П. 351
Тощенко Ж. Т. 177, 204, 231, 383, 419, 439, 445, 446
Третьяков В. Т. 182, 204, 222, 585, 610, 612–614, 617, 618, 624, 628
Тукумцев Б. Г. 422, 439, 454
Тупицына Е. 694, 703
У Эньюань 183, 204, 216, 253, 261
Унгер Феликс 185, 204, 212
Успенская А. В. 676
Фейгин Г. Ф. 495, 510, 514, 515, 521
Флиер А. Я. 352
Фомина М. Н. 248
Халилов С. С. 354
Харитонов Е. В. 497
Харченкова Л. И. 279
Хольнова Е. Г. 501
Хренов Н. А. 605, 610, 619
Цветкова Г. А. 424, 439, 448, 449
Цветкова К. 694, 701
Чеберко Е. Ф. 502, 510, 514, 519, 521
Черешнев В. А. 188
Честнов И. Л. 505, 510, 523, 524
Чиркин В. Е. 507
Чумаков А. Н. 250
Чуров В. Е. 204, 213, 632, 678, 681, 691, 693
Шаймердинова Н. Г. 571
Шаленко В. Н. 428
Шемшученко Ю. С. 191, 204, 216, 457, 510–512, 514, 517, 519, 521, 522, 526
Шестаков В. Б. 358
Шнайдер Эберхард 195
Щукина Д. А. 573, 575, 581, 582
Эломаа Н. 439–441
Юдин Б. Г. 196, 361, 381
Юркевич А. В. 432
Юхнина О. Ю. 679
Яковенко А. В. 200
Яковчук В. Н. 436, 439, 443–445

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ЦЕННОСТИ, СМЫСЛЫ, КОММУНИКАЦИИ

ХІІІ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

16–17 мая 2013 года

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Художественное оформление *Д. Л. Аксёнов*

Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*

Технические редакторы: *Л. В. Климкович, А. Ю. Ванеева*

Корректоры: *И. Н. Чугунова, О. В. Афанасьева,*

Т. А. Кошелева, Н. В. Стрельникова

ISBN 978-5-7621-0740-2

Подписано в печать с оригинала-макета 09.10.13. Формат 60x90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 89. Тираж 300 экз. Заказ № 3838

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

ИЗДАНО В СПбГУП:

**ЛЕКЦИИ И ДОКЛАДЫ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
В СПбГУП (1993–2013)**

Трехтомник с лекциями и докладами членов Российской академии наук в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов представляет собой уникальное издание. На протяжении двух десятков лет Российскую академию наук и СПбГУП связывает плодотворное научно-педагогическое сотрудничество. Выдающиеся отечественные ученые — члены академии выступают в студенческих аудиториях Университета, на различных научных и общественных форумах, проводимых в СПбГУП. Это убедительный пример эффективного взаимодействия академической и вузовской науки, продуктивного участия научной элиты страны в университетском учебном процессе, в становлении молодых российских интеллектуалов.

В трехтомник вошли 367 текстов 104 членов Российской академии наук (55 академиков, 45 членов-корреспондентов, 4 иностранных членов РАН). В первом и втором томах опубликованы 77 лекций членов РАН, прочитанные студентам СПбГУП, в третьем томе представлены доклады и выступления ученых на конференциях и различных мероприятиях, состоявшихся в Университете.

Среди авторов-академиков — президент Российской академии наук Ю. С. Осипов, вице-президенты РАН Ж. И. Алферов, Е. П. Велихов, А. Д. Непелов, Н. А. Платэ, выдающиеся ученые Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, А. А. Гусейнов, В. И. Жуков, М. П. Кирпичников, А. А. Кокошин, В. А. Лекторский, Д. С. Лихачев, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, Ю. В. Наточин, Г. В. Осипов, А. М. Панченко, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Н. А. Симония, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Е. П. Чельшев, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, В. Л. Янин и др.

Представленные тексты посвящены новейшим исследованиям и тенденциям в философии, экономике, юриспруденции, социологии, психологии, истории, политологии, культурологии, археологии, филологии и других науках.

В выступлениях членов академии рассматриваются актуальные проблемы современности: диалог культур в эпоху глобализации, гуманитарные аспекты современной цивилизации, перспективы развития российской экономики, укрепление духовно-нравственных основ общества, сохранение культурного наследия, пути реформирования отечественного образования, роль культурного и материального факторов в развитии социума и др.

Издание представляет ярчайший срез достижений академической научной мысли за последние 20 лет.

Адресовано ученым, преподавателям, студентам высших учебных заведений, а также широкому кругу читателей.

Эти и другие издания можно заказать в издательстве
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов:

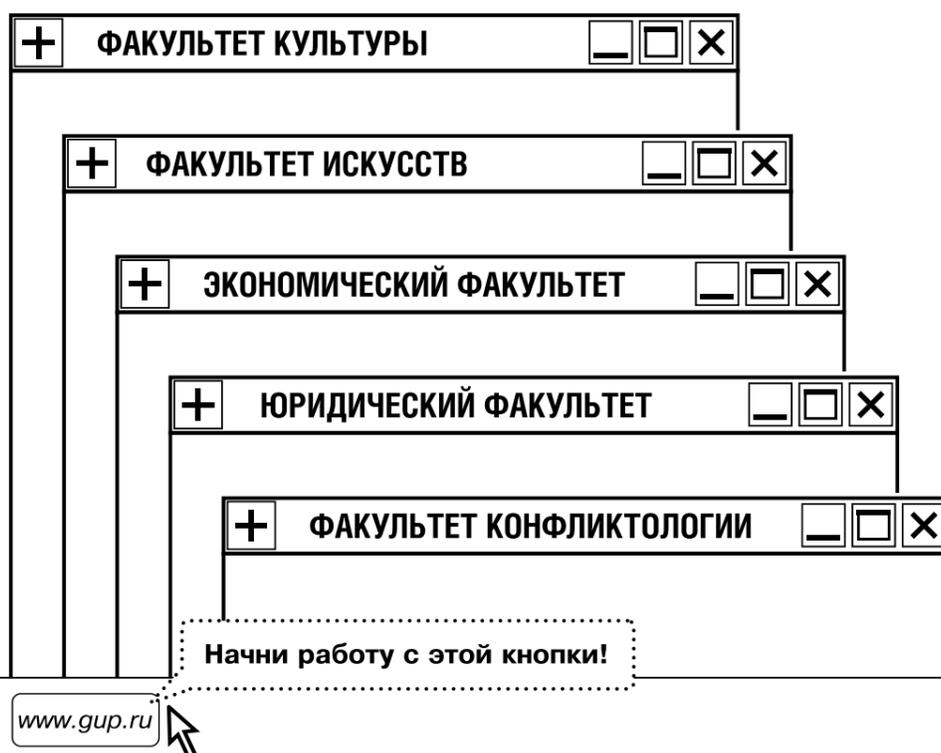
- по адресу: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15;
- по телефону: (812) 740-38-87;
- по e-mail: publish@gup.ru;
- на сайте: www.gup.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПбГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы